Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

+ *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.

+ *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.

+ *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.

+ *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter `http://books.google.com` durchsuchen.

Google

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА И НАУКИ

ГОДЪ ШЕСТОЙ
Т. XXIII

№. 1—Январь 1903 Томъ I

См. на оборотѣ этой страницы.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

„СТО МІРОВЫХЪ ШЕДЕВРОВЪ ИСКУССТВЪ“ см. подробное объявленіе передъ текстомъ.

Digitized by Google

ДВА НОВЫХЪ И ПОСЛѢДНИХЪ ТОМА

Съ январьской книги подписчики „НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“, уплатившіе годовую цѣну журнала, ЕЖЕМѢСЯЧНО, въ теченіе 1903 года, будутъ получать БЕЗПЛАТНО знаменитѣйшее изъ произведеній міровой литературы

ИЗВѢСТНОЕ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ.

Первый полный и точный русскій переводъ съ новѣйшими иллюстраціями

изъ ежемѣсячныхъ 12 выпусковъ «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ» въ теченіе 1903 г. составится ДВА БОЛЬШИХЪ ТОМА, для которыхъ по особому рисунку изготовлены крышки для переплета изъ англійскаго коленкора съ изящнымъ тисненіемъ различными красками. Цѣна двухъ крышекъ 1 р., съ перес. 1 р. 40 к. Желающіе получить эти крышки благоволятъ заявить объ этомъ при подпискѣ. Наложеннымъ платежомъ крышки не высылаются.

Первые два тома изданія „ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ“, напечатанные въ 1902 г., поступили въ продажу. См. о нихъ на 4-й страницы этой обложки.

Рисунокъ крышки для переплета двухъ томовъ изданія «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ».
Цѣна двухъ крышекъ 1 р., съ пересылкой 1 р. 40 к.

АДРЕСОВАТЬСЯ: *Редакція „Новаго Журнала Иностранной Литературы“. С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9.*

Digitized by Google

Nowy zhurnal

Журнал

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

literatury

ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

iskusstva i nauki

ИСКУССТВА И НАУКИ

ТОМЪ I

959

(ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ — МАРТЪ 1903 г.)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

(Годъ седьмой.—Т. XXIII-й)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1903

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годовая (съ 1-го января 1903 г. по 31-е декабря 1903 г.) **5 р.**, съ доставкой и пересылкой **6 р.**, за границу **9 р.** За перемѣну адреса: иногородняго на иногородній **28 к.**, иногородняго на петербургскій и петербургскаго на иногородній **50 к.**

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9. (Пріемъ для личныхъ объясненій—по субботамъ, отъ 1 до 2 ч. по полудни). **Телефонъ 2327.**

За доставку книгъ въ такія мѣстности, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности.

Digitized by Google

ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ

„НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“,

допущенныя Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщ. въ библіотеки учебныхъ заведеній и народныя читальни.

(подробныя опредѣленія см. ниже подъ заглавіями сочиненій):

ПОЭЗІЯ ФЛОРЫ.

Цвѣточный календарь въ письмахъ. Съ изображеніемъ и описаніемъ цвѣтовъ для любителей природы. С.ПБ. 1900. Стр. 212. **Цѣна 2 руб.**

Допущено въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній. (Ж. М. Н. Пр. іюль, 1902).

МИѲЫ ВЪ ИСКУССТВѢ СТАРОМЪ И НОВОМЪ.

Историко-художественная монографія. По **Рене Менару.**

Съ 285 иллюстраціями и алфавитнымъ указателемъ миѳовъ. Пособіе при чтеніи классическихъ писателей и для уясненія поэтическихъ аллегорій и символовъ въ произведеніяхъ искусства и поэзіи. С.ПБ. 1900. Стр. 256. **Цѣна 2 руб. 50 коп.**

Одобрено для ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для безплатныхъ читаленъ. (Ж. М. Н. Пр. VII, 1901).

АТМОСФЕРА.

К. ФЛАММАРІОНЪ. Популярн. метеорологія въ 6-ти книг. въ пер. **К. К. Толстого.**

Со множествомъ иллюстрацій. С.ПБ. 1901. Стр. 508. **Цѣна 2 руб. 50 коп.**

Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ читаленъ, а также для выдачи ученикамъ въ видѣ награды. (Ж. М. Н. Пр. VII, 1901).

НОВОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ.

Историческая монографія **Джона Морлея.** Съ англійскаго.

Съ многочисленными иллюстрац. С.ПБ. 1901. Стр. 230 + 11. **Ц. 1 р. 50 к.**

Одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. (Ж. М. Н. П. VII, 1901).

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

Иллюстриров. историческая монографія проф. **Веніамина Уилера.** Съ англійск.

С.ПБ. 1900. Стр. 11 + 175. **Цѣна 1 р. 50 коп.**

Допущено въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Ж. М. Н. Пр. IX и XII, 1901).

МУЗЫКА ВЪ XIX ВѢКѢ, ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ И ВОКАЛЬНАЯ.

Историческій очеркъ, съ біографіями и портретами знаменитыхъ композиторовъ.

Съ приложеніемъ 45 музыкальн. пьесъ. С.ПБ. 1901. **Ц. 2 р. 50 коп.**

Допущено въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Ж. М. Н. Пр. VIII, 1902).

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ и МАЛЕНЬКІЯ НОВЕЛЛЫ.

Сочиненія **УЭЛЛЬСА.** С.ПБ. 1899 г. **Ц. 1 р.**

Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Ж. М. Н. Пр. XI, 1902).

БОРЬБА МІРОВЪ. Романъ. Соч. **УЭЛЛЬСА.** С.ПБ. 1898 г. **Ц. 50 к.**

Допущено въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки (Ж. М. Н. Пр. X, 1902).

НЕВИДИМЫЙ. Диковинный романъ. Соч. **УЭЛЛЬСА.** С.ПБ. 1901 г. **Ц. 75 к.**

Допущено въ ученическія, средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Ж. М. Н. Пр. X, 1902).

ДИКАЯ. Романъ **Ф. Г. БАРНЕТЪ.**

Съ англійскаго переводъ **О. М. Соловьевой.** С.ПБ. 1899. Стр. 257. **Цѣна 50 к.**

Допущено въ безплатныя народныя читальни и библіотеки. (Ж. М. Н. Пр. XII, 1902).

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ.

Т. I. ЯНВАРЬ 1903 г. № 1.

СОДЕРЖАНІЕ.

О ПОДПИСКѢ НА 1903 ГОДЪ.

СТАТЬИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ:

СТРАН.

I. Открытая книга. (Съ акварели Альфреда Мура). 1
II. Эволюція вселенной. (Съ 14 иллюстр.). 2
III. Въ рай или въ адъ? Разсказъ Марка Твэна. (Съ вин.). 9
IV. Борьба за свободу. Генерала Х. Р. де-Вета. (Воспоминанія о трехлѣтней войнѣ буровъ съ англичанами). Въ переводѣ Льва Жданова. (Съ рис.). I—II. 18 80
V. Счастливая пора. Рисунокъ . . 31
VI. Цилиндръ полковника. Святочный разсказъ Эрнеста Дидринга. (Съ шведскаго переводъ Е. М. Студенской). (Съ 2 рис.). . . . 33
VII. Сладкій поцѣлуй. Рисунокъ . 34
VIII. Англійская пресса. Л. А. Б—чъ. 42
IX. Музыкальные дѣятели въ карикатурахъ. (Съ 29 рис.). . . . 53
X. Полярная экспедиція Отто Свердрупа. (Съ 2 рис. и картой). А. Ф. 62
XI. Манія на открытыя письма. (Съ 10 рис.). 67
XII. Фридрихъ Нитцше. Начало и причины его болѣзни. . . . . 73— 92

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА.

14 статей и замѣтокъ съ иллюстр. (Подробное оглавленіе см. на стр. 74) .

СЪ ОТДѢЛЬНОЙ НУМЕРАЦІЕЙ СТРАНИЦЪ.

Электричество во всѣхъ его примѣненіяхъ. Жоржа Дари. Съ многочисленными иллюстраціями. Перевелъ и дополнилъ К. И. Дебу . . . . . 1— 32

Факты и комментаріи. Статьи и этюды. Герберта Спенсера. Въ переводѣ К. К. Толстого. . . . . 1— 16

Геростратъ. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Людвига Фульда. Съ нѣмецкаго переводъ въ стихахъ баронесы А. И. Радошевской. . . . . 1— 48

НОВѢЙШІЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Кто — воръ или убійца? Романъ Флоренса Уордена. Переводъ съ англійскаго М. Михайленко. . . . . 1— 32

Иллюстрированныя повѣсти. На улицахъ города XXI столѣтія. (Лѣто отъ Р. Х. 2090—2095). Фантастическая повѣсть Уэлльса. (Съ рисунк. Сулливана). 1— 16

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Тысяча и одна Ночь. Арабскіе разсказы Шахразады. Первый полный русскій переводъ, съ пояснительными примѣчаніями и репродукціями на мѣди картинъ А. Лечфорда. Выпускъ I-й: Разсказы 376—403 ночей. Съ рис. на отдѣльныхъ листахъ . . . . . 1— 48

Вмѣстѣ съ январьской книгой подписчикамъ, уплатившимъ годовую цѣну журнала за 1903 годъ, разсылается безплатное приложеніе: **Главное руководство по врачебной наукѣ Тибета** «Жуд-Ши». Въ новомъ переводѣ П. А. Бадмаева. Съ его введеніемъ, разъясняющимъ основы Тибетской врачебной науки.

Подписчикамъ въ разсрочку эта книга будетъ доставлена по уплатѣ ими послѣдняго взноса.

О приложеніи «Сто міровыхъ шедевровъ искусства» см. на слѣд. страницѣ.

Дозволено цензурою 31-го декабря 1902 г. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. И. Булгаковъ.**

Digitized by Google

ПОДПИСЧИКИ
„НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“
НА 1903 ГОДЪ
ПОЛУЧАТЪ БЕЗПЛАТНО
РОСКОШНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНІЕ
СТО МІРОВЫХЪ ШЕДЕВРОВЪ ИСКУССТВА.

Въ это изданіе вошли сто наилучшихъ картинъ, образцовыя произведенія всѣхъ отраслей живописи—исторической, религіозной, жанровой, воспроизводящей миѳы и легенды, ландшафтной, марины, портретной и свѣтописи. Оригиналы ихъ хранятся въ знаменитыхъ галлереяхъ: С.-Петербурга (Эрмитажъ), Парижа, Лондона, Берлина, Дрездена, Антверпена, Рима, Венеціи и Мадрида. Воспроизведенныя картины писаны художниками школъ: италіанской, французской, англійской, голландской, фламандской, испанской и германской, начиная съ XIV вѣка и по настоящее время.

Изъ картинъ, пріобрѣтшихъ репутацію наилучшихъ, здѣсь отведено преобладающее мѣсто тѣмъ, которыя, будучи безспорно выдающимися образцами живописи, доставляли и доставляютъ наибольшее эстетическое удовольствіе, по отзывамъ компетентной критики и самихъ художниковъ, а не только тѣмъ, которыя считаются значительнѣйшими произведеніями преимущественно для исторіи искусства или техники живописи.

Снимки воспроизведены автотипически на плотной веленевой бумагѣ, при чемъ каждому изъ нихъ предоставлена цѣлая страница съ оборотомъ, и размѣщены они въ алфавитномъ порядкѣ именъ слѣдующихъ художниковъ:

Джонъ Александеръ, Аллегри (Корреджо), Альма-Тадема, Бастіанъ-Лепажъ, Арнольдъ Бёклинъ, Беллини, Бёрнъ-Джонсъ, Роза Бонёръ, Бонна, Сандро Боттичелли, Брамлей, Бугеро, Ватто, Веласкесъ, Леонардо да-Винчи, Франсъ Гальсъ, Гебгардтъ, Гогартъ, Гольбейнъ (младшій), Грёзъ, Грюцнеръ, Гэнсборо, Давидъ, ванъ-Дейкъ, Делакруа, Деларошъ, Детайль, Дефреггеръ, Альбрехтъ Дюреръ, Жераръ, Жеромъ, Кабанель, Каліари (Веронезе), Августъ Каульбахъ, Максъ Клингеръ, Кнаусъ, Коро, Курбе, Вижс Лебрёнъ, Ленбахъ, Лефевръ, Лиценъ-Майеръ, Гансъ Маккартъ, Габріэль Максъ, Мане, Мейсонье, Мемлингъ, Менцель, Микетти, Милле, Миллэсъ, Морелли, Густавъ Моро, Мункаччи, Мурильо, Пальма (Веккіо), Пуссенъ, Пюви де-Шаваннъ, Рейнольдсъ, Рембрандтъ, Робусти (Тинторетто), Данте Габріэль Россетти, Рубенсъ, Теодоръ Руссо, Рафаэль Санти, Сарджентъ, Сегантини, М. Стонъ, Стукъ, Тенирсъ (младшій), Тиціанъ (Вечелліо), Тройонъ, Тьеполо, Уатсъ, Уде, Уистлеръ, Янъ ванъ Эйкъ, Энгръ и Эннеръ.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ ИЗДАНІЮ „СТО МІРОВЫХЪ ШЕДЕВРОВЪ ИСКУССТВА“ ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ ДАННЫЯ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВСѢХЪ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ И О КАЖДОЙ ИЗЪ КАРТИНЪ ИХЪ, ВОСПРОИЗВЕДЕННЫХЪ ВЪ ЭТОМЪ ИЗДАНІИ.

Это роскошно изданное приложеніе для своей сохранности нуждается въ особенно тщательной разсылкѣ. А такъ какъ при неизбѣжной спѣшности почтовой разсылки періодическихъ изданій, массами накопляющихся къ Новому Году, экземпляры подобнаго приложенія рискуютъ подвергаться порчѣ, то во избѣжаніе этой порчи редакція рѣшила разослать настоящее приложеніе не съ январской, а съ слѣдующей книгой своего журнала. Такимъ образомъ подписчики, уплатившіе сполна годовую цѣну журнала за 1903 г., получатъ изданіе **„Сто міровыхъ шедевровъ искусства“** вмѣстѣ съ февральской книгой, которая появится 1-го февраля. Подписчикамъ въ разсрочку оно будетъ доставлено лишь по уплатѣ ими послѣдняго взноса.

Спеціально для этого изданія изготовлена крышка для переплета изъ англійскаго коленкора различныхъ цвѣтовъ, съ тисненіемъ красками и золотомъ. Цѣна крышки 50 коп., съ перес. 70 коп. Наложеннымъ платежемъ не высылается. Съ требованіями адресоваться: редакція „Новаго Журнала Иностранной Литературы“, С.-Петербургъ, улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9.

Digitized by Google

7-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

На 1903 годъ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„Новый Журналъ Иностранной Литературы, ИСКУССТВА и НАУКИ“.

Первое въ Россіи общедоступное иллюстрированное ежемѣсячное изданіе.

(По объему вдвое больше лучшихъ заграничныхъ иллюстрированныхъ ежемѣсячниковъ).

12 книгъ—4 большихъ тома, болѣе 7.000 столбцовъ больш. in-8. 2.000 иллюстрацій на лучшей бумагѣ. 20 томовъ приложеній.

1903

На годъ 5 р. Съ доставкой и пересылкой 6 р. 12 книгъ журнала и 20 томовъ приложеній.

Независимо отъ 12 книгъ, содержащихъ беллетристическія произведенія съ иллюстраціями, журнальныя статьи съ иллюстраціями современнаго интереса и занимательнаго содержанія, литературныя, научныя и художественныя, иллюстрированную хронику (на современныя темы; изъ прошлаго; литературныя, художественныя и научныя новости; изъ артистическаго міра; изъ газетъ и журналовъ, а также замѣтки о наиболѣе выдающихся книгахъ и лѣтопись современныхъ преступленій), — въ теченіе 1903 года подписчики получатъ: 20 томовъ выдающихся сочиненій, съ отдѣльной нумераціей страницъ въ томъ числѣ:

12 новѣйшихъ романовъ и повѣстей

разныхъ авторовъ—французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и др., ежемѣсячно по роману ВПОЛНѢ ЗАКОНЧЕННОМУ, каждый съ отдѣльной нумераціей страницъ.

См. слѣд. стран.

Цѣна за годъ безъ доставки 5 р.; съ доставкой 6 р. Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9.
12 книгъ журнала и 20 томовъ приложеній.

Digitized by Google

Подписчики, уплатившіе годовую цѣну журнала въ 1902 г. (до 20-го декабря) получатъ вмѣстѣ съ январьской книгой 1903 г.

ДВА ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ:

1) НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ И ПРАКТИЧЕСКИ ПОЛЕЗНОЕ

ГЛАВНОЕ РУКОВОДСТВО ПО ВРАЧЕБНОЙ НАУКѢ ТИБЕТА

„ЖУД-ШИ“

въ новомъ переводѣ П. А. БАДМАЕВА, съ обширнымъ введеніемъ его, излагающимъ исторію Тибетской врачебной науки и разъясняющимъ ея систему, методы лѣченія и лѣчебныя средства, изученные многовѣковымъ опытомъ.

О богатствѣ и разнообразіи содержанія этого основного руководства по врачебной наукѣ Тибета можно судить по нижеслѣдующему извлеченію изъ перечня главъ въ двухъ книгахъ „Жуд-Ши“:

Необходимость изученія здороваго и больного состояній организма, способовъ, при посредствѣ которыхъ возможно точно узнать то и другое и, наконецъ, условій и средствъ, способствующихъ сохраненію здоровья. Общія и частныя свѣдѣнія, необходимыя для врача. Три важнѣйшихъ физіологическихъ процесса, совершающихся въ организмѣ: газообмѣнъ, физіологическіе процессы желчеподобныхъ веществъ и физіологическіе процессы слизеподобныхъ веществъ, семь тканей и три выдѣленія. Три причины, разстраивающія физіологическіе процессы, совершающіеся въ организмѣ, и четыре обстоятельства, ослабляющія или усиливающія вліяніе этихъ причинъ. Девять состояній, ведущихъ организмъ къ смерти. Различныя пищевыя вещества, полезныя при разстройствахъ газообмѣна, физіологическихъ процессовъ желчеподобныхъ и слизеподобныхъ веществъ. Образъ жизни, способствующій возстановленію разстроеннаго организма. Вліяніе временъ года на физіологическіе процессы, совершающіеся въ организмѣ. Спеціальныя наставленія врачебной науки Тибета. О пищевыхъ веществахъ. Свѣдѣнія объ отравленныхъ пищѣ и питьѣ и веществахъ, дѣлающихся вредными, когда они потребляются въ пищу одновременно. Количество и качество потребляемой пищи. О лѣкарствахъ. Гдѣ и какъ нужно жить, чтобы продлить жизнь. Какъ долженъ поступать врачъ, изучившій разстройства организма. При какихъ условіяхъ легко или трудно излѣчиваются, или совсѣмъ не поддаются лѣченію разстройства питанія организма. О способахъ и средствахъ лѣченія при ясныхъ признакахъ разстройства питанія организма. Различныя средства, употребляемыя при разстройствѣ физіологическихъ процессовъ въ организмѣ.

См. слѣд. стран.

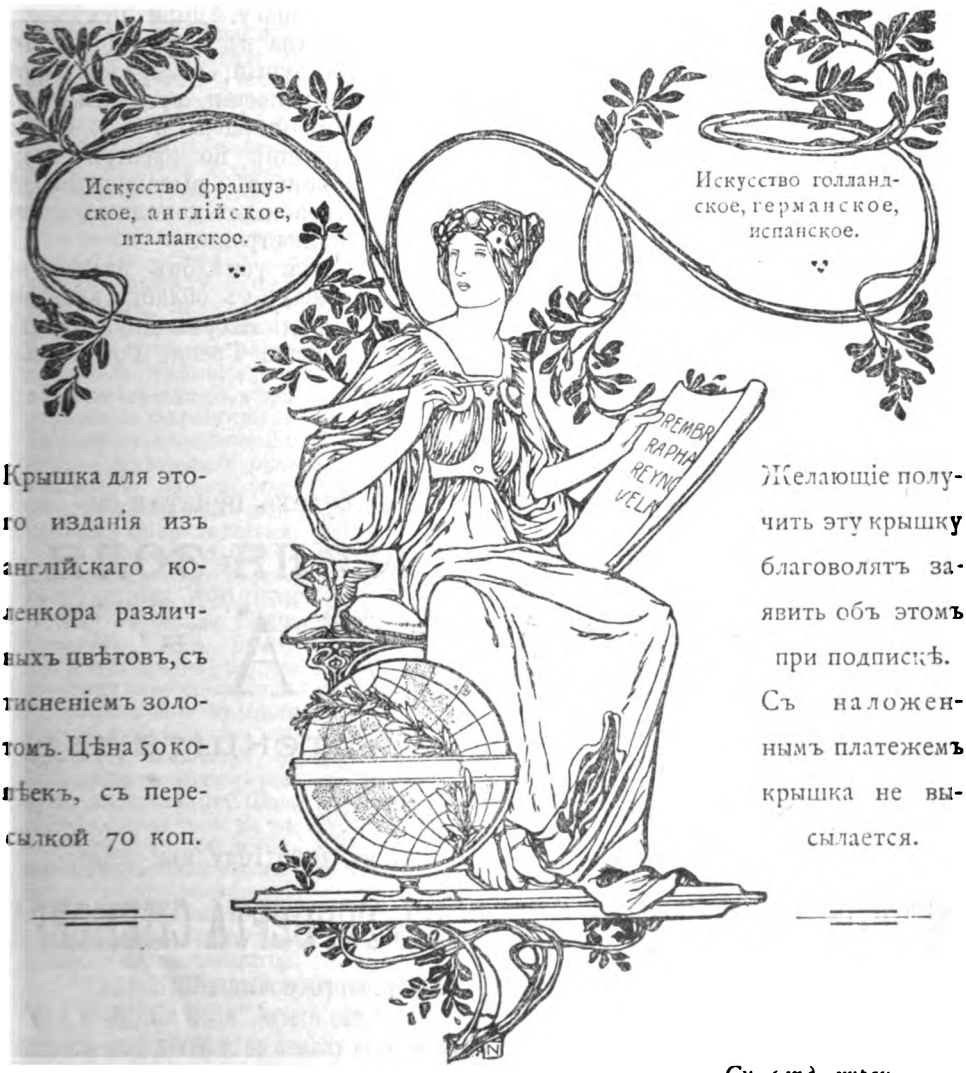
Digitized by Google

2) Роскошное художественное изданіе

СТО МІРОВЫХЪ ШЕДЕВРОВЪ ИСКУССТВА.

Произведенія 85 знаменитыхъ художниковъ, французскихъ, англійскихъ, италіанскихъ, голландскихъ, германскихъ, испанскихъ, начиная съ XIV вѣка до настоящаго времени. Съ описаніемъ воспроизведенныхъ шедевровъ и съ біографіями ихъ авторовъ.

Большой томъ съ иллюстраціями на отдѣльныхъ листахъ.



Крышка для этого изданія изъ англійскаго коленкора различныхъ цвѣтовъ, съ тисненіемъ золотомъ. Цѣна 50 копѣекъ, съ пересылкой 70 коп.

Желающіе получить эту крышку благоволятъ заявить объ этомъ при подпискѣ. Съ наложеннымъ платежемъ крышка не высылается.

См. 1 мѣд. стран.

Digitized by Google

Сверхъ того, съ январьской книги въ теченіе 1903 г. будетъ печататься съ отдѣльной нумераціей страницъ обширный томъ подъ заглавіемъ

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВО ВСѢХЪ ЕГО ПРИМѢНЕНІЯХЪ,

ЖОРЖА ДАРИ

(автора многихъ популярныхъ сочиненій преимущественно по электричеству).

Съ многочисленными иллюстраціями.

Въ простой и занимательной формѣ авторъ этого капитальнаго труда всесторонне описываетъ проявленія великой силы электричества въ природѣ, источники его искусственнаго добыванія, особенно же его разнообразнѣйшаго примѣненія. Двадцатый вѣкъ—вѣкъ электричества. Оно даетъ свѣтъ, тепло, движущую силу; какъ въ техникѣ, такъ и въ повседневной жизни мы можемъ наблюдать примѣненіе его на каждомъ шагу. Дари отмѣчаетъ и результаты, достигнутые съ помощью электричества въ телеграфіи и телефоніи; услуги, имъ оказываемыя медицинѣ и хирургіи; возможность съ помощью его достигать небывалой быстроты передвиженія, примѣненія въ военномъ и морскомъ дѣлѣ, необычайныхъ эфектовъ на сценѣ и т. д., и т. д. Попутно излагается исторія важнѣйшихъ изобрѣтеній по электричеству, даются характеристики и біографическіе очерки наиболѣе выдающихся въ области электричества ученыхъ и техниковъ. Прекраснымъ дополненіемъ къ тексту являются многочисленныя иллюстраціи.

Наше изданіе будетъ дополнено обзоромъ новѣйшихъ успѣховъ электричества, а также изобрѣтеній и работъ русскихъ ученыхъ въ области электротехники. Иллюстраціи, помимо напечатанныхъ въ трудѣ Жоржа Дари, будутъ пополнены еще рисунками изъ сочиненій Гильемена, Греца, Госпиталье, Вильке и другихъ.

Сверхъ того, съ январьской книги будетъ печататься

ПОСЛѢДНІЙ РОМАНЪ ЭМИЛЯ ЗОЛЯ

ПРАВДА

въ переводѣ М. Л. Лихтенштадтъ.

Изъ сочиненій философскаго содержанія въ 1903 году мы дадимъ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ И ЭТЮДОВЪ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА,

не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій.

См. слѣд. стран.

Digitized by Google

Въ теченіе 1903 года подписчики, уплатившіе годовую цѣну журнала, ЕЖЕМѢСЯЧНО будутъ получать, въ видѣ особаго БЕЗПЛАТНАГО приложенія.

ЗНАМЕНИТѢЙШЕЕ ИЗЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ МІРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

извѣстное подъ названіемъ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ.

ДВА НОВЫХЪ ТОМА АРАБСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ ШАХРАЗАДЫ.

Первый полный и точный русскій переводъ съ репродукціями на мѣди картинъ А. Лечфорда на мѣловой бумагѣ.

Наше изданіе, переводимое одновременно съ его подлинникомъ, печатающимся въ Парижѣ въ 16 томахъ и стоющимъ безъ иллюстрацій 40 рублей, представляетъ собой собраніе бытовыхъ разсказовъ, любовныхъ новеллъ и повѣстей, романовъ съ приключеніями, басенъ, притчей, шутокъ и анекдотовъ, въ пестрой ихъ смѣнѣ, предназначенныхъ и для развлеченія, и для назиданія. Разсказы **„Тысячи и одной ночи“** полны глубокаго пониманія бытовой жизни Востока съ обыденными ея подробностями, съ ея хорошими и дурными сторонами, въ томъ числѣ и съ тайнами гарема. **Преобладающая тема этихъ разсказовъ — любовь во всѣхъ формахъ и проявленіяхъ, драматическихъ или комическихъ, любовь безусловно непреодолимая, умѣющая открыть всякую дверь, устранить всякія для себя преграды и покорить любого врага. Это — наивысшее прославленіе любви, торжествующей надъ всяческими препятствіями.**

Арабская дѣвушка.

Изъ ежемѣсячныхъ 12 выпусковъ нашего перевода „ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ“ въ теченіе 1903 г. составится ДВА БОЛЬШИХЪ ТОМА (in—8°), для которыхъ по особому рисунку изготовлены крышки для переплета изъ англійскаго коленкора съ изящнымъ тисненіемъ различными красками. Цѣна двухъ крышекъ 1 р., съ пересылкой 1 р. 40 к. Желающіе получить эти крышки благоволятъ заявить объ этомъ при подпискѣ. Наложеннымъ платежемъ крышки не высылаются.

Редакція считаетъ нужнымъ предупредить, что этотъ первый полный русскій переводъ „ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ“ ничего общаго не имѣетъ съ существующими передѣлками арабскихъ разсказовъ для дѣтей и, по самому содержанію этого литературнаго творенія, недоступному дѣтямъ, предназначается для чтенія взрослыхъ.

См. слѣд. стран.

Digitized by Google

Всѣ болѣе или менѣе крупныя произведенія печатаются съ отдѣльной нумераціей страницъ и могутъ сохраняться отдѣльными томами. И въ теченіе года получается 12 книгъ, составляющихъ 4 обширныхъ тома библіотечнаго формата, болѣе 3.500 страницъ, въ 2 столбца, которыя въ 1½ раза больше страницъ самымъ крупныхъ русскихъ журналовъ, съ 2.000 иллюстрацій на лучшей бумагѣ, спеціально изготовляемой. Каждый изъ этихъ томовъ—по многосторонности содержанія—можетъ служить для справокъ по литературѣ, искусствамъ и различнымъ отраслямъ знаній.

ИТОГИ 5½ ЛѢТЪ—1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 гг.

За 5½ лѣтъ „Новый Журналъ Иностранной Литературы" далъ 66 книгъ, составляющихъ 22 большихъ изящно изданныхъ томовъ (болѣе 18,000 страницъ, въ два столбца, **которыя въ полтора раза больше страницъ самыхъ крупныхъ русскихъ ежемѣсячныхъ изданій, и до 12,000 иллюстрацій на лучшей бумагѣ,** спеціально изготовляемой для журнала). **ЭТИ 66 КНИГИ СОДЕРЖАТЪ:**

Болѣе 500 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ СТАТЕЙ на современныя темы, по литературѣ, исторіи, искусствамъ и различнымъ отраслямъ знанія.

До 700 статей и замѣтокъ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ХРОНИКИ на современныя темы, изъ прошлаго, литературныхъ, художественныхъ и научныхъ новостей, изъ артистическаго міра, изъ газетъ и журналовъ и на разнообразныя темы.

Въ числѣ напечатанныхъ **12.000 ИЛЛЮСТРАЦІЙ** къ статьямъ разнообразнаго содержанія даны: **портреты извѣстныхъ писателей,** ученыхъ, художниковъ, артистовъ, музыкантовъ, историческихъ лицъ и современныхъ дѣятелей; **множество снимковъ съ картинъ и рисунковъ** извѣстнѣйшихъ художниковъ: французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ, бельгійскихъ, испанскихъ и скандинавскихъ; **карикатуры на современныя темы, изящныя виньетки,** исполненныя европейскими художниками.

За 5½ лѣтъ напечатано 60 романовъ и болѣе 160 повѣстей и разсказовъ—всѣ съ отдѣльной нумераціей страницъ и могутъ сохраняться отдѣльно.

Эти романы, повѣсти и разсказы, переведенные съ французскаго, англійскаго, нѣмецкаго, италіанскаго, польскаго, шведскаго и норвежскаго, принадлежатъ слѣдующимъ авторамъ: **Вольтеру, Дидро,** Лесажу, Эженю Сю, **Альфреду де-Мюссе, Альфреду де-Виньи, Густаву Флоберу,** Стендалю (Бейлю), **Эмилю Зола, Альфонсу Додэ, Гюиде-Мопасану, Ш. Бодлеру, Анатолю Франсу, Л. Декаву, К. Лемонье, Ж. Рей-**

См. слѣд. стран.

Digitized by Google

браху, Гюгу Ле-Ру, Жоржу Онэ, Ж. Марни, Ж. Бертеруа, Б. Боннэ, Лаведану, А. Троллопу, Ч. Диккенсу, Маріонъ Крауфорду, Бретъ-Гарту, Марку Твэну, Уэллсу, Холль Кэйну, Стоктону, В. Ольдену, А. Бирсу, Ф. Барнету, О'Нейль Латану, Гарольду Горсту, Маартенъ-Маартенсу, А. Эпуорду, Э. Бенсону, Джекобсу, Жанъ-Поль Рихтеру, Цшокке, Георгу Эберсу, Г. Шварцкопфу, П. Шентану, гр. фонъ Омптеда, Вольцогену, Маріи Яничекъ, Вильденбруху, Штрацу, Габріэлю д'Аннунціо, Кнутъ-Гансуму, Сигурду, К. Тавастшернѣ, Гольгеру Драхману, Клеменсу Юноши, Маріи Конопницкой, Охоровичу (Могорта).

Изъ появившихся въ „Новомъ Журналѣ Иностранной Литературы" **МОНОГРАФІЙ**, большинство которыхъ напечатаны съ отдѣльной нумераціей страницъ, отмѣтимъ наиболѣе значительныя:

СОЧИНЕНІЯ МЫСЛИТЕЛЕЙ И МОРАЛИСТОВЪ: Фр. Нитцше (Такъ говорилъ Заратустра; Избранныя страницы; Афоризмы и обширная его біографія, характеризующая его умственный и нравственный обликъ), Эмерсона (Трактатъ «Природа» и «Опыты».—Представители человѣчества), Джона Раскина (Избранныя страницы; Сезамъ и Лиліи) и Макса Нордау. Новые парадоксы (О бракѣ.—Политическая ложь.—Различныя неправды.—Конечная гармонія) и Французскіе писатели новѣйшаго времени (Романисты, поэты и драматурги).

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ: Александръ Великій Проф. Уилера. (Иллюстрированная).—Новое жизнеописаніе Оливера Кромвеля. Джона Морлея. (Иллюстрированная). Конецъ Наполеона I. (Наполеонъ на О-вѣ Св. Елены). Лорда Розбери.—Дидро и Екатерина II. Ихъ бесѣды, напечатанныя по собственноручнымъ запискамъ Дидро. Съ примѣчаніями Мориса Турнѣ.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ МОНОГРАФІИ: Женщина въ искусствѣ (о вліяніи женской граціи и красоты на развитіе эстетики съ древнихъ временъ и до нашихъ дней). (Болѣе 200 иллюстрацій).—Миѳы въ искусствѣ старомъ и новомъ. (Пособіе для уясненія поэтическихъ аллегорій и символовъ въ произведеніяхъ искусствъ и поэзіи). (Съ 285 иллюстр.).—Живопись Прерафаэлитовъ за все время ея существованія. (Съ многочисленными автотипіями съ картинъ знаменитыхъ англійскихъ художниковъ).—Женская красота съ древнихъ временъ до нашихъ дней (Типы женской красоты съ 4000 г. до Р. Х. и до конца XIX столѣтія). (Съ многочисленными иллюстраціями). Танцы, ихъ исторія и развитіе съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. (Съ многочисленными иллюстраціями и портретами знаменитыхъ танцовщицъ).

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ МОНОГРАФІИ: Поэзія Флоры. Цвѣточный календарь въ письмахъ. Съ изображеніемъ и описаніемъ цвѣтовъ. Для любителей природы. (Болѣе 300 рисунковъ).—Атмосфера. Популярная метеорологія Камилла Фламмаріона (въ 6 книгахъ съ 300 иллюстраціями).

СОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ:

ЭПОПЕЯ РАБЛЭ „ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ", въ пяти книгахъ, первый русскій переводъ А. Н. Энгельгардтъ съ французскаго текста XVI вѣка съ иллюстраціями Дорэ.

ФАУСТЪ. Трагедія Гёте. Въ переводѣ прозой П. И. Вейнберга. Съ новѣйшими иллюстраціями.

ПЛУТАРХЪ XIX ВѢКА. Знаменитые люди XIX вѣка въ біографіяхъ и портретахъ (корифеи литературы, искусства, науки и техники; ученые, поэты, драматурги, писатели, композиторы, художники, изобрѣтатели, артисты и геніальные государственные люди).

Это—сжатый обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ завоеваній XIX-го вѣка въ области культуры и въ прогрессѣ цивилизаціи, совершенныхъ геніемъ и энергіей великихъ представителей человѣчества, и коллекція замѣчательныхъ портретовъ (большого формата—на цѣлой страницѣ in-8), представляющая художественный интересъ и отвѣчающая условіямъ исторической достовѣрности.

МУЗЫКА ВЪ XIX ВѢКѢ, инструментальная и вокальная. Историческій очеркъ съ біографіями и портретами знаменитыхъ композиторовъ. Съ приложеніемъ 45 музыкальныхъ пьесъ.

Годовая цѣна: безъ доставки 5 р., съ доставкой 6 р. (О разсрочкѣ ея см. на послѣдн. стран.).

См. слѣд. стран.

Digitized by Google

Цѣна оставшихся въ весьма незначительномъ количествѣ экземпляровъ

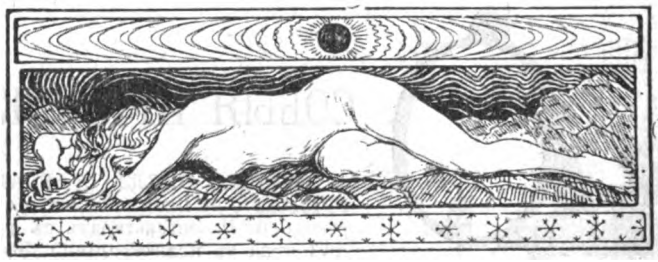
„Новаго Журнала Иностранной Литературы"

(1897 и 1902 гг. всѣ экземпляры распроданы).

1898 г., 1899 г., 1900 г. и 1901 г.— по 12 книгъ каждый: по **4 руб. каждый** безъ доставки и **6 руб. 50 к.** съ пересылкой.

Крышки для переплета **„Новаго Журнала Иностранной Литературы"** изъ англійскаго коленкора (краснаго, коричневаго и сѣраго цвѣтовъ), съ изящнымъ тисненіемъ краской и золотомъ. *(См. рисунокъ крышки).*

Цѣна **четырехъ крышекъ** на годовое изданіе—12 книгъ 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 гг. (I-й томъ—январь, февраль и мартъ; II-й т.—апрѣль, май и іюнь; III-й т.—іюль, августъ и сентябрь; IV-й т.—октябрь, ноябрь и декабрь) по **1 руб. 40 к.** за каждый годовой экземпляръ, съ пересылкой **2 руб.**



ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1903 Г.:

Годовая (съ 1 января по 31 декабря 1903 г.) безъ дост. **5 р.**, съ доставкой и пересылкой **6 р.**, за границу **9 р.**

Для гг. служащихъ въ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка за поручительствомъ ихъ казначеевъ и управляющихъ.

Подписка принимается въ редакціи «Новаго Журнала Иностранной Литературы» — С.-Петербургъ, Малая Морская, 9 и въ книжномъ магазинѣ «Новаго Времени» (Невскій, 40). Въ Одессѣ — въ книжномъ магазинѣ «Образованіе» безъ доставки 5 р. 50 к. Иногородніе и подписчики въ разсрочку благоволятъ адресоваться въ редакцію «Новаго Журнала Иностранной Литературы» (Спб., Малая Морская, 9).

Цѣна каждой книги въ отдѣльной продажѣ 1 руб.

Адресъ Редакціи и Конторы: С.-Петербургъ, Малая Морская, 9.

Редакторъ-Издатель *Ѳ. И. Булгаковъ.*

Рассрочка подписной платы ДОПУСКАЕТСЯ НА СЛѢДУЮЩИХЪ УСЛОВІЯХЪ: *Въ два срока:* ВЕЗЪ ДОСТАВКИ: — при подпискѣ **2 р. 50 к.** и 1-го мая **2 р. 50 к.**; СЪ ДОСТАВКОЙ — при подпискѣ **3 р.** и 1-го мая **3 р.** *Въ три срока:* ВЕЗЪ ДОСТАВКИ — при подпискѣ **2 р.**, 1-го марта **2 р.** и 1-го мая **1 р.**; СЪ ДОСТАВКОЙ—при подпискѣ **2 р.**, 1-го марта **2 р.** и 1-го мая **2 р.**

Дозв. ценз. 28-го сентября 1902 г. С.-Петербургъ. Тип. А. С. Суворина. Эртолевъ пер., д. 13.

Digitized by Google

ЯНВАРЬ.

Открытая книга.
(Съ акварели Альфреда Мура).

Digitized by Google

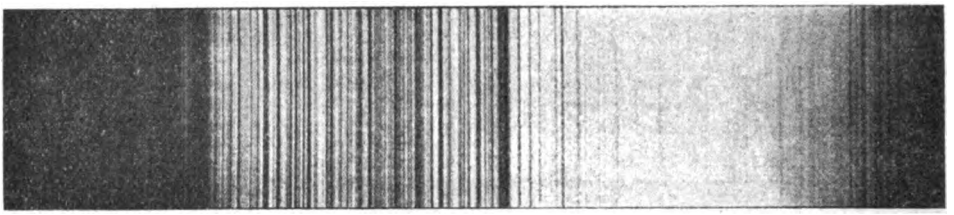


Рис. 2. Спектръ альфы Волопаса.

ЭВОЛЮЦІЯ ВСЕЛЕННОЙ.

Чуть не до самаго послѣдняго времени, какъ въ наукѣ, такъ и въ публикѣ,— въ публикѣ особенно — преобладало мнѣніе, что вселенная устроена разъ навсегда и никакихъ крупныхъ перемѣнъ въ ней не происходитъ. Но за вторую половину прошлаго столѣтія, благодаря развитію астрономіи, обусловленному устройствомъ могущественныхъ телескоповъ и фотографированіемъ звѣзднаго неба, идеи великихъ астрономовъ прежняго времени, предполагавшихъ, что дѣятельность творческихъ силъ во вселенной никогда не прекращается, получили фактическое подтвержденіе.

Въ самомъ полномъ видѣ идеи эти были высказаны знаменитымъ англійскимъ астрономомъ, сэромъ Вильямомъ Гершелемъ. Онъ предположилъ, что всѣ небесныя тѣла образовались и продолжаютъ еще образовываться изъ міроваго тумана — въ высшей степени разрѣженной матеріи, частички или атомы которой, въ силу взаимнаго притяженія, группируются вокругъ нѣкоторыхъ центровъ и затѣмъ уплотняются на нихъ, образуютъ міровыя тѣла, милліоны лѣтъ живущія своей особой жизнью, затѣмъ вновь распадаются въ пыль, которая опять образуетъ туманности, испытывающія ту же эволюцію, и такъ безъ конца.

До тѣхъ поръ, пока астрономія не прибѣгала къ помощи фотографическихъ пластинокъ, — гораздо болѣе чувствительныхъ, чѣмъ сѣтчатая оболочка нашихъ глазъ,— идеи Гершеля не могли быть провѣрены на опытѣ, но теперь онѣ, повидимому, вполнѣ подтверждаются, какъ это видно изъ прилагаемыхъ снимковъ, напечатанныхъ наблюдателемъ Гарвардской обсерваторіи въ Америкѣ, Джономъ Генри Фризомъ (Freese), въ Century Magazine.

Отвѣчая на обычные вопросы посѣтителей обсерваторіи: «Измѣняются ли звѣзды? Есть ли какой либо порядокъ въ ихъ измѣненіи?», Фризъ говоритъ, что измѣненія эти могутъ быть въ относительномъ положеніи, въ формѣ и составѣ звѣздъ, а затѣмъ послѣдовательно описываетъ ихъ.

Что касается измѣненій въ относительномъ другъ къ другу положеніи звѣздъ, то тутъ надо отличать кажущіяся измѣненія отъ дѣйствительныхъ. Еще Гершель замѣтилъ, напримѣръ, что звѣзды въ созвѣздіяхъ Геркулеса и Лиры какъ бы отодвигаются другъ отъ друга, тогда какъ въ созвѣздіяхъ, лежащихъ на діаметрально противоположномъ концѣ небесной сферы, наоборотъ — сдвигаются. Но это кажущееся измѣненіе зависитъ отъ того, что вся солнечная система несется въ пространствѣ по направленію къ созвѣздію Геркулеса. Это—то же самое явленіе, которое мы замѣчаемъ, ѣдучи по лѣсу: впереди насъ деревья какъ бы раздвигаются, а сзади—сдвигаются.

Но, помимо этого кажущагося перемѣщенія, звѣзды имѣютъ и дѣйствительное. Напримѣръ, звѣзда № 1830 по каталогу Грумбриджа, перемѣщается на десять градусовъ въ теченіе пяти тысячъ лѣтъ; Арктурусъ перемѣщается на пять градусовъ въ теченіе десяти тысячъ лѣтъ; профессоръ Артуръ Сирль, на Гарвардской обсерваторіи, открылъ недавно звѣзду, имѣющую еще бо-

Digitized by Google

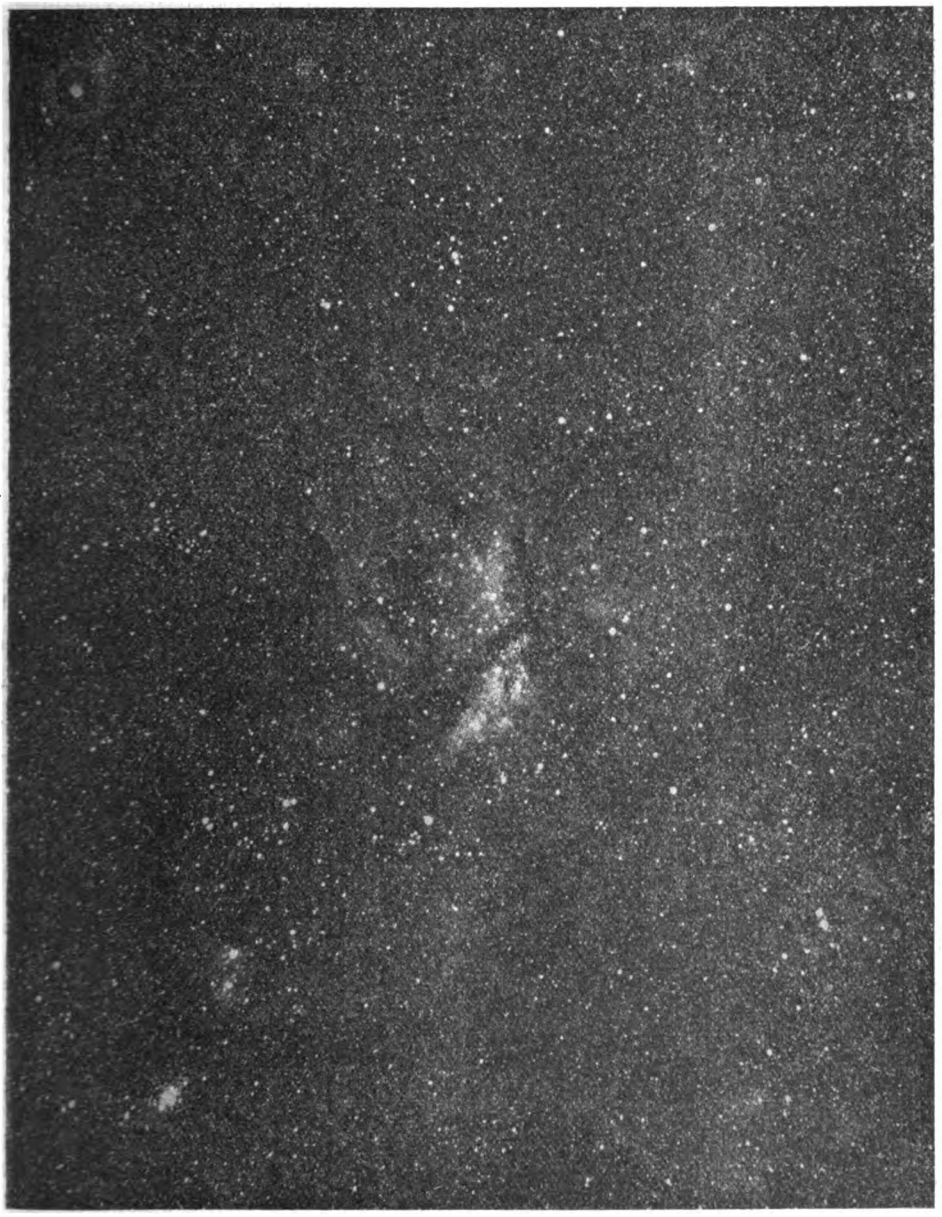


Рис. 1. Фотографическій снимокъ звѣзднаго неба, занимающій поле въ четыре квадратныхъ градуса. Болѣе 400.000 звѣздъ по приблизительному счету.

лѣе быстрое движеніе, и такія открытія, за послѣднее время, становятся все болѣе и болѣе частыми.

Какъ же дѣлаются такія открытія? Какія средства имѣемъ мы къ тому, чтобы подмѣтить перемѣщеніе звѣзды? Не говоря уже о сличеніи современныхъ картъ звѣзднаго неба съ древними, мы имѣемъ теперь весьма точный и остроумный способъ опредѣлить даже скорость движенія звѣзды, приближающейся къ Землѣ или отдаляющейся отъ нея. Способъ этотъ, указанный Хюггинсомъ и основанный на спектральномъ анализѣ, состоитъ въ фотографированіи спектра дан-

Digitized by Google

Рис. 3. Туманность въ Оріонѣ.

ной звѣзды, при чемъ линіи, соотвѣтствующія различнымъ составнымъ частямъ ея (рис. 2), или сближаются другъ съ другомъ или расходятся, смотря по тому, удаляется ли звѣзда отъ Земли или приближается. По скорости ихъ схожденія или расхожденія можно судить и о скорости самаго движенія.

Для того, чтобы отмѣтить измѣненіе въ формѣ и составѣ звѣздъ, слѣдуетъ сначала получить понятіе о гипотезѣ Гершеля.

Представимъ себѣ первобытную міровую пыль, или, что все равно, пыль, образовавшуюся отъ столкновенія двухъ міровыхъ тѣлъ, при чемъ оба они превратились въ газъ, то есть въ ту же пыль — въ огромное количество матеріальныхъ частичекъ, разбросанныхъ на далекое другъ отъ друга разстояніе. Пыль эта, находящаяся въ движеніи благодаря первоначальному толчку, облакомъ носится въ пространствѣ, при чемъ частички ея, въ силу взаимнаго притяженія стремящіяся сблизиться, сначала образуютъ общіе потоки, въ большинствѣ случаевъ

Рис. 6. Спиральная туманность въ Большомъ Псѣ.

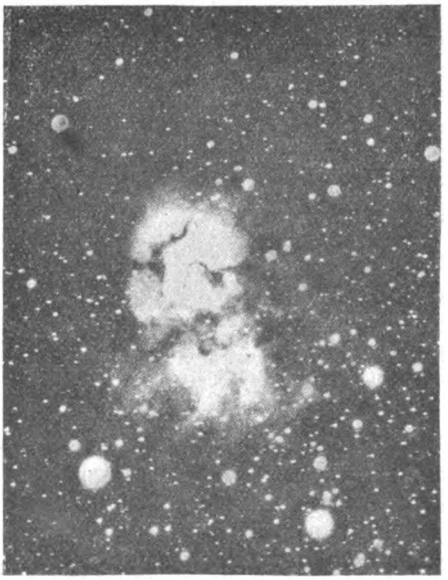


Рис. 4. Тройная туманность.

спиральные, затѣмъ круговые, потомъ среди этихъ потоковъ появляются одинъ или нѣсколько центровъ уплотненія, благодаря своей массѣ оказывающихъ болѣе сильное притяженіе на частички, остающіяся еще свободными; эти послѣднія все въ большемъ и большемъ количествѣ скопляются вокругъ образовавшихся такимъ образомъ центровъ, изъ которыхъ, въ концѣ концовъ, составляются цѣлыя міровыя тѣла, продолжающія вращаться въ томъ же направленіи, въ какомъ первоначально вращался потокъ міровой пыли, служившей ихъ зародышемъ.

Весь этотъ циклъ измѣненій, когда-то лишь предполагавшійся въ видѣ гипотезы, теперь иллюстрируется фотографическими снимками съ различныхъ туманностей, разсѣянныхъ по звѣздному небу.

Digitized by Google

Вотъ, напримѣръ (рис. 3 и 4), туманности, находящіяся въ первоначальной стадіи своей эволюціи, когда общаго потока еще, повидимому, не образовалось, а замѣчается какъ бы дѣленіе на нѣсколько частей, изъ которыхъ впослѣдствіи образуются отдѣльные потоки. А вотъ (рис. 5) туманность, гдѣ уже спиральное движеніе начинаетъ выясняться. На рисункѣ 6-мъ представлена туманность, въ которой это движеніе не только вполнѣ выяснилось, но даже замѣтно и образованіе центровъ сгущенія. На рисункѣ 7-мъ мы видимъ дальнѣйшую стадію эволюціи міровыхъ тѣлъ: тутъ уже, вокругъ громаднаго центральнаго уплотненія, кружатся кольца, въ которыхъ замѣтны уплотненія второстепенныя, которыя со временемъ станутъ спутниками центральнаго свѣтила. На рисункѣ 8-мъ видно это свѣтило, со своими многочисленными спутниками, почти вполнѣ уже образовавшееся. На рисункѣ 9-мъ, также какъ и на 10-мъ, мы видимъ, по всей вѣроятности, цѣлыя системы такихъ свѣтилъ, окруженныя не совсѣмъ еще разсѣявшимся туманомъ. Рисунокъ 11-й изображаетъ, повидимому, такую же систему мелкихъ свѣтилъ, безъ центральнаго ядра, образовавшуюся изъ спиральнаго потока и расположенную въ видѣ конуса, который представляется намъ въ раккурсѣ, со стороны основанія. Наконецъ, на рисункахъ 12-мъ и 13-мъ мы видимъ окончательныя стадіи эволюціи міровыхъ тѣлъ. На первомъ изъ нихъ изображенъ Сатурнъ, съ его кольцами, не успѣвшими еще слиться съ тѣломъ планеты, а на второмъ—Юпитеръ, на которомъ эти кольца, прилегая къ тѣлу планеты, кажутся уже простыми полосами.

Рис. 5. Спиральная туманность въ Гидрѣ.

Рис. 8. Скопленіе въ Геркулесѣ.

Такимъ образомъ, на этихъ рисункахъ мы видимъ цѣлую исторію послѣдовательнаго образованія міровыхъ тѣлъ изъ туман-

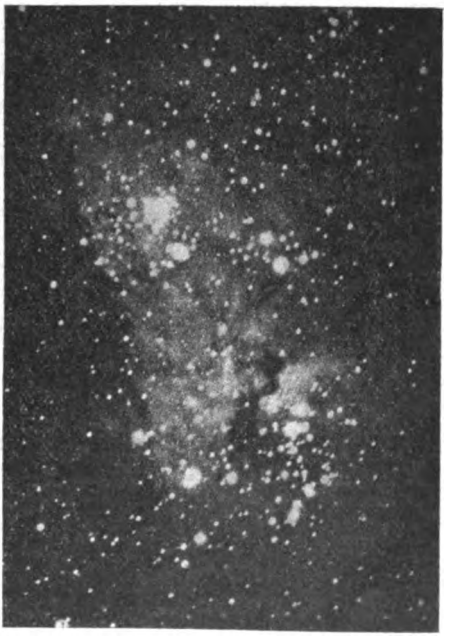


Рис. 9. Туманность въ Каринѣ.

Digitized by Google

ностей или міровой пыли. Откуда взялась эта пыль—есть ли она остатокъ первобытной матеріи, еще не успѣвшей уплотниться, или произошла вслѣдствіе распаденія тѣлъ, уже существовавшихъ, но разлетѣвшихся въ прахъ при какой-нибудь міровой катастрофѣ — сказать трудно. Вѣрнѣе, конечно, последнее, такъ какъ о происхожденіи вселенной мы никакого понятія имѣть не можемъ, постоянная же эволюція ея, проявляющаяся какъ медленными измѣненіями, такъ и внезапными катастрофами, происходитъ на нашихъ глазахъ.

Катастрофы эти происходятъ, какъ отъ коллизій небесныхъ тѣлъ другъ съ другомъ, кометами и метеорами, такъ и отъ вулканической дѣятельности, происходящей внутри этихъ тѣлъ, а, пожалуй, даже и отъ столкновеній потоковъ міроваго вещества, находящагося въ разрѣженномъ состояніи, такъ какъ и въ такомъ случаѣ должно происходить сильное нагрѣваніе и еще бо́льшее разрѣженіе.

Рис. 7. Большая туманность въ Андромедѣ.

Какъ бы то ни было, мы, отъ времени до времени, воочію видимъ такія катастрофы и послѣдующее за ними образованіе туманностей и новыхъ міровыхъ тѣлъ. Въ анналы астрономіи занесено, по крайней мѣрѣ, пятнадцать такихъ случаевъ, и одинъ изъ нихъ имѣлъ мѣсто еще недавно. Всѣ слышали, вѣроятно, о «Новой звѣздѣ», появившейся въ созвѣздіи Персея, въ февралѣ 1901 года.

Digitized by Google

Эта звѣзда (рис. 14) произошла, по всей вѣроятности, именно отъ столкновенія двухъ маленькихъ міровыхъ тѣлъ или даже туманностей. Сразу достигнувъ значительнаго блеска, она затѣмъ стала постепенно гаснуть.

Если такія столкновенія не совершаются чаще, чѣмъ это мы видѣли до сихъ поръ, такъ только потому, что, не смотря на кажущуюся «тѣсноту» на небѣ (рис. 1), міровыя тѣла разсѣяны въ міровомъ пространствѣ на громадныхъ — непостижимыхъ по своей громадности — разстояніяхъ другъ отъ друга. Кажущаяся «тѣснота» зависитъ только отъ того, что мы видимъ ихъ на одной плоскости, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это есть проекція съ безконечной перспективы. Звѣзды, которыя кажутся намъ стоящими рядомъ, на самомъ дѣлѣ могутъ быть дальше другъ отъ друга, чѣмъ тѣ, которыя кажутся далеко отстоящими, потому что въ первомъ случаѣ мы видимъ разстояніе, ихъ раздѣляющее, въ раккурсѣ.

Но если міровыя катастрофы сравнительно рѣдки (для нашей человѣческой концепціи времени, для которой десять тысячъ лѣтъ кажутся чуть не цѣлой вѣчностью), то частныя коллизіи, то-есть столкновенія міровыхъ тѣлъ разной величины, не ведущія къ крупнымъ катастрофамъ, совершаются безпрестанно. Какъ это ни кажется страннымъ, но на нашу Землю падаетъ больше двухсотъ тоннъ метеоровъ въ день!

Что касается медленныхъ измѣненій, совершающихся въ міровыхъ тѣлахъ, то мы опять таки воочію ихъ видимъ. На примѣрѣ «Новой» звѣзды мы видѣли угасаніе довольно быстро, потому что и количество матеріи, входившей въ составъ этой звѣзды, было, вѣроятно, не велико. Тамъ же, гдѣ количество это громадно, угасаніе, то-есть охлажденіе раскаленнаго тѣла, быстро произойти не можетъ. Вмѣсто нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ въ «Новой», на это требуются милліоны, а можетъ быть и милліарды лѣтъ. Понятно, стало быть, что на одномъ какомъ-нибудь свѣтилѣ мы этого угасанія прослѣдить не можемъ. Но мы можемъ, за то, видѣть различныя его фазы на разныхъ свѣтилахъ, при чемъ судимъ о степени охлажденія какъ по наружному виду свѣтила, такъ и по спектру его свѣтовыхъ лучей, при чемъ данныя, полученныя обоими этими путями, вполнѣ сходятся.

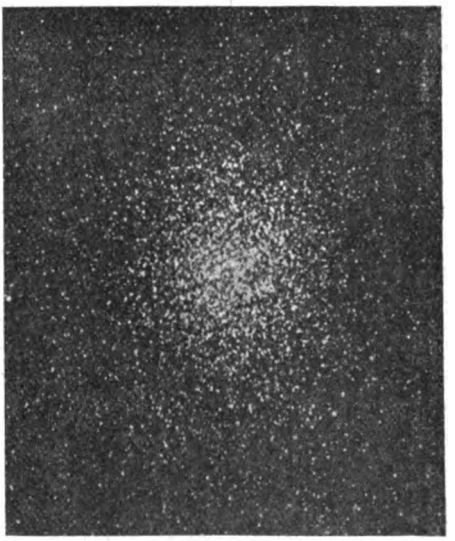


Рис. 11. Скопленіе въ Центаврѣ.

Рис. 10. Плеяды.

По наружному виду мы судимъ о степени охлажденія свѣтила, руководствуясь цвѣтомъ его лучей, какъ это бы мы дѣлали по отношенію къ любому раскаленному тѣлу: чѣмъ свѣтъ ярче и болѣе приближается къ бѣлому, тѣмъ тѣло сильнѣе нагрѣто; а чѣмъ онъ менѣе ярокъ, чѣмъ краснѣе, — тѣмъ охлажденнѣе. Такая же разница, какъ между бѣлокалильнымъ и темно-красно-калильнымъ жаромъ.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія различныя свѣтила, мы находимъ, что Сиріусъ, напримѣръ, равно какъ и всѣ другія звѣзды, свѣтящія синевато-бѣлымъ свѣтомъ, должны быть нагрѣты сильнѣе прочихъ; Капелла и звѣзды, подобно ей свѣтящія желтыми лучами (какъ и наше Солнце), нагрѣты уже

Digitized by Google

нѣсколько менѣе, а Альдебаранъ и красноватыя звѣзды—еще менѣе. При спектральномъ анализѣ лучей, идущихъ отъ этихъ свѣтилъ, въ спектрѣ Сиріуса мы видимъ яркія полосы водорода, горѣніе котораго даетъ наивысшую температуру; въ спектрѣ Капеллы наиболѣе выдаются полосы углерода и различныхъ металловъ, а въ спектрѣ Альдебарана и другихъ темно-красныхъ звѣздъ, даже эти полосы весьма неярки и отчасти замѣнены широкими тѣнями.

Отчего же происходитъ охлажденіе свѣтилъ небесныхъ, и къ чему оно ихъ приводитъ? Происходитъ оно, очевидно, отъ постепеннаго излученія тепла въ міровое пространство и прекращенія химическихъ реакцій (преимущественно горѣнія), служившихъ отчасти для поддержанія температуры, первоначально повысившейся вслѣдствіе перехода механической энергіи въ тепловую (при толчкѣ или сгущеніи матеріи). А приводитъ оно ихъ къ угасанію, то-есть къ прекращенію ихъ жизни, какъ свѣтилъ, хотя, переставъ быть таковыми, они далеко еще не умираютъ, какъ это видно на примѣрѣ нашей Земли, которая тоже была когда-то свѣтиломъ. Итакъ, значитъ, угасшія свѣтила становятся темными тѣлами, дальнѣйшей судьбы которыхъ мы знать не можемъ, такъ какъ не знаемъ даже хорошенько и судьбы тѣхъ темныхъ тѣлъ, которыя, подъ названіемъ планетъ съ ихъ спутниками, входятъ въ составъ нашей солнечной системы.

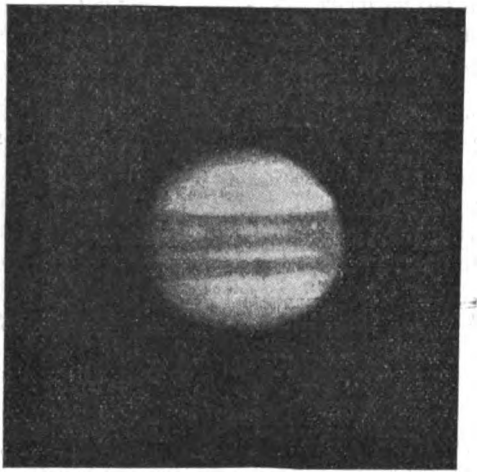


Рис. 13. Планета Юпитеръ.

Несомнѣнно, впрочемъ, что по мѣрѣ своего угасанія міровыя тѣла должны уплотняться и занимать меньшее пространство, при чемъ движенія ихъ замедляются и становятся менѣе правильными, со всѣми послѣдствіями, къ которымъ такія измѣненія ведутъ.

Какъ бы то ни было, но изъ вышеприведенныхъ данныхъ мы ясно видимъ, что творческая дѣятельность во вселенной проявляется постоянно, и что эволюція послѣдней, по всей вѣроятности, безконечна.

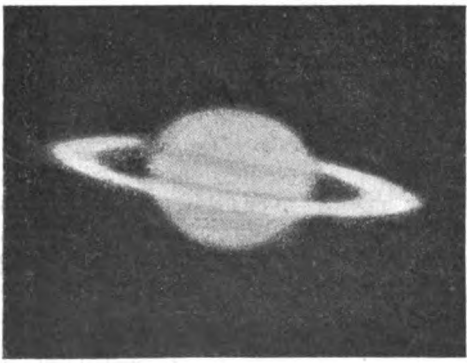


Рис. 12. Планета Сатурнъ.

Рис. 14. «Новая звѣзда» въ Персеѣ.

Digitized by Google

ВЪ РАЙ ИЛИ ВЪ АДЪ?

РАЗСКАЗЪ **Марка Твэна.**

I.

— Вы солгали?

— Да вы сами признались—положительно признались—вы сказали ложь.

II.

Семья состояла изъ четырехъ лицъ: Маргариты Листеръ, вдовы, тридцати шести лѣтъ; Елены Листеръ, ея дочери, шестнадцати лѣтъ; двухъ тетокъ Маргариты Листеръ, старыхъ дѣвицъ, Анны и Эсѳири Грей, шестидесяти-семи лѣтнихъ близнецовъ. Всѣ три старшихъ дамы проводили жизнь въ обожаніи младшей—въ наблюденіяхъ за отраженіемъ души ея въ зеркалѣ лица, въ обновленіи своихъ душъ путемъ общенія съ ея красотой и молодостью, въ наслажденіи звуками ея музыкальнаго голоса, въ благодарности судьбѣ за посланную имъ утѣху, въ постоянномъ страхѣ потерять послѣднюю.

По натурѣ, старушки-тетки были очень добры, снисходительны и привязчивы, но въ поддержаніи внѣшней нравственной дисциплины никакихъ компромиссовъ не допускали, что̀ придавало ихъ наружности строгій, чтобы не сказать болѣе, видъ. Вліяніе ихъ въ семьѣ было очень велико, такъ велико, что и мать и дочь безпрекословно, охотно, даже радостно подчинялись ихъ религіознымъ и нравственнымъ требованіямъ. Подчиненіе теткамъ стало для нихъ второй натурою, такъ что въ мирной жизни, которую вела вся семья, не встрѣчалось, что̀ называется, ни сучка, ни задоринки.

Ложь въ ней не имѣла мѣста—была немыслима. Всѣ говорили другъ другу только правду—желѣзную, абсолютную, неумолимую правду, что̀ бы изъ того ни вышло. И вдругъ, однажды, подъ давленіемъ обстоятельствъ, всеобщая утѣха загрязнила свои уста ложью и покаялась въ этомъ, сопровождая свое раскаяніе горючими слезами. Отчаяніе тетокъ было неописуемо. Казалось, небо надъ ними готово было разрушиться и земля разлетѣться въ прахъ. Блѣдныя и суровыя, сидѣли онѣ рядышкомъ, безмолвно глядя на виновную, стоявшую передъ ними на колѣнахъ, съ лицомъ, омоченнымъ слезами и прикрываемымъ то одной маленькой ручкой, то другою, то обѣими. Тщетно рыдала несчастная, стараясь поцѣловать руку то у одной тетки, то у другой—суровыя старушки не допускали ее до этого, какъ бы боясь прикосновенія загрязненныхъ ложью губокъ.

Тетя Эсѳирь дважды уже сказала ледянымъ тономъ:

— Вы солгали?

А тетя Анна дважды подтвердила слова своей сестры гнѣвнымъ восклицаніемъ:

— Да, вы сказали ложь! Вы сами въ этомъ признались, положительно признались!

Digitized by Google

Это все, что онѣ могли вымолвить. Положеніе было новое, неслыханное, невѣроятное; онѣ не знали, какъ имъ поступить и что предпринять.

Съ общаго совѣта рѣшено было, наконецъ, отвести виновную къ матери, которая была больна и лежала въ постели; надо же ей знать, что случилось. Елена просила, умоляла избавить ее отъ такого ужаснаго наказанія, избавить мать отъ лишняго горя, но всѣ ея старанія оказались тщетными: долгъ требовалъ этой жертвы, а долгъ слѣдовало исполнить во что бы то ни стало; съ долгомъ шутить нельзя; ничто не избавляетъ отъ исполненія долга.

Елена настаивала, говоря, что не желаетъ, чтобы мать страдала за ея грѣхи, но тетки упрямо держались за долгъ и утверждали, что если грѣхи родителей падаютъ, на дѣтей то было бы вполнѣ справедливо чтобы и, грѣхи дѣтей отзывались на родителяхъ, а потому ни въ чемъ невиновная мать должна получить свою долю печали и срама, падающихъ на виновную дочь.

Всѣ трое двинулись въ спальню больной.

А въ это время и докторъ спѣшилъ къ послѣдней, но онъ еще былъ далеко. Это былъ хорошій докторъ и добрый, сердечный человѣкъ; но приходилось потратить цѣлый годъ, чтобы преодолѣть инстинктивную къ нему ненависть, другой—чтобы научиться переносить его, третій—чтобы онъ сталъ нравиться и еще годъ или два—чтобы полюбить его. Воспитываться въ этомъ направленіи приходилось медленно и съ большимъ трудомъ, но въ концѣ концовъ дѣло того стоило. Высокій ростъ; львиная прическа и львиное лицо; грубый голосъ, похожій на рыканіе льва; глаза—иногда разбойничьи, иногда женскіе—смотря по настроенію. Ни о какомъ этикетѣ докторъ знать не хотѣлъ и не заботился рѣчью, манерами, экипажемъ, поведеніемъ онъ нарушалъ всякія приличія. Безгранично прямодушный, онъ имѣлъ собственныя мнѣнія обо всемъ и высказывалъ ихъ, не стѣсняясь сочувствіемъ слушателей. Кого онъ любилъ, такъ ужъ любилъ и прямо это показывалъ, а кого не любилъ, того ненавидѣлъ и тоже не скрывалъ своей ненависти, провозглашая ее чуть не съ крыши. Въ молодые годы онъ былъ морякомъ, и отъ него до сихъ поръ пахло соленымъ морскимъ воздухомъ. Будучи настоящимъ христіаниномъ, онъ считалъ себя единственнымъ въ странѣ представителемъ настоящаго христіанства, такимъ, въ которомъ здоровая вѣра не расходится со здоровымъ смысломъ. Люди, имѣвшіе въ немъ нужду и желавшіе угодить ему, звали его просто Христіаниномъ, съ большой буквы, и такое прозвище очень ему нравилось. Люди, дѣйствительно его любившіе, по чистой совѣсти звали его такимъ образомъ, а что касается враговъ, то они ядовито прибавляли къ слову христіанинъ слово единственный. Надо признаться, что послѣднее изъ этихъ прозвищъ было гораздо болѣе распространено, такъ какъ враговъ докторъ имѣлъ больше, чѣмъ друзей. Во что онъ вѣрилъ, въ то вѣрилъ всѣмъ сердцемъ и готовъ былъ драться за вѣру, если представлялся къ тому случай; а если случай долго не представлялся, то онъ самъ его придумывалъ. Онъ былъ человѣкъ строго добросовѣстный и жилъ согласно своимъ вполнѣ независимымъ взглядамъ, выполняя то, что считалъ долгомъ, какъ бы на это ни смотрѣли моралисты другихъ лагерей. На морѣ, въ молодые годы, докторъ ругался, какъ настоящій матросъ, но, разъ убѣдившись, что это дурно, онъ поставилъ себѣ за правило никогда не употреблять ругательствъ, за исключеніемъ тѣхъ рѣдкихъ оказій, при которыхъ самъ долгъ повелѣваетъ выругаться, и уже строго держался этого правила. На морѣ онъ сильно пилъ, но съ тѣхъ поръ, желая подавать примѣръ молодежи, превратился въ стойкаго тиготеллера и выпивалъ опять-таки только тогда, когда долгъ повелѣваетъ выпить—раза два, три въ годъ.

Такой человѣкъ, конечно, долженъ былъ быть нервнымъ, впечатлительнымъ, импульсивнымъ. Онъ не могъ или не хотѣлъ скрывать своихъ чувствъ. Душевное настроеніе всегда отчетливо отражалось на его лицѣ, и когда онъ входилъ въ комнату, то всѣ ясно видѣли, чего слѣдуетъ ожидать—дождя или хорошей погоды: если глаза его смотрѣли мягко, то все кругомъ какъ бы согрѣвалось, а если брови были нахмурены, то температура падала градусовъ на пятнадцать. Въ домахъ друзей онъ былъ желанный гость, хотя всѣ его боялись.

Къ семьѣ Листеровъ онъ питалъ нѣкоторую слабость, и члены ея платили ему взаимностью. Они, впрочемъ, сокрушались нѣсколько надъ его манерою понимать христіанство, а онъ, съ своей стороны, открыто

Digitized by Google

смѣялся надъ ихъ благочестіемъ, что̀ не мѣшало обѣимъ сторонамъ любить другъ друга.

Такъ вотъ такой-то человѣкъ и подходилъ къ дому, въ то время какъ обѣ тетки повели преступницу къ спальнѣ больной ея матери.

III.

Три только-что названныхъ особы остановились у постели; преступница тихо всхлипывала, а тетки сохраняли свой строгій видъ.

Мать повернула голову на подушкѣ; усталые глаза ея, встрѣтившись съ глазами дочери, зажглись материнской любовью и сочувствіемъ; она уже открыла свои объятія.

— Постойте! — произнесла тетя Анна, положивъ руку на плечо дѣвушки, готовой броситься въ эти открытыя объятія.

— Елена,—внушительно сказала другая тетка, — разскажите все своей матери; облегчите вашу душу; признайтесь во всемъ.

Несчастная, трепещущая, стоя между своими судьями, Елена прерывающимся голосомъ разсказала свою печальную повѣсть и, наконецъ, съ глубокимъ отчаяніемъ вскричала:

— О мама, неужели ты меня не простишь? Прости, прости меня, я такъ несчастна!

— Простить тебя, моя дѣвочка? Да Богъ съ тобой, если бы ты тысячу разъ солгала...

Послышался предостерегающій звукъ— легкое откашливаніе. Обѣ тетки сразу обернулись и вздрогнули — сзади нихъ стоялъ докторъ, на лицѣ котораго барометръ показывалъ «великую бурю». Мать и дочь его еще не видали, потому что слишкомъ были заняты другъ другомъ. Докторъ стоялъ, нѣсколько секундъ соображая, наблюдая сцену, анализируя ее, опредѣляя ея генезисъ, а затѣмъ поднялъ руку кверху и обратился къ теткамъ, стоявшимъ передъ нимъ въ видимомъ страхѣ.

— Не говорилъ ли я вамъ,—началъ онъ въ полголоса,— что больную не слѣдуетъ волновать? Что̀ это за адъ вы тутъ устроили? Прошу васъ удалиться!

Тетки повиновались. Полчаса спустя онъ вышелъ къ нимъ въ гостиную веселый, добрый, сіяющій, обнявъ Елену за талію, нѣжно подталкивая ее впередъ и, повидимому, разсказывая ей смѣшныя вещи. Елена тоже видимо успокоилась.

— Ну, прощайте, моя дорогая,—сказалъ докторъ; — ступайте въ свою комнату и не безпокойте мамашу. Стопъ! Покажите-ка языкъ! Ну, хорошо. Все обстоитъ благополучно. Ступайте себѣ! Онъ потрепалъ ее рукою по щечкѣ и прибавилъ:—Побѣгайте тамъ гдѣ-нибудь, мнѣ нужно потолковать съ вашими тетушками.

Елена ушла. Лицо доктора опять покрылось тучами, онъ сѣлъ на кресло и сказалъ:

— Вы, сударыни, надѣлали много бѣдъ... а между прочимъ и немножко добра. Да, пожалуй, что и поблагодарить васъ можно... У нея вѣдь тифъ! Вы, вашими безобразіями, заставили его рѣзче проявиться и этимъ оказали мнѣ услугу. Я до сихъ поръ еще не могъ опредѣлить, въ чемъ дѣло.

Обѣ тетки, какъ бы по уговору, вскочили, дрожа отъ страха.

— Стопъ! Садитесь, пожалуйста! Куда это вы собрались идти?

— Да вѣдь намъ нужно къ ней... Мы...

— Ну что̀ вы? Ничего вамъ не нужно дѣлать. Вы и такъ ужъ много глупостей сегодня надѣлали. Поберегите что-нибудь и на завтра. Садитесь, я вамъ говорю! Ей нужно заснуть, и если вы помѣшаете, то... я за себя не ручаюсь.

Видимо негодуя, но не смѣя протестовать, тетки сѣли. А докторъ продолжалъ:

— Вотъ потрудитесь-ка лучше объяснить мнѣ, въ чемъ дѣло. Онѣ тоже собрались было объяснить, но я не позволилъ. И такъ довольно поволновались. Я вѣдь запретилъ ее безпокоить, зачѣмъ же вы надѣлали эту бучу? Изъ-за чего?

Эсѳирь взглянула на Анну, Анна взглянула на Эсѳирь. Обѣимъ не хотѣлось играть роль громоотвода при грозѣ, которая, того гляди, начнется. Докторъ помогъ имъ выйдти изъ затрудненія.

— Ну, Эсѳирь, начинайте, — сказалъ онъ.

Потупивъ очи и перебирая пальцами оборку своей шали, Эсѳирь застѣнчиво начала:

— Мы бы не нарушали вашихъ приказаній изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ, но тутъ дѣло было слишкомъ серіозное. Нашъ долгъ былъ поступить такъ, какъ мы поступили, а передъ долгомъ всѣ остальныя соображенія отступаютъ. Мы были обязаны обличить ее передъ матерью... Она сказала ложь!

Digitized by Google

Докторъ съ минуту смотрѣлъ на говорившую, какъ бы стараясь понять значеніе ея словъ, затѣмъ вдругъ разразился слѣдующей громовой тирадой:

— Сказала ложь? Въ самомъ дѣлѣ? Ахъ, Боже ты мой, да я лгу по милліону разъ въ день! И такъ поступаетъ всякій докторъ! И такъ дѣлаютъ всѣ, не исключая васъ самихъ. Такъ въ этомъ-то состоитъ то серіозное дѣло, которое заставило васъ нарушить мои приказанія и ставить больную въ опасное положеніе! Сгупайте, Эсѳирь Грей, вы съ ума сошли! Дѣвочка не могла солгать во вредъ кому-нибудь. Это невозможно! Совершенно невозможно! Обѣ вы сами это прекрасно знаете.

На помощь сестрѣ выступила Анна.

— Эсѳирь вовсе не думала утверждать, что это была вредная ложь, но все-таки Елена солгала.

— Ей Богу, никогда такой чепухи не слыхивалъ! Да что́ вы не умѣете что ли отличать одну ложь отъ другой? Не знаете, что бываетъ ложь и во спасеніе?

— Всякая ложь есть смертный грѣхъ,— сказала Анна, сжавъ губы,—всякая ложь недозволительна.

«Единственный Христіанинъ» безпокойно заёрзалъ на креслѣ. Ему хотѣлось напасть на это положеніе, но къ нему трудно было подступиться. Наконецъ, докторъ сдѣлалъ легкую попытку:

— Да развѣ вы, Эсѳирь, не солгали бы, чтобы спасти кого-нибудь отъ незаслуженнаго оскорбленія или стыда?

— Нѣтъ, не солгала бы.

— Даже ради друга?

— И ради друга.

— Самаго дорогого друга?

— Самаго дорогого друга.

Докторъ опять заёрзалъ на креслѣ и затѣмъ спросилъ:

— Даже для того, чтобы спасти его отъ горя, нищеты и болѣзни?

— Ни даже для того, чтобы спасти его жизнь.

Пауза; затѣмъ:

— Ниже для того, чтобы спасти его душу?

Продолжительная пауза; сердца сильно бьются.

— Ниже для того, чтобы спасти его душу,—тихо, но рѣшительно произноситъ, наконецъ, Эсѳирь.

Долгое молчаніе.

— И вы тоже, Анна?

— И я тоже.

— Да почему же, наконецъ?

— Потому что лгать вообще грѣшно, и ложь погубила бы наши собственныя души... если бы мы, конечно, не успѣли покаяться передъ смертью.

— Странно... очень странно... невѣроятно,—пробормоталъ докторъ. Затѣмъ онъ прибавилъ грубымъ голосомъ:—Да есть ли на свѣтѣ такая душа, которая бы стоила спасенія?

Проговоривъ эти слова, онъ всталъ и ворча пошелъ къ двери, но на порогѣ остановился, обернулся назадъ и сказалъ:

— Перевоспитайтесь! Бросьте эти низкія, тупыя, себялюбивыя старанія спасти ваши дрянныя душонки; позаботьтесь лучше о томъ, чтобы придать имъ достоинства! Рискните вашими душами! Рискните ими ради добраго дѣла; если и погубите ихъ, то бѣда не велика! Перевоспитайтесь!

Добрыя старушки сидѣли оскорбленныя, парализованныя, превращенныя въ прахъ такими неслыханными богохульствами. Онѣ чувствовали, что не могутъ простить доктору его языческихъ мнѣній.

— Перевоспитайтесь! Научитесь лгать!— повторяли онѣ, въ глубокомъ негодованіи.

Время шло, однакожъ, и въ ихъ умѣ понемногу происходила перемѣна. Высшую обязанность человѣка—позаботиться о самомъ себѣ, онѣ выполнили въ точности, такъ что можно было перейти къ предметамъ менѣе важнымъ—къ заботамъ о ближнихъ. Это подѣйствовало на нихъ освѣжительно. Мысли старушекъ вернулись къ тяжелой болѣзни ихъ племянницы, и онѣ тотчасъ же забыли о только-что полученномъ ударѣ по себялюбію и привычнымъ религіознымъ убѣжденіямъ. Имъ тотчасъ же захотѣлось помочь больной, утѣшить ее своей любовью, служить ей, работать для нея своими слабыми, старческими руками и вообще пожертвовать собою въ ея пользу.

— И мы ее выходимъ,—сказала Эсѳирь со слезами на глазахъ;—такихъ сидѣлокъ, какъ мы, она не найдетъ. Богъ видитъ, что мы готовы ходить за ней до самой смерти.

— Аминь,—произнесла Анна, улыбаясь сквозь слезы, невидныя за очками.

— Докторъ насъ знаетъ. Онъ знаетъ, что мы впередъ уже не нарушимъ его приказа-

Digitized by Google

ній. Онъ не пришлетъ другихъ сидѣлокъ—не посмѣетъ!

— Не посмѣетъ? — гнѣвно подхватила Эсѳирь,—этотъ дьяволъ въ образѣ Христіанина все посмѣетъ! Только я бы ему теперь этого не посовѣтовала! Да и вообще, Анна, онъ вѣдь все-таки знающій и добрый человѣкъ... Онъ этого не сдѣлаетъ. Не пора ли намъ, однако же, пойти къ больной? Что это онъ до сихъ поръ не выходитъ?

Въ эту минуту послышались приближавшіеся шаги доктора. Войдя въ гостиную, онъ сѣлъ и началъ говорить.

— Маргарита очень слаба—сказалъ онъ. Она еще спитъ, но скоро проснется. Тогда кому-нибудь изъ васъ нужно пойти къ ней. Ей теперь будетъ хуже; придется сидѣть около нея день и ночь. Выдержите ли вы это?

— Все выдержимъ! — воскликнули обѣ старушки.

Глаза доктора блеснули, и онъ горячо заговорилъ.

— Вы, у меня, молодцы, старыя мощи! Вы вѣдь въ самомъ дѣлѣ будете такими сидѣлками, какихъ здѣсь и не найти. А только у васъ вѣдь силъ не хватитъ; нельзя вамъ позволять затягиваться.

Такая похвала, отъ такого человѣка, окончательно загладила гнѣвъ противъ него, таившійся еще въ сердцахъ старыхъ дѣвъ.

— Ваша Тилли и моя старая Ненси будутъ помогать вамъ. Обѣ онѣ прекрасныя сидѣлки—чистыя души и грязныя руки, при нѣжныхъ, любящихъ сердцахъ. Какъ разъ настоящія сидѣлки!.. При томъ завзятыя лгуньи обѣ... А вы, смотрите, и о Еленѣ позаботьтесь—она и такъ несовсѣмъ здорова, да, пожалуй, еще больше расхворается.

Старушки удивленно и недовѣрчиво взглянули на доктора.

— Какъ такъ? — сказала Эсѳирь, — да вѣдь вы только-что сказали, что она совсѣмъ здорова.

— Это я солгалъ.

— Какъ вы можете такъ покойно говорить о томъ, къ чему мы относимся... съ негодованіемъ,—начала было Анна.

— Тише!—прервалъ ее докторъ,—вы обѣ не понимаете и не знаете, о чемъ я говорю. Вы, какъ и всѣ прочіе нравственные кроты, сами лжете съ утра до ночи; но такъ какъ вы лжете не языкомъ, а глазами, жестами, поддѣльнымъ энтузіазмомъ, то вы и поднимаете кверху ваши благочестивые носы, и парадируете передъ Господомъ своей незапятнанной святостью, въ которой можно заморозить палецъ, если до нея прикоснуться! Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что лгать можно только на словахъ? Какая разница между лганьемъ глазами и языкомъ? Никакой! Подумайте немножко, и вы сами въ этомъ сознаетесь. Нѣтъ ни одного человѣка, который не лгалъ бы ежеминутно. А вы такъ и другъ другу постоянно лжете. Чего же вы приходите въ лицемѣрный ужасъ по поводу того, что я сказалъ невинную ложь единственно для того, чтобы избавить бѣдную дѣвочку отъ ея собственнаго воображенія, благодаря которому она бы черезъ часъ была уже въ лихорадкѣ, если бъ я это допустилъ, что и сдѣлалъ бы несомнѣнно, когда бы, подобно вамъ, заботился о спасеніи своей души такими неподходящими средствами. Ну, подумаемте вмѣстѣ, обсудимъ подробности. Какъ бы вы поступили тамъ, въ комнатѣ больной, если бъ знали, что я сейчасъ войду?

— То-есть... какъ?

— Ну, да вѣдь вы же бы сейчасъ улетучились и Елену увели бы съ собой; не такъ ли?

Старухи молчали.

— Почему бы вы такъ поступили?

Молчаніе.

— Потому что захотѣли бы скрыть отъ меня свое нелѣпое поведеніе, заставить меня повѣрить, что волненіе Маргариты произошло отъ неизвѣстной вамъ причины. Однимъ словомъ, вы бы вѣдь мнѣ солгали—солгали молча. И это была бы вредная ложь.

Старухи покраснѣли, не ни сказали ни слова.

— Да вы не только молча лжете на всякомъ шагу, но лжете и языкомъ.

— Ну, ужъ это нѣтъ!

— А я вамъ говорю, что да. Вы только лжете безвредно. Вамъ и въ голову не придетъ солгать съ злымъ намѣреніемъ. Знаете ли вы, что это съ вашей стороны заразъ и признаніе и покаяніе?

— Какъ это такъ?

— Это есть безсознательное признаніе, что безвредная ложь простительна, и покаяніе въ томъ, что вы, понимая различіе между разными родами лжи, сами къ ней прибѣгаете. Вы, напримѣръ, на прошлой недѣлѣ отклонили приглашеніе мистрессъ Фостеръ, чтобы не встрѣтиться за ужиномъ съ этими противными Хигби, а между тѣмъ написали очень вѣжливую записочку, въ которой от-

Digitized by Google

говаривались недосугомъ. Вѣдь это же ложь, самая патентованная ложь. Попробуйте не признаться, Эсѳирь, и опять солжете.

Эсѳирь кивнула головою.

— Нѣтъ, этого мало! Отвѣчайте какъ слѣдуетъ: солгали вы или не солгали?

— Солгали,—принуждены были сознаться старушки, хотя признаніе это было сдѣлано ими не безъ большой борьбы съ собою.

— Ну, вотъ и прекрасно; начинаете перевоспитываться; есть надежда, что и совсѣмъ исправитесь. Вы не солжете для того, чтобы спасти душу вашего ближайшаго друга, а между тѣмъ солгали для того, чтобы спасти себя отъ неудовольствія сказать людямъ непріятную правду.

Онъ всталъ. Эсѳирь, за себя и за сестру, отвѣтила ему холоднымъ тономъ:

— Да, мы солгали; теперь мы это видимъ. Но больше ничего подобнаго никогда не случится. Лгать — великій грѣхъ. Мы никогда впередъ не солжемъ даже изъ вѣжливости или благожелательства—для того, чтобы спасти кого-нибудь отъ горя, самимъ Богомъ ему посланнаго.

— Охъ, какъ скоро вы измѣните данному слову! Да вы ему уже измѣнили. Самое это обѣщаніе есть ложь. Прощайте! Перевоспитывайтесь! А теперь кому-нибудь изъ васъ пора идти къ больной.

IV.

Двѣнадцать дней спустя.

Какъ мать, такъ и дочь боролись съ ужасной болѣзнью. Для каждой изъ нихъ было мало надежды поправиться. Старухи-тетки, блѣдныя и измученныя, едва таскали ноги, но никому не хотѣли уступить свой постъ. Сердца ихъ были разбиты, но внѣшность попрежнему строга и непоколебима. Всѣ двѣнадцать дней мать и дочь стремились другъ къ другу, но стремленіе это не было удовлетворено. Когда матери сказали, что она больна тифомъ, то она очень испугалась за Елену, которая могла заразиться, во время разбирательства, происходившаго за день передъ тѣмъ. Эсѳирь отвѣтила, что докторъ этого не думаетъ. Трудно ей было сказать такую ложь, но она оправдывала себя тѣмъ, что не вѣритъ доктору. Увидавъ, однако же, радость матери, она себя и совсѣмъ простила, хотя тотчасъ же устыдилась легкаго отношенія къ смертному грѣху. Съ этой минуты больную стали увѣрять, что дочь ея, во избѣжаніе зараженія, удалена изъ дома, что̀ очень ее успокоило, такъ какъ она соглашалась скорѣе умереть, чѣмъ подвергнуть опасности жизнь дочери. А между тѣмъ послѣдняя въ тотъ же вечеръ слегла. На утро ей стало хуже.

Когда утромъ мать спросила объ ея здоровьѣ, то у Эсѳири даже ноги подкосились, и слова застряли въ горлѣ.

— Боже мой! Что̀ такое? Ужъ не заболѣла ли она!—воскликнула несчастная мать, замѣтивъ колебаніе своей тетки.

Тогда Эсѳирь, скрѣпя сердце, отвѣтила:

— Нѣтъ, будь покойна, она вполнѣ здорова.

— Слава Богу!—воскликнула больная,—поцѣлуй меня, тетя, какъ я тебѣ благодарна за эти слова!

Эсѳирь передала свой разговоръ съ больною Аннѣ. Эта послѣдняя надулась и холодно замѣтила:

— Однако, сестрица, это была ложь съ вашей стороны.

— О Анна, я знаю, что это грѣхъ,—отвѣчала Эсѳирь, подавляя рыданіе,—но что̀ же мнѣ было дѣлать? Если бъ ты видѣла, какая она жалкая!

— Что̀ жъ изъ этого? Все-таки ты солгала, и Богъ спроситъ у тебя отчета въ твоемъ грѣхѣ.

— Знаю, знаю!—вскричала Эсѳирь, ломая руки,—но если бъ Онъ даже сдѣлалъ это сію минуту, такъ и тогда бы я поступила точно такъ же, я и опять такъ поступлю.

— Такъ ступай вмѣсто меня къ Еленѣ, а я ужъ сумѣю отвѣтить.

— Что̀ ты, Анна, да ты ее убьешь! Ради Бога не говори ничего!—сказала Эсѳирь, схвативъ сестру за руку.

— По крайней мѣрѣ, я скажу правду.

Когда, къ вечеру, сестры опять сошлись, то Эсѳирь, дрожа отъ страха, спросила:

— Ну что̀ жъ? Какъ это на нее, бѣдняжку, подѣйствовало?

Но Анна, со слезами на глазахъ, отвѣтила:

— Да простить меня Богъ, но я ей сказала, что дѣвочка здорова.

Сестры обнялись и расплакались, а затѣмъ, узнавъ границы своихъ силъ, безропотно подчинились судьбѣ. Днемъ лгали, а по вечерамъ молились и каялись, но не прося прощенія, котораго, чувствовали, что

Digitized by Google

не заслуживаютъ, а только выставляя на видъ свою грѣховность и даже не пробуя оправдать ее.

Ежедневно онѣ расписывали передъ матерью красоту и здоровье ея дочери, которой день ото дня становилось хуже. Ежедневно ихъ мучила совѣсть при видѣ радости, выказываемой больною.

Въ первое время, когда Елена могла еще держать карандашъ, она ежедневно писала матери нѣжныя и веселыя письма, скрывая отъ нея свою болѣзнь, а мать, проливая счастливыя слезы, перечитывала эти письма, цѣловала ихъ и складывала подъ подушку.

Затѣмъ наступилъ день, когда голова и руки измѣнили несчастной дѣвочкѣ, когда начался у нея бредъ, не прекращавшійся даже и наяву. Письма къ матери прекратились. Что̀ было дѣлать старымъ теткамъ? Эсѳирь начала было какое-то запутанное объясненіе, но сбилась и умолкла. Въ сердце матери стало закрадываться сомнѣніе. Тогда Эсѳирь, замѣтивъ это, прибѣгла къ героическому средству — ко лжи, которую никакъ и ничѣмъ оправдать было нельзя, до такой степени она граничила съ нахальствомъ.

— Я думала, что тебя это обезпокоитъ, и потому не хотѣла говорить,— произнесла она тономъ, просящимъ прощенія,—но Елена ночуетъ сегодня у Слоановъ. Тамъ маленькая вечеринка, и дѣвочка не хотѣла было идти изъ-за того, что ты больна, но мы ее уговорили: человѣкъ молодой, нельзя же ей не повеселиться. Мы думали, что и ты ничего не будешь имѣть противъ. Какъ вернется, такъ, должно быть, и напишетъ.

— Какъ вы добры и заботливы, тетушка! Не буду имѣть ничего противъ! Да, я вамъ отъ всей души благодарна! Бѣдная моя дѣвочка! Скажите ей, что я не хотѣла бы лишить ее ни минутки веселья. Только была бы здорова! Берегите ее, ради Бога; это все, чего я прошу. Какъ хорошо, что она не заразилась! А вѣдь близко къ тому было, тетя Эсѳирь. Я не могла бы вынести мысли о томъ, что она тоже больна! Берегите ее, тетя! Я точно вижу теперь ея ясные, голубые глазки. Что̀ она попрежнему хороша?

— О, лучше, чѣмъ когда-либо,—отвѣчала Эсѳирь, отворачиваясь и копаясь въ стклянночкахъ съ лѣкарствами, чтобы скрыть свое горе и стыдъ.

V.

Спустя немного времени, обѣ тетки прилежно работали въ комнатѣ Елены. Онѣ старались поддѣлать требуемую записочку, но это имъ долго не удавалось: иногда слезы портили бумагу, а иногда какое-нибудь неправильно написанное слово заставляло рвать ее. Но, наконецъ, Анна добилась таки чего-то похожаго на почеркъ Елены, а что̀ касается слога, то сестры его давно изучили.

Будучи передана матери, записочка эта произвела большой эффектъ. Больная покрывала ее поцѣлуями и перечитывала по нѣскольку разъ, особенно слѣдующее мѣсто:

«Мамочка дорогая, если бъ мнѣ только хоть взглянуть на тебя! Я рада, что мои этюды на фортепіано тебя не безпокоятъ. Выздоравливай поскорѣе. За мной всѣ ухаживаютъ, но безъ тебя я все же одинока, дорогая мамочка».

— Дѣвочка моя милая! Я вполнѣ ее понимаю. Конечно, она не можетъ быть счастлива безъ меня, какъ и я безъ нея. Скажите ей, что она можетъ играть сколько угодно; я вѣдь не слышу отсюда не только фортепіано, но даже и ея голоса. А какъ бы хотѣлось! И подумать только, что когда-нибудь этотъ голосъ тоже замолчитъ!.. О чемъ вы плачете?

— Да отъ одного воспоминанія... Когда я уходила, такъ она пѣла «Лохъ-Ломондъ»; вы знаете, какая это трагическая вещь. Я всегда плачу, когда ее слышу.

— Да и я тоже; особенно, когда смыслъ пѣсни совпадаетъ съ настроеніемъ дѣвочки, съ какою-нибудь ея молодою грустью... Тетя Анна!

— Что̀, моя дорогая?

— Я вѣдь очень плоха. Мнѣ, пожалуй, ужъ не придется услышать этотъ милый голосъ...

— Ахъ, не надо, ради Бога, не надо, Маргарита! Я не могу вынести этого.

Больная была глубоко растрогана.

— Ну, хоть позволь обнять себя, тетя,— сказала она,—да не плачь. Мнѣ самой хотѣлось бы пожить; да я и буду, если смогу... Ахъ, что̀ она безъ меня будетъ дѣлать!.. Что̀ она часто говоритъ обо мнѣ? Должно быть, часто.

— Да безпрестанно почти. Только и говоритъ что о тебѣ.

Digitized by Google

— Милая дѣточка! Что̀ жъ она какъ вернулась, такъ и сѣла писать письмо?

— Тотчасъ же. Не успѣла даже перемѣнить платья.

— Да, ужъ я знаю ее! Она вѣдь очень импульсивна и нетерпѣлива. Я и безъ вопросовъ знаю, а все-таки хочется слышать подтвержденіе. Жена знаетъ, что она любима, а все же нужно, чтобы мужъ повторялъ ей это почаще. Слышать пріятно... На этотъ разъ она перомъ написала. Это, конечно, лучше... карандашъ сотрется, а чернила—нѣтъ. Это вы ей посовѣтовали писать чернилами?

— Я... и-нѣтъ, это ей самой пришло въ голову.

— Я такъ и думала. Она вѣдь очень догадлива и заботлива... Тетя Анна!

— Что̀?

— Подите и скажите ей, что я только о ней и думаю... что я ее обожаю... Что̀ жъ, вы опять заплакали? Не горюйте обо мнѣ; бояться еще, кажется, нечего.

Печальная посланница добросовѣстно передала слова матери, но дѣвочка уже ничего не понимала и отвѣчала безсвязнымъ бредомъ. Тетѣ Аннѣ пришлось поблагодарить Бога за то, что несчастная мать ничего этого не видитъ и не слышитъ.

VI.

Еленѣ съ каждымъ днемъ становилось хуже, и съ каждымъ днемъ она приближалась къ могилѣ, а старыя сидѣлки ежедневно описывали ея красоту и цвѣтущее здоровье несчастной матери, которая тоже медленно умирала. Ежедневно онѣ составляли поддѣльныя письма отъ Елены къ Маргаритѣ и плакали горькими слезами при видѣ радости послѣдней и той цѣны, которую она придавала даже бумагѣ, побывавшей въ рукахъ ея дочери.

Наконецъ, явился тотъ утѣшитель, который каждаго изъ насъ, рано или поздно, избавитъ отъ всѣхъ болѣзней, печалей и воздыханія. Умирающая дѣвочка лежала, раскинувшись на кровати. Глаза ея были закрыты, и только рубашка, слегка поднимавшаяся на груди при всякомъ вздохѣ, показывала, что жизнь еще теплится въ жалкомъ, исхудаломъ тѣльцѣ. Тишина стоитъ жуткая; свѣчи горятъ тускло при начинающемся свѣтѣ утренней зари. Старая сидѣлка безмолвно плачетъ, сознавая, что не ей бы слѣдовало быть тутъ въ эту торжественную минуту, что изъ объятій родной матери смерть должна бы похитить душу дочери...

Наконецъ, Елена вздрогнула. Руки ея, до тѣхъ поръ покойно протянутыя вдоль тѣла, поднялись и стали какъ бы искать чего-то вокругъ. Тетя Эсѳирь поняла, что наступаетъ конецъ, и, съ громкими рыданіями, бросилась къ дѣвочкѣ, восклицая:

— О дятя мое, дорогое дитя!

Принявъ ее, очевидно, за свою мать, умирающая тихо проговорила:

— Ахъ, мама, я такъ счастлива; мнѣ такъ давно хотѣлось къ тебѣ. Теперь можно и умереть.

Два часа спустя, Эсѳирь сидѣла около Маргариты.

— Ну, что̀, какъ дѣвочка?—спросила послѣдняя.

— Ничего; прыгаетъ попрежнему.

VII.

Пучекъ бѣлаго съ чернымъ крепа, развѣваясь у дверей дома, разсказываетъ печальную новость сосѣдямъ. Къ полудню всѣ приготовленія уже кончены, и посреди комнаты стоялъ гробъ съ останками безвременно погибшей дѣвушки, прекрасное лицо которой дышало покоемъ и радостью. Около гроба сидѣли двѣ старухи — тетя Анна и черная служанка Тилли. Вскорѣ явилась Эсѳирь.

— Маргарита ждетъ письма, — сказала она.

Сестры объ этомъ не подумали. Имъ казалось, что трогательный обманъ долженъ почему-то теперь кончиться. Нѣкоторое время онѣ молча смотрѣли другъ на друга, наконецъ, Анна сказала:

— Нечего дѣлать — надо опять писать, иначе она догадается.

— Непремѣнно догадается.

— И это ее убьетъ. Взглянувъ на лицо мертвой дѣвочки, Анна добавила:—Я сейчасъ напишу.

Въ заключительныхъ строкахъ письма было сказано:

«Дорогая мамочка, говорятъ, мы скоро опять будемъ вмѣстѣ? Вотъ хорошо-то! Я жду, не дождусь!»

Прочитавъ это письмо, мать заплакала и сказала:

— Бѣдная дѣточка! Какъ-то она перенесетъ, когда узнаетъ! Какъ подумаешь — ни-

Digitized by Google

когда-то я ее больше не увижу... Ничего она не подозрѣваетъ?

— Она думаетъ, что ты скоро поправишься.

— Какъ вы добры и заботливы, тетя Эсѳирь! А не заразится она?

— Да черезъ кого же?

— Но вы вѣдь видитесь съ нею?

— Изъ другой комнаты.

— Вотъ это хорошо. Кромѣ васъ двухъ ни на кого вѣдь и положиться нельзя—всѣ будутъ обманывать да лгать, а вы то—чистые ангелы.

Эсѳирь молча отвернулась.

— Дайте я васъ поцѣлую, тетя Эсѳирь, а когда я умру и всякая опасность пройдетъ, то передайте этотъ поцѣлуй дѣвочкѣ, скажите, что мать ей его посылаетъ вмѣстѣ съ своимъ послѣднимъ благословеніемъ.

Черезъ часъ, рыдающая Эсѳирь передала этотъ прощальный поцѣлуй по принадлежности.

VIII.

Прошелъ еще день, и тетя Анна опять принесла радостныя извѣстія умирающей матери. Ничего не подозрѣвавшая дѣвочка вновь выражала свое удовольствіе по поводу скораго свиданія съ матерью.

Еще не кончила послѣдняя читать письмо дочери, какъ послышался глухой звонъ колокола.

— Тетя Анна, это вѣдь по покойнику. Умеръ, должно быть, кто-то. Вотъ и по мнѣ скоро зазвонятъ... Вы не дадите ей забыть меня?

— Боже сохрани!

— А вы не слышите, тетя, какой-то странный шумъ? Точно шарканье ногами множества людей?

— Мы думали, что ты не услышишь, моя дорогая... Это... видишь ли... кое-кто пришелъ навѣстить нашу дѣвочку, чтобы ей не было скучно... Кажется, хотятъ поиграть и попѣть. Она такъ это любитъ. Мы думали, что тебя это не побезпокоитъ.

— Ну, конечно, нѣтъ! Пусть она, бѣдняжка, повеселится. И Слоаны тутъ?

— Да и Слоаны.

Послѣ небольшой паузы.

— Даже очень пріятно... Это ея органъ, кажется? Какъ вы думаете — это она сама играетъ? — Глухіе звуки органа едва долетали до слуха умирающей. — Да, конечно, она. Узнаю ея игру... А вотъ теперь запѣли... Да, это псаломъ! И еще самый трогательный... Точно двери рая открываются передо мною... Вотъ бы теперь умереть....

И желаніе это исполнилось — съ послѣдними звуками органа, провожавшими изъ міра скорбей одну душу, отлетѣла и другая душа.... Теперь обѣ онѣ, раздѣленныя при жизни, соединились передъ престоломъ Всевышняго...

— Какъ хорошо, что она ничего не знала,—говорили сестры послѣ двойныхъ похоронъ.

IX.

Въ полночь, когда онѣ сидѣли, оплакивая свою потерю, явился ангелъ Божій, окруженный небеснымъ сіяніемъ, и сказалъ:

— Участь лжецовъ рѣшена. Да идутъ они въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его. Кайтесь!

Грѣшницы упали передъ ангеломъ на колѣна, склонивъ свои сѣдыя головы, но не могли произнести ни слова.

— Говорите, чтобъ я могъ слышать ваше раскаяніе и принести вамъ окончательный приговоръ, ему же нѣтъ измѣненія.

Грѣшницы поникли головами еще ниже и сказали:

— Великъ нашъ грѣхъ и не заслуживаетъ прощенія. Мы лишь бѣдныя, слабыя созданія, переполненныя недостатками, общими всему человѣчеству. Нѣтъ крѣпости въ душахъ нашихъ. Если простить насъ, то мы опять согрѣшимъ. Пусть будутъ спасены крѣпкіе, а наша доля—погибнуть.

Выслушавъ эти слова, ангелъ улетѣлъ, но пока старушки плакали, стоя на колѣнахъ, онъ вновь явился и, склонившись надъ ними, прошепталъ имъ окончательный приговоръ Предвѣчнаго.

X.

Каковъ же былъ этотъ приговоръ — въ рай или въ адъ?

Digitized by Google

Ферма близъ Стинкфонтейна (въ стѣнахъ видны слѣды пуль).

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ.

генерала Х. Р. де-Ветъ.

(ВОСПОМИНАНІЯ О ТРЕХЛѢТНЕЙ ВОЙНѢ БУРОВЪ СЪ АНГЛИЧАНАМИ).

Въ переводѣ **Льва Жданова** [1]).

(Съ портретомъ де-Вета и иллюстраціями).

ОТЪ АВТОРА.

Вмѣсто введенія къ незначительному этому труду моему, къ этой книгѣ, озаглавленной мною по-голландски—«Борьба буровъ съ британцами», я долженъ, дорогой мой читатель, сдѣлать одно лишь, очень немногословное замѣчаніе:

— Я никогда не былъ писателемъ...

Но я при этомъ ясно сознавалъ, какъ по праву захватили весь образованный міръ различныя событія неслыханной борьбы маленькаго нашего народа, возставшаго за волю и вольность, за свою родину противъ могучаго врага.

Я сознавалъ, что нравственно обязанъ даже огласить все, пережитое лично мною въ этой войнѣ. Обязанъ и въ настоящемъ, и въ будущемъ, для потомства, сохранить слѣды пережитого, важнаго не для одного лишь

---

[1]) Чтобы читателю легче было разобраться въ своеобразныхъ голландскихъ названіяхъ, которыя встрѣчаются въ книгѣ генерала де-Вета и касаются топографіи края, привожу здѣсь небольшую справку, нѣчто въ родѣ «толковаго словаря».

Ванкъ — холмъ среди равнины, своими прямыми боками и ровной вершиной напоминающій простую скамью.

Времена года—въ Южной Африкѣ чередуются совсѣмъ не въ тѣ сроки, что въ Европѣ. Зима длится съ мая по октябрь. Хотя и въ эти зимніе дни жара днемъ достигаетъ 30-ти градусовъ по Цельзію, но зато ночью наступаетъ такой холодъ, что вода покрывается тонкимъ слоемъ льду.

Дрифтъ—бродъ на рѣкѣ. Существуютъ почти на каждой рѣкѣ, какъ пѣшеходные, такъ и для повозокъ.

Кафрское жито--особый сортъ маисоваго зерна.

Digitized by Google

населенія нашей Южной Африки, но и для цѣлаго міра.

И не только я самъ такъ думалъ, но меня побуждали приступить къ дѣлу достойнѣйшіе изъ людей моего народа, многіе почтенные представители иныхъ народовъ и даже многіе изъ англійскихъ вождей.

Въ одно лишь вѣрю, въ одномъ убѣжденъ я, дорогой читатель: при чтеніи моей книги ни на единый мигъ ты не будешь введенъ въ заблужденіе, не испытаешь разочарованія потомъ. У меня нѣтъ наклонности рисовать преувеличенными чертами все происходившее, подобно многимъ инымъ лѣтописцамъ. Они порой создаютъ картины при помощи воображенія, раздуваютъ все и кое-какъ собираютъ воедино, лишь бы вышла книга позанятнѣе и принесла имъ побольше выгоды и славы.

Я отъ всего подобнаго слишкомъ далекъ.

При появленіи этой книги, конечно, очень плохо написанной, я задался единой только цѣлью—представить міру такую картину бурской войны, которая, если и не заключаетъ въ себѣ всей правды о событіи, то, на крайней мѣрѣ, говоритъ только одну сущую правду!..

Мои воспоминанія написаны были мною по-голландски и за переводы на другіе языки отвѣтственности я на себя не беру.

Х. Р. де-Ветъ.

I.

Я вступаю въ отрядъ простымъ ратникомъ. Моддерспрюитъ.

Раньше чѣмъ приступить къ пересказу всѣхъ горестныхъ событій, въ которыхъ я принималъ непосредственное участіе во все время этой долгой борьбы, исходомъ которой явилась гибель нашей свободы, позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о нашихъ порядкахъ и законахъ, согласно которымъ совершалась вербовка согражданъ-ратниковъ въ Оранжевой республикѣ.

Законъ гласитъ, что каждый гражданинъ, начиная съ 16-ти и до 60-ти лѣтъ, долженъ быть готовъ въ каждую данную минуту выступить на защиту родины противъ врага.

Чуть раздался призывъ на войну, и каждый долженъ изготовиться, запастись лошадью подъ сѣдломъ, взять ружье съ 30-ю полными зарядами и какой-нибудь провизіи въ такомъ количествѣ, чтобы ея хватило на восемь дней.

30 готовыхъ зарядовъ можно замѣнить 30-ю патронами, столькими же пулями и соотвѣтствующимъ количествомъ пороху, чтобы можно было потомъ самому снарядить необходимый запасъ зарядовъ.

Что̀ касается жизненныхъ припасовъ, законъ не говоритъ: что̀ именно запасать, и

Копъ—круглая, островерхая гора.

Копье—круглая острая горная вершинка.

Краалъ—деревня. Кафрскіе краали—тѣсно скучившіяся вмѣстѣ, каменныя хижины, напоминающія собою саклю. Краалемъ также называютъ ограду, плетеныя стойла для скота. Впослѣдствіи «краалями» буры называли и тѣ блокгаузы-западни, которые были настроены англичанами, чтобы окружить и изловить де-Вета.

Крансъ—отвѣсная скала.

Миля—вездѣ понимается англійская.

Нэкъ—сѣдлообразная, закругленная сверху, возвышенность, обыкновенно соединяющая двѣ горныхъ вершины.

Панъ—круглая выемка въ землѣ, гдѣ въ пору дождей собирается запасъ воды.

Зуитъ-панъ—такое же углубленіе, гдѣ послѣ высыханія воды образуется на днѣ соляная кора изъ соли, выступившей сквозь почву.

Рандъ—плоскогоріе съ отлогими склонами, тянущееся на нѣсколько верстъ въ длину.

Рандье—такое же плоскогоріе, но покороче и пониже.

Спрюитъ—ручей, русло котораго наполняется водой обыкновенно лишь въ пору дождей.

Тамми—насмѣшливое прозвище англійскихъ солдатъ, принятое и въ Англіи.

Различное правописаніе названій одной и той же мѣстности встрѣчается и въ оригиналѣ де-Вета, въ голландской рукописи.

Дружина—(команда) въ началѣ войны состояла изъ 200 и больше, даже—до 1,500 вооруженныхъ человѣкъ. Подъ конецъ борьбы въ дружинѣ едва насчитывалось 40—60 ратниковъ.

Л. Ж.

Digitized by Google

въ какомъ количествѣ. Но по обычаю, установленному давно, запасы эти состоятъ изъ хлѣба, сосисокъ и, главнымъ образомъ, изъ сушенаго мяса, разрѣзаннаго ломтями и приправленнаго перцемъ и солью.

Въ сентябрѣ 1899 года получили мы приказъ: въ самый короткій срокъ изготовиться къ выступленію въ сборныя мѣста.

Немного дней спустя, 20-го октября, въ Оранжевой республикѣ былъ обнародованъ указъ о созывѣ дружинъ, и выполненіе указа было возложено на всѣхъ фельдкорнетовъ.

Повинуясь закону страны, какъ рядовой гражданинъ, выступилъ и я на войну, вмѣстѣ съ тремя моими сыновьями: Котье, Исаакомъ и Христіаномъ.

Числился я при бургѣ (участкѣ) Кром-Элленбоогъ, что въ Гейльбронскомъ округѣ. Для меня и всѣхъ остальныхъ моихъ согражданъ сборное мѣсто назначено было въ Эллансаагтэ, куда мы двинулись подъ начальствомъ фельдкорнета Мартина Эльса.

Здѣсь изъ насъ былъ образованъ отрядъ подъ начальствомъ Луки Стенекампа. Именно сюда, въ Элленсаагтэ, и пришелъ къ намъ приказъ: соединиться съ ратниками изъ Вредэ, Гаррисмита, Виѳлеема, Кронстата и Винбурга и двинуться дальше, къ границамъ Наталя, безъ малѣйшихъ остановокъ на пути.

Соединились мы всѣ въ Гаррисмитѣ. И на это ушло какъ разъ восемь дней, во время которыхъ ратники отрядовъ обязаны были сами заботиться о своемъ прокормленіи.

Затѣмъ заботиться объ отрядахъ (командахъ) стало государство,и началась наша лагерная, бивуачная жизнь.

Полагаю, читателю небезынтересно будетъ слегка ознакомиться съ ея распорядками и обычаями.

Не говоря, конечно, о сахарѣ, кофе, мукѣ и другихъ продуктахъ, выдаваемыхъ по вѣсу, требовалось, чтобы и все остальное дѣлилось поровну между ратниками въ каждой дружинѣ, какъ это дѣлалось въ полкахъ у англичанъ.

Но, прежде всего, мясо мы получали сырыми кусками. Намъ самимъ предоставлялось варить и готовить его по своему собственному вкусу.

Самыя порціи говядины, выдаваемыя намъ, далеко не были одинаковы по величинѣ и по качеству своему.

Очень и очень нелегко было дежурному, случайному «капралу-мяснику» подѣлить порціоны хотя бы приблизительно поровну.

Животное, обыкновенно, убитое на ходу, тутъ же свѣжевалось. Рознявъ его на части, эти, облитые дымящейся кровью, куски прямо на землѣ разрубались и рѣзались на столько порцій, сколько находилось въ отрядѣ человѣкъ.

Затѣмъ тотъ, кто дѣлилъ, становился спиной къ бурамъ — лицомъ къ готовымъ порціямъ говядины. Люди вызывались въ разбивку, по именамъ, и дѣлившій, не глядя, на угадъ, подавалъ подошедшему очередной кусокъ. Тотъ бралъ и отходилъ, уступая мѣсто другому.

Какъ всѣ ни старались, по возможности, рѣзать одинаковые куски, все-таки подобный дѣлежъ вызывалъ неудовольствіе у многихъ.

Адскимъ терпѣніемъ приходилось вооружаться тому изъ нашихъ соратниковъ, кто обязанъ былъ производить дѣлежъ,—чтобы не выйти изъ себя отъ несправедливыхъ укоровъ и нареканій.

Случалось, иные даже уклонялись, избѣгали принимать на себя такую трудную и неблагодарную обязанность.

Но въ виду всякихъ, грозившихъ намъ опасностей, въ виду тяжелой, важной задачи, возложенной на насъ, быстро выработалась привычка: въ одно ухо впускать, а въ другое выпускать, какъ это говорится, всѣ непріятныя замѣчанія со стороны.

Наши придирчивые сотоварищи скоро сами сознавали свою ошибку.

Во всякомъ случаѣ, этотъ способъ дѣлить мясные раціоны служилъ намъ первымъ урокомъ самоотреченія и терпимости,—такихъ качествъ, которыя, увы! вскорѣ намъ оказались слишкомъ необходимы!

Получивъ мясо, каждый готовилъ его по-своему. Больше всего дѣлали такъ: брали вертелъ, смастеривъ его изъ куска проволоки или изъ простой вѣтви, обугленной на огнѣ. На вертелъ нанизывали мясо и пекли на угольяхъ или жарили его на огнѣ.

Изъ муки наши ратники мѣсили и пекли легкое тѣсто, такъ называемые «stormjagers», или изготовляли круглыя пышки, иначе: «желудочные (аппетитные) шарики», maagbommen по-голландски.

Англичане продовольствовались иначе, пока не добрались до нашего скота. Имъ

Digitized by Google

C. R. de Wet

Портретъ и автографъ Христіана де-Вета.

Digitized by Google

отпускались жестянки готовыхъ консервовъ.

Съ этой же поры они замѣнили сухое мясо своихъ консервовъ свѣжиной. Имъ даже показалось забавнымъ тратить на вѣтеръ, губить зря мясные запасы, не имъ принадлежащіе, которые они забирали и грабили вездѣ по своему произволу, не тратя лишнихъ словъ.

Часто случалось, захвативъ англійскій станъ, мы находили тамъ цѣлыя туши быковъ, свиней, запасы битой птицы, которые англичанамъ приходилось бросать за излишкомъ.

Но вернусь къ намъ самимъ.

Я описалъ, какъ приходилось намъ жить въ дружинѣ, созванной для защиты родины. И такую именно жизнь вели мы до конца, во все время нашего пребыванія въ отрядахъ.

Больше двухъ лѣтъ провели мы на полѣ битвы безъ малѣйшей смѣны, безъ всякой помощи со стороны. Такъ жили мы, съ ружьемъ въ рукѣ, верхомъ на коняхъ, и никто не заботился доставить намъ хотя бы что-нибудь необходимое.

Гдѣ и какъ могли, какъ умѣли, добывали мы себѣ и пищу, и снаряды, а порой и самое оружіе, если старое приходило въ негодность.

Едва затихалъ бой, всѣ становились на одну доску, не было ни рядовыхъ, ни офицеровъ въ дружинѣ, а просто сограждане, братья по оружію. Всѣ въ отрядѣ были равны между собой. Не оставалось тогда ни генерала, ни фельдкорнетовъ.

Отъ перваго до послѣдняго человѣка, всѣ, до фельдкорнетовъ и генераловъ включительно, пользовались одинаковыми условіями жизни и одинаково терпѣли неудобства ея.

Каждый могъ свободно обсуждать тѣ мѣры и планы, какіе составлялись для выполненія на слѣдующій день.

Правда, такой военный строй показался бы страннымъ европейцу, потому что совершенно чуждъ чинопочитанія и служебной натяжки, существующей въ тамошнихъ арміяхъ.

Но нашъ строй—создавалъ намъ не механическихъ куколъ, а сознательныхъ ратниковъ, исполненныхъ мужества, способныхъ проявить всю свою личную инициативу во время боя, которому каждый изъ насъ отдавалъ всѣ силы, всѣ способности своей души.

Конечно, была и обратная сторона у медали. Каждый, понятно, знаетъ, что никакая армія немыслима безъ существованія строжайшей дисциплины. А этимъ именно мы и хромали.

Вотъ, въ общихъ чертахъ—обликъ нашихъ, бурскихъ летучихъ дружинъ, которыя въ теченіе трехъ лѣтъ проносились изъ конца въ конецъ, по необозримымъ «фельдамъ», по полямъ и равнинамъ нашей родины, неуловимыя и подвижныя, словно стаи вольныхъ птицъ.

Теперь приступаю къ описанію нашихъ военныхъ дѣйствій.

Какъ только отдѣльные отряды буровъ прибыли къ мѣсту сосредоточенія, въ Гейльброннъ, немедленно, согласно волѣ закона, сдѣлана была общая сходка для избранія командира отряда.

Здѣсь были налицо начальники дружинъ: Стенекампъ изъ Гейльбронна, Антоній Ломбаардъ изъ Фредэ, К. Я. де-Вильеръ изъ Гаррисмита, Гансъ Мандэ изъ Виѳлеема, Мартинъ Принслоо изъ Винбурга и К. Пель изъ Кронстата.

Они выбрали отряднымъ командиромъ Мартина Принслоо, а на его мѣсто, дружиннымъ начальникомъ винбурцы избрали себѣ Тэннисена.

Пользуюсь случаемъ отмѣтить, что послѣдній былъ въ высшей степени способный начальникъ, къ сожалѣнію, слишкомъ рано отнятый у насъ. Онъ былъ настигнутъ врагомъ, когда подъ Паарденбергомъ руководилъ одной изъ отчаянныхъ атакъ, предпринятыхъ для освобожденія генерала Пита Кронье изъ адской западни.

Изъ Гаррисмита Гейльбронская дружина, къ которой и я принадлежалъ, выступила къ границѣ Наталя и, не дойдя туда на 6 километровъ, расположилась въ Драконовыхъ горахъ, недалеко отъ горнаго прохода Безниденхутъ.

Хребетъ Драконовыхъ горъ, раздѣлявшій владѣнія республики отъ британскихъ земель, образуетъ рядъ высокихъ пиковъ, которые спускаются къ намъ пологими скатами, круто обрываясь внизъ со стороны Наталя.

Сейчасъ же начальникъ Стенекампъ послалъ меня, во главѣ особаго патруля, развѣдать хорошенько мѣстность отъ ущелья

Digitized by Google

Безниденхутъ вплоть до самой границы. Мы производили развѣдку весь день и не встрѣтили ни единаго англичанина.

А, между тѣмъ, намъ было хорошо извѣстно, что незадолго до объявленія войны непріятельская армія стала стягивать свои кадры и сосредоточивать ихъ вдоль всей границы.

Когда вечеромъ я вернулся въ нашъ станъ, мнѣ объявили, что бургеры моего отряда выбрали меня помощникомъ начальника Стенекампа.

Помощникъ начальника, по нашимъ уставамъ, обязанъ замѣнять начальника во время случайнаго отсутствія или болѣзни послѣдняго.

Именно въ этотъ памятный для меня вечеръ, 11-го октября 1899 года, и состоялось формальное объявленіе войны.

Какъ разъ въ пять часовъ по полудни истекалъ срокъ, назначенный обѣими южноафриканскими республиками въ ультиматумѣ, посланномъ британскому правительству, съ требованіемъ отозвать отъ нашихъ границъ англійскія войска.

Теперь нельзя было терять ни одной минуты времени.

Правительствомъ республики былъ отданъ приказъ: занять всѣ проходы въ Драконовыхъ горахъ, ведущіе въ Наталь.

Начальнику нашей дружины, Стенекампу, поручено было овладѣть Безниденхутскимъ ущельемъ, къ которому мы прибыли еще наканунѣ, какъ я ужъ сказалъ.

Дальше, на востокъ, бурскіе отряды должны были заградить всѣ проходы такимъ порядкомъ: дружина изъ Фредэ засѣла въ ущельѣ Боты, гаррисмитцы и винбурцы овладѣли ущельемъ Фанъ-Реененскимъ, кронстатцы засѣли въ проходѣ Тинтва.

Къ западу горную дорогу Оливерсхэка сторожили бургеры изъ Виѳлеема.

Такимъ образомъ разсѣялись всѣ отряды оранжистовъ, съ первой минуты объявленія войны вдоль цѣпи Драконовыхъ горъ, этой естественной ограды родного края, на самомъ вражескомъ рубежѣ, чтобы защищать свое отечество отъ чуждаго вторженія.

Въ тотъ вечеръ, когда пришелъ намъ приказъ выступать на границу, Стенекампъ, по причинѣ нездоровья, не могъ покинуть лагеря, и пришлось мнѣ, по обязанности замѣстителя, принять вмѣсто него начальство надъ отрядомъ.

Во главѣ 600 ратниковъ двинулся я на защиту Безниденхутскаго ущелья.

Этотъ первый походъ стоилъ мнѣ не мало хлопотъ и труда.

Мои ратники-буры, слишкомъ привычные къ спокойной, мирной жизни фермеровъ, какую вели до тѣхъ поръ, и понятія не имѣли о военной дисциплинѣ, о томъ, что примѣненіе ея безусловно необходимо во время войны.

Правда, ни въ комъ изъ нихъ не было строптивости, предвзятой непокорности или недоброжелательства ко мнѣ, къ самому дѣлу. Нѣтъ.

Просто, они не сознавали своей задачи, не вполнѣ понимали всей сложности и важности ея, всей опасности положенія.

Мы стояли въ десяти какихъ-нибудь километрахъ отъ непріятеля, который, того и гляди, ожидалъ насъ въ тишинѣ, изготовясь къ бою, тамъ, на вершинахъ Дракена. И тутъ, на порогѣ битвы, каждый хотѣлъ подать свой голосъ, готовъ былъ оспаривать сдѣланныя мною распоряженія.

Такая независимость, непривычка къ подчиненію, которая, съ военной точки зрѣнія, должна была показаться безначаліемъ и безпорядкомъ, приносила намъ немало огорченій и причиняла общему дѣлу значительный ущербъ.

Все-таки, въ концѣ концовъ, я овладѣлъ положеніемъ, забралъ отрядъ въ свои руки, и мы двинулись впередъ.

Темная ночь царила на узкихъ тропахъ, которыми, вдоль ущелій, постепенно подымаясь изъ «фельдовъ» въ гору, дорога вела на вершины Дракена.

Прекрасно зная страну, я могъ легко, кратчайшимъ, прямымъ путемъ привести свой отрядъ къ указанному мѣсту. Но являлись опасенія, что ущелье уже занято англичанами, и намъ, пожалуй, съ мѣста придется затѣять первую стычку съ врагомъ.

Эти опасенія не сбылись. Безпрепятственно заняли мы все ущелье и провели въ немъ ночь до утра, сохраняя полнѣйшую тишину.

Насталъ день, но и онъ не принесъ ничего новаго.

Кругомъ, куда хваталъ только глазъ человѣческій, не было видно ни одного британскаго отряда, который занималъ бы какія-нибудь мѣста во всей окрестности.

Въ тотъ же день, вечеромъ, къ намъ присоединился Стенекампъ съ остальною частью нашей дружины.

Digitized by Google

Онъ намъ объявилъ, что враждебныя дѣйствія начались. Первымъ генералъ Деларей у Крайпана атаковалъ и захватилъ у англичанъ ихъ блиндированный поѣздъ.

Не встрѣтя на высотахъ ни одного британскаго ружья, генералъ-аншефъ Мартинъ Принслоо рѣшилъ не оставаться на мѣстѣ, а повести наступательную войну.

По этому поводу и былъ собранъ имъ въ ущельи Фанъ-Рененнъ большой военный совѣтъ, на которомъ пришлось присутствовать и мнѣ, вмѣсто Стенекампа, все еще продолжавшаго хворать.

На этомъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы отрядъ буровъ въ 2.000 человѣкъ, собранный изъ ратниковъ различныхъ дружинъ, спустился въ предѣлы англійскаго Наталя, подъ главнымъ начальствомъ К. Я. де-Вильера изъ Гаррисмита. Остальная же часть нашей арміи должна остаться въ Драконовыхъ горахъ и защищать всѣ проходы.

Де-Вильеру было присвоено званіе «полевого генерала».

Собственно, по законамъ Оранжевой республики, такого чина не существовало еще. Только очень незадолго до войны, въ собраніи народныхъ представителей на фолькс-раадѣ, было постановлено, что президентъ имѣетъ право даровать такое званіе, присвоивъ его одному изъ офицеровъ и, вообще, можетъ, по своему усмотрѣнію, выходить изъ тѣхъ рамокъ, которыя намѣчены уже дѣйствующими въ странѣ законами военнаго времени.

Начальникъ нашъ, Стенекампъ, все не поправлялся отъ своей болѣзни.

И поэтому пришлось мнѣ, въ званіи его помощника, во главѣ 500 бургеровъ, явиться представителемъ отъ Гейльбронна въ нашей арміи, выступавшей въ Наталь.

На эту армію возложена была задача: отрѣзать пути отступленія англичанамъ, находившимся въ Дунди и въ Элландсаагтэ.

Затѣмъ мы должны были попытаться завязать сношенія и начать совмѣстныя операціи съ трансваальцами, которые подвигались навстрѣчу намъ отъ Фольсрюста, и съ той частью дружинъ изъ Фредэ, которыя находились подъ командой генерала Коха.

По несчастію, мы не поспѣли съ нашимъ маневромъ, пришли слишкомъ поздно на путь между Элландсаагтэ и Лэдисмитомъ, и весь планъ не удался.

Никогда не могъ я установить съ точностью: кто, собственно, былъ виноватъ въ такомъ печальномъ исходѣ предпріятія?

Несомнѣнно, виной неудачи послужило несогласіе среди верховныхъ вождей.

Но кому приписать главную вину? Начальникамъ ли отдѣльныхъ южно-африканскихъ отрядовъ? Генералъ-аншефу М. Принслоо? Полевому ли генералу де-Вильеру? Сказать не могу.

Въ ту пору я былъ простымъ помощникомъ начальника отряда, и мое дѣло было принимать приказанія, исполнять ихъ, а не отдавать распоряженія или обсуждать приказы.

Только и могу здѣсь сказать, что при нашемъ приближеніи англичане, со своимъ бравымъ полковникомъ Юлемъ, слишкомъ плохо оцѣненнымъ среди своихъ же, британцевъ, отступили къ Лэдисмиту. Несомнѣнно, что при болѣе быстромъ выполненіи нашей задачи мы заставили бы врага сразиться съ нами, и эта стычка принесла бы намъ немало пользы.

Своимъ запозданіемъ мы дали время врагу собраться съ силами, привести все въ порядокъ и сосредоточиться въ Лэдисмитѣ.

Надо было опасаться, что, еще до прибытія къ намъ трансваальцевъ изъ Дунди, гдѣ тѣ позадержались, англичане ударятъ на насъ, въ свой чередъ.

Такъ оно и случилось.

На другой же день, 24-го октября, англичане выступили изъ Лэдисмита и, желая дать намъ битву, сошлись съ нами у Моддерспрюита.

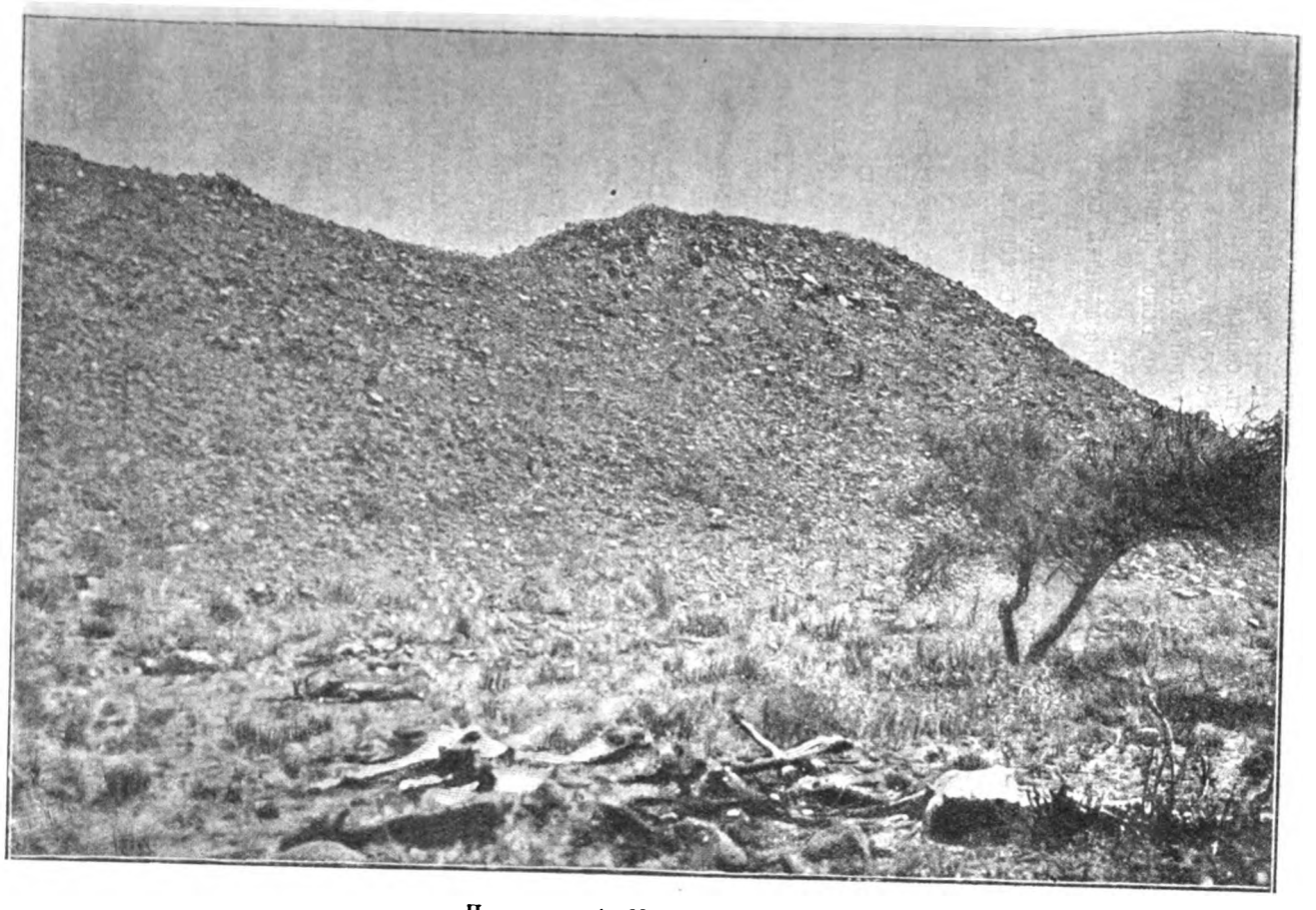
Сперва завязалась жаркая перестрѣлка у желѣзнодорожной станціи Бэстеръ. Здѣсь нѣкій Джонсонъ изъ Гаррисмита палъ первой жертвой въ этой борьбѣ вольныхъ гражданъ республики, кровью отстаивавшихъ свою свободу.

На западъ отъ рельсовыхъ путей, соединяющихъ Лэдисмитъ съ Дунди, мы расположились на вершинахъ холмовъ, которые растянуты довольно широкимъ полукругомъ.

Всего въ нашемъ отрядѣ насчитывалось до тысячи человѣкъ, потому что пришлось оставить значительный арьергардъ на станціи Бэстеръ.

Позиція наша была подкрѣплена единственной пушкой, которую мы и помѣстили на лѣвомъ крылѣ, на вершинѣ одного изъ

Digitized by Google



Поле сраженія Магерсфонтейнъ.

Digitized by Google

холмовъ, болѣе возвышеннаго, чѣмъ всѣ остальные.

Врагъ надвигался на насъ подъ защитою трехъ батарей, слѣдовавшихъ на извѣстномъ разстояніи и не дававшихъ намъ покою своимъ огнемъ.

Когда же эти батареи остановились всего въ 4 тысячахъ метровъ отъ нашихъ линій, онѣ подняли положительно оглушительную канонаду противъ насъ.

Наше одинокое орудіе старалось первое время усердно отстрѣливаться, но скоро вынуждено было замолчать, и затѣмъ до конца боя намъ не оставалось иной защиты, кромѣ дула нашихъ винтовокъ.

Намѣренія англичанъ были ясны.

Они заключались въ томъ, чтобы, сильнымъ нападеніемъ по всей линіи фронта, не позволить намъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ сосредоточить нашихъ силъ, пользуясь этимъ, облегчить атаку на высоты, занятыя нами.

И правда, часть нападавшихъ англійскихъ войскъ постепенно, скачками, подобралась почти къ самымъ нашимъ позиціямъ.

Такой отважный маневръ былъ облегченъ для нихъ значительными неровностями окружающей почвы, за которой могли укрыться враги отъ мѣткаго огня нашихъ стрѣлковъ. Спокойно, хладнокровно мы выжидали минуты, когда англичане, ползкомъ пробиравшіеся кое-какъ между камнями впередъ, принуждены были, наконецъ, появиться на открытыхъ мѣстахъ. Тутъ они были встрѣчены такимъ непрерывнымъ, бѣглымъ и мѣткимъ огнемъ, что никакими силами не могли подойти къ намъ ближе, чѣмъ на 200 шаговъ!

Наиболѣе подвергалось опасности лѣвое крыло наше, гдѣ стояла дружина кронстатцевъ подъ командой Неля. Мои бургеры, расположенные на востокѣ, не такъ привлекали вниманіе врага. Но по всей линіи нашихъ отрядовъ мы отважно дрались и, не смотря на градъ непріятельскихъ пуль, осыпавшихъ буровъ, ни у кого за весь день не явилось мысли о томъ, что надо отступить.

Только къ тремъ часамъ по полудни англичане убѣдились, что имъ не выбить насъ изъ занятыхъ позицій, и они вернулись сами къ Лэдисмиту.

Теперь мы могли спуститься въ равнину съ высоты, туда, внизъ, гдѣ передъ этимъ были расположены нападавшія на насъ англійскія войска.

Ни убитыхъ, ни раненыхъ мы здѣсь не нашли ни одного человѣка.

Потомъ ужъ наши сотоварищи, которые были расположены на самомъ высокомъ холмѣ, охраняя помѣщенную тамъ пушку, разсказали намъ, какъ англичане, собираясь отступить, собирали и раненыхъ и убитыхъ, и увезли съ собой.

Мы въ этой битвѣ потеряли 11 человѣкъ мертвыми, а тяжело раненыхъ насчитали 21 человѣка.

Двое изъ послѣднихъ не дотянули и до ночи.

Глубоко удрученные, глядѣли мы на такой обильный рядъ жертвъ, который въ самой первой битвѣ унесла у насъ эта несправедливая война!

Но, въ то же время, ни одинъ изъ насъ не палъ духомъ.

Всѣ готовы были дальше сражаться за поруганную вольность, за свою независимость.

И, съ своей стороны, я былъ глубоко обрадованъ, новый приливъ бодрости почуялъ въ душѣ, замѣчая въ согражданахъ своихъ такую высокую доблесть.

Первой этой битвой руководилъ не генералъ К. Я. де-Вильеръ, а престарѣлый А. П. Кронье, только недавно получившій свое назначеніе отъ президента.

Смѣло могу заявить, что нашъ начальникъ оказался на высотѣ своей задачи, и если онъ не преслѣдовалъ по пятамъ отступавшаго непріятеля, такъ только по причинѣ сознанія слабости нашихъ отрядовъ, и я вполнѣ одобряю подобную осторожность вождя.

Чуть стихло сраженіе, и я отправился, чтобы пожать ему руку, какъ старому другу и сотоварищу, съ которымъ много разъ мы встрѣчались на засѣданіяхъ фолькраада, какъ сыну того достойнаго вождя, который сражался еще въ 1865 и 1866 гг. за родину противъ базутосовъ.

Отъ всей души привѣтствовалъ я его назначеніе и желалъ успѣховъ въ дальнѣйшемъ веденіи войны.

Хотя тутъ же, въ глубинѣ души, у меня шевелилось опасеніе, что, не смотря на всю добрую волю и готовность генерала, его 66 лѣтъ не позволятъ нести всей тяжести долга, не вынесетъ онъ всего напряженія, тѣлеснаго и душевнаго, неизбѣжно связаннаго съ боевой жизнью вождя.

Digitized by Google

II.

Никольсонъ-Нэкъ.

До 29-го октября занимали мы наши позиціи у Ритфонтейна.

Какъ разъ въ этотъ день присоединился къ намъ генералъ Жуберъ, во главѣ сильныхъ трансваальскихъ отрядовъ.

Тутъ и было рѣшено, что трансваальцы отправятся и займутъ рядъ позицій по берегу рѣки Лэдисмитъ и на востокъ отъ Никольсонъ-Нэка. Съ другой же стороны, оранжисты должны держаться на востокъ и на западъ отъ этого поселка и подъ командой Неля, охранять большой холмъ, съ плоской вершиной, господствовавшій надъ окрестной равниной.

Холмъ этотъ сперва назывался у насъ Цвартбойскопъ, а послѣ битвы 30-го октября получилъ прозваніе Малой Маджубы.

Теперь, чувствуя свое положеніе прочнымъ, мы спокойно ожидали новой вылазки со стороны непріятеля.

Численность наша уступала силамъ англичанъ, и мы не могли подвергать себя случайностямъ, какія были неизбѣжны, если бы отъ осады мы перешли въ прямое наступленіе.

Какимъ образомъ и съ какой стороны возобновятъ свои нападенія англичане—этого мы тоже не знали.

Но вотъ на разсвѣтѣ 30-го октября атака возобновилась съ той стороны, гдѣ кончались позиціи, занятыя отрядами Трансвааля. Глухо стали доноситься къ намъ оттуда звуки пушечной стрѣльбы.

Сейчасъ же по всѣмъ отрядамъ раздался приказъ: «въ сѣдла!»

Одновременно съ тѣмъ, начальникъ отряда Стенекампъ, наканунѣ прибывшій въ лагерь отъ ущелья Безниденхутъ, во главѣ 300 человѣкъ, между которыми былъ также и я, отправился наскоряхъ извѣстить генерала Кронье, что врагъ возобновилъ наступленіе на наши позиціи.

Чтобы добраться до Кронье, намъ приходилось миновать родъ небольшого ущелья у подошвы помянутаго мной Цвартбойскопа, лежащаго на югъ отъ Никольсонъ-Нэка.

Осторожно стали мы огибать этотъ холмъ. И каково же было наше удивленіе, когда оказалось, что онъ занятъ англичанами. Между тѣмъ, согласно общему росписанію нашихъ отрядовъ, холмъ этотъ долженъ былъ находиться въ рукахъ Неля съ отрядомъ нашихъ буровъ.

Впослѣдствіи Нель пытался оправдать себя въ такой непростительной небрежности. По его словамъ, онъ былъ увѣренъ, что одинъ изъ подручныхъ ему фельдкорнетовъ съ довольно сильной дружиной расположился на холмѣ и владѣетъ этимъ пунктомъ.

Какъ бы тамъ ни было, путь намъ былъ прегражденъ.

Чтобы открыть себѣ дорогу, Стенекампъ и я, мы тутъ же порѣшили атаковать немедленно холмъ съ тѣми 300-ми человѣкъ, которые были у насъ подъ рукой.

Атака намъ удалась, и когда мы заняли вершину этого важнаго для нашихъ позицій холма, оказалось, что непріятель протянулъ свои отряды по всему склону Драконовыхъ горъ, и они чернѣли, одинъ надъ другимъ, до самыхъ его южныхъ вершинъ.

Но вернусь къ атакѣ.

Не успѣли мы приготовиться къ бою, какъ были замѣчены непріятелемъ. Затрещали ружья англичанъ, поднялась жестокая стрѣльба, осыпавшая насъ пулями.

Мы отвѣчали тѣмъ же. Къ намъ еще подоспѣли на помощь человѣкъ 20 изъ отряда Неля. Но очень скоро выяснилось, что никакой пользы для насъ не будетъ, если мы не подойдемъ вплотную къ непріятелю, скрываясь до поры до времени за неровностями почвы, которыя являлись естественнымъ прикрытіемъ нашимъ бурамъ.

Англичане занимали превосходныя позиціи подъ защитой скалъ и старыхъ, сложенныхъ изъ камня краалей, покинутыхъ недавно кафрами. Атаковать тамъ врага было невозможно.

И вотъ мы прибѣгли къ выдержанному, мѣткому огню, такому губительному, что всѣ прикрытія англичанъ оказались безполезны, и они стали отступать.

Тутъ-то насталъ настоящій мигъ для прямой атаки.

Скачками, прячась за выступы скалъ, за деревья, выбили мы врага изъ его позицій и сами заняли ихъ, хотя и не безъ труда.

Здѣсь мы нашли и раненыхъ, и мертвыхъ, и даже захватили въ плѣнъ нѣсколько отставшихъ солдатъ, которые не успѣли примкнуть къ быстро отступившей колоннѣ.

Digitized by Google

Но англичане только для того оставили эти позиціи, чтобы укрѣпиться подальше, въ еще болѣе надежномъ мѣстѣ.

На самомъ южномъ склонѣ вершины они засѣли спокойно за цѣлыми бастіонами скалъ, изъ-за которыхъ, словно изъ-за крѣпостныхъ валовъ, только и поблескивали дула ихъ ружей. Изрѣдка покажется голова—другая... И наши бургеры, зорко слѣдившіе за врагомъ, били въ эту случайную цѣль безъ промаха!

Устрашенные такой убійственно-мѣткой стрѣльбой, враги потеряли голову. Вотъ на ихъ лѣвомъ крылѣ пальба затихла и въ то же время заколебалось въ воздухѣ нѣсколько бѣлыхъ флаговъ, приводимыхъ въ движеніе невидимыми руками, словно бы тамъ дѣйствовали пришельцы съ того свѣта.

Довѣряя выброшенному сигналу, я приказалъ своему отряду примкнуть ружья къ ногѣ и совершенно одинъ пошелъ навстрѣчу непріятелю.

Но не успѣлъ я сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ снова затрещала пальба со стороны англичанъ.

Ползкомъ кинулся я обратно, къ нашимъ прикрытіямъ, давъ въ то же время знакъ моимъ бургерамъ, и они, возмущенные происшествіемъ, возобновили огонь съ такой силой и безпощадностью, что очень скоро вдоль всей англійской линіи взвились и заколебались маленькіе бѣлые флаги. Въ то же время англичане, поднявъ кверху руки, появились изъ-за прикрытій, отдаваясь на нашу волю.

По этому поводу я не смѣю утверждать, что непріятель злоупотребилъ бѣлымъ флагомъ, желая устроить намъ ловушку. Такъ утверждать значило бы обвинять англичанъ въ слишкомъ позорномъ дѣяніи. Это равносильно тому, что они не чтутъ самыхъ священныхъ обычаевъ и законовъ войны.

Я только описываю точно все, что здѣсь происходило. И вотъ какое объясненіе было дано мнѣ по поводу всего происшедшаго: «На правомъ крылѣ не знали, что лѣвое крыло намъ сдается».

Очевидно, сильно мы нагнали страху, если англичане окончательно могли потерять голову въ такую важную, рѣшительную минуту боя.

Теперь сочтемъ, сколько насъ было всего въ этой битвѣ?

300 ратниковъ гейльбронцевъ, человѣкъ 20 изъ Кронстата и 40—50 полицейскихъ изъ Іаганнесбурга подъ начальствомъ капитана Фан-Дама.

Да при томъ, изъ 300 человѣкъ, составлявшихъ Гейльбронскій отрядъ, слѣдуетъ вычесть тѣхъ, кто, оставшись подъ горой, сторожили намъ лошадей, и нѣсколькихъ отсталыхъ, не принимавшихъ вовсе участія въ боѣ.

Всего-на-всего, человѣкъ двѣсти бургеровъ одержали здѣсь побѣду, потерявъ четырехъ мертвыми и пять ранеными.

Уронъ англичанъ зато превышалъ 300 человѣкъ ранеными и убитыми. Сюда надо причислить и безъ вѣсти пропавшихъ, которыхъ не досчитывался врагъ.

Вѣроятно, они попали куда-нибудь въ расщелины скалъ, сорвавшись съ высоты.

Плѣнныхъ забрали мы въ этотъ день 817 человѣкъ. По моему приказанію, они прошли по четыре въ рядъ, мимо всѣхъ нашихъ ратниковъ, которые, примкнувъ ружья къ ногѣ, стояли и глядѣли.

Мнѣ хотѣлось подбодрить своихъ и дать имъ понять, что нѣтъ ничего невозможнаго для храбрецовъ, выступившихъ на защиту родного угла, родной земли.

Медленно проходили англичане, рядовые и офицеры ихъ, руководимые однимъ изъ нашихъ фельдкорнетовъ, который муштровалъ ихъ и управлялся съ ними словно съ новобранцами на казарменномъ плацу.

Да и что они могли сдѣлать иначе въ нашихъ родныхъ ущельяхъ?

Только и сумѣли доказать, что, не глядя на свое полное боевое снаряженіе, бьются они хуже насъ, вооруженныхъ однимъ ружьемъ!

Но мы сами это знали и не нуждались въ подобныхъ объясненіяхъ и урокахъ.

Въ руки наши попали, кромѣ того, двѣ скорострѣлки-пушки Максима, два горныхъ орудія, которыми англичане не могли даже и воспользоваться по причинѣ порчи.

Что касается болѣе крупныхъ орудій, ихъ англичане перевозили на спинѣ муловъ. Но эти животныя, непривычныя къ бою, не выказали большой воинственности: при первыхъ ружейныхъ залпахъ они умчались съ поля сраженія, не обращая вниманія ни на что! Розыскали мы ихъ только на слѣдующій день. Но сообразительныя животныя сумѣли освободиться отъ тяжелаго груза, лежавшаго у

Digitized by Google

нихъ на крестцѣ, и преспокойно прогуливались себѣ и паслись въ степи.

Собственно говоря, оттого, что англичане не могли хорошенько воспользоваться своей артиллеріей, часть которой никуда не годилась, а другая часть гуляла по полямъ на крестцѣ у муловъ, только оттого и удалось намъ одержать побѣду въ этомъ сраженіи противъ непріятеля, превосходившаго насъ впятеро своей численностью.

Хотя намъ не удалось розыскать пушекъ, сброшенныхъ съ себя мулами, зато въ наши руки попало больше 1000 превосходныхъ ружей Ли-Метфорда, 20 ящиковъ зарядовъ къ нимъ, всѣ помянутые рѣзвые мулы и достаточное количество лошадей, лишенныхъ своихъ прежнихъ всадниковъ, которые были ранены или убиты.

И, все-таки, не смотря на побѣду, тяжелая печаль наполнила меня при видѣ столькихъ живыхъ, сильныхъ, энергичныхъ людей, рисковавшихъ и своей жизнью, и свободой ради той самой безсмысленной, отвратительной войны, которую мы желали отвратить во что бы то ни стало, но безуспѣшно.

Стоны раненыхъ англичанъ разрывали мнѣ сердце.

— Воды!.. Пить!..—молили они, подымая напрасно свой голосъ среди безплодныхъ, голыхъ скалъ, гдѣ не было ни малѣйшаго признака воды.

Я приказалъ перенести этихъ несчастныхъ въ тѣнь, кидаемую растущими невдалекѣ кустами шиповника, и послалъ своихъ бургеровъ набрать воды въ источникѣ, который протекалъ въ нѣсколькихъ километрахъ отъ мѣста боя.

Въ тотъ же вечеръ далъ я знать обо всемъ сэру Джорджу Вайту, но лишь на другой день подоспѣли санитары изъ его подвижного отряда и подобрали убитыхъ и раненыхъ.

Что касается насъ, въ тотъ же вечеръ мы вернулись въ лагерь, чтобы хотя немного передохнуть послѣ труднаго, боевого дня.

Передъ отступленіемъ я, конечно, распорядился, чтобы сюда явился мой братъ, Питъ де-Ветъ, со своимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 50-ти ратниковъ-виѳлеемцевъ, и занялъ вершину этого, такъ дорого стоившаго намъ холма.

Въ свой лагерь мы прибыли около 8-ми часовъ вечера, при чемъ за весь день, съ разсвѣта, не имѣли ни крошки во рту!

Огромное удовольствіе доставляло всѣмъ, послѣ опаснаго и тяжелаго дня, полнаго ужасовъ, законченнаго блестящей побѣдой, приняться за стряпню!

Каждый развелъ свой огонекъ въ разсѣлинѣ скалъ, и скоро затрещало, готовясь на самодѣльныхъ вертелахъ, наше національное кушанье «bont-span» [1]), съ котораго жиръ стекалъ и загорался въ пламени костра.

Прибавивъ сюда нѣсколько штучекъ самодѣльнаго печенья, нашихъ «стормъ-егеровъ», и запивъ свой ужинъ доброй кружкой кофе, всѣ словно снова на свѣтъ родились, сразу воспрянули духомъ.

Я обошелъ отрядъ, бесѣдуя съ ратниками-согражданами.

Всѣ были радостны, полны воодушевленія и самыхъ радужныхъ надеждъ на счастливую участь, предстоящую нашей родинѣ.

— Добрый починъ совершонъ, а теперь— уснемъ!—твердили они. Теперь уснемъ подъ кровомъ неба, въ ожиданіи, когда явится возможность снова намъ засыпать подъ мирнымъ кровомъ нашихъ домашнихъ угловъ. Уснемъ, воскликнувъ передъ тѣмъ: «да здравствуетъ республика!»

И не думали, не гадали эти храбрецы, что въ нѣсколькихъ километрахъ отсюда, по ту сторону холмовъ, англичане, силы которыхъ въ десять разъ превосходили наши собственныя, собирались снова, чтобы дать намъ второе сраженіе.

Впрочемъ, въ общемъ, этотъ день, 30-го октября, былъ для насъ очень удаченъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ разныхъ мѣстахъ, даже не далѣе, чѣмъ въ восьми километрахъ отъ Никольсонъ-Нэка, трансваальцы одержали блестящую побѣду въ сраженіи съ англичанами и взяли въ плѣнъ 400 человѣкъ англичанъ, правда, не безъ потерь и со своей стороны.

Если бы мы для себя позволили допустить подобную роскошь, какъ потери и уменьшеніе строя на цѣлыя сотни ратниковъ, очень скоро англичанамъ оставалось бы воевать со скалами и съ мулами за неимѣніемъ людей.

Но вернусь къ вечеру, наставшему послѣ нашей первой побѣды.

---

[1]) Bont-span — такъ называется у буровъ запряжка быковъ разной масти. Такъ же называется у нихъ родъ шашлыка, когда куски тощаго и жирнаго мяса поочередно нанизываются на «спичку» и жарятся на огнѣ.

Digitized by Google

Въ противоположность моимъ соратникамъ, я далеко не былъ такъ спокоенъ. Когда всѣ уснули и только равномѣрное дыханіе спящихъ нашихъ бургеровъ раздавалось въ ночной тиши, я расположилъ цѣпь сторожевыхъ постовъ вокругъ всего нашего стана.

Это было тѣмъ болѣе необходимо, что у насъ ходили слухи въ войскѣ, будто англичане вооружили противъ насъ самыхъ непримиримыхъ враговъ бурскаго народа — зулусовъ Наталя.

Еще въ 1836 году буры свели близкое знакомство съ этими чернокожими.

И затѣмъ, очень часто первые насадители цивилизаціи въ Южной Африкѣ, отважные наши передовые колонисты, «voortrekkers», жестоко страдали отъ коварныхъ, губительныхъ нападеній со стороны негровъ, которые были прозваны у насъ «черными ночными волками».

Болѣе юные изъ насъ тоже испытали все коварство и злобу базутосовъ во время войны 1865—1867 годовъ.

По горькому опыту мы знали, какъ тщательно надо всегда охранять намъ свой станъ въ ночные часы.

И долженъ я, кстати, здѣсь же прибавить: постоянно занятые мыслью о врагахъ-британцахъ, о дикаряхъ, которыхъ подстрекали противъ насъ первые, зная и тѣхъ, и, особенно вторыхъ,—мы всегда спали однимъ глазкомъ только, что̀ называется.

Вотъ почему ни разу не удавалось врагу застать насъ совершенно врасплохъ.

Лишь много позднѣе, въ послѣдніе мѣсяцы этой войны, когда британцы стали пользоваться противъ насъ услугами предателей-бѣглецовъ изъ нашей же среды, только тогда и случалось имъ порой обмануть нашу бдительность.

Перебѣжчики-предатели! Дезертиры, какъ ихъ называютъ...

Можно ли было даже представить себѣ, что они появятся въ нашихъ рядахъ, такихъ разсѣянныхъ, разрѣженныхъ тогда, послѣ долгой, мучительной борьбы?!

Можно ли повѣрить, что дѣти родной своей страны возстанутъ на нее въ тотъ самый мигъ, когда несчастная родина окончательно задыхалась подъ желѣзнымъ игомъ врага, которое англичане съ каждымъ днемъ сжимали все туже и туже?!

А между тѣмъ, такъ оно и было!

И если въ этихъ моихъ воспоминаніяхъ я съ гордостью говорю вездѣ о смѣлыхъ, геройскихъ подвигахъ моихъ собратьевъ, благодаря которымъ обѣ южно-африканскія республики и ихъ священная борьба за свободу никогда не изгладятся изъ людской памяти, покрытыя неувядаемой славой, то по долгу истины обязанъ я также швырнуть прямо въ лицо мой жгучій упрекъ и проклятіе тѣмъ негодяямъ, которые выказали себя ниже низкаго, подлѣе всѣхъ подлыхъ людей. И это—перебѣжчики, предатели нашей родины.

(Продолженіе будетъ).

Счастливая пора.

Digitized by Google

ЦИЛИНДРЪ ПОЛКОВНИКА.

Святочный разсказъ **Эрнеста Дидринга.**

(съ шведскаго перевода **Е. М.** Студенской).

— Пожалуйста, не уставляйтесь такъ на мой цилиндръ. Я не виноватъ, что онъ напоминаетъ разсерженнаго ежа. Эта шляпа не моя — увѣряю васъ, — это шляпа полковника. Развѣ вы не слышите, что̀ я говорю? Вы думаете, легко мнѣ было дойти сюда даже по одной только Стуревой улицѣ съ этимъ дикообразомъ на головѣ? Лошади шарахались въ сторону, люди разѣвали рты; хорошо еще, что снѣгу на улицахъ много, такъ что никакихъ особенныхъ несчастій не произошло. Вы спрашиваете, зачѣмъ я ношу такой цилиндръ? Да еще вдобавокъ въ первый день Рождества? Видите ли, это цѣлая исторія. Только выпьемте чего-нибудь, а то я послѣ всего случившагося сталъ дряблѣе весенняго льда.

— Вчера былъ сочельникъ, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, и мнѣ было разрѣшено отдохнуть немного въ англійскомъ кафе, чтобы не пасть позорно вечеромъ подъ бременемъ рождественскихъ подарковъ. Разумѣется, я встрѣтилъ знакомыхъ, тоже запасшихся подарками, кто наперсткомъ для своей невѣсты, кто динамитнымъ патрономъ для тещи, и зашедшихъ въ кафе подкрѣпиться. Мы опорожнили нѣсколько кружекъ грогу и собрались по домамъ. Всѣ и ушли — кромѣ меня. Я никакъ не могъ договориться толкомъ со швейцаромъ. Я требовалъ свой цилиндръ, а онъ упорно предлагалъ мнѣ этого дикообраза. Онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на мои объясненія, что я пришелъ съ изящнымъ, блестящимъ цилиндромъ на головѣ, и что мнѣ вовсе не улыбалась мысль уходить въ такомъ, которымъ при желаніи можно боронить землю. Онъ клялся и божился, что за четырнадцать лѣтъ никогда, ни одного разу не перепуталъ шляпъ, а я божился и клялся и шарилъ всюду, отыскивая свой цилиндръ.

Послѣ ругательствъ, которыя сдѣлали бы честь любому каннибалу, онъ построилъ, наконецъ, предположеніе, что, быть можетъ, инженеръ Бробергъ ошибся шляпой. Но инженеръ Бробергъ каждый день послѣ трехъ часовъ уѣзжаетъ въ Содертелье. Дѣлать нечего, сажусь въ сани и ѣду на Центральный вокзалъ. По описанію, Бробергъ былъ маленькій черненькій господинъ съ сѣдыми усами; «Герра» беру съ собой, въ надеждѣ, что онъ хоть чутьемъ отличитъ мою шляпу. Но, чортъ побери всѣ цилиндры на свѣтѣ! Это оказалось невозможнымъ! На вокзалѣ было много бѣлокурыхъ высокихъ мужчинъ съ черными усами, но ни малѣйшаго слѣда Броберга. Мы съ «Герромъ» шныряли по вагонамъ, точно шпіоны, и подозрительно всматривались въ каждый цилиндръ. Но всѣ цилиндры другъ на друга похожи, всѣ, кромѣ этого, разумѣется. Ихъ бы, собственно говоря, слѣдовало перенумеровать, право! и тогда бы навѣрно всѣ оставляли въ покоѣ чужія шляпы.

Ну-съ, поѣздъ двинулся, а съ нимъ и «Герръ», который, само собой разумѣется, не успѣлъ во̀-время окончить своихъ поисковъ. Пришлось телефонировать на ближайшую

Digitized by Google

станцію и посылать туда посыльнаго, чтобы привезти этого мошенника. Это стоило мнѣ двѣ кроны.

Хоть бы еще онъ возвратился съ моимъ цилиндромъ, въ какомъ угодно видѣ, только бы съ моимъ!

Мнѣ ничего больше не оставалось, какъ ѣхать обратно въ кафе. Помнится, въ меня запускали дорогой снѣжки; я это, впрочемъ, совершенно понимаю: въ эдакой-то шляпѣ!

Человѣкъ, не перепутавшій ни разу шляпъ за четырнадцать лѣтъ, поблѣднѣлъ, когда я объявился въ его конуру и спросилъ, вѣрно ли онъ мнѣ описалъ наружность Броберга. Тутъ онъ затрепеталъ и вспомнилъ, что Бробергъ говорилъ, что на Рождество онъ уѣдетъ въ Гётеборгъ. Поѣздъ въ Гётеборгъ отходилъ только вечеромъ. Я отправился къ Бробергу на квартиру. Бробергъ мнѣ самъ открылъ дверь. Бробергъ никогда не видалъ моей шляпы и показалъ мнѣ свою. Для большей вѣрности я ее примѣрилъ. Оказалась не впору. Сани меня ждали. Новая порція снѣжковъ. Снова въ кафе. Требую себѣ новый цилиндръ за счетъ швейцара, хозяина или казны. Не помогаетъ. Но «непогрѣшимый» вспоминаетъ, что теперь онъ знаетъ навѣрно, кто взялъ мою шляпу. Это, разумѣется, полковникъ Клингбергъ. Я никогда не слыхалъ даже о немъ. Въ адресъ-календарѣ оказалось—Рыцарская улица, 47. Я былъ какъ въ лихорадкѣ. Мой утраченный цилиндръ казался мнѣ теперь дороже всего на свѣтѣ, и мысль о возможности снова его увидѣть радовала меня не меньше, чѣмъ возможность избавиться отъ этого пугала.

— Нѣтъ, не бросайте въ него изюмомъ и орѣховой скорлупой! Къ старости слѣдуетъ питать уваженіе.

Ну-съ, пришлось ѣхать опять. Я забылъ и жену, и дѣтей, и ужинъ, и рождественскую кашу. Для меня не существовало ничего, кромѣ моего цилиндра. Земля могла остановиться и солнце померкнуть, лишь бы я могъ получить обратно свой цилиндръ и глядѣться въ его лоснящуюся плюшевую поверхность.

Въ № 47 не жилъ никакой полковникъ Клингбергъ. Зато тамъ жилъ оптовый торговецъ Клинбергъ, который самолично спустилъ меня съ лѣстницы, говоря, что желаетъ пользоваться рождественскимъ покоемъ и не нуждается въ собственномъ домѣ ни въ какихъ коммиссіонерахъ по части шляпъ. Онъ былъ прямо невозможенъ и на прощаніе нахлобучилъ мнѣ на глаза это чудище и захлопнулъ дверь.

Я не пытался разнести дверь, ибо я человѣкъ мирный, но у меня есть, какъ вы знаете, нѣкоторая склонность къ механикѣ, и я закрѣпилъ спичкой кнопку электрическаго звонка, чтобы повеселить ихъ на праздникахъ хорошенькимъ трезвономъ.

Полагаю, что звонокъ звенитъ и по сейчасъ.

Я невѣрно справился въ адресъ-календарѣ. Полковникъ жилъ на Страндвегѣ. Отправился туда. «Полковникъ улегся спать», сказалъ мнѣ привратникъ, и было бы вполнѣ безполезно пытаться его разбудить, ибо онъ такъ глухъ, что рѣшительно ничего не услышитъ. Но если я согласенъ обождать, то могу попытаться зайти завтра утромъ часовъ въ десять, когда полковникъ всегда сидитъ на балконѣ.

Я такъ и сдѣлалъ.

Минута въ минуту я былъ тамъ. «Герръ» явился тоже. Полковникъ сидѣлъ на балконѣ и читалъ газету. Словно воръ взобрался я на лѣстницу и принялся барабанить въ

Digitized by Google

его дверь. Она не открывалась. Но зато раскрылись двери во всѣхъ остальныхъ квартирахъ всего дома, и дружескіе голоса прокричали мнѣ, что «полковникъ ничего не слышитъ, онъ глухъ, какъ стѣна».

Я вышелъ опять на улицу. Необыкновенно пріятно стоять на Страндвегѣ раннимъ рождественскимъ утромъ въ цилиндрѣ цвѣта морской волны на головѣ и представлять собой феноменъ, созерцаемый нѣсколькими десятками зѣвакъ.

Я заоралъ подъ балкономъ. Полковникъ не пошевелился. Я потянулъ «Герра» за хвостъ, чтобы онъ залаялъ, и мы оба на перебой принялись орать старому джентльмену, который невозмутимо продолжалъ сидѣть въ своей роскошной шубѣ, съ моимъ изящнымъ, блестящимъ цилиндромъ на головѣ—и читалъ газету.

Я началъ бросать снѣжками. Это помогло. Полковникъ опустилъ глаза и увидалъ меня.

— Шляпу!—заоралъ я такъ громко, какъ только могъ.

Онъ покачалъ головой.

— Мнѣ нужна моя шляпа!—оралъ я.

Онъ продолжалъ качать головой.

Мнѣ показалось, что я сойду съ ума.

Вокругъ меня собиралась толпа. Я приставилъ руки ко рту въ видѣ рупора и завылъ такъ, что можно было услышать въ Америкѣ:

— Отдайте мнѣ мою шляпу!

Полковникъ только качалъ головой.

Тогда я снялъ шляпу и протянулъ ему.

— Это ваша шляпа, полковникъ!—прооралъ я, дойдя до бѣшенства.

Тогда онъ понялъ. Онъ помахалъ отрицательно рукой и закричалъ мнѣ въ отвѣтъ: «Проходи дальше, здѣсь не подадутъ ничего!»

Онъ рѣшилъ, что я прошу милостыню...

— Не можетъ ли кто-нибудь одолжить мнѣ на праздники шляпу?

Сладкій поцѣлуй.

Digitized by Google

I.

Историческій очеркъ.

Болѣе столѣтія уже, какъ пресса Англіи составляетъ существенную часть ея соціальнаго и политическаго организма, являясь сама по себѣ настоящимъ учрежденіемъ и вѣрнѣйшей гарантіей прочихъ учрежденій. Нужно ли говорить, что въ мірѣ нѣтъ страны, въ которой читали бы больше, чѣмъ въ Англіи, что пресса ея освѣдомлена лучше всѣхъ своихъ сестеръ на континентѣ, что она широко вліяетъ на воспитаніе націи, на ея развитіе, споспѣшествуетъ ея силѣ и могуществу? Все это хорошо знакомо, и останавливать на этомъ вниманіе читателя нѣтъ никакой надобности.

Еще въ 1831 г. извѣстный лордъ Lindhurst сказалъ не менѣе извѣстному Grevill'ю: «Могущественнѣйшій нынѣ человѣкъ въ королевствѣ это Барнесъ!», а Барнесъ былъ редакторомъ политическаго отдѣла «Times». Съ тѣхъ поръ прошло болѣе 70 лѣтъ, и нынѣшняго политическаго редактора той же газеты сэра Мекензи Уоллеса мы видѣли приглашаемымъ къ высочайшему столу, въ Бальморалѣ, во время пребыванія тамъ русскаго императора. Да, пресса Англіи пользуется колоссальнымъ вліяніемъ и значеніемъ, и лордъ Розбери былъ правъ, когда сказалъ, что пресса эта «руководитъ нами, государственными людьми, и служитъ для насъ лучшей толковательницей національныхъ идей?» [1])

[1]) Изъ рѣчи лорда Розбери, произнесенной въ 1892 г. на банкетѣ Института журналистовъ.

Дабы добиться такого значенія и вліянія, англійской прессѣ пришлось вести упорнѣйшую войну почти въ теченіе полутора столѣтія. Иниціаторшей «похода на народное просвѣщеніе» была королева Анна, которая, справедливо считая раціональнѣйшимъ средствомъ борьбы деньги, въ 1712 году обложила прессу налогомъ въ размѣрѣ одного пенса съ № газеты и пенса съ фунта бумаги. Преемники Анны оцѣнили плоды этого «налога на просвѣщеніе», и одинъ за другимъ, по фартингу и $^1/_2$ пенсу увеличили налогъ этотъ до 4 пенсовъ (16 коп.) на № газеты, благодаря чему «Times» и др. тогда существовавшія газеты не могли продаваться дешевле 7 пенсовъ.

Естественно, что позволять себѣ такую роскошь, какъ покупка ежедневной газеты по 28 коп. номеръ, могли очень немногіе, и запретительная мѣра вполнѣ достигала своей цѣли, собирая налога свыше милліона фунтовъ и... тратя на народное просвѣщеніе 20 тысячъ... Правительство облагало налогомъ и накладывало клеймо (не въ переносномъ, а прямомъ смыслѣ) не только на газеты, но и на книги и брошюры, выпускаемыя дешевле 6 пенсовъ, т. е. на дешевыя изданія, могущія имѣть сбытъ въ низшихъ классахъ. Война между писателями и издателями съ одной стороны и правительствомъ съ другой велась уже съ конца прошлаго столѣтія, но дѣйствительно энергичной и ожесточенной она стала въ эпоху реформы 1832 года, когда началось движеніе чартистовъ.

Digitized by Google

Неклейменая печать, тайно фабрикуемая, продавалась контрабандой, изъ подъ полы, разносчиками, за которыми, какъ за дичью, охотились полисмены и спеціальные инспекторы, и, въ случаяхъ удачи, владѣльцы типографій, издатели и разносчики наказывались штрафами и тюрьмой, а типографіи разорялись. Робертъ Соуэнъ и М. Гетерингтонъ въ особенности прославились отчаянной борьбой за свободу печати. Въ разное время Гетерингтономъ издавалось нѣсколько народныхъ газетъ, изъ которыхъ популярнѣйшей была «Пенсовая газета для народа» и масса брошюръ, въ которыхъ авторъ-издатель злобно громилъ правительство, тормозящее народное просвѣщеніе, ведущее за собою народное благосостояніе. Подъ самымъ носомъ полиціи, караулившей двери его типографіи, Гетерингтонъ, при помощи вѣрныхъ ему людей, выпускалъ черезъ каминныя трубы пакеты съ газетой или брошюрами, но въ концѣ концовъ типографія его была уничтожена, а онъ заключенъ въ тюрьму. Титулъ «отца народной журналистики» достался ему не дешево, но въ послѣдователяхъ ему недостатка не было; появились Клайвъ (также попавшій въ тюрьму), Карпентеръ, Ватсонъ съ его образцовымъ «Другомъ рабочаго» и др., а затѣмъ Гетерингтонъ, выпущенный изъ тюрьмы, вновь выступилъ на арену борьбы, направленной къ народному благу. Число людей, сознательно относившихся къ этому благу, росло, и въ 1848 году парламенту была подана петиція объ освобожденіи прессы отъ какихъ бы то ни было налоговъ и контроля.

Видя въ числѣ петиціонеровъ такихъ государственныхъ людей, какъ Кобденъ, Брайтъ Вильерсъ, такихъ мыслителей и дѣятелей, какъ Джонъ Стюартъ Милль, Гербертъ Спенсеръ, Льюисъ и др., чувствуя, какимъ негодованіемъ дышетъ общественное мнѣніе, но не рѣшаясь сразу дать свободу такому врагу, какъ угнетенная пресса, правительство пошло на уступки, на полумѣры и сбавило налогъ на газеты до 1 пенса съ № и до полутора пенса съ фунта бумаги. Газеты стали продаваться по пяти пенсовъ, средніе классы общества нѣсколько успокоились, но проникать въ народныя массы пятипенсовая газета все еще не могла, конечно. Агитація въ пользу полнаго уничтоженія налога не прекратилась, а повелась еще энергичнѣе и настойчивѣе, и въ 1855 году англійская пресса побѣдила... Моментально появилась масса изданій по пенсу, а затѣмъ и по полупенсу, газета стала достояніемъ народа, и для англійской прессы наступила новая, свѣтлая эра.

II.

Общая характеристика современной Англійской прессы.

Въ 1846 году появилась первая пенсовая газета, нынѣ же ихъ, издающихся въ Лондонѣ, ежедневныхъ утреннихъ 13 [1]), а вечернихъ 6, полупенсовыхъ же 8. Фонды лондонскихъ газетъ представляютъ огромные капиталы; валовой доходъ такихъ газетъ, какъ «Дэйли Телеграфъ», «Дэйли Кроникльъ», «Стандардъ», «Дэйли Ньюсъ», достигаетъ отъ 2.250,000 р. до 5.000,000 рублей («Дэйли Телеграфъ»), чистаго же дохода даютъ отъ 300 до 800 тысячъ рублей въ годъ. Средній дневной расходъ большой пенсовой газеты считается въ Лондонѣ въ 12,000 руб., чистый же ежедневный доходъ до 2 тыс. рублей.

Содержаніе лондонскихъ такъ же, какъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетъ, поражаетъ своимъ богатствомъ: доставленныя телеграфомъ за минувшіе 24 часа со всѣхъ концовъ міра новости политическія, коммерческія и финансовыя, парижская, берлинская, вѣнская и нью-іорская хроника ежедневно, и изъ другихъ столицъ два-три раза въ недѣлю, спеціальныя свѣдѣнія и, наконецъ, отчеты парламентскихъ дебатовъ, митинговъ, засѣданій ученыхъ обществъ и пр. и пр. прекрасно группируются и, если нужно, комментируются толково съ полнымъ знаніемъ дѣла. Затѣмъ, даже въ самыхъ серіозныхъ газетахъ вы найдете пространный модный отдѣлъ, не менѣе страницы, отведенный спорту всѣхъ родовъ, безъ чего не можетъ существовать ни одна англійская газета, и, наконецъ, обширную судебную хронику: отчеты королевскаго, ассизнаго, бракоразводнаго, коммерческаго и десятка полицейскихъ судовъ... Такими статьями, телеграммами и отчетами, напечатанными мелкимъ и убористымъ шрифтомъ, заполнено обыкновенно отъ 4 до 6 страницъ большого формата, но это лишь ядро газеты, окруженное солидной оболочкой изъ 6—8 страницъ

[1]) Въ томъ числѣ «Times», продающійся одинъ лишь по 3 пенса.

Digitized by Google

объявленій, анонсовъ и банковыхъ отчетовъ и рекламъ.

Распродаваясь по пенсу лишь, «Дэйли Телеграфъ» собираетъ въ день до 350,000 пенсовъ, или до 14 тысячъ руб., которые не могутъ окупить расходовъ чисто редакціонныхъ, расходовъ на бумагу, краску, наборъ, вознагражденіе посредникамъ, плату за спеціальные поѣзда, развозящіе свѣжіе №№ газеты во всѣ уголки Англіи, и т. д. [1]). Эти баснословные расходы окупаются объявленіями, представляющими на 6—8 страницахъ газеты настоящій рынокъ, гдѣ вы найдете все и все строго на своемъ мѣстѣ. Къ какому бы она ни принадлежала направленію, лондонская газета, только вчера появившаяся въ свѣтъ, можетъ разсчитывать на обширнѣйшій кругъ читателей, но успѣхъ ея обусловливается солидностью репутаціи предпріятія, репутаціи, которая можетъ быть быстро создана и зависитъ отъ публицистической стороны изданія. Кліентура газеты увеличивается и удерживается тѣмъ, что она, не останавливаясь ни предъ какими денежными расходами, старается наилучше удовлетворить желанія читателя, быть освѣдомленною быстро, хорошо и точно обо всемъ, что происходитъ въ подлунной. Объявленія оплачиваютъ эти дорого стоящія газетѣ свѣдѣнія и извѣстія, а эти послѣднія удерживаютъ и увеличиваютъ кліентуру газеты.

Развертывая, напримѣръ, номеръ «Таймса», выходящаго въ 4 часа утра, вы убѣждаетесь, что на его 12—16 страницахъ [2]) помѣщается въ полномъ смыслѣ слова исторія важнѣйшихъ событій всего міра послѣднихъ 24 часовъ и все то, что было напечатано, сказано и пережито до 12 часовъ минувшей ночи какъ въ Лондонѣ, такъ и во всѣхъ политическихъ, промышленныхъ и коммерческихъ центрахъ Англіи; большія же рѣчи выдающихся ораторовъ вы найдете всегда in extenso.

Съ 1870 года, когда Арчибальдъ Форбсъ съ часу на часъ по телеграфу передавалъ англійскимъ читателямъ захватывающіе эпизоды франко-прусской войны, электрическая проволока произвела настоящую революцію въ англійской прессѣ и публикѣ, и нынѣ все то, что произошло болѣе чѣмъ за 24 часа назадъ, относится уже къ области исторіи, не составляетъ злобы дня, не заслуживаетъ особеннаго общественнаго вниманія. Всѣ главныя газеты Лондона и значительнѣйшія изъ провиціальныхъ содержатъ на министерскихъ окладахъ своихъ корреспондентовъ во всѣхъ столицахъ и главнѣйшихъ городахъ всѣхъ частей свѣта (въ Россіи: въ Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ) и получаютъ отъ нихъ каждый вечеръ телеграммы въ сотни и тысячи словъ. Эти громадныя издержки первымъ ввелъ «Таймсъ», и его примѣру послѣдовали всѣ газеты, дорожащія уваженіемъ къ нимъ читателей. Еще въ 1871 году для прессы въ Соединенномъ Королевствѣ протелеграфировано было 21 милліонъ словъ, а въ 1891 году число это возросло до 600 милліоновъ... Знаменитый спичъ Гладстона, произнесенный въ 1891 г. въ National Gaderation, въ Newcastle'ѣ и состоявшій изъ 390,778 словъ, переданъ былъ къ утру во всѣ концы Англіи.

Въ 1892 году, въ самый разгаръ кампаніи, которую велъ «Times» противъ гомъруля и его автора, Гладстонъ отдалъ для напечатанія одну изъ филиппикъ своихъ американскому журналу «North American Review»; статья должна была появиться 1-го октября въ Нью-Іоркѣ, и «Times» обѣщалъ читателямъ, что въ тотъ же день дастъ имъ эту статью почти in extenso. Чего стоило «Times»'у добиться на это разрѣшенія у директора американскаго журнала, исторія умалчиваетъ, но 1-го октября въ «Times»'ѣ дѣйствительно появились 2,500 словъ изъ Гладстоновской статьи, состоявшей изъ 4,583 словъ, съ комментаріями статьи даже, какъ будто она напечатана была наканунѣ въ Лондонѣ. До какой степени лондонскія газеты не жалѣютъ издержекъ на точныя и скорыя свѣдѣнія, показываетъ лучше другихъ слѣдующій примѣръ. Во время послѣдняго въ Буэносъ-Айресѣ экономическаго и финансоваго кризиса, имѣвшаго очень печальныя послѣдствія для англійскихъ капиталистовъ, «Times», пославшій въ Аргентину одного изъ своихъ лучшихъ корреспондентовъ, въ теченіе двухъ дней получалъ отъ него ежечасно почти самыя точныя и детальныя свѣдѣнія о кризисѣ. Такой роскоши не могло бы себѣ позволить ни одно правительство, ни одинъ могущественный бан-

[1]) Ежедневный расходъ «Daily Telegraph» достигаетъ 18 тысячъ рублей. Газета заявляетъ въ рекламахъ, что издается въ полумилліонѣ экземпляровъ, но цифра эта нѣсколько преувеличена.

[2]) Изрѣдка 20.

Digitized by Google

кирскій домъ. «Times»'у эти два дня обошлись до 15,000 рублей, но, благодаря ему, европейскіе капиталисты, участвовавшіе милліардами въ предпріятіяхъ Южной Америки, на три недѣли раньше ознакомились съ интересовавшими ихъ событіями и могли принять должныя мѣры своевременно.

Нѣкоторыя провинціальныя газеты почти такъ же, если не лучше, освѣдомлены, чѣмъ лондонскія. «Manchester Guardian», «Liverpool Courier», «Birmingham Daily Post», «Leeds Mercury» и др. успѣшно конкурируютъ со столичными лучшими органами и могли бы сдѣлать честь любой столицѣ Европы. Въ Парижѣ, напримѣръ, не говоря о Берлинѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ, нѣтъ ни одной газеты, которая была бы такъ прекрасно обставлена и ведена, какъ «Manchester Guardian», который имѣетъ собственныхъ корреспондентовъ (для телеграммъ, а не для писемъ однихъ) во всѣхъ главныхъ городахъ Европы, бюро въ Парижѣ, центральное агентство въ Лондонѣ и агентства чуть ли не во всѣхъ городахъ Англіи. Въ высшей степени содержательная, газета эта изобилуетъ такимъ же количествомъ новостей со всѣхъ концовъ міра, какъ и ея лондонскія сестры, и не имѣетъ соперницъ въ вопросахъ соціальныхъ и экономическихъ, касающихся той области Англіи, которой она служитъ. Къ политическимъ корреспонденціямъ изъ Лондона, ежедневно передаваемымъ по телеграфу и составляемымъ извѣстнымъ членомъ парламента, прислушивается не только политическій міръ Англіи, но и всей Европы, и обойтись безъ «Manchester Guardian» не можетъ ни одинъ политическій дѣятель Англіи; газета завоевала себѣ это положеніе и твердо держитъ его.

Англійская пресса—это крупная выдающаяся промышленность, предприниматели и главари которой умѣютъ быть отвѣтственными передъ публикой, передъ общественнымъ мнѣніемъ. Ихъ (предпринимателей) соціальное положеніе опредѣляется именемъ органа печати и его болѣе или менѣе высокой репутаціей,—репутаціей, являющейся въ высшей степени драгоцѣннымъ качествомъ, одушевляющимъ руководителей и главарей органа, какъ воодушевляются таковою же стоящіе во главѣ старинныхъ и уважаемыхъ коммерческихъ фирмъ Лондона, Ливерпуля, Манчестера и Бирмингама... Эта отвѣтственность руководителей прессы тѣмъ болѣе тяжела, чѣмъ удачнѣе идутъ дѣла газеты, чѣмъ могущественнѣе она,—главари органа печати чувствуютъ тяжесть этой отвѣтственности и съ достоинствомъ несутъ ее, проникнутые въ высшей степени интересами страны, честью англійскаго имени, уваженіемъ къ частной жизни и къ личнымъ интересамъ гражданъ. То время, когда либералы въ своихъ газетахъ называли консерваторовъ «сворою выжившихъ изъ ума злыхъ идіотовъ», прошло давно уже [1]),—вопросы самолюбія, полемики личной и даже полемики между газетами—совершенно исчезли, ибо англичане поняли, что идеи выше личностей... Полемика, скорѣе грызня, подобная той, которая царствуетъ на страницахъ нашихъ отечественныхъ ежедневныхъ изданій, давно осуждена общественнымъ мнѣніемъ Англіи и буквально невозможна теперь,—газета-ругательница не найдетъ читателей...

«Вообще англійская пресса высказываетъ столько справедливости, благородства и безпартійности по отношенію къ своимъ политическимъ противникамъ [2]), сколько можно только требовать отъ несовершеннаго и притомъ анонимнаго человѣчества...«Я очень многимъ обязанъ прессѣ, которая часто сѣкла меня», говорилъ на одномъ изъ обѣдовъ журналистовъ пресловутый Чемберлэнъ, и мы не можемъ согласиться лишь съ послѣдними его словами...

Естественно, что пресса Англіи чувствуетъ себя на высотѣ учрежденія, ибо черпаетъ силы въ уваженіи, которымъ пользуется и котораго заслуживаетъ... Въ свою очередь, слѣдуетъ отдать справедливость и публикѣ Англіи: по каждому вопросу,—идетъ ли дѣло о парламентскихъ дебатахъ, о гражданскомъ или уголовномъ процессѣ, о какихъ-либо преніяхъ или выдающемся событіи,—общество желаетъ составить свое собственное мнѣніе, желаетъ знать лишь pro и contra, хочетъ слышать мнѣнія всѣхъ партій, а не досужія разсужденія журналиста; общество требуетъ документовъ, безпартійнаго

---

[1]) Впрочемъ, у Ч. Диккенса «Истанвильская Газета» и «Истанвильская Независимость» походя именовали другъ друга «подлой и глупой независимостью», «лживой и богопротивной макулатурой», «лоханью клеветы и мерзости» и т. д.

[2]) Внутри Англіи,—само собою, а не внѣ ея.

Digitized by Google

анализа и допускаетъ лишь, чтобы печать партіи, которой принадлежитъ газета, лежала только на передовой статьѣ, въ которой высказывается не та или другая личность, а «газета», почему въ Англіи передовицы и не подписываются.

Къ какой бы партіи газета ни принадлежала, она дѣлаетъ всегда безпартійный анализъ парламентскихъ дебатовъ, и какъ эта суровая честность газеты, такъ и та вѣра, съ которой относится къ ней читающая публика, заслуживаютъ привѣтствія и уваженія, тѣмъ болѣе, что оффиціальныхъ отчетовъ парламентскихъ дебатовъ не печатается и нѣтъ иного способа точно опредѣлить и оцѣнить выраженія ораторовъ, кромѣ передачи ихъ газетами. Ошибки болѣе чѣмъ рѣдки. Въ этомъ отношеніи «Times» поступаетъ еще раціональнѣе, печатая дебаты in extenso. Даже въ судебныхъ процессахъ англійскій газетный репортеръ является истиннымъ юрисконсультомъ, ибо, питая слишкомъ большое уваженіе къ свободѣ человѣка, никогда не отнесется къ обвиняемому, какъ къ обвиненному до его осужденія...

Начиная съ пятидесятыхъ годовъ редакціями газетъ стали завладѣвать и завладѣли нынѣ универсанты, благодаря которымъ общія идеи нашли достойныхъ толкователей и начали проникать въ массы общества; универсанты же внесли въ прессу тотъ спокойный тонъ, которымъ отличаются нынѣ газеты Англіи и которому онѣ измѣняютъ лишь въ вопросахъ внѣшней политики, въ отношеніяхъ своихъ къ другимъ націямъ.

Здѣсь политическое, національное и религіозное пристрастіе входитъ въ полную силу, и шовинизмъ бьетъ черезъ край. Абсолютное невѣжество относительно того, что происходитъ внѣ Англіи, чѣмъ живы другія націи, каковы ихъ духъ и міровоззрѣнія, съ одной стороны, и коллективный эгоизмъ, національная гордость, съ другой—вотъ двѣ главнѣйшія причины этого пристрастія. Даже наилучше одаренный англичанинъ, разъ онъ носитъ на себѣ англійскій обликъ и получилъ истинно-англійское воспитаніе, не въ состояніи понять міровоззрѣнія и духъ другого народа и воздать ему должную справедливость; мы, русскіе, болѣе чѣмъ кто-либо, испытываемъ это. Сознаніе и впитавшееся съ молокомъ матери убѣжденіе въ превосходствѣ англосаксонской расы не позволяютъ англичанину стать выше собственнаго я, парализуютъ его симпатіи къ другому народу, заставляютъ его быть несправедливымъ ко всему тому, что не Англія, не англійское... Пристрастіе это, конечно, является крупнымъ недостаткомъ англичанъ, но не служитъ ли оно и доказательствомъ силы англосаксонской расы?..

Ознакомившись съ главными чертами, достоинствами и недостатками англійской прессы, перейдемъ теперь къ ея главнѣйшимъ представителямъ, остановившись прежде всего на «Times»'ѣ, конечно, который, хотя и потерялъ свое первенствующее значеніе, но фонды котораго все же чрезвычайно высоко котируются на политической биржѣ Европы.

III.

«Times».

Что за грозная сила «Times»!—писалъ Луи Бланъ въ его «Lettres sur l'Angleterre»,—а года три назадъ въ Петербургѣ извѣстный редакторъ-издатель «Review of Reviews» В. Стэдъ, бесѣдуя съ интервьюэромъ «Новаго Времени», замѣтилъ: «Не обращайте вниманія на «Times» и «Standard», они не служатъ выразителями общественнаго мнѣнія»...

В. Стэдъ — убѣжденный руссофилъ, названныя же имъ газеты руссофобство въ религію почти обратили, и потому мнѣніе почтеннаго публициста можно было бы считать пристрастнымъ, но въ самомъ дѣлѣ «Times» дѣйствительно пересталъ быть камертономъ англійской прессы. По словамъ извѣстнаго историка и журналиста Кинглека, «Times» — это органъ міра, къ которому обращаются люди, ищущіе защиты въ какой бы то ни было формѣ: король, требующій утраченный престолъ, кухарка, ищущая мѣсто, вдовецъ, которому нужна жена, мать, потерявшая ребенка на улицѣ и т. д. Туда бѣжало безуміе, чтобы имѣть свиданіе съ мудростью; туда направлялся благородный гнѣвъ, туда же стремились и низкая ненависть и злоба. И нація безпристрастно выслушивала всѣхъ и постановляла свой безапелляціонный приговоръ».

Все это было въ эпоху Луи Блана и раньше, когда во главѣ «Times»'а стояли Барнесъ, Делейны, отецъ и сынъ, Россель и Чемери, но настало время, когда послѣднему пришлось уступить мѣсто новымъ людямъ, «новымъ метламъ», новымъ вѣяніямъ, новымъ

Digitized by Google

процедурамъ... «Times» сразу круто измѣнился, сжегъ то, чему поклонялся, и поклонился тому, что̀ сжигалъ.

Благодаря Барнесу, отцу и сыну Делейнамъ и тѣмъ условіямъ отношеній газеты къ обществу, о которыхъ мы говорили, «Times» справедливо стяжалъ славу защитника общественныхъ интересовъ и всѣхъ дѣйствительно угнетенныхъ, хотя онъ и былъ уже органомъ капиталистовъ Сити. Хорошо извѣстна его блестящая кампанія въ пользу малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и въ каменноугольныхъ копяхъ, но еще болѣе памятна его кампанія въ пользу ирландскаго самоуправленія, каковое, по мнѣнію газеты, слѣдовало дать Ирландіи, хотя бы во имя безопасности Англіи, такъ какъ усилившаяся въ ту пору эмиграція ирландцевъ грозила созданіемъ за океаномъ страшной силы, враждебной Англіи. Но... мѣняются времена, мѣняются и убѣжденія, въ редакціи «Times» завелись новыя метлы, и разразился скандалъ, въ который едва-ли бы впалъ начинающій журналистъ эпохи Барнеса и Делейна. «Times», вдругъ ставшій непримиримымъ врагомъ ирландскаго самоуправленія, въ 1887 году началъ печатать серію статей «Parnelism and crime» (Парнелизмъ и преступленіе), глубоко уронившихъ газету въ глазахъ всей Европы, зорко слѣдившей за происходившей полемикой-драмой. «Times» обвинялъ Парнелля ни болѣе ни менѣе какъ въ томъ, что съ его вѣдома и одобренія произведены были феніями памятныя всѣмъ убійства въ Фениксъ-Паркѣ, въ доказательство чего газета печатала факсимиле писемъ Парнелля, дѣйствительно производившихъ ужасное впечатлѣніе. Была ли это ошибка со стороны «Times»? Надо помнить, что одной изъ отличительныхъ чертъ Парнелля была его нелюбовь къ перепискѣ, вошедшая въ пословицу даже. Уже это должно было возбудить въ редакціи подозрѣніе относительно принадлежности перу Парнелля приписываемыхъ ему писемъ, но, не смотря на заявленіе Парнелля, что письма эти подложны, редакція продолжала походъ противъ Парнелля и гомъ-руля. Общественное мнѣніе негодовало и волновалось и требовало свѣта до такой степени, что правительство должно было его удовлетворить; назначено было слѣдствіе, которое и выяснило, что письма были фальсифицированныя и что это было дѣло рукъ агента «Times»'а Пиггота, который, въ концѣ слѣдствія, бѣжалъ и застрѣлился... Судъ приговорилъ газету къ уплатѣ штрафа въ пользу Парнелля въ размѣрѣ 50,000 руб., но «Times» потерялъ гораздо больше въ общественномъ мнѣніи, онъ пересталъ быть непогрѣшимымъ, пересталъ быть оракуломъ...

Пять лѣтъ назадъ, когда дѣянія флибустьеровъ Джемсоновъ, съ Сесилемъ Родсомъ во главѣ, вынудили правительство произвести парламентское слѣдствіе, документально выяснилось, что въ заговорѣ принимали видное участіе, съ вѣдома редакціи, или ею лишь пользуясь, миссъ Флора Шау, редакторъ колоніальнаго отдѣла «Times», талантливая дѣвушка, но безусловная авантюристка. Защитникъ угнетенныхъ 20 лѣтъ тому назадъ, «Times», поддерживая «Chartered Company» Родезіи и ея флибустьеровъ, формально практиковавшихъ рабство въ Южной Африкѣ, находилъ, что цивилизація «жертвъ очистительныхъ проситъ», что непреложнымъ закономъ исторіи дикари осуждены на рабство и гибель... Наконецъ, четыре года тому назадъ освобожденный изъ каторги и заподозрѣнный въ соучастіи съ феніями ирландецъ Делли повѣдалъ въ печати, что во время слѣдственнаго производства по дѣлу Парнелля къ нему въ тюрьму явился агентъ «Times»'а и просилъ Делли дать показаніе о соучастіи Парнелля въ убійствѣ лорда Кавендиша и Борка, за что ему, Делли, было ректоромъ тюрьмы обѣщано смягченіе наказанія... «Times» обвиненія этого не опровергъ, и этого достаточно...

Увѣряютъ, однако, что «ошибка» съ фальсифицированными письмами Парнелля произошла исключительно благодаря неопытности новой редакціи, которая не была au courant дѣла... и что когда переходъ отъ стараго порядка вещей къ новому совершился—исчезла возможность подобныхъ ошибокъ... вплоть до новаго режима, до воцаренія настоящей редакціи съ М. Моберли-Белломъ во главѣ. Правда, что послѣ смерти Т. Чемери, въ редакціи «Times»'а происходила комедія, походившая на пріѣздъ новаго владѣльца въ большое старое имѣніе, пріѣздъ котораго долженъ былъ вызвать непріязненныя чувства у всѣхъ, свыкшихся со старыми порядками и привычками прежнихъ владѣльцевъ. «Старый» лордъ принималъ въ своемъ имѣніи лишь тѣхъ гостей, которые вполнѣ отвѣчали его строгимъ взглядамъ на

Digitized by Google

приличія и ортодоксальность, съ пріѣздомъ же новаго лорда—все измѣнилось. Манеры и способы выраженій новыхъ пріятелей «молодого лорда» наводили на старыхъ друзей родъ священнаго трепета; всѣ прежніе почетные гости—авторитеты въ области наукъ, искусствъ и политики—замѣнены представителями фешенебельной богемы, которые, по той или другой причинѣ, оказались въ модѣ въ данную минуту. Если бы прежде кто-либо осмѣлился замѣтить редактору, что его газета «отстаетъ» отъ моды, онъ отвѣтилъ бы презрительной усмѣшкой, или же разразился бы громоноснымъ ударомъ, бывшимъ въ распоряженіи литературнаго Юпитера и предназначавшимся для дерзкихъ, вмѣшивающихся не въ свое дѣло; теперь же редакторъ всѣми силами старается предупредить подобныя замѣчанія, набирая «съ борку, да съ сосенки» сотрудниковъ обоего пола, которыхъ молва признаетъ модными...

«Times» измѣнился во всѣхъ отношеніяхъ, actualité стало его маніей, которой заразились и всѣ прочіе «уважающіе себя» органы лондонской прессы. Завелись собственныя телеграфныя проволоки, собственные поѣзда для развозки номеровъ газетъ въ провинціи, цѣлые обозы шарабановъ для ихъ развозки по городу, агентства во всѣхъ градахъ и весяхъ, собственные корреспонденты съ такими окладами жалованья, какихъ не получаютъ послы великихъ державъ, корреспонденты въ родѣ Э. Бловица, «короля корреспондентовъ», который, какъ мандаринъ въ опереткѣ, «знаетъ все, слышитъ все, видитъ все», которому ничего не стоитъ доставить «Times»'у проектъ новаго закона, еще не вышедшій изъ кабинета министра Франціи, депеши котораго (Бловица), зачастую безусловно ложныя, волнуютъ весь міръ, производятъ сенсацію неописуемую. Задачи сихъ гг. Бловицовъ, Добсоновъ (Петербургъ) и другихъ—притворяться не понимающими дѣйствительнаго значенія фактовъ и событій и фальсифицировать ихъ въ той степени, которая нужна, чтобы удовлетворять англійскимъ предубѣжденіямъ, на сколько это нужно въ британскихъ интересахъ, и, надо отдать имъ справедливость, они выполняютъ задачу эту съ полнымъ успѣхомъ.

«Газетные корреспонденты — тѣ же посланники державъ, только не аккредитованные и обязанность ихъ—заботиться о мирѣ, сближать націи», говорилъ Делейнъ, враждовавшій съ врагомъ мира Пальмерстономъ, и скромные корреспонденты «Times»'а 60-хъ годовъ такими и были, нынѣ же никто, какъ они, сѣютъ раздоры, недоразумѣнія, конфликты, даже порождаютъ ихъ,—корреспонденты «Times»'а — сила громадная и очень вредная...

Въ 1845 году желѣзнодорожная горячка приняла въ Англіи размѣры поистинѣ ужасные, и «Times» за одни желѣзнодорожныя объявленія получалъ до 120,000 рублей въ недѣлю... Предвидя громадную опасность отъ этой спекуляціи, Джонъ Уолтеръ, издатель «Times»'а, повелъ очень рѣзкую кампанію противъ желѣзнодорожной спекуляціи и, слѣдовательно, прежде всего, противъ анонсовъ, помѣщавшихся на его страницахъ, —онъ потерпѣлъ, конечно, громадные убытки, но пріобрѣлъ новыя тысячи читателей, почетъ и уваженіе общественнаго мнѣнія. Черезъ 50 лѣтъ мы увидѣли совершенно обратное. Въ 1897 году, когда открылись дѣянія «Chartered Company» и когда стоявшимъ во главѣ ея дюкамъ и графамъ понадобилось «благородно ретироваться» и сбыть акціи «привилегированной компаніи», начинавшія падать,—«Times» рядомъ блестящихъ статей и фальсифицированныхъ отчетовъ поднялъ акціи и далъ возможность магнатамъ-коммерсантамъ сбыть за счетъ легковѣрныхъ свои бумаги... «Times» пріобрѣлъ деньги и расположеніе дюковъ, но потерялъ еще болѣе реноммэ безупречной газеты... «Times» сталъ «New-Times»'омъ и въ «духѣ времени» повелъ дѣла свои... Духъ этотъ сказался во всемъ, — въ политическомъ, финансовомъ, этическомъ, критическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Когда-то на столбцахъ «Times»'а, посвященныхъ стихотвореніямъ, появлялись благородные стансы Вордсворта и Теннисона, нынѣ же на страницахъ «Times»'а подвизается придворный лауреатъ Остинъ, посмѣщище всей Англіи, недавно еще воспѣвавшій подвиги доктора Джемсона и К°, и рядъ другихъ «веселыхъ» поэтовъ, коверкающихъ англійскій языкъ на потѣху публики. Когда попавшійся въ интригѣ съ придворной дамой, принцъ Баттенбергскій своей строгой тещей-королевой былъ посланъ въ страну ашантіевъ цивилизовать дикарей при помощи пушекъ Максима и умеръ тамъ отъ зловредной лихорадки, — придворный лауреатъ написалъ трогательную элегію и отправилъ ее въ «Times». По напечатаніи А. Остину отправленъ былъ обычный гонораръ, который по-

Digitized by Google

этомъ и былъ возвращенъ при письмѣ, въ которомъ извѣщалась редакція, что за «выраженіе національной скорби» поэтъ денегъ не беретъ... Прошелъ годъ, и Богъ далъ герцогу Іоркскому сына. Остинъ написалъ торжественную оду, которую «Times» напечаталъ, но за которую гонорара не прислалъ, ссылаясь на прецедентъ... Поэтъ явился съ объясненіями въ редакцію и, узнавъ, въ чемъ дѣло, замѣтилъ, что не беретъ гонорара за скорбь національную, за радость же требуетъ, и не обычный, а двойной... Ода въ честь новорожденнаго принца обошлась «Times»'у въ 200 фунтовъ.

Какъ славился въ старину «Times» его прекрасными «семейными» романами, его святочными разсказами, легендами и новеллами!—Ихъ нѣтъ теперь вовсе,—беллетристика заброшена, и лишь изрѣдка попадаются произведенія современныхъ романистовъ въ родѣ Конанъ Дойля, наполненныя сенсаціоннымъ вздоромъ, изображающія раздирательныя происшествія на фонѣ тропическихъ странъ. Впрочемъ, въ теперешнемъ «Times»'ѣ имѣются и другіе роды литературы, болѣе изысканнаго характера... Въ 60—70-хъ годахъ, по окончаніи парламентскихъ сессій, публика Англіи зачитывалась статьями Далласа и Люкаса, такъ какъ «непроходимо глупыя», по ихъ мнѣнію, засѣданія палатъ, давали обильную пищу тонкому остроумію этихъ журналистовъ. Теперешніе молодые журналисты разсыпаются въ комплиментахъ и кадятъ народнымъ представителямъ, которые хотя и знаютъ истинную цѣну этимъ комплиментамъ, «спѣшатъ отвѣтить любезностью за любезность, посылая талантливымъ авторамъ» приглашенія на обѣды и банкеты...

Не любезничаютъ зато молодые критики «Times»'а и немилосердно преслѣдуютъ все то, что переходитъ границы ихъ памяти, не особенно обремененной. Они никогда не простятъ автору романа, если онъ, описывая событія, происходившія лѣтъ 30 назадъ, выведетъ въ немъ людей, имена которыхъ пользовались извѣстностью въ ту эпоху. Молодые критики не помнятъ этихъ людей, слѣдовательно, они не существовали, извѣстны не были, и романъ фальшивъ... Все, что превосходитъ убогія познанія и коротенькій опытъ этихъ господъ—все считается ошибочнымъ и ставится въ вину автору.

Все это, конечно, не можетъ вредить вліянію «Times»'а за границей, политическій отдѣлъ котораго, хотя и съ сильнымъ запахомъ шовинизма, благодаря талантливому редактору, сэру Мекензи Уоллесу, ведется образцово. Правда, стремленіе къ «новизнѣ», которое обуреваетъ редактора, бываетъ нерѣдко причиной такихъ промаховъ, въ большинствѣ случаевъ политическаго характера, которые заставляютъ публику улыбаться въ теченіе нѣсколькихъ дней, но... какъ мы показали, «Times»'омъ не промахи, а преступленія совершались, и онъ все же стоитъ во главѣ англійской прессы... Въ добромъ мнѣніи о себѣ «Times» уже не нуждается,—онъ живетъ «капиталомъ»,—этимъ капиталомъ является упорная и добросовѣстная работа его прежнихъ редакторовъ и сотрудниковъ, создавшихъ ему славу и реальное богатство. «Times» живетъ за счетъ своего прошлаго, и его читаютъ и цитируютъ по традиціямъ, традиціи же въ Англіи высоко культивируются. «Times»—самая полная въ Англіи газета, и пока онъ будетъ ежедневно наиболѣе подробно и точно отражать событія протекшихъ 24 часовъ европейской лѣтописи, его репутація и доходы не потерпятъ серіознаго ущерба, хотя бы его сотрудниками вмѣсто Морлея, Генри Вейса, Л. Куртнея, Галленри и Роберта Лоуа, являлись исключительно чудаки духовнаго званія и дамы интриганки... Всякая попытка состязаться съ «Times»'омъ, органомъ милліонеровъ Сити, закончится такъ же печально, какъ попытка одного изъ его прежнихъ сотрудниковъ, Джона Стоддарда, основать «New Times», провалившійся на первомъ же номерѣ. Пока газета является въ глазахъ публики лучшей собирательницей новостей, она привлекаетъ массу читателей, а съ ними и массу объявленій, создающихъ въ наше время богатство газеты.

Часто въ жизни націи бываетъ, что необходимый государственный человѣкъ является именно въ тотъ моментъ, когда страна наиболѣе въ немъ нуждается. Будемъ надѣяться, что настанетъ моментъ, когда и въ «Times»'ѣ опять появится истинный «прирожденный», такъ сказать, редакторъ, который снова подыметъ на надлежащую высоту эту вліятельнѣйшую въ Европѣ газету,—тогда онъ перестанетъ быть эхомъ случайныхъ мнѣній, сливающихся въ одномъ лишь—въ шовинизмѣ.

(Продолженіе будетъ). **Л. А. В—чъ.**

Digitized by Google

Берліозъ. Мальяръ. Галеви. Оффенбахъ.

Рис. Надара (1852 г.).

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ДѢЯТЕЛИ ВЪ КАРИКАТУРАХЪ.

Минфоръ и Берліозъ. (Карикатура Синьоля).

Острый карандашъ карикатуриста въ наше время не щадитъ рѣшительно никого,— ни сановника, ни ученаго, ни художника, ни дипломата, ни литератора, если они хотя сколько-нибудь сумѣли возвыситься надъ общимъ уровнемъ заурядной посредственности. И чѣмъ болѣе извѣстное лицо сосредоточиваетъ на себѣ общественное вниманіе, чѣмъ оно талантливѣе, чѣмъ сильнѣе его престижъ въ публикѣ, тѣмъ чаще оно становится объектомъ карикатуры, тѣмъ язвительнѣе бываютъ нападки на него со стороны юмористическихъ журналовъ. Карикатуристы усердно подчеркиваютъ всѣ слабости такого лица, остроумно высмѣиваютъ всѣ его странности и при этомъ нерѣдко создаютъ чрезвычайно удачные шаржи на него, значительно помогающіе толпѣ составить себѣ о немъ болѣе ясное и вѣрное представленіе, такъ какъ обыкновенно въ подобныхъ шаржахъ они стараются представить его, среди, такъ сказать, домашней обстановки, безъ тѣхъ прикрасъ и той помпы, съ которыми онъ въ большинствѣ появляется передъ публикой. Однако, это вовсе не значитъ, чтобы единственною цѣлью карикатуры было опошлить въ глазахъ толпы всякій сколько-нибудь выдающійся талантъ. Напротивъ, — усиливая и подчеркивая характерныя черты его, она часто въ весьма значительной степени способствуетъ установленію болѣе правильнаго и трезваго взгляда на него. И въ этомъ, безспорно, заключается одна изъ важнѣйшихъ заслугъ современной карикатуры.

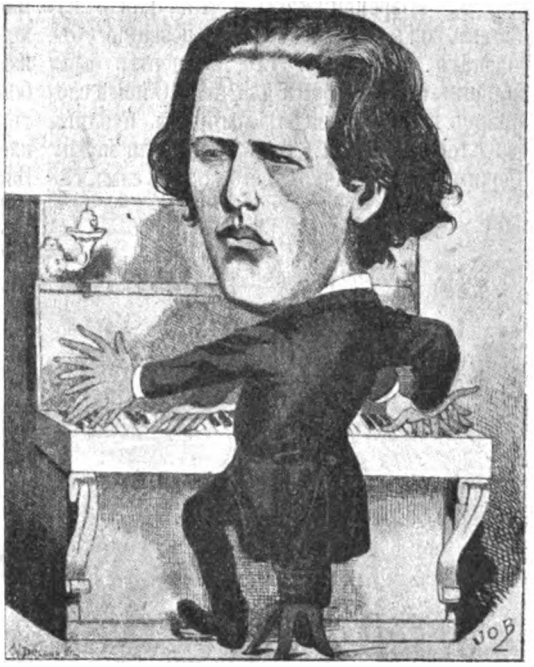
Конечно, вполнѣ понятно, что и музыкальные дѣятели,—такіе композиторы, какъ Россини, Берліозъ, Гуно, Мейерберъ, Верди, Вагнеръ, — такъ и исполнители, подобные Паганини, Листу, Рубинштейну, Бюлову,— не избѣгли общей участи. Вѣдь и они, въ извѣстный періодъ своей жизни и дѣятельности, зачастую бывали божками, передъ которыми преклонялась толпа, и они возбуждали о себѣ въ обществѣ безконечные, разнообразные толки, занимали собою ежедневную прессу, — иногда даже не менѣе, чѣмъ Бисмаркъ или Китченеръ, — покоряли безчисленныя женскія и дѣвичьи сердца, находили себѣ многочисленныхъ подражателей и въ прическѣ, и въ костюмѣ, и въ манерѣ держать себя: ихъ портреты и бюсты тоже выставлялись въ

Амбруазъ Тома. (Карик. Синьоля).

Digitized by Google

окнахъ самыхъ фешенебельныхъ магазиновъ; ихъ именемъ назывались духи и цѣлыя улицы; однимъ словомъ, —ими всячески интересовались въ обществѣ. Возможно ли было карикатуристамъ оставить ихъ въ покоѣ и не обратить на нихъ своего благосклоннаго вниманія?

Впрочемъ, карикатуры на музыкантовъ появились сравнительно очень недавно. Такъ, даже на Моцарта намъ неизвѣстно рѣшительно ни одной карикатуры, а на Бетховена хотя и существуетъ два современныхъ ему рисунка, изъ которыхъ одинъ былъ помѣщенъ въ «Цециліи, записной книжкѣ для друзей музыки», изданной въ 1833 году, и изображалъ этого геніальнаго композитора шествующимъ по улицѣ своей оригинальною походкою, болѣе «похожей на бѣгъ и скачку», чѣмъ на нормальный человѣческій шагъ; а другой, на тотъ же сюжетъ, представлялъ собою воспроизведеніе рисунка, принадлежащаго нѣкоему регирунгсрату Кенеру въ Вѣнѣ, —однако, оба эти рисунка едва-ли могутъ быть признаны, въ строгомъ смыслѣ, карикатурами.



А. Рубинштейнъ.
Карикатура изъ «Les hommes d'aujourd'hui».

Литольфъ.
(Карикатура изъ «Les hommes d'aujourd'hui»).

Прежде чѣмъ появились портреты-шаржи отдѣльныхъ музыкальныхъ дѣятелей, карикатуристы старались воспроизвести различные типы послѣднихъ. Такимъ образомъ, французъ Пигаль создалъ свой превосходный типъ композитора за клавесиномъ, (см. стр. 46), а геніальный Травье—свою неподражаемую по характерности серію музыкантовъ-исполнителей. Въ самомъ дѣлѣ, кто можетъ смотрѣть безъ смѣха на его «кларнетиста-любителя» (см. стр. 46), вѣчно квакающаго на своемъ инструментѣ, какъ бы конкурируя съ лягушками въ болотѣ, или на его «пѣвчаго изъ королевской капеллы, исполняющаго партію перваго дисканта» (см. стр. 47), съ невыразимымъ самодовольствомъ выводящаго свои верхнія нотки. Затѣмъ, изъ числа артистовъ, Паганини первый сдѣлался объектомъ многочисленныхъ карикатуръ. Его удивительная игра на скрипкѣ производила такое громадное впечатлѣ-

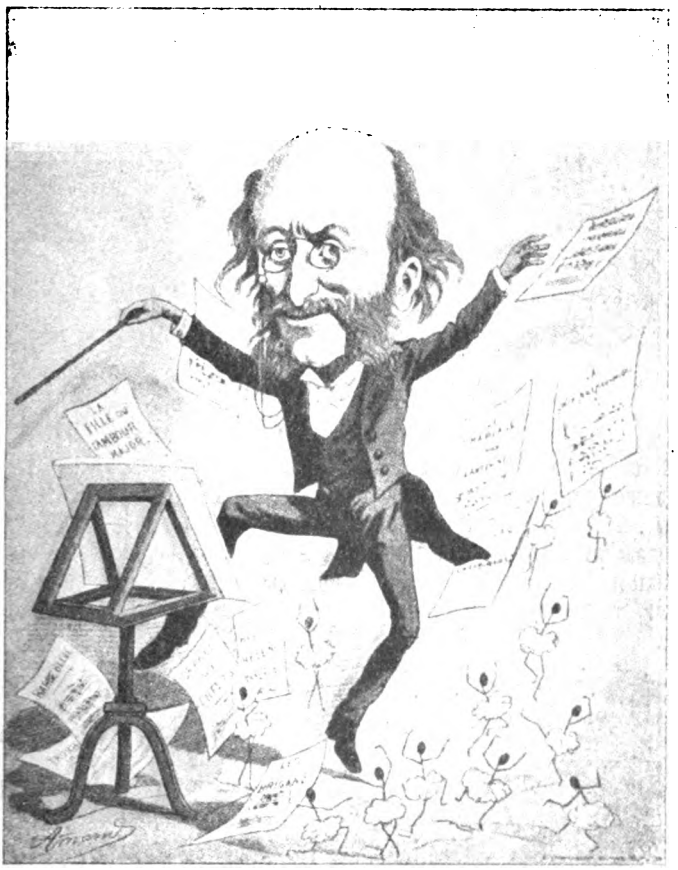
Digitized by Google

ніе на современниковъ, что, какъ извѣстно, онъ даже получилъ прозваніе «бѣсовскаго скрипача». Его концерты были сплошнымъ тріумфомъ для него. О немъ сложились цѣлыя легенды, которымъ публика безусловно вѣрила. Такъ, говорили между прочимъ, что смычкомъ его водитъ самъ сатана, что онъ же напѣваетъ ему въ ухо тѣ мелодіи, которыя Паганини затѣмъ воспроизводитъ на своей скрипкѣ. Поддержанію народной вѣры въ подобныя легенды не мало способствовала и самая внѣшность этого артиста. Худой, высокій, съ большимъ острымъ носомъ и длинными волосами, ниспадавшими безпорядочными прядями до самыхъ плечъ, онъ дѣйствительно походилъ на выходца съ того свѣта, и это неизмѣнно отражалось во всѣхъ карикатурахъ на него. Наиболѣе рельефно выразился указанный характеръ въ юмористической статуэткѣ, изготовленной Дантаномъ года за три до смерти Паганини и изображавшей его играющимъ на скрипкѣ съ такимъ демоническимъ видомъ, какъ будто въ немъ дѣйствительно засѣлъ самъ сатана. Статуэтка эта—одно изъ наиболѣе удачныхъ карикатурныхъ изображеній Паганини (см. стр. 46). Творецъ ея, Дантанъ, былъ безспорно однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ карикатуристовъ 30-хъ годовъ только-что истекшаго столѣтія. Онъ создалъ

Рихардъ Вагнеръ.
(Карикатура Жилля).

Digitized by Google

совершенно новый жанръ карикатуры. Справедливо находя, что задачи и средства послѣдней еще далеко не исчерпываются юмористическимъ изображеніемъ одной лишь головы, какъ это было въ обычаѣ до него, и что для полной характеристики извѣстнаго субъекта необходимо дать цѣлую фигуру его, воспроизвести его характерные жесты, подчеркнуть его физическія особенности, Дантанъ пришелъ къ убѣжденію, что всего этого возможно достигнуть только путемъ примѣненія пластики къ карикатурѣ, потому что рисунокъ, какъ бы хорошъ онъ ни былъ, всегда будетъ страдать отсутствіемъ рельефности. И вотъ Дантанъ сталъ лѣпить юмористическія статуэтки наиболѣе выдающихся своихъ современниковъ. Первый, кого онъ вылѣпилъ такимъ образомъ, былъ Листъ. Статуэтки Дантана имѣли такой громадный успѣхъ въ публикѣ, что скоро ихъ стали воспроизводить даже фабричнымъ путемъ. Кромѣ Листа, Дантанъ изобразилъ изъ музыкантовъ также Россини, Берліоза, Адама (см. стр. 47 и 48). Особенную прелесть придавали его статуэткамъ въ глазахъ толпы тѣ надписи, которыя дѣлалъ художникъ на ихъ цоколѣ. Надписямъ этимъ онъ обыкновенно придавалъ форму то остроумнаго ребуса, то ядовитаго каламбура, которымъ затѣмъ потѣшался буквально весь Парижъ. Дантанъ вызвалъ многочисленныхъ подражателей; но никто изъ нихъ, кромѣ одного Домье, не могъ сравняться съ нимъ ни въ изобрѣтательности, ни въ остроуміи.



Оффенбахъ.
(Карикатура Amand'a).

Послѣ Паганини, самымъ излюбленнымъ объектомъ карикатуры сталъ Листъ, слава

Digitized by Google

Композиторъ.
(Карикатура Пигаля).

котораго возрастала все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ звѣзда Паганини закатывалась. Одно время не было даже буквально ни одного журнала, ни одной газеты, которые не занимались бы Листомъ, а многіе изъ нихъ говорили о немъ положительно въ каждомъ своемъ номерѣ. Концерты Листа вызывали въ публикѣ настоящую сенсацію; билеты на нихъ брались прямо приступомъ. И всюду, гдѣ бы только знаменитый піанистъ ни появлялся, онъ становился предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его сильная, мощная игра вызывала цѣлый легіонъ остротъ, а его исполненная всевозможныхъ приключеній жизнь и чрезвычайно оригинальная манера держать себя давала

Паганини.
(Рис. Гранвилля съ статуэтки Дантана).

Любитель кларнета. Машинка для кваканья.
(Карикатура Травье).

богатѣйшій матеріалъ для карикатуры. Что́ же удивительнаго, если около его личности образовалась цѣлая юмористическая литература...

До конца 50-хъ годовъ карикатуристы обыкновенно довольствовались почти исключительно лишь портретами-шаржами извѣстныхъ артистовъ, комическимъ воспроизведеніемъ ихъ фигуры да болѣе или менѣе остроум-

Digitized by Google

вымъ подчеркиваніемъ ихъ странностей. Но со временъ Мейербера стали появляться карикатуры и на музыкальныя тенденціи, представителемъ которыхъ являлся тотъ или другой музыкальный дѣятель. Первый толчекъ въ этомъ направленіи данъ былъ тою ловкостью, съ какою Мейерберъ рекламировалъ себя и свои музыкальныя произведенія. Сатира не замедлила обратить свое вниманіе на эту черту

Россини.
(Рис. Гранвилля съ статуэтки Дантана).

его дѣятельности и стала остроумно выслѣживать его. Такъ, одинъ современный юмористическій журналъ увѣрялъ публику, что «для того, чтобы придать больше интереса новой оперѣ, написанной банкиромъ Мейерберомъ, въ ней появятся три козы, и одинъ изъ парижскихъ режиссеровъ уже отправился въ Бретань, съ цѣлью выбрать тамъ на мѣстѣ по возможности самыхъ сладкогласныхъ животныхъ;

Верди.
(Карикатура Люка).

а для повышенія настроенія въ публикѣ, ее будутъ въ антрактахъ угощать козьимъ молокомъ». По случаю же неоднократнаго откладыванія перваго представленія «Африканки» сообщалось, что причиной этого было то обстоятельство, что, по мнѣнію компо-

Пѣвчій капеллы.
(Карикатура Травье).

Digitized by Google

Берліозъ.

(Рис. Гранвилля съ статуэтки Дантана).

зитора, верблюдъ изъ Зоологическаго сада, которому предназначалась въ оперѣ одна изъ главнѣйшихъ партій, еще не совсѣмъ твердо разучилъ ее. Впрочемъ, и самая личность Мейербера служила предметомъ многочисленныхъ карикатуръ, изъ которыхъ наиболѣе удачными слѣдуетъ признать: карикатуру Надара, на которой этотъ композиторъ изображенъ въ видѣ «Пророка», и карикатуру неизвѣстнаго автора, относящуюся къ 1842 году, когда Мейерберъ занималъ постъ дирижера Берлинской оперы.

Мейерберъ въ «Пророкѣ».

(Карикатура Надара).

Но никто такъ много и такъ остроумно не осмѣивался въ карикатурѣ, какъ извѣстный Вагнеръ. Его смѣлыя реформаторскія идеи вызвали противъ него цѣлую бурю. Произведенія его были окрещены названіемъ «музыки будущаго», а самъ онъ получилъ ироническое прозвище «музыкальнаго мессіи». Первыя карикатуры на Вагнера относятся къ 1856 году, когда въ «Кладеррадачѣ» появилось остроумное изображеніе его, верхомъ на Листѣ,—которому приданъ былъ видъ коня,—съ партитурой «Тангейзера» подъ мышкой и съ характерною надписью: «Вотъ какъ Тангейзеръ идетъ на состязаніе пѣвцовъ въ Берлинскій Вартбургъ». А у воротъ послѣдняго встрѣчаетъ Вагнера директоръ королевскихъ театровъ словами: «Конечно, мы весьма рады вамъ, глубокоуважаемый пѣвецъ; но будьте добры, слѣзьте съ своего коня: онъ долженъ остаться за воротами». Особенно много карикатуръ стало появляться на Вагнера послѣ того какъ въ 1860 году былъ поставленъ въ Парижѣ его «Тангейзеръ». Въ ту пору, менѣе чѣмъ за годъ въ одномъ «Charivari» было помѣщено на него не менѣе 37 карикатуръ Кама (Cham). Главною темой этихъ карикатуръ является снотворность музыки Вагнера. Такъ, на одной изъ нихъ былъ изображенъ Юпитеръ, ведущій съ Морфеемъ такой діалогъ:

Юпитеръ. Что̀, бѣдняга Морфей! Пришлось тебѣ отойти на задній планъ.

Морфей. Увы! что̀ станешь дѣлать, когда господинъ Вагнеръ занялъ теперь мое мѣсто.

Другая карикатура, относящаяся къ 1861 году, имѣла такую подпись: «Германія насылаетъ на Францію Тангейзера, чтобы совсѣмъ усыпить ее».

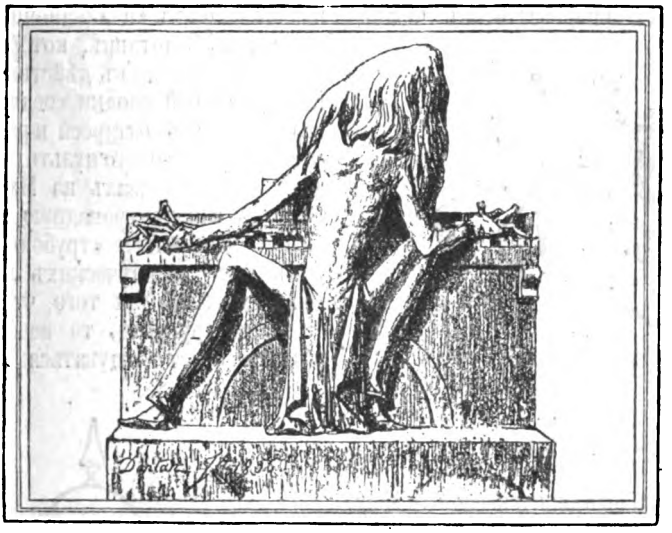
Но и въ самой Германіи появлялось не мало юмористическихъ нападокъ на Вагнера, особенно въ Мюнхенѣ, гдѣ надъ «музыкой будущаго» очень ядовито издѣвался Шлейхъ въ «Punsch»'ѣ. Весьма благодарную тему для насмѣшекъ доставила нѣмецкимъ карикатуристамъ постановка въ 1865 году «Тристана и Изольды» подъ руководствомъ Бюлова, при чемъ они нисколько не пощадили и послѣдняго. Особенно удачна въ этомъ отношеніи цѣлая серія карикатуръ, помѣщенная въ томъ

Адамъ.

(Рис. Гранвилля съ статуэтки Дантана).

Digitized by Google

же «Punsch»'ѣ и изображающая Бюлова за дирижерскимъ пультомъ при исполненіи «Тристана» (см. стр. 51).



Францъ Листъ.
(Рис. 1836 г. изъ «Musée Dautan»).

Впрочемъ, не одинъ Бюловъ подвергался въ Германіи насмѣшкамъ за то, что пропагандировалъ музыкальныя идеи Вагнера. Каррикатура постоянно направляла свои стрѣлы и противъ другихъ приверженцевъ этого композитора. Въ особенности тутъ доставалось Листу. Чтобы показать, насколько бывали порою остроумны подобныя насмѣшки, здѣсь приводится одинъ изъ самыхъ характерныхъ образчиковъ ихъ,—а именно, слѣдующая замѣтка, помѣщенная въ «Punsch»'ѣ подъ заглавіемъ:

Физіологическая загадка.

Руки Жаэлля.

Руки Листа.

И оба одинаково хорошіе піанисты.

«Музыкальныя новости Punsch'a».
«Мы имѣемъ возможность сообщить всѣмъ нашимъ согражданамъ, дорожащимъ своимъ

Digitized by Google

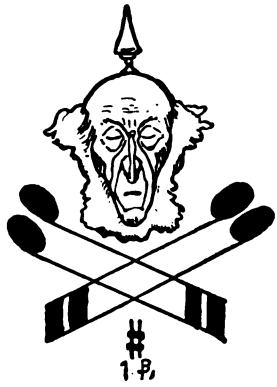
душевнымъ спокойствіемъ, что великій піанистъ—потрясатель земныхъ основъ, трубачъ Страшнаго Суда, почетный францисканецъ и обладатель почетной сабли, почетный докторъ разныхъ университетовъ Францъ

Вагнеръ.
(Карикатура Бласа).

Листъ не пріѣдетъ нынѣшней весной въ Мюнхенъ. Онъ преднамѣренно отложилъ пока на время свои ушепотрясательные концерты, и лишь въ 1858 году мы вновь насладимся его великими музыкальными произведеніями, въ которыхъ можно слышать и изверженія трубы, и взрывы литавръ, и горные обвалы контрабасовъ и другія подобныя явленія. Великій композиторъ, по слухамъ, собирается писать большую симфоническую ораторію въ H—dur подъ заглавіемъ: «Столкновеніе кометы съ землею, при чемъ онъ разсчитываетъ особенно на эффектъ взрыва гранитныхъ

Рихардъ Вагнеръ.
(Карикатура проф. Гёккера).

массъ въ центрѣ нашей планеты. Пока же онъ усиленно занимается изученіемъ геологіи и одновременно съ этимъ неустанно работаетъ надъ однимъ очень серіознымъ нововведеніемъ въ области музыки, а именно надъ изобрѣтеніемъ окаменѣлыхъ мелодій. Онъ также очень озабоченъ изготовленіемъ, подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ, новаго музыкальнаго инструмента, названнаго имъ «поликаноникомъ» и состоящаго изъ 50 литавръ, которыя приводятся всѣ одновременно въ дѣйствіе посредствомъ нажима особой кнопки, соединяющей ихъ съ гальванической батареей и расположенной у самаго дирижерскаго пульта. Вмѣстѣ съ тѣмъ д-ръ Листъ заказалъ на Мюнхенскомъ литейномъ заводѣ громадную трубу, которая будетъ называться «трубою будущаго». А такъ какъ человѣческихъ легкихъ не можетъ хватить для того, чтобы играть на этомъ инструментѣ, то необходимая масса воздуха будетъ вдуваться въ мундштукъ

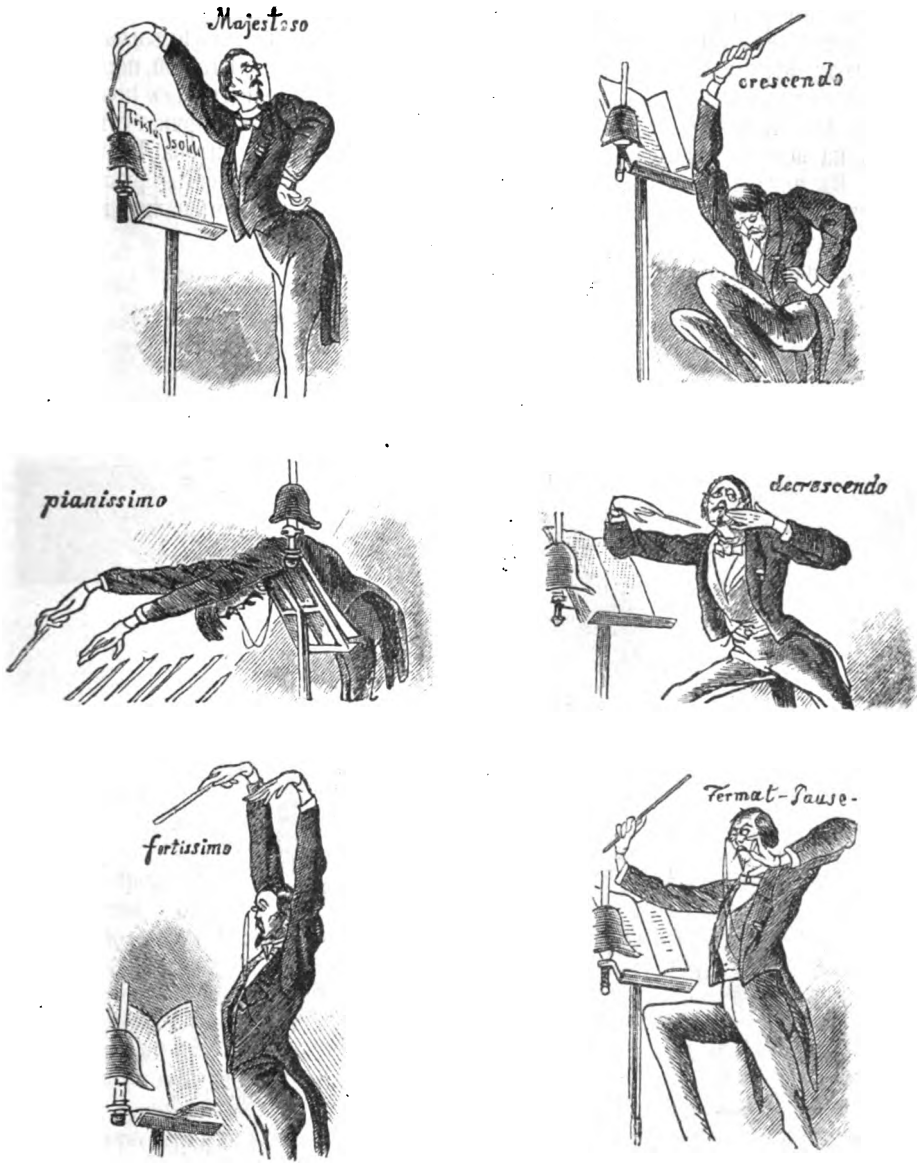


Вагнеръ, богъ 16-й доли ноты.
(Карикатура Бласа).

его съ помощью гидравлическаго пресса, и съ этой цѣлью надъ оркестромъ строится, на высотѣ 40 футовъ, особый резервуаръ для воды. Къ сожалѣнію, оказывается совершенно невозможнымъ изготовить къ тому же 1858 году большой паровой контрабасъ, приводимый въ дѣйствіе 10-сильной машиной; да и возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, чтобы такая машина могла помѣститься въ «Одеонѣ», а потому Листъ и принужденъ отказаться отъ своего намѣренія воспользоваться такимъ могучимъ эффектомъ. Въ заключеніе сообщимъ, что, какъ мы сейчасъ узнали, Листъ, Берліозъ и Вагнеръ работаютъ совмѣстно надъ небольшой опереткой «Іерихонскія Стѣны». Пьеса эта предназначается ими исключительно для маленькихъ «театровъ».

Digitized by Google

Новая эпоха или не только текстъ и музыка, но даже текстъ, музыка и дирижеръ должны сливаться между собой.



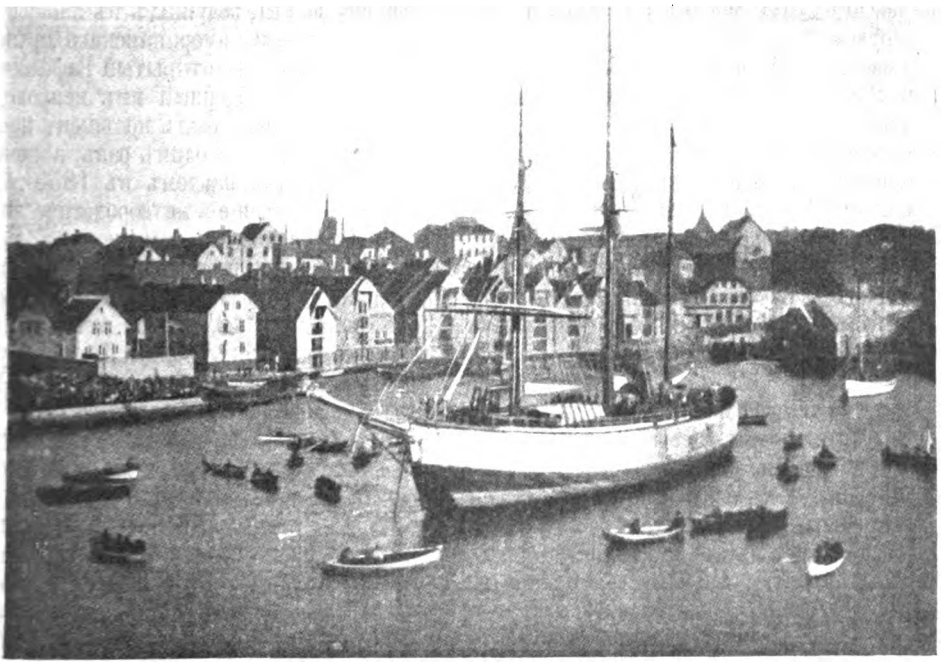
(Баварскія карикатуры на Ганса Бюлова 1865 г.).

Что̀ касается спеціально до Вагнера, то наиболѣе остромною карикатурой на него слѣдуетъ признать карикатуру Жилля, относящуюся къ 1869 году (см. стр. 44). На ней Вагнеръ изображенъ вбивающимъ молоткомъ ноты въ большое человѣческое ухо, такъ какъ безъ подобной операціи оно оказалось неспособнымъ къ должному воспріятію «музыки будущаго» во всей ея силѣ и полнотѣ. Достоенъ также вниманія прекрасный карикатурный портретъ Вагнера, скомпонованный Геккеромъ для мюнхенскаго листка «Allotria» и великолѣпно передающій всѣ характерныя черты этого композитора (см. стр. 50).

Digitized by Google

Почти одновременно съ постановкою въ Мюнхенѣ вагнеровскаго «Тристана» началъ свою дѣятельность знаменитый опереточный композиторъ Оффенбахъ. Его «Прекрасная Елена», его «Орфей въ Аду» вызвали повсюду фуроръ, и скоро его веселыя остроумныя мелодіи стали напѣваться рѣшительно всѣми. Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ появились на него и многочисленныя карикатуры. Въ нихъ подчеркивался по преимуществу фривольный характеръ его произведеній, какъ это можно ясно видѣть изъ приводимой каррикатуры Amand'a (см. стр. 45). Не мало также появлялось карикатуръ на Тома, автора «Гамлета» и «Миньоны», и на Берліоза. Наконецъ, нельзя также обойти молчаніемъ цѣлую серію довольно остроумныхъ карикатуръ на многихъ изъ современныхъ музыкальнымъ дѣятелей, появившуюся подъ общимъ заглавіемъ «Les hommes d'aujourd'hui». Изъ этихъ карикатуръ особенно интересенъ портретъ Антона Рубинштейна, изображающій его съ шестью руками и безчисленнымъ множествомъ пальцевъ (см. стр. 43).

Digitized by Google



«Фрамъ» на якорѣ у Ставангера.

ПОЛЯРНАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ОТТО СВЕРДРУПА.

Осенью прошлаго года вернулась послѣ четырехлѣтняго отсутствія большая норвежская полярная экспедиція. Она совершена была на томъ же самомъ «Фрамѣ», который прославилъ имя Нансена. Капитаномъ судна былъ, какъ и тогда, Отто Свердрупъ, который на сей разъ былъ иниціаторомъ и начальникомъ всей экспедиціи. Въ настоящее время въ Христіаніи уже начало выходить описаніе его путешествія.

Экспедиція провела въ полярныхъ странахъ цѣлыхъ четыре зимы,—подвигъ, который до нея совершенъ былъ только англичаниномъ Джемсомъ Россомъ въ 1829—1833 гг.,—привезла съ собой цѣлую массу научныхъ коллекцій и матеріаловъ, а между тѣмъ о ней почти ничего не слышно. И наша и заграничная печать ограничилась краткими замѣтками и передачей, болѣе или менѣе подробной, телеграммъ и замолкла. Какой контрастъ въ этомъ отношеніи между первымъ и вторымъ путешествіемъ «Фрама»! Тогда, цѣлый годъ послѣ возвращенія Нансена, газетные столбцы пестрѣли тѣми или иными сообщеніями объ этомъ «героѣ полярныхъ странъ». Чѣмъ же объяснить эту разницу въ отношеніи большой публики къ Нансену и къ Свердрупу? Слѣдуетъ ли отнести ее насчетъ большей скромности Свердрупа или же зависитъ она оттого, что результаты ея менѣе важны или, по крайней мѣрѣ, не такъ поразительны? Намъ думается, что и то и другое. Безспорно, Нансенъ человѣкъ ловкій, и онъ сумѣлъ себя рекламировать; съ другой стороны, его открытія и приключенія, безспорно, плѣняютъ сильно воображеніе. Взять хотя бы, напримѣръ, его шестимѣсячныя странствія съ однимъ только спутникомъ по лабиринту необозримыхъ ледяныхъ полей Полярнаго моря, его зимовку

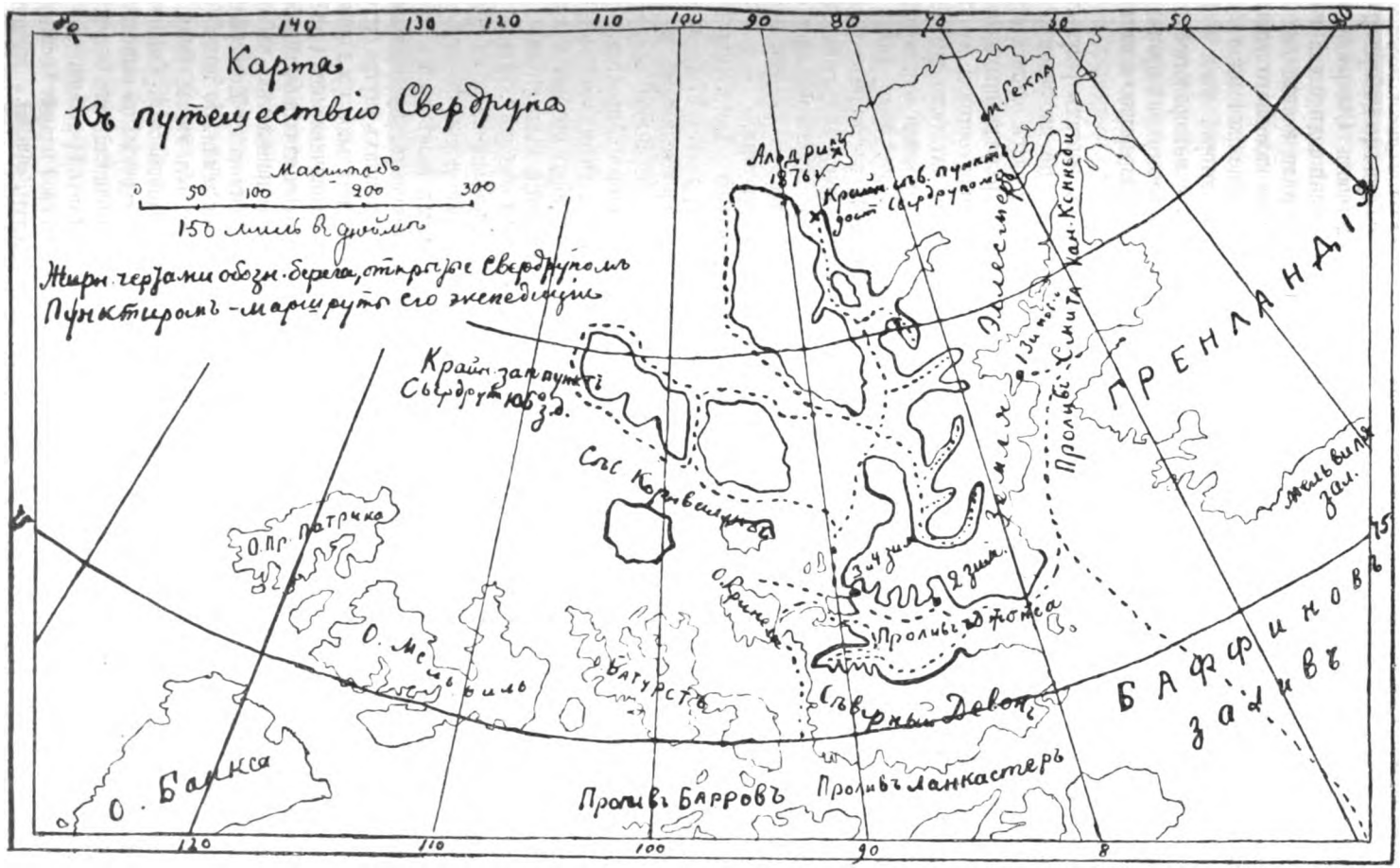
Digitized by Google

въ тонкой землянкѣ на пустынномъ островкѣ, среди бѣлыхъ медвѣдей и моржей, его чудесную встрѣчу съ Джексономъ и т. п. Да и самые географическіе результаты экспедиціи Нансена бросаются въ глаза не менѣе его приключеній. Онъ на цѣлыхъ три градуса поднялся сѣвернѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, ближе всѣхъ подошелъ къ Сѣверному Полюсу и въ значительной степени подвинулъ впередъ разрѣшеніе загадки, которую блюдетъ въ себѣ этотъ таинственный сфинксъ. Заслуги нынѣшней экспедиціи Свердрупа не такъ огромны; но для общаго землевѣдѣнія онѣ не менѣе важны.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить чисто географическіе результаты экспедиціи Свердрупа. Здѣсь въ ней замѣчается тоже интересный контрастъ съ экспедиціей Нансена. Въ то время, какъ послѣдній не открылъ ни одного новаго островка (какъ извѣстно, существенный результатъ его экспедиціи есть именно открытіе глубокаго «Полярнаго моря», занимающаго центральную часть полярной области), Свердрупъ нанесъ на карту цѣлый комплексъ совершенно новыхъ земель, никѣмъ дотолѣ невидѣнныхъ. И любопытно вмѣстѣ съ тѣмъ, что это открытіе «земель» является подтвержденіемъ выводовъ Нансена о существованіи непосредственно вокругъ полюса Полярнаго «моря», потому что Свердрупомъ доказано, что сѣвернѣе открытаго имъ архипелага острововъ не лежитъ уже никакой земли больше: на сѣверные берега этого архипелага съ страшной силой громоздятся ледяные «тороса», гонимые волнами безбрежнаго Арктическаго океана. Какъ извѣстно, планъ Свердрупа заключался въ томъ, чтобы, войдя въ воды Баффинова залива, прослѣдовать далѣе сѣвернымъ его рукавомъ, такъ называемымъ проливомъ Смита, вдоль сѣверо-западныхъ береговъ Гренландіи и, обогнувъ послѣднюю съ сѣвера, разрѣшить, такимъ образомъ, непосредственно многовѣковую загадку объ островной, или материковой природѣ Гренландіи. Планъ этотъ Свердрупу, однако, совершенно не удался. Перезимовавъ первую зиму 1898—1899 гг. въ проливѣ Смита и найдя его и съ наступленіемъ весны непроходимымъ изъ-за льдовъ, онъ не поколебался совершенно оставить свою первоначальную мысль и былъ за это вознагражденъ. Онъ повернулъ обратно на Смитовъ проливъ и вошелъ въ такъ называемый проливъ Джонса, составляющій одинъ изъ западныхъ рукавовъ Баффинова залива, ведущихъ въ лабиринтъ каналовъ полярнаго американскаго архипелага. Проливъ этотъ, открытый Баффиномъ въ 1616 году и найденный имъ непроходимымъ изъ-за льдовъ, былъ посѣщенъ послѣ Баффина всего только одинъ разъ, а именно капитаномъ Ингльфильдомъ въ 1852 году. Счастливое стеченіе метеорологическихъ условій освободило въ означенномъ году этотъ проливъ отъ всегда загромождающаго его компактнаго льда, и Ингльфильдъ проникъ по нему до 84° 10′ зап. дол. отъ Гринича. Здѣсь сѣверный берегъ пролива Джонса круто поворачивалъ, казалось, на сѣверо-западъ, почему Ингльфильдъ принялъ это мѣсто за новый входъ въ Полярный океанъ и въ такомъ смыслѣ нанесъ его и на свою карту. Туманъ и ледъ не позволили ему изслѣдовать свои открытія подробнѣе. Свердрупъ, входя въ проливъ Джонса, очевидно, имѣлъ въ виду это открытіе Ингльфильда и думалъ воспользоваться этой лазейкой, чтобы проникнуть въ Полярный океанъ. Однако, пройдя не дальше судна Ингльфильда, «Фрамъ» былъ затертъ льдами. Въ первую же зиму выяснилось, что здѣсь непочатое поле новыхъ открытій. Никакого прохода въ Полярный океанъ здѣсь не оказалось. И съ запада и съ сѣвера къ проливу Джонса примыкаютъ, оказывается, обширные острова, изрѣзанные глубоко вдающимися фіордами. Въ норвежцахъ, съ дѣтства знакомыхъ съ этою формою береговой линіи, этотъ сѣверный архипелагъ нашелъ наиболѣе подготовленныхъ изслѣдователей. Свердрупъ остался здѣсь еще годъ и еще годъ и не покинулъ этого «рая полярнаго изслѣдователя» прежде, чѣмъ не нанесъ на карту всѣ острова, какихъ только могли достигнуть снаряженныя имъ во множествѣ санныя экскурсіи. Смѣло можно сказать, что во всей исторіи полярныхъ открытій не найдется ни одного случая, чтобы одна экспедиція открыла столько земель и описала ихъ такъ детально, какъ экспедиція Отто Свердрупа.

Послѣ географіи, наибольшія услуги оказаны экспедиціей Свердрупа этнографіи. Правда, норвежцы не нашли здѣсь какой-либо новой расы; они не видѣли здѣсь даже ни одного человѣка. Зато найдена масса слѣдовъ и остатковъ эскимосскихъ поселеній. Слѣды эти встрѣчаются отъ пролива Джонса до сѣверныхъ береговъ Гренландіи.

Digitized by Google



Digitized by Google

Такимъ образомъ, экспедиціей пріобрѣтены новыя данныя относительно замѣчательныхъ переселеній эскимосовъ по сѣвернымъ островамъ полярнаго архипелага, и собранъ богатый матеріалъ для рѣшенія вопроса о крайнихъ сѣверныхъ предѣлахъ распространенія человѣка. Одинъ изъ членовъ экспедиціи, лейтенантъ Исаксенъ, передъ отправленіемъ намѣтилъ планъ изслѣдованій этого важнаго вопроса, — обстоятельство, придающее особенный интересъ собранному имъ матеріалу. Повидимому, есть основаніе думать, что нѣкогда, и не слишкомъ еще давно, охлажденіе климата принудило человѣка отодвинуть свои поселенія на югъ и что, слѣдовательно, прежде область распространенія человѣка на Земномъ Шарѣ была больше, чѣмъ въ настоящее время.

Для зоологіи большое значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что, не смотря на то, что экспедиція провела время на однѣхъ изъ наиболѣе сѣверныхъ земляхъ, животный міръ тамъ оказался очень богатымъ. Однихъ мускусныхъ быковъ убито было за время экспедиціи болѣе сотни. Видѣли много оленей и зайцевъ. Интереснымъ пріобрѣтеніемъ являются также два живыхъ полярныхъ волка: этой породы не было еще ни въ одномъ зоологическомъ саду. Волки эти, обладающіе чудеснымъ пушистымъ мѣхомъ, совершенно бѣлаго цвѣта, являются, вѣроятно, прародичами домашней эскимосской и вообще сѣверной, собаки—«лайки». Богаты и орнитологическія коллекціи экспедиціи. Вообще же, въ виду того, что экспедиція находилась какъ разъ на границѣ областей распространенія гренландско-европейской и сѣвероамериканской фауны, надо ожидать, что въ коллекціяхъ экспедиціи будутъ найдены, по надлежащей разработкѣ, переходы однѣхъ формъ въ другія.

Ботаника окидаетъ отъ экспедиціи разрѣшенія давно назрѣвшаго вопроса относительно направленія пути, какимъ попалъ въ гренландскую флору американскій элементъ, и относительно того, насколько далеко къ западу простирается, наоборотъ, граница распространенія гренландско-европейскихъ формъ.

Очень важны также геологическія изысканія и открытія экспедиціи. Напримѣръ, нахожденіе здѣсь растительныхъ окаменѣлостей третичной эпохи даетъ фактическое основаніе для гипотезы о томъ, что въ тѣ отдаленныя времена Сѣверный Полюсъ помѣщался ближе къ берегамъ Сибири и что, слѣдовательно, мѣстности Сѣверной Америки, находящіяся нынѣ подъ одной широтой съ Сибирью, лежали южнѣе ея. Подтверждено нахожденіе каменнаго угля, на который указывала еще экспедиція Бельчера 1852 года, о которой рѣчь будетъ ниже. О магнитныхъ и метеорологическихъ работахъ и говорить нечего: онѣ производились во множествѣ, безпрерывно и систематически.

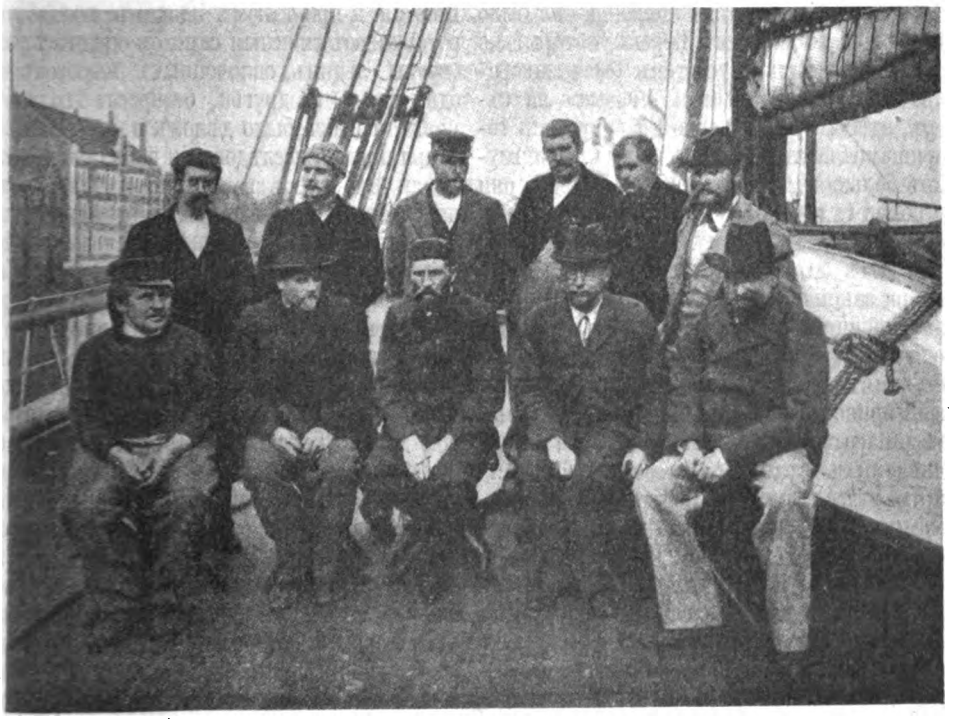
Таковы въ общихъ чертахъ результаты экспедиціи Свердрупа. Но мы знаемъ, что читатель не удовлетворится однимъ этимъ перечнемъ проблемъ, разрѣшенныхъ экспедиціей. Вѣдь экспедиція состояла изъ живыхъ людей, и потому читателю интересно знать не только, что̀ сдѣлали эти люди, но и какъ они дѣлали свое дѣло, какъ они жили, работали, чему радовались, о чемъ печалились? На эти вопросы должна отвѣтить упомянутая въ началѣ нашей статьи книга Свердрупа. Здѣсь мы дадимъ только главныя черты его описанія.

Экспедиція вышла изъ Христіаніи 24-го іюня нов. ст. 1898 г., а уже 17-го августа была остановлена непроходимыми массами льда въ проливѣ Смита. Выбравъ удобную бухту на западной сторонѣ пролива, Свердрупъ оставилъ тамъ «Фрамъ» на зимовку. Осень пошла на заготовку провіанта для собакъ: мяса 25 моржей и 11 мускусныхъ быковъ хватило имъ на всю зиму. Арена для новыхъ изслѣдованій была здѣсь не такая, производили топографическую съемку окрестностей, изслѣдовали развѣтвленія сосѣднихъ фіордовъ, наконецъ, предпринимали санныя поѣздки на собакахъ внутрь страны. Такъ начали они детальное изслѣдованіе Земли Эллесмеръ, ограничивающей Смитовъ проливъ съ запада; здѣсь начата была работа, которая впослѣдствіи привела ихъ къ опредѣленію полнаго очертанія этой совершенно еще неизслѣдованной земли. Но тогда Свердрупъ еще не думалъ объ этомъ. Видя, что ледяныя массы, скопившіяся въ Смитовомъ проливѣ, не даютъ надежды на выполненіе, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, его проекта — объѣхать Гренландію, — онъ такъ видоизмѣнилъ свой планъ. Весною онъ предполагалъ отослать «Фрамъ» на югъ въ Баффиновъ заливъ, гдѣ онъ могъ бы производить изслѣдованія хотя бы у береговъ

Digitized by Google

Баффиновой Земли, а самъ, въ сопровожденіи троихъ товарищей, Бая, Исаксена и Фостейма, разсчитывалъ на саняхъ съ провіантомъ, запряженныхъ собаками, достигнуть сѣверныхъ береговъ Гренландіи и тамъ перезимовать. На слѣдующую весну онъ обогнулъ бы сѣверные берега Гренландіи и двинулся бы по восточному ея берегу на югъ до встрѣчи съ «Фрамомъ», который получилъ бы приказаніе, проводя зиму въ одной изъ западно-гренландскихъ эскимосскихъ колоній, двинуться потомъ навстрѣчу Свердрупу. Въ виду такого плана, понятно, что въ теченіе всей зимовки на суднѣ господствовала напряженная дѣятельность. Въ эту же зиму посѣтило ихъ горе: умеръ отъ воспаленія легкихъ врачъ экспедиціи.

Лѣтомъ 1899 года состояніе льдовъ было попрежнему неблагопріятно. Попытка проникнуть далѣе къ сѣверу по Смитову проливу привела къ тому, что «Фрамъ» опять чуть было не затерло льдами. 22-го августа 1899 г. покинули Смитовъ проливъ и двинулись въ проливъ Джонса. Однако, льды и здѣсь скоро заставили судно расположиться на зимовку почти въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Ингльфильдъ, какъ мы выше видѣли, долженъ былъ повернуть, а именно подъ 76° 29′ сѣв. шир. и 84° 25′ зап. дол. отъ Гринича. Немедленно послѣ того, какъ зимовка была рѣшена, Свердрупъ, въ сопровожденіи 3-хъ человѣкъ, предпринялъ поѣздку на лодкѣ для устройства склада провіанта и обслѣдованія мѣстности. Эта небольшая экскурсія продолжалась, къ крайнему неудовольствію ея участниковъ, не меньше мѣсяца. Дѣло въ томъ, что, когда они были уже довольно далеко отъ своего судна, ихъ затерло льдами и, въ ожиданіи своего освобожденія, они провели цѣлый мѣсяцъ въ лодкѣ, не имѣя иной покрышки, кромѣ паруса. На обратномъ пути они встрѣтили отрядъ изъ четырехъ человѣкъ подъ начальствомъ Баумана, высланный съ судна на розыски пропавшихъ. Отъ нихъ они узнали печальную вѣсть, что умеръ кочегаръ Браскерудъ. Онъ умеръ отъ простуды, схваченной имъ во время охоты. Такъ экипажъ «Фрама» терялъ уже второго товарища: къ счастію, это была вмѣстѣ съ тѣмъ и



Свердрупъ и его спутники на «Фрамѣ».

Digitized by Google

послѣдняя жертва. Хотя оба, и докторъ, и кочегаръ, умерли отъ такихъ болѣзней, какія могли съ ними приключиться и во всякомъ другомъ климатѣ, однако, нельзя все-таки не отмѣтить, что Нансенъ былъ въ этомъ отношеніи все-таки счастливѣе: у него не умеръ ни одинъ человѣкъ изъ экипажа.

Вскорѣ послѣ прибытія на судно, отправлена была вторая партія для устройства склада. 22-го октября въ разстояніи около 70 морскихъ миль отъ судна, оно было остановлено открытой водою; туманъ былъ такой густой и плотный, что рѣшить, какъ далеко простирается эта полынья, не было никакой возможности. Берегъ, который по картѣ Ингльфильда долженъ былъ заворачивать отъ мѣста зимовки «Фрама» на сѣверъ, здѣсь, къ изумленію Свердрупа съ товарищами, шелъ прямо на западъ. Въ глубинѣ большого, открытаго ими фіорда, они устроили складъ припасовъ, немалымъ дополненіемъ къ которому было мясо убитыхъ ими здѣсь 26 мускусныхъ быковъ. 16-го ноября закончились осеннія экскурсіи, и съ наступленіемъ зимы весь экипажъ дѣятельно занялся приготовленіями къ будущимъ весеннимъ экскурсіямъ, которыя должны были принести не мало новаго, такъ какъ здѣсь пассажиры «Фрама» стояли на порогѣ невѣдомыхъ странъ. 23-го февраля 1900 г. партія изъ 42 человѣкъ подъ командой Исаксена посѣтила складъ съ цѣлью осмотрѣть его и пополнить немного. Результаты осмотра оказались весьма печальными. Медвѣди разорили складъ, и почти все мясо мускусныхъ быковъ, заготовленное для собакъ, было съѣдено этими любопытными обитателями ледяныхъ пустынь. Исправивъ складъ, партія вернулась обратно съ извѣстіемъ, что отъ Бьёрнеборга,—какъ назвали они складъ, — на всемъ пространствѣ между берегомъ Земли Эллесмеръ и Сѣвернымъ Кентомъ простирается огромная полынья съ плавающими по ней взадъ и впередъ ледяными глыбами.

17-го и 20-го марта отправилась двумя отдѣльными партіями тщательно снаряженная санная экспедиція, состоявшая изъ 9 человѣкъ при 55 собакахъ. Отъ Бьёрнеборга обѣ партіи двинулись вмѣстѣ 23-го числа и на слѣдующій день достигли упомянутаго пролива между Сѣвернымъ Кентомъ и Землей Эллесмеръ. Проходъ вдоль берега пролива былъ очень затруднителенъ, такъ какъ ледяныя глыбы, нагроможденныя въ гигантскіе тороса, мѣстами прилегали вплотную къ вертикальнымъ утесамъ береговыхъ скалъ, не оставляя нигдѣ ни малѣйшей лазейки. Приходилось пускать въ ходъ топоры, пилы и ломы. Въ иныхъ же мѣстахъ наоборотъ, ледяной припай совсѣмъ бывалъ оторванъ отъ берега и путешественникъ рисковалъ погубить въ морѣ и сани и собакъ. 31-го марта въ разстояніи 175 морскихъ миль отъ «Фрама», отрядъ изъ 5 человѣкъ отправленъ былъ назадъ, чтобы облегчить обозъ: морозъ достигалъ тогда 42—43° Цельзія, а при такомъ адскомъ холодѣ перетаскивать тяжелыя сани съ одного тороса (груды льдинъ, сплоченныхъ морозомъ въ одну массу) на другой, безпрестанно перепрягая собакъ, было дѣломъ не легкимъ. По дальнѣйшемъ изслѣдованіи западнаго берега Земли Эллесмеръ и достиженіи въ этомъ направленіи возможно болѣе сѣверной широты были сформированы теперь двѣ партіи, каждая съ провіантомъ по 1½ мѣсяца. Каждая партія состояла всего изъ двухъ человѣкъ: одной начальствовалъ Исаксенъ, другой самъ Свердрупъ. Къ сѣверу отъ пролива между Сѣвернымъ Кентомъ и Землей Эллесмеръ открыта была обширная бухта шириною до 100 морскихъ миль. На сѣверной ея сторонѣ находится цѣлый лабиринтъ фіордовъ. Отъ нихъ берегъ снова поворачиваетъ на западъ и идетъ въ этомъ направленіи 50 морскихъ миль, послѣ чего исчезаетъ на сѣверо-сѣверо-западъ. Подъ 79° сѣверной широты Исаксенъ со своимъ спутникомъ отдѣлился отъ партіи Свердрупа. Они получили приказаніе изслѣдовать новооткрытый островъ, лежавшій къ западу отъ нихъ. Самъ же Свердрупъ отправился далѣе на сѣверъ вдоль берега Земли Эллесмеръ. Послѣ трехнедѣльнаго непрерывнаго движенія впередъ вдоль этого высокаго, скалистаго берега, изрѣзаннаго глубоко вдающимися вглубь страны фіордами, Свердрупъ со своимъ спутникомъ достигъ 81° 37′ сѣверной широты. Это была наивысшая широта, достигнутая въ теченіе четырехлѣтней экспедиціи Свердрупа. Конечно, эта широта не можетъ сравниться съ 86° 14°, достигнутой Нансеномъ, или, тѣмъ болѣе, съ наивысшей сѣверной широтой, когда-либо достигнутой человѣкомъ 86° 33° (Каньи, спутникъ герцога Абруццскаго въ 1900 году); она много ниже даже того рекорда (83° 20′ Маркгамъ

Digitized by Google

1876 году), который до Нансена въ теченіе двадцати лѣтъ оставался наивысшимъ. Но «побитіе рекорда» и не входило въ планы Свердрупа, избравшаго себѣ не менѣе почтенную задачу, чѣмъ достиженіе Сѣвернаго Полюса: онъ посвятилъ себя изслѣдованію новаго невѣдомаго мѣста островов и фіордовъ, открывшагося предъ его глазами. Экскурсія была не изъ легкихъ. Все время царилъ адскій холодъ и, что особенно затрудняло топографическую съемку, густой туманъ поминутно скрывалъ изъ виду очертанія береговой линіи. 4 іюня они прибыли на «Фрамъ» послѣ 2½ мѣсяцевъ отсутствія. Черезъ двѣ недѣли вернулся и Исаксенъ. Онъ со своимъ спутникомъ точно исполнилъ свою инструкцію. Но они испытали нѣкоторый недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и принуждены были питаться мясомъ мускусныхъ быковъ, которыхъ убили цѣлую дюжину. Третья партія, состоявшая изъ геолога Шея и Педера Генриксена (кстати сказать, единственнаго изъ товарищей Свердрупа по первой экспедиціи «Фрама»), детально изслѣдовала въ геологическомъ отношеніи окрестности зимовья, а также побывала и на Сѣверномъ Кентѣ. На обратномъ пути они испытали страшный штормъ; бурей вырвало изъ земли штанги, на которыхъ держалась палатка, а самую палатку порвало въ клочки. Таковы были работы неутомимыхъ спутниковъ Свердрупа. Не обошлось и безъ тревогъ. Въ началѣ мая, какъ разъ въ то время, когда самъ Свердрупъ находился въ наибольшемъ разстояніи отъ «Фрама», судну его грозила страшная опасность. На «Фрамѣ» случился пожаръ: искры изъ большой домовой трубы воспламенили парусину, натянутую надъ палубой судна вмѣсто крыши. Почти мгновенно запылали парафинированныя каяки, стружки и другіе подобные предметы, давшіе обильную пищу огню. Желѣзная цистерна, заключавшая въ себѣ до 200 литровъ спирту, была со всѣхъ сторонъ уже окружена моремъ пламени. Еще нѣсколько минутъ, и этотъ бассейнъ легко возгарающейся жидкости могъ погубить все судно. Такелажъ на мачтахъ ужъ занимался огнемъ. По счастію, пожаръ случился въ обѣденное время, когда всѣ были на суднѣ. Энергично заработали помпы, качая воду изъ сосѣдней полыньи, и скоро дальнѣйшему распространенію огня положенъ былъ предѣлъ. Послѣ этого пожара ни о какихъ дальнѣйшихъ санныхъ экскурсіяхъ нечего было и помышлять. Пришлось заняться исправленіемъ поврежденій, причиненныхъ пожаромъ. Къ тому же весна вступила въ свои права: повсюду во льду образовывались трещины и полыньи; потомъ и самый ледъ сталъ приходить въ движеніе. Однако, только 9 августа развели пары. Свердрупъ повелъ свое судно, но не на востокъ Гренланландіи, а на западъ отъ нея. Онъ совершенно отказался отъ своего первоначальнаго плана, увлеченный перспективой новыхъ открытій, представившеюся ему въ этомъ невѣдомомъ уголкѣ арктическаго міра. Послѣ одной недѣли только плаванія «Фрамъ» былъ снова затертъ льдами у острова Гринеля, подъ 76° 48′ сѣверной широты и 89° западной долготы отъ Гринича, экспедиція устроилась на третью зиму.

Осень пошла на охоту. Убито было 28 мускусныхъ быковъ и множество зайцевъ. Мясо мускусныхъ быковъ сложено было на противоположной сторонѣ того пролива, въ которомъ стоялъ «Фрамъ», такъ какъ тамъ въ силу топографическихъ условій скоплялось больше снѣгу. Изъ опасенія, чтобы бѣлые медвѣди снова не разорили склада, возлѣ него поселены были въ землянкѣ двое изъ экипажа. Разъ, въ концѣ осени,—разсказываетъ Свердрупъ,—отправился я съ Ольсеномъ изслѣдовать большой фіордъ, виднѣвшійся къ сѣверу отъ насъ. На другой день пути, я замѣтилъ на южной сторонѣ неба признаки приближающейся непогоды и потому не рискнулъ переходить черезъ проливъ, а, свернувъ въ сторону, пошелъ вдоль берега по ледяному припаю. Вскорѣ палъ туманъ, который сгущался все больше и больше. Ольсенъ споткнулся и, падая, вывихнулъ себѣ руку въ плечѣ. Поднялся вѣтеръ, и дальнѣйшее путешествіе стало невозможнымъ. Насилу послѣ нѣсколькихъ часовъ блужданія мы нашли прикрытіе подъ берегомъ отъ жестокаго, ледянящаго вѣтра. Я раскинулъ палатку, но мои попытки вправить вывихъ у Ольсена не увѣнчались успѣхомъ. Три дня свирѣпствовала буря съ метелью. Двѣ изъ моихъ собакъ были занесены снѣгомъ, а третья пропала безъ вѣсти. Нельзя было тронуться съ мѣста, хотя мы знали, что находимся отъ «Фрама», можно сказать, въ нѣсколькихъ шагахъ. Только на четвертый день получили мы возможность добраться и до судна, гдѣ болѣе искусные,

Digitized by Google

чѣмъ я, операторы вправили плечо бѣднягѣ Ольсену.

Зиму провели по обыкновенію въ подготовкѣ будущихъ санныхъ экспедицій. Вокругъ зимовки на сей разъ появились новые гости: полярные волки, которые бродили цѣлыми стаями. Два экземпляра этого мало извѣстнаго зоологамъ звѣря удалось, какъ мы уже разсказывали, взять живьемъ. Зима была бурная и холодная. Только 12 марта 1901 года можно было предпринять первую санную экспедицію. Партія вышла, какъ и въ предъидущій годъ, двумя отрядами, каждый изъ 4-хъ человѣкъ. Начальникъ перваго отряда, Исаксенъ, долженъ былъ изслѣдовать новооткрытые острова на западѣ, а Свердрупъ взялъ на себя выясненіе вопроса о проливѣ, который, судя по многимъ признакамъ, долженъ былъ отдѣлять собственную Землю Эллесмеръ отъ той земли, по какой онъ достигъ въ прошломъ году самой сѣверной своей широты. Цѣлый комплексъ фіордовъ находился къ востоку отъ пути, пройденнаго имъ тогда. Эти фіорды необходимо было изслѣдовать. Обѣ экскурсіи были, однако, лишь подготовительныя, для устройства складовъ. Морозы стали ужасны: было въ среднемъ — 45° Ц., а въ иные дни доходило и до 50°. Устройство складовъ окончено было къ началу октября, и 8-го числа всѣ партіи выступили одновременно къ мѣсту своего назначенія: Исаксенъ со своимъ спутникомъ на западъ, Свердрупъ съ 3 людьми на сѣверъ. Здѣсь не мѣсто перечислять тѣ мелкія географическія открытія, которыя сдѣланы были партіей Свердрупа во время этого блужданія по невѣдомому лабиринту фіордовъ. Скажемъ только, что не разъ нашимъ изслѣдователямъ приходилось возвращаться назадъ, такъ какъ зачастую то, что казалось имъ проливомъ, вдругъ превращалось въ закрытый фіордъ. Но хоть медленно, но вѣрно шли они впередъ, тщательно снимая на карту пройденный ими путь. Наконецъ, подъ 80°30′ сѣверной широты, которой они достигли 4 мая, земля прекратилась: у ногъ ихъ раскрылась необозримая равнина Полярнаго моря, покрытаго хаотическими грудами разломанныхъ на тысячу кусковъ ледяныхъ полей. Дальнѣйшему движенію впередъ положенъ былъ предѣлъ: туманъ и непогода тоже заставили подумать о возвращеніи. На обратномъ пути они подверглись нападенію волковъ. 17 мая,—разсказываетъ Свердрупъ,—мы были разбужены страшнымъ лаемъ собакъ. Вскакиваемъ, бросаемся изъ палатки, смотримъ: передъ нами 12 волковъ. Собаки ничего не могли сдѣлать для самозащиты, такъ какъ всѣ были крѣпко привязаны. Моментально мы открыли огонь по непрошеннымъ гостямъ, но они покинули столь соблазнительную для нихъ добычу не прежде, какъ оставивъ три трупа и двоихъ раненыхъ изъ своей среды. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ этого происшествія, Свердрупъ вернулся на «Фрамъ».

Между тѣмъ Исаксенъ со своимъ спутникомъ открылъ подъ 78° сѣверной широты широкій проливъ, отдѣляющій островъ Сѣверный Корнваллисъ (долго извѣстенъ былъ только южный берегъ послѣдняго по даннымъ англійской эскадры Бельчера 1853 г.) отъ лежащей отъ него къ сѣверу какой-то новой земли. Часть этой земли уже пройдена была Свердрупомъ, чего Исаксенъ, конечно, не зналъ. Сличеніе картъ обоихъ изслѣдователей дало полную картину очертаній этой новооткрытой земли. Въ противоположность высокой Землѣ Эллеслера, эта земля очень низкая; и вершины ея не превосходятъ 1000 футъ. На южномъ берегу ея еще видѣли бѣлыхъ медвѣдей. Видѣли также огромную массу оленьихъ слѣдовъ: олени, повидимому, водятся здѣсь въ изобиліи. Послѣ самой детальной съемки, Исаксенъ по острову Грагама и по Землѣ Эллеслеръ совершилъ обратный путь до «Фрама», куда прибылъ 7 іюня. Нѣтъ возможности въ этомъ бѣгломъ обзорѣ перечислять всѣ санныя поѣздки, совершенныя въ это лѣто неутомимыми изслѣдователями. Детальной съемкѣ подверглись всѣ окрестности (въ обширномъ смыслѣ этого слова) зимовья; были сняты на карту не только сѣверные, но и южные берега пролива Джонса. Къ августу всѣ картографическія работы были въ главныхъ чертахъ уже закончены, оставалось подумать о возвращеніи домой. Но лѣто было въ высшей степени неблагопріятное. Даже въ концѣ августа, въ пору наивысшаго таянія, ледъ имѣлъ еще 1 метръ въ толщину. Морозъ наступилъ внезапно и очень рано. Не оставалось ничего другого, какъ согласиться, въ виду такихъ обстоятельствъ, еще на четвертую зимовку. Ни динамитъ, ни другія взрывчатыя вещества, имѣвшіяся на «Фрамѣ» въ изобиліи, на этотъ разъ не помогли нисколько; хотя

Digitized by Google

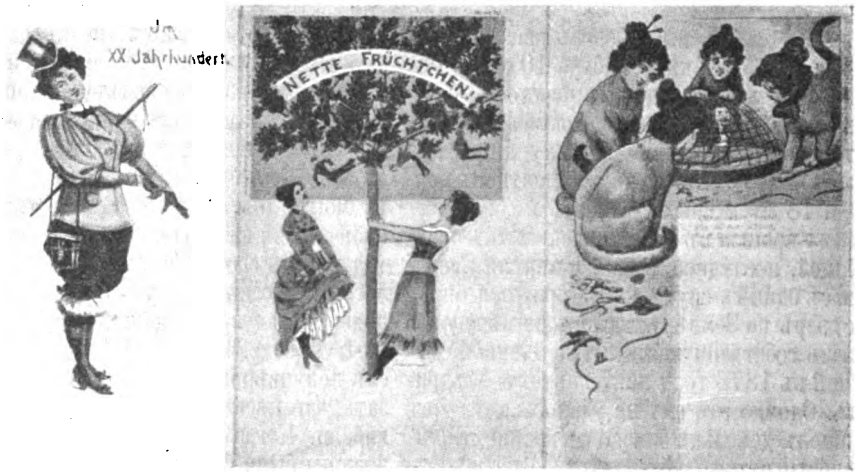
судно и удалось высвободить изо льда, но, пройдя къ югу какихъ-нибудь 10 миль, оно снова было затерто. Дѣлать нечего: помирились съ своей участью и взялись опять за охоту, чтобъ заготовить на зиму пищу для собакъ. Было убито до двухъ десятковъ моржей и 18 мускусныхъ быковъ.

Зима прошла въ приготовленіяхъ къ предстоящей, послѣдней, веснѣ. 1 апрѣля Свердрупъ съ однимъ спутникомъ двинулся опять на сѣверъ по Землѣ Эллеслеръ, намѣреваясь связать собственную съемку со съемкой, сдѣланной въ 1876 году лейтенантомъ Альдрикомъ. Однако, это ему не удалось; хотя онъ подошелъ довольно близко къ крайнему пункту, достигнутому лейтенантомъ Альдрикомъ, однако, самаго этого пункта не достигнулъ. Въ это лѣто сдѣлана была интересная историческая находка. Дѣло въ томъ, что небольшой островокъ Бичи, гдѣ провелъ первую зиму несчастный Франклинъ, былъ одно время, въ эпоху поисковъ за погибшимъ, а именно въ 1850 годахъ, операціоннымъ базисомъ. Здѣсь одно лѣто, напримѣръ, скопилось чуть не до десятка судовъ, разыскивавшихъ Франклина. Суда англійской эскадры Бельчера были здѣсь затерты льдами и покинуты своими экипажами. Передъ отправленіемъ, большая часть провіанта и богатаго снаряженія экспедиціи была сложена на этомъ маленькомъ островкѣ. Теперь норвежцы отправились туда, въ разсчетѣ воспользоваться тамъ нѣкоторыми вещами. Складъ, однако, оказался разореннымъ. Отъ дома остался только одинъ срубъ. Куттеръ «Мэри», единственное изъ судовъ покинутой эскадры не освободившееся ото льдовъ даже въ теченіе полустолѣтія, былъ найденъ въ состояніи, совершенно негодномъ: мачты обрублены, палуба снята. Въ концѣ лѣта съ тремя людьми изъ экипажа случилось происшествіе, едва не стоившее имъ жизни. Они были отправлены на нѣсколько дней на западъ отъ пролива Джонса съ намѣреніемъ произвести драгировку, сдѣлать нѣкоторыя наблюденія и проч. Когда они находились у небольшого островка, лежащаго у западнаго входа въ этотъ проливъ, поднялся сильный юго-западный штормъ, и черезъ нѣсколько часовъ весь проливъ оказался сплошь заполненнымъ льдами. Нѣсколько дней вѣтеръ все возрасталъ; иные дни ледъ сплачивался настолько, что будь у нихъ сани для провіанта можно бы по немъ было идти; 10 дней провели они на островѣ; почти вся пища, взятая ими съ собою, была съѣдена. Не оставалось ничего иного, кромѣ рѣшенія тащить лодку по льду, въ надеждѣ выбраться въ открытую воду. Попытка удалась, но лишь послѣ неимовѣрныхъ усилій. Достаточно сказать, что нѣсколько разъ были они на краю гибели. Когда они добрались до берега, то должны были бросить лодку. Пѣшкомъ дошли они до фіорда, въ которомъ стоялъ «Фрамъ». Всего нѣсколько километровъ отдѣляло ихъ отъ судна, но это была вода; только на другой день замѣтили ихъ съ «Фрами» и послали за ними лодку. Они были спасены, полумертвые отъ голода и усталости.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого происшествія «Фрамъ» высвободился изо льда. 8 августа прибыли въ Готгабъ, датскую колонію въ Западной Гренландіи, и черезъ двѣ недѣли тронулись въ путь оттуда домой. По дорогѣ они встрѣтились съ лейтенантомъ Пири, возвращавшимся изъ своей экспедиціи въ Сѣверную Гренландію, гдѣ онъ пробылъ тоже 4 года. Вѣсть о возвращеніи обоихъ изслѣдователей достигла Европы одновременно. Въ Норвегіи чествовали Свердрупа очень горячо, хотя, пожалуй съ меньшимъ энтузіазмомъ, чѣмъ въ свое время Нансена: открытія скромнаго капитана не такъ эффектны и поразительны, какъ нансеновскія. Всѣ норвежскія газеты въ продолженіе двухъ недѣль были переполнены описаніями торжественнаго шествія «Фрама» вдоль береговъ Норвегіи. Недавно въ Норвежскомъ географическомъ обществѣ состоялось въ честь его особое засѣданіе. Книга его выйдетъ одновременно на нѣсколькихъ языкахъ. Найдетъ ли она своего переводчика и на русскій языкъ, покажетъ будущее.

А. Ф.

Digitized by Google



Образцы нѣмецкихъ открытыхъ писемъ.

МАНІЯ НА ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА.

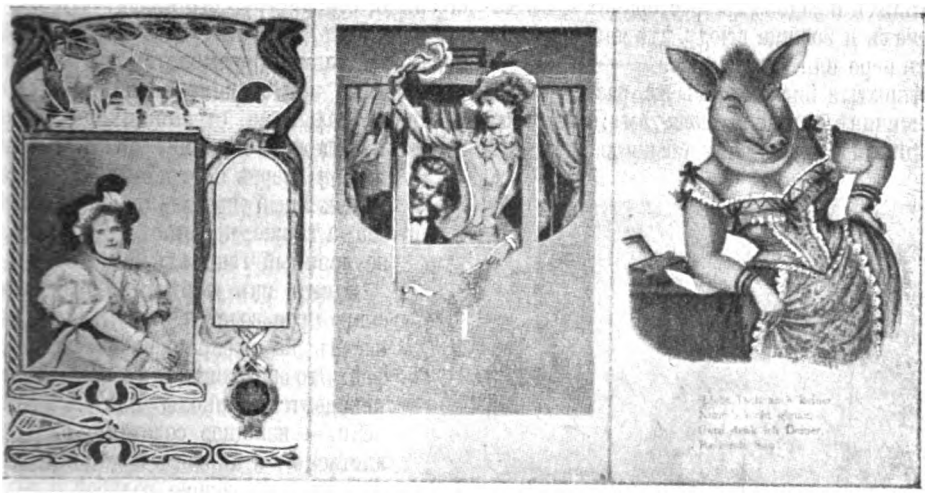
Число и разнообразіе открытыхъ писемъ съ картинками, продающихся во всѣхъ городахъ Европы, поразительно. Достаточно сказать, что при всей ихъ дешевизнѣ пришлось бы потратить весьма значительную сумму, если бы кому-нибудь вздумалось собрать что-нибудь похожее на коллекцію образцовъ.

Искусство и фотографія.

Картинки эти чрезвычайно разнообразны по сюжетамъ: однѣ комичны, другія сантиментальны, есть чисто художественныя, нѣкоторыя имѣютъ сюжетомъ сцену, архитектурныя произведенія, геральдику, а есть карточки и съ грубымъ сюжетомъ; существуютъ серіи, иллюстрирующія классическую поэзію, классическій вымыселъ, волшебныя сказки и мѣстныя легенды; серіи, представляющія собою цѣлыя галлереи прославленныхъ героевъ прошлаго и настоящаго, царственныхъ лицъ, композиторовъ, поэтовъ и писателей, театральныхъ знаменитостей и извѣстныхъ красавицъ, копій съ шедевровъ искусства и много другихъ сюжетовъ, сценъ и общихъ типовъ.

Такія открытыя письма съ картинками на память болѣе всего любятъ нѣмцы, французы гораздо менѣе, англичане еще меньше. Внѣ Парижа и французы даютъ туристу сравнительно незначительное количество такихъ поучительныхъ, забавныхъ или чисто художественныхъ трофеевъ, и сами французы рѣдко пользуются ими; большинство французовъ слишкомъ бережливо для того, чтобы тратить вдвое болѣе, чѣмъ нужно, на письмо, отправляемое по почтѣ. Въ Англіи на открытыхъ письмахъ можно встрѣтить виды собора св. Павла, Тауера, моста Тауеръ, Тэмпль Бара и всѣхъ замѣчательныхъ ландшафтовъ, коллекцію военныхъ типовъ и, кромѣ того, спеціальный сортъ карточекъ, не встрѣчающихся больше нигдѣ, а именно «освѣщенныя карточки», изображающія строенія и улицы, которыя, если ихъ держать противъ свѣта, будутъ казаться залитыми огнями. Маркизъ Салисбюри какъ-то сказалъ въ палатѣ лор-

Digitized by Google



L'Art Nouveau. Bon Voyage. Грубый фарсъ.

довъ, что «англичане не артистическій народъ», и, конечно, никто у нихъ не ожидаетъ найти такого разнообразія красивыхъ, подчасъ истинно художественныхъ карточекъ, какія даютъ нѣмцы, французы, голландцы и итальянцы.

Но Германія, по преимуществу, страна открытыхъ писемъ съ картинками и, повидимому, нѣмцы и австрійцы пользуются ими такъ же свободно, какъ и иностранные туристы. Нѣмцы пишутъ на этихъ карточкахъ повсюду,—въ вагонахъ и на станціяхъ, въ

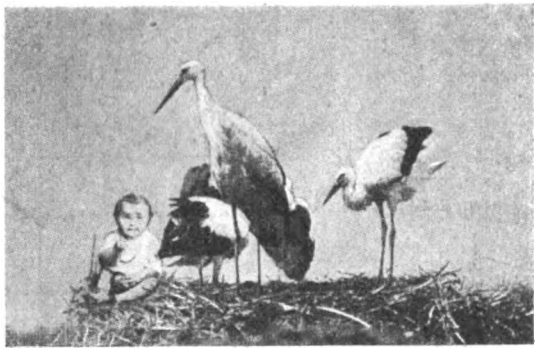
Образчикъ фотографическаго искусства.

Портретъ на открытомъ письмѣ.

Digitized by Google

биргаляхъ и садовыхъ ресторанахъ, въ магазинахъ и вообще всюду, гдѣ можно только найти перо или карандашъ.

Открытыя письма такъ же разнообразны по величинѣ, какъ и по сюжетамъ: нѣкоторыя изъ нихъ, имѣя ширину обыкновеннаго от-



Поздравительная карточка.

крытаго письма, простираются въ длину на цѣлый ярдъ, другія же достигаютъ величины четырехъ страницъ этого журнала, положенныхъ такъ, чтобы составить квадратъ. Они воспроизводятъ фотографическіе виды цѣлой набережной такихъ городовъ, какъ Парижъ, Вѣна, Амстердамъ, и должны быть оплачиваемы, какъ закрытое письмо.

Карточки воспроизводятся самыми разнообразными способами, какими только могутъ быть сдѣланы картинки въ большомъ количествѣ по сходной цѣнѣ. Нѣкоторыя даже раскрашены акварелью и производятъ впечатлѣніе оригинальныхъ рисунковъ. Но большинство картинокъ—простыя воспроизведенія фотографическихъ снимковъ или гравюръ на деревѣ.

Въ числѣ этихъ картинокъ карточка знаменитой парижской красавицы лежитъ рядомъ съ карточкою Карла I англійскаго и нынѣшняго императора германскаго. Актрисы, портреты которыхъ выставлены во всей континентальной Европѣ, балетныя красавицы и различныя высокопоставленныя лица лежатъ въ перемежку, и тутъ же бросается въ глаза свирѣпая голова «желѣзнаго канцлера». Бисмарковскихъ карточекъ насчитывается не менѣе сотни; онѣ воспроизводятъ его лицо, его фигуру, его виллу, его большихъ собакъ, его статуи и т. д. Королева Вильгельмина улыбается въ своемъ роскошномъ придворномъ нарядѣ. Колумбъ смотритъ большими, стремящимися вдаль, полными надеждъ глазами; въ этой большой галлереѣ портретовъ находится и покойный президентъ Макъ Кинлей, а также, конечно, и Крюгеръ, и неуловимый генералъ Де-Ветъ.

Одинъ изъ портретовъ, берлинскаго производства, съ актрисы, наклеенъ на раскрашенную литографію. Это образчикъ такъ называемой декадентской школы или Art Nouveau, — изящное сочетаніе стеблей, листьевъ, и цвѣтовъ водяной лиліи, покрытыхъ красною, голубой и золотой краскою. Эта карточка служитъ связывающимъ звеномъ между портретами и воспроизведеніями всемірно извѣстныхъ шедевровъ. Въ коллекціи находится, конечно, дѣвушка съ чашкою шоколада Ліотара, графиня Потоцкая, Антона Графа, Грёзевская прелестная головка, портретъ Маріи Манчини Маньяра, знаменитая королева Луиза изъ Кёльнской галлереи и десятки тому подобныхъ. Нѣкто Акерманъ въ Мюнхенѣ сдѣлалъ еще болѣе

Французская карточка.

прекрасную работу, давъ портреты современныхъ нѣмецкихъ любимыхъ художниковъ, а изъ Лейпцига и Мюнхена получаются хорошенькія, фантастическія картинки, изображающія изящныхъ, молодыхъ женщинъ, съ цвѣтами или съ папиросой въ рукѣ и выпускающихъ при этомъ цѣпь сердецъ изъ дыма. Нюренбергъ производитъ

Digitized by Google

красивыя карточки, украшенныя мужчинами и женщинами Ватто, а также очень популярную и многочисленную серію большихъ цвѣтовъ, изъ чашечки которыхъ подымается красивое женское лицо. Очень многочисленную коллекцію, также встрѣчающуюся повсюду въ Европѣ, составляютъ типы молодыхъ женщинъ южной Европы, разрисованныхъ въ яркіе, но удачно выбранные цвѣта. Голландія даетъ свои вѣчныя, никогда не надоѣдающія водяныя сценки и парусныя суда, которыми она такъ долго украшала свои фарфоровыя издѣлія.

На всѣхъ этихъ карточкахъ остается очень мало мѣста для писанія. Онѣ такимъ образомъ утратили свое первоначальное назначеніе и превратились просто въ предметы на память и въ произведенія искусства.

Французскіе издатели открытыхъ писемъ обогащаютъ эту разбросанную галлерею крошечныхъ странствующихъ картинокъ интересною серіею, демонстрирующею костюмы французскихъ женщинъ во всѣ вѣка. Они издаютъ также серію гравюръ Ватто, нѣжно раскрашенныхъ по изысканному способу

Изъ серіи модъ.

старыхъ раскрашенныхъ гравюръ, которыя нынѣ столь рѣдки и дороги. Они также, какъ и слѣдуетъ ожидать, не пренебрегаютъ изданіемъ серій «étoiles des cafés-concerts de Paris», изображающихъ сомнительныхъ «красавицъ» такихъ мѣстъ, какъ «Moulin Rouge» при исполненіи ихъ тяжелой скудно оплачиваемой обязанности забавлять туристовъ. На этихъ карточкахъ остается мѣста настолько, чтобы молодой человѣкъ, могъ написать: «Я тамъ былъ».

Австрійцы, нѣмцы, пруссаки, голландцы и французы всѣ ухватились за фотографическій снимокъ, распространенный агитаторами въ пользу буровъ и изображающій стараго бургера и его десятерыхъ сыновей, вооруженныхъ и съ патронными поясами. А вотъ еще вѣнская серія, называемая «Wiener Typen». Она заключаетъ въ себѣ уличныхъ бродягъ, разнозчиковъ, прачекъ, ломовыхъ извозчиковъ, рабочихъ и прочихъ представителей низшаго населенія веселой столицы Австріи. Лица и костюмы вѣрны оригиналу, и въ этихъ картинкахъ замѣтно такое семейное сходство съ подобнымъ же народомъ Лондона, Берлина и Нью-Іорка, что можно вывести заключеніе, что современныя столицы накладываютъ на лица своихъ уличныхъ дѣтей и дѣтей рабочихъ одинаковый почти отпечатокъ. Такія открытыя письма разсказываютъ тѣмъ, кто ихъ получаетъ, цѣлую исторію, и они всегда будутъ популярны и интересны.

Берлинская сатирическая карточка.

Самыя грубыя изъ картинокъ на открытыхъ письмахъ относятся также къ серіи человѣческихъ типовъ и изображаютъ крестьянъ австрійскаго Тироля. Они сдѣланы какъ парикмахерская кукла. Сперва печатается грубый контуръ, при чемъ линіи выходятъ далеко за предѣлы карточки. Затѣмъ, при второмъ

Digitized by Google

и третьемъ печатаніи накладываются краски. Послѣ этого наклеиваются кусочки пестраго бархата на тѣ мѣста, гдѣ должно быть платье и брюки крестьянина и, наконецъ, пряжки мужчинъ и шнуровка дѣвушекъ натираются золотою пудрою.

Изъ открытыхъ писемъ, изображающихъ сцены французскихъ морскихъ купаній, одна только серія заключаетъ въ себѣ около двухъ сотъ картинокъ. Французы ограничиваются въ этихъ иллюстраціяхъ изображеніемъ женщинъ въ шикарныхъ купальныхъ костюмахъ, нѣмцы же предпочитаютъ воспроизводить любовныя сцены въ водѣ и на пескѣ: флиртъ, галантныя услуги легко одѣтымъ красивымъ купальщицамъ, новѣйшихъ Афродитъ, ѣдущихъ между волнами на своихъ поклонникахъ какъ на лошадяхъ. Эволюціи въ водѣ очень тучныхъ мужчинъ и женщинъ, очевидно, доставляютъ большое удовольствіе нѣмецкимъ художникамъ и ихъ поощрителямъ.

Что касается комическихъ сюжетовъ на открытыхъ письмахъ, то мѣрило вкуса такъ разнообразно въ Европѣ, что не хочется даже поверхностно описывать картинки, считающіяся тамъ и невинными и вмѣстѣ съ тѣмъ юмористическими. Любимый сюжетъ нѣмецкихъ юмористическихъ художниковъ —пьянство; они также любятъ изображать свиней въ мужскихъ и женскихъ костюмахъ. Имъ никогда не надоѣдаетъ изображать погоню женщинъ за мужчинами, и въ этомъ родѣ картинки бываютъ часто смѣшныя и безвредныя. Одна, напримѣръ, изображаетъ четырехъ молодыхъ дѣвушекъ въ видѣ кошекъ, сидящихъ вокругъ клѣтки, въ которой запертъ мужчина. На другой нарисованы двѣ женщины подъ деревомъ, плоды котораго мужчины; одна женщина трясетъ дерево, а другая ловитъ въ передникъ падающіе плоды. Почти на всѣхъ такихъ карточкахъ напечатано неизбѣжное комическое четверостишіе, часто въ разговорной формѣ.

Сантиментальныя, юношескія карточки, и тѣ, что иллюстрируютъ волшебныя сказки— большею частію нѣмецкаго производства; онѣ часто бываютъ до крайности нѣжны и красивы. Младенецъ въ гнѣздѣ аиста и огромная птица, стерегущая и кормящая его—сюжетъ, который трактуется на десяткахъ карточекъ, предназначенныхъ для поздравленія съ новорожденнымъ.

Берлинская складная карточка.

Digitized by Google

ФРИДРИХЪ НИТЦШЕ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ) [1]).

Начало и причины его болѣзни.

Скорбная исторія многолѣтнихъ физическихъ страданій Нитцше, завершившихся помраченіемъ его могучаго духа, начинается уже съ конца 1870 г. Пережитые имъ ужасы войны и жестокая, хотя и непродолжительная, болѣзнь потрясли до основанія крѣпкій организмъ, совершенно расшатали его нервную систему. Его тѣло и духъ, истерзанные всѣмъ ураганомъ испытаннаго на войнѣ, требовали для возстановленія своихъ силъ основательнаго и продолжительнаго отдыха. Но о послѣднемъ юный мыслитель, въ умѣ котораго зрѣли, среди доносящейся съ полей битвъ канонады и стоновъ умирающихъ, глубокія философскія проблемы, и думать не хотѣлъ. Едва оправившись отъ постигшей его болѣзни, онъ сразу ринулся въ бездну труда, какой ему былъ необходимъ для осуществленія его творческихъ плановъ на-ряду съ добросовѣстнымъ исполненіемъ профессіональныхъ обязанностей. Для несенія такого гигантскаго труда нужны были чрезвычайныя силы, здоровье же Нитцше настолько пошатнулось, что прежняя трудоспособность ему не давалась, а жажда творчества и неутомимой духовной дѣятельности вызывала въ немъ страстное желаніе какъ можно скорѣе возстановить свое здоровье и способность неутомимо работать. Вмѣсто того, чтобы предоставить времени и самой природѣ укрѣпленіе его пошатнувшихся силъ, онъ сталъ усиленно лѣчиться и прибѣгать къ сильно дѣйствующимъ лѣкарствамъ, которыя вмѣсто быстраго, какъ онъ надѣялся, исцѣленія, только разстроили окончательно его нервы и пищеварительный аппаратъ. Съ тѣхъ поръ начинаются у Нитцше хроническое страданіе желудкомъ, постоянныя рвоты, прогрессивное ухудшеніе и безъ того крайне плохого зрѣнія, сильнѣйшія глазныя и головныя боли и въ связи съ ними мучительная безсонница. Но, не смотря на всѣ эти нескончаемыя муки, жажда творчества его не оставляетъ, онъ не перестаетъ изнурять себя непосильнымъ трудомъ и доводитъ свой мозгъ до послѣднихъ предѣловъ напряженія, неустанно работая мыслію надъ занимающими его глубочайшими художественно-философскими вопросами и надъ тѣмъ, чтобы вылить свои думы о нихъ въ недосягаемыя художественныя формы. Къ какому результату такое подвижничество мыслителя должно было неизбѣжно привести, не трудно было предвидѣть, и удивляться тому, что этотъ могучій духъ не вынесъ взятаго имъ на себя тяжелаго креста и въ концѣ концовъ палъ, сраженный неизлѣчимымъ недугомъ, конечно, не приходится.

Какъ ни натураленъ этотъ печальный финалъ въ трагической судьбѣ нашего героя, его многочисленные враги и, что еще, пожалуй, хуже, такъ называемые друзья и почи-

[1]) См. «Новый Журн. Иностр. Лит.» 1901 г. №№ 1—11 и 1902 г. №№ 8, 9, 10 и 12.

Digitized by Google

татели, на роковой болѣзни, помрачившей сознаніе философа, строятъ свое заключеніе о томъ, что въ лицѣ пѣвца Заратустры человѣчество имѣетъ дѣло съ умомъ ненормальнымъ, больнымъ, стоящимъ на рубежѣ между геніальностью и помѣшательствомъ. Менѣе безцеремонные противники ухватываются за фактъ постигшаго нашего философа умопомраченія, дабы съ усердіемъ, достойнымъ лучшей цѣли, утверждать, что рѣдкія творенія одиноко надъ толпою парящаго мыслителя представляютъ собою не что иное, какъ больной бредъ помѣшаннаго. Съ легкой руки его духовной «подруги на часъ», г-жи Лу Андреасъ Соломе, которую философъ (откликавшійся на всякое дружеское проявленіе преданностью и любовью, доходившими часто до обожанія, и всегда идеализировавшій въ началѣ людей, вкрадывавшихся въ его довѣріе, что не мѣшало ему скоро раскусывать ихъ и узнавать ихъ настоящую цѣну), пожалуй, и называлъ въ своихъ письмахъ «родственнымъ мозгомъ», сестрою по духу, но отъ которой, какъ сообщаетъ его сестра-біографъ, онъ сумѣлъ скоро вполнѣ отдѣлаться, какъ отъ непрошенной адептки,—съ легкой руки этой писательницы пошла въ ходъ тенденція критиковъ класть въ основу философіи Нитцше его личную психологію и при томъ психологію болѣзненную, ненормальную, психологію декадента, ищущаго въ идеалѣ сверхчеловѣка забвеніе своей собственной немощности и мизерности. Несостоятельность оцѣнки философскаго міросозерцанія Нитцше съ этой субъективной и крайне произвольной точки зрѣнія едва-ли необходимо доказывать. Но, кромѣ того, указанная тенденція психопатологическаго объясненія личности и ученія философа ведетъ къ совершенно превратному представленію о дѣйствительномъ Нитцше, какъ о человѣкѣ и мыслителѣ, оцѣнка котораго лишь тогда можетъ быть правильной, когда въ основу ея будетъ положено сужденіе не только о разрушительной дѣятельности, но и о созидательномъ творчествѣ этого покоя не знающаго и въ жадномъ исканіи истины свои пути мѣняющаго духа,—сужденіе о строительствѣ, которое смутно чувствуется и предвкушается въ его твореніяхъ, но которому по волѣ слѣпого, безсмысленнаго рока не дано было осуществиться. Чтобы понять истинное величіе Нитцше, необходимо окинуть пытливымъ взоромъ не только то, что онъ далъ или, вѣрнѣе, отнялъ у міра, но и то, что міръ имѣлъ всѣ основанія еще ждать отъ него, не померкни безвременно свѣточъ его разума.

Катастрофа, пресѣкшая въ самый интересный моментъ, на поворотномъ пунктѣ, художественно-философское творчество многострадальнаго искателя правды, явилась грознымъ, хотя и далеко не законнымъ оружіемъ противъ всего, что говорилъ пѣвецъ Заратустры, въ рукахъ тѣхъ, кто не доросъ до пониманія его рѣдкихъ красотъ, до отдѣленія въ немъ плевелъ отъ зеренъ чистѣйшаго налива. Даже такой свѣтлый, благородный умъ, какъ нашъ незабвенный философъ-публицистъ Вл. С. Соловьевъ, который скорѣе всякаго другого способенъ былъ оцѣнить духовныя красоты конгеніальнаго ему Нитцше, и тотъ не былъ свободенъ отъ выставленія, въ качествѣ аргумента противъ его твореній, постигшаго ихъ автора сумасшествія. Правда, этимъ аргументомъ Соловьевъ пользуется вполнѣ добросовѣстно, приводя его, въ качествѣ мистическаго объясненія трагической судьбы несчастнаго «мыслителя сверхъ-филолога», «который не могъ перенести окончательнаго торжества филологіи надъ болѣе глубокими, но безсильными стремленіями его духа, и сошелъ съ ума, чѣмъ доказалъ искренность и благородство своей натуры и, навѣрное, спасъ свою душу». Другіе же и при томъ весьма почтенные критики Нитцшевскаго міросозерцанія прямо утверждаютъ, что психическая болѣзненность и ненормальность Нитцше сказываются уже въ его твореніяхъ, созданныхъ задолго до того, какъ онъ окончательно помѣшался.

Такъ, въ своей года два тому назадъ вышедшей книгѣ о Нитцше, профессоръ философіи въ Страсбургѣ, Теобальдъ Циглеръ, довольно извѣстный писатель, авторъ солиднаго труда «Духовныя и общественныя теченія XIX столѣтія», вздумалъ отстаивать упомянутый взглядъ. Проявленіе умственной ненормальности Циглеръ усматриваетъ въ твореніяхъ Нитцше уже съ 1882 года, находя его въ рѣзкомъ измѣненіи Нитцшевскаго стиля и способа выраженія, въ его періодахъ рѣчи, становящихся все болѣе тяжеловѣсными, въ множествѣ вставочныхъ предложеній, въ особыхъ сочетаніяхъ мыслей и образовъ, въ ассоціаціяхъ идей и въ словообразованіяхъ, въ настроеніяхъ и тонѣ полемики, какими отличаются всѣ его послѣ-

Digitized by Google

дующія сочиненія, начиная съ пятой книги «Радостной Науки» («Fröhliche Wissenschaft»), возникшей въ 1886 году. Заратустра, по мнѣнію страсбургскаго профессора, стоитъ у Нитцше на порогѣ между его умственнымъ здоровьемъ и душевной болѣзнью, и на сколько Циглеру позволяетъ судить его литературное и стилистическое чутье, заключаетъ въ себѣ первые слѣды начинающагося умственнаго разстройства своего автора. Не довольствуясь, однако, признаніемъ пѣвца Заратустры умственно ненормальнымъ субъектомъ уже за 7 лѣтъ до его помѣшательства, Циглеръ идетъ еще дальше и явно склоняется въ пользу предположенія, что Нитцше, лишившійся въ раннемъ дѣтствѣ отца, умершаго отъ сотрясенія мозга, причиненнаго несчастнымъ случаемъ паденія съ каменной лѣстницы, былъ отягченъ наслѣдственнымъ мозговымъ разстройствомъ. При этомъ страсбургскій профессоръ забываетъ, что отецъ Нитцше заболѣлъ, когда его сыну было четыре года, и что, стало быть, о наслѣдственной передачѣ болѣзни мозга, равно и предрасположенія къ ней, какъ со стороны отца, совершенно здороваго до приключившагося съ нимъ послѣ рожденія сына несчастнаго случая, такъ и со стороны вполнѣ здоровыхъ и долговѣчныхъ предковъ отцовской и материнской линіи у Нитцше не можетъ быть и рѣчи. Какія же доказательства приводитъ Циглеръ въ пользу своего взгляда на нашего философа, какъ на наслѣдственно отягченнаго душевной ненормальностью субъекта?—Никакихъ рѣшительно, кромѣ параллели и сравненія съ несчастной судьбою замѣчательнаго нѣмецкаго поэта Гольдерлина, который тоже выросъ сиротой, рано лишившись отца, и, благодаря своей въ высшей степени чувствительной и мягкой натурѣ, не знавшей закала отцовскаго воспитанія, не смогъ противостоять жизненнымъ бурямъ и невзгодамъ и окончилъ свой земной путь сорокалѣтнимъ безуміемъ. Произвольность и предвзятость такого взгляда на Нитцше очевидны: аргументація его невольно заставляетъ вспомнить французскую пословицу: comparaison n'est pas raison. На несостоятельность мнѣнія о Нитцше, писателѣ и философѣ, какъ объ умственно ненормальномъ субъектѣ, неоднократно было указано. Еще недавно это мнѣніе было блестяще разбито въ одной изъ лучшихъ, какія только вышли за послѣдніе два года, монографій о Нитцше, принадлежащей перу извѣстнаго историка философіи и выдающагося работника на нивѣ Кантовой философіи, Vahinger'a. Помимо своей бездоказательности, взглядъ Циглера не внушаетъ къ себѣ довѣрія уже потому, что авторъ его съ самаго начала становится въ явно недружелюбное и субъективное отношеніе къ анализируемому имъ философу. Невольное восхищеніе, вызываемое геніальными чертами Нитцше, окрашивается у страсбургскаго профессора явно злобнымъ чувствомъ оскорбленнаго національнаго самолюбія, непріязни и мелочной придирчивости къ нѣмецкому мыслителю, кичащемуся своимъ польскимъ происхожденіемъ, симпатизирующему Россіи, ставящему славянъ по способностямъ выше нѣмцевъ, издѣвающемуся надъ нѣмецкой реформаціей и Лютеромъ, позволяющему себѣ отпускать на счетъ нѣмецкаго духа колкости, въ родѣ

«Nur Schritt für Schritt-das ist Kein Leben,
Stets Bein vor Bein macht deutsch und schwer».

и пр. Объ этомъ крайне субъективномъ, предвзятомъ отношеніи Циглера уже достаточно судить по выдаваемымъ имъ аттестаціямъ Нитцше, какъ человѣка съ крупными пробѣлами въ знаніи, не прошедшаго строгой школы научнаго мышленія, закончившаго свое среднее образованіе въ 20 лѣтъ съ неудовлетворительнымъ балломъ по математикѣ, большого профана въ философіи исторіи, кропателя (Stümper) и дилеттанта во всей своей научно-философской дѣятельности и т. п. Здѣсь, конечно, не мѣсто пускаться въ опроверженія ошибочныхъ, критическихъ сужденій о нашемъ философѣ, высказанныхъ Циглеромъ въ его книгѣ наряду со многими мѣткими, остроумными и правильными замѣчаніями, изобличающими наблюдательность, аналитическое чутье и тонкій литературный вкусъ въ критикѣ, къ сожалѣнію, занявшемъ по отношенію къ Нитцше съ самаго начала невѣрную и, на нашъ взглядъ, вполнѣ неопровержимую позицію. Насъ въ настоящій моментъ занимаетъ лишь взглядъ почтеннаго критика на Нитцше, какъ на умственно-больного мыслителя и поэта; взглядъ этотъ, какъ мы видѣли, представляется, т. е. a priori малообоснованнымъ, въ силу основной неправильности всей точки зрѣнія, съ какой онъ высказывается.

Digitized by Google

Несостоятельнымъ оказывается онъ и по своей аргументаціи. Какъ ни тонко и высоко развито литературно-стилистическое чутье Циглера, все же исключительно на такомъ чисто-субъективномъ критеріи основывать «не въ качествѣ врача и психіатра, а въ качествѣ профана», заключеніе о томъ, съ какого времени въ мыслительной и писательской дѣятельности Нитцше начинаетъ проявляться нѣчто ненормальное, болѣзненное, — довольно рискованно, и это тѣмъ болѣе, что одинаково почтенные авторитеты, по части литературнаго вкуса и стилистическаго чутья, въ тѣхъ твореніяхъ пѣвца Заратустры, въ которыхъ Циглеръ ощущаетъ явный переломъ въ его психикѣ, переходъ отъ здороваго состоянія къ болѣзненному, не находятъ ни малѣйшаго слѣда ненормальнаго, психопатическаго. Мало того, тѣ творенія Нитцше, начиная съ Заратустры, въ которыхъ Циглеръ чувствуетъ присутствіе «чего-то перераздраженнаго и кривляющагося, несуразнаго и рѣзкаго, громкаго и крикливаго», такимъ авторитетнымъ знатокамъ и литературно-художественнымъ критикамъ, каковы, напримѣръ, Брандесъ, представляются литературными шедеврами, перлами художественно-философской мысли. Знаменитый датскій критикъ, который первый открылъ и указалъ современникамъ, какого геніальнаго и оригинальнаго мыслителя они имѣютъ въ лицѣ Нитцше, называетъ «Такъ говорилъ Заратустра», — гдѣ, по мнѣнію страсбургскаго профессора, проявляются первые слѣды умственнаго разстройства автора,—прекрасной, глубокой книгой, книгою, яркою по своей жизненной радости, темною по своему загадочному языку, книгой для путниковъ, взбирающихся на горныя вершины духа, и для смѣльчаковъ и для немногихъ избранныхъ, искушенныхъ и умудренныхъ въ великомъ презрѣніи къ людямъ, ненавидящимъ людскую толчею, и въ великой любви къ людямъ, которая оттого только такъ глубоко ненавидитъ, что передъ нею витаетъ образъ болѣе высокаго и сильнаго человѣчества, которое она жаждетъ взрасти и воспитать». А не менѣе Циглера блестящій стилистъ, бернскій историкъ философіи, профессоръ Людвигъ Штейнъ, тоже одинъ изъ энергичныхъ антинитцшеанцевъ, касаясь затронутаго впослѣдствіи и его страсбургскимъ коллегой вопроса объ отношеніи душевной болѣзни Нитцше къ его произведеніямъ, прямо заявляетъ, что не можетъ «подавить въ себѣ возмущенія, овладѣвающаго имъ всякій разъ, когда онъ читаетъ, какъ грубыя, неуклюжія руки суются и шарятъ вокругъ «казуса Нитцше»; когда писатели, которымъ ужъ потому не грозитъ опасность изсякнуть, подобно Нитцше, что у нихъ нечему изсякать, мелютъ всякій вздоръ о патологическомъ характерѣ сочиненій Нитцше и съ важностью берутся за ихъ анатомированіе». «Истиннымъ знатокамъ Нитцше»,—говоритъ Штейнъ, «достаточно указанія на то, что даже послѣднія работы, которыя онъ намъ оставилъ—означенное числомъ 30-го сентября 1888 года предисловіе къ «Götzendämmerung» и присоединенные къ послѣдней части «Такъ говорилъ Заратустра» диѳирамбы Діониса, возникшіе осенью 1888 года,—такъ же мало содержатъ въ себѣ намековъ на непосредственно затѣмъ наступившую катастрофу, какъ и любое изъ его сочиненій восьмидесятыхъ годовъ». Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи «Götzendämmerung», въ которомъ, какъ и въ «Антихристѣ», Циглеръ находитъ, первоначально одиноко проявлявшіяся, черты душевной болѣзни автора сгустившимися до маніи величія и пронзительнаго крика, Нитцше, по мнѣнію Штейна, стоитъ какъ разъ на кульминаціонной точкѣ своего литературнаго творчества. Діаметральная противоположность въ оцѣнкѣ послѣднихъ произведеній Нитцше съ одной стороны Циглеромъ, а съ другой не уступающими ему въ компетенціи и вкусѣ учеными критиками, ясно показываетъ, что литературно-эстетическое чутье страсбургскаго профессора, положенное имъ въ основу его сужденія о патологическомъ характерѣ твореній Нитцше, еще весьма далеко отъ непогрѣшимости, и что поэтому само, основанное исключительно на этомъ чутьѣ, сужденіе весьма и весьма спорно. Что же касается болѣе компетентнаго въ данномъ вопросѣ мнѣнія не профановъ, а спеціалистовъ-врачей, психіатровъ, то изъ ихъ среды, насколько намъ извѣстно, не раздалось еще ни одного авторитетнаго голоса въ пользу признанія творца Заратустры помѣшаннымъ въ какомъ-либо изъ его произведеній и вообще патологически уклоняющимся отъ нормы умственнаго здоровья человѣкомъ до начала 1889 года, когда его истомленный духъ внезапно сраженъ былъ медленно готовившимся, но неизбѣжнымъ недугомъ, результатомъ крайне ненормальнаго режима полнѣйшаго одиночества и невѣроятныхъ на-

Digitized by Google

пряженій ума среди жестокихъ страданій тѣла. Слѣды крайней чувствительности, перенапряженности мысли и раздраженности чувства, необыкновенно приподнятый, зачастую высокопарный тонъ, рѣзкости, граничащіе иногда въ своемъ конечномъ результатѣ съ абсурдомъ парадоксы, выводимые съ неустрашимой логической послѣдовательностью изъ основного ложнаго, но съ неотразимой силой убѣжденія защищаемаго положенія,—всѣ эти черты, встрѣчаемыя въ послѣднихъ произведеніяхъ Нитцше, отнюдь не признаки и предвѣстники постигшаго его безумія, какъ полагаетъ Циглеръ; онѣ вообще свойственны геніальнымъ поэтическимъ и философскимъ натурамъ, особливо съ романтической и мистической окраской, въ моменты высшаго напряженія ихъ творческой дѣятельности; эти черты въ отдѣльности, какъ и въ болѣе или менѣе полномъ составѣ, встрѣчаются и у Джордано Бруно, Данте, Леопарди и Шопенгауэра. Приводить ихъ, какъ это дѣлаетъ Циглеръ, въ генетическую связь съ душевнымъ недугомъ мыслителя post factum, послѣ того, какъ этотъ недугъ постигъ его, нетрудно и, въ то же время, крайне неосновательно. Во всякомъ случаѣ, послѣдующее сумасшествіе Нитцше, какъ справедливо указываетъ въ своей сжатой, но блестящей монографіи упомянутый нами выше профессоръ Vahinger, нисколько не умаляетъ геніальности и выдающагося въ исторіи философіи значенія его дивныхъ твореній, подобно тому, какъ божественныя музыкальныя созданія Шумана, чудная поэзія Гölдерлина, геніальныя драмы Граббе и мн. др. нисколько не умаляются въ своихъ рѣдкихъ достоинствахъ тѣмъ, что ихъ авторы кончили свою жизнь безуміемъ.

* * *

Изъ предшествующаго изложенія читатели могутъ видѣть, какую крупную роль въ загадочномъ и неотразимо заманчивомъ «казусѣ Нитцше», завѣщанномъ исторіи девятнадцатымъ вѣкомъ, играетъ, сколько споровъ вокругъ себя вызываетъ вопросъ о душевномъ здоровьѣ нашего героя. Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о его общемъ здоровьѣ. Съ нимъ намъ теперь необходимо ближе ознакомиться, для того, чтобы получить болѣе яркое и точное представленіе о личности философа-страдальца, освѣщенной съ наиболѣе трагической и возвышенной стороны его жизненнаго пути. Обратимся съ этой цѣлью къ картинѣ физическаго и душевнаго состоянія Нитцше, а также его многолѣтнихъ страданій которой въ своей превосходной книгѣ его сестра-біографъ посвящаетъ спеціальную главу и къ которой въ своемъ дальнѣйшемъ повѣствованіи она не разъ возвращается. Картина эта основывается на объективныхъ данныхъ, непреложныхъ фактахъ, нелицепріятныхъ документахъ жизни нашего героя.

«Онъ былъ,—сообщаетъ его сестра,—«совершенно здоровымъ ребенкомъ; обычныя болѣзни дѣтскаго возраста преодолѣвалъ онъ съ большою легкостью. То обстоятельство, что онъ часто страдалъ кашлемъ, насморкомъ и хрипотой, особливо въ переходномъ отъ отрочества къ юности возрастѣ, объясняется единственно тѣмъ, что онъ обыкновенно очень мало вниманія обращалъ на свое здоровье. Но видъ у него всегда былъ свѣжій и сильный, и онъ съ особымъ усердіемъ и охотой предавался какъ труду, такъ и играмъ. Только глаза его уже съ двѣнадцатилѣтняго возраста внушали опасенія, въ виду его необычайной близорукости. Впрочемъ, изслѣдованіе его зрѣнія въ Іенѣ тамошнимъ знаменитымъ окулистомъ не обнаружило въ немъ ничего болѣзненнаго, а также никакого органическаго порока, за исключеніемъ развѣ того, что глазное яблоко, какъ у всѣхъ близорукихъ, отличалось чрезвычайной кривизной». Причину близорукости брата г-жа Ферстеръ-Нитцше приписываетъ въ равной мѣрѣ какъ строенію его глаза, такъ и плохому освѣщенію ихъ дѣтской, которому она также обязана своимъ плохимъ зрѣніемъ. На скверное освѣщеніе классныхъ комнатъ не разъ жалуется самъ Нитцше во время пребыванія своего въ Пфортѣ, гдѣ близорукость его еще въ значительной степени прогрессировала. Два раза страдалъ онъ тамъ въ теченіе довольно долгаго времени хроническими головными болями, происхожденіе которыхъ приписывалось переутомленію глазъ. Сами же глаза его, необыкновенно большіе, красивые и блестящіе, казались совершенно здоровыми, не будучи никогда воспалены. Въ послѣднемъ классѣ Нитцше сильно ругалъ училищное начальство за то, что оно такъ мало заботится о сохраненіи зрѣнія у учениковъ, и далъ себѣ слово въ университетѣ, елико возможно, щадить и гигіенически пользоваться глазами, но сестра его сильно сомнѣвается въ томъ, чтобы онъ остался

Digitized by Google

вѣренъ своему слову, въ виду его ненасытной жажды знанія. Близорукость была также причиной несчастныхъ случаевъ, жертвой которыхъ онъ бывалъ въ своей юности: удара грудью объ луку сѣдла во время прохожденія имъ своей военной службы, въ качествѣ коннаго артиллериста, и неоднократныхъ вывиховъ ноги. Всѣ эти несчастія приключались съ нимъ, благодаря тому, что онъ совершенно не могъ опредѣлять по глазомѣру разстояній. Не смотря на этотъ крупный изъянъ, его отъ рожденія крѣпкая натура влекла его всегда къ гимнастическимъ упражненіямъ и разнымъ видамъ спорта, которые, однако, стоили ему бо̀льшихъ усилій, чѣмъ всякому другому, опять-таки благодаря его плохому зрѣнію.

Съ послѣдними сообщеніями сестры Нитцше относительно его гимнастическихъ и спортивныхъ наклонностей нѣсколько расходятся воспоминанія его школьнаго товарища, профессора Дейссена, въ общемъ подтверждающія вышеприведенную картину его здоровья въ юношескомъ возрастѣ. Дейссенъ изображаетъ юнаго Нитцше, какъ глубокую, серіозную натуру, которой все театральное въ дурномъ, какъ и въ хорошемъ смыслѣ, было совершенно чуждо; его мало интересовали спортъ и рыцарскія упражненія; къ гимнастикѣ онъ не питалъ симпатій, обнаруживая очень рано предрасположеніе къ полнотѣ и приливамъ крови къ головѣ. «Когда»,—разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Дейссенъ,—«я продѣлывалъ передъ нимъ гимнастическія упражненія, онъ обыкновенно тоже старался тщательно выполнить свою единственную штуку, которой онъ шутя придавалъ большое значеніе. Она состояла въ перекидываніи тѣла ногами впередъ съ одного изъ параллельныхъ брусьевъ черезъ другой. Это простое упражненіе, которое искусный гимнастъ продѣлываетъ въ одно мгновеніе, пожалуй, даже не касаясь брусьевъ, являлось для Нитцше чрезвычайно трудной задачей, при исполненіи которой онъ становился совершенно краснымъ, задыхался и обливался потомъ. Въ плаваніи онъ проявлялъ больше искусства. Во всякаго рода спортѣ постоянной помѣхой для него являлась его сильнѣйшая близорукость. Онъ носилъ обыкновенно при занятіяхъ очки и однажды, будучи еще въ Пфортѣ, далъ изслѣдовать свои глаза врачу. Окулистъ нашелъ состояніе ихъ не внушающимъ особыхъ опасеній, только указалъ на угрожающую Нитцше возможность ослѣпнуть въ болѣе пожиломъ возрастѣ. Куренія табаку, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда онъ курилъ ради баловства, Нитцше терпѣть не могъ. Также въ питіи онъ отличался чрезвычайной умѣренностію».

Здоровая натура Нитцше сказалась весьма явственно во время тяжкой болѣзни, вызванной сильнымъ ушибомъ, полученнымъ имъ на военной службѣ [1]). Не смотря на начавшійся, благодаря недосмотру врачей, процессъ гніенія пораженной грудной кости, препятствовавшій закрытію раны, природа пришла здѣсь паціенту на помощь и выдѣлила вмѣстѣ съ гноемъ причинявшій воспаленіе осколокъ кости, съ удаленіемъ котораго рана быстро зажила, и больной выздоровѣлъ.

По описанію своей сестры, Нитцше былъ крѣпко сложенъ, широкоплечъ, далеко не худой, смуглаго, здороваго, цвѣтущаго цвѣта лица, необыкновенно воздержанъ и умѣренъ во всемъ и отличался спокойной, полной благородства манерой держать себя а также наклонностью къ веселому, живому нраву—во всѣхъ отношеніяхъ онъ являлся прямой противоположностью того, что̀ собою обыкновенно представляетъ человѣкъ нервный и возбужденный. Еще осенью 1888 года онъ пишетъ, озираясь на пройденный имъ жизненный путь, о своей натурѣ: «кровь моя медленно циркулируетъ; одинъ врачъ, пользовавшій меня долгое время, въ качествѣ нервнаго больного, въ концѣ концовъ увидѣлъ себя въ необходимости заявить мнѣ: «нѣтъ-съ, здѣсь дѣло не въ вашихъ нервахъ, это я самъ, оказывается, нервенъ».

«Внѣшность его»,—говоритъ въ своей книгѣ сестра Нитцше,—«строеніе головы, высокій, широкій лобъ, большіе глаза, густыя, нависшія надъ ними брови, большіе усы, широкія плечи придавали ему нѣсколько жесткую осанку военнаго человѣка; но нѣжное благородство всего его существа на столько смягчало общее впечатлѣніе, которое онъ производилъ, что всѣ его фотографіи, передающія лишь внѣшній обликъ человѣка, за немногими исключеніями, должны быть признаны неудачными и не дающими о немъ надлежащаго представленія».

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) См. нашъ біографическій очеркъ «V. Военная служба» въ «Нов. Жур. Иностр. Лит». въ 1901 г. № 4 стр. 358.

Digitized by Google

ЯНВАРЬ.

Иллюстрированная хроника.

На современныя темы.
Изъ прошлаго.
Литературныя новости.
Научная хроника.
Изъ артистическаго міра.
Изъ газетъ и журналовъ
Ex libris.
Изъ лѣтописи преступленій и судебныхъ драмъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ХРОНИКИ.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Идеальная фабрика.—Къ 70-ти-лѣтію Бьёрнсона (съ его портретомъ).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Гувернантка короля (съ портретомъ Ментенонъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Памятникъ Бальзаку (съ илл. и съ портретомъ Ганськи).

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Иней и холодъ. (Зимняя бесѣда). В. Разинькова.

ИЗЪ АРТИСТИЧЕСКАГО МІРА.

Скрипачъ-виртуозъ Янъ Кубеликъ (съ илл.).

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Сны, какъ предвѣстники болѣзней.—Электрическая почта.

EX LIBRIS.

Лакейская исторія всемірной литературы.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ И СУДЕБНЫХЪ ДРАМЪ.

Драма въ Этретà и ея развязка.—Преступленія анархистовъ съ антропологической точки зрѣнія.—Новая Нинона-де-Ланкло.—Судъ надъ редакторами «Кладдерадачча».—Поддѣлка картинъ Арнольда Бёклина.

Digitized by Google

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Идеальная фабрика.

Въ Голландіи есть интересный уголокъ, въ которомъ не только самымъ блестящимъ образомъ разрѣшенъ рабочій вопросъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и осуществленъ, кажется, идеалъ фабричнаго производства.

Въ 1870 году близъ города Дельфта, въ Голландіи, извѣстный теперь дѣятель ванъ-Маркенъ основалъ спиртогонный и дрожжевой заводъ, гдѣ и началъ постепенно осуществлять свои идеи. Понемногу къ этой организаціи примкнули: въ 1883 году франко-голландское общество по выдѣлкѣ растительнаго масла, въ 1891 году фабрика клея и желатина и въ 1892 году типографія самого ванъ-Маркена. Всѣ эти производства ведутся на принципѣ участія служащихъ и рабочихъ въ прибыляхъ, которое дѣлаетъ ихъ постепенно собственниками предпріятій. Наиболѣе характерными органами этой объединенной организаціи являются со стороны правленія «секція интересовъ персонала», состоящая изъ 3 членовъ и 1 предсѣдателя, и секретаріатъ соціальныхъ интересовъ». Само названіе указываетъ на обязанности этихъ учрежденій; при этомъ роль перваго — исполнительная, а второго — иниціаторская. Третьимъ органомъ правленія является еженедѣльная газетка «Fabriksbode», выходящая по субботамъ. Въ передовой статьѣ ея разбирается обыкновенно какой-либо экономическій вопросъ дня, а остальныя посвящены разсмотрѣнію различныхъ вопросовъ внутренней жизни общества. Органами персонала являются: такъ называемое «ядро» (центръ) и «объединенная комиссія». Первое состоитъ изъ трехъ «палатъ»: палаты старшихъ служащихъ, засѣданія которой происходятъ каждый триместръ; палаты низшихъ служащихъ и подмастерьевъ; членами ея состоятъ: двое изъ наиболѣе старыхъ по службѣ и 6 выбранныхъ товарищами; засѣданія происходятъ каждые 2 мѣсяца; и, наконецъ, «палаты труда», членами которой состоятъ 2 изъ наиболѣе старыхъ по службѣ и 12 выбранныхъ товарищами рабочихъ; засѣданія ея происходятъ ежемѣсячно. Каждая палата имѣетъ своего предсѣдателя и секретаря; каждые полгода происходятъ общія собранія. Характеръ всего этого учрежденія чисто совѣщательный. Прежде чѣмъ осуществить какой-либо проектъ, дирекція вноситъ его на разсмотрѣніе «ядра». Но съ другой стороны и члены послѣдняго, выработавъ въ одной изъ палатъ какія-либо мѣры, черезъ посредство «общаго собранія» представляютъ ихъ на усмотрѣніе правленія.

Другимъ органомъ персонала является «объединенная комиссія», слагающаяся изъ нѣсколькихъ комиссій и подкомиссій, каждая изъ которыхъ вѣдаетъ одно какое-либо учрежденіе или его отрасль. Соединительнымъ звеномъ между дирекціей и этой системой самоуправленія является «центральное бюро».

Плата рабочаго составляетъ 16,5 цента въ часъ или 9,90 флорина въ недѣлю, но это только минимумъ. Для того чтобы рабочіе дѣйствительно были заинтересованы въ ходѣ всего дѣла, учреждены различныя преміи. Существуетъ, во-первыхъ, премія за усердіе. Каждый годъ рабочихъ раздѣляютъ по усердію на 5 классовъ съ однимъ промежуткомъ. Начиная со 2-го класса, рабочій получаетъ 2,5,7½ (промежуточный), 10 и 20 проц. добавочной платы. Такимъ образомъ усердный рабочій можетъ заработать уже около 12 флориновъ въ недѣлю. Подраздѣленіе это примѣняется безъ различія ко всѣмъ служащимъ: каждый изъ нихъ по истеченіи извѣстнаго срока, продолжительность котораго зависитъ отъ ранга служащаго, долженъ попасть въ извѣстный классъ,

Digitized by Google

въ противномъ случаѣ онъ увольняется. Другой преміей является премія за сотрудничество, т.-е. за дружное выполненіе совмѣстной работы. Величина ея колеблется между 5 и 10 проц. платы. Особыя преміи выдаются также за чрезвычайныя услуги.

Кромѣ того, персоналъ участвуетъ въ прибыляхъ; такъ, по отчисленіи изъ общей прибыли 5 проц. на капиталъ акціонерамъ, 10 проц. распредѣляются между служащими; величина этой доли зависитъ отъ степени усердія; 10 проц. съ этой доли отчисляется въ «фондъ общей пользы». Въ 1895 году собраніе акціонеровъ рѣшило предоставить въ распоряженіе правленія еще 10 проц. всей прибыли, съ тѣмъ, чтобы эта доля была употреблена на выдачу дополнительныхъ пособій тѣмъ изъ членовъ, которые не выслужили себѣ полной пенсіи. Въ началѣ года каждый рабочій получаетъ особый бюллетень, въ которомъ обозначена величина «средней платы», на которую онъ можетъ разсчитывать въ наступающемъ году. Въ концѣ каждаго триместра особая секція высчитываетъ, сколько каждому рабочему остается еще дополучить, за вычетомъ забранной имъ «средней платы» и различныхъ обязательныхъ взносовъ. Подобный излишекъ (5—65 фл.) даетъ рабочему возможность сдѣлать тѣ закупки, на которыя не хватаетъ средняго заработка.

Рабочій день пока составляетъ еще 10 часовъ. Работающіе до 6 час. утра и послѣ 9 час. вечера получаютъ на 10 проц. больше, а по воскресеньямъ—на 25 проц. Во всякомъ случаѣ рабочій не долженъ работать болѣе 14 час. въ сутки. Всѣ служащіе пользуются въ году 3 днями отпуска, безъ вычета изъ заработанной платы.

Для сбереженія имѣется двѣ кассы. Касса для добровольнаго сбереженія выплачиваетъ 5 проц. Къ 1 января 1900 года 276 лицъ имѣли право на полученіе 37.412 фл. Преміи и доли прибылей выдаются рабочимъ не цѣликомъ; извѣстная часть ихъ, въ зависимости отъ возраста и семейнаго положенія рабочаго, удерживается и откладывается въ кассу обязательнаго сбереженія. Такъ, у рабочаго въ возрастѣ 18 лѣтъ удерживается 90 проц., 18—23 лѣтъ—75 проц., старше 23 лѣтъ—50 проц., у женатаго, но бездѣтнаго—40 проц. и т. д. Только тотъ получаетъ прибыль и преміи полностью, у кого не менѣе 4 дѣтей. На эти сбереженія выдается 4 проц., которые могутъ выниматься только разъ въ годъ. Частичная или полная выдача всѣхъ сбереженій производится при вступленіи въ бракъ, при родахъ, по достиженіи 60 лѣтъ и въ случаѣ смерти. Къ 1900 году 264 лица имѣли право на полученіе 48.748 фл.

Кромѣ того служащіе могутъ вкладывать свои сбереженія въ акціи общества. Въ распоряженіе «секціи интересовъ персонала» предоставлено съ этой цѣлью 10 акцій по 1000 фл. Каждая акція раздѣлена на 100 частей по 10 фл., при чемъ одно лицо можетъ пріобрѣсти не болѣе 10 частей акцій. Къ 1900 г. 57 лицъ владѣло 510 частями акцій.

Въ случаѣ болѣзни каждый изъ членовъ получаетъ свой полный окладъ въ теченіе 2 мѣсяцевъ; но и по истеченіи этого срока правленіе не покидаетъ больного, а выдаетъ ему пособіе, величина котораго соразмѣрна его возрасту и семейному положенію. Существуетъ кромѣ того «касса взаимной помощи», куда каждый членъ обязанъ вносить: мужчина—12, женщина—8, дѣти ниже 18 лѣтъ—3 цента. Такъ какъ на условія кассы согласились всѣ врачи Дельфта, то каждый членъ можетъ пользоваться услугами любого изъ нихъ. Касса платитъ за совѣты на дому у врача. Если же членъ приглашаетъ его къ себѣ, то онъ платитъ за каждый визитъ особо, за дневной 5—15 цент., ночной—10—30. Если же число визитовъ превосходитъ 5 въ недѣлю, то касса беретъ ихъ на свой счетъ. За лѣкарства членъ кассы платитъ по 2 цент. съ рецепта. Средства кассы раздѣляются между докторами и аптекаремъ; первые получаютъ 82 проц., послѣдній—18 всего остатка.

Существуетъ кромѣ того добровольная касса взаимной помощи, взносъ въ которую равняется 5 цент. въ недѣлю. Если кто-либо изъ членовъ дѣлается жертвой несчастнаго случая при исполненіи своихъ обязанностей, то до полнаго своего выздоровленія онъ получаетъ полный окладъ. Если несчастный случай влечетъ за собой частичную неспособность къ труду, ему предоставляется другая работа; если же онъ сдѣлается совершенно неспособнымъ къ труду, ему выдается пособіе, величина котораго не должна, однако, превосходить 10 фл. въ недѣлю.

Кромѣ всего этого общество страхуетъ своихъ членовъ отъ старости, выплачивая за каждаго 7 процентовъ его жалованья въ «Національное общество страхованія жизни» въ Роттердамѣ. Могутъ выслужить полную пенсію прослужившіе въ обществѣ не менѣе 40 лѣтъ (отъ 21-го до 60-ти). Такимъ образомъ вступившіе на службу въ 25 лѣтъ должны еще сами дѣлать дополнительные взносы. Вступившимъ же въ еще болѣе зрѣломъ возрастѣ выдается дополнительное пособіе изъ упомянутыхъ нами 10 проц. съ прибыли. Между 1879 и 1889 годами было такимъ образомъ застраховано 340 лицъ на сумму въ 104.000 фл. Кромѣ того, общество страхуетъ своихъ членовъ и отъ смерти, дѣлая взносы въ 2 проц. съ годового оклада. Такимъ образомъ, если рабочій умираетъ до достиженія 60-ти-лѣтняго возраста, семьѣ его выдается 9 проц. со всей той суммы, которую умершій заработалъ на службѣ у общества. Не забываетъ общество и вдовъ своихъ членовъ;

Digitized by Google

для нихъ имѣется особый фондъ, куда всѣ члены взносятъ ежегодно по 1 проц. съ своего дохода, а общество прибавляетъ отъ себя половину всей этой суммы. Къ 1900 году 23 вдовы получали еженедѣльно 112 фл. изъ «вдовьяго фонда».

Все движимое имущество членовъ застраховано подъ коллективный полисъ въ 163.250 фл. Величина преміи въ среднемъ равняется 1,25 фл. на 1000.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, передъ наступленіемъ зимы, членамъ выдаются авансы отъ 5 до 30 фл., которые должны быть выплачены въ 26 недѣльныхъ сроковъ.

Въ 1884 году образовалось анонимное общество «Коллективная собственность». Изъ 1.600 акцій по 100 фл. 320 были распроданы членамъ, а подъ остальные 128.000 фл. выпущены 4½% облигаціи. Дѣятельность общества, во-первыхъ, строительная; подъ жилища для членовъ общества оно строитъ небольшіе коттеджи; передъ каждымъ изъ нихъ находится небольшой садикъ. Къ 1900 году въ жилищахъ этихъ проживало 44 семейства. Близъ парка общество имѣетъ большую площадь земли, разбитую на небольшіе участки, которые отдаются въ аренду подъ огороды членамъ организаціи. Ежегодная плата за 100 кв. метровъ—1,75 фл. Этому же обществу принадлежатъ двѣ бакалейныхъ лавки съ ежегоднымъ оборотомъ въ 60.000 фл., въ нихъ продаются всѣ предметы хозяйства. Члены общества, которые къ концу триместра не должны обществу ни цента, пользуются преміей въ видѣ 2 проц. скидки. То же общество имѣетъ и магазинъ платья съ ежегоднымъ оборотомъ въ 14.000 фл. За уплатой 4½ проц. на облигаціи и 5 проц. акціонерамъ, вся остальная прибыль распредѣляется между пользующимися услугами общества; деньги не выдаются имъ наличными, а въ видѣ частей акцій, такъ что лѣтъ черезъ 30—40 все имущество общества «Коллективная собственность» перейдетъ въ руки членовъ организаціи. Соблюдается правило, чтобы дома пріобрѣтались не въ личную, а въ коллективную собственность. При вступленіи на службу каждый рабочій получаетъ отъ правленія 3 рабочихъ костюма; когда они износятся, выдаются новые. Для сохраненія во время работы выходного костюма у каждаго рабочаго имѣется свой платяной шкафъ.

Общество располагаетъ вольной дружиной, набранной изъ членовъ. На случай несчастій имѣется перевязочный залъ. Съ цѣлью ознакомленія служащихъ въ перевязочномъ залѣ съ элементарными правилами хирургіи читаются особые курсы. Одна сестра милосердія отъ времени до времени навѣдывается въ семьи рабочихъ и даетъ необходимые совѣты. Не забыто и воспитаніе дѣтей. Для дѣтей моложе 6 лѣтъ имѣется спеціальная школа; каждая семья платитъ за 1 ребенка 10 цент., а за каждаго послѣдующаго 5 цент. въ недѣлю. Для мальчиковъ имѣется школа ручного труда. Различнымъ ремесламъ они обучаются сначала въ мастерской для починокъ подъ руководствомъ опытныхъ мастеровъ, а затѣмъ на самой фабрикѣ въ качествѣ подмастерья. Имѣются также постоянные курсы торговой корреспонденціи на 4-хъ языкахъ, счетоводства и торговаго права. Все учащееся юношество обязано посѣщать курсы гимнастики; по временамъ для нихъ устраиваются экскурсіи на сосѣдніе фабрики и заводы. Воспитаніе дѣвочекъ продолжается въ школѣ и завершается въ школахъ кройки, шитья и починки. Для матерей семействъ устраиваются курсы домоводства. Для игръ дѣтямъ предоставлены два сада со всѣми для этого приспособленіями. Два раза въ году устраиваются праздники, на которыхъ наиболѣе прилежные получаютъ награды. Не забыты и взрослые члены. Въ ихъ распоряженіи имѣется популярная и научная библіотека и читальный залъ, въ который выписывается до 100 изданій. Желающіе пользоваться ими на дому платятъ 5, 10 и 25 цент. Недавно образовалось общество «Кооперація», выписывающее лучшія мѣстныя и иностранныя иллюстрированныя изданія. Для прогулокъ имѣется прекрасный паркъ съ озеромъ, на которомъ зимой катаются на конькахъ, лѣтомъ въ лодкахъ. Любители музыки составили 3 хора: духовой, струнный и пѣвческій. Любители физическихъ упражненій образовали нѣсколько клубовъ; такъ, мужчины — гимнастическій «спорта», женщины — «Олимпію»; есть также клубы: игроковъ въ кегли, въ билліардъ, стрѣлковъ изъ лука, карабина; клубъ путешественниковъ. Устраиваются популярныя и научныя бесѣды съ туманными картинами. Предсѣдатель общества «Коллективная собственность» устраиваетъ семейныя вечеринки, на которыхъ знакомитъ своихъ слушателей съ преимуществами коопераціи. Для поощренія разведенія цвѣтовъ, общество «Floralia» устраиваетъ конкурсы и выдаетъ награды за наилучшіе экземпляры; оно же выдаетъ награды владѣльцамъ наиболѣе красиво устроенныхъ палисадниковъ. Ежегодно устраиваются выставки ручныхъ работъ учениковъ. Кромѣ того, въ паркѣ имѣется постоянная выставка, прекрасно иллюстрирующая всю организацію обществъ. Больнымъ дѣтямъ общество выдаетъ на домъ игрушки.

Для поощренія членовъ выдаются и почетныя награды. Девятеро изъ прослужившихъ у общества наибольшее число лѣтъ называются «старой стражей» и занимаютъ почетное мѣсто во всѣхъ церемоніяхъ. За особыя отличія прису-

Digitized by Google

ждается наименованіе «почетныхъ членовъ». За 25 лѣтъ безупречной службы выдается золотой «почетный крестъ», за 12½ — серебряный. Кромѣ того, фамилія отличившагося заносится въ «золотую книгу». Учрежденіе празднуетъ ежегодно 30-е іюля, какъ день открытія «общины» и рожденія ванъ-Маркена. Не менѣе торжественно обставлены и похороны членовъ общества; на нихъ присутствуютъ всѣ служащіе, а біографія покойнаго появляется въ первомъ же номерѣ «Фабричнаго Вѣстника».

Къ 70-ти-лѣтію Бьёрнсона.

8-го декабря 1902 года исполнилось 70 лѣтъ прославленному норвежскому писателю, горячему борцу за свою родину и за свои убѣжденія, титану норвежской литературы—Бьёрнштерне-Бьёрнсону. Сынъ пастора, онъ родился 1832 г. въ Квикне, въ Норвегіи, среди пустынной и величественной горной природы. Свое раннее дѣтство Бьёрнсонъ описалъ въ своемъ разсказѣ «Буланый». Дикая горная природа, дикіе нравы жителей, принуждавшіе пасторовъ ѣздить съ револьверами въ карманахъ и вѣчно опасаться нападенія дома; страшные морозы, когда нельзя было даже дотрогиваться голой рукой до ручки двери, чтобы пальцы не примерзли къ металлу—всѣ эти впечатлѣнія неизгладимо врѣзались въ память мальчика, навсегда неразрывно связали его съ его угрюмой, но живописной родиной. Въ 1837 г. отца его перевели въ лучшій пасторатъ, въ Ромсдалѣ, и вскорѣ мальчикъ поступилъ въ среднюю реальную школу въ Мольде. Здѣсь уже проявились ярко его свободолюбивыя наклонности; помимо обычныхъ дѣтскихъ шалостей и проказъ, онъ занимается составленіемъ различныхъ союзовъ среди товарищей и основываетъ рукописную газету подъ гордымъ названіемъ «Свобода», гдѣ уже усиленно начинаетъ нападать на устарѣлые порядки. Въ 1852 г. онъ поступилъ въ университетъ въ Христіаніи, гдѣ сошелся съ кружкомъ юныхъ студентовъ, которыхъ ожидала не менѣе славная будущность: въ числѣ его товарищей мы видимъ Ибсена, Винье, Іонаса Ли, историка Сарса. Въ это же время онъ окончательно отказался отъ всякой денежной поддержки со стороны отца, рѣшивъ положиться только на собственныя силы. Онъ началъ заниматься журналистикой, какъ ради пропитанія, такъ и по естественному влеченію. Рецензіи, театральныя критики, фельетоны сыплются изъ подъ его пера; онъ участвуетъ поочередно въ нѣсколькихъ газетахъ, съ 1855 по 1857 г. самъ издаетъ маленькій еженедѣльный листокъ, въ 1859 г. редактируетъ «Aftenbladet», въ 1866 г. онъ редакторъ «Norsk Folkeblad», и лишь въ 1871 г. окончательно прекращается его систематическая журнальная дѣятельность. Если многія изъ его статей неважны или не зрѣлы, то въ общемъ онѣ очень интересны для характеристики его боевой, страстной натуры, отзывчивой на малѣйшее общественное движеніе, чуткой ко всѣмъ вопросамъ современной и національной жизни. Онъ и до сихъ поръ не можетъ не отзываться на все, что его затрогиваетъ и волнуетъ, и по сейчасъ еще появляются время отъ времени его статьи въ скандинавскихъ, нѣмецкихъ и даже французскихъ газетахъ. Одновременно съ журнальной, началъ Бьёрнсонъ и свою театральную дѣятельность. Съ 1857 по 1859 г. онъ работаетъ въ качествѣ директора театра въ Бергенѣ. Театръ въ Христіаніи былъ въ рукахъ датчанъ; попытка Ибсена создать національный «Норвежскій театръ» потерпѣла фіаско, и только въ 1865 г. Бьёрнсонъ былъ назначенъ «сценическимъ и артистическимъ директоромъ» театра въ Христіаніи. Но въ этой должности онъ пробылъ лишь 2½ года, ибо не могъ выносить тѣхъ помѣхъ, которыя ему постоянно ставились на пути его преобразовательныхъ реформъ. Съ этихъ поръ ему оставалось только перомъ работать на пользу родного театра, и длинный рядъ его статей и, главное, драмъ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ близко къ сердцу принимаетъ онъ интересы національнаго искусства. Норвежецъ въ душѣ, Бьёрнсонъ, однако, всю свою жизнь провелъ въ постоянныхъ путешествіяхъ. Въ 1860 г. онъ впервые покинулъ родину и уѣхалъ въ Италію; съ этой поры онъ вѣчно разъѣзжаетъ по Италіи, Германіи, Франціи, Австріи, Швеціи и даже побывалъ въ Америкѣ. Правда, въ 1870 г. уже онъ купилъ себѣ имѣніе Аулестадъ, близъ Лиллегаммеръ, но это не мѣшаетъ ему почти ежегодно появляться въ разныхъ мѣстахъ Европы. Однако, эти постоянныя отлучки нисколько не порываютъ кровной связи Бьёрнсона съ родиной; нигдѣ за границей онъ не живетъ подолгу, какъ Ибсенъ, онъ вездѣ только «въ гостяхъ», а дома—онъ только въ родной Норвегіи.

Съ 60-хъ годовъ начали появляться знаменитые «крестьянскіе разсказы» Бьёрнсона, произведшіе своей оригинальностью и свѣжестью цѣлую революцію въ датско-норвежской литературѣ, и доставившіе громкую извѣстность ихъ автору. Во всѣхъ этихъ разсказахъ («Арне», «Сюннове Сульбакенъ», «Веселый парень») слышится такое свѣжее дыханіе горной природы, сквозитъ такое любовное пониманіе душевныхъ свойствъ своего народа, что даже намъ, иностранцамъ, внушаютъ они глубокую симпатію. Бьёрнсонъ прежде всего—лирикъ, и это чувствуется на каждой страницѣ его разсказовъ. Если

Digitized by Google

онъ и идеализируетъ нѣсколько своихъ героевъ-крестьянъ, то это происходитъ невольно, отъ его глубокой, искренней любви къ нимъ.

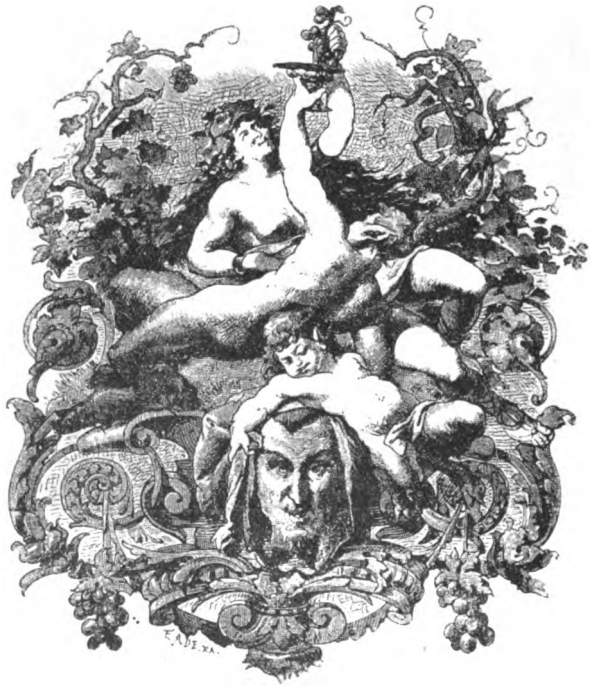
Но въ то время, когда появлялись разсказы Бьёрнсона, стали появляться и драмы Ибсена, сразу повлiявшiя на литературный вкусъ публики, и даже временно загасившiя увлеченiе стихами и новеллами. Лозунгомъ публики, стало: «Сцена и драма!» Бьёрнсонъ откликнулся и на это движенiе, написавъ цѣлый рядъ историческихъ и современныхъ драмъ. Его историческiя драмы («Kong Sberre», «Sigurd Slembe», «Сигурдъ Іорсальфаръ») глубоко нацiональны, написаны сжатымъ, сильнымъ языкомъ, во многомъ заимствованнымъ изъ старыхъ сагъ, но въ общемъ онѣ удались ему гораздо слабѣе, чѣмъ разсказы. Бьёрнсонъ не драматургъ по природѣ.

То же слѣдуетъ сказать и объ его драмахъ изъ современной жизни; въ нихъ, какъ и въ своихъ романахъ («Pa guds Veje», «Det Pagger i Byen och Habnen») онъ гораздо больше моралистъ, чѣмъ художникъ, цѣли искусства ему не такъ близки, какъ цѣли педагогическiя, воспитательныя. Его несомнѣнной заслугой является то, что, затрогивая самые разнообразные и общiе вопросы изъ области соцiальной и этической, онъ не перестаетъ быть вполнѣ нацiональнымъ; родина и ея интересы у него всегда на первомъ планѣ (въ противоположность космополитизму Ибсена). Но онъ не только

Бьёрнсонъ.

Digitized by Google

задается цѣлью обнаружить слабости и недостатки людей и общества, онъ стремится найти пути къ исправленію и ослабленію этихъ недостатковъ, выработать ясную, простую и опредѣленную програму реформъ. Разумѣется, такія тенденціи не могли не встрѣтить протестовъ и порицаній, и въ нихъ не оказалось недостатка. Какъ самъ онъ остроумно выражается, его аккуратно черезъ годъ «сѣкутъ и вѣшаютъ in effigie». Это не мѣшаетъ ему нѣжно любить свою родину. Этотъ страстный, горячій боецъ обладаетъ мягкимъ, миролюбивымъ и любвеобильнымъ сердцемъ. Несравненный психологъ, онъ умѣетъ понимать даже своихъ противниковъ; онъ полемизируетъ всегда лишь по существу и крайне корректно. Въ своихъ многочисленныхъ драмахъ Бьёрнсонъ требуетъ отъ людей искренности и честности во взаимныхъ отношеніяхъ, строгаго исполненія долга, абсолютной чистоты въ половыхъ отношеніяхъ, уваженія правъ женщинъ, облегченія развода и т. п. Всѣ эти идеи не новы, но всѣ онѣ вѣчно живучи и всѣ еще во многомъ ждутъ только своего разрѣшенія. Но не слѣдуетъ думать, что педагогическая цѣль Бьёрнсона лишаетъ его романы и драмы жизненной правды. Тенденція никогда не затемняетъ у него трезваго взгляда на жизнь, не мѣшаетъ давать правдивыя и мѣткія характеристики. Особенно характеренъ оптимизмъ Бьёрнсона, его свѣтлый, примиряющій взглядъ на людей и ихъ слабости, столь противорѣчащій современному безотрадному пессимизму, яркимъ выразителемъ котораго является Ибсенъ. Только въ вопросѣ о цѣломудріи Бьёрнсонъ не идетъ ни на какія уступки. —Бьёрнсонъ любитъ людей, любитъ быть среди нихъ; у него его герои, если и одиноки, то не духовно (какъ у Ибсена), а лишь въ силу внѣшнихъ условій; если они не понимаютъ часто другъ друга, то лишь потому, что въ долгомъ уединеніи отвыкли отъ взаимныхъ изліяній, живя въ постоянномъ молчаніи среди нѣмой и суровой природы. Изъ многочисленныхъ типовъ въ галлереѣ Бьёрнсона ему особенно удаются фигуры женщинъ и дѣтей (особенно въ двухъ его романахъ). Лучшія изъ его драмъ: «Перчатка», «Свыше нашихъ силъ», «Между битвами», «Новобрачные»—и много другихъ.



Digitized by Google

Г-жа де-Ментенонъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Гувернантка короля.

Въ XVII ст. всѣ классическія книги по воспитанію преимущественно написаны madame де-Ментенонъ, которая наложила печать своего ума на воспитаніе современныхъ ей молодыхъ дѣвушекъ во Франціи и создала тотъ педагогическій прототипъ, которому съ той поры подражали во всей странѣ. Можно, пожалуй даже сказать, что и до сихъ поръ вліяніе г-жи де-Ментенонъ отражается на жизненномъ воспитаніи во Франціи, по крайней мѣрѣ въ монастыряхъ. Внѣ Франціи за г-жей де-Ментенонъ не признается никакихъ особенныхъ педагогическихъ заслугъ. Исторія рисуетъ ея образъ не симпатичнымъ. Прежде всего признается, что, по ея милости, состоялась отмѣна Нантскаго эдикта и производились преслѣдованія протестантовъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Она представляется женщиной, которая, благодаря своей необычайной ловкости и интригамъ, сумѣла добиться фактически положенія французской королевы и въ которой было что-то холодное, разсчетливое, несимпатичное.

А между тѣмъ это была воспитательница и при томъ нераздѣльная съ исторической г-жей де-Ментенонъ. То, чему первая учила, вторая предварительно продѣлала сама. Въ своей частной и общественной жизни г-жа де-Ментенонъ была педагогомъ, воспитателемъ и даже школьнымъ учителемъ. Вотъ почему прежде всего необходимо заглянуть на жизнь этой замѣчательной женщины, ибо каждое педагогическое правило у нея основы-

Digitized by Google

вается на какомъ-либо личномъ ея принципѣ, который добывался опытомъ.

Изданная недавно интересная книга «Souvenirs sur Madame de Maintenon», изданіе Ганото и графа д'Оссонвилля, открываетъ новыя черты изъ душевной жизни этой женщины.

Это совершенно своеобразная исторія жизни, описываемая веселой ловкой mademoiselle д'Омаль, личнымъ секретаремъ г-жи де-Ментенонъ. Для г-жи д'Омаль послѣдняя является предметомъ поклоненія и почитанія. Но это не мѣшаетъ автору «Souvenirs» разсказать всѣ маленькія интимныя подробности, равно какъ и всѣ разочарованія и недостатки, омрачавшіе жизнь ея кумира. И хотя французы говорятъ: «Il n'y a pas de grand homme pour son valet de chambre»,—тѣмъ не менѣе г-жа де-Ментенонъ осталась грандъ-дамой для mademoiselle д'Омаль, у которой, конечно, и душа была не лакейская.

По описанію д'Омаль, Франсуаза д'Обинье (такъ называлась г-жа де-Ментенонъ въ дѣвичествѣ), какъ дочь протестантскаго отца и католической матери, въ теченіе всей своей юности разрывалась между этими двумя религіями, при весьма плохихъ матеріальныхъ условіяхъ. Отецъ ея былъ негодяй, не смотря на благородное происхожденіе унизившійся до поддѣлки фальшивыхъ монетъ и многократно сидѣвшій въ тюрьмахъ. Жена всюду слѣдовала за Констаномъ д'Обинье, и благодаря этому Франсуаза д'Обинье родилась въ Ніортской тюрьмѣ. Добрая тетка г-жа де-Вильеттъ приняла дѣвочку къ себѣ, и нѣсколько лѣтъ дѣтства она прожила въ деревнѣ,—г-жа де-Вильеттъ не считала предосудительнымъ посылать свою дочь и маленькую племянницу поутру на зеленый выгонъ пасти гусей. Для предохраненія, дѣвочкамъ на лицо надѣвали маски и давали съ собой корзиночку съ съѣстными припасами, азбукой съ картинками и прутъ въ руки. Такимъ образомъ будущая королева Франціи предварительно имѣла возможность упражняться въ управленіи пернатымъ царствомъ.

Франсуаза д'Обинье хорошо помнила эти годы и, слыша заносчивые планы будущности Сенъ-Сирскихъ дѣвицъ, всегда говорила: «Не дѣлайте себѣ иллюзій. Пожалуй, счастливѣйшими изъ васъ будутъ тѣ, которымъ выпадетъ на долю пасти гусей въ своемъ имѣніи».

У г-жи де-Вильеттъ Франсуаза воспитывалась протестанткой и относилась къ доброй теткѣ съ такимъ уваженіемъ, что, будучи впослѣдствіи католичкой, говорила: «Я готова повѣрить всему, только не вѣчному проклятію моей тети Вильеттъ».

По освобожденіи изъ тюрьмы, отецъ Франсуазы рѣшилъ попытать счастія въ колоніяхъ. Подобно тому, какъ современные бездѣльники рвутся въ Америку, такъ въ то время сбившіеся съ пути дворяне тянули на Мартинику. Здѣсь мать снова воспитывала Франсуазу католичкой. Она не любила родную мать, которая, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ домашняго горя и бѣдности,—была раздражительной и вела дѣтей съ большой строгостью, весьма рѣдко дарила ихъ лаской, доходила до жестокости въ закаливаніи ихъ противъ боли и учила ихъ двумъ главнымъ принципамъ: не дѣлать ничего такого, чего бы они не рѣшились повторить передъ всѣми, и мириться со своей судьбой, сравнивая себя съ людьми еще болѣе обездоленными.

Г-жа де-Ментенонъ посвоему усвоила себѣ оба эти принципа. Она усиленно старалась имѣть видъ, будто считается съ мнѣніемъ свѣта, и всегда предпочитала лучше держаться въ сторонѣ, чѣмъ быть назойливой, казаться еще болѣе простой и безъ претензій, нежели того требовали дѣйствительное ея положеніе и наличныя средства.

Природнымъ своимъ способностямъ и воспитанію обязана она была громаднымъ самообладаніемъ и ровнымъ, яснымъ направленіемъ ума. Нѣжностью, любовью и страстностью Франсуаза д'Обинье не отличалась. Въ то же время душа ея горѣла честолюбіемъ, удовлетворить которое она могла лишь собственными заслугами, собственнымъ умомъ и ловкостью, такъ какъ состоянія у нея не было, что̀, конечно, вредило ея положенію. Изъ такихъ элементовъ, конечно, могла сложиться столь выдающаяся личность, какою была позднѣйшая г-жа де-Ментенонъ.

Отецъ Франсуазы умеръ на Мартиникѣ, и мать вернулась съ дѣтьми во Францію, гдѣ ничего не нашла изъ оставшагося тамъ имущества. Добрая тетя де-Вильеттъ снова приняла на свое попеченіе Франсуазу, при чемъ, конечно, послѣдней снова пришлось мѣнять религію. Да и сама Франсуаза такъ симпатизировала протестантству, что, при новой попыткѣ обратить ее въ католицизмъ, долго упорствовала. Попытка эта шла со стороны одной дамы, которой не симпатизировала г-жа де-Вильеттъ. Этой дамѣ удалось упрятать Франсуазу въ монастырь урсулинокъ, гдѣ послѣ долгихъ колебаній Франсуаза перешла-таки снова въ католицизмъ.

Возможно, что въ то время умная и наблюдательная Франсуаза успѣла уже придти къ убѣжденію, что, оставаясь протестанткой, она встрѣтитъ болѣе грандіозныя преткновенія на жизненномъ поприщѣ и что—для сохраненія нѣкоторой надежды на успѣхъ—бѣдность и сиротство должны быть парализованы. Свой переходъ въ католичество сама г-жа де-Ментенонъ приблизительно тѣмъ и объясняла своимъ роднымъ. Да собственно трудно было бы ожидать какой-нибудь заповѣдной религіи отъ души, которую столько разъ терзали то въ одну, то въ

Digitized by Google

другую сторону. О нѣкоторыхъ молодыхъ дѣвушкахъ, воспитаніемъ которыхъ она особенно интересовалась, г-жа де-Ментенонъ выражалась такъ: «Faisons leur salut par tous les moyens», что, конечно, должно было обозначать, что такъ или иначе, — уговоромъ или насиліемъ, добровольно или съ протестомъ — но онѣ должны быть введены въ лоно католической церкви.

Такой взглядъ представляется оскорбительнымъ, почти грубымъ, и когда г-жа де-Ментенонъ повторяетъ излюбленное свое выраженіе о необходимости «faire son salut», то невольно рисуется, какъ при этихъ словахъ она по пальцамъ пересчитываетъ всѣ свои добрыя дѣла. А подобное исповѣданіе религіи являетъ собой нѣчто страшно сухое, черствое, формальное.

Правда, жизнь не избаловала Франсуазу нѣжностью и любовью. Психологически можно объяснить, какимъ путемъ такой характеръ могъ придти къ подобному по истинѣ коммерческому разумѣнію благочестія. Обладая гордой, властной, честолюбивой натурой, Франсуаза съ юности вынуждена была поступать противно своей природѣ. Не говоря уже о насиліи надъ ея душой при четырекратной перемѣнѣ религіи, эта гордая, честолюбивая и властолюбивая женщина, вслѣдствіе своей бѣдности, вынуждена была подчиняться, смиряться, молчать и улыбаться тамъ, гдѣ она охотно бы проявила протестъ и собственную власть,— словомъ,—служить тамъ, гдѣ она желала властвовать.

Но такъ какъ потребность властвовать была въ ней сильнѣе всѣхъ другихъ, то она и принесла ей въ жертву все остальное. Франсуаза поняла, что это служеніе для нея должно обратиться въ средство къ власти, что для нея нѣтъ иной дороги и что путемъ постояннаго самообузданія она скоро сдѣлается повелительницей и госпожей всѣхъ окружавшихъ ее безвольныхъ, страстныхъ и необузданныхъ натуръ. Руководствуясь этимъ планомъ, и воспитала себя Франсуаза д'Обинье. Но за подобное ежедневное, ежечасное насиліе надъ естественной своей природой—она требовала отъ Господа Бога соотвѣтственной награды, въ видѣ вѣчнаго блаженства.

Надо сказать, что, не смотря на весь блескъ и удивительное возвеличеніе необычайной ея судьбы, Франсуаза д'Обинье не чувствовала себя особенно счастливой, такъ какъ на долю ея доставалось мало свѣтлыхъ минутъ, мало полнаго удовлетворенія и даже покоя. И это объясняется тѣмъ, что, понявъ свое положеніе, она съ стоическимъ хладнокровіемъ и невозмутимостью отказалась отъ всего, что свойственно молодой женской натурѣ. Семнадцатилѣтней дѣвушкой связала она свою судьбу съ пожилымъ колченогимъ поэтомъ Полемъ Скарономъ, руководствуясь мудростью свѣта: «Il faut dans le monde un établissement». Въ тѣ времена молодыя дѣвушки въ свѣтѣ роли не играли, а въ виду бѣдности Франсуазы, — разборчивой невѣстой ей быть не пристало. И вотъ скромнымъ и добродѣтельнымъ поведеніемъ юная madame Скарронъ стала импонировать въ заносчивомъ и неособенно высокой нравственности кругу литераторовъ, собиравшихся у остроумнаго калѣки Скаррона. Никто не смѣлъ допустить себѣ съ ней никакой шутки, зато многіе дарили ее своей почтительной дружбой. Скрѣпя сердце, недоступная своей скрытностью, слѣдя за каждымъ импульсомъ любви, за каждымъ движеніемъ страсти, уже среди этой скарроновской богемы она заняла незримый тронъ и уже воспитывала себѣ приближенныхъ.

Этимъ годамъ она обязана многими полезными знакомствами среди вліятельныхъ придворныхъ и обрѣтеніемъ безцѣннаго сокровища, въ видѣ знанія людей.

Вскорѣ веселый Скарронъ умеръ. Вдова удалилась въ монастырь, какъ единственное прибѣжище для скромной женщины. Слава о ней дошла уже до королевы, которая назначила добродѣтельной «вдовѣ Скаррона» содержаніе въ 2.000 франковъ въ годъ. Г-жа Скарронъ жила крайне бережливо, но въ то же время умѣло, поддерживая прежнія связи, и какъ друзьями, такъ и врагами признавалась за личность необыкновенную, женщину съ головой, осторожную, энергичную и весьма любезную, когда дѣло шло объ услугѣ друзьямъ.

Именно она и была такою личностью, которая могла въ секретѣ выходить дѣтей г-жи де-Монтеспанъ, рожденныхъ отъ короля. Этотъ постъ королевской гувернантки инкогнито и былъ первой ступенью той лѣстницы счастія, на которой Франсуаза д'Обинье должна была добраться до положенія негласной королевы Франціи. Она начала воспитаніемъ дѣтей Людовика XIV, а закончила воспитаніемъ ихъ отца.

Длинными запутанными лабиринтами достигла она этой цѣли съ помощью неусыпной бдительности, знанія свѣта и, конечно, также интриги. Занявъ мѣсто, на которомъ г-жа де-Монтеспанъ утопала въ блескѣ, страсти и упоительной роскоши,—г-жа де-Ментенонъ явилась въ темныхъ одеждахъ и съ горделиво-скромной осанкой женщины, которая смотритъ на себя, какъ на орудіе въ рукахъ Творца для осуществленія обращенія могущественнѣйшаго короля и дотолѣ вполнѣ нераскаяннаго грѣшника. Надо сознаться, что подобный пріемъ съ цѣлью унаслѣдованія положенія г-жи де-Монтеспанъ

Digitized by Google

былъ не менѣе баналенъ, чѣмъ и предыдущее поведеніе Франсуазы д'Обинье.

Устроившись при Людовикѣ XIV, г-жа де-Ментенонъ только тогда поняла всю тяготу отбыванія королевской барщины. Разными приличными развлеченіями, добрыми дѣлами и умными совѣтами надо было теперь удержать при себѣ короля, поддававшагося соблазну спасенія души. Не легко давалось ей это вліяніе на короля. Непремѣннымъ условіемъ прежде всего было обязательное прекрасное настроеніе и неизмѣнно привѣтливое лицо. Какъ бы сумрачно ни былъ настроенъ король, онъ любилъ быть окруженнымъ веселыми лицами. И король не видѣлъ Франсуазы иной, какъ веселой. Но чего ей это стоило! Людовикъ XIV и не подозрѣвалъ, какъ, послѣ пяти-часовой аудіенціи, въ продолженіе которой Франсуаза не снимала своей маски вѣчнаго веселья, она совершенно сламывалась въ изнеможеніи по удаленіи короля. Недаромъ г-жа де-Ментенонъ не любила Двора. Тяжкое бремя опустилось на ея плечи,—задачей ея было развлекать такого старѣвшаго монарха, какъ Людовикъ XIV,—«l'homme le moins amusable de son temps»; человѣка, котораго почти уже нельзя было ничѣмъ развлечь. Дамскаго общества рѣшено было его лишить, выраженіе «le Roi s'amuse» непримѣнимо было болѣе къ нему. Но горе, если бы въ передней раздалось странное слово «le Roi s'ennuie». И безъ того скука — этотъ смертельный врагъ богачей и вельможей—подкрадывалась ко всѣмъ дверямъ дворца и осаждала всѣ замочныя его скважины. Съ молодымъ королемъ красавицамъ легко было справиться,—на помощь, въ концѣ-концовъ являлось еще одно средство: viola d'amoure. Но годы взяли свое. Снимая съ себя вечеромъ огромный парикъ, король испытывалъ смертельную усталость отъ трудовъ правленія или, по крайней мѣрѣ, отъ напыщенной обстановки правителя. Непрерывное держаніе руки съ повелительнымъ жестомъ ослабляетъ самую сильную руку. Какую же было найти забаву этому человѣку, притупившему всѣ пять чувствъ въ разныхъ удовольствіяхъ. Чудо это удалось совершить г-жѣ де-Ментенонъ. Говорятъ, что кто разстроилъ себѣ желудокъ острыми пряностями, тому лучше всего подходитъ жиденькая овсянка. Г-жа де-Ментенонъ уразумѣла эту филистерскую истину и потому преподнесла своему паціенту и воспитаннику домашнее угощеніе въ видѣ настоящихъ музыкальныхъ вечеровъ, устраивавшихся какъ бы экспромптомъ въ спальнѣ г-жи де-Ментенонъ. Къ участію въ этихъ вечерахъ приглашались иногда нѣкоторые музыканты, флейтисты или артисты, игравшіе на давно забытомъ нынѣ инструментѣ «viola d'amour». Распростившись съ амуромъ, старый король обожалъ этотъ инструментъ, подъ аккомпанементъ котораго mademoiselle д'Омаль —авторъ «Souvenirs sur Madame de Maintenon», распѣвала свои веселыя застольныя пѣсни. Король особенно любилъ ихъ. «Vive Bacchus!.. Vive Grégoire pour nous verser à boire!..» — вотъ что распѣвала воспитанница Сенъ-Сирскаго института, основаннаго г-жей де-Ментенонъ, пѣсни, вынесенныя, конечно, не изъ этого института благородныхъ дѣвицъ. Нѣсколько поодаль въ уголкѣ въ полумракѣ въ своемъ высокомъ креслѣ сидѣла съ вязаньемъ въ рукахъ, а иногда за пяльцами г-жа де-Ментенонъ,—въ послѣднемъ случаѣ, вооруживъ очками все еще прекрасные черные глаза свои—ces grands assassins. Такимъ образомъ, старалась она расположить короля къ мирной семейной обстановкѣ и пресѣчь его порханіе. И король снова чувствовалъ себя бодрымъ и здоровымъ въ этой освѣжающей атмосферѣ. На помощь призвана была также и религія, но отнюдь не въ видѣ ханжества, какъ это обыкновенно разсказываютъ. Г-жа де-Ментенонъ допустила свѣтское удовольствіе, правда весьма скромное,—флейту и любовную скрипку. Застольныя пѣсни, пожалуй, переступали уже границу дозволеннаго. Но знаменательно было уже и то, что онѣ все же допускались. До сихъ поръ считалось, что Людовикъ XIV при г-жѣ де-Ментенонъ распѣвалъ лишь духовные псалмы.

Большого грѣха въ томъ, конечно, не было. Французскому буржуа всегда доставляло удовольствіе за столомъ помурлыкать пѣсенку, и этотъ король Солнца представляется честнымъ буржуа въ этомъ тихомъ симейномъ уголкѣ, приготовленномъ ему Ментенонъ, словно какой-то «bon bourgeois de Paris» въ своемъ гнѣздѣ, которымъ въ данномъ случаѣ былъ Версальскій дворецъ. И такъ ей удалось-таки довести своего царственнаго воспитанника до того, что непостоянному сновaнію бабочки онъ сталъ предпочитать тихую домашнюю жизнь съ мирнымъ аккомпанементомъ музыки, находилъ королевское удовлетвореніе въ этомъ буржуазномъ «Andante commodo» земного существованія. При дворѣ это называлось— покаянная жизнь короля, его «набожность». Покаяніе, видите ли, не мѣшало воспѣванію Бахуса. Не всѣ и вѣрили въ обращеніе короля, въ особенности же enfant terrible двора, пфальцская Лизелотта, которая на своемъ дубоватомъ нѣмецкомъ языкѣ такъ выражалась о своемъ королевскомъ шуринѣ: «Король воображаетъ себя святошей, потому что не спитъ болѣе ни у какой молодой женщины, а вся его святость заключается въ зоильствѣ». Но она ошибалась, король дѣйствительно сталъ благочестивымъ и гораздо набожнѣе самой г-жи де-Ментенонъ.

Digitized by Google

Общеніе съ такой сильной личностью, какою была Франсуаза, фактически отразилось на королѣ,—онъ сталъ инымъ человѣкомъ. Эта замѣчательная женщина, обладавшая, какъ говорили, прекраснѣйшими очами во всей Франціи,—блестящей внѣшностью и силой своего ума создавшая при Дворѣ короля Солнца несокрушимое положеніе вѣчно-женственному. Въ сущности у нея была единственная страсть—и единственный даръ: она хотѣла быть воспитательницей людей, жаждала нѣжными своими постоянно пальцами лѣпить эту драгоцѣнную глину. Она обладала темпераментомъ и талантомъ гувернантки и таковой осталась до конца жизни, не только какъ воспитательница королевскихъ дѣтей, но какъ настоящая воспитательница самого короля, — зрѣлаго-воспитанника; зрѣлая жизненная руководительница, гувернантка у трона и позади его и чуть ли не гувернантка на тронѣ. Къ числу самыхъ причудливыхъ явленій того вѣка, который французы такъ любятъ называть великимъ, le grand siècle, принадлежитъ фактъ, что женщина, которую стараются представлять съ очками на носу и съ розгой въ рукахъ, неразрывными узами такъ сильно сумѣла привязать къ себѣ царственнаго эпикурейца, размахивая надъ корованной головой своего воспитанника своей розгой, связанной изъ незримыхъ прутиковъ.

Авторъ «Souvenirs» утверждаетъ, что Людовикъ XIV дѣйствительно вступилъ въ бракъ съ Франсуазой. Обыкновенно его относятъ къ 1684 году, послѣ долголѣтняго знакомства короля съ г-жей де-Ментенонъ. Воспитаніе рожденныхъ внѣ брака принцевъ она приняла на себя уже въ 1669 году, девять лѣтъ спустя по смерти Скаррона. Въ послѣдній годъ ея супружества Миньяръ написалъ съ нея портретъ, который помѣщенъ въ книгѣ «Souvenir», и она представляется здѣсь по истинѣ величественной красавицей. Вся гордость великаго столѣтія воплощена въ мягкозакругленномъ овалѣ ея лица, а глубокіе темные глаза и нѣжныя пухлыя губы выражаютъ нѣкоторую чувственную прелесть, хотя, быть можетъ, послѣдняя была обманчива. Судьба этого портрета оригинальна. Послѣ продолжительныхъ скитаній онъ попалъ на долго въ одинъ дворецъ епископа, гдѣ, по словамъ издателя, пребываніе такой красивой женщины, хотя бы даже въ видѣ портрета, было вполнѣ безцѣльно. На-ряду съ художественнымъ значеніемъ находка имѣла также и историческое. Теперь ясно, на сколько эта красавица была очаровательна. Портретъ былъ писанъ, когда ей было 24 года, а король познакомился съ ней десять лѣтъ спустя, но, повидимому, она хорошо сохранилась.

Черезъ пять лѣтъ въ 1674 году—вдова Скарронъ, благодаря подаренному ей замку Ментенонъ—превратилась въ г-жу де-Ментенонъ и въ то же время получила квартиру въ Версалѣ, все еще въ качествѣ воспитательницы дѣтей де-Монтеспанъ. Она была и оставалась гувернанткой, и фавориткой въ общепринятомъ значеніи этого слова не была ни минуты. Да и могла ли она себя таковой считать въ этой толпѣ? Людовикъ XIV переживалъ въ то время самый бурный періодъ жизни, его окружалъ рой красивѣйшихъ кудрявыхъ головокъ, и онъ перебѣгалъ отъ одного алькова къ другому. Монтеспанъ состояла еще maitresse en titre, но цѣлый рядъ соперницъ грозилъ уже ея офиціальному положенію, и вскорѣ ей пришлось уступить свое мѣсто герцогинѣ де-Фонтанжъ, которая умерла въ 1681 году при разрѣшеніи отъ бремени («blessée au service du roi»,—какъ язвительно выразилась г-жа де-Севинье). Наконецъ, послѣ долгаго, но неослабно воздѣйствовавшаго вліянія г-жи де-Ментононъ, послѣдней удалось вернуть короля королевѣ. Но бѣдная Марія-Терезія австрійская также вскорѣ скончалась (1683). И вотъ, говорятъ, послѣ этого давно привыкшій къ бесѣдамъ г-жи Ментенонъ и обвороженный ея основательностью и ровной, постоянной обходительностью въ обращеніи, король предложилъ г-жѣ де-Ментенонъ свою руку; и бракъ былъ совершенъ архіепископомъ парижскимъ. Въ церковныхъ книгахъ слѣда о томъ нѣтъ. документальнаго подтвержденія брака не имѣется, но оба участника никогда этого факта не отрицали, хотя офиціально о немъ никогда не объявляли. Дворъ вѣрилъ въ этотъ бракъ, только цфальцкая Шарлотта полагала, что «если бы они были женаты, то любовь не была бы такъ сильна», но и она все-таки допускала его возможность.

Несомнѣнно, что г-жа де-Ментенонъ была достаточно энергична, чтобы настойчивому въ своихъ желаніяхъ королю поставить вопросъ ребромъ, и сверхъ того слишкомъ умна, чтобы согласиться на состязаніе съ цѣлымъ роемъ фаворитокъ. Всеобщее уваженіе служило ей твердымъ оплотомъ. Г-жа д'Омаль разсказываетъ, какъ однажды король, будучи еще тогда шаловливымъ, пригнулъ высокія стѣнки креселъ, въ которыхъ сидѣли дамы, до самаго пола,—картинка изъ жизни Версальскаго Двора—и былъ въ восторгѣ отъ испуганныхъ криковъ красавицъ. Но, дойдя до Ментенонъ, онъ прошелъ мимо со словами: «Ah, pour celle-là! je n'oserois». Она сверкнула черными своими глазами, и у него пропало мужество для продолженія этой шутки. То же чувство,—прибавляетъ г-жа д'Омаль, —проявилъ одинъ изъ придворныхъ мужчинъ, выразившись нѣсколько грубѣе: «Je m'adresserois plutôt à la Reine pour lui pincer la fesse qu'a elle».

Не смотря на это, отнюдь не слѣдуетъ

Digitized by Google

представлять себѣ г-жу де-Ментенонъ въ видѣ суроваго дракона приличія. Графъ д'Оссонвилль припоминаетъ о жеманныхъ воспитанницахъ Сенъ-Сирскаго института благородныхъ дѣвицъ, стыдившихся произносить слово «замужество». Но едва фактъ этотъ дошелъ до свѣдѣнія г-жи де-Ментенонъ, какъ она немедленно написала трезвое и отрезвляющее письмо, съ цѣлью исправленія этихъ куколокъ отъ ихъ фальшивой щепетильности; г-жа Ментенонъ отнюдь не стоитъ за систему разыгрыванія въ таинственность и утверждаетъ, что дѣвушкамъ надо сказать о томъ, что имъ предстоитъ въ бракѣ. Вообще на воспитаніе дѣвицъ своего времени г-жа де-Ментенонъ наложила печать своего ума и опыта. Въ основанномъ ею Сенъ-Сирскомъ воспитательномъ институтѣ для бѣдныхъ молодыхъ дѣвушекъ она сама установила воспитательную и учебную программы.

На первомъ планѣ опредѣленной и разумной ея программы воспитанія—стояли обязанности ради спасенія души, добросовѣстное исполненіе всѣхъ религіозныхъ обрядовъ и формъ. На второмъ—сознаніе, что бѣдныя благородныя дѣвицы должны отличаться чрезвычайной скромностью и непритендательностью, а также крайней сдержанностью,—чтобы не быть никому въ тягость,—любезностью и предупредительностью — чтобы быть всѣмъ пріятными. Въ жестокихъ словахъ учила ихъ г-жа де-Ментенонъ собственному своему евангелію. Руководствуясь свѣтской мудростью, заставляйте себя оказывать услуги богатымъ и сильнымъ, даже если бы вы не долюбливали этихъ людей, и эти услуги представлялись бы для васъ неудобными и тяжкими. Стремитесь къ «доброй славѣ».

По выходѣ изъ института,—продолжала г-жа де-Ментенонъ,—счастливѣйшими изъ васъ будутъ тѣ, которыхъ небо наградило внутреннимъ призваніемъ къ монастырской жизни. Въ монастырѣ—миръ, въ монастырѣ—свобода. У кого нѣтъ такой склонности, тѣ должны попытаться устроиться въ міру. Тяжелая доля! Тамъ надо хлопотать о томъ, чтобы выйти замужъ. Но замужество приноситъ женщинѣ не свободу, а подчиненіе, мужъ дѣлается господиномъ. Во всемъ, что не является грѣхомъ противъ заповѣди Господней, должна она ему повиноваться, всегда быть при немъ бодрой, веселой, угодливой, переносить всѣ его настроенія и никогда не утруждать его своими заботами и капризами. Никто не можетъ сказать,—по мнѣнію г-жи де-Ментенонъ,—до чего можетъ дойти тираннія мужа. Въ сравненіи съ супружескимъ ярмомъ монашескія правила, власть игуменьи—мягки и легки.

Отъ какихъ-либо иныхъ отношеній съ мужчинами г-жа де-Ментенонъ предписываетъ молодымъ дѣвушкамъ въ ужасѣ отворачиваться и бѣжать, ибо мужчина-де есть прирожденный врагъ женщины, такъ какъ онъ о томъ только и хлопочетъ, какъ бы поставить ловушку ея чести.

Главными задачами жены представляются—воспитаніе дѣтей, домоводство, подача милостыни, посѣщеніе поселянъ и доброе наблюденіе за прислугой.

Но и не вышедшія замужъ, по предупрежденію Франсуазы—не должны воображать, что, избѣжавъ монастырской неволи и супружеской тиранніи, благодаря безбрачію, — онѣ будутъ наслаждаться свободой. «Для женщины не существуетъ свободы!» говоритъ она.

Часто изъ института молодыя дѣвушки возвращаются въ скудныя условія, въ разрушенные замки родителей, и имъ приходится вынести недостатки и капризы послѣднихъ, претензіи и шалости младшихъ братьевъ и сестеръ, и вести крайне однообразную жизнь, — хорошо еще, если кому выпадетъ на долю на зеленомъ лугу пасти гусей или заняться сельскимъ хозяйствомъ.

Другія безсемейныя вынуждены будутъ пріискать себѣ какую-нибудь патронессу, съ недочетами которой имъ придется считаться, или надо будетъ зарабатывать хлѣбъ, напримѣръ, уроками, при чемъ имъ не видать тогда парижскихъ удовольствій, ни баловъ, ни театровъ, такъ какъ бѣдная благородная дѣвица не можетъ употребить 10 франковъ на театръ! И такъ смиреніе по всей линіи, смиреніе и подчиненіе.

«Какъ туго завязано женское счастіе!»—съ внутреннимъ убѣжденіемъ, на основаніи собственнаго опыта, говоритъ г-жа де-Ментенонъ. Можетъ показаться пикантнымъ, но въ то же время это и поучительно, что женщина, стоявшая на вершинѣ могущества и земного блеска, проповѣдывала своему полу подобную мораль подчиненія, которую сама она, какъ нѣчто непреложное, приняла хотя и съ глубокой горечью.

Къ религіозному вопросу она относилась тоже своеобразно. Родилась она гугеноткой и лишь впослѣдствіи приняла католическое крещеніе, но смыть съ себя прошлое вполнѣ ей никогда не удалось. Она испытывала тайное отвращеніе отъ мессы, предпочитая ей вмѣстѣ съ пфальцкой Шарлоттой—общее церковное пѣніе, эту основу «еретическаго богослуженія», и въ ея письмахъ въ Институтъ, въ ея наставленіяхъ и поученіяхъ звучитъ подчасъ голосъ протестантскаго пастыря.

По ея мнѣнію, дѣвицы черезчуръ много сидѣли въ церкви, тараторили слишкомъ много молитвъ; вмѣсто безсмысленнаго святотатства, она требовала отъ нихъ полезнаго труда и изъ церкви прогоняла дѣвицъ въ кухню, поясняя имъ, въ чемъ заключается превратное благочестіе (dévotion de travers) и что повелѣваетъ

Digitized by Google

здраво возросшее благочестіе (piété droite). Всякаго тартюфа она готова была собственноручно наказать розгами. Конечно, духовника своего она слушалась, онъ руководилъ ею съ ранней юности, и чѣмъ строже, тѣмъ успѣшнѣе. Она охотно блистала своимъ умомъ и умѣла занять общество. Духовникъ приказывалъ ей быть скучной, ибо умъ есть грѣхъ. Она одѣвалась со вкусомъ, хотя очень просто. Онъ приказывалъ ей плохо одѣваться, ибо вкусъ есть грѣхъ. Она повиновалась, но съ другой стороны отъ своихъ Сенъ-Сирскихъ дамъ требовала «благочестія, руководимаго разумомъ». Такого рода благочестіе привело ее къ «брачному алтарю». И хотя нѣтъ документа о бракѣ ея съ королемъ, тѣмъ не менѣе сомнѣваться въ этомъ фактѣ трудно, и при Дворѣ никто не осмѣливался думать иначе. Самъ король встрѣчалъ ее не съ той плоской любезностью, съ какой обращался съ своими фаворитками, а съ фамильярной, непринужденной добротой, какъ встрѣчаютъ свою жену и хозяйку дома. Г-жа д'Омаль замѣтила эту разницу. «Madame» входила иногда въ спальню короля, когда онъ былъ еще въ постели. Случалось даже, что она одѣвалась при немъ, во всякомъ случаѣ «avec toute la bienséance et la modestie qui convenoit». Подобныя фамиліарности довольно краснорѣчивы. Бывали и такіе факты, что Людовикъ XIV въ присутствіи г-жи де-Ментенонъ проявлялъ брюзгливое свое настроеніе, а вѣдь это горестное преимущество законныхъ женъ—терпѣливо сносить всѣ капризы мужа. Финансовое положеніе Франсуазы также установлено было не въ султанскихъ размѣрахъ содержанія фаворитокъ. Она получала 48.000 франковъ въ годъ, въ большинствѣ случаевъ достигавшихъ суммы 93.000 франковъ на ея милостыню, школы («ma folie est d'instruire»), между тѣмъ какъ герцогиня де-Фонтанжъ—послѣдняя фаворитка «en titre»—получала 300.000 франковъ ежемѣсячно. Тутъ снова видимъ подтвержденіе факта брака: какъ прежде, такъ и послѣ того ей платили, какъ гувернанткѣ, конечно, королевской. Бурный Людовикъ перебѣсился, ему захотѣлось покоя, и онъ нашелъ его у нея. При томъ же въ день свадьбы обоимъ вмѣстѣ было почти сто лѣтъ, ему—45, а ей—48. Супружество длилось 32 года. По кончинѣ короля (1715 г.) г-жа де-Ментенонъ снова удалилась въ Сенъ-Сирскую институтскую школу. Сынъ пфальцской Шарлотты, давно уже примирившійся съ ней, правилъ въ качествѣ принца-регента. По его приказанію, ей аккуратно выплачивали ея 48.000 франковъ, чего, конечно, не сдѣлали бы для фаворитки. Это посмертное доказательство брака. Г-жа де-Ментенонъ умерла въ 1719 г. 84-хъ лѣтъ. Г-жа д'Омаль не покидала ея, не изъ какихъ-нибудь выгодъ, а изъ расположенія. Институтскія дамы обожали г-жу де-Ментенонъ. Это также рекомендуетъ ея характеръ. Кто вызываетъ столько любви, самъ достоинъ любви; кто встрѣчаетъ вѣрность, тотъ положилъ основу вѣрности.

Всѣ эти указанія способствуютъ болѣе опредѣленному абрису портрета рѣдкостной женщины, которая сумѣла такъ сильно привязать къ себѣ могущественнѣйшаго короля Франціи. Она не опередила своего времени, но явно обладала чѣмъ-то такимъ, что придавало ей неотразимую прелесть, а именно: индивидуальностью. О силѣ ея характера свидѣтельствуетъ почти не человѣческая ея сдержанность. Обвѣнчанная тайно, она не дерзала выдать гордой своей тайны ни единому человѣку, должна была всю жизнь хранить ее въ душѣ, хотя такъ охотно разсказала бы ее на всѣхъ перекресткахъ. Эта воспитательница прежде всего обладала труднымъ искусствомъ самовоспитанія. Она была придворной гувернанткой, гувернанткой короля и собственной гувернанткой.

Digitized by Google

Памятникъ Бальзаку.

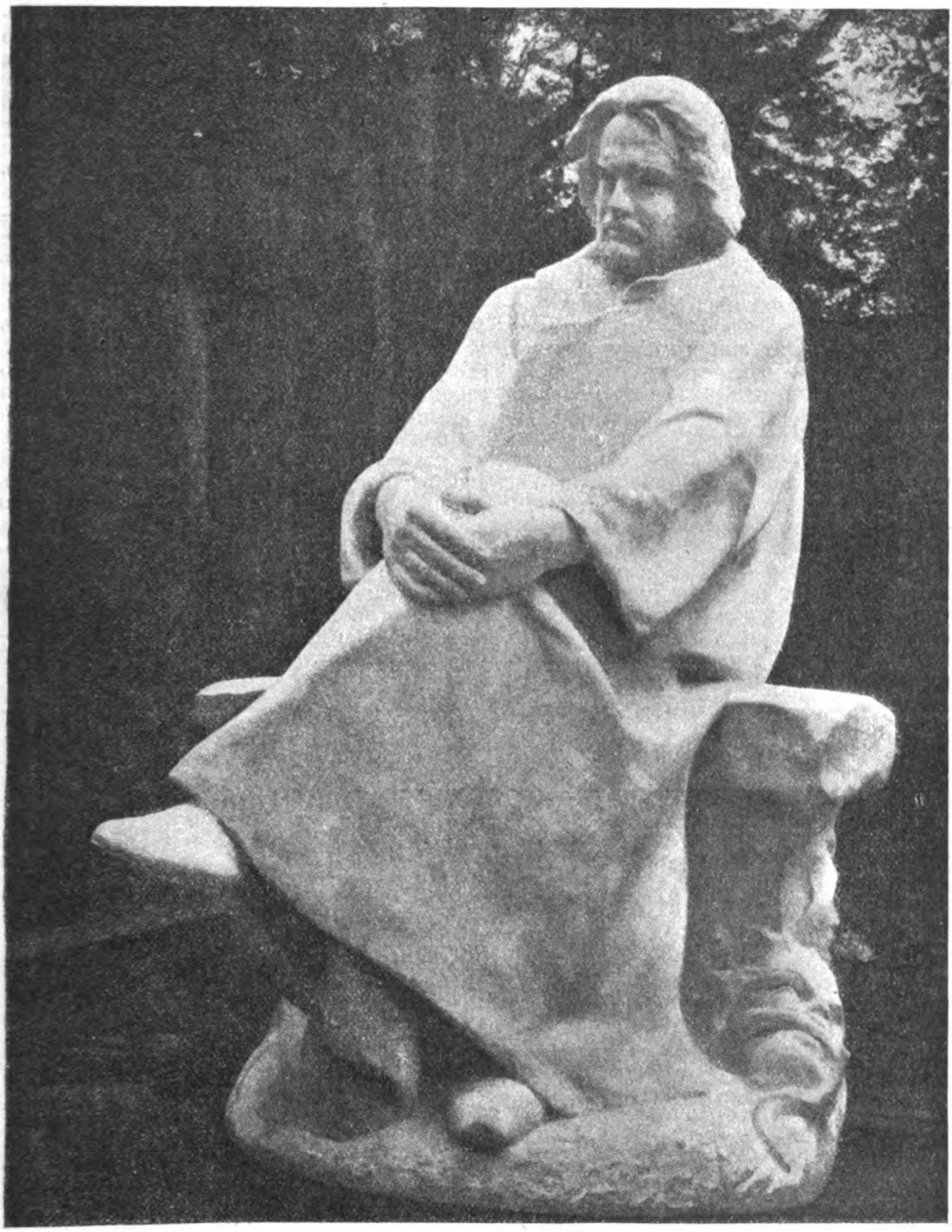
Наконецъ-то состоялось открытіе памятника Бальзаку. Говоримъ «наконецъ», потому что врядъ ли найдется еще много великихъ людей, которыхъ бы судьба такъ преслѣдовала въ вопросѣ о постановкѣ ихъ памятника, какъ это было съ Бальзакомъ.

Уже около 16 лѣтъ тому назадъ французское общество литераторовъ постановило воздвигнуть великому романисту памятникъ ко дню столѣтія его рожденія (къ 1899 году). О мѣстѣ для этого памятника не задумывались, ибо за 15 лѣтъ Парижъ могъ сильно измѣниться, во всякомъ случаѣ предполагалось избрать одну изъ большихъ площадей. Скульпторъ Шапю получилъ заказъ на проектъ памятника, но прежде чѣмъ онъ успѣлъ за него приняться, онъ умеръ. Тогда съ этимъ же предложеніемъ обратились къ знаменитому Родену, который согласился, но потребовалъ, чтобы его не связывали никакимъ срокомъ; онъ желалъ дать только вполнѣ законченное, зрѣлое произведеніе. Однако, ждать пришлось черезчуръ долго, и общество литераторовъ стало настаивать на скорѣйшемъ выполненіи заказа. Тогда, наконецъ, въ Салонѣ 1898 года Роденъ выставилъ своего «Бальзака», возбудившаго самые разнорѣчивые толки. Дѣло въ томъ, что по общему признанію современниковъ и по всѣмъ дошедшимъ до насъ портретамъ, внѣшность Бальзака была самая неудачная: на маленькомъ приземистомъ туловищѣ сидѣла большая, мощная голова, а шеи почти нельзя было отличить, такъ она была коротка и безформенно толста. Вотъ эту-то несчастную наружность Роденъ и рѣшилъ елико возможно скрасить, закутавъ въ длинный халатъ и заставивъ своего Бальзака глядѣть слегка вверхъ и въ сторону, точно слѣдя за какимъ-то видѣніемъ. Но вмѣсто коренастаго человѣка въ халатѣ у него получилась какая-то безформенная колода, на которой высилась столь же безформенная, точно вырубленная топоромъ голова. Даже легко увлекающіеся французы не могли глядѣть безъ смѣху на это удивительное произведеніе, и общество литераторовъ отказалось принять его. Роденъ тотчасъ же возвратилъ выданные ему въ видѣ авансовъ 30.000 франковъ и обиженно взялъ статую обратно въ свою мастерскую, не соглашаясь никому продать ее, хотя тотчасъ же по подпискѣ было собрано новыхъ 30.000 франковъ, а затѣмъ американскіе меценаты неоднократно предлагали купить ее. Наконецъ, общество литераторовъ обратилось къ Фальгьеру, и тотъ въ короткій срокъ выполнилъ заказъ.

Онъ представилъ Бальзака спокойно сидящимъ на скамьѣ въ его излюбленномъ рабочемъ костюмѣ — бѣлой доминиканской рясѣ. Одну ногу онъ заложилъ на другую и руками охватилъ колѣно, въ простой и естественной позѣ задумавшагося человѣка. Проектъ Фальгьера понравился и былъ принятъ, но и тутъ несчастіе преслѣдовало Бальзака; Фальгьеръ умеръ, не успѣвъ воплотить свое произведеніе въ мраморъ. Это было сдѣлано только его учениками, и памятникъ, наконецъ, поставленъ, только не на большой оживленной площади, а на маленькой, обсаженной деревьями площадкѣ на углу Avenue Friedland и Rue Balzac.

Въ сказанныхъ на торжествѣ открытія рѣчахъ ораторы воздали должное Бальзаку, какъ отцу современнаго натурализма, каковымъ его признавалъ и самъ глава этой школы, Зола. Въ безчисленномъ множествѣ своихъ романовъ и повѣстей Бальзакъ задался цѣлью нарисовать человѣческую жизнь во всѣхъ слояхъ общества и во всѣхъ ея проявленіяхъ, соединивъ подъ общимъ заглавіемъ «Comédie humaine» всѣ свои глубоконатуралистическія произведенія. Поочередно

Digitized by Google



Памятникъ Бальзаку,
работы Фальгьера, открытый въ Парижѣ.

затрогиваетъ онъ и личную жизнь, и жизнь политическую, жизнь провинціальную и парижскую, военную и сельскую. Вездѣ сказывается его всесторонняя наблюдательность, его глубокое знаніе изображаемой среды и ея нравовъ, его безпощадный анализъ человѣческой души. Самъ онъ остается объективнымъ наблюдателемъ своихъ персонажей, онъ не любитъ ихъ, не живетъ съ ними, онъ ихъ только анализируетъ. Это, разумѣется, придаетъ бо́льшую цѣнность его анализу,

Digitized by Google

но это же лишаетъ его романы той теплоты и сердечности, которыя согрѣваютъ душу; авторъ не любитъ своихъ героевъ, —и читателю они безразличны. Его описанія обстановки методичны и до мелочей точны, но въ нихъ не хватаетъ того яркаго штриха, который одинъ можетъ придать жизнь и рельефность картинѣ, даже и гораздо менѣе точной и правдивой. Въ творчествѣ Бальзака нельзя искать той послѣдовательности и методичности, какую проявилъ, напр., Зола. Онъ творилъ лихорадочно, поспѣшно, создавая рядомъ съ выдающимися вещами прямо вещи слабыя. Какъ выразился Зола, «онъ бросался во всѣ крайности, отъ вѣры къ наукѣ, отъ романтизма къ натурализму». Кромѣ того ему много вредила его постоянная нужда въ деньгахъ, заставлявшая его писать лихорадочно и поспѣшно. Не довольствуясь писаніемъ романовъ, онъ неутомимо изобрѣталъ всевозможныя, часто рискованныя комбинаціи, чтобы удовлетворить своимъ потребностямъ, и даже просто прихотямъ.

Благодаря этой вѣчной спѣшкѣ, Бальзакъ испортилъ многое въ своихъ произведеніяхъ, давая подчасъ утрированные характеры, невозможныя положенія. Отчасти на это повліялъ и духъ времени, когда самыя невѣроятныя химеры, удивительныя приключенія и дикія идеи приходились какъ нельзя болѣе по вкусу читателямъ. Но все это не умаляетъ главной заслуги Бальзака, а именно того, что онъ первый оттѣнилъ значеніе среды на человѣка и сумѣлъ изобразить эту среду со всей исторической, документальной точностью. Особенно удавалось Бальзаку описаніе быта буржуазіи, не даромъ его успѣхъ совпалъ съ расцвѣтомъ ея, съ іюльской монархіей. Онъ былъ убѣжденный сторонникъ абсолютизма и не долюбливалъ парламентаризма со всей его свободой, а особенно свободой печати; онъ даже открыто заявлялъ, что пишетъ при свѣтѣ двухъ вѣчныхъ истинъ: Религіи и Монархіи. Его успѣхъ въ Европѣ былъ даже бо́льшимъ, чѣмъ на родинѣ; вездѣ его читали, цитировали, подражали его героямъ и героинямъ, даже устраивали обстановки à la Balzac.

Послѣ февральской революціи Бальзакъ уѣхалъ въ Россію, гдѣ и женился на своей давней пассіи графинѣ Ганска, съ которой ранѣе велъ длинную и нѣжную переписку. Этотъ бракъ положилъ конецъ его вѣчнымъ денежнымъ затрудненіямъ, но ему не долго суждено было пользоваться этимъ счастіемъ. У него быстро развилась болѣзнь сердца, и въ 1850 году онъ вернулся съ женой въ Парижъ совершенно больной. 18-го августа его не стало.

Г-жа Ганска, впослѣдствіи жена Бальзака.

Digitized by Google

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Иней и холодъ.

(Зимняя бесѣда).

Зимою въ природѣ развертываются сказочныя чудеса. Въ нѣсколько часовъ земля покрывается бѣлымъ пушистымъ ковромъ, затканнымъ милліардами сверкающихъ подъ лучами холоднаго солнца или матовой луны брилліантовыхъ блестокъ; черные остовы обнаженныхъ отъ великолѣпнаго лѣтняго зеленаго наряда деревьевъ одѣваются въ нѣжныя кружева и ослѣпительно-бѣлый тюль изморози; въ одну ночь чудесная ледяная, твердая и звонкая дорога перебрасывается мановеніемъ мороза отъ одного берега къ другому по застывшей глади рѣки, на которой, быть можетъ, мѣстами, по нѣскольку лѣтъ трудятся инженеры и цѣлыя арміи рабочихъ, сооружающихъ стальной мостъ; а къ утру, къ вашему пробужденію, тотъ же незримый волшебникъ-морозъ, покрывавшій ледянымъ настиломъ рѣку и озеро, успѣетъ разрисовать оконныя стекла такими восхитительными узорами, передъ которыми меркнутъ созданные человѣческой фантазіей орнаменты и арабески. Всмотритесь въ блестки снѣжнаго бѣлаго ковра, этого необходимо теплаго одѣяла для плодоносной, отдыхающей зимою, почвы, для зимующихъ въ ней сѣмянъ и корешковъ; вглядитесь въ отдѣльныя падающія снѣжинки, тихо опускающіяся на ваше платье. Какая красота! Какъ прелестны эти шестиконечныя серебристыя звѣздочки съ шестью развѣтвляющимися лучами! Лѣтомъ вы любовались въ природѣ тоже простой, но милой симметріей правильнаго шестиугольника: это были пчелиные соты съ ихъ пріятною равномѣрною рябью шестигранныхъ ячеекъ; теперь чаруютъ вашъ взоръ шестиконечные звѣздчатые кристаллы снѣга съ ихъ разнообразіемъ рисунка на одну и ту же тему. Не менѣе красивы и блестки инея подъ увеличительнымъ стекломъ или же въ фантастическихъ комбинаціяхъ на окнахъ. Тутъ уже нѣтъ правильности, симметріи, но зато какая богатая игра узора, какая прелестная орнаментовка! Морознымъ утромъ

Digitized by Google

на стеклѣ выростаетъ цѣлый сказочный лѣсъ, раскидывается въ изящныхъ сплетеніяхъ листва пальмъ и папоротниковъ, поднимается изъ перепутанной чащи кустарниковъ сѣтка высокоствольныхъ деревьевъ, и весь этотъ пейзажъ бываетъ часто обрамленъ тончайшими кружевами; а въ другомъ мѣстѣ словно кѣмъ-то наброшенъ ажурный платокъ, обшитый дорогимъ валансьеномъ, или же развернутъ маккартовскій букетъ, или застыли неподвижно развѣвающіяся перья шляпъ. Чей карандашъ можетъ превзойти въ изяществѣ и фантастичности эти нерукотворные зимніе узоры на стеклѣ? Какое искусство человѣка можетъ успѣшно соперничать съ прекрасными чудесами инея!

Восхищаясь такою игрою творческой дѣятельности природы, вы задумаетесь надъ ея причинами. Въ самомъ дѣлѣ, чьимъ искусствомъ разрисованы эти окна зимою, какая сила природы проявилась здѣсь въ этомъ артистическомъ дѣлѣ? Вы знаете, что это—иней. Но что такое—иней? И откуда такое разнообразіе морознаго рисунка на пространствѣ даже одного-двухъ квадратныхъ дюймовъ? Лѣтомъ вы видѣли въ природѣ воду въ жидкомъ состояніи—видѣли ручей, рѣку, озеро, мочажины на болотцахъ, лужи на дорогахъ; все это, само по себѣ, не отличалось такой увлекательной красотой, но въ гармоніи съ окружающими декораціями лѣса, рощи, луга, голубого неба, съ зелеными кулисами даровъ Флоры представляло красивые пейзажи; вы видѣли тогда воду и въ парообразномъ состояніи, вы любовались красивыми облаками, горѣвшими и золотомъ, и пурпуромъ, и серебромъ подъ лучами солнца, или разстилавшимися дымными, мрачными клубами или сѣрою скорбною пеленою въ часы ненастья; передъ вами отъ края до края небесъ перекидывалась эффектная семицвѣтная арка радуги, а на лепесткахъ цвѣтовъ и на листьяхъ, и на травкѣ сверкали жемчужины росы—и всею этою красотою природа обязана также водѣ. Но вотъ, въ холодную, унылую пору, помертвѣлый ландшафтъ природы оживляется, украшается своеобразною скульптурою воды—снѣжинками, кристалликами инея, изморози. Вода въ этомъ третьемъ, твердомъ, состояніи является передъ вашимъ взоромъ даже еще въ болѣе прекрасномъ видѣ. И если поэзія явленій природы чаруетъ васъ, приковываетъ къ себѣ ваше вниманіе, то не менѣе интересною и достойною занять ваши мысли оказывается и проза всѣхъ этихъ сказочныхъ чудесъ, постепенно, шагъ за шагомъ, раскрываемая, но, конечно, еще далеко не раскрытая (Ars longa, vita brevis est!) наукою; полонъ захватывающаго интереса механизмъ процесса такихъ явленій. Рѣзцомъ въ этой сверхгеніальной скульптурѣ воды служитъ температура воздуха. Матеріалъ для зимнихъ тончайшихъ барельефовъ на оконныхъ стеклахъ доставляется влагою (влажностью) воздуха, а рисунокъ ихъ обусловливается неровностями и физическими свойствами стекла. Относительно процесса образованія инея физики расходятся во мнѣніяхъ. Главныя изъ нихъ мы разсмотримъ сейчасъ, какъ это приведено въ статьѣ C. Marsillon'а въ «Бюллетенѣ Французскаго Астрономическаго общества».

При температурѣ ниже 0° влага изъ воздуха осаждается въ видѣ инея. Каждая, происходящая отъ конденсаціи водяного пара при этомъ условіи температуры, капелька воды, встрѣчая какую-либо шероховатую или неровную поверхность, осаждается на ней въ видѣ микроскопическаго кристаллика льда, пропитаннаго или же покрытаго тонкимъ слоемъ тающей воды (на точкѣ замерзанія), которая при безпрерывномъ соприкосновеніи съ болѣе холоднымъ, чѣмъ она сама, воздухомъ, должна неизбѣжно замерзнуть. Такъ какъ постоянное движеніе воздуха приводитъ къ той же точкѣ точно такимъ же, неизмѣннымъ, образомъ, новые объемы влаги,—то толщина инея все увеличивается въ значительныхъ размѣрахъ. Въ горахъ испареніе при прохожденіи нѣкоторыхъ воздушныхъ теченій, также холодныхъ, но менѣе насыщенныхъ влагою, чѣмъ другіе, можетъ лишь очень способствовать замерзанію. Въ промежуткахъ новые слои влажнаго воздуха приносятъ новый запасъ, и такъ далѣе.

По другому объясненію, атмосферная влага, осаждаясь изъ водяного пара въ видѣ льда и образуя иней, не проходитъ при этомъ чрезъ жидкое состояніе, т. е. иней является слѣдствіемъ непосредственнаго перехода воды изъ парообразнаго въ твердое состояніе (безъ промежуточной стадіи—жидкаго состоянія). И, дѣйствительно, иней не имѣетъ структуры замерзшей росы, а, наоборотъ, представляетъ слой непрозрачнаго, ноздреватаго льда, все сгущающагося и въ которомъ различаютъ призмы, приросшія одна къ другой. Земля и всѣ предметы, находящіеся на ея поверхности, излучаютъ, какъ извѣстно, теплоту въ пространство; это лучеиспусканіе тепла тѣмъ болѣе значительно, если небо ясно, воздухъ спокоенъ, а горизонтъ обширенъ, открытъ. Поэтому въ ясныя, тихія осеннія ночи земная поверхность испускаетъ много теплоты. Ближайшій къ этой поверхности воздухъ быстро охлаждается и скоро насыщается парами, и, если въ этотъ моментъ температура рѣзко понизится, то воздухъ, такъ сказать, сковывается этимъ охлажденіемъ и образуетъ иней. Но при постепенномъ пониженіи температуры водяные пары, насыщающіе воздухъ, осаждаются на почвѣ и на ближайшихъ къ ея поверхности предметахъ въ видѣ росы. Когда же, при дальнѣйшемъ паденіи температуры, и роса, въ свою очередь, замерзнетъ, то

Digitized by Google

она явится въ такомъ состояніи совсѣмъ въ иной формѣ, чѣмъ иней: именно, такая замерзшая при только-что указанныхъ условіяхъ роса состоитъ изъ маленькихъ, прозрачныхъ и аморфныхъ (некристаллическихъ) ледяныхъ пузырьковъ, зернышекъ.

Особая кристаллизація льда въ видѣ листьевъ папоротника, замерзаніе густого тумана при соприкосновеніи съ предметомъ, охлажденнымъ ниже 0°, и тому подобныя объясненія образованія инея предлагались физиками и метеорологами.

Мы уже выше указали, что причину разнообразія узоровъ инея на оконныхъ стеклахъ слѣдуетъ искать въ свойствахъ самого стекла. Дѣйствительно, стекло—очень плохой и очень неправильный проводникъ тепла и, кромѣ того, оказываетъ нѣкоторое сопротивленіе физическому дѣйствію кристаллизаціи. Неравномѣрность распредѣленія такихъ свойствъ въ стеклянномъ оконномъ отрѣзкѣ, неравномѣрность его толщины на данномъ пространствѣ, не одинаковая чистота въ разныхъ частяхъ наружной поверхности,—все это должно вліять на рисунокъ, распредѣленіе и направленіе линій въ зимнихъ узорахъ оконъ. Эти узоры, правда, очень красивы, подчасъ даже великолѣпны, но—поэзія поэзіей, а проза прозой,—они являются досадной помѣхой, обусловливая сырость около оконъ, и совершенно излишнимъ украшеніемъ, закрывая передъ нами видъ изъ окна, внѣшній міръ за окномъ. Для избѣжанія этого, для устраненія замерзанія наружныхъ стеколъ, замазываютъ щели створокъ во внутреннихъ двойныхъ рамахъ, со стороны комнаты; створки же наружной рамы оставляютъ незамазанными для пропуска воздуха, циркулирующаго такимъ образомъ въ междуоконномъ пространствѣ двойныхъ рамъ, которыя, кстати сказать, тоже заслуживаютъ вниманія въ нашей зимней научной бесѣдѣ.

Двойныя окна представляютъ серіозную защиту противъ зимняго холода. Благодаря такой защитѣ зимою въ домахъ на сѣверѣ, напримѣръ, въ петербургскихъ квартирахъ, теплѣе, чѣмъ, напримѣръ, въ парижскихъ, а вѣдь разница въ климатахъ—большая. Эта благодѣтельная роль двойныхъ зимнихъ рамъ достаточно ясно освѣщена наблюденіями физика Анри Дюфура въ Женевѣ. Дюфуръ установилъ три термометра слѣдующимъ образомъ: первый—на открытомъ воздухѣ, внѣ дома, на разстояніи шести сантиметровъ отъ окна, выходящаго на западъ; второй—между двойными окнами, въ четырехъ сантиметрахъ отъ внутренняго окна (промежутокъ между этими двумя окнами=21 сантиметру), и третій—посреди комнаты. Одновременныя наблюденія температуры по этимъ тремъ термометрамъ производились въ разную погоду въ продолженіе зимъ 1900 и 1901 гг. Слѣдующею таблицею, резюмирующею эти наблюденія обрисовывается вліяніе двойныхъ оконъ на температуру внутреннихъ помѣщеній:

Температуры:

На открытомъ воздухѣ.	Въ междуоконномъ пространствѣ.	Разница.	Внутри комнаты.
— 3°,8 (ясно)	+ 3°	6°,8	13°,5
— 5° (умѣренный сѣверн. вѣтеръ)	+ 2°	7°,0	15°
— 8° (сильный сѣверн. вѣтеръ) .	+ 0°,7	8°,7	14°
— 5° » » » .	+ 3°,5	8°,5	13°
— 0°,7 (ясно)	+ 5°	5°,7	14°

Для насъ, сѣверянъ, заимствовавшихъ отъ отдаленныхъ предковъ такое вспомогательное средство къ нагрѣванію жилищъ, какъ двойныя окна, новостью въ сообщеніи Дюфура является, конечно, не самый фактъ, а математическій анализъ факта, научный способъ констатированія хорошо извѣстнаго всѣмъ русскимъ явленія изъ житейскаго обихода.

В. Разиньковъ.

Digitized by Google

Скрипачъ-виртуозъ Янъ Кубеликъ.

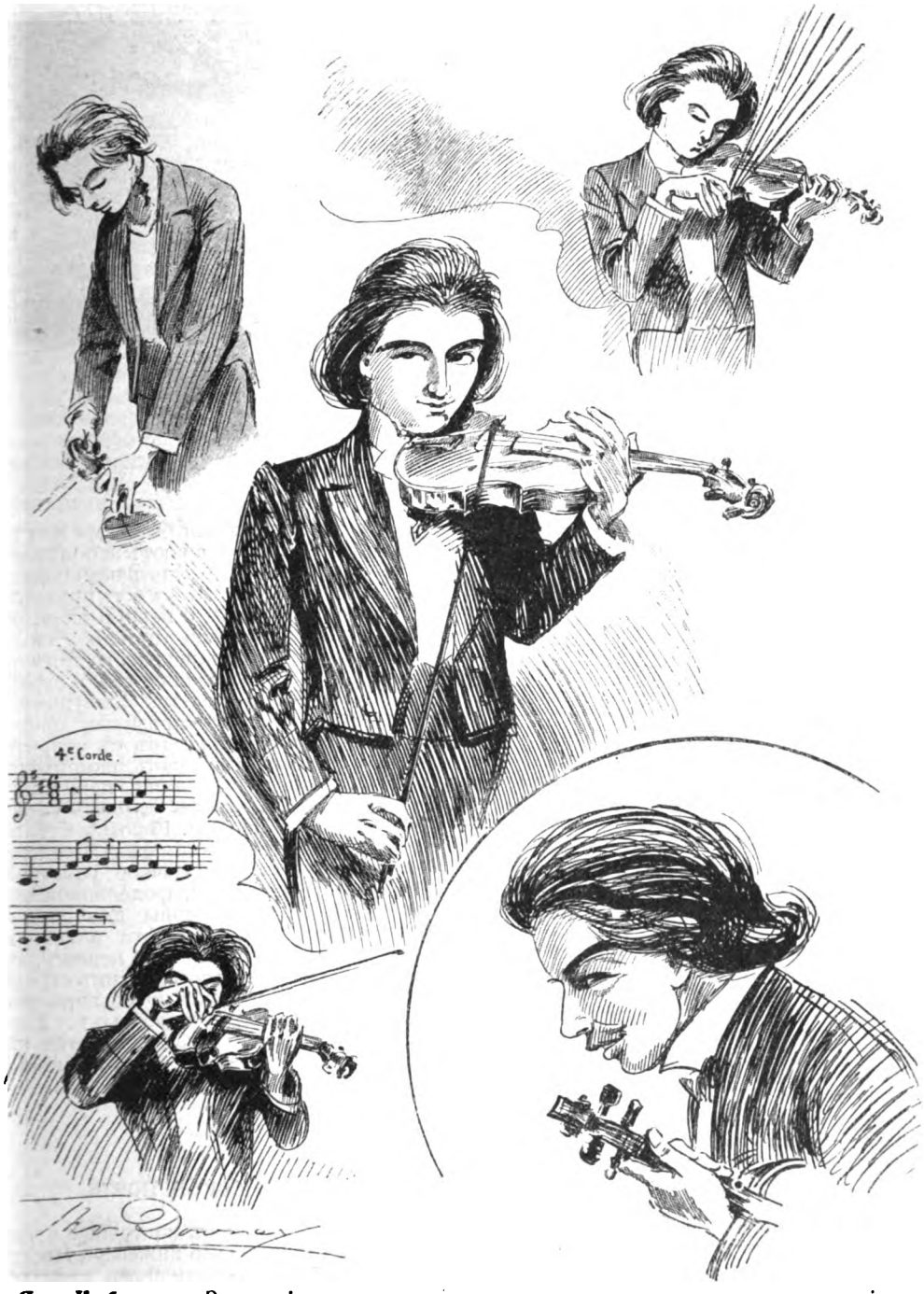
Поклоненіе музыкальнаго міра обоихъ полушарій могло бы вскружить голову многимъ артистамъ. Но къ чести необычайнаго виртуоза-скрипача Яна Кубелика, увлекающаго теперь своей чудесной игрой петербуржцевъ, надо сказать, что, не смотря на весь чадъ воскуриваемаго ему ѳиміама, г. Кубеликъ не измѣняетъ своей простотѣ въ обращеніи и не проявляетъ аффектаціи въ манерахъ, что свидѣтельствуетъ объ истинности его генія. За необычайную игру свою онъ вполнѣ заслуживаетъ названія современнаго Паганини.

Въ славѣ г. Кубелика выдаются два факта. Онъ былъ послѣднимъ артистомъ, приглашеннымъ играть передъ англійской королевой Викторіей въ послѣднее время ея жизни, и былъ первымъ артистомъ, приглашеннымъ играть въ присутствіи англійскаго короля, не только въ Виндзорѣ, но въ Marlborough House'ѣ. Нынѣшній англійскій король пришелъ въ такой восторгъ отъ исполненія молодого богемца, что пожелалъ услышать его еще разъ, и королева вполнѣ одобрила такое желаніе. Пять концертовъ дано было имъ въ Лондонѣ въ томъ сезонѣ, при чемъ рѣдкій день сверхъ того г. Кубеликъ не появлялся въ какомъ-либо частномъ домѣ, и, по слухамъ, заработалъ нѣсколько тысячъ рублей. Не желая манкировать этими многочисленными приглашеніями, г. Кубеликъ велъ тамъ самый простой образъ жизни. Въ семь часовъ утра или даже ранѣе онъ былъ уже на ногахъ, одѣтъ и до завтрака часъ или два упражнялся на скрипкѣ. Затѣмъ отправлялся на прогулку по парку передъ репетиціей со своимъ оркестромъ, состоящимъ изъ пятидесяти пяти музыкантовъ съ дирижеромъ г. Недбаломъ, играющимъ на альтѣ въ знаменитомъ богемскомъ квартетѣ.

Онъ играетъ всегда на страдиваріусѣ, подаренномъ ему въ прошломъ году г. Вальтеромъ Пальмфомъ. Это великолѣпная скрипка, стоющая 10.000 рублей. Смычекъ, употребляемый имъ, Турта, принадлежавшій знаменитому скрипачу Эрнсту и приподнесенный ему вдовой этого артиста. Недавно Янъ Кубеликъ заказалъ игрушечную модель страдиваріуса съ цѣлью подарить ее одному другу. Модель эта оказалась великолѣпной работы, футляръ необычайно изященъ съ инкрустаціей золотомъ. Когда Кубелику доставили ее на домъ, то она такъ ему понравилась, что онъ рѣшилъ оставить себѣ свою малютку Strad, какъ онъ ее называетъ, а для друга заказалъ другую.

Даже считающіеся столь невозмутимо хладнокровными англичане, при отъѣздѣ Яна Кубелика изъ Хрустальнаго дворца, цѣлой процессіей провожали виртуоза до поѣзда. Всѣмъ хотѣлось быть поближе

Digitized by Google

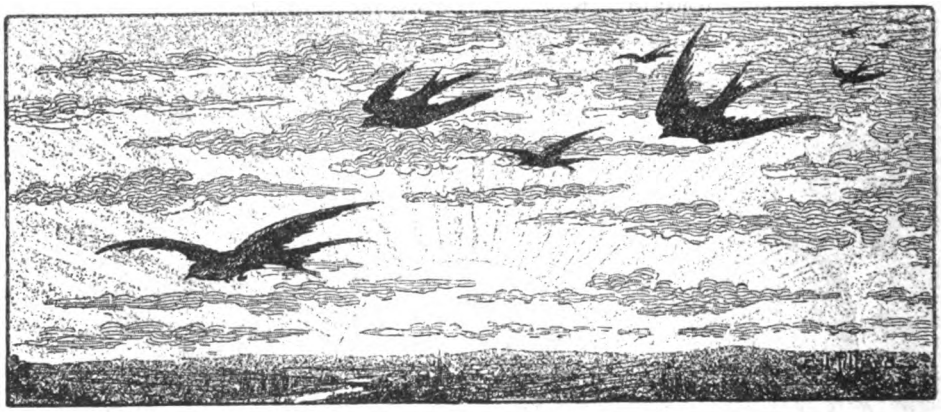


Янъ Кубеликъ. Экспрессія скрипача-виртуоза въ различные моменты его исполненія.

(1-й рис.—настраиваетъ скрипку; 2-й — пассажи въ стилѣ Паганини; 3-й — полная гармонія; 4-й — извлекаетъ душу изъ G—dur; 5-й — выходъ на аплодисменты и вызовы публики).

къ нему. Тѣ, которые не могли пожать ему руку, прикасались къ его спинѣ, хватали его за фракъ, даже вырывали цвѣты, которые у него были въ рукахъ, лишь бы подойти поближе къ предмету своего восторга.

Digitized by Google



ИЗЪ ГАЗЕТЪ и ЖУРНАЛОВЪ.

Сны, какъ предвѣстники болѣзней.

То обстоятельство, что сны имѣютъ значеніе при опредѣленіи болѣзней, доказывается Н. Вашидомъ и Г. Пiерономъ, изъ Парижскаго института, цѣлымъ рядомъ собранныхъ ими фактовъ. Они исходятъ изъ той мысли, что духъ человѣческій покидаетъ внѣшній міръ во время сна и обращается къ внутреннимъ процессамъ. Въ то время, когда мы бодрствуемъ, преобладаютъ внѣшнія чувства. Мозгъ занятъ тѣмъ, что происходитъ внѣ тѣла, и если внутренніе источники молчатъ, то онъ не обращаетъ вниманія на то, что происходитъ внутри тѣла. Какъ только нами овладѣлъ сонъ, то мозгъ работаетъ въ обратномъ направленіи. Тогда преобладаютъ внутреннія органическія ощущенія и занимаютъ духъ всецѣло, если внѣшнія силы не даютъ себя слишкомъ сильно знать. По этой причинѣ можетъ начавшаяся въ теченіе дня мысль или рѣшеніе какой-либо проблемы окончиться во время сна, — мозгъ не перестаетъ работать. Одна англійская газета сообщаетъ, что различаютъ собственно три рода сновъ: одни обнаруживаютъ темпераментъ спящаго, другіе предсказываютъ болѣзнь, а третьи суть уже симптомы болѣзни. Сангвиникамъ снятся пѣсни, танцы, праздники, веселье, борьбы, игры; меланхоликамъ въ общемъ снятся духи, уединеніе, смерть; флегматики видятъ во снѣ бѣлыя привидѣнія, воду, сырыя мѣстности, а холерикамъ снятся темные предметы, убійства, поджоги и т. п. Веселые сны означаютъ здоровое состояніе, спокойные же сны—благотворны. Сны о купаньяхъ и о холодной водѣ предвѣщаютъ испарину наступающаго кризиса. Сны о сильныхъ боляхъ, если они не являются слѣдствіемъ внѣшнихъ причинъ, означаютъ пораненія, воспаленія или ожоги въ какой-нибудь формѣ. Горы съ неожиданными безднами или непроходимые лѣса означаютъ заболѣваніе печени. Огонь — злое предзнаменованіе анеміи. Безпокойство во снѣ есть признакъ болѣзни сердца. Сны о переутомленіяхъ и истощеніи означаютъ истерію, сны о вкусной пищѣ—страданіе разстройствомъ пищеваренія. Устрашающіе сны и страшныя картины показываютъ желудочныя раздраженія. Страхъ — признакъ плохой циркуляціи крови. Кошмаръ съ отвратительными животными, какъ, напримѣръ, крысами, змѣями и гадами, поражаетъ алкоголиковъ. Кошмары душатъ также и страдающихъ астмой. Короткіе страшные сны, на подобіе кошмаровъ, предсказываютъ извѣстное сердечное разстройство. Настоящіе романы, продолжающіеся каждую ночь, характерны для людей, страдающихъ истеріей. Дѣти алкоголиковъ часто видятъ во снѣ кошекъ, собакъ, лошадей, львовъ и другихъ страшныхъ хищныхъ звѣрей, но обыкновенно дружественныхъ имъ животныхъ. Если одинъ и тотъ же сонъ повторяется нѣсколько ночей подрядъ, то это явный признакъ физическаго разстройства.

Электрическая почта.

Въ Италіи заняты въ настоящее время проектомъ неапольскаго инженера Писчичелли Тедженжи по устройству электрической пересылки почты. Нѣкоторое представленіе объ этомъ изобрѣтеніи дадутъ намъ слѣдующія основныя положенія.

Главная мысль новой системы заключается въ томъ, чтобы устроить электрическую желѣзную дорогу изъ стальныхъ проволокъ, лежащихъ на столбахъ на

Digitized by Google

высотѣ 15 метровъ; послѣдніе врыты въ землю на разстояніи 100 метровъ другъ отъ друга. Для этой цѣли по проволокамъ пропускается непрерывный токъ, приводящій въ движеніе ящики съ письмами со скоростью 400 километровъ въ часъ. Такимъ сообщеніемъ баснословной скорости предполагаютъ соединить между собою всѣ главные города Италіи; а каждый изъ этихъ городовъ будетъ соединенъ второстепенными линіями съ менѣе важными центрами населенія. Въ Римѣ будетъ главная почтовая станція и десять второстепенныхъ. Послѣднія будутъ представлять башни высотою въ 25 метровъ; при каждой изъ этихъ башенъ будутъ устроены почтовые ящики. Какъ только письмо попало въ почтовый ящикъ, при помощи очень простого снаряда на немъ штемпелируются номеръ письма въ томъ порядкѣ, какъ его бросили въ ящикъ, мѣсяцъ, день, часъ и минута, когда его бросили; потомъ при помощи подъемной блоковой машины поднимаютъ его на башню. Здѣсь чиновникъ вкладываетъ письмо въ особо приспособленный къ тому дорожный ящичекъ и препровождаетъ его въ главное почтовое учрежденіе. Какъ только письмо получено здѣсь, оно тотчасъ же помѣщается въ дорожный ящикъ, отправляемый въ то мѣсто назначенія, куда послано письмо, напримѣръ, въ Миланъ; и не пройдетъ двухъ часовъ, какъ письмо достигнетъ Милана.

Пересылка городскихъ писемъ по электрической почтѣ будетъ производиться еще проще. Письма будутъ отправляться сначала въ главное почтовое учрежденіе, потомъ разсылаться по назначенію и менѣе чѣмъ черезъ 20 минутъ они получаются уже тѣми, кому адресованы.

Каждая стальная проволока, по которой скользятъ небольшія телѣжки, можетъ выдержать грузъ въ 200 двойныхъ центеровъ. Эти телѣжки для писемъ будутъ дѣлаться изъ алюминія. Каждая телѣжка вѣситъ не болѣе 35 килограммовъ. Телѣжка, заключающая въ себѣ печатныя произведенія, настолько помѣстительна, что въ нее можно вложить болѣе двухъ тысячъ газетъ. При такой почтовой пересылкѣ газету, изданную въ Римѣ въ 8 часовъ вечера, можно было бы продавать, одинъ часъ спустя, въ Неаполѣ, а въ 10 часовъ вечера въ Миланѣ.

Издержки на устройство такой электрической почты вычислены по 3.000 франковъ на каждый километръ; это немного, если принять во вниманіе, съ какой быстротой будетъ производиться пересылка, и то обстоятельство, что можно будетъ значительно уменьшить личный персоналъ служащихъ на почтѣ.

Передавать письма и посылки тѣмъ, кому они адресованы, будутъ также иначе: полученныя письма будутъ разноситься каждыя 20 минутъ, но почтальону незачѣмъ будетъ лазить по лѣстницамъ, такъ какъ при каждомъ домѣ будетъ подъемная машина съ ящиками, изъ которыхъ каждый соотвѣтствуетъ опредѣленному этажу. Посредствомъ давленія на пуговку этотъ снарядъ приподнимается вверхъ и при томъ письмо бросается въ соотвѣтствующій почтовый ящикъ; одновременно съ этимъ аппаратъ будетъ звонить, чтобы адресаты знали, что пришло письмо или посылка на ихъ имя.

Digitized by Google

Лакейская исторія всемірной литературы.

Въ началѣ и въ концѣ года вниманіе обозрѣвателя книгъ поневолѣ отвлекается тѣмъ пестрымъ ковромъ цвѣтовъ, который покрываетъ поле нашей періодической прессы, отчасти превратившейся въ книгоиздательство. Такому явленію, какъ изданіе книгъ выпусками, при журналахъ, слѣдуетъ только радоваться, ибо въ такомъ видѣ книга дается покупателю-подписчику по весьма дешевой цѣнѣ, и, главное, расходится сразу по отпечатаніи въ громадномъ количествѣ экземпляровъ, не поджидая на полкахъ магазина по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ случайнаго покупателя и оставаясь независимой отъ благоволенія книгопродавцевъ. Такому явленію можно только сочувствовать, какъ одному изъ могучихъ средствъ просвѣщенія, но вотъ бѣда, что поле нашей журналистики мѣстами стало густо заростать чертополохомъ, мѣстами покрываться мухоморами, глохнуть въ чащѣ бурьяна. Недугъ издательства сталъ обуревать многихъ, даже такихъ, для которыхъ литература является совершенною terra incognita. Подобно тому, какъ профессора стали теперь писать въ общей прессѣ «во что бы то ни стало», такъ всплыли и многіе издатели, которые, повидимому, задались цѣлью издавать во что бы то ни стало, — лишь бы, конечно, получить барышъ. Ну, разумѣется, ради стяжанія барышей, съ литературой теперь не церемонятся и готовы семь шкуръ съ нея спустить. «Подешевле купить, подороже продать», и вотъ на такомъ принципѣ вырастаютъ цѣлыя горы скверно-изданныхъ книгъ. Такіе господа «издаватели» мало заботятся о выборѣ книгъ и качествѣ ихъ изданія — было бы позабористѣе, да позазвонистѣе, да «себѣ дешевле» обходилось бы, и любую хорошую, цѣнную книгу можно исковеркать по этому образцу на Прокрустовомъ ложѣ торгашескаго прилавка. Но и одной забористости и зазвонистости оказывается мало,—нужно ошеломить подписчика-покупателя умопомрачительнымъ количествомъ литературнаго «товара» при такой баснословной дешевизнѣ, передъ которой померкла бы пресловутая цѣна пареной рѣпы, — и вотъ тянутся на книжный рынокъ, можно сказать, товарные поѣзда не то что удешевленной, а прямо-таки обезцѣненной литературы. Нагрузкой и отправкой такихъ товарныхъ поѣздовъ въ послѣдніе годы усердно занялись гостинодворскіе купцы Григорій и Петръ Пантелѣевы, эти горе-издатели, которые, прорубивъ за своимъ прилавкомъ дыру въ Европу, запустили туда обѣ руки и стали вытаскивать «товаръ» и нагружать свои вагоны; но такъ какъ при такомъ способѣ пользованія плодами европейской культуры о разумномъ выборѣ и сохранности ихъ не можетъ быть и рѣчи, то иностранная литература доставляется г.г. Пантелѣевыми въ довольно-таки жалкомъ видѣ: тутъ ужъ гостинодворскому горе-издателю приходится впотьмахъ шарить и брать первое, что подъ руку попадется, схватить по мѣрѣ возможности кусокъ поувѣсистѣе да пожирнѣе, хотя бы въ результатѣ только часть его осталась въ рукѣ. Взявъ подрядъ у подписчиковъ своего «Вѣстника Иностранной Литературы» на срочную поставку въ теченіе года двѣнадцати номеровъ журнала, съ грузомъ перепорченной иностранной литературы, гг. Пантелѣевы не удовлетворяются, однако, такимъ

Digitized by Google

пустячнымъ дѣломъ и пытаются расширить районъ своей издательской фабрикаціи отдѣльными партіями литературнаго товара, на особыхъ товарныхъ платформахъ, именуемыхъ имъ «серіями». Прибытіе новой такой платформы съ грузомъ въ 24 кулька, именуемыхъ «томами» обѣщано и въ наступающемъ 1903 году литературною импортною конторою этихъ гостинодворцевъ, оперирующею подъ фирмою редакціи «Собранія сочиненій избранныхъ иностранныхъ писателей». (Кстати спросить: кто «избираетъ» иностранныхъ писателей въ «заведеніяхъ» г.г. Пантелѣевыхъ? По существу дѣла, гостинодворскому литературному купцу слѣдовало бы писать не «избранныхъ», а «отборныхъ»). Обѣщано это новое прибытіе литературнаго груза въ такихъ зазвонистыхъ рекламахъ, съ такимъ нелѣпымъ шумомъ, трескомъ, зазываніями, причмокиваніями, ужимками и прыжками, что просто стыдно становится за то перо, которое писало пантелѣевскую рекламную галиматью, и передъ этою шумихою поблѣднѣли бы пестрыя торжественныя кавалькады и процессіи циркового персонала, возвѣщавшія нѣкогда прибытіе цирка въ провинціальный городъ. Въ доброе старое время въ провинціальной глуши такое парадированіе цирка замѣняло нынѣшніе газетные анонсы, уличные аншлаги, афиши: верхами на цирковыхъ «одрахъ» ѣхали наѣздники и наѣздницы и акробаты въ поношенныхъ трико, и тутъ же кривлялся клоунъ, и подпрыгивали дрессированныя собаки. Но вѣдь то были полуголодные гаёры, а тутъ теперь господа купцы «раздѣлываютъ» литературу съ клоунскими кривляньями и танцующими собаками. Есть отъ чего прійти въ ужасъ! Бѣдная литература!

Въ свое «сдобренное» клоунскими ужимками объявленіе о подпискѣ на 24 тома «избранныхъ знаменитыхъ произведеній всемірной иностранной литературы съ древнѣйшихъ временъ до XIX вѣка», г. Пантелѣевъ («за редактора-издатель») не мало напустилъ танцующихъ собакъ. Прежде всего, какъ вамъ понравится это обстоятельное указаніе: «всемірная иностранная литература», указаніе, напоминающее саморекламированіе заѣзжихъ фокусниковъ: «Извѣстный во всей вселенной и во многихъ другихъ мѣстахъ»! Предисловіе, такъ сказать, къ объявленію гласитъ: «Цѣль настоящаго изданія познакомить русскую публику съ цѣлымъ рядомъ знаменитыхъ произведеній всемірной иностранной литературы, которыя должны быть знакомы каждому образованному человѣку. Большинство этихъ произведеній совершенно неизвѣстны у насъ или существуютъ въ весьма дорогихъ и устарѣлыхъ по языку (не правда ли, какой строгій литературный критикъ этотъ «за редакторъ»—гостинодворецъ!) переводахъ». Далѣе слѣдуетъ пространное объясненіе, какъ необразованный и малограмотный г. Пантелѣевъ будетъ знакомить русскую публику съ тѣмъ, что должно быть знакомо каждому образованному человѣку, и въ объявленіи русской (разумѣйте: необразованной) публикѣ преподносится краткая исторія «всемірной иностранной литературы» съ танцующими собаками.

Досталось же писателямъ и древнимъ и новымъ отъ усердія пантелѣевскихъ молодцовъ, занимающихся письменной частью, которые снабдили издаваемыхъ ими классиковъ такими рекомендаціями, отъ какихъ и простому смертному подчасъ не поздоровилось бы и съ какими далеко не вездѣ и примутъ. Освѣдомивъ почтеннѣйшую публику, что «Геродотъ считается отцомъ исторіи», «за редакторъ» г. Пантелѣевъ свидѣтельствуетъ объ Аристофанѣ, что «Его слава перваго комика (великолѣпно!) не померкла съ появленіемъ комедій Лопе-де-Вега и Мольера» и тутъ же рядомъ, объявляя о Гомерѣ, неодобрительно отзывается о классическихъ переводахъ Гнѣдича и Жуковскаго: «Одиссея» и «Иліада» будутъ даны въ прозѣ, потому что, видите ли, «существующіе стихотворные переводы тяжелы, не смотря на все искусство переводчиковъ. Греческій «гекзаметръ» несвойственъ русскому языку. Прозаическій переводъ этихъ пѣсенъ значительно облегчаетъ чтеніе и гораздо лучше передаетъ самый духъ Гомера». Но мимоходомъ спросимъ: почему слово «гекзаметръ» — въ ковычкахъ? Заткнувъ за поясъ и Гнѣдича и Жуковскаго съ ихъ классическими переводами «Иліады» и «Одиссеи», гостинодворскіе молодцы далѣе выпускаютъ танцующихъ собакъ передъ греческими и римскими классиками. Овидій ихъ привлекаетъ своимъ «Искусствомъ любить» («Изящнѣйшее произведеніе древности», рекомендуютъ знатоки литературы съ Зеркальной линіи: «поэтъ даетъ въ немъ совѣты, какъ овладѣть любимой женщиной»), «Лекарствомъ отъ любви», «Любовными элегіями», и, наконецъ, «Метаморфозами», которыя рекомендованы какъ «исторія легендъ и миѳологическихъ превращеній». «Овидій одинъ изъ величайшихъ поэтовъ. Почти всѣ его произведенія посвящены любви». Вотъ, подите же, «величайшій поэтъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ какой легкомысленный человѣкъ по аттестаціи, выданной гостинодворскими «цѣнителями и судьями». Книги Ювенала и Петронія «цѣнны потому, что въ нихъ сохранились такъ называемые «разсказы изъ Милета». При этомъ гостинодворскій историкъ литературы облизывается и заставляетъ танцующихъ собакъ скакать повыше, ибо «Городъ Милетъ въ древней Греціи славился своей веселой жизнью и въ немъ былъ созданъ особый родъ остроумныхъ разсказовъ». Далѣе читаемъ слѣдующее: «Апулей. Сочиненія. Въ немъ тоже сохранились разсказы изъ Милета, между прочимъ знаменитая поэма «Амуръ и Психея». Вѣдь

Digitized by Google

это великолѣпно написано: «Въ немъ (т. е. въ Апулеѣ) сохранились разсказы»! Издатель лубочно изданнаго и рыночно переведеннаго «Декамерона», «Любовныхъ похожденій Фоблаза» не могъ пропустить «Дафниса и Хлои» Лонгуса, а изъ произведеній Макіавелли, ну, конечно, взялъ «Любовный напитокъ», и тутъ ужъ танцующія собаки прямо-таки разыгрались! «Жизнеописанія великихъ людей» Плутарха издаются г. Пантелѣевымъ по рекомендаціи Ж.-Ж. Руссо: «Прославленная во всемірной литературѣ книга. Ею зачитывались многіе замѣчательные люди. Между прочимъ, Ж.-Ж. Руссо въ дѣтствѣ не разставался съ нею. Онъ читалъ ее въ переводѣ Аміо».

Вообще какое превосходное, назидательное, сочно-написанное объявленіе! Какая глубокая эрудиція! Какой изящный стиль! Тутъ что ни слово—то перлъ, что ни фраза—то букетъ краснорѣчія. Объ этихъ гостинодворскихъ характеристикахъ классиковъ можно выразиться словами того же объявленія о трагедіяхъ Расина: «Онѣ пересыпаны такими глубокими мыслями и изображеніе чувствъ въ нихъ такъ вѣрно и временами такъ трогательно, что Расина недаромъ французы называютъ классикомъ». Полюбуйтесь дальше: Г-жа Севинье «прославилась своими частными письмами, не предназначавшимися для печати» (разумѣй, дескать, читатель: и здѣсь можетъ пахнуть «разсказами изъ Милета»!). «Сочиненія Паскаля имѣютъ колоссальный успѣхъ». «Дидро одинъ изъ главныхъ энциклопедистовъ XVIII вѣка. Его считаютъ даже (вотъ какъ!) самымъ даровитымъ писателемъ своего времени». Вольтеръ—«скептикъ, разрушитель», и т. д. и при томъ удивительно одаренная натура. Про него говорили: «Вольтеръ второй во всѣхъ родахъ литературы». При имени Бернардена де-Сенъ-Пьера гостинодворскій историкъ литературы захлебывается отъ восторга, — восклицая: «Одинъ изъ самыхъ большихъ художниковъ слова. Онъ—Руссо изящной литературы. Онъ и въ жизни былъ другомъ Руссо и раздѣлялъ его воззрѣнія». Похвалили и Бюффона: «извѣстный стилистъ и естествоиспытатель. Основатель науки «антропологіи». Нѣкоторыя картины его считаются классическими». Жаль, что подписавшій своимъ именемъ эту рекламу г. Петръ Пантелѣевъ не указалъ, какія именно «картины Бюффона считаются классическими». Къ англичанамъ авторъ рекламнаго краткаго курса исторіи «всемірной иностранной» литературы относится съ нѣкоторой осторожностью, называя Свифта и Стерна юмористами, тогда какъ выше Аристофанъ, Лопе-де-Вега и Кальдеронъ были названы «комиками». Далѣе читаемъ: «Гете.—Избранныя сочиненія. Авторъ «Фауста», всеобъемлющій геній германской литературы. Онъ писалъ по самымъ разнообразнымъ отдѣламъ искусства и науки. Существующія на русскомъ языкѣ полныя собранія его сочиненій далеко не полны, дороги по цѣнѣ и устарѣли по языку». Дѣйствительно, если Гёте писалъ «по самымъ разнообразнымъ отдѣламъ науки», то извѣстныя намъ «полныя собранія его сочиненій далеко не полны», и потому съ нетерпѣніемъ будемъ ждать объявленнаго г. Пантелѣевымъ изданія, которое пополнитъ такой досадный пробѣлъ; а, съ другой стороны, если въ этомъ будущемъ изданіи избранныя г. Пантелѣевымъ сочиненія Гёте будутъ переведены такимъ языкомъ, какимъ написано цитируемое объявленіе, то, дѣйствительно, существующіе теперь переводы, большинствомъ вышедшіе изъ-подъ пера нашихъ извѣстныхъ поэтовъ, окажутся устарѣлыми «по языку». Реклама г. Пантелѣева ясно показываетъ, какимъ долженъ быть обновленный гостинодворскими молодцами русскій языкъ. Далѣе: «Петеръ Шлемиль — философская повѣсть-сказка» Шамиссо вызываетъ полное недоумѣніе у гостинодворскаго историка литературы, который разводитъ только руками: «Загадочное произведеніе, возбуждающее много разныхъ толкованій», то-есть, издаемъ книгу—и сами не понимаемъ, что это за книга. Авось кто-нибудь и разберетъ!

Но довольно и отмѣченныхъ перловъ гостинодворскаго краснорѣчія! «Много цвѣтовъ, слишкомъ много цвѣтовъ. И ни одного барана!» Хотя пара бараньихъ роговъ и ясно видна сквозь строчки этого восхитительнаго произведенія гостинодворскаго историка литературы. Интересно знать, однако, кто же авторъ этой умилительной рекламы, чье перо могло такъ ярко изображать характеристики классиковъ литературы древняго и новаго міра? Представьте себѣ: въ объявленіи скрытъ силуэтъ этого автора,—въ самомъ дѣлѣ, прочтите, что онъ пишетъ о Ларошфуко: «самъ онъ былъ большой баринъ»! Вѣдь это великолѣпно! По этой фразѣ можно составить себѣ достаточно ясное понятіе объ умственномъ и нравственномъ обликѣ человѣка, серіозно произнесшаго эти слова и, что хуже всего, написавшаго и напечатавшаго эти слова! Вотъ такая-то чисто лакейская исторія литературы заключается призывомъ къ подпискѣ на 24 тома «Собранія избранныхъ знаменитыхъ иностранныхъ произведеній», при чемъ въ условіяхъ подписки находимъ перлъ уже торгашескій, по качеству равный вышеприведеннымъ перламъ стилистики: «Подписные билеты на полученіе книгъ подписчиками съ доставкою или безъ доставки дѣйствительны только до 15-го января 1904 г. Деньги ни въ какомъ случаѣ обратно не возвращаются». Ужасно какъ строго! Даже «ни въ какомъ случаѣ». Ну, а если по какимъ-либо редакціоннымъ обстоятельствамъ ни одна книга не выйдетъ въ свѣтъ, такъ и въ этомъ случаѣ деньги не будутъ возвращены подписчику?....

Digitized by Google

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ И СУДЕБНЫХЪ ДРАМЪ.

Драма въ Этретà и ея развязка. — Преступленія анархистовъ съ антропологической точки зрѣнія.—Новая Нинона де-Ланкло. — Судъ надъ редакторами «Кладдерадатча». — Поддѣлка картинъ Арнольда Бёклина.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ текущаго года, въ приморскомъ городкѣ Франціи, Этретà, произошло событіе, извѣстное съ тѣхъ поръ подъ названіемъ: «Драма въ Этретà». Довольно извѣстный и по общему отзыву очень талантливый художникъ Синдонъ застрѣлилъ изъ пистолета парижкаго финансиста Люсьена Давида на прогулкѣ въ присутствіи жены Давида. Убійству предшествовалъ крупный разговоръ, во время котораго Люсьенъ Давидъ побилъ палкой Синдона.

Убійство произвело, конечно, сильную сенсацію, какъ это всегда бываетъ, когда въ преступленіи замѣшаны люди высшаго общества, болѣе или менѣе образованные и богатые. Преступленіе сильнѣе поражаетъ, когда совершается рукою человѣка привилегированнаго сословія, нежели когда виновниками его являются люди темныхъ, низшихъ слоевъ общества. Въ Парижѣ и финансистъ Давидъ и портретный живописецъ Синдонъ были людьми замѣтными, и толки, возбужденные «драмой въ Этретà», не прекращались до послѣдняго времени, когда наступила развязка этого драматическаго происшествія.

Въ Руанѣ, въ послѣднихъ числахъ ноября мѣсяца судили живописца Синдона, и на этотъ разъ ни присяжные, ни судьи не проявили той снисходительности, съ какою они часто относятся къ такъ называемымъ «crimes passionnels». Синдонъ приговоренъ къ десятилѣтней каторгѣ. Зала Руанскаго суда была переполнена публикой, съ любопытствомъ глядѣвшей на подсудимаго. Послѣдній небольшого роста, хилаго вида человѣкъ, съ темными усами и бородкой, скорѣе некрасивый, но очень тщательно и корректно одѣтый, былъ очень разстроенъ и отвѣчалъ на вопросы со слезами въ голосѣ. Такъ какъ мотивомъ къ убійству полагали ревность со стороны мужа къ художнику за незаконную связь его съ женой убитаго, которая и вызвала кулачную расправу со стороны послѣдняго, окончившуюся для него такъ трагически, то публика съ нетерпѣніемъ ждала появленія героини драмы, г-жи Давидъ, въ числѣ свидѣтелей.

Но ожиданія были обмануты; г-жа Давидъ по болѣзни не явилась въ судъ, а прислала письменныя показанія. За то въ числѣ свидѣтелей фигурировало много парижскихъ художниковъ, свидѣтельствовавшихъ о большомъ талантѣ подсудимаго. Г-жа Давидъ показываетъ, что Синдонъ никогда не предлагалъ ей бѣжать съ нимъ за границу и что если у нея вырвалось въ разговорѣ съ нимъ слово «ты», то это слѣдуетъ приписать обмолвкѣ вслѣдствіе сильнаго волненія. Она защищаетъ также его отъ взводимыхъ на него обвиненій ея покойнымъ мужемъ, относительно ея дочери.

Такъ какъ предсѣдатель комментируетъ послѣднее показаніе, то адвокатъ Декори восклицаетъ:

— Г-нъ предсѣдатель, вы произносите обвинительную рѣчь прежде окончанія преній...

— Если вы такъ думаете, то просите занести это въ протоколъ, — отвѣчаетъ предсѣдатель.

Послѣ того слово дано Роберу, адвокату гражданскихъ истцовъ, говорящему отъ имени г-жи Давидъ.

Защитникъ вызываетъ сильное волненіе, когда, обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, произноситъ: — Я вручаю

Digitized by Google

вамъ участь четверыхъ сиротъ, которые являются жертвой этой погубной драмы, и старой семидесяти двухъ-лѣтней женщины, которая плачетъ!

Допросъ Синдона не даетъ ничего новаго. Синдонъ объясняетъ, что убилъ Давида за то, что тотъ его жестоко оклеветалъ. Онъ увѣрялъ, будто бы Синдонъ хотѣлъ соблазнить дочь Давида, четырнадцатилѣтнюю дѣвочку, которой онъ давалъ уроки живописи. Синдонъ хотѣлъ оправдаться отъ такой клеветы въ глазахъ г-жи Давидъ, но мужъ послѣдней не давалъ ему говорить, и тогда онъ и выстрѣлилъ въ него. Не ревность побудила его убить Давида. Между нимъ и г-жею Синдонъ никогда не было никакой интимности. Онъ былъ просто ея другомъ. Но во время допроса подсудимый, сбитый со своей позиціи, проговаривается, что считалъ г-жу Давидъ какъ бы своей женой.

Это заявленіе возбуждаетъ ропотъ въ залѣ. Во время перерыва засѣданія съ одной изъ сестеръ Синдона, находящейся въ залѣ суда, дѣлается нервный припадокъ. Она страшно кричитъ, и ее уводятъ изъ залы. Среди публики идутъ оживленныя пренія, и общее мнѣніе таково, что присяжные вынесутъ обвинительный приговоръ.

И дѣйствительно, когда послѣ получасового совѣщанія присяжные возвращаются въ залу, предсѣдатель объявляетъ, что на вопросъ о виновности присяжные отвѣтили да, допустивъ смягчающія обстоятельства.

Синдонъ возвращается въ залу: защитникъ тихимъ голосомъ сообщаетъ ему о роковомъ для него рѣшеніи. Онъ нѣсколько разъ глубоко вздыхаетъ, но остается спокойнымъ.

Тогда защитникъ подаетъ заключеніе, требующее занесенія въ протоколъ того, что присяжные засѣдатели разговаривали съ публикой во время перерыва засѣданія, а именно съ однимъ изъ стряпчихъ гражданскихъ истцовъ и что одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей закричалъ: «браво!» послѣ рѣчи адвоката Анри Робера. Судъ удаляется изъ залы и вернувшись приноситъ приговоръ, которымъ Синдонъ присуждается къ десятилѣтнимъ каторжнымъ работамъ. Касательно предыдущихъ заключеній, адвокатъ Декори, попросивъ опять слова, требуетъ занесенія въ протоколъ слѣдующихъ словъ, произнесенныхъ однимъ изъ присяжныхъ засѣдателей, обращенныхъ къ адвокату: — Что бы ни говорилъ защитникъ, онъ не измѣнитъ моего мнѣнія.

Судъ отказываетъ защитнику въ занесеніи этихъ словъ въ протоколъ. Тогда послѣдній вноситъ новыя заключенія и проситъ немедленнаго слѣдствія.

Судъ снова удаляется и, возвратившись въ 7 часовъ, отвергаетъ всѣ заключенія адвоката Декори, что вызываетъ неописанное волненіе и протесты въ залѣ.

По закрытіи засѣданія происходитъ слѣдующій инцидентъ; сестра Синдона встрѣтила въ одномъ изъ корридоровъ зданія суда г-на Эренберга, брата г-жи Давидъ. Увидя его, молодая дѣвушка бросается къ нему въ сильномъ волненіи и, ударивъ его, восклицаетъ:—Ваша сестра виновата въ томъ, что моего брата осудили. Послѣ того съ нею сдѣлался новый нервный припадокъ.

Мнѣнія печати тоже не особенно благопріятны для подсудимаго: Въ «Matin» читаемъ: «въ томъ, что касается характера отношеній, существовавшихъ между Синдономъ и m-me Давидъ, то это рѣшительно не имѣетъ никакого значенія. Каковы бы ни были эти отношенія, фактъ тотъ, что онъ убилъ человѣка предумышленно или нѣтъ, при смягчающихъ обстоятельствахъ или нѣтъ. Большое счастіе, что руанскіе присяжные засѣдатели поняли это и не забыли. Въ Парижѣ вообще присяжные засѣдатели забываютъ объ этой подробности, для нихъ не важной».

Зато самъ Синдонъ совсѣмъ иначе смотритъ на себя и чуть ли не считаетъ себя жертвою судебной ошибки.

Къ нему можно примѣнить слова судебнаго слѣдователя Порфирія о Раскольниковѣ: — Убилъ человѣка, а самъ ходитъ блѣднымъ ангеломъ!

Убійца Давида считаетъ приговоръ, осудившій его, «беззаконнымъ, свирѣпымъ, безчеловѣчнымъ». Онъ возмущенъ «пристрастіемъ предсѣдателя и горько жалуется на то, что не былъ понятъ ни своими судьями, ни своими друзьями.

— Я никогда не умѣлъ подчиняться требованіямъ цивилизованной жизни, говорилъ Синдонъ одному посѣтившему его журналисту, сотруднику «Petit-Bleu», которому разрѣшено было повидаться съ нимъ въ руанской тюрьмѣ. Никто не понялъ моего жеста... Никто не понялъ величія моего жеста.... Всѣ въ уголовномъ судѣ, свидѣтели, прокуроръ, судьи, всѣ они захотѣли судить по-своему... Они унизили мой жестъ.... Они обратили его въ жестъ грубой скотины.... Они судили о фактѣ, не желая вникнуть въ идею, обсудить ее... ту идею, которая побудила меня дѣйствовать... Никто не знаетъ,—прибавилъ онъ еще болѣе трагическимъ голосомъ; — только три лица могутъ или могли знать... Она... Онъ и я... Онъ, онъ умеръ. Она? устраняется... Что касается меня.... И, помолчавъ съ минуту, онъ продолжалъ:

— Она! Она! Я отдался ей душой и тѣломъ... Она... которая мнѣ еще наканунѣ писала, что не любитъ житейскихъ дрязгъ, мелочныхъ пріемовъ, мелкихъ жестовъ... Я сдѣлалъ великій жестъ... И она, какъ всѣ остальные, унижаетъ его... устраняясь съ моего пути. Ахъ, было

Digitized by Google

время, была эпоха, когда женщина не побоялась бы придти въ судилище и объявить во всеуслышаніе истину, безусловную истину судьямъ... Эти времена прошли... Что касается меня... то, повторяю... я жертва общества... Жертва свѣтскихъ приличій, — прибавилъ онъ съ горечью.

— Однако, — замѣтилъ журналистъ, — г-нъ Давидъ тоже отчасти жертва.

— Нѣтъ, милостивый государь,—категорически заявилъ Синдонъ. Доказательствомъ служитъ то, что я со времени моего жеста никогда не ощущалъ тревоги раскаянія... Ночи мои не смущаются кошмарами... Безъ сомнѣнія, я помню,какъ онъ упалъ.... Но на этомъ кончаются мои воспоминанія... Я и теперь того мнѣнія, что онъ самъ во всемъ этомъ виноватъ... Къ тому же смерть этого человѣка... я смотрю на нее, какъ на простую случайность... напримѣръ случай съ автомобилемъ... если хотите... И вотъ вамъ другой случай... предположите, что вы сидите верхомъ на конѣ съ открытымъ ножемъ въ рукѣ... Невольно вы пришпориваете коня... само собой разумѣется, конь брыкается, и это васъ убиваетъ... Развѣ конь виноватъ?... И такъ какъ его собесѣдникъ заговорилъ объ опасности носить при себѣ револьверъ....

— Это правда,—отвѣчалъ Синдонъ... Съ револьверомъ шутки плохи... Вотъ видите, съ револьверомъ выходитъ: токъ! токъ! токъ! И Синдонъ сопровождалъ эти слова ударами пальцевъ по рѣшеткѣ тюрьмы.

Этотъ разговоръ доказываетъ, что Синдонъ принадлежитъ—о чемъ вообще можно было догадываться—къ психопатамъ. По его словамъ, онъ не виноватъ, потому что у него не бываетъ угрызеній совѣсти и его не преслѣдуютъ кошмары. Онъ, очевидно, не знаетъ, что прирожденнымъ преступникамъ раскаяніе чуждо...

* * *

Покушеніе на жизнь бельгійскаго короля Леопольда II снова привлекло общественное вниманіе на преступленія анархистовъ и причины, ихъ вызывающія. Этою категоріей преступниковъ давно уже занимаются антропологи. Большинство изъ нихъ видятъ въ «пропагандистахъ дѣйствіемъ» особаго рода помѣшанныхъ, но отвѣтственныхъ до нѣкоторой степени. Ломброзо, знаменитый италіанскій криминалистъ, напечатавшій подробный этюдъ о Люккени, убійцѣ императрицы Елизаветы, приписывалъ его преступленіе тремъ главнымъ причинамъ: личной органической причинѣ, которой, писалъ онъ, слѣдуетъ отвести добрую треть вліянія, затѣмъ дѣйствію среды, отразившейся на преступникѣ, и, наконецъ, общественной безпечности, благодаря которой вмѣсто того, чтобы дезинфицировать среду, то есть лѣчить въ особыхъ заведеніяхъ всѣхъ этихъ больныхъ, полу-помѣшанныхъ людей, находятъ болѣе легкимъ устранять врачей, когда они предлагаютъ врачебныя мѣры и писателей, когда они хлопочутъ объ улучшеніи общественныхъ условій.

Докторъ Е. Режисъ (Régis) авторъ сочиненія о цареубійцахъ, раздѣляетъ ихъ на двѣ категоріи: 1) ложные цареубійцы, простые помѣшанные, страдающіе бредомъ преслѣдованія, у которыхъ цареубійство не цѣль, но которые убиваютъ высокопоставленное лицо, «чтобы заставить суды оказать имъ правосудіе»; 2) настоящіе цареубійцы, которые обнимаютъ всѣхъ мегаломановъ, больныхъ сложнымъ умопомѣшательствомъ и потерявшихъ душевное равновѣсіе психопатовъ, которые почти всѣ молоды, моложе тридцати двухъ лѣтъ и мистики религіозные или политическіе.

Другой антропологъ, д-ръ Форель, бывшій профессоръ университета и директоръ кантональнаго убѣжища умалишенныхъ въ Цюрихѣ, только-что напечаталъ этюдъ, въ которомъ изслѣдовалъ, какъ и Ломброзо, случай съ Люккени. Онъ его близко видѣлъ и старается открыть причины его преступнаго дѣйствія и опредѣлить характеръ анархическаго преступленія. Мимоходомъ онъ указываетъ, почему, по его мнѣнію, Италія поставляетъ такъ много цареубійцъ. Онъ подтверждаетъ, что вначалѣ Люккени былъ добрымъ слугой, хорошимъ солдатомъ, приверженцемъ монархическихъ идей, затѣмъ внезапно сталъ анархистомъ, потому что не могъ удовлетворить своего честолюбія, заключавшагося въ томъ, чтобы стать чиновникомъ.

«Чтобы такая причина, пишетъ Форель, произвела подобное дѣйствіе, нуженъ анархическій темпераментъ, то есть несовершенный въ патологическомъ отношеніи... У Люккени наслѣдственно темпераментъ неустойчивый, дающій большинство анархистовъ; обманутое честолюбіе, примѣры и чтеніе довершаютъ остальное, вмѣстѣ съ бѣдственнымъ общественнымъ положеніемъ, существующимъ въ Италіи. И дѣйствительно, необходимы сильныя мозговыя побужденія для того, чтобы человѣкъ совершилъ такое убійство хладнокровно, не будучи пьянымъ и не изъ низкихъ корыстныхъ цѣлей.

«Безработицы, оскорбленнаго самолюбія и анархическихъ теорій для этого недостаточно... Во-первыхъ, надъ всей его жизнью лежитъ проклятіемъ воспитаніе или, вѣрнѣе сказать, отсутствіе воспитанія у италіанскаго народа и его нищета. Она вездѣ извѣстна. И не забудемъ, что народы пользуются тѣмъ воспитаніемъ, какое сами даютъ себѣ, что равносильно тому, какъ если бы мы сказали, что въ концѣ концовъ наслѣдственные недостатки или качество расы реагируютъ на ея общественное состояніе и слѣдовательно на

Digitized by Google

воспитаніе. Тутъ происходитъ акція и реакція двухъ факторовъ одного на другого, и нельзя сказать, чтобы одинъ былъ причиной, а другой слѣдствіемъ.

«Жестокость италіанцевъ къ животнымъ извѣстна: это тоже факторъ, котораго не слѣдуетъ забывать»...

Далѣе докторъ Форель разсматриваетъ анархическое вліяніе само по себѣ:

«Чего хотятъ теоретики анархизма для общественнаго блага, такъ какъ, какъ ни странно, а они все-таки стремятся къ общему благу, хотя и дикимъ путемъ? Нѣкотораго рода коммунистическаго равенства, при которомъ каждый бы дѣлалъ, что хотѣлъ. Упраздненіе всякаго государства и всякаго правительства. Самое слово это обозначаетъ. Сказать: я хочу, чтобы 100=0, сводится къ тому же. Поэтому потерянный трудъ стараться понять ихъ смутныя и безпорядочныя декламаціи»...

Напоминая объ одномъ изъ своихъ сочиненій о муравьяхъ, стройная община которыхъ не требуетъ ни главы, ни законовъ, потому что каждый трудится на пользу общины въ силу «наслѣдственнаго инстинкта», авторъ констатируетъ, что эти насѣкомыя осуществляютъ совершенный типъ анархизма. Они заодно показываютъ намъ, чего человѣку недостаетъ, чтобы жить такимъ образомъ, и чего у него въ излишкѣ; излишкомъ является «индивидуальность», а недостаткомъ «слабость общественнаго инстинкта». Но увеличивающееся распложеніе людей на землѣ, въ соединеніи съ непреодолимой солидарностью и не менѣе значительнымъ ростомъ ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ правъ и ихъ общественныхъ обязанностей, заставляютъ ихъ, наперекоръ инстинкту, все сильнѣе развивать и упрочивать законы и государство... Во всѣ времена это усиленіе стѣсняло естественный инстинктъ свободы дикаго звѣря, присущій человѣку и особливо человѣку неустойчивому въ силу контраста и реакціи, во всѣ времена появлялись анархисты по инстинкту и темпераменту, вслѣдствіе того, что у человѣка еще слишкомъ слабъ альтруизмъ или общественный инстинктъ для тѣхъ условій, въ которыхъ онъ долженъ жить. Эти насильственныя реакціи цареубійцъ, авантюристовъ, римскаго плебса, Жакерій, революціи 1789 г., короче сказать: всѣхъ кровавыхъ революцій, съ другой стороны, обусловливались злоупотребленіями власти, порождаемыми той же причиной, но въ обратномъ дѣйствіи...»

«Они всегда проистекаютъ отъ эгоизма дикаго звѣря, который кусается, когда его хотятъ сдержать, и набрасывается на всякія излишества, когда почуетъ силу на своей сторонѣ. Ничего не понявъ и ничему не научившись, фантазеры съ разстроеннымъ умомъ, теоретики анархіи, считая человѣка за муравья, желаютъ вернуть насъ къ состоянію дикихъ звѣрей и тѣмъ самымъ будятъ атавическіе инстинкты, дремлющіе въ массахъ, которыя они возбуждаютъ и доводятъ до безумія, вмѣсто того, чтобы понять, что для блага человѣческаго общества необходимо, напротивъ того, постепенно устранять все, что возбуждаетъ эгоистическія и грубыя страсти, и воспитывать соціальный инстинктъ, посредствомъ мудрыхъ законовъ, согласныхъ съ психологіей и принимающихъ во вниманіе какъ человѣческую природу, такъ и общественныя требованія.

«Вотъ въ двухъ словахъ естественная и соціальная причина анархизма. Насильственныя разглагольствованія умовъ низшаго качества или разстроенныхъ, проповѣдующихъ анархизмъ, доказываютъ это. Замѣтимъ кстати, что всякое разстройство мозга клонится къ его регрессу, и, слѣдовательно, приближаетъ его къ низшимъ или атавическимъ типамъ, подобно тому, какъ старикъ впадаетъ въ дѣтство, вслѣдствіе размягченія мозга».

Но какимъ образомъ распространяется анархическая доктрина? Посредствомъ внушенія, отвѣчаетъ докторъ Форель. Приверженцы «пропаганды дѣйствіемъ» набираются отъ людей болѣзненно впечатлительныхъ и неустойчивыхъ, которые легко и безъ разрѣшенія переходятъ отъ мысли къ дѣйствію и вмѣстѣ съ тѣмъ легко поддаются страстямъ при полномъ отсутствіи чувства жалости и сознанія долга. Такимъ показался доктору Форелю и Люккени; и онъ нисколько не удивился бы, если бы онъ оказался субъектомъ легко поддающимся гипнотизму и котораго можно, посредствомъ внушенія, направить совсѣмъ въ другую сторону, въ сторону, напримѣръ, религіознаго обращенія и добрыхъ дѣлъ. Докторъ Форель считаетъ, что общество обязано ограждать себя отъ субъектовъ, предрасположенныхъ къ преступленію («криминалоидовъ» по выраженію Ломброзо), каковы: прирожденные преступники, иначе говоря: полупомѣшанные, какъ и отъ помѣшанныхъ, и пропагандируетъ основаніе сельскихъ убѣжищъ, гдѣ бы подобные субъекты заключались временно на испытаніе или окончательно, въ случаѣ признанія ихъ опасными для общественнаго порядка.

Къ этимъ заключеніямъ не лишнее будетъ присоединить сообщенія профессора Серджи о томъ: почему цареубійцы набираются главнымъ образомъ изъ италіанцевъ:

«Наши эмигранты, говорилъ онъ, бесѣдуя съ однимъ сотрудникомъ газеты «Italie», отправляются группами, толпами, которыя тѣмъ тѣснѣе сплачиваются, чѣмъ изолированнѣе чувствуютъ себя въ какой-нибудь странѣ. Несчастный же одинокій человѣкъ не замедлитъ впасть въ самую черную нищету. Сколько разъ я

Digitized by Google

ужасался во время поѣздокъ своихъ въ Лондонъ, въ Парижъ, въ Брюссель, при видѣ италіанскихъ нищихъ, кишма-кишащихъ на роскошныхъ улицахъ этихъ столицъ!

Всѣ эти люди несчастные, а слѣдовательно и отчаянные.

«Прибавьте къ этому сѣверный климатъ, который самъ по себѣ тягостенъ даже для тѣхъ, кто въ немъ родился, но для южанъ, совсѣмъ нестерпимъ, въ особенности когда они находятся въ нищетѣ. И вы знаете, какъ велика склонность къ самоубійству у сѣверянъ. Нищій италіанецъ, перенесенный въ этотъ климатъ, очень скоро поддается его убійственному вліянію; онъ присоединяетъ къ этому и недостатки своего болѣзненно впечатлительнаго темперамента. И въ то время какъ сѣверянинъ въ отчаяніи будетъ искать темнаго самоубійства, южанинъ, доведенный до отчаянія, бросится на самоубійство громкое.

— Вы, значитъ, ассимилируете въ нѣкоторомъ родѣ попытки цареубійцъ съ желаніемъ громкаго самоубійства?

— Да! при томъ однако условіи, чтобы отчаявшійся человѣкъ былъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ и дегенерантомъ. Поставьте дегенеранта въ тѣ мрачныя условія, въ какихъ, какъ я вамъ сейчасъ сказалъ, часто находятся италіанскіе эмигранты, и тотчасъ же вы получите субъекта, который мечтаетъ громко покончить съ собою: и вотъ вамъ Казеріо во Франціи, Люккени въ Швейцаріи, Бреши въ Италіи, Рубино въ Бельгіи.

— Вы, значитъ, не вѣрите заявленіямъ анархистовъ, которыя они всѣ дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ?

— Разумѣется, нѣтъ! я не вѣрю. У анархистовъ есть идеи, а не импульсы. А цареубійцы, которыхъ я вамъ назвалъ, всѣ люди одинокіе, рабы импульсовъ. Безъ сомнѣнія, они могли до нѣкоторой степени подчиниться вліянію анархическихъ или соціалистическихъ писаній; но это вліяніе у нихъ вещь второстепенная. Постоянная причина ихъ поступковъ есть ихъ умственное разстройство, усиленное бѣдственными физическими условіями ихъ существованія... Не даромъ первымъ словомъ Рубино, когда его арестовали, было: — Я такъ несчастливъ, когда вижу проѣзжающихъ мимо богачей!... Объясненіе его поступка—въ этихъ словахъ; этотъ человѣкъ дегенерантъ, рѣшившійся покончить съ своимъ бѣдственнымъ существованіемъ, но не иначе, какъ громкимъ, на его ладъ, дѣяніемъ»...

* * *

Но къ какого рода дегенерантамъ причислить или какою игрою природы объяснить личность восьмидесятилѣтней старухи, не желающей отказаться отъ утѣхъ любви.

Такой своего рода «монстръ» существовалъ въ Парижѣ въ Монмартрскомъ предмѣстьѣ и нынѣшней осенью окончилъ свое позорное существованіе отъ руки неизвѣстнаго убійцы. Г-жа Леконтъ, такъ звали эту новую Нинону де-Ланкло́, найдена была утромъ задушенной въ ея гостиной. Слѣдователь распорядился перенести мертвое тѣло въ Моргъ, гдѣ произведено было вскрытіе. Въ желудкѣ убитой найденъ былъ шоколадъ, который она пила въ девять часовъ. У нея нашли нѣсколько сломанныхъ реберъ, что̀ заставляетъ предполагать, что она боролась съ убійцей. Но смерть произошла отъ удушенія. Преступленіе должно было совершиться между десятью и одиннадцатью часами.

При обыскѣ, произведенномъ въ квартирѣ убитой, найдено было нѣсколько писемъ, которыя могутъ быть полезны для слѣдствія. Одинъ изъ молодыхъ обожателей восьмидесятилѣтней красавицы написалъ ей за день до убійства слѣдующую цыдулку: «Моя дорогая Машенька, ты не можешь себѣ представить, какъ ты меня осчастливила, принявъ у себя. Мое сердце все полно тобой, и весь день и всю ночь я не переставалъ думать о тебѣ, гадкое, любимое сердце! — которое, быть можетъ, вовсе мнѣ тѣмъ не отвѣчало... Я долженъ выразить тебѣ мое удивленіе по поводу того, что ты поздоровалась съ молодымъ человѣкомъ, который поднимался по лѣстницѣ въ ту минуту, какъ мы оба съ ней спускались. Ты мнѣ сказала: — Это одинъ изъ жильцовъ! Но моя ревность проснулась! Но хотя и говорятъ, что любовь слѣпа, но когда любишь женщину, то ничего не пропускаешь безъ вниманія. Цѣлую тебя, дорогой дружокъ. Мои мысли отданы тебѣ.... II....»

Въ настоящее время начальнику сыскной полиціи извѣстны всѣ молодые люди, которыхъ эта новая Нинона де-Ланкло интимно принимала у себя, вопреки своимъ восьмидесяти годамъ. Онъ не сомнѣвается найти убійцу среди ихъ. Доказательствомъ, что убійца коротко былъ знакомъ съ своей жертвой, служитъ то, что онъ обыскалъ потайное мѣстечко, устроенное въ драпировкѣ зеркала въ гостиной. Это потайное мѣстечко она сама показывала нѣсколько времени тому назадъ привратницѣ, прося ее взять оттуда въ тотъ день, когда она умретъ, запечатанный конвертъ, который слѣдуетъ отправить по почтѣ. — Сюда же я положила свое завѣщаніе,—прибавила она,—и вы покажете это мѣсто моимъ наслѣдникамъ.

Привратница сообщила объ этомъ начальнику полиціи, и потайное мѣстечко осмотрѣли: конвертъ, завѣщаніе — все исчезло.

У г-жи Леконтъ была дочь, но она не только прекратила съ нею всѣ сношенія,

Digitized by Google

но увѣряла даже, что у нея никогда не было дѣтей.

— Я знала,—сообщила по этому поводу привратница,—что у нея есть замужняя дочь, которая приходила время отъ времени справляться о своей матери. Но г-жа Леконтъ не разъ увѣряла меня, что у нея никогда не было дѣтей. Однако, четыре мѣсяца тому назадъ, когда умеръ мужъ ея дочери, она нашла нужнымъ отправиться на похороны, но мнѣ она сказала, что ѣздила въ гости къ знакомымъ.

И только на этихъ похоронахъ, г-жа Леконтъ узнала о смерти своего мужа, который умеръ однако восемнадцать лѣтъ тому назадъ. Она бросила его, когда онъ разорился, и уѣхала съ графомъ Параджелло и съ тѣхъ поръ, такъ какъ мужъ не искалъ развода, ничего о немъ не слыхала.

Какъ только она узнала, что овдовѣла, такъ стала хлопотать о томъ, чтобы снова выйти замужъ. Мѣсяцъ тому назадъ ей представили молодого иностранца, которому она должна была достать 200.000 франковъ для какого-то предпріятія, а онъ въ вознагражденіе за эту услугу долженъ былъ на ней жениться; но такъ какъ она не достала этихъ денегъ, то и свадьба разстроилась.

За три дня до своей смерти эта необыкновенная женщина разсказывала своей привратницѣ, что къ ней подошелъ очень хорошо одѣтый господинъ, въ то время какъ она стояла около выставки пирожника въ улицѣ Бурдалу, и сказалъ ей:

— Васъ, кажется, соблазняютъ эти пирожки. Позвольте мнѣ васъ ими угостить...

Она приняла предложеніе. Въ кондитерской знакомство завязалось:—Вы мнѣ представляетесь очаровательной женщиной,—сказалъ ей будто бы этотъ галантный господинъ. Я былъ бы радъ ближе съ вами сойтись. Она безъ всякихъ колебаній сообщила ему свой адресъ.—Къ сожалѣнію, прибавила она, онъ не совсѣмъ молодъ; ему уже шестьдесятъ лѣтъ.

M-me Леконтъ любила свѣтъ, выѣзды и посѣщала женскій клубъ въ улицѣ Дюперре. Г-жа де-Марси, основательница этого клуба, дала слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ посѣщеніяхъ: — M-me Параджелло — потому что она была намъ извѣстна только подъ этимъ именемъ — не была членомъ нашего клуба. Она была представлена въ качествѣ гостьи одной изъ нашихъ дамъ-членовъ, съ которой была пріятельницей. Кромѣ смѣшныхъ туалетовъ не по возрасту, г-жа Параджелло казалась намъ милой женщиной, хорошо воспитанной. Она была умна, весела. Никогда не позволяла она себѣ ни одного вольнаго слова. Мы были убѣждены въ ея порядочности. Во-первыхъ, тотъ фактъ, что она имѣла казенный патентъ на табачную лавочку, подтверждалъ намъ, что она была, какъ и увѣряла, вдовой офицера, графа Параджелло. Мы ничего не знали объ ея частной жизни. Мы и не подозрѣвали о томъ, что раскрыли намъ газеты. Когда она пріѣхала къ намъ обѣдать, ее сопровождала вечеромъ домой одна изъ нашихъ служанокъ, потому что она утверждала, что не любитъ быть по вечерамъ на улицѣ одна.

Что касается преступленія, то одна портниха, работавшая на г-жу Леконтъ, разсказала, что утромъ того дня, когда оно было совершено, она находилась около половины одиннадцатаго утра у жертвы, которая заказывала ей нѣсколько туалетовъ для зимы. Когда она уходила изъ квартиры, то повстрѣчалась на лѣстницѣ съ двумя мужчинами, которые позвонили у дверей старухи. Она отчетливо слышала, какъ г-жа Леконтъ сказала: — войдите, господа!

Можно съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагать, что эти два человѣка,—убійцы, такъ какъ преступленіе совершено минутъ десять спустя послѣ ихъ прихода. Портниха могла дать описаніе наружности этихъ двухъ субъектовъ. Одинъ изъ нихъ лѣтъ 40 — 50, съ густой бородой, маленькаго роста въ мягкой шляпѣ. Другому лѣтъ 20—25; онъ блондинъ, довольно высокаго роста, въ шляпѣ котелкомъ. Полиція розыскиваетъ также одного жокея, который часто занималъ у покойной деньги.

Относительно состоянія убитой собраны довольно подробныя свѣдѣнія. Одинъ часовщикъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, на Батиньольскомъ бульварѣ, уплачивавшій пожизненную пенсію въ 1.200 франковъ г-жѣ Леконтъ, довелъ до свѣдѣнія полиціи слѣдующіе факты:

— Я знакомъ съ г-жей Леконтъ болѣе двадцати лѣтъ. Я знавалъ ее въ Ниццѣ, гдѣ у меня былъ магазинъ, въ ту эпоху, какъ умеръ полковникъ графъ де-Параджелло, съ которомъ она жила, и всѣ считали ее его законной женой. Графъ де-Параджелло не былъ богатъ; но у него было однако небольшое состояніе, которое онъ оставилъ своей подругѣ. M-me Леконтъ поспѣшила реализировать наслѣдство и помѣстила его въ пожизненную ренту. Она мнѣ передала 10.000 франковъ, и за это я, въ продолженіе двадцати лѣтъ, давалъ ей 1.200 франковъ въ годъ. Какъ видите, я сдѣлалъ не очень выгодную аферу. Она также дала взаймы одному знакомому англійскому семейству 24.000 франковъ, и они приносили ей 2.400 франковъ ежегоднаго дохода. Съ тѣми доходами, какіе ей давала табачная лавочка, которую она отдавала внаймы за 900 франковъ, у нея образовалось 4.500 франковъ дохода въ годъ.

Она могла бы, конечно, на это жить, если бы не играла въ карты и не была

Digitized by Google

кутилой. Чтобы достать денегъ, она занималась всякими аферами: займами, брачными дѣлами и пр. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Парижа, полиція напала на слѣдъ убійцъ.

* * *

Любопытное литературное дѣло разбиралось въ Берлинѣ: оба редактора сатирическаго журнала «Kladderadatsh» призваны были въ судъ по обвиненію въ оскорбленіи окружнаго школьнаго инспектора Тимма въ Эссенѣ. Учитель Рюмплеръ въ Эссенѣ изобрѣлъ новую методу преподаванія, которую преимущественно примѣнялъ при преподаваніи всемірной исторіи и естественной исторіи. То была дикованная метода, въ которой играли роль совсѣмъ особенные «законы». То выступалъ законъ «Allmählichkeit», а то законъ «Verdichtung», порою же законъ «умственныхъ и душевныхъ силъ»; короче сказать: цѣлый рядъ законовъ собственнаго изобрѣтенія господина Рюмплера. Эта новая метода заслужила одобреніе окружнаго школьнаго инспектора Тимма, который высказался о ней съ похвалой на одномъ собраніи эссенскихъ учителей.

Въ «Preussischen Lehrerzeitung» метода Рюмплера не разъ порицалась и защищалась, и въ концѣ концовъ примѣненіе ея было воспрещено господину Рюмплеру высшимъ начальствомъ. Въ № 20 «Кладдерадачча» отъ 18 мая (н.с.) истекшаго года появилась статья, разсматривавшая этотъ вопросъ въ сатирическо-юмористической формѣ. Въ ней сообщалось, что одна часть Эссенскихъ учителей больна страданіемъ мозга и что причиной этой болѣзни врачи считаютъ новооткрытую бациллу, называемую «Bacillus pseudopaedagogus». Эта бацилла, разсматриваемая въ микроскопъ, имѣетъ форму двухъ торчащихъ ослиныхъ ушей, проникаетъ въ мозгъ черезъ носъ и производитъ тамъ тяжкія поврежденія. Окружный школьный инспекторъ въ Эссенѣ, Тиммъ, уже помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ.

Тиммъ подалъ въ судъ жалобу на оскорбленіе. Онъ заявилъ въ ней, что совсѣмъ не рекомендовалъ методу Рюмплера, но только похвалилъ на конференціи учителя Рюмплера за успѣхи, которые проявляютъ его ученики. Одинъ редакторъ «Кладдерадачча», Вильгельмъ Польсторфъ, призналъ, что написалъ означенную статью, а редакторъ Троянъ—что ее напечаталъ. Судъ нашелъ обоихъ виновными.

Предсѣдатель, совѣтникъ Бушъ, высказалъ, что судебная палата отлично понимаетъ, что данное обстоятельство было какъ разъ подходящей матеріей для изощренія остроумія «Кладдерадачча». Безъ сомнѣнія, матеріалъ, такъ сказать, самъ напрашивался на сатирическую критику, но въ означенной статьѣ превзойдена мѣра дозволенной сатиры, и она переходитъ уже въ оскорбленіе, такъ какъ въ заключеніи ея сказано, что окружного школьнаго инспектора посадили въ сумасшедшій домъ.

А по сему виновные должны быть наказаны: Польсторфъ тридцатью, а Троянъ десятью марками денежнаго штрафа и публикаціей въ «Кладдерадаччѣ» судебнаго рѣшенія.

А въ результатѣ весь свѣтъ узналъ, что у царя Мидаса ослиныя уши.

* * *

Процессъ, начатый Карломъ Бёклиномъ, сыномъ знаменитаго художника, противъ профессора Мутера, усумнившагося въ подлинности послѣднихъ произведеній его великаго отца, бросилъ яркій свѣтъ на семейныя отношенія знаменитаго живописца Арнольда Бёклина, преимущественно въ послѣдніе годы его жизни. Вотъ наиболѣе характерныя мѣста изъ рѣчи защитника Бернштейна:—Фактически въ послѣдніе годы уже весь міръ искусства сомнѣвался въ томъ, что картины, которыя семья Бёклина выдавала за посмертныя произведенія великаго художника и наводняла ими рынокъ, принадлежали дѣйствительно кисти Арнольда Бёклина. Кто не знакомъ съ фактическими данными, можетъ спросить: какъ могла картина, намалеванная однимъ изъ сыновей, выдаваться за произведеніе отца, пока тотъ былъ живъ? Я въ состояніи отвѣтить на этотъ вопросъ. Фактически Арнольдъ Бёклинъ былъ такъ боленъ въ послѣдніе годы своей жизни, что едва-ли могъ заниматься не только искусствомъ, но даже вникать въ свое экономическое положеніе. Изъ одного письма, попавшаго мнѣ въ руки, явствуетъ, что хозяйственныя дѣла въ послѣднія пять-шесть лѣтъ его жизни находились безусловно въ другихъ рукахъ. Во-первыхъ, ими занималась его жена, извѣстная Анджела Паскуччи. Она съ своимъ сыномъ Карло безконтрольно распоряжалась дѣлами. Доказательствомъ тому служитъ письмо Карло Бёклина къ одному заказчику, я говорю заказчику, потому, что дѣло разсматривалось исключительно съ дѣловой стороны, а Арнольдъ Бёклинъ служилъ лишь объектомъ для дѣловыхъ сдѣлокъ. Въ этомъ письмѣ Карло Бёклинъ пишетъ заказчику, выражавшему удивленіе, что на всѣ письма, адресованныя имъ къ Арнольду Бёклину, отвѣты писаны не его рукой: — не удивляйтесь, что Арнольдъ Бёклинъ вамъ не пишетъ; онъ слишкомъ слабъ и боленъ и вполнѣ предоставилъ намъ съ матерью веденіе всѣхъ своихъ дѣлъ.

Къ сожалѣнію, этимъ дѣло не ограничилось; говорю къ сожалѣнію потому,

Digitized by Google

что Карло Бёклинъ и его мать пошли еще дальше.

«Старый господинъ подписывалъ все, что̀ отъ него требовали. Я оспариваю поэтому то, что подпись подъ картинами можетъ служить ручательствомъ ихъ достовѣрности. Я утверждаю далѣе, что Арнольдъ Бёклинъ находился въ такомъ душевномъ состояніи, что не могъ судить о тѣхъ махинаціяхъ, на которыя его подвигали. Достовѣрные свидѣтели подтвердятъ, что Карло Бёклинъ и его мать сознательно занимались поддѣлкой.

«Передъ смертью художника и послѣ нея вездѣ въ Мюнхенѣ, въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Карлсруэ и гдѣ только ни занимаются искусствомъ, говорили открыто: картины, которыя въ настоящее время находятся въ продажѣ за подписью Арнольда Бёклина, во-первыхъ, такъ плохи, а во-вторыхъ, такъ многочисленны, что авторство ихъ должно оспариваться; представьте только себѣ, господа, что въ Берлинѣ и въ Мюнхенѣ картины, подписанныя знаменитѣйшимъ именемъ въ современномъ искусствѣ, именемъ Арнольда Бёклина, неоднократно браковались для выставокъ. Что̀ значитъ, когда жюри картинной выставки объявляетъ: Эти картины мы не можемъ выставить? Это значитъ: мы не вѣримъ, что эти картины писаны Арнольдомъ Бёклиномъ. Это значитъ какъ разъ то самое, что̀ сказалъ Мутеръ, то есть, что картины писаны не Арнольдомъ Бёклиномъ.

«Я утверждаю далѣе, что въ Мюнхенѣ, городѣ искусства по преимуществу, вполнѣ извѣстно, что существуетъ товарищество, которое занимается постоянными поставками картинъ Бёклина по заказу. Главою этого общества является нѣкая фрау Рисъ, которая зоветъ себя то продавщицей ковровъ, то продавщицей винъ. И эта женщина заказывала картины Бёклина не то, что дюжинами, а дюжинами дюжинъ и даже до послѣдняго времени присылала заказы изъ Флоренціи.

«У меня есть письма, въ которыхъ стоитъ: «Я заказываю, во-первыхъ, «Молчаніе въ лѣсу», во-вторыхъ, «Игру волнъ» (смѣхъ!) Я заказываю то-то и то-то (смѣхъ!), совсѣмъ точно фуру съ картофелемъ (громкій смѣхъ!). Конечно, всего этого Мутеръ незналъ, когда писалъ свою критику. Но все это оправдываетъ то, что̀ писалъ Мутеръ. Далѣе я докажу свидѣтельскими показаніями, что г-жа Рисъ говорила королевскому совѣтнику Паулусу въ Берлинѣ и коммерціи совѣтнику Шаумбергу въ Мюнхенѣ, предлагая за нѣсколько тысячъ лиръ пріобрѣтенную отъ Карло Бёклина картину: Карло долженъ быть очень прилеженъ, пока живъ еще его отецъ (смѣхъ!) Слѣдовательно, слухи не только ходили, но и были основательны. Мы докажемъ поддѣлку такимъ числомъ свидѣтелей, какого только судъ пожелаетъ».

Далѣе адвокатъ утверждалъ, что подпись Бёклина подъ однимъ свидѣтельствомъ о достовѣрности картинъ поддѣлана по показанію двоихъ экспертовъ.

Противная сторона оспаривала, конечно, всѣ эти показанія, но слова ея производили слабое впечатлѣніе. Въ концѣ концовъ судебныя пренія пріостановлены, и судъ отложенъ на неопредѣленное время, для того, чтобы выслушать цѣлую толпу важныхъ экспертовъ, какъ, напр., профессоръ Вальтеръ Фирле, профессоръ Эдуардъ Грюцнеръ, оба изъ Мюнхена, директоръ Чуди—Берлинъ, живописецъ Кнопфъ—Берлинъ и т. д.

А. Э.

Digitized by Google

ЖОРЖЪ ДАРИ.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

ВО ВСѢХЪ ЕГО ПРИМѢНЕНІЯХЪ.

СЪ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

ПЕРЕВЕЛЪ И ДОПОЛНИЛЪ К. И. ДЕБУ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

Digitized by Google

Digitized by Google

Рис. 7. Гальвани.

I[1].

Что такое электричество? Источники его полученія.

«Знаете ли вы, что̀ такое электричество?» спросилъ одинъ профессоръ на экзаменѣ. Смущенный экзаменуемый, не замѣтивъ ироническаго тона, которымъ былъ сдѣланъ этотъ вопросъ, не зная, что̀ отвѣтить, и стараясь какъ-нибудь загладить свое незнаніе, отвѣчалъ: «... Я такъ хорошо зналъ это еще вчера... теперь же не могу припомнить».— «Досадно, сказалъ профессоръ, очень досадно... постарайтесь припомнить, мнѣ такъ хотѣлось бы узнать отъ васъ то, чего еще никто на свѣтѣ не знаетъ».

И въ самомъ дѣлѣ, отвѣтить на подобный вопросъ прямо и опредѣленно нѣтъ возможности. Мы не можемъ еще понять и опредѣлить эту таинственную, неслыханную силу: ея необъятность не укладывается въ рамки нашихъ изслѣдованій—мы знаемъ электричество только въ его проявленіяхъ. Стоитъ только припомнить тѣ разнообразные способы, которыми электричество получается, тѣ многочисленные и разнообразные случаи, при которыхъ оно проявляетъ свое дѣйствіе, чтобы составить себѣ нѣкоторое, хотя и смутное, представленіе о его могуществѣ. Электрическая энергія въ скрытомъ состояніи находится повсюду, а для проявленія ея нуженъ внѣшній толчокъ, будетъ ли это треніе, ударъ, давленіе, химическая реакція, движеніе, нагрѣваніе, плавленіе, испареніе и т. д. Въ зависимости отъ состава и строенія тѣлъ, въ зависимости отъ среды электрическій токъ то пробѣгаетъ по молекуламъ съ быстротой мысли, то собирается и накопляется въ нѣко-

[1] Глава эта, какъ недостаточно развитая въ книгѣ Дари, составлена, въ большей своей части, по другимъ источникамъ, всего болѣе по «L'Électricité à la portée de tout le monde» par G. Claude. Прим. переводчика.

Digitized by Google

торыхъ изъ нихъ; въ однихъ тѣлахъ электричество ничѣмъ себя не проявляетъ, въ другихъ сила дѣйствія его не знаетъ границъ.

Электричество есть одно изъ проявленій универсальной энергіи, той энергіи, которую мы видимъ въ теплотѣ, свѣтѣ, любой механической работѣ. Эта единая энергія, это единое начало является одновременно и причиной и слѣдствіемъ, такъ какъ, произведя работу въ одномъ своемъ видоизмѣненіи, исчезнувъ, такъ сказать, въ этомъ видѣ, оно непремѣнно переходитъ въ другое и т. д.

Можно сказать далѣе, что энергія проявляется исключительно однимъ способомъ, а именно колебаніями, вибраціями. Колебанія эти передаются тѣмъ вѣсомымъ тѣламъ, которыми мы окружены, и при посредствѣ какого-то совершенно для насъ пока непонятнаго механизма въ нихъ различнымъ образомъ проявляются. Одна и та же энергія, при посредствѣ безконечно измѣняющихся колебаній, даетъ явленія электричества, теплоты, свѣта; силы психическія и тысячи другихъ, быть можетъ, намъ пока неизвѣстныхъ, суть колебанія все того же начала, той же единой энергіи.

Разсматривая энергію съ самаго ея, если можно такъ выразиться, начала, т. е. съ наиболѣе медленныхъ колебаній до колебаній, происходящихъ съ такой большой быстротой, которую только можно себѣ представить, мы находимъ рядъ періодовъ ея проявленія, изъ которыхъ непосредственно мы можемъ видѣть или ощущать только очень немногіе.

Первый періодъ отвѣчаетъ механической энергіи, колебанія здѣсь очень медленныя, и мы ихъ легко непосредственно ощущаемъ. Какъ только число колебаній станетъ значительно большимъ, мы вступаемъ въ область звука. Эта звучащая энергія на своей высшей границѣ переходитъ въ энергію электрическую, а эта въ свою очередь постепенно переходитъ въ теплоту.

Эти два періода—электричество и теплоту, мы уже непосредственно ощущать не можемъ. Свойства и проявленіе ихъ мы узнаемъ только посредствомъ способовъ непрямыхъ и болѣе или менѣе искусственныхъ; легко можно, однако, себѣ представить существа лучше насъ одаренныя, обладающія способностью ощущать непосредственно электричество и теплоту, какъ мы ощущаемъ звукъ и свѣтъ.

Подымаясь выше по ступенямъ вибрацій энергіи, за электричествомъ мы находимъ періодъ свѣта. Для ощущенія его мы имѣемъ спеціальный органъ, наиболѣе, пожалуй, совершенный и деликатный изъ всѣхъ, которыми мы обладаемъ. Періодъ этотъ, однако, очень не великъ, и мы перестаемъ ощущать свѣтъ, какъ только число колебаній увеличится очень незначительно.

Здѣсь начало химической энергіи и такъ называемыхъ ультра-фіолетовыхъ лучей.

За ними все еще темно для насъ, и теорія къ познанію энергіи въ ея болѣе высокихъ колебаніяхъ приближается пока только ощупью.

За ультра-фіолетовыми лучами идутъ, повидимому, недавно открытые такъ называемые лучи-Х. Что за ними непосредственно, мы не знаемъ, но, наконецъ, вибраціонная скорость становится настолько большой, что достигаетъ скорости колебаній, которую мы приписываемъ молекуламъ.

Для такихъ колебаній трудно даже представить какіе-либо органы внѣшнихъ чувствъ, которыми они могли бы быть улавливаемы, энергія перестаетъ экстеріоризироваться. Вѣроятно правъ Альбертъ Нодонъ, полагая, что здѣсь начало энергіи психической, т. е. той, которая управляетъ растительной и животной жизнью, энергіи, свойства которой намъ еще такъ мало знакомы. Мы только, только начинаемъ подозрѣвать самое существованіе этой формы энергіи. Гипнотизмъ и телепатія—вотъ работы въ какихъ областяхъ, быть можетъ, откроютъ намъ глаза на энергію въ ея наиболѣе быстрыхъ колебаніяхъ.

Однако, пора намъ оставить, наши отвлеченныя разсужденія и вернуться въ міръ реальный, къ электричеству и его приложеніямъ.

Наиболѣе стариннымъ способомъ полученія электрической энергіи является полученіе ея посредствомъ тренія.

Digitized by Google

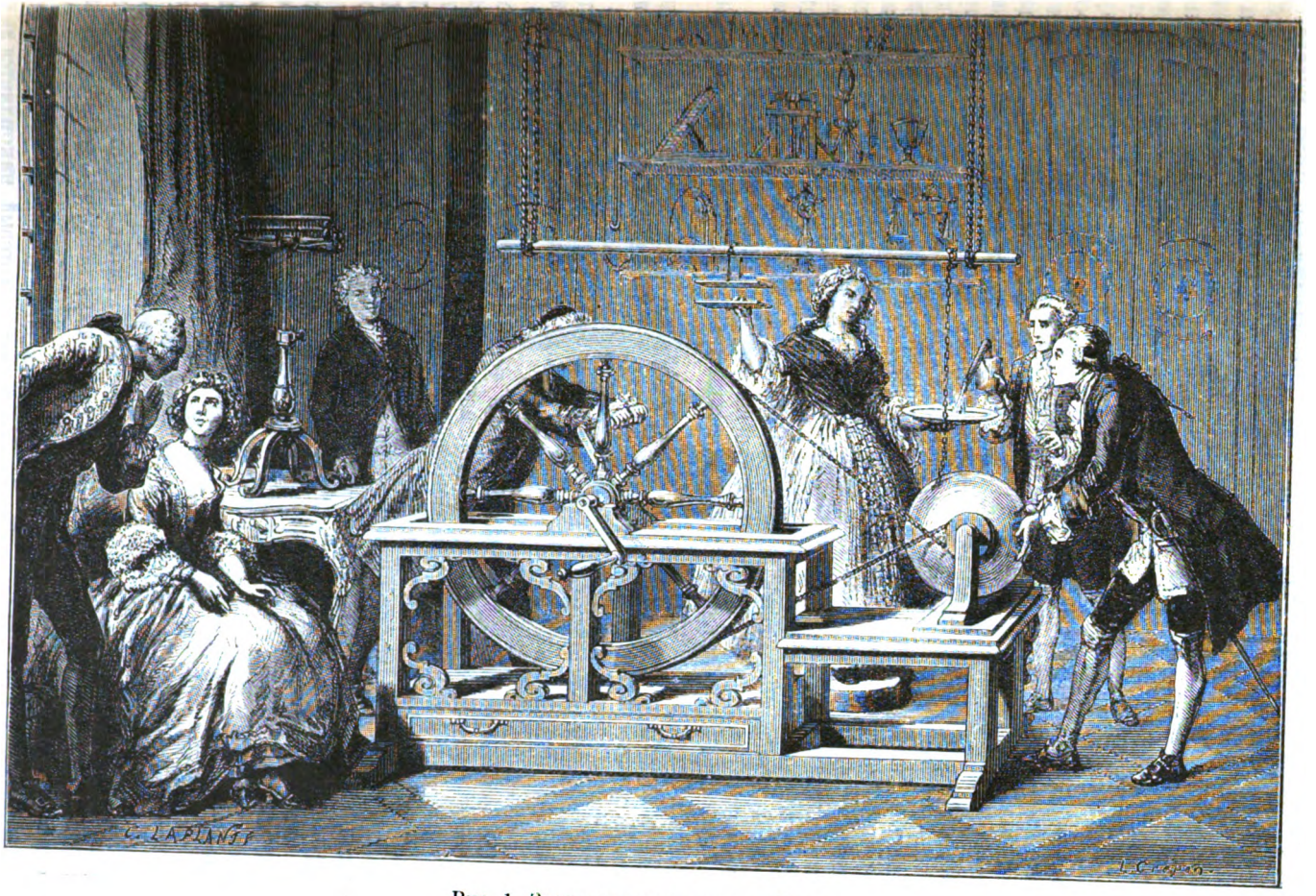


Рис. 1. Электрическая машина Нолле.

Digitized by Google

Электростатическія машины.

При треніи однородныхъ тѣлъ другъ о друга, развиваемая при этомъ механическая энергія переходитъ въ теплоту; при тѣлахъ разнородныхъ, рядомъ съ теплотой, развивается электричество. Физики, занимавшіеся изслѣдованіемъ электричества, въ началѣ при своихъ опытахъ подвергали непосредственному тренію тѣ тѣла, которыя они желали наэлектризовать. Это были по большей части сургучныя палочки, стеклянныя трубки и т. п. Въ наибольшихъ количествахъ электричество получали, натирая прямо рукой или сухой, теплой бумагой стеклянную трубку, длиной около 2—3 футовъ, діаметромъ 12—15 линій. Отто де-Герикъ первый придумалъ особую электрическую машину, состоявшую изъ шара изъ сплавленной сѣры, вращавшагося около горизонтальной оси при помощи ручного привода того или другого устройства. Одинъ изъ экспериментаторовъ долженъ былъ приводить во вращеніе сѣрный шаръ, а другой надавливалъ на него ладонями своихъ рукъ; треніе шара о ладони служило изобильнымъ источникомъ электричества. Наэлектризованный такимъ образомъ шаръ затѣмъ снимался со своей оси и служилъ непосредственно для опытовъ. Около 1740 года вюртенбергскій профессоръ физики Бозъ внесъ въ машину Герика существенныя улучшенія: онъ замѣнилъ шаръ изъ сѣры шаромъ стеклянным и, главное, придумалъ приспособленіе, принимавшее и накоплявшее развивающееся отъ тренія на стеклянномъ шарѣ электричество. Для этой цѣли онъ подвѣшивалъ на шелковыхъ шнуркахъ жестяной цилиндръ и соединялъ его съ шаромъ посредствомъ металлической цѣпочки. Развивавшееся на шарѣ электричество свободно, по цѣпочкѣ переходило на этотъ цилиндръ и на немъ скоплялось. Рис. 1-й представляетъ подобную машину, построенную почти безъ измѣненій во Франціи аббатомъ Нолле.

Дальнѣйшія улучшенія машины Герика незамѣтно привели къ теперешнему типу электростатической машины.

Вотъ вкратцѣ тѣ фазы, черезъ которыя прошло усовершенствованіе электрической машины: Ватсонъ вмѣсто одного стекляннаго шара употреблялъ ихъ четыре; Вильсонъ, Кавалло, Нернъ замѣнили шаръ цилиндромъ; Сиго де-ля-Фонъ, ле-Руа, Кутберсонъ и, наконецъ, Ванъ-Марумъ и Рамсденъ для той же цѣли стали употреблять круглыя, стеклянныя пластины. Преимущество такой формы въ большей поверхности тренія и меньшей потребной скорости вращенія.

Съ другой стороны, ладони рукъ, о которыя терся шаръ въ старыхъ машинахъ, замѣнили подушечками изъ шерсти или кожи, покрытыми оловянными листочками, оловянной или цинковой амальгамой. Въ настоящее время кожанныя подушечки покрываютъ листочками сусальнаго золота. Развивавшееся на шарѣ, цилиндрѣ или дискѣ электричество переводили на какой-либо конденсаторъ или рядомъ маленькихъ, частыхъ разрядовъ или при посредствѣ цѣпочекъ и другихъ подобныхъ приспособленій. Только Вильсонъ въ первый разъ примѣнилъ для этого гребенки, употребляемыя въ настоящее время.

Машина Рамсдена (рис. 2-й) заключаетъ въ себѣ уже всѣ части теперешней статической машины. Большой стеклянный дискъ вращается между подушками изъ кожи, покрытой сусальнымъ золотомъ при треніи развивается электричество, при чемъ положительное собирается на стеклянномъ дискѣ, а отрицательное съ не изолированныхъ подушекъ посредствомъ цѣпочки отводится въ землю.

Стеклянный дискъ съ обѣихъ сторонъ обхватываютъ вилки съ насаженными на нихъ въ видѣ гребенокъ заостренными зубцами. Зубцы эти, однако, нигдѣ съ дискомъ не соприкасаются. Вилки съ гребенками соединены съ кондукторами, представляющими изъ себя два длинныхъ латунныхъ цилиндра, изолированныхъ стеклянными подставками и оканчивающихся шарообразными выступами.

Дискъ вслѣдствіе тренія о подушки заряжается положительнымъ электричествомъ, но, проходя мимо гребенокъ, отдаетъ имъ свой зарядъ, который накопляется въ кондукторахъ, и съ нихъ можетъ быть при помощи разрядника выдѣленъ въ видѣ болѣе или менѣе сильной искры.

Въ болѣе современной формѣ электростатическихъ машинъ описывать мы не будемъ, полагая ихъ достаточно для всѣхъ знакомыми.

Digitized by Google

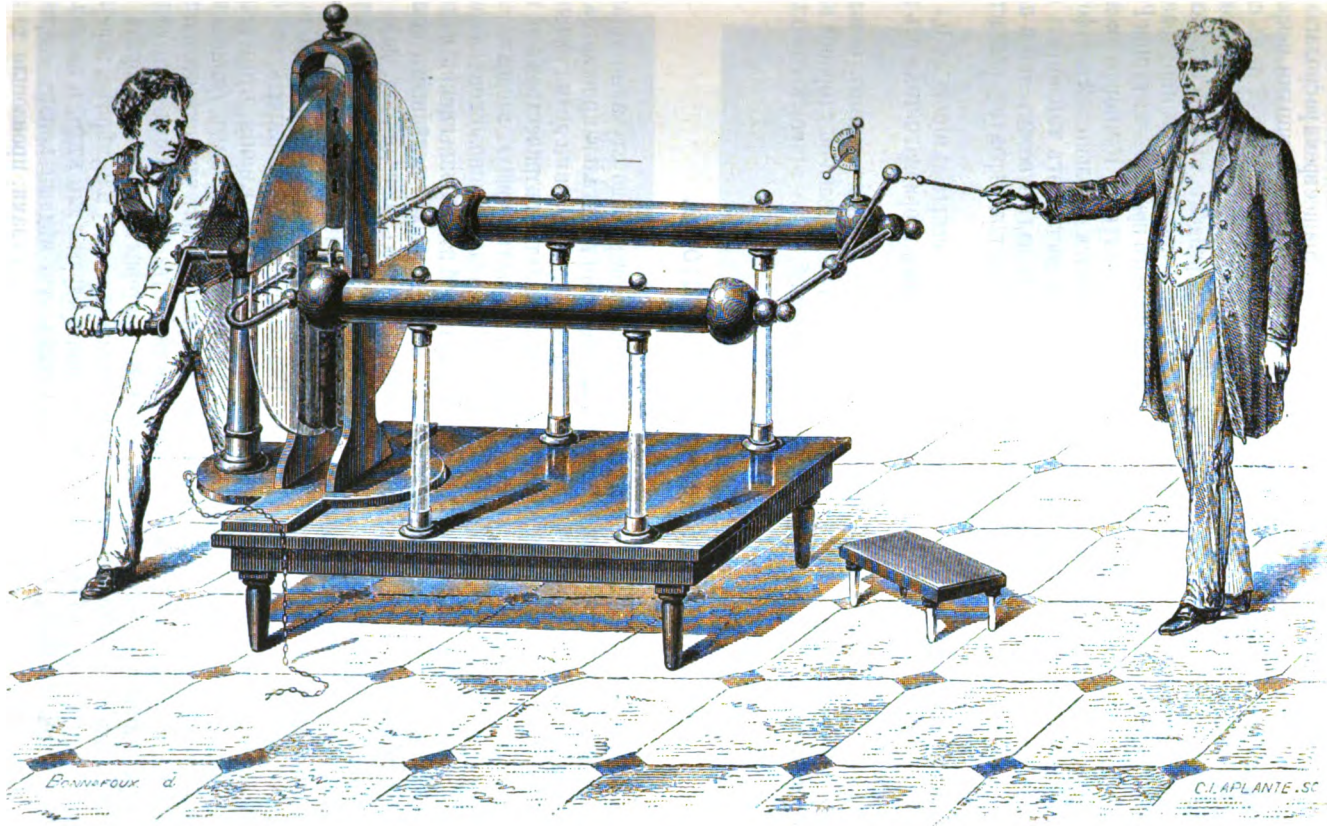


Рис. 2. Электрическая машина Рамсдена.

Digitized by Google

Электрическая искра.

Съ тѣми электростатическими машинами, которыми въ настоящее время располагаютъ физики, можно получить электрическіе разряды, сопровождающіеся роскошными искрами и свѣтящимися пучками, мало напоминающими тѣ искорки, которыя получали въ свое время Отто де-Герикъ и Мушенброкъ на своихъ примитивныхъ приборахъ. При помощи гальваническаго тока, къ изученію котораго мы сейчасъ перейдемъ, въ моментъ замыканія и размыканія его получаются совершенно аналогичныя искры, обыкновенно, правда, едва замѣтныя, но которыя можно усилить при помощи особаго прибора—катушки Румкорфа—о ней рѣчь будетъ дальше. При помощи сильной катушки Румкорфа можно получить искры весьма значительной длины. Искры эти удается довольно легко сфотографировать обыкновеннымъ путемъ. Хорошихъ результатовъ достигаютъ также безъ помощи фотографической камеры, заставляя искру проскакивать надъ чувствительной пластинкой. Форма искры при этомъ, однако, нѣсколько измѣняется, вѣроятно, вслѣдствіе вліянія на разрядъ бромо-желатиннаго слоя.

Рис. 3-й представляетъ очень уменьшенное изображеніе искры, длиною въ 0,4 м., полученной Д. Деви при наложеніи на пластинку электродовъ вторичнаго тока отъ катушки Румкорфа.

Рис. 4-й и 5-й—снимки съ фотографій Г. Лангумье. На первомъ снимкѣ положительный полюсъ былъ приведенъ въ соприкосновеніе съ чувствительной стороной пластинки, а отрицательный—съ ея противоположной стороной, а на второмъ снимкѣ—наоборотъ.

Гальваническій элементъ.—Исторія.

Опыты профессора анатоміи Гальвани въ Болоньѣ совершенно случайно натолкнули профессора физики въ Павіи Вольта, въ 1800 году, на изобрѣтеніе гальваническаго элемента. Изобрѣтенію этому предшествовалъ знаменитый споръ между этими двумя учеными. Одинъ изъ друзей Гальвани занимался опытами съ статическимъ электричествомъ въ той самой комнатѣ, гдѣ самъ Гальвани со своими учениками изучалъ нервную раздражительность лягушки. Одна изъ отпрепарированныхъ лягушекъ была случайно положена на столъ электрической машины; оказалось, что при каждой получаемой изъ машины искрѣ, нижнія конечности ободраннаго животнаго, какъ только къ нимъ касались желѣзнымъ пинцетомъ, быстро сокращались. Это наблюденіе, сдѣланное при томъ, повидимому, даже не самимъ Гальвани, а его женой, навело ученаго анатома на мысль о тождествѣ электричества съ тѣмъ нервнымъ «флюидомъ», изученіемъ котораго онъ на лягушкахъ занимался. Подобнаго рода изслѣдованія заняли у Гальвани около шести лѣтъ; въ 1786 году, продолжая эти пока безуспѣшные свои опыты, Гальвани, желая провѣрить, не будетъ ли атмосферное электричество оказывать на мускулы того же вліянія, что и искры электрической машины, подвѣсилъ на мѣдныхъ проволочкахъ къ перилам балкона нѣсколько только-что ободранныхъ лягушекъ; къ своему удивленію онъ увидалъ, что нижнія конечности лягушекъ сокращались безо всякаго электричества, при одномъ ихъ соприкосновеніи съ желѣзными перилами балкона. Гальвани повторилъ тогда свой опытъ въ нѣсколько иныхъ условіяхъ (рис. 8): онъ взялъ металлическую дугу или, вѣрнѣе, циркуль, одна изогнутая ножка котораго была сдѣлана изъ цинка, а другая изъ мѣди, и наложилъ его на нижнюю половину лишенной кожи лягушки такъ, что мѣдный конецъ соприкасался съ поясничными нервами, а цинковый съ берцовыми мускулами; произошло то же самое сокращеніе конечностей, которое онъ наблюдалъ на столѣ электрической машины и у себя на балконѣ.

Изъ этихъ наблюденій Гальвани сдѣлалъ выводъ, что существуетъ особое специфическое животное электричество, вырабатываемое въ мозгу и распространяющееся по всему

Digitized by Google

тѣлу по нервамъ. Мускулы, по его мнѣнію, служатъ собирателями этого электричества, и каждый изъ нихъ является какъ бы маленькой лейденской банкой. Между сокращеніемъ мускуловъ, какое вызывается разрядомъ лейденской банки, и нормальнымъ сокращеніемъ мускуловъ у животныхъ Гальвани не видѣлъ разницы. Металлическій циркуль въ только-что

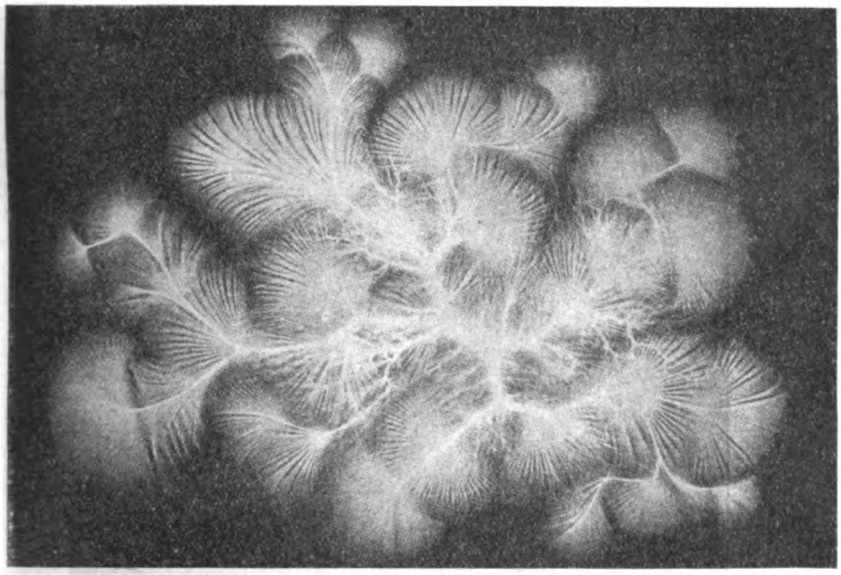


Рис. 5. Электрическая искра на отрицательномъ полюсѣ.

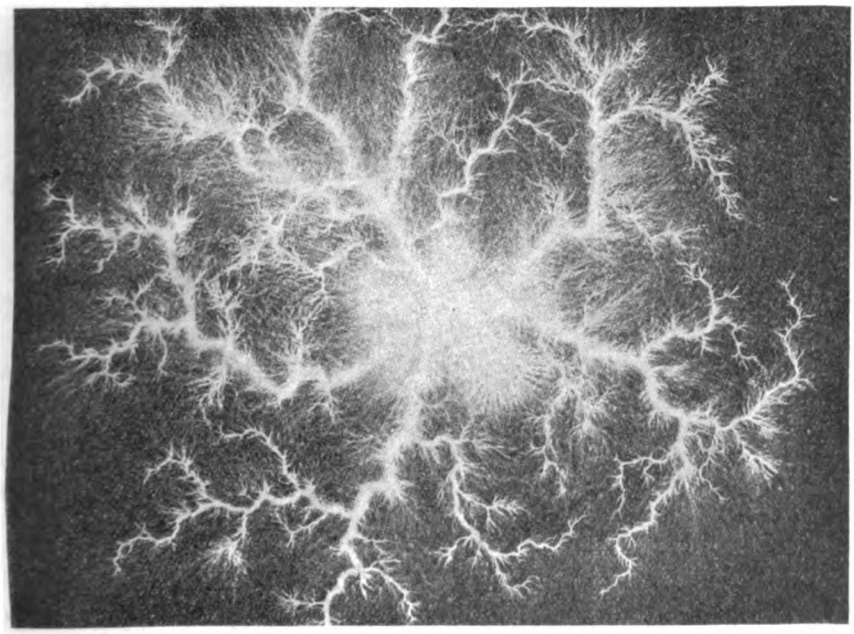


Рис. 4. Электрическая искра на положительномъ полюсѣ.

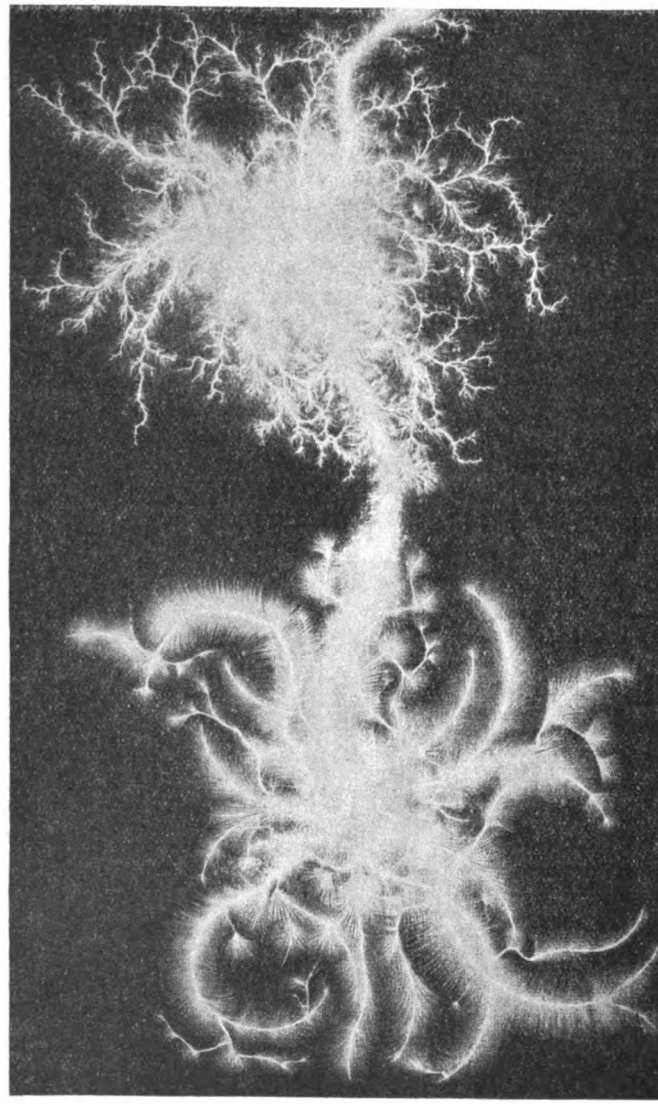
описанномъ опытѣ служитъ только проводникомъ, соединяющимъ два противоположныхъ электричества.

Физіологи съ радостью ухватились за теорію Гальвани, но противъ нея возстали физики. Особо яростнымъ противникомъ теоріи Гальвани оказался Александръ Вольта:

Digitized by Google

по его мнѣнію, токъ возбуждался соприкосновеніемъ различныхъ металловъ, и Вольта даетъ названіе металлическаго электричества тому, что Гальвани въ своихъ замѣткахъ и докладахъ называетъ электричествомъ животнымъ.

Между двумя знаменитыми учеными разгорѣлся споръ, продолжавшійся шесть лѣтъ и окончившійся какъ-будто бы побѣдой Гальвани, хотя въ сущности оба ученыхъ были до извѣстной степени и правы и неправы.



Положительный полюсъ. Отрицательный полюсъ.

Рис. 3 Электрическая искра.

Вмѣшавшійся въ споръ Гальвани и Вольта, флорентійскій ученый химикъ Фаброни былъ очень близокъ къ истинѣ; онъ первый указалъ на химическое дѣйствіе кислорода воздуха и кислаго пота рукъ на тотъ циркуль изъ двухъ металловъ, съ помощью котораго производилъ свои опыты Гальвани. На мнѣніе Фаброни никто не обратилъ вниманія, можно было быть за Вольта или за Гальвани—третьяго мнѣнія не допускалось, а Фаброни уничтожалъ теоріи какъ болонскаго, такъ и падуанскаго ученаго.

Digitized by Google

Наконецъ, Вольта, все преслѣдуя свою идею «металлическаго» электричества, въ декабрѣ 1799 года построилъ свой знаменитый столбъ, послужившій прототипомъ для всѣхъ гальваническихъ элементовъ. Столбъ этотъ Вольта составилъ изъ извѣстнаго числа положенныхъ другъ на друга кружковъ мѣди и цинка; каждая пара, т. е. кружокъ мѣди и цинка, были отдѣлены отъ слѣдующей такой же пары суконнымъ кружкомъ, смоченнымъ подкисленной водой. Такой столбъ представленъ на рис. 9. Внизу онъ кончается мѣднымъ кружкомъ, наверху цинковымъ. Въ настоящее время очевидно, что въ такомъ столбѣ эти два только-что упомянутые кружка являются лишними; пару составляютъ не два непосредственно соприкасающихся кружка изъ мѣди и цинка, а два кружка изъ этихъ металловъ, раздѣленные смоченнымъ подкисленною водой сукномъ. Низъ и верхъ Вольтова столба въ его настоящемъ видѣ будутъ составлять также мѣдный и цинковый

Рис. 6. Александръ Вольта.

кружки, но только они будутъ лежать одинъ подъ, а другой непосредственно надъ суконнымъ кружкомъ.

Вольта не понималъ и не хотѣлъ понять дѣйствительнаго значенія суконныхъ кружковъ, для него это были простые проводники тока; отказываясь допустить химическое дѣйствіе въ этихъ условіяхъ кислоты на цинкъ, Вольта закрылъ для себя обширное поле для открытій высокой важности, то поле, которое онъ же такъ старательно приготовилъ. Преемники Вольта вскорѣ объяснили дѣйствіе столба и усовершенствовали его.

Теорія гальваническаго элемента.

Итакъ источникомъ электричества въ Вольтовомъ столбѣ является пара изъ кружковъ мѣди и цинка, разъединенныхъ другъ отъ друга смоченнымъ въ кислой водѣ суконнымъ кружкомъ. Суконный смоченный кружокъ можно замѣнить прямо подкисленной водой, налитой въ стаканъ, и тогда мы получимъ простѣйшій гальваническій элементъ,

Digitized by Google

изображенный на рис. 10. V—стаканъ съ водой, къ которой прибавлено нѣкоторое количество сѣрной кислоты, A—цинковая пластинка, B—мѣдная. Пластинки эти носятъ названіе электродовъ или полюсовъ и въ частности цинкъ—полюса отрицательнаго,

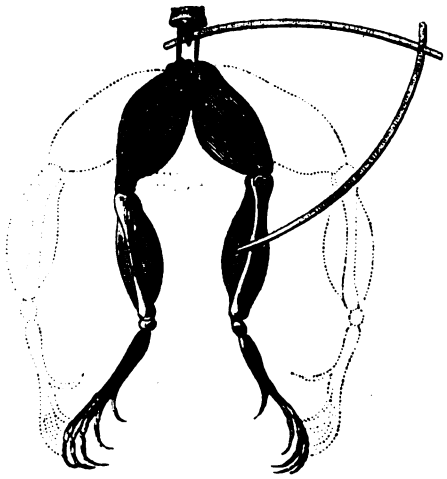


Рис. 8. Опытъ Гальвани.

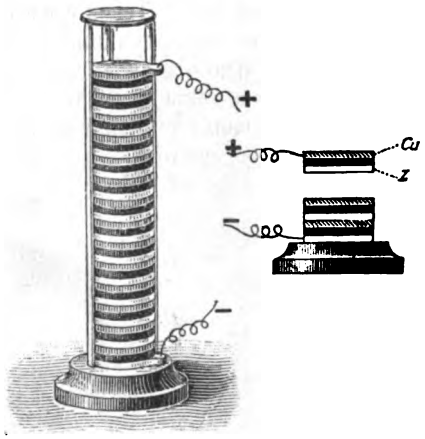


Рис. 9. Столбъ Вольта.

а мѣдь—положительнаго. Жидкость, въ которую погружены электроды, носитъ названіе электролита.

Разсматривая внимательно составленный, какъ показано на рис. 10, элементъ, мы прежде всего увидимъ, что пластинка цинка быстро покроется мелкими пузырьками газа, который есть не что иное, какъ водородъ, выдѣляющійся изъ воды вслѣдствіе химической реакціи, происходящей между нею и цинкомъ и совершающейся въ присутствіи кислоты. Сближая проволоки, прикрѣпленныя къ пластинкамъ мѣди и цинка, мы можемъ увидѣть, хотя и очень слабенькую, искорку; прикладывая концы этихъ проволочекъ къ языку, мы ощутимъ слабое щекотаніе,—все это проявленія электричества. Въ нашемъ элементѣ мы видимъ проявленія электрическаго тока.

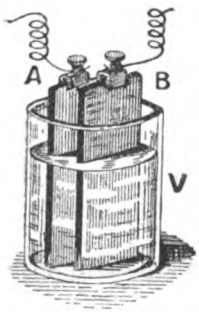


Рис. 10. Простѣйшій гальваническій элементъ.

Если бы мы замѣнили подкисленную воду водой чистой, то тока бы не было; это обстоятельство въ связи съ извѣстнымъ изъ химіи фактомъ, что цинкъ вступаетъ въ химическое взаимодѣйствіе съ водой подкисленной и не дѣйствуетъ вовсе на воду обыкновенную, показываетъ, что электрическія явленія въ элементѣ вызываются химической реакціей. Однако, если бы мы опустили въ подкисленную воду двѣ цинковыхъ пластинки, то не смотря на то, что реакція выдѣленія водорода изъ воды шла бы и въ этомъ случаѣ, тока бы не было. Мы въ правѣ поэтому сказать, что для полученія тока нужна жидкость, химически дѣйствующая на металлъ, но что въ нее должна быть погружена еще и вторая пластинка изъ другого металла. Отсюда недалеко и до заключенія, что для образованія тока необходимы двѣ металлическія пластинки, на которыя жидкость, въ какую онѣ погружены, дѣйствовала бы различно.

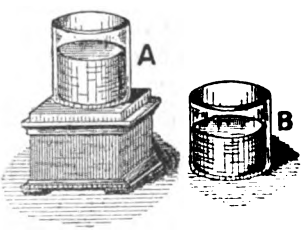


Рис. 11.

Digitized by Google

Разность потенціаловъ.

Чтобы понять тѣ процессы, которые происходятъ въ элементѣ, всего проще прибѣгнуть къ сравненію съ явленіями гидравлическими.

Представимъ себѣ два сосуда съ водой А и В (рис. 11), поставленные на различной высотѣ,—А, напримѣръ, выше, чѣмъ В. Какая существенная разница между водой въ верхнемъ и нижнемъ сосудѣ? Очевидно та, что вода находится на разномъ уровнѣ; различіе въ ихъ положеніи есть разность уровня.

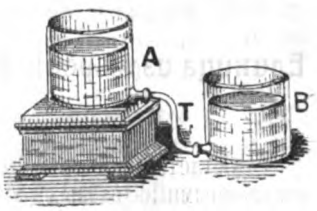


Рис. 12.

Положеніе цинка и мѣди въ простѣйшемъ гальваническомъ элементѣ можно легко уподобить положенію только-что разсмотрѣнныхъ нами сосудовъ съ водой. Пластинки эти, эти электроды не находятся на одномъ электрическомъ уровнѣ, не имѣютъ, какъ говорятъ физики, одинаковаго потенціала. Въ сосудахъ мы имѣли разность уровней, здѣсь имѣемъ разность потенціаловъ.

Направленіе тока.

Соединимъ, какъ показываетъ рис. 12, наши два сосуда А и В трубкой. Разность уровней въ нашихъ сосудахъ вызоветъ стеканіе или токъ жидкости изъ верхняго сосуда въ нижній. Соединимъ металлической проволокой электроды нашего элемента, сейчасъ же мы можемъ наблюдать всѣ проявленія электрическаго тока. Вслѣдствіе разности потенціаловъ электрическій токъ будетъ идти отъ пластинки съ большимъ потенціаломъ къ пластинкѣ съ потенціаломъ меньшимъ. Правда, въ случаѣ съ сосудами мы прямо глазами видѣли не только самое явленіе истеченія жидкости, но видѣли и направленіе его, видѣли, что жидкость течетъ изъ верхняго сосуда въ нижній. Въ гальваническомъ элементѣ мы можемъ такъ или иначе обнаружить существованіе тока, но какъ узнать, каково его направленіе?

Оказывается, что если мы поднесемъ проволоку-проводникъ—соединяющую электроды элемента къ свободно укрѣпленной магнитной стрѣлкѣ (рис. 13), то эта послѣдняя всегда становится накрестъ съ проводникомъ. Больше того, сколько бы мы разъ ни повторяли этотъ опытъ, не мѣняя взаимнаго положенія стрѣлки и проводника, т.-е., напримѣръ, производя опытъ все время такъ, чтобы концу стрѣлки, обращенному на сѣверъ, отвѣчала все время часть проводника соединенная съ цинкомъ, отклоненія стрѣлки всегда будутъ происходить въ одну и ту же сторону. Переставимъ концы проводника, соединимъ тотъ конецъ, что раньше былъ скрѣпленъ съ цинкомъ, теперь съ мѣдью и обратно. Взаимное положеніе проводника или вѣрнѣе той его части, что находится надъ магнитною стрѣлкой, при этомъ мѣнять не будемъ. Окажется, что теперь стрѣлка отклонится въ противоположную сторону. Что измѣнили мы при такой постановкѣ опыта? Единственно что измѣнилось, это направленіе тока относительно стрѣлки. Въ которую сторону шелъ онъ по тому среднему отрѣзку проволоки, который находился надъ стрѣлкой и положеніе котораго мы при перестановкѣ проводника не мѣняли, въ первомъ случаѣ, въ которую при второмъ—мы сказать не можемъ, но очевидно, что во второмъ случаѣ онъ шелъ въ сторону противоположную первому направленію.

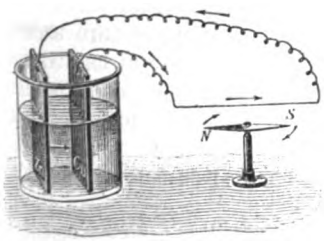


Рис. 13. Отклоненіе магнитной стрѣлки токомъ.

Digitized by Google

Итакъ токъ идетъ не безразлично отъ того или другого электрода, а имѣетъ какое-то опредѣленное направленіе. По сравненію съ гидравлическими явленіями принимаютъ, что токъ идетъ отъ электрода съ наибольшимъ потенціаломъ, направляясь къ электроду съ потенціаломъ меньшимъ, и принимаютъ далѣе, что наибольшимъ потенціаломъ обладаетъ электродъ, наименѣе подвергающійся химическому воздѣйствію электролита, а такимъ въ нашемъ элементѣ является мѣдь. Этотъ электродъ принято считать, какъ мы видѣли, положительнымъ полюсомъ, и такимъ образомъ принимаютъ, что токъ всегда идетъ отъ положительнаго полюса къ отрицательному.

Единица измѣренія разности потенціаловъ, количества электричества и силы тока.

Остается еще вопросъ. Токъ жидкости, наблюдаемый между двумя сосудами, поставленными на разныхъ уровняхъ, имѣетъ для насъ вполнѣ понятную цѣль: перенести извѣстное количество жидкости изъ верхняго сосуда въ нижній. А что переноситъ токъ электрическій? Очевидно, надо по аналогіи принять, что онъ переноситъ отъ одного полюса элемента къ другому въ каждый извѣстный промежутокъ времени извѣстное количество электричества.

Разъ мы заговорили о количествахъ, должна быть и мѣра для нихъ.

Возвратимся къ нашимъ сосудамъ, поставленнымъ на разныхъ уровняхъ (рис. 12). Вполнѣ понятно, что истеченіе воды изъ верхняго сосуда въ нижній находится въ прямой зависимости отъ разницы въ уровняхъ воды. Чѣмъ разность эта будетъ больше, тѣмъ быстрѣе будетъ происходить истеченіе. Каждой высотѣ установки сосуда А будетъ отвѣчать своя скорость тока воды по соединительной трубкѣ, и при прочихъ равныхъ условіяхъ мы о скорости этой можемъ имѣть правильное сравнительное представленіе, измѣряя нашу разность уровней.

Переходя по аналогіи къ гальваническому элементу, мы имѣемъ право сказать, что разность потенціаловъ можетъ быть различна, и что несомнѣнно величина ея будетъ имѣть первенствующее вліяніе на силу электрическихъ явленій, которыя мы въ гальваническомъ элементѣ наблюдаемъ. Прежде всего, слѣдовательно, надо какъ либо условиться измѣрять разность потенціаловъ. За единицу такихъ измѣреній принята электродвижущая сила одной изъ разновидностей гальваническаго элемента, а именно элемента Даніэля, съ которымъ мы познакомимся ниже. Электродвижущей же силой называютъ разность потенціаловъ въ элементѣ, пока электроды его еще не соединены между собой при посредствѣ проводника. Электродвижущая сила есть та причина, которая вызываетъ токъ, и она въ отличіе отъ разности потенціаловъ есть для каждаго гальваническаго элемента величина постоянная. Говоримъ: «для каждаго гальваническаго элемента» въ смыслѣ типа, какова бы ни была его величина или форма. Разность же потенціаловъ при соединенныхъ проводниками полюсахъ, совершенно подобна разности уровня сосудовъ, которыми мы все время пользовались, по мѣрѣ истеченія въ сосудахъ жидкостей, а въ элементѣ— электричества, постоянно падаетъ. Разность потенціаловъ иначе называютъ напряженіемъ тока.

Итакъ разность потенціаловъ или напряженіе тока измѣряютъ, пользуясь, какъ единицей, электродвижущей силой элемента Даніэля. Единица эта носитъ названіе вольта. Если, поэтому, разность потенціаловъ въ какомъ-либо случаѣ равна тремъ вольтамъ, то это значитъ, что она въ три раза больше электровозбудительной силы элемента Даніэля. Очевидно, что количество переносимаго электричества будетъ въ сильной степени зависѣть отъ количества вольтъ, развиваемыхъ даннымъ элементомъ, или отъ напряженія тока, но чѣмъ непосредственно измѣрять и выражать это количество электричества? Для этого принята особая единица, носящая названіе кулона, по имени французскаго военнаго инженера Кулона, бывшаго членомъ Парижской академіи до революціи и извѣстнаго своими трудами какъ въ области инженернаго искусства, такъ и въ

Digitized by Google

области научной механики и физики. Кулономъ называютъ то количество электричества, которое надо пропустить черезъ растворъ мѣднаго купороса, чтобы выдѣлить изъ него 0,327 миллиграмовъ металлической мѣди. Послѣ мы увидимъ, что количество выдѣляемаго изъ раствора какого-либо металла зависитъ исключительно отъ количества прошедшаго черезъ этотъ растворъ электричества.

Количество электричества измѣряется количествомъ выдѣленной изъ раствора мѣди или кулонами, но очевидно, что рядомъ съ вопросомъ о количествѣ является вопросъ и о томъ времени, въ продолженіе котораго токъ выдѣлитъ данное количество мѣди. Скорость, съ которой будетъ выдѣлено при помощи даннаго элемента извѣстное число кулоновъ, зависитъ отъ силы тока. Чтобы обозначать и различать различную силу тока,

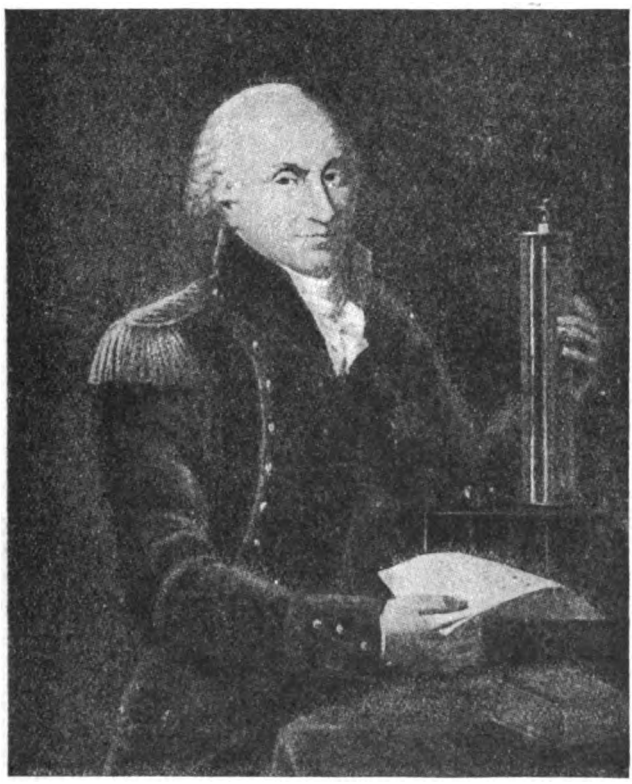


Рис. 14. А. Кулонъ.

нужна новая единица. Токъ будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ большее количество кулоновъ онъ перенесетъ въ единицу времени. Отсюда какъ единица мѣры силы тока — кулонъ въ секунду, называемая иначе амперомъ, по имени извѣстнаго французскаго ученаго Ампера.

Отношеніе между количествомъ переносимаго токомъ электричества и его силой, другими словами, между кулонами и амперами ясно изъ слѣдующаго соображенія. Пусть I выраженная въ амперахъ сила тока, переносящаго K кулонъ въ T секундъ. I будетъ равно $\frac{K}{T}$.

Все время мы проводили аналогію между явленіями гидростатическими и электрическими, и эта аналогія помогла намъ разобраться въ электрическихъ явленіяхъ и уста-

Digitized by Google

новить извѣстныя электрическія единицы. Не надо, однако, подобной аналогіей сильно увлекаться; она не полна и чисто внѣшняго характера. При увеличеніи разности уровней между сосудами съ водой, напримѣръ, будетъ увеличиваться интенсивность вытекающей изъ верхняго сосуда струи, и намъ вполнѣ понятна причина этого. Происходитъ увеличеніе скорости истеченія, скорости тока воды, и, слѣдовательно, въ единицу времени черезъ трубку, соединяющую верхній сосудъ съ нижнимъ, будетъ проходить большій объемъ, большее количество воды. Если бы аналогія была полная, то же самое мы должны бы

Рис. 15. А. М. Амперъ.

были наблюдать для электрическаго тока. Правда, сила тока увеличивается съ увеличеніемъ разности потенціаловъ, но скорость тока, какъ показываютъ точные опыты, остается почти безъ перемѣны. Мы можемъ уменьшить электрическое давленіе, такъ сказать, на полюсѣ въ 100, даже 1.000 разъ, а электрическій токъ будетъ продолжать двигаться со своей страшной быстротой, около 300.000 километровъ въ секунду.

Послѣ этой оговорки мы снова воспользуемся нашей аналогіей для дальнѣйшаго знакомства съ электрическими явленіями.

Digitized by Google

Сопротивленіе.

Разсматривая сообщающіеся сосуды, поставленные на разныхъ уровняхъ, мы безъ труда можемъ сообразить, что количество жидкости, протекающей черезъ соединяющую эти сосуды трубку, должно зависѣть, кромѣ разсмотрѣнныхъ уже нами условій, также и отъ размѣра трубки. Предположимъ, что рядомъ съ первой трубкой (рис. 16) T имѣется вторая T′ того же діаметра, что первая, но длиннѣе ея. Жидкости, очевидно, будетъ труднѣе проходить черезъ эту вторую трубку, и естественно, что токъ ея будетъ менѣе интенсивенъ. Трубка представляетъ извѣстное сопротивленіе прохожденію воды (вслѣдствіе тренія), и понятно, что чѣмъ сопротивленіе будетъ больше, тѣмъ слабѣе будетъ токъ воды, а сопротивленіе будетъ тѣмъ больше, чѣмъ трубка длиннѣе.

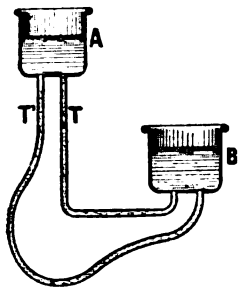


Рис. 16.

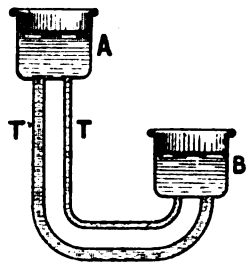


Рис. 17.

Предположимъ теперь, что наши сосуды соединены двумя трубками T и T′, различающимися между собою не длиною, а діаметромъ (рис. 17). Мы можемъ сказать, что трубка меньшаго діаметра будетъ представлять сопротивленіе большее (въ трубкѣ бо́льшаго діаметра большее число частицъ проходитъ серединой ея, не соприкасаясь со стѣнками и не испытывая тренія о нихъ), и опытъ подтверждаетъ такое положеніе. Сопротивленіе увеличивается съ уменьшеніемъ діаметра трубки.

Аналогичное мы видимъ и для электрическаго тока: чѣмъ проводникъ тока длиннѣе, тѣмъ большее онъ оказываетъ прохожденію тока сопротивленіе; чѣмъ онъ толще, тѣмъ сопротивленіе, имъ оказываемое, меньше.

Положенія эти могутъ быть доказаны прямыми опытами, но разбирать ихъ намъ нѣтъ возможности.

Выше мы говорили, что сопротивленіе протеканію воды по трубамъ зависитъ отъ тренія ея объ ихъ стѣнки; легко представить себѣ, что величина испытываемаго тренія будетъ зависѣть до извѣстной степени и отъ того, изъ какого матеріала сдѣлана труба; стѣнки изъ гладкаго, мелкозернистаго матеріала будутъ, напр., имѣть меньше точекъ соприкосновенія съ водой, меньшую поверхность тренія, чѣмъ изъ матеріала крупнозернистаго, не гладкаго. Гораздо бо́льшая зависимость—отъ матеріала проводниковъ электричества. То, что было нами сказано о зависимости сопротивленія, оказываемаго проводникомъ току отъ длины и толщины его, безусловно вѣрно только для проводниковъ изъ одного матеріала. Проводники изъ мѣди оказываютъ меньшее сопротивленіе прохожденію тока, чѣмъ изъ золота, золотые—меньше желѣзныхъ и т. д.

Для измѣренія сопротивленія также существуетъ опредѣленная единица. Этой единицей служитъ то сопротивленіе, которое обязательно показываетъ проводникъ, соединяющій полюсы элемента, разность потенціаловъ въ которомъ равна одному вольту въ томъ случаѣ, когда сила тока равняется одному амперу. Единица эта носитъ названіе ома, въ честь нѣмецкаго физика Ома, профессора физики сначала въ Швейцаріи, затѣмъ въ Кёльнѣ и, наконецъ, въ Мюнхенѣ. Итакъ омъ есть сопротивленіе проводника (какого бы то ни было, конечно) току силою въ одинъ амперъ и напряженіемъ въ одинъ вольтъ.

Въ частности при мѣдномъ проводникѣ, толщиной въ 1 мм., длина проводника при такихъ условіяхъ должна быть приблизительно въ 50 метровъ.

Digitized by Google

Законъ Ома.

Зная единицы измѣреній электрическихъ величинъ, мы можемъ разсмотрѣть теперь законъ Ома,—законъ, который и доставилъ ученому, выведшему его, такую извѣстность, что его именемъ названа была единица сопротивленія.

Омъ нашелъ отношеніе, существующее между величинами напряженія (разности потенціаловъ), сопротивленія и силы тока. Пусть у насъ имѣется нѣкоторая система, гдѣ разность потенціаловъ равная E вольтъ при сопротивленіи въ R омъ производитъ токъ въ I амперъ. Если мы увеличимъ величину E, оставляя R неизмѣнной, то обязательно

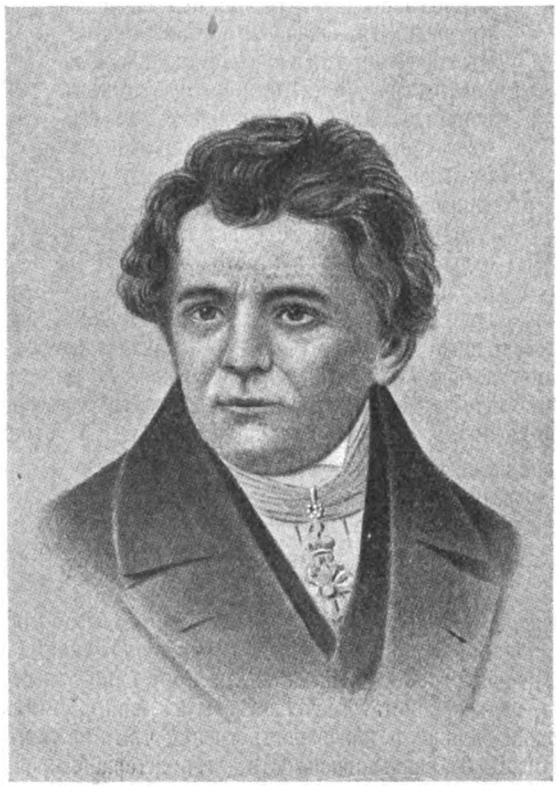


Рис. 18. Ж. С. Омъ. (1781—1854).

увеличится величина I. Она уменьшится, наоборотъ, если мы при прежней величинѣ E увеличимъ величину R. Другими словами, если мы дадимъ двумъ изъ трехъ взятыхъ нами величинъ какое-нибудь, любое значеніе, то этими значеніями будетъ опредѣлено значеніе третьей величины. Отношеніе это выражается формулами:

$$I = \frac{E}{R}; E = RI \text{ и } R = \frac{E}{I}$$

Первая формула говоритъ, что сила тока равняется разности потенціаловъ, дѣленной на сопротивленіе. Вторая—что разность потенціаловъ на концахъ проводника, оказывающаго извѣстное сопротивленіе, равняется силѣ проходящаго черезъ этотъ проводникъ тока, умноженной на это сопротивленіе. Третья, наконецъ, формула говоритъ, что сопро-

Digitized by Google

тивленіе проводника току равно частному изъ разности потенціаловъ, этотъ токъ возбуждающей, на его силу.

При помощи приведенныхъ формулъ мы, зная какія-либо двѣ изъ разобранныхъ нами трехъ величинъ, всегда для даннаго тока можемъ вычисленіемъ получить третью.

Мы говорили уже выше, что сопротивленіе увеличивается съ длиной проводника и уменьшается съ увеличеніемъ толщины его. Болѣе точно эту зависимость мы можемъ выразить такъ: сопротивленіе какого-либо проводника пропорціонально его длинѣ и обратно пропорціонально его сѣченію. Но кромѣ того мы знаемъ, что сопротивленіе проводника зависитъ также отъ того матеріала, изъ котораго онъ сдѣланъ. Для различныхъ веществъ прямымъ опытомъ найдена величина сопротивленія между сторонами кубическаго сантиметра этого вещества. Величины эти носятъ названіе удѣльныхъ сопротивленій, и выражаются онѣ въ омахъ-сантиметрахъ. Для наиболѣе употребительныхъ веществъ удѣльное сопротивленіе равно:

Серебро отожж.	0,000001492	Желѣзо отожж.	0,000009636
Мѣдь »	0,000001584	Свинецъ прессов.	0,000019465
Золото кованное	0,000002077	Ртуть	0,000094340
Цинкъ прессов.	0,000005580	Растворъ (насыщенный) мѣднаго купороса . . .	29,0
Платина отожж.	0,000008981		

Обозначая удѣльное сопротивленіе черезъ α, длину проводника въ сант. черезъ l и площадь сѣченія его въ квадратныхъ сант. черезъ s, мы имѣемъ $R = \frac{\alpha l}{s}$, т.-е. сопротивленіе даннаго проводника въ омахъ равняется его длинѣ въ сант., умноженной на удѣльное сопротивленіе матеріала, изъ котораго проводникъ сдѣланъ, и дѣленной на площадь сѣченія проводника въ кв. сантим.

Работа тока.

Вернемся еще разъ къ нашимъ сообщающимся сосудамъ съ водой. Вода, переливаясь изъ верхняго сосуда въ нижній, развиваетъ извѣстную силу, помощью которой мы можемъ привести въ дѣйствіе напр. небольшую турбинку. Величина исполняемой работы зависитъ при этомъ отъ двухъ обстоятельствъ: отъ высоты паденія воды (отъ разности уровней) и отъ ея количества. Измѣряя высоту паденія метрами, а количество падающей воды литрами, мы работу воды можемъ выразить произведеніемъ этихъ двухъ величинъ или килограммометрами въ секунду. Дѣля полученное количество килограммометровъ въ секунду на 75, будемъ имѣть работу въ лошадиныхъ силахъ. Работа, производимая паденіемъ воды въ извѣстный промежутокъ времени, выразится такимъ образомъ въ лошадиныхъ сило-часахъ.

Приведенныя простыя и всѣмъ знакомыя соображенія можно приложить къ электричеству. Электрическій токъ можетъ пройти по какому-либо проводнику, только преодолѣвъ его сопротивленіе, а преодолѣть сопротивленіе онъ можетъ потому, что въ источникѣ электричества развивается нѣкоторая электрическая сила, сила, затрачиваемая на работу преодолѣнія сопротивленія проводника и проявляющаяся, напр., въ нагрѣваніи проводника.

Источникъ электричества, — все равно какой, соотвѣтствуетъ нашему верхнему сосуду. Чтобы онъ могъ произвести большую работу, надо, чтобы разность потенціаловъ въ немъ была велика и чтобы было велико количество доставляемаго имъ электричества, т. е., чтобы была велика сила тока. Работа тока, какъ и работа падающей воды, выразится произведеніемъ этихъ двухъ величинъ, т.-е. будетъ измѣряться вольтъ-амперами въ секунду—величиной, которой дается особое названіе уатта, по имени извѣстнаго англійскаго механика, если не изобрѣвшаго паровую машину, то существенно улучшившаго ранѣе изобрѣтенную.

Digitized by Google

Работу или энергію, которую данный источникъ электричества доставляетъ въ опредѣленное время, опять таки параллельно ранѣе указаннымъ механическимъ единицамъ измѣренія, выражаютъ въ уаттъ-часахъ.

10 уаттъ соотвѣтствуютъ приблизительно одному килограммометру въ секунду, а 736 уаттъ одной лошадиной силѣ.[1]

Работа или производительность тока въ уаттахъ такимъ образомъ равна произведенію изъ электродвижущей силы въ вольтахъ, умноженной на силу тока въ амперахъ, или, обозначивъ черезъ P первую величину, черезъ E вторую и черезъ I третью, имѣемъ: $P = EI$. Если E равно одному вольту, а I одному амперу, то P должно равняться одному уатту. Слѣдовательно, уаттъ или единица работы тока есть работа, развиваемая какимъ-либо источникомъ электричества, дающимъ токъ силой въ одинъ амперъ и напряженіемъ въ одинъ вольтъ.

Выше приведенныя соображенія прилагаются не только къ работѣ, развиваемой какимъ-либо источникомъ электричества, но и къ работѣ, поглощаемой сопротивленіемъ. Токъ въ одинъ амперъ, проходящій черезъ проводникъ съ малымъ сопротивленіемъ, при малой, слѣд., разности потенціаловъ, будетъ исполнять меньшую работу, чѣмъ токъ въ одинъ же амперъ, но проходящій черезъ большое сопротивленіе, т.-е. подъ давленіемъ большой разности потенціаловъ. Такая израсходованная электрическая сила, такая работа тока надъ сопротивленіемъ выразится произведеніемъ вольтовъ на амперы. Мы можемъ поэтому сказать, что уаттъ есть также сила, издержанная въ проводникѣ токомъ въ одинъ амперъ подъ давленіемъ одного вольта на преодолѣніе сопротивленія.

Выведенное нами уравненіе, аналогичное уравненію Ома, можетъ быть представлено въ трехъ видахъ:

$$P = EI;\ E = \frac{P}{I};\ I = \frac{P}{E}$$

Значеніе перваго выраженія нами приведено выше, второе выраженіе говоритъ, что разность потенціаловъ въ какой-либо электрической системѣ равна работѣ тока, дѣленной на его силу, и, наконецъ, третье выраженіе можно словами передать такъ: сила тока въ какой-либо системѣ равна его работѣ, дѣленной на разность потенціаловъ. Словомъ, зная двѣ изъ величинъ E, I и P, всегда можно высчитать третью.

Изъ уравненія Ома мы знаемъ, что E равно RI; подставляя это выраженіе въ только-что разобранныя уравненія, получимъ:

$$P = RI^2, R = \frac{P}{I^2} \text{ и } I = \sqrt{\frac{P}{R}}$$

Какъ выразить эти математическія выраженія словами—понятно само собой.

Токъ въ элементѣ и токъ въ проводникѣ.

Мы столько времени производили наши опыты съ сообщающимися сосудами, поставленными на разномъ уровнѣ, что, конечно, вода не разъ успѣла вся вытечь изъ верхняго сосуда и намъ приходилось для продолженія опытовъ выливать ее изъ нижняго сосуда, подымать наверхъ и вливать снова въ верхній. На эту операцію мы тратили свою силу, употребляли мускульную энергію. На счетъ этой энергіи происходило затѣмъ движеніе воды, преодолѣніе ею сопротивленія и т. д. Чтобы имѣть постоянное истеченіе воды изъ верхняго сосуда въ нижній, мы должны къ нашей системѣ сообщающихся сосудовъ прибавить еще какой-либо внѣшній источникъ энергіи, который бы подымалъ вытекшую

[1] Количество работы, даваемое какимъ-либо механизмомъ въ каждую секунду, въ механикѣ называютъ производительностью этого механизма. Съ этой точки зрѣнія уаттами измѣряется производительность электрическаго тока.

Digitized by Google

воду въ верхній сосудъ. Мы можемъ, напр., поставить въ нижній сосудъ насосъ (рис. 19) и, прилагая къ нему мускульную силу, такимъ образомъ установить непрерывный круговоротъ воды въ нашей системѣ.

Въ гальваническомъ элементѣ между полюсами его, какъ мы теперь знаемъ, существуетъ разность потенціаловъ, разность электрическаго уровня, которая и обусловливаетъ токъ по проводнику. Но что̀ поддерживаетъ этотъ токъ? Роль нашихъ мускуловъ въ гидростатической системѣ выше разобранной здѣсь играетъ химическій процессъ, совершающійся въ самомъ элементѣ, между электродами и электролитомъ. Этотъ процессъ, какъ насосъ въ сосудахъ, поддерживаетъ уровень электричества на полюсахъ, дѣлаетъ разность потенціаловъ ихъ болѣе или менѣе постоянной. Электрическій токъ идетъ по проводнику отъ + къ —, количество его, ушедшее съ положительнаго полюса, сейчасъ же пополняется новымъ количествомъ электричества, развившимся вслѣдствіе химической реакціи на отрицательномъ полюсѣ и перешедшимъ къ + черезъ электролитъ. Въ самомъ элементѣ, слѣдовательно, существуетъ токъ обратнаго направленія тому, который идетъ по проводнику. По проводнику токъ идетъ отъ + къ —, а въ самомъ элементѣ черезъ электролитъ отъ — къ +.

Въ элементѣ мы имѣемъ, слѣдовательно, тотъ же замкнутый циклъ, что̀ и въ нашихъ сосудахъ, связанныхъ насосомъ. Въ элементахъ гальваническихъ причиной этого круговорота будетъ химическая реакція, въ элементахъ термоэлектрическихъ—теплота, въ динамо-машинахъ—механическая энергія и т. д.

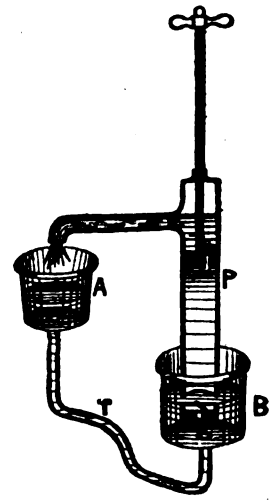


Рис. 19.

Внутреннее сопротивленіе элемента.

Токъ въ гальваническомъ элементѣ идетъ не только по проводнику, но и внутри самого элемента; естественно, что для прохожденія этой части тока имѣется извѣстное сопротивленіе, и сопротивленіе даже большое, ибо току тутъ приходится проходить черезъ слой жидкости-электролита, а жидкости являются проводниками вообще скверными. Сопротивленіе, напримѣръ, воды, подкисленной сѣрной кислотой, равняется одному ому-сантиметру, и слѣд., больше таковаго же для мѣди въ 600,000 разъ.

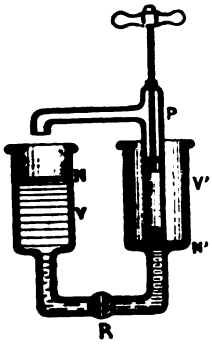


Рис. 20.

Опытъ показываетъ, что внутреннее сопротивленіе гальваническихъ элементовъ всегда очень высоко, и потому при разсмотрѣніи общаго сопротивленія элемента, которое слагается изъ сопротивленія внѣшняго R и внутренняго r мы величиной этого послѣдняго пренебрегать не можемъ. Отъ него, какъ мы сейчасъ увидимъ, зависятъ различныя нежелаемыя въ элементахъ явленія.

Вслѣдствіе внутренняго сопротивленія происходитъ то паденіе разности потенціаловъ на полюсахъ, которое наблюдается при смыканіи ихъ посредствомъ проводника,—явленіе, о которомъ мы имѣли случай уже упоминать. Явленіе это намъ станетъ понятнымъ изъ слѣдующей аналогіи. Пусть V и V' (рис. 20)—два сообщающихся сосуда съ водой соединены между собой трубкой T съ краномъ R. Въ правомъ сосудѣ имѣется насосъ P, помощью котораго можно перекачивать воду въ сосудъ лѣвый. Воды въ сосуды налито столько, что поднять ея уровень въ лѣвомъ сосудѣ выше линіи N нельзя. Упомянутый насосъ можно уподобить гальваническому элементу; треніе, которое въ насосѣ испытываетъ вода, аналогично внутреннему сопротивленію элемента: насосъ большой производительности отвѣчаетъ малому сопротивленію и обратно.

Digitized by Google

Если мы при закрытомъ кранѣ R приведемъ въ дѣйствіе насосъ, то уровень воды въ лѣвомъ сосудѣ подымется до наивысшаго положенія N. Это положеніе будетъ отвѣчать электродвижущей силѣ элемента въ покоѣ. Откроемъ кранъ R; сейчасъ же обнаружится стремленіе уровня воды понизиться въ лѣвомъ сосудѣ и повыситься въ правомъ. Съ другой стороны, насосъ, перекачивая воду изъ V' въ V, будетъ этому стремленію противодѣйствовать. При этомъ могутъ быть два случая: либо насосъ будетъ большой производительности, а труба T длинная и узкая (малое внутреннее сопротивленіе и большое сопротивленіе внѣшнее); либо, наоборотъ, насосъ будетъ мало производителенъ, а труба T коротка и широка (большое внутреннее сопротивленіе и малое внѣшнее). Въ первомъ случаѣ вытекающая изъ лѣваго сосуда вода сейчасъ же будетъ въ него подаваться обратно и разность уровней будетъ оставаться почти безъ перемѣны, во второмъ случаѣ насосъ не будетъ поспѣвать подавать обратно вытекающую воду и уровень воды въ лѣвомъ сосудѣ упадетъ до извѣстной степени и можетъ даже сдѣлаться чрезвычайно малымъ.

Въ гальваническомъ элементѣ совершенно аналогично, пока полюсы не соединены внѣшнимъ проводникомъ, разность потенціаловъ на полюсахъ поддерживается химической реакціей на максимальной высотѣ. Эту величину разности потенціала мы называемъ электродвижущей силой даннаго элемента. Какъ только мы замкнемъ токъ, разность потенціаловъ на полюсахъ падаетъ, ибо часть электродвижущей силы тратится на преодолѣніе внутренняго сопротивленія. Чѣмъ меньше сравнительно съ внутреннимъ сопротивленіе внѣшнее, тѣмъ напряженіе тока сильнѣе и тѣмъ быстрѣе и сильнѣе падаетъ разность потенціаловъ. Если внѣшній проводникъ коротокъ и толстъ, химическая реакція не будетъ поспѣвать съ достаточной быстротой доставлять (накачивать) нужное для поддержанія на одномъ уровнѣ потенціала количество электричества, вся электродвижущая сила будетъ поглощаться самимъ элементомъ и разность потенціаловъ на полюсахъ упадетъ до 0.

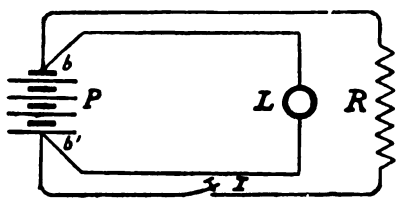


Рис. 21. Схема короткой цѣпи.

Про элементъ въ такомъ положеніи говорятъ, что онъ замкнутъ на короткую цѣпь.

Вліяніе малаго внѣшняго сопротивленія на разность потенціаловъ хорошо видно въ слѣдующемъ опытѣ: Соединяютъ нѣсколько гальваническихъ элементовъ между собой (рис. 21) P и при помощи ихъ накаливаютъ лампочку L; къ крайнимъ полюсамъ батареи элементовъ P кромѣ проводовъ, соединяющихъ ихъ съ лампочкой, прикрѣпляютъ еще провода малаго сопротивленія R, которые можно замыкать при помощи коммутатора I. Если батарея достаточной силы, то уголекъ лампочки будетъ ярко накаленъ, пока проводы R не будутъ сомкнуты; стоитъ намъ ихъ сомкнуть, какъ лампочка почти потухнетъ. Короткая цѣпь на столько увеличила внутреннее сопротивленіе, что разность потенціаловъ сразу сильно упала.

Внутреннее сопротивленіе элемента r мы можемъ ввести въ формулы, выражающія законъ Ома. Электродвижущая сила E тогда будетъ равна $(R+r)I$, гдѣ—R сопротивленіе внѣшнее, а r—сопротивленіе внутреннее. Иначе это выраженіе можно написать: $RI+rI$.

Выраженіе это показываетъ намъ, что такое разность потенціаловъ на полюсахъ, о которой мы не разъ говорили. При не замкнутой цѣпи въ элементѣ существуетъ разность потенціаловъ въ E вольтъ. При замкнутой цѣпи rI вольтъ тратится на сопротивленіе внутреннее, съ полюсовъ на внѣшній проводникъ очевидно можетъ быть передано только $E-rI$ вольтъ; это и будетъ разность потенціаловъ на полюсахъ. Но $E=IR+Ir$, слѣдовательно разность потенціаловъ на полюсахъ будетъ $E-rI$, т.-е. будетъ какъ разъ равна RI или количеству вольтъ, поглощаемому въ наружномъ проводникѣ.

rI количество вольтъ, поглощаемыхъ внутреннимъ сопротивленіемъ, и оно отвѣчаетъ паденію потенціала на полюсахъ при замкнутой цѣпи. Величина этого паденія очевидно зависитъ отъ значенія r и I. Чѣмъ r будетъ больше, т. е. чѣмъ больше будетъ внутреннее сопротивленіе, тѣмъ больше будетъ паденіе разности потенціала на

Digitized by Google

полюсахъ. То же будетъ и при увеличеніи значенія I, а I, какъ мы знаемъ, равно $\frac{E}{R}$, его значеніе будетъ увеличиваться при уменьшеніи величины R, т. е., при уменьшеніи сопротивленія внѣшняго. Въ предѣлѣ, при соединеніи полюсовъ наружнымъ проводникомъ съ безконечно малымъ сопротивленіемъ (R=0) уравненіе E=R I+r I сведется къ E=r I, т. е. I станетъ настолько велико, что вся электровозбудительная сила будетъ тратиться на одно преодолѣніе внутренняго сопротивленія; разность потенціаловъ на полюсахъ станетъ равной 0.

Работа P какого-нибудь элемента равняется, какъ мы въ своемъ мѣстѣ показали, произведенію изъ его электродвижущей силы E на силу тока I, полезная работа же будетъ равняться произведенію изъ разности потенціаловъ на полюсахъ на силу тока или, обозначая первую величину e, полезная работа равняется eI. Разность между EI и eI или иначе (E—e) I будетъ представлять изъ себя работу, затрачиваемую на побѣжденіе внутренняго сопротивленія.

E—e представляетъ изъ себя паденіе разности потенціаловъ на полюсахъ и равняется r I. Отсюда затраченная на внутреннее сопротивленіе работа (E—e) I равна r I×I или r I^2.

И такъ при работѣ какого бы то ни было гальваническаго элемента безполезно пропадаетъ часть ея, равная r I^2, тѣмъ большая, чѣмъ больше r или внутреннее сопротивленіе.

Надо стараться посему объ уменьшеніи внутренняго сопротивленія въ элементахъ. Сопротивленіе это зависитъ отъ прохожденія тока черезъ слой жидкости, раздѣляющій электроды. Эта часть жидкости служитъ, слѣд., хотя и плохимъ, но проводникомъ и для уменьшенія сопротивленія надо увеличить поперечное сѣченіе этого проводника и уменьшить его длину. Иначе говоря, надо, чтобы полюсы имѣли возможно большую опущенную въ электролитъ поверхность и находились другъ отъ друга на возможно близкомъ разстояніи. Элементы бо́льшаго размѣра поэтому имѣютъ меньшее внутреннее сопротивленіе и слѣдовательно бо́льшую разность потенціаловъ на полюсахъ, электровозбудительная же сила элементовъ, какъ мы говорили, для каждаго типа ихъ постоянна и внѣ зависимости отъ ихъ размѣровъ.

Поляризація.

Элементъ (пластинки мѣди и цинка, погруженныя въ подкисленную воду), которымъ мы все время до сихъ поръ пользовались, не имѣетъ никакого практическаго значенія: электровозбудительная сила его чрезвычайно мала, а внутреннее сопротивленіе велико и весьма быстро возрастаетъ. Мы видѣли, что при незамкнутомъ токѣ на пластинкѣ цинка садились пузырьки газа, и знаемъ, что это водородъ, выдѣленный изъ воды цинкомъ. При замкнутомъ токѣ пластинка цинка отъ пузырьковъ водорода очищается, но, за то, они появляются на мѣдной пластинкѣ, и она скоро покрывается непрерывной оболочкой изъ этихъ пузырьковъ. Газы еще хуже проводятъ электричество, чѣмъ жидкости, сопротивленіе выдѣлившагося и окружившаго мѣдную пластинку водорода таково, что токъ еле-еле его преодолѣваетъ, а иногда и вовсе не въ силахъ преодолѣть. Сила тока падаетъ. Элементъ, какъ говорятъ, становится поляризованнымъ, онъ перестаетъ работать.

Дальнѣйшимъ недостаткомъ нашего элемента является выборъ пластинокъ; мы говорили въ своемъ мѣстѣ, что для образованія, возникновенія тока необходимо, чтобы электролитъ дѣйствовалъ на электроды различно; мы можемъ сказать даже больше, а именно, что разность потенціаловъ на электродахъ будетъ тѣмъ больше, чѣмъ различнѣе на нихъ дѣйствуетъ электролитъ. Подкисленная вода, хорошо растворяя цинкъ, нѣсколько растворяетъ и мѣдь; это послѣднее обстоятельство уменьшаетъ электродвигательную силу элемента. Во многихъ, можно сказать, большинствѣ элементовъ, поэтому мѣдный полюсъ замѣняютъ угольнымъ.

Мы не исчерпали, однако, еще всѣхъ недостатковъ нашего элемента; цинкъ долженъ растворяться электролитомъ, это—условіе полученія тока, но онъ растворяется не только во время работы элемента, а и при незамкнутой цѣпи, что̀ уже составляетъ не-

Digitized by Google

производительную трату. Горю въ нашемъ элементѣ можно помочь амальгамированіемъ, т.-е. покрываніемъ тонкимъ слоемъ ртути цинковой пластинки; цинкъ амальгамированный, оказывается, растворяется въ подкисленной водѣ, только при замкнутой цѣпи. Амальгамація цинка, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ подъемъ его изъ электролита при размыканіи цѣпи примѣняются и въ другихъ элементахъ.

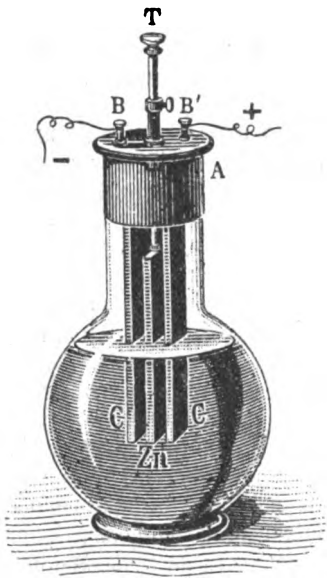


Рис. 22. Элементъ Грене.

Выше мы говорили о поляризаціи элементовъ, но не указали средствъ борьбы съ нею. Очевидно, что надо или сгонять какъ-либо пузырьки водорода съ положительнаго полюса или не допускать ихъ до него. Сгонять пузырьки можно какимъ-либо механическимъ приспособленіемъ и въ этомъ направленіи имѣются попытки, но ихъ разсматривать мы не будемъ. Не допустить пузырьки газа до положительнаго полюса, задержать ихъ во время переноса токомъ отъ цинка къ мѣди или углю можно какимъ-либо сильно дѣйствующимъ окислителемъ — двухромокаліевой солью, азотной кислотой. Стоитъ прилить такого деполяризатора къ электролиту, и водородъ не будетъ допущенъ до положительнаго полюса, будетъ ранѣе связанъ, окисленъ.

Деполяризаторъ можно прибавлять прямо въ электролитъ—элементъ съ одной жидкостью—или можно имъ окружать только непосредственно положительный электродъ — элементъ съ двумя жидкостями. Электролитъ и деполяризующую жидкость раздѣляютъ при этомъ полупроницаемой перегородкой, помѣщая одну изъ нихъ въ пористый сосудъ.

Тѣ и другіе элементы имѣютъ какъ свои достоинства, такъ и свои недостатки.

Перейдемъ теперь къ описанію наиболѣе въ практикѣ употребляемыхъ гальваническихъ элементовъ.

Элементъ Грене.

Элементъ этотъ (рис. 22) состоитъ изъ двухъ угольныхъ пластинокъ CC, которыя, будучи укрѣплены на крышкѣ бутыли элемента, составляютъ положительный полюсъ; между ними находится цинковая пластинка Zn—полюсъ отрицательный. Цинкъ этотъ укрѣпленъ на концѣ стерженька T и, при посредствѣ его можетъ быть опускаемъ въ жидкость и подымаемъ изъ нея. Электролитомъ въ этомъ элементѣ служитъ смѣсь воды и сѣрной кислоты, къ которой въ качествѣ деполяризатора прибавлена двухромокаліевая соль. Электроды соединяются съ кламерами B и B', къ нимъ прикрѣпляются проволочные провода.

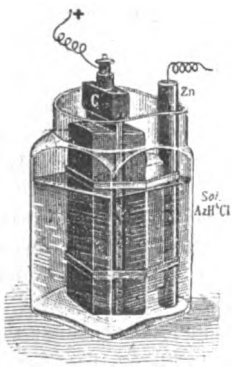


Рис. 23. Элементъ Лекланше.

Элементъ Лекланше.

Этотъ элементъ (рис. 23), въ своихъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ наичаще употребляемый при электрическихъ звонкахъ, извѣстенъ, вѣроятно, всякому. Электродами въ немъ служатъ цинкъ и уголь. Въ качествѣ деполяризатора примѣняется перекись марганца, при чемъ ее помѣщаютъ въ смѣси съ углемъ или въ пористый сосудъ, въ середину котораго опущенъ и угольный электродъ или изъ этой смѣси прессуютъ пластинки и укрѣпляютъ ихъ по обѣ стороны, какъ это показано на нашемъ рисункѣ, угольной пластинки-полюса. Электролитомъ въ элементѣ Лекланше служитъ растворъ нашатыря или даже обыкновенной поваренной соли. Какъ мы выше говорили, элементъ Ле-

Digitized by Google

кланше существуетъ въ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ изъ нихъ является слѣдующее, извѣстное подъ названіемъ сухого элемента Лекланше (рис. 24). Вся разница этого элемента отъ обыкновеннаго Лекланше въ томъ, что растворъ нашатыря помѣщенъ не прямо самъ по себѣ, а имъ напитано особое вещество, носящее названіе коффердама, представляющее изъ себя сердцевину орѣховъ одного изъ видовъ тропическихъ пальмъ и отличающееся особенно сильной абсорбирующейся способностью. Эта пористая, пропитанная растворомъ нашатыря, масса помѣщается въ ящикъ, и въ серединѣ ея укладывается угольная пластина съ деполяризаторомъ, а сверху и снизу двѣ цинковыхъ пластины.

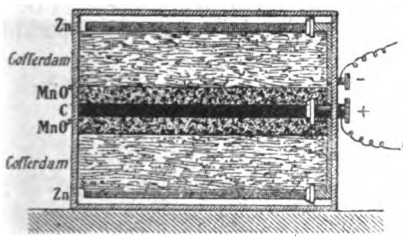


Рис. 24. Сухой элементъ Лекланше.

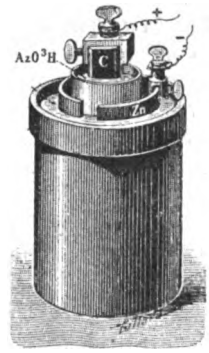


Рис. 25. Элементъ Бунзена.

Элементъ Бунзена.

Элементъ Бунзена (рис. 25) является элементомъ съ двумя жидкостями, и потому въ немъ имѣется два сосуда: наружный каменный заключаетъ подкисленную воду и опущенный въ нее цинкъ, внутренній пористый — съ азотной кислотой и угольнымъ столбикомъ. Элементъ этотъ даетъ сильный и довольно постоянный токъ, но имѣетъ то неудобство, что при работѣ выдѣляетъ пары окисловъ азота.

Рис. 26. Бунзенъ.

Элементъ Даніэля.

Въ немъ (рис. 27), какъ и въ элементѣ Бунзена, два сосуда и двѣ жидкости: въ наружномъ сосудѣ помѣщается подкисленная вода и цинковый электродъ, а во внутреннемъ, пористомъ—растворъ мѣднаго купороса (деполяризаторъ) и мѣдный полюсъ.

Digitized by Google

Элементъ Мейдингера.

Элементъ Даніэля въ только-что изображенной формѣ не совсѣмъ удобенъ въ употребленіи, такъ какъ хрупкій пористый сосудъ и необходимость часто возобновлять растворъ мѣднаго купороса затрудняютъ обращеніе съ нимъ, въ особенности тамъ, гдѣ, какъ въ телеграфномъ дѣлѣ, имѣется масса элементовъ въ постоянной работѣ. Въ Россіи на телеграфѣ поэтому всего чаще примѣняютъ элементы Даніэля въ видоизмѣненіи Мейдингера. Изобрѣтатель этого элемента, профессоръ въ Кальсруэ Мейдингеръ устранилъ пористый

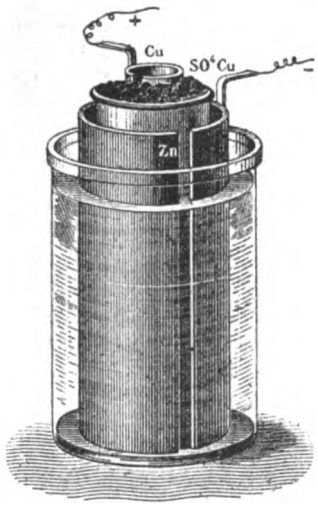


Рис. 27. Элементъ Даніэля.

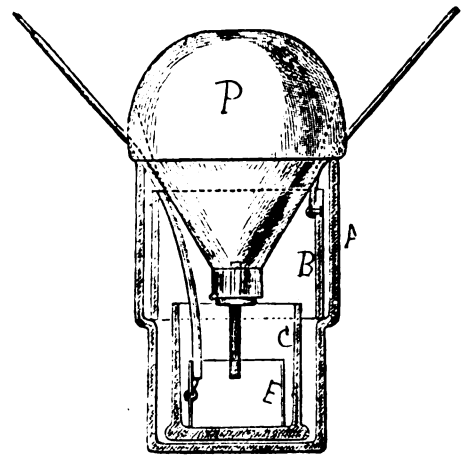


Рис. 28. Элементъ Мейдингера.

сосудъ помощью очень остроумнаго по идеѣ приспособленія. Онъ помѣстилъ цинковый электродъ надъ мѣднымъ и окружилъ первый такою жидкостію, которая легче раствора мѣднаго купороса и можетъ на немъ плавать. Рис. 28 изображаетъ устройство этого элемента. Стеклянный цилиндрическій сосудъ А въ верхней своей части шире, чѣмъ въ нижней; на образующійся такимъ образомъ въ серединѣ его уступъ ставится согнутый въ видѣ цилиндра цинкъ В. На днѣ стакана А имѣется небольшая стеклянная чашка С и въ нее помѣщается мѣдная изогнутая пластинка Е, съ припаянной къ ней и изолированной гуттаперчей проволокой. Подобная же проволока припаяна и къ цинку. Въ стаканъ А опускается горлышкомъ внизъ баллонъ Р, наполненный кристаллами мѣднаго купороса и заткнутый пробкой съ небольшой трубкой, опускающейся въ чашку С. Стаканъ А наполняютъ растворомъ сѣрномагнезіальной соли на столько, чтобы она вошла внутрь балона Р на нѣсколько сантиметровъ. Мѣдный купоросъ растворяется въ этой жидкости и растворъ его, будучи болѣе тяжелаго удѣльнаго вѣса, опускается по трубочкѣ на дно чашки С и приходитъ тутъ въ соприкосновеніе съ мѣдной пластинкой. Какъ описаніе показываетъ, суть здѣсь та же, что и у Даніэля, сѣрнокислый магній замѣняетъ кислую воду, запасъ мѣднаго купороса въ баллонѣ служитъ для автоматическаго возобновленія его раствора.

Рис. 29. Элементъ Калло.

Digitized by Google

Элементъ Калло.

Этотъ элементъ (рис. 29) представляетъ изъ себя также видоизмѣненіе элемента Даніэля. Въ верхней части стекляннаго стакана находится цинковый кружокъ, а въ нижней кружокъ мѣдный или свинцовый. На дно кладутъ слой кристалловъ мѣднаго купороса и на нихъ наливаютъ растворъ цинковаго купороса. Мѣдный купоросъ, растворяясь, даетъ слой, остающійся внизу и не соприкасающійся съ цинкомъ.

Батареи элементовъ.

Каждый элементъ, каково бы ни было его устройство, можетъ быть употребленъ въ дѣло или отдѣльно или въ соединеніи съ другими, обыкновенно одинаковыми съ нимъ элементами. Соединеніе нѣсколькихъ элементовъ носитъ названіе батареи. Соединять элементы между собою можно двоякимъ образомъ: послѣдовательно или параллельно. При послѣдовательномъ соединеніи положительный полюсъ перваго элемента соединяется съ отрицательнымъ полюсомъ слѣдующаго и т. д., (см. рис. 30). При соединеніи параллельномъ (рис. 31) соединяются между собою полюсы однозначные: положительные съ поло-

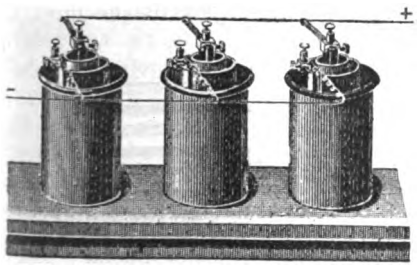


Рис. 31. Параллельное соединеніе элементовъ.

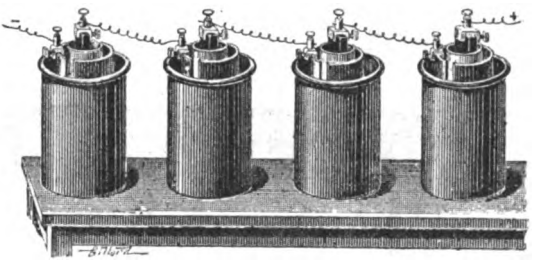


Рис. 30. Послѣдовательное соединеніе элементовъ.

жительными, а отрицательные съ отрицательными. При послѣдовательномъ соединеніи электродвижущія силы элементовъ, равно какъ и внутреннее сопротивленіе суммируются, соединеніе же параллельное совершенно равнозначуще съ увеличеніемъ размѣровъ соотвѣтственныхъ отдѣльныхъ частей одного элемента. Батарея изъ элементовъ, соединенныхъ параллельно, обладаетъ электродвижущей силой равной силѣ одного элемента, но внутреннее сопротивленіе у нея меньше, чѣмъ у каждаго элемента, ее составляющаго (полагаемъ элементы въ батареѣ равной величины) во столько разъ, сколько элементовъ въ батареѣ.

Ясно, въ какихъ случаяхъ надо соединять элементы послѣдовательно и когда параллельно. При сильномъ внѣшнемъ сопротивленіи—элементы соединяютъ послѣдовательно, при слабомъ внѣшнемъ сопротивленіи параллельно. Если внѣшнее сопротивленіе близко къ внутреннему сопротивленію каждаго элемента, то употреблять слѣдуетъ смѣшанное соединеніе съ такимъ разсчетомъ, чтобы общее внутреннее сопротивленіе батареи было возможно близко къ сопротивленію внѣшнему.

То, что мы говорили о соединеніи элементовъ, можно перенести и на проводники или внѣшнее сопротивленіе. Проводники, введенные въ цѣпь послѣдовательно, окажутъ общее сопротивленіе равное суммѣ всѣхъ частныхъ сопротивленій каждаго отдѣльнаго проводника. Сопротивленіе проводниковъ, расположенныхъ параллельно, равно произведенію ихъ сопротивленій, дѣленному на сумму этихъ же сопротивленій.

Digitized by Google

Термоэлектрическіе элементы.

Разбирая столбъ Вольты, мы указывали на ошибочное его мнѣніе, что токъ возникаетъ въ этомъ приборѣ отъ соприкосновенія цинковыхъ и мѣдныхъ кружковъ, и уяснили значеніе сукна, пропитаннаго подкисленной водой. Можно, однако, вызвать токъ и въ прямо соприкасающихся двухъ металлахъ безъ участія какого бы то ни было электролита: для этого стоитъ только мѣсто ихъ соприкосновенія нагрѣть. На нагрѣваніи спаевъ различныхъ металловъ основано устройство термоэлектрическихъ элементовъ.

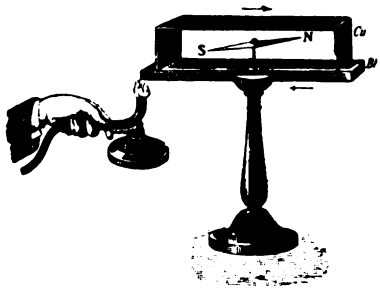


Рис. 32. Опытъ Зебека.

Устройство ихъ было вызвано слѣдующимъ опытомъ берлинскаго физика Зебека, произведеннымъ имъ въ 1821 году. Онъ согнулъ въ видѣ двуконечнаго крючка мѣдную пластинку и припаялъ отогнутые ея концы къ брусочку изъ висмута. Нагрѣвая одну изъ спаекъ (рис. 32), онъ замѣтилъ возникновеніе тока, идущаго по мѣди отъ нагрѣтой спайки къ холодной. Термоэлектрическій элементъ былъ изобрѣтенъ.

Рис. 33 и 35 представляютъ два подобныхъ элемента. Сущность ихъ устройства ясна изъ схематическаго рис. 34, относящагося, впрочемъ, непосредственно къ элементу Меллони. Рѣшетки изъ двухъ различныхъ металловъ спаяны послѣдовательно другъ съ

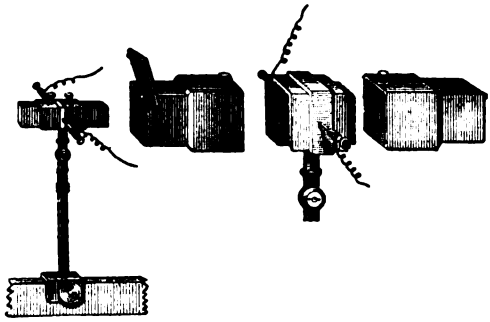


Рис. 33. Термо-эл. батарея Меллони.

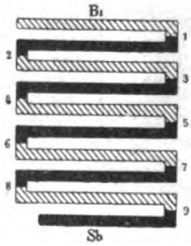


Рис. 34. Схема устройства термо-электрической батареи Меллони.

другомъ. При нагрѣваніи мѣстъ спайки по проволокѣ, соединяющей крайнія рѣшетки, идетъ токъ. Нобили увеличилъ силу тока подобнаго элемента, умноживъ число рѣшетокъ и спаекъ. Металлы были имъ употреблены—сурьма и висмутъ.

Какъ обыкновенные или, какъ ихъ иногда называютъ, гидро-электрическіе элементы въ настоящее время извѣстны въ большомъ числѣ видоизмѣненій, такъ и элементы термоэлектрическіе существуютъ въ разновидностяхъ достаточно многочисленныхъ; различіе между ними обыкновенно въ примѣняемыхъ металлахъ. Беккерель употребляетъ сѣрнистое желѣзо и мельхіоръ, Кламонъ—желѣзо и сплавъ цинка съ сурьмой, тотъ же сплавъ, но съ мельхіоромъ и т. д.

Электромагнитизмъ. Индукція.

Выше мы показали уже то дѣйствіе, которое оказываетъ на магнитную стрѣлку электрическій токъ. Дѣйствіе это было открыто совершенно случайно датскимъ ученымъ Гансомъ-Христіаномъ Эрстедтомъ. 15-го февраля 1820 года ученый этотъ во время своей лекціи по физикѣ въ Копенгагенскомъ университетѣ демонстрировалъ слушателямъ раска-

Digitized by Google

ливаніе при помощи гальваническаго тока докрасна платиновой проволоки. Взглядъ его случайно упалъ при этомъ на находившуюся вблизи оставленную отъ какого-то предыдущаго опыта магнитную стрѣлку; стрѣлка эта при каждомъ замыканіи тока рѣзко мѣняла свое положеніе и испытывала какія-то анормальныя колебанія.

Едва окончивши свою лекцію, Эрстедтъ тутъ же началъ рядъ болѣе точныхъ наблюденій надъ вліяніемъ тока на магнитную стрѣлку.

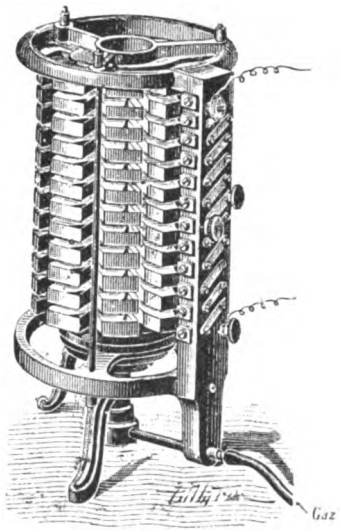


Рис. 35. Термо-электрическая батарея Кламона.

Законъ Ампера.

11-го сентября 1820 года опытъ Эрстедта былъ повторенъ де-ля-Ривомъ въ Парижѣ въ засѣданіи Академіи Наукъ. Заинтересовавшійся этимъ опытомъ Амперъ, тщательно проанализировавъ явленіе отклоненія магнитной стрѣлки токомъ, выразилъ законъ, открытый Эрстедтомъ, такимъ образомъ: если мы представимъ себѣ наблюдателя лежащимъ на проводникѣ и обращеннымъ лицомъ къ магнитной стрѣлкѣ (рис. 36), и пропустимъ черезъ проводникъ токъ по направленію отъ ногъ наблюдателя къ его головѣ, то сѣверный полюсъ стрѣлки всегда отклонится въ лѣвую отъ этого наблюдателя сторону. Если мы помѣстимъ нашу стрѣлку въ серединѣ прямоугольника, согнутаго изъ проводника (рис. 37), то каждая сторона его будетъ дѣйствовать на стрѣлку отдѣльно, и въ суммѣ дѣйствіе окажется по силѣ учетвереннымъ. Увеличивая число четыреугольниковъ изъ проводника или замѣняя ихъ спирально завитой проволокой, дѣйствіе тока можно увеличивать до безконечности. Идея увеличивать такимъ образомъ дѣйствіе тока на магнитную стрѣлку принадлежитъ Амперу.

Гальванометръ.

На только-что изложенномъ принципѣ основано устройство изобрѣтеннаго нѣмецкимъ ученымъ Швейггеромъ гальванометра или, какъ его иногда называютъ, мультипликатора.

На деревянную рамку, въ центрѣ которой подвижно на вертикальной оси укрѣпляется магнитная стрѣлка, наматываютъ большое число разъ хорошо, посредствомъ резиновой и

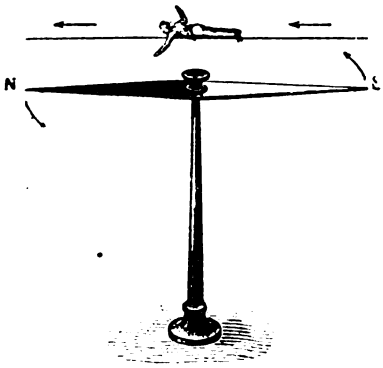


Рис. 36. Правило Ампера.

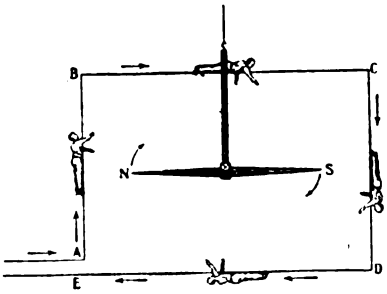


Рис. 37. Схема мультипликатора.

Digitized by Google

шелковой обмотки, изолированную проволоку. При пропусканіи черезъ эту проволоку тока происходитъ, согласно правилу Ампера, отклоненіе магнитной стрѣлки, и при томъ стрѣлка отклоняется тѣмъ дальше отъ своего нормальнаго положенія, чѣмъ сильнѣе токъ, проходящій черезъ обмотку. Эта разница въ отклоненіяхъ стрѣлки въ зависимости отъ силы тока позволяетъ сравнивать различные токи между собой, позволяетъ ихъ измѣрять: отсюда и названіе описаннаго прибора — гальванометръ. Нобили увеличилъ чувствительность первоначальнаго гальванометра Швейггера, нейтрализировавъ въ большей его части дѣйствіе на магнитную иглу земного магнетизма, который, какъ само собой понятно, противится отклоненію стрѣлки токомъ. Въ гальванометрѣ Швейггера дѣйствіе земного магнетизма нейтрализовалось токомъ, тратившимъ на это извѣстную часть своей силы; въ инструментѣ Нобили этого не происходитъ. Вмѣсто одной магнитной стрѣлки Нобили взялъ двѣ и помѣстилъ ихъ одна надъ другой, соединивъ такъ, что сѣверный полюсъ одной совпадаетъ съ южнымъ другой и обратно. Такое соединеніе стрѣлокъ носитъ названіе астатическаго (схематически оно изображено на рис. 38), ибо при немъ стрѣлки находятся внѣ дѣйствія земного магнетизма и могутъ быть въ равновѣсіи въ любомъ положеніи. Вся сила тока въ гальванометрѣ съ двойной стрѣлкой уходитъ на ея отклоненіе, и потому имъ можно открыть и измѣрить токъ минимальнаго напряженія.

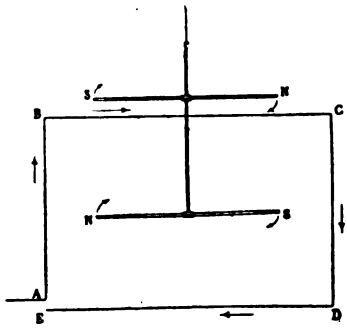


Рис. 38. Схема устройства гальванометра.

Гальванометръ въ его современномъ видѣ изображенъ на рис. 39; состоитъ онъ изъ вышеупомянутымъ способомъ скрѣпленныхъ двухъ магнитныхъ стрѣлокъ, при чемъ нижняя стрѣлка находится въ серединѣ рамки съ обмоткой, а верхняя—надъ этой рамкой. Стрѣлки эти подвѣшены на шелковой ниткѣ, и верхняя движется по раздѣленному на градусы мѣдному кругу. Весь гальванометръ покрывается стеклянным колпакомъ и снаружи имѣется только пуговка отъ крючка, къ которому прикрѣплена шелковая нитка, несущая стрѣлки, и двѣ кламеры, которыми заканчиваются концы обмотки мультипликатора и черезъ которыя въ мультипликаторъ пропускаютъ измѣряемый токъ.

Посредствомъ упомянутой пуговки приводятъ стрѣлку къ нулю и затѣмъ пропускаютъ черезъ мультипликаторъ токъ. Отклоненіе стрѣлки будетъ приблизительно пропорціонально силѣ тока.

Существуютъ и еще болѣе точные гальванометры, описывать которыхъ мы не имѣемъ возможности.

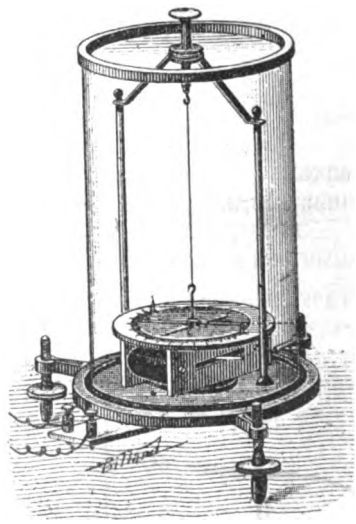


Рис. 39. Гальванометръ Нобили.

Намагничиваніе желѣза токомъ.

Опытами Эрстедта кромѣ Ампера, и пожалуй даже раньше его, заинтересовался и занялся другой извѣстный французскій ученый—Араго. Онъ открылъ, что проводникъ, по которому идетъ электрическій токъ, не только оказываетъ дѣйствіе на магнитную иглу, но и самъ обладаетъ магнитными свойствами, напримѣръ, какъ настоящій магнитъ, притягиваетъ желѣзные опилки. Оказалось далѣе, что проводникъ, по которому идетъ токъ, передаетъ свои магнитныя свойства желѣзу; если полосу этого послѣдняго обвить изолированной проволокой и пропустить по ней токъ, то она пріобрѣтаетъ магнитныя свойства, притягиваетъ желѣзо, отклоняетъ магнитную стрѣлку и т. д.

Digitized by Google

Возбужденіе электрическаго тока посредствомъ магнита.

Опытами Ампера и Араго было установлено, что токъ, пропущенный черезъ проволоку, спирально намотанную на катушку, возбуждаетъ магнитныя свойства въ желѣзномъ стержнѣ, вставленномъ въ середину этой катушки. Вполнѣ естественъ былъ вопросъ, не происходитъ ли обратное явленіе, и нельзя ли вызвать тока въ подобной катушкѣ введеніемъ въ середину ея настоящаго магнита. Такой вопросъ пришелъ въ голову молодого женевскаго ученаго Колладона, и онъ для рѣшенія его поставилъ прямой опытъ: соединилъ катушку съ изолированной проволокой съ гальванометромъ и ввелъ въ ея середину магнитъ (рис. 40). Результатъ получился отрицательный, возникновенія тока Колладонъ не замѣтилъ. Каково же было его удивленіе, когда приблизительно мѣсяцъ спустя появилось сообщеніе извѣстнаго англійскаго ученаго Фарадея, продѣлавшаго

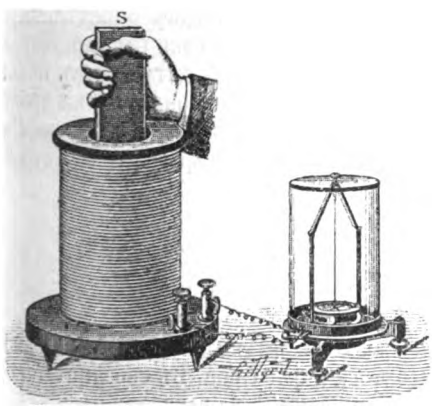


Рис. 40. Индукція тока магнитомъ.

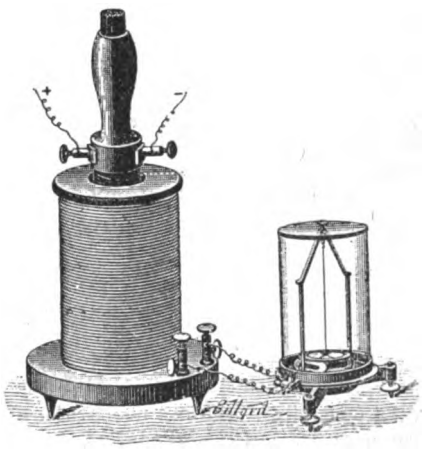


Рис. 41. Индукція тока токомъ.

точно такой же, какъ и Колладонъ, опытъ, но съ полнымъ результатомъ—вставленіе магнита въ катушку вызывало появленіе въ ея обмоткѣ тока.

Странное съ перваго взгляда противорѣчіе объяснялось просто. Подъ вліяніемъ магнита въ катушкѣ возникаетъ токъ только на то мгновеніе, пока магнитъ вводится въ катушку, а разъ онъ введенъ и оставленъ въ покоѣ, токъ падаетъ. Колладонъ работалъ въ домашней, бѣдно обставленной лабораторіи и безъ всякихъ помощниковъ. Гальванометръ у него, чтобы избѣжать непосредственнаго на него вліянія магнита, былъ установленъ въ сосѣдней съ катушкой комнатѣ и соединенъ съ нею длинными проводами; очевидно, и у Колладона въ тотъ моментъ, пока онъ вкладывалъ въ катушку магнитъ, происходило отклоненіе стрѣлки гальванометра, но пока онъ затѣмъ шелъ въ сосѣднюю комнату производить наблюденіе, стрѣлка успѣвала успокоиться, такъ какъ токъ послѣ введенія магнита падалъ.

Токъ, возбуждаемый магнитомъ, и не можетъ не быть въ зависимости отъ движенія этого послѣдняго; откуда можетъ взяться электрическая энергія, какъ не изъ той механической, которая затрачивается на вдвиганіе магнита; вѣдь самъ магнитъ при этомъ не испытываетъ ровно никакихъ измѣненій ни въ своихъ магнитныхъ, ни въ какихъ другихъ свойствахъ. Съ помощью особо чувствительныхъ приборовъ можно непосредственно замѣтить и даже измѣрить то усиліе, которое экспериментатору приходится преодолѣть при вдвиганіи магнита въ катушку и при его выдвиганіи; усиліе это будетъ тѣмъ больше,

Digitized by Google

чѣмъ катушка замкнута на меньшее сопротивленіе; индуктивные, т. е. возбуждаемые магнитомъ въ катушкѣ токи при этомъ получаются большаго напряженія.

Передвигая магнитъ по отношенію къ замкнутому достаточной длины намотанному на катушкѣ проводнику, мы такимъ образомъ можемъ вызывать токъ. Это наилучшій способъ превращать механическую энергію въ электрическую.

Возбужденіе магнитомъ тока въ замкнутомъ проводникѣ называется индукціей, а самъ возникающій въ проводникѣ токъ носитъ названіе индуктивнаго.

Индукція тока токомъ.

Не только магнитъ возбуждаетъ въ замкнутомъ проводникѣ токъ, но то же дѣйствіе оказываетъ и электрическій токъ. Фарадей показалъ это прямымъ опытомъ. Въ катушку, ту же, что̀ и въ предыдущемъ опытѣ съ магнитомъ, и также соединенную съ гальванометромъ, онъ опускалъ другую, меньшаго діаметра, по которой пропускался токъ. (Рис. 41). При опусканіи этой второй катушки гальванометръ показывалъ возникновеніе индукціоннаго тока, при чемъ токъ направлялся въ какую-нибудь одну опредѣленную сторону; при выниманіи внутренней катушки—новое отклоненіе стрѣлки гальванометра, но уже въ сторону противоположную. При нахожденіи внутренней катушки въ покоѣ не бываетъ никакого индукціоннаго тока. И здѣсь возникновеніе индукціоннаго тока происходитъ насчетъ механической, затрачиваемой на передвиженіе катушки съ токомъ энергіи.

Опыты Араго привели къ изобрѣтенію электромагнита, опытъ Фарадея—къ устройству магнето- и динамо-электрическихъ машинъ.

Электромагнитъ.

Электромагнитъ представляетъ изъ себя деревянную катушку, на которую намотана большимъ числомъ оборотовъ мѣдная изолированная проволока. Въ середину такой катушки (рис. 42) вставляютъ брусокъ изъ чистаго и мягкаго, не закаленнаго желѣза. Этотъ брусокъ, лишь только по обмоткѣ катушки пропустить токъ, намагничивается и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сильнѣе пропускаемый токъ и больше число оборотовъ проволоки на катушкѣ. Магнитныя свойства бруска пропадаютъ, какъ только токъ въ катушкѣ прекращается.

Въ настоящее время электромагниты приготовляются въ нѣсколько иной формѣ. Обмотку дѣлаютъ прямо на желѣзномъ стержнѣ, и два такихъ стержня, обмотанныхъ одной и той же проволокой въ одну и ту же сторону, соединяются вмѣстѣ желѣзной же перекладиной (рис. 43) или замѣняются такіе парные стержни однимъ изогнутымъ въ видѣ подковы (рис. 44). Не соединенныя стороны стержней при пропусканіи черезъ обмотку тока становятся сѣвернымъ и южнымъ полюсами магнита. Не трудно опредѣлить силу подобнаго электромагнита: изслѣдуемый электромагнитъ подвѣшиваютъ къ П-образной подставкѣ (рис. 44) и заставляютъ его пропусканіемъ тока черезъ обмотку притягивать желѣзную пластинку, къ которой подвѣшивается чашка съ большимъ или меньшимъ количествомъ гирь. Гири подкладываютъ до тѣхъ поръ, пока вѣсъ ихъ не оторветъ якоря (желѣзной пластинки) отъ электромагнита.

Машины магнито-электрическія. Машина Пиксіи.

Мы говорили уже, что открытіе появленія тока въ проводникѣ подъ вліяніемъ магнита повело къ изобрѣтенію магнито-электрическихъ машинъ; первой изъ нихъ была машина, построенная конструкторомъ физическихъ инструментовъ Пиксія въ 1832 году.

Digitized by Google

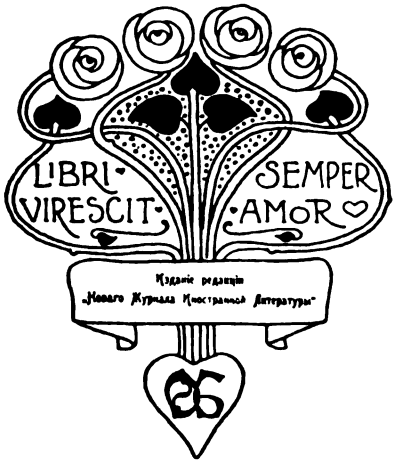
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПОВѢСТИ

НА УЛИЦАХЪ ГОРОДА XXI СТОЛѢТІЯ

(ЛѢТО ОТЪ Р. Х. 2090 — 2095)

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ **УЭЛЛЬСА**

(Съ рисунками Сулливана)



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

Digitized by Google

Digitized by Google

Постепенное улучшеніе путей сообщенія, начиная съ желѣзныхъ дорогъ и кончая автомобилями, бѣгающими въ XXI столѣтіи со страшной скоростью по патентованнымъ дорогамъ, гладкимъ, какъ скатерть, представляетъ собою самое выдающееся изъ произведеній человѣческаго творчества, радикально измѣнившихъ жизнь на земномъ шарѣ. Это улучшеніе, вмѣстѣ съ коопераціей капиталовъ, захватившей въ свои руки весь человѣческій трудъ безъ остатка, и съ замѣной ручной земледѣльческой работы машинною, необходимо должно было перемѣстить жизнь изъ деревни въ городъ, развить послѣдній до размѣровъ, неслыханныхъ въ XIX столѣтіи, и сконцентрировать въ немъ все населеніе страны. Такое переустройство міра можно было предвидѣть уже и во времена королевы Викторіи, но чего тогдашніе соціологи не предчувствовали, такъ это тѣхъ несчастій, къ которымъ приведетъ такое переустройство. Не предвидѣли они также, къ чему приведетъ окончательная эмансипація человѣка отъ власти такъ называемыхъ предразсудковъ, на которыхъ основывались нравственныя понятія, издревле руководившія жизнью общественной—понятія о собственности, объ отвѣтственности, о долгѣ, о чести, о нравственной красотѣ и проч. Не знали они, что гражданинъ, добрый и мягкій въ частной жизни, въ качествѣ акціонера, хозяина капитала, можетъ явиться жестокимъ и неумолимымъ злодѣемъ; что торговля, въ виду конкуренціи, поневолѣ ведомая частными лицами сравнительно честно, попавъ въ руки безличнаго монополиста—всесвѣтнаго капитала—можетъ превратиться въ грабежъ; что эксплоатація однихъ лицъ другими, столь ихъ возмущавшая, перейдя къ тому же монополисту, должна превратиться въ полное рабство; что даже самая филантропія въ рукахъ этого монополиста сдѣлается средствомъ къ разоренію и угнетенію большинства. Однимъ словомъ, не знали они, что расширеніе правъ и съуженіе обязанностей человѣка будетъ выгодно только сильному, а для слабаго послужитъ лишь къ окончательной гибели. Соціологи XIX столѣтія знали, правда, что скученіе людей ведетъ къ развитію заразныхъ болѣзней, но они знали также, что санитарная наука сумѣетъ справиться съ этимъ неудобствомъ, какъ и случилось въ дѣйствительности. Они упустили изъ виду, однако же, что скученіе людей и капиталовъ при отсутствіи нравственныхъ принциповъ, основанныхъ на предразсудкахъ, ведетъ къ развитію чудовищной роскоши и распущенности, къ появленію эпидемій разврата, пьянства, игры, съ которыми никакая санитарія не будетъ въ состояніи справиться. Между тѣмъ все это такъ и случилось; громадный и несчастный городъ двадцать перваго столѣтія возникъ какъ бы благодаря какому-то роковому, неорганическому процессу, хотя и начатому творческими силами человѣка. Надо думать, что сами эти силы, не смотря на свою сознательность, не были свободны.

Новое общество дѣлилось на три слоя. Къ высшему принадлежали собственники капитала, страшно разбогатѣвшіе, хотя скорѣе по случаю, чѣмъ благодаря своимъ личнымъ качествамъ, обладавшіе внѣшнимъ могуществомъ, при душевной дряблости. Внизу разстилалось цѣлое море рабочихъ-бѣдняковъ, окончательно закабаленныхъ капиталомъ и безысходно работавшихъ изъ-

Digitized by Google

за куска хлѣба. А между этими двумя слоями стоялъ средній классъ—служащіе различнаго рода и люди свободныхъ профессій: управляющіе, надсмотрщики, чиновники, врачи, легисты, артисты, учителя, а также и собственники мелкаго разбора, старавшіеся жить на широкую ногу, а потому падавшіе все ниже и ниже.

Дентонъ и Елизавета, принадлежали именно къ этому послѣднему классу, такъ какъ у Дентона не было никакой собственности, — передъ своею свадьбою онъ былъ простымъ служащимъ въ управленіи воздухоплавательныхъ пристаней, а приданое Елизаветы заключалось въ небольшомъ количествѣ акцій, которыя мистеръ Маурисъ взялъ на ея имя, но до двадцати одного года она не могла ими распоряжаться, и потому молодые люди жили въ долгъ, платя большіе проценты.

Это не мѣшало имъ, однако же, быть первое время очень счастливыми. Обладая скромными и нѣсколько отсталыми вкусами, они не предпринимали ни далекихъ и дорого стоившихъ путешествій по воздуху, ни поѣздокъ въ Сады Наслажденія, а тихо сидѣли въ своемъ маленькомъ гнѣздышкѣ, находившемся въ сорокъ второмъ этажѣ одного изъ домовъ Седьмой улицы и украшенномъ въ стилѣ королевы Викторіи, читая книги, сохранившіяся еще кое въ какихъ библіотекахъ, и почти не интересуясь общественной жизнью. А когда появилась на свѣтъ хорошенькая маленькая дѣвочка, скрѣпившая ихъ союзъ, если онъ только нуждался въ скрѣпленіи, то Елизавета не захотѣла отдать ее въ Ясли, какъ дѣлали почти всѣ, а стала кормить сама. Правда, плата за помѣщеніе была по этому случаю повышена, но—что̀ жъ такое?—пришлось сдѣлать немножко больше долгу, только и всего.

Тѣмъ временемъ Елизавета стала совершеннолѣтнею. Дентонъ долженъ былъ имѣть весьма непріятное дѣловое объясненіе съ ея отцомъ. Затѣмъ послѣдовало еще болѣе непріятное объясненіе съ кредиторомъ, у котораго молодая чета занимала деньги подъ залогъ будущихъ благъ. Съ этого объясненія Дентонъ вернулся замѣтно встревоженный и поблѣднѣвшій, такъ что Елизавета, думавшая заинтересовать его новымъ оттѣнкомъ, съ которымъ ихъ дочка кричала «гу-гу», должна была отказаться отъ этого намѣренія.

— Какъ вы думаете, сколько у насъ осталось денегъ при окончательномъ разсчетѣ?—спросилъ Дентонъ, не слушая ея сообщеній.

— Что̀ вы хотите сказать?—воскликнула она испуганно, переставая даже нянчить ребенка, котораго, для демонстраціи, вынула было изъ колыбели.

— Да то и хочу сказать, что мы были идіоты... Занимали, занимали обѣими руками, а капиталъ-то и растаялъ. На однихъ процентахъ растаялъ. Отецъ вашъ говоритъ, что это не его дѣло, послѣ того, что̀ случилось. Онъ опять женится... А у насъ хорошо, коли одна тысяча останется.

— Только одна тысяча?

— Только одна тысяча.

Елизавета, молча, сѣла. Страшно поблѣднѣвъ, она посмотрѣла на мужа, затѣмъ прошлась взглядомъ по комнатѣ съ ея обстановкой во вкусѣ королевы Викторіи и съ настоящими олеографіями того времени, и, наконецъ, остановила этотъ взглядъ на хорошенькомъ кусочкѣ мяса, находившемся въ ея рукахъ.

Дентонъ постоялъ немножко, печально склонивъ голову, а затѣмъ началъ медленно ходить по комнатѣ.

— Надо достать себѣ работу...—сказалъ онъ, помолчавъ немножко. Я — лѣнивый негодяй — долженъ былъ подумать объ этомъ раньше. Вѣдь этакое себялюбіе! Мнѣ не хотѣлось разставаться съ вами...

Взглянувъ на поблѣднѣвшее лицо жены, онъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ; хорошенькое личико тотчасъ же склонилось къ нему на грудь.

— Ну, ничего, ничего, моя дорогая...—продолжалъ онъ,—теперь вы не одни—Динги скоро начнетъ уже говорить. А я найду себѣ какое-нибудь занятіе. За этимъ дѣло не станетъ... Мы все поправимъ...Только сначала-то это какъ будто поразило немножко, а въ сущности—дѣло поправимое. Вотъ я отдохну да и подумаемъ вмѣстѣ, какъ быть. Теперь еще думать покойно не могу.

— Тяжело было бы отказаться отъ этой квартиры,—сказала Елизавета,—но...

— Да это и не будетъ нужно, ужъ повѣрьте мнѣ.

— Дорога она немножко, — замѣтила Елизавета, но Дентонъ, сдѣлавъ отрицательный жестъ рукою, сталъ строить планы от-

Digitized by Google

носительно будущей работы. Нельзя сказать, чтобы планы эти особенно ясно рисовались въ его мозгу, но онъ все-таки былъ увѣренъ, что найдетъ же себѣ какое-нибудь занятіе, которое дастъ имъ средства безбѣдно вести тотъ образъ жизни, который они вели до сихъ поръ.

— Въ Лондонѣ тридцать три милліона жителей,—сказалъ Дентонъ,—не можетъ же быть, чтобы я кому-нибудь изъ нихъ на что-нибудь не понадобился.

— Разумѣется, этого быть не можетъ,— подтвердила Елизавета.

— Бѣда лишь въ томъ...—продолжалъ Дентонъ,—что этотъ Биндонъ, за котораго отецъ хотѣлъ выдать васъ замужъ...онъ теперь—важная персона, директоръ канцеляріи Управленія Воздухоплавательныхъ Пристаней. Мнѣ къ нему обращаться неловко.

— Развѣ? Я этого не знала,—замѣтила Елизавета.

— Какъ же! Недавно назначенъ... кабы не это, такъ дѣло легко бы устроилось, потому что на пристаняхъ меня знаютъ. Но, что за бѣда, свѣтъ, вѣдь, не въ одномъ только окошкѣ; и кромѣ пристаней можно найти работу. Не горюйте, моя дорогая,— все устроится. Я вотъ отдохну немножко, пообѣдаемъ, а потомъ и пойду искать дѣла. У меня вѣдь множество знакомыхъ— пропасть! весь городъ!

Отдохнули, пообѣдали въ общественной столовой, и Дентонъ отправился искать себѣ мѣста.

Скоро оказалось, однако же, что найти занятіе, въ одно и то же время почетное, легкое, пріятное, хорошо вознаграждаемое, не требующее спеціальности, не сопровождаемое рискомъ, при томъ прочное и оставляющее большой досугъ для домашней жизни, не особенно легко. Дентонъ строилъ множество блестящихъ проектовъ, избѣгалъ весь городъ въ погонѣ за вліятельными друзьями, которые всегда съ радостью его встрѣчали и были очень любезны до тѣхъ поръ, пока разговоръ не касался причины визита. Тогда они становились весьма сдержанны и даже подчасъ суровы. Разставаясь съ ними весьма холодно, Дентонъ уходилъ разсерженный и бранилъ ихъ въ глубинѣ души, а иногда изливалъ эту брань по телефону, на что, конечно, тратилъ деньги. По мѣрѣ того, какъ время проходило въ безплодныхъ поискахъ, онъ все болѣе и болѣе хмурился, такъ что, наконецъ, съ трудомъ уже сдерживалъ свое недовольство при Елизаветѣ, хотя она, благодаря инстинкту любящей женщины, весьма быстро догадывалась объ его недовольствѣ.

Въ одно прекрасное утро Елизаветѣ удалось, наконецъ, заставить мужа сознаться въ неудачѣ, которая его преслѣдовала. Дентонъ ожидалъ, что она расплачется, когда узнаетъ, что имъ не только нужно будетъ перемѣнить квартиру, но и продать всѣ драгоцѣнности эпохи королевы Викторіи — олеографіи, мебель, занавѣси, восковые цвѣты подъ стеклянным колпакомъ, гравюры въ золоченыхъ рамахъ, чучело птичекъ и прочія рѣдкости,—а она, между тѣмъ, вполнѣ покойно сама ему это предложила. Такое самопожертвованіе, повидимому, даже наполнило его душу восторгомъ.

— Пока Динги съ нами,—сказала она,— мнѣ все ни почемъ. Это хорошій урокъ намъ на будущее время.

Онъ поцѣловалъ ее, назвалъ молодцомъ, Боадацеей, однако же поостерегся напомнить о томъ, что и за новую квартиру, которая будетъ этажей на двѣнадцать ниже, придется платить дороже обыкновеннаго, исключительно благодаря Динги, громогласное краснорѣчіе которой далеко не всѣмъ доставляетъ такое удовольствіе, какое испытываютъ въ этихъ случаяхъ родители. Дентонъ предполагалъ удалить куда-нибудь Елизавету на время продажи вещей, съ которыми она такъ свыклась и съ которыми было связано такъ много пріятныхъ воспоминаній, но случилось иначе—самъ онъ ушелъ на это время изъ дому и ходилъ по улицамъ, мучаясь страхомъ за будущее, а Елизавета преспокойно торговалась съ покупателями, борясь за каждый грошъ. Когда молодая чета перебралась въ дешевенькія меблированныя комнаты, красныя съ бѣлымъ, то на Дентона сначала напала кипучая дѣятельность: онъ цѣлые дни искалъ мѣста, показываясь домой только къ обѣду, да къ ночи; зато на слѣдующей недѣлѣ имъ овладѣла летаргія, и цѣлые дни онъ сидѣлъ дома, надувшись. Елизавета въ это время была дѣятельна за двухъ и дѣлала все, что могла, для того, чтобы развеселить мужа. Въ концѣ концовъ это ей удалось—летаргія кончилась слезами. Дентонъ опять отправился бѣгать

Digitized by Google

по городу и, къ величайшему своему удивленію, скоро нашелъ мѣсто.

Надо замѣтить, однако же, что и требованія его за это время значительно понизились. Сначала онъ надѣялся найдти себѣ какое-нибудь оффиціальное положеніе въ правленіяхъ обществъ воздухоплаванія, воздушныхъ двигателей или водопроводовъ, наконецъ, хоть бы въ телеграфной и телефонной компаніи, которая замѣнила собою и книги и ежедневную прессу, но все это оказалось несбыточными мечтами. Затѣмъ онъ попробовалъ пуститься въ коммерческую дѣятельность, пробовалъ пристроиться компаньономъ къ какому-нибудь маленькому предпріятію, игралъ на биржѣ и потерялъ на этихъ попыткахъ цѣлые триста «ляйонсовъ» изъ приданаго Елизаветы. А теперь Дентонъ былъ радъ радехонекъ, что попалъ, наконецъ, приказчикомъ въ шляпный магазинъ синдиката, торговавшаго подъ фирмою «Сусанна». Въ этомъ магазинѣ продавались дамскія шляпки, чепчики и вообще всякія головныя украшенія—хотя улицы городовъ XXI столѣтія и были крытыми, а дамы все-таки не могли обойтись безъ такихъ украшеній, особенно въ театрахъ и публичныхъ мѣстахъ вообще.

Любопытно было бы перенести какого-нибудь шляпнаго торговца, съ Риджентъ-Стрита временъ королевы Викторіи, въ то учрежденіе, въ которомъ служилъ Дентонъ. Девятнадцатую улицу и теперь иногда называли Риджентъ-Стритомъ, но она теперь почти сплошь состояла изъ движущихся платформъ и имѣла почти восемьсотъ футовъ въ ширину. Только средняя ея часть была неподвижна, по виду напоминая троттуары девятнадцатаго столѣтія, съ тою только разницей, что на ней довольно часто встрѣчались отверстія лѣстницъ, ведущихъ внизъ, въ подземную часть города. Справа и слѣва отъ этой средней части, поднимались ряды непрерывныхъ и постоянно движущихся платформъ, изъ коихъ каждая двигалась на пять миль въ часъ скорѣе, чѣмъ ея сосѣдка, ближайшая къ неподвижной срединѣ улицы. Такимъ образомъ съ этой послѣдней легко можно было переходить по платформамъ, съ одной на другую, до самой наружной, находящейся непосредственно около домовъ и весьма быстро движущейся, на одной сторонѣ улицы—вправо, на другой—влѣво. Платформы шли по всѣмъ улицамъ, и на нихъ легко было проѣхать куда угодно. Шляпный магазинъ, подъ фирмою «Сусанна», занималъ нижній этажъ очень большого дома, и по концамъ его находились громадныя окна съ матовыми стеклами, на которыхъ постоянно появлялись все новыя и новыя изображенія знаменитыхъ красавицъ въ головныхъ уборахъ разныхъ фасоновъ. Изображенія эти производились посредствомъ кинематографа и собирали обыкновенно, на срединѣ улицы, большую толпу зрителей, интересующихся модами. Во весь фасадъ зданія, на четыреста футъ въ вышину, шла громадная надпись, буквами, постоянно мѣнявшими свой цвѣтъ. Надпись эта гласила:

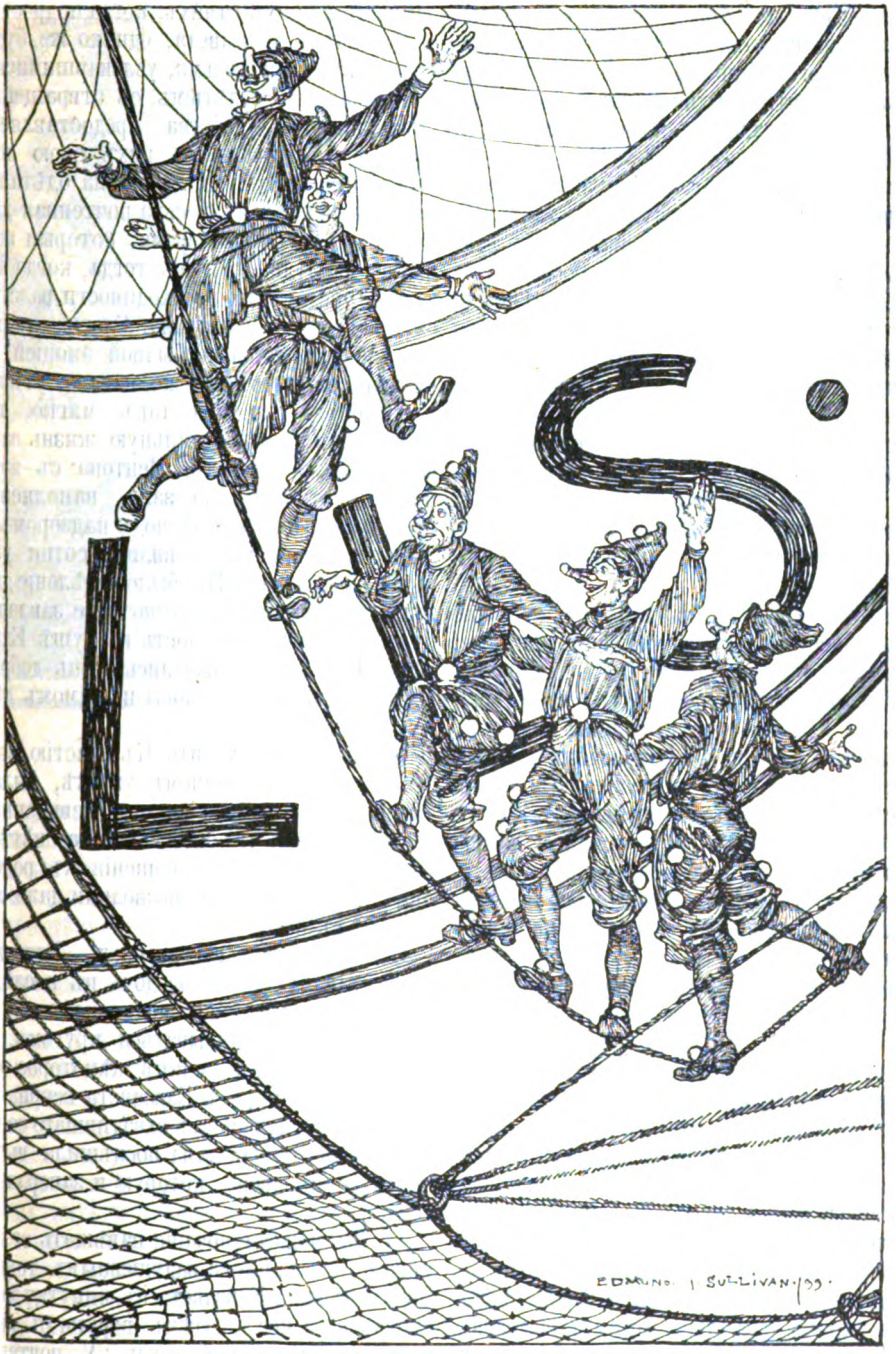
«Сусанна! Шляпы!»

Заглушая уличный шумъ и разговоры, тѣ же самыя слова постоянно неслись изъ отверстія трубы фонографа, помѣщенной надъ магазиномъ, а немного выше и ниже его по улицѣ, другія такія же трубы выкрикивали: «Ступайте къ Сусаннѣ!» или «Почему вы не купите вашей дочкѣ шляпы?»

Въ виду громаднаго количества глухихъ—въ Лондонѣ XXI столѣтія ихъ было очень много—сверху магазина, надъ самыми платформами, свѣшивались громадныя вывѣски съ такими же надписями, а кромѣ того, отъ времени до времени, то на чьей-либо спинѣ, то на лысинѣ проходившаго господина, то на доскахъ платформы появлялись огненныя надписи: «здѣсь дешево продаются шляпы» или просто: «шляпы!» Къ этимъ ухищреніямъ рекламы всѣ, однако же, дотого привыкли, прислушались и приглядѣлись, что очень многіе жители Лондона, тысячу разъ проходившіе мимо магазина, даже и не знали о его существованіи.

Проникнуть въ магазинъ можно было только по лѣстницѣ, ведшей въ подземныя галлереи, черезъ которыя дома сообщались съ улицей. По галлереѣ, принадлежавшей магазину, постоянно прогуливались красивыя молодыя дѣвушки въ модныхъ шляпкахъ. Онѣ получали маленькое жалованье за то, чтобы быть ходячими вывѣсками. Изъ галлереи покупатель попадалъ въ прихожую магазина, уставленную вертящимися восковыми куклами, на которыхъ тоже красовались различные головные уборы. Въ обѣ стороны отъ прихожей шли ряды маленькихъ комнатъ, изъ коихъ въ каждой нахо-

Digitized by Google



По канату, протянутому надъ головами публики, взадъ и впередъ ходили люди, одѣтые клоунами.

Digitized by Google

дился отдѣльный приказчикъ, зеркала, кинематографъ, телефонъ, рельсы съ двигающимися по нимъ на подставкахъ шляпками, необходимая мебель и различные прохладительные напитки. Однимъ изъ такихъ приказчиковъ сдѣлался и Дентонъ. Обязанности его заключались въ томъ, чтобы быть съ утра до вечера въ магазинѣ, разговаривать съ дамами, которымъ вздумается зайти въ его комнату, угощать ихъ напитками, стараться обворожить ихъ своей любезностью и, пользуясь произведеннымъ впечатлѣніемъ, склонять къ покупкѣ шляпъ. Для этого онъ долженъ былъ предлагать посѣтительницамъ разные типы послѣднихъ и приходить въ плохо скрытый восторгъ при видѣ эффекта, производимаго той шляпой, которую во что бы то ни стало нужно было продать. Особенное искусство требовалось для того, чтобы управлять зеркалами, приспособленными къ разнымъ типамъ лицъ и къ различной ихъ окраскѣ.

Дентонъ принялся за такое не особенно подходящее ему дѣло съ усердіемъ, которое, годъ тому назадъ, самого бы его удивило. Результаты вышли, однако же, не утѣшительные. Главная управительница магазина, выбравшая Дентона въ приказчики и первое время выказывавшая ему различные знаки благоволенія, узнавъ, что онъ женатъ, вдругъ совсѣмъ измѣнилась, безъ всякаго повода объявила, что онъ не годится для дѣла и, недѣль черезъ шесть, окончательно его прогнала. Опять пришлось Дентону искать себѣ мѣста.

На этотъ разъ поиски продолжались недолго. Капиталъ Елизаветы былъ уже почти весь издержанъ. Для того, чтобы растянуть его на болѣе долгое время, молодая чета рѣшилась разстаться со своей ненаглядной Динги и помѣстить эту дѣвицу въ Общественныя Ясли, которыхъ въ городѣ было множество. Эмансипація женщинъ давно уже обусловила полное распаденіе семьи, и потому почти всѣ дѣти воспитывались въ Ясляхъ, за исключеніемъ только тѣхъ, родители которыхъ были очень богаты или ужъ слишкомъ упрямо держались старыхъ обычаевъ. Въ Ясляхъ дѣти получали такую обстановку, которую было невыносимо устроить на частныя средства, хотя обстановка эта была приспособлена на разныя цѣны, для разныхъ классовъ общества, вплоть до простыхъ рабочихъ, которые трудомъ уплачивали за содержаніе своихъ дѣтей, или возлагали эту обязанность на нихъ самихъ, когда подростутъ.

Дентонъ и Елизавета, однако же, будучи старозавѣтными людьми, увлекавшимися девятнадцатымъ столѣтіемъ, съ отвращеніемъ смотрѣли на удобства, предоставляемыя Яслями, и отдавали въ нихъ свою дочку весьма не охотно. Ихъ приняла одѣтая въ форменный костюмъ, весьма почтенная дама, съ очень рѣзкими манерами, которыя измѣнились къ лучшему лишь тогда, когда Елизавета, при мысли о необходимости разстаться съ дочерью, заплакала. Слегка удивившись передъ такой необычной эмоціей, почтенная дама тотчасъ же начала утѣшать Елизавету и при томъ такъ мягко, такъ нѣжно, что на всю остальную жизнь завоевала себѣ ея симпатіи. Дентона съ женой провели въ большую залу, наполненную игрушками, въ которой, подъ надзоромъ нѣсколькихъ нянекъ, рѣзвились сотни двухлѣтнихъ дѣвочекъ. Это было отдѣленіе двухлѣтнихъ. Двѣ няньки тотчасъ же завладѣли Динги, возбуждая ревность въ душѣ Елизаветы. Няньки эти казались очень добрыми и были, вѣроятно, таковы на самомъ дѣлѣ, а все-таки...

Пришло время уходить. Къ счастію Динги, усѣвшаяся въ укромномъ уголкѣ, была до такой степени занята никогда невиданными ею игрушками, что забыла все на свѣтѣ, не говоря уже про свои отношенія къ родителямъ. Послѣднимъ не позволили даже проститься съ нею.

Остановившись въ дверяхъ, Елизавета стала глядѣть на свою дочь въ послѣдній разъ. Малютка тоже поднялась въ это время и стала оглядываться кругомъ, выражая на своемъ личикѣ нѣкоторое смущеніе. Еще минуту, и Елизавета вскрикнула бы или задохнулась отъ охватившаго ее чувства, но почтенная дама поспѣшила вытолкнуть ее въ дверь, которую и заперла потомъ.

— Вы можете почаще навѣщать ее, моя милая,—сказала она задушевнымъ тономъ. Поблѣднѣвшая Елизавета съ минутку молча смотрѣла на нее и затѣмъ вдругъ съ рыданіемъ упала къ ней грудь. У почтенной дамы тоже на глазахъ показались слезы, чѣмъ она успѣла завоевать и сердце самого Дентона.

Три недѣли спустя у молодой четы не осталось ни гроша, и передъ нею лежалъ

Digitized by Google

Бюро Компаніи Упорядоченія Рабочаго Труда.

только одинъ путь: приходилось обратиться къ Обществу Упорядоченія Труда или, попросту, къ Рабочему Обществу, какъ его обыкновенно называли. Проживъ на своей квартирѣ цѣлую недѣлю въ долгъ, Дентонъ и Елизавета должны были разстаться со всѣмъ своимъ движимымъ имуществомъ и были весьма вѣжливо выпровожены за дверь гостиницы. Елизавета пошла прямо по галлереѣ, къ лѣстницѣ, поднимающейся на улицу, а Дентонъ остался еще сказать «нѣсколько теплыхъ словъ» швейцару. Скоро, однако же, онъ догналъ ее, раскраснѣвшійся и встревоженный. Вмѣстѣ поднялись они на лѣстницу, вмѣстѣ взошли на верхнюю платформу и сѣли рядышкомъ на одной изъ скамеекъ, тамъ разставленныхъ.

— Пока еще намъ не нужно туда идти?— спросила Елизавета.

— Да... пока не проголодаемся,—отвѣчалъ Дентонъ.

Оба замолчали.

Глаза Елизаветы искали, на чемъ бы остановиться, и не находили, потому что все кругомъ двигалось. Вправо шли однѣ платформы, влѣво—другія, и всѣ, равно какъ самая средина улицы, полны были движущимися въ разныя стороны людьми. По канату, протянутому надъ головами публики, взадъ и впередъ ходили люди, одѣтые клоунами; у каждаго на спинѣ было по одной гигантской буквѣ, такъ что въ общемъ выходила надпись:

«Желудочныя пилюли Пуркинье».

Маленькая анэмичная женщина, одѣтая въ запачканную и оборванную голубую холстину, указывая на одного изъ клоуновъ, сказала дѣвочкѣ, вѣроятно, своей дочери:

— Смотри,—вонъ папа.

— Который?—спросила дѣвочка.

— А тотъ, что съ краснымъ носомъ.

Дѣвочка принялась плакать, и Елизавета чуть было не послѣдовала ея примѣру.

— Какъ онъ себѣ ноги не переломаетъ!— замѣтила женщина въ холстинѣ, а затѣмъ стала успокаивать дѣвочку.

Справа, на фасадѣ большого зданія, красовался огромный, постоянно вращавшійся, пестрый щитъ, на которомъ, одна за дру-

Digitized by Google

гой, то появлялись, то исчезали написанныя огненными буквами двѣ фразы: «У васъ отъ этого кружится голова?» — пауза — «примите желудочную пилюлю Пуркинье».

Немножко подальше, изъ огромной трубы фонографа, заглушая всѣ прочіе звуки, несся пронзительный ревъ, вслѣдъ за которымъ слышалась слѣдующая краткая рѣчь: «если вы любите серіозное чтеніе, то соедините вашъ телефонъ съ Бруттльсомъ, величайшимъ мыслителемъ всѣхъ вѣковъ и народовъ! Начинитъ васъ нравственными правилами по горло! Во всѣхъ отношеніяхъ сходенъ съ Сократомъ, за исключеніемъ затылка, который у него похожъ на Шекспировскій. Имѣя шесть пальцевъ на одной рукѣ, онъ краситъ ихъ въ красный цвѣтъ и никогда не чиститъ своихъ зубовъ! Слушайте его!»

Пользуясь краткими паузами, которыми прерывалась эта рѣчь, Дентонъ, между тѣмъ, говорилъ женѣ:

— Я не долженъ былъ жениться на васъ... я растратилъ ваши деньги, разорилъ васъ... я чувствую себя страшнымъ негодяемъ... о, этотъ проклятый свѣтъ!

Елизавета хотѣла отвѣтить, но не могла выговорить ни слова, а только взяла руку мужа и тихо ее пожимала. Въ душѣ ея вдругъ почему-то возникло желаніе напомнить себѣ и ему то блаженное время, когда они были еще женихомъ и невѣстой.

— Пойдемте,—сказала она, вставая.

— Еще успѣемъ,—промолвилъ онъ, слегка удивившись.

— Не то!—воскликнула Елизавета,—я хотѣла сказать, не пойдемъ ли мы взглянуть на то мѣстечко, знаешь? На пристани, гдѣ мы встрѣтились.

— Вамъ было бы это пріятно?—спросилъ онъ, видимо колеблясь.

— Очень!—отвѣчала Елизавета.

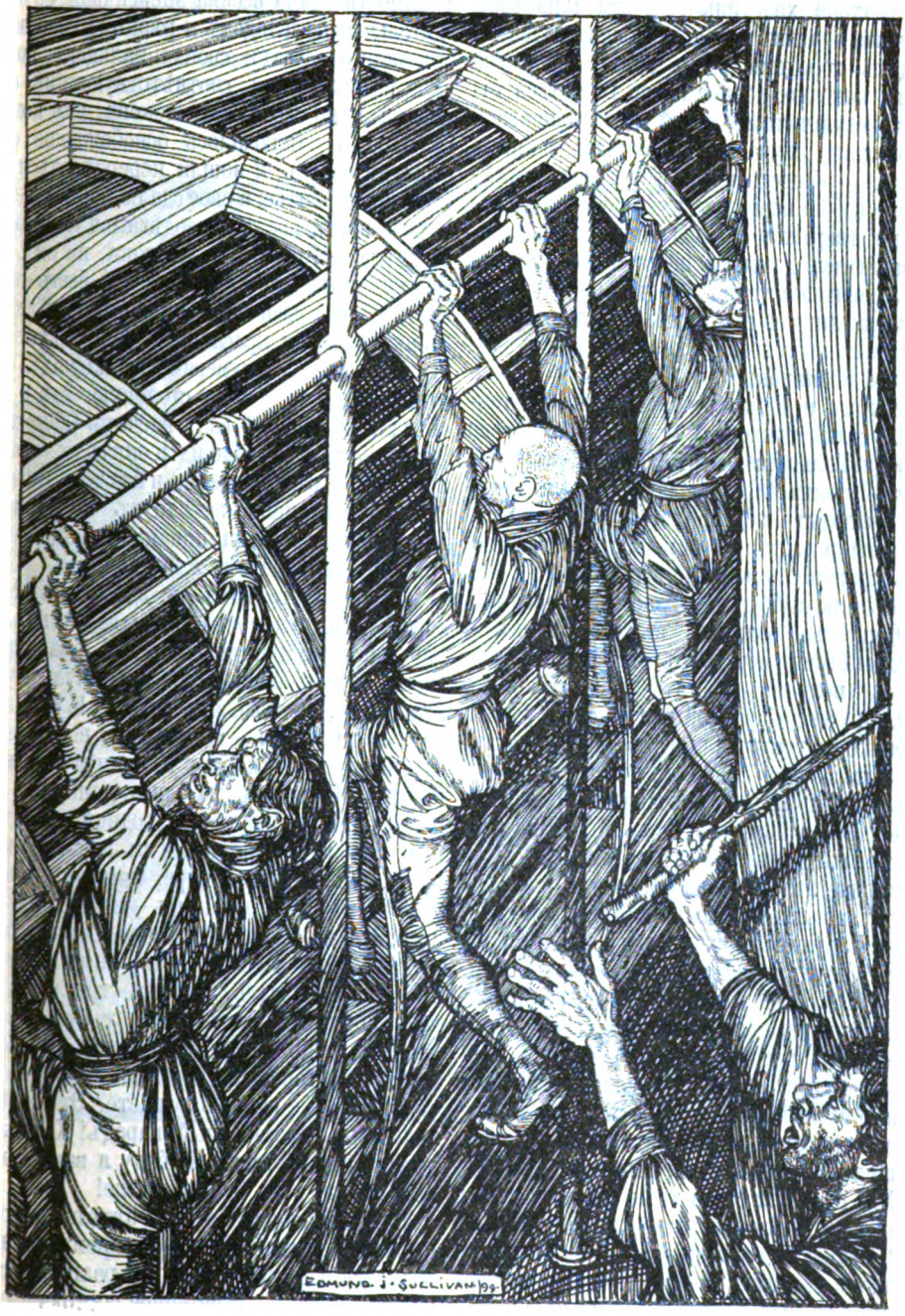
Онъ нерѣшительно всталъ и послѣдовалъ за женою.

Такимъ образомъ, послѣдній вечеръ своей свободной жизни они провели на чистомъ воздухѣ, подъ воздухоплавательной пристанью, въ томъ гнѣздышкѣ, въ которомъ такъ часто встрѣчались какихъ-нибудь пять лѣтъ тому назадъ. Тамъ Елизавета сказала мужу то, чего не могла высказать на шумной улицѣ. Она увѣрила его, что не раскаивается въ своемъ замужествѣ, что даже теперь вполнѣ довольна своей судьбою и бодро готова встрѣтить все, что можетъ случиться въ будущемъ. Самая погода, какъ будто сжалившись надъ несчастными, захотѣла усладить послѣднія минуты ихъ свободы—яркое солнце свѣтило на гнѣздышко, свѣжій морской вѣтерокъ, непропитанный людскими испареніями, ласково обвѣвалъ разгорѣвшіяся лица собесѣдниковъ, а въ высотѣ надъ ними то и дѣло пролетали блестящіе аэропланы.

Съ заходомъ солнца блаженству молодой четы насталъ конецъ. Пожавъ другъ другу руки и обмѣнявшись обѣтами неизмѣнной вѣрности, Дентонъ и Елизавета вернулись въ городъ голодные, утомленные и печальные. Молча дошли они до голубой вывѣски Рабочаго Бюро, постояли передъ нею нѣсколько секундъ, затѣмъ спустились внизъ и вошли въ пріемную. Общество Упорядоченія Рабочаго Труда было сначала филантропическимъ. Задача его состояла въ томъ, чтобы снабжать работой, кровомъ и пищей всякаго, кто за этимъ къ нему обращался, а, кромѣ того, заботиться о старикахъ и больныхъ, неспособныхъ къ работѣ. Послѣдніе обязаны были разсчитываться за это нѣкоторымъ подобіемъ векселей — рабочими росписками—по которымъ уплачивали трудомъ, когда поправлялись. Вмѣсто подписи подъ роспискою прикладывался обыкновенно отпечатокъ большого пальца правой руки. Отпечатки эти потомъ фотографировались и классифицировались въ извѣстномъ порядкѣ, такъ что по нимъ Рабочее Общество, охватывавшее весь міръ, легко могло повсюду найти своего должника и заставить его уплатить долгъ. Рабочій трудъ измѣрялся двумя смѣнами въ день хожденія по топчаку или, лучше сказать, по колесу, въ родѣ бѣличьяго, приводившему въ движеніе динамо-машины. Помимо крова, пищи и одежды, даваемыхъ за трудъ, Общество впослѣдствіи нашло необходимымъ выдавать и немножко денегъ, съ цѣлью поощренія усердія. Благодаря такому устройству, Общество не только совершенно устранило нищету, но и стало монополистомъ всѣхъ родовъ труда, кромѣ лишь высшихъ интеллектуальныхъ его категорій. Почти треть населенія земного шара превратилась въ его должниковъ или рабовъ, отъ колыбели до гробовой доски.

Задача устраненія пауперизма была, такимъ образомъ, разрѣшена весьма практично и безъ всякой примѣси сантиментальности. Никто больше не умиралъ съ голода на ули-

Digitized by Google



Денной трудъ.

Digitized by Google

цѣ, никто не ходилъ въ рваныхъ отрепьяхъ; простой, чистый, хотя и неуклюжій костюмъ изъ голубой холстины — форма кліэнтовъ Общества—одинъ только мозолилъ глаза на улицахъ городовъ всего свѣта. Общество имѣло, конечно, полное право гордиться такими результатами своей дѣятельности и не упускало случаевъ напоминать о нихъ публикѣ—общественные фонографы, замѣнившіе собою періодическую печать, безпрестанно твердили о необыкновенныхъ преимуществахъ двадцать перваго столѣтія передъ девятнадцатымъ, когда, по ихъ словамъ, на улицахъ постоянно валялись трупы умершихъ съ голода и раздавленныхъ экипажами бѣдняковъ.

Дентонъ и Елизавета, усѣвшись въ темномъ уголкѣ прихожей, молча ждали своей очереди. Большинство публики, собравшейся въ этой комнатѣ, за исключеніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, одѣтыхъ въ красивые костюмы и какъ бы старавшихся развеселить компанію, смотрѣло весьма хмуро. Эти молодые люди были пожизненными кліэнтами Общества, родились въ его Ясляхъ и должны были умереть въ его больницѣ, но теперь, получивъ за что-либо нѣсколько шиллинговъ добавочной платы, они кутили и громко разговаривали на особомъ діалектѣ, выработавшемся среди низшаго класса народа, будучи видимо довольны сами собою.

Полюбовавшись ими, Елизавета стала разсматривать другихъ, не столь веселыхъ. Одна женщина, лѣтъ сорока пяти отъ роду, съ выкрашенными въ рыжій цвѣтъ волосами и густо нарумяненымъ лицомъ, по которому текли слезы, показалась ей особенно жалкой. Худоба этой женщины, ея провалившійся носъ, жадные, животные глаза и грязное, отрепанное платье, когда-то бывшее модное, ясно говорили о ея прошломъ. Рядомъ съ нею стоялъ сѣдобородый старикъ, въ костюмѣ епископа одной изъ сектъ, расплодившихся во множествѣ, такъ какъ религія въ XXI столѣтіи стала тоже коммерческимъ дѣломъ и имѣла отрасли, въ нѣкоторомъ родѣ отдѣльныя предпріятія, акціи которыхъ различно цѣнились на биржѣ. Около епископа стоялъ блѣдный, болѣзненный, видимо истрепанный развратомъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати двухъ, съ яростно вытаращенными глазами.

Дошла, наконецъ, очередь и до Дентона съ Елизаветой. Приблизившись къ окошечку, за которымъ сидѣла управительница бюро (Общество всегда ставило женщинъ на такія должности), дама весьма энергичная, съ презрительнымъ взглядомъ и рѣзкимъ голосомъ, они дали отпечатки своихъ пальцевъ, получили по ярлыку съ соотвѣтствующими нумерами и по нѣскольку чековъ, изъ коихъ въ одномъ заключалось освобожденіе отъ стрижки волосъ, и пошли переодѣваться въ форменное платье, а свое сдали подъ нумеръ. Первое время послѣ переодѣванья Елизавета не смѣла взглянуть на Дентона, но онъ, къ своему удивленію, принужденъ былъ признаться, что жена его и въ голубой холстинкѣ кажется красавицей. Переодѣтые въ эту холстинку, съ нумерами на плечахъ, они отправились въ общую столовую, гдѣ и пообѣдали въ первый разъ насчетъ Общества. Послѣ обѣда слѣдовало идти опять къ управительницѣ, за распоряженіями на счетъ работы.

Управительница, заглянувъ въ росписаніе, недопускающимъ никакихъ возраженій голосомъ заявила имъ слѣдующее:

— Вы будете жить не здѣсь, а въ Хайбёри-Уордѣ, девяносто седьмая улица, нумеръ двѣ тысячи семнадцатый... запишите адресъ, чтобы не забыть. Вы—нуль, нуль, нуль, семь, шестьдесятъ четыре, b. c. d. гамма, сорокъ одинъ—женщина, вы должны отправиться на фабрику Компаніи Металлическихъ Штамповъ, на одинъ день, для испытанія. Если окажетесь годной, то будете получать по четыре пенса въ день. А вы—нуль, семь, одинъ, четыре, семьсотъ девять g. f. b. пи, девяносто пять—мужчина, вы ступайте въ Фотографическое Общество на восемьдесятъ первой улицѣ, тамъ узнаютъ, на что вы годитесь, а пока—три пенса въ день. Вотъ вамъ карты. Можете отправляться. Слѣдующій! Что? Не поняли? Ахъ, Боже мой, не повторять же мнѣ для васъ все сначала! Чего же вы не слушаете? Этакій безтолковый и беззаботный народъ! Хоть колъ имъ на головѣ теши! Не буду я вамъ повторять по сту разъ одно и то же!

Не дождавшись другого отвѣта, Дентонъ съ женою вышли. Нѣкоторое время имъ приходилось идти вмѣстѣ, и они разговорились. Странное дѣло—угнетенное состояніе духа, послѣ того какъ они надѣли на себя голубую холстинку, прошло. Дентонъ даже съ увлеченіемъ заговорилъ о предстоящей ему работѣ.

— Какова бы она ни была, — сказалъ онъ,—все-таки не можетъ быть хуже, чѣмъ

Digitized by Google

въ этомъ поганомъ магазинѣ шляпъ. А что касается денегъ, то, отъ платы за долги, у насъ обоихъ будетъ оставаться по одному пенни въ день. Это—немного, но потомъ мы, можетъ быть, станемъ зарабатывать и больше.

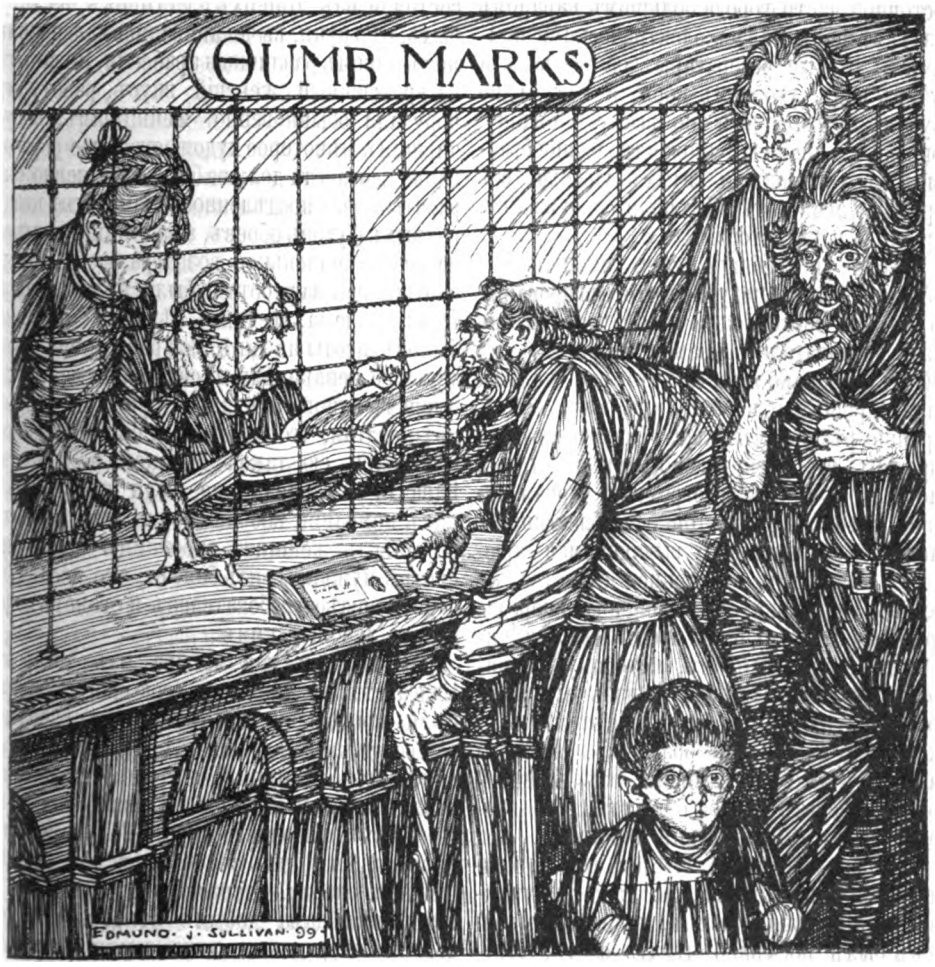
—Не понимаю, почему это мнѣ такъ противно думать о всякой работѣ,—замѣтила Елисавета, смотрѣвшая на дѣло болѣе пессимистически, чѣмъ ея мужъ.

— Потому, должно быть,—отвѣчалъ послѣдній,—что работа-то будетъ подневольная... надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что начальство у насъ будетъ хорошее.

Елисавета не отвѣчала. Она объ этомъ совсѣмъ не думала, слѣдя за мыслью, которая почему-то родилась въ ея головѣ. Помолчавъ немножко, она замѣтила:

— Странно—мы всю жизнь ничего не дѣлали и все-таки... она остановилась, пріискивая выраженія.

— Мы за все платили,—сказалъ Дентонъ, не расположенный философствовать.



Пожизненные должники.

— Вотъ это-то и странно,—продолжала Елизавета,—мы ничего не дѣлали и за все платили, какъ же это такъ?

Дентонъ молчалъ.

— Можетъ быть, и теперь намъ придется за это расплачиваться,—добавила Елизавета,—теперь мы будемъ работать на другихъ.

Digitized by Google

Настало время разлучаться, и каждый пошелъ своею дорогой.

Дентона приставили къ весьма сложному гидравлическому прессу, работавшему морской водой, которая потомъ употреблялась на промывку сточныхъ трубъ, такъ какъ питьевой водой теперь приходилось очень дорожить. Морская вода была проведена къ восточной части города большимъ каналомъ и затѣмъ поднималась электрическими помпами въ особые резервуары, на четыреста футовъ надъ уровнемъ моря, а оттуда, по трубамъ, расходилась по всему Лондону, приводя въ движеніе множество разнообразныхъ механизмовъ, и затѣмъ уносила всѣ городскія нечистоты на поля, окружавшія городъ со всѣхъ сторонъ.

Прессъ употреблялся для какой-то надобности въ процедурѣ фотографированія, но въ чемъ состояла эта процедура, Дентону знать не полагалось. Самое непріятное въ ней было, однако же, то, что она должна была происходить при красномъ свѣтѣ, страшно рѣзавшемъ глаза. Прессъ стоялъ, впрочемъ, въ сравнительно темномъ уголкѣ мастерской. Это была огромная черная машина, со множествомъ тонкихъ, блестящихъ частей и съ какимъ-то выдающимся крюкомъ, имѣвшимъ отдаленное сходство съ головою человѣка, наклоненною впередъ. При красномъ освѣщеніи прессъ казался Дентону какимъ-то идоломъ, которому, по какой-то странной ошибкѣ, жизнь его была принесена въ жертву. Служеніе этому идолу оказалось очень однообразнымъ. Пожирая какое-то тѣсто, выходившее изъ сосѣдней комнаты черезъ особое отверстіе, онъ превращалъ его въ тончайшія пластинки, при чемъ мѣрно постукивалъ. Какъ только консистенція тѣста мѣнялась, такъ постукиваніе это измѣняло темпъ, и Дентонъ долженъ былъ посмѣнно дѣлать соотвѣтствующія приспособленія въ аппаратѣ. Всякое опозданіе влекло за собою потерю мѣста и вычетъ изъ жалованья. Если доставка тѣста замедлялась, что̀ происходило довольно часто, такъ какъ оно приготовлялось ручнымъ способомъ и у рабочихъ дѣлались иногда судороги въ рукахъ, при чемъ поневолѣ надо было остановить работу — то Дентонъ спѣшилъ разъединить прессъ съ приводомъ. Въ такомъ совершенно лишенномъ интереса, но постоянномъ напряженіи вниманія Дентонъ долженъ былъ теперь проводить треть своей жизни. За исключеніемъ рѣдкихъ визитовъ управляющаго, очень добраго, но замѣчательно косноязычнаго человѣка, рабочіе часы Дентона проходили въ полномъ одиночествѣ.

Елизавета, напротивъ того, работала въ большомъ обществѣ. Она приготовляла нѣчто въ родѣ металлическихъ обоевъ, вошедшихъ въ моду за послѣднее время. Обои эти состояли изъ тонкихъ пластинокъ, на которыхъ, отъ руки, вычеканивались маленькимъ молоточкомъ различныя арабески. Полагаясь на врожденный женскій вкусъ, работу эту поручали обыкновенно женщинамъ, получившимъ нѣкоторое художественное образованіе. Елизавета должна была ежедневно вырабатывать опредѣленное количество квадратныхъ футовъ обоевъ, а за лишніе получала особое маленькое вознагражденіе. Надсмотрщицей за работами была молчаливая и грустная дама, среднихъ лѣтъ съ остатками былой красоты на лицѣ. Всѣ работницы почему-то ее ненавидѣли и связывали ея имя съ именемъ одного изъ директоровъ компаніи, предполагая, что эта связь и была причиной полученія ею такой высокой должности. Едва-ли онѣ, однако же, были правы, такъ какъ компанія вообще держалась правила не ставить женщинъ-работницъ подъ присмотръ мужчины, изъ боязни, что послѣдній будетъ менѣе требователенъ и станетъ мирволить хорошенькимъ.

Только три или четыре изъ товарокъ Елисаветы, вульгарныя и угрюмыя дѣвушки, были прирожденными рабынями рабочаго общества, а на остальныхъ лежалъ такой отпечатокъ, который, въ девятнадцатомъ столѣтіи, указывалъ бы на низко упавшую даму изъ порядочнаго круга. Только идеалъ порядочности былъ теперь совсѣмъ другой: нѣжная, слабая, сдержанная, деликатная и граціозная дама добраго стараго времени совсѣмъ стерлась съ лица земли, уступивъ свое мѣсто разбитной, энергичной особѣ, которая считаетъ себя въ правѣ, не тратя даромъ времени, пользоваться всѣми преимуществами, которыми одарили ее природа и воспитаніе, а потому, съ раннихъ лѣтъ, начинаетъ жечь жизнь съ обѣихъ концовъ, что̀ называется. Отпечатокъ именно такой широкой и быстро прожженной жизни лежалъ на большинствѣ сотрудницъ Елизаветы, на ихъ истасканныхъ фигурахъ, фривольныхъ, хотя выказывавшихъ и эрудицію и остроуміе, разговорахъ, на крашеныхъ волосахъ и разбитныхъ манерахъ. Всѣ онѣ были гораздо старше

Digitized by Google

Елизаветы и очень удивлялись, что такая молоденькая и хорошенькая женщина не нашла ничего лучшаго, какъ надѣть голубую холстину. Елизавета, однако же, и не пыталась проповѣдывать имъ свою средневѣковую мораль.

Разговаривать другъ съ другомъ въ мастерской не только дозволялось, но даже чуть ли не предписывалось, потому что директора компаніи вполнѣ справедливо считали артистическую работу несовмѣстимой со скукою. Веселые разговоры, отнюдь не мѣшая дѣлу, поощряютъ фантазію. Елизавета, поэтому, принуждена была выслушать подробныя біографіи своихъ сосѣдокъ, переполненныя соблазнительными подробностями, изукрашенныя борьбою страстей и выходками тщеславія, но все же вполнѣ обычныя для XXI столѣтія. Скоро она начала понимать и маленькія интриги компаніи вокругъ нея, замѣтила симпатіи и антипатіи, возникавшія между работницами, прислушалась къ ихъ сплетнямъ, приглядѣлась къ страннымъ особенностямъ. Одна женщина, напримѣръ, только и говорила, что объ удивительныхъ достоинствахъ и блестящей судьбѣ своего сына; другая полагала всю свою душу въ старанія выражаться какъ можно короче и рѣзче, считая такой способъ выраженія неопровержимымъ доказательствомъ ума, энергіи и оригинальности; третья была занята исключительно костюмами и съ блаженной улыбкой разсказывала Елизаветѣ, какъ она копитъ деньги и въ ближайшій праздничный день надѣнетъ... Слѣдовало описаніе малѣйшихъ подробностей платья; двѣ старушки сначала постоянно сидѣли вмѣстѣ и дружелюбно шептались, а потомъ вдругъ изъ-за чего-то поссорились, разошлись по разнымъ концамъ комнаты и совсѣмъ перестали обращать вниманіе другъ на друга.

А тѣмъ временемъ въ мастерской, покрывая шумъ разговоровъ, постоянно слышались мѣрныя постукиванья молоточковъ: такъ, такъ, такъ! Управительница слѣдила за ритмомъ этого постукиванья и спѣшила возстановить его въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ слишкомъ горячій разговоръ заставлялъ забывать о работѣ. Такъ, такъ, такъ, такъ, такъ, такъ!.. такъ проходилъ цѣлый день.

Елисавета покойно подчинялась своей участи, не находя ее даже особенно тяжелою. Намозоливъ руки молодой четы, проведя серіозныя черты и положивъ тѣни на лицахъ Дентона и Елизаветы, работа внесла въ ихъ жизнь и взаимныя отношенія нѣчто суровое и роковое. Дни беззаботной радости отходили все далѣе и далѣе назадъ. Мрачная жизнь труда и лишеній охватывала ихъ со всѣхъ сторонъ. Маленькія непріятности, о которыхъ не стоитъ разсказывать, но которыя тяжело переносить, мелкія обиды самолюбія, необходимость отказываться отъ пустячныхъ, но все-таки законныхъ прихотей, отъ дорогихъ сердцу обычаевъ и привычекъ встрѣчались на каждомъ шагу, какъ это обыкновенно бываетъ съ городскою бѣднотою. Но помимо этихъ непріятностей посѣтило ихъ и великое горе, бросившее тѣнь на всю остальную ихъ жизнь. Малютка Динги не вынесла разлуки съ мастерью, зачахла и умерла. Разсказывать эту часто повторяющуюся исторію нѣтъ надобности,—такъ много разъ и такъ прекрасно была она разсказана... Все тотъ же страхъ, все то же сердечное томленіе, перемѣшанное съ надеждою, все тотъ же неизбѣжный конецъ, а за нимъ мракъ, пустота, молчаніе... Эти вещи всегда повторяются въ одинаковомъ видѣ и всегда будутъ повторяться. Это можетъ быть единственный неизмѣнно одинаковый процессъ въ жизни человѣческой.

Послѣ того какъ унялась острая боль потери, Елизавета первая заговорила съ мужемъ, но, конечно, не объ этой потерѣ, а о томъ мракѣ, который спустился на ея душу. Пройдя опять по шумнымъ улицамъ города, ослѣпляемые и оглушаемые рекламами разнаго рода, они только-что пообѣдали въ укромномъ уголкѣ Общественной столовой.

— Мнѣ бы хотѣлось опять посидѣть на нашемъ мѣстечкѣ подъ пристанью.

Здѣсь совсѣмъ нельзя разговаривать.

— Но вѣдь ночь уже наступаетъ,—замѣтилъ Дентонъ.

— Такъ что жъ; я справлялась, говорятъ, что ночь очень тиха и ясна.

Посмотрѣвъ на жену, Дентонъ догадался, что ей хочется опять вспомнить старое блаженное время, и слезы подступили ему къ горлу.

— Пойдемъ, времени много,—сказалъ онъ дѣловымъ тономъ.

Взобравшись на пристань, они долго сидѣли молча. Любимое ихъ мѣсто находилось въ тѣни, но надъ сильно освѣщенной пристанью стояло какъ бы зарево, позолотившее весь зенитъ, а внизу, подъ ихъ ногами, разстилался громадный городъ, улицы, площади и очертанія котораго обозначались полосами и

Digitized by Google

пятнами свѣта. Звѣзды при этомъ свѣтѣ были едва видны и казались очень отдаленными, отстоящими гораздо больше отъ земли, чѣмъ это было въ доброе старое время. Но онѣ все-таки были видны, особенно на сѣверѣ, куда не достигало зарево отъ пристани и гдѣ почти попрежнему сіяло давно знакомое созвѣздіе Большой Медвѣдицы.

Долго несчастная парочка сидѣла молча, наконецъ, Елизавета вздохнула.

— Если бы только я могла понять все это... —сказала она задумчиво. Когда ходишь тамъ внизу, среди шума, толпы, движенія, то кажется, то нужно жить, цѣпляться за жизнь, что это важно и нужно... а тутъ... тутъ вся жизнь кажется пустяками, чѣмъ-то неважнымъ, скоро преходящимъ... тутъ можно покойно думать.

— Да,—сказалъ Дентонъ,—все суета. А отсюда этой суеты не видно, ночь ее проглотила... такъ и вѣчность ее поглотитъ.

— Но она, сначала, поглотитъ самихъ насъ—замѣтила Елисавета.

— Ну, конечно, — отвѣчалъ Дентонъ,— если бы личная жизнь не была такъ скоро преходяща, то и вся исторія человѣчества слилась бы въ одинъ день... Да, вѣчность насъ поглотитъ. И городъ этотъ она поглотитъ и все на свѣтѣ. И человѣкъ, и сверхчеловѣкъ, и всевозможныя чудеса,—все пройдетъ. А все таки... Я знаю, о чемъ вы думаете,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется... Тамъ внизу всякій думаетъ о своей работѣ, о своихъ радостяхъ и несчастіяхъ, о томъ, чтобы было что̀ ѣсть и пить. Тамъ каждый живетъ и долженъ умереть. Тамъ горе кажется безысходнымъ... А здѣсь совсѣмъ другое. Здѣсь все перестаетъ быть важнымъ. Тамъ, напримѣръ, всякое уродство кажется несчастіемъ, а здѣсь оно ничего не значитъ. Здѣсь уродъ есть такая же частица цѣлаго, какъ и всѣ не уроды. А цѣлое это... при свѣтѣ звѣздъ кажется, что до него можно дотронуться...

Онъ остановился. Группы смутныхъ идей, сразу возникнувъ въ его душѣ, не находили выхода.

— Не могу выразить,—прибавилъ онъ жалобно.

Опять оба стали сидѣть молча.

— Надо приходить сюда почаще, сказалъ, наконецъ, Дентонъ. Разумъ нашъ слишкомъ ограниченъ. Мы только грубыя животныя, въ которыхъ едва зародилась мысль. Мы слишкомъ тупы. Обыкновенно насъ занимаютъ лишь одни пустяки. А вотъ тутъ.

— Понимаю, понимаю,—прервала Елизавета,—тутъ намъ начинаетъ казаться, что когда-нибудь мы все поймемъ.

— Вся эта безпощадная борьба, всѣ эти противорѣчія, все непонятное сольется когда-нибудь въ общую гармонію, и мы ее почувствуемъ. Къ этому все направлено. Каждый пустякъ содѣйствуетъ гармоніи, и, рано или поздно, мы это поймемъ. Непремѣнно поймемъ. Не только пустяки, но и самыя ужасныя вещи, самыя неслыханныя преступленія, какъ и безстыднѣйшія пошлости, все, все войдетъ въ гармонію, какъ необходимая составная часть ея... Каждый вашъ ударъ молоточкомъ по мѣди, каждая минута нашей работы, даже моя лѣнь... Каждое движеніе нашей бѣдной малютки... Боже мой! Даже смерть ея... Все, все необходимо для общей гармоніи, даже и то, что мы вотъ сидимъ тутъ теперь. Рѣшительно все!

— И страсть, которая насъ соединила, и все, къ чему она привела... Теперь это уже, впрочемъ, не страсть, а скорѣй всего общая печаль. Боже мой!..

Онъ не могъ говорить болѣе и даже не могъ думать, а только чувствовалъ. Душа его была полна неизъяснимыми ощущеніями, а полные слезъ глаза поднялись къ небу, къ тому мѣсту, гдѣ на немъ сіяла Большая Медвѣдица.

Елизавета не отвѣчала. Тихо сжимая руку мужа, она стояла, какъ очарованная...

Digitized by Google

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ

АРАБСКІЕ РАЗСКАЗЫ ШАХРАЗАДЫ

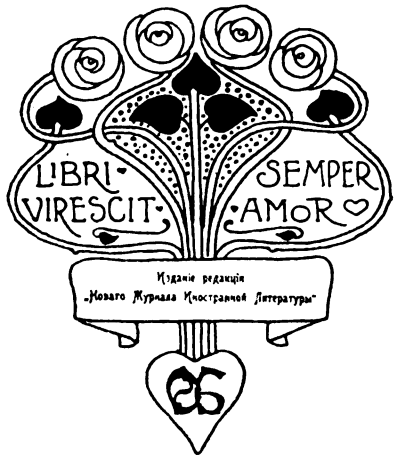
ПЕРВЫЙ ПОЛНЫЙ РУССКІЙ ПЕРЕВОДЪ

(ПО ИЗДАНІЮ МАРДРУСА)

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМѢЧАНІЯМИ И НОВѢЙШИМИ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ

(Репродукціи на мѣди картинъ АЛЬБЕРТА ЛЕЧФОРДА)

ТОМЪ ТРЕТІЙ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

Digitized by Google

Digitized by Google

Исторія Розы въ Чашѣ и Услады Міра.

И Шахразада сказала царю Шахріару:

— Разсказываютъ, что въ давнопрошедшія времена жилъ могущественный и славный царь. И былъ у него визирь, по имени Ибрагимъ, а у визиря была дочь, красоты и прелести необычайной, и одарена она была всякими совершенствами и отличалась замѣчательнымъ умомъ и тонкимъ обращеніемъ. Сверхъ того, она очень любила оживленныя собранія и вино, дающее веселость хорошенькимъ личикамъ, любила изящество стиховъ и разсказы о вещахъ необыкновенныхъ. И было въ ней такъ много нѣжной прелести, что она привлекала къ себѣ всѣ умы и сердца, какъ то и сказалъ о ней одинъ изъ воспѣвшихъ ее поэтовъ:

Я увлеченъ прелестной чаровницей!
Плѣнительница турокъ и арабовъ,
Она искусна въ тонкостяхъ судейскихъ,
Въ грамматикѣ, въ поэзіи и прозѣ.
Когда мы съ ней объ этомъ рѣчь ведемъ,
Мнѣ говоритъ коварная порою:
«Я лишь агентъ пассивный, ты жъ упорно
Все въ косвенномъ желаешь падежѣ
Меня поставить. Для чего? — Къ тому же
Въ винительномъ свое ты управленье
Все оставляешь; между тѣмъ ему
Активное принадлежитъ значенье.
Ему къ поднятью не даешь ты знака!»
Я отвѣчаю: «Госпожа моя!
Не управленье только, но и самъ я,
Все существо и вся душа моя
Одной тебѣ принадлежатъ! Но только
Не удивляйся, что обратны роли
Вѣдь времена теперь перемѣнились,
И все идетъ обратнымъ чередомъ.
Но если ты довѣриться не можешь
Моимъ словамъ, — взгляни на управленье:
Не замѣчаешь ты, что голова
Находится въ немъ на концѣ обратномъ?

И такъ прелестна, такъ кротка и такъ дивно хороша была эта дѣвушка, что назвали ее Розой въ Чашѣ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

Но когда наступила

триста семьдесятъ шестая ночь,

она сказала:

... И такъ прелестна, такъ кротка и такъ дивно хороша была эта дѣвушка, что ее назвали Розой въ Чашѣ!

Царь, любившій, чтобы она сидѣла рядомъ съ нимъ во время пировъ, такъ какъ она одарена была тонкимъ умомъ и благородствомъ манеръ, имѣлъ обыкновеніе давать ежегодно большія празднества и пользовался присутствіемъ на нихъ вельможъ своего царства для игры съ ними въ мячъ.

Когда наступилъ день одного изъ такихъ празднествъ, Роза въ Чашѣ сѣла у окна, чтобы полюбоваться на игру въ мячъ. Скоро игра оживилась, и дочь визиря, слѣдившая за движеніями игроковъ, увидѣла среди нихъ прекраснаго молодого человѣка съ чарующимъ лицомъ и улыбкой, обнаруживавшей весело сверкавшіе зубы, съ гибкимъ станомъ и широкими плечами. Ей такъ пріятно было смотрѣть на него, что она не въ силахъ была оторвать глазъ и нѣсколько разъ бросала на него выразительные взгляды. Наконецъ, она позвала свою кормилицу и спросила у нея: — Не знаешь ли, какъ зовутъ того дивнаго юношу, который стоитъ вонъ тамъ, среди играющихъ? — Кормилица отвѣтила: — О дочь моя, всѣ они прекрасны собою! Не знаю, о которомъ ты спрашиваешь? — Она же сказала: — Погоди! Я покажу его тебѣ! — И тотчасъ же взяла она яблоко и бросила имъ въ молодого человѣка, который обернулся и, поднявъ голову, взглянулъ на окно. И увидѣлъ онъ улыбающуюся красавицу Розу въ Чашѣ, сіявшую, какъ полная луна среди ночи; и не успѣла она даже остановить на немъ свои взоры, какъ онъ почувствовалъ себя взволнованнымъ любовью; и пришли ему въ голову стихи поэта:

О, кто пронзилъ любовью это сердце?
Рука стрѣлка, иль стрѣлы глазъ твоихъ?
Откуда ты, о быстрая стрѣла,
Изъ рукъ враговъ, иль изъ окна коварной?

Тогда Роза въ Чашѣ спросила у своей кормилицы: — Такъ можешь ли теперь сказать мнѣ имя этого молодого человѣка? — Та отвѣчала: — Его зовутъ Радость Міра. — Услыша эти слова, молодая дѣвушка радостно и взволнованно кивнула головой, бросилась на диванъ, глубоко вздохнула и съимпровизировала такія строфы:

Тотъ никогда не будетъ сожалѣть,
Кѣмъ былъ ты названъ Восхищеньемъ Свѣта,
Ты, сочетавшій столько высшихъ качествъ
Съ изяществомъ и тонкостью манеръ.
О полная луна, о свѣтлый образъ!
Твой ясный свѣтъ блеститъ по всей вселенной,
Изъ всѣхъ существъ ты — Красоты султанъ!
Свидѣтели мое поддержатъ мнѣнье:
Твоихъ бровей прекрасная дуга
Не буква ль нунъ въ точнѣйшемъ начертаньи?
Миндалины сверкающихъ очей
Не буквы ль садъ, начертанныя стройно
Рукою восхищеннаго Творца?
А тонкій станъ? Не вѣтвь ли нѣжной ивы,
Что гибко гнется, мягко колыхаясь?
И если ты отважностью превысилъ,
О юный всадникъ, лучшихъ и сильнѣйшихъ, —
Что я могу сказать о красотѣ
И граціи твоей всесовершенной?

Digitized by Google

Окончивъ эту импровизацію, Роза въ Чашѣ взяла листокъ бумаги и тщательно записала на немъ эти стихи. Потомъ сложила листокъ, положила его въ шелковый, вышитый золотомъ мѣшечекъ и спрятала его подъ подушку дивана.

Старая же кормилица, слѣдившая за всѣми движеніями своей госпожи, принялась болтать съ ней о томъ-о семъ, пока не усыпила ее. Тогда она осторожно вытащила листокъ бумаги изъ-подъ подушки, прочитала стихи и, убѣдившись такимъ образомъ въ страсти Розы въ Чашѣ, положила его на прежнее мѣсто. Когда же дѣвушка проснулась, она сказала ей:—О госпожа моя, я лучшая и самая любящая изъ совѣтчицъ! И потому я непремѣнно хочу сказать тебѣ, какъ опасна любовная страсть, и предупредить тебя, что когда она сосредоточивается въ сердцѣ и не изливается изъ него, то причиняетъ тѣлу много страданій и болѣзней. Напротивъ, если страдающій отъ любви повѣдаетъ свою тайну другому, это можетъ принести ему только облегченіе.

Выслушавъ такія слова кормилицы своей, Роза въ Чашѣ сказала: — О кормилица, а не знаешь ли ты средства, излѣчивающаго отъ любви? — Кормилица отвѣтила: — Знаю. Это — соединеніе съ предметомъ любви.— Она спросила: — А какъ же достигнуть такого соединенія? —Кормилица сказала: — О госпожа моя, для этого стоитъ только обмѣняться письмами, наполненными ласковыми словами, привѣтствіями и лестными изъявленіями; это лучшее средство для соединенія друзей, и съ этого нужно начинать для избѣжанія затрудненій и усложненій. Итакъ, если...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста семьдесятъ седьмая ночь,

она сказала:

... Итакъ, о госпожа моя, если у тебя есть что-нибудь на сердцѣ, не бойся довѣриться мнѣ; если это тайна, я сохраню ее неприкосновенной, и никто не сумѣетъ лучше меня послужить тебѣ и глазами и головой, чтобы исполнить малѣйшее изъ твоихъ желаній и скромно передавать твои посланія!

Когда Роза въ Чашѣ услышала эти слова своей кормилицы, она обезумѣла отъ радости; но она удержалась отъ неосторожныхъ выраженій, боясь обнаружить свое волненіе и говоря себѣ: — Еще никому неизвѣстна моя тайна; безопаснѣе будетъ, если эта женщина узнаетъ ее лишь послѣ того, какъ докажетъ симъ свою вѣрность. — Но кормилица прибавила: — О дитя мое, въ прошлую ночь мнѣ являлся во снѣ человѣкъ, и онъ сказалъ мнѣ:— Знай, что твоя молодая госпожа и Радость Міра влюблены другъ въ друга, и ты должна помочь имъ, передавая ихъ письма, оказывая имъ всевозможныя услуги и строго соблюдая тайну, если хочешь получить вѣрныя и огромныя выгоды! Говорю тебѣ, о госпожа моя, что̀ я видѣла! Тебѣ остается принять рѣшеніе!—Роза въ Чашѣ отвѣтила:—О кормилица, дѣйствительно ли сумѣешь ты хранить тайну? — Та же сказала: — Можешь ли ты въ томъ сомнѣваться, у меня вѣрнѣйшее изъ вѣрныхъ сердецъ! — Тогда дѣвушка перестала колебаться, показала ей бумагу, на которой написала стихи, и отдала ей со словами: — Передай это какъ можно скорѣе Радости Міра и принеси отвѣтъ! — Кормилица тотчасъ же встала и пошла къ Радости Міра. Прежде всего она поцѣловала у него руку, потомъ привѣтствовала его въ самыхъ ласковыхъ и вѣжливыхъ выраженіяхъ. Послѣ всего этого она пе-

Digitized by Google

редала ему записку. Радость Міра развернулъ ее и прочиталъ. Потомъ, понявъ все значеніе ея содержанія, онъ написалъ на оборотной сторонѣ листка слѣдующія строки:

Полно любви, мое трепещетъ сердце,
И заглушить пытаюсь я напрасно
Его порывы! Видъ мой выдастъ
Мои всѣ чувства! — Если льются слезы,
Я говорю: «То отъ болѣзни глазъ!»
Я думаю, что этимъ я сокрою
Отъ строгихъ судей вѣрную причину
И затаю печаль моей души!
Вчера еще отъ всѣхъ оковъ свободный,
Любви не зналъ я сердцемъ безмятежнымъ!
Проснулся жъ нынѣ — и горю любовью.
Я къ вамъ пришелъ повѣдать о себѣ,
И разсказать о всѣхъ любовныхъ мукахъ:
Вы сжалитесь, быть можетъ, надъ несчастнымъ,
Истерзаннымъ жестокою судьбой.
Я жалобы свои пишу слезами
Своихъ очей, чтобъ лучше выражали
Онѣ весь пылъ, всю глубь моей любви.
О, пусть Аллахъ хранитъ отъ всѣхъ несчастій
Прекрасный ликъ подъ Красоты покровомъ,
Предъ кѣмъ луна склоняется смиренно
И, какъ рабыни, звѣзды преклонились.
По красотѣ я не видалъ ей равной!
А станъ ея? Прекраснѣйшая вѣтвь,
Ея увидя легкую походку,
Лишь учится, какъ надо колыхаться!
— Теперь же васъ осмѣлюсь я просить,
Коль это вамъ не будетъ слишкомъ скучно,
Ко мнѣ прійти. О, это для меня
Благодѣяньемъ явится безмѣрнымъ!
Для окончанья мнѣ лишь остается
Свою всю душу въ даръ вамъ принести,
Въ надеждѣ робкой, что на этотъ разъ
Вы примете ее. Приходъ вашъ будетъ
Желаннымъ Раемъ: Адомъ — вашъ отказъ!

Написавъ это, онъ сложилъ листокъ, поцѣловалъ его и передалъ кормилицѣ, сказавъ: — Мать моя, надѣюсь на твою доброту, чтобы расположить твою госпожу въ мою пользу! — Она отвѣтила: — Слушаю и повинуюсь! — И она взяла записку и поспѣшила вернуться къ своей госпожѣ.

Роза въ Чашѣ, взявъ записку, поднесла ее къ губамъ своимъ, потомъ ко лбу, развернула и прочла. И, понявъ ея смыслъ, она написала внизу слѣдующіе стихи:

— О ты, чье сердце нашей красотою
Плѣнилося, не бойся сочетать
Свою любовь съ терпѣніемъ примѣрнымъ!
Быть можетъ, это есть одно изъ средствъ,
Чтобъ нашимъ сердцемъ овладѣть вѣрнѣе,
Когда впервые мы могли увидѣть,
Что искренна вполнѣ твоя любовь,
Что та же скорбь твое терзаетъ сердце,
Какъ та печаль, что наше сердце жжетъ,
Тогда желанье равное желанью
Твоей души, заставило насъ жаждать
Свиданія; но нашихъ сторожей
Мы устрашились бдительнаго взора.
— Когда на насъ покровъ глубокой тьмы
Опуститъ ночь, тогда нашъ жаръ любовный
Огнемъ палитъ все наше существо.

Digitized by Google

Желаній страстныхъ рой нетерпѣливый
Отъ ложа гонитъ благодатный сонъ
И острой болью мучитъ наше тѣло.
Но не забудь, что первый долгъ влюбленныхъ —
Скрывать отъ всѣхъ любовь свою! Страшися
Предъ чуждымъ взоромъ приподнять покровъ,
Что̀ насъ скрываетъ.—А теперь должна я
Кричать о томъ, что существо мое
Пропитано, напоено любовью
Къ прекрасному! О, отчего тотъ отрокъ
Не могъ остаться съ нами навсегда!

Когда же она перестала писать...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста семьдесятъ восьмая ночь,

она сказала:

... Когда же она перестала писать эти стихи, то сложила листокъ, передала кормилицѣ, а та взяла его и вышла изъ дворца. Но судьбѣ угодно было, чтобы она повстрѣчалась съ дворецкимъ визиря, отца Розы въ Чашѣ, и онъ спросилъ ее: — Куда это ты идешь въ такой часъ?—При этихъ словахъ она чрезвычайно испугалась и отвѣчала:—Въ гаммамъ!—И пошла она дальше, но была такъ смущена этой встрѣчей, что не замѣтила даже, какъ выронила записку, которую не довольно искусно спрятала въ складку своего пояса. И вотъ все о кормилицѣ.

Но что̀ касается записки, упавшей на землю недалеко отъ воротъ дворца, то ее поднялъ одинъ изъ евнуховъ, который и поспѣшилъ отнести ее къ визирю.

Въ эту минуту визирь только-что вышелъ изъ своего гарема и сидѣлъ на диванѣ въ своей пріемной залѣ. И вотъ въ то время, какъ онъ спокойно сидѣлъ тамъ, евнухъ подошелъ къ нему, держа въ рукѣ ту самую записку, и сказалъ ему:—Господинъ мой, я только-что нашелъ около дома эту записку, которую и поспѣшилъ поднять.—Визирь взялъ ее у него изъ рукъ, развернулъ и увидѣлъ стихи; и онъ прочелъ ихъ, и когда понялъ ихъ смыслъ, присмотрѣлся къ почерку и узналъ руку дочери своей Розы въ Чашѣ.

Убѣдившись въ этомъ, онъ всталъ и пошелъ къ своей супругѣ, матери молодой дѣвушки, и такъ плакалъ при этомъ, что смочилъ всю свою бороду. А супруга спросила у него:—О чемъ ты такъ плачешь, о господинъ мой?—Онъ же отвѣтилъ ей: — Возьми эту бумагу и посмотри, что̀ въ ней написано!—Она взяла бумагу, прочитала и увидѣла, что это переписка между ея дочерью Розой въ Чашѣ и Радостью Міра. Узнавъ это, она почувствовала, какъ слезы подступаютъ у нея къ глазамъ, но сдержала свое волненіе и слезы, и сказала визирю:—О господинъ мой, слезами не поможешь; нужно подумать о томъ, какъ оберечь твою честь и скрыть всю эту исторію!—И продолжала она утѣшать его и облегчать его огорченіе. Онъ же сказалъ ей: — Я очень боюсь этой страсти, она опасна для моей дочери! Развѣ ты не знаешь, что султану очень нравится Роза въ Чашѣ? Мои опасенія по поводу этого дѣла имѣютъ двѣ причины: первая касается меня, потому что это моя дочь; вторая касается султана, а именно то, что Роза въ Чашѣ его любимица, и отсюда могутъ возникнуть важныя осложненія! Что̀ ты думаешь обо всемъ этомъ?—Она отвѣтила:—Подожди немного и дай

Digitized by Google

мнѣ время произнести молитву, положенную въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоитъ принять рѣшеніе!—И тотчасъ же стала она на молитву, соблюдая предписанное обрядомъ и Сунной.

Окончивъ молитву, она сказала своему супругу: — Знай, что посреди моря, называемаго Бахръ-аль-Конузъ, есть гора, называемая Горою-той-что-потеряла-свое-дитя. Къ этому мѣсту можно добраться лишь съ неимовѣрными затрудненіями. Поэтому совѣтую тебѣ построить тамъ жилище для твоей дочери.

Визирь согласился съ женою и рѣшилъ выстроить на Горѣ-той-что-потеряла-свое-дитя неприступный дворецъ, чтобы запереть Розу въ Чашѣ, снабдивъ ее, однако, припасами на цѣлый годъ, и возобновляя эти припасы ежегодно, и давъ ей людей, которые служили бы ей и составляли бы для нея общество.

Принявъ такое рѣшеніе, визирь созвалъ плотниковъ, каменщиковъ и зодчихъ и послалъ ихъ на ту гору, гдѣ они и выстроили неприступный дворецъ — такой, что ничего подобнаго не видывали на свѣтѣ.

Тогда визирь приказалъ заготовить съѣстныхъ припасовъ на дорогу, составилъ караванъ, ночью вошелъ къ дочери и велѣлъ ей собираться въ путь. Такой приказъ заставилъ Розу въ Чашѣ въ сильнѣйшей степени почувствовать всю тоску разлуки, и когда она вышла изъ дворца и увидѣла приготовленія къ путешествію, слезы ручьемъ потекли у нея изъ глазъ. И чтобы увѣдомить Радость Міра о томъ, какъ сильна ея пламенная страсть, способная потрясти все существо, растопить самыя твердыя скалы и вызвать потоки слезъ, ей пришло въ голову написать на воротахъ слѣдующіе стихи:

Мое жилище! Если милый мой
Пройдетъ поутру здѣсь съ поклономъ нѣжнымъ,
О, передай отъ насъ ему привѣтъ
Прелестный и душистый. — Мы не знаемъ,
Куда насъ къ ночи приведетъ судьба!
Не знаю я сама, въ какія страны
Лежитъ мой путь; меня влекутъ поспѣшно
И не берутъ ни клади, ни тюковъ.
Настанетъ ночь, и птичка въ чащѣ лѣса
Своею пѣсней грустной возвѣститъ
Въ тѣни вѣтвей о нашей горькой долѣ.
И на своемъ пернатомъ языкѣ
Она споетъ: «О горе! Какъ жестоко
Въ разлукѣ быть съ любимымъ существомъ!»
— Когда же я впервые увидала
Разлуки кубки, полные до края,
Что̀ поднести намъ собралась судьба,
Смѣшала я напитокъ этотъ горькій
Съ покорностью! Но вижу я, увы!
Что мнѣ покорность не даетъ забвенья!

И когда она написала эти стихи на воротахъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста семьдесятъ девятая ночь,

она сказала:

... И когда она написала эти стихи на воротахъ, она сѣла въ свой паланкинъ, и караванъ тронулся въ путь. Они проѣхали долины и пустыни, ровныя мѣста и высокія горы, и достигли такимъ образомъ моря Бахръ-аль-Конузъ, на

Digitized by Google

берегу котораго разбили свои палатки; и построили они большой корабль, на который посадили молодую дѣвушку и ея свиту.

И приказалъ визирь людямъ, ведшимъ караванъ, чтобы, водворивъ молодую дѣвушку во дворцѣ, на вершинѣ горы, они вернулись на берегъ и сломали бы корабль. И они не осмѣлились ослушаться и въ точности исполнили приказъ, а потомъ вернулись къ визирю и плакали отъ жалости. И вотъ все о нихъ!

Что же касается Радости Міра, то, проснувшись на другой день, онъ не забылъ сотворить утреннюю молитву, а потомъ сѣлъ на коня, чтобы, по обыкновенію, отправиться на службу къ султану. Проѣзжая мимо воротъ визиря, онъ замѣтилъ на нихъ стихи и едва не лишился чувствъ, прочитавъ ихъ; и огонь загорѣлся въ его потрясенныхъ внутренностяхъ. Онъ вернулся къ себѣ, но былъ такъ встревоженъ и такъ взволнованъ, что не находилъ себѣ мѣста. А когда стемнѣло, онъ, боясь, чтобы домашніе не замѣтили, въ какомъ онъ состояніи, поспѣшно вышелъ изъ дому и, полный заботъ и тревогъ пошелъ, куда глаза глядятъ.

И шелъ онъ такъ всю ночь и часть утра, до тѣхъ поръ, пока сильный зной и мучительная жажда не заставили его отдохнуть немного. Какъ разъ въ это время онъ подошелъ къ берегу ручья, надъ которымъ стояло тѣнистое дерево, сѣлъ тутъ и зачерпнулъ въ ладонь воды, чтобы напиться. Но когда онъ поднесъ къ губамъ эту воду, она показалась ему безвкусной; и почувствовалъ онъ, что лицо его измѣнилось и поблѣднѣло; и увидѣлъ онъ, что ноги его распухли отъ ходьбы и усталости. Тогда онъ заплакалъ, и слезы ручьями текли у него по щекамъ: и сказалъ онъ такіе стихи:

Любовью друга опьяненъ влюбленный,
И опьяненье это возрастаетъ
Отъ глубины желанія его.
Съ безумьемъ въ сердцѣ бродитъ онъ уныло,
Нигдѣ себѣ не находя пріюта,
И въ пищѣ вкуса не находитъ онъ.
Ужель влюбленный можетъ жить счастливымъ
Вдали отъ друга? Это было бъ чудомъ!
Я весь киплю съ тѣхъ поръ, какъ въ сердце мнѣ
Любовь вселилась; омываютъ щеки
Мнѣ горькихъ слезъ горячіе потоки.
Когда жъ, когда я вновь увижу друга,
Кого-нибудь изъ племени его,
Чтобъ облегчить истерзанное сердце?

И, сказавъ эти стихи, Радость Міра плакалъ такъ, что смочилъ землю; потомъ онъ всталъ и пошелъ дальше. И вотъ въ то время, какъ, глубоко огорченный, шелъ онъ по долинамъ и пустынямъ, онъ вдругъ увидѣлъ передъ собою льва съ густою гривою, съ страшною шеей, съ головою, огромной, какъ куполъ, съ пастью шире воротъ и съ зубами подобными слоновымъ клыкамъ. Увидѣвъ это, онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что погибъ; и повернулся онъ въ сторону Мекки, произнесъ исповѣданіе вѣры и приготовился къ смерти. И, однако, въ эту самую минуту онъ вспомнилъ, что читалъ когда-то, въ старыхъ книгахъ, что на льва дѣйствуютъ ласковыя слова, что онъ чувствителенъ къ лести и что именно такимъ путемъ даетъ приручить себя. И сталъ онъ ему говорить:—О левъ лѣсовъ, о левъ долинъ, о левъ неустрашимый, о вождь, котораго боятся смѣлые, о царь звѣрей, ты видишь передъ своимъ величіемъ несчастнаго влюбленнаго, разбитаго разлукой, доведеннаго страстью до безумія. Выслушай же мои слова и сжалься надъ моей тоской и надъ моимъ горемъ!

Когда левъ услышалъ эту рѣчь, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, сѣлъ, поднялъ голову на Радость Міра и принялся играть хвостомъ

Digitized by Google

и передними лапами. Замѣтивъ эти движенія льва, Радость Міра сказалъ такіе стихи:

О левъ пустыни знойной, неужели
Меня убьешь ты, прежде, чѣмъ найду
Я вновь того, кто покорилъ мнѣ сердце?
Я не дичина цѣнная, и даже
Я не жиренъ — мое изсякло тѣло
Въ разлукѣ съ другомъ, и разбито сердце!
На что̀ тебѣ такой живой мертвецъ,
Которому лишь саванъ будетъ въ пору?
О страшный въ битвѣ и суровый левъ,
Меня обидѣвъ, радость ты доставишь
Моимъ врагамъ, завистникамъ коварнымъ!
Я лишь любовникъ бѣдный, утонувшій
Въ своихъ слезахъ, и сердце мнѣ разбила
Разлука съ другомъ! Что-то сталось съ нимъ?
О грустныя ночей безсонныхъ мысли!
Я самъ не знаю, живъ ли я еще?

Прослушавъ эти стихи, левъ всталъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

триста восьмидесятая ночь,

она сказала:

... Прослушавъ эти стихи, левъ всталъ и съ глазами полными слезъ, тихо и кротко подошелъ къ Радости Міра и сталъ лизать ему руки и ноги. Потомъ онъ сдѣлалъ знакъ, приказывая слѣдовать за собою, и пошелъ впереди. Радость Міра шелъ за львомъ, и такъ шли они нѣкоторое время. Они взобрались на высокую гору, потомъ спустились съ нея и въ долинѣ увидѣли слѣды каравана. Тогда Радость Міра сталъ внимательно присматриваться къ нимъ, а левъ, увидѣвъ, что онъ нашелъ то, что̀ ему нужно, оставилъ его одного и пошелъ назадъ по своей дорогѣ.

Что̀ касается молодого человѣка, то онъ днемъ и ночью слѣдилъ за путемъ каравана и, такимъ образомъ, добрался до берега бушующаго моря. Тутъ понялъ онъ, что караванъ продолжалъ путь свой на кораблѣ, и потерялъ всякую надежду когда-нибудь найти свою возлюбленную. Тогда онъ заплакалъ и сказалъ такіе стихи:

Моя подруга далеко; терпѣнье
Мое изсякло—какъ добраться къ ней
Чрезъ бездны моря? Какъ мнѣ покориться,
Когда моя вся внутренность пылаетъ,
И мирный сонъ безсонницей смѣнился?
Съ тѣхъ поръ, какъ я родимыя жилища
И родину покинулъ, какъ въ огнѣ
Пылаетъ сердце, о, какою страстью!
О рѣки полноводныя, большія,
О вы, Сейхунъ, Джейхунъ и ты, Евфратъ,
Какъ ваши волны, льются эти слезы!
Онѣ текутъ и заливаютъ все
Страшнѣй дождя и грозныхъ наводненій!
И вѣки глазъ тѣ слезы воспаляютъ,
Отъ страстныхъ искръ опять пылаетъ сердце;
Страстей желаній бурныя толпы
Идутъ на приступъ трепетнаго сердца, —
Побѣждены терпѣнія войска!

Digitized by Google

Я жизнь свою безъ размышленья отдалъ,
Чтобы любовь прекрасной заслужить,
Но это лишь ничтожнѣйшая часть
Опасностей моихъ и огорченій.
Да не накажетъ глазъ моихъ судьба
За то, что я въ оградѣ запрещенной
Увидѣть могъ цвѣтокъ ея красы
Прекраснѣйшей, чѣмъ лунное сіянье!
Я былъ сраженъ; вонзились въ сердце стрѣлы,
Слетѣвшія безъ лука изъ очей
Прекраснѣйшихъ по формѣ и разрѣзу.
Я былъ плѣненъ гармоніей движеній
И гибкостью, съ которой не сравниться
И гибкой вѣткѣ ивы молодой.
Отъ всей души ее я умоляю
О помощи въ моей печали тяжкой.
Вы видите, какъ весь истерзанъ я,
Единымъ взглядомъ сгубленъ я навѣки.

И когда кончилъ, снова залился слезами и плакалъ такъ много, что лишился чувствъ и долго оставался въ такомъ состояніи. Но, очнувшись, онъ сталъ осматриваться и, увидѣвъ себя въ безлюдной пустынѣ, со страхомъ подумалъ, что можетъ сдѣлаться жертвой дикихъ звѣрей, и принялся взбираться на высокую гору, съ вершины которой, изъ пещеры, раздавались звуки человѣческаго голоса. Онъ внимательно прислушался и узналъ, что это голосъ отшельника, покинувшаго міръ и предавшагося благочестію. Подойдя къ пещерѣ, онъ три раза постучался, но отшельникъ не отвѣтилъ и не вышелъ къ нему. Тогда онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ такіе стихи:

Желанія любовныя мои,
Когда своей достигнете вы цѣли?
Моя душа, когда ты позабудешь
Твою усталость, горе и невзгоды?
Напасти всѣ обрушилися вдругъ
На это сердце, чтобъ его состарить
И убѣлить мнѣ кудри сѣдинами.
И помощи мнѣ неоткуда ждать
Въ моей любви; ни одного нѣтъ друга,
Чтобъ облегчить мнѣ гнетъ моей души,
Какъ передать моихъ желаній муки
Съ тѣхъ поръ, какъ Рокъ преслѣдуетъ меня?
О, сжальтесь, сжальтесь надъ несчастнымъ, бѣднымъ
Любовникомъ, покинутымъ жестоко,
Разлуки чашу выпившимъ до дна!
Въ огнѣ все сердце, внутренность пылаетъ,
Мутится разумъ отъ тоски разлуки!
Нѣтъ дня страшнѣй, чѣмъ тотъ, когда съ волненьемъ
Въ ея жилище я вошелъ впервые,
И на дверяхъ прочелъ ея стихи!
Какъ плакалъ я! горячихъ слезъ потоки
Впивала жадно черная земля!
Но скрылъ я тайну отъ чужихъ и близкихъ.
— О ты, пустынникъ, что во тьмѣ пещеры
Пріюта ищешь отъ мірскихъ тревогъ,
Быть можетъ, самъ ты страстію томился,
И разумъ твой тебя покинулъ также!
Но я, на зло всему на свѣтѣ,
Достигну цѣли, о, тогда клянусь,
Забуду я все горе и невзгоды!

И когда онъ кончилъ, дверь пещеры внезапно створилась, и кто-то закричалъ ему: — Милосердіе да будетъ надъ тобою!

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

Но когда наступила

триста восемьдесятъ первая ночь,

она сказала:

... И кто-то закричалъ ему:—Милосердіе да будетъ надъ тобой!—Тогда онъ вошелъ въ пещеру и пожелалъ мира отшельнику, на что тотъ отвѣтилъ ему тѣмъ же, а затѣмъ спросилъ:—Какъ твое имя?—Онъ отвѣтилъ:—Мое имя Радость Міра!—Отшельникъ спросилъ: — Зачѣмъ ты пришелъ? — Тогда онъ разсказалъ свою исторію съ начала и до конца, а также и все, что съ нимъ случилось. И отшельникъ заплакалъ и сказалъ ему:—О Радость Міра, я уже двадцать лѣтъ живу здѣсь и никогда никого не видѣлъ здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ пришелъ сюда, вотъ только вчера слышалъ я плачъ и шумъ, когда посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда слышались голоса, то увидѣлъ толпу людей и палатки на берегу моря. Потомъ я видѣлъ, какъ люди эти построили корабль, сѣли на него и исчезли. Немного времени спустя, они вернулись, но ихъ было меньше, чѣмъ тогда: они разломали корабль и ушли тѣмъ же путемъ, которымъ пришли. И думаю я, что ты ищешь, о Радость Міра, именно тѣхъ, которые не возвращались. Поэтому я понимаю твое огорченіе и извиняю тебя! Знай, однако же, что нѣтъ на свѣтѣ влюбленнаго, который бы не страдалъ!—И отшельникъ сказалъ такіе стихи:

— О Восхищенье Свѣта, ты считаешь
Меня свободнымъ отъ заботъ и горя,
И ты не знаешь, что огонь страстей
Меня, какъ ветошь, треплетъ и кидаетъ.
Узналъ любовь я съ самыхъ дѣтскихъ дней
И съ молокомъ всосалъ я материнскимъ
Любви восторги. Много я любилъ,
Безмѣрно-много, такъ что сталъ извѣстенъ;
И если бы разспрашивать задумалъ
Ты обо мнѣ и самой любовь,
Она тебѣ отвѣтила бъ: я знаю.
Любви я чашу осушилъ до дна,
Ея томленье горькое извѣдалъ,
Я только тѣнь отъ прежняго меня.
Такъ извелось, изсохло это тѣло.
Я прежде былъ и молодъ и силенъ,
Теперь давно моя пропала сила,
И моего терпѣнія войска
Сложили кости подъ мечами взоровъ.
О, не надѣйся обрѣсти любовь
Безъ испытаній; изстари ведется
Обратное. Любовь постановила
Для всѣхъ влюбленныхъ, что для нихъ забвенье
Преступно такъ же, какъ и богохульство.

А когда онъ кончилъ, то подошелъ къ Радости Міра и обнялъ его; и оба такъ плакали, что въ горахъ раздавались ихъ стоны и вопли, а затѣмъ оба лишились чувствъ.

Когда они пришли въ себя, они поклялись другъ другу быть отнынѣ братьями во Аллахѣ (да будетъ Онъ прославленъ!), и сказалъ отшельникъ Радости Міра: — Въ эту ночь я буду молиться и спрошу Аллаха, какъ долженъ ты поступить.— Радость Міра отвѣтилъ: — Слушаю и повинуюсь! — И вотъ все о нихъ!

А что касается Розы въ Чашѣ, то вотъ:

Когда сопровождавшіе ее люди привели ее на Гору-ту-что-потеряла-свое-дитя, и она вошла въ приготовленный для нея дворецъ, она внимательно

Digitized by Google

осмотрѣла все его устройство, а потомъ заплакала и воскликнула: — О жилище, клянусь Аллахомъ, ты прелестно, но въ твоихъ стѣнахъ не достаетъ мнѣ друга! — Потомъ, замѣтивъ, что на островѣ есть птицы, она велѣла своимъ приближеннымъ разставить силки, чтобы ловить этихъ птицъ, сажать въ клѣтки и приносить клѣтки во дворецъ. Приказъ ея былъ немедленно исполненъ. Тогда Роза въ Чашѣ сѣла у окна и предалась воспоминаніямъ. И это разбудило въ ней прежнюю пламенную страсть, жгучія желанія и порывы, и заставило проливать слёзы сожалѣнія, въ то же время приводя на память стихи, которые она и принялась читать вслухъ:

Кому излить мнѣ жалобы любви,
Что наполняютъ душу мнѣ; страданья,
Что причиняетъ мнѣ разлука съ другомъ?
Весь тотъ огонь, что внутренность сжигаетъ?
Но я молчу, страшася сторожей.
Я тѣломъ стала тоньше зубочистки.
Спаленная огнемъ безмѣрной страсти,
Разлуки скорбью и своей тоской.
Гдѣ очи друга, чтобъ могли увидѣть
Они всю бездну муки и сомнѣнья,
Куда меня ввергаетъ мысль о немъ?
Они жестоко всѣ права попрали,
Когда меня сюда перевезли.
Куда прійти возлюбленный не можетъ!
Молю я солнце передать ему
Мои привѣты безъ числа, чтобъ утромъ
И вечеромъ онъ вновь и вновь ихъ слышалъ,
Возлюбленный, предъ чьею красотой
Сама луна блѣднѣетъ отъ смущенья
И передъ чьимъ воздушнымъ, гибкимъ станомъ
Смущается и ивовая вѣтвь!
Когда бы розы походить хотѣли
На нѣжныя его ланиты, имъ
Сказала бъ я: «О розы! вы безсильны
На милаго ланиты походить!»
А свѣжій ротъ такую выдѣляетъ
Душистую и свѣжую слюну,
Что прохладитъ и пламя жаркой печи.
Какъ мнѣ забыть его, вѣдь онъ мой другъ,
Моя душа и сердце: и недугъ,
И скорбь моя, и врачъ мой всемогущій?!»

Но когда наступила темная ночь, Роза въ Чашѣ почувствовала, что желанія пробуждаются въ ней съ новою силою...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста восемьдесятъ вторая ночь,

она сказала:

...Роза въ Чашѣ почувствовала, что желанія пробуждаются въ ней съ новою силою, а жгучее воспоминаніе запылало пламенемъ. Тогда она прочла слѣдующіе стихи:

На темныхъ крыльяхъ мнѣ приноситъ ночь
Все худшія, острѣйшія терзанья,
И пробуждаютъ страстныя желанья
Въ моей душѣ мучительную боль.
Вся внутренность моя теперь томится
Разлукою, и жаромъ я пылаю,

Digitized by Google

И мрачныя меня терзаютъ думы,
И тайну сердца слезы выдаютъ.
Несчастная влюбленная, я чахну
И все скорблю и съ каждымъ днемъ слабѣю.
А сердца адъ пылаетъ все ужаснѣй,
Его огонь мнѣ внутренность палитъ.
Я предъ разлукой не могла проститься
Съ возлюбленнымъ, о горе, о мученье!
Но ты, о путникъ, что̀ ему разскажешь
О всѣхъ моихъ терзаньяхъ, ты ему
Скажи о томъ, какъ тяжко я страдаю;
Нѣтъ силъ, нѣтъ словъ, чтобъ это передать!
Клянусь Аллахомъ! вѣчно буду вѣрной
Своей любви я, въ томъ клянусь душой!
Любовный кодексъ признаетъ вѣдь клятвы.
— Свидѣтельница всѣхъ моихъ безсонницъ,
Снеси, о ночь, привѣтъ ему ты мой!

Такъ жаловалась Роза въ Чашѣ.

А о Радости Міра вотъ что̀! Отшельникъ сказалъ ему: — Спустись въ долину и принеси мнѣ оттуда побольше пальмоваго волокна.— И спустился онъ, и принесъ требуемое волокно; отшельникъ взялъ его и сплелъ изъ него нѣчто въ родѣ сѣти, на которой носятъ солому; потомъ сказалъ онъ Радости Міра: — Знай, что въ глубинѣ долины растетъ родъ тыквы, которая когда созрѣетъ, отсыхаетъ и отдѣляется отъ своихъ корней. Спустись въ долину и собери побольше этихъ отсохшихъ тыквъ, привяжи ихъ къ этой сѣти и брось все это въ море. Ты же садись на эту сѣть, теченіе понесетъ тебя въ открытое море, и ты достигнешь желаемой цѣли. И не забывай, что безъ преодолѣнія опасностей никогда не достигнешь поставленной себѣ цѣли! — Онъ отвѣтилъ: — Слушаю и повинуюсь!

Отшельникъ пожелалъ ему успѣха, онъ же простился съ нимъ и спустился въ долину, гдѣ и исполнилъ все ему приказанное.

Когда онъ на своей сѣти съ тыквами очутился въ морѣ, поднялся сильнѣйшій вѣтеръ, который быстро понесъ его, такъ что скоро скрылся онъ у отшельника изъ виду. И качали его волны, то поднимая на свои гребни, то погружая въ свои разверстыя бездны, и такъ былъ онъ игрушкой бури цѣлыхъ три дня и цѣлыхъ три ночи, пока судьба не выбросила его къ самой подошвѣ Горы-той-что-потеряла-свое-дитя. Онъ очутился на берегу, изнеможенный голодомъ и жаждой, и походилъ на цыплёнка, у котораго закружилась голова; но скоро нашелъ онъ неподалеку ручьи съ проточной водой, увидѣлъ щебечущихъ птицъ и деревья, отягощенныя плодами, такъ что ему было чѣмъ утолить голодъ и жажду. Затѣмъ онъ направился во внутрь острова и увидѣлъ вдали что-то бѣлое; подойдя поближе, онъ узналъ, что это величественный дворецъ съ крутыми стѣнами и, подойдя къ воротамъ, нашелъ ихъ запертыми. Тогда онъ сѣлъ и не двигался съ мѣста цѣлыхъ три дня, послѣ чего увидѣлъ, какъ отворились ворота, изъ которыхъ вышелъ евнухъ и спросилъ его: — Откуда ты пришелъ? И какъ добрался ты сюда? — Онъ же отвѣтилъ: — Я изъ Испагани! Я плылъ на кораблѣ со своими товарами, но корабль разбился, и море выбросило меня на этотъ островъ! — Услыша эти слова, невольникъ сталъ плакать, а потомъ бросился на шею Радости Міра и сказалъ ему: — Да хранитъ Аллахъ твою жизнь, о другъ мой! Испагань — моя родина, и тамъ же жила дочь моего дяди, которую я любилъ съ самаго дѣтства и къ которой былъ чрезвычайно привязанъ. Но однажды на насъ напало племя, болѣе многочисленное, чѣмъ наше, и оно взяло въ плѣнъ бо̀льшую часть нашихъ людей; и я достался въ добычу. Я былъ тогда еще ребёнкомъ; меня сдѣлали евнухомъ, чтобы поднять на меня цѣну, и продали. И вотъ теперь ты видишь во мнѣ евнуха!—

Digitized by Google

Потомъ, поздравивъ Радость Міра съ пріѣздомъ, онъ ввелъ его въ главный дворъ дворца.

Здѣсь былъ дивный бассейнъ, окруженный густолиственными деревьями, на которыхъ висѣли серебряныя клѣтки съ золотыми дверцами, а въ нихъ пріятно щебетали птицы, благословлявшія Творца. Онъ подошелъ къ первой клѣткѣ, разсмотрѣлъ ее внимательно и увидѣлъ, что въ ней сидитъ горлица, которая сейчасъ же издала крикъ, означавшій: — О великодушный! — Услышавъ этотъ крикъ, Радость Міра упалъ въ обморокъ; а когда онъ пришелъ въ себя, то принялся глубоко вздыхать и прочелъ такіе стихи...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста восемьдесятъ третья ночь,

она сказала:

...принялся глубоко вздыхать и прочелъ такіе стихи:

— О если ты, голубка, какъ и я.
Томишься страстью, призывай Аллаха,
Воркуя нѣжно: «О великодушный!»
Какъ знать могу я, радости ли кликъ
Иль тяжкій стонъ измученнаго сердца
Въ унылой пѣснѣ слышится твоей?
Ты стонешь ли о томъ, что другъ далеко,
Или о томъ, что онъ тебя покинулъ
Печальную и слабую одну,
Иль потому, что онъ навѣкъ утраченъ?
О, если такъ, не бойся изливать
Ты жалобы свои и всю любовь,
Что̀ наполняетъ страждущее сердце.
Пусть друга мнѣ Аллахъ лишь сохранитъ,
И я клянусь ему быть вѣчно вѣрной,
Хотя бъ лежала я въ сырой землѣ!

И, прочтя эти стихи, онъ заплакалъ, и такъ плакалъ, что лишился, наконецъ, чувствъ. А когда онъ очнулся, то подошелъ ко второй клѣткѣ, въ которой увидѣлъ вяхиря. И какъ только замѣтила его птица, такъ сейчасъ же запѣла: — О Предвѣчный! Славословлю тебя! — Радость Міра долго вздыхалъ и потомъ сказалъ такіе стихи:

«О, не смотря на всѣ мои несчастья,
Тебя, Превѣчный, буду славить я!»
Такъ молвилъ голубь.—Я жъ надѣюсь также,
Что Ты въ своей безмѣрной добротѣ
Позволишь съ милой мнѣ соединиться,
Здѣсь на чужой далекой сторонѣ.
Ея уста—чистѣйшій медъ душистый,
И всякій разъ, какъ мнѣ она являлась,
Я весь пылалъ.—Испепелилъ мнѣ сердце
Любовный жаръ; кровавыми слезами
Орошены ланиты, и въ тоскѣ
Я восклицаю: «Только испытанья
Насъ укрѣпляютъ—я терпѣть готовъ.
И коль Аллахъ позволитъ вновь увидѣть
Мнѣ милую, я всѣ свои богатства
Отдамъ на то, чтобъ дать пріютъ влюбленнымъ,
Подобнымъ мнѣ. Я выпущу на волю
Всѣхъ бѣдныхъ птичекъ и, восторга полнъ,
Я сброшу тотчасъ мрачныя одежды!»

Digitized by Google

Когда же кончилъ, то подошелъ къ третьей клѣткѣ и нашелъ въ ней соловья, который, какъ только увидѣлъ его, сталъ пѣть. И, слушая его, Радость Міра сказалъ такіе стихи:

— О какъ меня плѣняетъ соловей
Своею нѣжной пѣснею, похожей
На томное стенаніе влюбленныхъ!
Жалѣйте ихъ! Они безъ сна проводятъ
Свои всѣ ночи въ мукахъ и тоскѣ!
Имъ ночь—не отдыхъ, утро—не отрада,
Такъ ихъ мученья страстныя жестоки!
Едва узналъ свою подругу я,
Какъ былъ любовью скованъ; звенья цѣпи
Изъ слезъ моихъ сковалися горячихъ,
Что̀ неустанно льются изъ очей!
И я вскричалъ: «Я скованъ весь цѣпями,
Любовный пылъ мой льется черезъ край!
Я весь разбитъ разлукой; истощились
Сокровища терпѣнья моего;
Изсякли силы. Если бъ справедлива
Была судьба, она бъ соединила
Меня съ подругой! Пусть меня Аллахъ
Своимъ покровомъ скроетъ, чтобы могъ я
Передъ подругой обнажить все тѣло
И показать, какъ страшно истощили
Меня любовь, разлука и тоска!

А когда кончилъ, подошелъ къ четвертой клѣткѣ и увидѣлъ въ ней птицу бульбуль, которая тотчасъ же издала нѣсколько жалобныхъ переливчатыхъ звуковъ. И, слушая ихъ, Радость Міра глубоко вздыхалъ, а потомъ продекламировалъ:

Игрою нѣжной струнъ голосовыхъ
Бульбуль сердца влюбленныя плѣняетъ,
И на зарѣ, и при закатѣ аломъ.
О Восхищенье Свѣта, бѣдный, томный!
Своей любовью весь ты истомленъ.
О, что̀ за пѣсни слухъ мой услаждаютъ,
Онѣ и камень могутъ умилить!
А утренній бодрящій вѣтерокъ
Летитъ ко мнѣ, напитанъ ароматомъ
Полей росистыхъ и роскошныхъ розъ.
О пѣнье птичекъ утренней зарею,
О ароматный утра вѣтерокъ!
О, какъ душа восторгами трепещетъ!
Я о далекой милой вспоминаю,
И слезъ потоки льются изъ очей,
И вновь огнемъ вся внутренность пылаетъ!
О, да даруетъ, наконецъ, Аллахъ
Влюбленному свиданіе съ подругой
И наслажденье чарами ея!

И послѣ этихъ стиховъ Радость Міра сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста восемьдесять четвертая ночь,

она сказала:

... Радость Міра сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ и увидѣлъ дивную клѣтку, которая была красивѣе всѣхъ остальныхъ. Въ ней сидѣлъ дикій голубь, а на шеѣ у него было ожерелье изъ превосходнаго жемчуга. И, увидя

Digitized by Google

этого голубя и услыша его жалобную пѣсню, пѣсню влюбленнаго узника съ печальнымъ и задумчивымъ взглядомъ, Радость Міра зарыдалъ и произнесъ такіе стихи:

О дикій голубь дѣйственныхъ лѣсовъ,
Влюбленныхъ братъ, товарищъ нѣжныхъ душъ,
Привѣтъ тебѣ!—О знай, я обожаю
Прелестную газель съ блестящимъ взглядомъ,
Проникнувшимъ мнѣ въ сердце, такъ глубоко,
Какъ лезвіе дамасскаго меча.
Ея любовь мнѣ внутренность спалила,
Недугомъ тяжкимъ истощила тѣло.
Уже давно не нахожу я вкуса
Въ питьѣ и пищѣ, и лишенъ я сна.
Терпѣнье и здоровье стали чужды
Моей душѣ, ихъ замѣнила страсть.
О, какъ найду въ себѣ еще я силы,
Чтобъ жить вдали отъ милой? Вѣдь она
Мой свѣтъ и жизнь и все мое желанье!

Когда голубь услышалъ эти стихи, онъ вышелъ изъ своей задумчивости, принялся стонать и ворковать такъ жалобно и печально, что казалось, слышался голосъ человѣка, произносящаго слѣдующіе стихи:

Любовникъ юный, ты напоминаешь
Мнѣ дни минувшей юности моей,
Когда меня чудесной красотою
И прелестью цвѣтущихъ юныхъ формъ
Плѣнялъ мой другъ. Его сребристый голосъ
Среди вѣтвей зеленыхъ заставлялъ
Меня забыть аккорды нѣжной флейты!
Но вотъ однажды онъ попался въ сѣти
Охотника, и пойманъ былъ. Тогда
Мой другъ вскричалъ: «О сладкая свобода,
О счастье, улетѣвшее навѣки!»

Но я питалъ надежду, что охотникъ
Почувствуетъ, быть можетъ, состраданье
Къ моей любви— и друга мнѣ вернетъ.
Онъ былъ жестокъ!—И съ той поры страданья
Мои безмѣрны и мои желанья
Питаются огнемъ разлуки тяжкой!
О, да хранитъ всеблагостный Аллахъ
Влюбленныхъ жалкихъ, мучимыхъ жестоко
Такою же тоскою, какъ моя!
Одинъ изъ нихъ, увидя, какъ печально
Сижу я въ клѣткѣ, сжалится, быть можетъ,
И клѣтку ненавистную раскрывъ,
Вернетъ меня тоскующему другу!

Тогда Радость Міра обратился къ своему другу, испаганскому евнуху, и сказалъ ему: — Что̀ это за дворецъ? Кто живетъ въ немъ? И кто построилъ его? — Тотъ отвѣтилъ: — Его построилъ визирь царя такого-то для своей дочери, чтобы оберечь ее отъ событій времени и превратностей судьбы! И поселилъ онъ ее здѣсь съ ея слугами и приближенными. Здѣсь отворяютъ ворота только разъ въ годъ, когда намъ присылаютъ съѣстные припасы! — Услыша эти слова, Радость Міра подумалъ въ душѣ своей: — Я достигъ своей цѣли! Но какъ тяжело не видѣть такъ долго милую! — И вотъ все о немъ.

А что̀ было съ Розой въ Чашѣ, то вотъ!

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ привезли ее въ этотъ дворецъ, она перестала находить удовольствіе въ пищѣ и питьѣ и потеряла сонъ. Вмѣсто покоя она еще сильнѣе стала мучиться страстными желаніями; цѣлые дни

Digitized by Google

бѣгала она по дворцу и искала какого-нибудь выхода, но поиски эти оставались безуспѣшными. И однажды, придя въ отчаяніе, она произнесла такіе стихи:

Чтобы меня измучить, заточили
Они меня отъ милаго вдали
И муками ужасными терзаютъ.
Они сожгли мнѣ сердце пыломъ страсти,
И въ неприступныхъ башняхъ заточили,
Построенныхъ на каменной скалѣ
Средь мрачныхъ безднъ бушующаго моря.
Ужели этимъ даровать забвенье
Они хотѣли? Вѣдь моя любовь
Отъ этого окрѣпла лишь сильнѣе!
Какъ я могу забыть? Вѣдь всѣмъ страданьямъ
Моимъ причиной взглядъ одинъ, что бросить
Успѣла я на милыя черты!
Въ печали дни текутъ мои, и ночи
Безсонныя, полны тяжелыхъ душъ!
Въ разлукѣ съ другомъ лишь воспоминанье
Мнѣ утѣшеньемъ служитъ. О, когда же
Соединитъ насъ властная судьба?!

И когда она умолкла, Роза въ Чашѣ поднялась на террасу дворца...

Въ этомъ мѣстѣ своего разсказа Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста восемьдесятъ пятая ночь,

она сказала:

... Роза въ Чашѣ поднялась на террасу дворца и при помощи крѣпкихъ тканей Баалбека, которыми она старательно обвязалась, скользнула вдоль стѣны на землю. И одѣтая въ лучшія одежды свои, съ ожерельемъ изъ драгоцѣнныхъ камней вокругъ шеи, она прошла по пустыннымъ равнинамъ, окружавшимъ дворецъ, и, такимъ путемъ, присѣла на морской берегъ.

Тутъ она увидѣла рыбака, котораго морской вѣтеръ прибилъ къ берегу и который сидѣлъ въ своей лодкѣ и удилъ рыбу. Рыбакъ также замѣтилъ Розу въ Чашѣ и, принявъ ее за какого-нибудь эфрита, очень испугался и принялся поспѣшно двигать свою лодку, чтобы уйти какъ можно дальше отъ берега. Тогда Роза въ Чашѣ стала звать его и, дѣлая ему разные знаки, произнесла слѣдующіе стихи:

Рыбакъ, не бойся, приближайся смѣло,
Я существо такое же, какъ ты!
Прошу тебя, внемли моимъ моленьямъ
И выслушай правдивый мой разсказъ.
О, пожалѣй меня, и пожалѣетъ
Тебя Аллахъ, и охранитъ отъ страсти
Подобной той, которой я томлюсь,
Когда твой взоръ случайно упадетъ
На строгаго, безжалостнаго друга.
Я юношу прекраснаго люблю,
Чей дивный ликъ свѣтлѣй луны и солнца,
Чей взглядъ заставилъ стройную газель
Воскликнуть робко: «Я—его рабыня!»
Такія строки на его челѣ
Начертаны самою Красотою:
«Кто на него взираетъ, какъ на свѣточъ
Живой любви—идетъ прямымъ путемъ;

Digitized by Google

Кто жъ отъ него отходитъ безъ вниманья,
Тотъ совершаетъ грубую ошибку!»
О, если ты меня утѣшить можешь,
Его вернувъ любви моей, рыбакъ,
Какъ велико мое блаженство будетъ,
Какъ благодарна буду я тебѣ!
Я дамъ тебѣ и злата, и каменьевъ,
И пригоршни жемчужинъ бѣлоснѣжныхъ,
И все, что есть сокровищъ у меня.
Когда жъ, когда мой другъ меня утѣшитъ?!
Мое все сердце таетъ отъ тоски!

Услышавъ такія слова, рыбакъ заплакалъ, застоналъ, вспоминая о дняхъ своей юности, когда и его покоряла любовь и терзали страсть и желанія и жегъ любовный огонь. И онъ самъ принялся декламировать такіе стихи:

— Взгляни, какъ ясно видно оправданье
Моей любви въ чертахъ моихъ поблекшихъ,
Въ слезахъ пролитыхъ и въ изсохшихъ членахъ,
Въ глазахъ, угасшихъ отъ ночей безсонныхъ,
Въ разбитомъ сердцѣ, разсыпавшемъ искры,
Какъ подъ огнивомъ блещущій кремень!
Печаль любви знакома мнѣ; я съ дѣтства
Вкушалъ ея обманчивую сладость.
Теперь готовъ продать свои услуги
Я для того, чтобъ милаго найти,
Хотя бъ пришлось мнѣ рисковать душою!
Но я надѣюсь, что доходенъ мнѣ
Твой будетъ торгъ; возлюбленные вѣдь рѣдко
Торгуются и спорятъ о цѣнѣ!

Рыбакъ кончилъ свои стихи, приблизился на своей лодкѣ къ берегу и сказалъ дѣвушкѣ: — Садись ко мнѣ въ лодку, я готовъ отвезти тебя, куда бы ты ни пожелала! — Роза въ Чашѣ сѣла въ лодку, а рыбакъ заработалъ веслами.

Когда они отплыли отъ берега на нѣкоторое разстояніе, поднялся сильный вѣтеръ и лодка полетѣла такъ быстро, что скоро берега ужъ не стало видно. Но черезъ три дня буря утихла и, милостію Аллаха (да будетъ славно имя Его!) лодка приплыла къ городу, лежавшему на берегу моря.

Между тѣмъ, въ то самое время, какъ рыбакъ причаливалъ къ берегу, царь того города, котораго звали царемъ Дербасомъ, сидѣлъ съ сыномъ своимъ во дворцѣ, у окна, выходившаго на море; и увидѣлъ онъ причалившую лодку и примѣтилъ въ ней дѣвушку, прекрасную, какъ полная луна на чистомъ небѣ; въ ушахъ дѣвушки горѣли подвѣски изъ рубиновъ, а на шеѣ ея было ожерелье изъ чудныхъ самоцвѣтныхъ камней. И понялъ Дербасъ, что это, по всей вѣроятности, царская дочь, или дочь какого-либо властителя, и вмѣстѣ съ сыномъ вышелъ онъ изъ дворца и направился къ морскому берегу, черезъ выходившія на море ворота.

Въ это время лодка уже причалила, и молодая дѣвушка спокойно заснула въ ней. Тогда царь подошелъ къ ней и сталъ смотрѣть на нее. Она же, какъ только открыла глаза, заплакала. И спросилъ у нея царь: — Откуда ты? Чья ты дочь? И по какой причинѣ прибыла ты сюда? — Она отвѣтила: — Я дочь визиря Ибрагима, визиря царя Шамиха. Причина же моего прибытія — необыкновенное и очень странное приключеніе. Затѣмъ разсказала она царю всю свою исторію, съ начала и до конца, не скрывая отъ него ничего. А потомъ принялась глубоко вздыхать и проливать слезы и проговорила слѣдующіе стихи:

Digitized by Google

Отъ жгучихъ слезъ мои увяли вѣки.
Ахъ, надо было много пережить,
Чтобы дойти до тяжкаго недуга!
Всему жъ причиной мой прекрасный другъ,
Съ которымъ я досель была не въ силахъ
Своихъ желаній страстныхъ утолить.
Его лицо такъ ясно, лучезарно,
Что онъ прекраснѣй турокъ и арабовъ!
Луна и солнце лишь его узрѣли,
Какъ тотчасъ же склонились передъ нимъ,
Плѣненные его очарованьемъ,
Любезностью соперничая съ нимъ.
А взглядъ его такъ полонъ томной нѣги
И волшебства, что всѣ влечетъ сердца:
Прекрасный лукъ, натянутый упруго,
Чтобъ бросить взгляда острую стрѣлу!
О, ты, кому такъ точно и подробно
Я разсказала всѣ мои мученья,
О, пожалѣй страдалицу любви,
Безсильную игрушку бурной страсти!
Увы! любовь забросила меня
Въ твою страну безпомощной и слабой,
И на твое лишь я великодушье
Теперь могу надѣяться, о царь!
Достойный мужъ съ душою благородной,
Открытый всѣмъ, кто ищетъ въ немъ защиты,
Всегда достоинъ высшей похвалы.
О господинъ, о ты, моя надежда,
Простри свою спасительную руку
Ты надъ толпой несчастною влюбленныхъ
И съединиться помоги имъ вновь!

Потомъ сообщила она царю еще нѣкоторыя подробности...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста восемьдесятъ шестая ночь,

она сказала:

. . . сообщила она царю нѣкоторыя другія подробности, и, заливаясь слезами, импровизировала такіе стихи:

Я беззаботно жизнью наслаждалась,
Покуда чуда не свершила страсть!
О, пусть для друга каждый мѣсяцъ года,
Какъ и Рагабъ священный мѣсяцъ, будетъ
Спокойствія и счастья полнъ всегда!
Какое чудо странное, что слезы,
Пролитыя въ печальный день разлуки,
Въ растопленное пламя обратились
И внутренность сжигаютъ мнѣ огнемъ!
Кровавыя, мучительныя слезы
Изъ глазъ моихъ лились дождемъ пурпурнымъ
И щеки мнѣ окрасили съ тѣхъ поръ.
И даже ткань, которой вытирала
Я эти слезы, сдѣлалась подобной
Іосифа пурпурному плащу,
Фальшивою окрашенному кровью!

Когда царь услышалъ слова дѣвушки, онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что она глубоко страдаетъ отъ любви; онъ пожалѣлъ ее и ска-

Digitized by Google

залъ:—Не бойся и не опасайся ничего: ты достигла цѣли! Я готовъ помочь тебѣ въ твоемъ дѣлѣ и прислать тебѣ того, кого ты призываешь! Вѣрь же мнѣ и выслушай то, что̀ скажу тебѣ!—И царь тотчасъ же сталъ декламировать такіе стихи:

О дочь прекрасной благородной крови,
Ты, наконецъ, своей достигла цѣли!
Тебѣ объ этомъ съ радостью вѣщаю!
Здѣсь опасаться нечего тебѣ.
Сегодня же сокровища сберу я
И тотчасъ же пошлю царю Шамиху
Подъ вѣрный стражей воиновъ моихъ.
Тюки парчи и съ мускусомъ шкатулки,
И золото и серебро пошлю я
И въ письмахъ я изображу искусно,
Какъ я желаю породниться съ нимъ.
Сегодня же всѣ силы я направлю,
На то, чтобъ вновь соединилась ты
Съ возлюбленнымъ! Я самъ не разъ извѣдалъ
Любви печали! И съ тѣхъ поръ умѣю
Я извинять и сожалѣть всѣхъ тѣхъ,
Кто долженъ пить изъ этой горькой чаши!

И, проговоривъ все это, царь пошелъ къ своимъ солдатамъ, и, призвавъ своего визиря, приказалъ ему приготовить несмѣтное количество тюковъ съ подарками и двинуться въ путь самому, чтобы отвезти ихъ царю Шамиху, царю Розы въ Чашѣ. И сказалъ онъ визирю:—Кромѣ того, ты долженъ непремѣнно привезти оттуда человѣка по имени Радость Міра. И скажешь ты царю:—Мой государь желаетъ быть твоимъ союзникомъ и союзнымъ договоромъ между тобою и имъ будетъ бракъ одного изъ приближенныхъ твоихъ, Радости Міра, и его дочери. Поэтому ты долженъ довѣрить мнѣ этого молодого человѣка, и я отвезу его къ царю Дербасу, чтобы въ его присутствіи составить брачный договоръ!

Послѣ того, царь Дербасъ написалъ по тому же поводу письмо царю Шамиху, отдалъ письмо своему визирю, повторилъ ему свои приказанія относительно Радости Міра и сказалъ ему:—Знай же, что если ты не привезешь его ко мнѣ, я отставлю тебя отъ должности!—Визирь отвѣтилъ:—Слушаю и повинуюсь! И тотчасъ же пустился въ путь, со всѣми подарками, въ страну царя Шамиха.

Прибывъ къ этому царю, онъ передалъ ему привѣтъ отъ царя Дербаса и вручилъ ему письмо и подарки.

При видѣ этихъ подарковъ и при чтеніи письма, въ которомъ говорилось о Радости Міра, царь Шамихъ пролилъ много слезъ и сказалъ визирю царя Дербаса:—Увы, гдѣ теперь Радость Міра? Онъ исчезъ! И мы не знаемъ, гдѣ онъ теперь находится. Если бы ты могъ вернуть его ко мнѣ, о визирь и посланникъ, я бы далъ тебѣ подарковъ вдвое больше противъ того количества, которое ты привезъ мнѣ!—И, сказавъ это, царь залился слезами, стоналъ и рыдалъ, а потомъ произнесъ такіе стихи:

Верните мнѣ утраченнаго друга!
Къ чему мнѣ всѣ богатые дары,
И золото, и жемчугъ, и брильянты!
Онъ былъ моею полною луною
Въ небесномъ чистомъ, лучезарномъ сводѣ.
Онъ былъ мнѣ другомъ, избраннымъ по сердцу,
Плѣнительнымъ и нѣжнымъ въ обращеньи,
Съ нимъ не сравнится стройная газель.
Какъ вѣтвь онъ гибокъ, а его манеры—
Цвѣтущей вѣтви сладкіе плоды.

Digitized by Google

Но даже вѣтвь, какъ ни свѣжа она,
Не такъ плѣняетъ всѣ умы всевластно,
Какъ красота безмѣрная его!
Я съ дѣтскихъ лѣтъ его любовно холилъ,
И вотъ теперь унылъ и одинокъ
Съ нимъ разлученъ я и терзаюсь вѣчно.

Затѣмъ онъ повернулся къ визирю-послу и сказалъ ему: — Возвращайся къ своему государю и скажи ему: — Радость Міра ушелъ вотъ уже болѣе года тому назадъ, и царь, господинъ его, не знаетъ, что̀ сталось съ нимъ! — Визирь же отвѣтилъ: — О государь, господинъ мой сказалъ мнѣ: — если не привезешь Радость Міра, ты будешь отставленъ отъ должности визиря и не осмѣлишься никогда уже войти въ городъ! Какъ же посмѣю я возвратиться безъ этого молодого человѣка?

Тогда царь Шамихъ повернулся къ своему собственному визирю, Ибрагиму, отцу Розы въ Чашѣ, и сказалъ ему:—Ты поѣдешь съ визиремъ-посломъ и возьмешь съ собою сильный конвой; и такимъ образомъ ты поможешь ему въ поискахъ, необходимыхъ для розысканія Радости Міра! — И отвѣтилъ тотъ:—Слушаю и повинуюсь!—И немедленно собралъ онъ конвой и, въ сопровожденіи визиря-посла, отправился розыскивать Радость Міра.

Долго путешествовали они, и каждый разъ, какъ попадались имъ на пути бедуины или караваны, спрашивали, не знаютъ ли чего о Радости Міра. И говорили они: — Не видѣли ли вы такого-то человѣка, носящаго такое-то имя, а примѣты его такія-то! — И люди отвѣчали имъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста восемьдесятъ седьмая ночь,

она сказала:

...И люди отвѣчали имъ: — Мы такого не знаемъ! И продолжали они спрашивать въ городахъ и селеніяхъ и искать въ долинахъ и горахъ, на поляхъ и въ пустыняхъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не доѣхали до берега моря. Тогда сѣли они на корабль, поплыли по морю и въ одинъ прекрасный день пристали къ Горѣ-той-что-потеряла-свое-дитя.

Тогда визирь царя Дербаса спросилъ визиря царя Шамиха: — По какой причинѣ дано такое названіе этой горѣ? — Тотъ же отвѣтилъ ему: — Я сейчасъ объясню тебѣ это! Знай, что однажды въ старинныя времена, джинія, изъ рода китайскихъ джиновъ, спустилась на эту гору Случилось такъ, что во время ея блужданій по землѣ она встрѣтила человѣка, котораго полюбила безумною любовью. Но, опасаясь гнѣва джиновъ своего рода, если они узнаютъ о ея приключеніи, она, когда уже не въ силахъ была подавить пламень своей страсти, стала искать какого-нибудь уединеннаго мѣста, куда могла бы спрятать своего возлюбленнаго отъ родственниковъ своихъ, джиновъ, и, наконецъ, нашла эту гору, невѣдомую ни людямъ, ни джинамъ, потому что стояла она въ сторонѣ отъ всѣхъ путей, по которымъ проходили люди или джины. Она похитила своего возлюбленнаго и перенесла его по воздуху на этотъ островъ, гдѣ и осталась съ нимъ. И удалялась она отсюда только по временамъ, чтобы являться въ средѣ своихъ родныхъ, и спѣшила тотчасъ же возвращаться тайкомъ къ своему милому. И вышло изъ этого то, что по прошествіи нѣкотораго времени у нея родилось на этой горѣ множество дѣтей. И, вотъ каждый разъ, какъ плававшіе на своихъ судахъ купцы, проходили около этой горы, имъ слышался дѣт-

Digitized by Google

скій крикъ, походившій на жалобные стоны матери. И говорили они себѣ:— На этой горѣ, вѣрно, есть мать, потерявшая своихъ дѣтей! И, вотъ почему гора и носитъ такое имя.

Услышавъ это, визирь царя Дербаса былъ удивленъ до крайности.

Но они уже вышли на берегъ, подошли къ дворцу и толкнули дверь. Дверь тотчасъ же отворилась, и вышелъ евнухъ, тотчасъ же узнавшій господина своего, визиря Ибрагима, отца Розы въ Чашѣ. Сейчасъ же поцѣловалъ онъ у него руку и ввелъ его, его спутника и всю свиту во дворецъ.

Войдя во дворъ, визирь Ибрагимъ тотчасъ же замѣтилъ среди слугъ человѣка жалкаго вида, котораго онъ не узналъ и который и былъ Радость Міра. Поэтому онъ спросилъ у своихъ людей: — Откуда взялся этотъ человѣкъ?—Они же отвѣтили:—Это несчастный купецъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе, лишившійся всѣхъ своихъ товаровъ; ему одному удалось спастись. Впрочемъ, онъ человѣкъ безобидный, святой, который безпрестанно и съ большимъ рвеніемъ творитъ молитву!—Визирь не сталъ больше разспрашивать и вошелъ во дворецъ. Онъ направился въ комнаты дочери, но не нашелъ ея тамъ. Онъ спросилъ о ней у ея молодыхъ невольницъ, тамъ находившихся, но онѣ отвѣтили: — Мы не знаемъ, какъ она ушла отсюда! Мы можемъ только сказать тебѣ, что она оставалась здѣсь среди насъ очень недолгое время; а потомъ исчезла!—При этихъ словахъ визирь пролилъ обильныя слёзы и съимпровизировалъ такіе стихи:

О домъ, воспѣтый птичками любовно,
Чей былъ такъ гордъ и радостенъ порогъ
До той поры, пока къ тебѣ пришелъ
Влюбленный бѣдный, горестно рыдая,
И увидѣлъ, что дверь твоя раскрыта
И всюду пусто, — о, отвѣть же мнѣ,
Куда любовь сокрылася моя,
Царившая когда-то здѣсь всевластно?!
Здѣсь въ счастьи и почетѣ прежде жили
Достойные вельможи; разстилались
Повсюду шелкъ, и бархатъ, и парча!
Увы, увы! Кто можетъ мнѣ сказать,
Какой удѣлъ постигъ былыхъ хозяевъ?!

А когда досказалъ эти стихи визирь Ибрагимъ, онъ снова принялся плакать, стонать и жаловаться и, наконецъ, сказалъ: — Невозможно избѣжать велѣній Аллаха и нельзя противиться тому, что Имъ предрѣшено! Потомъ поднялся онъ на дворцовую террасу и нашелъ тамъ ткани изъ Баалбека, привязанныя къ зубцамъ и висящія до самой земли. Тогда понялъ онъ, какимъ образомъ убѣжала его дочь, обезумѣвшая отъ любви и горя. И въ то же время увидѣлъ онъ двухъ большихъ птицъ, ворона и сову; и, не сомнѣваясь, что онѣ предвѣщаютъ несчастіе, онъ зарыдалъ и произнесъ такіе стихи:

Къ жилищу друга я пришелъ въ надеждѣ,
Что видъ его угаситъ пламя страсти
И утолитъ мученія мои.
Но вмѣсто друга я узрѣлъ, о горе!
Лишь ворона зловѣщаго съ совой!
Ихъ видъ мнѣ ясно говорилъ: «Жестоко
Ты разлучилъ два любящія сердца.
Теперь чередъ насталъ и для тебя
Устами прикоснуться къ горькой чашѣ,
Что ихъ испить заставилъ ты до дна!
Влачи же дни въ слезахъ и угнетеньи!

И сошелъ онъ затѣмъ съ террасы...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

Но когда наступила

триста восемьдесятъ восьмая ночь,

она сказала:

...И сошелъ онъ съ террасы, продолжая плакать, и приказалъ невольникамъ идти искать въ горахъ свою госпожу. И невольники повиновались. Но не нашли они своей госпожи. И вотъ все о нихъ!

А о Радости Міра вотъ что̀!

Когда онъ убѣдился, что Роза въ Чашѣ убѣжала, онъ громко вскрикнулъ и лишился чувствъ. Видя, что онъ лежитъ неподвижно на землѣ, дворцовые люди подумали, что онъ находится въ молитвенномъ экстазѣ, и что душа его утопаетъ въ созерцаніи Всевышняго. И вотъ все о немъ.

Что̀ касается визиря царя Дербаса, то когда онъ увидѣлъ, что визирь Ибрагимъ потерялъ всякую надежду розыскать дочь и Радость Міра и что сердце его глубоко поражено всѣмъ этимъ, онъ рѣшился вернуться въ городъ царя Дербаса, не смотря на то, что не могъ исполнить возложеннаго на него порученія. Попрощался онъ съ визиремъ Ибрагимомъ, отцомъ Розы въ Чашѣ, и сказалъ ему, указывая на молодого человѣка: —Мнѣ очень хотѣлось бы увезти съ собою этого святого. Можетъ быть, благодаря его заслугамъ, на насъ снизойдетъ благословеніе, и Аллахъ (да будетъ славно имя Его!) тронетъ сердце царя, господина моего, и помѣшаетъ ему лишить меня должности! Я же, послѣ этого, не забуду отвезти этого святого человѣка въ Испагань, родной его городъ, находящійся не особенно далеко отъ нашего края. — Визирь Ибрагимъ отвѣтилъ ему: — Дѣлай какъ хочешь!

Затѣмъ визири разстались, и каждый изъ нихъ направился въ свою страну, а визирь царя Дербаса взялъ съ собою молодого человѣка, далекій отъ мысли, что это и есть Радость Міра. Онъ помѣстилъ его на мулѣ, въ виду упорнаго обморока, въ которомъ находился молодой человѣкъ.

Этотъ обморокъ продолжался еще три дня, во время пути, и Радость Міра совершенно не зналъ, что̀ творится вокругъ него. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя и спросилъ: — Гдѣ я? — Ему отвѣтили: — Ты въ обществѣ визиря царя Дербаса! Потомъ пошли объявить визирю, что святой человѣкъ пришелъ въ себя. Тогда визирь послалъ ему сладкой розовой воды, которою и напоили его, что̀ окончательно оживило его. Послѣ этого продолжали путь и прибыли въ городъ царя Дербаса.

Царь Дербасъ тотчасъ же послалъ сказать своему визирю:—Если Радость Міра не пріѣхалъ съ тобою, не смѣй являться ко мнѣ на глаза!—Получивъ такой приказъ, бѣдный визирь ужъ не зналъ, что̀ ему дѣлать. Дѣйствительно, ему было неизвѣстно, что Роза въ Чашѣ находится у царя, не зналъ онъ также, почему царь желаетъ разыскать Радость Міра и породниться съ нимъ; неизвѣстно ему также и то, что Радость Міра при немъ, и онъ и есть тотъ молодой человѣкъ, который подверженъ такимъ продолжительнымъ обморокамъ.

Когда же визирь увидѣлъ, что Радость Міра пришелъ въ себя, онъ сказалъ ему:

— О святой божій человѣкъ, я желаю прибѣгнуть къ твоимъ совѣтамъ въ тѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ нахожусь теперь. Узнай, что царь и господинъ посылалъ меня съ порученіемъ, которое я не могъ исполнить. Теперь же, когда ему сказали, что я вернулся, онъ прислалъ мнѣ письмо, въ которомъ сказано:—Если тебѣ не удалось выполнить мое порученіе, ты не долженъ возвращаться въ мой городъ!—Молодой человѣкъ спросилъ:—А въ чемъ заключалось это порученіе?—Тогда ви-

Digitized by Google

зирь разсказалъ ему все, а Радость Міра сказалъ ему: — Не бойся ничего! Иди къ царю и возьми меня съ собою. Я же беру на себя доставить сюда Радость Міра!—Визирь очень обрадовался и сказалъ:—Правду ли ты говоришь?—Тотъ отвѣтилъ:—Разумѣется!—Послѣ этого визирь сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ къ царю.

Когда оба они явились къ нему, царь спросилъ у визиря: — Гдѣ Радость Міра?—Тогда святой человѣкъ выступилъ и отвѣтилъ:—О великій царь, я знаю, гдѣ находится Радость Міра!—Царь велѣлъ ему подойти поближе и, сильно волнуясь, спросилъ: — Гдѣ же онъ?—Тотъ отвѣтилъ:—Очень близко отсюда. Но скажи мнѣ, прежде всего, зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ, я же поспѣшу привести его между рукъ твоихъ.—Царь сказалъ:—Безъ сомнѣнія, я съ удовольствіемъ скажу тебѣ это; но дѣло такого рода, что о немъ слѣдуетъ говорить съ глазу на глазъ!—И тотчасъ же велѣлъ онъ всѣмъ удалиться, увелъ молодого человѣка въ дальнюю залу и разсказалъ ему всю исторію съ начала до конца.

Тогда Радость Міра сказалъ царю: — Вели принести мнѣ роскошную одежду и дай ее мнѣ надѣть. Я же сейчасъ приведу къ тебѣ Радость Міра!—Царь велѣлъ немедленно принести роскошное одѣяніе, а Радость Міра одѣлся и воскликнулъ: — Я самъ и есть Радость Міра, бѣдствіе завистниковъ!—И съ этими словами, пронзая сердца своимъ прекраснымъ взоромъ, онъ съимпровизировалъ слѣдующіе стихи...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста восемьдесятъ девятая ночь,

она сказала:

...И, пронзая сердца своимъ прекраснымъ взоромъ, онъ съимпровизировалъ слѣдующіе стихи:

Воспоминанье о моей подругѣ
Мнѣ не даетъ предаться огорченью,—
Въ разлукѣ долгой я не одинокъ!
Источника иного я не знаю,
Какъ слезъ моихъ источникъ, но пока
Изъ глазъ моихъ струится онъ обильно,
Онъ тяжкую мнѣ муку облегчаетъ!
Мои желанья такъ сильны, что съ ними
Ничто не можетъ силою сравниться.
О, какъ странна и въ дружбѣ и въ любви
Моя судьба! Мои безсонны ночи,
И я ввергаюся то въ адъ, то въ рай!
Я прежде былъ покоренъ и спокоенъ.
Но добродѣтель эту я утратилъ,
И даръ одинъ оставила мнѣ страсть —
Безмѣрную печаль. — Изсохло тѣло,
И измѣнились всѣ мои черты
Отъ горечи разлуки и страданья.
Мои глаза воспалены слезами
И все жъ я слезъ не въ силахъ удержать,
Ахъ, силы нѣтъ, и сердце все изныло!
Несчастій тѣнь сгущается все больше!
И голова, и сердце устарѣли.
И убѣлились ранней сѣдиной
Отъ горькаго томленія разлуки
Съ прекраснѣйшей изъ всѣхъ подругъ прекрасныхъ.
Она со мной разсталася, увы!

Digitized by Google

Лишь поневолѣ; вся ея отрада
Теперь лишь въ томъ, чтобъ вновь узрѣть меня.
Но какъ узнать, за долгою разлукой
Наступитъ ли желанное мгновенье;
Замѣнитъ ли суровая судьба
Разлуки скорбь восторгами свиданья!
И какъ узнать, увижу ли я вновь
Въ родномъ жилищѣ милую подругу
Веселою и рѣзвой, какъ бывало,
Извѣдаю ли счастье и любовь?!.

Когда Радость Міра кончилъ, царь Дербасъ сказалъ ему: — Клянусь Аллахомъ, я вижу теперь, что вы оба любите другъ друга одинаково сильно и одинаково искренно. По истинѣ, вы два лучезарныя свѣтила въ небѣ красоты! Ваша исторія необыкновенна, а приключенія изумительны! — Затѣмъ царь подробно разсказалъ ему все о Розѣ въ Чашѣ. А Радость Міра спросилъ его:—Можешь ли теперь сказать мнѣ, гдѣ она находится?—Царь отвѣтилъ:—Она у меня во дворцѣ!—И тотчасъ же велѣлъ онъ привести кади и свидѣтелей и приказалъ имъ составить договоръ о бракѣ Розы въ Чашѣ и Радости Міра. Затѣмъ онъ осыпалъ его почестями и благодѣяніями и немедленно отправилъ къ царю Шамиху гонца съ извѣстіемъ обо всемъ случившемся съ Радостью Міра и Розою въ Чашѣ.

Когда царь Шамихъ получилъ это извѣстіе, онъ чрезвычайно былъ обрадованъ имъ и послалъ царю Дербасу письмо, въ которомъ говорилъ:— Такъ какъ брачный договоръ уже составленъ, я желаю, чтобы свадьба и свадебный пиръ происходили въ моемъ дворцѣ!—И тотчасъ же приказалъ онъ приготовить верблюдовъ, лошадей и людей, и послалъ ихъ за нареченными молодыми супругами.

По прибытіи этого конвоя и по полученіи письма, царь Дербасъ подарилъ молодымъ значительныя суммы денегъ, далъ имъ великолѣпный конвой и простился съ ними. И уѣхали они.

Всѣмъ памятенъ день ихъ прибытія въ Испагань, гдѣ царствовалъ царь Шамихъ. Никогда еще не переживали болѣе прекраснаго или даже подобнаго дня!

Чтобы отпраздновать эту свадьбу, царь Шамихъ созвалъ всѣхъ музыкантовъ и задалъ большіе пиры. И три дня продолжались празднества, во время которыхъ царь роздалъ много денегъ народу и многимъ подарилъ почетное платье.

Что̀ касается новобрачныхъ, то вотъ! Радость Міра, по окончаніи перваго брачнаго пира, вошелъ ночью въ брачный покой Розы въ Чашѣ; и они бросились другъ къ другу въ объятія, впервые увидѣвшись послѣ своей встрѣчи; и были они такъ счастливы, что много плакали отъ радости. И Роза въ Чашѣ съимпровизировала такіе стихи:

На смѣну скорби радость къ намъ явилась;
Мы снова вмѣстѣ, и посрамлены
Завистники злокозненные наши.
Свиданія душистый вѣтерокъ
Намъ освѣжилъ измученное сердце
И тѣло, истомленное разлукой.
На нашихъ лицахъ счастіе цвѣтетъ,
Вкругъ насъ звучатъ восторженные клики,
Гремятъ литавры и грохочутъ трубы!
Не думайте, что плачемъ мы отъ горя;
О, нѣтъ, отъ счастья льются слезъ ручьи!
Какихъ страданій мы не испытали,
И какъ покорно мы переносили
Мученія ужасныя свои!
Но въ мигъ свиданья всѣ забыты муки,
Вся злая скорбь томительной разлуки!

Digitized by Google

А когда была окончена эта импровизація, они прижались къ другъ другу и обнялись, и долго длилось ихъ объятіе, пока не упали они, истомленные счастіемъ и наслажденіемъ.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста девятидесятая ночь,

она сказала:

...Пока не упали, истомленные счастіемъ и наслажденіемъ.

Когда они успокоились, Радость Міра съимпровизировалъ слѣдующіе стихи:

— О ночь любви, о мигъ давно желанный,
Когда любовникъ можетъ, наконецъ,
Отдаться ласкамъ любящей подруги!
Мы навсегда теперь съединены,
И наши цѣпи тяжкія разбиты.
Безжалостно сперва насъ покаравъ,
Судьба теперь намъ снова улыбнулась
И съ радостью даритъ свои блага.
И въ упоеньи сладкаго свиданья,
Мы о минувшихъ мукахъ говоримъ,
Безсонныя припоминаемъ ночи,
Потоки слезъ, пролитые въ тоскѣ!
О господинъ, забудемъ всѣ страданья,
И пусть Податель всевозможныхъ благъ
Вольетъ намъ въ души сладкое забвенье!
Какъ жизнь сладка! О, какъ прекрасна жизнь!

И послѣ этихъ стиховъ снова обнялись они на своемъ брачномъ ложѣ въ порывѣ сладострастія; и продолжали они свои ласки и тысячи милыхъ игръ, пока не утонули въ морѣ бурной любви. И ихъ наслажденія, ихъ счастіе, ихъ радости были такъ сильны, что прошло семь дней и семь ночей, и они и не замѣчали теченія времени и его перемѣнъ, какъ будто прошло не семь сутокъ, а одинъ только день. И лишь тогда, когда они увидѣли музыкантовъ, поняли они, что наступилъ седьмой день ихъ брачной жизни. Съ безпредѣльнымъ одушевленіемъ съимпровизировала тогда Роза въ Чашѣ слѣдующіе стихи:

О, какъ меня ревниво ни хранили,
Я все жъ успѣла другомъ овладѣть.
На бархатѣ и шелкѣ непорочномъ
Отдался мнѣ онъ въ ласкахъ безконечныхъ,
На чудномъ мягкомъ ложѣ пуховомъ!
Что мнѣ вино, когда любовникъ пылкій
Меня пьянитъ слюною сладострастья!
Прошедшее смѣшалось съ настоящимъ,
И мы въ забвеньи дивномъ утонули!
Не чудо ли, что цѣлыхъ семь ночей
Промчалися надъ нашей головою,
И ихъ замѣтить не успѣли мы?
А между тѣмъ сегодня поздравленья
Приносятъ мнѣ любезные друзья
Съ седьмымъ ужъ днемъ, желая: «Да продлитъ
Аллахъ навѣки вашъ союзъ счастливый!»

Когда она прочла эти стихи, Радость Міра поцѣловалъ ее безъ счету, а потомъ самъ сказалъ:

Digitized by Google

О счастья день, о день благословенный!
Со мной подруга — я не одинокъ!
О, какъ ея отрадно приближенье,
Какъ рѣчь ея разумная чаруетъ!
Я пью съ восторгомъ сладостный сорбетъ
Ея любви; восхищены безмѣрно
Мои всѣ чувства тѣмъ напиткомъ дивнымъ!
Мы счастіемъ и радостью цвѣтемъ,
Мы распростерлись въ чудномъ опьяненьи
На нашемъ ложѣ, и за полной чашей
Запѣли мы! И въ опьяненьи счастья
О времени забыли мы совсѣмъ.
О, пусть любовь плѣняетъ вѣчно насъ!
Со мной подруга дѣлитъ наслажденья,
И какъ и я, забыла навсегда
Всю горечь дней, въ разлукѣ проведенныхъ!
Какъ и меня, ее взыскалъ Аллахъ!

И, покончивъ со стихами, они оба встали и вышли изъ брачной комнаты и раздавали всѣмъ слугамъ во дворцѣ большія суммы денегъ, великолѣпныя одежды и разные другіе подарки. Затѣмъ Роза въ Чашѣ приказала своимъ рабамъ очистить гаммамъ для нея одной и сказала Радости Міра:—О свѣжесть глазъ моихъ, я хочу видѣть тебя, наконецъ, въ гаммамѣ и быть тамъ съ тобою вдвоемъ! — И, полная безпредѣльнаго счастія, она импровизировала стихи:

— О милый мой — не стану вспоминать
Я о быломъ — въ моемъ царишь ты сердцѣ!
Я безъ тебя не въ силахъ больше жить.
Никто, никто тебя мнѣ не замѣнитъ!
Взойдемъ въ гаммамъ, о свѣтъ моихъ очей!
То будетъ адъ средь наслажденій рая!
Мы будемъ надда жечь благоуханья,
Пока паровъ душистыхъ ароматъ
Не разнесется легкими волнами.
И мы судьбѣ простимъ ея удары
И мы прославимъ благости Творца!
И я спою: «Да будетъ жаръ гаммама
Тебѣ, о милый, легокъ и отраденъ!»

И послѣ этой импровизаціи новобрачные отправились въ гаммамъ, гдѣ могли пріятно провести время. А потомъ вернулись они во дворецъ, гдѣ и прожили всю свою жизнь въ блаженствѣ и счастіи до той минуты, когда посѣтила ихъ вѣчная Разлучница и Разрушительница радостей! Слава Вѣчному и Неизмѣнному, въ Которомъ сосредоточивается все сущее!

— Но не думай, о царь благословенный, продолжала Шахразада, что этотъ разсказъ походитъ на Волшебную исторію деревяннаго коня! А царь Шахріаръ сказалъ:—О Шахразада, меня восхитили новые стихи, которыми обмѣнивались эти вѣрные любовники! Поэтому я готовъ выслушать твою волшебную исторію, которая мнѣ еще неизвѣстна! И Шахразада сказала:

Волшебная исторія коня изъ эбеноваго дерева.

Мнѣ сказывали, о царь благословенный, что въ стародавнія времена жилъ великій и могущественнѣйшій изъ персидскихъ царей, царь по имени Сабуръ, и обладалъ онъ всякаго рода сокровищами, а также величайшею мудростью и прозорливостью. Кромѣ того былъ онъ преисполненъ великодушія и привѣтливости, а рука его не уставала помогать тѣмъ, кто молилъ

Digitized by Google

о помощи, и никогда не отталкивала тѣхъ, кто нуждался въ ней. Онъ оказывалъ щедрое гостепріимство тѣмъ, кто только просилъ пріюта, и умѣлъ, при случаѣ, утѣшать словомъ и кроткимъ, ласковымъ обхожденіемъ людей съ разбитымъ сердцемъ. Онъ былъ милосердъ и добръ къ бѣднякамъ, а передъ чужеземцами, стучавшимися въ двери дворца, всегда отворялись эти двери. Что же касается притѣснителей, то они не находили ни милости, ни пощады передъ его строгою справедливостью. Такимъ-то былъ этотъ царь.

У царя Сабура было три дочери-красавицы, сіявшихъ, какъ три луны на ясномъ небѣ или какъ три дивные цвѣтка въ тщательно прибранномъ цвѣтникѣ, и сынъ—истинное свѣтило, имя которому было Камаръ-аль-Акмаръ [1].

Ежегодно давалъ царь два празднества своему народу, одно въ началѣ весны, праздникъ Нуруза, и другое осенью, праздникъ Михргана; и по случаю этихъ праздниковъ, приказывалъ онъ отворять двери всѣхъ своихъ дворцовъ, раздавалъ деньги, издавалъ указы о помилованіи, провозглашавшіеся глашатаями, назначалъ новыхъ людей на разныя должности и повышалъ въ чинахъ своихъ военачальниковъ и царедворцевъ.

Поэтому, со всѣхъ концовъ его обширнаго царства стекались жители, чтобы привѣтствовать своего царя и радовать его въ эти праздничные дни всякаго рода подарками, дарили и рабовъ и евнуховъ.

И вотъ однажды во время одного изъ такихъ празднествъ, а именно праздника весны, царь, отличавшійся, сверхъ прочихъ качествъ своихъ, еще и любовью къ наукамъ, геометріи и астрономіи, сидѣлъ на своемъ царскомъ тронѣ, когда подошло къ нему трое ученыхъ, людей весьма свѣдущихъ въ различныхъ отрасляхъ самыхъ тайныхъ знаній и тончайшихъ искусствъ, обладавшихъ даромъ изумительнаго ваянія формъ человѣческаго тѣла и знаніемъ всѣхъ тайнъ, ускользающихъ отъ пониманія обыкновенныхъ людей. Эти ученые пришли въ столицу того царства изъ трехъ различныхъ странъ, и каждый изъ нихъ говорилъ на разныхъ языкахъ. Перваго звали Гинди, втораго Руми, а третьяго, пришедшаго съ окраинъ Персіи — Айями.

Первый ученый, Ганди, подошелъ къ трону, распростерся передъ царемъ, поцѣловалъ землю между рукъ его и, пожелавъ ему радости и счастія въ этотъ праздничный день, поднесъ ему истинно царскій подарокъ: то была статуя изъ золота, украшенная инкрустированными въ нее драгоцѣнными камнями, и держала она въ рукѣ золотую трубу. И сказалъ ему царь Сабуръ: — О ученый, какую пользу можетъ принести эта статуя? — А тотъ отвѣтилъ: — О государь, этотъ золотой человѣкъ обладаетъ дивно-полезнымъ свойствомъ! Если ты поставишь его у городскихъ воротъ, онъ будетъ несравненнымъ сторожемъ; если непріятель подойдетъ къ городу, онъ еще издали замѣтитъ его, подуетъ на него въ трубу прямо въ лицо, и непріятель окостенѣетъ и упадетъ мертвымъ отъ ужаса. И, слушая эти слова, царь изумлялся и сказалъ: — Клянусь Аллахомъ, о ученый, если ты говоришь правду, обѣщаю тебѣ исполнить всѣ твои желанія!

Тогда подошелъ къ царю ученый Руми, поцѣловалъ землю между рукъ его и поднесъ большой серебряный тазъ, посреди котораго стоялъ серебрянный же павлинъ, окруженный двадцатью четырьмя павами изъ того же металла. И царь Сабуръ посмотрѣлъ на нихъ съ удивленіемъ и, повернувшись къ Руми, спросилъ его: — О ученый, къ чему же служатъ эти павы и павлинъ? — А ученый отвѣтилъ: — О государь, по прошествіи каждаго часа дня или ночи, павлинъ ударяетъ клювомъ въ одну изъ двадцати четырехъ павъ, совокупляется съ нею, хлопая крыльями, и такъ соединяется онъ съ ними со всѣми, отмѣчая, такимъ образомъ, часы; по прошествіи же мѣсяца,

[1] Камаръ-аль-акмаръ—луна изъ лунъ.

Digitized by Google

онъ открываетъ ротъ, и серпъ новой луны появляется въ глубинѣ его горла! — И изумленный царь воскликнулъ: — Клянусь Аллахомъ, если ты говоришь правду, исполню все, что̀ ты пожелаешь!

Третьимъ подошелъ персидскій ученый. Онъ поцѣловалъ землю между рукъ царя и, послѣ обычныхъ привѣтствій и пожеланій, поднесъ коня изъ эбеноваго дерева, самаго темнаго и рѣдкаго цвѣта, съ инкрустированными въ немъ драгоцѣнными камнями и золотомъ. И было на томъ конѣ дивное сѣдло и уздечка и стремена, какъ то бываетъ только на царскихъ коняхъ. И изумился и восхитился царь Сабуръ до крайности при видѣ красоты и совершенствъ этого коня; а потомъ сказалъ: — Какими же качествами обладаетъ этотъ конь? — Персіанинъ отвѣтилъ: — О государь, конь этотъ обладаетъ дивнымъ свойствомъ: какъ только сядешь на него, онъ летитъ со своимъ всадникомъ по воздуху съ быстротою молніи и несетъ его, куда тотъ пожелаетъ, пролетая въ одинъ день разстояніе, которое обыкновенный конь могъ бы пробѣжать только въ годъ времени.—До крайности изумленный всѣми этими тремя дивами, полученными имъ одно за другимъ, въ одинъ и тотъ же день, царь сказалъ персіанину: — Клянусь всемогущимъ Аллахомъ (да будетъ прославлено имя Его!), создавшимъ всѣ существа и дающимъ имъ пищу и платье, если слова твои подтвердятся, обѣщаю исполнить всѣ твои желанія и даже малѣйшее изъ нихъ!

Послѣ этого царь въ теченіе трехъ дней приказалъ испытывать свойства трехъ даровъ, при чемъ ученые заставляли ихъ исполнять различныя движенія. И, дѣйствительно, человѣкъ изъ золота дулъ въ золотую трубу; павлинъ ударялъ клювомъ и соединялся со всѣми двадцатью четырьмя павами, персидскій же ученый...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста девяносто первая ночь,

она сказала:

... персидскій же ученый сѣлъ на деревяннаго коня, заставилъ его подняться на воздухъ, съ необыкновенной быстротой описалъ въ воздухѣ обширный кругъ и вернулся на мѣсто, съ котораго поднимался.

Когда увидѣлъ все это царь Сабуръ, онъ сперва оцѣпенѣлъ отъ изумленія, а потомъ такъ суетился и радовался, что самъ едва не улетѣлъ отъ радости. И сказалъ онъ тогда ученымъ: — О славные ученые, теперь я убѣдился, что вы сказали мнѣ правду, и я, въ свою очередь, долженъ исполнить свое обѣщаніе. Просите же у меня, что̀ желаете, и все будетъ дано вамъ сейчасъ же!

Тогда трое ученыхъ отвѣтили: — Такъ какъ царь нашъ и государь доволенъ нами и нашими дарами и предоставляетъ намъ просить у него, что̀ хотимъ, мы просимъ его выдать за насъ замужъ его трехъ дочерей, потому что сильно желаемъ сдѣлаться его зятьями! И это ни въ чемъ не можетъ потрясти спокойствія царства! Во всякомъ случаѣ, цари никогда не нарушаютъ даннаго ими слова! — Царь отвѣчалъ: — Ваше желаніе будетъ сейчасъ же удовлетворено! — И немедленно велѣлъ онъ позвать кади и свидѣтелей, чтобы составить брачные договоры своихъ трехъ дочерей и трехъ ученыхъ.

Все это!

Случилось же такъ, что въ это самое время, всѣ три царскія дочери сидѣли за занавѣсомъ пріемной залы и слышали слова царя. Поэтому

Digitized by Google

меньшая изъ сестеръ принялась внимательно всматриваться въ того ученаго, который долженъ былъ стать ея супругомъ, и вотъ что̀ она увидѣла! Это былъ глубокій старецъ, ему было, по крайней мѣрѣ сто лѣтъ, если не больше, у него были бѣлые волосы, посѣдѣвшіе отъ времени, и не много ихъ осталось на его головѣ, голова эта тряслась, брови его съѣла короста, уши его висѣли и были надтреснуты, безжизненная борода и такіе же усы были выкрашены, глаза косили и были красны, щеки были дряблы, желты и усѣяны рябинами, носъ напоминалъ толстый черный бадиджанъ, лицо было измято, какъ фартукъ башмачника, зубы выступали, какъ у кабана, губы висѣли и дрожали; однимъ словомъ, старый ученый былъ ужасенъ, въ немъ соединялось всякаго рода безобразіе, и былъ онъ самымъ некрасивымъ и уродливымъ человѣкомъ своего времени, да и какъ не быть ему такимъ со всѣми этими признаками и съ беззубымъ ртомъ, вооруженнымъ только клыками, благодаря которымъ онъ походилъ на эфрита, пугающаго дѣтей въ нежилыхъ домахъ, и при видѣ котораго отчаянно кудахтаютъ курицы въ курятникѣ.

Все это!

А какъ разъ младшая изъ царскихъ дочерей и была красивѣйшею и прелестнѣйшею своего времени, граціозною и нѣжною газелью, болѣе нѣжною и кроткою, чѣмъ самый легкій вѣтерокъ, и болѣе прекрасною, чѣмъ самая полная луна; она была по истинѣ создана для радостей любви; когда она двигалась, то смущала гибкую вѣтвь своимъ волнистымъ покачиваніемъ; когда ступала, то граціи ея походки завидовала сама легконогая козуля, и безспорно во многомъ превосходила она сестеръ своихъ красотою, бѣлизною, обаятельностью и кротостью нрава. И такою была она.

И потому, когда увидѣла она ученаго, который выпалъ ей на долю, она убѣжала въ свою комнату, бросилась ничкомъ на полъ и стала рвать на себѣ одежду, царапать себѣ щеки, рыдать и стонать отъ горя.

Между тѣмъ братъ, церевичъ Камаръ-аль-Акмаръ, очень любившій ее и предпочитавшій остальнымъ двумъ сестрамъ, возвратился съ охоты и, услыхавъ, что она плачетъ и стонетъ, вошелъ къ ней въ комнату и спросилъ:— Что̀ съ тобою? Что̀ случилось? Скажи мнѣ сейчасъ же и не скрывай ничего!— Тогда, ударивъ себя въ грудь, она сказала:—О единственный братъ мой, о дорогой мой, я ничего не скрою отъ тебя. Знай, что если бы даже дворецъ съузился передъ твоимъ отцомъ, я готова уйти; и если отецъ твой собирается сдѣлать такую гнусность, я, безъ всякаго колебанія, покину его, убѣгу, хотя бы онъ не далъ мнѣ хлѣба на дорогу; Аллахъ не покинетъ меня!

Услышавъ ея слова, царевичъ Камаръ-аль-Акмаръ сказалъ ей:—Но скажи же мнѣ, наконецъ, что̀ значатъ твои рѣчи и что̀-же такъ смутило и огорчило тебя?—Царевна отвѣтила:—О единственный братъ мой, о дорогой, знай, что отецъ обѣщалъ одному старику-ученому выдать меня за него замужъ; это старый волшебникъ, который принесъ ему въ даръ коня изъ эбеноваго дерева, и безъ сомнѣнія околдовалъ его и обманулъ своею хитростью и коварствомъ! Я же рѣшилась не идти замужъ за этого безобразнаго старика и лучше хочу умереть!

Братъ принялся успокаивать ее, утѣшать, ласкать, а потомъ поспѣшилъ къ отцу и сказалъ ему:—Что̀ это за волшебникъ, которому ты обѣщалъ выдать за него замужъ меньшую сестру мою? И какой это даръ принесъ онъ тебѣ, что изъ-за него ты рѣшилъ уморить отъ горя сестру мою? Это несправедливо и не должно случиться!

А персіанинъ былъ тутъ же и слышалъ слова царскаго сына, которыя взбѣсили и ошеломили его!

Но царь отвѣтилъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

Но когда наступила

триста девяносто вторая ночь,

она сказала:

...царь отвѣтилъ: — О сынъ мой Камаръ-аль-Акмаръ, если бы ты зналъ, какого коня подарилъ мнѣ ученый, ты бы не удивлялся такъ и не смущался этимъ! — И тотчасъ же вышелъ онъ съ сыномъ своимъ въ главный дворъ дворца и приказалъ рабамъ привести коня, о которомъ шла рѣчь.

Когда царевичъ увидѣлъ коня, онъ нашелъ его прекраснымъ и восхитился имъ. А такъ какъ онъ былъ превосходнымъ наѣздникомъ, то быстро вскочилъ на него и, поставивъ ноги въ стремена, пришпорилъ его. Но конь не двинулся съ мѣста. А царь сказалъ ученому: — Подойди и посмотри, почему онъ не двигается; помоги моему сыну, а онъ въ свою очередь не преминетъ исполнить всѣ твои желанія!—Персіанинъ же, сердившійся на царевича за то, что тотъ противился его браку, подошелъ къ коню, на которомъ онъ сидѣлъ, и сказалъ ему:—Вотъ тутъ около сѣдельной шишки справа есть золотой гвоздикъ. Этимъ гвоздикомъ и поднимаютъ коня на воздухъ. Стоитъ тебѣ повернуть его.

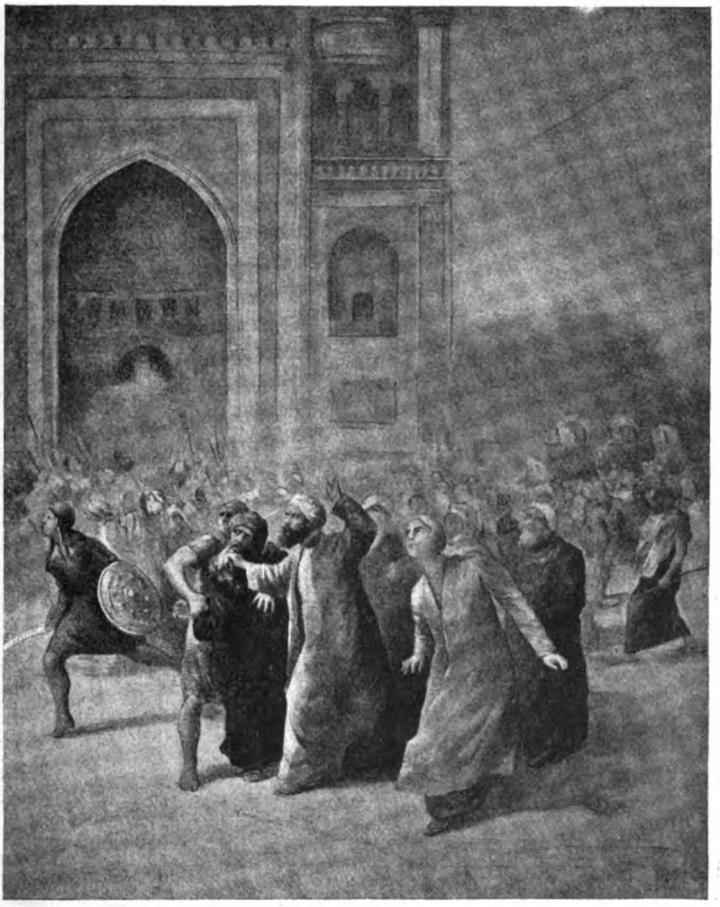
Тогда царевичъ повернулъ гвоздикъ, и вотъ! конь тотчасъ же взвился и унесъ его съ быстротою птицы и поднялъ на такую высоту, что царь и всѣ присутствовавшіе, нѣсколько минутъ спустя, потеряли его изъ виду.

Увидя, что его сынъ исчезъ, и не возвращается, царь Сабуръ сильно встревожился и сказалъ персіанину: — О ученый, какъ же сдѣлать теперь, чтобы онъ вернулся? — А ученый отвѣтилъ:—О государь, я ничего не могу сдѣлать; ты же увидишь твоего сына лишь въ день воскресенія мертвыхъ! Въ самомъ дѣлѣ, царевичъ не далъ мнѣ времени объяснить ему, какъ слѣдуетъ пользоваться гвоздикомъ, который находится по лѣвую сторону, онъ слушался только своего самомнѣнія и невѣжества и слишкомъ скоро привелъ въ движеніе коня!

Когда царь Сабуръ услышалъ слова ученаго, онъ пришелъ въ безпредѣльное бѣшенство, приказалъ рабамъ отколотить его палками и бросить затѣмъ въ самый мрачный изъ казематовъ, а самъ сорвалъ съ головы своей корону, билъ себя по лицу и рвалъ у себя бороду. Потомъ удалился онъ во дворецъ, приказалъ запереть всѣ двери, и рыдали и стонали и онъ и его супруга, всѣ три дочери, и слуги, и всѣ жители, въ городѣ и во дворцѣ. И такимъ образомъ радость превратились въ горе, а счастіе въ печаль и отчаяніе. И вотъ все о нихъ!

Царевичъ же продолжалъ летѣть вверхъ безостановочно и такъ, что почти долетѣлъ до солнца. Тогда понялъ онъ, какая грозитъ ему опасность и какая ужасная смерть ждетъ его въ этихъ небесныхъ краяхъ; и встревожился онъ и раскаялся, что сѣлъ на этого коня, и подумалъ въ душѣ своей:— Несомнѣнно, ученый имѣлъ намѣреніе погубить меня изъ-за младшей сестры моей! Что̀ теперь дѣлать? Одинъ Аллахъ силенъ и всемогущъ! Я же погибъ безвозвратно. Потомъ ему пришло въ голову:—А кто знаетъ, нѣтъ ли другого гвоздика, при помощи котораго можно спуститься на землю? И такъ какъ онъ былъ уменъ, смѣтливъ и образованъ, то сталъ искать, и, наконецъ, нашелъ крошечный винтикъ, не больше булавочной головки, на лѣвой сторонѣ сѣдла. И сказалъ онъ себѣ:—Другого нѣтъ!—Тогда надавилъ онъ винтикъ, и тотчасъ же полетъ вверхъ сталъ постепенно ослабѣвать, конь остановился на минуту въ воздухѣ и затѣмъ съ прежнею быстротою сталъ спускаться, а потомъ замедлять свое движеніе по мѣрѣ того, какъ они приближались къ поверхности земли; наконецъ, безъ малѣйшаго толчка, конь спустился

Digitized by Google



... и что же! конь поднялся съ быстротой птицы, и такъ высоко, что царь и всѣ присутствующіе потеряли его изъ виду въ самое короткое время.

(Волшебная исторія воронаго коня).

Digitized by Google

Digitized by Google

на землю, а всадникъ вздохнулъ свободнѣе и убѣдился, что спасенъ. Узнавъ объ употребленіи гвоздика и винтика, онъ былъ очень обрадованъ и возблагодарилъ Всевышняго Аллаха, соизволившаго избавить его отъ неминуемой смерти. Затѣмъ онъ сталъ поворачивать то гвоздикъ, то винтикъ, тянулъ уздечку то вправо, то влѣво, направлялъ коня то впередъ, то назадъ, то вверхъ, то внизъ, куда хотѣлъ, и то съ быстротою молніи, то шагомъ, пока, наконецъ, освоился со всѣми этими движеніями. Тогда поднялся онъ на нѣкоторую высоту и направилъ въ извѣстное направленіе съ умѣренною скоростью, такъ что могъ наслаждаться чуднымъ зрѣлищемъ, развертывавшимся у него подъ ногами. И такъ могъ онъ любоваться чудесами земли и неба, восхищаться разными странами и городами, которыхъ никогда не видалъ до тѣхъ поръ.

И вотъ между различными городами, появлявшимися такимъ образомъ у него подъ ногами, замѣтилъ онъ городъ съ домами и разными зданіями, расположенными симметрично и красиво среди веселаго края, покрытаго роскошною растительностью, перерѣзаннаго многочисленными рѣками, богатаго лугами, на которыхъ рѣзвились скачущія газели...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста девяносто третья ночь,

она сказала:

...на которыхъ рѣзвились скачущія газели.

Такъ какъ Камаръ-аль-Акмаръ былъ отъ природы любознателенъ и любилъ развлеченія, то онъ и сказалъ себѣ: — Надо мнѣ узнать названіе этого города и этого края! — И сталъ онъ облетать городъ, останавливаясь въ самыхъ красивыхъ мѣстахъ.

Между тѣмъ день клонился къ вечеру и солнце спустилось къ горизонту; царевичъ же подумалъ: — Клянусь Аллахомъ, лучшаго мѣста, чтобы переночевать, невозможно найти! Поэтому я остановлюсь здѣсь на ночь, а завтра на зарѣ направлюсь въ свою страну и вернусь въ среду родныхъ и друзей. И разскажу я отцу обо всемъ, что случилось со мною, и обо всемъ, что видѣли глаза мои!—И сталъ онъ смотрѣть вокругъ себя, ища мѣста для спокойнаго и безопаснаго ночлега, гдѣ бы онъ могъ поставить своего коня, и, наконецъ, выборъ его палъ на высокій дворецъ, стоявшій на самой серединѣ города, окруженный зубчатыми башнями и охраняемый сорока черными невольниками въ панцыряхъ, вооруженными копьями, мечами и стрѣлами. Поэтому онъ сказалъ себѣ:—Вотъ прекрасное мѣсто!—И, надавивъ винтикъ, направилъ туда своего коня, который, какъ утомленная птица, тихонько опустился на кровлю дворца. Тогда царевичъ сказалъ: — Слава Аллаху! — И сошелъ съ коня. Онъ сталъ ходить вокругъ него, разсматривать, говоря: — Клянусь Аллахомъ! тотъ, кто съ такимъ совершенствомъ сработалъ тебя, долженъ быть искуснѣйшимъ изъ мастеровъ. Потому, если Всевышній продлитъ мою жизнь и поможетъ мнѣ снова встрѣтиться съ отцомъ и семьей моей, я не забуду осыпать милостями этого ученаго человѣка!

Ночь уже наступила, а царевичъ продолжалъ стоять на крышѣ, дожидаясь, чтобы всѣ заснули во дворцѣ. Потомъ, мучимый голодомъ и жаждой, такъ какъ ничего не ѣлъ и не пилъ со времени своего отъѣзда, онъ сказалъ себѣ: — Въ такомъ дворцѣ, какъ этотъ, не должно быть недостатка въ съѣстныхъ припасахъ!—И, оставивъ коня своего на крышѣ, онъ рѣшилъ поискать себѣ пищи и направился къ лѣстницѣ, по которой и спустился

Digitized by Google

внизъ. Очутился онъ на широкомъ дворѣ, вымощенномъ мраморомъ и прозрачнымъ алебастромъ, въ которомъ ночью отражалась луна. И пришелъ онъ въ восторгъ отъ красоты этого дворца; но напрасно смотрѣлъ онъ направо и налѣво, ни одной человѣческой души не было видно и не слышалось человѣческихъ голосовъ; и встревожило это его и не зналъ, какъ ему быть. Въ концѣ концовъ онъ принялъ рѣшеніе, подумавъ:—Всего лучше мнѣ теперь вернуться на крышу и провести ночь около моего коня; завтра же съ первыми лучами солнца я снова сяду на коня и уѣду! — И въ ту минуту, какъ собирался это сдѣлать, онъ замѣтилъ свѣтъ внутри дворца и подошелъ посмотрѣть, что̀ тамъ такое. Увидѣлъ онъ, что свѣтъ исходитъ отъ факела, поставленнаго у дверей гарема, у изголовья спящаго чернаго евнуха, который громко храпѣлъ и былъ похожъ на эфрита изъ тѣхъ, что̀ подчинены Солейману, или на какого-нибудь духа изъ племени черныхъ джиновъ; онъ растянулся на матрацѣ, положенномъ поперекъ двери, и загораживалъ ее лучше древеснаго пня или скамьи привратника; рукоятка его меча сверкала отъ пламени факела, а надъ его головою, на гранитной колоннѣ, висѣлъ мѣшокъ съ его провизіей.

При видѣ этого страшнаго негра, молодой Камаръ-аль-Акмаръ остолбенѣлъ и прошепталъ:—Аллахъ прибѣжище мое! О единый властитель неба и земли, Ты, избавившій меня отъ вѣрной гибели, спаси меня еще разъ и избавь отъ зла, могущаго приключиться со мною въ этомъ дворцѣ!—И, сказавъ это, онъ протянулъ руку къ мѣшку съ съѣстными припасами негра, осторожно взялъ его, вышелъ изъ комнаты, открылъ мѣшокъ и нашелъ въ немъ пищу лучшаго качества. Онъ принялся за ѣду и съѣлъ все, что̀ было въ мѣшкѣ; подкрѣпивъ такимъ образомъ свои силы, онъ пошелъ къ бассейну во дворѣ и утолилъ жажду чистой и сладкой водой. Потомъ онъ вернулся къ евнуху, повѣсилъ мѣшокъ на прежнее мѣсто, вынулъ мечъ невольника изъ ноженъ, взялъ его, между тѣмъ, какъ невольникъ спалъ крѣпче и храпѣлъ громче прежняго, и вышелъ, не зная, что̀ пошлетъ ему судьба...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолка.

Но когда наступила

триста девяносто четвертая ночь,

она сказала:

...не зная, что̀ пошлетъ ему судьба.

Онъ вошелъ во дворецъ и дошелъ до второй двери, прикрытой бархатнымъ занавѣсомъ. Приподнявъ занавѣсъ, онъ увидѣлъ широкое ложе изъ бѣлѣйшей слоновой кости, съ инкрустаціями изъ жемчуга, рубиновъ, яхонтовъ и другихъ камней, а на полу четырехъ спящихъ молодыхъ невольницъ. Онъ осторожно подошелъ къ кровати, чтобы узнать, кто лежитъ на ней, и увидѣлъ дѣвушку, длинные волосы которой замѣняли ей рубашку! И была она такъ прекрасна, что ее можно было принять не за луну, восходящую на восточной части горизонта, а за другую еще болѣе дивную луну, вышедшую изъ рукъ Создателя! Чело ея было, какъ бѣлая роза, а щеки походили на два нѣжно-красныхъ анемона, и блескъ ихъ оттѣнялся двумя нѣжными родинками съ каждой стороны.

При видѣ такой красоты, прелести и изящества, Камаръ-аль-Акмаръ былъ такъ пораженъ, что едва не упалъ навзничь, лишившись чувствъ, а пожалуй и жизни. Когда же онъ нѣсколько овладѣлъ собою, то подошелъ къ спящей дѣвушкѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ и всѣми нервами, трепеща отъ радости и сладострастія, и поцѣловалъ ее въ правую щеку.

Digitized by Google

Молодая дѣвушка проснулась внезапно отъ этого поцѣлуя, широко открыла глаза и, увидя царевича, стоявшаго у ея изголовья, воскликнула:—Кто ты и откуда?—Онъ же отвѣтилъ:—Я твой рабъ и влюбленный въ твои глаза!—Она спросила:—А кто же привелъ тебя сюда?—Онъ же отвѣтилъ:—Аллахъ, моя судьба и мое счастіе!

При этихъ словахъ, царевна Шамзеннахаръ (таково было ея имя), не слишкомъ испугавшись, сказала молодому человѣку:—Быть можетъ, ты сынъ индійскаго царя, просившаго вчера моей руки, которому отецъ отказалъ, какъ думаютъ, по причинѣ его безобразія. Но если это ты, то, клянусь Аллахомъ! ты далеко не безобразенъ, и красота твоя уже покоряетъ меня, о господинъ мой! А такъ какъ онъ, дѣйствительно, сіялъ, какъ свѣтлая луна, она привлекла его къ себѣ и поцѣловала его, и онъ поцѣловалъ ее, и оба, опьяненные своею взаимною молодостью и красотою, они осыпали другъ друга тысячью ласкъ, сливаясь въ объятіяхъ, говоря другъ другу тысячу милыхъ вздоровъ, играя другъ съ другомъ въ милыя игры, лаская то нѣжно, то дерзко.

И въ то время, какъ они забавлялись такимъ образомъ, вдругъ служанки проснулись и, увидя царевну съ царевичемъ, закричали:—О госпожа, кто же съ тобою, кто этотъ молодой человѣкъ? — Она отвѣтила имъ: — Не знаю! Проснувшись, я увидѣла его около себя! Я думаю, впрочемъ, что это тотъ, который просилъ вчера руки моей у моего отца!—Служанки закричали, совершенно растерявшись отъ волненія:—Да будетъ имя Аллаха на тебѣ и вокругъ тебя! О госпожа наша, это совсѣмъ не тотъ, который просилъ вчера твоей руки; тотъ былъ безобразенъ и гнусенъ; а этотъ юноша милъ и дивно хорошъ собою; и онъ, навѣрное, знатнаго происхожденія. А тотъ, вчерашній уродъ не достоинъ даже быть его рабомъ! — Затѣмъ служанки поднялись, пошли будить евнуха, спавшаго у дверей, и страшно испугали его, когда сказали:— Какъ же ты, сторожъ дворца и гарема, пускаешь къ намъ мужчинъ во время нашего сна?

Когда евнухъ услышалъ такія слова, онъ вскочилъ и хотѣлъ схватиться за мечъ, но меча не оказалось въ ножнахъ. Это повергло его въ ужасъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ приподнялъ занавѣсъ и вошелъ въ залу. И увидѣлъ онъ на кровати свою госпожу, а съ нею и молодого человѣка, который такъ ослѣпилъ его своею наружностью, что онъ спросилъ:—О господинъ мой, человѣкъ ты, или джинъ?—Царевичъ отвѣтилъ:—А ты, презрѣнный рабъ и злокозненнѣйшій изъ черныхъ, какъ осмѣлился ты смѣшивать сыновъ царей Хозроевъ съ дьявольскими джинами и эфритами?—И, произнеся эти слова, онъ, гнѣвный, какъ раненый левъ, схватилъ мечъ и закричалъ евнуху:—Я зять царя, онъ выдалъ за меня замужъ свою дочь и приказалъ мнѣ войти къ ней ночью!

На это евнухъ отвѣтилъ:—О господинъ мой, если ты дѣйствительно человѣкъ, а не джинъ, то наша молодая госпожа достойна твоей красоты, и ты стоишь ея болѣе, нежели какой бы то ни было царь, сынъ царя или султана! — Затѣмъ евнухъ побѣжалъ къ царю, громко крича, раздирая одежды свои и посыпая себѣ голову пылью. Услышавъ крики обезумѣвшаго негра, царь спросилъ у него:—Какое же несчастіе случилось съ тобою? Говори скорѣй и короче, потому что ты испугалъ меня!—Евнухъ отвѣтилъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

А когда наступила

триста девяносто пятая ночь,

она сказала:

...Евнухъ отвѣтилъ:—О царь, спѣши на помощь къ своей дочери, джинъ въ образѣ царскаго сына овладѣлъ ею и поселился въ ней. Надо бѣжать! Бѣжать за нимъ!—Услышавъ слова евнуха, царь пришелъ въ страшное бѣшенство и чуть не убилъ его; потомъ онъ закричалъ:—Какъ смѣлъ ты не доглядѣть, потерять изъ виду мою дочь, когда я велѣлъ тебѣ смотрѣть за нею денно и нощно, какъ смѣлъ допустить къ ней дьявольскаго эфрита и дать ему овладѣть ею?—И, обезумѣвъ отъ волненія, онъ бросился къ комнатамъ царевны, гдѣ нашелъ блѣдныхъ и дрожавшихъ служанокъ, ожидавшихъ его. Онъ спросилъ у нихъ:—Что̀ случилось съ моей дочерью?—Онѣ отвѣчали: —О царь, мы не знаемъ, что̀ случилось во время нашего сна; но когда проснулись, мы увидѣли въ кровати царевны молодого человѣка, котораго приняли за полную луну, такъ онъ былъ хорошъ собою, и онъ бесѣдовалъ съ нею очень мило и спокойно. Право, мы никогда не видѣли болѣе красиваго молодого человѣка. Однако, мы спросили у него, кто онъ такой, а онъ отвѣтилъ намъ:—Я тотъ, за котораго царь согласился выдать замужъ свою дочь!—А больше мы ничего не знаемъ. И не можемъ мы сказать тебѣ, джинъ онъ, или человѣкъ. Во всякомъ случаѣ мы можемъ увѣрить тебя, что онъ любезенъ, что намѣренія у него хорошія, что онъ скроменъ, благовоспитанъ, неспособенъ ни на какое хотя бы малѣйшее дурное дѣло и вообще ни на что̀, заслуживающее порицанія!

Когда царь услышалъ такія слова, онъ охладѣлъ въ своемъ гнѣвѣ, и тревога его улеглась; тихо и со всевозможными предосторожностями приподнялъ онъ немного занавѣсъ и увидѣлъ лежащаго около его дочери и мило разговаривающаго очаровательнѣйшаго изъ царевичей, лицо котораго сіяло, какъ полная луна.

Но это зрѣлище, вмѣсто того, чтобы успокоить его, напротивъ, возбудило въ высочайшей степени его отцовскую ревность и опасенія относительно сохраненія чести его дочери. Поэтому онъ бросился на нихъ съ мечемъ въ рукѣ, взбѣшенный и свирѣпый, какъ дьяволъ. Но царевичъ, еще издали замѣтившій его, спросилъ у дѣвушки:—Это твой отецъ?—Она отвѣтила:—Да, разумѣется!—Тогда царевичъ вскочилъ на ноги и, схватившись за мечъ, такъ страшно закричалъ передъ лицомъ царя, что тотъ испугался. Камаръ-аль-Акмаръ, гнѣвный и грозный, хотѣлъ уже броситься и заколоть его, но царь, понявшій, что врагъ сильнѣе его, положилъ мечъ въ ножны и принялъ миролюбивый видъ. Когда молодой человѣкъ уже наступалъ на него, онъ сказалъ самымъ вѣжливымъ и любезнымъ тономъ:—О юноша, человѣкъ ты, или джинъ? — Тотъ отвѣтилъ:—Клянусь Аллахомъ, если бы я не уважалъ твоихъ правъ наравнѣ съ моими собственными и не дорожилъ бы честью твоей дочери, я давно пролилъ бы твою кровь! Какъ осмѣлился ты смѣшивать меня съ джинами и демонами, когда я царевичъ изъ рода Хозроевъ, тѣхъ, которые, если бы захотѣли овладѣть твоимъ царствомъ, сбросили бы тебя съ трона, какъ игрушку, лишили бы почестей, славы и власти!

Эти слова внушили царю большое уваженіе къ юношѣ, и онъ сталъ бояться за свою безопасность. Поэтому и поспѣшилъ онъ отвѣтить:—Если ты дѣйствительно царскій сынъ, какъ же не побоялся ты приникнуть ко мнѣ во дворецъ безъ моего разрѣшенія, оскорбить мою честь и овладѣть моей дочерью, объявляя, что я согласился выдать ее за тебя, между тѣмъ

Digitized by Google

какъ я велѣлъ умертвить столькихъ царей и царскихъ сыновей, которые хотѣли заставить меня отдать имъ ее въ жены.—И, возбуждаемый собственною рѣчью, царь продолжалъ: — А теперь кто можетъ спасти тебя отъ моей власти, если я прикажу рабамъ моимъ казнить тебя самою страшною изъ казней, что̀ они сейчасъ же и привели бы въ исполненіе.

Выслушавъ слова царя, царевичъ Камаръ-аль-Акмаръ отвѣтилъ:—По истинѣ я удивляюсь твоей недальнозоркости и несообразительности! Скажи же мнѣ, могъ ли бы ты найти для своей дочери лучшаго мужа, чѣмъ я? Видѣлъ ли ты когда-либо человѣка болѣе безстрашнаго или лучше одареннаго, болѣе богатаго войскомъ, рабами, землями?—Царь отвѣтилъ:—Нѣтъ, клянусь Аллахомъ! Но, юноша, я желалъ бы, чтобы ты сдѣлался супругомъ моей дочери передъ лицомъ кади и свидѣтелей! Бракъ же, совершаемый тайно, можетъ лишь оскорбить мою честь!—Царевичъ отвѣтилъ:—Какъ ты хорошо говоришь, о царь! Но развѣ тебѣ неизвѣстно, что если бы твои рабы и твоя стража, какъ ты сейчасъ говорилъ, бросились бы на меня и казнили бы меня, то ты только вѣрнѣе потерялъ бы свою честь и царство, и самъ народъ твой обратился бы противъ тебя? Вѣрь мнѣ, о царь! Тебѣ остается только одно—выслушать то, что̀ я скажу тебѣ, и послѣдовать моимъ совѣтамъ!—А царь сказалъ:—Говори же, чтобы я зналъ, что̀ ты имѣешь сказать мнѣ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

триста девяносто шестая ночь,

она сказала:

...Говори, чтобы я зналъ, что̀ ты имѣешь сказать мнѣ! — Царевичъ отвѣтилъ:—Вотъ что̀ изъ двухъ одно: или ты выйдешь со мной на поединокъ, и тогда тотъ, кто побѣдитъ, будетъ провозглашенъ наиболѣе доблестнымъ и получитъ вѣское право на престолъ царства; или же ты оставишь меня здѣсь съ твоей дочерью на всю эту ночь, а завтра вышлешь противъ меня всю массу твоихъ всадниковъ, пѣхоты, рабовъ...; но прежде скажи мнѣ, сколько ихъ всѣхъ!—Царь отвѣтилъ:—Ихъ сорокъ тысячъ всадниковъ, не считая моихъ рабовъ и рабовъ моихъ рабовъ, число которыхъ равняется первому!—Тогда Камаръ-аль-Акмаръ сказалъ:—Хорошо! Итакъ на разсвѣтѣ двигай ихъ противъ меня въ боевомъ порядкѣ и скажи имъ:—Этотъ человѣкъ проситъ у меня руки моей дочери, подъ условіемъ, что будетъ бороться съ вами одинъ, побѣдитъ васъ, обратитъ въ бѣгство, и вы не въ силахъ будете ничего съ нимъ сдѣлать! Такъ онъ полагаетъ! Потомъ ты оставишь меня одного бороться противъ всѣхъ! Если я буду убитъ, твоя тайна никогда не будетъ раскрыта и твоя честь спасена. Если же, напротивъ, я останусь побѣдителемъ и обращу ихъ всѣхъ въ бѣгство, ты найдешь зятя, которымъ могли бы гордиться славнѣйшіе цари!

Царь не замедлилъ согласиться на второе предложеніе, хотя былъ ошеломленъ такою самоувѣренностью и не зналъ, чему приписать такую безумную отвагу; въ глубинѣ души онъ былъ увѣренъ, что молодой человѣкъ погибнетъ въ такой неравной борьбѣ, а слѣдовательно тайна не будетъ нарушена и честь спасена. Онъ позвалъ старшаго евнуха и приказалъ ему немедленно идти къ визирю, чтобы тотъ собралъ все войско и держалъ его наготовѣ, верхомъ и вооруженнымъ, какъ въ военное время. И евнухъ передалъ приказъ визирю, который тотчасъ же созвалъ военачальниковъ и

Digitized by Google

именитыхъ людей и выстроилъ ихъ въ боевомъ порядкѣ во главѣ войска. И вотъ все о нихъ!

Что̀ касается царя, то онъ еще нѣкоторое время оставался съ молодымъ царевичемъ и бесѣдовалъ съ нимъ, такъ какъ ему понравились его разумныя рѣчи, его достойное обращеніе, красота, при томъ же онъ не хотѣлъ оставлять его одного съ дочерью. Но какъ только разсвѣло, онъ вернулся во дворецъ, сѣлъ на тронъ и приказалъ своимъ невольникамъ приготовить для царевича лучшую лошадь изъ царской конюшни, роскошно осѣдлать ее и покрыть великолѣпной попоной. Но царевичъ объявилъ:—Я сяду на лошадь только тогда, когда приду и стану передъ войскомъ! Царь отвѣтилъ.—Пусть будетъ сдѣлано по твоему желанію!—И оба вышли и направились къ мейдану, гдѣ были выстроены въ боевомъ порядкѣ войска, такъ что царевичъ могъ судить и о численности и о качествѣ этого войска. Затѣмъ царь обратился къ своимъ воинамъ и закричалъ имъ:—Гей! воины, этотъ молодой человѣкъ пришелъ ко мнѣ и просилъ у меня руки моей дочери. И я, поистинѣ, никогда не видѣлъ болѣе красиваго человѣка и болѣе отважнаго всадника. Впрочемъ, онъ самъ увѣряетъ, что можетъ одинъ побѣдить васъ всѣхъ и обратить въ бѣгство; и хотя бы вы были во сто тысячъ разъ многочисленнѣе, онъ считаетъ васъ за ничто и полагаетъ, что все равно остался бы побѣдителемъ. Поэтому, когда онъ нападетъ на васъ, подхватите его на свои копья и мечи: это научитъ его и покажетъ ему, чего стоитъ вмѣшательство въ такія важныя дѣла!—Потомъ царь обратился къ молодому человѣку и сказалъ ему:—Смѣлѣй, сынъ мой! И покажи намъ свою доблесть!—Но царевичъ отвѣтилъ:—О царь, ты не оказываешь мнѣ ни справедливости, ни безпристрастія! Какъ же ты хочешь, чтобы я боролся съ ними со всѣми, когда я пѣшій, а они конные!—Царь же сказалъ:—Я предлагалъ тебѣ сѣсть на лошадь, но ты отказался! Если хочешь, ты и теперь можешь взять изъ моихъ лошадей ту, которая придется тебѣ по вкусу.—Но царевичъ сказалъ:—Ни одна изъ твоихъ лошадей мнѣ не нравится, и я сяду только на ту, которая привезла меня въ твой городъ!—Царь спросилъ:—А гдѣ же твоя лошадь?—Царевичъ отвѣтилъ ему:—Она надъ твоимъ дворцомъ.—Царь спросилъ тогда:—Какъ же это надъ моимъ дворцомъ?—Царевичъ отвѣтилъ:—На крышѣ твоего дворца.—При такихъ словахъ царь внимательно посмотрѣлъ на него и воскликнулъ:—О сумасбродъ! Вотъ вѣрнѣйшее доказательство твоего безумія! Развѣ лошадь можетъ очутиться на крышѣ? Впрочемъ, мы сейчасъ увидимъ, лжешь ты или говоришь правду!—Потомъ, обратясь къ своему военачальнику, онъ сказалъ ему:—Бѣги во дворецъ и возвратись сказать мнѣ, что̀ ты тамъ видѣлъ! И принеси мнѣ все, что̀ найдешь на крышѣ!

Народъ же изумлялся словамъ молодого царевича; и всѣ люди спрашивали себя:—Какимъ же образомъ лошадь можетъ спуститься съ крыши? Поистинѣ мы никогда во всю свою жизнь не слыхивали ничего подобнаго!

Между тѣмъ посланный царя пріѣхалъ во дворецъ и, взойдя на крышу, нашелъ тамъ коня, показавшагося ему необыкновенно красивымъ; но, подойдя поближе и разсмотрѣвъ его, онъ увидѣлъ, что конь сдѣланъ изъ дерева и слоновой кости! Тогда посланный и всѣ, кто его сопровождалъ, увидѣвъ, въ чемъ дѣло, разсмѣялись и говорили другъ другу...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

Но когда наступила

триста девяносто седьмая ночь,

она сказала:

...разсмѣялись и стали говорить другъ другу:—Клянусь Аллахомъ! Не это ли конь, о которомъ говорилъ тотъ юноша? Несомнѣнно, что юношу слѣдуетъ считать сумасшедшимъ. Впрочемъ, нужно посмотрѣть, что̀ во всемъ этомъ можетъ быть вѣрнаго. Вѣдь, можетъ быть, это дѣло важнѣе, чѣмъ думаютъ, а молодой человѣкъ, дѣйствительно, можетъ оказаться человѣкомъ высокаго званія и необыкновенныхъ достоинствъ!—И, выражая такія мнѣнія, они подняли деревяннаго коня и принесли его царю, между тѣмъ какъ всѣ столпились вокругъ, смотрѣли и изумлялись красотѣ, статности коня и богатству сѣдла и сбруи. И самъ царь много любовался и безконечно восхищался всѣмъ этимъ; а потомъ спросилъ у Камаръ-аль-Акмара:—О молодой человѣкъ, такъ это твоя лошадь?—Царевичъ отвѣчалъ:—Да, о царь! Это мой конь, и ты скоро увидишь, какія дивныя вещи онъ тебѣ покажетъ! — Царь сказалъ:—Такъ сядь на него!—Царевичъ отвѣтилъ:—Я сяду только тогда, когда всѣ эти люди и воины перестанутъ толпиться вокругъ него!

Тогда царь велѣлъ всѣмъ отдалиться на разстояніе полета стрѣлы. А молодой царевичъ сказалъ:—О царь, смотри хорошенько! Я вскочу на коня и галопомъ помчусь на твои войска, которыя разсѣю вправо и влѣво; и я вселю страхъ и ужасъ въ сердца твоихъ воиновъ! — Царь же отвѣтилъ:—Дѣлай теперь, что̀ хочешь; но главное не щади ихъ, потому что они не будутъ щадить тебя!

И Камаръ-аль-Акмаръ слегка оперся рукою о шею коня и однимъ прыжкомъ вскочилъ въ сѣдло.

Съ своей стороны, встревоженное войско выстроилось немного поодаль въ тѣсные и шумные ряды; и воины говорили между собою:—Когда этотъ юноша подъѣдетъ къ нашимъ рядамъ, мы наколемъ его на наши пики и примемъ на лезвіе нашихъ палашей!—Но другіе говорили: — Аллахъ, какая жалость! Хватитъ ли у насъ духу убить такого прекраснаго юношу, такого нѣжнаго, изящнаго и привлекательнаго?—А третьи говорили:—Аллахъ! Надо быть глупцами, чтобы вѣрить, что легко будетъ намъ справиться съ этимъ молодымъ человѣкомъ! Нѣтъ сомнѣнія, что если онъ пошелъ на такое дѣло, то только потому, что увѣренъ въ успѣхѣ. Какъ бы тамъ ни было, все это доказываетъ его крѣпость, его доблесть, неустрашимость его души и сердца!

Камаръ-аль-Акмаръ же, утвердившись въ сѣдлѣ, повернулъ гвоздикъ, поднимавшій коня, въ то время какъ глаза всѣхъ устремлены были на него. И тотчасъ же конь заволновался, забился, запыхтѣлъ, затоптался на одномъ мѣстѣ, закачался, сталъ наклоняться впередъ, назадъ и загарцовалъ красивѣе самыхъ выдрессированныхъ лошадей царей и султановъ. И вдругъ бока его затрепетали, раздулись, и быстрѣе стрѣлы взвился онъ въ воздухѣ и полетѣлъ со своимъ всадникомъ по прямой линіи вверхъ, къ небу!

Увидя это, царь едва самъ не улетѣлъ отъ изумленія и отъ бѣшенства и закричалъ своимъ военачальникамъ:—Гей! Горе вамъ! Ловите! Ловите его! Онъ ушелъ отъ насъ!—Но визири и военачальники отвѣтили ему:—О царь, развѣ человѣкъ можетъ угоняться за птицей, у которой есть крылья? Это, безъ сомнѣнія, не обыкновенный человѣкъ, а могущественный колдунъ или эфритъ или маридъ изъ воздушныхъ эфритовъ и маридовъ! Аллахъ избавилъ тебя отъ него и насъ избавилъ вмѣстѣ съ тобою! Возблагодаримъ же Всевышняго, который соизволилъ спасти тебя и твое войско!

Digitized by Google

Тогда, въ высочайшей степени встревоженный и взволнованный, царь вернулся во дворецъ свой и, войдя къ дочери, разсказалъ ей обо всемъ происшедшемъ. А молодая дѣвушка, узнавъ объ исчезновеніи царевича, такъ огорчилась и пришла въ такое отчаяніе, такъ много плакала и убивалась, что опасно заболѣла и лежала на своей постели въ жару и предавалась мрачнымъ мыслямъ. Увидя ее въ такомъ состояніи, отецъ принялся обнимать ее, качать на рукахъ, прижимать къ груди своей, цѣловать между глазъ и повторять разсказъ о томъ, что̀ видѣлъ на мейданѣ. — Дочь моя, говорилъ ей отецъ, благодари Аллаха (да будетъ прославляемо имя Его!) и славословь Его за то, что Онъ избавилъ насъ отъ завѣдомаго колдуна, отъ лжеца, соблазнителя, отъ вора, отъ свиньи!—Но что̀ ни говорилъ онъ ей и какъ ни ласкалъ, ни утѣшалъ, она не слушала, не понимала и не хотѣла утѣшиться! Напротивъ, она еще больше рыдала, плакала, стонала и вздыхала:—Клянусь Аллахомъ, не хочу ни ѣсть, ни пить до тѣхъ поръ, пока Аллахъ не соединитъ меня съ моимъ милымъ, съ моимъ очарователемъ! Я буду только плакать и погружаться въ отчаяніе! Тогда отецъ ея, видя, что не можетъ утѣшить тоскующую дочь свою, самъ очень огорчился, и печаль проникла къ нему въ сердце, и весь міръ потемнѣлъ въ его глазахъ. И вотъ все о царѣ и дочери его, царевнѣ Шамзеннахаръ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего, Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста девяносто восьмая ночь,

она сказала:

...И вотъ все о царѣ и дочери его, царевнѣ Шамзеннахаръ!

А о царевичѣ Камаръ-аль-Акмаръ вотъ что̀! Когда онъ поднялся высоко въ воздухѣ, онъ повернулъ голову своего коня въ сторону родной земли и, направивъ его туда, принялся мечтать о красотѣ царевны и о ея прелестяхъ, а также и о томъ, какимъ бы образомъ снова встрѣтиться съ нею. И это казалось ему очень труднымъ дѣломъ, хотя онъ и не забылъ спросить ее, какъ зовется городъ ея отца. Узналъ онъ, что имя тому городу Сана и что это столица царства Аль-Йяманъ.

Во все время пути продолжалъ онъ раздумывать о всемъ этомъ и, наконецъ, благодаря быстрому бѣгу коня, пріѣхалъ въ городъ отца своего. Тогда онъ заставилъ коня описать воздушный кругъ надъ городомъ и спустился на крышу дворца. Тутъ оставилъ онъ своего коня и спустился во дворецъ, гдѣ, увидя повсюду насыпанный пепелъ и знаки печали, подумалъ, что умеръ кто-нибудь изъ членовъ его семьи, и вошелъ, по обыкновенію, въ комнату, гдѣ собиралась семья. Здѣсь онъ нашелъ отца, мать и сестеръ въ траурныхъ одеждахъ, лица ихъ были желты и печальны, они очень измѣнились и казались сильно разстроенными. Когда онъ вошелъ, отецъ, увидѣвъ его, всталъ, и убѣдившись, что это дѣйствительно его сынъ, громко вскрикнулъ и упалъ въ обморокъ; потомъ, придя въ себя, онъ бросился на шею къ сыну, обнялъ и прижалъ къ груди своей въ порывѣ безумнѣйшей радости и безпредѣльнаго волненія; а мать и сестры плакали, рыдали, наперерывъ покрывали его поцѣлуями, прыгали и танцовали отъ радости и счастія.

Когда они немного успокоились, начались разспросы обо всемъ, что̀ случилось съ нимъ; и разсказалъ онъ имъ все, съ начала до конца; но повторять все это нѣтъ надобности. Тогда отецъ его воскликнулъ: — Слава Аллаху за спасеніе твое, о свѣжесть глазъ моихъ, о ядро моего сердца! —

Digitized by Google

И устроилъ онъ большія празднества народу своему, и увеселенія продолжались цѣлыхъ семь дней, и раздавали деньги, при звукахъ трубъ и кимваловъ, и украсили всѣ улицы, и даровали прощеніе всѣмъ узникамъ, широко распахнувъ двери тюремъ и казематовъ. Потомъ, въ сопровожденіи сына своего, царь объѣхалъ всѣ кварталы города, чтобы доставить народу удовольствіе снова увидѣть царевича, котораго всѣ считали безвозвратно исчезнувшимъ.

Однако, когда кончились празднества, Камаръ-аль-Акмаръ сказалъ отцу своему: — О отецъ мой, что же сталось съ персіаниномъ, подарившимъ тебѣ коня? — А царь отвѣтилъ ему: — Да смутитъ Аллахъ этого ученаго и да отниметъ свое благословеніе у него и у того часа, когда я впервые увидѣлъ его; потому что онъ причина разлуки нашей съ тобою, о сынъ мой! Въ настоящую минуту онъ запертъ въ казематѣ, и одинъ онъ не былъ помилованъ! — Но по просьбѣ сына царь освободилъ персіанина, вернулъ ему свою милость, подарилъ почетную одежду, щедро одарилъ богатствами и осыпалъ всякаго рода почестями; но о дочери своей умолчалъ и не думалъ выдавать ее замужъ за него. Поэтому ученый пришелъ въ ярость и сильно раскаивался въ томъ, что допустилъ молодого человѣка сѣсть тогда на коня; ученый понялъ, что секретъ коня открытъ, и что сталъ извѣстенъ и способъ управлять имъ!

Царь же еще не вполнѣ успокоился по поводу коня и сказалъ сыну своему: — Я нахожу, сынъ мой, что отнынѣ ты не долженъ болѣе подходить къ этому злополучному коню, а главное никогда не долженъ ѣздить на немъ, такъ какъ тебѣ неизвѣстны всѣ его таинственныя свойства и потому не можешь безопасно пользоваться имъ!

Съ своей стороны Камаръ-аль-Акмаръ разсказалъ отцу о своемъ приключеніи съ царемъ Саны и его дочерью и какъ удалось ему избѣжать послѣдствій его гнѣва. Отецъ же сказалъ ему: — Сынъ мой, если бы царю Саны предназначено было убить тебя, онъ бы и убилъ; но судьба еще не назначила твоего часа!

Между тѣмъ Камаръ-аль-Акмаръ, не смотря на всѣ пиры и увеселенія, которые отецъ продолжалъ устраивать по случаю его возвращенія, никакъ не могъ забыть царевны Шамзеннахаръ и постоянно думалъ о ней и во время ѣды, и во время питья. И вотъ однажды царь, у котораго были невольницы, весьма искусныя въ дѣлѣ пѣнія и игры на лютнѣ, приказалъ имъ играть и пѣть какіе-нибудь прекрасные стихи. И одна изъ нихъ взяла лютню и, положивъ ее къ себѣ на колѣни, какъ мать, прижимающая къ груди своего ребенка, запѣла подъ аккомпаниментъ, между прочими стихами, слѣдующіе:

— Воспоминанья о тебѣ, мой милый,
Не вытравитъ ни время, ни разлука
Изъ любящаго сердца моего!
Пусть мчатся дни, пусть умираетъ время,
Но никогда не можетъ умереть
Любовь къ тебѣ въ моемъ влюбленномъ сердцѣ.
Въ моей любви хочу я умереть,
И въ ней же вновь воскресну я душою!

Когда царевичъ услышалъ эти стихи, огонь желаній загорѣлся въ его сердцѣ, страсть его запылала съ удвоенною силою, сожалѣніе и печаль заполонили его умъ, и любовь перевернула всѣ его внутренности. Не въ силахъ будучи противиться волновавшему его чувству къ санской царевнѣ, онъ въ тотъ же часъ всталъ, отправился на крышу дворца и, вопреки совѣтамъ отца своего, вскочилъ на деревянаго коня и повернулъ гвоздикъ, при помощи котораго конь взлетѣлъ на воздухъ. Какъ птица полетѣлъ онъ и поднялся высоко въ небѣ.

Digitized by Google

На слѣдующее утро царь-отецъ напрасно искалъ сына во дворцѣ и, не находя его нигдѣ, поднялся на кровлю и остолбенѣлъ, увидя, что конь исчезъ; и кусалъ себѣ пальцы царь и клялся, что не разбилъ его въ дребезги; и сказалъ онъ себѣ: — Клянусь Аллахомъ, если сыну моему суждено снова вернуться ко мнѣ, я уничтожу этого коня, чтобы сердце мое отнынѣ было спокойно, а умъ не испытывалъ потрясеній! И спустился онъ во дворецъ и опять сталъ плакать, рыдать и горько жаловаться. И вотъ все о немъ

А царевичъ Камаръ-аль-Акмаръ продолжалъ свой воздушный полетъ и прибылъ въ городъ Сану. Онъ спустился на кровлю дворца, осторожно сошелъ съ лѣстницы, чтобы не шумѣть, и направился къ покоямъ царевны. Евнухъ спалъ, какъ и всегда у дверей; онъ перешагнулъ черезъ него и, войдя въ комнаты, подошелъ ко второй двери. Какъ можно тише приблизился онъ къ занавѣсу и прежде, нежели приподнять его, внимательно прислушался. И вотъ! Онъ услышалъ, какъ возлюбленная его горько рыдала, произнося жалобные стихи, между тѣмъ какъ окружавшія ее женщины старались утѣшить ее и говорили ей: — О госпожа наша...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

триста девяносто девятая ночь,

она сказала:

... О госпожа наша, зачѣмъ плачешь ты о томъ, кто навѣрное не плачетъ о тебѣ.—Она же отвѣчала: — Что̀ вы говорите, о ничего не понимающія? Неужели вы думаете, что милый, котораго люблю и о которомъ плачу, изъ тѣхъ, кто забываетъ и кого можно забыть?—И снова заплакала и застонала она и такъ долго плакала, что лишилась чувствъ. Тогда царевичъ почувствовалъ, что сердце его разрывается въ клочки, а желчный пузырь лопается въ печени. И, уже не медля ни минуты, онъ приподнялъ занавѣсъ и вошелъ въ комнату. Онъ увидѣлъ молодую дѣвушку, лежащую на постели, и одѣяніемъ ей служили только волосы, да вѣеръ изъ перьевъ. Она, казалось, дремала, онъ подошелъ и ласково прикоснулся къ ней. Она тотчасъ же открыла глаза и увидѣла его наклонившимся и съ тоскою шепчущимъ: — Къ чему слезы и стонъ?—Увидѣвъ его, дѣвушка оживилась, встала и, бросившись къ нему, обвила руками его шею, покрыла лицо его поцѣлуями и говорила: — Но все это изъ любви къ тебѣ, изъ-за разлуки съ тобою, о свѣтъ моихъ очей! — А онъ отвѣтилъ: — О возлюбленная, а я-то! Какому отчаянію предавался я все это время изъ-за тебя! — Она продолжала: — А я какъ страдала отъ твоего отсутствія! Если бы ты не пришелъ теперь, я навѣрное умерла бы! — Онъ сказалъ: — О милая, что̀ думаешь ты о моемъ дѣлѣ съ твоимъ отцомъ и о томъ, какъ онъ обошелся со мною? Клянусь Аллахомъ, если бы не любовь моя къ тебѣ, обольстительница Земли, Солнца и Луны и искусительница небожителей, я навѣрное зарѣзалъ бы его въ назиданіе всѣмъ непрошеннымъ наблюдателямъ! Но такъ какъ я люблю тебя, то теперь люблю и его! — Она продолжала: — Какъ могъ ты рѣшиться покинуть меня? Какъ жизнь была бы моя сладостна около тебя! — Онъ же сказалъ: — Если любишь меня, будешь ли слушать меня и послѣдуешь ли моимъ совѣтамъ? — Она же отвѣтила: — Говори, и я выслушаю твои совѣты и поступлю по твоему желанію! — И сказалъ онъ ей: — Прежде всего принеси мнѣ какой-нибудь пищи и питья, я голоденъ и изнемогаю отъ жажды. А затѣмъ мы поговоримъ!

Digitized by Google

Тогда дѣвушка приказала служанкамъ принести ѣду и питье; и оба принялись ѣсть, пить и бесѣдовать до тѣхъ поръ, пока ночь стала приходить къ концу. И когда стало свѣтать, Камаръ-аль-Акмаръ сталъ прощаться, чтобы уйти до пробужденія евнуха; но Шамзеннахаръ спросила его:—Куда же ты пойдешь? — А онъ отвѣчалъ: — Въ домъ моего отца! Но клянусь тебѣ, что каждую недѣлю буду возвращаться къ тебѣ!—При этихъ словахъ она разразилась рыданіями и воскликнула: — Именемъ всемогущаго Аллаха заклинаю тебя, возьми меня съ собою и увези куда хочешь, лишь бы не страдать мнѣ отъ горечи разлуки!—Онъ же, просвѣтлѣвъ отъ радости, воскликнулъ: — Такъ ты въ самомъ дѣлѣ хочешь идти за мною? — Она отвѣтила:—Да, разумѣется! — Онъ сказалъ на это: — Такъ вставай и ѣдемъ!

И она тотчасъ же встала, открыла сундукъ, наполненный роскошными одѣяніями и цѣнными вещами, надѣла на себя все, что̀ было самаго драгоцѣннаго и прекраснаго, не забывая ни ожерельевъ, ни перстней, ни браслетовъ и различныхъ украшеній изъ самоцвѣтныхъ камней; потомъ вышла она со своимъ возлюбленнымъ, при чемъ служанки и не думали останавливать ее.

Тогда Камаръ-аль-Акмаръ привелъ ее на кровлю дворца, вскочилъ на коня, взялъ и ее, приказавъ ей крѣпче держаться, и привязалъ ее къ себѣ крѣпкими привязями. А затѣмъ повернулъ гвоздикъ, и конь взвился, унося ихъ обоихъ. Увидавъ это, служанки стали кричать такъ громко, что разбудили царя и царицу, которые полуодѣтыми выбѣжали на кровлю дворца какъ разъ въ ту минуту, когда волшебный конь улеталъ съ царевичемъ и царевной. Взволнованный и ошеломленный царь нашелъ силы закричать молодому человѣку: — О сынъ царя, умоляю тебя, сжалься надо мной и моею супругою, вотъ этою старою женщиной, и не лишай насъ нашей дочери! — Но царевичъ и не отвѣтилъ ему. Однако, ему пришло въ голову, что, быть можетъ, молодой дѣвушкѣ жаль разставаться такимъ образомъ съ отцомъ и съ матерью, а потому онъ спросилъ ее: — Скажи мнѣ, о роскошь и восторгъ вѣка и очей моихъ, не желаешь ли вернуться къ своимъ родителямъ?...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четырехсотая ночь,

она сказала:

.... О восторгъ вѣка и очей моихъ, не желаешь ли вернуться къ своимъ родителямъ?—Она отвѣтила:—Клянусь Аллахомъ, о господинъ мой, я не желаю этого! Единственное мое желаніе быть съ тобою повсюду, гдѣ ты будешь, потому что любовь къ тебѣ заставляетъ меня всѣмъ пренебречь и все забыть, не исключая отца и матери!

Услышавъ эти слова, царевичъ радовался безпредѣльно и пустилъ коня во всю прыть, но дѣвушка не смутилась и не испугалась; такимъ образомъ долетѣли они до половины пути, до того мѣста, гдѣ разстилался великолѣпный лугъ, орошаемый проточною водою, на который они и спустились. Здѣсь они закусили, напились, отдохнули и снова сѣли на волшебнаго коня и понеслись во всю прыть къ столицѣ царя Сабура, къ которой подлетѣли утромъ. И царевичъ много радовался, потому что путешествіе совершилось благополучно, и заранѣе испытывалъ удовольствіе при мысли о томъ, что покажетъ царевнѣ всѣ свои владѣнія, что увидитъ она могущество и славу отца его царя Сабура и убѣдится, насколько царь Сабуръ былъ богаче и славнѣе ея отца, царя города Саны! Онъ спустилъ коня въ прекрасный

Digitized by Google

садъ, находившійся за городомъ, куда отецъ его приходилъ отдыхать и подышать свѣжимъ воздухомъ, ввелъ дѣвушку въ лѣтній флигель, надъ которымъ высился куполъ и который царь велѣлъ построить для себя, и сказалъ ей:—Я оставлю тебя здѣсь на короткое время и пойду предупредить отца о нашемъ пріѣздѣ. А пока поручаю тебѣ смотрѣть за деревяннымъ конемъ, котораго оставилъ у дверей, и не терять его изъ вида. Скоро я пришлю къ тебѣ посланца, который уведетъ тебя отсюда и доставитъ во дворецъ, приготовленный мною для одной тебя!—И дѣвушка, услышавъ это, была въ восторгѣ и поняла, что она войдетъ въ городъ со всѣми почестями, приличествующими ея сану. Потомъ царевичъ простился съ нею и направился ко дворцу отца своего.

Когда царь Сабуръ увидѣлъ сына, онъ чуть не умеръ отъ радости и волненія и послѣ объятій и пожеланій, упрекнулъ его со слезами на глазахъ за отъѣздъ, который огорчилъ всю семью такъ, что она находилась на порогѣ смерти. Затѣмъ Камаръ-аль-Акмаръ сказалъ ему:—Отгадай, кого я привезъ съ собою?—Отецъ отвѣчалъ:—Клянусь Аллахомъ, не могу отгадать! — Сынъ сказалъ: — Я привезъ саму дочь царя Саны, самую восхитительную изъ дѣвушекъ Персіи и Аравіи! Я оставилъ ее за городомъ, въ нашемъ саду и пришелъ сказать, что ты можешь приготовить кортежъ, который пойдетъ за нею и который долженъ отличаться великолѣпіемъ, чтобы съ перваго же раза дать ей высокое понятіе о твоемъ могуществѣ, величіи и богатствѣ!—И царь отвѣтилъ:—Радъ доставить тебѣ всякое удовольствіе! — И немедленно отдалъ онъ приказъ объ украшеніи города со всякаго рода роскошью и великолѣпіемъ; самъ же, устроивъ необычайно-торжественный кортежъ, сталъ во главѣ своихъ залитыхъ золотомъ всадниковъ и съ развернутыми знаменами выѣхалъ навстрѣчу царевнѣ Шамзеннахаръ. И прослѣдовали они по всѣмъ кварталамъ столицы, среди выстроившихся въ нѣсколько рядовъ жителей, предшествуемые музыкантами, игравшими на флейтахъ, корнетахъ, кимвалахъ и барабанахъ, а за царемъ слѣдовала громадная толпа стражей, солдатъ, простолюдиновъ, женщинъ и дѣтей.

Царевичъ Камаръ-аль-Акмаръ, съ своей стороны, открылъ свои сундуки, ларцы и вынулъ все, что было въ нихъ самаго прекраснаго по части драгоцѣнныхъ украшеній, камней и другихъ дивныхъ вещей, которыми украшаютъ себя царскіе сыновья, желая показать свое богатство и великолѣпіе; и велѣлъ онъ приготовить для молодой дѣвушки обширный навѣсъ изъ красной, зеленой и желтой парчи, по серединѣ котораго поставленъ былъ золотой, сіявшій драгоцѣнными камнями тронъ; и на ступеняхъ этого огромнаго балдахина, надъ которымъ возвышался куполъ изъ вызолоченнаго шелка, велѣлъ онъ поставить и посадить молодыхъ невольницъ изъ Индіи, Греціи и Абиссиніи, между тѣмъ какъ вокругъ самаго трона стояли четыре бѣлыя невольницы съ большими опахалами изъ перьевъ необыкновенныхъ птицъ; негры, обнаженные до самаго пояса, понесли этотъ балдахинъ на плечахъ, слѣдуя за кортежемъ по направленію къ садамъ и окруженные густой толпой, издававшей радостные крики, между тѣмъ какъ сидѣвшія подъ балдахиномъ женщины, а также и всѣ тѣ, которыя ихъ окружали, звонкими голосами кричали:—Лю-лю!

Камаръ-аль-Акмаръ же не имѣлъ терпѣнія ѣхать шагомъ вмѣстѣ съ кортежемъ и, поскакавъ по кратчайшему пути, онъ нѣсколько минутъ спустя былъ уже у флигеля, гдѣ оставилъ царевну, дочь царя Саны. И искалъ онъ ее повсюду: но не нашелъ ни царевны, ни деревяннаго коня.

Тогда Камаръ-аль-Акмаръ пришелъ въ отчаяніе, сталъ бить себя по лицу, разодралъ въ клочки свою одежду и безцѣльно бѣгалъ по саду, какъ безумный, издавая громкіе вопли и призывая царевну всѣми силами своей глотки.

Digitized by Google

Но все было напрасно!

Нѣкоторое время спустя, онъ немного успокоился, пришелъ въ себя и сказалъ себѣ:—Какъ могла она узнать секретъ управленія конемъ, если я ничего не говорилъ ей объ этомъ? Быть можетъ, именно ученый персіанинъ, тотъ, что̀ построилъ коня, и засталъ ее врасплохъ и похитилъ изъ мести за обращеніе съ нимъ моего отца!—И тотчасъ же побѣжалъ онъ разспрашивать сторожей сада и спросилъ у нихъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четырееста первая ночь,

она сказала:

...И побѣжалъ онъ тотчасъ же разспрашивать сторожей сада и спросилъ у нихъ: — Не проходилъ ли кто-нибудь по саду? Говорите правду, или я сейчасъ же велю снести ваши головы! — Сторожа остолбенѣли, услыша эту угрозу, и въ одинъ голосъ отвѣчали: — Клянемся Аллахомъ, мы не видѣли въ саду никого, кромѣ персидскаго ученаго, который приходилъ сюда собирать лѣкарственныя травы! — При этихъ словахъ царевичъ окончательно убѣдился, что персіанинъ похитилъ дѣвушку, и отчаяніе его дошло до послѣднихъ предѣловъ; взволнованный и растерянный, пошелъ онъ навстрѣчу кортежу, и, обратившись къ отцу своему, сказалъ ему:—Верни свои войска и возвращайся во дворецъ; я же вернусь лишь послѣ того, какъ разъясню это черное дѣло! — Услышавъ эти слова и видя рѣшимость сына, царь заплакалъ, застоналъ и, ударяя себя въ грудь, сказалъ ему: — О сынъ мой, молю тебя, смири свой гнѣвъ, побѣди свое горе и вернись съ нами домой. А затѣмъ подумай, дочь какого царя или султана пожелаешь взять себѣ въ жены, и я сосватаю ее тебѣ!—Но Камаръ-аль-Акмаръ не хотѣлъ обращать ни малѣйшаго вниманія на слова отца своего и на его мольбы, онъ сказалъ ему нѣсколько словъ на прощанье и уѣхалъ, между тѣмъ какъ царь возвращался въ городъ среди слезъ и стенаній. И такимъ образомъ ихъ радость превратилась въ печаль, тревогу и скучаніе. И вотъ все о нихъ!

А съ волшебникомъ и царевной вотъ что̀ было.

Какъ заранѣе предназначено было судьбой, персидскій ученый пришелъ въ тотъ день въ садъ, гдѣ, дѣйствительно, собиралъ лѣкарственныя, простыя и ароматическія травы, и вдругъ почувствовалъ прелестный запахъ мускуса и другіе чудные ароматы; нюхая воздухъ, онъ пошелъ въ ту сторону, откуда несся запахъ. А запахъ несся именно отъ царевны и наполнялъ весь садъ. Поэтому догадливый волшебникъ, руководимый своимъ тонкимъ обоняніемъ, послѣ нѣсколькихъ уклоненій, не замедлилъ добраться до флигеля, гдѣ была царевна. И какова же была его радость когда онъ увидѣлъ у порога твореніе рукъ своихъ—волшебнаго деревяннаго коня! Какъ радостно забилось его сердце при видѣ предмета, утрата котораго лишила его сна и аппетита! И принялся онъ осматривать его со всѣхъ сторонъ и нашелъ, что все въ немъ въ цѣлости и порядкѣ. Потомъ, уже собираясь сѣсть на коня и поднять его на воздухъ, онъ сказалъ себѣ:—Однако, необходимо посмотрѣть, что̀ такое привезъ и оставилъ здѣсь царевичъ!—И вошелъ онъ во флигель. Тамъ лежала въ небрежной позѣ, на диванѣ, царевна, которую онъ принялъ сначала за само восходящее на ясномъ небѣ солнце. Ни минуты не сомнѣвался онъ, что это, должно быть, особа знатнаго происхожденія и что царевичъ оставилъ ее въ этомъ домикѣ, а самъ отправился въ городъ готовить ей роскошный пріёмъ. Онъ подошелъ къ царевнѣ, распростерся передъ нею и поцѣловалъ землю между рукъ ея, а она подняла на него глаза, нашла его

Digitized by Google

чрезвычайно гнуснымъ и безобразнымъ и, поспѣшивъ закрыть ихъ, чтобы его не видѣть, спросила:—Кто ты такой?—Онъ отвѣтилъ:—О госпожа моя, я посланный царевича Камаръ-аль-Акмара и долженъ перевести тебя въ другой домъ, болѣе прекрасный и находящійся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ города; и это потому, о госпожа моя, что царица, мать царевича, немного нездорова сегодня, а такъ какъ она, все-таки, радуясь твоему прибытію, хочетъ встрѣтить тебя первая, то и пожелала этого перемѣщенія, что̀ избавитъ ее отъ слишкомъ долгаго пути.—Царевна спросила:—Но гдѣ же самъ царевичъ?—Персіанинъ отвѣтилъ:—Онъ въ городѣ, съ царемъ и скоро прибудетъ сюда съ большою торжественностью и среди великолѣпнаго кортежа!—Она сказала ему:—А ты! Скажи мнѣ, развѣ царевичъ не могъ найти какого-нибудь менѣе безобразнаго посланца?—При этихъ словахъ волшебникъ, хотя и былъ сильно уязвленъ ими, засмѣялся всѣмъ своимъ сморщеннымъ желтымъ лицомъ и отвѣтилъ:—Да, конечно, клянусь Аллахомъ, о госпожа моя, во всемъ дворцѣ нѣтъ мамелюка безобразнѣе меня! Только моя наружность и внѣшнее безобразіе не должны вводить тебя въ заблужденіе относительно моихъ достоинствъ! Желаю, чтобы ты когда-нибудь испытала мои способности и воспользовалась подобно царевичу драгоцѣнными дарами, которыми я владѣю. И тогда ты будешь хвалить меня, каковъ я ни есть! Что̀ же касается до царевича, то онъ выбралъ меня посланцемъ именно по причинѣ моего безобразія и отвратительнаго лица; и это для того, чтобы ничего не опасаться и не ревновать тебя, красавица! Мамелюковъ же, молодыхъ невольниковъ, красавцевъ-негровъ и евнуховъ достаточно во дворцѣ! Благодареніе Аллаху, ихъ несмѣтное количество; и всѣ они одинъ обольстительнѣе другого...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста вторая ночь,

она сказала:

...И всѣ они одинъ обольстительнѣе другого! — Эти слова волшебника убѣдили молодую дѣвушку, которая сейчасъ же встала, положила ручку свою въ руку стараго ученаго и сказала ему: — О отецъ мой, на чемъ же ты повезешь меня?—Онъ отвѣтилъ:— О госпожа моя, ты поѣдешь на томъ самомъ конѣ, на которомъ пріѣхала! — Она же возразила:—Но я не могу ѣхать на немъ одна!—Тогда онъ усмѣхнулся и понялъ, что отнынѣ она въ его власти; и сказалъ онъ ей:—Я самъ поѣду съ тобой!— И вскочилъ онъ на своего коня и взялъ дѣвушку, которую крѣпко прижалъ къ себѣ, привязавъ крѣпкою привязью, между тѣмъ какъ она и не подозрѣвала того, что̀ ее ожидаетъ. Тогда онъ повернулъ гвоздикъ, которымъ поднимали коня, и тотчасъ же бока коня раздулись, онъ задвигался и заволновался, какъ волны морскія, а потомъ взвился съ ними, какъ птица, и въ одинъ мигъ оставилъ далеко внизу и городъ, и сады.

Удивленная и испуганная дѣвушка воскликнула: — Гей ты! Куда же ты летишь и не исполняешь приказа своего господина?—А онъ въ отвѣтъ:— Моего господина! Да кто онъ, мой господинъ? — А она: — Сынъ царя! — А онъ:—Какого царя?—Она же сказала: — Я не знаю! — При этихъ словахъ, волшебникъ залился смѣхомъ и сказалъ: — Если ты говоришь о молодомъ Камаръ-аль-Акмарѣ, да смутитъ его Аллахъ, это тупоумный негодяй, жалкій мальчикъ, въ сущности!—Она воскликнула:—Горе тебѣ, о зловѣщая борода! Какъ смѣешь ты такъ говорить о своемъ господинѣ и не слушаться его!—Волшебникъ отвѣтилъ:—Повторяю тебѣ, что этотъ подростокъ не го-

Digitized by Google

сподинъ мнѣ! Знаешь ли ты, кто я?—Царевна отвѣчала:—Я ничего не знаю о тебѣ, кромѣ того, что̀ ты самъ говорилъ о себѣ!—Онъ улыбнулся и сказалъ:—Все мною сказанное было только хитрою уловкой противъ тебя и царскаго сына. Знай, что этому негодяю удалось украсть у меня этого коня, дѣло рукъ моихъ, на которомъ ты теперь находишься; долго жегъ онъ мое сердце и заставлялъ оплакивать потерю. Но теперь я снова хозяинъ своего добра и, въ свою очередь, жгу сердце этого вора и заставляю его оплакивать утрату тебя! Укрѣпи свою душу смѣлостью, осуши свои слезы и освѣжи глаза, отъ меня ты будешь имѣть гораздо болѣе выгодъ, нежели отъ этого молодого дурака. Я щедръ, могущественъ и богатъ; мои слуги и рабы будутъ повиноваться тебѣ, какъ своей госпожѣ; я стану одѣвать тебя въ прекраснѣйшія платья и украшать прекраснѣйшими драгоцѣнностями; и буду исполнять малѣйшее изъ твоихъ желаній, даже ранѣе, чѣмъ оно будетъ высказано!

Слушая такія слова, молодая дѣвушка била себя по лицу и зарыдала; а потомъ сказала:—О горе мнѣ! Увы! Я только-что потеряла моего возлюбленнаго; и потеряла я также и отца и мать!—И продолжала она лить горькія и обильныя слёзы, между тѣмъ какъ волшебникъ направилъ коня своего къ странѣ Румовъ и послѣ длиннаго, но быстраго пути, спустился на зеленый лугъ, гдѣ было много деревьевъ и проточной воды.

Лугъ этотъ находился неподалеку отъ города, гдѣ царствовалъ могущественный царь. И именно въ тотъ день царь вышелъ изъ города, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, и направился къ тому лугу. И увидѣлъ онъ ученаго, стоявшаго около коня и молодой дѣвушки. Прежде нежели волшебникъ успѣлъ что-либо предпринять въ свою защиту, царскіе рабы бросились къ нему и схватили его, коня и молодую дѣвушку и привели между рукъ царя.

Когда царь увидѣлъ безобразіе старика и его гнусное лицо, а рядомъ съ нимъ молодую красавицу, онъ сказалъ:—О госпожа моя, какія узы родства соединяютъ тебя съ этимъ древнимъ и безобразнымъ старикомъ?—Но за дѣвушку поспѣшилъ отвѣтить персіанинъ:—Она моя супруга и дочь моего дяди!—Тогда дѣвушка въ свою очередь сказала, опровергая слова старика:—О царь, клянусь Аллахомъ, я не знаю этого урода! Онъ совсѣмъ не супругъ мнѣ! Это злой колдунъ, похитившій меня насиліемъ и хитростью!

Услышавъ такія слова молодой дѣвушки, царь Румовъ велѣлъ своимъ рабамъ отколотить волшебника палками; и они такъ постарались, что онъ едва не испустилъ духъ подъ ударами. Затѣмъ царь велѣлъ отнести его въ городъ и бросить въ тюрьму, молодую дѣвушку увелъ съ собою, а коня велѣлъ отнести къ себѣ, не подозрѣвая его тайныхъ свойствъ. И вотъ все о волшебникѣ и царевнѣ!

А царевичъ Камаръ-аль-Акмаръ надѣлъ дорожное платье, взялъ съ собою припасовъ и денегъ и пустился въ путь съ печальнымъ сердцемъ и смущеннымъ умомъ.

И принялся онъ искать царевну, переходя изъ страны въ страну, изъ города въ городъ; и повсюду спрашивалъ онъ о конѣ изъ эбеноваго дерева, между тѣмъ какъ всѣ, кого онъ спрашивалъ, до крайности удивлялись его рѣчамъ и находили его вопросы странными и неразумными...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

Но когда наступила

четырееста третья ночь,

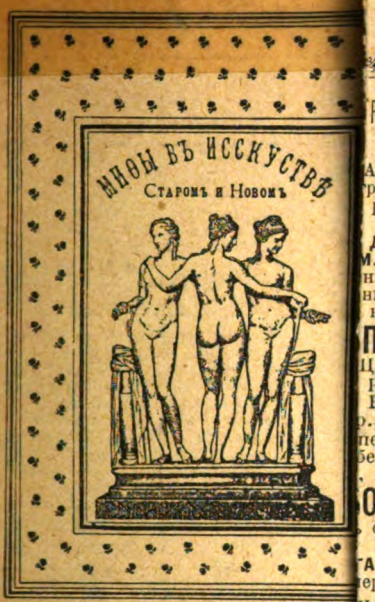
она сказала:

...и находили его вопросы странными и неразумными. И долго продолжалъ онъ такъ дѣйствовать, все ревностнѣе и ревностнѣе ведя свои розыски, собирая все болѣе и болѣе многочисленныя справки, но ничего не узналъ такого, что̀ могло бы направить его на вѣрный путь. Послѣ всего этого онъ пришелъ, наконецъ, въ городъ Сану, гдѣ царствовалъ отецъ царевны Шамзеннахаръ, и спросилъ, не прибыла ли она туда; но никто ничего не слышалъ о ней и не могъ ему сказать, что̀ сталось съ нею послѣ ея похищенія; ему сообщили только, что старый царь убитъ горемъ. Тогда онъ продолжалъ свой путь и направился къ странѣ Румовъ, продолжая спрашивать о царевнѣ и деревянномъ конѣ вездѣ, гдѣ проходилъ, и вездѣ, гдѣ останавливался.

Однажды онъ зашелъ въ ханъ, стоявшій при дорогѣ, и увидѣлъ нѣсколько купцовъ, сидѣвшихъ кружкомъ; онъ присѣлъ къ нимъ и услышалъ, какъ одинъ изъ нихъ говорилъ:—О друзья мои, на-дняхъ случилось со мною нѣчто удивительное и прямо невѣроятное!—И всѣ спросили у него:—Что̀ же это было?—А онъ отвѣтилъ:—Я отправился со своими товарами въ такой-то уѣздъ, въ такой-то городъ (и онъ назвалъ городъ, гдѣ находилась царевна) и услышалъ, какъ жители передавали другъ другу очень странное и только-что случившееся происшествіе. Они говорили, что царь того города отправился какъ-то на охоту со своей свитой и встрѣтилъ отвратительнаго старика, стоявшаго рядомъ съ молодою дѣвушкою несравненной красоты и конемъ изъ эбеноваго дерева и слоновой кости! — И купецъ разсказалъ своимъ товарищамъ уже извѣстную намъ исторію, и они были удивлены до крайности.

Когда же выслушалъ этотъ разсказъ Камаръ-аль-Акмаръ, то онъ ни минуты уже не сомнѣвался, что дѣло идетъ о его возлюбленной и о волшебномъ конѣ. Поэтому, освѣдомясь въ точности о названіи и мѣстонахожденіи города, онъ немедленно пустился въ путь, направляясь въ ту сторону, и шелъ безостановно, пока не добрался до этого города. Но когда онъ захотѣлъ войти въ городскія ворота, стража схватила его и по обычаю того края хотѣла отвести его къ царю для допроса о его званіи, о причинѣ его прибытія и о его ремеслѣ. Но такъ какъ было уже очень поздно, а стража знала, что царь очень занятъ, то отложили дѣло до слѣдующаго дня, а пока отвели его на ночь въ тюрьму. Но, видя его красоту и обаятельность, тюремщики не рѣшились его запирать, просили его посидѣть съ ними и предложили раздѣлить съ ними ужинъ. Потомъ, послѣ ужина, они стали разговаривать и спросили:—О юноша, изъ какихъ ты краевъ?—А онъ отвѣтилъ:—Я изъ Персіи, земли Хозроевъ!—При этихъ словахъ тюремщики расхохотались, а одинъ изъ нихъ сказалъ молодому человѣку: — О уроженецъ страны Хозроевъ, можетъ быть, и ты такой же отъявленный лгунъ, какъ твой землякъ, сидящій у насъ въ тюрьмѣ?—А другой сказалъ: — По истинѣ, я видѣлъ много людей и слышалъ ихъ рѣчи и разсказы, и наблюдалъ за ихъ манерой держать себя, но никогда не встрѣчалъ такого чудака, какъ этотъ сидящій у насъ старый сумасшедшій!—А еще одинъ прибавилъ:—А я, клянусь Аллахомъ, никогда не видѣлъ человѣка съ такимъ безобразнымъ и противнымъ лицомъ!—Царевичъ спросилъ:—Что̀ же онъ вамъ налгалъ?—Тюремщики отвѣчали: — Онъ величаетъ себя ученымъ и знаменитымъ врачемъ! Нашъ царь встрѣтилъ его во время охоты въ обществѣ молодой дѣвушки и дивнаго коня изъ чернаго дерева и слоновой кости. И

Digitized by Google



Рисунокъ крышки для переплета иллюстри
монографіи

«МИѲЫ ВЪ ИСКУССТВѢ СТАРОМЪ И Н

Историко-художественная монографія съ 285
ціями. (Пособіе при чтеніи классическихъ п
для уясненія поэтическихъ аллегорій и символо
изведеніяхъ искусствъ и поэзіи). Изданіе ред
ваго Журнала Иностранной Литературы». Ц.

*Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго
нія одобрено для ученическихъ и фундаментальн
отекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительск
тутовъ и семинарій, городскихъ и уѣздныхъ учи
безплатныхъ читаленъ.*

Крышки для переплета изъ англійскаго коленкор
ніемъ краской и золотомъ. Цѣна 50 коп., съ пер

АДРЕСОВАТЬСЯ: С.-Петербургъ, Улица Гоголя (б.

Рисунокъ крышки для переплета иллюстри
художественной монографіи

„ЖИВОПИСЬ ПРЕРАФАЭЛИТОВЪ

составляющей особое безплатное приложеніе к
ЖУРНАЛУ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
Изъ англійскаго коленкора разныхъ цвѣтовъ
ніемъ красками и золотомъ.

Цѣна 50 коп., съ пересылкой 70 ко

ГРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ"

АРСТВОВАНІЕ ЛЮДО-
графа **АЛЬФРЕДА-ДЕ-**
рис. франц. художн.

ДОДЭ. Съ портр. ав-
М. Л. Лихтенштадтъ.
нк. перепл. 1 р. 25 к.
нгл. перев. **О. М. Со-**
к.

ПАСАНА. (Посмерт-
ное изд.).
Ц. 50 к., перес. 20 к.
Романъ **ЭЖЕНЯ СЮ.**
Въ 6 частяхъ. Первый
р., перес. 25 к.
перев. **М. Л. Лихтен-**
безъ всякихъ измѣне-
, перес. 25 к.

ОННАРА, ЧЛЕНА
ИНСТИ-
франц. перев. **С. С.**

ГА ЭБЕРСА. Въ перев.
перес. 25 к.

И БРАЧНАЯ ЖИЗНЬ,
ЕРТЬ И СВАДЬБА АД-
анъ **ЖАНА-ПОЛЯ РИХ-**
невой. Съ біографіей
перес. 25 к.

А. Въ 6 част. Въ пе-
штадтъ и **Е. Г. Барте-**

сѣданій Парижскаго
Съ иллюстраціями и
іи и президенту Фран-
. 20 к.

ГЪ (КОГДА СПЯЩІЙ
ПРОСНЕТСЯ).
перев. **К. К. Толстого.**

МОПАСАНА. (Посмертн.
въ перев. **М. Л. Лих-**

й романъ **УЭЛЛЬСА.**
нгл. перев. **К. К. Тол-**

САНТИЛЛАНА.
в. **А. Л. Соколовскаго.**
и съ иллюстраціями.

Ы, Сочиненія **ЭМЕР-**
СОНА. Томъ I.
омъ объ Эмерсонѣ и
1 р. 25 к.
ВИКТОРА ГЮГО. По-
смерт. изд. Ц. 50 к.

романъ **ИВЕТЫ ГИЛЬ-**
ЕРЪ. Перев. **В. Н. Пуш-**
рес. 20 к.
еніе Шерлока Холмса.
ДОЙЛЯ. Съ англійск.
рес. 20 коп.

И МАЛЕНЬКІЯ

ск. перев. **К. К. Тол-**
1 р., перес. 25 к.
Съ англ. перев. **К. К.**
., перес. 20 к.
ЬСА. Съ англ. перев.
5 к. перес. 25 к.

*родного Просвѣщенія
и библіотеки и, сверхъ
возраста, библіотеки
енскихъ, а третій—въ
хъ же заведеній.*

урнала Иностранной
п. М. Морская, 9) за
ъ.

Digitized by Google

КНИГИ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНІЯ

редакціи „НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“:

АТМОСФЕРА.

Популярная метеорологія. **Камилла Фламмаріона.** Въ 6-ти книгахъ. Въ перев. К. К. Толстого. Болѣе 300 иллюстрацій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ читаленъ, а также для выдачи ученикамъ въ видѣ награды.

Цѣна **2** р. **50** к., пересылка **50** к. За изящный коленк. переп. съ тисненіемъ различн. краск. и серебромъ добавляется **75** к.

ПОЭЗІЯ ФЛОРЫ.

Цвѣточный календарь въ письмахъ. Съ изображеніемъ и описаніемъ 320 цвѣтовъ. (Для любителей природы).

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

Цѣна **2** р., перес. **50** к. За изящный колен. переп. съ тисненіемъ различн. краск. и серебромъ добавляется **75** к.

Миѳы въ искусствѣ старомъ и новомъ.

Историко-художественная монографія. Съ 285 иллюстраціями и алфавитнымъ указателемъ миѳовъ. (Пособіе при чтеніи классическихъ писателей и для уясненія поэтическихъ аллегорій и символовъ въ произведеніяхъ искусствъ и поэзіи).

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ институтовъ и семинарій, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для безплатныхъ читаленъ.

Цѣна **2** р. **50** к., перес. **50** к. За изящн. коленк. переп. съ тиснен. различн. краск. и серебромъ добавляется **75** коп.

ПЛУТАРХЪ XIX ВѢКА.

Знаменитые люди XIX вѣка въ біографіяхъ и портретахъ. (Политическіе и общественные дѣятели, мыслители, ученые, изобрѣтатели, путешественники, историки, писатели, поэты, художники и артисты). Томъ I-й. (80 біографій и портретовъ). Томъ II-й (85 біографій и портретовъ).

Цѣна каждаго тома **1** р. **50** к., перес. **25** к.

МУЗЫКА ВЪ XIX ВѢКѢ

ВОКАЛЬНАЯ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ:

40 музыкальныхъ пьесъ. Съ очеркомъ музыки XIX вѣка. Съ портр. 35 знамен. композиторовъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Цѣна **2** р. **50** к., за изящн. перепл. добавл. **75** к.

ФРАНСУА РАБЛЭ.

ГАРГАНТЮА и ПАНТАГРЮЭЛЬ.

Въ пяти книгахъ. Переводъ А. Н. Энгельгардтъ. Съ иллюстраціями Г. Дорэ.

Цѣна **3** руб. **50** коп., съ пересылкою **4** руб. За изящный коленкоровый переплетъ доплачивается **75** к.

Тысяча и одна ночь.

АРАБСКІЕ РАЗСКАЗЫ ШАХРАЗАДЫ.

Первый полный русскій переводъ (по изданію Мардруса). Съ пояснительными примѣчаніями и новѣйшими иллюстраціями. (Репродукціи на мѣди картинъ Альберта Лечфорда). **Томъ первый** (совершенно законченный). (520 стран. in 8 большого формата). Цѣна **2** р. **50** к., въ переплетѣ **3** р. **50** к. Пересылка **50** к. **Томъ второй**, также совершенно законченный (428 стр. in-8). Цѣна **2** р., въ перепл. **3** р. Пересылка **50** к.

НОВОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

Оливера КРОМВЕЛЯ.

Историческая монографія **Джона Морлея.** Съ англійскаго. Съ многочисленными иллюстраціями.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

Цѣна **1** руб. **50** коп., пересылка **25** коп. За изящный коленкоровый переплетъ доплачивается **75** коп.

ЖЕНСКАЯ КРАСОТА

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

Иллюстрированная художественно-историческая монографія, представляющая эстетическій и культурно-историческій интересъ, такъ какъ въ ней охарактеризованы типы женской красоты, начиная съ 4000 г. до Р. Х. и до нашихъ дней.

Цѣна **2** р. **50** к., перес. **50** к. За изящный коленк. перепл. доплачив. **75** к.

ДАМСКІЯ МОДЫ XIX ВѢКА.

Художественно-историческая монографія о женскихъ нравахъ и вкусахъ. Съ многочисленными рисунками, иллюстрирующими эволюцію женскаго костюма въ періодъ послѣдняго столѣтія.

Цѣна **75** коп., пересылка **25** коп.

ЖЕНЩИНА ВЪ ИСКУССТВѢ.

Иллюстрированная художественно-историческая монографія о вліяніи женской граціи и красоты на развитіе эстетики съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Болѣе 200 иллюстрацій. Большой томъ на хорошей бумагѣ.

Цѣна **2** руб., пересылка **50** коп.

Александръ Великій.

Иллюстрированная историческая монографія профессора **Веніамина Уилера.** Съ англійскаго. Большой томъ на лучшей бумагѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Цѣна **1** р. **50** к., перес. **25** к. За изящн. коленк. перепл. доплачивается **75** к.

ТАНЦЫ, ИХЪ ИСТОРІЯ И РАЗВИТІЕ

СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

Съ многочисленными иллюстраціями (картины и рисунки знаменитыхъ художниковъ, портреты знаменитѣйшихъ танцовщицъ, изображенія разнохарактерныхъ народныхъ танцевъ). Цѣна 2 р., въ переплетѣ 3 р.

Съ требованіями адресоваться въ редакцію «Новаго Журнала Иностранной Литературы»: С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9.

Digitized by Google

960.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА И НАУКИ

960

ГОДЪ ШЕСТОЙ
Т. XXIII

№ 2 — ФЕВРАЛЬ 1913 ТОМЪ

См. на оборотѣ этой страницы.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

Digitized by Google

ДВА НОВЫХЪ И ПОСЛѢДНИХЪ ТОМА

Съ январьской книги подписчики „НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“, уплатившіе годовую цѣну журнала, ЕЖЕМѢСЯЧНО, въ теченіе 1903 года, будутъ получать БЕЗПЛАТНО знаменитѣйшее изъ произведеній міровой литературы

ИЗВѢСТНОЕ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ.

Первый полный и точный русскій переводъ съ новѣйшими иллюстраціями

Изъ ежемѣсячныхъ 12 выпусковъ «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ» въ теченіе 1903 г. составится ДВА БОЛЬШИХЪ ТОМА, для которыхъ по особому рисунку изготовлены крышки для переплета изъ англійскаго коленкора съ изящнымъ тисненіемъ различными красками. Цѣна двухъ крышекъ 1 р., съ перес. 1 р. 40 к. Желающіе получить эти крышки благоволятъ заявить объ этомъ при подпискѣ. Наложеннымъ платежомъ крышки не высылаются.

Первые два тома изданія „ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ“, напечатанные въ 1902 г., поступали въ продажу. Томъ первый (совершенно законченный) (520 страницъ in-8 большаго формата). Ц. 2 р. 50 к., въ переплетѣ **3 р. 50 к. Томъ второй**, также совершенно законченный (428 стран. in-8). Ц. 2 р., въ переплетѣ 3 р. Пересылка каждаго тома 50 к. **Подписчики на „НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ“ на 1903 годъ, желающіе пріобрѣсти первые два тома „ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ“ пользуются уступкой: иногородные 20 % и безплатной пересылкой, а городскіе — 25 %.**

Рисунокъ крышки для переплета томовъ изданія «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ».
Цѣна крышки для каждаго тома 50 к., съ пересылкой — 70 к.

АДРЕСОВАТЬСЯ: Редакція „Новаго Журнала Иностранной Литературы“. С.-Петербургъ, Улица Гоголя (быв. Малая Морская), 9.

Digitized by Google

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

генерала Хр. Де-Вета

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

(Воспоминанія о трехлѣтней англо-бурской войнѣ).

Въ одномъ томѣ (440 стр). съ портретомъ автора.

ВЪ ПЕРЕВОДѢ ЛЬВА ЖДАНОВА.

Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

Адресующіеся въ редакцію „Новаго Журнала Иностранной Литературы" (С.-Петербургъ, улица Гоголя, 9) за пересылку не платятъ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ГЛАВНОЕ РУКОВОДСТВО ПО ВРАЧЕБНОЙ НАУКѢ ТИБЕТА

ЖУД-ШИ

ВЪ НОВОМЪ ПЕРЕВОДѢ П. А. БАДМАЕВА

Съ обширнымъ введеніемъ его же, разъясняющимъ основы Тибетской врачебной науки.

Цѣна 1 р. 25 к., пересылка 25 к.

Адресующіеся въ редакцію „Новаго Журнала Иностранной Литературы" (С.-Петербургъ, улица Гоголя, 9) за пересылку не платятъ.

Первые два тома изданія „ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ", напечатанные въ 1902 г., поступили въ продажу. Томъ первый (совершенно законченный) (520 страницъ in-8 большого формата). Ц. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р. 50 к. **Томъ второй,** также совершенно законченный (428 страницъ in-8). Ц. 2 р., въ переплетѣ 3 р. Пересылка каждаго тома 50 к. **Подписчики на „НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ" 1903 года, желающіе пріобрѣсти первые два тома „ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ", пользуются уступкой: иногородные 20% и безплатной пересылкой, а городскіе—25%.**

Каждый изъ этихъ томовъ и печатающихся въ 1903 г. двухъ послѣднихъ представляетъ собою вполнѣ законченное цѣлое, такъ какъ разсказы каждаго тома совершенно независимы отъ разсказовъ предшествующаго или послѣдующаго томовъ.

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ.

Т. I. ФЕВРАЛЬ 1903 г. № 2.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТАТЬИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ:

СТРАН.

I. Подснѣжникъ. Съ фотографіи . 109

II. Современныя мистическія ученія. (Спиритизмъ, телепатія и гипнотизмъ). К. К. Толстого. (Съ вин.). 110

III. О свободѣ театральныхъ представленій. Е. М. С. (Съ вин.). 119

IV. Сердцеѣдъ. Скульптура изъ дерева Биго 128

V. Борьба за свободу. Генерала Х. Р. де-Вета. (Воспоминанія о трехлѣтней войнѣ буровъ съ англичанами). Въ переводѣ Льва Жданова. (Съ рис.). III—V. 129

VI. Откуда взялось наше фортепіано? (Съ 12 рис.). 142

VII. Англійская пресса. Л. А. Б—чъ. (Съ вин.). (Продолж.) 153

VIII. Фридрихъ Нитцше. Начало и причины его болѣзни. (Съ вин. и рис.). 159

IX. Фокусы знаменитыхъ магиковъ. Руфы Эвереттъ. (Съ 10 рис.). 168

X. Ольга Михайловна Соловьева. († 16 января 1903 г.) 175

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА.

14 статей и замѣтокъ съ иллюстр. (Подробное оглавленіе см. на стр. 178) . 177—216

СЪ ОТДѢЛЬНОЙ НУМЕРАЦІЕЙ СТРАНИЦЪ.

Электричество во всѣхъ его примѣненіяхъ. Жоржа Дарп. Съ многочисленными иллюстраціями. Перевелъ и дополнилъ К. И. Дебу. (Продолж.). . . . 33— 64

Факты и комментаріи. Статьи и этюды. Герберта Спенсера. Въ переводѣ К. К. Толстого. (Продолж.). . . . . 17— 32

НОВѢЙШІЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Женщины, которыхъ я зналъ. Маартенъ Маартенса. Съ англійскаго переводъ О. М. Соловьевой (†). . . . . 1— 32

Кто — воръ или убійца? Романъ Флоренса Уордена. Переводъ съ англійскаго М. Михайленко. (Продолж.). . . . . 33—64

Иллюстрированныя повѣсти. I. **Подъ землей.** (Съ рисунк. Сулливана). II. **Исторія неопытнаго привидѣнія.** (Съ рисунк. Грасея). Фантастическія повѣсти Уэлльса. Съ англійскаго . . . . . 1— 24

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Тысяча и одна Ночь. Арабскіе разсказы Шахразады. Первый полный русскій переводъ, съ пояснительными примѣчаніями и репродукціями на мѣди картинъ А. Лечфорда. Выпускъ II-й: Разсказы 404—441 ночей. . . . . 49—112

Вмѣстѣ съ февральской книгой подписчикамъ, уплатившимъ годовую цѣну журнала за 1903 годъ, разсылается безплатное роскошное художественное приложеніе: **«Сто шедевровъ искусства»**.

Подписчикамъ въ разсрочку это изданіе будетъ доставлено по уплатѣ ими послѣдняго взноса.

Дозволено цензурою 30-го января 1903 г. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. И. Булгаковъ.**

Digitized by Google

ПОДПИСКА НА 1903 г. | 7-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

12 книгъ (4 большихъ тома)

Болѣе 7000 столбцовъ больш. in 8° убористой печати, 2000 иллюстрацій на лучшей бумагѣ.

20 томовъ выдающихся сочиненій.

НА 1903 ГОДЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ИЗЯЩНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ЦѢНА НА ГОДЪ **5 р.** съ доставкой и пересылкой **6** р.

РАЗСРОЧКА: при подпискѣ — 2 р. къ 1 марта — 2 р. къ 1 мая — 1 р., съ пер. 2 р.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА и НАУКИ

НЕЗАВИСИМО ОТЪ 12 КНИГЪ, содержащихъ **ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ** беллетристическія произведенія, журнальныя статьи современнаго интереса и занимательнаго содержанія, литературныя, научныя и художественныя, **иллюстрированную хронику** (на современныя темы, изъ прошлаго, новости литературныя, художественныя и научныя, изъ артистическаго міра, изъ газетъ и журналовъ, изъ книжнаго міра и лѣтопись современныхъ преступленій). — въ теченіе 1903 г. подписчики получатъ **20 ТОМОВЪ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,** каждое съ отдѣльной нумераціей страницъ, въ томъ числѣ:

12 новѣйшихъ романовъ и повѣстей разныхъ авторовъ—французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и др.; **два новыхъ и послѣднихъ тома** знаменитѣйшаго изъ произведеній міровой литературы **„ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ“**—первый полный русскій переводъ **съ репродукціями на мѣди картинъ А. Лечфорда** на мѣловой бумагѣ. Каждый томъ этого изданія представляетъ собой вполнѣ законченное цѣлое, такъ какъ разсказы и повѣсти каждаго тома совершенно независимы отъ разсказовъ предшествующаго или послѣдующаго тома. Сверхъ того, при журналѣ печатается сборникъ статей и этюдовъ **ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА,** не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій; обширный томъ **„ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВО ВСѢХЪ ЕГО ПРИМѢНЕНІЯХЪ“ Ж. Дари** съ многочисленными иллюстраціями.

Подписчики, уплатившіе годовую цѣну журнала на 1903 годъ, получатъ вмѣстѣ съ январской книгой 1903 г. **особое приложеніе: Главное руководство по врачебной наукѣ Тибета „ЖУД-ШИ“** въ новомъ переводѣ **П. А. Вадмаева,** съ обширнымъ введеніемъ его, излагающимъ исторію Тибетской врачебной науки и разъясняющимъ ея систему, методы лѣченія и лѣчебныя средства, изученные многовѣковымъ опытомъ, а съ февральской книгой — **2-е особое приложеніе: роскошное художественное изданіе „СТО МІРОВЫХЪ ШЕДЕВРОВЪ ИСКУССТВА“** (произведенія 85 знаменитыхъ художниковъ, французскихъ, англійскихъ, италіанскихъ, голландскихъ, германскихъ, испанскихъ, начиная съ XIV вѣка до настоящаго времени). Съ описаніемъ воспроизведенныхъ **лучшихъ ста картинъ** и съ біографіями ихъ авторовъ. Большой томъ съ иллюстраціями на плотной веленевой бумагѣ. Подписчики въ разсрочку получатъ эти приложенія по уплатѣ имъ послѣдняго взноса.

Цѣна на годъ **5** руб., съ доставкой и пересылкой **6** руб. (Разсрочка **въ два срока:** при подпискѣ и къ 1 мая по **2** р. **50** к., съ пересылкой по **3** р.; **въ три срока:** при подпискѣ **2** р., къ 1 марта—**2** р., къ 1 мая **1** р., съ пересылкою **2** р.).

Съ требованіями обращаться:

С.-Петербургъ, улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9.

Редакторъ-издатель Ѳ. И. БУЛГАКОВЪ.

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИСКУССТВА И НАУКИ

ТОМЪ I

(ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ — МАРТЪ 1903 г.)

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

(Годъ седьмой.—Т. XXIII-й)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1903

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годовая (съ 1-го января 1903 г. по 31-е декабря 1903 г.) **5 р.**, съ доставкой и пересылкой **6 р.**, за границу **9 р.** За перемѣну адреса: иногородняго на иногородній **28 к.**, иногородняго на петербургскій и петербургскаго на иногородній **50 к.**

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9. (Пріемъ для личныхъ объясненій—по субботамъ, отъ 1 до 2 ч. по полудни). **Телефонъ 2327.**

За доставку книгъ въ такія мѣстности, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности.

Digitized by Google

360

ФЕВРАЛЬ.

Подснѣжникъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ МИСТИЧЕСКІЯ УЧЕНІЯ.

(спиритизмъ, телепатія и гипнотизмъ).

Человѣкъ, какъ существо во всѣхъ отношеніяхъ конечное, но живущее среди вселенной, во всѣхъ отношеніяхъ безконечной, не только не можетъ познать ее въ ея цѣломъ—которое даже умственному его оку недоступно—но не можетъ вполнѣ охватить глазомъ и тѣ явленія, которыя, казалось бы, совершаются въ полѣ физическаго его зрѣнія. Дѣло въ томъ, что эти явленія суть тоже вселенскія, а потому человѣческому зрѣнію доступна лишь минимальная часть цикла, ими проходимаго. Мы достаточно подробно изучили, напримѣръ, такъ называемыя міровыя энергіи — свѣтъ, тепло, электричество и проч., но мы изучили только ихъ роль въ экономіи земной природы, да и то не вполнѣ (рентгеновскіе, катодные и герцевскіе лучи вчера только открыты; кто же знаетъ, что̀ можетъ быть открыто завтра?), а о роли ихъ во вселенной и вовсе никакого понятія имѣть не можемъ. Какая судьба, напримѣръ, постигаетъ тепло и свѣтъ нашего Солнца, разсѣивающіеся въ межпланетныхъ пространствахъ? Ограниченное количество энергіи, расходясь по безграничной вселенной, не приравнивается ли къ нулю и не теряется ли безслѣдно?

Вообще о вселенской роли нашихъ земныхъ явленій мы можемъ судить лишь по аналогіи и съ гораздо меньшей степенью вѣроятности, чѣмъ о существѣ и судьбѣ кометъ, незначительную часть орбиты которыхъ наблюдаемъ непосредственно.

Подобнымъ же образомъ неполно и всяческое наше знаніе. Мы знаемъ законы тяготѣнія, управляющіе сложными движеніями солнечной системы, но не можемъ объяснить этими законами ея стремленія къ созвѣздію Геркулеса; мы знаемъ законы химическаго сродства, но о причинахъ его понятія не имѣемъ; мы знаемъ законы, управляющіе органической жизнью на землѣ, но ни начала этой жизни, ни предстоящаго ей конца, ни возможнаго продолженія ея въ обѣ стороны (до начала и послѣ конца) даже представить себѣ не въ состояніи. Да и всѣхъ свойствъ организованнаго существа — будь это мы сами—изучить еще не успѣли и едва ли когда-нибудь изучимъ, такъ какъ, вѣдь, жизнь тоже, подобно всему существующему, есть явленіе вѣчное, вселенское, а человѣкъ есть лишь мелкое, временное, частичное ея проявленіе.

Благодаря такому несовершенству своихъ познавательныхъ способностей и недостаточности положительнаго знанія, человѣкъ съ незапамятныхъ временъ дополнялъ послѣднее вѣрою, которая, будучи по необходимости плохо обоснована, весьма часто превращалась въ суевѣріе. Сознавая, напримѣръ, свою зависимость отъ различныхъ грозныхъ явленій природы, причину которыхъ понять

Digitized by Google

былъ не въ состояніи, первобытный человѣкъ воплотилъ и обожествилъ силы, обусловливающія эти явленія; испытывая, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, безпричинный и безотчетный страхъ, онъ подыскалъ ему причины; населилъ рѣки—русалками. лѣса—лѣшими, кладбища—упырями.

По мѣрѣ расширенія положительнаго знанія, всѣ эти суевѣрія разсѣивались, конечно, но такъ какъ причины, ихъ породившія: сознаніе своей зависимости отъ чего-то неизвѣстнаго, своей связи съ непостижимой вселенною въ ея цѣломъ, наконецъ—безотчетный страхъ и безотчетное благоговѣніе—оказываются непстребимыми (величайшіе скептики и серіознѣйшіе ученые испытываютъ все это при подходящихъ условіяхъ), а объяснить ихъ нечѣмъ, то взамѣнъ разсѣявшихся суевѣрій возникаютъ новыя, съ виду болѣе научныя, но въ сущности столь же неосновательныя.

Къ числу такихъ новыхъ суевѣрій принадлежитъ, между прочимъ, спиритизмъ, гипнотизмъ, телепатія и проч., въ особенности первый.

О томъ, что̀ такое спиритизмъ, я говорить не стану, такъ какъ это болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно. Немногіе, однако же, выработали себѣ опредѣленное о немъ мнѣніе. Значительная часть образованныхъ людей (до народа онъ пока еще не дошелъ, кажется), вмѣстѣ со Л. Н. Толстымъ и профессоромъ Менделѣевымъ, смотрятъ на него какъ на пустую забаву — съ одной стороны, и какъ на шарлатанскій способъ наживать деньги—съ другой. Небольшая кучка адептовъ, напротивъ того, вѣруетъ въ него какъ въ откровеніе, и къ этой кучкѣ принадлежатъ такіе, напримѣръ, несомнѣнно искренніе и ученые люди, какъ Уоллесъ, Круксъ, Н. П. Вагнеръ, покойный Бутлеровъ и проч. А большинство, колеблящіеся между этими крайними мнѣніями, не знаетъ, кому вѣрить и что̀ думать о спиритизмѣ.

Уже изъ такого распаденія публики на два крайніе лагеря, не только не успѣвшіе хоть сколько-нибудь примириться, но все болѣе и болѣе расходящіеся въ теченіе пятидесяти лѣтъ (впервые спиритизмъ привлекъ къ себѣ общее вниманіе въ 1848 г.), можно безошибочно заключить, что спиритическія явленія, буде они существуютъ, вполнѣ субъективны, то-есть обусловливаются субъективными ощущеніями, не поддающимися объектизаціи, хотя, можетъ быть, и вполнѣ реальными.

Въ самомъ дѣлѣ, не распадается же общество на два лагеря по поводу признанія дѣйствительности не только такихъ явленій, какъ восходъ и заходъ солнца, дождь, вѣтеръ и проч., которыя сами по себѣ очевидны, но даже и такихъ, которыя могутъ быть сдѣланы очевидными при помощи подходящихъ приспособленій, каковы напримѣръ: расширеніе тѣлъ отъ теплоты, вращеніе земли вокругъ оси, разложеніе воды на кислородъ и водородъ и проч. Если же явленіе не очевидно и никоимъ образомъ не можетъ быть сдѣлано очевиднымъ для всякаго (какъ это было съ явленіями спиритическими, при научной обстановкѣ никогда не удававшимися), то оно или совсѣмъ не существуетъ, а только искусно поддѣлывается, или существуетъ лишь для извѣстныхъ лицъ, то-есть основано на субъективныхъ ощущеніяхъ истинныхъ или ложныхъ. Въ первомъ случаѣ ему долженъ соотвѣтствовать реальный объектъ, ощутимый только для даннаго субъекта, благодаря особой остротѣ чувствъ послѣдняго, а во второмъ случаѣ дѣло сводится на иллюзію, то-есть на ощущенія мнимыя, зависящія отъ разстройствъ въ нервной системѣ субъекта и никакой реальной основы во внѣшнемъ мірѣ не имѣющія.

Къ какой изъ этихъ двухъ категорій слѣдуетъ причислить спиритическія явленія—сказать трудно. Съ одной стороны, имена крупныхъ ученыхъ, раздѣляющихъ спиритическія вѣрованія, какъ бы ручаются за то, что явленія, на которыхъ эти вѣрованія опираются, дѣйствительно реальны, хотя и доступны только для небольшого количества лицъ, обладающихъ особенно чувствительной нервной организаціей; но съ другой стороны невозможность хотя бы побочнымъ путемъ сдѣлать ихъ очевидными для всякаго, а самое главное—та, въ высшей степени подозрительная обстановка, которою окружаютъ себя спириты во время опытовъ, заставляютъ считать спиритическія явленія иллюзіей, если не чѣмъ-либо похуже.

Въ самомъ дѣлѣ, какой бы тонкой нервной организаціей ни обладали люди, способные воспринимать эти явленія, цѣлесообразно задуманный физическій аппаратъ всегда окажется еще болѣе способнымъ воспринять ихъ. Какъ бы ни было остро зрѣніе кочевника—телескопъ, микроскопъ и фотографи-

Digitized by Google

ческая пластинка всегда будутъ острѣе его; какъ бы ни былъ точенъ глазомѣръ привыкшаго имъ пользоваться человѣка, а мѣрительные инструменты всегда окажутся точные. Трудно допустить, поэтому, чтобъ какое бы то ни было реальное явленіе, улавливаемое внѣшними чувствами хотя бы исключительно нервныхъ людей, не могло быть уловлено подходящимъ инструментомъ. Правда, чисто психическія явленія—любовь, ненависть, мысль, воспоминанія—не смотря на свою реальность, никакими инструментами не улавливаются, но зато всѣ они и не матеріальны, а происходятъ только въ психической сферѣ человѣка, почему въ параллель съ явленіями спиритическими, доступными внѣшнимъ чувствамъ, поставлены быть не могутъ, если только послѣднія не представляютъ собой чистой иллюзіи, достигающей, можетъ быть, изумительной яркости (подобно нѣкоторымъ снамъ, галлюцинаціямъ, ложнымъ ощущеніямъ сумасшедшихъ, внушеннымъ идеямъ и проч.).

Къ числу такихъ иллюзій, развивающихся подъ вліяніемъ внушенія и самовнушенія, по всей вѣроятности, должны быть отнесены (пока такъ или иначе не станутъ очевидными для всѣхъ) и тѣ спиритическія явленія, дѣйствительность которыхъ засвидѣтельствована такими искренними людьми и опытными наблюдателями, каковы вышеупомянутые ученые и многіе другіе изъ записныхъ спиритовъ.

Нечего и говорить, конечно, что такого рода иллюзіи, да еще коллективныя, сами по себѣ, независимо отъ всякихъ теоретическихъ объясненій и гипотезъ, представляли бы собою очень важный и интересный психологическій фактъ, если бы въ дѣло спиритизма, какъ выше сказано, не вмѣшивались нѣкоторыя весьма подозрительныя обстоятельства, мѣшающія считать этотъ фактъ достовѣрнымъ.

Всѣмъ извѣстно, что для успѣха спиритическихъ шансовъ необходимъ, во-первыхъ—медіумъ, то-есть такой, въ большей части случаевъ, человѣкъ, на добрую совѣсть котораго весьма трудно положиться, а во-вторыхъ, необходима обстановка, благопріятствующая не только развитію галлюцинацій но и... обману, фокусничеству, шарлатанству, въ которыхъ медіумы были слишкомъ часто уличаемы. Вотъ это-то фокусничество и лишаетъ вопросъ всякаго интереса. Кому, въ самомъ дѣлѣ, охота играть роль шута и тратить время на серіозное изслѣдованіе явленій, которыя въ большинствѣ случаевъ оказывались простыми фокусами и при томъ весьма пошлыми? По нашему мнѣнію, на искренныхъ и добросовѣстныхъ спиритахъ лежитъ прямая обязанность самимъ распутать это дѣло, столь дорогое ихъ сердцу, самимъ указать, гдѣ въ немъ ложь, и гдѣ правда, самимъ поднести міру эту правду въ видѣ облупленнаго яичка. Тѣ изъ нихъ, которые знакомы съ методами изслѣдованія, принятыми въ точныхъ наукахъ, знаютъ, какъ это сдѣлать. Они знаютъ, что прежде чѣмъ создавать гипотезы, основанныя на данныхъ фактахъ, нужно, чтобы факты-то эти были дѣйствительно даны, дѣйствительно достовѣрны, да не для нихъ однихъ только—всякому галлюцинирующему или ловко обманутому человѣку свойственно вѣрить въ дѣйствительность того, что̀ онъ своими глазами видѣлъ, а для всего свѣта. Пока же они этого не сдѣлали, пока они намъ, скептикамъ, ничего достовѣрнаго не показали, мы имѣетъ право считать спиритизмъ отчасти фокусничествомъ профессіональныхъ медіумовъ и шалостью непрофессіональныхъ (какъ это часто оказывалось), а отчасти — галлюцинаціями, основанными на внушеніи и самовнушеніи, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Вотъ это все, что̀, по нашему мнѣнію, можно сказать о спиритическихъ опытахъ. Что̀ же касается спиритической вѣры—тѣхъ гипотезъ, которыя придумываются для объясненія спиритическихъ явленій, то ихъ прямо слѣдуетъ назвать суевѣріемъ, вполнѣ аналогичнымъ старой вѣрѣ въ колдуновъ, домовыхъ, лѣшихъ и проч. Если въ основѣ этихъ суевѣрій и лежитъ крупица правды, состоящей въ томъ, что на свѣтѣ есть многое, что и не снилось нашимъ мудрецамъ (а она въ нихъ несомнѣнно лежитъ, иначе суевѣрія не держались бы такъ долго, смѣняясь одно другимъ), то слишкомъ поспѣшное и легкомысленное обращеніе съ этой правдой только вредитъ ея открытію, что̀ очень жаль, конечно.

Почти тоже можно сказать и о телепатіи и о чтеніи мысли, такъ какъ и по отношенію къ нимъ мы слишкомъ поспѣшили съ выводами и гипотезами.

Телепатіей, какъ извѣстно, называется передача мыслей и чувствъ на большомъ разстояніи, а чтеніемъ мыслей—передача ихъ

Digitized by Google

вблизи, но во всякомъ случаѣ безъ посредства слова или какихъ бы то ни было знаковъ. Одно лицо, напримѣръ, думаетъ о другомъ, находящемся отъ него за тысячу верстъ, а это другое, въ ту же самую минуту, внезапно вспоминаетъ объ отсутствующемъ и проникается его мыслью, иногда даже видитъ до мельчайшихъ подробностей ту обстановку, въ которой онъ находится—какъ бы смотритъ его глазами. Такое же смотрѣніе чужими глазами, проникновеніе въ чужую мысль можетъ совершаться и на близкомъ разстояніи—одинъ человѣкъ, молча и безъ всякихъ знаковъ, передаетъ другому свои идеи или воспоминанія, которыхъ этотъ другой никакимъ образомъ предварительно знать не могъ; что такіе случаи бываютъ—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Извѣстный астрономъ Фламмаріонъ собралъ ихъ множество въ своей книгѣ «О неизвѣданномъ», да и вообще, надо думать, рѣдко найдется человѣкъ, которому не приходилось бы испытывать чего-нибудь подобнаго или, по крайней мѣрѣ, слышать разсказы о такихъ случаяхъ. Надо признаться, однако жъ, что большинство личныхъ опытовъ въ этомъ отношеніи слишкомъ блѣдны и неопредѣленны, а большинство разсказовъ, даже у Фламмаріона, въ высшей степени недостовѣрны. Вѣдь для того, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности передачи мысли на разстояніи, или вообще безъ посредства слова, нужно, чтобы эта передача совершалась какъ въ безпроволочномъ телеграфѣ, то есть, чтобы полученіе депеши состоялось послѣ ея отправки, чтобы она была передана по возможности точно; чтобы получатель дѣйствительно не имѣлъ никакой возможности заранѣе знать ея содержаніе; чтобы передача происходила всякій разъ, когда отправитель и получатель того пожелаютъ и проч. А, между тѣмъ, даже въ случаяхъ, собранныхъ Фламмаріономъ, точное обозначеніе даты весьма часто совсѣмъ отсутствуетъ; иногда даже мысль оказывается полученной раньше, чѣмъ была послана и даже совсѣмъ въ другомъ видѣ. Наконецъ, не каждому же разсказчику можно вѣрить на слово, хотя бы онъ и былъ завѣдомо добросовѣстенъ, такъ какъ и вполнѣ добросовѣстнымъ, но экспансивнымъ, импульсивнымъ людямъ, одареннымъ богатой фантазіей, свойственно преувеличивать, разукрашивать и подтягивать свои ощущенія подъ излюбленное вѣрованіе. А, между тѣмъ, большинство разсказовъ о случаяхъ телепатіи даже анонимны — мы не знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

Вообще изслѣдованіе естественныхъ телепатическихъ явленій поставлено совсѣмъ не научно, а тамъ, гдѣ его пробовали поставить на научную почву—при опытахъ искусственной телепатіи, напримѣръ, при экспериментальномъ чтеніи мыслей—оно въ большей части случаевъ давало отрицательные результаты (какъ въ опытахъ Ганзена и Лемана съ концентрированіемъ психическихъ лучей вогнутыми зеркалами)—удача получилась только въ 789 случаяхъ изъ 2.997, то есть въ 26%, а это почти не выходитъ изъ предѣловъ возможности случайнаго совпаденія, вычисленнаго по теоріи вѣроятностей. Что касается естественной телепатіи, то даты ея, какъ оказывается изъ статистической сводки данныхъ, совпадаютъ лишь въ одномъ случаѣ изъ сорока трехъ, то есть мы имѣемъ всего только 2% удачи, остальные же 98% совсѣмъ не могутъ идти въ счетъ. Да еще слѣдуетъ помнить, что, при экспериментальномъ чтеніи мыслей, опыты производятся обыкновенно на какихъ-нибудь пустякахъ, въ родѣ угадыванія картъ или какихъ-нибудь несложныхъ желаній передатчика—встать со стула, выйдти изъ комнаты и проч. Это вѣдь даже и нельзя назвать мыслями.

Точныхъ данныхъ, слѣдовательно, говорящихъ за возможность передачи мыслей и чувствъ на разстояніи, слишкомъ еще мало собрано, а между тѣмъ мы уже поспѣшили создать гипотезу, объясняющую эту возможность: психическая энергія, подобно прочимъ міровымъ энергіямъ, признана лучистою, распространяющейся во всѣ стороны въ видѣ особой формы колебаній эѳира или чего другого, дѣйствующихъ на разстояніи, какъ свѣтъ, тепло, электричество и проч.

Теорія соблазнительная, что̀ и говорить. Можетъ быть, даже вѣрная. Но для полнаго ея признанія не только не хватаетъ данныхъ, а можно сказать, что ихъ почти совсѣмъ еще нѣтъ, да и долго не будетъ, такъ какъ телепатическіе факты, подобно спиритическимъ, весьма легко и охотно поддѣлываются, отчасти—ради краснаго словца, отчасти—въ силу лживости, присущей истерическимъ и нервнымъ субъектамъ, преимущественно обладающимъ телепатическими способностями, а отчасти прямо изъ личной

Digitized by Google

выгоды—кто же не помнитъ профессіональныхъ «отгадывателей мысли», получившихъ за это немалыя деньги!

И опять таки это очень жаль, такъ какъ яркіе и вполнѣ достовѣрные случаи передачи мыслей безъ посредства слова дѣйствительно существуютъ. Есть такіе и у Фламмаріона, встрѣчаются они и въ жизни. А что̀ касается преднамѣреннаго чтенія мыслей, то оно на всякомъ шагу попадается въ этой послѣдней. Каждый изъ насъ, въ большей или меньшей степени, «чувствуетъ» настроеніе своего собесѣдника и часто безъ всякихъ указаній съ его стороны понимаетъ его мысли съ замѣчательной точностью. Къ сожалѣнію, такого рода факты рѣдко могутъ быть засвидѣтельствованы и провѣрены, каждый знаетъ ихъ лишь для себя самого.

Послѣднимъ, въ ряду современныхъ полумистическихъ ученій, стоитъ гипнотизмъ, проявленія котораго несомнѣнно существуютъ, изучены лучше другихъ, и едва-ли не лежатъ въ основѣ какъ телепатіи, такъ, въ особенности, и спиритизма.

Гипнозомъ, въ узкомъ смыслѣ слова, называется особое состояніе организма, искусственно въ немъ вызываемое, похожее на сонъ, но отличающееся отъ послѣдняго сохраненіемъ способности видѣть, слышать, говорить, двигаться, подчиняясь не своей, а чужой волѣ, чужой мысли, постороннему внушенію — полный параличъ высшихъ центровъ сознанія, сопровождаемый обостреніемъ или тоже параличемъ внѣшнихъ чувствъ. Въ широкомъ смыслѣ слова гипнозъ есть именно временное безволіе, отрѣшеніе въ чью-либо пользу отъ собственной воли и даже разума, при высокой степени развитія обусловливающее чисто рефлекторное существованіе, при которомъ личность превращается въ простое орудіе того, кто сумѣетъ завладѣть ею—въ автомата, безсознательно совершающаго тѣ движенія, къ которымъ онъ приспособленъ.

Собственно говоря всякій эффектъ, всякое сильное впечатлѣніе, всякій актъ, угнетающій и парализующій высшіе центры сознанія или направляющій ихъ дѣятельность на одну точку—сильный гнѣвъ, испугъ, внезапная радость, глубокая дума—превращаютъ личность въ автомата, неспособнаго не только реагировать на болѣе слабыя внѣшнія впечатлѣнія, но даже и замѣчать ихъ, однако же такой автоматизмъ нельзя назвать гипнотическимъ, потому что при немъ личная воля работаетъ хотя односторонне и полусознательно, но усиленно, тогда какъ въ гипнозѣ она парализуется прежде всего и парализуется именно вліяніемъ чужой воли. Гипнозомъ, напримѣръ, можно назвать тѣ безпрестанно, въ жизни, встрѣчающіеся случаи, при которыхъ одна личность—не во снѣ и на яву, оставаясь съ виду вполнѣ нормальной—подчиняется волевому давленію другой и нехотя исполняетъ ея приказанія, безъ всякихъ соображеній, безъ всякихъ иныхъ мотивовъ кромѣ полной невозможности противустоять имъ, полнаго психическаго безсилія. Благодаря неравному развитію воли у разныхъ личностей, такіе случаи встрѣчаются въ жизни безпрестанно и только не замѣчаются нами по своей мелочности. Нѣтъ, собственно говоря, двухъ близкихъ другъ къ другу людей, изъ которыхъ одинъ не подчинялся бы нравственно другому, не смотрѣлъ бы на все его глазами, не исполнялъ бы, противъ воли, его приказаній. Встрѣчаются, однако жъ, исключительныя личности, въ высокой степени одаренныя способностью повелѣвать, внушать свою волю не только близкимъ и зависимымъ отъ нихъ людямъ, но и первому встрѣчному. Изъ такихъ людей вырабатываются пророки и вожди человѣчества, ведущіе его къ добру или къ худу. Одинъ взглядъ такихъ людей, одно ихъ слово, парализуютъ волю не только отдѣльныхъ субъектовъ, а и цѣлой толпы. Но именно взглядъ и слово—вообще внѣшній видъ, личное воздѣйствіе, а не сила убѣжденія. Переданное другимъ человѣкомъ ихъ приказаніе можетъ не оказать никакого вліянія. Въ исторіи человѣчества мы встрѣчаемъ много такихъ личностей. Къ ихъ числу принадлежали, вѣроятно, Моисей, всѣ ветхозавѣтные пророки, Александръ Македонскій, Магометъ, Савонарола и проч. Двѣ такихъ личности, передъ взглядомъ которыхъ невольно потупились всѣ взоры, могутъ почти считаться нашими современниками; это личности—Наполеонъ I и императоръ Николай Павловичъ.

Если вліяніе такихъ людей, какъ послѣдніе двое, можно, пожалуй, попытаться объяснить ихъ общественнымъ положеніемъ (что̀ было бы несправедливо, такъ какъ другія лица, въ томъ же положеніи находив-

Digitized by Google

шіяся, такого вліянія не производили), то нельзя этимъ объяснить авторитета ветхозавѣтныхъ пророковъ, Савонаролы, такихъ людей, какъ Суворовъ, Скобелевъ, Багратіонъ.

Нельзя объяснить ихъ вліянія и разумностью, логической убѣдительностью ихъ мысли и слова, такъ какъ то и другое, будучи изложено на бумагѣ или передано другими лицами, если и произведетъ впечатлѣніе, то лишь въ томъ случаѣ, когда авторитетъ ихъ уже установился, да и то гораздо болѣе слабое. Просто самая внѣшность такихъ людей—ихъ осанка, взглядъ, жесты—дѣйствуютъ неотразимо покоряющимъ образомъ.

Скорѣе все это можно объяснить сильнымъ развитіемъ воли, опирающейся на глубокую и несокрушимую вѣру въ какіе-либо отвлеченные принципы, а иногда даже просто въ самого себя. «Ты везешь Цезаря и его счастіе!» Такія фразы могутъ дѣйствовать, какъ внушеніе лишь въ томъ случаѣ, когда за ними стоитъ непоколебимая увѣренность въ справедливости сказаннаго, подчиняющаго разумъ и волю слушателей. На чемъ такая увѣренность основана—это рѣшительно все равно, лишь бы она была искренна и непоколебима. Люди, ею обладающіе, всегда подчиняютъ себѣ прочихъ, парализуя ихъ волю, при чемъ мы имѣемъ несомнѣнное внушеніе на яву, которое можетъ быть благодѣтельнымъ для внушаемаго или вреднымъ для него, смотря по характеру, совѣсти и стремленіямъ того, кто внушаетъ. Но оно во всякомъ случаѣ вполнѣ естественно и, такъ сказать, законно, потому что сила солому всегда ломила и всегда ломить будетъ, не прибѣгая для этого ни къ какимъ ухищреніямъ и окольнымъ путямъ.

Не то мы видимъ при гипнозѣ собственно такъ называемомъ, то есть при гипнотическомъ снѣ, произведенномъ искусственно и преднамѣренно.

Надо замѣтить, что такой сонъ можетъ быть вызываемъ не только волею или приказаніями экспериментатора, но и разными матеріальными воздѣйствіями на внѣшнія чувства и воображеніе усыпляемаго—пассами, прикосновеніями, фиксаціей взгляда на какомъ-нибудь блестящемъ предметѣ или на глазахъ гипнотизера и проч. Нѣчто подобное такому сну можетъ являться даже самопроизвольно (какъ, напримѣръ, въ лунатизмѣ) или быть вызвано стараніями самого усыпляемаго (индійскіе факиры, напримѣръ, вызываютъ его пристальнымъ и продолжительнымъ смотрѣніемъ на свой пупокъ или безконечнымъ повтореніемъ священнаго слова «ом»), съ тою только разницей, что въ послѣднихъ двухъ случаяхъ воля спящаго не такъ легко подчиняется (а иногда и совсѣмъ не подчиняется) постороннимъ внушеніямъ.

Пользуясь вышеупомянутыми воздѣйствіями, поэтому, при экспериментальномъ гипнотизмѣ, и безсиліе иногда можетъ побѣдить силу, истощивъ ее предварительно на борьбу съ собственнымъ воображеніемъ и усыпляющими матеріальными впечатлѣніями, при необычной, мистической, дѣйствующей на нервы обстановкѣ, что̀ уже совсѣмъ неестественно и незаконно. Человѣкъ, слывущій гипнотизеромъ, то есть способнымъ подчинять себѣ чужую волю, а часто и дѣйствительно обладающій нужной для того самоувѣренностью, прибѣгая къ этимъ побочнымъ воздѣйствіямъ, при полной тишинѣ и въ полусвѣтѣ, утомляетъ волю и разумъ паціента, усыпляетъ ихъ, наконецъ, а затѣмъ производитъ внушенія—превращаетъ усыпленнаго въ свое орудіе, заставляетъ его видѣть своими глазами и выполнять свои приказанія.

Такое подчиненіе воли достигаетъ иногда крайней степени—гипнотизированный субъектъ можетъ быть доведенъ до полной потери чувствительности, до летаргіи, каталепсіи, до полнаго измѣненія личности, до такъ называемаго ясновидѣнія. При помощи внушенія и самовнушенія можно даже произвести физическія измѣненія въ организмѣ—вызвать, напримѣръ, всѣ явленія обжога или раненія (Луиза Лато съ ея стигматами). Понятно, что все это можно сдѣлать не со всякимъ, а только съ людьми исключительно нервными, слабовольными и наклонными къ мистицизму, каковыхъ, среди населенія, по приблизительному разсчету, оказывается около восемнадцати процентовъ. Однако жъ и лицъ, совершенно не подчиняющихся гипнозу—такъ называемыхъ «рефрактэровъ»—имѣется тоже не болѣе восемнадцати процентовъ, такъ что все-таки большая часть человѣчества (60%) въ разной степени ему подвластна.

Digitized by Google

Само собой понятно, разумѣется, что такое подчиненіе чужой волѣ, такое искусственное потрясеніе нервной системы и психики человѣка не можетъ быть полезнымъ для его организма, не говоря уже про цѣли—можетъ быть преступныя—съ которыми оно производится. Понятна, поэтому, и забота правительствъ объ огражденіи народа отъ увлеченія гипнотизмомъ вообще и отъ злонамѣренныхъ гипнотизеровъ въ особенности.

Научное изслѣдованіе гипнотизма, однако жъ, въ больницахъ и клиникахъ продолжается безпрепятственно, и врачи, не безъ пользы, примѣняютъ гипнозъ къ лѣченію многихъ нервныхъ болѣзней, искорененію дурныхъ привычекъ, даже къ анэстезіи при операціяхъ.

О томъ, что̀ такое, въ сущности, гипнотизмъ, какимъ образомъ производится расщепленіе, такъ сказать, психическихъ способностей на высшія и низшія, законодательныя и исполнительныя, при угнетеніи первыхъ и обостреніи послѣднихъ; какимъ образомъ эти послѣднія становятся слугами чужой мысли и воли; какую роль играетъ при этомъ чужая воля и абсолютно ли она необходима для произведенія гипноза—говорить еще рано, такъ какъ мы ничего этого не знаемъ. Факты говорятъ лишь слѣдующее: разумъ и воля большей части людей, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть въ большей или меньшей степени парализованы, при чемъ всѣ остальныя психическія способности, также какъ внѣшнія чувства, или остаются неизмѣненными и служатъ чужому разуму, чужой волѣ, какъ здоровыя, или извращаются болѣе или менѣе какъ въ сторону ослабленія, такъ и въ сторону обостренія; при ослабленіи дѣло доходитъ несомнѣнно до ложныхъ ощущеній, галлюцинаціи, летаргіи и каталепсіи, а при обостреніи—до угадыванія мыслей на разстояніи, чтенія запечатанныхъ писемъ, вообще явленій такъ называемаго ясновидѣнія, хотя факты подобнаго рода очень рѣдки и ихъ нельзя считать вполнѣ достовѣрными, не смотря на ручательство такихъ авторитетовъ, какъ Шарль Рише (обманъ, въ этомъ случаѣ, очень соблазнителенъ, истерички къ нему весьма склонны, а обмануть можно кого угодно). Несомнѣнно, между прочимъ, и то, что внушенія, сдѣланныя субъекту, погруженному въ гипнотическій сонъ, невольно и безсознательно исполняются имъ потомъ на-яву, хотя опять-таки далеко не всегда такъ бываетъ, а если и бываетъ, то на добрую совѣсть истерическихъ субъектовъ (съ которыми такіе опыты только и возможны) трудно положиться—трудно вѣрить, чтобы они дѣйствительно выполняли сдѣланныя имъ внушенія невольно и безсознательно, въ особенности когда дѣло касается преступныхъ и вообще яркихъ, красивыхъ (льстящихъ тщеславію) поступковъ.

Что̀ касается условій, при которыхъ гипнозъ возможенъ, то они довольно разнообразны. Чаще всего гипнотизація удается въ тишинѣ, при сравнительной темнотѣ, мистическомъ настроеніи усыпляемаго, вѣрѣ его въ могущество гипнотизера (при полномъ отсутствіи такой вѣры усыпить весьма трудно) и при тѣхъ вспомогательныхъ физическихъ воздѣйствіяхъ, о которыхъ сказано выше. Вообще отсутствіе или монотонность впечатлѣній содѣйствуетъ гипнотизаціи, а обиліе и разнообразіе ихъ препятствуетъ. Настроеніе усыпляемаго и большая или меньшая энергичность его характера играютъ, однако жъ, при этомъ главную роль, равно какъ и самоувѣренность гипнотизера.

Извѣстны, впрочемъ, факты внушенія наяву, не въ тишинѣ и темнотѣ, а днемъ и на улицѣ, при томъ не одному человѣку, а цѣлой толпѣ. Путешественники по Индіи и Египту единогласно увѣряютъ, по крайней мѣрѣ, что тамошніе уличные фокусники продѣлываютъ положительныя чудеса, внушая зрителямъ самыя сложныя галлюцинаціи. На глазахъ толпы, напримѣръ, они будто бы заколачиваютъ кому-нибудь гвозди въ голову или рѣжутъ ребенка, при чемъ кровь брызжетъ струею, отрѣзанные члены разбрасываются по землѣ, а спустя минуту, все исчезаетъ, и ребенокъ оказывается невредимымъ. Вся толпа ясно это видитъ (покойный нашъ путешественникъ, докторъ Елисѣевъ, разсказывалъ мнѣ это, какъ очевидецъ), между тѣмъ на фотографіи, снятой въ то же время съ фокусника, онъ оказывается покойно стоящимъ, со сложенными на груди руками. Все это мыслимо, конечно, особенно въ виду крайней впечатлительности и импульсивности народной толпы на Востокѣ, но любопытно бы было испытать силу индійскихъ гипнотизеровъ на нашей сѣверной, хладнокровной и скептически настроенной толпѣ. Она, впрочемъ, тоже повременамъ способна галлюцинировать, хотя и при особымъ образомъ настраивающей обстановкѣ. Я помню,

Digitized by Google

напримѣръ, какъ во время холеры 1852 (кажется) года, бабы, опахивавшія [1]) одну деревню въ средней Россіи, всѣ ясно видѣли «самое холеру» въ образѣ голой и простоволосой «дѣвки», мчавшейся по воздуху. Дѣвку эту онѣ загнали будто бы въ сарай священника, но найти ее тамъ не могли. Какъ нарочно, у священника на другой день умеръ отъ холеры работникъ...

Какъ бы то ни было, возможность дѣлать внушенія, вызывать галлюцинаціи и производить разныя чудеса при помощи гипноза (у нашего народа это весьма мѣтко называется «отводить глаза»), не подлежитъ никакому сомнѣнію. А разъ это такъ, разъ мы встрѣчаемъ нѣчто вполнѣ достовѣрное среди якобы фактовъ современной мистики, то мы имѣемъ полное право заподозрить эти факты въ близкомъ родствѣ съ гипнотическими галлюцинаціями. Что̀ можетъ быть вѣроятнѣе, въ самомъ дѣлѣ, какъ появленіе такихъ галлюцинацій зрѣнія и слуха въ кружкѣ вѣрующихъ спиритовъ (хотя бы они были знаменитыми учеными), засѣдающемъ въ темной комнатѣ, иногда при тихой, монотонной музыкѣ, при общемъ мистическомъ настроеніи, да еще подъ руководствомъ опытнаго гипнотизера (а можетъ быть и обманщика)-медіума? Недаромъ, спиритическіе сеансы почти никогда не удаются въ присутствіи скептиковъ, не поддающихся общему настроенію [2]). Недаромъ также никогда они не удавались при научной обстановкѣ и никогда не давали ничего достойнаго тѣхъ «духовъ», которые будто бы на нихъ присутствуютъ. Спириты, правда, объясняютъ это тѣмъ, что для всякаго опыта нужна спеціальная обстановка и что не всѣ духи серіозно относятся къ дѣлу, а есть между ними и шутники и обманщики. Но вѣдь этакъ все объяснить можно. Бабы, опахивавшія деревню, и видѣвшія «самое холеру», могли бы сказать скептику, который узналъ бы въ этой холерѣ простое отраженіе огня на туманѣ, что главное условіе удачи опыта состоитъ въ томъ, чтобы самому быть деревенской бабой и, находясь въ мистическомъ настроеніи, бѣгать ночью, съ факеломъ, по полю. Это была бы правда, но такая правда нисколько не ручалась бы за реальность явленія.

Вотъ, значитъ, къ чему сводится, по моему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію, современная мистика. Къ тому же, то есть отчасти—къ обману, а отчасти—къ гипнозу, внушенію и самовнушенію, сводится, вѣроятно, и старая мистика, съ ея колдунами, лѣшими, домовыми и упырями. Я видалъ деревенскихъ колдуновъ и колдуній или, по крайней мѣрѣ, лицъ, слывшихъ таковыми. Колдунъ (въ Тамбовской губерніи) оказался старикомъ мрачнаго облика, съ глубокими черными глазами, пристальный взглядъ которыхъ дѣйствительно трудно было выдержать даже мнѣ, скептику. Судя по разсказамъ, которые о немъ ходили, надо думать, что старикъ этотъ былъ демономанъ, искренно вѣрившій въ свои близкія отношенія къ «нечистому», котораго видалъ, должно быть, неоднократно и силою котораго—то есть своей вѣрою въ эту силу—творилъ всевозможныя чудеса. Что̀ касается колдуньи (въ Тульской губерніи), то я ее зналъ довольно близко; это была просто хитрая и пронырливая старуха — знахарка, типа Матрены изъ «Власти Тьмы».

Итакъ, что̀ же, значитъ «ларчикъ просто открывался», и всякая мистика есть непремѣнно суевѣріе или обманъ? Нѣтъ въ мірѣ ничего навѣки непостижимаго, ничего такого, передъ чѣмъ бы умъ человѣческій отступилъ со страхомъ, вѣрою и благоговѣніемъ?

Будучи скептикомъ по отношенію къ ходячимъ мистическимъ вѣрованіямъ, старымъ и новымъ, я этого не думаю. Я, напротивъ того, глубоко убѣжденъ, что вселенная полна тайнъ, навсегда неразрѣшимыхъ для ума человѣческаго, а въ то же время не только вліяющихъ на судьбу человѣка, но и прямо ее обусловливающихъ. Я убѣжденъ, что мы сами себя не знаемъ и никогда не узнаемъ. Я убѣжденъ, что вселенная есть нѣчто цѣлое, въ которомъ всѣ части необходимы и тѣсно другъ съ другомъ связаны, такъ что никакая изъ нихъ не можетъ избавиться отъ вліянія всѣхъ остальныхъ, а между тѣмъ ни знать этихъ остальныхъ, ни постичь ихъ взаимныя отношенія не можетъ, потому что безконечное непостижимо для конечнаго. Я убѣжденъ, что знаніе человѣческое, по-

[1]) Опахиванье, производимое кое-гдѣ и теперь, совершается ночью. Бабы, въ однѣхъ рубашкахъ, впрягаются въ соху и съ горящими лучинами въ рукахъ проводятъ борозду вокругъ всей деревни.

[2]) При мнѣ, напримѣръ, они никогда не удавались, а я продѣлалъ, такъ сказать, цѣлый курсъ спиритизма, подъ руководствомъ только-что скончавшагося А. Н. Аксакова и съ такимъ медіумомъ, какъ Эглингтонъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ МИСТИЧЕСКІЯ УЧЕНІЯ.

(спиритизмъ, телепатія и гипнотизмъ).

Человѣкъ, какъ существо во всѣхъ отношеніяхъ конечное, но живущее среди вселенной, во всѣхъ отношеніяхъ безконечной, не только не можетъ познать ее въ ея цѣломъ—которое даже умственному его оку недоступно—но не можетъ вполнѣ охватить глазомъ и тѣ явленія, которыя, казалось бы, совершаются въ полѣ физическаго его зрѣнія. Дѣло въ томъ, что эти явленія суть тоже вселенскія, а потому человѣческому зрѣнію доступна лишь минимальная часть цикла, ими проходимаго. Мы достаточно подробно изучили, напримѣръ, такъ называемыя міровыя энергіи — свѣтъ, тепло, электричество и проч., но мы изучили только ихъ роль въ экономіи земной природы, да и то не вполнѣ (рентгеновскіе, катодные и герцевскіе лучи вчера только открыты; кто же знаетъ, что̀ можетъ быть открыто завтра?), а о роли ихъ во вселенной и вовсе никакого понятія имѣть не можемъ. Какая судьба, напримѣръ, постигаетъ тепло и свѣтъ нашего Солнца, разсѣивающіеся въ межпланетныхъ пространствахъ? Ограниченное количество энергіи, расходясь по безграничной вселенной, не приравнивается ли къ нулю и не теряется ли безслѣдно?

Вообще о вселенской роли нашихъ земныхъ явленій мы можемъ судить лишь по аналогіи и съ гораздо меньшей степенью вѣроятности, чѣмъ о существѣ и судьбѣ кометъ, незначительную часть орбиты которыхъ наблюдаемъ непосредственно.

Подобнымъ же образомъ неполно и всяческое наше знаніе. Мы знаемъ законы тяготѣнія, управляющіе сложными движеніями солнечной системы, но не можемъ объяснить этими законами ея стремленія къ созвѣздію Геркулеса; мы знаемъ законы химическаго сродства, но о причинахъ его понятія не имѣемъ; мы знаемъ законы, управляющіе органической жизнью на землѣ, но ни начала этой жизни, ни предстоящаго ей конца, ни возможнаго продолженія ея въ обѣ стороны (до начала и послѣ конца) даже представить себѣ не въ состояніи. Да и всѣхъ свойствъ организованнаго существа — будь это мы сами—изучить еще не успѣли и едва ли когда-нибудь изучимъ, такъ какъ, вѣдь, жизнь тоже, подобно всему существующему, есть явленіе вѣчное, вселенское, а человѣкъ есть лишь мелкое, временное, частичное ея проявленіе.

Благодаря такому несовершенству своихъ познавательныхъ способностей и недостаточности положительнаго знанія, человѣкъ съ незапамятныхъ временъ дополнялъ послѣднее вѣрою, которая, будучи по необходимости плохо обоснована, весьма часто превращалась въ суевѣріе. Сознавая, напримѣръ, свою зависимость отъ различныхъ грозныхъ явленій природы, причину которыхъ понять

Digitized by Google

былъ не въ состояніи, первобытный человѣкъ воплотилъ и обожествилъ силы, обусловливающія эти явленія; испытывая, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, безпричинный и безотчетный страхъ, онъ подыскалъ ему причины; населилъ рѣки—русалками, лѣса—лѣшими, кладбища—упырями.

По мѣрѣ расширенія положительнаго знанія, всѣ эти суевѣрія разсѣивались, конечно, но такъ какъ причины, ихъ породившія: сознаніе своей зависимости отъ чего-то неизвѣстнаго, своей связи съ непостижимой вселенною въ ея цѣломъ, наконецъ—безотчетный страхъ и безотчетное благоговѣніе—оказываются неистребимыми (величайшіе скептики и серіознѣйшіе ученые испытываютъ все это при подходящихъ условіяхъ), а объяснить ихъ нечѣмъ, то взамѣнъ разсѣявшихся суевѣрій возникаютъ новыя, съ виду болѣе научныя, но въ сущности столь же неосновательныя.

Къ числу такихъ новыхъ суевѣрій принадлежитъ, между прочимъ, спиритизмъ, гипнотизмъ, телепатія и проч., въ особенности первый.

О томъ, что̀ такое спиритизмъ, я говорить не стану, такъ какъ это болѣе или менѣе всѣмъ извѣстно. Немногіе, однако же, выработали себѣ опредѣленное о немъ мнѣніе. Значительная часть образованныхъ людей (до народа онъ пока еще не дошелъ, кажется), вмѣстѣ со Л. Н. Толстымъ и профессоромъ Менделѣевымъ, смотрятъ на него какъ на пустую забаву — съ одной стороны, и какъ на шарлатанскій способъ наживать деньги—съ другой. Небольшая кучка адептовъ, напротивъ того, вѣруетъ въ него какъ въ откровеніе, и къ этой кучкѣ принадлежатъ такіе, напримѣръ, несомнѣнно искренніе и ученые люди, какъ Уоллесъ, Круксъ, Н. П. Вагнеръ, покойный Бутлеровъ и проч. А большинство, колеблящіеся между этими крайними мнѣніями, не знаетъ, кому вѣрить и что̀ думать о спиритизмѣ.

Уже изъ такого распаденія публики на два крайніе лагеря, не только не успѣвшіе хоть сколько-нибудь примириться, но все болѣе и болѣе расходящіеся въ теченіе пятидесяти лѣтъ (впервые спиритизмъ привлекъ къ себѣ общее вниманіе въ 1848 г.), можно безошибочно заключить, что спиритическія явленія, буде они существуютъ, вполнѣ субъективны, то-есть обусловливаются субъективными ощущеніями, не поддающимися объектизаціи, хотя, можетъ быть, и вполнѣ реальными.

Въ самомъ дѣлѣ, не распадается же общество на два лагеря по поводу признанія дѣйствительности не только такихъ явленій, какъ восходъ и заходъ солнца, дождь, вѣтеръ и проч., которыя сами по себѣ очевидны, но даже и такихъ, которыя могутъ быть сдѣланы очевидными при помощи подходящихъ приспособленій, каковы напримѣръ: расширеніе тѣлъ отъ теплоты, вращеніе земли вокругъ оси, разложеніе воды на кислородъ и водородъ и проч. Если же явленіе не очевидно и никоимъ образомъ не можетъ быть сдѣлано очевиднымъ для всякаго (какъ это было съ явленіями спиритическими, при научной обстановкѣ никогда не удававшимися), то оно или совсѣмъ не существуетъ, а только искусно поддѣлывается, или существуетъ лишь для извѣстныхъ лицъ, то-есть основано на субъективныхъ ощущеніяхъ истинныхъ или ложныхъ. Въ первомъ случаѣ ему долженъ соотвѣтствовать реальный объектъ, ощутимый только для даннаго субъекта, благодаря особой остротѣ чувствъ послѣдняго, а во второмъ случаѣ дѣло сводится на иллюзію, то-есть на ощущенія мнимыя, зависящія отъ разстройствъ въ нервной системѣ субъекта и никакой реальной основы во внѣшнемъ мірѣ не имѣющія.

Къ какой изъ этихъ двухъ категорій слѣдуетъ причислить спиритическія явленія—сказать трудно. Съ одной стороны, имена крупныхъ ученыхъ, раздѣляющихъ спиритическія вѣрованія, какъ бы ручаются за то, что явленія, на которыхъ эти вѣрованія опираются, дѣйствительно реальны, хотя и доступны только для небольшого количества лицъ, обладающихъ особенно чувствительной нервной организаціей; но съ другой стороны невозможность хотя бы побочнымъ путемъ сдѣлать ихъ очевидными для всякаго, а самое главное—та, въ высшей степени подозрительная обстановка, которою окружаютъ себя спириты во время опытовъ, заставляютъ считать спиритическія явленія иллюзіей, если не чѣмъ-либо похуже.

Въ самомъ дѣлѣ, какой бы тонкой нервной организаціей ни обладали люди, способные воспринимать эти явленія, цѣлесообразно задуманный физическій аппаратъ всегда окажется еще болѣе способнымъ воспринять ихъ. Какъ бы ни было остро зрѣніе кочевника—телескопъ, микроскопъ и фотографи-

Digitized by Google

ческая пластинка всегда будутъ острѣе его; какъ бы ни былъ точенъ глазомѣръ привыкшаго имъ пользоваться человѣка, а мѣрительные инструменты всегда окажутся точные. Трудно допустить, поэтому, чтобъ какое бы то ни было реальное явленіе, улавливаемое внѣшними чувствами хотя бы исключительно нервныхъ людей, не могло быть уловлено подходящимъ инструментомъ. Правда, чисто психическія явленія—любовь, ненависть, мысль, воспоминанія—не смотря на свою реальность, никакими инструментами не улавливаются, но зато всѣ они и не матеріальны, а происходятъ только въ психической сферѣ человѣка, почему въ параллель съ явленіями спиритическими, доступными внѣшнимъ чувствамъ, поставлены быть не могутъ, если только послѣднія не представляютъ собой чистой иллюзіи, достигающей, можетъ быть, изумительной яркости (подобно нѣкоторымъ снамъ, галлюцинаціямъ, ложнымъ ощущеніямъ сумасшедшихъ, внушеннымъ идеямъ и проч.).

Къ числу такихъ иллюзій, развивающихся подъ вліяніемъ внушенія и самовнушенія, по всей вѣроятности, должны быть отнесены (пока такъ или иначе не станутъ очевидными для всѣхъ) и тѣ спиритическія явленія, дѣйствительность которыхъ засвидѣтельствована такими искренними людьми и опытными наблюдателями, каковы вышеупомянутые ученые и многіе другіе изъ записныхъ спиритовъ.

Нечего и говорить, конечно, что такого рода иллюзіи, да еще коллективныя, сами по себѣ, независимо отъ всякихъ теоретическихъ объясненій и гипотезъ, представляли бы собою очень важный и интересный психологическій фактъ, если бы въ дѣло спиритизма, какъ выше сказано, не вмѣшивались нѣкоторыя весьма подозрительныя обстоятельства, мѣшающія считать этотъ фактъ достовѣрнымъ.

Всѣмъ извѣстно, что для успѣха спиритическихъ шансовъ необходимъ, во-первыхъ—медіумъ, то-есть такой, въ большей части случаевъ, человѣкъ, на добрую совѣсть котораго весьма трудно положиться, а во-вторыхъ, необходима обстановка, благопріятствующая не только развитію галлюцинацій но и... обману, фокусничеству, шарлатанству, въ которыхъ медіумы были слишкомъ часто уличаемы. Вотъ это-то фокусничество и лишаетъ вопросъ всякаго интереса. Кому, въ самомъ дѣлѣ, охота играть роль шута и тратить время на серіозное изслѣдованіе явленій, которыя въ большинствѣ случаевъ оказывались простыми фокусами и при томъ весьма пошлыми? По нашему мнѣнію, на искренныхъ и добросовѣстныхъ спиритахъ лежитъ прямая обязанность самимъ распутать это дѣло, столь дорогое ихъ сердцу, самимъ указать, гдѣ въ немъ ложь, и гдѣ правда, самимъ поднести міру эту правду въ видѣ облупленнаго яичка. Тѣ изъ нихъ, которые знакомы съ методами изслѣдованія, принятыми въ точныхъ наукахъ, знаютъ, какъ это сдѣлать. Они знаютъ, что прежде чѣмъ создавать гипотезы, основанныя на данныхъ фактахъ, нужно, чтобы факты-то эти были дѣйствительно даны, дѣйствительно достовѣрны, да не для нихъ однихъ только—всякому галлюцинирующему или ловко обманутому человѣку свойственно вѣрить въ дѣйствительность того, что онъ своими глазами видѣлъ, а для всего свѣта. Пока же они этого не сдѣлали, пока они намъ, скептикамъ, ничего достовѣрнаго не показали, мы имѣетъ право считать спиритизмъ отчасти фокусничествомъ профессіональныхъ медіумовъ и шалостью непрофессіональныхъ (какъ это часто оказывалось), а отчасти — галлюцинаціями, основанными на внушеніи и самовнушеніи, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Вотъ это все, что, по нашему мнѣнію, можно сказать о спиритическихъ опытахъ. Что же касается спиритической вѣры—тѣхъ гипотезъ, которыя придумываются для объясненія спиритическихъ явленій, то ихъ прямо слѣдуетъ назвать суевѣріемъ, вполнѣ аналогичнымъ старой вѣрѣ въ колдуновъ, домовыхъ, лѣшихъ и проч. Если въ основѣ этихъ суевѣрій и лежитъ крупица правды, состоящей въ томъ, что на свѣтѣ есть многое, что и не снилось нашимъ мудрецамъ (а она въ нихъ несомнѣнно лежитъ, иначе суевѣрія не держались бы такъ долго, смѣняясь одно другимъ), то слишкомъ поспѣшное и легкомысленное обращеніе съ этой правдой только вредитъ ея открытію, что очень жаль, конечно.

Почти тоже можно сказать и о телепатіи и о чтеніи мысли, такъ какъ и по отношенію къ нимъ мы слишкомъ поспѣшили съ выводами и гипотезами.

Телепатіей, какъ извѣстно, называется передача мыслей и чувствъ на большомъ разстояніи, а чтеніемъ мыслей—передача ихъ

Digitized by Google

вблизи, но во всякомъ случаѣ безъ посредства слова или какихъ бы то ни было знаковъ. Одно лицо, напримѣръ, думаетъ о другомъ, находящемся отъ него за тысячу верстъ, а это другое, въ ту же самую минуту, внезапно вспоминаетъ объ отсутствующемъ и проникается его мыслью, иногда даже видитъ до мельчайшихъ подробностей ту обстановку, въ которой онъ находится—какъ бы смотритъ его глазами. Такое же смотрѣніе чужими глазами, проникновеніе въ чужую мысль можетъ совершаться и на близкомъ разстояніи—одинъ человѣкъ, молча и безъ всякихъ знаковъ, передаетъ другому свои идеи или воспоминанія, которыхъ этотъ другой никакимъ образомъ предварительно знать не могъ; что такіе случаи бываютъ—въ этомъ нельзя сомнѣваться. Извѣстный астрономъ Фламмаріонъ собралъ ихъ множество въ своей книгѣ «О неизвѣданномъ», да и вообще, надо думать, рѣдко найдется человѣкъ, которому не приходилось бы испытывать чего-нибудь подобнаго или, по крайней мѣрѣ, слышать разсказы о такихъ случаяхъ. Надо признаться, однако жъ, что большинство личныхъ опытовъ въ этомъ отношеніи слишкомъ блѣдны и неопредѣленны, а большинство разсказовъ, даже у Фламмаріона, въ высшей степени недостовѣрны. Вѣдь для того, чтобы убѣдиться въ дѣйствительности передачи мысли на разстояніи, или вообще безъ посредства слова, нужно, чтобы эта передача совершалась какъ въ безпроволочномъ телеграфѣ, то есть, чтобы полученіе депеши состоялось послѣ ея отправки, чтобы она была передана по возможности точно; чтобы получатель дѣйствительно не имѣлъ никакой возможности заранѣе знать ея содержаніе; чтобы передача происходила всякій разъ, когда отправитель и получатель того пожелаютъ и проч. А, между тѣмъ, даже въ случаяхъ, собранныхъ Фламмаріономъ, точное обозначеніе даты весьма часто совсѣмъ отсутствуетъ; иногда даже мысль оказывается полученной раньше, чѣмъ была послана и даже совсѣмъ въ другомъ видѣ. Наконецъ, не каждому же разсказчику можно вѣрить на слово, хотя бы онъ и былъ завѣдомо добросовѣстенъ, такъ какъ и вполнѣ добросовѣстнымъ, но экспансивнымъ, импульсивнымъ людямъ, одареннымъ богатой фантазіей, свойственно преувеличивать, разукрашивать и подтягивать свои ощущенія подъ излюбленное вѣрованіе. А, между тѣмъ, большинство разсказовъ о случаяхъ телепатіи даже анонимны — мы не знаемъ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло.

Вообще изслѣдованіе естественныхъ телепатическихъ явленій поставлено совсѣмъ не научно, а тамъ, гдѣ его пробовали поставить на научную почву—при опытахъ искусственной телепатіи, напримѣръ, при экспериментальномъ чтеніи мыслей—оно въ большей части случаевъ давало отрицательные результаты (какъ въ опытахъ Ганзена и Лемана съ концентрированіемъ психическихъ лучей вогнутыми зеркалами)—удача получилась только въ 789 случаяхъ изъ 2.997, то есть въ 26%, а это почти не выходитъ изъ предѣловъ возможности случайнаго совпаденія, вычисленнаго по теоріи вѣроятностей. Что касается естественной телепатіи, то даты ея, какъ оказывается изъ статистической сводки данныхъ, совпадаютъ лишь въ одномъ случаѣ изъ сорока трехъ, то есть мы имѣемъ всего только 2% удачи, остальные же 98% совсѣмъ не могутъ идти въ счетъ. Да еще слѣдуетъ помнить, что, при экспериментальномъ чтеніи мыслей, опыты производятся обыкновенно на какихъ-нибудь пустякахъ, въ родѣ угадыванія картъ или какихъ-нибудь несложныхъ желаній передатчика—встать со стула, выйдти изъ комнаты и проч. Это вѣдь даже и нельзя назвать мыслями.

Точныхъ данныхъ, слѣдовательно, говорящихъ за возможность передачи мыслей и чувствъ на разстояніи, слишкомъ еще мало собрано, а между тѣмъ мы уже поспѣшили создать гипотезу, объясняющую эту возможность: психическая энергія, подобно прочимъ міровымъ энергіямъ, признана лучистою, распространяющейся во всѣ стороны въ видѣ особой формы колебаній эѳира или чего другого, дѣйствующихъ на разстояніи, какъ свѣтъ, тепло, электричество и проч.

Теорія соблазнительная, что и говорить. Можетъ быть, даже вѣрная. Но для полнаго ея признанія не только не хватаетъ данныхъ, а можно сказать, что ихъ почти совсѣмъ еще нѣтъ, да и долго не будетъ, такъ какъ телепатическіе факты, подобно спиритическимъ, весьма легко и охотно поддѣлываются, отчасти—ради краснаго словца, отчасти—въ силу лживости, присущей истерическимъ и нервнымъ субъектамъ, преимущественно обладающимъ телепатическими способностями, а отчасти прямо изъ личной

Digitized by Google

выгоды—кто же не помнитъ профессіональныхъ «отгадывателей мысли», получившихъ за это немалыя деньги!

И опять таки это очень жаль, такъ какъ яркіе и вполнѣ достовѣрные случаи передачи мыслей безъ посредства слова дѣйствительно существуютъ. Есть такіе и у Фламмаріона, встрѣчаются они и въ жизни. А что̀ касается преднамѣреннаго чтенія мыслей, то оно на всякомъ шагу попадается въ этой послѣдней. Каждый изъ насъ, въ большей или меньшей степени, «чувствуетъ» настроеніе своего собесѣдника и часто безъ всякихъ указаній съ его стороны понимаетъ его мысли съ замѣчательной точностью. Къ сожалѣнію, такого рода факты рѣдко могутъ быть засвидѣтельствованы и провѣрены, каждый знаетъ ихъ лишь для себя самого.

Послѣднимъ, въ ряду современныхъ полумистическихъ ученій, стоитъ гипнотизмъ, проявленія котораго несомнѣнно существуютъ, изучены лучше другихъ, и едва-ли не лежатъ въ основѣ какъ телепатіи, такъ, въ особенности, и спиритизма.

Гипнозомъ, въ узкомъ смыслѣ слова, называется особое состояніе организма, искусственно въ немъ вызываемое, похожее на сонъ, но отличающееся отъ послѣдняго сохраненіемъ способности видѣть, слышать, говорить, двигаться, подчиняясь не своей, а чужой волѣ, чужой мысли, постороннему внушенію — полный параличъ высшихъ центровъ сознанія, сопровождаемый обостреніемъ или тоже параличемъ внѣшнихъ чувствъ. Въ широкомъ смыслѣ слова гипнозъ есть именно временное безволіе, отрѣшеніе въ чью-либо пользу отъ собственной воли и даже разума, при высокой степени развитія обусловливающее чисто рефлекторное существованіе, при которомъ личность превращается въ простое орудіе того, кто сумѣетъ завладѣть ею—въ автомата, безсознательно совершающаго тѣ движенія, къ которымъ онъ приспособленъ.

Собственно говоря всякій эффектъ, всякое сильное впечатлѣніе, всякій актъ, угнетающій и парализующій высшіе центры сознанія или направляющій ихъ дѣятельность на одну точку—сильный гнѣвъ, испугъ, внезапная радость, глубокая дума—превращаютъ личность въ автомата, неспособнаго не только реагировать на болѣе слабыя внѣшнія впечатлѣнія, но даже и замѣчать ихъ, однако же такой автоматизмъ нельзя назвать гипнотическимъ, потому что при немъ личная воля работаетъ хотя односторонне и полусознательно, но усиленно, тогда какъ въ гипнозѣ она парализуется прежде всего и парализуется именно вліяніемъ чужой воли. Гипнозомъ, напримѣръ, можно назвать тѣ безпрестанно, въ жизни, встрѣчающіеся случаи, при которыхъ одна личность—не во снѣ и на яву, оставаясь съ виду вполнѣ нормальной—подчиняется волевому давленію другой и нехотя исполняетъ ея приказанія, безъ всякихъ соображеній, безъ всякихъ иныхъ мотивовъ кромѣ полной невозможности противустоять имъ, полнаго психическаго безсилія. Благодаря неравному развитію воли у разныхъ личностей, такіе случаи встрѣчаются въ жизни безпрестанно и только не замѣчаются нами по своей мелочности. Нѣтъ, собственно говоря, двухъ близкихъ другъ къ другу людей, изъ которыхъ одинъ не подчинялся бы нравственно другому, не смотрѣлъ бы на все его глазами, не исполнялъ бы, противъ воли, его приказаній. Встрѣчаются, однако жъ, исключительныя личности, въ высокой степени одаренныя способностью повелѣвать, внушать свою волю не только близкимъ и зависимымъ отъ нихъ людямъ, но и первому встрѣчному. Изъ такихъ людей вырабатываются пророки и вожди человѣчества, ведущіе его къ добру или къ худу. Одинъ взглядъ такихъ людей, одно ихъ слово, парализуютъ волю не только отдѣльныхъ субъектовъ, а и цѣлой толпы. Но именно взглядъ и слово—вообще внѣшній видъ, личное воздѣйствіе, а не сила убѣжденія. Переданное другимъ человѣкомъ ихъ приказаніе можетъ не оказать никакого вліянія. Въ исторіи человѣчества мы встрѣчаемъ много такихъ личностей. Къ ихъ числу принадлежали, вѣроятно, Моисей, всѣ ветхозавѣтные пророки, Александръ Македонскій, Магометъ, Савонарола и проч. Двѣ такихъ личности, передъ взглядомъ которыхъ невольно потупились всѣ взоры, могутъ почти считаться нашими современниками; это личности—Наполеонъ I и императоръ Николай Павловичъ.

Если вліяніе такихъ людей, какъ послѣдніе двое, можно, пожалуй, попытаться объяснить ихъ общественнымъ положеніемъ (что̀ было бы несправедливо, такъ какъ другія лица, въ томъ же положеніи находив-

Digitized by Google

шіяся, такого вліянія не производили), то нельзя этимъ объяснить авторитета ветхозавѣтныхъ пророковъ, Савонаролы, такихъ людей, какъ Суворовъ, Скобелевъ, Багратіонъ.

Нельзя объяснить ихъ вліянія и разумностью, логической убѣдительностью ихъ мысли и слова, такъ какъ то и другое, будучи изложено на бумагѣ или передано другими лицами, если и произведетъ впечатлѣніе, то лишь въ томъ случаѣ, когда авторитетъ ихъ уже установился, да и то гораздо болѣе слабое. Просто самая внѣшность такихъ людей—ихъ осанка, взглядъ, жесты—дѣйствуютъ неотразимо покоряющимъ образомъ.

Скорѣе все это можно объяснить сильнымъ развитіемъ воли, опирающейся на глубокую и несокрушимую вѣру въ какіе-либо отвлеченные принципы, а иногда даже просто въ самого себя. «Ты везешь Цезаря и его счастіе!» Такія фразы могутъ дѣйствовать, какъ внушеніе лишь въ томъ случаѣ, когда за ними стоитъ непоколебимая увѣренность въ справедливости сказаннаго, подчиняющаго разумъ и волю слушателей. На чемъ такая увѣренность основана—это рѣшительно все равно, лишь бы она была искренна и непоколебима. Люди, ею обладающіе, всегда подчиняютъ себѣ прочихъ, парализуя ихъ волю, при чемъ мы имѣемъ несомнѣнное внушеніе на яву, которое можетъ быть благодѣтельнымъ для внушаемаго или вреднымъ для него, смотря по характеру, совѣсти и стремленіямъ того, кто внушаетъ. Но оно во всякомъ случаѣ вполнѣ естественно и, такъ сказать, законно, потому что сила солому всегда ломила и всегда ломить будетъ, не прибѣгая для этого ни къ какимъ ухищреніямъ и окольнымъ путямъ.

Не то мы видимъ при гипнозѣ собственно такъ называемомъ, то есть при гипнотическомъ снѣ, произведенномъ искусственно и преднамѣренно.

Надо замѣтить, что такой сонъ можетъ быть вызываемъ не только волею или приказаніями экспериментатора, но и разными матеріальными воздѣйствіями на внѣшнія чувства и воображеніе усыпляемаго—пассами, прикосновеніями, фиксаціей взгляда на какомъ-нибудь блестящемъ предметѣ или на глазахъ гипнотизера и проч. Нѣчто подобное такому сну можетъ являться даже самопроизвольно (какъ, напримѣръ, въ лунатизмѣ) или быть вызвано стараніями самого усыпляемаго (индійскіе факиры, напримѣръ, вызываютъ его пристальнымъ и продолжительнымъ смотрѣніемъ на свой пупокъ или безконечнымъ повтореніемъ священнаго слова «ом»), съ тою только разницей, что въ послѣднихъ двухъ случаяхъ воля спящаго не такъ легко подчиняется (а иногда и совсѣмъ не подчиняется) постороннимъ внушеніямъ.

Пользуясь вышеупомянутыми воздѣйствіями, поэтому, при экспериментальномъ гипнотизмѣ, и безсиліе иногда можетъ побѣдить силу, истощивъ ее предварительно на борьбу съ собственнымъ воображеніемъ и усыпляющими матеріальными впечатлѣніями, при необычной, мистической, дѣйствующей на нервы обстановкѣ, что̀ уже совсѣмъ неестественно и незаконно. Человѣкъ, слывущій гипнотизеромъ, то есть способнымъ подчинять себѣ чужую волю, а часто и дѣйствительно обладающій нужной для того самоувѣренностью, прибѣгая къ этимъ побочнымъ воздѣйствіямъ, при полной тишинѣ и въ полусвѣтѣ, утомляетъ волю и разумъ паціента, усыпляетъ ихъ, наконецъ, а затѣмъ производитъ внушенія—превращаетъ усыпленнаго въ свое орудіе, заставляетъ его видѣть своими глазами и выполнять свои приказанія.

Такое подчиненіе воли достигаетъ иногда крайней степени—гипнотизированный субъектъ можетъ быть доведенъ до полной потери чувствительности, до летаргіи, каталепсіи, до полнаго измѣненія личности, до такъ называемаго ясновидѣнія. При помощи внушенія и самовнушенія можно даже произвести физическія измѣненія въ организмѣ—вызвать, напримѣръ, всѣ явленія обжога или раненія (Луиза Лато съ ея стигматами). Понятно, что все это можно сдѣлать не со всякимъ, а только съ людьми исключительно нервными, слабовольными и наклонными къ мистицизму, каковыхъ, среди населенія, по приблизительному разсчету, оказывается около восемнадцати процентовъ. Однако жъ и лицъ, совершенно не подчиняющихся гипнозу—такъ называемыхъ «рефрактэровъ»—имѣется тоже не болѣе восемнадцати процентовъ, такъ что все-таки большая часть человѣчества (60%) въ разной степени ему подвластна.

Digitized by Google

Само собой понятно, разумѣется, что такое подчиненіе чужой волѣ, такое искусственное потрясеніе нервной системы и психики человѣка не можетъ быть полезнымъ для его организма, не говоря уже про цѣли—можетъ быть преступныя—съ которыми оно производится. Понятна, поэтому, и забота правительствъ объ огражденіи народа отъ увлеченія гипнотизмомъ вообще и отъ злонамѣренныхъ гипнотизеровъ въ особенности.

Научное изслѣдованіе гипнотизма, однако жъ, въ больницахъ и клиникахъ продолжается безпрепятственно, и врачи, не безъ пользы, примѣняютъ гипнозъ къ лѣченію многихъ нервныхъ болѣзней, искорененію дурныхъ привычекъ, даже къ анэстезіи при операціяхъ.

О томъ, что̀ такое, въ сущности, гипнотизмъ, какимъ образомъ производится расщепленіе, такъ сказать, психическихъ способностей на высшія и низшія, законодательныя и исполнительныя, при угнетеніи первыхъ и обостреніи послѣднихъ; какимъ образомъ эти послѣднія становятся слугами чужой мысли и воли; какую роль играетъ при этомъ чужая воля и абсолютно ли она необходима для произведенія гипноза—говорить еще рано, такъ какъ мы ничего этого не знаемъ. Факты говорятъ лишь слѣдующее: разумъ и воля большей части людей, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ быть въ большей или меньшей степени парализованы, при чемъ всѣ остальныя психическія способности, также какъ внѣшнія чувства, или остаются неизмѣненными и служатъ чужому разуму, чужой волѣ, какъ здоровыя, или извращаются болѣе или менѣе какъ въ сторону ослабленія, такъ и въ сторону обостренія; при ослабленіи дѣло доходитъ несомнѣнно до ложныхъ ощущеній, галлюцинаціи, летаргіи и каталепсіи, а при обостреніи—до угадыванія мыслей на разстояніи, чтенія запечатанныхъ писемъ, вообще явленій такъ называемаго ясновидѣнія, хотя факты подобнаго рода очень рѣдки и ихъ нельзя считать вполнѣ достовѣрными, не смотря на ручательство такихъ авторитетовъ, какъ Шарль Рише (обманъ, въ этомъ случаѣ, очень соблазнителенъ, истерички къ нему весьма склонны, а обмануть можно кого угодно). Несомнѣнно, между прочимъ, и то, что внушенія, сдѣланныя субъекту, погруженному въ гипнотическій сонъ, невольно и безсознательно исполняются имъ потомъ на-яву, хотя опять-таки далеко не всегда такъ бываетъ, а если и бываетъ, то на добрую совѣсть истерическихъ субъектовъ (съ которыми такіе опыты только и возможны) трудно положиться—трудно вѣрить, чтобы они дѣйствительно выполняли сдѣланныя имъ внушенія невольно и безсознательно, въ особенности когда дѣло касается преступныхъ и вообще яркихъ, красивыхъ (льстящихъ тщеславію) поступковъ.

Что̀ касается условій, при которыхъ гипнозъ возможенъ, то они довольно разнообразны. Чаще всего гипнотизація удается въ тишинѣ, при сравнительной темнотѣ, мистическомъ настроеніи усыпляемаго, вѣрѣ его въ могущество гипнотизера (при полномъ отсутствіи такой вѣры усыпить весьма трудно) и при тѣхъ вспомогательныхъ физическихъ воздѣйствіяхъ, о которыхъ сказано выше. Вообще отсутствіе или монотонность впечатлѣній содѣйствуетъ гипнотизаціи, а обиліе и разнообразіе ихъ препятствуетъ. Настроеніе усыпляемаго и большая или меньшая энергичность его характера играютъ, однако жъ, при этомъ главную роль, равно какъ и самоувѣренность гипнотизера.

Извѣстны, впрочемъ, факты внушенія наяву, не въ тишинѣ и темнотѣ, а днемъ и на улицѣ, при томъ не одному человѣку, а цѣлой толпѣ. Путешественники по Индіи и Египту единогласно увѣряютъ, по крайней мѣрѣ, что тамошніе уличные фокусники продѣлываютъ положительныя чудеса, внушая зрителямъ самыя сложныя галлюцинаціи. На глазахъ толпы, напримѣръ, они будто бы заколачиваютъ кому-нибудь гвозди въ голову или рѣжутъ ребенка, при чемъ кровь брызжетъ струею, отрѣзанные члены разбрасываются по землѣ, а спустя минуту, все исчезаетъ, и ребенокъ оказывается невредимымъ. Вся толпа ясно это видитъ (покойный нашъ путешественникъ, докторъ Елисѣевъ, разсказывалъ мнѣ это, какъ очевидецъ), между тѣмъ на фотографіи, снятой въ то же время съ фокусника, онъ оказывается покойно стоящимъ, со сложенными на груди руками. Все это мыслимо, конечно, особенно въ виду крайней впечатлительности и импульсивности народной толпы на Востокѣ, но любопытно бы было испытать силу индійскихъ гипнотизеровъ на нашей сѣверной, хладнокровной и скептически настроенной толпѣ. Она, впрочемъ, тоже повременамъ способна галлюцинировать, хотя и при особымъ образомъ настраивающей обстановкѣ. Я помню,

Digitized by Google

напримѣръ, какъ во время холеры 1852 (кажется) года, бабы, опахивавшія [1]) одну деревню въ средней Россіи, всѣ ясно видѣли «самое холеру» въ образѣ голой и простоволосой «дѣвки», мчавшейся по воздуху. Дѣвку эту онѣ загнали будто бы въ сарай священника, но найти ее тамъ не могли. Какъ нарочно, у священника на другой день умеръ отъ холеры работникъ...

Какъ бы то ни было, возможность дѣлать внушенія, вызывать галлюцинаціи и производить разныя чудеса при помощи гипноза (у нашего народа это весьма мѣтко называется «отводить глаза»), не подлежитъ никакому сомнѣнію. А разъ это такъ, разъ мы встрѣчаемъ нѣчто вполнѣ достовѣрное среди якобы фактовъ современной мистики, то мы имѣемъ полное право заподозрить эти факты въ близкомъ родствѣ съ гипнотическими галлюцинаціями. Что̀ можетъ быть вѣроятнѣе, въ самомъ дѣлѣ, какъ появленіе такихъ галлюцинацій зрѣнія и слуха въ кружкѣ вѣрующихъ спиритовъ (хотя бы они были знаменитыми учеными), засѣдающемъ въ темной комнатѣ, иногда при тихой, монотонной музыкѣ, при общемъ мистическомъ настроеніи, да еще подъ руководствомъ опытнаго гипнотизера (а можетъ быть и обманщика)-медіума? Недаромъ, спиритическіе сеансы почти никогда не удаются въ присутствіи скептиковъ, не поддающихся общему настроенію [2]). Недаромъ также никогда они не удавались при научной обстановкѣ и никогда не давали ничего достойнаго тѣхъ «духовъ», которые будто бы на нихъ присутствуютъ. Спириты, правда, объясняютъ это тѣмъ, что для всякаго опыта нужна спеціальная обстановка и что не всѣ духи серіозно относятся къ дѣлу, а есть между ними и шутники и обманщики. Но вѣдь этакъ все объяснить можно. Бабы, опахивавшія деревню, и видѣвшія «самое холеру», могли бы сказать скептику, который узналъ бы въ этой холерѣ простое отраженіе огня на туманѣ, что главное условіе удачи опыта состоитъ въ томъ, чтобы самому быть деревенской бабой и, находясь въ мистическомъ настроеніи, бѣгать ночью, съ факеломъ, по полю. Это была бы правда, но такая правда нисколько не ручалась бы за реальность явленія.

Вотъ, значитъ, къ чему сводится, по моему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію, современная мистика. Къ тому же, то есть отчасти—къ обману, а отчасти—къ гипнозу, внушенію и самовнушенію, сводится, вѣроятно, и старая мистика, съ ея колдунами, лѣшими, домовыми и упырями. Я видалъ деревенскихъ колдуновъ и колдуній или, по крайней мѣрѣ, лицъ, слывшихъ таковыми. Колдунъ (въ Тамбовской губерніи) оказался старикомъ мрачнаго облика, съ глубокими черными глазами, пристальный взглядъ которыхъ дѣйствительно трудно было выдержать даже мнѣ, скептику. Судя по разсказамъ, которые о немъ ходили, надо думать, что старикъ этотъ былъ демономанъ, искренно вѣрившій въ свои близкія отношенія къ «нечистому», котораго видалъ, должно быть, неоднократно и силою котораго—то есть своей вѣрою въ эту силу—творилъ всевозможныя чудеса. Что̀ касается колдуньи (въ Тульской губерніи), то я ее зналъ довольно близко; это была просто хитрая и пронырливая старуха — знахарка, типа Матрены изъ «Власти Тьмы».

Итакъ, что̀ же, значитъ «ларчикъ просто открывался», и всякая мистика есть непремѣнно суевѣріе или обманъ? Нѣтъ въ мірѣ ничего навѣки непостижимаго, ничего такого, передъ чѣмъ бы умъ человѣческій отступилъ со страхомъ, вѣрою и благоговѣніемъ?

Будучи скептикомъ по отношенію къ ходячимъ мистическимъ вѣрованіямъ, старымъ и новымъ, я этого не думаю. Я, напротивъ того, глубоко убѣжденъ, что вселенная полна тайнъ, навсегда неразрѣшимыхъ для ума человѣческаго, а въ то же время не только вліяющихъ на судьбу человѣка, но и прямо ее обусловливающихъ. Я убѣжденъ, что мы сами себя не знаемъ и никогда не узнаемъ. Я убѣжденъ, что вселенная есть нѣчто цѣлое, въ которомъ всѣ части необходимы и тѣсно другъ съ другомъ связаны, такъ что никакая изъ нихъ не можетъ избавиться отъ вліянія всѣхъ остальныхъ, а между тѣмъ ни знать этихъ остальныхъ, ни постичь ихъ взаимныя отношенія не можетъ, потому что безконечное непостижимо для конечнаго. Я убѣжденъ, что знаніе человѣческое, по-

[1]) Опахиванье, производимое кое-гдѣ и теперь, совершается ночью. Бабы, въ однѣхъ рубашкахъ, впрягаются въ соху и съ горящими лучинами въ рукахъ проводятъ борозду вокругъ всей деревни.

[2]) При мнѣ, напримѣръ, они никогда не удавались, а я продѣлалъ, такъ сказать, цѣлый курсъ спиритизма, подъ руководствомъ только-что скончавшагося А. Н. Аксакова и съ такимъ медіумомъ, какъ Эглингтонъ.

Digitized by Google

стоянно развиваясь, никогда не станетъ совершеннымъ, потому что для этого намъ пришлось бы исчерпать неисчерпаемое, дойти до конца безконечности. А разъ это такъ, разъ знаніе наше обречено на вѣки оставаться неполнымъ, разъ поверхность сферы извѣстнаго, постоянно расширяясь, все въ большемъ и большемъ количествѣ точекъ соприкасается съ неизвѣстнымъ—на нашу жизнь, на нашу судьбу вліяющимъ—то для вѣры, для страха и благоговѣнія, однимъ словомъ—для мистики, всегда будетъ мѣсто, и мѣсто это, съ теченіемъ времени, даже должно расширяться.

Мистика мистикѣ рознь, однако же. Будучи невольнымъ, инстинктивнымъ порывомъ чувства, она всегда законна или по крайней мѣрѣ понятна, хотя бы и была неосновательной, но для того, чтобы стать основой вѣрованія, она нуждается въ оправданіи. Дѣло въ томъ, что вѣра, будучи авангардомъ знанія, должна проникать въ недоступныя для послѣдняго области какъ разъ съ того пункта, гдѣ она остановилась. Пользуясь непризнанными наукой данными (можетъ быть, по ихъ рѣдкости, разрозненности и неопредѣленности), она во всякомъ случаѣ должна слѣдить за тѣмъ, чтобы эти данныя были достовѣрны и неподдѣльны; пользуясь непринятыми въ наукѣ методами (можетъ быть, по ихъ сравнительной неточности), она во всякомъ случаѣ должна отъ нихъ требовать согласія съ логикой. А самое главное она не должна отставать отъ точнаго знанія, не должна противорѣчить законамъ, прочно въ немъ установившимся. Вѣра, отставшая отъ науки, такъ же, какъ и основанная на ложныхъ данныхъ, превращается въ суевѣріе, хотя лежащее въ основѣ ея инстинктивное мистическое чувство можетъ быть истиннымъ, реальными причинами обусловленнымъ, только причины эти плохо объяснены, не вѣрно поняты.

Нельзя не признать, что за лѣшими, русалками, колдунами и упырями, такъ же какъ за спиритическими явленіями, передачей мысли на разстояніи, ясновидѣніемъ и прочими чудесами стоитъ нѣчто реальное. Недаромъ же суевѣрія, основанныя на всѣхъ этихъ чудесахъ, вѣчны, какъ самъ родъ человѣческій, и овладѣваютъ даже крупными представителями точныхъ наукъ; недаромъ въ исторіи человѣчества, да и самой науки, записано множество вполнѣ достовѣрныхъ чудесъ, современнымъ знаніемъ необъяснимыхъ; недаромъ каждый изъ насъ, будь онъ какой угодно скептикъ и знай навѣрное, что мысли на разстояніи не передаются и что душа есть лишь функція мозга, будетъ смотрѣть, при случаѣ, глазами уличнаго фокусника и не выдержитъ взгляда вотъ такого колдуна, котораго я видѣлъ, хотя мозгъ этого колдуна функціонируетъ, конечно, гораздо слабѣе, чѣмъ у скептика.

Нельзя не признать, однако же, и того, что реальность, стоящая за старой и новой мистикой, нисколько этою послѣдней не выяснена. Одинъ лишь экспериментальный гипнотизмъ далъ по крайней мѣрѣ массу новыхъ фактовъ для обсужденія. **К. Толстой.**

Рис. Данъ Джибсона.

Digitized by Google

О свободѣ театра въ древности не приходится говорить уже потому, что никакихъ нравственныхъ или политическихъ соображеній, которыя возникаютъ вмѣстѣ съ развитіемъ христіанскихъ государствъ, тамъ не являлось вовсе. Оскорбленія нравовъ въ нашемъ смыслѣ тамъ быть не могло уже въ силу самого языческаго міросозерцанія; что же касается до вопросовъ общественныхъ и внутренней политики, то о нихъ трактовали настолько свободно, что Аристофанъ, напримѣръ, не только выводилъ на сценѣ своихъ современниковъ, называя ихъ по именамъ и бичуя ихъ пороки или высмѣивая ихъ странности, но даже актеры гримировались этими лицами. Одно только постановленіе Алкивіада въ 407 году до Р. Х. доказываетъ, что такая крайняя безцеремонность по отношенію къ личностямъ, наконецъ, раздражила затронутыхъ Аристофаномъ лицъ. Постановленіе Алкивіада запрещаетъ поэтамъ называть въ своихъ комическихъ пьесахъ людей по ихъ настоящимъ именамъ.

Христіанская церковь не могла уничтожить любви къ театральнымъ представленіямъ, поэтому она старалась привлечь народъ, разнообразя, по возможности, свои церковныя церемоніи, увеличивая ихъ пышность. Всякій большой праздникъ въ церкви давались цѣлыя драмы съ діалогами, при чемъ актерами были каноники, пѣвчіе и другіе служители церкви. Постепенно къ религіознымъ сюжетамъ сталъ примѣшиваться и элементъ свѣтскій, и религіозная драма вышла изъ стѣнъ собора сначала на паперть, затѣмъ на кладбище, прилегавшее къ церкви, и, наконецъ, на площадь передъ соборомъ, а актерами вмѣсто лицъ духовныхъ стали ремесленники и вообще буржуа.

Эти народныя представленія пользовались громаднымъ успѣхомъ и отличались крайней свободой.

Во Франціи первый постоянный театръ для представленія религіозныхъ мистерій возникъ въ 1398 году въ Парижѣ. Офиціально онъ былъ предназначенъ для изображенія «Страданій и Воскресенія Господа нашего Іисуса Христа», но актеры не замедлили для увеселенія публики внести въ мистерію большую дозу комическаго элемента, выражавшагося въ весьма грубыхъ шуткахъ, разнузданныхъ пѣсняхъ и сценахъ, тѣмъ болѣе неприличныхъ, что дѣйствующими лицами являются Господь Богъ, святые и мученики. Однако, церковь и не думала возмущаться такой свободой, въ которой, очевидно, не находила ничего предосудительнаго. Всякое представленіе начиналось съ призыванія Бога Отца, Сына и Святого Духа, и заканчивалось словами: Тебя Бога хвалимъ.

Только когда въ театрѣ стали дѣлать прозрачные намеки на королей, принцевъ, на придворныя и парламентскія событія (особенно клерки, устроившіе въ Palais de Jus

[1] Albéric Cahuet. La Liberté du Théâtre en France et à l'étranger.

Digitized by Google

tice свои представленія), тогда Парламентъ вступился и запретилъ клеркамъ играть безъ спеціальнаго разрѣшенія, подъ страхомъ тюремнаго заключенія (въ 1476 году). Людовики XI и XII относились очень снисходительно ко всѣмъ труппамъ актеровъ, игравшихъ въ Парижѣ, добродушно выносили даже насмѣшки надъ собственной особой, и только когда дерзость доходила до крайности, позволяли себѣ высѣчь нѣсколько клерковъ-актеровъ.

Религія и политика давали сатирѣ самыя благодарныя темы, и всѣ шутки и намеки на эти темы пользовались наибольшимъ успѣхомъ, какъ бы грубы они ни были. Одновременно съ мистеріями вошло въ обычай давать и короткіе фарсы, соти (sotiés) и моралитэ, гдѣ высмѣивались современные событія и нравы. Публика буквально ломилась на эти представленія, предпочитая ходить лучше въ театръ, чѣмъ въ церковь; сами священники старались въ праздничные дни отслужить обѣдню поскорѣе «кое-какъ и на почтовыхъ», чтобы не пропустить интереснаго зрѣлища. Короли продолжали добродушно относиться къ актерамъ, и еще въ 1513 году Францискъ I подтвердилъ всѣ привилегіи, данныя Карломъ VI; но Парламентъ оказался менѣе снисходительнымъ и запретилъ въ 1516 году играть пьесы, въ которыхъ говорится о королѣ, принцахъ и вообще придворныхъ. Въ 1536 году запрещеніе это было распространено на всѣ личности вообще.

Наконецъ, въ 1538 г. Парламентъ дѣлаетъ первую попытку установить предварительную цензуру, требуя, чтобы пьесы представлялись ему за двѣ недѣли до спектакля и оставляя за собою право или запрещать ихъ вовсе, или вычеркивать неподходящія мѣста. Въ 1541 г. Парламентъ окончательно возстаетъ противъ мистерій, находя крайне неприличнымъ, что роли Христа, Святой Дѣвы и святыхъ исполняются грубыми и невѣжественными актерами, и разрѣшаетъ отнынѣ лишь представлять пьесы «свѣтскія, позволительныя и честныя». Это нанесло смертельный ударъ мистеріямъ, и онѣ уже никогда не могли отъ него оправиться. Разумѣется это не сдѣлало фарсовъ приличнѣе, и если среди нихъ и попадаются такіе классическіе, какъ извѣстный фарсъ «Адвокатъ Пателэнъ», то одни заглавія другихъ фарсовъ указываютъ болѣе чѣмъ ясно на ихъ содержаніе и характеръ.

Во время лиги театръ явился проповѣдникомъ прямо бунтовскихъ идей, пользуясьтѣмъ что власть короля въ Парижѣ была безсильна. Это не помѣшало затѣмъ Генриху IV смотрѣть весьма снисходительно на выходки актеровъ въ Hôtel de Bourgogne. Онъ даже своею властью разрѣшилъ запрещенный Парламентомъ фарсъ, нападавшій на чрезмѣрное обремененіе народа налогами, добродушно заявивъ, что хотя онъ самъ всего болѣе задѣтъ въ этомъ фарсѣ, однако, отъ души прощаетъ актерамъ, заставившимъ его смѣяться до слезъ. Вообще вся исторія французскаго театра въ періодъ съ XV в. по XVII в. характеризуется все возрастающимъ стремленіемъ Парламента ограничить свободу представленій, тогда какъ всѣ привилегіи, даваемыя королями, имѣютъ цѣлью сохранить, по возможности, независимость театра отъ магистратуры.

Въ 1609 году новое постановленіе генералъ-лейтенанта полиціи передаетъ предварительную цензуру въ руки королевскаго прокурора. Но это, впрочемъ, весьма мало отражается на содержаніи пьесъ, гдѣ забота о нравственности и приличіи продолжаетъ стоять на заднемъ планѣ. На сценѣ свободно изображается и спальня куртизанки, и rendez-vous замужней женщины со своимъ любовникомъ, при чемъ актеры не скупятся на объятія и поцѣлуи, стараясь довести реализмъ до возможныхъ предѣловъ. Крайней разнузданностью языка отличаются и ярмарочныя представленія, пользующіяся громаднымъ успѣхомъ съ легкой руки знаменитыхъ шарлатановъ, въ родѣ Іеронима, Мондора и Таборена. Но если нравственность не встрѣчаетъ пока особенно страстныхъ защитниковъ, зато религія охраняется тѣмъ съ бо́льшимъ рвеніемъ, чѣмъ злѣе бичуетъ пьеса современное духовенство. Уже появленіе «Ecole des femmes» Мольера вызвало сильное волненіе, но настоящую бурю произвелъ «Тартюфъ». Какой-то священникъ, Пьеръ Руллэ, потребовалъ даже для автора «публичнаго и примѣрнаго наказанія огнемъ, предвѣстникомъ огня адскаго». Но и на этотъ разъ король оказался либеральнѣе своего духовенства и только отсрочилъ представленіе пьесы, обѣщавъ Мольеру разрѣшить его, какъ только уляжется первое возбужденіе. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, запрещеніе только усилило популярность пьесы; она читалась во всѣхъ великосвѣтскихъ са-

Digitized by Google

лонахъ и ее полностью играли у принца Конде. Наконецъ, Людовикъ XIV, уѣзжая въ походъ во Фландрію, разрѣшилъ представленія «Тартюфа», но едва пьеса появилась на сценѣ, какъ она была тотчасъ запрещена Парламентомъ и духовной властью; запрещеніе длилось пять лѣтъ и было снято лишь въ 1669 году благодаря новому вмѣшательству короля. Такимъ образомъ, не имѣя еще строго установленной цензуры, театръ уже находился подъ гнетомъ цензуры неофиціальной, духовной, тѣмъ болѣе яростной, что само духовенство считало театръ большой силой и очень опасалось его вліянія.

По поводу представленія при дворѣ пьесы «Скарамушъ отшельникъ», Людовикъ XIV спросилъ однажды у принца Конде: «Хотѣлось бы мнѣ знать, почему люди, столь сильно скандализованные комедіей Мольера, ничего не возражаютъ противъ «Скарамуша?» — «Причина этому та,—отвѣчалъ Конде,—что комедія «Скарамушъ» высмѣиваетъ только небо и религію, до которыхъ этимъ господамъ нѣтъ никакого дѣла; тогда какъ комедія Мольера высмѣиваетъ ихъ самихъ, а этого они терпѣть не могутъ». Характерно здѣсь не только мнѣніе Конде, но и тотъ фактъ, что король присутствовалъ безъ всякаго протеста на представленіи пьесы, высмѣивавшей религію. Разумѣется, ничего подобнаго уже не могло случиться въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV, когда г-жа Ментенонъ угнетала короля, весь дворъ и все общество своимъ показнымъ ханжествомъ. Она заставила закрыть италіанскій театръ за представленіе пьесы «La fausse prude», въ которой всѣ узнали ее самое.

Но если религіозной цензурѣ было нечего дѣлать въ этотъ періодъ времени, зато тѣмъ ярче выступаетъ цензура политическая. Проницательность придворныхъ въ отысканіи преступныхъ намековъ доходила до того, что даже въ трагедіяхъ Расина «Эсѳири» и «Аталіи», написанныхъ спеціально для барышень пансіона Сенъ-Сиръ, были найдены предосудительныя мѣста и обѣ пьесы были запрещены. Но всѣ эти запрещенія вовсе не были результатомъ дѣятельности цензуры, а только тѣхъ постороннихъ вліяній, духовныхъ и придворныхъ, которыя играли такую важную роль въ XVII вѣкѣ. Только въ 1706 г. цензура получила настоящую правильную организацію. Одинъ изъ цензоровъ для разсматриванія книгъ при главной канцеляріи откомандировался въ департаментъ полиціи для спеціальнаго наблюденія за театрами и назывался полицейскимъ цензоромъ. Если въ пьесѣ затрогивались вопросы религіозные, то архіепископъ поручалъ ея разсмотрѣніе кому-нибудь изъ духовенства. Пьесы представлялись въ главный полицейскій секретаріатъ, разсматривались цензоромъ, и, по его докладу, генералъ-лейтенантъ полиціи разрѣшалъ или запрещалъ ихъ къ представленію. Въ каждомъ театрѣ наблюденіе было поручено полицейскому, но онъ имѣлъ не болѣе власти, чѣмъ наши пристава. Съ этого времени начинается во Франціи траги-комическая борьба авторовъ съ цензорами, столь обильная всевозможными анекдотами. Прежде и больше другихъ авторовъ пострадалъ Вольтеръ, и никакія его уступки не могли смягчить суровостей цензуры. Цензоръ Кребильонъ дошелъ до того, что запретилъ «Магомета», поставленнаго ранѣе въ Лиллѣ и заслужившаго тамъ одобреніе духовенства. Надо, однако, помнить, что положеніе цензоровъ въ это время было тоже далеко не сладкое: философская критика не щадила ничего и новыя идеи настолько пропитали все общество, что малѣйшая интонація, малѣйшій жестъ актеровъ публика принимала за намеки и пользовалась ими, какъ поводомъ для демонстрацій. Послѣ изгнанія герцога Брольи, публика яростно аплодируетъ слѣдующимъ стихамъ въ «Танкредѣ» Вольтера:

On dépouille Tancrède on l'exile, on l'outrage,
C'est le sort des héros d'être persécutés:
Un héros qu'on opprime attendri tous les coeurs...

Немудрено, что при такомъ настроеніи публики задача цензоровъ была почти невыполнима. На помощь къ нимъ явилось духовенство, и то, что разрѣшено цензоромъ, часто запрещается архіепископомъ. Даже домашніе спектакли не избѣгаютъ общей участи, и архіепископъ запрещаетъ m-me Кассини ставить у себя «Mélanie» Лагарпа. Одинъ изъ современниковъ такъ описываетъ свирѣпость цензуры при Людовикѣ XV: «Когда въ пьесахъ, намѣченныхъ къ представленію, попадается сцена, отмѣченная хоть нѣкоторымъ талантомъ и остроуміемъ, цензура ее вычеркиваетъ безъ всякой причины, кромѣ той, что она слишкомъ хороша. Иной разъ цензура принуждаетъ авторовъ испортить развязку, сдѣлавъ ее плоской. Въ надеждѣ помѣшать порядочнымъ

Digitized by Google

людямъ ходить въ театръ, антрепренерамъ запрещено назначать на первыхъ спектакляхъ цѣны выше 24 су, для того, чтобы приличные люди оказались смѣшанными съ чернью».

Съ воцареніемъ Людовика XVI прежнія строгости внезапно смѣнились крайнимъ снисхожденіемъ. Безупречная частная жизнь короля не давала никакого повода къ насмѣшкамъ, къ тому же Марія-Антуанетта любила театръ и всячески ему покровительствовала. Вмѣсто прежняго цензора, грознаго Марэна, цензоромъ назначенъ былъ Кребильонъ-сынъ, авторъ извѣстныхъ своей чрезмѣрной вольностью романовъ («Софа», «Заблужденія сердца и ума»), сидѣвшій за безнравственность своихъ произведеній даже одно время въ тюрьмѣ. Забота о нравственности была вообще въ тогдашнемъ обществѣ на послѣднемъ планѣ, и всевозможныя легкія комедіи, притчи и обозрѣнія болѣе чѣмъ вольнаго содержанія, названныя «парадами», были въ большой модѣ.

Самымъ выдающимся театральнымъ событіемъ царствованія Людовика XVI была постановка «Севильскаго цирюльника» Бомарше въ 1775 году. Хотя вопросы политическіе постоянно затрогивались на сценѣ, но никогда еще это не дѣлалось такъ открыто и свободно, никогда сатира не касалась самаго принципа власти. Теперь же, съ легкой руки Бомарше, выраженія, въ родѣ «права управляемыхъ», «обязанности управляющихъ», «уваженіе къ народу» и т. п., становятся ходячими фразами. Впрочемъ, снисходительность короля скоро истощилась, и когда Бомарше представилъ на разсмотрѣніе свою «Свадьбу Фигаро», то цензора пришли въ ужасъ передъ дерзостью этого политическаго памфлета. Королю читала вслухъ эту пьесу m-me Campan, но, когда она дошла до мѣста, гдѣ Фигаро объясняетъ, какъ его мечтанія довели его до тюрьмы, король прервалъ чтеніе и всталъ, говоря:

— Это отвратительно; это не будетъ сыграно; надо раньше уничтожить Бастилію, только тогда представленіе этой пьесы не будетъ опасной непослѣдовательностію.

Однако, общественное мнѣніе настоятельно требовало постановки пьесы, даже высшая знать и принцы крови возмущались «деспотизмомъ и тиранніей» высшей власти. «Свадьба Фигаро» была, наконецъ, поставлена 27-го апрѣля 1784 г. Успѣхъ ея былъ для того времени необычайный: она прошла подъ-рядъ 68 разъ.

А тѣмъ временемъ всеобщее возбужденіе все росло. Театры сдѣлались ареной борьбы разнородныхъ политическихъ убѣжденій; актеры все усиленнѣе подчеркивали свои вольнодумныя тирады, которыя встрѣчались публикой съ восторженнымъ одобреніемъ. Цензура утратила всякую силу.

Но вотъ Бастилія разрушена, революціонные принципы восторжествовали, провозглашено равенство и свобода. Однако, цензура не уничтожена, она только передана въ вѣдѣніе городского управленія. 24-го августа 1790 года въ Учредительное собраніе поступила петиція драматурговъ о разрѣшеніи играть все и вездѣ. Петиція эта обсуждалась въ засѣданіи 13-го января 1791 года и вызвала цѣлый рядъ преній, въ которыхъ приняли участіе Робеспьеръ, Мирабо и аббатъ Мори. Послѣдній былъ противъ абсолютной свободы представленій, тогда какъ первые два горячо ее отстаивали. «Было бы легко,—воскликнулъ Мирабо,—уничтожить всякую свободу, преувеличивая всякую опасность, ибо нѣтъ такого дѣйствія, которое не могло бы перейти въ распущенность... Когда займутся вопросами народнаго образованія, тогда увидятъ, что театральныя пьесы могутъ служить проводниками очень строгой и очень дѣятельной морали». Робеспьеръ поддержалъ это мнѣніе: «Я не хочу,—сказалъ онъ,—чтобы въ силу туманнаго распоряженія, муниципальному чиновнику дано было право принимать или отвергать то, что̀ ему понравится или не понравится. Этимъ поощряются только частные интересы, но вовсе не общественная нравственность». Результатомъ этихъ рѣчей явился законъ 13-го января 1791 года, провозгласившій свободу драматической антрепризы и уничтоженіе цензуры. Въ теченіе трехъ лѣтъ театръ пользовался принципіально полной свободой и въ общемъ не злоупотреблялъ ею, если не считать нѣсколькихъ случаевъ, когда пьесы пришлось запрещать послѣ перваго представленія. Революціонный энтузіазмъ не замедлилъ ввести въ моду и революціонныя пьесы. Такъ, ничтожная и ходульная пьеса «Возвращенная свобода или свергнутый деспотизмъ» возбудила дикій восторгъ публики; оркестръ исполнилъ «Ça ira»; въ са-

Digitized by Google

момъ патетическомъ мѣстѣ, клятвѣ инсургентовъ, вся публика встала, какъ одинъ человѣкъ, и размахивая платками и шляпами, повторила ту же клятву при крикахъ: «да здравствуетъ нація!», «да здравствуетъ король!». Чѣмъ радикальнѣе пьеса, тѣмъ ярче ея успѣхъ, а потому большинство пьесъ этого времени не имѣютъ серіознаго литературнаго значенія, это въ полномъ смыслѣ слова pièces de circonstance. Но типично, что особа короля еще продолжаетъ окружаться почетомъ. Нерѣдко встрѣчаются даже хвалебные куплеты въ честь Людовика XVI. Даже рисуя взятіе Бастиліи, авторы предполагаютъ, что король раздѣляетъ чувства народа и одобряетъ новый порядокъ вещей.

Все это разомъ мѣняется послѣ неудачнаго бѣгства королевской семьи. Появляются пьесы, въ родѣ «La journée de Varennes ou le maître de poste de Sainte-Menehould», которыя возбуждаютъ тревогу городского управленія, не смотря на узаконенную свободу театра; вообще эта свобода начинаетъ на практикѣ становится все болѣе проблематичной, съ усиленіемъ террористской партіи. Пьеса «Другъ законовъ» Лайа, бичующая тѣхъ политическихъ интригановъ, которые стремятся основать свое имущество на страхѣ и кровопролитіи, подвергается настоящему гоненію со стороны якобинцевъ. Публика же всячески выражаетъ свои симпатіи этой честной и миролюбивой пьесѣ и ея автору. На пятомъ представленіи пьеса запрещена, публика протестуетъ, идутъ длинные переговоры, и пьеса временно разрѣшена. Но черезъ нѣсколько дней совершается казнь Людовика XVI, и якобинцы, подъ предлогомъ охраненія порядка, прибѣгаютъ попросту къ помощи вооруженной силы, чтобы прекратить представленія ненавистной имъ пьесы. Авторъ ея, Лайа, принужденъ скрываться. Главари революціи требуютъ отнынѣ, чтобы весь народъ раздѣлялъ ихъ убѣжденія и симпатіи; театръ не долженъ составлять исключенія; самое напоминаніе о прошломъ считается преступленіемъ, допускается только восхваленіе настоящаго. Постановленіе 2-го августа 1793 года, принимая въ соображеніе, что театры «слишкомъ часто служили тиранніи», требуетъ, чтобы три раза въ недѣлю ставились пьесы, въ родѣ «Брута», «Вильгельма Телля», «Кая Гракха» и т. п. прославленія гражданской и революціонной добродѣтели. Постановленіе прибавляетъ, что всякій театръ, развращающій публику напоминаніемъ о роялизмѣ, будетъ закрытъ. Даже упоминать въ пьесахъ титулы: герцогъ, баронъ, маркизъ, графъ, monsieur, madame и т. п. «феодальныя наименованія, исходящія изъ слишкомъ нечистаго источника, чтобы осквернять долѣе французскую сцену» — строго запрещается циркуляромъ 2-го апрѣля 1794 года. Отсюда одинъ лишь шагъ къ возстановленію офиціальной цензуры, что̀ и было сдѣлано 14-го мая того же года, когда цензура была поручена комиссіи по народному образованію. Можно съ увѣренностью сказать, что ни въ какую другую эпоху цензура во Франціи не была болѣе деспотична, чѣмъ въ годы революціи. Изъ 151 пьесы, разсмотрѣнныхъ за три мѣсяца, она запрещаетъ 33 и передѣлываетъ 251. Театръ находится подъ гнетомъ не только одной офиціальной цензуры, но и партійнаго фанатизма. Почти всѣ комедіи Мольера, «Магометъ» Вольтера, «Игра любви и случая» Мариво, даже трагедіи Расина кажутся опасными и признаются революціонной властью «скверными». Зато самыя безсмысленныя, но угодныя власти пьесы, въ родѣ «Страшнаго суда королей», прямо навязываются театрамъ. Во время чтенія этой пьесы, три члена Конвента сопровождали автора въ театръ, и когда одинъ изъ актеровъ замѣтилъ, что боится быть повѣшеннымъ, если короли вернутся, то конвенціоналъ строго на него прикрикнулъ: «А развѣ ты предпочитаешь быть повѣшеннымъ за то, что не принялъ пьесы?». Пьеса, разумѣется, была послѣ этого принята единогласно. Даже немногія дозволенныя пьесы Мольера, Корнеля и др. подвергаются куріознымъ передѣлкамъ; изъ нихъ исключаются маркизы и виконты, вычеркиваются всякія упоминанія о короляхъ; вмѣсто «Король проходилъ» пишутъ «Законъ проходилъ», вмѣсто «Матъ королю» въ игрѣ въ шахматы заставляютъ говорить актера «Матъ тирану!», и тому подобный вздоръ.

Не меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ пьесы революціонныя, пользуются пьесы анти-религіозныя. Послѣ уничтоженія монастырскихъ обѣтовъ, монастырскіе нравы все чаще выводятся на сценѣ, и, разумѣется, авторы не жалѣютъ красокъ, грубость доходитъ до цинизма. Все это пропускается цензурой вполнѣ благосклонно; ея щепетильность возбуждаютъ только пьесы политическія.

Digitized by Google

Цензура Директоріи, оказавшаяся еще болѣе снисходительной къ театральной нравственности, осталась не менѣе придирчивой въ смыслѣ политики. Постановленіе 18-го нивоза IV года гласитъ: «Всѣ директора, антрепренеры и содержатели спектаклей въ Парижѣ обязуются... заставлять свой оркестръ исполнять ежедневно передъ поднятіемъ занавѣса любимыя республиканскія пѣсни, какъ-то: марсельезу, Ça ira, Veillons au salut de l'Empire и Le chant du départ. Въ промежуткѣ между двумя пьесами должна быть спѣта марсельеза или какая-нибудь иная патріотическая пѣсня». Пьеса «Полночь» не допущена потому, что въ ней поздравляютъ съ новымъ годомъ, а этотъ обычай уничтоженъ республиканскимъ календаремъ. Даже «Заира» Вольтера запрещена по подозрѣнію... въ клерикализмѣ.

Впрочемъ, публика того времени мало интересуется общей политикой на сценѣ и предпочитаетъ веселые водевили или любовныя пьесы, хотя охотно высмѣиваетъ такъ недавно еще грозныхъ якобинцевъ. Насмѣшки надъ ними въ стихахъ и прозѣ пользуются неизмѣннымъ успѣхомъ. Когда, во время исполненія «любимыхъ» патріотическихъ пѣсенъ, одинъ изъ актеровъ Водевиля доходилъ до строки: Tremblez, tyrans, et vous perfides! онъ никогда не забывалъ указать кулакомъ въ тотъ уголъ партера, гдѣ собирались якобинцы, и жестъ этотъ всегда вызывалъ апплодисменты. Случалось даже, что шикали «марсельезѣ»; а одно изъ полицейскихъ донесеній весьма меланхолично констатируетъ отвращеніе публики къ слову «гражданинъ».

Неумѣлая и неровная политика Директоріи сдѣлала ее настолько непопулярной, что провозглашеніе консульства было встрѣчено съ восторгомъ. Всѣ театры поставили приличныя случаю пьесы, восхвалявшія переворотъ 18-го брюмэра. Однако, весьма скоро выяснилось, что консульство и затѣмъ имперія еще болѣе сурово относятся ко всей литературѣ, кромѣ офиціальной и возникшей по заказу. Цензура переходитъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, при чемъ ни одна пьеса не можетъ быть поставлена безъ спеціальнаго разрѣшенія министра. Въ 1804 г. цензура переведена въ министерство полиціи. Ни одинъ театръ не могъ быть открытъ безъ особаго приказа императора; репертуары Оперы, Комической оперы и Комедіи вырабатывались въ министерствахъ, и никакой другой театръ не могъ ставить пьесъ, включенныхъ въ эти репертуары, а также играть пьесы не того жанра, который былъ ему предписанъ. Число театровъ въ Парижѣ было значительно сокращено (въ 1807 г. закрыто разомъ 22 театра!), въ большихъ городахъ ихъ оставлено по два, а въ маленькихъ—по одному. Вообще Наполеонъ былъ далеко не благосклоненъ къ театру, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда желалъ воспользоваться имъ для пропаганды желательныхъ ему идей. Разумѣется, находились всегда не въ мѣру усердные друзья, которые проявляли еще бо̀льшую суровость, чѣмъ самъ консулъ. Такъ было съ пьесой Дюпати «Передняя», гдѣ въ ливреяхъ трехъ лакеевъ рьяные приверженцы консула умудрились усмотрѣть пародію на костюмы трехъ консуловъ. Точно также отвѣтъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ на вопросъ лакея о его занятіяхъ былъ сочтенъ чуть не оскорбленіемъ арміи. Между тѣмъ солдатъ отвѣчалъ только: «Я служу». На что̀ лакей заявлялъ: «И я тоже. Мы—коллеги». Автору пьесы было приказано прокатиться въ Санъ-Доминго въ качествѣ рекрута, злосчастная фраза: «мы—коллеги» была помѣщена въ приказѣ по арміи, цензоръ смѣщенъ и едва не приговоренъ къ ссылкѣ. Черезъ нѣсколько дней выяснилось, что костюмы лакеевъ были простыми ливреями, пьеса написана до консульства, и всѣ ея «ядовитые» намеки—плодъ воображенія ярыхъ критиковъ.

Цензура имперіи была, разумѣется, еще менѣе либеральна, чѣмъ консульская. Въ 1805 г. Наполеонъ писалъ министру полиціи: «Я прочелъ въ газетѣ, что хотятъ ставить трагедію о Генрихѣ IV. Эта эпоха недостаточно удалена отъ насъ, чтобы не возбудить страстей. Сцена нуждается въ нѣкоторой долѣ древности...» Выводить на сценѣ монастыри и духовенство — тоже запрещается. Какъ только Наполеонъ задумалъ разводиться съ Жозефиной, такъ тотчасъ же наложилъ запрещеніе на всѣ пьесы, трактующія о разводѣ, не исключая и «Британника» Расина. Одно время Наполеонъ рѣшилъ даже самому воплощать въ себѣ всю цензуру, но, къ счастію, разныя внѣшнія событія помѣшали ему выполнить это намѣреніе. Изъ переводныхъ пьесъ подверглись, между прочимъ, запрещенію: «Разбойники», «Марія Стюартъ» и «Вильгельмъ Телль» Шиллера; «Фаустъ» Гёте; «Аттила» Вернера и многія пьесы Коцебу. Наконецъ—фактъ

Digitized by Google

самой крупной важности—цензоры не ограничиваются ролью полицейской, а начинаютъ входить въ литературную оцѣнку представляемыхъ имъ пьесъ. Результатомъ такого режима было полное паденіе театра. Пишутся и ставятся только плоскія воспѣванія славы имперіи. 1811 годъ далъ четырнадцать пьесъ на рожденіе Римскаго короля.

Реставрація, разрѣшивъ печатаніе пьесъ безъ разрѣшенія цензоровъ, не давала тѣмъ самымъ бо́льшей свободы театру, ибо для представленій попрежнему требовалось разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ. Вдобавокъ общее тревожное настроеніе и яростная борьба всѣхъ партій не могли не отразиться и на театрѣ, на который правительство смотритъ, какъ на очагъ якобинизма. Положимъ, и публика пользуется всякимъ поводомъ, чтобы рѣзко выразить свое порицаніе господствующему режиму. Запрещено упоминать со сцены даже самыя имена Маренго, Арколь, Аустерлицъ, и вообще всего, что̀ можетъ хоть отдаленно напоминать о Бонапартѣ. Только въ 1821 г., послѣ смерти плѣннаго Наполеона, реставраціонное правительство начинаетъ нѣсколько приходить въ себя отъ прежняго ужаса и разрѣшаетъ даже артистамъ гримироваться Наполеономъ. Но свирѣпости цензуры продолжаются, и трагедіи Вольтера не только запрещены къ представленію, но даже упоминать о немъ не позволяется. Съ восшествіемъ на престолъ Карла X прессѣ первоначально дается почти полная свобода и разрѣшаются всѣ запрещенныя ранѣе пьесы. Но это длится недолго. Вліяніе духовенства сказывается все сильнѣе; на сценѣ запрещены духовные костюмы, удаляются изъ пьесъ всѣ духовныя лица, даже невинное названіе салата «борода капуцина» кажется неблагонамѣреннымъ, и автору предложено выбрать какой-нибудь болѣе «свѣтскій» салатъ. Публика въ отместку яростно рукоплещетъ «Тартюфу». Одновременно начинаются первыя стычки романтиковъ съ псевдо-классической школой. Гюго тщетно пытается поставить «Маріонъ Делормъ», а представленія «Эрнани» вызываютъ знаменитыя битвы въ Comédie Française, происходившія каждый вечеръ, въ теченіе сорока пяти представленій этой драмы. Впрочемъ, въ эти побоища правительство предпочитало не вмѣшиваться, такъ что даже въ отвѣтъ на петицію семи академиковъ о недопущеніи въ Comédie Française пьесъ, зараженныхъ романтизмомъ, Карлъ X только остроумно отвѣтилъ, что въ вопросахъ драмы его мѣсто, какъ и всѣхъ, только въ партерѣ.

Послѣ сверженія Карла X и воцаренія Луи Филиппа, цензура была торжественно отмѣнена параграфомъ 7 Хартіи, принятой обѣими палатами. Но о сценическихъ представленіяхъ не было сказано ни слова, пользуясь чѣмъ, полиція запретила въ 1832 г. драму Гюго «Le roi s'amuse». Возникъ громкій процессъ, окончившійся торжествомъ правительства. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о театральной цензурѣ оставался открытымъ, и правительство старалось его обходить, испрашивая каждый годъ возстановленія кредита, относящагося къ театральной цензурѣ. Въ ожиданіи театры пользуются почти полной свободой, даже запрещенная въ теченіе 15-ти лѣтъ императорская эпопея допускается на сцену во всѣхъ видахъ. Сатира не щадитъ ни учрежденій, ни министровъ, ни даже короля, такъ что мѣра терпѣнія правительства, наконецъ, переполняется, и законъ 1835 г. возстановляетъ драматическую цензуру; снова требуется предварительное разрѣшеніе спеціальной цензурной комиссіи изъ четырехъ экзаменаторовъ. Если необходимы сокращенія или измѣненія, то комиссія сносится непосредственно съ самими авторами. Впрочемъ, большинство вопросовъ, занимавшихъ комиссію, было изъ области нравовъ и морали, ибо за 12 лѣтъ поступило пьесъ политическихъ не болѣе 30. Тѣмъ не менѣе съ возстановленіемъ цензуры исчезли изъ репертуара всѣ непріятныя правительству пьесы, въ родѣ «Сына императора», «Аустерлицкой битвы» и т. п. Даже въ «Гугенотахъ» Скрибъ вынужденъ замѣнить Екатерину Медичи графомъ Сенъ-Бри.

Революція 1848 года уничтожила законъ 1835 г. Однако, была учреждена комиссія, на обязанности которой лежало наблюденіе за театрами. Но задачи ея были опредѣлены весьма туманно, а потому и дѣйствовала она вяло и скоро сама собою прекратилась. Въ 1849 г. Государственный Совѣтъ предложилъ на обсужденіе компетентнымъ лицамъ проектъ закона о театральной цензурѣ. Интересны результаты этого обсужденія. За цензуру высказались, между прочимъ, Ренье, Прово, Оберъ, Арно и др. За цензуру же, но съ крупными измѣненіями — Скрибъ, Галеви, Ам-

Digitized by Google

броазъ Тома и др. Противъ, но съ однимъ ограниченіемъ, а именно, съ правомъ запрещать пьесу послѣ перваго представленія— Теофилъ Готье, Гюго, Дюма и актеръ Бокажъ. Законъ 30-го іюля 1850 г. предписалъ представлять пьесы предварительно министру внутреннихъ дѣлъ (въ Парижѣ) или префектамъ (въ департаментахъ). Въ 1852 г. 30-го декабря, Наполеонъ III, уже будучи императоромъ, подтвердилъ этотъ законъ своимъ декретомъ. Цензура поручена двумъ комиссіямъ: первая разсматриваетъ рукописи, вторая присутствуетъ на генеральныхъ репетиціяхъ. Въ 1861 г. въ помощь этой второй комиссіи учреждена должность комиссаръ-инспектора театровъ, дабы присмотръ не ограничивался однѣми генеральными репетиціями и первыми представленіями, а дѣйствовалъ, такъ сказать, ежечасно и ежеминутно. Цензура второй имперіи чрезвычайно мелочна и придирчива; она не допускаетъ никакой, даже самой невинной критики правительственныхъ учрежденій и даже чиновниковъ, и чѣмъ высокопоставленнѣе лицо, тѣмъ горячѣе защищаетъ его цензура. Какой-то невиннѣйшій водевиль, подъ названіемъ «Взглядъ министра», возбуждаетъ крайній переполохъ среди цензоровъ, и они успокоиваются лишь тогда, когда подозрительное заглавіе замѣнено другимъ. Но что еще хуже, цензоры все больше и больше обращаются въ литературныхъ критиковъ, требуютъ отъ авторовъ измѣненій въ самомъ планѣ пьесъ, придираются къ психологическому развитію характеровъ и даже къ слогу. Въ вопросахъ морали цензура проявляетъ какую-то вполнѣ фантастическую непослѣдовательность. Въ пьесѣ «Etrangère» ей кажется безнравственнымъ, что жена-княгиня принимаетъ своего мужа въ спальнѣ куртизанки; въ «Chandelier» Мюссе ее возмущаютъ солдатскія любовныя похожденія Клавароша, страстность Жакелины и вся роль Фортуніо; но рядомъ съ этимъ она свободно разрѣшаетъ «Прекрасную Елену» и всѣ «обозрѣнія», какъ разъ только-что входящія въ моду и являющіяся только поводомъ для выставки цѣлыхъ грудъ обнаженныхъ женскихъ тѣлъ.

Такъ какъ вторая имперія усиленно заигрываетъ съ духовенствомъ, то цензура всячески старается угодить этому послѣднему. Пьеса «Ханжа» запрещена по настоянію обитателей квартала St. Sulpice, а передѣлка въ пьесу романа Гюго Notre-dame de Paris признана невозможной изъ-за преступной личности священника Клода Фролло.

По соображеніямъ политическимъ цензура запрещаетъ «Лоренцаччіо» Мюссе: «Развратъ и жестокости молодого герцога Флоренціи Александра Медичи, гласитъ отзывъ цензоровъ, самое убійство герцога однимъ изъ его родственникомъ, типомъ низко-павшимъ и озвѣрѣвшимъ, все это кажется намъ опаснымъ для представленія передъ публикой». Наконецъ, 13-го апрѣля 1870 г. цензура запрещаетъ пѣть на сценѣ «марсельезу»!

Кромѣ такихъ, болѣе или менѣе остроумныхъ соображеній внутренней политики, были еще соображенія политики внѣшней, постоянно мѣнявшіяся, въ зависимости отъ дипломатическихъ отношеній данной минуты. Такъ, до начала Крымской войны была разрѣшена пьеса «Казаки», чтобы зондировать общественное мнѣніе относительно Россіи, но послѣ Парижскаго мира все русское тщательно охраняется и покровительствуется цензурой, зато австрійцы отданы во власть драматургамъ.

Паденіе второй имперіи въ общемъ не отразилось на законодательствѣ о цензурѣ. Декретъ 1874 г. утвердилъ законъ Наполеона III о цензурѣ предварительной и репрессивной. Съ 1870 по 1891 г. эта послѣдняя дѣйствовала не менѣе энергично, чѣмъ первая. Такъ, послѣ первыхъ представленій были запрещены «Золотой напитокъ», «Лоэнгринъ» и «Fille Eliza». Съ этой послѣдней пьесой вышелъ цѣлый скандалъ. Цензура возмутилась тѣмъ, что авторъ выводитъ на сцену проститутокъ, и, не смотря на всю тактичность, съ которой Гонкуръ обработалъ свою драму, ее не допустили къ дальнѣйшимъ представленіямъ. Въ палатѣ депутатовъ это дало поводъ къ интереснымъ преніямъ между Мильераномъ и министромъ искусствъ, Буржуа. Первый отстаивалъ пьесу, доказывая что любое современное «обозрѣніе» съ деракой выставкой полунагихъ женскихъ тѣлъ гораздо безнравственнѣе серіозной и вдумчивой драмы Гонкура. Буржуа въ оправданіе запрещенія сталъ читать выдержки изъ пьесы, но высоко-нравственная палата заткнула уши и даже какой-то краснѣющій депутатъ приказалъ министру перестать! Пьеса была запрещена; но черезъ нѣсколько лѣтъ ее, тѣмъ не менѣе, все-таки поставили, и она не только не вызвала никакихъ скандаловъ но даже оказалась едва-ли не самой нрав-

Digitized by Google

ственной пьесой сезона. Въ 1891 г. былъ запрещенъ совѣтомъ министерства «Термидоръ» Сарду, какъ пьеса реакціонная и антиреспубликанская, хотя цензура эту драму пропустила. Послѣдствіемъ явился запросъ депутатовъ Пру и Лесенна объ отмѣнѣ цензуры, вызвавшій второе (послѣ 1849 г.) обсужденіе этого вопроса компетентными лицами. Дусе, Дюма, Мельякъ, артистъ Го и министръ искусствъ высказались за цензуру; Вакери, Зола, Ришпенъ, Биссонъ, Антуанъ и др. энергично требовали ея уничтоженія. Впрочемъ, дебаты эти ни къ чему не привели. Съ тѣхъ поръ были запрещены «Décadence», рисующая отношенія обѣднѣвшей аристократіи и богатаго еврейства; «Ces messieurs», трактующая о развращающемъ вліяніи патеровъ на женщинъ; и, наконецъ, «Avariés», гдѣ рисуются печальные результаты современнаго отношенія общества къ сифилису и его губительное вліяніе на цѣлыя семьи и поколѣнія. Запрещеніе этой послѣдней пьесы вызвало новые протесты противъ цензуры, оставшіеся столь же безрезультатными, какъ и предыдущіе.

Въ настоящее время театральная цензура во Франціи организована слѣдующимъ образомъ: высшею властью является министръ народнаго просвѣщенія. Комиссія, разсматривающая рукописи пьесъ, состоитъ изъ 4 членовъ. За двѣ недѣли до представленія всякая пьеса должна быть имъ представлена. Разрѣшеніе можетъ быть полное или условное, и только послѣ этого разрѣшенія можно объявлять въ афишахъ о первомъ представленіи. На рѣшеніе комиссіи авторъ можетъ апеллировать къ министру, и его рѣшеніе является окончательнымъ. Генеральная репетиція должна состояться по меньшей мѣрѣ за сутки до спектакля и быть полнымъ, до мелочей, подобіемъ послѣдняго въ смыслѣ костюмовъ, аксессуаровъ, освѣщенія и тому подобнаго, дабы присутствующій на ней инспекторъ театровъ могъ составить себѣ полное представленіе о пьесѣ. Послѣ этого въ пьесѣ нельзя измѣнить ни іоты. Пьесы, запрещенныя въ Парижѣ, запрещены тѣмъ самымъ для всей Франціи; но пьесы, разрѣшенныя въ Парижѣ, могутъ быть по мѣстнымъ соображеніямъ запрещены въ провинціи; такъ, во многихъ южныхъ городахъ, напримѣръ, въ Нимѣ, опера «Гугеноты» не шла ни разу, изъ-за религіозныхъ разногласій. Цензурѣ подлежитъ все, что̀ дается на сценѣ, какъ пьесы, оперы и обозрѣнія, такъ и отдѣльные сценки, пѣсни, монологи, даже балеты и пантомимы. Но, по странной случайности, предварительной цензурѣ не подлежатъ всевозможныя ярмарочныя и балаганныя представленія; ихъ можетъ запрещать полиція лишь послѣ перваго представленія. Что̀ же касается до кафе-концертовъ, то директора ихъ обязаны представлять за сутки точныя программы на каждый вечеръ, которыя по утвержденіи и представляются полицейскому агенту, наблюдающему за даннымъ заведеніемъ.

Есть три только случая, при которыхъ цензура обязана запретить пьесу: 1) если пьеса можетъ вызвать осложненія въ области внѣшней политики; 2) если пьеса является призывомъ къ преступленію или злодѣянію и 3) если она задѣваетъ права или достоинство частнаго лица. Но изъ перечисленныхъ выше запрещеній ясно, что цензура далеко не всегда строго ограничивается своими тремя случаями. Цензора не отвѣтственны за свои запрещенія ни передъ авторами, ни передъ директорами театровъ. Оригинально, что наказанія за нарушенія законовъ цензуры въ строгомъ смыслѣ слова во Франціи нѣтъ. Вся кара ограничивается полицейскимъ штрафомъ отъ 1—50 до 5 франковъ и трехдневнымъ арестомъ въ случаѣ рецидива.

Въ заключеніе своего интереснаго изслѣдованія Каюэ даетъ краткій обзоръ театральной цензуры въ другихъ странахъ Европы и въ Соединенныхъ Штатахъ. Цензура эта въ большинствѣ случаевъ мало чѣмъ отличается отъ французской; исключеніе составляетъ Бельгія, не имѣющая вовсе предварительной цензуры, и Соединенные Штаты, гдѣ предварительную цензуру могутъ вести только частныя общества, требуя судомъ запрещенія вредныхъ или безнравственныхъ пьесъ, цензура же репрессивная принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ какъ администраціи, такъ и частной иниціативѣ. Напримѣръ, тамъ еще недавно была запрещена «Сафо» Додэ. Совсѣмъ своеобразно стоитъ вопросъ о цензурѣ въ Португаліи. Тамъ нѣтъ обязательной предварительной цензуры, но директоры, не желающіе рисковать получить запрещеніе послѣ перваго представленія, могутъ предъявлять пьесы въ цензурную комиссію, состоящую

Digitized by Google

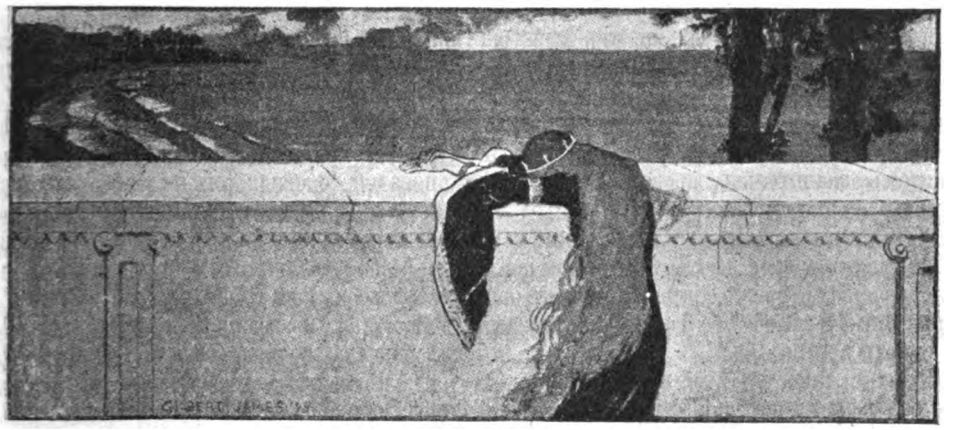
изъ 4-хъ литераторовъ, подъ предсѣдательствомъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Изъ всей длинной и обстоятельной исторіи французской театральной цензуры можно вывести нѣсколько общихъ заключеній. Съ самаго перваго момента возникновенія цензуры (1706 г.) и до послѣдняго времени, какія бы правительства ни смѣнялись во Франціи, отношеніе ихъ къ цензурѣ остается всегда въ общемъ одинаковымъ, т. е. она признается полезной и необходимой, являясь опорой правительства въ борьбѣ съ нежелательными ему идеями и теченіями общественными. Каждый новый режимъ или царствованіе начинается со льготъ, три раза (въ 1791, 1830 и 1848 гг.) даже съ полнаго порицанія цензуры, но это настроеніе длится не долго, и соображенія внутренней политики быстро заставляютъ возстановить только-что упраздненное учрежденіе. Характерно, что съ самихъ Среднихъ Вѣковъ эти соображенія внутренней политики стоятъ всегда на первомъ планѣ: даже религія не играетъ столь важной роли въ цензурныхъ строгостяхъ; что же касается до нравственности, то слѣдуетъ признать, что ей отводится всегда послѣднее мѣсто въ заботахъ цензуры объ очищеніи репертуара.

Е. М. С.

Сердцеѣдъ.
Скульптура изъ дерева Виго.

Digitized by Google



БОРЬБА ЗА СВОБОДУ.

генерала Х. Р. де-Ветъ.

(ВОСПОМИНАНІЯ О ТРЕХЛѢТНЕЙ ВОЙНѢ БУРОВЪ СЪ АНГЛИЧАНАМИ).

Въ переводѣ **Льва Жданова.**

III [1]).

Осада Лэдисмита.

1-го ноября созванъ былъ большой военный совѣтъ, на которомъ приняли участіе и уполномоченные делегаты правительства вольныхъ Штатовъ Оранжевой рѣки и Трансваальской республики.

Здѣсь было рѣшено повести осаду Лэдисмита, съ тѣмъ, чтобы, послѣ ряда болѣе или менѣе удачныхъ небольшихъ стычекъ, приступить къ рѣшительной атакѣ и взять городъ.

Съ этой цѣлью генералъ А. П. Кронье выступилъ съ дружиной гейльброннскихъ бургеровъ, съ нѣсколькими отрядами винбурцевъ и гаррисмитцевъ, захвативъ два крупповскихъ орудія, и направился въ обходъ, чтобы занять надежныя позиціи на югѣ и на юго-западѣ отъ Лэдисмита.

2-го—была у насъ легкая стычка съ англичанами, послѣ которой они быстро отступили къ городу.

На другой день разыгралась болѣе серіозная схватка, но безъ особенно значительныхъ послѣдствій для обѣихъ сторонъ.

На этотъ разъ англичане показались изъ Лэдисмита и двинулись по направленію къ юго-западу съ двумя батареями, состоявшими изъ орудій Армстронга, 15-ти 12-ти-фунтоваго калибра.

Артиллерію подкрѣпляли пѣхотинцы, въ количествѣ нѣсколькихъ полковъ и около 1000 человѣкъ конницы.

Какъ и можно было ожидать, врагъ расположилъ свою артиллерію всѣ сферы дѣйствія нашего ружейнаго огня, куда пули не могли уже залетать.

Пытаться ближе подойти къ этимъ батареямъ было бы совершеннымъ безуміемъ съ нашей стороны. При всякой подобной попыткѣ мы неизбѣжно представили бы изъ себя мишень для вражескихъ пушекъ, да еще въ открытомъ полѣ, гдѣ не было для насъ ни малѣйшаго прикрытія.

Тутъ пришлось подать голосъ нашимъ пушкамъ.

Но, какъ и при Ритфонтейнѣ, непріятельскія батареи разразились такимъ частымъ, убійственнымъ огнемъ, что наши орудія быстро были вынуждены замолчать.

Послѣ такой безплодной артиллерійской перестрѣлки стало ясно, что исходъ всего

---

[1]) См. «Новый Журн. Иностр. Лит.», № 1, 1903 г.

Digitized by Google

боя зависитъ исключительно отъ дѣйствій пѣхоты и кавалеріи.

Хорошо укрѣпясь на своихъ позиціяхъ, мы считали болѣе благоразумнымъ выжидать атаки со стороны непріятеля, который числомъ значительно превосходилъ нашу армію.

Тогда англичане рѣшились, въ концѣ концовъ, двинуть впередъ своихъ пѣхотинцевъ, наступленіе которыхъ совершалось подъ прикрытіемъ 12-ти орудій, изрыгавшихъ пламя и смерть противъ насъ.

Однако, такое грозное наступленіе было не болѣе, какъ военная хитрость. Врагъ хотѣлъ лишь отвлечь наше вниманіе отъ движенія своей конницы. Его пѣхота на насъ шла молча, безъ единаго выстрѣла.

Въ это самое мгновеніе конница англичанъ сдѣлала попытку обойти наши позиціи съ востока.

Однако, имъ не удалось застать насъ врасплохъ. И каждый разъ, какъ только какой-нибудь вражескій кавалерійскій отрядъ показывался въ сферѣ нашего огня, одна изъ бурскихъ пушекъ, расположенныхъ на плоской вершинѣ высокаго холма или на tafelkop, понашему, съ фланга осыпала нападающихъ такимъ огнемъ, что приходилось поворачивать коней и уходить.

Такимъ образомъ, мы не могли спуститься съ нашихъ позицій въ чистое поле и атаковать врага, изъ опасенія быть раздавленными превосходной по числу арміей англичанъ. Также не могли мы и противостоять въ артиллерійскомъ бою противъ сильныхъ батарей непріятеля.

Съ другой стороны, у англичанъ пѣхота не рѣшалась близко подойти къ нашимъ окопамъ, чтобы снова не свести знакомства съ нашими винтовками Маузера, знакомства весьма непріятнаго, какъ врагу то было извѣстно по горькому опыту.

Кавалерія же, измученная, многократно отраженная огнемъ нашихъ орудій, расположенныхъ на тафелькопѣ, только и знала, что носилась безцѣльно вокругъ да около нашихъ позицій.

Словомъ, получалось нѣчто въ родѣ «игрушечной», опереточной войны, какъ ее называютъ.

Намъ нельзя было терять ни одной минуты даромъ, и такая забава не представляла для насъ ничего утѣшительнаго. Просто отчаяніе брало, что мы не можемъ, какъ привыкли всегда, добиться въ настоящемъ случаѣ какихъ-либо полезныхъ, дѣльныхъ результатовъ.

Англичане, съ своей стороны, всю серіозную сторону дѣла замѣнили оглушительной канонадой, очевидно, и не заботясь о какихъ-либо ощутительныхъ результатахъ боя.

И когда уши у нихъ у самихъ утомились отъ безплоднаго грохота орудій, они поднялись и вернулись въ Лэдисмитъ.

Все-таки, во время этого ненужнаго боя мы понесли потерю людьми. Одинъ былъ убитъ и ранено шестеро ратниковъ, среди которыхъ находился и Мартинъ Эльсъ, фельдкорнетъ изъ Гейльбронна.

Понесли уронъ и англичане, но какой?— мы этого опредѣлить точно не могли. Во всякомъ случаѣ, полагаю, уронъ ихъ былъ невеликъ.

Съ этого самаго дня и вплоть до моего выступленія изъ Наталя, отъ времени до времени завязывалась перестрѣлка, происходили небольшія стычки англичанъ какъ съ отрядами трансваальцевъ, такъ и съ нашими ратниками, оранжистами, но онѣ не вліяли нисколько на общій ходъ военныхъ дѣйствій.

Все-таки, именно въ это самое время, въ ночь на 8-е декабря, самое крупное орудіе трансваальцевъ, пресловутый Long-Tom, установленный на вершинѣ Булувана, чуть было совершенно не погибъ отъ взрыва динамита, но какъ-то уцѣлѣлъ и только сильно пострадалъ; такъ что долгое время не могъ быть употребленъ въ дѣло.

И, надо признаться, что во время ночного нападенія своего на это орудіе враги, особенно англійскіе офицеры, проявили величайшее мужество и ловкость.

Конечно, нечаянное нападеніе имъ совсѣмъ бы не удалось, будь сторожевая служба лучше устроена въ нашихъ войскахъ.

Все-таки мы воспользовались урокомъ, и бдительность вождей, особенно среди трансваальцевъ, теперь удвоилась.

Между тѣмъ, еще въ теченіе ноября генералъ сэръ Рэдвэрсъ Буллеръ высадился на берегъ Африки въ Каптоунѣ.

Полагали, что онъ приметъ начальство надъ британской арміей, расположенной между Эсткортомъ и Коллэнзо.

Армія эта, получая непрерывно подкрѣпленіе изъ-за моря, росла и крѣпла съ каждымъ часомъ, съ каждымъ днемъ.

Digitized by Google

Развѣдчики наши намъ доносили, что даже на глазъ темное пятно, которое представлялъ среди полей шумный непріятельскій лагерь, растетъ и ширится непомѣрно.

Ясно, что готовилось неудержимое вторженіе, предстояла правильная осада, съ цѣлью взять насъ изморомъ, сокрушить нашу дорогую свободу.

А мы? Гдѣ, откуда могли мы требовать или искать и ждать себѣ подкрѣпленій? Развѣ въ нашемъ собственномъ мужествѣ, которое росло съ каждымъ днемъ?

Но было ли этого достаточно?

Какъ бы то ни было, всѣ ждали великихъ подвиговъ отъ сэра Рэдвэрса Буллера, фамилію котораго буры, играя созвучіями, исказили и прозвали генерала просто: «lubber», то-есть «чистунъ»; такъ зовутся у насъ люди, совершающіе кастрацію животныхъ.

И на самомъ дѣлѣ, едва вступивъ ногой въ Наталь, онъ попытался нанести намъ тяжелый ударъ, который совершенно не удался.

Но я воздержусь здѣсь отъ порицанія и поступковъ этого генерала, такъ какъ самъ не былъ очевидцемъ его дѣйствій.

Пожалуй, мнѣ пришлось бы даже выступить на его защиту, какъ это дѣлали и сами англичане. Буллеръ явился къ намъ въ такое мгновеніе, когда еще и рѣшимость наша и наши военныя силы были почти не тронуты, не страдали ни отъ усталости, ни отъ разочарованій. Въ ожиданіи наступленія англичанъ мы выбрали для себя превосходныя, основательно-укрѣпленныя позиціи.

Такъ, если даже послѣ двухлѣтней упорной борьбы, въ которой на одного бура приходилось 20 человѣкъ англичанъ, врагъ былъ принужденъ считаться съ нами и очень серіозно, нѣтъ ничего удивительнаго, если въ началѣ войны британцы, хотя и подготовленные самымъ лучшимъ образомъ къ нападенію, терпѣли отъ насъ тяжелый, кровавый уронъ за урономъ, который мы наносили имъ навѣрняка.

IV.

Я назначенъ боевымъ генераломъ.

Немного времени спустя послѣ всего вышеописаннаго, какъ разъ 9-го декабря получилъ я отъ президента Штейна по телеграфу предложеніе: принять на себя званіе боевого генерала.

Тѣмъ же путемъ, немедленно отвѣтилъ я президенту, что прошу дать мнѣ хотя немного времени для обсужденія этого назначенія, при чемъ подтвердилъ, что единственная честолюбивая мысль занимала меня, когда я выступалъ на войну: это—исполнить долгъ каждаго зауряднаго, честнаго гражданина.

Только-что успѣлъ я отправить эту телеграмму, какъ пришла ко мнѣ другая, отъ М. А. Фишера, члена исполнительнаго совѣта нашей республики, человѣка, котораго я уважалъ всегда и ставилъ очень высоко.

Онъ тоже предлагалъ мнѣ не уклоняться отъ предложенія, сдѣланнаго президентомъ Штейномъ, и немедленно выступить къ нашимъ западнымъ границамъ.

Тогда я счелъ своей обязанностью принять отвѣтственное назначеніе, хотя оно и казалось мнѣ слишкомъ многотруднымъ.

Я тѣмъ болѣе предвкушалъ всю его тягость, что безостановочно принималъ участіе въ войнѣ съ самаго ея возникновенія и не питалъ никакихъ заблужденій по поводу многихъ, еще предстоявшихъ намъ испытаній и трудностей.

Итакъ, я принялъ свое назначеніе боевымъ генераломъ.

Никогда не позабыть мнѣ того дня, когда я покидалъ своихъ соратниковъ изъ дружины Гейльбронна, людей, среди которыхъ безмятежно текла моя мирная фермерская жизнь, начиная съ самыхъ младенческихъ лѣтъ.

При разставаньи я завѣрилъ ихъ, что не забуду друзей никогда. И если, по необходимости, мы разстаемся тѣлесно, душа моя будетъ всегда съ ними, трепещущая однимъ и тѣмъ же горячимъ желаніемъ: спасти нашу родину отъ врага.

Начальникъ дружины, Стенекампъ, охотно разрѣшилъ мнѣ взять съ собой 40 человѣкъ изъ числа наиболѣе дружественныхъ и близкихъ мнѣ людей.

Кони были ужъ осѣдланы, ружья на перевязи и, посылая рукою прощальный привѣтъ собратьямъ по нуждѣ, которыхъ съ тяжелымъ сердцемъ покидали мы, стремясь навстрѣчу инымъ опасностямъ, въ галопъ двинулись мы впередъ, и скоро весь нашъ маленькій отрядъ потонулъ въ безбрежномъ просторѣ родныхъ полей.

На другой же день прибыли мы въ Элладсаагтэ. Отсюда особый поѣздъ, предоста-

Digitized by Google

вленный намъ трансваальскимъ правительствомъ, долженъ былъ насъ довезти до Блэмфонтейна.

По моему приказанію, мы мчались по рельсамъ безъ передышки впередъ. Станціи только мелькали въ окнахъ вагона, и паровозъ остановился лишь на станціи Вильжоэнсдрифтъ, предѣльнаго пункта, до котораго могъ дойти нашъ экстренный поѣздъ.

Здѣсь, не смотря на все мое нетерпѣніе, не взирая на приказъ моего правительства, вынужденъ я былъ просидѣть и прождать цѣлыхъ 6 часовъ и только среди глубокой ночи могъ занять мѣсто въ обыкновенномъ пассажирскомъ поѣздѣ и медленно двинулся дальше въ свой путь.

Только 16-го декабря добрался я до Магерсфонтейна. Здѣсь я узналъ, что во время моего путешествія мы въ трехъ цѣлыхъ битвахъ одержали побѣду надъ англичанами, близъ Колэнзо, близъ Магерсфонтейна и у Стромберга. У Колэнзо, напримѣръ, англичане понесли жестокій уронъ и вынуждены были отдать намъ 10 своихъ орудій.

Сраженіе подъ Магерсфонтейномъ было также для нихъ очень неудачнымъ. Въ немъ потеряли англичане своего генерала Ванчопа. Наконецъ, подъ Стромбергомъ отняли мы у врага три орудія и взяли въ плѣнъ 700 человѣкъ.

Собственно, у Магерсфонтейна я и вступилъ въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей.

На меня возложено было порученіе: войти въ сношенія и дѣйствовать заодно съ тремя другими вождями: съ К. Я. Вессельсомъ, расположившимъ свой станъ подъ Кимберлеемъ, съ Э. Р. Гробблеромъ, который начальствовалъ отрядами Колесберга, и съ Я. Г. Оливье, начальникомъ гарнизона въ Стромбергѣ.

При этомъ К. Я. Вессельсу было поручено главное начальство надъ остальными тремя изъ всѣхъ насъ, четверыхъ.

Кромѣ того отрядъ въ 7,000 человѣкъ трансваальцевъ изъ арміи генерала Пита Кронье, находившійся подъ непосредственной командой генерала де-ла-Рея, долженъ былъ поддерживать насъ во время всѣхъ нашихъ операцій.

Какъ только удалось мнѣ собрать и привести въ порядокъ свои отряды, я рѣшилъ начать наступленіе на врага.

Какъ мнѣ, такъ и генералу де-ла-Рею казалось необходимымъ елико возможно скорѣе отрѣзать лорду Метуэну всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ по рельсовымъ путямъ.

Планъ свой мы сообщили генералу Питу Кронье, требуя отъ него вспомогательный отрядъ въ полторы тысячи буровъ, необходимый намъ для выполненія нашихъ намѣреній.

Не смотря на упорныя настоянія, генералъ П. Кронье въ просьбѣ намъ отказалъ, опасаясь отзывать людей отъ очень важной позиціи при Магерсфонтейнѣ.

Нѣсколько дней спустя де-ла-Рей отозванъ былъ въ Колесбергъ. Такимъ образомъ, подъ моимъ начальствомъ оказались и трансваальцы, составлявшіе магерсфонтейнскій отрядъ. Всѣ приказанія мы получали непосредственно отъ генерала П. Кронье, котораго правительство республики назначило верховнымъ вождемъ всѣхъ бурскихъ силъ, расположенныхъ вокругъ этого города.

У меня подъ командой состояли: корнетъ дю-Прэзъ съ бургерами изъ Гофстадта, корнетъ дю-Плэсси, а позднѣе—корнетъ Дидериксъ съ частью ратниковъ изъ Босгофа, Гроблеръ изъ Форэсмита, Д. Луббэ изъ Якобсдаля, Питъ Фурнье изъ Блэмфонтейна, Игнатій Ферейра изъ Лэдибранда, Поль де-Вилльеръ изъ Фиксбурга и, наконецъ, начальники отрядовъ: Я. Кокъ и Іордаанъ изъ Винбурга съ ихъ ратниками.

Мнѣ приходилось съ этими силами защищать позицію, которая по лицевой линіи тянулась на 15 километровъ.

И хотя первые дни у насъ прошли только въ ожиданіи англичанъ, расположившихся на Моддерриверѣ, я за всю войну не велъ болѣе утомительнаго и дѣятельнаго образа жизни, чѣмъ за эти нѣсколько дней передышки между боевыми стычками.

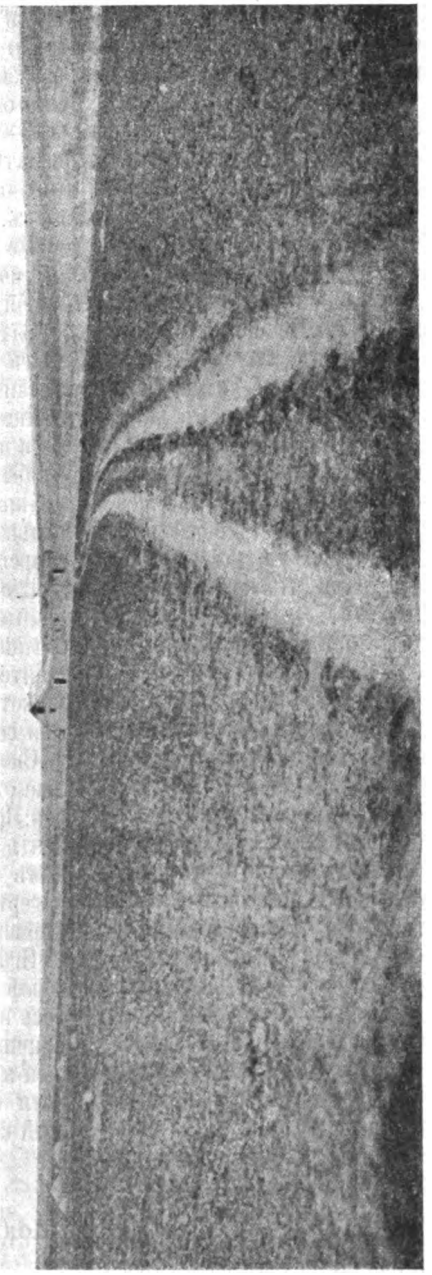
Каждый день приходилось наблюдать: все ли въ порядкѣ на линіи? Нужно было будить одушевленіе и рвеніе къ дѣлу въ своихъ офицерахъ, видѣть и убѣдиться собственными глазами, что каждый исправенъ и на своемъ посту.

Собственно, это и не составляло для меня труда, если бы не приходилось поддерживать бодрость духа во всемъ отрядѣ и вѣчно подавлять неудовольствіе, жалобы, пени, то и дѣло раздававшіяся со стороны нѣкоторыхъ болѣе малодушныхъ изъ моихъ соратниковъ.

И такихъ было большинство.

Digitized by Google

Здѣсь у одного не хватало людей. Другой находилъ, что у него, наоборотъ, въ отрядѣ ихъ слишкомъ много... И такъ далѣе.



Бурская форма.

Терпѣливо приходилось выслушивать всѣхъ, такъ какъ я успѣлъ убѣдиться въ необходимости обладать выдержкой и терпѣніемъ еще тогда, когда наблюдалъ всяческія недоразумѣнія, когда слышалъ обвиненія и ропотъ, какими сопровождалась раздача мясныхъ порціоновъ моимъ соратникамъ-бурамъ въ первые дни призыва нашего на войну за родину.

Digitized by Google

Терпѣніе одно было такъ же необходимо въ дѣлѣ нашей войны, какъ и самое высокое мужество!..

Въ это самое время англичане, не отваживаясь напасть на наши позиціи, занимались тѣмъ, что разстрѣливали насъ издалека при помощи своихъ гигантскихъ орудій, метавшихъ огромные снаряды, начиненные лидиттомъ.

Въ теченіе, напримѣръ, одного только дня ухитрились они осыпать наши линіи 417-ью метательными снарядами.

Не смотря на такую адскую канонаду, мы очень мало страдали отъ нея.

Если память мнѣ не измѣняетъ, только и было у насъ, что три случая, когда эти губительные снаряды достигали цѣли.

Первымъ пострадалъ молодой бургеръ, сынъ М. Гедеона Таудера, члена нашего исполнительнаго совѣта. Выѣхавъ какъ-то верхомъ, онъ былъ настигнутъ шальнымъ снарядомъ и убитъ вмѣстѣ съ лошадью, тутъ же, наповалъ.

Въ другомъ еще случаѣ,—два брата Вольфарда изъ Почефстрома такъ тяжело были оба ранены осколками, что не надѣялись на ихъ спасеніе.

Тѣмъ не менѣе, они оба уцѣлѣли и поправились.

Является вопросъ: отчего такъ мало жертвъ унесла изъ нашихъ рядовъ такая ужасная и хорошо направленная бомбардировка?..

Вопросъ этотъ является у меня и сейчасъ, когда я припоминаю, съ какою точностью англійскіе артиллеристы умѣли вычислять разстоянія и, такимъ образомъ, почти снарядъ за снарядомъ, безъ промаха, посылали на линію нашихъ окоповъ...

И единственно, чему могу я приписать наше счастіе, нашу удачу—это помощи Всесильнаго Провидѣнія, хранившаго насъ.

Въ этомъ я вижу лишь неисповѣдимыя пути Его, предъ которыми долженъ преклониться въ молчаніи...

Эта же самая, яростная канонада доказывала намъ, что лордъ Мэтуэнъ боится напасть открыто на наши позиціи.

Но я ничего не говорилъ моимъ бурамъ, опасаясь, что они тогда совершенно распустятся.

Въ сущности, всѣ они были не что иное, какъ взрослыя дѣти, которыхъ ужасно тяготила война, хотя они сражались весьма отважно; но всѣ они при этомъ полагали, что англичане очень опасные и грозные враги, которыхъ надо беречься каждую минуту... Этимъ только и держался необходимый порядокъ и дисциплина въ рядахъ нашихъ ратниковъ.

Но самому генералу П. Кронье я прямо высказывалъ всѣ свои догадки и опасенія много разъ.

— Непріятель, очевидно, не думаетъ нападать на нашъ фронтъ, — говорилъ я. — Онъ обойдетъ позиціи наши и ударитъ въ тылъ.

Но генералъ-аншефъ и вниманія никакого не пожелалъ обратить на мои предостереженія.

Затѣмъ, съ другой стороны, еще болѣе, чѣмъ градъ ядеръ, посылаемыхъ къ намъ англичанами, мѣшали мнѣ и стѣсняли малѣйшее движеніе толпы женщинъ, которыя, то и дѣло, появлялись въ нашемъ лагерѣ, чтобы повидаться и провѣдать своихъ мужей.

Писалъ я объ этомъ по начальству, своему правительству: очень просилъ, чтобы было запрещено появленіе женщинъ въ отрядахъ.

Все напрасно!

Эта типичная черта бурской лагерной жизни, когда мы стояли подъ огнемъ непріятеля, лучше многихъ и долгихъ описаній можетъ показать читателю, какъ понимали мои сограждане веденіе серіозной войны.

Спору нѣтъ, что всѣ они были превосходные стрѣлки, отважные ратники во время боя. Но разъ сраженіе кончилось, они больше знать ничего не хотѣли, ни заботились ни о чемъ рѣшительно и желали въ военномъ лагерѣ вести свою обычную жизнь мирныхъ фермеровъ, какую всѣ ведутъ у насъ въ краю.

П. Кронье словно корни пустилъ при Магерсфонтейнѣ... Женщинами былъ наводненъ весь нашъ станъ. Все это являлось основной причиной тѣхъ печальныхъ событій, которыя я могъ съ печалью предвидѣть впереди, хотя еще и не обрушились они на насъ всей свою тяжестью.

V.

Появленіе лорда Робертса съ его полчищами.

И занятіе англичанами позицій подъ Магерсфонтейномъ и ожесточенный артиллерійскій огонь, направленный противъ нашихъ позицій, все это продѣлывалось съ един-

Digitized by Google

ственною цѣлью: задержать движеніе, связать по рукамъ и по ногамъ самую значительную часть нашихъ военныхъ силъ и въ это самое время изготовиться къ нападенію на насъ совершенно съ другой стороны.

И враги не замедлили выполнить свое намѣреніе.

Въ то самое время, какъ мы разсчитывали каждый шагъ, лордъ Робертсъ приближался къ намъ со всей своей многочисленной арміей, которой мы, все-таки, на первыхъ порахъ, могли давать сильный отпоръ.

Такъ, напримѣръ, у Колесберга командиръ Питъ де-Веть и старшій корнетъ Шеманъ успѣли удержаться твердо на своихъ позиціяхъ, хотя изъ-за этого у нихъ, что называется, было хлопотъ полонъ ротъ!

Затѣмъ у Норвальспонта де-ла-Рей сумѣлъ своими незначительными силами задержать наступленіе генералиссимуса британскихъ войскъ, купно съ лордомъ Китченеромъ, шедшаго на буровъ.

Онъ не позволилъ имъ переправиться въ этомъ мѣстѣ черезъ Оранжевую рѣку и даже отбросилъ англичанъ досамаго Моддерривера.

Послѣдствіемъ нашихъ успѣховъ явилась для англичанъ значительная потеря времени. Удайся имъ перейти Оранжевую рѣку именно здѣсь, у Норвальспонта, или въ его окрестностяхъ, и британская армія очень быстро достигла бы линіи желѣзной дороги, которая могла въ кратчайшій срокъ доставить ее къ мѣсту сосредоточенія всѣхъ британскихъ силъ.

Но всѣ удобныя для переправы мѣста на рѣкѣ, на протяженіи 30-ти километровъ, такъ хорошо охранялись нашими бурами, что англичане не рѣшились пойти напроломъ и, прорвавъ охрану, переправиться гдѣ хотѣли. Они опасались испытать горькую участь генерала Рэдвэрса Буллера въ Наталѣ.

Однако, подобная задержка не помѣшала выполненію общаго замысла англичанъ, состоявшаго, какъ я и догадался, въ томъ, чтобы совершенно окружить насъ, значительно превосходящими, по числу, силами.

И вотъ, 11-го февраля 1900 года, сильная колонна, составленная изъ отрядовъ британской конницы, выступила изъ лагеря подъ Моддерриверомъ, чтобы, приблизясь къ Кедесбергу, занять одинъ холмъ, возвышающійся у Ритривера, такъ миляхъ въ 12-ти на западъ.

Какъ мы узнали потомъ, этотъ отрядъ находился подъ командой генерала Френча. Изъ своихъ позицій, расположенныхъ на высотахъ Магерсфонтейна, мы видѣли всѣ приготовленія англійской арміи къ нападенію на насъ.

Тутъ же генералъ Кронье прислалъ мнѣ приказъ: взять 350 человѣкъ ратниковъ и помѣшать маневру врага.

Я потребовалъ было 500 человѣкъ и двѣ пушки для подкрѣпленія, но въ этомъ мнѣ было отказано. Пришлось выступать съ незначительнымъ отрядомъ, безъ особой надежды на успѣшное окончаніе возложенной на насъ задачи.

Только послѣ полудня поспѣлъ я къ Кедесбергу и убѣдился, что вся гора была уже занята непріятелемъ.

Англичане засѣли тамъ и окопались на всемъ южномъ склонѣ и по линіи второго ската, отъ запада на востокъ.

Словомъ, съ той стороны, откуда можно было ожидать нападенія, они возвели каменный валъ-стѣнку, за которымъ превосходно были защищены отряды, расположенные по двумъ склонамъ горы.

У ея подножія, съ южной стороны, вдоль береговъ Ритривера, тянулся лагерь англичанъ.

Хотя положеніе у врага было превосходное и твердо укрѣплено, колебаться и раздумывать намъ, все-таки, было нечего.

Я далъ приказъ къ наступленію. Вмѣстѣ съ корнетомъ К. К. Фронеманомъ, ободряя своихъ бургеровъ, хотя и съ большими усиліями, но почти бѣгомъ добрались мы по скату до вершины горы. Перебѣгая отъ скалы къ скалѣ, достигли мы до желаннаго пункта безъ особой помѣхи со стороны враговъ и подошли къ нимъ на разстояніе всего шаговъ около 700.

Но здѣсь намъ пришлось остановиться, такъ какъ мы были встрѣчены сильнымъ огнемъ англичанъ, которые стрѣляли въ насъ, превосходно укрывшись за возведенной ими каменной стѣной своихъ траншей.

Въ концѣ-концовъ мы даже вынуждены были отступить и ждать наступленія ночи. Только тогда удалось намъ спуститься безъ урона къ подошвѣ «Копа», гдѣ насъ ждали наши кони и временно раскинутый тамъ же небольшой станъ.

На другое утро, совсѣмъ спозаранку, мы уже снова заняли вчерашнія наши мѣста на вершинѣ горы, рѣшивъ на этотъ разъ, во

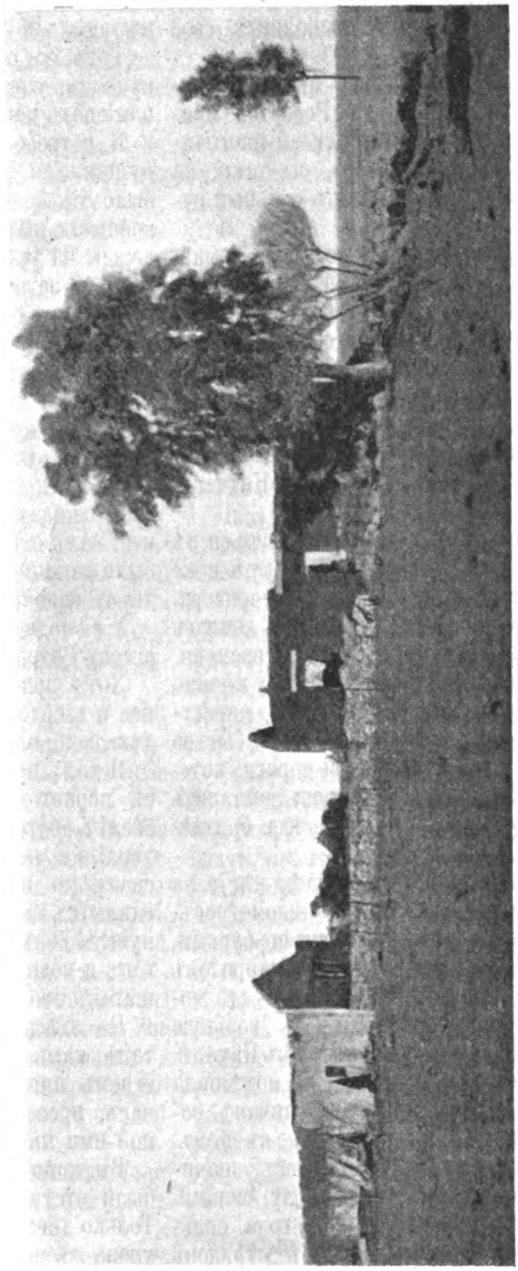
Digitized by Google

что бы то ни стало, не отступать ни на шагъ и устоять передъ ружейнымъ огнемъ врага.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Мы успѣли постепенно подойти всего на 300 шаговъ разстоянія отъ противника.

Можно ли было рѣшиться на новое наступленіе?

Пока я размышлялъ: имѣю ли нравственное право рисковать цѣлостью всего моего малолюднаго отряда и подвергать его случайностямъ, къ намъ подоспѣли подкрѣпленія, высланныя генераломъ Кронье, подъ командой маіора Альбрехта, въ сопровожденіи двухъ орудій.



Ферма буровъ, сожженная англичанами.

Digitized by Google

Въ то же мгновеніе пушки были изготовлены къ стрѣльбѣ и начали разбивать кеменную ограду, за которой такъ хорошо прикрывались англичане.

Очень скоро враги отступили отсюда. Но намъ это не давало никакихъ серіозныхъ преимуществъ, потому что во ста шагахъ дальше англичане не только нашли себѣ другія позиціи, столь же крѣпкія, какъ тѣ, изъ которыхъ мы выбили ихъ, но даже очутились внѣ дѣйствія нашего орудійнаго огня.

Все-таки, пушки наши не теряли времени даромъ. Мы съ пользой употребили ихъ въ дѣло, направивъ на вражескую батарею, расположенную къ югу отъ рѣки.

Послѣ очень оживленной перестрѣлки, англичанамъ пришлось отодвинуть подальше свои орудія.

Я воспользовался этимъ отступленіемъ и выслалъ корнета Фронемана занять весь рѣчной спускъ, а также и ровъ, тянувшійся отсюда на сѣверъ.

Наперерѣзъ Фронеману кинулся сейчасъ же англійскій отрядъ и атаковалъ его, оторвавшись отъ западнаго крыла вражескихъ позицій. Но Фронеманъ молодецки отбилъ нападеніе и успѣлъ удержаться на занятыхъ имъ мѣстахъ у рѣки.

Изъ всего вышеописаннаго ясно, что общій исходъ битвы остался невырѣшенъ.

И Фронеманъ со своими пушками на рѣкѣ, и я со своими бурами на вершинѣ холма, мы только съ великимъ напряженіемъ могли удерживать за собой занятое положеніе, безъ мысли и надежды на то, чтобы рѣшиться прорвать непріятельскія линіи.

Было уже четыре съ половиной часа. День уже клонился къ вечеру.

Увы, мы не знали, что онъ намъ готовитъ еще? Не знали, что онъ не конченъ для насъ!

Въ эту самую минуту отъ одного бура, стоявшаго на посту по восточному скату горы, получилъ я извѣстіе, что сильный кавалерійскій отрядъ въ количествѣ отъ 800 до 1.000 человѣкъ, отдѣлился отъ британскаго лагеря у Моддерривера и, подкрѣпленный двумя орудіями, приближается быстро къ намъ, чтобы ударить въ нашъ тылъ съ востока.

Для задержанія этой новой вражеской силы, которая могла быть для насъ опаснѣй всего отряда генерала Френча, я располагалъ всего горстью свободныхъ ратниковъ, счетомъ— въ 36 человѣкъ.

Больше ни одной души не могъ отдѣлить я отъ отряда въ такую минуту, когда мои сограждане, одинъ противъ троихъ, стояли въ ста шагахъ отъ врага, на вершинѣ холма. Каждый шагъ былъ для насъ гибеленъ подъ мѣткимъ, жестокимъ огнемъ непріятельскихъ стрѣлковъ.

И я не колебался ни одной минуты болѣе.

Быстро съ моими 36-ю бурами спустились мы съ холма, вскочили въ сѣдла и, бросивъ повода, помчались наперерѣзъ подходившему къ англичанамъ подкрѣпленію, чтобы задержать его.

36 противъ тысячи человѣкъ! Положеніе было безнадежное, и единственнымъ выходомъ изъ него мнѣ показалась смѣлая атака на врага.

Взобравшись на вершину небольшого холма, куда мы достигли раньше англичанъ, я рѣшился врѣзаться въ ихъ ряды и разбить ихъ строй на всемъ бѣшеномъ скаку.

Кое-какъ мы перевели духъ, потверже усѣлись въ сѣдлахъ и дали вздохнуть посвободнѣе нашимъ лошадямъ.

Сгрудившись, стояла, страшно напряженная, но молчаливая въ то же время, горсть нашихъ буровъ со мной во главѣ. И всѣ ждали только моего слова, чтобы врѣзаться въ ряды непріятеля.

Но сдѣлать этого не пришлось.

Врагъ словно почуялъ мое намѣреніе. Шагахъ въ 500 отъ насъ англичане остановились, спѣшились съ коней и рѣшили разсѣять насъ, поднятымъ тутъ же, непрерывнымъ и мѣткимъ ружейнымъ огнемъ.

Пришлось имъ отвѣчать выстрѣлами на выстрѣлы, потому что мчаться въ атаку подъ градомъ пуль было бы несомнѣннымъ безуміемъ. Отстрѣливались мы молодецки. Такъ продолжалось, должно быть, съ четверть часа.

Не смотря на все свое мужество, мы стали слабѣть. И зарядовъ ужъ оставалось немного, нельзя было стрѣлять такъ часто, какъ въ началѣ стычки... И ружья, раскаляясь отъ непрестанной стрѣльбы, жгли намъ руки...

— Крѣпитесь! крѣпитесь еще немного! — ободрялъ я своихъ товарищей.

Солнце садится... Продержимся лишь до наступленія темноты... Четверть часа всего... И всѣ мы спасены! [1]).

---

[1]) Ночь въ этихъ широтахъ наступаетъ очень быстро, почти безъ всякихъ сумерекъ дневной свѣтъ замѣняется темнотою.

Digitized by Google

И, наконецъ-то настала ночь! Желанная ночь, которая несла намъ свою помощь и спасеніе...

Ползкомъ, кинувъ лошадей, достигли мы своего отряда.

Англичане тоже, не видя, куда имъ стрѣлять въ темнотѣ, повернули коней и присоединились къ генералу Френчу.

Я и мои буры, мы собрались во временномъ лагерѣ, разбитомъ еще наканунѣ у вершины Копа. Всѣ мы умирали отъ усталости, отъ голода и жажды.

Много позже, въ глухую ночь, подоспѣлъ къ намъ корнетъ Андріесъ Кронье, братъ генерала, во главѣ отряда изъ 250 буровъ, подкрѣпленнаго одной пушкой Максима.

Генералъ Френчъ также воспользовался ночной темнотой, чтобы вернуться къ себѣ въ лагерь. Не могу съ точностью сказать, какъ велики были его потери людьми за весь этотъ печальный день.

Съ нашей же стороны — мы насчитали двухъ убитыхъ и шесть человѣкъ раненыхъ.

Когда мы убѣдились, что генералъ Френчъ удалился подъ сѣнь своихъ палатокъ, намъ не оставалось ничего иного, какъ тоже вернуться въ свой лагерь у Магерсфонтейна.

Добрались мы туда только во второмъ часу, на разсвѣтѣ, и весь слѣдующій день посвященъ былъ отдыху, столь необходимому для всѣхъ.

Эта передышка была тѣмъ болѣе кстати, что на утро другого дня, то есть 13-го февраля, мы со своихъ позицій могли замѣтить, какъ сильный кавалерійскій отрядъ англичанъ выступилъ изъ ихъ главныхъ квартиръ у Моддерривера и двинулся по направленію бриллiантовыхъ копей у Коффифонтейна.

Сейчасъ же я получилъ приказъ отъ генерала Кронье: взять 450 ратниковъ, одно орудіе Круппа, одну «скорострѣлку» Максима и встрѣтить непріятеля на его пути.

Меня сопровождали начальники дружинъ: Андріесъ Кронье, Питъ Фурье, Шольтэнъ и Луббэ.

Мы на ходу опередили враговъ и утромъ другого дня, когда они еще и не поднялись со своей ночевки, мы укрѣпились на фермѣ у Блюбанка, въ округѣ Якобсдаль.

Скоро завязалась между нами битва, но вся она ограничивалась, въ сущности, состязаніемъ артиллерійскихъ орудій, значеніе котораго я легко разгадалъ.

Лордъ Робертсъ, отвлекая насъ къ Коффифонтейну, вовсе не имѣлъ намѣренія дать здѣсь серіозное сраженіе бурамъ и открыть себѣ, такимъ образомъ, путь къ наступленію на Блэмфонтейнъ.

Просто-на-просто, ему хотѣлось разбить наши главныя силы на части, раздѣлить ихъ и, такимъ образомъ, возможно легче достигнуть нашей столицы, минуя Паарденбергсдрифтъ и Кимберлей.

Считая совершенно лишнимъ играть въ руку лорду Робертсу и вступать въ ненужныя для насъ стычки, я прекратилъ бой.

Изъ всего моего отряда я 350 человѣкъ помѣстилъ подъ надежной охраной сосѣднихъ скалъ. Корнету Луббэ я приказалъ взять сотню буровъ и незамѣтно слѣдовать за сильной арміей англичанъ, подвигавшейся въ направленіи Паарденбергсдрифта, не теряя ее изъ виду ни на одинъ мигъ.

Армія состояла, главнымъ образомъ, изъ кавалерійскихъ отрядовъ, подкрѣпленныхъ артиллеріей въ составѣ девяти или десяти батарей и сопровождаемыхъ легкими повозками, запряженными мулами.

Въ подобномъ случаѣ — только генералъ Кронье со своими большими отрядами могъ производить болѣе серіозныя операціи и дѣлать полезныя развѣдки. Я же рѣшилъ не показываться прямо на глаза непріятелю, избравъ другого рода тактику.

То появляясь, то снова исчезая, вступая въ постоянныя легкія схватки, я могъ мѣшать наступленію непріятельскихъ силъ цѣлымъ рядомъ летучихъ атакъ.

Чтобы извѣстить генерала Кронье о настоящемъ положеніи дѣлъ и обо всѣхъ своихъ планахъ, я послалъ къ нему корнета А. Я. Шееперса. Въ это время Шееперсъ былъ просто начальникъ нашего отряда полевыхъ «геліографистовъ». И лишь впослѣдствіи достигъ онъ своей славной извѣстности во всемъ Капландѣ.

Посланный мной, онъ долженъ былъ сообщить генералу Кронье, что англійская армія, въ размѣрѣ отъ 40 до 50 тысячъ человѣкъ, подвинулась къ Блюбанку, что, по моему мнѣнію, генералу слѣдуетъ избѣгать прямого столкновенія съ такой силой, на много превосходившей всю бурскую армію Кронье.

Послѣднее предложеніе я сдѣлалъ, только имѣя въ виду множество женщинъ и дѣтей, которыя, какъ помнитъ читатель, просто наводняли нашъ лагерь у Магерсфонтейна.

Digitized by Google

Кронье не заставилъ меня долго ждать отъ него отвѣта.

— Вы также, — велѣлъ онъ мнѣ сказать:—и вы боитесь этихъ наглыхъ, проклятыхъ англичанъ! Впередъ, маршъ, и безъ всякихъ колебаній! Однихъ убивайте, другихъ забирайте мнѣ въ плѣнъ.

Хотя печальный ходъ послѣдующихъ событій и не оправдалъ ничѣмъ подобной надменной отваги нашего главноначальника, все-таки прошу читателя вѣрить, что я привелъ данныя слова не для того, чтобы подчеркнуть безразсудство моего соратника, а чтобы дать понять весь его героизмъ борца за родину.

Съ 14-го по 16-е февраля я со всей моей небольшой ратью держался покойно, наблюдая передвиженіе арміи лорда Робертса, но самъ оставаясь невидимымъ для врага.

Только 16-го февраля рѣшился я дать почувствовать англійскому вождю, что онъ здѣсь не одинъ и что слѣдуетъ подумать немного также объ обитателяхъ той страны, куда такъ варварски вторгнулись британскіе полки.

Тяжелый, большой обозъ съ съѣстными припасами слѣдовалъ непосредственно за ядромъ вражеской арміи.

Тутъ-то у меня и явилась мысль:

— Вотъ именно то, что намъ надо! Здѣсь, въ этихъ телѣгахъ, хватитъ кой-чего, чтобы надолго пополнить наши запасы въ лагерѣ буровъ подъ Магерсфонтейномъ. Попробуемъ-ка все это отбить у врага!

Сейчасъ же, 16-го февраля, приступить къ исполненію зародившагося въ головѣ плана—было бы не совсѣмъ благоразумно. Обозъ слишкомъ близко для этого держался отъ ядра арміи англичанъ.

И 17-го февраля время еще не приспѣло, хотя уже все налаживалось очень хорошо.

Въ самомъ дѣлѣ, весь обозъ преспокойно себѣ расположился у Ритривера, какъ словно бы это было на берегахъ Темзы, въ то же самое время, когда англійскіе отряды безостановочно уходили все дальше и дальше по своему пути.

И только на другой день, 18-го, я нашелъ, что минута настала. На зарѣ еще весь мой отрядъ изъ 350-ти буровъ ударилъ на обозъ съ боковъ, осыпая сопровождавшій телѣги конвой губительнымъ ружейнымъ огнемъ.

Въ теченіе двухъ часовъ врагъ выказывалъ отчаянное сопротивленіе, особенно когда быстро подоспѣло къ нему подкрѣпленіе въ видѣ отряда кавалеріи и четырехъ орудій Армстронга. Эта батарея дѣлала все возможное, чтобы выбить насъ изъ-за телѣгъ своего же обоза, изъ-за которыхъ, словно изъ-за баррикадъ, мы на выборъ били изъ ружей врага.

Хотя и очень намъ круто пришлось, но я рѣшилъ не выпускать изъ рукъ захваченной добычи, развѣ только, въ случаѣ послѣдней крайности. Уже помимо этой богатой добычи, которую мы должны были здѣсь захватить, мнѣ было очевидно, что враги будутъ сильно страдать, сразу лишенные большого числа самыхъ необходимыхъ запасовъ.

И наше упорное мужество увѣнчалось успѣхомъ.

Къ заходу солнца мы ужъ успѣли достигнуть значительныхъ результатовъ въ бою.

Во многихъ мѣстахъ вокругъ захваченнаго нами лагеря врагъ былъ откинутъ далеко и поспѣшно отступалъ передъ нашимъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ.

И если, по причинѣ малочисленности нашего отряда, мы не могли тутъ же однимъ ударомъ рѣшить исхода битвы въ нашу пользу цѣликомъ, все-таки во многихъ мѣстахъ крупныя партіи добычи были вполнѣ въ нашемъ распоряженіи.

Я, напримѣръ, со своимъ отрядомъ, завладѣлъ упряжными быками, въ количествѣ 1.000 головъ.

Нападавшій съ юга, Фурье отнялъ у врага много подводъ съ запасами воды.

Всю ночь послѣ этого мы оставались на своихъ мѣстахъ, надѣясь, съ наступленіемъ утра, снова навѣстить вражескій лагерь, хотя бы и противъ воли его хозяевъ.

Чуть разсвѣло, мы уже снова изготовились къ нападенію.

Но во вражескомъ станѣ — мертвое молчаніе.

Ужъ не ловушка ли тутъ, которую намъ подстраиваетъ врагъ?..

Мы стали осторожно подходить, широко разсыпавшись по степи, маленькими кучками.

Но прежнее спокойствіе царитъ вокругъ.

Вотъ нѣсколько буровъ вошли въ предѣлы лагеря.

Все тихо, ни звука!

Оказывается, ночью англичане убрались по добру по здорову. И только человѣкъ 30 солдатъ, напуганныхъ, дрожащихъ, были

Digitized by Google

найдены нами въ Ритриверѣ, да позднѣе намъ же въ руки попало 36 человѣкъ кафровъ-погонщиковъ.

Зато добычей мы овладѣли богатѣйшей.

Намъ досталось 200 повозокъ, нагруженныхъ запасами «corned beef» (мясные консервы), бисквитами, вареньемъ, семгой и другой снѣдью. 12 возовъ было нагружено водой, молокомъ, ромомъ, запасами сѣна и овса.

Словомъ, цѣлое богатство!

Всего и захватить было съ собой невозможно. Пришлось какъ можно скорѣе избавиться отъ всего лишняго. Плѣнники намъ сказали, что еще немного—и мы будемъ настигнуты колонной войскъ, надвигающейся отъ Бэльмонта, настолько превосходящей буровъ по своей численности, что нечего было и думать о прямомъ сопротивленіи.

И ужъ если нельзя было цѣликомъ предоставить въ распоряженіе нашимъ ратникамъ, нашимъ женамъ и дѣтямъ добычу, отбитую такъ удачно у врага, слѣдовало лишить его возможности попользоваться чѣмъ-нибудь отсюда и тѣмъ—поставить въ затруднительное положеніе. Конечно, не легко ему будетъ продолжать свое передвиженіе по странѣ, гдѣ очень трудно доставить продовольствіе и людямъ, и конямъ.

Не теряя ни минуты, снова приказалъ я погрузить на повозки всѣ ящики съ провизіей, изъ которыхъ, во время нашего нападенія, англичане устроили для себя великолѣпныя прикрытія, составляя ихъ стѣной.

Затѣмъ были заложены въ телѣги быки.

Это оказалось самой трудной частью задачи.

Кафры намъ помогали очень плохо; сами мы, конечно, не знали: какіе быки принадлежатъ къ одной парѣ, какихъ надо впрягать позади, какихъ впереди. Это порождало большую путаницу, такъ какъ животныя привыкли къ извѣстному порядку и не слушались незнакомыхъ погонщиковъ. Все-таки, пробившись нѣсколько часовъ, мы кое-какъ успѣли двинуться съ мѣста, хотя и съ грѣхомъ пополамъ.

Первыя мили подвигались ужасно медленно. Неправильно заложенные и разрозненные отъ своей пары, быки упрямились въ ярмѣ и не хотѣли даже везти.

Но мало-по-малу все наладилось, и возы съ провіантомъ, охраняемые отрядомъ буровъ подъ командой Пита Фурье, вмѣсто того, чтобы слѣдовать за арміей лорда генералиссимуса британской арміи Робертса, направились черезъ Коффифонтейнъ въ нашъ лагерь подъ Эдинбургомъ.

Отрядивъ для обороны этой добычи отрядъ изъ 200 буровъ съ одной пушкой Круппа, я лично, считая, что дѣло мое еще не кончено, направился къ Паарденбергу съ тѣми полуторасотнями ратниковъ, которые оставались у меня свободными. Насъ сопровождало и одно орудіе Максима-Норденфельда.

Тутъ мои лазутчики донесли мнѣ, что въ какихъ-нибудь 8-ми миляхъ отъ этого мѣста замѣченъ ими небольшой отрядъ англичанъ, такъ человѣкъ 50—60.

Незамѣтно пробираясь по знакомымъ мнѣ хорошо тропинкамъ, подошелъ я на разстояніе какихъ-нибудь 3.000 метровъ (около 3-хъ верстъ) къ этому отряду и окружилъ ихъ съ трехъ сторонъ.

— Теперь они въ нашихъ рукахъ!—подумалъ я и, не смотря на всю серіозность минуты, не могъ не улыбнуться, замѣчая своимъ спутникамъ:

— А вѣдь ни Робертсъ, ни Китченеръ не достигнутъ своей цѣли со всѣми «Томми», которыхъ привели за собой...

Сознавая свое численное и всяческое превосходство надъ врагомъ, помня, что законъ Божественный не велитъ проливать даже вражеской крови безъ самой крайней необходимости, я послалъ отъ себя парламентера къ начальнику британскаго отряда, предлагая сдаться намъ безъ боя.

Еще не настала ночь, какъ я получилъ отвѣтъ.

Вмѣстѣ съ моимъ буромъ явился ко мнѣ одинъ изъ низшихъ чиновъ отряда, окруженнаго нами.

— Ar you general de-Wet?—спросилъ онъ меня.—(Вы—генералъ де-Ветъ?).

— Да.

— Мой начальникъ,—продолжалъ тогда англичанинъ очень вѣжливымъ, но рѣшительнымъ тономъ,—велѣлъ вамъ передать, что насъ здѣсь свыше 100 человѣкъ, прекрасно вооруженныхъ и снабженныхъ провизіей, такъ же, какъ и боевыми зарядами. Превосходнымъ прикрытіемъ для насъ являются тѣ краали, въ которыхъ мы засѣли сейчасъ. Такимъ образомъ, думать намъ о сдачѣ нѣтъ смысла, тѣмъ болѣе, что отъ Бэльмонта мы ждемъ каждую минуту подкрѣпленій въ количествѣ 10.000 человѣкъ,

Digitized by Google

которыхъ и должны проводить навстрѣчу лорду Робертсу.

Когда посланный кончилъ, я сказалъ:

— Даю вамъ столько времени, сколько необходимо, чтобы доскакать къ вашему офицеру. Скажите ему, что я даю всего 10 минутъ на размышленіе. Онъ окруженъ нами совершенно. Пройдетъ 10 минутъ, и если я не увижу бѣлаго флага—разстрѣляю ваши прикрытія и перебью всѣхъ до послѣдняго человѣка.

— Да гдѣ же ваше орудіе?— спросилъ англичанинъ, не видя нашей пушки, стоявшей поодаль.

Я ему ее показалъ.

Въ раздумьи поглядѣвъ на нее, онъ произнесъ:

— Можете дать мнѣ слово, что не тронетесь со своихъ мѣстъ, пока мы не отойдемъ такъ миль на десятокъ отъ васъ? Тогда мы безъ боя сдадимъ вамъ наши позиціи и удалимся.

Съ удивленіемъ, молча, глядѣлъ я на этого человѣка. Мнѣ думалось:

— Какое же сложилось понятіе о бурскомъ генералѣ у британскаго офицера, если онъ рѣшается дѣлать подобныя предложенія.

Потомъ я сказалъ:

— Я требую безусловной сдачи. Какъ только вы вступите въ свой лагерь и пройдетъ 10 минутъ—я приступлю къ выполненію своей угрозы. Раздастся первый выстрѣлъ!

Британецъ повернулъ коня, помчался такъ, что пыль взвилась изъ-подъ копытъ его коня, и не успѣлъ онъ на мѣстѣ соскочить съ сѣдла и передать мое рѣшеніе, какъ тамъ ужъ взвился бѣлый флагъ.

Во весь опоръ подскакали мы къ врагамъ и взяли въ плѣнъ всѣхъ 58 человѣкъ всадниковъ, здѣсь находившихся. Сейчасъ же я ихъ обезоружилъ и послалъ вслѣдъ за обозомъ, захваченнымъ уже мной.

Самъ я тоже двинулся за ними, опасаясь, не выслалъ бы лордъ Робертсъ бо́льшаго отряда— отбить этотъ обозъ у моихъ буровъ.

Англійскія войска положительно теперь были лишены возможности сносно пропитаться въ окружающей ихъ пустынѣ.

Но кругомъ ничего не было видно.

Лишь 21-го февраля снова наткнулись мы на небольшой отрядъ, такъ человѣкъ въ сотню всадниковъ, ѣхавшихъ отъ Паарденберга.

То былъ отрядъ начальника Луббэ, котораго я послалъ на подкрѣпленіе генералу Кронье.

Плохія вѣсти сообщилъ мнѣ товарищъ.

Генералъ Френчъ прорвалъ нашу боевую линію и, конечно, успѣлъ уже освободить отъ нашей блокады Кимберлей.

Сражаясь ежечасно, но отступая передъ сильнѣйшими войсками лорда Робертса, самъ Кронье теперь былъ оттиснутъ и остановился у Паарденберга.

Я ужъ совсѣмъ было собрался идти на помощь генералу Кронье, какъ вдругъ пришло приказаніе отъ президента Штейна: этимъ же вечеромъ идти навстрѣчу Филиппу Ботѣ, который былъ назначенъ мнѣ въ товарищи и ждалъ съ 150-ю ратниками нашего прихода у Коффифонтейна.

Убѣдясь, что весь отбитый мною провіантскій обозъ невредимо дойдетъ до станціи Эденбургъ, я только пошелъ за нимъ, чтобы взять оттуда свое орудіе Круппа.

Догналъ я моихъ буровъ въ 6-ти миляхъ отъ Коффифонтейна. Сюда же скоро подошелъ и генералъ Якобсъ изъ Форесмита съ начальникомъ отряда Гертцогомъ изъ Филипполиса.

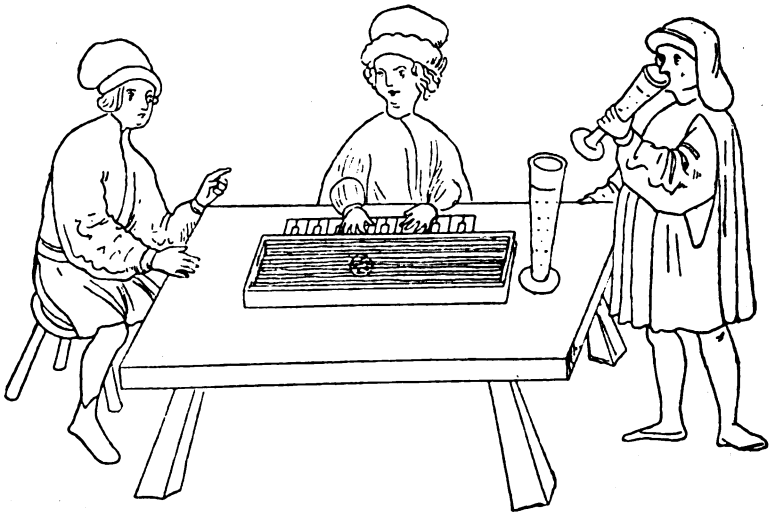
Узнавъ, что отъ Бэльмонта подвигается сюда нѣсколько британскихъ отрядовъ, я приказалъ обоимъ вождямъ повернуть обратно и задержать наступленіе враговъ.

Только въ первомъ часу утра добрался я до Боты, выступивъ съ мѣста стоянки около полуночи, послѣ того, какъ кони были щедро угощены овсомъ, имѣвшимся теперь у насъ въ изобиліи изъ запасовъ, отнятыхъ у англичанъ.

Присоединивъ 150 буровъ, бывшихъ подъ командой Ф. Боты, къ своимъ 150-ти ратникамъ, я двинулся, въ сопровожденіи его самого, на помощь генералу Кронье.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google



Клавикорды XV столѣтія.

ОТКУДА ВЗЯЛОСЬ НАШЕ ФОРТЕПІАНО?

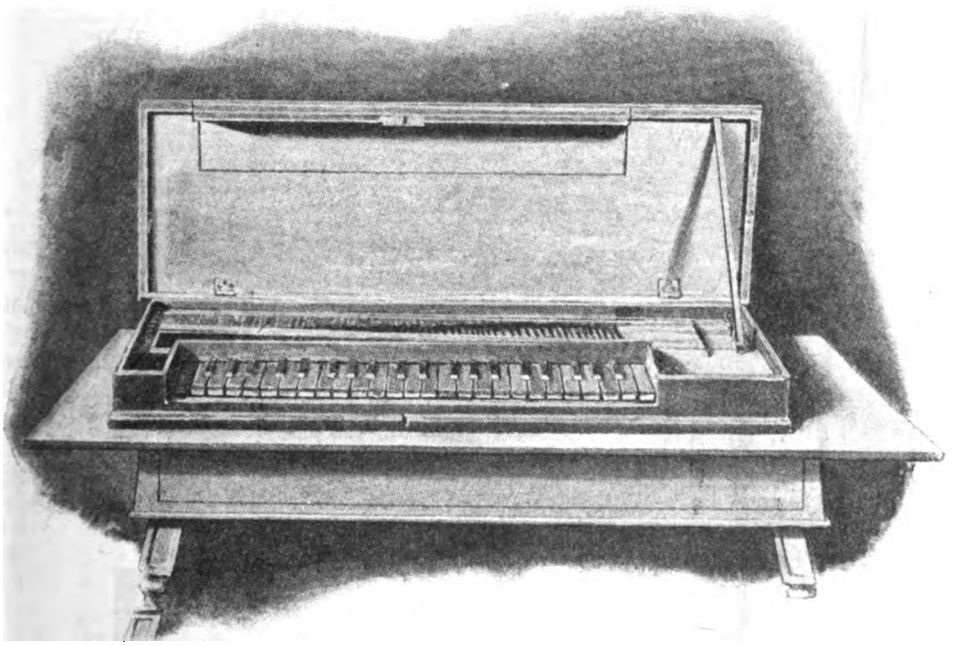
Фортепіано — несомнѣнно самый распространенный изъ современныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Его можно встрѣтить рѣшительно вездѣ, и въ самыхъ роскошныхъ аппартаментахъ, занимаемыхъ важнымъ сановникомъ или милліонеромъ-биржевикомъ, и въ самой скромной квартиркѣ, гдѣ коекакъ ютится съ своею семьею труженикъ учитель или незначительный ремесленникъ, то въ видѣ дорогого салоннаго рояля, богато разукрашеннаго рѣзьбой, инкрустаціями, бронзой, то въ видѣ простенькаго піанино, взятаго на прокатъ или пріобрѣтеннаго въ разсрочку, а то иногда и просто въ видѣ самыхъ дешевенькихъ клавикордъ стариннаго четвероугольнаго фасона, купленныхъ гдѣнибудь по случаю за сходную цѣну. Въ большихъ городахъ, можно сказать, почти нѣтъ дома, гдѣ время отъ времени не раздавались бы красивые звуки этого инструмента, то подъ мощной рукой настоящаго артиста, которому ни почемъ самыя трудныя произведенія Листа, Рубинштейна, Шопена, Шумана; то подъ робкими пальцами непритязательнаго любителя, разыгрывающаго съ грѣхомъ пополамъ, для своего личнаго удовольствія, какую-нибудь незамысловатую пьеску Юнгмана, Альберти или Бера. Вообще фортепіано въ наше время можно съ полнымъ правомъ назвать самымъ универсальнымъ инструментомъ, въ обширнѣйшемъ смыслѣ этого слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ это, несомнѣнно, также самый любимый изъ всѣхъ современныхъ инструментовъ. Правда, тонъ скрипки нѣвучѣе, тонъ віолончели—задушевнѣе, тонъ валторны—поэтичнѣе; но за то фортепіано обладаетъ гораздо болѣе обширными рессурсами, и оно само по себѣ въ состояніи дать цѣлую музыкальную картину, хотя и лишенную яркаго колорита оркестровыхъ красокъ, но вѣдь этотъ недостатокъ всегда возможно до нѣкоторой степени устранить или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабить при помощи услужливаго воображенія.

Тѣмъ удивительнѣе, что громадное большинство нашихъ піанистовъ не имѣютъ обыкновенно ровно никакого понятія о томъ, какъ вначалѣ возникъ и потомъ постепенно развивался ихъ любимый инструментъ, прежде чѣмъ получилъ свою теперешнюю форму

Digitized by Google

и достигъ своего современнаго совершенства. А между тѣмъ это представляетъ не малый интересъ даже въ историческомъ отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, кто повѣрилъ бы, что родоначальникомъ всѣхъ нашихъ современныхъ роялей и піанино, обладающихъ въ большинствѣ случаевъ такимъ полнымъ и мощнымъ звукомъ, былъ простой монохордъ,—этотъ незамысловатый физическій приборъ, до сихъ поръ служащій въ нашихъ физическихъ кабинетахъ для опытовъ, показывающихъ соотношеніе между длиною данной струны и высотою издаваемаго ею звука? Монохордъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ одной натянутой струны, размѣры которой можно по произволу измѣнять посредствомъ особой подвижной подставки, и такимъ образомъ получать болѣе или менѣе высокіе звуки, и, чѣмъ струна значительнѣе укорачивается, тѣмъ выше дѣлается и тонъ ея. Вотъ изъ этого-то простого инструмента Аристидъ Квинтиліанъ, во II вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ, и устроилъ свой геликонъ, положивъ такимъ образомъ начало нашимъ теперешнимъ роялямъ и піанино. Геликонъ Квинтиліана имѣлъ четыре струны, настроенныхъ въ унисонъ, что давало возможность извлекать изъ него нѣсколько звуковъ одновременно, тогда какъ монохордъ могъ издавать звуки лишь въ послѣдовательномъ порядкѣ. Кромѣ того, подвижная подставка монохорда замѣнена была въ геликонѣ болѣе удобными неподвижными пластинками, которыя надавливали на струны сверху и могли быть поднимаемы съ помощью особаго немудренаго приспособленія, въ родѣ обыкновенныхъ органныхъ клавишъ. Такія клавиши служили первоначально исключительно лишь для того, чтобы освободить струну отъ лежавшей на ней пластинки и тѣмъ удлинить ее, вслѣдствіе чего тонъ ея становится ниже. Но самый звукъ получался въ геликонѣ отнюдь не путемъ подобнаго нажатія его клавишъ, а для этого надо было ударить струну еще особо пальцами, въ родѣ того, какъ дѣлается на нынѣшней арфѣ. Позднѣе, для того, чтобы избѣжать такого двойного дѣйствія, стали придѣлывать къ концу клавишъ особенные металлическіе штифтики или язычки, которые, при нажиманіи клавиши, задѣвали за струну и тѣмъ заставляли ее издавать звукъ. Послѣднее усовершенствованіе было на-



Клавикорды начала XVI вѣка.

Digitized by Google

столько важно, что въ началѣ XI вѣка, извѣстный Гвидо д'Ареццо, которому музыка обязана, между прочимъ, окончательнымъ установленіемъ гаммы и названіемъ современныхъ нотъ, уже находилъ возможнымъ пользоваться такимъ монохордомъ, какъ его тогда называли, на своихъ урокахъ пѣнія и настойчиво рекомендовать своимъ ученикамъ усердно упражняться въ игрѣ на немъ.

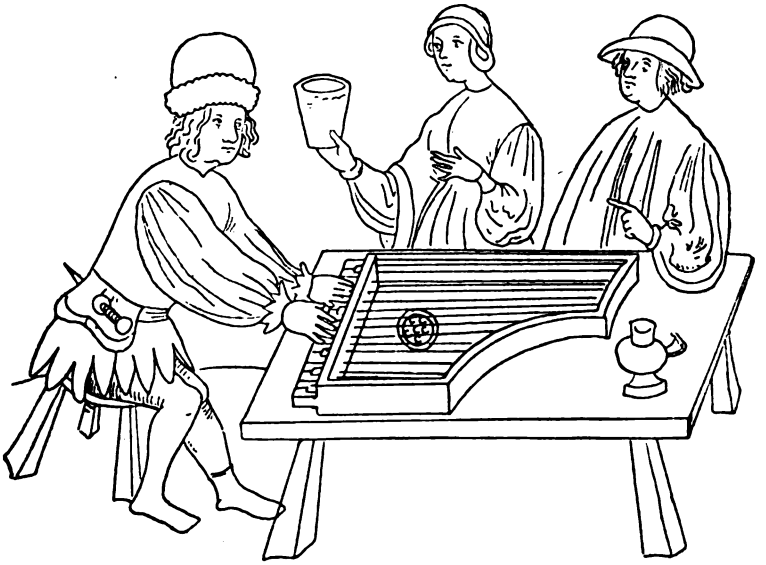
Интересно, что новый инструментъ еще долгое время продолжалъ попрежнему носить имя монохорда,—однострунника; — не во всеобщее употребленіе и сохранилось за нимъ вплоть до нашихъ дней.

Какъ съ теченіемъ времени постепенно измѣнялся внѣшній видъ клавикордъ, показываютъ наши рисунки. На первомъ изъ нихъ приведено изображеніе клавикордъ около 1440 года, взятое изъ извѣстной «Веймарской книги чудесъ». Второй рисунокъ даетъ видъ клавикордъ въ началѣ XVI столѣтія; тогда они имѣли уже 27 струнъ при 45 клавишахъ. Наконецъ, третій рисунокъ представляетъ клавикорды, устроен-

Клавикорды работы Гасса въ Гамбургѣ, 1778 г.

смотря на то, что число струнъ и клавишъ въ немъ, по мѣрѣ выяснившейся надобности, все болѣе и болѣе возрастало. Такую видимую несообразность ученый Себастьянъ Фирдунгъ, жившій въ началѣ XVI вѣка, объясняетъ тѣмъ, что хотя въ монохордѣ было и много струнъ, но всѣ «онѣ настраивались непремѣнно въ унисонъ, и ни одна не была ни выше, ни ниже всѣхъ остальныхъ». Впрочемъ, впослѣдствіи, инструментъ получилъ другое, болѣе правильное названіе «клавикордъ», которое быстро вошло ныя въ 1778 году извѣстнымъ мастеромъ Гассомъ въ Гамбургѣ; эти клавикорды уже на ножкахъ; въ нихъ 38 двойныхъ струнъ и 54 клавиши, отдѣланныя черепахой; объемъ инструмента — отъ большого C до третьяго f; значитъ—цѣлыхъ $4^1/_2$ октавы, тогда какъ инструментъ Гвидо д'Ареццо имѣлъ всего лишь $2^1/_2$ октавы, отъ большого G до второго c и клавишъ въ немъ было всего лишь 20 бѣлыхъ и 2 черныхъ для обоихъ b верхнихъ октавъ. Уже изъ этого можно видѣть, что во времена Гвидо

Digitized by Google



Спинетъ XV столѣтія.

клавикорды еще не были хроматическими инструментами. Хроматическими онѣ стали лишь много позднѣе, но когда именно, этого съ точностью опредѣлить рѣшительно невозможно. Впрочемъ, въ началѣ XVI вѣка, клавикорды, судя по описанію Фирдунга, имѣли уже весь хроматическій рядъ звуковъ отъ большого F и до второго g, слѣдовательно, почти полный объемъ человѣческихъ голосовъ. Относительно внутренняго устройства клавикордъ тотъ же ученый сообщаетъ слѣдующія интересныя подробности: «Обыкновенно, говоритъ онъ, каждый хоръ (Chor) снабжается тремя струнами, дабы, если какая-нибудь струна и лопнетъ, то все-таки можно было бы продолжать играть. Каждый хоръ имѣетъ обыкновенно три клавиши, которыя и ударяютъ по немъ, такъ что только двѣ такія клавиши не могутъ быть взяты вмѣстѣ, которыя дали бы диссонансъ. Кроме

Спинетъ въ формѣ клавикордъ.

Digitized by Google

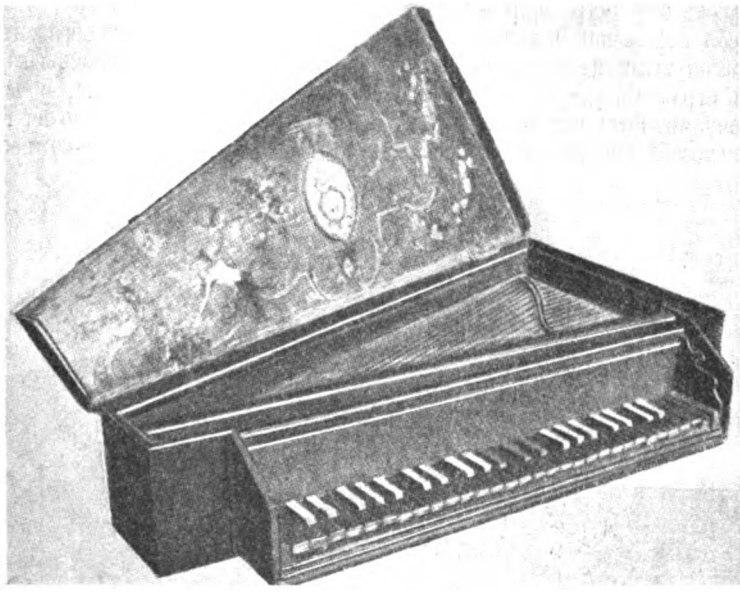
Клавесинъ 1562 г.

того нѣсколько хоровъ дѣлаются пустыми, безъ клавишей, ради резонанса. Такъ какъ мѣдь, по природѣ своей, груба, а сталь—тонка, то нижніе хоры снабжаются мѣдными, а верхніе—стальными струнами».

Небольшое число струнъ, да къ тому же еще настроенныхъ въ униссонъ, конечно, весьма ограничивало возможность брать аккорды на клавикордахъ. Правда, по мѣрѣ того, какъ гармонія развивалась и количество созвучій, признававшихся диссонансами, уменьшилось,—напомнимъ, что въ старину даже большая терція и большая секста не считались консонансами, а малую терцію рѣшительно воспрещалось помѣщать въ финальныхъ аккордахъ, какъ диссонансъ,—количество струнъ въ клавикордахъ все болѣе и болѣе возрастало; но прошло очень много времени, прежде чѣмъ каждый отдѣльный звукъ сталъ тамъ извлекаться изъ особой

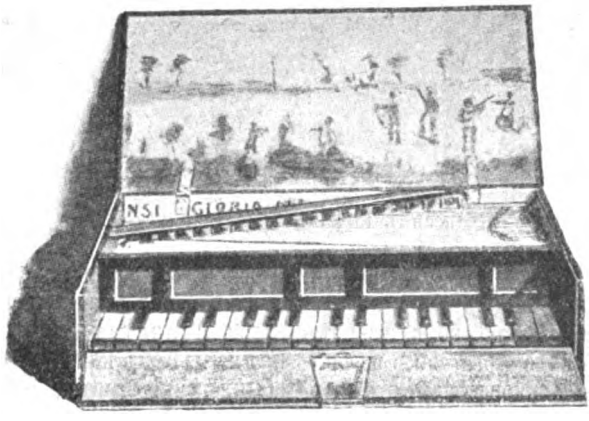
Digitized by Google

струны. По всей вѣроятности, это въ высшей степени существенное нововведеніе было позаимствовано для клавикордъ изъ другого



Спинетъ XVII столѣтія (изъ коллекціи де-Вита въ Лейпцигѣ).

стариннаго музыкальнаго инструмента, такъ называемыхъ, цимбалъ съ клавишами или, иначе, клавесина. Что̀ касается до послѣдняго, то Михаилъ Преторіусъ въ своей книгѣ «Syntagma musicum», вышедшей въ 1614 году, описываетъ его, какъ продолговатый инструментъ, нѣсколько напоминающій своей внѣшней формою птичье крыло или свиное рыло, и обладающій сильнымъ, яснымъ, пріятнымъ звукомъ, а Фирдунгъ прибавляетъ къ этому, что прототипомъ для клавесина, вѣроятно, послужила старинная псалтирь, треугольный струнный инструментъ въ родѣ арфы небольшого размѣра, изъ котораго

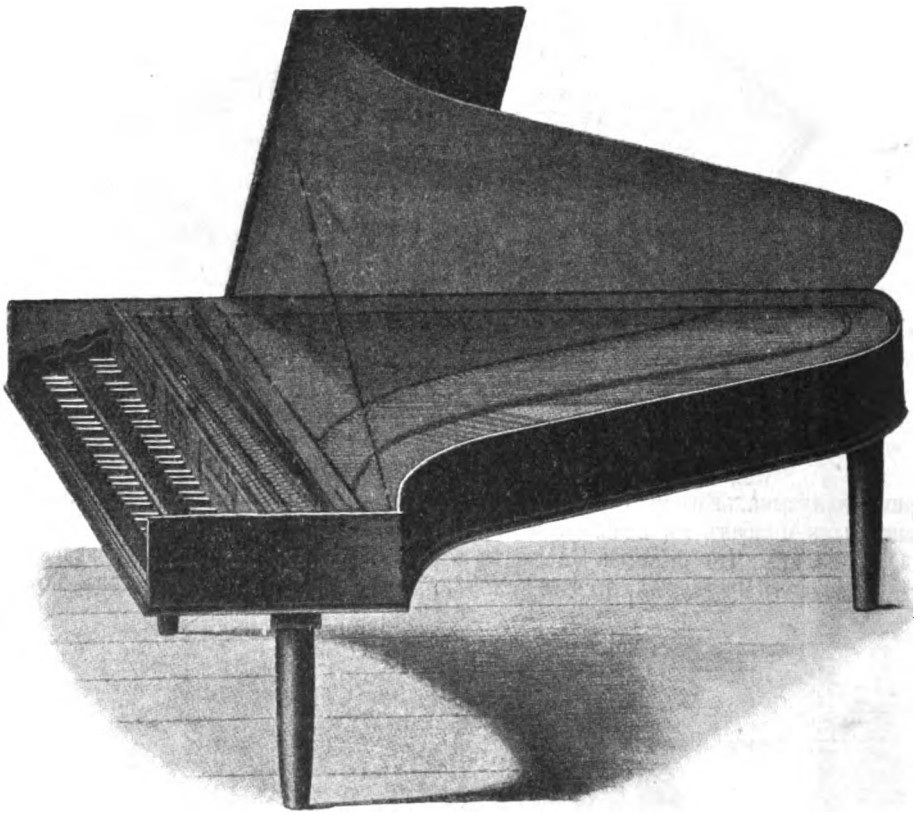


Виржиналь 1619 г.

звуки извлекались или просто пальцами, или при помощи особаго металлическаго перышка, прикрѣпленнаго къ кольцу, надѣвавше-

Digitized by Google

муся на палецъ совершенно такъ же, какъ и при игрѣ на теперешней цитрѣ. Однако, едва ли не вѣрнѣе производить клавесины отъ обыкновенныхъ цимбалъ, донынѣ составляющихъ необходимую принадлежность всякаго цыганскаго оркестра и представляющихъ изъ себя небольшой четыреугольный ящикъ съ натянутыми вдоль его струнами, по которымъ играющій ударяетъ двумя особыми молоточками. Вотъ изъ этихъ-то цимбалъ, по приспособленіи къ нимъ клавіатуры, и образовался клавесинъ. Когда именно такое приспособленіе было сдѣлано, съ точностью указать невозможно, но во всякомъ случаѣ гораздо позднѣе того, какъ изобрѣтены были первыя клавикорды, какъ это, между прочимъ, ясно видно изъ свидѣтельства ученаго филолога XVI вѣка Скалигера. Впрочемъ, было бы совершенно ошибочно принимать клавесинъ лишь за особое видоизмѣненіе клавикордъ; нѣтъ, онъ несомнѣнно возникъ вполнѣ самостоятельно и существенно отличался отъ клавикордъ тѣмъ, что всѣ струны въ немъ были свободны и дѣлались разной длины и толщины, соотвѣтственно издаваемому ими тону, такъ что въ клавесинѣ каждый звукъ извлекался изъ особой струны. Внѣшній видъ этого инструмента былъ очень разнообразенъ, хотя по большей части и приближался къ треугольной формѣ птичьяго крыла, почему нѣмцы и называли его обыкновенно der Flügel. Размѣры его были также весьма неодинаковы.



Клавесинъ Іоганна Себастьяна Баха.

Небольшія клавесины, которыя во время игры нужно было всегда ставить на столъ, назывались спинетами, а въ Англіи—виржиналями. Какъ клавесины, такъ и спинеты обыкновенно бывали богато разукрашены живописью и инкрустаціями, что̀ придавало имъ чрезвычайно изящный видъ. Но всѣ они имѣли тотъ существенный недостатокъ, что не допускали ни связной игры (legato), ни какихъ-либо звуковыхъ градацій, а тонъ ихъ всегда былъ одинаковой силы, и къ тому

Digitized by Google

же всегда очень отрывистый. Клавикорды этого недостатка не имѣли, потому допускали возможность болѣе выразительной игры; но зато тонъ ихъ былъ крайне слабъ, такъ что онѣ годились лишь для камерной музыки, исполняемой въ самомъ тѣсномъ кружкѣ лицъ.

Клавесинъ Паскаля Таскена, 1787 г., выдаваемый за инструментъ Маріи Антуанетты.

Всѣ послѣдующія усилія инструментальныхъ мастеровъ и были направлены главнымъ образомъ на то, чтобы устранить указанные недостатки и создать такой инструментъ, который соединялъ бы въ себѣ достоинства, какъ клавесина, такъ и клавикордъ; обладалъ бы полнымъ тономъ перваго и выразительностью послѣднихъ. Но добиться этого оказалось весьма трудно, хотя чего только не предпринималось съ этою цѣлью! Прежде всего стали, для улучшенія тона инструмента, примѣнять различный матеріалъ какъ для струнъ, такъ и для зацѣпокъ, или перышекъ, приводившихъ ихъ въ вибрацію, при чемъ струны пробовали дѣлать, кромѣ мѣди и стали, еще изъ латуни и даже изъ кишекъ различныхъ животныхъ (кишечныя струны), а зацѣпки

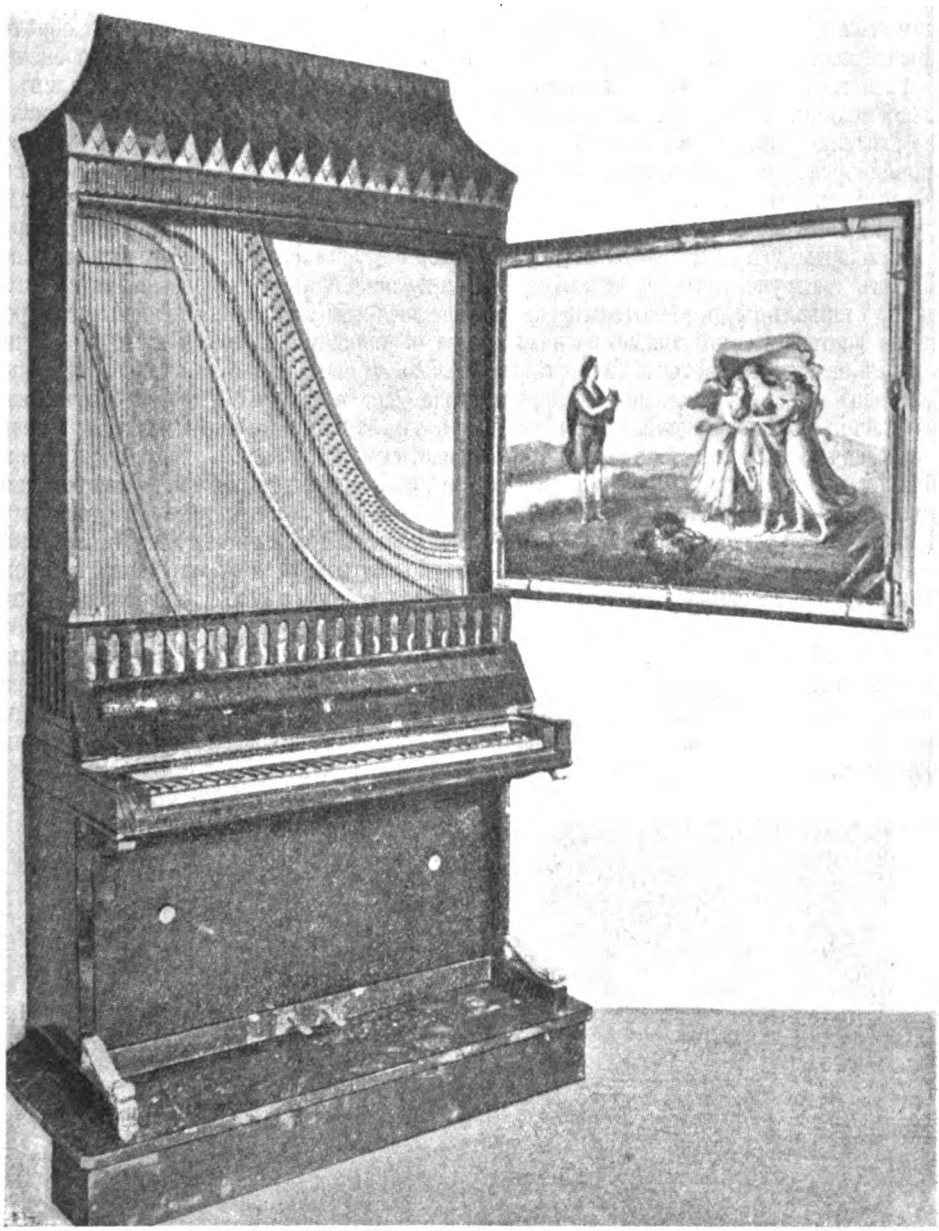
Digitized by Google

и перышки изъ металла, дерева, кожи. Той же цѣли старались достигнуть и тѣмъ, что для каждаго тона натягивали по двѣ, по три и даже по четыре струны, иногда настроенныхъ не въ унисонъ. Такъ, Преторіусъ про одинъ клавесинъ, въ которомъ имѣлось по четыре струны для каждаго тона, разсказываетъ, что двѣ изъ этихъ четырехъ струнъ настроены были въ унисонъ, третья — въ квинту, а четвертая—въ октаву, и это, по его словамъ, «все вмѣстѣ звучало пріятно и красиво». Пытались заимствовать также нѣкоторыя частности у органа, — въ томъ числѣ двойную клавіатуру, при чемъ верхняя настраивалась октавою выше нижней. Интереснымъ образцомъ подобнаго инструмента является клавесинъ знаменитаго I. С. Баха. Затѣмъ, въ 1511 году къ клавесину была впервые придѣлана педаль, изобрѣтенная лѣтъ за пятьдесятъ до того для органа, и отъ этого нововведенія басовыя ноты клавесина стали сильнѣе и гуще. Наконецъ, одно время введены были въ этотъ инструментъ даже регистры, назначеніе которыхъ тутъ состояло въ томъ, чтобы заглушать или усиливать звукъ, а также присоединены были колокольчики, литавры, тарелки и прочія принадлежности такъ называемой турецкой музыки, что̀ являлось уже совсѣмъ несвойственнымъ этому инструменту и только искажало его истинный характеръ.

Изъ дальнѣйшихъ попытокъ усовершенствовать клавесинъ нельзя не упомянуть объ интересномъ изобрѣтеніи голландца Паскаля Таскена (1723—95 гг.), жившаго въ Парижѣ. Онъ, въ своихъ клавесинахъ, на-ряду съ обычными перышками, помѣщалъ еще особые кусочки твердой кожи, которыми, съ помощью особаго механизма, можно было также задѣвать струны. Получалась значительная разница въ звукѣ, которая приводила современниковъ въ большое восхищеніе. Инструменты Таскена пользовались въ свое время громадною славою; но звукъ ихъ все-таки былъ отрывистый и тощій. Особенно рѣзко этотъ недостатокъ выступалъ при сопоставленіи со смычковыми инструментами, которые тогда уже достигли своего полнаго совершенства и отличались превосходнымъ, полнымъ, сочнымъ тономъ, особенно, когда выходили изъ рукъ такихъ мастеровъ, какъ Амати, Гварніери, Страндиваріусъ. Неудивительно поэтому, что и въ клавесинахъ стали стараться достигнуть улучшенія звука путемъ подражанія устройству смычковыхъ струнныхъ инструментовъ. Впрочемъ, примитивное разрѣшеніе этой задачи уже давно существовало въ видѣ обыкновеннаго крестьянскаго ручного органчика— этого излюбленнаго инструмента нѣмецкихъ нищихъ, въ которомъ звуки извлекались изъ струнъ посредствомъ натертаго смолою колеса, при чемъ длина послѣднихъ, для полученія звуковъ различной высоты, могла быть измѣняема при помощи клавишъ, придѣланныхъ съ боку инструмента. Вотъ такой-то органчикъ, — только бо̀льшихъ размѣровъ, — и построилъ около 1600 года нюрнбергскій мастеръ Іоганнъ Гейденъ. Въ его инструментѣ было ужъ не одно колесо, а на каждую струну дѣйствовало отдѣльное маленькое колесико, и всѣ колесики приводились въ движеніе особою педалью. Правда, инструментъ Гейдена издавалъ звуки, нѣсколько схожіе съ скрипичными; но играть на немъ было такъ трудно и неудобно, что, не смотря на всѣ позднѣйшія усовершенствованія, онъ рѣшительно не привился и скоро совсѣмъ вышелъ изъ употребленія.

Такимъ образомъ, мало-по-малу вполнѣ выяснилось, что улучшить клавикорды и клавесинъ возможно лишь путемъ примѣненія къ нимъ совершенно новаго принципа извлеченія изъ струнъ звука. Для того, чтобы установить этотъ принципъ, пришлось вновь обратиться къ тѣмъ же цимбаламъ, отъ которыхъ уже заимствованъ былъ принципъ разнообразія струнъ, и въ которыхъ звукъ, какъ упомянуто выше, получался исключительно отъ удара по струнамъ особыми молоточками. И только тогда, когда тотъ же способъ извлеченія звуковъ примѣненъ былъ къ клавесину, послѣдній получилъ возможность развиваться дальше, — и при томъ развиваться такъ успѣшно, что онъ скоро достигъ своего теперешняго совершенства въ видѣ современныхъ роялей и піанино. Первый, кто сталъ работать въ этомъ направленіи, былъ, какъ это нынѣ уже твердо установлено, флорентійскій мастеръ Бартоломео Кристофори. Онъ въ 1711 году изготовилъ инструментъ, который назвалъ gravecembalo col forte e piano, и который впослѣдствіи сталъ называться сокращено fortepiano — фортепіано. Инструментъ этотъ обладалъ тѣмъ громаднымъ преимуществомъ, что предоставлялъ въ полное распоряженіе играющаго силу звука, такъ какъ она зависѣла исключительно отъ того напряженія, съ которымъ

Digitized by Google



Піанино начала XIX столѣтія.

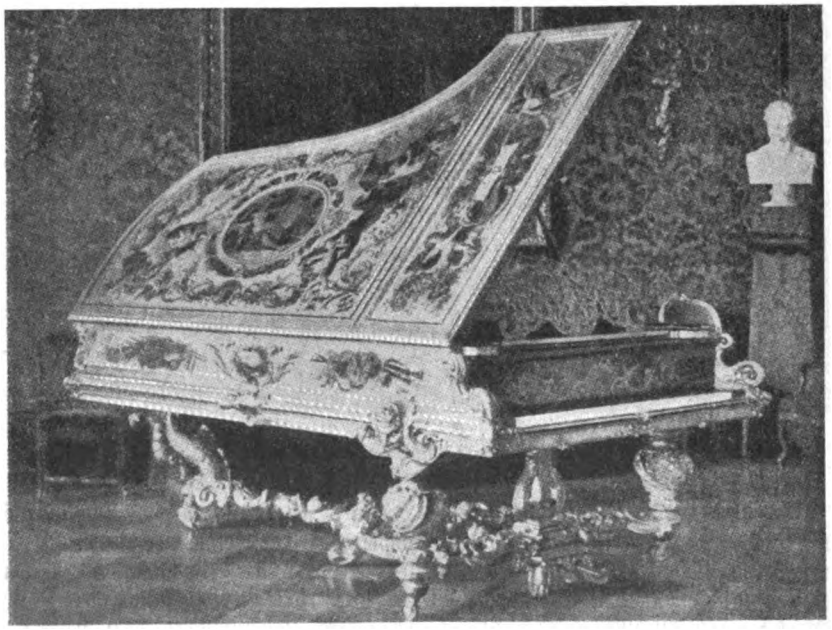
была ударяема клавиша. Фортепіано Кристофори, какъ видно изъ подробнаго описанія его, сдѣланнаго маркизомъ Сципіономъ Маффеи изъ Вероны, и какъ это также подтверждается дошедшими до насъ экземплярами этого инструмента, уже заключало въ себѣ всѣ существеннѣйшія черты современнаго фортепіаннаго механизма. Вмѣсто перышекъ клавесина мы находимъ въ немъ цѣлый рядъ молоточковъ, отъ удара которыхъ о струны и получался звукъ. Верхушка этихъ молоточковъ уже имѣла современную округлую форму и была обтянута оленьей кожей. Приводились молоточки въ

Digitized by Google

дѣйствіе путемъ нажима клавишъ. Существовали также и суконные демпфера, подымавшіеся, какъ и нынѣ, лишь тогда, когда нажималась соотвѣтствующая клавиша.

Преимущества новыхъ инструментовъ, изобрѣтенныхъ Кристофори, оказались настолько велики, что въ скоромъ времени они оттѣснили совсѣмъ на задній планъ и клавикорды, и клавесинъ, особенно во Франціи и въ Англіи. Сравнительно труднѣе далась имъ побѣда въ Германіи, гдѣ клавикорды долго еще продолжали быть любимымъ инструментомъ; но и тамъ уже Моцартъ отдавалъ столь рѣшительное предпочтеніе фортепіано, что только на нихъ и игралъ въ своихъ концертахъ. Точно также и Бехтовенъ скоро перешелъ на ихъ сторону и позднѣйшія свои произведенія писалъ, имѣя въ виду почти исключительно новый Hammerklavier, — какъ нѣмцы называли тогда фортепіано, — а не старинныя клавикорды.

Дальнѣйшее усовершенствованіе фортепіано, послѣ Кристофори, пошло чисто гигантскими шагами, особенно въ только-что истекшемъ XIX столѣтіи,—вслѣдъ затѣмъ, какъ въ 1823 году парижскій фабрикантъ роялей Себастіанъ Эрарь изобрѣлъ такъ называемый репетиціонный механизмъ. Перекрестныя струны, безъ которыхъ нынѣ не обходится ни одинъ порядочный инструментъ, — такъ какъ это позволяетъ брать струны длиннѣе и тѣмъ достигать большей полноты тона, — введены были впервые въ тридцатыхъ годахъ XIX столѣтія. Изобрѣтеніе это сдѣлано было почти одновременно петербургскимъ мастеромъ Лихтенталемъ и парижскимъ—Анри Папъ. Такъ, Берлинскій музей обладаетъ, между прочимъ, инструментомъ Папа съ перекрестными струнами, относящимся къ 1836 году. Внѣшній видъ фортепіано также не разъ съ теченіемъ времени подвергался существеннымъ измѣненіямъ, пока, наконецъ, совершенно не установились обѣ современныя формы его—рояли и піанино,—которыя нынѣ исключительно и употребляются. Здѣсь, конечно, было бы совершенно неумѣстно перечислять всѣ тѣ,—иногда довольно мелкія,—усовершенствованія, которыя постепенно вносились въ конструкцію роялей. Достаточно сказать, что могучая игра такихъ титановъ музыки, какъ Листа, Рубинштейна, весьма много способствовала тому, что стали изготовляться все болѣе и болѣе усовершенствованные инструменты, и, наконецъ, въ этомъ отношеніи достигнуты такіе успѣхи, что нынѣ рояль и піанино сдѣлались несомнѣнно самымъ любимымъ и самымъ распространеннымъ изъ всѣхъ современныхъ музыкальныхъ инструментовъ.



Современный концертный рояль, въ стилѣ рококо.

Digitized by Google

«Несчастливый въ картахъ — счастливъ въ любви!»
Рис. Даны Джибсона.

АНГЛІЙСКАЯ ПРЕССА.[1]

«Standard» и другія большія консервативныя газеты.

Слѣдующей газетой по ея значенію, если не по количеству выходящихъ номеровъ, слѣдуетъ считать «Standard», основанный въ 1827 г. и неизмѣнно служащій до сихъ поръ консервативной партіи, точнѣе—тѣмъ молодымъ тори, которые во главѣ съ лордомъ Сольсбюри присоединились къ программѣ Чемберлэна и понимаютъ, что Англія нашего времени совсѣмъ не похожа на Англію начала XIX вѣка, съ чѣмъ не могутъ согласиться «непримиримые» съ лордомъ Лондэндери во главѣ. Партію молодыхъ тори основалъ безвременно скончавшійся Рандольфъ Черчиль, справедливо утверждавшій, что въ программѣ либераловъ, за исключеніемъ гомъ-руля, нѣтъ пункта, на который не могли бы согласиться и самостоятельно провести его консерваторы. Принципъ этотъ былъ принятъ, и въ послѣднія 10 лѣтъ мы не разъ видѣли, что консервативное правительство проводило въ парламентѣ билли въ родѣ «Workmen's Compensation Act» (законъ объ отвѣтственности хозяевъ за жизнь рабочихъ), на которые едва отваживались либералы. Поэтому и въ программѣ настоящаго правительства мы видимъ восьми-часовой рабочій день и другіе либеральные законы, проводить которые правительство, однако, не торопится, оправдываясь войной, но на самомъ дѣлѣ руководствуясь цинично высказаннымъ Чемберлэномъ тѣмъ принципомъ, что «какъ много ни выигрываетъ партія, давая обѣщанія,—она всегда теряетъ, приводя ихъ въ исполненіе»...(«Howe ver much a party may gains by making promises, it abways loses by fulfilling them).

Выразителемъ этихъ принциповъ и является расходящійся въ 250,000 экземпляровъ «Standard», въ вечернемъ изданіи котораго зачастую появляются сообщенія

[1] См. «Новый Журн. Иностран. Лит.», № 1, 1903 г.

Digitized by Google

исходящія изъ оффиціальнаго источника, и статьи, «инспирируемыя» (какъ принято теперь выражаться) самымъ маркизомъ Сольсбюри, который, идя рука объ руку съ Чемберлэномъ и молодыми тори, не хочетъ, однако, порвать съ «непримиримыми». Во время борьбы съ послѣдними изъ-за рабочаго билля, «Standard» откровенно имъ объяснилъ, что актъ объ отвѣтственности хозяевъ необходимъ для полученія поддержки рабочихъ массъ, но что выполнить этотъ актъ — значитъ совершить самоубійство, а потому... нужно обмануть рабочихъ, пропустить актъ во второмъ чтеніи, а затѣмъ наложить на него veto... Поводовъ же для veto искать не придется.

Въ теченіе 30-ти лѣтъ газету велъ умѣло и ловко только-что вышедшій въ отставку Мэтфордъ (съ пенсіей въ 20,000 рублей въ годъ), замѣчательный, однако, болѣе всего тѣмъ, что рѣдкій изъ сотрудниковъ газеты когда-либо видѣлъ его... Такимъ же невидимкой въ «Standard»'ѣ является и передовикъ, Альфредъ Остинъ (онъ же поэтъ-лауреатъ Англіи), который никогда не показывается въ редакціи и всѣ передовицы свои диктуетъ по телефону изъ своего коттеджа въ Суррѣ. Редакція «Standard»'а напоминала бы дворецъ спящей красавицы, если бы тамъ регулярно не появлялся Сидней Лоу, одинъ изъ лучшихъ англійскихъ журналистовъ и первоклассный экономистъ, и Ричардсонъ Эвансъ, бывшій судья въ Индіи, завѣдующій юридическимъ отдѣломъ.

«Standard», не проявляющій особеннаго шовинизма къ намъ, ведется умѣло и интересно, при чемъ, какъ и «Times», онъ содержитъ постоянныхъ корреспондентовъ во всѣхъ столицахъ и большихъ городахъ Европы, въ томъ числѣ въ Москвѣ и въ Одессѣ.

«Daily Telegraph», называющій себя «независимымъ органомъ» и претендующій на званіе свѣтской газеты, на самомъ дѣлѣ попросту не имѣетъ никакихъ опредѣленныхъ взглядовъ и, стремясь лишь къ тому, чтобы производить какъ можно больше шума («big-boom», какъ говорятъ американцы), является звеномъ, соединяющимъ большую прессу Лондона съ мелкой, что не мѣшаетъ ему расходиться въ 500,000 экземпляровъ, какъ, по крайней мѣрѣ, увѣряютъ его широковѣщательныя афиши, находимыя всюду, и въ коробкахъ съ папиросами, и на ступенькахъ театральныхъ лѣстницъ, и на скалахъ въ морѣ... Главный редакторъ «Daily Telegraph»'а М. Лесажъ не пишетъ ни слова самъ въ газетѣ, но статьи свои внушаетъ безчисленнымъ сотрудникамъ, при чемъ, по интересу ихъ, статьи эти много уступаютъ «интервью», которыми газета прославилась. Впрочемъ, зачастую на пятой страницѣ «Daily Telegraph»'а (наша первая) появляются обстоятельныя и интересныя статьи по внѣшней политикѣ, принадлежащія перу сэра Эдвина Арнольда, который въ Лондонѣ извѣстенъ не столько, какъ авторъ интересной книги объ Японіи, сколько какъ супругъ интересной японки... Другимъ «столпомъ» газеты считаютъ съ Леонарда Куртнея, консерватора по направленію, прославившагося, однако, въ прошломъ году кампаніей противъ политики Чемберлэна и Трансваальской войны.

Успѣхъ «Daily Telegraph»'у въ свое время создали такіе «репортеры», какъ Стэнли, посланный газетою въ Африку, и Смитъ, побывавшій въ Ассиріи, и, хотя Бенету Бурлею далеко до нихъ, но и онъ производилъ сенсацію своими корреспонденціями изъ Трансвааля.

Третьимъ консервативнымъ и утреннимъ органомъ является «Morning Post», одна изъ старѣйшихъ англійскихъ газетъ, основанная въ 1772 году и долгое время бывшая органомъ «непримиримыхъ» тори. Теперь эта газета довольствуется положеніемъ органа фешенебельнаго общества. Въ Лондонѣ увѣряютъ, что королева Викторія читала только «Morning Post», и это весьма вѣроятно уже потому, что во главѣ газеты стоятъ и принимаютъ въ ней дѣйствительное участіе лордъ Гленескъ и его сынъ Оливеръ Бортвикъ, не только очень благосклонно принятые при Дворѣ, но и слушаемые,—по крайней мѣрѣ въ свѣтѣ болтали всегда, что лордъ Гленескъ былъ секретнымъ совѣтникомъ королевы, которая охотно посѣщала его, какъ своего сосѣда по имѣнію въ Бальморалѣ. Поэтому неудивительно, какую сенсацію три года назадъ вызвала газета, начавъ кампанію противъ способа веденія Южно-Африканской войны, необходимость которой «Morning Post» тѣмъ не менѣе раздѣлялъ. Талантливо и основательно, всегда пророчествуя неудачи и несчастія, атаки противъ тактики и стратегіи британскихъ генераловъ ведетъ въ «Morning Post» ея военный и морской оракулъ Спенсеръ Уиль-

Digitized by Google

кинсонъ, вмѣстѣ съ сэромъ Черльзомъ Дилькомъ написавшій два капитальныхъ военныхъ труда: «The Brain of an army» и «The Brain of an navy».

Слѣдуетъ добавить здѣсь, что «Morning Post» на поляхъ Южно-Африканской войны имѣлъ двухъ спеціальныхъ корреспондентовъ, имя одного изъ которыхъ стало извѣстнымъ уже всему міру. Я говорю о Уинстонѣ Черчилѣ, сынѣ покойнаго лорда Рандольфа Черчиля, молодомъ человѣкѣ 26 лѣтъ, жизнь котораго, полная приключеній, напоминаетъ романъ, и который побывалъ уже подъ пулями на Кубѣ, въ Индіи и въ Хартумѣ, прежде чѣмъ попасть въ плѣнъ бурамъ, откуда онъ, впрочемъ, скоро бѣжалъ, чтобы, заинтересовавъ Англію своими письмами, вернуться на родину и заставить избрать себя въ парламентъ.

Врядъ ли нужно добавлять, что этого «репортера» ждетъ выдающаяся политическая карьера.

Другимъ былъ Джезефъ Найтъ, вернувшійся съ войны безъ руки и получающій теперь отъ лорда Гленеска годовую пенсію въ 6,000 рублей.

И Уинстонъ Черчиль, какъ Спенсеръ Уилькинсонъ, всегда сочувственно отзывался о бурахъ, и въ этомъ отношеніи «Morning Post» а къ нимъ и къ войнѣ вообще нельзя не видѣть интересное явленіе. Утверждаютъ, что этотъ старѣйшій консервативный органъ не хочетъ примириться съ новыми вѣяніями, съ чемберлэновщиною, и думаетъ, что Жозефъ Чемберлэнъ, бывшій радикаломъ и промышленникомъ,—остался и тѣмъ и другимъ, а слѣдовательно не ко двору въ рядахъ старыхъ консерваторовъ-аристократовъ...

Газеты либеральнаго лагеря.

Когда-то, да и не такъ давно еще, впрочемъ, всѣ либералы Англіи руководились однимъ кличемъ, однимъ принципомъ: «Полная политическая свобода!», и кличъ этотъ зажигательно дѣйствовалъ на сердца избирателей, но... почти идеальная свобода эта оказалась достигнутой, и старые виги оказались на берегу обѣтованнаго моря, и имъ кажется, что дальше идти некуда.

Между тѣмъ старый лозунгъ кажется уже неудовлетворительнымъ народившимся новымъ избирателямъ, въ перспективѣ которыхъ масса новыхъ запросовъ и, между прочимъ, такіе важные, какъ отношеніе капитала къ труду, движеніе населенія изъ деревни въ городъ, и другіе, пугающіе старыхъ виговъ, не рѣшающихся двинуться въ «море». Въ этомъ и слабость англійской либеральной партіи, у которой нѣтъ программы, нѣтъ вождей, ибо талантливые люди, какъ сэръ Вильямъ Гаркуръ и сэръ Кембаль Банерманъ не хотятъ сознать, что на общественной аренѣ явился новый избиратель съ новыми требованіями. Такіе промахи консерваторовъ, какъ рядъ пораженій въ Индіи въ 1896—97 годахъ, а затѣмъ Родезіанскіе скандалы, и, наконецъ, Южно-Африканская война, давно повлекли бы въ другое время паденіе министерства, но... оппозиція настолько слаба, что не въ состояніи воспользоваться настоящимъ положеніемъ дѣлъ.

Когда ихъ упрекаютъ въ отсутствіи «платформы» (программы), они отвѣчаютъ, что программа явится, когда они станутъ у власти, у власти же они не станутъ, пока не явится программа. Получается заколдованный кругъ, изъ котораго либералы, кажется, никогда не выйдутъ. Либеральная «Westminster Gazette» года два тому назадъ напечатала такую «басню съ нравоученіемъ». Жила-была семья, которая стосковалась по зайцу и все придумывала, какъ бы его поймать, но онъ не давался въ руки, ибо каждый членъ семьи имѣлъ свой собственный проектъ изловленія. Но вдругъ случайно вся семья увидѣла жирнаго русака, игравшаго на лугу за оградой и игравшаго такъ глупо и беззаботно, что поймать его, казалось, было очень легко. Нужно было лишь общее согласіе, но члены семьи заспорили о томъ, какъ лучше его изжарить... Одинъ предлагалъ приготовить его подъ соусомъ «уничтоженія права veto палаты лордовъ», другой предлагалъ зажарить его въ соку «улучшенной системы выборовъ», третій требовалъ предварительнаго опроса мнѣній всѣхъ дальнихъ родственниковъ, а женщины настоятельно требовали, чтобы заяцъ приготовленъ былъ à la «женскія права». Къ довершенію несогласія, сосѣдъ семьи, жившій до сихъ поръ съ нею въ мірѣ, заявилъ, что поможетъ изловить зайца только въ томъ случаѣ, если изъ него сдѣлаютъ начинку для пирога «Гомъ-Руль». Пока шли споры, заяцъ одумался, прыгнулъ и ускакалъ. Мораль ясная:—надо

Digitized by Google

сперва поймать зайца, а потомъ жарить его, либералы же Англіи хотятъ его сперва сжарить...

Каковы же органы этихъ либераловъ?

Важнѣйшимъ органомъ либераловъ стараго типа, гомрулеровъ, является «Daily News», основанный въ 1846 году [1]), когда виги были особенно въ силѣ, и въ шестидесятыхъ годахъ выступившій съ цѣлымъ рядомъ важныхъ реформъ, осуществленныхъ въ 1866 году. Вообще карьера газеты съ 1851 года по 1872 была блестящей, и славѣ газеты не мало содѣйствовали опять таки военные корреспонденты съ Арчибальдомъ Форбсомъ во главѣ, который по истинѣ годился бы въ герои сенсаціоннаго романа, такъ богата была приключеніями его военная жизнь. Англичане и теперь, когда Форбсъ умеръ уже (пять лѣтъ назадъ), съ восторгомъ разсказываютъ, какъ онъ былъ друженъ со Скобелевымъ, какъ онъ загналъ трехъ лошадей, чтобы первому изъ Систова сообщить о первой атакѣ Плевны и т. д. Въ этой же газетѣ выступилъ впервые и Макъ-Гаганъ, возбудившій знаменитую кампанію Гладстона противъ турецкихъ звѣрствъ и приведшую къ русско-турецкой войнѣ 1877—78 г. г.

Въ 80-хъ годахъ газета, оставаясь вѣрною своимъ традиціямъ, пыталась обнять необъятное, слить въ одно два различныя теченія, но, само собою, успѣха не достигла. Крупные промышленники—либералы, испугавшись новыхъ девизовъ молодыхъ либераловъ, дезертировали въ министерскую—уніонистскую партію, и примирительныя статьи «Daily News» не подѣйствовали на нихъ, не смотря на то, что газета не признавала необходимости новой программы. Постепенно газета сдѣлалась почти имперіалистскимъ органомъ, когда въ январѣ 1901 года она вдругъ преобразилась и стала «Daily News» прежняго добраго времени, хранительницей и проповѣдницей чисто либеральныхъ принциповъ, органомъ партіи старыхъ гомрулеровъ, которой судьба, быть можетъ, сулитъ возрожденіе.

Совершенно обратная эволюція произошла съ «Daily Chronicle», органомъ лѣваго крыла либеральной партіи. «Daily Chronicle» былъ сперва мѣстной газетой, но вскорѣ она выдвинулась благодаря Флетчеру, который значительное мѣсто сталъ отводить соціальнымъ вопросамъ и критикѣ литературныхъ произведеній.

Вмѣстѣ съ Флетчеромъ славу газетѣ далъ и Генри Норманъ, одинъ изъ знатоковъ англійской политики и Востока, результатомъ его путешествій по которому явились такія капитальныя произведенія, какъ «The Real Japan», «Round the Near East», «The Peoples and Politics of the Far East» и др. Послѣдніе годы во главѣ газеты стоялъ талантливый публицистъ Массингэмъ, мечтавшій объ южно-африканскомъ союзѣ, въ которомъ всѣ государства были бы свободны, и проповѣдывавшій либеральный имперіализмъ. Загорѣлась Трансваальская война, Англію постигли неудачи, ненависть къ голландцамъ окрѣпла и пустила глубокіе корни, и издатели газеты предложили Массингэну или отказаться отъ либеральной политики, или... уходить вонъ. Массингэнъ ушелъ (въ «Morning Leader»), и «Daily Chronicle» сталъ органомъ шовинистовъ. Такимъ образомъ, до января 1901 года, когда обновился «Daily News», въ Лондонѣ не было ни одной истинно либеральной большой газеты,—оставались лишь «Morning Leader», который все время велъ такую горячую борьбу съ Чемберлэномъ и правительствомъ, но тиражъ котораго сравнительно ничтоженъ, и «Westminster Gazette», стоящая по справедливости во главѣ вечерней прессы, къ которой мы и переходимъ.

Вечерняя пресса.

Кромѣ «Echo», «Star» и другихъ полупенсовыхъ вечернихъ газетъ, имѣется и большая вечерняя пресса въ лицѣ либеральной «Westminster Gazette» и консервативные «Pall Mall Gazette», «Globe St. James Gazette», изъ которыхъ, съ нашей точки зрѣнія, къ большой прессѣ можно отнести лишь первую, по-англійски же всѣ онѣ принадлежатъ къ большой прессѣ, потому что продаются по пенсу.

«Westminster Gazette» основана была въ 1892 году, въ самый разгаръ славы и популярности Гладстона, его поклонникомъ сэромъ Джоржемъ Ньюнисомъ, послѣ того какъ онъ принадлежавшую ему «Pall Mall Gazette» продалъ американскому милліонеру Астору, который натурализовался и мнилъ при по-

[1]) Первымъ редакторомъ газеты былъ славный романистъ Чарльзъ Диккенсъ, но очень плохой журналистъ, чуть не уморившій газету за пять лѣтъ своего редакторства.

Digitized by Google

мощи газетки своей пробраться въ палату лордовъ и сдѣлаться первомъ Англіи. Первымъ редакторомъ «Westminster Gazette» былъ и остается М. Д. Спендеръ, братъ Гарольда Спендера, извѣстнаго бывшаго редактора «Daily Chronicle», нынѣ стоящаго во главѣ «Manschester Guardian». Благодаря Ньюнису и Спендеру «Wenstminster Gazette» сразу заняла почетное мѣсто въ лондонской прессѣ, ставъ «органомъ Гладстона», какъ говорили тогда лондонцы, хотя покойный великій старецъ лично въ ней и не сотрудничалъ. Она сразу выдѣлилась и оригинальностью стиля и мыслей, и даже форматомъ и блѣднозеленымъ цвѣтомъ бумаги, публика же съ самыхъ первыхъ дней приходила въ восторгъ, какъ и до сихъ поръ приходитъ, отъ превосходныхъ политическихъ карикатуръ Коррутера Гульда, появляющихся на страницахъ газеты еженедѣльно и перепечатываемыхъ прочей прессой, даже консервативной, не смотря на то, что Гульдъ жестоко осмѣивалъ въ карикатурахъ своихъ настоящее уніонистское правительство. Шаблонныя фигуры упитаннаго Сольсбюри и Чемберлэна съ моноклемъ и орхидеей въ петлицѣ участвуютъ почти въ каждомъ рисункѣ, но сюжеты такъ разнообразны, а остроуміе Гульда такъ неистощимо, что номера газеты съ карикатурами, теперь выходящіе, если не ошибаюсь, по четвергамъ, продаются на расхватъ.

Газета составляется, не смотря на ея либеральное направленіе, чисто по-англійски и въ строго патріотическомъ духѣ, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что вотъ уже девятый годъ «Westminster Gazette» упорно проповѣдуетъ добрыя отношенія къ Россіи, а одно время, когда въ ней сотрудничала наша извѣстная патріотка О. А. Новикова, требовала даже союза съ Россіею, благодаря чему и стояла всегда въ сторонѣ отъ прочей прессы. До какой степени «Westminster Gazette» либерально-патріотична, доказываютъ прежде всего ея отношенія къ Южно-Африканской войнѣ. Когда начался конфликтъ въ 1899 году,—газета жестоко осуждала идею войны, которой требовала прочая пресса, и напрягала всѣ усилія, чтобы воспрепятствовать братоубійственной войнѣ. Гласъ ея оказался вопіющимъ въ пустынѣ, конечно, но, разъ война началась, Спендеръ требуетъ, чтобы Англія вышла изъ нея побѣдительницей. Въ то же время, газета строго осуждаетъ способы веденія этой войны и полагаетъ, что Англія совершила жестокую ошибку, послѣ занятія Преторіи и Іоганнесбурга, не предоставивъ бурамъ другой альтернативы, какъ или бороться до послѣдней капли крови, или сдаться безусловно. Спендеръ годъ назадъ еще предсказывалъ то, что англійская армія переживаетъ теперь. Онъ говорилъ, что англичанамъ придется бороться до уничтоженія послѣднихъ ничтожныхъ отрядовъ, чего Англія не можетъ сдѣлать при настоящихъ средствахъ,—нужны деньги, люди, войска, а ихъ нѣтъ. Нужны въ особенности реформы въ командованіи арміей, реформы въ воспитаніи офицеровъ, консервативное же правительство никогда не отважится на это.

Отсюда является выводъ, повторяемый газетой, какъ припѣвъ во всѣхъ статьяхъ, что съ точки зрѣнія имперіалистской настоящее правительство немыслимо, а потому должно исчезнуть.

Въ такомъ постоянствѣ, какимъ отличается «Wesminster Gazette», нельзя обвинить «Pall Mall Gazette», которая въ свое время, при Ньюнисѣ, Джонѣ Морлеѣ и Виліамѣ Стэдѣ стяжала себѣ славу безпристрастнаго либерально-радикальнаго органа, для котораго правда и обличеніе зла во всѣхъ его видахъ стояли выше всего. Кто не помнитъ грандіознаго скандала, вызваннаго Стэдомъ въ этой газетѣ разоблаченіями постыднаго разврата нѣкоторыхъ крупныхъ представителей англійской аристократіи. Правда, Стэдъ былъ заключенъ на 2 года въ тюрьму, не смотря на то, что всѣ его обвиненія подтвердились, но честное дѣло было сдѣлано, и если аристократія съ тѣхъ поръ громитъ презрѣніемъ газету, ее сталъ читать народъ. Такъ продолжалось до 1902 года, когда, какъ мы сказали, газету купилъ милліонеръ Асторъ, поставивъ главнымъ редакторомъ сэра Дугласа Страйта, бывшаго чиновника. «Pall Mall», какъ ее попросту называютъ, по примѣру «Daily Mail», тянется за сенсаціей, отличается руссофобіей и галлофобіей и выпускаетъ въ день отъ 4-хъ до 7-ми изданій, выбрасывая изъ набора какую-нибудь депешу, замѣняя ее новой и выставляя каучуковымъ штемпелемъ въ заголовкѣ газеты «2-е edition»... «5-е edition», «extra edition», «extra specia edition»... Я помню, какъ мой соотечественникъ, еще неопытный, въ Лондонѣ въ одинъ прекра-

Digitized by Google

сный день купилъ всѣ 7 изданій «Pall Mall» и... не нашелъ между ними никакой разницы.

По стольку же изданій въ день выпускаетъ и «St.-James Gazette», принадлежащая нѣкой «Linotipe Company». Съ претензіей на аристократическую публику и строго консервативное направленіе, газета эта пользуется старинной репутаціей и только ею и живетъ, хотя ея брюзжаніе старой красавицы, не желающей помириться съ всепобѣждающимъ временемъ, никому не нравится. Впрочемъ, читать «St.-James Gazette» прямо необходимо для всѣхъ занимающихся политикой и въ особенности интересующихся вопросами Средней Азіи и Индіи, такъ какъ въ газетѣ постоянными сотрудниками состоятъ талантливый публицистъ Роуландъ Макнеймъ и полковникъ Ганна, стоящій во главѣ той военно-ученой партіи, которая требуетъ, чтобы Англія въ Индіи отступила за р. Индъ, отказавшись отъ всякихъ претензій на Гималаи, Афганистанъ и сопредѣльныя страны, находящіяся нынѣ подъ явнымъ или скрытымъ протекторатомъ Великобританіи.

Изъ вечернихъ ежедневныхъ изданій намъ остается упомянуть о самой несимпатичной газетѣ «Globe», почему-то печатающейся на розовой бумагѣ, тогда какъ ей, по ея направленію, слѣдовало бы печататься на бумагѣ кроваваго цвѣта. По всякому поводу и безъ всякаго повода газета эта бьетъ тревогу, кричитъ объ оскорбленіи Англіи и требуетъ пролитія крови. Само собою, въ этой газетѣ достается больше всего намъ, русскимъ, а между тѣмъ съ самаго дня ея основанія въ 1803 году и до 1866 года «Globe» былъ органомъ виговъ и отличался широтою взглядовъ.

Въ Лондонѣ распространено мнѣніе, что иностранными корреспондентами «Globe» состоятъ исключительно англійскіе дипломаты, но если это такъ, то всѣ они—отъявленные шовинисты. Строго говоря, «Globe» не слѣдовало бы считать вечерней газетой, ибо она выпускается въ 12 часовъ дня. Скорѣе это запаздывающая утренняя газета, которая имѣетъ значительное количество читателей, благодаря тому, что въ 12 часовъ дня уже она даетъ краткое содержаніе передовыхъ статей всѣхъ утреннихъ газетъ и перепечатываетъ изъ всѣхъ самое интересное.

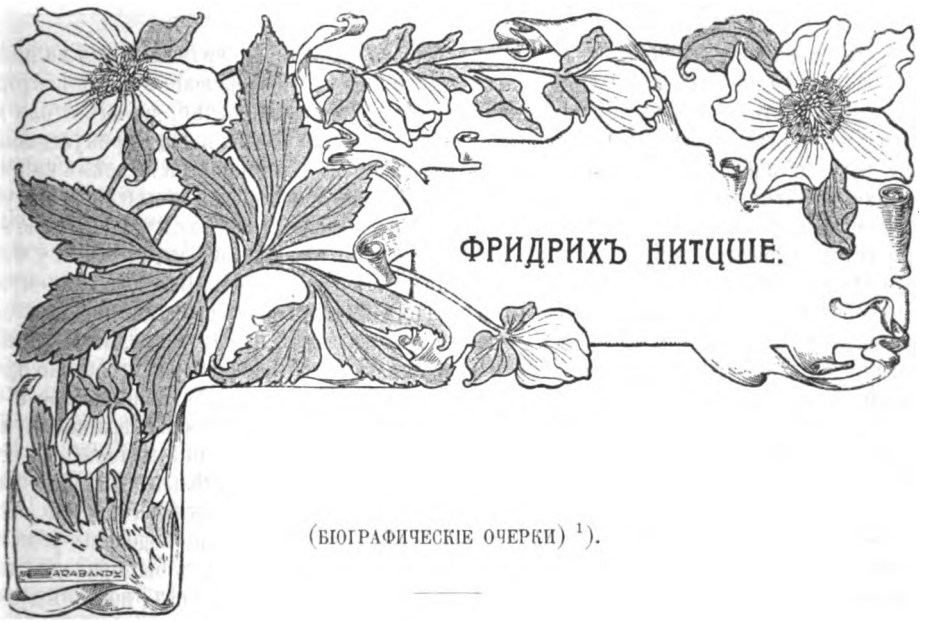
Перепечатываніемъ занимаются еще двѣ вечернія незначительныя газетки для народа, съ соціалистическимъ нѣсколько оттѣнкомъ «People» и «Reynold's Paper», но онѣ не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія.

Перейдемъ теперь къ лондонской мелкой, или грошевой прессѣ, наиболѣе интересной.

Л. А. Б—чъ.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google



Начало и причины его болѣзни.

Нитцше, по словамъ сестры, будучи еще вполнѣ здоровымъ человѣкомъ, какъ и послѣ потери своего здоровья, былъ большимъ поклонникомъ физическихъ методовъ лѣченія: холодныя обтиранія и умыванія, прогулки на свѣжемъ воздухѣ, комнатная гимнастика усердно практиковались имъ. Его также сильно занимали вопросы питанія, еще въ то время, когда желудокъ его былъ вполнѣ здоровъ, и ему лично не приходилось задумываться надъ выборомъ надлежащей пищи. Одно время онъ даже придерживался строгаго вегетаріанства, которое онъ, впрочемъ, впослѣдствіи оставилъ. Къ вопросамъ здоровья, питанія, гигіеническаго режима Нитцше всегда очень серіозно относился и смотрѣлъ на нихъ не столько съ точки зрѣнія личнаго благополучія, сколько съ философской и этической стороны. Отношеніе нашего философа къ этимъ практическимъ проблемамъ обыденной жизни настолько выдвигаетъ характерныя черты его личности, что несомнѣнный интересъ для читателей представитъ нижеприводимое письмо его къ другу Герсдорффу, необыкновенно здоровому и сильному человѣку, отражающее многіе взгляды Нитцше на указанные вопросы.

«Мой милый другъ», пишетъ Нитцше Герсдорффу 28-го сентября 1869 года изъ Базеля, «услышь теперь о томъ, какое дѣйствіе произвело твое послѣднее письмо; и я съ его полученія не принадлежу больше къ числу «саркофаговъ» (мясоядныхъ). Мнѣ вспомнилось, какъ однажды въ Лейпцигѣ я, послѣ чтенія Шелли, сдѣлалъ даже робкую попытку доказать тебѣ парадоксальность растительной пищи и послѣдствій питанія ею: къ сожалѣнію, это было сдѣлано въ ненадлежащемъ мѣстѣ, у «Mahna» [2]), въ то время какъ предъ нами стояли извѣстныя котлеты изъ «всякой всячины» [3]). Прости эту будничную подробность въ воспоминаніи, удержаніе которой въ памяти меня самого изумляетъ; но контрастъ между твоей натурой и вегетаріанскимъ міросозерцаніемъ показался мнѣ до того рѣзкимъ, что даже тѣ мелочи глубоко врѣзались въ мою память.

«Послѣ сего перваго признанія вотъ тебѣ сейчасъ же и второе,—а именно вотъ какое: я снова пришелъ къ убѣжденію, что все это не больше, какъ блажь, да къ тому еще далеко не безвредная. Впрочемъ, я сомнѣваюсь, найдутся ли какъ разъ у меня сейчасъ подъ рукою всѣ доводы, которые мнѣ за это время

[1]) См. «Новый Журн. Иностр. Лит.» 1903 г. № 1.

[2]) Надо полагать, фамилія лейпцигскаго ресторатора.

[3]) «Лейпцигская всякая всячина» (Leipziger Allerlei)—извѣстное вегетаріанское блюдо, состоящее изъ картофеля, горошка и моркови въ соусѣ.

Digitized by Google

приходили въ голову. Я, долженъ тебѣ сказать, снова провелъ нѣсколько дней въ гостяхъ, какъ я это теперь частенько дѣлаю, у человѣка, цѣлые годы практиковавшаго такого рода воздержаніе, и потому на этотъ счетъ компетентнаго, именно у Рихарда Вагнера. И онъ-то со всей теплотой своего темперамента и свойственной ему сильной выразительностью выяснилъ мнѣ всѣ внутреннія несообразности этой теоріи и практики. Самое важное для меня то, что здѣсь снова явственно ощущаешь кусокъ того оптимизма, который постоянно подъ самыми причудливыми формами, то въ видѣ соціализма, то сжиганія труповъ—не-погребенія, то въ видѣ ученія о питаніи растительной пищей и въ безчисленныхъ другихъ видахъ каждый разъ всплываетъ на свѣтъ Божій: какъ будто съ устраненіемъ одного грѣшнаго, противоестественнаго явленія, счастіе и гармонія будутъ возстановлены. Тогда какъ наша возвышенная философія учитъ, что, куда бы мы ни хватились, мы всюду натыкаемся на полную гибель, на чистую волю къ жизни, а здѣсь-то всѣ палліативныя лѣченія и безсмысленны.

«Конечно, жалость къ животнымъ представляетъ собою украшающій благороднаго человѣка образъ мыслей; но природа, эта столь жестокая и ненравственная особа, съ силою непобѣдимаго инстинкта принудила насъ, народы этихъ климатическихъ широтъ, къ возмутительному режиму, къ мясной пищѣ, въ то время какъ въ жаркихъ странахъ, гдѣ обезьяны живутъ растительною пищей, ею въ силу этого могучаго инстинкта, могутъ довольствоваться также и люди. И у насъ мыслима для особенно сильныхъ и физически дѣятельныхъ индивидовъ чисто растительная пища, не безъ крупнаго, впрочемъ, насилія надъ природой, которая не остается за это въ долгу и на свой ладъ отмщаетъ, какъ въ этомъ Вагнеръ на себѣ самомъ имѣлъ случай самымъ осязательнымъ образомъ убѣдиться. Одинъ изъ его друзей палъ даже жертвой этого опыта, а самъ онъ полагаетъ, что ему давно бы не быть среди живущихъ, если бы онъ продолжалъ придерживаться такого способа питанія. Канонъ, который въ этой области дается опытомъ, слѣдующій: духовно производительныя, продуктивныя натуры и натуры съ интенсивнымъ темпераментомъ и настроеніемъ должны питаться мясомъ. Иной режимъ можетъ оставаться для булочниковъ и крестьянъ, представляющихъ собою лишь однѣ пищеварительныя машины. Одинаково важное значеніе имѣетъ и вторая точка зрѣнія: невѣроятно, до чего столь ненормальный образъ жизни, принуждающій къ борьбѣ на всѣ стороны и по всѣмъ направленіямъ, поглощаетъ всѣ силы и энергію духа, которыя, благодаря этому, отнимаются у болѣе высокихъ и общему благу служащихъ стремленій. Кто обладаетъ мужествомъ постоять своею практическою дѣятельностью за нѣчто необычайное, неслыханное, тотъ пусть заботится о томъ, чтобы оно представляло собою хоть нѣчто достойное и великое, а не одну лишь теорію, вращающуюся вокругъ вопроса о питаніи матеріи. И, если даже признать за отдѣльными личностями извѣстнаго рода подвижничество или, если хочешь, мученичество въ подобнаго рода вещахъ, я лично не хотѣлъ бы принадлежать къ ихъ числу, до тѣхъ поръ, пока въ духовной области намъ еще предстоитъ высоко держать какое-либо знамя. Я прекрасно замѣчаю, что въ твоей натурѣ, милѣйшій другъ, кроется нѣчто героическое, готовое создать для себя цѣлый міръ борьбы и трудовыхъ напряженій, но я опасаюсь, что вполнѣ ничтожныя, тупыя головы хотятъ злоупотреблять этою твоею благородной наклонностью, стремясь подвести подъ нее подобный принципъ. Я, по крайней мѣрѣ, считаю широко распространенныя на эту тему литературныя произведенія пресловутыми фабрикатами лжи, хотя и продиктованными несомнѣнно голосомъ честно-глупаго фанатизма. Будемъ бороться и, если удастся, не изъ-за вѣтряныхъ мельницъ. Пусть предъ нашими духовными очами всегда стоятъ образцы борьбы и аскетизма истинно великихъ людей, Шопенгауэръ, Шиллеръ, Вагнеръ! Жду твоего отвѣта, дорогой другъ!

Ф. Н.

«Я начинаю, какъ видишь, исписывать новый листъ бумаги, чувствуя истинное огорченіе по поводу того, что не могу въ этомъ вопросѣ съ тобою согласиться. Тѣмъ не менѣе, чтобы доказать тебѣ свою искреннюю энергію, я до сихъ поръ придерживался того же режима и буду продолжать это дѣлать до тѣхъ поръ, пока ты самъ не дашь мнѣ разрѣшенія вести иной образъ жизни. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, принципъ умѣренности и воздержанія сейчасъ же доводить до крайности? Очевидная причина такой утрировки та, что, вообще, легче удерживаться на самой

Digitized by Google

крайней точки зрѣнія, чѣмъ, избѣгая заблужденій, шествовать въ золотой серединѣ.

«То обстоятельство, что въ гостиницахъ люди безусловно пріучаются къ «перекармливанію», я, конечно, вполнѣ допускаю: оттого мнѣ теперь и нелюбо тамъ кормиться. Равнымъ образомъ, мнѣ вполнѣ ясно, что временное воздержаніе отъ мяса, съ діэтетической цѣлью, чрезвычайно полезно. Но къ чему, говоря словами Гёте, «дѣлать изъ этого религію?». А, между тѣмъ, послѣднее неизбѣжно сопряжено со всѣми этими странными привычками, и кто уже оказывается зрѣлымъ для вегетаріанства, представляется въ большинствѣ случаевъ созрѣвшимъ и для соціалистическаго блюда «всякой всячины».

«И въ этомъ вопросѣ Шопенгауэръ съ непогрѣшимой вѣрностью своего великаго инстинкта говорилъ и поступалъ правильно. Ты, конечно, знаешь у него это мѣсто».

Не смотря на свои трезвые, вполнѣ разумные взгляды на вопросы здоровья и необходимаго для его сохраненія режима, Нитцше въ своемъ непобѣдимомъ стремленіи къ познавательной и творческой дѣятельности, постоянно отступалъ отъ руководства ими въ отношеніи своего собственнаго здоровья. Злоупотребленіе сильно дѣйствующими лѣкарствами, говоритъ его сестра, въ связи съ ужасными впечатлѣніями съ полей битвъ, нанесли его природѣ страшный ударъ, послѣдствія котораго предотвратить могли бы лишь продолжительный отдыхъ и какое-нибудь раціональное лѣченіе не фармацевтическими средствами, а натуральными, гигіеническими способами. Но онъ ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ оставаться на положеніи больного; на это у него не было времени, и его творческій, неутомимо работающій духъ проклиналъ каждый часъ, въ теченіе котораго онъ былъ обреченъ на бездѣйствіе. «Мой братъ»,—говоритъ сестра Нитцше,—«хотѣлъ во что бы то ни стало выздоровѣть какъ можно скорѣе и разсчитывалъ этого достигнуть съ помощью лѣкарствъ! Кто, какъ я, имѣлъ случай наблюдать, какъ онъ постепенно разрушалъ свою отъ природы роскошную, здоровую организацію, тотъ пойметъ мое страстное желаніе, чтобы врачебный міръ окончательно оставилъ устарѣлую манеру пичкать больныхъ лѣкарствами; отдѣльные врачи всегда старались какъ можно рѣже прибѣгать къ ихъ помощи. Съ горечью думаю я о томъ, какъ мало обращается вниманія на чрезвычайное, крайне индивидуальное вліяніе мѣстности, пищи и климата на каждаго человѣка (климатъ Базеля, напр., я считаю особенно неподходящимъ для всѣхъ, расположенныхъ къ страданіямъ мигренью). Что я въ этомъ отношеніи познала, этому жизнь и опытъ слишкомъ поздно меня научили, чтобы я имѣла возможность помочь тѣмъ, кого я больше всего на свѣтѣ любила».

«Острыя лѣкарственныя средства» — продолжаетъ г-жа Ферстеръ-Нитцше,—разрушили здоровый желудокъ моего брата; послѣ того, какъ наружно онъ, какъ-будто, оправился отъ послѣдствій того страшнаго потрясенія здоровья, у него остались сильныя, каждыя двѣ-три недѣли повторяющіяся мигрени. Раньше онъ съ нею совсѣмъ не былъ знакомъ и, когда она стала его преслѣдовать, онъ старался избавиться отъ нея всякаго рода снадобьями, которыя, вмѣсто облегченія, усугубили его страданія. Къ нимъ присоединилось еще упорное страданіе глазами, сопровождавшееся по временамъ мучительными болями. Вѣчныя разстройства желудка, головныя боли, страданія глазами, безсонница — это все страницы исторіи его многострадальной жизни! Въ концѣ концовъ онъ утратилъ всякую вѣру во врачей, но, къ сожалѣнію, не измѣнялъ лѣкарствамъ». Къ повѣсти объ его мучительныхъ и интенсивныхъ страданіяхъ намъ придется еще не разъ возвращаться въ дальнѣйшемъ его жизнеописаніи, теперь же мы приведемъ въ мастерскомъ изложеніи профессора Алоиза Риля, перу котораго принадлежитъ лучшая изъ всѣхъ до сихъ поръ появившихся работъ о Нитцше, сжатую, но выразительную картину послѣдующаго хода его болѣзни, набросанную по его же собственнымъ словамъ и по сообщеніямъ его сестры-біографа. Упорное страданіе глазами, преслѣдовавшее нашего философа, причинялось, какъ впослѣдствіи выяснилось, мозговымъ переутомленіемъ и раздраженіемъ. Въ 1876 году Нитцше долженъ былъ сложить съ себя часть своихъ служебныхъ обязанностей, а именно преподованіе въ Базельскомъ педагогіумѣ. Черезъ два года ему пришлось совсѣмъ отказаться отъ своей общественной дѣятельности. Когда сестра снова съ нимъ увидѣлась въ 1878 году, онъ былъ неузнаваемъ: ее встрѣтилъ и съ глубокимъ волненіемъ протянулъ ей руку разбитый, усталый, состарившійся человѣкъ. Въ 1880 году онъ пишетъ о себѣ:

Digitized by Google

«я изнемогаю подъ тяжкимъ, нестерпимымъ бременемъ того, что̀ я выношу; въ теченіе послѣдняго года у меня было 118 дней тяжелыхъ приступовъ болѣзни»—«я жилъ тогда еще», вспоминаетъ онъ впослѣдствіи объ этомъ ужасномъ періодѣ своего медленнаго горѣнія на одрѣ лютаго недуга, «но я не былъ въ состояніи видѣть предъ собою на разстояніи трехъ шаговъ». Съ тѣхъ поръ онъ ведетъ существованіе совершенно больного, немощнаго человѣка. Необходимость, а не свободный выборъ, заставляла его проводить лѣта въ деревнѣ Оберъ-Энгадина и зимы на Ривьерѣ. Впрочемъ, онъ испытывалъ и внутреннее сродство съ этимъ величественно-простымъ уголкомъ въ Энгадинѣ, «родиною всѣхъ серебряныхъ цвѣтовыхъ оттѣнковъ и красокъ природы», какъ онъ его называлъ, и любилъ югъ, его благодатное небо, его растительность, чистоту прозрачнаго воздуха, лазурь моря.

Его болѣзнь поднялась «въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ на высоту постоянной пытки» (steigerte sich in langen Lahren bis zu einem Höhepunkt habitueller Schmerzhaftigkeit)»—это его собственныя слова въ письмѣ къ Брандесу. Въ 1880 году онъ былъ на краю отчаянія, потерялъ всякую надежду. Имъ овладѣло страстное желаніе умереть—и онъ, собираясь покинуть сей міръ, уже прощался со всѣми, кого любилъ. Испытываемая имъ тогда жажда смерти находитъ себѣ глубоко трогательное и сильное выраженіе въ письмѣ къ почтенной подругѣ, Мальвидѣ фонъ Мейзенбургъ, относящемся къ тому времени и начинающемся словами:

«Хотя писаніе является для меня самымъ запретнымъ плодомъ, вы, которую я люблю и чту, какъ старшую сестру, все-таки должны получить отъ меня еще одно письмо—оно, вѣроятно, будетъ послѣднимъ! Ибо ужасныя и почти непрекращающіяся муки моей жизни заставляютъ меня жаждать скорѣйшаго конца, и, судя по нѣкоторымъ признакамъ, не долго еще мнѣ ждать избавительнаго апоплексическаго удара, для того, чтобы имѣть право на что-либо надѣяться. Въ отношеніи муки и воздержанія моя жизнь за послѣдніе годы можетъ поспорить съ житіемъ любого аскета всѣхъ временъ; не смотря на это, названные годы дали мнѣ многое для приведенія души въ состояніе ясности и тихой глади—и я больше не нуждаюсь для этого ни въ религіи, ни въ искусствѣ. (Вы видите, что я этимъ горжусь; и, въ самомъ дѣлѣ, моя полнѣйшая одинокость и заброшенность только и позволила мнѣ открыть въ себѣ свои собственные вспомогательные источники). Я полагаю, что выполнилъ задачу своей жизни, правда, на подобіе того, кому не было предоставлено на то достаточно времени. Но я знаю, что я излилъ каплю хорошаго масла для многихъ, и что многимъ я далъ нѣкоторое указаніе на путь къ самовознесенію, мирному довольству и праведному образу мыслей».—«О, что̀ это за годы, что̀ за муки, что̀ за состоянія одиночества и отвращенія къ жизни!» восклицаетъ онъ, озираясь на періодъ отъ 1876—1882 гг. — И въ письмѣ (къ Брандесу), писанному въ 1888 году, онъ называетъ «исторію своихъ вѣснъ за 15 лѣтъ» «исторіей ужасовъ», роковымъ стеченіемъ (Fatalität) декадентства и немощи». Даже его могучая воля и сила сопротивленія временами ослабѣвали и падали. «Потрясеніе моего здоровья слишкомъ глубокое, муки мои слишкомъ продолжительны», жалуется отъ своему другу Rée; «что̀ пользы мнѣ отъ самопреодолѣнія и терпѣнія». У него бывали времена, когда ему стоило «величайшей рѣшительности акцентировать жизнь», и однажды изъ его истерзанной груди вырываются полныя отчаянія слова: «я презираю жизнь». Съ прогрессирующей болѣзнью ухудшилось состояніе его глазъ до того, что онъ сталъ почти слѣпымъ.—«Ахъ, эти глаза», гласитъ одна изъ его жалобъ, «я не знаю, что̀ мнѣ съ ними дѣлать; они, положительно, держатъ меня насильно вдали отъ науки»[1]).

---

[1]) «Мое существованіе,» пишетъ онъ въ январѣ 1880 г. изъ Наумбурга своему хорошему знакомому, франкфуртскому врачу Эзеру, «представляетъ собою ужаснѣйшее бремя: я бы его давно съ себя сбросилъ, если бъ не въ высшей степени поучительные опыты и изслѣдованія въ духовно-нравственной области, которыя я производилъ, пребывая въ этомъ состояніи страданія и почти абсолютнаго воздержанія—это жаждущее познанія радостное настроеніе возноситъ меня на высоты, на которыхъ я побѣждаю всѣ муки и страданія, всякую безнадежность. Въ общемъ я счастливѣе, чѣмъ когда-либо до того въ своей жизни, и все-таки! Вѣчное чувство боли, длящееся часами каждый день, состояніе и чувствованіе, очень близкія къ

Digitized by Google

Кромѣ чисто физическаго недуга, немаловажнымъ факторомъ въ трагическомъ многострадальномъ складѣ жизни Нитцше была его въ высшей степени нѣжная, благородная душевная организація. Не слѣдуетъ думать, говоритъ о немъ его сестра, что мой братъ, оставайся онъ совершенно здоровымъ, не страдалъ бы отъ жизни. Его глубокая, воспріимчивая натура страдала уже отъ одного могучаго роста его духа. Для него убѣжденіе не являлось платьемъ, которое можно по произволу каждый разъ замѣнять новымъ, а оно было чѣмъ-то такимъ, что̀ срослось у человѣка съ его сокровеннѣйшими чувствами и мыслями. Но духъ его въ безостановочномъ поступательномъ движеніи своемъ къ свободѣ и истинѣ приводилъ его постоянно къ новымъ взглядамъ и воззрѣніямъ; сколько боли причиняла ему необходимость разставаться съ этими старыми убѣжденіями, связанными съ самыми теплыми чувствами! Въ этомъ смыслѣ онъ и пишетъ своему другу, фрейлейнъ фонъ Мейзенбургъ, весною 1875 года послѣ пережитой имъ полосы особенно тяжкихъ страданій.

«Нашъ братъ (я разумѣю васъ и себя) никогда не страдаетъ чисто тѣлесно, но все у насъ глубоко переплетено и срощено съ духовными кризисами, такъ что я даже не могу себѣ представить, чтобы я когда-либо могъ выздоровѣть съ помощью однѣхъ только аптекъ и кухонъ. Я полагаю, что вы это знаете и въ этомъ такъ же твердо убѣждены, какъ и я, такъ что сказаннымъ ничего новаго я вамъ не говорю!

«Секретъ всякаго выздоровленія состоитъ для насъ въ пріобрѣтеніи извѣстной толстокожистости, въ огражденіе нашей внутренней уязвимости и страдоспособности. Если бы хоть съ внѣшней стороны насъ ничего больше не задѣвало и не разило; для меня, по крайней мѣрѣ, ничто не представляется болѣе мучительнымъ, чѣмъ то, когда ты съ обѣихъ сторонъ попадаешь въ огонь, извнутри и снаружи».

Восемь лѣтъ спустя, послѣ нѣкоторыхъ испытанныхъ имъ крупныхъ непріятностей, онъ пишетъ одной изъ своихъ знакомыхъ: «Тѣло и душа у меня такъ устроены, что я обоими ими могу ужасно страдать: и, что̀ касается души, я въ теченіе прошлаго года находился въ состояніи человѣка, который въ теченіе многихъ, многихъ лѣтъ ничего больше не переживалъ; благодаря этому, я оказался лишеннымъ всякихъ кожныхъ покрововъ души и всякихъ натуральныхъ средствъ предохраненія».

На умственный и душевный складъ своего геніальнаго брата Елизавета Нитцше всегда смотрѣла, какъ на удивительно тонкій и нѣжный часовой механизмъ, нуждающійся въ необыкновенно крѣпкой оболочкѣ для того, чтобы не подвергаться разстройству и раздраженію. Природа снабдила его такой оболочкой, въ лицѣ его здороваго, сильнаго организма; но, едва только послѣдній лишился своей первоначальной силы и крѣпости, какъ и всякая духовная борьба неизбѣжно должна была отражаться на немъ бо̀льшими страданіями и муками.

«Его натура», продолжаетъ свою характеристику брата сестра-біографъ, «была необыкновенно чувствительна и воспріимчива, всѣ чужія страданія, не исключая самыхъ тонкихъ и неуловимыхъ, онъ способенъ былъ чувствовать чрезвычайно глубоко; поэтому ему и казалось, что самое трудное искушеніе, противъ котораго Заратустрѣ надо было устоять, было то, когда до него доносится вопль о помощи, и состраданіе грозитъ овладѣть имъ». «Надо», говоритъ она, «столько выстрадать отъ состраданія, сколько отъ него выстрадалъ мой братъ, чтобы вообще понять нѣчто подобное его отношенію къ этому чувству. Сколь многіе вернулись тогда съ войны, не пораженные и не потрясенные до глубины души испытанными въ ней ужасами! Ему же было необходимо бороться съ этими невыразимо мучительными впечатлѣніями, призвавъ на помощь всю силу философской мудрости, какая только была въ его распоряженіи».

Но еще бо̀льшую почти трудность, чѣмъ состраданіе, представляло для Нитцше, по словамъ его сестры, преодолѣніе другой опасности, а именно не погибнуть отъ разочаро-

---

морской болѣзни, полу-параличъ, при которомъ рѣчь становится для меня затруднительной; а, для разнообразія, бѣшеныя атаки (послѣдняя заставляла меня вырывать 3 дня и ночи подъ рядъ, я молилъ о смерти). Быть лишеннымъ возможности читать! Не встрѣчаться съ людьми! Не быть въ состояніи слушать музыку! Постоянно одинъ съ собою, одинокія прогулки, горный воздухъ, молочная и яичная діэта! Всѣ внутреннія средства къ облегченію моихъ страданій оказались недѣйствительными, я ужъ больше никакихъ не употребляю. Холодъ мнѣ очень вреденъ».

Digitized by Google

ванія и отвращенія, вызываемыхъ въ немъ другими. Въ многосторонней или, какъ онъ самъ и другіе ее опредѣляютъ, многострунной натурѣ Нитцше укладывались самыя разнообразныя дарованія и душевные склады, на сочетаніе которыхъ указывалось его біографомъ въ первомъ томѣ его жизнеописанія: съ одной стороны онъ обладалъ умѣющимъ чтить и поклоняться сердцемъ, художественно-созидательнымъ чувствомъ, создававшимъ людей по его собственному образу и подобію, столь же добросердечными и любвеобильными, столь же чистыми, преисполненными высшихъ стремленій къ научному знанію и непобѣдимой любви къ строгой истинѣ, какъ и онъ; съ другой стороны, онъ былъ одаренъ тѣмъ въ высшей степени острымъ психолого-критическимъ чутьемъ, которое позволяло ему, гдѣ только дружба не окружала въ его глазахъ человѣка ореоломъ совершенства, проникать въ самую глубь его души. А сколько жалкаго и отталкивающаго можно найти на днѣ человѣческой натуры! Самъ Нитцше въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ, писанныхъ осенью 1888 года, характеризуетъ себя между прочимъ со слѣдующей стороны:

«Слѣдуетъ ли мнѣ указать еще на послѣднюю особенность моей натуры, доставляющую мнѣ немало трудностей въ сношеніяхъ съ людьми? Мнѣ свойственна крайне тягостная раздражительность инстинкта чистоты, благодаря которой я физіологически чувствую—обоняю близость или—что я говорю? — самое нутро, «внутренности» всякой души... Эта раздражительность снабжена у меня психологическими щупальцами, которыми я нащупываю всякій тайникъ и извлекаю изъ него всякую тайну: обильная грязь, скрывающаяся на днѣ иной натуры, обусловленная, можетъ быть, дурной кровью, но замазанная лоскомъ воспитанія, ощущается мною сейчасъ же: чуть ли не при первомъ соприкосновеніи. Если только наблюденія меня не обманываютъ, натуры, которыхъ мое чувство чистоты не выноситъ, ощущаютъ съ своей стороны осторожность, внушаемую мнѣ отвращеніемъ: отъ этого онѣ, конечно, не становятся болѣе аппетитными... Такъ какъ я себя всегда къ тому пріучалъ—крайняя чистота въ отношеніяхъ ко мнѣ является необходимымъ условіемъ моего существованія, среди нечистыхъ условій я погибаю—я плаваю и купаюсь и плескаюсь равнымъ образомъ только въ водѣ, исключительно лишь въ какой-нибудь абсолютно прозрачной и сверкающей стихіи. Это дѣлаетъ изъ общенія съ людьми нелегкую для меня школу терпѣнія; моя человѣчность, гуманность заключается не въ томъ, чтобы сочувствовать человѣку, каковъ онъ есть, но въ томъ, чтобы переносить то, что онъ находитъ себѣ мѣсто въ моемъ сочувствіи.

«... Моя гуманность есть постоянное самопреодолѣваніе».

И, дѣйствительно, общеніе съ людьми, которыхъ Нитцше въ состояніи былъ видѣть насквозь, представляло для него большія трудности. Благодаря своему частому недомоганію, говоритъ его сестра, онъ превратился въ объектъ попеченія и ухода, въ добычу для «сострадательныхъ» людей и людишекъ. Но какъ мало среди нихъ оказывалось такихъ, кто понималъ оказывать ему своимъ участіемъ и попеченіемъ дѣйствительную пользу и облегченіе! Онъ, отъ природы столь благодарный и признательный, могъ при этомъ именно и испытывать большую горечь по поводу того, что люди дѣлали изъ своей, съ позволенія сказать, заботливости столько шуму, не задавая себѣ почти никакого труда угадывать и исполнять его истыя желанія. Его «второе зрѣніе» позволяло ему ясно видѣть, какъ эти окружающіе его своимъ уходомъ и заботливостью люди въ сущности только о томъ и старались, чтобы выставить себя выдающимися, самоотрекающимися существами. Кой-какое суровое слово изъ сказаннаго Нитцше по адресу сострадательныхъ несомнѣнно вызвано оскорбительнымъ недомысліемъ тѣхъ, кто навязывалъ ему свой уходъ.

Какъ сильно,—говоритъ далѣе сестра Нитцше,—братъ мой страдалъ отъ тщеславности, мелочности, неискренности, поверхностности или прѣсности, завистливости характера иныхъ людей, никому и въ голову не приходило, а менѣе всего тѣмъ, которые этими чертами своими причиняли ему столько страданій. Онъ до того готовъ былъ, до того чувствовалъ потребность «чтить и поклоняться», а тутъ вдругъ острота его психологическаго зрѣнія обнаруживала передъ нимъ человѣка, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности, со всей его жалкой подноготной. Временами онъ себя чувствовалъ словно среди однихъ только масокъ и актеровъ («и къ тому, о Боже, столь плохихъ актеровъ»,

Digitized by Google

какъ онъ зачастую вздыхалъ) — только его великое философское терпѣніе и кротость, его наклонность въ повседневной жизни къ юмору нѣсколько облегчали ему тяжесть этого рода нравственныхъ страданій.

«Затѣмъ»,—продолжаетъ его сестра,— не слѣдуетъ забывать, что когда онъ напряженно отдавался занимавшимъ его новымъ идеямъ, онъ сосредоточивалъ всѣ свои мысли на духовной производительности, по отношенію же къ окружающей его средѣ оставался абсолютно слѣпымъ. Это и давало ему нѣкоторую возможность знаться и поддерживать общеніе съ самыми неподходящими для него людьми: въ своемъ творческомъ настроеніи онъ и ихъ пересоздавалъ и закрывалъ глаза на все, что̀ должно было оказываться для него тягостнымъ».

И ко всему тому, что̀ его чувствительной натурѣ приходилось преодолѣвать, присоединялась гигантская работа творческаго генія! Чтобы осуществить всѣ свои планы,— говоритъ его сестра,—ему необходимо было обладать сверхчеловѣческими силами; голову его наводняло неимовѣрное богатство замысловъ и идей! И, не смотря на наступившее, благодаря страданіямъ, уменьшеніе его работоспособности, онъ все-таки пытался выливать въ словѣ и художественной формѣ необъятную область своего знанія. Помимо обязанностей службы, поглощавшихъ у него значительную часть дня—ему приходилось не только читать ежедневно нѣсколько лекцій, но и готовиться къ нимъ, составлять новые, совершенно самостоятельные курсы, а иногда, сверхъ того, замѣщать каѳедры отсутствующихъ или заболѣвшихъ коллегъ,—Нитцше умудрялся удѣлять часть своего времени спеціальнымъ филологическимъ работамъ, каковы, напримѣръ, монографіи «о флорентинскомъ трактатѣ», «объ изученіи источниковъ Діогена Лаерція и др. Послѣдняя работа (Beiträge zur Quellenkunde und Kritik des Laërtius Diogenes, Basel 1870) до сихъ поръ цитируется историками греческой философіи, а знаменитый гейдельбергскій профессоръ, маститый Куно Фишеръ, на своихъ безподобныхъ лекціяхъ всегда отзывается о ней съ большой похвалой. Всѣ эти труды и занятія могли бы вполнѣ удовлетворить и наполнить жизнь любого, даже незауряднаго университетскаго дѣятеля. Но для Нитцше они, какъ и вся его оффиціальная, должностная дѣятельность, представляли второстепенный интересъ. Все его вниманіе и помыслы напряженно сосредоточивались на зрѣвшихъ въ его умѣ глубокихъ проблемахъ, вращавшихся въ области основныхъ вопросовъ культурной исторіи, философіи и эстетики. Какая гигантская работа мысли имъ произведена за его профессорскіе годы, сколько геніальныхъ, свѣтозарныхъ идей проходило черезъ его мозгъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ не только обнародованныя имъ самимъ безподобныя работы, но и огромный матеріалъ проектированныхъ имъ, но не вполнѣ законченныхъ и отдѣланныхъ работъ, набросковъ, замѣтокъ и размышленій, носящихъ печать его личнаго генія. Весь этотъ цѣнный матеріалъ сдѣлался достояніемъ свѣта, благодаря самоотверженному культу обожаемаго брата со стороны его рѣдкой, всю свою жизнь его памяти посвятившей сестры, создательницы NitzescheArchiv'a, коллекціи всего, что̀ осталось послѣ пѣвца Заратустры, что̀ вышло изъ-подъ его пера и имѣетъ какое-либо отношеніе къ его творчеству. Много цѣнныхъ матеріаловъ изъ этой сокровищницы геніальнаго ума уже обнародовано, многое остается еще достояніемъ этого, повидимому, неисчерпаемаго архива. Выпущенные г-жею Ферстеръ-Нитцше въ свѣтъ работы философа, относящіяся къ періоду 1869—1876 годовъ, составили два тома (IX и X) полнаго собранія его сочиненій, всего 51 крупный печатный листъ. Обозрѣвая эти томы, невольно поражаешься безпримѣрною творческою мощью человѣка, сумѣвшаго среди пытокъ жестокаго недуга за столь короткій періодъ обнять своею мыслью и претворить въ художественныя формы такую бездну глубочайшихъ, основныхъ, вѣчныхъ вещей. Одинъ перечень того, что̀ Нитцше напечатано и написано для себя за указанныя семь лѣтъ, и что̀ теперь составляетъ содержаніе перваго, второго, девятаго и десятаго томовъ его сочиненій, одно указаніе на то, что̀ составляло за эти годы предметъ «его сосредоточенныхъ думъ съ перомъ въ рукѣ», заставляетъ изумляться продуктивности его генія. За это время изъ-подъ пера Нитцше вышли слѣдующія работы:

1) Гомеръ и классическая филологія — вступительная лекція, читанная въ Базельскомъ университетѣ 28-го мая 1869 года.

2) Рожденіе трагедіи (изъ духа музыки)

Digitized by Google

или греческій міръ и пессимизмъ (писалось въ теченіе 1869—1872 гг.).

3) Гомеръ, какъ единоборецъ (Homer als Wettkämpfer) 1869—1872 гг.

4) Эмпедоклъ — планъ и набросокъ драмы—1870—1871 гг.

5) О будущности нашихъ воспитательныхъ учрежденій—шесть публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Базелѣ въ 1871—1872 гг.

6) Размышленія въ сферѣ Байрейтскаго кругозора (Bayreuther Horizontbetrachtungen), 1872 г.

7) Отношеніе Шопенгауэровой философіи къ нѣмецкой культурѣ,—Рождество, 1872 г.

8) Философія въ трагическую эпоху греческой культуры, 1873 г.

9) Объ истинѣ и лжи во внѣморальномъ смыслѣ, 1873 г.

10) Философъ, 1873 г.

11) Философія въ затруднительномъ положеніи, 1873 г.

Несвоевременныя разсужденія и планъ къ нимъ 1873 г.:

12) а. Давидъ Штраусъ, исповѣдникъ и писатель, 1873 г.

13) б. «Deutsch und Afterdeutsch», 1873 г.

14) в. Городъ, 6-го ноября 1873 г.

15) г. Путь къ свободѣ, осень 1873 г.

16) д. О пользѣ и вредѣ исторіи для жизни, 1873 г.

---

17) Прометей—идеи къ драмѣ, 1874 г.

Несвоевременныя разсужденія:

18) е. Шопенгауэръ, какъ воспитатель, 1874 г.

19) ж. Государство, конецъ 1874 г.

20) з. О чтеніи и письмѣ, 1873—1875 гг.

21) и. Мы, филологи, 1875 г.

---

22) Дополнительныя разсужденія къ «Цѣнности жизни» Дюринга, около конца 1875 г.

Несвоевременныя разсужденія:

23) і. О религіи, конецъ 1875 г.

24) к. Рихардъ Вагнеръ въ Байрейтѣ, 1874—1876 г.

---

25) Человѣческое, слишкомъ человѣческое (Menschliches, Allzumenschliches), 1876—1878 гг.

Объ этой удивительной продуктивности Нитцше въ годину его тягчайшихъ страданій свѣтъ узналъ лишь во второй половинѣ девяностыхъ годовъ, когда начали обнародываться матеріалы, собранные его сестрой въ Nietzsche-Archiv'ѣ; въ то же время многія изъ его работъ не были извѣстны даже ближайшимъ его друзьямъ. Послѣдніе, не имѣя о нихъ понятія, и безъ того находили, что Нитцше страшно переутомляетъ себя, и въ этомъ смыслѣ не разъ высказывали ему свои опасенія на счетъ его слабаго здоровья, увѣщевая его не изводить себя непосильной работой. На Нитцше всѣ эти дружескія представленія не оказывали, къ сожалѣнію, никакого дѣйствія, они даже его нѣсколько раздражали.—Вамъ нечего,—отвѣчаетъ онъ однажды на одни изъ такихъ дружескихъ совѣтовъ,—безпокоиться на этотъ счетъ; мнѣ кажется, вамъ слѣдовало бы въ отношеніи вашего друга проникнуться настоящимъ фатализмомъ и, такимъ образомъ, сбросить съ себя всякія заботы объ его здоровьѣ и т. п. Если ему еще предстоитъ чего-либо достигнуть, онъ долженъ будетъ сумѣть его достигнуть. Власть надъ средствами составляетъ секретъ ремесла.

Для достиженія же того, къ чему онъ стремился—какъ справедливо замѣчаетъ его сестра,—онъ умѣлъ даже свои страданія превращать въ источники глубочайшаго познанія. Съ какою силой создавалъ онъ изъ своихъ мукъ и терзаній самые могучіе рычаги поступательнаго движенія по опаснѣйшей изъ всѣхъ дорогъ, по пути къ истинѣ и свободѣ! И, если на этомъ крутомъ, тернистомъ пути, подъ тяжестью отважно возложеннаго имъ на себя колоссальнаго бремени, онъ палъ, не пройдя даже его половины; если его могучій духъ, неудержимо рвавшійся въ недосягаемую высь изъ оковъ бреннаго, истерзаннаго муками тѣла, не выдержалъ открывшагося ему ослѣпительнаго сіянія и померкъ, это не даетъ еще, конечно, никакого основанія считать, какъ многіе позволяютъ себѣ, сраженнаго въ борьбѣ съ судьбой и стихіями титана умственнымъ недорослемъ, декадентомъ, помѣшаннымъ. Всѣмъ этимъ самозваннымъ діагностамъ, берущимъ на себя смѣлость замѣнять терновый вѣнецъ на челѣ мыслителя-страдальца сумасшедшимъ колпакомъ, можно отвѣтить словами самого Нитцше, которыя у

Digitized by Google

него вырвались въ письмѣ къ другу Роде (въ ноябрѣ 1872 г.), подъ напоромъ негодованія, вызваннаго въ немъ появившимся тогда въ печати психіатрическомъ этюдомъ о Рихардѣ Вагнерѣ, объявившимъ отца «музыки будущаго» умственно больнымъ человѣкомъ:

«То обстоятельство», писалъ тогда Нитцше, что психіатръ доказывалъ, что Вагнеръ сумасшедшій, и что то же самое другимъ психіатромъ было утверждаемо относительно Шопенгауэра, тебѣ, конечно, извѣстно. Ты видишь, къ какимъ пріемамъ прибѣгаютъ такъ называемые «здоровые люди»: они, правда, не осуждаютъ на эшафотъ неудобныя для нихъ ingenia; но то крадущееся, злостное заподозриваніе, оказывается, имъ еще больше на руку, чѣмъ внезапное устраненіе; оно подрываетъ довѣріе наростающаго поколѣнія. О подобномъ подвохѣ Шопенгауэръ забылъ! Подвохъ этотъ удивительно ко двору низости и пошлости пошлѣйшаго вѣка. «Ко двору пошлѣйшему вѣку», прибавить можно къ этому словами сестры Нитцше, «также эксплоатированіе душевнаго заболѣванія, которое внезапно постигло генія, въ качествѣ аргумента противъ всѣхъ произведеній расцвѣта его творческой дѣятельности, съ цѣлью дискредитированія генія самого».

Digitized by Google

Тенъ-Ичи и его японская труппа.

ФОКУСЫ ЗНАМЕНИТЫХЪ МАГИКОВЪ.

Руфы Эвереттъ.

Слово «магическій» происходитъ отъ чудесъ, которыя совершали маги и волшебники древности, бывшіе, въ сущности, настоящими шарлатанами. Полагали, что они вызываютъ духовъ, призываютъ себѣ на помощь тайныя силы природы и вообще одарены способностью колдовства, некромантіи, заклинанія, чародѣйства. Эти люди имѣли въ своемъ распоряженіи такъ же, какъ и магики нашихъ дней, руки и голову, и всѣ ихъ поразительныя иллюзіи совершались благодаря ловкости рукъ, при помощи, иногда, хитраго аппарата — вотъ и все. Въ настоящее время слово «магическій» прилагается къ фокусамъ, производимымъ благодаря ловкости рукъ, безъ помощи механическихъ приспособленій. Волшебникомъ называется тотъ, кто заставляетъ предметы появляться изъ воздуха или земли при помощи чего-нибудь въ родѣ бумажной ленты или простыни. Тотъ, кто производитъ иллюзіи, прибѣгаетъ къ болѣе сложнымъ аппаратамъ.

Такъ-называемые спиритическіе медіумы на столько неуклюжи, что они не могли найти себѣ мѣста въ самомъ дешевомъ музеѣ; они на столько беззастѣнчивы, что не задумываются обманывать легковѣрныхъ людей, пользуясь самыми священными чувствами человѣческаго сердца. О нихъ мы и не будемъ говорить.

Всѣ настоящіе магики, какъ, напримѣръ, Келларъ, постоянно дѣлаютъ фокусы медіумовъ. Рѣчь Келлара на сценѣ не имѣетъ и тѣни краснобайства магиковъ, всегда усыпаннаго пріѣвшимися плоскостями. Онъ объѣздилъ весь свѣтъ. Онъ видѣлъ, какъ варвары, одѣтые во фракъ, давали магическія представленія. Онъ видѣлъ, какъ человѣкъ, считающій кольцо въ носу достаточнымъ для себя одѣяніемъ и украшеніемъ, дѣлалъ столь же остроумные фокусы. Слушая Келлара, можно кое-чему научиться. Обыкновенно думаютъ, что самая чудесная магія совершается въ Индіи. Это положительная ошибка. Лучшіе магики міра находятся въ Европѣ и Америкѣ.

Digitized by Google

Келларъ—высокій, красивый мужчина зрѣлаго возраста. Его представленія очень разнообразны. Они заключаютъ въ себѣ и магію, и чародѣйство, и иллюзіи, и чтеніе мыслей, и фокусы памяти, и даже чудеса индійскаго оккультизма.

Натху Мапчачандъ изъ Бомбея.

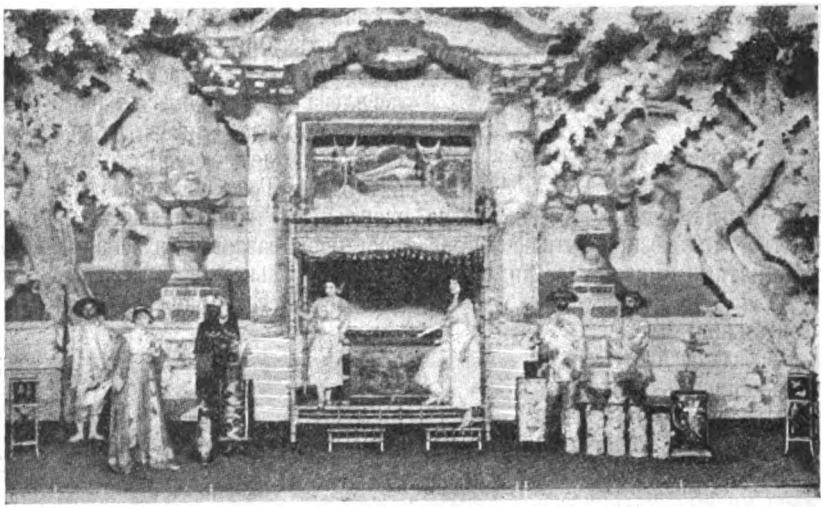
Вотъ фокусъ приданія легкости тѣлу. Посреди сцены стоитъ великолѣпный диванъ. Магикъ выступаетъ на авансцену. Онъ говоритъ, что сейчасъ загипнотизируетъ персидскую принцессу, положитъ ея безчувственное тѣло на диванъ и силою духа надъ матеріею, просто желаніемъ, чтобы она слушалась его, онъ заставитъ ея тѣло подняться въ воздухѣ на четыре фута, и она легкая, какъ пухъ, будетъ лежать на воздухѣ, пока онъ не прикажетъ ей снова лечь на свое ложе. Входитъ персидская принцесса въ пестрыхъ восточныхъ шароварахъ. Она какъ будто немного боится Келлара. Она далека отъ родины и близкихъ. Келларъ дѣлаетъ нѣсколько гипнотическихъ пассовъ надъ нею и беретъ ее за руку, которую сгибаетъ, какъ руку деревянной куклы. Всесильный духъ магика видимо начинаетъ дѣйствовать, и въ слѣдующее мгновеніе хорошенькая принцесса находится въ полномъ гипнотическомъ трансѣ. Келларъ беретъ ее на руки, кладетъ на диванъ и накрываетъ роскошнымъ атласнымъ покрываломъ. Гипнотизирующими движеніями рукъ Келларъ заставляетъ ее подняться, и медленно, красиво, подъ звуки таинственной музыки, распростертое тѣло плыветъ вверхъ. Для того, чтобы доказать, что принцесса лежитъ ни на чемъ иномъ, какъ на воздухѣ. Келларъ проводитъ по тѣлу ея обручъ, передавъ его предварительно зрителямъ для осмотра. Затѣмъ принцесса снова спускается съ воздушнаго на болѣе твердое ложе, магикъ будитъ ее и съ поклономъ уводитъ со сцены.

Въ фокусахъ «Голубой комнаты» часть сцены отдѣлена тремя сѣровато-голубыми стѣнами, двѣ по бокамъ, одна сзади. Внутри этихъ стѣнъ стоитъ золоченый стулъ, а впереди его идутъ поперекъ сцены деревянныя перильца съ выходомъ у одного ихъ конца. Келларъ, желая показать зрителямъ, какимъ онъ будетъ черезъ сто лѣтъ, садится на стулъ въ «Голубой комнатѣ» и начинаетъ разводить руками. Вы видите, какъ его тѣло постепенно разлагается, пока отъ него остается одинъ только отвратительный скелетъ, сидящій на стулѣ и размахивающій руками. Затѣмъ голова отдѣляется отъ шеи, подымается на два-три фута въ воздухѣ, совершаетъ въ немъ нѣсколько скачковъ и снова опускается на безкровную шею.

«Японская ночь».

Digitized by Google

Самый красивый изъ всѣхъ фокусовъ «Голубой комнаты» — это произрастаніе «Царицы розъ». Сперва изъ пустого цвѣточнаго горшка, стоящаго на томъ же золоченомъ стулѣ, выходитъ маленькое розовое деревцо, которое выростаетъ до трехъ-четырехъ футовъ высоты. Тогда оно начинаетъ цвѣсти. Въ одинъ моментъ дерево оказывается покрытымъ множествомъ распустившихся розъ, зеленыхъ и полураспустившихся бутоновъ. Для того, чтобы доказать, что розы настоящія, Келлеръ выноситъ дерево на авансцену, а его помощники раздаютъ зрителямъ душистые цвѣты. Въ это время въ «Голубой комнатѣ» выростаетъ другое розовое дерево съ заколдованными розами, такъ какъ сквозь нихъ видно, какъ изъ верхушки дерева выступаетъ красивая, голая шея и руки «Царицы розъ», и ихъ любовно обвиваютъ цвѣты въ видѣ великолѣпнаго бальнаго платья.



Постановка сцены для «Японской ночи».

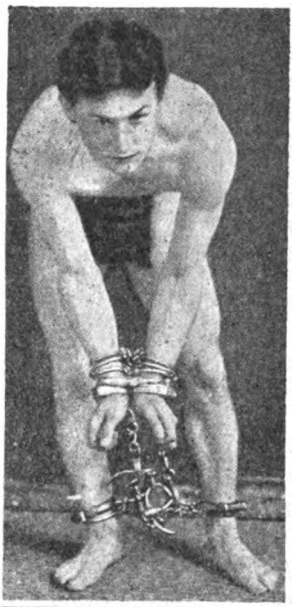
Леонъ Германнъ снискалъ уваженіе американцевъ, вопреки многимъ затрудненіямъ, изъ которыхъ не послѣднюю роль играетъ тотъ фактъ, что онъ племянникъ знаменитаго Александра Германна. Представленіе, которое даетъ въ настоящее время Леонъ Германнъ, почти копія того, что показывалъ его дядя. Германнъ спускается къ зрителямъ и безъ затрудненія вынимаетъ изъ уха одного изъ присутствующихъ апельсинъ, затѣмъ съ кончика своей палочки—яйцо и съ какой-нибудь подходящей части тѣла другого зрителя—грецкій орѣхъ. Эти три предмета переносятся на сцену и кладутся совершенно отдѣльно одинъ отъ другого, Германнъ же проситъ одну изъ дамъ одолжить ему бѣлую перчатку. Получивъ ее, онъ замѣчаетъ: «Я увѣренъ, что эта перчатка не впору дамѣ, она слишкомъ велика. Я уменьшу ее до надлежащаго размѣра». Съ этими словами магикъ скатываетъ между пальцами перчатку, тотчасъ расправляетъ ее и показываетъ крошечную перчатку, приблизительно, въ полтора дюйма длины. Затѣмъ Германнъ спрашиваетъ у одного изъ мужчинъ, какой номеръ перчатокъ онъ носитъ, и дѣлаетъ видъ, что ему послышался номеръ семнадцатый. Это вызываетъ, конечно, смѣхъ, но чародѣй принимается вырабатывать громадную перчатку, и черезъ нѣсколько секундъ показываетъ перчатку въ полтора фута длины. Тогда Германнъ говоритъ зрителямъ, что онъ заставитъ дамскую перчатку влетѣть въ орѣхъ, лежащій на столѣ, орѣху, въ свою очередь, прикажетъ спрятаться въ яйцо, а яйцу войти въ апельсинъ. Онъ разламываетъ послѣдній и вынимаетъ изъ него яйцо, разбиваетъ яичную скорлупу, откуда беретъ орѣхъ и, разбивъ орѣхъ, возвращаетъ дамѣ перчатку, которая нисколько не пострадала отъ перенесенныхъ ею пертурбацій.

Горасъ Гольдинъ—скорострѣльное орудіе въ тяжелой артиллеріи магиковъ. Не говоря

Digitized by Google

ни слова, онъ дѣлаетъ, одинъ за другимъ, столько фокусовъ, сколько обыкновенный иллюзіонистъ дѣлаетъ въ теченіе двухъ часовъ. Не успѣетъ онъ, при своемъ выходѣ, поднять головы, какъ одинъ изъ помощниковъ уже далъ ему въ руки покрывало, которое онъ тотчасъ же отбрасываетъ и держитъ сосудъ съ яркимъ пламенемъ. Затѣмъ Гольдинъ моментально подходитъ къ столу, накрытому на двоихъ, и стягиваетъ съ него скатерть, не сдвинувъ ни единой части приборовъ. На одномъ изъ столовъ стоитъ сосудъ съ водою. Гольдинъ забрасываетъ удочку въ оркестръ и вытягиваетъ оттуда трепещущую золотую рыбку, которую онъ снимаетъ съ крючка и бросаетъ въ сосудъ. Затѣмъ онъ вторично закидываетъ удочку и вытягиваетъ вторую рыбку, которая сама выскакиваетъ у него изъ руки и присоединяется къ первой.

Незадолго до Омагокской выставки одинъ американскій антрепренеръ встрѣтилъ Чингъ-Лингъ-Фу. Тотчасъ же убѣдившись, что этотъ монголъ одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ заклинателей, антрепренеръ поспѣшилъ заключить съ Чингомъ контрактъ. Китаецъ былъ колоссальнаго роста и обладалъ слоновою граціею. Эта массивная фигура появляется на сцену въ широкихъ шароварахъ и свободномъ одѣяніи своей родины. Его поступь медленна и тяжела, и онъ никогда не покидаетъ сцены отъ начала до конца представленія болѣе, чѣмъ на нѣсколько минутъ. Онъ вытряхиваетъ передъ зрителями большую шаль или покрывало, выворачиваетъ ее, поднимаетъ ее, а на полу стоитъ большой сосудъ съ водой, вѣсящій, говорятъ, девяносто фунтовъ.



Гудини.

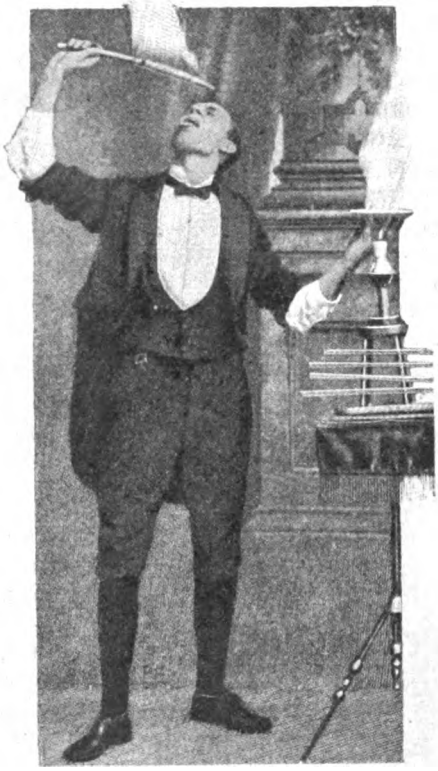
Въ фокусахъ Чингъ-Лингъ-Фу не болѣе величія, чѣмъ въ подражаніи ему,—этой искренней лести азіату-великану, оказанной Вилльямомъ Робинзономъ, цѣнныя услуги котораго, въ качествѣ помощника, столько лѣтъ оспаривали другъ у друга Германнъ и Келларъ. Робинзонъ даетъ теперь представленія въ Европѣ подъ именемъ Чунгъ-Лингъ-Су. Онъ исполняетъ все то, что дѣлалъ китаецъ, и носитъ китайскій костюмъ даже на улицѣ.

«Фокусъ-Фонтанъ» японскаго магика Тенъ-Ичи заключается въ слѣдующемъ: Тенъ-Ичи сидитъ на возвышеніи, и по обѣимъ его сторонамъ помѣщаются члены его труппы. Каждый изъ нихъ держитъ инструментъ, похожій на сложенный вѣеръ, у конца котораго находится круглый пламенный шаръ. Передъ Тенъ-Ичи поставлены одинъ надъ другимъ два ряда стеклянныхъ стакановъ. Каждый разъ, какъ магикъ ударяетъ одинъ изъ стакановъ своимъ пламенѣющимъ вѣеромъ, вверхъ поднимается струя воды. Его помощники съ обѣихъ сторонъ тоже постоянно извлекаютъ фонтаны, а отъ времени до времени изъ-за кулисъ выбѣгаетъ человѣкъ, съ макушки котораго бьетъ фонтанъ на два-три фута въ высоту. Въ фокусѣ съ пальцами, который такъ же труденъ, какъ и старъ, двое изъ зрителей приходятъ на сцену и связываютъ вмѣстѣ большіе пальцы обѣихъ рукъ Тенъ-Ичи насколько могутъ крѣпче. Зрителямъ показываются металлическія кольца, чтобы они ви-

Digitized by Google

дѣли, что въ этихъ кольцахъ нѣтъ пружинныхъ замковъ. Тогда Тенъ-Ичи становится на одну сторону сцены, а его помощникъ на другую. Блестящее кольцо летитъ черезъ сцену и, вопреки всѣмъ естественнымъ законамъ, надѣвается на руку Тенъ-Ичи, при чемъ всѣмъ видно, что его большіе пальцы остаются все время связанными. Летитъ другое кольцо и надѣвается на другую руку Тенъ-Ичи, а третье кольцо соединяетъ оба первыя. Въ одно мгновеніе всѣ три кольца снимаются одно за другимъ, а пальцы Тенъ-Ичи все же остаются связанными. Этотъ фокусъ съ разными поразительными варіаціями — лучшее, что дѣлаетъ Тенъ-Ичи.

Сото Сунетаро, крупный, хорошо сложенный мужчина, выходитъ на сцену въ японскомъ костюмѣ. Онъ быстрый, изящный исполнитель и не говоритъ ни слова, даже со своимъ помощникомъ, и отъ начала до конца представленія не покидаетъ сцены ни на одну секунду. Слѣдующій фокусъ не лучшій изъ его репертуара, но мы упоминаемъ о немъ вслѣдствіе его чрезвычайной красоты и потому, что онъ отличается отъ всего, что дѣлалось до сихъ поръ. Сунетаро беретъ небольшой листъ бѣлой бумаги и рветъ его, безъ видимой цѣли, на полоски. Онъ зажигаетъ одинъ кончикъ бумаги, какъ вдругъ два потока бумажныхъ лентъ выбрасываются до половины оркестра и уходятъ обратно граціозными фестонами. Вслѣдъ за ними до зрителей доходятъ въ громадномъ количествѣ другія ленты и когда они втягиваются обратно, то появляются третьи. Изъ всей этой массы Сунетаро вынимаетъ четыре маленькихъ, діаметромъ въ три дюйма, зажженныхъ японскихъ фонарика въ три дюйма, которые помощникъ его вѣшаетъ на дерево. Пока онъ ихъ вѣшаетъ, появляются еще четыре фонаря, діаметромъ въ пять—шесть дюймовъ, затѣмъ еще четыре, діаметромъ въ одинъ футъ, и, наконецъ, одинъ громадный фонарь въ два или болѣе фута, изъ котораго Сунетаро вынимаетъ семилѣтняго ребенка.



Искусство ѣсть огонь.

Аделаида Германнъ, вдова «Великаго Германна», единственная женщина-магикъ въ Америкѣ, даетъ въ настоящее время смѣшанное магическое представленіе, которое она называетъ «Ночь въ Японіи» и для котораго она надѣваетъ восточный костюмъ. Въ фокусѣ «Органная трубка» на два стула кладется доска такъ, что свободно можно видѣть и подъ нею и надъ нею. На доску кладется шесть трубокъ въ два фута длины и пяти-шести дюймовъ въ діаметрѣ. Эти трубки Аделаида Германнъ поднимаетъ одну за другою и показываетъ зрителямъ, что онѣ полыя и пустыя. Тогда она вынимаетъ изъ одной трубки скатерть, которою накрываетъ столъ, а затѣмъ ножи, вилки и тарелки, холодную жареную утку, цыпленка или индѣйку, бутылки съ виномъ, фрукты, бананы, апельсины и даже салатъ.

Руки Говарда Терстона.

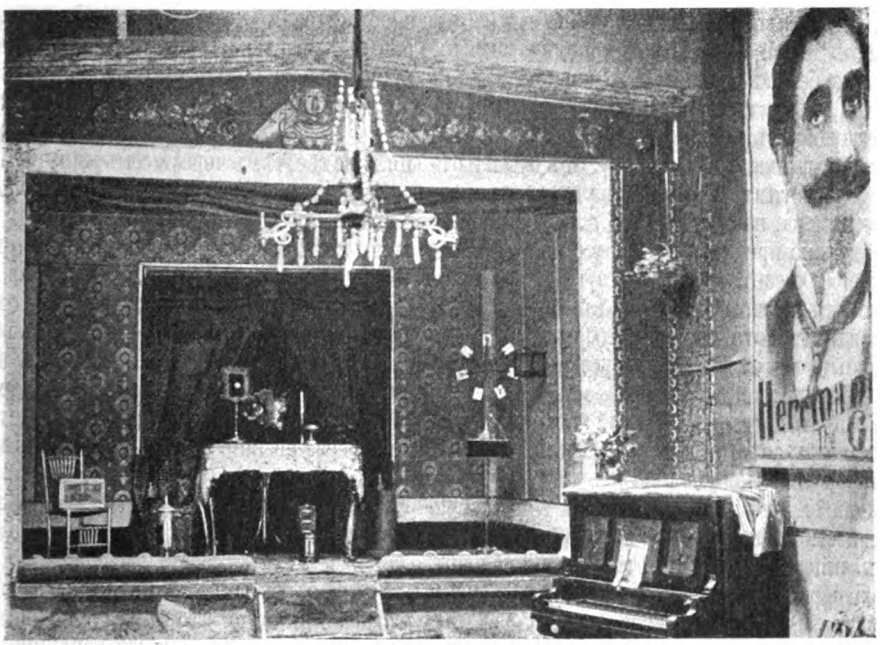
Натху Манчачандъ изъ Бомбея — первый индусскій магикъ. Его лучшій фокусъ «Исчезающая дама». Посреди сцены онъ разстилаетъ обыкновенную газету, на которую ставитъ простой камышевый стулъ, на этотъ

Digitized by Google

стулъ садится хорошенькая дѣвушка. На нее набрасывается мягкое шелковое покрывало, но голова ея остается непокрытою, и очертанія ея фигуры видны сквозь складки покрывала; когда же оно отдергивается прочь, никакой дѣвушки уже нѣтъ на стулѣ.

Самри Бальдвинъ, «Бѣлый Магатма», нынѣ уже не появляющійся, былъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ однимъ изъ лучшихъ представителей такъ-называемаго «оккультизма». Представленія, даваемыя Бальдвиномъ, были очень разнообразны, но его имя неразрывно связано съ трансами ясновидѣнія, въ которыя «Бѣлый Магатма» повергалъ свою жену. Она входила или ее приносили на сцену уже на половину загипнотизированною. Тогда ей завязывали глаза и не упускали изъ-подъ наблюденія. Ее покрывалъ обыкновенно американскій флагъ. Помощники Бальдвина предлагали зрителямъ листочки бумаги и карандашъ. Каждый желающій могъ написать вопросъ, сложить бумажку и положить ее въ карманъ. Онъ могъ даже и вовсе не писать вопроса, а только подумать его и сосредоточиться на немъ. Госпожа Бальдвинъ отвѣчала на вопросъ и описывала наружность задавшаго его и какъ онъ одѣтъ.

Представленія Руклеровъ, которые теперь удалились со сцены, были отчасти въ томъ же родѣ, какія давались супругами Бальдвинами, съ присоединеніемъ тончайшихъ иллюзій и магіи. Самымъ крупнымъ проявленіемъ психической силы госпожи Руклеръ было сенсаціонное дѣйствіе, извѣстное подъ названіемъ «мильдредизмъ». Кто-нибудь думалъ о какой-нибудь личности, и тотчасъ же являлось живое изображеніе этой личности. Или же Руклеръ привязывалъ человѣка къ стулу, и черезъ нѣсколько секундъ человѣкъ этотъ оказывался на полу.



Магическій театръ въ Нью-Іоркѣ.

Магическое окрашиваніе, производимое Артуромъ Маржери, одинъ изъ самыхъ красивыхъ фокусовъ новѣйшаго заклинанія. Маржери беретъ три квадрата бѣлой шелковой матеріи и кусочекъ обыкновенной картузной бумаги. Послѣднюю онъ свертываетъ въ видѣ трубки, открытой съ обоихъ концовъ, и продергиваетъ черезъ нее платокъ, держа его горизонтально, такъ что зрители ясно видятъ трубку насквозь. Эта операція повторяется и съ двумя другими платками. Тогда Маржери снова продергиваетъ черезъ трубку первый платокъ, и онъ выходитъ изъ нея окрашенный въ цвѣтъ румяной дѣвичьей щечки. Второй платокъ, войдя въ трубку бѣ-

Digitized by Google

лымъ, выходитъ изъ нея золотисто-желтымъ, третій— ярко-зеленымъ.

Адріанъ Плэтъ—умный салонный исполнитель фокусовъ, требующихъ ловкости рукъ, прекрасный учитель магіи и обладаетъ очень обширными знаніями въ области магіи, какъ древней, такъ и новѣйшей. Онъ особенно извѣстенъ, какъ исполнитель любимаго фокуса на дѣтскихъ вечеринкахъ. У него въ рукахъ листъ бумаги, сложенный въ видѣ вѣера, который онъ выворачиваетъ въ сотню формъ различныхъ рисунковъ. Но самый крупный фокусъ Плэта, показанный имъ недавно въ Нью-Іоркѣ нѣсколькимъ пріятелямъ, вовсе, въ сущности, не фокусъ, но гигантскій подвигъ памяти. Хозяйка беретъ одинъ листъ бумаги, Плэтъ — другой, и оба пишутъ, подъ диктовку присутствующихъ, сто именъ существительныхъ, занумерованныхъ по порядку. Обѣ бумаги отдаются гостямъ, и Плэтъ, начиная съ перваго нумера, называетъ всѣ слова списка по порядку, на предложенный нумеръ говоритъ, какое ему соотвѣтствуетъ существительное имя, отвѣчаетъ ихъ по пяткамъ и, наконецъ, назадъ отъ сотаго до перваго нумера. Плэтъ показываетъ этотъ же фокусъ и съ короткими фразами.

Говардъ Теретонъ—самый изящный и ловкій манипуляторъ картъ. Самый интересный его фокусъ «Подымающаяся карта». Предположите, что семь человѣкъ изъ числа зрителей выбрали по картѣ и что эти карты: король пикъ, десятка трефъ, пятерка бубенъ, дама червей, четверка трефъ, тузъ бубенъ и семерка пикъ. Вся колода кладется въ стеклянный стаканъ, такъ что она вся видна. Теретонъ дѣлаетъ нѣсколько магическихъ пассовъ надъ колодой и вызываетъ короля пикъ, который поднимается на два фута надъ стаканомъ и переходитъ въ руки фокусника. За нимъ быстро слѣдуютъ десятка трефъ и пятерка бубенъ. Дама червей стыдливо медлитъ своимъ выходомъ, но и ее ласково убѣждаютъ присоединиться къ своимъ товарищамъ. Когда послѣдняя изъ обозначенныхъ картъ перешла въ руки Теретона, онъ граціозно разбрасываетъ всю колоду между зрителями. Точно красивыя бабочки, карты летятъ въ ложи, партеръ, на балконъ и даже въ верхнюю галлерею.

Гарро Гудини—міровой чампіонъ въ дѣлѣ отмыканія ручныхъ оковъ, какъ древнихъ, такъ и новѣйшаго издѣлія. Самый замѣчательный свой фокусъ онъ демонстрируетъ на глазахъ сыщиковъ и полицейскихъ чиновъ. Для этого его раздѣваютъ до-гола и обыскиваютъ ему ротъ для того, чтобы убѣдиться—не спрятанъ ли тамъ ключъ, послѣ чего запечатываютъ ему губы липкимъ пластыремъ. Эксперты надѣваютъ ему кандалы на руки и на ноги. Иногда его даже запираютъ на нѣсколько времени въ тюремную камеру. Надъ дверью камеры прикрѣпляется простыня, и менѣе, чѣмъ черезъ семь минутъ, Гудини открываетъ дверь и выходитъ изъ камеры, держа въ рукахъ всѣ свои кандалы съ отпертыми замками, ибо Гудини не выходитъ изъ оковъ, но отмыкаетъ ихъ. Немыслимо, чтобы онъ вынулъ руки изъ оковъ, потому что у него руки очень большія и твердыя, какъ желѣзо.

Ѣсть огонь и ходить по огню такъ же старо, какъ самая магія. Въ настоящее время «Человѣкъ-саламандра» представляетъ мало интереса, но иногда Ирвингъ исполняетъ въ видѣ побочнаго фокуса, какъ онъ выражается, «фокусъ поглощенія огня». Онъ лижетъ то, что называетъ «факеломъ дьявола» такъ, какъ ребенокъ сосетъ леденецъ, кладетъ огненные шары въ ротъ, выдыхаетъ такое горючее дыханіе, что можетъ спичкою воспламенить его, откусываетъ горящій сургучъ и позволяетъ себѣ и другія вольности съ элементомъ, съ которымъ большинство людей обращается почтительно. Эти фокусы придаютъ подходящій оттѣнокъ чертовщины искусству, которое въ народномъ воображеніи имѣло всегда близкую связь съ преисподней и ставитъ все представленіе въ категорію средневѣковой «Черной магіи».

Популярная иллюзія.

Digitized by Google

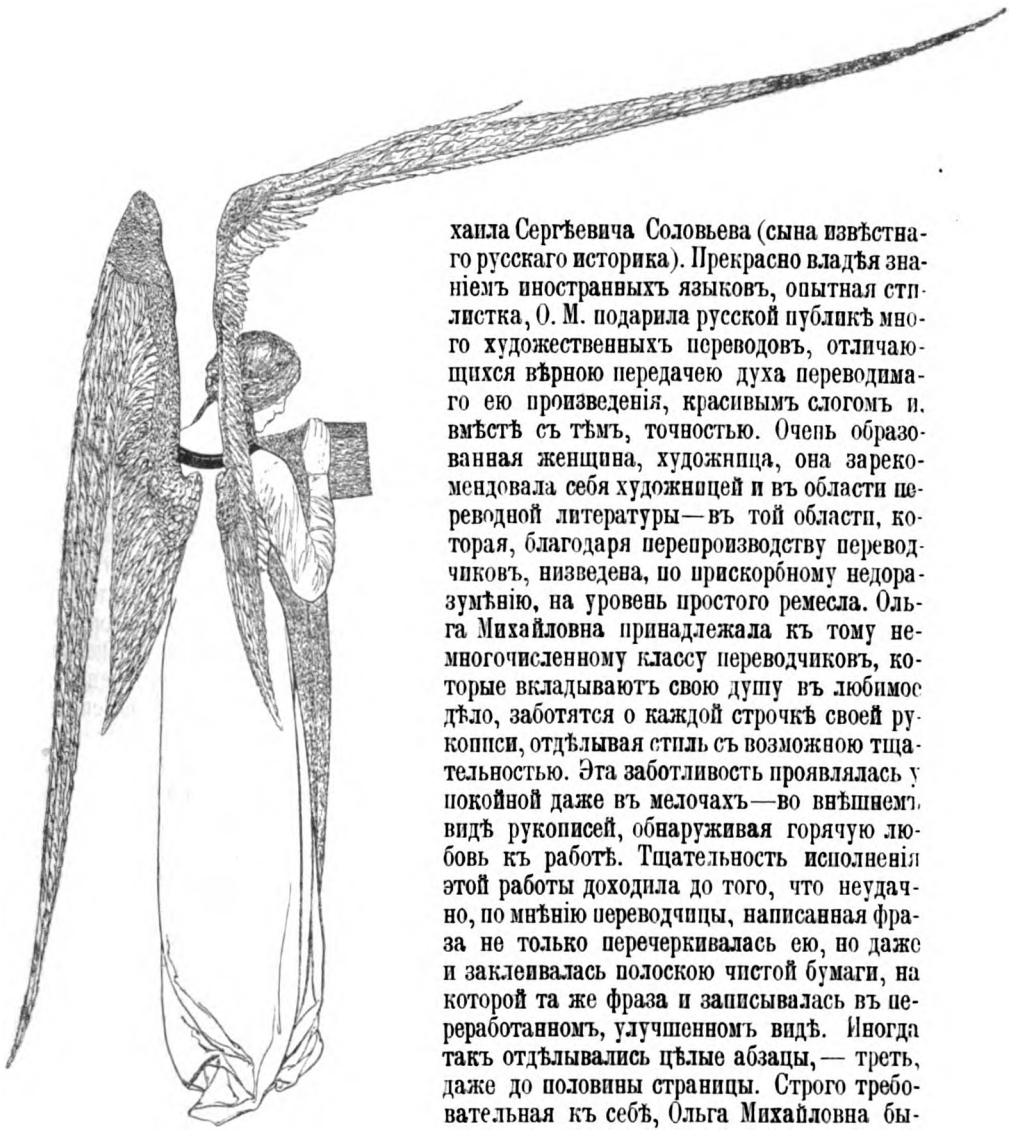


Рис. Карлоса Шваба.

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА СОЛОВЬЕВА.

(† 16-го января 1903 г.).

Въ ночь на 16-е января въ Москвѣ внезапно скончалась на 51-мъ году жизни извѣстная талантливая переводчица, постоянная сотрудница нашего журнала Ольга Михайловна Соловьева, жена московскаго педагога Михаила Сергѣевича Соловьева (сына извѣстнаго русскаго историка). Прекрасно владѣя знаніемъ иностранныхъ языковъ, опытная стилистка, О. М. подарила русской публикѣ много художественныхъ переводовъ, отличающихся вѣрною передачею духа переводимаго ею произведенія, красивымъ слогомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, точностью. Очень образованная женщина, художница, она зарекомендовала себя художницей и въ области переводной литературы—въ той области, которая, благодаря перепроизводству переводчиковъ, низведена, по прискорбному недоразумѣнію, на уровень простого ремесла. Ольга Михайловна принадлежала къ тому немногочисленному классу переводчиковъ, которые вкладываютъ свою душу въ любимое дѣло, заботятся о каждой строчкѣ своей рукописи, отдѣлывая стиль съ возможною тщательностью. Эта заботливость проявлялась у покойной даже въ мелочахъ—во внѣшнемъ видѣ рукописей, обнаруживая горячую любовь къ работѣ. Тщательность исполненія этой работы доходила до того, что неудачно, по мнѣнію переводчицы, написанная фраза не только перечеркивалась ею, но даже и заклеивалась полоскою чистой бумаги, на которой та же фраза и записывалась въ переработанномъ, улучшенномъ видѣ. Иногда такъ отдѣлывались цѣлые абзацы,— треть, даже до половины страницы. Строго требовательная къ себѣ, Ольга Михайловна была внимательна къ интересамъ другихъ,— всегда исполняя съ одинаковою тщательностью къ извѣстному сроку работу, и тѣмъ никогда не задерживая ни редакціи, ни типографіи.

Выдающимся образцомъ ея трудовъ на поприщѣ ознакомленія русской публики съ произведеніями иностранныхъ авторовъ можно считать исполненный ею, поистинѣ классическій переводъ знаменитаго романа графа Альфреда-де-Виньи: «Сенъ-Марсъ», напечатанный въ нашемъ журналѣ въ 1898 году и вышедшій затѣмъ отдѣльнымъ изданіемъ. Въ русской переводной литературѣ вообще—это рѣдкій образецъ изящнаго,

Digitized by Google

можно сказать, музыкальнаго стиля. Торжественное настроеніе этого романа превосходно передано Ольгою Михайловною. Съ другой же стороны, такъ же ясно переданъ и будничный духъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ семейныхъ исторій англійской буржуазіи, типичнымъ собраніемъ которыхъ является романъ Тролопа «Эйалинъ ангелъ» (напечатанъ въ нашемъ журналѣ въ 1898 году).

Безпрерывно сотрудничая въ теченіе шести лѣтъ въ нашемъ журналѣ, съ начала его основанія, Ольга Михайловна дала массу интересныхъ, прекрасно исполненныхъ переводовъ, а именно:

Въ 1897 г. «Съ ночнымъ поѣздомъ», иллюстрированный разсказъ Бёрнанда (книга II), «Мои литературныя занятія», разсказъ Бёрнанда (книга V), «Странное приключеніе Алькали Дика», разсказъ Бретъ-Гарта (при книгѣ II-й), «Мерджори Дау», разсказъ Альдрича (при книгѣ III-ей), «Двое американцевъ», разсказъ Бретъ-Гарта (при книгѣ IV-ой), «Романъ», разсказъ А. Тролопа (при книгѣ V-ой).

Въ 1898 г.—«Сенъ-Марсъ, или заговоръ въ царствованіе Людовика XIII», романъ графа Альфреда де-Виньи (при книгахъ I—XII), и «Эйалинъ ангелъ», романъ Тролопа (при книгахъ VI—XII).

Въ 1899 г.—Избранныя страницы изъ произведеній Джона Раскина (книги I—VIII), «Упадокъ лжи» (наблюденіе) Оскара Уайльда (книги IV и V), «Дикая», романъ Ф. Г. Барнетъ (при книгахъ II и III-ей), «Странные разсказы», Гренвилля Мэррей (I. Женская война; II. Не модная свадьба; III. Гордецъ) (при книгѣ IX) и статья: «Эліу Веддеръ» (книга VIII).

Въ 1900 году—«Сезамъ и Лиліи», три лекціи Джона Раскина (при книгахъ I—IV-ой), «Венера и Амуръ», юмористическій романъ (съ англійскаго) (при книгѣ I-ой). «Въ черномъ сундукѣ», романъ (съ англійскаго) (при книгахъ VII—X-ой).

Въ 1901 году—«Искусство критики», діалогъ Оскара Уайльда (книги V и VI), «Невидимый», романъ Уэлльса (при книгѣ II-ой), «Додо» (изъ современныхъ нравовъ), романъ Э. Ф. Бенсона (при книгѣ IX), «Несчастіе съ миссъ Семафоръ», шуточный романъ Галя Годфрея (при книгѣ XII), «Рождество въ Томсонъ-Галлѣ» и «На память», разсказы А. Тролопа (при книгѣ XII-ой).

Въ 1902—«Мѣдный кувшинъ», романъ Ф. Энстея (при книгѣ VI-ой), «Романъ эскимосской дѣвицы» Марка Твэна (при книгѣ IX-ой), «Максимъ Горькій», критическій очеркъ графа де-Суассона (книга VII). Не мало новыхъ переводовъ было ею намѣчено для нашего журнала; нѣкоторыя изъ этихъ работъ были уже выполнены на половину, но вполнѣ оконченными доставлены ею намъ три произведенія, изъ нихъ «Женщины, которыхъ я зналъ» Маартенсъ Маартенса мы начинаемъ печатать съ февральской книги.

Вращаясь постоянно среди героевъ романовъ, Ольга Михайловна и жизнь окончила нѣсколько,—да позволено будетъ намъ такъ выразиться,—романически: неожиданная смерть горячо любимаго мужа (отъ осложнившейся инфлуэнцы), такъ подѣйствовала на нее, что, выйдя тотчасъ въ другую комнату, она тамъ упала и скончалась... Докторъ, поспѣшившій къ ней на помощь, оставивъ трупъ мужа, нашелъ ее уже мертвою...

Почившимъ—миръ!

Миръ праху преждевременно почившей Ольги Михайловны!

Digitized by Google

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ХРОНИКИ.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Переворотъ въ методахъ обученія. — Очарованныя принцессы.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Несчастія Маргариты Орлеанской герцогини Тосканской. Эмиля Жебара.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Женщина въ польскомъ искусствѣ и Францискъ Жмурко.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Космическія причины землетрясеній. — Полосы на дискѣ Юпитера.

ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Сокровища Іоанна Орта. (Изъ современныхъ тайнъ).

EX LIBRIS.

Книга о Китаѣ.

ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ И СУДЕБНЫХЪ ДРАМЪ.

Злодѣйское дѣло.—Кровавая драма изъ ревности.—Убійство мужемъ жены.—Мошенничество нѣмецкаго чиновника. — Нѣмецкое «дѣло Эмберъ». — Процессъ о безчестной издательской конкуренціи. А. Э.

Digitized by Google

Аппараты д-ра Артура Макъ-Дональда.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Переворотъ въ методахъ обученія.

Нечего и спрашивать, конечно, гдѣ этотъ переворотъ состоялся—разумѣется, въ Сѣверной Америкѣ, которой, за послѣднее время принадлежитъ иниціатива въ дѣлѣ всякихъ смѣлыхъ переворотовъ и нововведеній. Нечего и спрашивать, опять таки, къ чему этотъ переворотъ клонится—конечно, къ упрощенію и облегченію работы, а въ то же время и къ ея раціонализаціи, къ пользованію точными инструментами, даже машинами, хотя, казалось бы, при чемъ въ школьномъ обученіи машины?

Старая Европа давнымъ давно знаетъ, что школьные ея порядки плохи; что дѣти, проводящія цѣлый день сидя за книгою, теряютъ здоровье и мало чему нужному для жизни научаются; что въ результатѣ такого книжнаго обученія, въ большой части случаевъ, является сухой педантъ, или какой-то ученый полу-ребенокъ, ни къ чему не умѣющій приложить свои руки, но Европа, по крайней осмотрительности, свойственной ея очень уже пожилому возрасту, боится отстать отъ привычной рутины, боится сразу измѣнить методы преподаванія въ своихъ школахъ, боится испортить старую, вѣками выработанную систему, думая, вѣроятно, что отъ этого міръ разрушится. А молодая, энергичная, предпріимчивая Америка ничего не боится. Ей, кстати, и портить нечего, такъ какъ никакой единой системы воспитанія она еще не выработала—и до сихъ поръ всякій тамъ воспитывалъ дѣтей на свой образецъ, не такъ, какъ нужно, а какъ можно. Да и на ученость, въ Америкѣ, пока еще спросъ былъ небольшой—отъ американскаго гражданина требуется главнымъ образомъ энергія, практичность и умѣлость—широта, а не глубина знанія.

Большая часть школъ, все-таки, и въ Америкѣ была построена на европейскій образецъ, такъ какъ другого у нея не было. Но недостатки этого образца тамъ сказались гораздо скорѣе, именно потому, что онъ не имѣлъ традицій и не удовлетворялъ спросу, а разъ это такъ, то Америка и не задумалась видоизмѣнить его кореннымъ образомъ.

Познакомившись съ общеизвѣстными работами европейскихъ ученыхъ (Спенсера, Бинэ, Анри и проч.), доказывающими, что переутомленіе мозга вредитъ физическому здоровью, а переутомленіе тѣла—нравственному и умственному, американское министерство народнаго просвѣщенія (Board of Education) произвело опросъ (enquête) родителямъ и воспитателямъ насчетъ того, сколько времени ребенокъ можетъ оставаться неподвижнымъ и въ какой степени эта неподвижность вліяетъ на его здоровье. Изъ этого опроса выяснилось (хотя, пожалуй, и безъ него было ясно), что движеніе ребенку необходимо, что здоровый мальчикъ не можетъ сидѣть неподвижно болѣе одной или двухъ минутъ; что, за невозможностію производить движенія болѣе сильныя, онъ начинаетъ дѣлать гримасы, шевелить руками и пальцами, что онъ даже во снѣ постоянно двигается (?), и что это постоянное движеніе есть признакъ здоровья, такъ какъ большинство малоподвижныхъ дѣтей оказались больными.

Заручившись всѣми этими данными, Board of Education провозгласилъ отмѣну книжнаго обученія, на мѣсто котораго будутъ поставлены экскурсіи, прогулки, посѣщенія музеевъ, зоологическихъ и ботаническихъ садовъ, историческихъ памятниковъ, фабрикъ, заводовъ, лабораторій и проч. Все это, конечно, въ сопровожде-

Digitized by Google

ніи учителя, на словахъ объясняющаго ученикамъ смыслъ и значеніе всего ими видѣннаго. Однимъ словомъ, американскія дѣти будутъ теперь учиться перипатетически, и кромѣ того доза ученія, доступная способностямъ каждаго изъ нихъ, будетъ опредѣляться при помощи цѣлаго ряда инструментовъ, изобрѣтенныхъ докторомъ Артуромъ Макъ-Дональдомъ.

Инструменты эти (часть ихъ изображена на приложенныхъ рисункахъ) суть: альгометръ, палатографъ, лябіографъ, глоссографъ, гоніометръ, міографъ, эргографъ и проч.

Альгометръ служитъ для измѣренія болевой чувствительности. Онъ состоитъ изъ мѣднаго цилиндра, съ вставнымъ въ него, подвижнымъ, стальнымъ стержемъ, на одномъ концѣ котораго находится дискъ, а на другомъ—дѣленія. Приставивъ дискъ къ виску (?) ребенка, экспериментаторъ надавливаетъ рукою на другой конецъ стержня и отмѣчаетъ то дѣленіе, при которомъ ребенокъ вскрикиваетъ отъ боли. Богатыя и избалованныя дѣти, оказывается, вскрикиваютъ ранѣе, чѣмъ бѣдныя и неизбалованныя, а дѣвочки раньше мальчиковъ.

Гоніометромъ измѣряется личной уголъ и размѣры черепа; палатографъ записываетъ движенія нёба, лябіографъ—губъ, глоссографъ—языка; міографъ измѣряетъ мускульную силу во время сна и бодрствованія; эргографъ отмѣчаетъ наступленіе мозговой усталости и позволяетъ, стало быть, дозировать умственную работу...

Все это очень хорошо и раціонально, но... доросли ли мы до точной и раціональной педагогики? Доростемъ ли когда-нибудь до того, чтобы послѣдняя стала простымъ ремесломъ, а школы превратились въ фабрики душъ, механически подготовляющія товаръ опредѣленнаго качества? Да и нужно ли, чтобы мы доросли до этого? Развѣ объ усталости ребенка нельзя судить и безъ всякихъ эргографовъ? Развѣ исключительно книжная система обученія и безъ опроса не осуждалась всегда и всѣми, кромѣ исключительно педантичныхъ педагоговъ или, лучше сказать, людей, мнящихъ себя педагогами?

Вообще, мѣра, принятая американскимъ Board of Education, возбуждаетъ сочувствіе только своей быстротой и смѣлостью, которыя въ Америкѣ ничему повредить не могутъ, такъ какъ тамъ никто не обязанъ безпрекословно подчиняться распоряженіямъ всякихъ Board'овъ, особенно въ такомъ дѣлѣ, какъ воспитаніе. Школы тамъ, по большинству, частныя. Попробуютъ онѣ новую систему, а коли она окажется неудовлетворительной, то сейчасъ же и бросятъ. По нашему мнѣнію, хорошо въ этой системѣ только общее ея направленіе, стремящееся избавить дѣтей отъ вѣчнаго сидѣнія за книгой и зазубриванія часто ни на что ненужныхъ знаній, но, однако, перипатетикой тоже едва-ли можно ограничиться. Отъ нея вѣдь недалеко и до простого фланерства.

Очарованныя принцессы.

Мало кому извѣстны имена тѣхъ двухъ счастливцевъ, мужа и жены, отъ которыхъ пошли почти всѣ европейскія династіи, какъ правящія теперь, такъ и лишенныя уже своихъ престоловъ.

Конечно, рѣчь идетъ не объ Адамѣ и Евѣ, этихъ всеобщихъ прародителяхъ, а о болѣе близкомъ корнѣ, изъ котораго широко раскинулось царственное геральдическое дерево.

Ровно 200 лѣтъ тому назадъ въ одномъ изъ небольшихъ сѣверно-германскихъ «столичныхъ» городковъ благоденствовали: Людвигъ-Рудольфъ, герцогъ Брауншвейгъ-Вольфенбютельскій и его благовѣрная супруга, Христина-Луиза, уро-

Австрійско-тосканскій эрцъ-герцогъ Леопольдъ-Фердинандъ.

жденная принцесса Эттингенская. У нихъ было двѣ дочери: Елисавета-Христина и Антуанетта-Амалія.

Первая вышла замужъ за императора Карла IV и стала прародительницей всѣхъ позднѣйшихъ католическихъ династій: Габсбурговъ, Бурбоновъ, Савойскаго и Саксонскаго дома и т. д. Вторая, Антуанетта, выйдя за своего кузена Фердинанда-Альберта Брауншвейгъ-Бевернскаго, повела родъ всѣхъ протестантскихъ владыкъ: Прусской, Веймарской, Ганноверской-Великобританской и остальныхъ линій.

Такимъ образомъ всѣ европейскіе владыки, не смотря на постоянныя войны и

Digitized by Google

распри, представляютъ какъ бы одну, тѣсно-сплоченную семью, занятую лишь семейными неурядицами. И близость все больше росла между ними, окрѣпленная позднѣйшими перекрестными браками. Не только обычаемъ, но прямыми узаконеніями было установлено, что браки допускались только «между равными», то есть, между потомками двухъ перечисленныхъ родовъ. И всѣ старѣйшіе въ семьѣ устно и письменно старались укрѣплять грани, за которыя какое-либо постороннее лицо не могло бы прорваться въ ихъ высокій кругъ.

M-lle Вильгельмина Адамовичъ.

Но ни статуты фамильные, ни строгіе законы и запреты не могли помѣшать юнымъ, особенно, женскимъ сердцамъ маленькихъ, бѣдныхъ принцессъ рваться на волю и любить, кого вздумается, на кого укажетъ природа, а не параграфъ такого-то королевскаго фамильнаго статута.

Больше всего «неравныхъ браковъ» приходилось на долю принцессъ, какъ потому, что онѣ рѣже являлись въ роли «представительницъ» дома, такъ и потому, что принцы умѣли и успѣвали безъ излишнихъ околичностей и брачныхъ формальностей устраивать себѣ личное счастіе въ любви, если такая рѣдкая гостья, какъ настоящее чувство, настоящая страсть,— заглядывала въ покои ихъ дворцовъ...

Сначала, конечно, строго карался простой смертный, который смѣлъ бы поднять очи на одну изъ принцессъ.

Такъ, Фридрихъ Великій велѣлъ вырвать глаза тому дерзновенному, который не только осмѣлился возвести ихъ на сестру императора, но и склонилъ ее полюбить себя...

Времена перемѣнились. Строгихъ императоровъ—стало меньше, а принцессъ появилось такъ много, что на каждую, пожалуй, и не хватило бы по принцу. И все чаще и чаще стали повторяться не только «неравные браки», но и такіе романы съ принцессами, въ качествѣ героинь, какихъ не выдумать самому пылкому воображенію фельетонныхъ романистовъ.

Яркимъ примѣромъ послѣдняго рода явленій служатъ событія недавнихъ дней, когда въ Женевѣ, въ гостиницѣ «Англія», въ двухъ шагахъ отъ площади, на которой убита императрица Елизавета Австрійская извергомъ Луккени,—остановились двѣ парочки, записавшіяся въ гостиничномъ листкѣ самыми скромными, обывательскими именами, въ родѣ русскихъ Ивановыхъ или Сидоровыхъ.

Прибыли они 14—27 декабря, и только недѣли черезъ двѣ міръ узналъ, какія высокія имена скрываются за мѣщанскими псевдонимами.

Двое изъ пріѣзжихъ были братъ и сестра, эрцъ-герцогъ Леопольдъ-Фердинандъ Габсбургскій, юный и красивый собой принцъ изъ Австрійско-Тосканскаго дома, и эрцъ-герцогиня австрійская, Луиза-Антуанетта Тосканская, жена наслѣдника саксонскаго престола.

Другіе двое—были чужіе другъ другу, но очень близкіе первымъ, лица, а именно: Андре Жиронъ, юный, недурной собой бельгіецъ, бывшій учитель старшихъ дѣтей саксонской наслѣдницы престола, а теперь—ея другъ сердца и—Вильгельмина Адамовичъ, нареченная невѣста Леопольда-Фердинанда, родомъ.. изъ очень почтенной семьи мелкаго австрійскаго почтово-телеграфнаго чиновника, одно время посвятившая себя было великому сценическому искусству...

Какъ только стало извѣстно міру, кого пріютили въ своихъ предѣлахъ стѣны старинной англійской гостиницы вольнаго города Женевы, какъ только прогремѣло по міру оффиціальное извѣщеніе «Дрезденской Газеты» о побѣгѣ наслѣдницы трона, совершенномъ, конечно, въ «припадкѣ умственнаго разстройства»,—

Digitized by Google

сейчасъ же налетѣли въ гостиницу, словно коршуны на богатую добычу, газетные и журнальные интервьюэры всѣхъ странъ и народовъ, всѣхъ оттѣнковъ и ранговъ. Во всѣ концы міра полетѣли срочныя телеграммы, во всѣхъ печатныхъ листкахъ появились пространныя и захватывающія «интервью», сообщенія, разоблаченія, «подлинныя рѣчи» обѣихъ парочекъ, по поводу которыхъ послѣднія категорически заявили, наконецъ: «ни-

Саксонскій кронпринцъ Фридрихъ-Августъ.

когда ни одинъ изъ насъ не говорилъ ни слова изо всей массы вздора, намъ приписаннаго! И единственно, чего бы мы желали, это, чтобы милѣйшіе господа газетчики оставили насъ въ покоѣ и дали возможность безъ помѣхи устраивать свои личныя дѣла»...

Желаніе—законное и весьма понятное. Но понятно и любопытство толпы, всего міра, вплоть до серіознѣйшихъ изслѣдователей и психологовъ, изучающихъ человѣческую природу и всѣ человѣческія установленія не по шаблонному образцу.

А на сколько точно и правдиво все, что говорятъ и пишутъ о «романѣ саксонской принцессы» и объ ея пастушкѣ А. Жиронѣ, можно судить изъ двухъ, ниже приводимыхъ отрывокъ.

Первый—выдержка изъ «Дрезденскихъ Извѣстій», второй—изъ «Берлинской Газеты». Первая выдержка гласитъ:

«Между престарѣлымъ саксонскимъ королемъ и его наслѣдникомъ, Фридрихомъ-Августомъ, обманутымъ супругомъ бѣжавшей принцессы, возникъ серіозный разладъ.

Принцъ считаетъ бракоразводный процессъ своимъ личнымъ дѣломъ и желаетъ быть снисходительнымъ; король, напротивъ того, считаетъ процессъ дѣломъ весьма важнымъ для династіи и настаиваетъ на суровыхъ мѣропріятіяхъ. Отношеніе саксонскаго двора къ этому дѣлу довольно ярко обрисовано въ статьѣ «Dresdener Nachrichten», которую можно бы назвать психологическимъ эскизомъ, набросаннымъ рукою художника-реалиста. Вотъ ея содержаніе:

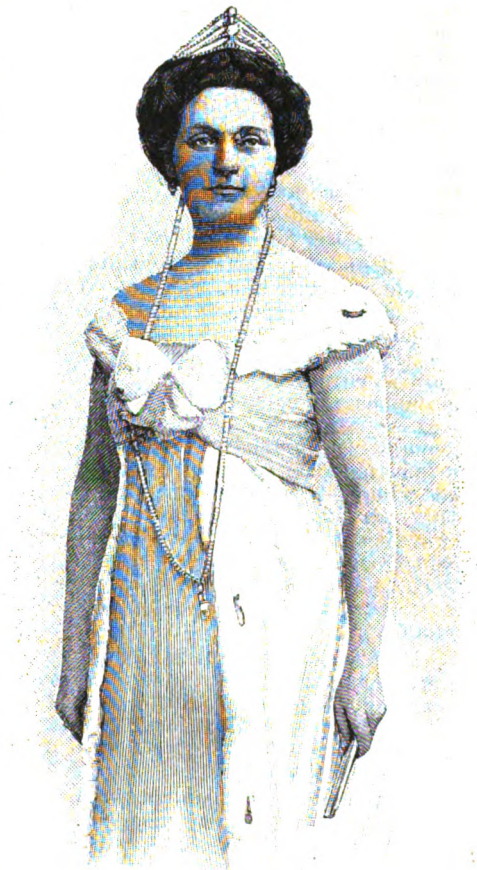
«Не можетъ быть рѣчи о любви Жирона къ принцессѣ Луизѣ; въ этомъ человѣкѣ никогда не жило чувство, сколько-нибудь напоминающее любовь. Для двадцатитрехлѣтняго юноши ничего соблазнительнаго не могло быть въ тридцатидвухлѣтней женщинѣ, матери пятерыхъ дѣтей, тутъ же торчащихъ на глазахъ; тутъ едва-ли даже умѣстно предположеніе о сближеніи на почвѣ чисто эротической. Мы имѣемъ дѣло съ обыкновенной романической интригой, легко объяснимой высокимъ происхожденіемъ и положеніемъ героини. Если бъ Жиронъ дѣйствительно любилъ принцессу, то онъ, прежде всего, уѣхалъ бы куда-нибудь подальше, постарался бы сдѣлать карьеру, достойную любимой женщины, держалъ бы въ строгой тайнѣ свою связь съ нею и, по крайней мѣрѣ, отсрочилъ бы бѣгство съ ней до появленія на свѣтъ ожидаемаго ребенка.

«Ничего такого мы, однако, не видимъ. Со времени удаленія его изъ Дрездена, Жиронъ дѣлалъ все отъ него зависѣвшее, чтобы скомпрометтировать принцессу въ глазахъ всего міра. Опозоривъ ее

Digitized by Google

при дворѣ, онъ ведетъ съ нею тайныя сношенія, хорошо зная, что губитъ женщину, ему довѣрившуюся. Онъ помогаетъ ей совершить бѣгство и поселяется съ ней въ одной гостиницѣ въ Женевѣ. Здѣсь онъ принимаетъ газетныхъ репортеровъ, которымъ разсказываетъ вещи, рисующія принцессу въ роли куда болѣе плачевной, чѣмъ роль невѣрной жены и забывшей свой долгъ матери. Вездѣ, гдѣ только думаютъ позорить принцессу, вездѣ, гдѣ въ нее бросаютъ грязью, мы видимъ руку Жирона. Какимъ образомъ онъ плѣнилъ ея сердце?

«Молодой человѣкъ, 23 лѣтъ,—Жиронъ очутился при саксонскомъ дворѣ въ качествѣ преподавателя французскаго языка; мать часто присутствовала на урокахъ молодыхъ принцевъ и могла ближе узнать Жирона. Предъ нею былъ вовсе не тотъ «красавецъ мужчина», какимъ изображаютъ репортеры Жирона. Всякій, кто имѣлъ счастіе его видѣть, повторяетъ одно и то же: есть что-то противное, отталкивающее въ грубыхъ, мало-интеллигентныхъ чертахъ его лица. Будь онъ выдающійся ученый или художникъ, вліяніе этой личности на принцессу, пожалуй, было бы понятно до извѣстной степени. Въ данномъ же случаѣ связь могла возникнуть лишь при особенныхъ, не совсѣмъ обыкновенныхъ условіяхъ. Тутъ весьма важную роль должна была сыграть смѣлость Жирона, смѣлость, доходящая до наглости и ему въ высокой степени присущая. Прошлаго у него нѣтъ никакого, онъ не успѣлъ создать себѣ положенія въ обществѣ, и мы не знаемъ поэтому ничего объ его способностяхъ, стремленіяхъ и склонностяхъ. Вѣрно то, что онъ жилъ безъ всякихъ идеаловъ и мечталъ о беззаботномъ существованіи, о роскоши, о славѣ, о какой-нибудь славѣ. Человѣкъ неглупый и ловкій, въ житейскомъ смыслѣ этихъ словъ, Жиронъ сразу узналъ и характеръ принцессы, и нѣкоторыя стороны ея семейной жизни. Вскользь сдѣланнымъ принцессой замѣчаніемъ о неудобствахъ придворной жизни онъ отлично воспользовался. Неосторожныя слова принцессы породили въ немъ грандіозный планъ. Что принцесса располагаетъ хорошими средствами, обезпечивающими очень удобное существованіе, — это онъ отлично понималъ. Надо только сильно скомпрометтировать ее, все остальное приложится. Королевская семья ни въ какомъ случаѣ не доведетъ дѣла до открытаго скандала, а если допуститъ, то во всякомъ случаѣ не дастъ ей погибнуть, снабдитъ ее средствами въ достаточной мѣрѣ; разъ она будетъ въ моихъ рукахъ, случится непремѣнно что-нибудь одно изъ двухъ: либо королевская семья дастъ изрядную сумму денегъ въ видѣ контрибуціи, либо принцесса убѣжитъ со мною, будемъ смѣлы. Таковъ былъ планъ Жирона, блистательно задуманный и исполненный. Онъ мастерски сыгралъ роль влюбленнаго, вскружилъ голову женщинѣ старше его на десять лѣтъ, опуталъ ее и погубилъ. Но поговариваютъ, что принцесса начинаетъ уже прозрѣвать и что она дѣлаетъ робкія попытки вернуть себѣ свободу. Объ этомъ долженъ свидѣтельствовать ея переѣздъ въ Ментону, но вѣроятнѣе всего, что ей грозитъ еще худшее рабство. Поживемъ — увидимъ».



Саксонская кронпринцесса Луиза, въ придворномъ костюмѣ.

Корреспондентъ второй газеты, побывавшій въ Женевѣ и толковавшій о Жиронѣ, пишетъ:

«Сказки о неотразимой красотѣ Жирона рушились сами собой. Не оправдались и сплетни саксонскаго двора относительно того, что Жиронъ—Новый Свенгали, который гипнотизируетъ бѣдняжку, новую Трильби, 33-лѣтнюю саксонскую

Digitized by Google

принцессу. Жиронъ уѣхалъ изъ Женевы, а принцесса не перестала твердить свое: «Хочу замужъ за Жирона. Онъ отецъ ребенка, котораго я ношу подъ сердцемъ!»

О томъ, какъ было у нихъ дѣло и кто кого первый соблазнилъ, сказать не могу, не бывъ этому свидѣтелемъ. Но что теперь творится—ясно.

Въ школѣ Жиронъ всегда занимался болѣе науками, чѣмъ любовными похожденіями, и если говорятъ, что онъ уже раньше путался и жилъ на счетъ какой-то богатой пожилой особы, это—утвержденіе его враговъ, которые и обязаны подтвердить свои слова.

Теперь Жиронъ держится очень скромно. Онъ только очень волнуется, когда заходитъ рѣчь о всѣхъ сплетняхъ на счетъ его и принцессы. Но и тутъ не громкими словами, не смѣлымъ тономъ старается онъ защитить себя, а мягко, но рѣшительно заявляетъ:

— Право же, все это совсѣмъ не такъ!..

И этой простой фразѣ, искренному голосу юнаго бельгійца, вѣришь больше, чѣмъ всякимъ громкимъ и сложнымъ хитросплетеніямъ!

Не можетъ быть, чтобы пребываніе среди іезуитовъ могло такъ хорошо выдрессировать юнаго бельгійскаго педагога... И самъ онъ не ищетъ нисколько проявить свое вліяніе на принцессу, или выставить на видъ свое преобладаніе надъ влюбленной, не молодой уже женщиной...

При ней онъ еще скромнѣе, еще тише, чѣмъ обыкновенно. Глядитъ на нее очень почтительно, ни разу не подниметъ самъ голоса, не произнесетъ ни словечка и только если принцесса обратится къ нему и скажетъ:

— Не правда ли, миленькій?.. Не такъ ли, мой дружокъ?—тогда только онъ очень скромно и какъ воспитанный, благонравный молодой человѣкъ, подтверждаетъ рѣчи старшей его по годамъ и по положенію его возлюбленной.

Въ эти минуты особенно выступаетъ на видъ вся юность, неувѣренность въ себѣ и безпомощность маленькаго бельгійца, словомъ, все то, что такъ неотразимо вліяетъ на особъ бальзаковскаго возраста, особенно, если такой особѣ пришлось 11 лѣтъ прожить въ суровыхъ рамкахъ протестантскаго саксонскаго этикета рядомъ съ болѣзненнымъ, слабымъ и нелюбимымъ мужемъ...

Онъ самъ, Жиронъ, очень застѣнчивъ и о чемъ бы ни заговорить съ нимъ, очевидно, не сразу можетъ овладѣть своимъ смущеніемъ, которое проскальзываетъ въ его отвѣтахъ... Впрочемъ, гдѣ тутъ истина?—рѣшить трудно и только «время даетъ дорогу правдѣ!» какъ начертано на одной изъ окрестныхъ женевскихъ скалъ, недалеко отъ зданія Университета. Поживемъ — увидимъ!...»

Конечно, того, что будетъ, не легко угадать.

Но можно судить по предыдущимъ сходнымъ случаямъ. А ихъ не мало, и они довольно разнородны.

Трагическая развязка любовной исторіи, пережитой одною изъ «очарованныхъ принцессъ», очаровательной дочерью претендента Донъ Карлоса, Эльвирой Бурбонской, памятна еще всѣмъ.

Но попытка покончить собой, утопиться —слишкомъ печальный аккордъ для любовной эпопеи.

Въ противовѣсъ ему можно указать на рядъ счастливѣйшихъ «не равныхъ браковъ» между принцессами крови и простыми или титулованными смертными.

Старѣйшая изъ такихъ, деградированныхъ принцессъ, которыя сочли, что за ихъ высоту онѣ получили полное вознагражденіе, въ видѣ простого «женскаго счастія» — это, конечно,—Шарлота-Амалія, баронесса фонъ-Юдъ, урожденная принцесса Шварцбургъ-Зондергаузская. Сейчасъ ей 36 лѣтъ. Она овдовѣла давно, но до сихъ поръ съ тихой радостью вспоминаетъ о своемъ семейномъ счастіи съ мужемъ, простымъ швейцарскимъ гражданиномъ, только послѣ женитьбы на принцессѣ удостоеннымъ баронства.

Императрица Марія-Луиза, послѣ разлуки съ Наполеономъ I, вышедшая замужъ за графа Нейперга,— личность историческая.

Знаменитый профессоръ фонъ-Эсмархъ женатъ на принцессѣ Генріэттѣ Шлезвигъ-Гольштейнской, и этотъ бракъ помогъ ему въ жизни не меньше, чѣмъ его способности врача и вся изобрѣтательность. Недавно праздновала эта чета свою серебряную свадьбу, такъ какъ принцесса—ужъ вторая жена профессора и ему ровно 80 лѣтъ. По женѣ—онъ родной дядя царствующей императрицѣ германской.

Конечно, сначала очень подозрительно смотрѣли въ высшемъ свѣтѣ на такихъ «морганатическихъ мужей». Такъ, напримѣръ, когда въ 1871 году одна изъ дочерей королевы Викторіи выходила за мужъ за «простого» Джона Кэмпбель, маркиза де-Лорнъ, милостью королевы,—то мужъ сидѣлъ на брачномъ пиру за однимъ столомъ съ подданными своей королевы, заурядными гостями, а его новобрачная красовалась далеко отсюда, за столомъ, гдѣ возсѣдали коронованные ея родичи... Теперь они носятъ титулъ герцога и герцогини д'Аржиль.

Вторая Луиза Великобританская — замужемъ за герцогомъ Файфъ.

И во всѣхъ этихъ случаяхъ державная представительница рода, императрица Викторія, какъ женщина, приходила на помощь сердечному влеченію юныхъ особъ своего дома и устраивала имъ браки, устраняла препятствія, какія ставили влюблен-

Digitized by Google

нымъ другіе родственники изъ королевской фамиліи. Только благодаря вмѣшательству императрицы Викторіи, вышла замужъ ея племянница, Фредерика Ганноверская, за личнаго секретаря своего отца, Георга V, за барона Альфонса фонъ-Павэль-Раммингенъ. Бракосочетаніе совершено было въ часовнѣ Виндзорскаго дворца, въ присутствіи самой императрицы. Молодая чета поселилась во Франціи, вблизи Біаррица, въ своемъ роскошномъ палаццо. Та же Франція стала второй родиной для принцессы Маріи Мекленбургъ-Стрелицкой, когда она въ 1899 году вышла замужъ за графа Жоржа Жаметэ.

Двѣ принцессы королевскаго дома Виттельсбаховъ: принцесса Эльвира Баварская, по мужу—просто морская графиня Врбна, и кузина ея, Елизавета, дочь принца Леопольда Баварскаго, внучка императора Франца-Іосифа, обвѣнчана съ барономъ Ф. Зэефридомъ—обѣ онѣ поселились въ Австро-Венгріи, обласканные своимъ державнымъ родственникомъ императоромъ.

Но были и болѣе яркіе примѣры демократизаціи принцессъ крови, полюбившихъ простого смертнаго и, по словамъ Завѣта, готовыхъ оставить отца и матерь свою, чтобы послѣдовать за избранникомъ сердца.

Такъ герцогиня Полина Виртембергская, племянница короля Георга I, получивъ отъ него простое имя дѣвицы Кирбахъ, отказалась навсегда отъ всѣхъ правъ и преимуществъ, связанныхъ съ ея рожденіемъ, и вышла за практикующаго врача Мельхіора Виллима въ Бреславлѣ.

Изъ недавнихъ событій всѣ помнятъ, какъ принцесса Стефанія Бельгійская, вдова австрійскаго кронпринца, не боялась гнѣва отца, короля Бельгіи, порвала всѣ связи и вышла замужъ за графа Лоніай, съ которымъ давно уже была близка.

Много пришлось претерпѣть и родной сестрѣ короля Георга Саксонскаго, принцессѣ Елизаветѣ, герцогинѣ Генуэзской, когда она, противъ воли семьи, вышла тайно замужъ за маркиза Николло Рапалло.

Герцогиня Мадженская—тоже выше своего мужа по происхожденію, какъ урожденная принцесса Бурбонская.

Вотъ главнѣйшія представительницы типичнаго для нашего времени явленія сліянія царственныхъ родовъ съ представителями болѣе низкихъ классовъ людей.

Digitized by Google

Несчастія Маргариты Орлеанской герцогини Тосканской.

(Эмиля Жебара).

Италіанскіе Дворы стараго режима много разъ потѣшали свой народъ необычайными приключеніями и даже скандалами и царскими комедіями, довольно добродушно принимавшимися общественнымъ мнѣніемъ, находившимся еще въ младенческомъ состояніи. Эсты, Фарнезы, Медичи, Бурбоны кончали тѣмъ, что обращались въ изношенное племя, почти обезсилѣвшее, подчасъ имѣвшее представителемъ лишь какую-нибудь шутовскую маріонетку. Стоитъ перечитать «la Chartreuse de Parme». Въ Неаполѣ, Моденѣ, Флоренціи, въ правленіе послѣднихъ отпрысковъ великаго Козьмы, картина интимнаго хозяйства этихъ пастырей человѣческаго стада была не менѣе пикантна, чѣмъ живописныя сцены въ романѣ Стендаля. Въ той же Пармѣ великій герцогъ, желая развлечься отъ царственныхъ заботъ, ходилъ звонить на колокольни. Въ мемуарахъ Сенъ-Симона и письмахъ принцессы Палатинской весьма подробно описаны такого сорта синьоры. Но на обширной и роскошной сценѣ французскаго двора иностранные инциденты, странности поведенія правителей, повидимому, ступевываются величіемъ и блескомъ царствованія. Въ старой Италіи послѣ героическаго, сильнаго и кроваваго періода Возрожденія домашнія и моральныя несчастія Дворовъ выступаютъ на первый планъ, составляютъ часть національной жизни.

Пикантная книга г. Родоканаки носитъ заглавіе: «Несчастія одной внучки Генриха IV». Заглавіе неправильное. Это скорѣе несчастія супруга Маргариты, великаго герцога Козьмы III, о которыхъ повѣствуетъ историкъ въ италіанскій періодъ принцессы, и даже несчастія тѣхъ монастырей, куда была засажена она послѣ разрыва съ супругомъ. Маргарита была до нѣкоторой степени ненормальна. Она была дочерью дерзкаго и нелѣпаго Гастона Орлеанскаго, брата Людовика XIII. Отецъ ея женился вторично на одной лотарингской принцессѣ, единокровной сестрѣ знаменитой особы своего вѣка m-lle de Монпансье. Принадлежа къ фамиліи Медичи по бабкѣ, своей суровостью и угрюмостью на старости лѣтъ, она должна была глубоко волновать Тосканскій Домъ. Принцесса принесла въ него свои фантастическіе капризы, унаслѣдованные ею отъ отца, и до нѣкоторой степени наклонность къ хвастовству, унаслѣдованную отъ знаменитаго ея дѣда. За то, по крайней мѣрѣ, она оказала большую услугу своему мужу, благочестіе котораго навѣрняка вызвало бы улыбку на устахъ его кузеновъ Леона X и Клемента VII: благодаря ея стараніямъ бѣдняга успѣлъ на семъ свѣтѣ отдать свой долгъ чистилищу.

Правда, въ свадебной корзинкѣ Маргариты Орлеанской для счастія супруга соединились самыя неблагопріятныя условія. Шестнадцатилѣтняя принцесса, съ «голубыми бирюзовыми глазами», среди безурядицы родительскаго дома была воспитана изъ рукъ вонъ плохо. Это была наѣздница, охотница, гонявшаяся за зайцами и лисицами, съ необузданнымъ воображеніемъ, съ надеждой на весьма умѣренное приданое и въ очень ранней юности грезившая французской короной, подобно знаменитой своей сестрѣ, которая была старше нея на девятнадцать лѣтъ. Сдѣлаться супругой Людовика XIV—эта химера представлялась экстравагантной; семья готова была удовольствоваться для нея какимъ-либо герцогомъ Савойскимъ. Мазарини рѣшилъ отправить ее во Фло-

Digitized by Google

ренцію. Тогда Маргарита тайно отдала свое сердце одному красивому и юному кузену Шарлю Лотарингскому, сыну временнаго герцога Никола Франсуа, бывшаго кардинала-епископа Тульскаго, управлявшаго герцогствомъ во время утраты трона братомъ его Шарлемъ III. Юный Шарль Лотарингскій, весьма статный и красивый, плохо одѣтый, но любезный и шаловливый, отличался въ Люксембургѣ въ салонѣ mademoiselle въ невинныхъ petits jeux, въ особенности въ игрѣ въ жмурки. Высокая Монпансье явно строила ему глазки, что, конечно, послужило достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы маленькая принцесса Орлеанская, младшая ея сестра, влюбилась въ провинціальнаго кузена. Нѣсколько вечеровъ игры въ жмурки, при отсутствіи чопорности, а въ особенности длинныя поѣздки верхомъ въ Марли, Мёдокъ, въ сопровожденіи дворовыхъ стай и поодаль ѣхавшихъ тяжелыхъ и медленныхъ каретъ съ фрейлинами, настолько подвинули впередъ любовную идиллію, что король нашелъ нужнымъ ускорить рѣшеніе брака принцессы съ наслѣдникомъ тосканскимъ. Великій герцогъ выразилъ неудовольствіе по поводу скудности приданаго Маргариты. Мазарини только-что умеръ. Принцесса гизская Тюреннь, самъ Гастонъ старались устранить препятствія. Приданое въ 900.000 ливровъ, съ выплатой въ три срока, было гарантировано Лангедокскими податями. И. Маргарита, повѣнчанная въ Луврѣ подовѣренности въ капеллѣ короля,—немедленно была отправлена въ Италію. Кузенъ Лотарингскій сопровождалъ её до аббатства св. Виктора. Половина сердца ея осталась при этомъ франтѣ, который въ зрѣлости сдѣлался однимъ изъ первыхъ генераловъ въ Европѣ, защищалъ Вѣну и захватилъ Будапештъ. Маргарита уѣхала, огорченная столь дальней поѣздкой. «Въ Сенъ-Фаржо» — резиденціи сестры ея Монпансье, она привела въ негодованіе епископа де-Béziérs Bonsi, матримоніальнаго агента Медичи, который состоялъ ея ментором. Она носилась по полямъ до самой полночи, не предупреждая о томъ свой штатъ. Кто знаетъ, быть можетъ, она ждала условленнаго свиданія въ деревнѣ, при мерцаніи звѣздъ. Въ воскресенье, когда обѣ сестры собирались къ обѣднѣ, пріѣхалъ на почтовыхъ принцъ Лотарингскій. Послѣ обѣда играли на билліардѣ. Добрый епископъ, встрѣвожившись, ускорилъ дальнѣйшее путешествіе. Въ Коснѣ сестры нѣжно обнялись. Шарль распростился съ кузиной, отправившейся въ Муленъ «съ громкими воплями». Изъ Ліона она спустилась по Ронѣ до Авиньона. Въ Марселѣ её ожидала флотилія изъ 9 галеръ. Двѣнадцатаго іюня 1661 года она высадилась въ Ливорно, гдѣ французская колонія встрѣтила её фейерверкомъ, и одинъ португальскій еврей поднесъ ей 12 горшковъ варенья. Пятнадцатаго она достигла виллы Амброзіаны, близъ Амполи. На порогѣ стояли великая герцогиня, ея свекровь и Козьма, ея женихъ, только-что оправившійся отъ кори. Врачи предписали супругамъ разлученіе на нѣсколько дней. Это было дурнымъ предзнаменованіемъ. Подъ вечеръ, по дорогѣ во Флоренцію, встрѣтили великаго герцога Фердинанда съ его братьями, кардиналомъ Медичи и Леопольдомъ. Послѣдовали трогательныя объятія. Затѣмъ продолжали путь на Флоренцію. По словамъ «Тосканской Газеты», чтобы убить пыль, дорогу поливали.

Дворъ Медичи не представлялъ безумнаго веселья. Хотя Галилей и умеръ, а все же,—по словамъ Родоканаки—онъ продолжалъ управлять имъ. «Всѣ жили тамъ подъ длительнымъ очарованіемъ великой новости: земля вертится! Принцъ съ семьей по цѣлымъ ночамъ наблюдали за ходомъ звѣздъ. Днемъ же занимались важной тайной: искусственнымъ высиживаніемъ куриныхъ яицъ. Леопольдъ руководилъ работами Академіи del Cimento, «опыта», гдѣ продолжалась традиція Галилея, къ величайшему неудовольствію всѣхъ богослововъ и папы. Великая герцогиня Викторія, чудесная и добрая по отношенію къ бѣднымъ, но безмѣрно набожная,—«окружала себя священниками, братьями, изучала богословіе и страшно боялась проклятія». Она жила отдѣльно въ тревожномъ уединеніи, трепеща за спасеніе своего супруга. Козьма выросъ подъ религіознымъ вліяніемъ матери. Онъ боялся астрономіи и окружалъ себя астрологами, но наблюдалъ луну совсѣмъ въ другомъ смыслѣ, нежели эти господа del Cimento. Адонисомъ тоже Козьма не былъ: онъ носилъ длинные растрепанные волосы, у него былъ черезчуръ высокій лобъ, крупные глаза, толстыя губы, при чемъ нижняя очень отвислая, острый подбородокъ, громадныя уши и коренастое сложеніе: по словамъ одного очевидца, онъ казался «естественно меланхоличнымъ и мрачнымъ». По словамъ другого, онъ «цѣлые часы проводилъ за молитвой или декламировалъ богослуженіе». Что же касается до Маргариты, — писалъ въ первые дни ея свадьбы одинъ посланникъ, — то она вся воплощенная любезность. Единственное ея удовольствіе въ томъ, чтобы пѣть, танцовать, а самое главное—устраивать ужины».

Восемь мѣсяцевъ спустя во дворецъ Питти явился Шарль Лотарингскій. Обездоленный продажей его герцогства Людовику XIV, изгнанный изъ Франціи, какъ претендентъ непріятнаго нрава, окольнымъ путемъ направился онъ въ Вѣну къ императору. Несчастное его по-

Digitized by Google

ложеніе и личность Козьмы послужили поводомъ къ укорененію въ Маргаритѣ глубокой страсти, длившейся въ ней всю жизнь.

Шарль останавливался во Флоренціи всего нѣсколько дней. Но идиллія, начатая въ Люксембургѣ и въ Сенъ-Фарго, на вѣки обратилась въ трагедію.

Великій герцогъ съ сыномъ вскорѣ поймали переписку, которую неосторожно вели между собой влюбленные, и съ той поры Маргарита была окружена сѣтью шпіонства. Письма къ ней, даже отъ герцогини Орлеанской, всегда вскрывались. Супружескій раздоръ шелъ быстрыми шагами. Принцесса смѣялась надъ Козьмой прямо ему въ глаза, выпучивала италіанскіе обычаи, выкидывала всевозможные кундштюки. Вмѣшательство свекрови только ухудшило положеніе дѣлъ. Выгнали лакеевъ, камеръюнгферъ и музыкантовъ, прибывшихъ изъ Франціи. Другая теща, Madame, поспѣшила письменно усложнить положеніе. Девятаго августа 1663 года принцесса подарила сыномъ послѣдняго принца. Счастливое событіе ничуть не сблизило супруговъ. Маргарита принялась переѣзжать въ Питти изъ комнаты въ комнату, избѣгая сосѣдства Козьмы. Она представлялась, что боится отравы, и заставляла пробовать всѣ купанья, прежде чѣмъ дотронуться до нихъ. Козьма сталъ угрожать ей монастыремъ. Она отвѣтила, что перевернетъ монастырь вверхъ дномъ. Козьма уѣхалъ въ Венецію. Маргарита дала надежду на примиреніе, но по возвращеніи принца, котораго она должна была встрѣтить въ виллѣ Каффаджіола, снова переѣхала и еще разъ передъ носомъ у него защелкнула дверь. Козьма поселилъ её въ Лапеджіо подъ охраной 40 солдатъ и кавалеристовъ, слѣдовавшихъ за ней на лошадяхъ по горамъ и долинамъ, когда она охотилась за козулями. Тогда она прибѣгла къ адскому, по весьма остроумному коварству, объявивъ, что въ виду насилія ея воли, въ глазахъ церкви она не была супругой Козьмы. Послѣдній въ испугѣ вообразилъ себя незаконнымъ мужемъ, его мать и богословы потеряли головы! Взволнованный Людовикъ XIV отправилъ къ нему монаха-фельянтинца, исповѣдника и извѣстнаго казуиста, который, ничего не добившись, бросился въ Римъ для призванія папы на помощь. Папа провозгласилъ увѣщаніе, въ которомъ грозилъ непокорной отлученіемъ отъ церкви. Фельянтинецъ привезъ папскую грамоту, но не осмѣлился передать ее Маргаритѣ, заболѣлъ отъ страху и безъ оглядки ускакалъ изъ Италіи.

Мнимое примиреніе сблизило еще разъ супруговъ. Въ августѣ 1667 года принцесса подарила дочерью Тосканскій Домъ. Но плохое состояніе ея здоровья снова возстановило ее противъ супруга. Несчастный Козьма опять пустился въ путешествіе и проѣхалъ по Тиролю, Германіи, Голландіи, Испаніи, Португаліи, Англіи и черезъ Науе, Э-ла Шапелль и Спа—прибылъ во Францію. Людовикъ XIV устроилъ въ честь его празднества въ Версалѣ. Во Флоренцію онъ вернулся въ ноябрѣ 1669 года. Маргарита казалась успокоенной. Въ маѣ 1670 года Козьма наслѣдовалъ своему отцу. Тутъ семейный кризисъ принялъ другой оборотъ, обострившись въ особенности между вдовствовавшей великой герцогиней и царствовавшей принцессой. Послѣдняя желала вмѣшиваться въ дѣла государства, присутствовать на засѣданіяхъ министровъ, что вызывало негодованіе Викторіи. Второй сынъ, которымъ она наградила династію въ 1671 году, явился поводомъ къ усугубленію непріязни между супругами. Маргарита воображала, что страдаетъ какой-то внутренней болѣзнью, и Людовикъ XIV изъ состраданія прислалъ ей одного старичка-врача по имени Alliot, который, будучи подкупленъ принцессой, прописалъ ей пить воды Sainte-Beine въ Бургундіи, ни черезчуръ ѣдкія, ни слишкомъ горячительныя, но у него не хватило мужества довести комедію до конца, и онъ объявилъ герцогу, что названныя воды можно присылать во Флоренцію. Въ отчаяніи Маргарита рѣшилась на скандалъ, а именно черезъ Прато бѣжать въ Виллу Поджіо въ Каіано, въ надеждѣ, что король, наконецъ, вернетъ ее къ себѣ. Козьма отвѣтилъ на этотъ прекрасный проектъ суровой мѣрой. Едва вступивъ въ виллу, внучка Генриха IV увидѣла себя плѣнницей, зорко охраняемой солдатами и сыщиками. Она написала отчаянное письмо Людовику XIV. Король прислалъ къ ней епископа марсельскаго, передъ глазами котораго она заставила танцовать своихъ дамъ и сама въ костюмѣ разыграла буффонаду послѣдняго карнавала. Затѣмъ она снова заговорила о недѣйствительности ея брака и такъ громко, что великимъ герцогомъ опять овладѣли угрызенія совѣсти, и онъ обратился къ своимъ богословамъ. Епископъ уѣхалъ обратно во Францію въ большомъ уныніи. Плѣненіе Маргариты, разнообразившееся верховыми поѣздками подъ проливнымъ дождемъ, длилось $2^1/_2$ года. Наконецъ, потерявъ всякую надежду вернуть къ себѣ строптивую свою супругу, великій герцогъ позволилъ ей вернуться во Францію и удалиться въ какой-нибудь монастырь. Она успѣла скандализировать одинъ монастырь и всполошить другой. Въ 1712 году въ Палерояле у герцога Орлеанскаго съ ней сдѣлался апоплексическій ударъ. Она прожила послѣ того еще девять лѣтъ. Маргарита скончалась 76 лѣтъ.

Digitized by Google

Старое и новое искусство.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Женщина въ польскомъ искусствѣ и Францискъ Жмурко [1]).

Изъ всѣхъ отраслей художественнаго творчества геній польскаго народа съ наибольшей силой и яркостью проявилъ себя въ области изящной литературы: тутъ поляки, можно сказать, идутъ вровень съ остальными народами Европы, и можно привести довольно длинный рядъ именъ польскихъ художниковъ слова въ подтвержденіе того, что и Виѳлеемъ ничимже менши во владыкахъ іудовыхъ. Не такъ привлекательно (для польскаго самолюбія, конечно) обстоитъ дѣло относительно другихъ областей художественнаго творчества: музыки, живописи, скульптуры. Тутъ польское имя представлено очень бѣдно и скудно. Въ области музыки, напримѣръ, прямо-таки некого назвать, такъ какъ прославленный Монюшко не выше ростомъ нашего Верстовскаго, Мошковскій годится только для счету, а что̀ касается композиторской славы Падеревскаго, то она очень ярка, спору нѣтъ, но не сказалось ли тутъ вліяніе увеличивающихъ силу свѣта «ауэровскихъ горѣлокъ», роль которыхъ исполнила неумѣренная польская критика? Кажется, есть тотъ грѣхъ, потому что многихъ слушателей опера «Манру» повергала въ сонное уныніе.

Нѣсколько болѣе посчастливилось у поляковъ живописи. Тутъ уже есть, правда, небольшой рядъ именъ, извѣстныхъ не только въ предѣлахъ Польши: таковы Матейко, Семирадскій, Янъ Стыка, прогремѣвшей «Голгоѳы» котораго, къ сожалѣнію, такъ и не увидѣлъ Петербургъ; наконецъ, Францискъ Жмурко, талантъ котораго особенно цѣнится эксцентричными янки.

Въ ряду польскихъ современныхъ художникомъ Жмурко стоитъ особнякомъ. Его талантъ проявился въ той области, которой польскіе художники мало или почти совсѣмъ не касаются. Исключительная спеціальность Жмурки—красота женскаго тѣла, цвѣтущаго силой и дышащаго тепломъ, манящаго призывомъ любви и плѣнительной ласки, сулящаго огонь кипучихъ наслажденій.

Въ композиціяхъ польскихъ художниковъ женской красотѣ очень рѣдко отводилось центральное мѣсто. Авторъ біографіи Жмурки объясняетъ это такъ, что польскіе художники считали первой своей задачей «выразить индивидуальность своего народа» и потому инстинктивно изображали прежде всего то, что̀ ярче всего характеризуетъ данный племенной типъ—изображали поэтому деревню, шляхетскую захолустную усадьбу, бытовыя сцены, важнѣйшіе эпизоды польской исторіи. Съ другой стороны, патріархаль-

[1]) Варшавской издательской фирмой Яна Фишера предпринято изданіе отдѣльныхъ монографій, посвященныхъ жизнеописанію и оцѣнкѣ дѣятельности извѣстнѣйшихъ польскихъ скульпторовъ и живописцевъ и снабженныхъ снимками съ ихъ важнѣйшихъ произведеній. Изданіе это выходитъ подъ общимъ заглавіемъ: «Monografie artystow polskich». Первый выпускъ его содержитъ біографію современнаго польскаго художника Франциска Жмурки и анализъ его творчества, иллюстрированный художественно исполненными снимками съ его картинъ и этюдовъ. Очеркъ написанъ г. Казиміромъ Даниловичемъ-Стрѣльбицкимъ. Мы считаемъ небезъинтереснымъ познакомить нашихъ читателей съ современной польской живописью, ея представителями и ихъ главнѣйшими произведеніями.

Digitized by Google

ный строй семейной польской жизни, извѣстная строгость нравовъ (истинная или только лицемѣрная—это другой вопросъ), сложившійся вѣками кодексъ общественной морали не благопріятствовали развитію въ живописи культа поклоненія женской красотѣ, блестящее выраженіе котораго мы находимъ въ живописи эпохи Возрожденія и современной французской. «Удивительнымъ кажется, — замѣчаетъ г. Даниловичъ-Стрѣльбицкій,—что нашъ народъ, который съ такой рыцарской вѣжливостью почиталъ женщину, теперь почти изгналъ ее изъ своего искусства. Быть можетъ, что это преклоненіе предъ женщиной, основанное на уваженіи, на чувствахъ патріальныхъ, есть преклоненіе предъ доблестями женщины, только какъ жены и какъ матери. Южные и романскіе народы, вслѣдъ за Греціей, почитали женщину какъ воплощеніе красоты и любви, мы же преклонялись предъ ней, какъ предъ чистой Весталкой домашняго очага, какъ предъ дамой мысли и сердца мечтательныхъ средневѣковыхъ рыцарей, умѣвшихъ любить вѣчно и беззавѣтно. Мы не могли возвыситься до языческаго культа чистой красоты въ линіяхъ женскаго тѣла, можетъ быть, вслѣдствіе недостатка соотвѣтственнаго эстетическаго воспитанія, а можетъ быть, вслѣдствіе излишней суровости и строгости нравовъ, черпающей свою глубокую основу въ горячей религіозности и узкихъ,—во всякомъ случаѣ въ примѣненіи къ искусству,—условныхъ формулахъ дурно истолкованной скромности».

Такъ или иначе, женщина въ польскомъ искусствѣ занимаетъ роль второстепенную. Польскіе художники въ общемъ не умѣютъ рисовать женскаго тѣла, обнаруживая здѣсь вялость кисти, несоблюденіе пропорціи, а главное — недостатокъ вкуса, какимъ выдѣляются особенно французскіе художники. Если еще у польскихъ художниковъ изрѣдка можно встрѣтить женщину, какъ главную тему картины, то зато почти не встрѣтимъ изящно нарисованное женское тѣло. Г. Даниловичъ-Стрѣльбицкій не вполнѣ доволенъ въ указанномъ отношеніи даже композиціями Матейки и Семирадскаго. Женщины Матейки, — замѣчаетъ онъ, — сильныя, мощныя, съ простыми чертами лица, съ большими головами, посаженными на дюжихъ шеяхъ; это — героини и великанши, королевы и рыцарскія дамы, которыя—подобно Сенкевичской Ягенкѣ — сумѣютъ однимъ ударомъ уложить медвѣдя, давятъ орѣхи, садясь съ размаху на скамью, но не въ состояніи вызвать влеченія современнаго человѣка, который можетъ взирать на эти плечи и ноги только со страхомъ. Женщины Семирадскаго прекрасны, но это только освѣщенныя алебастровыя статуи, бездушныя греческія богини, играющія при томъ роль пояснительной декораціи къ главной мысли художника.

Жмурко посвятилъ свою кисть исключительно и только женщинѣ, которая служитъ такимъ образомъ осью, вокругъ которой вращается творчество этого художника. У него нѣтъ картины безъ женщинъ. Спрашивается, является ли для Жмурки женщина любимой темой лишь какъ утонченное сочетаніе красивыхъ линій, или — какъ живое существо, всегда загадочное, психологически — сложное, влекущее своей таинственностью? Повидимому, послѣдній мотивъ играетъ преобладающую роль въ творческой дѣятельности Жмурки (особенно въ новѣйшій ея періодъ), къ разсмотрѣнію которой мы и перейдемъ.

Францискъ Жмурко родился въ Львовѣ въ 1859 г.; отецъ его—извѣстный ученый математикъ, ректоръ университета Лаврентій Жмурко. Начальное образованіе художникъ получилъ въ гимназіи и реальномъ училищѣ, гдѣ выдѣлялся способностями къ рисованію. Первоначальное художественное образованіе Жмурко получилъ у Тепы, потомъ занимался въ Краковѣ у Матейки, откуда вскорѣ уѣхалъ въ Вѣну и затѣмъ въ Мюнхенъ. Въ общемъ Жмурко очень мало обращался къ помощи профессоровъ, предпочитая держаться на ногахъ безъ нянекъ. Между тѣмъ отецъ его, сторонникъ опредѣленной системы въ прохожденіи какой бы то ни было науки, очень недовольный сыномъ, пріѣхалъ въ Мюнхенъ, и ему удалось склонить будущаго художника поступить въ Академію. Чрезъ полгода Жмурко былъ уже награжденъ золотой медалью за свои эскизы и этюды и тогда же приступилъ къ первой своей болѣе крупной композиціи «Клеопатра», которая на академической выставкѣ увѣнчана была золотой медалью.

Нервное настроеніе Жмурки не позволило ему долго высидѣть въ Мюнхенѣ, гдѣ ему отведена была даже особая мастерская. Художникъ возвратился къ Матейкѣ, подъ вліяніемъ и по совѣту котораго онъ написалъ историческую картину «Казиміръ и Эстерка». Въ то время пріѣхалъ въ Краковъ австрійскій императоръ Францъ-Іосифъ. При посѣщеніи его величествомъ студіи Матейко обратилъ вниманіе на картину Жмурки, и въ результатѣ художнику назначена была стипендія изъ личныхъ средствъ императора для поѣздки въ Римъ.

Въ Римѣ однако онъ пробылъ недолго. Здѣсь онъ написалъ «Сфинксъ» и подготовилъ этюды для картины «Неронъ надъ трупомъ Агрипины», съ которыми возвратился къ Матейкѣ для дальнѣйшей работы, отказавшись отъ дальнѣйшаго пользованія стипендіей. Матейко, деспотичный по отношенію къ своимъ моло-

Digitized by Google

дымъ ученикамъ, навязывалъ Жмуркѣ свои собственныя идеи, настаивалъ, чтобы художникъ въ композиціи картины смѣло слѣдовалъ его указаніямъ, и такимъ образомъ довелъ Жмурко до того, что тотъ опять оставилъ Краковъ, поселившись на этотъ разъ въ Варшавѣ, гдѣ кромѣ «Нерона» онъ написалъ рядъ картинъ («Смерть Мессалины» и др.), встрѣченныхъ похвалами критики. Съ этого времени начинается второй періодъ дѣятельности Жмурки, когда онъ, постепенно освобождаясь отъ вліянія Матейки, ощупью начинаетъ искать самостоятельныхъ путей творчества. Къ этому періоду дѣятельности относится рядъ картинъ: «На крыльяхъ пѣсни», «Смерть на цвѣтахъ», «Любовный напитокъ», «Гашишъ», «Демонъ», «По приказанію падишаха» и множество женскихъ головокъ. Въ этихъ работахъ сильно сказалось вліяніе Макарта: нагроможденіе декораціонныхъ аксессуаровъ, извѣстная условность композиціи, колоритъ, бьющій на эффектъ и т. д. Женскія головки набросаны смѣлыми, широкими штрихами.

«Вечернею пѣснью» начинается третій періодъ дѣятельности Жмурки, когда талантъ художника достигаетъ полнаго расцвѣта, и творчество его становится все больше индивидуальнымъ. Въ «Вечерней пѣсни» много настроенія: тихая прелесть пейзажа удивительно гармонируетъ съ обвѣянными легкою грустью лицами молодыхъ дѣвушекъ. Къ тому же времени относится картина «Jus primae noctis» и рядъ этюдовъ («Дама въ шубѣ» и др.). Всѣ эти картины были проданы въ Америку, а «Вечерняя пѣснь» награждена была тамъ же золотою медалью. Интересно отмѣтить, что директоръ выставки въ Чикаго Ywes, когда ему предложено было выбрать себѣ въ награду за свои труды какую-либо картину по своему вкусу, остановилъ свое вниманіе именно на женскихъ головкахъ Жмурки. Вскорѣ послѣ окончанія «Вечерней пѣсни» художникъ написалъ по заказу гр. Милевскаго «Прошлое грѣшника»: картина эта менѣе всего удалась Жмуркѣ.

Много упорнаго труда положилъ Жмурко на написаніе большой картины «Виѳлеемская звѣзда», идея которой сложилась подъ вліяніемъ извѣстнаго романа «Бенъ-Гуръ». Картина эта совершила тріумфальное шествіе по всей Европѣ. Амстердамъ, Гага, Берлинъ, Дюссельдорфъ были свидѣтелями всеобщаго восхищенія талантомъ Жмурки. Журналъ «Moderne Kunst» выпустилъ особый номеръ, посвященный спеціально польскому художнику. Благодаря множеству репродукцій «Виѳлеемская звѣзда» стала популярной и среди широкой публики.

Въ послѣднее время на характерѣ композицій Жмурки стало сильно сказываться вліяніе старыхъ италіанскихъ мастеровъ, для изученія произведеній которыхъ художникъ предпринялъ двѣ заграничныя поѣздки. По собственному признанію Жмурки, «чѣмъ старше становится человѣкъ, чѣмъ больше онъ видѣлъ, перечувствовалъ, переболѣлъ, поработалъ, тѣмъ съ бо́льшимъ уваженіемъ преклоняетъ голову предъ произведеніями старыхъ мастеровъ, такъ какъ у нихъ только однихъ живетъ истинное великое искусство». Культъ женскаго тѣла сталъ отходить въ картинахъ Жмурки на второй планъ, на первое же мѣсто выдвигается культъ женской души. Въ творчествѣ художника начинаетъ кромѣ того чувствоваться струя мистицизма.

Въ настоящее время художникъ работаетъ надъ большимъ полотномъ «Laudamus feminam». По словамъ біографа, картина эта особенно трудно дается Жмуркѣ. Она была уже совершенно закончена, но художникъ началъ писать ее совершенно заново: не закончивъ, однако, этой новой картины, онъ снова обратился къ переработкѣ перваго полотна. Въ результатѣ такимъ образомъ ожидается двѣ различныхъ картины одного и того же художника на одну и ту же тему.

Заканчивая свой очеркъ, біографъ Жмурки дѣлаетъ легкую гримасу по поводу того, что «творческіе замыслы Жмурки не имѣютъ ничего общаго съ нами. Нѣтъ нити,—замѣчаетъ г. Даниловскій-Стрѣльбицкій,—нѣтъ спайки, которая связывала бы этого единственнаго польскаго живописца женщины съ родной землей». Авторъ не рѣшается, однако, винить Жмурко за это, видя причину такой оторванности Жмурки (равно какъ и Семирадскаго) отъ родины въ общихъ условіяхъ жизни польскихъ живописцевъ, которые получаютъ художественное воспитаніе за границей и привязываются къ чужому горизонту. Въ утѣшеніе себѣ біографъ останавливается на томъ пріятномъ заключеніи, что Жмурко, избирая общечеловѣческіе сюжеты и пожиная лавры у иностранцевъ, разноситъ такимъ образомъ славу польскаго имени по всей землѣ.

Это совершенно правильно: если бы Жмурко обратилъ свой талантъ исключительно на изображеніе неопрятныхъ деревенскихъ Касекъ и Малгосей, ему бы не добыть и десятой доли той извѣстности, какою онъ пользуется теперь. Нѣтъ, значитъ, худа безъ добра.

Digitized by Google

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Космическія причины землетрясеній.

Мы переживаемъ теперь періодъ напряженной сейсмической дѣятельности земной коры, печально выразившійся въ теченіе всего прошлаго года, да и въ началѣ нынѣшняго многочисленными землетрясеніями и, несомнѣнно въ связи съ ними, взрывами вулканическихъ изверженій. Разрушеніе Шемахи и Андижана отъ ужасныхъ подземныхъ толчковъ и гибель Сенъ-Пьера на Мартиникѣ отъ ярости вулкана Пелэ останутся навсегда на страницахъ исторіи человѣческой культуры страшными памятниками этого «вулканическаго» года. Эта роковая совокупность значительныхъ катаклизмовъ на протяженіи одного года, естественно, вызвала вопросъ объ общей первоначальной причинѣ всѣхъ этихъ, потрясающихъ мирную жизнь человѣчества, явленій. Разумѣется, не въ первый разъ возбуждался такой вопросъ. Онъ былъ давно поставленъ наукѣ обитателями нашей планеты, и не мало посильныхъ рѣшеній его было предложено. Въ прошломъ году онъ снова становится на очередь вопросовъ, живо интересующихъ образованное общество, и появляются новыя объясненія или, по крайней мѣрѣ, старыя гипотезы въ новой трактовкѣ. Изъ этихъ объясненій заслуживаютъ серіознаго вниманія гипотезы о космическихъ причинахъ землетрясеній.

Вскорѣ послѣ страшнаго изверженія вулкана Пелэ, уничтожившаго 8-го мая (25-го апрѣля по старому стилю) несчастный Сенъ-Пьеръ, въ краткомъ описаніи этой катастрофы на страницахъ «La Nature» (№ 1512,—17 мая (4-го мая 1902 г.) І.Ф. Галь, между прочимъ, упоминалъ о совпаденіи явленій вулканическихъ и космическихъ. «Тѣ, кто ищетъ космическаго объясненія этимъ геологическимъ явленіямъ, обратятъ вниманіе, что первый признакъ дѣятельности горы Пелэ наблюдался 27 апрѣля, а вѣдь это былъ день луностоянія; первое изверженіе—3 мая, и это было въ луностояніе [1]). Наконецъ, катастрофа произошла 7 мая—въ дату, соотвѣтствующую равнымъ склоненіямъ Солнца и Луны, перигею (Луны) и луностоянію».

Подробнѣе развилъ такую же мысль антверпенскій астрономъ Dierickx въ № 7-мъ «Ciel et Terre» (отъ 1-го іюня (19-го мая стараго стиля) 1902 г.).

— Мы полюбопытствовали изслѣдовать, писалъ Dierickx, въ какой степени астро-

[1]) Луностояніе—наибольшее удаленіе Луны отъ экватора.

Digitized by Google

номическія условія могли содѣйствовать или даже вызвать ужасный катаклизмъ на Мартиникѣ. И кажется, что если астрономъ могъ бы такъ же проникать въ нѣдра земли, какъ онъ изслѣдуетъ небо, то именно по періоду съ 7 до 9 мая онъ долженъ былъ бы предсказать катастрофу. Дѣйствительно, Солнце и Луна, притяженіе которыхъ производитъ наши громадные земные и подземные приливы, сблизились по склоненію и прямому восхожденію, при чемъ Луна была въ перигеѣ (т. е. въ ближайшемъ разстояніи отъ Земли), въ то время, когда взрывъ горы Пелэ совпалъ съ полнымъ затменіемъ Солнца (т. е. центры Солнца, Луны и Земли находились на одной прямой линіи, при чемъ Луна находилась въ перигеѣ). Совпаденіе того весьма важнаго космическаго условія, какимъ является нахожденіе Луны въ перигеѣ, съ затменіемъ пріобрѣтаетъ въ данномъ случаѣ еще большее значеніе въ виду того, что Солнце и Луна проходили именно въ зенитѣ Мартиники въ роковой день. Дѣйствительно, гора Пелэ находится на 15-мъ градусѣ широты, склоненіе Солнца тогда опредѣлялось въ 17 град. къ сѣверу отъ экватора, т. е. Солнце проходило почти въ 2 град. сѣвернѣе отъ вертикальной линіи, проходящей черезъ кратеръ Пелэ; сѣверное склоненіе Луны также равнялось 17 град. Въ тотъ же день катастрофы 8 мая (нов. стиля) Луна проходила черезъ перигей (или въ 360.000 километровъ отъ насъ). Соединенною въ этотъ моментъ въ одномъ направленіи притягательною силою двухъ свѣтилъ, производящихъ на Земномъ Шарѣ приливы, и былъ вызванъ взрывъ Пелэ отъ напора газовъ и лавы.

Впослѣдствіи то же самое мнѣніе о космической причинѣ мартиникскаго катаклизма было высказано и поддержано нѣкоторыми учеными (напр. Камилломъ Фламмаріономъ, проф. Шустеромъ, предсѣдателемъ секціи астрономіи и физики на послѣднемъ съѣздѣ Британской ассоціаціи для развитія наукъ въ Бельфастѣ и др.).

Но одновременно появилась и другая версія гипотезы космическаго вліянія на сейсмическія явленія, относившая причину таковыхъ на долю солнечныхъ пятенъ. Именно въ англійскомъ журналѣ «Nature» извѣстный астрофизикъ сэръ Норманъ Локкіеръ указывалъ на то, что мартиникская катастрофа произошла въ эпоху минимума (наименьшаго числа) солнечныхъ пятенъ. Этотъ фактъ послужилъ Локкіеру отправнымъ пунктомъ спеціальнаго изслѣдованія, въ результатѣ котораго оказалось, что сейсмическія возмущенія за послѣднія 70 лѣтъ почти совпадали, какъ и дожди въ Восточной Индіи, съ максимумомъ или минимумомъ солнечныхъ пятенъ. Въ послѣдовательномъ рядѣ этихъ явленій познается даже солнечный циклъ, открытый Локкіеромъ и приблизительно соотвѣтствующій 35-тилѣтнему метеорологическому циклу Брюкнера (смѣны сухихъ и дождливыхъ періодовъ погоды) [1]). Такъ въ 1867 г. и въ 1902 г., т. е., въ годы, отдѣляющіеся между собою именно 35-тилѣтнимъ промежуткомъ, сейсмическія явленія отличаются особенною интенсивностью. Въ 1867 году—минимумъ солнечныхъ пятенъ, и геологія заноситъ въ свои лѣтописи, такъ сказать, въ графу «безпокойствъ»—Мауну, Южную Америку, Формозу, Везувій, островъ Св. Ѳомы. Въ эпоху максимума пятенъ 1871 — 72 г.г. сейсмическія явленія потрясаютъ Мартинику и сосѣдній островъ Св. Винцента. Въ 1883 г. (максимумъ пятенъ) — знаменитое изверженіе Кракатоа. Такое же совпаденіе подтверждается и точнѣйшими сейсмическими наблюденіями на обсерваторіи въ Токіо.

Роль солнечныхъ пятенъ въ землетрясеніяхъ еще болѣе выясняется связью между вулканическими сейсмическими явленіями и возмущеніями земного магнитизма. Такъ, въ прошломъ году была констатирована одновременность магнитныхъ пертурбацій, наблюдавшихся на нѣкоторыхъ обсерваторіяхъ, и изверженій вулкана Пелэ. Связь же между солнечными пятнами и явленіями земного магнитизма давно уже установлена.

Съ другой стороны, проф. Мильнъ обращаетъ вниманіе геофизиковъ на тотъ интересный фактъ, что землетрясенія учащаются въ то время, когда полюсы Земли въ ихъ сложныхъ движеніяхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «измѣненій географическихъ широтъ», движутся скорѣе, чѣмъ обыкновенно. Правда, доказательствъ для полнаго подтвержденія этой гипотезы имѣется еще мало, но такое предположеніе представляетъ собою значительный интересъ въ виду предшествующихъ попытокъ также приписать землетрясенія результату медленнаго перемѣщенія полюсовъ—съ одной стороны, а, съ другой — объяснить такое перемѣщеніе дѣйствіемъ солнечныхъ пятенъ.

Еще не особенно давно опредѣленіе географической широты мѣста не отличалось тою значительною точностью, съ какою оно производится теперь, и Серрэ, напримѣръ, сомнѣвался даже въ точности секундъ въ числовыхъ выраженіяхъ этого рода. Въ настоящее время широта вычисляется вполнѣ точно не только въ цѣлыхъ секундахъ, но и вплоть до сотыхъ частей секунды (съ помощью одобреннаго международнымъ бюро въ Потсдамѣ метода Горребоу). Деликатнѣйшими наблюденіями было выяснено, повидимому, періодическое измѣненіе географическихъ широтъ, т.-е., движеніе полюсовъ Земли. Уже болѣе десяти лѣтъ около

[1]) См. «Солнечныя пятна и земная атмосфера (долгій періодъ солнечныхъ пятенъ)» въ «Новомъ Журналѣ Иностранной Литературы», XII-ая книга (декабрь) 1901 г., стр. 438—441.

Digitized by Google

30 обсерваторій въ Европѣ, Америкѣ и Азіи производятъ спеціальныя наблюденія измѣненій широтъ. Сводка всѣхъ этихъ наблюденій, результаты которыхъ взаимно согласуются, свидѣтельствуетъ съ полною очевидностью о движеніи полюсовъ Земного Шара, до сихъ поръ считавшихся неподвижными! Но перемѣщеніе земныхъ полюсовъ—это значитъ перемѣщеніе оси вращенія Земли. Такимъ постояннымъ перемѣщеніемъ земной оси вращенія вызывается въ массѣ Земли, въ силу инерціи, особое напряженіе, такъ сказать, усиліе сопротивленія новому распредѣленію быстро и медленно вращающихся точекъ на сферѣ (ближайшая къ полюсу точка вращающейся вокругъ оси сферы обладаетъ меньшею скоростью, чѣмъ точка отдаленная; наибольшая скорость вращенія точки — на экваторѣ). При такихъ отчаянныхъ сопротивленіяхъ, въ такой «борьбѣ за положеніе въ свѣтѣ» могутъ происходить растрескиванія земной коры. И чѣмъ скорѣе перемѣщаются въ извѣстныя эпохи полюсы, тѣмъ напряженнѣе усилія сопротивленія, тѣмъ вѣроятнѣе большіе и малые катаклизмы земной коры. Отсюда — учащеніе, накопленіе сейсмическихъ явленій въ нѣкоторые годы.

Эдинбургскій астрономъ Гольмъ показалъ своими недавними изслѣдованіями зависимость измѣненій географическихъ широтъ на Земномъ Шарѣ отъ космическихъ вліяній. По мнѣнію этого ученаго, одиннадцатилѣтній періодъ солнечныхъ пятенъ и болѣе длинный періодъ въ пятьдесятъ-шестьдесятъ лѣтъ, существующій, повидимому, для колебаній количества пятенъ и сѣверныхъ сіяній, отражаются въ движеніяхъ земныхъ полюсовъ; такая же періодичность указана Гольмомъ и въ вѣковыхъ измѣненіяхъ наклоненія эклиптики (т. е. угла, образуемаго плоскостями экватора и орбиты Земли). Астрономъ Гринвичской обсерваторіи Тэкерей оспаривалъ эти заключенія, и въ отвѣтъ на возраженія своего коллеги Гольмъ развилъ подробнѣе свои соображенія въ особомъ мемуарѣ, снабдивъ его двумя діаграммами, гдѣ сопоставлены кривыя, представляющія, съ одной стороны, частоту (числа) сѣверныхъ сіяній, магнитныхъ возмущеній и число солнечныхъ пятенъ, а, съ другой, измѣненія широтъ, наклоненія эклиптики и прямыхъ восхожденій Солнца. Сходства этихъ кривыхъ, гдѣ проявляется двойная періодичность, объясняются, по Гольму, дѣйствіемъ Солнца на магнитную ось Земного Шара, которая отстоитъ приблизительно на 12° отъ оси вращенія и несимметрическое положеніе которой можетъ обусловить возмущенія вращательнаго движенія Земли.

Въ заключеніе замѣтимъ, что перемѣщеніе полюса въ теченіе одного года происходитъ на разстояніи 15 — 17 метровъ въ среднемъ. Секунда широты соотвѣтствуетъ разстоянію въ 30 метровъ, а одна сотая секунды широты равняется, слѣдовательно, 30 сантиметрамъ.

Полосы на дискѣ Юпитера.

Блестящій Юпитеръ, гигантская планета нашей солнечной системы, превосходящая нашу Землю въ одиннадцать разъ діаметромъ и въ 1,279 разъ объемомъ, при величинѣ сутокъ (меньше 10 часовъ) вдвое меньшей, чѣмъ наши сутки, всегда интригуетъ астрономовъ пятнистыми полосами на своемъ дискѣ и загадочнымъ «краснымъ пятномъ», которое, по мнѣнію К. Фламмаріона, является просто пловучимъ островомъ, затвердѣвшею коркою на еще жидкой, раскаленной поверхности далекаго отъ насъ міра. Недавно появилась интересная работа Воначека о полосахъ на дискѣ Юпитера. Сопоставивъ многочисленныя наблюденія разныхъ астрономовъ надъ Юпитеромъ за вторую половину прошлаго столѣтія, съ 1856 по 1901 гг., Воначекъ пришелъ къ чрезвычайно интересному результату въ своихъ изслѣдованіяхъ, которыя именно обнаружили періодичность образованія полосъ Юпитера, и эта періодичность въ 11,76 лѣтъ имѣетъ, повидимому, связь съ временемъ обращенія этой планеты вокругъ Солнца (11 лѣтъ 10 мѣсяцевъ 17 дней). Максимумъ пятнистыхъ полосъ предшествуетъ минимуму за 6,9 лѣтъ, тогда какъ наростаніе полосъ до максимума совершается въ 4,9 года. Дальнѣйшее вычисленіе показываетъ, что максимумъ образованія полосъ наступаетъ всегда въ опредѣленное время—именно когда геліоцентрическая долгота (уголъ между точкой весенняго равноденствія и центромъ планеты, при чемъ вершина угла находится въ центрѣ Солнца) Юпитера равняется 339 градусовъ, а минимумъ,—при геліоцентрической долготѣ планеты въ 130 градусовъ. Такимъ образомъ время максимума полосъ почти совпадаетъ съ наибольшею близостью Юпитера къ Солнцу. Наклонъ оси Юпитера къ плоскости его орбиты весьма малъ: уголъ оси съ вертикальною линіею, проходящею черезъ центръ и перпендикулярною къ плоскости орбиты, составляетъ только три градуса, такъ что можно считать эту планету лишенною смѣны временъ года. Вѣчная весна! Большія годовыя колебанія температуры поэтому тамъ совсѣмъ невозможны. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, вышеприведенные результаты изслѣдованій Воначека заставляютъ глубоко, еще больше, призадуматься надъ сущностью физическихъ явленій, совершающихся на поверхности Юпитера и выражающихся такими загадочными зрѣлищами въ полѣ нашихъ телескоповъ.

Digitized by Google

Сокровища Іоанна Орта.

(Изъ современныхъ тайнъ).

Послѣдняя шумная исторія съ принцессой Луизой Саксонской и эрцгерцогомъ Леопольдомъ, происходящими изъ владѣтельнаго Тосканскаго дома, выдвинула снова на очередь загадочную исторію объ исчезнувшемъ дядѣ обоихъ, объ эрцгерцогѣ Іоаннѣ Австрійскомъ, извѣстномъ болѣе подъ именемъ Іоанна Орта, какое принялъ этотъ братъ главы дома, герцога Фердинанда Тосканскаго, когда предпочелъ счастіе частной, семейной жизни шуму и блеску честолюбивыхъ придворныхъ сферъ.

Много толковъ ходило о неисчислимыхъ богатствахъ, принадлежавшихъ безъ вѣсти пропавшему принцу, ставшему простымъ командиромъ корабля. Теперь появились новыя и самыя вѣрныя свѣдѣнія объ этихъ богатствахъ.

Еще въ февралѣ 1887 года служащіе и клерки «Стараго банка» въ Сэнъ-Галлэнѣ, въ Швейцаріи, изъ оконъ могли наблюдать, какъ по тихой Кузнечной улицѣ, на которой много лѣтъ помѣщается банкъ, прохаживался медленно какой-то пожилой, прямой, какъ палка, господинъ, лицо котораго было украшено бакенами, на манеръ Франца-Іосифа.

Со всѣхъ сторонъ обходилъ и оглядывалъ этотъ незнакомецъ зданіе «Стараго банка», названнаго такъ сэнъ-галлэнцами въ отличіе отъ другого, болѣе юнаго «Кантональнаго», окружного банка.

Наконецъ, онъ проникъ по лѣстницѣ въ самое зданіе банка, появился въ кабинетѣ, гдѣ засѣдали директора и, когда дверь за нимъ закрылась, заявилъ:

— Позвольте представиться: полковникъ, баронъ фонъ-Мэнсхэнгенъ. Пріѣхалъ изъ Линца. Имѣю честь состоять оберъ-камергеромъ его королевскаго высочества эрцгерцога Іоанна Австрійскаго. Мой повелитель желалъ бы въ швейцарскомъ банкѣ помѣстить часть своихъ цѣнныхъ бумагъ.

Дѣйствительно, какъ извѣстно, въ 1887 году, именно и распространилась въ Европѣ боязнь возникновенія всеобщей войны.

— Изъ всѣхъ швейцарскихъ банковъ мнѣ именно и указали на вашъ, «Старый Сэнъ-Галлэнскій банкъ»,—закончилъ баронъ Мэнсхэнгенъ свою рѣчь къ заправиламъ банка.

Банкъ, основанный еще въ 1836 году и перевидавшій много видовъ, дѣйствительно, учрежденіе очень солидное, и директоровъ нисколько не удивило появленіе и слова камергера.

Получивъ всѣ подробныя свѣдѣнія на счетъ условій, на которыхъ можно помѣстить здѣсь цѣнныя бумаги, оберъ-камергеръ уѣхалъ и вернулся лишь 27-го февраля того же года, и отъ имени своего довѣрителя помѣстилъ здѣсь груду цѣнныхъ бумагъ на огромную сумму. Преимущественно это были 5-процентные земельные закладные листы Буковинскаго комитета, государственная рента Галиціи, Венгріи, Сербіи, италіанскія, гарантированныя желѣзно-дорожныя акціи, банковскія акціи и облигаціи солиднѣйшихъ предпріятій.

Всѣмъ казалась странной поспѣшность, съ которой эрцгерцогъ приказалъ замѣнить всѣ австрійскія цѣнности италіанскими.

Ужъ и тогда поговаривали, что между Іоанномъ и Вѣнскимъ Дворомъ не все обстоитъ благополучно.

Digitized by Google

Дѣйствительно, недолго спустя Іоаннъ былъ отозванъ изъ Линца, гдѣ числился командующимъ войсками.

Въ мартѣ 1888 года часть положенныхъ сокровищъ была взята владѣльцемъ изъ кладовыхъ банка.

Въ 1889 году, 1-го сентября эрцгерцогъ извѣстилъ банкъ, что присланная ему выписка изъ счета его капитала вполнѣ вѣрна, и прислалъ въ банкъ главную квитанцію, въ которой надо было вписать всѣ выдачи, произведенныя изъ первоначальной суммы вклада.

Затѣмъ эта квитанція была ему выслана обратно въ его замокъ Ортъ, на Траунзэе, въ Верхней Австріи. Послѣ извѣстія о разразившемся тогда въ Италіи, страшномъ финансовомъ кризисѣ, эрцгерцогъ сдѣлалъ запросъ о прочности, особенно, Всеобщаго банка города Рима и земельнаго кредита въ Миланѣ и тутъ же просилъ по чести, не гласно, сообщить: не было ли произведено съ чьей-либо стороны попытокъ вызнать положеніе счетовъ принца, или получить какія-либо указанія?.. Затѣмъ прибавилъ, что проситъ, въ случаѣ всякихъ подобныхъ попытокъ, отвѣчать прямымъ и рѣшительнымъ отказомъ, внушивъ то же самое и всѣмъ низшимъ служащимъ, могущимъ знать что-либо изъ тайнъ кассы банка.

Но, какъ оказалось, никогда и ни съ чьей стороны такихъ попытокъ не было произведено.

И, все-таки, ясно, что Іоаннъ опасался чего-либо подобнаго, если даже продиктовалъ, какъ надо отвѣчать на всѣ попытки и развѣдыванье.

Затѣмъ, 24-го января 1889 года эрцгерцогомъ была выдана полная довѣренность на веденіе всѣхъ дѣлъ нѣкоему придворному и практикующему юристу, адвокату изъ старой дворянской фамиліи, доктору юриспруденціи, Францу фонъ-Габерлеру, который явился полномочнымъ представителемъ Іоанна. Онъ получилъ по этой довѣренности право вести всѣ денежныя дѣла эрцгерцога, получать и выдавать всякія суммы за своей личной отвѣтственностью.

Въ томъ же году эрцгерцогъ Іоаннъ отказался отъ права, принадлежащаго ему по рожденію, на всѣ почести и преимущества, присущія члену королевскаго дома, и принялъ имя гражданина Іоанна Орта.

Австрійскій императоръ, какъ глава династіи, утвердилъ и отреченіе эрцгерцога отъ своихъ правъ и его новое имя Іоанна Орта. Затѣмъ послѣдовало оглашеніе отъ обергофмаршальской части Вѣнскаго Двора, въ томъ смыслѣ, что всякое частное имущество, раньше принадлежавшее эрцгерцогу Іоанну, и теперь переходитъ къ нему, когда онъ является въ качествѣ простого гражданина Іоанна Орта, которому, такимъ образомъ, присвоивались всѣ личныя и имущественныя права бывшаго эрцгерцога австрійскаго.

И вотъ, 9-го января 1890 года тотъ же фонъ-Габерлеръ въ городѣ Бирштайнѣ получаетъ отъ новаго гражданина, Іоанна Орта, довѣренность, еще болѣе полную, чѣмъ была первая, выданная ему эрцгерцогомъ австрійскимъ.

Въ томъ же году Іоаннъ Ортъ пріобрѣлъ новое судно—«Санта-Маргарета», на деньги, взятыя изъ тѣхъ, которыя хранились въ сенъ-галлэнскомъ банкѣ,—и застраховалъ судно не въ одной даже, а въ нѣсколькихъ страховыхъ компаніяхъ, всего въ 14-ти, на сумму въ 230.000 марокъ (около 120.000 рублей).

Судно было нагружено. Іоаннъ Ортъ сѣлъ на него со своей молодой женой, и 11-го іюня 1890 года, при попутномъ вѣтрѣ, оно подняло паруса, направляясь на Лаплату и Вальпарайзо.

Но достичь этого пункта, этой цѣли своего путешествія судну было не суждено.

Было очевидно, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, Іоаннъ Ортъ съ молодой своей женой, со всѣмъ экипажемъ и своимъ бригомъ, пошелъ ко дну во время сильной бури, такъ какъ вѣстей больше о нихъ не было ни откуда ни малѣйшихъ. И все-таки, то тамъ, то здѣсь, по словамъ разныхъ людей, видѣли эту парочку, которая предпочла личное счастіе будущему трону.

Замѣчательно также, что Іоаннъ Ортъ, если онъ только оставался въ живыхъ, ни разу не обращался въ Сэнъ-Галлэнскій банкъ за деньгами. Та сумма, которую онъ бралъ на покупку судна, очень скоро была возмѣщена процентами, наросшими на несмѣтный, здѣсь хранимый капиталъ.

При всемъ уваженіи къ высокому развитію, образованію и громадной практической сметкѣ, которую проявлялъ принцъ на службѣ своей въ качествѣ австрійскаго генерала,—все-таки невозможно никакъ предположить, чтобы тотъ въ короткое время своими трудами, въ качествѣ землевладѣльца или купца, — могъ скопить состояніе не настолько колоссальное, что ужъ и думать не захотѣлъ о милліонахъ, оставленныхъ въ Швейцаріи, кинулъ бы на произволъ судьбы богатство, доставшееся ему легко, отъ родныхъ, и не воспользовался имъ.

Именно такое пренебреженіе къ громадному богатству могло послужить лучшимъ доказательствомъ непрактичности новаго дѣльца изъ принцевъ крови.

Наконецъ, онъ всегда необыкновенно подробно, точно и ясно справлялся раньше о состояніи своихъ счетовъ въ банкѣ, лично провѣрялъ выписки изъ текущаго счета и даже слегка поставилъ

Digitized by Google

правленію на видъ одну кажущуюся ошибку. Когда же ему было объяснено, что ошибки нѣтъ, Іоаннъ съ деликатностью истаго барина взялъ упрекъ назадъ, загладивъ его рядомъ извиненій.

Онъ бы не кинулъ своего состоянія на произволъ судьбы, если бы оставался живъ. Да и къ чему?

Ни малѣйшаго запрета или какого-либо осложненія не было сопряжено съ обладаніемъ милліоновъ Іоанна Орта.

И только при особомъ, очень сильномъ самовнушеніи можно было допускать мысль, что Іоаннъ Ортъ живъ и только скрывается гдѣ-то по причинамъ, никому непонятнымъ и даже несуществующимъ.

Согласно извѣщенію австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ, объявленному отъ 1-го марта 1894 года и подтвержденному швейцарскимъ посольствомъ въ Вѣнѣ, отъ 19-го октября 1896 года, «объявленіе о смерти Іоанна Орта и признаніе его несуществующимъ, въ силу статьи 2-й, пар. 211 основного австрійскаго гражданскаго кодекса, можетъ быть совершено только по истеченіи 30-лѣтняго срока со дня исчезновенія безъ вѣсти помянутаго лица».

Начиная съ 1891 года, всѣ выписки изъ текущаго счета банкъ посылалъ уполномоченному Іоанна, фонъ-Габерлеру, въ Вѣну, выдавая и небольшія суммы денегъ на выплату, напримѣръ, пенсій бывшимъ слугамъ принца и на законные расходы по управленію капиталами.

Въ 1894 году фонъ-Габерлеръ переслалъ банку письмо отъ 24-го января, подписанное именемъ «Фердинанда Тосканскаго», старшаго брата Іоанна.

Выказывая заботу, опасеніе по поводу неопредѣленнаго положенія «своего брата Іоанна», герцогъ касается оглашенія Орта «безъ вѣсти пропавшимъ и подтверждаетъ фонъ-Габерлеру обязанность и права послѣдняго: охранять интересы Орта, согласно данной адвокату въ 1890 году довѣренности.

«Въ силу вашей довѣренности, не только слѣдуетъ получить съ страховыхъ обществъ деньги, если «Санта-Маргарета» окажется безъ вѣсти пропавшей, но надлежитъ ихъ внести въ тѣ банки, гдѣ хранится все состояніе Іоанна, и заботиться о правильномъ веденіи дѣлъ и объ охранѣ всего имущества. Вамъ, кромѣ того, надлежитъ принять на себя управленіе землями брата въ Гмунденѣ, его дворцомъ и приморскимъ замкомъ, требовать отчеты отъ всѣхъ служащихъ у брата, въ его владѣніяхъ, и по совѣсти и закону оберегать состояніе въ интересахъ наслѣдниковъ Іоанна, настоящихъ и будущихъ, къ тому времени, когда законъ признаетъ, что состояніе его должно перейти къ его близкимъ.

«Извѣщаю васъ объ этомъ, какъ глава нашей семьи, старѣйшій въ родѣ, на случай, если бы съ чьей-либо стороны явились сомнѣнія въ вашихъ полномочіяхъ, предоставленныхъ вамъ братомъ Іоанномъ. Это наше письмо можете показать, какъ подтвержденіе вашихъ правъ на управленіе и распоряженіе имуществомъ брата Іоанна».

Фердинандъ».

8-го іюня 1892 года фонъ-Габерлеръ, въ качествѣ уполномоченнаго Іоанна Орта, исхлопоталъ отъ земскаго суда въ Гамбургѣ приговоръ, согласно коему 14 страховыхъ обществъ должны были выплатить ему 230.000 марокъ за утонувшій бригъ «Санта-Маргарета».

Этотъ приговоръ 24-го января 1893 года былъ во всѣхъ частяхъ утвержденъ высшимъ ганзейскимъ судомъ въ Гамбургѣ.

Но, по кассаціонному отзыву отвѣтчиковъ, 28-го іюня того же года этотъ приговоръ былъ отмѣненъ общеимперскимъ государственнымъ трибуналомъ, при чемъ, все-таки, было постановлено очень важное рѣшеніе, а именно: что довѣренность, выданная 9-го января 1890 г. въ Бирштайнѣ Іоанномъ Ортомъ фонъ-Габерлеру, признана во всей ея силѣ и за адвокатомъ утверждено право распоряжаться всѣми наличными капиталами Іоанна Орта и вести или ликвидировать всѣ его счеты и дѣла.

На основаніи своей довѣренности, скрѣпленной признаніемъ высшаго суда, фонъ-Габерлеръ въ теченіе лѣта 1896 г. взялъ изъ Фрейбургскаго общиннаго банка, что въ городѣ Фрейбургѣ, всѣ находившіяся тамъ на храненіи деньги Іоанна Орта.

Но когда онъ предъявилъ такое же требованіе и къ Сэнъ-Галлэнскому банку, желаніе юриста получить деньги было отклонено.

Банкъ полагалъ, наравнѣ съ правленіями страховыхъ обществъ, что спокойнѣе будетъ, если дѣло пройдетъ всѣ инстанціи и получитъ самую широкую огласку и санкцію суда. Если придется выдать милліоны по рѣшенію высшаго трибунала, банкъ будетъ совершенно обезпеченъ отъ всякихъ послѣдующихъ претензій и требованій владѣльца вклада, если бы, противъ ожиданій, онъ воскресъ изъ мертвыхъ и явился на сцену снова.

Имѣя передъ глазами примѣръ страховыхъ обществъ, поступавшихъ точно такъ же, банкъ былъ спокоенъ за свой образъ дѣйствій.

По соглашенію съ банкомъ, фонъ-Габерлеръ, обходя первую инстанцію — мѣстный окружный судъ въ городѣ Сэнъ-Галлэнѣ — обратился прямо въ высшій кантональный судъ, чтобы затѣмъ перейти въ швейцарскій союзный высшій трибуналъ, засѣдающій въ Лозаннѣ.

10-го сентября фонъ-Габерлеръ подалъ свое ходатайство о присужденіи банка въ

Digitized by Google

Сэнъ-Галлэнѣ къ выдачѣ ему вклада Іоанна Орта, на основаніи существующей полной законной и неоспоримой довѣренности вкладчика.

Изъ основаній, какими фонъ-Габерлеръ подкрѣплялъ свой искъ, приведемъ слѣдующія:

а) смерть довѣрителя, Іоанна Орта, никѣмъ и нигдѣ еще не доказана.

б) если бы даже и появилось гдѣ простое извѣщеніе о смерти довѣрителя,—оно не можетъ служить законнымъ доказательствомъ, или замѣнить таковое.

в) въ данномъ случаѣ—примѣнимо отечественное, то есть, австрійское законоположеніе и никакое иное;

г) по австрійскому законодательству существуетъ, во-первыхъ,—предположеніе и смерти субъекта, за которымъ уже слѣдуетъ признаніе его мертвымъ. И только со дня послѣдняго признанія считается день смерти праводержателя, когда это признаніе человѣка умершимъ войдетъ въ законную силу, по истеченіи извѣстныхъ сроковъ.

д) подобнаго, закономѣрнаго признанія мертвымъ Іоанна Орта не послѣдовало.

Затѣмъ слѣдовала просьба о присужденіи банка къ погашенію своихъ обязательствъ и къ выдачѣ денегъ довѣрителя фонъ-Габерлера послѣднему, на основаніи законной довѣренности.

Хотя въ этой инстанціи процессъ былъ начатъ лишь для соблюденія порядка, но оба представителя заинтересованныхъ сторонъ, банковскій и отъ фонъ-Габерлера присутствовали на разборѣ и помогали выясненію разныхъ юридическихъ тонкостей даннаго запутаннаго случая.

Отклоняя искъ, адвокатъ банка, докторъ юриспруденціи А. Гофманъ, заявилъ, что:

1) суду не представлено достаточно удостовѣренной подписи Орта и довѣренности, какая давала бы право Габерлеру вчинать искъ. И то, и другое въ свое время было ужъ оспариваемо.

2) Представленная довѣренность, особенно принимая во вниманіе собственноручное письмо І. Орта отъ 1-го сентября 1889 г., не содержитъ въ себѣ особаго указанія или полномочія на возвратъ вклада, противъ чего самъ вкладчикъ всегда возставалъ.

3) Кромѣ того, въ настоящее время, когда стало точнымъ образомъ извѣстно и установлено юридически безвѣстное отсутствіе довѣрителя, І. Орта, данная довѣренность теряетъ всякое значеніе и силу, ибо права безъ вѣсти пропавшаго лица воспринимаетъ не тотъ, кто раньше получилъ его довѣренность еще при жизни, а новое, закономъ утвержденное лицо, kurator absentis, «попечитель отсутствующаго», какимъ Габерлеръ не состоитъ. Затѣмъ, было поставлено требованіе, чтобы судъ установилъ: при какихъ условіяхъ можетъ совершиться выдача вклада обратно?

Кантональный судъ всецѣло принялъ сторону фонъ-Габерлера, истца, въ то же время отклонивъ сомнѣніе отвѣтчика въ подлинности или силѣ довѣренности.

По поводу самаго, безъ вѣсти пропавшаго принца судъ высказался такъ:

«Весьма возможно, что Іоаннъ Ортъ и на самомъ дѣлѣ теперь мертвъ, какъ можно судить по всѣмъ обстоятельствамъ, но смерть его фактически не доказана. Посему и нельзя признать его смерть за совершившійся фактъ по закону.

Въ законѣ ясно указаны условія, соблюденіе которыхъ необходимо раньше, чѣмъ объявить какое-либо лицо мертвымъ безъ докторскаго свидѣтельства и указанія очевидцевъ, а именно:

Десятилѣтнее отсутствіе безъ вѣсти, если пропавшему было уже 70 лѣтъ, и 30 лѣтнее отсутствіе, если онъ былъ моложе 50. Или если будетъ доказано, что его кто-либо видѣлъ на борту корабля, подвергавшагося очевидной гибели, и такой человѣкъ не явится нигдѣ, въ теченіе трехъ лѣтъ не дастъ о себѣ вѣстей, исчезнетъ безслѣдно».

За отсутствіемъ всѣхъ такихъ обстоятельствъ, слѣдуетъ признать, что Іоаннъ Ортъ по закону считается живымъ, а слѣдовательно, и его довѣренность, выданная, 9-го января 1890 года, вполнѣ дѣйствительна, и истецъ, Габерлеръ, въ правѣ, согласно полномочію, взять вкладъ изъ банка въ Сэнъ-Галлэнѣ. О погашеніи таковой довѣренности за смертью довѣрителя и рѣчи быть не можетъ.

Союзный трибуналъ призналъ во всей силѣ помянутый приговоръ кантональнаго суда и, по требованію фонъ-Габерлера, всѣ милліоны Іоанна Орта были изъ Сэнъ-Галлэнскаго банка переведены въ частный Королевско-Имперскій Австрійскій кредитный, торгово-промышленный банкъ.

Какъ потомъ съ ними распорядился глава Тосканскаго Дома, герцогъ Фердинандъ,—не извѣстно. Но по всѣмъ вѣдомостямъ, деньги хранятся еще тамъ цѣликомъ и не подѣлены между членами династіи.

Между тѣмъ, то здѣсь, то тамъ въ разныхъ городахъ Южной Америки, а недавно даже и въ Алжирѣ подымаются толки о томъ, что видѣли Іоанна Орта съ его молодой женою. Это служитъ лишь доказательствомъ того, какъ упрямо держится толпа разъ принятаго ею убѣжденія, хотя бы и ошибочнаго:

Спрашивается, по какимъ основаніямъ долженъ былъ бы принцъ такъ тщательно скрываться и даже разыграть комедію гибели своей и своей жены и всего своего экипажа?

Какія опасности грозили ему, если бы онъ вздумалъ поселиться гдѣ-либо и открыто проживать свои несмѣтные доходы?

Digitized by Google

Наконецъ, принявъ подданство въ той же Швейцаріи или Америкѣ,—онъ могъ обезопасить себя совершенно отъ всякихъ происковъ Австрійскаго Двора, не говоря уже о томъ, что этихъ происковъ быть не могло. Императоръ Францъ-Іосифъ неподдѣльно сокрушался, узнавъ о предполагаемой гибели «Санты-Маргареты»...

Затѣмъ, гораздо меньше было бы толковъ объ этомъ несчастномъ эрцгерцогѣ, если бы онъ былъ живъ, здоровъ и занялся гдѣ-нибудь въ Америкѣ торговлей кофе въ крупныхъ размѣрахъ, чѣмъ теперь, когда подозрѣваютъ, что онъ утонулъ, или былъ утопленъ... И это Вѣнскій Дворъ прекрасно понималъ всегда.

Какія могли быть у Орта причины добровольно разыграть нелѣпую комедію гибели своей? Никакихъ!

Судя по всѣмъ его поступкамъ въ теченіе цѣлой жизни, это была прямая, открытая душа, и онъ не способенъ былъ ни на что подобное. Наконецъ, если бы даже такъ и случилось? Гдѣ онъ теперь живетъ? Чѣмъ живетъ? Или еще задолго до катастрофы удалось ему незамѣтно перевести въ американскіе банки европейскія цѣнности и замѣнить ихъ мѣстными «Bonds»?

Еще послѣднее: съ нимъ безъ вѣсти пропалъ цѣлый многочисленный экипажъ, матросы его брига. И отъ нихъ тоже ни друзья, ни знакомые, ни родные не получали ни единой вѣсточки за столько лѣтъ.

А если бы кто изъ нихъ оставался въ живыхъ, не могло бы такъ случиться.

Словомъ, надо признать, что толки о безъ вѣсти пропавшемъ, но живомъ принцѣ Іоаннѣ Ортѣ—простая легенда, красивая сказка, поддерживаемая легковѣрной толпой—и больше ничего!

Digitized by Google

EX LIBRIS.

Книга о Китаѣ.

(Китай. Его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Составилъ Э. Паркеръ. Перевелъ съ англійскаго 2-го изданія Генеральнаго штаба полковникъ Грулевъ. Съ 6 картами. Спб. 1903. 8⁰ Стр. XXIV + 569.

Возникшій уже давно, академическій вопросъ объ обитаемости планетъ, вѣроятно, будетъ долго еще оставаться въ первобытной, зачаточной стадіи своего существованія, встрѣчая вообще непроглядную тучу индифферентизма, рѣшительный отпоръ большинства и крайне малочисленную партію сторонниковъ въ мірѣ ученыхъ. Но что ужъ говорить объ этихъ жителяхъ Луны, Марса и т. д., которые изрѣдка появляются въ романахъ,—если у насъ подъ бокомъ живетъ цѣлыя тысячелѣтія колоссальный народъ-сфинксъ съ своеобразною древнѣйшею культурою, — поистинѣ можно сказать, загадочный народъ, о которомъ до послѣдняго времени разсказывалось не мало сказокъ. Да знаемъ ли мы его и теперь? Предпріимчивый западный европеецъ, если и не успѣлъ раскусить его, то, во всякомъ случаѣ, прогрызъ кое-гдѣ скорлупу и попробовалъ со всѣхъ сторонъ твердость ядра, а мы, русскіе, по благодушію добрыхъ сосѣдей, и до этого не дошли, хотя этотъ орѣхъ и больно ударилъ насъ недавно. А вѣдь на протяженіи девяти тысячъ верстъ границы мы стоимъ лицомъ къ лицу съ этимъ многомилліоннымъ народомъ-сфинксомъ. И вѣдь мы даже построили тамъ выдающуюся по культурному значенію, длиннѣйшую желѣзнодорожную магистраль! А вѣдь тамъ изъ-за «стѣнъ недвижнаго Китая» глядитъ на насъ грандіозная панорама будущаго величія Россіи, владѣющей берегами теплаго моря съ незамерзающими гаванями, со свободною торговлею въ далекихъ краяхъ, не стѣсняемою крючкотворствомъ и подвохами завистливыхъ сосѣдей. Заманчивая мечта! Китай! Какое это старое русское слово, а вмѣстѣ съ тѣмъ сколько новизны въ немъ! Наши политическіе и финансовые интересы выдвинули въ послѣднее время на очередь изученіе того глубокаго вопроса, какой скрывается въ этомъ старомъ популярномъ словѣ «Китай». Вниманіе общества къ такому вопросу оживилось и даже обострилось, особенно обострилось лѣтомъ 1900 года, въ эпоху, такъ называемаго, возстанія боксеровъ. Эта потребность русской публики въ ознакомленіи съ загадочною страною желтолицыхъ сосѣдей удовлетворялась газетными статьями, но, конечно, сосредоточиваясь на злобахъ дня и ближайшихъ къ нимъ темахъ, такія статьи не могли дать много сравнительно съ запросами. Между тѣмъ труды нашихъ географовъ, отличаясь спеціальнымъ характеромъ, остаются малодоступными для широкой публики. Поэтому, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, приходится обращаться за помощью къ иностранцамъ, къ такимъ,

Digitized by Google

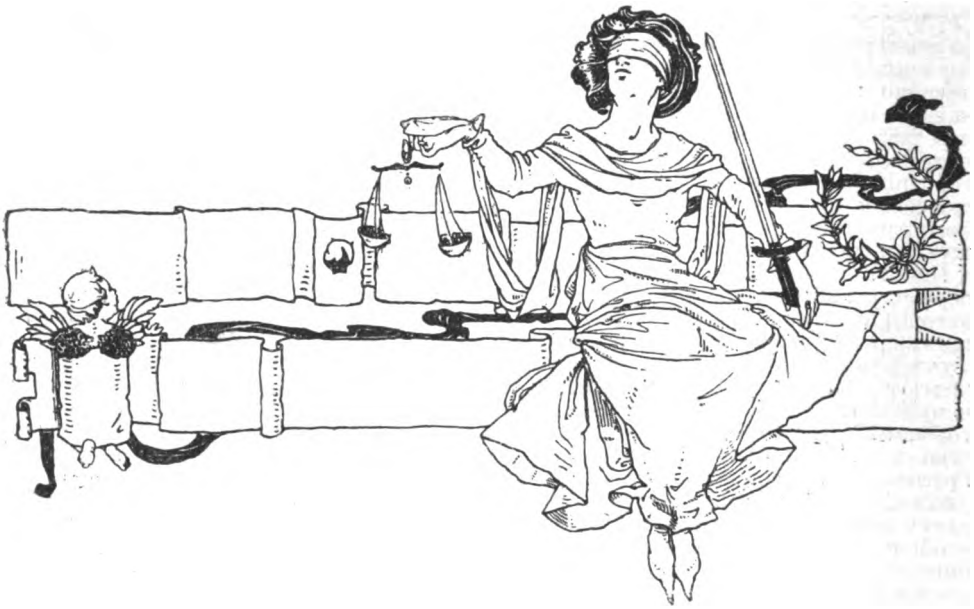
напримѣръ, географамъ по натурѣ, какъ «просвѣщенные мореплаватели», и вотъ недавно появился переводъ составленнаго Э. Паркеромъ описанія Китая. Ужъ что̀ тамъ ни говорите и какъ ихъ ни браните, а «просвѣщенные мореплаватели-торгаши» — народъ въ этомъ отношеніи любезный и предупредительный: и сами посмотрятъ, и другимъ толково разскажутъ, и другихъ научить могутъ.

Передъ нами лежитъ недавно изданный переводъ книги Э. Паркера: «Китай. Его исторія, политика и торговля съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней». Переводъ этотъ исполненъ съ очевиднымъ пониманіемъ дѣла и съ глубокимъ интересомъ къ нему дѣйствительнымъ членомъ Императорскаго Русскаго Географическаго общества полковникомъ Генеральнаго штаба Грулевымъ. Уже съ первой страницы предисловіемъ переводчика книга приковываетъ ваше вниманіе. А вѣдь, что̀ такое—вообще предисловія и какъ вообще они пишутся?! И въ этихъ строкахъ—предисловія, рельефно обрисовывающихъ поразительную политическую стойкость дряхлаго Китая, отчетливо выразился интересъ переводчика къ предпринятому труду. «Было бы ошибочно думать»,—говоритъ г. Грулевъ,—«что послѣ событій послѣднихъ лѣтъ Китайская имперія продолжаетъ существовать, только благодаря соперничеству европейскихъ державъ, которыя въ любое время могутъ подѣлить между собою Китай, какъ это даже и предлагалось многими. Подѣлить могутъ; но затѣмъ остается еще главное—поглотить и претворить въ себѣ эти куски...» А какъ «претворяются» эти куски въ чужеземныхъ желудкахъ, достаточно ясно показываетъ исторія Китая, гдѣ не смотря на всѣ войны, возстанія, захваты, «все осталось по-прежнему на своихъ мѣстахъ», и гдѣ «засорившаяся вѣками, одряхлѣвшая и, повидимому, расшатанная машина государственнаго устройства, все еще таитъ въ себѣ достаточно энергіи, чтобы противостоять безпрерывнымъ возстаніямъ и народнымъ движеніямъ»...

Извѣстный знатокъ Китая, бывшій королевскій консулъ въ Цзюнъ-Чжоу, теперь профессоръ китайскаго языка въ Ливерпульскомъ университетѣ, Э. Паркеръ составилъ большую часть своей книги по китайскимъ источникамъ и на основаніи хорошаго личнаго знакомства съ Китаемъ, достаточно оправдываемаго его 25-ти-лѣтнею жизнью въ различныхъ портахъ Небесной имперіи, многочисленными поѣздками внутрь страны. Географическая часть этой книги пріобрѣтаетъ всю желательную полноту и тщательность прибавленіемъ шести ясно составленныхъ картъ, точно такъ же, какъ и историческій очеркъ снабженъ многими династическими таблицами. Древняя и современная торговля, внѣшняя и внутренняя жизнь Китая, роковая страница въ исторіи страны—появленіе европейцевъ, финансы и войско, религія и наука, народонаселеніе и бытъ его, и т. д.—все это представлено съ возможною ясностью, чуждою сухости и болтовни. Это—книга для серіознаго чтенія, такъ сказать, «дѣловая» книга, пригодная для надежныхъ справокъ, но, во всякомъ случаѣ, не скучная книга. Хотя эту книгу написалъ и англичанинъ, но для насъ, непосредственныхъ сосѣдей Небесной имперіи, она представляетъ чрезвычайно живой интересъ. Достаточно сказать, что между тѣмъ, какъ мы въ самое недавнее сравнительно время начали знакомиться съ исторіей Китая, древнія китайскія лѣтописи уже повѣствовали давно о присоединеніи Новгорода (1465—1469 г.г.) и упоминали о Ки-ю, нашемъ Кіевѣ. Тамъ, по ту сторону «китайскихъ стѣнъ», оказывается, сосѣдями интересовались больше, чѣмъ у насъ,—примѣръ, достойный подражанія.

Книга Э. Паркера въ самое короткое время выдержала въ Англіи два изданія—тоже достойный пожеланія и для русскаго перевода примѣръ.

Digitized by Google



ИЗЪ ЛѢТОПИСИ ПРЕСТУПЛЕНІЙ И СУДЕБНЫХЪ ДРАМЪ.

Злодѣйское дѣло.—Кровавая драма изъ ревности.—Убійство мужемъ жены.—Мошенничество нѣмецкаго чиновника.—Нѣмецкое «дѣло Эмберъ».—Процессъ о безчестной издательской конкуренціи.

Всякія преступленія тяжело дѣйствуютъ на душу, но всего больнѣе тѣ, жертвою которыхъ являются дѣти. Какая, казалось бы, чудовищная вещь обидѣть безпомощнаго маленькаго ребенка! И вотъ, однако, обида наносится, а чтобы устранить возможность открытія, несчастная маленькая устраняется: ее лишаютъ жизни. И какъ часто, почти всегда эта звѣрская предосторожность излишня. Злодѣйское дѣло обнаруживается, и преступникъ открывается.

Въ Бельгіи въ первыхъ числахъ декабря 1902 г. разбиралось подобное злодѣйское дѣло, совершенное хотя въ Парижѣ, но бельгійцемъ, котораго и судилъ уголовный судъ его родной страны и присудилъ къ пожизненной каторгѣ. Вотъ въ краткихъ словахъ сущность этого ужаснаго дѣла. Въ воскресенье 2-го марта (н. с.) 1902 года въ восемь часовъ утра маленькая дѣвочка семи съ половиною лѣтъ отъ роду, по фамиліи Шезъ, отправилась, какъ она это ежедневно дѣлала, въ колбасную лавку въ улицѣ Данремонъ, въ Парижѣ. Минутъ черезъ двадцать или около того, мать ея, видя, что она не возвращается, обезпокоилась и, въ свою очередь, пошла въ колбасную. Тамъ ей сказали, что дочь ея приходила, но уже ушла. Когда мать вернулась домой, то ребенокъ еще не возвращался. Тогда родители дѣвочки, Анжели Шезъ, принялись искать ее и дали знать объ ея исчезновеніи полиціи. Все воскресенье и весь понедѣльникъ обыскивали весь кварталъ, но напрасно. Въ понедѣльникъ вечеромъ около 10 часовъ нѣкая г-жа Женевотти, жившая въ улицѣ Соль, увидѣла субъекта, несшаго на плечахъ большой тюкъ. Этотъ человѣкъ остановился у одной двери, сложилъ тюкъ и ушелъ. Въ этомъ тюкѣ заключалось мертвое тѣло дѣвочки Шезъ. Дѣвочка была согнута и обвязана веревками, но еще дышала, однако. Всѣ попытки врачей вернуть ее къ жизни не удались. Дитя было задушено.

Подозрѣніе пало на нѣкоего Дюкока. Этотъ человѣкъ уже подвергался разъ уголовному преслѣдованію за безнравственные поступки, но отпущенъ на всѣ четыре стороны за недостаткомъ доказательствъ. Когда Анжель пропала, онъ жилъ въ улицѣ Коленкуръ и одинъ. Нѣкая г-жа Могуа видѣла, какъ онъ вернулся къ себѣ въ воскресенье вечеромъ съ маленькой дѣвочкой, которую старался прикрыть своимъ пальто. Позднѣе она видѣла, какъ онъ вышелъ изъ дому и вернулся вскорѣ затѣмъ, неся пакетъ съ сладкими пирожками. На другой день Дюкокъ обрѣзалъ на дворѣ веревки, на которыхъ развѣшивала мокрое бѣлье одна сосѣдка, г-жа Тироне. Эта веревка, со-

Digitized by Google

всѣмъ особой фабрикаціи, была какъ разъ та самая, которою былъ связанъ трупикъ дѣвочки.

По этому дѣлу вызвано сорокъ пять свидѣтелей, почти всѣ парижане.

Засѣданіе открыто въ половинѣ десятаго. Вводятъ подсудимаго. Онъ входитъ увѣренно и оглядываетъ всѣхъ присутствующихъ своими черными и проницательными глазами. Это молодой человѣкъ, лѣтъ 32-хъ, хорошо сложенный и съ лица скорѣе симпатичный. Онъ отвѣчаетъ твердымъ голосомъ на первые вопросы. Онъ лошадиный барышникъ и родился въ Брюсселѣ. Во время переклички присяжныхъ засѣдателей и свидѣтелей, онъ что-то отмѣчаетъ въ записной книжкѣ и смотритъ на прибывшихъ изъ Парижа лицъ, какъ на добрыхъ знакомыхъ. Начинается допросъ.

Предсѣдатель.—Вы бельгіецъ родомъ и не забыли объ этомъ, такъ какъ пожелали, чтобы васъ судило бельгійское правосудіе? О.—Я очень хорошо зналъ, что я бельгіецъ. Я воспитывался въ Парижѣ. В. — Но вы не выполнили обязанностей гражданина, вы не служили въ военной службѣ? О.—У меня на рукахъ были тогда дѣти: двое признанныхъ мною дѣтей. В.—Это не доказано. Вы не заботились о нихъ? О.—Нѣтъ, заботился, въ денежномъ отношеніи, на сколько мнѣ позволяло мое положеніе. В.—Вы жили въ Лиллѣ и въ Рубе съ женщиной дурныхъ нравовъ? О.—Это невѣрно. В.—Но въ Парижѣ вы жили на счетъ дурного поведенія этой женщины. Она вамъ отдавала деньги, которыя добывала развратомъ? О.—Я можетъ быть жилъ, какъ сутенеръ, но я имъ никогда не былъ. В.—У этой женщины были пріятели, которые промышляли кражами въ Парижѣ, убѣжали вмѣстѣ съ нею въ Бельгію, и изъ Брюсселя она посылала вамъ деньги? О. — Я получалъ деньги, но не зналъ, откуда онѣ брались. В. — Одна изъ вашихъ сосѣдокъ, г-жа Могуа, видѣла, какъ вы входили 2-го марта съ маленькой дѣвочкой въ темномъ платьѣ съ капюшономъ. О. — Это невѣрно. Не знаю, что это значитъ, но никакого ребенка я съ собою не приводилъ. В. — Вы прятали дѣвочку подъ пальто, которое держали надъ нею раскрытымъ. Собака г-жи Могуа бросилась на васъ съ лаемъ. Дѣвочка въ испугѣ отскочила, а вы ей сказали: — Иди же! О. — Все это ложь. В.—Но какой интересъ можетъ заставить г-жу Могуа разсказывать это? О.—Я не знаю. Она забрала себѣ въ голову это и разсказываетъ. Какъ могъ бы я держать ребенка у себя: моя комната отдѣлена отъ комнаты сосѣда тонкой перегородкой. В.—Вы срѣзали веревки на дворѣ? О.—Но не 2-го марта, нѣтъ! Я отрѣзалъ разъ веревку, чтобы привязать ею собаку, которую я хотѣлъ отвести на рынокъ, чтобы тамъ продать. В.—Почему вы сбѣжали изъ Парижа? О.—Я совершилъ кражу въ 1899 г. Я былъ приговоренъ къ десяти годамъ тюремнаго заключенія въ 1900 г. Я хотѣлъ скрыться отъ розысковъ полиціи, которая намѣревалась преслѣдовать меня за кражу, совершенную женщиной, съ которой я жилъ. В. — Гдѣ вы узнали объ убійствѣ маленькой Шезъ? О. — Въ Рубе. Я видѣлъ, что печатаютъ имя похожее на мое, но никакъ не думалъ, что меня подозрѣваютъ.

Послѣ того подсудимый даетъ объясненія на счетъ покушенія на особу другой дѣвочки, малютки Бераръ, изъ-за которой его безпокоила полиція, но онъ былъ освобожденъ по недостатку уликъ. Онъ также невиновенъ и въ этомъ преступленіи.

Послѣ перерыва засѣданія на полтора часа, начинается допросъ свидѣтелей. Первымъ допрашивается врачъ Соке изъ Парижа. Первая половина его показаній происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. По возобновленіи публичнаго засѣданія, свидѣтель говоритъ, что маленькая Шезъ могла пробыть съ завязаннымъ ртомъ довольно долгое время, такъ, что ей нельзя было кричать. Въ комнатѣ, гдѣ пребывала сосѣдка, донесшая на Дюкока, слышенъ былъ разговоръ даже шепотомъ, который велся у Дюкока. Натурально, невозможно было оставить маленькую Шезъ въ живыхъ въ продолженіе двухъ дней ея заточенія, безъ того, чтобы ребенокъ не сталъ звать на помощь.

Послѣ этого выслушивается показаніе отца маленькой жертвы.

Теодоръ Шезъ, 38 лѣтъ, служащій въ банкѣ, пересказываетъ о своей тревогѣ и тревогѣ его жены, когда исчезла дѣвочка. Показанія свидѣтелей ничего не представляютъ особеннаго по части подробностей, но производятъ сильное впечатлѣніе горестными чувствами бѣднаго отца. Свидѣтель Пельтье, нашедшій тюкъ, въ которомъ лежалъ еще теплый трупикъ, разсказываетъ, какъ старались, но тщетно, оживить дѣвочку. Г-жа Могуа занимаетъ комнату рядомъ съ комнатой Дюкока. 2-го марта она видѣла, какъ вошелъ подсудимый въ сопровожденіи дѣвочки, которую онъ пряталъ подъ польто, раскрывъ его спереди. Собака бросилась на дѣвочку. Дюкокъ сказалъ:— Входи же! Маленькая дочка m-me Могуа закричала:—Вотъ m-er Гекторъ съ маленькой дѣвочкой.

M-me Могуа отчетливо видѣла, что малютка Шезъ была одѣта въ темно-коричневый плащъ, который находится въ числѣ поличнаго. Позже она видѣла, какъ Дюкокъ обрѣзывалъ веревку на дворѣ. M-me Могуа сообщаетъ о томъ, какъ провела день, въ который было совершено преступленіе, и оказывается, что она мало времени была у себя дома. Послѣ чтенія

Digitized by Google

газеты у нея явилось подозрѣніе противъ Дюкока.

Предсѣдатель. — Подсудимый утверждаетъ ,что вашъ разсказъ лживъ. Дѣйствительно ли вы говорите правду?

Свидѣтельница, поднимая руку. — Клянусь, что говорю правду.

Подсудимый встаетъ, тоже поднимаетъ руку и съ энергіей произноситъ:—А я утверждаю, что это не правда! Я завѣряю господина Шезъ, что его дочка никогда ко мнѣ не приходила!

Дюкокъ съ дрожащими губами поворачивается лицомъ къ господину Шезу.

Предсѣдатель, обращаясь къ m-me Могуа:—Вы сказали правду? О.—Правду, клянусь.

Свидѣтельница m-me де-Бетанкуръ, у которой Могуа находилась въ услуженіи, подтверждаетъ все, что та сказала. Могуа говорила ей о дѣвочкѣ, которую Дюкокъ приводилъ къ себѣ, гораздо раньше, чѣмъ газеты заговорили объ убійствѣ. Г-жа Тироне, прачка, жившая въ одномъ домѣ съ Дюкокомъ, растянула веревки для сушки бѣлья. Три изъ этихъ веревокъ были обрѣзаны. Веревки были такія, какія употребляются укладчиками. Мужъ доставалъ ей эти веревки. Она узнала веревку, которою былъ обвязанъ трупикъ дѣвочки. Г-нъ Вертонжанъ, фабрикантъ веревокъ, говоритъ, что веревки, употреблявшіяся прачкой, подобны той, какою было обвязано мертвое тѣло дѣвочки. Эта веревка весьма обыкновенна. Свидѣтель Вотерсъ подтверждаетъ это. Происходитъ перерывъ засѣданія.

При возобновленіи засѣданія выслушиваются свидѣтели защиты. Ихъ нѣсколько человѣкъ, которые всѣ или видѣли или принимали у себя подсудимаго 2-го и 3-го марта. У одного изъ этихъ свидѣтелей деревянная нога, и онъ входитъ въ залу суда съ большимъ шумомъ; другой—глухъ, и судебный персоналъ вынужденъ кричать во все горло; третій, наконецъ, страдаетъ потерею голоса и можетъ только шептать. Точно купель Силоамская выслала своихъ кліентовъ обѣлять подсудимаго. Шептунъ утверждаетъ, что свидѣтель Бурде, утверждавшій, что видѣлъ, какъ Дюкокъ возвращался домой въ сопровожденіи малютки Шезъ, говорилъ ему, что онъ далъ такое показаніе по принужденію. Бурде снова призываютъ въ залу, и онъ отрицаетъ этотъ фактъ. То, что онъ показывалъ въ судѣ, правда. Онъ настаиваетъ, и его противникъ тоже.

Послѣ кліентовъ Силоамской купели дефилируетъ цѣлый рядъ кабатчиковъ. Эти выдающіеся и, можно сказать, излюбленные дѣятели западнаго строя общества заявляютъ, что Дюкокъ очень часто посѣщалъ ихъ прекрасныя заведенія вообще и въ день преступленія въ частности. Это тоже клонится къ обѣленію подсудимаго. Человѣкъ, дарившій такъ много своего времени кабакамъ, по ихъ мнѣнію, должно быть, не способенъ на то преступленіе, въ которомъ его обвиняютъ. Друзья-пріятели Дюкока встрѣчали его и распивали съ нимъ вино въ понедѣльникъ вечеромъ, какъ разъ около того часа, когда трупъ положенъ былъ на улицѣ. Одна бѣда: всѣ эти свидѣтели не сходятся въ описаніяхъ костюма, который былъ на подсудимомъ въ тотъ моментъ. Кто говоритъ, что на немъ была синяя жакетка; кто видѣлъ его въ коричневой жакеткѣ, кто въ сѣрой. Дюкокъ, если прослѣдить всѣ эти показанія, обладалъ въ этотъ день даромъ превращенія и вездѣсущности.

Женщина, живущая въ комнатѣ рядомъ съ Дюкокомъ, не слышала никакого шума у подсудимаго. Мужъ ея, больной, не покидалъ квартиры ни на секунду и тоже ничего не слышалъ. Одинъ свидѣтель, Фоконне, показываетъ, что говорилъ съ одной женщиной въ собравшейся толпѣ, и та ему сообщала, что убійцей маленькой Шезъ не могъ быть Дюкокъ, потому что она живетъ рядомъ съ нимъ и ничего не слышала. Эта женщина должна быть г-жа Могуа. Эту послѣднюю призываютъ въ залу. Фоконне не сразу узнаетъ ее. Могуа утверждаетъ, что никогда не видала этого господина. Въ концѣ концевъ Фоконне утверждаетъ, что узнаетъ Могуа.—Но, прибавляетъ онъ, меня удивляетъ, что г-жа Могуа меня не признаетъ, потому что у меня лицо довольно замѣчательное и военная выправка.

Послѣ того слово дано прокурору. Онъ напоминаетъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ пропалъ ребенокъ. Дѣвочка, которую послали въ колбасную, исчезла необычайно быстро. Никто не могъ дать никакихъ о ней свѣдѣній. Ясно, что она вошла въ одинъ изъ домовъ того же квартала. Трупъ найденъ неподалеку. Значитъ, убійца жилъ въ томъ же кварталѣ. Слѣдуетъ искать его среди личностей самой дурной нравственности. Что же можетъ быть безнравственнѣе и подлѣе вора и сутенёра Дюкока?

Прокуроръ напоминаетъ дѣло объ оскорбленіи нравственности, въ которомъ обвинялся подсудимый, и его спасла только недостаточность уликъ. Но дѣвочка, ставшая тогда жертвой Дюкока, не молчала. А потому надо было помѣшать говорить маленькой Шезъ. Ребенокъ долженъ былъ умереть.

Трупъ нашли. Онъ затянутъ былъ веревкой. Розыскиваютъ фабриканта этой веревки. Находятъ торговый домъ, который ее обрабатываетъ; но этотъ домъ торгуетъ лишь оптомъ. Обходятъ мелочныхъ торговцевъ, забирающихъ товаръ у этой фирмы: веревка эта не продается въ кварталѣ, гдѣ живетъ Дюкокъ. Но узнаютъ, что существуетъ прачка, употребляющая въ дѣло эту веревку, кото-

Digitized by Google

рую она получаетъ черезъ посредство мужа. Эта прачка живетъ въ томъ же домѣ, что и подсудимый, и видѣла, какъ онъ обрѣзалъ эту веревку. Кажется, дѣло ясное! Показаніе женщины Могуа рѣшительное. Въ воскресенье, 2-го марта, она разсказала въ десять часовъ утра своей хозяйкѣ, что видѣла, какъ вернулся подсудимый съ маленькой дѣвочкой, наружность которой описала. И вѣдь только во вторникъ газеты сообщили объ убійствѣ. Только вслѣдствіе настояній своей хозяйки, женщина Могуа рѣшалась заговорить. Прокуроръ кончаетъ обвинительную рѣчь, требуя отъ присяжныхъ осужденія Дюкока.

Послѣ перерыва засѣданія въ продолженіе одного часа, говорятъ свои рѣчи защитники Дюкока. Ихъ у него двое. Первый объявляетъ, что не станетъ обсуждать нравственность Дюкока. Это не касается настоящаго дѣла. Но не можетъ, однако, не замѣтить, что Дюкокъ отнюдь не рецидивистъ. Это установлено судебнымъ постановленіемъ. Защитникъ жалѣетъ, что защита не могла выставить столько свидѣтелей, сколько бы слѣдовало.

Предсѣдатель. — Всѣ свидѣтели, на которыхъ указывала защита, были вызваны. Передъ нами прошли жалкіе образцы, которымъ бельгійская государственная казна должна была уплатить несообразныя деньги.

Защитникъ.—Я говорю, что прокуратура вооружена такими средствами, какими защита не располагаетъ. Защитникъ настаиваетъ на томъ, что невозможно секвестровать ребенка въ продолженіе тридцати шести часовъ въ комнатѣ съ перегородками, чтобы сосѣди не услышали его криковъ. Сомнѣніе возможно и должно идти на пользу подсудимому.

Защитникъ требуетъ оправданія Дюкока. Послѣ перваго защитника говоритъ второй. Онъ доказываетъ, главнымъ образомъ, что Дюкокъ вышелъ совсѣмъ неопороченнымъ изъ дѣла Бераръ, и указываетъ на опасность довѣряться показаніямъ свидѣтелей. Онъ отрицаетъ искренность нѣкоторыхъ свидѣтелей, настаиваетъ на невинности Дюкока и требуетъ его оправданія.

Присяжные послѣ часового совѣщанія признаютъ Дюкока виновнымъ, и судъ приговариваетъ его къ пожизненной каторгѣ.

* * *

Супружескія драмы вызываютъ особенное волненіе въ публикѣ. Дѣйствующія лица, обстоятельства всѣмъ знакомы и всѣмъ близки по ассоціаціи идей. Чтобы съиграть роковую роль въ этихъ сраменыхъ событіяхъ, не надо руководиться низкими мотивами, жестокостью характера. Часто достаточно взрыва ревности, подозрѣнія въ невѣрности, въ измѣнѣ. Союзы, начатые при счастливыхъ условіяхъ, разрѣшаются насиліемъ, бѣшеной ревностью, кровью. И когда такая драма разыграется на какомъ-нибудь пунктѣ земного шара, общественное любопытство бываетъ немедленно затронуто, и публика съ жаромъ слѣдитъ за перипетіями драмы.

Одна изъ такихъ кровавыхъ исторій разыгралась въ Бельгіи лѣтомъ 1901 года и на-дняхъ закончилась въ залѣ суда. 14-го іюля прошлаго года на желѣзно-дорожной станціи Вильвордъ Жозефина-Полина Геймбюрже, по мужу Дебрюинъ, убила свою соперницу Генріетту Геннекенъ, выстрѣливъ въ нее три раза изъ револьвера. Въ моментъ совершенія убійства, подсудимая была спокойна. Ее немедленно арестовали, и она объявила начальнику станціи:—То, что я сдѣлала, очень печально, но мой мужъ натолкнулъ меня на это.

На допросѣ у судебнаго слѣдователя въ тотъ же день, она созналась, что по утру, видя, что мужъ уходитъ изъ дому, она рѣшилась послѣдовать за нимъ и взяла съ собой револьверъ съ намѣреніемъ убить Генріетту Геннекенъ, если та окажется въ обществѣ ея мужа.

Подсудимая до замужества вела самую безпорядочную жизнь, и бракъ, заключенный при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не былъ счастливъ. Мужъ вступилъ въ новую связь и предложилъ женѣ разъѣхаться на такихъ основаніяхъ, какія были признаны выгодными совѣтчиками подсудимой, но послѣдняя объявила, что предпочитаетъ оставаться съ мужемъ, хотя и знаетъ, что онъ ей измѣняетъ.

Съ этой минуты начались жестокія сцены между супругами, и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1901 г. подсудимая купила револьверъ. Къ Генріеттѣ Геннекенъ, поселившейся въ Вильвордѣ, часто пріѣзжали въ гости ея дѣти. Въ теченіе прошлаго лѣта подсудимая нѣсколько разъ бывала въ этомъ городѣ и устроила себѣ обсерваціонный постъ въ кабакѣ, расположенномъ напротивъ дома, гдѣ жила ея соперница.

14-го іюля хозяйка кабака, предвидя, что должна разыграться драма, послала своихъ дѣтей предупредить мужа подсудимой, который направлялся къ вокзалу вмѣстѣ съ Генріеттой Геннекенъ, но дѣти опоздали: преступленіе уже совершилось.

Когда, по приказанію предсѣдателя, подсудимую ввели въ залу, взоры всѣхъ присутствующихъ съ любопытствомъ устремились на нее. Она оказалась маленькой, тщедушной женщиной, ни дурной, ни красивой, въ очень скромномъ черномъ платьѣ. Подсудимая шатается, входя въ залъ, и жандармы ее поддерживаютъ. Боятся, какъ бы она не упала въ обморокъ. Предсѣдатель очень мягко обращается съ нею,

Digitized by Google

убѣждаетъ ее собраться съ силами и разрѣшаетъ сидѣть во время допроса.

Пока читаютъ обвинительный актъ, она закрываетъ лицо руками и отъ времени до времени печально качаетъ головой. На вопросы предсѣдателя, подсудимая съ трудомъ, отрывочными фразами, передаетъ грустную повѣсть своей жизни. Жозефина Геймбюрже родилась три мѣсяца спустя послѣ смерти своего отца. Мать ея вторично вышла замужъ за человѣка, который дурно обращался съ нею, когда она была ребенкомъ, и хотѣлъ обезчестить, когда она выросла. Въ виду ея сопротивленія, онъ выгналъ ее изъ дому. Попавъ на улицу, безъ всякихъ средствъ къ существованію, она повела безпорядочную жизнь со всѣми ея аттрибутами: ночнымъ шумомъ, драками, сопротивленіемъ полиціи и прочее.

Но вотъ Жозефина встрѣтилась съ Дебрюиномъ, и тотъ женился не ней, вопреки сопротивленію своей семьи. Съ этой минуты, подсудимая преобразилась: она стала примѣрной хозяйкой дома, вѣрной женой. Поведеніе ея съ того времени было безупречно. Пятьдесятъ свидѣтелей, въ томъ числѣ и свидѣтели со стороны обвиненія, подтверждаютъ это. Но, не смотря на ея исправленіе, безпрекословное повиновеніе мужу и преданность ему, послѣдній вскорѣ охладѣлъ къ женѣ. Онъ пытался соблазнить ея мать. Позднѣе онъ сошелся съ Генріеттой Геннекенъ. Для подсудимой это было большое горе, потому что она обожала мужа. Съ этого момента началась бурная жизнь, полная домашнихъ сценъ, упрековъ, угрозъ, безпрестанныхъ ссоръ. Наконецъ, мужъ обѣщалъ разстаться съ Генріеттой и поселить ее для этого въ Вильвордѣ. Но на дѣлѣ еще тѣснѣе сошелся съ нею. Тогда онъ предложилъ женѣ разъѣхаться по добру по здорову, при чемъ обѣщалъ ей давать содержаніе. Но Жозефина отказалась.—Я слишкомъ любила мужа,—говоритъ она,—чтобы разстаться съ нимъ.

Дебрюинъ подъ предлогомъ дѣловыхъ поѣздокъ совершалъ ихъ въ обществѣ Генріетты Геннекенъ. Подсудимая нѣсколько разъ выслѣживала ихъ въ Вильвордѣ. 14-го іюля, Дебрюинъ, подъ предлогомъ дѣлъ, уѣхалъ. Подсудимая послѣдовала за нимъ. Сѣла на тотъ же поѣздъ, что и онъ, и вмѣстѣ съ нимъ сошла съ поѣзда, незамѣченная мужемъ. Она сторожила домъ своей жертвы. И видѣла, какъ послѣдняя вышла изъ дому въ сопровожденіи ея мужа; оба были въ дорожномъ платьѣ. Она бросилась вслѣдъ за ними, и на вокзалѣ драма разыгралась.

— Я ничего не знаю, что дѣлала, ни что я говорила,—утверждаетъ подсудимая. Я дѣйствовала безсознательно.

Она объясняетъ, что носила при себѣ револьверъ, чтобы обороняться отъ побоевъ, которыми грозилъ ей мужъ.

Затѣмъ начался допросъ свидѣтелей. Слѣдователь, который велъ слѣдствіе, заявляетъ, что подсудимая объявила ему, что купила револьверъ съ цѣлью убить соперницу. Мужъ показалъ, что его незаконная связь длилась болѣе шести лѣтъ, и что жена опротивѣла ему по несходству ихъ характеровъ. Но что касается поведенія подсудимой, то онъ ничего не можетъ о немъ сказать худого. Слѣдующіе за тѣмъ свидѣтели сообщаютъ о подробностяхъ, предшествовавшихъ драмѣ и послѣдовавшихъ за нею; но новаго ничего не сообщаютъ. Генріетта Геннекенъ была сражена тремя пулями, и всѣ три раны оказались смертельными. По другимъ свидѣтельствамъ выходитъ, что убитая была знакома съ подсудимой и ходила къ ней въ гости прежде, чѣмъ началась ея преступная связь съ мужемъ подсудимой.

Послѣ перерыва засѣданія, продолжавшагося часа полтора или два, начался опять допросъ свидѣтелей при громадномъ стеченіи публики, которая наполнила залъ биткомъ.

Медикъ-легистъ де-Бёкъ утверждаетъ, что подсудимая наслѣдственная невропатка. Въ моментъ совершенія преступленія, она была въ состояніи умоизступленія, лишившаго ее сознанія. Въ обыкновенное время она вмѣняема, но временами эта отвѣтственность сильно ослабляется.

Нѣкоторые свидѣтели говорятъ, что мужъ подсудимой былъ крайне грубъ и суровъ съ женой, у которой вырвалъ даже разъ прядь волосъ. Другіе свидѣтели сообщаютъ объ условіяхъ, на какихъ мужъ предлагалъ женѣ разъѣхаться. Они должны были составить договоръ на гербовой бумагѣ, въ силу котораго Дебрюину давалось позволеніе жить съ Генріеттой Геннекенъ и его двумя дѣтьми. За это онъ обезпечивалъ за женою капиталъ въ 4.800 франковъ и ежемѣсячную пенсію въ 200 франковъ. Но жена объявила, что не желаетъ разставаться съ мужемъ, и тогда тотъ пригрозилъ ей, что эмигрируетъ. Однажды онъ сказалъ даже женѣ, что убьетъ ее, если она не будетъ смотрѣть сквозь пальцы на его поведеніе.

Дебрюинъ-отецъ показалъ, что противился браку сына, потому что свѣдѣнія о невѣстѣ не удовлетворяли его, но тѣмъ не менѣе подсудимая была принята въ домѣ ея свекра и свекрови. Она всегда вела себя примѣрно. Супружество казалось очень счастливымъ. Позднѣе подсудимая выражала большое огорченіе по поводу образа жизни ея мужа.

Засѣданіе пріостанавливается на полчаса, и, по возобновленіи, слово дается прокурору. Свою обвинительную рѣчь прокуроръ начинаетъ съ заявленія, что судебныя пренія уклонились отъ главнаго вопроса. Присяжнымъ совсѣмъ не предстоитъ разбирать, имѣла ли подсудимая

Digitized by Google

основанія быть недовольной своими близкими. Она убила человѣка, она совершила хладнокровно обдуманное ею преступленіе. Слѣдуетъ защищать жизнь человѣческую. Нельзя допускать, чтобы вмѣсто того, чтобы обратиться къ судьямъ, потребовать развода, человѣкъ самъ производилъ расправу, какъ это сдѣлала Жозефина Геймбюрже. Она произвела по соперницѣ три безусловно смертельныхъ выстрѣла. Послѣ того прокуроръ разбираетъ прошлое подсудимой. Онъ находитъ, что Дебрюинъ, реабилитируя эту женщину, сдѣлалъ ошибку. Супружество было такимъ, какимъ и должно было быть: несчастливымъ. Жена была безчувственна и сварлива. Тогда мужъ избралъ другую подругу, отъ которой имѣлъ двоихъ дѣтей. Дебрюинъ тутъ снова впалъ въ ошибку, но, восклицаетъ прокуроръ, вспомнимъ слова Евангелія:—пусть тотъ, кто никогда не грѣшилъ, броситъ въ нее первый камень! Подсудимая нисколько не старалась вернуть привязанность мужа.

Прокуроръ требуетъ кары виновной. Въ отвѣтъ на рѣчь защитника подсудимой, прокуроръ настаиваетъ, что присяжные должны изгнать изъ своего ума всякія соображенія о причинахъ убійства. Прочь сантиментальность! Законъ запрещаетъ убивать. Кто убилъ, долженъ быть наказанъ. Вопросъ о смягчающихъ обстоятельствахъ будетъ разсмотрѣнъ судьями. Присяжные должны сказать, виновна ли подсудимая въ томъ, что убила свою жертву.

Прокуроръ утверждаетъ, что прошлое подсудимой объясняется низкими инстинктами этой женщины, а не обстоятельствами.

Защитникъ.—Откуда вы это взяли?

Прокуроръ.—Изъ писемъ мужа.

Предсѣдатель, обращаясь къ защитнику:—Не перебивайте.

Защитникъ.—Прошу прощенія, это отъ негодованія.

Прокуроръ старается доказать, что подсудимая имѣла твердое намѣреніе причинить смерть. И въ концѣ концовъ отказывается отъ обвиненія въ предумышленности. Но подсудимую слѣдуетъ наказать въ интересахъ человѣческой безопасности. Присяжные должны освятить своимъ приговоромъ принципъ вѣчной истины: не убій!

Защитникъ приводитъ параллель между дѣломъ Дюкока и настоящимъ. Неужели та же тюремная фура увезетъ въ ту же тюрьму и съ тѣмъ же приговоромъ низкое существо и достойную и почтенную (?) женщину, засѣдающую на скамьѣ подсудимыхъ? Нельзя убивать, но бываютъ обстоятельства, при которыхъ извинительно убить. Случай супружеской измѣны, убійство во время накрытаго преступленія находятъ себѣ оправданіе. Съ точки зрѣнія права можно было бы доказывать законность поступка этой женщины, которая признала за собою право возмездія. Но я защищаю не мстительницу, продолжаетъ защитникъ, а защищаю несчастнѣйшее созданіе въ мірѣ, существо, жизнь котораго была одной сплошною пыткой, женщину, которая, даже по мнѣнію медиковъ-легистовъ, совершила убійство въ состояніи умоизступленія, сдѣлавшемъ ее невмѣняемой. Лучшей защитой можетъ служить жизнь подсудимой. Ея паденіе, ея исправленіе, ея безукоризненная супружеская жизнь въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Слѣдуетъ низко поклониться публичной женщинѣ, которая сумѣла такъ себя реабилитировать! И подумайте о страшной карѣ, уже постигшей эту женщину, которая, послѣ честной, примѣрной жизни, вынуждена была сознаться здѣсь въ такомъ прошломъ, которое она была въ правѣ считать навѣки преданнымъ забвенію. Жозефинѣ Геймбюрже выпала на долю ужасная жизнь.

Отецъ ея умеръ прежде, чѣмъ она появилась на свѣтъ божій. Второй мужъ матери пытается соблазнить молодую дѣвушку и, не успѣвъ въ томъ, выгоняетъ ее изъ дому, прямо на улицу, въ поздній ночной часъ, зимою. Какая участь ожидала восемнадцатилѣтнюю дѣвочку на мостовой? Она очутилась въ вертепѣ разврата. Но какъ только она встрѣчаетъ человѣка, готоваго вывести ее изъ позорной обстановки, она тотчасъ же привязывается къ своему спасителю; она любитъ его, она любитъ его такъ сильно, что не хочетъ съ нимъ ни за что разстаться. Она переноситъ отъ него всяческія насилія, она терпитъ побои и пораненія.

Во время обвинительной рѣчи, а также и рѣчей защитника подсудимая горько плачетъ.

Защитникъ обстоятельно разбираетъ роль, которую сыгралъ въ этой драмѣ мужъ, Дебрюинъ; онъ толкнулъ ее на преступленіе (?). Когда, выслѣдивъ мужа въ Вильвордѣ, она увидѣла, какъ онъ съ дѣвицей Геннекенъ шелъ съ чемоданомъ въ рукахъ на станцію желѣзной дороги, подсудимая подумала, что они уѣзжаютъ, быть можетъ, на всегда. Тогда-то она и выстрѣлила, потерявъ голову.

— Оправдайте ее, заканчиваетъ свою рѣчь защитникъ, оправдайте, чтобы успокоить свою и общественную совѣсть (?).

Предсѣдатель.—Подсудимая, желаете ли что-нибудь прибавить въ свою защиту?

Подсудимая.—Свидѣтели разсказали о моихъ страданіяхъ. Но то, что вы слышали, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я вытерпѣла.

Произнося эти слова, подсудимая рыдаетъ. Присяжные удаляются для совѣщанія. Имъ предложены два вопроса: ви-

Digitized by Google

новна ли подсудимая въ убійствѣ и совершила ли она его предумышленно?

Послѣ совѣщанія, длившагося четверть часа, присяжные выносятъ отрицательный приговоръ на оба вопроса. Вслѣдствіе этого Жозерина Геймбюрже считается оправданной.

Приговоръ вызываетъ взрывъ рукоплесканій и дѣлаетъ овацію не только присяжнымъ, но и подсудимой, что̀, казалось бы, уже и лишнее, ибо вѣдь какъ бы то ни было, а она убила человѣка. Понятно, что можно сочувствовать присяжнымъ за то, что они пожалѣли человѣка, но не понятно, что можно рукоплескать убійцѣ.

Но толпа не разсуждаетъ, а поддается минутному чувству, и должно быть въ ходѣ самаго процесса были какія-нибудь черты, особенно дѣйствующія на чувствительность, хотя и неуловимыя для пересказа, потому что одинъ изъ жандармовъ громкимъ и звучнымъ голосомъ заявилъ:— Мнѣ пріятно, что подсудимая оправдана.

Чтобы вывести г-жу Дебрюинъ изъ залы суда, жандармы прибѣгали ко всяческимъ хитростямъ, но напрасно; толпа, собравшаяся около суда, выслѣдила ее и тоже устроила ей овацію. Пришлось увести ее обратно въ залу суда, куда одинъ изъ ея родственниковъ принесъ ей кружку пива, которую она жадно выпила, и на этой прозаической подробности задернулся занавѣсъ передъ только-что разыгравшейся драмой.

* * *

Не осталась совсѣмъ безнаказанной другая героиня любовнаго отмщенія за невѣрность, хотя все же можно сказать дешево отдѣлалась за убійство человѣка, бросившаго ее,—всего лишь годичнымъ тюремнымъ заключеніемъ, при чемъ еще милостивые судьи рѣшили зачесть ей тѣ восемь мѣсяцевъ, которые она просидѣла въ предварительномъ заключеніи.

На этотъ разъ дѣло происходило въ Мюнхенѣ, гдѣ судилась жена мясника, молодая двадцатилѣтняя женщина Ванда Нидермайеръ, обвинявшаяся въ томъ, что застрѣлила изъ револьвера своего возлюбленнаго, машиниста Людвига Рета. Молодая преступница родомъ изъ Вѣны и мать нѣсколькихъ дѣтей.

До Рождества прошлаго года она жила въ счастливомъ, повидимому, супружествѣ съ однимъ мясникомъ въ городѣ Мюнхенѣ. Тутъ она познакомилась во время увеселеній, происходящихъ на масляницѣ въ Мюнхенѣ, съ тридцатилѣтнимъ машинистомъ Людвигомъ Ретомъ, женатымъ человѣкомъ и отцомъ пятерыхъ дѣтей и влюбилась въ него безъ памяти. Людвигъ Ретъ охотно пользовался благосклонностью молодой женщины и легко убѣдилъ ее черпать средства для ихъ кутежей изъ мужниной кассы. На ворованныя деньги влюбленная чета веселилась до упаду, не пропуская ни одного маскарада въ теченіе всей прошлой зимы.

Когда же Ретъ сталъ опасаться, что его отношенія къ подсудимой обнаружатся, онъ убѣдилъ ее съ нимъ убѣжать. Но прежде г-жа Нидермайеръ должна была совершить новое позаимствованіе изъ мужниной кассы, на этотъ разъ особенно значительное, и, повеселившись въ послѣдній разъ на балу въ Мюнхенѣ, парочка отправилась въ Бременъ съ курьерскимъ поѣздомъ, очевидно съ тѣмъ, чтобы отплыть на одномъ изъ океанскихъ пароходовъ въ Америку. Но какихъ-нибудь тысячи двѣ марокъ, захваченныхъ второпяхъ подсудимою, показались Людвигу Рету недостаточнымъ капиталомъ для того, чтобы вести безпечальную жизнь въ Новомъ Свѣтѣ, и послѣ опьяненія наступило отрезвленіе. Ретъ старался подъ различными предлогами оттягивать отплытіе въ Америку, а такъ какъ трусливая сообщница его, которой все казалось, что мужъ выслѣживаетъ ее, приставала къ нему съ отъѣздомъ, онъ въ одинъ прекрасный день покинулъ ее и вернулся въ Мюнхенъ къ своей семьѣ.

При такихъ обстоятельствахъ подсудимой ничего не оставалось, какъ написать покаянное письмо мужу и просить его выслать ей деньги на возвратный путь. Обманутый и оскорбленный мужъ простилъ ее и принялъ обратно къ себѣ мать своихъ дѣтей. Но, чтобы удержать ее отъ дальнѣйшихъ похожденій, онъ принялъ драконовскія мѣры и обрѣзалъ ей волосы, послѣ чего она стала походить на великовозрастнаго мальчика. Подсудимая покорилась необходимости, но въ душѣ ея бушевала страшная ненависть къ безсовѣстному обольстителю ея, Рету, котораго она ежедневно почти видала проходящимъ мимо ея лавки.

Ретъ тѣмъ временемъ снова сталъ отцомъ, но не постыдился, не смотря ни на что, возобновить свои преслѣдованія. Когда подсудимая это замѣтила, она написала Рету нѣжное письмо, въ которомъ просила его придти на свиданіе вечеромъ 3 февраля около 6 часовъ не подалеку отъ мужниной лавки. Ретъ явился въ указанное время, и подсудимая пригласила его сопровождать ее на вокзалъ восточной дороги. Въ то время какъ они шли туда, она завела рѣчь о Бременскихъ событіяхъ и послѣ краткой, но сильной перебранки вынула изъ подъ пальто заряженный револьверъ и выстрѣлила въ грудь Рету. Ретъ позвалъ на помощь и бросился въ трактиръ, куда за нимъ послѣдовала подсудимая и тамъ, въ присутствіи испуганныхъ посѣтителей, всадила еще двѣ пули въ ненавистнаго человѣка. Тяжко раненаго Рета отвезли въ больницу, гдѣ онъ на слѣдующій день скончался. На первыхъ порахъ арестовали также и мужа подсудимой по подо-

Digitized by Google

зрѣнію въ наущеніи жены. Но его вскорѣ выпустили, такъ какъ подсудимая взяла всю вину на себя и весьма правдоподобно заявила, что одна составила планъ мести. Послѣ того она была предана суду по обвиненію въ нанесеніи смертельныхъ ранъ.

На судѣ подсудимая разсказала безъ особаго волненія о своей поѣздкѣ и о своемъ возвращеніи къ мужу, о сильномъ гнѣвѣ послѣдняго и о томъ, какъ онъ ей обрѣзалъ волосы. Касательно подробностей свиданія и стрѣльбы изъ револьвера она ничего не могла сказать. На вопросъ: раскаивается ли она въ своемъ поступкѣ, отвѣчала: нѣтъ. На дальнѣйшіе вопросы: развѣ она не надѣется искреннимъ раскаяніемъ добиться благопріятнаго судебнаго рѣшенія, съ рыданіями просила вернуть ее какъ можно скорѣе дѣтямъ.

Свидѣтель трактирщикъ Кнёръ описываетъ, какъ Ретъ вбѣжалъ въ трактиръ, а за нимъ подсудимая, выстрѣлившая въ него, не цѣлясь, два раза. Ретъ пользовался славой охотника до женщинъ.

Свидѣтель Нидермайеръ хвалитъ прежнюю вѣрность жены и хотя сознается, что поколачивалъ ее, однако, утверждаетъ, что это нисколько не портило супружескихъ отношеній. По возвращеніи жены, онъ сейчасъ же простилъ ее. Побилъ онъ ее и обрѣзалъ волосы только послѣ того, какъ узналъ о новомъ письмѣ, полученномъ женою отъ Рета, и невѣрно заподозрилъ ее въ томъ, что она хочетъ возобновить съ нимъ связь. Жена его нѣсколько разъ повторяла, что должна убить Рета, и онъ нашелъ нужнымъ даже предостеречь Рета.

Судебный слѣдователь Зейдль показываетъ о поведеніи подсудимой, когда ее поставили лицомъ къ лицу съ мертвымъ тѣломъ. Судя по ея поступку, можно было ожидать, что она проявитъ большое волненіе. Но нѣтъ; она вела себя очень спокойно и не выказала ни малѣйшаго волненія. На вопросъ: знала ли она убитаго? отвѣчала твердымъ голосомъ и отчетливо: да. Спрошенная на счетъ ея настроенія, она отвѣчала, что испытываетъ нѣкоторое спокойствіе, видя этого человѣка мертвымъ. Неоднократно признавалась она, что имѣла намѣреніе застрѣлить Рета. Эта мысль зародилась въ ней давно, но въ тотъ вечеръ овладѣла ею съ такою силой, что она не могла ей противиться. Поводомъ къ преступленію, по ея словамъ, было то, что Ретъ сдѣлалъ ее несчастной и не долженъ жить. Это она повторяла не разъ. Точно также никогда не выражала она раскаянія, а напротивъ того, довольствовалась тѣмъ, что сдѣлала.

Медицинскіе эксперты на вопросъ объ отвѣтственности заявили, что хотя Ванда Нидермайеръ не находилась въ минуту совершенія убійства въ полномъ безсознательномъ состояніи и настоящемъ разстройствѣ ума, но все же свобода воли въ данный моментъ была у нея подорвана и затемнена. Подсудимая въ силу болѣзненной наслѣдственности склонна къ необдуманнымъ дѣйствіямъ.

Присяжные отвѣтили положительно на вопросъ, виновна ли подсудимая въ нанесеніи ранъ, имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть, и признали существованіе смягчающихъ обстоятельствъ.

Какъ уже выше сказано, подсудимая приговорена къ полуторогодовому тюремному заключенію, при чемъ ей зачтутся восемь мѣсяцевъ предварительнаго заключенія. Но на этотъ разъ дѣло обошлось безъ овацій со стороны публики.

* * *

Мужчинамъ кровавая расправа съ женами и любовницами въ большинствѣ случаевъ труднѣе сходитъ съ рукъ, нежели женщинамъ. На-дняхъ въ нѣмецкомъ городкѣ Аленштейнѣ приговоренъ къ смертной казни Адамъ Пель, отецъ одиннадцати человѣкъ дѣтей, по обвиненію въ умышленномъ убійствѣ жены. Подсудимый не признавалъ себя виновнымъ. Между тѣмъ дѣло обстоитъ такимъ образомъ. Подсудимый владѣлъ большимъ участкомъ земли въ 18 гектаровъ, который передалъ въ 1899 году своему сыну. Позднѣе послѣдній женился. Лѣтомъ старики жили отдѣльно: зимою же, ради экономіи топлива, вмѣстѣ съ молодой четой. Въ 1900 г. жена подсудимаго отправилась погостить къ одному изъ своихъ сыновей, жившему въ Вестфаліи. Въ это время подсудимый находился въ интимной связи съ одной служанкой, и эта связь не обошлась безъ послѣдствій. Но подсудимый запретилъ ей говорить объ ихъ связи и велѣлъ всѣмъ разсказывать, что она подверглась случайному насилію, грозя въ противномъ случаѣ убить ее. Когда жена подсудимаго вернулась изъ Вестфаліи, она замѣтила беременность дѣвушки и осыпала подсудимаго упреками. Но упреки ея нимало на него не подѣйствовали, и когда жена въ 1901 г. опять уѣхала въ Вестфалію, онъ снова разыгралъ Донъ-Жуана. По возвращеніи жены изъ Вестфаліи, возобновились ссоры между супругами, и жена пригрозила разводомъ. Послѣ того подсудимый неоднократно заявлялъ:—Я не нуждаюсь въ законномъ разводѣ; я и самъ сумѣю развестись, и грозилъ женѣ, что такъ или иначе устранитъ ее. Въ обвинительномъ актѣ говорится, что уже за четыре или пять лѣтъ до того подсудимый пытался задушить жену въ лѣсу. Тогда онъ заставилъ жену поклясться, что она никому объ этомъ не разскажетъ, не то онъ ее убьетъ. За двѣ недѣли до смерти жены, подсудимый такъ избилъ ее ночью, что она убѣжала къ сыну. Подобныя ссоры безпрестанно повторялись. Вече-

Digitized by Google

ромъ 30 іюля подсудимый вмѣстѣ съ женой помогалъ сыну убирать рожь. Послѣ общаго ужина, жена подсудимаго ушла въ свою комнату, куда за нею послѣдовалъ мужъ, предварительно заперевъ на крюкъ входную дверь. Около одиннадцати часовъ вечера подсудимый прошелъ въ комнату сына, разбудилъ невѣстку и сказалъ ей:—Вставайте, и не пугайтесь: случилось большое несчастіе, зажгите огонь и сойдите внизъ, матери уже нѣтъ въ живыхъ. Дѣти съ плачемъ вошли въ комнату покойной и нашли ее въ одной рубашкѣ, уже мертвой. При осмотрѣ трупа, найдены на шеѣ темныя пятна, на основаніи которыхъ можно было заключить объ удушеніи. На правомъ рукавѣ рубашки находилось кровавое пятно. На вопросъ невѣстки: кто обмоетъ тѣло, свекоръ заявилъ, что онъ готовъ это сдѣлать и дѣйствительно обмылъ мертвое тѣло. При этомъ онъ пустилъ въ ходъ окровавленный рукавъ, который онъ потомъ истребилъ, заявивъ на позднѣйшіе разспросы, что его разорвала собака. При этомъ подсудимый очень торопился какъ можно скорѣе удалить мертвое тѣло изъ дому. Когда его арестовали, онъ сказалъ полицейскому:—Ничего бы не было, если бы не слѣды на шеѣ, если меня изъ-за нихъ отдадутъ подъ судъ и я буду осужденъ, то попрошу казнить меня смертію! Бичевка, посредствомъ которой, какъ предполагаютъ, совершено было удушеніе, найдена въ сундукѣ подсудимаго. На основаніи всѣхъ этихъ фактовъ, въ обвинительномъ актѣ заявляется, что подсудимый умышленно и съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ убилъ жену. Подсудимый не признаетъ за собой никакой вины и оспариваетъ всѣ взводимыя на него обвиненія. Онъ утверждаетъ, что жилъ съ покойной женой мирно. Онъ рѣшительно неповиненъ въ ея смерти. Во время судебныхъ преній подсудимый пытался свалить вину на невѣстку. Но свидѣтельскими показаніями подтверждены всѣ обвиненія прокурора, и присяжные признали подсудимаго виновнымъ, и онъ, какъ уже выше сказано, приговоренъ къ смертной казни.

* * *

Мы привыкли слышать и читать о необыкновенной честности и добросовѣстности нѣмецкаго чиновничества. «Нѣмецкій учитель» завоевавшій Францію въ 1871 году и «нѣмецкій бюрократъ»—образецъ гражданскихъ добродѣтелей—излюбленныя темы для нѣмецкихъ публицистовъ. Тѣмъ удивительнѣе читать про случаи мошенничества среди нѣмецкихъ чиновниковъ, которые вмѣстѣ съ дезертирствомъ нѣмецкихъ солдатъ и кулачными расправами нѣмецкихъ фельдфебелей и унтеръ и оберъ-офицеровъ, частенько-таки пестрятъ страницы нѣмецкихъ газетъ.

Недавно въ Кёнигсбергѣ судился сборщикъ Пауль Гоппе по обвиненію въ расхищеніи собиравшихся имъ податныхъ денегъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, а именно съ 1897 по 1902 годъ и въ количествѣ 9—10.000 марокъ. При этомъ, разумѣется, дѣло не обошлось безъ поддѣлки счетныхъ книгъ и документовъ, представлявшихся контролю для провѣрки подсудимаго, родившагося въ Кёнигсбергѣ 17-го декабря 1863 года, женатаго человѣка и отца пятерыхъ дѣтей въ возрастѣ отъ 4—11 лѣтъ; защищаетъ адвокатъ Аргнеймъ и обвиняетъ прокуроръ фонъ-Дригальскій. Какъ обвиненіемъ, такъ и защитой вызвано не менѣе 48-ми свидѣтелей. Въ ожиданіи продолжительности процесса кромѣ двѣнадцати присяжныхъ, приглашены еще ихъ замѣстители.

Подсудимый Гоппе отрицаетъ взводимое на него обвиненіе. Онъ никогда не присвоивалъ себѣ общественныхъ денегъ. Что 10.000 марокъ не хватаетъ — этого онъ не оспариваетъ, но куда онѣ дѣлись—онъ не знаетъ. Можетъ быть, онъ ихъ потерялъ, можетъ быть, ихъ у него украли—этого онъ не знаетъ. Содержаніе его равнялось 2.000 марокъ, 1.000 марокъ онъ получалъ, какъ жалованье, и около 1.000 марокъ какъ комиссіонные, по 10 пфениговъ съ каждой квитанціи. Послѣ того излагается процедура взиманія и сдачи налоговъ въ городскую кассу. При этомъ подсудимый вынужденъ сознаться, что уже въ 1898 году взялъ изъ податныхъ суммъ 600 марокъ для уплаты своихъ долговъ. Но эта растрата была вскорѣ затѣмъ покрыта его тещей. Однако, вынужденъ далѣе согласиться, что ему пришлось тратить часть собираемыхъ налоговъ на покрытіе недоимокъ, возникшихъ, онъ самъ не знаетъ, когда и какимъ образомъ. Поэтому онъ неправильно заносилъ въ книгу получаемыя суммы и сумѣлъ также обмануть чиновниковъ городской кассы касательно недостающихъ квитанцій.

Предсѣдатель высказываетъ мнѣніе, что обычай не сдавать деньги въ тотъ же самый день, какъ онѣ получены, вообще даетъ просторъ для расхищенія денегъ. Кромѣ того растраты подсудимаго облегчались еще тѣмъ, что кассовые служащіе не сличали немедленно квитанцій съ записями, и такимъ образомъ подсудимый могъ покрывать недостающія суммы изъ другихъ получекъ. Открылось его преступленіе отъ того, что подсудимый уже въ январѣ получилъ отъ директора банка Маркса причитающуюся съ него только въ февралѣ сумму налоговъ размѣромъ въ 5.000 марокъ и употребилъ ее на покрытіе другихъ недочетовъ. 7-го мая Гоппе былъ аресто-

Digitized by Google

ванъ. Общая сумма растраченныхъ имъ денегъ исчисляется, какъ уже выше сказано, въ 9.000 — 10.000 марокъ. Въ свое оправданіе Гоппе приводитъ то, что въ его вѣдѣніи находился самый бѣдный изъ округовъ, гдѣ живетъ относительно мелкій людъ, который часто затягиваетъ платежи, и которому постоянно нужно напоминать. Поэтому ему приходилось съ ранняго утра до поздняго вечера находиться въ разъѣздахъ, и только ночью могъ онъ вести счета и приводить въ порядокъ квитанціи. Отъ этого, быть можетъ, и произошли неправильности въ счетахъ. Онъ снова увѣряетъ, что не знаетъ, куда дѣвались деньги: онъ и не пьяница и не игрокъ, а семейство его жило скромно, можно почти сказать, бѣдно. Первый свидѣтель городской совѣтникъ д-ръ Бергъ, которому было поручено веденіе дисциплинарнаго слѣдствія надъ Гоппе, даетъ краткій отчетъ о возникновеніи дѣла, которое предстоитъ разобрать суду, о недочетахъ и о показаніяхъ плательщиковъ податей. Свидѣтель и экспертъ бухгалтеръ главной городской кассы, Гейнъ, даетъ обстоятельное описаніе пріемовъ собиранія податей, говоритъ о поддѣлкѣ книгъ и инструкціяхъ для сборщиковъ податей. Контроль непокрытыхъ квитанцій происходилъ такимъ образомъ, что сборщикъ податей читалъ нумера квитанцій, а бухгалтеръ сличалъ нумера со списками. Гоппе, должно быть, отмѣчалъ нумера квитанцій, по которымъ налогъ былъ уплаченъ, но имъ не внесенъ, и перечислялъ ихъ бухгалтеру. Въ настоящее время принята другая система контроля. Послѣ того свидѣтель пересказываетъ о томъ, какъ было раскрыто преступленіе. Гоппе сейчасъ же признался въ недочетѣ 10.000 марокъ и сказалъ, что не знаетъ, куда онѣ дѣлись; какъ только онъ отбудетъ свое наказаніе, такъ уѣдетъ къ брату въ Америку. Гоппе работалъ медленно, но сборщики податей на самомъ дѣлѣ завалены работой. Относительно частной жизни подсудимаго свидѣтель знаетъ одно только: что онъ обремененъ многочисленнымъ семействомъ: кромѣ жены и пятерыхъ дѣтей, на его иждивеніи находились еще теща и двоюродная сестра послѣдней.

Практикующій врачъ д-ръ Зибертъ былъ врачемъ въ семействѣ подсудимаго. Семейство его жило очень скромно. Свидѣтель полагаетъ, что подсудимый проживалъ тысячи двѣ марокъ въ годъ.

Свидѣтель трактирщикъ Веберъ знаетъ подсудимаго уже десять лѣтъ. По его мнѣнію, Гоппе жилъ «какъ подобаетъ порядочному человѣку».

Предсѣдатель спрашиваетъ: какъ же подобаетъ жить порядочному человѣку?

Свидѣтель. Онъ ходилъ на рынокъ, покупалъ лукошко яицъ и возвращался домой.

Свидѣтель слышалъ однажды, что подсудимый часто играетъ въ азартныя игры и въ одинъ вечеръ проигралъ 500 марокъ.

Сборщикъ податей Бёмъ долгое время былъ знакомъ съ Гоппе и даже жилъ пансіонеромъ у него въ домѣ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Подсудимый жилъ очень просто и мало тратилъ денегъ въ пивныхъ. Три года тому назадъ Гоппе занялъ у него 300 марокъ, потому что въ домѣ у него были больные. Эти деньги онъ возвратилъ постепенно, кромѣ 53-хъ марокъ. Для покрытія недочетовъ или передъ еженедѣльными отчетами Гоппе никогда не занималъ денегъ. Незадолго до своего ареста Гоппе разсказывалъ ему, что у него опять образовался недочетъ въ 270 марокъ отъ ошибки въ промысловой квитанціи. Онъ, свидѣтель, когда у него являлся небольшой просчетъ, всегда докладывалъ о немъ немедленно городской главной кассѣ.

Криминальный комиссаръ Шефлеръ, до котораго дошли слухи, что Гоппе играетъ въ азартныя игры, принялся за изслѣдованіе этихъ слуховъ, но ничего не узналъ и вообще ничего худого не можетъ сказать о подсудимомъ.

Фортепіанный фабрикантъ Шустеріусъ сообщаетъ, что г-жа Гоппе купила у него въ декабрѣ 1901 года въ разсрочку піанино за 500 марокъ. При покупкѣ г-жа Гоппе уплатила 115 марокъ и до 2 мая сдѣлала еще четыре взноса по 15 марокъ. Подсудимый объясняетъ, что сто марокъ явились результатомъ сбереженій, а піанино куплено для его старшихъ двоихъ дѣтей. Для каждаго изъ дѣтей подсудимаго сберегательная касса уплачиваетъ 100 марокъ.

Свидѣтельница Гречъ сообщаетъ, что эти деньги завѣщаны ея теткой, родственницей подсудимаго, его дѣтямъ. Теща подсудимаго, г-жа Ангерманъ, получаетъ пенсію, владѣетъ небольшимъ имуществомъ и вноситъ извѣстную часть въ хозяйство Гоппе.

Купецъ Дитрихъ разсказываетъ, что ежедневно встрѣчался съ подсудимымъ въ ресторанѣ. Онъ тратилъ тамъ не болѣе 70—80 пфениговъ и, если игралъ, то только на пару пива.

Свидѣтель, сборщикъ податей Лейтнеръ, заявляетъ, что въ 1900 г. сборщики податей подавали петицію магистрату объ иномъ распредѣленіи содержанія и о сокращеніи такъ-называемыхъ «спеціальныхъ дѣлъ». Послѣдній опытъ былъ обѣщанъ.

Бухгалтеръ главной городской кассы Кальвейтъ разсказываетъ, что подсудимый тотчасъ по своемъ арестѣ говорилъ, что онъ уплатилъ недостающими деньгами свои старые долги, но затѣмъ взялъ свои слова обратно и сталъ увѣрять, что не знаетъ, куда дѣвались деньги.

Digitized by Google

Прокуроръ фонъ-Дригальскій указывалъ на существованіе фактической растраты общественныхъ денегъ и, слѣдовательно, преступленія по должности. Куда дѣвались деньги—показать это долженъ нечестный чиновникъ, а не обвинительная власть. По его мнѣнію, нѣтъ никакого основанія допускать смягчающія обстоятельства. Утонченность подсудимаго, его запирательство и тотъ фактъ, что хотя онъ располагалъ скромными средствами, но отнюдь не находился въ нуждѣ, должны привести къ тому, чтобы отвергнуть вопросъ о смягчающихъ обстоятельствахъ.

Защитникъ, совѣтникъ юстиціи Арнгеймъ, считаетъ доказаннымъ лишь первоначальный недочетъ въ 600 марокъ, но онъ не связанъ съ поддѣлкою документовъ. Но вообще во все время процесса не наступалъ ни одинъ моментъ, когда бы можно было сдѣлать выводъ о растратѣ недостающихъ денегъ. А потому слѣдуетъ повѣрить подсудимому, что во всѣхъ остальныхъ случаяхъ недочетъ произошелъ отъ плохого веденія дѣла, но что онъ не употребилъ деньги на себя. Защитникъ того мнѣнія, что здѣсь вообще рѣчь можетъ идти только объ интеллектуальномъ искаженіи дѣловыхъ свѣдѣній, и, во всякомъ случаѣ онъ, защитникъ, проситъ о смягчающихъ обстоятельствахъ.

Подсудимый вновь заявляетъ на вопросъ о деньгахъ, съ громкимъ плачемъ, что онъ ихъ на себя не тратилъ.

Присяжные послѣ продолжительнаго совѣщанія признали подсудимаго Гоппе виновнымъ въ преступленіи по должности, но дали ему смягчающія обстоятельства.

Прокуроръ требовалъ двухлѣтняго тюремнаго заключенія и лишенія чести на такой же срокъ. Защитникъ доказывалъ, что никогда бы недочетъ не достигъ такой высокой цифры, если бы существовалъ правильный контроль, и просилъ болѣе краткаго срока наказанія съ зачисленіемъ 7-мѣсячнаго предварительнаго ареста.

Судъ приговорилъ подсудимаго къ одному году и девяти мѣсяцамъ заключенія, потери чести на такой же срокъ и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ.

* * *

Въ Германіи разыгралось своего рода «дѣло Эмберъ». Это такая же исторія о милліонахъ и наслѣдствѣ, окончившаяся попыткою шантажа со стороны одного афериста. Впрочемъ, милліоны, по крайней мѣрѣ при началѣ дѣла, не были миѳомъ. Слишкомъ сто лѣтъ тому назадъ, въ 1791 г. одинъ нѣмецъ, по имени Брандтъ, поселившійся въ Амстердамѣ, умеръ тамъ, оставивъ почтенное число милліоновъ, которое, однако, легенда должна была удесятерить. Довольно долго объ этихъ милліонахъ ничего не было слышно. Но вотъ въ одинъ прекрасный день слухъ о нихъ достигъ ушей ловкаго человѣка, нѣкоего Бетке, бухгалтера по профессіи, рѣшившаго воспользоваться этимъ слухомъ. Поэтому онъ сдѣлалъ вызовъ лицамъ, которыя могли счесться въ родствѣ съ Жаномъ Конрадомъ Брандтомъ, нѣмецкимъ предкомъ, натурализованнымъ въ Голландіи. Брандты появились во множествѣ; въ числѣ ихъ праправнукъ милліонера, по ремеслу каменщикъ.

Образовался комитетъ по дѣлу Брандта, во главѣ котораго стали эти два лица, и начался походъ для завладѣнія наслѣдствомъ. До сихъ поръ ничто не отличается отъ обычныхъ дѣловыхъ пріемовъ, по части легендарныхъ наслѣдствъ или испанскихъ замковъ. И если дѣло это стало все-таки сенсаціоннымъ дѣломъ, то вотъ по какому обстоятельству:

У графа Дугласа, извѣстнаго члена прусской аристократіи и личнаго друга императора Вильгельма, былъ швейцаръ, женатый на Брандтъ. Эта женщина сказала себѣ, что человѣкъ такой могущественный при дворѣ, какъ графъ Дугласъ, можетъ подвинуть дѣло, которое грозило очень затянуться, такъ какъ понятно, что съ милліонами никто охотно не разстается и заполучить ихъ не такъ-то легко. И такъ швейцаръ и его жена изложили дѣло графу Дугласу такъ, какъ они его понимали, и передали даже въ его руки какія-то бумаги. Нужно сказать, что дѣло происходило въ 1866 г. Графъ освѣдомился въ ту эпоху въ прусскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, которое навело справки въ Амстердамѣ. Оттуда отвѣтили, что наслѣдство Брандта урегулировано еще въ 1793 г. Голландскіе суды присудили наслѣдство голландскимъ наслѣдникамъ, отклонивъ притязанія тогдашнихъ нѣмецкихъ наслѣдниковъ. Дѣлать было нечего: графъ Дугласъ такъ и сказалъ своимъ людямъ и забылъ объ этомъ дѣлѣ.

Между тѣмъ легенда не глохла, и не глохли также упорныя надежды въ семьѣ Брандтовъ. Каменщикъ не переставалъ мечтать о тридцати милліонахъ, которые считалъ своей принадлежностью, и постоянно думалъ о вмѣшательствѣ графа Дугласа, результатъ котораго совсѣмъ не отвѣчалъ его ожиданіямъ. Мало-по-малу онъ забралъ себѣ въ голову, что графъ вѣрно вытребовалъ милліоны, что такому важному господину не могли отказать въ его хлопотахъ, но что онъ присвоилъ милліоны себѣ, а отъ наслѣдниковъ избавился, сказавъ, что дѣло не выгорѣло. Вѣдь онъ не вернулъ бумагъ, которыя ему были переданы? Развѣ это не ясное доказательство, что онъ велъ двойную игру?

Digitized by Google

И Брандтъ, не довольствуясь словесными обвиненіями, составилъ при помощи бухгалтера Бетке брошюру противъ графа Дугласа и выпустилъ ее въ свѣтъ.

Брошюра произвела большой скандалъ. Графъ Дугласъ возбудилъ преслѣдованіе противъ Брандта и Бетке по обвиненію въ клеветѣ и попыткѣ къ шантажу.

Въ судѣ продефилировалъ куріозный рядъ свидѣтелей, все мелкихъ сошекъ, загипнотизированныхъ разсказами о милліонномъ наслѣдствѣ. Женщины въ особенности были возбуждены и лишній разъ доказали, какъ онѣ всегда поддаются внушенію, благодаря чему являются такими опасными свидѣтелями въ уголовныхъ процессахъ.

Одна дама, Пильцекеръ, между прочимъ, разсказываетъ о путешествіи, совершенномъ ею въ Голландію въ обществѣ одной изъ женскихъ членовъ фамиліи Брандтъ. И вотъ, что сообщаетъ:—Мы ходили въ Амстердамскій архивъ. И тамъ господинъ, худо говорившій по-нѣмецки, сказалъ намъ:—Зачѣмъ вы сюда пріѣхали? Всѣ документы находятся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, въ рукахъ графа Дугласа. .

По возвращеніи въ Берлинъ, г-жа Пильцекеръ и Амелія Брандтъ идутъ къ голландскому посланнику. Тамъ одинъ молодой человѣкъ, худо говорящій по-нѣмецки, объявлялъ имъ:—Главныхъ виновныхъ слѣдуетъ искать въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Голландія тутъ ни при чемъ.

Тогда обѣимъ женщинамъ приходитъ въ голову написать королевѣ Вильгельминѣ. Ихъ снова призываютъ въ голландское посольство, гдѣ одинъ высокопоставленный чиновникъ, сложивъ руки, умоляетъ: — Ея величество ничего еще не знаетъ. Ей еще не показывали вашего письма. Не губите насъ!

Вотъ, что послышалось женщинамъ! Что же думать о другомъ свидѣтелѣ, на этотъ разъ мужчинѣ, который увѣряетъ, что видѣлъ и слышалъ своими глазами и ушами, какъ самъ Вильгельмъ II толковалъ съ графомъ Дугласомъ... и конечно о наслѣдствѣ.

— Голландцы, — восклицалъ императоръ,—вернутъ сто милліоновъ (свидѣтель уже насчитываетъ цѣлыхъ сто милліоновъ). Они вернутъ наши милліоны, или мы сами отправимся за ними.

Трактирщикъ Пильцекеръ такъ убѣжденъ, что наслѣдство вѣрное, что увѣряетъ, будто американскій милліардеръ Вандербильтъ собирается пріобрѣсти его отъ наслѣдниковъ, выговаривая себѣ (на то онъ дѣловой человѣкъ) львиную долю.

— Онъ предлагаетъ намъ 10 милліоновъ, — заключилъ онъ, — но мы хотѣли бы, по крайней мѣрѣ, пятнадцать...

Процессъ, вѣроятно, продолжался бы и долѣе среди всеобщаго хохота, если бы какой-то подозрительный дѣлецъ не предъявилъ документа съ гербовыми марками и подписями, по которому графъ Дугласъ получилъ будто бы въ счетъ наслѣдства Брандтъ пять милліоновъ. Между тѣмъ, этотъ документъ, исходившій будто бы изъ амстердамскаго суда, былъ написанъ по-нѣмецки. Поддѣлка была явная, и свидѣтеля, доставившаго этотъ документъ, арестовали на самомъ засѣданіи суда.

То было началомъ погрома. На другой день оба подсудимые: Брандтъ и Бетке, оставленные на свободѣ, не явились на засѣданіе. За ними послали на квартиру: они изъ нея скрылись, что являлось краснорѣчивѣйшимъ изъ признаній.

Судъ немедленно постановилъ заочное рѣшеніе: Или же подсудимые,—говоритъ главное заключеніе суда,—обсудили вопросъ внимательно, и тогда они недобросовѣстны, ибо невиновность графа Дугласа очевидна; или же они легкомысленно предъявили свои обвиненія, и въ такомъ случаѣ они заслуживаютъ подозрѣнія.

Судъ приговорилъ Брандта къ двумъ годамъ, а Бетке къ полутора годамъ тюремнаго заключенія.

Такъ окончилось нѣмецкое дѣло à la Эмберъ.

* * *

Подвиги отечественныхъ «Раммовъ» невольно возбуждаютъ вниманіе къ издательскимъ продѣлкамъ на Западѣ, и полагаемъ, что для читателей не безъинтересно будетъ познакомиться съ слѣдующимъ характернымъ процессомъ, разбиравшимся недавно въ коммерческомъ судѣ въ Брюсселѣ.

Газета «Soir» начала тяжбу по обвиненію въ безчестной конкуренціи съ анонимнымъ обществомъ консервативной печати, издателемъ газеты «Petit Belge» и «Journal de Bruxelles». Газета «Petit Belge», для того, чтобы увеличить свою подписку, разослала циркуляръ, въ которомъ систематически задѣвается газета «Soir», съ цѣлью привлечь подписчиковъ къ «Petit Belge».

Газета «Soir» проситъ судъ объявить такую конкуренцію безчестной или, по крайней мѣрѣ, незаконной и присудить анонимное общество консервативной печати къ уплатѣ 10.000 франковъ убытковъ и къ напечатанію десяти объявленій о томъ въ газетахъ.

«Мы вчинаемъ тяжбу по обвиненію въ безчестной конкуренціи, — такъ началъ свою рѣчь адвокатъ «Soir».—Мнѣ нечего, господа, рекомендовать вамъ «Soir». Эта газета существуетъ уже 15 лѣтъ, и вы достаточно ее знаете. Что касается газеты «Petit Belge», то она тоже извѣстна уже съ самаго начала своего существованія, она отличается куріозной

Digitized by Google

спеціальностью: отбивать подписчиковъ у своихъ конкурентовъ. Въ первые же дни своего рожденія она предстала передъ вами, господа судьи, и была осуждена за безчестную конкуренцію, отъ того, что подражала цвѣту, заглавію и бумагѣ газеты «Petit Bleu». На этотъ разъ она принялась за «Soir» и не въ Брюсселѣ, гдѣ эту газету трудно уронить, но въ провинціи, гдѣ, при помощи своихъ друзей изъ клерикаловъ, она хотѣла вызвать уменьшеніе подписки на «Soir» въ семьяхъ и замѣстить ее подпискою на «Petit Belge».

Такимъ образомъ, недавно она разослала сельскимъ священникамъ и ихъ помощникамъ циркуляръ, на который и жалуется «Soir». Вмѣстѣ съ этимъ циркуляромъ и въ видѣ приложенія «Petit Belge» разослала также и брошюру, составленную изъ купюръ и экстрактовъ статей, появлявшихся въ «Soir», обработавъ ихъ посвоему; такъ, масса читателей, подписчиковъ «Soir» наивно заявляютъ:—Какъ любопытно. Я никогда не читалъ въ «Soir» тѣхъ опасныхъ и дурныхъ вещей, о которыхъ вы говорите. А въ заключеніе въ брошюрѣ приводится извлеченіе изъ аппелляціоннаго приговора, опредѣляющаго право критики одного журнала другимъ. Брошюра даетъ понять, что критическіе отзывы, приводимые въ приговорѣ, составляютъ мнѣніе аппелляціоннаго суда, тогда какъ они являются отзывами газеты «Patriote», которые судъ, не смотря на ихъ рѣзкость, объявляетъ подъ защитой статьи 14 конституціи.

Брошюра даетъ понять, что аппелляціонный судъ объявилъ безнравственными нѣкоторые фельетоны, объявленія и судебные отчеты «Soir». Между тѣмъ, «Petit Belge» отлично знаетъ, что это вовсе не мнѣніе аппеляціоннаго суда, но намекаетъ на это, разсчитывая, такимъ образомъ, обмануть довѣріе многихъ подписчиковъ...

Чтобы этотъ процессъ могъ имѣть мѣсто,—продолжалъ далѣе адвокатъ,—я долженъ установить:

1) Что общество есть коммерческое;

2) Что пріемы «Petit Belge» имѣли цѣлью отвлечь часть подписчиковъ отъ «Soir»;

3) Что эти пріемы незаконны. Является ли коммерческимъ дѣломъ газета «Petit Belge» или, вѣрнѣе, анонимное общество консервативной печати?

16-го августа 1895 г. общество было учреждено анонимно въ Брюсселѣ, передъ нотаріусомъ Шейвенъ и съ цѣлью «изданія газетъ, журналовъ и печатныхъ произведеній». Итакъ, ваша цѣль эксплоатировать журналы, собирая подписчиковъ и объявленія.

... Итакъ, вы — коммерсанты, но ваши отчеты показываютъ, что вы — коммерсанты несчастливые. Ваши отчеты достаточно это показываютъ. Въ 1897 году вы потеряли 30.147,37 франковъ; въ 1888 году — 60.231,01 на предыдущихъ предпріятіяхъ и 10.347 франковъ въ 1899 г. Къ концу 1901 г. ваши потери равняются 83.678 фр. Итакъ, въ концѣ прошлаго года вы потеряли около 85.000 фр., еще 15.000 фр. потери, и у васъ явится потеря въ 100.000 фр., которая, въ силу статутовъ, дозволитъ распущеніе общества. Ликвидація же общества означаетъ разореніе газеты «Petit Belge» и ея директоровъ. Какъ же тутъ не прибѣгать къ рекламѣ!

Съ такими потерями—20.000 фр. въ годъ или 20% капитала,—невозможно увеличивать плату администраторамъ и редакторамъ.

Вотъ новая причина для директоровъ выпустить безчестный циркуляръ, о которомъ говорено выше.

Итакъ, установлено, что нашъ противникъ—коммерсантъ. Въ вашемъ циркулярѣ еще сказано, что для того, чтобы бороться съ «Soir», газета «Petit Belge» сократила цѣну подписки до 8 франковъ. Безъ этого сокращенія подписка не увеличилась бы. И вдобавокъ циркуляръ предлагаетъ подписку въ видѣ опыта, и вы хвалитесь, что, благодаря уменьшенію подписной платы, вы значительно увеличили число своихъ подписчиковъ. Такія признанія въ конкуренціи достаточны, чтобы установить послѣднюю, въ этомъ всякій согласится.

Законны ли ваши пріемы?

Главный аргументъ вашей защиты заключается въ томъ, что вы дѣйствовали въ смыслѣ политической пропаганды.

И развѣ это относится къ политикѣ, когда съ самаго начала своего существованія «Petit Belge» конкурировала съ «Petit Bleu»? Развѣ можно назвать пропагандой то, когда консервативная газета подражаетъ наружному виду газеты либеральной?

Задать такой вопросъ значитъ и разрѣшить его.

Но этого мало: когда занимаются политической пропагандой, то ведутъ ее открыто на страницахъ своего журнала.

Если бы вы прибѣгли къ этому добросовѣстному и честному способу, то тѣ, на кого вы нападаете, имѣли бы право, въ силу законовъ о печати, отвѣчать вамъ. Вы же, напротивъ того, дѣйствовали изъ-за угла, разсылая циркуляры, въ которыхъ вы, впрочемъ, сознаетесь, что публика не находитъ въ «Soir» того антиклерикализма, противъ котораго вы протестуете; по какому же праву вы хотите ей доказать, путемъ тайныхъ циркуляровъ, что антиклерикализмъ, котораго она не находитъ въ «Soir», въ немъ находится?

Digitized by Google

Или вы преслѣдуете нравственную цѣль? Но почему же въ такомъ случаѣ «Journal de Bruxelles», такой же защитникъ морали, какъ и «Petit Belge», ни слова не говоритъ о «Soir»? По той простой причинѣ, что подписка на «Journal de Bruxelles» стоитъ слишкомъ дорого, чтобы «Soir» могла быть ей конкурентомъ. Итакъ, вы задаетесь не цѣлью католической пропаганды, но коммерческой цѣлью: вы просто хотите отбить подписчиковъ у «Soir», на что можете надѣяться, благодаря пониженію цѣны на «Petit Belge». Быть можетъ, вы сошлетесь какъ на аргументъ, на имена почтенныхъ людей, основавшихъ вашу газету? Но между хозяевами и ихъ наемниками—цѣлая бездна. Вѣдь у васъ были тѣ же самые хозяева, когда васъ осудили за ваши дѣйствія относительно «Petit Bleu»? Не въ томъ дѣло, что честные люди основали вашу газету, а въ томъ, чтобы знать: не оказываете ли вы безчестную конкуренцію подъ ихъ покровомъ.

Что же касается вашей политической цѣли и защиты принциповъ, то они не исключаютъ духа конкуренціи. Если вѣрно, что если съ одной стороны вы преслѣдуете политическую цѣль, то не менѣе вѣрно, что съ другой стороны вы также оберегаете свой карманъ.

Вы—газетные торговцы, ваша цѣль заключалась въ томъ, чтобы отнять у насъ подписчиковъ и переманить ихъ въ свою лавочку. На-ряду съ политической цѣлью вы преслѣдуете и цѣль коммерческую. Вамъ не дозволено подъ прикрытіемъ политической цѣли совершать худшія злоупотребленія безчестной торговлей.

Защитникъ интересовъ «Petit Belge», г. Бонви, высказываетъ мнѣніе, что суду приходится разбирать тяжбу «между лавочниками» и что его отъ этого «тошнитъ»; газета «Soir»—лавочка; у нея нѣтъ принциповъ; она величаетъ себя нейтральнымъ органомъ и затѣяла процессъ за то, что ей отказываютъ въ этомъ качествѣ. Газета, по ея мнѣнію, товаръ: читатели—покупатели. Нечего сказать! Благородный взглядъ на печать! Мы же нѣчто совсѣмъ иное. Общество консервативной печати есть дѣло патріотическое и религіозное! «Для Бога», «для отечества»! Вотъ его принципы. Она не гонится за деньгами. Остальныя газеты друзья или враги. Съ друзьями мы идемъ рука объ руку (смѣхъ въ публикѣ), съ врагами же—сражаемся. Мы вступили въ борьбу съ вами, потому что вы не ограничивались своей лавочкой...

Въ концѣ концовъ адвокатъ защиты, переходя къ самой тяжбѣ, высказываетъ мнѣніе, что коммерческій судъ въ ней не компетентенъ. Эксплоатація газеты, конечно, дѣло коммерческое, но судъ не можетъ судить о дѣйствіяхъ коммерсанта, когда его дѣйствія не носятъ коммерческаго характера. Печатаніе, продажа, эксплоатація объявленій газеты составляютъ коммерческія дѣйствія. Но на-ряду съ ними является гражданскій характеръ: пропаганда идеи, духа.

«Petit Belge» издается въ духѣ наживы. Ради пропаганды своихъ идей гонится онъ за подписчиками и только.

Въ заключеніе г. Бонви читаетъ различные приговоры и рѣшенія, касающіеся газетъ.

Адвокатъ противной стороны спрашиваетъ:—Найдется ли у васъ рѣшеніе относительно циркуляра?

Бонви.—Очевидно, нѣтъ. Такого процесса еще не бывало. Если бы я напечаталъ свой отчетъ въ «Petit Belge», вы бы ничего противъ этого не имѣли? О.—Очевидно, нѣтъ, въ этомъ весь процессъ.

Бонви оспариваетъ мнѣніе, что газеты имѣютъ право призывать друга друга къ отвѣту, и объявляетъ, что «Petit Belge» имѣла право поступить такъ, какъ поступила. Процессъ ни на чемъ не основанъ, это пуфъ, реклама въ періодъ подписки. Судъ долженъ признать себя некомпетентнымъ.

Защитникъ истца Мойеръ:—Я не послѣдую за г. Бонви на ту почву, на которую онъ становится. Я вчинаю процессъ по обвиненію въ безчестной конкуренціи, а не тотъ процессъ, который измышленъ моимъ почтеннымъ противникомъ. Но пусть, однако, дозволитъ мнѣ судъ отвергнуть всѣ обвиненія—такія же нелѣпыя, какъ и остальныя—въ безнравственности, безбожіи, которыя высказывались въ этомъ засѣданіи противъ «Soir». Циркуляръ, разосланный намъ во вредъ, подписанъ Феликсомъ Геккъ, директоромъ «Journal de Bruxelles» и «Petit Belge». Г-нъ Геккъ носитъ и другое имя: Карла Мобрэ, и подъ этимъ именемъ написалъ «Contes guillerets», а потому сужденія Карла Мобрэ, Геккъ тожь, насъ не касаются (движеніе въ публикѣ). Перехожу теперь къ процессу. Здѣсь находятся только два коммерсанта, и дѣло идетъ о процессѣ по безчестной конкуренціи, основанномъ единственно на циркулярѣ и на брошюрѣ, за нимъ послѣдовавшей. Этотъ циркуляръ былъ разосланъ исключительно извѣстной категоріи лицъ и между прочимъ многимъ аббатамъ. Тутъ нѣтъ спора о мнѣніяхъ, и не во мнѣніяхъ тутъ дѣло. Это реклама, пущенная съ цѣлью отбить у «Soir» подписчиковъ для «Petit Belge». Этотъ циркуляръ не настоящее сочиненіе, это не произведеніе печати, какъ нельзя назвать таковымъ объявленіе, которое было бы раздаваемо на улицѣ въ пользу «Petit Belge» и во вредъ «Soir». А потому судъ компетентенъ... Ваше анонимное общество имѣетъ цѣлью торговлю, слѣдовательно, гонится за наживой. Вредъ, который вы намъ причинили, значителенъ. Мы требуемъ вознагражденія.

Digitized by Google

Бонви.—Два слова только. Тутъ приводилось имя Карла Мобрэ, псевдонимъ, подъ которымъ теперешній директоръ «Journal de Bruxelles» и «Petit-Belger» написалъ Contes guillerels. И я читалъ эти сказки; это, конечно, фарсы во вкусѣ Раблэ, но въ нихъ нѣтъ ничего ужаснаго. Гекка-Мобрэ очень хвалилъ когда-то за эти сказки Жюль Дестре въ «Journal de Charleroi». «Это веселыя исторіи, говорилъ будущій депутатъ соціалистовъ въ Шарльруа, Мобрэ достойный ученикъ Армана Сильвестра,

...Эта книга забавна по своей галльской соли... Раса bons vivants, которые облизываютъ губы, читая разсказы Жиль Блаза, будутъ ею утѣшены...

Президентъ.—Ну, вы кончили, не правда ли? Надѣюсь, что здѣсь не станутъ читать изъ Зола, чтобы отомстить за его память (Смѣхъ.). Засѣданіе откладывается.

По возобновленіи засѣданія, судъ призналъ себя некомпетентнымъ, между прочимъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

Принимая во вниманіе, что хотя отвѣтчикъ и желалъ набрать подписчиковъ для газетѣ «Petit Belge» въ ущербъ газеты «Soir», тѣмъ не менѣе невозможно доказать фактами, добытыми во время преній, что отвѣтчикъ, выпуская циркуляръ, дѣйствовалъ лишь ради одной наживы, помимо всякой цѣли пропаганды политическихъ идей газеты «Petit Belge» и борьбы съ теоріями, основательно или не основательно приписываемыми газетѣ «Soir»;

Принимая во вниманіе, что настоящая raison d'être отвѣтчика есть политическая пропаганда и изданіе произведеній ума, что его дѣятельность всегда выражалась только въ этомъ смыслѣ и что газета «Petit-Belge» по существу боевой органъ и что коммерческая сторона: погоня за подписчиками и объявленіями составляетъ въ сущности лишь вознагражденіе за расходы, сдѣланные въ интересахъ этой пропаганды (!).

Что если и должно видѣть въ циркулярѣ совѣтъ, клонящійся къ тому, чтобы подписчики отдавали предпочтеніе газетѣ «Petit Belge», но нельзя вывести изъ него заключенія, что этотъ циркуляръ абсолютно и исключительно имѣлъ началомъ, причиной и цѣлью издательскую коммерцію...

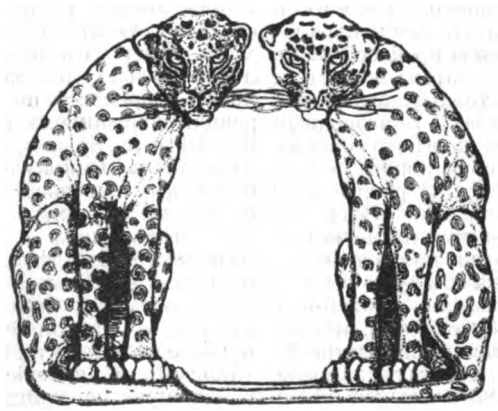
Принимая во вниманіе, что изъ этихъ соображеній вытекаетъ, что исключительная компетенція консульскаго суда не оправдывается по существу въ силу двойственнаго характера фактовъ обвиненія;

По этимъ причинамъ:

Судъ объявляетъ себя некомпетентнымъ ratione materiae, отказываетъ истцу въ искѣ и присуждаетъ его къ уплатѣ судебныхъ издержекъ...

Не поздоровится отъ такихъ «принимая во вниманіе» отвѣтчику, да при томъ газета «Soir» переноситъ свой искъ въ другой судъ, который, можетъ быть, окажется не такимъ Шемякинымъ судомъ, какъ коммерческій судъ.

А. Э.



Digitized by Google

Машина эта (рис. 45) состоитъ изъ сильнаго подковообразнаго магнита А, такъ укрѣпленнаго на вертикальной оси С, что онъ можетъ на этой оси при помощи рукоятки и зубчатыхъ колесъ R и P быть приводимъ во вращеніе. Надъ магнитомъ имѣются неподвижныя сверху соединенныя между собой катушки B B'. Катушки эти образуютъ электромагнитъ, полюса котораго приходятся какъ разъ надъ полюсами настоящаго магнита. При каждомъ оборотѣ магнита А его полюса то приближаются, то удаляются отъ полюсовъ электромагнита. Въ этомъ послѣднемъ поэтому появляется индуктивный токъ, направленіе котораго мѣняется каждые полоборота. При помощи коммутатора, устройство котораго мы здѣсь описывать не будемъ, ибо съ подобнымъ же коммутаторомъ намъ придется познакомиться подробнѣе нѣсколько далѣе, перемѣнныя направленія тока приводятся къ направленію постоянному и на кондукторѣ ff', идущемъ отъ коммутатора, получается постоянный электрическій токъ.

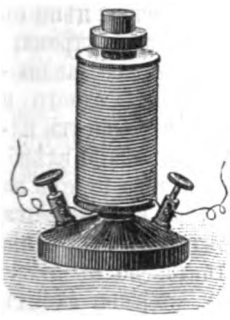


Рис. 42. Электромагнитъ.

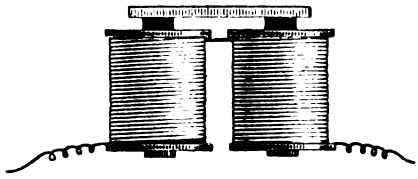


Рис. 43. Электромагнитъ.

Опытъ показалъ, что для успѣшной работы машины Пиксіи надо увеличивать возможно больше вѣсъ магнита, въ то время, какъ электромагнитъ можетъ быть сдѣланъ значительно менѣе массивнымъ. Вращеніе тяжелаго магнита требовало большихъ усилій; чтобы избѣжать его, Сакстонъ внесъ въ машину Пиксіи первое измѣненіе; онъ сдѣлалъ магнитъ неподвижнымъ, а сталъ вращать болѣе легкій электромагнитъ; части прибора, кромѣ того, были перенесены изъ вертикальнаго положенія въ горизонтальное и вращеніе производилось около горизонтальной, а не вертикальной оси.

Машина Кларка.

Слѣдующее и болѣе существенное измѣненіе въ машину Пиксіи было внесено Кларкомъ. Машина Кларка изображена на рис. 46. Сильный магнитъ АВ, составленный изъ нѣсколькихъ подковообразныхъ плоскихъ полосъ, укрѣпленъ на вертикальной деревянной доскѣ. Противъ его полюсовъ имѣются двѣ катушки, со стороны магнита соединенныя

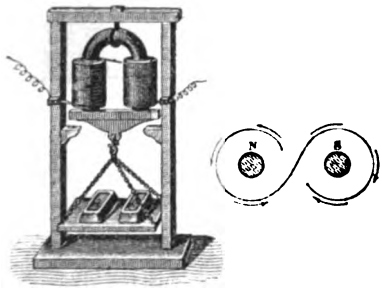


Рис. 44. Электромагнитъ въ видѣ подковы.

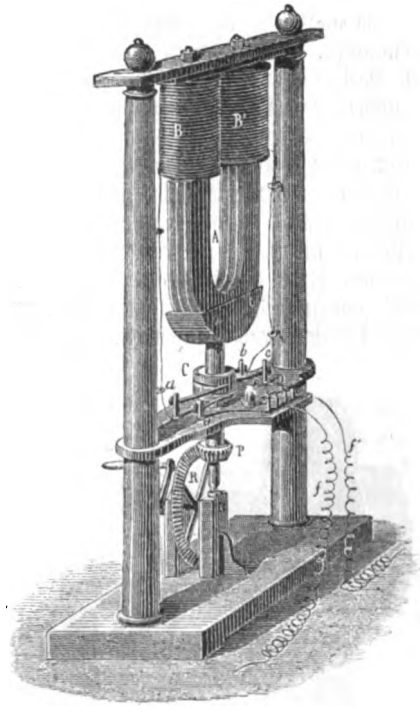


Рис. 45. Магнито-электрическая машина Пиксіи.

Digitized by Google

Рис. 46. Магнито-электрическая машина Кларка.

мѣдной полосой, а съ противоположной стороны полосой желѣзной tt'. Катушки эти, представляющія изъ себя не что иное, какъ электромагнитъ, могутъ вращаться около оси f, проходящей затѣмъ между развилкой магнита, и за деревянной основной доской несущей зубчатку, сцѣпляющуюся помощью безконечной цѣпи съ большимъ колесомъ съ рукояткой. Когда электромагнитъ приведенъ во вращеніе, катушки, его составляющія, проходятъ при каждомъ оборотѣ мимо одного и другого полюса магнита. Въ виду того, что обмотка катушекъ сдѣлана на одной вправо, а на другой влѣво, при прохожденіи полюсовъ направленіе тока будетъ на обоихъ мѣняться въ одну сторону. Токъ возбуждается въ катушкахъ черезъ индукцію вслѣдствіе прохожденія ихъ около полюсовъ магнита, но въ то же время намагничиваются и стержни самихъ катушекъ и, намагничиваясь, еще усиливаютъ индуктивный токъ.

Для полученія тока одного направленія въ машинѣ Кларка приходится также прибѣгать къ помощи коммутатора, который мы здѣсь и опишемъ подробнѣе; устройство его изображено на рис. 47 и 48. На продолженіи оси вращенія электромагнита надѣтъ изолированный колпакъ, на поверхности котораго укрѣплены двѣ металлическія пластинки E E' въ формѣ полуколецъ. Промежутки между этими пластинками съ той и другой стороны какъ разъ діаметрально противоположны и находятся въ одной плоскости съ осями обѣихъ катушекъ. Одна изъ пластинокъ E' при помощи язычка g соединяется съ кольцомъ e и при его посредствѣ съ однимъ изъ концовъ обмотки электромагнита (рис. 48) d'. Другой конецъ обмотки соединенъ со внутренней металлической осью, на которую надѣтъ рукавъ съ пластинками EE', а пластинка E соединена съ осью посредствомъ винта, проходящаго черезъ изолированный слой рукава. Двѣ пружины rr' нажимаютъ снаружи на пластинки E и соединяютъ ихъ съ внѣшнимъ проводникомъ. При каждомъ полуоборотѣ, въ тотъ самый моментъ, когда индук-

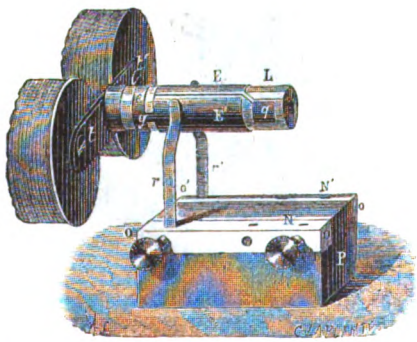


Рис. 47. Коммутаторъ машины Кларка.

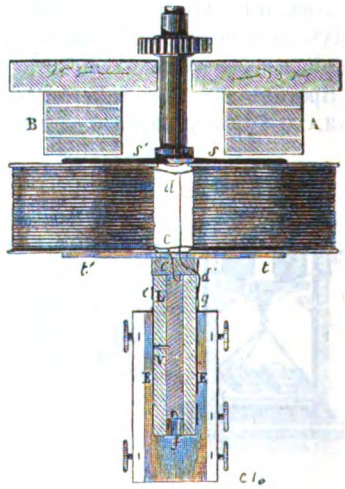


Рис. 48. Коммутаторъ Кларка.

Digitized by Google

тивный токъ въ катушкахъ мѣняетъ свое направленіе, пружина r' раньше скользившая по пластинкѣ E переходитъ на пластинку E', а пружина r съ пластины E' на пластину E. Такимъ образомъ каждая изъ пружинъ r постоянно получаетъ токъ одного направленія, но только по очереди то съ одного конца обмотки электромагнита, то съ другого.

Машина „Алліансъ".

Около 1849 года профессоръ физики въ Брюссельской военной школѣ Нолле составилъ проектъ, исходя изъ машины Кларка, индукціонной машины, которая могла бы быть источникомъ электричества для промышленныхъ цѣлей. Нолле умеръ, однако, не приведя своихъ плановъ въ исполненіе, и его работы были закончены сотрудникомъ его, въ то время

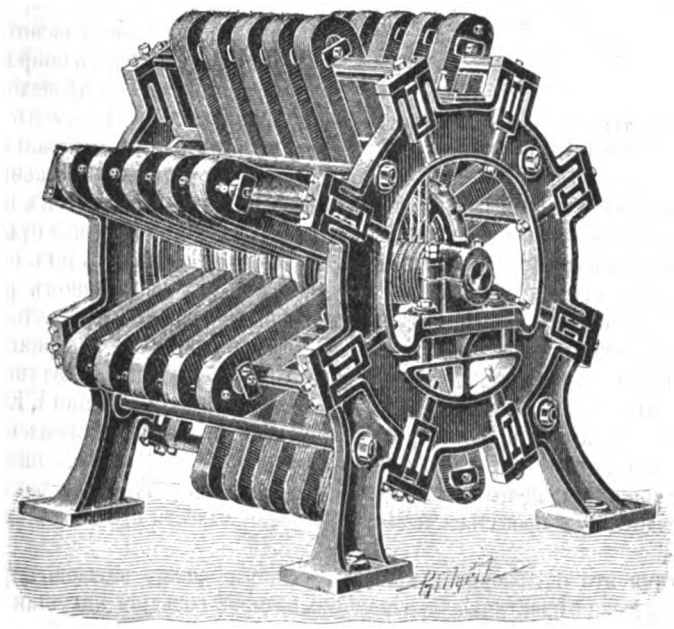


Рис. 49. Магнито-электрическая машина.

рабочимъ, а затѣмъ инженеромъ Жозефомъ Ванъ Мальдеренъ. Машина, построенная этимъ послѣднимъ (рис. 49), была принята компаніей «Алліансъ» электрическаго освѣщенія маяковъ.

Это та же машина Кларка, но повторенная большое число разъ. На нашемъ рисункѣ число повтореній равно 40. Машина состоитъ изъ 8 рядовъ подковообразныхъ магнитовъ, расположенныхъ по кругу такъ, что ихъ полюса обращены къ центру. Въ каждомъ ряду имѣется по пяти магнитовъ. Въ центрѣ всей системы между полюсами магнитовъ на вращающейся оси насажено 8 рядовъ катушекъ въ каждомъ ряду по пяти паръ. Катушки совершенно подобны таковымъ же Кларка. Ось съ электромагнитами приводится во вращеніе паровой машиной; индуктивный токъ со всѣхъ электромагнитовъ собирается и направляется во внѣшній проводъ. Съ нѣсколько измѣненной де-Меритенсомъ машиной «Алліансъ» мы встрѣтимся еще дальше при описаніи примѣненія электричества къ освѣщенію маяковъ.

Магнито-электрическая машина Грамма.

Наибольшее распространеніе получила и теперь еще имѣется во всякомъ физическомъ кабинетѣ магнито-электрическая машина французскаго физика и конструктора

Digitized by Google

Грамма. Имъ была практически рѣшена задача удобнаго полученія постояннаго тока при помощи магнито-электрической машины. Схема устройства машины Грамма представлена на рис. 50. SN полюсы магнита или, какъ его въ подобныхъ случаяхъ называютъ, индуктора; между ними имѣется кольцо изъ мягкаго желѣза, вращающееся на своей оси. Въ кольцѣ этомъ вслѣдствіе его положенія между полюсами магнита во все время вращенія имѣются сѣверный и южный полюсы (сѣверный противъ S магнита, а южный противъ N) и между ними на діаметрѣ параллельномъ рукавамъ магнита полоса нейтральная. Около описаннаго кольца намотана въ видѣ ряда катушекъ изолированная проволока; это будетъ рядъ катушекъ, соединенныхъ послѣдовательно. Разсмотримъ одну изъ такихъ катушекъ и попробуемъ уяснить себѣ, что̀ въ ней происходитъ при вращеніи кольца. Возьмемъ катушку, находящуюся въ нейтральномъ положеніи E′; при приближеніи ея къ южному полюсу магнита, въ ней разовьется и будетъ все усиливаться токъ извѣстнаго направленія. Достигнувъ своей наибольшей интенсивности, когда катушка будетъ какъ разъ противъ полюса, токъ затѣмъ при дальнѣйшемъ вращеніи кольца будетъ ослабѣвать, не мѣняя своего направленія; въ точкѣ E″, находящейся на равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, токъ въ нашей катушкѣ совершенно прекратится, чтобы затѣмъ появиться снова, но уже въ обратномъ направленіи подъ вліяніемъ сѣвернаго полюса магнита. Если мы теперь посмотримъ на всю совокупность кольца съ катушками, то намъ станетъ ясно, что всѣ катушки, находящіяся наверху отъ средней линіи E′E″, будутъ пробѣгаемы токомъ разнаго напряженія, но одного направленія и направленія противоположнаго тому, по которому токъ идетъ въ катушкахъ, находящихся ниже линіи E′E″. Такъ какъ катушки соединены послѣдовательно, то токъ верхнихъ и токъ нижнихъ въ отдѣльности будетъ суммироваться, остается только вывести его съ кольца на внѣшній проводъ.

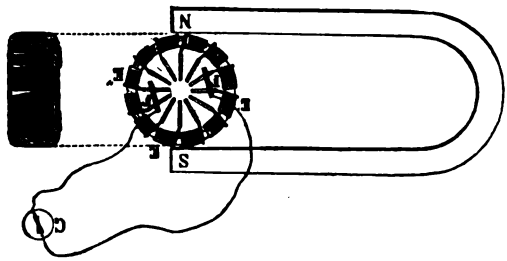


Рис. 50. Схема устройства магнито-электрической машины Грамма.

Достигается это слѣдующимъ приспособленіемъ: между каждою парой катушекъ имѣется металлическая пластинка, при помощи которой сосѣднія катушки и сообщаются другъ съ другомъ. Одна отъ другой эти пластинки тщательно изолированы. Пластинки эти и ихъ расположеніе хорошо видны на рис. 51, изображающемъ разрѣзъ кольца Грамма; обозначены онѣ на рисункѣ буквами R. Съ этихъ пластинокъ или, какъ ихъ называютъ, коллекторовъ токъ собираютъ при помощи металлическихъ щетокъ или кисточекъ, установленныхъ такъ, что они касаются коллекторовъ R при вступленіи ихъ въ нейтральную полосу E′E″. Такимъ образомъ токи, возбужденные въ обѣихъ половинахъ кольца съ катушками, соединяютъ во внѣшнемъ проводникѣ совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ при параллельномъ соединеніи двухъ гальваническихъ элементовъ. Постоянный токъ получается безъ помощи какихъ-либо коммутаторовъ-выпрямителей, а эти послѣдніе представляютъ одну изъ слабыхъ сторонъ магнито-электрическихъ машинъ другихъ системъ.

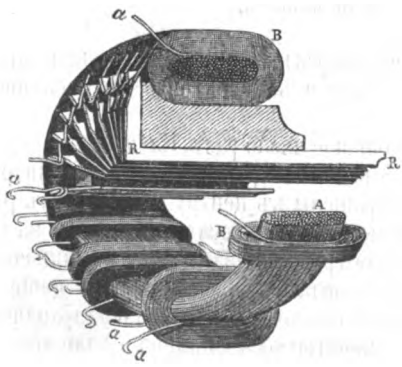


Рис. 51. Кольцо Грамма.

Рис. 52 представляетъ общій видъ машины Грамма съ большимъ составнымъ магнитомъ Жамена.

Digitized by Google

Машины динамо-электрическія. Машина Вильда.

Англійскій инженеръ Вильдъ внесъ въ 1865 году въ конструкцію электрическихъ машинъ существенное видоизмѣненіе, вошедшее въ различнѣйшихъ видахъ затѣмъ во всѣ послѣдующія машины. Индукторомъ въ его машинѣ является не магнитъ, а электромагнитъ, въ которомъ токъ возбуждается особымъ небольшимъ магнитомъ. Машина Вильда изображена на рис. 53. Между полюсами небольшого электромагнита М вращается маленькая катушка; возбужденный индукціей токъ съ нея направляется въ обмотку большого электромагнита АВ. Токъ предварительно выпрямляется посредствомъ особаго коммутатора. Между полюсами ТТ' электромагнита АВ вращается другая катушка, во много разъ по размѣрамъ превосходящая катушку верхнюю. Незначительный токъ, возбужденный магнитомъ М въ верхней катушкѣ, пройдя черезъ электромагнитъ, въ силу новой индукціи возбуждаетъ въ нижней катушкѣ токъ значительно болѣе сильный. Особенность и достоинство машины Вильда состоитъ въ томъ, что при помощи ея можно получить токъ

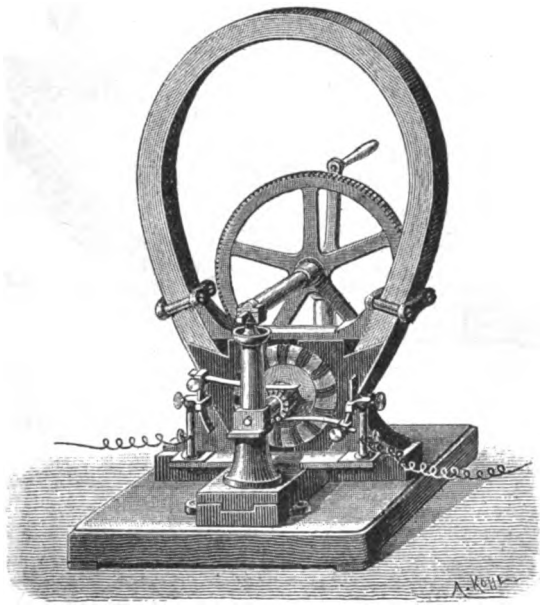


Рис. 52. Магнито-электрическая машина Грамма.

достаточной силы отъ весьма слабаго магнита. Вильдъ построилъ между прочимъ машину съ тремя передачами, т. е. токъ отъ второй катушки шелъ на обмотку второго электромагнита, служившаго индукторомъ для третьей катушки. Съ помощью этой тройной машины изобрѣтателю удалось расплавить полосу платины 6 милл. діаметромъ и 64 сант. длиной. Вторая особенность машины Вильда въ формѣ катушекъ, но форма эта выработана не имъ, а Сименсомъ. Катушка Сименса состоитъ изъ цилиндра изъ мягкаго желѣза, вдоль котораго діаметрально противоположно другъ другу вырѣзаны двѣ канавки для обмотки. Обмотка такимъ образомъ сдѣлана въ этихъ катушкахъ параллельно длинной оси ихъ.

Машина Вильда и другія за ней послѣдовавшія машины, получившія общее названіе машинъ съ отдѣльнымъ возбудителемъ, при всѣхъ своихъ достоинствахъ все же не могутъ обходиться безъ магнита и по неволѣ должны быть усложнены нѣсколькими коммутаторами, якорями и т. д.

Digitized by Google

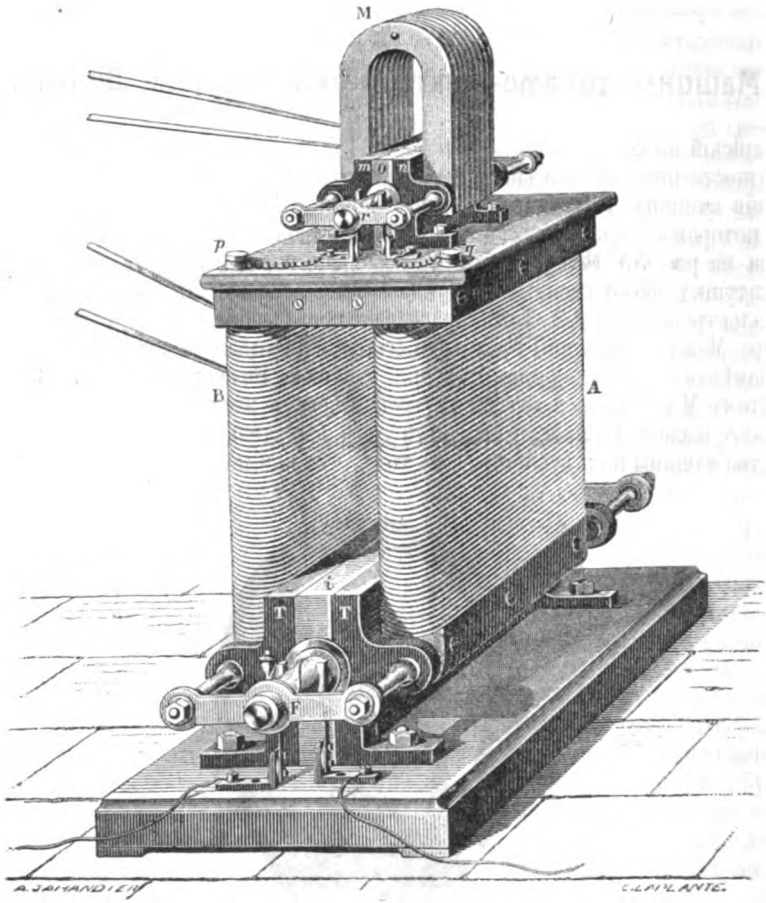


Рис. 53. Магнито-электрическая машина Вильда.

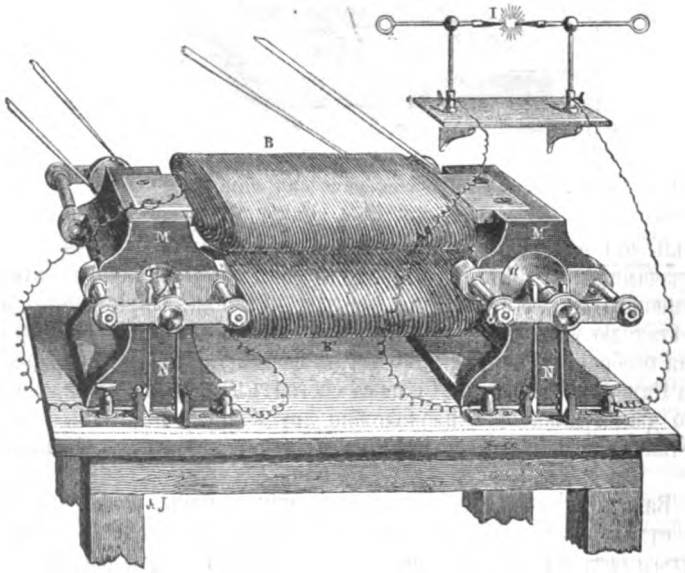


Рис. 54. Динамо-электрическая машина Лэдда.

Digitized by Google

Машины съ самовозбужденіемъ.

Вернеръ Сименсъ и почти одновременно съ нимъ Витстонъ подмѣтили въ 1887 году, что въ сдѣланныхъ изъ мягкаго желѣза сердцевинныхъ пластинкахъ катушекъ вслѣдствіе неполной чистоты желѣза послѣ прекращенія работы машины, не вполнѣ пропадаютъ магнитныя свойства. Достаточно нѣсколькихъ оборотовъ катушекъ передъ полюсами электромагнита, чтобы остаточный магнитизмъ, въ силу появляющихся слабыхъ индукціонныхъ токовъ, началъ возрастать и вскорѣ достигъ нормальной величины. При достиженіи машиной наибольшей скорости вращенія въ наружную цѣпь уже поступаетъ токъ большой силы. Первая машина, построенная на этомъ принципѣ, была машина Лэдда.

Машина Лэдда (рис. 54) есть та же машина Вильда съ двумя катушками Сименса. Электромагнитъ BB′ составленъ изъ двухъ плоскихъ желѣзныхъ пластинъ съ обыкновен-

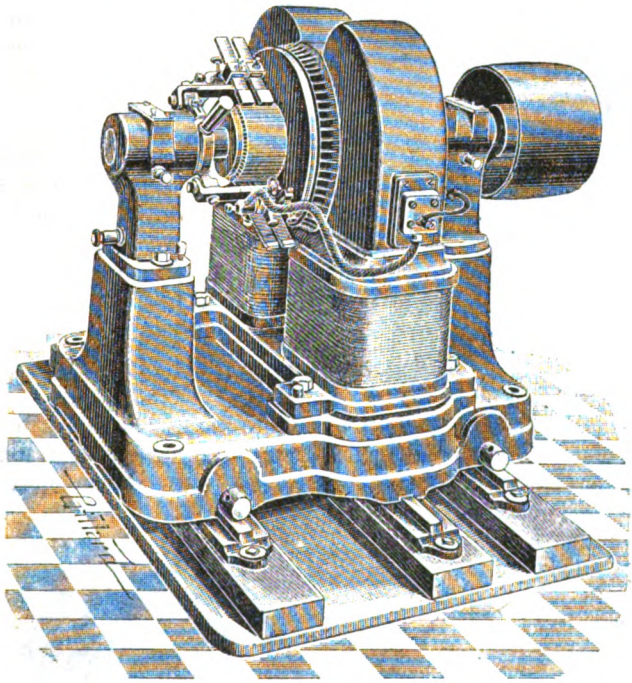


Рис. 55. Динамо-машина Грамма.

ной обмоткой. Между лѣвыми полюсами этихъ двухъ электромагнитовъ вращается маленькая катушка Сименса a′, которая служитъ для первоначальнаго возбужденія тока въ электромагнитахъ. Между правыми полюсами M и N имѣется другая бобина a, большаго діаметра; токъ въ ней индуктируется электромагнитомъ и передается во внѣшнюю цѣпь.

Машина Лэдда подвергалась многочисленнымъ усовершенствованіямъ, но не вошла въ практику. Первой машиной, вошедшей въ практику, была динамо-машина Грамма, выработанная имъ въ 1870 году. Машина эта изображена на рис. 55. Принципъ устройства ея таковъ же, какъ и выше описанной магнито-электрической машины этого конструктора. Кольцо съ обмоткой позволяетъ получать при помощи этой машины токъ одного направленія безъ всякихъ коммутаторовъ, а замѣна магнита электромагнитомъ весьма увеличиваетъ ея силу. Въ модели машины, представленной на нашемъ рисункѣ, индукторомъ является громадный электромагнитъ въ видѣ челюсти; сердцевины обѣихъ сторонъ электромагнита при этомъ отлиты вмѣстѣ съ основаніемъ машины.

Digitized by Google

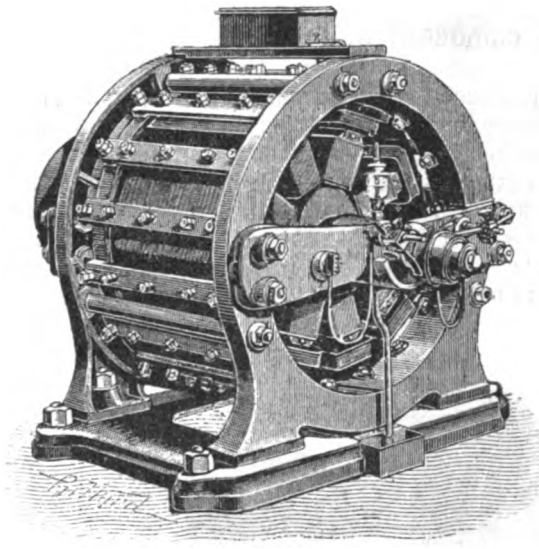


Рис. 56. Альтернаторъ Циперновскаго.

Машина Грамма вѣсомъ въ 4.300 килогр. даетъ токъ силой въ 187 амперъ при напряженіи (разности потенціаловъ) въ 210 вольтъ.

Мы не будемъ описывать всѣхъ разнообразнѣйшихъ, имѣющихся теперь въ практикѣ динамо-машинъ; считаемъ не лишнимъ только еще разъ указать на ихъ составныя части и ихъ названія.

Во всякой динамо-машинѣ имѣется индукторъ въ видѣ того или другого устройства электромагнита. Индукторъ въ большинствѣ случаевъ неподвиженъ. Онъ возбуждаетъ токъ во вращающемся якорѣ или арматурѣ, которая представляетъ изъ себя того или другого устройства катушки съ сердцевиной изъ мягкаго желѣза и обмоткой изъ изолированной проволоки. Катушки соединяются между собой какъ гальваническіе элементы; появляющіеся въ нихъ токи собираются коллекторами. Принципъ устройства коллекторовъ мы видѣли при описаніи магнито-электрической машины Грамма.

Альтернаторы.

Между динамо-машинами, или какъ ихъ часто въ практикѣ просто называютъ, динамо, имѣются дающія, какъ машина Грамма, токъ постоянный, или токи перемѣнные. Иногда первыя машины спеціально называютъ динамо, а вторыя альтернаторами. Альтернаторы употребляются въ настоящее время, пожалуй, значительно чаще машинъ постояннаго тока и во всякомъ случаѣ въ виду ихъ большей простоты устройства (отсутствіе всякаго рода выпрямителей), ихъ надо предпочтительно употреблять вездѣ, гдѣ это возможно.

При современномъ устройствѣ освѣщенія и при передачѣ электрической энергіи на большія разстоянія оказывается не только выгоднѣе, а даже почти необходимо пользоваться именно альтернаторами, такъ какъ только они позволяютъ получить токъ достаточнаго для этой цѣли напряженія. Надо имѣть

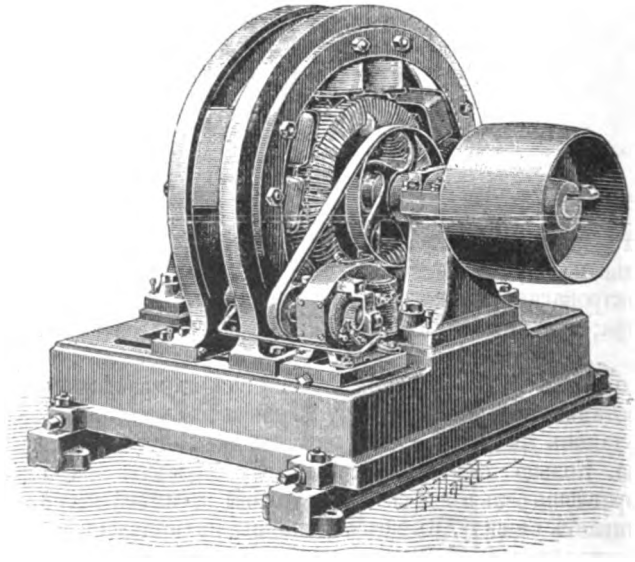


Рис. 57. Альтернаторъ Лабуръ.

Digitized by Google

въ виду еще то обстоятельство, что въ случаѣ нужды токъ перемѣнный можно въ любомъ мѣстѣ, вблизи динамо или на большомъ отъ нея разстояніи, помощью особыхъ приспособленій превратить въ токъ постоянный.

Намъ остается еще указать на то, что въ послѣднее время изъ альтернаторовъ или динамо, дающихъ перемѣнный токъ, все большее примѣненіе получаютъ машины двухъ-трехъ и вообще, многофазныя. Не имѣя возможности останавливаться на этихъ машинахъ, ограничимся только указаніемъ, что въ машинахъ этихъ одинъ индукторъ, дѣйствуя на два, три и больше якоря, поочередно возбуждаетъ въ каждомъ изъ нихъ перемѣнный токъ. Перемѣнные токи эти правильной волной, поочередно достигаютъ своего максимума, такъ что общая сумма силъ ихъ остается все время неизмѣнной.

Для альтернаторовъ большой величины въ послѣднее время примѣняется такого рода устройство, что какъ индукторъ, такъ и якоря дѣлаются неподвижными, а вращается только кольцо, составленное изъ отдѣльныхъ частей изъ мягкаго желѣза, проходящее передъ неподвижными бобинками. Рис. 56—58 представляютъ альтернаторы различныхъ системъ.

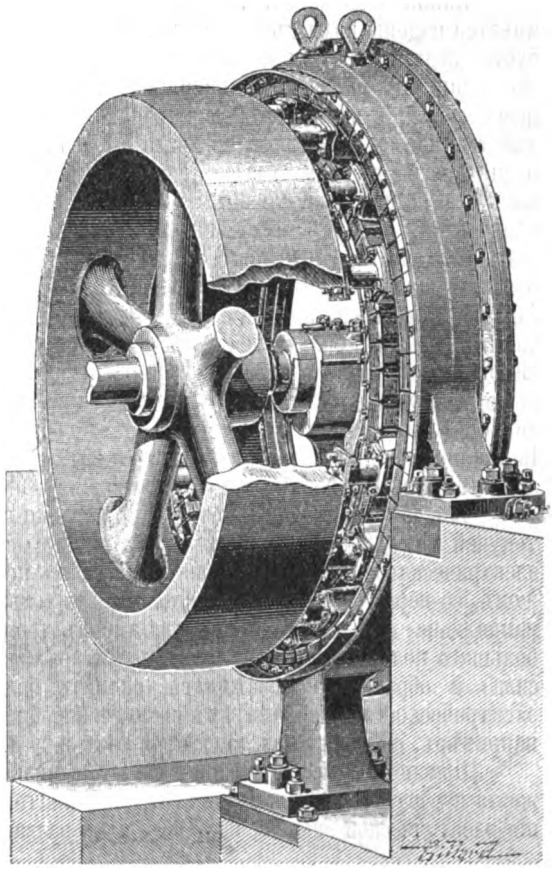


Рис. 58. Трехфазный альтернаторъ.

Обратимость электрическихъ машинъ.—Передача энергіи на разстояніе.

Мы видѣли, что механическая работа превращается въ электрическую энергію: механическій двигатель вращаетъ динамо-машину, которая доставляетъ электрическій токъ. Но и обратно электрическая энергія можетъ быть превращена въ механическую: динамомашина, если черезъ нее пропустить токъ, начинаетъ вращаться.

Это важное открытіе, благодаря которому явилась возможность передавать энергію на разстояніе, должно быть, повидимому, приписано случаю, которымъ умѣло воспользовался одинъ изъ техниковъ, М. Фонтень. Дѣло было на Вѣнской выставкѣ 1872 года; изъ двухъ сосѣднихъ динамо-машинъ Грамма одна работала отъ паровой машины, а другая ждала своей очереди быть испробованной. Рабочій, желая направить токъ работающей машины въ серію лампъ, спуталъ провода и соединилъ ее съ концами обмотки сосѣдней динамо-машины. Къ большому удивленію присутствующихъ вторая динамо при этомъ пришла въ движеніе. Увѣдомленный объ этомъ г. Фонтень тотчасъ же повторилъ опытъ въ разнообразныхъ условіяхъ и между прочимъ въ присутствіи многихъ инженеровъ пустилъ токъ изъ одной динамо въ другую черезъ проводникъ длиною въ 1.000 метровъ. Вторая динамо, получивъ этотъ токъ, не только начала вращаться, но смогла привести въ движеніе центробѣжный насосъ. Задача передачи механической энергіи на разстояніе оказалась рѣшенной. Опыты Фонтеня вскорѣ, а именно 3 іюня 1873 года, были повторены при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи австрійскаго императора.

Digitized by Google

Вторичные источники тока.

До сихъ поръ мы разсматривали такъ называемые первичные источники тока, т.-е. такіе, въ которыхъ различнаго рода энергія (механическая, химическая и т. д.) превращалась въ электрическую. Не менѣе важное значеніе имѣютъ машины и приспособленія, имѣющія цѣлью видоизмѣнять полученную при помощи первичныхъ источниковъ электрическую энергію или накоплять ее. Такія машины и приборы носятъ названіе вторичныхъ источниковъ тока.

Каково ихъ значеніе, можно видѣть изъ слѣдующаго сравненія: положимъ, у насъ имѣется паденіе воды съ небольшой высоты, но въ большомъ количествѣ, намъ же требуется поднять воду въ количествѣ незначительномъ, но на высоту большую. Очевидно, что задачу эту мы можемъ исполнить только при помощи какого-либо механическаго приспособленія, напримѣръ, мельничнаго колеса или турбины, которыя бы приводили въ дѣйствіе насосъ. Сама вода не могла бы, въ виду недостаточной высоты своего паденія, подняться на требуемую высоту, но при помощи колеса и насоса это возможно. Если у насъ будетъ обратный случай и мы будемъ имѣть большое паденіе воды, но въ маломъ количествѣ, а намъ надо поднять воду въ большомъ количествѣ, но на малую высоту, то, хотя вода и можетъ въ такихъ условіяхъ сама подняться на нужную высоту, мы не будемъ ее такимъ образомъ имѣть въ достаточномъ количествѣ. Чтобы выполнить заданіе, намъ снова придется прибѣгнуть къ помощи турбины и насоса и, утилизировавъ такимъ образомъ силу паденія, имѣющагося у насъ источника, поднять воду изъ другого какого источника или водоема. Какъ поступимъ мы, наконецъ, если у насъ имѣется паденіе воды малой силы, а намъ нужна значительная, хотя и не постоянная работа? Очевидно, что мы устроимъ запруду и будемъ собирать воду наверху, передъ ея паденіемъ. Накапливая такимъ образомъ воду, мы затѣмъ можемъ спустить ее въ достаточномъ количествѣ для полученія нужной работы.

Всѣ тѣ превращенія, которыя мы только-что разсмотрѣли для механической силы текучей и падающей воды, могутъ быть и еще съ большимъ удобствомъ продѣланы для электрическаго тока при помощи вторичныхъ источниковъ его. При помощи ихъ мы можемъ, во-первыхъ, токъ малаго количества вольтъ (малая разность потенціаловъ, малое напряженіе) и большого количества амперъ (большая сила тока), превратить въ токъ большаго количества вольтъ (большое напряженіе) и малаго количества амперъ (малая сила) и обратно, а во-вторыхъ, скопить болѣе или менѣе значительное количество электрической энергіи и затѣмъ по мѣрѣ надобности расходовать ее, какъ мы расходуемъ, напримѣръ, собранный въ газометрѣ газъ и т. п.

Приспособленія, превращающія токи низкаго напряженія въ токи высокаго напряженія и обратно, носятъ названіе трансформаторовъ, а приборы, служащіе для накопленія электрической энергіи, извѣстны подъ названіемъ аккумуляторовъ.

Трансформаторы.

Помощью трансформаторовъ можно, какъ мы говорили, обращать токи низкаго напряженія въ токи напряженія высокаго и обратно. Важность полученія токовъ высокаго напряженія понятна съ перваго раза, но когда можетъ быть нужно превращеніе обратное? Такое превращеніе особенно важно при передачѣ электрической энергіи на болѣе или менѣе значительныя разстоянія. Всякому понятно, что устройство электрическаго освѣщенія не только въ каждой квартирѣ, но и въ каждомъ домѣ отдѣльно не можетъ быть такъ удобнымъ и выгоднымъ, какъ устройство общее для всего города или значительной его части; устройство лампъ для освѣщенія, какъ мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ, требуетъ тока не столь высокаго напряженія, какъ большой силы, кромѣ того врядъ ли кто-либо пожелалъ у себя въ квартирѣ имѣть токъ такого напряженія, которое дѣлаетъ

Digitized by Google

прикосновеніе съ обнажившимся проводомъ (случай всегда возможный) смертельно опаснымъ. Съ другой стороны, вести токъ малаго напряженія на далекое разстояніе чрезвычайно невыгодно, такъ какъ, чѣмъ напряженіе тока меньше, тѣмъ должно быть меньше и внѣшнее сопротивленіе, т.-е. тѣмъ толще должна быть та мѣдная проволока, по которой ведутъ токъ со станціи до мѣста его потребленія. При высокихъ цѣнахъ на мѣдь и при сколько-нибудь значительныхъ разстояніяхъ расходъ на проволоку становится настолько великъ, что не можетъ окупаться выгодами устройства общей, въ нашемъ примѣрѣ, станціи электрическаго освѣщенія. Тутъ-то и оказываютъ незамѣнимую услугу тѣ трансформаторы, при помощи которыхъ можно токи высокаго напряженія обращать въ токи напряженія слабаго. На центральной станціи мы ставимъ, положимъ, динамо, дающую токъ очень высокаго напряженія, проводимъ этотъ токъ по дешевой тонкой мѣдной проволокѣ до мѣстъ его примѣненія, а тамъ раньше, чѣмъ пустить, скажемъ, въ лампы накаливанія, пропускаемъ его черезъ трансформаторъ, откуда токъ выходитъ въ 20, 50, 100 и больше разъ ослабленнаго напряженія.

Принципъ устройства трансформаторовъ чрезвычайно простъ: представимъ себѣ на одномъ стержнѣ изъ мягкаго желѣза двѣ катушки, одну соединенную съ какимъ-либо первичнымъ источникомъ тока, а другую, просто замкнутую внѣшнимъ проводникомъ. Пропустимъ черезъ первую перемѣнный токъ, желѣзо будетъ, вслѣдствіе индукціи, тотчасъ намагничено, но магнитныя свойства его будутъ вслѣдствіе перемѣнъ тока, то увеличиваться, то ослабляться, и этимъ будетъ вызванъ индуктивный токъ во второй катушкѣ. Если число оборотовъ обмотки обѣихъ катушекъ одинаково, то напряженіе тока во второй катушкѣ будетъ равно, или почти равно напряженію тока, пропускаемаго черезъ первую катушку, при неравномъ числѣ оборотовъ обмотки въ катушкахъ, напряженіе тока будетъ мѣняться въ ту или другую сторону, токъ будетъ трансформироваться.

Катушка Румкорфа.

Первымъ трансформаторомъ была общеизвѣстная катушка или спираль Румкорфа, изобрѣтенная въ 1854 году и доставившая изобрѣтателю премію имени Вольта въ 50.000 франковъ.

Еще въ 1838 году, нѣкоему Массону приходило въ голову увеличить напряженіе индукціоннаго тока въ машинѣ Кларка болѣе частыми прерываніями тока индуктирующаго; онъ построилъ даже, въ сотрудничествѣ съ Брегетомъ, въ 1854 году съ этой цѣлью довольно оригинальный приборъ, не давшій, однако, ожидавшихся отъ него результатовъ. Только Румкорфу, простому рабочему, работавшему сначала у инженера Шевалье, затѣмъ открывшему собственную мастерскую, удалось достичь цѣли, къ которой стремились Массонъ и Брегетъ. Приборъ, построенный Румкорфомъ и окрещенный теперь его именемъ, состоитъ изъ пучка толстыхъ желѣзныхъ проволокъ H (рис. 59), вложенныхъ въ середину катушки B, на которую намотана сначала толстая, но не длинная проволока (первичная обмотка), конечно надлежащимъ образомъ изолированная, а поверхъ ея проволока значительно болѣе тонкая, но за то длины въ большихъ катушкахъ превосходящей 50 километровъ (вторичная обмотка). Толстая проволока соединяется съ какимъ-либо элементомъ или вообще первичнымъ источникомъ тока. Токъ, проходя по ней, вызываетъ

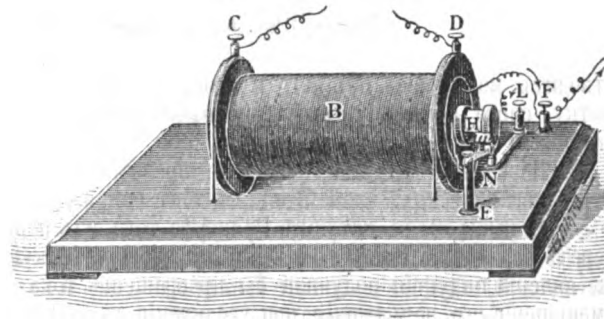


Рис. 59. Катушка Румкорфа.

Digitized by Google

во вторичной, изъ тонкой проволоки обмоткѣ индуктивный токъ, который усиливается еще дѣйствіемъ намагничивающагося пучка желѣзныхъ проволокъ. Все это происходитъ, однако, только въ моментъ замыканія тока на первичную обмотку, и, чтобы явленіе повторялось, необходимо, чтобы токъ этотъ постоянно и послѣдовательно, весьма часто замыкался и размыкался. Такое замыканіе и размыканіе тока, и при томъ автоматическое, достигается въ катушкѣ Румкорфа при помощи слѣдующаго приспособленія: на подставкѣ около катушки укрѣпленъ на мѣдной пружинѣ желѣзный молоточекъ такъ, что этотъ послѣдній приходится какъ разъ противъ пучка желѣзныхъ проволокъ, вложеннаго въ середину катушки, а пружинка въ своемъ нормальномъ положеніи прижимается къ контакту N, находящемуся въ связи съ зажимомъ L, черезъ который поступаетъ отъ первичнаго источника токъ. Контактъ N соединенъ съ однимъ концомъ первичной обмотки, другой конецъ которой соединенъ непосредственно съ источникомъ тока. Токъ поступаетъ въ названную обмотку такимъ образомъ черезъ зажимъ L и пружину молоточка, если эта послѣдняя прижата къ контакту N. Какъ только токъ вступитъ въ названную обмотку, тотчасъ происходитъ намагничиваніе внутренняго въ катушкѣ желѣзнаго пучка и онъ притягиваетъ только-что описанный нами молоточекъ: пружина, несущая молоточекъ, отходитъ отъ контакта N, и токъ, проводимый къ обмотку, прекращается. Но какъ только прекратится токъ, пропадаютъ и магнитныя свойства желѣзнаго пучка, пружина

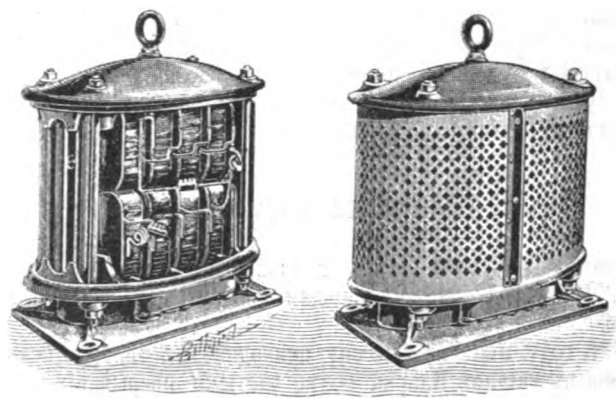


Рис. 60. Трансформаторъ Аліо.

отводитъ молоточекъ отъ него и возстановляетъ контактъ, токъ снова идетъ въ обмотку, снова получается намагничиваніе желѣза, снова происходитъ притягиваніе молоточка и т. д.

Назначеніе катушки Румкорфа—превращать токъ низкаго напряженія, получаемый отъ гальваническихъ элементовъ, въ токъ напряженія высокаго.

Если бы мы въ катушкѣ Румкорфа токъ изъ первичнаго источника пропустили не черезъ первичную толстую, а черезъ вторичную тонкую обмотку, то мы вслѣдствіе тѣхъ же явленій индукціи получили бы превращеніе тока обратное, а именно замѣтили бы уменьшеніе его напряженія при увеличеніи силы. Такимъ образомъ мы можемъ получить то трансформированіе тока, которое намъ, какъ мы указывали, нужно при передачахъ тока на разстоянія, гдѣ мы заставляемъ идти по проводамъ со станціи токъ малой силы, но большого напряженія, а въ мѣстахъ потребленія тока трансформируемъ его въ токъ большой силы, но малаго напряженія.

Итакъ, принципъ устройства употребляемыхъ въ техникѣ трансформаторовъ тотъ же, что и устройства катушки Румкорфа; болѣе подробно на трансформаторахъ мы останавливаться не будемъ. Считаемъ не лишнимъ напомнить еще разъ, что сила тока есть количество электричества, проходящее въ секунду черезъ сѣченіе извѣстнаго проводника, а напряженіе есть величина электродвижущей силы, величина разности потенціаловъ,

Digitized by Google

величина силы токъ возбуждающей.. Произведеніе силы тока на его напряженіе выражаетъ ту работу, которую токъ можетъ совершить въ секунду, и всѣ превращенія тока, о которыхъ мы только-что говорили, оставляютъ эту величину болѣе или менѣе постоянной (теоретически совершенно постоянной, а на практикѣ измѣняющуюся отъ непроизводительныхъ потерь электричества вслѣдствіе различныхъ несовершенствъ техническаго свойства), мы увеличиваемъ только или напряженіе тока насчетъ его силы (катушка Румкорфа) или наоборотъ его силу насчетъ напряженія (обыкновенные трансформаторы). Направленіе трансформаціи зависитъ исключительно отъ отношенія числа оборотовъ въ катушкахъ трансформатора. Число оборотовъ первичной катушки, дѣленное на число оборотовъ вторичной, называется коэффиціентомъ трансформаціи: если коэффиціентъ этотъ больше единицы, то токъ будетъ трансформироваться изъ высшаго напряженія въ низшее, если величина эта меньше единицы,—трансформація пойдетъ въ обратную сторону. При коэффиціентѣ равномъ единицѣ никакой трансформаціи тока происходить не будетъ. Но кто же будетъ устраивать трансформаторъ тока не трансформирующій, и какое его можетъ быть значеніе?—перебьете вы меня. Значеніе подобнаго не трансформирующаго трансформатора большое; рядъ такихъ трансформаторовъ, первичныя обмотки которыхъ соединены съ общимъ токомъ, позволяетъ отвести отъ этого тока побочныя отвѣтвленія, совершенно другъ отъ друга непосредственно независящія. Что бы въ одной изъ такихъ боковыхъ цѣпей ни случилось, лишь бы главный токъ остался неизмѣннымъ, и работа остальныхъ боковыхъ, отъ другихъ трансформаторовъ цѣпей, будетъ идти безъ всякихъ перемѣнъ.

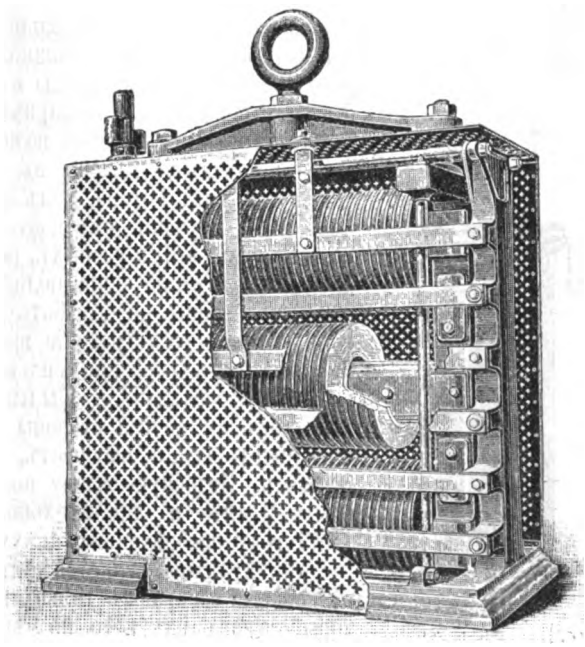


Рис. 61. Трехфазный трансформаторъ компаніи Файвъ-Лилль.

Однако, довольно намъ заниматься трансформаторами, пора перейти и къ другимъ вторичнымъ источникамъ тока, къ аккумуляторамъ. Рис. 60 и 61 показываютъ часто употребляемые въ практикѣ трансформаторы.

Digitized by Google

Аккумуляторы.

Въ своемъ мѣстѣ мы говорили, что поляризація гальваническихъ элементовъ происходитъ вслѣдствіе развитія въ нихъ внутренняго тока въ направленіи, противоположномъ направленію тока внѣшняго. Токъ этотъ носитъ названіе поляризаціоннаго или вторичнаго.

Возьмемъ два платиновыхъ электрода, опустимъ ихъ въ подкисленную воду и соединимъ съ полюсами достаточно сильнаго гальваническаго элемента. Какъ всякому извѣстно, въ такихъ условіяхъ будетъ происходить разложеніе воды, и платиновый электродъ, соединенный съ положительнымъ полюсомъ, весьма быстро покроется пузырьками кислорода, а соединенный съ отрицательнымъ полюсомъ — пузырьками водорода. Разъединимъ теперь нашъ приборъ для разложенія воды и гальваническій элементъ, и поднесемъ проводники отъ платиновыхъ электродовъ къ чувствительному гальванометру: гальванометръ покажетъ намъ токъ въ направленіи, противоположномъ тому, по которому онъ шелъ въ электроды изъ элемента. Это и будетъ вторичный или поляризаціонный токъ.

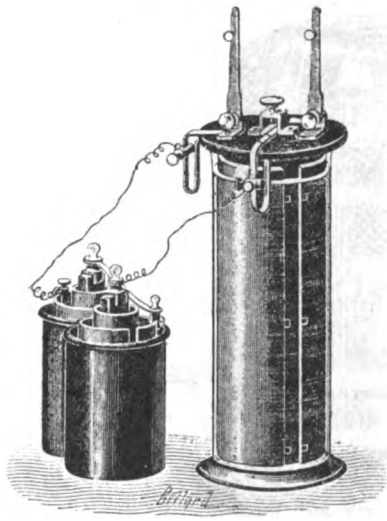


Рис. 62. Аккумуляторъ Планте.

Описанный нами фактъ возникновенія вторичнаго тока былъ подмѣченъ въ 1801 г. французскимъ физикомъ Готеро, былъ затѣмъ предметомъ подробнаго изученія нѣмецкаго ученаго Риттера, но всѣ усилія этихъ ученыхъ, равно какъ и ихъ преемниковъ въ изученіи поляризаціоннаго тока, были направлены на выработку мѣръ борьбы съ поляризаціей, на устраненіе вреднаго ея вліянія. Нуженъ былъ особенно сильный умъ, особенно развитое воображеніе, чтобы взглянуть на вторичный токъ съ другой стороны и постараться не уничтожить его, а, наоборотъ, усилить и утилизировать. Подобную задачу поставилъ себѣ Гастонъ Планте и блистательно разрѣшилъ ее въ 1859 году изобрѣтеніемъ аккумуляторовъ.

Аккумуляторъ является какъ бы резервуаромъ, въ который собираютъ гальваническій токъ и который затѣмъ изъ него по мѣрѣ надобности можетъ быть снова выпущенъ. Въ дѣйствительности, въ аккумуляторѣ собираютъ не электрическій токъ, не электричество даже вовсе, а накопляютъ химическую энергію. Энергія эта накопляется насчетъ того тока, которымъ заряжаютъ аккумуляторъ, и затѣмъ сама въ свою очередь можетъ опять быть превращена въ электрическую энергію, стать источникомъ электрическаго, вторичнаго тока. Съ этой точки зрѣнія, аккумуляторы можно считать своего рода трансформаторами. Теорія дѣйствія аккумуляторовъ далеко еще не развита, многое въ ней спорно и непонятно, и потому касаться ея мы не будемъ вовсе.

Аккумуляторъ Планте.

Употреблять для аккумуляторовъ платину совершенно не выгодно, такъ какъ на ней очень немного удерживается пузырьковъ газа, а большинство ихъ отрывается и всплываетъ наверхъ. Болѣе удобнымъ оказался свинецъ. Аккумуляторъ Планте состоитъ (рис. 62) изъ глинянаго цилиндрическаго сосуда, наполненнаго подкисленной водой съ опущенными въ него спирально свернутыми двумя свинцовыми пластинами, переложенными и такимъ образомъ другъ отъ друга изолированными каучуковой лентой. При такомъ

Digitized by Google

устройствѣ достигается максимумъ поверхности электродовъ при маломъ разстояніи между ними (условія, какъ мы знаемъ, малаго внутренняго сопротивленія) и при возможно маломъ объемѣ глинянаго сосуда.

Однако, оказывается, что аккумуляторы съ обыкновенными свинцовыми пластинами обладаютъ способностью удерживать слишкомъ малый зарядъ электричества, электроды изъ обыкновеннаго свинца обладаютъ, какъ говорятъ, слишкомъ малой емкостью. Планте нашелъ, что увеличить эту емкость и увеличить въ значительныхъ размѣрахъ, можно, пропуская черезъ аккумуляторъ въ продолженіе весьма долгаго времени сильный токъ и мѣняя его направленіе каждый разъ, какъ только пузырьки газа начинаютъ срываться съ электродовъ въ большихъ количествахъ. При каждомъ извѣстномъ направленіи тока, кислородъ начинаетъ выдѣляться на одномъ электродѣ и образуетъ со свинцомъ бурый слой перекиси свинца, водородъ же въ это время на другомъ электродѣ возстановляетъ образовавшуюся при предыдущемъ направленіи тока перекись снова въ металлическій свинецъ, но уже не прежній, плотный съ металлическимъ блескомъ, а темный, рыхлый и, слѣдовательно, легко проникаемый электролитомъ и пузырьками газа. При слѣдующей перемѣнѣ тока кислородъ не только весьма легко окисляетъ свѣже возстановленный свинецъ, но проникаетъ и глубже черезъ его слой и окисляетъ нетронутую еще во время предыдущаго раза поверхность пластины. Слой возстановленнаго свинца, такимъ образомъ, все увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается емкость аккумулятора и все рѣже приходится мѣнять направленіе формующаго, какъ выражается самъ Планте, пластины тока. Подобную формовку вначалѣ Планте приходилось производить мѣсяцами, но затѣмъ онъ нашелъ, что ее можно значительно ускорить, предварительно обработавши пластины слабой азотной кислотой. Аккумуляторы Планте обладали емкостью нѣсколькихъ амперъ-часовъ на каждый килограммъ электродовъ.

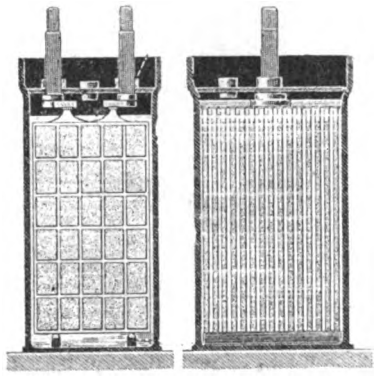


Рис. 63. Аккумуляторъ «Фульменъ».

Аккумуляторы Фора.

Какъ ни ускоряетъ предварительная обработка свинцовыхъ электродовъ азотной кислотой ихъ формовку, все же эта операція требуетъ слишкомъ много времени и хлопотъ. Понадобился двадцать одинъ годъ на то, чтобы придумать, какъ обойти эту операцію и, какъ, оказалось, просто открывался ларчикъ. Форъ покрылъ оба свинцовыхъ электрода искусственно окисью свинца и затѣмъ подвергъ аккумуляторъ дѣйствію тока. Окись свинца на положительномъ полюсѣ при этомъ окислилась въ перекись, а на отрицательномъ возстановилась въ слой губчатаго свинца. Происходитъ одновременно и формовка электродовъ и заряженіе аккумулятора. Емкость аккумулятора Фора значительно больше, чѣмъ Планте, ибо искусственно нанести слой окиси свинца на пластину можно почти любой толщины, а въ условіяхъ Планте онъ былъ чрезвычайно незначителенъ.

Не надо думать, однако, что по пути увеличенія емкости аккумуляторовъ увеличеніемъ активнаго слоя свинцовыхъ электродовъ можно идти слишкомъ далеко; активный слой этотъ является, во-первыхъ, не особенно-то хорошимъ проводникомъ тока, а, во-вторыхъ, онъ, въ особенности на положительномъ полюсѣ, какъ при зарядѣ, такъ и при разрядѣ, весьма сильно пузырится и нерѣдко мѣстами отваливается, при паденіи вызывая короткія замыканія тока.

Въ настоящее время имѣется масса разнообразнѣйшихъ аккумуляторовъ, и постоянно появляются все новые и новые. Вся разница между ними въ тѣхъ ухищреніяхъ, къ которымъ прибѣгаютъ ихъ конструкторы для предотвращенія распада активнаго слоя электродовъ.

Digitized by Google

Спирально свернутые электроды Планте были совершенно оставлены, ихъ замѣнили рядомъ прямыхъ свинцовыхъ пластинъ, обыкновенно въ видѣ рѣшетокъ, или, по крайней мѣрѣ, съ различнаго рода углубленіями, заполненными окисью свинца. Для предотвращенія отпаданія активной массы, иногда (аккумуляторы «Фульменъ», рис. 63), между пластинами устанавливаются рѣшетки изъ целлюлоида.

Увлеченіе способомъ Фора заставило совершенно забросить первоначальные аккумуляторы Планте, но въ самое послѣднее время замѣчается опять нѣкоторое къ нимъ вниманіе; дѣло въ томъ, что въ нихъ активный слой при своей малой толщинѣ отличается особой прочностью, и въ нихъ невозможны короткія замыканія, причиняющія

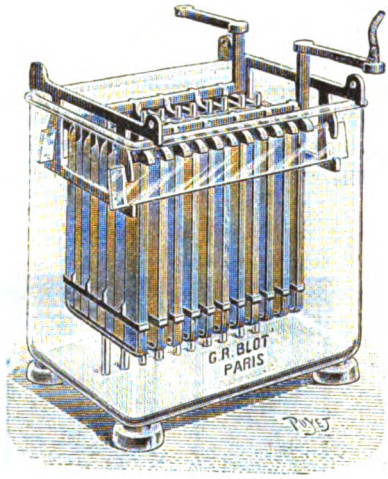


Рис. 64. Аккумуляторъ Бло.

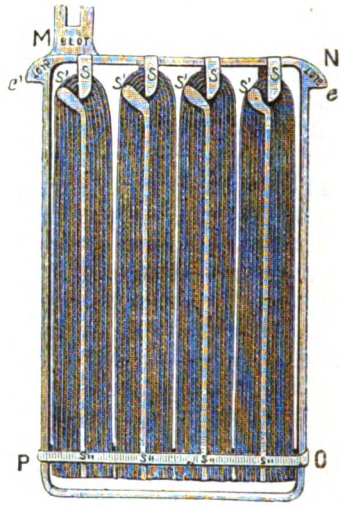


Рис. 64. Детальный видъ одной изъ пластинокъ аккумулятора Бло.

столько непріятностей въ аккумуляторахъ съ искусственно нанесенной активной массой. Емкость вторичныхъ элементовъ Планте стараются увеличить, увеличивая поверхность электродовъ при незначительной толщинѣ и возможно маломъ вѣсѣ ихъ. Въ такомъ родѣ устроены, напримѣръ, пользующіеся довольно большимъ успѣхомъ аккумуляторы Бло (рис. 64).

Недостатки теперешнихъ аккумуляторовъ.

Нечего и говорить, конечно, о томъ, какое значеніе имѣетъ возможность собирать, запасать электрическую энергію, или, лучше сказать, энергію вообще, такъ какъ изъ электрической мы можемъ получить любую ея форму. При помощи аккумуляторовъ можно перевозить энергію съ мѣста на мѣсто, можно собирать, напримѣръ, энергію Ніагарскаго водопада, утилизировать ее на другомъ концѣ земного шара, можно замѣнить громоздкіе и тяжелые двигательные паровые и другіе механизмы, можно получать механическую силу тамъ, гдѣ почему-либо нельзя употреблять двигательныхъ машинъ, требующихъ нагрѣванія (подводныя лодки, воздушные шары). Можно развѣ перечислить, наконецъ, всѣ выгоды имѣть портативный запасъ энергіи, энергію, собранную, такъ сказать, въ сумку, изъ которой затѣмъ ее безъ труда и безъ хлопотъ, по мѣрѣ надобности, можно вынимать. Но надо, и именно для всеобщаго примѣненія, чтобы запасъ энергіи этотъ былъ, какъ мы сказали, портативенъ, а этого нынѣшніе аккумуляторы и не имѣютъ. Ихъ главный, ихъ единственный, пожалуй, но пока непоборимый недостатокъ,—большой вѣсъ, или, иначе говоря, малая емкость. Лучшіе аккумуляторы, напримѣръ, «Фульменъ»,

Digitized by Google

даютъ максимумъ 15 амперъ-часовъ на каждый килограммъ своего вѣса. Въ каждомъ же килограммѣ ихъ вѣса заключается не болѣе 5% вѣса полезнаго, вѣса активной массы. Оставляетъ желать лучшаго и утилизація того электричества, которое употребляется на ихъ заряженіе. Въ лучшихъ случаяхъ аккумуляторы отдаютъ 80% полученнаго ими заряда, а зачастую и до 60% и даже меньше. Отъ 20 до 40% идетъ на побѣжденіе внутренняго сопротивленія аккумулятора при зарядѣ и при разрядѣ, на потерю во время

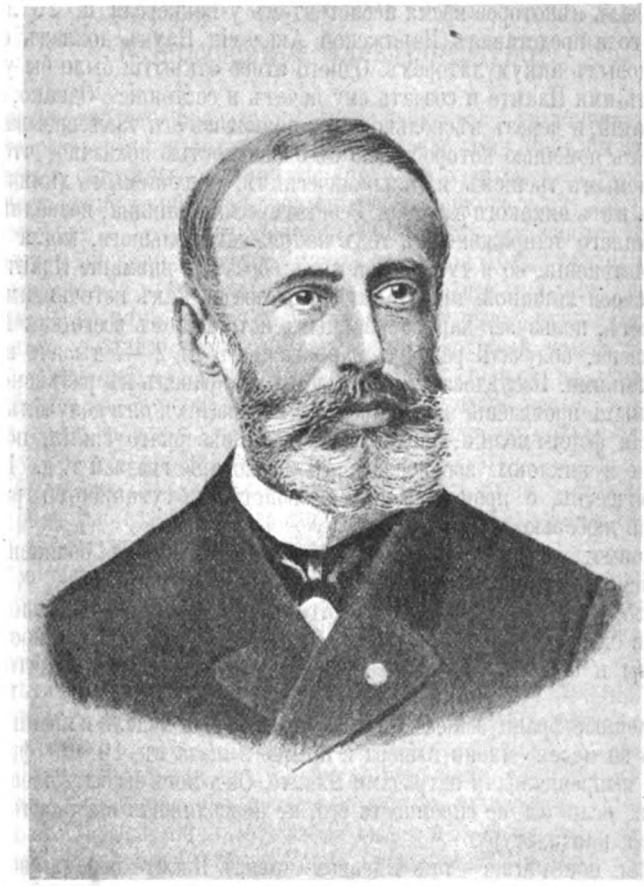


Рис. 65. Гастонъ Планте.

стоянія аккумуляторовъ безъ работы, такъ какъ въ это время происходитъ отчасти обратное соединеніе кислорода и водорода въ воду и т. д.

И такъ, пока аккумуляторы не оправдываютъ надежды, которыя мы въ правѣ на нихъ возлагать, но, очевидно, что это только — пока, и не можетъ быть сомнѣнія, что не сегодня-завтра появится типъ недорогого и легкаго аккумулятора съ другими, не свинцовыми электродами, и тогда сразу будетъ разрѣшенъ вопросъ объ управляемомъ воздухоплаваніи, о механическомъ, легкомъ экипажѣ и т. д.

Гастонъ Планте.

Аккумуляторами мы заканчиваемъ описаніе источниковъ искусственнаго полученія электричества; лучшимъ заключеніемъ для этой главы будетъ, полагаемъ, краткія біографическія свѣдѣнія о творцѣ аккумуляторовъ, Гастонѣ Планте, этомъ не только зна-

Digitized by Google

менитомъ ученомъ, но и замѣчательномъ человѣкѣ, жившемъ исключительно для науки, не старавшемся извлекать выгоды изъ своихъ изобрѣтеній, все довольно значительное свое состояніе оставившемъ на устройство убѣжища для бѣдныхъ ученыхъ и на учрежденіе преміи за изобрѣтенія по электричеству.

Гастонъ Планте родился 22-го апрѣля 1834 года въ Беарнѣ, воспитывался въ лицеѣ Шарлемань и въ школѣ аббата Пуалу въ Вожирарѣ; получивъ степень licencié физическихъ наукъ, онъ всецѣло посвятилъ себя, приблизительно съ 1855 года, изученію электричества, былъ нѣкоторое время ассистентомъ у Беккереля и, 26 лѣтъ отъ роду, въ мартѣ 1860 года представилъ Парижской Академіи Наукъ докладъ объ изобрѣтенныхъ имъ свинцовыхъ аккумуляторахъ. Одного этого открытія было бы уже достаточно, чтобы прославить имя Планте и создать ему почетъ и состояніе. Однако, онъ не бросилъ своихъ изслѣдованій, и черезъ нѣсколько лѣтъ появилась его такъ называемая реостатическая машина, съ помощью которой было съ очевидностью доказано, что между статическимъ, получаемымъ треніемъ, и гальваническимъ, получаемымъ химической реакціей, электричествомъ нѣтъ никакого различія. Реостатическая машина, позволившая трансформировать токъ малаго напряженія въ токъ напряженія большого, могла имѣть важныя практическія примѣненія, но и тутъ не на нихъ обратилъ вниманіе Планте, а воспользовавшись, какъ своей машиной, такъ и аккумуляторами, какъ источниками, при помощи которыхъ онъ могъ, пользуясь какъ первичнымъ источникомъ всего какой-нибудь парой элементовъ Бунзена, получать разряды напряженіемъ въ 2—4 тысячи вольтъ, занялся научными изысканіями. Изслѣдованія свои Планте направилъ къ разъясненію естественныхъ, атмосферныхъ проявленій электричества, на опытахъ онъ получалъ и изслѣдовалъ шаровую и другія формы молніи, наблюдалъ подобіе сѣвернаго сіянія, получалъ искусственные смерчи и циклоны, воспроизводилъ образованіе града и т. д. Вопросы о солнечномъ электричествѣ, о происхожденіи и свойствахъ туманностей разрабатывались Планте съ особой любовью...

Всѣ свои опыты, всѣ свои теоріи Планте собралъ въ двухъ сочиненіяхъ: «Recherches sur l'Électricité» и «Phénomènes électriques de l'atmosphère».

Будучи изобрѣтателемъ, экспериментаторомъ, писателемъ и философомъ, Планте во всѣхъ своихъ опытахъ одинаково хорошо разбирался какъ въ частностяхъ, такъ и въ общемъ; причины и слѣдствія, основныя положенія и выводы — ничто отъ него не ускользало.

Многочисленные французскіе и иностранные ордена, медали и преміи, изъ которыхъ укажемъ только на медаль имени Ампера и премію Лаказа въ 10.000 фр., были заслуженными, но не выпрошенными наградами Планте. Онъ могъ бы быть членомъ Парижской Академіи Наукъ, если бы не скромность его, не позволявшая выставить, не смотря на убѣжденія друзей, кандидатуру.

Quaero, Pater, non affirmo—такой девизъ ставилъ Планте передъ своими трудами и постоянно повторялъ въ ученыхъ разговорахъ. Свое ученіе, свои теоріи онъ никогда не называлъ иначе, какъ гипотезами; «я ищу, я спрашиваю, а не утверждаю», постоянно говорилъ онъ.

Мы говорили уже о полномъ пренебреженіи Планте къ денежнымъ выгодамъ отъ изобрѣтеній. Все, что онъ получалъ, онъ тратилъ или на работы, или на благотворительность; послѣ его смерти въ бумагахъ у него нашли списокъ 50 бѣдныхъ семействъ, которымъ онъ помогалъ при жизни и которыхъ онъ рекомендовалъ попеченію своихъ наслѣдниковъ. Премія Лаказа и проданная имъ золотая медаль имени Ампера пошли на то учрежденіе для бѣдныхъ ученыхъ, о которомъ мы говорили выше.

Будучи человѣкомъ необычайно доброй души, Планте не имѣлъ враговъ. Несправедливость къ другимъ его возмущала, но для несправедливости по отношенію къ себѣ онъ всегда находилъ извиненія. «Я счастливъ»,—сказалъ онъ какъ-то,—«когда кто-либо присвоиваетъ себѣ мои идеи, это показываетъ мнѣ, что не всѣмъ онѣ кажутся неосновательными».

Въ апрѣлѣ 1899 года Планте, заканчивая свою работу о земномъ магнетизмѣ, вдругъ почувствовалъ сильное ослабленіе зрѣнія, вызванное, повидимому, дѣйствіемъ тѣхъ ослѣ-

Digitized by Google

пительныхъ разрядовъ, которыми онъ занимался; тотчасъ же онъ обратился къ изученію методовъ, которыми бы онъ могъ продолжать свои любимыя занятія въ случаѣ слѣпоты; 21-го мая съ нимъ сдѣлался, однако, ударъ, и черезъ 10 минутъ его не стало. Умеръ онъ въ самый разгаръ своего таланта, и кто знаетъ, что̀ могла ждать еще отъ него наука.

II.

Атмосферное электричество[1].

Прозрачность воздуха пропадаетъ, жара, кажется, увеличивается, собираются облака. Сначала разбросанныя, облака эти сбираются кучами, какъ бы громоздятся другъ на друга, все время оставаясь связанными внизу, на горизонтѣ съ густой темной завѣсой, которая, постепенно поднимаясь, покрываетъ понемногу и ихъ, придавая всему небу однообразный оттѣнокъ. Затѣмъ въ общей темной пеленѣ замѣчаются прорывы, ниже ея появляются быстро бѣгущія неопредѣленнаго очертанія бѣлыя облачка, издалека начинаютъ доноситься первые глухіе раскаты грома. Гроза приближается, сухое, жаркое дуновеніе вѣтра, предвѣстника бури, подымаетъ съ земли пыль; птицы разлетаются, звѣри прячутся, человѣкъ спѣшитъ подъ защиту крова. Крупныя капли дождя падаютъ то здѣсь, то тамъ; понемногу ихъ паденіе учащается, переходитъ въ ливень. Вдругъ небо озаряется голубоватымъ блескомъ, за нимъ слѣдуетъ рѣзкій ударъ съ раскатомъ — это молнія и громъ, гроза въ самомъ разгарѣ. Человѣкъ инстинктивно вздрагиваетъ и приклоняетъ голову. Голосъ природы страшитъ его.

Однако, были люди, которые не только не боялись грозы, а съ нетерпѣніемъ дожидались ея и съ радостью встрѣчали первые признаки ея приближенія. Наука, жажда знаній дѣлала ихъ недоступными для страха.

Въ тотъ моментъ, какъ громъ гремѣлъ съ наибольшей силой, эти люди въ открытой мѣстности около изолированнаго высокаго желѣзнаго шеста съ разрядникомъ въ рукахъ старались съ помощью атмосфернаго электричества получить тѣ же явленія, что̀ ими наблюдались при помощи электрическихъ машинъ. Еще въ 1650 году англійскій физикъ Вэлль замѣтилъ искру на первой электрической машинѣ, построенной Отто де Герикомъ, знаменитымъ бургомистромъ Магдебурга; искра была слабая, едва замѣтная и могла быть, по словамъ Вэлля, сравнена съ той фосфоресценціей, которая наблюдается, при раскалываніи сахара въ темнотѣ, но это не помѣшало ему тотчасъ же подумать, не представляетъ ли наблюдаемое имъ явленіе молніи въ миніатюрѣ. То же самое подозрѣвалъ въ Англіи Ж. Фрекъ; Винклеръ въ Германіи и В. Франклинъ въ Америкѣ допускали это въ теоріи. Наконецъ, аббатъ Нолле писалъ въ 1748 году: «если бы кто-либо смогъ доказать, что громъ въ рукахъ природы то, что̀ въ нашихъ рукахъ электричество, что тѣ чудеса, которыя мы получаемъ при его помощи, суть подражанія эффектамъ природы, наводящимъ на насъ страхъ, и что какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ одну и ту же причину возникновенія, т. е. если бы можно было показать, что туча, образовавшаяся вслѣдствіе совокупныхъ усилій вѣтра, теплоты, испареній по отношенію къ предметамъ на землѣ относится точно такъ же, какъ наэлектризованное тѣло къ тѣлу не наэлектризованному, находящемуся въ его сосѣдствѣ, если бы все это было съ достаточной достовѣрностью доказано, то я долженъ сознаться, что такая идея, такое сближеніе мнѣ очень бы понравились».

Теоретическихъ сближеній грозовыхъ и электрическихъ явленій, какъ мы видимъ, было довольно, не доставало только опытныхъ подтвержденій и доказательствъ.

[1] Въ первой главѣ мы говорили объ источникахъ искусственнаго полученія электричества; раньше чѣмъ перейти къ описанію примѣненій его, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ электричествѣ атмосферномъ; пока мы только защищаемся отъ него, но кто знаетъ, можетъ быть не далеко время, когда мы подчинимъ его себѣ и утилизируемъ, какъ вѣтеръ и др. силы природы.

Digitized by Google

Они были добыты деревенскимъ священникомъ въ Марли-ля-Виль Далибаромъ при помощи плотника Куаффье.

Далибаръ по порученію своего друга Бюффона переводилъ работу Франклина, въ которой этотъ ученый американецъ говоритъ о своихъ наблюденіяхъ и о своихъ теоріяхъ, касающихся электричества и грозовыхъ явленій, и о способахъ уберечься отъ этихъ послѣднихъ. Работа эта дала обильную пищу уму священника, и онъ въ свою очередь весь проникся идеями заатлантическаго ученаго, сталъ бредить молніей, искрами, электриче-

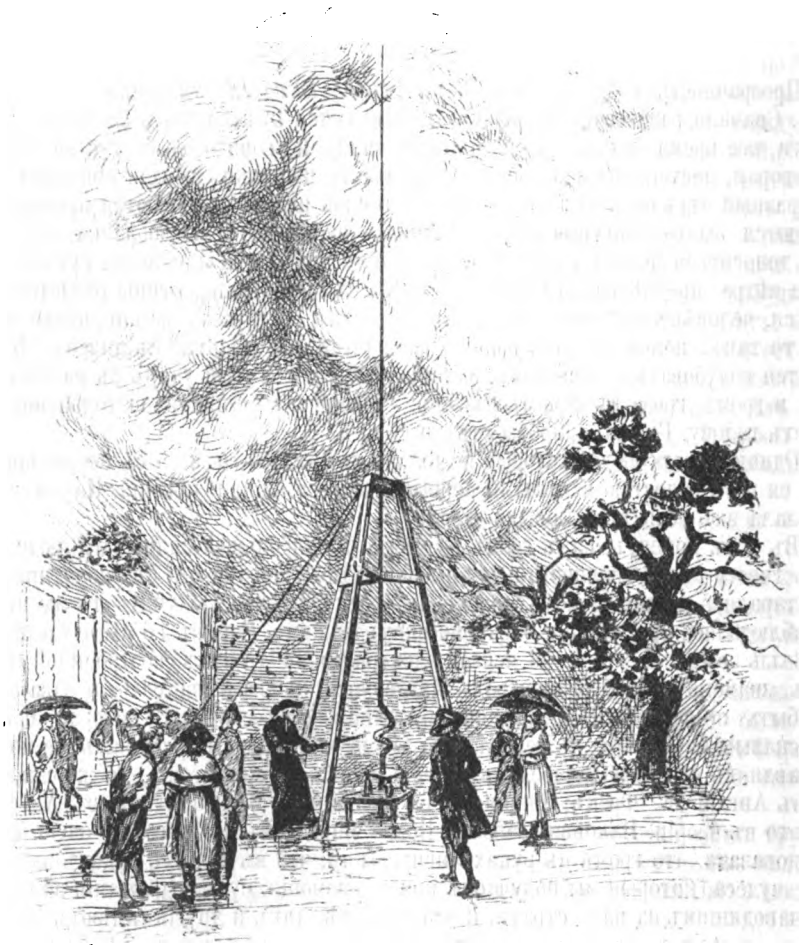


Рис. 66. Опытъ Далибара въ Марли.

ствомъ. Далибаръ заинтересовалъ своими разговорами— онъ не говорилъ почти ни о чемъ другомъ, какъ о молніи и электричествѣ, Бюффона и парижскаго физика Делора, и они всѣ трое, каждый въ своемъ мѣстѣ — Бюффонъ въ Монтбарѣ, Делоръ на одной изъ площадей Парижа, Далибаръ въ Марли—поставили по высокой желѣзной жерди, въ нижней половинѣ согнутой и изолированной отъ земли укрѣпленіемъ на столѣ, ножки котораго были поставлены на четыре бутылки. Уставивъ такія жерди, трое друзей стали дожидаться грозы, при чемъ каждый изъ нихъ въ душѣ желалъ, чтобы первая гроза пришлась на его долю.

Digitized by Google

10-го мая 1752 года Далибаръ былъ въ Парижѣ, какъ вдругъ онъ увидѣлъ, что на юго-западѣ собираются тяжелыя свинцовыя тучи. Предвидя грозу, Далибаръ сейчасъ же спѣшитъ домой, въ Марли, но гроза его опережаетъ, и плотникъ Куаффье бѣжитъ въ садикъ священника, гдѣ былъ установленъ шестъ, и, не дожидая своего патрона, начинаетъ при помощи желѣзнаго прута, вставленнаго въ бутылку, извлекать изъ согнутаго колѣна шеста искры.

Подъ дождемъ и градомъ, въ сопровожденіи цѣлой толпы своихъ прихожанъ, заинтригованныхъ и испуганныхъ поспѣшнымъ бѣгомъ ихъ священника, Далибаръ при-

Рис. 67. Физикъ Рихманъ, убитый молніей во время опыта.

бѣгаетъ въ свой садъ, выхватываетъ изъ рукъ Куаффье разрядникъ и продолжаетъ его опыты. Грома не было слышно въ это время, но Далибару все-таки удалось, пока грозовыя тучи не разошлись, получить изъ шеста нѣсколько длинныхъ голубыхъ искръ. Одинъ изъ разрядовъ попалъ ему въ руку и произвелъ впечатлѣніе удара кнутомъ; прихожане замѣтили, кромѣ того, что отъ ихъ священника распространялся запахъ сѣры.

Радость Далибара не поддается описанію, и въ самомъ дѣлѣ его опыты были большимъ шагомъ въ наукѣ, имя его этими опытами было сдѣлано безсмертнымъ.

Какъ всегда бываетъ, труденъ только первый шагъ; за опытами Далибара послѣдовалъ рядъ опытовъ другихъ ученыхъ. 17-го мая получилъ разряды изъ такого же шеста

Digitized by Google

въ Парижѣ упоминавшійся уже нами Делоръ, немного позже подобный опытъ былъ продѣланъ въ Монморанси аббатомъ Нолле и П. Бертье; наконецъ, Ле-Монье въ С. Жерменьанъ-Лэ первому удалось доказать присутствіе электричества въ атмосферѣ безъ всякой грозы, въ совершенно ясную погоду.

Ученые другихъ національностей послѣдовали за французскими собратіями, и наблюденія надъ атмосфернымъ электричествомъ стали производиться повсюду, и въ Старомъ и въ Новомъ Свѣтѣ; не были прерваны они и смертью одного изъ наблюдателей.

Рихманъ, членъ Императорской Академіи Наукъ въ Петербургѣ, установилъ, по примѣру западныхъ ученыхъ, на крышѣ своего дома желѣзный шестъ, проведенный затѣмъ къ нему въ кабинетъ и здѣсь изолированный отъ земли. Къ шесту этому въ кабинетѣ былъ приспособленъ родъ электроскопа, т. е. было подвѣшено легкое тѣло, которое удалялось отъ шеста на большее или меньшее разстояніе въ зависимости отъ степени заряженія шеста атмосфернымъ электричествомъ.

6-го августа 1753 года во время сильной грозы и бури Рихманъ производилъ наблюденія въ своемъ кабинетѣ. Между желѣзнымъ шестомъ и разрядникомъ шли одни за другимъ разряды въ видѣ длинныхъ сноповъ искръ; понимая опасность своихъ наблюденій, Рихманъ держался на приличномъ разстояніи отъ разрядника. При стукѣ открываемой двери — входилъ художникъ Соколовъ, котораго самъ Рихманъ пригласилъ, чтобы срисовать свои опыты—ученый оборачивается и, разговаривая съ Соколовымъ, невольно пододвигается къ шесту. Съ шеста соскакиваетъ большой огненный шаръ, раздается оглушительный ударъ, и какъ Рихманъ, такъ и Соколовъ падаютъ на полъ посреди обломковъ прибора и мебели. Прибѣжавшимъ на взрывъ людямъ удалось довольно скоро привести въ чувство Соколова, онъ отдѣлался испугомъ и обожженной и порванной одеждой. Рихманъ же былъ убитъ на мѣстѣ—у него треснулъ черепъ, и грудь была разорвана совершенно какъ бы взрывомъ пушечнаго ядра.

Происхожденіе атмосфернаго электричества.

Мы говорили уже, что Ле-Монье доказалъ постоянное присутствіе электричества въ атмосферѣ. Откуда оно тамъ берется, каково его происхожденіе?

Происхожденіе атмосфернаго электричества можно приписывать различнымъ причинамъ. Оно можетъ появляться вслѣдствіе тренія влажнаго и сухого воздуха о поверхность земли, какъ суши, такъ и воды; оно возникаетъ при испареніи воды, которое на землѣ постоянно происходитъ въ зависимости отъ тысячи различныхъ причинъ; его возбуждаютъ посредствомъ индукціи электрическіе разряды, совершающіеся въ другихъ планетныхъ мірахъ и т. д., и т. д. Наконецъ, съ увѣренностью можно сказать, что электричество поступаетъ въ атмосферу въ значительныхъ количествахъ изъ нѣдръ земли, гдѣ, надо полагать, совершается масса разнообразнѣйшихъ химическихъ процессовъ, могущихъ быть мощнымъ источникомъ электричества.

Распредѣленіе электричества въ атмосферѣ.

Не смотря на довольно разнорѣчивыя показанія воздухоплавателей и метереологовъ, мы все-таки можемъ съ увѣренностью сказать, что электричество въ атмосферѣ стремится къ высшимъ ея слоямъ, какъ стремится оно собраться на поверхности всякаго наэлектризованнаго предмета, и что количество его въ воздухѣ увеличивается по мѣрѣ того, какъ атмосфера становится все рѣже и рѣже.

Линія распредѣленія въ атмосферѣ электричества одинаковаго напряженія слѣдуетъ точно за земной поверхностью, и такъ какъ земной шаръ раздутъ у экватора и сжатъ у полюсовъ, то напряженіе электричества всего больше надъ экваторомъ, а у полюсовъ оно равно нулю; отсюда электричество разсѣивается въ пространство, образуя полярныя сіянія.

Digitized by Google

Образованіе грозовыхъ тучъ.

Тучи являются результатомъ конденсаціи находящихся въ воздухѣ водяныхъ паровъ. На поверхности конденсирующихся частичекъ происходитъ собираніе электричества.

Конденсація водяныхъ паровъ происходитъ въ облака и тучи различной формы и въ различныхъ слояхъ атмосферы. Всѣ облака принято классифицировать слѣдующимъ образомъ:

1. Cirrus, появляющіяся въ ясную погоду на синевѣ неба въ видѣ небольшихъ растрепанныхъ хлопьевъ (рис. 68 и 69); находятся на высотѣ 7—8000 метровъ и состоятъ изъ сплетенныхъ другъ съ другомъ тонкихъ ледяныхъ иголочекъ.

2. Stratus, длинныя полосы водяныхъ паровъ, которыя бываютъ видны обыкновенно при заходѣ солнца; находятся на высотѣ 3000 метровъ.

3. Cumulus (рис. 70), большія, тяжелыя облака бѣлаго цвѣта съ выступами и буграми; бѣгутъ на высотѣ въ 1500—2000 метровъ. Мало-по-малу они собираются въ nimbus, черныя или желтоватыя тучи, которыя опускаются на 1000, 800 и 500 метровъ надъ поверхностью земли и служатъ признакомъ начала грозы (рис. 71).

Рис. 68. Облака «Cirrus».

Между описанными нами разновидностями облаковъ существуетъ рядъ переходныхъ формъ, которыя называютъ cumulo-stratus, cirro-stratus и cumulo-nimbus.

Рис. 69. Облака «Cirrus».

Картина грозы.

Вотъ какъ можно приблизительно описать наступленіе и ходъ грозы въ нашихъ Европейскихъ широтахъ: подъ вліяніемъ воздушныхъ теченій происходитъ скопленіе облаковъ, и атмосферное электричество, найдя въ нихъ хорошій проводникъ, собирается къ нимъ и распредѣляется по ихъ поверхности. Каждая капелька воды въ облакахъ оказывается окруженной электричествомъ. Если капельки эти не слишкомъ тѣсно сближены между собой, то электричество, собравшееся въ облакѣ, можетъ снова разсѣяться въ атмосферу вмѣстѣ съ дождемъ или туманомъ, что и бываетъ обыкновенно въ холодное время года, но въ жаркое время между отдѣльными облаками и между ними и поверхностью земли оказывается плохой проводникъ электричества — сухой воздухъ, и электричество не только

Digitized by Google

не разсѣивается, но его напряженіе все возрастаетъ и тѣмъ болѣе, чѣмъ толще слой облака. Такимъ образомъ въ атмосферѣ имѣется рядъ облаковъ, всѣ заряженныя одноименнымъ положительнымъ электричествомъ, но различной величины потенціала, такъ какъ вполнѣ понятно, что толщина различныхъ облаковъ будетъ не одинакова, а отъ нея, какъ мы только-что говорили, зависитъ величина потенціала. Облака съ большимъ потенціаломъ оказываютъ дѣйствіе на облака съ потенціаломъ меньшимъ и развиваютъ на одномъ своемъ полюсѣ электричество отрицательное. То же взаимное вліяніе, что между отдѣльными облаками, наступаетъ и между ними и землей и, въ концѣ концовъ, въ атмосферѣ и на землѣ оказываются значительные заряды разноименнаго электричества, заряды, которые ждутъ только удобнаго случая взаимно соединиться, произвести разрядъ, дать искру.

Какъ только два заряда придутъ въ достаточную близость одинъ къ другому, происходитъ разрядъ,—то, что мы называемъ громомъ и молніей.

Но вотъ начался дождь, первое время удары грома учащаются и усиливаются, такъ какъ теперь создались условія благопріятныя для разрядовъ атмосфернаго электричества въ землю; по мѣрѣ уменьшенія количества накопившагося въ тучахъ электричества, которое теперь происходитъ не только разрядами, но и истеченіемъ въ атмосферу, сила ударовъ уменьшается и гроза мало-по-малу затихаетъ.

Распредѣленіе грозъ.

Грозы по земной поверхности распредѣляются совершенно такъ, какъ выше мы указали для атмосфернаго электричества: въ странахъ экваторіальныхъ при жаркомъ, сухомъ воздухѣ электрическая энергія изъ облаковъ не имѣетъ возможности уходить постепенно; очевидно, что тамъ скопленія электричества должны быть бо́льшими, чѣмъ въ нашихъ широтахъ, и грозы—болѣе частыми. На Ямайкѣ или по берегамъ экваторіальной Африки рѣдко когда къ двумъ часамъ по полудни во время жаркой погоды не начинаютъ скопляться облака и не разражается болѣе или менѣе сильная гроза.

Молнія.

Разряды электричества во время грозы выражаются молніями. Молнія появляется между двумя наиболѣе сближенными точками двухъ разноименныхъ зарядовъ электричества. Вотъ почему при разрядѣ на землю молнія обыкновенно и предпочтительно ударяетъ въ предметы высокіе—деревья, зданія. Вообще направленіе молніи опредѣляется кратчайшимъ разстояніемъ и наилучшей проводимостью. Разстояніе бываетъ, однако, до нѣсколькихъ километровъ, а проводимость должна быть относительная; при полной проводимости не было бы разряда съ сильной искрой и разрушительнымъ дѣйствіемъ, а было бы спокойное и невидимое истеченіе электричества.

Цвѣтъ молніи зависитъ отъ колебаній въ составѣ воздуха въ мѣстѣ ея пути, онъ мѣняется отъ голубовато-бѣлаго до фіолетово-краснаго въ зависимости отъ содержанія въ воздухѣ кислорода и угольной кислоты и отъ степени его разряженія.

Различныя формы молніи.

Небо совершенно чисто, жара удушливая, наступаетъ ночь, и вдали, на успѣвшемъ уже потемнѣть горизонтѣ, появляются и исчезаютъ безшумные отблески слишкомъ далекой, чтобы былъ слышенъ громъ, грозы—это такъ называемая зарница.

Вотъ, однако, громъ понемногу начинаетъ быть слышенъ, гроза приближается. Приготовимся ее встрѣтить и займемся наблюденіемъ различныхъ формъ, въ которыхъ проявляется молнія: ночная тьма поможетъ нашимъ наблюденіямъ.

Digitized by Google

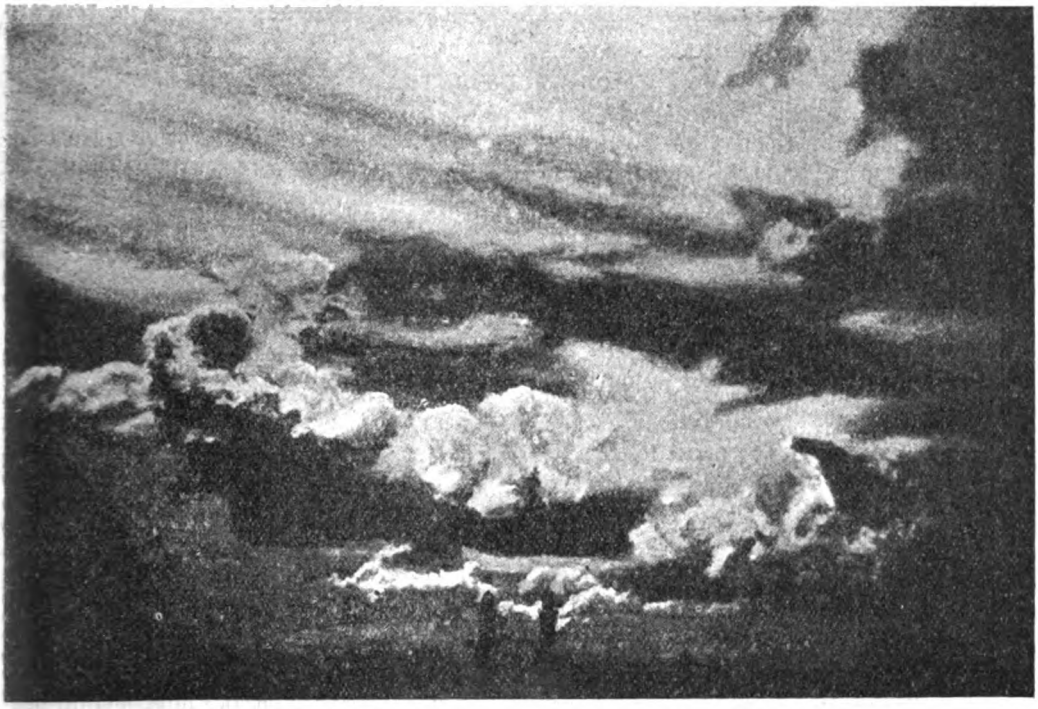


Рис. 70. Облака «Cumulus» и «cirro stratus».

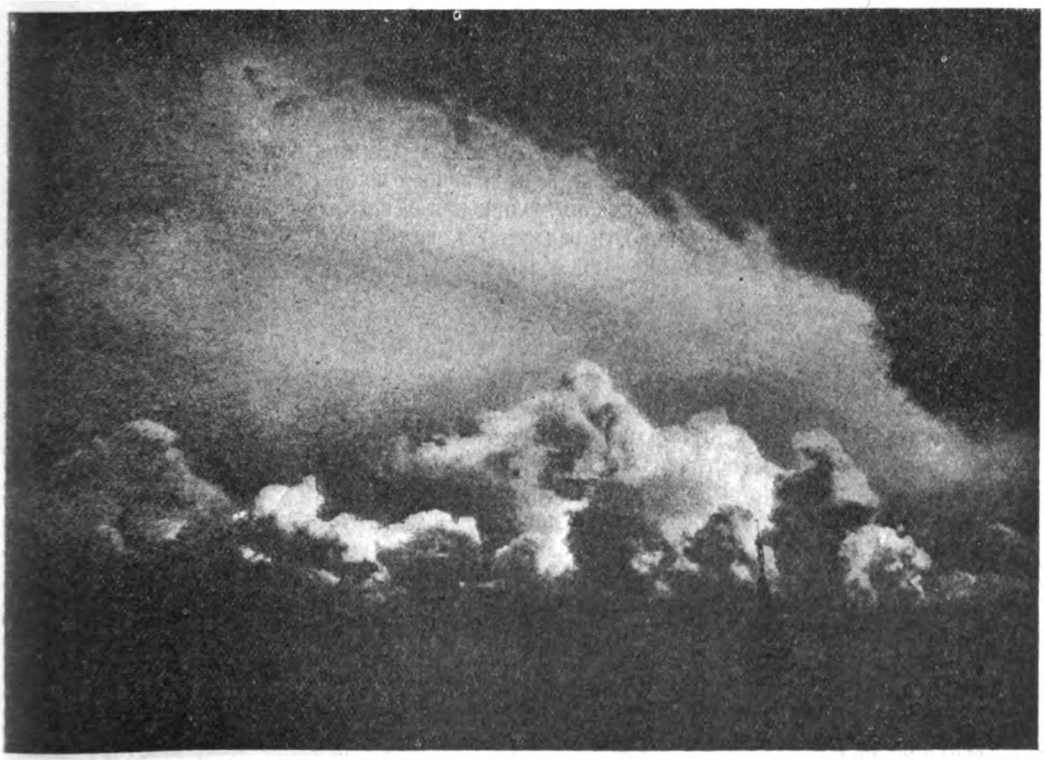


Рис. 71. Облака «Cumulo-nimbus», а надъ ними «cirro-stratus».

Digitized by Google

Молнія разлитая.

Чаще всего молніи являются намъ въ видѣ разлитаго свѣта, на одно мгновеніе освѣщающаго тучи, послѣ чего, въ силу контраста, мракъ становится еще гуще. Потому ли мы не видимъ въ этихъ случахъ искры, что она скрыта за облаками, или потому, что ея и въ самомъ дѣлѣ не бываетъ, такъ какъ разрядъ совершается сразу всею поверхностью тучи,—но молнія чаще всего является именно въ видѣ разлитого свѣта (рис. 72).

Горизонтальная молнія.

Молнію въ видѣ горизонтальной линіи можно наблюдать только между двумя облаками, она почти горизонтальна и никогда не бываетъ большой длины (рис. 73).

Молнія извилистая.

Молнія, ударяющая въ землю, всегда въ болѣе или менѣе сильной степени извилиста, зигзагообразна (рис. 74 и 75). На самомъ дѣлѣ она идетъ по спиральной линіи, и только вслѣдствіе условій перспективы мы на мѣстахъ загибовъ спирали видимъ острые углы зигзаговъ. На предметахъ пораженныхъ молніей обыкновенно хорошо бываетъ виденъ спиральный путь молніи.

Резервуаръ для воды въ одномъ изъ домовъ на Монмартрѣ послѣ удара молніи оказался со слѣдомъ отъ ея прохода въ видѣ правильной винтовой линіи.

На пораженныхъ грозой деревьяхъ часто кора бываетъ снята по спирали того или другого наклона.

Тѣла пораженныхъ молніей людей также нерѣдко носятъ спиральные слѣды, начинающіеся отъ шеи и идущіе кругомъ тѣла къ ногамъ.

Вотъ еще, наконецъ, забавный случай, который можно объяснить только направленіемъ молніи по спиральной линіи: молнія ударила въ домъ, попала въ комнату, гдѣ на столѣ стояла высокая стопа тарелокъ, и прошла черезъ нихъ, при чемъ только черезъ двѣ тарелки каждая третья оказалась продырявленной по срединѣ.

Величина спиральныхъ завитковъ молніи или ея зигзаговъ зависитъ отъ быстроты разряда и различія въ проводимости различныхъ частей воздуха; мы говорили уже, что молнія ищетъ путь по наилучшему проводнику.

Развѣтвленіе молніи.

Глазъ обыкновенно замѣчаетъ только одно направленіе молніи; молнія представляется намъ въ видѣ одной ломанной линіи. Однако, фотографія показываетъ, что молнія обыкновенно бываетъ состоящей не изъ одной линіи, а представляетъ изъ себя какъ бы дерево съ боковыми вѣтвями и развѣтвленіями или еще болѣе, пожалуй, походитъ на рѣку съ ея притоками. Развѣтвленій можно бываетъ насчитать до 50 и даже больше (рис. 76).

Этими развѣтвленіями объясняется, почему одной и той же молніей, однимъ и тѣмъ же разрядомъ могутъ быть убиты нѣсколько человѣкъ.

Въ августѣ 1899 года молнія ударила въ проѣзжавшій по Тиргартену въ Берлинѣ отрядъ улановъ; пятеро изъ нихъ были повалены на землю вмѣстѣ съ лошадьми, одинъ солдатъ и одна лошадь были убиты, остальные болѣе или менѣе сильно ранены. 28-го іюня 1865 года подверглись удару молніи 16 крестьянъ, работавшихъ въ полѣ въ департаментѣ Финистеръ. Семь изъ нихъ было убито, трое частію парализовано, шестеро сильно обожжено.

Digitized by Google

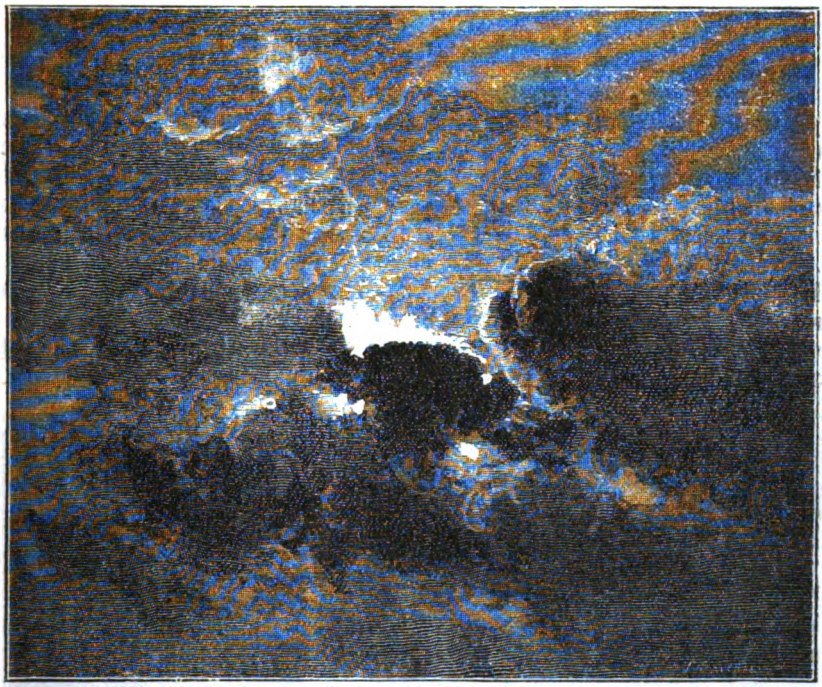


Рис. 72. Разлитая молнія.

Въ Бургѣ 14-го мая 1892 года 18 солдатъ 37-го артиллерійскаго полка подъ командой офицера направлялись на полигонъ и по дорогѣ были застигнуты грозой; ударъ молніи между ними повалилъ ихъ всѣхъ на землю, четверо было ранено, одинъ убитъ. Никто изъ нихъ не могъ отдать себѣ отчета въ томъ, что̀ произошло, они не видѣли блеска молніи, не слышали удара грома; единственно, что̀ они почувствовали—это какъ бы сильный ударъ палкой и затѣмъ ожоги.

Рис. 73. Горизонтальная молнія.

Digitized by Google

Шаровидная молнія.

Существуетъ еще двѣ формы молніи, формы наблюдаемыя сравнительно рѣдко — это молніи шаровидная и четками. Теорія ихъ была выработана Гастономъ Планте.

Шаровидная молнія (рис. 77) обязана своимъ происхожденіемъ особенно высокому мѣстному напряженію электричества и представляетъ изъ себя какъ бы уплотненіе молніи.

Планте воспроизвелъ ее съ опасностію для своей жизни, хотя и въ значительно противъ натуры меньшемъ видѣ, при помощи батареи своихъ аккумуляторовъ.

Шаровидная молнія или появляется изъ облака прямо при разрядѣ, или образуется вслѣдствіе индукціи въ сильно наэлектризованномъ облакѣ, находящемся надъ слоемъ совершенно сухого и слѣдовательно не проводящаго тока воздуха. Собравшаяся въ шаръ молнія затѣмъ можетъ, смотря по обстоятельствамъ и въ зависимости отъ проводимости

Рис. 74 и 75. Извилистая молнія.

окружающаго воздуха и величины потенціала, образовавшаго ее источника, двигаться въ томъ или другомъ направленіи, разсѣяться безъ шума и какого бы то ни было вреда или наоборотъ разорваться со страшной силой и гибельными для всего окружающаго послѣдствіями.

Приводятъ любопытные примѣры шаровидной молніи. Въ маѣ 1883 года въ Амьенѣ молнія ударила въ одинъ домъ въ видѣ голубоватаго шарика, величиною съ орѣхъ: этотъ шарикъ проникъ черезъ открытое окно внутрь дома, описалъ кругъ по столовой, гдѣ вся семья сидѣла за столомъ, задѣлъ слегка за руку хозяина дома, въ то время какъ тотъ ѣлъ супъ, и исчезъ, распавшись съ сильнымъ трескомъ.

М. Вильфридъ Фонвьель разсказываетъ слѣдующую исторію: «десятаго сентября 1845 года появился огненный шаръ на порогѣ одной кухни въ деревнѣ Селаньякѣ въ глубинѣ Коррезы. Женщины, находившіяся въ кухнѣ, крикнули молодому крестьянину, у ногъ котораго катился шаръ, чтобы онъ загасилъ его, наступивъ ногой.

Къ счастію, крестьянинъ этотъ, посѣщая Парижъ, электризовался за два су въ Елисейскихъ Поляхъ и сталъ съ тѣхъ поръ относиться съ уваженіемъ къ таинственнымъ проявленіямъ электричества. Не смотря на просьбы своихъ сотоварокъ, онъ не прико-

Digitized by Google

снулся къ шару, и шаръ, не задѣвъ никого, выкатился на дворъ. Черезъ нѣсколько секундъ предательскій шаръ натворилъ бѣду въ сосѣднемъ хлѣву: онъ поразилъ свинью, которая, не будучи знакома съ чудесами электричества, рѣшилась его непочтительно обнюхать.

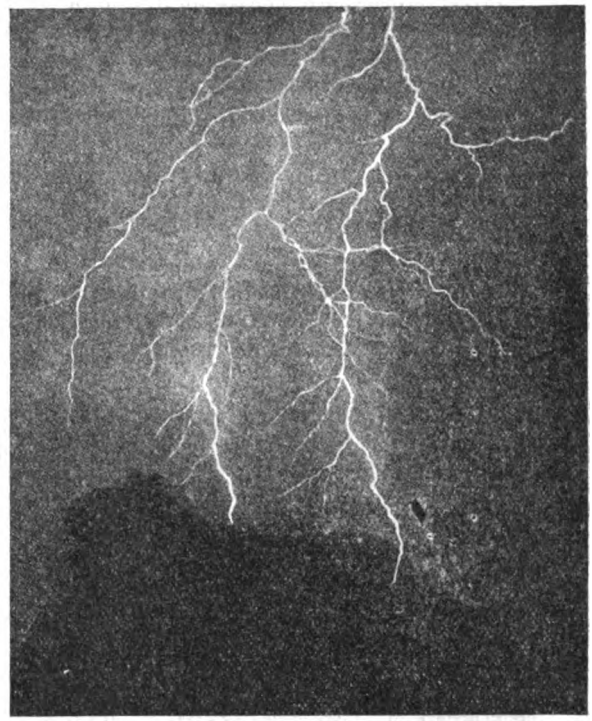


Рис. 76. Сложно развѣтвленная молнія.

Молнія четками.

Молнія четками (рис. 78) представляетъ изъ себя не что иное, какъ соединеніе въ видѣ сверкающей дорожки ряда шаровидныхъ молній небольшого размѣра.

18-го августа 1876 года Гастонъ Планте находился въ своемъ имѣніи въ Медонѣ, когда надъ Парижемъ разразилась гроза. Здѣсь, на лонѣ природы, онъ наблюдалъ за безпрестанно сверкающіми молніями.

«Самая замѣчательная молнія», говоритъ онъ, «была та, которая, описавъ кривую линію, стремительно ударилась изъ-за тучи въ землю; она была видна въ теченіе нѣсколькихъ секундъ и имѣла видъ четокъ съ блестящими шариками».

Рис. 77. Шаровидная молнія.

Digitized by Google

Другіе метеорологи описывали подобныя же явленія, а 8-го марта 1899 года мы сами имѣли возможность наблюдать съ вершинъ Кламаръ такую же молнію, которая пронеслась надъ Парижемъ.

Не слѣдуетъ думать, что электричество, содержащееся въ воздухѣ, проявляется исключительно въ видѣ молніи; существуютъ также и другія явленія природы, причиною которыхъ служитъ электричество.

Огни св. Эльма.

Когда наэлектризованная туча находится отъ земли слишкомъ далеко, чтобы вызвать разрядъ, она производитъ разнообразнѣйшія свѣтовыя явленія. Острія сверкаютъ, огненные языки появляются на громоотводахъ, на мачтахъ и на реяхъ кораблей, земля

Рис. 78. Четкообразная молнія, наблюдавшаяся въ Парижѣ.

выкидываетъ пламя изъ нѣдръ своихъ, и самый воздухъ начинаетъ свѣтиться разсѣяннымъ свѣтомъ.

Электрическое равновѣсіе между землей и атмосферой всегда стремится къ возстановленію.

До восемнадцатаго вѣка подобныя явленія природы оставались для всѣхъ предметомъ удивленія и ужаса. Въ древности считали ихъ за чудеса и смотрѣли на нихъ, какъ на хорошія и дурныя предзнаменованія. Это были: звѣзды Елены, или же Діоскуры, Касторъ и Поллуксъ.

Появленіе огней на копьяхъ пятаго легіона въ арміи Цезаря было сочтено за предзнаменованіе побѣды. Подобнымъ явленіямъ придавали значеніе, приноровленное къ обстоятельствамъ, и полководцы пользовались ими, чтобы поднять духъ своихъ подчиненныхъ или деморализовать враговъ.

Digitized by Google

Въ средніе вѣка значеніе этихъ явленій осталось то же, измѣнилось только названіе. Христофоръ Колумбъ ободряетъ своихъ испуганныхъ матросовъ, указывая имъ на огни святого Эльма, которые сверкали на мачтахъ его судна (рис. 79).

Въ наше время, не смотря на то, что мы знаемъ причину этихъ явленій, не смотря на то, что они насъ больше не ужасаютъ, все же мы не можемъ не удивляться ихъ странностямъ.

Есть люди, которые видѣли, какъ ихъ шляпы были окружены свѣтящимся ореоломъ, покрыты какимъ-то огненнымъ покровомъ; какъ гривы ихъ лошадей начинали свѣтиться пламенемъ. Волосы становились дыбомъ и тѣмъ сильнѣе поднимались, чѣмъ больше ихъ причесывали; металлическіе предметы въ рукахъ ихъ державшихъ становились настоящими возбудителями электричества. Когда поднимали руки, на концахъ пальцевъ показывались огненные язычки и т. д.

На вершинахъ высокихъ горъ такія явленія происходятъ даже при полномъ отсутствіи грозы.

Во время своего путешествія по Персіи, М. Дьелафуа наблюдалъ подобныя явленія ово льно часто. На этихъ высокихъ плоскогоріяхъ электричество проявляетъ себя съ

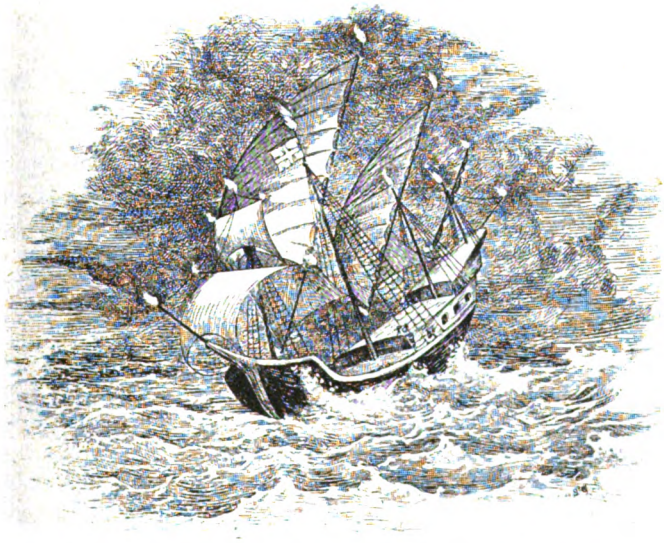


Рис. 79. Огни св. Эльма на мачтахъ корабля Колумба.

большой силой: «когда наступитъ ночь»,—говоритъ онъ,—«бросьте на землю булавку или монету; нѣтъ никакой надобности въ огнивѣ или въ спичкахъ, чтобы ихъ найти. Однажды вечеромъ, идя съ караваномъ, мы замѣтили на одной изъ нашихъ лошадей сверкающія гирлянды. Мы подумали первоначально, что это просто галлюцинація. Когда же мы сошли съ лошадей и приблизились къ вьючнымъ животнымъ, нашимъ глазамъ представилась слѣдующая картина: тысячи искръ, сопровождаемыя легкимъ трескомъ, появлялись каждый разъ, какъ лошадь ударяла себя хвостомъ по крупу».

Смерчи.

Иногда, во время очень сильной грозы, вихри настолько колеблютъ тучи, что онѣ опускаются въ видѣ опрокинутаго конуса, вершина котораго, дѣлаясь все острѣе и острѣе, достигаетъ, наконецъ, земли и взрываетъ ее быстрымъ коловратнымъ движеніемъ. Это—

Digitized by Google

смерчъ (рис. 80 и 81): онъ мчится впередъ, все истребляя и опустошая на своемъ пути. Молнія во всѣхъ своихъ видахъ сыплется изъ движущагося столба во всѣ стороны. Наконецъ, понемногу, сила его уменьшается, и смерчъ при послѣднемъ сверканіи молніи

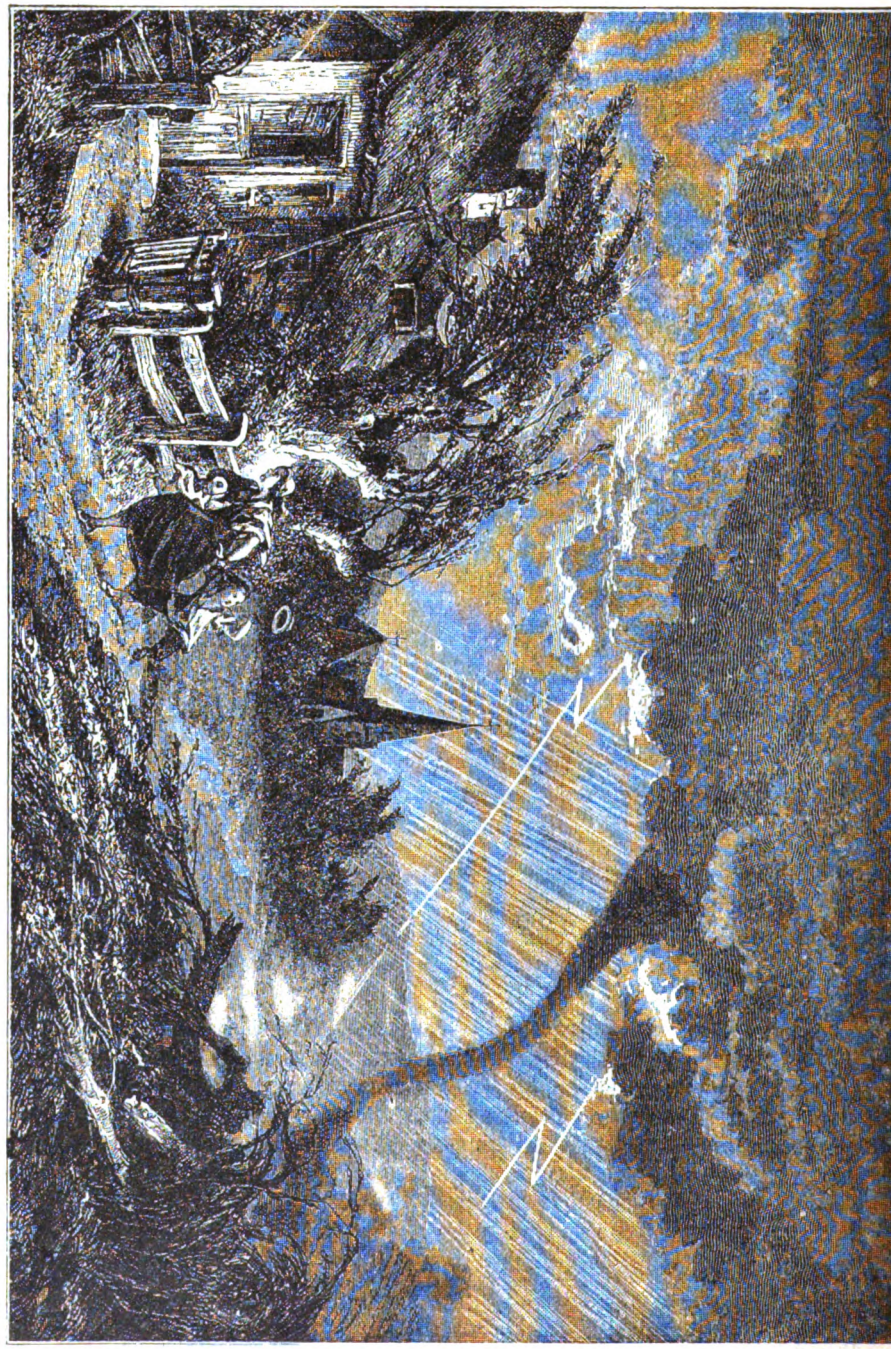


Рис. 80. Смерчъ на сушѣ.

исчезаетъ, возвращаясь обратно къ тучамъ; все кончается сильнѣйшимъ дождемъ и градомъ. Смерчи могутъ быть причиной дождей изъ песку, захваченнаго ими на пути по песчанымъ равнинамъ; иногда они, проносясь надъ прудами и озерами, втягиваютъ въ себя

Digitized by Google

Коровы и лошади пьютъ такъ же, какъ и мы, а собаки и кошки лакаютъ. Отчего такая разница?

Почему утка переваливается на ходу? Зачѣмъ ей нужно такое устройство тѣла, которое обусловливаетъ это переваливанье?

Почему бульдогъ можетъ долѣе, чѣмъ другія собаки, удерживать добычу зубами?

Грачи устраиваютъ свои гнѣзда всегда по близости отъ человѣческихъ жилищъ, и при томъ не маленькихъ. Отъ такого сосѣдства грачъ, повидимому, ничего не выигрываетъ, такъ какъ за пищей долженъ летать иногда очень далеко, а кромѣ того большая часть его птенцовъ, только-что научившись летать, бываютъ убиты человѣкомъ. Что же заставляетъ грача настойчиво устраиваться въ такомъ неподходящемъ мѣстѣ?

Въ открытомъ полѣ мы, при своихъ прогулкахъ и поѣздкахъ, встрѣчаемъ очень мало черныхъ и простыхъ дроздовъ, а по мѣрѣ приближенія къ усадьбамъ, особенно хорошимъ, количество ихъ увеличивается даже и въ такія времена года, когда нѣтъ надежды поживиться садовыми фруктами. Почему это?

Въ попыткахъ отвѣчать на эти вопросы, выяснился для меня достойный примѣчанія фактъ слабаго развитія идеи причинности въ людяхъ. И это не потому, чтобы отвѣты были ошибочны, а потому, что въ нихъ не замѣчалось связи между слѣдствіемъ и причиною. Когда мнѣ, напримѣръ, говорили, что способность жаворонка пѣть въ высотѣ, по нѣскольку минутъ сряду, зависитъ отъ сравнительной чистоты воздуха въ верхнихъ слояхъ атмосферы, то изъ этого видна была полная неспособность понять сущность физическихъ условій, необходимыхъ для продолжительнаго пѣнія. Затѣмъ иногда предлагались рѣшенія хотя и подходящія, но крайне неопредѣленныя. Такъ, по поводу разницы между манерою пить собакъ, кошекъ, коровъ и лошадей, меня спросили: не потому ли это, что глотка у нихъ разнаго калибра? Ясно, что если бы я отвѣчалъ на этотъ вопросъ утвердительно, то такимъ отвѣтомъ вполнѣ бы удовлетворились, не задумываясь о томъ, какимъ образомъ разница въ устройствѣ глотки могла обусловить разницу въ манерѣ пить. Умы, останавливающіеся, такимъ образомъ, на половинѣ дороги, очевидно, могутъ служить прекрасной почвой для развитія предразсудковъ и суевѣрій. Гдѣ нѣтъ раціональныхъ идей о причинности, тамъ легко могутъ развиться вѣрованія въ то, что новая луна, замѣченная съ лѣвой стороны, сулитъ несчастье; что просыпанная соль предвѣщаетъ ссору, и что отъ послѣдней можно избавиться, перебросивъ щепотку соли черезъ лѣвое плечо. Кто не получилъ надлежащаго понятія о законахъ природы, тотъ охотно вѣритъ всякому вздору.

Происхожденіе музыки.

Добрыхъ сорокъ лѣтъ тому назадъ я написалъ очеркъ, носящій заглавіе: «Происхожденіе и функція музыки» (The Origin and function of Music). Ученіе, высказанное въ этомъ очеркѣ, было, съ разныхъ точекъ зрѣнія, раскритиковано, какъ здѣсь, такъ и за границею. Однимъ изъ самыхъ раннихъ моихъ критиковъ былъ мистеръ Эдмундъ Гёрни (Gurney), несогласные съ моими доводы котораго занимаютъ нѣсколько страницъ въ его сочиненіи «Сила звука» (The power of saund), такъ же, какъ и въ очеркѣ, помѣщенномъ въ Fortnightly Review за іюль 1876 года. Я отвѣчалъ на его критику, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ постскриптумѣ, добавленномъ въ первоначальному очерку (см. «Опыты», библіотечное изданіе, т. II, стр. 437—449). Въ этомъ постскриптумѣ я говорилъ между прочимъ и о теоріи Дарвина, приписывающей пѣніе людей, также какъ и пѣніе птицъ, половому ухаживанію; думаю, что я доказалъ тамъ несостоятельность этой теоріи. Здѣсь я намѣренъ разобраться въ гипотезахъ, предложенныхъ другими авторами.

Въ іюльскомъ номерѣ Mind'а за 1891 годъ, д-ръ Валлашекъ (Wallaschek), опровергая мои взгляды, высказываетъ мысль, что главный элементъ музыки—ритмъ. Онъ говоритъ:

«Давно извѣстный, установленный наблюденіями путешественниковъ и изслѣдователей фактъ состоитъ въ томъ, что основная черта первобытной музыки есть ритмъ, мелодія же—вещь случайная».

Это утвержденіе можетъ быть, я полагаю, разсмотрѣно въ двухъ сторонъ, такъ какъ оно противорѣчитъ и народному и научному понятію о музыкѣ. Начнемъ съ народнаго.

Вотъ вамъ воробей—самый обыкновенный воробей. Сидитъ онъ на плетнѣ и чирикаетъ

Digitized by Google

довольно регулярно. Если онъ молодъ и голоденъ, то чириканье его окажется вполнѣ ритмичнымъ. А вотъ вамъ, на сосѣднемъ кустѣ, сидитъ дроздъ blackbird, издавая рядъ нотокъ безъ всякаго ритма. Который изъ нихъ «поетъ»? Ужъ, разумѣется, не ритмично-чирикающій воробей, а дроздъ, хотя въ его пѣніи ритма и не имѣется. Почему же мы называемъ пѣніемъ звуки, издаваемые дроздомъ? Ясное дѣло—потому, что въ нихъ есть черты, характерныя для пѣнія человѣческаго: различныя комбинаціи нотъ, отличающихся другъ отъ друга по высотѣ. Такимъ образомъ мы положительно не можемъ назвать пѣніемъ ритмическіе звуки, издаваемые воробьемъ, такъ какъ они, хотя и ритмичны, но абсолютно однотонны, а дроздъ, по нашему мнѣнію, поетъ, хотя звуки, имъ издаваемые, совершенно лишены ритма—они намъ напоминаютъ пѣніе человѣческое. Значитъ, по народному понятію, ритмъ безспорно не составляетъ главнаго элемента въ музыкѣ.

Примѣромъ можно доказать, что и научный анализъ приводитъ къ тому же выводу. Млекопитающими называются, какъ извѣстно, тѣ животныя, которыя рождаютъ дѣтенышей живыми и выкармливаютъ ихъ своимъ молокомъ. Но д-ръ Валлашекъ можетъ сказать: «Нѣтъ, характернымъ признакомъ млекопитающихъ служитъ позвоночный столбъ». Натуралистъ отвѣтитъ ему, конечно, что позвоночный столбъ есть и у рыбъ, такъ что онъ не можетъ характеризовать однихъ только млекопитающихъ, у которыхъ долженъ быть признакъ, однимъ только имъ принадлежащій. Точно также и ритмомъ обладаютъ очень многія проявленія искусства, танцы, напримѣръ, стихи, пѣніе и музыка. Когда-то всѣ эти ритмическія проявленія чувства совмѣщались, и ритмъ былъ для нихъ характеренъ, но съ тѣхъ поръ какъ они стали дифференцироваться, удерживая каждое свою ритмичность, то для характеристики каждаго изъ нихъ нужно взять какой-нибудь иной признакъ, котораго не было бы въ другихъ.

Такимъ образомъ, гипотеза д-ра Валлашека положительно противорѣчитъ народному понятію о музыкѣ и не принимаетъ въ разсчетъ принциповъ научной классификаціи.

Недавно, въ прекрасномъ и во многихъ отношеніяхъ раціональномъ трудѣ своемъ: A study of Wagner, мистръ Эрнестъ Ньюманъ собралъ всѣ критическіе отзывы моихъ оппонентовъ, прибавивъ къ нимъ и свой. Съ одобреніемъ цитируетъ онъ слѣдующія слова Комбаріе (Combarieu): «Г. Спенсеръ не знаетъ или не желаетъ знать всего того, что придаетъ разсматриваемому имъ искусству его спеціальный и индивидуальный характеръ; онъ не понимаетъ, повидимому, что такое музыкальная композиція» (стр. 164).

Вотъ поразительный примѣръ уловки, при помощи которой можно дискредитировать гипотезу, представляя ее тѣмъ, чѣмъ она никогда не была. Я говорилъ о происхожденіи музыки, а теперь меня упрекаютъ томъ, что моя концепція этого происхожденія не включаетъ въ себѣ понятія о музыкѣ, вполнѣ уже развившейся! Если бы кому-нибудь, кто сказалъ бы, что дубъ выростаетъ изъ жолудя, возразили, что онъ, должно быть, никогда не видывалъ дуба, такъ какъ иначе зналъ бы, что желудь не имѣетъ ни вѣтвей, ни листьевъ, то такое возраженіе никто бы не призналъ раціональнымъ. Но вѣдь настолько же нераціоналенъ и отзывъ г. Комбаріе, который говоритъ, что «я не понимаю, что такое музыкальная композиція», потому что моя теорія о происхожденіи музыки не упоминаетъ о характерныхъ признакахъ увертюры или квартета. Что же такое процессъ эволюціи вообще, какъ не постепенное выростаніе чертъ, которыхъ вначалѣ не было?

Нѣкоторыя изъ собственныхъ возраженій г. Ньюмана вовсе не чужды смѣшенія понятій о происхожденіи чего-либо съ этимъ, чѣмъ-либо вполнѣ развитымъ. Онъ говоритъ: «Г. Спенсеръ самъ признаетъ, что его теорія ничего не говоритъ о значеніи гармоніи для современной музыки, тогда какъ многіе музыкальные критики нашли, что она неудовлетворительно объясняетъ и происхожденіе мелодіи» (стр. 163).

Совершенно такимъ же образомъ могло бы быть отвергнуто предположеніе, что математика началась со счета по пальцамъ, такъ какъ это предположеніе не объясняло бы происхожденія дифференціаловъ и интеграловъ!

Оставимъ это, однако жъ, и отмѣтимъ два поразительныхъ королларія критики г. Ньюмана. Если теорія происхожденія музыки невѣрна потому, что ничего не говоритъ о гармоніи, то вся музыка восточныхъ народовъ

Digitized by Google

признается несуществующей, потому что гармоніи въ ней нѣтъ. Даже болѣе: древняя европейская музыка, напримѣръ, греческая, тоже отрицается, потому что и она состоитъ изъ простой послѣдовательности одиночныхъ нотъ, составляющихъ мелодію — гармонія появилась лишь во времена сравнительно недавнія. Непригодность возраженій г. Ньюмана дѣлается такимъ образомъ вполнѣ очевидною. Сама исторія показываетъ, что гармонія, будучи позднѣйшимъ пріобрѣтеніемъ музыки, не можетъ быть упоминаема въ трактатѣ о происхожденіи послѣдней.

Въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, г. Ньюманъ идетъ какъ бы навстрѣчу тому, что отрицалъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что: «вокальная музыка, вообще говоря, стремится представить смыслъ словъ въ другой, болѣе интенсивной формѣ: она какъ бы заставляетъ передумать его въ музыкѣ. Очевидно, что безъ словъ это было бы невозможнымъ; не имѣя эмоціональнаго содержанія»... и т. д.

Ясно, что здѣсь допускается существованіе естественныхъ отношеній между эмоціями и музыкальнымъ кадансомъ — предположеніе, которое повторяется и еще разъ, при отрицаніи исполнимости переложенія на музыку «чисто интеллектуальныхъ изреченій». Въ другомъ мѣстѣ г. Ньюманъ идетъ еще дальше по пути къ принятію отвергаемыхъ имъ взглядовъ. Онъ пишетъ: «Едва-ли болѣе замѣтенъ и переходъ отъ возбужденной рѣчи къ обыкновенному речитативу; чувствуется, что воздухъ тотъ же самый, но дыханіе чуть-чуть ускорилось. Но спойте пѣсню или сыграйте адажіо на роялѣ, и вы сразу увидите, что попали въ совсѣмъ иную психологическую плоскость» (стр. 163).

Большинству покажется страннымъ это отрицаніе возможности перехода отъ речитатива къ пѣнію, когда переходъ отъ возбужденной рѣчи къ речитативу вполнѣ признается.

Маленькій примѣръ, я полагаю, устранитъ вышеприведенную разницу «психологическихъ плоскостей». Вотъ вамъ простая шелковая ткань. А вотъ другая ткань, по качеству и цвѣту такая же, но съ узоромъ; узоръ изъ того же шелка, какъ и фонъ, но легко отъ послѣдняго отличается. Можно сказать, пожалуй, что переходъ отъ простой ткани къ узорной есть переходъ къ чему-то, лежащему въ иной плоскости структуры. А между тѣмъ, та и другая ткань имѣютъ одинаковое происхожденіе. Жакордовъ станокъ развился изъ обыкновеннаго и сохранилъ всѣ его основныя черты: аппаратъ Жакорда просто накладывается на обыкновенный станокъ. Подобнымъ же образомъ речитативъ отличается отъ мелодіи, хотя оба имѣютъ одинаковое происхожденіе: мелодія возникла изъ речитатива такъ же, какъ речитативъ изъ возбужденной рѣчи.

Въ другихъ мѣстахъ, такъ же, какъ и въ вышеприведенныхъ строкахъ, я уже далъ прямыя доказательства такого постепеннаго развитія. Восточная музыка, напримѣръ, не только лишена гармоніи, но имѣетъ скорѣе характеръ речитатива, чѣмъ мелодіи, а пѣніе древне-греческаго поэта было чистымъ речитативомъ подъ аккомпаниментъ черырехструнной лиры, въ униссонъ. Но сэръ Губертъ Парри (Parry), раздѣляющій мои взгляды, въ своей главѣ «о народной музыкѣ», приводитъ примѣры раннихъ стадій въ развитіи музыки, начиная съ крикливаго воя дикихъ австралійцевъ, караибовъ, полинезійскихъ людоѣдовъ и проч. вплоть до грубыхъ мелодій нашихъ предковъ. Я не вижу, какимъ образомъ непредубѣжденный читатель, въ виду такихъ примѣровъ, могъ бы отказать въ своемъ сочувствіи заключеніямъ, которыя изъ нихъ выведены.

Но эти заключенія подтверждаются и еще многими фактами.

Вотъ, напримѣръ, отчетъ «о музыкѣ индѣйскаго племени Омаха» (Omaha Indian Music), составленный миссъ Алисой Флетчеръ (Fletcher), служащей въ Этнологическомъ музеѣ, въ Кабриджѣ (Массачузетсъ). Описавъ трудности, съ которыми ей приходилось бороться при переложеніи дикихъ пѣсенъ на наши ноты, она говоритъ: «Я бросила, наконецъ, всякія теоріи, тоны, ритмы и мелодіи»; а затѣмъ заявляетъ, что интервалы этихъ пѣсенъ совершенно неопредѣленны. Вотъ именно этой характерной черты и слѣдовало ожидать, если вокальная музыка развилась изъ возбужденной рѣчи, потому что интервалы послѣдней тоже неопредѣленны: тоны ея не такъ рѣзко и постоянно разграничены, какъ тѣ ноты, которыми характеризуется пѣніе. Въ японской пѣснѣ или речитативѣ «Сайянара» (что значитъ: «прощай») [1]) ярко проглядываетъ

[1]) Изъ Miyako Dori, изданнаго Г. Паулемъ Бивановъ (Bewan).

Digitized by Google

уже болѣе высокая степень развитія музыки — переходъ къ мелодіи. Никто, слышавшій эту пѣсню, не станетъ отрицать, что она представляетъ собою какъ бы идеализацію восклицаній, естественнымъ образомъ вызванныхъ сильнымъ чувствомъ. Прислушиваясь затѣмъ къ Шубертовскому «Adieu,» всякій узнаетъ въ немъ дальнѣйшую идеализацію, выраженную въ приспособленныхъ къ тому музыкальныхъ фразахъ и кадансахъ—дальнѣйшее развитіе мелодіи.

Предположивъ, что всѣ эти примѣры и разсужденія не убѣдили лицъ, со мною несогласныхъ, можно обратиться къ нимъ съ вопросомъ: какъ же они-то сами объясняютъ происхожденіе музыки? Если бы вѣра въ сверхъестественное была теперь такъ же распространена, какъ въ былые годы, то отвѣтъ явился бы самъ собою—музыкальное чувство вложено въ человѣка при его созданіи. Но на этотъ отвѣтъ можно бы было возразить тѣмъ, что нѣкоторыя расы въ человѣчествѣ совершенно лишены музыкальнаго чувства. Вообще, теперь, когда супернатурализмъ побѣжденъ натурализмомъ, а эволюція человѣческихъ способностей признается весьма многими, само собою возникаетъ вопросъ: изъ чего же развились музыкальныя способности? Въ виду установленной уже доктрины, что членораздѣльная рѣчь развилась изъ простыхъ вокальныхъ обозначеній идеи, ясно вытекаетъ, что и музыка развилась изъ такихъ же простыхъ и грубыхъ обозначеній чувства. Но если такъ, то каковы же были эти простыя и грубыя обозначенія? Лица, несогласныя съ даннымъ здѣсь отвѣтомъ на такой вопросъ, обязаны дать другой. Каковъ же онъ будетъ?

Развитая музыка.

Для того, чтобы окончательно разсѣять предположеніе, что мой очеркъ: «Происхожденіе и функція музыки» претендуетъ на значеніе теоріи музыки вообще, необходимо указать на объемъ такой теоріи и на ту незначительную часть, которую въ ней занимаетъ предметъ моего очерка. Но прежде всего я долженъ возстановить нѣкоторыя изъ главныхъ его положеній и дать коекакія дополнительныя доказательства.

Къ утвержденію, что музыка, во всѣхъ ея формахъ, есть выраженіе возбужденнаго чувства, слѣдуетъ прибавить, что изъ всѣхъ чувствъ радость чаще другихъ выражается вокально. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ на дѣтяхъ. Потому-то, можетъ быть, музыка, даже слышимая издали, такъ что мотива ея разобрать невозможно, все-таки, по ассоціаціи впечатлѣній, возбуждаетъ нѣкоторое смутное чувство радости, веселья — волна удовольствія возникаетъ по симпатіи съ наиболѣе часто выражаемымъ музыкой чувствомъ. Вообще неопредѣленное удовлетвореніе, производимое всякаго рода музыкой, является фономъ, на который каждая музыкальная пьеса накладываетъ свой спеціальный отпечатокъ — общимъ чувствомъ удовольствія, которое всякая пьеса утилизируетъ на свой манеръ.

Слѣдуетъ, между прочимъ, отмѣтить одинъ всеобщій фактъ, хорошо извѣстный, но недостаточно оцѣненный по своему значенію. Дѣло въ томъ, что различныя музыкальныя выраженія чувства какъ въ пѣніи, такъ и въ инструментальномъ исполненіи, всѣ обладаютъ общей чертой—ритмическими варіаціями повышеній и пониженій тона, первоначально простыми, а затѣмъ усложнившимися. Насколько ближе, чѣмъ мы обыкновенно предполагаемъ, окажется родство между самыми разнообразными музыкальными произведеніями, если сравнить между собою прилагаемыя четыре діаграммы, въ графической формѣ представляющія послѣдовательность повышеній и пониженій тона вмѣстѣ съ продолжительностью нотъ. Интервалы между нотами и продолжительность послѣднихъ суть, конечно, величины несоизмѣримыя; а на діаграммахъ, между тѣмъ, горизонтальныя линіи, показывающія длину нотъ, сдѣланы слишкомъ короткими по сравненію съ вертикальными, показывающими величину интерваловъ, такъ что кривая діаграммъ является нѣсколько изуродованною. Но это нисколько не мѣшаетъ общему сходству между представленными такимъ образомъ пьесами, не смотря на громадную разницу въ ихъ характерѣ, ибо пьесы эти суть «Марсельеза», «Largo» Генделя, «Pur di cesti» и охотничья пѣсня «Old Towler».

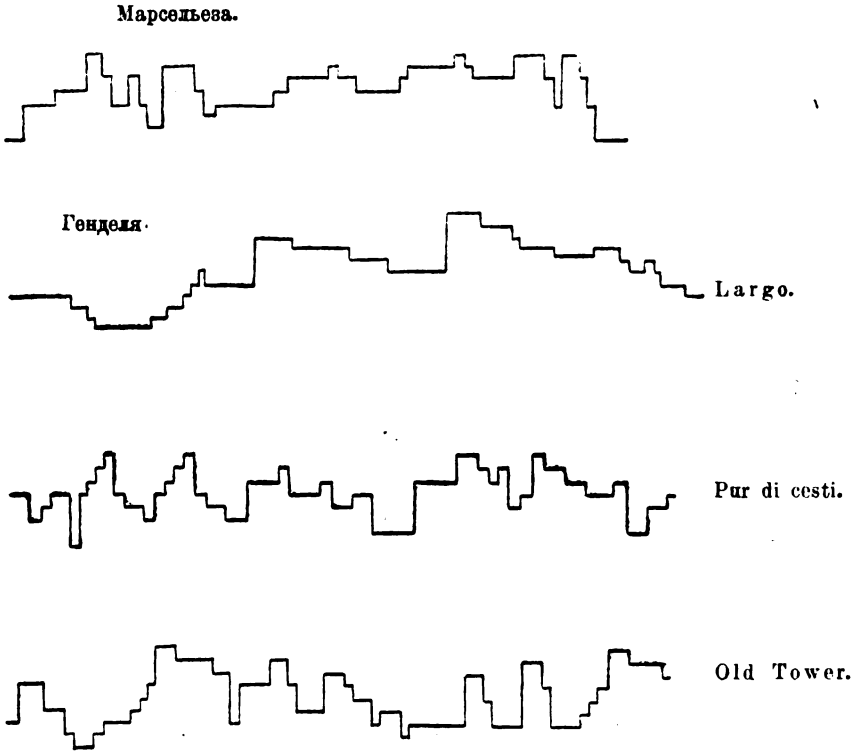
Голосовые звуки производятся сокращеніемъ извѣстныхъ мускуловъ, и на діаграммахъ мы видимъ, какъ эти сокращенія колеблются между крайностями и какъ большія колебанія прерываются маленькими. Даже болѣе—въ діаграммахъ видна анало-

Digitized by Google

гія между ритмическими мышечными сокращеніями при пѣніи и таковыми же при танцахъ, такъ какъ тѣ и другія обусловливаются переходомъ или разряженіемъ чувства въ дѣйствіе.

Обращаясь теперь къ болѣе спеціальному анализу музыки, мы прежде всего должны замѣтить, что она заключаетъ въ себѣ два основнымъ образомъ различныхъ элемента— сенсаціонный и повѣствовательный (relational). Эффекты ея зависятъ какъ отъ самихъ тоновъ, такъ и отъ различныхъ комбинацій между ними отъ ихъ одновременности или послѣдовательности. Нѣтъ надобности доказывать, что первоначально и красота музыки и драматическій характеръ, которымъ она могла обладать, обусловливались натурой самихъ тоновъ—ихъ силой, высотой и тэмбромъ. Помимо какой бы то ни было организаціи, сами звуки, индивидуально взятые, могутъ производить эмоцію, то печальную, то радостную.

Такъ какъ громкими звуками обыкновенно выражаются сильныя чувствованія, то въ музыкѣ замѣчается общее отношеніе между силою тоновъ и интенсивностью ихъ эффекта. Я нарочно говорю «общее отношеніе», такъ какъ нѣкоторые виды эмоцій и нѣкоторыя ихъ степени, утомляя сердце и тѣмъ уменьшая приливъ энергіи, ослабляютъ мышечныя сокращенія и поэтому выражаются слабыми, тихими тонами. Но, признавая это ограниченіе, должнымъ образомъ отмѣчаемое и подходящими формами музыкальнаго выраженія, мы все-таки можемъ сказать, что объемъ звука соотвѣтствуетъ объему чувства, и въ музыкѣ это понимается какъ исполнителемъ, такъ и слушателемъ.



Здѣсь, однако же, мы встрѣчаемся съ истиной, рѣдко кѣмъ сознаваемой. Громкіе тоны, выражающіе сильныя чувствованія, являются не преднамѣренно, а самопроизвольно — зависятъ не отъ волевого, а отъ инстинктивнаго раздраженія голосоваго аппарата. Поэтому пѣвецъ не долженъ преднамѣренно усиливать звукъ, и сокращеніе мышцъ его гортани должно быть на самомъ дѣлѣ или хоть повидимому безсознательнымъ. Но пѣвцы, какъ профессіональные,

Digitized by Google

такъ и любители, рѣдко выполняютъ это требованіе, потому что голоса ихъ обыкновенно не обладаютъ въ достаточной степени естественной звучностью. Въ результатѣ—музыкальный эффектъ портится, и портится двояко: съ одной стороны, тоны получаются не надлежащаго качества, а съ другой—сочувствіе слушателя къ физическимъ усиліямъ пѣвца уменьшаетъ его наслажденіе пѣніемъ, если не совсѣмъ убиваетъ послѣднее. Отсюда—неудовлетворительность почти всякаго пѣнія. Косвеннымъ образомъ такой же контрастъ и съ тѣми же послѣдствіями замѣчается между инструментальной музыкой, въ которой исполненіе требуетъ видимыхъ усилій, и такой, въ которой этихъ усилій не требуется или по крайней мѣрѣ они незамѣтны. Въ этомъ отношеніи эффектъ оркестра нельзя и сравнить съ эффектомъ большого органа. Въ первомъ случаѣ отдѣльныя ноты никогда не достигаютъ той полноты, которая отъ нихъ требуется, а кромѣ того, видимыя усилія исполнителей, отвлекая вниманіе и вызывая сочувствіе слушателя, значительно уменьшаютъ наслажденіе, даваемое музыкой. Во второмъ случаѣ, звуки органа, будучи болѣе полными, гораздо сильнѣе возбуждаютъ эмоцію, на которую разсчитаны, усилія же органиста остаются невидимыми.

Перехожу теперь къ вопросу о тонѣ. Въ первоначальномъ моемъ очеркѣ, на который я выше ссылался, мнѣ много пришлось говорить объ отношеніи высокихъ, среднихъ и низкихъ нотъ къ различнымъ чувствованіямъ и объ ихъ относительной употребительности въ музыкѣ. Здѣсь я долженъ подчеркнуть фактъ, о которомъ тамъ не упомянулъ. Какъ въ возбужденной, страстной рѣчи, такъ и въ музыкѣ, наиболѣе громкія, сильныя ноты суть въ то же время и наиболѣе крайнія, наиболѣе отдаленныя отъ средняго діапазона. Это является неизбѣжнымъ, такъ какъ именно крайности требуютъ усиленнаго сокращенія мускуловъ. Отсюда вытекаетъ обычный законъ экспрессіи, состоящій въ томъ, что одиночныя и послѣдовательныя музыкальныя фразы, поднимаясь въ тонѣ, усиливаются и по звуку, а дальнѣйшіе кадансы, кончающіеся средними нотами, постепенно ослабѣваютъ. Въ пассажахъ, разыгрывающихся на низкихъ нотахъ, замѣчается обратное. До какой степени важенъ этотъ законъ (за исключеніями, зависящими отъ вышеуказанной причины) можно видѣть изъ нелѣпаго впечатлѣнія, производимаго пассажами, разыгранными на фортепьяно въ обратномъ порядкѣ. Эта проба на фортепіано косвеннымъ образомъ доказываетъ, что иструментальная музыка развивалась именно такъ, какъ я говорю, иначе зачѣмъ бы ей слѣдовать законамъ экспрессіи, обязательнымъ для музыки вокальной—почему и въ ней высокія ноты должны быть громче среднихъ? Вокальная музыка управляется физіологической необходимостью, и если инструментальная обязана подчиняться ея законамъ, то, значитъ, обѣ онѣ имѣютъ одинаковое происхожденіе.

Что касается качества, или тэмбра тоновъ, тѣ достаточно замѣтить, что разъ онъ указываетъ на извѣстное чувство, то данный тэмбръ можетъ годиться для извѣстныхъ музыкальныхъ пьесъ и не годиться для другихъ. Смѣшно было бы разыгрывать Моцартовское «Addio» на волынкѣ, хотя этотъ инструментъ весьма пригоденъ для «Scots wha'hae» напримѣръ—раздирающій характеръ звуковъ гармонируетъ въ данномъ случаѣ съ той страстью, которая выражена въ пьесѣ. Наоборотъ, если «Марсельезу» сыграть на флейтѣ, то всякій замѣтитъ, что звукамъ не хватаетъ надлежащей мощи и стремительности. Мѣдныя трубы являются самымъ подходящимъ инструментомъ для выраженія чувствъ, вызвавшихъ этотъ маршъ. Если человѣческій голосъ, при сильныхъ эмоціяхъ не сочувствующаго характера, пріобрѣтаетъ металлическій оттѣнокъ, зависящій, повидимому, отъ многочисленности абертоновъ, то наиболѣе подходящими инструментами для выраженія этихъ эмоцій должны быть тѣ, которые даютъ много абертоновъ, тогда какъ для выраженія эмоцій нѣжныхъ чѣмъ чище тонъ, даваемый инструментомъ, тѣмъ лучше. Всѣ эти истины эмпирически уже признаны, и я говорю о нихъ только для того, чтобы пополнить рядъ моихъ доказательствъ.

Выше я говорилъ кое-что относительно повѣствовательнаго (relational) элемента въ музыкѣ, потому что нельзя же говорить о тонахъ, не упоминая о ихъ взаимосоотвѣтствіи, но теперь мы займемся повѣствовательнымъ элементомъ исключительно. Взглянемъ на факты съ эволюціонной точки зрѣнія. Въ ихъ соотвѣтствіи съ общей теоріей эволюціи мы найдемъ поддержку для теоріи

Digitized by Google

эволюціи музыки собственно, которая теперь насъ занимаетъ.

Въ примѣрахъ, которыми сэръ Губертъ Парри начинаетъ свою главу о «Народной музыкѣ», мы видимъ простые вокальные звуки, мало чѣмъ отличающіеся отъ рева и ворчанья, которыми выражаются самыя первобытныя чувствованія. Тоны ихъ еще не вполнѣ дифференцировались въ собственно такъ называемыя ноты. Такая неопредѣленность прекрасно характеризуетъ начинающуюся эволюцію вообще, и мы видѣли, что она до сихъ поръ свойственна пѣнію дикихъ народовъ.

Другая характерная черта нарождающейся эволюціи проявляется въ монотонномъ повтореніи грубыхъ музыкальныхъ фразъ, свойственномъ первобытной музыкѣ—хоровому и одиночному пѣнію. Общій обычай народовъ, принадлежащихъ къ низшимъ расамъ (сохранившійся и между расами высшими), состоитъ въ томъ, что когда группа людей сообща занимается какой-нибудь трудной и продолжительной работой, то она сопровождаетъ эту работу хоровымъ пѣніемъ; примѣръ: носильщики паланкиновъ въ Индіи, гребцы у всѣхъ народовъ. Пѣніе это состоитъ обыкновенно изъ безконечнаго и монотоннаго повторенія одного какого-нибудь слова или фразы, подходящей къ случаю. Иногда эта фраза замѣняется другою, при чемъ и кадансъ измѣняется. Среди дикарей, поютъ такимъ образомъ и отдѣльныя личности, вкладывая въ свое пѣніе оттѣнокъ радости или горя, точь въ точь такъ, какъ дѣлаемъ это мы, монотонно повторяя, при внезапныхъ несчастіяхъ, все одну и ту же фразу, напримѣръ: «Ахъ Господи! Ахъ Господи! Ахъ Господи!». Образчикъ такого пѣнія, заимствованный у аборигеновъ Австраліи, представленъ сэромъ Губертомъ Парри на 49-й страницѣ его «Музыкальнаго искусства» (Art of Music). Замѣчательно, что эти первобытныя пѣсни до такой степени безсвязны, что могутъ быть прерваны на любомъ пунктѣ. Онѣ состоятъ изъ отдѣльныхъ пассажей, но тѣмъ не менѣе представляютъ собою однородное цѣлое, какъ цѣпочка, состоящая изъ одинаковыхъ звеньевъ. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ относительно безконечную, безсвязную однородность, съ которой начинается эволюція.

Но это не единственный родъ первобытной музыки. Въ музыкальной формѣ, первобытные народы передавали еще и сказанія эпическія, проникнутыя эмоціей, вызываемой великими подвигами. Мы знаемъ, что и современные дикари, арауканцы, напримѣръ, воспѣваютъ своихъ героевъ; гренландцы поютъ о своихъ «охотничьихъ приключеніяхъ» и «о дѣлахъ своихъ предковъ» (Опыты, Т. II, стр. 433—434), напоминая такимъ образомъ древнихъ греческихъ поэтовъ. Повѣствовательная музыка не допускаетъ, конечно, ни повторенія однихъ и тѣхъ же словъ, ни повторенія однѣхъ и тѣхъ же музыкальныхъ фразъ, а потому и не имѣетъ наклонности къ ритму. Хотя въ ней и появляется иногда метрическая форма, но размѣръ стиха не всегда укладывается въ ритмическую музыкальную фразу. Признавая, однако же, что первобытная повѣствовательная музыка, близкая къ речитативу, не допускала повторенія однѣхъ и тѣхъ же фразъ, а потому не допускала и ритма, мы должны все-таки признать, что она можетъ дать начало высшему типу музыки, когда разовьется до нихъ. Весьма возможно, что повтореніе фразъ, съ сопровождающимъ его ритмомъ, вошло въ речитативъ впослѣдствіи, или что пассажи речитатива были вставлены въ формѣ хорала или соло, и что такимъ образомъ возникло нѣчто въ родѣ мелодій. Слѣдовательно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ взаимодѣйствія формы и содержанія, возникновеніе мелодіи становится вѣроятнымъ.

Какъ бы то ни было, значитъ, слѣды начинающейся эволюціи могутъ быть окрыты. Первый шагъ ея—повтореніе сначала одной какой-нибудь, а потомъ и нѣсколькихъ фразъ съ возвратами къ первой — замѣчается весьма рано. Такое повтореніе есть одна изъ самыхъ общихъ чертъ въ мелодіяхъ. Оно само по сѣбѣ доставляетъ намъ то интеллектуальное удовлетвореніе, которое мы находимъ въ распознаваніи сходства—удовлетвореніе быстро исчезающее, если одна и та же фраза повторяется безконечно, но весьма яркое, если она повторена два-три раза. Въ этомъ можно видѣть первое зерно сложности, характеризующей вполнѣ развитую музыку. Вторымъ такимъ зерномъ, въ примитивной музыкѣ, является переходъ къ нѣсколькимъ фразамъ, которыя въ ней тоже иногда надоѣдаютъ безпрестаннымъ повтореніемъ, тогда какъ въ развитой музыкѣ онѣ вставляются только для того, чтобы доставить удовольствіе, зависящее отъ контраста. Здѣсь

Digitized by Google

лежитъ начало тѣхъ многочисленныхъ эффектовъ, которые достигаются перемѣною темъ, то простыхъ, то сложныхъ. Дальнѣйшій прогрессъ состоитъ въ повтореніи одной и той же фразы то въ верхнемъ, то въ нижнемъ регистрѣ. Это простѣйшій путь къ увеличенію удовольствія, свойственный всякому искусству и обусловленный соединеніемъ сходства съ различіемъ. Вѣдь если мы признаемъ, что работа перцепціи вообще можетъ доставлять наслажденіе, то, значитъ, рядомъ съ удовольствіемъ подмѣтить сходство стоитъ и удовольствіе подмѣтить различіе: объемъ пріятнаго сознанія увеличивается при этомъ вдвое. Затѣмъ, на основаніи того же самаго принципа, доставляетъ удовольствіе и совмѣщеніе сходства съ различіемъ, достигаемое варіаціями одной и той же темы въ разныхъ тонахъ.

Если бы я хотѣлъ прослѣдить постоянно наростающее усложненіе музыки, то долженъ бы былъ обладать знаніями композитора, да и нагромоздилъ бы слишкомъ много матеріала. Поэтому я здѣсь ограничусь замѣчаніемъ, что наслажденіе сходствомъ расширяется благодаря введенію комбинацій между фразами; что наслажденіе контрастомъ между комплексами звуковъ растетъ при усложненіи этихъ комплексовъ; что перцепція разницы въ единствѣ можетъ достигнуть большого разнообразія благодаря варіаціямъ силы и темпа звуковъ, перемѣнѣ ключа и проч. А рядомъ съ развитіемъ и усложненіемъ мелодіи, идетъ безконечное развитіе гармоніи, порождая постоянно возрастающую разнородность музыкальныхъ произведеній.

Теперь намъ предстоитъ отмѣтить постепенное возрастаніе точности, опредѣленности въ музыкѣ. Возникаютъ требованія, чтобы каждая нота стояла какъ разъ на своемъ мѣстѣ; чтобы она имѣла правильный звукъ; чтобы интервалы были правильны; чтобы тщательно былъ соблюдаемъ тактъ: фальшивая нота деретъ уши, а несоблюденіе такта сопровождается путаницей.

Затѣмъ растетъ потребность въ интеграціи пьесы, въ томъ, чтобы она представляла собою одно законченное цѣлое, то есть была объединена, во-первыхъ, подчиненіемъ своей основной нотѣ; во-вторыхъ, — отношеніемъ между одинаковыми и противуположными другъ другу фразами, различнымъ образомъ возбуждающими ожиданія, которыя должны быть удовлетворены; въ третьихъ, — отношеніемъ между своими отдѣльными частями, то есть, когда одна тема достаточно разработана, то слѣдуетъ перейти къ другой, хотя и родственной, но замѣтно отличающейся, а затѣмъ вновь вернуться къ первой. Несоблюденіе этихъ условій порождаетъ чувство неполноты, неудовлетворительности.

Такимъ образомъ музыка одновременно стремится къ разнородности, интеграціи и опредѣленности.

Отмѣтивъ характерныя черты ея развитія, свойственныя всякой эволюціи вообще, посмотримъ теперь, какъ возникли различные роды музыки, изъ коихъ иные почти не носятъ на себѣ слѣдовъ своего происхожденія.

Мы видѣли, что музыкальное выраженіе чувства чаще всего производитъ простой подъемъ духа—наплывъ пріятныхъ ощущеній, какъ у дѣтей, танцующихъ подъ звуки какой-нибудь пѣсенки, или у ремесленника, присвистывающаго за работой. Изъ этой совокупности пріятнаго чувства съ вокальнымъ его проявленіемъ возникаетъ бодрость, по ассоціаціи чувствованій являющаяся даже и тогда, когда музыка слышится издали, а мотива ея разобрать нельзя. Такое общее отношеніе между музыкальными звуками и состояніемъ духа вовсе не специфично, то есть не зависитъ отъ смысла музыкальныхъ фразъ.

Но фразы эти, кромѣ того, могутъ служить выраженіемъ самыхъ разнообразныхъ чувствъ и являются въ такомъ случаѣ специфическими. Онѣ могутъ даже выражать тоску, сожалѣніе, нѣжность, гнѣвъ, мужество, угрозу и проч., сами по себѣ, независимо отъ смысла словъ, въ нихъ вложенныхъ, что становится очевиднымъ, если произнести, напримѣръ, нѣжныя слова тономъ угрозы. Фразы и кадансы такого рода могутъ быть очень разнообразны, однако жъ. Есть люди, совершенно неспособные выражать чувство модуляціями голоса, и есть другіе, которые выражаютъ такимъ образомъ малѣйшіе оттѣнки его. Ясно, что такое выраженіе чувствъ при помощи тоновъ, различнымъ образомъ комбинированныхъ другъ съ другомъ, можетъ достичь высокой степени совершенства. Разсматривая съ этой точки зрѣнія Бетховеновскую Аделаиду, напримѣръ, или нѣкоторыя мелодіи Глюка, мы убѣдимся, что многіе кадансы въ нихъ суть специфически эмоціональныя выраже-

Digitized by Google

нія въ идеализированной формѣ. А въ Мендельсоновскихъ «Пѣсняхъ безъ словъ» музыкальныя фразы прямо подсказываютъ самыя тонкія, едва уловимыя чувства.

Такимъ образомъ мы имѣемъ два типа музыки, изъ коихъ одинъ, выражающій удовольствіе вообще, не связанъ никакими опредѣленными формами и допускаетъ безконечное разнообразіе сочетанія звуковъ, а другой, выражающій болѣе или менѣе спеціальныя чувства, принужденъ строго держаться извѣстныхъ формъ. Оппозиція моимъ взглядамъ на музыку, въ большей части случаевъ, зависитъ отъ того, что оппоненты не признаютъ этого крупнаго различія.

Объяснить, почему извѣстныя группы нотъ способны или неспособны выражать то или другое чувствованіе, кажется невозможнымъ. Но, сконцентрировавъ вниманіе на одной только музыкѣ веселящей, выражающей удовольствіе вообще, мы можемъ распознать въ ней двѣ разновидности: грубую и утонченную. Въ постскриптумѣ къ первоначальному моему очерку я говорилъ, что подобно чернильной кляксѣ, отпечатавшейся на симметричныхъ складкахъ бумаги и дающей нѣкоторый декоративный эффектъ, уродливыя музыкальныя фразы, будучи расположены симметрически, могутъ давать эффектъ, привлекательный для людей не культурныхъ въ музыкальномъ отношеніи. Изъ такихъ-то людей (хорошо или плохо одѣтыхъ) и состоитъ обыкновенно толпа нашихъ концертовъ, въ залахъ и подъ открытымъ небомъ, а потому и музыка имъ нравится грубая. Но помимо этой музыки, помимо симметричнаго повторенія уродливыхъ музыкальныхъ фразъ, есть и такая послѣдовательность нотъ, такія фразы, которыя, по неизвѣстной причинѣ, вѣроятно физіологической, сами по себѣ пріятны, независимо отъ эффекта, производимаго различными ихъ комбинаціями. Изъ такихъ-то отборныхъ фразъ и составляются пьесы утонченно-веселящей музыки, такъ какъ, помимо красотъ симметріи и контраста въ разстановкѣ, онѣ сами по себѣ доставляютъ удовольствіе, хотя и не выражаютъ опредѣленныхъ эмоцій. Примѣромъ могутъ служить многія увертюры Керубини и сонаты Моцарта — произведенія, состоящія изъ простого, болѣе или менѣе искуснаго сопоставленія красивыхъ фразъ, особеннаго значенія не имѣющихъ.

Въ концѣ концовъ мы приходимъ къ музыкѣ самаго высшаго типа—къ музыкѣ поэтической. Рѣзкихъ границъ она, конечно, не имѣетъ и отличается отъ своей предшественницы лишь постольку, поскольку послѣдняя отличается отъ грубо-веселящей музыки, такъ какъ вѣдь и въ ней употребляются фразы, хотя и не возбуждающія опредѣленныхъ эмоцій, но все-таки подсказывающія такое же чувство, какое возбуждается красивымъ видомъ, напримѣръ, или лицезрѣніемъ тихаго счастія. Примѣромъ можетъ служить «Пасторальная симфонія» Бетховена. Но въ музыкѣ высшаго типа фразы, кадансы и болѣе крупныя части приспособливаются къ выраженію вышеперечисленныхъ сильныхъ эмоцій. Въ нихъ уже, помимо удовольствія, вызываемаго симметріей настроенія, сходствами и контрастами, мы находимъ, въ идеализированной формѣ, выраженіе нашихъ собственныхъ эмоцій, такое, какое мы сами бы имъ придали, если бы обладали музыкальнымъ талантомъ. Къ красотѣ композиціи здѣсь прибавляется красота составныхъ частей. Въ качествѣ примѣра, первымъ приходитъ на умъ «септетъ» Бетховена, а затѣмъ пьеса незаслуженно игнорируемая — «Семь послѣднихъ словъ» Гайдна.

Позвольте мнѣ теперь закончить это краткое изложеніе обширнаго сюжета одной аналогіей. Я уже сказалъ, что противники моей гипотезы, смотря на предметъ не съ эволюціонной точки зрѣнія, упускаютъ изъ виду, что изъ простого зародыша современемъ можетъ развиться нѣчто весьма сложное. Посмотрите, напримѣръ, на эволюцію птичьяго оперенія. Перья сначала служили только покровомъ. Кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которыя входятъ въ составъ крыльевъ и служатъ для летанія, остальныя, конечно, были только защитой отъ холода. Внѣшній видъ и цвѣтъ ихъ, при этомъ, не имѣли никакого значенія. Но впослѣдствіи, не говоря уже о наилучшемъ сокрытіи отъ враговъ, цѣлью окраски перьевъ стала половая привлекательность—первоначальная цѣль замѣнилась другою, ничего общаго съ нею не имѣющею. При этомъ перья иногда даже становятся совсѣмъ непригодными для удовлетворенія первоначальной цѣли. Громадный хвостъ павлина, напримѣръ, съ его блестящей окраской, никогда, повидимому, и не былъ разсчитанъ на то, чтобы сохранять

Digitized by Google

теплоту тѣла, а перья въ хохлѣ Райской птички потеряли даже опереніе, необходимое для покрововъ. И все-таки всѣ они безспорно суть лишь видоизмѣненные покровные придатки. Вторичныя цѣли измѣнили ихъ до неузнаваемости и до непригодности къ удовлетворенію цѣлямъ первичнымъ. Такимъ же образомъ изъ фразъ и кадансовъ эмоціональнаго характера — иногда просто подбодряющихъ, а иногда выражающихъ болѣе спеціальныя чувствованія — съ теченіемъ времени развились музыкальныя комбинаціи, иногда доводящія эти фразы до ихъ высшей, идеальной формы, а иногда видоизмѣняющія ихъ до полной потери первоначальнаго характера. Но изъ всѣхъ изъ нихъ создаются теперь величественныя композиціи, отличающіяся отъ своихъ первобытныхъ зачатковъ настолько же, насколько опереніе зимородка отличается отъ оперенія воробья.

Оцѣнка людей.

Говоря вообще, свѣтъ всегда болѣе или менѣе ошибается въ своемъ сужденіи о людяхъ—преувеличиваетъ или уменьшаетъ ихъ достоинства и недостатки. Сужденія основываются больше на чувствѣ, чѣмъ на разумѣ, а чувство дѣлаетъ широкія колебанія то въ ту, то въ другую сторону, въ зависимости отъ личной симпатіи или антипатіи, а также отъ стремленія выразить общепринятое мнѣніе—не отстать отъ моды. Поэтому желательно было бы найти постоянную поправку къ этому мнѣнію, чему можетъ помочь наблюденіе за амплитудою его колебаній.

Позволю себѣ установить этотъ тезисъ, опираясь на ту истину, что всякое колебаніе ритмично, не исключая и колебанія мнѣній. Дойдя до крайняго пункта, оно вызываетъ реакцію, отклоняющую его къ противоположной крайности, послѣ чего наступаетъ реакція обратная. Въ вопросѣ о репутаціяхъ это ясно видно. Было время, когда авторитетъ Аристотеля считался непоколебимымъ и неоспоримымъ. Затѣмъ появился Бэконъ, съ своей реформой философіи; репутація Аристотеля увяла, репутація Бэкона расцвѣла. Въ наши дни, сравнивая идеи Бэкона съ теперешними, вмѣсто того чтобы сравнить ихъ съ идеями его времени, мы перешли отъ неумѣреннаго возвеличиванія этого философа къ неумѣренному его уничиженію. Тѣмъ временемъ репутація Аристотеля опять возникла и теперь, повидимому, опять чрезмѣрно раздувается.

Ритмичность особенно ярко выступаетъ по отношенію къ оцѣнкѣ Шекспира. Современники ставили его очень высоко (по свидѣтельству Бэнъ-Джонсона); затѣмъ онъ былъ позабытъ; затѣмъ, въ XIX столѣтіи, вновь сталъ постепенно подниматься и дошелъ до положенія недоступнаго для критики—даже мелкія его изреченія заучиваются и комментируются.

Я привелъ эти всѣмъ извѣстные примѣры для того, чтобы иллюстрировать исполнимость выше мною высказаннаго предложенія, то-есть что мы во всякое время можемъ дать себѣ отчетъ о положеніи, въ которомъ находится ритмически колеблющаяся репутація: зная, что крайности несправедливы, мы можемъ опредѣлить, такъ сказать, ея разстояніе отъ этихъ крайностей въ данное время. Наблюдая за ритмомъ, мы можемъ, напримѣръ, подозрѣвать, что репутація Шекспира теперь стоитъ черезчуръ высоко. Мнѣніе безграничнаго его почитателя, Бэнъ-Джонсона, который, сообщая, что Шекспиръ никогда не зачеркнулъ ни одной своей строчки, прибавляетъ, что лучше было бы, если бъ онъ зачеркнулъ ихъ цѣлую тысячу, пожалуй, ближе къ истинѣ, чѣмъ мнѣніе, теперь господствующее, въ силу котораго принято думать, что все, что онъ написалъ, вполнѣ хорошо. Для каждаго, кто не увлеченъ модой, ясно, что среди прекрасныхъ вещей, имъ написанныхъ, есть много и такихъ, которыя никакъ нельзя назвать прекрасными.

То же можно сказать и о Бетховенѣ.

Маленькій примѣръ изъ современной жизни можетъ дать большую опредѣленность доказательству. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, репутація Джорджа Элліота достигла своего зенита. Вскорѣ послѣ этого стала она склоняться и уже черезъ нѣсколько лѣтъ оказалась въ надирѣ. Теперь, повидимому, возникаетъ реакція. Наблюдая за этими колебаніями, можно придти къ выводу, что если тридцать лѣтъ тому назадъ оцѣнка Джорджа Элліота была слишкомъ высока, то пять лѣтъ тому назадъ она была слишкомъ низка, и теперь станетъ постепенно повышаться.

Вообще, мы должны постоянно имѣть въ виду, что господствующее мнѣніе—не толь-

Digitized by Google

ко о людяхъ, а вообще о чемъ бы то ни было—всегда нуждается въ поправкѣ, и что эта послѣдняя, въ каждомъ данномъ случаѣ, можетъ быть выведена изъ наблюденій надъ ритмомъ колебаній и опредѣленія, въ какой точкѣ ихъ амплитуды мы находимся. Господствующее мнѣніе никогда не бываетъ вѣрнымъ, и только послѣ продолжительныхъ колебаній оно устанавливается въ надлежащемъ равновѣсіи.

Роль государства въ народномъ образованіи.

Съ ранней юности я привыкъ состоять въ меньшинствѣ, иногда доходившемъ до полнаго одиночества. Въ то время, когда вопросъ о роли государства въ дѣлѣ народнаго образованія разсматривался отвлеченно, безъ всякаго отношенія къ практической политикѣ, я именно чуть не одинъ противъ всѣхъ относился къ нему отрицательно, и также продолжаю относиться до сихъ поръ, хотя теперь уже отвѣтственность государства за умственную культуру гражданъ стала политической аксіомой.

Въ сороковыхъ годахъ вопросъ этотъ часто обсуждался мною совмѣстно съ однимъ почтеннымъ моимъ другомъ, который тогда настаивалъ на обложеніи контрибуціей церковныхъ имуществъ, для того чтобы добыть средства для государственной постановки дѣла народнаго образованія. Придерживаясь уже и въ то время моихъ взглядовъ на ограниченіе функцій государства, я возставалъ [1]) противъ этого предложенія на основаніи какъ общихъ, такъ и частныхъ соображеній. Общій принципъ, лишь въ послѣднее время окончательно опредѣлившійся, состоитъ въ томъ, что государство есть продуктъ эволюціи, а не произвольнаго творчества (manufacture). Частный же принципъ, гармонизирующій съ общимъ, состоитъ въ томъ, что законъ спроса и предложенія распространяется не только на матеріальную, но и на умственную сферу, и если вмѣшательство произвола вредно отзывается на спросѣ и предложеніи товаровъ, то оно также вредно отзовется и на свободной дѣятельности культуры.

[1]) Въ нѣкоторыхъ письмахъ «О настоящей сферѣ дѣйствія правительства», первоначально изданныхъ въ 1842, а потомъ—въ 1843 г.

Много лѣтъ спустя, вышеозначенный другъ мой признался, что опытъ, пріобрѣтенный имъ на службѣ въ глостерширской магистратурѣ, радикально измѣнилъ его мнѣнія. Этотъ опытъ показалъ, что искусственно навязанное образованіе, вызывая въ низшихъ классахъ народа стремленіе къ несоотвѣтственнымъ ихъ положенію карьерамъ, очень часто ведетъ къ разочарованію, дурной жизни, а иногда и къ преступленіямъ. Основываясь на этомъ опытѣ, другъ мой пришелъ къ выводу, что интеллектуализація населенія приноситъ большой вредъ, если опережаетъ морализацію. Такой выводъ, выраженный имъ въ другихъ, менѣе опредѣленныхъ словахъ, сначала очень поразилъ меня, но скоро я увидѣлъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ тѣми взглядами, которые и я часто высказывалъ.

Я не намѣренъ здѣсь входить въ подробности относительно общаго вопроса о государственномъ образованіи, иначе я остановился бы на предполагаемомъ правѣ всякаго правительства опредѣлять по своему произволу программы и порядокъ ученія; я возсталъ бы противъ его претензій налагать на гражданъ извѣстную систему культуры и штамповать молодежь, по извѣстному образцу, подъ угрозой кары за неповиновеніе; я отрицалъ бы справедливость употребленія податей, взятыхъ съ А, на образованіе дѣтей В—короче я еще разъ протестовалъ бы противъ того политическаго суевѣрія, которое замѣнило божественное право королей божественнымъ правомъ парламентовъ. Но я принужденъ ограничиться вышепоставленной цѣлью, отрицаніемъ общепринятаго предразсудка, касающагося предполагаемой связи между культурой интеллекта и нравственнымъ усовершенствованіемъ. Я хочу доказать, что искусственное развитіе интеллекта, несопровождаемое развитіемъ характера, скорѣе вредитъ обществу, чѣмъ приноситъ ему пользу.

Для того, чтобы измѣрить дурное или хорошее вліяніе, производимое насильственной культурой интеллекта на народъ, стоитъ только прослѣдить за уроками, преподносимыми ему ежедневной прессой, и за тѣмъ эффектомъ, который они вызываютъ. Прекраснымъ введеніемъ къ такому изслѣдованію могутъ служить слова доктора Джонсона, недавно откопанныя на страницахъ Idler'а, отъ 11-го ноября 1758 года. Докторъ Джонсонъ пи-

Digitized by Google

шетъ: «Въ военное время, вся нація единодушно желаетъ слышать что-нибудь хорошее о своей арміи и дурное о непріятельской.

«Задача корреспондента, въ такое время, очень легка. Ему слѣдуетъ только сначала сообщить, что ожидается битва, потомъ, что она состоялась, и что̀ мы, съ нашими союзниками, сдѣлали все, что̀ могли, а враги наши (побѣдили они или побѣждены, все равно) ничего не сдѣлали... Среди несчастій войны, немалую роль играетъ уменьшеніе любви къ правдѣ, замѣна ее ложью, которая вызывается выгодой и поощряется легковѣріемъ. Миръ лишаетъ работы какъ солдата, такъ и корреспондента, и я не знаю, что̀ страшнѣе: переполненіе улицъ солдатами, привыкшими грабить, или переполненіе чердаковъ писаками, привыкшими лгать».

Въ теченіе полутора столѣтія ничего, должно быть, не измѣнилось. Ежедневные отчеты о южно-африканской войнѣ были переполнены баснями, преувеличеніями и ложью; многое извращалось, многое скрывалось. Въ началѣ войны, напримѣръ, въ октябрѣ 1899 года, сообщалось, что хлѣбъ у буровъ гніетъ на корню (корреспондентъ, сидѣвшій вѣроятно въ Лондонѣ, забылъ, что наша осень совпадаетъ съ весной въ Южной Африкѣ), а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ той же газетѣ, появилось извѣстіе, что жатва тамъ въ полномъ ходу. Вотъ еще примѣръ, когда отрядъ, двигавшійся освобождать Лэдисмитъ, былъ отброшенъ, то корреспонденты писали, что извѣстіе объ этомъ было встрѣчено жителями города равнодушно (!); а потомъ въ Times'ѣ появилось сообщеніе, что эти жители были въ отчаяніи. Еще примѣръ: въ корреспонденціяхъ изъ различныхъ осажденныхъ городовъ говорилось, что бомбардировка не приноситъ имъ большого вреда, а потомъ самъ Родсъ признавался, что въ Кимберлеѣ, во время осады, было убито и ранено около 120 человѣкъ. Одинъ корреспондентъ даже прямо признается, что извращеніе фактовъ стало обычной политикой:

— Въ этой войнѣ фальшивыя донесенія о лойяльности и патріотизмѣ сдѣлались обязательными. Людей, признающихъ положеніе критическимъ, обвиняютъ чуть не въ измѣнѣ. Пораженіе должно быть признаваемо за побѣду (The globe, 26 февраля 1900).

Другой корреспондентъ, м-ръ Ф. Юнгъ, по личному опыту, говоритъ, что военная цензура не только замалчивала факты, но и извращала ихъ. А вотъ еще примѣръ о бурахъ, о которыхъ, до послѣдняго времени, когда они были ожесточены разрушеніемъ фермъ и насиліями, всѣ наши плѣнные офицеры и солдаты прекрасно отзывались, о тѣхъ бурахъ, о которыхъ сэръ Джорджъ Грей сказалъ: «Я не знаю народа, столь добродѣтельнаго въ общественномъ и частномъ отношеніи»,—объ этихъ самыхъ бурахъ, м-ръ Ральфъ, корреспондентъ Daily Mail, писалъ что они «не обладаютъ ни храбростью, ни честностью»; что они «трусы и негодяи»; «полудикіе»; «безчеловѣчные»; переполнены «сатанинской хитростью», и проч.

Такими корреспонденціями газеты были полны всю зиму, весну и лѣто. Нѣкоторые читатели начали относиться скептически къ этой завѣдомой лжи, но большинство поглощало ее съ удовольствіемъ, какъ во дни Джонсона, до тѣхъ поръ, пока съ другой точки земного шара не пришли извѣстія, разительнымъ образомъ доказывающія лживость прессы и пошатнувшія всеобщее къ ней довѣріе. Въ газетахъ появился сенсаціонный отчетъ о Пекинской рѣзнѣ, въ которомъ подробно описывалось упорное сопротивленіе европейцевъ, рукопашныя схватки и конечное истребленіе европейской колоніи жестокими китайцами. А черезъ нѣсколько дней все это оказалось вздоромъ: никакой рѣзни и никакихъ жестокостей не было. Такой рѣзкій примѣръ беззастѣнчивой лжи обратилъ вниманіе публики на обычную фальсификацію новостей въ газетахъ. Появились доказательства фабрикаціи телеграммъ съ театра войны ни болѣе ни менѣе какъ на Флитъ-Стратсъ, гдѣ изъ четырехъ словъ дѣлали сорокъ, такъ что, по словамъ «Стараго журналиста», въ Times'ѣ (29 августа 1900), «блестящія описанія сраженій, наполняющія цѣлые столбцы, были составляемы на основаніи телеграммы въ 20—30 строкъ». Такая систематическая ложь объясняется спросомъ на сенсаціонныя новости, которому газеты, изъ личныхъ разсчетовъ, наперерывъ старались удовлетворять, сочиняя разныя басни и преувеличенныя реляціи.

Къ этимъ строкамъ, написаннымъ мною въ 1900 году, я могу прибавить дошедшее до меня въ декабрѣ 1901 г. свидѣтельство двухъ очевидцевъ—мист. Эдгара Уоллеса и капитана Л. М. Филлипса. Хотя они держатся противоположныхъ взглядовъ на способъ ве-

Digitized by Google

денія войны—журналистъ очень строго относится, а военный смотритъ снисходительно, но оба негодуютъ на систематическое извращеніе истины военной цензурою. Мистеръ Уоллесъ, называя главнаго цензора арміи «Лордомъ Главнымъ Исказителемъ телеграфныхъ депешъ» (Lord High Mutilator of Telegraphic despatches), увѣряетъ, что послѣдній, милостиво относясь къ депешамъ «черезчуръ оптимистическимъ», не пропускалъ депешъ другого характера, какъ бы правдивы онѣ ни были (стр. 325). Въ то же время капитанъ Филлипсъ говоритъ, что банда денежныхъ тузовъ (financial gang) «держитъ прессу въ своихъ рукахъ, контролируетъ и сочиняетъ свѣдѣнія, которыя должны дойти до Англіи... жалобы (grievances), долженствовавшія обратить на себя вниманіе Англіи... были широкой рукою изобрѣтаемы (стр. 106)... Буры подвергаются медленному уничтоженію... очень важно, чтобы дома всѣ объ этомъ знали, такъ какъ тогда способъ веденія войны можетъ измѣниться» (стр. 211). Въ этихъ словахъ я вижу неоспоримое доказательство, что страна была систематически обманываема поддѣльными донесеніями.

Отмѣтимъ теперь тѣ выводы, ради которыхъ я привелъ эти подробности. Ежедневный тиражъ лондонскихъ газетъ достигаетъ вѣроятно трехъ милліоновъ нумеровъ, да провинціальная печать даетъ, въ общемъ, столько же; и вотъ эти шесть милліоновъ газетныхъ листовъ распространяютъ ежедневно фальшивыя свѣдѣнія среди населенія, и безъ того уже взбѣшеннаго такими же фальшивыми свѣдѣніями, ранѣе полученными! Въ результатѣ, конечно, является дикая злоба, проявляющаяся во всей странѣ грубыми преслѣдованіями тѣхъ, кто осмѣливается думать и говорить, что право не на нашей сторонѣ. И дикая злоба проявляется, въ данномъ случаѣ, тѣми, которые, будучи обучены государствомъ читать газеты, каждый день искали въ послѣднихъ самовозвеличенія и униженія враговъ. Дремлющіе инстинкты варварства были пробуждены деморализирующей прессой, которая сдѣлала бы очень мало, если бы народныя массы, благодаря исключительной культурѣ интеллекта, не были поставлены подъ ея вліяніе. Въ Мѣрѣ за Мѣру, герцогъ говоритъ: «Для безопасности общества рѣдко хватаетъ правды» (There is scaree truth enough alive to keep societies secue)—изреченіе, которое, примѣняясь къ случаю, слѣдуетъ измѣнить такъ—для того, чтобы общество было здорово, рѣдко хватаетъ правды. Военная лихорадка, надѣлавшая пропасть бѣдъ не за границей только, но и у насъ дома, произошла отъ постояннаго пребыванія въ атмосферѣ лжи. Развѣ не справедливо, стало быть, то мнѣніе, что интеллектуализація народа приноситъ большой вредъ, если опережаетъ морализацію? [1]).

Другимъ доказательствомъ справедливости этого мнѣнія служатъ взрывы анархизма. Угнетаемая налогами и воинской повинностью, большая часть народонаселенія европейскаго континента живетъ въ состояніи хроническаго недовольства. Наиболѣе культурные изъ его членовъ не могутъ не видѣть зависимости всѣхъ своихъ бѣдъ отъ государственной организаціи, поглощающей ихъ доходы и отнимающей у нихъ молодежь, а въ то же время они не могутъ или не хотятъ признать той истины, что какая-нибудь государственная организація все же необходима и въ извѣстной степени благодѣтельна. Въ результатѣ—превратныя идеи и насильственные акты, на нихъ основанные, къ которымъ, помимо прирожденныхъ преступниковъ, привлекаются лица преимущественно образованныя. Безъ легкости сообщеній, доставляемыхъ чтеніемъ, письмомъ и поверхностнымъ знаніемъ, школы анархизма не могли бы образоваться. Въ этомъ отношеніи

---

[1]) Съ тѣхъ поръ, какъ это написано, мнѣ доставили яркій образчикъ способа, при помощи котораго обманываютъ общественное мнѣніе, при чемъ свидѣтелемъ является лицо, опытность котораго и высокое положеніе въ арміи ставятъ его внѣ всякихъ подозрѣній—фельдмаршалъ сэръ Невилль Чемберлэнъ. Онъ говоритъ, что «никогда раньше британская армія не продѣлывала ничего похожаго на такое сплошное и беззастѣнчивое разрушеніе (wholesale and reckless destruction) или увозъ (abduction) семей, какъ теперь». Въ концѣ іюля 1901 года онъ отправилъ въ одну лондонскую газету письмо, порицающее наше поведеніе въ южно-африканской войнѣ. Не получая отвѣта, онъ справляется телеграммами о судьбѣ своего письма, и, наконецъ, редакція высылаетъ ему корректуру, съ предложеніемъ исправить или выкинуть самыя важныя мѣста. Въ результатѣ сэръ Невилль Чемберлэнъ долженъ былъ напечатать свое письмо въ Manchester Guardian. Вотъ такой запретъ всегда былъ налагаемъ на мнѣнія, идущія въ разрѣзъ съ тѣмъ, которое господствовало, а это послѣднее въ то же время старательно распространялось въ народѣ. Правду скрывала какъ военная цензура, такъ и домашняя.

Digitized by Google

интеллектуализація, превышающая морализацію, приноситъ громадный вредъ.

Мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что культура интеллекта увеличиваетъ силу, съ которой эмоціи проявляются и стремятся къ удовлетворенію, — что она усиливаетъ эмоціональную жизнь. Если бы высшія эмоціи преобладали надъ низшими, такъ это было бы выгодно; если бы тѣ и другія были уравновѣшены, то все-таки бѣды бы не было; но вѣдь въ среднемъ человѣкѣ низшія эмоціи безспорно преобладаютъ надъ высшими—попробуйте снять всѣ общественныя цѣпи и стѣсненія, чтобы въ этомъ убѣдиться. Значитъ, образованіе, усиливая эмоціи вообще, даетъ относительное преимущество низшимъ изъ нихъ, и задержка, оказываемая высшими, тѣмъ скорѣе можетъ быть разорвана. Отсюда—большая податливость населенія на соціальные перевороты и насилія.

— Такъ, значитъ, во имя общественной безопасности, мы должны держать народъ въ невѣжествѣ? — воскликнутъ многіе, прочитавъ этотъ параграфъ, потому что какъ здѣсь, такъ и на континентѣ широко распространено убѣжденіе въ необходимости или помогать или препятствовать всему на свѣтѣ. Никто не признаетъ той пассивной политики, въ силу которой не нужно дѣлать ни того, ни другого, а просто предоставить дѣла ихъ естественному ходу. Изъ всего мною сказаннаго вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы должны были держать низшіе классы народа въ невѣжествѣ, а скорѣе то, что просвѣщеніе между ними должно распространяться тѣми же путями, какъ среди высшихъ и среднихъ классовъ, то есть по частной инициативѣ и при помощи филантропіи, насколько послѣдней хватитъ. Дѣло въ томъ, что филантропическія чувства суть нормальные агенты просвѣщенія, вліяющіе какъ на того, кто даетъ, такъ и на того, кто получаетъ.

Устраняя ложное толкованіе моихъ словъ, я не могу не отмѣтить здѣсь одного страннаго контраста. Общественная безопасность считается у насъ такой высокой цѣлью, для достиженія которой граждане могутъ быть лишены свободы дѣйствій и даже принуждены рисковать жизнью — могутъ быть насильно посланы на войну, для защиты отечества. Въ этихъ случаяхъ абсолютное подчиненіе индивидуума обществу не считается жестокимъ или несправедливымъ. А въ томъ случаѣ, который мы теперь разсматриваемъ, лишеніе гражданъ общественной помощи, въ дѣлѣ воспитанія ихъ дѣтей, считается жестокой несправедливостью, хотя бы тоже было необходимо для общественнаго спокойствія. Въ томъ и въ другомъ случаѣ главной цѣлью является безопасность общества, а между тѣмъ въ первомъ изъ нихъ считается справедливымъ пожертвовать ради нея даже жизнью гражданина, а во второмъ боятся предоставить его собственнымъ силамъ въ дѣлѣ поддержки семьи и воспитанія дѣтей!— отнимаютъ у другихъ людей ихъ собственность, чтобы помочь ему!

Слѣдуетъ отмѣтить еще одно обстоятельство. Если бы свободная игра спроса и предложенія была допущена въ интеллектуальной сферѣ, такъ же, какъ она допускается въ матеріальной, экономической, и никакихъ препятствій къ преимущественному развитію лицъ, отъ природы богаче одаренныхъ, не полагалось, то образованіе имѣло бы совсѣмъ не тотъ эффектъ, чѣмъ теперь—оно повело бы къ прочной устойчивости общества, такъ же, какъ и къ другимъ выгодамъ. Если бы низшимъ классамъ народа было предоставлено давать такое образованіе своимъ дѣтямъ, какое они могутъ, совершенно такъ же, какъ имъ предоставлено добывать средства къ жизни своей семьѣ, то дѣти лицъ, богаче одаренныхъ, получили бы естественную привилегію: энергичные, даровитые родители, обладающіе высоко развитымъ чувствомъ долга и отвѣтственности, стали бы покупать своимъ дѣтямъ образованіе въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ родители лѣнивые, непредусмотрительные и легкомысленные. А такъ какъ характеръ наслѣдуется, то, въ результатѣ, дѣти людей высшаго сорта, размножались бы и процвѣтали болѣе, чѣмъ дѣти людей низшаго сорта. Произошло бы размноженіе способнѣйшихъ, вмѣсто размноженія неспособныхъ.

Послѣднія минуты.

Въ свой «Исповѣди Опіофага» (Confessions of an english Opium-eator), Де-Кэнси говоритъ, что опіумъ повышалъ его способность къ наслажденію музыкой, и что поэтому онъ всегда принималъ извѣстную дозу этого вещества, передъ тѣмъ какъ отправиться въ оперу. Случайно и мнѣ пришлось испытать нѣчто подобное. Тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ тѣ времена, когда

Digitized by Google

моя обычная безсонница особенно усилилась, я иногда принималъ морфій (эффектъ котораго длится два дня), чтобы хотя не совсѣмъ отвыкнуть отъ сна. Разъ случилось такъ, что на другой день послѣ пріема морфія я попалъ въ концертъ, на которомъ исполнялась Шпоровская (Spohr's) симфонія Власть звука (Power of sound). За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ я уже слышалъ ее и слушалъ совершенно равнодушно, но теперь она доставила мнѣ большое удовольствіе. Зависѣло это отчасти отъ повышенной моей чувствительности къ звукамъ, а отчасти отъ лучшаго пониманія ихъ отношеній другъ къ другу.

Я упоминаю объ этомъ фактѣ, какъ объ такомъ, который указываетъ, что между чувствительностью, возбужденною нервнымъ ядомъ, и нормальною существуетъ такой же контрастъ, какъ между остротою чувствъ въ молодости и въ старости. Какъ флегматикъ никогда не можетъ испытать энтузіазма, свойственнаго сангвинику, такъ старикъ не способенъ воспринимать ощущенія и эмоціи съ тою же живостью, съ которой воспринимаетъ ихъ юноша или человѣкъ во цвѣтѣ лѣтъ.

Эта всѣмъ извѣстная разница ведетъ къ выводу, далеко не всѣми сознаваемому. Всѣ знаютъ, что въ общемъ, по мѣрѣ ослабленія физической силы и жизненной энергіи, ослабѣваетъ и эмоціональная жизнь (я говорю — въ общемъ, потому что встрѣчаются исключенія), но не всѣ выводятъ изъ этого естественное слѣдствіе, касательно послѣднихъ своихъ минутъ. Тому, кто думаетъ о смерти, живя полной интеллектуальной и эмоціональной жизнью, всегда кажется, что и въ эти послѣднія минуты онъ сохранитъ такую же ясность идей и живость эмоцій, какую сознаетъ въ себѣ теперь. Онъ можетъ вспомнить, правда, случаи, въ которыхъ умственная дѣятельность умирающихъ была видимо угнетена, такъ какъ они не узнавали своихъ близкихъ; бредили и производили безсвязныя фразы; но онъ едва ли вполнѣ ясно сознаетъ, что и способность къ эмоціямъ у умирающихъ почти исчезаетъ. Ему кажется, что и умирая онъ будетъ ощущать ту же эмоцію, которая является у него теперь, при мысли о смерти. Но вѣдь передъ концомъ жизни вся психическая энергія одновременно ослабѣваетъ, такъ же какъ физическая, а стало быть ослабѣваетъ и эмоціональная ея сторона.

Весьма возможно, въ самомъ дѣлѣ, что въ послѣднія минуты умирающаго охватываетъ далеко не непріятное чувство успокоенія, такъ какъ заботы и тревоги жизненныя становятся для него уже непонятными, потому что умственной энергіи на нихъ не хватаетъ. У него можетъ остаться только то чувство, которое вызывается полнымъ покоемъ—скорѣе пріятное, чѣмъ мучительное. Но, какъ бы то ни было, ясно, что при нормальной смерти, при смерти отъ истощенія жизненныхъ силъ, состояніе сознанія должно быть далеко не таково, какимъ оно бываетъ при полномъ ихъ расцвѣтѣ, или при искусственномъ подъемѣ, и что интенсивность эмоцій падаетъ передъ окончательнымъ исчезновеніемъ. Поэтому страхъ смерти, свойственный большинству, едва ли основателенъ.

Нѣтъ надобности прибавлять, что всѣ эти разсужденія не относятся къ смерти насильственной или зависящей отъ острыхъ болѣзней. Въ этихъ случаяхъ періодъ предсмертной индифферентности значительно сокращается. За нѣсколько минутъ до конца жизненной энергіи бываетъ еще достаточно для того, чтобы сдѣлать эмоцію возможной.

Слогъ [1]).

Немногіе рѣшаются открыто отвергать всеобщее вѣрованіе, что хорошій слогъ образуется благодаря лингвистической культурѣ—требуетъ классическаго образованія и изученія лучшихъ образцовъ. Вѣрованіе это кажется основательнымъ и, благодаря частому провозглашенію его признанными авторитетами, считается неоспоримымъ. И тѣмъ не менѣе оно уже отжило свой вѣкъ. Попробуемъ прежде всего разсмотрѣть его съ точки зрѣнія индуктивной логики.

Даже прямыя доказательства, сами по себѣ мало значащія, его не поддерживаютъ: большинство лицъ, прошедшихъ черезъ университетъ, пишутъ весьма плохо. Среди этихъ лицъ рѣдко можно встрѣтить такихъ, которые обладали бы хорошимъ слогомъ, а у остальныхъ онъ или средній или даже никуда не годенъ. Между тѣмъ, если бы гос-

[1]) Эта статейка составлена изъ двухъ, слѣдующихъ одна за другою въ оригиналѣ, при чемъ изъ первой пришлось выкинуть всѣ примѣры дурного слога, какъ непереводимые на русскій языкъ. (Прим. перев.).

Digitized by Google

подствующее вѣрованіе было основательно, то обладаніе хорошимъ слогомъ у людей, получившихъ лингвистическое образованіе, было бы правиломъ, а не исключеніемъ. Еще менѣе поддерживаютъ это вѣрованіе доказательства косвенныя. Нужно бы было ожидать, что писатели, не изучавшіе литературы, будутъ писать плохо, а выходить наоборотъ; всѣмъ извѣстно, что отъ временъ Шекспира до нашихъ дней многіе хорошіе писатели «мало занимались латынью и еще меньше греческимъ языкомъ».

Но лучше всего неосновательность господствующаго вѣрованія доказывается критическимъ разборомъ образчиковъ слога такихъ людей, у которыхъ онъ, согласно этому вѣрованію, долженъ бы быть хорошъ, а иногда и считается хорошимъ. Уже въ моей Соціологіи, приведя образчики безсвязныхъ періодовъ, написанныхъ однимъ первымъ министромъ, однимъ епископомъ и однимъ старшимъ учителемъ (head-master), я подвергъ анализу двѣ сентенціи, съ похвалою цитируемыя Матью Арнольдомъ изъ Аддисона, при чемъ нашелъ шесть ошибокъ въ семи строкахъ.

Не слѣдуетъ думать, однако же, что слогъ, свободный отъ тѣхъ грубыхъ ошибокъ, на которыя я указываю, долженъ считаться хорошимъ. Я далекъ отъ того, чтобы утверждать это. Отъ хорошаго слога, помимо простой правильности, требуется еще и нѣчто иное — разнообразіе формъ, свѣжесть метафоръ, хорошій выборъ словъ, эйфонія—все такія черты, которыя, къ величайшему моему прискорбію, зависятъ только отъ врожденнаго таланта. Но я настаиваю на томъ, что обладаніе всѣми этими чертами не сдѣлаетъ слога хорошимъ, если онъ безсвязенъ, переполненъ лишними фразами и повтореніями. Первое требованіе отъ него состоитъ въ томъ, чтобы избѣгать неправильнаго построенія періодовъ. Нельзя, значитъ, хвалить культуру, направленную спеціально къ развитію хорошаго слога, если она не дѣлаетъ его способнымъ удовлетворить первому требованію.

Съ перваго взгляда страннымъ кажется, что общепринятое апріористическое заключеніе, относительно вліянія, оказываемаго на слогъ изученіемъ языковъ и знакомствомъ съ хорошими образцами, не подтверждается фактами. Но такое расхожденіе фактовъ съ теоріей подтверждаетъ за то французскую пословицу, говорящую, что «стиль есть человѣкъ».

Личный опытъ убѣдилъ меня въ справедливости этой пословицы. Болѣе полустолѣтія тому назадъ, одинъ случай обратилъ мое вниманіе на то, что нѣкоторыя слова и выраженія дѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ другія. До этого времени я совсѣмъ не думалъ о слогѣ, но вышеупомянутый случай заставилъ меня обсудить его съ психологической точки зрѣнія. Справки съ сочиненіями по данному вопросу ничего мнѣ не дали, кромѣ эмпирическихъ правилъ. Въ концѣ концовъ я сталъ изслѣдовать его самъ и написалъ очеркъ подъ заглавіемъ: «Сила выраженія» (Force of Expression), который не былъ принятъ тогда редакторомъ давно погибшаго журнала Fraser's Magazine. Десять лѣтъ спустя, этотъ очеркъ, нѣсколько исправленный, былъ помѣщенъ въ Westminster Review, подъ заглавіемъ: «Философія слога», которое было дано ему редакторомъ, а не мною. Однимъ изъ положеній, въ немъ выставленныхъ и доказанныхъ, является то, что англо-саксонскія слова гораздо выразительнѣе словъ латинскаго происхожденія. Теперь это убѣжденіе, укрѣпленное во мнѣ полнымъ согласіемъ съ общими принципами, должно сильно вліять на мой слогъ, но, просматривая недавно Основныя начала, я былъ пораженъ тѣмъ, что прежде оно совсѣмъ на меня не вліяло: слогъ этого сочиненія замѣтно латинизированъ. Положимъ, что, имѣя въ немъ дѣло съ отвлеченными и общими идеями, для обозначенія которыхъ англо-саксонскихъ словъ не имѣется, я долженъ былъ прибѣгать къ словамъ, заимствованнымъ изъ латинскаго и греческаго языковъ, но все-таки я во многихъ мѣстахъ могъ бы замѣнить послѣднія англо-саксонскими. Очевидно, что общее правило, хотя и подтвержденное собственными моими изслѣдованіями, въ весьма слабой степени руководило мною при писаніи.

Равнымъ образомъ и другія положенія, выставленныя въ вышеназванномъ этюдѣ— положенія, въ справедливости которыхъ я и теперь также сильно убѣжденъ, какъ тогда, когда писалъ ихъ — столь же мало вліяли на мой слогъ. Во время работы они не приходили мнѣ въ голову. Я всегда употреблялъ привычныя для меня слова и формы выраженія, не задумываясь о ихъ соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи съ принципами, мною же

Digitized by Google

МААРТЕНЪ МААРТЕНСЪ

ЖЕНЩИНЫ, КОТОРЫХЪ Я ЗНАЛЪ

СЪ АНГЛІЙСКАГО ПЕРЕВОДЪ

О. М. СОЛОВЬЕВОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Герцогиня Элеонора.

Это была нѣмецкая герцогиня.— Значитъ, скажете вы, такъ какъ нѣмецкихъ герцогинь очень мало, она должна была быть или...Вы ошибаетесь. Это была нѣкая герцогиня Лауенштейнъ, изъ смѣшаннаго дома Штольценау-Гутеландъ. Теперь она умерла, и никому изъ тѣхъ, кто любилъ ее, не приходится объ этомъ жалѣть.

Герцогъ съ герцогиней всегда жили въ Штольценау, въ самой серединѣ знаменитаго сосноваго лѣса, за которымъ тянутся песчаныя равнины,—жили въ безпредѣльно сумрачномъ уединеніи, въ пышной раззолоченной роскоши. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ, когда этого требовалъ этикетъ, они проводили нѣсколько дней въ Берлинѣ, въ угрюмомъ старомъ дворцѣ на Ильзеншстрассе, но при первой возможности герцогъ спѣшилъ назадъ къ своимъ свиньямъ и птичному двору. Любимымъ занятіемъ герцога было сельское хозяйство. На эту дорогую и увлекательную забаву онъ тратилъ несоразмѣрно-громадную часть своего весьма значительнаго дохода, еще бо́льшую часть своихъ несравненно менѣе значительныхъ умственныхъ способностей и почти весь свой безпредѣльный досугъ. Герцогъ былъ рослый, крупный блондинъ съ великолѣпными усами и постоянной склонностью къ чирьямъ. Онъ еще въ молодости пріобрѣлъ странную привычку сопѣть, которая иногда чуть не до изступленія доводила его жену.

Герцогиня Элеонора сдѣлала роковую ошибку: она вышла замужъ за человѣка, которому предварительно дважды отказала. Она вышла за него потому, что всѣ совѣтовали ей выйти, а также и потому, что сама убѣдила себя, что это будетъ очень умно, и къ тому же самое доброе дѣло. Главное— доброе дѣло; легко сказать, что состраданіе близко къ любви; пусть такъ, но вѣдь состраданіе съ другой стороны также близко и къ презрѣнію, которое у нѣкоторыхъ женщинъ въ конецъ убиваетъ всякую любовь. Герцогиня засмѣялась или разсердилась бы, если бы кто-нибудь сказалъ ей, что она вышла за герцога изъ жалости къ его постоянству; да это было бы и невѣрно, ибо никакая женщина не выходитъ замужъ только по одной какой-нибудь причинѣ; и тѣмъ не менѣе тотъ фактъ, что она сначала отказала ему дважды—все же оставался на лицо. Одинъ отказъ, конечно, можетъ быть только очаровательной прелюдіей къ согласію,— но два?

Какъ бы то ни было, они женились, и у нихъ было много дѣтей. Полъ-дюжины дѣтей совершенно довольно,

Digitized by Google

чтобы наполнить самый большой домъ, но дѣтей рано укладываютъ спать, и тутъ наступаютъ безконечные вечера. На Сѣверѣ, на берегахъ Балтійскаго моря, вамъ рѣдко удастся выйти на воздухъ послѣ заката; даже лѣтомъ приходится мириться на томъ, чтобы зажечь въ домѣ лампы и соображать, что черезъ недѣлю или двѣ ихъ придется зажигать еще раньше.

Герцогъ Эрнестъ, всегда слишкомъ занятой, чтобы терять драгоцѣнныя минуты—ненавидѣлъ сумерки. Онъ не умѣлъ разговаривать, никогда не читалъ; всѣ вечера напролетъ, самые длинные вечера, онъ проводилъ за сведеніемъ счетовъ:—столько-то яицъ, столько-то фунтовъ свинины, столько-то возовъ удобренія.

Вечера несомнѣнно первые привлекли ея вниманіе своей однообразной длиною. Да и на это понадобилось нѣсколько лѣтъ, въ теченіе которыхъ она почти ни въ чемъ не отдавала себѣ яснаго отчета. Нѣтъ женщины, которую труднѣе было бы понять—если бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ разбирать ея характеръ,—чѣмъ эта герцогиня фонъ Лауенштейнъ. Это было одно изъ тѣхъ человѣческихъ существъ, которыя нарочно стараются не понимать собственныхъ склонностей, и потому или оставляютъ нераздѣльными свои природныя качества или развиваютъ ихъ въ ложномъ направленіи, то есть скорѣе допускаютъ ихъ самихъ развиваться въ ложномъ направленіи. Съ тою врожденною застѣнчивостью, которая происходитъ отъ родовой гордости, она съ дѣтства игнорировала всякое свое естественное побужденіе, всякій свой инстинктъ, всякій сердечный порывъ, лелѣя въ себѣ никогда не покидавшій ея страхъ смѣшного; она сдерживала себя, ломала, скручивала,—запуганная вѣчно издѣвавшейся надъ ней матерью, и страдала между тѣмъ отъ этого добровольно надѣтаго на себя ярма. Австріачка по рожденію, она провела нѣсколько лѣтъ въ Вѣнѣ,—нѣсколько лѣтъ разсѣянной свѣтской жизни, въ тѣсномъ кружкѣ тамошней аристократіи; и въ это время рушилась отчасти окружавшая ее ограда; но, выйдя за герцога Эрнеста, герцогиня скрылась за нею окончательно. Никогда, съ самаго дѣтства, она не приходила въ соприкосновеніе ни съ какими формами дѣйствительной жизни, внѣ стѣнъ своего замка: она не имѣла никакого понятія, какъ живутъ бѣдные или богатые, что дѣлаетъ кто бы то ни было въ области искусства, торговли, филантропіи, политики,—за предѣлами того маленькаго кружка коронованныхъ родственниковъ, который—хоть она и знала, что существуютъ еще частныя лица, а также и китайцы,—все же составлялъ для нея все наличное человѣчество.

Къ несчастію для нея, герцогъ, ея мужъ, не поощрялъ того, чтобы она сколько-нибудь интересовалась многочисленными вещами, которыя для него какъ-бы вовсе не существовали, а также и тѣми немногими занятіями, которыя, поглощая почти все его вниманіе, были, какъ онъ говорилъ, ей недоступны. У него была, само собою разумѣется, цѣлая маленькая армія подчиненныхъ,—управляющій, казначей, инспектора, секретари, лѣсничіе, дворецкіе и т. д., которые всѣ были между прочимъ и его начальствомъ,—поскольку онъ всегда выслушивалъ всѣ ихъ предложенія,—и его равными, поскольку онъ всегда предлагалъ что-нибудь другое. Его лакей каждое утро и каждый вечеръ сообщалъ ему всѣ сплетни и скандалы, которымъ бы никогда не слѣдовало доходить до столь августѣйшихъ ушей, и по собственному усмотрѣнію утаивалъ всѣ злоупотребленія, противъ которыхъ герцогъ, узнай онъ о нихъ, непремѣнно принялъ бы мѣры. Никому не желая довѣрить своего дѣла, увѣренный, что самъ все сдѣлаетъ гораздо лучше, его высочество тыкалъ тростью съ серебрянымъ набалдашникомъ въ каждую навозную кучу въ своихъ владѣніяхъ и приказывалъ прибрать ее въ какой-нибудь столь же неподходящій уголъ. Ея часто не прибирали, и, найдя ее снова на томъ же мѣстѣ, онъ или уже не помнилъ

Digitized by Google

о ней вовсе, или проходилъ молча, или поднималъ ужасную исторію, цѣлую маленькую революцію,—судя по настроенію, въ которомъ случайно въ то время находился. Онъ совершенно неспособенъ былъ къ той роли, которую долженъ былъ бы играть въ общественной жизни, въ управленіи своей страны; а потому сидѣлъ дома и дѣлалъ вздоръ.

Онъ интересовался благоденствіемъ прислуги и жалованьемъ, которое она получала, и непремѣнно желалъ распекать ее лично. Одна за другой уходили экономки герцогини, и горничныя отказывались отъ мѣстъ; въ домѣ было двое-трое вѣрныхъ слугъ—старинныхъ, которые выживали всѣхъ остальныхъ, и въ этомъ почти царскомъ быту свирѣпствовали кухонныя дрязги, грубая ругань, казалось бы, невозможная въ такой обстановкѣ. Герцогиня обращала на все это очень мало вниманія: каждый разъ, какъ она пробовала вступиться, являлся ея мужъ и накидывался на нее, говоря, что она все сдѣлала не такъ, что ему теперь придется все поправлять, и что лучше бы ужъ она не совалась не въ свое дѣло. Она привыкла не отвѣчать на его грубости ничѣмъ, кромѣ ироніи, которой онъ никогда не понималъ. Однажды на террасѣ, среди кустовъ миртъ—въ горшкахъ миртъ!—удаляясь послѣ спора о какомъ-то его выговорѣ, который она пыталась смягчить,—она вдругъ обернулась, прекрасная и гордая, привычнымъ движеніемъ откидывая свою маленькую темную головку.

— Такъ мнѣ никогда не вмѣшиваться между тобой и горничными?—сказала она. Я вовсе и не намѣрена вмѣшиваться. Даже тогда, когда ты ихъ цѣлуешь.

И она ушла прочь туда, гдѣ ей слышались голоса дѣтей, перекликавшихся по ту сторону большого луга.

— О Господи, какъ это вышло неловко!—говорилъ про себя герцогъ, и громко сопѣлъ, какъ всегда, когда былъ въ волненіи. А я-то думалъ, что она слишкомъ глупа, чтобы замѣтить! И ничуть не бывало! Впрочемъ, она пожалуй слишкомъ надменна, чтобы придать этому значеніе!

Съ этою утѣшительной мыслью, онъ также ушелъ на скотный дворъ справиться о теленкѣ.

И, дѣйствительно, она была слишкомъ надменна, чтобы придать этому значеніе. Встрѣтившись съ нимъ за обѣдомъ,—они обѣдали вдвоемъ,—она задала ему съ дюжину общихъ вопросовъ, зная, что онъ не можетъ на нихъ отвѣчать. Да сама-то она не интересовалась отвѣтами, хотя думала, что интересуется. Отвѣтить сразу, проченъ ли въ данную минуту европейскій миръ, или существуетъ ли въ Испаніи пропорціональная подача голосовъ, во всякомъ случаѣ довольно трудно, а ужъ тѣмъ болѣе, если одинъ изъ собесѣдниковъ ни мало этимъ не интересуется и имѣетъ лишь самое смутное понятіе о томъ, что́ значитъ «пропорціональная подача голосовъ».

— День-то какой становится короткій! — замѣтилъ герцогъ, потирая руки, — скоро теперь доживемъ и до охоты! Въ жизни у него было одно счастіе, и онъ это сознавалъ,—охота. Все остальное существовало только по необходимости.

Тѣ мѣсяца въ году, когда охоты не было, являлись одной неизбѣжной потерей времени.

Герцогиня также предпочитала осень. Въ Штольценау очень рѣдко пріѣзжали гости. Герцогъ не любилъ безпокоить себя пріемами, да, кромѣ того, всѣ находили, что тамъ невыносимо скучно, но осенью домъ наполнялся посѣтителями: раза два въ осень затѣвались знаменитыя охоты съ гончими.

Герцогиня, полуиспуганная, принимала многочисленныхъ гостей съ удовольствіемъ. Она постепенно просыпалась и начинала радоваться своимъ нарядамъ, блеску и шуму вокругъ, веселью и забавнымъ шуткамъ нѣкоторыхъ изъ джентльменовъ. И тутъ, какъ разъ тогда, когда она ко всему этому привыкала снова, все это кончалось, и она опять сидѣла одна противъ герцога.

Digitized by Google

— Кстати, — сказала герцогиня, — это мнѣ напомнило: скоро намъ придется позаботиться объ учителѣ для Вильгельма.

Вильгельмъ былъ ихъ старшій десятилѣтній сынъ.

— Знаю,—отвѣчалъ горцогъ.

— Помнишь,—продолжала она съ неторопливой настойчивостью, — мы рѣшили, что на будующую зиму Вильгельму во всякомъ случаѣ нужно учителя.

— Знаю, знаю. Еще успѣется; «время терпитъ», — сказалъ герцогъ Эрнестъ, наливая себѣ вина.

Она покраснѣла: это былъ одинъ изъ многихъ пунктовъ, въ которыхъ они были не согласны: она постоянно старалась, чтобы дѣтей чему-нибудь учили, а онъ относился къ этому съ полнымъ равнодушіемъ.

— Ты разсуждаешь такъ, какъ будто мальчику и самому придется быть школьнымъ учителемъ. Всѣ Штольценау всегда обходились отлично и безъ...

— Съ одной своей врожденной глупостью.

— Благодарю. Нѣтъ, съ однимъ тѣмъ, что были Штольценау.

— Тѣ времена прошли. Теперь значеніе человѣка измѣряется его личнымъ достоинствомъ.

— Что̀ ты смыслишь во временахъ, милая Элеонора? Всякій Штольценау всегда будетъ стоить больше, чѣмъ большинство другихъ людей. Но не волнуйся; я уже принялъ мѣры, чтобы достать учителя Вильгельму.

— И ни слова мнѣ не сказалъ! — воскликнула она гнѣвно.

— Я никогда съ тобой не говорю о наймѣ прислуги. Послѣдній разъ, помнишь, я сказалъ тебѣ о новомъ свинопасѣ, и ты объявила, что это тебя нисколько не интересуетъ!

— Но мой собственный сынъ! — она нервно стукнула по столу концами пальцевъ.

Герцогъ Эрнестъ засопѣлъ.

— Это лучшій свинопасъ во всемъ государствѣ — сказалъ онъ,—мы, получимъ медаль на выставкѣ!

— Такъ кому же, скажи, пожалуйста, ты довѣришь судьбу Вильгельма?

— О, ничего еще нѣтъ рѣшеннаго. Я просилъ дядю, принца-епископа, отыскать намъ какого-нибудь молодого богослова. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ въ эту минуту никого подходящаго, но что случайно заговорилъ объ этомъ съ твоимъ дядей Сигизмундомъ.

— Съ дядей Сигизмундомъ! Послѣднимъ, кто...

— Такъ думалъ и я. Но мы оба ошиблись. У твоего дяди есть на примѣтѣ подходящій молодой человѣкъ, родомъ изъ одного изъ его помѣстій, тамъ же, насколько я понялъ, и воспитавшійся. Этотъ молодой человѣкъ только-что превосходно окончилъ курсъ наукъ, и дядя Сигизмундъ очень его рекомендуетъ.

Она сидѣла и дрожала съ головы до ногъ, стараясь подавить дрожь.

Ты пригласилъ этого protegé дяди Сигизмунда?

— Да. Не дури, Элеонора: я забылъ тебѣ сказать. У меня такъ много разныхъ заботъ со всѣми этими фермами...

Герцогиня встала изъ-за стола.

— Я иду проститься на ночь съ дѣтьми,—сказала она тихо. И вдругъ не выдержала:

— Дядя Сигизмундъ! Негодяй! Хлыщъ! Легкомысленный свѣтскій человѣкъ! Вольтерьянецъ! Фатъ! И къ нему ты обращаешься за наставникомъ для моего сына!

Герцогъ выпучилъ на нее глаза.— Я совершенно тебя не понимаю. Что̀ за странныя, рѣзкія выраженія! Дядя Сигизмундъ.

— Нѣтъ, ты совершенно меня не понимаешь,—и она вышла въ дверь, которую онъ держалъ передъ ней отворенной.

Черезъ часъ она опять сидѣла рядомъ съ нимъ, въ его кабинетѣ, какъ и всегда по вечерамъ. Онъ курилъ за своей конторкой, окруженный счетными книгами. Она, съ низенькой лампочкой у правой руки, наливала чай. Долгія паузы, казалось, раздражали его, хотя не рѣдко, когда она заговарива-

Digitized by Google

ла, онъ начиналъ стучать ногой по полу и громко повторять цифры.

— Почему бы тебѣ не поиграть на фортепьяно?— сказалъ онъ. Ты, кажется, совсѣмъ бросила музыку. Онъ вспомнилъ «цѣлуешь горничныхъ» и прибавилъ, почти ласково: когда я женился на тебѣ, говорили, что во всей Вѣнѣ не найдется никого, кто бы игралъ лучше тебя.

— Тамъ былъ еще Банговскій, — замѣтила она съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

— Конечно, я не говорю о профессіональныхъ піанистахъ. Но теперь ты никогда не притрогиваешься къ роялю.

— Нѣтъ; зачѣмъ? Что же, ты хочешь, чтобы я сидѣла по вечерамъ одна въ этой огромной комнатѣ? Зимою тамъ даже не топятъ.

— Можешь велѣть затопить каминъ. Да вѣдь теперь къ тому же и не зима.

— Совершенно вѣрно. Нѣтъ никакой причины, почему бы мнѣ не играть на фортепьяно.

— Однако.

— Однако, я не играю. Этотъ господинъ, что пріѣдетъ — извини, я не буду мѣшать тебѣ работать.

— Да, я очень спѣшу покончить со всѣмъ этимъ, прежде чѣмъ начнутъ съѣзжаться гости на охоту.

— А когда это будетъ?—спросила она, наливая чай.

— Бо́льшую часть я пригласилъ черезъ три недѣли. Можетъ быть, ты бы хотѣла позвать еще кого-нибудь, кромѣ обыкновенной компаніи?

— Нѣтъ, благодарю. А учитель когда пріѣдетъ?

— Приблизительно тогда же. Вѣроятно, его привезетъ твой дядя.

— Ну, намъ тогда едва-ли будетъ время обращать на него много вниманія.

— А ты собираешься быть съ нимъ очень внимательной?

Она не отвѣчала. Въ концѣ концовъ, женщинѣ неудобно ударить мужчину. Хотя мужчина можетъ бить женщину ежечасно. Она не возвращалась больше къ этому вопросу, хотя думала о немъ постоянно. Герцогиня страстно любила старшаго сына; подъ оболочкою своей ледяной сдержанности, страстно любила всѣхъ своихъ свѣтловолосыхъ дѣтей.

Когда, вмѣстѣ съ толпою гостей, появился учитель, герцогиня встрѣтила его съ не преднамѣреннымъ равнодушіемъ. Дядя Сигизмундъ, изящный семидесятилѣтній щеголь, съ перетянутымъ станомъ и яркимъ цвѣтомъ лица, представилъ ей робкаго, незначительнаго черноглазаго юношу герръ Гертца. Герцогиня выразила надежду, что герръ Гертцу понравится въ Штольценау, и обратилась къ кому-то другому. За обѣдомъ, дядя Сигизмундъ сидѣлъ рядомъ съ нею, былъ очень любезенъ и не совсѣмъ цензуренъ, разсказывая множество забавныхъ анекдотовъ о гадкомъ свѣтѣ, такъ хорошо ему знакомомъ.

Поздно ночью, герцогиня постучалась въ уборную своего мужа. При немъ былъ лакей,—герцогиня выслала его знакомъ.

— Этотъ герръ Гертцъ, — начала она безъ предисловій,—будущій учитель Вильгельма,—я ничего о немъ не знаю, да и ты тоже.

— Онъ съ виду какъ разъ то, чѣмъ слѣдуетъ быть подобнымъ лицамъ,— сказалъ его свѣтлость, заводя часы.

— Эрнестъ, я хотѣла сказать одно,— я допущу, чтобы этотъ господинъ сталъ учителемъ Вильгельма, только на одномъ условіи,—но одномъ условіи, понимаешь?

— Ну?

— Что если я когда-либо пожелаю отправить его изъ дому,—онъ уйдетъ.

— О, конечно. Почему?

— Онъ, вѣроятно, не годится. Понятія дяди Сигизмунда о томъ, чѣмъ долженъ быть учитель, вѣроятно, очень плохія. Я не допущу, чтобы Вильгельма приносили въ жертву понятіямъ дяди Сигизмунда. Я буду наблюдать за этимъ человѣкомъ. Если онъ окажется хоть сколько-нибудь похожимъ на то, что я предполагаю, его надо отправить.

— Отлично. Только не слишкомъ ужъ наблюдай его на первыхъ-то порахъ: онъ и такъ достаточно растерянъ. Вильгельмъ выростетъ молод-

Digitized by Google

цомъ: уже начинаетъ прекрасно стрѣлять зайцевъ, пожалуй, даже не хуже, чѣмъ я въ его годы. Прощай.

— Доброй ночи. Герцогиня довольно долго не засыпала, думая о своей полдюжинѣ дѣтей, объ анекдотахъ дяди Сигизмунда и объ Вѣнѣ. Потомъ она заснула, подъ завыванія вѣтра въ соснахъ.

Только послѣ отъѣзда гостей, она снова замѣтила присутствіе учителя. Тутъ она, можно сказать, въ первый разъ открыла его. Это былъ блѣдный молодой человѣкъ, высокій, смуглый, неинтересный, пока не поднималъ глаза. Вильгельмъ, на вопросъ объ учителѣ, только пожалъ плечами и сказалъ, что учитель знаетъ пропасть вещей.

— Это ты ничего не знаешь! — съ досадой воскликнула герцогиня.

— Я умѣю стрѣлять,—самодовольно замѣтилъ Вильгельмъ,—и умѣю говорить на разныхъ языкахъ. Папа говоритъ, что этого довольно для принца Штольценау.

— Отецъ смѣется надъ тобой, — отвѣчала она и прибавила честно: Онъ самъ знаетъ и умѣетъ гораздо больше. Она оставила Вильгельма, задумавшагося о познаніяхъ своего отца. Въ тотъ вечеръ, среди скуки, царившей въ кабинетѣ герцога, герцогиня позвонила лакея.

— Скажите герръ Гертцу, что я желаю его видѣть,—сказала она. Герцогъ съ досадой поднялъ глаза отъ газеты.—Мы тебѣ не помѣшаемъ,—сказала герцогиня.

— А ячмень повышается въ цѣнѣ,— замѣтилъ герцогъ довольнымъ тономъ.

Приглашеніе смутило учителя, ни разу еще не приходившаго въ соприкосновеніе съ хозяйкой дома. Онъ началъ поспѣшно приводить въ порядокъ свой туалетъ. Слуга дожидался, улыбаясь. «Этого она не замѣтитъ», думалъ слуга.

— Я бы желала вглянуть на вашу программу,—сказала герцогиня,—желала бы знать, чѣмъ вы занимаетесь.

Онъ покраснѣлъ отъ удовольствія. То было первое слово участія къ его работѣ, какое достигало его въ унылой пустынѣ княжескаго дома. Durchlaucht sind zu gutig,—сказалъ онъ.

Слова эти она слышала каждый день; они надоѣли ей до тошноты. Съ легкой улыбкой презрѣнія, она попросила его сказать ей, что онъ думаетъ о Вильгельмѣ.

— Принцъ Вильгельмъ очень отсталъ,—сказалъ учитель смѣло. Герцогиня вдругъ взглянула на него прямо, съ выраженіемъ новаго интереса въ лицѣ. Она попросила его принести росписаніе уроковъ, которое разсмотрѣла во всѣхъ подробностяхъ. Учитель отвѣчалъ, какъ умѣлъ, самъ увлеченный принятой на себя задачей и ослѣпленный немного бѣлыми руками и бѣлымъ платьемъ герцогини, ея драгоцѣнными украшеніями, носившимся вокругъ нея ароматомъ духовъ и непривычнымъ титуломъ, принадлежавшимъ ея княжескому сану.

— Если ваша свѣтлость разрѣшитъ мнѣ, — говорилъ онъ, указывая что-то въ программѣ,—я включилъ бы вотъ сюда, по средамъ, еще одинъ часъ на орѳографію...

— А что такое орѳографія?—вдругъ съ раздраженіемъ спросилъ герцогъ Эрнестъ, высовываясь изъ-за газеты.

— Правописаніе,—быстро вступилась герцогиня.

Онъ засмѣялся.

— Какое мудреное названіе для самой простой вещи!—воскликнулъ онъ.

— Точь въ точь, какъ всѣ ваши науки! Помилуйте, да я вотъ пишу всю жизнь, и никогда не зналъ, что это орѳографія.

— Благодарю васъ, mein Herr,—съ важностью произнесла герцогиня, возвращая листъ,—я надѣюсь, что мой сынъ оправдаетъ ваши старанія. Учитель поклонился и вышелъ.

— Ты видишь, онъ говоритъ, что мальчикъ отсталъ!—воскликнула герцогиня, едва успѣла затвориться за нимъ дверь.

— Конечно, говоритъ. Черезъ полгода онъ будетъ говорить, что благодаря его урокамъ мальчикъ опередилъ всѣхъ сверстниковъ. Рудель, когда пріѣхалъ, говорилъ, что свиньи...

Digitized by Google

— Я иду спать!—воскликнула герцогиня.

— Прощай.

Она ушла. У нея вошло уже въ привычку уходить къ себѣ въ самомъ началѣ десятаго часа. Иногда она читала романъ, иногда просто зѣвала, пока не приходилъ сонъ.

Вотъ въ одинъ-то изъ такихъ томительныхъ вечеровъ, холодныхъ, сѣрыхъ, ненастныхъ, съ дребезжаньемъ дождя и воемъ деревьевъ, герцогиня, проходя по обширной залѣ наверхъ въ свою комнату, замѣтила въ корридорѣ дѣтской какъ будто звуки музыки. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ назадъ, отворила обитую сукномъ дверь и прислушалась. Вдругъ глаза ея заблестѣли—она узнала мелодію. Подойдя по корридору къ одной изъ классныхъ комнатъ, — Вильгельмовой, она на минуту остановилась за дверью. Затѣмъ, тихонько отворила ее и вошла. Герръ Гертцъ сидѣлъ за роялемъ.

Онъ остановился въ смущеніи и быстро вскочилъ на ноги.

— Гдѣ вы узнали этотъ напѣвъ? Откуда вы? Что это?—лепетала герцогиня, стараясь подавить свое волненіе.

— Это каринтійская пѣсня, герцогиня. Меня научилъ ей двоюродный братъ, лѣсничій въ одномъ изъ имѣній родителя вашего высочества. Я только пробовалъ кое-какія варіаціи.

— Я знаю. Она уже снова окаменѣла. Вы меня удивили. Я по крайней мѣрѣ десять лѣтъ не слыхала этой пѣсни. Вы знаете еще какіе-нибудь напѣвы съ моей родины?

— Да, герцогиня.

— Будьте такъ добры сыграйте что-нибудь. Она отдала это приказаніе точно такъ, какъ могла бы отдать его лакею. Онъ покраснѣлъ, сѣлъ за рояль и началъ; герцогиня стояла у двери и слушала. Комната освѣщалась только свѣчами на роялѣ. Потомъ герцогиня опустилась въ кресло. Потомъ она закрыла лицо руками.

Онъ игралъ нѣсколько минутъ, переходя отъ одной народной пѣсни къ другой и сливая ихъ вмѣстѣ, въ особенномъ, собственномъ своемъ аранжементѣ. Когда онъ кончилъ, съ минуту длилось молчаніе.

— Вы великолѣпно играете,—сказала она прерывающимся голосомъ и вышла.

Въ ту ночь уже не было чтенія романовъ. Герцогиня Элеонора, которую никогда никто не видѣлъ плачущей, лежала на постели, въ долгой бурѣ мучительныхъ слезъ.

Два дня она замѣчала учителя лишь на столько, чтобы отвѣтить на его почтительный поклонъ. Въ это время въ Штольценау пріѣхала гостить незамужняя тетка принца Эрнеста, ужасная принцесса Валерія, на всѣхъ наводившая страхъ. Эта дама освѣдомилась объ учителѣ, не одобрила его нѣмецкое произношеніе, спросила его, откуда онъ, сказала ему, что это все не такъ, и, наконецъ, въ теченіе одного невыносимаго вечера, внезапно проснувшись и выпрямившись на стулѣ, полюбопытствовала узнать, умѣетъ ли «австріакъ» играть на фортепіано.

— Право, не знаю. Никогда не спрашивалъ,—отвѣчалъ герцогъ.

— Умѣетъ,—спокойно отвѣтила герцогиня.

— Въ такомъ случаѣ пошлите за нимъ, сдѣлайте милость и велите ему играть!—воскликнула принцесса Валерія.

— Но мнѣ необходимо продолжать мои занятія!—ужаснулся ея племянникъ.

— Никому тебя и не нужно, Эрнестъ. Мы съ Элеонорой пойдемъ въ залу съ учителемъ. И затѣмъ, сударь, будьте добры поиграйте намъ какіе-нибудь танцы, — продолжала принцесса Валерія.

И такъ, учитель заигралъ вѣнскіе танцы, и герцогиня дрожала, сидя въ огромной bergere стиля Людовика XVI.

Потомъ безъ спросу, стало быть, и безъ позволенія онъ незамѣтно перешелъ къ каринтійскимъ пѣснямъ, которыя такъ прекрасно игралъ въ тотъ недавній вечеръ.

Принцесса Валерія ударила по столу вѣеромъ.

— Это не танцы, сударь,—сказала она.

Digitized by Google

— Народные танцы, ваше высочество,—отвѣчалъ онъ, поднимая глаза отъ клавишъ. При полномъ свѣтѣ большого канделябра,—герцогиня замѣтила и оцѣнила очаровательное нахальство этого взгляда.

— Вы изъ Бедлинга,—сказала герцогиня, какъ только музыка прекратилась—изъ помѣстья дяди Сигизмунда? Вы тамъ и родились?

— Да, онъ дѣйствительно родился въ деревнѣ дяди Сигизмунда.

— Они тамъ даже вовсе и не нѣмцы,—замѣтила принцесса Валерія.

— Въ дѣтствѣ я часто бывала въ Бедлингѣ, — задумчиво проговорила герцогиня.

— Помню.

— Не вернуться ли намъ къ твоему мужу, Элеонора? Здѣсь что-то свѣжо. Почему ты не велишь прислугѣ топить побольше?

— Благодарю васъ за вашу игру, герръ кандидатъ.

— Вамъ надо чаще приходить къ намъ по вечерамъ и играть. Онъ чуть не до земли склонился передъ ея прекраснымъ, свѣтлѣйшимъ лицомъ.

— Но я слышалъ,—пробормоталъ онъ, запинаясь и какъ бы прося извиненія,—что ваше высочество сами одна изъ замѣчательнѣйшихъ піанистокъ нашего времени.

— Это время прошло,—сказала герцогиня, плавно отступая въ сторону, чтобы дать дорогу выходившей теткѣ.

Послѣ этого, все время, пока у нихъ прогостила принцесса, въ заброшенной до тѣхъ поръ гостиной по вечерамъ происходила музыка. Учитель оказался дѣйствительно замѣчательнымъ музыкантомъ; онъ самъ былъ музыкальный инструментъ, всю страсть свою разметывавшій по струнамъ. Онъ игралъ славянскія и южно-австрійскія мелодіи, венгерскія и польскія, и игра его была вся—чувство, вся—огонь, волненіе и трепетъ. Онъ игралъ только ту музыку, съ которой зналъ, что можетъ сладить, музыку горныхъ потоковъ и бурь, ласточекъ и жаворонковъ.

Герцогъ Эрнестъ приходилъ въ промежутки между занятіями, садился въ уголъ и дремалъ.

— Позвольте,—проговорила герцогиня за плечомъ музыканта. Онъ только-что кончилъ играть и вскочилъ съ мѣста; герцогиня сѣла, не поднимая головы. Но онъ видѣлъ огонь въ ея глазахъ, видѣлъ, какъ тяжело поднималась ея грудь; она заиграла первые бѣшеные такты Ульмановой «Венгерской рапсодіи», запнулась въ нерѣшительности, потомъ перешла къ «mondlied» Чайковскаго,—и сладострастное adagio этого «mondlied» пролилось какъ бальзамъ на раны предшествовавшаго.

Вдругъ герцогъ Эрнестъ засопѣлъ. Она оборвала игру, ударивъ по клавишамъ, и поспѣшно встала съ мѣста.

— Ай, что случилось?—воскликнулъ, вскакивая, герцогъ. Элеонора за роялемъ! Милая тетушка, это должно быть въ честь васъ!

— Продолжай, пожалуйста,—сказала принцесса Валерія.

— Нѣтъ. На сегодня довольно музыки. Я устала,—отвѣчала герцогиня. Пожалуйста, позволь мнѣ уйти къ себѣ, тетя Валерія. Она сдѣлала родственникамъ глубокій реверансъ и, не поклонившись учителю,—вышла.

— Просто невѣроятно, какъ часто она устаетъ,—сказала принцесса Валерія. Мнѣ кажется, ей бы нужно дѣлать больше движенія.

— Терпѣть не могу ходить, сказалъ герцогъ. Я думаю, ей хорошо бы пить молоко.

— Отъ молока толстѣютъ. Скажу ей, чтобы ходила,—рѣшительно объявила принцесса Валерія.

— Ну, такъ пусть ходитъ съ дѣтьми, мнѣ вѣдь положительно некогда.

— Дѣти ползутъ еле-еле,—отвѣчала герцогиня, когда ей предложили этотъ планъ.

— Вильгельмъ едва-ли ползетъ,—замѣтила тетка.

— Что жъ потвоему, мнѣ гулять съ Вильгельмомъ и учителемъ?

— А почему бы и нѣтъ? И съ которой-нибудь изъ гувернантокъ, ко-

Digitized by Google

нечно. Или безъ учителя. Вздоръ какой!

— Конечно, вздоръ. Мнѣ бы и въ голову никогда не пришло. Тѣмъ не менѣе, герцогиня теперь часто отправлялась на прогулки со старшими дѣтьми и ихъ наставниками. Иногда съ ними ходилъ учитель; иногда не ходилъ, и у нихъ бывали иногда краткія бесѣды о деревнѣ дяди Сигизмунда, родинѣ учителя, и объ ея родной сторонѣ, которую онъ такъ хорошо зналъ, потому что тамъ жили его двоюродные братья,—краткія жгучія бесѣды о далекомъ южномъ краѣ, столь непохожемъ на окружавшіе ихъ пески и сосны, краѣ полномъ свѣта и радости—ихъ общей отчизнѣ!

А по вечерамъ она слушала игру учителя: разъ или два даже, подъ ворчанье герцога Эрнеста, она играла съ учителемъ дуэты. Но у него дрожали руки: онъ фальшивилъ, она въ досадѣ встала съ мѣста.

— Онъ вульгарнѣе, чѣмъ я думала,— сказала она про себя,—боится играть съ принцессой!

Но дня черезъ два она спросила Вильгельма, какъ зовутъ учителя.

— Эрнестъ,—сказалъ мальчикъ,— какъ папу.

— Какая нелѣпость!—съ досадой воскликнула герцогиня. Вильгельмъ передалъ это учителю, и учитель вывелъ изъ этого свои собственныя заключенія.

— Это дерзко, я знаю, принцъ,—сказалъ онъ,—но вѣдь я въ этомъ не виноватъ.

Подъ этимъ-то горькимъ впечатлѣніемъ, онъ отвѣтилъ герцогинѣ, спросившей его во время одной изъ ихъ прогулокъ, какія его политическія убѣжденія:

— Я соціалистъ, герцогиня, то есть, конечно, я умѣренный либералъ, но въ глазахъ вашего высочества это вѣроятно то же, что соціалистъ. Она разсердилась на смутно чувствовавшуюся въ его словахъ колкость. За послѣднее время у нихъ бывали не рѣдко въ самомъ дѣлѣ поучительные разговоры; онъ открывалъ ей новый міръ; но теперь онъ заблагоразсудилъ молчать, и она мгновенно подняла всѣ подъемные мосты, которые и безъ того никогда не спускала на долго.

Въ тотъ вечеръ она опять, стоя въ сумракѣ, слушала его игру. У герцога Эрнеста былъ одинъ изъ обычныхъ его жестокихъ чиріевъ на шеѣ. Онъ не могъ, или не хотѣлъ сводить свои сельско-хозяйственные счета. Сопя и жалуясь, лежалъ онъ на диванѣ, а любимый его лакей дѣлалъ ему припарки. Герцогинѣ, стоявшей въ полумракѣ у окна, видны были съ ея мѣста и мучнистое лицо мужа подъ абажуромъ лампы, и смуглое, тонкое лицо учителя, съ его сіяющими глазами, на фонѣ неподвижно горѣвшихъ свѣчъ.

Долго наблюдала она ихъ обоихъ.

— Эрнестъ,—сказала она въ тотъ вечеръ, подходя къ его постели,—я пришла напомнить тебѣ свое обѣщаніе. Учителю надо уйти.

— Э? Что? Охъ!—крякнулъ герцогъ, поворачивая шею.

— Помнишь, ты обѣщалъ, что предоставишь это мнѣ. Я хочу, чтобы у Вильгельма былъ другой учитель.

— Вздоръ. Я думалъ, что тебѣ онъ нравится, этотъ Гертцъ. Ты, кажется, отлично съ нимъ ладишь.

— Не знаю, какъ я могу «ладить» или «не ладить» съ нимъ. Помоему онъ намъ не годится. Я хочу его отправить.

— Тебѣ онъ не нравится?

— Что за выраженіе! Я имѣю свои причины, чтобы считать, что его нужно перемѣнить.

— Ужъ не ухаживаетъ ли онъ за которой-нибудь изъ гувернантокъ? Красивый малый, ха, ха!

— Ты грубъ,—сказала она презрительно. Онъ всегда велъ себя въ высшей степени порядочно; намъ надо найти ему какое-нибудь болѣе выгодное занятіе. Но я нахожу, что онъ не годится въ учителя Вильгельму. Ты мнѣ обѣщалъ.

— Вздоръ!

— Ты отказываешься? Она отступила шага на два, ослѣпительная въ своемъ серебряномъ парчевомъ нарядѣ.

Digitized by Google

— Да, если ты не представишь мнѣ уважительной причины. Я совершенно доволенъ. Помилуй, да вѣдь завтра пріѣдетъ твой дядя,—чѣмъ же мы объяснимъ ему нашъ отказъ этому господину?

— Ты, ты обѣщалъ,—проговорила она, запинаясь.

— А я говорю—вздоръ это. Представь уважительную причину. Зачѣмъ тебѣ понадобилось гнать его?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы увидѣть, можетъ ли герцогъ Лауенштейнъ сдержать слово женѣ.

— Ну, такъ ты уже получила отвѣтъ. Герцогъ Лауенштейнъ можетъ и не сдержать слово женѣ.

Она пошла къ двери.

— Позвони, сдѣлай милость!—крикнулъ онъ ей вслѣдъ. Понять не могу, что это онъ не несетъ припарку!

На слѣдующее утро пріѣхалъ дядя Сигизмундъ, и герцогъ разсказалъ ему, помирая со смѣху, о внезапной антипатіи Элеоноры къ Гертцу. Старикъ слушалъ внимательно и покручивалъ нафабренные усы.

— А почему же это, племянница?—спросилъ онъ по окончаніи разсказа.

— Спроси Эрнеста,—отвѣчала Элеонора съ подавленнымъ бѣшенствомъ. Онъ умѣетъ забавно разсказывать, но умѣетъ также и не забавно лгать.

— Фи, что̀ за выраженіе!

Старикъ не сказалъ больше ничего, но съ любопытствомъ замѣтилъ сверкающій взглядъ, который племянница бросила на своего повелителя.

Онъ дождался встрѣчи съ учителемъ, на слѣдующее утро случайно попавшимся ему въ саду.

— Хотите сигару?—спросилъ онъ. У васъ что-то не совсѣмъ здоровый видъ.

— Благодарю, ваше высочество; я совсѣмъ здоровъ,—отвѣчалъ Гертцъ.

— А я вамъ говорю, что вы больны,—отрубилъ старый князь. Этотъ сѣверный климатъ никуда для васъ не годится. Вамъ опять нужно переѣхать на югъ. У меня кстати для васъ отличное мѣсто въ моей канцеляріи.

— Ваше высочество слишкомъ милостивы Но въ настоящее время я бы просилъ позволенія остаться здѣсь. Принцъ Вильгельмъ...

— Богъ съ нимъ, съ принцемъ Вильгельмомъ! Говорю я вамъ, что вамъ лучше уйти, не дожидаясь, чтобы васъ погнали. Я имѣю основаніе думать, что герцогъ не доволенъ вашей методой...

— А герцогиня?

Принцъ Сигизмундъ остановился какъ вкопанный посрединѣ дорожки.

— Вы уйдете тотчасъ,—сказалъ онъ тономъ, не терпящимъ возраженій. Слышите? Не спрашивайте герцога ни о чемъ, ни единаго слова. Этимъ вы спасете свое собственное положеніе. Скажите просто, что я предложилъ вамъ такое превосходное мѣсто, что вы умоляете его высочество разрѣшить вамъ принять его.

Юноша вспыхнулъ.

— Понимаю,—сказалъ онъ,—но я не заслужилъ...

— Я не знаю, что̀ вы заслужили. И не хочу знать. Довольно съ васъ, мнѣ кажется, и того, что̀ вы получаете.

— Я отказываюсь,—сказалъ Эрнестъ Гертцъ, краснѣя еще гуще. Если герцогъ велитъ мнѣ уйти, конечно, я уйду.

— Вы отказываетесь! — воскликнулъ принцъ Сигизмундъ съ ругательствомъ,—скажите еще что-нибудь такое, и я вышвырну на улицу вашего отца!

— Прошу прощенія у вашего высочества; я забылъ про отца.

— И вы сдѣлаете то̀, что я вамъ велю?

— Прошу у вашего высочества какъ милости, чтобы ваше высочество получили мою отставку отъ самого герцога.

Принцъ Сигизмундъ выпучилъ глаза на стоявшаго передъ нимъ молодого человѣка.

— Чортъ возьми, молодчина вы,—сказалъ онъ, но вамъ нужно уйти. Ну, вотъ вы сломали пополамъ свою сигару; возьмите-ка другую.

Вскорѣ послѣ этого онъ засталъ племянницу въ залѣ за роялемъ.

— А ты опять нынче играешь?—проговорилъ онъ съ улыбкой. Или у Эрнеста появился вкусъ къ музыкѣ?

Digitized by Google

Она кивнула ему, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ,

— О, я не стану тебѣ мѣшать. Я зашелъ только на минутку, чтобы сказать тебѣ вотъ что: у меня есть отличное мѣсто для вашего учителя,— въ моей канцеляріи; но этотъ глупый малый отказывается принять его, если только вы сами ему этого не посовѣтуете, т. е. попросту сказать, если вы сначала его не прогоните. Должно быть, какія-нибудь превыспреннія соображенія объ его обязанности къ Вильгельму. Вильгельмъ идіотъ, какъ и его отецъ. Всякій можетъ научить его тому немногому, чему онъ способенъ научиться.

Она продолжала тихонько перебирать клавиши, но не могла удержать предательскую краску, выступившую на щекахъ.

— Въ такомъ случаѣ, значитъ, Эрнестъ долженъ самъ отказать ему,— сказала она.

— Эрнестъ ему не откажетъ. Изъ-за одного того, чтобы тебя не послушаться. Ослиное какое-то упрямство. Глупые мужчины никогда не слушаются своихъ женъ.

Она взяла нѣсколько громкихъ аккордовъ.

— Конечно, герръ Гертцу лучше уйти,—сказала она,—развѣ я этого не говорила? И она продолжала играть, пока въ комнату не вошелъ самъ герръ Гертцъ.

— Ради Бога извините, герцогиня,—пролепеталъ онъ, видя, что она встаетъ изъ-за рояля,—но, кажется, вѣдь это часъ, назначенный для урока музыки принца Вильгельма?

— Герръ Гертцъ,—заговорила она вдругъ,—вы должны принять это мѣсто, которое вамъ предложилъ дядя Сигизмундъ. Мы должны отпустить васъ.

Глаза его устремились въ полъ.

— О, конечно,—отвѣчалъ онъ. Если мною недовольны...

— Объ этомъ нѣтъ и рѣчи. Вами довольны вполнѣ. Но это въ вашихъ же интересахъ...

— Мнѣ все равно до моихъ интересовъ. То есть нужно принимать въ соображеніе не одни мои интересы.

— Вы хорошо сдѣлаете, если уйдете. Я прошу васъ принять это мѣсто,—понимаете ли вы меня? Я...

Глаза его медленно поднялись и встрѣтились съ ея глазами. Она стояла передъ нимъ, непреклонная.

— Приму,—сказалъ онъ и поклонился до земли. Она прошла мимо него и скрылась въ широко распахнутую дверь.

II.

Мистрессъ Россель.

Мистрессъ Россель была очень хорошая женщина, — большая филантропка. Она говорила, что состоитъ въ родствѣ съ «тѣми» Росселями, но это было неправда. Впрочемъ, она состояла въ родствѣ съ Росселями очень хорошими, въ смыслѣ общественномъ, съ Росселями, можно сказать, второго сорта, и ея мѣсто въ жизни было Мейферъ.

Мужъ ея принадлежалъ къ тому многочисленному классу людей, которые, находясь на государственной службѣ, получаютъ весьма сносные оклады, при весьма сносномъ количествѣ дѣла. Вечера его такимъ образомъ были въ полномъ его распоряженіи даже слишкомъ исключительномъ, ибо онъ охотно дѣлилъ бы ихъ съ мистрессъ Россель.

— Альджернонъ такой требовательный,—не безъ основанія говорила эта дама. Онъ хотѣлъ бы, чтобы я круглый годъ просиживала всѣ вечера дома, а вѣдь существуетъ же, знаете ли, и такая вещь, какъ наши обязанности относительно общества! Не относительно общества, какъ общества, конечно,—о нѣтъ, я совсѣмъ не то хотѣла сказать,—а относительно нашихъ ближнихъ. Всякій, кто, какъ я, напримѣръ, занимается дѣлами человѣколюбія, неизбѣжно долженъ имѣть большой кругъ знакомствъ. Я должна ѣздить на вечера и обѣды, чтобы встрѣчаться съ нужными для дѣла людьми. Альджернонъ никакъ не хочетъ понять, какъ все это связано!

— Конечно, вы заслуживаете всякой похвалы,—говорили всѣ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, я не о томъ. Я, я стараюсь по мѣрѣ силъ, но жизнь такъ трудна, въ особенности филантропія! Вотъ и насчетъ дѣтей. Иногда мнѣ кажется, будто Альджернонъ находитъ, что я недостаточно занимаюсь дѣтьми, хотя онъ впрочемъ никогда ничего такого не говоритъ. А я между тѣмъ всегда особенно старалась заниматься дѣтьми. Я два раза прошла съ ними всю «Lineupouline». И у нихъ обоихъ свои классы въ моей воскресной школѣ. Не можете себѣ представить, до чего это выходитъ мило, когда крошка Маріана—ей всего семь лѣтъ—учитъ другихъ дѣтей разнымъ Библейскимъ исторіямъ. А Джостинъ!—онъ такой слабенькій мальчикъ, я всегда особенно заботилась о его здоровьи.

— Ваши дѣти возростутъ и благословятъ васъ,—сказалъ господинъ въ бѣломъ галстукѣ, пришедшій за сборомъ.

Но это было уже пророчество. Въ настоящую минуту Джостинъ, хилый десятилѣтній мальчикъ, страшно избалованный и привыкшій къ мгновенному исполненію всякой своей болѣзненной фантазіи—не благословлялъ, а проклиналъ. У него завелась прескверная привычка ругать свою мать, и надписи изъ священнаго писанія, развѣшанныя въ его комнатѣ, оказывались противъ этого средствомъ весьма не дѣйствительнымъ. Итакъ, она дѣлала видъ, что не слышитъ, и улыбаясь говорила маленькой Маріанѣ, что у Джостина опять его головная боль. Тутъ Джостинъ начиналъ уже совсѣмъ драть землю, пока, наконецъ,—что впрочемъ случалось довольно рѣдко,—въ комнату не заглядывалъ его отецъ и не надиралъ ему уши. Тогда мистрессъ Россель очень сердилась на мужа и выражала это даже въ присутствіи дѣтей,—объясняя, что любовь и филантропія, кротость и мудрость—совершенно несовмѣстимы съ драньемъ ушей. Джостинъ быстро усвоилъ это воззрѣніе и открылъ такъ же, что нездоровье—рычагъ весьма могущественный для воздѣйствія на довольно упорную обыкновенно волю мистрессъ Россель. — Болѣзнь—скрытое благо,—говаривала мистрессъ Россель,—и Джостинъ, когда не слишкомъ страдалъ, былъ того же мнѣнія.

Итакъ, онъ не ходилъ въ школу, а сидѣлъ дома и приставалъ къ прислугѣ. Если ему не хотѣлось кататься, у него болѣлъ животъ, но если мать обѣщала ему ни къ кому не заѣзжать по дорогѣ—животъ проходилъ. Джостинъ былъ вездѣсущъ, всегда шуменъ, всегда не сносенъ, и мистеръ Россель иногда вдругъ объявлялъ съ неожиданной горячностью, что такъ это не можетъ продолжаться, что мальчика нужно отдать въ школу. Тутъ мистрессъ Россель сердито поднимала глаза со своихъ миссіонерскихъ отчетовъ и назидательныхъ брошюрокъ, и говорила, что ребенокъ боленъ.

Маленькая Маріана, между тѣмъ, росла одна, и никто, кромѣ развѣ отца, съ особенной нѣжностью цѣловавшаго ее на ночь, не замѣчалъ прелестной, хрупкой и нѣжной дѣвочки.

А между тѣмъ, самыя разнообразныя требованія благотворительности скоплялись вокругъ мистрессъ Россель и присасывались къ ней, какъ піявки. Мистрессъ Россель была плотная, красивая женщина, во всю жизнь не знавшая, что̀ такое болѣзнь. Иногда она очень уставала, но прогулка миль въ десять всегда возстановляла ея силы. Разъ плечи у нея оказались такія широкія и крѣпкія, и подставлялись такъ охотно, всѣ горести всего міра градомъ повалили на эти плечи. И она работала молодцомъ, прикладывая къ дѣлу всѣ свои силы. Конечно, она дѣлала его по доброй волѣ и, конечно, какъ и всякій смертный, цѣнила похвалы, но она также и совершенно искренно наслаждалась сознаніемъ приносимой ею пользы,—совершенно искренно даже тогда, когда имя ея появлялось въ печатныхъ спискахъ патронессъ, съ «Н. В. Н.» въ заголовкѣ.

— Опять уѣзжаешь!—спросилъ ее мужъ, встрѣчаясь съ нею у дверей передней.

— Конечно. Вѣдь я тебѣ говорила, развѣ ты не помнишь? Я ѣду обѣдать

Digitized by Google

къ лэди Гаутри, чтобы повидаться тамъ съ лэди Фай.

— Господи!—А я-то, гдѣ же я-то буду обѣдать?

— Да въ клубѣ, я думаю. Какой ты, однако, скучный, Альджернонъ! Самъ же отказался отъ приглашенія лэди Гаутри, вѣдь самъ отказался, помнишь! Еще велѣлъ мнѣ написать, что ты куда-то обѣщалъ раньше!

— Да, забылъ совсѣмъ. А тебѣ— необходимо ѣхать?

— Конечно, необходимо, и я даже ужъ почти что опоздала. Кромѣ того, мнѣ очень хочется познакомиться съ лэди Фай. Она вѣдь президентъ общества св. Маріи Магдалины.

— Понимаю. И лордъ Гаутри также замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ?

— Какъ ты можешь говорить такія гадости? Лордъ Гаутри не состоитъ членомъ комитета, но я не удивлюсь, если и онъ будетъ на обѣдѣ. Онъ, какъ человѣкъ интеллигентный, интересуется нашимъ предпріятіемъ.

Послѣднія слова она произнесла очень многозначительно и запахнула мѣховую ротонду на голой шеѣ, виднѣвшейся въ широкомъ вырѣзѣ ея желтаго атласнаго платья.

— О, въ самомъ дѣлѣ? Такъ онъ интересуется? И въ качествѣ интеллигентнаго человѣка?

Мистеръ Россель разразился громкимъ, но не очень веселымъ хохотомъ и прошелъ наверхъ, не проводивъ жену до кареты. Въ дѣтской Маріана сидѣла на постели и ждала, чтобы онъ простился съ нею на ночь. Онъ поцѣловалъ ее.

— Куда ты, папа? Почему ты въ пальто?

— Иду обѣдать въ клубъ, дѣвчурка.

— Я бы хотѣла обѣдать въ клубѣ,— отвѣчала Маріана уже почти сквозь сонъ. Мама говоритъ, что тамъ такъ вкусно.

Онъ стоялъ и смотрѣлъ на нее нѣсколько минутъ.

На слѣдующее утро, онъ сказалъ женѣ:

— У Маріаны очень плохой видъ. Мнѣ хочется свозить ее къ сэру Генри Парсонсу.

— У Маріаны? Я не замѣтила. Это ея обыкновенный цвѣтъ лица. Конечно, покажемъ ее сэру Генри. Я только-что думала посовѣтоваться съ нимъ насчетъ Джостина.

— Въ такомъ случаѣ, повеземъ обоихъ. Такъ будетъ меньше шансовъ, что онъ разошлетъ ихъ въ противоположныя стороны. Мнѣ кажется, Маріанѣ не лишнее было бы погрѣться на южномъ солнышкѣ. Съѣздить на Ривьеру, напримѣръ.

— Милый Альджернонъ! Надѣюсь, сэръ Генри не предпишетъ никакихъ путешествій! Маленькимъ дѣтямъ гораздо лучше сидѣть дома. Да и мнѣ сейчасъ никакъ нельзя уѣхать изъ Лондона. Весь слѣдующій мѣсяцъ мое присутствіе въ городѣ необходимо. «Компанія Пикканини» очень нуждается въ моей помощи.

— И что̀ такое, скажи, пожалуйста, «Компанія Пикканини»?

Она въ негодованіи вытаращила на него глаза.—Неужели ты хочешь сказать, Альджернонъ, что ты забылъ?

— Въ эту минуту я не могу...

— Ты нисколько не интересуешься моей работой,—сердитыя слезы звучали въ ея голосѣ, — когда я тебѣ разсказывала тогда ночью, мнѣ показалось, что ты какъ будто спишь. «Компанія Соуса Пикканини», это великое торговое предпріятіе епископа Караибскихъ острововъ, новообращенныхъ Караибскихъ острововъ. Это рецептъ знаменитаго соуса, которымъ туземцы уже много вѣковъ приправляли свою первобытную пищу; онъ дѣлается изъ мѣстныхъ травъ и въ особенности подходитъ, говорятъ, къ... къ...

— Къ жаренымъ пиканинцамъ...

— Не прерывай, — къ ихъ туземному обѣду; но прелестенъ также и со свиными котлетами. Мы его пробовали на-дняхъ у лэди Гаутри, право, онъ даже лучше, чѣмъ Sauce Robert. А лучше всего, говорятъ, съ печеной ветчиной. Я просто произведу революцію въ англійскомъ завтракѣ.

— Но это денежное предпріятіе, а не благотворительность. Что̀ же, ты

Digitized by Google

будешь распространять акціи этой компаніи?

— Развѣ ты забылъ собственныя свои слова, что изобрѣтатель новаго хорошаго соуса есть величайшій благодѣтель человѣчества? И развѣ пустое дѣло сдѣлать болѣе лакомой убогую пищу ремесленника? Но наша цѣль гораздо шире. Съ помощью остальной прибыли съ продажи соуса Пикканини (Пикканини — это караибское слово, обозначающее «острый»), епископъ надѣется собрать такой капиталъ, что на него можно будетъ построить по церкви на каждомъ изъ острововъ Тихаго океана!..

— Даже на необитаемыхъ?

— Смѣйся! А почему же бы и нѣтъ? Неужели пустая церковь кажется тебѣ ужъ такой нелѣпостью? Развѣ лучше, чтобы она была полна галіотами?

— Полна... чѣмъ?

Мистрессъ Россель покраснѣла и немножко смѣшалась.—Епископъ говорилъ что-то въ этомъ родѣ, кажется,— сказала она. Почему, скажи, всѣ крупные барыши должны всегда доставаться въ руки филистеровъ? Во всякомъ случаѣ, ты видишь, что мнѣ совершенно необходимо быть въ Лондонѣ. Надѣюсь, сэръ Генри Парсонсъ пойметъ это.

— О, конечно, сэра Генри Парсонса волей-неволей заставятъ это понять.

Но сэръ Генри, тщательно изслѣдовавъ финансовое положеніе отца дѣтей, объявилъ, что имъ нужно ѣхать на мѣсяцъ на Ривьеру.

— Но вѣдь у дѣвочки легкія совершенно въ порядкѣ!—воскликнула мать.

Сэръ Генри зорко взглянулъ на нее.

— Легкія у нея здоровы,—сказалъ онъ,—и у мальчика тоже. Но вашей дѣвочкѣ все-таки полезно было бы съѣздить на югъ, а мальчику — необходимо.

— Необходимо!—воскликнула мать, блѣднѣя.

— О, никакой серіозной болѣзни у него нѣтъ. Общая слабость.

— Я тебѣ говорила!—она съ торжествомъ обернулась къ мужу.

— Я бы не посовѣтовалъ Французскую Ривьеру,—продолжалъ сэръ Генри, внимательно разсматривая концы своихъ пальцевъ,—для дѣтей она не годится. Посовѣтовалъ бы вамъ лучше отправиться въ Парлонау, на Италіанскомъ берегу, очень защищенное и здоровое мѣстечко. Тамъ хорошая гостиница «Grand Nôtel Parlona». До свиданья.

— Конечно Parlona!—воскликнулъ Россель, какъ только они сѣли въ карету. Я еще вчера слышалъ въ клубѣ, что онъ въ нынѣшнемъ году всѣхъ посылаетъ въ Парлону.

— Слава Богу, что мы обратились къ нему, Альджернонъ.

— Онъ акціонеръ этой гостиницы. Конечно, мы туда не поѣдемъ.

— Не поѣдемъ! А мальчикъ то.

Джостинъ навострилъ уши.

— Онъ говорилъ, что у мальчика нѣтъ ничего серіознаго, и придалъ ему больше значеніе только потому, что замѣтилъ, что ты... М-ръ Россель запнулся и выглянулъ въ окно. Потомъ онъ взялъ украдкою рученку Маріаны и пожалъ ее.

— Не говори со мной пока,—сказала мистрессъ Россель въ большомъ волненіи. Все это очень, очень трудно. Какъ мнѣ устроиться? Просто безвыходное положеніе. Я не могу уѣхать изъ Лондона. Но, конечно, дѣтямъ надо ѣхать. Тебѣ не дуетъ, Джостинъ?

— Дуетъ, отвѣчалъ Джостинъ, остановился у кондитерской и купилъ леденцовъ.

— Я сойду на углу Кокспоръ-Стрита,—сказалъ м-ръ Россель.

— Можно мнѣ съ тобой, папа?—спросила Маріана.

— Куда же ты хочешь со мною, дѣвчурка?

— Въ твой клубъ. Мама говоритъ, что клубы, куда ѣздятъ джентльмены, самыя прелестныя мѣста во всемъ Лондонѣ.

— Мама ошибается. Да въ клубы и не пускаютъ маленькихъ дѣвочекъ.

— Когда я буду большой,—вмѣшался Джостинъ,—я поступлю въ Гусиный клубъ, какъ Мартинъ, и буду каждый

Digitized by Google

мѣсяцъ ѣсть жаренаго гуся. А твой клубъ какъ называется, папа?

— Мой называется Бенедикты, и я тамъ чуть ли не почетный членъ. А вотъ мы и въ Пикадили.

— Охъ, это мнѣ напомнило, — воскликнула мистрессъ Россель въ новомъ порывѣ искренняго отчаянья,—годичное засѣданіе ночлежнаго общества Пикадили въ понедѣльникъ на этой недѣлѣ! Альджернонъ, мое присутствіе въ городѣ совершенно необходимо.

— Тѣмъ не менѣе, я предчувствую, что ты поѣдешь съ Джостиномъ,—отвѣчалъ Альджернонъ. Вся эта Парлона—сущій вздоръ; заѣзжай по крайней мѣрѣ въ Каннъ и Ниццу и введи свой соусъ во всѣхъ большихъ отеляхъ.

— Правда,—сказала она, воодушевляясь. Для меня вездѣ найдется работа. А вѣдь безъ всякаго въ сущности можно обойтись! Тебѣ хочется на югъ, Джостинъ?

— Хочется, если можно взять съ собою пони, и попку, и канареекъ. А нѣтъ, такъ я останусь дома.

— И поступишь въ школу,—сказалъ м-ръ Россель, а мы возьмемъ Маріану.

Джостинъ улыбнулся.

— Я не могу безъ Джостина!—закричала Маріана.

— Что̀ ты, Маріана, вѣдь онъ же всегда тебя щиплетъ!

— Онъ больше не будетъ, папа. Онъ обѣщалъ.

— Джостинъ щиплется вовсе не больно,—сказала мистрессъ Россель,—вѣдь это онъ такъ, шутя.

Затѣмъ, семья начала готовиться къ отъѣзду, о которомъ мало-по-малу стали говорить, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. Мистрессъ Россель въ одно прекрасное утро сошла внизъ, блѣдная и заплаканная, и написала нѣсколько оффиціальныхъ писемъ нѣсколькимъ оффиціальнымъ дамамъ. Ея безропотная покорность тронула ея мужа.

— И тѣ несутъ службу, кто стоитъ и ждетъ,—сказалъ онъ ей.

— Джостинъ прокашлялъ всю ночь, — отвѣтила мистрессъ Россель. Это была правда, потому что Джостинъ стащилъ передъ тѣмъ цѣлую гору миндаля. М-ръ Россель, найдя маленькую дочку одну въ дѣтской, отвелъ ее въ сторону, въ уголокъ.

— Маріана,—спросилъ онъ тихо,—можешь ли ты сохранить тайну?

Малютка подняла на него свои серіозные глаза.

— Только не отъ Джостина.

— Почему же не отъ Джостина?

— Потому что онъ меня мучитъ, пока я не скажу.

— Ну, этотъ разъ онъ не будетъ тебя мучить, потому что не будетъ знать, что есть секретъ. И мама тоже.

Затѣмъ онъ втихомолку отправился съ Маріаной къ другому извѣстному доктору на Гарлей-Стритъ и спросилъ прямо, что̀ съ ней такое.

— Органическая слабость,—сказалъ докторъ, увеличившаяся вслѣдствіе недостатка ухода. Дѣвочка замореная. (Онъ совсѣмъ разсердился). Кормите ее, шесть яицъ въ день (докторъ всего болѣе вѣрилъ въ питаніе) и полъ-пинты молока. Положеніе вашей дочери, сэръ, въ высшей степени критическое. Везите ее въ какой-нибудь укрѣпляющій климатъ. Ривьера не годится. До свиданья.

Въ тотъ же вечеръ Альджернонъ разсказалъ женѣ о томъ, что̀ сдѣлалъ. Она была глубоко оскорблена. Такъ ты не довѣряешь мнѣ относительно собственныхъ моихъ дѣтей? Можно подумать, что я какая-нибудь жестокая мачиха! Маріанѣ всегда даютъ ѣсть, сколько она хочетъ. Ничто такъ не вредно, какъ обкармливать. Моя мать всегда говорила, что у дѣтей желудки, какъ у собакъ: всегда предупреждаютъ ихъ, когда пора бросить.

— Но во всякомъ случаѣ намъ нельзя ѣхать на Ривьеру!

— Въ такомъ случаѣ нужно ѣхать еще куда-нибудь. Она тяжело вздохнула. Спросимъ третьяго доктора.

Третій докторъ (получившій куртажъ) рекомендовалъ египетскія облака пыли.

И такъ, они переправились въ Парижъ и, сильно противъ желанія мистрессъ Россель, спросили француз-

Digitized by Google

скую знаменитость, которая, по собственнымъ соображеніямъ, послала ихъ въ Грассъ.

Вечеромъ наканунѣ отъѣзда, Россель, заставъ Маріану въ слезахъ, пожелалъ свиданія съ Джостиномъ:

— Я знаю, это большая несправедливость по отношенію къ тебѣ,—сказалъ отецъ въ сильномъ волненіи,—потому что эти вещи не должны входить въ систему,—но я тебя высѣку. Мнѣ было бы гораздо пріятнѣе обѣщать это тебѣ въ слѣдующій разъ, но я уже дѣлалъ это и прежде, и знаю, что оно безполезно. Гораздо лучше, чтобы ты зналъ, что то же самое будетъ повторяться и впредь, какъ только сестра твоя на что-нибудь пожалуется. Затѣмъ наказаніе состоялось.

Наказаніе было отнюдь не суровое, но оно обрушилось на Джостина, подобно тигру, который бы вдругъ прыгнулъ на какую-нибудь старую лэди за чашкой чаю въ гостяхъ. Мистрессъ Россель послала увѣдомленіе, что выходитъ изъ членовъ комитета общества защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія!

— Я недостойна,—говорила она.

Но, черезъ два мѣсяца, вернувшись съ Ривьеры, она съ удвоеннымъ рвеніемъ принялась за свою работу среди бѣдныхъ дѣтей прихода. Съ полнаго одобренія мужа, она основала новую койку въ дѣтской больницѣ,—койку имени усопшаго младенца Маріаны. Ибо въ маленькой семьѣ было теперь только три члена: Маріана, унесенная злокачественной горячкой, спала на кладбищѣ Канна, на высотѣ, которая кажется такъ близкой къ небу.—Ближе, папа!—сказала она, умирая. Россель велѣлъ написать эти слова на ея могилѣ подъ ея именемъ и годами. Между родителями по этому поводу произошла почти ссора, такъ горячо настаивала мистрессъ Россель на прибавленіи какого-нибудь текста. Но она принуждена была удовольствоваться парою священныхъ эмблемъ, которыя придали надписи характеръ нѣсколько болѣе духовный.

Тѣмъ не менѣе, когда родители вошли по возвращеніи въ пустую дѣтскую, мистрессъ Россель со слезами бросилась на шею мужу. «Съ этихъ поръ я посвящу свою жизнь дѣтямъ и дѣвочкамъ!»—воскликнула она. Они цѣловали другъ друга и каялись во многомъ—и прошломъ, и будущемъ.

Для мальчиковъ и дѣвочекъ можно сдѣлать очень многое. Немногіе заботятся о своемъ потомствѣ, а когда и заботятся, то вкривь и вкось. Страшно подумать, что нѣтъ дѣла во всемъ нашемъ трудовомъ мірѣ, которое бы такъ часто исполнялось чужими руками, какъ дѣло воспитанія. Намъ всѣмъ некогда, мы всѣ заняты просвѣщеніемъ другъ друга. Воскресная школа въ сараѣ за домомъ мистрессъ Россель процвѣтала. У Джостина тамъ все еще былъ классъ.

И мистрессъ Россель погребла рану своего сердца подъ цвѣтами многообразной благотворительности. Имя ея занимало видное мѣсто въ проспектахъ всѣхъ тѣхъ образцовыхъ молочныхъ фермъ, которыя стараются разлить млечныя рѣки человѣческаго милосердія по всѣмъ грязнѣйшимъ нашимъ улицамъ. Филантропія мистрессъ Россель была дѣломъ самымъ серіознымъ, ко всѣмъ «Пріютамъ для престарѣлыхъ кошекъ» и «Днямъ въ деревнѣ для извощичьихъ лошадей» она съ рѣшительнымъ презрѣніемъ повертывала свою широкую спину. Все, что̀ ея голова повелѣвала ея сердцу,—исполнялось ею неукоснительно. И время летѣло въ домѣ на Мейферѣ. Превосходная кухарка мистрессъ Россель, жившая у ней уже много лѣтъ и знавшая всѣ привычки семьи,—заболѣла и умерла; новая оказалась неподходящей; наступилъ періодъ безпорядковъ, перемѣнъ и всякихъ неудобствъ. Мистрессъ Россель нужно было являться на многочисленныя засѣданія и ѣздить на множество званыхъ вечеровъ и обѣдовъ. Джостинъ становился все невыносимѣе съ каждымъ днемъ. Онъ въ совершенствѣ принялъ свои два способа убѣжденія: тихое скуленье и пронзительные крики.

Отецъ его, со смерти Маріаны, старался его игнорировать, что̀ смѣнялось иногда періодами острой тревоги о здо-

Digitized by Google

ровьи мальчика и тупого страха передъ его невозможнымъ будущимъ. Дни проходили за днями, и въ домѣ царило мрачное запустѣнье; только въ классной комнатѣ Джостинъ убѣждалъ своего весьма доступнаго убѣжденію учителя, что прилежныя занятія неумѣстны при слабомъ здоровьи.

Вечеромъ 17-го декабря 1898 года—да не все ли равно, какого это было числа?—впрочемъ, почему же и не поставить его! И такъ, вечеромъ 17-го декабря мистрессъ Россель вернулась домой утомленная цѣлымъ днемъ усердной работы.

Она присутствовала, въ качествѣ казначея, на скучномъ засѣданіи совѣта общества св. Маріи Магдалины. Съ обычной энергіей исполнила она все, что̀ отъ нея требовалось на этомъ засѣданіи, но ее въ сущности начинало тошнить и отъ плаксивой чувствительности нѣкоторыхъ изъ благотворительныхъ дамъ, и отъ закоренѣлаго плутовства нѣкоторыхъ изъ спасаемыхъ дѣвицъ. Она высказала свое сужденіе о женщинахъ, отверженныхъ обществомъ,—рѣзкое сужденіе почтенной матроны, холодной, какъ снѣгъ. И еще съ большей энергіей говорила она объ отвѣтственности образованныхъ женщинъ. «Вліяніе каждой изъ насъ у себя дома,—говорила она,—должно бы сдѣлать невозможнымъ весь этотъ вопросъ». Это дѣйствительно,—замѣтилъ предсѣдательствовавшій епископъ.—А сколько лѣтъ вашимъ сыновьямъ, сударыня?—спросила было одна робкая дама, но такъ тихо, что мистрессъ Россель ее не слышала.

— О бѣдаешь дома!—воскликнулъ Россель, встрѣтившись съ женою на лѣстницѣ.

— Да, такъ что̀ жъ? Послушать тебя, такъ можно подумать, что я никогда не бываю дома!—отвѣчала она съ досадой.

Онъ промолчалъ.

— Можетъ быть; ты собирался куда-нибудь въ болѣе пріятное мѣсто?

— Болѣе пріятное? Нѣтъ.

Она быстро взглянула на него, и ей показалось, что видъ у него очень несчастный. Тогда, съ мгновеннымъ женскимъ состраданіемъ она, принялась заглаживать свою вину. Обѣдъ сошелъ у нихъ просто премило, и они весело смѣялись, вспоминая прошлые дни. Разговоръ какъ-то самъ собою зашелъ о времени до ихъ женитьбы. Проходя послѣ обѣда въ гостиную, Россель поцѣловалъ жену въ затылокъ.

— Васъ тамъ спрашиваетъ какой-то человѣкъ, сударыня,—сказалъ лакей, тономъ, почтительная неодобрительность котораго смягчилась привычкой.

— Хорошо, Домстеръ, сейчасъ сойду. Она обратилась къ мужу. Просидимъ-ка этотъ вечеръ дома одни. Вѣдь такъ, Альджи?

— Я... я, къ сожалѣнію, обѣщалъ въ одно мѣсто. Далъ слово...

Она обняла его одной рукой за шею.

— Только не сегодня,—сказала она. Ужъ въ кои-то вѣки забудемъ о другихъ, Альджи! Попробуй, можешь ли ты и до сихъ поръ пѣть мнѣ тѣ пѣсни, что̀ пѣлъ тогда,—давно: «О выйди ко мнѣ въ поле!» помнишь?

—«Въ вечерній поздній часъ», еще бы не помнить! Только поля-то не было, куда выйти. И ноты гдѣ, Господь ихъ знаетъ.

— Поищи пока, а я сію минуту вернусь.

Въ передней она нашла лакея съ запиской и съ устнымъ порученіемъ.

— Мнѣ велѣли спросить, сударыня, не желаете ли вы, чтобы я васъ проводилъ,—сказалъ лакей.

«Дѣвушка, о которой я вамъ говорила, прислала мнѣ сказать, что она при смерти», стояло въ запискѣ. «Не можете ли вы съѣздить къ ней? У меня нынче балъ, Э. Гаутри».—Далѣе слѣдовалъ постскриптъ. «Пиканини» идетъ чудесно. На прошлой недѣлѣ заказано еще двѣ тысячи бутылокъ».

— Позовите извозчика, — сказала мистрессъ Россель Домстеру.—Да скажите барину, что черезъ полчаса я буду дома.

Она дала извозчику адресъ,—въ переулокъ, до котораго было не больше мили, и торжественно покатила туда, въ своей огромной мѣховой ротондѣ

Digitized by Google

поверхъ вечерняго платья, съ напудреннымъ лакеемъ лэди Гаутри на козлахъ.

— Вотъ номеръ.—Она заглянула на визитную карточку, — визитную карточку лэди Гаутри, съ графской короной! Напудренный лакей стоялъ, неподвижный и невозмутимый. «Вотъ и четырнадцатый номеръ, куда вы приказали ѣхать, милэди,—сказалъ извозчикъ. Мистрессъ Россель вышла изъ экипажа и спросила миссъ Лэси.

— Пожалуйте, пожалуйте, только васъ и не доставало,—сказала, ухмыляясь, служанка. Вторая дверь налѣво. Угодно, провожу?

— Нѣтъ, спасибо, я пойду одна. Докторъ тамъ, наверху?—отвѣчала мистрессъ Россель въ твердой рѣшимости не допускать никакихъ глупостей со стороны этихъ дерзкихъ дѣвченокъ.

Служанка расхохоталась.

— Да ужъ еще бы не тамъ,—отвѣчала она. Ужъ съ часъ, какъ сидитъ. А вы и къ доктору тоже ревнуете? Негодующая мистрессъ Россель, не сказавъ больше ни слова, поплыла вверхъ по лѣстницѣ. Изъ выходившей на улицу комнаты перваго этажа, гдѣ жила больная, доносились звуки шумнаго веселья. Мистрессъ Россель остановилась въ остолбенѣніи. Бредитъ! Она отворила дверь и вошла.

Комната больной представляла странное зрѣлище. Она была ярко освѣщена; лампы и свѣчи слѣпили глаза среди бѣлаго поля скатерти, сіявшей бутылками шампанскаго и вазами цвѣтовъ. Нѣсколько расфраченныхъ молодыхъ дѣвицъ и щеголеватыхъ юношей тѣснились вокругъ стола, придвинутаго однимъ концомъ къ розовой отласной постели, на которой лежала въ роскошномъ кружевномъ капотѣ больная. Со всѣхъ сторонъ поднялся оглушительный хохотъ.

— Добро пожаловать, милэди!—крикнула прекрасная обладательница постели, милостивыя государыни и милостивые государи, позвольте васъ представить лэди, какъ бишь ее, моему закадычному другу.

Выходка эта, которую многіе изъ присутствующихъ сочли за образчикъ блистательнаго остроумія Лотти—была встрѣчена громкимъ хохотомъ. Одинъ изъ молодыхъ людей, уже подпившій, предложилъ мистрессъ Россель бокалъ шампанскаго.

— Ну-ка, голубушка,—сказалъ онъ, протягивая ей сверкающій сосудъ,—ну-ка—голубушка, хлебни-ка шипучки!

Мистрессъ Россель стояла на порогѣ, прямо обернувшись лицомъ ко всей компаніи.

— Негодница! — сказала она,—ты прислала сказать, что ты умираешь!

— Да я и въ правду умирала нынче утромъ,—съ тоски по моему Реджи,—она нѣжно протянула руку къ сидѣвшему рядомъ съ ней какому-то полу-помѣшанному идіоту. Кружевной рукавъ откинулся до самаго плеча. Но онъ нынче вечеромъ вернулся изъ Парижа,—гадкаго Парижа!—и вотъ я теперь совсѣмъ здорова.

— Такъ не хныкай же больше надо мной!—воскликнулъ Реджи. Она дала ему крѣпкій щелчокъ по звучавшему пустотою черепу. Другой молодой человѣкъ, понявъ положеніе мистрессъ Россель, вскочилъ на ноги.

— Послушай, Лотти,—пробормоталъ онъ, — что̀ за безобразіе! Мистрессъ Россель быстро обернулась къ нему.

— Вы употребили надлежащее слово, сэръ,—сказала она, и среди всеобщаго испуга, причиненнаго всей этой неожиданностью, выплыла вонъ, побѣдительницей.

Внизу въ корридорѣ она встрѣтила домовую хозяйку.—«Совсѣмъ негодящая она тамъ, эта жилица!»—сказала хозяйка, мотнувъ большимъ пальцемъ по направленію къ потолку. «Я ужъ сказала ей, чтобъ убиралась съ квартиры». Мистрессъ Россель, слишкомъ взволнованная, чтобы отвѣчать, шла къ двери.

— А вотъ насупротивъ живетъ одна несчастная,—продолжала хозяйка, слѣдуя за мистрессъ Россель,—та ужъ совсѣмъ другого разбора, и не жилица она на этомъ свѣтѣ. Если бы пошли да навѣстили ее, разъ ужъ вы здѣсь, кто знаетъ, можетъ быть, хорошее бы

Digitized by Google

дѣло сдѣлали, миледи. Это въ камерѣ 21, отсюда два шага.

Мистрессъ Россель, не смущенная только-что происшедшимъ, а напротивъ, желая какъ можно скорѣе смыть нанесенное ей оскорбленіе,—тотчасъ перешла черезъ улицу и отыскала № 21. За ней громыхалъ кэбъ, въ сопровожденіи надменнаго Джемса.

— Въ этомъ домѣ есть больная! сказала она смѣло. Спросите, можно ли ее видѣть на минуту одной дамѣ, ея другу, посланной ея пріятельницей, живущей напротивъ. Горничная вернулась почти тотчасъ и попросила ее войти. Въ просторной гостиной, передъ весело топившимся каминомъ, подъ лампой съ темнымъ абажуромъ, лежала на кушеткѣ женщина, съ очень изящной, почти аристократической наружностью, съ бѣлымъ, прозрачнымъ лицомъ и толстыми косами темныхъ волосъ.

— Я не знала, что я такъ богата друзьями,—тихо сказала больная,—но иногда бываетъ такъ скучно, что обрадуешься и врагу.

— Богу извѣстно, что я прихожу не какъ врагъ,—отвѣтила мистрессъ Россель почти робко. Я слышала, что вы нездоровы, что̀ я могла бы для васъ сдѣлать?

— Спасибо. Мнѣ ничего не нужно кромѣ здоровья, а его никто не можетъ мнѣ дать. Даже здоровья,—продолжала она почти шопотомъ,—я едва-ли пожелала бы для себя самой,—только для него.

— Для вашего мужа?—сказала мистрессъ Россель, къ которой снова вернулась храбрость.

Женщина устремила на посѣтительницу свои большіе глаза.

— Нѣтъ,—сказала она и прибавила: Пожалуйста, присядьте на минутку, если хотите. Вамъ, кажется, жарко.

Мистрессъ Россель опустилась въ кресло.—Вы очень больны,—сказала она. Боюсь, что вы теперь видите, какъ тяжела судьба тѣхъ, кто преступаетъ законъ.

— А-а,—протянула женщина на кушеткѣ. Вы изъ тѣхъ, что̀ проповѣдуютъ для своего удовольствія? Конечно, я такъ и думала.

Она приподнялась немного. — Въ этомъ не можетъ быть ничего дурного,—сказала она. Напротивъ, занятіе въ высшей степени почтенное. Почему вы не снимете вашу ротонду? Ротонда очень хорошая, но — извините — мнѣ не совсѣмъ нравится цвѣтъ вашего платья.

— Вы опасно больны,—отвѣчала мистрессъ Россель. Вы говорите, что вамъ извѣстно, что вы скоро умрете. Неужели у васъ нѣтъ никакого сознанія вашего грѣха?

Больная опять съ усиліемъ выпрямилась и, напрягая, какъ могла, свой утомленный голосъ, заговорила громче:—Да вы въ серіозъ!—сказала она. Ну, давайте говорить серіозно. Грѣхъ? Нѣтъ. Говоря по правдѣ, у меня нѣтъ никакого сознанія моего грѣха. Благодарю васъ за то, что вы не содрогаетесь. Я бы не прочь сказать вамъ все, что̀ я объ этомъ думаю: мнѣ вѣдь это очень интересно, знаете, встрѣтиться съ человѣкомъ вашихъ воззрѣній. О, эти воззрѣнія, конечно, извѣстны мнѣ вдоль и поперекъ. Мнѣ интересно было бы сообщить вамъ свои.

Она закашлялась.—Хотите чего-нибудь?—сказала она. Можетъ быть, чашку чаю?

— Нѣтъ, благодарю васъ,—отвѣчала сурово мистрессъ Россель, сидя на вытяжку въ креслѣ.

— Я умираю, какъ вы говорите. Это очень странная, жуткая вещь — знать навѣрное. Она говорила задумчиво, разсматривая свои руки. Знать о себѣ, а не о другихъ. Мнѣ очень, очень жаль его.

Мистрессъ Россель ждала молча. Та подняла на нее глаза.

— Я все, что̀ у него есть,—сказала она. Вы не можете себѣ представить, какъ странно складываются подобныя вещи. Вы не знаете, онъ женатъ. Ну, вотъ, я и сказала вамъ, видите. А я, можетъ быть, не совсѣмъ то, что̀ вы думаете,—я не говорю, что я лучше, а другая. Я была очень одинока, давала уроки музыки. Кажется, чувствовала даже больше свое одиноче-

Digitized by Google

ство, чѣмъ свою бѣдность, и онъ тоже былъ очень одинокъ. У него жена, которая,—вы простите, что я это говорю?—которая интересуется разными вещами, очень хорошими вещами, дѣлами, знаете, вотъ, какъ ваши, разными предпріятіями, съ утра до ночи. И потому она забросила свой домъ.

— Ей вовсе не было никакой необходимости забывать свой домъ,—рѣзко отчеканила мистрессъ Россель.

— Можетъ быть, и нѣтъ, но тѣмъ не менѣе она это сдѣлала. Бѣдняга приходилъ домой по вечерамъ со службы и не заставалъ жены,—она все была на разныхъ благотворительныхъ засѣданіяхъ. Все время проводила внѣ дома и обѣдала не дома и постоянно ѣздила въ разныя мѣста, вотъ какъ вы, должно быть.

Мистрессъ Россель вдругъ вспомнила ожидавшаго ее дома мужа.

— И у него сынъ,—ужасный мальчишка, такой, что это несчастіе для всякаго отца, и выростаетъ онъ никуда не годнымъ. Когда мы встрѣтились въ первый разъ,—въ Олимпіи, вечеромъ,—онъ былъ такъ одинокъ, такъ совершенно одинъ,—его маленькая дочка умерла за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ,—и мы разговорились.—Мнѣ некуда идти,—сказалъ онъ. И мнѣ некуда было идти, кромѣ моего номера. И такъ, мало-по-малу все это и завязалось. Онъ любилъ приходить ко мнѣ по вечерамъ,—я ему играла. Я... я играю ему, и мы говоримъ о всемъ томъ, что̀ никогда не интересовало его жену,—о новыхъ книгахъ, о картинныхъ галлереяхъ; и мы всегда сходимся во вкусахъ. Мало-по-малу, онъ разсказалъ мнѣ всѣ свои заботы, о мальчикѣ, напримѣръ, котораго погубило безумное баловство матери.

Голосъ у нея становился очень слабъ: она откинулась назадъ.

— Желала бы я знать,—проговорила она, утомленно закрывая глаза,—желала бы я знать, неужели все это было такъ уже преступно? Конечно, вы считаете, что да. Но... желала бы я знать... я очень желала бы знать, такъ ли считаетъ Богъ?

Мистрессъ Россель съ пылающими щеками сидѣла неподвижно, уставившись въ полъ.

— А теперь я умираю. Другіе, которые видятъ меня каждый день, какъ будто не замѣчаютъ этого. Альджи я не рѣшаюсь сказать.

Однимъ прыжкомъ сидѣвшая въ креслѣ женщина очутилась на ногахъ.

— Портретъ—вонъ тамъ,—сказала она хрипло,—чей это?

Больная, все еще лежавшая, откинувшись на подушки, слегка повернула голову. Но мистрессъ Россель уже перебѣжала черезъ комнату; она сунула портретъ подъ самую лампу.

— Этотъ, — пролепетала она, стукнувъ рукою по обернутому кверху картонному лицу, — онъ... Голосъ ея пресѣкся рыданіями.

Ея собесѣдница, собравъ всѣ силы, спустила ноги съ кушетки.

— Неужели?—сказала она. Вы его знаете?

— Боже мой, что̀ привело меня сюда сегодня?—воскликнула мистрессъ Россель и закрыла лицо руками.

Умирающая встала на ноги, высокая и тонкая.

— Вы его жена!—проговорила она. Его жена! Да простить мнѣ Богъ, если я повредила ему!

И вдругъ, голосъ ея превратился въ испуганный крикъ:—Это время его прихода!—взвизгнула она.

— Девять часовъ! Онъ можетъ придти каждую минуту! Онъ приходитъ между девятью и десятью! Вамъ надо уйти, — уходите сейчасъ же! Она сдѣлала шагъ впередъ.

— Сейчасъ же! Вы ужъ довольно его мучили! Онъ никогда не долженъ знать, что вы знаете! Она схватила за руку свою посѣтительницу и почти толкнула ее въ двери.—Понимаете ли вы меня? Какъ женщина женщинѣ, говорю вамъ,—голосъ ея звучалъ повелительно,—да, я говорю вамъ: вы не имѣете права поступить иначе. Онъ никогда не долженъ и подозрѣвать, что вы знаете!

Мистрессъ Россель въ страхѣ и ужасѣ поспѣшно сбѣжала съ лѣстницы и, задыхаясь, упала на подушки въ са-

Digitized by Google

момъ темномъ углу своей кареты.— Домой!—крикнула она. Домой!

Въ сердцѣ у нея была ярость, возмущеніе и боль; она горько негодовала на мужа и тяжело негодовала на себя. Ей страстно хотѣлось очутиться съ нимъ лицомъ къ лицу, уличить, унизить его, обличить въ самыхъ пламенныхъ словахъ его коварство, его предательство по отношенію и къ ней самой, и къ ихъ ребенку.

Она!—можетъ быть, и она поступала неразумно, увлеченная своимъ горячимъ состраданіемъ къ падшимъ и страждущимъ, но ея ошибка была ошибкой благородной, великодушной, щедрой души, и искупленіе ея также будетъ великодушно и щедро. Она броситъ часть... нѣтъ, она броситъ все свое миссіонерское дѣло, — увы, на зрѣющихъ нивахъ будетъ однимъ работникомъ меньше! — и будетъ посвящать свои вечера мужу, чтобы отнять его у этихъ тварей,—о, горькое, позорное униженіе; она опять займется музыкой; когда она была дѣвушкой, она играла немножко Мендельсона; она будетъ читать съ этихъ поръ не одинъ только «Review of Reviews», но также и «Fortnightly». Можетъ быть, со временемъ онъ по собственной волѣ сознается въ своемъ грѣхѣ. Она содрогнулась при мысли о глубокой тѣни, которая теперь легла между ними. И слова умирающей женщины опять и опять больно хлестали ее по сердцу: «Вы уже довольно его мучили. Онъ никогда не долженъ знать, что вы знаете».

По мѣрѣ того, какъ она успокоивалась, ее придавливало сознаніе общей безвыходности всего положенія. Примиреніе, которое, въ виду близкой смерти ея соперницы, казалось возможнымъ исходомъ, теперь стало неизбѣжнымъ копромиссомъ, и только. Ихъ настоящее положеніе являлось не результатомъ какого-нибудь поступка, который можно было бы искупить, а неумолимымъ выводомъ изъ всего предыдущаго. Женщина эта скоро умретъ; пусть такъ. Но могло ли это сколько-нибудь сблизить мужа и жену, которые такъ неизбѣжно расходились не только во взглядахъ на жизнь, на долгъ, но даже и въ сужденіяхъ о собственномъ единственномъ ребенкѣ?

Подъѣзжая къ дому, она надѣялась, что онъ не ждетъ ея. Черезъ минуту она вошла въ пустую гостиную.

— Баринъ приказали сказать, что вернутся не раньше одиннадцати,— сказалъ Домстеръ.

Она придвинула кресло поближе къ камину, дрожа всѣмъ тѣломъ, взяла книгу, которую онъ оставилъ открытой, и принялась читать. Она прочитала весь вечеръ, думая между тѣмъ свои, сходившіяся кругомъ, мысли.

Когда онъ вернулся домой, уже поздно вечеромъ, онъ засталъ ее все такъ же и молча сѣлъ въ дальнемъ углу.

— Интересная книга,—сказала она, не поднимая глазъ.

— Ты находишь? — отвѣчалъ онъ. Книга была модный, современный психологическій романъ; тамъ не могло быть ни слова для нея интереснаго.

Его оборвавшійся голосъ заставилъ ее оглянуться; она пристально на него посмотрѣла. И она увидала въ его глазахъ, что больная сказала ему, что умираетъ, и отослала его къ женѣ. Она встала и подошла къ нему.

— Альджернонъ, — сказала она, — такъ ты развѣ не споешь мнѣ сегодня «О, выйди ко мнѣ въ поле»?

— Что̀ ты, такъ поздно! Помилуй, вѣдь ужъ скоро двѣнадцать. Я ждалъ тебя больше часу.

— Меня задержали; никакъ нельзя было. Ну, такъ не почитаешь ли ты мнѣ что-нибудь прежде, чѣмъ ложиться, а? Эта статья, что̀ ты говорилъ, объ картинкахъ Содома въ Сіеннѣ.

— О, теперь, право, слишкомъ поздно. Да кромѣ того, тебѣ это будетъ нисколько не интересно. Я усталъ до смерти. Иду спать.

Она стояла молча. Онъ всталъ.

— Прощай,—сказалъ онъ.

— Прощай.

У двери онъ остановился.

— И ты идешь?

— Нѣтъ еще. Прощай.

— Прощай.

Digitized by Google

Когда дверь затворилась за нимъ, она сѣла за письменный столъ и написала нѣсколько записокъ нѣсколькимъ секретарямъ. Потомъ откинулась на спинку кресла и долго просидѣла такъ, глядя на разложенные передъ ней пакеты и размышляя. Наконецъ, она собрала въ обѣ руки всю кучу и со вздохомъ,—отчасти сожалѣнія, отчасти облегченія—бросила ихъ всѣ въ потухавшій каминъ.

III.

«Княгиня!»

Въ тихой швейцарской долинѣ, далеко отъ снѣжныхъ вершинъ и горныхъ ущелій, между зеленыхъ склоновъ горъ и еще болѣе зеленыхъ пастбищъ, съ виноградниками на заднемъ планѣ и звономъ коровьихъ колокольчиковъ на переднемъ, — тамъ, высоко вверхъ по бѣлой проселочной дорогѣ, когда вы, отвернувшись отъ голубой равнины Лемана, ѣдете далѣе въ глубь страны, пока не исчезнутъ, наконецъ, изъ вида суровыя Савойскія горы и не останется вокругъ васъ одинъ лишь кроткій міръ, сонливость, плодородіе и избытокъ сладостной, сельской тишины; на лѣтнемъ солнышкѣ, въ безпредѣльной ясности неба, среди безмолвныхъ лѣсовъ и высохшихъ рѣчекъ, гдѣ сонныя бабочки въ полдень лежатъ неподвижно въ чашечкахъ сонныхъ цвѣтовъ и цикады, свернувшись колечкомъ, отдыхаютъ на камнѣ;—тамъ въ сонной долинѣ стоитъ сонный домъ, швейцарскій деревенскій домъ стариннаго типа, бѣлый съ зеленымъ, плохо содержанный и довольно ветхій.

Бергетты — помѣстье Сосероновъ близъ Кюньи, а Сосероны,—какъ извѣстно всѣмъ во французской Швейцаріи и никому внѣ ея,—въ высшей степени почтенная Лозаннская семья. Дѣдушка Сосеронъ былъ въ свое время (1802 — 1867 г.) совсѣмъ важной особой. Это былъ замѣчательный химикъ; онъ открылъ дешевый способъ воронить разные металлы и этимъ положилъ основаніе благосостоянію семьи. Кромѣ того, онъ былъ еще членомъ кантонскаго совѣта, и одна изъ улицъ города была названа его именемъ. Бернардъ Сосеронъ, его сынъ, расширилъ дѣло отца, и въ его рукахъ оно пошло блистательно. Онъ такъ разбогатѣлъ, что стали уже поговаривать, будто онъ переселяется на ту сторону озера, въ Эвіанъ, чтобы избѣжать огромныхъ налоговъ Вальдейскаго кантона. Но онъ переселился еще дальше, въ страну, гдѣ не тронетъ насъ никакой таможенный чиновникъ, и состояніе его перешло къ его двумъ женатымъ сыновьямъ, замужней дочери Мари и незамужней дочери Клэръ.

Нѣтъ, не такъ, впрочемъ. Младшій сынъ Жюль, конечно, не былъ еще женатъ, когда умеръ отецъ. Онъ женился даже послѣ замужества Клэръ, и исторію его женитьбы, въ свое время надѣлавшей много шуму, стоило бы разсказать отдѣльно. Это былъ скорѣе разсказъ о мужской подлости, чѣмъ о женскомъ безуміи.

Старшая сестра Клэръ вышла замужъ раньше всѣхъ; она вышла за своего кузена Бертюшо, и когда умеръ ея отецъ, была уже матерью нѣсколькихъ толстенькихъ ребятишекъ. И самъ Бертюшо былъ такой же толстенькій, веселый, добродушный, довольный своимъ родствомъ съ Сосеронами и своимъ участіемъ въ ихъ дѣлѣ. Настоящимъ «мужчиной» въ семьѣ былъ Арманъ, старшій братъ; упрямый, крутой, всегда занятый по горло, онъ былъ душою всѣхъ соединенныхъ фабрикъ, волей нѣсколькихъ семействъ, руками и головой всего этого вмѣстѣ; человѣкъ простой и серіозный,—Арманъ жилъ почти бѣдно и довольствовался тѣмъ сознаніемъ, что всѣ знали о его неизвѣстномъ богатствѣ. О его богатствѣ и богатствѣ прочихъ членовъ семьи, ибо все это онъ держалъ въ своихъ рукахъ. Никто изъ родныхъ никогда бы не осмѣлился просить у него какихъ бы то ни было отчетовъ. Онъ выплачивалъ семейству Бертюшо сорокъ тысячъ франковъ ежегодно, въ четыре срока, Жюлю давалъ пятнадцать тысячъ, а Клэръ — пять. На собственныя нужды никогда не

Digitized by Google

тратилъ больше тридцати. У старика Сосерона, по достовѣрнымъ слухамъ, когда онъ умеръ, было десять милліоновъ франковъ. Арманъ платилъ налоги съ этой суммы и больше.

Клэръ, незамужняя дочь, послѣ смерти отца поселилась у Армана,— мать ея давно умерла, и всѣ о ней забыли. Когда умеръ старикъ, Клэръ было девятнадцать лѣтъ; это была высокая, очень эффектной наружности, дѣвушка, съ роскошными бѣлокурыми волосами и великолѣпными черными глазами. Ея отецъ, не спросясь ея, отказалъ двумъ женихамъ; одинъ изъ нихъ былъ его старый пріятель, за котораго Клэръ никогда бы не вышла; за то о другомъ она чуть всѣ глаза не выплакала; это былъ ея учитель рисованія, молодой италіанецъ, набравшійся смѣлости вслѣдствіе сознанія, что Клэръ страстно влюблена въ него.

И такъ, она стала жить у своего властнаго брата и его ничтожной жены. Когда братъ говорилъ ей непріятныя вещи, что̀, впрочемъ, случалось рѣдко, ибо вліяніе его въ семьѣ было вліяніемъ главнымъ образомъ подразумѣваемымъ, она уѣзжала на нѣсколько недѣль къ своей сестрѣ Бертюшо; и уже во всякомъ случаѣ вся семья неизбѣжно каждый годъ проводила часть лѣта въ сборѣ, въ Бергеттахъ. Жюль ѣздилъ на скачки или еще куда-нибудь въ этомъ родѣ; мужья никогда не покидали надолго фабрикъ; жены ѣздили по лавкамъ и баловали дѣтей; всѣмъ было болѣе или менѣе все равно, что̀ дѣлали другіе, лишь бы они не мѣшали имъ при встрѣчахъ.

У Клэръ было много пріятныхъ занятій, или, лучше сказать, развлеченій. Она была удивительно даровита и постоянно упражняла всѣ свои таланты. Игра и пѣніе ея были лучше обыкновенной любительской игры и пѣнія, но это еще не много сказать, они были лучше игры и пѣнія даже необыкновенно талантливыхъ любителей. Рисовала она даже лучше, чѣмъ играла и пѣла. Образованіе ея было самое высшее, какое только могли дать школы ея родного городка, въ соединеніи съ ея врожденнымъ умомъ. Старикъ-отецъ говаривалъ не рѣдко, что Клэръ знаетъ рѣшительно все, что̀ нужно знать женщинѣ, и рѣшительно все, что̀ не нужно. Она была очень начитана по чести беллетристики и съ остроуміемъ и блескомъ разсуждала объ общихъ вопросахъ. Къ наукѣ она относилась равнодушно; скучная книжная ученость школьныхъ дней тихонько выплеснулась ею за бортъ. Словомъ, это была пріятная, бойкая, остроумная дѣвушка, лучше образованная и болѣе талантливая, чѣмъ большинство дѣвушекъ.

Почему столько о Клэръ? Потому что въ этомъ-то въ сущности и заключается вся исторія. Этимъ объясняется ея конецъ.

Клэръ и есть вся исторія. Эпическая поэма въ раннемъ, величавомъ покоѣ своего богатаго дѣтства, лирическое стихотвореніе въ эпизодѣ съ учителемъ рисованія, длинная элегія въ Бергеттахъ, и въ концѣ концовъ трагикомедія! Но нечего забѣгать впередъ.

Бергетты были ея любимымъ мѣстопребываніемъ. Ей надоѣло лозаннское общество, которое она презрительно звала «провинціальнымъ»; до тошноты надоѣли, какъ она выражалась, «обѣды съ двоюродными», а поклонники разбѣгались передъ ея вѣжливымъ равнодушіемъ. Клэръ была богатая наслѣдница и выписывала платья изъ Парижа. Многіе, въ особенности мамаши, начали говорить о ней непріязненно.

Въ одинъ прекрасный августовскій вечеръ, три молодыхъ человѣка, лежа въ лодкѣ, лѣниво скользившей вдоль берега въ окрестностяхъ Уши, вели между собою довольно вялую бесѣду. Предметомъ этой бесѣды была Клэръ Сосеронъ. Лиловыя тѣни ложились тяжелыми массами на темнѣющую воду. Въ постепенно сгущавшемся сумракѣ кое-гдѣ еще горѣли вдали колокольни городскихъ церквей.

— Она, видишь ли, самая богатая невѣста въ нашихъ краяхъ, — говорилъ Эрнестъ Бертюшо своимъ парижскимъ кузенамъ Пьеру и Жаку де-Бриссей.

Digitized by Google

— Это, само по себѣ, конечно, интересно, — отвѣчалъ, зѣвая, Пьеръ де-Бриссей. Она вамъ двоюродная, кажется?

— Что-то въ родѣ; а ея сестра замужемъ за моимъ кузеномъ, Жоржемъ.

— Вы тутъ всѣ, кажется, двоюродные. Что̀ жъ, это ничего, я думаю. А сколько лѣтъ этой барышнѣ?

— Лѣтъ двадцать пять, вѣроятно.

— Двадцать пять! Милый Эрнестъ, такъ она должно быть или горбатая, или не такъ ужъ богата, какъ ты говоришь.

— У нея такой язычокъ, что сумѣетъ сказать «нѣтъ»,—угрюмо проворчалъ Эрнестъ.

— Ты говоришь, какъ будто по собственному горькому опыту.

— Ну это ужъ неблагородно, Пьеръ,— вмѣшался Жакъ съ кормы.

— И состояніе въ два—три милліона.

Пьеръ сѣлъ. «Состояніе въ два—три милліона!»

Онъ свистнулъ. «Фью-у! Попытаюсь».

Эрнестъ засмѣялся презрительно.

— Всѣ вы, швейцарскіе кузены, смертельно ей надоѣли,—продолжалъ Пьеръ. Посмотрим-ка что-то она скажетъ на нѣкій новый элементъ,—monsieur de Brissay!

И онъ закрутилъ усы, слегка крякнувъ въ знакъ удовольствія.

— Какъ бы не такъ!—съ досадой ворчалъ Эрнестъ. Одинъ разъ нѣсколько лѣтъ назадъ ужъ пыталъ было одинъ иностранецъ, ея учитель рисованія. А она была при томъ еще влюблена въ него. Ужъ если бы она пошла за иностранца, такъ съ ея-то пристрастіемъ къ искусствамъ, конечно, пошла бы за него. Эрнестъ говорилъ рѣшительно, стараясь и другихъ убѣдить и самъ повѣрить тому, что̀ говорилъ.

— Я не учитель рисованія,—сказалъ Пьеръ. Жакъ высунулся изъ полу-мрака. У него было лицо поэта,— тонко-очерченное лицо, и голова была красивая.

— О,—сказалъ онъ,—такъ она любила своего учителя живописи, эта богатая буржуазная красавица! Разговоръ-то не такъ уже скученъ, какъ я думалъ.

— Сосеронъ,—размышлялъ вслухъ Пьеръ. Есть нѣкій Жюль Сосеронъ, котораго постоянно встрѣчаешь въ разныхъ сомнительныхъ мѣстахъ; ты, навѣрное, видалъ Сосерона, Жакъ.

— Нѣтъ,—отрѣзалъ Жакъ.

— Это младшій братъ Клэръ. Человѣкъ онъ такъ-себѣ,—сознался Эрнестъ.

— Эге, значитъ, и у васъ тутъ есть молодые люди, которые не совсѣмъ ужъ верхъ совершенства!

— И этотъ Жюль—ея братъ, вотъ кстати-то! Если найду его въ Лазаннѣ, непремѣнно заставлю познакомить меня сейчасъ же!

— Онъ тутъ на одинъ два дня, собирается куда-то. Мы найдемъ его въ клубѣ.

Они стали не спѣша грести къ берегу и отправилась по конкѣ въ Лозанну. Предсказаніе Эрнеста оказалось вѣрнымъ—въ клубѣ они нашли Жюля. Онъ игралъ на бильярдѣ съ пріятелемъ, италіанцемъ, имя котораго, какъ разслышали молодые люди,—было Пальярдини.

— Мы съ нимъ уѣзжаемъ въ Эйксъ-лэ-Бенъ,—сказалъ Жюль,—попытать счастья въ Casin deso fleurs.—Очень сожалѣю, что самъ не могу оказать вамъ гостепріимства, но я дамъ вамъ рекомендательное письмо къ моему брату въ Бергетты.

Братья вернулись при лунномъ свѣтѣ въ отель Гиббонъ. Передъ тѣмъ какъ они разстались на ночь, Пьеръ постоялъ нѣкоторое время молча, глядя на лежавшее на его открытой ладони письмо.

— Мосье Сосеронъ,—сказалъ онъ,— имя некрасивое! Де Бриссей лучше.

— А италіанца-то какъ зовутъ?— замѣтилъ Жакъ у открытаго окна своей спальни. Вотъ такъ гадость! Фу!

— Красивое имя очень важная вещь въ такомъ дѣлѣ, сказалъ Пьеръ. Ей понравится «де» и парижское происхожденіе.

— И Пьеръ.

Digitized by Google

— Rira bien qui rira le dernier. А ты что будешь дѣлать, пока я поѣду въ деревню? Останешься здѣсь, кататься на лодкѣ?

Жакъ обернулся и отвѣчалъ, какъ ни въ чемъ не бывало:

— И я поѣду туда же.

— О, нѣтъ, спасибо. Ты былъ бы очень некстати.

— Слушай. Я обдумалъ весь планъ. Я поѣду не съ тобой. Знакомься одинъ, какъ ты есть. Я появлюсь въ деревнѣ дня черезъ два, подъ видомъ художника, живописца и подъ какимъ хочешь именемъ. Ты будешь знакомъ со мною только слегка, чуть-чуть, по Парижу. Я буду бѣденъ (Богу извѣстно, что это-то ужъ правда!) и просто художникъ, больше ничего.

— А потомъ?

— Мы оба попытаемъ добыть наслѣдницу, ты въ качествѣ Пьера де-Бриссей, я въ качествѣ...

— Еремiи Брiошъ!

— Ладно. Слушай, вѣдь это же простая справедливость! Желаю тебѣ успѣха.

— Ну, пожалуй, какъ хочешь. Но наслѣдницы что-то не очень-то выходятъ замужъ за художниковъ!

— Правда, хоть и влюбляются иногда въ учителей рисованiя! Ты точно ушатъ холодной воды!

— Ничего. Если мы оба провалимся, у насъ только будетъ въ жизни однимъ лишнимъ забавнымъ эпизодомъ больше, а у нея больше двумя лишними побѣдами.

На этомъ философскомъ разсужденiи Пьеръ крѣпко заснулъ. А Жакъ, влекомый своимъ несчастнымъ темпераментомъ, выглянулъ въ окошко и прошепталъ:

— Ainsi poussés toujours vers de nouveaux rivages! Стыдись, Жакъ! Вѣдь какой бы ни приснился тебѣ сонъ, онъ былъ бы почти навѣрное оригинальнѣе!

Слѣдующее утро застало Пьера въ Бергеттахъ, гдѣ его, въ качествѣ кузена Бертюшо, встрѣтилъ радушный прiемъ радушной и многочисленной семьи.

Мадемуазель Клэръ расположилась къ нему сейчасъ же: онъ вѣдь привезъ съ собой ароматъ того Парижа, о которомъ она мечтала, ароматъ восхитительный, слегка опьяняющiй! Струившаяся изъ его устъ бульварная болтовня была гораздо болѣе игристою и шипучею, чѣмъ та, что доставляли ей, разлитою по бутылкамъ для перевозки, столбцы ея возлюбленнаго «Figaro». Пьеръ удивился, найдя дѣвушку такой образованной, такой начитанной, такой, по его выраженiю, «непровинцiально провинцiальной». Она безъ устали разспрашивала его о томъ чудномъ свѣтѣ, который, не въ примѣръ другимъ свѣтамъ, менѣе искусственнымъ, всегда блеститъ всего ярче издали. Во время общихъ прогулокъ въ лѣсъ или въ деревню, они отставали отъ прочихъ, или шли одни впереди. Жизнь была спокойная. Подразумѣвалось, что мосье де-Бриссей собирается предпринять нѣсколько дальнихъ экскурсiй.

А мосье де Бриссей, между тѣмъ, продолжалъ плѣнять наслѣдницу. Въ два дня, данные ему впередъ, онъ успѣлъ подвинуться весьма значительно. А подъ вечеръ второго дня,— прелестный вечеръ, весь—сизые туманы, зеленые склоны и бредущiй домой звонъ колокольчиковъ,—пока они съ Клэръ, немного опередивъ остальныхъ, осматривали свиной хлѣвъ около обвитой виноградомъ гостиницы, имъ попался навстрѣчу и второй парижскiй юноша.

— Да,—говорила Клэръ,—здѣшнiе крестьяне грязны. Они умные и добрые, но они грязны, съ этимъ нельзя не согласиться!

— Какъ и всякiе крестьяне,—сказалъ Пьеръ величественно.

Изъ гостиницы вышелъ господинъ въ живописномъ костюмѣ и направился въ ихъ сторону. Когда онъ проходилъ мимо нихъ, Пьеръ, вдругъ сконфузившись, отвернулся. Незнакомецъ тотчасъ повернулся назадъ, догналъ ихъ и остановился, снимая шляпу.

— Э, да это ты! — воскликнулъ Пьеръ. Извините, мадемуазель, прiя-

Digitized by Google

тель изъ «Столицы Свѣта», по выраженію Гюго. Какими судьбами ты здѣсь?

— О, я вѣдь всегда странствую. Но я думалъ, что ты-то сидишь дома за работой.

Жакъ сердито взглянулъ на брата.

— Для моихъ занятій, — сказалъ онъ рѣзко,—необходимы путешествія. А у тебя, вѣроятно, путешествіямъ приходится сходить за занятія. Представь меня мадемуазель.

— Позвольте вамъ представить, мадемуазель Сосеронъ, мосье Еремію Бріошъ.

Но въ эту минуту изъ-за угла свиного хлѣва показалась толстая мадамъ Бертюшо со своими пухлыми ребятами; и представленіе пришлось повторить.

— Вы остановились въ гостиницѣ?— сказала пышная мадамъ Бертюшо. Удивительно, просто, какъ красоты нашей тихой долины начинаютъ привлекать всеобщее вниманіе! Милости просимъ къ намъ ужинать. Всякому другу мосье де-Бриссей мы будемъ рады отъ души.

Пьеръ бросилъ на Жака самоувѣренно торжествующій взглядъ.

— Только вы ужъ, пожалуйста, не посылайте къ намъ слишкомъ много туристовъ,—продолжала мадамъ Бертюшо, въ перевалку подвигаясь впередъ и обѣими руками держа за руку по мальчику. Вы не должны выдавать нашу тайну, господа парижане; мы вѣдь вовсе не желаемъ, напримѣръ, нашествія художниковъ.

— Я обожаю художниковъ! — поспѣшно воскликнула Клэръ, предчувствуя промахъ сестры.

— А я художникъ,—сказалъ Жакъ почти одновременно.

Послѣдовало крайне неловкое молчаніе, во время котораго Клэръ безжалостно отстала со своимъ спутникомъ.

— Какъ, вы сказали, его зовутъ?— спросила Клэръ.

— Еремія Бріошъ.

Она засмѣялась.

— Невозможно! Что за испытаніе для художника! И какъ у него хватило духу съ такимъ именемъ сдѣлаться художникомъ.

— Онъ храбро побѣдилъ это затрудненіе. Онъ вообще очень храбръ.

— И очень красивъ. Но ему, бѣдняжкѣ, никогда не добыть себѣ жены! Ну, какая же женщина согласится стать мадамъ Бріошъ?

— Отчего же,— вотъ согласилась же его мать,—отвѣчалъ Пьеръ, чувствуя себя подлымъ. Но я радъ, что вы одного со мной мнѣнія: я всегда говорю, что красивое имя очень много значитъ. Ваше имя прелестно.

— Сосеронъ?

Онъ густо покраснѣлъ.

— Я разумѣлъ Клэръ.

— Не знаю. Красота имени въ концѣ концовъ зависитъ отъ его цѣнности по существу. Никто, я думаю, ничего бы не имѣлъ противъ «de comte de Brioche».

— О, вотъ они республиканцы-то, вотъ они, швейцарцы!

— Я просто констатировала фактъ съ извѣстной точки зрѣнія,—возразила Клэръ, немного смѣшавшись. Не догнать ли намъ остальныхъ? Братъ Арманъ будетъ недоволенъ, если я замѣшкаюсь позади, когда уже темнѣетъ.

— Вы очень боитесь вашего великаго брата?

Она вскинула гордую головку.

— Я не боюсь никого. Боюсь только сдѣлать кому-нибудь непріятное. Не пойти ли?

— Элиза, ты тутъ?

Онъ послѣдовалъ за ней, чувствуя, что въ эту минуту, по крайней мѣрѣ, дѣла его идутъ не такъ уже успѣшно, какъ до тѣхъ поръ. За столомъ онъ замѣтилъ съ досадой, что Клэръ очень внимательна къ художнику; она въ сущности только старалась загладить промахъ сестры. Кромѣ Клэръ, никто изъ всей семьи ровно ничего не смыслилъ въ современныхъ художественныхъ направленіяхъ. Вопросы, интересовавшіе Армана въ рѣдкія минуты его досуга, были вопросы главнымъ образомъ экономическіе, политическіе, практическіе; онъ тотчасъ же смекалъ, знаете ли вы что-нибудь по этой ча-

Digitized by Google

сти, и никогда не обращался къ вамъ дважды.

Веселаго молодого парижанина онъ оставилъ въ покоѣ. Что до Бертюшо, его коньки были главнымъ образомъ научные, а въ литературѣ онъ предпочиталъ алгебраическія распутыванія воображаемыхъ преступленій.

— О, да, искусство! искусство!— безсовѣстно бормотала мадамъ Бертюшо. Вы, конечно, любите Калама, monsieur? Вотъ вамъ настоящій художникъ, вотъ живая природа! Купить бы намъ что-нибудь Калама, Бертюшо.

— Ты можешь имѣть его въ первоклассныхъ гравюрахъ,—вмѣшался Арманъ. Если хочешь, я подарю тебѣ одну на рожденіе.

Братья де-Бриссей переглянулись, и многочисленныя «но», сопровождавшія десять милліоновъ, пронеслись передъ ихъ умственнымъ взоромъ.

Въ ту ночь, уже довольно поздно, они, не безъ нѣкоторыхъ несогласій, обмѣнялись своими впечатлѣніями.

— Ты дѣлаешь меня невыносимо смѣшнымъ съ твоимъ дурацкимъ «Еремiей»,—съ жаромъ говорилъ Жакъ.

— Это подходитъ къ мѣткамъ на твоемъ бѣльѣ, — холодно возразилъ Пьеръ. Предсказывай мое паденіе, о пророкъ! Дѣвушка хороша собой и обворожительна. Интересно знать, который изъ насъ черезъ какіе-нибудь полгода будетъ утопать въ богатствѣ?

— Надо надѣяться, что я, — отвѣчалъ Жакъ. Я охотнѣе подѣлюсь съ тобой.

— Правда, она говоритъ, что ты красивъ.

— О!—Жакъ откинулъ свои длинныя черныя кудри.

— Но твердо увѣрена, что тебѣ никогда не найти жены.

— Э? — Жакъ вытаращилъ свои большіе черные глаза.

— Изъ-за твоего имени—Бріошъ.

— Какой же я былъ дуракъ, что въ угоду тебѣ согласился сыграть такого дурака! Но вѣдь предложеніе-то ей сдѣлаетъ ужъ не Бріошъ, шалишь!

— Э, погоди, до предложенія намъ еще далеко. Она ослѣплена блескомъ Парижа. Вотъ увидишь, хоть она, можетъ быть, «обожаетъ» художниковъ, но выйдетъ она за человѣка «съ шикомъ!»

— Изберетъ между Богемой и бульваромъ! — нѣсколько театрально провозгласилъ Жакъ.

Затѣмъ, до сихъ поръ обмѣнивавшіеся черезъ столъ грозными взглядами братья де-Бриссей, смѣясь, пожали другъ другу руки и пожелали другъ другу покойной ночи.

Первое, что сдѣлалъ Жакъ на слѣдующее утро, было найти удобное мѣстечко на-виду, откуда писать долину. Съ самаго лучшаго мѣста, какое онъ нашелъ, усадьба Сосероновъ занимала, пожалуй, слишкомъ значительную часть пейзажа, но ужъ съ этимъ дѣлать было нечего. Устроившись за мольбертомъ и представляя зрѣлище весьма живописное въ своемъ костюмѣ изъ полосатой фланели, онъ принялся за работу. Жакъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, очень хорошій художникъ-любитель, занимавшій одно изъ первыхъ мѣстъ среди выставочныхъ дилеттантовъ, и навѣки неспособный сойти къ подножію горы и взобраться на нее съ надлежащей стороны. Точно также недурно онъ пописывалъ и стихи, всѣмъ очень нравившіеся.

Эти братья де-Бриссей были, въ самомъ дѣлѣ, парни премилые, какъ это хорошо извѣстно всѣмъ намъ, знавшимъ ихъ всю жизнь! Жакъ, конечно, лучше Пьера, который немного слишкомъ самоувѣренъ и преисполненъ сознаніемъ своего значенія. Въ эпизодѣ охоты за наслѣдницей, бывшемъ, вѣроятно, на половину шуткой, наполовину обращикомъ веселаго нахальства,—оба брата обрисовались вполнѣ. Нѣтъ человѣка легкомысленнѣе, благодушнѣе и счастливѣе Пьера, никогда не дѣлающаго ровно ничего. Нѣтъ человѣка умнѣе и добрѣе Жака, всегда по-горло занятаго пустяками, по большей части на пользу кого-нибудь другого. Онъ говорилъ правду: богатство въ его рукахъ было бы благополучіемъ для многихъ. Такіе

Digitized by Google

люди обыкновенно умираютъ въ бѣдности. Вы знаете одно исключеніе? И я тоже.

Сидя за работой, Жакъ пѣлъ пѣсню собственнаго сочиненія, а мадемуазель Клэръ, гуляя по мокрому отъ росы саду, остановилась и прислушалась.

«Въ плѣну мое сердце
Поетъ лишь о крыльяхъ!»

Мадемуазель заглянула черезъ заборъ.

— Это очень мило,—сказала она. Но, навѣрное, есть что-нибудь и дальше?

Жакъ обернулся къ большой соломенной шляпѣ въ глубинѣ краснаго зонтика.

— О, будетъ и этого! — сказалъ онъ. Впрочемъ, есть и дальше,— тринадцать куплетовъ. Сколько вамъ угодно будетъ прослушать?

— Какъ! Вы знаете ихъ всѣ?

— Они мои. Клэръ покраснѣла отъ удовольствія. Она еще никогда въ жизни не видала такъ близко поэта.

— Спойте мнѣ ихъ всѣ, — сказала она съ дѣтской горячей повелительностью.

Онъ засмѣялся и, продолжая писать, торжественно пропѣлъ еще четыре.

— Пѣсня вся,—сказалъ онъ. Остальное только напечатано въ книжкѣ.

— Ваши стихи напечатаны!—воскликнула Клэръ и, тотчасъ устыдившись своего ребячества: — то есть я хочу сказать,—прибавила она,—можно ихъ достать? Гдѣ? Мнѣ бы такъ хотѣлось! Кто издатель?

— Я съ удовольствіемъ пришлю вамъ экземпляръ.

— Вы печатаете подъ собственнымъ именемъ, monsieur Бріошъ?

Положеніе было затруднительное.

— О, нѣтъ,—пробормоталъ онъ.

— Вотъ и мнѣ казалось, точно я его не встрѣчала. Какой же вашъ псевдонимъ?

— Аполлонъ де-Геликонъ-Парнасъ, — отвѣчалъ Жакъ свирѣпо.

— А-а,—имя довольно поразительное. Вы не вѣрно взяли этотъ задній планъ, monsieur Бріошъ. Склонъ горы у васъ слишкомъ крутъ.

— Спасибо,—отвѣчалъ онъ съ раздраженіемъ, и вдругъ все лицо его просіяло. Вы вѣдь тоже пишете! А я и забылъ.

— Забыли?

— Да, я... я слыхалъ о васъ въ Парижѣ. У насъ, вѣроятно, есть общіе знакомые.

— Я никого не знаю въ Парижѣ,— сказала Клэръ, очевидно довольная. Насъ воспитывали въ большомъ уединеніи; впрочемъ, есть, можетъ быть, какіе-нибудь свойственники, въ родѣ вашего друга де-Бриссей, который состоитъ въ какомъ-то родствѣ съ Бертюшо, monsieur Бріошъ.

— Mademoiselle,—покорно отозвался онъ.

— Мнѣ бы хотѣлось попробовать положить ваши стихи на музыку. Ваша—мнѣ не очень нравится. Не удастся ли мнѣ, можетъ быть, подыскать что-нибудь получше?

Она опять покраснѣла, при такомъ смѣломъ предположеніи, и, стоя за заборомъ, съ опущенными подъ широкими полями шляпы и краснымъ зонтикомъ глазами, была невыразимо прелестна. Поэтъ пришелъ въ восторгъ. Онъ совершенно забылъ десять милліоновъ. Скоро молодые люди уже совсѣмъ подружились; Клэръ прошла на ту сторону забора и раскритиковала его работу, а онъ написалъ ей свои стихи на клочкѣ альбомной бумаги, кистью, обмокнутой въ синюю краску. Обоимъ было непріятно, когда Пьеръ позвалъ ее.

— Дѣти, ждутъ,—крикнулъ Пьеръ. Помните, вы обѣщали показать мнѣ водопадъ.

— Я готова,—сказала Клэръ. Пожалуйста, приходите къ намъ нынче вечеромъ, monsieur Бріошъ, и выслушайте, что я сдѣлала изъ вашихъ стиховъ.

— О, такъ онъ уже угостилъ васъ своими стихами! — замѣтилъ Пьеръ презрительно. Прощай, Еремія.

Жакъ, стиснувъ зубы, продолжалъ работать. До него доносился издали

Digitized by Google

смѣхъ Пьера и голоса дѣтей, зовущихъ Клэръ.

Вечеромъ она такъ очаровательно пропѣла ему его романсъ, съ такой простой граціей и чувствомъ, что онъ потерялъ почти половину своего сердца и сталъ откровенно ухаживать за пѣвицей.

— Ну, да, это мило, — сказала мадамъ Бертюшо, не знавшая, кто былъ авторомъ пѣсни,—но знаешь, мнѣ ужъ, наконецъ, и надоѣло немножко; — ты вѣдь цѣлый Божій день только и дѣлаешь, что̀ поешь ее.

— Я старалась подобрать музыку къ словамъ,—сказала Клэръ съ досадой.

— Вы уже нашли ее, когда говорили ихъ,—сказалъ Жакъ.

Послѣ двухъ дней такого порядка вещей Пьеръ понялъ, что ему нужно или дѣйствовать или отступиться. Онъ рѣшилъ избрать путь прямой и мужественный. И такъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, по возвращеніи Армана изъ Лозанны, онъ пошелъ къ нему и, вполнѣ искренно выразивъ великій восторгъ передъ Клэръ, вѣжливо попросилъ разрѣшенія ухаживать за ней.

Арманъ выслушалъ до конца, крѣпко нахмурившись.

— Вы, вѣроятно, католикъ?—сказалъ онъ.

— Да, но, конечно. Арманъ всталъ.— Этого довольно, сударь, сказалъ онъ,— дальнѣйшіе разговоры безполезны. Сестра никогда не пожелаетъ выйдти за человѣка не одной съ ней вѣры, и мы не можемъ ей этого разрѣшить.

— Но мнѣ говорили, что ея мать...

— Вамъ говорили неправду. Моя мать приняла нашу вѣру раньше, чѣмъ вышла за моего отца.

— Мосье де-Бриссей, я попрошу васъ прекратить ваши посѣщенія нашего дома.

— Такъ оно проще всего,—размышлялъ Арманъ, оставшись одинъ. Есть еще множество и другихъ препятствій, но стоитъ ли разсуждать о нихъ?

Разочарованный женихъ тотчасъ пошелъ къ брату.

— Прекрати свои усилія,—сказалъ онъ, — или перемѣни вѣру. Парижъ вѣдь стоитъ обѣдни.

— Нѣтъ, чортъ возьми, — сказалъ Жакъ съ неожиданнымъ жаромъ, и не пожелалъ больше говорить ни объ этомъ, ни о чемъ другомъ. Онъ заперся въ своей комнатѣ и всю ночь писалъ стихи.

Въ ту же ночь, Жюль Сосеронъ, игрокъ и гуляка, вмѣстѣ со своимъ пріятелемъ италіанцемъ, лѣниво перегнувшись черезъ перила балкона Casino des fleurs въ Эйксъ-лэ-Бэнъ, въ теплотѣ, озаренной луннымъ сіяніемъ, лѣниво слѣдилъ за музыкой и лѣниво глазѣлъ на цвѣты и нарядные туалеты.

— Мой милый Сандро, это не подлежитъ сомнѣнію,—небрежно говорилъ Жюль, да я вовсе и не желаю этого отрицать. Только я не желаю также и слушать этого въ сотый разъ. Я долженъ тебѣ пятьдесятъ три тысячи франковъ.

— И пятьдесятъ сантимовъ,—прибавилъ италіанецъ.

— Чортъ бы ихъ подралъ, эти пятьдесятъ сантимовъ. За что̀ это?

— За марки, которыя я два раза тебѣ давалъ для писемъ къ брату.

— Да? Ну, къ брату писать безполезно. Я, по правдѣ сказать, вовсе даже и не писалъ къ нему, это такъ, къ Клэръ разные пустяки.

— Но милліоны-то твои въ сущности вѣдь твои же!

Жюль искоса бросилъ на италіанца быстрый взглядъ. — Да, пока мои, — сказалъ онъ. — Но ихъ держитъ у себя Арманъ. Такъ оно и лучше, пожалуй.

— Ему придется вычесть изъ нихъ,— сказалъ италіанецъ, играя папироской, — пятьдесятъ три тысячи франковъ, пятьдесятъ сантимовъ.

Наступило продолжительное молчаніе. Оркестръ заигралъ вальсъ Иванòвича.

— Пойдемъ куда-нибудь, гдѣ потише! — вдругъ воскликнулъ Жюль. Мнѣ надо поговорить съ тобой. Они пошли по слабо освѣщенной дорожкѣ въ тишину, все углублявшуюся.

— Почему бы тебѣ не жениться на моей сестрѣ Клэръ?— сказалъ Жюль.

Digitized by Google

— Я, чортъ возьми, вовсе не знаю этой дѣвицы.

— Она прелестна, умна, хороша собой. Я никого на свѣтѣ не люблю такъ, какъ ее. Ей двадцать пять лѣтъ. Ну, а тебѣ вѣдь подъ сорокъ. Изъ нея вышла бы какъ разъ такая жена, какую тебѣ нужно.

— Но, вѣдь, она можетъ и отказать мнѣ,—равнодушно процѣдилъ италіанецъ.

— Она тебѣ не откажетъ. Чортъ побери, вѣдь не всякій можетъ сдѣлать свою жену княгиней.

— Положимъ. Но все-таки тутъ есть затрудненія. Я католикъ, напримѣръ.

— И моя мать была когда-то католичкой.

— О-о, ну, да, конечно. Княгиня Пальярдини должна принять религію своего дома.

— Это уже само по себѣ звучитъ прелестно.

— И мнѣ бы вовсе не хотѣлось очутиться подъ опекой твоего брата.

— Да почему же? Тебѣ бы только пришлось вытребовать съ него очень крупную ренту. Для такихъ людей, какъ мы съ тобой, повѣрь, нѣтъ ничего удобнѣе и безопаснѣе. Но я хочу просить его удвоить мое годовое содержаніе. И замужество Клэръ должно мнѣ въ этомъ помочь. А если... если ты женишься на Клэръ?

— Я предамъ забвенію пятьдесятъ три тысячи франковъ.

— Пятьдесятъ сантимовъ. Знаешь что̀, выѣдемъ-ка завтра? Я терпѣть не могу здѣшнихъ мѣстъ.

— Выѣдемъ завтра. Но, смотри, не затѣвай терпѣть не мочь всѣ мѣста, гдѣ ты проигрался. Это опасная привычка.

— Сегодня вечеромъ пріѣдетъ мой братъ Жюль съ какимъ-то пріятелемъ,—сказала Клэръ Жаку, по полученіи телеграммы. Я рада, что вы познакомитесь съ Жюлемъ.

— Да,—отвѣчалъ Жакъ, мгновенно охваченный предчувствіемъ близкихъ осложненій. И вдругъ, онъ схватилъ ее за руку, ту руку, которой она въ это время очень мило указывала ему ошибки въ его рисункѣ, и началъ говорить ей, что любитъ ее, что въ эти нѣсколько дней полюбилъ ее больше, и Боже мой, какой совсѣмъ иной любовью, чѣмъ когда-либо любилъ въ жизни; онъ сказалъ ей свое настоящее имя, открылъ свой дурацкій планъ сватовства—и все это въ тѣхъ пламенныхъ выраженіяхъ, которыя женщины особенно любятъ слагать въ своихъ трепещущихъ сердцахъ.

— Но братъ никогда не дастъ своего согласія! — наконецъ, сказала она съ дрожью въ голосѣ.

— Надо обойтись безъ него,—отвѣчалъ Жакъ. Клэръ задумалась на минуту надъ этой странной альтернативой, потомъ продолжала: — Всѣ мои деньги въ его рукахъ. Слезы досады выступили на глаза Жаку.

— А просить васъ бросить ваши деньги было бы просить слишкомъ многаго?—сказалъ онъ. Но... но, Клэръ, мы могли бы быть такъ счастливы безъ нихъ! Я бы повезъ васъ въ Парижъ, сталъ бы работать. Можно быть счастливыми и безъ денегъ, Клэръ! ...

— Тише, кто-то идетъ!—воскликнула она. Вы меня испугали. Всё это такъ внезапно. Мнѣ надо подумать.

— Вы отвѣтите мнѣ? Когда?

— Завтра. Не ранѣе. Не дѣлайте себѣ иллюзій.

— Вы хорошо пишете, мосье Бріошъ,—сказала мадамъ Бертюшо,—но ваша манера совсѣмъ не та, что̀ у Калама.

— А зачѣмъ ей быть такой, какъ у Калама?—спросила Клэръ съ раздраженіемъ.

Мадамъ Бертюшо выпучила свои добрые голубые глаза.

— Зачѣмъ?—спросила она. О, потому, что то̀ мнѣ больше нравится. Мосье Бріошъ для меня слишкомъ современенъ. А интересно знать, кого это нынче привезетъ съ собой Жюль.

— А мнѣ совершенно все равно.

— Какая ты странная! Меня всегда интересуютъ новыя лица. Они бываютъ такія равныя!

То новое лицо, которому была въ тотъ вечеръ представлена мадамъ Бертюшо, заинтересовало ее несомнѣнно,

Digitized by Google

этого всѣ основанія, будучи другомъ Кэнибрара, которому тотъ поручилъ, въ интересахъ Клиффорда Кинга, не поставляя, однако, послѣдняго въ извѣстность относительно доброжелательнаго плана, разыграть здѣсь роль сыщика-любителя. Молодой человѣкъ почувствовалъ себя крайне разочарованнымъ, когда первая ночь его пребыванія подъ крышей «Голубого Льва» миновала безъ всякихъ происшествій; за то, вторая—съ лихвою возмѣстила это отсутствіе занимательно волнующаго элемента. Проѣзжій настолько боялся, въ слишкомъ крѣпкомъ снѣ, прозѣвать появленіе незванаго посѣтителя, что совсѣмъ не смыкалъ глазъ, и былъ вознагражденъ за свою бдительность, такъ какъ между двумя и тремя часами по полуночи, до слуха его донесся легкій шумъ у дверей, а, черезъ мгновеніе, онъ неясно замѣтилъ, какъ по комнатѣ двигалась загадочно проникшая въ нее фигура... Онъ притаилъ дыханіе, между тѣмъ, какъ таинственная личность тихо очутилась передъ кроватью у него въ головахъ, безшумно наклоняясь, что-то нащупывая и ища. Наконецъ, когда эта фигура, въ которой теперь уже можно было узнать женщину, овладѣла его одёжей и принялась обыскивать карманы, сыщикъ-любитель, не справлявшійся болѣе со своимъ волненіемъ, привсталъ съ постели и произвелъ этимъ какъ-разъ достаточный шорохъ, чтобы привлечь вниманіе осмотрительной воровки. Съ быстротою молніи перебѣжала она черезъ комнату къ дверямъ. Молодой человѣкъ, подготовленный къ этому обстоятельству, спрыгнулъ съ кровати, полуодѣтымъ, и ринулся въ догонку за нею на площадку передъ лѣстницей.

Женщина успѣла выиграть время, достигши половины лѣстницы, которая вела къ каморкамъ подъ крышей. Хотя и перескакивая разомъ черезъ нѣсколько ступеней, гость только успѣлъ увидѣть, какъ она открыла дверь направо и исчезла за нею, а затѣмъ быстро повернула ключъ въ замкѣ. Не раздумывая ни минуты, онъ изъ всѣхъ силъ началъ напирать плечемъ на дверь, которая, затрещавъ, подалась. Еще одинъ подобный толчекъ—и старыя доски не выдержали бы! Но именно въ тотъ моментъ, когда онъ съ нечеловѣческой энергіей вторично налегъ на нихъ, къ нему явственно донесся шумъ открываемаго въ комнатѣ окошка. Въ слѣдующее мгновеніе, дверь вылетѣла отъ его неистовыхъ ударовъ, и онъ ворвался въ комнату, еще своевременно, чтобы увидѣть на уровнѣ подоконника чью-то исчезавшую голову. Молодой человѣкъ, не колеблясь, подскочилъ къ окну и выглянулъ на дворъ. Подъ нимъ разстилалась круглая крыша задней стороны дома, и, хотя уже никого тамъ не было замѣтно, онъ, выскочивъ, соскользнулъ внизъ по черепицамъ, чтобы благополучно, хотя не особенно мягко, упасть на землю. Съ этого мѣста передъ нимъ, впереди, между деревьями, видна была темная фигура, за которой онъ и послѣдовалъ. Этотъ тѣнеподобный образъ стоялъ, однако, неподвижно. У проѣзжаго вырвался слабо-подавленный крикъ торжества, когда онъ убѣдился, что сможетъ догнать предметъ своего преслѣдованія, но тотчасъ же, вслѣдъ за этимъ, вскрикнулъ совершенно иначе, а именно,—гораздо громче, неожиданно принявъ холодную, какъ ледъ, ванну! Безусловно не зная мѣстоположенія, онъ сгоряча кинулся прямо въ рѣчку. Его возгласъ и дальнѣйшіе призывы быстро привлекли столь необходимую помощь: хозяинъ, разбуженный взломомъ двери на верхней лѣстницѣ, прибѣжалъ, полуодѣтый, и вытащилъ молодого человѣка, при помощи лодочнаго крюка, на берегъ.

— Воровка, — вопилъ сыщикъ-любитель, не попадая зубомъ на зубъ отъ купанія «не по сезону»!—воровка!—Я ее накрылъ! Я ее чуть-чуть не накрылъ!

— Какая воровка! — рѣзко перебилъ его Кларисъ, таща за собой не особенно нѣжными руками къ черному ходу гостиницы насквозь продрогшаго субъекта. Кого вы подразумѣ-

Digitized by Google

ваете подъ словами воровка,—вы, сумасшедшій человѣкъ?

— Вы это узнаете, несомнѣнно узнаете завтра,—безстрашно отвѣчалъ тотъ, опять-таки, сгоряча забывая о собственномъ незавидномъ положеніи.

— Кому принадлежитъ спальня, на самомъ верху, справа у лѣстницы?—спросилъ онъ, затѣмъ, хозяина.

— Это — комната моей племянницы,—мрачно отвѣчалъ Кларисъ,—и если вы намекаете, будто она могла имѣть что-нибудь общее съ вашимъ ночнымъ вылетомъ, то я вытрушу изъ вашей башки послѣдніе остатки здравыхъ мозговъ, которые тамъ еще сохранились!

— Вы бы, конечно, продѣлали это съ сердечной радостью, если бы я не былъ въ состояніи сейчасъ же васъ убѣдить, что она покинула свою комнату и выбралась черезъ окошко...

— Ахъ! — онъ вдругъ остановился среди грядокъ капусты, гдѣ они проходили, и указалъ Кларису на фигуру въ бѣломъ, подкрадывавшуюся къ дому.

— Племянница ли это ваша, или нѣтъ?—гнѣвно зарычалъ молодой человѣкъ, ткнувъ дрожащимъ указательнымъ пальцемъ по тому направленію, гдѣ уже исчезла женская фигура.

Трактирщикъ, вмѣсто всякаго отвѣта, въ нѣсколько прыжковъ догнавши ее, успѣлъ схватить за локоть именно въ тотъ моментъ, когда она собиралась переступить черезъ порогъ.

— Нэлль?—вырвалось у Клариса, до того жестокимъ, до того страшнымъ тономъ, что голосъ его казался голосомъ чужого! А дѣвушка, вся дрожа, только лепетала что-то несвязное, и дядя безъ конца тщетно ждалъ отъ нея отвѣта...

VII.

Разочарованный заговорщикъ.

Если, когда бы то ни было, отражалось сознаніе виновности на человѣческой физіономіи съ особенной очевидностью, то это—на лицѣ Нэлль, когда она, грубо схваченная своимъ дядей, дрожа и заикаясь въ его власти, стояла съ внутренней стороны чернаго входа въ гостиницу. Такъ, по крайней мѣрѣ, полагалъ Джэкъ Лоундэсъ, сыщикъ-любитель, очутившись передъ ней, въ насквозь промокшемъ легкомъ костюмѣ, отчаянно стуча зубами и ощущая морозъ въ крови!

— Что тебѣ тамъ понадобилось на дворѣ?—заоралъ старикъ, съ такой гнѣвной искренностью въ голосѣ, что Лоундэсъ сразу убѣдился въ его полной непричастности къ воровскому покушенію.

— Я... выбѣжала... посмотрѣть... что здѣсь дѣлается...—съ трепетомъ, еле слышно, лепетала дѣвушка.

Дядя устремилъ на нее пристальный взглядъ, точно мучительное сомнѣніе, относительно ея самой, начало омрачать его душу. Но онъ обратился къ жильцу въ иномъ тонѣ, почти выгораживавшемъ Нэлль.

— Ну, согласитесь, что это — довольно опредѣленный отвѣтъ, такъ какъ поднятый вами, въ ночное время, гамъ, я убѣжденъ, заставилъ бы предположить кого угодно, не загорѣлась ли ближайшая приходская церковь?

Но продрогшій молодой человѣкъ такъ зачихалъ и закашлялъ, что мечта о теплой одеждѣ и согрѣвающемъ огнѣ естественно оттѣснила у него въ эту минуту всякія другія соображенія.

— Впустите меня скорѣе, а, когда я хорошенько обсохну и прійду въ себя,—мы еще поговоримъ...

— Нѣтъ, раньше надо объясниться,—остановилъ его Кларисъ, съ внезапно проснувшейся подозрительностью, — вы совсѣмъ не ложились спать? Кто—вы такой?—спросилъ онъ уже другимъ тономъ, загораживая своей толстой фигурой входъ въ домъ. Кто вы такой?—повторяю, и зачѣмъ вы сюда пожаловали? Ну, выкладывайте-ка, да поживѣе! Прислали васъ сюда, что ли,—разставлять ловушки честнымъ людямъ? Ворочайте языкомъ, человѣчина! Или сейчасъ, опять выкупаетесь въ рѣчкѣ! Трактирщикъ, судорожно схвативъ злополучнаго Ло-

Digitized by Google

ундэса, толкнулъ его на нѣсколько шаговъ ближе къ холодной водѣ. Между тѣмъ, Нэлль отчасти успѣла овладѣть собою и спокойно обратилась къ старику съ просьбою:

— Пусти его, дядя Жоржъ, чтобы онъ перемѣнилъ мокрую одежду, а затѣмъ далъ отчетъ въ своихъ поступкахъ, если сумѣетъ.

Трактирщикъ, съ явной неохотой, исполнилъ желаніе племянницы: повелъ Лоундэса въ его комнату, какъ будто арестованнаго, оставаясь на стражѣ у дверей, пока тотъ переодѣвался.

Джэкъ могъ слышать, какъ дядя и племянница шопотомъ совѣщались на площадкѣ передъ лѣстницей, и пробормоталъ нѣсколько проклятій противъ «ехидной дѣвчонки», обративши вниманіе на усиливавшееся раздраженіе въ рѣчахъ хозяина, котораго Нэлль несомнѣнно приводила все въ бо̀льшую ярость.

Громовой ударъ кулакомъ въ его дверь, грозившій разнести ее въ щепки, подобно тому, какъ Лоундэсъ недавно самъ выломалъ двери верхней каморки, напомнилъ ему, что пора выходить для самооправданія передъ разгнѣванной парой.

— Ну, сэръ,—началъ Кларисъ свое изступленное нападеніе, едва давая время молодому человѣку спуститься съ лѣстницы,—какъ вы объясните теперь свои поступки? У васъ, кажется, хватило дерзости выломать двери, которыя вели въ спальню моей племянницы, а затѣмъ вы, какъ помѣшанный, выскочили черезъ окно! Что̀ же вы на это скажете? Помните ли вы, по крайней мѣрѣ, о своей продѣлкѣ? И Жоржъ Кларисъ, успѣвшій зажечь свѣчу, которая тускло горѣла въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ, вперилъ любопытный взоръ въ изумленное лицо своего постояльца.

— Помню ли? Еще бы не помнилъ? Но откуда я могъ знать, что это— именно комната вашей племянницы? Вѣдь, я всего двое сутокъ тому назадъ впервые остановился въ этой гостиницѣ!.. Я погнался за женской фигурой, которая побѣжала туда, наверхъ! Она передъ моимъ носомъ заперла изнутри дверь, и ее, значитъ, поневолѣ пришлось выломать...

Когда онъ упомянулъ про женскую фигуру, съ устъ дѣвушки сорвался такой жалобный крикъ, что Лоундэсъ быстро повернулся въ ея сторону съ глубокимъ удивленіемъ. Вполнѣ убѣжденный въ виновности Нэлль, какъ онъ былъ, и даже пріѣхавшій съ исключительной цѣлью ее разоблачить, онъ, въ эту минуту, вдругъ безусловно склонился къ противоположному мнѣнію. Однако же, молодой человѣкъ, едва-ли, самъ сумѣлъ бы объяснить, какъ это случилось, что выраженіе ея лица, звуки ея голоса, когда дѣвушка крикнула, оказали на него такое странное и рѣшительное вліяніе? Лоундэсъ настолько углубился въ размышленіе по этому поводу, что даже не слыхалъ слѣдующихъ словъ хозяина, или не обратилъ на нихъ вниманія.

— Женская фигура? Что̀ за женская фигура? Вы ни про какую женщину еще даже не упоминали.

— Я и самъ не знаю, что̀ это была за женщина,—отвѣчалъ Лоундэсъ въ тонѣ, гдѣ снова замѣчался поворотъ къ сомнѣніямъ и нерѣшимости,—но какая-то женская особа забралась ночью въ мою комнату (Жоржъ Кларисъ сдѣлалъ при этомъ нетерпѣливое движеніе)! Я не говорилъ, будто не ожидалъ этого, но могу поклясться, что она пришла! Она поднимала мою одежду и слышала звонъ монетъ, разбросанныхъ по карманамъ; тогда я вскочилъ, а женщина выбѣжала изъ комнаты. Повторяю, я былъ заранѣе подготовленъ и, погнавшись за нею, увидѣлъ, какъ она скрылась въ верхнюю комнату и заперла ее на ключъ. Я выломалъ двери и успѣлъ только замѣтить, какъ фигура выскользнула изъ этой каморки черезъ окно; когда я спустился тою же дорогой, она еще разъ попалась мнѣ на глаза, уже внизу, а затѣмъ я только могъ сообразить, что очутился въ водѣ...

— Надо полагать, это васъ позабавило?—коротко отрѣзалъ трактир-

Digitized by Google

щикъ, — и теперь ничего больше не остается сдѣлать, какъ сообщить намъ, сколько именно денегъ этотъ призракъ у васъ похитилъ? Не стѣсняйтесь: скажите—сто фунтовъ, или даже—двѣсти! Намъ и раньше пускали кровь, и мы, безъ сомнѣнія, можемъ еще выдержать, можемъ лишній разъ раскошелиться!

Молодому человѣку почудилось нѣчто трогательное въ грубовато-ироническомъ тонѣ старика. Имъ овладѣли тоска и стыдъ отъ сознанія, что онъ сейчасъ лишь сыгралъ довольно незавидную таки роль.

Прекрасная, блѣдная дѣвушка, молчаливо стоявшая за своимъ дядей, самъ дядя съ отпечаткомъ скорбнаго смущенія въ глазахъ, представлялись ему, въ призрачномъ свѣтѣ ранняго утра, до того разстроенными, надломленными и жалкими, что онъ, не обмѣнявшись съ нимъ болѣе ни однимъ словомъ, сію минуту охотно бы убрался восвояси, но объ этомъ не могло быть и рѣчи.

— У меня ничего не было похищено, — быстро произнесъ онъ, — ни одного пенса!

— Вы, значитъ, полагаете, что эта женщина заглянула только—отъ бездѣлія полюбоваться на вашу физіономію? — процѣдилъ Кларисъ сквозь зубы тѣмъ же рѣжущимъ тономъ.

Молодой человѣкъ молчалъ.

— Простите, если я возьму на себя смѣлость, — послѣ нѣкоторой паузы продолжалъ трактирщикъ угрожающимъ голосомъ, — спросить васъ, какую наружность имѣла эта особа?

— Я этого не могъ видѣть: тогда, какъ вы сами знаете, было почти темно!

— Но вы, разумѣется, вполнѣ убѣждены, что имѣли дѣло именно съ женщиной?

На этотъ разъ въ ироніи Клариса заключалась также извѣстная доля интереса.

— Да,—отвѣчалъ Лоундэсъ вполнѣ увѣренно,—въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь! Она двигалась по-женски, и у нея былъ чисто женскій контуръ головы; а, потомъ, я видѣлъ, какъ развѣвались передо мною юбки, когда я лежалъ, скатившись съ крыши, на землѣ.

— И это—все? Ну, Нэлли, разскажи-ка намъ теперь, что̀ ты видѣла! И трактирщикъ повернулся къ племянницѣ.

Дѣвушка стояла противъ окна, и сѣрый утренній свѣтъ, сквозь щели ставень, падалъ ей прямо въ лицо, которое имѣло напряженный видъ и было блѣдно съ синевой подъ глазами, лишенными блеска и опущенными внизъ. Каждое произнесенное ею слово носило, какъ моментами казалось молодому человѣку, необыкновенный отпечатокъ правдивости и искренности.

— Меня вдругъ разбудилъ громкій шумъ, который я услыхала; сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ была взломана моя дверь, и кто-то, промчавшись съ быстротою вихря черезъ комнату, выскочилъ въ одно. Я также подбѣжала къ нему и, выглянувъ во дворъ, увидѣла, какъ этотъ господинъ скользилъ внизъ по крышѣ съ задней стороны дома.

— А я васъ не замѣтилъ,—рѣзко перебилъ дѣвушку Лоундэсъ, снова охваченный подозрѣніями.

— Потому что вы не оглядывались,—сдержанно возразила Нэлль,—а побѣжали черезъ садъ направо. Я же, одѣвшись на̀-скоро, спустилась внизъ по лѣстницѣ и вышла чернымъ ходомъ узнать, въ чемъ дѣло. Тутъ, какъ разъ, дядя вытащилъ васъ на берегъ, и вы начали съ нимъ объясняться.

Лоундэсъ молчалъ, такъ какъ нечего было сказать. Но, хотя ворвавшись въ комнату, онъ, дѣйствительно, сразу обратилъ вниманіе только на одно раскрытое окно и ускользавшую отъ него фигуру, тѣмъ не менѣе, молодой человѣкъ не допускалъ мысли, чтобы другое лицо, которое лежало тамъ въ кровати, могло его не увидѣть или, по крайней мѣрѣ, не услыхало какого-нибудь крика или слова, выдававшаго появленіе двухъ постороннихъ въ спальнѣ!

— Теперь вы слышали иного рода исторію, и, опять-таки съ вашего по-

Digitized by Google

зволенія, я охотнѣе полагаюсь на слова племянницы, нежели на ваши,— категорически заявилъ трактирщикъ.

— Но развѣ уже такъ противорѣчатъ одно другому эти два показанія?—началъ Лоундэсъ въ примирительномъ тонѣ. Изъ всего сказаннаго миссъ Кларисъ только вытекаетъ, что она не видѣла, какъ та женщина проскользнула черезъ ея комнату.

— И вообще не видѣла никого передъ вами!—вспылилъ хозяинъ, терпѣніе котораго истощилось, повидимому, окончательно,—а теперь послушайте, что̀ я вамъ скажу! Я не потерплю у себя въ домѣ личностей, которыя, съ разными бреднями въ головѣ, проникаютъ сюда шпіонить, да еще взламываютъ двери въ спальню, нѣтъ, сэръ, я не намѣренъ выносить ничего подобнаго! А теперь ступайте на верхъ, да уложите-ка свой чемоданъ, да можете убираться, куда хотите, еще передъ завтракомъ! Ни одного ломтика ѣды, ни одной капельки питья вы больше не получите подъ моей кровлей! И кстати можете сообщить тѣмъ тремъ молодымъ бездѣльникамъ, которые, надо полагать, прислали васъ къ намъ, что, какъ бы они себя сами ни величали, подобнымъ образомъ настоящіе джентльмены не поступаютъ! Я... я, изволите ли видѣть, узналъ въ васъ агента господъ Журдэна, Кинга и компаніи...

— Нѣтъ, нѣтъ, дядюшка, мистеръ Кингъ здѣсь ни при чемъ, за это я ручаюсь! И личико Нэлль вдругъ до того сильно зардѣлось, что выдало невольно ея тайну!..

Лоундэсъ почувствовалъ себя тронутымъ.

— Вы совершенно правы,—просто обратился онъ къ дѣвушкѣ,—мистеръ Кингъ даже не имѣетъ представленія о моей поѣздкѣ. Однако, я сейчасъ удаляюсь.

И молодой человѣкъ, которому стало стыдно за разыгранную имъ роль шпіона, смущавшійся тѣмъ болѣе, чѣмъ обстоятельнѣе онъ съ разныхъ точекъ зрѣнія началъ вдумываться въ сущность пережитаго имъ только-что незауряднаго приключенія, минутъ черезъ двадцать, покинулъ гостиницу «Голубого Льва» и вернулся обратно въ Лондонъ передать вышеописанныя впечатлѣнія своимъ пріятелямъ Уилли Журдэну и Отто Кэнибрару.

VIII.

Господинъ изъ Лондона.

Оба заговорщика, вступивши въ союзъ тайно отъ Клиффорда, чтобы излѣчить овладѣвшую имъ одурь, рѣшили, однако, скрыть отъ него злосчастныя приключенія своего посланнаго. Но, на зло имъ, слухи объ этомъ все-таки дошли до Кинга. И въ одинъ прекрасный вечеръ, когда Журдэнъ и Кэнибраръ взасосъ затягивались изъ трубокъ добрымъ табачкомъ, развалившись на большомъ диванѣ въ совмѣстной комнатѣ, онъ ворвался къ нимъ, охваченный безграничнымъ негодованіемъ. Тщетно старались они доказать пріятелю, какъ похвально было ихъ намѣреніе, и на сколько бы послужило къ пользѣ молодой особы, если бы могла разъясниться гадкая тайна.

— Если бъ вы сумѣли ее разъяснить, никто не былъ бы благодарнѣе меня,—началъ свое возраженіе Клиффордъ, лицо котораго совсѣмъ высохло отъ заботливой тоски по Нэлль,— но отправить въ качествѣ шпіона молодого олуха, лишеннаго чувства приличія и деликатности, каковъ именно Лоундэсъ, этого скорѣе слѣдовало бы ожидать отъ пары школьниковъ, нежели отъ двухъ уже взрослыхъ мужчинъ, пока еще не заключенныхъ въ Генуэлль [1]).

— Что̀ касается этого,—мягко отвѣчалъ ему Отто,—то Лоундэсъ вовсе не кажется мнѣ менѣе приличнымъ, чѣмъ другіе. Признаюсь, я самъ при подобныхъ обстоятельствахъ, вѣроятно, поступилъ бы одинаково съ нимъ. По крайней мѣрѣ, относительно погони за той женщиной въ домѣ и черезъ окно. Вообще, не принято слиш-

[1]) Одна изъ выдающихся въ Англіи психіатрическихъ лѣчебницъ.

Digitized by Google

комъ строго соблюдать съ ворами, даже женскаго пола, правила приличія.

— Но миссъ Кларисъ—вовсе не воровка,—возбужденно закричалъ Кингъ. Я этому не повѣрю, хотя бы на ея виновности настаивали всѣ великобританскіе судьи, вмѣстѣ взятые!

— А! вотъ именно! Ты не хочешь вѣрить, но, милый другъ, представляло ли также для Лоундэса какую-либо выгоду разсказывать исторію, которая изображаетъ его въ столь смѣхотворномъ и дурацкомъ свѣтѣ?

— Я полагаю, что будь, онъ человѣкъ съ здравымъ смысломъ и тактомъ, ему бы удалось обнаружить вещи, которыя вообще стоило открыть, а не олицетворялъ бы тамъ собою все время какое-то чучело гороховое!

— Ну, дружище Клиффордъ, ты не благоразуменъ, подобно всякому, кто захвораетъ твоей нынѣшней болѣзней,—вмѣшался Кэнибраръ, поднявшись съ дивана и ставши передъ каминомъ въ позѣ судьи. Восхищаясь этой молодой дѣвушкой, ты считаешь ее не способной на преступленіе, которое, на мой взглядъ, довольно основательно приписывается именно ей. Если забравшаяся къ Лоундэсу и успѣвшая отъ него удрать женщина не была миссъ Кларисъ, какъ же могло случиться, что она, подвергшись преслѣдованію, скрылась именно въ ея комнату. Неужели же у миссъ Кларисъ могла ночевать другая особа безъ ея вѣдома? А если бы и ночевала, неужели никто въ домѣ не зналъ бы объ этомъ? И развѣ внезапное исчезновеніе данной личности не заставило бы даже столь невинное существо, какъ миссъ Нэлль, заподозрить ее въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ?

— Но я не вѣрю ни одному слову изъ всей исторіи: Лоундэсъ, просто, хватилъ передъ сномъ лишнюю порцію виски, а такъ какъ башка его уже заранѣе была набита тѣмъ вздоромъ, который вы успѣли ему нагородить, значитъ, онъ видѣлъ рядъ фантастическихъ картинъ только въ пьяномъ бреду! Вѣдь онъ, какъ вамъ извѣстно, самъ признаетъ, что у него не было украдено ни пенса. Единственная часть дикой сказки, въ которую я безусловно вѣрю, это — его идіотская скачка черезъ двери и окна, да протрезвившее болвана холодное купанье въ рѣчкѣ!

— Ну, и прекрасно,—отвѣчалъ Кэнибраръ,—мнѣ безразлично, вѣришь ты Лоундэсу, или нѣтъ! На этомъ и покончимъ съ надоѣвшимъ предметомъ.

Но для Кинга существовалъ только одинъ предметъ на свѣтѣ, и такъ какъ онъ сейчасъ не могъ больше о немъ говорить, молодой человѣкъ совсѣмъ замолкъ. Онъ въ раздраженіи просидѣлъ еще минутъ десять, не произнеся ни слова, не обращая вниманія на завязавшуюся между двумя товарищами бесѣду и затѣмъ, вдругъ распростился съ ними.

Отто, послѣ его ухода, серіозно заволновался.

— Видишь,—обратился онъ къ Уилли,—увлеченіе этого несчастнаго шалой дѣвчонкой его окончательно погубитъ. Если мы не возьмемъ дѣла въ свои руки, чтобы ее уличить, то онъ передъ нашимъ носомъ или женится на племянницѣ трактирщика, или натворитъ другихъ глупостей! Мы начали съ неудачнаго опыта, пославши туда сыщика-любителя, и дали маху; попытаемъ-ка теперь счастія, воспользовавшись услугами спеціалиста!

Но Журдэнъ уклонялся отъ этого.

— Подобнаго рода планъ мнѣ, признаться, не по душѣ,—возразилъ онъ:—допусти, что дѣвушка, не взирая на все, дѣйствительно, не виновна; въ какомъ бы мы тогда очутились некрасивомъ положеніи, подумай? А Клиффордъ врѣзался бы въ нее еще съ бо́льшимъ неистовствомъ, чѣмъ теперь. Онъ немедленно поѣхалъ бы туда съ оффиціальнымъ разрѣшеніемъ заключить бракъ — въ одномъ карманѣ и вѣнчальнымъ кольцомъ— въ другомъ, чтобы привезти ее назадъ уже въ качествѣ мистрессъ Кингъ!

— Но почему бы, скажи, пожалуйста, не жениться на ней Клиффорду, если бы все относительно дѣвушки разъяснилось въ благопріятномъ для

Digitized by Google

нея смыслѣ? — спросилъ Кэнибраръ спокойнымъ тономъ. Я ничего не возразилъ бы противъ этого.

— А я наоборотъ!—упорствовалъ Уилли:—вѣдь если бы ты меня не убѣдилъ признать ее за воровку, то я былъ бы счастливъ сдѣлать изъ Нэлль мистрессъ Журдэнъ. Да и теперь еще, очистись она отъ подозрѣнія...

— Но это невозможно!—съ увѣренностью перебилъ его Отто. Я, который не влюбленъ въ дѣвушку, смотрю на вещи здравыми глазами; она настолько продувная шельма, что понадобился бы тертый парень — перехитрить ее. Поэтому, я и обращусь завтра за ловкимъ знатокомъ дѣла въ одно изъ подобныхъ учрежденій.

Хотя оба пріятели озаботились принять мѣры, чтобы ихъ попытки не сдѣлались извѣстны Клиффорду, молодой адвокатъ оказался, все-таки, достаточно дальновиденъ и предугадалъ ихъ рѣшеніе предпринять, разъ они уже безъ успѣха зашли такъ далеко, дальнѣйшіе шаги для оправданія собственной проницательности. Онъ былъ напередъ безусловно убѣжденъ, что Кэнибраръ и Журдэнъ сдѣлаютъ новый опытъ разоблачить Нэлль въ качествѣ воровки. Поэтому, къ концу недѣли, Клиффордъ отправился самъ въ Кёртстайрсъ, а утромъ наступившаго воскресенья пошелъ къ «Голубому Льву» съ намѣреніемъ предупредить возлюбленную, что она и Жоржъ Кларисъ, вѣроятно, подвергнутся еще новымъ непріятностямъ, въ родѣ тѣхъ, которыя имъ недавно пришлось вынести. Путь велъ его мимо бёстелевскаго Чингль-Энда и, подходя къ дому полковника, онъ обогналъ старика съ дочерью миссъ Теодорой, возвращавшихся изъ церкви. Полковникъ узналъ Клиффорда, когда тотъ, поровнявшись, имъ поклонился и уже хотѣлъ идти дальше своей дорогой, и просилъ молодого человѣка посѣтить ихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — настаивалъ Бёстель въ самомъ веселомъ настроеніи духа,—у насъ тутъ, въ настоящее время года, бываетъ такъ мало гостей изъ Лондона, что я рѣшительно отказываюсь, безъ разговоровъ, пропустить васъ мимо! Но дочь вовсе не обнаруживала подобной сердечности, не протянула ему въ знакъ привѣтствія руки и съ явнымъ неудовольствіемъ посматривала на его лѣтній костюмъ и невысокую шляпу.

— Миссъ Бёстель, какъ я опасаюсь, находитъ, — не безъ лукавства замѣтилъ Кингъ,—что мною не захвачены изъ дому подходящіе для визитовъ костюмы.

Полковникъ разсмѣялся и торжественно заявилъ о своей готовности отнестись снисходительно къ данному обстоятельству. Но миніатюрная старая дѣва произнесла ледянымъ тономъ:

— Я знаю, нынче молодые люди привыкли вообще легко смотрѣть на вещи. Это мода. А прежде увидѣть джентльмена, въ воскресный день, не во фракѣ и не въ цилиндрѣ — сочли бы прямо за неприличіе. Впрочемъ, только я одна—старовѣрка и полна предразсудковъ...

Отецъ перебилъ ее слѣдующими словами:

— Правый Боже! Если ты, Теодора,—старовѣрка, то какъ же слѣдуетъ назвать меня? Но, все-таки, я призналъ бы величайшею нелѣпостью со стороны мистера Кинга, если бы онъ, въ воскресенье или въ любой изъ прочихъ дней недѣли, вздумалъ разгуливать по сельскимъ дорогамъ, облекшись въ парадный костюмъ.

— О, значитъ, нелѣпа только я!— разсердилась миссъ Бёстель,—прибавлю, однако, что мы, старовѣры, въ сущности даже не замѣчаемъ подобныхъ новшествъ, до такой степени насъ къ нимъ пріучили за послѣднее время!

Даже полковникъ, давно привыкшій къ странностямъ дочери, былъ пораженъ рѣзкостью ея рѣчи въ этотъ моментъ. А Клиффордъ почувствовалъ чрезвычайное облегченіе, когда она, сославшись на свои обязанности по кухнѣ, всецѣло предоставила его отцу. Худощавая фигурка въ одномъ изъ тѣхъ платьевъ, на которыя была мода лѣтъ двадцать пять назадъ, подобравъ юбки, по старому обычаю, обѣими ру-

Digitized by Google

ками, исчезла передъ ними за дверьми, и полковникъ тихо разсмѣялся ей вслѣдъ.

— Нѣтъ надобности, кажется мнѣ, за нее извиняться,—сказалъ онъ, подмигивая глазомъ: — женщины, какъ вамъ извѣстно, окостенѣваютъ всегда гораздо ранѣе нашего брата.

— Но я, право, началъ уже опасаться при мысли, что̀ бы могло произойти, если бы у меня вырвалось признаніе о непосѣщеніи мною сегодня церкви?

— Она это, повѣрьте, знала такъ же хорошо, какъ мы съ вами,—утверждалъ полковникъ,—но пасторъ возложилъ на насъ сегодня нынче утромъ почти полуторачасовую службу, что̀, надо полагать, и привело ее въ непріятное настроеніе духа.

— Но я не вижу причины срывать подобное неудовольствіе именно на мнѣ,—пробормоталъ Клиффордъ.

Старикъ внезапно остановился. Они съ Кингомъ шли по направленію къ «Голубому Льву».

— Я понялъ!—убѣжденно воскликнулъ Бёстель,—это—изъ-за Нэлль Клариссъ, ея молоденькой любимицы. Моя дочь глубоко возмущена тѣми способами преслѣдованія, которымъ недавно подверглась дѣвушка, и, можетъ быть, Теодора подозрѣваетъ участіе и съ вашей стороны въ этой травлѣ?

— Но, въ такомъ случаѣ, она не права!—съ негодованіемъ вырвалось у Кинга:—врядъ ли кто раздраженъ болѣе меня недостойнымъ подвохомъ, и вы, конечно, повѣрите, если я вамъ скажу, что явился сегодня сюда съ исключительной цѣлью вторично предложить Нэлль сдѣлаться моей женою!

Полковникъ слушалъ съ живымъ интересомъ.

— Вернемтесь же немедленно и, пожалуйста, зайдите къ намъ на минутку, — заговорилъ онъ съ неменьшимъ волненіемъ, чѣмъ то, которое обнаружилъ молодой человѣкъ,—Теодора, положительно, готова будетъ васъ расцѣловать, когда узнаетъ это!

Но Клиффордъ, не особенно спѣшившій вкусить поцѣлуи старой дѣвы, отретировался съ извиненіями:

— Будьте добры,—просилъ онъ старика,—передать вашей уважаемой дочери выраженіе моей искреннѣйшей благодарности за ея теплое участіе къ любимой мною дѣвушкѣ. Я съ безграничной радостью назвалъ бы ее моею, если бы она дала на то право, но, все же, сохраняю надежду и не лишусь ея, даже въ случаѣ новаго отказа со стороны Нэлль на предложеніе, съ которымъ сейчасъ же намѣренъ къ ней обратиться.

Однако, разставшись съ Бёстелемъ, Кингъ видѣлъ передъ собою лишь весьма слабую перспективу успѣха, быстро шагая по дорогѣ къ гостиницѣ. Онъ писалъ племянницѣ Клариса раза три или четыре, но не получилъ отвѣта ни на одно изъ писемъ, хотя Нэлль и не возвращала ихъ обратно. Значитъ, она ихъ получила и, вѣроятно, даже прочла. Если бы въ этомъ обстоятельствѣ таился для него хоть проблескъ надежды, то въ душѣ его несомнѣнно сразу проснулась бы бо̀льшая увѣренность. Но, принявъ во вниманіе тѣ выраженія, въ которыхъ онъ ей писалъ, съ жаромъ умоляя о разрѣшеніи пріѣхать и побывать у нея, онъ терялъ послѣднее нравственное мужество.

На дѣлѣ же ему повезло гораздо болѣе, чѣмъ онъ смѣлъ разсчитывать въ самыхъ сладостныхъ мечтахъ: проходя по маленькому мостику, переброшенному черезъ рѣчку, онъ увидѣлъ Нэлль, которая возвращалась домой съ противоположной стороны. Она держала въ рукѣ молитвенникъ и, очевидно, только-что прослушала обѣдню въ строоской церкви.

Они увидѣли другъ-дружку одновременно. Дѣвушка остановилась, поблѣднѣла и направила шаги влѣво, съ очевиднымъ намѣреніемъ скрыться отъ Клиффорда за группою лачужекъ, находившихся между нею и трактиромъ. Но Кингъ оказался для нея слишкомъ хорошимъ ходокомъ, и по той быстротѣ, съ которой онъ приближался, она не замедлила убѣдиться, что всякая дальнѣйшая попытка бѣжать отъ молодого человѣка безплодна.

Поэтому, Нэлль рѣшительно пошла

Digitized by Google

опять намѣченнымъ путемъ, опустивъ глаза къ землѣ.

— Миссъ Кларисъ, Нэлль!—тихимъ голосомъ обратился онъ къ дѣвушкѣ, очутившись близъ нея.

Лишь на одно мгновенье устремила она взоръ въ лицо Клиффорду. Но онъ успѣлъ, однако, замѣтить разительную перемѣну въ дѣвушкѣ, съ тѣхъ поръ, какъ они видѣлись въ послѣдній разъ. Мрачный отпечатокъ легъ на прелестныя черты, не имѣвшій ничего общаго съ полудѣтской ясностью всего облика, особенно очаровывавшей въ ней ранѣе Кинга. Сердце безумно застучало у него въ груди при мысли, что виновникомъ, хотя и невольнымъ, такой печальной перемѣны былъ онъ самъ.

— Вы нисколько не рады меня видѣть, какъ я замѣчаю?—возбужденно началъ онъ. Положимъ, я и не имѣлъ права разсчитывать, чтобы это вамъ было пріятно, но все-таки—надѣялся!

Она молчала.

— Доходили ли до васъ мои письма?

— Да,—коротко отвѣтила Нэлль голосомъ, въ которомъ онъ не безъ удивленія открылъ еще признаки какой-то живости.

— Вы, слѣдовательно, знаете, что я васъ просилъ вызвать меня сюда?

— Я же... я не писала вамъ—сдѣлать это...

— Ну, я ждалъ, пока былъ въ силахъ! Только, Нэлли, я почувствовалъ себя слишкомъ несчастнымъ, чтобъ терпѣть дольше! А теперь, видя васъ передъ собою да еще такой перемѣнившейся, и когда подумаю, что это случилось по моей винѣ, я прямо хотѣлъ бы повѣситься съ горя. Клиффордъ ждалъ отъ нея хоть одного слова, но дѣвушка продолжала хранить молчаніе, пока пара слезинокъ не скатились по ея щекамъ.

— О дорогая моя!—простоналъ, теряя голову, Клиффордъ:—неужели вы не согласитесь выйти за меня и не позволите увезти васъ отсюда? Вѣдь, вы меня уже знаете достаточно долго,—не правда ли?

Нэлль отрицательно покачала головой.

— Я бы ни съ кѣмъ не рѣшилась вступить въ бракъ до выясненія исторіи этихъ кражъ,—отвѣтила она рѣшительно.

— А не могли ли бы вы сами помочь намъ въ этомъ?

Слова его вызвали на лицѣ Нэлль смертельную блѣдность, и она посмотрѣла на Кинга съ выраженіемъ гнѣвнаго упорства.

— Такъ вотъ ради чего вы сюда пожаловали—развѣдать: нельзя ли изъ меня извлечь интересныхъ свѣдѣній и удовлетворить свое любопытство, не затрудняя себя присылкою новаго соглядатая?—кричала она, роняя слова безъ передышки съ дрожью во всемъ тѣлѣ. Нѣтъ, мистеръ Кингъ, я ничего не знаю и, если бы даже мнѣ и были извѣстны какія-нибудь обстоятельства, я бы ихъ, все равно, вамъ не сообщила. А, разъ вы уже на собственный рискъ занялись сыскомъ, совѣтую вамъ довести дѣло до конца по своему же усмотрѣнію!

— Неужели вы способны думать, Нэлли, будто и я причастенъ этимъ гнустнымъ затѣямъ! Нѣтъ, нѣтъ! Вы, конечно, даже не допускаете подобной мысли! Развѣ я не пріѣхалъ сюда съ нарочной цѣлью предостеречь васъ противъ новаго посланнаго? Впрочемъ, мнѣ ничего опредѣленнаго на этотъ счетъ не извѣстно, и я только могу высказывать предположенія, но считаю своимъ долгомъ сообщить ихъ вамъ.

Вмѣсто того, чтобы обнаружить благодарность за такого рода сообщеніе, дѣвушка явно сочла его за лишнюю обиду.

— Къ чему бы вамъ меня предупреждать? — спросила она, и блѣдность лица ея вдругъ смѣнилась краскою гнѣва:—ужъ не для того ли, чтобъ напередъ обуздать мои воровскіе инстинкты, на случай прибытія такого господина?

— Нэлль, Нэлль, вы бы съ легкимъ сердцемъ не говорили подобныхъ вещей, если бы знали, какъ я отъ этого страдаю!

— Страдаете? О, вы страдаете изъ-за пустяковъ, а вотъ, когда, дѣйстви-

Digitized by Google

тельно, мучится племянница какого-нибудь трактирщика,—это не важно! Но, все-таки, слѣдовало бы повѣрить... и она горько заплакала.

Клиффордъ чувствовалъ себя при этомъ не менѣе несчастнымъ, чѣмъ сама Нэлль, и его глаза стали влажны, послѣ безплодныхъ попытокъ утѣшить дѣвушку. Но, въ концѣ концовъ, ему удалось этого добиться, а также вырвать у нея признаніе, что она, взаправду, не допускала мысли объ его участіи въ отправкѣ Джэка Лоундэса, какъ добровольнаго сыщика.

Что же касается возможности прибытія новаго лица въ подобномъ же родѣ, на которую указывалъ Клиффордъ, то она относительно этого только пренебрежительно пожала плечами, успокоившись немного.

— Пусть его присылаютъ,—равнодушно заявила она:—я даже не стану просить дяди, чтобы онъ отказался принять этого господина, если по догадкамъ узнаю его въ одномъ изъ пріѣзжихъ. Необходимо все вывести на свѣжую воду, и чѣмъ энергичнѣе будутъ производиться разслѣдованія, тѣмъ скорѣе пройдетъ мимо эта бѣда.

Когда она окончательно успокоилась, Клиффордъ сдѣлалъ еще одну попытку—узнать ея настоящее мнѣніе объ этой загадочной исторіи.

Она стала къ нему любезнѣе и признала ни въ чемъ не виноватымъ относительно себя. Для ея же блага необходимо было воспользоваться этимъ обстоятельствомъ.

— Заявляю вамъ торжественно, что такъ же мало, какъ и вы, умѣла выработать опредѣленное мнѣніе на этотъ счетъ, но, признаюсь, у меня ранѣе возникъ, было, родъ ужаснѣйшаго полупредположенія...

— И вы не желаете мнѣ сказать, какое это именно было полупредположеніе? — съ жаромъ перебилъ ее Кингъ.

— Нѣтъ,—твердо отвѣчала Нэлль.

— Ну, а какъ же теперь?—продолжалъ молодой человѣкъ.

— Теперь я такъ же далека отъ какой бы то ни было идеи о самомъ виновникѣ преступленія, какъ и вы. Въ началѣ, я старалась вообразить, будто этотъ мистеръ Лоундэсъ, улегшись спать съ головой, набитой фантазіями про разбойниковъ, разсказалъ намъ потомъ исторію, которая пригрезилась ему во снѣ. Но чѣмъ болѣе я обдумывала, какъ именно онъ намъ ее передавалъ, тѣмъ яснѣе видѣла необходимость признать, что это вовсе не былъ сонъ; а все-таки...

— Не видѣли ли вы, что кто-нибудь, кромѣ него, пробѣжалъ чрезъ вашу комнату?

— Безусловно нѣтъ, — съ настойчивостью отвѣчала Нэлль.

— Не могла ли это быть служанка, та дѣвушка, которую я замѣтилъ за питейной стойкою?—осторожнымъ тономъ предложилъ вопросъ Клиффордъ.

— Эта бѣдняга? Полноте! Она, вотъ уже пятнадцать лѣтъ—на службѣ у моего дяди; а вы знаете, что, какъ всѣ утверждаютъ только въ послѣднее время, или, вѣрнѣе, съ моего переселенія сюда (при этомъ она опять густо покраснѣла) въ гостиницѣ начали совершаться кражи. Мнѣ стыдно, но я должна сознаться, что въ ту ночь, когда мистеръ Лоундэсъ разсказывалъ свою исторію, я отправилась въ каморку служанки именно... только съ цѣлью взглянуть,—находится ли она тамъ? И она лежала въ глубокомъ не притворно, а дѣйствительно - глубокомъ, снѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ. Я подвергла ее испытанію при помощи свѣчки, которую держала передъ самыми глазами этой дѣвушки: изъ этого вы можете видѣть, что я дѣйствовала въ состояніи полнаго отчаянія,—прибавила Нэлль въ свое оправданіе:—а, затѣмъ я даже еще отправилась внизъ, чтобы бросить взглядъ на старуху-Нэнни! И Нэлль казалась жестоко-пристыженной, послѣ подобныхъ признаній.

Клиффордъ же, который естественно не былъ проникнутъ столь деликатными чувствами по отношенію къ Нэнни и служанкѣ, продолжалъ еще питать тайную надежду, что та или другая изъ этихъ достойныхъ особъ, самымъ неожиданнымъ образомъ, по-

Digitized by Google

способствуетъ разрѣшенію загадки, оказавшись въ концѣ концовъ сама воровкою. Но онъ остерегался обнаружить эту надежду передъ Нэлль.

Хотя Кингъ не испытывалъ особаго желанія свидѣться съ Жоржемъ Кларисомъ, онъ, все-таки, призналъ необходимымъ рѣшиться на это. Трактирщикъ,—какъ молодой человѣкъ и предполагалъ заранѣе,—оказался противъ него крайне недружелюбно-настроеннымъ и свелъ на нѣтъ намѣреніе Кинга выложить передъ дядею свое сердце относительно племянницы, удалившись изъ буфетной комнаты, едва онъ успѣлъ туда войти. Клиффордъ также не увидѣлъ болѣе Нэлль, которая проникла въ домъ черным ходомъ, между тѣмъ какъ онъ вошелъ съ параднаго, и, хотя пробылъ тамъ почти до наступленія сумерокъ, въ надеждѣ, что старикъ или дѣвушка смягчатся и, по крайней мѣрѣ, удостоятъ попрощаться съ нимъ, пришлось безъ этого утѣшенія, не солоно-хлебавши, вернуться въ Лондонъ.

Нэлль, настороженной Клиффордомъ противъ имѣвшаго прибыть нежеланнаго гостя, недолго пришлось его ждать. Онъ появился уже нѣсколько дней спустя въ образѣ господина добродушной внѣшности съ рыжеватой шевелюрой и тусклыми, усталыми глазами,—одного изъ тѣхъ, возрастъ которыхъ не легко поддается опредѣленію, пока, послѣ тщательнѣйшаго осмотра, мелкія складки подъ глазами краснорѣчиво не укажутъ, что молодому, на поверхностный взглядъ, человѣку стукнуло далеко за сорокъ.

А у Жоржа Клариса не возникло никакихъ подозрѣній относительно личности и профессіи пріѣзжаго. Не смотря на распространившуюся дурную славу заведенія, многіе путешественники ночевали въ немъ по пяти ночей кряду. Но они, большею частью, принадлежали къ низшимъ сословіямъ, посягать на карманы которыхъ, положительно, не стоило труда. Самъ же представитель тайной полиціи (это былъ именно одинъ изъ нихъ) выдавалъ себя за комми-вояжера и прикидывался въ теченіе первыхъ сутокъ, проведенныхъ имъ подъ кровлею «Голубого Льва», будто предпринимаетъ по окрестнымъ городамъ и мѣстечкамъ цѣлый рядъ дѣловыхъ поѣздокъ, послѣ которыхъ каждый день къ вечеру возвращался обратно въ гостиницу — съ другой стороны, отнюдь не бросавшимся въ глаза образомъ. Со второго дня, началъ онъ разсказывать, что долженъ получить къ четвертому—крупныя суммы денегъ, обсуждая эту перспективу передъ возможно-большимъ числомъ самыхъ разношерстныхъ слушателей. Стикэльсъ, который со злобно устремленными на Нэлль глазами все еще продолжалъ валандаться вокругъ «Голубого Льва», три или четыре другихъ рыбака да нѣсколько полевыхъ работниковъ находились, какъ-то, при этомъ въ трактирѣ. Неудачливый воздыхатель племянницы Клариса толкнулъ, многозначительно мигнувъ глазомъ, одного изъ своихъ спутниковъ въ бокъ. Сыщикъ замѣтилъ жестъ молодого рыбака. Когда наступила четвертая ночь, полицейскій, какъ предполагалось, уже имѣвшій при себѣ крупную сумму, яко-бы, принятыхъ имъ платежей, отправился, по обыкновенію, въ свою комнату, но вовсе не для того, чтобы мирно улечься спать. Всхрапнувши изрядно днемъ, онъ успѣлъ оградить себя противъ искушенія на этотъ счетъ. Совершенно одѣтымъ спрятался онъ до шеи подъ одѣяло и терпѣливо ждалъ часа три. Но вотъ, приблизительно часа за два передъ разсвѣтомъ, явился таинственный посѣтитель. Въ высшей степени тихо быстрыми, легкими движеніями испытаннаго вора прокрадывалась эта фигура вдоль стѣнъ, ощупывая ихъ и чего-то ища. Сыщикъ поднялся, соскочилъ съ кровати и молніеносно затворивши входную дверь, прислонился къ ней спиною. Минутъ пять онъ тщетно прислушивался. Ни малѣйшій звукъ не выдавалъ присутствія другого лица въ комнатѣ. Вынувъ тогда изъ кармана спичечницу, онъ зажегъ свѣтъ, благодаря кото-

Digitized by Google

рому смогъ окинуть взглядомъ большую часть тѣсноватаго помѣщенія, но не обнаружилъ въ немъ никакихъ слѣдовъ человѣческаго существа, помимо самого себя. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ, однако, сообразилъ, что предполагаемому вору не трудно было спрятаться въ шкафъ, заполняющій углубленіе между стѣною и каминомъ, по другую сторону кровати. Довѣряя собственной ловкости, которая не дастъ дерзкому похитителю удрать, полицейскій агентъ, быстро перелѣзши черезъ постель, уже прикоснулся рукою къ шкафу, когда шумъ сзади заставилъ его повернуть голову еще настолько своевременно, чтобы увидѣть, какъ тѣнеподобная фигура, вѣроятно, прятавшаяся подъ кроватью, стремительно растворяла дверь. Сыщикъ подскочилъ къ послѣдней и успѣлъ схватить исчезавшую особу за руку. Моментально женская фигура (такъ какъ это, дѣйствительно, оказалась представительница слабаго пола!) точно окаменѣла, уподобившись безжизненной статуѣ.

— Ну, теперь я держу тебя!—прошипѣлъ полицейскій агентъ:—посмотримъ-ка на твою наружность!

И, придерживая еще крѣпко стиснутую руку ея, онъ зажегъ спеціальнаго сорта сѣрникъ изъ пачки, которая лежала въ ближайшемъ къ свободной рукѣ карманѣ. Но прежде, нежели ему удалось что бы то ни было различить, плѣнница задула свѣтъ и вступила съ дюжимъ противникомъ въ отчаянную борьбу. Не выпуская изъ пальцевъ спичку, на концѣ которой продолжалъ тлѣть уголекъ, онъ при помощи этого красновато-тусклаго огонька пытался ознакомиться съ чертами лица воровки, все-таки, находившейся въ его власти. На минуту пріостановивъ свои бѣшеныя попытки къ освобожденію, она сумѣла стиснутой рукою схватить сѣрникъ, но болѣзненно застонала, когда раскаленное остріе его сильно обожгло ей ладонь. Сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ она ловкимъ поворотомъ вырвалась на волю.

Ближайшее сознательное впечатлѣніе, воспринятое послѣ ея бѣгства сыщикомъ, былъ шумъ, какъ отъ паденія человѣческаго тѣла, у подножія лѣстницы. Но вотъ открылась выходная дверь съ задняго фронта гостиницы и сейчасъ же опять захлопнулась.

IX.

Знакъ на рукѣ.

Проклиная свою собственную неудачу и ловкость да быстроту удравшей воровки, сыщикъ ринулся внизъ по лѣстницѣ и выскочилъ черезъ черный ходъ именно въ тотъ моментъ, когда услыхалъ сверху голосъ хозяина, настоятельно желавшаго узнать, что происходитъ. А тѣмъ временемъ на дворѣ уже стало довольно свѣтло, и полицейскій агентъ могъ разсчитывать на кратковременную погоню за таинственной незнакомкой, лишь бы ему удалось очутиться на просторѣ. Поэтому онъ былъ крайне изумленъ, увидѣвъ, что преслѣдуемая имъ особа точно въ воду канула, не оставивъ за собою никакихъ слѣдовъ. Когда онъ врѣзался въ гряды съ капустными кочнями, передъ нимъ открылся широкій кругозоръ черезъ поля и противоположный берегъ рѣчки. Но не слышно было ни шороха, ни шелеста юбокъ, которые могли бы указать ему путь для дальнѣйшаго преслѣдованія. Онъ осторожно обошелъ домъ, послѣдовательно осматривая двери пристроекъ и пытливыми глазами профессіональнаго соглядатая выискивая закоулки и углубленія, гдѣ могла укрыться воровка. Что же касалось самаго зданія гостиницы, то окна нижняго этажа были ограждены ставнями, которые не обнаруживали никакихъ признаковъ какого бы то ни было прикосновенія къ нимъ, а дверь параднаго хода, навѣрно, была заперта извнутри. Затѣмъ онъ направился къ кучкѣ избушекъ, стоявшихъ тутъ же рядомъ, и спросилъ рабочаго, только-что собиравшагося покинуть одну изъ нихъ, чтобы отправиться на свои дневныя

Digitized by Google

занятія, не видѣлъ ли онъ въ послѣднія минуты кого-нибудь по близости? Человѣкъ этотъ далъ отрицательный отвѣтъ. Возвращаясь къ черному ходу гостиницы, сыщикъ замѣтилъ одно интересное обстоятельство, а именно, что лодка, которая, передъ тѣмъ какъ онъ обходилъ вокругъ дома, была на этой сторонѣ рѣчки, теперь вдругъ оказалась привязанной къ сваѣ у другого берега. Когда полицейскій агентъ обратилъ на это вниманіе, какъ разъ вышелъ Жоржъ Кларисъ: онъ имѣлъ ужасно сердитый видъ и приближался къ предполагаемому комми-вояжёру съ угрожающими тѣлодвиженіями.

— Такъ это, значитъ, вы перевернули здѣсь все вверхъ дномъ, а? И для чего же? Я непремѣнно хотѣлъ бы знать! Къ чему все это?

— И въ свое время узнаете,—сухо отвѣтилъ сыщикъ:—мнѣ было бы пріятно, если позволите, увидѣть сейчасъ всѣхъ безъ исключенія женщинъ въ этомъ домѣ, и дамъ, и прочихъ. Вамъ, я полагаю, извѣстно, съ какой цѣлью я прибылъ сюда? Мнѣ бы не хотѣлось причинять болѣе, чѣмъ нужно, безпокойства; но я долженъ выяснить эту исторію.

— Ну, и шпіоньте, сколько влѣзетъ, — съ раздраженіемъ отрѣзалъ трактирщикъ,—но я не допущу, чтобы вы здѣсь кого бы то ни было потревожили!

— Хорошо! — согласился тотъ въ примирительномъ тонѣ. Я вовсе и не склоненъ пугать дамъ; но, если онѣ отвѣтятъ мнѣ на нѣкоторые предложенные вопросы и вы—также, это мнѣ сильно поможетъ. Тѣмъ болѣе, что, какъ я убѣжденъ, недобрые слухи относительно «Голубого Льва» распространились помимо вашего желанія, и вы будете чрезвычайно счастливы, разъ они окончательно смолкнутъ!

— Вольному воля,—отвѣчалъ Кларисъ,—но у меня лично нѣтъ охоты подвергаться перекрестному допросу. Впрочемъ, здѣшнее бабьё уже разбрелось по усадьбѣ, и, если вамъ угодно съ ними разговаривать,—поищите ихъ сами!

Сыщикъ отнесся весьма спокойно къ нахальству трактирнаго хозяина. Вспомнивши случай со спичкой, онъ сообразилъ, что обладаетъ путеводною нитью, о которой Жоржъ Кларисъ не имѣетъ даже представленія.

— На ея рукѣ долженъ былъ,— подумалъ полицейскій, — остаться слѣдъ отъ ожёга, который еще не скоро заживетъ.

Вернувшись обратно въ домъ, онъ замѣтилъ, при болѣе яркомъ свѣтѣ наступившаго утра, что, непосредственно надъ лѣстницей, стоитъ большой шкафъ; отворивъ его незапертыя дверцы, сыщикъ нашелъ сложенные тамъ предметы въ полнѣйшемъ безпорядкѣ. Онъ ждалъ, пока явится служанка взять оттуда свою метлу. Увидѣвъ его, дѣвушка отскочила съ явной досадою.

— Вамъ нечего меня бояться, — хладнокровно произнесъ онъ:—я попрошу васъ только сказать мнѣ, все ли здѣсь и теперь находится въ томъ же положеніи, въ которомъ вы оставили шкафъ въ послѣдній разъ?

Сыщику достаточно было одного мгновенія, и онъ убѣдился безусловно, что эта невиннѣйшая личность безусловно не была предметомъ его преслѣдованія.

— Ну, нѣтъ, конечно, нѣтъ, — отвѣчала она съ глубокимъ изумленіемъ,—вещи сорваны со своихъ мѣстъ, и кто-то по нимъ топтался да поразбрасывалъ мои платья! Ай! ужъ не думаете ли вы, сэръ, что сюда лазилъ самъ воръ?—продолжала она, широко раскрывая глаза. И служанка снова взглянула при этомъ на свою метлу, на ведро и одежду, разомъ испытывая смущеніе, страхъ и родъ благоговѣйнаго чувства къ стоявшему передъ ней господину.

— Значитъ, кто-то былъ тутъ въ самомъ шкафу: это ясно, не правда ли?—спросилъ полицейскій агентъ въ прекрасномъ настроеніи духа.

И онъ мысленно рѣшилъ, что испытанная воровка съ шумомъ открывала дверь на черномъ ходу и сей-

Digitized by Google

часъ же опять ее захлопнула, чтобы скрыться въ шкафу, пока ей не удастся вѣрнѣе улизнуть!

— Надо полагать, вы не случайно видѣли ее нынче утромъ? — въ шутливомъ тонѣ обратился онъ къ дѣвушкѣ.

— Видѣла воровку? Боже мой! Да совсѣмъ нѣтъ, сэръ! Если она и была въ домѣ, то, навѣрно, поспѣшила скорѣе убраться восвояси! Я, вѣдь, спустилась внизъ почти такъ же рано, какъ и хозяинъ, и тогда уже здѣсь положительно никого не было видно, кромѣ него, меня да миссъ Нэлль!

— Бѣдная молодая барышня, боюсь, была страшно напугана этимъ шумомъ?

— Пожалуй, хоть мы уже и привыкли къ этимъ исторіямъ,—философски отвѣтила служанка, — миссъ Нэлль казалась блѣдной и словно готовой упасть въ обморокъ, и бѣдняжка безъ конца начала дрожать, когда поднялся шумъ. Тутъ хозяинъ велѣлъ ей идти къ полковнику и оставаться у нихъ, пока онъ не пошлетъ за нею.

— Къ полковнику? А кто же этотъ полковникъ?

— О, старый баринъ, который живетъ здѣсь по сосѣдству на Кёнстэтайрской дорогѣ. Миссъ Нэлль носитъ имъ свѣжее молоко, прямо отъ коровы, каждое утро и каждый вечеръ.

— А помоему, — замѣтилъ сыщикъ,—ваша миссъ Нэлль для этого слишкомъ деликатная барышня!

— Да она ни для кого другого и не стала бы этого дѣлать, — съ жаромъ выступила въ защиту своей повелительницы служанка,—но полковникъ и его дочь, взаправду, принадлежатъ къ знати, только они побѣднѣли и не держатъ у себя никакой прислуги. Миссъ Теодора вынуждена исполнять сама всѣ домашнія работы. И, потомъ, она была очень ужъ добра къ миссъ Нэлль, и наша барышня, кажись, прямо-таки не знаетъ, чѣмъ бы ее достаточно отблагодарить! Я бы охотно носила туда молоко, но миссъ Нэлль обязательно хочетъ дѣлать это сама!

Сыщикъ собирался дальше повыспросить служанку, какъ вдругъ ему помѣшалъ исполнить это намѣреніе голосъ Жоржа Клариса. И, къ величайшему своему огорченію, при слѣдующей встрѣчѣ съ нею, онъ не могъ не замѣтить, что хозяинъ успѣлъ отравить ея душу ядомъ подозрѣнія, и она оказалась уже далеко не столь общительной.

Увидѣвъ данный источникъ свѣдѣній безповоротно для себя закрытымъ и рѣшивши, что Нэлль не воротится до его удаленія, полицейскій агентъ отправилъ свой багажъ съ нарочно нанятымъ мальчикомъ въ Строо, заплатилъ по счету и покинулъ гостиницу. Но это не было настоящимъ отъѣздомъ: догнавъ мальчика, онъ приказалъ ему сдать багажъ на храненіе одному изъ сторожей строоской желѣзнодорожной станціи, и лишь только парень, выполнивъ порученіе, отошелъ на порядочное разстояніе оттуда, распорядился самъ переноскою своихъ вещей съ вокзала въ ближайшую мѣстную гостиницу. А послѣ того онъ поспѣшилъ обратно къ «Голубому Льву»; но не хотѣлъ появиться тамъ ранѣе, нежели узнаетъ, что миссъ Нэлль уже вернулась отъ своей пріятельницы. Впрочемъ, это было какъ разъ глухое время дня для трактира, гдѣ не видно было ни души, къ кому бы онъ могъ обратиться съ разспросами.

Проходя мимо, онъ успѣлъ бросить взглядъ въ буфетную комнату, но въ ней ни передъ стойкою, ни за нею не было также ни одного человѣка. Послѣ того, что онъ проваландался такимъ образомъ нѣкоторое время, ему неожиданно бросилась въ глаза у боковой двери почти квадратная фигура служанки, которая вытряхивала чье-то платье и, замѣтивъ сыщика, отпрянула съ легкимъ крикомъ назадъ.

— Ну, — спросилъ онъ дѣвушку, ловкимъ движеніемъ занявъ мѣсто между нею и дверьми, — что у васъ

Digitized by Google

тамъ происходитъ? Вѣдь вы отчаянно испугались, увидѣвъ меня?

— Но я не имѣю ни малѣйшаго желанія пускаться съ вами въ разговоры,—отвѣтила та, уперши руки въ бёдра,—мнѣ кажется, что вы—нечто иное, какъ этакій шпіонъ, забравшійся сюда — погубитель насъ всѣхъ! Тьфу! Тьфу! Прямо придется со стыда сгорѣть, если, не дай Богъ, увидятъ, что я еще съ вами разговариваю.

— Неужели вы не сознаете, насколько разъясненіе этого дѣла будетъ полезно для васъ всѣхъ, а также, вѣдь, необходимо, наконецъ, обнаружить, кто виновникъ нынѣшней худой славы «Голубого Льва»?—убѣдительно произнесъ онъ, — иначе—еще, пожалуй, обстоятельства принудятъ васъ всѣхъ, подобно миссъ Нэлль, бросить этотъ домъ!

— Да она давно уже воротилась,—вырвалось у служанки,—ей не долго пришлось дожидаться, пока хозяинъ послалъ за нею!

— И теперь она здѣсь? — съ жаднымъ интересомъ задалъ вопросъ полицейскій агентъ.

— Можете приставать, сколько влѣзетъ со своими разговорами, а до нея не доберетесь, если я буду только въ силахъ этому помѣшать!

Въ ту же минуту надъ ними открылось окно, и сыщикъ, не отвѣчая служанкѣ, взглянулъ наверхъ: тамъ онъ увидѣлъ Нэлль, которая, стоя возлѣ самаго подоконника, крошила на немъ кусокъ хлѣба для птицъ. Она скоро почувствовала устремленный на нее пристальный взглядъ и, густо покраснѣвши, хотѣла уже быстро затворить окошко, когда агентъ остановилъ ее съ повелительной настойчивостью:

— Прошу извиненія, миссъ, но не можете ли вы пожертвовать нѣсколькими минутами для важнаго дѣла?

Сразу казалось, что она колеблется; и въ это мгновеніе сыщикъ успѣлъ замѣтить, какой смертельной блѣдностью покрылось лицо дѣвушки. Но, въ концѣ концовъ, она, все-таки, кивнула утвердительно головой и, закрывъ окно, исчезла.

Сыщикъ, который могъ опасаться, какъ бы она снова не сдѣлала попытку уклониться отъ встрѣчи съ нимъ, стремительно оттолкнувши въ сторону служанку Мэгъ, вошелъ въ домъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній, черезъ боковую дверь, со словами:

— Вы сами видѣли, что барышня не прочь со мною переговорить!

У подножія лѣстницы они встрѣтились съ Нэлль.

— Что вамъ отъ меня угодно? — спросила она весьма спокойнымъ тономъ.

Но въ корридорѣ было такъ темно, что они лишь съ трудомъ различали другъ друга.

— Сознаюсь, однако, миссъ, что предпочелъ бы побесѣдовать съ вами при лучшемъ освѣщеніи, — отвѣтилъ сыщикъ.

— Такъ войдемте сюда, — предложила ему Нэлль, также послѣ замѣтнаго мгновеннаго колебанія, указывая дорогу къ маленькой гостиной съ задней стороны дома. Тамъ горѣлъ каминъ и была зажжена лампа.

Агентъ тайной полиціи приподнялъ фитиль кверху.

— Опять-таки извиняюсь передъ вами, миссъ, но мнѣ особенно необходимо хорошенько видѣть васъ во время нашего разговора.

Она круто обошла маленькій столъ и остановилась на противуположной сторонѣ отъ непрошенаго гостя.

Внезапнымъ движеніемъ сыщикъ бросился къ ней и, крѣпко схвативши дѣвушку за суставъ кисти, указалъ на ладонь ея правой руки; среди нѣжно-розовой кожи рѣзко выдѣлялся свѣже-вскочившій пузырь, съ красноватой полоской воспаленія по краямъ.

X.

Рыбакъ Стикэльсъ становится значительной особой.

— Это ожегъ, не правда ли?—спокойно спросилъ онъ.

Мертвенно-блѣдная Нэлль дрожала съ головы до ногъ. Лобъ ея покрыл-

Digitized by Google

ся крупными каплями пота, сверкавшими при свѣтѣ лампы, и она съ трудомъ извлекала изъ устъ слова, которыя произносила чисто-механически:

— Да!..

— Почтительнѣйше васъ прошу сообщить мнѣ, какъ это съ вами приключилось?

— Но что̀ за дѣло вамъ до этого?

— Вы, повидимому, думаете, будто я зря пристаю съ ненужными вопросами, и, разумѣется, я не могу заставить васъ отвѣчать на нихъ, если вамъ не угодно! Вы отказываетесь?

— О, нѣтъ, отчего же?—поторопилась она отвѣтомъ. Я гладила и, нечаянно задѣвши руку раскаленнымъ кончикомъ утюга, обожглась...

— А когда это произошло?

— Сегодня утромъ.

— Мнѣ кажется, миссъ, что васъ нынче съ утра не было дома?

— Да, я, дѣйствительно, выходила...

— И ничего не имѣете противъ того, чтобы сказать мнѣ, гдѣ именно были?

Блѣдное лицо ея покраснѣло.

— Предпочла бы умолчать по той единственной причинѣ, что была въ домѣ у моей пріятельницы, которую не желала бы видѣть обезпокоенною черезъ... ну, черезъ меня лично!

Пріѣзжій изъ Лондона холодно усмѣхнулся.

— Не у дочери ли полковника Бёстеля, миссъ?

— Да, но она ничего не знаетъ: я ей не говорила, почему именно пришла!

— И превосходно, миссъ Кларисъ! Но вы не тревожьтесь напрасно: я не слишкомъ ее обременю, могу вамъ пообѣщать заранѣе. При нынѣшнемъ положеніи вещей, дѣло сводится только къ ряду вопросовъ, которые приходится предлагать нѣкоторымъ лицамъ. Но вы естественно поймете, что намъ необходимо быть безусловно убѣжденными въ правдивости получаемыхъ отвѣтовъ.

Нэлль выглядѣла испуганнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, но, совсѣмъ не возражая, только произнесла съ напускнымъ спокойствіемъ:

— Не хотите ли вы меня еще о чемъ-нибудь спросить?

— Въ данный моментъ—нѣтъ, и я чрезвычайно благодаренъ за недолгую бесѣду, которой вы меня удостоили.

Но сыщикъ не скрывалъ отъ Нэлль (быть можетъ, не сумѣлъ скрыть) своего значительно приподнятаго настроенія. Не одинъ только знакъ ожега на ея рукѣ, но также легкость походки, ростъ, мягкость руки и, наконецъ, нерѣшительность ея отвѣтовъ заставили его повѣрить, что настоящій слѣдъ найденъ. Но онъ старался внушить племянницѣ трактирщика, будто вступаетъ на ошибочный путь.

— Признаюсь, вы оказали мнѣ въ высшей степени цѣнную помощь для разысканія вора, надѣлавшаго всю эту кутерьму.

Дѣвушка снова поблѣднѣла.

— И я еще долженъ прибавить, подъ глубочайшимъ секретомъ, такъ какъ не желалъ бы преждевременной огласки, пока не накрою молодчика, дѣйствительно, съ поличнымъ,—что это—одинъ изъ злоименитѣйшихъ воровъ въ западныхъ кварталахъ Лондона, уже не разъ сиживавшій подъ замкомъ!..

Когда онъ замѣчательно хитрымъ тономъ произнесъ эти слова, лицо Нэлль, гдѣ можно было все прочесть не менѣе легко, чѣмъ въ раскрытой книгѣ, приняло сначала крайне удивленный видъ, а затѣмъ краснорѣчиво выразило облегченіе и радость, которыя она тщетно пыталась скрыть.

Произошла мгновенная пауза передъ тѣмъ, какъ она оказалась въ состояніи сравнительно спокойно отвѣтить:

— Ну, я убѣждена, что мой дядя да и всѣ мы вообще почувствуемъ себя безгранично счастливыми, если вамъ удастся его поймать.

Когда агентъ тайной полиціи, позже, опять ее увидѣлъ на строгой дорогѣ, онъ только мысленно усмѣхнулся. До сихъ поръ ему везло на рѣдкость, хотя не хватало еще мно-

Digitized by Google

гихъ звеньевъ въ цѣпи доказательствъ для обвиненія очаровательной Нэлль Кларисъ въ кражахъ.

Такъ какъ онъ предполагалъ отправиться къ себѣ въ гостиницу, прежде чѣмъ взяться за дальнѣйшее разслѣдованіе у Бёстелей, сыщикъ выбралъ обратную дорогу по полямъ и шатался въ разныя стороны между «Голубымъ Львомъ» и домомъ полковника, тщательно уклоняясь отъ встрѣчъ со случайными наблюдателями. Но скоро онъ подмѣтилъ, что здѣсь сторожитъ еще кто-то: фигура мужчины въ матросскихъ сапогахъ, съ надвинутой на бекрень войлочной шапкой и трубочкой во рту, не замедлила привлечь его вниманіе. Онъ узналъ въ этомъ человѣкѣ Стикэльса, одного изъ наиболѣе частыхъ посѣтителей «Голубого Льва», который пользовался славою отчаяннаго лѣнтяя, работающаго только, когда заставитъ крайность. Сыщикъ не могъ рѣшить въ точности, увидѣлъ ли его со своей стороны рыбакъ, несомнѣнно, слѣдившій за кѣмъ-то другимъ, при чемъ полицейскому не стоило особаго труда угадать, что это другое лицо была именно Нэлль Кларисъ.

Вѣдь Стикэльсъ не дѣлалъ тайны ни изъ своего восхищенія молодою особой, ни также изъ своей твердой рѣшимости, во что бы то ни стало, сломить ея гордыню! Сыщикъ имѣлъ намѣреніе разспросить миссъ Бёстель относительно ожега на рукѣ у Нэлль, но, сообразивши вдругъ, что дѣвушка сдѣлаетъ попытку его перехитрить, подготовивъ пріятельницу къ возможнымъ вопросамъ, онъ предпочелъ обождать ея появленія, чтобы она еще застала его у дочери полковника. Предположенія полицейскаго агента вполнѣ оправдались. Притаившись, въ ожиданіи, за купой кустовъ, онъ издали увидѣлъ племянницу трактирщика, которая съ быстротою лани, задыхаясь и бросая вокругъ боязливые взгляды, бѣжала по полямъ. Но на разстояніи не болѣе двухсотъ шаговъ отъ него она, слегка вскрикнувши, остановилась, когда Стикэльсъ, покинувъ свое убѣжище, одну изъ многочисленныхъ въ томъ мѣстѣ ямъ, неожиданно выскочилъ передъ нею. Полицейскій агентъ слышалъ грубый, издѣвательскій хохотъ рыбака; затѣмъ, онъ увидѣлъ, какъ дѣвушка ринулась впередъ съ очевиднымъ желаніемъ спастись отъ непрошеннаго поклонника при помощи своихъ быстрыхъ ногъ. Только Стикэльсъ умѣлъ помѣшать каждой ея попыткѣ убѣжать прочь.

— Стойте! — рѣзко обратился рыбакъ къ Нэлль: —вы лучше сдѣлаете, выслушавши то, что̀ я имѣю вамъ сказать, такъ какъ, если вы не согласны, я отправлюсь своей дорогой и, въ наказаніе вамъ, сообщу это кому-нибудь другому.

— Я именно этого отъ васъ требую,—съ негодованіемъ крикнула ему въ отвѣтъ дѣвушка,—вы знаете, что я ни теперь, ни послѣ вовсе не желала бы съ вами разговаривать! И она, круто повернувшись, готовилась ускользнуть назадъ къ гостиницѣ. Стикэльсъ, предвидѣвшій подобную попытку, скоро ее догналъ. Но они находились теперь слишкомъ далеко, чтобы сыщикъ могъ слышать содержаніе ихъ разговора, хотя онъ и различалъ ясно тонъ обоихъ голосовъ.

Было очевидно, что ближайшія произнесенныя рыбакомъ слова произвели на дѣвушку огромное и потрясающее впечатлѣніе. Въ чертахъ лица ея, которыя сначала выражали одно гнѣвное упорство, сразу отразился безпредѣльный ужасъ, когда молодой человѣкъ, тѣсно приблизившись къ ней, возбужденно и серіозно принялся ей что-то передавать хриплымъ шепотомъ. А сыщикъ такъ рьяно жаждалъ подслушать, какого рода рѣчи способны были настолько взволновать Нэлль, что онъ изъ своего прибѣжища поползъ впередъ по илистому дну отводной канавы, тянувшейся рядомъ съ дорогою, пока не очутился близъ разговаривавшихъ и не началъ улавливать каждое отдѣльное ихъ слово.

— Конечно, я не согласна на это, —въ изступленіи воскликнула она,— вдобавокъ, никто не повѣритъ вашей

Digitized by Google

исторіи, да и вы не осмѣлитесь разсказывать ее кому-нибудь другому изъ опасенія прослыть сумасшедшимъ!

— Вы не хотите? Ну, хорошо же!— съ пѣной у рта вырвалось у Стикэльса. Въ такомъ случаѣ, я сообщу этому господину Гэннингу, который въ послѣдніе дни занимается здѣсь сыскомъ! Могу ли я это сдѣлать, миссъ, а?

— Отправляйтесь лучше со мною къ Бёстелямъ и попробуйте повторить при полковникѣ и миссъ Теодорѣ гнусную выдумку, если у васъ хватитъ наглости!..

Наступилъ перерывъ, и полицейскій агентъ угадалъ изъ той позы, въ которой она ждала отвѣта отъ рыбака, что ея личная самоувѣренность гораздо слабѣе тона ея рѣчей. Предложеніе Нэлль естественно пришлось по вкусу Стикэльсу.

— Миссъ Кларисъ, — началъ онъ въ духѣ разумной убѣдительности,— развѣ вы, въ самомъ дѣлѣ, хотите меня къ этому принудить? Вамъ отлично извѣстно, что я бы никогда не рѣшился такъ открыто говорить съ вами объ этомъ, если бы не добылъ предварительно самыхъ вѣскихъ доказательствъ!

— Ступайте за мною и повторите свою басню при свидѣтеляхъ, я требую этого съ вашей стороны! — уже нѣсколько бодрѣе настаивала Нэлль, замѣтивъ, до чего рыбакъ, въ глубинѣ души, возстаетъ самъ противъ подобнаго исхода.

— Нѣтъ, не желаю!—съ упорствомъ отказывался онъ, — въ такомъ случаѣ, я пойду своимъ путемъ, прибавлю только, что, если вы склонны поддерживать со мною дружелюбныя отношенія и, хоть изрѣдка, приглашать меня въ гости, какъ дѣлали это три мѣсяца назадъ, относительно того молодого щеголя изъ Лондона, я, пожалуй, готовъ держать языкъ за зубами! Но, разъ вы откажетесь поступать такимъ образомъ...

— И не намѣрена вовсе! — гнѣвно отрѣзала ему Нэлль.

Внезапно отскочивъ прочь отъ Стикэльса, она достигла улицы и торопливо направилась по ней къ жилищу полковника.

— Великолѣпно!—завопилъ ей въ догонку рыбакъ, напрягая свой голосъ,—но, если вы позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ, то разскажите-ка это сейчасъ вашимъ лучшимъ друзьямъ и посмотрите, не сочтутъ ли они за лучшее, чтобы мы съ вами жили въ добромъ согласіи!

При послѣднихъ словахъ Стикэльсъ какъ разъ поравнялся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ притаился сыщикъ. Улучивши вскорѣ подходящій моментъ, онъ выползъ изъ своего незавиднаго убѣжища и, поспѣшными шагами послѣдовавши за рыбакомъ, нагналъ его еще ранѣе, чѣмъ онъ достигъ плетня, огораживающаго садъ Бёстелей.

— Вы Стикэльсъ? — обратился онъ къ рыбаку съ вопросомъ, словно не будучи вполнѣ въ этомъ увѣренъ,—а я именно хотѣлъ обмѣняться съ вами парою словъ!

Онъ говорилъ глухимъ голосомъ, не желая, чтобы его услышала Нэлль, которая находилась теперь на незначительномъ разстояніи отъ нихъ впереди. А рыбакъ нарочно отвѣчалъ, какъ только могъ, громко.

— Да, мистеръ Гэннингъ, оно и мнѣ чрезвычайно пріятно, и если вы о многомъ станете меня разспрашивать, авось и я сумѣю вамъ не мало любопытнаго разсказать!

Сыщикъ замѣтилъ, что дѣвушка, подошедшая теперь къ углу улицы и собиравшаяся повернуть къ парадным дверямъ дома, вдругъ остановилась и, послѣ нѣкотораго колебанія уже, видимо, хотѣла возвратиться къ Стикэльсу. Тотъ же, въ виду обнаруженнаго ею намѣренія, отступилъ шага два назадъ и, казалось, ожидалъ ее. Но Нэлль не подошла. Послѣ кратковременной нерѣшимости, она исчезла за угломъ бѣлаго зданія. А рыбакъ, между тѣмъ, надо полагать, успѣлъ отречься отъ проекта— сообщить полицейскому агенту то, что ему было извѣстно, или же онъ только, выкрикивая о подобной готовности своей, разсчитывалъ напугать дѣвушку. По крайней мѣрѣ, вмѣ-

Digitized by Google

сто того, чтобы продолжать бесѣду съ Гэннингомъ, онъ перескочилъ черезъ плетень въ садъ и, стремительно пробѣжавъ черезъ успѣвшія уже опустѣть цвѣточныя грядки, прильнулъ лицомъ къ кухонному окну, гдѣ виднѣлась зажженная свѣча. Отойдя на нѣсколько шаговъ влѣво, сыщикъ могъ со своего наблюдательнаго пункта внѣ сада, различить въ кухнѣ людскія фигуры, которыя онъ сейчасъ же призналъ за миссъ Бёстель и племянницу трактирщика. Онъ замѣчалъ также, хотя ни одинъ звукъ оттуда не достигалъ его ушей, что Нэлль въ крайнемъ возбужденіи что-то разсказывала старой дѣвѣ, а та спокойно ее слушала. Тогда рыбакъ взрывомъ своего издѣвательскаго хохота вдругъ отчаянно всполошилъ обѣихъ женщинъ, которыя, отскочивши въ сторону, устремили взоры на окно.

Мистеръ Гэннингъ уже совсѣмъ было подготовился перескочить черезъ плетень, чтобы заговорить со Стикэльсомъ, когда открылась дверь чернаго хода въ домѣ, и миссъ Теодора обратилась къ рыбаку самымъ любезнымъ голосомъ:

— Джэмсъ, это—вы? Что вы здѣсь дѣлаете и зачѣмъ пугаете насъ? Если вамъ что-нибудь угодно, зайдите лучше сюда!

— Я ничего не имѣю сообщить вамъ обѣимъ, — злобно проворчалъ онъ:—и я ничего не говорилъ, кромѣ одной вещи, а именно, — на какомъ основаніи та барышня, которая осталась вонъ въ кухнѣ, постоянно позволяетъ себѣ топтать меня въ грязь?

— Ну, развѣ вы не слыхали,—прибѣгла старая дѣва къ нѣсколько натянутой шуткѣ, — будто робкому и унывающему никогда не удастся пріобрѣсти расположеніе хорошенькой женщины? Откуда же у васъ взялось предубѣжденіе относительно дурныхъ чувствъ къ вамъ со стороны миссъ Кларисъ?

— Откуда оно взялось? — въ положительномъ неистовствѣ заревѣлъ Джэмсъ,—взялось, потому что она ихъ показываетъ на каждомъ шагу, потому что, при встрѣчахъ со мной не можетъ не отвернуть головы, точно я, въ самомъ дѣлѣ, стою безконечно ниже благосклоннаго вниманія благородной дѣвицы... И вотъ за что я скажу ей: погодите только—мы еще расквитаемся!

— Богъ мой, Богъ мой —скорбѣла миссъ Бестель,—никогда я не ожидала, чтобъ такой славный малый, какъ вы, способенъ былъ угрожать женщинѣ!

Стикэльсъ продолжалъ ворчать.

— Я бы надѣялась на большее терпѣніе съ вашей стороны! Должна ли я передъ нею за васъ походатайствовать?

Рыбакъ отвѣчалъ ей только презрительнымъ смѣхомъ.

— Я вамъ желаю добра!—чирикала старая дѣва, — а теперь ступайте за мною въ кухню и послушайте, что я ей скажу!

Послѣ мгновеннаго колебанія, Джэмсъ проскользнулъ въ корридоръ, и Теодора уже собиралась запереть дверь, какъ вдругъ за ручку послѣдней схватился, появившійся передъ миссъ Бёстель, сыщикъ.

— Прошу извиненія, сударыня, но не удостоите ли вы меня секретнымъ разговоромъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ?

Вскрикнувъ отъ неожиданности, когда увидѣла передъ собою посторонняго, дочь полковника не замедлила вернуть свое самообладаніе и изъявить согласіе.

— О, да, я уже слыхала! Вы—тотъ... пожалуйста, войдите!

Онъ такъ и сдѣлалъ, слѣдуя за нею въ холодную, темную комнату справа, гдѣ миссъ Бёстель попросила его сѣсть и зажгла въ то же время одну изъ двухъ свѣчей, которыя стояли на карнизѣ камина.

— А теперь, — обратилась къ нему старая дѣва съ вопросомъ, также занимая мѣсто на узкомъ креслѣ съ прямой спинкою:—что, собственно, вамъ отъ меня угодно?

— Изволите ли видѣть, сударыня,— началъ сыщикъ, который, приткнувшись къ самому краю своего сидѣнія, несказанно удивлялся переизбытку

Digitized by Google

собственнаго достоинства, вѣявшаго отъ этой миніатюрной, опрятной, хотя и убого одѣтой, особы:—мнѣ бы желательно знать, не произошло ли здѣсь какого-нибудь несчастнаго случая съ молодой гостьей, проведшей у васъ сегодняшнее утро, т. е., — съ миссъ Кларисъ?

Гэннингу бросился въ глаза паръ отъ его собственнаго и ея дыханія, среди холоднаго воздуха этой маленькой комнаты, при чемъ онъ даже подумалъ, что на дворѣ, въ полѣ, теперь, безъ сомнѣнія, гораздо теплѣе, а старая дѣва, видимо, казалась удивленной.

— Несчастный случай? Нѣтъ, я такого положительно не могу припомнить.

— Не была ли она тутъ занята какой-нибудь работою для васъ, сударыня? По ея словамъ, она что-то гладила?...

— Здѣсь она ничего не гладила,— быстро отвѣтила миссъ Бёстель.

— А меня она именно увѣряла, будто обожгла себѣ утюгомъ руку...

Хозяйка дома отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, утюгъ все время находился въ моихъ рукахъ, — твердо заявила она.

Сыщикъ замѣтилъ, однако, что его собесѣдница, словно опомнившись, начинаетъ мѣнять тонъ, и сейчасъ же подумалъ: «не сочиняетъ ли она какую-нибудь исторію съ цѣлью выгородить свою любимицу».

— Я соображаю, и мнѣ вотъ сейчасъ приходитъ въ голову: кажется, я дотронулась до руки миссъ Кларисъ утюгомъ и даже выразила тогда опасеніе,—не обожгла ли ее, хотя она и увѣряла, что это—пустяки, и въ самомъ дѣлѣ, при осмотрѣ, не оказалось никакого пораженія, — рѣшительно закончила старая дѣва.

— Благодарю васъ, сударыня,—важно произнесъ полицейскій агентъ, откланиваясь,—а теперь будьте добры предоставить мнѣ возможность видѣть вмѣстѣ вашу пріятельницу и Стикэльса, прежде чѣмъ я уйду отсюда.

— Съ удовольствіемъ, если они— еще здѣсь, — согласилась Теодора, послѣ чего вышла изъ комнаты и спустилась въ кухню, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Но, немного минутъ спустя, она возвратилась съ отпечаткомъ изумленія на физіономіи.

— Мнѣ очень жаль, только я должна сообщить вамъ: и Нэлль, и Стикэльсъ уже покинули нашъ домъ.

Сыщикъ распростился съ нею не въ особенно пріятномъ настроеніи духа. Ему обязательно слѣдовало бы заполучить особу Джэмса Стикэльса,— это было совершенно ясно! Но мистеръ Гэннингъ испытывалъ страхъ: не наложено ли уже нѣчто, въ родѣ «женскаго запрещенія», на молодого рыбака?

XI.

Улики.

Миссъ Бёстель, послѣ того какъ удалился агентъ тайной полиціи, заперла дверь, вздрагивая отъ ознобa, перевела духъ и пошла въ столовую. На одномъ изъ набитыхъ конскимъ волосомъ стульевъ тамъ сидѣла въ темнотѣ Нэлль. Старая дѣва вздохнула, осторожно ставя на столъ зажженую свѣчу, которую принесла съ собою изъ гостиной.

— Я чувствую себя весьма виновной и пристыженной,—почти угрюмо проворчала она: — сказавъ этому субъекту неправду, будто вы исчезли, хотя знала прекрасно, что вы перебрались только сюда; но изъ двухъ золъ пришлось выбирать меньшее, такъ какъ я боялась, что вы именно теперь не въ состояніи будете вынести второй, долгій и мучительный, перекрестный допросъ съ его стороны.

— Вы были правы, миссъ Теодора, и такъ же добры, какъ всегда, — съ глубокой сердечностью отвѣчала Нэлль.

Бѣдная дѣвушка имѣла, дѣйствительно, совсѣмъ изможденный видъ и, произнося слова, она, казалось, роняла ихъ чисто механически съ утомленныхъ устъ.

— Пойдемъ въ кухню, дитя мое, тамъ—теплѣе!—бодро обратилась къ ней дочь полковника: — я для васъ

Digitized by Google

приготовлю чашку горячаго чаю, тогда вы сразу лучше себя почувствуете.

— А что—Стикэльсъ уже ушелъ?— робко спросила Нэлль.

— Разумѣется, — я поспѣшила его сплавить.

— Полагаете ли вы,—черезъ силу начала дѣвушка:—полагаете ли вы, что онъ сдѣлалъ какое-нибудь сообщеніе этому... этому агенту тайной полиціи?

— Этого я, милая, не знаю. Люди его профессіи удивительно-молчаливы: немыслимо угадать что имъ извѣстно,—толковала старая дѣва,—и, вдобавокъ, развѣ онъ могъ бы отнестись съ довѣріемъ къ нелѣпымъ розсказнямъ молодого рыбака.

— Я, кажется, вамъ говорила,— вырвалось у Нэлль хриплымъ шепотомъ,—что Джэмсъ меня увѣрялъ, будто видѣлъ вора собственными глазами и даже могъ бы представить улики,— понимаете ли,—улики!

— Ну, моя милая,—сдержанно отвѣчала старая дѣва, ставя маленькій коричневый чайникъ на плиту,—а если бы даже и такъ?

У меня явилась мысль, не сочинилъ ли Стикэльсъ цѣлую исторію, чтобы заставить васъ относиться къ нему благосклоннѣе, такъ какъ совершенно ясно, что бѣдный парень влюбленъ безъ ума!

Дѣвушка сдѣлала жестъ отвращенія.

— Эхъ, право, вамъ бы не слѣдовало съ нимъ такъ сурово обращаться: это заставитъ его пуститься во всѣ нелегкія!

Нэлль поднялась со своего стула и стала совсѣмъ рядомъ съ пріятельницей.

— Миссъ Теодора,—зашептала она съ выраженіемъ глубокаго страха въ лицѣ,—это случилось не ради предлога поговорить со мною, нѣтъ, Джэмсъ обратился ко мнѣ нарочно, чтобы сказать... чтобы посовѣтовать довѣриться вамъ... и передать все, все сообщенное имъ...

— Ну, разсказывайте же, дорогая, если хотите,—ободряла ее миссъ Бёстель, дружественно кладя руку дѣвушкѣ на плечо.

— Должна ли я?

— Разумѣется, да, дитя мое, не скрывайте ничего. Если вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что Стикэльсъ видѣлъ вора и могъ бы его уличить, то пусть ваша сердечная доброта вамъ не мѣшаетъ обратиться къ нему съ требованіемъ—заявить объ этомъ открыто!

— Но... вы, вѣдь, не знаете кто... кто именно... по словамъ Джэмса... былъ воръ...

— Ахъ, стоитъ ли изъ-за этого мучиться напрасно. Воръ всегда остается воромъ и долженъ быть наказанъ, а, если онъ, въ данномъ случаѣ, даже знакомая вамъ личность, то, какъ бы вамъ ни было жалко, все-таки не слѣдуетъ уклоняться отъ исполненія ясно намѣченнаго долга и обязательно нужно способствовать передачѣ преступника въ руки правосудія!

— Но представьте себѣ роковое обстоятельство, что это, какъ разъ,— особа, которую вы не только знаете, но и горячо любите,—что же тогда остается дѣлать?

Дочь полковника отрицательно покачала головой.

— Стикэльсъ просто грозилъ вамъ, будто можетъ доказать, что вы — воровка, но вы, дѣтка, забываете слѣдующее: во всей округѣ каждому превосходно извѣстно, съ какимъ восторгомъ рыбакъ отдалъ бы цѣлый свѣтъ за одно ласковое слово изъ вашихъ устъ, и всѣ бы поняли, что онъ выдумалъ подобную исторію лишь въ отместку за ваше пренебреженіе къ нему.

Нэлль съ облегченіемъ глубоко передохнула.

— Вы сняли огромную тяжесть съ моей души,—съ благодарностью проговорила она тихимъ голосомъ,—но что я должна ему отвѣтить?—задала она вопросъ, внезапно опять охваченная боязнью.

— Я бы ему заявила, что видѣнное имъ,—если онъ вообще что-нибудь видѣлъ,—касается не васъ, а полиціи, но откровенно признаюсь, я бы на вашемъ мѣстѣ, Нэлли, не обходилась

Digitized by Google

съ бѣднымъ молодымъ парнемъ такъ враждебно...

Дѣвушка гордо наморщила лобъ.

— Обстоятельства достаточно благопріятствовали исправленію Джэмса, но онъ предпочитаетъ валандаться кругомъ безъ дѣла, вмѣсто того, чтобы отплыть въ море.

— Вѣдь онъ это дѣлаетъ только изъ желанія остаться поближе къ вамъ,—съ упорствомъ продолжала возражать старая дѣва: — я не говорю, чтобы этотъ молодецъ былъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, вашимъ ровнею, но полагала бы, если вы хоть мало-мальски придаете ему значеніе...

— Я именно не придаю никакого!— съ презрѣніемъ отрѣзала Нэлль,—я ни минуты не помышляла серіозно объ этомъ субъектѣ и жаждала одного,— какъ бы онъ поскорѣе отсюда убрался!

Миссъ Бёстель неодобрительно сжала губы.

— Вижу ясно, — начала она съ грустью, — что злополучный Джэмсъ правъ: онъ жалуется, будто вы позволили тѣмъ молодымъ людямъ, которые здѣсь были осенью, вскружить вамъ голову... И онъ утверждаетъ, что у миссъ Кларисъ не находилось для него болѣе добраго слова со времени пребыванія въ гостиницѣ того свѣтскаго и пустоватаго господина, который называется Клиффордомъ Кингомъ. (Нэлль при этихъ словахъ явно насторожилась). Положимъ, я знаю, вы не настолько наивны вѣрить всему, что̀ способенъ болтать молодой бездѣльникъ передъ хорошенькой дѣвушкой, моя милая Нэлль! Но, съ другой стороны, всегда бываетъ опасно затаенное убѣжденіе, будто чувство у него сильнѣе словъ и поступковъ... Въ дѣйствительности же у такого сорта франтовъ лишь одно на умѣ: нѣсколько дней поразвлечься на женскій счетъ, но сто̀итъ имъ вернуться обратно въ городъ, чтобы сразу забыть сельскихъ простячекъ, которымъ они, въ часы досуга, нашептывали льстивыя рѣчи...

Не лишенная злорадства улыбка скользнула по лицу Нэлль.

— Мистеръ Кингъ, со времени своего отъѣзда отсюда, не разъ про меня вспоминалъ, миссъ Бёстель! — возразила она спокойнымъ тономъ, бросая на суровую старую дѣву лукавый взглядъ.

Миссъ Бёстель наморщила лобъ и сжала губы ничего добраго не предвѣщавшимъ образомъ; ея голосъ и поза были отмѣчены важностью судьи, когда она, слегка подергивая перчатки, надѣтыя на ея тонкіе пальцы, готовилась обратиться съ торжественнымъ предостереженіемъ къ юной пріятельницѣ:

— Надѣясь, что онъ вамъ не писалъ?

— Наоборотъ!

— Боже, Боже! И вы это допускали!

Строгость старой дѣвы была уже теперь смѣшана съ изумленіемъ и ужасомъ.

— Я не могла поступить иначе.

— Но вамъ хотѣлось этому помѣшать?

— Нѣтъ.

Прошло нѣсколько мгновеній, пока Теодорѣ снова удалось возстановить свое душевное равновѣсіе, потерянное во время этого разговора.

— Я все-таки считала васъ благоразумнѣе, Нэлль, право!

Дѣвушка отвѣтила не сейчасъ, будучи, хотя она хорошо знала предразсудки чопорной старой дѣвы, тѣмъ не менѣе, до крайности удивлена, насколько серіознѣе она отнеслась къ подобному пустяку, чѣмъ къ гораздо болѣе важному факту угрозъ Джэмса. Племянницу трактирщика скорѣе позабавило, нежели обидѣло обращеніе пожилой пріятельницы, однако, она чувствовала и нѣкоторое неудовольствіе противъ нея, заставившее Нэлль небрежнымъ тономъ не безъ злорадства заявить Теодорѣ:

— Мистеръ Кингъ просилъ моей руки!

Эти слова подѣйствовали, какъ электрическій токъ на изумленную особу. Точно не довѣряя собственнымъ ушамъ, впилась она глазами въ дѣвушку, сложила затѣмъ руки съ видомъ смиренной покорности и, скорбно вздохнувши о безуміяхъ падшаго свѣта, кислымъ тономъ произнесла:

Digitized by Google

— И я полагаю, что это называется прогрессомъ!

Нэлль лукаво заглянула ей въ лицо.

— Но, дорогая миссъ Бёстель, развѣ это было бы уже такъ худо, если бы онъ, съ моего согласія, на мнѣ женился?

— Съ вашего согласія? Вы, значитъ, поступили вполнѣ правильно, отказавши ему.

— Я бы не вышла ни за кого замужъ, пока это ужасное безпокойство тяготѣетъ надъ дядей Жоржемъ и надо мною,—съ достоинствомъ отвѣчала Нэлль:—но, когда все это разъяснится, почему бы мнѣ настаивать на своемъ нынѣшнемъ отказѣ? Развѣ я настолько невѣжественна и неблаговоспитана, что давала бы ему поводы стыдиться за меня?

— Конечно, нѣтъ! Я вовсе на это и не намекала: вы красивы, получили солидное образованіе, держите себя, можно даже сказать, безукоризненно, но, тѣмъ не менѣе, я бы не одобрила подобнаго брака. Я вообще порицаю самымъ рѣшительнымъ образомъ супружества, соединяющія людей разныхъ общественныхъ положеній! И миніатюрная старая дѣва высоко подняла голову движеніемъ королевы, только-что рѣшившей важный государственный вопросъ.

— Не хотите ли вы этимъ сказать, — спросила молодая дѣвушка, которую это забавляло все болѣе и болѣе, — что находите приличнѣе и желательнѣе бракъ между субъектомъ, въ родѣ Стикэльса, и какой-нибудь Нэлль Кларисъ, нежели между мною и мистеромъ Кингомъ?

— Да, я нахожу это безусловно!

Нэлль должна была прикрыть лицо рукою, такъ какъ въ виду подобнаго признанія, не могла скрыть презрительной улыбки.

— Нѣтъ сомнѣнія, что вы подсмѣиваетесь надо мною за отжившій взглядъ на вещи, — сердито продолжала Теодора,—но мѣнять убѣжденія не приходится въ мои годы, и я настаиваю, что видѣла собственными глазами роковыя послѣдствія подобныхъ неравныхъ союзовъ: разладъ и ссоры, которыя изъ нихъ вытекаютъ... и мнѣ, право, право, было бы очень жаль, Нэлли, видѣть дѣвушку, внушившую мнѣ такое глубокое сочувствіе, какъ вы, женою человѣка, друзья и родные котораго, несомнѣнно смотрѣли бы на нее сверху внизъ!

— У мистера Кинга совсѣмъ нѣтъ близкихъ родственниковъ,—возразила племянница трактирщика: — и онъ утверждаетъ, что если бы даже и имѣлъ такихъ, ни въ какомъ случаѣ не обратился бы къ нимъ за совѣтомъ передъ вступленіемъ въ бракъ. Онъ говорилъ, что считаетъ женитьбу мужчины, достаточно зрѣлаго и, слѣдовательно, способнаго здраво относиться къ жизни и къ людямъ, исключительно его личнымъ дѣломъ!

— Это всегда было ходячимъ мнѣніемъ среди сословій, ниже того, къ которому принадлежитъ мистеръ Кингъ,—замѣтила старая дѣва,—но, въ мое время, настоящій джентльменъ считалъ бы неприличнымъ его придерживаться. Отъ человѣка хорошаго круга требовалось напередъ, чтобы онъ руководился не только личнымъ сознаніемъ долга, но и налагаемыми на него общественнымъ положеніемъ обязанностями и, при этомъ, предполагалась настолько значительная доля уваженія къ собственному званію, чтобы не унижать его неравнымъ бракомъ.

На этотъ разъ, Нэлль въ отвѣтъ промолчала, оставаясь еще подъ впечатлѣніемъ смѣшныхъ сторонъ всего разговора. Какъ нелѣпы, однако, ни были рѣчи миссъ Бёстель, и хотя ей отнюдь не удалось переубѣдить Нэлль, дѣвушка, все-таки, ушла домой, почти плача и чувствуя себя глубоко несчастной. Но хуже всего было, что впечатлительная старая дѣва, подъ предлогомъ желанія излѣчить свою любимицу отъ ея неудачной склонности, овладѣла волею Джэмса, предложивъ поддержать его передъ Нэлль, если онъ серіозно обѣщаетъ исправиться, и даже внушила рыбаку преслѣдовать дѣвушку своими ухаживаніями, настойчивѣе, чѣмъ когда бы то ни было ранѣе. И, хотя Нэлль угадала,

Digitized by Google

кто вызвалъ въ немъ подобную перемѣну, ей поневолѣ, именно вслѣдствіе этого, приходилось держаться иначе, относительно постылаго ухаживателя. Странная игра съ нею была доведена до крайней точки, однажды послѣ полудня, когда дѣвушкѣ, приглашенной Теодорою на чашку чаю, при входѣ въ домъ Бёстелей, открылъ двери ненавистный Стикэльсъ. Нэлль имѣла совершенно подавленный видъ, услыхавъ непосредственно отъ молодого рыбака, что онъ получилъ такое же приглашеніе.

Дѣвушка направилась въ столовую, гдѣ въ честь гостей пылалъ уже веселый огонь. Джэмсъ, наряженый въ праздничный костюмъ и олицетворявшій собою еще болѣе рѣзкую, нежели обыкновенно, противуположность изящной Нэлль съ ея нѣжными руками, грубоватымъ тономъ объявилъ, что миссъ Бёстель сейчасъ должна спуститься внизъ. А, когда дѣвушка, не обративши вниманія на косвенный намекъ, хотѣла выйти изъ комнаты, у него хватило наглости загородить ей дорогу.

— Это было подстроено нарочно,— пояснилъ рыбакъ, — чтобы предоставить мнѣ подходящій случай переговорить съ вами!

Изможденная и перепуганная Нэлль взглянула на него съ такимъ выраженіемъ, которое слегка смутило Стикэльса.

— Они не знаютъ, что̀ я намѣренъ вамъ сообщить,—началъ Джэмсъ хриплымъ шепотомъ,—миссъ Бёстель думаетъ, будто я васъ попрошу выйти за меня замужъ. Точно я, въ самомъ дѣлѣ — дуракъ! Нѣтъ, я, просто, желалъ вамъ передать, что Карлъ Гэннингъ все еще здѣсь лазитъ кругомъ: онъ поселился въ строоской гостиницѣ «Колоколъ» и предлагалъ мнѣ пяти-фунтовый кредитный билетъ, если я повторю ему то, что̀ вамъ говорилъ намедни... а я отказался— вотъ какъ! И, безконечно-умиленный собственнымъ душевнымъ величіемъ, Стикэльсъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

Дѣвушка дрожала, когда онъ на лишній шагъ приблизился къ ней, и тревожно спросила:

— Не понимаю, что̀ же, собственно, вамъ отъ меня угодно?

— Я бы хотѣлъ, чтобы вы меня поцѣловали!

Нэлль съ ужасомъ отпрянула назадъ.

— Ну! — настаивалъ Джэмсъ, — вѣдь, это, если вникнуть,—слишкомъ дешевая плата. Тѣмъ болѣе, что, захоти я только, могъ бы я теперь насильно сорвать у васъ поцѣлуй!

И, въ это время, онъ подошелъ къ ней еще ближе, угрожая выполнить свое намѣреніе.

— Миссъ Бёстель,—обратилась она къ нему уже спокойно, будто эта дерзкая попытка не заслуживала даже ни малѣйшаго замѣчанія,—дала мнѣ совѣтъ предоставить вамъ воспользоваться своимъ заявленіемъ, какъ вы сами признаете нужнымъ. Она говоритъ, что, все равно, вамъ не повѣрятъ!

— И вы также полагаете? — спросилъ рыбакъ, съ неописуемо-ехиднымъ взглядомъ, брошеннымъ въ сторону.

Внезапное выраженіе страха, скользнувшее по ея лицу при этомъ вопросѣ, краснорѣчиво показало Стикэльсу, насколько все слагается для него благопріятно.

— Послушайте-ка, — продолжалъ онъ тономъ, отталкивающимъ Нэлль своей грубой фамиліарностью:—я ни къ чему не склоненъ васъ принуждать. Вамъ извѣстно, какой товаръ я продаю, и вы знаете его цѣну! Если не желаете заплатить этой цѣны,— прекрасно, — но для васъ не тайна, что я тогда немедленно найду другого покупателя. Даю вамъ сроку до завтрашняго вечера: если вы къ тому времени будете ждать меня за плетнемъ вашего сада, гдѣ вамъ нечего опасаться — тѣмъ болѣе, что мои намѣренія вполнѣ искренни и честны, если вы будете со мною любезны и обнадежите нѣсколькими добрыми словами,—я готовъ сидѣть смирно, и ни всѣ лондонскіе сыщики, вмѣстѣ взя-

Digitized by Google

тые, ни ихъ пяти-фунтовыя кредитки не заставятъ меня сдѣлать доноса, но, въ случаѣ вашего дальнѣйшаго упорства, я отправлюсь своей дорогой... прямехонько къ Гэннингу за этими пятью фунтами!

Когда молодой человѣкъ взглянулъ на нее налитыми кровью, воспаленными глазами, словно уже напередъ вкушая сладость того поцѣлуя, который, по его мнѣнію, Нэлль неизбѣжно вынуждена будетъ ему подарить, у дѣвушки упало сердце.

Джэмсъ едва-ли рѣшился бы разговаривать въ такомъ тонѣ, если бы упомянутыя имъ улики не отличались дѣйствительной вѣскостью.

— Дайте мнѣ время подумать,— пролепетала она, заикаясь и отворачивая глаза, чтобы не встрѣчаться съ его чувственнымъ взглядомъ. Она испытывала сильное раздраженіе противъ миссъ Теодоры, подвергшей ее въ своей добросердечной глупости подобному преслѣдованію. Къ счастію, та появилась, нѣсколько мгновеній спустя, самолично, послѣ чего Нэлль, воспользовавшись предлогомъ — принести чайную посуду, поспѣшила уйти изъ комнаты.

Но, едва успѣвъ притворить за собою дверь, она черезъ корридоръ бросилась къ черному ходу, проскользнула въ садъ и побѣжала быстро, какъ только позволяли ея маленькія ноги, домой.

«Если миссъ Бёстель такъ пріятно его общество, пусть же остается съ нимъ наединѣ», произнесла дѣвушка мысленно, не безъ горечи противъ старой пріятельницы и покровительницы, которая, въ нелѣпомъ стремленіи исправить подобнаго сорта блуднаго сына, только-что подвела ее обиднѣйшимъ образомъ. Еще не достигши «Голубого Льва», Нэлль приняла одно твердое рѣшеніе: она сознавала ясно, насколько нуждается въ дружественныхъ указаніяхъ болѣе дальновиднаго и испытаннаго совѣтника, нежели добродушная, чувствительная, но нѣсколько односторонняя Теодора.

Вотъ она и обратилась впервые къ Клиффорду, съ маленькимъ письмомъ, которое черезъ надежныя руки отправила на почту въ Строо. Это письмецо заключало въ себѣ слѣдующія строки:

«Дорогой мистеръ Кингъ!

«Если васъ не слишкомъ затруднитъ пріѣхать завтра въ Строо, я была бы чрезвычайно рада воспользоваться вашимъ совѣтомъ по одному дѣлу, въ которомъ не рѣшаюсь положиться на собственное сужденіе; обратиться же, въ данномъ случаѣ, къ дядѣ считаю не удобнымъ. Простите мою смѣлость въ видѣ просьбы о столь значительной услугѣ».

«Искренне преданная вамъ

Нэлль Кларисъ».

Она провела безсонную ночь, волнуясь вопросами, что предприметъ Стикэльсъ, и можно ли ждать Клиффорда? На слѣдующій день вечеромъ, когда она потеряла уже всякую надежду его увидѣть, и приближался моментъ назначеннаго Джэмсомъ свиданія, дѣвушка вдругъ замѣтила со своего кресла въ гостиной, какъ въ трактиръ входилъ Кингъ. Она вскочила съ мѣста, а новоприбывшій, которому также бросилось въ глаза, что Нэлль его поджидаетъ, быстро пробѣжавъ черезъ буфетную комнату и корридоръ, очутился передъ нею.

Нѣсколько мгновеній стоялъ Клиффордъ въ нѣмомъ созерцаніи, весь охваченный восторгомъ, какъ и слѣдовало влюбленному, открывавшему вдругъ, насколько въ дѣйствительности она прекраснѣе того образа, который онъ свято хранилъ въ своихъ воспоминаніяхъ; а, послѣ этого, поддавшись естественному порыву, заключилъ ее въ объятія и страстно прижималъ къ груди, осыпая лицо поцѣлуями.

— О, мистеръ Кингъ! — застонала дѣвушка, едва только ей удалось отодвинуть голову на достаточное разстояніе, чтобы открыть ротъ, — вы меня не поняли! Я звала васъ, только чтобъ спросить совѣта! Мнѣ!..

Digitized by Google

— Я васъ прекрасно понимаю,— спокойно перебилъ ее молодой человѣкъ, не давая, однако, вырваться,— и, положительно жажду предоставить въ ваше распоряженіе мои профессіональныя знанія, но сначала...

Онъ вдругъ умолкъ, остановленный среди своей рѣчи рѣзкимъ движеніемъ Нэлль, устремившей испуганный взглядъ на дверь, которая вела въ садъ. Верхнюю ея половину составляло окошко, и дѣвушка неожиданно замѣтила прижатое къ нему снаружи лицо.

— Кто это?—спросилъ Клиффордъ, въ свою очередь увидѣвъ, что именно привлекло къ себѣ вниманіе племянницы Клариса. И, не дожидаясь ея отвѣта, онъ устремился черезъ маленькую комнату къ стеклянной двери.

Нэлль, бросившись впередъ, ухватилась за рукавъ Кинга.

— Это—пустяки! Не обращайте вниманія!—боязливо шептала она. Тамъ только Джэмсъ Стикэльсъ. Не открывайте двери!

Но, когда Клиффордъ, подъ вліяніемъ ея настойчивой просьбы, пріостановился, слуха Нэлль коснулся грубый крикъ проклятія; лицо внезапно отшатнулась, а въ слѣдующее мгновеніе просунулся, подъ звонъ разбиваемаго стекла, черезъ оконную шибку кулакъ Джэмса и нанесъ Кингу ударъ въ грудь.

Дѣвушка видѣла еще передъ тѣмъ, какъ произошло несчастіе, раскрытый ножъ въ рукѣ у рыбака. Хотя она, двинувшись къ возлюбленному, старалась отвратить опасность, было уже слишкомъ поздно. Съ воплемъ дикаго ликованія вытащилъ Стикэльсъ свой обагренный кровью ножъ изъ раны.

XII.

Опасный свидѣтель.

Безконечно пораженный неожиданностью, Клиффордъ сгоряча даже не почувствовалъ, что онъ раненъ. Но сейчасъ же, вслѣдъ за тѣмъ, выломивъ однимъ толчкомъ двери и увидѣвъ Джэмса, который хладнокровно вытиралъ свой ножъ обвивающимъ зданіе плющёмъ, онъ схватилъ лѣвой рукою рыбака за глотку, вырвалъ у него правою ножъ, швырнулъ его далеко прочь и съ такою силою отбросилъ отъ себя Стикэльса, что тотъ, ударившись въ своемъ паденіи головою объ оконный карнизъ, распростерся на землѣ неподвижно. Затѣмъ, охваченный вдругъ головокруженіемъ, какъ ближайшимъ послѣдствіемъ нанесенной ему раны, Клиффордъ, зашатавшись, упалъ бы на разломанную дверь, не подхвати его въ свои объятія Нэлль.

— Ахъ, это—моя вина! Я не должна была васъ звать сюда! — въ отчаяніи причитала она, не дѣлая уже попытокъ скрывать свою страстную нѣжность передъ людьми, которые, будучи привлечены шумомъ этой свалки, проникали теперь со всѣхъ сторонъ въ комнату. Въ числѣ первыхъ появился Жоржъ Кларисъ и гнѣвно наморщилъ брови, при видѣ Кинга, о прибытіи котораго еще ничего не слыхалъ.

— Такъ, это, значитъ, вы, сударь,— крикнулъ онъ рѣзко, узнавъ человѣка, казавшагося ему виновникомъ всѣхъ пережитыхъ въ послѣднее время непріятностей. И какая нелегкая васъ опять принесла, а?

— О дядя, дядя, развѣ вы не видите, что онъ раненъ, тяжело раненъ?—молила Нэлль,—пошлите же скорѣе за врачемъ, иначе онъ можетъ истечь кровью!

Хотя трактирщикъ плохо скрывалъ свои чувства, что это обстоятельство скорѣе доставило ему удовольствіе, нежели причинило огорченіе, но, тѣмъ не менѣе, не рѣшился помѣшать, когда Нэлль поручила кому-то изъ собравшейся толпы немедленно привезти изъ Строо доктора.

— Кто это сдѣлалъ? — спросилъ одинъ изъ присутствовавшихъ.

Раненый былъ въ это время уже въ полу-безсознательномъ состояніи; его уложили на диванъ, между тѣмъ какъ молодая дѣвушка, сохранившая достаточное присутствіе духа, чтобы

Digitized by Google

видѣть источникъ опасности и оказать посильную помощь, сжимала пальцами края раны, мѣшая такимъ образомъ кровоизліянію.

— Это сдѣлалъ Джэмсъ Стикэльсъ,—отвѣтила она.

Тогда начали осматривать мѣсто происшествія; скоро розыскали рыбака и принесли въ комнату, гдѣ лежала жертва. Нѣкоторые изъ находившихся тутъ людей предложили отправить Джэмса въ его близъ лежащую хижину, что̀ и было сдѣлано.

— Моя вина, только моя вина, — продолжала шептать Нэлль, склоняясь надъ Клиффордомъ, всматриваясь въ его мертвенно-блѣдное лицо и боязливо прислушиваясь къ его дыханію.

Служанка Мэгъ, наконецъ, удалила всѣхъ праздныхъ зрителей изъ буфетной комнаты, и въ ней остались лишь Кларисъ, его племянница, да раненый.

Недовѣрчиво настроенному трактирщику было не по себѣ.

— Для чего этотъ господинъ вообще сюда явился?—началъ онъ допрашивать дѣвушку,—и по какой причинѣ Джэмсъ его полоснулъ? Ужъ не даромъ, надо полагать! — ворчалъ старикъ.

Нэлль, не поднимая глазъ, устремленныхъ въ лицо возлюбленному, механически отвѣчала блѣдными устами:

— Онъ ко мнѣ привязанъ, дядя, онъ уже много недѣль тому назадъ просилъ меня стать его женой и, если онъ сегодня пріѣхалъ...

— Ну, что̀ же собственно заставило его пріѣхать?

Послѣ недолгаго колебанія, дѣвушка призналась тихимъ голосомъ:—Я звала его!..

Жоржъ Кларисъ бормоталъ что-то неодобрительное.

— Но почему же рыбакъ хватилъ его ножемъ? Я считалъ ниже твоего достоинства, чтобы ты поддерживала какія бы то ни было отношенія съ этимъ безпутнымъ парнемъ, но замѣчалъ въ послѣднее время, что онъ опять здѣсь лазитъ...

— Въ этомъ я, конечно, не была виновата,—просто замѣтила Нэлль,— онъ не имѣлъ права.

— Ревновать? Вотъ что̀ я, по-твоему, имѣлъ въ виду? А все-таки ревновалъ? — перебилъ ее старикъ.

— Мнѣ кажется—да!

Послѣдовало кратковременное молчаніе. Потомъ снова заговорилъ трактирщикъ:

— Ты между этими двумя молодцами заварила такого сорта кашу, которую ни я, ни кто-либо другой не помогли бы тебѣ расхлебать! Не хочу сказать, что я имѣю намѣреніе вышвырнуть изъ дому пострадавшаго франта, хотя съ большимъ удовольствіемъ сдѣлалъ бы это! Но, если врачъ потребуетъ, чтобы онъ остался лежать у меня, ты немедленно отправишься въ Лондонъ къ моей сестрѣ. Я позабочусь о надлежащемъ уходѣ за нимъ, обѣщаю тебѣ это; только ты сама ни въ какомъ случаѣ не будешь его сидѣлкой!

Нэлль согласилась: разъ подобная комбинація ничѣмъ не грозила Клиффорду, а другого исхода не существовало, ей оставалось только подчиниться.

Дядя и племянница не обмѣнялись больше ни однимъ словомъ до прибытія доктора; тогда Жоржъ Кларисъ велѣлъ дѣвушкѣ идти къ Бёстелямъ съ тѣмъ, чтобы она тамъ оставалась, пока ей не принесутъ вещи, нужныя для немедленной же поѣздки въ Лондонъ. Въ данный моментъ не было другого мѣста, куда бы Нэлль охотнѣе отправилась, чѣмъ въ Чингль-Эндъ: вѣдь именно чувствительная миссъ Теодора вызвала со стороны Стикэльса порывъ страсти, подвергшій жизнь Клиффорда такой опасности, и теперь она, разумѣется, изъ естественнаго женскаго упорства, вступится за Джэмса противъ Кинга, особенно, если до нея дойдетъ слухъ, что послѣдній пріѣхалъ на зовъ самой племянницы Жоржа Клариса.

Все произошло именно, какъ она и предполагала; но миссъ Теодора при-

Digitized by Google

няла настолько болѣе горячее участіе въ Джэмсѣ, чѣмъ въ Клиффордѣ, что настойчиво пожелала сейчасъ освѣдомиться лично о состояніи здоровья перваго. Сразу Нэлль рѣшительно отказалась ее сопровождать, но, въ концѣ концовъ, уступила, тронутая упреками, которые обращала сама къ себѣ старая дѣва, видѣвшая собственную вину въ несчастіи Стикэльса, какъ племянница трактирщика обвиняла себя въ бѣдѣ, приключившейся съ Кингомъ. Дочь полковника даже проливала слезы при мысли о предстоящемъ свиданіи съ молодымъ парнемъ, которому принесла нѣчто хуже обыкновеннаго несчастія, такъ какъ упорно разсматривала его нападеніе на Клиффорда, въ качествѣ несправедливости рока не относительно ненавистнаго ей лондонскаго джентльмена, а скорѣе самого рыбака. Нэлль мало разговаривала по дорогѣ. Главнымъ образомъ, ее страшно мучила тревога за возлюбленнаго, а съ другой стороны, она едва-ли сознавала ясно: слѣдуетъ ли ей смѣяться надъ суетливостью миссъ Бёстель, или плакать вмѣстѣ со старой дѣвой по поводу ея огорченія. Онѣ скоро достигли лачужки Джэмса, и на стукъ Теодоры, вопреки всякимъ ожиданіямъ, онъ собственноручно отворилъ двери. Рыбакъ оказался здоровехенькимъ, не считая ушиба нижней губы. Но если его физическое состояніе было вполнѣ удовлетворительно, этимъ и ограничивалось все въ пользу Стикэльса. Болѣе отталкивающаго выраженія дикой злобы, чѣмъ то, которое отражалось на его физіономіи, когда онъ узналъ своихъ посѣтительницъ, не могла бы воспроизвести даже самая пылкая фантазія.

— О, это, значитъ, вы, вы? — вырвалось у него въ видѣ сомнительнаго привѣтствія, при чемъ онъ съ яростнымъ взглядомъ собирался захлопнуть дверь передъ носомъ миссъ Теодоры. Но его доброжелательница, протискиваясь впередъ и крѣпко держа Нэлль за руку, очистила таки себѣ путь въ избушку и ласково обратилась къ молодому пентюху:

— Не гоните насъ такимъ образомъ отъ себя! Мы глубоко огорчены приключившимся съ вами несчастіемъ и желали бы знать: не можемъ ли что-нибудь для васъ сдѣлать?

Нэлль глядѣла мрачно и старалась уйти, возмущаясь заискивающимъ тономъ своей спутницы.

— Нѣтъ! — заревѣлъ Стикэльсъ,— довольно миндальничать! И онъ возвысилъ голосъ, и грозилъ кулакомъ, точно какому-то невидимому врагу, пронизывая дѣвушку насквозь взглядомъ; и, будь я проклятъ, если вамъ, народецъ этакій, не хватитъ по горло хлопотъ, когда придется отвѣчать на нѣкоторые вопросы, которые вамъ предложатъ завтра съ утра...

Нэлль устремила взоръ возбужденному Джэмсу въ лицо, на которомъ рѣзко выступали подобныя узловатымъ шнуркамъ жилы.

— Что̀ вы хотите этимъ сказать, милый юноша? — залепетала миссъ Бёстель самымъ слащавымъ голоскомъ.

— О, вамъ отлично извѣстно, на что̀ именно я намекаю, или, по крайней мѣрѣ, это знаетъ миссъ Кларисъ,—продолжалъ Стикэльсъ,—а въ противномъ случаѣ, вы не замедлите обѣ съ этимъ ознакомиться! Я какъ разъ собираюсь помочь вамъ... (Тутъ онъ возвысилъ голосъ съ угрожающей внушительностью). Хотѣлъ бы только сначала выкурить свою трубочку, да выпить свою полупинтовую порцію.

При этомъ онъ вытащилъ изъ кармана любимую глиняную трубку.

— Ну, а теперь прямымъ путемъ къ «Колоколу» въ Строо! И безъ дальнѣйшихъ церемоній, Джэмсъ повернулся спиною къ обѣимъ гостьямъ и, выйдя чернымъ ходомъ на противуположномъ концѣ комнаты, не оставилъ имъ иного выбора, какъ удалиться въ свою очередь.

Нэлль была до крайности раздражена не только ролью, которую ей пришлось разыграть въ этой непріятной сценѣ, но также подобострастными ухватками Теодоры и грубымъ обращеніемъ рыбака.

Digitized by Google

Что же касалась его угрозы обратиться къ сыщику, она, повидимому, перестала безпокоиться: выполнитъ ли онъ таковую, или нѣтъ?

Возвращаясь въ Чингль-Эндъ, обѣ все время молчали. Достигнувъ дома, старая дѣва слегка вздохнула и рѣшила прибѣгнуть къ своему обычному успокоительному средству отъ заботъ и огорченій.

— Я полагаю, Нэлли, что мы сразу почувствуемъ себя пріятнѣе, — зачирикала она,—если выпьемъ по чашечкѣ горячаго чаю.

Прошло не болѣе двухъ часовъ послѣ конца той сцены, которая разыгралась между Стикэльсомъ и обѣими женщинами; на церковной башнѣ Св. Мартина въ Строо только - что пробило девять, какъ вдругъ маленькій мальчикъ стремительно ворвался въ трактирное помѣщеніе при гостиницѣ «Колоколъ»; отъ быстраго бѣга онъ едва дышалъ, и лишь черезъ нѣсколько минутъ ему удалось заговорить. Между тѣмъ, паренёкъ слышалъ столько разомъ обращенныхъ къ нему вопросовъ, что среди смѣшаннаго гула людскихъ голосовъ отвѣтъ его еще болѣе замедлился. Наконецъ, Гэннингъ, агентъ лондонской тайной полиціи, вырвалъ изъ толпы любопытныхъ мальчика, который съ растеряннымъ взглядомъ насилу вымолвилъ:

— Тамъ на кёртстайрской дорогѣ... немного дальше за большимъ домомъ... лежитъ человѣкъ... Я его увидѣлъ и заговорилъ съ нимъ... и онъ ничего не отвѣтилъ... и не двигался... и я сейчасъ бросилъ его.. и прибѣжалъ сюда... разсказать объ этомъ...

Гости ринулись къ выходнымъ дверямъ трактира, и, чрезъ нѣсколько мгновеній, хлынулъ во мракъ настоящій людской потокъ. Во главѣ шествія находился сыщикъ, который изъ страха, чтобы отъ него не улизнулъ мальчуганъ, по-товарищески держалъ его за руку.

Ночь была непроглядно темна. Одинъ изъ непосредственно слѣдовавшихъ за Гэннингомъ обывателей несъ фонарь, бросавшій вправо и влѣво полосы прыгающаго свѣта на бѣлую дорогу. Сейчасъ же за «большимъ домомъ», особнякомъ, стоявшимъ на открытомъ всѣмъ вѣтрамъ участкѣ земли, между моремъ и Строо, наткнулись они на человѣка, лежавшаго, какъ и описывалъ мальчикъ, свѣсившись головой черезъ обросшій травою край дороги, граничившей съ обрывомъ.

— Вотъ онъ! — прошепталъ мальчикъ.

Гэннингъ позвалъ человѣка съ фонаремъ и, опустившись на колѣни возлѣ распростертаго тѣла, освѣтилъ лицо лежавшему.

— Да, вѣдь, это — Джэмсъ Стикэльсъ!—крикнули многіе въ одинъ голосъ.

— Дайте-ка ему этой штуки: глотокъ водки приведетъ его въ чувство!— сказалъ кто-то, передавая сыщику бутылку.

Но полицейскій агентъ отстранилъ ее и произнесъ съ печальной торжественностью:

— Бѣдный малый уже выпилъ все, что ему было суждено: онъ—мертвъ!

XIII.

Какъ пришло извѣстіе въ Чингль-Эндъ.

Въ маленькой столовой Чингль-Энда сидѣли у огня миссъ Бёстель и Нэлль,—послѣдняя—все еще погруженной въ думы о Клиффордѣ, между тѣмъ какъ первая старалась разсѣять своей болтовней мрачныя размышленія дѣвушки.

— Какъ поздно отецъ сегодня возвращается!—вырвалось вдругъ у старой дѣвы, съ удивленіемъ смотрѣвшей на часы.

Скоро имѣло пробить десять; а полковникъ, проводившій бо́льшую часть каждаго будняго дня или у себя въ клубѣ въ Строо, или на одной изъ площадокъ для игръ по берегамъ залива, обыкновенно бывалъ уже́ дома аккуратнѣйшимъ образомъ къ девяти.

Digitized by Google

Нэлль испуганно подняла взоръ, Теодора спросила ее:

— Дѣточка, отчего у васъ такой разстроенный видъ? что съ вами?

— Въ самомъ дѣлѣ? — заговорила еще болѣе смущенная дѣвушка, тщетно стараясь улыбнуться;—но, кажется, у меня нынче было достаточно поводовъ къ разстройству?

— О дорогая, я бы не стала такъ мучиться! Исторія, положимъ, ужасная, и я считаю своимъ долгомъ пожурить васъ за слишкомъ ужё рѣзкое обращеніе съ рыбакомъ. Но это для васъ послужитъ урокомъ впредь дѣйствовать осмотрительнѣе, да молодые люди оба найдутъ достаточно времени думать, что лишнюю волю страстямъ давать не слѣдуетъ!

— Но Клиффордъ... мистеръ Кингъ! Боюсь,—онъ тяжело раненъ,—зарыдала Нэлль, слезы которой, наконецъ, нашли себѣ свободный исходъ.

Для него миссъ Бёстель не имѣла ни капли жалости.

— Этотъ наказанъ по заслугамъ,— процѣдила она почти ледянымъ тономъ.

— А Джэмсъ теперь непремѣнно сдержитъ слово и донесетъ полиціи!

— Донесетъ—о чемъ?

— Ну, о... кражахъ... о томъ, что онъ, по его словамъ, видѣлъ...—тихо прошептала Нэлль, устремляя робкій взоръ на пріятельницу.

Теодора весело усмѣхнулась.

— Неужели вы еще способны придавать значеніе этой угрозѣ? Я же, право, была бы очень рада, если бъ что-нибудь выяснилось. Теперь я не могу спать по ночамъ долѣе часа безъ того, чтобы не вообразить себѣ, будто слышу шаги вломившагося въ домъ и расхаживающаго внизу по столовой грабителя!

Нэлль ничего не возражала; она сидѣла попрежнему, склоняясь надъ огнемъ, съ весьма смущеннымъ видомъ, и время отъ времени бросала на пріятельницу вопрошающіе взгляды, полные глубокаго безпокойства. Нѣсколько минутъ, съ обѣихъ сторонъ царило молчаніе, какъ вдругъ на парадномъ ходу постучался полковникъ. Облегченно вздохнувъ, вскочила миссъ Бёстель, спѣша открыть двери отцу.

— Отчего ты такъ опоздалъ, папа? У меня—Нэлль, иначе я бы себя чувствовала совсѣмъ заброшенной.

Полковникъ вошелъ гораздо болѣе скорымъ шагомъ, нежели обыкновенно; но вдругъ остановился, услыхавши имя дѣвушки.

— Нэлль!—воскликнулъ Бёстель.

И по многимъ признакамъ въ его манерѣ Теодора увидѣла, что произошли какія-то исключительныя обстоятельства. Но прежде, чѣмъ она успѣла обратиться къ нему съ разспросами, старикъ прибавилъ, слегка отбрасывая голову назадъ:

— Эхъ, все равно! Она должна это услышать! Гдѣ же миссъ Кларисъ?

Нэлль не двинулась со своего мѣста у огня, но, насторожившись, начала прислушиваться.

— Ну-ка, папочка, что за удивительную новость ты принесъ съ собою?— щебетала Теодора, предвкушая занимательныя сплетни.

— Это нѣчто весьма серіозное, даже роковое! Сегодня вечеромъ, за Строо, на дорогѣ, найденъ неподвижно распростертый человѣкъ и оказался Джэмсомъ Стикэльсомъ!

— Боже, Боже! Но надѣюсь—не въ пьяномъ видѣ опять, послѣ всѣхъ его торжественныхъ зароковъ?—озабоченно спросила старая дѣва.

— Нѣтъ,—серіозно отвѣчалъ ей отецъ,—онъ былъ мертвъ!

У обѣихъ женщинъ разомъ вырвался крикъ ужаса.

— Но это немыслимо! Вѣроятно, произошла ошибка! — усердствовала миссъ Бёстель;—вѣдь, мы съ нимъ разговаривали около семи часовъ,—Нэлль и я,—и онъ тогда, повидимому, успѣлъ вполнѣ оправиться!

Полковникъ съ изумленіемъ взглянулъ на ту и другую.

— Вы съ нимъ разговаривали? Гдѣ же именно?

Digitized by Google

— Въ его избушкѣ, и самъ онъ съ нами говорилъ,—объясняла старая дѣва, которая, казалось, не способна была освоиться съ фактомъ, что человѣкъ, еще три часа передъ тѣмъ полный жизни и страсти, лежитъ теперь застывшимъ трупомъ.

— А, въ такомъ случаѣ, вамъ обѣимъ придется выступить, въ качествѣ свидѣтельницъ, такъ какъ на завтра несомнѣнно предстоитъ слѣдственный допросъ.

— Въ качествѣ свидѣтельницъ? Вотъ — ужасъ! Впрочемъ, какія мы сможемъ дать показанія? Вѣдь, онъ былъ здоровъ!

— Это-то и придется установить! И я надѣюсь, что вамъ удастся,—неувѣренно прибавилъ полковникъ,—иначе молодецъ, который сбилъ его съ ногъ, долженъ будетъ отвѣчать передъ судомъ за нанесеніе смертельнаго удара...

Нэлль испустила отчаянный вопль.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Какъ бы это могло быть возможнымъ: онъ имѣлъ совершенно свѣжій и бодрый видъ, когда мы съ нимъ бесѣдовали. Вѣдь, миссъ Теодора вамъ только-что это подтвердила. Онъ разговаривалъ, какъ вы вотъ сейчасъ говорите, и въ его внѣшности не замѣчалось никакой перемѣны. Поэтому, надо думать, что онъ—или былъ пьянъ,—всѣмъ здѣсь извѣстно, какъ онъ жестоко напивался, или, затѣявъ, при случайной встрѣчѣ, ссору, подвергся убіенію... или... или...

— Помоему, вамъ не слѣдовало осыпать лишними обвиненіями покойника, — сурово перебила ее миссъ Бёстель. Джэмсъ былъ совершенно трезвъ, когда мы его видѣли, и, вѣроятно, не много времени прошло между этимъ и кончиною бѣдняги.

— Но если бы причиною его смерти былъ тотъ толчекъ въ дядиномъ саду, онъ бы уложилъ его на мѣстѣ! Нельзя же, будучи только оглушеннымъ и, вскорѣ затѣмъ придя окончательно въ себя, умереть черезъ часъ отъ удара, вызвавшаго легкое обморочное состояніе! Не такъ ли, полковникъ?

— Я, насколько мнѣ помнится, никогда не слыхивалъ о подобномъ случаѣ, — сдержанно отвѣчалъ тотъ,—но мнѣ бы не хотѣлось высказывать опредѣленнаго мнѣнія, пока мы не ознакомимся со всѣми данными...

— Но развѣ вы не слыхали отзыва главнаго врача? Развѣ вы не подождали его прибытія?—задавала Нэлль настойчивые вопросы.

— Я ждалъ, но напрасно,—не безъ раздраженія отвѣтилъ полковникъ.

На дѣлѣ же, и онъ и многіе другіе, считавшіе себя весьма значительными особами въ этой мѣстности, обратившись за свѣдѣніями къ двумъ докторамъ, которые, подвергнувъ тѣло судебно-медицинскому изслѣдованію, послѣ того, какъ оно было доставлено въ городъ, безъ стѣсненія спровадили назойливыхъ старожиловъ, почувствовали себя, черезъ это, въ высшей степени обиженными и сердито разошлись тогда по домамъ.

— Насколько я понимаю дѣло,— противъ этого мистера Кинга можетъ быть возбуждено преслѣдованіе по обвиненію въ убійствѣ,—высказалъ недовольный полковникъ свое соображеніе, не изъ чувства какой-нибудь злобы противъ Клиффорда, но скорѣе съ цѣлью вызвать участіе со стороны Нэлль лично къ себѣ, который только-что подвергся подобному аффронту. Но слова его произвели на дѣвушку молніеносное впечатлѣніе.

— Обвиненіе въ убійствѣ? Противъ Клиффорда?!—кричала она, бросаясь къ двери и насилу переводя духъ. О, вы этого серіозно не думаете! Вы не можете серіозно этого думать!

Нэлль разразилась сильнѣйшими судорожными рыданіями.

Бёстель старался ее успокоить, увѣряя, что никто помимо врачей, этихъ задирающихъ носъ ословъ, не способенъ былъ бы выступить съ такимъ чудовищнымъ предположеніемъ. Но она улавливала слишкомъ мало утѣшительнаго изъ словъ полковника и настояла, не смотря на всѣ усилія старика и миссъ Теодоры задержать ее, на томъ, чтобы сейчасъ же возвратиться въ гостиницу къ дядѣ.

Digitized by Google

— Не забывайте,—вы должны спать у насъ, и мы ждемъ васъ поскорѣе обратно!—настаивала миссъ Бёстель, явно не желавшая допускать продолжительнаго пребыванія дѣвушки въ обществѣ ея раненаго друга. Но Нэлль не хотѣлось связывать себя обѣщаніемъ. Она не только жаждала узнать, какъ себя чувствуетъ Клиффордъ и что̀ толкуютъ люди въ «Голубомъ Львѣ» по поводу смерти Джэмса, но также и поговорить съ возлюбленнымъ, положеніе котораго въ этомъ дѣлѣ начинало ее страшно безпокоить. Поэтому, рѣшительно отклонивъ не слишкомъ серіозное предложеніе полковника проводить ее по глухой дорогѣ домой, она отправилась одна. Домъ былъ запертъ, и служанка, отворившая ей двери, въ испугѣ отпрянула, увидѣвши Нэлль.

— Правый Боже! Это—вы, миссъ? Я думала, что вы будете ночевать у Бёстелей. Вы ужасно дурно выглядите!—затараторила добродушная Мэгъ, увлекая свою госпожу сильной рукою въ маленькую буфетную комнату, гдѣ еще не совсѣмъ потухъ огонь на очагѣ. Сядьте-ка здѣсь да обогрѣйтесь передъ тѣмъ, какъ идти наверхъ въ холодную спальню.

Она почти насильно втянула Нэлль въ кресло у камина и, улегшись сама передъ нею на коврѣ, испытующе заглянула въ глаза молодой дѣвушкѣ.

— Вы, конечно, про все уже слышали? Я это вижу!—произнесла, наконецъ, преданная служанка.

— О Мэгъ, что̀ именно ты знаешь? Кто тебѣ говорилъ? Значитъ, это правда? Какого... какого же мнѣнія объ этомъ люди?

Но та оказалась молчаливѣе обыкновеннаго, или, просто, ничего больше не знала. Сразу она ограничивалась вздохами да пожиманіемъ плечъ и только заставила Нэлль разсказать ей, какъ полковникъ Бёстель принесъ роковое извѣстіе въ Чингль-Эндъ, а потомъ уже высказалась въ свою очередь, объяснивши, откуда почерпнула свѣдѣнія о страшной находкѣ:

— О, разумѣется, я услыхала про это въ трактирѣ. Къ намъ вдругъ ворвался съ улицы, словно помѣшанный, одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей Билль Ноакесъ съ крикомъ, что Джэмсъ Стикэльсъ валяется убитый на дорогѣ! Вначалѣ мы не хотѣли вѣрить; но скоро явились другіе, и всѣ подтверждали слухъ, а одинъ изъ нихъ даже видѣлъ его самъ и передавалъ слова доктора.

— Что̀ же сказалъ докторъ?—быстро спросила Нэлль.

— Да только призналъ его мертвымъ, — больше ничего, — отвѣтила Мэгъ.

— Какъ же люди вообще объ этомъ судятъ: вѣдь, навѣрно, многіе говорили при тебѣ на счетъ неожиданной смерти Стикэльса? Предполагаютъ ли, что онъ умеръ вслѣдствіе несчастнаго случая?.. Или... Ну, да въ чемъ же дѣло?..

— Такъ и быть, я вамъ признаюсь, разъ вы это непремѣнно желаете знать. Среди нашихъ гостей шла рѣчь про какую-то рану на головѣ,—про тотъ... ну про тотъ ушибъ, который, вы знаете,—онъ заполучилъ вонъ-тамъ... И служанка многозначительно кивнула головой въ сторону чернаго хода.

— А мистеръ Кингъ? Извѣстно ли ему это? И что̀ онъ говоритъ?—тревожно вырвалось у Нэлль.

— Конечно, онъ слыхалъ. Мы не имѣли права отъ него это скрывать. Тутъ поднялась отчаянная суматоха, и нѣсколько душъ непремѣнно хотѣли пробраться къ нему въ комнату, чтобы убѣдиться, не удралъ ли онъ? (Нэлль сдѣлала негодующій жестъ). Впрочемъ, это было прекрасно, про всякій случай, что они его видѣли! И Мэгъ еще подчеркнула свои слова, поведя бровями: — Теперь никто не осмѣлится утверждать, будто его здѣсь не было дома, когда случилось несчастіе!

— Но развѣ они заподозриваютъ его?... Развѣ они рѣшаются высказывать подозрѣнія, что онъ?... Что мистеръ Кингъ?...

— Богъ мой! среди такого волненія люди способны позволить себѣ всякую штуку, — убѣжденно присовокупила служанка,—и чудеснѣйшее дѣло

Digitized by Google

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ПОВѢСТИ

ФАНТАСТИЧЕСКІЯ ПОВѢСТИ **УЭЛЛЬСА**

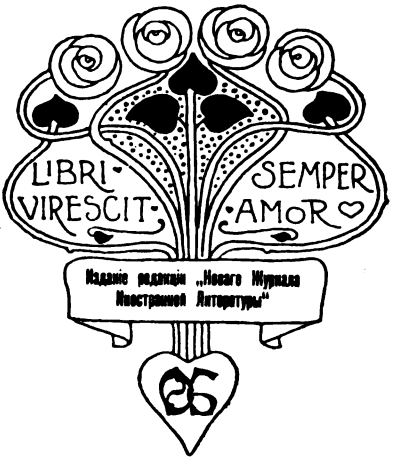
(СЪ АНГЛІЙСКАГО)

ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ

(Съ рисунками Сулливана)

ИСТОРІЯ НЕОПЫТНАГО ПРИВИДѢНІЯ

(Съ рисунками Грасея)



С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР. Д. 13

1903

Digitized by Google

Digitized by Google

ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ.

ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ГРЯДУЩИХЪ.

(Лѣто отъ Р. Х. 2098).

Фантастическая повѣсть **Уэлльса.**

(Съ рисунками **Сулливана**).

Находясь въ одиночествѣ, подъ покровомъ усѣяннаго звѣздами неба, человѣкъ возносится духомъ и забываетъ земное горе, какъ бы велико оно ни было, или мирится съ нимъ, въ виду его скоротечности. Но возвратъ къ дневному труду, къ житейской сутолокѣ, вновь переноситъ его на землю съ ея мелкими интересами, не смотря на свою мелочность все же крайне важными для такого незначительнаго существа, какимъ онъ самъ является во вселенной. Подъемы духа, среди этой житейской сутолоки, являются лишь крайне рѣдкой случайностью. Даже святые должны были бѣжать отъ міра въ пустыни для того, чтобы сохранить свое общеніе съ безконечнымъ. Дентонъ и Елизавета не могли послѣдовать ихъ примѣру, потому что пустынь на земномъ шарѣ не осталось—городъ поглотилъ все человѣчество.

Нѣкоторое время они работали попрежнему, Дентонъ—около своего пресса, а Елизавета—въ штамповальной мастерской, но скоро Дентона перевели въ центральную фабрику черепицъ и приставили къ прессу еще болѣе сложному. Вотъ тутъ-то пришлось ему испытать всю горечь жизни раба, вращающагося среди рабовъ.

До настоящаго времени, благодаря своему сравнительно высокому развитію и положенію въ обществѣ, онъ не приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ послѣдними, а тутъ ему пришлось работать рядомъ съ ними, пользоваться одними и тѣми же инструментами, ѣсть вмѣстѣ, однимъ словомъ, что̀ называется, водить компаніи и при томъ на равной ногѣ. Какъ ему самому, такъ и Елизаветѣ это казалось крайнимъ униженіемъ.

Для людей девятнадцатаго вѣка такой взглядъ показался бы, пожалуй, страннымъ, но въ двадцать первомъ столѣтіи жизнь прорыла такую глубокую пропасть между низшими и высшими классами народа, что она стала непроходимой. Первые отличались отъ послѣднихъ не только положеніемъ и образомъ жизни, но даже манерой думать, даже нарѣчіемъ. Общія религіозныя вѣрованія, когда-то связывавшія весь народъ въ одно цѣлое, тоже распались къ тому времени, такъ какъ высшіе классы сумѣли исказить широкое ученіе Христа, приспособивъ его къ своей узкой жизни. Дентонъ и Елизавета, не смотря на свои старозавѣтныя убѣжденія, не были, однако же, достаточно самостоятельны для того, чтобы бороться съ тече-

Digitized by Google

ніемъ, и, въ общемъ, слѣдовали примѣру того класса общества, въ которомъ родились. Попавъ въ среду прирожденныхъ рабовъ, они, поэтому, почувствовали себя какъ бы во рву львиномъ—въ обществѣ низшихъ по разуму, но очень опасныхъ животныхъ.

Самымъ естественнымъ импульсомъ съ ихъ стороны было, конечно, стремленіе поддержать извѣстное разстояніе между собою и этими животными. Стремленіе это, однако же, скоро оказалось пагубнымъ, по крайней мѣрѣ для Дентона. Онъ думалъ, что смерть дочери и необходимость надѣть голубую холстину суть уже крайнія степени постигшаго его несчастія, но обстоятельства доказали, что онъ далеко не исчерпалъ послѣдняго до дна, и что ему осталось еще познакомиться съ такими подробностями жизни среди подонковъ человѣчества, о которыхъ онъ не имѣлъ никакого понятія.

Работая въ огромномъ, сводчатомъ помѣщеніи, среди цѣлой толпы другихъ рабочихъ, по большей части кліэнтовъ общества отъ колыбели до могилы, Дентонъ началъ съ того, что сталъ избѣгать всякихъ разговоровъ съ ними, что̀, конечно, тотчасъ же было замѣчено и совершенно справедливо приписано презрѣнію. Холодное: «не понимаю», или «благодарю васъ» звучало въ его устахъ обидою, хотя, на самомъ дѣлѣ, онъ, дѣйствительно, не вполнѣ понималъ простонародное нарѣчіе.

Первый изъ обратившихся къ нему съ какимъ-то вопросомъ, не получивъ отвѣта, плюнулъ и отвернулся. Другой, довольно дружелюбно предложившій Дентону свою масленку, не удовольствовался холодной благодарностью новичка, который видимо не принадлежалъ къ рабочему сословію, а затѣялъ съ нимъ разговоръ, стараясь узнать, какіе, собственно, пороки довели его до необходимости надѣть голубую холстину? Бывалъ ли онъ когда въ садахъ наслажденій, и что̀ тамъ дѣлается? Вопросы эти предложены были съ такимъ противнымъ хихиканьемъ, съ такимъ жаднымъ ожиданіемъ услыхать какія-нибудь сальныя подробности, что эстетическое чувство Дентона возмутилось и онъ молча отвернулся.

— Ишь ты, какой баринъ!—прошипѣлъ рабочій, отправившись разсказывать о своей неудачѣ сосѣдямъ, послѣ чего послѣдніе стали переговариваться и смѣяться между собою, очевидно, задумывая сбить спѣсь съ неразговорчиваго новичка. Дентонъ сразу почувствовалъ всеобщее озлобленіе противъ себя и рѣшилъ уединиться еще болѣе, занявшись работою.

Когда первая очередь кончилась и наступилъ интервалъ, предназначенный для завтрака рабочихъ, для чего они, однако же, не ходили въ общую столовую, а просто закусывали въ корридорѣ около мастерской, Дентонъ, вмѣстѣ со всѣми, вышелъ въ этотъ корридоръ и одиноко остановился въ уголкѣ. Завтракать ему было нечѣмъ, такъ какъ, не зная обычая, онъ не запасся провизіей. Въ это время другіе рабочіе, раздѣлившись на группы, стали развязывать узелки и закусывать, чѣмъ Богъ послалъ.

Дентонъ былъ голоденъ, и разыгрывать роль равнодушнаго наблюдателя разыгравшихся аппетитовъ ему стоило большого труда. Вообще онъ чувствовалъ себя неловко, тѣмъ болѣе, что рабочіе сосѣдней группы, разговаривая между собою въ полголоса, посматривали на него очень недружелюбно.

Вдругъ одинъ изъ нихъ, немного пониже Дентона ростомъ, но широкоплечій, выдѣлился изъ группы и подошелъ къ Дентону, видимо желая съ нимъ заговорить. Дентонъ повернулся къ нему лицомъ, такъ спокойно, какъ только могъ.

— Держи!—сказалъ рабочій, протягивая Дентону кусокъ хлѣба въ своей, болѣе, чѣмъ грязной, рукѣ. Широкоскулое и толстоносое лицо его, съ искривленнымъ на сторону ртомъ, было тоже грязно и покрыто потомъ.

На минутку Дентонъ поколебался,—брать или не брать—тѣмъ болѣе, что онъ не могъ рѣшить, любезность или оскорбленіе лежитъ въ подкладкѣ такого поступка. Подумавъ немножко, онъ рѣшилъ отказаться.

— Покорно благодарю,—сказалъ онъ,—я сытъ.

Лицо рабочаго потемнѣло еще болѣе. Товарищи его, стоявшіе группой, захохотали. Одинъ изъ нихъ, тотъ самый, который предлагалъ Дентону свою масленку, воскликнулъ:

— Вотъ какъ! Онъ, значитъ, баринъ! Ишь какъ крупно крошитъ!

— Вы это должны съѣсть, — сказалъ угрожающимъ тономъ криворотый, подставляя хлѣбъ къ самому носу Дентона.

Digitized by Google

Дентонъ почувствовалъ, что нѣчто весьма ощутительно треснуло его въ правый глазъ.

— Но мнѣ совсѣмъ не хочется, — отвѣчалъ Дентонъ, хотя и съ очень любезной улыбкой, но чувствуя, что душа его начинаетъ уходить въ пятки.

— Ѣшь же!—грозно произнесъ рабочій, тыкая хлѣбомъ въ лицо Дентона. Минутная пауза, и затѣмъ оба противника бросились другъ на друга. Сначала Дентонъ почувствовалъ, что сжатый кулакъ его ударился во что-то мягкое, потомъ нѣчто весьма ощутительно треснуло его въ правый глазъ, и, наконецъ, онъ, самъ не понимая какъ, очутился лежащимъ на полу, при чемъ голова его сильно стукнулась о камень... Когда Дентонъ пришелъ въ себя, то не скоро могъ сообразить, что̀ такое съ нимъ случилось; голова болитъ нестерпимо, во рту — вкусъ крови, по шеѣ медленно течетъ что-то теп-

Digitized by Google

лое, правый глазъ — ничего не видитъ, все тѣло дрожитъ какъ отъ сильнаго зноба, а кругомъ—толпа...

— Живехонекъ! Открылъ глаза! — произнесъ чей-то голосъ рядомъ.

— Подѣломъ—не важничай,—отозвался другой.

Дентонъ сѣлъ и провелъ рукою по головѣ, которая вся оказалась мокрой, липкой и покрытой шлакомъ, усыпавшимъ полъ. Онъ сразу вспомнилъ все происшедшее.

— Еще удивляется! — замѣтилъ кто-то, смѣясь.

— Не прикажете ли еще немножко? — спросилъ кто-то и затѣмъ, подражая интонаціи Дентона, добавилъ: «нѣтъ, покорно благодарю!»—Всѣ захохотали.

— А хлѣбъ-то куда дѣвался?—спросилъ маленькій человѣкъ съ лисьей мордочкой, шаря ногою въ шлакѣ.

Тѣмъ временемъ Дентонъ сообразилъ, что, согласно правиламъ чести, ему слѣдуетъ встать и продолжать драку до полнаго изнеможенія, но желанія продолжать ее онъ, въ душѣ своей, не чувствовалъ. Тутъ ему въ первый разъ пришло въ голову, что онъ, можетъ быть, просто трусъ. Все тѣло его точно будто налито свинцомъ; руки едва двигались, голова не работала, воля была парализована.

— Вотъ онъ, наконецъ,— сказалъ человѣкъ съ лисьей мордочкой, поднимая кусокъ хлѣба и вопросительно на всѣхъ посматривая.

Тѣмъ временемъ Дентонъ съ трудомъ поднялся на ноги.

— Дайте-ка его сюда, — сказалъ какой-то грязнолицый альбиносъ, протягивая руку за хлѣбомъ;—такъ вамъ еще мало?—добавилъ онъ затѣмъ угрожающимъ тономъ, приближаясь къ Дентону.

— Да, мнѣ еще мало,—сказалъ Дентонъ, переводя дыханіе. Онъ чувствовалъ, что дѣло еще не кончено, и что волей-неволей ему придется опять драться. На этотъ разъ онъ задумалъ первый дать альбиносу въ ухо и пристально, съ глубокимъ отвращеніемъ смотрѣлъ въ глаза послѣднему.

— Оставьте его, Джимъ, — вступился вдругъ криворотый, — онъ вамъ ничего не сдѣлалъ.

Альбиносъ мгновенно сконфузился и стоялъ, поглядывая на товарищей, а Дентону пришло въ голову, что криворотый самъ хочетъ заняться окончательнымъ его разрушеніемъ. Это казалось не очень утѣшительнымъ—справиться съ альбиносомъ было бы легче.

— Оставьте его, — повторилъ криворотый,—слышите? Съ него довольно.

Какъ разъ въ это время послышался звонъ колокольчика. Альбиносъ стоялъ въ нерѣшимости.

— Счастливъ вашъ Богъ,—сказалъ онъ, наконецъ, прибавляя крупную брань, и повернулъ къ двери въ мастерскую. Посмотримъ, что̀ будетъ въ слѣдующую смѣну,— добавилъ онъ, обернувшись.

Криворотый, подождавъ, пока онъ пройдетъ въ дверь, самъ направился туда же, а за нимъ пошелъ Дентонъ.

Полисменъ въ желтомъ мундирѣ, стоявшій у двери и отбиравшій карточки, замѣтивъ изуродованное лицо Дентона, обратился къ нему съ вопросомъ.

— Эй вы! Кто это васъ такъ изукрасилъ?

— Это мое дѣло,—отвѣчалъ Дентонъ.

— Пока не помѣшаетъ работѣ, прошу помнить! — замѣтилъ полисменъ довольно грубо.

Дентонъ не отвѣтилъ. Онъ былъ рабочій, носилъ голубую холстину, а потому не смѣлъ обижаться. Склонивъ голову, онъ направился прямо къ своему прессу.

Всѣ общественныя понятія Дентона, всѣ взгляды были поставлены вверхъ дномъ. До настоящаго времени онъ смотрѣлъ на свою личную безопасность, какъ на нѣчто незыблемое, на необходимое условіе жизни, а тутъ ему пришлось въ этомъ разубѣдиться. Тамъ, вверху, когда онъ еще не носилъ голубой холстины, тамъ личность его дѣйствительно была обезпечена отъ насилій, такъ какъ за нею стояла собственность, у которой всѣ общественныя власти и находились на жалованьи. А здѣсь, внизу, кому какое дѣло можетъ быть до его личной безопасности? Развѣ онъ платитъ кому-нибудь за охрану? Развѣ здѣсь стоитъ дорожить чьей-либо безопасностью или даже жизнью, когда такъ легко замѣнить одного рабочаго другимъ? Здѣсь дѣйствительно всѣ равны, то есть равно для общества не дороги. Здѣсь дѣйствительно господствуетъ первобытная борьба за существованіе—борьба звѣрей со звѣрями. Здѣсь царствуетъ кулакъ, волчій зубъ и лисій хвостъ. Надѣвъ голубую холстину, человѣкъ какъ бы вновь погружается въ самую глубину каменнаго вѣка и самъ

Digitized by Google

долженъ заботиться о своей безопасности. Ритмъ машины измѣнился, и Дентону пришлось, на время, оторваться отъ своихъ размышленій.

Странно — за что эти люди его ненавидятъ. Впрочемъ, нисколько не странно. Самъ онъ велъ себя глупо. Презрѣніе, отвращеніе, самовыдѣленіе изъ толпы суть привилегіи сильныхъ, а слабому нужно терпѣть. Что можетъ быть смѣшнѣе разорившагося богача или падшаго аристократа, который продолжаетъ держаться за права и отличія, переставшія для него существовать? Да и въ самомъ дѣлѣ— ну, чѣмъ онъ отличается отъ этихъ людей и какое право имѣетъ ихъ презирать?

Какъ жаль, что онъ не сообщилъ мнѣ раньше!

Что теперь будетъ во время смѣны? Трудно сказать... Трудно даже себѣ представить... Кто знаетъ, что думаютъ эти люди? Одно только ясно, это то, что они и теперь относятся къ нему враждебно. Могутъ и оскорбить, и изувѣчить или даже убить. Не запастись ли заранѣе какимъ-нибудь оружіемъ? Но въ мастерской нѣтъ ничего такого, что можно бы было употребить для этой цѣли.

Дентонъ подумалъ было даже о бѣгствѣ, то есть о томъ, чтобы тотчасъ же по окончаніи смѣны поскорѣе броситься бѣжать на улицу. Но, помимо самоуваженія, противъ такого проекта говорилъ и простой разсчетъ — вѣдь не больше какъ завтра ему опять придется встрѣтиться со своими врагами, которые тогда, конечно, уже ему не спустятъ.

Враги эти, между тѣмъ — человѣкъ съ лисьей мордочкой, альбиносъ и криворотый— разговаривали между собою, враждебно на него поглядывая.

Наступила, наконецъ, смѣна. Тотъ рабочій, который предлагалъ Дентону свою масленку, круто остановилъ прессъ, вытеръ ротъ тыломъ своей грязной руки и спокойно остановился, какъ бы приготовляясь быть свидѣтелемъ смѣшной сцены.

Нервы Дентона были напряжены до послѣдней степени. Въ глубинѣ души онъ рѣшилъ драться при первомъ вызовѣ, хотя самъ чувствовалъ, что на побѣду разсчитывать нельзя, такъ какъ всѣ мышцы его дрожали отъ одного ожиданія. Онъ остановилъ свой прессъ и, съ аффектаціей полнаго спокойствія, вышелъ въ корридоръ, откуда, однако же, немедленно опять долженъ былъ вернуться въ мастерскую, такъ какъ забылъ въ ней свою блузу, снятую по причинѣ сильной жары. Возвращаясь, онъ столкнулся лицомъ къ лицу съ альбиносомъ и остальными своими врагами.

— А вѣдь нужно же заставить его съѣсть хлѣбъ,—замѣтилъ человѣкъ съ лисьей мордочкой;—онъ, бѣдный, должно быть, голоденъ.

— Оставьте его въ покоѣ,—повелительно сказалъ криворотый.

Альбиносъ и лисья мордочка немедленно стушевались, и Дентонъ безъ всякихъ препятствій вышелъ сначала въ подземную галлерею, а потомъ и на улицу. Нервы его сразу ослабли—на этотъ день онъ, очевидно, былъ свободенъ отъ побоевъ и оскорбленій. Поднявшись на верхнюю платформу, онъ усѣлся на скамеечку и задумался.

Что будетъ завтра? Какъ отнесется Елизавета къ новымъ непріятностямъ, выпавшимъ на ихъ долю? Трудно было заранѣе рѣшить эти вопросы, да Дентонъ и не пробовалъ рѣшить ихъ. Они только проскользнули въ его сознаніи, которое, будучи утомлено продолжительнымъ напряженіемъ, въ настоящее время какъ бы замерло. Дентонъ сидѣлъ, ни о чемъ не думая, и тупо смотрѣлъ передъ собою.

Чья-то рука вдругъ легла на его плечо и вывела изъ полубезсознательнаго состоянія. Дентонъ обернулся и увидалъ косоротаго, который сидѣлъ рядомъ съ нимъ и пристально глядѣлъ ему въ лицо. Первымъ ощущеніемъ Дентона былъ испугъ и желаніе подальше отодвинуться отъ своего опаснаго сосѣда. Но, вспомнивъ, что теперь они находятся на улицѣ, то-есть подъ надзоромъ общественной власти, и не замѣтивъ въ выраженіи лица своего недавняго противника ничего враждебнаго, Дентонъ успокоился.

— Извините, пожалуйста,—сказалъ криворотый, по непривычкѣ говорить, едва процѣживая слова и подыскивая выраженія,—я вамъ... вотъ что хотѣлъ сказать... я вамъ... вотъ что хотѣлъ сказать... то есть я хотѣлъ сказать, что вы были правы... вы были правы! — вдругъ выкрикнулъ онъ, положивъ грязную руку на колѣно Дентона, вы джентльменъ! Жалѣю, очень жалѣю! хотѣлъ сказать вамъ это.

Изъ словъ криворотаго Дентонъ заключилъ, что великодушныя ощущенія могутъ

Digitized by Google

гнѣздиться и въ сердцахъ прирожденныхъ рабовъ. Это соображеніе заставило его проглотить свою собственную неумѣстную гордость, и онъ сказалъ:

— Я не желалъ оскорбить васъ, отказываясь отъ хлѣба.

— Вѣдь что жъ! я по дружбѣ, — отвѣчалъ криворотый,—только это тутъ лисица... да и бѣлякъ... нельзя же было спустить вамъ, не поцарапавши.

— Да,—сказалъ Дентонъ, съ внезапнымъ порывомъ раскаянія,—я поступилъ глупо.

— Ну, вотъ!—воскликнулъ криворотый, очевидно вполнѣ удовлетворившись,—вотъ это такъ! Лапу!

Дентонъ пожалъ его руку.

Платформа катилась въ это время какъ разъ мимо заведенія, въ которомъ особаго рода артисты исправляли некрасивыя лица —приставляли искусственные носы, увеличивали разрѣзъ глазъ, давали правильную форму лбамъ и проч. Весь фасадъ зданія, поэтому, вмѣсто вывѣсокъ, былъ уставленъ выпуклыми и вогнутыми зеркалами, которыя представляли лица прохожихъ въ уродливомъ видѣ, вызывая желаніе навести на нихъ красоту, что называется. Взглянувъ случайно въ одно изъ такихъ зеркалъ, Дентонъ былъ такъ пораженъ безобразіемъ своимъ и своего собесѣдника, въ минуту рукопожатія, что поспѣшилъ вырвать свою руку изъ мохнатой и грязной лапы послѣдняго.

Криворотый, однако же, на этотъ разъ не обидѣлся. Пробормотавъ что-то на счетъ того, что онъ былъ увѣренъ въ своей способности сойтись съ любымъ джентльменомъ, если таковой встрѣтится на его жизненномъ пути, криворотый впалъ въ задумчивость, а потомъ вдругъ толкнулъ ногою по платформѣ и торжественно произнесъ:

— Вотъ что я вамъ хотѣлъ сказать...

— Ну?—поощрилъ его Дентонъ.

Криворотый опять взялъ его за руку, пригнулся поближе и продолжалъ конфиденціальнымъ тономъ:

— Извините меня... но вы не знаете, какъ надо царапаться... не умѣете приняться за это. Не такъ начинаете... А коли не научитесь, такъ васъ убьютъ. Развѣ можно держать такъ руки!—вдругъ выкрикнулъ онъ, показывая, какъ именно Дентонъ держитъ руки во время борьбы, и сопровождая свои жесты грубой бранью.

— А между тѣмъ, — продолжалъ онъ, успокоившись нѣсколько,—вы высоки ростомъ... руки у васъ длинныя... длиннѣе, чѣмъ у кого-либо изъ насъ. Чортъ возьми! Я ужъ думалъ, что мнѣ не сдобровать! А вмѣсто того—на-ка поди!—брыкъ! Извините меня... я бы васъ не тронулъ, если бы зналъ, что вы деретесь, какъ... мѣшокъ съ овсомъ. Извините меня... такъ нельзя! Руки у васъ, точно грабли на палкѣ... такъ нельзя!

Дентонъ не могъ не разсмѣяться, при чемъ почувствовалъ такую сильную боль въ своемъ изуродованномъ лицѣ, что на глазахъ его появились слезы.

— Продолжайте,—сказалъ онъ.

Криворотый, въ отрывочныхъ и запутанныхъ фразахъ, выразилъ свое уваженіе къ храбрости Дентона, но замѣтилъ, что эта храбрость является безполезной, разъ не умѣешь держать руки, какъ слѣдуетъ.

— Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать...— продолжалъ онъ, — не хотите ли, я поучу васъ царапаться? Попробуйте. Вамъ недостаетъ школы... и изъ васъ могъ бы выйти молодецъ...Коли васъ поучить, то есть... положительно молодецъ. Вотъ что я хотѣлъ вамъ сказать.

Дентонъ колебался.

— Но...—сказалъ онъ,—мнѣ нечѣмъ заплатить вамъ за ученье...

— А кто же васъ проситъ платить?—сказалъ криворотый;—сейчасъ видно джентльмена.

— Да вѣдь вы же потратите на это время!—замѣтилъ Дентонъ.

— Не совѣтую кобениться,—продолжалъ криворотый, — если вы не выучитесь царапаться, такъ васъ убьютъ.

— Ужъ не знаю, что и дѣлать,—сказалъ Дентонъ, глядя на своего непрошеннаго доброжелателя. Внѣшній видъ послѣдняго внушалъ ему такое отвращеніе, что самая мысль быть чѣмъ-либо обязаннымъ такому грубому дикарю была ему непріятна.

— Наши ребята постоянно царапаются,— продолжалъ между тѣмъ послѣдній.

— Постоянно! И ужъ, разумѣется, коли не остережется, такъ и до смерти зашибутъ.

— Ахъ, Боже мой! Да я, кажется, радъ бы былъ этому!—вскричалъ Дентонъ.

— Ну, коли вамъ такъ нравится... — перебилъ криворотый.

— Вы меня не поняли, — сказалъ Дентонъ.

Digitized by Google

— Можетъ быть, и не понялъ,—пробормоталъ криворотый, надувшись и погружаясь въ молчаніе.

— Такъ что же, хотите вы, чтобы я васъ поучилъ?—сказалъ онъ, наконецъ, послѣ продолжительной паузы и далеко уже не такимъ дружескимъ тономъ.

— Это въ высшей степени любезно съ вашей стороны,—отвѣчалъ Дентонъ.

— Но...

Послѣдовала пауза. Криворотый всталъ и, наклонившись немного, проговорилъ:

Вернувшись, наконецъ, домой, онъ засталъ Елизавету тоже очень встревоженной, чего, благодаря угнетенному состоянію своего духа, совсѣмъ не замѣтилъ.

Не зная, какъ она приметъ разсказъ объ униженіяхъ, имъ испытанныхъ, онъ предпочелъ умолчать о нихъ и, въ отвѣтъ на удивленный ея взглядъ, сказалъ только:

— Попалъ въ тяжелую передѣлку... не хочу пока говорить о ней—слишкомъ еще живо воспоминаніе... слишкомъ тяжело.

Елизавета съ ужасомъ взглянула на его

Дентонъ былъ такъ пораженъ безобразіемъ своимъ и своего собесѣдника, въ минуту рукопожатія, что поспѣшилъ вырвать свою руку.

— Барство засѣло, а?.. Лицо у меня кривое?... Клянусь Богомъ... извините меня... вы—круглый дуракъ!

Криворотый отвернулся и сталъ съ большимъ достоинствомъ сходить съ платформы на средину улицы. Дентонъ, тотчасъ же сознавъ справедливость послѣдней фразы своего собесѣдника, чуть было не бросился за нимъ въ догонку, но ложный стыдъ заставилъ его остаться на мѣстѣ. Погруженный въ глубокую задумчивость, онъ и не замѣтилъ, какъ два раза объѣхалъ, на платформѣ, вокругъ всего города.

изуродованное лицо, и губы ея побѣлѣли, а рука, сильно похудѣвшая и покрытая мозолями, задрожала.

— Боже мой, Боже мой!—проговорила она печально и замолчала.

Супруги, вообще, съ нѣкотораго времени стали очень молчаливы. Въ этотъ вечеръ они не сказали болѣе другъ другу ни слова и легли спать, думая каждый о своемъ. Уже на разсвѣтѣ, когда Елизавета проснулась почему-то, Дентонъ, лежавшій, какъ мертвецъ, вдругъ сѣлъ на кровати и воскликнулъ:

Digitized by Google

— Нѣтъ! Я больше не могу и не хочу переносить этого!

Съ растрепанными волосами и искаженнымъ лицомъ, онъ сидѣлъ, потрясая сжатыми кулаками, а потомъ, помолчавъ немного, прибавилъ:

— Это ужъ слишкомъ! Никто бы на моемъ мѣстѣ не вынесъ.

Елизавета не отвѣчала. Она, съ своей стороны, тоже дошла до границъ терпѣнія. Оба долго молчали. Дентонъ сидѣлъ, обнявъ руками колѣна и положивъ на нихъ голову.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ, наконецъ, горько разсмѣявшись,—должно быть, придется все выносить. Странное дѣло—въ насъ теперь нѣтъ никакой наклонности къ самоубійству... Всѣ люди съ такою наклонностію, должно быть, уже перемерли. А мы... мы можемъ только брюзжать и жаловаться, брюзжать и жаловаться... Поколѣніе за поколѣніемъ—безъ конца, мы будемъ только брюзжать и жаловаться.

Елизавета молчала, но подумала, что это совершенно справедливо.

— Девять тысячъ лѣтъ,—продолжалъ Дентонъ,—триста поколѣній и въ каждомъ свои Дентоны... Каждаго изъ нихъ бьютъ, оскорбляютъ, а имъ—какъ съ гуся вода, только брюзжатъ да жалуются... Апостолическая преемственность въ нѣкоторомъ родѣ—благодать всепокорности, чортъ возьми! Ха, ха, ха! И, какъ подумаешь, сколько ихъ еще будетъ! Тысячи тысячъ! Милліоны милліоновъ, можетъ быть!.. Апостолическая преемственность... Не думаю, чтобы они насъ поблагодарили за такую передачу... Еще если-бы можно было знать что-нибудь опредѣленно... если бъ можно было сказать: вотъ почему все это такъ идетъ и вотъ почему оно нужно!..

Дентонъ замолчалъ, а Елизавета, едва различая въ полутьмѣ его фигуру, думала о томъ, какъ далеки они теперь другъ отъ друга, какими разными мыслями заняты! О чемъ бы еще могъ онъ теперь думать? Что̀ онъ еще скажетъ?

Казалось, цѣлый годъ прошелъ прежде, чѣмъ Дентонъ, вздохнувъ, пробормоталъ:

— Нѣтъ! я этого никогда не пойму!

Помолчавъ немного, онъ еще разъ рѣшительнымъ тономъ повторилъ эту фразу.

Елизавета замѣтила, что Дентонъ приготовляется лечь, и съ большимъ удивленіемъ слѣдила за тѣмъ, какъ онъ устраивается, чтобы было удобнѣе.

Улегшись, онъ вздохнулъ нѣсколько разъ, какъ бы даже съ удовольствіемъ, и затѣмъ весьма быстро заснулъ. Страшный порывъ его прошелъ, очевидно, оставивъ за собою то спокойствіе, какимъ всегда сопровождается буря.

Что̀ касается Елизаветы, то она продолжала тихо лежать, не смыкая глазъ до тѣхъ поръ, пока рѣзкій звонокъ и внезапное появленіе электрическаго свѣта въ комнатѣ не напомнили супругамъ о томъ, что рабочая компанія нуждается въ ихъ трудѣ на предстоящей день.

День этотъ, для Дентона, начался дракой съ «бѣлякомъ» и лисьей мордочкой.

Блэнтъ — криворотый магистръ благороднаго искусства драки—предварительно допустивъ противниковъ повалить Дентона на землю, счелъ нужнымъ вступиться за него.

— Оставьте его, бѣлякъ!—сказалъ онъ строгимъ голосомъ, — развѣ вы не видите, что онъ не умѣетъ царапаться?

Постыдно лежа въ пыли, Дентонъ долженъ былъ внутренно помириться съ необходимостью взять нѣсколько уроковъ этого искусства, а потому, какъ только всталъ, такъ подошелъ къ Блэнту и сказалъ ему:

— Вы совершенно правы—я дѣйствительно былъ глупъ и, если не поздно, то не откажитесь поучить меня.

Въ этотъ же день, послѣ второй смѣны, Дентонъ съ Блэнтомъ отправились въ обширный, сводчатый залъ подъ Лондонскимъ Портомъ, сырой и грязный, для того, чтобы заняться изученіемъ основъ благороднаго искусства «царапаться», столь процвѣтшаго и столь усовершенствованнаго въ подземномъ «большомъ свѣтѣ». Блэнтъ скоро научилъ Дентона и просто сбивать съ ногъ своихъ противниковъ, и наносить имъ болѣе или менѣе тяжкія поврежденія, и даже отправлять ихъ на тотъ свѣтъ. Онъ научилъ его также употребленію различныхъ домашнихъ предметовъ и принадлежностей одежды въ качествѣ оружія; научилъ угадывать намѣренія противника, вообще—преподалъ ему всѣ тѣ свѣдѣнія и все искусство, которыми обладалъ самъ. Во время преподавательской дѣятельности съ Блэнта соскочила вся его застѣнчивость. Онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ, относясь къ Дентону отечески и, лишь изрѣдка поддерживая въ немъ рвеніе

Digitized by Google

здоровыми тумаками. А когда талантливый ученикъ изловчился въ кровь разбить физіономію учителя, то послѣдній не могъ удержаться отъ счастливаго смѣха.

— Ничего! Я всегда плохо защищаю свое лицо, — сказалъ онъ, смѣясь и какъ бы сознаваясь въ простительной слабости, — да это не бѣда—лишь бы челюсти были цѣлы. А вкусъ крови мнѣ даже пріятенъ. Ей Богу, право! Ну, а все-таки, въ другой разъ, я не желалъ бы получить такого удара, ха, ха, ха! Браво, браво!

Дентонъ вернулся домой, падая отъ усталости и чувствуя боль во всемъ тѣлѣ. Елизавета уже спала. Прислушавшись къ ея ровному дыханію, Дентонъ вспомнилъ, что не далъ ей заснуть прошлую ночь, и потому постарался улечься какъ можно тише. Но заснуть онъ долго не могъ, не смотря на утомленіе. Больше чѣмъ когда-нибудь онъ почувствовалъ теперь ненависть ко всему окружающему: къ порядкамъ, царствующимъ въ обществѣ; къ высшему классу народа, проводившему жизнь въ погонѣ за матеріальными наслажденіями; къ низшему, всюду жившему по-свински, даже къ тому полудикарю Блэнту, который только-что выказалъ столько отеческаго чувства къ нему. Чудовищный обманъ, скрытый за показною стороной цивилизаціи, стоялъ передъ умственными очами Дентона во всемъ своемъ безобразіи, какъ нѣчто стихійное, какъ обратная волна варварства, вновь поглотившая человѣчество, подъ другою только формой. Многотысячелѣтнія усилія человѣка, направленныя на то, чтобы выйти изъ варварскаго состоянія, оказывались потраченными даромъ. Если бы было можно, то Дентонъ не согласился бы жить ни въ верхнемъ ни въ нижнемъ слоѣ общества. Но какъ уйдти отъ обоихъ? Какъ избавиться отъ необходимости приходить въ соприкосновеніе съ людьми и быть отъ нихъ независимымъ? Если не для себя, то хоть для Елизаветы слѣдуетъ попытаться это сдѣлать.

Мало-по-малу отъ несбыточныхъ мечтаній о быстромъ, вѣрномъ и окончательномъ избавленіи отъ несчастій, обрушившихся на его семью, Дентонъ перешелъ къ болѣе хладнокровному взгляду на свое положеніе и, въ концѣ концовъ, совсѣмъ уже передъ разсвѣтомъ, остановился на томъ рѣшеніи, къ которому пришелъ наканунѣ, то-есть, къ необходимости, такъ или иначе, не прибѣгая ни къ какимъ сверхъестественнымъ средствамъ, собственными слабыми силами, собственной энергіей, добиться болѣе сноснаго положенія въ жизни.

«Надо все вынести, черезъ все пройти», бормоталъ онъ, засыпая, «надо пробить себѣ дорогу, живя человѣкомъ между людьми и не надѣясь ни на чью помощь».

Второй урокъ «царапанья» былъ уже легче для Дентона; третій—прошелъ даже не безъ пріятности, а на четвертомъ криворотый принужденъ былъ даже спасовать передъ своимъ ученикомъ. Тѣмъ не менѣе уроки продолжались цѣлыхъ двѣ недѣли, хотя Блэнтъ уже съ пятаго урока сталъ клясться, что никогда не встрѣчалъ человѣка столь искуснаго въ царапаньи, какъ Дентонъ. Послѣдній до такой степени увлекся этимъ благороднымъ искусствомъ, что даже ночью только о немъ и думалъ, замышляя разныя хитрости, сложные выпады и ловкіе парады. Во все это время никто изъ рабочихъ къ нему не приставалъ, вѣроятно, изъ страха передъ Блэнтомъ, но въ концѣ концовъ буря разразилась. Однажды Блэнтъ не явился въ мастерскую—послѣ онъ говорилъ, что сдѣлалъ это преднамѣренно—и бѣлякъ видимо съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ конца первой смѣны. Онъ ничего не зналъ объ урокахъ царапанья и давно уже намекалъ, какъ самому Дентону, такъ и всѣмъ окружающимъ, о нѣкоторыхъ весьма кое для кого непріятныхъ своихъ намѣреніяхъ.

Бѣлякъ не былъ любимъ товарищами, и потому они безъ особаго интереса относились къ его предпріятію, но когда, на первую же его попытку ударить Дентона, послѣдній отвѣчалъ такимъ артистическимъ пріемомъ, что бѣлякъ, обливаясь кровью, покатился по полу, то обстоятельства перемѣнились—вся мастерская сбѣжалась смотрѣть на побоище. Едва успѣвъ подняться съ пола, бѣлякъ, блѣдный и разъяренный, вновь бросился на Дентона. Нѣкоторое время шансы побѣды колебались то въ ту, то въ другую сторону, но въ концѣ концовъ альбиносъ очутился опять на полу, съ почернѣвшимъ лицомъ и высунутымъ языкомъ, а Дентонъ, упершись колѣномъ въ грудь своего противника, обѣими руками сжималъ его горло.

Черезъ нѣсколько секундъ, снисходя къ умоляющимъ жестамъ побѣжденнаго врага, онъ отпустилъ послѣдняго, съ соблюденіемъ всѣхъ предосторожностей, предписываемыхъ правилами артистическаго царапанья. Кровь

Digitized by Google

побѣдителя бурно вращалась въ его жилахъ; онъ чувствовалъ себя такъ легко и сильно, какъ никогда прежде; угнетеннаго состоянія духа—какъ не бывало; изъ жалкихъ жертвъ

Въ концѣ концовъ альбиносъ очутился опять на полу.

цивилизаціи Дентонъ опять превратился въ человѣка, между равными ему людьми и даже, пожалуй, въ существо нѣсколько выше, чѣмъ они. Всѣ окружающіе видимо сознавали это—Дентонъ сразу сталъ популярнымъ, почти героемъ.

Человѣкъ съ лисьей мордочкой первый поспѣшилъ воздать ему должное, почтительно потрепавъ по спинѣ; рабочій, предлагавшій масленку, сіялъ отъ восторга... Вмѣсто униженія—полное торжество; вмѣсто отчаянія—гордое сознаніе силы...

Digitized by Google

Дентонъ былъ увѣренъ теперь въ томъ, что онъ не только выдержитъ то положеніе, въ которое поставила его жизнь, но еще и измѣнитъ его къ лучшему. Сидя вечеромъ на нарахъ, въ своей комнатѣ, онъ горячо и весело излагалъ свою новую точку зрѣнія передъ женою, молча и вяло смотрѣвшею на его разбитое лицо. Елизавета не дралась, не одержала побѣды, не испытала тріумфа, и потому кровь медленно обращалась въ ея жилахъ, сообщая мыслямъ настроеніе пессимистическое. Лицо ея, за послѣднее время сильно измѣнившее свое выраженіе, было блѣдно и покойно, только въ глазахъ вспыхивалъ какой-то злой огонекъ. Дентонъ, между тѣмъ, ничего не замѣчая, продолжалъ развивать свои идеи.

— Я чувствую, — говорилъ онъ, — что жизнь, то есть нѣчто начавшееся пятьдесятъ-сто милліоновъ лѣтъ тому назадъ, нѣчто такое, въ чемъ мы сами участвуемъ, постоянно прогрессируетъ — ростетъ, развивается, усложняется, стремится къ чему-то такому, что̀ все объяснитъ и оправдаетъ... И наши драки, и разбитыя физіономіи, и боль, и грязь, и оскорбленія — все оправдаетъ... Все это суть лишь удары рѣзца Верховнаго Ваятеля... Все это нужно и важно, для того, чтобы, въ концѣ концовъ, дать жизнь вполнѣ совершенному созданію этого Ваятеля... для того, чтобы сила возсіяла... Если бъ только вы могли почувствовать то, что̀ я чувствую! Если бъ я могъ перелить въ васъ свою вѣру! Да это и будетъ когда-нибудь! Я...

— Никогда не будетъ, — вяло отозвалась Елизавета.

— Также и я когда-то думалъ...— началъ было Дентонъ.

— Я не меньше васъ думала, — прервала его Елизавета, отрицательно покачивая головою, — и то, что̀ вы говорили, совсѣмъ меня не убѣждаетъ.

Переведя духъ и посмотрѣвъ на мужа съ какою-то даже злобой, она продолжала:

— Вы ничего не видите и не понимаете. Я вамъ вѣрила когда-то, но теперь стала умнѣе. Вы — мужчина, вамъ можно кулакомъ пробивать себѣ путь къ жизни. На разбитыя физіономіи вы не обращаете вниманія. Вы можете быть и грубы, и безобразны, и все-таки оставаться мужчиной. Съ вашей точки зрѣнія вы, пожалуй, и правы, только женщина не можетъ стать на эту точку зрѣнія. Мы совсѣмъ иначе созданы. Насъ слишкомъ рано цивилизовали. Мы не можемъ и не хотимъ жить вашей жизнью и вашими надеждами. То совершенство, котораго вы терпѣливо добивались для другихъ, для будущихъ людей, намъ оно нужно сейчасъ, для насъ самихъ. Я презираю, ненавижу этотъ подземный міръ! О, какъ я его ненавижу.

Помолчавъ немного, Елизавета продолжала:

— Да, я его ненавижу болѣе... болѣе, чѣмъ что бы то ни было на свѣтѣ! Я все — слышите ли? — все предпочту той жизни, которую намъ приходится вести! Отъ одной мысли о ней меня морозъ по кожѣ подираетъ. О, эти женщины, съ которыми мнѣ приходится работать! Я не сплю ночей отъ мысли, что сама могу стать похожей на нихъ.

— Да, я уже и становлюсь на нихъ похожей! — страстно воскликнула Елизавета послѣ краткой паузы.

Дентонъ растерянно смотрѣлъ на жену, не зная, чѣмъ ее утѣшить.

— Но, я... — попробовалъ было онъ вставить.

— Да, что̀ — вы! — прервала его Елизавета, — вы ничего не понимаете! Вы не въ состояніи спасти меня! Вы можете только драться, это, вотъ, ваше дѣло. А мнѣ не того нужно... Я дни и ночи думала. Я извелась, думая... Не могу я больше такъ жить, да и не хочу!.. Положительно, не хочу!

Она остановилась, какъ бы колеблясь.

— Должны же вы, наконецъ, когда-нибудь узнать, — добавила она рѣзкимъ голосомъ и съ злой улыбкой, — мнѣ предлагаютъ оставить васъ.

— Оставить меня!

Елизавета, не отвѣчая, утвердительно кивнула головою.

Оба, молча, глядѣли другъ на друга нѣсколько времени.

Елизавета вдругъ повернулась и упала лицомъ на подушку, лежавшую на нарахъ. Она не рыдала и лежала совсѣмъ тихо, только руки ея судорожно вцѣпились въ холстинную наволочку подушки. Спустя нѣсколько секундъ, однако же, плечи ея стали вздрагивать, и, наконецъ, все тѣло затряслось отъ беззвучныхъ рыданій.

— Елизавета! — шепталъ Дентонъ, присѣвъ на нары и нерѣшительно обнимая жену, — Елизавета!

Digitized by Google

Она грубо оттолкнула его локтемъ.

— Я не могу выносить этого!—вскричала она, поднявъ свое искаженное злобою и залитое слезами лицо,—подите прочь! Я не могу выносить этого!

Медленно соскользнувъ съ наръ, Дентонъ вытянулся во весь свой ростъ. Всякій слѣдъ довольства, радости или сочувствія исчезъ съ его, какъ бы сразу постарѣвшаго, лица. Не сдерживаясь, громкимъ голосомъ, сталъ онъ проклинать себя, жену, судьбу, столь безжалостно ихъ преслѣдующую, общество, человѣчество, настоящее, прошедшее и будущее, всѣ надежды и всѣ упованія человѣческія, однимъ словомъ — всю вселенную, со всѣмъ, что̀ въ ней находится.

Поднявъ кверху кулакъ, Дентонъ кричалъ все громче и громче...

— Я не могу выносить этого! — вскричала она.

Но какимъ слабымъ и ничтожнымъ казался этотъ гнѣвъ незамѣтной хотя и одушевленной пылинки, не только по сравненію съ тѣмъ, что̀ она проклинала, но даже хотя бы по сравненію съ прочнымъ каменнымъ сводомъ, заглушавшимъ ея проклятія...

Digitized by Google

ИСТОРІЯ НЕОПЫТНАГО ПРИВИДѢНІЯ.

Уэлльса.

(Съ рисунками **Грасея**).

Живо возстаетъ въ моей памяти обстановка, среди которой Клейтонъ разсказывалъ свою послѣднюю исторію. Онъ сидѣлъ въ углу старинной скамьи передъ обширнымъ каминомъ, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ Сандерсонъ и курилъ глиняную трубку. Тутъ же находился Эвансъ, а также Уишъ, — чудо между актерами и вмѣстѣ съ тѣмъ скромный человѣкъ. Въ этотъ субботній вечеръ мы всѣ пришли въ клубъ Сиренъ, за исключеніемъ Клейтона, который тутъ ночевалъ, что̀ и послужило поводомъ для его разсказа. Мы играли въ гольфъ, пока не стемнѣло, затѣмъ пообѣдали и находились въ томъ спокойно-добродушномъ настроеніи, въ какомъ люди готовы выслушать исторію. Когда Клейтонъ началъ разсказывать таковую, мы, естественно, полагали, что онъ вретъ. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ онъ вралъ, объ этомъ читатель вскорѣ будетъ въ состояніи судить столько же, сколько и я. Правда, что онъ началъ говорить съ видомъ человѣка, передающаго дѣйствительный фактъ, но мы думали, что это только его неизмѣнная хитрая уловка.

— Итакъ,—началъ онъ послѣ долгаго созерцанія цѣлаго дождя искръ, поднятаго Сандерсономъ, мѣшавшимъ огонь въ каминѣ, вы знаете, что я эту ночь провелъ здѣсь въ одиночествѣ?

— Если не считать прислугу,—сказалъ Уишъ.

— Которая спитъ въ другомъ флигелѣ,— поправилъ Клейтонъ. Да, такъ.....

Онъ затянулся нѣсколько разъ сигарою, какъ-будто все еще не рѣшаясь повѣдать свою тайну, и затѣмъ произнесъ совершенно спокойно.

— Я поймалъ привидѣніе.

—Вы поймали привидѣніе?—спросилъ Сандерсонъ. Гдѣ же оно?

Эвансъ же, который чрезвычайно восхищался Клейтономъ и жилъ четыре недѣли въ Америкѣ, воскликнулъ:

— Вы поймали привидѣніе, Клейтонъ? Я этому очень радъ! Разскажите-ка намъ все по порядку.

Клейтонъ обѣщалъ все разсказать и попросилъ Эванса запереть дверь. При этомъ онъ, какъ бы извиняясь, посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Никто, конечно, не станетъ подслушивать, но намъ не слѣдуетъ сбивать съ толку нашу прекрасную прислугу слухами о привидѣніяхъ въ этомъ домѣ. Тутъ слишкомъ много темныхъ закоулковъ и дубовыхъ панелей, чтобы шутить съ этимъ. А это привидѣніе было, знаете, не вполнѣ настоящее. Не думаю, чтобы оно когда-нибудь снова явилось.

— Что̀ вы хотите сказать? Неужели вы не задержали его?—спросилъ Сандерсонъ.

— Я объ этомъ и не заботился, — отвѣтилъ Клейтонъ.

Digitized by Google

Сандерсонъ выразилъ удивленіе.

Мы расхохотались, а Клейтонъ какъ-будто огорчился и съ дрожащею слабою улыбкою сказалъ:

— Я знаю, но фактъ тотъ, что это, дѣйствительно, было привидѣніе, и я въ этомъ такъ же увѣренъ, какъ въ томъ, что говорю теперь съ вами. Я не шучу. Я знаю, что̀ говорю.

Сандерсонъ сильно затянулся трубкою, поглядывая однимъ краснымъ глазомъ на Клейтона, а затѣмъ выпустилъ тонкую струйку дыма, болѣе краснорѣчивую, чѣмъ слова.

Клейтонъ не обратилъ вниманія на этотъ комментарій и продолжалъ:

— Это — самое странное происшествіе, какое когда-либо случалось со мною въ жизни. Я, знаете ли, никогда не вѣрилъ въ привидѣнія и тому подобное.

Онъ сильно углубился въ свои мысли, вынулъ вторую сигару и сталъ обрѣзать ее куріозно маленькою гильотинкою, которою онъ очень доложилъ.

— Вы говорили съ нимъ?—спросилъ Уишъ.

— Въ продолженіе цѣлаго часа, не менѣе.

— Оно болтливо?—спросилъ я, присоединяясь къ партіи скептиковъ.

— Онъ, бѣдняга, былъ въ горѣ,—сказалъ Клейтонъ съ ноткою упрека, наклонивъ голову надъ кончикомъ сигары.

— Плакалъ?—спросилъ кто-то.

— Ахъ, Боже мой!—вздохнулъ Клейтонъ при этомъ воспоминаніи. Да.... Бѣдный малый! Да.

— Въ какое мѣсто ударили вы его?—спросилъ Эвансъ.

— Я никогда не воображалъ,—снова заговорилъ Клейтонъ, не обращая вниманія на этотъ вопросъ,—какимъ жалкимъ можетъ быть привидѣніе.

Послѣ этого онъ опять заставилъ насъ ждать, пока отыскивалъ спички въ своемъ карманѣ и закуривалъ сигару.

— Я воспользовался однимъ преимуществомъ,—произнесъ онъ, наконецъ.

Никому изъ насъ не было къ спѣху.

— Характеръ души,—разсуждалъ Клейтонъ,—остается неизмѣннымъ и тогда, когда она лишится тѣла. Мы это слишкомъ часто забываемъ. Люди съ извѣстною силою и опредѣленностью стремленій могутъ породить и привидѣнія съ такою же силою и опредѣленностью стремленій; большинство духовъ, должно быть, страдаютъ навязчивыми идеями на подобіе маніаковъ и упрямы, какъ ослы, разъ они безпрестанно появляются. То бѣдное созданіе не было таковымъ.

Онъ какъ-то странно обвелъ глазами комнату и прибавилъ, размахивая сигарою какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ:

— Я говорю это вполнѣ искренно, и это совершенная истина. Съ перваго даже взгляда онъ поразилъ меня своею слабостью. Я, знаете ли, наткнулся на него въ длинномъ корридорѣ. Онъ стоялъ ко мнѣ спиною, и я тотчасъ же призналъ его за духа. Онъ былъ прозраченъ и бѣлесоватъ; я могъ видѣть сквозь его грудную клѣтку слабый свѣтъ маленькаго окошечка на концѣ корридора. И меня поразила слабость не только его физическаго облика, но и позы. У него былъ такой видъ, точно онъ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что̀ ему дѣлать. Одну руку онъ положилъ на дубовую панель, а другою размахивалъ передъ ртомъ. Вотъ такъ!

— Какая у него была наружность?—спросилъ Сандерсонъ.

— Онъ былъ очень худъ. У него, знаете ли, была такого рода шея, отъ которой идутъ двѣ большія выемки къ спинѣ тутъ и тутъ, вотъ такъ. И ничтожная головенка съ жалкою рѣшительностью и скверными ушами. Плечи тоже были скверныя,—уже бедеръ. Воротникъ отложной, короткій жакетъ, купленный въ магазинѣ готоваго платья, и болтавшіяся брюки, нѣсколько потрепанныя у пятокъ. Поймалъ же онъ меня слѣдующимъ образомъ.

Я поднимался себѣ тихонько по лѣстницѣ. У меня, знаете ли, не было свѣчки въ рукахъ (свѣчи стоятъ на столѣ, на верхней площадкѣ, а тутъ эта лампа), я былъ въ туфляхъ и увидѣлъ его, когда уже былъ наверху. Я остановился, какъ вкопанный, и этимъ ввелъ его въ заблужденіе. Я ничуть не испугался. Мнѣ кажется, что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ никто не бываетъ такъ испуганъ и возбужденъ, какъ объ этомъ обыкновенно думаютъ. Я былъ удивленъ и заинтересованъ. Я подумалъ: «Боже мой, наконецъ-то я вижу привидѣніе!» А я вѣдь ни на іоту не вѣрилъ въ привидѣнія за послѣднія двадцать пять лѣтъ.

— Гм!—промычалъ Уишъ.

— Онъ вскорѣ догадался о моемъ присутствіи; круто повернулъ голову, и я увидѣлъ лицо незрѣлаго молодого человѣка,

Digitized by Google

слабый носъ, жалкіе усики и мягкій подбородокъ. Нѣсколько мгновеній стояли мы такъ: я, вглядываясь въ него, онъ смотря на меня черезъ плечо. Затѣмъ онъ какъ-будто вспомнилъ о своемъ высокомъ призваніи: повернулся, выпрямился, выставилъ лицо впередъ, поднялъ руки, развелъ ихъ, какъ это принято у привидѣній, и направился ко мнѣ. Когда онъ подходилъ, его маленькая челюсть опустилась, и онъ издалъ слабый растянутый звукъ «бу». Нѣтъ,— это ничуть не было страшно. Я пообѣдалъ, выпилъ бутылку шампанскаго и, такъ какъ былъ одинъ, то, пожалуй, двѣ, три, а можетъ быть даже четыре, пять рюмокъ виски, а потому былъ крѣпокъ, какъ скала, и не болѣе напуганъ, чѣмъ, если бы меня атаковала лягушка. «Бу», сказалъ и я. «Вздоръ. Вамъ тутъ нечего дѣлать. Что̀ вамъ надо?» Я видѣлъ, какъ онъ содрогнулся и протянулъ свое «бу-у-у».—«Бу, чортъ тебя побери! Развѣ вы членъ клуба?» спросилъ я и для того, чтобы доказать, насколько мало придаю ему значенія, я ступилъ сквозь его бокъ и направился къ столу, чтобы зажечь свѣчку. «Развѣ вы членъ клуба?» повторилъ я свой вопросъ, смотря на него сбоку. Онъ немного отодвинулся, чтобы избавиться отъ меня, и фигура его приняла очень унылый видъ. — «Нѣтъ», отвѣтилъ онъ на настоятельный вопросъ, который читалъ въ моихъ глазахъ. «Я не членъ клуба, я духъ».— «Прекрасно, но это не даетъ вамъ права входа въ клубъ Сиренъ. Вы, можетъ быть, желаете видѣть кого-нибудь, или что-нибудь въ этомъ родѣ?» Говоря это, я старался быть какъ можно тверже въ своихъ движеніяхъ при зажиганіи свѣчки, изъ опасенія, чтобы онъ не принялъ послѣдствія виски за смущеніе отъ страха. Когда я, наконецъ, зажегъ свѣчу, то, взявъ ее въ руки, повернулся къ нему и спросилъ: «Что̀ вы тутъ дѣлаете?» Онъ опустилъ руки и, переставъ тянуть свое «бу», стоялъ пристыженный и неуклюжій, какъ истинный духъ слабаго, глупаго, безцѣльнаго молодого человѣка. «Я являюсь» отвѣтилъ онъ. — «Вы не имѣете никакого права на это», сказалъ я спокойнымъ голо-

— Что̀ вы тутъ дѣлаете? — спросилъ я.

Digitized by Google

сомъ.—«Я духъ», возразилъ онъ въ видѣ оправданія. — «Пусть, но тутъ-то вамъ нечего являться. Это почтенный частный клубъ; здѣсь часто останавливаются семейные люди съ кормилицами и дѣтьми и, если вы будете такъ беззаботно расхаживать тутъ, на васъ можетъ наткнуться какая-нибудь бѣдная крошка и до смерти напугаться. Вы, должно быть, не подумали объ этомъ».—«Нѣтъ, сэръ не подумалъ». — «А слѣдовало подумать. Имѣете вы какія-нибудь претензіи на это мѣсто? Были вы здѣсь убиты или что-нибудь въ этомъ родѣ?»—«Нѣтъ, сэръ, я не имѣю никакихъ претензій; но я думалъ, что, такъ какъ это мѣсто старое и съ дубовыми панелями»...—«Это не оправданіе», сказалъ я строго. «Вы пришли сюда по ошибкѣ», прибавилъ я тономъ дружнаго превосходства, а затѣмъ, сдѣлавъ видъ, что ищу свои спички, я посмотрѣлъ на него прямо и сказалъ: «На вашемъ мѣстѣ я бы не сталъ дожидаться, когда пропоетъ пѣтухъ, и тотчасъ бы исчезъ». Онъ видимо былъ смущенъ.—«Дѣло въ томъ», началъ онъ.—«Я бы исчезъ», повторилъ я, напирая на него.—«Дѣло въ томъ, сэръ, что... почему-то... я не могу».—«Вы не можете?».—«Не могу, сэръ. Я что-то такое позабылъ. Я томлюсь здѣсь съ прошлой полночи, прячась въ шкафахъ пустыхъ спаленъ и т. п. Я растерялся. Я раньше никогда не являлся, и это повидимому сконфузило меня». — «Сконфузило васъ?» — «Да, сэръ. Я пробовалъ нѣсколько разъ уйти, и ничего изъ этого не выходитъ. Какой-то пустякъ ускользнулъ изъ моей памяти, и я не могу вернуться».

— Это, знаете-ли, вывело меня изъ себя. Но онъ такъ униженно смотрѣлъ на меня, что я не могъ уже поддерживать принятый мною высокій, угрожающій тонъ. «Это странно», сказалъ я, и при этомъ мнѣ показалось, что кто-то прохаживается внизу. «Пойдемте въ мою комнату, я васъ не понялъ», прибавилъ я, попробовавъ взять его за руку. Но, само собою разумѣется, что я это сдѣлалъ такъ же успѣшно, какъ если бы захотѣлъ схватить струю дыма. Я, кажется, забылъ номеръ своей комнаты; какъ бы то ни было, но помню, что я заходилъ въ нѣсколько спаленъ (къ счастію, я былъ единственнымъ ночлежникомъ въ этомъ флигелѣ), пока не увидѣлъ свои пожитки.—«Мы пришли», сказалъ я и сѣлъ въ кресло, «садитесь и разскажите мнѣ все подробно. Мнѣ кажется, старина, что вы попали въ изрядно неловкое положеніе». Онъ отвѣтилъ, что лучше не сядетъ, что онъ предпочитаетъ двигаться взадъ и впередъ по комнатѣ, если я ничего противъ этого не имѣю. И вдругъ виски стало понемногу испаряться изъ меня, и я сталъ сознавать, что впутался въ ужасно странное и таинственное дѣло. Полупрозрачный, — какъ настоящее признанное привидѣніе, онъ безшумно мелькалъ передо мной въ хорошенькой, чистенькой, обитой ситцемъ старой спальнѣ, и слышанъ былъ только его загробный голосъ. Можно было видѣть сквозь него блескъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ и бронзовой каменной рѣшетки и углы рамокъ гравюръ, высѣвшихъ на стѣнѣ. И такъ, мелькая, онъ разсказывалъ мнѣ все о своей несчастной жалкой жизни, недавно окончившейся на землѣ. Лицо у него было, знаете ли, не особенно честное, но такъ какъ онъ былъ призраченъ, то, разумѣется, не могъ не говорить правды.

— Какъ? — воскликнулъ Уишъ, вскочивъ со стула.

— Что?—спросилъ Клейтонъ.

— Такъ какъ онъ былъ призраченъ, то не могъ не говорить правды, — я этого не понимаю.

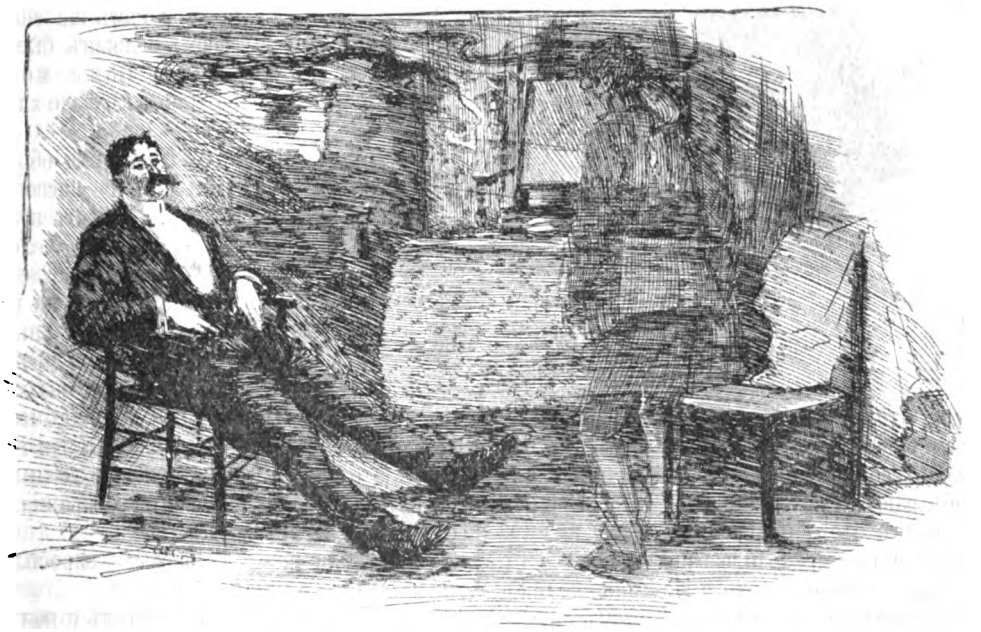
— Я тоже, — сказалъ Клейтонъ съ неподражаемою увѣренностью. А, между тѣмъ, могу васъ увѣрить, что это такъ. Не думаю, чтобы ему приходилось когда-нибудь усвоить хоть маленькую частицу Евангельской истины. Онъ разсказалъ мнѣ, какъ былъ убитъ, (онъ въ Лондонѣ спустился со свѣчкою въ подвалъ, чтобы посмотрѣть, гдѣ случился разрывъ газовой трубы) и описалъ себя, какъ бывшаго въ то время старшимъ учителемъ англійскаго языка въ одной лондонской частной школѣ.—«Несчастный!» — сказалъ я искренно, и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ болѣе думалъ я о томъ, какой онъ несчастный. Безцѣльно прожилъ онъ свою жизнь и безтолково лишился ея. Онъ говорилъ о своемъ отцѣ, матери, школьномъ учителѣ и всѣхъ, кто только имѣлъ какое-нибудь значеніе для него въ мірѣ. Онъ былъ слишкомъ чувствителенъ, слишкомъ нервенъ; никто изъ нихъ никогда не цѣнилъ его по достоинству,—говорилъ онъ,—и не понималъ его. Я думаю, что у него никогда въ жизни не было искренняго друга; онъ ни въ чемъ не имѣлъ удачи. Его не принимали въ игры, и онъ проваливался на экзаменахъ. «Такъ бы-

Digitized by Google

ваетъ съ нѣкоторыми людьми, — говорилъ онъ, — когда бы я ни вошелъ въ экзаменаціонную комнату или въ иное какое-нибудь мѣсто, все какъ-будто исчезало». Онъ собирался жениться (тоже, вѣроятно, на сверхъчувствительной особѣ), когда взрывъ газа положилъ конецъ всѣмъ его дѣламъ. «А гдѣ вы находитесь теперь?» спросилъ я. «Не въ...» На счетъ этого онъ ничего не зналъ опредѣленнаго. Изъ его описаній я получилъ впечатлѣніе какого-то неопредѣленнаго переходнаго состоянія, — спеціальнаго отдѣленія для душъ слишкомъ отвлеченныхъ для чего-нибудь столь опредѣленнаго, какъ грѣхъ или до добродѣтель. Я не знаю. Онъ былъ слишкомъ эгоистиченъ и не наблюдателенъ, чтобы дать мнѣ ясное понятіе о родѣ мѣста или страны по ту сторону бытія. Но, гдѣ бы онъ тамъ ни находился, онъ попалъ въ компанію сродныхъ себѣ духовъ слабыхъ, праздношатающихся молодыхъ людей, и между ними было, конечно, много разговора о томъ, чтобы идти «являться» и т. п. Да, являться! Они какъ-будто считали «явленіе духовъ» страшнымъ приключеніемъ, и большинство изъ нихъ все время практиковались въ немъ. И онъ, подстрекаемый, такимъ образомъ, пришелъ.

— Скажите, пожалуйста! — воскликнулъ Уишъ, смотря на огонь.

— Какъ бы то ни было, таковы были полученныя мною впечатлѣнія, — скромно сказалъ Клейтонъ. Конечно, я, можетъ быть, былъ въ нѣсколько невмѣняемомъ состояніи, но таковъ былъ его разсказъ. Онъ продолжалъ двигаться взадъ и впередъ, говоря безъ передышки тоненькимъ голоскомъ о своемъ собственномъ несчастномъ «я», и ни разу, отъ начала до конца, не сказалъ ничего яснаго, опредѣленнаго. Онъ былъ тоньше и глупѣе, и тупѣе, чѣмъ если бы былъ дѣйствительнымъ и живымъ существомъ.



Онъ сказалъ, что лучше не сядетъ, что онъ предпочитаетъ двигаться взадъ и впередъ по комнатѣ.

Только тогда, знаете ли, онъ бы не очутился въ моей спальнѣ, т. е., если бы онъ былъ живой. Я бы вытолкалъ его вонъ.

— Конечно, — сказалъ Эвансъ, существуютъ подобные бѣдные смертные.

— И у нихъ такой же шансъ стать духомъ, какъ и у всѣхъ насъ, — сказалъ я.

— Тотъ фактъ, что онъ былъ въ состояніи чувствовать себя сконфуженнымъ, придавалъ ему особый отпечатокъ. Передѣлка, въ какую онъ попалъ благодаря своему явленію, страшно подавляла его. Ему сказали, что это будетъ веселою шуткою; онъ пришелъ, ожидая веселья, и вдругъ оказа-

Digitized by Google

«Я сознавалъ странность всего этого».

нитесь и постарайтесь». — «Не могу», отвѣтилъ онъ. «Попробуйте». И онъ попробовалъ.

— Попробовалъ!— воскликнулъ Сандерсонъ. Какимъ образомъ?

— Пассами, — отвѣтилъ Клейтонъ.

— Пассами?

— Сложною серіею жестикуляцій. Онъ этимъ способомъ вошелъ и тѣмъ же способомъ долженъ былъ выйти. Боже мой! Сколько мнѣ было хлопотъ!

— Но какимъ образомъ серія пассовъ могла...—началъ я.

— Милый человѣкъ,—сказалъ Клейтонъ, повернувшись ко мнѣ и дѣлая сильныя ударенія на нѣкоторыхъ словахъ, вы хотите, чтобы все было ясно. Я не знаю, какимъ образомъ. Все, что я знаю, это то, что онъ это дѣлалъ. Послѣ ужасно долгаго времени онъ попалъ, наконецъ, на правильные пассы и вдругъ исчезъ.

— Замѣтили ли вы эти пассы?—спросилъ Сандерсонъ съ разстановкою.

— Замѣтилъ,—сказалъ Клейтонъ и задумался. Это было ужасно странно. Мы стояли вдвоемъ, я и тоненькое, неопредѣленное привидѣніе, въ безмолвной комнатѣ, въ той безмолвной, пустой гостиницѣ, въ этомъ безмолвномъ ночью городкѣ. Не слышно было ни одного звука кромѣ нашихъ голосовъ и слабаго прерывистаго дыханія его, когда онъ размахивалъ руками. Одна зажженная свѣчка стояла на ночномъ столикѣ, а другая на туалетѣ, и по временамъ то та, то другая вспыхивала длиннымъ, тонкимъ, удивленнымъ пламенемъ. И тутъ случилось нѣчто странное. «Не могу, сказалъ онъ, я никогда не буду въ состояніи!... И вдругъ онъ сѣлъ на маленькій стулъ у кровати и зарыдалъ. Боже мой! Какимъ онъ казался жалкимъ, измученнымъ существомъ!—«Под-

лось, что ко всѣмъ его невзгодамъ прибавилась еще одна неудача. Онъ провозгласилъ самого себя совершеннѣйшимъ, не имѣющимъ себѣ равнаго неудачникомъ. Онъ сказалъ, и я вполнѣ этому повѣрилъ, что ему никогда въ жизни не приходилось предпринять чего-нибудь, чтобы изъ этого не вышло полнѣйшей чепухи, и въ продолженіе всей вѣчности будетъ то же самое. Если бы еще онъ встрѣтилъ сочувствіе, то, можетъ быть... Онъ замолчалъ и посмотрѣлъ на меня. Онъ замѣтилъ, какъ это ни казалось мнѣ страннымъ, что никто никогда не оказывалъ ему столько сочувствія, сколько я ему оказалъ. Я видѣлъ, къ чему онъ клонилъ, и рѣшилъ тотчасъ же оборвать его. Можетъ быть, я грубъ, но, знаете, быть единственнымъ истиннымъ другомъ, повѣреннымъ признаній одного изъ такихъ безсильныхъ эгоистовъ, будь онъ духъ или тѣло, выше моихъ физическихъ силъ. Я быстро вскочилъ съ кресла и сказалъ: «Не останавливайтесь слишкомъ долго на этихъ мысляхъ. Единственное, что остается вамъ сдѣлать, это выйти изъ вашего затруднительнаго положенія. Подтя-

Digitized by Google

тянитесь», сказалъ я. И попробовалъ похлопать его по спинѣ, но, знаете ли, моя рука прошла сквозь него. Въ тотъ моментъ я соображалъ далеко не такъ тяжело, какъ это было на площадкѣ. Я вполнѣ сознавалъ странность всего этого. Помню, что, слегка содрогнувшись, я отдернулъ руку и, направляясь къ туалетному столу, повторилъ: «Подтянитесь и попробуйте». И, чтобы поощрить его, я самъ сталъ пробовать.

— Что?—спросилъ Сандерсонъ. Пассы?

— Да,—пассы.

— Но...—началъ я, движимый мыслію, которую не могъ ясно формулировать.

— Это интересно,—прервалъ меня Сандерсонъ, засунувъ палецъ въ трубку. Вы хотите сказать, что это ваше привидѣніе передало...

— Постаралось какъ можно лучше передать всѣ проклятые пассы? Да.

— Нѣтъ, онъ этого не сдѣлалъ,—сказалъ Уишъ; не могъ онъ этого сдѣлать, иначе и вы отправились бы туда.

— Вотъ именно,—сказалъ я, услыхавъ свою мысль, выраженную словами.

— Вотъ именно, — повторилъ Клейтонъ, задумчиво смотря на огонь.

Нѣсколько секундъ царило молчаніе.

— И, наконецъ, онъ исчезъ?— спросилъ Сандерсонъ.

— Наконецъ, исчезъ. Тяжело мнѣ было добиться этого, на всетаки въ концѣ концовъ онъ исчезъ, — и исчезъ внезапно. Онъ былъ въ отчаяніи, между нами произошла сцена, а затѣмъ онъ вдругъ всталъ и попросилъ меня повторить всѣ движенія медленно, чтобы онъ могъ видѣть. «Я думаю, сказалъ онъ, что если бы я могъ видѣть, то вспомнилъ бы, въ чемъ заключалась неправильность». И онъ вспомнилъ. — «Знаю», сказалъ онъ—«Что вы знаете?» спросилъ я.—«Я знаю, повторилъ онъ и вдругъ прибавилъ:—«Я не могу этого сдѣлать, если вы будете смотрѣть на меня, право, не могу; въ этомъ-то собственно и заключалась отчасти причина. Я такой нервный, что вы смущаете меня». Мы поспорили. Мнѣ естественно хотѣлось видѣть; но онъ былъ упрямъ, какъ оселъ, и я вдругъ усталъ, какъ собака; онъ совершенно измучилъ меня. — «Ладно», сказалъ я, «я не буду смотрѣть на васъ» и повернулся къ зеркалу на туалетѣ.

Онъ началъ очень быстро. Я старался слѣдить за нимъ въ зеркалѣ, чтобы увидѣть, почему именно онъ не рѣшался. Руки его двигались кругомъ и внезапно остановились на послѣднемъ жестѣ; онъ стоялъ прямо съ распростертыми руками. И затѣмъ его не стало. Его не было! Онъ исчезъ! Я обернулся къ нему. Ничего не было! Я былъ одинъ съ пылавшими свѣчами и помутившимся умомъ. Что̀ случилось? И случилось ли что-нибудь? Не сонъ ли мнѣ приснился?... И тутъ, какъ бы найдя нужнымъ издать нелѣпую конечную ноту, часы на площадкѣ пробили часъ. Такъ — пингъ! А я былъ серіозенъ и трезвъ, какъ судья,— все шампанское и виски улетучились. Чувствовалъ я себя странно, —смущенно странно! Да, странно! Боже мой!

Клейтонъ посмотрѣлъ на пепелъ своей сигары и прибавилъ:

— Вотъ и все, что̀ случилось.

«Я былъ одинъ».

Digitized by Google

— А затѣмъ вы пошли спать?—спросилъ Эвансъ.

— Что же мнѣ больше оставалось дѣлать?

Я посмотрѣлъ на Уиша. Намъ хотѣлось размѣяться, но что-то такое въ голосѣ и поведеніи Клейтона остановило насъ.

— Ну, а эти пассы?—спросилъ Сандерсонъ.

—Я думаю, что могъ бы теперь воспроизвести.

— Неужели?—удивился Сандерсонъ, вынимая изъ кармана перочинный ножъ и вычищая имъ трубку.

— Почему же вы теперь не дѣлаете ихъ?—спросилъ онъ, щелкнувъ ножемъ.

— Я сейчасъ намѣренъ дѣлать эти пассы,—сказалъ Клейтонъ.

— Они будутъ недѣйствительны,—сказалъ Эвансъ.

— А если....—началъ было я.

— Знаете что: лучше не дѣлайте ихъ,—сказалъ Уишъ, вытягивая ноги.

— Почему?—спросилъ Эвансъ.

— Мнѣ хотѣлось бы лучше, чтобы онъ ихъ не дѣлалъ,—повторилъ Уишъ.

— Но онъ не воспринялъ ихъ вполнѣ правильно,—сказалъ Сандерсонъ, набивая трубку табакомъ.

— Все равно, лучше не дѣлать ихъ,—настаивалъ Уишъ.

Мы спорили съ Уишомъ. Онъ говорилъ, что если Клейтонъ станетъ продѣлывать эти жесты, то съ его стороны это будетъ какъ-бы насмѣшкою надъ серіознымъ предметомъ.

— Но не вѣрите же вы?—заговорилъ я.

Уишъ взглянулъ на Клейтона, пристально смотрѣвшаго на огонь и какъ-бы что-то взвѣшивавшаго въ своемъ умѣ.

— Вѣрю... на половину, но, какъ бы то ни было вѣрю,—отвѣтилъ Уишъ.

— Клейтонъ,—сказалъ я,—вы слишкомъ удачный врунъ для насъ. Большая часть вашего разсказа была совершенно правильно составлена. Но это исчезновеніе... случайно оказалось убѣдительнымъ. Сознайтесь, что вы разсказали намъ сказку.

Онъ стоялъ посреди коврика передъ каминомъ противъ меня и не обратилъ вниманія на мои слова. Онъ задумчиво посмотрѣлъ на кончики своихъ сапогъ, затѣмъ взоръ его направился на противоположную стѣну и остановился тамъ съ выраженіемъ напряженной мысли. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ поднялъ обѣ руки до уровня глазъ и началъ...

Надо сказать, что Сандерсонъ масонъ,—членъ ложи Четырехъ Королей, которая посвятила себя изученію и разъясненію всѣхъ тайнъ масонства прошлаго и настоящаго, а между учеными этой ложи Сандерсонъ далеко не изъ послѣднихъ.

Онъ слѣдилъ за движеніями Клейтона своими красными глазами, выражавшими необычайный интересъ.

— Это не дурно,—замѣтилъ онъ. Дѣйствительно, Клейтонъ, вы изумительно складно это дѣлаете. Но вы пропустили тутъ маленькую подробность.

— Знаю,—сказалъ Клейтонъ,—и думаю, что могу вамъ передать какую.

— Ну?

— Вотъ эту,—сказалъ Клейтонъ, скрутивъ какъ-то смѣшно руки и давъ ими толчокъ.

— Да.

— Вотъ это, именно, ему и не удавалось. Но какимъ образомъ вы?..

— Я совершенно не понимаю большую часть вашего разсказа, а главное, какъ вы его выдумали, но эту часть я понимаю. Это серія жестовъ, принятыхъ у одной вѣтви тайнаго масонства... Вѣроятно, вы ее знаете.

— Иначе... Какъ?

Онъ немножко подумалъ, затѣмъ продолжалъ.

— Не думаю, чтобы я причинилъ какой-нибудь вредъ, если покажу вамъ правильное скручиваніе рукъ. Въ концѣ концовъ, если вы знаете, такъ знаете, а не знаете, такъ не знаете.

— Я ничего не знаю,—сказалъ Клейтонъ,—кромѣ того, что этотъ бѣдный малый продѣлалъ прошлою ночью.

— Все равно,—сказалъ Сандерсонъ и, положивъ осторожно свою трубку на каминъ, очень быстро задвигалъ руками.

— Такъ?—спросилъ Клейтонъ, повторяя его жесты.

— Такъ,—отвѣтилъ Сандерсонъ и снова взялъ въ руки свою трубку.

— Значитъ, теперь я могу все продѣлать совершенно правильно.

Сказавъ это, Клейтонъ улыбнулся намъ. Но мнѣ показалось, что улыбка его была не рѣшительная.

— Не начинать ли?—спросилъ онъ.

— Я бы не начиналъ,—сказалъ Уишъ.

Digitized by Google

— Все въ порядкѣ!—воскликнулъ Эвансъ. Матерія неразрушима. Не вообразите же вы, что такіе фокусы-покусы унесутъ Клейтона въ царство тѣней. Что касается до меня, то я даю свое согласіе, и вы, Клейтонъ, можете себѣ стараться, пока не отвалятся у васъ руки.

— Я этого не думаю,—сказалъ Уишъ и, вставъ со стула, положилъ руку на плечо Клейтона и добавилъ: вы такъ или иначе заставили меня повѣрить въ эту исторію, а я не хочу, чтобы вы это продѣлали на моихъ глазахъ.

— Вотъ-те на!—воскликнулъ я. Теперь Уишъ напуганъ.

— Да, напуганъ,—сказалъ Уишъ съ дѣйствительною или замѣчательно сыгранною убѣжденностью. Я вѣрю, что, если онъ продѣлаетъ всѣ движенія правильно, то исчезнетъ.

— Ничего подобнаго не будетъ!—воскликнулъ я. Для людей существуетъ только одинъ путь для ухода изъ сего міра, а Клейтонъ еще далекъ отъ него лѣтъ на тридцать. Кромѣ того... Такое привидѣніе! Думаете ли вы...

Уишъ остановилъ меня движеніемъ, подошелъ къ столу и сказалъ:

— Клейтонъ, вы съ ума сошли.

Клейтонъ съ своенравнымъ блескомъ въ глазахъ улыбнулся ему въ отвѣтъ и сказалъ:

— Уишъ правъ, а всѣ вы заблуждаетесь. Я исчезну. Я продѣлаю до конца всѣ пассы и съ послѣднимъ взмахомъ въ воздухѣ, вдругъ этотъ коврикъ опустѣетъ, всѣ присутствующіе въ комнатѣ будутъ изображать собою неописанное изумленіе, а хорошо одѣтый, почтенный господинъ шести пудовъ вѣса погрузится въ міръ тѣней. Въ этомъ я увѣренъ. И вы также убѣдитесь. Я отклоняю дальнѣйшія препирательства. Буду пробовать.

«Онъ стоялъ, слабо двигая руками».

—Нѣтъ,—произнесъ Уишъ, сдѣлалъ шагъ и остановился, а Клейтонъ снова поднялъ руки.

Между тѣмъ мы всѣ находились въ состояніи нервнаго напряженія, главнымъ образомъ вслѣдствіе поведенія Уиша. Мы всѣ устремили глаза на Клейтона и, что касается до меня, то я ощущалъ какое-то холодное оцѣпенѣніе, точно отъ затылка до таліи мое тѣло превратилось въ сталь. Съ неизмѣнно

Digitized by Google

ясною серіозностью Клейтонъ сгибалъ, разгибалъ и размахивалъ руками передъ нами. Когда онъ подходилъ къ концу,—кто съежился, кто стисвулъ зубы. Послѣдній жестъ долженъ былъ заключаться, какъ я сказалъ, въ томъ, чтобы, держа руки распростертыми, поднять вверхъ лицо. Когда онъ дошелъ до этой послѣдней позы, я пересталъ считать. Это было смѣшно, конечно, но что подѣлаешь съ чувствомъ, испытываемымъ послѣ разсказа о привидѣніяхъ. Дѣло происходило послѣ обѣда въ странномъ, старомъ мрачномъ домѣ. Въ концѣ концовъ не...?

Онъ стоялъ въ продолженіе момента, казавшагося безконечно долгимъ, съ распростертыми руками и поднятымъ лицомъ, увѣреннымъ и яснымъ при свѣтѣ висячей лампы. Въ теченіе этого момента мы томились, точно онъ длился цѣлый вѣкъ, а затѣмъ всѣ издали не то вздохъ безконечнаго облегченія, не то успокоительное слово «нѣтъ!» Онъ видимо не исчезалъ. Все это были глупости. Онъ разсказалъ пустую сказку и передалъ ее такъ, что она почти убѣдила насъ, вотъ и все!.. И вдругъ въ эту минуту лицо Клейтона стало измѣняться.

Оно измѣнилось такъ, какъ измѣняется маякъ, когда тухнутъ въ немъ огни. Его глаза сдѣлались неподвижными, улыбка застыла на устахъ, а онъ все стоялъ, слабо двигая руками.

Этотъ моментъ также показался намъ цѣлою вѣчною. И вдругъ задвигались стулья, вещи попадали на полъ, и мы всѣ вскочили. Его колѣни подались, онъ упалъ впередъ, и Эвансъ удержалъ его въ своихъ рукахъ...

Это всѣхъ насъ ошеломило. Въ продолженіе цѣлой минуты никто изъ насъ не могъ произнести ничего связнаго. Мы видѣли и не могли повѣрить... Я пораженъ былъ до затемнѣнія разсудка, и когда опомнился, то увидѣлъ себя на колѣняхъ около него; жилетъ и рубашка на немъ были разорваны, и Сандерсонъ приложилъ руку къ его сердцу...

Мы не спѣшили понять простой, совершившійся передъ нами фактъ. Онъ лежалъ тамъ въ продолженіе цѣлаго часа; а въ моей памяти фактъ этотъ живетъ и по сей день,—мрачный и поразительный. Клейтонъ дѣйствительно перешелъ въ міръ, столь близкій и столь далекій отъ нашего міра, и онъ перешелъ въ него единственнымъ путемъ, какой доступенъ человѣку. Но перешелъ ли онъ въ него благодаря чарамъ бѣднаго привидѣнія или же его, среди пустого разсказа, внезапно поразилъ апоплексическій ударъ, какъ заключилъ слѣдователь,—не мнѣ судить. Это одна изъ тѣхъ необъяснимыхъ загадокъ, которыя должны остаться неразрѣшенными, пока не настанетъ разъясненіе всего существующаго. Все, что я знаю достовѣрно, это то, что въ самый моментъ окончанія пассовъ онъ измѣнился, пошатнулся и упалъ мертвый на нашихъ глазахъ.

Digitized by Google

царь влюбился въ красивую молодую дѣвушку и хотѣлъ жениться на ней; но бѣдняжка лишилась разсудка! Разумѣется, если бы этотъ старый ученый былъ, какъ онъ увѣряетъ, знаменитымъ врачемъ, онъ сумѣлъ бы вылѣчить ее; царь-то дѣлалъ все возможное, чтобы исцѣлить молодую дѣвушку, но вотъ уже цѣлый годъ тратитъ онъ съ этою цѣлью громадныя богатства, платя врачамъ и астрологамъ, и все безъ пользы! Деревянный конь хранится вмѣстѣ съ прочими царскими сокровищами, а старый уродъ сидитъ здѣсь, въ тюрьмѣ, и не перестаетъ стонать и жаловаться всю ночь, такъ что не даетъ намъ спать!

Выслушавъ все это, Камаръ-аль-Акмаръ сказалъ себѣ:—Вотъ, наконецъ, и попалъ я на желанный путь. Теперь мнѣ слѣдуетъ найти средство, чтобы достигнуть цѣли!—Но скоро тюремщики нашли, что пора спать, ввели его въ тюрьму и заперли за нимъ дверь. Тогда онъ услышалъ, какъ плакалъ и стоналъ ученый, и жаловался на свою судьбу, говоря по-персидски:—Увы, какое несчастіе для меня, что я не сумѣлъ придумать болѣе ловкаго способа! Я погубилъ себя и не исполнилъ своихъ желаній и ничего не добился отъ этой молодой дѣвушки! И все это случилось со мною потому, что у меня не хватило разсудка, и что я стремился къ тому, что мнѣ не по силамъ!—Тогда Камаръ-аль-Акмаръ заговорилъ съ нимъ по-персидски и сказалъ ему:—Долго ли будешь ты плакать и жаловаться? Или ты думаешь, что только съ тобой случаются несчастія?—Ободренный этими словами, ученый завязалъ съ нимъ разговоръ и не зная, кто онъ, принялся жаловаться на свои несчастія и неудачи! И такъ провели они ночь, бесѣдуя, какъ добрые друзья.

На другое утро тюремщики пришли за Камаръ-аль-Акмаромъ и отвели его къ царю и сказали:—Этотъ молодой человѣкъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста четвертая ночь,

она сказала:

... отвели его къ царю и сказали:—Этотъ молодой человѣкъ пришелъ вчера позднимъ вечеромъ, и мы не могли привести его къ тебѣ, о царь, для допроса!—Тогда царь спросилъ у него:—Откуда ты? Какъ твое имя? Чѣмъ занимаешься?—Онъ отвѣтилъ:—Имя мое, по-персидски, Гаржахъ! Родина же моя—Персія! А по ремеслу, я ученый изъ ученыхъ и особенно хорошо умѣю излѣчивать умалишенныхъ. И съ этою цѣлью путешествую я по разнымъ мѣстамъ и городамъ, занимаюсь своимъ искусствомъ и прибавляю новыя познанія къ тѣмъ, которыми уже обладаю! И дѣлаю все это, не прибѣгая къ обычному одѣянію астрологовъ и ученыхъ: не расширяю своего тюрбана, не увеличиваю его рядовъ, не удлиняю своихъ рукавовъ, не ношу подъ мышкой толстой связки книгъ, не сурмлю вѣкъ, не ношу на шеѣ четокъ съ тысячами толстыхъ бусъ; и исцѣляю я больныхъ, не бормоча словъ на таинственномъ языкѣ, не дую имъ въ лицо и не кусаю ихъ за мочку уха! Таковы-то мои занятія, о царь!

Когда царь услышалъ эти слова, онъ сильно обрадовался и сказалъ ему:—О превосходный докторъ, ты пришелъ къ намъ именно въ такое время, когда мы всего болѣе нуждаемся въ твоихъ услугахъ!—И разсказалъ онъ ему о болѣзни молодой дѣвушки, прибавивъ:—Если ты согласишься лѣчить ее и вылѣчишь отъ безумія, которое наслали на нее злокозненные люди, то можешь просить у меня чего хочешь, и все будетъ тебѣ даровано!—Тотъ же отвѣтилъ:—Да даруетъ Аллахъ величайшія милости

Digitized by Google

и блага господину нашему, царю! Но прежде всего ты долженъ во всей подробности разсказать мнѣ о ея болѣзни, сказать, сколько дней находится она въ такомъ состояніи, а также и то, откуда прибыли они—молодая дѣвушка, старый персіанинъ и деревяный конь!—И царь разсказалъ всю исторію, съ начала до конца, и прибавилъ:—Старикъ сидитъ въ тюрьмѣ!—Онъ спросилъ:—А конь?—Царь отвѣтилъ:—Онъ у меня и бережно сохраняется въ моихъ кладовыхъ!—Камаръ-аль-Акмаръ сказалъ себѣ:—Прежде всего мнѣ нужно увидѣть коня и убѣдиться, что все въ порядкѣ у него. Если все въ цѣлости, дѣло выиграно, и цѣль моя достигнута; но если механизмъ его испорченъ, то придется думать о какомъ-нибудь новомъ способѣ освобожденія моей возлюбленной!—Тогда обратился онъ къ царю и сказалъ:—О царь, прежде всего, мнѣ нужно видѣть коня; весьма вѣроятно, что, осматривая его, я найду что-нибудь такое, что̀ можетъ служить мнѣ для исцѣленія молодой дѣвушки!—Царь отвѣтилъ:—Съ удовольствіемъ и отъ всего сердца позволяю!—И взялъ онъ его за руку и повелъ къ тому мѣсту, гдѣ хранился деревянный конь. Царевичъ обошелъ вокругъ коня, внимательно осмотрѣлъ и, найдя все въ цѣлости, очень обрадовался и сказалъ царю:—Аллахъ да будетъ милостивъ къ царю и да прославитъ царя Аллахъ! Теперь я готовъ идти къ молодой дѣвушкѣ, чтобы посмотрѣть, что̀ съ ней такое. Надѣюсь съ помощью Аллаха излѣчить ее моей исцѣляющей рукой и при посредствѣ этого деревяннаго коня!—И поручилъ онъ стражѣ повнимательнѣе караулить коня, а самъ отправился вмѣстѣ съ царемъ въ комнаты царевны.

Войдя въ комнату, гдѣ она находилась, онъ увидѣлъ ее ломающею себѣ руки, бьющею себя въ грудь, катающеюся по полу и раздирающею на себѣ одежды. И тотчасъ же замѣтилъ онъ, что она притворяется, что ни джинъ, ни человѣкъ не послалъ на нее безумія и что, напротивъ, разсудокъ ея въ полномъ порядкѣ! И понялъ онъ, что все это дѣлаетъ она лишь для того, чтобы никто не подходилъ къ ней!

И, увидѣвъ все это, Камаръ-аль-Акмаръ подошелъ къ ней и сказалъ:—О обольстительница Трехъ Міровъ, да отступятъ отъ тебя муки и мученія! Она же, взглянувъ, узнала его, и радость ея была такъ велика, что она испустила громкій крикъ и упала въ обморокъ. И царь не сомнѣвался, что это случилось потому, что она испугалась врача. Но Камаръ-аль-Акмаръ наклонился къ ней и, приведя ее въ чувство, сказалъ шепотомъ:—О Шамзеннахаръ, о зрачекъ моего глаза, ядро моего сердца, береги свою и мою жизнь, мужайся и потерпи еще немного; положеніе наше требуетъ большой осмотрительности и безконечныхъ предосторожностей, если мы хотимъ избавиться отъ этого тиранна-царя. Я сейчасъ же стану утверждать его въ мысли, что въ тебя вселились джины и что это и есть причина твоей болѣзни; но скажу, что я только-что исцѣлилъ тебя при помощи своихъ таинственныхъ силъ! Ты же говори спокойно и ласково, чтобы доказать ему, что ты дѣйствительно излѣчилась при моемъ посредствѣ! Такимъ путемъ наша цѣль будетъ достигнута, и намъ удастся привести нашъ планъ въ исполненіе!—И молодая дѣвушка отвѣтила:—Слушаю и повинуюсь!

Тогда Камаръ-аль-Акмаръ подошелъ къ царю, стоявшему въ глубинѣ комнаты, и съ радостнымъ лицомъ сказалъ ему:—О царь благословенный, благодаря твоей доброй судьбѣ я успѣлъ узнать болѣзнь дѣвушки и найти средство противъ этой болѣзни. Я излѣчилъ ее тебѣ! Ты можешь подойти къ ней и поговорить съ ней тихо и ласково; и все, чего пожелаешь отъ нея, совершится!—И изумленный царь подошелъ къ молодой дѣвушкѣ, которая сейчасъ же встала, поцѣловала землю между рукъ его, привѣтствовала его и сказала:—Служанка твоя смущена честью, которую ты оказываешь ей сегодня своимъ посѣщеніемъ!—И при видѣ всего этого царь былъ внѣ себя отъ радости...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

Но когда наступила

четырееста пятая ночь,

она сказала:

... былъ внѣ себя отъ радости и приказалъ служанкамъ, невольницамъ и евнухамъ служить ей, вести ее въ гаммамъ и приготовить для нея платья и украшенія. И женщины и рабы вошли и поклонились ей, и она отвѣчала на ихъ привѣтствія милымъ и кроткимъ голосомъ. Тогда одѣли онѣ ее въ царскія одежды, надѣли ей на шею ожерелье изъ драгоцѣнныхъ камней, повели въ гаммамъ, купали ее и служили ей, а затѣмъ привели снова въ ея комнаты, и походила она на луну въ четырнадцатый день послѣ ея рожденія. Вотъ все! А царь радовался, и душа его расцвѣтала. И сказалъ онъ молодому царевичу:—О мудрецъ, о ученый врачъ, о философъ, все, что случается у насъ теперь счастливаго, обязано твоимъ достоинствамъ и благословенію, надъ тобою пребывающему. Да умножитъ надъ нами Аллахъ блага твоего исцѣляющаго дуновенія!—А тотъ отвѣтилъ:—О царь, для окончательнаго исцѣленія необходимо, чтобы ты сейчасъ же вышелъ со своею свитой, стражей и войскомъ и отправился къ тому мѣсту, гдѣ ты нашелъ дѣвушку, и ее приведи туда съ собою и туда же вели отнести деревяннаго коня, который былъ при ней и который и есть именно одинъ изъ джиновъ Эблиса: онъ-то и вселялся въ нее и дѣлалъ ее безумной. Я же произнесу тамъ необходимыя заклинанія; въ противномъ случаѣ этотъ проклятый джинъ сталъ бы возвращаться къ ней въ началѣ каждаго мѣсяца, и пришлось бы начинать лѣчить ее съизнова; теперь же, овладѣвъ имъ окончательно, я запру и убью его!—И царь Румовъ сказалъ:—Все будетъ потвоему, разрѣшаю отъ всего дружескаго сердца и какъ должное тебѣ!—И тѣмъ же часомъ, въ сопровожденіи царевича и молодой дѣвушки и со всѣмъ своимъ войскомъ, отправился царь на извѣстный лугъ.

Когда они пришли туда, Камаръ-аль-Акмаръ приказалъ посадить дѣвушку на деревяннаго коня и держать ихъ на довольно далекомъ разстояніи отъ царя и воиновъ, чтобы они не могли ихъ ясно видѣть. И это приказаніе было немедленно исполнено. Тогда сказалъ онъ царю Румовъ: — Теперь, съ твоего позволенія и если пожелаешь, я начну окуриваніе и заклинанія, чтобы овладѣть этимъ врагомъ рода человѣческаго и сдѣлать его отнынѣ безвреднымъ! Затѣмъ я самъ сяду на деревяннаго коня и посажу дѣвушку себѣ за спину. И увидишь ты тогда, какъ деревянный конь станетъ двигаться во всѣ стороны и волноваться, а потомъ побѣжитъ и остановится между рукъ твоихъ. Тогда ты будешь имѣть доказательство, что онъ уже вполнѣ въ нашей власти. И послѣ этого можешь дѣлать съ дѣвушкой, что хочешь!

Услышавъ такія слова, царь Румовъ обрадовался до послѣднихъ предѣловъ радости, между тѣмъ какъ Камаръ-аль-Акмаръ садился на коня и крѣпко привязалъ къ себѣ дѣвушку. И въ ту минуту, какъ всѣ глаза были направлены на него, онъ повернулъ гвоздикъ для полета вверхъ; конь взвился и по прямой линіи поднялся съ ними и исчезъ въ воздухѣ.

Царь Румовъ, ничего не подозрѣвая, продолжалъ стоять на лугу со своими войсками цѣлые полдня, дожидаясь возвращенія улетѣвшихъ. Но такъ какъ они не возвращались, онъ рѣшилъ, наконецъ, идти ждать ихъ во дворцѣ. Но и тутъ ждалъ онъ напрасно. Тогда вспомнилъ онъ о безобразномъ старикѣ, сидѣвшемъ въ тюрьмѣ, и призвавъ его къ себѣ, сказалъ ему: — Ахъ ты старый предатель, ахъ ты обезьяній задъ, какъ ты смѣлъ скрыть отъ меня тайну этого заколдованнаго коня? Вотъ теперь онъ только-что похитилъ и унесъ въ воздухъ врача, излѣчившаго дѣвушку и самую

Digitized by Google

дѣвушку. И кто знаетъ, что съ ними случится! Сверхъ того ты долженъ отвѣтить и за то множество драгоцѣнностей, за цѣлыя сокровища, которыми я велѣлъ украсить ее по выходѣ изъ гаммама! Сейчасъ же прикажу отрубить тебѣ голову! — И по знаку царя, меченосецъ подошелъ и однимъ ударомъ сдѣлалъ изъ одного персіанина двухъ! И вотъ все о нихъ!

Царевичъ же Камаръ-аль-Акмаръ и царевна Шамзеннахаръ спокойно продолжали свое быстрое воздушное путешествіе и благополучно прибыли въ столицу царя Сабура. На этотъ разъ они опустились не къ флигелю, а на крышу самаго дворца. Царевичъ поспѣшилъ увести царевну въ безопасное мѣсто, самъ же отправился увѣдомить отца и мать о своемъ пріѣздѣ. И вошелъ онъ въ комнату, гдѣ, утопая въ слезахъ и отчаяніи, сидѣли царь, царица и трое царевенъ, сестеръ его; и, обнимая ихъ всѣхъ, пожелалъ онъ имъ мира, между тѣмъ какъ душа ихъ при видѣ царевича наполнялась блаженствомъ, а съ сердца спадала тяжесть мукъ и огорченій.

Тогда, чтобы отпраздновать возвращеніе сына и прибытіе царевны, дочери царя Саны, царь Сабуръ устроилъ большія увеселенія для жителей города, и продолжались празднества цѣлый мѣсяцъ. А Камаръ-аль-Акмаръ вошелъ въ брачный покой и наслаждался счастіемъ съ молодой женой долгія благословенныя ночи.

Затѣмъ царь Сабуръ, чтобы отнынѣ быть покойнымъ, велѣлъ разломать деревяннаго коня и самъ уничтожилъ его механизмъ.

Камаръ-аль-Акмаръ же написалъ письмо...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста шестая ночь,

она сказала:

... Камаръ-аль-Акмаръ же написалъ письмо отцу своей супруги, царю Саны, и въ этомъ письмѣ сообщилъ всю ихъ исторію, увѣдомилъ о бракѣ своемъ и о томъ, что вполнѣ счастливъ. И отправилъ онъ это письмо съ вѣстникомъ, котораго сопровождали люди, несшіе великолѣпные подарки и цѣнные, рѣдкіе предметы. И вѣстникъ прибылъ въ Сану, въ Йяманъ, и вручилъ письмо и дары отцу царевны, который, прочитавъ письмо, безмѣрно былъ обрадованъ и принялъ дары. Послѣ этого онъ, въ свою очередь, приготовилъ богатые подарки для своего зятя, сына царя Сабура, и послалъ ихъ съ тѣмъ же гонцомъ.

Получивъ подарки отъ отца своей супруги, прекрасный царевичъ Камаръ-аль-Акмаръ обрадовался чрезвычайно, потому что ему было бы тяжело думать, что старый царь Саны недоволенъ поведеніемъ дочери и ея мужа. И поставилъ онъ себѣ даже правиломъ ежегодно посылать ему письмо и подарки. И такъ поступалъ онъ до самой смерти царя Саны. Потомъ, когда и его собственный отецъ, царь Сабуръ, также умеръ, онъ наслѣдовалъ ему на престолѣ и началъ свое царствованіе съ того, что выдалъ младшую сестру свою за новаго царя Йямана. И управлялъ онъ своимъ царствомъ мудро, а подданными справедливо; и такимъ путемъ пріобрѣлъ онъ верховенство надъ всѣми странами и вѣрность всѣхъ жителей. Онъ же и супруга его Шамзеннахаръ продолжали вести самую сладостную, тихую и спокойную жизнь до тѣхъ поръ, пока не явилась къ нимъ Разрушительница наслажденій, Разлучница обществъ и друзей, Разорительница дворцовъ и хижинъ, Строительница надгробій и Поставщица кладбищъ!

А теперь, слава Единому Существу, не умирающему и держащему въ рукахъ своихъ господство надъ мірами и власть надъ Видимымъ и Невидимымъ!

Digitized by Google

И Шахразада, дочь визиря, закончивъ такими словами свое повѣствованіе, умолкла. Тогда царь Шахріаръ сказалъ ей: — Эта повѣсть, Шахразада, изумительна до невѣроятія! Я бы очень желалъ ознакомиться съ необыкновеннымъ механизмомъ этого деревяннаго коня!—Шахразада же сказала: — Увы, онъ былъ уничтоженъ! — А Шахріаръ сказалъ: — Клянусь Алдахомъ, это изобрѣтеніе сильно тревожитъ мой умъ!—Шахразада сказала на это: — Въ такомъ случаѣ, о царь благословенный, чтобы успокоить твой умъ, я готова, если, конечно, позволишь, разсказать тебѣ самую забавную изъ извѣстныхъ мнѣ исторій, ту, въ которой говорится о Далидѣ-Пройдохѣ и дочери ея Зейнабъ-Плутовкѣ! — И царь Шахріаръ воскликнулъ: — Клянусь Алдахомъ! Ты можешь разсказывать, такъ какъ я не знаю этой исторіи! Послѣ этого я рѣшу дѣло о твоей головѣ! — Тогда Шахразада сказала:

Разсказъ о продѣлкахъ Далилы-Пройдохи и дочери ея Зейнабъ-Плутовки съ Ахмедомъ-Коростой, Гассаномъ-Чумой и Али-Живое-Серебро.

Сказываютъ, о царь благословенный, что въ Багдадѣ, во времена калифа Гаруна-аль-Рашида, жилъ человѣкъ, котораго звали Ахмедомъ-Коростой, и другой, котораго звали Гассаномъ-Чумой; оба они славились своимъ плутовствомъ и воровствомъ. Подвиги ихъ въ этомъ родѣ были изумительны; поэтому калифъ, умѣвшій извлекать пользу изъ всякаго рода дарованій, призвалъ ихъ къ себѣ и поставилъ во главѣ полицейской службы. Онъ подарилъ каждому изъ нихъ почетное платье, назначилъ жалованіе по тысячѣ золотыхъ динаріевъ въ мѣсяцъ и далъ имъ стражу изъ сорока надежныхъ всадниковъ. Такимъ образомъ Ахмеду-Коростѣ поручено было охранять безопасность города на сухомъ пути, а Гассану-Чумѣ—на водныхъ путяхъ. И оба они, во время торжественныхъ шествій, шли рядомъ съ калифомъ, одинъ по правую, а другой по лѣвую руку.

Въ самый день назначенія ихъ на эту должность, вышли они вмѣстѣ съ багдадскимъ вали, эмиромъ Халедомъ, въ сопровожденіи своихъ сорока конныхъ молодцовъ и предшествуемые глашатаемъ, который провозглашалъ указъ калифа и кричалъ: — О вы всѣ жители Багдада, вотъ приказъ калифа! Знайте, что начальникомъ полиціи правой руки будетъ отнынѣ Ахмедъ-Короста, и начальникомъ лѣвой руки — Гассанъ-Чума! И вы обязаны имъ непремѣннымъ уваженіемъ и повиновеніемъ!

Въ то же самое время жила въ Багдадѣ опасная старуха по имени Далила, которую съ той поры стали звать Далилой-Пройдохой; у нея было двѣ дочери: одна была замужемъ за молодымъ повѣсой Махмедомъ-Выкидышемъ, а другая оставалась еще въ дѣвушкахъ, и ее-то впослѣдствіи прозвали Зейнабъ-Плутовкой. Мужъ старухи Далилы въ прежнее время занималъ важную должность: онъ былъ начальникомъ почтовыхъ голубей, разносившихъ письма и другія бумаги по всему царству, и жизнь этихъ голубей была для калифа дороже жизни собственныхъ дѣтей его. Поэтому мужъ Далилы пользовался всякаго рода почестями и преимуществами, а жалованья получалъ по тысячѣ динаріевъ въ мѣсяцъ. Но онъ умеръ и былъ забытъ, оставивъ послѣ себя вдову и этихъ двухъ дочерей! Воистину Далила была бѣдовой старухой, искусной во всякаго рода продѣлкахъ, воровствѣ, мошенничествѣ и всякаго рода плутняхъ, колдуньей, способной выманить самого змѣя изъ его норы и самого Эблиса научить хитрости и обману.

Digitized by Google

Такъ вотъ въ день назначенія Ахмеда-Коросты и Гассана-Чумы на должности начальниковъ полиціи, молодая Зейнабъ услышала, какъ глашатай извѣщалъ о томъ народъ, и сказала своей матери:—Смотрите-ка, мать! Каково! Этотъ мошенникъ Ахмедъ-Короста! Онъ вѣдь бѣглецомъ явился въ Багдадъ, его выслали изъ Египта, и какихъ только дѣлъ онъ не натворилъ здѣсь съ тѣхъ поръ! И такимъ путемъ онъ такъ прославился, что калифъ только-что назначилъ его начальникомъ полиціи своей правой руки, а товарища и сотрудника его Гассана-Чуму—начальникомъ лѣвой руки! И для каждаго изъ нихъ будетъ денно и нощно накрытъ столъ во дворцѣ калифа, и будетъ у нихъ своя стража, и по тысячѣ динаріевъ будутъ они получать ежемѣсячно и пользоваться почестями и преимуществами. А мы, увы, сидимъ у себя дома, безъ должности и забытыя всѣми, нѣтъ намъ ни почести, ни славы, и никто не заботится о нашей участи!—И старуха кивнула головой и сказала:—Да, клянусь Аллахомъ, дочь моя!—Тогда Зейнабъ сказала ей:—Вставай же, мать, и придумай какой-нибудь способъ, чтобы мы могли прославиться, или продѣлку, которая доставила бы намъ такую извѣстность въ Багдадѣ, чтобы слухъ о ней дошелъ до калифа, и онъ вернулъ бы намъ содержаніе и преимущества нашего отца!

Когда Зейнабъ-Плутовка сказала эти слова своей матери Далилѣ-Пройдохѣ, та отвѣтила:—Клянусь твоею головою, о дочь моя!...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста седьмая ночь,

она сказала:

.... Клянусь твоею головою, дочь моя, обѣщаю тебѣ сыграть въ Багдадѣ штуку перваго сорта, которая превзойдетъ всѣ продѣлки Ахмеда-Коросты и Гассана-Чумы!—И тѣмъ же часомъ закрыла она лицо свое покрываломъ, одѣлась бѣдной суфіей, надѣла широкое одѣяніе съ такими длинными рукавами, что они доходили до самыхъ пятъ, и подпоясалась широкимъ шерстянымъ поясомъ; затѣмъ взяла она кувшинъ, наполнила его водою до самаго горла и положила три динарія въ горло кувшина, которое заткнула пробкой изъ пальмоваго волокна; потомъ навѣсила она на него нѣсколько рядовъ толстыхъ, тяжелыхъ, какъ вязанка дровъ, четокъ и взяла въ руки маленькое знамя, сшитое изъ красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ тряпокъ, такое, какъ носятъ нищенствующія суфи; и, нарядившись такимъ образомъ, она вышла изъ дому, громко произнося: — Аллахъ, Аллахъ, — молясь языкомъ, между тѣмъ какъ сердце ея плутало въ поляхъ Эблиса, а мысли заняты были придумываніемъ опасныхъ и безчестныхъ продѣлокъ. И пошла она по всѣмъ кварталамъ города, переходя изъ одной улицы въ другую, до тѣхъ поръ, пока дошла до тупика, вымощеннаго мраморомъ, выметеннаго и политаго; въ глубинѣ его виднѣлась большая дверь, а надъ нею великолѣпный алебастровый карнизъ, на порогѣ же сидѣлъ опрятно одѣтый привратникъ, мограбинъ. Дверь эта была изъ сандаловаго дерева, на ней были бронзовыя кольца, и висѣлъ серебряный замокъ. Домъ же принадлежалъ начальнику стражи калифа, человѣку весьма уважаемому и владѣльцу большихъ имуществъ, движимыхъ и недвижимыхъ, получавшему, сверхъ того, и большое содержаніе; но это былъ человѣкъ очень грубый и невоспитанный; поэтому и звали его Мустафа-Бичъ-Улицъ, такъ какъ у него удары всегда предшествовали слову! Онъ былъ женатъ на прелестной молодой женщинѣ, которую очень любилъ и которой поклялся въ первую же брачную ночь никогда не брать второй жены, пока жива первая, и никогда ни на

Digitized by Google

одинъ часъ не уходить ночью изъ дому. И такъ было до того дня, когда Мустафа-Бичъ-Улицъ, отправившись однажды въ Диванъ, увидѣлъ, что при каждомъ эмирѣ былъ сынъ, а то и два. И въ этотъ самый день пошелъ онъ въ гаммамъ, посмотрѣлся въ зеркало, увидѣлъ, что въ бородѣ его несравненно болѣе бѣлыхъ волосъ, чѣмъ черныхъ, и сказалъ себѣ: — Неужели тотъ, кто уже взялъ у тебя отца, не наградитъ тебя, наконецъ, сыномъ? — А затѣмъ пошелъ онъ къ своей супругѣ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, сѣлъ на софу и не взглянулъ на жену и не промолвилъ ей ни слова. Тогда она подошла къ нему и сказала:—Добраго вечера тебѣ! — Онъ же отвѣтилъ: — Ступай прочь! Съ того дня, какъ увидѣлъ я тебя, я уже не видалъ ничего хорошаго! — Она же спросила: — Это какъ же?—Онъ сказалъ:—Въ первую нашу ночь ты заставила меня поклясться, что не возьму другой жены! И я сдержалъ свою клятву! Сегодня же я видѣлъ въ Диванѣ, что у каждаго эмира есть сынъ, а у нѣкоторыхъ и два, и тогда мнѣ пришла мысль о смерти; это очень огорчило меня, такъ какъ у меня нѣтъ ни сына, ни даже дочери! Мнѣ же извѣстно, что забывается тотъ, кто не оставляетъ потомства! Вотъ почему я не въ духѣ, о безплодная, о почва каменистая и не плодородная!—На эти слова молодая женщина отвѣтила, краснѣя:—Не пристало тебѣ говорить такъ! Имя Аллаха во мнѣ и вокругъ меня! Не за мною дѣло! Не моя это вина. Я такъ много употребляла травъ и пряностей и корней противъ безплодія, что протерла и разбила нѣсколько ступокъ, въ которыхъ растирала и толкла всѣ эти лѣкарственныя средства! Не я, а ты виновникъ! Ты безплодный мулъ!—Онъ отвѣтилъ ей:—Хорошо! Но когда вернусь изъ своего путешествія, непремѣнно возьму вторую жену!—Она сказала:—Судьба и доля моя въ рукахъ Аллаха! — И вышелъ онъ тогда изъ дома; но, выйдя на улицу, пожалѣлъ о происшедшемъ, пожалѣла и юная супруга его о томъ, что слишкомъ рѣзко говорила со своимъ господиномъ. И вотъ все о владѣльцѣ дома, находившагося въ вымощенномъ мраморомъ тупикѣ!

А о Далилѣ-Пройдохѣ вотъ что! Подойдя къ дому, она вдругъ увидѣла молодую супругу эмира, сидѣвшую у окна, точно новобрачная и такая прекрасная собою! Она сіяла и сверкала всѣми своими драгоцѣнными украшеніями, а бѣлое одѣяніе ея было лучезарно, какъ хрустальный куполъ!

Увидя все это, зловѣщая старуха сказала себѣ:—О Далила, вотъ удобный случай для твоихъ продѣлокъ, раскрывай свой мѣшокъ! Посмотримъ, не удастся ли выманить эту юницу изъ дома ея господина, дочиста обобрать ея драгоцѣнности и одежды!—Затѣмъ стала она подъ окнами эмира и принялась громкимъ голосомъ призывать имя Алаха: — Аллахъ, Аллахъ! И вы всѣ, друзья Аллаха, благодѣтельные вали, просвѣтите меня!

Услышавъ этотъ призывъ и увидѣвъ святую старуху въ одеждѣ нищенствующихъ суфи, со всего квартала сбѣжались женщины цѣловать полы ея одежды и просить благословенія; а молодая супруга Бича-Улицъ подумала:— Аллахъ ниспошлетъ намъ свою милость черезъ посредство этой святой старухи!— И со слезами умиленія на глазахъ, юница позвала служанку и сказала ей: —Ступай къ привратнику нашему, шейху Абу-Али, поцѣлуй у него руку и скажи ему: — Госпожа моя Кхатунъ проситъ тебя пропустить къ намъ эту святую старуху, чтобы она вымолила намъ милости Аллаха! И служанка спустилась къ привратнику, поцѣловала у него руку и сказала ему:—О шейхъ Абу-Али, госпожа моя велитъ сказать тебѣ:—Пусти къ намъ эту святую старуху для того, чтобы она вымолила намъ милости Аллаха! И благословеніе ея распространится, быть можетъ, на всѣхъ насъ! — Тогда привратникъ подошелъ къ старухѣ и хотѣлъ сперва поцѣловать у нея руку; но она быстрымъ движеніемъ отступила, говоря: — Отойди отъ меня! Ты, какъ и всѣ слуги, совершаешь молитвы, не сопровождая ихъ омовеніями,

Digitized by Google

твое прикосновеніе нечисто, и оно сдѣлаетъ напрасными и недѣйствительными мои собственныя омовенія! Да избавитъ тебя Аллахъ отъ твоей службы, о привратникъ Абу-Али, такъ какъ въ тебѣ милостивы святые Аллаха и вали! — Такія пожеланія чрезвычайно тронули привратника Абу-Али, въ особенности потому, что уже цѣлые три мѣсяца не платилъ ему жалованья ужасный Бичъ-Улицъ; это обстоятельство сильно озабочивало его, и онъ не зналъ, какимъ способомъ получить то, что ему слѣдовало. Поэтому онъ и сказалъ старухѣ: — О мать моя, дай испить немного воды изъ твоего кувшина, чтобы такимъ образомъ заслужить твое благословеніе! — Тогда она взяла съ плеча своего кувшинъ, повертѣла имъ нѣсколько разъ въ воздухѣ, такъ что пальмовая пробка выскочила изъ горлышка, а золотые динаріи посыпались на землю, какъ бы падая съ неба! Привратникъ поспѣшилъ поднять ихъ и сказалъ въ душѣ своей: — Слава Аллаху! Эта старая нищая — святая изъ святыхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи цѣлыя сокровища! Ей, вѣроятно, сказано свыше, что я бѣдный, не получающій жалованья привратникъ, сильно нуждающійся въ деньгахъ для самыхъ неотложныхъ надобностей; вотъ она и вымолила мнѣ три динарія, которые извлекла изъ воздуха! — Потомъ онъ подалъ деньги старухѣ и сказалъ ей: — Возьми, тетка, эти три динарія, они, можетъ быть, упали изъ твоего кувшина! — Она же отвѣтила: — Отойди отъ меня съ этими деньгами! Я не изъ тѣхъ, кто занимается мірскими дѣлами, нѣтъ, никогда! Ты можешь оставить эти деньги себѣ и облегчить себѣ немножко жизнь, восполнивъ то, что долженъ тебѣ эмиръ, не заплатившій тебѣ жалованья! — Тогда привратникъ поднялъ руки къ небу и воскликнулъ: — Слава Аллаху за Его помощь! Вотъ истинный знакъ откровенія!

Между тѣмъ служанка уже подошла къ старухѣ и, поцѣловавъ у нея руку, поспѣшила увести ее къ своей госпожѣ.

Когда старуха пришла къ молодой Кхатунъ, то остолбенѣла отъ удивленія при видѣ ея ослѣпительной красоты, потому что дѣйствительно она сіяла, какъ сокровище, обнаруженное послѣ снятія волшебныхъ печатей...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста восьмая ночь,

она сказала:

... Когда старуха пришла къ молодой Кхатунъ, то остолбенѣла отъ удивленія при видѣ ея ослѣпительной красоты, потому что дѣйствительно она сіяла, какъ сокровище, обнаруженное послѣ снятія волшебныхъ печатей. Съ своей стороны прекрасная Кхатунъ поспѣшила броситься къ ногамъ старухи и поцѣловать у нея руки. А старуха сказала: — О дочь моя, я пришла сюда, потому что угадала, что ты нуждаешься въ моей помощи, и внушилъ это мнѣ самъ Аллахъ! — И прежде всего Кхатунъ велѣла подать старухѣ пищу, какъ то всегда дѣлается для нищенствующихъ святыхъ; но старуха не захотѣла притронуться къ кушаньямъ и сказала: — Я хочу ѣсть одни только райскія кушанья; поэтому я всегда пощусь, кромѣ пяти дней въ году! Но, о дитя мое, я вижу тебя печальной и желаю, чтобы ты разсказала мнѣ о причинахъ своего горя! — Она отвѣтила: — О мать моя, въ первую брачную ночь мою, я взяла клятву съ супруга моего, что онъ никогда не возьметъ себѣ второй жены; но онъ увидѣлъ чужихъ сыновей, ему захотѣлось и себѣ сына, и сказалъ онъ мнѣ: — Ты безплодна! — Я же отвѣтила ему, что онъ самъ безплодный мулъ! — Тогда онъ разгнѣвался и, уходя, сказалъ мнѣ: — По возвращеніи изъ путешествія, я возьму себѣ вторую жену! — И вотъ,

Digitized by Google

мать моя, я очень боюсь теперь, что онъ женится и будетъ имѣть дѣтей отъ другой женщины! А онъ богатъ землями, домами и деньгами, владѣетъ цѣлыми селеніями; если же у него будутъ дѣти, то я лишусь всего! — Старуха отвѣтила: — Дочь моя, вижу, что тебѣ ничего неизвѣстно о шейхѣ, Отцѣ Плодородія! Развѣ ты не знаешь, что одного посѣщенія этого шейха достаточно для того, чтобы несчастнаго должника превратить въ богатаго кредитора, а безплодную женщину сдѣлать житницей плодородія? — Прекрасная Кхатунъ отвѣтила: — О мать моя, съ перваго дня замужества моего, я ни разу не выходила изъ дома и ни разу не посѣтила никого ни для поздравленія, ни для выраженія соболѣзнованія! — Старуха сказала: — О дитя мое, я хочу повести тебя къ этому шейху. Ты же не бойся сказать ему о своемъ горѣ и дай какой-нибудь обѣтъ. И можешь быть увѣренной, что по возвращеніи изъ своего путешествія, супругъ твой проведетъ съ тобою ночь, а ты понесешь дѣвочку или мальчика. Но мужского или женскаго пола будетъ твой ребенокъ, дай обѣтъ посвятить его въ качествѣ дервиша господину моему, Отцу Плодородія!

При этихъ словахъ, прекрасная Кхатунъ, оживленная радостью и надеждой, одѣлась въ свои лучшія одежды, украсилась прекраснѣйшими драгоцѣнностями и сказала затѣмъ служаницѣ своей: — Присматривай хорошенько за домомъ! — А служанка отвѣтила: — Слушаю и повинуюсь, о госпожа моя! — Тогда Кхатунъ вышла съ Далилой и встрѣтила у входа стараго привратника, мограбина Абу-Али, который спросилъ у нея: — Куда идешь, госпожа моя? — Она же отвѣтила: — Я иду къ шейху, Отцу Плодородія! — А привратникъ сказалъ: — О госпожа моя, какое благословеніе Аллаха эта святая старуха! Въ ея распоряженіи цѣлыя сокровища! Она дала мнѣ три золотыхъ динарія; она угадала, въ какомъ я нахожусь положеніи, не задавъ мнѣ ни одного вопроса; она узнала, что я нуждаюсь въ деньгахъ! Да послужитъ мнѣ благословеніемъ ея постъ!

Потомъ Далила и молодая Кхатунъ ушли, и по дорогѣ старая плутовка сказала супругѣ Бича-Улицъ: — Иншаллахъ! О госпожа моя, послѣ того, какъ посѣтишь шейха, Отца Плодородія и Брачныхъ отношеній, пусть онъ не только успокоитъ твою душу и удовлетворитъ твои желанія и возвратитъ любовь твоего супруга, но и устроитъ такъ, чтобы между вами никогда не было поводовъ къ неудовольствіямъ или досадѣ и чтобы никогда не говорили вы другъ другу непріятныхъ словъ! — А Кхатунъ отвѣтила: — О, мать моя, какъ бы я желала уже быть у этого святого шейха!

Между тѣмъ Далила-Прейдоха говорила себѣ:—Какъ же оберу я ее дочиста среди постоянно снующихъ взадъ и впередъ прохожихъ? — Потомъ вдругъ сказала молодой женщинѣ: — О дочь моя, иди за мною и отставай отъ меня подальше, не теряя, однако, меня изъ виду; я старая женщина, и несу я тяготы людей, которые не въ силахъ нести ихъ; и во все время пути люди даютъ мнѣ благочестивые дары и просятъ отнести все это господину моему. Поэтому лучше, чтобы я шла теперь одна! — И прекрасная Кхатунъ отстала отъ старой негодницы и шла позади нея, пока, наконецъ, обѣ встрѣтились на главномъ базарѣ. И подъ сводами базара еще издали слышенъ былъ звонъ золотыхъ погремушекъ на ея тонкихъ ногахъ и бряцанье секиновъ въ ея волосахъ, такое мелодическое и ритмическое, что можно было принять его за звуки кимваловъ и другихъ музыкальныхъ инструментовъ.

Между тѣмъ поровнялись онѣ съ лавкой молодого купца по имени Сиди-Мохзенъ, который былъ очень красивымъ юношей съ едва пробивающимся пушкомъ на щекахъ. И замѣтилъ онъ красоту юницы и украдкой сталъ бросать на нее выразительные взгляды, что очень скоро замѣчено было старухой. Поэтому она подошла къ Кхатунъ и сказала ей: — Посиди вонъ тамъ поодаль, дочь моя, и отдохни, пока я поговорю о дѣлѣ съ тѣмъ

Digitized by Google

молодымъ купцомъ!—И Кхатунъ повиновалась и сѣла невдалекѣ отъ лавки прекраснаго юноши, который могъ здѣсь еще лучше разглядѣть ее и чуть не сошелъ съ ума отъ перваго взгляда, который она бросила на него! Когда глаза его разгорѣлись, старая сводня подошла къ нему и, послѣ обычнаго салама, сказала ему:—Ты, вѣдь купецъ Сиди-Мохзенъ, не такъ ли?—Онъ же отвѣтилъ ей:—Да, конечно. Но кто могъ сказать тебѣ мое имя...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста девятая ночь,

она сказала:

... Да, конечно! Но кто могъ сказать тебѣ мое имя?—Она же отвѣтила:—Добрые люди, которые послали меня къ тебѣ. И я пришла сказать тебѣ, сынъ мой, что молодая дѣвушка, которую ты видишь, дочь моя; а отецъ ея, бывшій богатѣйшимъ купцомъ, умеръ, оставивъ ей значительное состояніе. Сегодня она первый разъ вышла изъ дому, только недавно достигла она зрѣлости и вступила въ брачный возрастъ. Я же поспѣшила вывести ее, такъ какъ мудрецы говорятъ:—Предлагай дочь свою въ замужество, но не предлагай сына въ женихи!—Вотъ почему, по внушенію свыше и по тайному предчувствію, я рѣшилась предложить тебѣ ее въ жены. Ты же не безпокойся: если ты бѣденъ, я отдамъ тебѣ все ея состояніе и вмѣсто одной лавки, открою для тебя двѣ! И, такимъ образомъ, Аллахъ наградитъ тебя не только прелестной женой, но и казной и достаткомъ!

На такія слова, молодой купецъ Сиди-Мохзенъ отвѣтилъ старухѣ:—О мать моя, все это превосходныя вещи, и это болѣе того, чего я когда-либо желалъ. Поэтому благодарю тебя и не сомнѣваюсь въ вѣрности твоихъ словъ въ томъ, что̀ касается казны и достатка, но что̀ касается до третьяго предмета, то я буду чувствовать себя покойнымъ лишь тогда, когда увижу и разсмотрю его собственными глазами; дѣло въ томъ, что мать моя, передъ своею смертью, вотъ что̀ сказала мнѣ:—Какъ желала бы я, чтобы ты взялъ себѣ въ жены дѣвушку, которую я осмотрѣла бы собственными глазами! Я же поклялся ей, что вмѣсто нея не премину сдѣлать это самъ! И она умерла успокоенной!—Тогда старуха отвѣтила:—Въ такомъ случаѣ, вставай и иди за мною! Я же покажу ее тебѣ безъ всякаго одѣянія. Но старайся идти за нею на далекомъ разстояніи, не теряя ея, однако, изъ виду. А я пойду впереди и буду показывать дорогу.

Тогда молодой купецъ всталъ, взялъ съ собою кошелекъ съ тысячью динаріевъ и сказалъ себѣ:—Нельзя знать впередъ, что̀ случится; а такимъ образомъ я буду въ состояніи внести деньги, требуемыя брачнымъ договоромъ! И пошелъ онъ, издали слѣдя за старой развратницей, которая открывала шествіе и сама думала про себя:—Какъ ты теперь сдѣлаешь, умница Далила, чтобы обобрать этого телёнка?

И по дорогѣ, идя впереди юницы, за которой слѣдовалъ красивый молодой купецъ, дошли они до лавки красильщика, котораго звали Хагъ-Могамедъ и который былъ извѣстенъ всему базару, какъ человѣкъ съ извращенными вкусами. Услышавъ звонъ секиновъ и погремушекъ, Хагъ-Могамедъ поднялъ голову и увидѣлъ красиваго юношу и прекрасную юницу. И это произвело на него сильное впечатлѣніе! Далила, между тѣмъ, подошла къ нему и, послѣ обычныхъ саламовъ, сказала ему:—Ты—красильщикъ Хагъ-Могамедъ, не такъ ли?—Онъ отвѣчалъ:—Да, я Хагъ-Могамедъ! Что̀ тебѣ надо?—Она отвѣчала:—Добрые люди говорили намъ о тебѣ. Посмотри на эту очаровательную юницу, дочь мою, и на этого прелестнаго

Digitized by Google

юношу, сына моего! Я воспитала ихъ обоихъ, и это воспитаніе стоило мнѣ большихъ издержекъ! Знай же теперь, что мы живемъ въ обширномъ и старомъ домѣ, который разваливается, такъ что я еще недавно должна была велѣть укрѣпить его балками и толстыми подпорками; но архитекторъ сказалъ мнѣ:—Тебѣ слѣдовало бы переселиться въ другой домъ, потому что этотъ можетъ обрушиться и задавить тебя!—Вотъ я пошла искать какого-нибудь другого дома, въ которомъ могла бы жить съ дѣтьми своими! Ты же не сомнѣвайся въ моей щедрости!—Когда красильщикъ выслушалъ слова старухи, сердце его запрыгало отъ радости, и сказалъ онъ себѣ:—Йа-Хагъ-Могамедъ, вотъ два сладкихъ куска для тебя! — А потомъ сказалъ Далилѣ:—У меня, дѣйствительно, есть домъ, и въ немъ въ верхнемъ этажѣ имѣется большая комната; но свободныхъ комнатъ у меня нѣтъ, такъ какъ внизу помѣщаюсь я самъ, а наверху останавливаются крестьяне, привозящіе мнѣ индиго!—На это старуха сказала:—Сынъ мой, поправка моего дома будетъ продолжаться никакъ не болѣе одного, много двухъ мѣсяцевъ; а мы здѣсь никого не знаемъ! Прошу тебя, перегороди на двѣ части верхнюю комнату и отдай половину намъ троимъ. И клянусь твоею жизнью, о сынъ мой! Если ты пожелаешь, чтобы твои гости, воздѣлыватели индиго, были и нашими гостями, то мы примемъ ихъ радушно! Мы готовы ѣсть и спать съ ними вмѣстѣ!—Послѣ этого, красильщикъ поспѣшилъ передать ей ключи своего дома; ихъ было три: одинъ большой, одинъ малый и одинъ витой. И сказалъ онъ ей:—Большой ключъ—отъ входной двери, малый отъ сѣней, а витой – отъ верхней комнаты. Ты можешь, добрая мать, располагать этимъ!—Тогда Далила взяла ключи и удалилась, а за нею шла юница, а за юницей слѣдовалъ молодой купецъ, и когда пришли въ переулокъ, гдѣ находился домъ красильщика, она поспѣшила отпереть входную дверь большимъ ключемъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста десятая ночь,

она сказала:

...поспѣшила отпереть входную дверь большимъ ключемъ.

Прежде всего она вошла сама, потомъ приказала войти молодой женщинѣ, а купцу велѣла подождать. И ввела она прекрасную Кхатунъ въ верхнюю комнату, говоря ей:—Дочь моя, внизу живетъ достопочтенный шейхъ, Отецъ Плодородія! жди меня здѣсь и начни съ того, что сними съ себя большое покрывало! Я же сейчасъ вернусь! — И спустилась она тотчасъ же съ лѣстницы, чтобы впустить молодого купца въ сѣни, и сказала ему:—Садись здѣсь и жди меня, а я вернусь съ дочерью, чтобы ты увидѣлъ то, что желаешь видѣть собственными глазами!—Потомъ она снова поднялась въ ту комнату, гдѣ оставила прекрасную Кхатунъ, и сказала ей:—Теперь мы пойдемъ къ Отцу Плодородія! — А молодая женщина воскликнула: — Какъ я рада, о матушка! — Старуха же возразила:—Но, дочь моя, боюсь за тебя одного!—А та спросила:—Чего же, матушка? — Старуха отвѣтила: — Тамъ внизу — сынъ мой, слабоумный; онъ представитель и помощникъ Отца Плодородія. Онъ не умѣетъ различать холодной погоды отъ жаркой и постоянно ходитъ нагой! Но когда къ шейху приходитъ благородная посѣтительница въ богатой одеждѣ, то видъ ея шелковъ и драгоцѣнностей приводитъ его въ бѣшенство, и онъ набрасывается на нее и срываетъ съ нея одежду и вырываетъ у нея серьги изъ ушей и отнимаетъ у нея всѣ ея драгоцѣнности. И потому, ты хорошо бы сдѣлала, если бы оставила здѣсь

Digitized by Google

всѣ твои украшенія и сняла всѣ твои платья; а я постерегу тебѣ все это въ ожиданіи возвращенія твоего отъ Отца Плодородія!—Тогда молодая женщина сняла съ себя всѣ свои драгоцѣнности и всѣ свои платья, оставивъ на себѣ только исподнюю шелковую сорочку, и передала все это Далилѣ, которая сказала ей:—Я пойду положу ихъ для тебя подъ одеждой Отца Плодородія, чтобы такимъ образомъ, черезъ прикосновеніе къ нему, на тебя снизошло благословеніе!—И она вышла, захвативъ весь свертокъ, и спрятала его подъ сводомъ лѣстницы; затѣмъ она вошла къ молодому купцу и нашла его ожидающимъ отроковицу. Онъ спросилъ ее: — Гдѣ же дочь твоя, которую я долженъ осмотрѣть?—Но старуха стала вдругъ, молча, ударять себя по лицу и бить себя въ грудь. И молодой купецъ спросилъ ее:—Что съ тобою? — Она отвѣтила:—Ахъ! Чтобъ имъ умереть сейчасъ, этимъ недоброжелательнымъ сосѣдкамъ, завистницамъ и клеветницамъ! Онѣ видѣли сейчасъ, какъ ты вошелъ со мной, и спросили меня, кто ты такой; и я сказала имъ, что выбрала тебя въ мужья дочери моей. Но онѣ, вѣроятно, изъ зависти ко мнѣ и досадуя на мой удачный выборъ, пошли къ дочери моей и сказали ей:—Неужели матери твоей такъ надоѣло кормить тебя, что она хочетъ такъ выдать тебя замужъ—за человѣка, страдающаго чесоткой и проказой? — И тогда я поклялась ей, какъ ты поклялся своей матери, что не отдамъ ее тебѣ раньше, чѣмъ она увидитъ тебя совершенно обнаженнымъ!—При этихъ словахъ молодой купецъ воскликнулъ:—Я обращаюсь къ Аллаху противъ всѣхъ завистниковъ и недоброжелателей!—И, говоря это, онъ скинулъ все свое платье и предсталъ обнаженнымъ и чистымъ, и бѣлымъ, какъ самородокъ серебра. И старуха сказала ему:—Нѣтъ сомнѣнія! Ты такъ прекрасенъ и чистъ, что тебѣ нечего опасаться.—И онъ воскликнулъ:—Такъ пусть же она придетъ теперь посмотрѣть на меня!—И онъ отложилъ къ сторонкѣ свою великолѣпную шубу изъ куницы, свой поясъ, свой кинжалъ изъ серебра и золота, и остальныя свои одежды, спрятавъ въ ихъ складкахъ кошелекъ съ тысячью динаріевъ! Но старуха сказала ему:—Не слѣдуетъ оставлять въ сѣняхъ эти соблазнительныя вещи. Я пойду положу ихъ въ надежное мѣсто!—И она сдѣлала свертокъ изъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, какъ сдѣлала съ платьемъ молодой женщины, и, выйдя отъ молодого купца, заперла за собой дверь на ключъ, захватила на лѣстницѣ первый свертокъ и потихоньку вышла изъ дому, унося съ собою всѣ вещи.

Очутившись на улицѣ, она прежде всего поспѣшила помѣстить оба свертка въ дѣйствительно надежное мѣсто, отдавъ ихъ на храненіе одному знакомому своему, продавцу сластей, а затѣмъ вернулась къ сластолюбивому красильщику, который съ нетерпѣніемъ ожидалъ ее и спросилъ, лишь только ее завидѣлъ:—Ну, что же, тетушка? Иншаллахъ! Надѣюсь, что домъ мой тебѣ понравился?—Она отвѣтила:—Домъ твой—благословенный домъ! Я довольна имъ, какъ только можно быть довольной. Теперь я немедленно отправляюсь за носильщиками, чтобы велѣть перенести туда нашу утварь и наши вещи! Но только вотъ что: такъ какъ я буду очень занята всѣмъ этимъ, а дѣти мои съ утра ничего не ѣли, то вотъ тебѣ динаріи. Прошу тебя, возьми его и купи имъ панады, фаршированной и покрытой рубленымъ мясомъ, пообѣдай тамъ у меня и побудь съ ними! — Красильщикъ отвѣтилъ: — Но кто же посторожитъ мнѣ въ это время мою лавку и вещи заказчиковъ? — Она сказала:—Клянусь Аллахомъ! Да твой юный подмастерье!—Онъ отвѣтилъ:—Пусть тамъ и будетъ. — И онъ взялъ тарелку и еще фарфоровую посудину и вышелъ, чтобы купить и отнести упомянутую фаршированную панаду. И вотъ все о красильщикѣ! Впрочемъ, мы къ нему еще вернемся.

Но что касается Далилы-Цройдохи, то она тотчасъ же побѣжала за тѣми двумя свертками, которые оставила у продавца сластей, и немедленно вернулась въ красильню, чтобы сказать подмастерью-красильщику: — Го-

Digitized by Google

сподинъ твой прислалъ меня сказать тебѣ, чтобы ты поспѣшилъ къ нему въ лавку продавца панады! Я, такъ ужъ и быть, постерегу лавку до твоего возвращенія. Не медли же!—Подмастерье отвѣтилъ: — Слушаю и повинуюсь!—И онъ вышелъ изъ лавки, между тѣмъ какъ старуха поспѣшила забрать вещи заказчиковъ и все, что только могла заграбить изъ лавки. Въ то время какъ она занималась этимъ, мимо проходилъ, со своимъ осломъ, погонщикъ ословъ, который уже цѣлую недѣлю не могъ найти работы и былъ при томъ большимъ любителемъ гашиша. И старая блудница позвала его, крикнувъ:—Ей! О погонщикъ, иди сюда!—И погонщикъ остановился у дверей вмѣстѣ со своимъ осломъ, а старуха спросила его: — Слушай, ты! Знаешь ты сына моего, красильщика?—Онъ отвѣтилъ:—Йа Аллахъ! Кому же и знать его, какъ не мнѣ?—Она сказала ему:—Въ такомъ случаѣ знай, о погонщикъ благословенный, что бѣдный малый...

На этомъ мѣстѣ своего разсказа Шахразада замѣтила, что брезжитъ утро, и со скромностью умолкла.

А когда наступила

четыреста одиннадцатая ночь,

она сказала:

...Въ такомъ случаѣ знай, что бѣдный малый несостоятельный должникъ, и каждый разъ, какъ его сажали въ тюрьму, мнѣ удавалось освободить его. Но теперь я хочу, дабы ужъ разъ навсегда покончить съ этимъ, чтобы онъ объявилъ себя несостоятельнымъ. И въ данную минуту я собираю вещи заказчиковъ, чтобы отвезти ихъ владѣльцамъ. Такъ вотъ, мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты одолжилъ мнѣ своего осла, котораго я нагружу всѣмъ этимъ тряпьемъ, и въ уплату за осла вотъ тебѣ динарій. Ты же, въ ожиданіи моего возвращенія, пожалуйста постарайся изломать здѣсь все вдребезги, разбей кувшины съ красками, уничтожь запасные чаны; чтобы послѣ всего этого, люди, которыхъ пошлетъ сюда кади, чтобы удостовѣриться въ несостоятельности моего сына, ничего не нашли въ лавкѣ!—Погонщикъ отвѣтилъ:—Клянусь головой моей и всѣми очами, о госпожа моя! Ибо сынъ твой, мастеръ красильщикъ осыпалъ меня благодѣяніями и, такъ какъ я долженъ быть ему благодаренъ, то охотно окажу ему эту услугу даромъ, и все разобью и переломаю въ лавкѣ во имя Аллаха! — Тогда старуха оставила его и, нагрузивъ все на осла, направилась къ своему дому, ведя осла за недоуздокъ.

И съ помощью заступника, она безпрепятственно достигла своего дома и вошла къ дочери своей Зейнабъ, которая ожидала ее, сидя точно на горячихъ угольяхъ, и сказала ей:—О мать моя, сердце мое было съ тобою! Что совершила ты по части плутней?—Далила отвѣтила:—Я сыграла четыре славныхъ шутки четыремъ людямъ въ это первое утро: молодому купцу, супругѣ грознаго капитана, лакомкѣ-красильщику и погонщику ословъ! И я привезла тебѣ всѣ ихъ платья и всѣ вещи на ослѣ погонщика!—И Зейнабъ воскликнула:—О мать моя, отнынѣ ты не сможешь ходить по Багдаду изъ за этого капитана, жену котораго ты обобрала, изъ за молодого купца, котораго оставила нагимъ, изъ за красильщика, у котораго похитила вещи его заказчиковъ, и изъ за погонщика, хозяина осла!—Далила отвѣтила: — Стыдись, дочь моя, я и не думаю безпокоиться изъ за всѣхъ нихъ, за исключеніемъ одного только погонщика, ибо онъ одинъ знаетъ меня!—И вотъ все, что было съ Далилой!

Что же до хозяина красильни, то, купивъ упомянутыя фаршированныя панады, онъ поручилъ нести все это своему подмастерью и направился вмѣстѣ съ нимъ къ дому, мимо своей лавки. Но тутъ онъ увидѣлъ въ лавкѣ

Digitized by Google

погонщика, занятаго разрушеніемъ и разбивающаго большіе чаны и кувшины; и вся лавка представляла лишь груду обломковъ и жидкой синей грязи. При видѣ этого онъ крикнулъ:—Остановись, о погонщикъ! — И погонщикъ пріостановилъ свою работу и сказалъ красильщику:—Хвала Аллаху за освобожденіе твое изъ тюрьмы, о красильщикъ! Сердце мое, по истинѣ, было съ тобою!—Тотъ спросилъ:—Что̀ ты тамъ болтаешь, о погонщикъ? И что̀ это все значитъ?—Погонщикъ сказалъ: — Во время твоего отсутствія ты былъ объявленъ несостоятельнымъ должникомъ! — Онъ спросилъ со сдавленнымъ горломъ и дрожащими губами, при чемъ глаза его выходили отъ ужаса изъ своихъ орбитъ:—Кто сказалъ тебѣ это?—Онъ возразилъ:—Это сказала твоя мать, и она приказала мнѣ, для твоего же блага, разрушить и перебить здѣсь все, чтобы посланцамъ кади нѐчего было отобрать! — Красильщикъ, на вершинѣ изумленія, отвѣтилъ: — Да изобличитъ Аллахъ продѣлки Эблиса! Мать моя уже давно умерла! — И онъ сталъ сильно бить себя въ грудь, крича во все горло: — Увы! О, погибло мое имущество и имущество всѣхъ заказчиковъ моихъ! — И погонщикъ, со своей стороны, тоже принялся плакать и кричать: — Увы! гдѣ же оселъ мой? — Затѣмъ онъ крикнулъ красильщику:—Ахъ ты мерзкій красильщикъ, возврати же мнѣ моего осла, котораго взяла у меня твоя мать! — А красильщикъ бросился на погонщика, схватилъ его за волосы и принялся осыпать ударами кулакомъ, крича ему: — Гдѣ же она, твоя старая блудница? — Но погонщикъ сталъ кричать голосомъ, исходящимъ изъ глубины его существа: — Оселъ мой! гдѣ мой оселъ? Отдай мнѣ моего осла! — И оба вцѣпились другъ въ друга, кусаясь, ругаясь, задавая другъ другу тумаки, одинъ другого лучше, и удары головой въ животъ, и стараясь наносить удары въ самыя нѣжныя мѣста тѣла противника.

Между тѣмъ собравшаяся вокругъ нихъ толпа все увеличивалась; наконецъ, удалось рознять ихъ, и одинъ изъ присутствующихъ спросилъ красильщика:—Йа-Хагъ-Могамедъ, что̀ такое произошло между вами? — Но отвѣтить поспѣшилъ погонщикъ, выкрикивая во все горло свою исторію, и закончилъ, говоря: — Я сдѣлалъ все это, чтобы оказать услугу красильщику! — Тогда спросили красильщика: — Йа-Хагъ-Могамедъ, ты, конечно, знаешь эту старую женщину, если поручилъ ей такимъ образомъ сторожить свою лавку? — Онъ отвѣтилъ: — Я совершенно не зналъ ея до сегодняшняго дня! Но она собиралась поселиться въ моемъ домѣ вмѣстѣ со своей дочерью и сыномъ!—Тогда одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ:— Я, по чистой совѣсти, нахожу, что красильщикъ отвѣтственъ за осла погонщика, ибо, если бы погонщикъ не видѣлъ, что красильщикъ поручилъ старухѣ сторожить свою лавку, то онъ, въ свою очередь, не довѣрилъ бы этой старухѣ своего осла!—А третій прибавилъ: — Йа-Хагъ-Могамедъ, разъ ты поселилъ эту старуху у себя, то долженъ возвратить осла погонщику, или же заплатить ему за убытокъ!—Затѣмъ всѣ, вмѣстѣ съ обоими соперниками, направились къ дому красильщика. Вотъ что̀ было съ ними...

На этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и, со скромностью, умолкла.

А когда наступила

четыреста двѣнадцатая ночь,

она сказала:

... Вотъ что̀ было съ ними!

Что̀ же касается молодой женщины и юнаго купца, то вотъ что̀!

Въ то время, какъ юный купецъ ожидалъ въ сѣняхъ появленія молодой дѣвушки, чтобы осмотрѣть ее, она, со своей стороны, ждала въ комнатѣ

Digitized by Google

верхняго этажа, чтобы святая старуха вернулась съ разрѣшеніемъ отъ юродиваго помощника Отца Плодородія явиться къ его господину. Но, видя, что старуха медлитъ возвращеніемъ, прекрасная Кхатунъ, въ одной только тонкой сорочкѣ, вышла изъ комнаты и спустилась по лѣстницѣ. И тогда она услышала изъ сѣней, какъ молодой купецъ, узнавшій звонъ бубенчиковъ, которые она не смѣла снять со своихъ ногъ, говорилъ ей: — Поспѣши же! И иди сюда вмѣстѣ со своей матерью, которая привела тебя, чтобы отдать мнѣ въ жены! — Но молодая женщина отвѣтила: — Мать моя умерла! Но ты вѣдь и есть слабоумный, не правда ли? И ты, дѣйствительно, помощникъ Отца Плодородія?—Онъ отвѣтилъ:—Нѣтъ, клянусь Аллахомъ, о глазокъ мой, я еще не совсѣмъ слабоумный! Что̀ же касается Отца Плодородія, то я дѣйствительно извѣстенъ, какъ таковой!—Услышавъ эти слова, молодая женщина покраснѣла и совсѣмъ не знала, какъ быть, однако же рѣшила, не смотря на настоянія молодого купца, котораго она все еще принимала за помощника Отца Плодородія, подождать на лѣстницѣ прихода святой старухи.

Тѣмъ временемъ къ дому подошли люди, сопровождавшіе красильщика и погонщика ословъ; и, постучавъ въ дверь, они долго ждали, чтобы имъ открыли изнутри. Но такъ какъ никто не отвѣчалъ, то они выломали дверь и устремились сначала въ сѣни, гдѣ увидѣли молодого купца, совершенно нагого и тщетно пытающагося прикрыть свою наготу. И красильщикъ крикнулъ ему:—Ага! сынъ блудницы, гдѣ же мать твоя, злосчастный?—Онъ отвѣтилъ: — Мать давно умерла. Что̀ же до старухи, въ домѣ которой я нахожусь, то это лишь моя будущая теща. — И онъ разсказалъ красильщику, погонщику и всей толпѣ свою исторію со всѣми подробностями, и затѣмъ прибавилъ: — Что̀ же касается той, которую я долженъ осмотрѣть, то она здѣсь, за дверью! При этихъ словахъ дверь тотчасъ же выломали и нашли за ней совершенно растерявшуюся молодую женщину, почти нагую, въ одной только сорочкѣ, тщетно старавшуюся прикрыть наготу своихъ удивительныхъ бедръ. И красильщикъ спросилъ ее: — Ага! Незаконная дочь, гдѣ же мать твоя, сводница? — Она отвѣтила, совершенно смутившись: — Мать моя уже давнымъ давно умерла. Что̀ же до старой женщины, которая привела меня сюда, то это святая, находящаяся въ услуженіи у господина моего, шейха, Отца Плодородія.

При этихъ словахъ всѣ присутствующіе, и красильщикъ, не смотря на свое разореніе, и погонщикъ, не смотря на похищеніе своего осла, и молодой купецъ, не смотря на пропажу своего кошелка и платья, разразились такимъ хохотомъ, что повалились всѣ на спину.

Послѣ этого, понявъ, что старуха надула ихъ, всѣ трое потерпѣвшихъ рѣшили отомстить ей; но прежде всего они дали платье растерявшейся молодой женщинѣ, которая, одѣвшись, поспѣшила вернуться въ свой домъ, гдѣ мы скоро и увидимъ ее, по возвращеніи ея супруга изъ путешествія.

Что̀ же касается красильщика Хагъ-Могамеда и погонщика, то они помирились, попросивъ другъ у друга прощенія, и отправились вмѣстѣ съ молодымъ купцомъ къ вали города, эмиру Кхаледу, которому разсказали свои приключенія, требуя мщенія злополучной старухѣ. Но вали отвѣтилъ имъ:—О люди добрые, что̀ за сказки вы мнѣ разсказываете!—Они отвѣтили: О господинъ нашъ, клянемся Аллахомъ и жизнью головы эмира правовѣрныхъ, что мы разсказываемъ тебѣ одну правду.—А вали сказалъ имъ:— О люди добрые, какъ же могу я розыскать старуху среди всѣхъ старыхъ женщинъ Багдада? Вы же знаете, что мы не можемъ посылать своихъ людей обыскивать гаремы и приподнимать покрывала женщинъ!—И они воскликнули:—О несчастіе! Ахъ! Лавка моя! Ахъ! мой оселъ! Ахъ! мой кошелекъ съ тысячью динаріевъ! — Тогда вали, сжалившись надъ ними, сказалъ имъ:— О добрые люди, ступайте! Обойдите весь городъ и попытайтесь

Digitized by Google

найти эту старуху и схватить ее! Я же обѣщаю вамъ, если это удастся, подвергнуть ее пыткѣ и вынудить у нея признаніе!—И всѣ трое, жертвы хитростей Далилы-Пройдохи, вышли отъ вали и разошлись въ разныя стороны въ поискахъ за проклятой старухой. И пока довольно о нихъ! Но мы къ нимъ еще вернемся!

Что же до старой Далилы-Пройдохи, то она сказала дочери своей Зейнабъ:—О дочь моя, все это еще ничто! Я найду что-нибудь получше! Но Зейнабъ сказала ей:—О матушка, я теперь боюсь за тебя!—Она отвѣтила:—Не бойся ничего, о дочь моя! Я какъ бобъ въ стручкѣ, не боюсь ни огня, ни воды...

На этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста тринадцатая ночь,

она сказала:

...Я какъ бобъ въ стручкѣ, не боюсь ни огня, ни воды!—И она встала и, снявъ съ себя одежды суфи, одѣлась въ платье самой послѣдней служанки изъ служанокъ вельможъ, и вышла изъ дому, размышляя о новыхъ козняхъ, которыя собиралась учинить въ Багдадѣ.

Такимъ образомъ подошла она къ удаленной улицѣ, разубранной и изукрашенной во всю длину и ширину роскошными матеріями и разноцвѣтными фонариками; и даже земля была тамъ устлана богатыми коврами. И она услышала тамъ голоса пѣвицъ и рокотъ дуфуфовъ и удары звонкихъ доробукъ и бряцанье кимваловъ. И она увидѣла у дверей разукрашеннаго дома рабыню, на плечѣ у которой сидѣлъ верхомъ маленькій мальчикъ, одѣтый въ восхитительныя ткани серебрянаго и золотого бархата; и на головѣ у него красовался красный тюрбушъ, унизанный тремя рядами жемчужинъ, и на шеѣ висѣло золотое ожерелье съ инкрустаціями изъ драгоцѣнныхъ камней, а на плечи былъ накинутъ короткій плащъ изъ парчи. И она узнала отъ любопытныхъ и отъ гостей, которые входили и выходили, что домъ этотъ принадлежитъ старшинѣ купцовъ Багдада, и что ребенокъ этотъ—его ребенокъ. И она узнала еще, что старшина имѣлъ также и дочь, дѣвственно чистую, но уже достигшую зрѣлости, помолвку которой и праздновали въ этотъ день, и что это и было причиной всего этого убранства и украшеній. А такъ какъ мать ребенка была весьма занята тѣмъ, чтобы принимать приглашенныхъ дамъ и оказывать имъ подобающій почетъ и вниманіе въ домѣ своемъ, то сдала ребенка, который мѣшалъ ей и каждый разъ цѣплялся за ея платье, на попеченіе этой молодой рабыни, поручивъ ей забавлять его и играть съ нимъ, пока не разъѣдутся гости.

И вотъ, какъ только старая Далила увидѣла этого ребенка, сидящаго верхомъ на плечѣ рабыни, и разузнала все это объ его родителяхъ и объ совершавшемся торжественномъ обрядѣ, она сказала самой себѣ:—О Далила, вотъ что предстоитъ тебѣ совершить, не медля: захватить этого ребенка, похитивъ его у этой рабыни!—И она приблизилась, восклицая:—О, какой позоръ, что я такъ запоздала приходомъ къ достойной супругѣ старшины купцовъ!—И, обратясь къ молодой рабынѣ, которая была очень недалека умомъ, она сказала ей, кладя ей въ руку мелкую фальшивую монету:—Вотъ тебѣ динарій за труды! Поднимись къ своей госпожѣ, о дочь моя, и скажи ей:—Твоя старая кормилица Омиъ-Аль-Кхайръ весьма радуется за тебя, во имя той признательности, которую чувствуетъ за всѣ твои благодѣянія! И потому въ день великаго торжества она придетъ навѣстить

Digitized by Google

тебя вмѣстѣ съ дочерьми своими и не преминетъ вложить, согласно обычаю, щедрые дары въ руки всѣхъ приближенныхъ женщинъ!—Рабыня отвѣтила:—Добрая матушка, я бы охотно исполнила твое порученіе, но мой юный господинъ, вотъ этотъ мальчикъ, всякій разъ, какъ видитъ мать свою, тянется къ ней и хватается за ея платье!—Она отвѣтила: — Такъ поручи его мнѣ на то время, пока сбѣгаешь туда и вернешься обратно!—И рабыня взяла фальшивую монету и передала ребенка старухѣ, чтобы немедленно исполнить ея порученіе.

Что же касается Далилы, то она поспѣшила улизнуть вмѣстѣ съ ребенкомъ и зайти въ темный переулокъ, гдѣ и сняла съ него всѣ надѣтыя на него драгоцѣнныя вещи и сказала себѣ: — Теперь, о Далила, это еще далеко не все! Если ты, дѣйствительно, самая хитрая изъ хитрыхъ, то нужно сумѣть извлечь изъ этого мальчугана все, что только возможно, напримѣръ, отдавъ его въ залогъ за какую-нибудь значительную сумму! При этой мысли она вскочила на ноги и пошла въ ювелирный рядъ, гдѣ увидѣла въ одной изъ лавокъ извѣстнаго ювелира-еврея, сидѣвшаго за своимъ прилавкомъ; и она вошла въ его лавку, говоря себѣ:—Вотъ какъ разъ то, что мнѣ нужно!—Когда еврей собственными своими глазами увидѣлъ, что она вошла въ лавку, то посмотрѣлъ на ребенка, котораго она несла, и узналъ въ немъ сына старшины купцовъ. Еврей же этотъ, хотя и былъ весьма богатъ, никогда не могъ безъ зависти видѣть, чтобы кто-нибудь изъ его сосѣдей совершилъ продажу, если ему, случайно, не удавалось, тоже продать что-либо въ это же самое время. И потому, весьма обрадованный приходомъ старухи, онъ спросилъ ее: — Что желаешь ты, о госпожа моя?—Она отвѣтила: — Вѣдь это ты и есть хозяинъ лавки, Изра-еврей?—Онъ отвѣтилъ:—Наамъ!—Она сказала:—Сестра этого ребенка, дочь старшины купцовъ, объявлена сегодня невѣстой, и какъ разъ теперь происходитъ обрядъ помолвки. Такъ вотъ для нея понадобятся нѣкоторыя драгоцѣнности, а именно—двѣ пары золотыхъ браслетовъ для ногъ, пара обыкновенныхъ золотыхъ браслетовъ, пара жемчужныхъ подвѣсковъ, золотой поясъ филигранной работы, кинжалъ съ зеленчаковой рукояткой, украшенный рубинами и перстень съ печатью.—И еврей поспѣшилъ немедленно достать всѣ вещи, которыя она спрашивала и цѣна которыхъ равнялась, въ общемъ, по меньшей мѣрѣ тысячѣ динаріевъ золотомъ. И Далила сказала ему:—Я беру всѣ эти вещи съ условіемъ! Я отнесу ихъ домой, и госпожа моя выберетъ то, что ей больше понравится, послѣ чего я вернусь сюда и принесу тебѣ деньги въ уплату за то, что она оставитъ себѣ! Но покамѣстъ я попрошу тебя оставить у себя этого ребенка и присмотрѣть за нимъ до моего возвращенія!—Еврей отвѣтилъ:—Да будетъ все такъ, какъ ты желаешь!—И она взяла драгоцѣнности и поспѣшила вернуться къ себѣ домой.

Когда юная Зейнабъ-Плутовка увидѣла, что мать ея возвращается, то сказала ей:—Какой новый подвигъ совершила ты теперь, о мать?—Старуха отвѣтила:—Очень скромный на этотъ разъ. Я удовольствовалась тѣмъ, что похитила и обобрала маленькаго сына старшины купцовъ, а затѣмъ отдала его на храненіе еврею Изрѣ, въ видѣ залога за драгоцѣнности, стоимостью въ тысячу динаріевъ!—Тогда дочь ея воскликнула:—Нѣтъ болѣе сомнѣній! На этотъ разъ все кончено! Ты не сможешь болѣе выходить изъ дому и расхаживать по Багдаду!—Она отвѣтила:—Все, что я сдѣлала теперь, ничто, меньше тысячной доли возможнаго! Но ты, дочь моя, не тревожься о моей судьбѣ!

Что же до простоватой молодой рабыни, то она вошла въ пріемную залу и сказала:—О госпожа моя, твоя кормилица Оммъ-Аль-Кхайръ шлетъ тебѣ привѣтствія и пожеланія свои и проситъ сказать, что она очень радуется за тебя, и придетъ сюда вмѣстѣ со своими дѣтьми въ день свадьбы

Digitized by Google

и будетъ щедра ко всѣмъ твоимъ приближеннымъ женщинамъ! — Госпожа спросила ее: — Гдѣ же оставила ты своего юнаго господина? — Она отвѣтила:—Я оставила его съ нею, боясь, чтобы онъ не прицѣпился къ тебѣ! А вотъ золотая монета, которую она дала мнѣ, чтобы передать пѣвицамъ! — И она протянула монету главной пѣвицѣ, говоря: — Вотъ тебѣ на обновки!— И пѣвица взяла монету и увидѣла, что она мѣдная. Тогда госпожа крикнула служанкѣ: — Ахъ, распутница! Ступай скорѣе къ своему юному господину!—И рабыня поспѣшила сойти внизъ, но не нашла тамъ ни ребенка, ни старухи. Тогда она испустила громкій крикъ и упала ницъ, въ то время какъ всѣ женщины сбѣгались сверху; и радость смѣнилась въ ихъ сердцахъ ужаснымъ горемъ. Но въ это самое время явился и самъ старшина; и супруга его, съ искаженнымъ отъ волненія лицомъ, поспѣшила довести до его свѣдѣнія обо всемъ, что̀ здѣсь произошло. Онъ тотчасъ же отправился на поиски за ребенкомъ, сопровождаемый всѣми своими гостями, багдадскими купцами, которые, со своей стороны, пустились на поиски по всѣмъ направленіямъ. И, наконецъ, послѣ тысячи отроковъ старшина нашелъ своего ребенка почти голымъ на порогѣ лавки еврея и, обезумѣвъ отъ радости и гнѣва, бросился на еврея, крича: — Ахъ, проклятый! Что̀ хотѣлъ ты сдѣлать съ моимъ сыномъ! И зачѣмъ отобралъ ты у него всѣ его платья?— Еврей, дрожа всѣмъ тѣломъ, отвѣтилъ въ крайнемъ изумленіи: — Клянусь Аллахомъ, о господинъ мой, я вовсе не нуждался въ подобномъ залогѣ! Но старуха сама настояла на томъ, чтобы оставить его здѣсь, послѣ того, какъ взяла у меня на тысячу динаріевъ драгоцѣнностей для твоей дочери! — Старшина, все болѣе и болѣе возмущенный, воскликнулъ: — Ей, проклятый, неужели ты думаешь, что у дочери моей мало драгоцѣнностей, что она будетъ обращаться къ тебѣ? Поспѣши возвратить мнѣ одежды и украшенія, которыя ты отобралъ у моего сына! — При этихъ словахъ еврей воскликнулъ въ страхѣ: — Помогите, о мусульмане! — Но какъ разъ въ эту минуту появились съ разныхъ сторонъ три первыя жертвы: погонщикъ, молодой купецъ и красильщикъ. И они освѣдомились о томъ, что̀ случилось, и узнавъ, въ чемъ дѣло, ни на минуту не усумнились, что это была новая продѣлка злополучной старухи. И они воскликнули: — Мы знаемъ эту старуху! Это — мошенница, которая уже обманула насъ раньше, чѣмъ васъ! — И они разсказали свою исторію присутствующимъ, которые были весьма ею поражены, и старшина, видя, что дѣлать нечего, воскликнулъ: — Хорошо еще, что я нашелъ своего ребенка! Я не стану болѣе жалѣть о его пропавшемъ платьѣ, разъ оно является выкупомъ. Но я еще потребую его когда-нибудь у старухи! И, не желая долѣе медлить вдали отъ дома, онъ поспѣшилъ къ супругѣ своей, чтобы подѣлиться съ нею своей радостью, что отыскалъ своего сына.

Что̀ же касается еврея, то онъ спросилъ у троихъ обманутыхъ: — Куда же думаете вы теперь направить свои шаги? — Они отвѣтили: — Мы думаемъ продолжать наши поиски! — Онъ сказалъ: — Возьмите и меня съ собою! — Затѣмъ онъ спросилъ: — Есть ли среди васъ кто-нибудь, кто зналъ эту старуху до ея продѣлокъ? — Погонщикъ отвѣтилъ: — Я! — Еврей сказалъ: — Тогда лучше намъ идти не вмѣстѣ и искать ее каждому отдѣльно, чтобы не обратить на себя ея вниманія! — Тогда погонщикъ отвѣтилъ: — Это вѣрно! А чтобы вновь сойтись, условимся сойтись въ полдень, въ лавкѣ цирюльника, мограбина Хагъ-Массуда! — И, условившись относительно встрѣчи, они пустились въ путь, каждый порознь.

Но было предопредѣлено судьбой, что погонщикъ первый долженъ встрѣтить старую пройдоху...

На этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что близится утро, и со скромностью умолкла.

Digitized by Google

А когда наступила

четырсста четырнадцатая ночь,

она сказала:

... Но было предопредѣлено судьбой, что погонщикъ первый долженъ встрѣтить старую пройдоху въ то время, какъ она рыскала по городу въ поискахъ за какимъ-нибудь новымъ предпріятіемъ. И вотъ, какъ только погонщикъ увидѣлъ ее, онъ тотчасъ же узналъ ее, не смотря на переодѣваніе, и бросился на нее, крича: — Горе тебѣ, старая развалина, засохшее дерево! Наконецъ-то я нашелъ тебя! — Она спросила: — Что̀ съ тобою, сынъ мой?—Онъ воскликнулъ: — Оселъ мой! Отдай мнѣ моего осла! — Она отвѣтила ему растроганнымъ голосомъ: — Сынъ мой, говори потише и не открывай того, что̀ Аллахъ скрылъ подъ своимъ покровомъ. Скажи мнѣ! Что̀ ты требуешь! Осла своего, или же вещей другихъ людей? — Онъ отвѣтилъ: — Только своего осла. — Она сказала: — Сынъ мой, я знала, что ты бѣденъ, и потому вовсе не намѣревалась лишить тебя твоего осла. Я оставила его для тебя у цирюльника мограбина Хагъ-Массуда, лавка котораго находится вонъ тамъ, какъ разъ напротивъ! Я сейчасъ же отправлюсь къ нему и попрошу его отдать мнѣ осла. Подожди меня одну минутку! — И она поспѣшила къ цирюльнику Хагъ-Массуду, чтобы предупредить его. Она вошла къ нему, съ плачемъ, поцѣловала у него руку и сказала:—Увы мнѣ!—Онъ спросилъ ее: — Что̀ съ тобою, добрая тетушка? — Она отвѣтила: — Видишь ли ты сына моего, который стоитъ вонъ тамъ, противъ твоей лавки? Онъ былъ по ремеслу своему погонщикомъ ословъ. Но однажды онъ заболѣлъ: его всего прохватило сильнымъ сквознякомъ, который испортилъ ему кровь; и отъ этого разумъ помутился у него, и онъ сталъ сумасшедшимъ! Съ тѣхъ поръ онъ не перестаетъ требовать своего осла. Какъ только онъ встаетъ, онъ кричитъ: — Оселъ мой! И когда ложится спать, онъ кричитъ: — Оселъ мой! Идя по улицѣ, онъ тоже не перестаетъ кричать: — Оселъ мой! Оселъ мой! Такъ вотъ, одинъ врачъ, лучшій изъ врачей, сказалъ мнѣ: — У сына твоего разумъ помутился и находится въ большомъ разстройствѣ. И его ничѣмъ инымъ нельзя вылѣчить и привести въ себя, какъ вырвавъ оба заднiе коренные зуба и сдѣлавъ прижиганіе на обоихъ вискахъ посредствомъ шпанскихъ мушекъ или каленаго желѣза. — Возьми же этотъ динарій за свои труды, и позови его сюда и скажи: — Оселъ твой у меня. Иди сюда.

Въ отвѣтъ на это цирюльникъ сказалъ: — Да не будь у меня маковой росинки во рту за цѣлый годъ, тетушка, если я не сумѣю водворить ему его осла на мѣсто! — И тутъ же, обратясь къ одному изъ своихъ подмастерьевъ, привычныхъ ко всѣмъ работамъ по ремеслу, онъ сказалъ ему:—Поди, накали докрасна два гвоздя. Затѣмъ онъ крикнулъ погонщику: — Ей! сынъ мой, иди сюда! Оселъ твой у меня!—И въ то время, какъ погонщикъ входилъ въ лавку, старуха вышла изъ нея и остановилась на порогѣ.

Но какъ только погонщикъ вошелъ, цирюльникъ взялъ его за руку и провелъ въ заднюю комнату лавки, гдѣ внезапно ударивъ его кулакомъ въ животъ и подставивъ подножку, повалилъ его на полъ, тогда какъ двое подмастерьевъ крѣпко-на-крѣпко связали его по рукамъ и по ногамъ, такъ, что онъ не могъ пошевелиться. Тогда самъ цирюльникъ поднялся и всунулъ ему въ горло пару клещей, похожихъ на клещи кузнеца, которыя онъ употреблялъ для особенно упрямыхъ зубовъ; затѣмъ однимъ сильнымъ движеніемъ онъ сразу вырвалъ ему оба зуба. Послѣ чего, не взирая на всѣ его вопли и корчи, взялъ щипцами, одинъ за другимъ, накаленные докрасна,

Digitized by Google

гвозди и сильно прижегъ ему виски, призывая имя Аллаха для удачнаго излѣченія.

Когда цирюльникъ окончилъ эти двѣ операціи, то сказалъ погонщику: — Уаллахъ! Мать твоя будетъ довольна мною! Я пойду позову ее, чтобы она могла убѣдиться въ добросовѣстности моей работы и въ твоемъ выздоровленіи.—И пока погонщикъ бился въ рукахъ подмастерьевъ, цирюльникъ вошелъ въ лавку, но лавка его была совершенно пуста, какъ будто все въ ней было выметено сильнымъ порывомъ вѣтра! Не осталось въ ней ничего! Бритвы, ручныя зеркала изъ перламутра, ножницы, мѣдные утюги, тазы, рукомойники, салфетки, скамьи, все исчезло! Не осталось ничего! Даже тѣни отъ всего этого! И старуха также исчезла! Ничего! И духу отъ старухи не осталось! И, въ довершеніе всего, лавка была свѣже выметена и полита, какъ если бы ее только-что сдали въ наемъ.

При видѣ этого цирюльникъ въ безпредѣльномъ бѣшенствѣ бросился въ заднюю комнату, схватилъ погонщика за горло,и сталъ трясти его, крича: — Гдѣ мать твоя, сводница? — Несчастный погонщикъ, обезумѣвъ отъ боли и бѣшества, отвѣтилъ ему: — А! сынъ тысячи тряпокъ! Гдѣ моя мать? Она покоится въ мирѣ у Аллаха! — Тогда цирюльникъ встряхнулъ его еще сильнѣе и закричалъ: — Гдѣ мать твоя, старая блудница, которая привела тебя сюда и ушла, обокравъ всю мою лавку? — Погонщикъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, собирался отвѣтить, какъ вдругъ въ лавку вошли, возвращаясь съ своихъ безплодныхъ поисковъ, остальные трое потерпѣвшихъ: красильщикъ, молодой купецъ и еврей. И они увидѣли наступающихъ другъ на друга цирюльника, съ вытаращенными глазами, и погонщика, съ прижженными и вздувшимися въ видѣ двухъ большихъ волдырей висками, съ кровавой пѣной на губахъ и висящими изо рта, съ обѣихъ сторонъ, вырванными зубами. Тогда они воскликнули: — Что случилось? — И погонщикъ закричалъ во все горло:—О мусульмане, защитите меня отъ этого поганца!— И онъ разсказалъ имъ, что случилось. Тогда они спросили цирюльника: — Для чего поступилъ ты такъ съ этимъ погонщикомъ, о почтенный Массудъ? — И цирюльникъ, въ свою очередь, разсказалъ имъ, какъ лавка его оказалась опустошенной благодаря хитростямъ старухи. Тогда, не сомнѣваясь болѣе, что злодѣяніе это совершено той же старухой, они воскликнули: — Клянемся Аллахомъ! Виной всему проклятая старуха! — И всѣ мало-по-малу объяснились между собой и пришли къ соглашенію. Тогда цирюльникъ поспѣшилъ закрыть свою лавку и присоединился къ четыремъ жертвамъ, чтобы помочь имъ въ ихъ поискахъ. Но бѣдный погонщикъ не переставалъ стонать: — Ахъ! мой оселъ! Ахъ! мои бѣдные зубы...

На этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста пятнадцатая ночь,

она сказала:

... Ахъ! мой оселъ! Ахъ! мои бѣдные зубы!—Долго бродили они такъ по различнымъ кварталамъ города; но вдругъ, на поворотѣ одной улицы погонщикъ — и на этотъ разъ первый,—увидѣлъ и узналъ Далилу-Пройдоху, хотя ни имени, ни жилища ея ни одинъ изъ нихъ попрежнему не зналъ! И какъ только погонщикъ замѣтилъ ее, онъ бросился къ ней, крича: — Вотъ она! Теперь она заплатитъ намъ за все!—И они потащили ее къ вали города, эмиру Кхаледу.

Digitized by Google

Придя ко дворцу вали, они передали старуху стражникамъ и сказали имъ: — Мы хотимъ видѣть вали! — Тѣ отвѣтили: — Онъ отдыхаетъ. Подождите немного, пока онъ проснется! — И всѣ пять истцовъ остались ждать во дворѣ, тогда какъ стражники передали старуху евнухамъ, чтобы запереть ее въ одной изъ комнатъ терема, до пробужденія вали.

Попавъ въ гаремъ, старая пройдоха сумѣла проскользнуть въ покои супруги вали и, послѣ привѣтствій и цѣлованія руки, сказала госпожѣ, которая была далека отъ всякихъ подозрѣній:—О госпожа моя, мнѣ бы очень хотѣлось видѣть господина нашего, вали! — Она отвѣтила: — Вали отдыхаетъ! А что тебѣ нужно отъ него? — Она сказала: — Мужъ мой, который торгуетъ мебелью и невольниками, поручилъ мнѣ, уѣзжая, пять мамелюковъ, приказавъ продать ихъ тому, кто больше дастъ за нихъ. И какъ разъ, господинъ нашъ, вали видѣлъ ихъ у меня и предложилъ мнѣ за нихъ тысячу двѣсти динаріевъ, я же согласилась уступить ихъ ему за эту цѣну! И вотъ, я пришла теперь передать ихъ ему! — Случилось же такъ, что вали Кхаледу дѣйствительно нужны были невольники, и онъ даже передалъ наканунѣ супругѣ своей тысячу динаріевъ для покупки ихъ. Поэтому она нимало не усумнилась въ правдивости словъ старухи и спросила ее: — Гдѣ же они, эти пять невольниковъ? — Она отвѣтила: — Вотъ тамъ, подъ твоими окнами, во дворѣ дворца! — И госпожа взглянула въ окно и увидѣла пятерыхъ потерпѣвшихъ, ожидавшихъ пробужденія вали. Тогда она сказала:—Клянусь Аллахомъ! они очень хороши, а одинъ изъ нихъ, самъ по себѣ, стоитъ тысячи динаріевъ, отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ! — Затѣмъ она отперла свою шкатулку и вручила старухѣ тысячу динаріевъ, говоря: — Добрая моя тетушка, я должна тебѣ еще двѣсти динаріевъ, чтобы быть въ разсчетѣ. Но у меня нѣтъ ихъ, и потому я прошу тебя подождать пробужденія вали. — Старуха отвѣтила: — О госпожа моя, изъ этихъ двухсотъ динаріевъ я оставляю тебѣ сто за тотъ кувшинъ сиропа, который ты дала мнѣ выпить, а еще сто ты останешься мнѣ должна до моего ближайшаго посѣщенія! Теперь же я попрошу тебя выпустить меня изъ дворца по потайной лѣстницѣ гарема, чтобы мои бывшіе невольники не увидѣли меня! — И супруга вали выпустила ее черезъ потайную лѣстницу гарема, а Всеблагій Защитникъ защитилъ ее и далъ ей добраться до дому безъ препятствій.

Когда дочь ея Зейнабъ увидѣла, что она вернулась, она спросила ее: — О мать моя, что сдѣлала ты сегодня? — Она отвѣтила: — Дочь моя, я одурачила супругу вали, продавъ ей за тысячу динаріевъ, въ качествѣ рабовъ, погонщика, красильщика, еврея, цирюльника и молодого купца! Между тѣмъ, о дочь моя, изо всѣхъ нихъ есть только одинъ, который внушаетъ мнѣ безпокойство и прозорливость котораго возбуждаетъ мои опасенія: это погонщикъ! Это онъ, сынъ блудницы, узнаетъ меня всякій разъ! — А дочь сказала ей: — Въ такомъ случаѣ, о матушка, довольно тебѣ бродить такимъ образомъ по городу! Сиди теперь дома и не забывай пословицы, которая гласитъ:

Не увѣряй, коль съ полки кувшинъ слетѣлъ,
Что какъ его ни брось, а онъ будетъ цѣлъ!

И она попыталась убѣдить мать свою, чтобы она болѣе не выходила изъ дому, но совершенно безуспѣшно.

Что же до тѣхъ пяти, то вотъ что! Когда вали проснулся, жена его сказала ему:—Сладость сновъ да смягчитъ тебя! Я порадовалась за тебя по поводу тѣхъ пяти невольниковъ, которыхъ ты намъ купилъ!—Онъ спросилъ:—Какихъ невольниковъ? — Она сказала:—Зачѣмъ хочешь ты скрыть отъ меня это? Если такъ, то съиграютъ они съ тобой такія же злыя шутки, какія ты теперь разыгрываешь со мной!—Онъ сказалъ:—Клянусь Аллахомъ!

Digitized by Google

Я не покупалъ никакихъ невольниковъ! Кто сказалъ тебѣ это?—Она отвѣтила:—Это сама старуха, у которой ты купилъ ихъ за тысячу двѣсти динаріевъ, привела ихъ сюда и показала ихъ мнѣ въ окно, и на каждомъ изъ нихъ было платье, стоющее, уже само по себѣ, тысячу динаріевъ!—Онъ спросилъ:—Ужъ не отдала ли ты ей и деньги?—Она сказала:—Да, клянусь Аллахомъ!—Тогда вали поспѣшилъ спуститься во дворъ, гдѣ увидѣлъ только погонщика, цирюльника, еврея, молодого купца и красильщика; и онъ спросилъ у своихъ стражниковъ:—Гдѣ находятся тѣ пять невольниковъ, которыхъ старая торговка продала сейчасъ госпожѣ вашей?—Они отвѣтили:—Съ тѣхъ поръ, какъ господинъ нашъ пошелъ отдыхать, мы не видѣли здѣсь никого, кромѣ этихъ пяти!—Тогда вали обратился къ пяти потерпѣвшимъ и сказалъ имъ:—Госпожа ваша, старуха, продала васъ мнѣ за тысячу динаріевъ! Работу вашу вы начнете съ очистки помойныхъ ямъ!—При этихъ словахъ всѣ пять истцовъ въ крайнемъ изумленіи воскликнули:—Если таково твое правосудіе, то намъ остается только жаловаться на тебя господину нашему, калифу! Мы люди свободные, которыхъ нельзя ни продавать, ни покупать! Йаллахъ! пойдемъ съ нами къ калифу...

На этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что приближается утро, и со скромностью умолкла.

А когда наступила

четыреста шестнадцатая ночь,

она сказала:

... Йаллахъ! Пойдемъ съ нами къ калифу!—Тогда вали сказалъ имъ:—Если вы не невольники, то, значитъ, вы плуты и мошенники! И, значитъ, вы сами привели въ мой дворецъ эту старуху и сговорились съ ней, чтобы надуть меня! Но, клянусь Аллахомъ! я, въ свою очередь, перепродамъ васъ какимъ-нибудь чужестранцамъ за сто динаріевъ каждаго!

Но какъ разъ въ это время во дворъ дворца вошелъ капитанъ Бичъ-Улицъ, который явился жаловаться вали на злоключеніе, постигшее его молодую супругу. Въ самомъ дѣлѣ, возвратившись изъ путешествія, онъ нашелъ жену свою въ постели, больную отъ стыда и волненія, и узналъ отъ нея обо всемъ, что̀ случилось съ ней; и она сказала ему:—И все это случилось со мною вслѣдствіе твоихъ непривѣтливыхъ словъ, побудившихъ меня обратиться къ посредничеству шейха, Отца Плодородія!

И потому, лишь только капитанъ Бичъ-Улицъ увидѣлъ вали, онъ закричалъ ему:—Это ты позволяешь старымъ сводницамъ проникать въ гаремы и обманывать женъ эмировъ? Ты только это и умѣешь! Ну, клянусь Аллахомъ! я объявляю тебя отвѣтственнымъ за учиненное со мной мошенничество и за убытки, понесенные моей супругой!—При этихъ словахъ капитана Бича-Улицъ, всѣ пятеро воскликнули:—О эмиръ! О доблестный капитанъ Бичъ-Улицъ, къ тебѣ обращаемся мы съ нашими жалобами!—А онъ спросилъ ихъ:—А вы всѣ о чемъ хлопочете?—Тогда они разсказали ему всю исторію, которую безполезно повторять. И капитанъ Бичъ-Улицъ сказалъ имъ:—Безъ сомнѣнія, и вы тоже были обмануты! Но вали весьма ошибается, если полагаетъ, что можетъ теперь засадить васъ въ тюрьму!

Когда вали услышалъ это, онъ сказалъ капитану Бичу-Улицъ:—О эмиръ, я беру на себя возмѣщеніе убытковъ, которое принадлежитъ тебѣ по праву, и возвращеніе платья твоей супругѣ; и я беру на себя отвѣтственность за всѣ продѣлки старой мошенницы!—Затѣмъ, обратясь къ остальнымъ потерпѣвшимъ, онъ спросилъ:—Кто изъ васъ сумѣетъ узнать старуху?—Погонщикъ отвѣтилъ, тогда какъ остальные подхватили хоромъ:—Мы всѣ

Digitized by Google

сумѣемъ узнать ее!—А погонщикъ прибавилъ:—Я узнаю ее среди тысячи блудницъ по ея сверкающимъ синимъ глазамъ! Только ты дай намъ десять стражниковъ, чтобы помочь намъ схватить ее! И какъ только вали далъ имъ просимыхъ десять стражниковъ, они всѣ вышли изъ дворца.

Но едва успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ прямо наткнулись на старуху, которая попыталась было ускользнуть отъ нихъ. Но имъ удалось поймать ее, и, связавъ ей руки за спину, они притащили ее къ вали, который спросилъ ее:—Что̀ сдѣлала ты со всѣми украденными вещами?—Она отвѣтила:—Я! Да я никогда ничего ни у кого не крала! Я даже и не видѣла ничего! И ничего не понимаю! Тогда вали, обратившись къ начальнику тюремной стражи, сказалъ:—Запри ее до завтра въ самое сырое подземелье!—Но тюремщикъ отвѣтилъ:—Клянусь Аллахомъ! Я ни за что̀ на свѣтѣ не возьму на себя такой отвѣтственности! Я увѣренъ, что она найдетъ способъ удрать отъ меня!—Тогда вали сказалъ себѣ: — Самое лучшее будетъ оставить ее у всѣхъ на виду, чтобы она не могла удрать, и приказать истцамъ сторожить ее всю сегодняшнюю ночь, чтобы завтра же предать ее суду!—И онъ сѣлъ на лошадь, и сопровождаемый всѣми потерпѣвшими, приказалъ вести ее за предѣлы стѣнъ Багдада и привязать за волосы къ столбу, среди чистаго поля. Затѣмъ, во избѣжаніе недоразумѣній, онъ поручилъ пяти истцамъ самимъ сторожить ее въ теченіе всей этой ночи, вплоть до самаго утра.

И вотъ всѣ пятеро, и особенно погонщикъ, начали съ того, что вымстили на ней весь свой гнѣвъ, обозвавъ ее всѣми ругательными словами, какія только подсказывались всѣми обидами и издѣвательствами, которыя пришлось имъ вынести отъ нея. Но такъ какъ все имѣетъ конецъ, даже глубина мѣшка шутокъ погонщика, и кувшина насмѣшекъ цирюльника, и чана кислотъ красильщика; къ тому же лишеніе сна въ теченіе трехъ сутокъ и пережитыя волненія въ конецъ истощили ихъ силы, и, поужинавъ, всѣ пятеро истцовъ мало-по-малу задремали у подножія столба, къ которому была привязана за волосы Далила-Пройдоха.

Ночь близилась уже къ концу, и всѣ пять сторожей храпѣли вокругъ столба, когда двое бедуиновъ верхами, бесѣдуя между собою въ то время, какъ кони ихъ подвигались шагомъ, приблизились къ тому мѣсту, гдѣ была привязана Далила. И старуха услышала ихъ разговоръ. Одинъ изъ бедуиновъ спрашивалъ своего спутника: — Скажи, братъ, что̀ доставило тебѣ наибольшее удовольствіе во время твоего пребыванія въ полномъ чудесъ Багдадѣ...

На этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что забрезжило утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четырета семнадцатая ночь,

она сказала:

... Скажи, братъ, что̀ доставило тебѣ наибольшее удовольствіе во время пребыванія твоего въ полномъ чудесъ Багдадѣ? — Другой отвѣтилъ послѣ нѣкотораго молчанія: — О, клянусь Аллахомъ! я ѣлъ тамъ чудеснѣйшіе аладьи на меду со сливками, тѣ самые, которые я такъ люблю! И, безъ сомнѣнія, это было самое большое удовольствіе, которое я испыталъ въ Багдадѣ! — Тогда первый, жадно вдыхая ароматъ воображаемыхъ аладьевъ, поджаренныхъ на оливковомъ маслѣ, начиненныхъ сливками и подслащенныхъ медомъ, воскликнулъ: — Клянусь честью арабовъ! Я сейчасъ же отправляюсь въ Багдадъ, чтобы отвѣдать этого чуднаго лакомства, котораго

Digitized by Google

не пробовалъ во всю мою жизнь, во время странствій моихъ по пустынѣ!— Тогда тотъ бедуинъ, который уже ѣлъ эти аладьи съ начинкой изъ сливокъ, на меду, распрощался со своимъ соблазнившимся ими спутникомъ и повернулъ обратно, между тѣмъ какъ послѣдній, продолжая путь свой къ Багдаду, подъѣхалъ къ столбу и увидѣлъ тамъ Далилу, привязанную къ нему своими волосами, а вокругъ нея — пятерыхъ уснувшихъ мужчинъ.

При видѣ этого онъ приблизился къ старухѣ и спросилъ ее: — Кто ты? И почему ты здѣсь? — Она сказала съ плачемъ: — О шейхъ арабовъ, я отдаюсь подъ твою защиту! — Онъ сказалъ: — Аллахъ лучшій защитникъ! Но почему привязана ты къ этому столбу? — Она отвѣтила: — Знай, о шейхъ арабовъ, о достопочтенный, что у меня есть врагъ — пирожникъ, торговецъ аладьями съ начинкой изъ сливокъ, на меду, который, несомнѣнно, самый извѣстный въ Багдадѣ искусникъ по части приготовленія этихъ аладьевъ. Но вотъ какъ-то на-дняхъ, желая отомстить ему за нанесенное мнѣ оскорбленіе, я подошла къ его прилавку и плюнула на его аладьи. Тогда пирожникъ подалъ на меня жалобу вали, который и приговорилъ меня къ тому, чтобы быть привязанной къ этому столбу и оставаться въ этомъ положеніи, если я не смогу съѣсть, въ одинъ присѣстъ, цѣлыхъ десять подносовъ, наполненныхъ этими аладьями. И завтра же утромъ мнѣ принесутъ сюда эти десять подносовъ аладьевъ. Но, клянусь тебѣ Аллахомъ! о шейхъ арабовъ, душа моя всегда чувствовала отвращеніе ко всякимъ сластямъ и въ особенности никогда не принимала аладьевъ съ начинкой изъ сливокъ, на меду. Увы мнѣ! Видно придется, мнѣ умереть здѣсь отъ голода! — При этихъ словахъ бедуинъ воскликнулъ: — Клянусь честью арабовъ! вѣдь я только затѣмъ и покинулъ свое племя и затѣмъ и ѣду въ Багдадъ, чтобы удовлетворить своему желанію отвѣдать этихъ аладьевъ! Если хочешь, добрая моя тетушка, я съѣмъ, вмѣсто тебя, эти подносы!—Она отвѣтила:—Тебѣ не дадутъ этого сдѣлать, если ты не будешь привязанъ къ этому столбу, вмѣсто меня! И благодаря тому, что лицо мое всегда было скрыто покрываломъ, никто не догадался бы о перемѣнѣ! Для этого тебѣ стоитъ только помѣняться со мной платьемъ, предварительно отвязавъ меня отъ столба! — Бедуинъ, которому только этого и хотѣлось, поспѣшилъ отвязать ее и, помѣнявшись съ ней платьемъ, далъ привязать себя къ столбу на ея мѣсто, въ то время какъ она, облекшись въ бурнусъ бедуина и обвязавъ голову его повязкой изъ верблюжьей шерсти, вскочила на коня и исчезла въ дали, по направленію къ Багдаду.

На слѣдующій день, едва только пятеро истцовъ открыли глаза, какъ начали, въ видѣ утренняго привѣта старухѣ, вновь осыпать ее бранью, какъ наканунѣ. Но бедуинъ сказалъ имъ: — Гдѣ же аладьи? Желудокъ мой пламенно желаетъ ихъ! — Услышавъ этотъ голосъ, всѣ пятеро воскликнули: — Клянемся Аллахомъ! вѣдь это голосъ мужчины! И говоръ его — говоръ бедуиновъ! — И погонщикъ вскочилъ на ноги и, подойдя къ нему, спросилъ: — Йа, Бодави, что̀ дѣлаешь ты здѣсь? И какъ посмѣлъ ты отвязать старуху?—Онъ отвѣтилъ:—Гдѣ аладьи? Я цѣлую ночь ничего не ѣлъ! Главное, не жалѣйте меду! Она, бѣдная старуха, имѣла душу, гнушавшуюся сластей; но моя-то очень любитъ ихъ!

Услышавъ это, всѣ пятеро поняли, что бедуинъ былъ такъ же, какъ и они, одураченъ старухой, и въ отчаяніи принялись бить себя по лицу, восклицая: — Никто не въ силахъ ни вершить свою судьбу, ни помѣшать свершиться тому, что̀ предопредѣлено Аллахомъ! — Но въ то время, какъ они находились въ нерѣшимости, что̀ предпринять, вали, сопровождаемый своими стражниками, прибылъ на мѣсто, гдѣ они находились, и подошелъ къ столбу. Тогда бедуинъ спросилъ его: — Гдѣ же подносы съ медовыми аладьями? — При этихъ словахъ вали поднялъ глаза къ столбу и увидѣлъ

Digitized by Google

вмѣсто старухи бедуина; и онъ спросилъ у пятерыхъ: — Что это? — Они отвѣтили: — Это судьба! — и прибавили въ одинъ голосъ: — Старуха улизнула, обманувъ этого бедуина. Но тебя, и только тебя, о вали, считаемъ мы отвѣтственнымъ передъ калифомъ за это бѣгство; ибо если бы ты далъ намъ стражей, чтобы сторожить ее, то ей не удалось бы ускользнуть. Ибо насъ также нельзя считать стражами, какъ и невольниками, подлежащими продажѣ и куплѣ! — Тогда вали обратился къ бедуину и спросилъ его, что случилось; и тотъ, прерывая свою рѣчь самыми пламенными выраженіями желанія отвѣдать аладьевъ на меду, разсказалъ ему свою исторію и закончилъ, говоря: — Аладьевъ мнѣ, скорѣе! — При этихъ словахъ и вали, и стражники разразились сильнымъ взрывомъ смѣха, тогда какъ пятеро потерпѣвшихъ озирались вокругъ налившимися кровью и жаждавшими мести глазами, и говорили вали: — Мы не отстанемъ отъ тебя раньше, какъ передъ лицомъ эмира правовѣрныхъ! — И бедуинъ, понявъ, наконецъ, что его одурачили, также сказалъ вали: — Я, со своей стороны, одного тебя считаю отвѣтственнымъ за пропажу моего коня и одежды! — Тогда вали былъ принужденъ взять ихъ съ собой и отправиться вмѣстѣ съ ними въ Багдадъ, во дворецъ эмира правовѣрныхъ, калифа Гарунъ-аль-Рашида...

На этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и со скромностью умолкла.

А когда наступила

четыреста восемнадцатая ночь,

она сказала:

... И отправиться съ ними въ Багдадъ, во дворецъ эмира правовѣрныхъ, калифа Гарунъ-аль-Рашида.

Имъ было разрѣшено предстать предъ калифомъ, и они явились въ Диванъ, куда уже раньше нихъ явился капитанъ Бичъ-Улицъ, одинъ изъ главныхъ истцовъ.

Калифъ, который всегда рѣшалъ дѣла самолично, прежде всего опросилъ всѣхъ, одного за другимъ, погонщика первымъ, а вали послѣднимъ. И каждый разсказалъ калифу свою исторію, со всѣми подробностями.

Тогда калифъ, весьма дивясь всему услышанному, сказалъ всѣмъ имъ: — Клянусь честью предковъ моихъ, Бани-Абасовъ! ручаюсь вамъ, что все, что было у васъ похищено, будетъ возвращено вамъ. Ты, погонщикъ, получишь своего осла и денежное вознагражденіе. Ты, цирюльникъ, получишь всю свою утварь и инструменты! Ты, купецъ, свой кошелекъ и свое платье! Ты, еврей, свои драгоцѣнности! Ты, красильщикъ, новую лавку! А ты, шейхъ арабовъ, своего коня, свою одежду и столько подносовъ съ медовыми аладьями, сколько сможетъ вмѣстить душа твоя! Но прежде всего нужно разыскать старуху! — И, обратившись къ вали и капитану Бичу-Улицъ, онъ сказалъ имъ: — Тебѣ, эмиръ Кхаледъ, также будутъ возвращены твои тысяча динаріевъ! А тебѣ, эмиръ Мустафа, драгоцѣнности и платья твоей супруги и денежное вознагражденье. Но вы двое должны разыскать старуху! Я поручаю вамъ эту заботу!

При этихъ словахъ, эмиръ Кхаледъ потрясъ одеждами своими и воздѣлъ руки къ небу, восклицая: — Ради Аллаха! О эмиръ правовѣрныхъ, уволь меня отъ этого! Я не смѣю взять на себя еще разъ исполненіе этой задачи! Послѣ всѣхъ штукъ, которыя эта старуха съиграла со мной, я не ручаюсь, что она не изобрѣтетъ опять какого-нибудь способа выйти изъ затрудненія, одурачивъ меня! — А калифъ засмѣялся и сказалъ: — Тогда поручи это кому-нибудь другому! — Онъ сказалъ: — Въ такомъ случаѣ, о

Digitized by Google

эмиръ правовѣрныхъ, отдай приказъ разыскивать старуху самому ловкому человѣку во всемъ Багдадѣ, начальнику полиціи — Твоей Правой Рукѣ, Ахмаду - Шелухивому! До сихъ поръ, не смотря на всю его ловкость, на услуги, которыя онъ могъ бы оказать, и большое жалованье, которое онъ получаетъ каждый мѣсяцъ, ему нечего было дѣлать! — Тогда калифъ позвалъ его: — Йа, мокаддемъ Ахмадъ! — И Ахмадъ-Шелудивый тотчасъ предсталъ предъ лицо калифа и сказалъ: — Приказывай, о эмиръ правовѣрныхъ! — Калифъ сказалъ ему: — Послушай, капитанъ Ахмадъ, въ Багдадѣ есть старуха, которая совершила такія-то и такія-то вещи! И тебѣ вмѣняю я въ обязанность отъискать ее и привести ко мнѣ! — И Ахмадъ-Шелудивый сказалъ: — Ручаюсь, что найду ее, о эмиръ правовѣрныхъ! — И онъ вышелъ, въ сопровожденіи сорока полицейскихъ стражей, тогда какъ калифъ удержалъ подлѣ себя пятерыхъ и бедуина.

Между тѣмъ начальникомъ полицейской стражи Ахмада-Шелудиваго былъ человѣкъ, набившій руку въ такого рода поискахъ и прозванный Айубъ-Верблюжья Спина. Имѣя обыкновеніе совершенно свободно разговаривать съ начальникомъ своимъ, бывшимъ мошенникомъ, Ахмадомъ-Шелудивымъ, онъ подошелъ къ нему и сказалъ:—Капитанъ Ахмадъ, въ Багдадѣ вѣдь не одна старуха; и найти ее будетъ очень не легко, повѣрь бородѣ моей! — И Ахмадъ-Шелудивый спросилъ: — Что̀ же имѣешь ты мнѣ сказать на этотъ счетъ, о Айубъ-Верблюжья Спина? — Онъ отвѣтилъ: — Насъ слишкомъ мало для того, чтобы мы могли обойти и схватить старуху; и я полагаю, что слѣдовало бы попросить капитана Гассана - Язвительнаго присоединиться къ намъ вмѣстѣ со своими сорока стражниками, ибо онъ болѣе опытенъ, чѣмъ мы, въ такого рода предпріятіяхъ! — Но Ахмадъ-Шелудивый, не желая раздѣлить честь поимки съ другимъ, громко отвѣтилъ, такъ чтобы слова его были услышаны Гассаномъ - Язвительнымъ, стоявшимъ у у воротъ дворца:—Клянусь Аллахомъ! О Верблюжья Спина, съ какихъ это поръ мы стали нуждаться въ другихъ, чтобы дѣлать свои дѣла? — И онъ гордо проѣхалъ верхомъ со своими сорока стражниками мимо Гассана-Язвительнаго, смертельно оскорбленнаго этимъ отвѣтомъ, а также и тѣмъ, что калифъ избралъ одного Ахмада-Шелудиваго, совершенно позабывъ о немъ, Гассанѣ! И онъ сказалъ себѣ: — Клянусь бритой головой моей! Они еще будутъ нуждаться во мнѣ!

Что̀ же касается Ахмада-Шелудиваго, то едва только онъ выѣхалъ на площадь, разстилавшуюся передъ дворцомъ калифа, какъ обратился къ своимъ людямъ съ рѣчью, чтобы пріободрить ихъ, и сказалъ:—О храбрые, вы должны раздѣлиться на четыре отряда, чтобы обыскать всѣ четыре квартала Багдада. А завтра около полудня, сходитесь всѣ въ кабачекъ на улицѣ Мустафа, гдѣ я буду ждать васъ, и доложите, что̀ удалось сдѣлать или найти!—И, условившись такимъ образомъ о мѣстѣ встрѣчи, они раздѣлились на четыре отряда и отправились каждый въ свой участокъ, въ то время, какъ самъ Ахмадъ-Шелудивый принялся обнюхивать все вокругъ себя.

Что̀ же касается Далилы и ея дочери Зейнабъ, то онѣ скоро узнали, по слухамъ, о поискахъ, которые калифъ поручилъ Ахмаду-Шелудивому, съ цѣлью схватить старую плутовку, продѣлки которой являлись предметомъ разговоровъ во всемъ Багдадѣ. При этомъ извѣстіи Далила сказала дочери своей:—О дочь моя, мнѣ нечего опасаться всѣхъ этихъ людей, разъ Гассанъ-Язвительный не съ ними; ибо Гассанъ—единственный человѣкъ въ Багдадѣ, прозорливости котораго я опасаюсь, такъ какъ онъ одинъ знаетъ меня и тебя. И онъ можетъ, если захочетъ, хотя бы сегодня явиться схватить насъ, такъ что мы не найдемъ никакого способа спастись отъ него. Возблагодаримъ же защитника, который хранитъ насъ!—А дочь ея Зейнабъ отвѣтила ей:—О матушка моя, какой великолѣпный случай представляется

Digitized by Google

намъ теперь съиграть злую шутку этому Ахмаду-Шелудивому и его сорока дуракамъ! Какая бы это была радость, о матушка моя!—Далила отвѣтила:— О дочь чреслъ моихъ, я чувствую себя сегодня несовсѣмъ здоровой, и разсчитываю на тебя, чтобы одурачить этихъ сорокъ и одного разбойника! Это вещь не мудреная, и я не сомнѣваюсь въ твоей ловкости!—Тогда Зейнабъ, которая была молода, хороша собой и стройна, съ темными глазами на очаровательномъ, свѣтломъ лицѣ...

На этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста девятнадцатая ночь,

она сказала:

... Тогда Зейнабъ, которая была молода, хороша собой и стройна, съ темными глазами на очаровательномъ свѣтломъ лицѣ, тотчасъ же встала и одѣлась съ большимъ изяществомъ, и накинула на лицо свое легкое покрывало изъ шелковой кисеи, такъ чтобы блескъ глазъ ея сталъ болѣе томнымъ и чарующимъ. И, нарядившись такимъ образомъ, она подошла поцѣловать мать свою и сказала ей: — О матушка, клянусь дѣвственной чистотой моей, что совершенно покорю тѣхъ сорокъ и одного и сдѣлаю ихъ своей игрушкой. — И она вышла изъ дому и отправилась въ улицу Мустафа, и вошла въ кабачекъ, содержавшійся Хагъ-Каримомъ изъ Моссула.

Тутъ она прежде всего очень мило привѣтствовала Хагъ-Карима, хозяина кабачка, который былъ совершенно очарованъ этимъ и отвѣтилъ ей еще болѣе радушнымъ привѣтствіемъ. Тогда она сказала ему: — Йа, Хагъ-Каримъ, вотъ тебѣ пять динаріевъ, если ты согласенъ уступить мнѣ до завтра твою большую заднюю комнату, куда я хочу пригласить нѣкоторыхъ друзей съ условіемъ, чтобы обычные посѣтители туда не входили!— Онъ отвѣтилъ: — Клянусь жизнью твоей, о госпожа моя, и жизнью очей твоихъ, прекрасныхъ твоихъ очей, что согласенъ уступить тебѣ эту залу даромъ, обязавъ тебя только не жалѣть напитковъ для своихъ гостей! — Она улыбнулась и сказала ему: — Тѣ, которыхъ я приглашаю, Йа, Хагъ, подобны кувшинамъ, у которыхъ горшечникъ забылъ вставить дно! Вся твоя лавка, по части напитковъ, будетъ опустошена! На счетъ этого будь спокоенъ! — И она тотчасъ отправилась домой и, взявъ осла, принадлежавшаго погонщику, и коня, похищеннаго у бедуина, навьючила на нихъ матрасы, ковры, скамейки, скатерти, подносы, тарелки и прочую утварь, и поспѣшно возвратилась въ кабачекъ, гдѣ, разгрузивъ осла и лошадь, размѣстила привезенныя вещи въ нанятой ею большой залѣ. Затѣмъ она разостлала скатерти, разставила кувшины съ питьемъ, чаши и кушанья, которыя закупила и, покончивъ съ этимъ, пошла и стала у дверей кабачка.

Немного времени спустя послѣ того, какъ она вышла къ дверямъ, она увидѣла вдали десять полицейскихъ стражей Ахмада-Шелудиваго, во главѣ которыхъ выступалъ съ самымъ суровымъ видомъ Верблюжья Спина. И направлялся онъ какъ разъ къ этой самой лавкѣ вмѣстѣ съ остальными девятью, и, въ свою очередь, увидѣлъ прекрасную дѣвушку, которая позаботилась приподнять, какъ бы по нечаянности, тонкое покрывало, закрывавшее ей лицо. И Верблюжья Спина былъ одновременно ослѣпленъ и очарованъ юной прелестью и красотой ея, и спросилъ: — Что ты здѣсь дѣлаешь, о дѣвушка? — Она отвѣтила, бросивъ на него томный взглядъ исподлобья: — Ничего! Жду своей судьбы! А ты не капитанъ ли Ахмадъ? — Онъ сказалъ: — Нѣтъ, клянусь Аллахомъ! Но я могу замѣнить его, если

Digitized by Google

дѣло идетъ о какой-нибудь услугѣ, которую ты ждешь отъ него, ибо я начальникъ его полицейской стражи, Айубъ-Верблюжья Спина, и твой рабъ, о глазокъ газели! — Она снова улыбнулась ему и сказала: — Клянусь Аллахомъ! О начальникъ полицейской стражи, если бы вѣжливость и хорошія манеры нуждались въ надежномъ убѣжищѣ, то избрали бы васъ сорокъ въ качествѣ провожатыхъ! Зайдите же сюда, добро пожаловать! Дружескій пріемъ, который вы у меня найдете, будетъ лишь данью почтенія такимъ милымъ гостямъ! И она ввела ихъ въ приготовленную залу и, пригласивъ сѣсть вокругъ большихъ подносовъ съ напитками, стала угощать ихъ виномъ, смѣшаннымъ съ соннымъ зельемъ. И потому, едва только осушили они первыя чаши, какъ всѣ десять повалились на спину, точно пьяные слоны или почувствовавшіе головокруженіе буйволы, и погрузились въ глубокій сонъ.

Тогда Зейнабъ вытащила ихъ, одного за другимъ, за ноги и, наваливъ другъ на друга въ глубинѣ зала, прикрыла ихъ широкимъ одѣяломъ, задернула надъ ними большой занавѣсъ и, приведя все въ порядокъ, снова вышла къ дверямъ кабачка.

Вскорѣ появился второй отрядъ изъ десяти стражей и, также поддавшись очарованію темныхъ глазъ и свѣтлаго личика прекрасной Зейнабъ, подвергся той же участи, что̀ и предыдущій, а затѣмъ и третій и четвертый отряды. А дѣвушка, сваливъ ихъ въ кучу за большимъ занавѣсомъ, снова привела все въ порядокъ въ залѣ и вышла поджидать прибытія самого Ахмада-Шелудиваго.

Недолго простояла она у дверей, когда показался верхомъ на конѣ, грозный, съ глазами, мечущими молніи и съ взъерошенными, какъ шерсть голодной гіены, усами и бородой, самъ Ахмадъ-Шелудивый. Подъѣхавъ къ дверямъ, онъ соскочилъ съ лошади и, привязавъ ее за узду къ одному изъ желѣзныхъ колецъ, вдѣланныхъ въ стѣну кабачка, воскликнулъ: — Гдѣ же они, всѣ эти собачьи дѣти? Вѣдь я приказалъ имъ ждать меня здѣсь! Не видала ли ты ихъ, о дѣвушка?—Тогда Зейнабъ, покачивая свои бедра, бросила нѣжный взглядъ налѣво, потомъ направо, улыбнулась губами и сказала: — Кого это, о господинъ мой? А Ахмадъ, у котораго все внутри перевернулось отъ тѣхъ двухъ взглядовъ, которые бросила на него Зейнабъ, сказалъ улыбающейся дѣвушкѣ, какъ-будто застывшей въ своей наивной позѣ: — О дѣвушка, моихъ сорокъ полицейскихъ стражей! При этихъ словахъ Зейнабъ, какъ бы охваченная вдругъ чувствомъ глубокаго почтенія, приблизилась къ Ахмаду и поцѣловала у него руку, говоря: — О капитанъ Ахмадъ, начальникъ правой руки калифа, сорокъ стражей твоихъ поручили мнѣ передать тебѣ, что увидѣли въ концѣ переулка старую Далилу, которую ты ищешь, и потому пустились въ погоню за ней, не останавливаясь здѣсь; но они увѣряли, что скоро вернутся назадъ вмѣстѣ съ нею; и тебѣ остается только подождать ихъ въ большой залѣ этого кабачка, гдѣ я сама буду прислуживать тебѣ своими глазами!—Тогда Ахмадъ-Шелудивый, предшествуемый дѣвушкой, вошелъ въ лавку, гдѣ опьяненный прелестями плутовки и побѣжденный ея хитростями, не замедлилъ осушить одну чашу за другой и свалиться замертво подъ вліяніемъ снотворнаго зелья, подмѣшаннаго въ вино и оказавшаго свое дѣйствіе на его разсудокъ.

Тогда Зейнабъ, не теряя времени, сняла съ Ахмада-Шелудиваго все его платье и все, что̀ на немъ было надѣто, оставивъ его въ одной сорочкѣ и широкихъ шальварахъ; затѣмъ она пришла къ другимъ и обобрала ихъ такимъ же точно образомъ. Послѣ чего, она собрала всю свою утварь и всѣ только-что награбленныя вещи, навьючила все это на лошадей Ахмада-Шелудиваго и бедуина и на осла погонщика и, такимъ образомъ, обогащенная трофеями своей побѣды, вернулась безпрепятственно домой и передала все это матери своей Далилѣ, которая обняла ее, плача отъ радости.

Digitized by Google

Что же касается Ахмада-Шелудиваго и его сорока спутниковъ...

На этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что брезжитъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила:

четырееста двадцатая ночь,

она сказала:

...Что же касается Ахмада-Шелудиваго и его сорока спутниковъ, то они проспали два дня и двѣ ночи, и когда на утро третьяго дня пробудились отъ своего необычайнаго сна, то сначала не могли объяснить себѣ, какимъ образомъ сюда попали и, наконецъ, послѣ различныхъ предположеній, убѣдились, что были обмануты и одурачены. Тогда они почувствовали себя очень пристыженными, особенно Ахмадъ-Шелудивый, который высказалъ такую увѣренность въ себѣ въ присутствіи Гассана-Язвительнаго, и которому было ужасно стыдно показаться на улицѣ въ томъ смѣшномъ нарядѣ, въ которомъ онъ оказался. Тѣмъ не менѣе, онъ все же рѣшился выйти изъ кабачка и, какъ разъ первый человѣкъ, попавшійся ему на дорогѣ, былъ сослуживецъ его Гассанъ-Язвительный, который, увидѣвъ его въ одной сорочкѣ и шальварахъ и слѣдовавшихъ за нимъ сорокъ сторожей въ такомъ же нарядѣ, понялъ съ перваго взгляда, что съ ними случилось и жертвами какого приключенія они оказались. И, увидѣвъ это, Гассанъ-Язвительный возликовалъ до крайнихъ предѣловъ ликованія и запѣлъ слѣдующіе стихи:

Невинныя красавицы мечтаютъ,
Что всѣ мужчины схожи межъ собой!
Онѣ не знаютъ, что мы другъ на друга
Тюрбанами своими лишь походимъ!
Одни изъ насъ мудры, другіе глупы;
И въ небѣ вѣдь безъ блеска звѣзды есть,
Другія же жемчужинамъ подобны!
Орелъ и соколъ падали не тронутъ, —
Нечистый коршунъ трупами живетъ!

Пропѣвъ эти стихи, Гассанъ-Язвительный подошелъ къ Ахмаду-Шелудивому и, сдѣлавъ видъ, что только сейчасъ узналъ его, сказалъ: — Клянусь Аллахомъ, моккадемъ Ахмадъ, на Тигрѣ бываетъ весьма свѣжо по утрамъ, и всѣ вы совершаете большую неосторожность, выходя изъ дому въ одной только сорочкѣ и шальварахъ! — А Ахмадъ-Шелудивый отвѣтилъ: — Ну, а ты, Гассанъ, еще тяжелѣе и холоднѣе умомъ, чѣмъ это утро! Никто не можетъ избѣжать своей судьбы, а намъ было суждено быть одураченными одной молодой дѣвушкой. — Не знаешь ли ты случайно ее? — Онъ отвѣтилъ: — Да, я знаю ее и ея мать! И если хочешь, я сейчасъ же пойду арестую ихъ. — Тотъ спросилъ: — Какъ такъ? — Гассанъ отвѣтилъ: — Ты долженъ только явиться къ калифу и, въ знакъ своей неспособности, потрясти своей цѣпью, а затѣмъ сказать ему, чтобы онъ поручилъ поимку старухи мнѣ, Гассану-Язвительному. — Тогда Ахмадъ-Шелудивый, предварительно одѣвшись, отправился въ Диванъ вмѣстѣ съ Гассаномъ-Язвительнымъ, и калифъ спросилъ его: — Гдѣ же старуха, моккадемъ Ахмадъ? — Онъ потрясъ своей цѣпью и отвѣтилъ: — Клянусь Аллахомъ! О эмиръ правовѣрныхъ, я не знаю ея! Моккадемъ Гассанъ лучше исполнитъ это порученіе. Онъ знаетъ ее и утверждаетъ даже, что старуха совершила все это только для того, чтобы заставить говорить о себѣ и привлечь вниманіе господина нашего калифа! — Тогда Аль-Рашидъ обратился къ Гассану и спросилъ его: — Правда это,

Digitized by Google

моккадемъ Гассанъ? Ты знаешь старуху? И ты полагаешь, что все это она сдѣлала лишь для того, чтобы заслужить мою благосклонность? — Онъ отвѣтилъ: — Это правда, о эмиръ правовѣрныхъ!—Тогда калифъ воскликнулъ:— Клянусь могилой и честью моихъ предковъ! Если эта старуха возвратитъ всѣмъ этимъ потерпѣвшимъ все, что она взяла у нихъ, то я прощаю ей!— Но Гассанъ-Язвительный сказалъ: — Тогда, о эмиръ правовѣрныхъ, дай мнѣ для нея охранный знакъ безопасности! И калифъ бросилъ Гассану-Язвительному свой платокъ, какъ залогъ безопасности для старухи.

И Гассанъ, поднявъ этотъ залогъ безопасности, вышелъ изъ Дивана и побѣжалъ прямо къ дому Далилы, которую зналъ уже очень давно. Онъ постучалъ въ дверь, и Зейнабъ сама открыла ему. Онъ спросилъ: — Гдѣ твоя мать?—Она сказала: — На верху!—Онъ сказалъ: — Поди, скажи ей, что Гассанъ, моккадемъ лѣвой руки, ждетъ ее внизу и что онъ принесъ ей, отъ имени калифа, платокъ безопасности, но только съ условіемъ, что она возвратитъ всѣ украденныя ею вещи. И скажи ей, чтобы она шла добромъ, а то мнѣ придется употребить по отношенію къ ней насиліе!—Но Далила, которая услышала его слова, крикнула ему сверху:—Брось мнѣ сюда платокъ безопасности, и я послѣдую за тобой къ калифу со всѣми похищенными вещами! — Тогда Гассанъ-Язвительный бросилъ ей платокъ, и Далила обмотала его вокругъ шеи, а затѣмъ, съ помощью дочери, принялась нагружать осла, принадлежавшаго погонщику, и обѣихъ лошадей всѣми украденными вещами. Когда онѣ кончили, Гассанъ сказалъ Далилѣ: — У тебя остались еще вещи Ахмада-Шелудиваго и его сорока подчиненныхъ! — Она отвѣтила: — Клянусь именемъ Всевышняго! Ихъ украла не я!—Онъ засмѣялся и сказалъ:— Это правда! Но вѣдь эту штуку съиграла дочь твоя Зейнабъ! Ну да ладно! Эти ужъ пусть останутся у васъ! — Затѣмъ, ведя за собой гуськомъ всѣхъ трехъ животныхъ, которыми онъ управлялъ посредствомъ веревки, соединявшей ихъ всѣхъ, онъ увелъ Далилу-Пройдоху и явился съ нею въ Диванъ, передъ лицомъ калифа...

На этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что приближается утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста двадцать первая ночь,

она сказала:

... Онъ увелъ Далилу и явился съ нею въ Диванъ, передъ лицомъ калифа.

Когда Гарунъ-аль-Рашидъ увидѣлъ эту старую чертовку, то не могъ удержать своего гнѣва и закричалъ, чтобы ее немедленно бросили на кровавый коверъ, и тутъ же казнили. Но она воскикнула:—Я подъ твоей защитой, о Гассанъ!—И Гассанъ-Язвительный поднялся и, цѣлуя руки калифа, сказалъ ему:—Помилуй ее, о эмиръ правовѣрныхъ! Ты далъ ей залогъ безопасности! И вотъ онъ теперь у нея на шеѣ!—Калифъ отвѣтилъ:—Это правда! И я прощаю ей ради тебя!—Затѣмъ онъ обратился къ Далилѣ и сказалъ:— Поди сюда, о старая женщина! Какъ твое имя?—Она отвѣтила:—Имя мое Далила, супруга твоего бывшаго завѣдующаго голубями!—Онъ сказалъ:— Ты, по истинѣ, коварная женщина, полная хитростей. И отнынѣ ты будешь называться Далила-Пройдоха! — Потомъ онъ сказалъ ей:—Можешь ли ты, по крайней мѣрѣ, сказать мнѣ, съ какой цѣлью одурачила ты всѣхъ этихъ людей, которые стоятъ здѣсь, и надѣлала намъ столько хлопотъ, утомляя сердца наши? — Тогда Далила упала въ ноги калифу и отвѣтила: — Я, о эмиръ правовѣрныхъ, дѣйствовала отнюдь не изъ корысти! Но, наслушавшись о прежнихъ подвигахъ и продѣлкахъ въ Багдадѣ начальниковъ твоей

Digitized by Google

правой и твоей лѣвой, Ахмада-Шелудиваго и Гассана-Язвительнаго, я вздумала, въ свою очередь, если ужъ не превзойти ихъ, то совершить то же, что они, дабы заслужить отъ господина нашего калифа жалованье и должность покойнаго мужа моего, отца моихъ бѣдныхъ дочерей!

Услышавъ это, погонщикъ быстро всталъ и воскликнулъ:—Пусть самъ Аллахъ разсудитъ меня съ этой старухой! Она не удовольствовалась тѣмъ, что украла моего осла, но еще побудила вотъ этого цирюльника, мограбина, вырвать мнѣ задніе коренные зубы и прижечь мнѣ виски раскаленными докрасна желѣзными гвоздями!—И бедуинъ также поднялся и воскликнулъ:—Да разсудитъ самъ Аллахъ меня съ этой старухой! Она не удовольствовалась тѣмъ, что привязала меня къ столбу вмѣсто себя и украла моего коня, но заставила меня мучиться подавленнымъ желаньемъ отвѣдать медовыхъ аладьевъ съ начинкой изъ сливокъ.—Тогда красильщикъ, цирюльникъ, молодой купецъ, капитанъ Бичъ-Улицъ, еврей и вали поднялись одинъ за другимъ, прося Аллаха возмѣстить зло, принесенное имъ старухой. Но калифъ, который былъ великодушенъ и щедръ, возвратилъ сначала каждому изъ нихъ вещи, которыя были у нихъ украдены, а затѣмъ съ избыткомъ вознаградилъ ихъ изъ своей личной казны. Погонщику же, потерявшему два зуба и перенесшему мучительное прижиганіе, онъ велѣлъ дать тысячу динаріевъ золотомъ и назначилъ его началькомъ цеха погонщиковъ. И всѣ они вышли изъ Дивана, прославляя великодушіе калифа и его справедливость, и забыли всѣ о своихъ злоключеніяхъ.

Что касается Далилы, то калифъ сказалъ ей:—Теперь, о Далила, ты можешь просить у меня то, чего желаешь!—Она облобызала землю между рукъ калифа и отвѣтила:—О эмиръ правовѣрныхъ, я только одного желаю отъ твоего великодушія, а именно—вступить въ должность и получать жалованье моего покойнаго мужа, завѣдывавшаго почтовыми голубями! И я навѣрное сумѣю исполнять его обязанности, такъ какъ и при жизни моего супруга я сама съ помощью дочери моей Зейнабъ давала голубямъ кормъ и чистила голубятню и привязывала имъ на шею письма. И я же завѣдывала большимъ каравансараемъ, который ты велѣлъ построить для голубиной почты и который день и ночь охраняли сорокъ негровъ и сорокъ собакъ, тѣхъ самыхъ, которыхъ ты отнялъ у царя афганцевъ, потомковъ Солеймана, послѣ твоей побѣды надъ этимъ царемъ!—И калифъ отвѣтилъ:—Пусть такъ, о Далила! Я велю тотчасъ же передать тебѣ управленіе большимъ каравансараемъ почтовыхъ голубей и командованіе надъ сорока неграми и сорока собаками, взятыми у царя афганцевъ, потомковъ Солеймана! Но отнынѣ ты должна отвѣчать своей головой за пропажу каждаго изъ этихъ голубей, которые для меня дороже даже жизни дѣтей моихъ. Впрочемъ, я не сомнѣваюсь въ твоихъ способностяхъ!—Тогда Далила прибавила:—Я желала бы также, о эмиръ правовѣрныхъ, чтобы дочь моя Зейнабъ жила вмѣстѣ со мною въ каравансараѣ, чтобы помогать мнѣ въ общемъ надзорѣ.—И калифъ на это далъ ей свое согласіе. Тогда Далила, облобызавъ руки калифа, вернулась домой и, съ помощью дочери своей Зейнабъ, распорядилась переноской всей своей утвари и вещей въ небольшой домикъ, построенный у входа въ каравансарай. И она въ тотъ же день вступила въ командованіе сорока неграми и, одѣвшись въ мужское платье, съ золотымъ шлемомъ на головѣ, верхомъ отправилась во дворецъ калифа, чтобы получить отъ него приказаніе и узнать, не нужно ли отправить какія-нибудь грамоты въ другія части государства. А когда настала ночь, она спустила во дворѣ каравансарая сорокъ собакъ изъ той породы, которая водилась у пастуховъ Солеймана. И такъ каждый день являлась она въ Диванъ верхомъ, въ золотомъ шлемѣ съ серебрянымъ голубемъ на головѣ, со свитой изъ сорока негровъ, одѣтыхъ въ красный шелкъ и парчу. А чтобы

Digitized by Google

украсить свое новое жилище, она развѣсила у себя одежды Ахмада-Шелудиваго, Айюба-Верблюжьей Спины и ихъ товарищей.

И такимъ-то образомъ Далила-Пройдоха и дочь ея Зейнабъ-Плутовка, благодаря своей ловкости и хитростямъ, достигли въ Багдадѣ столь почетной должности завѣдыванія голубями и командованія надъ сорока неграми и сорока собаками, почетными сторожами главнаго каравансарая. Но Аллахъ мудрѣе насъ!

— Но теперь, о царь благословенный, продолжала Шахразада, я должна разскать тебѣ объ Али-Живое-Серебро, и о его приключеніяхъ съ Далилой-Пройдохой и дочерью ея Зейнабъ, и съ братомъ Далилы Зоранкомъ, продавцомъ жареной рыбы, и съ евреемъ-чародѣемъ Азаріей! Ибо приключенія эти безконечно удивительнѣе и необычайнѣе всѣхъ слышанныхъ тобою до сихъ поръ! — И царь Шахріаръ сказалъ самому себѣ: — Клянусь Аллахомъ, я убью ее не раньше, какъ прослушаю о приключеніяхъ Али-Живое-Серебро! А Шахразада, увидѣвъ, что приближается утро, скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста двадцать вторая ночь,

она сказала:

— До меня дошло, о царь благословенный, что былъ въ Багдадѣ въ то время, когда жили тамъ Ахмадъ-Шелудивый и Гассанъ-Язвительный, еще одинъ мошенникъ, такой ловкій и проворный, что полицейскіе стражи никакъ не могли поймать его; ибо всякій разъ, какъ они уже считали его пойманнымъ, онъ вновь ускользалъ отъ нихъ, какъ ускользаетъ между пальцами шарикъ живого серебра, который пытаются схватить. И потому-то его и прозвали когда-то въ Каирѣ, на родинѣ его, Али-Живое-Серебро. Ибо и въ самомъ дѣлѣ до прибытія своего въ Багдадъ, Али-Живое-Серебро жилъ въ Каирѣ и перебрался онъ оттуда въ Багдадъ лишь вслѣдствіе достопамятныхъ обстоятельствъ, заслуживающихъ того, чтобы упомянуть о нихъ въ началѣ этой исторіи.

Однажды, сидѣлъ онъ грустный и праздный, среди своихъ товарищей въ большомъ подземельѣ, служившемъ имъ сборнымъ пунктомъ; и тѣ, видя, что сердце его сжимается и грудь отягощена, пытались развлечь его; но онъ угрюмо сидѣлъ въ своемъ углу, съ хмурымъ лицомъ, сжатыми губами и сдвинутыми бровями. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ ему: — О нашъ старшой, нѣтъ ничего лучше, чтобы облегчить себѣ грудь, какъ прогуляться по улицамъ и базарамъ Каира! — И Али-Живое-Серебро, чтобы какъ-нибудь покончить съ этимъ состояніемъ, поднялся и пошелъ бродить по улицамъ Каира; но тяжелое настроеніе его не разсѣивалось. И такимъ-то образомъ дошелъ онъ до Красной улицы, тогда какъ всѣ прохожіе спѣшили уступить ему дорогу изъ уваженія и почтенія къ нему.

И вотъ, только-что вступилъ онъ на Красную улицу и собирался войти въ кабачекъ, гдѣ имѣлъ обыкновеніе напиваться, какъ увидѣлъ у дверей разносчика воды, который, закинувъ за спину мѣхъ изъ козьей шерсти, спокойно шелъ своей дорогой, со звономъ ударяя, одну объ другую, двѣ мѣдныя чашки, въ которыхъ подавалъ воду желающимъ пить. И онъ выкрикивалъ нараспѣвъ, предлагая свой товаръ и, по желанію, превращая свою воду то въ медъ, то въ вино! И въ этотъ разъ онъ выкликивалъ нараспѣвъ, мѣрно ударяя одну о другую свои звонкія мѣдныя чашки, слѣдующія слова:

Digitized by Google

Изъ винограда лучшее вино!
Безъ друга сердца счастья не дано!
Тогда вдвойнѣ лишь цѣнно намъ оно!
Тому почету больше суждено,
Кто говорить научится красно!

Когда водоносъ увидѣлъ Живое-Серебро, то ударилъ въ честь его въ свои мѣдныя чашки и запѣлъ:

О путникъ, погляди! Вотъ чистая вода,
Прекрасная на вкусъ и свѣжая всегда!
Какъ пѣтушиный глазъ блестящая вода!
Прозрачна, какъ хрусталь, взгляните, господа!
Отрада жаркихъ устъ! Прохладна и чиста!
Сверкающій брильянтъ! Вода, вода, вода!

Потомъ онъ спросилъ: — Господинъ мой, не выпьешь ли чашечку? — Живое-Серебро отвѣтилъ: — Давай! — И водоносъ налилъ чашку, предварительно выполоскавъ ее, и предложилъ ее Али, говоря:—Прелесть что̀ такое!— Но, взявъ чашку, Али посмотрѣлъ на нее съ минуту, помахалъ ею и выплеснулъ воду на земь, говоря: — Налей другую! — Тогда обиженный водоносъ смѣрилъ его взглядомъ и воскликнулъ: — Клянусь Аллахомъ! Что̀ же нашелъ ты въ этой водѣ, которая свѣтлѣе пѣтушинаго глаза, и зачѣмъ проливаешь ее на землю? — Тотъ отвѣтилъ: — Я такъ хочу, налей мнѣ другую! — И въ другой разъ налилъ воды въ чашку водоносъ и благоговѣйно поднесъ ее Али-Живое-Серебро, который взялъ и опять выплеснулъ, говоря: — Налей другую! — Водоносъ же воскликнулъ:—Йа сиди, если ты не хочешь пить, не мѣшай мнѣ продолжать путь мой! — И подалъ онъ ему чашку и въ третій разъ. Но на этотъ разъ, Живое-Серебро выпилъ чашку залпомъ и отдалъ водоносу, положивъ въ нее золотой динарій, въ видѣ платы. Но водоносъ нисколько не обрадовался такому подарку, смѣрилъ глазами Живое-Серебро и сказалъ ему насмѣшливо: — Счастливо оставаться, господинъ, счастливо оставаться! Мелкіе людишки одно, а важные господа— совсѣмъ другое! — При этихъ словахъ, Али-Живое-Серебро, которому не много нужно было для того, чтобы придти въ бѣшенство, схватилъ водоноса за платье, наградилъ его нѣсколькими здоровыми тумаками, встряхнулъ его и его мѣхъ съ водою, притиснулъ къ фонтану, находившемуся на Красной улицѣ, и закричалъ: —А, сынъ сводни, по твоему, золотого динарія мало за три чашки воды? А, мало? Да весь твой мѣхъ не стоитъ трехъ серебряныхъ монетъ, а воды, которую я выпилъ и выплеснулъ не набралось бы и на одну кружку! — Водоносъ отвѣтилъ: — Это вѣрно, господинъ мой! — А Живое-Серебро сказалъ: — Такъ зачѣмъ же ты такъ сказалъ мнѣ? Развѣ ты когда-нибудь видѣлъ человѣка болѣе щедраго? — Водоносъ отвѣтилъ: — Да, клянусь Аллахомъ! Я встрѣтилъ въ моей жизни человѣка болѣе щедраго! Потому что до тѣхъ поръ, пока женщины будутъ носить и рожать дѣтей, всегда найдутся на землѣ люди съ великодушными сердцами! — Живое-Серебро спросилъ: — Не можешь ли сказать, кто же этотъ человѣкъ, оказавшійся тароватѣе меня!— Водоносъ же отвѣтилъ: — Прежде всего оставь меня въ покоѣ и садись вонъ тамъ, на ступеньку фонтана! Тогда я разскажу тебѣ о своемъ приключеніи, которое чрезвычайно удивитъ тебя! — Послѣ этого Али-Живое-Серебро отпустилъ водоноса; оба они сѣли на одну изъ мраморныхъ ступеней водоёма, положили около себя мѣхъ съ водою, и водоносъ сталъ разсказывать...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія, Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

Но когда наступила

четыреста двадцать третья ночь,

она сказала:

...Оба они сѣли на одну изъ мраморныхъ ступеней водоёма, положили около себя мѣхъ съ водою, и водоносъ сталъ разсказывать:

— Знай, о великодушный господинъ, что отецъ мой былъ шейхомъ корпораціи водоносовъ въ Каирѣ, не тѣхъ водоносовъ, которые продаютъ воду оптомъ въ дома, а тѣхъ, которые, подобно мнѣ, продаютъ ее по мелочамъ, разнося по улицамъ на спинѣ.

Когда отецъ мой умеръ, онъ оставилъ мнѣ въ наслѣдство пять верблюдовъ, мула, лавочку и домъ. Этого было болѣе чѣмъ достаточно для счастія человѣка моего положенія! Но, о господинъ мой, бѣднякъ никогда не бываетъ доволенъ; а въ тотъ день, когда случится ему быть довольнымъ, онъ умираетъ! Вотъ и я подумалъ: «Увеличу свое наслѣдство торговыми дѣлами!» И тотчасъ же пошелъ я къ людямъ, которые дали мнѣ въ долгъ товаровъ. Я навьючилъ эти товары на моихъ верблюдовъ и на мула, и поѣхалъ торговать въ Геджассъ во время мекскаго паломничества. Но, о господинъ мой, бѣднякъ никогда не богатѣетъ; а если разбогатѣетъ, то умираетъ! Я торговалъ такъ несчастливо, что еще до окончанія паломничества, потерялъ все, что̀ имѣлъ, и принужденъ былъ продать верблюдовъ и мула для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ нуждъ. И сказалъ я себѣ: «Если ты вернешься въ Каиръ, заимодавцы твои схватятъ тебя и бросятъ въ тюрьму!» И присоединился я къ каравану, шедшему въ Сирію, побывалъ въ Дамаскѣ и въ Алеппо, и оттуда отправился въ Багдадъ.

По прибытіи въ Багдадъ, я спросилъ, гдѣ живетъ начальникъ корпораціи водоносовъ, и пошелъ къ нему. Какъ добрый мусульманинъ, я началъ съ того, что прочелъ ему первую главу Корана и пожелалъ ему мира. Тогда онъ разспросилъ меня о моемъ ремеслѣ, и я разсказалъ ему обо всемъ случившемся со мною. Онъ же, не медля ни минуты, далъ мнѣ камзолъ, мѣхъ и двѣ чашки, чтобы я могъ заработывать себѣ хлѣбъ. И вышелъ я однажды утромъ на путь Аллаха, закинувъ на спину мѣхъ, и сталъ обходить различные кварталы города, кричать и распѣвать, какъ дѣлаютъ водоносы въ Каирѣ. Но, господинъ мой, бѣднякъ остается бѣднякомъ, потому что такова его судьба!

Скоро замѣтилъ я, какъ велика разница между багдадскими и каирскими жителями.

Въ Багдадѣ, о господинъ мой, люди совсѣмъ не чувствуютъ жажды, а тѣ, которымъ случайно захочется пить, ничего не хотятъ платить! И это потому, что вода принадлежитъ Аллаху! Я увидѣлъ, какъ невыгодно мое ремесло уже изъ отвѣтовъ первыхъ прохожихъ, которымъ я распѣвая, предлагалъ воду. Дѣйствительно, когда я протянулъ чашку одному изъ нихъ, онъ отвѣтилъ мнѣ: — Развѣ ты накормилъ меня, что предлагаешь пить!—Я продолжалъ тогда путь свой, удивляясь такому обращенію, не обѣщавшему ничего добраго, и подалъ чашку другому; но этотъ сказалъ мнѣ: — Аллахъ заплатитъ тебѣ! Иди своей дорогой, о водоносъ! — Я не хотѣлъ терять мужества и продолжалъ бродить по базарамъ, останавливаясь у многолюдныхъ лавокъ, но никто не позвалъ меня и не соблазнился моими предложеніями и звономъ моихъ мѣдныхъ чашекъ. И такъ до самаго полудня не заработалъ я даже на лепешку и огурецъ. Да, господинъ мой, судьбѣ угодно, чтобы бѣднякъ ощущалъ по временамъ голодъ. Но голодъ, о господинъ

Digitized by Google

мой, не такъ тягостенъ, какъ униженіе! И богатому приходится испытывать многія униженія, и переноситъ онъ ихъ не такъ легко, какъ бѣднякъ, которому нечего выигрывать и нечего терять. Такъ вотъ и я, напримѣръ, я обидѣлся на тебя за твой гнѣвъ, но не ради себя, а изъ-за воды, которая есть превосходный даръ Аллаха! Но ты, о господинъ мой, твой гнѣвъ на меня происходитъ отъ причинъ, лично тебя касающихся!

Итакъ, видя, что пребываніе мое въ Багдадѣ начинается такъ неудачно, я подумалъ въ душѣ своей: «Лучше было бы для тебя, бѣдняга, умереть на родинѣ, хотя бы и въ тюрьмѣ, нежели жить среди людей, не любящихъ воду!» И въ то время какъ я предавался такимъ тяжелымъ мыслямъ, на базарѣ вдругъ засуетились, столпились и бросились куда-то. А такъ какъ ремесло мое требуетъ, чтобы я былъ всегда тамъ, гдѣ толпится много людей, то и я побѣжалъ со всѣхъ ногъ съ мѣшкомъ на спинѣ и бѣжалъ за толпой. И увидѣлъ я великолѣпное шествіе, состоявшее изъ людей, шедшихъ по два въ рядъ; они несли длинныя палки, на нихъ были шапки, украшенныя жемчугомъ, прекрасные шелковые бурнусы, и съ боку висѣли роскошно отдѣланные инкрустаціями мечи. А во главѣ ихъ ѣхалъ всадникъ; видъ его былъ ужасенъ, и всѣ кланялись ему до земли. Тогда я спросилъ:—Для кого это шествіе? Кто этотъ всадникъ?—Мнѣ отвѣтили:—Сейчасъ видно, и по твоему говору, и по твоему невѣжеству, что ты не багдадскій житель! Это шествіе моккадема Ахмеда-Коросты, начальника полиціи правой руки калифа, охраняющаго порядокъ въ городѣ. А на лошади ѣдетъ онъ самъ. Онъ въ большомъ почетѣ, получаетъ жалованья по тысячѣ динаріевъ въ мѣсяцъ, ровно столько, сколько получаетъ и товарищъ его, Гассанъ-Чума, начальникъ лѣвой руки! Они только-что вышли изъ Дивана и отправляются къ себѣ на полуденную трапезу!

Тогда, о господинъ мой, я принялся кричать нараспѣвъ, по египетскому обычаю, совершенно такъ, какъ и ты сейчасъ меня слышалъ, сопровождая это пѣніе ритмическимъ звономъ моихъ чашекъ. И я такъ старался, что моккадемъ Ахмедъ услышалъ, замѣтилъ меня и подъѣхавъ ко мнѣ, сказалъ:—О братъ-египтянинъ, узнаю тебя по твоему пѣнію. Дай мнѣ чашку твоей воды!—И, взявъ у меня чашку, онъ махнулъ ею и выплеснулъ воду на земь, а потомъ снова велѣлъ налить и вторично выплеснулъ, совершенно такъ, какъ сдѣлалъ и ты, господинъ, а третью выпилъ залпомъ. Потомъ онъ закричалъ громкимъ голосомъ:—Да здравствуетъ Каиръ и его жители, о водоносъ, братъ мой! Зачѣмъ пришелъ ты въ этотъ городъ, гдѣ водоносовъ не цѣнятъ и гдѣ имъ не платятъ?—Я же разсказалъ ему о себѣ, далъ понять, что у меня долги, и что я убѣжалъ именно по этой причинѣ и потому что нахожусь въ нуждѣ! Тогда онъ закричалъ:—Такъ будь же дорогимъ гостемъ въ Багдадѣ! — И далъ онъ мнѣ пять золотыхъ динаріевъ и, обращаясь къ людямъ своего конвоя, сказалъ имъ: — Ради самого Аллаха поручаю этого земляка моего вашей щедрости!—И тотчасъ же каждый изъ конвойныхъ попросилъ у меня чашку воды и, выпивъ ее, положилъ въ нее золотой динарій! Въ концѣ концовъ въ мѣдной коробочкѣ, висящей у меня на поясѣ, скопилось болѣе ста золотыхъ динаріевъ. Затѣмъ моккадемъ Ахмедъ-Короста сказалъ мнѣ:—Во все время твоего пребыванія въ Багдадѣ такова будетъ плата тебѣ каждый разъ, какъ ты дашь намъ напиться! — Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, моя мѣдная коробочка наполнялась нѣсколько разъ; сосчитавъ же динаріи, я увидѣлъ, что ихъ было болѣе тысячи! Тогда я подумалъ въ душѣ своей: — Теперь настала пора вернуться на родину, о водоносъ! Потому что какъ бы ни было хорошо въ чужихъ краяхъ, на родинѣ еще лучше! Къ тому же у тебя долги и ихъ слѣдуетъ уплатить! — И направился я къ Дивану, гдѣ меня уже знали и

Digitized by Google

обходились съ большою почтительностью; и вошелъ я проститься съ моимъ благодѣтелемъ, которому прочиталъ такіе стихи...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста двадцать четвертая ночь,

она сказала:

...и вошелъ я проститься съ моимъ благодѣтелемъ и сказалъ ему такіе стихи:

Въ чужой странѣ жилище чужестранца
Подобно зданью на пескѣ сыпучемъ.
Чуть дунетъ вѣтеръ, зданье упадетъ,
И чужестранецъ далѣе уходитъ!
Къ чему тогда и строить этотъ домъ?!

А затѣмъ сказалъ ему:—Къ тому же караванъ идетъ въ Каиръ, и мнѣ хотѣлось бы присоединиться къ нему для возвращенія въ среду моихъ близкихъ! — Тогда далъ онъ мнѣ мула и сто динаріевъ и сказалъ: — Мнѣ бы хотѣлось, о шейхъ, дать тебѣ одно порученіе. Многихъ ли ты знаешь въ Каирѣ?—Я отвѣтилъ: — Я знаю всѣхъ живущихъ въ немъ великодушныхъ людей. — Онъ же на это: — Такъ возьми вотъ это письмо и отдай его въ собственныя руки бывшему каирскому товарищу моему, Али-Живое-Серебро и скажи ему отъ меня:—Твой старшой шлетъ тебѣ свой привѣтъ и добрыя пожеланія! Онъ теперь у калифа Гарунъ-аль-Рашида!

Я взялъ письмо, поцѣловалъ руку у моккадема Ахмеда и отправился изъ Багдада въ Каиръ, куда и прибылъ не болѣе пяти дней тому назадъ. Прежде всего я явился къ своимъ кредиторамъ и уплатилъ имъ полностью всѣ деньги, полученныя мною въ Багдадѣ, благодаря щедрости Ахмеда-Коросты. Затѣмъ я снова надѣлъ свою кожаную куртку, взвалилъ себѣ на спину мѣхъ съ водою и опять сдѣлался водоносомъ, какимъ и теперь меня видишь, о господинъ мой! Но какъ ни искалъ я по всему Каиру пріятеля Ахмеда-Коросты, Али-Живое-Серебро, никакъ не могъ найти его и отдать ему письмо, которое постоянно ношу за подкладкой моей куртки! Таково-то, о господинъ мой, приключеніе мое съ самымъ щедрымъ изъ моихъ покупателей!

Когда водоносъ кончилъ свой разсказъ, Али-Живое-Серебро всталъ, обнялъ его, какъ брата, и сказалъ ему: — О водоносъ, ближній мой, прости мою вспышку и гнѣвъ! Несомнѣнно болѣе щедрый, единственный человѣкъ, превосходящій меня щедростью и встрѣченный тобою въ Багдадѣ, есть бывшій старшой мой. Я именно тотъ ближайшій товарищъ Ахмеда-Коросты, я Али-Живое-Серебро, котораго ты разыскиваешь! Радуйся въ душѣ своей, освѣжи глаза и сердце свое и дай мнѣ письмо моего старшого!—Тогда водоносъ отдалъ ему письмо, и онъ развернулъ его и прочелъ слѣдующее:

«Привѣтъ моккадема Ахмеда славнѣйшему и первому изъ дѣтей его, Али-Живое Серебро!

«Пишу тебѣ, о прекраснѣйшее изъ украшеній, на листѣ, который полетитъ къ тебѣ вмѣстѣ съ вѣтромъ.

«Если бы самъ я былъ птицей, то полетѣлъ бы въ твои объятія! Но можетъ ли летать птица, которой обрѣзали крылья?

«Знай, о прекраснѣйшій, что я стою теперь во главѣ сорока молодцовъ Айюба-Верблюжья-Спина; всѣ они, какъ и мы,—изъ прежнихъ храбрецовъ,

Digitized by Google

совершившихъ тысячу славныхъ дѣлъ. Меня же господинъ нашъ, калифъ Гарунъ-аль-Рашидъ назначилъ начальникомъ полиціи своей правой руки, поручилъ охрану города и предмѣстій и далъ жалованья по тысячѣ динаріевъ въ мѣсяцъ, не считая обычныхъ и чрезвычайныхъ полученій отъ людей, желающихъ попасть ко мнѣ въ милость.

«Итакъ, о дорогой мой, если ты хочешь получить широкое поле для полета твоей геніальности и открыть себѣ дверь къ почестямъ и богатствамъ, тебѣ стоитъ только пріѣхать въ Багдадъ къ твоему старому другу. Ты совершишь здѣсь какіе-нибудь славные подвиги, и я обѣщаю доставить тебѣ милость калифа, мѣсто достойное тебя и нашей старой дружбы, а также и жалованье, равное моему собственному.

«Пріѣзжай же, сынъ мой, ко мнѣ и дай насладиться моему сердцу желаннымъ присутствіемъ твоимъ.

«Да будутъ миръ и благословенія Аллаха надъ тобою, йа-Али!»

Прочитавъ письмо своего старшого, Ахмеда-Коросты, Али-Живое-Серебро задрожалъ отъ радости и волненія и, размахивая одною рукою своей длинной палкой, а другою письмомъ, онъ протанцовалъ фантастическій танецъ на ступеняхъ водоёма, растолкавъ старухъ и нищихъ. Потомъ онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ письмо и приложилъ его ко лбу; развязавъ затѣмъ кожаный поясъ свой, онъ высыпалъ всѣ находившіеся въ немъ золотыя монеты въ руки водоноса, изъ благодарности за радостное извѣстіе и исполненіе порученія. Послѣ этого онъ поспѣшилъ въ подземелье къ молодцамъ своей шайки, чтобы сообщить имъ о своемъ немедленномъ отъѣздѣ въ Багдадъ.

Явившись къ нимъ, онъ сказалъ имъ:—Дѣти мои, вы должны заботиться другъ о другѣ!—Тогда его помощникъ вскричалъ:—Какъ, господинъ! Ты, значитъ, покидаешь насъ?—А онъ отвѣтилъ:—Судьба ждетъ меня въ Багдадѣ, между рукъ моего старшого, Ахмеда-Коросты!—А тотъ сказалъ:—У насъ теперь какъ разъ трудное время! Наша кладовая пуста, провіанта нѣтъ! А безъ тебя что съ нами станется?—Онъ отвѣтилъ:—Еще ранѣе, чѣмъ пріѣду въ Багдадъ, какъ только прибуду въ Дамаскъ, я сумѣю найти и прислать вамъ достаточно добра для удовлетворенія всѣхъ вашихъ нуждъ. Не бойтесь же, дѣти мои!—Затѣмъ онъ снялъ свою обычную одежду, совершилъ омовенія и нарядился въ туго стянутое у пояса платье, въ длинный дорожный плащъ съ широкими рукавами, заткнулъ за кожаный поясъ два кинжала и ножъ, повязалъ голову необыкновеннымъ тарбушемъ и взялъ въ руки длиннѣйшее копье въ сорокъ два локтя длиною, сдѣланное изъ колѣнъ бамбука, которыя, по желанію, могли входить одно въ другое. Затѣмъ онъ вскочилъ на лошадь и ускакалъ.

Не успѣлъ онъ выѣхать изъ Каира, какъ увидѣлъ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста двадцать пятая ночь,

она сказала:

... Не успѣлъ онъ выѣхать изъ Каира, какъ увидѣлъ караванъ, къ которому онъ подъѣхалъ и примкнулъ, узнавъ, что онъ идетъ къ Дамаску и Багдаду. Караванъ этотъ принадлежалъ старшинѣ дамасскихъ купцовъ, человѣку очень богатому, возвращавшемуся изъ Мекки на родину. Красивый и юный Али чрезвычайно понравился и старшинѣ и погонщикамъ верблюдовъ и мулловъ, и оказалъ имъ множество цѣнныхъ услугъ, защищая ихъ отъ бедуиновъ-грабителей и отъ львовъ пустыни; поэтому когда при-

Digitized by Google

были въ Дамаскъ, они наградили его, подаривъ каждый по пяти динаріевъ, а старшина подарилъ ему тысячу динаріевъ. Али, не забывавшій о своихъ каирскихъ товарищахъ, поспѣшилъ отослать имъ всѣ эти деньги, оставивъ себѣ ровно столько, сколько было нужно для того, чтобы добраться, наконецъ, до Багдада!

И вотъ какимъ образомъ Али-Живое-Серебро изъ Каира покинулъ родину и уѣхалъ въ Багдадъ искать судьбы своей между рукъ Ахмеда-Коросты, бывшаго старшаго своего, начальника храбрецовъ.

Какъ только онъ вступилъ въ городъ, сейчасъ же принялся онъ искать жилище своего друга и спрашивалъ о немъ у нѣсколькихъ прохожихъ, которые не могли или не хотѣли указать его. И пріѣхавъ на площадь, называемую Аль-Нафзъ, онъ увидѣлъ мальчиковъ, игравшихъ подъ управленіемъ младшаго изъ нихъ, котораго они звали Махмудомъ-Выкидышемъ. Этотъ Махмудъ и былъ сыномъ сестры Зейнабъ, той, что была замужемъ. И Али-Живое-Серебро подумалъ въ душѣ своей:—Йа-Али, о людяхъ узнаютъ отъ ихъ дѣтей!—И сейчасъ же, чтобы привлечь дѣтей, онъ отправился въ лавку продавца сластей и купилъ у него большой кусокъ сладкой халвы на кунжутномъ маслѣ; потомъ подошелъ онъ къ игравшимъ дѣтямъ и закричалъ имъ:—Кто хочетъ халвы, еще теплой?—Но Махмудъ-Выкидышъ не позволилъ дѣтямъ подойти и одинъ подошелъ къ Али и сказалъ ему:—Давай халву!—Тогда Али отдалъ ему кусокъ и въ то же время сунулъ ему въ руку серебряную монету. Но когда Выкидышъ увидѣлъ деньги, онъ подумалъ, что человѣкъ хочетъ подкупить и обмануть его, и закричалъ:—Ступай прочь, меня нельзя купить! я не дѣлаю гадостей! Спроси обо мнѣ другихъ, и они скажутъ!—Али-Живое-Серебро, не думавшій въ ту минуту ни о какихъ гадостяхъ, сказалъ мальчишкѣ:—Дитя мое, я плачу тебѣ за справку, которая мнѣ нужна; плачу потому, что честные люди всегда платятъ за услуги другихъ честныхъ людей. Не можешь ли мнѣ сказать, гдѣ живетъ моккадемъ Ахмедъ-Короста?—Выкидышъ отвѣчалъ:—Если тебѣ нужно только это, то ничего нѣтъ легче! Я пойду впередъ, а ты иди за мною, и когда я приду къ дому Ахмеда-Коросты, то схвачу камешекъ пальцами ноги и швырну имъ въ дверь. Такимъ образомъ никто не увидитъ, что я указалъ тебѣ этотъ домъ. И ты узнаешь, гдѣ живетъ Ахмедъ-Короста!—Мальчикъ дѣйствительно побѣжалъ впередъ и нѣкоторое время спустя поднялъ камешекъ и, не шевелясь, швырнулъ его въ дверь какого-то дома ножными пальцами. И Али-Живое-Серебро, восхищенный осторожностью, умомъ не по лѣтамъ, ловкостью, отсутствіемъ легковѣрія, хитростью и лукавствомъ мальчугана, вскричалъ:—Иншаллахъ, йа-Махмудъ, въ тотъ день, когда меня назначатъ начальникомъ гвардіи или начальникомъ полиціи, я тебя перваго призову и присоединю къ своимъ храбрецамъ!—Затѣмъ Али постучался въ дверь Ахмеда-Коросты.

Когда Ахмедъ-Короста услышалъ этотъ стукъ, онъ вскочилъ на обѣ ноги, взволнованный до крайности, и закричалъ своему помощнику:—О Верблюжья Спина, ступай скорѣй и отвори дверь прекраснѣйшему изъ сыновъ человѣческихъ! Тотъ, кто стучитъ, не кто иной, какъ мой бывшій каирскій помощникъ Али-Живое-Серебро! Я узналъ его манеру стучать!—И Верблюжья Спина ни на минуту не усумнился, что стучитъ именно Али, и поспѣшилъ отворить дверь и ввести его къ Ахмеду-Коростѣ. И оба старые друзья горячо обнялись; и послѣ первыхъ изліяній и привѣтствій, Ахмедъ-Короста представилъ его своимъ сорока стражамъ, которые привѣтствовали его какъ брата. Затѣмъ Ахмедъ-Короста нарядилъ его въ роскошную одежду, говоря:—Когда калифъ назначилъ меня начальникомъ своей правой руки и далъ одежду моимъ людямъ, я отложилъ для тебя это платье, думая, что когда-нибудь да встрѣчусь съ тобою!—Потомъ посадилъ онъ его среди

Digitized by Google

своихъ на почетное мѣсто, и задалъ онъ роскошнѣйшій пиръ, и пили и ѣли и веселились они всю эту ночь!

На другое утро, когда насталъ часъ идти въ Диванъ во главѣ сорока стражниковъ, Ахмедъ сказалъ другу своему Али:—Йа Али, тебѣ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ началѣ твоего пребыванія въ Багдадѣ. Поэтому не выходи изъ дому, чтобы не возбуждать любопытство здѣшнихъ жителей, отъ которыхъ трудно отвязаться, ибо они липки, какъ клей! Не думай, что Багдадъ похожъ на Каиръ! Багдадъ—резиденція калифа, и шпіоны кишатъ здѣсь, какъ мухи въ Египтѣ, а мошенниковъ и негодяевъ здѣсь столько, сколько тамъ гусей и жабъ. Али-Живое-Серебро сказалъ на это:—О старшой, такъ неужели я пріѣхалъ въ Багдадъ для того, чтобы меня какъ дѣвицу заперли въ четырехъ стѣнахъ?—Но Ахмедъ посовѣтовалъ ему имѣть терпѣніе и ушелъ въ Диванъ, во главѣ своихъ полицейскихъ.

Али же...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста двадцать шестая ночь,

она сказала:

...Али же имѣлъ терпѣніе никуда не выходить изъ дома своего друга цѣлые три дня. Но на четвертый день онъ почувствовалъ, что у него сжимается сердце и съуживается грудь, и спросилъ Ахмеда, не настало ли для него время начинать подвиги, которые должны прославить его и заслужить ему милости калифа?—Ахмедъ отвѣтилъ ему:—Всему свое время, сынъ мой. Предоставь мнѣ заботу о тебѣ, я подготовлю калифа въ твою пользу даже ранѣе, чѣмъ ты совершишь свои подвиги!—Но какъ только вышелъ Ахмедъ-Короста, Живое-Серебро уже не могъ оставаться на мѣстѣ и сказалъ себѣ:—Пойду просто подышать немного воздухомъ и успокою свое сердце!—И вышелъ онъ изъ дома и сталъ бродить по улицамъ Багдада, переходя съ одного мѣста на другое и заходя по временамъ то къ пирожнику, то въ съѣстную лавку, чтобы перекусить чего-нибудь. Вдругъ видитъ онъ цѣлое шествіе—сорокъ негровъ, одѣтыхъ въ красный шелкъ, въ высокихъ бѣлыхъ поярковыхъ шляпахъ и вооруженныхъ большими стальными ножами. Они шли по два въ рядъ и въ большомъ порядкѣ; а за ними, на роскошно убранномъ мулѣ, въ золотой каскѣ, украшенной на верху серебрянымъ голубемъ, и покрытая стальнымъ панцыремъ сидѣла во всей славѣ и великолѣпіи начальница голубиной почты, Далила-Пройдоха!

Она только-что вышла изъ Дивана и возвращалась въ ханъ. Но когда она проѣзжала мимо Али-Живое-Серебро, котораго она не знала и который и ее не зналъ, ее поразила его красота, молодость, стройность стана, изящество и пріятность всей его внѣшности, а въ особенности какое-то сходство въ выраженіи глазъ съ ея врагомъ, съ самимъ Ахмедомъ-Коростой. И тотчасъ же сказала она что-то одному изъ своихъ негровъ, который и отправился разспрашивать потихоньку о молодомъ красавцѣ у базарныхъ торговцевъ; но никто изъ нихъ не зналъ ни имени его, ни званія. Поэтому, когда Далила вернулась во флигель хана, она позвала дочь свою Зейнабъ и велѣла ей принести столикъ съ волшебнымъ пескомъ для угадыванія тайнъ, и потомъ она сказала:—Дочь моя, я только-что встрѣтила на базарѣ такого красиваго молодого человѣка, что сама красота признала бы его сво-

Digitized by Google

имъ любимцемъ! Но, о дочь моя, взглядъ его удивительно напоминаетъ нашего врага, Ахмеда-Коросту! И я очень опасаюсь, что этотъ никому неизвѣстный на базарѣ чужестранецъ пріѣхалъ въ Багдадъ для того, чтобы сыграть съ нами какую-нибудь скверную штуку! Вотъ почему я и хочу посовѣтоваться по его поводу съ волшебнымъ столикомъ! Съ этимъ словами она встряхнула песокъ по кабалистическому способу, бормоча таинственныя слова и читая справа налѣво еврейскія строчки; потомъ она составила сочетанія алгебраическихъ и алхимическихъ знаковъ и, обратившись къ дочери, сказала:—О дочь моя, этого красиваго молодого человѣка зовутъ Али-Живое-Серебро изъ Каира! Онъ другъ нашему врагу Ахмеду-Коростѣ, который призвалъ его въ Багдадъ для того, чтобы сыграть съ нами какую-нибудь скверную штуку и отомстить за ту, которую ты сама сыграла, напоивъ его пьянымъ и отобравъ одежды у него и у его сорока служителей! Къ тому же и живетъ-то онъ у Ахмеда-Коросты! — Но дочь ея Зейнабъ отвѣтила ей:—Да кто же самъ-то онъ такой! Ты придаешь слишкомъ много значенія этому безбородому юношѣ! Мать же возразила:—Столикъ съ пескомъ открылъ мнѣ сейчасъ сверхъ того, что счастіе повезетъ этому юношѣ больше, чѣмъ мнѣ и тебѣ!—Та же сказала:—Посмотримъ, о мать моя!—И тотчасъ же нарядилась она въ лучшее платье свое, подвела глаза черной краской, чтобы придать бархатистость взгляду, насурмила брови надушенной лапкой и вышла, чтобы гдѣ-нибудь встрѣтиться съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ.

Медленными шагами прохаживалась она по багдадскимъ базарамъ, покачивая бедрами, играя глазами подъ легкимъ покрываломъ, бросая смертоносные для сердецъ взгляды, расточая однимъ улыбки, другимъ молчаливые посулы, кокетливыя ужимки, задорныя выходки, отвѣты взглядами, вопросы бровями, удары на смерть рѣсницами, возбуждая вниманіе звономъ браслетовъ, музыкою погремушекъ и зажигая внутренности у всѣхъ, пока не встрѣтила у выставки одного торговца кенафой—самого Али-Живое-Серебро, котораго сейчасъ узнала по его красотѣ! Тогда она подошла къ нему и какъ бы нечаянно такъ толкнула его плечомъ, что онъ пошатнулся; она же притворилась обиженной, что толкнули ее, и сказала ему:—Да здравствуютъ слѣпцы, о зрячій!—На такія слова Али-Живое-Серебро только улыбнулся, посмотрѣлъ на красавицу, взглядъ которой уже насквозь пронзилъ его, и сказалъ: — О, какъ ты хороша, юница, кому же принадлежишь ты?—Она наполовину закрыла свои великолѣпные глаза подъ прозрачнымъ покрываломъ и отвѣтила:—Каждому, похожему на тебя, прекрасному существу!—Живое-Серебро спросилъ:—Замужемъ ты, или дѣвица?—Она отвѣтила:—Замужемъ на твое счастіе!—Онъ сказалъ:—Такъ у тебя, или у меня?—Она сказала:—Лучше у меня. Знай, что я замужемъ за купцомъ и дочь купца. Сегодня я въ первый разъ могу, наконецъ, выйдти изъ дома, такъ какъ мужъ мой только что уѣхалъ на цѣлую недѣлю. Я же, какъ только онъ уѣхалъ, захотѣла повеселиться и приказала своей служанкѣ приготовить мнѣ вкусныя блюда. Но такъ какъ самыя вкусныя блюда могутъ доставить удовольствіе только въ обществѣ друзей, то я и вышла изъ дома поискать человѣка, такого красиваго и воспитаннаго, какъ ты, чтобы раздѣлить съ нимъ мой покой и провести съ нимъ ночь! И я увидѣла тебя и любовь къ тебѣ вошла ко мнѣ въ сердце. Не удостоишь ли порадовать мою душу, облегчить мое сердце и принять угощеніе у меня въ домѣ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

А когда наступила

четыреста двадцать седьмая ночь,

она сказала:

... И принять угощеніе у меня въ домѣ?—Онъ отвѣтилъ: — Когда приглашаютъ, нельзя отказывать!—Тогда она пошла впереди, а онъ слѣдовалъ за нею изъ улицы въ улицу, на нѣкоторомъ разстояніи.

Но въ то время, какъ Али шелъ такъ за нею, онъ подумалъ:—Йа-Али, какую неосторожность дѣлаешь ты въ чужомъ городѣ, куда только что прибылъ! Кто знаетъ, можетъ случиться, что ея мужъ нападетъ на тебя во время сна и отомститъ и жестоко изуродуетъ! И мудрецъ сказалъ:—Того, кто предается блуду въ чужомъ краѣ, куда пришелъ, покараетъ Великій Гостепріимецъ! Благоразумнѣе было бы вѣжливо извиниться передъ нею, сказавъ нѣсколько ласковыхъ словъ!—И, воспользовавшись тѣмъ, что они проходили по уединенному мѣсту, онъ подошелъ къ ней и сказалъ:—О юница, возьми себѣ этотъ динарій и отложимъ наше свиданіе до другого дня!—Она же отвѣтила:—Клянусь Высочайшимъ Именемъ! Ты непремѣнно долженъ быть моимъ гостемъ сегодня, потому что сегодня я нахожусь въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа!—Тогда онъ пошелъ за нею, и пришли они къ большому дому, двери котораго были заперты большимъ деревяннымъ замкомъ. Молодая женщина сдѣлала видъ, какъ будто ищетъ въ карманѣ ключъ, и, не найдя его, воскликнула съ отчаяніемъ:—Я потеряла ключъ! Какъ же мы войдемъ теперь?—Потомъ она задумалась, какъ бы придумывая рѣшеніе, и сказала:—Отворяй ты!—Онъ же возразилъ:—Какъ могу я отворить, когда нѣтъ у меня ни ключа, ни отмычки? Не могу же я выломать дверь!—Вмѣсто всякаго отвѣта, она взглянула на него раза два такимъ взглядомъ, который растопилъ ему сердце, и прибавила:—Тебѣ стоитъ лишь притронуться къ замку, и дверь отворится!—И Живое-Серебро положилъ руку на замокъ, а Зейнабъ поспѣшила пробормотать имена матери Моисея! И тотчасъ же замокъ отомкнулся, и двери отворились. И они вошли въ залу, наполненную прекраснымъ оружіемъ и затянутую красивыми коврами, на которые она пригласила его сѣсть. Сейчасъ же постелила она скатерть и, сѣвъ рядомъ съ нимъ, принялась ѣсть и сама вкладывала ему въ ротъ куски, потомъ пила съ нимъ и веселилась, не позволяя ему, однако никакихъ вольностей, ни поцѣлуя, ни щипка, ни укуса; и каждый разъ, какъ онъ наклонялся къ ней, чтобы поцѣловать, она проворно прикладывала руку между своею щекою и губами молодого человѣка, и ему приходилось цѣловать только руку. На всѣ его просьбы она отвѣчала:—Полное наслажденіе возможно только ночью!

Такъ и покончили они съ трапезою; потомъ встали, чтобы вымыть руки, и вышли во дворъ, къ колодцу; Зейнабъ захотѣла сама справиться съ веревкой и блокомъ и вытащить ведро изъ колодца; но вдругъ она закричала, наклонилась къ закраинѣ колодца, стала бить себя въ грудь, ломать руки, предаваясь крайнему отчаянію; и Живое-Серебро спросилъ:—Что же съ тобою, о мое око?—Она отвѣтила:—Мое кольцо съ рубинами было мнѣ слишкомъ широко на пальцѣ, оно соскользнуло и упало въ колодезь. Мужъ купилъ мнѣ его вчера за пятьсотъ динаріевъ! Я же, видя, что оно слишкомъ широко, подклеила кусочекъ воска! Но все это было напрасно, оно все-таки упало!—Потомъ она прибавила:—Я сейчасъ раздѣнусь, спущусь въ колодезь, который не глубокъ, и буду искать свое кольцо! Отвернись къ стѣнѣ, чтобы я могла снять одежду!—Но Живое-Серебро отвѣтилъ:—Стыдъ мнѣ, о госпожа моя, если бы я допустилъ тебя спускаться въ

Digitized by Google

колодезь! Я одинъ спущусь и буду искать въ водѣ твое кольцо!—И тотчасъ же сбросилъ онъ съ себя все платье, ухватился обѣими руками за веревку изъ пальмоваго волокна и вмѣстѣ съ ведромъ спустился въ глубину колодца. Когда же добрался онъ до воды, то выпустилъ веревку и нырнулъ за кольцомъ; вода доходила ему до плечъ, черная и холодная въ темнотѣ.

И въ ту же минуту Зейнабъ-Плутовка проворно вытащила ведро и крикнула:—Можешь теперь звать на помощь друга своего Ахмеда-Коросту! И поспѣшила уйти, захвативъ вещи Живого-Серебра. Затѣмъ, не заперевъ даже за собою дверей, она вернулась къ матери,

Домъ, въ который Зейнабъ заманила Живое-Серебро, принадлежалъ одному изъ эмировъ Дивана, отлучившагося по дѣламъ. Когда онъ вернулся домой и увидѣлъ, что дверь открыта, онъ сейчасъ же подумалъ, что приходилъ воръ, позвалъ конюха своего и принялся осматривать вмѣстѣ съ нимъ весь домъ; но, увидя, что ничего не похитили и что не было никакого признака воровъ, онъ не замедлилъ успокоиться. Потомъ, желая приступить къ омовеніямъ, онъ сказалъ конюху:—Возьми кувшинъ и принеси свѣжей воды изъ колодца! — И конюхъ пошелъ туда, спустилъ ведро и когда, по его мнѣнію, оно должно было уже наполниться, хотѣлъ вытянуть его; но ведро показалось ему необыкновенно тяжелымъ. Тогда онъ заглянулъ въ колодезь и увидѣлъ, что на ведрѣ сидитъ кто-то черный, показавшійся ему эфритомъ! Увидѣвъ это, онъ бросилъ веревку и безъ памяти побѣжалъ и закричалъ:—Йа сади, эфритъ поселился въ колодцѣ! Онъ сидитъ на ведрѣ! — Тогда эмиръ спросилъ:—А каковъ онъ изъ себя?—Ужасный и черный! И хрюкалъ, какъ свинья!—Эмиръ же сказалъ ему:

— Бѣги скорѣй и приведи четырехъ ученыхъ чтецовъ Корана, чтобы они читали Коранъ надъ этимъ эфритомъ въ видѣ заклинаній...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста двадцать восьмая ночь,

она сказала:

... чтобы они читали Коранъ надъ этимъ эфритомъ въ видѣ заклинаній!—И конюхъ побѣжалъ за учеными чтецами Корана, которые и обступили колодезь. И начали они читать заклинающіе стихи, между тѣмъ какъ самъ хозяинъ и его конюхъ налегли на веревку и тащили изъ колодезя ведро. И всѣ остолбенѣли, когда увидѣли, какъ тотъ эфритъ, то есть Живое-Серебро, выскочилъ изъ ведра, сталъ на обѣ ноги и закричалъ: — Аллахъ Акбаръ!—И чтецы Корана сказали себѣ:—Этотъ эфритъ изъ правовѣрныхъ, такъ какъ онъ произноситъ Имя! — Но эмиръ очень скоро разобралъ, что это обыкновенный человѣкъ, и сказалъ ему:—Не воръ ли ты?—А тотъ отвѣтилъ: — Нѣтъ, клянусь Аллахомъ, я бѣдный рыбакъ! Я спалъ на берегу Тигра и, проснувшись, хотѣлъ скрыться, но вихрь подхватилъ меня и бросилъ въ воду, а нижнее теченіе притащило меня въ этотъ колодезь, гдѣ ждала меня судьба и спасеніе, благодаря тебѣ!—Эмиръ ни минуты не сомнѣвался въ справедливости этого разсказа и сказалъ:—Все предначертанное должно совершаться! — И далъ онъ ему старый плащъ для прикрытія наготы и отпустилъ, выражая сожалѣніе, что ему пришлось посидѣть въ холодной колодезной водѣ.

Когда Живое-Серебро пришелъ къ Ахмеду-Коростѣ, который очень безпокоился о немъ, и разсказалъ о своемъ приключеніи, его осыпали на-

Digitized by Google

смѣшками и больше всѣхъ смѣялся Айюбъ-Верблюжья Спина, сказавшій ему:—Клянусь Аллахомъ! Какъ могъ ты быть вожакомъ шайки въ Каирѣ, если далъ себя надуть и обобрать въ Багдадѣ какой-то дѣвчонкѣ?—А Гассанъ-Чума, бывшій какъ разъ въ эту минуту въ гостяхъ у своего сотоварища, спросилъ у Али:—О легковѣрный египтянинъ; да знаешь ли ты, по крайней мѣрѣ, какъ зовутъ дѣвчонку, которая насмѣялась надъ тобой, и знаешь ли, кто она и чья дочь? — Тотъ отвѣтилъ: — Да, клянусь Аллахомъ! Она дочь купца и замужемъ за купцомъ! Имени же своего она не сказала мнѣ!—При этихъ словахъ Гассанъ-Чума разразился громкимъ хохотомъ и сказалъ:—Могу тебѣ сообщить это! Та, которую ты почитаешь замужнею,—дѣвственница, ручаюсь за это! Зовутъ ее Зейнабъ! Она не дочь купца, а дочь Далилы-Пройдохи, нашей начальницы голубиной почты! Она и ея мать могли бы обернуть весь Багдадъ вокругъ своего пальчика, йа Али! Она-то и насмѣялась надъ твоимъ старшимъ, обобрала одежду у него и у его сорока служителей, вотъ у этихъ самыхъ!—И между тѣмъ, какъ Али-Живое-Серебро глубоко задумался, Гассанъ-Чума спросилъ у него:—Что̀ же думаешь дѣлать теперь?—Онъ отвѣтилъ: — Жениться на ней! Не смотря ни на что̀, я безъ памяти люблю ее!—Тогда Гассанъ сказалъ ему:—Въ такомъ случаѣ, сынъ мой, я помогу тебѣ, такъ какъ безъ меня тебѣ нечего и думать о такомъ безумно смѣломъ дѣлѣ и придется отложить попеченіе о дѣвчонкѣ!—Живое-Серебро воскликнулъ:—Йа Гассанъ, помоги мнѣ своими совѣтами!—А тотъ сказалъ ему:—Отъ всего сердца! Но подъ условіемъ, что съ этого дня ты будешь слушаться меня во всемъ; я же, въ такомъ случаѣ, обѣщаю тебѣ успѣхъ и исполненіе твоихъ желаній!—А онъ отвѣчалъ ему:—Йа Гассанъ, я твой сынъ и ученикъ! — Тогда Чума сказалъ: — Начни же съ того, что раздѣнься донага!—И Живое-Серебро сбросилъ старый плащъ, который былъ на немъ, и остался совершенно голымъ.

Тогда Гассанъ-Чума взялъ горшокъ со смолой и куриное перо и вымазалъ этимъ все тѣло и лицо Живого-Серебра, такъ, что онъ сталъ похожимъ на негра; въ довершеніе сходства онъ выкрасилъ ему губы и края вѣкъ въ ярко-красную краску, далъ подсохнуть, обвязалъ его салфеткой и сказалъ:—Вотъ ты теперь и превратился въ настоящаго негра, йа Али! И кромѣ того ты будешь поваромъ. Знай, что поваръ Далилы, тотъ, который готовитъ на Далилу, на Зейнабъ, на сорокъ негровъ и сорокъ собакъ изъ породы пастушьихъ собакъ Солеймана, тоже негръ, какъ и ты! Постарайся встрѣтиться съ нимъ, поговорить съ нимъ по-негритянски и послѣ обычныхъ привѣтовъ, скажи ему:—Давно, братъ мой негръ, не пили мы нашей превосходной бузы, нашего родного крѣпкаго напитка, и не ѣли кабаба изъ ягнятины! Попируемъ же сегодня!—Онъ отвѣтитъ тебѣ, что занятъ на кухнѣ, что ему некогда, и пригласитъ тебя къ себѣ на кухню! Тогда ты постараешься напоить его тамъ пьянымъ и разспросишь его о томъ, сколько и какія блюда готовитъ онъ для Далилы и ея дочери, какую пищу получаютъ сорокъ негровъ и сорокъ собакъ, гдѣ хранятся ключи отъ кухни и гдѣ находится кладовая съ провизіей, однимъ словомъ, обо всемъ. А онъ скажетъ тебѣ все! Пьяный разсказываетъ все то, о чемъ умалчиваетъ въ трезвомъ состояніи. Когда же ты вытянешь изъ него всѣ эти свѣдѣнія, то усыпишь его банжемъ, переодѣнешься въ его платье, засунешь кухонные ножи за поясъ, возьмешь корзину для провизіи, пойдешь на базаръ покупать мясо и овощи, вернешься на кухню, пойдешь въ кладовую, возьмешь сколько нужно масла, и оливковаго и коровьяго, рису и тому подобныхъ вещей, настряпаешь кушанья такъ, какъ тебѣ было указано, подашь какъ слѣдуетъ, подмѣшавши банжа, и накормишь Далилу, ея дочь, сорокъ негровъ и сорокъ собакъ и усыпишь всѣхъ. Тогда ты снимешь съ нихъ все платье и вещи и принесешь все это мнѣ. Но если, йа Али, ты желаешь, чтобы

Digitized by Google

Зейнабъ сдѣлалась твоей супругой, то долженъ, сверхъ того, овладѣть и сорока почтовыми голубями калифа, посадить ихъ въ клѣтку и принести ко мнѣ...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста двадцать девятая ночь,

она сказала:

...долженъ овладѣть сверхъ того и сорока почтовыми голубями калифа, посадить ихъ въ клѣтку и принести ко мнѣ!

Выслушавъ все это, Али-Живое-Серебро, вмѣсто всякаго отвѣта, приложилъ руку ко лбу, и не говоря ни слова, отправился разыскивать повара-негра. Встрѣтилъ онъ его на базарѣ, подошелъ къ нему, и послѣ обычныхъ привѣтовъ, пригласилъ его выпить бузы. Но поваръ отговаривался недосугомъ и пригласилъ Али къ себѣ. Тамъ Али-Живое-Серебро приступилъ къ дѣлу, соображаясь въ точности съ указаніями Гассана-Чумы, и когда онъ подпоилъ своего хозяина, онъ сталъ разспрашивать его о томъ, какія блюда нужно готовить на тотъ день. Поваръ отвѣтилъ:—О братъ мой негръ, каждый день къ полудню нужно приготовить для Сеттъ-Далилы и Сеттъ-Зейнабъ пять различныхъ и разнаго цвѣта блюдъ, и столько же къ ужину. Но на сегодня мнѣ заказано двумя больше. Поэтому вотъ что̀ я долженъ приготовить къ обѣду: чечевицу, горошекъ, супъ, рубленое баранье мясо въ кастрюлѣ подъ соусомъ и розовый сорбетъ; а лишнія блюда будутъ такія: рисъ съ медомъ и шафраномъ и блюдо гранатъ съ очищеннымъ миндалемъ, сахаромъ и цвѣтами!—Али спросилъ:—А какъ же ты подаешь все это твоимъ госпожамъ?—Поваръ отвѣтилъ:—Я накрываю для каждой изъ нихъ отдѣльную скатерть.—Али спросилъ:—А сорокъ негровъ?—Тотъ отвѣтилъ:—Я даю имъ вареные на водѣ и приправленные масломъ и лукомъ бобы, а пить даю имъ по кружкѣ бузы! Довольно съ нихъ! — Али спросилъ: — А собаки? — Поваръ отвѣтилъ: — Этимъ даю по три унца мяса каждой и кости, остающіяся отъ стола моихъ хозяекъ!

Узнавъ обо всемъ, Живое-Серебро проворно подмѣшалъ банжа въ питье повара, который, выпивъ, свалился на полъ, какъ черный буйволъ. Тогда Живое-Серебро овладѣлъ ключами, висѣвшими на гвоздѣ, и узналъ ключъ отъ кухни по прилипшимъ къ нему перьямъ и луковичнымъ очисткамъ, а ключъ отъ кладовой потому, что онъ былъ вымазанъ масломъ. И пошелъ онъ покупать и брать всю необходимую провизію и подъ руководствомъ кошки, принявшей его за своего хозяина-повара, обошелъ весь домъ, какъ будто жилъ въ немъ съ самаго своего дѣтства, приготовилъ кушанье, накрылъ скатерти, подалъ обѣдъ Далилѣ и Зейнабъ, накормилъ негровъ и собакъ, подмѣшавъ банжа къ пищѣ, и сдѣлалъ все такъ, что никто не замѣтилъ ни перемѣны повара, ни перемѣны въ столѣ.

Вотъ и все!

Когда Живое-Серебро увидѣлъ, что всѣ въ домѣ спятъ подъ вліяніемъ соннаго снадобья, онъ началъ съ того, что раздѣлъ старуху и нашелъ, что она чрезвычайно безобразна и до крайности отвратительна. Онъ отобралъ у нея ея парадное одѣяніе и каску и вошелъ въ комнату Зейнабъ, которую любилъ и ради которой совершалъ свой первый подвигъ. Онъ снялъ съ нея всю одежду и нашелъ, что она дивно хороша и опрятна и что тѣло ея пропитано благоуханіемъ; но такъ какъ онъ былъ чрезвычайно добродѣтеленъ, то не хотѣлъ овладѣть ею безъ ея согласія и только коснулся ея тѣла и по-

Digitized by Google

щупалъ рукою знатока, чтобы оцѣнить ея достоинства, нѣжность, бархатистость кожи и чувствительность; для послѣдней пробы онъ пощекоталъ ей подошвы и, судя по сильнѣйшему удару ноги, которымъ она его наградила, убѣдился, что она чрезвычайно чувствительна. Тогда, успокоенный относительно ея темперамента, онъ взялъ ея платье и пошелъ раздѣвать негровъ; затѣмъ взобрался на крышу, вошелъ въ голубятню и, заставъ всѣхъ голубей, посадилъ ихъ въ клѣтку и, спокойно, не затворяя за собою дверей, вернулся въ домъ Ахмеда-Коросты, гдѣ уже ожидалъ его Гассанъ-Чума, которому онъ и передалъ всю добычу, а также и голубей. И Гассанъ-Чума, восхищенный его ловкостью, поздравилъ его и обѣщалъ свое содѣйствіе въ дѣлѣ устройства его брака съ Зейнабъ.

Далила-Пройдоха первая очнулась отъ сна, въ который погрузилъ ее банжъ. Однако, она не сразу пришла въ себя; но когда поняла, что спала, то вскочила на ноги, одѣлась въ обычное свое старушечье платье и прежде всего побѣжала на голубятню, въ которой не оказалось ни одного голубя. Затѣмъ спустилась она во дворъ и увидѣла, что всѣ собаки спятъ, растянувшись въ своихъ конурахъ. Стала она искать негровъ и нашла ихъ спящими, такъ же, какъ и повара. Тогда взбѣшенная до послѣднихъ предѣловъ, бросилась она въ комнату дочери своей Зейнабъ и нашла ее спящею и нагою, а на шеѣ ея висѣла на ниткѣ бумага, и прочитала она на ней слѣдующее: «Все это сдѣлалъ я и никто иной, Али-Живое-Серебро изъ Каира, доблестный, отважный, хитрый и ловкій». Прочитавъ это, Далила подумала: «Кто знаетъ, этотъ проклятый, пожалуй, и дѣвушку испортилъ!» Но, поспѣшно наклонившись надъ дочерью и осмотрѣвъ ее, нѣсколько утѣшилась, и тогда рѣшилась она разбудить Зейнабъ, давъ ей притивусонное средство. Потомъ разсказала она ей обо всемъ, что̀ случилось, и прибавила:—О дочь моя, ты все-таки должна быть благодарна этому Живому-Серебру за то, что онъ, имѣя полную возможность, не лишилъ тебя дѣвичества! Вмѣсто того онъ похитилъ всѣхъ голубей калифа. Что̀ же съ нами теперь станется? Но вскорѣ потомъ она придумала способъ получить обратно голубей и сказала дочери: — Подожди меня здѣсь. Я ухожу не на долго! — И вышла она изъ хана и направилась къ дому Ахмеда-Коросты и постучалась въ его двери.

Какъ только Гассанъ-Чума, бывшій тамъ, услышалъ этотъ стукъ, онъ сейчасъ же воскликнулъ: — Это Далила-Пройдоха! Узнаю ее по стуку. Иди скорѣй и отвори ей дверь, йа Али!— И Али вмѣстѣ съ Верблюжей-Спиной пошелъ отворять, а Далила вошла съ улыбкою на лицѣ и поклонилась присутствующимъ.

Какъ разъ въ это время, Гассанъ-Чума, Ахметъ-Короста и другіе сидѣли на полу вокругъ скатерти и закусывали жареными голубями, рѣдиской и огурцами. Какъ только вошла Далила, Короста и Чума встали и сказали ей: — О премудрая старушка, мать наша, садись покушать съ нами голубей! Мы отложили твою долю угощенія! — При этихъ словахъ у Далилы потемнѣло въ глазахъ, и воскликнула она:—Не стыдно ли вамъ всѣмъ красть и жарить голубей, которыхъ калифъ предпочиталъ даже собственнымъ дѣтямъ! — Они же отвѣчали: — А кто же укралъ голубей калифа, о мать наша?—Она отвѣтила:—Укралъ ихъ этотъ египтянинъ Али-Живое-Серебро!— Онъ же сказалъ:—О мать Зейнабъ, когда я велѣлъ изжарить этихъ голубей, я не зналъ, что это почтовые голуби! Какъ бы то ни было, вотъ тотъ, который приходится на твою долю!—И онъ предложилъ ей жаренаго голубя. Тогда Далила взяла кусочекъ голубинаго крылышка, поднесла его ко рту, попробовала и воскликнула:—Клянусь Аллахомъ! мои голуби еще живы! Это не ихъ мясо! Я кормила ихъ зерномъ и примѣшивала къ нему мускусъ и узнала бы ихъ мясо по вкусу и запаху!

Digitized by Google

При этихъ словахъ Далилы, всѣ присутствующіе засмѣялась, а Гассанъ-Чума сказалъ:—О мать наша, твои голуби у меня и всѣ живы! Я согласенъ возвратить ихъ тебѣ, но только подъ однимъ условіемъ!

Она же сказала: — Говори, йа Гассанъ! Я заранѣе согласна на всѣ твои условія; голова моя въ твоихъ рукахъ.

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста тридцатая ночь,

она сказала:

... Говори, йа Гассанъ! Я заранѣе согласна на всѣ твои условія; голова моя въ твоихъ рукахъ. Гассанъ сказалъ: — Хорошо, если хочешь получить обратно своихъ голубей, тебѣ стоитъ только исполнить желаніе Али-Живое-Серебро изъ Каира, перваго изъ нашихъ молодцовъ! — Она спросила: — А чего же онъ желаетъ?—Тотъ отвѣтилъ: — Вступить въ бракъ съ дочерью твоею Зейнабъ! — Она сказала на это: — Это честь и для меня и для нея! Клянусь головою и глазами моими! Но я не могу заставить дочь свою выходить замужъ противъ желанія. Отдай же мнѣ прежде всего голубей! Дочь же мою можно расположить къ себѣ не дурными поступками, а любезностью!—Тогда Гассанъ-Чума сказалъ Али: — Отдай ей голубей! — Живое-Серебро отдалъ клѣтку съ голубями Далилѣ, а она сказала ему:—Теперь, если ты дѣйствительно хочешь сочетаться бракомъ съ моею дочерью, ты долженъ обратиться не ко мнѣ, а къ брату моему, а ея дядѣ Зораику, продавцу жареной рыбы. Онъ и есть законный опекунъ Зейнабъ; ни я, ни она ничего не можемъ безъ его согласія! Я же обѣщаю тебѣ поговорить о тебѣ съ дочерью и ходатайствовать за тебя передъ братомъ моимъ Зораикомъ! — И ушла она смѣясь и разсказала Зейнабъ о томъ, что Али-Живое-Серебро предлагаетъ ей выйти на него замужъ, Зейнабъ же сказала на это:—О мать, я ничего не имѣю противъ такого брака; потому что Али красивъ и милъ, да сверхъ того онъ очень хорошо поступилъ со мною, не воспользовавшись моимъ сномъ!—Но Далила отвѣтила ей:—О дочь моя, я увѣрена, что прежде, нежели Али добьется согласія дяди твоего Зораика, онъ переломаетъ себѣ руки и ноги, а можетъ быть лишится и жизни! И вотъ все о нихъ.

Что же касается до Али-Живое-Серебро, то онъ спросилъ у Гассана-Чумы: — Скажи же мнѣ, кто такой этотъ Зораикъ и гдѣ его лавка, чтобы я могъ сейчасъ же идти просить у него руки дочери его сестры!—Чума отвѣтилъ: — Сынъ мой, тебѣ ничего не остается дѣлать, какъ отказаться отъ прекрасной Зейнабъ, если ты надѣешься получить ее изъ рукъ необычайнаго мошенника, котораго зовутъ Зораикомъ. Знай, йа Али, что этотъ старый Зораикъ, въ настоящее время рыбный торговецъ, былъ прежде главою шайки, извѣстной во всемъ Иракѣ подвигами, превосходящими мои собственные, твои, а также и подвиги брата твоего Ахмеда-Коросты! Онъ такъ хитеръ и ловокъ, что можетъ, не двигаясь съ мѣста, пронзить горы, рвать звѣзды съ неба и похитить краску, придающую блескъ очамъ луны. Никто изъ насъ не можетъ сравниться съ нимъ въ хитрости, ловкости и всякаго рода выдумкахъ. Правда, что теперь онъ остепенился и, отказавшись отъ прежняго ремесла своего, сдѣлался продавцомъ жареной рыбы. Но это не мѣшаетъ ему сохранять кое-что изъ прежнихъ дарованій своихъ. Для того, чтобы дать тебѣ, Али, понятіе о хитрости этого мошенника, я разскажу тебѣ только о послѣднемъ способѣ, который онъ придумалъ для привлеченія покупателей въ свою лавочку и для болѣе успѣшной продажи рыбы. Онъ

Digitized by Google

подвѣсилъ у самаго входа въ лавку, на шелковомъ шнуркѣ, кошелекъ съ тысячью динаріевъ, все свое состояніе, и велѣлъ глашатаю кричать по всему базару: — О вы всѣ, воры Ирака, плуты Багдада, разбойники пустыни, мошенники Египта, узнайте новость! И вы всѣ, джины и эфриты, живущіе въ воздухѣ и подъ землею, узнайте новость! Кто сумѣетъ похитить кошелекъ, висящій въ лавкѣ торговца жареной рыбой, Зораика, тотъ будетъ законнымъ собственникомъ кошелька! — Понятно, что послѣ такого объявленія, покупатели поспѣшили броситься къ лавкѣ и старались похитить кошелекъ, покупая рыбу; но и самымъ ловкимъ не удалось ничего сдѣлать; потому что хитрый Зораикъ устроилъ цѣлый механизмъ, соединенный бечевкой съ висящимъ кошелькомъ. Какъ только, хотя бы слегка, коснется кто-нибудь кошелька, сейчасъ приводится въ дѣйствіе механизмъ, состоящій изъ цѣлаго ряда колокольчиковъ и погремушекъ, которые поднимаютъ такой трезвонъ, что Зораикъ, если онъ находится въ глубинѣ лавки, или занятъ съ покупателемъ, услышитъ и не дастъ украсть кошелька. Для этого ему стоитъ только нагнуться и поднять одинъ изъ лежащихъ у его ногъ тяжелыхъ кусковъ свинца и бросить его изо всѣхъ силъ въ вора, ломая ему руку, ногу, или даже разбивая черепъ. Такъ вотъ, йа Али, я и совѣтую тебѣ отказаться, иначе ты уподобишься одному изъ тѣхъ людей, которые слѣдуютъ за гробомъ на похоронахъ и плачутъ, не зная даже имени умершаго. Ты не можешь бороться съ такимъ плутомъ. На твоемъ мѣстѣ, я забылъ бы о Зейнабъ и о бракѣ съ нею; забвеніе, вѣдь, начало счастія; и тотъ, кто забылъ о чемъ-нибудь, можетъ обходиться безъ того, что̀ забылъ!

Когда Али-Живое-Серебро услышалъ такія слова Гассана-Чумы, онъ вскричалъ: — Нѣтъ, клянусь Аллахомъ! Никогда не могъ бы я забыть этой дѣвушки съ темными глазами, чувствительной и горячей! Это было бы позоромъ для такого человѣка, какъ я! Я долженъ попытаться украсть этотъ кошелекъ и такимъ путемъ заставить стараго разбойника согласиться на мою женитьбу, отдавъ мнѣ дѣвушку въ обмѣнъ на похищенный кошелекъ! И тотчасъ же пошелъ онъ покупать платье, какое носятъ молодыя женщины, нарядился въ него, подкрасилъ вѣки сурьмой и пальцы лавзоніей. Затѣмъ онъ скромно прикрылъ лицо шелковымъ покрываломъ и прошелся, подражая женской походкѣ, что̀ удалось ему вполнѣ. Но это еще не все...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста тридцать первая ночь,

она сказала:

...Но это еще не все! Онъ велѣлъ принести себѣ барана, зарѣзалъ, собралъ кровь, вынулъ желудокъ, наполнилъ его этою кровью и положилъ его себѣ на животъ, подъ платье, такъ, чтобы походить на беременную женщину. Потомъ зарѣзалъ двухъ цыплятъ, вынулъ зобы, наполнилъ каждый теплымъ молокомъ и приложилъ къ груди съ обѣихъ сторонъ. И для того, чтобы еще болѣе походить на женщину, онъ положилъ себѣ сзади нѣсколько накрахмаленныхъ салфетокъ и устроилъ себѣ, такимъ образомъ, прочный и огромный крупъ! Послѣ такого превращенія, Живое-Серебро медленными шагами направился къ лавкѣ Зораика, торговца жареной рыбой, между тѣмъ какъ прохожіе, встрѣчая его, восклицали: — Йа Аллахъ! Какой толстый задъ!

По пути, Живое-Серебро испытывалъ неудобство отъ царапавшихъ ему спину накрахмаленныхъ салфетокъ и кончилъ тѣмъ, что кликнулъ по-

Digitized by Google

гонщика, сѣлъ на осла со всевозможными предосторожностями, чтобы не раздавить наполненнаго бараньею кровью пузыря, или полныхъ молока зобовъ. Въ такомъ видѣ подъѣхалъ онъ къ лавкѣ торговца жареной рыбой, гдѣ, дѣйствительно, увидѣлъ висящій у входа кошелекъ и Зораика, жарившаго рыбу и посматривающаго однимъ глазомъ на рыбу, а другимъ слѣдящаго за покупателями и прохожими. Тогда Живое-Серебро сказалъ погонщику: — Йа гаммаръ, какъ хорошо пахнетъ жареная рыба и мнѣ, какъ беременной женщинѣ, вдругъ сильно захотѣлось этой рыбы! Принеси мнѣ одну, поскорѣй, чтобы я сейчасъ же могла съѣсть ее, иначе я непремѣнно выкину здѣсь же, на улицѣ! — Погонщикъ остановилъ осла передъ лавкой и сказалъ Зораику: — Дай мнѣ поскорѣе жареную рыбу для этой беременной женщины; отъ запаха жаренаго у нея заметался ребёнокъ и грозитъ выскочить преждевременно! — Старый плутъ отвѣтилъ: — Подожди немного! Рыба еще не прожарилась! Если же ты не можешь ждать, то поворачивай оглобли! — Погонщикъ сказалъ: — Дай мнѣ одну изъ тѣхъ, что̀ на выставкѣ! А торговецъ отвѣтилъ ему: — Эти не продаются! Потомъ, не обращая болѣе вниманія на погонщика, помогавшаго мнимой беременной женщинѣ сходить съ осла, а затѣмъ подойти и опереться на прилавокъ, Зораикъ, улыбаясь привычною улыбкой людей своего ремесла, запѣлъ, какъ поютъ разнощики, предлагая товаръ:

О блюдо тонкихъ лакомокъ! О мясо
Искристыхъ рыбокъ! О сребро и злато,
Что̀ можемъ мы купить на мѣдный грошъ!
Въ счастливомъ маслѣ жареныя рыбки!
О лакомокъ излюбленное блюдо!

Но въ то время какъ Зораикъ расхваливалъ свой товаръ, беременная женщина вдругъ громко вскрикнула, кровь потокомъ хлынула изъ подъ ея одежды и наводнила лавочку.

Ай, ай, ой, ой! Плодъ чрева моего! Ай, спина у миня ломается! Ай утроба моя! Ахъ, дитя мое!

При видѣ всего этого, погонщикъ закричалъ Зораику: — Вотъ видишь, борода ты зловѣщая! Говорилъ я тебѣ! Не хотѣлъ дать ей рыбы, вотъ и случилось! Ты отвѣтишь за это и Аллаху и ея мужу! — Тогда, нѣсколько встревоженный этимъ происшествіемъ Зораикъ, боясь выпачкаться въ крови, которая лила изъ женщины, отодвинулся въ дальній уголъ лавки и на минуту потерялъ изъ вида кошелекъ висѣвшій у входа. Живое-Серебро хотѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы схватить кошелекъ; но не успѣлъ онъ протянуть руку, какъ во всѣхъ углахъ лавки раздался странный гвалтъ: звонили колокольчики, погремушки, гремѣло желѣзо. Зораикъ подбѣжалъ и, увидя протянутую руку Живаго-Серебра, сразу понялъ, какую штуку хотѣли съиграть съ нимъ, схватилъ увѣсистый кусокъ свинца и бросилъ его въ животъ похитителя, крича: — Ахъ ты висѣльникъ! На вотъ, получай! — И кусокъ свинца былъ брошенъ съ такою силою, что Али покатился на середину улицы, запутавшись въ салфетки, вымазавшись кровью и молокомъ раздавленныхъ зобовъ и чуть было не умеръ на мѣстѣ. Однако, онъ всетаки всталъ и дотащился до дома Ахмеда-Коросты, гдѣ и разсказалъ о своей неудавшейся попыткѣ, мѣжду тѣмъ какъ прохожіе столпились у лавки Зораика и кричали ему: — Да кто ты, купецъ на базарѣ или драчунъ по ремеслу? Если ты купецъ, то торгуй безъ всякихъ фокусовъ, убери этотъ кошелекъ, вводящій въ соблазнъ, и избавь людей отъ своей злобы и коварства! — Онъ же отвѣчалъ имъ съ насмѣшкой: — Клянусь Аллахомъ! Бизмиллахъ! Клянусь головой своей и глазами!

Оправившись отъ полученнаго имъ сильнаго удара, Али-Живое-Серебро не хотѣлъ отказаться отъ своего плана. Онъ вымылся, вычистился и на-

Digitized by Google

рядился конюхомъ, взялъ въ одну руку пустую тарелку, а въ другую пять мѣдныхъ монетъ и отправился покупать рыбу въ лавку съ Зораика...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста тридцать вторая ночь,

она сказала:

... И отправился покупать рыбу въ лавку Зораика. И онъ подалъ торговцу пять мѣдныхъ монетъ и сказалъ ему:—Наложи мнѣ рыбы въ тарелку!—А Зораикъ отвѣтилъ:—Клянусь головою, о господинъ мой!—И хотѣлъ онъ дать конюху той рыбы, которая лежала на выставкѣ, но конюхъ отказался отъ нея, говоря:—Мнѣ нужно горячей!—Зораикъ же сказалъ:—Она еще не изжарена. Подожди, я раздую огонь!—И пошелъ онъ въ заднюю комнату.

Живое-Серебро поспѣшилъ воспользоваться этой минутой и тотчасъ же протянулъ руку за кошелькомъ; но вдругъ вся лавка наполнилась оглушительнымъ звономъ колокольчиковъ, погремушекъ и желѣзнаго лома; а Зораикъ бросился черезъ всю свою лавку, схватилъ кусокъ свинца, изо всѣхъ силъ швырнулъ имъ въ голову мнимаго конюха и закричалъ ему:—Ахъ, ты старый безстыдникъ, воображаешь, что я тебя не раскусилъ! да я все понялъ, увидѣвъ только, какъ ты держишь тарелку и деньги!—Но Живое-Серебро, наученный первымъ опытомъ, избѣжалъ удара, проворно опустивъ голову, и убѣжалъ, между тѣмъ какъ увѣсистый кусокъ свинца шлепнулся какъ разъ на подносъ съ фарфоровыми чашками, наполненными простоквашей, которую несъ на головѣ невольникъ кади! И простокваша забрызгала лицо и бороду кади, облила ему платье и тюрбанъ. А прохожіе, столпившіеся около лавки Зораика, закричали ему:—На этотъ разъ, о Зораикъ, кади возьметъ съ тебя высокій процентъ на капиталъ, лежащій въ твоемъ кошелькѣ, о бѣдовый драчунъ!

Живое-Серебро вернулся къ Ахмеду-Коростѣ и разсказалъ ему и Чумѣ о второй своей неудачной попыткѣ, но не терялъ мужества, потому что его поддерживала любовь къ Зейнабъ. Онъ нарядился укротителемъ змѣй и фокусникомъ и вернулся къ лавкѣ Зораика. Здѣсь сѣлъ онъ на землю, вытащилъ изъ мѣшка три змѣи со вздутой шеей, съ острымъ, какъ жало, языкомъ и принялся играть имъ на флейтѣ, прерывая по временамъ игру, чтобы показывать множество всякихъ фокусовъ, потомъ вдругъ швырнулъ самую большую змѣю въ лавку, къ ногамъ Зораика, который страшно испугался, такъ какъ ничего не боялся такъ, какъ змѣй, и съ воемъ бросился въ самый дальній уголъ лавки. Живое-Серебро тотчасъ же бросился къ кошельку и хотѣлъ схватить его. Но плохо зналъ онъ Зораика. Этотъ, не смотря на свой страхъ, зорко слѣдилъ за нимъ. Ему удалось, прежде всего, такъ ловко пустить свинцемъ въ змѣю, что, однимъ ударомъ, раздробилъ ей голову, потомъ, другой рукой онъ со всего розмаха направилъ кусокъ свинца въ голову Живаго-Серебра, который уклонился и убѣжалъ, между тѣмъ какъ увѣсистый свинецъ попалъ въ какую-то старуху и положилъ ее на мѣстѣ. Тогда всѣ столпившіеся люди закричали:—Йа Зораикъ, этого не дозволяется Аллахомъ! Ты непремѣнно долженъ отцѣпить свой зловѣщій кошелекъ, или мы сами отнимемъ его у тебя! Довольно уже бѣдъ надѣлала твоя злоба!—И Зораикъ отвѣтилъ:—Клянусь головою!—И рѣшился онъ, хотя очень неохотно, отцѣпить кошелекъ и спрятать его у себя въ домѣ, говоря себѣ:—Этотъ негодяй Живое-Серебро такой упрямецъ, что способенъ

Digitized by Google

и ночью забраться ко мнѣ въ лавку и стащить кошелекъ!—Зораикъ же этотъ былъ женатъ на негритянкѣ, бывшей невольницѣ Джіафаръ-аль-Бармаки, великодушно освобожденной своимъ хозяиномъ. Отъ этой жены у Зораика родился ребенокъ мальчикъ, и родители собирались вскорѣ отпраздновать его обрѣзаніе. И потому когда Зораикъ принесъ домой кошелекъ женѣ, она сказала ему:—Какая необыкновенная для тебя щедрость, о отецъ Абдаллаха! Значитъ, обрѣзаніе Абдаллаха мы отпразднуемъ роскошно!—Онъ же отвѣтилъ:—Такъ ты думаешь, что я принесъ тебѣ кошелекъ для того, чтобы растратить деньги по случаю обрѣзанія? Нѣтъ, клянусь Аллахомъ! Ступай и спрячь его скорѣй въ яму, которую выроешь въ кухнѣ! И возвращайся скорѣе спать!—Негритянка отправилась въ кухню, вырыла ямку въ полу кухни, зарыла въ нее кошелекъ, вернулась и легла у ногъ Зораика. Зораикъ заснулъ отъ теплоты тѣла негритянки и увидѣлъ во снѣ, что большая птица роетъ клювомъ ямку въ его кухнѣ, достаетъ кошелекъ и уноситъ его въ когтяхъ, взвившись въ воздухъ! Онъ проснулся отъ страха и закричалъ:—О мать Абдаллаха, сейчасъ украли кошелекъ! Ступай скорѣй посмотрѣть въ кухнѣ!—И разбуженная негритянка поспѣшила спуститься въ кухню съ огнемъ и въ самомъ дѣлѣ увидѣла, но не птицу, а человѣка, который выбѣгалъ изъ кухонныхъ дверей на улицу, держа въ рукѣ кошелекъ! Это былъ Али-Живое-Серебро, который не переставалъ слѣдить за всѣми движеніями Зораика и его жены и которому удалось, наконецъ, спрятавшись за кухонную дверь, похитить желанный кошелекъ.

Когда Зораикъ удостовѣрился, что кошелекъ украденъ, онъ вскричалъ:—Клянусь Аллахомъ, сегодня же вечеромъ я получу его обратно! — А жена негритянка сказала ему: — Если ты не принесешь его, я не отворю тебѣ дверей нашего дома, и ты будешь ночевать на улицѣ!

Тогда Зораикъ...

Но въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста тридцать третья ночь,

она сказала:

... Тогда Зораикъ поспѣшилъ выйдти изъ дома и, направившись кратчайшимъ путемъ, явился къ Ахмеду-Коростѣ раньше Али. Онъ зналъ, что Али живетъ у него, отворилъ дверь при помощи различныхъ отмычекъ, которыхъ былъ у него цѣлый наборъ, осторожно заперъ ее за собою и сталъ спокойно ждать возвращенія Али, не замедлившаго въ свою очередь явиться и постучать по своему обыкновенію. Тогда Зораикъ, подражая голосу Гассана-Чумы, спросилъ: — Кто тамъ? — Ему отвѣтили: — Али-Египтянинъ! — Зораикъ спросилъ тогда:—А кошелекъ плута Зораика принесъ? — Ему отвѣтили: — Онъ у меня. — Зораикъ сказалъ: — Скорѣй просунь мнѣ его въ щель двери, раньше чѣмъ я отворю ее; я побился объ закладъ съ Ахмедомъ-Коростой, а въ чемъ дѣло, разскажу послѣ!

Живое-Серебро просунулъ Зораику кошелекъ въ дверную щель, а тотъ сейчасъ же перебрался на крышу, съ этой крыши перешелъ на сосѣднюю, отсюда спустился по лѣстницѣ на улицу и отправился домой.

Али-Живое-Серебро долго простоялъ на улицѣ; но когда увидѣлъ, что никто не отворяетъ, онъ такъ ударилъ въ дверь, что разбудилъ весь домъ, а Гассанъ-Чума закричалъ: — Это Али стоитъ у дверей! Ступай скорѣй, отвори ему, о Верблюжья-Спина! — Потомъ, когда Живое-Серебро вошелъ, онъ спросилъ его насмѣшливо: — А кошелекъ того плута? — Живое-Серебро вос-

Digitized by Google

кликнулъ: — Полно шутить, старшой! Ты вѣдь знаешь, что я отдалъ тебѣ кошелекъ, просунувъ въ дверную щель! — Услышавъ эти слова, Гассанъ-Чума упалъ навзничь отъ смѣха и воскликнулъ: — Начинай съ начала, йа Али! Это Зораикъ отобралъ свое добро! — Тогда, подумавъ съ минуту, Живое-Серебро сказалъ: — Клянусь Аллахомъ, о старшой, если и на этотъ разъ я не принесу тебѣ кошелька, то перестану быть достойнымъ своего имени! — И тотчасъ же побѣжалъ онъ кратчайшей доротой къ дому Зораика и пришелъ туда раньше хозяина, вошелъ съ крыши сосѣдняго дома и прежде всего проникъ въ комнату, гдѣ спала негритянка съ ребёнкомъ, надъ которымъ на другой день должны были совершить обрѣзаніе. Онъ бросился къ негритянкѣ, связалъ ей руки, ноги и заткнулъ ротъ; потомъ взялъ ребёнка, также заткнулъ ему ротъ, положилъ его въ корзину, наполненную еще теплыми пирожками, приготовленными къ завтрашнему пиру, и сѣлъ у окна въ ожиданіи хозяина, который не замедлилъ явиться и постучать въ дверь. Тогда Али-Живое-Серебро, подражая голосу и говору негритянки, спросилъ: — Это ты, йа сади? — Онъ отвѣтилъ: — Да, это я! — Али спросилъ: — А принесъ ты кошелекъ? — Онъ отвѣтилъ: — Вотъ онъ! — А Живое-Серебро ему: — Не вижу его въ темнотѣ. И тогда только отворю дверь, когда сосчитаю деньги! Я спущу тебѣ въ окно корзинку, а ты положи въ нее кошелекъ! А потомъ я отворю дверь! — Затѣмъ Живое-Серебро спустилъ въ окно корзинку, куда Зораикъ положилъ кошелекъ, а онъ поспѣшилъ вытянуть на верхъ корзинку. Взявъ кошелекъ, мальчика и корзину съ пирожками, онъ убѣжалъ тѣмъ же путемъ, которымъ пришелъ, явился къ Ахмеду-Коростѣ и торжественно вручилъ, наконецъ, Гассану-Чумѣ свою тройную добычу. Увидя все это, Гассанъ много хвалилъ его и очень гордился имъ; и всѣ принялись затѣмъ ѣсть праздничные пирожки, на всѣ лады насмѣхаясь надъ Зораикомъ.

Зораикъ же долго ждалъ на улицѣ, чтобы жена его негритянка отворила ему дверь; но негритянка не приходила и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, онъ принялся такъ сильно и часто стучать, что разбудилъ всѣхъ сосѣдей и всѣхъ собакъ въ своемъ кварталѣ. Но никто не отворялъ. Тогда онъ выломалъ дверь, взбѣшенный поднялся къ женѣ и увидѣлъ то, что̀ увидѣлъ.

Когда, освободивъ ее, онъ узналъ о томъ, что̀ случилось, то сталъ сильно бить себя по лицу, рвалъ на себѣ бороду и побѣжалъ затѣмъ въ такомъ видѣ къ Ахмеду-Коростѣ. Настало уже утро, и всѣ встали. Верблюжья-Спина отворилъ дверь и ввелъ въ пріёмную залу разстроеннаго Зораика. Его встрѣтили громкимъ и звонкимъ хохотомъ. Тогда онъ обратился къ Али-Живое-Серебро и сказалъ ему: — Клянусь Аллахомъ, йа Али, что касается кошелька, то ты выигралъ его! Но отдай мнѣ мое дитя! — А Гассанъ-Чума отвѣтилъ: — Знай, Зораикъ, что Али-Живое-Серебро готовъ отдать тебѣ твоего ребенка и даже твой кошелекъ, если ты согласишься выдать за него замужъ дочь сестры твой Далилы, молодую Зейнабъ, которую онъ любитъ! — Зораикъ отвѣтилъ: — А съ какихъ это поръ ставятъ условія отцу, прося у него въ замужество дочь? Пусть отдадутъ мнѣ прежде ребенка и кошелекъ, а потомъ мы поговоримъ и о дѣлѣ! — Гассанъ сдѣлалъ знакъ, и Али тотчасъ же возвратилъ Зораику ребенка и кошелекъ. Потомъ Гассанъ спросилъ: — Когда же свадьба? — Зораикъ же улыбнулся и отвѣтилъ: — Погодите, погодите! Неужели, йа Али, ты думаешь, что я могу располагать Зейнабъ, какъ бараномъ или жареной рыбой? Я не могу дать согласія до тѣхъ поръ, пока ты не принесешь ей приданаго, которое она требуетъ. — Живое-Серебро отвѣчалъ: — Я готовъ дать ей приданое, которое она требуетъ. Въ чемъ же оно должно заключаться? — Зораикъ сказалъ: — Знай, что она дала клятву принадлежать только тому, кто принесетъ ей въ видѣ свадебнаго подарка затканное зо-

Digitized by Google

лотомъ платье молодой Камаріи, дочери еврея Азаріи, а также ея золотой вѣнецъ, золотой поясъ и золотую туфлю...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста тридцать четвертая ночь,

она сказала:

... Знай, что она дала клятву принадлежать только тому, кто принесетъ ей въ видѣ свадебнаго подарка затканное золотомъ платье Камаріи, дочери еврея Азаріи, а также ея золотой вѣнецъ, золотой поясъ и золотую туфлю. — Тогда Али-Живое-Серебро воскликнулъ: — Если только это требуется, то пусть лишусь я навсегда права на бракъ съ Зейнабъ, если сегодня же вечеромъ не принесу ей всѣ эти вещи!

При этихъ словахъ Гассанъ-Чума сказалъ ему: — Горе тебѣ, йа Али! Какую клятву далъ ты! Ты обрекаешь себя на смерть! Развѣ тебѣ неизвѣстно, что Азарія коварный волшебникъ, злобный негодяй? У него подъ начальствомъ всѣ джины и эфриты! Онъ живетъ за городомъ во дворцѣ, построенномъ изъ золотыхъ и серебряныхъ кирпичей! Но этотъ дворецъ бываетъ видимымъ лишь тогда, когда въ немъ находится самъ волшебникъ, и ежедневно исчезаетъ, когда его владѣлецъ уѣзжаетъ въ городъ по своимъ ростовщичьимъ дѣламъ. Каждый вечеръ, возвратясь домой, еврей становится у окна, показываетъ на золотомъ подносѣ платье своей дочери и кричитъ: — О вы всѣ, искуснѣйшіе воры и мошенники Ирака, Персіи и Аравіи, приходите, если можете, похитить платье моей дочери Камаріи! За того, кто сумѣетъ похитить ея платье, я выдамъ замужъ Камарію! — Но, йа Али, самые тонкіе изъ нашихъ плутовъ и самые ловкіе изъ нашихъ воровъ до сихъ поръ не могли этого сдѣлать, а поплатились только сами, такъ какъ знаменитый волшебникъ превратилъ смѣльчаковъ или въ муловъ, или въ медвѣдей, или въ обезьянъ. Поэтому совѣтую тебѣ отказаться отъ этого дѣла и остаться съ нами!—Но Али воскликнулъ:—Какой стыдъ падетъ на меня, если я откажусь отъ любви нѣжной Зейнабъ изъ за всѣхъ этихъ трудностей! Клянусь Аллахомъ! Я принесу золотое платье и надѣну его на Зейнабъ въ первую брачную ночь, и золотой вѣнецъ надѣну на ея голову и золотымъ поясомъ опояшу ея дивный станъ и золотую туфлю надѣну на ея ножку!—И, не медля ни минуты, онъ отправился разъискивать лавку еврея, волшебника и ростовщика Азаріи.

Когда Али пришелъ на базаръ, гдѣ сидѣли мѣнялы, онъ спросилъ о лавкѣ, и ему показали еврея, который какъ разъ въ эту минуту взвѣшивалъ золото на своихъ вѣсахъ и ссыпалъ его въ мѣшки, навьюченные на привязаннаго къ дверямъ мула. Онъ былъ очень безобразенъ и отвратителенъ на видъ, и Али немножко смутился. Однако, онъ подождалъ, пока тотъ управился съ мѣшками, заперъ лавку и сѣлъ на мула. Когда онъ поѣхалъ, Али незамѣтно послѣдовалъ за нимъ. Такимъ образомъ дошелъ онъ, слѣдуя за нимъ, до городскихъ воротъ и вышелъ изъ города.

Али уже начиналъ спрашивать себя, долго ли ему придется идти, какъ вдругъ увидѣлъ, что еврей вытащилъ изъ кармана своего плаща мѣшокъ, погрузилъ въ него руку, вынулъ изъ него горсть песку и, подувъ на него, подбросилъ его на воздухъ. И сейчасъ же появился великолѣпный дворецъ изъ золотыхъ и серебряныхъ кирпичей, съ обширнымъ алебастровымъ портикомъ и мраморной лѣстницей, по которой проѣхалъ еврей на своемъ мулѣ

Digitized by Google

и исчезъ. Но нѣсколько минутъ спустя, онъ появился у окна съ золотымъ подносомъ, на которомъ лежали: роскошное, затканное золотомъ платье, вѣнецъ, поясъ и золотая туфля; и закричалъ онъ:—О, вы всѣ, воры и мошенники Ирака, Персіи и Аравіи, идите и попытайтесь овладѣть всѣмъ этимъ, тогда я выдамъ замужъ за того, кому удастся это, дочь мою Камарію!

Увидѣвъ и услышавъ все это, Живое-Серебро, какъ человѣкъ разсудительный, сказалъ себѣ:—Пожалуй всего умнѣе было бы пойти къ этому проклятому жиду и попросить у него добромъ это платье, объяснивъ мое дѣло съ Зораикомъ!—И онъ поднялъ палецъ и закричалъ волшебнику:—Я, Али-Живое-Серебро, первый изъ молодцовъ Ахмеда, моккадема нашего калифа, желаю поговорить съ тобою!—А еврей отвѣтилъ ему:—Можешь подняться ко мнѣ!—Когда же Али пришелъ къ нему, онъ спросилъ:—Что̀ тебѣ нужно?—Али же разсказалъ ему о себѣ и сказалъ:—Такъ вотъ мнѣ нужно это золотое платье и прочія вещи, чтобы отнести ихъ къ Зейнабъ, дочери Далилы!

Услышавъ такія слова, еврей засмѣялся, показывая страшнѣйшіе зубы, взялъ столикъ съ волшебнымъ пескомъ и сталъ гадать, а потомъ сказалъ Али:

— Послушай, если жизнь тебѣ дорога, послѣдуй моему совѣту! Откажись отъ своего намѣренія! Люди, которые заставили тебя идти на это дѣло, хотѣли только погубить тебя, какъ погублены были всѣ, кто пытался на это! Впрочемъ, если бы песокъ не сказалъ мнѣ сейчасъ, что твое счастіе превышаетъ мое собственное, я не замедлилъ бы перерѣзать тебѣ горло!—Но Али, котораго воспламенили и подстрекнули эти слова, быстро вынулъ мечъ и, направивъ его къ груди еврея, закричалъ ему:—Если ты сейчасъ же не отдашь мнѣ эти вещи, и если сверхъ того ты не откажешься отъ своей ереси и не сдѣлаешься мусульманиномъ, произнеся исповѣданіе вѣры, душа твоя разстанется съ тѣломъ!—Тогда еврей простеръ руку, какъ-бысобираясь произнести основаніе вѣры, и сказалъ:—Да усохнетъ твоя правая рука!—И тотчасъ же правая рука Али, та, въ которой онъ держалъ мечъ, усохла, и мечъ упалъ на земь. Но Али поднялъ его лѣвой рукой и сталъ грозить волшебнику; волшебникъ же сказалъ:—Да усохнетъ лѣвая рука!—И грозившая лѣвая рука Али изсохла, и мечъ упалъ на земь. Тогда, придя въ крайнее бѣшенство, Али поднялъ ногу и хотѣлъ проткнуть животъ еврея; еврей же сказалъ:—О правая нога, усохни!—И поднятая нога Али усохла, и онъ остался стоять на одной ногѣ, на лѣвой...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста тридцать пятая ночь,

она сказала:

... И Али остался стоять на одной ногѣ, на лѣвой!—И какъ онъ ни старался пошевелить своими отказавшимися служить членами, они не двигались, а самъ онъ терялъ равновѣсіе и то падалъ, то поднимался, пока не дошелъ до полнаго изнуренія; а волшебникъ сказалъ ему:—Отказался ли ты отъ своего намѣренія?—Али же отвѣтилъ:—Мнѣ непремѣнно нужно получить вещи твоей дочери!—Тогда еврей сказалъ ему:—А, ты хочешь получить вещи! Хорошо, я сейчасъ заставлю тебя ихъ нести! И взялъ онъ чашку съ водою, обрызгалъ этою водою Али и закричалъ:—Будь осломъ!—И тотчасъ же Али превратился въ осла съ ослиной мордой, только-что подкованными копытами и громадными ушами. И принялся онъ сейчасъ же ревѣть

Digitized by Google

поослиному, поднимая носъ и хвостъ. А еврей произнесъ надъ нимъ нѣсколько словъ, чтобы окончательно овладѣть имъ, и заставилъ его спуститься съ лѣстницы на заднихъ ногахъ; когда же онъ очутился во дворѣ, еврей очертилъ вокругъ него волшебный кругъ; и тотчасъ же выросла стѣна и образовалось довольно узкое пространство, изъ котораго онъ не могъ вырваться.

На утро еврей пришелъ къ нему, осѣдлалъ, взнуздалъ и шепнулъ ему на ухо:—Ты замѣнишь мнѣ мула!—И велѣлъ ему выѣхать изъ заколдованнаго дворца, который сейчасъ же исчезъ, и погналъ его по дорогѣ къ лавкѣ, куда и не замедлили пріѣхать. Еврей отперъ свою лавку, привязалъ осла-Али къ тому мѣсту, гдѣ вчера былъ привязанъ мулъ, и сталъ заниматься своими вѣсами, гирями, золотомъ и серебромъ. Оселъ-Али, сохранившій всѣ человѣческія способности, чувствовавшій и разсуждавшій, какъ человѣкъ, но утратившій даръ рѣчи, принужденъ былъ, чтобы не умереть съ голода, жевать сухіе бобы, которые ему дали въ видѣ корма; чтобы нѣсколько утѣшить себя и сорвать на комъ-нибудь свое мрачное расположеніе духа, онъ безпрестанно издавалъ громкіе звуки изъ своей утробы передъ самымъ носомъ кліентовъ.

Тѣмъ временемъ, молодой купецъ, имѣвшій несчастіе разориться, пришелъ къ еврею-ростовщику Азаріи и сказалъ ему:—Я разоренъ и, однако, долженъ чѣмъ-нибудь зарабатывать себѣ хлѣбъ и кормить жену. Вотъ ея золотые браслеты, единственное, что̀ осталось отъ нашего состоянія, купи ихъ, чтобы на вырученныя деньги я могъ пріобрѣсти мула или осла и сдѣлаться продавцомъ воды для поливокъ!—Еврей отвѣтилъ ему:—А что̀ будешь ты дѣлать съ осломъ, если онъ не захочетъ нести слишкомъ тяжелую ношу? будешь ли бить и мучить его?—Будущій погонщикъ отвѣчалъ:—Клянусь Аллахомъ! Если онъ станетъ отказываться отъ работы, я воткну ему палку въ самыя чувствительныя мѣста и заставлю сдѣлать свое дѣло!—Вотъ какъ онъ сказалъ! И оселъ-Али все слышалъ и въ видѣ протеста издалъ громкій звукъ изъ своей утробы. Еврей же Азарія отвѣтилъ своему кліенту:—Если такъ, то за эти браслеты я уступлю тебѣ моего собственнаго осла, который привязанъ вонъ тамъ за дверью! Не жалѣй его, а то онъ облѣнится; и навьючивай его потяжелѣе, потому что онъ молодъ и силенъ!—Продавецъ вода согласился и увелъ осла-Али, а тотъ думалъ въ душѣ своей:—Йа Али, хозяинъ твой навьючитъ на тебя деревянное сѣдло и тяжелый мѣхъ съ водою; и будетъ гонять тебя по десяти и болѣе разъ въ день! Безъ сомнѣнія, погибъ я безвозвратно!

Когда продавецъ воды привелъ къ себѣ осла, онъ велѣлъ женѣ своей спуститься въ конюшню и задать корму ослу. И жена, которая была молода и привлекательна, взяла мѣшокъ съ бобами и спустилась въ конюшню, чтобы привязать ослу-Али этотъ мѣшокъ на шею. Но оселъ-Али, съ минуту уже косившійся на нее, вдругъ зафыркалъ, засопѣлъ и такъ сильно толкнулъ ее головою, что она упала на колоду. Онъ же бросился на нее и сталъ ласкать ее по лицу своими толстыми губами.

Тогда жена продавца воды закричала такимъ пронзительнымъ голосомъ, что всѣ сосѣдки сбѣжались въ конюшню и увидѣвъ, въ чемъ дѣло, оттолкнули осла-Али. И пришелъ мужъ и спросилъ:—Что̀ съ тобою?—Она же плюнула ему въ лицо и сказала:—Ахъ ты, ублюдокъ, не нашелъ ты во всемъ Багдадѣ осла и купилъ этого безпутника! Клянусь Аллахомъ, или давай мнѣ разводъ, или отошли этого осла!—Онъ же спросилъ:—Да что̀ же такое онъ сдѣлалъ?—А она отвѣтила:—Онъ повалилъ меня и напалъ на меня! И если бы не сосѣдки, онъ совершилъ бы надо мною страшное насиліе!—Тогда продавецъ воды осыпалъ осла палочными ударами, а потомъ отвелъ его къ еврею, которому и разсказалъ о его непристойномъ поведеніи и заставилъ его взять осла обратно и отдать браслеты.

Digitized by Google

Когда же продавецъ воды ушелъ, волшебникъ Азарія обратился къ ослу-Али и сказалъ ему: — Такъ вотъ ты какъ бѣгаешь за женщинами, о злодѣй! Подожди же, если ты такъ доволенъ своимъ положеніемъ осла и не сдерживаешь своихъ прихотей, я тебя устрою инымъ образомъ! И будетъ смѣяться надъ тобою и старый и малый! И заперъ онъ лавку, сѣлъ на осла и уѣхалъ изъ города.

Такъ же, какъ и наканунѣ, онъ вызвалъ изъ земли и воздуха заколдованный дворецъ.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста тридцать шестая ночь,

она сказала:

... какъ и наканунѣ, онъ вызвалъ изъ земли и воздуха заколдованный дворецъ и въѣхалъ на ослѣ на огромный дворъ. Прежде всего сталъ онъ бормотать надъ осломъ-Али какія-то слова заклинанія и брызнулъ на него водой, что̀ возвратило ему человѣческій образъ, потомъ, держась отъ него на нѣкоторомъ разстояніи, волшебникъ сказалъ: — Не желаешь ли теперь, йа Али, послѣдовать моему совѣту, отказаться отъ намѣренія твоего прежде, чѣмъ я превращу тебя во что-нибудь еще худшее прежняго, и идти путемъ своимъ?— Али отвѣтилъ: — Нѣтъ, клянусь Аллахомъ! Коль скоро написано, что мое счастіе превышаетъ твое собственное, я долженъ или убить тебя, или овладѣть платьемъ Камаріи и обратить тебя въ вѣру Ислама! И хотѣлъ онъ уже броситься на волшебника, но тотъ простеръ руку, брызнулъ на него нѣсколькими каплями воды изъ чаши, на которой были начертаны таинственныя слова, и закричалъ: — Превратись въ медвѣдя! — И тотчасъ же Али-Живое-Серебро превратился въ медвѣдя. На шеѣ у него повисла толстая цѣпь, желѣзное кольцо ея было продѣто ему въ ноздри, и сдѣлался онъ ученымъ медвѣдемъ, котораго заставляютъ плясать, и дѣлать всякія штуки. Потомъ волшебникъ наклонился къ его уху и сказалъ:—А, злодѣй, ты подобенъ орѣху, отъ котораго только тогда получишь пользу, когда очистишь его отъ шелухи и расколешь его скорлупу! И привязалъ онъ его къ колу на огороженномъ дворѣ и пришелъ за нимъ только на другой день. Тогда сѣлъ онъ на своего прежняго мула и потащилъ за собою медвѣдя-Али до самой своей лавки, послѣ того какъ снова велѣлъ исчезнуть дворцу. И привязалъ онъ медвѣдя рядомъ съ муломъ, вошелъ въ свою лавку и сталъ заниматься своимъ золотомъ и своими кліентами. А медвѣдь-Али все слышалъ и все понималъ, но говорить не могъ!

Между тѣмъ, мимо лавки проходилъ человѣкъ и, увидѣвъ медвѣдя на цѣпи, зашелъ въ лавку и спросилъ у еврея: — О господинъ мой, Азарія, не продашь ли мнѣ медвѣдя? Женѣ моей велѣли ѣсть медвѣжье мясо и натираться медвѣжьимъ жиромъ, но я нигдѣ не могъ этого найти! Волшебникъ спросилъ въ свою очередь:—А ты сейчасъ же зарѣжешь его или будешь откармливать, чтобы получить побольше жиру?—Покупатель отвѣтилъ:— Онъ и такъ довольно жиренъ, и этого хватитъ для моей жены. Я сегодня же велѣлъ бы зарѣзать его!—Волшебникъ чрезвычайно обрадовался и сказалъ:—Такъ какъ это для здоровья твоей жены, то бери медвѣдя даромъ!— Тогда человѣкъ увелъ медвѣдя къ себѣ и позвалъ мясника, который и явился съ двумя большими ножами и, засучивъ рукава, принялся точить ихъ одинъ объ другой. Увидя это, медвѣдь-Али почувствовалъ, до какой степени дорога ему жизнь; это удвоило его силы, и въ ту самую минуту, какъ

Digitized by Google

его повалили, чтобы рѣзать, онъ вскочилъ, вырвался и вихремъ помчался во дворецъ волшебника.

Когда Азарія увидѣлъ медвѣдя-Али, онъ сказалъ себѣ:—Сдѣлаю надъ нимъ еще одну попытку!—Какъ и прежде, брызнулъ онъ на него водою и возвратилъ ему человѣческій образъ, но на этотъ разъ онъ позвалъ дочь свою Камарію, которая и присутствовала при волшебномъ превращеніи. Увидя Али въ человѣческомъ образѣ, молодая дѣвушка нашла его такимъ прекраснымъ, что сильнѣйшая любовь къ нему загорѣлась въ ея сердцѣ. Обратившись къ нему, она спросила:—Правда ли, что ты желаешь получить только платье мое и вещи, а не меня самое? — Онъ отвѣтилъ: — Да, это правда, потому что я предназначаю ихъ нѣжной Зейнабъ, дочери хитрой Далилы! Эти слова такъ сильно огорчили молодую дѣвушку и такъ разстроили ее, что отецъ, замѣтивъ это, воскликнулъ:—Ты слышишь сама, что̀ говоритъ этотъ злодѣй! Онъ не раскаивается!—И сейчасъ же брызнулъ онъ на Али изъ чародѣйской чашки, закричавъ ему:—Будь собакой!—И тотчасъ же превратился Али въ собаку, а именно въ уличную; а чародѣй плюнулъ ему въ лицо, ударилъ его ногой и выгналъ изъ дворца.

Собака-Али принялась бродить у его стѣнъ, но такъ какъ не нашла здѣсь никакой пищи, то рѣшила отправиться въ Багдадъ. Но какъ только пришла она туда, сейчасъ же встрѣтили ее громкимъ лаемъ всѣ городскія собаки: никто не зналъ этой чужестранки, вторгнувшейся въ охранямые ими предѣлы, а потому ее преслѣдовали и кусали. Непрошеная гостья переходила съ одного участка на другой, и повсюду гнались за нею собаки и жестоко кусали; но, наконецъ, ей удалось укрыться въ открытой лавкѣ, случайно находившейся на нейтральной территоріи. Скупщикъ, которому принадлежала лавочка, увидя несчастную собаку съ поджатымъ хвостомъ, бѣшено преслѣдуемую собачьей стаей, схватилъ палку и разогналъ нападающихъ, которые, разбѣжавшись, принялись лаять издали. Тогда собака-Али, чтобы выразить свою благодарность торговцу, легла у его ногъ со слезами на глазахъ, ласкалась, лизала его и махала хвостомъ отъ умиленія. И до самаго вечера оставалась здѣсь собака, говоря себѣ:—Лучше быть собакой, чѣмъ обезьяной, или чѣмъ-нибудь еще хуже этого! Вечеромъ, когда торговецъ заперъ свою лавочку, собака прижалась къ нему и пошла за нимъ въ его домъ.

Но не успѣлъ торговецъ войти къ себѣ, какъ дочь его закрыла лицо свое и воскликнула...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста тридцать седьмая ночь,

она сказала:

... Но не успѣлъ торговецъ войти къ себѣ, какъ дочь его закрыла лицо свое и воскликнула: — Отецъ мой, какъ могъ ты рѣшиться привести къ своей дочери чужого человѣка!—Торговецъ же возразилъ: — Какого человѣка? Здѣсь никого нѣтъ, кромѣ собаки!—Она же сказала:—Эта собака не иной кто, какъ Али-Живое-Серебро, изъ Каира; его заколдовалъ чародѣй, еврей Азарія изъ-за платья дочери своей Камаріи! — Услышавъ эти слова, торговецъ повернулся къ собакѣ и спросилъ у нея:—Такъ ли это?—И собака утвердительно кивнула головой. А молодая дѣвушка продолжала: — Если онъ согласится жениться на мнѣ, я готова возвратить ему человѣческій образъ! — Торговецъ же воскликнулъ: — Клянусь Аллахомъ, о дочь

Digitized by Google

моя, возврати ему этотъ образъ, и онъ, конечно, женится на тебѣ!—Потомъ, обращаясь къ собакѣ, онъ спросилъ: — Ты слышала? Согласна ли ты? — Собака повертѣла хвостомъ и кивнула головой въ знакъ согласія. Тогда молодая дѣвушка взяла чародѣйскую чашку, наполненную водой, и уже начала произносить заклинанія, какъ вдругъ раздался громкій крикъ, и молодая невольница вбѣжала въ комнату и сказала ей: — Ты забыла о своемъ обѣщаніи, о госпожа моя, забыла о договорѣ, заключенномъ между нами. Ты поклялась, когда я учила тебя чародѣйству, никогда ничего не дѣлать по части волшебства, не посовѣтовавшись со мною! А между тѣмъ я сама хочу выйти замужъ за молодого Али-Живое-Серебро, нынѣ находящагося въ собачьемъ образѣ; я соглашусь на возвращеніе ему человѣческаго образа только подъ условіемъ, что онъ будетъ принадлежать намъ обѣимъ и будетъ проводить одну ночь со мною, а другую съ тобою. — Когда молодая дѣвушка согласилась, отецъ ея, удивленный всѣмъ, что происходило, спросилъ у нея: — А съ какихъ же поръ ты научилась колдовству? — Она отвѣтила: — Съ тѣхъ поръ, какъ поступила къ намъ наша новая невольница, вотъ эта самая; она же научилась этому въ то время, когда служила у еврея Азаріи и могла украдкой рыться въ старинныхъ и волшебныхъ книгахъ этого знаменитаго чародѣя!

Послѣ этого, обѣ молодыя дѣвушки взяли по волшебной чашкѣ и, пошептавъ надъ ними слова на еврейскомъ языкѣ, обрызгали водою собаку Али, говоря: — Во имя добродѣтелей и заслугъ Солеймана, обратись снова въ живое человѣческое существо! И Али-Живое-Серебро тотчасъ же прыгнулъ на обѣ ноги и былъ прекраснѣе и моложе прежняго.

Но въ это самое время раздался громкій крикъ, дверь отворилась настежь, и вошла прекрасная молодая дѣвушка, и въ рукахъ у нея было два золотыхъ подноса, одинъ на другомъ; на нижнемъ подносѣ лежали золотое платье, золотой вѣнецъ, золотой поясъ и золотая туфля, а на верхнемъ и менѣе широкомъ подносѣ—окровавленная голова еврея Азаріи.

Эта прекрасная дѣвушка была дочь чародѣя, Камарія; она поставила подносы у ногъ Али-Живое-Серебро и сказала ему:—Приношу тебѣ, Али, потому, что люблю тебя, тѣ вещи, которыхъ ты добивался, и голову отца моего еврея! Я же теперь мусульманка! — И прибавила она: — Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха, и Магометъ пророкъ Его! — Въ отвѣтъ на такія слова, Али-Живое-Серебро сказалъ ей: — Согласенъ взять тебя въ жены, вмѣстѣ съ этими двумя молодыми дѣвушками, такъ какъ ты, вопреки обычаю, принесла мнѣ такой богатый свадебный подарокъ! Но только съ условіемъ, что я, въ свою очередь, подарю всѣ эти вещи дочери Далилы, Зейнабъ, которая будетъ четвертою женою моею, такъ какъ законъ дозволяетъ это!— Камарія согласилась и остальныя двѣ дѣвушки также. А торговецъ спросилъ:—Обѣщаешь ли намъ, по крайней мѣрѣ, что кромѣ четырехъ законныхъ женъ не возьмешь себѣ еще и наложницъ?—Онъ отвѣтилъ: — Обѣщаю это! — И, взявъ золотой подносъ съ вещами Камаріи, онъ вышелъ, чтобы отнести ихъ къ Зейнабъ, дочери Далилы.

По дорогѣ къ дому Далилы, онъ увидѣлъ разнощика, несшаго на головѣ подносъ съ сухимъ вареньемъ, халвою и обсахареннымъ миндалемъ, и сказалъ себѣ:—Хорошо было бы принести всего этого Зейнабъ!—Торговецъ же, который, казалось, слѣдилъ за нимъ, сказалъ ему: — О господинъ мой, никто во всемъ Багдадѣ не умѣетъ такъ приготовлять сухое варенье изъ моркови и орѣховъ. Сколько отпустить тебѣ? Но прежде, чѣмъ покупать, отвѣдай вотъ этотъ маленькій кусочекъ. — И Али-Живое-Серебро взялъ и проглотилъ кусочекъ. Но въ ту же минуту онъ упалъ на землю недвижимый. Къ сухому варенью былъ подмѣшанъ банжъ; разнощикъ же былъ никто иной, какъ Махмудъ-Выкидышъ, занимавшійся выгод-

Digitized by Google

нымъ ремесломъ обиранія покупателей. Онъ замѣтилъ, что Живое-Серебро несетъ дорогія вещи, и усыпилъ его, чтобы ихъ украсть. И дѣйствительно, какъ только Живое-Серебро растянулся недвижимымъ на землѣ, Махмудъ-Выкидышъ завладѣлъ золотымъ платьемъ и другими вещами и собирался уже бѣжать, какъ вдругъ подъѣхалъ Гассанъ-Чума со своими сорока стражниками, увидѣлъ вора и арестовалъ его. Выкидышъ принужденъ былъ сознаться и показать мѣсто, гдѣ лежалъ Али. Тогда Гассанъ, который, со времени исчезновенія Али, искалъ его со своими стражниками по всѣмъ багдадскимъ кварталамъ, велѣлъ принести противоядіе и далъ его уснувшему. Когда же тотъ проснулся, то прежде всего спросилъ о вещахъ, которыя несъ Зейнабъ. И Гассанъ показалъ ему ихъ и, послѣ первыхъ дружескихъ изліяній, поздравилъ его съ успѣхомъ и сказалъ: — Клянусь Аллахомъ! Ты превзошелъ всѣхъ насъ! — Потомъ отвелъ онъ его въ домъ Ахмеда-Коросты и, послѣ новаго обмѣна привѣтствій, заставилъ его разсказать о всѣхъ приключеніяхъ и сказалъ: — Въ такомъ случаѣ, волшебный дворецъ чародѣя принадлежитъ тебѣ по праву, такъ какъ Камарія будетъ одною изъ твоихъ четырехъ женъ. Тамъ мы и отпразднуемъ твою четырехкратную свадьбу. Я же сейчасъ отнесу твои подарки Зейнабъ и заставлю ея дядю согласиться на вашъ бракъ. И обѣщаю тебѣ, что на этотъ разъ не будетъ отказа со стороны стараго плута! Что̀ же касается Махмуда-Выкидыша, то мы не можемъ наказывать его, такъ какъ ты становишься его родственникомъ, вступая въ его семью...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста тридцать восьмая ночь,

она сказала:

... Что̀ же касается до Махмуда-Выкидыша, то мы не можемъ его наказывать, такъ какъ ты становишься его родственникомъ, вступая въ его семью!..

И, сказавъ это, Гассанъ-Чума взялъ золотое платье, золотой вѣнецъ, золотой поясъ и золотую туфлю и отправился въ ханъ голубиной почты, гдѣ нашелъ Далилу и Зейнабъ занятыми раздачей корма голубямъ. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ велѣлъ позвать Зораика, показалъ ему подарки, которые тотъ требовалъ въ приданое племянницѣ, и сказалъ:—Теперь отказъ уже совершенно невозможенъ! А если нѣтъ, то обида будетъ уже касаться меня, Гассана!—И Далила и Зейнабъ приняли подарки и дали свое согласіе.

На другой же день, Али-Живое-Серебро вступилъ во владѣніе дворцомъ еврея Азаріи; и въ тотъ же вечеръ, въ присутствіи кади и свидѣтелей съ одной стороны, Ахмеда-Коросты съ сорока стражниками и Гассана-Чумы съ его сорока стражниками — съ другой, написали брачный договоръ Али-Живое-Серебро съ дочерью Далилы—Зейнабъ, дочерью Азаріи—Камаріей, съ дочерью торговца и съ его молодой невольницей. Бракъ этотъ былъ отпразднованъ роскошно. И, по мнѣнію всѣхъ сопровождавшихъ женщинъ, Зейнабъ была красивѣе и трогательнѣе всѣхъ въ своемъ брачномъ нарядѣ. На ней къ тому же было затканное золотомъ платье, золотой вѣнецъ, золотой поясъ и золотая туфля; остальныя три дѣвушки окружали ее, какъ звѣзды окружаютъ луну.

Въ ту же ночь началъ свой брачный обходъ Али-Живое-Серебро и прежде всего вошелъ онъ къ супругѣ своей, Зейнабъ. И нашелъ онъ ее нетронутой жемчужиной, дѣвственницей. И былъ безпредѣльно счастливъ съ нею и зашелъ, затѣмъ, къ каждой изъ трехъ остальныхъ супругъ своихъ, по оче-

Digitized by Google

реди. А такъ какъ всѣ онѣ были прекрасны и дѣвственны, то ими наслаждался онъ и взялъ то, что предстояло ему взять у нихъ, и далъ то, что предстояло дать, и съ обѣихъ сторонъ были щедрость и полное удовольствіе. Празднества же продолжались три дня и три ночи; и ничего не жалѣли для того, чтобы они были достойны того, кто ихъ давалъ. И веселились, и смѣялись, и пѣли, и предавались забавамъ до чрезвычайности.

Когда же покончили съ брачными празднествами Гассанъ-Чума пришелъ къ Али-Живое-Серебро и, послѣ обычныхъ поздравленій, сказалъ ему:—Йа Али, настало, наконецъ, время представить тебя господину нашему калифу, чтобы онъ даровалъ тебѣ свою милость!

И повелъ онъ его въ Диванъ, куда не замедлилъ явиться и самъ калифъ.

Увидя молодого Али-Живое-Серебро, калифъ былъ очарованъ; и въ самомъ дѣлѣ его наружность могла только располагать въ его пользу, и красота могла свидѣтельствовать, что онъ ея избранникъ. Али-Живое-Серебро, за которымъ шелъ Гассанъ-Чума, приблизился къ калифу и поцѣловалъ землю между рукъ его. Потомъ, поднявшись и взявъ прикрытый шелковой тканью подносъ, который держалъ Верблюжья-Спина, онъ открылъ его передъ калифомъ. И всѣ увидѣли отрубленную голову волшебника еврея Азаріи.

Увидя голову, удивленный калифъ спросилъ:—Чья же это голова?—Али же Живое-Серебро отвѣтилъ:—Это голова злѣйшаго изъ твоихъ враговъ, о эмиръ правовѣрныхъ! Онъ былъ знаменитымъ чародѣемъ, способнымъ разрушить Багдадъ со всѣми дворцами!—И разсказалъ онъ Гаруналь-Рашиду все, съ начала и до конца, не пропуская ни одной подробности.

Разсказъ этотъ такъ восхитилъ калифа, что онъ тутъ же назначилъ Живое-Серебро главнымъ управляющимъ полиціей, съ такимъ же чиномъ, такими же преимуществами и такимъ же содержаніемъ, какъ Ахмедъ-Короста и Гассанъ-Чума; затѣмъ калифъ сказалъ ему:—Да здравствуютъ храбрые, похожіе на тебя, Али! Хочу, чтобы ты попросилъ у меня еще что-нибудь!—Живое-Серебро отвѣтилъ:—Желаю, чтобы жизнь калифа продлилась на вѣки, и прошу разрѣшить моимъ прежнимъ сорока товарищамъ пріѣхать сюда изъ Каира съ тѣмъ, чтобы они сдѣлались моими стражниками, подобно стражѣ двухъ остальныхъ начальниковъ!—И калифъ отвѣтилъ:—Разрѣшаю.—Потомъ приказалъ онъ самымъ искуснымъ изъ дворцовыхъ писцовъ тщательно изложить всю эту исторію и хранить ее въ архивѣ вмѣстѣ съ документами его царствованія для того, чтобы она служила и поученіемъ и развлеченіемъ для мусульманскихъ народовъ и всѣхъ будущихъ вѣрующихъ въ Аллаха и въ пророка Его Магомета, лучшаго изъ людей (миръ и молитва надъ нимъ!).

И жили всѣ счастливо и весело до самой той поры, когда посѣтила ихъ Разрушительница радостей и Разлучница друзей!

Такова-то, о царь благословенный, дошедшая до меня подробнѣйшая и правдивая исторія о Далилѣ-Пройдохѣ, дочери ея Зейнабъ-Плутовкѣ, Ахмедѣ-Коростѣ, Гассанѣ-Чумѣ, Али-Живое-Серебро и рыбномъ торговцѣ Зораикѣ! Но Аллахъ (да будетъ прославлено имя Его!) мудрѣе и проницательнѣе всѣхъ!

Потомъ Шахразада прибавила:—Не думай, однако же, о царь благословенный, что эта исторія правдивѣе разсказа о Джударѣ-Рыбакѣ и его братьяхъ! И тотчасъ же принялась она разсказывать:

Digitized by Google

Исторія Джудара-Рыбака или волшебный мѣшокъ.

Узнала я, о царь благословенный, что жилъ въ былое время купецъ, по имени Омаръ, и было у него три сына: одного звали Салемъ, другого—Салимъ, а младшаго звали Джударъ. Онъ воспитывалъ ихъ до той поры, пока они не сдѣлались взрослыми: но такъ какъ онъ любилъ меньшаго гораздо болѣе, чѣмъ его братьевъ, то они замѣтили это, стали завидовать и возненавидѣли Джудара. Когда купецъ Омаръ, находившійся уже въ преклонномъ возрастѣ, въ свою очередь, замѣтилъ ненависть двухъ сыновей своихъ къ брату, и сталъ сильно бояться, чтобы послѣ его смерти Джудару не пришлось терпѣть отъ братьевъ. Поэтому собралъ онъ всѣхъ членовъ своей семьи, а также нѣсколько ученыхъ людей, занимавшихся дѣлами о наслѣдствахъ по приказанію кади, и сказалъ имъ:—Пусть принесутъ сюда все мое имущество и всѣ ткани, находящіяся въ моей лавкѣ!—И когда принесли ему все, онъ сказалъ:—О люди, раздѣлите это имущество и эти ткани на четыре равныя части, по закону!—И раздѣлили они все на четыре части. И старикъ далъ часть каждому изъ дѣтей своихъ, четвертую же часть оставилъ себѣ и сказалъ:—Все это было моимъ имуществомъ, и я раздѣлилъ его при жизни между ними, чтобы имъ не пришлось ничего требовать отъ меня, ни требовать другъ у друга, и для того, чтобы послѣ моей смерти у нихъ не было бы причинъ для ссоръ. Четвертая же часть, которую взялъ я себѣ, должна достаться моей женѣ, матери этихъ дѣтей, для того, чтобы ей было чѣмъ жить.

Вскорѣ послѣ этого старикъ умеръ; но сыновья его Салемъ и Салимъ не захотѣли довольствоваться своими долями наслѣдства и требовали отъ Джудара часть того, что ему досталось, говоря ему:—Имущество отца попало въ твои руки...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста тридцать девятая ночь,

она сказала:

... Имущество отца попало въ твои руки!—И пришлось Джудару обратиться къ суду и вызвать свидѣтелей-мусульманъ, присутствовавшихъ при дѣлежѣ, и которые и показали то, что было имъ извѣстно. Поэтому судья не допустилъ братьевъ захватить часть Джудара. Однако, судебныя издержки заставили Джудара и его братьевъ потерять часть того, чѣмъ они владѣли. Это не помѣшало братьямъ, чрезъ нѣкоторое время, снова замышлять противъ Джудара, которому еще разъ пришлось обратиться къ судьямъ; и опять пришлось имъ всѣмъ истратить значительную долю своего состоянія на тяжбу. Но это не остановило ихъ, и пошли они къ третьему судьѣ, а потомъ къ четвертому и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока тяжбы не поглотили всего наслѣдства, и всѣ трое такъ обѣднѣли, что у нихъ не было даже мѣдной монеты на покупку лепешки и луковицы.

Когда братья Салемъ и Салимъ увидѣли себя въ такомъ положеніи, и такъ какъ уже не могли ничего требовать отъ Джудара, такого же бѣдняка, какъ они сами,—они задумали обобрать мать свою, обманули, обобрали и грубо обошлись съ ней при этомъ. Бѣдная женщина со слезами пришла къ

Digitized by Google

сыну своему Джудару и сказала ему:—Братья твои то-то и то сдѣлали со мною! Они отняли у меня мою долю наслѣдства!—И стала она проклинать ихъ. Но Джударъ сказалъ ей:—О мать моя, не проклинай ихъ! Аллахъ воздастъ каждому по дѣламъ его! Я же не могу уже обращаться къ кади и другимъ судьямъ, потому что тяжба стоитъ денегъ, а я потерялъ все свое состояніе отъ прежнихъ тяжбъ. Намъ остается покориться и хранить молчаніе. Впрочемъ, о мать, ты можешь жить у меня, и я раздѣлю съ тобою послѣднее! Ты же, о мать моя, молись за меня Аллаху, и Онъ даруетъ мнѣ средства прокормить тебя! Братьевъ же оставь, пусть Всевышній Судія воздастъ имъ за ихъ дѣла, ты же утѣшайся словами поэта:

Когда тебя безумецъ угнетаетъ,
Сноси съ терпѣньемъ; можетъ только время
Ему отмстить. Но бойся тиранніи!
Горою угнетенная гора
Разбита будетъ третьею горою,
Сильнѣйшею,— и разлетится въ прахъ.

И продолжалъ Джударъ утѣшать и успокаивать мать свою, и ему удалось утѣшить ее и уговорить остаться у него. Онъ же, чтобы прокормить и ее и себя, добылъ рыболовную сѣть и каждый день отправлялся ловить рыбу то въ Нилѣ у Булака, то въ большихъ прудахъ, то въ другихъ мѣстахъ; и зарабатывалъ онъ такимъ образомъ то десять, то двадцать, то тридцать мѣдныхъ монетъ; и все заработанное тратилъ онъ на мать и на себя; а потому ѣли и пили они достаточно.

А у братьевъ не было ничего: ни купли, ни продажи. Ихъ угнетала нужда и всякія бѣдствія; такъ какъ они не замедлили растратить все, что̀ отняли у своей матери, то скоро стали они послѣдними нищими. И пришлось имъ обратиться къ матери и унижаться до крайности и жаловаться на терзавшій ихъ голодъ. Сердце же матери жалостливо и сострадательно. Такъ и эта мать, тронутая ихъ нищетой, давала имъ лишнія лепешки, которыя часто были уже покрыты плѣсенью; и подавала она имъ остатки вчерашняго обѣда, говоря:—Торопитесь и уходите прежде, чѣмъ вернется братъ вашъ; потому что ему было бы непріятно видѣть васъ, и онъ можетъ разсердиться на меня!—Они же спѣшили поѣсть и уйти. Но однажды, когда они вошли къ матери и она наставила передъ ними кушанье и хлѣбъ, вдругъ вернулся Джударъ. И матери было очень стыдно передъ нимъ, и смутилась она; и, боясь, что разсердила его, она опустила голову и смиренно поглядѣла въ сторону сына. Джударъ же не только не выказалъ досады, но улыбнулся братьямъ и сказалъ имъ:—Добро пожаловать, о братья мои! Благословенъ день вашъ! Что̀ же случилось, что вы рѣшили посѣтить насъ въ этотъ благословенный день?—И бросился онъ къ нимъ на шею, горячо поцѣловалъ и сказалъ:—Поистинѣ нехорошо было съ вашей стороны такъ долго заставлять меня скучать безъ васъ! Вы не приходили узнавать ни обо мнѣ, ни о матери!—Они же отвѣтили:—Клянемся Аллахомъ, о братъ нашъ, и мы томились желаніемъ видѣть тебя; насъ удерживалъ только стыдъ за то, что̀ произошло между тобою и нами! Но теперь мы раскаялись до глубины души! Впрочемъ, все это было дѣломъ сатаны (да будетъ онъ проклятъ Аллахомъ!), теперь же ты и мать наша — единственное благословеніе!—И, растроганный этими словами, Джударъ сказалъ имъ:—А для меня благословеніемъ являетесь вы оба, братья мои!—Тогда мать обратилась къ Джудару и сказала ему:—О дитя мое, да омоетъ лицо твое Аллахъ, да увеличитъ Онъ твое благосостояніе, такъ какъ ты самый великодушный изъ насъ!—А Джударъ сказалъ:—Добро пожаловать и оставайтесь у меня! Аллахъ щедръ, и у насъ всего будетъ вдоволь!—И помирился онъ съ братьями вполнѣ, вмѣстѣ поужинали они, и братья провели ночь подъ его кровомъ.

Digitized by Google

На другой день они всѣ вмѣстѣ ѣли утреннюю пищу, и Джударъ со своею сѣтью ушелъ съ надеждой на щедроты Дающаго, между тѣмъ какъ братья также ушли и отсутствовали до полудня, когда явились раздѣлить трапезу съ матерью.

А Джударъ вернулся только вечеромъ и принесъ мяса и овощей, купленныхъ на дневной заработокъ. И такъ жили они цѣлый мѣсяцъ. Джударъ ловилъ и продавалъ рыбу, чтобы кормить мать и братьевъ, которые ѣли и веселились.

Но вотъ однажды...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста сороковая ночь,

она сказала:

... Но вотъ однажды Джударъ забросилъ сѣть свою въ рѣку, а когда вытащилъ ее, нашелъ ее пустою; онъ забросилъ ее во второй разъ, и опять сѣть была пуста. Тогда сказалъ онъ себѣ:—Въ этомъ мѣстѣ нѣтъ рыбы!—И перемѣнилъ онъ мѣсто и забросилъ сѣть, но она опять оказалась пустою! Онъ перемѣнилъ мѣсто во второй, въ третій разъ, еще и еще, съ утра до самаго вечера, но не поймавъ ни единаго пискаря. Тогда онъ воскликнулъ:—Что̀ за чудо! Неужели рыба перевелась въ водѣ? Или, можетъ быть, есть тому другая причина?

Наступалъ уже вечеръ, онъ взвалилъ сѣть на спину, печальный и огорченный тѣмъ, что ничего не принесетъ матери и братьямъ на ужинъ; и проходилъ онъ мимо пекарни, въ которой имѣлъ обыкновеніе покупать хлѣбъ, возвращаясь домой. У пекарни толпились покупатели, спѣшившіе купить себѣ хлѣба, при чемъ каждый держалъ въ рукѣ монету, а продавецъ не обращалъ на нихъ большого вниманіе. Джударъ печально сталъ въ сторонкѣ, смотрѣлъ на покупателей и вздыхалъ. Тогда пекарь сказалъ ему:—Добро пожаловать, о Джударъ! Не нужно ли тебѣ хлѣба?—Но Джударъ молчалъ. Пекарь сказалъ ему:—Если съ тобой нѣтъ денегъ, все равно бери, сколько тебѣ нужно, а я подожду!—Тогда Джударъ сказалъ ему:—Дай мнѣ хлѣба на десять мѣдныхъ монетъ и возьми въ залогъ мою сѣть! — Но пекарь отвѣтилъ на это:—Нѣтъ, о бѣднякъ! Твоя сѣть открываетъ тебѣ двери заработка, и если бы я взялъ ее у тебя, я заперъ бы эту дверь. Вотъ хлѣбы, которые ты у меня обыкновенно покупаешь! А вотъ тебѣ отъ меня десять мѣдныхъ монетъ, которыя могутъ тебѣ понадобиться. А завтра, Джударъ, ты принесешь мнѣ рыбы на двадцать мѣдныхъ монетъ!—И Джударъ отвѣтилъ:—Клянусь головою и глазами моими!—Горячо поблагодаривъ пекаря, онъ взялъ хлѣбы и десять мѣдныхъ монетъ и пошелъ покупать мясо и овощи, говоря себѣ:—Завтра Господь дастъ мнѣ возможность расплатиться; и разсѣетъ Онъ мои заботы!—И вернулся онъ въ домъ свой, гдѣ мать стала стряпать, какъ и всегда. Джударъ поужиналъ и заснулъ.

На слѣдующій день, онъ взялъ сѣть и хотѣлъ уже выйти, когда мать сказала ему:—Ты уходишь, не съѣвши своей утренней порціи хлѣба!—Онъ отвѣтилъ ей:—Съѣшь ее съ братьями!—И пошелъ онъ на рѣку, гдѣ закинулъ сѣть и разъ, и два, и три, нѣсколько разъ перемѣнивъ мѣсто и такъ до часа послѣполуденной молитвы, но ничего не выловилъ. Тогда огорченный до крайности, онъ взялъ сѣть и пошелъ домой, а такъ какъ не было другой дороги, то и на этотъ разъ ему приходилось идти мимо пекарни; увидѣвъ его, пекарь опять отсчиталъ ему десять хлѣбовъ и десять мѣдныхъ

Digitized by Google

монетъ и сказалъ ему:—Возьми это и ступай! Если не посчастливилось тебѣ сегодня, посчастливится завтра! — Джударъ хотѣлъ извиниться, но пекарь сказалъ ему:—Нечего тебѣ, бѣднякъ, извиняться передо мною! Если бы ты выловилъ что-нибудь, то и заплатилъ бы! И если завтра ничего не выловишь, приходи опять и не стыдись; я подожду!

На другой день Джударъ опять ничего не поймалъ и снова принужденъ былъ зайти къ пекарю; и такъ не везло ему семь дней подрядъ, послѣ чего напала на него тоска, и говорилъ онъ себѣ:—Сегодня нужно идти на озеро Карунъ. Можетъ быть, тамъ ждетъ меня счастіе!

И пошелъ онъ къ озеру Карунъ, лежащему не вдалекѣ отъ Каира, и собирался уже закинуть свою сѣть, когда подъѣхалъ къ нему на мулѣ мограбинъ.

На немъ было необычайно роскошное платье, и былъ онъ такъ закутанъ въ бурнусъ и головную повязку, что виднѣлся у него только одинъ глазъ. На мулѣ была великолѣпная бархатная попона, роскошная сбруя изъ золота и шелка, а на крупѣ висѣлъ у него мѣшокъ изъ цвѣтной шерстяной ткани.

Подъѣхавъ къ Джудару, мограбинъ слѣзъ съ мула и сказалъ: — Привѣтъ тебѣ, о Джударъ, сынъ Омара!—Джударъ отвѣтилъ:—И тебѣ привѣтъ, о господинъ пилигримъ!—Мограбинъ сказалъ:—О Джударъ, ты мнѣ нуженъ! Если захочешь повиноваться мнѣ, то получишь большія выгоды и огромное состояніе; и будешь ты мнѣ другомъ; и будешь управлять всѣми моими дѣлами!—Джударъ отвѣчалъ:—О господинъ мой, скажи, что̀ у тебя на умѣ, и я буду повиноваться тебѣ во всемъ!—Тогда мограбинъ сказалъ ему:—Начни съ того, что прочти первую главу Корана!—И Джударъ прочелъ ее вмѣстѣ съ нимъ. Затѣмъ мограбинъ вынулъ изъ мѣшка шелковые шнурки и сказалъ ему:—О Джударъ, сынъ Омара, свяжи мнѣ руки, какъ только можешь крѣпче этими шнурками! Потомъ брось меня въ это озеро и подожди немного. Если увидишь, что рука моя высунется изъ воды раньше туловища моего, бросай скорѣе сѣть свою въ воду и вытащи меня на берегъ; но если не руку, а ногу мою увидишь надъ водою, то знай, что я умеръ. Тогда уже не заботься обо мнѣ, возьми мула и мѣшокъ и ступай на базаръ, гдѣ найдешь еврея, по имени Шамайя. Ему ты отдашь мула, а онъ дастъ тебѣ сто динаріевъ; возьми ихъ и иди путемъ своимъ! Но пусть все это останется тайной...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четырееста сорокъ первая ночь,

она сказала:

... Но пусть все это останется тайной! —Джударъ отвѣтилъ: — Слушаю и повинуюсь!—Онъ связалъ руки мограбину, говорившему ему:—Вяжи еще покрѣпче! — И когда все было готово, поднялъ его и бросилъ въ озеро. Затѣмъ сталъ ждать, что̀ случится.

По прошествіи нѣкотораго времени, онъ вдругъ увидѣлъ, какъ изъ воды высунулись рядомъ обѣ ноги мограбина.

И понялъ онъ, что человѣкъ этотъ умеръ, и, не заботясь о немъ болѣе, взялъ мула и отправился на базаръ, гдѣ дѣйствительно увидѣлъ того еврея, о которомъ говорилось: онъ сидѣлъ на стулѣ у входа въ свою лавку и, при видѣ мула, воскликнулъ:—Нѣтъ болѣе сомнѣнія! Человѣкъ погибъ!—А затѣмъ прибавилъ:—Онъ погибъ жертвою своей алчности!—И, не сказавъ

Digitized by Google

болѣе ни слова, онъ взялъ у Джудара мула и отсчиталъ сто динаріевъ золотомъ, говоря, что не слѣдуетъ говорить объ этомъ дѣлѣ.

Джударъ взялъ деньги у еврея и поспѣшилъ къ пекарю, у котораго купилъ, по обыкновенію, хлѣба и, подавая динарій, сказалъ:—Вотъ тебѣ, о господинъ мой, въ уплату моего долга! — Пекарь же свелъ счетъ и сказалъ ему:—Я долженъ тебѣ еще хлѣба на два дня!—Отъ него Джударъ пошелъ къ мяснику и продавцу овощей и, давая каждому по динарію, сказалъ имъ:—Отпустите мнѣ все, что нужно, и оставьте у себя остальныя деньги!—И, взявъ мясо и овощи, онъ отнесъ все это домой, гдѣ нашелъ братьевъ голодными; мать же уговаривала ихъ потерпѣть до возвращенія брата. Тогда поставилъ онъ передъ ними провизію, на которую они бросились, какъ звѣри, и въ ожиданіи обѣда пожрали весь хлѣбъ.

На другой день, передъ уходомъ своимъ, Джударъ отдалъ все имѣвшееся у него золото матери, говоря:—Оставь это себѣ и давай братьямъ, чтобы они никогда и ни въ чемъ не нуждались!—И взялъ онъ свою рыболовную сѣть и вернулся къ берегамъ озера Карунъ; и хотѣлъ онъ уже приняться за работу, когда увидѣлъ другого мограбина, очень похожаго на перваго и подъѣзжавшаго къ нему на мулѣ. Только этотъ мограбинъ былъ еще роскошнѣе одѣтъ, а на мулѣ была еще болѣе великолѣпная сбруя. И слѣзъ мограбинъ съ мула и сказалъ:—Привѣтъ тебѣ, о Джударъ, сынъ Омара!—Онъ отвѣтилъ:—И тебѣ привѣтъ, о господинъ мой пилигримъ!—Тотъ спросилъ:—Не видалъ ли ты здѣсь вчера мограбина на мулѣ, похожемъ на этого мула?—Но Джударъ, изъ боязни, что его станутъ обвинять въ смерти того человѣка, сказалъ себѣ, что всего лучше будетъ отрицать все. А потому отвѣтилъ:—Нѣтъ, я никого не видалъ!—Мограбинъ улыбнулся и сказалъ:—О бѣдный Джударъ, ты вѣрно не знаешь, что мнѣ извѣстно все. Человѣкъ, котораго ты бросилъ въ озеро, и мула котораго продалъ еврею Шамайѣ за сто динаріевъ—братъ мой! Къ чему запираться?—Джударъ сказалъ:—Если все это извѣстно тебѣ, зачѣмъ же ты спрашиваешь?—Мограбинъ отвѣтилъ:—Затѣмъ, что хочу, чтобы ты и мнѣ оказалъ такую же услугу, какъ и брату!—И вынулъ онъ изъ своего драгоцѣннаго мѣшка толстые шелковые шнурки, отдалъ ихъ Джудару и сказалъ:—Свяжи меня такъ же крѣпко, какъ связалъ брата моего, и брось меня въ воду! Если изъ воды покажется прежде всего нога моя, значитъ, я мертвъ!—Тогда бери мула и продай его еврею за сто динаріевъ.—Джударъ отвѣтилъ:—Подходи!—Мограбинъ подошелъ, и Джударъ связалъ ему руки, поднялъ и бросилъ въ озеро, гдѣ онъ сейчасъ же пошелъ ко дну.

Нѣсколько минутъ спустя, показались надъ поверхностью воды двѣ ноги. И понялъ онъ, что мограбина уже нѣтъ въ живыхъ, и сказалъ себѣ:—Онъ утонулъ! Туда ему и дорога! Иншалахъ! Хорошо бы каждый день бросать по мограбину въ воду и получать каждый разъ сто динаріевъ! — И, взявъ мула, онъ отправился къ еврею, который, увидѣвъ его, вскрикнулъ:—Умеръ и второй!—Джударъ отвѣтилъ:—Да будетъ жива голова твоя!—Еврей же замѣтилъ: — Такова награда честолюбцамъ! И взялъ онъ мула и уплатилъ сто динаріевъ Джудару, а тотъ вернулся къ матери и отдалъ ихъ ей. Мать же спросила:—Но, о дитя мое, откуда у тебя все это золото? — Тогда разсказалъ онъ ей объ всемъ случившемся съ нимъ; она же сильно испугалась и сказала:—Всего лучше для тебя не возвращаться къ озеру Карунъ! Боюсь я этихъ мограбиновъ.—Онъ же отвѣтилъ:—Но, о мать моя, я бросаю ихъ въ воду, только съ ихъ собственнаго согласія! Да и какъ этого не дѣлать, когда это ремесло приноситъ мнѣ по сту динаріевъ въ день? Клянусь Аллахомъ! Я каждый день буду ходить къ озеру Карунъ, пока не утоплю всѣхъ мограбиновъ до послѣдняго!

Digitized by Google

Рисунокъ крышки для переплета иллюс монографіи

«МИѲЫ ВЪ ИСКУССТВѢ СТАРОМЪ

Историко-художественная монографія съ ціями. (Пособіе при чтеніи классическихъ для уясненія поэтическихъ аллегорій и си изведеніяхъ искусствъ и поэзіи). Изданіе ваго Журнала Иностранной Литературы».

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн нія одобрено для ученическихъ и фундамент отекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учит тутовъ и семинарій, городскихъ и уѣздныхъ безплатныхъ читаленъ.

Крышки для переплета изъ англійскаго коле ніемъ краской и золотомъ. Цѣна 50 коп., съ

АДРЕСОВАТЬСЯ: С.-Петербургъ, Улица Гоголя

Рисунокъ крышки для переплета иллю художественной монографіи

„ЖИВОПИСЬ ПРЕРАФАЭЛИТ

составляющей особое безплатное приложе

ЖУРНАЛУ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУ

Изъ англійскаго коленкора разныхъ цв ніемъ красками и золотом

Цѣна 50 коп., съ пересылкой

ЛИТЕРАТУРЫ"

ОВАНІЕ ЛЮДО-
АЛЬФРЕДА-ДЕ-
франц. художн.

. Съ портр. ав-
Лихтенштадтъ.
репл. 1 р. 25 к.

АНА. (Посмерт-
ное изд.).
к., перес. 20 к.

ъ ЭЖЕНЯ СЮ.
частяхъ. Первый
ес. 25 к.

М. Л. Лихтен-
сякихъ измѣне-
с. 25 к.

АРА, ЧЛЕНА
ИНСТИ-
ц. перев. С. С.

ЕРСА. Въ перев.
25 к.

ЧНАЯ ЖИЗНЬ,
И СВАДЬБА АД-
АНА-ПОЛЯ РИХ-
. Съ біографіей
с. 25 к.

6 част. Въ пе-
и Е. Г. Барте-

й Парижскаго
ллюстраціями и
резиденту Фран-
к.

КОГДА СПЯЩІЙ
ПРОСНЕТСЯ).
К. К. Толстого.

АНА. (Посмертн.
ев. М. Л. Лих-

манъ УЭЛЛЬСА.
перев. К. К. Тол-

ТИЛЛАНА.
Л. Соноловскаго.
иллюстраціями.

очиненія ЭМЕР-
СОНА. Томъ I.
бъ Эмерсонѣ и
25 к.

ТОРА ГЮГО. По-
т. изд. Ц. 50 к.

ИВЕТЫ ГИЛЬ-
Перев. В. Н. Пуш-
20 к.

Перлока Холмса.
ЛЯ. Съ англійск.
20 коп.

МАЛЕНЬКІЯ
ерев. К. К. Тол-
перес. 25 к.
нгл. перев. К. К.
рес. 20 к.
Съ англ. перев.
перес. 25 к.
ерев. О. М. Со-

го Просвѣщенія
іотеки и, сверхъ
ста, библіотеки
въ, а тремій — въ
е заведеній.

ала Иностранной
. Морская, 9) за

Digitized by Google

КНИГИ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ

РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ ИЗДАНІЯ

редакціи „НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“:

АТМОСФЕРА.

Популярная метеорологія. **Камилла Фламмаріона.** Въ 6-ти книгахъ. Въ перев. К. К. Толстого. Болѣе 300 иллюстрацій.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ и женскихъ гимназій, реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для безплатныхъ народныхъ читаленъ, а также для выдачи ученикамъ въ видѣ награды.

Цѣна **2** р. **50** к., пересылка **50** к. За изящный коленк. переп. съ тисненіемъ различн. краск. и серебромъ добавляется **75** к.

ПОЭЗІЯ ФЛОРЫ.

Цвѣточный календарь въ письмахъ. Съ изображеніемъ и описаніемъ 320 цвѣтовъ. (Для любителей природы).

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ ученическія библіотеки всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, а также въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Цѣна **2** р., перес. **50** к. За изящный колен. переп. съ тисненіемъ различн. краск. и серебромъ добавляется **75** к.

Миѳы въ искусствѣ старомъ и новомъ.

Историко-художественная монографія. Съ 285 иллюстраціями и алфавитнымъ указателемъ миѳовъ. (Пособіе при чтеніи классическихъ писателей и для уясненія поэтическихъ аллегорій и символовъ въ произведеніяхъ искусствъ и поэзіи).

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для ученическихъ и фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, для учительскихъ институтовъ и семинарій, городскихъ и уѣздныхъ училищъ и для безплатныхъ читаленъ.

Цѣна **2** р. **50** к., перес. **50** к. За изящн. коленк. переп. съ тиснен. различн. краск. и серебромъ добавляется **75** коп.

ПЛУТАРХЪ XIX ВѢКА.

Знаменитые люди XIX вѣка въ біографіяхъ и портретахъ. (Политическіе и общественные дѣятели, мыслители, ученые, изобрѣтатели, путешественники, историки, писатели, поэты, художники и артисты). Томъ I-й. (80 біографій и портретовъ). Томъ II-й (85 біографій и портретовъ).

Цѣна каждаго тома **1** р. **50** к., перес. **25** к.

МУЗЫКА ВЪ XIX ВѢКѢ

ВОКАЛЬНАЯ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ:

40 музыкальныхъ пьесъ. Съ очеркомъ музыки XIX вѣка. Съ портр. 35 знамен. композиторовъ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ, въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

Цѣна **2** р. **50** к., за изящн. перепл. добавл. **75** к.

ФРАНСУА РАБЛЭ.

ГАРГАНТЮА и ПАНТАГРЮЭЛЬ.

Въ пяти книгахъ. Переводъ А. Н. Энгельгардтъ. Съ иллюстраціями Г. Дорэ.

Цѣна **3** руб. **50** коп., съ пересылкою **4** руб. За изящный коленкоровый переплетъ доплачивается **75** к.

ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ.

АРАБСКІЕ РАЗСКАЗЫ ШАХРАЗАДЫ.

Первый полный русскій переводъ (по изданію Мардруса). Съ пояснительными примѣчаніями и новѣйшими иллюстраціями. (Репродукціи на мѣди картинъ Альберта Лечфорда). **Томъ первый** (совершенно законченный). (520 стран. in 8 большого формата). Цѣна **2** р. **50** к., въ переплетѣ **3** р. **50** к. Пересылка **50** к. **Томъ второй**, также совершенно законченный (428 стр. in-8). Цѣна **2** р., въ перепл. **3** р. Пересылка **50** к.

Каждый изъ этихъ томовъ и печатающихся двухъ послѣднихъ представляетъ собой полнѣ законченное цѣлое, такъ какъ разсказы каждаго тома совершенно независимы отъ разсказовъ предшествующаго или послѣдующаго томовъ.

НОВОЕ ЖИЗНЕОПИСАНІЕ

Оливера КРОМВЕЛЯ.

Историческая монографія **Джона Морлея.** Съ англійскаго. Съ многочисленными иллюстраціями.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія одобрено для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.

Цѣна **1** руб. **50** коп., пересылка **25** коп. За изящный коленкоровый переплетъ доплачивается **75** коп.

ЖЕНСКАЯ КРАСОТА

съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней.

Иллюстрированная художественно-историческая монографія, представляющая эстетическій и культурно-историческій интересъ, такъ какъ въ ней охарактеризованы типы женской красоты, начиная съ 4000 г. до Р. Х. и до нашихъ дней.

Цѣна **2** р. **50** к., перес. **50** к. За изящный коленк. перепл. доплачив. **75** к.

ДАМСКІЯ МОДЫ XIX ВѢКА.

Художественно-историческая монографія о женскихъ нравахъ и вкусахъ. Съ многочисленными рисунками, иллюстрирующими эволюцію женскаго костюма въ періодъ послѣдняго столѣтія.

Цѣна **75** коп., пересылка **25** коп.

ЖЕНЩИНА ВЪ ИСКУССТВѢ.

Иллюстрированная художественно-историческая монографія о вліяніи женской граціи и красоты на развитіе эстетики съ древнихъ временъ до нашихъ дней. Болѣе 200 иллюстрацій. Большой томъ на хорошей бумагѣ.

Цѣна **2** руб., пересылка **50** коп.

АЛЕКСАНДРЪ ВЕЛИКІЙ.

Иллюстрированная историческая монографія профессора **Веніамина Уилера.** Съ англійскаго. Большой томъ на лучшей бумагѣ.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущено въ фундаментальныя и ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и библіотеки.

Цѣна **1** р. **50** к., перес. **25** к. За изящн. коленк. перепл. доплачивается **75** к.

ТАНЦЫ, ИХЪ ИСТОРІЯ И РАЗВИТІЕ

СЪ ДРЕВНИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ.

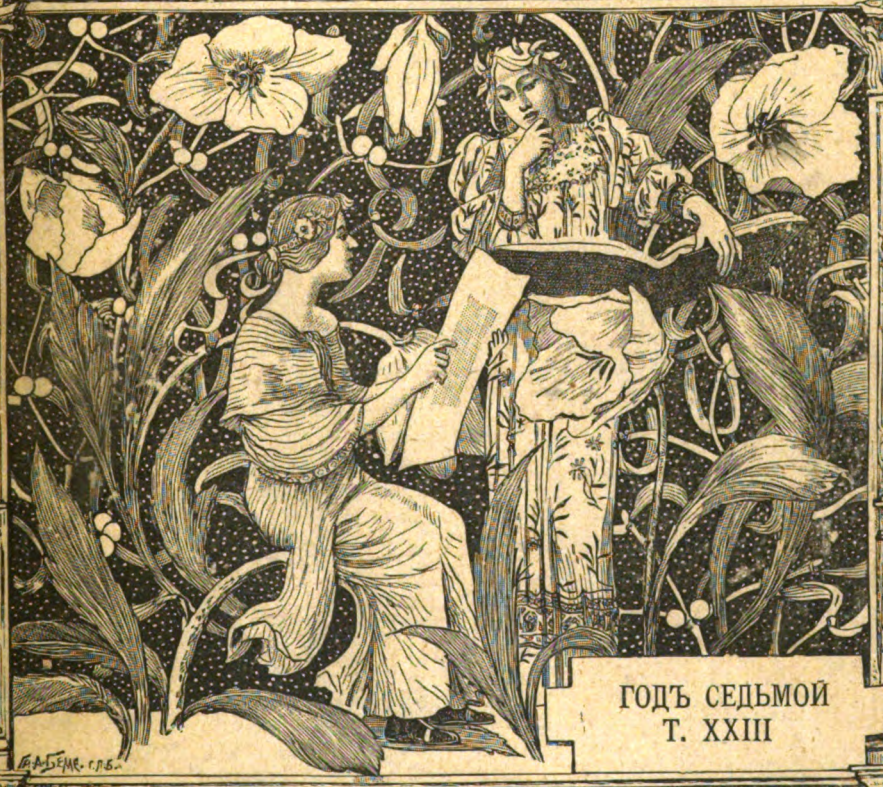
Съ многочисленными иллюстраціями (картины и рисунки знаменитыхъ художниковъ, портреты знаменитѣйшихъ танцовщицъ, изображенія разнохарактерныхъ народныхъ танцевъ). Цѣна **2** р., въ переплетѣ **3** р.

Съ требованіями адресоваться въ редакцію «Новаго Журнала Иностранной Литературы»: С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9.

Digitized by Google

№ 10
981.
964

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА И НАУКИ



ГОДЪ СЕДЬМОЙ
Т. XXIII

№ 3—Мартъ 1903 Томъ I

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

Digitized by Google

ДВА НОВЫХЪ И ПОСЛѢДНИХЪ ТОМА

Съ январьской книги подписчики „НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“, уплатившіе годовую цѣну журнала, ЕЖЕМѢСЯЧНО, въ теченіе 1903 года, будутъ получать БЕЗПЛАТНО знаменитѣйшее изъ произведеній міровой литературы

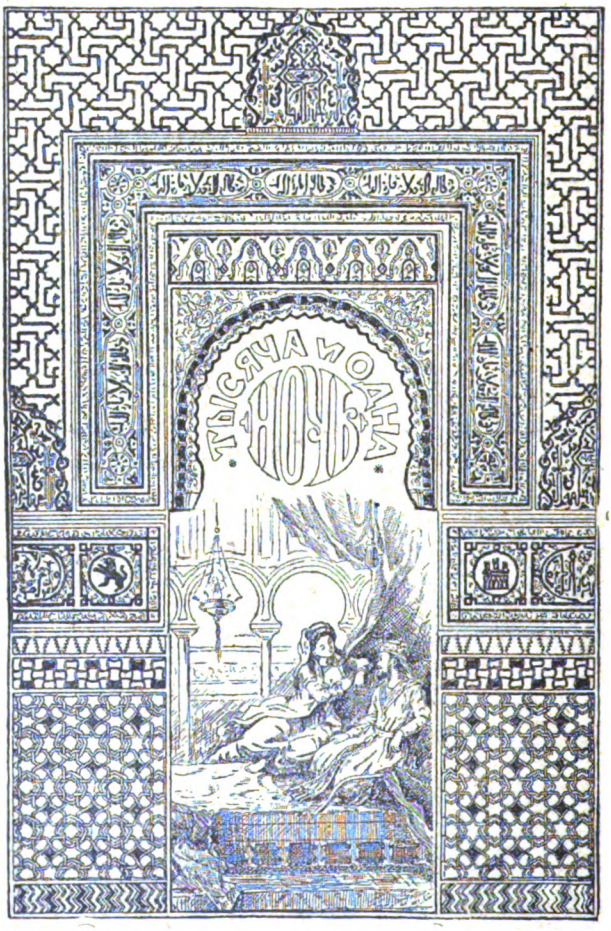
ИЗВѢСТНОЕ ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ

ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ.

Первый полный и точный русскій переводъ съ новѣйшими иллюстраціями

Изъ ежемѣсячныхъ 12 выпусковъ «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ» въ теченіе 1903 г. составится ДВА БОЛЬШИХЪ ТОМА, для которыхъ по особому рисунку изготовлены крышки для переплета изъ англійскаго коленкора съ изящнымъ тисненіемъ различными красками. Цѣна двухъ крышекъ 1 р., съ перес. 1 р. 40 к. Желающіе получить эти крышки благоволятъ заявить объ этомъ при подпискѣ. Наложеннымъ платежомъ крышки не высылаются.

Первые два тома изданія „ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ“, напечатанные въ 1902 г., поступили въ продажу. Томъ первый (совершенно законченный) (520 страницъ 1г-8 большого формата). Ц. **2 р. 50 к.**, въ переплетѣ **3 р. 50 к. Томъ второй**, также совершенно законченный (428 стран. 1г-8). Ц. **2 р.**, въ переплетѣ 3 р. Пересылка каждаго тома **50 к. Подписчики на „НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ“ 1903 года, желающіе пріобрѣсти первые два тома „ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ“ пользуются уступкой: иногородные 20 % и безплатной пересылкой, а городскіе — 25 %.**



Рисунокъ крышки для переплета томовъ изданія «ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ».
Цѣна крышки для каждаго тома **50** к., съ пересылкой — **70** к.

АДРЕСОВАТЬСЯ: Редакція „Новаго Журнала Иностранной Литературы“. С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9.

Поступило въ продажу новое изданіе редакціи „Новаго Журнала Иностранной Литературы“: **ДИДРО и ЕКАТЕРИНА II.** Ихъ бесѣды, напечатанныя по собственноручнымъ запискамъ Дидро. Цѣна 75 к., перес. 25 к.

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ

ТОМЪ I

(ЯНВАРЬ — ФЕВРАЛЬ — МАРТЪ 1903 г.)

961

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

(Годъ седьмой.—Т. XXIII-й)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годовая (съ 1-го января 1903 г. по 31-е декабря 1903 г.) 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., за границу 9 р. За перемѣну адреса: иногородняго на иногородній 28 к., иногородняго на петербургскій и петербургскаго на иногородній 50 к.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9. (Пріемъ для личныхъ объясненій—по субботамъ, отъ 1 до 2 ч. по полудни). Телефонъ 2327.

[redacted] За доставку книгъ въ такія мѣстности, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій, редакція не принимаетъ на себя отвѣтственности. [redacted]

Digitized by Google

ПОДПИСКА КА 1903 г. | 7-Й ГОДЪ ИЗДАНІЯ

12 книгъ (4 большихъ тома)

Болѣе **7000** столбцовъ больш. in 8° убористой печати, **2000** иллюстрацій на лучшей бумагѣ.

20 томовъ выдающихся сочиненій.

НА 1903 ГОДЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ИЗЯЩНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ЦѢНА НА ГОДЪ **5 р.**

съ доставкой и пересылкой **6** р.

РАЗСРОЧКА: при подпискѣ — **2** р. къ 1 марта — **2** р. къ 1 мая — **1** р., съ пер. **2** р.

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИСКУССТВА и НАУКИ

НЕЗАВИСИМО ОТЪ 12 КНИГЪ, содержащихъ **ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЯ** беллетристическія произведенія, журнальныя статьи современнаго интереса и занимательнаго содержанія, литературныя, научныя и художественныя, **иллюстрированную хронику** (на современныя темы, изъ прошлаго, новости литературныя, художественныя и научныя, изъ артистическаго міра, изъ газетъ и журналовъ, изъ книжнаго міра и лѣтопись современныхъ преступленій), — въ теченіе 1903 г. подписчики получатъ **20 ТОМОВЪ БЕЗПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ,** каждое съ отдѣльной нумераціей страницъ, въ томъ числѣ:

12 новѣйшихъ романовъ и повѣстей разныхъ авторовъ—французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и др.; **два новыхъ и послѣднихъ тома** знаменитѣйшаго изъ произведеній міровой литературы **„ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ“**—первый полный русскій переводъ **съ репродукціями на мѣди картинъ А. Лечфорда** на мѣловой бумагѣ. Каждый томъ этого изданія представляетъ собой вполнѣ законченное цѣлое, такъ какъ разсказы и повѣсти каждаго тома совершенно независимы отъ разсказовъ предшествующаго или послѣдующаго тома. Сверхъ того, при журналѣ печатается сборникъ статей и этюдовъ **ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА,** не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій; обширный томъ **„ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВО ВСѢХЪ ЕГО ПРИМѢНЕНІЯХЪ“ Ж. Дари** съ многочисленными иллюстраціями.

Подписчики, уплатившіе годовую цѣну журнала на 1903 годъ, получатъ вмѣстѣ съ январской книгой 1903 г. **особое приложеніе: Главное руководство по врачебной наукѣ Тибета „ЖУД-ШИ“** въ новомъ переводѣ **П. А. Вадмаева,** съ обширнымъ введеніемъ его, излагающимъ исторію Тибетской врачебной науки и разъясняющимъ ея систему, методы лѣченія и лѣчебныя средства, изученные многовѣковымъ опытомъ, а съ февральской книгой — **2-е особое приложеніе: роскошное художественное изданіе „СТО ШЕДЕВРОВЪ ИСКУССТВА“** (произведенія 85 знаменитыхъ художниковъ, французскихъ, англійскихъ, италіанскихъ, голландскихъ, германскихъ, испанскихъ, начиная съ XIV вѣка до настоящаго времени). Съ описаніемъ воспроизведенныхъ **лучшихъ ста картинъ** и съ біографіями ихъ авторовъ. Большой томъ съ иллюстраціями на плотной веленевой бумагѣ. Подписчики въ разсрочку получатъ эти приложенія по уплатѣ ими послѣдняго взноса.

Цѣна на годъ **5** руб., съ доставкой и пересылкой **6** руб. (Разсрочка **въ два срока:** при подпискѣ и къ 1 мая по **2** р. **50** к., съ пересылкой по **3** р.; **въ три срока:** при подпискѣ **2** р., къ 1 марта—**2** р., къ 1 мая **1** р., съ пересылкою **2** р.).

Съ требованіями обращаться:

С.-Петербургъ, улица Гоголя (бывш. Малая Морская), 9.

Редакторъ-издатель Ѳ. И. БУЛГАКОВЪ.

Digitized by Google

НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА И НАУКИ.

Т. I. МАРТЪ 1903 г. № 3.

СОДЕРЖАНІЕ.

СТАТЬИ СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ:

СТРАН.

I. Благовѣщеніе. (Съ карт. Бёрнъ-Джонса) 217

II. Соловей и роза. Оскара Уайльда. (Съ англійскаго переводъ З. Т.). (Съ рис.) 219

III. Маленькіе романы. (Изъ иностранной жизни). Стихотвореніе Бенедикта 221

IV. Жанъ-Жакъ Эннеръ и его произведенія. (Съ 4 рис.) 222

V. Король Лиръ. Критическія замѣтки Альжернона Чарльса Суинбёрна. (Съ вин. и 3 рис.). 229

VI. Экспедиція къ магнитному полюсу. (Съ отзывомъ о ней Ф. Нансена). А. М. Филиппова. (Съ вин. и картой) 235

VII. Дневникъ милліонера. Джидара Гиббарда. (Съ англійскаго переводъ Е. Н. Ломиковской). (Съ вин.). 241

VIII. Борьба за свободу. Генерала Х. Р. де-Вета. (Воспоминанія о трехлѣтней войнѣ буровъ съ англичанами). Въ переводѣ Льва Жданова. (Съ рис.). VI—VIII. . . . 252

IX. Англійская пресса. Л. А. Б—чъ. (Съ вин.). (Продолж.) 262

X. Дрессировка дикихъ звѣрей. Гіальмара Гіорта Боисена. (Съ 6 рис.) 271

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ХРОНИКА.

11 статей и замѣтокъ съ иллюстр. (Подробное оглавленіе см. на стр. 280) . 279—316

СЪ ОТДѢЛЬНОЙ НУМЕРАЦІЕЙ СТРАНИЦЪ.

Электричество во всѣхъ его примѣненіяхъ. Жоржа Дари. Съ многочисленными иллюстраціями. Перевелъ и дополнилъ К. И. Дебу. (Продолж.). . . . 65— 96

Факты и комментаріи. Статьи и этюды. Герберта Спенсера. Въ переводѣ К. К. Толстого. (Продолж.). . . . . 33— 48

НОВѢЙШІЕ РОМАНЫ, ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Комическая исторія. Новый романъ Анатоля Франса. Съ французскаго переводъ С. С. Миримановой . . . . . 1— 16

Женщины, которыхъ я зналъ. Маартенъ Маартенса. Съ англійскаго переводъ О. М. Соловьевой (†). (Продолж.). . . . . 33— 64

Кто—воръ или убійца? Романъ Флоренса Уордена. Переводъ съ англійскаго К. Г. Михайленко. (Продолж.). . . . . 65—96

Неизданныя повѣсти Бретъ-Гарта: I. Хозяинъ Вигъ-Флюмской гостиницы. II. Питомцы миссъ Пэджи. . . . . . 1— 16

Маленькіе разсказы: I. Принудительная работа. II. Черное дѣло. В. Джекобса. Съ англійскаго переводъ Е. М. Студенской . . . . . 1— 16

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

Тысяча и одна Ночь. Арабскіе разсказы Шахразады. Первый полный русскій переводъ, съ пояснительными примѣчаніями и репродукціями на мѣди картинъ А. Лечфорда. Выпускъ III-й: Разсказы 442—488 ночей. . . . . 113—176

Дозволено цензурою 27 февраля 1903 г. С.-Петербургъ.

Редакторъ-издатель **Ѳ. И. Булгаковъ.**

Digitized by Google

Новыя изданія редакціи „НОВАГО ЖУРНАЛА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ“:

книга генерала Хр. Де-Вета

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ

(Воспоминанія о трехлѣтней англо-бурской войнѣ).

Въ одномъ томѣ (440 стр.) съ портретомъ автора

въ переводѣ **ЛЬВА ЖДАНОВА.**

Цѣна **1 руб.**, съ пересылкой **1 руб. 25 коп.**

ГЛАВНОЕ РУКОВОДСТВО ПО ВРАЧЕБНОЙ НАУКѢ ТИБЕТА

ЖУД-ШИ

въ новомъ переводѣ П. А. БАДМАЕВА.

Съ обширнымъ введеніемъ его же, разъясняющимъ основы Тибетской врачебной науки.

Цѣна **1** р. **25** к., пересылка **25** к.

ДИДРО и ЕКАТЕРИНА II

Ихъ бесѣды, напечатанныя по собственноручнымъ запискамъ Дидро.

Съ пояснительнымъ очеркомъ и примѣчаніями **Мориса Турнё.** Въ переводѣ **К. К. Толстого.**

Цѣна **75** к., пересылка **25** к.

Адресующіеся въ редакцію „Новаго Журнала Иностранной Литературы“ (С.-Петербургъ, улица Гоголя, 9) за пересылку не платятъ.

Первые два тома изданія „ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ“, напечатанные въ 1902 г., поступили въ продажу. Томъ первый (совершенно законченный) (520 страницъ in-8 большого формата). Ц. **2** р. **50** к., въ переплетѣ **3** р. **50** к. **Томъ второй,** также совершенно законченный (428 страницъ in-8). Ц. **2** р., въ переплетѣ **3** р. Пересылка каждаго тома **50** к. **Подписчики на „НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ“ 1903 года, желающіе пріобрѣсти первые два тома „ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ“, пользуются уступкой: иногородные 20% и безплатной пересылкой, а городскіе—25%.**

Каждый изъ этихъ томовъ и печатающихся въ 1903 г. двухъ послѣднихъ представляетъ собою вполнѣ законченное цѣлое, такъ какъ разсказы каждаго тома совершенно независимы отъ разсказовъ предшествующаго или послѣдующаго томовъ.

Редакція „Новаго Журнала Иностранной Литературы“ считаетъ долгомъ заявить, что въ настоящее время она лишена всякой возможности дать переводъ романа Э. ЗОЛА

„ПРАВДА“.

Digitized by Google

МАРТЪ.

Благовѣщеніе. (Съ картины Бёрнъ-Джонса).

Digitized by Google

Аврора.

СОЛОВЕЙ и РОЗА.

Оскара Уайльда.

(Съ англійскаго переводъ **З. Т.**).

— Она сказала, что будетъ танцовать со мной, если я принесу ей алую розу,— вскричалъ молодой студентъ;—но во всемъ моемъ саду нѣтъ ни одной красной розы.

Соловей, услышавъ это изъ своего гнѣзда на деревѣ столѣтняго дуба, съ изумленіемъ выглянулъ изъ листвы.

— Ни одной красной розы!—восклицалъ юноша, и его чудные глаза наполнялись слезами. Ахъ, отъ какихъ пустяковъ зависитъ иногда счастье! Я прочиталъ все, что́ когда-либо писали мудрецы, я проникъ въ глубочайшія тайны философіи, и, однако, вотъ это настойчивое требованіе красныхъ розъ разбиваетъ всю мою жизнь!.

— Вотъ, наконецъ, истинно влюбленный, — сказалъ соловей. Ночь за ночью пѣлъ я о немъ, хотя и не зналъ его; отъ зари до зари разсказывалъ я его исторію звѣздамъ, и вотъ онъ предо мною. Его волосы темнѣе, чѣмъ цвѣтъ гіацинта, а губы алѣютъ, какъ роза, которую онъ ищетъ; но отъ страсти лицо его стало бѣлѣе слоновой кости, и горе наложило печать на его чело.

— Завтра принцъ даетъ балъ,—шепталъ юный студентъ,—и моя милая будетъ въ числѣ гостей. Если я достану ей алую розу, она будетъ танцовать со мною до разсвѣта. Въ награду за этотъ цвѣтокъ ея головка будетъ покоиться на моемъ плечѣ, я буду держать ее въ объятіяхъ, а рука моя будетъ сжимать ея руку. Но въ моемъ саду нѣтъ красныхъ розъ, и на этомъ вечерѣ я останусь одинъ: она пройдетъ мимо, не удостоитъ меня взглядомъ, и сердце мое разорвется.

— Да, это истинно влюбленный,—сказалъ соловей:—то, о чемъ я пою, онъ переживаетъ; то, что̀ для меня радость, для него—печаль. Въ самомъ дѣлѣ, любовь непостижимое чувство. Она дороже изумрудовъ и опаловъ. Ее нельзя достать ни за жемчугъ, ни за гранаты; она не выставляется на рынкахъ, не пріобрѣтается у торговцевъ и не можетъ быть оцѣнена на вѣсъ золота.

— Музыканты, сидя на хорахъ,—продолжалъ горевать студентъ,—будутъ играть на своихъ инструментахъ, а моя милая будетъ танцовать подъ звуки арфъ и скрипокъ. Она танцуетъ такъ легко, едва касаясь пола; придворные, въ пышныхъ нарядахъ, будутъ толпиться вокругъ нея. А со мной танцовать она не будетъ, такъ какъ я не могу достать

Digitized by Google

ей красную розу! И, бросившись на траву, онъ закрылъ лицо руками и заплакалъ.

— О чемъ онъ плачетъ?—спросила маленькая зеленая ящерица, пробѣгая мимо и помахивая хвостикомъ.

— О чемъ, въ самомъ дѣлѣ?—сказала бабочка, порхавшая въ солнечныхъ лучахъ.

— О чемъ?—прошептала своему сосѣду маргаритка нѣжнымъ и тихимъ голосомъ.

— Онъ плачетъ о красной розѣ,—сказалъ соловей.

— О красной розѣ!—вскричали всѣ хоромъ,—какъ это смѣшно!—А маленькая ящерица стала смѣяться безъ стѣсненія.

Но соловей, понявшій горе студента, молчаливо сидѣлъ на дубѣ, размышляя о тайнѣ любви.

Вдругъ онъ расправилъ свои коричневыя крылышки и вспорхнулъ въ воздухъ. Словно тѣнь промелькнулъ онъ въ листвѣ и безшумно полетѣлъ черезъ садъ.

По срединѣ зеленой лужайки росъ пышный розовый кустъ. Соловей отправился къ нему и опустился на одну изъ его вѣтокъ.

— Дай мнѣ красную розу,—вскричалъ онъ,—и я спою тебѣ мою нѣжную пѣсню.

Но кустикъ покачалъ головкой:

— Мои розы бѣлѣе, чѣмъ снѣга на горныхъ вершинахъ,—отвѣчалъ онъ,—онѣ бѣлы, какъ пѣна морская. Но поди къ моему брату, что раскинулся вокругъ старыхъ солнечныхъ часовъ; можетъ быть, онъ исполнитъ твою просьбу.

Соловей полетѣлъ къ указанному кусту.

— Дай мнѣ красную розу, и я спою звонкую пѣсню,—попросилъ онъ.

Но кустъ отвѣчалъ, качая головкой:

— Мои розы желтѣе цвѣтовъ златоцвѣта, что убираютъ поле, пока ихъ не срѣжетъ коса; онѣ желты, какъ волосы морской дѣвы, что сидитъ на янтарномъ тронѣ въ глубинѣ океана. Но лети къ моему брату, подъ окномъ студента; онъ, можетъ быть, дастъ тебѣ то, что ты хочешь.

Итакъ, соловей полетѣлъ дальше, къ кусту передъ окномъ студента.

— Дай мнѣ красную розу, и я спою тебѣ свою самую нѣжную пѣсню.

Но и этотъ кустъ покачалъ головою:

— Мои розы краснѣе коралловъ, колеблющихъ свои вѣера въ глубокихъ пещерахъ морскихъ; онѣ красны, какъ нѣжныя лапки голубки. Но зима сковала мою кровь, морозъ осыпалъ мои бутоны, буря поломала вѣтви, и мнѣ не суждено цвѣсти въ этомъ году.

— Одну красную розу—это все, что я хочу!—вскричалъ соловей,—только одну розу. Развѣ никакъ ужъ нельзя ее добыть?

— Есть одинъ способъ,—отвѣчалъ кустъ — но онъ такъ ужасенъ, что я не осмѣливаюсь сказать тебѣ.

— Скажи его мнѣ,—просилъ соловей,— я не испугаюсь.

— Если хочешь добыть красную розу,— сказалъ кустъ, — ты долженъ создать ее изъ звуковъ музыки при лунномъ сіяніи и окрасить ее кровью твоего собственнаго сердца. Пронзивши грудь моимъ шипомъ, ты долженъ пѣть мнѣ всю ночь до зари; пока шипъ не проколетъ тебѣ сердце и твоя кровь, перелившись въ меня, воскреситъ во мнѣ жизнь.

— Смерть за красную розу—это очень дорогая цѣна!—вскричалъ соловей:—каждый дорожитъ своей жизнью. Привольно сидѣть въ зеленомъ лѣсу и любоваться солнцемъ въ его золотой колесницѣ и луной въ жемчужной повозкѣ. Сладко упиваться ароматомъ боярышника, и такъ красивы колокольчики, прячущіеся въ долинахъ, и верескъ, цвѣтущій на холмахъ. Но любовь краше жизни, и что стоитъ сердце птицы въ сравненіи съ сердцемъ человѣка?

Расправивъ свои коричневыя крылышки, соловей поднялся въ воздухъ. Словно тѣнь промчался онъ по саду и тихо опустился въ листву.

Юный студентъ все еще лежалъ въ травѣ на томъ же мѣстѣ, и слезы еще не высохли въ его прекрасныхъ глазахъ.

— Не печалься,—закричалъ ему соловей,—ободрись: у тебя будетъ красная роза! Я создамъ ее изъ музыки при лунномъ сіяніи и окрашу ее кровью моего собственнаго сердца. Въ награду я прошу только обѣщанія вѣрно любить; любовь глубже самой глубокой мудрости и сильнѣе самаго несокрушимаго могущества. На огненныхъ крыльяхъ слетаетъ она и зажигаетъ сердце. Уста ея сладки, какъ медъ, и дыханіе ея благоухаетъ какъ мирра.

Студентъ, прислушиваясь, приподнялся въ травѣ; но языкъ птички былъ ему непонятенъ: вѣдь онъ зналъ только то, что написано въ книгахъ.

Зато понялъ старый дубъ и опечалился: онъ былъ сильно привязанъ къ птичкѣ, свившей гнѣздо на его вѣтвяхъ.

Digitized by Google

— Спой же мнѣ послѣднюю пѣсню,—прошепталъ онъ,—я буду такъ одинокъ безъ тебя!

И соловей запѣлъ для стараго дуба, и голосъ его былъ подобенъ журчанью воды, падающей изъ серебряной урны.

Когда онъ кончилъ пѣсню, студентъ всталъ и вынулъ изъ кармана записную книжку и карандашъ.

— Безспорно, у нея чудная внѣшность,—сказалъ онъ самъ себѣ, скрываясь за листвою,—этого нельзя у нея отнять; но есть ли въ ней чувство? Думаю, что нѣтъ. Да, она походитъ на большинство артистическихъ натуръ. Она олицетворенное изящество, но безъ сердечной теплоты. Она бы не пожертвовала собой для другихъ. Она только и думаетъ о музыкѣ, а искусство есть эгоизмъ, это всѣ знаютъ. Все же надо признаться, что въ ея голосѣ есть чудныя нотки. Какъ жаль, что въ нихъ не звучитъ участіе и что онѣ не созидаютъ добра. И онъ вошелъ въ свою комнату и, бросившись на кровать, продолжалъ думать о своей возлюбленной; потомъ, вскорѣ заснулъ.

А когда луна засіяла въ небѣ, соловей полетѣлъ къ розовому кусту и прижался грудью къ его шипу. Такъ пѣлъ онъ всю ночь, а хрустально-холодная луна, склоняясь, слушала его. Всю ночь, пока онъ пѣлъ, острый шипъ все глубже вонзался ему въ грудь, постепенно высасывая эту живительную кровь.

Сначала онъ пѣлъ о взаимной нѣжной привязанности мальчика и дѣвочки. И на верхушкѣ куста расцвѣла чудная роза; лепестокъ развертывался за лепесткомъ, по мѣрѣ того, какъ одна пѣсня смѣняла другую. Вначалѣ роза была блѣдна, какъ туманъ, что стелется надъ рѣкою,—какъ утренняя заря, и серебрилась, словно крылья разсвѣта. Какъ розовая тѣнь на серебряномъ стеклѣ зеркала, какъ розоватый отблескъ въ поверхности воды—такъ нѣжна была роза, что расцвѣла на верхней вѣткѣ куста.

Но вотъ кустъ заставилъ соловья крѣпче прижаться къ шипу:

— Прижмись крѣпче, маленькая птичка,—кричалъ онъ,—иначе день наступитъ раньше, чѣмъ роза успѣетъ расцвѣсть.

И соловей крѣпче прильнулъ къ шипу, а пѣснь раздавалась все звонче и нѣжнѣе, воспѣвая любовь юноши и дѣвушки.

И едва замѣтная розовая окраска разлилась по лепесткамъ розы, какъ нѣжный румянецъ на щекахъ жениха, цѣлующаго свою невѣсту. Но шипъ еще не пронзилъ сердца соловья, а потому и сердце розы еще не ожило, такъ какъ только кровь соловьинаго сердца можетъ заставить забиться сердце розы.

А кустъ снова потребовалъ, чтобы птичка еще ближе прильнула къ нему:—Склонись ближе, соловушка,—кричалъ онъ,—или роза до утра не успѣетъ расцвѣсть.

Соловей придвинулся ближе, шипъ вонзился ему въ сердце, и лютая боль зажглась въ немъ. Острѣе и острѣе становилась мука и все страстнѣе лилась пѣсня, вѣщавшая о любви, освященной смертью, о той любви, которой нѣтъ конца и за гробомъ.

И чудная роза вдругъ заалѣла, какъ роза востока. Пурпуромъ зардѣлись ея лепестки, и, какъ рубинъ, покраснѣло ея сердце.

Но голосъ соловья вдругъ ослабъ, крылья затрепетали, и глаза подернулись мглою. Слабѣя и слабѣя звучала пѣсня и что-то клокотало у него въ груди.

Наконецъ, прозвучалъ послѣдній звукъ. Блѣдная луна услышала его и, позабывъ разсвѣтъ, застыла на небѣ. Красная роза, также услышавъ его, задрожала отъ экстаза и развернула лепестки навстрѣчу холодному утреннему вѣтру. Эхо унесло его къ своимъ багрянымъ пещерамъ въ холмахъ и пробудило спавшихъ пастуховъ. Этотъ звукъ отозвался въ прибрежныхъ тростникахъ, и они наперерывъ понесли его къ морю.

— Смотри, смотри,—вскричалъ кустъ,—роза расцвѣла! Но соловей не далъ отвѣта: онъ, мертвый, лежалъ въ высокой травѣ, съ сердцемъ, пронзеннымъ шипомъ.

Въ полдень студентъ, отворивъ окно, взглянулъ въ садъ.

— Какое счастье!—вскричалъ онъ—вотъ алая роза! Я никогда въ жизни не видалъ ничего подобнаго ей! Она дивно хороша; я увѣренъ, что она носитъ длинное латинское названіе. И, протянувшись, онъ сорвалъ ее.

Затѣмъ схвативъ шляпу, онъ побѣжалъ къ дому профессора, держа цвѣтокъ въ рукѣ.

Дочь профессора сидѣла въ дверяхъ, разматывая клубокъ голубого шелку, а ея маленькая собачка спала у ея ногъ.

— Вы обѣщали танцовать со мною, если я достану вамъ красную розу,—закричалъ студентъ. Вотъ самая красная изъ розъ міра. Вы приколете ее сегодня вечеромъ къ

Digitized by Google

вашей груди и, во время танцевъ, она разскажетъ вамъ, какъ я люблю васъ!

Но дѣвушка нахмурилась и сказала:

— Я боюсь, что она не подойдетъ къ моему платью. И, кромѣ того, племянникъ Чемберлэна прислалъ мнѣ нѣсколько настоящихъ драгоцѣнностей; а всякій знаетъ, что онѣ стоятъ гораздо дороже цвѣтовъ.

— Честное слово, вы неблагодарная! — воскликнулъ сердито студентъ. И онъ бросилъ розу на улицу; цвѣтокъ упалъ на мостовую, и проѣзжавшій мимо экипажъ смялъ его своимъ колесомъ.

— Неблагодарная!—сказала дѣвушка,— а я скажу вамъ, что вы крайне дерзки; и кто вы такой? Просто студентъ. Я увѣрена, что у васъ даже нѣтъ серебряныхъ пряжекъ на башмакахъ, какъ у племянника Чемберлэна!

И она, вставъ со стула, удалилась въ домъ.

— Какая жалкая вещь любовь!—сказалъ студентъ, уходя. Она не такъ полезна, какъ логика, потому что ничего не доказываетъ и всегда вызываетъ надежды, которыя никогда не осуществляются, и заставляетъ вѣрить въ то, что̀ не заслуживаетъ довѣрія. Она очень непрактична, а въ нашъ вѣкъ быть практичнымъ—это все. Лучше я вернусь къ философіи и метафизикѣ.

И, вернувшись въ свою комнату, онъ досталъ большую запыленную книгу и сталъ читать ее.

МАЛЕНЬКІЕ РОМАНЫ.

(изъ иностранной жизни).

I.

Былъ предначертанъ союзъ ихъ свыше...
Онъ былъ скромнѣе смиренной мыши,
Но вдругъ воспрянулъ какъ бы отъ сна,
Когда предстала предъ нимъ она.
Съ невиннымъ взоромъ, подобно куклѣ,
Она премило носила букли,
Звалась двояко—на «chen» и «lein» —
И говорила лишь «ja» и «nein».
Дрожалъ отъ страсти въ немъ каждый атомъ...
— «Но прежде долженъ я быть гофратомъ!
Лѣтъ десять быстро мелькнутъ какъ годъ»,
Онъ дѣвѣ милой сказалъ—и вотъ
Пылъ укрощенъ былъ мятежной персти...
Она, три пуда купивши шерсти,
Со вздохомъ, нѣжнымъ, какъ звуки арфъ,
Вязать принялась длиннѣйшій шарфъ.
Когда жъ—о, счастье!—весь шарфъ былъ связанъ, —
О, счастье дважды!—прочелъ приказъ онъ,
Что онъ повышенъ, что онъ гофратъ...
Любовь всесильна,—ей нѣтъ преградъ.

Венедиктъ.

Digitized by Google

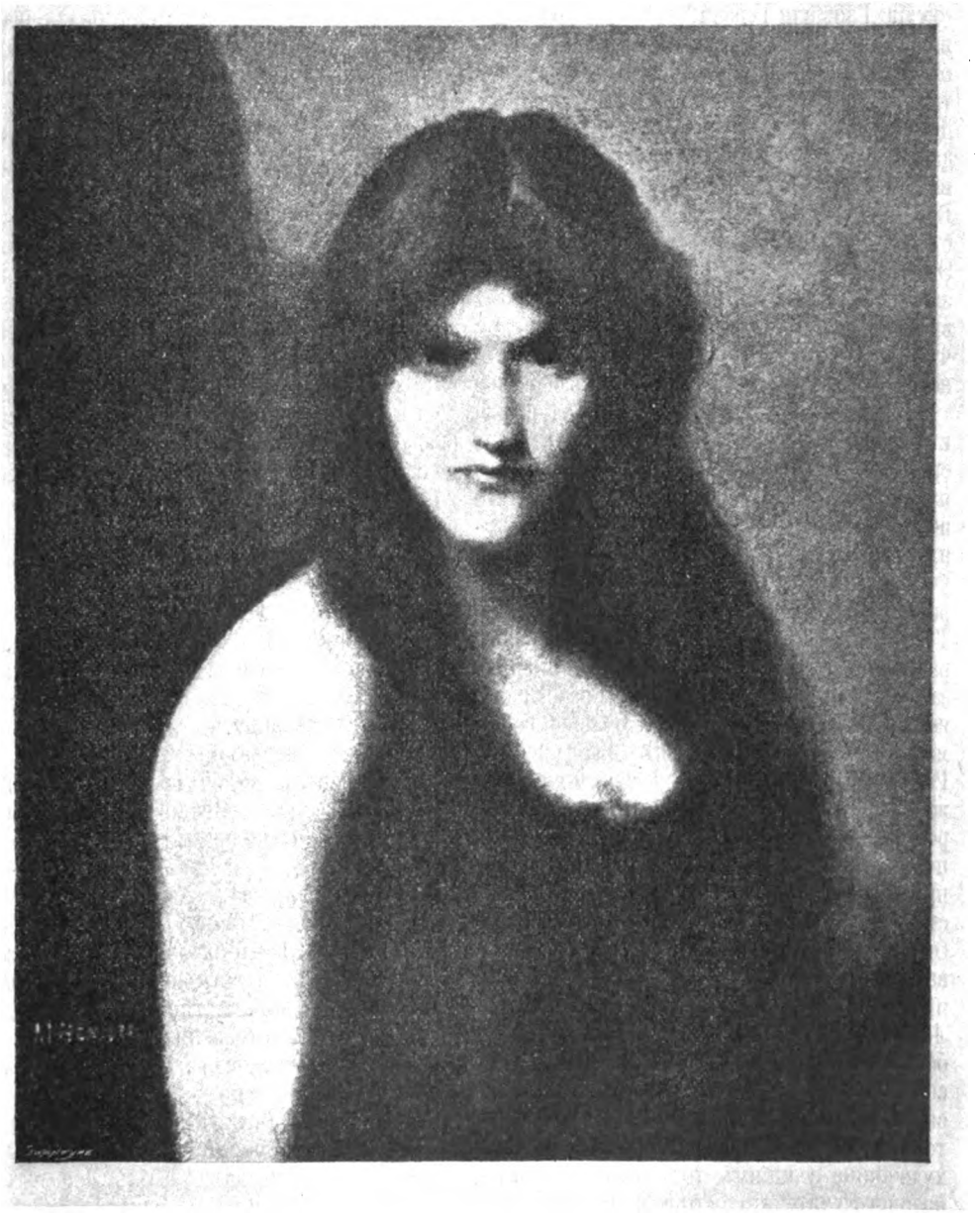
Жанъ-Жакъ Эннеръ—одинъ изъ наиболѣе интересныхъ и самобытныхъ художниковъ новѣйшей французской школы. Эннеръ по происхожденію крестьянинъ, отъ природы владѣетъ колоритомъ и формою. Родился онъ около трехъ-четвертей вѣка тому назадъ—въ 1829 году, въ Бернвейлерѣ—Эльзасской деревушкѣ, въ то время, когда эта провинція принадлежала еще Франціи. Не смотря на то, что онъ провелъ свое дѣтство въ тѣсныхъ границахъ, въ которыхъ замкнута мирная жизнь патріархальныхъ поселянъ, мальчикъ такъ или иначе никогда, казалось, не принадлежалъ къ этому скромному жизненному кругу и очень рано проявилъ свои артистическія способности. Онъ всегда былъ мечтателемъ и не походилъ на другихъ дѣтей. Его замѣчательный талантъ побуждалъ его рисовать ранѣе, чѣмъ онъ научился читать, и карандашъ былъ его неразлучнымъ спутникомъ. По счастливой случайности отецъ его, простой хлѣбопашецъ, никогда не противился склонности мальчика, а напротивъ дѣлалъ все, что̀ было въ его ограниченныхъ силахъ, чтобы благопріятствовать ясно выраженной любви мальчика къ искусству.

Много мелкихъ домашнихъ удобствъ было принесено въ жертву почтеннымъ крестьяниномъ, лишь бы мальчикъ могъ покупать себѣ матеріалъ для рисованія или какую-нибудь излюбленную копію съ шедевра, вызывавшую его восхищеніе и лишавшую его сна отъ страстнаго желанія обладать ею.

Даже на смертномъ одрѣ старый крестьянинъ — отецъ многочисленнаго семейства (изъ прочихъ дѣтей его никто больше не былъ настолько одаренъ, чтобы подняться выше своей скромной жизненной доли), доказалъ заботливость о будущности своего талантливаго сына. Онъ собралъ вокругъ себя свою добрую жену и дѣтей и взялъ съ нихъ обѣщаніе сдѣлать все, чтобы только помочь мальчику выполнить свое назначеніе; ибо сердце старика было достаточно велико, чтобы чувствовать дремлющее величіе въ душѣ сына, которому только-что минуло десять лѣтъ. Насколько семья сдержала свое обѣщаніе, доказываютъ успѣхи знаменитаго нынѣ художника, картина котораго «Suzanne au Bain» удостоилась быть помѣщенной въ Люксенбургской галлереѣ и прочія картины котораго можно видѣть въ самыхъ выдающихся частныхъ коллекціяхъ Европы и Америки.

Первымъ наставникомъ Эннера былъ Шарль Гонцвиллеръ, учитель рисованія въ Альткирхенской школѣ, находившейся въ двухъ миляхъ разстоянія отъ Бернвейлера. Для того, чтобы мальчикъ не терялъ времени на дорогу въ школу и обратно, семья

Digitized by Google



Юдиѳь.
(Съ картины Эннера).

помѣстила его на хлѣба къ булочнику, который съ женою своею представляли собой чету милыхъ и оригинальныхъ старыхъ эльзасскихъ крестьянъ, одѣвавшихся, какъ говоритъ Гонцвиллеръ въ своихъ «Воспоминаніяхъ объ Эльзасѣ», по модѣ временъ Людовика XV. Очень любопытны воспоминанія Эннера о дняхъ, проведенныхъ подъ ихъ гостепріимнымъ кровомъ, такъ какъ старики сильно полюбили юношу и баловали его сладостями и комплиментами.

Мальчикъ былъ погруженъ душою и сердцемъ въ уроки рисованія, когда смерть отца положила конецъ его занятіямъ въ Альт-

Digitized by Google

кирхенѣ и его послали въ Страсбургъ въ студію Габріеля Герена, гдѣ онъ получилъ первыя познанія въ живописи, послѣ чего отправился въ Парижъ и сперва занимался тамъ у Дроллинга, а позднѣе у Каба. Деньги, необходимыя ему на расходы, частью давала семья, частью же присылалъ въ видѣ пособія Conseil Général департамента Верхняго Рейна. Не взирая на это вспомоществованіе, недостатокъ средствъ заставилъ Эннера прервать на нѣкоторое время свои занятія и вернуться на родину. Но къ тому времени онъ настолько усовершенствовался, что могъ имѣть заработокъ отъ писанія портретовъ съ зажиточныхъ членовъ общины.

Смерть матери въ 1857 году была жестокимъ ударомъ для молодого человѣка, и горе его было такъ велико, что, на время, даже излюбленное имъ искусство перестало его поглощать и интересовать. Онъ снова принялся за свои занятія уже въ качествѣ ученика Ecole des Beaux-Arts, директоромъ которой былъ тогда Орасъ Вернэ. Тутъ впервые онъ получилъ возможность работать съ живыхъ моделей и кромѣ того занимался въ Луврѣ копированіемъ произведеній старыхъ мастеровъ. Больше всѣхъ мастеровъ восхищался онъ Джорджоне и Рембрантомъ, хотя его увлеченіе ими, такъ же, какъ Тиціаномъ, Веласкесомъ и Корреджіо никогда не доводило его до простого подражанія. Отъ великихъ художниковъ прошлыхъ вѣковъ онъ научился высокому стилю и крайней простотѣ въ работѣ кистью. Онъ вполнѣ уразумѣлъ, что то, что называется у самобытнаго мастера «стилемъ», превращается у подражателя въ манерность. Леонардо да Винчи, который былъ и глубокимъ теоретикомъ, и несравненнымъ по совершенству художникомъ, сказалъ въ своемъ трактатѣ о живописи, что одно только изученіе природы можетъ сдѣлать художника великимъ: тотъ, кто полагается на иного учителя и смотритъ на природу чужими глазами, будетъ только племянникомъ, но не сыномъ природы. Эннеръ, сознательно или безсознательно, принялъ это правило къ сердцу.

Въ 1858 году Эннеръ добился своего перваго важнаго успѣха картиною «Адамъ и Ева, нашедшіе тѣло Авеля», за которую онъ получилъ Prix de Rome и которая дала ему возможность выполнить свое долго лелѣемое желаніе совершить путешествіе въ Италію, путешествіе, бывшее тогда еще болѣе необходимымъ, чѣмъ теперь для пополненія художественнаго образованія. Интересно отмѣтить, что его натурщицею для фигуры Евы въ этой первой его крупной работы была молодая еврейка замѣчательной красоты съ роскошными рыжевато-золотистыми волосами, такими, какіе часто встрѣчаются на картинахъ Тиціана, но рѣдко въ дѣйствительной жизни. Цвѣтъ лица у нея былъ нѣжнаго тона слоновой кости, и все это, вмѣстѣ взятое, составляло ансамбль рѣдкой и поражающей красоты. Въ теченіе сорока лѣтъ Эннеръ остался вѣренъ этому типу, который помогъ ему достигнуть перваго успѣха и который, можно сказать, какъ бы это ни показалось парадоксальнымъ, былъ рѣшительнымъ факторомъ въ развитіи его стиля, такъ какъ въ большинствѣ его картинъ распредѣленіе колорита основано на оттѣнкахъ волосъ и цвѣта лица его натурщицы. Безчисленны этюды и картины Эннера, на которыхъ Тициановскій рыжій цвѣтъ и оттѣнки слоновой кости красивой еврейки выступаютъ на богатомъ темносинемъ фонѣ; и даже для тѣхъ картинъ, для которыхъ онъ пользовался моделями другого типа, онъ часто выбиралъ такое время дня, когда свѣтовыя условія давали въ результатѣ эффектъ, нѣсколько приближающійся къ его идеалу.

Картина «Адамъ и Ева» была выставлена въ Салонѣ, гдѣ богатство ея колорита и замѣчательный рисунокъ произвели сильное впечатлѣніе. Французская критика восторженно отозвалась объ этой картинѣ и, когда молодой художникъ отправлялся въ Римъ, то онъ вполнѣ чувствовалъ сладость перваго прочнаго успѣха.

Въ теченіе пяти лѣтъ Эннеръ занимался въ Виллѣ Медичи, гдѣ товарищами его были такіе художники, какъ Жюль Лефевръ и Бенжамэнъ Ульманъ, которымъ суждено было занять видное мѣсто въ исторіи французскаго искусства, хотя произведенія ни того, ни другого не имѣютъ той нѣжной прелести и того чисто индивидуальнаго характера, какими отличается малѣйшій эскизъ юноши-крестьянина. Въ теченіе пятилѣтняго пребыванія Эннера въ Римѣ онъ сдѣлалъ замѣчательно быстрые успѣхи особенно въ изученіи игры свѣта на человѣческой кожѣ.

Digitized by Google

Его главною заботою было изученіе женскаго тѣла, самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ прямого и отраженнаго свѣта на извилистыя формы фигуры, и своимъ работамъ въ этомъ направленіи онъ обязанъ самыми крупными успѣхами.

Рихардъ Мутеръ, въ своей «Исторіи живописи XIX-го вѣка», такъ отзывается о манерѣ Эннера писать нагое тѣло: «Стараясь передать оттѣнокъ мягкости тѣла возможно нѣжнѣе, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ искалъ такого освѣщенія, которое усиливало бы ясный тонъ

Замечтавшаяся.
(Съ картины Эннера).

Digitized by Google

нагого тѣла. Онъ его нашелъ въ тотъ часъ вечера, который можно назвать часомъ Эннера, когда ландшафтъ, подернутый сумерками, постепенно теряетъ свой колоритъ, и только небольшая голубая полоса на небѣ или безмолвное лѣсное озеро сохраняютъ еще на одинъ моментъ отраженіе исчезающаго дневного свѣта. Въ этой спокойной гармоніи природы послѣ захода солнца, бѣлая блѣдность человѣческаго тѣла какъ-будто поглотила весь дневной свѣтъ и отражаетъ его, тогда какъ окружающій ландшафтъ уже погружается въ безцвѣтную тѣнь».

Но Эннеровская «нагота», помимо присущей ей прелести, имѣетъ историческое значеніе въ томъ отношеніи, что она указываетъ на возвращеніе къ отрасли искусства, которою, къ сожалѣнію, пренебрегали романтики въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Даже Энгръ, глава классической школы, хотя онъ и былъ замѣчательнымъ художникомъ, не отличался въ живописи нагого тѣла, и весь послѣреволюціонный періодъ не выдвинулъ ни одного значительнаго художника «наготы», за исключеніемъ Прюдона. А «съ 1850 года», по словамъ Мутера, «была усвоена манера придавать голымъ женскимъ фигурамъ видъ терра-котты, неоглазуреннаго фарфора или слоновой кости. Позабытому искусству писать бархатистое нѣжное тѣло и освѣщать его такъ, чтобы оно жило, приходилось снова учиться, и этой достойной задачѣ отдался Эннеръ—современный Корреджіо изъ Эльзаса».

Но вернемся къ годамъ ученія Эннера въ папской столицѣ. Въ Римѣ онъ написалъ свой знаменитый шедёвръ «Suzanne au Bain», который впервые былъ выставленъ въ Салонѣ въ 1865 году и немедленно купленъ французскимъ правительствомъ для постоянной коллекціи произведеній искусства въ Люксенбургскомъ музеѣ. Когда Эннеръ въ слѣдующемъ году вернулся въ Парижъ, его слава была упрочена и картины его считались достойными стоять рядомъ съ величайшими произведеніями древнихъ и современныхъ мастеровъ.

Кромѣ превосходныхъ качествъ живописи въ Эннеровскихъ «nu» слѣдуетъ еще замѣтить, что они отличаются такою чистотою, какая рѣдко встрѣчается въ произведеніяхъ современныхъ французскихъ художниковъ. Его фигуры именно «nu», а не голыя; онѣ не разсчитаны на соблазнъ. Онъ очевидно выбралъ такой сюжетъ, потому что его больше всего привлекала задача колориста при воспроизведеніи тѣла, и онъ ни въ какомъ случаѣ не возбуждаетъ чувственности и низменныхъ человѣческихъ страстей. Одною изъ прекраснѣйшихъ его картинъ въ этомъ жанрѣ, выставленною имъ въ Салонѣ послѣ возвращенія изъ Рима, была «Плачущая Магдалина» [1]), которая нынѣ находится въ Кольмарскомъ музеѣ. Эта картина, слѣдовавшая такъ быстро послѣ присланной изъ Рима, убѣдила французскую публику, что Эннеръ талантъ, слава котораго не будетъ эфемерною. Съ того времени онъ составилъ себѣ имя—его будущее было обезпечено. Восторгъ, возбужденный его портретами, былъ равенъ тому, который былъ вызванъ его изображеніемъ «nu». Его портреты настолько были неизмѣнно вѣрны натурѣ, что они обнаруживали изъ ряда выходящую проникновенность и психологичность. Изъ за оболочки физической наружности въ нихъ видна душа оригинала.

Однимъ изъ прекраснѣйшихъ портретовъ работы Эннера былъ портретъ самого автора, выставленный въ Салонѣ въ 1875 году—истинный тріумфъ художественнаго самоуглубленія. Нынѣ портретъ этотъ виситъ въ «Sala dei Pittori» въ Палаццо Питти во Флоренціи между портретами величайшихъ мастеровъ всѣхъ временъ и странъ. Чрезъ три года послѣ того какъ онъ выставилъ эту картину, ему присуждена была «médaille d'honneur» за картину «Lévite d'Ephraim». «Магдалина», выставленная въ Салонѣ въ 1878 году, считалась лучшею картиною того года. За нею слѣдовала въ 1879 г. «Le Christ Mort», въ 1881 г. «Св. Іеронимъ въ Пустынѣ» и «La Source», сюжетъ, служившій всегда любимымъ мотивомъ для изображенія «nu» на открытомъ воздухѣ еще съ тѣхъ поръ, какъ Энгръ одержалъ такую побѣду своею фигурою, названною «La Source». Въ числѣ другихъ произведеній Эннера слѣдуетъ отмѣтить: «Jeune Religieuse» и «La Liseuse» въ 1883 году; «Fabiola» и «La Madeleine» въ 1885; «Salomé» въ 1887 г. и «Mélancolie» въ 1900 году.

За послѣдніе годы стиль Эннера подвергся весьма значительнымъ измѣненіямъ. Онъ

[1]) См. наше изданіе «Сто шедевровъ искусства». N. C.

Digitized by Google

окончательно сбросилъ съ себя цѣпи академической условности, которой никогда не дозволялъ связывать въ серіозныхъ размѣрахъ свободу своей кисти. Его кисть была всегда нервною, далекою отъ холоднаго разсчета и механическаго совершенства большинства академическихъ художниковъ. Но въ послѣднихъ своихъ работахъ Эннеръ окончательно отбросилъ «натянутость», которую никогда нельзя отдѣлить отъ академической работы, и нынѣ онъ полагается на гармоническое сочетаніе тоновъ, которые растворяются, такъ сказать, одинъ въ другомъ, смягчая и сглаживая всѣ контуры. Такой методъ можетъ быть достигнутъ только истиннымъ мастеромъ формы, такъ какъ стертый контуръ никогда не скроетъ, но скорѣе подчеркнетъ недостатки работы.

Fabiola.

(Съ картины Эннера).

Но если Эннеръ и объявилъ войну академической условности, онъ, однако, проявилъ свою собственную условность, восхитительную и чарующую, хотя и далекую

Digitized by Google

отъ всего, что обыкновенный глазъ можетъ найти въ природѣ. Невозможно не узнать работы кисти Эннера тому, кто хоть поверхностно знакомъ съ произведеніями этого художника. Эмальированный блескъ холста, прелестная комбинація теплыхъ оттѣнковъ, производящихъ такое впечатлѣніе, точно краски наложены на слоновую кость, нѣжная красота всего ансамбля,—это все собственное Эннеровское, неподражаемое и ни у кого не заимствованное.

Нельзя отрицать, что во всѣхъ Эннеровскихъ произведеніяхъ есть извѣстное однообразіе, какъ въ техникѣ, такъ и въ сюжетахъ; но самыя произведенія такъ восхитительны, что вполнѣ позволительно смотрѣть сквозь пальцы на это однообразіе. Это-то однообразіе и побудило Шеридана Форда сочинить нѣсколько ядовитыхъ строкъ по адресу Жана-Жака Эннера:

«Натурщица Эннера приторнаго типа
Все еще рветъ каштановые волосы для выгоды Эннера,
Она то изображаетъ монахиню въ благочестивой позѣ,
То играетъ роль, отъ которой бѣгутъ благочестивые,
Но дѣвственница ли она или Магдалина,
Утомительнымъ однообразіемъ облечено ея болѣзненное изображеніе».

Эти строки напечатаны въ «Art of Folly», книгѣ, заглавіе которой указываетъ на то, что ее нельзя считать серіозною. Въ ней даже величайшіе художники подвергаются злому сарказму.

Эннеръ — неутомимый труженикъ, настолько поглощенный своимъ искусствомъ, что не позволяетъ себѣ отвлекаться никакими дѣлами повседневной жизни. Онъ встаетъ на разсвѣтѣ и въ десять часовъ утра уже стоитъ передъ своимъ мольбертомъ. Рѣдкіе дни онъ оканчиваетъ работу ранѣе пяти часовъ. Въ продолженіе полустолѣтія таково было его ежедневное времяпровожденіе. Фигура его—короткая и шарообразная, у него круглыя, красныя щеки, какъ у деревенскаго мальчика, хотя изъ подъ старой синей шапочки, которую онъ постоянно носитъ въ своей студіи, выглядываютъ бѣлоснѣжные волосы; рѣдко можно встрѣтить такое доброе лицо и услышать такой веселый голосъ.

Эннеръ занимаетъ въ Парижѣ одну и ту же мастерскую на площади Пигаль со времени окончанія франко-прусской войны въ 1871 г. Здѣсь онъ создавалъ свои лучшія произведенія. Можно себѣ представить, сколько интереснаго накопились въ мастерской такого художника въ теченіе его тридцатилѣтней дѣятельной жизни. Хорошо, что студія его всегда была большою и высокою, иначе, при накопленіи древностей и рѣдкостей, привезенныхъ Эннеромъ изъ своихъ путешествій, и отъ безчисленнаго количества эскизовъ, нагроможденныхъ повсюду, не было бы мѣста для свѣта, необходимаго при работѣ художника. Всѣ четыре стѣны студіи сплошь покрыты этюдами для крупныхъ картинъ мастера, и почти всѣ они написаны тѣми удивительно богатыми красками, которыя сдѣлали его кумиромъ колористовъ, а иногда чернымъ и бѣлымъ карандашами, которые породили его миніатюрныя сокровища свѣтотѣни. Здѣсь находится также нѣсколько первыхъ эскизовъ, сдѣланныхъ художникомъ, когда онъ былъ еще мальчикомъ, въ своемъ крестьянскомъ домѣ, выцвѣтшій портретъ углемъ его старухи-матери и нѣсколько портретовъ сельскаго священника. Онъ съ гордостью показываетъ свою первую успѣшную работу въ Альткирхенской рисовальной школѣ, а также и свою смѣлую попытку проникнуть въ чудесную область красокъ; а далѣе можно прослѣдить ученическіе его дни въ Парижѣ и Римѣ и отъ одной салонной картины къ другой—за удивительнымъ развитіемъ таланта художника. Въ его мастерской висятъ этюды для фигуръ его «Адама и Евы», картины, стяжавшей ему Prix de Rome, а на другой стѣнѣ—соотвѣтствующій этюдъ въ миніатюрѣ плачущей Магдалины, картины, поставившей его на высоту величайшихъ мастеровъ французскаго искусства.

Эннеръ пользуется только тремя или четырьмя красками, да и тѣ онъ изготовляетъ самъ. Онъ все еще продолжаетъ изучать тайну красокъ и часами размышляетъ надъ холстомъ Тиціана и Веласкеса, его самыхъ любимыхъ мастеровъ.

Digitized by Google

КОРОЛЬ ЛИРЪ.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

Альжернона Чарльса Суинбёрна.

Если бы ничего не осталось послѣ Шекспира кромѣ только одной трагедіи «Король Лиръ», то и тогда было бы ясно, что Шекспиръ величайшій изъ людей, когда-либо видѣнныхъ міромъ. Какъ поэта, автора этой трагедіи можно сравнить только съ Эсхиломъ; еврейскіе пророки и творецъ Іова бываютъ столь же возвышенны по воображенію и страсти, но они всегда стоятъ несравненно ниже по богатству воображенія и ума. Софоклъ такъ же благороденъ, такъ же прекрасенъ и столь же пріятный мыслитель и писатель; но благородный Шекспиръ видѣлъ дальше, выше, шире и глубже, чѣмъ благородный Софоклъ. Аристофанъ былъ одаренъ столь же роскошною силою безконечно веселаго и неистощимаго юмора; но кого изъ его дѣйствующихъ лицъ можемъ мы поставить на-ряду съ Фальстафомъ и Шутомъ? Правда, что Шекспиръ не обладалъ ни лирической, ни пророческой силой грековъ и евреевъ; но слѣдуетъ замѣтить и помнить, что онъ, и только онъ одинъ изъ всѣхъ поэтовъ и людей, могъ обойтись безъ этихъ трансцендентальныхъ дарованій.

Трагедія «Король Лиръ» несравненна и единственна. Сравнивать ее съ «Отелло» столь же неизбѣжный соблазнъ, какъ сравнивать «Агамемнона» съ «Прометеемъ»—произведенія единственнаго человѣка, котораго въ свою очередь можно сравнивать съ Шекспиромъ. И результатомъ такого сравненія для всякаго читателя, осмысленно преклоняющагося передъ тѣмъ, что̀ стоитъ такъ высоко въ мірѣ ума, всегда будетъ чувство благоговѣйнаго сомнѣнія и радостнаго колебанія. Въ «Отелло», какъ и въ «Прометеѣ», одна фигура, вѣчный и богоподобный типъ героическаго и человѣческаго страданія, подавляетъ и господствуетъ надъ всѣми осталь-

Digitized by Google

ными лицами, за исключеніемъ предателя Яго и тиранна Юпитера. Въ одной трагедіи нѣтъ Клитемнестры, въ другой нѣтъ Корделіи. «Кроткая жена мавра» слишкомъ кротка для вая Десдемона: «По истинѣ покорное созданіе». Сама Антигона (одну только Антигону можемъ мы сравнить съ Корделіей) не такъ божественно-человѣчна, какъ Корделія. Мы

Дѣйствіе III, сц. IV. Лиръ, Кентъ, Шутъ и Эдгаръ.

сравненія съ самыми замѣчательными женскими типами, когда-либо созданными Шекспиромъ, до его Имогены. Никто бы не могъ сдѣлать Корделіи двусмысленный комплиментъ, который вызвала покорно-терпѣли- еще больше любимъ ее, любовью смягчающею и одновременно возвышающею наше поклоненіе, за суровое и рѣзкое повтореніе ея благородно безжалостнаго отвѣта на страстный и безумный вызовъ отца. Этотъ почти

Digitized by Google

Дѣйствіе V, сцена III. Эдгаръ вооруженный.

Digitized by Google

жестокій и конечно строгій въ своемъ недопускающемъ компромиссовъ самоуваженіи, короткій и естественный отвѣтъ составляетъ ключъ ко всему послѣдующему, искру, воспламенившую на вѣки самую трагическую изъ всѣхъ трагедій. Весь ужасъ будущаго, котораго еще нельзя себѣ представить, сразу становится неизбѣжнымъ, когда Корделія оказывается «столь молода и столь черства сердцемъ»—столь молода и столь правдива. И что наслѣдственный ужасъ проклятія, неминуемо тяготѣвшій надъ домомъ Атрея—въ сравненіи съ неизбѣжностью не сверхъестественной, но еще болѣе ужасно естественной судьбы? Проклятая и выгнанная, Корделія покидаетъ отца и при этомъ знаетъ, что онъ остается въ рукахъ Гонерильи и Реганы.

Кольриджъ, самый крупный, хотя и не первый великій критикъ и толкователь Шекспира, отмѣтилъ «этихъ дочерей и этихъ сестеръ», какъ единственные у Шекспира характеры, злость которыхъ сверхъестественна, нѣчто находящееся внѣ возможныхъ границъ человѣческаго зла. Хорошо было бы для человѣчества, если бы это было такъ; но такъ ли это? Онѣ «жестоки, вѣроломны, развратны, безжалостны», горячія и черствыя, холодныя и коварныя, дикія и вкрадчивыя, какъ звѣрь въ чащѣ лѣсовъ или въ пустынѣ. Но такія опасныя и порочныя животныя вовсе не болѣе исключительное явленіе, чѣмъ самые благородные и чистые экземпляры. Яго ненормальный человѣкъ; его необыкновенный умъ, всесильный и непогрѣшимый въ своемъ родѣ, придаетъ этому злокозненному животному достоинство и таинственность дьявола. Гонерилья и Регана были бы почти вульгарны въ сравненіи съ нимъ, если бы условія ихъ жизни и обстоятельства ихъ исторіи не были настолько болѣе необыкновенными, чѣмъ ихъ инстинкты и поступки. «Регана», по словамъ Кольриджа, «въ сущности не бо́льшее чудовище, чѣмъ Гонерилья, но она обладаетъ способностью выпускать больше яда». Тотъ, кто захотѣлъ бы выступить на защиту Гонерильи, въ сравненіи съ Реганой, могъ бы сказать, что послѣдняя никогда не была бы способна проявить такую страстность, какую выказала Гонерилья при мысли о непріятельскихъ знаменахъ, развѣвающихся въ тихой странѣ. Какимъ бы она ни была звѣремъ и дьяволомъ, въ эту минуту она возвышается до Іоанны д'Аркъ, но нечистой и преступной. Адвокатъ Гонерильи могъ бы также выставить, какъ смягчающія обстоятельства, тотъ фактъ, что она отравила Регану.

Викторъ Гюго, авторъ лучшаго и самаго полнаго комментарія на текстъ, который онъ поразительно мастерски перевелъ, можетъ быть, ненамѣренно усилилъ и дополнилъ замѣчаніе Кольриджа о разницѣ между преступностью одного мужчины, избраннаго случаемъ и предназначеннаго природою стать достойнымъ любовникомъ обѣихъ сестеръ, и чудовищностью тварей, питавшихъ къ нему тѣ чувства, какія питаютъ женщины къ мужчинамъ, которыхъ любятъ. Эдмундъ настолько же истинный сынъ ада, насколько истинный сынъ своего отца. Гонерилья и Регана законныя дочери преисподней; мужчина, внушающій имъ то, что̀ въ такихъ, какъ онѣ, можетъ сойти за чувство, замѣняющее любовь, не что иное, какъ выродокъ, какъ съ адской, такъ и съ человѣческой точки зрѣнія. Его послѣднее желаніе—предотвратить свое послѣднее и самое чудовищное преступленіе. Такое желаніе было бы недоступно обѣимъ сестрамъ, которыми Эдмундъ былъ любимъ.

Несравненный геній величайшаго изъ всѣхъ поэтовъ и всѣхъ людей оказался навѣки несравненнымъ, безсознательнымъ, можетъ быть инстинктомъ, заставившимъ его въ этомъ крупнѣйшемъ произведеніи сопоставить рядомъ самые низкіе и самые высокіе типы человѣчества, какіе можно себѣ представить. Кентъ и Освальдъ, Регана и Корделія такъ рельефно выдѣляются своимъ контрастомъ, что одинъ только Шекспиръ могъ составить изъ ихъ различныхъ фигуръ такое совершенное гармоничное цѣлое. Кромѣ того, что на свѣтѣ не существуетъ такой поэзіи, за исключеніемъ твореній Эсхила, надо помнить, что не существуетъ и такого реализма. И нѣтъ разлада между высшими красотами страстной поэзіи и самою скромною дѣйствительностью фотографической прозы. Какъ это ни кажется невѣроятнымъ и невозможнымъ, впечатлѣніе отъ одной усиливается впечатлѣніемъ отъ другой.

Что умъ Шекспира такъ же великъ и почти такъ же поразителенъ, какъ его талантъ — это мнѣніе стало общимъ мѣстомъ критики со временъ Кольриджа. Но не знаю, столь же ли всемірно призналъ его не менѣе крупный талантъ въ выборѣ и подборѣ матеріала для созиданія своихъ шедевровъ?

Digitized by Google

Какое счастливое и страшное вдохновеніе заставило Шекспира соткать вмѣстѣ или, такъ сказать, растворить одно въ другомъ—легенду о Лирѣ и его дочеряхъ и исторію Глостера

Дѣйствіе V, сцена III. Лиръ съ мертвой Корделіей на рукахъ.

и его сыновей. Можетъ быть, эпизодъ изъ «Аркадіи» Сиднея подалъ ему мысль о концепціи этой болѣе чѣмъ трагической вводной интриги. Но ошибается тотъ, кто думаетъ найти въ нѣжномъ и свѣтломъ произведеніи чистаго и счастливаго таланта Сиднея хоть намекъ на такой трагическій ужасъ, который могъ создать и сдѣлать выносимымъ только болѣе глубокій, какъ и болѣе высокій, болѣе мрачный, какъ и болѣе свѣтлый геній Шекспира. И этотъ страшный вводный эпизодъ ужаса—необходимая, неотъемлемая часть самаго чуднаго творенія, когда-либо созданнаго человѣкомъ. Авторъ книги Іова и авторъ Эвменидъ не могутъ дать ничего равнаго третьему дѣйствію «Короля Лира». Буря

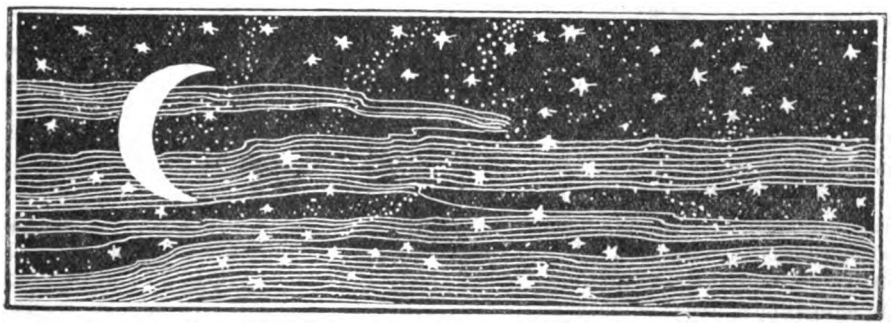
Digitized by Google

и молнія, громъ и дождь становятся для насъ, какъ они были и для Лира, не менѣе сознательными и отвѣтственными соучастниками сверхъестественной безчеловѣчности невообразимаго преступленія. Даже конецъ самаго «Прометея» блѣденъ въ сравненіи съ этой сценою, которая менѣе страшна, чѣмъ заключительная сцена «Короля Лира». Она настолько же прекрасна, насколько страшна. Блескъ молніи и угрозы грома служатъ только, или главнымъ образомъ, къ тому, чтобы ослабить или усилить дѣйствіе страданія и напряженіе страсти на духъ и сознаніе человѣка. Страдалецъ преобразился, но онъ не перемѣнился. Сумасшедшій или здравомыслящій, живой или умирающій, онъ страстенъ и запальчивъ, чистосердеченъ и своеволенъ. И вотъ почему свирѣпое взываніе, пламенный протестъ противъ соціальной неправды и противъ лютости цивилизованнаго человѣчества,—протестъ, котораго никто до величайшаго изъ англичанъ не осмѣлился произнести въ стихахъ или выставить на сценѣ, исходитъ не отъ Гамлета, а отъ Лира. Молодой человѣкъ, безконечная мыслительная способность котораго и чуткая совѣсть одновременно обезсиливали и обоготворяли его, никогда не могъ видѣть того, что страданіе открыло старику. Сумашествіе Лира, во всякомъ случаѣ, было ему не врагомъ, а другомъ. Въ числѣ всѣхъ другихъ качествъ этой трагедіи, въ числѣ многихъ другихъ аттрибутовъ, отличающихъ ее, какъ не имѣющую себѣ ничего равнаго между драматическими произведеніями человѣка, она замѣчательна особенно тѣмъ, что это былъ первый громкій крикъ съ высоты и глубины человѣческаго духа въ пользу отверженныхъ міра,—въ пользу соціальнаго страдальца—чистаго или нечистаго, невиннаго или преступнаго, раба или свободнаго. Чтобы удовлетворить чувство справедливости, жажду праведнаго суда, должна совершиться перемѣна въ соціальномъ порядкѣ вещей. Не политическая реформа, а соціальная революція, благодѣтельная и безкровная—вотъ, что проповѣдывалъ Шекспиръ. Его главною цѣлью было, конечно, творить ради своего искусства, но онъ не могъ не высказывать въ то же время и осужденія зла, совершаемаго по оплошности или по жестокости, по небрежности или преступности. Это скрывалось отъ удивительной мудрости Гамлета и открылось еще болѣе удивительному безумію Лира.

Но въ этомъ нѣтъ ничего чудеснаго: одного присутствія и товарищества шута достаточно, чтобы дать объясненіе; сама Корделія не многимъ болѣе достойна нашей любви, чѣмъ бѣдный малый, изнывавшій отъ тоски, когда она уѣхала во Францію, что намъ дѣлается извѣстнымъ еще раньше, чѣмъ онъ появляется передъ зрителемъ. Тутъ опять-таки крайне унизительное соціальное положеніе и повседневная жизнь служатъ только къ тому, чтобы выдѣлить и возвеличить благородство и мужество естественнаго человѣка. Даже кнутъ не можетъ унизить его; угроза кнута не измѣняетъ его отношеній къ Лиру; страхъ передъ кнутомъ не можетъ уничтожить его вызывающаго тона относительно Гонерильи. Онъ уговариваетъ Лира вернуться и помириться съ дочерьми, чтобы не подвергаться опасностямъ ночи и бури; но онъ не покидаетъ своего господина и льнетъ къ нему съ дивной вѣрностью и любовью собаки. И старикъ, уже находясь на самомъ краю безумія, видитъ и понимаетъ цѣну такой преданности. Самое трогательное мѣсто въ этой самой страшно патетической поэмѣ—нѣжная заботливость бездомнаго короля о страданіяхъ такого товарища по несчастію, какъ его шутъ. Этотъ водоворотъ ужаса и жалости, который мы переживаемъ, читая трагедію, способенъ исторгнуть слезы.

Во всей поэзіи нѣтъ ничего болѣе ужаснаго, почти невыносимаго для читателя, принужденнаго все это переживать и вѣрить всему этому, какъ заключительная сцена «Короля Лира». Ловкость, съ какою авторъ воспользовался старой хроникой или преданіемъ, чтобы создать этотъ заключительный трагическій шедевръ, можетъ быть только равна его генію. Корделія легенды повѣсилась въ тюрьмѣ много времени спустя послѣ смерти ея отца, когда она была взята въ плѣнъ въ сраженіи противъ сыновей Гонерильи. И это самое низкое и презрѣнное преданіе дало Шекспиру мысль написать драматическую и самую поэтическую изъ всѣхъ сценъ, уясняющую всякому мыслящему человѣку, насколько талантъ человѣка выше дѣйствія случая, насколько правда воображенія идетъ во всѣхъ отношеніяхъ дальше и выше случайнаго факта. Что какое-нибудь событіе могло совершиться — ничего не значитъ, а то, что такіе люди, какъ Эсхилъ и Шекспиръ, вообразили его, значитъ вотъ что: оно является свидѣтельствомъ того, чѣмъ можетъ быть человѣкъ на высотѣ своихъ способностей и благородства своей натуры.

Digitized by Google



ЭКСПЕДИЦІЯ КЪ МАГНИТНОМУ ПОЛЮСУ.

(съ отзывомъ о ней **Ф. Нансена**).

Кому доводилось совершать путь по безбрежному океану и видѣть, какъ морякъ направляетъ курсъ своего судна по указанію вѣчно колеблющейся магнитной стрѣлки, какъ онъ въ непроглядную тьму смѣло ввѣряется ея на видъ прихотливымъ колебаніямъ, тотъ навѣрно не разъ задумывался надъ загадочной, невѣдомой силой, вѣчно направляющей одинъ конецъ стрѣлки къ сѣверу и тѣмъ самымъ указывающей дорогу путнику и на морѣ и на сушѣ. Но еще загадочнѣе становится эта сила, если мы вспомнимъ, что она постоянно изъ года въ годъ измѣняетъ свое направленіе и свою интенсивность, при чемъ никто до сихъ поръ не постигъ причины такихъ измѣненій. Еще Араго сказалъ: «во всей земной физикѣ нѣтъ ничего загадочнѣе причинъ, вызывающихъ повсюду эти вѣчныя измѣненія въ элементахъ земного магнитизма» — и по сію пору мы не знаемъ объ этой силѣ больше, чѣмъ зналъ Араго. Обязаны ли эти измѣненія какимъ-либо неизвѣстнымъ перемѣнамъ во внутренней массѣ земли? Или зависятъ они, быть можетъ, отъ космическихъ причинъ, напримѣръ, отъ перемѣнъ, происходящихъ съ солнцемъ? Мы этого не знаемъ. Болѣе того: мы не знаемъ, сохраняютъ ли самые магнитные полюсы (т. е. мѣста, гдѣ магнитная стрѣлка, подвѣшенная на горизонтальной оси, становится вертикально, а стрѣлка компаса какъ бы утрачиваетъ свою способность указывать на сѣверъ и останавливается въ любомъ положеніи) постоянное положеніе, или же и они слѣдуютъ за всѣми измѣненіями этой магнитной силы? Большинство ученыхъ предполагаетъ послѣднее, но никто не можетъ утверждать этого съ совершенной увѣренностью; для этого необходимы прямыя наблюденія на самыхъ полюсахъ.

Какъ извѣстно, магнитные полюсы совершенно не совпадаютъ съ полюсами географическими. Положеніе южнаго магнитнаго полюса опредѣлено пока только вычисленіями, предпринятыми впервые знаменитымъ нѣмецкимъ математикомъ Гауссомъ, положеніе же сѣвернаго опредѣлено непосредственнымъ наблюденіемъ. Это было 1-го іюня 1831 года, когда англійскій мореплаватель Джемсъ Россъ достигъ подъ 70°5′ сѣв. шир. и 96°47′ западн. долг. (отъ Гринича) на дальнемъ сѣверномъ полуостровѣ Америки, Бутіи Феликсъ, того пункта, гдѣ магнитная стрѣлка становилась вертикально. Съ тѣхъ поръ никто больше не бывалъ на этомъ мѣстѣ. Остается неизвѣстнымъ, перемѣнилъ ли полюсъ за эти 70 лѣтъ свое положеніе или нѣтъ? Кромѣ того, наблюденія Джемса Росса, произведенныя при помощи несовершенныхъ инструментовъ того времени, были сдѣланы и недостаточно точно и не полно. Не зная ничего о направленіи предполагаемаго движенія магнитныхъ по-

Digitized by Google

люсовъ, мы въ то же время не можемъ вывести изъ наблюденій Росса никакихъ заключеній о томъ, представляетъ ли магнитный полюсъ собою одинъ пунктъ или это—площадь болѣе или менѣе значительнаго протяженія? Для разрѣшенія этихъ важныхъ и въ научномъ и въ практическомъ отношеніяхъ вопросовъ проектировались не разъ въ теченіе истекшаго столѣтія экспедиціи (вспомнимъ, напримѣръ, имена безвременно погибшаго Шватки, полковника Гильдера и др.), но всѣ эти проекты остались безъ движеній. Только теперь, благодаря настойчивости одного энтузіаста, вопросъ объ этой магнитной экспедиціи получилъ, наконецъ, фактическое осуществленіе. Въ апрѣлѣ или въ началѣ мая нынѣшняго года отправляется экспедиція къ сѣверному магнитному полюсу.

Мысль объ экспедиціи возникла на этотъ разъ въ Норвегіи, которая за послѣднее время дала столько замѣчательныхъ изслѣдователей полярныхъ странъ. Иниціаторомъ и главою экспедиціи является Роальдъ Амундсенъ. Уже съ ранней юности полярныя страны имѣли для него какую-то особенную притягательную силу, и онъ постоянно носился съ мыслью о нихъ. Въ 1890 году онъ поступилъ въ университетъ, а въ 1894 г. совершилъ свою первую поѣздку въ Ледовитый океанъ на тюленебойномъ суднѣ «Magdalena»; въ 1895 г. онъ выдержалъ штурманскій экзаменъ, а въ 1896 г. мы находимъ его снова на другомъ тюленебойномъ суднѣ Ледовитаго океана, «Язонъ». Съ 1897 по 1899 г. онъ принималъ въ качествѣ 1-го штурмана участіе въ бельгійской антарктической экспедиціи на суднѣ «Бельгика». Осенью 1900 года Амундсенъ получилъ изъ Америки предложеніе принять команду надъ пароходомъ, предназначеннымъ для перевозки провіанта для Пири, находившагося тогда въ Сѣверной Гренландіи. Не смотря на заманчивость такого предложенія, Амундсенъ отъ него отказался; въ то время онъ уже былъ поглощенъ мыслью о собственной экспедиціи.

Тотчасъ же по возвращеніи изъ антарктической области, гдѣ во время долгой зимовки у него впервые возникла мысль объ изслѣдованіи положенія сѣвернаго магнитнаго полюса, Амундсенъ принялся за розыски рѣдкой нынѣ книги Росса, въ которой описано посѣщеніе сѣвернаго магнитнаго полюса. Когда она, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ была найдена имъ и прочитана, экспедиція рѣшена была Амундсеномъ окончательно. Характерно, что, приступая къ приготовленіямъ экспедиціи, онъ прежде всего подумалъ о научномъ ея снаряженіи. Побывавъ сначала у скандинавскихъ ученыхъ, онъ отправился въ Гамбургъ къ знаменитѣйшему изъ современныхъ магнитологовъ, профессору Неймайеру. Подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ Амундсенъ основательно ознакомился съ употребленіемъ точныхъ магнитныхъ приборовъ. Всѣ научные инструменты для экспедиціи, доброкачественность которыхъ такъ важна для успѣшнаго разрѣшенія поставленныхъ экспедиціей задачъ, были заказаны при ближайшемъ участіи профессора Неймайера.

Слѣдующей стадіей было пріобрѣтеніе судна. Въ январѣ 1901 года онъ купилъ себѣ въ Тромсё промысловую яхту въ 47 регистр. тоннъ вмѣстимости при длинѣ въ 70 фут. и ширинѣ 20 фут. Она названа «Gjöa», вѣроятно, въ честь италіанскаго ученаго этого имени (XIII столѣтія), считающагося изобрѣтателемъ компаса. На этой яхтѣ Амундсенъ тотчасъ же предпринялъ пятимѣсячное плаваніе (съ апрѣля по сентябрь 1901 года) по Баренцова, или Мурманскому, морю, а потомъ по Ледовитому океану между Шпицбергеномъ и восточнымъ берегомъ Гренландіи. Во время этой поѣздки онъ собралъ цѣнный въ океанографическомъ отношеніи матеріалъ. Особенное значеніе имѣетъ эта поѣздка въ томъ отношеніи, что Амундсенъ проникъ далеко въ область восточно-гренландскаго теченія, являющагося непосредственнымъ продолженіемъ того полярнаго теченія, которое перенесло «Фрамъ» поперекъ всего Ледовитаго океана. Обработка этого матеріала, переданнаго имъ Ф. Нансену, въ настоящее время еще не вполнѣ закончена, «но и теперь уже видно,—какъ говоритъ послѣдній,—что онъ прольетъ новый свѣтъ на наши представленія о циркуляціи водъ сѣвернаго полушарія, такъ какъ наблюденія его произведены съ гораздо бо́льшей точностью, чѣмъ очень многія изъ предыдущихъ наблюденій подобнаго же рода».

Послѣ этой поѣздки, 25 ноября 1901 г., Амундсенъ впервые выступилъ съ публичнымъ докладомъ о своей экспедиціи въ засѣданіи географическаго общества въ Христіаніи, а вслѣдъ затѣмъ дѣятельно взялся за ея снаряженіе. Первоначально онъ пред-

Digitized by Google

полагалъ обойтись при снаряженіи экспедиціи своими средствами, но потомъ принужденъ былъ обратиться къ частной подпискѣ, которая на первыхъ же порахъ дала прекрасные результаты. Снаряженіе экспедиціи чрезвычайно обдуманно и основательно. Провіантъ выбранъ по указаніямъ спеціалистовъ и подвергнутъ химическому изслѣдованію. Судно, въ прочности котораго Амундсенъ убѣдился лично на опытѣ, сверхъ того значительно скрѣплено внутри поперечными балками со связями, а снаружи снабжено 2-хъ дюймовой досчатой обшивкой въ защиту ото льда. Кромѣ того «Gjöa» имѣетъ теперь нефтяной двигатель, при помощи котораго можетъ дѣлать до 4 миль въ часъ («Фрамъ» дѣлалъ $4^1/_2$—5 миль въ часъ). Амундсенъ беретъ съ собою въ экспедицію 27,000 литровъ нефти. Изъ этого запаса 10,000 литровъ предназначаются на отопленіе, на освѣщеніе и для кухни; остальныхъ же 17,000 метровъ хватитъ на 100 сутокъ при полномъ ходѣ мотора, что соотвѣтствуетъ разстоянію въ 2,400 морскихъ миль. Между тѣмъ разстояніе между крайней датской колоніей западнаго берега Гренландіи (на островѣ Диско) и Беринговымъ проливомъ (чрезъ который Амундсенъ предполагаетъ совершить свой обратный путь) равняется всего 700 морскимъ милямъ. Но вѣдь не все же время будетъ «Gjöa» идти полнымъ ходомъ. Такимъ образомъ топлива для машинъ имѣется у Амундсена во много разъ больше, чѣмъ нужно, если игнорировать непредвидѣнныя обстоятельства. Въ составъ экспедиціи входитъ всего 8 человѣкъ, считая и самого Амундсена.

Планъ экспедиціи заключается въ слѣдующемъ. Въ началѣ мая нынѣшняго года «Gjöa» покидаетъ берега Норвегіи и держитъ курсъ прежде всего къ колоніи Годгавнъ, на островѣ Диско, у западнаго берега Гренландіи, гдѣ датское правительство предположило запасти упряжныхъ собакъ для экспедиціи. Отсюда экспедиція направляется черезъ Мельвилеву бухту къ проливу Ланкастеръ. Пройдя этотъ послѣдній, «Gjöa» поворачиваетъ на югъ и по проливу Принца-Регента добирается до того узенькаго протока, пролива Белло, который отдѣляетъ полуостровъ Бутію Феликсъ отъ большого острова Полярнаго архипелага, такъ называемаго Сѣвернаго Соммерсета. Магнитныя наблюденія производятся наивозможно чаще. Въ случаѣ, если условія плаванія окажутся благопріятными, экспедиція пройдетъ черезъ проливъ Белло и направится къ югу вдоль западнаго берега полуострова Бутіи Феликсъ. Какъ только производимыя все время магнитныя наблюденія покажутъ, что экспедиція находится вблизи магнитнаго полюса, такъ сейчасъ же будутъ высажены на берегъ 2 человѣка съ провіантомъ на 2 года и необходимымъ матеріаломъ для постройки магнитной обсерваторіи и жилого дома. Какъ строительнымъ матеріаломъ Амундсенъ думаетъ воспользоваться упаковочными ящиками, которые спеціально для этой цѣли заказаны одинаковой величины. Наполняя ихъ землей и ставя другъ на друга, вы получаете стѣну, сложенную какъ бы изъ своего рода кирпичей. Покрываете досками, обшиваете все внутри и снаружи толемъ, обкладываете хижину снѣгомъ, и вашъ домъ готовъ. Такъ же будетъ построена и магнитная обсерваторія. Во избѣжаніе нарушающаго вліянія желѣзныхъ частей зданія на деликатные магнитные приборы, ящики сдѣланы безъ гвоздей.

Какъ только сложено будетъ на берегъ необходимое количество провіанта и матеріала, оба остающіеся человѣка принимаются за постройку обсерваторіи и установку самопишущихъ магнитныхъ приборовъ, а судно продолжаетъ свой путь далѣе на югъ и отыскиваетъ себѣ зимнюю стоянку гдѣнибудь у береговъ острова Короля Вильяма. Поставивъ судно въ безопасное мѣсто на зимовку, Амундсенъ съ однимъ спутникомъ отправляется на саняхъ, запряженныхъ собаками, къ тому мѣсту на берегу Бутіи Феликсъ, гдѣ будутъ имъ оставлены упомянутые два человѣка для наблюденій, и помогаетъ имъ устраиваться на зиму. Убѣдившись, что все въ исправности, онъ со своимъ спутникомъ возвращается обратно. Зимой, пока въ обсерваторіи ведутся тщательныя магнитныя наблюденія, на суднѣ кипитъ другая работа: готовятся къ весеннимъ саннымъ поѣздкамъ. При первой же возможности начинаются эти поѣздки по разнымъ направленіямъ. Самъ Амундсенъ съ однимъ спутникомъ отправляется для опредѣленія точнаго положенія магнитнаго полюса. Въ теченіе весны и осени 1904 года онъ надѣется кончить эту работу.

По окончаніи періода санныхъ поѣздокъ, всѣ санныя партіи собираются на «Gjöa».

Digitized by Google

Если позволитъ ледъ, судно подвигается дальше на югъ и становится на зимовку гдѣ-нибудь у южнаго берега Земли Викторіи. Весна 1905 года пойдетъ на изслѣдованіе прилегающей мѣстности. Осенью того же года Амундсенъ опять устанавливаетъ сообщеніе съ магнитной обсерваторіей на Бутіи Феликсъ, чтобы забрать оттуда всѣ инструменты и т. д.

Лѣтомъ 1906 г. «Gjöa» продолжаетъ дальнѣйшее движеніе на западъ. Все время производятся возможно болѣе частыя магнитныя наблюденія. Если потребуется, экспедиція проведетъ еще одну зиму,—быть можетъ, у острова Гершеля. Въ такомъ случаѣ только лѣтомъ 1907 года «Gjöa» обогнетъ сѣверо-восточную оконечность Америки и пойдетъ къ Берингову проливу. Оттуда, совершивъ такимъ образомъ кругосвѣтное путешествіе, Амундсенъ со спутниками возвращается въ Европу.

Планъ, какъ видите, разработанъ детально и обстоятельно. Но на сколько осуществимъ онъ на практикѣ, какіе виды на успѣхъ имѣетъ эта экспедиція? За отвѣтомъ обратимся къ нынѣшнему первому авторитету въ такого рода вопросахъ, Фритьофу Нансену, и послушаемъ, что́ онъ говоритъ. По его мнѣнію, высказанному имъ въ норвежской печати, на успѣхъ вполнѣ можно разсчитывать. «Магнитный полюсъ,—говоритъ онъ,—отличается отъ математическаго въ двухъ существенныхъ отношеніяхъ: 1) сѣверный магнитный полюсъ сравнительно легко достижимъ, тогда какъ достиженіе математическаго полюса сопряжено, какъ оказывается, съ большими затрудненіями, а 2) изслѣдованіе магнитнаго полюса имѣетъ большой научный интересъ, тогда какъ географическій полюсъ совсѣмъ или почти совсѣмъ не представляетъ интереса, и достиженіе его едва-ли имѣетъ бо́льшее значеніе, чѣмъ достиженіе вершины горы Гауризанкура, высочайшаго пункта земного шара».

«Многіе, быть можетъ, скажутъ,—продолжаетъ онъ дальше,—что судно Амундсена слишкомъ мало, чтобы на немъ предпринимать такое продолжительное и сложное путешествіе. Что́ касается меня, то я не вижу никакой причины, почему бы ему не проникнуть до магнитнаго полюса. Конечно, машина у судна слишкомъ слаба для того, чтобы форсировать ледъ; но пробивать себѣ дорогу сквозь ледъ—вовсе и не входитъ въ планы Амундсена. Онъ говоритъ, что призоветъ къ себѣ на помощь терпѣніе и будетъ пробираться впередъ понемножку, когда позволятъ обстоятельства. Проливы, по которымъ пролегаетъ его путь, всѣ очень узки, тѣсны и въ теченіе большей части года загромождены плавучимъ льдомъ. Многочисленныя попытки, которыя дѣлались въ эпоху наиболѣе интенсивнаго изслѣдованія американскаго Полярнаго архипелага для форсированія пути сквозь льды, загромождающіе эти проливы, всѣ оканчивались неудачей. Такимъ образомъ опытъ учитъ насъ, что силой въ этихъ проливахъ ничего не возьмешь; нужно не пробиваться черезъ ледъ, а стараться «прошмыгнуть» между льдами. А тогда понятны преимущества небольшого судна: оно занимаетъ меньше мѣста, и потому имъ легче маневрировать между льдами и легче находить безопасную стоянку подъ берегомъ для укрытія отъ давленія льдовъ. Кромѣ того, малая осадка судна позволяетъ ему пользоваться тѣми узенькими полыньями, которыя часто образуются между льдомъ и берегомъ, и куда болѣе глубоко-сидящія льдины не могутъ проникнуть, такъ какъ рискуютъ сѣсть на мель. Если даже, укрываясь ото льда, судно подойдетъ такъ близко къ берегу, что сядетъ на мель, то для такого малаго судна это не представляетъ большой опасности. Словомъ, малая величина судна, хотя и представляетъ нѣкоторыя неудобства вслѣдствіе слабосильности машины, но имѣетъ за собой и много важныхъ преимуществъ».

«Второй особенностью экспедиціи, сильно говорящей въ ея пользу, является то обстоятельство, что Амундсенъ хлопочетъ не о томъ, чтобы только достичь магнитнаго полюса и, такъ сказать, установить рекордъ, но проектируетъ свой маршрутъ такимъ образомъ, чтобы произвести полное систематическое изслѣдованіе всей области, прилегающей къ сѣверному магнитному полюсу. Онъ хочетъ начать тамъ, гдѣ Джемсъ Россъ кончилъ; онъ намѣревается произвести, такъ сказать, магнитную «съемку» мѣстности и выяснить, представляетъ ли этотъ полюсъ собою одинъ пунктъ или извѣстной величины площадь или, наконецъ, нѣсколько пунктовъ. Наблюденія Джемса Росса, произведенныя несовершенными инструментами того времени, во многихъ отношеніяхъ могутъ возбуждать

Digitized by Google

Digitized by Google

сомнѣнія. Изслѣдованіе прилегающей къ магнитному полюсу мѣстности при помощи такихъ точныхъ приборовъ, какіе имѣются у Амундсена, является, по выраженію извѣстнаго современнаго магнитолога профессора Ад. Шмидта, важнѣйшей задачей на поприщѣ изслѣдованія земного магнитизма».

Амундсенъ попутно предполагаетъ изслѣдовать Сѣверо-Западный проходъ. Самъ онъ, повидимому, не придаетъ особеннаго значенія разрѣшенію этой вѣковой задачи. Но если припомнить, сколько трудовъ, усилій и жертвъ деньгами и человѣческими жизнями принесено было для открытія и изслѣдованія этого «кратчайшаго», какъ нѣкогда думали, пути изъ Европы въ Китай и Индію, то, пожалуй, всякій согласится, что со стороны Амундсена было бы непростительно уклониться отъ рѣшенія этого историческаго вопроса; особенно, если принять во вниманіе, что при прохожденіи этого пути надо ожидать богатыхъ научныхъ результатовъ. Я не вижу причины, почему бы и это предпріятіе не удалось. Самой трудной частью пути, вѣроятно, будетъ прохожденіе пространства отъ пролива Белло вдоль западнаго берега Бутіи Феликсъ. На сколько можно судить по скуднымъ литературнымъ даннымъ, здѣсь льды могутъ представить серіозныя затрудненія. Но утверждать этого мы не можемъ, равно какъ нельзя сказать, чтобы проходъ здѣсь вовсе былъ невозможенъ. Здѣсь господствуютъ очень сильные приливы, которые въ лѣтнюю пору, вѣроятно, взламываютъ ледъ; слѣдовательно, для прохода нужно только выждать благопріятный моментъ, а Амундсенъ — человѣкъ, который умѣетъ терпѣливо ждать. Если ему не удастся пробраться сквозь льды въ первый годъ, онъ подождетъ слѣдующаго и т. д. Для него даже выгодно провести лишній годикъ-другой въ мѣстности, гдѣ чѣмъ дальше онъ пробудетъ, тѣмъ лучше онъ разрѣшитъ поставленную себѣ главную задачу».

«Мнѣ приходилось слышать возраженіе, что рискованно-де предпринимать столь дальнее путешествіе съ такимъ ограниченнымъ числомъ участниковъ. Но, по моему мнѣнію, малочисленность спутниковъ является преимуществомъ, и въ особенности для продолжительныхъ полярныхъ путешествій. Наибольшей опасностью, грозившей до сихъ поръ послѣднимъ, была цынга; но вѣрнѣйшимъ средствомъ противъ нея является, помимо тщательнаго подбора запаснаго провіанта, еще снабженіе экипажа достаточнымъ количествомъ свѣжаго мяса. Отсюда ясно, что чѣмъ меньше составъ экспедиціи, тѣмъ больше шансовъ, что въ окружающей мѣстности окажется достаточный запасъ дичи. Далѣе, если бы случилось несчастіе и пришлось покинуть судно, то малочисленность участниковъ является еще бо̀льшимъ преимуществомъ. Тамъ, гдѣ винтовкой приходится добывать себѣ пропитаніе, важно имѣть поменьше ртовъ, и даже 8 человѣкъ уже много. Нужно разбиваться на еще болѣе мелкіе отряды. Если бы несчастная экспедиція Джона Франклина состояла не изъ 138 чел., а только изъ 8-ми, она навѣрное благополучно возвратилась бы въ Европу вмѣсто того, чтобы погибнуть въ ледяныхъ пустыняхъ полярной Америки. Для Амундсена важно еще то, что путь его почти все время будетъ пролегать по мѣстностямъ, завѣдомо богатымъ дичью. Изъ всего этого вытекаетъ, что экспедиція Амундсена, кажущаяся на первый взглядъ рискованной и безразсудной, на самомъ дѣлѣ, вполнѣ безопасна и снаряжена въ высшей степени разумно обдуманно».

Таковъ отзывъ величайшаго полярнаго авторитета нашего времени объ экспедиціи Роальда Амундсена. Къ его словамъ ничего не остается прибавить, кромѣ пожеланія, чтобы и эта третья норвежская экспедиція принесла съ собою такіе же богатые научные плоды, какъ и двѣ первыя: Нансена (1893—1896) и Свердрупа (1898—1902).

А. Филипповъ.

Digitized by Google

ДНЕВНИКЪ МИЛЛІОНЕРА.

Джидара Гиббарда.

(Съ англійскаго переводъ **Е. Н. Ломиковской**).

Августа 5-го. Пользуюсь единственною свободною минутою. Я чуть-что не умираю, такъ спать хочется. Придется мнѣ уходить въ какую-нибудь гостиницу, чтобы хоть немного отдохнуть. Мое помѣстье Гринлаунсъ,—правда, слишкомъ похоже на гостиницу, только безъ возможности уединиться. Въ настоящую минуту здѣсь находится человѣкъ пятнадцать или даже болѣе. Вчера большинство изъ нихъ разошлись по своимъ комнатамъ не раньше трехъ часовъ ночи. Я нѣсколько стѣснялся бросить своихъ гостей въ своемъ собственномъ домѣ и пойти спать. И не потому, чтобы они нуждались во мнѣ. Билли Болленъ не постѣснился даже мнѣ прямо заявить, что въ моемъ присутствіи вовсе нѣтъ никакой надобности.

— Лучше ложись ты, старый пуританинъ!—воскликнулъ онъ. Мы сами можемъ позаботиться о себѣ.

Я этого не сдѣлалъ. Помимо моихъ старомодныхъ предразсудковъ относительно обязанностей хозяина, я находился въ слишкомъ нервномъ состояніи, чтобы заснуть. Неизвѣстно, что они могли еще выдумать, и безопаснѣе было для меня остаться.

Затѣмъ сегодня рано утромъ меня разбудили сундуки Уайтло. Я не знаю, сколько ихъ навезла съ собою миссисъ Уайтло, но мнѣ казалось, что съ лѣстницы спускаютъ кладь какого-нибудь цирка. Особенность Чартона Рожерса—всегда отплывать на разсвѣтѣ, а Уайтло должны были отправиться вмѣстѣ съ нимъ на его «Віернѣ».

Чувствуя, что мнѣ больше не заснуть, я всталъ, одѣлся и спустился, чтобы посмотрѣть, какъ они уѣзжаютъ. Время безконечно тянулось въ ожиданіи, когда начнется обычная дневная жизнь. Я шатался по дому и пробовалъ читать, но прислуга, принявшаяся за свой утренній обходъ, выгоняла меня изъ комнаты въ комнату. Я пустился бродить по садамъ, но тамъ меня чуть не оросили изъ садовой кишки. Между тѣмъ солнце поднялось. Я пошелъ по тропинкѣ вдоль берега. Какъ все блестѣло утреннею свѣжестью! Упиваясь чуднымъ воздухомъ, я безцѣльно шелъ впередъ. Земли, принадлежащія разнымъ владѣльцамъ, спускались до самаго океана. Я дошелъ до забора Ландоновъ, какъ вдругъ увидѣлъ что-то бѣлое между кустами. Сердце мое вздрогнуло. Не сама ли это Маргаретъ Ландонъ? Нѣтъ, это невозможно въ такой часъ! А между тѣмъ я испытывалъ то же самое особенное ощущеніе, какъ въ очень рѣдкіе случаи, когда мнѣ приходилось ее видѣть. Когда я подошелъ ближе, мое сердце, скакавшее дикимъ

Digitized by Google

галопомъ, внезапно остановилось, и я стоялъ въ нерѣшительности. Безъ сомнѣнія, то была она. Наконецъ, я храбро подошелъ.

— Ахъ!—воскликнула она съ выраженіемъ неподдѣльнаго отчаянія, какъ только увидѣла меня. Помогите мнѣ!

Обыкновенно она еле говоритъ со мною и съ обезкураживающимъ упорствомъ смотритъ по противоположному, направленію когда я попадаюсь ей на дорогѣ. Ей не хочется, чтобы говорили, что она вѣжлива со мною, потому что я богатъ. Я не позволилъ бы себѣ обращаться такъ пренебрежительно и съ какимъ-нибудь ротозѣемъ на скачкахъ, какъ она это дѣлаетъ со мною; право, я вижу, что многія очень достойныя дѣвушки точно нарочно обращаются со мною крайне нелюбезно. Мнѣ приходится прилагать всѣ свои старанія, чтобы хоть одна дѣйствительно хорошенькая дѣвушка сказала мнѣ хоть одно любезное слово. Я къ этому, въ сущности, совершенно привыкъ, но что касается миссъ Ландонъ, то, долженъ признаться, что относительно ея я боролся и страдалъ. Теперь же, услыхавъ, что она меня зоветъ, я былъ пораженъ и восхищенъ.

— Какъ вы невнимательны ко мнѣ!—сказала она. Я вертѣла кольцо на пальцѣ; оно соскользнуло, и я потеряла его.

Она медленно двигалась и, наклонивъ голову, пристально смотрѣла на тропинку. Я тотчасъ же подошелъ къ ней и сталъ дѣлать то же самое. Медленно топчась на одномъ мѣстѣ, не поднимая глазъ другъ на друга, а тщательно устремивъ ихъ въ землю, мы очень походили на двухъ плакальщиковъ.

— Ранняя птичка,—попробовалъ я заговорить,—ловитъ... [1])

Она быстра и пытливо взглянула на меня.

— Кольцо,—поспѣшилъ я добавить, такъ какъ видѣлъ, что она готова ложно понять меня.

— О!—воскликнула она—для васъ это можетъ быть и рано, но...

— Вы думаете, что я не способенъ любить природу въ этотъ часъ,—замѣтилъ я съ упрекомъ.

— Думаю.

— Такъ легко быть непонятымъ!—грустно произнесъ я.

— А вы не поняты?—спросила она съ внезапною прямотою, поднявъ на меня глаза.

Я покаялся и принялся (надѣюсь, что это будетъ прощено) восторженно восхвалять удовольствія ранняго вставанія. Эта рѣчь была блестящимъ доказательствомъ богатства моей фантазіи.

— Вы удивляете меня,—коротко замѣтила она, когда я кончилъ.

— Можетъ быть,—храбро возразилъ я,—какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

— Удивительно, право, что двое не могутъ найти кольца на такомъ маленькомъ пространствѣ,—сказала, уклоняясь отъ темы, миссъ Ландонъ.

Кольцо, наконецъ, было найдено, и мы сѣли. Казалось, что она не прочь поговорить со мною. Право, это было для меня совершенною неожиданностью. Обыкновенно, когда мы окружены людьми, она крайне осмотрительна. Теперь же она казалась совершенно искреннею и естественною. Наконецъ, вздрогнувъ, она спросила: Который часъ?

— Безъ четверти девять,—отвѣтилъ я, посмотрѣвъ на часы.

Она вскочила, готовая убѣжать.

— Ахъ!—воскликнула она,—мнѣ надо идти! не хотите ли...

Она остановилась и вдругъ, снова принявъ свой обычный со мною тонъ, въ которомъ я обнаруживаю странную смѣсь терпимости и вызова, она сказала:

— У васъ, должно быть, полонъ домъ народа, и вы, конечно, обязаны вернуться къ своимъ гостямъ.

Вотъ оно! Если бы я былъ кто-нибудь другой, она пригласила бы меня къ себѣ завтракать. Я видѣлъ, что у нея было это намѣреніе, но она его не высказала.

Возвращаясь по тропинкѣ, я раздумывалъ о томъ, какъ было все хорошо. Но стоило ей только вспомнить, кто я, какъ все пошло постарому.

А съ какимъ бы я удовольствіемъ пошелъ завтракать къ Ландонамъ!

Если бы я былъ кто-нибудь другой!

Августа 11-го. Сегодня я, со страхомъ и весь дрожа, развернулъ газеты. Впрочемъ, я испытываю болѣе или менѣе подобное ощущеніе каждый день, когда ихъ просматриваю. Но на этотъ разъ у меня была особенная причина для опасеній. Вчера одинъ человѣкъ какимъ-то образомъ пробрался въ

[1]) Англійская поговорка: «Ранняя птичка ловитъ червя.»

Digitized by Google

домъ, и я наткнулся на него въ передней. Онъ мнѣ сказалъ, что, если я не пошлю ему извѣстную сумму денегъ въ назначенный послѣ полудня часъ, то онъ застрѣлится, оставивъ письмо, въ которомъ скажетъ, что его принудилъ къ этому отчаянному поступку мой отказъ помочь ему. То же самое уже одинъ разъ продѣлали со мною. Тогда я далъ деньги. Я былъ убѣжденъ, что тотъ человѣкъ не выполнитъ своей угрозы, но онъ подѣйствовалъ мнѣ на нервы. Если бы я отказалъ, я зналъ, что принужденъ буду думать о послѣдствіяхъ своего отказа; если же человѣкъ сдѣлалъ бы то, чѣмъ угрожалъ, то въ результатѣ мнѣ было бы весьма непріятно. Когда явился второй человѣкъ, то, признаюсь, это меня раздражило до крайности. Во мнѣ обнаружилось какое-то скрытое доселѣ упорство, и я отказался быть эксплоатированнымъ такимъ способомъ. Это былъ человѣкъ, въ достаточной степени лишенный предразсудковъ, и имѣлъ достаточно отчаянный видъ. Цѣлый день я не могъ выбросить изъ головы мысль о немъ и о томъ, что онъ сказалъ. Я могу безъ особенныхъ угрызеній совѣсти убить комара, но задумаюсь надъ мухою. Мысль же о томъ, что жизнь моего ближняго можетъ зависѣть отъ меня, приводила меня въ отчаяніе. Кромѣ того, если случится несчастіе, всѣ газеты выставятъ меня убійцей. Я провелъ безсонную ночь. Сегодня я рано всталъ, чтобы узнать, не случилось ли дѣйствительно того, чего я такъ боялся. Съ ужасомъ ожидалъ я, что увижу на первой страницѣ свое имя, напечатанное крупными буквами съ описаніемъ моей жестокости. Я свободно вздохнулъ, когда убѣдился, что на этотъ разъ благополучно отдѣлался. Въ газетѣ было только краткое объявленіе о томъ, что профессоръ Алфеусъ Кельпъ, «цѣлитель магнитизмомъ», преслѣдуется за двоеженство. Мнѣ помнится, что этимъ именемъ назвалъ себя тотъ человѣкъ.

Но я нашелъ нѣчто другое, что составило мое несчастіе. На видномъ мѣстѣ въ проклятомъ «столбцѣ свѣтской жизни» я прочелъ, что окончательно «устроенъ» бракъ между миссъ Маргаретъ Ландонъ и мною. Царь небесный! Если она раньше едва разговаривала со мною, что же она теперь сдѣлаетъ или не захочетъ сдѣлать? Она почувствуетъ, что необходимо на глазахъ у всѣхъ опровергнуть такое извѣстіе. А между тѣмъ только съ того утра, когда мы искали кольцо, наши отношенія начали немного улучшаться.

Что мнѣ дѣлать?

Августа 14-го. Мнѣ нестерпимо хотѣлось узнать, какое дѣйствіе произвело на нее объявленіе, но она не давала мнѣ для этого случая. Вчера вечеромъ у Кросбай я думалъ, что представилась возможность; но нѣтъ. Хотя на вечерѣ присутствовали мужчины старше меня и болѣе выдающіеся, однако же мнѣ пришлось вести къ столу хозяйку, а по другую мою сторону сидѣла миссисъ Раустабаутъ, которая такъ всегда устраивается, чтобы быть тамъ, гдѣ она разсчитываетъ сдѣлать наиболѣе добра... для себя. Это часто встрѣчающійся способъ. Обыкновенно мнѣ приходится идти къ обѣду съ самыми старыми и неизмѣнно самыми некрасивыми изъ присутствующихъ женщинъ. Единственное, что могло бы меня спасти—это присутствіе какого-нибудь, по крайней мѣрѣ, герцога, число же герцоговъ вообще недостаточно велико, чтобы они могли быть практически полезны.

Послѣ обѣда, на террасѣ, я устроился такъ, чтобы сказать нѣсколько словъ миссъ Ландонъ. Ничто не могло оказаться менѣе удовлетворительнымъ. Она, по обыкновенію, отвѣчала «да» и «нѣтъ», затѣмъ, помолчавъ, сказала:

— Знаете ли, мнѣ кажется, что будетъ лучше, если я буду совершенно откровенна съ вами.

Я нервно поклонился въ знакъ согласія и чувствовалъ, что услышу что-нибудь непріятное.

— Я, конечно, видѣла то, что говорятъ всѣ газеты,—продолжала она,—и это мнѣ не нравится. Подумайте, въ какое положеніе это ставитъ меня. Я желаю, чтобы вы перестали... преслѣдовать меня.

— Развѣ ужъ такъ плохо дѣло?—спросилъ я.

— Да,—тихо отвѣтила она,—боюсь, что это такъ.

— Вы ненавидите меня!—произнесъ я.

— Нѣтъ,—подумавъ, отвѣтила она. Я обѣщала быть вполнѣ искренной. Вы мнѣ такъ нравились въ то утро. Право, я послѣ того много думала о васъ. Затѣмъ я прочитала все это въ газетахъ и была поражена. Когда кто-нибудь начинаетъ вамъ нравиться, васъ не можетъ не поразить, что тотчасъ же въ газетахъ напечатано, что вы выходите за

Digitized by Google

него замужъ. Это объявленіе какъ бы спугнуло то, о чемъ я думала.

— Но почему же?—спросилъ я упавшимъ голосомъ.

— Весь этотъ разговоръ надоѣлъ мнѣ, а я увѣрена, что вы этого не хотите.

Я увѣрилъ ее, что больше всего на свѣтѣ желаю, чтобы она была довольна, желаю ей угодить.

— Въ такомъ случаѣ,—быстро сказала миссъ Ландонъ,—я желаю, чтобы вы оставили меня совершенно въ покоѣ. Я сдѣлала все, что могла, для того, чтобы увѣрить свѣтъ, что во всей этой сплетнѣ нѣтъ ни одного слова правды. Я желаю, чтобы вы мнѣ помогли. Не можете ли вы сдѣлать видъ, что я вамъ особенно не нравлюсь.

Она взглянула на меня съ боку, и при этомъ глаза ея блеснули; улыбка же ея, открывшая рядъ бѣленькихъ зубокъ, свела меня съ ума, и я готовъ былъ схватить и унести ее. А она хотѣла заставить свѣтъ думать, что я ее не люблю.

— Я все-таки хочу надѣяться,—пробормоталъ я.

— Вы такъ отличаетесь отъ другихъ людей,—рѣшительно отвѣтила она. Вы въ нѣкоторомъ смыслѣ царственная личность, и такъ это... непріятно, и мнѣ этого не хочется.

Мнѣ ничего не остается больше, какъ удалиться. Я хотѣлъ бы остаться, но разъ мое присутствіе здѣсь разстраиваетъ ей жизнь, то мой долгъ, какъ джентльмена, стушеваться. Это будетъ непріятно и трудно. Можетъ быть, она тогда мысленно будетъ относиться добрѣе ко мнѣ; но и это даже врядъ-ли вознаградитъ меня за то, что я такъ ужасно несчастливъ.

Августа 17-го. Просмотрѣть утреннюю почту всегда тяжелый трудъ. Даже при помощи моего секретаря, который сортируетъ ее, мнѣ многое приходится читать самому. Не приходитъ дня, чтобы я не получалъ предложеній, просьбъ, угрозъ, не говоря уже о постоянныхъ злоупотребленіяхъ.

Я всегда былъ того мнѣнія, что каждый американскій городъ долженъ имѣть свой паркъ и, чѣмъ ближе къ центру города, тѣмъ лучше. Это мѣсто отдыха для рабочаго населенія, мѣсто игръ для дѣтей. Я убѣжденъ, что никакое учрежденіе не можетъ принести столько пользы, сколько эти парки, въ которыхъ можно было бы дышать чистымъ воздухомъ. Когда я видѣлъ, что какое-нибудь значительное населенное мѣсто не имѣетъ парка, я тотчасъ же устраивалъ его. Обыкновенно оказывалось, что городъ нуждается въ чемъ-нибудь другомъ, и мнѣ, безъ стѣсненія, заявляли объ этомъ. На прошлой недѣлѣ я далъ деньги на паркъ городу С. Сегодня я получилъ письмо отъ головы, въ которомъ онъ говоритъ, что городъ не нуждается въ паркѣ, но очень желаетъ имѣть желѣзнодорожную станцію. Онъ пишетъ, что о паркахъ много различныхъ мнѣній. Большое число изъ самыхъ консервативныхъ людей утверждаетъ, что созданіе парка поведетъ къ лѣни и къ большей разнузданности. Пришло также множество газетъ, которыя энергично обвиняли меня въ томъ, что я стараюсь довести до нищенства уважающую себя и трудолюбивую общину. Однако жъ, голова добавляетъ, что возьметъ паркъ, если я не найду возможнымъ дать имъ что-нибудь другое.

Я еще имѣю непріятности съ наслѣдственными собственностями. Почти не проходитъ дня, чтобы кто-нибудь не пожелалъ мнѣ продать свои самыя старыя и самыя любимыя вещи, и чувство, связанное съ ними, всегда входитъ въ счетъ цѣны. Эти вещи—фамильные портреты, кружева, драгоцѣнности, серебро, книги. Меня какъ будто принимаютъ за торговца bric-à-brac'омъ. При этомъ всегда, конечно, говорится, что я естественно захочу имѣть такой рѣдкій и прекрасный предметъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно и съ горечью выставляется нужда и бѣдность продавца. Такое чтеніе далеко не весело, и часто я цѣлый день испытываю такое ощущеніе, точно я скотина, пренебрегая какою-нибудь особенно трогательною просьбою.

Нѣкоторыя изъ вещей несомнѣнно подлинныя. Но все-таки что мнѣ дѣлать съ цѣлыми конюшнями, наполненными поддѣлками? Покупая такія вещи, не поощряю ли я столько же обманъ, сколько помогаю достойному участія? А сегодняшняя почта принесла мнѣ извѣщеніе отъ одного адвоката о томъ, что онъ собирается подать на меня въ судъ, чтобы взыскать настоящую стоимость портрета, проданнаго мнѣ несовершеннолѣтнимъ—картины, которая, само собою, мнѣ не нужна была, которую я подарилъ Историческому Обществу. Въ искѣ значилось, что эта картина работы Жильбера Стюарта—портретъ какого-то, не помню, дѣятеля Рево-

Digitized by Google

люціи. Впослѣдствіи я узналъ, что все это неправда. Полагаю, что придется уладить это дѣло, пожертвовавъ большою суммою денегъ. Никто изъ присяжныхъ не отнесется ко мнѣ справедливо.

Это не могло привести меня въ любезное настроеніе, и я нетерпѣливо распечаталъ остальныя письма. Одно изъ нихъ было отъ моего бывшаго учителя въ гимназіи. Онъ отягощенъ долгами, по его словамъ, и желаетъ жениться. Гимназія предоставитъ ему мѣсто, если онъ заплатитъ все, что̀ долженъ. Онъ хочетъ, чтобы я далъ ему взаймы эту сумму, для того, чтобы онъ могъ получить мѣсто. Это типичная просьба. Я каждый день, а иногда и нѣсколько разъ въ день получаю таковыя. Я былъ расположенъ къ Режинальду Мэзону, но почемъ я знаю, насколько онъ самъ виновенъ въ томъ положеніи, въ какое онъ поставленъ; что̀ онъ дѣйствительно сдѣлаетъ съ деньгами и вообще говоритъ ли онъ правду? Въ моемъ положеніи это самое худшее. Меня столько обманываютъ, что я не могу вѣрить никому. Я не благотворительное учрежденіе и не стану отвѣчать Мэзону. Я ему не вѣрю. Въ послѣдній разъ, когда я, такимъ образомъ, одолжилъ деньги, я узналъ, что занявшій ихъ у меня сорвалъ банкъ въ такомъ мѣстѣ, въ которомъ я никогда не бывалъ.

Но было письмо, не не шутку встревожившее меня и окончательно лишившее меня покоя. Какой-то негодяй писалъ мнѣ, что ему извѣстенъ заговоръ похитить миссъ Ландонъ. Въ свѣтѣ всѣ полагаютъ, что мы сговорены, и планъ, говорится въ письмѣ, заключается въ томъ, чтобы нагрѣть меня на крупную сумму. Я не могу повѣрить, чтобы это была правда, но такимъ дѣломъ не смѣю рисковать. Какъ бы то ни было, но я до послѣдней степени несчастливъ. Я бы отдалъ свою жизнь, чтобы избавить ее отъ малѣйшаго огорченія, а теперь, повидимому, почти навѣрное создаю ей непріятности, а можетъ быть подвергаю ее даже дѣйствительной опасности.

Я пробовалъ убѣдить себя въ томъ, что все это дѣло не что иное, какъ шантажъ. Промучившись нѣсколько часовъ подъ рядъ, я послалъ за авторомъ письма. Но это мало мнѣ помогло. Онъ немного что̀ могъ мнѣ сообщить, такъ какъ, по его словамъ, онъ слыхалъ о заговорѣ отъ другого, который отказывается быть откровеннѣе. Но онъ съ такою убѣдительностью увѣрялъ, что говоритъ правду, что я чувствовалъ себя не въ правѣ бросить это дѣло. Я далъ этому человѣку денегъ и послалъ его разузнать все, что̀ онъ можетъ. Смѣется ли онъ надо мною и радуется ли со своими сообщниками о томъ, что такъ легко обработалъ меня? Мнѣ все равно. Ее не должны тревожить. Я видѣлся съ человѣкомъ, спеціальность котораго заниматься такими дѣлами, и ее будутъ охранять частные сыщики, невѣдомо для нея самой.

Сентября 1-го. Я всегда питалъ страсть къ полярнымъ изысканіямъ. Я усердно изучалъ этотъ предметъ и самъ охотно отправился бы въ полярныя страны. Я всегда желалъ, чтобы въ стремленіи разныхъ націй къ сѣверному полюсу моя родина первая достигла бы цѣли. Поэтому, раннею весною я принялся снаряжать экспедицію, цѣль которой была водрузить флагъ на крайнемъ сѣверѣ и даже, если это будетъ возможнымъ, на той именно точкѣ, которой столь многіе стараются достигнуть. Обладая средствами, я хотѣлъ помочь выполненію этого въ интересахъ моей родины и моихъ согражданъ.

Я владѣю источникомъ минеральной воды, которая въ большомъ употребленіи, но доходъ отъ него дотого малъ, что я совершенно забылъ о немъ. Сегодня я имѣлъ удовольствіе увидѣть на первой страницѣ одного юмористическаго журнала карикатуру, изображающую меня рисующимъ на сѣверномъ полюсѣ вывѣску «Вода Аликуиппа Литія». Я тотчасъ же телеграфировалъ, чтобы остановили снаряженіе экспедиціи. Если свѣтъ думаетъ, что это снаряженіе дѣлается ради рекламы, я отказываюсь отъ экспедиціи. У меня этого и въ мысляхъ не было. Право, я совершенно забылъ, что владѣю этимъ несчастнымъ источникомъ.

Ничего новаго отъ человѣка, открывшаго мнѣ существованіе заговора. Онъ безспорно, какъ піявка, сосетъ изъ меня кровь, но я боюсь его отбросить. Я также боюсь дозволить сыщикамъ, стерегущимъ миссъ Ландонъ, ослабить свою бдительность.

Сентября 6-го. Она догадалась, что происходитъ что-то необыденное, и замѣтила, что за нею наблюдаютъ. Я избѣгалъ ея; но сегодня, въ Поло-клубѣ она сама отыскала меня. Одно мгновеніе я былъ счастливъ, когда былъ остановленъ ею. Я долженъ былъ знать, что это принесетъ мнѣ только несчастіе.

Digitized by Google

— Не просила ли я васъ,—холодно произнесла она,—не давать больше повода къ праздным разговорамъ? Вы слѣдуете за мною повсюду, вы постоянно караулите меня, и всѣ это видятъ.

Правда, благодаря своимъ опасеніямъ я часто старался быть ея охранителемъ, но невѣдомо для нея, какъ я думалъ.

— Кромѣ того,—продолжала она съ негодованіемъ,—что бы я ни дѣлала, куда бы я ни пошла, за мною слѣдятъ какіе-то люди. Я этого не понимаю, но чувствую, что въ этомъ вы отвѣтственны. Это очень мнѣ непріятно, какъ вы можете себѣ представить. Зачѣмъ вы такъ дѣлаете?

Я ничего не могъ ей отвѣтить, чтобы не напугать ее и не испортить ей жизнь страхомъ передъ возможною опасностью, висящею подъ нею, и я только пробормоталъ что-то.

— Я лучшаго была мнѣнія о васъ!—воскликнула она съ горечью. Неужели вы не имѣете никакого понятія о приличіяхъ? Я теперь смѣло могу сказать вамъ, что ненавижу васъ. А сначала вы мнѣ даже нравились, и я такъ разочарована!

Если что-нибудь могло меня сдѣлать еще болѣе несчастнымъ, такъ это мысль о томъ, что я ей «даже нравился». Если бы я былъ кѣмъ-нибудь другимъ, то сохранилъ бы ея расположеніе, усилилъ бы его и...кто знаетъ?

Сентября 9-го. Еще непріятность и съ совершенно другой стороны. Что она явилась съ безоблачнаго неба, нисколько не удивляетъ меня. Я всегда ожидаю громовыхъ ударовъ. Почему же я не всегда подготовленъ къ нимъ?

Когда я взялъ Чарли Дрисколля и далъ ему мѣсто съ единственною цѣлью помочь, я думалъ, что оказываю ему услугу. У него не было ни копѣйки и никакихъ средствъ добыть денегъ. Я думалъ, что такое начало дастъ ему возможность собраться съ силами и найти что-нибудь лучшее. Онъ былъ знатокомъ во всемъ, что касается лошадей, и я поручилъ ему завѣдывать моими конюшнями скаковыхъ лошадей.

Онъ велъ не такую жизнь, какая была бы мнѣ желательна. Въ дѣйствительности онъ имѣлъ всѣ шансы дурно кончить. Онъ сталъ небреженъ, безпеченъ и когда я раза два говорилъ съ нимъ объ этомъ, какъ человѣкъ старше его лѣтами, онъ всегда грубовызывающе отвѣчалъ на мои увѣщанія. Я только хотѣлъ быть ему полезнымъ, потому что зналъ его родныхъ и былъ расположенъ къ нимъ. Я думалъ, что мы друзья, и разыгрывалъ роль друга. И вотъ результатъ!

Вчера я былъ въ восторгѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ очень удивленъ, что «Роксана» взяла призъ. По истинѣ я всегда думалъ, что она мало имѣетъ на это шансовъ, и телеграмма, извѣщавшая меня объ ея побѣдѣ, была совершенною для меня неожиданностью. Теперь только и толку въ клубѣ о томъ, что жокей, скакавшій на «Леандрѣ»-фаворитѣ, былъ подкупленъ съ тѣмъ, чтобы онъ попридержалъ свою лошадь. Этотъ жокей признался во всемъ и сказалъ, что получилъ взятку отъ людей изъ моихъ конюшенъ. Очень это мнѣ пріятно, нечего сказать! Я тотчасъ же послалъ за Дрисколлемъ. Я ему передалъ то, что говорилось, и сказалъ, что онъ не можетъ отрицать этого, такъ какъ у меня есть доказательство.

— Я и не отрицаю,—выпалилъ онъ. Это сдѣлалъ я. Чего же вы ожидали? Вы ввели меня безъ гроша денегъ въ жизнь, которую я веду, и воображаете, что я буду нѣмъ, глухъ и слѣпъ. Но, можетъ быть, я и такъ справился бы какъ-нибудь, если бы не увидалъ ее.

Я хотѣлъ его остановить, чувствуя, что сейчасъ услышу что-нибудь зловѣщее; но рѣшилъ лучше выслушать до конца.

— Вы не знаете, что значитъ нуждаться во всемъ. Я былъ сытъ и одѣтъ, но былъ лишенъ почти всего остального, того, что имѣютъ такіе люди, какъ вы, безъ заботъ и даже не замѣчая. Я выносилъ это, пока не влюбился въ одну дѣвушку. О, я зналъ, что не могу разсчитывать на успѣхъ, что она не станетъ и слушать меня пока вы около. Мнѣ слѣдовало бы презирать, ненавидѣть ее; но это не въ моихъ силахъ, потому что я люблю ее. И не могу я имѣть успѣха изъ-за васъ, такъ какъ она страшится привлечь ваше вниманіе, какъ это дѣлаетъ дюжина другихъ. Неужели вы не находите, что этого достаточно, чтобы довести человѣка до отчаянія. Я не худшаго рода, чѣмъ вы. Я столь же, какъ вы, уменъ и недуренъ собою. А между тѣмъ я все равно, что не существую, да и, право, это было бы лучше. Поэтому я и повелъ такую жизнь. Попалъ я въ бѣду. Мнѣ нужны были деньги. Я это устроилъ съ человѣкомъ, скакавшимъ на «Леандрѣ». Я не вашу лошадь придержалъ.

Digitized by Google

— Лучше бы вы это сдѣлали!—возразилъ я съ запальчивостью. Врядъ ли въ свѣтѣ повѣрили бы, что мнѣ нужны были деньги, но могутъ повѣрить, или по крайней мѣрѣ пожелаютъ повѣрить, что я захотѣлъ, чтобы моя лошадь выиграла.

— Если бы я васъ не зналъ, то этого бы не случилось,—продолжалъ онъ. Неужели вы считаете честнымъ соблазнять человѣка?

— Я хотѣлъ вамъ помочь.

— Неужели показать голодному пиръ, въ которомъ онъ не можетъ принять участіе, показать умирающему отъ жажды напитокъ, котораго онъ не можетъ выпить, называется помощью? Если бы не ваша дружба, я не былъ бы погибшимъ человѣкомъ. Теперь весь свѣтъ услышитъ объ этомъ, и это будетъ моимъ концомъ. Что для меня ужаснѣе всего, что то, что объ этомъ узнаетъ Маргаретъ Ландонъ.

— Что!—воскликнулъ я, миссъ Ландонъ!

— Конечно, — быстро отвѣтилъ онъ. О комъ же, вы думаете, я говорю?

— И вы влюблены въ нее?

— А почему же и нѣтъ? Вы, кажется, полагаете, что я не имѣю на то права,—что кошка не смѣетъ смотрѣть на королеву,—добавилъ онъ съ презрительной насмѣшкою.

— Но то, что вы говорите,—не правда!—закричалъ я поспѣшно. Миссъ Ландонъ не желаетъ выходить за меня замужъ. Она не даетъ своего согласія. И даже она всячески избѣгаетъ меня.

— Развѣ я не вижу?—возразилъ онъ насмѣшливо. Развѣ я не понимаю? Это ея манера.

— Это ложь!—воскликнулъ я. Миссъ Ландонъ не думаетъ обо мнѣ, а, если и думаетъ, то только съ непріязненнымъ чувствомъ.

— Она...—началъ онъ.

— Довольно!—закричалъ я повелительно. Этотъ вопросъ не подлежитъ обсужденію.

Онъ замолчалъ; благодаря жизни, какую онъ велъ, нервы его были совершенно разслаблены. Конечно, я долженъ замять эту исторію. Я найду способъ уладить это цѣною надлежащихъ расходовъ. Навѣрное, будутъ толки. Обо мнѣ наговорятъ всякой всячины. Я долженъ это вынести. Я это могу. Я къ этому привыкъ.

Неужели я проклятъ? Неужели я ни до чего не могу дотронуться, чтобы не создать непріятности и себѣ и другимъ? Неужели невозможно чтобы кто-нибудь подошелъ ко мнѣ, имѣлъ бы какую-нибудь связь со мною и въ то же время не былъ оскорбленъ или не оскорбилъ бы меня? Что я такое? Анчаръ въ человѣческомъ образѣ? Неужели вся моя жизнь должна быть ничѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ дѣйствіемъ «Африканки»?

Сентября 12-го. Наконецъ, случилось нѣчто такое, на что я могу смотрѣть съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Въ концѣ концовъ я все-таки сдѣлалъ доброе дѣло. Я былъ такъ поставленъ, что принужденъ былъ дать призъ за нѣсколько гонокъ на яхтахъ, и сегодня послѣ обѣда происходила гонка, и я долженъ былъ слѣдовать за нею на «Лукастѣ». Въ сущности изъ всѣхъ моихъ собственностей «Лукаста» болѣе всего приносила мнѣ безпокойствъ. Она имѣетъ триста восемьдесять два фута длины, и экипажъ ея состоитъ изъ семидесяти человѣкъ. Ничто не могло доставлять столько хлопотъ, какъ эта яхта. Президентская компанія не требуетъ столько вниманія. Въ этотъ сезонъ яхта имѣла уже два столкновенія. Люди экипажа вѣчно попадаются въ какихъ-нибудь продѣлкахъ, ихъ сажаютъ подъ арестъ, и постоянно приходится брать ихъ на поруки. То капитанъ, то шкиперъ заявляютъ требованія. Но это не важно.

Сегодня мнѣ вовсе не хотѣлось идти въ море, такъ какъ оно было нѣсколько бурно, а я неважный мореплаватель. Однако же, я обязанъ былъ быть налицо, и мнѣ приходилось брать съ собою большую компанію. Объ одной только особѣ,—миссъ Ландонъ,—которую мнѣ хотѣлось пригласить, не могло быть рѣчи. Напротивъ, со мною отправился изрядный сбродъ. Чисвиксы сами себя пригласили. Гадсденсы, которыхъ я ненавижу и не знаю, явились съ ними, потому что они гостятъ у Чисвиксовъ. Самъ Лити шепнулъ мнѣ, что онъ взялъ съ собою пріятеля, которому, онъ знаетъ, я достаточно извѣстенъ, для того, чтобы принять его. Лити начинающій маклеръ, а его пріятель мистеръ Томасъ Плёнксъ фирмы «Мыло Плёнкса», самый значительный изъ его кліентовъ. Миссисъ Кеппель привезла съ собою миссисъ «Валь» Лестренжъ. Она сказала, что считала очень важнымъ для миссисъ Лестренжъ, чтобы ее видѣли на моей яхтѣ. Христіанское милосердіе—прекрасная вещь, но мнѣ кажется, что катать красивыхъ женщинъ, бросившихъ

Digitized by Google

своихъ мужей, не есть назначеніе моей жизни.

Если прибавить ко всему этому легкіе приступы морской болѣзни, то я провелъ крайне непріятный день. На моей яхтѣ была именно такая толпа, которую не одобрила бы миссисъ Ландонъ. Она, конечно, подумаетъ, что я самъ ихъ всѣхъ пригласилъ. Наконецъ, я подошелъ съ ними къ пристани.

Мы тихимъ ходомъ пересѣкали портъ, чтобы стать на якорь, послѣ чего я долженъ былъ пересѣсть въ баркасъ и вернуться домой. Вдругъ я увидѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи лодочку. Въ ней сидѣла традиціонная парочка: молодой человѣкъ съ молодою женщиною. Вдругъ лодка опрокинулась, и оба ея пассажира стали биться въ водѣ. Мужчина тотчасъ же поплылъ къ лодочкѣ. Женщина видимо шла ко дну. Я бросилъ спасательный кругъ, и самъ прыгнулъ черезъ бортъ. Въ гавани не было волненія, и я безъ всякихъ препятствій доплылъ до нея. Я поддержалъ ее и подвелъ къ спасательному кругу. Съ яхты спустили шлюпки и насъ, промокшихъ до костей, приняли на палубу. Она очень скоро пришла въ себя.

Я увидѣлъ, что это миссъ «Пинки» Уайтъ, которую очень мало зналъ. Она гоститъ у Симпсоновъ, которыхъ я совсѣмъ не знаю. Она благодарила меня за то, что̀ называла «спасеніемъ» ея жизни. Она говорила, что теряла сознаніе, когда почувствовала, что я схватилъ ее. Она сказала (нѣсколько, по моему мнѣнію, черезчуръ экспансивно), что мое поведеніе «героическое». Мнѣ пришлось повернуть «Лукасту». Мы бросили якорь у помѣстья Симпсоновъ, и я вышелъ на берегъ вмѣстѣ съ нею. Симпсонамъ очень хотѣлось, чтобы я остался у нихъ обѣдать, но я отказался и ушелъ, сказавъ имъ, что завтра зайду узнать о здоровьѣ миссъ Уайтъ.

Я радъ, что «Лукаста» подоспѣла какъ разъ во̀-время, и что мнѣ пришлось принять участіе въ столь полезномъ дѣлѣ, какъ вытаскиваніе молодой дѣвушки изъ воды. Мнѣ кажется, что я имѣю право чувствовать сегодня нѣкоторое удовлетвореніе.

Сентября 13-го. Вчера вечеромъ я сидѣлъ въ одной изъ маленькихъ комнатъ клуба, когда услыхалъ за дверью громкій хохотъ. Нѣсколько человѣкъ входило въ комнату, и я всталъ, чтобы убѣжать.

— Такъ онъ теперь принялся за спасеніе молодыхъ женщинъ изъ водяныхъ пучинъ,— вопилъ «Ларри» Утисъ, въ несомнѣнномъ восторгѣ, въ то время, какъ я подбѣжалъ къ единственному выходу, черезъ который могъ уйти незамѣченнымъ.

Снова послышался веселый взрывъ смѣха.

— Это безподобно!—продолжалъ Утисъ.

— Но я не вижу, какъ бы онъ могъ поступить иначе, — замѣтилъ другой. Человѣкъ, бывшій съ нею, бросилъ ее и поплылъ къ лодочкѣ. Она, очевидно, не умѣетъ плавать, она тонула, и кто-нибудь долженъ былъ ее вытащить.

Я уже былъ за окномъ, когда сюртукомъ задѣлъ за какой-то гвоздь. Пока я отцѣплялъ его, до моего слуха поневолѣ дошли слѣдующія слова:

— Неужели вы не знаете? — кричалъ Утисъ. Тонула, Богъ ты мой! Не умѣетъ плавать! Она на-дняхъ проплыла милю въ тридцать шесть минутъ и тѣмъ побила женскій рекордъ. Она столько же находилась въ безопасности на водѣ, сколько онъ на яхтѣ. Человѣкъ, бывшій съ нею, прекрасно зналъ, что она можетъ лучше позаботиться сама о себѣ, чѣмъ онъ, и потому поплылъ къ лодочкѣ. Вѣдь она это сдѣлала нарочно. Теперь все обнаружено. Она сказала объ этомъ какой-то дѣвицѣ, а та другой. Она перевернула лодочку какъ разъ, когда увидѣла, что подходитъ «Лукаста», для того, чтобы ее взяли на яхту. Она, понимаете ли, хотѣла вызвать его симпатію, а кромѣ того возбудить его интересъ послѣ того, какъ онъ спасетъ ей жизнь. А онъ и попался на удочку, какъ глупый пискарь. Онъ ее спасъ! Нѣтъ, это уморительно!

Утисъ катался на диванѣ, и всѣ, находившіеся въ комнатѣ, хоромъ вторили его смѣху.

Сегодня все это попало въ газеты. Мнѣ все равно, что дѣвушка нарочно перевернула лодочку, но мнѣ не все равно, что я перепрыгнулъ за бортъ спасать ее. Для меня лучше было бы, если бы напечатали правду, чѣмъ то, что̀ помѣстили въ газетахъ. Герой! И всѣмъ извѣстны факты. Я всеобщій предметъ насмѣшекъ. Можно съ ума сойти отъ этого.

Сентября 16-го. Я видѣлъ сегодня миссъ Ландонъ, но она меня не видѣла или же притворилась, что не видитъ. А между тѣмъ это казалось совершенно невозмож-

Digitized by Google

нымъ для нея, потому что я посторонился, чтобы пропустить ее въ дверь. Чтобы удостовѣриться, я подошелъ къ ней.

— Ахъ!—воскликнула она безпомощно, когда я сталъ передъ нею.

— Я хотѣлъ знать, видѣли ли вы меня или нѣтъ,—угрюмо произнесъ я.

— А я этого не хотѣла, — вызывающе отвѣтила она. Я никогда больше не желаю васъ видѣть. Этого я вамъ раньше не говорила. Теперь конецъ!

Она ушла, а я остался пораженный и безпомощный. Что-нибудь случилось, отъ чего она настолько суровѣе, чѣмъ обыкновенно. Что бы это могло быть? Я знаю, что довольно причинъ въ этой гонкѣ и нелѣпомъ приключеніи. Вѣроятно, всему причиною первая, потому что я не вижу повода, почему ее могло бы тронуть второе.

Сентября 18-го. Мнѣ кажется, что я почувствовалъ бы значительное облегченіе, если бы могъ растоптать самого себя. Сегодня я слышалъ отъ одного изъ своихъ однокашниковъ, который тоже учился подъ руководствомъ Режинальда Мэзона, что послѣдній написалъ мнѣ правду о себѣ. Гимназія не дала ему мѣста. Родители дѣвушки увезли ее. Мэзонъ заболѣлъ отъ горя и заботъ. Я всегда былъ расположенъ къ нему и, зная, какъ онъ гордъ, я понимаю, какъ ему было тяжело обращаться ко мнѣ съ просьбою. И что онъ обо мнѣ подумаетъ?

Мы были друзьями, а я даже не отвѣтилъ ему. Можетъ быть, еще не поздно. Я тотчасъ же телеграфировалъ, чтобы организовали возможно лучшій уходъ за нимъ. Я написалъ директору гимназіи, чтобы онъ принялъ участіе въ немъ. Строеніе, которое я подарилъ въ прошломъ году старой гимназіи, можетъ быть, побудитъ его исполнить мою просьбу. Если бы я могъ ѣхать, а бы самъ отправился къ нему.

Сегодня я узналъ очень характерную, но непріятную, хотя и мелочную вещь. Я замѣчалъ, что Билли Болленъ, не взирая на число мужчинъ, сидящихъ въ курительной комнатѣ, всегда требовалъ особенный сортъ отвратительныхъ сигаръ. Это нѣсколько удивляло меня, потому что Болленъ прекрасно знаетъ, что хорошо, но, благодаря его любви къ экспромптамъ, это мало трогало меня. Первое, что привлекало меня къ нему—это его непосредственная прямота,—могу даже сказать рѣзкость. Поэтому, когда онъ называлъ все, что ему подавалось послѣ обѣда «гнилью», и требовалъ именно этотъ сортъ, меня это только забавляло. Мнѣ кажется, что я выносилъ Билли, потому, что довѣрялъ его откровенной невѣжливости, не задумываясь надъ нею. Послѣ всѣхъ льстивыхъ рѣчей, которыя мнѣ приходится выслушивать, почтительности, чтобы не сказать, раболѣпства, которое я встрѣчаю, его манеры доставляли мнѣ отдыхъ. Мнѣ казалось, что такая наглость должна имѣть подкладкою искренность, и я поощрялъ ее.

Однако же недавно Билли потребовалъ новый сортъ сигаръ и отказывался курить какія бы то ни было другія. Сегодня я получилъ письмо отъ фирмы, доставлявшей тѣ сигары, которыя Болленъ требовалъ раньше. Въ этомъ письмѣ говорилось, что онъ ежемѣсячно получалъ отъ фирмы извѣстную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы я непремѣнно держалъ въ домѣ этотъ сортъ и чтобы онъ, вообще, распространялъ повсюду, что я курю именно эти сигары. Оказывается, что недавно Боллена подкупила за бо́льшую сумму другая фирма. Ради того, чтобы помѣшать конкуренту распространять свой товаръ, меня и извѣстили о продѣлкѣ Билли. Это привело меня въ уныніе. Что мнѣ думать? Если нахальство Боллена было только однимъ изъ способовъ провести меня, эксплоатировать меня,—что мнѣ дѣлать? Я чувствую, что не могу ничему и никому вѣрить. А между тѣмъ, при такомъ недовѣріи, я могу дѣлать такіе промахи, какъ въ случаѣ съ Режинальдомъ Мэзономъ. Это собачья жизнь!

Сентября 20-го. Сегодня у меня первое въ сезонѣ сборище для охоты. Само собою разумѣется, что мнѣ крайне хочется быть въ городѣ, потому что тамъ идетъ очень важная продажа знаменитой библіотеки, и я имѣю сильное желаніе пріобрѣсти нѣсколько книгъ изъ нея. Увидѣть книги было бы для меня истиннымъ наслажденіемъ, и я знаю, что устроилъ бы эту покупку лучше всякаго агента. Но я принужденъ остаться. По истинѣ сказать,—ѣхать верхомъ по полямъ вовсе не такъ интересно для меня, какъ это можетъ казаться. Мнѣ приходится много о чемъ думать, а постоянное вниманіе, которое я долженъ отдавать лошади и собакамъ, утомляетъ меня. Но, какъ бы то ни было, я долженъ явиться и скакать верхомъ. Пасмурно, холодно, дождь идетъ, но такъ какъ эта охота будетъ всего

Digitized by Google

только натаскою собакъ, то она скоро кончится, и мнѣ не придется долго быть въ сѣдлѣ.

Мы будемъ скакать по очень крутой мѣстности. Надѣюсь, что ни съ кѣмъ не случится несчастія.

Сентября 21-го. Когда я очнулся, то увидѣлъ, что лежу у забора на кучѣ верхняго платья съ еще бо́льшей кучей подъ головой. Меня окружало нѣсколько человѣкъ. По ту сторону забора, на дорогѣ, я смутно видѣлъ нѣсколько экипажей съ сидящими въ нихъ женщинами.

— Онъ пришелъ въ себя,—сказалъ кто-то. Онъ открываетъ глаза.

Я попробовалъ подняться на ноги, но снова упалъ.

— Смирно! — сказалъ Ларри Утисъ, нагнувшійся надо мною. Лучше лежите смирно. Вы сдѣлали скверное паденіе.

— Что-нибудь сломано у меня? — спросилъ я.

— Не думаю,— отвѣтилъ онъ.

Я сталъ видѣть яснѣе, и мнѣ казалось, что миссъ Ландонъ поспѣшно удаляется. Я не могъ владѣть собою и, ошеломленный еще, пробормоталъ;

— Миссъ Ландонъ?

— Да,—отвѣтилъ Ларри.

— Она была здѣсь? — спросилъ я болѣе жалкимъ голосомъ.

— И очень даже, — подтвердилъ Ларри. Между тѣмъ я настолько овладѣлъ своимъ сознаніемъ, что видѣлъ, какъ нѣсколько человѣкъ хихикали. Миссъ Ландонъ первая пришла сюда,—продолжалъ Ларри; когда мы явились, то уже застали ее съ вами.

Я увидѣлъ, что, какъ онъ, такъ и другіе были какъ-то странно смущены.

Мнѣ помогли взобраться въ экипажъ Кросбаевъ, и я поѣхалъ домой. Я прекрасно проспалъ ночь и утромъ чувствовалъ себя такимъ же здоровымъ, какъ и раньше. Однако же, я несомнѣнно счастливо отдѣлался. «Атосъ», не сломавъ верхней перекладины забора, свалился и перекатился черезъ меня. Говорятъ, что на глазъ это было худшимъ паденіемъ, какое только можетъ случиться на охотѣ.

Только-что приходилъ ко мнѣ Томъ Лорингъ. Справившись о моемъ здоровьѣ, онъ весело сказалъ:

— Ну, конечно, все уже рѣшено, и я могу поздравить васъ.

— Что̀ вы хотите сказать?—спросилъ я удивленный.

— Да вѣдь вы же и миссъ Ландонъ сговорены,—отвѣтилъ онъ.

— Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы это было такъ. Это мое самое пламенное желаніе,— возразилъ я. Но въ дѣйствительности, въ этомъ нѣтъ ни тѣни правды и никакой возможности, чтобы это была правда.

— Что...—началъ онъ и вдругъ остановился пораженный.

— Миссъ Ландомъ ни за что̀ не желаетъ меня,—сказалъ я.

— Ну...—началъ онъ снова, и выраженіе удивленія все усиливалось на его лицѣ. Хоть повѣсь, ничего не понимаю!

Томъ уже давно вполнѣ примирился съ тѣмъ, что мозги, унаслѣдованные имъ, не дозволяютъ ему понимать очень многаго. Это одна изъ причинъ, почему онъ популяренъ. Однако же, была минута, когда выраженіе его лица подѣйствовало на меня. Такой у него былъ растерянный и удивленный видъ.

Сентября 22-го. Единственное, что̀ я могу сдѣлать, — это уѣхать. Я узналъ, что заговоръ, которымъ меня стращали, чистая выдумка—подлая продѣлка для вытягиванія изъ меня денегъ. Нѣтъ никакой пользы въ томъ, чтобы я остался. Это будетъ честно относительно ея. Я тотчасъ уѣду куда-нибудь.

Какъ мнѣ сообразить то, что̀ сейчасъ случилось? Я до сихъ поръ не могу повѣрить этому. У меня такое ощущеніе, точно я вижу сонъ, и никакія щипанія не въ состояніи разбудить меня.

Я твердо рѣшился уѣхать, но прежде я положительно хотѣлъ повидать миссъ Ландонъ и проститься съ нею. Сегодня я отправился къ нимъ и смѣло спросилъ ее. Къ великому моему удивленію, я тотчасъ же былъ принятъ. Я не нашелъ ее въ библіотекѣ, въ которую меня ввели, но въ окно увидѣлъ ее на балконѣ. Я былъ пораженъ тѣмъ, какъ она привѣтствовала меня. Въ ея выраженіи была такая смѣсь застѣнчивости, возбужденія и печали. Она никогда не казалась мнѣ столь очаровательной, какъ въ этомъ болѣе покорномъ видѣ.

— Простите мнѣ,—сказалъ я отрывисто, —но я не могъ уѣхать, не увидавъ васъ еще разъ и не простившись съ вами.

— Проститься!—воскликнула она, чуть не задыхаясь.

— Да,—продолжалъ я,—вы сказали, что никогда больше не желаете меня видѣть,—

Digitized by Google

что это конецъ. Я подумалъ, что ничего лучшаго не могу сдѣлать, какъ исчезнуть съ вашихъ глазъ и, безъ сомнѣнія, изъ вашей памяти.

— Вы уѣзжаете... теперь!—снова задыхаясь, проговорила она. Но вы не можете этого сдѣлать — неужели вы не понимаете, что не можете?

Я смотрѣлъ на нее, стараясь ее понять.

— О! если бы вы уѣхали, это было бы ужасно теперь, — сказала она, положивъ руку на мое плечо. Вы не то хотѣли сказать.

— Нѣтъ, именно то, — твердо отвѣтилъ я. Это, видимо, лучшій исходъ при данныхъ обстоятельствахъ.

— При данныхъ обстоятельствахъ!—воскликнула она, опускаясь на стулъ. Какъ вы можете такъ говорить? Мнѣ кажется, что обстоятельства должны заставить васъ остаться.

— Я хочу сказать, что разъ вы ненавидите меня...

Она дико взглянула на меня и воскликнула:

— Послѣ того, что̀ случилось, вы думаете... это!

— Что̀ случилось?—спросилъ я нетерпѣливо. Я знаю, что люблю васъ безумно, но что̀ же случилось кромѣ того, что...

— Вы не знаете?—спросила она, какъ-то странно смотря на меня.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, нѣсколько сердито.

— Ахъ, это ужасно! — сказала миссъ Ландонъ, не то смѣясь, не то плача. Неужели *я* должна вамъ сообщить объ этомъ? Но теперь это безразлично. Вы какъ-нибудь да узнали бы объ этомъ. Кто-нибудь другой сказалъ бы вамъ.

Она встала и произнесла:

— Я люблю васъ.

Я схватилъ ее въ объятья прежде, чѣмъ она успѣла договорить.

— И вы не знаете, что̀ случилось?—продолжала она, взглянувъ на меня, и затѣмъ быстро опустивъ глаза.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я очень нетерпѣливо.

— Ну,—тихо начала она,—когда вы упали, я находилась въ ближайшемъ экипажѣ. Я выскочила и побѣжала къ вамъ. Это было сильнѣе меня. Когда подошли остальные, я держала вашу голову на своей рукѣ... И они видѣли... и я... не знаю, какъ вамъ сказать! Ну, могла ли я послѣ того дозволить вамъ уѣхать?

Сентября 25-го. Еще маленькій сюрпризъ. Дрисколль и миссъ «Пинки» Уайтъ тоже сговоренные. Маргаретъ сказала мнѣ, что эта молодая особа, оправившись послѣ своего купанья и нѣсколько сконфуженная громкой славой своего подвига, внезапно объявила, что выходитъ замужъ. Оказывается, что она всегда была влюблена въ Дрисколля, и онъ, должно быть, утѣшился. Я пошлю его на одну изъ своихъ фермъ на западѣ, гдѣ, я думаю, они оба найдутъ свое счастіе. Маргаретъ сказала мнѣ, что, когда она услыхала, что я вытащилъ миссъ Уайтъ изъ воды, какъ ни было нелѣпо все это происшествіе, она приревновала меня. А между тѣмъ, она въ то время вела себя такъ, точно я былъ пылью подъ ея ногами. Это странно, но я не расположенъ удивляться. Я не хочу ссориться съ жизнью. Міръ представляется мнѣ сплошнымъ лучезарнымъ восторгомъ. Маргаретъ желала бы, чтобы я не былъ такъ богатъ, потому что тогда мы раньше узнали бы истину. Она говоритъ также, что предпочла бы меня бѣднякомъ, потому что тогда всѣ повѣрили бы, что она дѣйствительно любитъ меня. Никто этому не вѣритъ, и всѣ говорятъ, что она выходитъ за меня изъ-за денегъ. Но это изъ всѣхъ послѣдствій моего положенія единственное, о которомъ я нисколько не забочусь.

Digitized by Google

БОРЬБА ЗА СВОБОДУ.

генерала Х. Р. де-Ветъ.

(ВОСПОМИНАНІЯ О ТРЕХЛѢТНЕЙ АНГЛОБУРСКОЙ ВОЙНѢ).

Въ переводѣ **Льва Жданова.**

VI. [1]

Паарденбергъ.

Послѣ продолжительной, быстрой скачки, мы остановились и дали передохнуть нашимъ измученнымъ конямъ.

Солнце, всего часъ тому назадъ взошедшее на небѣ, еще невысоко стояло надъ равниной.

Только-что успѣли мы разсѣдлать измученныхъ лошадей, какъ отъ Паарденберга донеслись сюда звуки ожесточенной канонады. Наскоро перехватили мы, что̀ было съ нами, и снова поскакали въ галопъ, еле покормивъ коней.

А громовые раскаты пушечныхъ выстрѣловъ звучали, не смолкая, и словно погоняли нашъ бѣгъ.

Было всего часовъ 10 утра, когда мы пустились въ путь, но только въ четвертомъ часу дня остановились въ 6-ти миляхъ отъ Паарденберга, съ восточной стороны.

Отсюда намъ былъ виденъ лагерь Кронье, расположенный на правомъ берегу Модерривера.

Отовсюду онъ былъ окруженъ отрядами британскихъ войскъ!

Его лагерь казался небольшимъ пятномъ среди огромнаго количества вражескихъ силъ, оцѣпившихъ буровъ.

Огненнымъ кольцомъ британскихъ орудій былъ охваченъ лагерь нашего генерала, и это кольцо, сдвигаясь, становилось все гибельнѣе, все уже и уже!..

Темно-красные пыльные столбы подымались въ лагерѣ буровъ въ тѣхъ мѣстахъ, куда то и дѣло, взрывая сухую почву, падали непріятельскіе убійственные снаряды!..

Мы все это видѣли издалека въ полевыя трубы.

Что̀ намъ было дѣлать?

Положеніе было ужасное для Кронье и довольно опасное для насъ самихъ.

Но раздумывать тутъ было нечего, и мы рѣшили немедленно атаковать врага.

Нападеніе наше направили мы на ближайшій пунктъ, на лежавшіе передъ нами краали Стинкфонтейна, черезъ рѣку отъ которыхъ расположенъ былъ Паарденбергъ.

Только подойдя на тысячи полторы шаговъ къ этому мѣсту, мы убѣдились, что

---

[1] См. «Новый Журн. Иностр. Лит.», №№ 1 и 2 1903 г.

Digitized by Google

здѣсь засѣли англичане. Съ нихъ пришлось и начинать.

Бота взялъ на себя очистить покинутыя хижины кафровъ и сады при нихъ, занятые врагомъ. Я занялся нападеніемъ на тѣхъ, кто укрылся по сторонамъ этихъ краалей.

Враги встрѣтили наше наступленіе убійственной ружейной пальбой.

Но, въ виду печальной картины, которую представлялъ изъ себя лагерь буровъ, вмѣстѣ съ генераломъ Кронье оцѣпленный англичанами, мы не побоялись ничего!

Быстро выбили мы изъ позицій врага, взявъ въ плѣнъ при этомъ 60 человѣкъ солдатъ. Хотя мѣсто, отбитое нами у англичанъ, было удобно, но, продержавшись два съ половиной дня, мы все-таки вынуждены были отступить, потерявъ двухъ убитыхъ и 14 человѣкъ попавшихъ въ плѣнъ во время нашего отступленія.

Читатель спроситъ, конечно: что же между тѣмъ происходило съ Кронье?

Желая помочь генералу, какъ только подоспѣли къ намъ наши два орудія, мы ночью вырыли шанцы, насыпали валы и установили эти пушки.

На разсвѣтѣ, при помощи нашихъ пушекъ и нашихъ винтовокъ, мы успѣли очистить дорогу, по которой могъ бы отступить Кронье. И даже безъ того, въ день, когда мы подошли къ Модерриверу, была у него возможность, бросивъ свой лагерь и весь обозъ на произволъ судьбы, уйти отъ врага со своими бурами, съ ихъ женами и дѣтьми, которыя, какъ я говорилъ, наводняли стоянки буровъ, вопреки правиламъ и требованіямъ войны.

Но онъ того не захотѣлъ.

Когда наши пушки прочистили ему дорогу съ одной стороны, тутъ еще легче могъ онъ совершить отступленіе.

Но онъ все-таки не рѣшался на это.

Онъ не желалъ отдавать всего лагеря въ добычу врагамъ, надѣясь отстоять его во что бы ни стало.

Міръ оцѣнитъ доблесть его и тѣхъ храбрецовъ, которые были съ нимъ.

Если я рѣшаюсь порицать его защиту безнадежно-потеряннаго дѣла, его упорное пребываніе въ лагерѣ, такъ только потому, что, на мой взглядъ, онъ свое собственное желаніе: совершить военный подвигъ—поставилъ выше блага родины.

Онъ долженъ былъ поступиться личной храбростью, долженъ былъ бѣжать, а не гибнуть, хотя бы даже геройски, но заплативъ за это лучшими надеждами буровъ на свободу, на спасеніе родины!

Тѣмъ болѣе, что любилъ онъ отечество такъ же чисто и горячо, какъ я, какъ любой изъ всѣхъ насъ—буровъ.

Доказательствомъ того, что Кронье могъ выйти изъ заколдованнаго круга, можетъ служить слѣдующее обстоятельство: на второй день послѣ того, какъ заговорили мои пушки, по очищенной дорогѣ изъ лагеря Кронье добрались къ намъ начальники: Фроеманъ и Потгиттеръ—съ 20-ю бурами своей команды.

Нѣсколько разъ пытались англичане и насъ обойти со всѣхъ сторонъ, чтобы подвергнуть участи Кронье, но я не допускалъ до этого при помощи моихъ пушекъ.

Въ это самое время одинъ изъ нашихъ, начальникъ небольшой дружины, фанъ-Спрюитъ, былъ захваченъ въ плѣнъ врагами.

Случилось это такъ: его фельдкорнетъ, ночью, уступая сильному непріятелю, вынужденъ былъ перейти на новое мѣсто, въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ первоначальной позиціи.

Занявъ мѣста, покинутыя бурами, британцы подняли радостный крикъ.

Фанъ-Спрюитъ, не зная ничего, отправился со своей позиціи туда, полагая встрѣтить здѣсь своихъ буровъ и узнать: почему тѣ подняли крикъ.

— Что вы тутъ выдѣлываете? Что съ вами, братцы?—спросилъ онъ, подойдя совсѣмъ къ холму.

Вдругъ притаившіеся враги показались со всѣхъ сторонъ, крикнули:

— Hands up!.. (Кверху руки, то есть:—сдавайся)..

Это только и оставалось сдѣлать ему, одинокому, среди десятка враговъ.

Сейчасъ же его увели подальше, за холмъ, зажгли огонь, обыскали и, найдя при плѣнникѣ разныя важныя бумаги, снова подняли радостный крикъ, который долетѣлъ и до меня[1])...

---

[1]) Дней черезъ 12, числа 2-го или 3-го марта, фанъ-Спрюитъ снова вернулся къ намъ, словно изъ мертвыхъ воскресъ! Вотъ, что разсказалъ онъ мнѣ о своемъ побѣгѣ изъ плѣна:

— На другой же день изъ штабъ-квартиры лорда Робертса, куда я былъ доставленъ, меня, подъ сильной охраной, отправили на вокзалъ у Модерривера. Здѣсь, въ сопровожденіи

Digitized by Google

Услыхавъ эти крики, я подумалъ, что готовится ночная атака на наши позиціи, и приказалъ всѣмъ готовиться къ бою и ни за что не отдавать этой позиціи, дававшей надежду на то, что генералъ Кронье еще можетъ спастись и отступить.

Мучительно долго тянулись ночные часы! Кто изъ насъ лежалъ, что сидѣлъ, или стоя ожидалъ врага, но никто глазъ не сомкнулъ до самаго разсвѣта, ожидая нападенія.

Незадолго до восхода солнца въ непріятельскомъ лагерѣ послышалась какая-то странная команда, голоса, движенія.

Мы чутко слушали и глядѣли, вниваясь очами въ темноту... Тамъ звучало оружіе, раздавались тяжелые шаги...

Вотъ взошло солнце...

О чудо! Вѣрить ли своимъ глазамъ?

Непріятель очистилъ позиціи, очистилъ окрестности и ушелъ...

Какъ изъ единой груди вырвалось у насъ:

— Если бы генералъ Кронье теперь отважился тронуться впередъ!..

Но онъ остался.

Это было утро 25-го февраля.

Врагъ не заставилъ себя ждать и скоро показался опять.

Съ двухъ сторонъ наступали на насъ британскіе полки.

Я приказалъ своимъ двумъ орудіямъ, запасы которыхъ были совсѣмъ на исходѣ, обстрѣливать лѣвое крыло.

30 зарядовъ было у меня для Максима-Норденфельда и 2 для пушки Круппа.

Я приказалъ, какъ только будетъ сдѣланъ послѣдній выстрѣлъ, будетъ выпущенъ послѣдній зарядъ, сейчасъ же увозить орудіе въ безопасное мѣсто, къ Петрусбергу.

Такъ и случилось.

Буры, лишенные защиты артиллерійскаго огня, скоро стали отступать.

Не говоря объ убійственномъ пушечномъ и ружейномъ огнѣ, которымъ насъ осыпалъ врагъ, мы замѣтили, что насъ обходятъ.

Немедленно я далъ приказъ очистить позиціи.

И буры мои тоже встревожились и закричали:

— Скорѣе, прочь отсюда, не то насъ поймаютъ, какъ попался генералъ Кронье!..

Вскачь помчались мы прочь оттуда, около 9-ти миль преслѣдуемые перекрестнымъ огнемъ англичанъ.

Только чуду можно приписать, что при этомъ мы потеряли одного убитымъ и одного раненымъ.

Въ плѣнъ непріятель успѣлъ захватить при этомъ 14 человѣкъ буровъ, подъ начальствомъ фельдкорнета Спеллера изъ Вепеннэра.

Растерявшись, адъютантъ мой, которому я приказалъ предупредить ихъ о нашемъ отступленіи, не выполнилъ порученія.

Какъ я потомъ узналъ, Спеллеръ не легко дался окружившимъ его врагамъ и, храбро защищаясь, перебилъ ихъ немало, прежде чѣмъ былъ вынужденъ къ сдачѣ, и вышелъ изъ окоповъ, за которыми сидѣлъ.

Такъ какъ англичане немедленно заняли оставленныя ими мѣста, составлявшія ключъ къ освобожденію Кронье, и этотъ путь былъ теперь совершенно отрѣзанъ отъ всего міра— конечно, и думать было нечего о спасеніи нашего храбраго вождя!

Едва мы успѣли ускакать изъ предѣловъ, куда достигалъ англійскій ружейный огонь, глядимъ: показались первые всадники отряда, посланнаго для подкрѣпленія нашего изъ Блэмфонтейна. Здѣсь—и Тэннисенъ, и Филонель. Во главѣ ихъ находился генералъ Андріесъ Кронье.

Сейчасъ же собравшись на совѣтъ, мы рѣшили попытаться снова занять прежнюю позицію у Стинкфонтейна.

Англійскіе отряды теперь заняли три важныхъ боевыхъ пункта. Потому-то на разсвѣтѣ второго дня, когда мы пошли на враговъ, намъ пришлось тоже раздѣлиться на три отряда.

Я ударилъ на самый крайній пунктъ англійскихъ позицій, тянувшихся къ сѣверу. Со мною былъ и А. Кронье.

Поближе къ Стинкфонтейну оперировалъ Фронеманъ. А бывшія мои позиціи у Стинк-

---

6-ти человѣкъ конвойныхъ, посадили въ вагонъ и повезли въ Капштадтъ.

По дорогѣ, ночью, близъ Де-Лара, замѣтивъ, что моихъ конвойныхъ сморило сномъ, я задумалъ бѣжать и сейчасъ же привелъ свой планъ въ исполненіе.

Въ эту минуту, когда поѣздъ, подымаясь въ гору, замедлилъ свой ходъ, я выпрыгнулъ на путь, слегка ушибся при этомъ, но сейчасъ же скрылся въ степи. Днемъ пришлось прятаться, и лишь ночью пускался я дальше въ путь, изнемогая отъ голода и жажды. Только дойдя къ линіи желѣзной дороги, которая тянется на сѣверъ отъ Коллензо, могъ я снова сѣсть въ поѣздъ и добраться до васъ.

Digitized by Google

фонтейна долженъ былъ атаковать генералъ Ф. Бота съ помощью Тэниссена.

Но не успѣли они еще дойти до позицій, какъ намъ стало ясно, что дѣло ихъ двоихъ — проиграно.

Конечно, больше всего здѣсь играло роль несчастное стеченіе обстоятельствъ.

Тутъ же Матиссенъ былъ захваченъ въ плѣнъ со всѣмъ своимъ отрядомъ въ 100 человѣкъ.

Онъ ли самъ повелъ слишкомъ неоглядчиво и неосторожно атаку, Бота ли его недостаточно своевременно и энергично поддержалъ своими силами, сказать не могу.

Во время боя, оттуда, гдѣ я находился, нельзя было этого рѣшить.

Какъ бы то ни было, несчастіе совершилось.

Буры, видѣвшіе дѣло, винили Боту. Бота винилъ опрометчивость самого Матиссена, который будто бы слишкомъ зарвался впередъ.

Потеря цѣлаго отряда намъ была очень горька. Но хуже того — появилось зарожденіе паническаго страха въ рядахъ бурскихъ воиновъ.

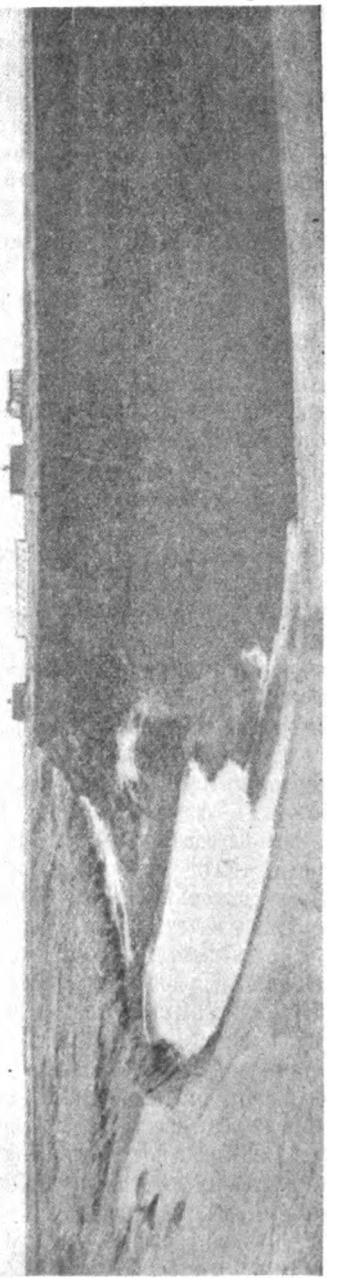
Впрочемъ, объ этомъ послѣ.

На другой день съ новыми подкрѣпленіями прибылъ къ намъ и Дани Тэрронъ, незабвенный и незамѣнимый начальникъ нашей развѣдочной команды.

Я призвалъ его и спросилъ:

— Могъ бы ты передать одно мое предложеніе генералу Питу Кронье? Устное только, не письменное, чтобы ни въ какомъ случаѣ не могъ провѣдать о немъ врагъ.

— Да, генералъ, я отправлюсь — и все передамъ! — спокойно, глазомъ не моргнувъ, отвѣчалъ мнѣ немедленно этотъ герой-солдатъ.



Англійскіе блокгаузы.

И я потребовалъ отъ него отчаянной вещи — подвига, какому ужъ не было равнаго въ теченіе всей остальной войны!

Отведя его въ сторону, я сказалъ:

Digitized by Google

— Передай генералу Кронье: быть или не быть Республикѣ—зависитъ теперь отъ него одного! Во что бы то ни стало, онъ со всѣмъ своимъ многотысячнымъ войскомъ долженъ пробиться сквозь цѣпь враговъ! Во что бы то ни стало! Я ему прочищу путь. Если его и войско возьмутъ въ плѣнъ—все погибло. Ночью онъ долженъ ударить на врага. Я въ двухъ, назначенныхъ мною мѣстахъ, тоже атакую британцевъ и помѣшаю имъ настигнуть нашего главнокомандующаго во время его отступленія.

— Слушаю, генералъ! — только и отвѣтилъ Тэрронъ.

Въ ночь, 25 февраля, пустился онъ въ путь.

26-го числа, ночью, я уже стоялъ на мѣстѣ, назначенномъ мною генералу П. Кронье.

Но онъ не думалъ двинуться съ мѣста. Напрасно я ждалъ его!

На разсвѣтѣ 27-го числа Дани Тэрронъ снова стоялъ передъ мной, но въ какомъ ужасномъ видѣ!..

Совершая свой геройскій подвигъ, онъ дважды миновалъ за это время англійскую сторожевую цѣпь. Пробираясь ползкомъ, на колѣняхъ, ночью, онъ въ кровь изодралъ себѣ руки, колѣни, лицо. Одежда его была въ клочкахъ.

Моимъ первымъ вопросомъ было:

— Что̀ сказалъ Кронье?

— Я видѣлъ генерала, передалъ ему точно ваши слова, — сказалъ Тэрронъ. Генералъ велѣлъ мнѣ передать вамъ, что не видитъ спасенія въ томъ, что вы ему предлагаете.

Въ то же самое утро, въ 10 часовъ, П. Кронье сдался врагу!

То, что̀ я испыталъ, было ужасно.

И, все-таки, я приписываю эту сдачу только стеченію несчастныхъ обстоятельствъ. Генералъ, какъ истый герой, рѣшилъ стоять до конца или пасть, но не отдавать въ руки врага большого богатаго лагеря. Единственно, чего я ему не могу простить, это безпечности, упрямства... Онъ не подумалъ: какое ужасное вліяніе будетъ имѣть его сдача на настроеніе духа всѣхъ бурскихъ отрядовъ, разсѣянныхъ по лицу нашей родины, отъ Драконовыхъ горъ до самой пустыни. Онъ не предвидѣлъ, какъ его гибель вселитъ неодолимый, паническій страхъ въ души борцовъ за свободу.

У всѣхъ явилась мысль:

Ужъ если могли взять въ плѣнъ такого прославленнаго, закаленнаго борца и вождя, какъ генералъ Кронье, гдѣ намъ, простымъ фермерамъ-мужикамъ, надѣяться на удачу или помышлять о сопротивленіи, о борьбѣ съ врагомъ?

Пожалуй, мнѣ возразятъ:—кони у буровъ, бывшихъ съ Кронье, пали. Если бы даже имъ удалось прорваться, лордъ Робертсъ могъ настичь ихъ всѣхъ въ пути и, все-таки, забрать въ плѣнъ.

— Нѣтъ,—отвѣчу тогда я:—у англичанъ не было еще въ это время въ распоряженіи, такъ называемыхъ, національныхъ развѣдчиковъ, кафровъ и готтентотовъ, которые потомъ, и днемъ и ночью, водили войска враговъ нашихъ по всѣмъ путямъ. Это первое.

Второе: у меня собралось тутъ до 1.600 человѣкъ храбрецовъ, и я прекрасно могъ задержать врага, пока Кронье со всѣми своими не добрался бы до совершенно безопасныхъ мѣстъ...

Повторяю: отвратительное чувство переживалъ я, видя позорную сдачу Кронье, наблюдая за выраженіемъ лицъ у моихъ бѣдныхъ буровъ, стоявшихъ съ убитымъ видомъ, съ поникнувшей на грудь головой...

Но ни слова больше объ этомъ ужасномъ мѣстѣ, объ этой могилѣ нашей свободы, имя которой—Паарденбергъ!

VII.

Попларъ-Гровское пораженіе.

Сдача Блэмфонтейна.

Послѣ паденія и сдачи Кронье во мнѣ болѣе, чѣмъ когда-либо, созрѣла рѣшимость продолжать борьбу до послѣдней капли крови, не глядя ни на что!

Тутъ какъ разъ я былъ назначенъ помощникомъ главнокомандующаго.

Случилось это такъ: генералъ К. Я. Весельсъ, состоявшій вождемъ войскъ, стоявшихъ у Кимберлея, въ январѣ былъ замѣненъ Я. С. Ферреймой.

Какъ только мы вынуждены были снять осаду съ города, отряды буровъ разошлись въ двухъ направленіяхъ. Часть двинулась на Фертьенстроменъ (къ 14-ти Ручьямъ), часть — на Босхофъ. Самъ Феррейра, съ небольшимъ отрядомъ, пошелъ къ Кэдесранду, что̀ посѣвернѣй Паарденберга.

Феррейру я хорошо зналъ, какъ чуднаго человѣка и семьянина. Храбрый воинъ, онъ погибъ случайно, когда въ рукахъ у него разорвалось ружье.

Digitized by Google

Стоило мнѣ проскакать два часа, и я бы могъ проститься съ тѣломъ стараго товарища, но не было времени и на это!

На другой же день и состоялось мое назначеніе, по распоряженію президента Штейна.

Объ отказѣ и думать было нечего. Но задача на мою долю выпала очень тяжкая: снова направить огромное дѣло, совершенно выбитое изъ колеи.

Я началъ съ того, что постепенно постарался стянуть всѣ порученныя мнѣ войска къ Модерриверу, къ Попларъ-Гровэ, отстоящему на 10 миль отъ того мѣста, гдѣ сдался Питъ Кронье.

Времени было у насъ довольно.

Съ 24-го февраля до 7-го марта лордъ Робертсъ отдыхалъ отъ его легкой и безславной побѣды, давая время своимъ «Томми» опохмѣлиться послѣ безразсуднаго грабежа, произведеннаго ими въ багатомъ лагерѣ Кронье.

И самъ британскій вождь, вѣроятно, подумывалъ о тѣхъ тысячахъ солдатъ, которыми заплатилъ за 200 человѣкъ, потерянныхъ бурами во время этой гибельной схватки.

Его бездѣйствіе мнѣ было наруку.

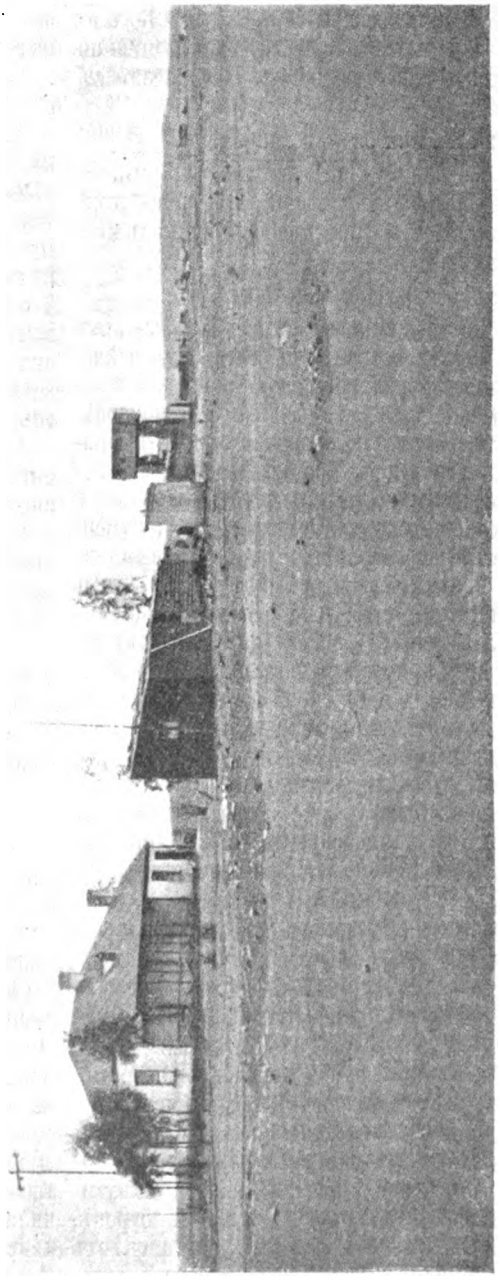
Но пока со всѣхъ сторонъ подходили ко мнѣ все новыя подкрѣпленія, пришли также и очень печальныя вѣсти.

Генералъ Буллеръ 1-го марта освободилъ отъ нашей блокады Лэдисмитъ.

Гатэкръ 5-го марта овладѣлъ у насъ Стромбергомъ, генералъ Брабантъ преслѣдовалъ и разбивалъ бурскіе отряды...

И все это надѣлала сдача Пита Кронье!

Его паденіе не только обезкуражило буровъ, оно вліяло и въ другомъ отношеніи.



Желѣзнодорожная станція Фредерикштадтъ.

Враги наши сильно воспрянули духомъ!

Откликомъ сдачи Кронье явился отвѣтъ лорда Сольсбери, когда 5-го марта оба пре-

Digitized by Google

зидента обратились къ нему съ предложеніемъ заключить миръ.

Объ этомъ и говорить не стали даже!

Когда сдѣлана была попытка завязать переговоры о мирѣ, именно въ день 5-го марта, оба наши президента призывали Бога въ свидѣтели, что вся борьба затѣяна нами лишь для того, чтобы сохранить свою независимость.

Тутъ же они задали вопросъ:

— Не найдетъ ли возможнымъ Британія, на единственномъ условіи сохраненія этой, дорогой намъ независимости, подписать мирный договоръ?

Лордъ Сольсбери отвѣтилъ:

— Обѣ республики своимъ объявленіемъ ультиматума Британіи вызвали сами войну. Я никогда и рѣчи не допущу о независимости буровъ. Сдача должна быть безусловной!..

Этотъ, не только несправедливый, но прямо лживый укоръ, брошенный намъ по поводу объявленія ультиматума, повторялся и потомъ много разъ. Существуютъ документальныя доказательства самыя точныя, теперь извѣстныя всему свѣту. Изъ этихъ документовъ ясно, какъ день, что именно британцы своимъ вызывающимъ наглымъ поведеніемъ принудили насъ объявить войну!

Конечно, о безусловной сдачѣ никто и думать не могъ. Тутъ же вожди рѣшили продолжать борьбу за свободу до послѣдняго вздоха, до послѣдней минуты.

Рѣшено было также послать въ Европу особыхъ уполномоченныхъ. Избрали для того двухъ членовъ исполнительнаго совѣта Оранжевой республики: А. Фишера и К. Г. Весельса, а отъ Трансвааля—Д. Вольмаранса, члена народнаго собранія.

Уполномоченные эти и выѣхали черезъ бухту Делагоа, принадлежащую португальцамъ, еще сохранявшимъ тогда нейтралитетъ.

Охъ, эти сосѣди-португальцы! Они не ограничились тѣмъ, что заперли намъ единственный выходъ изъ нашей западни. Ставъ открыто на сторону британцевъ, они захватили силой 300 человѣкъ нашихъ буровъ, когда тѣ, лишенные коней, спасаясь отъ врага, зашли на территорію старыхъ сосѣдей и когда-то друзей-португальцевъ. И всѣхъ несчастныхъ отправили, словно рабовъ, въ метрополію...

Что намъ оставалось дѣлать? Германскія гавани слишкомъ далеко, да и добраться къ нимъ можно было лишь чрезъ владѣнія англичанъ. И пришлось намъ питаться и довольствоваться лишь тѣмъ, что враги привозили для себя, а мы отбивали у нихъ. Не всегда хватало намъ тѣхъ запасовъ, да что подѣлаешь?

Но еще два слова о нашемъ посольствѣ въ Европу.

Мы при отправленіи его не желали и не надѣялись ни на чье вмѣшательство. Ни въ рѣчахъ, ни въ намѣреніяхъ нашихъ правителей не сквозило даже ничего подобнаго. Просто, наши посланные должны были повѣдать наше горе всему просвѣщенному міру. И они превосходно выполняли свою задачу, даже успѣли сдѣлать больше, чѣмъ мы сами ожидали: они привлекали къ намъ сочувствіе всѣхъ благородныхъ, мыслящихъ людей во всѣхъ концахъ міра!

Хотя во время дальнѣйшаго хода войны англичане нагло показали, какъ мало чтутъ они самыя священныя права цивилизованной войны, но полагаю, безъ общей симпатіи, высказанной намъ народами, враги еще бы меньше церемонились съ нами и намъ еще бы горшую чашу пришлось испить до дна!

Теперь вернусь къ событіямъ, разыгрывавшимся подъ Блэмфонтейномъ.

Передъ самымъ вступленіемъ изъ Попларъ-Гровэ посѣтилъ насъ глава Южно-Африканской республики, маститый старецъ, президентъ П. Крюгеръ.

До Блэмфонтейна онъ доѣхалъ по рельсамъ. Но оттуда до насъ старикъ не побоялся прокатиться около ста миль въ тряской повозкѣ, по ужаснымъ дорогамъ.

Къ несчастію, только-что 7-го марта прибылъ онъ къ намъ, а тутъ лордъ Робертсъ широкимъ, развернутымъ на 10 миль, фронтомъ двинулся на наши позиціи у Модерривера. Мнѣ доносили, что правое крыло врага уже показалось вблизи Петрусберга. Тутъ и думать было нечего, чтобы оставить старика-президента въ нашемъ лагерѣ.

Подъ дождемъ, по грязи тащившіеся кони требовали хотя бы передышки... Увы, получилась геліограмма, какъ потомъ оказалось, невѣрная, что врагъ готовъ отрѣзать пути... И снова сѣлъ старецъ въ повозку и пустился въ тяжелый обратный путь.

Я же немедленно принялся объѣзжать всѣ наши позиціи.

Тутъ еще разъ мнѣ пришлось увидѣть,

Digitized by Google

какія ужасныя сѣмена посѣяла въ душахъ у моихъ буровъ сдача Кронье.

Врагъ былъ еще такъ далеко, что огонь его орудій вовсе оставался безвреденъ для насъ. Но паническій страхъ охватилъ ратниковъ. Не смотря на неприступныя, на самыя превосходныя позиціи, никто не думалъ о защитѣ, о сопротивленіи.

Словно овцы въ бурю, кидались всѣ прочь подальше отъ врага!..

Ни прежде, ни послѣ не видалъ я ужъ ничего болѣе ужаснаго, стихійнаго и позорнаго!

Безъ оглядки бѣжали буры, нагоняя свой обозъ и артиллерію, уходившую прочь.

Что̀ тутъ могли подѣлать и я самъ, и всѣ мои офицеры-помощники?!

Я загонялъ двухъ сильныхъ коней, метался взадъ и впередъ—все напрасно.

Подвигайся британцы быстрѣе впередъ—и они переловили бы здѣсь всѣхъ буровъ, какъ цыплятъ!

Къ вечеру, сдѣлавъ на пути 18 миль, остановились мы у Абраамкрааля, какъ называлась ферма Чарльза Ортеля.

Враги раскинули станъ въ полутора часахъ ѣзды отъ насъ.

Едва удалось мнѣ на утро удержать буровъ, собиравшихся просто разбрестись по домамъ. Затѣмъ я поскакалъ въ Блэмфонтейнъ, посовѣтоваться о дѣлахъ въ нашими представителями власти и убѣдиться лично, насколько столица подготовлена къ защитѣ противъ нападенія непріятеля?

Распорядившись еще посильнѣе укрѣпить окопы, я вернулся къ Абраамкраалю.

10-го марта, въ 9 часовъ утра, я нашелъ здѣсь генерала Пита де-Вета, дня за два до нашего позорнаго бѣгства прибывшаго изъ Колэсберга. Съ нимъ былъ и де-ла-Рей.

Они, вмѣстѣ съ другими генералами: Ф. Ботой, А. Кронье и Френеманомъ, распредѣляли буровъ по всѣмъ позиціямъ.

Очень скоро показались враги, осыпавшіе насъ издали градомъ пушечныхъ снарядовъ. Начавъ съ насъ, они немедленно стали обстрѣливать и Ритфонтейнъ, гдѣ засѣлъ де-ла-Рей съ частью оранжистовъ и трансваальскими дружинами.

Де-ла-Рей молодецки сумѣлъ отразить цѣлый рядъ ихъ рѣшительныхъ атакъ и заставлялъ отступать каждый разъ съ сильнымъ урономъ.

Бой длился до заката солнца. Но мы успѣли удержать за собой всѣ наши позиціи, занятыя съ самаго утра.

Можно было только дивиться храбрости нашихъ буровъ въ этомъ бою, и невольно являлся вопросъ:

— Да неужто это—тѣ самые люди, которые такъ позорно бѣжали сутки тому назадъ отъ Попларъ-гровскихъ высотъ?..

Но чуть настала ночь, едва миновала дѣйствительная опасность отъ ядеръ врага, буры снова кинулись прочь отъ своихъ позицій, гонимые паническимъ ужасомъ!

Всѣ ринулись, какъ напуганное стадо, къ Блэмфонтейну, наобумъ, ночью, въ темнотѣ, не видя пути, ринулись живымъ потокомъ изъ 5-ти тысячъ живыхъ существъ!..

Мыслимо ли было тутъ думать о порядкѣ?..

А Блэмфонтейнъ — онъ уже лежалъ передъ нами.

Полагая, что при видѣ столицы нашей, которой грозитъ опасность, всѣ опамятуются, я рѣшилъ дѣйствовать безъ колебаній, строго и настойчиво.

Сюда поторопился я призвать Дани Тэррона, за два дня до бѣгства отъ Попларъ-Гровэ, посланнаго мной, во главѣ небольшого отряда, на развѣдки.

Ему я приказалъ слѣдить за каждымъ движеніемъ лорда Робертса, пока самъ буду собирать дружины буровъ на защиту Блэмфонтейна.

Городъ былъ обведенъ рядомъ окоповъ, расположеннымъ въ 4—6-ти миляхъ отъ него.

Вечеромъ 12-го марта показались аванпосты лорда Робертса.

Всѣ мы съ напряженіемъ стали ждать наступленія слѣдующаго утра.

Этотъ день, 13-го марта, долженъ былъ явиться рѣшительнымъ днемъ. Если и придется сдать Блэмфонтейнъ, такъ ужъ послѣ отчаянной битвы, позволивъ врагу только черезъ наши трупы и черезъ трупы его собственныхъ воиновъ войти въ нашу столицу.

Воодушевленный такими мыслями, я совершилъ послѣднія приготовленія къ бою и ночью самъ сталъ обходить наши позиціи.

Отъ ратника къ ратнику переходилъ я, говорилъ съ каждымъ начальникомъ, горячо убѣждая постоять за родину! Защищать столицу во что бы то ни стало!

Настроеніе духа у всѣхъ было прекрасное, на лицахъ у буровъ ясно читалась рѣшимость: умереть или побѣдить!

И, вдругъ, что̀ же пришлось мнѣ узнать,

Digitized by Google

когда около 11-ти часовъ ночи я подошелъ къ нашему лѣвому крылу?!..

Здѣсь, чуть спустился вечеръ, начальникъ Вайльбахъ покинулъ порученный ему постъ, мѣсто, которое служило ключемъ всей защиты Блэмфонтейна!!..

Когда я послалъ другой отрядъ замѣнить бѣжавшаго негодяя, оказалось — сюда поспѣли и укрѣпились на мѣстѣ догадливые или предупрежденные кѣмъ-либо англичане!

Этотъ трусъ, Вайльбахъ, который еще послѣ Попларъ-Гровэ долженъ былъ быть разжалованъ, сгубилъ все дѣло.

Не было сомнѣнія, что мы пропали. Я всю ночь глазъ не могъ сомкнуть.

Чуть разсвѣло — и наступилъ послѣдній нашъ часъ.

Враги, занявшіе прекрасную позицію Вайльбаха, навели пушки на ближайшій къ нимъ бурскій отрядъ и сбоку принялись его обстрѣливать.

Позиція была немедленно сдана и очищена.

Это словно послужило сигналомъ.

Одна за другой, бурскія дружины покидали свои позиціи и быстро, молча, не касаясь ружья, удалялись, видя, что впереди поступаютъ такъ же точно.

Безъ единаго выстрѣла занялъ лордъ Робертсъ Блэмфонтейнъ!

VIII.

Временный отпускъ ратниковъ по домамъ.

Блэмфонтейнъ въ рукахъ у англичанъ.

Первымъ этапомъ крестнаго пути буровъ явился Паарденбергъ, Блэмфонтейнъ—былъ вторымъ.

Собственно: городъ, стѣны и богатство его уцѣлѣли. Но я, наравнѣ со всѣми, полагалъ, что не было бъ хуже, если бы онъ былъ срытъ до основанія, сравнялся съ землей, во время упорной обороны отъ врага... По крайней мѣрѣ, не знали бы мы позора, теперь лежавшаго на насъ!

Но не одинъ позоръ насъ угнеталъ. Потеря главнаго города страны явилась настоящимъ бѣдствіемъ. Всѣ пали духомъ, окончательно растерялись, какъ стадо безъ пастуха.

Буры наши перестали и думать о какомъ-либо отпорѣ врагу. Многіе, не спросясь никого, разошлись по домамъ.

Я былъ увѣренъ, что Робертсъ съ цѣлымъ войскомъ теперь надолго задержится въ нашей столицѣ, чтобы отдохнуть отъ всѣхъ перенесенныхъ трудовъ и лишеній.

Я, конечно, и не мечталъ о томъ, чтобы отказаться отъ дальнѣйшей борьбы, и только задалъ себѣ вопросъ:

— Что слѣдуетъ прежде всего предпринять во время этой передышки англичанъ?

И тутъ же рѣшилъ, что каждый буръ, вотъ уже 6 мѣсяцевъ лишенный крова и родной семьи, конечно, объ одномъ и мечтаетъ, какъ бы тоже передохнуть!

Такъ я и распорядился.

Де-ла-Рей также распустилъ свои дружины.

Покончивъ съ этимъ дѣломъ, разославъ, кстати, наиболѣе напуганныхъ сдачей Кронье, ратниковъ къ Таба-Нчу и Лэдибранду, я самъ отправился въ Кронстатъ, для свиданія съ президентомъ Штейномъ, покинувшимъ Блэмфонтейнъ какъ разъ наканунѣ его сдачи.

Въ пути встрѣтилъ я главнаго вождя нашей республики, П. Ж. Жубера.

Онъ объѣзжалъ весь край, чтобы сообразить, какимъ образомъ можно задержать дальнѣйшее наступленіе враговъ?

Узнавъ, что я распустилъ ратниковъ на покой до 25-го марта, онъ такъ и вспыхнулъ.

— Какъ?! вы, генералъ, даете возможность все это время англичанамъ хозяйничать здѣсь на свободѣ?!

— Генералъ, — возразилъ я: — если собаки не хотятъ бѣжать,—зайца руками не поймаешь!

Затѣмъ, я добавилъ:

— Развѣ жъ вы не знаете нашихъ изнѣжившихся африкандеровъ? Ни вы, ни я не виноваты, что съ послушаніемъ дѣло обстоитъ у насъ черезчуръ плохо.

Бурамъ надо отдохнуть и потомъ они вернутся и примутся за дѣло съ новыми силами.

И тогда ужъ, положимъ, я зналъ, что вернутся далеко не всѣ. Да, не бѣда.

Лучше сотня добровольцевъ, чѣмъ тысяча наемниковъ или солдатъ, дерущихся изъ-подъ кнута.

Президентъ Штейнъ объявилъ Кронстатъ своимъ мѣстопребываніемъ, центромъ страны, и отсюда разсылались всѣ приказы и распоряженія правительства.

Здѣсь-то именно собрался 20-го марта 1900 года большой военный совѣтъ, на которомъ засѣдало 40—50 вождей.

Digitized by Google

Кромѣ Штейна и маститаго Крюгера, отмѣчу имена: генералиссимуса Жубера, дела-Рея, Ф. Боты, Фронемана, К. П. Кронье, Я. Б. Вессельса и себя.

О новомъ предложеніи мирныхъ переговоровъ рѣчи, конечно, быть не могло.

Сольсбери отрѣзалъ для этого всѣ пути, помянувъ, въ своей телеграммѣ, что требуетъ безусловной нашей сдачи.

Толковали исключительно объ одномъ: какъ дальше тянуть войну?

Съ обыкновенной, человѣческой точки зрѣнія продолжать борьбу было невозможно, мы всѣ ясно это видѣли. Насъ—сотни противъ сотенъ тысячъ враговъ.

Но въ то же время, всѣ мы понимали: тотъ не человѣкъ, кто до послѣдней минуты не борется за свои права человѣческія.

Мы знали, что хотя всѣ наши соотечественники и плохіе солдаты, но они глубоко проникнуты жаждой независимости и слишкомъ вольнолюбивы, чтобы не продолжать войны.

Если британцы пошли на все, чтобы поработить буровъ, и послѣдніе тоже не остановятся ни передъ чѣмъ!

Такъ и было порѣшено на совѣтѣ: бороться до конца!

Затѣмъ тутъ же рѣшили: вести войну при помощи легкихъ конныхъ отрядовъ, не заводя никакихъ большихъ лагерей и обозовъ.

Гибель Кронье изъ-за этой тяжелой части боевыхъ силъ служила намъ горькимъ урокомъ.

Послѣ разгрома подъ Попларъ-Гровэ вдругъ, какъ изъ рукава, посыпались было отъ буровъ, находящихся въ строю, кучи удостовѣреній слѣдующаго содержанія:

«Бургеръ такой-то боленъ тѣмъ-то и не можетъ отправлять военной службы».

Въ большинствѣ свидѣтельствъ написано было: «боленъ сердцемъ».

По закону эти свидѣтельства освобождали отъ военной службы.

На послѣднемъ совѣтѣ было рѣшено подобныхъ «сердечно-больныхъ» трусовъ отпускать съ большимъ разборомъ.

Еще подъ Попларъ-Гровэ, когда принесли мнѣ 8 этихъ свидѣтельствъ, я далъ знать врачу, чтобы въ этотъ день онъ не выдалъ ни одного удостовѣренія больше.

Но все-таки повсюду ихъ появилось такъ много, что можно было заподозрить: не кроется ли здѣсь вліяніе нашихъ враговъ-англичанъ?

Шутя я сказалъ на совѣтѣ, по поводу такихъ «сердечныхъ» больныхъ:

— Предлагаю отпускать этихъ мнимыхъ «сердечно-больныхъ» только тогда, если свидѣтельство объ ихъ «непригодности» будетъ подписано тремя старыми бабами!

Что касается обоза и стѣсняющихъ насъ повозокъ, то еще долгое время пришлось всѣмъ вождямъ бороться съ этой привычкой буровъ выѣзжать цѣлымъ домомъ на войну!

Все-таки послѣ принятаго рѣшенія, бодрость духа у всѣхъ насъ окрѣпла.

— Впередъ, до конца!—вотъ какой кличъ избрали мы тутъ себѣ всѣ.

Изъ Кронстадта я прошелъ къ Зандривэру, гдѣ и простоялъ у желѣзнодорожнаго моста до 25-го марта.

Въ этотъ день стали собираться мои отряды.

Какъ я и думалъ, буры передохнули; успокоились и пришли освѣженные, съ твердой рѣшимостью: бороться со врагомъ.

Количество здѣсь собравшихся ратниковъ превзошло всякія мои ожиданія.

Но и не хватало тоже многихъ. Кой-кого изъ форресмитцевъ, изъ Якобсдаля, всѣхъ почти дружинъ Филипполиса, Смитфильда, Вепэнера и Блэмфонтейна.

Вслѣдствіе угрожающихъ прокламацій, выпущенныхъ лордомъ Робертсомъ, я не могъ явиться къ напуганнымъ, отсутствующимъ бурамъ и заставить ихъ снова вступить въ ряды.

Оставалось подождать, пока съ моими наличными силами я успѣю хорошо потрепать врага, а тогда ужъ можно будетъ и «своихъ» призвать къ порядку для исполненія долга.

25-го марта выступили мы къ Брандфорту, крошечной деревенькѣ, сразу обратившейся въ большой, шумный и людный поселокъ.

Ратникамъ было позволено свободно покидать палатки и заходить въ селеніе.

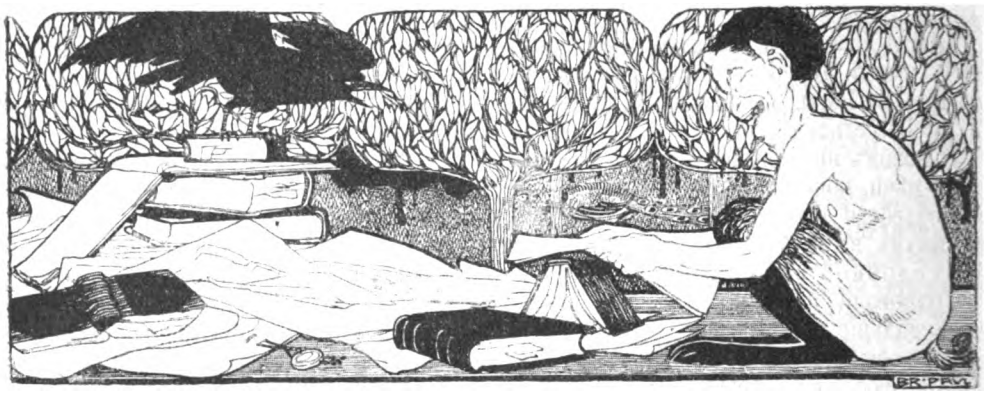
Но когда, вслѣдствіе злоупотребленія хмѣлемъ, иные позволили себѣ безчинствовать, я сейчасъ же прикрылъ мѣстный кабачекъ.

Въ общемъ, наши африкандеры совсѣмъ не склонны къ пьянству, и это у нихъ считается позоромъ.

А тутъ война немного распустила страсти, вотъ и явились крайности.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google



АНГЛІЙСКАЯ ПРЕССА.[1]

Грошовая пресса.

Нѣкоторое время «Эхо» держалось въ политикѣ гладстоніанскихъ взглядовъ, но, со времени египетской войны, оно начало отклоняться отъ нихъ, окончательный же разрывъ съ гладстоніанствомъ произошелъ въ 1885 г. по поводу билля о «Home-Rule»'ѣ. Политическое направленіе газеты Пассмора въ настоящее время нѣсколько неопредѣленно, но во всякомъ случаѣ она можетъ быть названа наиболѣе независимой изъ всѣхъ лондонскихъ ежедневныхъ газетъ. Она относится ко всѣмъ политическимъ партіямъ съ полнымъ безпристрастіемъ, и ея издатель, повидимому, совершенно равнодушно относится къ вопросу объ увеличеніи или уменьшеніи распространенности газеты. Онъ, напримѣръ, одно время совершенно изгналъ со столбцовъ «Эхо» всякаго рода извѣстія о спортѣ, что представляетъ очень рискованный шагъ для полупенсовой газеты въ Англіи — странѣ спорта, по преимуществу, и что повело къ крупнымъ матеріальнымъ потерямъ. Замѣчательно, что Эдвардсъ до сихъ поръ не истратилъ еще ни одного пенса на рекламированіе своей газеты, заявляя, что и впредь не намѣренъ дѣлать этого. Всѣ доходы, получаемые отъ изданія газеты, онъ посвящаетъ на общественныя нужды. Отчасти на доходы съ «Эхо» построена масса даровыхъ библіотекъ, пріютовъ для отдыха выздоравливающихъ и т. п. учрежденій, носящихъ имя Пассмора Эдвардса. Онъ отличается крайней скромностью и терпѣть не можетъ интервьюэровъ, въ полную противоположность многимъ своимъ лондонскимъ собратіямъ.

Въ литературномъ отношеніи «Эхо» занимаетъ первое мѣсто въ ряду дешевыхъ вечернихъ газетъ: оно отводитъ много мѣста критическимъ отзывамъ о книгахъ, драматической критикѣ и статьямъ спеціальнаго характера. «Эхо» явилось піонеромъ въ дѣлѣ дешевой прессы и потому успѣло создать себѣ обширный кругъ читателей. И, не смотря на то, что, благодаря исключенію изъ газеты новостей о спортѣ, уличная продажа его нѣсколько упала — все же «Эхо» читается не меньше другихъ вечернихъ газетъ.

«Star» (Звѣзда) обязана своимъ появленіемъ полемикѣ по поводу «Home Rule'я». Во время великаго раскола, происшедшаго въ 1885 г. въ средѣ либеральной партіи, гладстоніанцы имѣли за собою очень незначительное количество ежедневныхъ газетъ: новую политику поддерживала лишь «Daily News» и «Pall Mall Gazette». «Эхо» въ это время держалось строго-уніонистскаго направленія, и приверженцы Гладстона рѣшили основать новую газету, которая могла бы конкурировать съ «Эхомъ». М-ръ О'Коннoръ подыскалъ нѣсколькихъ капиталистовъ, принадлежащихъ къ либеральной партіи; была организована частная компанія и сдѣланы самыя тщательныя приготовленія съ цѣлью обезпечить ус-

[1]) См. «Новый Журналъ Иностранной Литературы», №№ 1 и 2.

Digitized by Google

пѣхъ новой газеты. Экспедиціонное отдѣленіе было организовано съ небывалымъ до тѣхъ поръ совершенствомъ, а для распространенія газеты внѣ Лондона были назначены спеціальные агенты. Нѣсколько человѣкъ прежнихъ сотрудниковъ «Эхо» присоединились къ новому изданію, и 17 января 1888 г. «Звѣзда» («Star») заблистала на газетномъ горизонтѣ. Успѣхъ не заставилъ долго ожидать себя и даже превзошелъ всѣ ожиданія основателей газеты: въ первый же день было продано 145.000 экземпляровъ. «Profession de foi», напечатанное въ первомъ №, совпало съ задушевными мыслями многихъ читателей, и нижеслѣдующее мѣсто его сдѣлалось почти классическимъ въ публицистической литературѣ Англіи:

«Политика, результатомъ которой пусть даже явится присоединеніе къ нашимъ владѣяніямъ цѣлой новой имперіи или занесеніе въ лѣтописи страны новой безсмертной побѣды; политика, ставящая во главу угла возвышеніе того или иного человѣка до поста премьеръ-министра или подготовленіе избирательной кампаніи, должна казаться намъ безславной и безполезной, дѣломъ, заслуживающимъ порицанія, а не восторга, если она не заинтересована въ то же время въ томъ, чтобы сдѣлать существованіе людей болѣе жизнерадостнымъ и счастливымъ. Съ другой стороны, лишь та политика кажется намъ достойной уваженія и славы, главныя усилія которой направлены на то, чтобы дать возможность бѣдной поденщинѣ прибавить лишній кусокъ сахара въ ея чай, или прибавить лишнюю копѣйку къ заработку швеи или рабочаго».

Главнымъ сотрудникомъ «Star»'а, кромѣ О'Коннора, явились три писателя, завоевавшіе себѣ теперь широкую извѣстность. Самъ м-ръ О'Конноръ далеко не принадлежитъ къ журналистамъ, способнымъ терпѣливо переносить утомительную рутину ежедневной газеты, и, благодаря этому, значительная часть работы была перенесена на плечи его помощника м-ра Массингена, молодого человѣка родомъ изъ Норвича. Массингенъ успѣлъ уже къ тому времени выказать свои способности въ другихъ областяхъ. Энергичный, порывистый, глубоко чувствующій, человѣкъ высокихъ идеаловъ и твердыхъ убѣжденій, горячій сторонникъ трудящихся классовъ, онъ нашелъ здѣсь подходящее для него поприще. М-ръ Бернардъ Шоу, тогда, главнымъ образомъ, извѣстный какъ эксцентричный молодой соціалистъ, авторъ одного—двухъ своеобразныхъ романовъ, занялъ въ «Star» мѣсто музыкальнаго критика, и, наконецъ, м-ръ К. Шортеръ, тогда находившійся на государственной службѣ, еженедѣльно «упражнялъ свои критическія шпоры» въ литературномъ отдѣлѣ газеты.

М-ръ О'Конноръ владычествовалъ въ «Star» около двухъ лѣтъ, и послѣдніе мѣсяцы его редакторства имѣли бурный характеръ. Разойдясь съ нѣкоторыми изъ собственниковъ газеты, онъ принужденъ былъ «подать въ отставку». Во многихъ сохранилось и до сихъ поръ чувство горькаго недовольства тѣмъ фактомъ, что ему пришлось уйти изъ газеты, обязанной своимъ успѣхомъ его усиліямъ. Но, если ему и была нанесена обида въ моральномъ отношеніи, зато онъ не можетъ пожаловаться на матеріальную обиду: собственники газеты вошли съ нимъ въ соглашеніе, по которому ему выплатили 15.000 фунтовъ стерл., что даже и въ Англіи, въ странѣ «бѣшеныхъ гонораровъ», не можетъ не казаться болѣе чѣмъ достаточнымъ вознагражденіемъ за двухлѣтнюю работу.

Мѣсто О'Коннора занялъ Массингенъ, но и это положеніе вещей также оставалось недолго: его соціалистическія воззрѣнія показались черезчуръ крайними собственникамъ газеты, и они настаивали на томъ, чтобы онъ умѣрилъ тонъ. Массингенъ, пробывъ редакторомъ всего 6 мѣсяцевъ, отказался отъ дальнѣйшаго редактированія «Star»'а. Съ этого времени газета не имѣла оффиціальнаго редактора; но de facto ея редакторомъ былъ м-ръ Э. Паркъ, молодой человѣкъ изъ Стратфорда на Авонѣ, бывшій раньше вторымъ редакторомъ «Эхо», а потомъ занимавшій мѣсто помощника редактора въ «Star».

Паркъ—редакторъ новой школы. Онъ не принадлежитъ къ числу газетныхъ главарей, ограничивающихся разсмотрѣніемъ чисто-литературнаго матеріала и руководящихъ статей газеты; онъ просматриваетъ весь газетный матеріалъ до репортерскихъ отмѣтокъ включительно, наблюдаетъ за хозяйственной стороной дѣла и держитъ всѣ нити газеты въ своихъ рукахъ. Одинъ изъ его пріятелей шутя разсказываетъ, что если гдѣ-нибудь лошадь сломала себѣ ногу, Паркъ долженъ узнать объ этомъ первымъ. Это преувеличеніе даетъ вѣрное представленіе о ха-

Digitized by Google

рактерѣ редактированія газеты Паркомъ. «Star» процвѣтала подъ его управленіемъ: она обладаетъ въ настоящее время наилучшими во всемъ Лондонѣ типографскими приспособленіями, при помощи которыхъ можетъ выпускать отъ 270.000 до 400.000 экз. газеты въ часъ. «Star» распродается въ бо́льшемъ количествѣ (362.000 экз. каждаго номера), чѣмъ какая-либо изъ лондонскихъ вечернихъ газетъ, и количество бумаги, потребляемой ежедневно газетой, равняется 150 англійск. милямъ въ длину. Среди ея сотрудниковъ находятся: м-ръ Волклей—драматическій критикъ, Вилли Ютлей — музыкальный критикъ, Джорджъ Пеннель — извѣстный подъ псевдонимомъ «Неизвѣстнаго артиста», Гюгъ Маклоренъ и Ричардъ Ле-Галльенъ — лица, всѣ очень уважаемыя въ лондонскомъ журнальномъ мірѣ.

«Star»—газета по преимуществу сенсаціонная. Она первая ввела въ англійской журналистикѣ американскій обычай кричащихъ объявленій—заголовковъ на разноцвѣтныхъ аршинныхъ афишахъ, и нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли широкую извѣстность. Въ день выхода изъ министерства лорда Розберри, «Star» оповѣстила объ этомъ читателей, выбравъ заголовкомъ слова популярной пѣсенки:

«Не говори: прощай!
Скажи лишь до свиданья!»

Когда въ знаменитой труппѣ Буффало-Билля родился ребенокъ, газета озаглавила это событіе: «Счастье ревущаго стана» (заглавіе одного изъ самыхъ популярныхъ и общеизвѣстныхъ разсказовъ Бретъ-Гарта изъ жизни американскихъ авантюристовъ). Смерть чернокожаго епископа Кровтера была возвѣщена заголовкомъ: «Ушелъ туда, куда отправляются добродѣтельные негры». Не такъ давно обыватели Лондона невольно останавливались передъ афишами «Star»'а, на которыхъ жирными буквами красовалось лаконически и загадочно: «Тара-ра-бумъ-ди-ей!» Что̀ сей сонъ значитъ? думалъ каждый и покупалъ номеръ газеты, которая сообщала о побѣдѣ прогрессивной партіи на повторныхъ выборахъ въ совѣтъ лондонскаго графства. Острота (если это острота) грубая, но нравящаяся толпѣ, а «Star» въ этотъ день продалъ лишнюю сотню тысячъ экземпляровъ. Въ мартѣ 1896 г. розничная продажа «Star»'а доходила до полумилліона въ день, а въ нѣкоторые дни превышала 700.000 экземпляровъ, благодаря тому, что газета ловко воспользовалась сильнымъ одно время въ Лондонѣ филэллинскимъ движеніемъ. Заголовки въ афишахъ были чрезвычайно заманчивы, и не удивительно,—король Георгъ присылалъ редакціи «Star»'а депеши, ея корреспонденты интервьюировали короля, бесѣдовали съ Вассосомъ, участвовали въ сраженіяхъ съ инсургентами, засѣдали въ совѣтѣ адмираловъ...

«Star» также сдѣлала въ Англіи популярными спеціальныя статьи о выдающихся личностяхъ дня; статьи эти сначала возбуждали ужасъ въ непривыкшихъ къ подобнаго рода новшествамъ консервативныхъ журналистахъ, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ярые порицатели «Star»'а стали ревностно подражать ей въ этомъ отношеніи.

Въ политикѣ газета держится того направленія, которое англійскіе зоилы называютъ «приходской политикой»: «Star» посвящаетъ мало вниманія детальной разработкѣ международной политики и заграничной жизни, сосредоточивая все свое вниманіе на текущей жизни Лондона. Въ журнальномъ мірѣ Лондона долгое время предполагалось, что въ столицѣ невозможно основаніе утренней полупенсовой газеты, но издатели «Star»'а рѣшили, что если ужъ будетъ издаваться подобная газета,—она должна принадлежать именно имъ, а не кому-либо другому. Весной 1892 года въ Лондонѣ прошелъ слухъ, что черезъ нѣсколько дней появится утренняя полупенсовая газета «Morning» (утро), и издатели «Star»'а быстро рѣшились привести, наконецъ, въ исполненіе свой давно задуманный планъ. Немедля была организована редакція, и между «Morning Leader»'омъ и «Morning'омъ» завязалась горячая борьба; интересъ борьбы сосредоточивался въ томъ, какая изъ проектированныхъ газетъ выйдетъ раньше? «Morning» измѣнилъ опубликованный заранѣе день выхода и появился на одинъ день раньше. «Morning Leader» же появился черезъ десять дней послѣ того, какъ его издатели рѣшились издавать газету,—едва ли найдется равный этому эпизодъ въ исторіи ежедневной прессы, хотя, впрочемъ, надо замѣтить, что этотъ tour de force могъ быть выполненъ лишь благодаря имѣвшимся уже въ готовности: редакціонному составу, типографскимъ приспособленіямъ и экспедиціонному бюро газеты «Star». Редакторъ

Digitized by Google

«Star», м-ръ Эрнестъ Паркъ, редактируетъ въ то же время и «Morning Leader» и, по его отзыву, составъ сотрудниковъ въ обѣихъ газетахъ чрезвычайно хорошо подобранъ. «Morning Leader» меньше «Star»'а гонится за сенсаціонными новостями и предназначается преимущественно для семейнаго чтенія. Онъ послѣдовалъ американскому обычаю выпускать отъ времени до времени номера увеличеннаго объема, и напримѣръ номеръ отъ 3-го мая 1896 г. занималъ 24 страницы и былъ, вѣроятно, самымъ дешевымъ изданіемъ, какое когда-либо появлялось въ Лондонѣ. Этотъ номеръ былъ отпечатанъ въ количествѣ 248.000 экземпляровъ и поглотилъ 311 англійскихъ миль бумаги. «Morning Leader» занялъ уже опредѣленное мѣсто въ журналистикѣ, и даже усилившаяся съ прошлаго года конкуренція не уменьшила размѣровъ его циркуляціи. Главной силой «Morning Leader»'а, является м-ръ Спенсеръ Лей Гюгесъ, авторъ руководящихъ статей газеты, а также полныхъ юмора замѣтокъ, появляющихся подъ заголовкомъ «Sub Rosa».

Если бы нашелся охотникъ написать въ pendant къ арабскимъ сказкамъ «Изъ тысячи и одной ночи» англійскія въ томъ же стилѣ, ему больше не нужны были бы волшебные ковры, чудесные перстни и лампы Аладина для превращенія героевъ сказки изъ бѣдняковъ въ милліонеры. Онъ могъ бы просто сказать: «онъ основалъ пенсовую газету и сдѣлался милліонеромъ». Если бы какой-либо придирчивый критикъ началъ опровергать разсказчика, ему достаточно будетъ въ свое оправданіе указать на карьеру Альфреда Гармсворта. Всего 9 лѣтъ тому назадъ Гармсвортъ былъ пробивающимъ себѣ дорогу, мало извѣстнымъ журналистомъ. 22-хъ лѣтъ онъ основалъ пенсовую еженедѣльную газету, которая пришлась по вкусу публикѣ, а теперь онъ является самымъ значительнымъ собственникомъ во всемъ мірѣ, по количеству изданій, владѣя 4-мя ежедневными лондонскими и провинціальными изданіями и 72 еженедѣльными и мѣсячными, которыя въ общемъ расходятся до 1.000,000 экз. въ день и приносятъ около 114.000 фунт. ст. въ годъ чистаго дохода. Обязанный успѣхомъ своихъ изданій исключительно собственной энергіи, отвагѣ и предпріимчивости, молодой издатель, по мнѣнію его друзей, далеко еще не дошелъ до зенита своей активности.

Когда онъ былъ еще подросткомъ, родителями было рѣшено, что онъ унаслѣдуетъ профессію своего отца, юриста; но юноша уже тогда рѣшилъ быть журналистомъ. Еще въ школѣ онъ для забавы своихъ сотоварищей издавалъ газету, а приготовляясь къ поступленію въ Кембриджскій университетъ, сталъ посылать свои литературные опыты въ различные журналы. Нѣкоторые изъ этихъ опытовъ имѣли успѣхъ, и сэръ Вильямъ Ингремъ предложилъ юношѣ мѣсто помощника редактора въ журналѣ для юношества «Youth», съ платой 31 шиллингъ и 6 пенсовъ въ недѣлю, обѣщая повысить гонораръ постепенно до 200 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Гармсвортъ принялъ это предложеніе, не смотря на оппозицію родныхъ, такъ какъ ни Кембриджъ, ни парикъ и плащъ юриста отнюдь не соблазняли его. Онъ настолько былъ увлеченъ своимъ призваніемъ, что буквально «убѣжалъ изъ дому въ журналистику», какъ другіе юноши Англіи «убѣгаютъ путешествовать» [1]). Ему тогда еще не было 17 лѣтъ. Въ теченіе слѣдующихъ 4—5 лѣтъ онъ велъ обычную жизнь свободнаго рыцаря пера. Его доходъ не превышалъ 500 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, а нерѣдко и ниже этого, что̀, впрочемъ, было далеко не дурнымъ вознагражденіемъ для такого юнаго автора, даже и въ Англіи.

Все это время его преслѣдовала обычная мечта всѣхъ молодыхъ англійскихъ журналистовъ завести свой собственный еженедѣльный журналъ. Увлеченіе газетами въ стилѣ «Tit-Bits» [2]) дошло въ это время до своего апогея, и рѣдкая недѣля не была ознаменована нарожденіемъ какихъ-либо новыхъ «Bits» и «Cuts», погибавшихъ безславно черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, не выдержавъ борьбы съ равнодушіемъ публики. М-ръ Гармсвортъ поддался волнѣ увлеченія, хотя, впрочемъ, въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ, и въ 1888 году «Отвѣты корреспондентамъ» (Answers to Correspondents) увидали свѣтъ. Нѣкоторые опытные журналисты съ первыхъ же номеровъ предсказали новому предпріятію успѣхъ. Конкуренція въ то время не носила еще такого остраго характера, какой она приняла въ наши дни, и хотя новая газета обладала маленькимъ

[1]) Какъ бѣжалъ и пресловутый Родсъ въ Африку.

[2]) Юмористическій (безъ каррикатуръ) журналъ въ 20 стр. in quarto, цѣной въ 1 п.

Digitized by Google

капиталомъ, но за то у ея издателя не было недостатка въ счастливыхъ идеяхъ при наличности скромныхъ привычекъ, англійскимъ журналистамъ мало знакомыхъ. Кромѣ того, и это, быть можетъ, главное,—онъ обладалъ искусствомъ дѣлать рекламу. Немудрено, что почти всѣ «Bits» и «Cuts» погибли, а «Answers» еще съ двумя-тремя газетами того же типа овладѣли полемъ битвы.

Журналы этого типа, разъ они имѣютъ успѣхъ, приносятъ значительный доходъ. Расходы на подобное изданіе сравнительно малы, бумага отличается дешевизной, а объявленія даютъ крупный доходъ. Можно сказать, что газеты типа «Answers» приносятъ приблизительно около 1 фунта стерлинговъ чистаго дохода на 1000 экземпляровъ, при циркуляціи въ 100.000 экземпляровъ въ Англіи и немного меньше въ колоніяхъ. Такимъ образомъ, когда циркуляція «Answers» перевалила за нѣсколько сотъ тысячъ экземпляровъ, м-ръ Гармсвортъ оказался богатымъ человѣкомъ. Его братья, одинъ за другимъ, присоединились къ нему, и въ настоящее время пять изъ нихъ завѣдываютъ различными журналами.

Мы не будемъ описывать здѣсь детально возростанія успѣха молодого издателя, основавшаго газету за газетой и покрывшаго англійскій журнальный рынокъ своими еженедѣльными изданіями. Въ 1894 г. онъ рѣшилъ рискнуть своимъ все увеличивавшимся состояніемъ на новомъ, болѣе опасномъ полѣ, въ области полупенсовыхъ ежедневныхъ изданій. Онъ пріобрѣлъ, совмѣстно съ братьями, «Вечернія Новости» (Evening News), бывшія самой бѣдной и наименѣе вліятельной изъ ежедневныхъ газетъ Лондона. Краткая исторія этой газеты можетъ служить лучшей иллюстраціей того, съ какимъ рискомъ и неувѣренностью сопряжены предпріятія этого рода. Основанная въ 1881 г. какъ органъ либеральной партіи, газета немного позднѣе была куплена консервативнымъ синдикатомъ и, просуществовавъ 13 лѣтъ, пріобрѣла печальную извѣстность лишь тѣмъ, что, не смотря на талантливое веденіе дѣла, она поглотила около милліона фунтовъ стерлинговъ и все-таки постоянно была въ долгахъ, не смотря на то, что вліятельные консерваторы помогали ей, а талантливые журналисты, въ родѣ Франка Герриса и Чарльза Вильямса, занимали редакторское кресло. Одно время ходили слухи о необыкновенномъ успѣхѣ газеты, но въ дѣйствительности акціи «Evening News» можно было пріобрѣтать сотнями на рынкѣ, по 3 пенса за каждую; жизнь завѣдывавшаго хозяйственнымъ отдѣломъ газеты отравлялась судебными приставами: раздраженные кредиторы неоднократно пытались совершенно прекратить дальнѣйшій кредитъ, и часто цѣлыя утра проходили въ тревожныхъ совѣщаніяхъ о томъ, возможно ли выпустить очередной № газеты. Ея циркуляція, въ сущности, понемногу возростала, и газета нуждалась только въ капиталѣ и нѣкоторомъ обновленіи, чтобы завоевать себѣ постоянный успѣхъ. Еще въ 1894 году «Evening News» уже почти оплачивала себя въ нѣкоторые сезоны, но у газеты не было капитала, и она была обременена долгомъ въ 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Въ августѣ 1894 г. ей угрожала продажа съ публичнаго торга, и явилось нѣсколько охотниковъ пріобрѣсти газету, но такъ какъ собственники желали сохранить ея политическую окраску, они отказали покупателямъ изъ лагеря либераловъ. Одинъ изъ самыхъ изворотливыхъ журналистовъ Лондона, завѣдующій одной старой вечерней газетой, предложилъ за «Evening News» 16.500 фунтовъ стерлинговъ, но этой суммы было недостаточно для покрытія долговъ. Наконецъ, м-ръ Кеннеди Джонсъ, тогда сотрудникъ «Sun», тщательно просмотрѣвъ конторскія книги газеты, пришелъ къ убѣжденію, что она можетъ приносить доходъ. Онъ тогда отправился къ м-ру Гармсворту.

— Я желаю предложить вамъ спекуляцію, могущую принесть 30.000 фунтовъ стерлинговъ годового дохода,—заявилъ онъ.

Гармсворту уже нерѣдко приходилось слышать о подобныхъ «спекуляціяхъ», и потому онъ сначала отнесся къ посѣтителю съ нѣкоторымъ скептицизмомъ.

— Вы, вѣроятно, очень способный человѣкъ, если надѣетесь достигнуть такихъ результатовъ,—сказалъ онъ. Но чего же вы хотите собственно для себя лично?

— Я хочу имѣть извѣстную долю въ правѣ собственности на газету, — быстро отвѣтилъ Джонсъ.

Черезъ нѣсколько часовъ братья Гармсворты купили газету за 25.000 фунтовъ стерлинговъ, принявъ Джонса въ долю ($^1/_7$ часть). Съ тѣхъ поръ они успѣли по меньшей мѣрѣ

Digitized by Google

вдвойнѣ возвратить затраченныя ими на газету деньги.

«Evening News» возродилась къ новой жизни. Газета всегда была извѣстна точностью и свѣжестью новостей о спортѣ, но теперь, какъ этотъ отдѣлъ, такъ равно и другіе были еще значительно усилены. Организованный газетой «фондъ даровой пищи» для голодающихъ въ страшную зиму 1894—95 г.г. создалъ ей громадную популярность. Ея экспедиціонный департаментъ, представляющій едва-ли не самую важную часть хозяйственнаго отдѣла изданій подобнаго рода, былъ тщательно реорганизованъ. Ея политика приняла болѣе наступательный характеръ, а ея рѣшительный имперіализмъ, который точнѣе слѣдуетъ назвать «джингоизмомъ», чрезвычайно помогъ ея успѣху. Въ газетѣ былъ заведенъ новый отдѣлъ, посвященный спеціально дамамъ (редактируемый, кстати сказать, мужчиной съ женскимъ псевдонимомъ) и, наконецъ, къ ней стали прилагаться выкройки. Благодаря всѣмъ этимъ «усовершенствованіямъ», газета получила такое широкое распространеніе, что изъ убыточнаго предпріятія превратилась въ доходное дѣло, но м-ръ Гармсвортъ думаетъ, что это лишь начало, ибо дамамъ однѣхъ выкроекъ мало.

«Evening News» подъ управленіемъ Гармсворта редактируется Кеннеди Джонсомъ, которому, такимъ образомъ, приходится вести утреннюю и вечернюю газеты одновременно. Въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ мѣсяцевъ ему приходилось садиться за работу въ 7 часовъ утра и заканчивать ее лишь въ 2 часа ночи, работая подобнымъ образомъ 6 дней въ недѣлю. Понятно, что онъ не могъ долго выдержать такого страшнаго напряженія и принужденъ былъ уѣхать на нѣкоторое время въ Америку, чтобы освѣжиться. Количество сотрудниковъ и репортеровъ газеты доходитъ теперь до 40 человѣкъ, и между ними считаются нѣкоторыя изъ самыхъ выдающихся молодыхъ силъ современной англійской журналистики. Изъ нихъ м-ръ Макъ Магусъ является правой рукой Гармсворта и Джонса. Но ничто въ «Evening News» не предвѣщало публикѣ того небывалаго въ журналистикѣ явленія, какимъ было появленіе весной 1896 г. новой полупенсовой газеты «Daily Mail», уже нѣсколько лѣтъ подготовлявшейся Гармсвортами. Публикѣ была обѣщана пенсовая газета за полъ-пенса, и надо признаться, что это обѣщаніе было до извѣстной степени выполнено, такъ какъ «Daily Mail» почти ни въ чемъ не уступаетъ газетамъ большой прессы и изъ всѣхъ главныхъ пунктовъ земного шара получаетъ подробныя телеграфическія сообщенія своихъ корреспондентовъ, стоющія баснословно дорого. Многіе утверждаютъ, что «Daily Mail» повыситъ цѣну до пенса, но случится ли это или нѣтъ, — газета давно уже успѣла завоевать прочныя симпатіи публики. Въ самый глухой мѣсяцъ, въ августъ, ея циркуляція доходитъ до 500.000 экземпляровъ въ день, и ея новости отличаются такой свѣжестью, что газета сдѣлалась необходимой для каждаго публициста.

Наиболѣе замѣчательной особенностью «Daily Mail» являются ея превосходныя сообщенія изъ-за границы и изъ колоній. Еще десять лѣтъ тому назадъ неспеціально-англійскія извѣстія преподносились публикѣ въ самомъ неудовлетворительномъ видѣ почти всѣми англійскими газетами. Обыкновенно газета платила 1.600 фунтовъ стерлинговъ въ годъ агентству Рейтера и печатала сухой остовъ заграничныхъ новостей, доставляемыхъ агентствомъ, при чемъ надо было обладать спеціальными познаніями, чтобы разобраться въ этой кучѣ сырого матеріала. Стэдъ во время своего редакторства въ «Pall Mall Gazette» сдѣлалъ шагъ впередъ въ этомъ отношеніи, и скоро его примѣру послѣдовали многія англійскія газеты, въ особенности «Daily News» и «Daily Chronicle». «Daily Mail» довела теперь этотъ отдѣлъ до возможнаго совершенства, и ея успѣхъ ясно показываетъ, что средній англійскій читатель интересуется жизнью и политикой не одного лишь своего прихода.

Если спросятъ меня, какого политическаго направленія придерживается газета эта, я долженъ буду отвѣтить — имперіалистскаго и только. «Daily Mail» охотно и вездѣ читаютъ, и этимъ все сказано. Парламентскія хроники О'Коннора — настоящіе chef d'oeuvre'ы, а корреспонденціи изъ Трансвааля Джорджа Стивенса, умершаго 29-ти лѣтъ при осадѣ Лэдисмита, были превосходными образцами столько же импрессіонистской, сколько популярной литературы. Но Стивенсъ не одинъ посылалъ письма съ поля битвы, — самъ главный теперешній редакторъ «Daily Mail» М. Пріоръ только-что вернулся изъ Каптоуна,

Digitized by Google

гдѣ онъ командовалъ отрядомъ изъ двадцати корреспондентовъ этой газеты...

Но и на солнцѣ бываютъ пятна, а на совѣсти «Daily Mail» лежитъ большое пятно, которое, выражаясь дипломатически, заключается въ безпечности относительно точности ея извѣстій, разъ они сенсаціонны...

Здѣсь невольно приходится отмѣтить заслугу старой англійской прессы, заслугу исчезающую. Правда, эта пресса прекрасно обходила и обходитъ все, что̀ можетъ повредить Англіи въ международной политикѣ, и подчеркивала то, что̀ можетъ вредить другимъ, но она всегда питала отвращеніе къ политическимъ уткамъ и нѣсколько фарисейское презрѣніе къ полемикѣ. «Daily Mail» же нельзя обвинить ни въ этомъ отвращеніи, ни въ этомъ презрѣніи. При всемъ томъ «Daily Mail» пользуется колоссальнымъ успѣхомъ.

На вопросъ одного интервьюэра, чѣмъ Гармсвортъ самъ объясняетъ свой поразительный успѣхъ, онъ скромно отвѣтилъ, что считаетъ главной его причиной то обстоятельство, что онъ—журналистъ-практикъ, имѣющій счастіе расиоряжаться цѣлымъ штабомъ сотрудниковъ-энтузіастовъ. «Я прошелъ черезъ тяжелый искусъ, — сказалъ онъ, — я перепробовалъ, кажется, всѣ стадіи журналиста; я былъ репортеромъ, отмѣтчикомъ полицейскихъ новостей, интервьюэромъ, критикомъ, помощникомъ редактора, наконецъ — редакторомъ. Моей спеціальностью были interviews, — основываясь на нихъ, я лично написалъ около 1000 статей, и это дѣло до сихъ поръ еще не надоѣло мнѣ».

Гармсвортъ думаетъ, что англійскіе журналисты недостаточно путешествуютъ. Ихъ знакомство съ заграничною жизнью ограничивается кратковременнымъ путешествіемъ въ Парижъ или Бельгію, и, благодаря этому, они связаны въ своихъ взглядахъ устарѣлыми традиціями и пережевываютъ въ своихъ статьяхъ изъ года въ годъ одно и то же [1]).

Журналистъ средней руки не умѣетъ отнестись должнымъ образомъ къ міровымъ событіямъ по той простой причинѣ, что онъ смотритъ на міръ изъ узкихъ окошекъ своей редакціонной залы. Поэтому м-ръ Гармсвортъ настаиваетъ на томъ, чтобы его молодые сотрудники путешествовали возможно больше. «Я устроилъ такъ, что всегда который-нибудь изъ нихъ пересѣкаетъ океанъ» — говорилъ онъ интервьюэру. М-ръ Гармсвортъ съ восторгомъ отмѣтилъ, что всѣ его сотрудники работаютъ дружно вмѣстѣ и что каждый изъ нихъ прямо заинтересованъ въ матеріальномъ успѣхѣ изданія, въ которомъ онъ участвуетъ.

Главные сотрудники его еженедѣльныхъ изданій получаютъ не опредѣленный гонораръ, а вознагражденіе, согласно количеству распроданныхъ номеровъ, и разъ въ мѣсяцъ м-ръ Гармсвортъ проводитъ цѣлый день съ редакторомъ каждой изъ газетъ за разсчетами. Самъ Гармсвортъ принимаетъ постоянное участіе въ «Daily Mail», при чемъ пишетъ далеко не всегда въ руководящихъ отдѣлахъ газеты.

Каждый сотрудникъ знаетъ, что успѣхъ газеты увеличиваетъ и его собственный доходъ, такъ какъ плата растетъ сообразно росту розничной продажи. Подписчиковъ въ Англіи газеты не знаютъ, и поэтому сотрудники постоянно совѣщаются между собой о способахъ улучшенія газеты. Они съ этой цѣлью собираются на совмѣстные ужины, на которыхъ обсуждаютъ дѣла газетъ. Каждый сотрудникъ обладаетъ esprit de corps, заставляющимъ его давать газетѣ лучшее изъ того, что̀ онъ можетъ создать. Многосложныя занятія Гармсворта не мѣшаютъ ему въ то же время выступать въ качествѣ кандидата въ парламентъ, куда онъ, рано или поздно, и попадетъ, и подготовлять экспедицію Джексона къ Сѣверному Полюсу, куда онъ, впрочемъ, самъ не поѣдетъ.

Лѣтомъ 1892 г. м-ръ Честеръ Ивсъ, американскій журналистъ, изучившій газетное дѣло въ Парижѣ, рѣшилъ основать въ Лондонѣ нѣчто въ родѣ парижскаго «Petit Journal», и вотъ появился «Morning», о спорѣ котораго съ «Morning Leador»'омъ я говорилъ выше. Нѣсколько позже издатель пришелъ къ справедливому заключенію, что Англія—не Франція, а Лондонъ — не Парижъ и что черезчуръ точное подражаніе парижскому образцу можетъ лишь повредить дѣлу. Циркуляція «Petit Journal» зависитъ почти главнымъ образомъ отъ того, что Франція не обладаетъ такими провинціальными газе-

[1]) Спеціальный корреспондентъ «Morning Post» изъ Москвы въ маѣ 1896 г. телеграфировалъ о томъ, какое чрезвычайное впечатлѣніе производили на него русскіе крестьяне, прибывавшіе въ Москву на коронацію одѣтыми въ «звѣриныя шкуры»... Бѣдные русскіе зипуны!

Digitized by Google

тами, которыя могли бы соперничать съ парижскими. Одной изъ приманокъ парижской газеты является тянущійся изо дня въ день сенсаціонный романъ, что̀ вовсе не въ обычаѣ у англійскихъ читателей и, наконецъ, она обладаетъ цѣлой арміей распространителей, разсѣянныхъ, начиная отъ глухой бельгійской деревушки и кончая берегами Средиземнаго моря. Въ Англіи сливки провинціальныхъ читателей собираются большими провинціальными газетами, ни въ чемъ не уступающими лондонскимъ, и организація подобнаго распространенія стоила бы дороже, чѣмъ сколько бы она принесла, а потому была бы непрактичной.

«Morning» и началъ сенсаціоннымъ романомъ и нейтральной политикой, но романъ не имѣлъ успѣха, а нейтральность вскорѣ замѣнилась уніонизмомъ. Новая газета заняла своеобразное положеніе между тяжелой артиллеріей старыхъ пенсовыхъ газетъ и легкой кавалеріей новыхъ полупенсовыхъ и, не отличаясь особенно смѣлой предпріимчивостью, не производя сенсаціи, даетъ, однако, много матеріала для чтенія. Особенно хороши новости спорта и городскія извѣстія; въ газетѣ также имѣется спеціальный отдѣлъ, посвященный вопросамъ, интересующимъ дамъ. Между ея сотрудниками не мало людей съ литературными именами, въ родѣ Андрью Ланга, Нисбета, Симса и мистрессъ Линъ-Линтонъ.

«Morning», не смотря на то, что она существуетъ всего десятокъ лѣтъ, успѣла уже перемѣнить 3-хъ редакторовъ. М-ръ Ивсъ разошелся съ собственниками газеты и продалъ имъ свои права. Ему наслѣдовалъ Беннетъ, редакторство котораго продолжалось также не долго. Теперешній редакторъ одинъ изъ самыхъ популярныхъ и дѣятельныхъ журналистовъ Англіи. Онъ извѣстенъ, какъ драматическій критикъ, какъ лидеръ воскресной журналистики, какъ постоянный сотрудникъ многихъ серіозныхъ журналовъ, какъ авторъ популярныхъ книгъ по психологіи и т. д. Какъ онъ ухитряется находить время заниматься всѣмъ этимъ помимо редактированія ежедневной газеты,—представляетъ чудо, трудно объяснимое, если даже принять во вниманіе, что онъ всѣ свои работы диктуетъ и всячески избѣгаетъ литературно-механическаго труда.

«Morning» ввела новый отдѣлъ въ англійскую журналистику, заведя на своихъ страницахъ графологію. Но успѣхъ этого нововведенія чуть не погубилъ газету. Редакція была завалена тысячами писемъ, требовавшихъ опредѣленія характера корреспондентовъ по почерку. Нерѣдко влюбленныя парочки одновременно и независимо другъ отъ друга посылали письма, требуя немедленной характеристики возлюбленной и возлюбленнаго.

Остается сказать нѣсколько словъ о «The Sun» (Солнце). Когда О'Конноръ вышелъ въ 1890 г. изъ «Star»'а, онъ обязался не издавать никакой вечерней газеты въ Лондонѣ въ теченіе 3-хъ лѣтъ. Онъ сдержалъ обѣщаніе, но, немедленно по окончаніи условнаго срока, основалъ «Sun». Почти каждый закоулокъ въ Лондонѣ и въ провинціи былъ заклеенъ огромными афишами, съ изображеніемъ круглаго лица знаменитаго англо-ирландскаго публициста, возвѣщавшими о появленіи новой газеты. Нѣсколько первыхъ мѣсяцевъ «Sun» дѣйствительно высоко держала свое знамя, давая массу статей выдающихся журналистовъ и обильный матеріалъ для чтенія либеральной части публики, но вскорѣ дѣло замялось: ни для кого изъ журналистовъ не было секретомъ, что газетѣ не хватаетъ главнаго «нерва войны»—денегъ. «Если бы я узналъ, что кто-либо затѣваетъ газету, имѣя всего 100.000 фунт. стерл. капитала», заявилъ по этому поводу одинъ опытный издатель,—«я съ увѣренностью предсказалъ бы полный провалъ». Не знаю, какимъ капиталомъ обладаетъ теперь «Sun», но одно время въ ней царила, какъ говорятъ, невольная и строгая экономія; затѣмъ газета достала необходимыя средства, и не такъ давно О'Конноръ заявлялъ, что газета имѣетъ успѣхъ и болѣе чѣмъ окупается. Не смотря на это, нѣкоторые старые журналисты думаютъ, что знаменитый «Тау-Рау» (псевдонимъ О'Коннора) завелъ свою барку не въ особенно надежную пристань.

Очеркъ «грошовой прессы» Лондона былъ бы не полонъ, однако, если бы мы обошли молчаніемъ народившійся въ Лондонѣ, уже въ нашемъ отсутствіи изъ Англіи, года два назадъ «Daily Express», слава о которомъ, однако, распространилась чрезвычайно быстро.

Мистера Пирсона (знаменитое мыло Пирсонъ и К°) не то удача «Daily Mail»'я соблазнила, не то онъ нашелъ, что лучше издавать свою собственную газету для рекламы своего мыла, чѣмъ платить сотни тысячъ

Digitized by Google

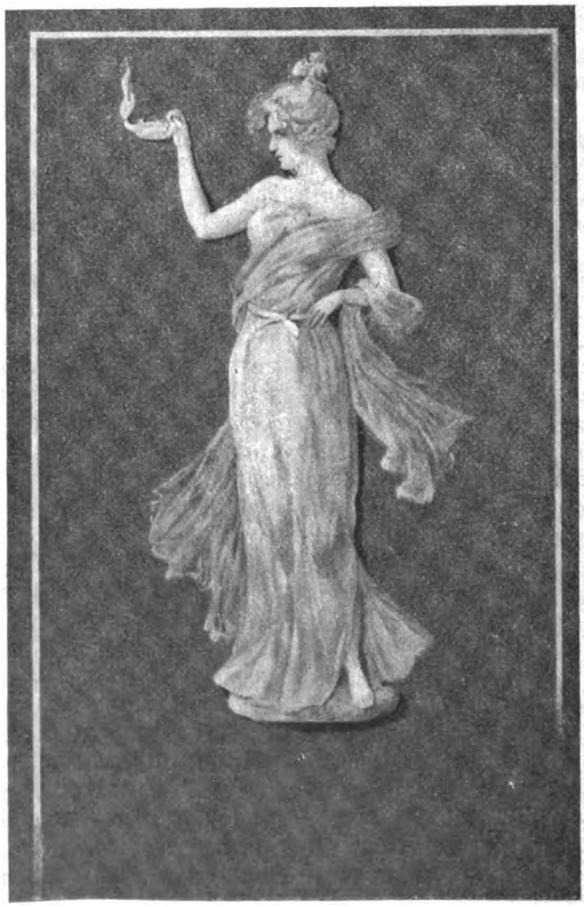
рублей въ годъ, но онъ, собравъ банду журналистовъ, которыхъ у насъ назвали бы «опричниками», сталъ издавать «Daily Express», который всѣ недостатки «Daily Mail» довелъ до крайности.

Говорятъ, что «Daily Express» въ эпоху осады европейскихъ посольствъ въ Пекинѣ расходился свыше полумилліона экземпляровъ въ день. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, разъ онъ печаталъ такія депеши «собственныхъ» корреспондентовъ, какъ та, которая привела въ отчаяніе весь цивилизованный міръ сообщеніемъ о томъ, какъ послы, передъ капитуляціей, разстрѣляли своихъ женъ и дѣтей, а потомъ были четвертованы китайцами...

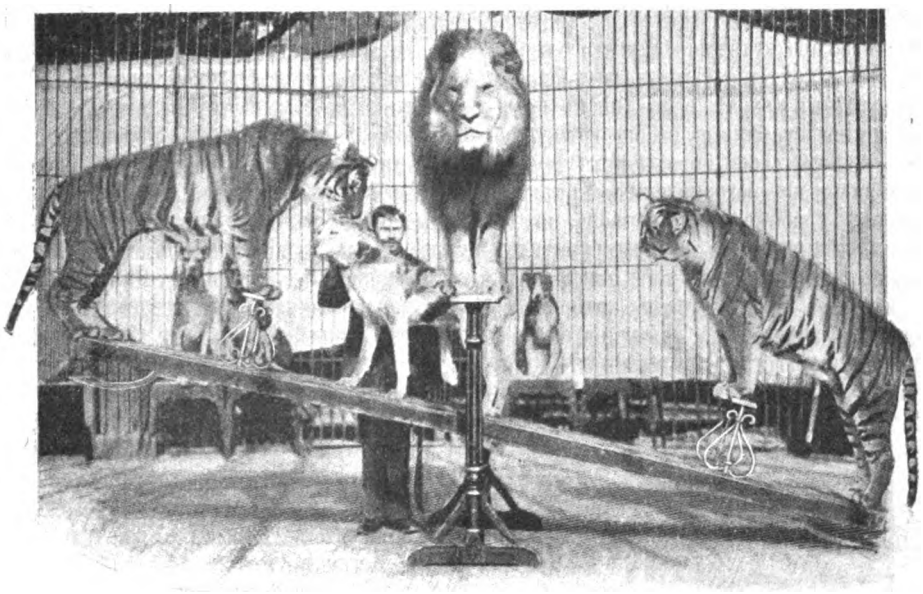
Читатели помнятъ, какую прискорбную сенсацію произвела въ іюлѣ 1900 года эта депеша, какія ужасныя детали сообщала она... Все это была грубая и наглая ложь, въ августѣ уже открывшаяся, но ни престижъ «Daily Express», ни ея розница не пали отнюдь... Лондонцы знаютъ, что въ каждомъ номерѣ Пирсоновской газеты имѣется какая-нибудь (если ихъ не десятки) ложь, но ложь эта такъ интересна, злободневна и правдоподобно разсказана, что номера «Daily Express» на улицахъ Лондона охотнѣе расхватываются, чѣмъ хлѣбъ въ Бомбеѣ голодающими индусами... Но ложь бываетъ безобидная, ложь же «Daily Express» зачастую приноситъ много вреда. Та безобразная депеша, о которой мы только-что говорили, пока не выяснилась ложь, вызвала въ Европѣ жажду мести, вызвала знаменитый приказъ Вильгельма II «не давать пощады», была отчасти причиной грабежей и звѣрства европейскихъ солдатъ. Исторія не сплететъ вѣнка этой газетѣ, но уличный успѣхъ она всегда будетъ имѣть.

Л. А. В—чъ.

(Окончаніе будетъ).



Digitized by Google



Результатъ продолжительной дрессировки.

ДРЕССИРОВКА ДИКИХЪ ЗВѢРЕЙ.

Гіальмара Гіорта Боисена.

Представленія съ дикими звѣрями въ римскихъ амфитеатрахъ и въ наше время схожи между собою въ томъ отношеніи, что въ обоихъ случаяхъ на арену выступаютъ люди и становятся лицомъ къ лицу со звѣрями. Но въ римскихъ представленіяхъ звѣри побѣждали человѣка, а въ настоящее время человѣкъ побѣждаетъ звѣрей. Въ наши дни быстраго прогресса къ правильнымъ методамъ во всякой дѣятельности только самый отъявленный пессимистъ рѣшается указывать на «доброе старое время», утверждать, что все тогда дѣлалось лучше, чѣмъ теперь, и что даже циркъ и другія общественныя развлеченія доставляли больше удовольствія, чѣмъ въ настоящее время. Немногія изъ отраслей дѣятельности могутъ похвалиться столь быстрыми успѣхами, какіе сдѣланы въ воспитаніи и дрессировкѣ дикихъ звѣрей ради назиданія и развлеченія публики. Естественно, конечно, что, съ развитіемъ знаній и опытности, обращеніе съ ними стало болѣе человѣчнымъ, и методы, по которымъ ихъ обучаютъ, подверглись самымъ радикальнымъ измѣненіямъ. Человѣкъ, дающій теперь представленіе съ животными, предпочитаетъ называть себя дрессировщикомъ, а не укротителемъ, и дѣйствительно онъ воспитатель въ полномъ значеніи этого слова. Онъ, безспорно, долженъ быть безстрашенъ, но долженъ также обладать магнитическими качествами, быстрой сообразительностью и живою симпатіею, характеризующими хорошаго наставника людей. И не лишенъ характерности тотъ фактъ, что дрессировщикъ животныхъ выбирается болѣе тщательно и получаетъ гораздо большее вознагражденіе, чѣмъ воспитатель людей. Кромѣ того за дрессировщикомъ еще то преимущество надъ школьнымъ учителемъ, что онъ самъ избираетъ себѣ учениковъ и всегда имѣетъ въ виду будущее. Дѣйствительно, самый важный факторъ въ достиженіи цѣльнаго, интереснаго зрѣлища — это выборъ животныхъ, которыя должны со-

Digitized by Google

ставить ядро представленія. Для этого всегда отдается предпочтеніе самымъ молодымъ и рожденнымъ въ неволѣ, если только физически они представляютъ собою очень хорошіе экземпляры своей породы, хотя доморощенные звѣри не многочисленны. За такихъ дѣтенышей удобнѣе приниматься, потому что они болѣе ручные и легче направить ихъ вниманіе. У нихъ нѣтъ того смотрящаго вдаль взгляда, полнаго тоски, который мы видимъ въ глазахъ льва, рожденнаго и выросшаго въ пустынѣ. Имъ никогда не приходилось убивать и наслаждаться ощущеніемъ трепещущаго въ ихъ когтяхъ тѣла.

Настоящій гипнотизеръ.

Какъ только дѣтенышъ въ состояніи ползать по своей клѣткѣ, дрессировщикъ знакомится съ нимъ, кормитъ его и доказываетъ ему, что онъ можетъ ожидать только ласки, если будетъ хорошо вести себя. Когда ему минетъ четыре-пять мѣсяцевъ, его начинаютъ обучать легкимъ фокусамъ: сидѣть на стулѣ, ложиться и вставать по приказанію, играть въ мячъ и т. п. Сперва дрессировщикъ отдаетъ все свое время одному животному, пока не почувствуетъ, что оно находится въ полной его власти. Тогда вводится старшее, вполнѣ дрессированное животное того же вида, — отчасти ради того, чтобы оно своимъ примѣромъ показало, какъ исполняются самые трудные фокусы, отчасти же для того, чтобы дѣтенышъ привыкъ дружить съ себѣ подобными. Не одинъ дрессировщикъ получалъ глубокіе и неизгладимые рубцы въ награду за то, что познакомилъ ихъ, и за желаніе примирить первыя разногласія между двумя будущими друзьями.

Самая трудная изъ всѣхъ задачъ — это пріучить звѣрей одного вида хотя бы выносить присутствіе въ той же клѣткѣ звѣрей другого вида, и нужны многіе мѣсяцы терпѣливыхъ стараній для того, чтобы вновь сформированное общество звѣрей-актеровъ захотѣло исполнить самое простое совмѣстное представленіе. Составъ такого общества долженъ быть заранѣе тщательно изученъ, такъ какъ методы обученія различны при каждой новой комбинаціи животныхъ. Заключительный спектакль одного изъ наиболѣе извѣстныхъ зрѣлищъ состоитъ изъ семи полярныхъ медвѣдей, пяти тигровъ, пяти львовъ, трехъ леопардовъ, трехъ слоновъ, собакъ различныхъ породъ, — отъ большого датскаго дога до пуделя, — изъ обезьянъ, гіенъ, тюленей и даже птицъ. Львы и тигры инстинктивно ненавидятъ другъ друга. Если бы они встрѣтились въ густой чащѣ лѣсовъ надъ окровавленной добычей, то воспослѣдовалъ бы смертельный бой, и даже рожденный въ циркѣ дѣтенышъ, повидимому, инстинктивно испытываетъ долю антипатіи своихъ прародителей. Если бы обезьяна позабыла прислушиваться къ малѣйшему звуку, когда она отдыхаетъ подъ деревомъ, то не услыхала бы легкаго, нѣжнаго шелеста листа подъ ползущей змѣей или приняла бы припавшаго къ землѣ леопарда за пятна отъ игры солнца и тѣни и никогда не узнала бы своей ошибки. Если дать волю большому догу, онъ будетъ охотиться на всѣхъ этихъ животныхъ, пока его охота не окончится ихъ или его смертью. Всѣ эти ощущенія проявляются въ звѣряхъ, дающихъ совмѣстное представленіе; но слѣдуетъ считаться со страхомъ и ненавистью, и опытный дрессировщикъ узнаетъ ихъ съ перваго же взгляда.

Здоровье звѣрей также составляетъ предметъ непрестанныхъ заботъ, и оно причиняетъ дрессировщику больше огорченій, чѣмъ для импрессаріо заботы о здоровьѣ его дорого стоющей оперной пѣвицы. Если акт-

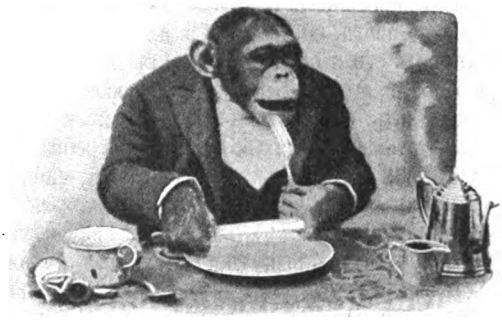
Digitized by Google

риса заболѣетъ, ея дублеръ можетъ тотчасъ же замѣнить ее; звѣри же актеры не имѣютъ дублеровъ, и отсутствіе какого-нибудь животнаго, даже его стула или подставки часто приводитъ въ замѣшательство всѣхъ исполнителей. Съ другой же стороны насильственное принужденіе больного животнаго исполнить свою роль превращаетъ иногда спектакль въ трагедію для дрессировщика; ибо, если онъ, хоть одинъ разъ, обернется спиною къ своимъ питомцамъ и будетъ искать спасенія въ бѣгствѣ, то онъ уже никогда больше не будетъ въ состояніи властвовать надъ ними; если же онъ останется, чтобы водворить порядокъ, то въ результатѣ могутъ оказаться серіозныя пораненія. Покажите хоть разъ животному, что вы его боитесь, и дисциплина нарушена; и, въ самомъ дѣлѣ, случай, когда дрессировщикъ убѣгаетъ или его спасаютъ помощники, такъ всегда дѣйствуетъ на его нервы, что, если бы онъ и захотѣлъ снова войти въ клѣтку, звѣри узнали бы, что онъ испугался ихъ, несмотря ни на какія его старанія это скрыть, и его власть надъ ними была бы утрачена. Случается, что дрессировщикъ упускаетъ нѣкоторыя мѣры предосторожности или дѣлаетъ ошибку. Многіе дрессировщики идутъ на большой рискъ, благодаря тому, что ихъ поразила красота какого-нибудь льва и они рѣшились во что бы то ни стало побѣдить его.

Почти всѣ животныя обладаютъ большимъ разсудкомъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Они возлагаютъ на кого слѣдуетъ отвѣтственность за испытанныя непріятности и питаютъ враждебное чувство еще долго послѣ того, какъ дрессировщикъ забылъ объ инцидентѣ, возбудившемъ ихъ. Однажды одинъ рачительный дрессировщикъ приказалъ своимъ помощникамъ разлучить льва и львицу, которыхъ онъ нѣсколько лѣтъ показывалъ вмѣстѣ. Циркъ долженъ былъ раздѣлиться на три отдѣленія для лѣтнихъ поѣздокъ, и дрессировщикъ вернулся на свою главную квартиру только черезъ пять мѣсяцевъ, и тогда онъ собралъ своихъ звѣрей для репетиціи совмѣстнаго представленія. Надѣвъ свой мундиръ, онъ открылъ желѣзную дверь, но, не успѣлъ войти въ клѣтку, какъ левъ прыгнулъ на него, и багровый рубецъ отъ плеча до локтя вѣчно будетъ свидѣтельствовать о томъ, что онъ осмѣлился разстроить семейное счастіе царя звѣрей.

Самымъ важнымъ факторомъ въ безопасности дрессировщика и въ успѣхѣ представленія является здоровье животныхъ, а послѣднее прямо зависитъ отъ пищи и моціона. Въ своемъ естественномъ состояніи дикій звѣрь убиваетъ, когда голоденъ, ѣстъ то, что ему пригодно и затѣмъ воздерживается отъ ѣды, пока снова не проголодается; но въ неволѣ онъ какъ-будто теряетъ свою разсудительность и, при удобномъ случаѣ, предается обжорству или же иногда умышленно моритъ себя голодомъ.

Въ особенности крупнѣйшія змѣи требуютъ бдительнаго надзора, чтобы онѣ не совершили самоубійства такимъ способомъ. Черезъ восемь-девять мѣсяцевъ послѣ того, какъ пиѳонъ ѣлъ въ послѣдній разъ, хозяинъ заготовляетъ ему дюжину или больше кроликовъ, которые привязываются къ



Утонченная цивилизація.

длиннымъ жердямъ. Съ ними нападаютъ на змѣю, пока она спитъ; тутъ часто происходитъ горячая стычка, пока пиѳонъ не покоренъ; тогда его челюсти насильно открываются при помощи рычага, и лакомая процессія насильно проталкивается въ его пасть.

Рѣдко можно пріучить пиѳона къ тому, чтобы онъ благосклонно относился къ обращенію съ нимъ человѣка. Если кажется, что онъ хорошо относится къ своему хозяину, это значитъ, что онъ коченѣетъ отъ холода и повышеніе температуры нарушаетъ обыкновенно его добродушіе. Необходимо большое число людей для того, чтобы заставить его принять самую необходимую помощь при сбрасываніи имъ прошлогодней кожи или допустить какую-нибудь другую деликатную операцію змѣиной хирургіи, которая бываетъ отъ времени до времени необходима для него. Можно было бы думать,

Digitized by Google

что когда онъ испытываетъ прожорливый голодъ, тогда легче его накормить, но это не всегда такъ. На прошлогодней американской выставкѣ былъ выставленъ безвременно погибшій и оплаканный Большой Питеръ, одинъ изъ крупнѣйшихъ пиѳоновъ въ неволѣ. Къ концу сентября онъ сталъ проявлять необыкновенную живость — вѣрный признакъ голода. Его хозяинъ поставилъ къ нему въ клѣтку, къ великому его восторгу, подростка-поросенка.

Обыкновенно животныя бываютъ порализованы страхомъ передъ громадной змѣею, собравшейся напасть, но не таковъ былъ поросенокъ. Онъ рѣшилъ дорого продать свою жизнь и, прежде чѣмъ Большой Питеръ успѣлъ сдѣлать прыжокъ, поросенокъ подбѣжалъ съ вызывающимъ пискомъ и запустилъ свои клыки въ затылокъ змѣи. Кольца свирѣпо извивались, между тѣмъ какъ поросенокъ трясъ своего тридцати-футоваго врага, но, наконецъ, имъ удалось захватить его и обвиться вокругъ него съ необычайною силою. Если бы поросенокъ издалъ хоть одинъ предсмертный пискъ, то выпустилъ бы своего врага; но, хотя ребра его трещали, онъ не разжималъ своихъ клыковъ, и змѣиныя кольца постепенно разжимались и, наконецъ, совсѣмъ распались. Тѣло мертваго поросенка выкатилось изъ нихъ, а рядомъ съ нимъ лежалъ вверхъ брюхомъ исполинъ пиѳонъ. Если бы владѣльцы цирка продали на это зрѣлище десять тысячъ билетовъ по доллару каждый, то тогда только покрыли бы утрату безвременно погибшаго Большого Питера.

Внѣ сцены дрессировщикъ ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ прочихъ людей. Онъ не увѣряетъ (развѣ только на пестрыхъ рекламахъ), что почувствовалъ въ себѣ замѣчательныя силы, убѣдившія его взяться за такую опасную профессію. Германъ Видонъ, одинъ изъ наиболѣе извѣстныхъ устроителей совмѣстныхъ представленій животными различныхъ видовъ, являетъ собою типъ дрессировщика. Онъ бѣжалъ изъ родительскаго дома въ Германіи, когда былъ еще совсѣмъ мальчикомъ и, прошатавшись нѣкоторое время, принужденъ былъ принять первое представившееся ему дѣло. Случилось такъ, что этимъ дѣломъ была черная работа въ звѣринцѣ. Онъ сталъ изучать животныхъ и освоился съ ними, позволяя себѣ постепенно все бо́льшія и бо́льшія вольности. Когда одинъ изъ дрессировщиковъ неожиданно вышелъ изъ компаніи, Видону представился случай заняться дрессировкой извѣстной группы звѣрей. Онъ доказалъ, что обладаетъ спокойными нервами и самоувѣренностью, столь необходимыми для хорошаго дрессировщика,—такъ какъ левъ всегда узнаетъ самохвала, больше разсчитывающаго на грубые пріемы, чѣмъ на дѣйствительныя способности. Видонъ вполнѣ отдался своей профессіи, и ничто не могло отвлечь его отъ намѣренія постепенно развивать разумъ животныхъ и придумывать болѣе трудные и показные фокусы. Въ Индіанополисѣ произошла трагедія, которая могла бы заставить человѣка задуматься надъ желательностью подобнаго рода работы. Одному изъ надсмотрщиковъ, Альберту Нейльсону, приказано было накормить нѣсколько львиныхъ щенковъ. Съ корзиною полною лакомыхъ кусочковъ онъ открылъ дверь одной изъ клѣтокъ и вошелъ въ нее. Черезъ нѣсколько минутъ вниманіе другихъ надсмотрщиковъ было привлечено ревомъ Раджи, большого бенгальскаго тигра; они бросились туда и увидѣли неузнаваемую кучу раскрошеннаго мяса, которую оберегалъ этотъ дикій звѣрь. Въ сосѣдней клѣткѣ щенки все еще ожидали свой кормъ.

Когда Видона спросили, не потрясъ ли этотъ инцидентъ его нервы, онъ спокойно отвѣтилъ: «Я никогда не ошибаюсь». И дѣйствительно онъ до того осмотрителенъ въ малѣйшихъ деталяхъ, что его нельзя убѣдить дотронуться до незнакомаго фоксъ-терьера. Онъ знаетъ въ отдѣльности каждое животное, и ему извѣстно, сколько можно себѣ позволить съ каждымъ изъ нихъ.

Однажды громадному, неуклюжему черному тибетскому медвѣдю, котораго никто бы не заподозрилъ въ ловкости, удалось ударить надсмотрщика, обязанность котораго заключалась въ томъ, чтобы открывать дверь изъ клѣтки на арену. Къ счастію, когти медвѣдя миновали шейную артерію надсмотрщика, но сломанная ключица и глубоко израненная рука научили его не позволять себѣ фамильярности, порождающей презрѣніе. Съ другимъ, болѣе свирѣпымъ экземпляромъ семейства медвѣдей Видонъ обращается крайне свободно; и, право, трогательно и вмѣстѣ съ тѣмъ уморительно видѣть усилія, съ какими этотъ тяжеловѣсный звѣрь старается выполнить свои уроки. Од-

Digitized by Google

нако же этотъ русскій сѣдой медвѣдь составляетъ исключеніе, и его хорошее поведеніе есть не болѣе какъ награда мистеру и миссисъ Видонъ за то, что они спасли ему жизнь. Прошлою зимою онъ сильно простудился, и у него очень быстро развилось воспаленіе легкихъ, кишекъ и почекъ. Онъ такъ страдалъ, что до него едва можно было дотрогиваться, но былъ слишкомъ слабъ, чтобы сильно протестовать. Въ самомъ сильномъ пароксизмѣ болѣзни Видонъ обворачивалъ его въ холодныя полотенца, и ему удалось даже заставить его переносить легкое растираніе. Затѣмъ уже не приходилось силою вливать въ него непріятныя лѣкарства. Если хозяинъ приказывалъ ему ихъ принять, то онъ проявлялъ только слабый протестъ и подчинялся. Очень долго ему становилось все хуже и хуже, пока не сошла вся шерсть съ его тѣла. Жена Видона сшила тогда Мишкѣ одежду, чтобы ему было тепло. Она также натирала его тѣло мазью, отъ которой постепенно выросла новая шуба, и въ настоящее время онъ самый примѣрный изъ всей школы ученикъ. Между медвѣдемъ и его хозяиномъ существуетъ взаимная любовь; если послѣднему случится увидѣть въ пищевомъ отдѣленіи какой-нибудь особенно отборный кусокъ мяса, онъ похищаетъ его изъ подъ носа комиссара и относитъ его своему любимцу.

Нѣкоторые звѣри совершенно изгнаны съ арены цирка,—между прочимъ американскій сѣдой медвѣдь. Сомнительно, существуетъ ли хоть одинъ примѣръ полнаго укрощенія этого звѣря. Самаго его названія «Ursus Horribilis» достаточно для того, чтобы предостеречь противъ оскорбленія его отшельническаго достоинства. Часто отдѣльные звѣри, братья и сестры которыхъ довольно охотно участвуютъ въ представленіяхъ, не поддаются вовсе дрессировкѣ; въ такомъ случаѣ или ихъ держатъ въ одиночномъ заключеніи на показъ, или же ихъ отдаютъ въ общественный зоологическій садъ, гдѣ легче мириться съ дурнымъ характеромъ. Тигръ Раджа, такой замѣчательно красивый экземпляръ, что владѣльцы все еще держатъ его у себя, не смотря на то, что онъ не только убилъ нѣсколько человѣкъ, но откусилъ даже лапу сосѣда—полярнаго медвѣдя, который дружески ему протянулъ ее. Но имъ пришлось отдѣлаться отъ нѣсколькихъ зловредныхъ слоновъ, изъ-за дурного вліянія которыхъ нельзя было справиться со всѣмъ этимъ тяжеловѣснымъ стадомъ.

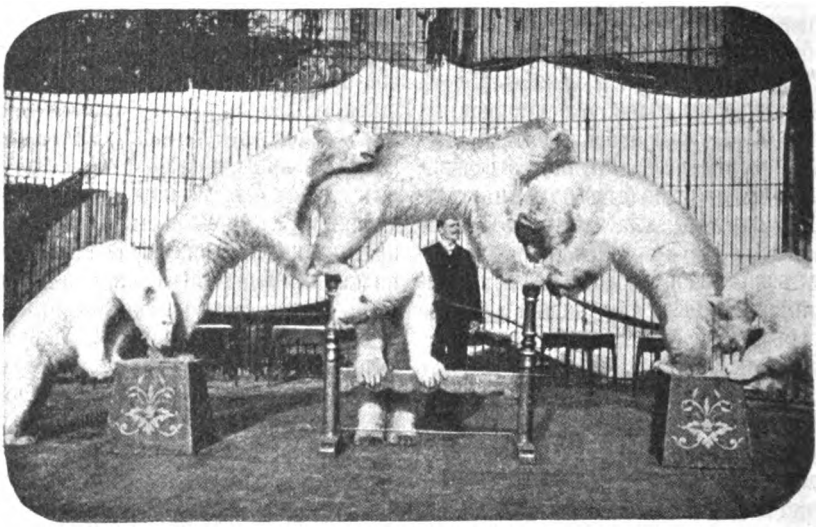
Иногда публика предаетъ остракизму какой-нибудь видъ дикихъ звѣрей, изъ которыхъ можно было бы выработать приличныхъ исполнителей. Гіены, напр., очень хорошія ученицы, и онѣ охотно обучаются разнымъ фокусамъ, но почему-то не нравятся публикѣ. Ихъ наружность, конечно, говоритъ противъ нихъ. У нихъ нѣтъ ни величія льва, ни легкой граціи тигра, ни достоинства медвѣдя. У нихъ видъ чего-то низкаго и подлаго и, если ревъ болѣе крупнаго звѣря приводитъ зрителя въ содроганіе, то сухой, неестественный смѣхъ гіэны только противенъ ему.

Нѣкоторые дрессировщики говорятъ, что образованіе труппы животныхъ-исполнителей похоже на составленіе труппы актеровъ-людей. Болѣе опытные должны помогать обученію вновь вступившихъ членовъ. Развивается и зависть между двумя исполнителями, и многіе изъ ихъ товарищей принимаютъ ту или другую сторону. Директоръ долженъ предотвращать это и развивать esprit de corps. Проявляются, конечно, эти чувства совершенно различно въ обоихъ классахъ актеровъ. Мелкая театральная зависть имѣетъ не болѣе страшныя послѣдствія, чѣмъ выше обыкновеннаго поднятый носикъ или же замѣчаніе относительно костюма или сценическаго таланта соперницы, между тѣмъ какъ на аренѣ зависть можетъ довести до полнаго замѣшательства. Духъ товарищества на аренѣ тоже не безупреченъ въ смыслѣ утонченности.

Вновь прибывшій бурый медвѣженокъ оказался столь смышленымъ, что его включили въ представленіе послѣ одной-двухъ репетицій. Онъ выходилъ изъ линіи въ процессіи, и при третьей такой провинности, старый полярный медвѣдь, бывшій такъ долго актеромъ, что забылъ о своихъ ледниковыхъ дняхъ, сурово нагнулся на своемъ пьедесталѣ и закатилъ тяжеловѣсную затрещину по уху виновнаго Мишки.

Очень немногіе владѣльцы крупныхъ цирковъ ловятъ звѣрей черезъ своихъ агентовъ. Организація ихъ предпріятія съ массою деталей,—рекламами, перевозкой и денежными оборотами, — поглощаетъ все ихъ время. Большинство звѣрей, находящихся нынѣ въ неволѣ, покупаются у торговцевъ, спеціально занимающихся этимъ. Одно изъ самыхъ

Digitized by Google



Арка изъ полярныхъ медвѣдей.

старыхъ учрежденій такого рода—учрежденіе Ямраха въ Гамбургѣ, въ которомъ внукъ первоначальнаго основателя ведетъ нынѣ это дѣло. Первый Ямрахъ былъ начальникомъ рѣчной полиціи въ этомъ городѣ, и его главная обязанность состояла въ томъ, чтобы осматривать приходящіе корабли. Онъ всегда любилъ животныхъ и постепенно скупалъ у капитановъ и экипажей обезьянъ различныхъ породъ, попугаевъ, а иногда и болѣе крупныхъ животныхъ. Наконецъ, Ямраху была предъявлена альтернатива, что или животныя или Ямрахъ должны занимать его домъ, и онъ, не желая съ ними разстаться, выстроилъ для нихъ особое помѣщеніе. Тогда его знакомые стали покупать у него животныхъ, и дѣло оказалось столь выгоднымъ, что онъ посвятилъ ему все свое время.

Вскорѣ другіе послѣдовали его примѣру, и конкуренція дотого стала свирѣпою, что купцы являлись на корабль раньше лоцмана, и каждый изъ нихъ имѣлъ шпіоновъ для того, чтобы слѣдить день и ночь за дѣйствіями другихъ. Въ концѣ концовъ Ямрахъ провелъ ихъ всѣхъ, пославъ своего сына въ Лондонъ, куда заходили всѣ корабли, идущіе съ тропиковъ, такъ какъ тогда не существовало еще Суэзскаго канала. Постепенно образовалась монополія, и въ настоящее время организація такъ совершенна, что о поимкѣ какого-нибудь рѣдкаго животнаго или птицы тотчасъ же телеграфируютъ въ главную квартиру со всѣхъ концовъ земного шара.

Въ этомъ промыслѣ, какъ и во всякомъ другомъ, требуется много предпріимчивости и дѣловыхъ способностей. Однажды одинъ купецъ, услыхавъ, что привезена большая змѣя, намѣревался отправиться на другое же утро посмотрѣть ее и дать высшую цѣну. Когда онъ вступилъ на корабль, капитанъ увѣдомилъ его, что змѣя уже продана нѣсколько часовъ тому назадъ за двѣнадцать фунтовъ. Купецъ чуть не упалъ въ обморокъ, что эта змѣя замѣчательно крупный экземпляръ сѣтчатаго пиѳона съ Явы,—одного изъ рѣдчайшихъ видовъ семейства змѣй. Онъ поспѣшилъ къ купившему ее и узналъ, что змѣя въ сущности уже запродана за сорокъ фунтовъ. Послѣ долгихъ переговоровъ спекуляторъ согласился уступить ее за болѣе высокую сумму, и купецъ поспѣшилъ уѣхать со своею покупкою.

Когда пойманы особенно рѣдкіе экземпляры, то часто бываетъ невозможно точно классифицировать ихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ случился очень забавный инцидентъ. Достопочтенный Вальтеръ Ротшильдъ, страстный любитель зоологіи и естественной исторіи, занимался изученіемъ рѣдкой породы птицы—казуаромъ и заказалъ Ямраху достать ему самца-казуара. Потративъ много денегъ, Ротшильдъ получилъ, наконецъ, птицу. Долго не было отъ него никакихъ вѣ-

Digitized by Google

стей кромѣ сообщенія о томъ, что казуаръ доставленъ, какъ вдругъ Ямрахъ. къ великому своему удивленію, получилъ слѣдующую лаконическую телеграмму: «Вашъ самецъ-казуаръ снесъ яицо».

Птица благоденствовала въ неволѣ и такъ часто клала яица, что уже не могло оставаться ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что она принадлежитъ къ прекрасному полу.

Въ крупномъ дѣлѣ по покупкѣ и продажѣ дикихъ звѣрей много денежнаго риска. Рискъ долженъ быть тщательно высчитанъ, и всегда слѣдуетъ помнить, что барышъ отъ продажи долженъ уравновѣсить убытокъ отъ смертей. Покупки часто совершаются на мѣстѣ ловли звѣрей, и покупщикъ беретъ на себя рискъ перевозки. Большую роль въ опредѣленіи цѣны играетъ то, какъ данное животное перенесетъ морское путешествіе. Но и послѣ благополучной доставки его, существуетъ постоянная опасность простуды или болѣзней. Убытокъ отъ смертей даже между животными, благополучно водворенными въ такомъ помѣщеніи, какъ звѣринецъ Ямраха въ Гамбургѣ, рѣдко бываетъ менѣе семисотъ или тысячи долларовъ въ мѣсяцъ. Часто бываетъ, что циркъ согласился купить, при условіи хорошаго барыша для агента, какой-нибудь рѣдкій экземпляръ, и во время переговоровъ предметъ купли-продажи умираетъ. Тогда остается только одно—изъ шкуры сдѣлать чучело, а мясо отдать плотояднымъ звѣрямъ, но такой барышъ не великъ сравнительно съ цѣнностью живого звѣря. Бываетъ, что львы, тигры и медвѣди съѣдаютъ тушу Цейлонскаго быка-карлика, стоившаго двѣсти долларовъ, а иногда ихъ обѣдъ равняется, по цѣнности, пирамъ древняго Рима, обезсмертившимъ имя Лукулла.

Трудно прослѣдить за внезапнымъ ростомъ, можно даже сказать за изобрѣтеніемъ представленія дикими звѣрями. Животныя составляли предметъ зрѣлищъ съ незапамятныхъ временъ, и они фигурировали въ литературѣ не менѣе, чѣмъ въ жизни; но нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ никто бы не подумалъ, что можно ихъ настолько дрессировать, чтобы они исполняли всякіе фокусы или чтобы можно было собирать въ одну группу звѣрей различныхъ видовъ.

Представленіе съ животными временъ короля Франциска, воспѣтое Ваунингомъ и Шиллеромъ, было совсѣмъ не то, что теперь. Тогда не дѣлалось никакихъ попытокъ управлять звѣрями, и придворные содрогнулись, когда дама, для испытанія своего возлюбленнаго, уронила перчатку на арену и взглядомъ бросила вызовъ храбрости своего рыцаря.

Можетъ быть, представленія съ животными развились благодаря внезапно возникшей популярности кафе-шантанныхъ представленій. Смѣшанное представленіе, для того чтобы быть привлекательнымъ, должно быть новымъ и оригинальнымъ, и директоры этихъ театровъ изъ кожи лѣзутъ, чтобы придумать что-нибудь, что уже не надоѣло публикѣ. Актеры-животныя—новость, и почти всѣ кафе-шантанныя сцены передаются болѣе или менѣе часто дрессировщику животныхъ.

Взаимное довѣріе.

Digitized by Google

Чаще всего даются представленія труппою дрессированныхъ собакъ, и эти представленія привлекательны потому, что, безъ сомнѣнія, самыя умныя штуки продѣлываются такой компаніей. Собаки часто понимаютъ людей лучше, чѣмъ люди сами себя понимаютъ, и онѣ отъ природы умнѣе дикихъ звѣрей. Есть нѣсколько извѣстныхъ дрессировщиковъ птицъ, задача которыхъ труднѣе задачи дрессировщиковъ собакъ, но и они даютъ интересныя представленія. Главными актерами являются попугаи разныхъ видовъ, и они исполняютъ очень сложныя штуки, какъ-то: бросаются съ миніатюрной пожарной машиной къ горящему игрушечному домику, поднимаются до верхнихъ оконъ и серіозно спасаютъ воробьевъ, канареекъ и другихъ несчастныхъ жильцовъ, между тѣмъ какъ ихъ товарищи исполняютъ настоящее пожарное ученіе и окончательно тушатъ пожаръ.

Но, какъ бы ни были умны штуки, продѣлываемыя мелкими животными и птицами, онѣ никогда не привлекаютъ той массы народа, которая толпится вокругъ покрытой опилками арены, на которой выступаютъ дикіе звѣри. Публика всегда цѣнитъ смѣлость. Зритель не только любуется хладнокровіемъ, присущимъ человѣку, который показываетъ дикихъ звѣрей, но онъ также представляетъ себѣ отвагу тѣхъ, кто захватилъ живыми этихъ обитателей дѣвственныхъ лѣсовъ и перевезъ ихъ къ настоящимъ ихъ владѣльцамъ; и популярность представленій съ животными врядъ-ли когда-нибудь ослабѣетъ.

Восѣдающій на тронѣ.

Digitized by Google

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ХРОНИКИ.

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Свэнъ Гединъ въ центральной Азіи. (Съ 2 рис.).

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Величайшій въ мірѣ крахъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

О драмахъ Пржибышевскаго.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Ткани изъ египетскихъ гробницъ. (По отчету знаменитыхъ раскопокъ A. Gayet). (Съ 8 рис.).

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Лучи Беккереля.— Питаніе туберкулозныхъ сахаромъ.— Опыленіе цвѣтовъ. (Новые труды Томаса Мигана — о вліяніи «сна» растеній и теплоты на опыленіе и полъ цвѣтовъ).

ИЗЪ АРТИСТИЧЕСКАГО МІРА.

Изъ мемуаровъ Сары Бернаръ.

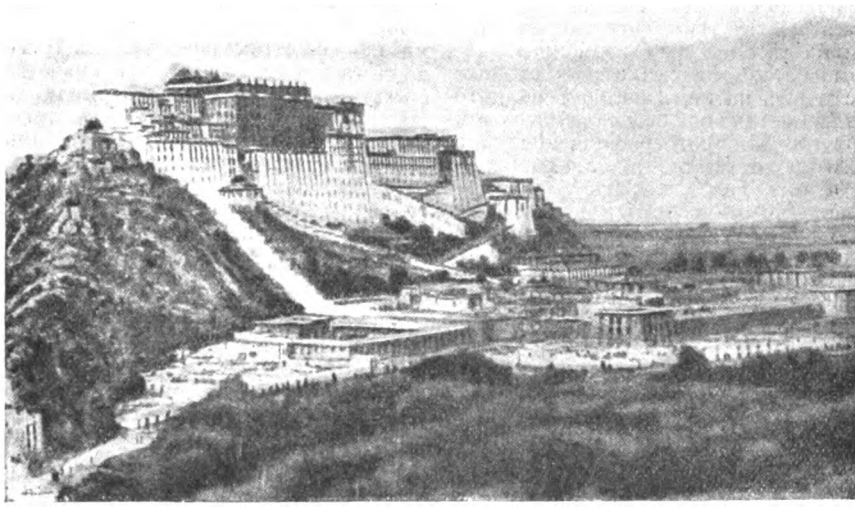
ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Въ сказочномъ краю. (Марокскій Шерифатъ).

EX LIBRIS.

Новости художественной литературы.

Digitized by Google



Священный городъ Лхасса. (Дворецъ Далай-Ламы).

НА СОВРЕМЕННЫЯ ТЕМЫ.

Свэнъ Гединъ въ центральной Азіи.

Немногіе изслѣдователи такъ обдуманно подготовляли себя для изслѣдованія, какъ молодой шведъ докторъ Свэнъ Гединъ, посвятившій себя послѣднія шестнадцать лѣтъ задачѣ заполнить многіе пробѣлы и исправить многія погрѣшности въ картѣ центральной Азіи.

Недавно онъ вернулся изъ своей второй научной экспедиціи и въ европейскихъ столицахъ теперь въ публичныхъ лекціяхъ знакомитъ географовъ съ результатами своихъ путешествій.

Интересно отмѣтить, что, когда онъ впервые составилъ планъ большого путешествія, его главнымъ намѣреніемъ было, подъ видомъ персіанина, проникнуть въ запретный городъ Лхассу. Къ счастію, ему посовѣтовали оставить это намѣреніе, которое должно быть предоставлено искателю сильныхъ ощущеній, а отдаться всецѣло труду изслѣдованія.

Передъ отъѣздомъ изъ Стокгольма, 27-го іюня 1899 г., онъ въ общихъ чертахъ набросалъ планъ своихъ дѣйствій. Онъ долженъ былъ отправиться прямо въ Кашгаръ и, начиная съ этого города, предполагалъ составить удовлетворительную карту Яркендъ-Дарьи, надѣясь прибыть въ Лобъ-Норъ осенью того же года. Онъ долженъ былъ остаться тамъ всю зиму и сдѣлать обзоръ области, чтобы опредѣлить, на какомъ мѣстѣ находилось это непонятное озеро въ прежнія времена. Онъ долженъ былъ разслѣдовать и нанести на карту прежнія русла Кумъ-Дарьи, Котекъ-Тарима и Черченъ-Дарьи. Главною его квартирою былъ намѣченъ Абдалъ, гдѣ, въ его отсутствіе, во время экскурсій, должны были производиться правильныя наблюденія съ барографомъ и термографомъ. Лѣтомъ 1900 г. онъ долженъ былъ путешествовать въ сѣверномъ Тибетѣ для геологическихъ наблюденій и коллекцій. Онъ надѣялся добраться до имѣющей большое значеніе горной цѣпи Гангри и провести зиму на высотѣ болѣе 16.000 футовъ, чтобы изучить тибетскій климатъ въ эту пору года. Весною 1901 г. онъ долженъ былъ перейти черезъ Тибетъ въ Индію.

Докторъ Гединъ оставался въ Кашгарѣ настолько, насколько то было необходимо

Digitized by Google

для того, чтобы собрать все необходимое для путешествія. Изъ Кашгара онъ отправился въ Лаиликъ на рѣкѣ Яркендъ, гдѣ онъ купилъ одинъ изъ большихъ паромовъ, употребляемыхъ для перевозки каравановъ черезъ рѣку. Онъ устроился на этомъ паромѣ насколько возможно было, при данныхъ обстоятельствамъ, удобнѣе. Онъ устроилъ на немъ палубу, на которой была поставлена его палатка, и темную каютку для фотографическихъ цѣлей. Его люди жили въ задней части судна, а онъ самъ сидѣлъ у отверстія своей палатки за столомъ и чертилъ прекрасную карту рѣки, занимающую около шестидесяти большихъ листовъ. На путешествіе это пошло три мѣсяца, и онъ устроился такъ, что дошелъ до Янъ-Джи-Кула прежде, чѣмъ на ней сталъ ледъ. Онъ пишетъ: «Я никогда не совершалъ болѣе прекраснаго путешествія, — болѣе пріятнаго и болѣе богатаго достигнутыми, въ столь сравнительно короткое время, результатами. Чудно было сидѣть въ тѣни палатки и рисовать карту, между тѣмъ какъ судно шло по теченію и давало мнѣ возможность составить самую подробную карту, какая когда-либо была снята съ какой бы то ни было рѣки внѣ Европы».

Докторъ Гединъ оставался на зиму у Янъ-Джи-Кула, гдѣ нашелъ свой караванъ, который шелъ изъ Кашгара по большой дорогѣ, ведущей черезъ Аксу и Карла. Послѣ десятидневнаго отдыха, во время котораго его посѣтилъ французскій путешественникъ Бонэнъ, онъ выступилъ съ четырьмя только людьми и семью верблюдами, черезъ внушающую ужасъ Такле-Маканскую пустыню, въ Черченъ. На этотъ переходъ потребовалось двадцать дней, и во все это время они ничего не видѣли вокругъ себя, кромѣ песка. Однако жъ докторъ Гединъ не претерпѣлъ тутъ такихъ печальныхъ послѣдствій, какъ въ первое свое путешествіе, такъ какъ потерялъ одного только верблюда. Изъ Черчена онъ сдѣлалъ экскурсію въ Андере, и, возвращаясь по старымъ русламъ Черченъ-Дарьи и нѣсколькимъ вновь образовавшимся рукавамъ Яркендъ-Дарьи, онъ достигъ своей зимней квартиры послѣ шестидесятишестидневнаго отсутствія. Онъ говоритъ, что почти все это путешествіе было совершено по абсолютно неизвѣстнымъ мѣстностямъ. Тутъ слѣдуетъ упомянуть, что его караванъ сопровождалъ конвой изъ четырехъ казаковъ, данный ему по приказанію Русскаго Императора.

14-го мая 1900 г. докторъ Гединъ снова пишетъ изъ Янги-Киль, что онъ только-что вернулся изъ новаго ряда путешествій, давшихъ самые богатые результаты въ смыслѣ открытій и наблюденій. 5-го марта онъ отправился въ горную цѣпь Куррукъ-Тагъ, а на югъ отъ нея пошелъ вдоль стараго русла Кумъ-Дарьи, которое раньше посѣтилъ русскій путешественникъ Козловъ. Велико было удовольствіе доктора Гедина, когда онъ увидалъ, что это старое русло ведетъ къ старому озеру, нынѣ высохшему, которое смѣло можно было принять за прежній Лобъ-Норъ, чѣмъ подтверждалось его мнѣніе, раздѣляемое барономъ Рихтгофеномъ (вопреки мнѣнію русскихъ географовъ) о перемѣнахъ, происшедшихъ въ системѣ Лобъ-Нора. На берегу этого бывшаго озера онъ нашелъ развалины города съ художественными скульптурными работами изъ дерева и старою дорогою съ грубыми пирамидами. Онъ сдѣлалъ и другое интересное открытіе, на разстояніи одного дня пѣшаго пути на сѣверъ отъ Кара-Кошуна, въ видѣ большого вновь возникшаго озера, образованнаго новымъ рукавомъ рѣки Тарима, съ направленіемъ на востокъ черезъ старое русло Шерджи-Чангана. Естественно, что докторъ Гединъ получилъ удовлетвореніе, такъ какъ его теорія о гидрографіи этой области, которую онъ обнародовалъ въ своей книжкѣ «Черезъ Азію», съ большими подробностями въ отчетѣ о научныхъ результатахъ, оказалась фактомъ.

Передъ своимъ отправленіемъ въ слѣдующее путешествіе 27-го іюня 1900 г., докторъ Гединъ упоминаетъ, что въ теченіе десяти мѣсяцевъ онъ написалъ тысячу триста большихъ страницъ географическихъ описаній, двѣсти страницъ астрономическихъ наблюденій, въ томъ числѣ въ сорока окончательно опредѣленныхъ пунктахъ, и сто страницъ метеорологическихъ наблюденій съ 13.996 случаями. Его карты, составленныя до этого времени, занимаютъ 305 листовъ, изъ которыхъ на нѣкоторыхъ нанесено два и болѣе пути, и почти всѣ сдѣланы съ неизвѣстныхъ областей. У него было много сотенъ фотографическихъ снимковъ и эскизовъ, большія коллекціи растеній и насѣкомыхъ, образцы скалъ, древняя рѣзьба по дереву, много разсказовъ, слышанныхъ отъ туземцевъ, много справокъ, относящихся къ этимологіи географическихъ названій, и много другого матеріала. Все это было увеличено за лѣто 1900 г.

Вернувшись изъ области Лобъ-Нора въ Янжи-Кулъ по новой и интересной дорогѣ, докторъ Гединъ продолжалъ путь внизъ по рѣкѣ на своемъ большомъ паромѣ до Чеггелика, гдѣ паромъ оказался слишкомъ великъ для маленькихъ озеръ Кара-Буранъ и былъ замѣненъ обыкновенными лодками. Въ нихъ путешествіе было совершено до Абдала. Изъ Абдала докторъ Гединъ отправился съ частью своего каравана въ Чименъ-Тагъ, гдѣ находилась значительное время главная часть каравана. Немного южнѣе озера Гашъ онъ устроился лагеремъ въ роскошной горной области Мандарликъ. Съ караваномъ, состоявшимъ изъ шести человѣкъ, семи верблюдовъ, двѣнадцати лошадей, одного

Digitized by Google

мула и шестнадцати овецъ, онъ двинулся на югъ черезъ Арра-Тагъ, Калта-Арлаганъ и Арка-Тагъ, затѣмъ немного на юго-востокъ прежде, чѣмъ повернуть на западъ, потомъ онъ продолжалъ свой путь по сѣверо-западному направленію, сѣверному и, наконецъ, повернулъ на востокъ обратно въ Темирликъ. Это послѣднее путешествіе привело его въ сѣверный Тибетъ. Онъ прошелъ около 965 миль и въ теченіе своего путешествія прибавилъ около 200 листовъ къ своей картѣ, сдѣлалъ значительное число астрономическихъ, метеорологическихъ, гипометрическихъ, гидрографическихъ и другихъ наблюденій, въ томъ числѣ измѣрилъ высоты многихъ высокихъ горъ и сильно увеличилъ свои геологическія и ботаническія коллекціи, и, кромѣ того, прибавилъ, къ прежде имѣющимся, много фотографическихъ снимковъ и эскизовъ. Путешествіе было до крайности тяжелое и причинило величайшія страданія тѣмъ, кто принималъ въ немъ участіе. Не изъ послѣднихъ были страданія, причиняемыя сильнымъ холодомъ.

Однако же докторъ Гединъ недолго отдыхалъ по возвращеніи своемъ въ Темирликъ. Въ послѣднемъ письмѣ отъ него, написанномъ 23-го апрѣля 1901 г. изъ Чарклика, города, расположеннаго на рѣкѣ Черче недалеко отъ Абдала, на юго-западъ, онъ говоритъ, что въ началѣ ноября истекшаго года онъ снова отправился къ большому Кумкулу, горной цѣпи, лежащей, повидимому, на западъ отъ Темирлика. Черезъ эти горы докторъ Гединъ былъ въ состояніи перевалить тремя линіями, дѣлая по пути измѣренія и прочія тщательныя наблюденія. Такимъ образомъ былъ заполненъ еще одинъ пробѣлъ на картѣ центральной Азіи, такъ какъ до тѣхъ поръ ничего не было извѣстно объ этой области. Но эта экскурсія была сравнительно короткою, и, черезъ мѣсяцъ, докторъ Гединъ уже вернулся въ Темирликъ, и сталъ дѣятельно готовиться къ путешествію, главная цѣль котораго было прежнее русло озера на сѣверъ отъ Кара-Комуна. Докторъ Гединъ надѣялся, и не напрасно, какъ мы это увидимъ, добыть важныя данныя раскопками между развалинами на сѣверномъ берегу этого бывшаго озера и измѣреніями по линіи отъ развалинъ къ сѣверной оконечности Кара-Кошуна. Сильно увлеченный своею работою, докторъ Гединъ съ большимъ рвеніемъ выступилъ изъ Темирлика 12-го декабря 1900 г. въ сопровожденіи девяти человѣкъ и тщательно подготовленнаго каравана изъ одиннадцати верблюдовъ и девяти лошадей.

Свэнъ Гединъ.

Digitized by Google

Однако же онъ не имѣлъ намѣренія направиться прямо на Лобъ-Норъ, онъ намѣренъ былъ сдѣлать крюкъ къ востоку, черезъ горы и пустыню, дѣлая, само собою разумѣется, по пути, тщательныя измѣренія.

Въ Темирликѣ, докторъ Гединъ былъ на югѣ отъ дороги, по которой, въ 1893 г., слѣдовалъ Литтльдэль, когда этотъ спортсмэнъ и изслѣдователь совершилъ свое хорошо извѣстное путешествіе отъ Батума до Пекина. Но, пролагая свой путь на сѣверо-востокъ, по неровной горной дорогѣ, по которой очень трудно было идти, докторъ Гединъ бросилъ линію пути Литтльдэля въ мѣстѣ, которое онъ называетъ Ханамбалъ и которое должно быть не что иное, какъ Намамбалъ по картѣ Литтльдэля. Изъ Ханамбала докторъ Гединъ сдѣлалъ небольшую экскурсію въ горы Анамбаръ-ула, которыя, по существующимъ картамъ, составляютъ одно изъ звеньевъ, соединяющихъ Алтынъ-Тахъ и горы Нань-Шань и которыя докторъ Гединъ описываетъ, какъ «великолѣпныя».

По возвращеніи въ Ханамбалъ, докторъ Гединъ снова направился по главной линіи своего маршрута и началъ путешествіе, оказавшееся очень тяжелымъ. Путь шелъ сначала черезъ пустыню, лежащую на сѣверѣ, затѣмъ черезъ часть горъ Коррукъ-Тахъ. На третій день послѣ того, какъ онъ свернулъ съ дороги Литтльдэля, караванъ перешелъ черезъ небольшой слой снѣга, и это было счастіемъ. За исключеніемъ этого снѣга, путешественники въ теченіе двѣнадцати дней не видѣли ни одной капли воды, ни малѣйшаго признака чего-нибудь, могущаго замѣнить воду. Если бы не облегченіе, доставленное этимъ снѣгомъ, верблюды неизбѣжно бы пали; и, дѣйствительно, они едва могли выдержать до мѣста, гдѣ была, наконецъ, найдена вода. Но не даромъ отважный маленькій караванъ претерпѣлъ всѣ невзгоды. Докторъ Гединъ нашелъ, что существующія карты очень невѣрны для всей мѣстности, черезъ которую онъ прошелъ, и теперь онъ имѣлъ возможность во многомъ исправить ихъ.

При помощи карты, составленной имъ весною 1900 г., когда онъ открылъ то, что принялъ за прежній Лобъ-Норъ, доктору Гедину легко было найти развалины города на сѣверномъ берегу озера. Здѣсь онъ пробылъ недѣлю, ревностно занимаясь раскопками въ развалинахъ, фотографированіемъ, собираніемъ образцовъ деревянной рѣзьбы и различныхъ рѣдкостей и составленіемъ плановъ строеній и вообще всего города. Увлекательная то была задача, — это раскапываніе остатковъ большого города, когда-то населеннаго народомъ, достигшимъ высокой степени цивилизаціи, но уже въ продолженіе многихъ столѣтій погребеннаго подъ песками пустыни. Нѣкоторыя изъ вынутыхъ рѣдкостей замѣчательно сохранились. Не только осталась цѣла бумага двѣнадцати полныхъ китайскихъ писемъ, но и самое писаніе не было разрушено и можно было легко разобрать каждую букву. Эти письма самое, можетъ быть, удивительное изъ всѣхъ открытій. Другая, интересная находка—была дощечка съ китайскими буквами—«нѣчто въ родѣ ярлыка», пишетъ докторъ Гединъ; «на каждомъ изъ нихъ стояло имя императора, годъ его царствованія и даже мѣсяцъ и день. Возможно ли желать болѣе точнаго опредѣленія времени? Одинъ «siah» читалъ здѣсь (въ Чарлыкѣ) нѣкоторыя изъ нихъ и опредѣлилъ, что имъ восемьсотъ лѣтъ». Среди развалинъ стоялъ еще прекрасный буддистскій храмъ, и деревянная рѣзьба внутри его оказалась въ высшей степени художественною, какъ по качеству, такъ и по рисунку. Одно изъ этихъ рѣзныхъ произведеній изображало большую рыбу, а въ одномъ изъ домовъ найдено было много рыбьихъ костей, точно такихъ, какія въ настоящее время можно найти въ рыбѣ озера Кара-Кошунъ. Докторъ Гединъ побѣдно упоминаетъ объ этихъ фактахъ, какъ клонящихся къ подтвержденію его взглядовъ относительно вопроса о Лобъ-Норѣ. Въ храмѣ была также найдена фигура Будды, вырѣзанная въ деревѣ, и кусочекъ дерева величиною въ половину листка памятной книжки, на которомъ была надпись тибетскими буквами. Въ одномъ изъ китайскихъ писемъ городъ названъ Ло-лэнъ и упоминается о большой дорогѣ отъ Ло-лэна до Сашу.

Интересно сравнить эти открытія съ первыми открытіями, сдѣланными докторомъ Гединомъ въ Маканской пустынѣ во время его первой экспедиціи. Мы уже упомянули о томъ, что докторъ Гединъ, во второе свое путешествіе черезъ пустыню, открылъ два погребенныхъ города. До перваго города, извѣстнаго у туземцевъ подъ названіемъ Такла-Маканъ, караванъ дошелъ на пятый день послѣ своего выхода изъ Хотана, и городъ этотъ лежитъ на полпути между Хотанъ-Дарья и Керійя-Дарья. Развалины совершенно не такія, какія докторъ Гединъ осматривалъ раньше въ восточномъ Туркестанѣ. Тутъ были остатки домовъ, но всѣ они, какъ оказывалось, были построены изъ дерева, а не изъ глины. Храмъ, развалины котораго попались на глаза изслѣдователю, былъ, повидимому, воздвигнутъ въ честь Будды, какъ и тотъ, который докторъ Гединъ нашелъ за годъ передъ тѣмъ въ разрушенномъ городѣ на сѣверномъ берегу прежняго Лобъ-Нора. Какъ этотъ городъ, такъ и Такла-Маканъ, стояли, повидимому, въ обильно-орошенной странѣ. Найдены были на стѣнахъ храма изображенія судовъ, качающихся на волнахъ, а «между песчаными дюнами было

Digitized by Google

нѣсколько слѣдовъ прежнихъ садовъ. Пни обыкновенныхъ тополей стояли рядами, указывая направленія бывшихъ аллей. Не было недостатка и въ указаніяхъ, что тутъ успѣшно произрастали абрикосовыя и сливовыя деревья». Предполагаютъ, что городъ стоялъ когда-то на берегу Керійя-Дарьи и былъ орошаемъ многочисленными искусственными каналами. Теперь остались отъ него однѣ развалины, погребенныя подъ песками пустыни и очень далекія отъ окраинъ цивилизаціи; но въ то время «роскошные лѣса, съ шелестившими отъ дуновенья вѣтерка листьями, стояли такъ, какъ они теперь стоятъ у береговъ существующей нынѣ Керійя-Дарьи; и въ жаркіе лѣтніе дни густолиственныя абрикосовыя деревья давали жителямъ прохладную тѣнь. Рѣки были достаточно обильны водой, чтобы приводить въ движеніе мельничные жернова. Тутъ было производство шелка и процвѣтали садоводство и промышленность. Народъ, жившій тутъ, очевидно умѣлъ украшать свои жилища со вкусомъ и художественнымъ чутьемъ». Городъ, обильные остатки котораго открылъ нынѣ докторъ Гединъ въ области Лобъ-Нора, легко могъ представлять такую картину мира и благоденствія.

Докторъ Гединъ, конечно, въ восторгѣ отъ того, что онъ былъ въ состояніи сдѣлать такія интересныя открытія, но онъ еще болѣе доволенъ тѣмъ, что тщательныя измѣренія прежняго русла озера и мѣстности между нимъ и сѣверною оконечностью озера Кара-Кошунъ дали въ точности тѣ результаты, которые онъ предугадалъ и которые должны были получиться, если его теорія, раздѣляемая барономъ Рихтгофеномъ, вѣрна. Долго шли пререканія между тѣми, кто поддерживалъ теорію Пржевальскаго въ рѣшеніи вопроса о Лобъ-Норѣ, и тѣми, кто утверждаетъ, что Лобъ-Норъ Пржевальскаго, иначе извѣстный какъ озеро Кара-Кошунъ, не занимаетъ мѣстоположенія Лобъ-Нора древнихъ, а другое, совершенно отличное отъ него, куда перенеслись воды этого озера въ теченіе вѣковъ. Докторъ Гединъ думаетъ, что онъ рѣшилъ этотъ вопросъ разъ навсегда. Онъ произвелъ съёмку на сѣверъ и на югъ отъ развалинъ къ сѣверной оконечности озера Кара-Кошунъ. Онъ нашелъ, что развалины лежатъ на семь съ половиною, приблизительно, футовъ надъ уровнемъ Кара-Кошуна, которое, въ свою очередь, находилось приблизительно на той же высотѣ надъ самымъ нижнимъ пунктомъ нынѣ пустого русла на югъ отъ развалинъ. Между руслами обоихъ озеръ почва подымается, но воды Кара-Кошуна находятъ теперь выходъ назадъ къ прежнему руслу озера черезъ выпуклости почвы пустыни, и рукавъ Кара-Кошунъ, который такъ сильно выступаетъ, настолько быстро двигался къ сѣверу во время посѣщенія доктора Гедина, что опасно было располагаться лагеремъ на его берегахъ.

Таковъ краткій отчетъ того, что докторъ Гединъ сдѣлалъ въ области Лобъ-Нора,—очень краткій, такъ какъ онъ пишетъ, что матеріалъ, собранный имъ только здѣсь, наполнилъ бы цѣлый томъ и что онъ и самъ не можетъ еще дать полную оцѣнку этого матеріала, пока не разсмотритъ его вмѣстѣ съ выдающимися учеными. Что же касается до общаго объема матеріала, собраннаго докторомъ Гединомъ до дня, въ который онъ пишетъ, то онъ говоритъ, что даже тогда, менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ отъѣзда изъ Европы, число его картъ и научныхъ замѣтокъ было вдвое больше всѣхъ собранныхъ имъ въ первую его экспедицію, въ теченіе четырехъ лѣтъ. Онъ составилъ 150 большихъ листовъ и почти въ четверо больше — малыхъ. Если докторъ Гединъ въ состояніи будетъ исполнить свое желаніе и, по своемъ возвращеніи, издастъ ихъ въ большомъ атласѣ изъ шестидесяти или семидесяти листовъ, то мало будетъ частей Азіи, о которыхъ мы будемъ имѣть столь подробное картографическое понятіе, за исключеніемъ развѣ размежеванной Индіи.

Намъ трудно представить себѣ условія жизни въ такомъ государствѣ, въ которомъ одна часть можетъ быть потрясена борьбою чуть-ли что ни на жизнь и смерть, между тѣмъ какъ до другой не доходятъ и слухи объ этой борьбѣ. Между тѣмъ, вотъ что пишетъ докторъ Гединъ весною 1901 г.:

«Я былъ очень удивленъ, когда прочиталъ о китайской войнѣ. Я ничего не зналъ о ней, пока, вернувшись сюда нѣсколько дней тому назадъ, не нашелъ письма отъ короля Оскара, отъ нашего (шведскаго) министра иностранныхъ дѣлъ и нѣсколькихъ друзей, предостерегающихъ меня, чтобы я не подвергалъ себя опасности испытать китайскія жестокости. А теперь и вы пишете, что опасаетесь, не придется ли мнѣ покинуть Небесную имперію и вернуться въ Европу. О, нѣтъ, это вовсе не такъ опасно, но я понимаю, что издалека можетъ показаться очень опаснымъ жить именно теперь въ самомъ центрѣ Срединной имперіи. Въ этомъ маленькомъ городкѣ всего пятнадцать китайцевъ, но у меня четыре казака и китайцы очень боятся насъ и тотчасъ же исполняютъ все, что я приказываю,—снабжаютъ меня верблюдами, лошадьми, провизіей и пр. Въ Тибетскихъ же горахъ, какъ вы знаете, нельзя найти ни одного китайца».

Digitized by Google

Величайшій въ мірѣ крахъ.

«Война родитъ героевъ и ассигнаціи!»

Люди все быстро забываютъ. Крахъ католическаго банка, Бонту, или многомилліонная растрата австрійской сберегательной кассы, 30-милліонное мошенничество Эмберовъ, послѣдній рижскій крахъ, дѣла Мамонтова и Алчевскаго—вотъ величайшія финансовыя катастрофы XIX и XX вѣковъ. И всѣ умы полны ими. А между тѣмъ я сейчасъ набросаю небольшую картину величайшаго краха, какой переживало человѣчество когда-либо съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ финикіане, вмѣсто взятыхъ товаровъ и золота, стали выдавать своимъ кредиторамъ записи, начерченныя на кожѣ, замѣнявшія всѣ наши векселя и денежные бумажные знаки.

«Ассигнаціи»... Мало кто теперь помнитъ эти плохо отпечатанные клочки тонкой бумаги, которыми наполняли свои кофры и шкатулки наши дѣды въ концѣ XVIII-го столѣтія. И въ Россіи, особенно послѣ нашествія Наполеона, выпустившаго въ обращеніе на милліоны рублей этихъ «русскихъ денегъ», ассигнаціи всегда стояли низко на денежномъ рынкѣ и цѣнились едва-ли въ четверть своей номинальной стоимости. Но кое-какъ удалось странѣ справиться съ такимъ зломъ.

Между тѣмъ во Франціи перепроизводство бумажныхъ денегъ, не обезпеченныхъ соотвѣтственнымъ запасомъ дѣйствительныхъ цѣнностей, металломъ или чѣмъ инымъ, породило бѣдствіе, равнаго которому не переживала ни одна страна въ мірѣ, привело къ неслыханному еще до тѣхъ поръ «національному банкротству».

И теперь, порою, государство въ трудныя минуты совершаетъ такъ называемыя конверсіи. Вмѣсто обѣщанныхъ 4—5% за сто рублей, отданныхъ въ долгъ казнѣ, выдаютъ 3—4% и обмѣниваютъ прежніе билеты на новые, выигрывая при этомъ большія сбереженія. Такимъ образомъ три страны: Франція, Германія и Англія, скостивъ только полпроцента по своимъ долговымъ обязательствамъ, нажили въ теченіе послѣднихъ лѣтъ XIX столѣтія до двухъ съ половиной милліардовъ рублей (7 милліардовъ франковъ).

Между тѣмъ, когда на смѣну низвергнутымъ французскимъ королямъ-расточителямъ пришла великая революція 1790 года, и были пущены въ ходъ ассигнаціи, чтобы хоть какъ-нибудь помочь странѣ, раззоренной до тла, въ концѣ концовъ пришлось конвертировать не проценты изъ большихъ на меньшіе, а уничтожить всю сумму капитальнаго долга, неисчислимое количество денегъ, ввѣренныхъ народомъ республиканской казнѣ.

Ассигнаціи, о которыхъ будетъ рѣчь, выпускались различныхъ достоинствъ: отъ 10.000 франковъ (3.700 р.) до 10 су, или 19 к. по нынѣшнему курсу.

Это были самымъ простымъ, типографскимъ способомъ, оттиснутые клочки бумаги. Сверху красовалось: Hypothèque sur les Domaines Nationaux (Обезпечены достояніемъ всего народа). Дальше: La Loi punit de mort le contrefacteur (Законъ караетъ поддѣлывателей смертью) и La Nation recompence le denonciateur (Доносчикамъ полагается награда отъ государства).

Ассигнаціи эти, одинъ изъ самыхъ трагическихъ эпизодовъ французской исторіи, народились въ силу исключительныхъ обстоятельствъ. Два Людовика: XIV и XV привели богатѣйшую, счастливую страну на край нищеты и гибели. Въ 1774 году воцарился юный, несчастный и добросердечный король, Людовикъ XVI, и пытался было развязать гордіевъ узелъ зла, ловко сплетенный его двумя пред-

Digitized by Google

шественниками. Но приближенные, которымъ выгодно было ловить рыбу въ мутной водѣ, особенно государственный контролеръ Колонъ, такъ затемнили дѣло, что, въ видѣ послѣдняго средства, пришлось созвать «государственные штаты», для упорядоченія финансовъ. И вотъ, 5 мая 1789 г. открылись засѣданія Національнаго законодательнаго собранія, столь чреватыя разными гибельными послѣдствіями и для династіи и для страны.

Главнымъ денежнымъ факторомъ казны была «Учетная касса». У нея давно ужъ существовало преимущественное право выпускать банкноты, теперешнія «кредитки». Привилегіи этому учрежденію отъ казны были даны огромныя. Но отчаянное положеніе дѣлъ вынудило банкъ отказать въ дальнѣйшемъ снабженіи золотомъ національныхъ казначействъ.

Пришлось не принимать отъ публики вклады, какъ было раньше, а платить и платить по своимъ банкнотамъ безъ конца.

Займовъ нигдѣ заключить не удавалось, и надо было казнѣ прибѣгнуть къ какимъ-либо отчаяннымъ средствамъ для отклоненія полнаго банкротства.

Чрезвычайные, разорительные для обывателей, налоги и пошлины, граничащіе съ контрибуціонными поборами, не помогали. Единственное спасеніе могли дать тѣ богатѣйшія земли, которыя до сихъ поръ считались «церковнымъ имѣніемъ», стоили до двухъ милліардовъ ливровъ (до 20 милліардовъ рублей) и приносили ежегодно въ рукахъ дѣятельныхъ монаховъ и ксендзовъ до 24 милліоновъ рублей чистаго дохода.

Кромѣ того всему католическому клиру приносила 130 милліоновъ ежегодно особая подать, такъ называемая «десятина». 30.000.000 тратили попы на расходы представительства, а сто милліоновъ остальныхъ проживали сами аббаты и пріоры, во славу Божію. Государству платили всѣ клирики только милліона полтора рублей въ видѣ разныхъ облегченныхъ пошлинъ.

Архіепископъ Тулузскій, графъ де-Бріеннъ, года два тому назадъ, занимая постъ министра финансовъ, совѣтовалъ духовенству: добровольно придти на помощь государству, пока нужда не заставляетъ все отобрать у поповъ. Его не послушали.

И вотъ 10 октября 1789 г. другой князь церкви, епископъ Оттэнскій, впослѣдствіи знаменитый дипломатъ Талейранъ, внесъ предложеніе: всѣ церковныя и монастырскія земли взять въ казну. Уже 2 ноября была принята формула Мирабо, гласившая: «Всѣ церковныя владѣнія переходятъ въ распоряженіе государства».

Настала зима. Денежный голодъ усилился, особенно когда министру финансовъ, Некеру, пришлось истратить 17 милліоновъ франковъ (около 6 милл. р.) на закупку зерна для голодающихъ массъ, сбѣжавшихся въ Парижъ, да ежемѣсячно надо было платить рабочимъ въ пресловутыхъ «Національныхъ» мастерскихъ до 360.000 фр. (120.000 р.).

Знаменитое постановленіе Національнаго собранія отъ 4 августа 1790 г., отмѣнивъ «вольности дворянства» и большинство какъ прямыхъ, такъ и косвенныхъ налоговъ, подрѣзало окончательно крылья государственному хозяйству.

Для поправки дѣла 19 декабря было голосовано о продажѣ церковныхъ земель на 400.000,000 фр. (133 мил. рубл.). 14 и 17 апрѣля — окончательно постановлено рѣшеніе о продажѣ церковныхъ и коронныхъ, королевскихъ земель, какъ перешедшихъ въ собственность всего народа. Издержки по богослуженію правительство принимало отнынѣ на себя. Подъ обезпеченіемъ земель, которыхъ рѣшено было продать на 400 милліоновъ франковъ,—выпущено было такое же количество бумажныхъ денегъ, ассигнацій. Земли короля и его семьи оцѣнены въ 25 милліоновъ франковъ (8 мил. рубл.).

Курсъ выпускаемыхъ на 400 милліоновъ кредитокъ былъ установленъ принудительный, такъ какъ предполагалось, что ими можно будетъ оплачивать пріобрѣтаемыя отъ казны церковныя земли. 170 милліоновъ, по дорогѣ, перехватила себѣ «Учетная касса», въ счетъ долга. Земли должны были распродаваться на мѣстахъ, при посредствѣ общественной администраціи, членамъ которой и назначена была въ видѣ вознагражденія и для поощренія $^{1}/_{10}$ часть съ полученныхъ цѣнъ.

Не дальше, какъ 27—29 сентября 1790 г. Мирабо настоялъ на выпускѣ новыхъ ассигнацій на 800 милліоновъ франковъ (270 милліоновъ рубл.) съ обязательствомъ не выпускать бумажныхъ денегъ сверхъ этихъ: милліарда двухсотъ милліоновъ франковъ.

На первый выпускъ казна обѣщала давать 5% со ста. Теперь, въ виду полнаго отсутствія золота, серебра и всякихъ металлическихъ знаковъ, выпущены были мелкія кредитки, до 5 франковъ... И процентовъ не дано никакихъ.

Металлическія деньги, въ виду денежнаго голода, всѣ владѣльцы помѣщали въ заграничныхъ банкахъ, и просто тратили на предметы первой необходимости, привозимые въ страну, за которые бумажекъ брать не желали...

Даже переплавляя серебро и золото въ слитки, можно было заработать до 10 процентовъ, въ виду сильнаго повышенія ихъ цѣны противъ прежнихъ годовъ.

Обѣщаніе не выпускать больше ассигнацій скоро было забыто, и уже 19 іюня 1791 г. оттиснуто кредитокъ еще на 600 милл. франк. (200 милліон. рубл.), но, при первомъ ихъ появленіи, никто не бралъ ихъ дороже, чѣмъ 94—90 фр. за сто. И выпу-

Digitized by Google

щены были теперь мелкія кредитки, даже двадцати-копѣечнаго достоинства.

Съ этого времени цѣнность ассигнацій стала падать неудержимо. Правительство принялось за крутыя мѣры. Были закрыты всѣ мѣняльныя частныя лавки, всѣ биржевыя собранія и конторы банковъ, торговавшихъ золотомъ и серебромъ. Шесть лѣтъ заключенія на цѣпи грозило за обходъ закона! Положеніе страны, дѣйствительно, было ужасно и требовало чрезвычайныхъ мѣръ. Извнѣ—война съ цѣлой Европой, внутри повсемѣстные бунты, гражданскія междуусобицы, народное смятеніе и расколъ...

2 іюня 1793 г. начался Терроръ, кровавое правленіе диктатора Робеспьера. Исчезла послѣдняя безопасность для жизни и имущества каждаго въ странѣ. 1-го августа вмѣсто шести лѣтъ каторги назначено уже 20 лѣтъ заключенія въ цѣпяхъ, а въ сентябрѣ, за ослушаніе закона, назначена смертная казнь!..

Какъ бы тамъ ни было, но эти чудовищные законы и кое-какія другія вліянія подняли на два-три мѣсяца курсъ ассигнацій и ихъ принимали по номинальной цѣнѣ, какая была напечатана на бумажкѣ. Однако, чѣмъ шире распространялись эти бумажки, тѣмъ ниже падали онѣ въ цѣнѣ, особенно потому, что революціонное правительство, не стѣсняясь, безъ всякихъ околичностей, печатало столько новыхъ бумажекъ, сколько ему было угодно.

Казна опустѣла, пошлинъ и податей—не сбирали, да никто и не платилъ, а расходовъ военныхъ и по управленію страной — гибель. Только и оставалось, что печатать ассигнаціи да издавать законы построже для ихъ поддержки.

Въ Конвентѣ было прямо сказано:

— Народъ можетъ каждую минуту творить золото и всякія цѣнности. Природѣ для этого нужны сотни лѣтъ, а не людямъ!

Таковы были экономическія понятія у законодателей, и послѣдствія сказались быстро, съ ужасающей силой!

При началѣ войны 1792 г. въ обращеніи находилось 3 милліарда, 600 милліоновъ франковъ бумажныхъ денегъ, которыя шли по 60 и даже 40 сантимовъ за франкъ, то есть упали больше, чѣмъ на половину въ цѣнѣ.

При воцареніи директоріи, 28-го октября, 1795 г. ассигнацій въ обращеніи было на 27 милліардовъ франковъ! (9 милліардовъ рублей). Кромѣ того были объявлены «недѣйствительными» — всѣ ассигнаціи съ изображеніемъ короля, на сумму полтора милліарда франковъ (500 милліоновъ рублей).

До чего упала цѣна такихъ бумажныхъ «денегъ», станетъ ясно изъ слѣдующаго: за одинъ золотой луидоръ (20 франковъ)—давали ассигнаціями—4.200 франковъ то есть за франкъ золотомъ—210 бумажками, доведя курсъ послѣднихъ до ½ процента ихъ номинальной цѣны!.. Но этимъ еще не завершилась финансовая трагедія.

Съ началомъ войны—страшно упала и заработная плата рабочимъ и вся производительность страны. Въ ополченіе было забрано до 300.000 рабочихъ рукъ, но и остальные, вслѣдствіе застоя—получали столько, что не хватало на хлѣбъ.

Бывшія «церковныя» — теперь національныя земли распродавались такимъ хищническимъ образомъ, такъ всѣ воровали и грабили при этой операціи, что не выручено было казной и десятой части дѣйствительной стоимости имѣній. Нажились только чиновники и спекуляторы, подкупавшіе всѣхъ и вся, чуть ли не до представителя страны включительно. Имѣнія и богатства всѣхъ «подозрительныхъ дворянъ», конфискованныя правительствомъ послѣ того, какъ владѣльцамъ гильотина укорачивала туловище всего на одну голову, не пошли въ прокъ странѣ, такъ какъ тоже были расхищены всѣми, кому не лѣнь!..

Насталъ ужасный голодъ, отъ котораго особенно терпѣли чиновники и тѣ, кто раньше былъ мелкимъ «доходникомъ», рантье.

Членъ высшаго парижскаго суда, долгое время питаясь отбросами изъ помойныхъ ямъ, кончилъ тѣмъ, что умеръ съ голоду. Двое морскихъ офицеровъ въ Брестѣ застрѣлились отъ той же причины. Въ виду принудительнаго курса бумажекъ цѣны на всѣ припасы поднялись въ 100 и 200 разъ, то есть: на столько же, на сколько упали ассигнаціи.

Когда 2-го мая 1793 года была объявлена предѣльная цѣна на зерновый хлѣбъ, крестьяне перестали возить его на рынки, и насталъ всеобщій голодъ. За деньги нельзя было получить хлѣба! Конвентъ на всенародныя жалобы и вопли отвѣчалъ новыми жестокими законами:

«Кто имѣетъ запасы пищевыхъ или иныхъ, потребныхъ для жизни продуктовъ и хранитъ ихъ у себя, а не везетъ на продажу, является врагомъ отечества. Продукты у него будутъ отняты, какъ общественная собственность, а онъ самъ подлежитъ смерти!»—такъ гласилъ новый законъ, изданный для облегченія положенія.

Съ изданіемъ такого безумнаго закона настало всеобщее замѣшательство.

Только послѣ паденія Робеспьера, 23 декабря 1794 г. Конвентъ отмѣнилъ этотъ ужасный актъ.

Съ нарожденіемъ Директоріи, 28-го октября 1795 г., не смотря на милліоны франковъ, награбленныхъ въ видѣ контрибуціи у завоеванныхъ народовъ, страна не поправлялась отъ денежнаго истощенія.

Digitized by Google

Предположено было совершить «принудительный всенародный заемъ» въ 600 милліоновъ золотомъ, при чемъ за одинъ франкъ металлическій предполагалось принимать ассигнацій на сто франковъ!.. тѣхъ самыхъ ассигнацій, которыя были выпущены казной.

Полагали, что ассигнацій имѣется въ обращеніи на 30 милліардовъ франковъ, (10 милліардовъ рублей),—такимъ образомъ, онѣ были бы покрыты половиной займа, 300 милліонами франковъ, а 300 милліоновъ чистыхъ осталось бы казнѣ на расходы. Но операція не удалась.

29-го января 1796 года, желая поднять значеніе бумажныхъ денегъ, правительство пошло на рѣшительную мѣру: съ 20-го февраля назначено прекращеніе выпуска бумажныхъ денегъ и самая фабрика ихъ предана разоренію. А было ихъ пущено въ свѣтъ къ тому времени уже на 40 милліардовъ франковъ (13 милліардовъ рублей), да сюда еще причесть надо было ту сумму, на которую выпустилъ фальшивыхъ ассигнацій роялистъ де-Пьюисей, высадясь съ англичанами въ Бретани, то есть: 3 милліарда франковъ (1 милліардъ рублей). Весь оборотъ золота въ Европѣ равняется только 8 милліардамъ франковъ, то-есть въ 5 разъ меньше этой суммы!

Разореніе фабрики ассигнацій являлось такимъ же народнымъ торжествомъ, какъ и разрушеніе Бастиліи. Совершилось это ауто да фэ на Вандомской площади 30 плювіоза, то есть 19-го февраля 1796 г.

Пунсоны, матрицы, литографскіе камни, оставшіяся ассигнаціи на нѣсколько милліоновъ рублей все пылало въ огнѣ, и народъ ликовалъ вокругъ!

Какъ помогла такая мѣра подъему курса?

Да, вотъ какъ: вмѣсто ста франковъ за франкъ золотомъ, ихъ стали отдавать 400 франковъ за одну серебряную франковую монету!

Предположено было основать новый «національный банкъ» съ твердой золотой валютой. Но легко было мечтать, а исполнить не оказалось возможнымъ, и правительство объявило:

«Французамъ остается на выборъ: ассигнаціи, или смерть».

16-го марта 1796 г. было рѣшено выпустить новыя деньги въ обмѣнъ на старыя.

Предполагалось за франкъ новыхъ денегъ принимать 30 франковъ старыхъ.

Новыя деньги должны были давать право ихъ держателю: пріобрѣтать гдѣ угодно казенную землю, по таксѣ; постройки за такую сумму, какая получалась, если умножить на 18 годовую арендную плату за нихъ, а земля стоила 22-кратной аренды. Выпущены были «предварительные листы».

Но ими пришлось платить жалованье солдатамъ и чиновникамъ. Войско стало навязывать эти бумажки насильно, взамѣнъ взятыхъ продуктовъ. И новыя деньги сразу упали до стоимости 5 франковъ за сто своей номинальной цѣны.

Землями, отдаваемыми взамѣнъ новыхъ денегъ, попрежнему, стали барышничать казнокрады и негодяи. А продажность дошла до того, что генералъ Журданъ, не стѣсняясь, получалъ отъ подрядчика ежедневно 10.000 раціоновъ для войска, а выдавалъ ему росписки на 150.000 раціоновъ и украденными деньгами дѣлился съ плутомъ-поставщикомъ.

Пыталось было правительство сборъ пошлинъ производить не деньгами, имъ же выпущенными, а натурой, но во-время остановилось.

Все-таки, пришлось кончить всю путаницу, развязать петлю, душившую страну, однимъ рѣшительнымъ, хотя бы и не справедливымъ, насильственнымъ пріемомъ, какъ только Бонапартъ явился побѣдителемъ съ полей Европы, съ большимъ запасомъ золота и серебра и явилась возможность обернуться, въ февралѣ 1797 года былъ отмѣненъ принудительный курсъ на ассигнаціи и тѣмъ самымъ онѣ признаны ни къ чему негодными кусками бумаги, по которымъ отказывается государство платить тѣмъ лицамъ, которыя вѣрили ему и несли свои сбереженія и свой трудъ!

Такимъ образомъ были «конвертированы» 40 милліардовъ франковъ, то-есть 13 милліардовъ рублей.

А 80 лѣтъ спустя эта же самая страна выплатила врагу, не поморщившись, полтора милліарда рублей военной контрибуціи, потерявъ столько же, если не больше, на веденіе войны съ пруссаками, на режимъ Наполеона III, ничтожнаго тезки своего геніальнаго дяди.

Жалкіе остатки этой безпримѣрной «кредитной эпопеи» сохраняются въ историческомъ музеѣ города Франкфурта. Въ большой рамѣ, за стекломъ наклеены образчики этихъ «бывшихъ денегъ», въ общемъ на крупную сумму, а сверху помѣщена довольно нелестная эпитафія милліардамъ, созданнымъ волей человѣка изъ тряпичной массы, обращенной въ печатные лоскутки бумаги:

Мы всѣ изъ дряни созданы,
На Рейнъ дрянцомъ привезены.
Кормила дрянь людей дрянныхъ.
Въ дрянь обратили мы иныхъ!..

Поистинѣ, не льстиво, но вѣрно. Въ данномъ случаѣ нѣмецкій тяжеловѣсный юморъ пришелся кстати при оцѣнкѣ произведенія, созданнаго остроуміемъ легкомысленныхъ и практическихъ, въ одно и то же время, галловъ...

Левъ Ждановъ.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

О драмахъ Пржибышевскаго.

Въ первыхъ числахъ февраля польской драматической труппой Болеславскаго дано было въ С.-Петербургѣ нѣсколько спектаклей. При обыкновенныхъ условіяхъ, гастроли этой труппы могли бы заинтересовать только польскую колонію, хотя и она, насколько можно было судить по прошлогоднимъ гастролямъ той же труппы, не проявляетъ въ такихъ случаяхъ особаго энтузіазма, какой приличествовалъ этому стойкому въ своемъ патріотизмѣ народу; только первый спектакль собиралъ полный залъ, дальнѣйшіе же давались при унылой пустотѣ, и приходилось умозаключать, что петербургскіе холода значительно остудили пылкую польскую кровь. На этотъ разъ дѣло обстояло иначе: каждое изъ представленій происходило при переполненномъ театрѣ, публика была не сплошь польская, среди нея можно было видѣть лицъ, присутствіе которыхъ само по себѣ знаменуетъ экстраординарность спектакля и серіозный интересъ пьесы. Дѣло объясняется тѣмъ, что труппой давались пьесы новѣйшаго препрославленнаго польскаго писателя Станислава Пржибышевскаго, о сверхъестественномъ талантѣ котораго польская пресса успѣла уже накричаться до хрипоты. Мало того: пьесы г. Пржибышевскаго давались «подъ личнымъ артистическимъ управленіемъ» самого автора, впервые посѣщающаго Петербургъ; по этой причинѣ ртуть поднялась еще на нѣсколько градусовъ выше... Въ день открытія спектаклей г. Пржибышевскій помѣстилъ въ петербургской польской газетѣ «Kraj» любопытное письмо; прочитавши его, вы будете согласны, что оно заслуживаетъ вниманія во всѣхъ отношеніяхъ. Приводимъ его цѣликомъ:

«Лѣтъ около десяти тому назадъ — и даже нѣсколько болѣе—предпринята была коренная реформа театра и актерской игры. Если не ошибаюсь, первый сигналъ данъ былъ изъ Мейнингена. Не смотря однако на огромныя заслуги, какія ему принадлежатъ и всегда будутъ принадлежать, въ отношеніи постановки групповыхъ сценъ, полнаго изгнанія со сцены такъ называемыхъ статистовъ и замѣны ихъ опытными актерскими силами,—не смотря на ту великую и весьма важную заслугу, что онъ впервые научилъ актера, что одна улыбка его, всякое малѣйшее движеніе, мимолетное появленіе на сценѣ такъ же важно, какъ самая сильнѣйшая, разсчитанная на эффектъ роль—Мейнингенъ все-таки погрѣшилъ въ томъ, что все вниманіе сосредоточилъ на группѣ, и мало или почти вовсе не обращалъ вниманія на индивидуальность автора».

Наступила реакція; свободные театры выростали въ Европѣ словно грибы послѣ дождя.

Въ первое время представлялось, что свободный театръ хотѣлъ обойти права слишкомъ суровой цензуры и въ замкнутомъ кругу избранныхъ рельефнѣе оттѣнить индивидуальность автора, которую до тѣхъ поръ приходилось приспособлять ко вкусу публики и къ уровню въ общемъ мало воспитаннаго зрителя.

Но мнѣ кажется, что это не была реакція, возникшая къ пользѣ автора, а скорѣе революція артистовъ, направленная противъ обезличенія и нивеллировки индивидуальности.

Я былъ свидѣтелемъ созданія свободнаго театра въ Берлинѣ подъ названіемъ «Freie Bühne», съ истиннымъ восхище-

Digitized by Google

ніемъ смотрѣлъ на удивительныя вещи, которыя сдѣлалъ Линдбергъ въ Скандинавіи въ своемъ свободномъ театрѣ, и съ интересомъ смотрѣлъ на театръ Antoine и Lugné-Poe въ Парижѣ и всюду наблюдалъ стремленіе руководителя—дать свободу личности. И въ Польшѣ дѣлались попытки создать что-либо подобное; объ этомъ думалъ Людовикъ Щепанскій, когда основанъ въ Краковѣ «Lycie»; очень долго думалъ объ этомъ такъ безгранично преданный, такъ беззавѣтно посвятившій себя искусству человѣкъ, какъ Тадеушъ Павликовскій; долго и пространно размышлялъ объ этомъ и я, но все это прошло безрезультатно. И не потому, чтобы общество было мало-интеллигентнымъ—напротивъ, польское общество является безспорно наиболѣе культурнымъ во всей Европѣ, оно чрезвычайно чуткое, внимательное ко всему, что представляется новымъ и возвышается надъ обыкновеннымъ уровнемъ—а только вслѣдствіе недостатка энергіи и, что важнѣе всего—помилуй Богъ! — вслѣдствіе недостатка средствъ.

Г. Болеславскій задался тою же мыслью, которая давно бродила въ Польшѣ, и теперь осуществляетъ ее.

Я охотно принялъ его предложеніе, такъ какъ вѣрю въ искренность его артистическихъ намѣреній, вѣрю въ дружину, которую онъ собралъ вокругъ себя и которую выловилъ изъ самыхъ захолустныхъ провинціальныхъ угловъ.

На первый взглядъ страннымъ могло бы показаться, что директоръ труппы, желая пустить пыль въ глаза Петербургу, не поискалъ актеровъ на перворазрядныхъ сценахъ. Я, наоборотъ, вижу въ этомъ разумный умыселъ артиста, который хочетъ создать новый театръ съ помощью новыхъ силъ. Онъ явился истиннымъ мученикомъ своего призванія и при томъ не изъ корысти, а единственно съ цѣлью убѣдить публику, что онъ не гистріонъ и не клоунъ, а истинный артистъ, призванный къ тому, чтобы созданную мыслью автора сцену представить публикѣ такимъ образомъ, чтобы самая невѣроятнѣйшая вещь казалась безспорной дѣйствительностью.

Именно въ провинціи можно еще найти людей съ горячимъ сердцемъ и горячей любовью къ искусству, людей, которые, не смотря на голодъ, холодъ и страшную нужду, устремляютъ взоръ на яркое солнце великаго идеала. Китайщина «драматическихъ школъ», лѣнивый и вольготный отдыхъ на комфортабельныхъ тюфякахъ, какой предоставляютъ столичныя сцены, не успѣли еще атрофировать ихъ мозгъ и охладить сердце.

Изъ такого-то матеріала создалъ Антуанъ свой «Théatre libre», Линдбергъ свою прямо превосходную труппу понасобиралъ съ улицы, Отто Брамъ создалъ таковую же изъ полуактеровъ, изъ такъ называемыхъ десятиразрядныхъ актеровъ и актрисъ, и, однако, каждый изъ нихъ сдѣлалъ гигантскій шагъ впередъ, создалъ образецъ, по которому перевоспитывается китайщина столичной сцены.

Руководствуясь вотъ именно такою мыслью, г. Болеславскій старался впервые создать что-либо въ этомъ родѣ и для польской драмы. Такова цѣль труппы г. Болеславскаго, руководительство которой онъ поручилъ мнѣ. «Мы приступаемъ къ дѣлу исполненные увѣренности, что общество всѣми силами поддержитъ наши попытки, а изъ этихъ мелкихъ кусочковъ быть можетъ со временемъ, если хватитъ средствъ у насъ и силы окрѣпнутъ, создастся что-нибудь столь же свѣтлое, какъ театръ Станиславскаго. Далекій это путь, но его можно скорѣе пройти, если мы встрѣтимъ поддержку».

И какой еще далекій! Можно сказать, еще и перваго шага не сдѣлано по этому пути. Стараясь «всѣми силами поддержать» попытку гг. Болеславскаго и Пржибышевскаго, я аккуратно посѣщалъ спектакли и видѣлъ... самую ординарную труппу, самую ординарную постановку, а исполненіе, какъ вообще бываетъ, было разнообразное, т. е. одни играли сильнѣе, другіе слабѣе, одна пьеса шла стройно, живо, бодро, другая — спотыкаясь и пошатываясь; одни знали роль хорошо, другіе говорили съ запинкой; и здѣсь, какъ всюду, публика первыхъ рядовъ съ досадой принуждена была внимать змѣинному шипѣнію суфлерской будки (что совсѣмъ ужъ не вяжется съ «яркимъ солнцемъ великаго идеала»), тогда какъ до заднихъ рядовъ долетало со сцены не болѣе половины словъ. Словомъ сказать, игру этой «дружины», «выловленной изъ захолустнѣйшихъ угловъ провинціи», можно было слушать хотя и съ удовольствіемъ, но безъ особеннаго восторга; духъ отъ этой игры не захватывало и, сказать по совѣсти, г. Пржибышевскому рано было корить такъ презрительно «китайщину столичныхъ сценъ». Его труппа могла бы еще многимъ кой-чѣмъ позаимствоваться отъ столичныхъ сценъ себѣ на пользу, а затѣмъ уже идти по новому пути...

Пьесы г. Пржибышевскаго (ихъ дано было всего четыре) оказались гораздо интереснѣе исполненія.

Г. Пржибышевскій давно уже объявленъ реформаторомъ польской литературы. Объ этомъ какъ-то повѣдалъ даже «Вѣстникъ Иностранной Литературы», а это значитъ, что истина успѣла уже войти въ общій обиходъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ области драматическаго творчества г. Пржибышевскій менѣе отступаетъ отъ общепринятыхъ, традиціонныхъ формъ, чѣмъ въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ. И нельзя сказать, чтобы его

Digitized by Google

драмы отъ этого сколько-нибудь проигрывали.

Первою шла драма «Золотое Руно» («Złote runo»), уже знакомая польской публикѣ по прошлогоднимъ гастролямъ труппы г. Болеславскаго. Въ общемъ это вещь очень недурная, слушаешь ее съ интересомъ, не ослабѣвающимъ ни на одну минуту. Хотя всѣ дѣйствующія лица (за исключеніемъ эпизодическаго «незнакомца» и, понятное дѣло, слуги) имѣютъ одинаково близкое отношеніе къ драматической коллизіи, которая развертывается въ пьесѣ, однако, центральное мѣсто хочется отдать Рущицу. Даже для близко окружающихъ фигура этого человѣка представляется нѣсколько загадочною, а его рѣчи—странными и не совсѣмъ понятными. Рущицу пришлось пережить въ прошломъ глубокую личную драму, которая не перестаетъ давить его всю послѣдующую жизнь. Его другъ, узнавъ объ измѣнѣ жены своей съ нимъ, Рущицемъ, пустилъ себѣ пулю въ лобъ, и Рущицъ имѣлъ назиданіе видѣть страшный трупъ тотчасъ же послѣ убійства, съ отскочившимъ кускомъ черепа, когда по лицу струилась тоненькими ниточками кровь, а широко открытые глаза глядѣли съ укоромъ и ужасомъ. Эта картина такъ и осталась предъ глазами Рущица на всю жизнь. Необъяснимой загадкой остается для Рущица вопросъ, почему на него свалилась эта тяжкая мука; вѣдь нѣтъ его вины въ томъ, что онъ полюбилъ жену своего друга, нельзя и ее винить, что она отвѣтила ему любовью. Еще въ старину поляки совершенно правильно утверждали, что надъ любовью не имѣетъ силы ни власть гетмана, ни даже короля. «Więc niema winu jest tylko kara» («нѣтъ вины, а есть только наказаніе»)—повторяетъ Рущицъ свою, очевидно, выстраданную мысль. Заднимъ умомъ крѣпокъ бываетъ не только русскій человѣкъ: оглядываясь на прошлое, Рущицъ приходитъ къ выводу, что за минуты украденнаго счастія ему пришлось заплатить не въ примѣръ дороже, чѣмъ это счастіе стоило, и что, пожалуй, лучше было бы, если бы этого счастія онъ вовсе не бралъ. Но тутъ же ему приходится признать, что это не возможно: въ такія минуты человѣкъ не способенъ бываетъ остановиться на минуту, думать и взвѣшивать. Точно ураганъ налетитъ, схватитъ и понесетъ, не давая опомниться.

Отъ связи съ женою трагически покончившаго друга у Рущица есть сынъ, носящій фамилію номинальнаго отца, Густавъ Рембовскій. Рущицъ перенесъ на него всю любовь, живетъ его радостями и страданіями, исполняетъ его прихоти. Можно представить тревогу Рущица, когда онъ видитъ, что его любимый Густавъ дѣлаетъ тотъ же шагъ, за который такъ тяжело расплачивается самъ Рущицъ. Нужно замѣтить, что дѣйствіе происходитъ въ «лѣчебномъ заведеніи», устроенномъ Рущицемъ по мотивамъ того же характера, по которымъ московскіе и нижегородскіе купцы отливаютъ стопудовые колокола въ монастырѣ. Какой-то червячокъ гложетъ сердце, нельзя ли его «этимъ» успокоить?... Съ женою доктора Лонцкаго, завѣдывающаго этимъ заведеніемъ, завязываются у Густава интимныя отношенія, которыя тоже увѣнчиваются рожденіемъ ребенка. Докторъ, впрочемъ, хотя знаетъ объ этой связи и ненавидитъ Густава всѣми силами души, не собирается застрѣливаться, а ограничивается тѣмъ, что подыскиваетъ себѣ другое мѣсто. Густавъ, повидимому, въ свою очередь не принимаетъ близко къ сердцу этой связи, такъ какъ преспокойно женится на Инкѣ, которую крѣпко любитъ. Одинъ лишь Рущицъ мучается новой тоской—что-то изъ этого выйдетъ, такъ какъ по опыту знаетъ, что месть все-таки неизбѣжна.

Въ эту-то душную атмосферу вступаетъ Инка, молодая, чистая душой, жаждущая радости, смѣха, веселья. Вступаетъ — и вся вскорѣ съеживается: при видѣ Рущица на нее нападаетъ всегда какой-то безотчетный страхъ, мужъ, вѣчно угрюмый, задумчивый, часто раздражительный (прежняя связь все-таки извѣстный осадокъ въ душѣ его оставила) мучаетъ ее своимъ тяжелымъ характеромъ. Инкѣ становится тяжело съ этими людьми.

Въ это-то время къ нимъ пріѣзжаетъ погостить далекій родственникъ Инки, молодой литераторъ Пржеславскій, когда-то любившій Инку и ею любимый. Старая любовь всегда, говорятъ, сохраняетъ свои права и... въ драму вводится третья измѣна. Инка рѣшается отдаться любимому человѣку не безъ борьбы, не хочетъ обманывать мужа, который такъ сильно ее любитъ. Но литераторъ доказываетъ, что тутъ обмана не будетъ: вѣдь Инка выходила замужъ, не любя Густава, а не переставала любить его, Пржеславскаго. Стало быть, обманъ былъ тогда, когда она согласилась выйти замужъ, теперь же, отдавшись ему, она только исправитъ этотъ обманъ. Наконецъ, хорошо—пусть даже Густавъ не вынесетъ того удара, какой они ему готовятъ; но вѣдь если для счастія требуется совершить даже преступленіе, то предъ этимъ нельзя останавливаться; поступить иначе было бы трусостью. Побѣжденная не столько его доводами, сколько жаждой любви и счастія—Инка сдается...

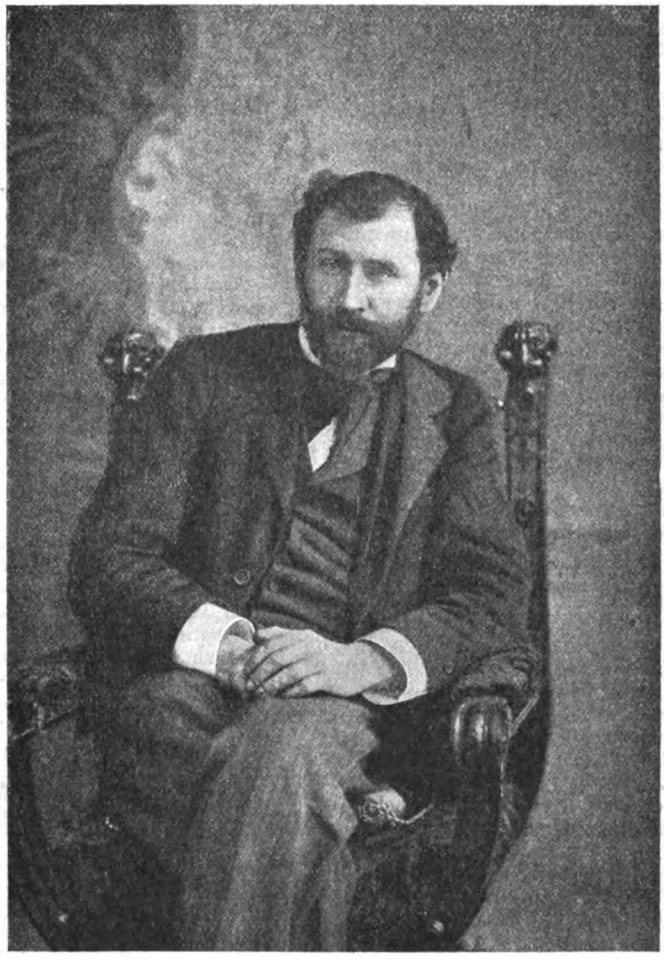
Всю эту игру ясно какъ на ладони видитъ одинъ только Рущицъ, по части любви обладающій даромъ почти ясновидѣнія. Сперва онъ пробуетъ разными аллегоріями и намеками не допустить парочку до полнаго сближенія, но когда узнаетъ, что то, чего онъ такъ боялся,

Digitized by Google

уже свершилось, то впадаетъ въ полное отчаяніе: нѣтъ сомнѣнія, что Густавъ послѣ этого не захочетъ жить... Онъ пробуетъ внушить Инкѣ мысль, что «jeżeli nie mozno kłamać, to trzeba milczeć» («если нѣтъ силъ лгать, то нужно молчать»), но Инка подъ вліяніемъ Пржеславскаго объявляетъ мужу все.

Рущицъ былъ правъ: Густавъ не имѣетъ силъ жить. Къ концу послѣдняго дѣйствія авторъ подсыпаетъ въ пьесу крѣпкаго перцу, чтобы получше взвинтить нервы зрителя: на сцену выводится «неизвѣстный», долженствующій олицетворять несущіяся вихремъ обрывки мыслей Густава въ послѣдніе часы. Приближаясь крадучись въ полутемной комнатѣ къ потрясенному горемъ Густаву, неизвѣстный тихимъ голосомъ разсказываетъ, какъ незамѣтно подкрадывается къ человѣку несчастіе: сперва высматриваетъ жертву, притаившись, затѣмъ пробирается ползкомъ, подкарауливаетъ и, наконецъ, бросается. Послѣ ухода неизвѣстнаго Густавъ застрѣливается.

Такимъ образомъ счастія—этого «золотого руна», къ которому такъ страстно стремится человѣчество—г. Пржибышевскій въ своей пьесѣ не позволилъ достигнуть никому. Не знаемъ, впрочемъ, какъ отнесся къ заключительному выстрѣлу литераторъ—человѣкъ онъ вообще очень странный и нѣсколько, пожалуй «моветонъ» въ томъ смыслѣ, какой придаютъ этому понятію гоголевскіе чиновники, во всякомъ случаѣ Инка счастливой не будетъ, а при такихъ условіяхъ ея близость едва-ли дастъ много услады Пржеславскому. Хуже всѣхъ будетъ доживать свой вѣкъ Рущицу, такъ какъ у него въ



Станиславъ Пржибышевскій.

Digitized by Google

головѣ крѣпкимъ гвоздемъ засѣла мысль, что и Густавъ явился искупительной жертвой его... не вины, а какого-то грознаго предопредѣленія. Ибо—нѣтъ вины, а есть только кара, которая будетъ тянуться до седьмого поколѣнія.

Тотъ же мотивъ служитъ темой и второй драмы г. Пржебышевскаго—«Для счастія» («Dla szczęscia»). Тенденція автора здѣсь выражена еще ярче, чѣмъ въ «Золотомъ рунѣ». Своей пьесой авторъ какъ бы кричитъ публикѣ: если вы думаете, что возможно построить новое счастіе на обломкахъ разбитой любви, то вы жестоко ошибаетесь. Мысль, положимъ, не новая, но выражена она въ пьесѣ такъ ярко, звучитъ такъ могуче, что невольно покоряетъ зрителя. Въ газетной рецензіи мы въ свое время имѣли случай отмѣтить одинъ техническій промахъ, быть можетъ не замѣченный авторомъ, сосредоточившимъ все вниманіе на центральной мысли пьесы, но сразу же бросающійся въ глаза зрителю. Именно, въ драмѣ «Для счастія» всего лишь четыре дѣйствующихъ лица, среди которыхъ и разыгрывается коллизія, вслѣдствіе чего получается впечатлѣніе, будто бы дѣйствіе происходитъ гдѣ-то внѣ условій времени и пространства. Между тѣмъ, по заявленію самого автора, «дѣйствіе происходитъ въ большомъ городѣ», и трудно предположить, чтобы за все время дѣйствія въ квартиру Млицкаго не заглянулъ, кромѣ Зджарскаго, ни одинъ человѣкъ.

Начинается дѣйствіе тѣмъ, что литераторъ Млицкій, безъ памяти влюбившись въ Ольгу Агрелли, собирается порвать съ Еленой, съ которой вотъ уже два года онъ прожилъ въ нелегальномъ бракѣ и которая беззавѣтно предана ему. Человѣкъ, по натурѣ мягкій, довольно малодушный и колеблющійся, Млицкій никакъ не имѣетъ силъ сдѣлать рѣшительный шагъ. А тутъ слезы и отчаяніе Ольги, угрызенія собственной совѣсти... Подливаетъ масла въ огонь и пріятель Млицкаго Зджарскій, роль котораго вполнѣ опредѣляется лишь къ концу пьесы. Спервоначалу кажется, что это—богатый опытомъ искренній другъ Млицкаго, жалѣющій его и Елену и желающій предостеречь его отъ неразумнаго шага, который счастія ему не дастъ, а сдѣлаетъ мученикомъ. Вѣдь Ольгу Агрелли онъ знаетъ, она прошла чрезъ много рукъ: что, кромѣ муки, дастъ Млицкому вѣчно сверлящая въ мозгу мысль, что его жена принадлежала раньше уже многимъ? Послѣ діалога съ Еленой (сильное мѣсто пьесы) дѣло нѣсколько проясняется: Зджарскій самъ безумно любитъ Ольгу Агрелли, ради любви не останавливается предъ самымъ пошлымъ преступленіемъ (обокралъ разъ пріятеля, чтобы добыть средства для заграничной экскурсіи), а она всегда поступала съ нимъ, какъ съ собачкой: то приласкаетъ, то оттолкнетъ; наконецъ, окончательно прогнала отъ себя, осудивъ на злую муку безплоднаго раскаянія, такъ какъ Зджарскій ради Агрелли тоже когда-то бросилъ любимую и любившую его чудную дѣвушку. Въ разсказѣ Зджарскаго чуется гроза; видно, что это—желѣзный характеръ, способный безъ остатка, безъ оглядываній и колебаній отдать себя какой-нибудь разъ намѣченной цѣли; видно, что этотъ человѣкъ способенъ такъ же сильно ненавидѣть, какъ и любить!

Млицкій, наконецъ, рѣшился. Предсказаніе Зджарскаго сбывается въ точности: онъ мучаетъ Агрелли ревностію къ ея прежнимъ обладателямъ. Сбывается и другое предсказаніе Зджарскаго: Елена бросается въ рѣку. Съ этимъ извѣстіемъ, держа его, точно кинжалъ за пазухой, заранѣе наслаждаясь местью, является къ новобрачнымъ Зджарскій. Месть дѣйствительно ужасна: въ покойницкой онъ далъ адресъ Млицкаго, чтобы туда доставили трупъ Елены. Но и этого мало Зджарскому: «сударыня, наши счеты еще не кончены»—заявляетъ онъ Агрелли предъ уходомъ. Судите о душевномъ состояніи Млицкаго, когда предъ занавѣсомъ слышны тяжелые шаги людей, несущихъ по лѣстницѣ трупъ Елены! Да, Зджарскій умѣетъ мстить...

У Млицкаго слишкомъ много совѣсти и слишкомъ мало характера, чтобы быть счастливымъ послѣ того эпизода, который служитъ развязкой пьесы. А если бы на мѣсто Млицкаго и Агрелли поставить людей съ желѣзной волей, которые заранѣе знали бы, что ихъ счастіе можетъ быть куплено только цѣною преступленія,—были бы они счастливы? Нашли бы силы забыть прошлое, отдаться блаженству вполнѣ, не омрачая его запоздалымъ раскаяніемъ? Разумѣется, при этомъ—люди съ тонкой душевной организаціей, а не дубовые пни, которымъ ни любовь, ни совѣсть не знакомы.

Поставивъ такой вопросъ въ драмѣ «Снѣгъ», авторъ не нашелъ силъ дать на него ясный отвѣтъ. Правда, и вопросъ не легкій...

Панъ Тадеушъ, которому надоѣла широкая, нервная жизнь большихъ городовъ, женится на Бронкѣ и поселяется въ деревнѣ, гдѣ отдается охотѣ, занятіямъ живописью и тихимъ радостямъ семейной жизни. Бронка—полу-ребенокъ, любитъ всей душой мужа и полными глотками пьетъ счастіе. Почти одновременно къ этой четѣ пріѣзжаютъ погостить братъ Тадеуша Казиміръ—скелетообразная фигура, растратившая всѣ силы души и тѣла—и институтская подруга Бронки Ева, которую когда-то любилъ панъ Тадеушъ—натура, поражающая своею нрав-

Digitized by Google

ственною мощью. Ева имѣетъ смѣлость смотрѣть правдѣ прямо въ глаза и, оставшись наединѣ съ Тадеушемъ, выражаетъ радость, что онъ ее любитъ такъ же страстно, какъ и раньше любилъ: всѣ картины и этюды, всѣ мелочи домашней обстановки показываютъ, что панъ Тадеушъ безсознательно дышетъ только ею, живетъ памятью о ней. Панъ Тадеушъ пробуетъ горячо протестовать, но по мѣрѣ того, какъ онъ сильнѣе и сильнѣе кипятится, для зрителя становится очевиднымъ, что это въ немъ кипитъ страсть къ Евѣ...

Между тѣмъ трупообразный Казиміръ замогильнымъ голосомъ признается своей belle soeur въ любви и при этомъ спѣшитъ прибавить, что онъ никогда, о, нѣтъ, никогда, не позволитъ себѣ и мысли, чтобы Бронка отвѣтила ему тѣмъ же, а если бы она вздумала не ограничиться платоническою любовью, то онъ заранѣе ставитъ свое veto противъ всякихъ соблазнительныхъ попытокъ съ ея стороны. Бронка не обращаетъ особеннаго вниманія на это признаніе, такъ какъ вниманіе начинаетъ обращаться на другую сторону. Женскій инстинктъ подсказываетъ ей, какого рода чувство питаютъ другъ къ другу ея мужъ и подруга, и съ ней довольно быстро происходитъ перемѣна, очень умѣло изображенная авторомъ: изъ наивной полу-институтки она выростаетъ въ женщину не ниже ростомъ Евы. Но уже поздно! Нѣтъ никакого сомнѣнія, что ея Тадеушъ всей душой принадлежитъ Евѣ. Въ то время, какъ эта парочка отправилась побродить по парку, Бронка рѣшается утопиться и приглашаетъ Казиміра поддержать ей компанію. Тотъ охотно соглашается, тѣмъ болѣе, что ему, повидимому, нечего дѣлать въ этомъ мірѣ. Предъ окончаніемъ пьесы авторомъ выводится на сцену полу-символическая фигура няни Бронки, долженствующая, кажется, играть ту же роль, что «неизвѣстнаго» въ «Золотомъ рунѣ». Нянька, повидимому, выведена для сильнѣйшаго запечатлѣнія въ памяти зрителя тяжелой развязки. Двѣ жизни погибаютъ сразу; «теперь я тутъ останусь» заявляетъ нянька предъ занавѣсомъ. Она, дѣйствительно, надолго остается въ памяти зрителя, какъ угрюмое привидѣніе, поставленное авторомъ сторожить эти могилы, будить въ прохожемъ чуткій ужасъ души предъ неразрѣшимой загадкой, въ чемъ тайна счастія и зачѣмъ міру дано такъ много страданія?

Какъ отнесутся къ трагическому концу Бронки панъ Тадеушъ и Ева, когда возвратятся изъ своей прогулки? Хватитъ ли у нихъ мужества спокойно перешагнуть чрезъ трупъ этого чистаго существа, чтобы затѣмъ безмятежно отдаться своему счастію. Авторъ не захотѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Призывая Тадеуша покинуть деревенскую тишину, броситься въ водоворотъ жизни, стремиться къ борьбѣ, къ подвигу, Ева съ непередаваемой силой чувства говоритъ ему: «какъ бы я тогда тебя любила!» Она и тогда не скрывала отъ себя, что если она возьметъ Тадеуша, то Бронка перестанетъ жить. И однако она звала Тадеуша за собой... Безспорно, это двѣ сильныя натуры. Но чуется, что и нянька не спроста произнесла свое роковое: «и я тутъ останусь». Во всякомъ случаѣ не безъ борьбы достанется имъ счастіе, и будетъ оно отравленное счастіе: за каждымъ поцѣлуемъ они будутъ пугливо озираться по сторонамъ, не смотритъ ли «нянька», этотъ страшный призракъ темнаго прошлаго...

Четвертая драма г. Пржибышевскаго «Мать» имѣетъ съ предыдущими тремя только то общее, что нить дѣйствія наматывается тоже на измѣну, случившуюся задолго до поднятія занавѣса. Жена богатаго фабриканта Ванда Оконская вступила въ связь съ управляющимъ фабрики Боровскимъ. Провѣдавшій про это мужъ ея отправилъ свою душу въ лучшій міръ при помощи ружейнаго выстрѣла, но предъ самоубійствомъ покончилъ свои земные счеты, довольно коварно разославъ всѣмъ друзьямъ одновременно предсмертное оповѣщаніе съ правдивымъ изложеніемъ причины своего героическаго поступка. Дѣйствіе драмы сводится къ тому, что пріѣхавшій изъ-за границы сынъ Ванды Конрадъ влюбляется въ дочь Боровскаго Ганку и выражаетъ твердое намѣреніе на ней жениться. Старая парочка, не прерывавшая комфортабельной близости и послѣ устроеннаго мужемъ сюрприза, пришла въ понятный ужасъ и рѣшительно воспротивилась такой комбинаціи. У юноши Конрада начинаетъ постепенно проясняться правильный взглядъ на отношенія матери и Боровскаго. Шибко подвигаетъ дѣло къ развязкѣ пріятель Конрада, владѣющій тайной, въ которую отецъ Конрада посвятилъ своихъ друзей. Авторъ пытается ослѣпить публику цѣлымъ фейерверкомъ эффектовъ въ видѣ развязки: Конрадъ отрекается отъ матери, пріятель его поджигаетъ фабрику, за что получаетъ одобреніе молодого хозяина, Ганка бросается въ пламя.

Этотъ черезчуръ шумный конецъ еще болѣе подчеркнулъ шаблонность и пустоту пьесы, въ которой нѣтъ ни типовъ, ни психологіи, ни серіознаго замысла.

Въ сценическомъ отношеніи пьесы г. Пржибышевскаго нѣсколько вялы, въ нихъ мало дѣйствія; этотъ недостатокъ выкупается интересомъ діалога, всегда живого и занимательнаго. Къ числу особенностей драматическаго творчества г. Пржибышевскаго слѣдуетъ отнести и то, что авторъ выводитъ не типы, а характеры; въ пьесахъ почти нѣтъ бытового мате-

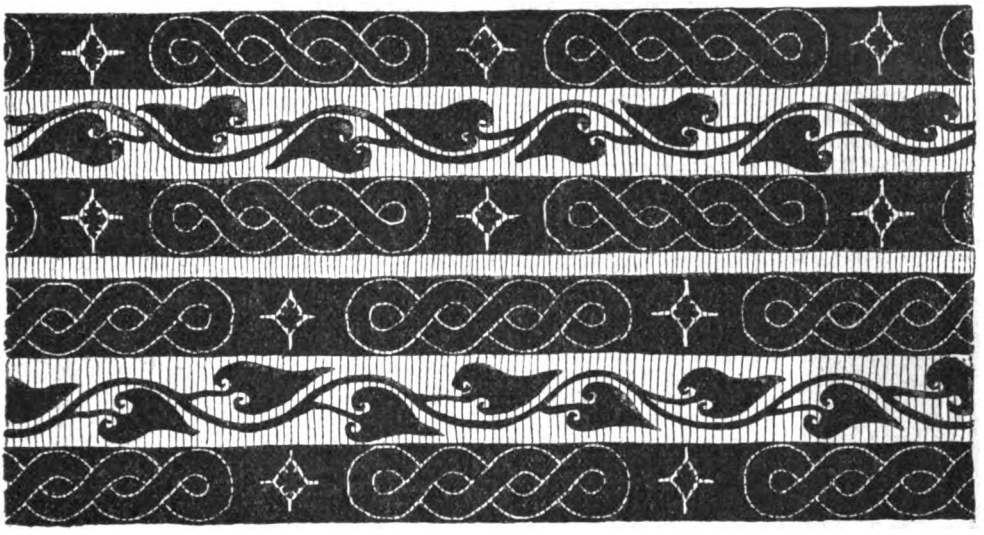
Digitized by Google

ріала, за то много психологіи, очень тонко разработанной.

«Takie to jest zycie dziwne!» (какъ таинственна жизнь) часто восклицаютъ дѣйствующія лица во всѣхъ четырехъ описанныхъ нами пьесахъ. Намъ думается, что въ этомъ восклицаніи и сказывается основная мысль драмъ г. Пржибышевскаго. Жизнь часто ставитъ человѣку жестокую дилемму, въ которой оба «aut» одинаково страшны. Хочешь не хочешь, а выбирать надобно. Тутъ-то и случается, что въ результатѣ у человѣка «вся душа обращается въ одну сплошную рану», какъ выражается о себѣ одинъ изъ героевъ г. Пржибышевскаго. И, надобно отдать справедливость молодому автору, онъ ловкій, талантливый хирургъ, очень умѣло вскрываетъ эти «сплошныя раны» души и умѣетъ искусно и занимательно демонстрировать ихъ предъ зрителемъ.

К. Храневичъ.

Digitized by Google



Шаль: кайма, волнообразно сплетенныя кольца.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ НОВОСТИ.

Ткани изъ египетскихъ гробницъ.

(По отчету знаменитыхъ раскопокъ A. Gayet.).

Раскопки, произведенныя въ теченіе зимы 1898 и 1899 года на кладбищахъ греко-римскихъ или византійскихъ городовъ Верхняго Египта, позволили собрать много цѣнныхъ данныхъ. Благодаря сухости климата и тогдашней привычкѣ располагать кладбища на открытыхъ пескахъ, трупы здѣсь сохранились нетронутыми; одѣты они въ тѣ же костюмы, что носили и при жизни; эти костюмы указываютъ намъ на мельчайшія детали туалета, но, судя по присутствію около труповъ нѣкоторыхъ предметовъ, мы можемъ составить себѣ представленіе и о способахъ, которые примѣнялись тогда въ техникѣ для производства роскошныхъ тканей для костюмовъ. Шагъ за шагомъ здѣсь можно прослѣдить развитіе костюма. Каждый періодъ имѣетъ свой особый типъ платья, такъ какъ мода уже мѣняется. Въ теченіе десяти вѣковъ съ III по XIII по Р. Хр., только четыре періода носятъ опредѣленный характеръ. Каждому изъ этихъ періодовъ соотвѣтствуютъ документы, добытые изслѣдованіемъ четырехъ различныхъ кладбищъ.

Кладбище Антиноэ.

Между всѣми городами греко-римскаго Египта Антиноэ долго оставался наиболѣе знаменитымъ. Основанъ онъ былъ императоромъ Адріаномъ въ 140 г. по Р. Хр., чтобы увѣковѣчить память о самоотверженіи своего любимца Антиноуса, который, повѣривъ предопредѣленію оракула, предсказавшему смерть властелину Рима, если только кто-либо изъ его друзей не предастъ себя самъ судьбѣ въ жертву, бросился въ воды Нила во время одного изъ своихъ путешествій по рѣкѣ.

Гдѣ только конфигурація почвы заставляла предполагать о существованіи древняго кладбища, были произведены тщательныя изслѣдованія. Открыто нѣсколько кварталовъ; въ однихъ изъ нихъ ничѣмъ не защищенное тѣло покоится прямо въ пескѣ, въ другихъ же тѣло опеленато и положено въ нѣкоторое подобіе склепа. Костюмы и предметы, найденные здѣсь, имѣютъ неоцѣнимое для исторіи костюма значеніе. На мужчинахъ надѣта рубашка съ застегнутыми у кистей рукавами съ полотнянымъ или шелковымъ галуномъ и вытканная вся разноцвѣтными арабесками. Находящійся на груди разрѣзъ украшенъ по обоимъ краямъ подобнымъ же галуномъ; послѣдній проходитъ вокругъ шеи и, будучи отогнутъ, образуетъ воротникъ, откуда выдается наплечниками.

Digitized by Google

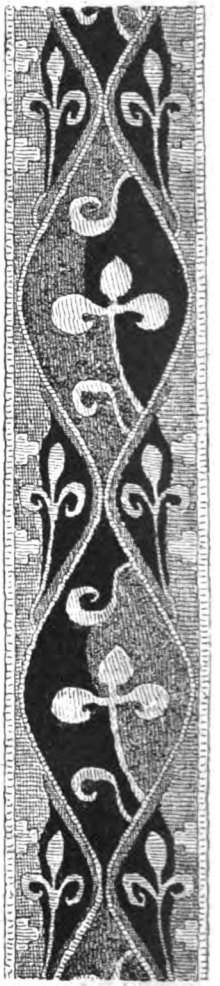
Къ женскому костюму примѣшивается кое-что классическое, но это только одно воспоминаніе. Костюмъ этотъ состоитъ изъ длинной рубашки изъ льняного муслина, вышитой сѣянцами нѣжныхъ цвѣточковъ, излучинами, завитками, репейками и проч. Весь подолъ ея, начиная отъ уровня колѣнъ, покрытъ богатой вышивкой съ рисункомъ, подобнымъ предыдущему. Поверхъ этой рубашки надѣто полотняное платье чрезвычайно рѣзкихъ цвѣтовъ—желтаго, зеленаго, краснаго, фіолетоваго. На груди нѣтъ никакого вырѣза. Сплетеный или же сотканый поясъ служитъ для прикрѣпленія этого платья въ таліи. На все это набрасывается плащъ изъ грубой шерстяной матеріи, цвѣтъ котораго варьируетъ отъ сѣраго до желтаго и даже краснаго, перейдя сперва въ оранжевый. Это большой прямоугольный кусокъ матеріи, посрединѣ одного изъ большихъ краевъ котораго находится большой полотняный чепецъ. Надѣтый на голову, этотъ чепецъ обрамляетъ лицо и прикрѣпляется подъ подбородкомъ при посредствѣ бахромы. На ногахъ надѣты туфли безъ задковъ изъ темной кожи, украшенныя тиснеными и золочеными узорами. Платье на мужчинахъ носитъ постоянный опредѣленный характеръ. Женскіе же костюмы чрезвычайно разнообразны. Можно было бы приписать это обстоятельство капризу; однако же, часто повторяющіяся подробности орнамента заставляютъ насъ предполагать, что это уже вліяніе моды.

Платье женщины.

Весь костюмъ египтянина какъ нельзя лучше обусловливается вдумчивымъ и созерцательнымъ его характеромъ. Такъ, въ теченіе десяти вѣковъ мы видимъ, что форма одежды остается почти той же, тогда какъ орнаментика постоянно преобразуется; сначала ее заимствовали изъ рисунка языческой Греціи; затѣмъ она начинаетъ носить арабески, свойственныя лишь Востоку. Вскорѣ, однако, Египетъ присоединяется къ христіанству, и эллинскія изображенія замѣняются священными иконами; въ то же время орнаментика изъ листочковъ и цвѣточковъ дѣлается преобладающей и въ такой степени, что въ арабскую эпоху она является съ ея неестественной флорой и волнообразными репейками. Наиболѣе употребляемыя тона матерій это синяго ляписа и бирюзовый; красный, переходящій изъ пунцоваго въ розовый; зеленый—изумрудный; желтый—цвѣта золота и цѣлая гамма темныхъ. Полутона встрѣчаются рѣдко.

Ткачъ знаетъ уже всѣ способы, которые употребляются теперь. Тканье шелкомъ простое или узорчатое, или чисто сотканное какъ кашемиръ; рисунокъ воспроизведенъ основой ткани, а очерченъ онъ уже вполнѣ вытканной матеріей; затѣмъ уже онъ окончательно отдѣлывается иголкой, точно такъ же, какъ и вышивка изъ цвѣтного шелка.

Это — что касается шелка. Полотно же, хотя и идетъ подъ низъ, выткано также великолѣпно. Нѣкоторыя рубашки изъ настоящаго муслина, совершенно прозрачныя; вышивки, которыми онѣ украшены, ничѣмъ не уступаютъ тканью по шелку; вышивки различныя, но, главнымъ образомъ — гладью и point de rose; обыкновенныя темы ихъ—это сѣянцы цвѣточковъ; иногда цвѣтокъ разноцвѣтный, но въ большинствѣ случаевъ — одноцвѣтный. Рисунокъ эмблематическій, арабесковый. Тканье, вышивка шелкомъ и вышивка различныхъ тканей показываютъ различныя вліянія, которымъ подвергалась ихъ орнаментика. Здѣсь онѣ византійскія, тамъ — чисто персидскія, изъ эпохи сассанидовъ; въ иномъ мѣстѣ на нихъ опять лежитъ отпечатокъ различныхъ темъ Греціи, Индіи, Дальняго Востока. Всѣ эти позаимствованія заставляютъ предполагать, что ремесло ткача было тогда въ рукахъ рабочихъ различныхъ расъ, и что глава каждаго



Повязка.

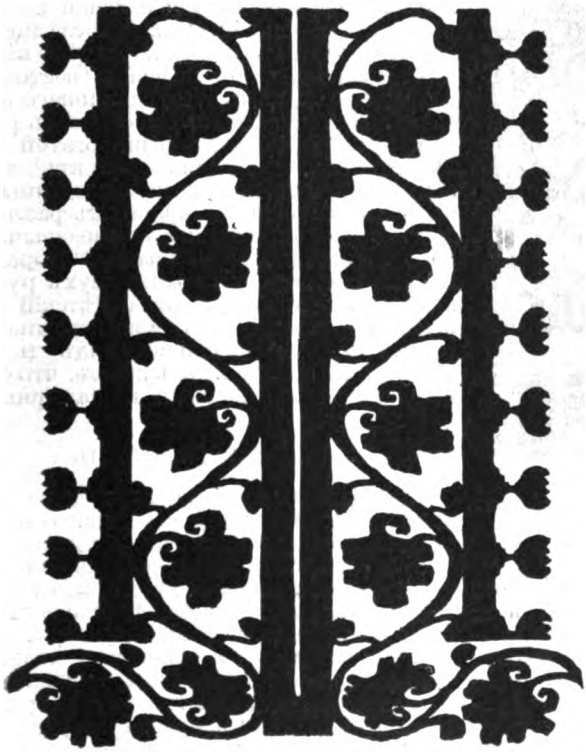
Digitized by Google

цеха воспроизводилъ рисунки, которые ему были наиболѣе родственны. Какъ практики, они были столь искусны, что многія шелковыя ленты ничѣмъ не уступятъ наиболѣе совершенному производству настоящаго времени.

Кладбище Деиръ-эль-дикъ.

Кладбище это составляетъ только часть некрополя Антиноэ. Покойники здѣсь лежатъ прямо въ пескѣ. Найденные костюмы сильно отличаются отъ предыдущихъ; тѣ изъ нихъ, которые можно отнести къ концу византійскаго періода (VI вѣкъ), состоятъ также изъ полотняной, а иногда муслиновой туники, украшенія которой, подраздѣленныя на горизонтальныя полосы, выполнены на сѣткѣ, оставшейся отъ основы тканей. Полосы разноцвѣтныя, темныя, желтыя, красныя, синія; посреди нихъ вышиты зубчики, медаліоны, репейки, цвѣты, рыбы, нагія дѣти; иногда же послѣдняя полоса соткана прямо на полотнѣ, и на ней изображены небольшіе, поддерживаемые на колонкахъ, сводики; въ каждомъ изъ такихъ портиковъ помѣщена фигура Св. Георгія или Михаила на лошади или ваза цвѣтовъ. Такое же полотняное платье; рукава застегиваются у запястья, и ихъ также окружаетъ полоска. Для женщинъ костюмъ этотъ дополняется шалью — большимъ прямоугольнымъ кускомъ полотна, украшеннаго бахромою. Мантія эта покрываетъ все тѣло и голову. Ноги также обнажены. Рисунокъ тяжелый, безъ всякаго направленія. Поэтому узоръ конца византійскаго періода есть только его вырожденіе, объединяющее

Кусокъ туники, разнообразные цвѣты.



Дѣтское платье.

Кайма вышивки по сѣткѣ (канвѣ): мелкое шитье: медальоны съ изображеніемъ райскихъ деревъ.

Digitized by Google

какъ наилучшія, такъ и наихудшія его стороны. Все это, однако, смягчается нѣжнымъ подборомъ красокъ. Птицы, изображаемыя на нихъ, похожи то на голубя Ноя — символъ воскресенія, а иногда на феникса райскихъ садовъ. Дельфинъ и рыба — служатъ символомъ Спасителя. Корзина, наполненная хлѣбомъ и виноградомъ—символъ евхаристіи. Украшеніе савана также относится къ рисунку символическому; внутри изображалась райская птица, павлинъ, или корзина евхаристіи; вокругъ этихъ символовъ орнаментика состоитъ изъ медаліоновъ, сѣянцевъ гороха, цвѣточковъ и полосъ, снабженныхъ репейками. Первое мѣсто въ фигурахъ, изображаемыхъ на вышивкахъ, занимали Св. Георгій и Михаилъ; ихъ изображенія часто можно встрѣтить на платьяхъ женщинъ; оба эти святые были любимыми покровителями египетскихъ христіанъ. У коптовъ въ ихъ житіяхъ святыхъ сохранилось по этому поводу много преданій. Въ одномъ изъ нихъ разсказывается, что Ефимія—жена Аристарха, правителя Антиноэ, женщина очень красивая, видя, что послѣдній уже при смерти, умоляетъ его заказать ей портретъ Св. Георгія, который защищалъ бы ее послѣ его смерти. Аристархъ соглашается; портретъ исполненъ, и мужъ Ефиміи кончается. Раздосадованный святостью этой женщины, діаволъ подъ разными видами разставляетъ ей сѣти, но все безполезно. Однажды онъ принялъ видъ Архангела, и Ефимія чуть не впустила его въ свою комнату, да во-время замѣтила (Св. Георгій бодрствовалъ надъ нею), что на скипетрѣ самозваннаго архангела не было креста; спрошенный о причинѣ, діаволъ смутился, Ефимія зоветъ на помощь; тогда Св. Георгій выскакиваетъ изъ рамки, набрасывается на искусителя и поражаетъ его; это заставило его сознаться въ своемъ преступленіи. Вообще же св. Георгій считался у египтятъ охранителемъ супружеской вѣрности.

Обшлага рукавовъ; яркіе медальоны.

Кладбище Акмимъ.

Акмимъ—древній Панополисъ грековъ, въ древности столица подъ именемъ Камита. Могилы такія же; мертвые покоятся прямо въ пескѣ. Костюмы мужчинъ тѣ же, что и въ предыдущую эпоху; костюмъ женщины состоитъ изъ такой же рубашки съ длинными рукавами, но воротникъ совершенно исчезъ, оставленъ только прорѣзъ для головы; плащъ рѣдко когда употребляется; его замѣняетъ длинная шаль, узкіе края которой покрыты бахромой.

Кладбище Дронка.

Въ четвертомъ періодѣ совершается уже измѣненіе: изъ византійско-арабскаго костюмъ становится цѣликомъ арабскимъ; но все это происходитъ постепенно.

Дронка это новѣйшее названіе одной маленькой деревушки на границѣ Ливійской пустыни, къ югу отъ г. Ассіу, одного изъ феодальныхъ городовъ Средняго Египта. Эти мусульманскія гробницы разсѣяны безъ всякаго порядка; тѣло положено въ гробъ или въ особую клѣтушку изъ пальмовыхъ вѣтокъ. Одни изъ костюмовъ предназначены для ношенія въ гаремѣ, другія—для выхода; въ послѣднемъ случаѣ они столь широки, что тѣло подъ ними теряетъ форму. Первые состоятъ изъ одного лишь платья, сдѣланнаго изъ совершенно прозрачнаго муслина, съ разрѣзами по бокамъ, съ очень богатой орнаментаціей, послѣдняя состоитъ изъ лентъ съ надписями, воспроизведенными на фонѣ цвѣточныхъ арабесокъ различныхъ оттѣнковъ; надписи эти чрезвычайно напоминаютъ страницы изъ Корана. Вторые состоятъ изъ одной-двухъ рубашекъ изъ льняного полотна. Дѣтскій костюмъ тотъ же, что для взрослыхъ, только въ уменьшенномъ видѣ и съ тѣмъ отличіемъ для мальчиковъ, что они носятъ сандаліи (женскія миніатюрныя).

Кладбище Даміетты.

Кладбище въ окрестностяхъ дюнъ Даміетты состоитъ изъ построеннаго съ помощью извести склепа, въ которомъ покоится трупъ. Платья и рубашки тѣ же, что и раньше; узоры зубчатые, полосатые медальоны, арки, укрывающія символическія, почти геральдическія фигуры, фениксы, пальмовыя и оливковыя деревья рая, изображенныя въ видѣ терновника; изображенія священныхъ воиновъ и архангеловъ. На многихъ платьяхъ на груди вырисовывается крестъ, окруженный вѣнцомъ

Digitized by Google

изъ листьевъ или расположенный на медальонѣ. Для изготовленія платья примѣняются, главнымъ образомъ, двѣ матеріи: полотно и шерстяныя ткани. Рубашки и платья приготовляются изъ грубаго полотна. Одни только плащи ткутся шерстью на льняной основѣ. Способы выдѣлки тѣ же. Рисунокъ узора символическій: низко парящій орелъ напоминаетъ орла Суабы, паденіе котораго въ битвѣ подъ Гранделлой показалось столь мрачнымъ предзнаменованіемъ Манфреду, королю Сициліи, сыну Фридриха II, что онъ бросился въ ряды арміи Карла Анжуйскаго, чтобы найти тамъ смерть. Вмѣстѣ съ этой фигурой есть много другихъ, также носящихъ геральдическій характеръ: деревья, цвѣты, животныя, медальоны и ряды арабесокъ. Господствуютъ разноцвѣтные тона—сѣрые, красные, желтые и зеленые; какъ одноцвѣтные употребляются только синіе и фіолетовые, иногда зеленые.

Шаль.

Digitized by Google

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Лучи Беккереля.

Мы имѣли уже случай говорить въ «Новомъ Журналѣ Иностранной Литературы» о катодныхъ лучахъ, получаемыхъ тѣмъ же путемъ, какъ и рентгеновскіе, но отличающихся отъ этихъ послѣднихъ большей способностью проницать сквозь непрозрачные предметы, а также и тѣмъ, что они отклоняются отъ своего пути магнитомъ и несутъ съ собою зарядъ отрицательнаго электричества. Эти послѣднія свойства заставили ученыхъ смотрѣть на катодные лучи, какъ на потокъ мельчайшихъ матеріальныхъ частичекъ, несущихся съ невообразимой скоростью семидесяти тысячъ миль въ секунду.

Нечего и говорить, что такое открытіе явилось совершенно неожиданнымъ для науки, въ которой свѣтъ, на основаніи неопровержимыхъ доказательствъ, давно уже разсматривается, какъ волнообразное колебаніе эѳира. Даже самое существованіе послѣдняго проявляется и доказывается въ наукѣ главнымъ образомъ свѣтовыми колебаніями, для которыхъ необходима среда, обладающая такими свойствами, какія приписываются проблематическому эѳиру.

Но катодные лучи все-таки получаются при дѣйствіи электрической энергіи на крайне разрѣженный воздухъ. Инертная матерія послѣдняго (или, пожалуй, электродовъ) приводится, стало быть, въ движеніе именно этой энергіей, что̀ еще не представляетъ собою особаго чуда, хотя и расшатываетъ установившееся въ наукѣ мнѣніе о свѣтѣ. Но вотъ теперь открыты вещества—тоже, конечно, считаемыя инертными, какъ всякая матерія—которыя самопроизвольно, безъ вмѣшательства какой бы то ни было энергіи, привходящей извнѣ, выдѣляютъ изъ себя лучи, обладающіе всѣми свойствами катодныхъ.

Открытіе это совершилось слѣдующимъ образомъ. Членъ знаменитой семьи Беккерелей, въ третьемъ поколѣніи уже дающей извѣстныхъ физиковъ, парижскій профессоръ Беккерель, заинтересовавшись фосфоресценціей, производимой рентгеновскими лучами при паденіи ихъ на нѣкоторыя вещества и въ особенности на соли урана, рѣшился провѣрить, не зависитъ ли и всякая вообще фосфоресценція—явленіе до сихъ поръ необъясненное—отъ дѣйствія рентгеновскихъ лучей. Прежде всего онъ, конечно, занялся именно урановыми солями, которыя, какъ давно уже извѣстно, начинаютъ фосфоресциро-

Digitized by Google

вать отъ простого даже освѣщенія лучами солнца. Подвергнувъ эти соли такому освѣщенію, онъ вносилъ ихъ потомъ въ темную комнату и клалъ рядомъ съ фотографической пластинкой, защищенной непрозрачными ширмами. Черезъ нѣсколько часовъ такой экспозиціи, на пластинкѣ получалось изображеніе—значитъ, урановыя соли, подвергнутыя дѣйствію солнца, дѣйствительно начинаютъ выдѣлять изъ себя рентгеновскіе лучи.

Но каково же было удивленіе Беккереля, когда однажды, при его опытахъ, на пластинкѣ появилось изображеніе отъ дѣйствія урановыхъ солей, не подвергавшихся предварительному освѣщенію солнцемъ и не фосфоресцировавшихъ! Не довѣряя чистотѣ опыта и думая, что соли его, въ этомъ случаѣ, когда-нибудь все-таки были освѣщены и лишь дольше обыкновеннаго сохранили способность свѣтиться, Беккерель нарочно растиралъ ихъ въ водѣ и вновь изъ нея выкристаллизовалъ въ темномъ помѣщеніи, такъ что ужъ о вліяніи на нихъ солнечныхъ лучей не могло быть и рѣчи. Оказалось, однако же, что и такая уранова соль даетъ изображеніе на фотографической пластинкѣ и даже гораздо скорѣе и рѣзче, чѣмъ предварительно освѣщенная. При ближайшемъ разсмотрѣніи, оказалось, далѣе, что лучи, выдѣляемые урановыми солями, состоятъ изъ смѣси рентгеновскихъ и катодныхъ, то есть не преломляются, не поляризуются, отклоняются магнитомъ и несутъ съ собою зарядъ отрицательнаго электричества.

Когда открытіе Беккереля стало извѣстнымъ, то ученые дѣятельно принялись изслѣдовать всѣ простыя тѣла, въ надеждѣ открыть между ними такія, которыя обладали бы способностью выдѣлять катодные лучи, подобно урану. Вскорѣ Шмидтъ доказалъ, что такою же способностью обладаетъ еще металлъ торій, употребляемый при выдѣлкѣ накаливающихся сѣтокъ въ ауэровскихъ горѣлкахъ.

Въ то же время супруги Кюри (Curie), добывая урановыя соли изъ естественныхъ минераловъ, нашли, что такъ называемая смоляная руда обладаетъ такой способностью въ большей степени, чѣмъ чистый уранъ, хотя солей этого металла въ ней очень мало. Изъ этого они заключили, что въ смоляной рудѣ находится какое-то неизвѣстное вещество, которое придаетъ ей такую способность. Послѣ долгихъ стараній, г-жа Кюри выдѣлила изъ названной руды небольшое количество въ высокой степени радіо-активнаго и совершенно новаго простого тѣла, которое въ честь ея родины (она—полька) названо было полоніемъ, а позднѣе г. Кюри и г. Дебирнъ (Debierne) оттуда же получили еще два такихъ же элемента—радій и актиній. Изъ всѣхъ этихъ тѣлъ наибольшей радіо-активностью обладаетъ радій, но въ смоляной рудѣ его гораздо меньше, чѣмъ золота въ морской водѣ, такъ что никакой анализъ, даже спектральный, не въ состояніи открыть его присутствія и только электропроводимость, сообщаемая имъ газамъ, указываетъ на это послѣднее.

Свѣтовая активность чистаго радія въ 100.000 разъ превосходитъ таковую активность урана. Даже заключенный въ свинцовую коробочку, со стѣнками толщиною въ дюймъ, онъ дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ незакрытый уранъ. Вообще радій является веществомъ совершенно исключительнымъ, почти мистическимъ. Открытый, онъ свѣтитъ яркимъ голубымъ свѣтомъ; подобно рентгеновскимъ лучамъ, заставляетъ фосфоресцировать чувствительные экраны, сильно дѣйствуетъ на фотографическую пластинку, а также и на кожу человѣка, на которой, при неосторожномъ обращеніи, вызываетъ язвы.

Имѣя въ виду, что потокъ матеріальныхъ частичекъ, выбрасываемый имъ въ формѣ катодныхъ лучей, движется со скоростью 120.000 миль въ секунду(!), слѣдуетъ думать, что радій долженъ постоянно терять какъ часть своей массы, такъ и энергію. Что̀ касается первой, то, по изслѣдованіямъ Кюри, онъ теряетъ всего только одну тысячную миллиграмма на каждый квадратный сантиметръ своей поверхности въ милліонъ лѣтъ (!), но что̀ касается второй, то съ каждаго квадратнаго сантиментра поверхности радія, въ милліонъ лѣтъ, тратится такое количество механической энергіи, которое, будучи превращено въ тепловую, растопило бы столбъ льда въ четверть мили длиной при одномъ квадратномъ сантиметрѣ въ разрѣзѣ.

Для того, чтобы постоянно тратить столько энергіи, ниоткуда ея не получая, радіо-активныя тѣла должны обладать большимъ запасомъ этой энергіи. Что̀ же она такое и какимъ образомъ накопляется? Положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы еще не имѣемъ, но вотъ нѣкоторыя данныя для его полученія.

За послѣднее время, сначала извѣстный физикъ и спиритъ Круксъ, а затѣмъ Беккерель успѣли получить соли урана, не дѣйствующія на фотографическую пластинку, то есть не выдѣляющія катодныхъ лучей. Для этого они растворяли соли урана въ растворѣ солей барія и затѣмъ осаждали послѣднія. При этомъ оказывалось, что радіо-активность переходила къ баритовому осадку, а растворъ урановой соли оставался недѣятельнымъ. По прошествіи года, однако же, осадокъ потерялъ свою активность, а въ растворѣ соли она появилась вновь. Точно такимъ же образомъ Рутерфордъ и Содди (Rutherford и Soddy) успѣли раздѣлить соли торія на часть активную и пассивную, при чемъ активность первой, въ теченіе

Digitized by Google

полугода, постепенно падала, активность же второй пропорціонально возрастала.

Какъ объяснить себѣ такого рода измѣненія? Проф. Кембриджскаго университета Д. Д. Томсонъ (J. J. Thomson, — изъ статьи котораго, помѣщенной въ «Harper's Magazine»'ѣ, за январь текущаго года, мы черпаемъ всѣ эти подробности) объясняетъ ихъ съ помощью слѣдующей аналогіи. Представьте себѣ, говоритъ онъ, что въ средѣ какого-нибудь населенія только одни дѣти, отъ рожденія до года, обладаютъ радіо-активностью. Эта послѣдняя, стало быть, остается постоянною, такъ какъ, по мѣрѣ нарожденія новыхъ дѣтей, старые переходятъ за предѣльный возрастъ и перестаютъ быть радіо-активными.

Предположимъ теперь, что всѣ наличныя дѣти, не достигшія этого возраста, сразу помѣщены въ ясли, находящіяся въ другомъ округѣ; населеніе, при этомъ, перестаетъ выдѣлять катодные лучи, за то ясли выдѣляютъ ихъ очень энергично. Но по прошествіи года въ ясляхъ всѣ дѣти перейдутъ за предѣльный возрастъ, и свѣченіе ихъ прекратится, а въ населеніи, тѣмъ временемъ, народятся новыя дѣти, и оно начнетъ свѣтить.

Объясняя процессъ накопленія энергіи въ радіо-активныхъ тѣлахъ и временное ея перемѣщеніе въ баритовый осадокъ, аналогія Томсона не объясняетъ, однако же, что такое эта энергія и откуда она берется—откуда берутся эти накопляющіяся въ соляхъ урана, торія и радія «дѣти», отъ которыхъ зависитъ свѣченіе?

Не ближе къ рѣшенію вопроса подходитъ Томсонъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи предмета.

Въ самое послѣднее время, говоритъ онъ, Рутерфордъ убѣдился, что торій и радій, помимо катодныхъ лучей, выдѣляютъ еще какой-то газъ, по свойствамъ своимъ похожій на аргонъ или гелій. Газъ этотъ, который Рутерфордъ называетъ «эманаціей», не только самъ радіо-активенъ, но сообщаетъ это свойство всѣмъ предметамъ, съ которыми приходитъ въ соприкосновеніе, хотя очень не на долго, всего на нѣсколько часовъ.

Эльстеръ (Elster) и Гейтель (Geitel) затѣмъ открыли, что и безъ вліянія радіо-активныхъ элементовъ всѣ предметы могутъ выдѣлять катодные лучи,—для этого стоитъ только повѣсить ихъ на открытомъ воздухѣ и зарядить отрицательнымъ электричествомъ. Изслѣдователи получили прекрасные фотографическіе снимки отъ простого мѣднаго прута, повѣшеннаго такимъ образомъ, а впослѣдствіи убѣдились, что для полученія радіо-активности даже приготовленій никакихъ не нужно, что земля сама наэлектризована отрицательно, а потому всѣ острія на ея поверхности—громоотводы, острые концы листьевъ, верхушки деревъ и концы ихъ вѣтвей — являются какъ бы катодными электродами и выдѣляютъ катодные лучи.

Этого и слѣдовало ожидать, конечно, но это все же нисколько не объясняетъ радіо-активности урана, торія и радія. Не объясняетъ это также и той страшной скорости, съ которою будто бы матеріальныя частички вылетаютъ подъ вліяніемъ электрическаго напряженія.

Профессоръ Томсонъ пробуетъ объяснить эту скорость тѣмъ, что около отрицательно заряженныхъ тѣлъ образуется какъ бы покровъ изъ положительно заряженныхъ іоновъ воздуха, который съ такою силою притягиваетъ отрицательное электричество, что матеріальныя частички, имъ заряженныя, стремительно отдѣляются и потокомъ несутся въ пространство...

По нашему мнѣнію, объяснять только-что открытыя явленія можно всячески, но время для объясненій еще не наступило: слишкомъ мало мы изучили эти явленія и тѣмъ болѣе, что они колеблютъ давнымъ-давно и, казалось бы, непоколебимо установившіеся въ наукѣ основные ея взгляды. Въ самомъ дѣлѣ—безпричинная повидимому, а во всякомъ случаѣ самопроизвольная радіо-активность торія, урана и радія, тратящихъ энергію, ниоткуда ее не получая и безъ всякаго предварительнаго толчка со стороны, нарушаетъ понятіе объ инертности матеріи и даже о законѣ причинности вообще; а матеріальный характеръ катодныхъ лучей прямо противорѣчитъ динамической теоріи свѣта, казавшейся самою неприступною изъ всѣхъ гипотезъ физики.... Открытіе Беккереля, однимъ словомъ, грозитъ перевернуть вверхъ дномъ всю науку о природѣ.

Не мало также открытіе Беккереля вноситъ новаго и въ прикладныя къ чистому естествознанію науки—въ гигіену, напримѣръ, метеорологію и агрономію. Въ самомъ дѣлѣ, если катодные лучи дѣйствительно такъ широко распространены въ природѣ, то не могутъ ли они вліять и на здоровье человѣка, и на погоду, и на растенія? Да, не только могутъ, а непремѣнно должны вліять и являются такимъ факторомъ, о которомъ мы до сихъ поръ никакого понятія не имѣли, теперь же должны заняться выясненіемъ его роли, можетъ быть, очень крупной.

Но до какой же степени, значитъ, неполны и ограничены наши знанія о природѣ, до какой степени они относительны и не точны! Вѣдь, если открытіе Беккереля поколеблетъ господствующіе въ наукѣ взгляды на способъ распространенія свѣтовой энергіи и на самую ея сущность, а ужъ тѣмъ болѣе на основныя свойства и сущность матеріи, то на что же мы тогда можемъ положиться? Факты, правда, разъ констатированы точной наукою, навсегда останутся неопровержимыми. Чѣмъ

Digitized by Google

бы ни оказалась свѣтовая энергія, а способность луча отражаться, преломляться, интерферировать и диффрагировать доказана безповоротно, а тѣмъ самымъ доказаны и волнообразныя колебанія, но чего и отъ какого толчка? Затѣмъ всякій ли свѣтъ есть волнообразное колебаніе? Можно ли назвать свѣтомъ то, что не есть таковое? Если катодные лучи есть новая форма энергіи, то вѣдь такихъ формъ (такъ же, какъ формъ матеріи и формъ жизни) можетъ быть безчисленное множество, а мы имѣемъ пока понятіе только о четырехъ... Гдѣ же конецъ наукѣ? А если она безконечна, то... то все-таки мы должны почему-то стремиться познать вселенную, безъ надежды достигнуть цѣли...

Питаніе туберкулозныхъ сахаромъ.

Въ интересномъ изслѣдованіи, напечатанномъ недавно въ «Journal de médecine interne», французскій докторъ А. Ф. Пликъ, уже зарекомендовавшій себя трудами по вопросу о борьбѣ съ чахоткой, останавливается на полезной роли сахара въ питаніи чахоточныхъ. Въ этомъ отношеніи сахаръ въ старину пользовался большимъ почетомъ, но затѣмъ, наравнѣ съ нѣкоторыми другими полезными медикаментами, былъ почему-то забытъ, неизвѣстно даже хорошо—почему именно. Уже древніе приписывали меду цѣлительную силу. Арабская школа врачей очень дорожила розовымъ сахаромъ, какъ средствомъ противъ чахотки. Авиценна и Лазарь Ривьеръ изъ Монпелье (1629 г.) употребляли въ этихъ случаяхъ сахаръ. Альманзоръ рекомендовалъ для чахоточныхъ молоко ослицъ, потому что оно отличается наибольшею сахаристостью. Роленъ превозносилъ похвалами сахаръ не только какъ питательное вещество, но даже и какъ антисептическое, противогнилостное средство: онъ посыпалъ сахаромъ раны и получалъ при этомъ хорошіе результаты, и онъ признавалъ, что употребленіе антисептическихъ средствъ является могучею помощью противъ легочной чахотки.

Въ настоящее время питаніе сахаромъ, по словамъ доктора Плика, должно быть признано имѣющимъ значеніе не только лѣкарственное, лѣчебное, но и предупредительное, представляя такимъ образомъ съ соціальной точки зрѣнія, въ видахъ предупрежденія туберкулоза, весьма значительный интересъ. Дѣйствительно, сахаръ легко поддается всасыванію и усвоенію его организмомъ и снабжаетъ послѣдній большимъ количествомъ тепла (1 граммъ, т. е. $22^1/_2$ доли, сахара даетъ 3,83 калоріи), при чемъ онъ расходуется въ организмѣ, уменьшая разрушеніе бѣлковыхъ продуктовъ. Жиръ, правда, даетъ вдвое больше теплоты, но зато онъ не такъ хорошо переносится организмомъ особенно у туберкулозныхъ. Для послѣднихъ сахаръ представляетъ, по словамъ профессора Готье, запасы тепла или вообще всегда готовый запасъ скрытой энергіи, которою клѣточки могутъ непосредственно распоряжаться. Опытъ подтвердилъ теоретическія данныя. Туберкулозные, подвергнутые лѣченію покоемъ, могутъ благодаря сахару значительно лучше переносить наиболѣе холодную погоду и могутъ даже заниматься нѣкоторыми физическими упражненіями безъ большого утомленія. Сахаръ рѣдко дается для питанія больныхъ туберкулозомъ въ натуральномъ видѣ, но обыкновенно въ вареньяхъ, смѣшанныхъ съ сырой говядиной (старинное средство Труссо, такъ называемое Дамасское сухое варенье), въ кремахъ, пирожныхъ, вообще вареньяхъ, особенно апельсинномъ вареньи и въ подсахаренномъ питьѣ, которое при пріятномъ вкусѣ легко переносится желудкомъ, и т. д. Для избѣжанія разстройствъ желудка или раздраженія, отягощенія кишекъ, средняя доза сахара не должна превосходить ста граммовъ въ день (т. е., 7,818 лотовъ, почти четверть фунта). Разумѣется, употребляемый съ указанною цѣлью сахаръ долженъ быть чистый, кристаллическій, безъ искусственной окраски, особенно безъ окраски ультрамариномъ.

Большинство французскихъ военныхъ врачей требовало у спеціальной комиссіи для предупрежденія туберкулоза въ арміи, чтобы солдатскій раціонъ сахару (ежедневно 5 граммовъ) былъ увеличенъ, особенно зимою. Предохранительная роль сахара въ борьбѣ съ распространеніемъ туберкулоза лучше всего доказывается статистикою: въ Англіи потребленіе сахара выражается, въ среднемъ, количествомъ въ 40 килограммовъ ежегодно на человѣка (т. е. 97,68 фун.,—больше 2 пудовъ), или по одной четверти фунта сахара въ день на человѣка), во Франціи—только 14 килограммовъ (34,188 фун., меньше пуда, или почти по 3 лота на человѣка въ день), и все-таки, не смотря на неблагопріятный, сырой климатъ Англіи, смертность отъ туберкулоза тамъ значительно уменьшилась.

Опыленіе цвѣтовъ.

(Новые труды Томаса Мигана—о вліяніи «сна» растеній и теплоты на опыленіе и полъ цвѣтовъ).

Уже давно было замѣчено, что нѣкоторые цвѣты вечеромъ закрываютъ свои чашечки, но только въ послѣднее время выясняется важная роль такого «сна» растеній (какъ было названо это явленіе знаменитымъ Линнеемъ) въ оплодотвореніи цвѣтка. По этому вопросу интерес-

Digitized by Google

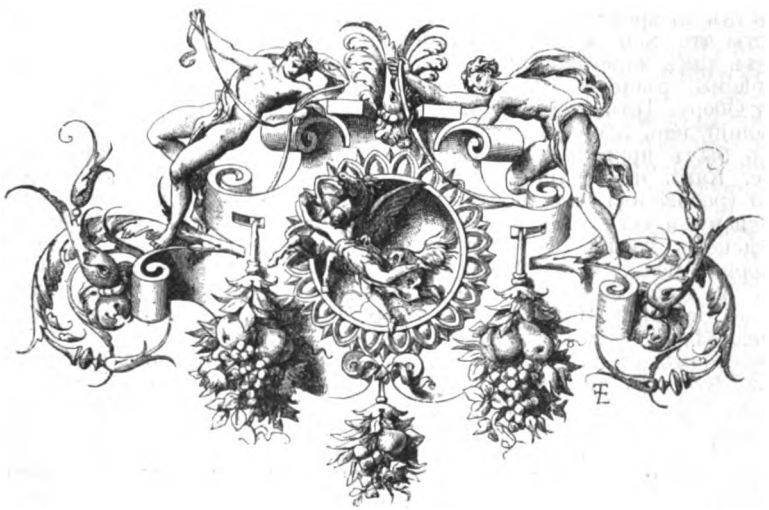
нѣйшія наблюденія опубликованы недавно членомъ Филадельфійской академіи естественныхъ наукъ—Томасомъ Миганомъ. Когда, напримѣръ, распускается цвѣтокъ Claytonia Virginica,—тычинки опрокидываются на лепестки, а вѣнчикъ, закрываясь вечеромъ, сближаетъ такимъ образомъ пыльники и приводитъ ихъ въ соприкосновеніе съ пестикомъ. Только такимъ способомъ и оплодотворяются эти цвѣты, которыхъ не посѣщаютъ насѣкомыя, играющія весьма важную роль, какъ извѣстно, въ опыленіи пестиковъ. Часто тычинки отворачиваются настолько, что движеніе лепестковъ вѣнчика изгибаетъ ихъ назадъ, и тогда пыльники не прикасаются къ рыльцу пестика и оплодотворенія не происходитъ. У Ranunculus bulbosus несозрѣвшіе пыльники и рыльца уже съ перваго дня цвѣтенія покрыты цвѣтневой пыльцей. Причину этого явленія можно было бы приписать посредничеству насѣкомыхъ, но Миганъ держится другого мнѣнія на этотъ счетъ и объясняетъ такъ: въ моментъ распусканія цвѣтка тычинки наружнаго ряда разрываютъ свои цвѣтневые мѣшки и выбрасываютъ пыльцу на лепестки; когда же цвѣтокъ закрывается,—то плодотворная пыльца попадаетъ на несозрѣвшіе пыльники и рыльца. У другого вида лютиковъ, именно у Ranunculus abortivus цвѣты не закрываются вечеромъ, не посѣщаются днемъ насѣкомыми, хотя и снабжены медоносными железами, и, не смотря на это, даютъ сѣмена. Заинтригованный способомъ оплодотворенія этихъ цвѣтовъ, Миганъ наблюдалъ растеніе по вечерамъ, послѣ захода солнца, чтобы удостовѣриться, не навѣщаютъ ли его ночныя насѣкомыя. Онъ констатировалъ при этомъ, что вечеромъ стебелекъ наклоняется,—цвѣтокъ поворачивается внизъ и пыльца легко падаетъ изъ пыльниковъ на рыльца,—что, собственно, и требовалось доказать. Продолжая свои изслѣдованія въ этой области относительно другихъ растеній, Миганъ нашелъ, что большинство ихъ можетъ обходиться въ оплодотвореніи безъ участія насѣкомыхъ. Напримѣръ, у норичника, или песьей головы (S. canina) пестикъ созрѣваетъ первымъ, когда пыльники еще свернуты въ зѣвѣ вѣнчика, но тычинки выпрямляются одна за одной и цвѣтневая пыльца, которую легко узнать по ея оранжевому цвѣту, появляется на рыльцѣ лишь тогда, когда цвѣтневые мѣшки этого же самаго цвѣтка открыты. У одуванчика сначала созрѣваютъ тычинки, и сросшіеся пыльники выбрасываютъ пыльцу раньше, чѣмъ рыльце готово воспринять ее, но пестикъ, развиваясь, выступаетъ за коронку пыльниковъ и уноситъ съ собою пыльцу; затѣмъ онъ раздваивается на верхушкѣ и, по мѣрѣ того, какъ раскрывается щель, нѣкоторыя зернышки пыльцы падаютъ туда внутрь на поверхность рыльца. Цвѣты Chrysanthemum leucanthemum оплодотворяются точно такъ же непосредственно и, повидимому, лишь рѣдко посѣщаются крылатыми насѣкомыми. Цикорій весьма хорошо поддается этимъ наблюденіямъ: ярко-бѣлая цвѣтневая пыльца рѣзко выдѣляется на фонѣ голубой окраски пестика и вѣнчика, и оплодотвореніе совершается въ теченіе какихъ-нибудь двухъ часовъ. Къ 6 часамъ утра пестикъ цикорія вытягивается, проходитъ въ массѣ пыльцы, зернышки которой остаются на его поверхности. Часомъ позже доли рыльца раскрываются, и цвѣтень попадаетъ въ отверстіе. Къ 9—10 часамъ цвѣтокъ вполнѣ закрывается. Въ теченіе такого сравнительно короткаго времени не трудно отгонять насѣкомыхъ, которыя могли бы посѣтить растеніе и сдѣлать своимъ визитомъ указанное явленіе сомнительнымъ. Въ наблюденіяхъ надъ колокольчикомъ, для опыленія котораго вообще принято считать необходимымъ посредничество насѣкомыхъ, Миганъ примѣнилъ строгій контроль: онъ окружилъ цвѣты маленькими тонкими газовыми мѣшочками для огражденія отъ насѣкомыхъ, и тѣмъ не менѣе растеніе дало сѣмена. Красный клеверъ часто служилъ у ботаниковъ однимъ изъ лучшихъ примѣровъ перекрестнаго опыленія, но Миганъ наблюдалъ на немъ очень мало насѣкомыхъ. При томъ, къ своему великому удивленію, онъ убѣдился, что шмели не проникаютъ въ зѣвъ вѣнчика, но продѣлываютъ щель у основанія трубочки и берутъ такимъ путемъ тамъ медъ, не производя вовсе опыленія цвѣтка.

Однако, членъ той же Филадельфійской академіи естественныхъ наукъ, д-ръ Аса Грей, придерживаясь противоположныхъ взглядовъ, т. е. теоріи перекрестнаго опыленія, или опыленія цвѣтка посредствомъ насѣкомыхъ, оспариваетъ не только выводы Мигана, но и точность его наблюденій и замѣчаетъ, что вообще наблюдатели бываютъ наиболѣе поражены именно тѣми деталями, какія совпадаютъ съ ихъ предвзятымъ мнѣніемъ, съ ихъ излюбленною гипотезою. Грей не усмотрѣлъ тѣхъ же явленій, какія были указаны Миганомъ. Такъ, Грей убѣдился, что цвѣтневая пыльца въ каждомъ цвѣткѣ узловатаго норичника отдѣляется изъ пыльника тогда, когда рыльце пестика уже болѣе не въ состояніи ее поймать, и потому для объясненія опыленія въ данномъ случаѣ приходится прибѣгнуть къ вмѣшательству насѣкомыхъ. Одуванчикъ и бѣльцы (Chrysanthemum leucanthemum) посѣщаются маленькими осами, комарами, мухами, муравьями, и въ этомъ заключается большая вѣроятность того, что тутъ происходитъ перекрестное опыленіе, по крайней мѣрѣ между цвѣтами одного и того же цвѣторасположенія. Во всякомъ случаѣ,

Digitized by Google

какъ бы новы и неожиданны ни были выводы изслѣдованій Мигана,—въ спорномъ вопросѣ объ опыленіи цвѣтовъ они представляютъ большой интересъ и заслуживаютъ глубокаго вниманія. Истина, быть можетъ, и не въ нихъ; но вѣдь въ построеніи какой-либо прочной научной теоріи часто даже и единичныя, крайнія мнѣнія могутъ послужить полезными, хотя и временными, подпорками для лѣсовъ возводимаго вчернѣ зданія.

Не менѣе интересны изслѣдованія Томаса Мигана надъ поломъ цвѣтовъ. Изслѣдованія Мигана производились главнымъ образомъ надъ серебристымъ кленомъ (Acer dasycarpum), распространеннымъ въ Америкѣ. Это дерево—не многобрачное, какъ это обыкновенно полагаютъ, а однодомное или двудомное; двуполыхъ цвѣтовъ у него нѣтъ; мужскіе цвѣты никогда не имѣютъ гинекея, а женскіе производятъ хорошо пыльники, но эти пыльники не вырабатываютъ никогда цвѣтневой пыльцы. Иногда дерево, производившее только женскіе цвѣты, мѣняетъ полъ и даетъ лишь мужскіе цвѣты, но обратной перемѣны, т. е. послѣ мужскихъ—женскихъ цвѣтовъ никогда не было. В. Брандикуръ передаетъ объясненіе этого явленія Миганомъ слѣдующимъ образомъ: Пока кленъ энергично, крѣпко растетъ, онъ слѣдуетъ общему для всѣхъ деревьевъ правилу и не начинаетъ цвѣсти,—первая фаза. Но съ ослабленіемъ вегетативной силы начинается цвѣтеніе,—это вторая фаза. При новой задержкѣ все еще энергичнаго развитія растенія образуются затѣмъ только женскіе цвѣты,—это третья фаза вегетаціи. Если дерево съ перваго раза начинаетъ давать только мужскіе цвѣты—значитъ, оно перешло вторую фазу, и опытъ доказываетъ, что при однихъ и тѣхъ же условіяхъ мужскіе экземпляры кленовъ не крѣпче женскихъ экземпляровъ одного и того же возраста, несмотря на трату жизненной силы, какую требуетъ у послѣднихъ выработка сѣмянъ. Кромѣ того Миганъ нашелъ, что для распусканія женскаго цвѣтка нужно больше тепла, чѣмъ для распусканія мужского, и что еще больше теплоты необходимо для развитія цвѣточной почки. Несущая на себѣ цвѣты вѣтка вытягивается весною на женскомъ экземплярѣ клена больше, чѣмъ на мужскомъ, гдѣ она сокращена до тонкой, короткой шпорцы. И однако изъ этихъ шпорецъ выходитъ большая масса цвѣтовъ, которые распускаются, и эти цвѣты оказываются болѣе ранними, чѣмъ мужскіе цвѣты, произведенные прошлогодними побѣгами, и они уже разсѣяли всю свою пыльцу, когда только открылись послѣдніе и одновременно съ ними женскіе цвѣты. Такимъ образомъ, чтобы задержать это раннее развитіе мужскихъ цвѣтовъ до того момента, когда листовыя почки могутъ, въ свою очередь, распуститься, садовнику нужно поддерживать какимъ-либо способомъ низкую температуру около нихъ. Такими доводами Миганъ, между прочимъ, объясняетъ, почему европейскій орѣшникъ или лещина не всегда даетъ плодосборъ въ восточной части Пенсильваніи съ мягкою зимою, куда онъ былъ вывезенъ изъ Стараго Свѣта: повышенная температура зимнихъ мѣсяцевъ часто вызываетъ цвѣтеніе мужскихъ сережекъ орѣшника, прежде чѣмъ еще вполнѣ установится настоящая весна, и пыльца этихъ сережекъ безплодно разсѣивается, когда еще ни одинъ женскій цвѣтокъ не открытъ, чтобы принять ее своевременно; будь тамъ климатъ зимою похолоднѣе—мужскіе и женскіе цвѣты орѣшника зацвѣли бы почти одновременно. Тѣ же самыя причины должны имѣть большое вліяніе на относительную зрѣлость тычинокъ и пестиковъ въ двуполыхъ цвѣтахъ.



Digitized by Google

Изъ мемуаровъ Сары Бернаръ.

Мой первый дебютъ.

«Сдѣлайте изъ нея модистку», — говорилъ мой крестный отецъ,—«это для нея будетъ самое лучшее. Мишура, ленты и наряды! Она слишкомъ маленькій карапузъ, чтобы обратиться въ негодницу. Повѣрьте мнѣ—это будетъ самое настоящее дѣло!» Однако, одинъ изъ старыхъ друзей моей матери, занимавшій въ то время постъ министра, высказалъ ей предположеніе, не могъ ли бы, пожалуй, театръ доставить мнѣ будущность.

Того же мнѣнія оказалась и мама. Я была недурна, обладала мягкимъ голосомъ и красивыми зубами, такъ что смѣло могла улыбаться. Я могла вырости и пополнѣть (въ то время вѣдь никто и не воображалъ, что моя худоба когда-нибудь будетъ такъ живо занимать критиковъ). Словомъ, рѣшено было представить меня Оберу. Тетя ожидала къ себѣ на слѣдующій день Жирардена, который и долженъ былъ привести это дѣло въ исполненіе. Какъ иностранка, мама не знала, что требовалось для поступленія моего на сцену, и тетя объяснила ей это на голландскомъ языкѣ. Онѣ быстро и долго говорили между собой. Крестный и господинъ X. тихо бесѣдовали, отойдя отъ дамъ въ сторонку. Я осталась стоять въ одиночествѣ, въ углу комнаты, исполненная чувствомъ страха передъ неизвѣстностью. Что это такое обозначало: будущность? Передо мной замелькали мечты о счастіи. У меня защемило сердце, когда въ сосѣдней комнатѣ послышался смѣхъ двухъ младшихъ сестеръ. Рѣзкіе звуки голландскаго языка коробили меня, а шепотъ двухъ мужчинъ раздражалъ. Я чувствовала себя такой несчастной, что принялась плакать. Всѣ четверо бросились ко мнѣ.

— Чего же ты плачешь?—сказала мама, нѣжно привлекая меня къ себѣ и цѣлуя въ голову,—развѣ тебѣ непріятно быть артисткой?

— Я хочу быть монахиней,—отвѣтила я со слезами.

— Ахъ, ты, дурочка!—вздернувъ плечами, сказала тетя.

— Но до чего только глупы эти дѣвушки!—прибавилъ мой крестный.

— Ступай, одѣнься,—сказала мама,—и не заливайся такими горючими слезами.

Я прижалась къ ней со всей силой, говорить я не могла. Но мама погладила меня, и это меня успокоило. Я вышла изъ комнаты. Четверть часа спустя, я думала исключительно о томъ, какъ бы получше одѣться къ лицу, на зло моему крестному, который считалъ меня дурнушкой.

На слѣдующій день меня представили г. де-Жирардену, который нашелъ меня прелестной, объявилъ, что я немного похожа на Рашель, и обѣщалъ похлопотать за меня. Онъ сдержалъ слово: два дня спустя мама получила маленькую записку, гдѣ ее приглашали въ назначенный день и часъ явиться со мною въ консерваторію.

Тогда вытребовали портниху, которой заказали для меня черное шелковое платье. Въ великій день представленія явился парикмахеръ, взбилъ мнѣ волосы, какъ только могъ, и свернулъ ихъ въ туфы и локоны. Никогда у меня не было такого ужаснаго вида. Мама была того же мнѣнія. Но крестный объявилъ, что

Digitized by Google

теперь, по крайней мѣрѣ, я похожа на взрослую дѣвицу, а не на какую-то бѣшеную собаченку. Худыя руки мои болтались въ черезчуръ широкихъ рукавахъ, на долговязую шею мнѣ надѣли кораллы. Затѣмъ меня напудрили рисовой пудрой,—рѣсницы, брови, уши—все было набито ею. Я имѣла прямо гнусный видъ, и когда,—въ числѣ многихъ другихъ молодыхъ дѣвушекъ, которыя всѣ были бѣленькія, розовенькія и старше меня, такъ какъ онѣ собирались учиться пѣть,—меня подвели къ Оберу, онъ пожалъ плечами и проворчалъ: «Жирарденъ рехнулся!» И съ этими словами обернулся ко мнѣ спиной. Мнѣ дали понять, что представленіе окончено, и мы удалились послѣ того, какъ записали мое имя и адресъ, и сказали, что черезъ десять дней состоится пріемное испытаніе.

— Что мнѣ выучить, сударь?

— О, что вамъ угодно!—возразилъ онъ, сейчасъ же обратившись къ другой.

* * *

Наконецъ, наступилъ знаменательный день.

На этотъ разъ мама не велѣла меня завивать, и я отправилась въ консерваторію съ моими растрепанными волосами, юнымъ лицомъ безъ румянъ и дѣтской невозмутимостью. Тамъ было много молодыхъ дѣвушекъ, красивыхъ, восхитительныхъ, въ пышномъ расцвѣтѣ юности; однѣ смѣялись и болтали, другія были печальны и дрожали, всѣ съ надеждой въ сердцѣ и съ выраженіемъ страха во взорахъ. Меня сопровождала тетя, такъ какъ мама никуда не ходила, гдѣ приходилось ожидать. Это вызывало въ ней нервное состояніе и раздраженіе. Я сейчасъ же пристала къ одной прелестной молодой дѣвушкѣ съ настоящимъ грёзовскимъ личикомъ. То была Роза Баретта, сестра Бланшъ, нынѣшней m-me Вормсъ. Послѣдняя, въ то время еще совсѣмъ маленькая дѣвочка, играла съ сестрой моей Жанной и Мари Самари, дѣтьми одинаковаго возраста.

Когда меня вызвали, я почувствовала сильнѣйшее желаніе вскочить и убѣжать. Скорѣе мертвая, чѣмъ живая, вошла я въ зало, гдѣ стоялъ столъ, за которымъ разговаривали и спорили много мужчинъ. Въ глубинѣ виднѣлась передняя часть сцены и сидѣлъ высокій, весь въ черномъ, молодой человѣкъ, большіе глаза котораго сверкали подъ густыми, нависшими бровями.

— Что вы прочтете? — спросилъ онъ. Его звали Леотанъ, впослѣдствіи онъ занялъ мѣсто перваго суфлера въ театрѣ Мольера.

— Басню о двухъ голубяхъ,—прошептала я чуть слышно.

— Что... Да развѣ здѣсь читаютъ басни?..

И онъ почти громко разсмѣялся. Въ это время позвонили.

— Поклонитесь, — сказалъ мнѣ тихо привѣтливый Леотанъ. Я исполнила его приказаніе и въ первый разъ кинула взглядъ на ареопагъ. Меня пробрала дрожь. Это нѣчто ужасное—подобное испытаніе въ консерваторіи. Это почти жестоко такъ испытывать присутствіе духа ребенка. Помоему, нѣкоторыя, обладавшія дѣйствительнымъ талантомъ, единственно отъ чрезмѣрнаго страха провалились на этомъ коротенькомъ экзаменѣ. Среди обратившихся ко мнѣ лицъ я стала искать такое, которое не очень бы меня пугало. На мгновеніе взоръ мой остановился на Оберѣ, но его насмѣшливая улыбка смутила меня. Онъ замѣтилъ это и наклонился къ Августинѣ Броганъ, которая громко разсмѣялась. Слезы подступили у меня къ глазамъ, но моя сконфуженная улыбка, наконецъ, повидимому, вызвала состраданіе. Камиллъ Дусе привѣтливо мигнулъ мнѣ и одобрительно кивнулъ головой. Я была спасена. Я начала свою басню, не спуская глазъ съ этого лица, почерпая изъ его благосклонной позы все мужество, котораго мнѣ недоставало. Не переводя дыханія, прочла я чудесные стихи Лафонтена. Мой взволнованный голосъ невольно находилъ особенные тоны искренности и нѣжности. Раздался звонокъ, я остановилась.

— А не знаешь ли ты еще чего-нибудь, малютка?—спросилъ Оберъ.

— Да, я знаю сцену Агнесы, только не хорошо.

— Прочти изъ нея, что знаешь.

Я снова поклонилась и, по прочтеніи нѣсколькихъ стиховъ, снова услышала звонокъ.

— Поклонитесь и сойдите внизъ,—сказалъ Леотанъ.

Я исполнила. Когда я проходила мимо, Оберъ меня остановилъ.

— Она мила,—сказалъ онъ, обратясь къ остальнымъ.

— Драная кошка,—грубо буркнулъ какой-то господинъ въ шляпѣ. То былъ Бовалэ.

— Я беру ее къ себѣ въ классъ, что-нибудь ужъ я сдѣлаю изъ нея!—крикнулъ другой, съ блѣднымъ лицомъ и сѣдыми блестящими волосами. То былъ Прово.

— Развѣ я принята? — воскликнула я, въ восторгѣ.

— Ну, да, поди, обойми меня. У тебя красивый голосъ, умные глаза. Ты ничего не умѣешь, но это тѣмъ лучше. Только ты должна вырости, малютка, такъ какъ безъ фигуры при роляхъ, за которыя тебѣ придется браться, о театрѣ нечего и думать.

Я обняла г. Прово и выбѣжала, внѣ себя отъ радости.

Digitized by Google

Въ сказочномъ краю.

(Марокскій шерифатъ).

Марокко! Мало намъ извѣстная и загадочная вообще, эта страна за послѣднее время все чаще и чаще фигурируетъ на столбцахъ газетъ, на страницахъ иллюстрацій и въ разговорахъ и толкахъ русскаго общества.

Загадочны событія, пробудившія особенный интересъ къ далекой отъ насъ странѣ. Умеръ старый шерифъ марокскій, и на престолъ вступилъ его сынъ и наслѣдникъ, 18-ти лѣтъ, находившійся не то въ заточеніи, не то въ заключеніи. Восточные владыки ревнуютъ къ трону не только братьевъ, но и своихъ родныхъ сыновей.

Юноша-султанъ, Мулей Абдулъ-Азисъ, поддерживая въ главномъ традиціи старыхъ шерифовъ, держалъ въ плѣну своего одноглазаго брата. Марокканцы, недовольные стремленіемъ юнаго повелителя къ европеизированію, хотя и довольно поверхностному, взбунтовались.

Вдругъ убѣжалъ изъ-подъ надзора братъ-плѣнникъ и, не смотря на отсутствіе глаза, явился въ качествѣ побѣдоноснаго предводителя бунтовщиковъ, а тамъ, снова, онъ очутился взаперти...

Собственно говоря, событія для Европы неважныя, и ей безразлично: кто будетъ у марокканцевъ главой, обезглавливающей всѣхъ своихъ подданныхъ.

Но географическое положеніе Марокко, по справедливости, внушаетъ многимъ первоклассным державамъ заботу о сохраненіи порядка и настоящаго положенія вещей въ этомъ углу Африки.

По косности и фанатическому настроенію многомилліонной народной массы, населяющей шерифатъ, Марокко давно называютъ «Западнымъ Китаемъ». А политическое значеніе государства, расположеннаго у Гибралтарскаго пролива, у этого западнаго «ключа» для Средиземнаго моря, въ то время, какъ у Турціи восточный ключъ—Босфоръ, значеніе Марокко на вѣсахъ европейскаго равновѣсія очень немаловажно.

Первые поняли это пролазы всемірные, англичане. Средиземное море — великій торговый всеевропейскій проѣзжій шляхъ черезъ Дарданеллы, ведущій и въ Малую Азію, не долженъ былъ миновать ихъ лапъ.

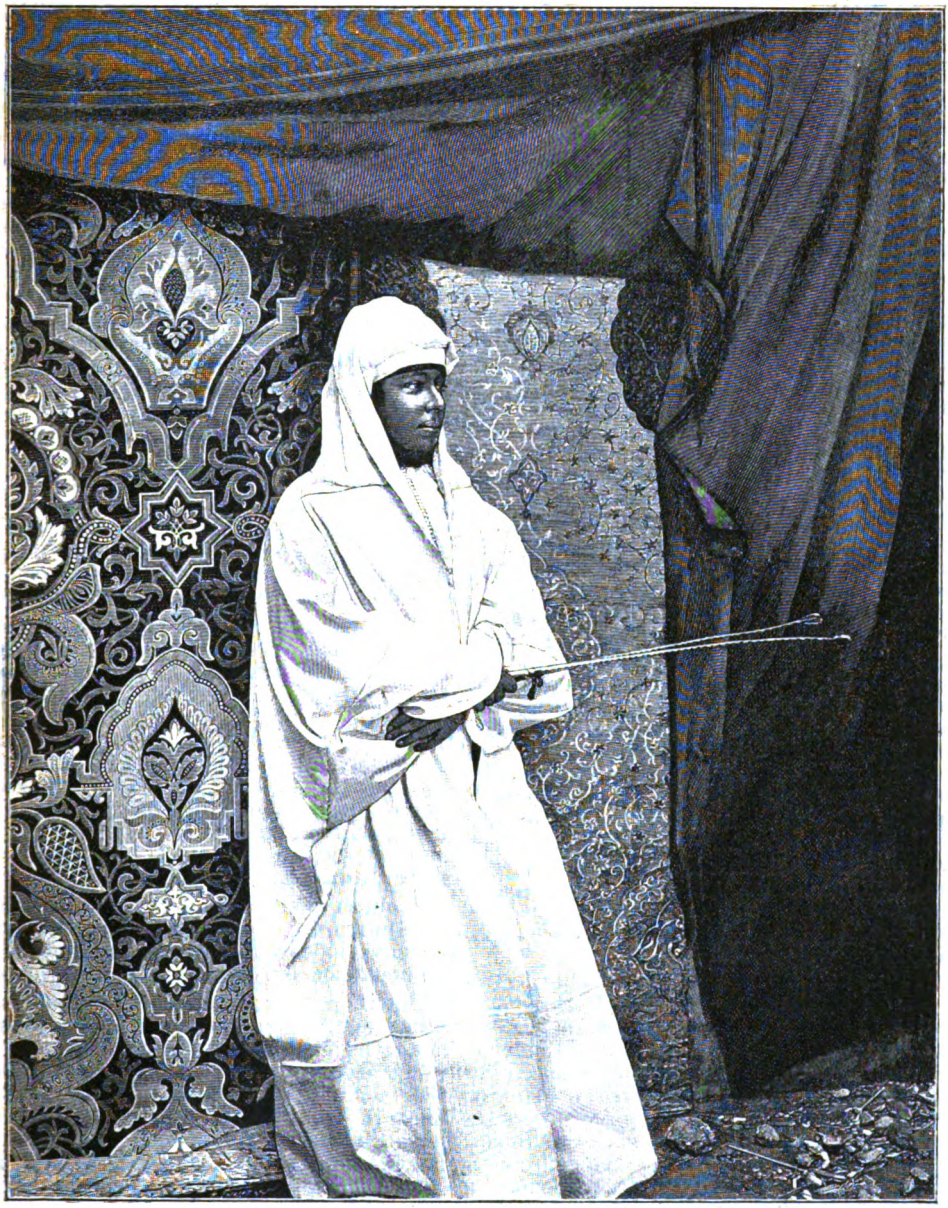
Прежде всего, въ 1704 году они сумѣли овладѣть крѣпостью Гибралтара, на испанскомъ берегу, рядомъ съ Цеутой. Затративъ десятки милліоновъ рублей, британцы создали здѣсь крѣпость, которая до послѣднихъ дней считалась неприступной. И только недавно дознано, что и сама крѣпость далеко не совершенна, и взять ее легко съ ближнихъ высотъ, да и ея орудія, какъ бы далеко ни хватали они, не могутъ совершенно закрыть прохода, такъ какъ подъ самымъ африканскимъ берегомъ можно пройти внѣ выстрѣловъ англійской артиллеріи.

Тѣмъ не менѣе, какъ ужъ много лѣтъ, такъ и теперь, англичане играютъ первую скрипку при дворѣ марокскихъ шерифовъ, охраняя тѣхъ, въ свою очередь, отъ ударовъ судьбы.

Факты на лицо.

Когда въ 1859—60 годахъ побѣдоносная испанская армія готова была уже предписать самый унизительный миръ шерифу, вмѣшалась Англія и устами своего посланника въ Мадридѣ, Буханана, заявила: «Всякое территоріальное пріобрѣтеніе въ предѣлахъ Марокко будетъ признано Великобританіей за тяжкій casus belli!»

Digitized by Google



Мулей Абдулъ-Азисъ, марокксвій султанъ.

Испанія струсила, заключила съ шерифомъ миръ, какой былъ желателенъ тому самому, но унизила себя совершенно, дала высоко подняться въ странѣ вліянію англичанъ. Словомъ, произошло нѣчто подобное позднѣйшей исторіи съ Санъ-Стефанскимъ договоромъ. Въ 1893 году такое же пораженіе потерпѣла Испанія послѣ побѣдоноснаго вторженія въ Марокко, вызваннаго случаемъ съ Мелилой.

Понятно, что англійскіе купцы, какъ и англійскіе инструкторы и дипломаты, были почетные и первые гости въ странѣ, а этого только и требовалось британскому льву, покорному духу времени и смѣнившему копье турнировъ на аршинъ лавочника.

Прекраснымъ проводникомъ британской политики служилъ въ Марокко ея представитель, сиръ Джонъ Друммондъ Гэй,

Digitized by Google

занимавшій свой постъ съ 1862 по 1895 г.

Сынъ британскаго консула въ Танжерѣ, мѣстный уроженецъ, Гэй зналъ край и людей въ немъ до того хорошо, что могъ обманывать и водить за носъ даже бывалыхъ, хитрыхъ мѣстныхъ политиковъ и торговцевъ, этихъ тертыхъ калачей по части всякихъ хитростей и лжи. Благодаря такому блестящему представителю, Англія была всесильна при дворѣ стараго шерифа. Но вотъ обстоятельства измѣнились. Упразднена была должность танжерскаго представителя султана, нѣчто въ родѣ министра иностранныхъ дѣлъ, имѣвшаго сношенія съ державами. Пришлось завести какого-нибудь подходящаго человѣка при самомъ шерифѣ, въ качествѣ соглядатая и наперсника. На сцену появился нѣкій артиллеристъ изъ Гибралтарской крѣпости, капитанъ Гарри-Макъ-Линъ, занявшій сначала скромное мѣсто «инструктора» марокканскихъ пушкарей, а тамъ скоро ставшій первымъ военнымъ вдохновителемъ и совѣтникомъ шерифа. Когда Макъ-Линъ явился къ мальчишкѣ-султану и преклонилъ передъ нимъ колѣна, не смотря на свое званіе свободнаго британца, владыка былъ польщенъ. А тутъ еще на новомъ рабѣ изъ европейцевъ оказались такіе блестящіе военные сапоги со шпорами!.. Макъ-Линъ одѣлъ все арабское, но оставилъ на себѣ европейскіе панталоны и сапоги.

Мулей-Азисъ заинтересовался. Жизнь въ заточеніи, съ десяткомъ молоденькихъ рабынь, но безъ всякаго человѣческаго общества, не особенно благотворно вліяетъ на умственныя способности восточныхъ владыкъ. Словно ребенокъ, или дикарь, сталъ Азисъ-Мулей разсматривать, ощупывать у Макъ-Лина всѣ части его европейскаго туалета.

Начались разспросы. Макъ-Линъ оказался хорошимъ балагуромъ. И дѣло было сдѣлано: Англія заручилась вліяніемъ на султана и на всю его богатую страну...

Къ первому «инструктору» скоро прибавился второй, корреспондентъ «Times», мистеръ Гаррисъ. Этотъ прямо влѣзъ въ душу къ Мулею, сталъ его «другомъ», особенно благодаря знанію арабскаго языка, что даетъ возможность хозяину и гостю толковать безъ посредниковъ.

Гаррисъ и анекдоты скабрезные говоритъ султану, и карточекъ навезъ соблазнительныхъ, и способствуетъ появленію при дворѣ множеству увлекательныхъ, хотя и не особенно почтенныхъ иностранокъ, все больше парижской марки. Словомъ, отъ скуки на всѣ руки товарищъ. А при другихъ умѣетъ и стать на колѣни и рабски поцѣловать край платья своему державному другу, у котораго состоитъ прихлебателемъ. И, конечно, статьи Гарриса въ «Таймсѣ» о Марокко и о Мулеѣ не грѣшатъ особымъ пессимизмомъ...

Англія своего перваго агента Макъ-Лина щедро наградила, дала титулъ баронета и ренту, но при шерифѣ значеніе инструктора умалилось. Причинъ много. Ходили толки, что онъ беретъ себѣ слишкомъ много за комиссію при покупкѣ для султана разныхъ европейскихъ новинокъ. Что Гаррисъ не желалъ уступать капитану, что на него ополчился и главный руководитель народной политики, военный министръ Менебн. И теперь Англія, вообще, не такъ вліятельна въ Фецѣ, какъ была раньше. Второй вліятельной державой въ шерифатѣ является Франція.

Алжиръ непосредственно примыкаетъ къ владѣніямъ Марокко, и отсюда понятна заботливость Франціи вліять на повелителя мавровъ и на всю страну эту вообще. Возникшая въ 1841 году война между французскими алжирскими войсками, подъ начальствомъ генерала Бужо и знаменитымъ Абдэль Кадеромъ, вооружившимъ мавровъ и бедуиновъ въ провинціи Орана, куда проникли французы, кончилась счастливо для Франціи, хотя и тутъ Англія не мало палокъ въ колеса совала своей сосѣдкѣ по ту сторону Ла-Манша.

Въ борьбѣ съ героемъ-арабомъ воспитались лучшіе офицеры Франціи, маршалы впослѣдствіи: Пелисье, Канроберъ, Макъ-Магонъ, Барагуай д'Ильеръ, Боскэ, Рандонъ и др.

Какъ и испанцы, французы втянулись въ войну съ Марокко, и на рѣкѣ Изли, 14 августа 1844 г., на голову разбили мавританское войско, руководимое самимъ наслѣдникомъ шерифата. Принцъ Жуанвиль со своимъ флотомъ разгромилъ съ моря Танжеръ и Могадоръ.

И снова Британія возгласила: «довольно! Ни клочка земли марокканской нельзя захватить безъ того, чтобы мы не послали кораблей къ берегамъ Belle France!..»

Послѣ долгихъ перипетій, вторичнаго возстанія Абдэль Кадера и его плѣненія, послѣ экспедицій въ Сахару, предпринятыхъ французскими войсками въ 1890 и 1892 годахъ, установились кое-какъ границы вліянія на Сахару, на это яблоко раздора между Марокко и Франціей... И послѣдняя сумѣла получить вѣсъ при фецанскомъ дворѣ, какъ непосредственная сосѣдка.

Испанія и Португалія играли много лѣтъ тому назадъ довольно важную роль въ государственной жизни шерифата, но, падая, сами роняли и свой престижъ у бедуиновъ, цѣнящихъ только реальную грубую силу штыковъ и золота..

Италія только недавно стала заниматься шерифатомъ, желая вліять на державу, владѣющую Средиземнымъ моремъ.

Забавнѣе всего, что торговыя выгоды, изъ-за которыхъ, повидимому, хлопочутъ западные производители, очень ужъ незначительны въ этомъ углу земли.

Digitized by Google

Англія ввозитъ на 9.670,000 р. Вывозитъ на 5 милліоновъ. Ввозъ Франціи—427,000 р. Вывозъ 162,000 р. Столько же вывозитъ Германія, а ввозитъ на 1.330,000 р.

Всѣ остальныя страны ввозятъ на 2.130,000 р. и вывозятъ на 4 съ половиной милліона р.

Теперь интересно бросить взглядъ на главнаго героя трагикомедіи, разыгравшейся въ этомъ уголкѣ Африки, важномъ и для всей Европы на столько, что отсюда можетъ даже разлиться пламя всеобщей войны.

Фецъ, столица шерифата, гдѣ живетъ султанъ, — типичный восточно-африканскій городъ, раздѣленный рѣкою на двѣ части: старую и новую. Влаги вездѣ въ изобиліи, и потому сады полны роскошными миртами, достигающими 6—7 саженей высоты, и кустами благоухающаго жасмина, лаврами, кипарисами, всей роскошью южной растительности.

Длинная, узкая улица, всего въ три аршина ширины, дѣлитъ весь старый городъ пополамъ. Здѣсь расположенъ и главный базаръ. Лавки—приподнятыя надъ мостовой, просто открытыя съ одной стороны квадратныя помѣщенія. Торговцы сидя предлагаютъ и продаютъ свои товары. Кой-гдѣ отъ зноя улица перекрыта навѣсами изъ тростника.

Шерстяныя и шелковыя ткани, глиняная посуда и кожаныя издѣлія—вотъ главный товаръ.

Поперечныя улицы—еще уже и извилисты, подымаются въ гору, гдѣ старинные, порой полуразрушенные, дома громоздятся одинъ надъ другимъ. Грозная крѣпость сторожитъ всю столицу. Часто прохожему попадаются фонтаны съ мозаичными бесѣдками, ворота и сводчатые дворы стариннаго, мавританскаго стиля, остатки древности.

Темные проходы то и дѣло служатъ соединеніемъ для отдѣльныхъ переулковъ и тупиковъ. Въ наиболѣе людныхъ мѣстахъ европейца встрѣчаютъ не такъ любезно, какъ на рынкѣ. Мужчины оглядываютъ фиренговъ съ удивленіемъ, женщины поворачиваютъ назадъ, уступая дорогу, или жмутся къ стѣнѣ, робко отдавая поклонъ. Дѣти помоложе бѣгутъ прочь, подростки грозятъ кулаками.. Старухи, съ совершенно голой грудью, напоминая Макбетовскихъ вѣдьмъ, тискаются въ духотѣ, въ толпѣ и шлютъ проклятія гяурамъ...

Дервиши, порой совершенно обнаженные, но очень упитанные, стоятъ на виду у всѣхъ и молятся или творятъ свои обряды... Сумасшедшіе, юродивые, тоже нагіе, снуютъ между рядами ословъ и верблюдовъ проходящаго каравана..

Таковъ общій видъ столицы Мулей-Азиса.

Самъ онъ—высокій, смуглый мулатъ, помѣсь араба съ негромъ. Видомъ суровъ; не смотря на свои 21 годъ, кажется сорокалѣтнимъ... Гаремныя излишества и заточеніе въ теченіе 18 лѣтъ сдѣлали свое.

Послѣ обѣда всѣ, проживающіе въ Фецѣ, иностранцы, имѣющіе хотя бы небольшое положеніе, приглашаются во дворецъ, за городомъ, потому что Главный домъ (Даръ-Магизенъ) стоитъ на грязной рѣчкѣ, несущей заразу.

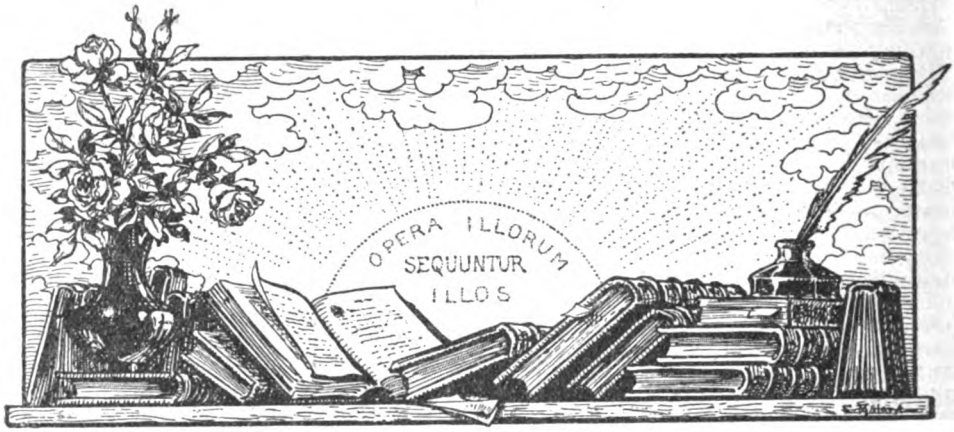
Здѣсь играютъ въ лаунъ-теннисъ, которому очень преданъ султанъ; пускаютъ фейерверки, стоющіе большихъ денегъ; заводятъ автоматическія піанино, которыхъ десятки лежатъ заброшенными на погребѣ, и т. д.

У султана—цѣлый обозъ дорогихъ автомобилей, а ѣздить въ нихъ нельзя: до того плохи дороги даже вокругъ дворца. Кромѣ приближенныхъ сановниковъ, есть у него и форменные шуты, и звѣринецъ, и богатая конюшня... Словомъ, вся обстановка восточнаго деспота, или европейскаго милліардера.. Увидя какую-нибудь новинку на прибывающемъ европейцѣ, онъ старательно разглядываетъ ее и старается завести себѣ то же самое.. Такъ, напримѣръ, онъ явился къ обѣду въ арабскомъ костюмѣ, но въ красномъ жилетѣ съ золотыми пуговицами и въ необычайно высокомъ воротничкѣ, какой видѣлъ наканунѣ на одномъ изъ англичанъ.

Дальше кинематографа, воздушныхъ шаровъ и граммофона—реформы Мулея не идутъ. Но арабы и это считаютъ вѣроотступничествомъ.

Вотъ почему показалось такъ опасно возстаніе Бухгаммара.. Вотъ почему Европа съ тревогой ждетъ: чѣмъ окончатся волненія въ Марокко, гдѣ каждое измѣненіе существующаго порядка вещей можетъ выдвинуть на сцену опасный и жгучій вопросъ о владѣніи Гибралтарскимъ проливомъ, гдѣ онъ касается береговъ Африки.

Digitized by Google



EX LIBRIS.

Новости художественной литературы.

Давно уже замѣчено, что современная система образованія сильно страдаетъ односторонностью: нагружая человѣка научными фактами и изощряя его умъ, оно совершенно пренебрегаетъ развитіемъ и укрѣпленіемъ эстетическаго чувства. Нагляднымъ доказательствомъ такого печальнаго явленія служитъ у насъ, между прочимъ, почти полное отсутствіе надежныхъ и интересныхъ сочиненій по исторіи искусства. А между тѣмъ ничѣмъ нельзя такъ изощрить въ себѣ чувство прекраснаго, ничѣмъ нельзя въ такой степени способствовать пониманію красоты, какъ изученіемъ искусства въ его многообразныхъ проявленіяхъ. Русская читающая публика до сего времени принуждена была довольствоваться устарѣвшимъ и туманнымъ трудомъ Куглера по исторіи живописи или же краткими, почти конспективными книжками Любке. Правда, имѣется на русскомъ языкѣ еще компилятивный трудъ г. Гнѣдича повсеобщей исторіи искусствъ, но, во-первыхъ, онъ недоступенъ многимъ по своей дороговизнѣ, а, во-вторыхъ, при роскошной внѣшности изданія даетъ очень поверхностный и весьма не надежный текстъ. За послѣднее время скудость въ сочиненіяхъ по исторіи искусства начинаетъ, къ счастію, быстро пополняться. Одинъ за другимъ выходятъ въ русскомъ переводѣ труды иностранныхъ ученыхъ-спеціалистовъ, разсчитанные и на запросы свѣдущаго читателя, и на удовлетвореніе такихъ лицъ, которыя впервые пожелали бы ознакомиться съ этою областью дѣятельности человѣческаго духа. Для такого круга читателей вообще и для учащагося юношества въ частности выпущенъ въ Кіевѣ переводъ извѣстнаго сочиненія Байе «Précis d'histoire de l'art», оригиналъ котораго входитъ въ серію монографій по исторіи искусства подъ общимъ заглавіемъ «Bibliothèque de l'enseignement des Beaux-Arts». Авторъ книги—почтенный французскій ученый, стяжавшій себѣ извѣстность своими изслѣдованіями главнымъ образомъ въ области византійскаго искусства, и его книга съ 1886 г. выдержала на родинѣ нѣсколько изданій. Русскій переводъ сдѣланъ съ изданія 1892 г. подъ редакціей профессора университета Св. Владиміра Г. Г. Павлуцкаго, при чемъ въ русскомъ изданіи присоединены три главы, которыхъ нѣтъ въ подлинникѣ: глава о русскомъ древнемъ искусствѣ, написанная археологомъ г. Георгіевскимъ, и двѣ главы, составленныя редакторомъ и посвященныя искусству XIX вѣка. Русское изданіе выгодно отличается отъ французскаго подлинника еще и тѣмъ, что въ немъ масса иллюстрацій какъ въ текстѣ, такъ и на отдѣльныхъ листахъ.

Книга Байе не задается широкими научными задачами и представляетъ собой, собственно говоря, элементарный учебникъ, но обстоятельный и достаточно полный для перваго знакомства. Здѣсь

Digitized by Google

на пространствѣ 402 страницъ убористаго шрифта представлено обозрѣніе искусства не только европейскаго, но и древнихъ азіатскихъ народовъ, при чемъ авторъ въ краткихъ, но содержательныхъ словахъ старается дать общее понятіе объ искусствѣ извѣстнаго народа. Къ недостаткамъ книги нужно отнести несовсѣмъ удачныя воспроизведенія снимковъ, сдѣланныхъ, очевидно, съ приложеній къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ, а затѣмъ, нѣкоторую неполноту. Живопись на стеклѣ, эмаль, рѣзьба по дереву и керамика совсѣмъ не затронуты. Объясняется это тѣмъ, что въ названной выше «Библіотекѣ» этимъ отраслямъ искусства посвящены особые томики, и Байе не для чего было повторяться. Въ такомъ случаѣ, не лучше ли было бы взять для перевода другую ходкую во Франціи книгу по исторіи искусства, т.-е. сочиненіе Roger Peyre: Historie générale des Beaux-Arts», гдѣ даже знаменитому столяру Булю отведено подобающее мѣсто.

Полную противоположность книгѣ Байе представляетъ сочиненіе профессора и хранителя Дрезденской галлереи Вернера. Трудъ этотъ носитъ строго научный характеръ и задуманъ по широкому масштабу. Авторъ смотритъ на искусство, какъ на достояніе всего человѣчества, какъ на духовную связь, объединяющую человѣческія поколѣнія на всѣхъ пройденныхъ ими ступеняхъ развитія. Вотъ почему его исторія искусства открывается обзоромъ проявленія художественной дѣятельности еще до историческаго человѣка и входитъ такимъ образомъ въ область первобытной археологіи. На основаніи дошедшихъ до нашего времени остатковъ доисторическаго быта, разбросанныхъ по разнымъ музеямъ Европы, авторъ слѣдитъ, какъ даже у первобытнаго человѣка неудержимо сказывалась потребность художественнаго возсозданія своей среды, которую этотъ дикій, дравшійся съ мастодонтами человѣкъ удовлетворялъ, выцарапывая и вырѣзывая на предметахъ своей домашней обстановки сначала видѣнныхъ имъ животныхъ, затѣмъ незамысловатые орнаменты и, наконецъ, самого себя. На слѣдующей ступени развитія видно уже стремленіе къ пластичному изображенію природы: появляются неуклюжія изваянія неразлучнаго спутника тогдашнихъ обитателей земли — оленя, находятся и статуэтки самого царя природы.

Вернеръ разсматриваетъ всѣ стороны художественной дѣятельности, такъ что въ появившихся уже 8 выпускахъ его труда отведено не мало мѣста и строительному искусству, начиная отъ каменныхъ глыбъ или долменовъ и кончая огромными подавляющими храмами древнихъ азіатскихъ и американскихъ народовъ.

Покончивъ съ искусствомъ примитивнаго человѣка, авторъ переходитъ къ искусству современныхъ дикихъ или полудикихъ народовъ: австралійцевъ, бушменовъ, чукчей и т. п. Не остаются безъ разсмотрѣнія и памятники древнѣйшей сѣверо-американской культуры съ ея удивительными каменными сооруженіями храмовъ и дворцовъ, стѣны которыхъ поражаютъ современный глазъ вычурностью своей хитросплетенной орнаментаціи.

Американское туземное искусство образуетъ переходную ступень къ искусству другой, также погибшей цивилизаціи— египетской. Изслѣдуя рельефы на разныхъ гробницахъ, авторъ опредѣляетъ сначала общія черты египетской орнаментики и скульптуры, а затѣмъ переходитъ къ памятникамъ религіознаго зодчества Египта, т. е. къ храмамъ, пирамидамъ и до сихъ поръ загадочнымъ сфинксамъ. Такимъ образомъ исторія египетскаго искусства прослѣжена имъ и въ періодъ Срединнаго царства до самаго поздняго времени политическаго существованія страны, когда начинаетъ уже чувствоваться и здѣсь духъ жизнерадостной Эллады.

Выяснивъ существенные элементы и пріемы искусства древнѣйшихъ переднеазіатскихъ народовъ, халдеевъ и ассиріянъ, Вернеръ подробнѣе останавливается на искусствѣ микенскомъ. Міръ микенскаго искусства, древнѣйшаго по времени, чѣмъ, напр., ассирійское, это Троянская область Малой Азіи, снова вызволился на свѣтъ Божій неутомимыми раскопками Шлимана. Распространяясь все болѣе и болѣе на западъ, микенское искусство на островахъ Эгейскаго моря и особенно на Кипрѣ сталкивалось съ искусствомъ греческимъ и, переплетаясь съ нимъ, породило чрезвычайно любопытное для изслѣдователя смѣшанное греко-азіатское искусство и культуру.

На обозрѣніи памятниковъ микенской, пелазгической эпохи прерывается пока переводъ капитальнаго труда Вернера. Все сочиненіе разсчитано на 60 выпусковъ и обѣщаетъ быть цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу по исторіи искусства. Изданіе снабжено массою рисунковъ и снимковъ, прекрасно исполненныхъ и позволяющихъ самому провѣрить впечатлѣнія автора. Есть нѣсколько хромолитографій на отдѣльныхъ страницахъ.

Третьей новинкой по исторіи искусства является на нашемъ книжномъ рынкѣ обширный трудъ извѣстнаго профессора Рихарда Мутера. Сочиненіе Мутера посвящено спеціально исторіи живописи и въ русскомъ переводѣ появляется одновременно въ двухъ изданіяхъ: одно даетъ исторію живописи XIX вѣка, другое—живописи отъ среднихъ вѣковъ до прошлаго вѣка. О первомъ изданіи въ печати гово

Digitized by Google

рилось уже не мало, особенно относительно русскаго къ нему добавленія, сдѣланнаго г. Бенуа и касающагося русской живописи. Поэтому мы познакомимъ читателя только съ исторіей живописи эпохи Возрожденія.

Въ вышедшихъ двухъ томахъ Мутеръ разсматриваетъ развитіе живописи отъ Джотто до Рембрандта. У него нѣтъ общепринятаго дѣленія живописи по эпохамъ, нѣтъ даже рѣзкихъ граней между искусствомъ разныхъ народовъ. Авторъ справедливо считаетъ дѣятельность художника и его разновременныя творенія продуктомъ тѣхъ или другихъ историческихъ вѣяній. Онъ слѣдитъ, главнымъ образомъ, за выраженіемъ въ картинахъ господствовавшихъ въ современномъ обществѣ настроеній, иногда такъ быстро и рѣзко измѣнявшихся, что начало художественной дѣятельности у нѣкоторыхъ живописцевъ представляетъ разительную противоположность съ тѣмъ, что было создано ими въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Стоитъ только прочесть, какъ надорвала многихъ аскетическая проповѣдь Савонаролы и какъ вмѣсто свѣтлаго человѣческаго міра отъ картинъ его современниковъ снова повѣяло средневѣковымъ кладбищенствомъ.

Вторая отличительная черта изслѣдованій Мутера—это большое вниманіе, которое онъ удѣляетъ техникѣ дѣла. Начало средневѣковой живописи находилось въ тѣсной зависимости отъ пріемовъ византійской мозаики съ ея величавыми, но за то и безжизненными и отреченными отъ міра сего фигурами. Художественные предтечи Возрожденія писали человѣческія изображенія непремѣнно на золотомъ фонѣ, какъ дѣлалось на константинопольскихъ мозаикахъ. Портретная живопись была также въ зависимости отъ старой техники, и портреты писались только въ профиль въ подражаніе изображеніямъ на медальонахъ. Слѣдя за движеніемъ искусства, Мутеръ успѣваетъ тонко подмѣтить, какъ у художниковъ постепенно развивалась техника фона, перспективы, какъ постепенно измѣнялся пейзажъ, переходя отъ условныхъ, скалистыхъ мѣстностей къ воспроизведенію дѣйствительной, мѣстной природы. Еще болѣе интересны наблюденія автора надъ тѣмъ, какъ художники постепенно научались писать нагое человѣческое тѣло съ его безчисленными изгибами и рефлексами.

Русскій переводъ книги Мутера сдѣланъ хорошо, хотя попадаются иногда словечки, сами по себѣ понятныя, но не утвердившіяся тѣмъ не менѣе въ языкѣ, въ родѣ, напримѣръ, «синечулочества». Не смотря на ясное изложеніе, сочиненіе Мутера требуетъ, однако, отъ читателя нѣкотораго предварительнаго знакомства съ исторіей живописи, иначе, за мелкими, но очень любопытными наблюденіями автора, легко потерять изъ виду цѣлое. Въ общемъ нужно сказать, что это превосходный трудъ, который углубитъ художественное пониманіе всякаго, кто основательно съ нимъ познакомится.

Digitized by Google

воду, рыбъ и лягушекъ и выбрасываютъ ихъ на нѣсколько верстъ дальше, въ великому ужасу свидѣтелей этого явленія. Морскіе смерчи, иначе называемые тромбами (рис. 82 и 83), образуются точно такимъ же образомъ и сопровождаются тѣми же электрическими явленіями. Вода сильно волнуется, пѣнится, бьетъ ключемъ и поднимается въ видѣ холма, на которомъ сверкаютъ искры; затѣмъ, этотъ холмъ, поднимаясь все выше и выше, соединяется съ темнымъ конусомъ, образовавшимся и спустившимся изъ тучъ.

Торнады и циклоны.

Ураганы, которые называются торнадами у береговъ Африки и тифонами въ Китайскомъ морѣ, принадлежатъ также къ смерчамъ, но обнимаютъ значительное простран-

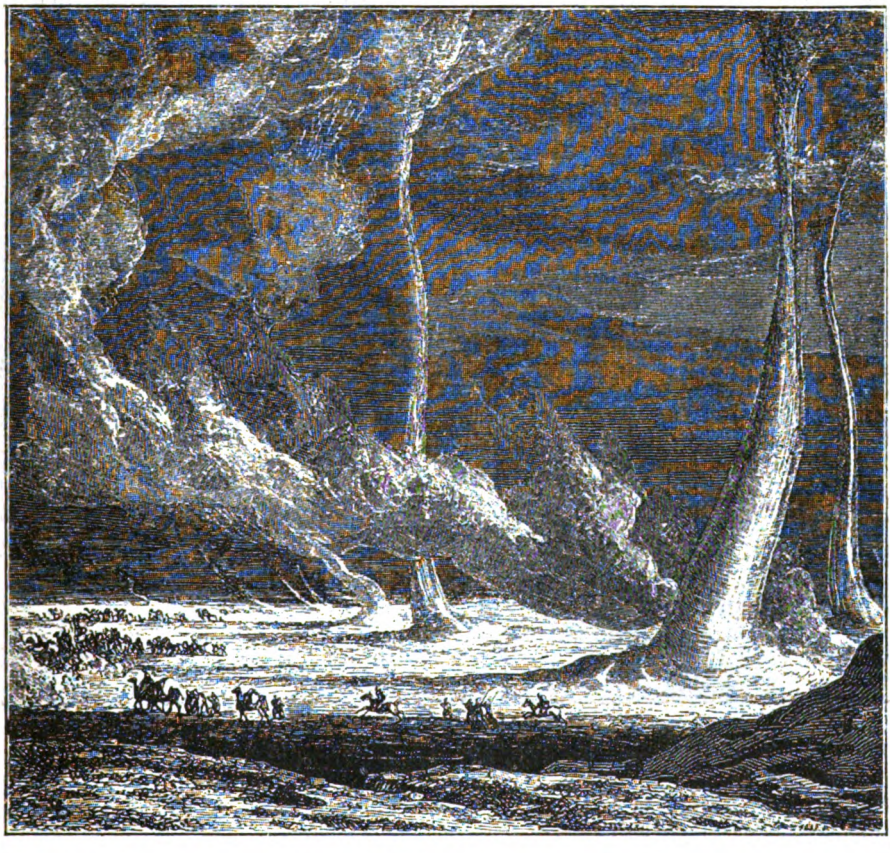


Рис. 81. Песчаные смерчи.

ство, которое при торнадахъ можетъ колебаться между двумя и тремя стами метрами въ діаметрѣ, а при циклонахъ доходитъ даже до сорока километровъ.

Безполезно прибавлять, что электрическія явленія растутъ пропорціонально силѣ и значительности бури (рис. 84).

Сѣверное сіяніе.

Въ сѣверныхъ странахъ нерѣдко наблюдаютъ въ воздухѣ яркое сіяніе. Это — одно изъ крупныхъ явленій атмосфернаго электричества, которымъ можно любоваться безъ всякой опасности.

Digitized by Google

Передъ нашими глазами на небѣ полярныхъ странъ гигантскіе огненные языки, огненныя полосы, сверкающія самыми разнообразными цвѣтами блестящія арки; ихъ переливы и колебанія вызываютъ удивленіе и энтузіазмъ изслѣдователей, которымъ удалось наблюдать сѣверное сіяніе во всей полнотѣ (рис. 85 и 86).

Это, если такъ можно выразиться, послѣднее проявленіе атмосфернаго электричества, которое, удаляясь къ магнитному полюсу земного шара, расплывается длинными огненными потоками въ надвоздушное пространство.

Землетрясенія.

Земное электричество производитъ бури, которыя разрушаютъ внутреннее строеніе нашей земли точно такъ же, какъ бури въ атмосферѣ приводятъ въ безпорядокъ воздушное пространство. Мы говоримъ объ извѣстныхъ всѣмъ землетрясеніяхъ, причиною которыхъ служитъ, несомнѣнно, электричество. Земля наэлектризована во всей своей совокупно-

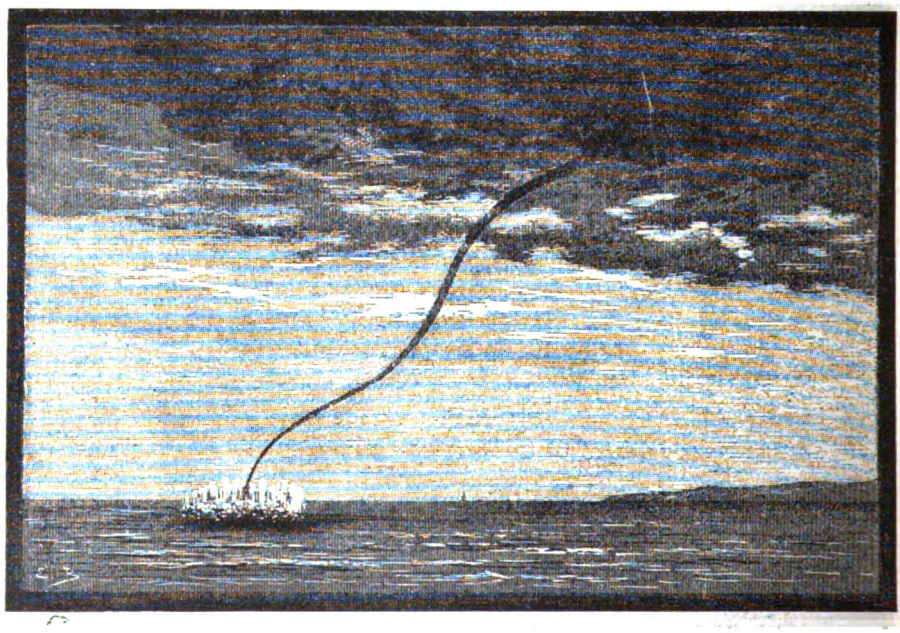


Рис. 82. Смерчъ, наблюдавшійся въ Санъ-Ремо 13 февраля 1886 г.

сти, и сильные электрическіе токи безпрестанно пробѣгаютъ по ней; ихъ обычное направленіе вслѣдствіе вращенія земли и вліянія солнца — съ востока на западъ. Слѣдуя, обыкновенно, въ направленіи параллельномъ магнитному экватору, земное электричество скопляется около дурныхъ проводниковъ, какими являются, напримѣръ: песчаныя пространства, залежи каменнаго угля, глины или извести и т. д. Напряженіе электричества въ этихъ мѣстахъ можетъ усилиться подъ вліяніемъ различныхъ причинъ. Если воздухъ сухъ и горячъ, или уже до того насыщенъ электричествомъ, что не можетъ принять въ себя избытка его, выдѣляемаго землею, если залежи мѣла и кремнистая почва находятся по близости отъ мѣстъ богатыхъ металлами, тогда накопленіе электричества и прерывъ тока въ концѣ концовъ ведутъ къ разряду и искрѣ, совершенно такъ же, какъ это бываетъ во время воздушной грозы. Можно себѣ представить, къ какимъ разрушеніямъ можетъ привести подземная гроза, когда она разражается на пространствѣ въ нѣсколько квадратныхъ миль сквозь различныя залежи, расщелины, впадины и т. д. Такіе разряды отдаются сотрясеніями почвы на разстояніи сотенъ верстъ.

Digitized by Google

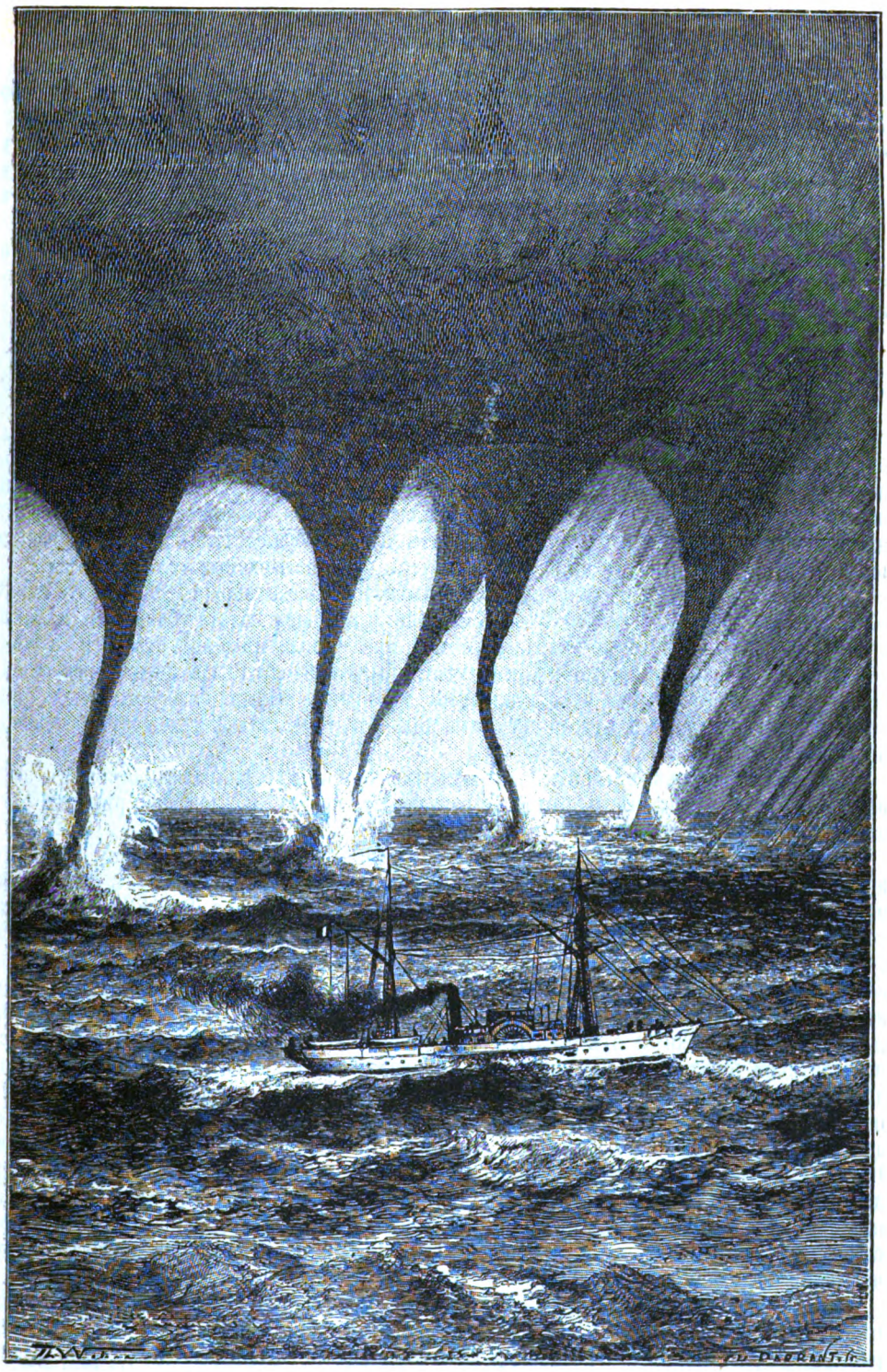


Рис. 83. Тромбы и смерчи.

Digitized by Google

Всѣ электрическія и магнитныя явленія грозъ бывали наблюдаемы во время большинства землетрясеній; отклоненіе магнитныхъ стрѣлокъ, порча телеграфныхъ и телефонныхъ линій, атмосферныя бури, пораженіе молніей людей и животныхъ, какъ это было замѣчено въ 1887 году во время землетрясенія въ Діано-Марина, затѣмъ—предосторожности, которыя принимаютъ нѣкоторыя животныя, какъ передъ грозой, такъ и передъ землетрясеніемъ (куры, напримѣръ, прячутся, собаки лаютъ...) въ то время, какъ люди еще ничего не чувствуютъ—все это наблюдается какъ передъ грозами, такъ и передъ землетрясеніями.

Только-что высказанная теорія, основанная на неопровержимыхъ фактахъ, была разработана нами въ 1885 году; въ настоящее время она признана многими метеорологами и физиками, которые нашли новые подтверждающіе ее факты.

Послѣдствія грозовыхъ ударовъ.

Какъ всякая механическая работа, химическая реакція или измѣненіе температуры, можетъ вызвать токъ и явленія электричества, такъ и этотъ токъ, или разрядъ, хотя бы онъ былъ въ видѣ молніи, вызываетъ обратно подобныя же реакціи и измѣненія. Молнія опрокидываетъ памятники, ломаетъ и расщепляетъ деревья, разсѣкаетъ самыя твердыя скалы, спаиваетъ металлы, расплавляетъ ихъ и даже обращаетъ въ пары, сплавляетъ песокъ и нѣкоторыя горныя породы и образуетъ такъ называемые «фульгуриты».

Это послѣднее явленіе было впервые подмѣчено 3-го сентября 1789 года. Въ паркѣ замка Элесфорда на скамейкѣ сидѣлъ посѣтитель: ударившая молнія убила его, а токъ, пройдя по палкѣ, на которую опирался убитый, просверлилъ въ землѣ отверстіе, глубиною въ пять футовъ. При раскопкѣ этого мѣста, были найдены глыбы песку, превращеннаго въ стекло, и очевидные слѣды сплавленія кусочковъ кварца. Физіологическое дѣйствіе молніи, конечно, всего страшнѣе, такъ какъ въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о человѣческой жизни.

Зачастую человѣкъ, задѣтый молніей, умираетъ на мѣстѣ, превращается въ золу или же разбивается вполнѣ или отчасти параличемъ; иногда, въ довольно рѣдкихъ случаяхъ, молнія его только контузитъ и обжигаетъ.

Наконецъ, можетъ также случиться, что молнія не причинитъ человѣку никакого вреда и удовольствуется тѣмъ, что ограбитъ и лишитъ всѣхъ металлическихъ принадлежностей: золота, серебра, драгоцѣнностей, гвоздей, пуговицъ и т. д. Въ 1864 году случилось еще болѣе странное явленіе: каменщикъ, повергнутый молніей на землю, поднялся совершенно лишенный волосъ: у него не было больше ни бровей, ни бороды, ни волосъ на головѣ. Смерть при ударѣ молніей наступаетъ, обыкновенно, такъ быстро, что положеніе тѣла убитаго не измѣняется. 27-го іюня 1891 года четыре жнеца въ Евердонѣ рѣшили немного отдохнуть отъ работы и позавтракать. Они весьма удобно расположились подъ группой тополей, защищавшихъ ихъ отъ палящихъ лучей солнца. Вдали послышалась гроза и стала къ нимъ приближаться. Домой имъ было идти далеко, и они рѣшили переждать дождь подъ защитой деревьевъ. Довольные, что дождь на нихъ почти не падаетъ, они продолжали свой завтракъ, а собака, съ ними бывшая, выжидала своей доли. Вдругъ надъ деревьями сверкнула молнія: ни жнецы, ни собака больше не пошевельнулись. Молнія ихъ убила такъ быстро, что они сохранили то положеніе, въ которомъ она ихъ застигла: одинъ держалъ въ пальцахъ щепотку табаку, другой ласкалъ одной рукой собаку, а другой протягивалъ ей кусокъ хлѣба; третій пилъ, откинувъ назадъ голову, четвертый набивалъ свою трубку.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, недалеко отъ Орлеана нѣсколько крестьянъ укрылись отъ дождя подъ ивой; послѣ удара молніей они замѣтили, что на одномъ изъ ихъ товарищей, который стоялъ облокотившись на стволъ дерева, загорѣлась одежда. Они поспѣшили на помощь, но едва прикоснулись къ нему, какъ онъ разсыпался въ золу.

Въ Сенъ-Лазарѣ, недалеко отъ Парижа, 9-го мая 1855 года молнія ударила въ стадо: семьдесятъ восемь овецъ и двѣ собаки были убиты, а пастухъ остался живъ.

Digitized by Google

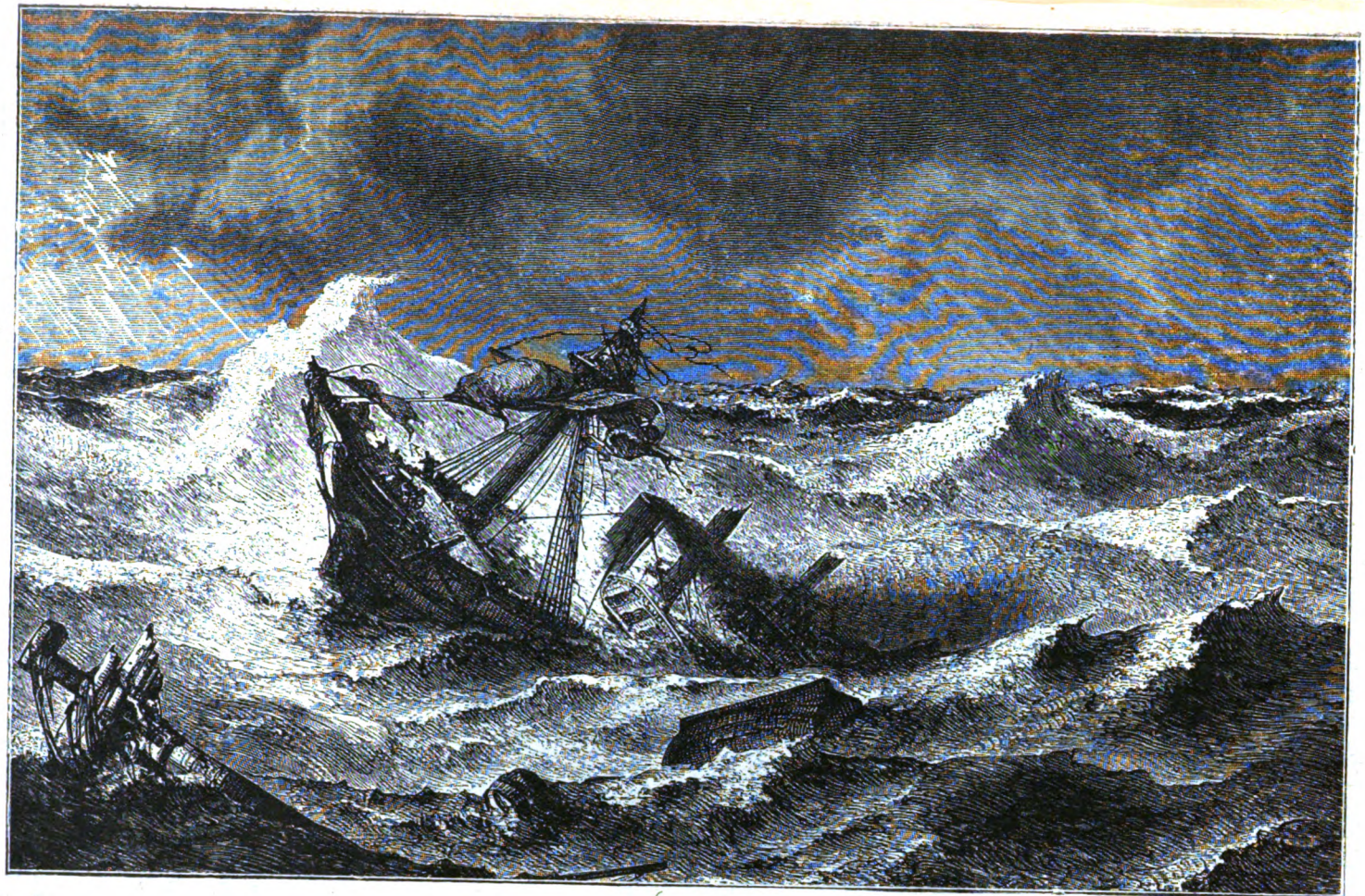


Рис. 84. Циклонъ, погубившій «Амазонку» (10-го октября 1871 г.).

Digitized by Google

13-го августа 1862 года, въ Сенъ-Жоржѣ, молнія отбросила въ сторону фермера, который обработывалъ свое поле, и убила моментально четырехъ воловъ, тогда какъ ихъ хозяинъ поднялся съ земли безъ малѣйшей царапины.

Въ общемъ можно сказать, что молнія гораздо чаще ударяетъ въ деревья, нежели въ людей.

Судя по выше приведеннымъ примѣрамъ, довольно легко понять, какія предосторожности необходимо принимать во время грозы: опасно оставаться на сквозномъ вѣтрѣ, подъ дождемъ и открывать въ домѣ двери и окна. Затѣмъ слѣдуетъ избѣгать при грозѣ

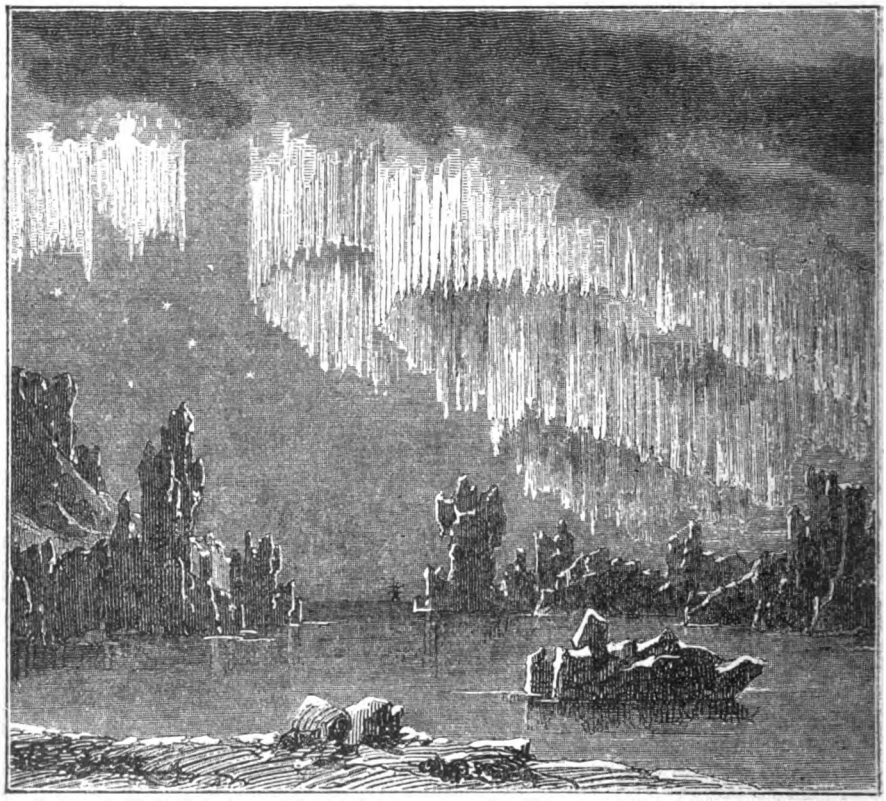


Рис. 85. Сѣверное сіяніе на Ледовитомъ океанѣ.

сосѣдства каминовъ и печныхъ трубъ, такъ какъ сажа очень хорошій проводникъ электричества.

Необходимо также держаться въ сторонѣ отъ металлическихъ предметовъ, слѣдуетъ избавляться отъ вещей, могущихъ служить хорошими проводниками, въ родѣ часовъ, ключей, колецъ и т. д.

Рекомендуется также не находиться во время грозы на колокольнѣ, не звонить и не прикасаться къ веревкѣ колокола.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ существуетъ обычай звонить въ колокола, чтобы избѣгнуть удара молніи; это не только не помогаетъ, но напротивъ даже, подобнаго рода сотрясеніе воздуха направляетъ электрическій разрядъ на движущійся металлическій предметъ и убиваетъ звонаря, который держитъ веревку колокола. Въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ молнія ударяла 386 разъ въ колокола и убила 103 звонаря.

Digitized by Google

Если гроза застигнетъ кого-нибудь въ полѣ, слѣдуетъ, какъ можно скорѣе, бросить находящіеся въ рукахъ желѣзные предметы — косу, лопату, вилы, — но при этомъ лучше не бѣжать, а главное не укрываться подъ защиту деревьевъ, и, въ особенности, не облокачиваться на ихъ стволы.

На самомъ дѣлѣ, деревья съ ихъ развѣтвленными, подымающимися къ небу вѣтвями самой природой какъ бы предназначаются служить проводниками атмосфернаго электричества и могутъ считаться естественными громоотводами по отношенію къ прилегающимъ къ нимъ домамъ, но при томъ только условіи, чтобы по другой сторонѣ дома не находилось ни колодца, ни болота, такъ какъ въ противномъ случаѣ молнія можетъ пройти съ дерева черезъ домъ въ воду.

Что касается птицъ, которыя укрываются на высокихъ вѣтвяхъ, то имъ бояться нечего, такъ какъ молодые ростки поднятыхъ кверху вѣтокъ обыкновенно очень сыры, и

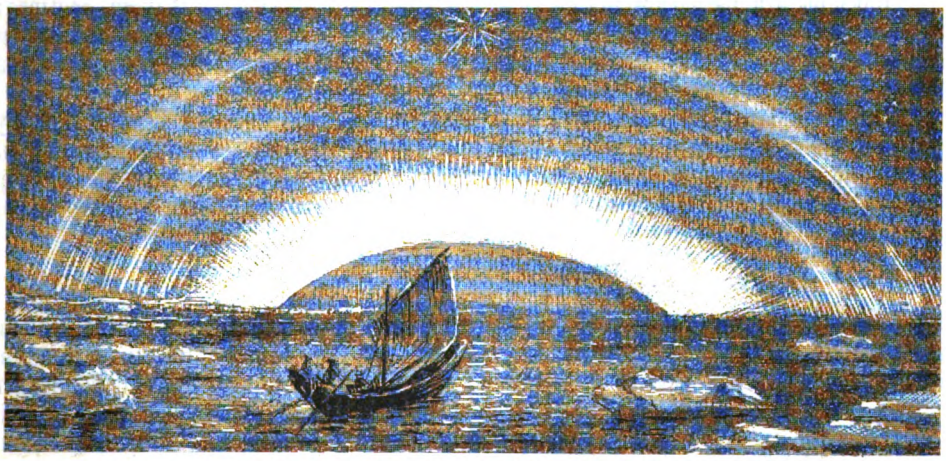


Рис. 86. Сѣверное сіяніе.

токъ проходитъ по нимъ безъ сопротивленія, тогда какъ человѣка, прислонившагося къ стволу дерева, молнія убиваетъ на мѣстѣ, и въ данномъ случаѣ сопротивленіе полусухого дерева электрическому току показываетъ намъ ужасныя дѣйствія атмосфернаго электричества.

Громъ.

Древніе питали наибольшій страхъ не передъ молчаливой молніей, а передъ грозными раскатами грома. Громъ представлялся имъ въ видѣ божества, въ видѣ Юпитера-Громовержца, повелителя Олимпа и всѣхъ смертныхъ.

Еще и теперь при звонкихъ раскатахъ грома нервы впечатлительныхъ людей бываютъ сильно потрясены, и такіе люди съ ужасомъ послѣ одного удара грома ожидаютъ слѣдующаго.

При ударѣ грома слѣдовало бы наоборотъ успокаиваться, такъ какъ громовые раскаты доказываютъ, что опасность уже прошла.

Въ самомъ дѣлѣ, громъ представляетъ собою только шумъ, вызываемый электрическимъ разрядомъ; молнія превращаетъ мгновенно въ паръ всѣ водяныя частицы, которыя встрѣчаются ей на пути; легко понять, какой шумъ долженъ получиться отъ всѣхъ этихъ взрывовъ, происходящихъ одновременно на протяженіи отъ 1.500 до 1.800 метровъ.

Такъ какъ звукъ не можетъ проходить въ секунду болѣе 334 метровъ, можно разсчитать отдаленность грозы, считая количество протекшихъ секундъ между моментомъ, когда было видно сверканіе молніи, и моментомъ, когда раздался ударъ грома.

Digitized by Google

Громоотводы.

Не было времени, когда бы люди не боялись дѣйствія молніи. Древніе, напуганные грозою до того, что считали ее за божество, старались какъ-либо умилостивить гнѣвъ пугающаго ихъ бога, и мы видимъ, что латинскіе и греческіе писатели предлагаютъ различныя средства, чтобы избавиться отъ молніи. Кулумелій, въ первомъ вѣкѣ, говоритъ, напримѣръ: «Тархонъ, чтобы защитить свой домъ отъ молніи Великаго Юпитера, окружилъ его бѣлымъ виноградомъ».

Плиній же, наоборотъ, осуждаетъ эту предосторожность и очень рекомендуетъ лавровое дерево. Онъ увѣряетъ также, что кожа тюленей, разложенная на крышахъ домовъ, вполнѣ ихъ гарантируетъ отъ опасности, такъ какъ тюлень — животное привилегированное и молнія его никогда не поражаетъ.

Какъ бы эти предположенія ни казались намъ странными, не слѣдуетъ забывать, что они, повидимому, основаны на томъ вліяніи, которое имѣютъ деревья и растенія на атмосферное электричество. Далѣе мы видимъ, что солдаты Карла Великаго, чтобы избѣжать дѣйствій молніи, втыкали свои копья въ землю около себя.

Папа Сильвестръ II, извѣстный въ X вѣкѣ больше подъ именемъ Герберта, придумалъ аналогичное съ предыдущимъ средство: онъ втыкалъ въ землю длинные шесты, снабженные желѣзными остріями. Эти примитивные громоотводы, хотя и очень не совершенные, служатъ все-таки доказательствомъ любопытныхъ изысканій ученаго первосвященника.

Первый громоотводъ.

Какъ мы уже говорили, опыты Франклина и Ромаса привели въ концѣ концовъ въ 1760 году къ изобрѣтенію громоотводовъ. Однако, еще шестью годами раньше, въ заброшенной моравской деревушкѣ, одинъ богемскій монахъ, по имени Прокопій Дивишъ, будучи священникомъ въ Прендицѣ и слыша разговоры объ опытахъ Далибара, воздвигнулъ въ своемъ саду 15-го іюня 1754 года снарядъ, который могъ, по его словамъ, дѣлать безопасными удары молніи.

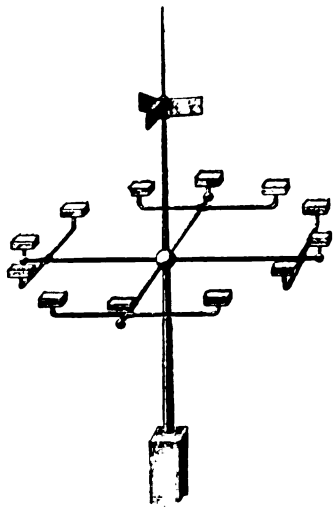


Рис. 87. Громоотводъ Дивиша.

Это былъ большой, вышиною въ 10 метровъ, деревянный шестъ, вставленный въ землю вертикально, имѣвшій наверху желѣзный стержень (фиг. 87) съ укрѣпленными на немъ крестъ на крестъ четырьмя металлическими прутами, снабженными каждый двумя развѣтвленіями: эти двѣнадцать развѣтвленій завершались небольшими жестяными ящиками, наполненными металлическими опилками и закрытыми крышками съ 27 металлическими остріями.

Весь описанный нами желѣзный приборъ, завершавшій деревянную жердь, соединялся съ землей посредствомъ цѣпи.

Къ сожалѣнію, открытіе Прокопія Дивиша не пріобрѣло извѣстности. Люди, завидовавшіе ему, возбудили противъ него крестьянъ, которые разломали громоотводъ на части, полагая, что онъ былъ причиной засухи и плохого урожая.

Опытъ Ромаса.

Въ то же время Ромасъ, засѣдатель уѣзднаго суда Нерака, желая усовершенствовать опытъ Далибара и получить атмосферное электричество прямо изъ источника — грозовой тучи, объявилъ 12-го іюля 1752 года о своемъ намѣреніи пустить воздушный змѣй

Digitized by Google

и посредствомъ его провести электричество до поверхности земли. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ этотъ опытъ, наконецъ, блестяще удался 7-го іюня 1753 года.

Этотъ интересный опытъ, произведенный у городскихъ воротъ въ присутствіи болѣе двухсотъ лицъ, заслуживаетъ подробнаго описанія, такъ какъ онъ показываетъ остроуміе и храбрость Ромаса.

Въ веревку его воздушнаго змѣя была вплетена металлическая проволока: онъ ее прикрѣпилъ къ камню и привязалъ къ ней, въ недалекомъ разстояніи отъ земли, жестяную трубку. Послѣ нѣсколькихъ слабыхъ искръ, которыя присутствующіе извлекли изъ

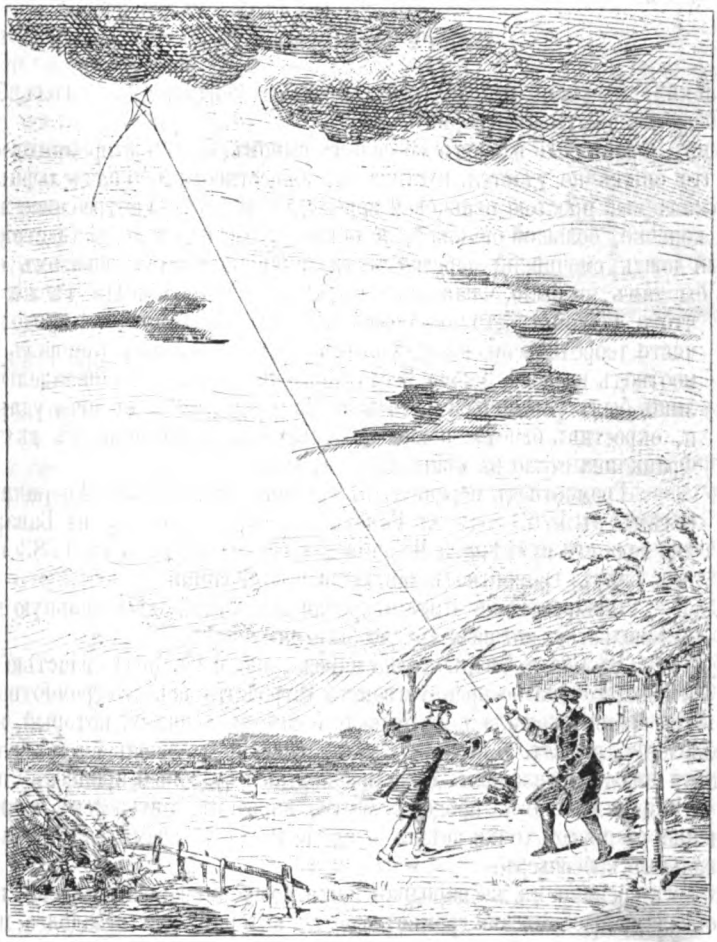


Рис. 88. Опытъ со змѣемъ Франклина.

трубки, изъ нея вылился цѣлый снопъ искръ, отбросившихъ Ромаса; гроза была близка. Нашъ физикъ, нисколько не смутившись, поднялся съ земли, удалилъ на приличное разстояніе зрителей, и одинъ во время грозы, которая постепенно все усиливалась, приблизился со своимъ разрядникомъ: засверкали съ трескомъ настоящія молніи. Электричество струится со всей длины веревки, которая имѣетъ видъ, какъ будто находится въ огнѣ, а Ромасъ чувствуетъ себя какъ бы окутаннымъ паутиной, которая ему указываетъ на опасность; онъ раньше, правда, въ болѣе слабой степени, испыталъ подобное ощущеніе вблизи сильныхъ статическихъ машинъ.

Digitized by Google

Ромасъ отступаетъ, но продолжаетъ въ вытянутой, на сколько возможно, рукѣ держать разрядникъ на разстояніи приблизительно въ метръ отъ веревки змѣя. Слышится безпрестанный трескъ, солома, которой была усыпана земля, поднимается вихремъ вверхъ; наконецъ, въ ту самую минуту, когда отважный естествоиспытатель считаетъ нужнымъ отойти подальше, вылетаетъ изъ проволоки молнія и поражаетъ землю со страшнымъ трескомъ. Потомъ все стихаетъ, но, когда воздушный змѣй спущенъ на землю, гроза начинается снова.

Ромасъ, не смотря на очевидное доказательство, что грозовую тучу можно разряжать, не рѣшился пока примѣнить свои опыты на практикѣ и ограничился продолженіемъ своихъ наблюденій.

Опытъ Франклина.

Нѣсколькими мѣсяцами раньше, а именно 20-го сентября 1752 года, были произведены подобные же опыты въ Америкѣ.

Веніаминъ Франклинъ вдвоемъ со своимъ сыномъ, безъ постороннихъ свидѣтелей, изъ боязни, что опытъ не удастся, пустилъ въ окрестностяхъ Филадельфіи бумажный змѣй, придерживаемый простою пеньковой веревкой (рис. 88). Употребленіе простой веревки было, конечно, большой ошибкой, и опытъ удался только вслѣдствіе того, что шелъ сильный дождь, смочившій веревку и увеличившій такимъ образомъ ея проводимость. Какъ бы тамъ ни было, Франклинъ вывелъ изъ своего опыта тѣ же заключенія, что и Ромасъ, но только болѣе положительныя; онъ не продолжалъ долго чисто теоретическихъ изслѣдованій и въ 1760 году установилъ первый громоотводъ на домѣ Джона Веста, торговца сукнами въ Филадельфіи. Только лишь былъ установленъ этотъ громоотводъ, какъ въ него ударила молнія и, окрестивъ огнемъ, показала пользу его примѣненія. Съ тѣхъ поръ имя Франклина стало на вѣки знаменитымъ.

Рис. 89. Наконечникъ громоотвода.

Громоотводъ перешелъ въ скоромъ времени изъ Америки въ Англію, затѣмъ въ 1769 году въ Гамбургъ и въ 1776 году въ Баварію. Черезъ два года его примѣнила Венеція для своего флота, а въ 1783 году, обойдя весь свѣтъ, громоотводъ появился и во Франціи.

Обнародованіе этого открытія встрѣтило здѣсь сильную непріязнь и недовольство, которыя трудно было предвидѣть.

Въ Сентъ-Омерѣ толпа народа, находясь подъ властью суевѣрнаго страха, хотѣла воспрепятствовать устройству перваго громоотвода. Она долгое время угрожала дому Буавале и самому хозяину, который, не смотря на народное озлобленіе, велѣлъ установить металлическій стержень надъ своимъ жилищемъ. По этому поводу произошелъ даже любопытный судебный процессъ, проигранный городскимъ муниципалитетомъ: процессъ этотъ, впрочемъ, интересенъ главнымъ образомъ совершенно съ другой точки зрѣнія — его велъ въ то время мало извѣстный адвокатъ Максимильянъ Робеспьеръ.

Въ скоромъ времени та же народная масса сознала свое заблужденіе и стала превозносить похвалами изобрѣтеніе громоотвода, къ которому она незадолго передъ тѣмъ относилась съ большимъ недоброжелательствомъ; она ударилась даже въ противоположную крайность. Каждый желалъ имѣть свой собственный громоотводъ: мужчины прикрѣпляли его къ зонтикамъ, дамы украшали имъ свои шляпы.

Что такое громоотводъ.

Онъ состоитъ изъ трехъ главныхъ частей: стержня, проводовъ и соединенія съ землей.

1) Одинъ или нѣсколько стержней изъ красной мѣди, оканчивающихся иногда платиновыми остріями (рис. 89), помѣщаются на выдающихся частяхъ строенія, которое предполагаютъ защищать отъ ударовъ молніи.

Digitized by Google

2) Проводы, которые состоятъ или изъ желѣзныхъ полосъ съ прямоугольнымъ сѣченіемъ, или изъ металлическихъ канатовъ (рис. 90), или изъ мѣдныхъ лентъ, должны быть совершенно плотно соединены со стержнями.

Для лучшаго соединенія съ землей употребляютъ большое количество проводовъ. Чѣмъ больше проводовъ, тѣмъ болѣе вѣроятности, что зданіе останется неповрежденнымъ молніею.

3) Наконецъ, соединенія съ землей должны быть устроены очень тщательно. По возможности одно изъ нихъ должно примыкать къ колодцу, заключающему въ себѣ во время самой большой засухи не менѣе одного метра воды. Необходимо также соединить съ главными проводами водопроводныя и газовыя трубы, находящіяся по близости, а также всѣ желѣзные балки и скрѣпы, безъ которыхъ теперь не обходятся при постройкѣ зданій, чтобы все, взятое вмѣстѣ, представляло нѣчто цѣлое и являлось проводникомъ безъ всякаго перерыва.

При громоотводѣ Мельсенса, съ нѣсколькими остріями (рис. 91), оберегаемое отъ молніи строеніе окутывается какъ бы желѣзной сѣткой, хорошо соединенной съ землею.

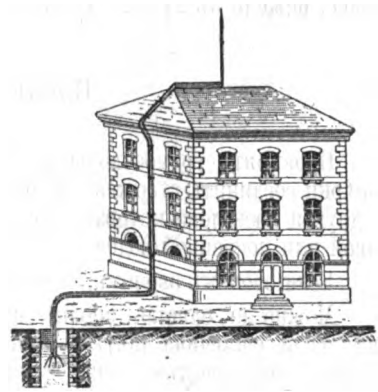


Рис. 90. Устройство громоотвода.

Дѣйствіе громоотводовъ.

Громоотводы предотвращаютъ опасность и охраняютъ отъ нея. Разсмотримъ это поближе:

Громоотводъ нерѣдко мѣшаетъ атмосферному электричеству скоплять въ землѣ зарядъ противоположнаго знака, могущій привести къ разряду; онъ облегчаетъ электричеству возможность пройти спокойно по его острію прямо въ землю. Если электрическое напряженіе тучи очень сильно, но сама туча находится слишкомъ далеко, чтобы произвести разрядъ, электричество земли пройдетъ по стержню и соединится съ электричествомъ воздуха подъ видомъ огней Святого Ельма, которые появляются на остріяхъ громоотвода.

Если же этотъ обмѣнъ недостаточенъ, чтобы истощить зарядъ грозовой тучи, тогда произойдетъ и въ тучѣ и на землѣ скопленіе противоположнаго электричества и какъ слѣдствіе, — разрядъ между тучей и землей при посредствѣ проводовъ и стержней громоотвода. Всѣ эти явленія появляются также, если приблизить какое-либо металлическое остріе къ кондуктору электростатической машины, находящейся въ дѣйствіи.

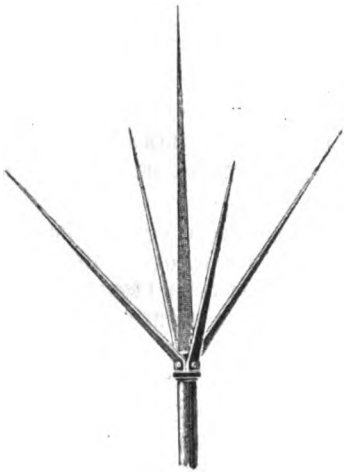


Рис. 91. Громоотводъ Мельсенса.

Зона защиты громоотводомъ.

Мы скажемъ объ этомъ всего нѣсколько словъ, ибо защитная зона не была еще до сихъ поръ достаточно точно опредѣлена ни для одного громоотвода. Сначала считали ее очень обширной, но вскорѣ пришлось ее сильно ограничить; наблюденія показали, что строенія, построенныя отъ стержня на разстояніи въ три или четыре раза дальше, чѣмъ его высота надъ землей, поражаются молніей. До 1843 года полагали, что окружность защиты равняется двойной вышинѣ стержня. Но около того же времени англійскій ученый Сновъ Грисъ доказалъ, что можно разсчитывать только на такую

Digitized by Google

окружность, которая равняется вышинѣ громоотвода. Если, напримѣръ, громоотводъ помѣщенъ на колокольнѣ, вышиною въ тридцать метровъ, онъ защититъ на землѣ окружность тоже въ тридцать метровъ.

Въ результатѣ скажемъ для краткости, что теперь общепринятое мнѣніе слѣдующее: защита не распространяется за окружность, равную вышинѣ стержня, т. е. на разстояніи отъ 8 до 10 метровъ отъ основанія громоотвода; громоотводъ защищаетъ только ту часть зданія, на которой онъ находится. Поэтому необходимо увеличивать число стержней на зданіяхъ большихъ размѣровъ. Вообще же, при сомнѣніи, лучше вѣрить въ худшее, нежели въ лучшее, пока не будетъ доказано противное.

Провѣрка громоотводовъ.

Провѣрять громоотводы необходимо часто и тщательно. Самое простое средство провѣрки соединить стержень громоотвода съ одной изъ проволокъ электрическаго звонка, другая проволока котораго соединена съ полюсомъ элемента, сообщеннаго съ влажной почвой или почвенной водой.

Если звонокъ звонитъ, значитъ, провода въ порядкѣ (рис. 92).

Можно ли, однако, вполнѣ полагаться на этотъ опытъ? Далеко не всегда, такъ какъ, если ржавчина покроетъ часть проводовъ и они будутъ соприкасаться другъ съ другомъ только частью, звонъ будетъ слышенъ, а между тѣмъ громоотводъ испорченъ.

Затѣмъ, этотъ опытъ не можетъ доказать, что всѣ металлическія части дома хорошо соединены съ проводами. Слѣдовательно, лучшее средство провѣрить громоотводъ, убѣдиться собственными глазами въ хорошемъ состояніи соединеній и спаекъ.

Что же касается до соединенія съ землей, то слѣдуетъ провѣрить спеціальными инструментами сопротивленіе земли, подземныхъ проводовъ и металлическихъ пластинъ.

Дѣйствительность громоотводовъ.

Изъ исторіи мы знаемъ, что прусскій король Фридрихъ II охотно позволялъ своимъ подданнымъ устраивать на ихъ домахъ громоотводы, но строго запретилъ ставить его у себя во дворцѣ. Въ дѣйствительности, громоотводы защищаютъ зданія, на которыхъ поставлены, при условіи, конечно, полной исправности.

Самыми лучшими громоотводами, однако, являются громоотводы естественные, которые вполнѣ обезпечиваютъ человѣка отъ опасности молніи. Въ городахъ ихъ составляютъ всякіе флюгера, печныя трубы и всевозможныя острія, торчащія кверху, которые всегда разряжаютъ грозовыя тучи и никогда не даютъ скопляться слишкомъ большому количеству электричества.

Туманы съ дымомъ и металлической пылью, поднимающіеся надъ современными городами, служатъ также хорошими проводниками атмосфернаго электричества, которое проходитъ иногда въ этихъ случаяхъ безъ явленій разряда. Да и грозы проносятся теперь рѣже надъ большими городами, а если и бываютъ, то сила ихъ несравненно слабѣе, чѣмъ прежде; опасность отъ нихъ въ наше время уменьшилась.

Со времени постройки желѣзныхъ дорогъ было замѣчено, что рельсы прекрасные проводники, и такъ какъ они лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ нигдѣ не соприкасаются съ сырыми мѣстами, поѣзда не могутъ претерпѣвать отъ молніи большихъ несчастій.

Однако, 5-го іюня 1892 года, начальникъ станціи въ Лейпцигѣ получилъ съ трехъ станцій на своей линіи телеграммы, извѣщавшія его, что двухчасовой поѣздъ пронесся мимо этихъ станцій полнымъ ходомъ, не останавливаясь согласно росписанію. Испуганный начальникъ станціи приказалъ стрѣлочникамъ направить прибывающій поѣздъ въ ту-

Digitized by Google

никъ, оканчивающійся въ пустырѣ за вокзаломъ. Однако, было поздно, послышался приближающійся грохотъ, и поѣздъ, какъ молнія, промчался подъ стеклянной аркой вокзала среди криковъ перепуганныхъ пассажировъ. Локомотивъ налетѣлъ на пустые вагоны, стоявшіе на пути, перевернулся, и котелъ его взорвало съ сильнымъ трескомъ. Образо-

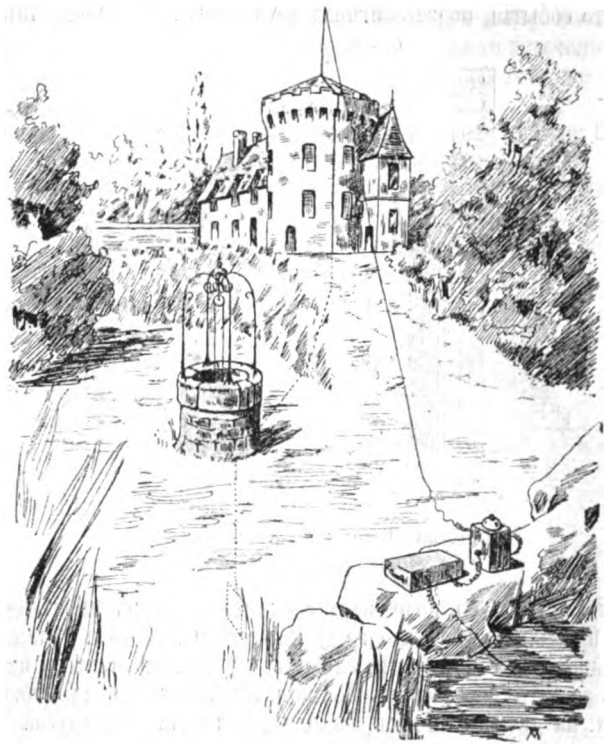


Рис. 92. Провѣрка громоотвода.

вался невообразимый хаосъ. Оказалось, что въ дорогѣ молнія ударила въ поѣздъ и убила на мѣстѣ и машиниста и кочегара.

Въ деревняхъ и на дачахъ, гдѣ молніи слѣдуетъ болѣе опасаться, чѣмъ въ городѣ, деревья защищаютъ отдѣльные дома. Если съ одной и той же стороны, предпочтительнѣе съ юго-восточной, откуда чаще идутъ грозы, находится болото или колодезь и въ то же время рядомъ съ ними растутъ тополя, то можно не опасаться молніи: она ударитъ непремѣнно въ дерево и перейдетъ затѣмъ въ воду.

III.

Телеграфъ.

Первыя попытки.

Тезей, отправляясь сражаться съ Минотавромъ, чтобы освободить аѳинянъ отъ постыдной дани, которую они выплачивали ежегодно этому чудовищу, обѣщалъ своему отцу на возвратномъ пути поставить на своемъ кораблѣ въ случаѣ удачи вмѣсто черныхъ парусовъ паруса бѣлые. Исторія повѣствуетъ далѣе, что Тезей, опьяненный радостью побѣды, позабылъ о своемъ обѣщаніи, и отецъ его, Эгей, завидѣвъ возвращающійся корабль сына съ черными парусами, съ горя и отчаянія бросился въ море.

Digitized by Google

Въ миѳахъ еще болѣе раннихъ, чѣмъ только-что нами приведенный, есть указанія, что для оповѣщенія войскъ о наступленіи врага передовые отряды зажигали на возвышенностяхъ огни... Это были зачатки быстрой передачи извѣстій на разстояніе, первые зачатки телеграфа, телеграфа случайнаго и совершенно условнаго. Помощью костра или факела можно было только извѣстить о наступленіи какого-либо одного, заранѣе уговоромъ опредѣленнаго событія, подать сигналъ къ какому-либо одному также заранѣе опре-

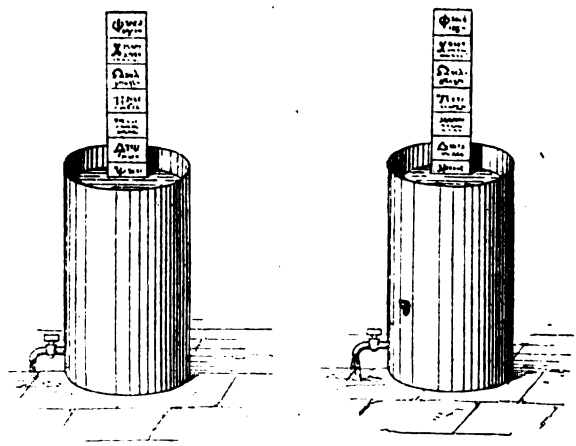


Рис. 93. Телеграфъ Энея Тактика.

дѣленному дѣйствію и т. д. Въ подобныхъ случаяхъ и теперь прибѣгаютъ къ аналогичнымъ простымъ мѣрамъ. Но уже задолго до Рождества Христова дѣлались попытки и къ сообщенію на большое разстояніе болѣе сложныхъ и разнообразныхъ извѣстій.

Въ IV вѣкѣ до Р. Х., по словамъ Полибія, Эней Тактикъ предложилъ слѣдующую систему телеграфа: на двухъ башняхъ, находящихся одна отъ другой на большемъ или

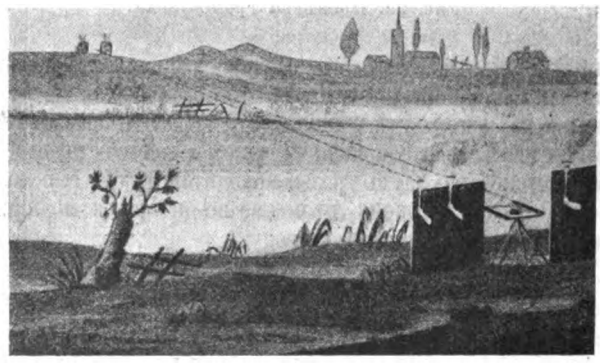


Рис. 94. Телеграфъ Клеомена и Демокрита.

меньшемъ разстояніи, имѣется по факелу и по сосуду совершенно одинаковаго объема съ одинаковыми же кранами въ нижней части (рис. 93). Въ сосуды эти наливается до верху вода и въ нее опускается поплавокъ изъ пробки съ прикрѣпленной на ней линейкой съ дѣленіями. Каждое дѣленіе линейки соотвѣтствуетъ извѣстной фразѣ. На первой башнѣ, желая передать какое-либо извѣстіе на вторую, прежде всего зажигаютъ факелъ. Зажженный факелъ на второй башнѣ показываетъ, что сигналъ замѣченъ.

Digitized by Google

Въ моментъ появленія огня на второй башнѣ наблюдатели открываютъ краны каждый у своего сосуда съ водой, а факелы тушатся или чѣмъ-либо прикрываются. Наблюдатель первой башни слѣдитъ теперь за своимъ поплавкомъ, который, по мѣрѣ вытеканія воды, опускается все ниже и ниже. Когда при этомъ дѣленіе, отвѣчающее передаваемой фразѣ, опустится до уровня борта сосуда, наблюдатель первой башни снова показываетъ зажженый факелъ и тѣмъ приглашаетъ принимающій телеграмму постъ закрыть кранъ сосуда. При равныхъ размѣрахъ сосудовъ и одинаковой скорости истеченія воды на второмъ посту поплавокъ въ это время оказывается опустившимся на тотъ же уровень, что и на первомъ. Телеграмма передана.

Въ слѣдующемъ III вѣкѣ, Клеоменъ и Демокритъ пошли дальше и предложили телеграфъ азбучный. Вся азбука дѣлилась на группы по пяти буквъ въ каждой. Каждая группа и каждая буква въ ней обозначалась номеромъ. При передачѣ буквы, сигнальщикъ слѣва отъ себя поднималъ число сигналовъ, отвѣчающее № группы, къ которой принадлежитъ передаваемая буква, а справа такъ же точно обозначалъ порядокъ буквы въ группѣ. Сигналами служили факелы. Вся система дополнялась еще парой на каждой станціи наблюдательныхъ трубъ (рис. 94).

Римляне усовершенствовали систему Клеомена и Демокрита и приспособили къ подобнаго рода сигналамъ цѣлый рядъ башенъ (рис. 95).

Галлы также пользовались огнями для переговоровъ, разводя костры не только на возвышенностяхъ, но и на особыхъ, спеціально съ этой цѣлью выстроенныхъ, башняхъ.

Дальнѣйшее развитіе телеграфа было задержано надолго великимъ переселеніемъ народовъ, и снова толчекъ ему былъ данъ только въ XV и XVI столѣтіяхъ изобрѣтеніемъ вогнутыхъ зеркалъ и подзорной трубы. Въ XVIII столѣтіи была сдѣлана попытка передавать на большія разстоянія непосредственно звуки при помощи длинныхъ трубъ. Всѣ эти попытки, однако, были только куріозны, иногда остроумны, но всегда не практичны. Первый практичный телеграфъ былъ устроенъ священникомъ Клодомъ Шаппомъ.

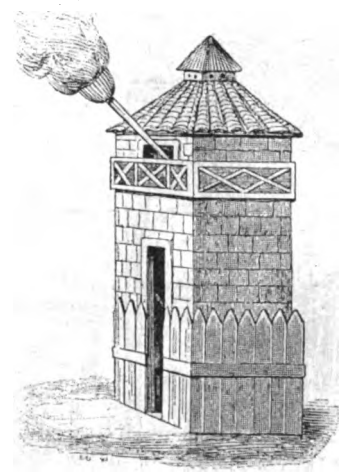


Рис. 95. Римскій телеграфъ по изображенію на колоннѣ Траяна.

Воздушный телеграфъ Клода Шаппа.

Хотя нѣкоторые историки и утверждаютъ, что Шаппъ еще мальчикомъ пробовалъ вести разговоры со своими братьями при помощи трехъ линеекъ, укрѣпленныхъ на высокомъ вертикальномъ шестѣ, однако, нѣтъ сомнѣнія, что въ зрѣломъ возрастѣ въ своихъ первыхъ попыткахъ передавать извѣстія быстро и на большія пространства онъ обратился и совершенно неудачно къ помощи статическаго электричества. Только въ 1790 году имъ былъ устроенъ первый воздушный, оптическій телеграфъ, представлявшій изъ себя циферблатъ съ передвигаемыми по немъ съ помощью механическихъ приспособленій стрѣлками (рис. 96). Только послѣ цѣлаго ряда измѣненій и передѣлокъ, Шаппу къ концу 1791 года удалось устроить оптическій телеграфъ въ томъ видѣ, въ которомъ онъ затѣмъ примѣнялся въ продолженіе значительнаго періода времени и успѣлъ распространиться по всему свѣту. Смѣнилъ оптическій безпроводный телеграфъ Шаппа только телеграфъ проволочный, электрическій, смѣнилъ съ тѣмъ, чтобы, повидимому, въ скоромъ времени быть самому смѣненному снова безпроводнымъ, но уже не оптическимъ, а электрическимъ телеграфомъ Маркони и Попова.

Первый опытъ съ оптическимъ телеграфомъ Шаппа въ присутствіи комиссіи изъ трехъ членовъ конвента, Лаканаля, Дону и Арбога, былъ произведенъ 12 іюня 1793 года

Digitized by Google

между Сенъ-Мартель-дю-Тертръ и Менильмонтаномъ. 25 іюля того же года конвентъ слушалъ одобрительный отзывъ комиссіи объ этомъ испытаніи и постановилъ ввести въ употребленіе во Франціи телеграфъ Шаппа, которому конвентъ тутъ же далъ званіе телеграфнаго инженера.

Первая линія телеграфа была устроена между Парижемъ и Лиллемъ; она стоила Клоду Шаппу и его братьямъ страшныхъ усилій; приходилось считаться съ невѣжественнымъ страхомъ передъ непонятными сигналами крестьянъ, кой-гдѣ оказавшихъ сопротивленіе силой устройству башенъ; рабочихъ собрать было трудно, да и согласившіеся ра-

Рис. 96. Первоначальный видъ телеграфа Шаппа.

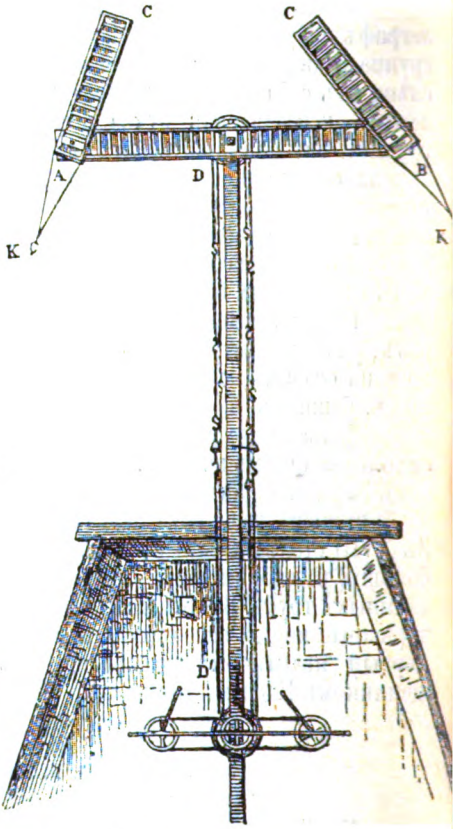


Рис. 97. Воздушный телеграфъ Шаппа.

ботать, при каждомъ удобномъ случаѣ, разбѣгались на митинги и въ процвѣтавшіе въ то время политическіе клубы.

Шестнадцать постовъ линіи были окончены только къ 28-му ноября 1794 года. Черезъ два дня линія была, можно сказать, побѣдоносно освящена, такъ какъ 30-го ноября, при громѣ аплодисментовъ депутатовъ, взошелъ на трибуну конвента Карно и растроганнымъ голосомъ прочелъ извѣстіе о томъ, что Конде сдался республиканской арміи; эта была первая депеша, посланная изъ Лилля съ башни св. Екатерины въ 8 ч. утра, прошедшая черезъ всѣ посты и полученная въ Луврѣ въ одиннадцать часовъ дня.

Воздушный телеграфъ Клода Шаппа состоитъ (рис. 97) изъ вертикальной мачты, поднимающейся на четыре, пять метровъ надъ крышей башни. На верху этой мачты имѣется перекладина, подвижная около своей средней части. Эта перекладина можетъ описывать полный кругъ около своей горизонтальной оси; на концахъ ея прикрѣплены двѣ меньшихъ, также подвижныхъ планки. Положеніе какъ средней планки (индикатора),

Digitized by Google

такъ и боковыхъ (регуляторовъ) можно измѣнять при помощи веревокъ и системы блоковъ снизу, отъ основанія мачты. Здѣсь имѣлись также индикаторъ и регуляторы маленькихъ размѣровъ, но строго въ своихъ движеніяхъ слѣдовавшіе за верхними линейками. Имѣя ихъ передъ глазами, телеграфистъ провѣрялъ воспринимаемые имъ при посредствѣ зрительной трубы и передаваемые дальше сигналы. При помощи линеекъ Шаппа можно передавать 196 разныхъ знаковъ. Существовало нѣсколько словарей: первый сигналъ показывалъ, какой именно словарь нужно открыть, второй—указывалъ страницу, а третій—номеръ по этой страницѣ переданнаго слова или фразы. Много разъ словари эти мѣнялись; была создана даже единственная общая азбука, что сильно ускорило телеграфированіе и дало возможность съ большимъ успѣхомъ пользоваться тѣмъ сравнительно небольшимъ количествомъ времени, когда состояніе атмосферы позволяло различать передаваемые сигналы съ одной башни на другую. Старики вспоминаютъ еще и теперь о частыхъ задержкахъ телеграммъ, происходившихъ вслѣдствіе бурь, дождей и непогодъ; «сообщеніе прервано вслѣдствіе тумана» одна изъ немногихъ извѣстныхъ промежуточ-

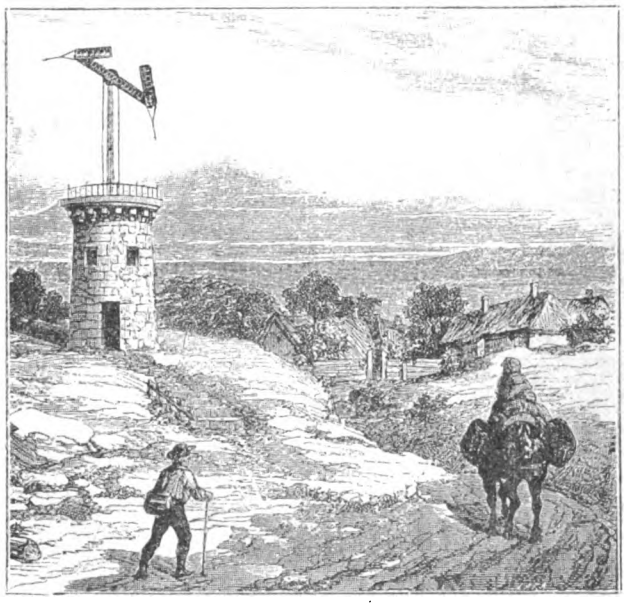


Рис. 98. Станція воздушнаго телеграфа.

нымъ станціямъ фразъ, всего, кажется, чаще передавалась по линіи оптическаго телеграфа. Вслѣдствіе большого успѣха телеграфа Шаппа во Франціи и Алжирѣ (рис. 98 и 99), онъ былъ вскорѣ принятъ и примѣненъ въ Италіи, Испаніи, Египтѣ и Германіи. Англія, Швеція и Россія примѣнили его нѣсколько позже и съ нѣкоторыми измѣненіями. Оптическій телеграфъ былъ примѣненъ послѣдній разъ во время осады и взятія Севастополя. Кое-гдѣ до сихъ поръ можно найти сохранившимся башни воздушнаго телеграфа, но на нихъ не видно уже прежняго таинственнаго передвиженія крыльевъ.

Исторія изобрѣтенія электрическаго телеграфа.

Мы говорили выше о неудачной попыткѣ Шаппа примѣнить къ телеграфированію статическое электричество; болѣе удачны были примѣненія его однимъ женевцемъ, Жоржемъ Лезажемъ. Этому послѣднему удалось передавать знаки изъ одной комнаты въ другую при помощи электроскоповъ; на болѣе далекія разстоянія аппаратъ оказался совершенно не примѣнимымъ.

Digitized by Google

Открытіе вольтова столба и гальваническаго тока въ 1800 году дало толчекъ новымъ попыткамъ устройства электрическаго телеграфа. Уже въ 1802 году нѣкоему отставному военному комиссару Жану-Александру удалось устроить телеграфъ съ циферблатомъ, но, не видя къ своимъ идеямъ и планамъ никакого сочувствія и не встрѣчая ни въ комъ ни нравственной, ни матеріальной поддержки, онъ не сумѣлъ убѣдить современниковъ въ пользѣ и цѣлесообразности своего изобрѣтенія и умеръ въ бѣдности и неизвѣстности. У потомковъ его и его сотрудника Бовэ можно видѣть въ настоящее время чертежи неоконченнаго телеграфа и относящіяся къ нимъ бумаги.

Въ 1809 году, баварскій анатомъ докторъ Земмерингъ представилъ баварской академіи проектъ телеграфа, основаннаго на химическомъ дѣйствіи тока, на разложеніи воды, которое на пріемной станціи проявлялось поднимающимися пузырьками газа. Телеграфъ Земмеринга не имѣлъ практическаго значенія, такъ какъ для каждой буквы при немъ при-

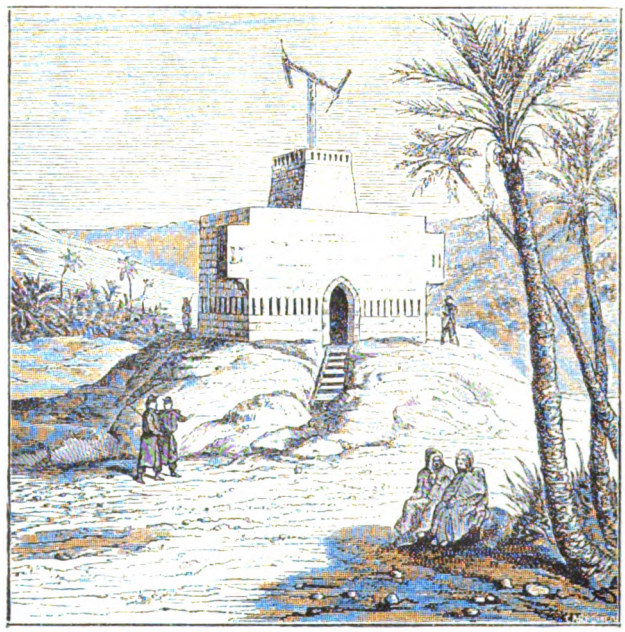


Рис. 99. Станція воздушнаго телеграфа.

ходилось проводить отдѣльную проволоку. Швейгеръ, будущій изобрѣтатель мультипликатора, устранилъ это неудобство, онъ употреблялъ въ своей системѣ только два электрода съ двумя проволоками, а для различія между буквами измѣнялъ продолжительность разложенія воды и выдѣленія пузырьковъ газа, передавалъ выдѣленія газа съ одного электрода на другой и различнымъ образомъ комбинировалъ эти перемѣны.

У доктора Земмеринга былъ знакомый—русскій чиновникъ, баронъ Павелъ Львовичъ Шиллингъ. Посѣщая Мюнхенъ, баронъ Шиллингъ имѣлъ случай видѣть у Земмеринга въ дѣйствіи его телеграфъ, чрезвычайно имъ заинтересовался и привезъ проектъ его въ Россію, гдѣ и представилъ Императору. Съ этихъ поръ мысль воспользоваться электрическимъ токомъ для телеграфнаго сообщенія больше не покидала барона Шиллинга, и онъ со страстностью принялся самъ за разрѣшеніе этого вопроса.

Между тѣмъ Эрстедтъ открылъ отклоненіе магнитной стрѣлки, Швейгеръ изобрѣлъ мультипликаторъ, а Амперъ въ такихъ выраженіяхъ указывалъ на возможность телеграфированія при помощи отклоненія магнитной стрѣлки: «съ помощью такого количества проводовъ изъ проволокъ и магнитныхъ стрѣлокъ, сколько существуетъ буквъ въ азбукѣ,

Digitized by Google

гальваническаго элемента, установленнаго вдали отъ стрѣлокъ и сообщаемаго по желанію съ концами любыхъ проводовъ, можно устроить родъ телеграфа и съ помощью его передавать на любое разстояніе, черезъ любыя препятствія слова и фразы». Дальше этого утвержденія Амперъ не шелъ и предложенія своего на опытѣ не исполнилъ. Первый телеграфъ, указанія котораго были основаны на отклоненіи магнитной стрѣлки, построилъ выше упоминавшійся нами баронъ Шиллингъ. Изобрѣтеніе это было сдѣлано имъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія.

Телеграфъ Шиллинга (рис. 101) состоялъ изъ магнитныхъ стрѣлокъ, которыя подвѣшивались на шелковыхъ нитяхъ и двигались внутри мультипликаторовъ, т. е. плоскихъ катушекъ изъ большого числа оборотовъ проволоки. Со станціи отправленія пропускали токъ черезъ тотъ или другой мультипликаторъ и, смотря по направленію тока, этимъ вы-

Рис. 100. Баронъ Шиллингъ, изобрѣтатель электрическаго телеграфа.

зывали отклоненіе стрѣлки вправо или влѣво. Чтобы сдѣлать движеніе стрѣлокъ болѣе замѣтнымъ, Шиллингъ прикрѣплялъ къ нимъ картонные диски съ различно окрашенными поверхностями. Когда стрѣлка была въ покоѣ, дискъ былъ обращенъ къ наблюдателю ребромъ, а при отклоненіи стрѣлки онъ поворачивался къ наблюдателю въ зависимости отъ направленія отклоненія той или другой своей окрашенной въ разный цвѣтъ стороною. Первый телеграфъ Шиллинга былъ снабженъ пятью стрѣлками, впослѣдствіи число ихъ было сведено до одной.

Телеграфъ Шиллинга также не получилъ примѣненія, но съ нимъ познакомился англичанинъ В. Кукъ и тотчасъ же понялъ все его значеніе. Пригласивъ въ сотрудники опытнаго физика Витстона, онъ сталъ разрабатывать и улучшать изобрѣтеніе русскаго ученаго и въ 1837 году патентовалъ свой телеграфъ съ пятью стрѣлками. Въ томъ же

Digitized by Google

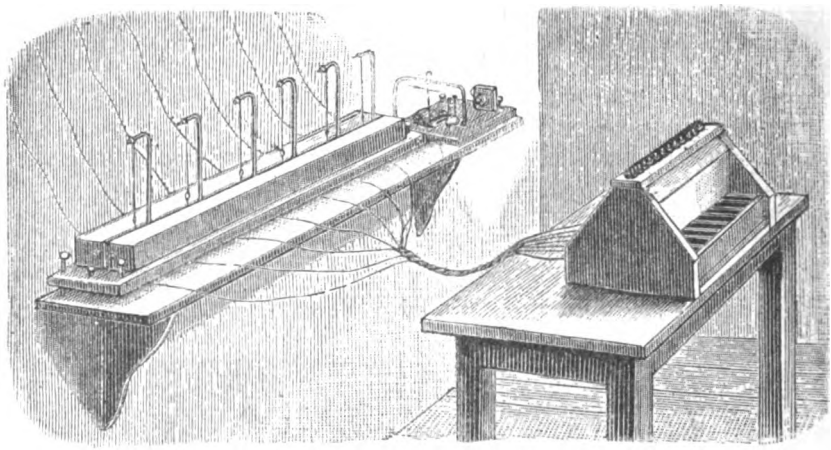


Рис. 101. Телеграфный аппаратъ барона Шиллинга.

году телеграфъ этотъ получилъ первое практическое примѣненіе на одномъ изъ участковъ бирмингамской желѣзной дороги.

Съ этого момента судьба электрическаго телеграфа была обезпечена; работы К. Штейнгеля, а затѣмъ изобрѣтеніе американцемъ Морзе пишущаго телеграфа сдѣлали способъ быстрой передачи извѣстій на большое разстояніе удобнымъ и недорогимъ.

Принципъ устройства электрическаго телеграфа.

Въ своемъ мѣстѣ мы показали, что̀ такое электромагнитъ, и знаемъ, что онъ представляетъ изъ себя кусокъ мягкаго желѣза, обмотанный изолированной проволокой. Пока по этой проволокѣ проходитъ токъ, желѣзо пріобрѣтаетъ магнитныя свойства; съ прекра-

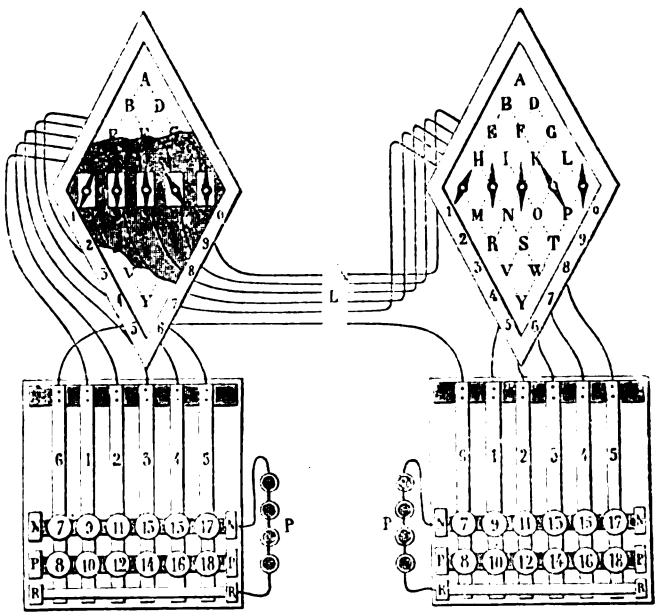


Рис. 102. Телеграфъ Витстона и Кука съ пятью стрѣлками.

Digitized by Google

щеніемъ тока, магнитныя свойства желѣза пропадаютъ. Если мы желаемъ воспользоваться гальваническимъ токомъ для передачи извѣстій изъ мѣста А въ В, то въ А мы устанавливаемъ батарею изъ элементовъ и соединяемъ ее проволоками съ обмоткой электромагнита, установленнаго въ В. Около электромагнита мы помѣщаемъ небольшой якорь—желѣзную пластинку, удерживаемую на незначительномъ отъ электромагнита разстояніи возможно слабой пружинкой. Замыкая токъ въ А, мы сообщаемъ сердцевинной полосѣ электромагнита въ В магнитныя свойства, и она сейчасъ же притягиваетъ къ себѣ якорь. Размыкаемъ токъ въ А, магнитныя свойства пропадаютъ, и якорь силою пружинки отъ электромагнита отодвигается. Это движеніе якоря легко можетъ быть приспособлено къ

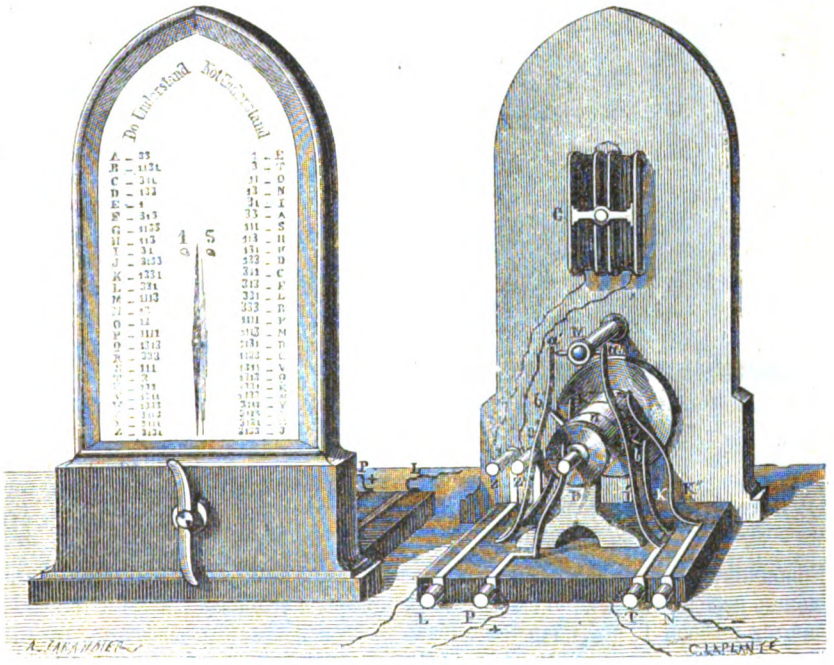


Рис. 103. Телеграфъ Витстона и Кука съ одной стрѣлкой.

поданію тѣхъ или другихъ знаковъ или сигналовъ, напр. къ передвиженію стрѣлки по циферблату и т. п.

Однако, какъ мы видѣли, первые телеграфы примѣняли гальваническій токъ прямо къ дѣйствію на магнитную стрѣлку.

Во всѣхъ системахъ электрическаго телеграфа можно различать слѣдующія главныя составныя части: источникъ тока — обыкновенно батарея гальваническихъ элементовъ, рѣже индукціонная машина, провода — проволоки, соединяющія станціи, манипуляторъ — приборъ, помощью котораго передаютъ сигналы, и пріемникъ — приборъ, воспринимающій передаваемые сигналы и знаки. Съ частями второстепеннаго значенія мы познакомимся далѣе при описаніи различныхъ системъ телеграфовъ.

Телеграфъ Витстона и Кука.

Въ началѣ телеграфъ этотъ устраивался съ пятью гальванометрами, что требовало пяти отдѣльныхъ проводовъ и шестого обратнаго общаго. Рисунокъ 102-й представляетъ схематически двѣ станціи этого телеграфа. Стрѣлки укрѣплены на поверхности ромбоидальнаго циферблата, на которомъ въ правильномъ порядкѣ изображены буквы алфавита. Нажатіемъ клавишей манипулятора пропускаютъ токъ въ два гальванометра и при томъ въ

Digitized by Google

направленіяхъ противоположныхъ (гальванометры расположены сзади циферблата). Соотвѣтствующія гальванометрамъ стрѣлки наклоняются другъ къ другу и указываютъ на одну какую-либо букву; на нашемъ рисункѣ, напримѣръ, стрѣлки 1 и 4 указываютъ на букву B. Отклоненіемъ одной какой-либо стрѣлки производятся указанія на изображенныя внизу ромба цифры.

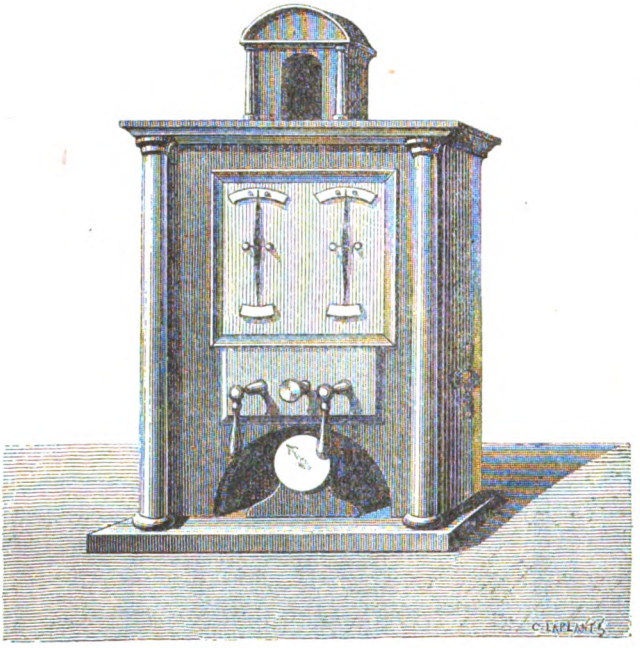


Рис. 104. Теле фъ Витстона и Кука съ двумя стрѣлками.

Телеграфъ, только что описанный, хотя и примѣнялся на практикѣ, но оказался слишкомъ дорогимъ, требуя много проводовъ. Изобрѣтатели въ довольно скоромъ времени замѣнили его телеграфомъ съ одной стрѣлкой (рис. 103). Лѣвая часть рисунка представляетъ видъ аппарата спереди. По серединѣ таблицы имѣется стрѣлка гальванометра, отклоненія которой ограничены съ обѣихъ сторонъ костяными штифтиками 1 и 3 [1]. Внизу таблицы имѣется рукоятка манипулятора, поворотъ которой въ ту или другую сторону вызываетъ отклоненія въ ту же сторону стрѣлки.

Комбинируя направленіе и число отклоненій (ихъ не приходится дѣлать выше четырехъ), можно передавать всѣ буквы алфавита, цифры и условные знаки. Отклоненія влѣво обозначаются цифрой 1, а отклоненія вправо цифрой 3. Такимъ образомъ, два отклоненія вправо и одно отклоненіе влѣво могутъ быть обозначены 331; какъ правая таблица пріемнаго аппарата показываетъ, это число отвѣчаетъ буквѣ L.

Правая часть рисунка 103-го представляетъ аппаратъ сзади, и на немъ хорошо видно устройство манипулятора-коммутатора. G—мультипликаторъ съ астатическими стрѣлками, одна изъ которыхъ служитъ указателемъ; къ нему идетъ токъ съ другой станціи. Самъ коммутаторъ или манипуляторъ изображенъ внизу рисунка. Онъ состоитъ изъ буковаго цилиндра, ось котораго вращается въ металлическихъ подшипникахъ. Поворачиваніе этого цилиндра достигается помощью упоминавшейся нами рукоятки. По краямъ цилиндръ этотъ обернутъ двумя другъ отъ друга изолированными металлическими листочками m и n. Подшипникъ D находится въ постоянномъ контактѣ съ пружиной R и листочкомъ n. Листочки n и m снабжены остріями b и b′, которые могутъ при извѣстномъ положеніи коммутатора приходить въ соприкосновеніе, первое съ пружиной K, а второе съ пружиной U. Листочекъ m, кромѣ того, находится въ постоянномъ контактѣ съ пружиной K″. Повыше коммутатора имѣется металлическій стержень M съ двумя горизонтально повернутыми остріями a и a′ на концѣ; въ зависимости отъ положенія манипулятора или a соприкасается съ пружиной U или a′ съ пружиной U′. Проволоки отъ гальванометра прикрѣпляются къ зажимамъ Z и Z′, изъ которыхъ Z, въ свою очередь, соединенъ съ зажимомъ L, откуда идетъ проводъ на сосѣднюю станцію, а Z′ съ пружинами U′K′ и положительнымъ полюсомъ батареи. Съ другой стороны, пружины UK соединены съ обратнымъ проводомъ T, а пружина K″ съ отрицательнымъ полюсомъ батареи.

[1] На рисункѣ ошибочно обозначено: 1 и 5.

Digitized by Google

Представимъ себѣ теперь, что рукоятка коммутатора стоитъ вертикально; въ этомъ случаѣ въ вертикальномъ положеніи оказываются и острія b и b', металлическія части коммутатора не находятся въ соединеніи, токъ не замкнутъ, и стрѣлка гальванометра находится въ покоѣ.

Повернемъ рукоятку вправо (какъ разъ въ этомъ положеніи комутаторъ изображенъ на рисункѣ 103-мъ), штифты b и b' упрутся въ пружины K и U' и отодвинутъ эту послѣднюю отъ контакта a' стержня M. Токъ при этомъ пойдетъ черезъ части прибора (обозначаемъ ихъ буквами рисунка) въ такомъ направленіи: PRDnb'Z'GZL; затѣмъ токъ по проводу пойдетъ на сосѣднюю станцію, отклонитъ тамъ стрѣлку гальванометра въ ту же сторону, что и на первомъ приборѣ и, по T вернувшись на станцію отправленія, замкнетъ кругъ черезъ TKbmK''N.

При поворотѣ рукоятки влѣво, направленіе тока будетъ измѣнено, такъ какъ штифты b и b' упрутся въ пружины K' и U и отведутъ эту послѣднюю отъ стержня M. Токъ въ этомъ случаѣ будетъ слѣдовать направленію: NK''mbK'Z'GZL и обратно TUb'nRP. Стрѣлка гальванометра отклонится въ сторону обратную отклоненію предыдущему.

При однострѣлочномъ телеграфѣ, число колебаній стрѣлки въ одну сторону пришлось, какъ мы говорили выше, допустить до четырехъ, а всего въ комбинаціяхъ до восьми.

Чтобы уменьшить число колебаній, а слѣдовательно ускорить передачу депешъ, Витстонъ и Кукъ дѣлали также двухстрѣлочный телеграфъ (рис. 104). Телеграфистъ на немъ работаетъ одновременно обѣими руками и при помощи двухъ коммутаторовъ заразъ заставляетъ отклоняться обѣ стрѣлки. Комбинація движеній двухъ стрѣлокъ позволяетъ уменьшить нужное для передачи всѣхъ буквъ азбуки число колебаній для каждаго знака.

Во Франціи, Фой и Брегетъ вмѣсто стрѣлокъ примѣнили линеечки, совершенно подобныя линейкамъ оптическаго телеграфа Шаппа (рис. 105). Азбука была принята та же, что у Шаппа.

Замѣна обратнаго провода соединеніемъ съ землей.

Мы видѣли, что первые телеграфы требовали большого числа проволокъ; телеграфы съ одной стрѣлкой требовали уже только двухъ проводовъ, изъ которыхъ одинъ, «обрат-

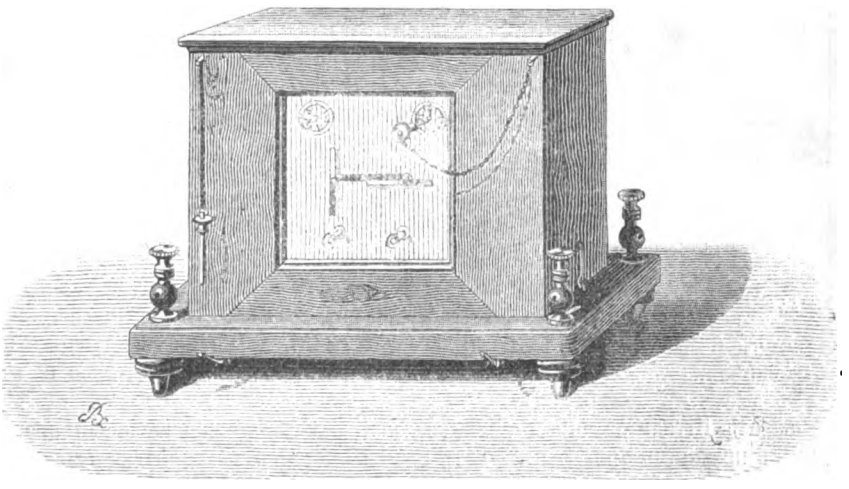


Рис. 105. Телеграфъ Фой и Брегета.

ный проводъ», служилъ для обратнаго возвращенія тока на ту станцію, съ которой онъ былъ посланъ.

Въ 1837 году Мюнхенскому физику Штейнгелю удалось обойти устройство этого обратнаго провода.

Digitized by Google

Это важное упрощеніе имѣло такого рода происхожденіе. Въ 1747 году нѣсколько членовъ Лондонскаго Королевскаго Общества сошлись на берегахъ Темзы, чтобы продѣлать кой-какіе опыты передачи статическаго электричества черезъ рѣку. Между ними были Кавендишъ, Ватсонъ, Мартинъ и Фолькъ. Ватсонъ на одномъ берегу держалъ металлическую проволоку, соединенную съ внутренней обкладкой лейденской банки, которую на другомъ берегу держалъ въ одной рукѣ Кавендишъ. Лейденская банка была заряжена. Помѣстившись такимъ образомъ, Кавендишъ и Ватсонъ взяли въ свободныя руки по желѣзной палкѣ и окунули концы ихъ въ рѣку. Какъ только они устроили, такимъ образомъ, соединеніе между собой черезъ воду рѣки, произошелъ разрядъ, и они оба получили характерный толчекъ. Вода послужила, такимъ образомъ, току вторымъ проводникомъ. Кавендишъ и Ватсонъ повторили свой опытъ, увеличивъ разстояніе между собой, и прибавили къ ширинѣ рѣки еще полосу земли; разрядъ получился попрежнему. Этотъ основной опытъ былъ затѣмъ нѣсколько позже повторенъ съ гальваническимъ токомъ. Результаты этого послѣдняго наблюденія натолкнули Штейнгеля на мысль воспользоваться ими при телеграфированіи. Одинъ изъ проводовъ батареи онъ соединилъ съ металлической пластиной, закопанной въ сырую землю; точно также соединилъ съ землею онъ и пріемный аппаратъ на другой станціи. Токъ, такимъ образомъ, въ одну сторону идетъ по проволокѣ, а обратно возвращается по землѣ.

Телеграфъ Штейнгеля.

Такъ какъ Штейнгель выработалъ свой аппаратъ на годъ раньше Морзе, то его можно считать изобрѣтателемъ пишущаго телеграфа, тѣмъ болѣе, что онъ придалъ своему аппарату примѣнимую на практикѣ форму, чего Морзе достигъ при своемъ изобрѣтеніи только черезъ нѣсколько лѣтъ. Штейнгель пользуется въ своемъ телеграфѣ, подобно Шиллингу и Куку съ Витстономъ, отклоненіемъ магнитной стрѣлки отъ тока, при чемъ эта стрѣлка производитъ остающіеся знаки на сматывающейся бумажной полоскѣ, такъ что ихъ можно читать въ какое угодно время.

За пріемникъ Штейнгель взялъ плоскую проволочную катушку, въ которой помѣщались двѣ свободно вращающіяся магнитныя стрѣлки cc (рис. 106). У концовъ этихъ стрѣлокъ находились маленькіе изогнутые рычажки съ сосудиками d для краски. При пропусканіи тока черезъ катушку, отклонялась та или другая изъ стрѣлокъ, смотря по направленію тока, и при томъ такимъ образомъ, что ея рычажокъ съ сосудикомъ выдвигался на нѣсколько миллиметровъ изъ середины катушки и прикасался къ бумажной полоскѣ, на которой сосудикъ d дѣлалъ цвѣтную черточку.

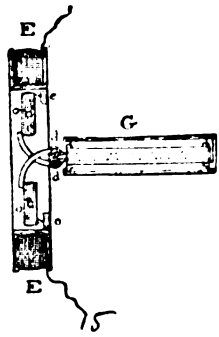


Рис. 106. Телеграфъ Штейнгеля.

Каждая стрѣлка ставила свои точки въ особую строку и, такимъ образомъ, движеніемъ стрѣлокъ можно было воспроизводить на сматывающейся бумажной лентѣ группы точекъ, представляющія различные условные знаки. Для этой цѣли стрѣлкамъ сообщаютъ рядъ слѣдующихъ одно за другимъ движеній, пропуская, соотвѣтствующимъ образомъ, мгновенные токи.

Передатчикомъ служилъ магнитный индукторъ, который, при каждой половинѣ оборота, производилъ отклоненіе одной изъ стрѣлокъ.

Аппаратъ Штейнгеля представляетъ, безъ сомнѣнія, значительный прогрессъ въ сравненіи съ прежними аппаратами, хотя онъ не можетъ похвалиться скоростью телеграфированія, что легко видно изъ простоты знаковъ; имъ можно было телеграфировать всего по шести словъ въ минуту.

Телеграфъ Штейнгеля не вполнѣ удовлетворительно рѣшилъ задачу пишущаго телеграфа и, можно сказать, что мы обязаны, главнымъ образомъ, американскому художнику Самуилу Морзе за дѣйствительное созданіе всесвѣтнаго электрическаго телеграфа въ наибольшей простотѣ его устройства.

Digitized by Google

Изобрѣтеніе Морзе.

Самуилъ Морзе былъ сыномъ пастора; родился онъ 27-го апрѣля 1791 года, учился въ школѣ въ Коннектикутѣ и, выйдя оттуда въ 1810 году, рѣшилъ заняться рисованіемъ. Послѣ перваго путешествія въ Англію, гдѣ онъ удостоился получить за свои произведенія золотую медаль, Морзе посѣтилъ, въ 1829 году, во второй разъ Европу, съ цѣлью завершить свое художественное образованіе.

Во время своего второго возвращенія на пакетботѣ «Сюлли», въ 1832 году, Самуилу Морзе пришла впервые мысль объ электромагнитномъ телеграфѣ, мысль, вызванная чтеніемъ описанія опытовъ Эрстедта, Араго и новѣйшихъ наблюденій Франклина. Пріѣхавъ въ Америку, онъ, изъ-за отсутствія денежныхъ средствъ, самъ кое-какъ по-

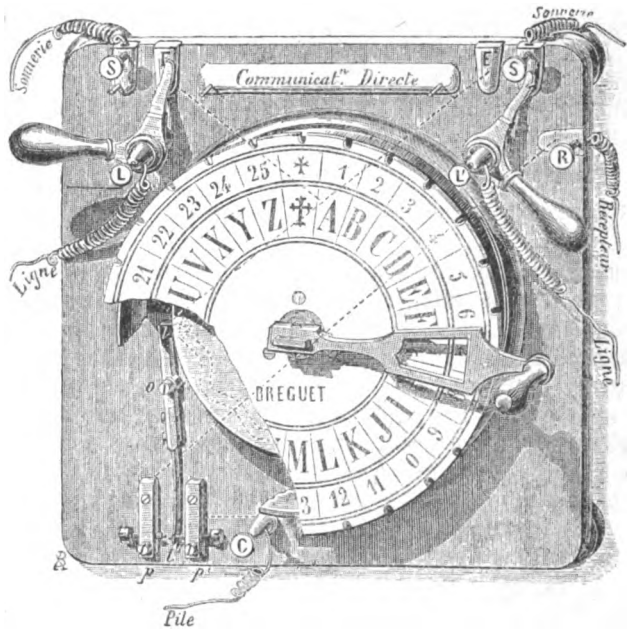


Рис. 107. Манипуляторъ кадраннаго телеграфа Брегета.

строилъ первый грубый аппаратъ, который убѣдилъ его въ возможности осуществить свои идеи на практикѣ.

Получивъ съ великимъ трудомъ отъ сената вспомоществованіе, онъ принялся за обработку своей модели и въ 1842 году выпустилъ ее почти въ оконченной формѣ, сдѣлавшейся вскорѣ извѣстной всему свѣту. Въ Европѣ, ранѣе телеграфа Морзе былъ принятъ также электромагнитный, но не самопечатающій кадранный телеграфъ Брегета.

Телеграфъ Брегета.

Телеграфъ этотъ, изобрѣтенный Брегетомъ въ 1852 году, примѣняется еще и до сихъ поръ на нѣкоторыхъ французскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Какъ и во всѣхъ телеграфахъ, въ немъ можно различать манипуляторъ (коммутаторъ) и пріемникъ.

Манипуляторъ (рис. 107), устанавливаемый на столѣ горизонтально, состоитъ, въ общихъ чертахъ, изъ передвижной рукоятки, снабженной на концѣ штифтикомъ, который можетъ входить въ 26 зарубокъ, или выемокъ, расположенныхъ по краямъ круглаго

Digitized by Google

металлическаго циферблата. Каждому вырѣзу отвѣчаетъ написанная подъ нимъ буква и цифра; верхняя вырѣзка, обозначенная крестомъ, служитъ для помѣщенія рукоятки внѣ работы. Подъ циферблатомъ имѣется второй металлическій дискъ, укрѣпленный на одной оси съ рукояткой и вмѣстѣ съ ней вращающійся. На ободѣ этого диска имѣется зигзагообразная дорожка, при помощи которой пружинка ol получаетъ колебательныя движенія между контактами p′ и p. Соприкосновеніями пружинки ol съ контактомъ p′ — соприкосновеніе это происходитъ каждый разъ, какъ рукоятка манипулятора проходитъ черезъ буквы, расположенныя на нечетныхъ мѣстахъ или останавливается на нихъ, — замыкается цѣпь и токъ посылается на сосѣднюю станцію; при отходѣ пружинки ol къ контакту p, что отвѣчаетъ буквамъ на четныхъ мѣстахъ, токъ прерывается. Хотятъ передать, напримѣръ, букву Д; начинаютъ двигать рукоятку отъ крестика, всегда слѣва направо; по пути, при прохожденіи рукоятки черезъ А, токъ будетъ замкнутъ; далѣе на В онъ будетъ прерванъ, на С снова замкнутъ и на Д окончательно прерванъ. Посмотримъ, какъ отразятся эти замыканія и размыканія тока на пріемной станціи. Пріемный аппаратъ телеграфа Брегета представляетъ изъ себя циферблатъ (рис. 108) съ буквами и цифрами, расположенными точно такъ, какъ на вышеописанномъ, но поставленный вертикально. Посрединѣ его имѣется стрѣлка. Стрѣлка эта движется при помощи часового механизма, но движеніе и остановка этого послѣдняго вызывается колебаніями якоря маленькаго электромагнита, токъ въ который получается изъ манипулятора сосѣдней станціи. Въ нашемъ случаѣ, при передачѣ буквы Д, вслѣдствіе двухъ замыканій и двухъ перерывовъ тока, движеніе часового механизма будетъ вызвано 4 раза, 4 раза придетъ въ движеніе стрѣлка на циферблатѣ и, проходя каждый разъ по одному дѣленію, передвинется съ креста на букву Д. Каждый постъ телеграфа Брегета снабженъ какъ описаннымъ манипуляторомъ, такъ и пріемникомъ и, такимъ образомъ, имѣетъ возможность посылать и принимать телеграммы. Кромѣ того, на каждомъ посту имѣется звонокъ, чтобы предупреждать о посылкѣ телеграммы, гальванометръ, показаніями котораго контролируютъ исправность линіи и, наконецъ, громоотводъ, защищающій аппаратъ и телеграфирующее лицо отъ атмосфернаго электричества.

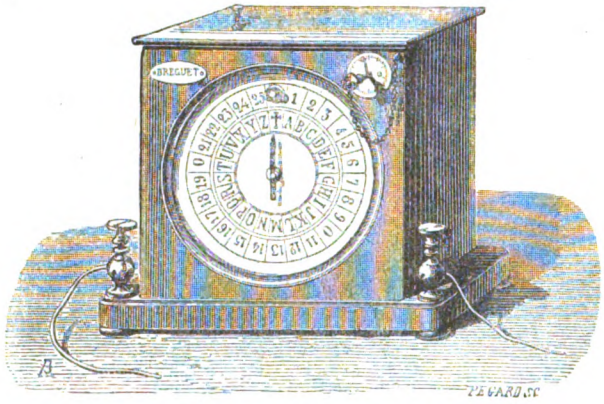


Рис. 108. Пріемникъ кадраннаго телеграфа Брегета.

Большею частью громоотводъ состоитъ изъ двухъ зазубренныхъ металлическихъ пластинокъ, укрѣпленныхъ параллельно другъ другу (рис. 109).

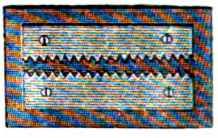


Рис. 109. Громоотводъ.

Одна изъ пластинокъ введена въ цѣпь съ телеграфной линіей и аппаратами, а другая соединена исключительно съ землей.

Обыкновенный рабочій токъ не бываетъ настолько силенъ, чтобы перескочить съ зубцовъ включенной въ цѣпь пластинки на зубцы пластинки, соединенной съ землей, и токъ этотъ безпрепятственно и полнымъ количествомъ проходитъ черезъ громоотводъ къ пріемному аппарату; не то бываетъ во время грозы: атмосферное электричество привлекается металлическими проводами телеграфа и течетъ по немъ въ видѣ весьма сильнаго тока, могущаго принести вредъ какъ аппаратамъ, такъ и людямъ, на нихъ работающимъ. Но какъ только токъ на проводахъ достигаетъ такого опаснаго напряженія, онъ уже не проходитъ цѣликомъ черезъ громоотводъ, а стекаетъ черезъ острія включенной въ цѣпь пластинки на острія второй пластинки, а съ нея въ землю.

Digitized by Google

Въ аппаратѣ Брегета примѣняется уже, какъ у Морзе, электромагнитъ, но телеграфъ этотъ все еще не оставляетъ никакихъ вещественныхъ знаковъ переданной депеши.

Телеграфъ Морзе.

Первымъ вполнѣ удачнымъ пишущимъ телеграфомъ является телеграфъ Самуила Морзе. Онъ проводитъ черточки большей или меньшей длины; комбинаціи ихъ обозначаютъ буквы. Буква а, напр., на русскомъ телеграфѣ обозначается(- —). Наиболѣе сложное обозначеніе имѣетъ четыре знака: буква б, напр., обозначается(— - - -). Буквы другъ отъ друга раздѣляются пустымъ пространствомъ равнымъ длинѣ трехъ короткихъ черточекъ, а слово отъ слова пространствомъ равнымъ пяти такимъ же черточкамъ. Слѣд. таблица представляетъ русскую телеграфную азбуку (рис. 110).

а . —	б — . . .	в . — —	г — — .
д — . .	е, э .	ж . . . —	з — — . .
и, і . .	к — . —	л . — . .	м — —
н — .	о — — —	п . — — .	р . — .
с . . .	т —	у . . —	ф . . —
х	ц — . — .	ч — — — .	ш — — — —
щ — — . —	ъ, ь — . . —	ы — . — —	ѣ . . — . .
ю . . — —	я . — . —	й . — — —	

Рис. 110. Азбука Морзе [1].

Разберемъ теперь отдѣльныя составныя части телеграфа Морзе. Манипуляторъ или коммутаторъ (рис. 111)—небольшой мѣдный рычагъ съ деревянной ручкой, качающійся

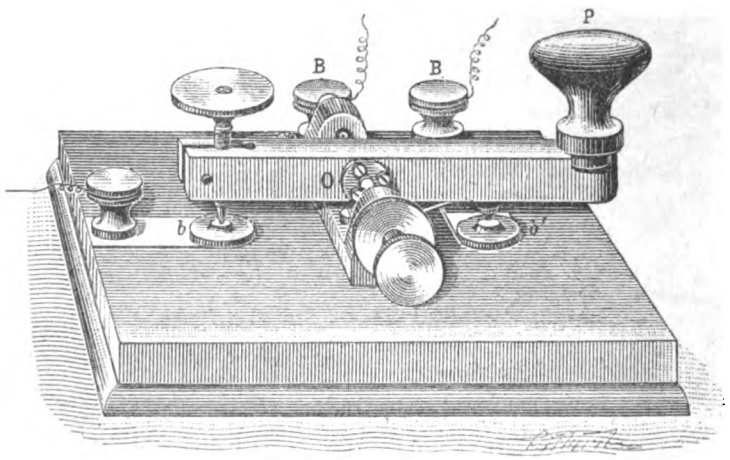


Рис. 111. Манипуляторъ Морзе.

около средней оси между двумя металлическими кнопками. Въ этомъ коммутаторѣ три контакта: первая кнопка b', до которой дотрогивается рычагъ, при нажатіи его внизъ за рукоятку p, соединена съ батареей въ точкѣ B, вторая кнопка O находится въ постоянномъ сообщеніи съ одной стороны черезъ B съ линіей, а съ другой, черезъ посредство средней оси, съ рычагомъ коммутатора, третья кнопка b, на которой покоится конецъ рычага во время бездѣйствія, сообщается съ пріемникомъ.

[1] Въ обозначеніи буквъ: ц—послѣдняя верхняя точка лишняя; ф—послѣ черточки пропущена точка. Слѣдуетъ читать: ц (— . — .), ф (. . — .).

Digitized by Google

Телеграфирующій качаетъ ручкою рычагъ коммутатора и стучитъ по кнопкѣ b′ болѣе или менѣе продолжительными ударами замыкающими или прерывающими токъ на болѣе или менѣе продолжительное время; короткимъ замыканіямъ отвѣчаютъ на пріемникѣ короткія черточки, продолжительнымъ—черточки длинныя. На рис. 112 коммутаторъ изображенъ въ двухъ своихъ положеніяхъ: сначала поднятый пружиною r, что́ вызываетъ прикосновеніе въ точкѣ b и прекращаетъ его въ b′, а затѣмъ опущенный нажимомъ пальца, что́ вызываетъ соприкосновеніе въ b′ и прекращаетъ его въ b.

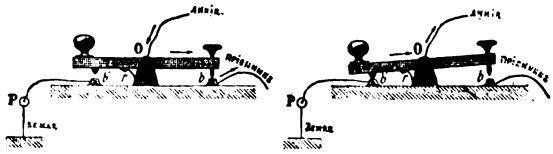


Рис. 112. Различныя положенія манипулятора.

Теперь перейдемъ къ устройству пріемника въ телеграфѣ Морзе. На рис. 113 изображенъ онъ нѣсколько устарѣвшей конструкціи, но зато легче поддающійся объясненію. Токъ течетъ по обмоткѣ электромагнита M M. Надъ полюсами этого послѣдняго находится якорь KK съ пишущимъ рычагомъ H, снабженнымъ штифтикомъ на концѣ Z. При каждомъ опусканіи якоря, этотъ штифтикъ поднимается и, нажимая на бумажную ленту, проходящую передъ нимъ, дѣлаетъ на ней знакъ. Если токъ продолжается очень короткое время, магнитъ возбуждается на мгновеніе, и якорь притягивается лишь на весьма короткій промежутокъ времени; въ этомъ случаѣ штифтъ выдавливаетъ на бумажной лентѣ точку. Если токъ продолжается болѣе долго, то передъ приподнятымъ штифтомъ успѣваетъ пройти болѣе длинный отрѣзокъ ленты, и на ней появляется черточка. Изъ этихъ точекъ и черточекъ и составляется вся азбука Морзе. Чтобы якорь не могъ быть прижатъ къ электромагниту до соприкасанія, имѣются еще части D и D′, ограничивающія движеніе рычага. Таковы приспособленія, позволяющія получать знаки на пи-

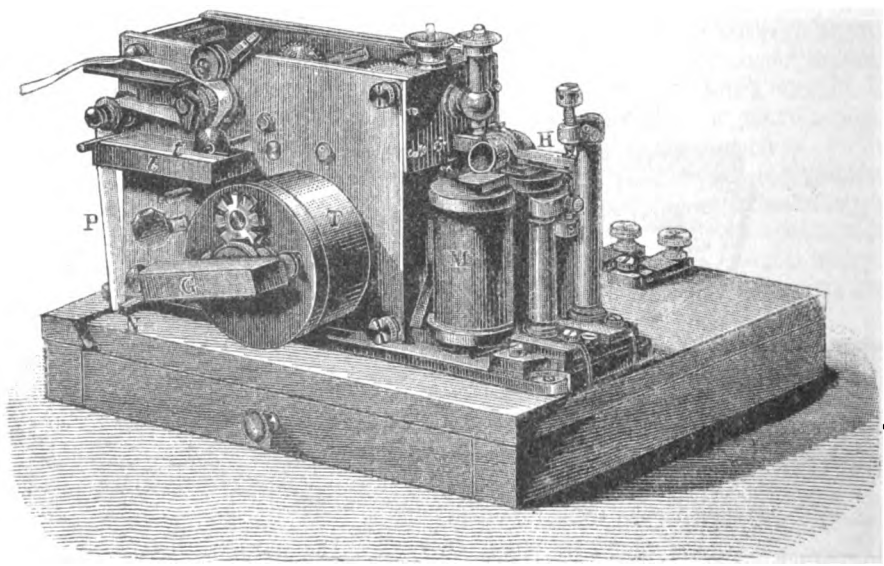


Рис. 114. Чернопечатающій пріемникъ Морзе.

шущимъ аппаратѣ Морзе. Бумажная лента навертывается на особую катушку, затѣмъ пропускается между латунными стерженьками II и между двумя валиками, установленными одинъ надъ другимъ. Верхній валикъ приводится въ равномѣрное вращеніе часовымъ механизмомъ, а за нимъ увлекается треніемъ и нижній валикъ. Двигателемъ служитъ

Digitized by Google

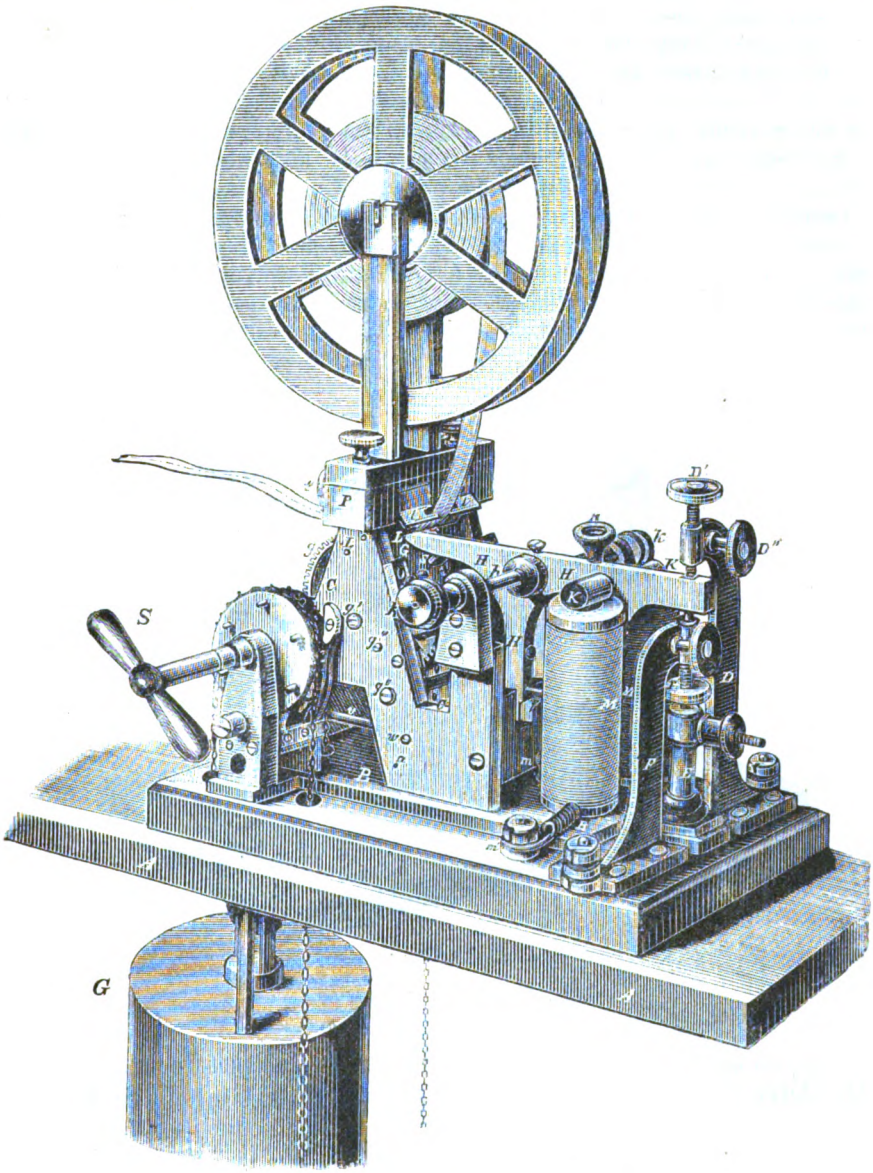


Рис. 113. Пріемный аппаратъ Морзе.

грузъ G, который виситъ на цѣпи, перекинутой черезъ блокъ, и приводитъ въ движеніе верхній валикъ черезъ посредство нѣсколькихъ зубчатыхъ колесъ. Заводной ключъ S служитъ для того, чтобы поднимать грузъ, когда онъ слишкомъ опустится.

Пишущій аппаратъ Морзе изображаетъ буквы черточками и точками, какъ мы говорили выше, наносимыми штифтомъ на бумажной лентѣ. Но скоро же оказалось, что знаки, такимъ образомъ полученные, не достаточно ясны, и потому стали искать способа тискать эти знаки красками. Приборъ, изобрѣтенный съ этой цѣлью, называется чернопечатающимъ, тогда какъ приборъ, описанный выше, носитъ названіе рельефнаго. Для полученія красочныхъ знаковъ дѣлаютъ такъ, чтобы якорь магнита Морзе прижималъ къ бумажной лентѣ на долгій или короткій промежутокъ времени особое колесико, на которомъ находится краска. Такимъ образомъ знаки азбуки Морзе выходятъ красками.

Digitized by Google

Въ настоящее время, послѣ многихъ преобразованій, всего чаще употребляютъ тотъ типъ аппарата Морзе, пишущаго красками, какой изображенъ на рис. 114. Въ правой части чертежа виденъ электромагнитъ M съ его якоремъ H; этотъ послѣдній поднимается и опускается между придаточными частями, которыя могутъ быть различнымъ образомъ установлены. Продолженіе якоря находится въ ящикѣ и захватываетъ вилочкой ось красочнаго колесика t. Краска находится въ коробкѣ l, въ которую и погружается колесико. Это колесико поднимается пишущимъ рычагомъ, когда якорь притягивается, и вслѣдствіе этого, пишетъ на бумажной лентѣ, пока по аппарату проходитъ токъ. Такимъ образомъ оно пишетъ на бумагѣ точки и черточки. Катушка бумаги находится въ ящикѣ, служащимъ основаніемъ аппарату, и лента P сматывается съ катушки у N, какъ показано на рис. 114. Двигателемъ въ часовомъ механизмѣ служитъ пружина, заключенная въ коробкѣ T и заводимая ключемъ G. Сердечникъ электромагнита этого

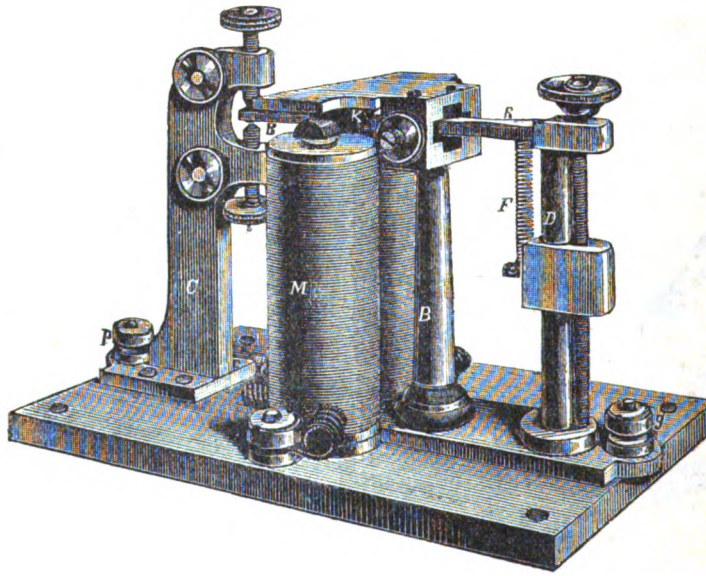


Рис. 115. Релэ пружинное.

прибора сдѣланъ изъ полыхъ желѣзныхъ трубокъ, вмѣсто массивнаго желѣзнаго стержня; этимъ достигается то, что магнитизмъ быстро пропадаетъ и быстро проявляется вновь.

Релэ.

Электромагниты пишущаго прибора требуютъ довольно сильный токъ чтобы быть въ состояніи притянуть якорь съ тою силою, какая необходима для явственнаго начертанія пишущимъ рычагомъ знаковъ на бумажной лентѣ. Но если разстояніе между станціями значительно, сопротивленіе линіи оказывается столь большимъ, что является необходимою огромная батарея для достаточнаго возбужденія электромагнита пріемной станціи.

Витстонъ первый предложилъ устранить это затрудненіе. По его весьма остроумному способу, токъ, поступающій съ линіи, не назначается непосредственно для возбужденія электромагнита аппарата Морзе, но долженъ лишь возбуждать особый электромагнитъ, находящійся тоже на пріемной станціи, якорь котораго долженъ исполнить весьма малое движеніе, и этимъ уже замкнуть другую цѣпь; токъ этой-то послѣдней и приведетъ аппаратъ Морзе въ дѣйствіе. Такой приборъ называется релэ. Онъ изображенъ

Digitized by Google

на рис. 115. И состоитъ изъ электромагнита M, имѣющаго обмотку съ огромнымъ числомъ оборотовъ тонкой проволоки: этотъ электромагнитъ возбуждается токомъ, приходящимъ со станціи отправленія, даже если этотъ токъ очень слабъ, и слегка притягиваетъ якорь K. Этому послѣднему нужно лишь весьма малое движеніе, чтобы нажать на острый кончикъ винта B и тѣмъ замкнуть особую цѣпь. Эта послѣдняя образована отдѣльною батареею, соединенною съ g, ножкою D, якоремъ K, а если K нажимаетъ на R, то цѣпь замыкается чрезъ B, C, зажимной винтъ p, аппаратъ Морзе и снова батареею. Такимъ образомъ, токъ съ отдаленной станціи вовсе не долженъ приводитъ въ дѣйствіе аппаратъ Морзе, но лишь производитъ контактъ, замыкающій цѣпь другой батареи, дающей токъ, достаточный для возбужденія магнитовъ Морзе. Если токъ въ линіи прекратится, то якорь K вновь отстаетъ отъ B подъ дѣйствіемъ пружины F. Употребленіе релэ устраняетъ существенное затрудненіе при передачѣ депешъ на большія разстоянія. Достаточенъ даже весьма слабый токъ, чтобы сообщить якорю релэ малое перемѣщеніе,

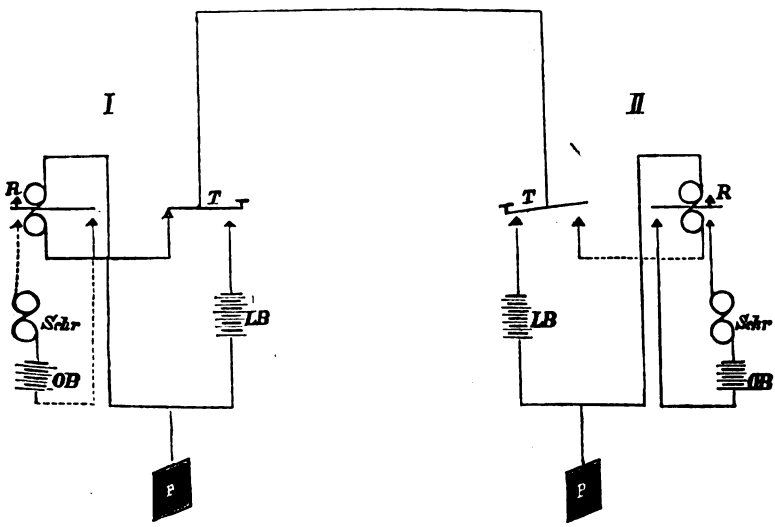


Рис. 116. Схема двухъ станцій съ аппаратами Морзе и Релэ.

а уже и такого перемѣщенія достаточно, чтобы замкнуть цѣпь батареи, приводящей аппаратъ Морзе въ дѣйствіе.

Примѣненіе релэ требуетъ, чтобы на каждой станціи было по двѣ батареи, одна— дающая токъ на другую станцію, такъ называемая линейная батарея, и другая для аппарата Морзе, мѣстная батарея. Какъ производится соединеніе всѣхъ приборовъ на обѣихъ станціяхъ, указываетъ рис. 116. LB обозначаетъ на этомъ рис. линейную батарею, OB—мѣстную, Schr—аппаратъ Морзе, R—релэ, T—ключъ и P—земную пластинку.

Если на станціи II нажимаютъ на ключъ, т. е. съ этой станціи отправляютъ депешу, то токъ направляется отъ линейной батареи II, чрезъ ключъ II, по линіи L, въ ключъ T. Съ этого послѣдняго онъ идетъ въ релэ R, къ земной пластинкѣ P и возвращается чрезъ землю на станцію отправленія. Возбужденный магнитъ релэ притягиваетъ якорь, замыкаетъ этимъ цѣпь мѣстной батареи, и пишущій аппаратъ приходитъ въ дѣйствіе.

Релэ представляетъ собою весьма чувствительный телеграфный пріемникъ; онъ приходитъ въ дѣйствіе даже отъ очень слабыхъ токовъ, идущихъ съ большого разстоянія. Необходимо, чтобы въ моментъ прекращенія тока на линіи якорь релэ былъ бы освобожденъ; иначе, знаки на аппаратѣ Морзе не выйдутъ точными. Въ этомъ состоитъ большой недостатокъ описаннаго релэ; его якорь долженъ быть быстро приводимъ въ положеніе равновѣсія пружиною F, какъ только прекратится токъ, и если телеграфированіе

Digitized by Google

производится быстро, эта пружина должна дѣйствовать очень точно, что̀ трудно достижимо на практикѣ. Къ этому присоединяется еще то, что въ релэ приходятъ токи разной силы, смотря по тому, съ какой станціи посылается депеша, болѣе далекой или болѣе близкой, между тѣмъ какъ пружина имѣетъ всегда одно и то же напряженіе и оказываетъ, слѣдовательно, всегда одно и то же противодѣйствіе.

Многіе конструкторы предлагали различныя средства помочь этому недостатку. Радикальнымъ средствомъ является, конечно, совершенное уничтоженіе пружины. Такъ и сдѣлали Сименсъ и Гальске; въ приборахъ этой фирмы токъ линіи не возбуждаетъ магнита, но лишь усиливаетъ или ослабляетъ уже существующіе магнитные полюса. Релэ, построенное на этомъ принципѣ, называютъ поляризованнымъ релэ. Рис. 117 изображаетъ подобное релэ. Постоянный стальной магнитъ Ab согнутъ подъ прямымъ угломъ; при aa' находится южный его полюсъ, при b—сѣверный. На сѣверномъ полюсѣ насажено два

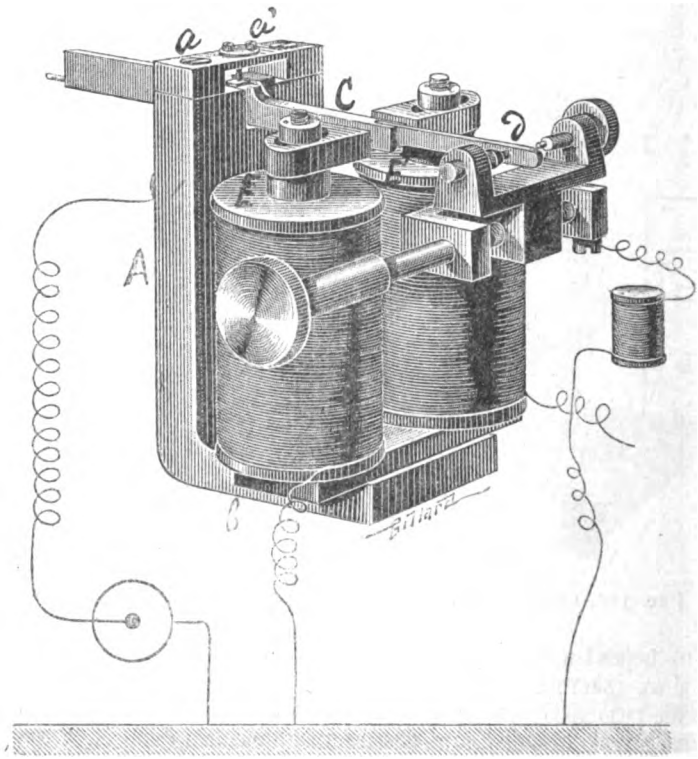


Рис. 117. Станція Сименса.

сердечника изъ мягкаго желѣза, которые тоже становятся сѣверными полюсами; они обмотаны проволокою. На южномъ полюсѣ aa' стального магнита сдѣлана вырѣзка, въ которой находится длинный рычагъ Cd изъ мягкаго желѣза, немного вращающійся вокругъ вертикальной оси. Этотъ рычагъ представляетъ собою тоже южный полюсъ, какъ и тотъ конецъ магнита, продолженіемъ котораго онъ служитъ. Рычагъ находится въ равновѣсіи подъ дѣйствіемъ обоихъ сѣверныхъ полюсовъ, пока по обмоткамъ сердечниковъ не протекаетъ никакого тока. Но представимъ себѣ, что токъ съ линіи, достигнувъ станціи назначенія, протекаетъ по обмоткѣ нѣкоторой катушки, имѣющей вторичную обмотку, соединенную съ катушками релэ. Тогда въ моментъ появленія тока въ линіи, во вторичной спирали будетъ индуктироваться токъ, который при томъ будетъ такъ направленъ по катушкамъ релэ, что одинъ изъ сердечниковъ, напримѣръ E, станетъ болѣе сильнымъ сѣвернымъ полюсомъ, другой E' болѣе слабымъ или даже перемѣнитъ свой

Digitized by Google

самимъ выставленными. По временамъ, правда, просматривая рукопись или корректуру, я вспоминалъ объ этихъ принципахъ и сообразно съ ними замѣнялъ одно слово другимъ или сокращалъ слишкомъ длинный періодъ, но въ результатѣ все жъ таки характерныя черты моего слога оставались неизмѣнными, не смотря на мое стараніе измѣнить ихъ. Французская пословица вполнѣ справедлива. Мы могли бы перефразировать ее, сказавъ, что слогъ зависитъ отъ организаціи (Style is organic). Организація, несомнѣнно, можетъ быть измѣнена, но при этомъ какъ структура, такъ и функціи ея сохраняютъ свой основной характеръ.

Прочитавъ все вышеписанное, читатель очень удивится, конечно, когда узнаетъ, что я никогда не занимался изученіемъ слога. Такое увѣреніе прямо противорѣчитъ, повидимому, всему, что я говорилъ ранѣе, а между тѣмъ оно справедливо въ широкомъ смыслѣ слова. Вышеупомянутый очеркъ мой, «Сила выраженія»,—въ сущности чисто психологическій и весьма мало касается собственно слога. Перемѣна заглавія, сдѣланная редакторомъ, ничего въ немъ не измѣнила, и редакторъ тогда же жаловался, что въ «Философіи слога» содержится одинъ остовъ предмета». Въ очеркѣ, дѣйствительно ничего не говорится о тѣхъ чертахъ слога, которыя придаютъ ему достоинство, характерность, красоту; удовольствовавшись техническими выводами, къ которымъ пришелъ, я объ этихъ чертахъ и не думалъ. Ни раньше, ни позже мнѣ никогда не приходило въ голову взять какого-нибудь автора за образецъ, такъ какъ мысль о выработкѣ моего слога, по какимъ бы то ни было образцамъ, совершенно несовмѣстима съ моимъ органическимъ отвращеніемъ къ авторитетамъ. Никогда я также не разсматривалъ сочиненій того или другаго автора съ цѣлью опредѣленной его особенности. Всѣ мои критическія замѣтки и мнѣнія, выраженныя по этому поводу, были чисто случайными. Недостатки слога, выше мною отмѣченные, дѣйствительно, привлекали къ себѣ мое вниманіе, постоянно направленное на мой собственный слогъ, но я, при этомъ, отмѣчалъ мимоходомъ только тѣ яркія черты, которыя мнѣ нравились или не нравились. Тяжелая, запутанная проза Мильтона меня всегда отталкивала, тогда какъ законченная естественность (finished naturalness) Теккерея притягивала. Я не одобрялъ слогъ Рёскина за то, что онъ слишкомъ самоувѣренъ (self-conscions)—слишкомъ сильно бьетъ на эффектъ. Въ литературномъ искусствѣ, также какъ въ архитектурѣ, въ живописи, въ музыкѣ, старанія художника выставить свою личность, въ ущербъ предмету, всегда меня оскорбляли.

Здѣсь, пожалуй, умѣстно будетъ сказать, что мой собственный слогъ никогда не былъ предварительно мною обдуманъ. Мысль о томъ, чтобы слогъ могъ быть цѣлью самъ по себѣ, всегда была далека отъ меня: я думалъ только о томъ, чтобы возможно ясно изложить свои идеи, а когда обстоятельства того требовали, то излагать ихъ съ возможной силой. Прибавлю, что диктовка значительно измѣнила мой слогъ. До 1860 года я всѣ свои сочиненія и статьи писалъ самъ, а съ тѣхъ поръ сталъ диктовать ихъ. Согласно господствующему мнѣнію, диктовка порождаетъ многословіе, и я считаю это мнѣніе вполнѣ основательнымъ. Два надежныхъ цѣнителя—Льюисъ—замѣтили мнѣ однажды, что слогъ моей Соціальной Статики гораздо лучше, чѣмъ слогъ позднѣйшихъ сочиненій, и если это правда, то разница всецѣло должна быть приписана диктовкѣ. Одинъ недавній опытъ подтверждаетъ это заключеніе. Окончательно просматривая основныя начала, которыя были продиктованы, я вычеркнулъ лишнія слова, фразы, сентенціи, иногда цѣлые параграфы, и въ результатѣ получилось сокращеніе книги на пятьдесятъ страницъ — на одну десятую часть.

Мейерберъ.

Примѣромъ того ритма мыслей, о которомъ я говорилъ въ одной изъ предыдущихъ статей, можетъ служить репутація Мейербера, когда-то такъ высоко стоявшая и теперь понизившаяся. Было время, когда Листъ ставилъ Мейербера не только головой, но и плечами выше всѣхъ остальныхъ. Въ числѣ «остальныхъ» находились, стало быть, всѣ жившіе тогда композиторы. Въ то же время Гейне писалъ: «этимъ своимъ твореніемъ («Гугеноты») Мейерберъ навѣки завоевалъ себѣ гражданство» въ царствѣ великихъ умовъ, въ Іерусалимѣ небеснаго искусства. А теперь по немъ и помина нѣтъ. «Гугеноты» еще даются иногда, но объ остальной его музыкѣ, даже среди музыкально-образованныхъ людей рѣдко кто знаетъ.

Digitized by Google

Есть даже такіе, что совсѣмъ не слыхали имени Мейербера. Отъ закона акціи и реакціи никуда не уйдешь; должно быть, и тѣ люди, которые когда то были поставлены слишкомъ высоко, неминуемо должны расплатиться за это глубокимъ паденіемъ. Но разсудительные цѣнители репутацій, идя указаннымъ мною путемъ, то есть дисконтируя крайнія мнѣнія, могутъ составить себѣ понятіе приблизительно вѣрное. Когда къ кому-либо, нѣкогда преувеличенно хвалимому, начинаютъ относиться презрительно, то мы можемъ быть увѣрены, что презрѣніе это столь же ошибочно, какъ и прежняя преувеличенная похвала; а по фазѣ, въ которой находится репутація, можемъ судить о ея дѣйствительномъ мѣстѣ. Оцѣниваемый такимъ образомъ, Мейерберъ безспорно долженъ стоять выше, чѣмъ теперь.

Его считаютъ слишкомъ «театральнымъ», въ томъ смыслѣ, что онъ достигаетъ эффектовъ шумомъ и кричащими формами. Если бъ я былъ знакомъ съ его музыкой только по операмъ, которыя слышалъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, то это обвиненіе, высказываемое передовыми людьми, пожалуй, и повліяло бы на меня. Но мое мнѣніе о Мейерберѣ основано на знаніи его музыки, аранжированной для фортепьяно, то есть такой, въ которой театральный элементъ отсутствуетъ. Будучи, такимъ образомъ, подготовленъ къ правильной оцѣнкѣ, я могу сказать, что мнѣніе Листа, помоему, ближе къ истинѣ, чѣмъ общепринятое.

Среди упрековъ, предъявленныхъ къ музыкѣ Мейербера, первое мѣсто занимаетъ пристрастіе его къ арпеджіямъ и гаммамъ (scale-passages). Между тѣмъ композиціи, вмѣсто музыкальныхъ мыслей дающія безсмысленную послѣдовательность нотъ, всегда мнѣ были противны; потому-то я съ крайнимъ удивленіемъ встрѣтилъ этотъ упрекъ. Гаммы мнѣ особенно надоѣдаютъ, какъ бы намекая на то, композиторъ, «озабоченный недостаткомъ идей», побѣжалъ за послѣднимъ на чердакъ и, не найдя ихъ тамъ, вновь бѣжитъ по лѣстницѣ книзу. Желая удостовѣриться, дѣйствительно ли въ композиціяхъ Мейербера больше гаммъ и арпеджій, чѣмъ у другихъ авторовъ, я просилъ одну знакомую пьянистку сосчитать ихъ въ первыхъ двадцати страницахъ трехъ его оперъ и трехъ оперъ Моцарта. Вотъ результаты:

Въ Робертѣ .	25	гаммъ,	20	арпеджій.
» Пророкѣ .	18	»	41	»
» Гугенотахъ	15	»	22	»
Въ общемъ —	58	гаммъ и	83	арпеджій.

Въ то же время у Моцарта:

Въ Донъ-Жуанѣ	60	гаммъ,	31	арпеджій.
» Волшебной флейтѣ . .	57	»	10	»
» Свадьбѣ Фигаро . . .	58	»	36	»

Въ общемъ—175 гаммъ и 77 арпеджій. Такъ что значитъ, на равномъ количествѣ страницъ, у Мейербера имѣется 141 такой механическій пассажъ, а у Моцарта ихъ 252. Цифры показываютъ, такимъ образомъ, что вышеприведенный упрекъ скорѣе относится къ «классическому» композитору, Моцарту.

Затѣмъ Мейербера упрекаютъ въ томъ, что идеи его пошлы (commonplace). Это также меня удивило, потому что я терпѣть не могу пошлости въ музыкѣ. Часто, въ самомъ дѣлѣ, желая оцѣнить оригинальность композитора и прислушиваясь къ его пьесамъ, я старался замѣтить, могу ли хоть частью предвидѣть тѣ музыкальныя фразы, которыя услышу, и если могъ, то терялъ уваженіе къ нему. Но Мейерберъ и въ этомъ отношеніи превосходитъ Моцарта. Слушая сонаты послѣдняго, я часто восклицалъ: «стойте» или «пропустите», такъ что, въ результатѣ, только одна треть его музыки оригинальна, по моему мнѣнію, а остальное состоитъ изъ надоѣвшихъ уже фразъ, расположенныхъ въ другомъ порядкѣ. Отъ Мейерберовскихъ оперъ, разыгранныхъ на фортепьяно, такого впечатлѣнія не получается. Даже тѣ ихъ части, которыя служатъ только аккомпанитентомъ къ сценическому дѣйствію, совершенно оригинальны и не содержатъ пошлыхъ фразъ, хотя, конечно, мало интересны.

Я высоко ставлю Мейербера главнымъ образомъ потому, что въ его композиціяхъ, больше, чѣмъ у какого-нибудь другого автора, соединяются два необходимѣйшихъ элемента музыки—мелодія и драматическая выразительность. Въ сценѣ между Раулемъ и Валентиной, въ Гугенотахъ, онъ достигаетъ того, чего Вагнеръ безуспѣшно старался достигнуть. Вообще—что бы про Мейербера ни говорили, я не перестану имъ восхищаться до тѣхъ поръ, пока не услышу такого произведенія, въ которомъ мелодич-

Digitized by Google

ность была бы слита съ правдивостью экспрессіи столь же совершенно, какъ въ аріи: «Robert, fai que j' aime».

Погоня за красотою.

Усердно критикуя жизнь нашихъ ближнихъ, мы часто нападаемъ на ихъ неумѣренность въ разныхъ отношеніяхъ—тотъ слишкомъ погруженъ въ дѣла, другой—совсѣмъ ничего не дѣлать, третій—занятъ одной какой-нибудь любимой причудой и проч. Но, разсматривая, такимъ образомъ, жизнь какъ искусство, подлежащее общественной критикѣ, мы его совсѣмъ не изучаемъ: случайныя сужденія занимаютъ у насъ мѣсто раціональныхъ умозаключеній. Никто не попробовалъ сдѣлать относительную оцѣнку цѣлей—сколько энергіи дозволительно употребить на достиженіе того-то и сколько на достиженіе этого. Выборъ цѣлей дѣлается безъ всякихъ предварительныхъ соображеній о роли различныхъ физическихъ и умственныхъ способностей въ дѣлѣ достиженія этихъ цѣлей. А въ результатѣ—всѣ живутъ уродливой жизнью, обыкновенно очень уродливой.

Высказавъ это общее замѣчаніе, перехожу къ частному. Есть одна цѣль, къ которой всѣ считаютъ дозволительнымъ стремиться безгранично; эта цѣль—погоня за красотою или, лучше сказать, за красивостью (prettiness). Женщины въ особенности, ежедневной тратой своего времени, заставляютъ думать, что главная задача въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы нравиться. Начиная съ американской лэди, которая, полагаетъ что мужчины должны работать для того, чтобы женщины могли хорошо одѣваться, вплоть до англійской кухарки, стремящейся по праздникамъ соперничать костюмомъ съ своей хозяйкой, всѣ считаютъ свои эстетическія потребности, или, лучше сказать, свою потребность возбуждать восхищеніе, выше всѣхъ прочихъ.

Ссылка моя на такія мелочи оправдывается тѣмъ соображеніемъ, что они суть часть очень крупнаго цѣлаго. Погоня за красотою, возбуждающей половое восхищеніе, входитъ въ составъ погони за восхищеніемъ вообще, вліяющей на всѣ наши дѣйствія. Мотивъ, обусловливающій самопожертвованіе китаянки, съ ея изуродованными ногами, и европейской женщины, съ ея изуродованной таліей, необходимо долженъ играть важную роль въ сознаніи и сильно вліять на всю нашу обыденную жизнь. «Какъ это покажется?» есть вопросъ, вѣчно стоящій на первомъ планѣ. Если ужъ кости ломаются для того, чтобы возбудить восхищеніе, то послѣднее необходимо должно быть факторомъ, обусловливающимъ чуть ли не всѣ наши поступки. Красивая внѣшность является главной ихъ цѣлью, а польза—(лишь второстепенной; совсѣмъ какъ у дикихъ, которые кутаются въ свою мантію при хорошей погодѣ и снимаютъ ее во время дождя.

Но не на эти мелочи, какъ уже сказано, а на болѣе крупныя вещи слѣдуетъ обратить вниманіе. Погоня за красотою, требующая отъ костюма не того, чтобы онъ грѣлъ, а чтобы былъ красивъ, не только вредитъ здоровью индивидуума, но, будучи сдѣлана главной цѣлью жизни, вліяетъ на всю эту жизнь. Деревенская женщина, заставляющая маленькія окна своего коттеджа цвѣтами до такой степени, что они совсѣмъ заслоняютъ свѣтъ, никогда не пойметъ, конечно, почему этого не слѣдуетъ дѣлать; но и городская дама, которой вы будете доказывать, что свѣтъ есть важный факторъ въ поддержаніи здоровья—такой важный, что больные, помѣщенные на южной сторонѣ больницы, скорѣе выздоравливаютъ, чѣмъ помѣщенные на сѣверной—и что поэтому сидѣніе въ темныхъ комнатахъ дѣйствуетъ разрушительно, не всегда вамъ повѣрятъ. Цѣлость ковровъ и мебели кажется ей гораздо болѣе важнымъ дѣломъ, чѣмъ здоровье семьи. Натертый, скользкій полъ, часто служащій причиною разныхъ несчастій—паденій, ушибовъ, вывиховъ, и даже помимо этого постоянно стѣсняющій движенія, дорогъ для нея своей красотою. То же самое и относительно мебели. Выбираютъ ее, явно болѣе заботясь о красивомъ видѣ, чѣмъ о комфортѣ. Вотъ вамъ рѣзной диванъ, къ спинкѣ котораго прислониться невозможно, а кругомъ него — кресла, то въ новомъ стилѣ, то какія-то архаическія, и ни на одномъ изъ нихъ сидѣть нельзя. Противу-посѣтительскія кресла, если можно такъ выразиться.

Точно также и относительно различныхъ красивыхъ или считаемыхъ красивыми вещицъ, разставленныхъ по столамъ, и относительно мелкихъ принадлежностей обстановки — скамеечекъ, полочекъ, подставо-

Digitized by Google

чекъ, кончая такими нелѣпостями, какъ разрѣзной ножикъ съ угловатой, царапающейся ручкой. Удовольствія всѣ эти вещи ни хозяевамъ, ни гостямъ не доставляютъ никакого, кромѣ развѣ сознанія, что вотъ какія тутъ хорошенькія штучки навалены. А между тѣмъ, не говоря уже про стоимость этихъ хорошенькихъ штучекъ, одно уже обиліе ихъ стѣснительно. Чего стоятъ однѣ ссоры изъ-за нихъ съ небрежной горничной. Не только тотъ искушаетъ судьбу, кто женится, по выраженію Бэкона, но и тотъ, кто накапливаетъ цѣнныя вещи, потому что каждая изъ этихъ вещей можетъ служить предлогомъ къ проявленію злобы рока.

Да, наконецъ, слишкомъ яркая погоня за эстетическими наслажденіями сама себя губитъ. Наполненіемъ комнаты красивыми вещами красота вовсе не достигается. Общему эффекту такой обстановки вредятъ частные эффекты ея содержимаго. Отвлекая вниманіе другъ отъ друга, мелкіе предметы, въ общемъ, отвлекаютъ его и отъ всей комнаты. Надо устраивать что-нибудь одно: или музей, или артистическую обстановку квартиры, а заразъ то и другое—несовмѣстимо. Гоняясь за общимъ восхищеніемъ, всѣ художники, не исключая устроителей домашней обстановки, грѣшатъ избыткомъ нагромождаемыхъ красотъ. Такое нагроможденіе указываетъ даже на низкую степень не только художественнаго, но и нравственнаго развитія. Слишкомъ очевидная погоня за апплодисментами унижаетъ того, кто ее выказалъ. А, между тѣмъ, такая погоня часто является преобладающимъ мотивомъ. Примѣровъ можно найти сколько угодно. Черезчуръ переукрашенныя комнаты встрѣчаются даже чаще, чѣмъ черезчуръ разодѣтыя дамы.

Въ какой степени эстетическія цѣли преобладаютъ у насъ надъ другими, болѣе важными, можно видѣть уже по нашему обычному обѣду. Начиная съ найма кухарки, которая умѣла бы «хорошо подать», и кончая предпочтеніемъ недоваренныхъ овощей, потому что они тогда не теряютъ своего цвѣта (я привожу факты), мы постоянно жертвуемъ вкусомъ и удобоваримостью пищи ея красивому виду, то-есть сущностью ѣды—потому и преходящему эффекту ея эстетической внѣшности.

Но — достаточно доказательствъ. Общее положеніе, состоящее въ томъ, что между нашими житейскими цѣлями нѣтъ достаточной пропорціональности, вполнѣ иллюстрируется тѣмъ частнымъ положеніемъ, что эстетика играетъ черезчуръ крупную роль въ нашемъ сознаніи.

Пусть люди заводятъ себѣ красивую обстановку, на которой глазъ могъ бы постоянно съ удовольствіемъ останавливаться, но пусть же они не уродуютъ свою жизнь, заботясь болѣе о пустякахъ, чѣмъ о существенныхъ нуждахъ. То, глядишь, родители, обязанность которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы подготовить своихъ дѣтей къ предстоящей имъ жизни, увлекаясь эстетикой, совсѣмъ и не заботятся о раціональномъ воспитаніи. То люди, руководящіеся грубѣйшими предразсудками и никогда не думавшіе о томъ, чтобы подготовить себя къ дѣятельности гражданина, требуютъ участія въ управленіи общественными дѣлами. И со всѣхъ сторонъ стоятъ личности, не имѣющія и не старающіяся имѣть никакого понятія о природѣ, живой и мертвой, тогда какъ правильнымъ пониманіемъ основныхъ законовъ этой природы опредѣляются и смыслъ существованія человѣка, и правила его житейскаго поведенія. Между тѣмъ, тѣ же самыя личности ежедневно изо всѣхъ силъ добиваются обладанія вещами, возбуждающими, будто бы, всеобщее восхищеніе, тогда какъ эти вещи—платье ли то или какія-нибудь украшенія—часто возбуждаютъ нѣчто противуположное.

Патріотизмъ.

Кто назоветъ меня безчестнымъ или несправедливымъ, тотъ меня сильно обидитъ. Но упрекъ въ отсутствіи патріотизма нисколько меня не трогаетъ. «Такъ вы, стало быть, не любите вашей родины?» Сразу отвѣтить на такой вопросъ невозможно.

Раннее уничтоженіе рабства въ Англіи, раннее возникновеніе относительно свободныхъ учрежденій, большое вниманіе къ нуждамъ народа, оторваннаго феодализмомъ отъ почвы, суть такія черты англійской исторіи, которыми можно гордиться. Когда было рѣшено, что всякій рабъ, ступившій на англійскую почву, становится свободнымъ; когда ввозъ невольниковъ въ англійскія колоніи былъ прекращенъ; когда двадцать милліоновъ были заплачены за эмансипацію рабовъ въ Вестъ-Индіи; когда, хотя бы и необдуманно, былъ посланъ флотъ для прекраще-

Digitized by Google

нія торговли неграми, то мои соотечественники совершили дѣла, достойныя уваженія. Точно также, когда Англія давала убѣжище политическимъ эмигрантамъ и брала сторону маленькихъ государствъ, борющихся за свою свободу, то она проявляла благородныя чувства, возбуждавшія благодарность и привязанность. Но, вѣдь, есть же чувства, къ несчастію за послѣдніе годы все чаще и чаще ею проявляемыя, которыя возбуждаютъ нѣчто противуположное. Созерцаніе поступковъ, съ помощью которыхъ Англія пріобрѣла болѣе восьмидесяти владѣній—поселеній, протекторатовъ, колоній и проч., не можетъ возбудить ничего, кромѣ негодованія. Сначала—миссіонеры, потомъ—постоянные резиденты, чиновники, поддерживаемые вооруженной силой, наконецъ—«умиротвореніе», то-есть жесточайшее преслѣдованіе непокорныхъ. Такой процессъ присоединенія, иногда постепенный, иногда внезапный—какъ въ двухъ новыхъ индійскихъ провинціяхъ и въ Баротцилендѣ, которые были провозглашены Британскими колоніями противъ желанія обывателей—не можетъ возбуждать симпатіи къ невольникамъ. Воспоминаніе о томъ, какъ мы завоевали и присоединили Суданъ, вопреки обѣщанію, данному нашимъ первымъ министромъ хедиву, или о томъ, какъ мы вмѣшивались во внутреннія дѣла Трансвааля и затѣяли изъ-за нихъ опустошительную войну [1]), тоже вопреки обѣщанію, данному двумя министрами колоній, не можетъ подогрѣть моей любви къ родинѣ. Не подогрѣваютъ ее и проявленія нашего національнаго характера, выразившіяся въ народныхъ оваціяхъ вождю флибустьеровъ, или въ поднесеніи университетскихъ почестей архи-заговорщику, или въ бѣшеныхъ аплодисментахъ, которыми студенты встрѣтили человѣка, смѣявшагося надъ «елейнымъ прямодушіемъ» тѣхъ, кто возставалъ противъ его аггрессивныхъ плановъ. Если меня называютъ непатріотичнымъ за то, что любовь моя къ родинѣ не могла пережить этихъ и многихъ прочихъ испытаній, то—пусть! Я доволенъ, что меня такъ называютъ.

Для меня девизъ: «Да здравствуетъ родина, права она или нѣтъ!» кажется отвратительнымъ. Правда, чувство, въ немъ выраженное, будучи прикрыто любовью къ родинѣ, какъ будто получаетъ нѣкоторое оправданіе, но снимите съ него эту покрышку, и останется нѣчто весьма низкое. Анализируемъ его повнимательнѣе.

Предположимъ, что родина наша права, что она, напримѣръ, борется съ непріятельскимъ нашествіемъ. Тогда идея и чувство, вложенныя въ девизъ, вполнѣ оправдываются. Самозащита не только справедлива, но и обязательна. Но предположимъ обратное, то есть что наша родина сама является насильницей—завладѣла чужой территоріей; съ помощью оружія наложила на чужой народъ законы, въ которыхъ онъ не нуждался, или «наказываетъ» черезъ своихъ агентовъ того, кто этимъ законамъ не подчиняется. Предположимъ, что она вообще совершаетъ нѣчто, всѣми считаемое за безправіе. Какъ тогда отнестись къ девизу? Право—на сторонѣ тѣхъ, кто съ нами борется; безправіе—на нашей сторонѣ. Какъ тогда перевести патріотическій девизъ на обыкновенный языкъ? Въ переводѣ, очевидно, выйдетъ: «да погибнетъ право, да здравствуетъ безправіе»! Но вѣдь эта совокупность пожеланій представляетъ собою верхъ нечестія. Въ былыя времена господствовала, да и до сихъ поръ кое-гдѣ еще сохранилась вѣра въ существованіе воплощеннаго зла—въ особое Существо, которое носится по вселенной, борясь съ добромъ и помогая злу торжествовать. Могутъ ли быть полнѣе выражены цѣли этого Существа, какъ въ краткомъ девизѣ: «да здравствуетъ зло, да погибнетъ добро»? Нравится ли такъ называемымъ патріотамъ этотъ девизъ?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я выразилъ свои чувства—ихъ, безъ сомнѣнія, назовутъ анти-патріотическими—въ довольно рѣзкой формѣ. Это было во время второй Афганской войны, когда мы, въ погонѣ якобы за «нашими интересами», вторглись въ Афганистанъ. Пришло извѣстіе, что одинъ изъ нашихъ отрядовъ находится въ большой опасности. Въ клубѣ Атенеумъ, одинъ извѣстный офицеръ—тогда онъ былъ капитаномъ, а теперь уже генералъ—обратилъ мое вниманіе на телеграмму, содержащую въ себѣ эт

[1]) Намъ до сихъ поръ твердятъ, что буры сами начали войну. На дальнемъ Западѣ Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ каждый самъ защищаетъ свою жизнь и гдѣ обычаи—драки вполнѣ выработались, принято считать зачинщикомъ того, кто первый взялся за оружіе. Выводъ, мнѣ кажется, ясенъ.

Digitized by Google

извѣстіе, надѣясь, что я буду скорбѣть вмѣстѣ съ нимъ. А я, вмѣсто того, удивилъ его такимъ отвѣтомъ: «Когда люди нанимаются для того, чтобы разстрѣливать другихъ, не спрашивая за что, то мнѣ рѣшительно все равно, если ихъ и самихъ разстрѣляютъ».

Я предвижу восклицанія, которыя вызоветъ мой отвѣтъ. Скажутъ, что если бы такое мнѣніе было всѣми принято, то арміи были бы невозможны, а правительства безсильны. Каждому солдату нельзя позволить разсуждать о поводахъ, изъ-за которыхъ начата война. Военная организація была бы въ такомъ случаѣ парализована и наша родина стала бы добычей перваго попавшагося насильника.

Все это, однако жъ, не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ для оборонительной войны армія можетъ оставаться въ томъ же видѣ, какъ теперь. Въ такой войнѣ каждый солдатъ сознаетъ справедливость своего дѣла. Онъ не наемникъ, взявшійся убивать людей, о поступкахъ которыхъ, дурныхъ или хорошихъ, ничего не знаетъ; онъ обороняетъ себя и своихъ соотечественниковъ отъ завѣдомаго насилія. Только наступательную войну я отрицаю, а не оборонительную.

Мнѣ, конечно, могутъ возразить, и вполнѣ справедливо, что если бы не было наступательныхъ войнъ, то не было бы и оборонительныхъ. Ясно, однако же, что всякая нація можетъ добровольно ограничиться только оборонительными войнами, если даже другія этому правилу не слѣдуютъ; принципъ, такимъ образомъ, сохраняется.

Но тѣ, девизомъ которыхъ служитъ: «да здравствуетъ родина, права она или нѣтъ»! и которые желали бы прибавить къ восьмидесяти незаконнымъ нашимъ владѣніямъ еще новыя, такими же путями забранныя, конечно, будутъ недовольны стѣсненіемъ военнаго произвола. Они считаютъ глупымъ слѣдовать, по понедѣльникамъ, тѣмъ принципамъ, которые исповѣдуютъ въ воскресенье.

О наслѣдственности полезныхъ признаковъ.

Притча о бревнѣ и соломинкѣ приложима къ научной сферѣ такъ же, какъ къ прочимъ. Поразительнымъ примѣромъ ея приложимости можетъ служить споръ между неодарвинистами и неоламаркистами, если можно употребить такія не принятыя, но вполнѣ подходящія наименованія. Ратуя за достаточность одного только естественнаго подбора, ученые школы Вейссмана, спрашиваютъ у своихъ противниковъ: гдѣ ваши факты? (преспокойно игнорируя таковые). Въ отвѣтъ на это, сторонники наслѣдственности полезныхъ признаковъ могли бы спросить: а гдѣ ваши факты? Если одни настаиваютъ на предъявленіи индуктивныхъ доказательствъ, то вѣдь и другіе могутъ сдѣлать то же, а индуктивныхъ доказательствъ естественнаго отбора не имѣется. Эффектовъ искусственнаго подбора—сколько угодно, но эффектовъ естественнаго никто еще не представилъ. Природа не можетъ подбирать съ цѣлью усилить какой-нибудь признакъ, какъ дѣлаютъ это заводчики; она только сохраняетъ тѣхъ индивидуумовъ, въ которыхъ накопились черты, дѣлающія ихъ наиболѣе способными къ выживанію. До тѣхъ поръ, пока намъ не покажутъ происхожденія хотя бы одного только вида путемъ естественнаго подбора, индуктивныхъ доказательствъ его существованія мы имѣть не будемъ. А между тѣмъ такія доказательства наслѣдственности полезныхъ признаковъ не вполнѣ отсутствуютъ. И все же неодарвинисты не перестаютъ спрашивать у неоламаркистовъ: «гдѣ же ваши факты»?

Тотъ же споръ показываетъ, что люди, ясно видящіе недостатки въ гипотезахъ своихъ противниковъ, не могутъ видѣть такихъ же недостатковъ въ своей собственной гипотезѣ. Доктрина наслѣдственности отвергается, потому что «нельзя себѣ представить средствъ», при помощи которыхъ нажитое индивидуумомъ видоизмѣненіе какого-либо органа могло бы произвести соотвѣтствующее видоизмѣненіе въ зародышѣ потомка. А между тѣмъ доктрина естественнаго отбора принимается, не смотря на такую же, если не бо́льшую, невозможность представить себѣ передачу зародышу постоянныхъ признаковъ вида. Если вѣрить Вейссману, то структура одного только хвостоваго, павлиньяго пера даетъ больше 300.000 опредѣляющихъ моментовъ (determinants). Помножьте эту цифру на число перьевъ, да прибавьте тѣ детерминанты, которыя идутъ отъ остального оперенія, также какъ отъ всѣхъ другихъ частей и органовъ тѣла павлина, и попробуйте тогда представить себѣ количество детерминантъ, содер-

Digitized by Google

жащихся въ микроскопической клѣточкѣ его спермы. Да потомъ еще не забудьте, что каждая детерминанта, во время развитія зародышеваго организма, вліяетъ какъ разъ на то его мѣсто, которое она должна опредѣлить! Положительно, «представить себѣ средства», при помощи которыхъ эти требованія могли бы быть выполнены, гораздо труднѣе, чѣмъ допустить передачу нажитыхъ видоизмѣненій по наслѣдству.

До сихъ поръ я имѣлъ дѣло только съ прелиминаріями, необходимыми для пониманія того, что хочу сказать далѣе. Природа преподноситъ намъ явленія, изъ коихъ ясно видно, что процессъ структуры производится какими-то невидимыми агентами, хотя способъ, какимъ они дѣйствуютъ, для насъ непонятенъ. Достаточно будетъ двухъ, родственныхъ между собою, примѣровъ.

Всѣ любуются кристалликами снѣга, но немногіе задумывались надъ странной ихъ постройкой. Будучи безконечно разнообразными, всѣ они, однако жъ, по распредѣленію своихъ частей, принадлежатъ къ шестигранному типу и всѣ абсолютно симметричны. Если съ одной стороны луча находится отросточекъ въ извѣстномъ мѣстѣ, то и на другой сторонѣ непремѣнно имѣется такой же, такъ что на всѣхъ лучахъ аггрегата придатки всегда бываютъ парными. Если въ одномъ мѣстѣ такой придатокъ является сложнымъ, то и во всѣхъ соотвѣтствующихъ онъ также сложный. Какъ достигается такая симметрія? Мы не можемъ сдѣлать иного предположенія, какъ только то, что когда снѣжинка покойно падаетъ изъ верхнихъ слоевъ атмосферы, насыщенныхъ парами воды, то на нее этотъ паръ осаждается, при чемъ осѣданіе частички воды въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ тотчасъ же сопровождается наростаніемъ такихъ же частичекъ и на всѣхъ другихъ, соотвѣтствующихъ мѣстахъ, что не можетъ произойти безъ принудительной, такъ сказать, дѣятельности цѣлаго аггрегата. Принято говорить, что эта дѣятельность обусловливается полярными силами, но вѣдь мы о нихъ ничего не знаемъ. Значитъ, молекулярная энергія, производящая такія красивыя фигуры, совершенно для насъ непостижима.

Взгляните теперь на еще болѣе удивительное явленіе того же самаго порядка. Каждый изъ насъ видалъ, зимою, на окнахъ, тѣ ледяные узоры, которыми ихъ украшаетъ морозъ, и всѣ мы любовались на листообразную форму этихъ узоровъ, но не многимъ пришло въ голову подумать, какъ они образуются. Въ нумерѣ журнала «Nature», отъ 7-го февраля 1901 г. проф. Г. Бонни (Bonney) описываетъ поразительный примѣръ такихъ узоровъ, не на оконномъ стеклѣ, а просто на мостовой.

«Они образуютъ вѣеромъ расходящіяся группы, иногда діаметромъ въ полъярда, состоящія изъ вѣеобразныхъ пучковъ, сидящихъ на тонкомъ (толщиною въ шпильку, а длиною дюйма въ четыре), прелестно прогнутомъ стеблѣ: эта изогнутость встрѣчается всегда и въ высшей степени характерна. Точь въ точь нѣжные водоросли, растянутые на картонѣ, въ видѣ украшенія».

Разсуждая о силахъ, произведшихъ такія формы, мы должны признать, что кристаллизація отдѣльныхъ частей совершается, такъ сказать, подъ контролемъ цѣлаго. Если бы отложеніе водяныхъ частичекъ происходило на каждомъ данномъ мѣстѣ независимо отъ цѣлаго, подъ вліяніемъ только мѣстныхъ условій, то части не соотвѣтствовали бы этому цѣлому и не образовали бы симметричныхъ, вайеобразныхъ узоровъ. Мы должны признать, что во время совершенія кристаллизаціи весь аггрегатъ ставитъ каждую частичку на подлежащее ей мѣсто, а затѣмъ и она сама начинаетъ содѣйствовать этой общей работѣ. Съ одной стороны—нельзя отрицать такого подчиненія частей цѣлому и обратнаго вліянія ихъ на общій строй послѣдняго, а съ другой стороны—«мы не можемъ представить себѣ средствъ», при помощи которыхъ такой чудесный процессъ строенія совершается. Явленіе передъ нами, но какъ дѣйствуютъ силы, его обусловливающія, для насъ непостижимо.

Отношеніе этихъ примѣровъ къ доктринѣ наслѣдственности очевидно. Изъ нихъ мы видимъ, что какъ бы ни было невозможно понять, какимъ образомъ измѣненіе структуры одного органа вліяетъ на клѣточки спермы или зародыша, сообщая имъ наклонность къ воспроизведенію такого же измѣненія въ органахъ послѣдняго, но мы должны это вліяніе допустить. Если ни силы, играющія при этомъ роль, ни способъ ихъ дѣйствія для насъ непостижимы, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они не существовали.

Да и вообще, припоминая новѣйшія открытія въ молекулярной физикѣ, столь рас-

Digitized by Google

ширившія наши понятія о міровыхъ процессахъ, мы должны убѣдиться въ томъ, что гипотеза наслѣдственности полезныхъ признаковъ вовсе не противорѣчитъ фактамъ. Теперь, когда электрическія волны передаютъ нашу мысль за тысячи миль безъ всякихъ проводовъ; когда Рентгеновскіе лучи оказались проникающими черезъ тѣла непрозрачныя; когда найдено, что отъ уранія и многихъ прочихъ тѣлъ исходитъ лучистая энергія, способная временно возбуждать таковую же въ другихъ видахъ матеріи; когда мы узнали, что въ твердыхъ тѣлахъ могутъ происходить не одни только тепловыя колебанія; теперь—мы имѣемъ право допустить, что молекулярныя движенія, происходящія въ живыхъ организмахъ, могутъ быть совершенно для насъ непостижимы. Весьма вѣроятно, что всякая группа спеціально приспособленныхъ молекулъ, составляющая конституціональную единицу организма, служитъ центромъ, излучающимъ особаго рода энергію, порождаемую совокупностью всѣхъ ея составныхъ частей, и что эта энергія производитъ колебанія въ соотвѣтствующихъ составныхъ частяхъ другихъ подобныхъ же единицъ, стремясь произвести въ нихъ тѣ измѣненія, которыя произошли въ ней самой. Мы можемъ, далѣе, заключить, что въ силу такого же процесса весь аггрегатъ органическихъ молекулъ стремится придать гармонирующія съ нимъ формы малѣйшимъ своимъ частямъ, изъ коихъ каждая, въ свою очередь, вліяетъ на постройку остальныхъ, и что такимъ образомъ мѣстное измѣненіе структуры становится причиной измѣненій во всемъ организмѣ, а между прочимъ и въ клѣточкахъ спермы или зародыша. Болѣе того, если—какъ сказано въ другомъ мѣстѣ (Біологія §§ 54d, 97f)—циркуляція протоплазмы существуетъ, то она должна значительно облегчить всѣ такіе процессы всеобщей ассимиляціи характерныхъ признаковъ.

Какъ бы то ни было, однако же, вышеупомянутыя замѣчательныя явленія доказываютъ, что «невозможность представить себѣ средства», при помощи которыхъ нажитой признакъ отпечатывается на элементахъ воспроизведенія и на продуктѣ послѣдняго, еще не даетъ намъ право отрицать существованіе такихъ средствъ.

Прибавлю, что возраженіе, выдвинутое неодарвинистами противъ гипотезы наслѣдственности нажитыхъ признаковъ, можетъ быть устранено еще болѣе легкимъ и вѣрнымъ путемъ. Гюйгенсъ отрицалъ гипотезу всемірнаго тяготѣнія. Почему? Онъ говорилъ, что всеобщее притяженіе не можетъ быть объяснено законами механики, то есть онъ «не могъ представить себѣ», какимъ образомъ происходитъ взаимное вліяніе тяготѣющихъ другъ къ другу тѣлъ. А тѣмъ не менѣе гипотеза всемірнаго тяготѣнія установлена теперь на незыблемыхъ доказательствахъ и всѣми принята.

Все мною здѣсь сказанное должно бы было, конечно, войдти въ составъ Основъ Біологіи. Но такъ какъ я, въ 1899 году, окончательно пересмотрѣлъ послѣднее изданіе этой книги и не думаю, чтобы могъ издать ее вновь, то и рѣшилъ включить эту главу сюда.

Партійное правительство.

Есть одна, всѣмъ извѣстная истина, которая меня часто удивляла—отъ ничтожныхъ и, повидимому, совершенно постороннихъ дѣлу причинъ происходятъ иногда невообразимо громадныя послѣдствія. Въ главѣ XIII своей Соціологіи, я указывалъ на то, что органическія и суперъ-органическія (organic and superorganic) науки въ высшей степени ярко иллюстрируютъ явленіе, которое я тамъ назвалъ «плодотворной причинностью» (fructifying consation). Въ фактахъ, съ которыми эти науки имѣютъ дѣло, «размноженіе эффектовъ»,—свойственное эволюціи вообще, представляетъ собою преобладающее явленіе. Зародышъ какой-нибудь болѣзни, попавъ въ организмъ, производитъ многочисленныя и разнообразныя измѣненія во множествѣ органовъ, и если даже въ концѣ концовъ больной поправился, то все-таки эти измѣненія—sequele—могутъ отравить ему всю остальную жизнь. Подобнымъ же образомъ и въ обществѣ, такая простая случайность, какъ открытіе гдѣ-либо золота, всегда ведетъ къ весьма крупнымъ и разнообразнымъ послѣдствіямъ—приливу народа, росту городовъ, новымъ общественнымъ учрежденіямъ, возникновенію игорныхъ притоновъ и, наконецъ—къ деморализаціи, помимо послѣдствій, распространяющихся на болѣе широкій районъ, если не на цѣлый свѣтъ — возникновенія новыхъ торговыхъ предпріятій, проведенія новыхъ торговыхъ

Digitized by Google

путей, перемѣны отношеній между цѣнностью золота и товаровъ, и проч.

Частный примѣръ плодотворной причинности, который я теперь имѣю въ виду, случился за годъ или за два до послѣднихъ общихъ выборовъ. Не знаю, принадлежалъ ли сэръ Вильямъ Гаркортъ къ чисту полныхъ трезвенниковъ, или онъ думалъ, что поддержка таковыхъ очень важна для предстоящихъ выборовъ, или, наконецъ, былъ движимъ жалкой (miserable) идеей, что численное большинство обладаетъ неограниченнымъ правомъ контроля надъ дѣйствіями отдѣльныхъ лицъ, но только—мѣстное одобреніе—(local option) было поставлено главнымъ пунктомъ—«доской» (plank), какъ говорятъ американцы—либеральной платформы. Съ тактической точки зрѣнія, этотъ шагъ былъ удивительно неумѣстенъ. За годъ до выборовъ я говорилъ о крайней неполитичности возбуждать ярую оппозицію въ каждой изъ пивныхъ лавокъ королевства. Не только въ городахъ, но еще болѣе въ деревняхъ, массы избирателей, совсѣмъ не заботясь о самоуправленіи (home-rule), которое было главной цѣлью платформы, испугались грозящаго вмѣшательства закона въ торговлю пивомъ. Всѣ городскіе содержатели пивныхъ лавокъ, во имя личнаго интереса, возстали противъ проектированной мѣры, а деревенскіе имъ вторили, боясь распространенія закона и на деревню. Клієнты ихъ, испугавшіеся не столько за пиво, сколько за свои насижанныя мѣста въ пивныхъ, охотно слушали пропаганду оппозиціи и присоединялись къ ней. Въ результатѣ, какъ мы всѣ знаемъ, получился полный разгромъ правящей партіи и замѣна ея оппозиціонною. Изъ многочисленныхъ послѣдствій этого событія я позволю себѣ отмѣтить главныя.

Самолюбивый человѣкъ, деспотическаго темперамента, изучившій въ Бирмингамскомъ муниципалитетѣ искусство подчинять себѣ другихъ, съ помощію смѣлости и ловкости пробравшись въ первые ряды правительства, сталъ министромъ колоній. Теперь никто уже не сомнѣвается въ томъ, что его рѣшимость идти своимъ путемъ была причиною донынѣ непрекратившейся войны въ Южной Африкѣ. Результатомъ этой войны, для двухъ африканскихъ республикъ, является потеря нѣсколькихъ тысячъ жизней, безпомощное положеніе множества семей, разрушеніе массы домовъ, опустошеніе страны, остановка промышленной дѣятельности и полная соціальная дезорганизація. А для насъ эти результаты выразились въ смерти 25.000 солдатъ, погибшихъ на полѣ битвы и въ госпиталяхъ; въ изуродованіи другихъ 60.000, изъ коихъ многіе еще умрутъ, а остальные будутъ инвалидами; въ тягостномъ для страны возрастаніи податей и займовъ; въ ослабленіи торговой дѣятельности; въ оживленіи дикихъ страстей, проявившихся грубымъ поведеніемъ черни; въ возбужденіи къ намъ ненависти континентальныхъ народовъ, которая впослѣдствіи отзовется на нашихъ интернаціональныхъ отношеніяхъ; и, наконецъ—въ полной потерѣ нами любви къ свободѣ и симпатій къ тѣмъ, кто за нее борется. Эти главные результаты развѣтвляются и свиваются невообразимо сложнымъ образомъ въ безконечное количество разнонародныхъ послѣдствій, задѣвающихъ весь міръ. И все это произошло изъ-за маленькаго и совершенно ко всему міру не относящагося упрямства. Потому что, если бы «мѣстное одобреніе» не было брошено въ лицо избирателямъ, то возможное крушеніе либеральной партіи не дало бы ея противникамъ такого громаднаго большинства, которое позволило имъ дѣлать все, что хотятъ ихъ лидеры [1]).

Но это еще не все. Какъ выше сказано, множество другихъ важныхъ послѣдствій произошло отъ такой, повидимому, совершенно невинной причины. На эти-то послѣдствія и на мораль, изъ нихъ проистекающую, я и хочу обратить особенное вниманіе читателей. Люди, находящіеся во власти, опираясь на громадное большинство, ихъ поддерживающее, совершенно откровенно издавали законы, клонящіеся къ выгодѣ своего сословія (class) и тѣхъ, кто ему полезенъ. Оцѣноч-

[1]) Частнымъ доказательствомъ того, что причиною бурной партійной реакціи не была перемѣна отношенія къ вопросу о home-rule'ѣ, можетъ служить судьба самого сэра Вильяма Гаркорта. Прежде онъ всегда былъ популяренъ среди избирателей въ Дерби, но на выборахъ 1895 г. его замѣнили консерваторомъ (рѣдкій случай въ Дерби, которое всегда избирало либераловъ), а на выборахъ 1900 г., когда онъ выдвинулъ «мѣстное одобреніе», либераломъ же, но другимъ. Нельзя яснѣе показать враждебнаго настроенія противъ сэра Вильяма Гаркорта, какъ иниціатора титотеллерскаго крестоваго похода.

Digitized by Google

нымъ актомъ (Bating-Act) они сложили съ англійскихъ и шотландскихъ земледѣльцевъ (landocouers) полтора милліона, перенеся это бремя на другихъ плательщиковъ податей. Въ 1897 году они выдали «милостыню» въ 800.000 фунтовъ «имяннымъ» (genominational) школамъ, поощряя ихъ въ соревнованіи съ коллегіальными (boarg-lhools) и тѣмъ увеличивая могущество церкви. Въ формѣ пониженія поземельной подати, они подарили Ирландіи и ирландскимъ земледѣльцамъ 727.000 фунтовъ въ годъ, сваливъ это бремя на государство, то есть на англійскихъ плательщиковъ. Наконецъ, въ 1899 г. посредствомъ Акта о Церковной Династіи (Clericol Fifhes Act), они освободили десять или одиннадцать тысячъ владѣній (incumbent) отъ уплаты половины слѣдовавшей съ нихъ десятинной подати, сваливъ послѣднюю опять-таки на плательщиковъ вообще. Такимъ образомъ, не считая уже маленькихъ захватовъ чужой собственности, люди, стоящіе у власти, подарили своимъ друзьямъ больше 3,000.000 фунтовъ, косвеннымъ образомъ взятыхъ изъ кармана націи вообще. Власть, дарованная на поддержку извѣстнаго рода государственной политики, была употреблена министерствомъ на то, чтобы вести политику личную, которую избиратели, конечно бы не одобрили, если-бы спросить ихъ объ этомъ.

«Хорошо, но что же намъ дѣлать»,—спросятъ меня, конечно. Всѣ эти злоупотребленія свойственны нашему государственному режиму, и съ ними нужно мириться. Мы не можемъ не имѣть партій. Черезчуръ покладливое большинство неизбѣжно даетъ своимъ вождямъ возможность поступать несогласно съ желаніями тѣхъ, кто вручилъ имъ власть. Только уничтоженіемъ партійности въ правительствѣ, что всѣ считаютъ немыслимымъ, можно было прекратить злоупотребленія, о которыхъ идетъ рѣчь».

Я становлюсь въ тупикъ передъ такимъ заключеніемъ. Если бы каждый членъ парламента держался своихъ убѣжденій—рѣшился бы не лгать своими вотами—если бы каждый пересталъ смотрѣть на «вѣрность партій» какъ на добродѣтель, и былъ бы вѣренъ только своему искреннему мнѣнію, не взирая на интересы министерства, то превышеніе власти, совершаемое нѣсколькими джентльменами на Даунингъ-Стритѣ, было бы невозможно.

«Но вѣдь такое веденіе дѣлъ парализовало бы правительство»,—скажутъ мнѣ.

Ни одно министерство не просуществовало бы мѣсяца, если бъ не опиралось на корпорацію своихъ сторонниковъ, вотирующихъ за его мѣры, одобряютъ они ихъ или нѣтъ. Министерства падали бы одно за другимъ и всѣ общественныя дѣла остановились бы.

Вотъ одинъ изъ тѣхъ частныхъ случаевъ, когда люди, разсуждая о проектѣ какой-нибудь реформы, предполагаютъ, что когда она состоится, то все вокругъ нея останется неизмѣненнымъ, тогда какъ слѣдуетъ предположить, что одновременно съ нею послѣдуютъ измѣненія и во всей обстановкѣ. Если бы депутаты или хоть большая часть изъ нихъ рѣшились не поддерживать своими вотами того, чему они не сочувствуютъ; да если бы министерство, поддерживаемое большинствомъ по главнымъ вопросамъ своей программы, часто оставалось въ меньшинствѣ по второстепеннымъ, при чемъ, согласно теперешнимъ обычаямъ, подавало бы въ отставку; да если бы это случилось съ нѣсколькими министерствами подъ-рядъ, то было бы признано неудобнымъ мѣнять правительство по второстепеннымъ пунктамъ, особенно если лица, вотировавшія противъ него по этимъ пунктамъ, открыто заявили бы, что ихъ несогласіе относится только къ даннымъ случаямъ, а общаго сочувствія министерству не нарушаетъ. Отставка министерства могла бы тогда практиковаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно ужъ слишкомъ часто оставалось бы въ меньшинствѣ, настолько часто, что можно бы было заподозрить потерю къ нему довѣрія вообще. А въ обыкновенныхъ случаяхъ оно только принимало бы къ свѣденію отрицательныя воты и, отказываясь отъ неодобренныхъ мѣръ, оставалось бы на своемъ мѣстѣ.

Посмотрите теперь къ какимъ бы все это привело результатамъ. Не имѣя возможности проводить мѣры, неодобренныя оппозиціей и частью своихъ собственныхъ сторонниковъ, министерство стало бы ограничиваться тѣми, которыя одобрены большинствомъ депутатовъ всѣхъ партій а стало быть дѣйствительнымъ большинствомъ представителей страны. Министерство, призванное къ власти для того, чтобы проводить политику, угодную странѣ, не могло бы потомъ злоупотреблять этой властью для цѣлей, странѣ неугодныхъ, то есть стало бы тѣмъ, чѣмъ должно

Digitized by Google

быть—слугою, а не господиномъ, и при томъ слугою парламента и націи, а не монарха, какъ теперь.

Въ настоящее же время, то, что мы называемъ политической свободой и чѣмъ мы хвастаемся, состоитъ только въ правѣ выбирать себѣ деспота или группу олигарховъ, а когда она, продолжительными насиліями надъ страною, вызоветъ общее неудовольствіе, то замѣнять ее другою такою же группою, постоянно подчиняясь законамъ, которые намъ не нравятся. Бросьте существующіе условные обычаи допустите каждаго депутата свободно выражать свое недовольство предлагаемою мѣрою, не подвергая тѣмъ опасности цѣлое министерство, и весь порядокъ управленія самъ собою измѣнится. Страна, черезъ своихъ представителей, сдѣлается дѣйствительной распорядительницей своей судьбы.

А что если она обяжетъ своихъ представителей подчиняться лидерамъ партій? Да тогда наступитъ безвыходное положеніе. Политическіе пороки коренятся въ натурѣ народа, въ его характерѣ. Возможность найдти кандидатовъ, способныхъ слѣпо держаться партійныхъ программъ, и желаніе находить таковыхъ указываетъ на характеръ, не подходящій для пользованія дѣйствительно свободными учрежденіями, а только такими, при которыхъ деспотизмъ, отъ времени до времени, смягчается свободою. Свобода, въ полномъ смыслѣ этого слова, то есть право жить стѣсняясь только правомъ другихъ на такую же жизнь, понимается немногими. Примѣры такого непониманія мы видимъ на всякомъ шагу. Люди, принимающіе участіе въ компаніи, которая образовалась съ какою-нибудь спеціальною цѣлью, и затѣмъ считающіе себя обязанными, по приговору большинства въ двѣ трети голосовъ, стремиться къ какой-нибудь другой цѣли, явнымъ образомъ не понимаютъ, что надъ ними совершается насиліе—не видятъ, что участникъ договора не можетъ быть обязываемъ дѣлать то, что въ договорѣ не обозначено. Плательщики податей, избравшіе членовъ муниципальнаго управленія, предназначеннаго къ тому, чтобы поддерживать мѣстный порядокъ и завѣдывать общественными дѣлами, если они затѣмъ, подчиняясь рѣшеніямъ большинства этихъ членовъ, платятъ налоги, предназначенные для цѣлей, о которыхъ никто никогда и не думалъ (на прорытіе канала, напримѣръ), очевидно, не понимаютъ сущности свободы. Равнымъ образомъ люди, присоединившіеся къ торговому союзу (trade-union) и подчиняющіеся приказаніямъ лидеровъ относительно того, когда они должны работать и когда нѣтъ, очевидно, не имѣютъ никакого понятія объ основномъ правѣ всякаго человѣка распоряжаться самимъ собою и въ каждое данное время дѣлать то, что ему нравится. Естественно, послѣ этого, ожидать, что и представители такихъ людей, которые столь смутно понимаютъ и чувствуютъ свободу, окажутся способными подчинять свои воты желанію партійныхъ диктаторовъ и будутъ одобрять то, чему не сочувствуютъ.

Въ настоящее время трудно надѣяться на улучшеніе; напротивъ—надо думать, что дѣла пойдутъ еще хуже, потому что начавшееся теперь ретроградное движеніе направлено къ милитаризму и неизбѣжно будетъ сопровождаться усиленіемъ власти, а не ослабленіемъ ея.

Преувеличенія и неправильныя толкованія.

Мнѣ гдѣ-то пришлось читать или слышать, что Джемсъ Милль наказывалъ своихъ дочерей за неправильныя сужденія. Не знаю какъ онъ ихъ наказывалъ, но такой драстическій методъ искорененія дефектовъ мысли, часто зависящихъ отъ дефектовъ организма, я считаю неподходящимъ.

Скорѣе, мнѣ кажется, слѣдовало бы наказывать молодыхъ людей за преувеличенія и употребленіе неточныхъ выраженій, при чемъ наказаніе должно естественнымъ образомъ вытекать изъ нашей погрѣшности и стремиться къ ея устраненію. Лучшимъ наказаніемъ было бы, въ каждомъ данномъ случаѣ, заставить виновнаго написать правильное опредѣленіе неточно употребленнаго слова и представить нѣсколько примѣровъ правильнаго его употребленія. Такое наказаніе было бы не тяжело и содѣйствовало бы исправленію, а кромѣ того упражняло бы виновнаго въ точномъ мышленіи, дисциплинировало его мысль. Дисциплина мысли вообще не входитъ въ составъ нашихъ понятій о воспитаніи, а между тѣмъ она важнѣе, чѣмъ многія другія его стороны. Такія же наказанія могли бы быть накладываемы за неправильную передачу какъ того, что вычитано въ книгахъ, такъ и того, что замѣчено въ жизни, частной или общественной, а такая передача,

Digitized by Google

въ разговорахъ стариковъ и молодыхъ, на всякомъ шагу случается.

Всѣ мы грѣшимъ въ этомъ отношеніи и потому всѣ смотримъ на него снисходительно. Преходящія чувства обусловливаютъ употребленіе болѣе сильныхъ выраженій, чѣмъ это требуется, а желаніе заинтересовать слушателей еще усиливаетъ преувеличеніе. Я самъ не свободенъ отъ упрека въ этомъ отношеніи. Просматривая свои рукописи, я часто замѣчаю, что слово «очень» употребляется мною тамъ, гдѣ оно совсѣмъ не нужно. Каждый изъ насъ ежеминутно употребляетъ ненужныя прилагательныя и нарѣчія. Рѣдко кто скажетъ, что ему холодно, а все «очень» холодно, или «ужасно холодно». Когда идетъ разговоръ о погодѣ, то про теплый весенній день выражаются, что онъ былъ «жарокъ», точно дѣло касается іюля или августа; а про дождь всегда говорятъ, что онъ «льетъ», хотя такое выраженіе слѣдовало бы употреблять только тамъ, гдѣ оно дѣйствительно приложимо. Подобнымъ же образомъ маленькій ледокъ на лужахъ даетъ уже право говорить о «жестокомъ» морозѣ. А ужъ когда вопросъ касается достоинствъ или недостатковъ какой-нибудь личности или пьесы, то преувеличеній въ ту или другую сторону не оберешься. Вообще нашъ разговоръ всегда бываетъ пересыпанъ выраженіями превосходной степени, хотя достаточно подумать съ минутку для того, чтобы убѣдиться, что эта степень требуется весьма рѣдко, такъ какъ крайности не часто встрѣчаются.

На такую несдержанность рѣчи никто не обращаетъ вниманія, забывая, что она входитъ въ привычку, которая сама по себѣ можетъ быть вредной. Говорить, что преувеличенія суть дѣло не важное, значитъ признавать не важной разницу между истиной и ложью, иногда мелкой, незначительной, а въ иныхъ случаяхъ и очень крупной. Личные опыты обратили недавно мое вниманіе на то зло, которое можетъ произойти отъ неправильнаго употребленія словъ даже въ частномъ письмѣ, особенно если оно будетъ напечатано, о чемъ писавшій и не думалъ.

Первый изъ этихъ опытовъ относится къ книгѣ Жизнеописаніе и переписка Г. Н. Гёксли. На 333 стр. I Т. этой книги, въ письмѣ къ своему нѣмецкому другу д-ру Дорну (Dohrn), Гёксли, шутливо угрожая разорвать въ клочки нѣкоторыя его новыя идеи, въ подкрѣпленіе этой угрозы представляетъ примѣръ, какъ онъ расправлялся со мною: «Я долгіе годы былъ его строгимъ критикомъ (devil's advocate), и трудно сказать, сколько блестящихъ соображеній задушилъ въ зародышѣ» (I have been the means of choking in an embryanic state). Критически-мыслящіе люди, провѣривъ это показаніе на дѣлѣ, не примутъ его въ серіозъ; но люди, не привыкшіе провѣрять чужія слова, пожалуй, поймутъ ихъ буквально. Имѣя это въ виду, я просилъ своего секретаря (который теперь пишетъ подъ мою диктовку) сравнить печатныя книги съ черновыми рукописями. Онъ нашелъ, что въ двухъ произведеніяхъ — основныхъ началахъ и началахъ біологіи, которыя занимаютъ два большихъ тома и были просмотрѣны профессоромъ Гёксли, только четыре спекулятивныхъ отрывка были имъ вычеркнуты, да и то я впослѣдствіи вставилъ одинъ изъ нихъ въ прибавленіи, потому что получилъ серіозныя доказательства основательности соображеній, въ немъ высказанныхъ. Но это еще не все—послѣдовали дальнѣйшія недоразумѣнія. Для біологическихъ моихъ сочиненій мнѣ нуженъ былъ экспертъ, и профессоръ Гёскли любезно предложилъ мнѣ свои услуги. Но я не просилъ его просматривать мои психологическія, соціологическія и этическія сочиненія, также какъ и журнальныя статьи различнаго содержанія; а между тѣмъ нѣкоторыя выраженія мистера Леонарда Гексли въ біографіи его отца могутъ заставить думать, что послѣдній вообще былъ постояннымъ моимъ редакторомъ. Такъ, на 68 стр. II Т. сказано, что онъ былъ моимъ «страшнымъ критикомъ въ теченіе тридцати долгихъ лѣтъ» [1]), то-есть въ теченіе всего періода нашей дружбы. Такая фраза, вмѣстѣ съ разсыпанными въ разныхъ мѣстахъ упоминаніями о томъ, что профессоръ Гексли читалъ корректуры моихъ произведеній, наводитъ на мысль, что онъ читалъ ихъ всѣ, за все время нашего знакомства, и что безъ его сдерживающаго вліянія я напечаталъ бы множество неосновательныхъ разсужденій. Такой обидный намекъ, служащій результатомъ необдуманныхъ выраженій, я не могу пропустить безъ

[1]) Мистеръ Леонардъ Гёксли, напечатавшій въ Athenaeum'ѣ (отъ 8-го декабря 1900) письмо съ поправками, которыхъ я отъ него требовалъ, выкинулъ уже, вѣроятно, изъ своей книги эту фразу.

Digitized by Google

поправки. Изъ шестнадцати изданныхъ мною томовъ профессоръ Гёксли просматривалъ корректуры только трехъ, да еще нѣсколько маленькихъ отрывковъ. А что онъ, въ своихъ письмахъ, былъ склоненъ выражаться нѣсколько рѣшительно, въ этомъ читатели сами могутъ убѣдиться. На 268 стр. II Т. (первое изданіе), говоря о наслѣдственности нажитыхъ признаковъ, онъ пишетъ: «Спенсеръ a priori долженъ ее защищать, такъ какъ безъ этого вся его психологія разлетается въ прахъ». Но тотъ, кто прочтетъ I, II и III часть перваго тома, а затѣмъ VI и VII второго тома Основъ психологіи, тотъ пойметъ, что это утвержденіе вполнѣ ошибочно. Въ немъ говорится, что безъ наслѣдственности вся моя система разлетится въ прахъ, тогда какъ я упоминаю о ней только въ IV и V частяхъ, да и то нѣкоторые думаютъ, что измѣненія, въ нихъ описанныя, могли бы быть обусловлены естественнымъ отборомъ.

Наклонность Гёксли къ преувеличеніямъ проявляется и не въ однихъ только письмахъ, а и въ печати. Мои взгляды на ограниченіе функцій государства онъ называетъ «административнымъ нигилизмомъ», хотя, кромѣ національной защиты, я возлагаю на обязанность государства защиту гражданъ не только отъ преступленій и взаимныхъ насилій, но и отъ насилій общественныхъ (см. Опыты, Т. II, стр. 442).

Другой примѣръ, на который я ссылаюсь, иллюстрируетъ заразъ и недоразумѣнія, происходящія отъ преувеличенія, и недоразумѣнія, производимыя неопредѣленностью выраженій. Въ одномъ очеркѣ моей карьеры и писательской дѣятельности, написанномъ съ горячей ко мнѣ симпатіей, встрѣчается такая тирада: «Подобно Аристотелю, онъ долженъ былъ возлагать большія порціи своихъ работъ на другихъ». Тотъ, кто знаетъ, что Аристотель возлагалъ на другихъ собираніе матеріаловъ для своей «Естественной исторіи», тотъ пойметъ вышеприведенную тираду правильно. Но вѣдь это знаетъ одинъ читатель изъ десяти, а потому большинство можетъ вывести изъ нея ошибочныя заключенія. Такъ какъ имя мое связано по преимуществу съ работами по синтетической философіи, то многіе подумаютъ, что «большія порціи» этой работы были сдѣланы за меня кѣмъ-либо другимъ. Этого мой біографъ сказать не желаетъ. Сочиненіе, на которое онъ намекаетъ, озаглавлено: «Описательная соціологія или группы соціологическихъ фактовъ, классифицированныхъ и приведенныхъ въ порядокъ Гербертомъ Спенсеромъ, выбранныхъ и компилированныхъ Давидомъ Дунканомъ, Ричардомъ Шеппигомъ и Джемсомъ Кольеромъ» (Collier)— въ восьми частяхъ. Зная, что перечесть всѣ историческія сочиненія и путешествія, въ которыхъ содержатся нужные мнѣ соціологическіе факты, для одного человѣка невозможно, я пригласилъ этихъ господъ—сначала одного, потомъ двухъ, потомъ трехъ— читать ихъ для меня, дѣлая выборки по опредѣленной мною программѣ. При составленіи Основъ соціологіи и второй части Основъ этики, я, вмѣстѣ съ матеріаломъ, накопившимся у меня лично за много лѣтъ, въ широкой степени пользовался и тѣмъ, который мнѣ доставили эти компиляціи.

Стало быть, если уже критики, симпатично ко мнѣ относившіеся, могли вызвать недоразумѣнія, благодаря плохо выбраннымъ выраженіямъ, то чего же ждать отъ критика враждебно-настроеннаго? Нѣтъ надобности упоминать, что всякаго рода вражда—личная, политическая, философская или религіозная — усиливаетъ наклонность къ преувеличиваніямъ и мѣшаетъ обдуманности рѣчи. У меня накопился большой опытъ по части политики и, строго придерживаясь фактовъ, насколько я ихъ помню, избѣгая преувеличеній, на которыя такъ нападаю— я могу сказать, что въ трехъ четвертяхъ случаевъ мои противники нападали на мнѣнія, вовсе не мною высказанныя, а ложно ими мнѣ приписанныя, иногда — по легкомыслію, а чаще—изъ злобы и, повидимому, преднамѣренно.

Для того, чтобы показать, до какихъ размѣровъ доходятъ иногда преднамѣренно ложныя толкованія, высказываемыя въ политикѣ или иначе, я могу цитировать слѣдующее мѣсто изъ писемъ Бенджамена Джуэтта (Jowets), стр. 190:

«Я иногда думаю, что мы, платоники и идеалисты, на половину не такъ трудолюбивы и усердны, какъ тѣ противные (repulsive) люди, которые вѣрятъ только тому, что держатъ въ своихъ рукахъ, подобно Бэну, Спенсеру и проч., настоящимъ изнасилователямъ (ruppers) философіи».

Digitized by Google

Я ужъ не буду спрашивать, въ какомъ смыслѣ законъ эволюціи и разныя обстрактныя обобщенія, мною поддерживаемыя, могутъ считаться находящимися въ моихъ рукахъ, а просто приму вышеозначенную фразу, какъ упрекъ въ матеріализмѣ, что̀, вѣроятно, и будетъ вполнѣ вѣрно. Надо было бы ожидать, что проф. Джуэттъ, ученый философъ, привыкшій къ опредѣленіямъ и различеніямъ, не пойдетъ по слѣдамъ моихъ менѣе культурныхъ противниковъ, теологовъ, клеветы которыхъ мнѣ отъ времени до времени приходится опровергать. Можно бы было предположить, что разъ моя система синтетической философіи начинается съ главы «О непознаваемомъ», въ которой показано, что всѣ матеріальные феномены—суть проявленія Могущества (Power), превосходящаго наше пониманіе, что «сила (force), по скольку мы знаемъ, должна быть разсматриваема только какъ обусловленный (conditioned) эффектъ Необусловленной Причины» (пар. 51), то я представилъ достаточное доказательство моей вѣры въ нѣчто такое, что я не могу держать въ рукахъ. Принимая во вниманіе, что въ моихъ Основахъ психологіи написано слѣдующее: «Хотя, повидимому, и легче было бы замѣнить такъ называемую Матерію такъ называемымъ Духомъ, чѣмъ такъ называемый Духъ такъ называемой Матеріей (послѣднее даже совсѣмъ невозможно), но никакая замѣна не избавитъ насъ (can carry us beyond) отъ нашихъ условныхъ символовъ»,—я могъ бы, мнѣ кажется, питать надежду, что никто не назоветъ меня матеріалистомъ. А ужъ послѣ тщательнаго анализа, содержащагося въ параграфахъ 271 и 272, гдѣ доказана настоятельность матеріализма, всѣ могли убѣдиться въ моей къ нему непричастности. Но упрекъ въ матеріализмѣ представляетъ собою хорошее оружіе въ рукахъ моихъ противниковъ, теологовъ и философовъ; не успѣешь выбить это оружіе изъ рукъ одного, какъ другой уже перехватилъ. И этимъ то оружіемъ воспользовался проф. Джуэттъ, да еще прибавивъ къ нему оскорбительныя слова [1]).

Возвращаясь отъ этихъ примѣровъ къ общему вопросу, я болѣе, чѣмъ когда-либо, настаиваю на вредѣ, приносимомъ необдуманной рѣчью. Она ведетъ иногда къ кровопролитіямъ и народнымъ бѣдствіямъ. Страсти отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ подстрекаются незаслуженными униженіями и упреками, которые человѣкъ, ослѣплен-

---

[1]) «Но, можетъ быть, онъ не зналъ вышеприведенныхъ выраженій?»—скажутъ его защитники. Мнѣ кажется, однако жъ, что тотъ, кто порицаетъ чьи-либо мнѣнія, не можетъ быть извиняемъ незнаніемъ ихъ; незнаніе скорѣе усиливаетъ его вину. Впрочемъ, для проф. Джуэтта нельзя допустить и такого извиненія, какъ оно ни плохо, такъ какъ онъ имѣлъ въ рукахъ сочиненія, въ которыхъ содержатся приведенныя мною цитаты. Больше половины «Синтетической философіи» было разослано подписчикамъ выпусками по 80 страницъ, при чемъ за каждые четыре выпуска имъ приходилось платить по десяти шиллинговъ. Профессоръ Джуэттъ былъ однимъ изъ первыхъ подписчиковъ. По прошествіи семи лѣтъ, соскучившись, должно быть, платить по десяти шиллинговъ, онъ прислалъ моимъ издателямъ сразу пять фунтовъ на покрытіе будущей выписки. Послѣ 44-го выпуска, я рѣшилъ издать остальное книгою. Къ этому времени, пять фунтовъ, присланные проф. Джуэттомъ, не были еще покрыты, и разница возвращена ему. Такимъ образомъ, онъ не только состоялъ въ числѣ 400 первыхъ подписчиковъ, но платилъ даже и впередъ.

Въ виду вышепредставленнаго предположенія, это можетъ показаться невѣроятнымъ и потребовать подтвержденія. Поэтому я написалъ моимъ издателямъ, думая, что, можетъ быть, и по прошествіи 22-хъ лѣтъ они будутъ въ состояніи найти подлинный счетъ проф. Джуэтта. Какъ видно изъ нижеслѣдующаго письма, это оказалось справедливымъ:

«14, улица Генріэты, Ковентъ-Гарденъ.
«21-го августа 1899 г.

«Дорогой сэръ.

«Въ отвѣтъ на ваше письмо отъ 20-го, по справкѣ съ книгами, оказалось, что проф. Джуэттъ заплатилъ намъ пять фунтовъ 12-го марта 1867 года въ счетъ полученія «Синтетической философіи», и что изъ этой суммы одинъ фунтъ былъ ему возвращенъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить времени этого возвращенія, такъ какъ ни писемъ, ни книгъ на этотъ счетъ не сохранили.

«Вильямсъ и Норгетъ».

Вотъ, стало быть, психологическая загадка. Практическое доказательство одобренія проф. Джуэтта находится въ обратномъ отношеніи къ высказываемому имъ порицанію. Исключительнымъ образомъ показывая если не удовольствіе, доставляемое ему «Синтетической философіей», то, по крайней мѣрѣ, интересъ къ ней, онъ все же, въ одномъ письмѣ, называетъ ея автора «простымъ дилеттантомъ» (empty sciolist). Говорятъ, его, вообще, трудно понимать. Ну, вотъ, теперь является новая загадка, которую его почитатели едва-ли скоро разрѣшатъ.

Digitized by Google

ный злобою, необдуманно бросаетъ своему ближнему. Масса англійскаго народа откажется, конечно, признать, что наши безшабашныя преувеличенія и ругательства въ сильной степени отвѣтственны за зло, которое мы приносимъ себѣ и другимъ, но для всѣхъ, я полагаю, ясно, что они значительно усилили ненависть, питаемую къ намъ на континентѣ. Всѣ видятъ, что злоупотребленіе рѣчью, въ настоящее время, можетъ служить источникомъ международной распри—французы и нѣмцы стремятся найти предлогъ къ тому, чтобы поколотить насъ, и малѣйшая случайность можетъ повести къ истребительной войнѣ. Враждебное къ намъ настроеніе, охватившее континентальную молодежь, какъ я слышалъ отъ одного моего германскаго друга, можетъ впослѣдствіи стать причиною всеобщаго побоища, возрожденія варварства и крупныхъ финансовыхъ потерь. Поэтому мы обязаны возстать противъ злоупотребленій рѣчью. А это злоупотребленіе можетъ войти въ привычку — начинаясь съ пустяковъ, повторится и въ важныхъ случаяхъ. Нелѣпо было бы предположить, что тотъ, кто въ мелочахъ безразсудно употребляетъ болѣе сильныя слова, чѣмъ требуется, вдругъ, ни съ того ни съ сего, станетъ разсудительнымъ, когда дѣло пойдетъ о чемъ-нибудь важномъ.

«Такъ, значитъ, мы должны разговаривать чинно, точно, обдумывая каждое слово, прежде чѣмъ произнести его? Не будетъ ли это слишкомъ скучно, не потеряетъ ли тогда нашъ разговоръ всякую соль?» Вотъ какого возраженія я могу ожидать отъ лицъ, привыкшихъ преувеличивать и защищающихъ преувеличенія. Это возраженіе является весьма кстати, такъ какъ само оно представляетъ образчикъ тѣхъ скачковъ мысли, къ которымъ ведетъ привычка преувеличивать. Я стремился доказать, что точныя выраженія необходимы тамъ, гдѣ именно требуется точность, напримѣръ, въ дѣловомъ изложеніи фактовъ, а когда дѣло идетъ о простой забавѣ, тамъ, можетъ быть, чѣмъ менѣе точности, тѣмъ лучше. Юмористическое преувеличеніе произведетъ даже болѣе эффекта, если выйдетъ изъ устъ человѣка, привыкшаго выражаться точно.

Имперіализмъ и рабство.

«Покоряйтесь! Мы—господа, и мы заставимъ васъ признать это!» Такими словами выражаются чувства, съ которыми британская нація относится къ бурскимъ республикамъ; и это чувство, рѣзко выразившееся въ данномъ случаѣ, преобладаетъ теперь въ нашей политикѣ подъ именемъ имперіализма. Стремленіе къ господству, въ полномъ смыслѣ этого слова, иногда даже не ясно сознаваемое, все-таки постоянно присутствуетъ на заднемъ планѣ нашего сознанія, требуя отъ другихъ своего коррелятива — подчиненія.

Существуютъ люди—и такихъ, къ несчастію, большинство—которые видятъ какое-то благородство (эпически и исторически) въ командованіи, въ принужденіи другихъ людей отказываться отъ своей воли и исполнять волю командующаго. Я не намѣреваюсь оспаривать это чувство. Я просто заявляю, что есть и такіе люди—къ несчастію, очень немногіе — которые считаютъ неблагороднымъ подчинять себѣ своихъ ближнихъ и думаютъ, что настоящее благородство состоитъ въ томъ, чтобы не только уважать ихъ свободу, но и защищать ее. Оставляя вопросъ о благородствѣ безъ обсужденія, я намѣренъ теперь показать имперіалистамъ, что господство неизбѣжно налагаетъ и на самого господина рабскія цѣпи въ извѣстной формѣ. Некультурные люди и даже многіе изъ культурныхъ посмотрятъ на это положеніе, какъ на абсурдъ, оно покажется, пожалуй, не вполнѣ очевиднымъ и для тѣхъ, кто читалъ исторію, вникая скорѣе въ ея смыслъ, чѣмъ въ подробности, хотя эти люди и знаютъ, что оно представляетъ собою порядокъ въ настоящемъ смыслѣ слова, то-есть фактически вѣрно, не смотря на то, что кажется невѣрнымъ. Этимъ людямъ я и напомню примѣры, при чемъ начну съ простѣйшихъ и болѣе раннихъ, такъ какъ они послужатъ мнѣ символомъ.

Вотъ передъ нами дикій побѣдитель, ведущій своего плѣнника, съ веревкой на шеѣ и связанными руками (какъ изображено на ассирійскихъ барельефахъ), въ намѣреніи сдѣлать изъ него раба. Вы скажете, что одинъ изъ нихъ связанъ, а другой — свободенъ? Точно ли вы въ этомъ увѣрены? Свободный держитъ одинъ конецъ веревки и долженъ держать его крѣпко, чтобы плѣнникъ не убѣжалъ. Но, вѣдь, онъ, значитъ, самъ привязанъ къ послѣднему, такъ же, какъ и тотъ къ нему. Другими словами — дѣятельность его ограничена, и на плечахъ лежитъ

Digitized by Google

тяжесть. Если дикое животное появится на пути, онъ не можетъ его преслѣдовать. Если онъ захочетъ напиться изъ ближняго ручья, то долженъ сначала привязать плѣнника къ дереву, чтобы тотъ не воспользовался беззащитнымъ его положеніемъ. Да кромѣ того, онъ долженъ еще и плѣнника напоить, и добыть пищу для обоихъ. Значитъ, онъ болѣе не пользуется полною свободою. Уже изъ этихъ соображеній видно, что средства, при помощи которыхъ достигается подчиненіе ближняго, подчиняютъ и самого побѣдителя, господина, правителя.

Совпаденіе во времени между южно-африканской войною и взрывомъ имперіализма въ Англіи иллюстрируетъ ту общую истину, что имперіализмъ и милитаризмъ тѣсно между собою связаны—суть различныя проявленія одного и того же общественнаго настроенія. Да иначе и быть не можетъ. Подчиненныя расы или общества не добровольно же подчиняются правящимъ расамъ или обществамъ—подчиненіе ихъ неминуемо требуетъ насилія. Армія служитъ агентомъ послѣдняго, и она всегда должна быть готова поддержать его. Если господство не опирается на дѣйствующую или потенціальную силу, то оно есть федерація, а не имперіализмъ, такъ что, хотя послѣдній и не всегда бываетъ воинствующимъ, но, по мѣрѣ стѣсненія свободы управляемыхъ, онъ всегда стѣсняетъ и свободу управляющихъ.

Въ древней исторіи можно много найдти тому примѣровъ. Мы не знаемъ, была ли власть египетскихъ автократовъ, приводившая къ такимъ изумительнымъ результатамъ, обставлена какими-нибудь стѣсненіями во время постройки пирамидъ, но мы имѣемъ доказательства, что позднѣе этотъ автократъ сталъ рабомъ правительственной организаціи.

«Каждый шагъ въ его частной жизни, также какъ и въ дѣлахъ государственныхъ, былъ подчиненъ строгому закону. Часы ежедневныхъ омовеній, прогулокъ, отдыха и занятій были точно установлены; даже количество и качество его пищи опредѣлялось законами» (Нравы и обычаи древнихъ египтянъ. Вилькинсона. Изд. Бирча, т. I, 166).

Вообще порабощенію чужихъ народовъ вполнѣ соотвѣтствовало порабощеніе самихъ побѣдителей, какъ это видно изъ надписи въ Карнакѣ, которая описываетъ, «какъ горько страна расплачивалась за свои завоеванія тѣмъ гнетомъ, который терпѣла отъ своей постоянной арміи. (Исторія Египта, Петри, II, 252).

Посмотримъ теперь на Спарту,—на общество совершенно другого типа, но тоже подтверждающее выказанную нами истину. Побѣдители или собственно спартанцы господствовали не только надъ потомками древле-побѣжденныхъ расъ—періэками и илотами, но и надъ всемъ Пелопоннесомъ. Сколько же они платили за свое двойное господство? Каждый отдѣльный спартанецъ, господинъ надъ своими рабами и полурабами, самъ оказывался рабомъ спартанской корпораціи. Каждый жилъ не такъ, какъ ему хотѣлось, а такъ, какъ было приказано обществомъ, коего онъ былъ членъ. И эта строго дисциплинированная жизнь не оставляла ему досуга ни для культуры, ни для искусства, ни для поэзіи и вообще ни для какихъ удовольствій. Спартанецъ былъ совершеннѣйшимъ олицетвореніемъ греческой доктрины, по которой гражданинъ долженъ былъ принадлежать не себѣ самому и не семьѣ своей, а городу.

Если вмѣсто маленькой и простой спартанской общины мы обратимся къ огромной и сложной Римской имперіи, то мы найдемъ, что въ ней связь между имперіализмомъ и внутреннимъ рабствомъ еще болѣе рѣзко выражена. Я уже не говорю о томъ, что три четверти народонаселенія Италіи, во дни Имперіи, состояли изъ рабовъ, въ цѣпяхъ работавшихъ, въ цѣпяхъ спавшихъ и прикованныхъ цѣпями къ дверямъ, которыя должны были стеречь,—условія, о которыхъ и вспоминать ужасно—но даже тѣ лица, которыя считались свободными, и они были рабы. При томъ не только военные, жившіе подъ такой дисциплиной, что боялись офицера больше, чѣмъ врага, а и всѣ остальные. «Каждый считался слугою государства... трудъ каждаго былъ разъ навсегда укрѣпленъ за нимъ». Общество слагалось изъ дерущихся рабовъ, работающихъ рабовъ, служащихъ рабовъ. А чѣмъ же былъ верховный глава той гигантской бюрократіи, въ которую превратилось римское общество—чѣмъ былъ императоръ? Онъ былъ игрушкой преторіанцевъ, изъ охранной стражи превратившихся въ стражу тюремную. А кромѣ того, онъ былъ связанъ и рутиной. Гиббонъ говоритъ, что «императоръ былъ первымъ рабомъ этикета, имъ самимъ наложеннаго».

Digitized by Google

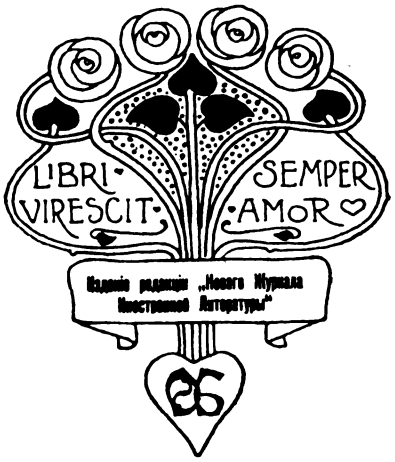
КОМИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

НОВЫЙ РОМАНЪ

АНАТОЛЯ ФРАНСА

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

ПЕРЕВОДЪ **С. С. МИРИМАНОВОЙ**



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

Digitized by Google

Digitized by Google

I.

Это было въ Одеонѣ, въ уборной актрисы. При свѣтѣ электрической лампы, Фелиси Нантейль, съ напудренной головой, подведенными глазами, нарумяненымъ лицомъ и набѣленной шеей и плечами, протягивала ногу г-жѣ Мишонъ, горничной, которая надѣвала ей маленькія черныя туфельки съ красными каблуками. Докторъ Трюбле, врачъ при театрѣ и большой пріятель актрисъ, приклонился своимъ лысымъ черепомъ къ подушкѣ дивана и, сложивъ руки на животѣ, скрестилъ свои короткія ноги. Онъ спрашивалъ:

— Что̀ еще чувствуете вы, дорогая моя?

— Какъ сказать!.. Удушіе... головокруженіе... Какой-то внезапный страхъ, какъ будто я умираю. Это тяжелѣе всего.

— Бываетъ у васъ иногда желаніе—смѣяться, плакать, такъ себѣ, безъ всякой видимой причины?

— Этого я не могу сказать... потому что въ жизни столько причинъ и для смѣха и для слезъ!..

— Подвержены вы нѣкоторому обману чувствъ?

— Нѣтъ... Но вообразите себѣ, докторъ, мнѣ кажется, что ночью я вижу кошку подъ мебелью, и кошка смотритъ на меня свѣтящимися глазами. Какъ это глупо!

— Не тужите, что вамъ снится кошка,—сказала г-жа Мишонъ:—это хорошій знакъ. Видѣть кошку значитъ получить въ подарокъ серебро.

— Но я не во снѣ вижу кошку! А совсѣмъ на яву.

Трюбле, занятый въ Одеонѣ всего разъ въ мѣсяцъ, приходилъ туда по сосѣдству почти каждый вечеръ. Онъ любилъ актрисъ, любилъ болтать съ ними, давалъ имъ совѣты и скромно пользовался ихъ довѣріемъ. Онъ обѣщалъ Фелиси написать тотчасъ же рецептъ.

— Дорогое дитя, мы полѣчимъ желудокъ, и вы больше не будете видѣть кошекъ подъ мебелью.

Г-жа Мишонъ зашнуровывала корсетъ. И докторъ, спокойный, но мрачный, смотрѣлъ, какъ стягивала она шнуры.

— Не хмурьте бровей, докторъ,—сказала Фелиси,—я никогда не затягиваюсь. Съ такой таліей, какъ у меня, это было бы глупо съ моей стороны.

И, вспомнивъ о своей лучшей подругѣ по театру, она добавила:

— Это хорошо для Фажеттъ, у которой нѣтъ ни плечъ, ни боковъ... Она вся прямая... Мишонъ, ты можешь еще немного подтянуть... Я знаю, докторъ, что вы врагъ корсетовъ. Не могу же я въ самомъ дѣлѣ одѣваться, какъ женщины-эстетки, которыя запутываютъ себя въ какую-то пелену... Просуньте вашу руку, вы увидите, что я не очень затягиваюсь.

Digitized by Google

Онъ оправдывался. Онъ говорилъ, что не былъ врагомъ корсетовъ, но осуждалъ только слишкомъ затянутыя таліи. Онъ сожалѣлъ, что женщины не имѣли ни малѣйшаго понятія о гармоніи линій и что онѣ приписывали тонкой таліи грацію и красоту, не понимая, что эта красота всецѣло заключается въ мягкихъ изгибахъ, посредствомъ которыхъ тѣло, послѣ своего роскошнаго расцвѣта въ груди, постепенно суживается подъ грудной клѣткой и затѣмъ во всемъ блескѣ выказываетъ себя при полномъ и спокойномъ расширеніи бедеръ.

— Талія, — сказалъ онъ, — талія, если ужъ нужно употребить это ужасное слово,—должна быть постепеннымъ, незамѣтнымъ и мягкимъ переходомъ между двумя гордостями женщины:—ея грудью и животомъ. А вы глупо сжимаете грудь, вдавливаете грудную полость, которая въ своей погибели влечетъ за собой грудь; вы сплющиваете себѣ ложныя ребра, вы дѣлаете надъ пупкомъ отвратительную борозду. Негритянки, которыя заостряютъ себѣ зубы и разрываютъ губы, чтобы продѣть деревянный дискъ, не такъ дико безобразятъ себя. Надо вѣдь сознаться, что не потеряна еще женская красота у созданія, которое продѣло кольцо въ носовые хрящи и губа котораго оттянута кружкомъ изъ краснаго дерева, величиною съ эту баночку помады. Но гибель тѣла становится полною, когда женщина разоряетъ свою красоту въ самомъ священномъ центрѣ своего могущества.

Поддерживая разговоръ о предметѣ, который постоянно мучилъ его, онъ сталъ излагать одну за другой всѣ уродливости скелета и мускуловъ, причиняемыхъ корсетомъ; онъ описывалъ ихъ ярко и наглядно, изображалъ ихъ мрачно и шутливо. Нантейль смѣялась, слушая его. Она смѣялась потому, что, какъ женщина, имѣла склонность смѣяться надъ физическими уродствами и несчастіями, и потому, что, примѣняя все къ своему артистическому мірку, она при каждой описанной докторомъ уродливости вспоминала какую-нибудь театральную подругу, которая рисовалась въ ея воображеніи въ карикатурномъ видѣ; она смѣялась потому еще, что, зная о своемъ восхитительномъ сложеніи, радовалась, представляя себѣ свое юное тѣло на-ряду со всѣми этими тѣлесными недостатками. Звонко смѣясь, она пошла по уборной къ доктору и потащила за собой г-жу Мишонъ; г-жа Мишонъ, держа шнуры корсета на подобіе возжей, имѣла видъ вѣдьмы, несущейся на шабашъ.

— Не двигайтесь же!—сказала она.

И она стала возражать, что деревенскія женщины, не носящія корсетовъ, еще сильнѣе изуродованы, чѣмъ городскія. Докторъ съ горечью упрекалъ западную цивилизацію за ея презрѣніе и непониманіе живой красоты и сожалѣлъ, что человѣчество поссорилось съ природой.

Въ дверь постучались; женскій голосъ закричалъ изъ коридора:

— Это я!

Фелиси, надѣвая свою розовую юбку, попросила доктора отворить дверь. Вошла г-жа Дульсъ; это была тяжеловѣсная особа, распустившая свое массивное тѣло, которое она умѣла такъ долго подтягивать на сценѣ и приспособлять къ достоинству благородныхъ матерей.

— Здравствуй, крошка. Здравствуйте, докторъ... Ты вѣдь знаешь, Фелиси, я не говорю комплиментовъ... Но я видѣла тебя вчера; я могу увѣрить тебя, что въ Матери-Наперсницѣ въ сценѣ «двухъ» у тебя есть очень хорошія мѣста, а ихъ исполнить не такъ-то легко.

Нантейль улыбнулась одними глазами, и, какъ всегда бываетъ, получивъ комплиментъ, она стала ждать другого.

Г-жа Дульсъ, побуждаемая молчаніемъ Нантейль, произнесла новыя похвалы:

— Да, мѣста великолѣпныя, мѣста, лично тобою созданныя.

— Вы находите, г-жа Дульсъ? Тѣмъ лучше! Потому что я не совсѣмъ хорошо чувствую эту роль. А потомъ

Digitized by Google

эта огромная Перрэнъ лишаетъ меня всѣхъ моихъ способностей.

— Однако, крошка, ты совсѣмъ вошла въ роль Анжелики. Только помни, что я тебѣ говорила: немного сдержанныя движенія, почти неподвижный станъ. Это тайна всѣхъ инженю. Остерегайся своей прелестной природной гибкости. На сценѣ молодыя дѣвушки должны быть немножко куклами. Въ этомъ есть стиль. Костюмъ требуетъ этого. Такъ вотъ на что должна ты, Фелиси, обращать прежде всего вниманіе, когда играешь въ Матери-Наперсницѣ, въ этой прелестной пьесѣ...

Фелиси прервала ее:

— Для меня, вы знаете, была бы хорошая роль, а что касается пьесы, мнѣ дѣла нѣтъ. А потомъ, я не очень-то люблю Мариво... Вы смѣетесь, докторъ? Развѣ я сказала глупость? Мать-Наперсница—не Мариво?

— Ну да.

— Почему же тогда?.. Вы всегда хотите меня сбить... Я говорила уже, что эта Анжелика меня раздражаетъ. Мнѣ хотѣлось бы чего-нибудь болѣе выдающагося, чего-нибудь болѣе бросающагося въ глаза... Сегодня вечеромъ въ особенности моя роль выводитъ меня изъ себя.

— Это доказываетъ только, что ты сыграешь ее очень хорошо, крошка,— сказала г-жа Дульсъ.

И она стала изрекать:

— Мы всегда лучше входимъ въ роль, когда исполняемъ ее насильно и противъ желанія. Я могу привести вамъ много примѣровъ. Да я сама въ Маркитанткѣ Аустерлица привела въ изумленіе весь зрительный залъ своимъ весельемъ, между тѣмъ мнѣ только-что сказали, что мой бѣдный Дульсъ, этотъ веселый артистъ и добрый мужъ, былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ въ оркестрѣ оперы; онъ упалъ, какъ разъ въ то время, какъ бралъ свой корнетъ-а-пистонъ.

— Почему непремѣнно хотятъ, чтобы я играла однѣхъ только инженю?— спросила Нантейль, желавшая играть кокетокъ и вообще всѣ роли.

— Это понятно,—продолжала свое г-жа Дульсъ. Драматическое искусство — искусство подражанія; подражаютъ же лучше всего тому, чего сами не испытываютъ.

— Не вводите себя въ заблужденіе, дитя мое,—сказалъ докторъ, обращаясь къ Фелиси. Если кто по природѣ инженю, тотъ останется ею навсегда. Рождаются Анжеликами или Доринами, Целименами или г-жами Пернелль. Въ театрѣ однѣмъ всегда двадцать лѣтъ, другимъ — тридцать, третьимъ — шестьдесятъ... Вамъ, мадемуазель Нантейль, вамъ всегда будетъ шестнадцать лѣтъ, и вы всегда будете инженю.

— Я очень довольна своимъ амплуа,—отвѣтила Нантейль,—но вы не можете требовать, чтобы я съ одинаковымъ удовольствіемъ исполняла всѣ роли инженю. Напримѣръ, есть роль, которую я очень желала бы сыграть, это—Агнесу въ Школѣ женъ.

При одномъ имени Агнесы, докторъ, очарованный, пробормоталъ изъ своихъ подушекъ:

— Неужели въ глазахъ моихъ столько зла, что они вносятъ его въ міръ.

— Агнеса! какая прекрасная роль!— воскликнула Нантейль. Я просила ее у Праделя.

Прадель, директоръ театра, былъ прежде актеромъ. Осторожный и добродушный, онъ не впадалъ въ заблужденія и не задавался слишкомъ высокими надеждами. Онъ любилъ покой, книги и женщинъ. Нантейль могла чувствовать къ нему одну только благодарность, и она говорила о немъ безъ злорадства, съ чистосердечной свободой.

— Онъ былъ гнусенъ, отвратителенъ, мерзокъ! — сказала она: — онъ отказалъ мнѣ роль Агнесы и далъ ее Фалампэнъ. Нужно, впрочемъ, признаться, что я не просила ея, какъ слѣдуетъ. Между тѣмъ Фалампэнъ знаетъ, какъ подойти... я ручаюсь вамъ за нее, ну, да мнѣ все равно: если Прадель не дастъ мнѣ играть Агнесу,

Digitized by Google

я пущу его въ трубу: и его, и его грязный «Гиньоль!» [1]).

Г-жа Дульсъ продолжала расточать никѣмъ не слушаемыя поученія. Заслуженная актриса, но состарѣвшаяся, обтрепавшаяся, больше никѣмъ не ангажируемая, она давала совѣты дебютанткамъ, писала за нихъ письма и получала такимъ образомъ возможность хоть одинъ разъ въ день поѣсть, утромъ или вечеромъ.

Въ то время, какъ г-жа Мишонъ повязывала Фелиси черную бархатку на шею, сама Фелиси спрашивала Трубле:

— Вы говорите, докторъ, что головокруженія у меня отъ желудка: вы увѣрены въ этомъ?

Прежде чѣмъ Трубле смогъ отвѣтить, г-жа Дульсъ воскликнула, что головокруженія происходятъ всегда отъ желудка, и что она сама, спустя два или три часа послѣ ѣды, чувствуетъ болѣзненныя вздутія въ своемъ животѣ. Потомъ она попросила у доктора средства отъ нихъ.

Между тѣмъ Фелиси, всегда способная на размышленіе, раздумывала; вдругъ она воскликнула:

— Докторъ, мнѣ хочется задать вамъ вопросъ. Можетъ быть, вы найдете страннымъ... но мнѣ хотѣлось бы знать... Если вы знаете все, что̀ есть въ тѣлѣ, если видѣли все, что̀ есть внутри насъ, васъ по временамъ не стѣсняетъ быть съ женщинами? Мнѣ кажется, имѣя понятіе о всемъ этомъ, должно быть противно...

Трюбле, изъ глубины своихъ подушекъ, послалъ поцѣлуй Фелиси.

— Дорогая моя, нѣтъ ткани тоньше, богаче и прекраснѣе, чѣмъ кожа хорошенькой женщины. Я только-что говорилъ себѣ это, любуясь вашимъ затылкомъ; и вы легко поймете, что подъ вліяніемъ этого...

Она сдѣлала ему презрительную гримаску.

— Развѣ вы думаете, что это умно— отвѣчать глупостями на серіозный вопросъ?

— Хорошо, мадемуазель, я дамъ вамъ поучительный отвѣтъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, у насъ, въ госпиталѣ Сенъ-Жозефъ, въ залѣ для вскрытія былъ старый сторожъ — пьяница, нѣкій дѣдушко Руссо. Ежедневно, въ одиннадцать часовъ утра, онъ завтракалъ на краю того стола, гдѣ былъ распростертъ трупъ. Онъ завтракалъ потому, что былъ голоденъ. Тѣмъ, кто голоденъ, ничто не мѣшаетъ ѣсть, если у нихъ есть что-нибудь для ѣды. Но только дѣдушка Руссо говорилъ: «Не знаю ужъ, воздухъ зала тому причиной, но я ничего не могу ѣсть кромѣ свѣжихъ и возбуждающихъ аппетитъ вещей».

— Я понимаю.—сказала Фелиси:— вамъ нужны маленькія продавщицы букетовъ... Это запрещено, вы знаете... Но вы сидите тамъ, какъ турокъ, и не думаете прописывать мнѣ рецепта.

Она спросила его:

— Гдѣ же на самомъ дѣлѣ желудокъ?

Дверь оставалась пріотворенной. Очень красивый и элегантный молодой человѣкъ толкнулъ ее и, сдѣлавъ два шага по уборной, мило спросилъ, можетъ ли онъ войти.

— Вы?—воскликнула Нантейль.

И она протянула ему руку, которую онъ поцѣловалъ корректно, но съ радостью и самодовольствомъ.

Безъ особаго вниманія поздоровался онъ съ г-жею Дульсъ и потомъ спросилъ:

— Какъ поживаете, докторъ Сократъ?

Такъ называли иногда Трюбле за его курносое лицо и острый язычекъ.

Трюбле сказалъ, показывая ему на Нантейль.

— Г. де-Линьи, вотъ юная особа, которая не знаетъ навѣрное, есть ли у нея желудокъ. Вопросъ важный. Мы совѣтуемъ ей обратиться за отвѣтомъ къ маленькой дѣвочкѣ, которая ѣла слишкомъ много сладостей. Ея мама говорила ей: «У тебя будетъ болѣть животикъ». А она отвѣчала: «Это только дамы имѣютъ животы; у маленькихъ дѣвочекъ ихъ нѣтъ.

[1]) Театръ въ родѣ нашего «Петрушки».

Digitized by Google

— Господи, какъ вы глупы, докторъ!—воскликнула Нантейль.

— Ахъ, если бы слова ваши были истиной, мадемуазель!—возразилъ докторъ. Глупость—это даръ, ведущій къ счастію. Это высшее довольство. Это первѣйшее благо въ просвѣщенномъ обществѣ.

— Вы парадоксальны, милѣйшій докторъ,—замѣтилъ г. де-Линьи. Но я согласенъ съ вами, что лучше быть глупымъ, какъ всѣ, чѣмъ быть умнымъ, какъ никто.

— Совершенно вѣрно то, что̀ онъ говоритъ, Роберъ!—воскликнула Нантейль, въ порывѣ откровенности, вся проникнутая сказаннымъ.

И она прибавила задумчивымъ тономъ:

— Одно тутъ вполнѣ вѣрно, докторъ, это, что глупость мѣшаетъ часто дѣлать глупости. Я много разъ замѣчала это. Среди всѣхъ мужчинъ или женщинъ не самые глупые поступаютъ наиглупѣйшимъ образомъ. Напримѣръ, есть умныя женщины, которыя глупы съ мужчинами.

— Вы говорите о тѣхъ, которыя не могутъ обходиться безъ нихъ.

— Отъ тебя, мой маленькій Сократъ, нельзя ничего скрыть.

— Охъ! — вздохнула огромная Дульсъ,—какое ужасное рабство! Всякая женщина, не владѣющая своими чувствами, потеряна для искусства.

Нантейль пожала своими хорошенькими плечиками, нѣсколько угловатыми еще вслѣдствіе молодости.

— Ой, ой! старая бабушка, не пробуйте лишать разума маленькихъ людей. Что̀ за идеи у васъ! Развѣ въ ваше время актрисы владѣли своими... какъ это вы сказали? Подите вы: онѣ вовсе не владѣли ими.

Замѣтя, что Нантейль начинаетъ выходить изъ себя, огромная Дульсъ осторожно, но не безъ достоинства удалилась, однако, въ коридорѣ она дала еще одинъ совѣтъ:

— Помни, крошка, что нужно играть Анжелику подъ видомъ нераспустившейся розы. Того требуетъ роль.

Но раздраженная Нантейль не слушала ея.

— Правда, — сказала она, садясь передъ туалетнымъ столикомъ, — эта старая Дульсъ выводитъ меня изъ себя своими нравоученіями! Она воображаетъ, что ея исторіи позабыты. Всѣ помнятъ ихъ; всѣ знаютъ, какъ она довела своего мужа-музыканта до такого истощенія, что онъ упалъ разъ вечеромъ на свой корнетъ-а-пистонъ. А Монглорье, самый лучшій актеръ Амбигю, а Климъ, комикъ Палэ-Рояль, а Петрель, король продавцевъ билетовъ? Чуть ли не въ два года она довела ихъ до послѣдняго издыханія, сдѣлала изъ нихъ тѣни. Вотъ какъ она владѣла ими, своими... А если бы кто пришелъ къ ней и сказалъ, что она потеряна для искусства!..

Докторъ Трюбле протянулъ къ Нантейль свои раскрытыя руки, желая этимъ какъ бы остановить ее.

— Не возмущайтесь, дитя мое. Г-жа Дульсъ искренна. Она любила мужчинъ, теперь же она любитъ Бога. Любятъ то, что̀ могутъ, любятъ, какъ могутъ, и по тѣмъ средствамъ, которыя имѣютъ. Она стала цѣломудренна и набожна въ надлежащій возрастъ. Она соблюдаетъ всѣ религіозные обычаи: она ходитъ къ обѣднѣ по воскресеніямъ и праздникамъ и т. д.

— Что̀ жъ, она права, что ходитъ въ церковь, — объявила Нантейль. Мишонъ, зажги свѣчку, нужно разогрѣть румяна. Мнѣ снова нужно подкрасить губы... Конечно, она права, что ходитъ въ церковь. Но религія не запрещаетъ имѣть любовника.

— Вы полагаете? — спросилъ докторъ.

— О, я знаю лучше, чѣмъ вы, свою религію, увѣряю васъ!

Зазвонилъ унылый колокольчикъ, и жалобный голосъ сценаріуса раздался по проходамъ:

— Маленькая пьеса окончена!..

Нантейль поднялась и продѣла черезъ руку бархатку со стальнымъ медальономъ.

Г-жа Мишонъ, на колѣняхъ, уладживала три складки Вато на розовомъ

Digitized by Google

платьѣ, и съ полнымъ ртомъ булавокъ, кончикомъ губъ, она высказала слѣдующее изреченіе:

— Единственно хорошее въ старости, это то, что мужчины не заставляютъ тебя больше страдать.

Роберъ де-Линьи вынулъ сигаретку изъ своей папиросницы:

— Вы позволяете?..

И онъ приблизился къ свѣчкѣ, горѣвшей на туалетномъ столѣ.

Нантейль, не сводившая съ него глазъ, видѣла, какъ подъ рыжими и легкими, какъ пламя, усами, покраснѣвшія отъ огня губы вдохнули и выпустили дымъ. Она почувствовала, какъ жаръ проникъ ей въ уши. Дѣлая видъ, что ищетъ свои драгоцѣнности, она притронулась губами къ шеѣ де-Линьи и прошептала ему:

— Жди меня послѣ спектакля въ фіакрѣ на углу улицы Турнонъ.

Въ эту минуту по коридору раздался шумъ отъ голосовъ и шаговъ. Актеры, игравшіе въ маленькой пьесѣ, проходили въ свои уборныя.

— Докторъ, передайте мнѣ вашу газету.

— Она ужасно скучная, мадемуазель.

— Все равно, дайте.

Она взяла ее и стала держать надъ головой на подобіе абажура.

— Свѣтъ рѣжетъ мнѣ глаза.

Дѣйствительно слишкомъ яркій свѣтъ причинялъ ей иногда мигрень. Но тутъ она только-что посмотрѣлась въ зеркало. Съ синими вѣками, съ подведенными чернымъ карандашемъ рѣсницами, съ подкрашенными щеками, съ губами, вырисованными краснымъ сердечкомъ, она находила, что похожа на раскрашеннаго мертвеца со стеклянными глазами, и не хотѣла, чтобы Линье видѣлъ ее такою.

Пока она держала свое лицо подъ тѣнью, въ уборную, переваливаясь съ ноги на ногу, вошелъ высокій и худой молодой человѣкъ. Его темные глаза скашивались надъ носомъ, похожимъ на вороній клювъ; ротъ его застылъ въ неподвижномъ смѣхѣ, на его длинной шеѣ кадыкъ бросалъ большую тѣнь на брыжжи. Онъ былъ въ костюмѣ судебнаго пристава.

— Это вы, Шевалье? Здравствуйте, дорогой мой,—весело сказалъ докторъ Трюбле, любившій актеровъ, предпочитавшій плохихъ и выказывавшій особенное расположеніе къ Шевалье.

— Что же это: теперь ужъ всѣ тутъ! — воскликнула Нантейль. Это не уборная, а мельница.

— Въ такомъ случаѣ, привѣтъ мой мельничихѣ, — сказалъ Шевалье. Вообразите себѣ, въ зрительномъ залѣ масса идіотовъ. Вы мнѣ не вѣрите? Они меня освистали.

— Это еще не причина, чтобы входить, не постучавшись, — отвѣтила ворчливо Нантейль.

Докторъ замѣтилъ, что г. де-Линьи оставилъ дверь открытой. Тогда Нантейль съ тономъ мягкаго упрека обратилась къ Линьи:

— Въ самомъ дѣлѣ, это вы виноваты! Да, но когда входишь, нужно закрывать дверь для другихъ: это первоначальное правило.

И она завернулась въ плащъ изъ бѣлой фланели.

Сценаріусъ вызвалъ актрисъ на сцену.

Она взяла руку, которую протянулъ ей Линьи, и, ощупавъ пальцами кисть, надавила ногтемъ то мѣсто, гдѣ кожа, у венъ, всего нѣжнѣе. Потомъ она исчезла въ темномъ корридорѣ.

II.

Шевалье, переодѣвшись въ обыкновенный костюмъ, усѣлся въ ложѣ бенуара, рядомъ съ г-жею Дульсъ. Онъ любовался Фелиси, которая казалась маленькой, далекой на сценѣ. И, вспомнивъ, что онъ держалъ ее въ объятіяхъ въ мансардѣ на улицѣ Мартиръ, онъ плакалъ отъ горя и бѣшенства.

Они встрѣтились въ прошломъ году на праздникѣ, данномъ подъ покровительствомъ депутата Лекюрэль въ пользу бѣдныхъ актеровъ девятаго округа. Онъ ходилъ вокругъ нея, молчаливый, страстно жаждущій, съ сверкающими глазами. И въ продол-

Digitized by Google

женіе двухъ недѣль онъ преслѣдовалъ ее, не давая отдыха. Она, холодная, спокойная, казалось, не замѣчала его; потомъ она уступила сразу и такъ внезапно, что въ тотъ же день, когда онъ, радостный и все еще удивленный, покидалъ ее, онъ сказалъ глупость. Онъ сказалъ ей: «А я,—я думалъ, что ты фарфоровая!...» Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ онъ испытывалъ радости, острыя, какъ боль. Потомъ Фелиси стала избѣгать его, отдаляться и чуждаться. Теперь она больше не любила его. Онъ искалъ причину этого и не могъ найти. Онъ страдалъ, что пересталъ быть любимымъ; онъ страдалъ еще больше отъ ревности. Конечно, онъ не сомнѣвался въ первое и прекрасное время своей любви, что у Фелиси есть любовникъ, нѣкій Жирмандель, судебный приставъ на улицѣ Прюванса; и онъ чувствовалъ себя несчастнымъ; но такъ какъ онъ никогда не встрѣчалъ его, онъ составилъ о немъ такое неясное и плохо опредѣленное представленіе, что его ревность терялась въ безпредѣльности. Фелиси говорила ему, что давно ужъ, нѣсколько мѣсяцевъ, Жирмандель былъ для нея только другомъ, и онъ вѣрилъ ей. Наконецъ, онъ обманывалъ судебнаго пристава и съ радостью ощущалъ это преимущество. Онъ узналъ также, что Фелиси, заканчивающая второй годъ въ консерваторіи, не отказалась отдаться своему профессору. Но горе, которое онъ испыталъ, было отягчено тѣмъ обстоятельствомъ, что это былъ священный вѣковой обычай. Теперь Роберъ де-Линьи причинялъ ему невыносимыя страданія. Съ нѣкотораго времени онъ постоянно находилъ его около нея. Что она любила Робера, онъ не могъ сомнѣваться. И если временами онъ думалъ, что она не отдалась еще этому человѣку, то это не было ни на чемъ основано, а облегчало только время отъ времени его мученіе.

Громкіе апплодисменты раздались изъ глубины театра, и нѣсколько господъ, сидящихъ въ оркестрѣ, съ шопотомъ одобренія на губахъ, апплодировали медленно и беззвучно. Нантейль только-что подала послѣднюю реплику Жаннѣ Перрэнъ.

— Браво! Браво! Эта крошка прелестна,—вздохнула г-жа Дульсъ.

Яростно ревнуя, Шевалье оказался плохимъ товарищемъ. Онъ поднялъ палецъ ко лбу.

— Она играетъ этимъ.

Потомъ, прикладывая руку къ сердцу, онъ сказалъ:

— Вотъ этимъ нужно играть.

— Мерси, дорогой мой, мерси! — проговорила г-жа Дульсъ, усматривая въ этихъ изреченіяхъ явную себѣ похвалу.

Въ самомъ дѣлѣ, она говорила, что играетъ только тогда хорошо, когда играетъ сердцемъ; она держалась того мнѣнія, что для сильнаго выраженія страсти нужно ее испытать, и что нужно прочувствовать тѣ впечатлѣнія, которыя хочешь передать. Она охотно приводила себя въ примѣръ. Играя роль трагической королевы, она послѣ того какъ выпила на сценѣ кубокъ съ ядомъ, цѣлую ночь чувствовала, что ея внутренности въ огнѣ. Она говорила точно также: «Драматическое искусство—искусство подражанія, а подражаешь лучше всего какому-нибудь чувству тогда, когда самъ не испытываешь его». И чтобы иллюстрировать свое положеніе, она снова находила примѣры въ своей побѣдоносной карьерѣ.

Она испустила глубокій вздохъ:

— Эта крошка удивительно одарена. Но она достойна сожалѣнія: она живетъ въ плохія времена. Нѣтъ больше публики, нѣтъ критики, нѣтъ пьесъ, нѣтъ театровъ, нѣтъ артистовъ! Полный упадокъ искусства!

Шевалье покачалъ головой.

— Не жалѣйте ея; она будетъ имѣть все, что можно желать: и успѣхъ, и счастіе. Она проныра. Пронырливостью достигаютъ всего. Между тѣмъ, сердечнымъ людямъ остается только навязать себѣ камень на шею и броситься въ рѣку. Но я тоже, я пойду далеко, я тоже подымусь высоко. Я тоже сдѣлаюсь пронырой.

Онъ всталъ и вышелъ, не дожидаясь конца представленія. Онъ не

Digitized by Google

поднялся въ уборную Фелиси, изъ боязни встрѣтить тамъ Линьи, видъ котораго былъ ему невыносимъ, и еще потому, что могъ утѣшать себя мыслію, что и Линьи не зашелъ туда.

Онъ ощущалъ физически безпокойство, удаляясь отъ нея; пять или шесть разъ прошелся онъ по потушеннымъ и опустѣвшимъ переходамъ Одеона, наконецъ, въ темнотѣ сошелъ съ лѣстницы и направился на улицу Медичи. Кучера, ожидая конца представленія, дремали на козлахъ; и надъ вершинами платановъ луна скользила въ облакахъ. Въ эту ночь, какъ и въ другія, онъ, хватаясь за остатокъ нелѣпой, но сладкой надежды, пошелъ къ матери Филиси, надѣясь дождаться ее тамъ.

III.

Г-жа Нантейль, вмѣстѣ съ дочерью, занимала въ пятомъ этажѣ одного изъ домовъ бульвара Сенъ-Мишель маленькую квартирку, окна которой выходили на Люксембургскій садъ. Она приняла Шевалье доброжелательно, чувствуя къ нему признательность за его любовь къ дочери, хотя и знала, что онъ не любимъ ею; по той же причинѣ она не считала его любовникомъ дочери. Она усадила его подлѣ себя въ столовой, гдѣ въ печкѣ горѣлъ коксъ. На стѣнѣ боевые револьверы, сабли съ темляками и золотыми кисточками блестѣли при свѣтѣ лампы вокругъ женской кирассы, украшенной на груди круглыми щитками изъ бѣлой жести. Предъидущую зиму, Фелиси, будучи еще ученицей консерваторіи, надѣвала на себя это вооруженіе, чтобы изображать Жанну Даркъ у одной герцогини-спиритки. Вдова офицера и мать актрисы, г-жа Нантейль, или г-жа Нанто, какова была настоящая ея фамилія, сохраняла всѣ эти трофеи.

— Фелиси еще не вернулась, г. Шевалье. Я не жду ея раньше полуночи. Она занята на сценѣ до самаго конца спектакля.

— Я знаю это: я игралъ въ первой пьесѣ. Я ушелъ изъ театра послѣ монолога въ Матери-Наперсницѣ.

— Ахъ, г. Шевалье, почему не остались вы до конца? Дочь моя была бы очень рада, если бы вы остались. Когда играешь, пріятно имѣть друзей въ зрительномъ залѣ.

Шевалье отвѣтилъ двусмысленно:

— О, друзей?.. въ нихъ нѣтъ недостатка.

— Вы ошибаетесь, г. Шевалье: хорошіе друзья рѣдки. Г-жа Дульсъ была, безъ сомнѣнія, тамъ? Что, осталась она довольна Фелиси?

И она очень скромно добавила:

— Я въ самомъ дѣлѣ была бы счастлива, если бы она имѣла успѣхъ. Ужасно трудно преуспѣвать въ своемъ дѣлѣ, когда ты одна, безъ поддержки, безъ протекціи! А ей, моей бѣдной крошкѣ, очень нужно имѣть успѣхъ!

Шевалье не былъ склоненъ жалѣть Фелиси. Онъ рѣзко сказалъ, пожавъ плечами:

— О, не безпокойтесь! Она будетъ имѣть успѣхъ. Она комедіантка въ душѣ. У нея театръ во всемъ тѣлѣ. У нея онъ въ ногахъ.

Г-жа Нантейль слабо улыбнулась.

— Бѣдное дитя! Ея ноги не очень-то толсты. У Фелиси не плохое здоровье, но ей не слѣдуетъ утомляться. У нея часто бываютъ головокруженія и мигрени.

Прислуга поставила на столъ блюдо съ колбасой, бутылку и тарелки.

Между тѣмъ Шевалье подыскивалъ въ умѣ предлогъ, какъ бы получше задать вопросъ, который напрашивался у него на языкъ еще внизу лѣстницы. Ему хотѣлось знать, продолжала ли Фелиси посѣщать Жирманделя, о которомъ онъ съ нѣкотораго времени ничего не слыхалъ. Мы создаемъ себѣ желанія, сообразно нашему состоянію духа. Теперь, въ злочастномъ своемъ существованіи, въ своемъ сердечномъ томленіи, онъ горячо желалъ, чтобы Фелиси, не любившая его, любила Жирманделя, котораго она любила не особенно, и вся его надежда заключалась въ томъ, чтобы Жирмандель имѣлъ ее для себя, взялъ бы ее всю и не оставилъ бы ничего отъ нея на долю Робера де-Линьи. Мысль, что молодая дѣвушка

Digitized by Google

была съ Жирманделемъ, успокаивала его ревность, и онъ боялся услышать, что она бросила судебнаго пристава.

Конечно, никогда не будетъ дозволено спрашивать мать о любовникахъ ея дочери. Но можно было говорить о Жирманделѣ съ г-жею Нантейль, которая ничего кромѣ почетнаго не находила въ своихъ семейныхъ сношеніяхъ съ государственнымъ чиновникомъ, богатымъ и женатымъ человѣкомъ, отцомъ двухъ прелестныхъ дочерей. Нужно было только употребить маленькую хитрость, чтобы ввернуть въ разговорѣ имя судебнаго пристава; Шевалье нашелъ предлогъ, который показался ему остроумнымъ.

— Кстати, — сказалъ онъ, — я встрѣтилъ Жирманделя: онъ ѣхалъ въ экипажѣ.

Г-жа Нантейль не сказала ни слова.

— Онъ проѣзжалъ въ фіакрѣ по бульвару Сенъ-Мишель. Я тотчасъ же узналъ его. Было бы удивительно, если бы это былъ не онъ.

Г-жа Нантейль не сказала ни слова.

— Его бѣлокурая борода, его красное лицо... Жирманделя можно легко узнать.

Г-жа Нантейль не сказала ни слова.

— Вы и Фелиси въ былыя времена были очень близки съ нимъ. Продолжаете вы съ нимъ видѣться?

Г-жа Нантейль слабо отвѣтила:

— Г. Жирманделя? Да, мы продолжаемъ съ нимъ видѣться...

При этихъ словахъ успокоенный Шевалье чуть не улыбнулся. Но она обманула его: она не сказала правды. Она солгала изъ самолюбія и чтобы не раскрыть семейной тайны, которая, по ея мнѣнію, не дѣлала чести ея дому. Было правда то, что, въ своемъ страшномъ порывѣ къ Линьи, Фелиси бросила Жирманделя внезапно; и судебный приставъ, который все же былъ человѣкомъ общества, прекратилъ сношенія, не пытаясь даже объясниться. Г-жа Нантейль, въ свои годы, вслѣдствіе материнской любви и чтобы дочь ея не нуждалась, взяла себѣ любовника. Она возобновила старую связь съ Тони Мейеръ, торговцемъ картинъ на улицѣ Клише. Тони Мейеръ не особенно выгодно замѣнилъ Жирманделя, онъ давалъ мало денегъ; но г-жа Нантейль, какъ человѣкъ благоразумный, знала цѣну вещамъ: она не сказала ни слова и была вознаграждена за свою самоотверженность тѣмъ, что за эти шесть недѣль, какъ ее снова полюбили, она помолодѣла.

Шевалье, преслѣдуя свою мысль, спросилъ:

— Жирмандель ужъ не молодъ?

— Онъ не старъ, — сказала г-жа Нантейль. Мужчина не старъ еще въ сорокъ лѣтъ.

— Но развѣ онъ не слабый?

— Да, — отвѣтила г-жа Нантейль спокойно.

Погруженный въ думы, Шевалье замолчалъ. Г-жа Нантейль задремала. Потомъ, выведенная изъ своего сонливаго состоянія прислугой, которая принесла солонку и графинъ, она спросила:

— А вы, г. Шевалье, довольны?

Нѣтъ, онъ не былъ доволенъ. Критики сговорились извести его. И вотъ доказательство, что они соединились противъ него: они всѣ говорятъ одно и то же; они говорятъ, что у него неблагодарная наружность.

— Неблагодарная наружность! — воскликнулъ онъ, возмущенный,—они должны были бы сказать: предъизбранная наружность... Я вамъ скажу, г-жа Нантейль! я вижу все возвышенно, это-то и вредитъ мнѣ. Такъ въ пьесѣ Ночь на 23-е октября, которую репетируютъ теперь, я играю Флорентина, шесть репликъ—мерзкая роль... Но я необычайно возвышаю дѣйствующее лицо. Дюрвиль бѣсится. Онъ парализуетъ всѣ мои эффектныя мѣста.

Кроткая и доброжелательная, г-жа Нантейль нашла слова утѣшенія. Всегда есть препятствія, но въ концѣ концовъ они преодолѣваются. Ея дочь тоже наткнулась на плохое отношеніе нѣкоторыхъ критиковъ.

— Половина перваго! — сказалъ Шевалье, сдѣлавшись мрачнымъ. Фелиси запоздала.

Г-жа Нантейль полагала, что ее задержала г-жа Дульсъ.

Digitized by Google

— Г-жа Дульсъ беретъ на себя обыкновенно трудъ проводить ее, а вы знаете, что она никогда не торопится.

Шевалье поднялся и, желая показать, что знаетъ, какъ обращаться въ свѣтѣ, сдѣлалъ видъ, что уходитъ.

— Останьтесь: Фелиси не замедлитъ вернуться. Она будетъ очень рада встрѣтить васъ здѣсь. Вы поужинаете съ ней.

Г-жа Нантейль снова задремала на своемъ стулѣ. Шевалье, молчаливый, не сводилъ глазъ съ часовъ, повѣшенныхъ на стѣнѣ, и, по мѣрѣ того, какъ стрѣлка подвигалась по циферблату, онъ чувствовалъ, какъ жгучая рана росла въ его груди; и каждое маленькое качаніе маятника задѣвало его за живое, поджигало его ревность, отмѣчая секунды, которыя Нантейль проводила съ Линьи. Да, онъ былъ увѣренъ теперь, что они были вмѣстѣ. Ночная тишина, прерываемая только глухимъ шумомъ фіакровъ, проѣзжавшихъ по бульвару, благопріятствовала для созданія картинъ, которыя мучили его. Онъ видѣлъ ихъ.

Внезапно разбуженная пѣніемъ, доносившимся съ тротуара, г-жа Нантейль подтвердила мысль, на которой она заснула.

— Я всегда говорила Фелиси: не надо падать духомъ. Въ жизни есть всегда плохія времена.

Шевалье знакомъ подтвердилъ, что есть.

— Но тѣ, кто страдаютъ,—сказалъ онъ,—имѣютъ то, что̀ заслуживаютъ. Одного мгновенія достаточно, чтобы избавиться отъ всѣхъ этихъ печалей, не правда ли?

Она согласилась: конечно, бываютъ внезапныя удачи, въ особенности въ театрѣ.

Онъ началъ снова глубокимъ, внутреннимъ голосомъ:

— Если кто думаетъ, что я изъ-за театра порчу кровь... Театръ... я вполнѣ увѣренъ, что рано или поздно онъ признаетъ меня, да еще какъ!.. Но на что̀ человѣку быть великимъ артистомъ, когда онъ несчастливъ? Есть глупыя несчастія, которыя ужасны... печали, которыя ударяютъ тебя въ лобъ маленькими постоянными и одинаковыми ударами, какъ тикъ-такъ маятника, и которыя сводятъ съ ума.

Онъ остановился; мрачный взглядъ его впавшихъ глазъ уставился на доспѣхахъ, висѣвшихъ на стѣнѣ. Потомъ онъ продолжалъ:

— Эти глупыя несчастія, эти смѣшныя печали, тотъ, кто ихъ переноситъ слишкомъ долго, тотъ—трусъ.

И онъ ощупалъ чехолъ револьвера, который постоянно носилъ въ карманѣ.

Г-жа Нантейль слушала его, спокойная и съ тѣмъ сладкимъ желаніемъ—ничего не знать, которое было свойственно ей всю жизнь.

— Ужасная тоже вещь,—сказала она,—это—кухня. Фелиси опротивѣло все. Не знаешь, что̀ приготовить ей.

Съ этого момента вялый разговоръ поддерживался несвязными фразами, которыя имѣли мало смысла. Г-жа Нантейль, прислуга, горѣвшій коксъ, лампа, тарелка съ колбасой, погруженные въ мрачную грусть, ждали Фелиси. Былъ часъ ночи. Страданіе Шевалье было теперь безмѣрное, но спокойное. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ. Болѣе рѣдкіе экипажи съ бо̀льшимъ гуломъ катились по мостовой. Грохотъ одного изъ этихъ экипажей прекратился передъ домомъ. Нѣсколько мгновеній спустя онъ услыхалъ слабый шумъ отъ ключа въ замкѣ, стукъ двери, легкіе шаги въ передней.

Часы показывали двадцать три минуты второго. Внезапно его охватило волненіе и надежда. Это была она! Кто знаетъ, что̀ скажетъ она? Можетъ быть, она объяснитъ свое запозданіе самымъ обыкновеннымъ образомъ.

Фелиси вошла въ столовую. Съ растрепанными волосами, горящими глазами, блѣдными щеками и яркими, но помятыми губами, она, молчаливая, счастливая, хорошенькая, имѣла видъ, что подъ своимъ плащемъ, который она придерживала обѣими руками, сохранила остатокъ огня и сладострастія.

Ея мать сказала ей:

Digitized by Google

— Я начинала безпокоиться... Ты не раздѣваешься?

Она отвѣтила:

— Я голодна.

Она опустилась на стулъ передъ маленькимъ круглымъ столикомъ. Отбросивъ на спинку свой плащъ, она обнаружила свой тонкій бюстъ, обтянутый чернымъ платьемъ пансіонерки; положивъ лѣвый локоть на клеенку стола, она стала вилкой колоть ломтики колбасы.

— Что̀, хорошо сошло сегодня?— спросила г-жа Нантейль.

— Очень хорошо.

— Вотъ видишь? Шевалье пришелъ провести съ тобой вечеръ. Право, какъ это мило съ его стороны!

— А, Шевалье! Что̀ жъ! пускай садится за столъ.

И, не отвѣчая больше на вопросы матери, она, голодная и прелестная, какъ Церера у старой женщины, начала ѣсть. Потомъ она отодвинула тарелку и, опрокинувшись на стулъ, съ полузакрытыми вѣками и пріоткрытымъ ртомъ, улыбнулась улыбкой, похожей на поцѣлуй.

Г-жа Нантейль, выпивъ свое теплое вино, встала.

— Вы извините меня, г. Шевалье: мнѣ нужно свести счеты.

Въ такихъ выраженіяхъ она объявляла обыкновенно, что уходитъ спать.

Оставшись одинъ на одинъ съ Фелиси, Шевалье сказалъ ей съ силою:

— Это глупо! это низко! но я люблю тебя до сумасшествія... Ты слышишь, Фелиси?

— Конечно, слышу! Ты можешь и не говорить такъ громко.

— Правда, это смѣшно?

— Нѣтъ, это не смѣшно, это...

Она не докончила.

Онъ подошелъ къ ней, таща за собой стулъ.

— Ты вернулась въ двадцать пять минутъ второго! Это Линьи проводилъ тебя, я увѣренъ въ этомъ. Онъ проводилъ тебя въ фіакрѣ. Я слышалъ, какъ экипажъ остановился передъ твоимъ домомъ.

Такъ какъ она не отвѣчала, онъ продолжалъ:

— Скажи, что не такъ!

Она молчала. И онъ повторялъ настойчиво, какъ бы умоляющимъ голосомъ.

— Скажи: нѣтъ!..

Если бы она хотѣла, то однимъ выраженіемъ, однимъ словомъ, незначительнымъ жестомъ головы и плечъ, она сдѣлала бы его нѣжнымъ и почти счастливымъ. Но она хранила злобное молчаніе. Съ сжатыми губами, съ взглядомъ, устремленнымъ въ даль, она, казалось, была погружена въ мечтаніе.

Онъ испустилъ хриплый вздохъ.

— Какой же я былъ дуракъ: я и не подумалъ объ этомъ! Я полагалъ, что ты вернешься домой, какъ всегда, съ г-жею Дульсъ или совсѣмъ одна... О, если бы я зналъ, что тебя будетъ сопровождать этотъ господинъ...

— Что̀ же ты сдѣлалъ бы тогда, если бы зналъ?

— Я пошелъ бы слѣдомъ за вами, чортъ возьми!

Она остановила на немъ жестокій взглядъ своихъ слишкомъ свѣтлыхъ зрачковъ.

— Я запрещаю тебѣ это, ты слышишь! Если я узнаю, что ты хоть разъ послѣдовалъ за мной, я тебя перестану знать. Прежде всего, ты не имѣешь никакого права преслѣдовать меня. Я, кажется, могу дѣлать все, что̀ хочу?

Задыхаясь отъ удивленія и гнѣва, онъ пробормоталъ:

— Не имѣю права?.. Не имѣю права?.. Ты говоришь, что я не имѣю права?..

— Да, ты не имѣешь права... А потомъ, я не хочу.

Ея лицо приняло гадливое выраженіе:

— Не благородно шпіонить за женщиной. Если ты хоть разъ попытаешься узнавать, куда я иду, я выставлю тебя въ дверь, вотъ и все.

— Такъ, значитъ, — пробормоталъ онъ, полный изумленія,— мы ничто другъ для друга, я—ничто для тебя...

Digitized by Google

Мы не были съ тобой вмѣстѣ... Послушай, Фелиси, вспомни..

Но она, выведенная изъ терпѣнія, прервала его:

— Что̀ ты еще хочешь, чтобы я вспомнила?..

— Фелиси, подумай, вѣдь ты отдавалась мнѣ!

— Вѣдь ты, надѣюсь, не хочешь, мой милый, чтобы я помнила объ этомъ цѣлыми днями? Это было бы нелѣпо.

Нѣкоторое время онъ глядѣлъ на нее скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ съ гнѣвомъ, и сказалъ ей не то съ горечью, не то нѣжно:

— Можно сказать, что ты ловкая! Будь ею, Фелиси. Будь ею, сколько твоей душѣ угодно. Да что̀ мнѣ за дѣло, когда я люблю тебя? Ты моя, я беру тебя и оставляю у себя. Слышишь, я не хочу вѣчно мучиться, какъ какое-нибудь бѣдное вьючное животное. Нѣтъ, теперь все пойдетъ отлично. И ты будешь моей навсегда, будешь принадлежать только мнѣ одному. Ты знаешь, я честный человѣкъ. Ты можешь положиться на меня. Я женюсь на тебѣ, какъ только у меня будетъ положеніе.

Она смотрѣла на него съ презрительнымъ удивленіемъ. Онъ подумалъ, что она сомнѣвается въ его будущемъ драматическомъ поприщѣ, и, чтобы разсѣять ея сомнѣніе, сказалъ, поднявшись на свои длинныя ноги:

— Ты не вѣришь въ мою звѣзду, Фелиси? Ты не права! Я чувствую себя способнымъ къ великому творчеству. Пусть дадутъ мнѣ роль, и ты увидишь... Я ношу въ себѣ не только задатки къ комедіи, но и къ драмѣ и трагедіи... Да, къ трагедіи. Я умѣю декламировать стихи. А это— талантъ, рѣдкій въ наши дни... Вотъ почему я думаю, Фелиси, что я, предлагая тебѣ выйти за меня замужъ, нисколько не оскорбляю тебя. Напротивъ!.. Мы поженимся позднѣе, когда будетъ возможно и настанетъ надлежащее время. Никто не гонитъ насъ, вѣдь вѣрно! А пока мы возобновимъ наши хорошія привычки улицы Мартиръ... Помнишь, Фелиси, мы были тамъ такъ счастливы! Кровать была не широкая, но мы говорили: «Это ничего не значитъ»... У меня теперь двѣ прекрасныя комнаты на улицѣ Монтанъ-Сентъ-Женевьевъ, позади Сентъ-Этьенъ-дю-Монъ. На всѣхъ стѣнахъ висятъ твои портреты... Ты увидишь тамъ и маленькую кровать улицы Мартиръ... Но слушай меня хорошенько; я слишкомъ много страдалъ, я не хочу больше страдать. Я требую, чтобы ты принадлежала мнѣ, только мнѣ одному.

Въ то время какъ онъ говорилъ, Фелиси взяла на каминѣ карты, которыми мать ея играла каждый вечеръ, и стала раскладывать на столѣ.

— Мнѣ одному... Ты слышишь меня, Фелиси?

— Оставь меня въ покоѣ, я загадала.

— Слушай меня, Фелиси, я требую, чтобы ты не принимала въ своей уборной этого дурака.

Посмотрѣвъ на карты, она произнесла.

— Всѣ черныя внизу.

— Да, этого дурака. Онъ дипломатъ; и министерство иностранныхъ дѣлъ въ настоящее время пріютъ для неспособныхъ.

Онъ возвысилъ голосъ:

— Фелиси, ради себя и меня, выслушай меня!

— Не кричи же, мама спитъ.

Онъ заговорилъ снова глухимъ голосомъ:

— Знай же, я не хочу, чтобы Линьи сдѣлался твоимъ любовникомъ.

Она подняла на него свою злую головку:

— А если онъ уже?

Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней и, съ поднятымъ стуломъ, смѣясь безумнымъ смѣхомъ, посмотрѣлъ на нее сумасшедшими глазами.

— Если онъ уже любовникъ, онъ долго имъ не будетъ.

И онъ опустилъ стулъ.

Ей сдѣлалось тогда страшно. Она употребила усиліе, чтобы улыбнуться.

— Ты видишь, что я шучу.

Ей удалось послѣ нѣкоторыхъ усилій убѣдить его, что она говорила съ нимъ такимъ образомъ изъ желанія

Digitized by Google

его наказать, такъ какъ онъ становился невыносимымъ. Онъ успокоился. Она сказала ему тогда, что устала, что ей страшно хочется спать. Онъ рѣшился, наконецъ, уйти. Стоя уже на площадкѣ, онъ сказалъ ей:

— Фелиси, я совѣтую тебѣ, во избѣжаніе несчастія, не видаться больше съ Линьи.

Она прокричала ему въ пріотворенную дверь:

— Постучи въ окошечко привратницкой, чтобы отперли тебѣ дверь.

IV.

Въ темной зрительной залѣ балконъ и ложи были покрыты большими холстами. Оркестръ былъ скрытъ подъ огромнымъ покрываломъ; это покрывало, приподнятое по краямъ, позволяло помѣститься нѣсколькимъ человѣческимъ фигурамъ; актеры, машинисты, костюмеры, друзья директора, матери и любовники актрисъ блѣднѣли въ этомъ мракѣ. Тутъ и тамъ загорались глаза въ темной глубинѣ бенуаровъ.

Репетировали пятьдесятъ шестой разъ «Ночь на 23-е октября 1812 года», знаменитую драму, написанную двадцать лѣтъ назадъ и еще ни разу не шедшую въ этомъ театрѣ. Пьеса была разучена, и на слѣдующій день была назначена послѣдняя особенная репетиція, которая на менѣе строгихъ, чѣмъ Одеонъ, сценахъ зовется «репетиціею швеекъ».

Нантейль не участвовала въ пьесѣ, но въ этотъ день у нея въ театрѣ было дѣло, и такъ какъ ей сказали, что Мари-Клэръ была отвратительна въ роли генеральши Мале, она пришла взглянуть на нее, скрывшись въ глубинѣ бенуара.

Главная сцена «двухъ» началась. Декорація изображала мансарду лѣчебницы, гдѣ въ 1812 году былъ задержанъ заговорщикъ. Дюрвиль, игравшій роль генерала Мале, только-что вышелъ. Онъ репетировалъ въ костюмѣ. На немъ былъ длинный синій фракъ съ воротникомъ выше ушей и замшевыя панталоны съ бантами. Онъ загримировалъ себѣ даже голову; онъ сдѣлалъ себѣ лысую и воинственную голову генераловъ Имперіи, съ бакенами, которыя перешли отъ побѣдителей при Аустерлицѣ къ ихъ сыновьямъ, іюльскимъ буржуа. Подперевъ лѣвой рукой правый локоть и опустивъ лобъ на правую руку, онъ стоялъ и, гордясь своими облегавшими панталонами, давалъ волю своему глубокому голосу:

«Одному, безъ денегъ, изъ мрака тюрьмы, нападать на этого колосса, который повелѣваетъ милліономъ солдатъ и передъ которымъ дрожатъ всѣ народы и всѣ цари Европы! И вотъ! этотъ колоссъ рухнетъ».

Изъ глубины сцены старый Мори, изображавшій заговорщика Жакелина, подалъ реплику:

«Падая, онъ можетъ увлечь и насъ въ своемъ паденіи».

Внезапно, изъ оркестра, раздались крики, жалобные и въ то же время гнѣвные.

Это выходилъ изъ себя авторъ; человѣкъ лѣтъ семидесяти, онъ былъ полонъ юношескаго пыла.

— Что это я вижу тамъ, въ глубинѣ! Да это не актеръ, это каминъ! Нужно позвать печниковъ, каменщиковъ и заставить ихъ унести его оттуда... Мори, да двигайтесь же, чортъ возьми!

Мори перешелъ.

— «Падая, онъ можетъ увлечь и насъ въ своемъ паденіи... Я знаю, генералъ, что не на васъ падетъ эта вина. Ваша прокламація превосходна. Вы обѣщаете имъ конституцію, свободу, равенство... Это макіавелизмъ!»

Дюрвиль началъ:

— «И самый лучшій. Неисправимый народъ: они готовятся нарушить клятвы, которыхъ еще не давали; и такъ какъ они лгутъ, то воображаютъ себя Макіавелями... Глупцы! что сдѣлаете вы съ вашей неограниченною властью?...»

Пронзительный голосъ автора заскрежеталъ:

— Не вышло, Довиль!

— У меня?—спросилъ удивленный Дюрвиль.

Digitized by Google

— Да, у васъ, Довиль: вы не понимаете ни слова изъ того, что̀ говорите.

Чтобы унизить актеровъ, чтобы сбить съ нихъ гордость, этотъ человѣкъ, не забывавшій ни разу имени молочницы или привратника, не удостаивалъ запоминать имена самыхъ знаменитыхъ актеровъ.

— Довиль, другъ мой, начните это снова.

Дюрвиль исполнялъ всѣ роли. Веселый, мрачный, жестокій, нѣжный, стремительный, ласковый—онъ мѣнялъ голосъ то на строгій, то на пріятный; онъ вздыхалъ, рычалъ, смѣялся, плакалъ. Онъ превращался, какъ герой въ народной сказкѣ, въ пламя, рѣку, женщину, тигра.

За кулисами актеры обмѣнивались между собой незначительными и короткими фразами. Вольность ихъ рѣчи, легкость ихъ нравовъ, фамильярность ихъ обращенія не мѣшали имъ сохранять столько лицемѣрія, сколько нужно имѣть въ каждомъ людскомъ собраніи для того, чтобы люди могли смотрѣть другъ на друга безъ ужаса и отвращенія. Въ этой художественной мастерской процвѣтало въ полномъ ходу наружное согласіе и единеніе, единодушное чувство, созданное высокой или посредственной мыслію автора, царствовалъ духъ порядка, который заставлялъ все соперничество и недоброжелательство превращаться въ гармоническое соревнованіе и дружбу.

Нантейль, сидя въ своей ложѣ, чувствовала себя не по себѣ при мысли, что Шевалье былъ совсѣмъ близко и что она его увидитъ. Съ третьяго дня, съ той самой ночи, когда онъ произнесъ угрозу, она не видѣла его, и страхъ, который онъ внушилъ ей, еще не прошелъ. «Фелиси, во избѣжаніе несчастія, я совѣтую тебѣ не видаться больше съ Линьи». Что̀ могло бы это значить? Она серіозно задумалась о немъ. Этотъ человѣкъ, который еще третьяго дня казался ей незначительнымъ и банальнымъ, котораго она видѣла слишкомъ часто, знала, какъ свои пять пальцевъ, теперь, насколько загадочнымъ, насколько полнымъ тайнъ представлялся ей! Она вдругъ замѣтила, что она его не знала. На что̀ онъ былъ способенъ? Она этого не знала и старалась догадаться. Что̀ онъ предприметъ,? Конечно, ничего. Всѣ мужчины, которыхъ бросаютъ, угрожаютъ и не дѣлаютъ ничего. Но развѣ Шевалье былъ совсѣмъ такой же мужчина, какъ и другіе? Его считали сумасшедшимъ. Но такова манера говорить. Однако, она сама не знала, не былъ ли онъ чуть-чуть сумасшедшимъ. Теперь она изучала его съ чистосердечнымъ интересомъ. Сама очень умная, она никогда не находила въ немъ большого ума; но онъ поражалъ ее много разъ упорствомъ своей воли. Она припоминала, что у него были поступки, отличающіеся дикой энергіею. Вполнѣ естественно ревнивый, онъ многое понималъ. Онъ зналъ, на что̀ принуждена идти женщина, чтобы составить себѣ положеніе въ театрѣ, или же, чтобы имѣть туалеты; но онъ не хотѣлъ, чтобы его обманывали изъ-за любви. Былъ ли онъ человѣкъ, способный совершить преступленіе, создать несчастіе? Вотъ чего она не могла угадать. Она припоминала, что у этого человѣка была манія упражняться въ стрѣльбѣ. Когда она посѣщала его на улицѣ Мартиръ, она вѣчно заставала его въ комнатѣ за разборкой и чисткой стараго ружья. Между тѣмъ онъ никогда не охотился. Онъ хвастался, что онъ прекрасный стрѣлокъ, и носилъ при себѣ револьверъ. Но что̀ же доказывало это? Никогда еще она столько не думала о немъ.

Такъ тревожилась Нантейль, сидя въ ложѣ бенуара, когда Женни Фажеттъ присоединилась къ ней. Женни Фажеттъ, тонкая, хрупкая, настоящая муза Альфреда де-Мюссе, которая ночью портила свои зеленоватые глаза, чтобы редактировать свѣтскія письма и статьи о модахъ. Сухая актриса, но ловкая женщина и удивительно дѣятельная, она была лучшей подругой Нантейль. Онѣ признавали другъ у друга большія достоинства, достоинства, противоположныя тѣмъ, кото-

Digitized by Google

заинтересовало такъ, что у нея просто духъ занялся.

— Принцъ Пальярдини! — провозгласилъ Жюль.

Открывши ротъ, смотрѣла вся мѣщанская семья на это высокопоставленное лицо! Нельзя сказать, чтобы принцъ Пальярдини очень старался имъ понравиться. Остроуміе и блескъ были не по его части. Ни объ искусствѣ, ни о политикѣ, ни о торговлѣ говорить онъ не могъ. Онъ, по правдѣ сказать, говорилъ очень мало, только ерошилъ свои огромные черные усы и замѣчалъ, что вино хорошее.

Дабы избѣжать всякихъ ложныхъ и неблагопріятныхъ первыхъ впечатлѣній, Жюль въ тотъ же вечеръ отвелъ сестру въ сторону и откровенно сказалъ ей, что привезъ друга, глубоко имъ уважаемаго, чтобы познакомить его съ сестрою, нѣжно имъ любимой, въ томъ чаяніи, что взаимная склонность можетъ повести ихъ къ браку,—чего я отъ души желаю,—прибавилъ Жюль совершенно искренно. Ты будешь княгиней, сестричка,—сказалъ онъ въ заключеніе.

Щеки Клэръ вспыхнули.

— Онъ настоящій князь?—спросила она.

— Это одна изъ самыхъ старинныхъ Тосканскихъ фамилій. Я купилъ въ Женевѣ Almanach de Gotta. Посмотри-ка!

Жюль вынулъ изъ кармана толстенькій красный томикъ и подалъ сестрѣ.

— Онъ какъ будто бы не очень уменъ, — проговорила Клэръ, запинаясь. Я спрашивала его разныя вещи; онъ какъ будто ничего не знаетъ,

— Онъ очень скроменъ.

— И немножко—кутила, какъ ты, Жюль?

— Конечно, онъ свѣтскій человѣкъ, не монахъ какой-нибудь, но очень религіозенъ.

— Какъ ты находишь мосье Бріоша, Жюль?

— Мосье Еремію Бріоша? Онъ вѣдь художникъ, кажется? Ну, я нахожу, что онъ какъ есть мосье Еремія Бріошъ, и только.

— Ты встрѣчался съ нимъ и раньше?

— Я не встрѣчался съ нимъ никогда. Такъ, видѣлъ только сегодня мелькомъ, въ сумеркахъ—онъ выходилъ, а мы входили. Э, да вотъ и Арманъ, мнѣ надо къ нему.

Онъ побѣжалъ за старшимъ братомъ, и они долго сидѣли запершись въ кабинетѣ Армана.

— Князь! Вотъ прелесть-то!—говорила мужу мадамъ Бертюшо.

— Это будетъ прелесть въ качествѣ зятя.

— Господи, помилуй, что̀ ты хочешь сказать?

— Ничего, что̀ бы требовало Господняго помилованія; онъ, вѣроятно, сдѣлаетъ предложеніе Клэръ.

— Клэръ?

— Ну, да; я думаю, Жюль и привезъ-то его нарочно за этимъ. А то зачѣмъ же?

— Но вѣдь онъ католикъ!

— Да.

— И иностранецъ!

— Да.

— И ему сорокъ лѣтъ, и онъ лысый!

— Да.

— И, кажется, ужасно глупъ!

— Да. Несомнѣнно.

Мадамъ Бертюшо глубоко вздохнула.

— Какъ это было бы странно! —сказала она. Конечно, въ этомъ была бы своя прелесть. Нѣсколько позднѣе она отозвала въ сторону Армана.

— Не дури,—сурово сказалъ глава семьи. Этотъ господинъ еще и шести часовъ не пробылъ въ домѣ. Увидимъ!.. Увидимъ.

Клэръ, раздѣваясь въ глубокой задумчивости, остановилась передъ своимъ большимъ трюмо и вдругъ, присѣвъ почти до земли, сдѣлала себѣ глубочайшій реверансъ.

— Княгиня! — проговорила она громко.

IV.

Мадамъ де-Парфондріе.

Смысломъ всей жизни мадамъ де-Парфондріё была ея любовь къ ея единственному сыну.

Нѣкоторые, конечно, назовутъ эту любовь преувеличенной, но только тѣ,

Digitized by Google

кому не извѣстны всѣ обстоятельства. Даже нелѣпое можетъ быть иногда логически-необходимымъ.

Мадамъ де-Парфондріё была выдана за своего мужа въ очень раннемъ возрастѣ. Сама она не имѣла въ этомъ дѣлѣ ровно никакого голоса. Отецъ просто-на-просто выдалъ ее за одного изъ своихъ негодяевъ-собутыльниковъ.

Исторія эта, пятьдесятъ лѣтъ назадъ, была хорошо извѣстна во всѣхъ клубахъ; мнѣ разсказывалъ ее мой отецъ. Прежній ростовщикъ, старый Брелюшонъ, пьянствуя въ одинъ прекрасный вечеръ съ Парфондріё, котораго онъ обиралъ и опекалъ во все время его долголѣтнихъ кутежей, и у котораго отобралъ, наконецъ, его родовой замокъ, обратился къ нему съ предложеніемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Послушай-ка, Парфондріё, ты, старый дурачина!—не понимаю, почему бы тебѣ не жениться на моей дочери Бетти. Она послѣ меня единственная наслѣдница и вернетъ твоимъ дѣтямъ домъ ихъ отцовъ. А теперь пока, если ты женишься на ней завтра, я дамъ тебѣ вмѣстѣ съ Бетти пятьсотъ тысячъ франковъ.

— Я бы взялъ и меньше,—отвѣчалъ Парфондріё.

— Что̀ ты хочешь сказать, чортъ бы тебя побралъ?

— Не можешь ли ты дать мнѣ пятьсотъ тысячъ франковъ безъ Бетти?

Вельможный безстыдникъ самъ разсказывалъ эту исторію и до и послѣ своего брака съ богатой дочерью ростовщика. Таково было сватовство и замужество Бетти Брелюшонъ. Такъ сдѣлалась она маркизой де-Парфондріё, хозяйкой въ замкѣ Моври-лэ-Туръ. Конечно, она была дурна собой, этого я не отрицаю.

И замокъ и всѣ милліоны ростовщика были по его завѣщанію закрѣплены за нею. Старый мерзавецъ, очевидно, умѣлъ отличить негодяя, когда встрѣчалъ его.

Замужняя жизнь Бетти началась довольно счастливо. Ей нравился другъ отца, всегда обращавшійся съ ней хорошо, ибо Парфондріё не могъ не быть вѣжливымъ съ женщиной. О любви она ничего не знала; съ нея довольно было и того, что она исполнила волю отца и стала преданной женой великолѣпнаго барина, давшаго ей такъ много, взамѣнъ ея ничтожнаго дара самоё себя.

Когда она вышла замужъ, ей было уже двадцать пять лѣтъ. Ей минуло уже тридцать прежде, чѣмъ она поняла, какъ позорилъ ее мужъ, и минуло сорокъ, прежде чѣмъ поняла, зачѣмъ онъ женился на ней, и сообразила, что всѣ деньги ея. Его невѣрность разъ навсегда убила и все ея счастіе, и всю ея кротость, и всю довѣрчивость и почтительность. Это подготовило почву для послѣдняго, постепенно сдѣланнаго ею открытія; сознаніе своего богатства мало-по-малу ожесточило ее. Пусть она дурна, пусть мужъ не любитъ ее, положимъ, но она богата, и всѣ должны уважать ее.

Въ сорокъ лѣтъ она осталась вдовою съ единственнымъ сыномъ.

Мальчика этого она обожала съ чисто вдовьей страстью. Всю любовь всей своей жизни, всей своей души, она сосредоточила на Луи и рѣшила, и повторяла себѣ это рѣшеніе каждый день, сдѣлать задачей своей жизни то̀, чтобы любовь эта никогда ничѣмъ не повредила ему.

И она дѣйствительно ничѣмъ не вредила. Онъ выросъ честный, прямой и простодушный, можетъ быть, не достаточно знакомый съ тѣми пріятными опасностями, на которыя нѣкоторые мудрые педагоги указываютъ своимъ питомцамъ. Церковь съ малыхъ лѣтъ забрала его въ руки и научила, что вокругъ овчарни есть собаки. Но иные ягнята, которымъ нельзя же весь вѣкъ оставаться ягнятами, все же отказываются и превращаться въ барановъ. Онъ выросъ, какъ мы уже говорили, прямой и сильный, съ невинно смотрѣвшими на міръ голубыми глазами, но въ груди у него билось горячее человѣческое сердце, готовое ко всѣмъ человѣческимъ страстямъ и слабостямъ. Мать вовсе не хотѣла сдѣлать изъ него отшельника. Она медленно

Digitized by Google

и постепенно завоевала себѣ важное мѣсто въ обществѣ,—въ средѣ строго-католической: Ея пожертвованія, ея «собесѣдованія», ея салонъ, ея любимые священники,—все это имѣло много вѣса и было всѣмъ извѣстно. Сынъ ея выучился всему, чего требовало его будущее высокое положеніе; онъ былъ отличнымъ спортсменомъ, большимъ знатокомъ искусства, прекраснымъ хозяиномъ, авторитетомъ по части церковной исторіи—съ іезуитской точки зрѣнія, былъ основательно знакомъ съ элементарной политической экономіей. И онъ былъ такъ невиненъ, какъ только можетъ быть невиненъ мальчикъ, уже ходящій къ исповѣди.

Двадцати одного года онъ поѣхалъ погостить къ дядѣ въ Авейронѣ; у этого дяди былъ управляющій, а у управляющаго — очень хорошенькая дочка.

У мадамъ де-Парфондріё тоже, конечно, былъ управляющій, но въ исторіи ея жизни онъ не представляетъ никакого интереса. И у нея былъ кромѣ того одинъ другъ, обдѣлывавшій ей всевозможныя дѣла, маленькій старичокъ, по имени Шово,—Антуанъ Шово де-Нантеръ. Многіе, вѣроятно, еще помнятъ Шово. Къ его помощи прибѣгали многія семьи, и никто въ точности не зналъ, чѣмъ онъ занимается, хотя онъ всегда втихомолку былъ занятъ по горло. Началъ онъ съ того, что служилъ клэркомъ у стараго «банкира» Брелюшона, и нѣкоторые поговаривали о его страстной любви къ дочери своего патрона, бывшей нѣсколькими годами старше его. Какъ бы то ни было, онъ навсегда остался холостымъ.

Вотъ этотъ-то старый джентльменъ въ одно прекрасное утро и пришелъ къ маркизѣ, и какъ всегда, когда являлся въ ея присутствіе, поклонился ей земно. Онъ пришелъ по одному благотворительному дѣлу,—о какомъ-то лавочникѣ, котораго маркиза взяла на поруки,—и прежде всего покончилъ съ дѣломъ; только когда уже всталъ прощаться, онъ спросилъ:

— А что новенькаго о мосье Луи, маркиза. Добрыя вѣсти, а?

— Да, вѣсти были добрыя.

— Очень радъ это слышать. Онъ веселится въ деревнѣ? О, да, конечно. А не говоритъ вамъ какъ?

— Говорите сейчасъ же, скажите мнѣ все,—сказала мадамъ де-Парфондріё, выпрямившись въ своемъ креслѣ съ высокой спинкой.

— Но, сударыня?

— Неужели вы думаете, Шово, что я до сихъ поръ не изучила вашего лица и манеры? Что вы слышали?

— Ничего дѣйствительно важнаго, маркиза. Для женщины обыкновенной это былъ бы даже просто сущій пустякъ. Но вы такъ не похожи на обыкновенныхъ женщинъ! У васъ такія своеобразныя понятія о нѣкоторыхъ вещахъ—понятія очень высокія, что и говорить,—но все же...

— Понимаю. Пришло, наконецъ. Конечно, я знала, что это неизбѣжно, въ волненіи прервала мадамъ де-Парфондріё. Боже мой, мнѣ все-таки какъ-то казалось, что этого никогда не будетъ, но вѣдь это было нелѣпо, и я знала, что это нелѣпо. Я-то вѣдь ужъ знаю мужчинъ. Кто она?

— Леони Дасье, дочь управляющаго. Но, дорогая маркиза, извините, вы, кажется, преувеличиваете. Позвольте мнѣ разсказать вамъ по крайней мѣрѣ всѣ обстоятельства этой невинной интрижки.

Маркиза подняла руку.—Нѣтъ, простите меня, любезный Шово. Подробности я должна выслушать только отъ сына.

— Пусть такъ, но старайтесь же не судить ихъ какъ мать.

Она пристально посмотрѣла въ глаза старику.

— Всю жизнь я старалась, чтобы сынъ былъ не такой, какъ другіе мужчины,—сказала она.

— А вотъ теперь выходитъ, что и онъ какъ всѣ!

— Не хорошо было бы съ вашей стороны сердиться на него за это.

— Мадамъ де-Парфондріё и не сердится, мой другъ, сердится его мать. А можетъ ли мать сердиться на сына? Нѣтъ, я думаю. Можетъ быть, и я не сержусь?

Digitized by Google

Слезы брызнули изъ ея глазъ.

Онъ ушелъ, она вытерла слезы, и лицо у нея стало жесткое. Не прошло и часа, какъ она послала телеграмму:

«Возвращайся немедленно. Твоя мать».

И Луи вернулся немедленно. Онъ никогда не видалъ ее больной и теперь подумалъ, что она умираетъ.

— Нѣтъ, ничего,—сказалъ старый лакей. Madame la Marquise только немножко нездоровится; онѣ ожидаютъ tonsiuer Louis въ своей гостиной.

Какъ только онъ вошелъ, она начала свой допросъ.

— Что у тебя съ Леони Дасье?

— Ахъ, такъ вы знаете?—воскликнулъ Луи, и все лицо его просіяло. Я ужасно радъ! Я просилъ кузину Eugenie написать вамъ, но ей какъ будто не хотѣлось.

— Она написала, должно быть, къ Антуану Шово,—сказала маркиза сурово. Всю свою жизнь, Луи, я посвятила на то, чтобы научить тебя, что сердце женщины не есть игрушка мужчины. Дура я была, когда думала, что мой сынъ, по крайней мѣрѣ, будетъ чистъ!

— Мама, что вы такое говорите?

— О, я знаю обычные аргументы. Мнѣ не нужно ихъ, Луи. Ты не имѣлъ никакого права ухаживать за дѣвушкой, не имѣя намѣренія на ней жениться!

— Какъ? Да вѣдь я же, конечно, имѣю.

— Какъ только могла Eugenie не написать объ этомъ! Она глупа, это я знаю, но я не зналъ, что она тоже и дурная женщина. Я говорилъ ей.

— Ты имѣешь намѣреніе жениться на этой дѣвушкѣ?

— Матушка, я никогда не полюблю другую. Конечно, это не совсѣмъ такой бракъ, какого мы съ вами могли бы желать. Я зналъ, что вамъ будетъ непріятно, и просилъ кузину приготовить васъ. Но, матушка, вы видите, тутъ нѣтъ ничего дурного, какъ вы предполагали. Какъ могли вы думать, чтобы я, вашъ сынъ, могъ сдѣлать предложеніе дѣвушкѣ, не думая на ней жениться?

— Ты сдѣлалъ ей предложеніе?

— Да, матушка; да что же такое они, наконецъ, писали? Ахъ, мнѣ слѣдовало написать самому,—это я наказанъ за свою трусость! Какъ вы страдали, должно быть, бѣдная мама, усомнившись въ собственномъ сынѣ!

Она встала и молча смотрѣла на него. Его голубые глаза наполнились слезами одновременно съ ея глазами.

— Ты глупъ,—сказала она. Слава Богу, что ты только глупъ.

Проходя мимо него, она прочла въ его лицѣ какъ молнія пробѣжавшее по немъ воспоминаніе, что она была нѣкогда «дѣвицей Брелюшонъ».

Вечеромъ она сказала ему, безъ всякихъ предисловій, что написала къ мадемуазель Дасье и пригласила ее къ себѣ. Леони провела у маркизы дня два. Это была пламенная, южная красавица, съ жаркими глазами и губами,—вся трепетъ, вся нѣжность, вся гнѣвъ и порывъ,—она ласкала и жалила. Послѣ ея отъѣзда, мадамъ де-Парфондріё позвала къ себѣ сына.

— Ты будешь очень несчастливъ съ этой дѣвушкой,—сказала она.

— Я никогда до сихъ поръ не любилъ ни одну женщину,—отвѣчалъ онъ.

— Она совсѣмъ не годится тебѣ въ жены. Не думаю, чтобы она была хорошая.

— Какъ вы смѣете это говорить, мама?

— Я говорю это съ болью въ сердцѣ. Не думаю, чтобы она была хорошая.

— Я никогда не полюблю другую.

— Ну, вотъ еще, ты полюбишь многихъ.

Онъ дрожа закусилъ губу.

— Когда-нибудь ты придешь ко мнѣ и проклянешь этотъ часъ!

— Нѣтъ, я не прокляну его. Хотя онъ научилъ меня, что моя мать можетъ быть не справедлива.

— Такъ женись же на комъ тебѣ угодно, сынъ мой. Но подумай, женятся всего разъ въ жизни. Второй бракъ уже не бракъ. И большинство мужчинъ и женщинъ вовсе не знаютъ брака.

Digitized by Google

— Я не понимаю васъ, матушка.

— Мы идемъ въ церковь,—проговорила она какъ бы про себя,—и потомъ живемъ вмѣстѣ.

— Но я-то вѣдь люблю Леони!—воскликнулъ онъ, съ торжествомъ.

И такъ, они женились,—прекрасная, влюбленная, счастливая пара! И недѣли двѣ всѣ говорили объ этомъ скандалѣ. Потомъ заговорили о чемъ-то другомъ, а вдовствующая маркиза принялась изучать свою невѣстку.

Леони мечтала жить въ большомъ свѣтѣ и играть роль знатной дамы, роль, къ которой считала себя особенно призванной. А мадамъ де-Парфондріё стремилась держать ее взаперти, въ Моври-лэ-Туръ, до поры до времени, по крайней мѣрѣ. Разногласія между дамами, осложненія, споры, вѣжливыя распри,—все это доставляло пищу для разговоровъ за безчисленными чайными столами, въ безчисленныхъ курильняхъ. Такія вещи всегда выходятъ наружу. До насъ дошло много забавныхъ исторій, которыя теперь неприлично было бы повторять, ибо великая катастрофа сметаетъ улыбки и съ самыхъ насмѣшливыхъ устъ.

Прошелъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ намъ разрѣшено было видѣть «ситцевую маркизу», какъ прозвалъ ее одинъ шутникъ.

Появившись между нами, она имѣла видъ скучающій,—зловѣщій видъ скучавшей женщины, которая хочетъ развлеченій! Глаза ея были полны сонной страсти, недовольства и высокомѣрія. Старая маркиза играла роль первенствующую: молодые жили у нея, ѣздили въ ея экипажахъ, высиживали ея длинныя «духовныя собесѣдованія». Но всѣ видѣли, что Луи, по крайней мѣрѣ, обожаетъ свою красавицу-жену. «Она прелестна, но ей не хватаетъ воспитанія»,—говорилъ одинъ изъ худшихъ людей, какихъ я когда-либо зналъ. «Мнѣ кажется, она воспитается очень легко».

Они снова исчезли на нѣсколько мѣсяцевъ. Старая маркиза стала прихварывать, и они уѣхали въ одинъ изъ отвратительныхъ курортовъ, куда не ѣздитъ никто, кромѣ больныхъ, и гдѣ не только доктора, но и сами больные вѣрятъ въ пользу водъ. Когда они вернулись, всѣ, кромѣ мужа и матери, скоро узнали то, что обыкновенно мать узнаетъ первая, а мужъ—послѣдній.

Одинъ разъ вечеромъ, сырымъ и ненастнымъ ноябрьскимъ вечеромъ, у невзрачнаго домика въ глухой улицѣ остановился кэбъ. Изъ кэба вышла дама подъ густымъ вуалемъ, велѣла кучеру подождать, сказала привратнику какое-то имя и медленно пошла вверхъ по лѣстницѣ. Дама была высокая и величественная, шла она твердо, и видъ имѣла самоувѣренный. У входа въ одну изъ квартиръ второго этажа произошли краткіе переговоры, почти завязался споръ. Одна изъ дверей въ коридоръ пріотворилась, оттуда выглянула женщина.

— Вотъ видите, это вы!—сказала этой женщинѣ мадамъ де-Парфондріё.

— Я ее не пускала!—съ торжествомъ объяснила молоденькая горничная. Но мадамъ де-Парфондріё уже затворила за собой дверь ярко освѣщенной гостиной.

— Если придетъ этотъ господинъ, будьте такъ добры, пожалуйста, скажите ему, что вы въ эту минуту заняты,—сказала она, окинувъ комнату быстрымъ взглядомъ.—Вы его ждете? Я думала, онъ никогда не приходитъ такъ рано!—она опустилась въ кресло. Будьте любезны, прошу васъ, отдайте ваши приказанія.

Леони повиновалась.

— Онъ заставляетъ васъ ждать!—сказала старуха съ глубокимъ презрѣніемъ.

Леони не отвѣчала.

Онѣ помолчали.

— Я думала,—начала, наконецъ, мадамъ Парфондріё, съ трудомъ сдерживая дрожь въ голосѣ,—что такихъ женщинъ нѣтъ. Вы будете смѣяться надо мной, вѣроятно, какъ надъ глупой старухой! Я... я думала, что бываютъ незамужнія женщины, которыя... которыя падаютъ,—но женщины замужнія... нѣтъ! Я думала, это бываетъ только на театрѣ. Я спрашиваю

Digitized by Google

себя,—глаза ея неопредѣленно устремились въ лицо невѣстки,—и это часто случается? Желала бы я знать.—Она встала, съ невыразимо горькимъ воплемъ:—Боже! не все ли равно? Вѣдь это случилось съ моимъ сыномъ!

— Тише, тише!—прервала Леони, вскакивая съ кушетки, на которую опустилась.

— Да, правда! Вѣдь вы боитесь огласки! Кто-нибудь можетъ услышать! Это единственное, чего онѣ боятся, эти женщины... не правда ли... огласки!

— Не знаю. Не спрашивайте меня. Я ничего не знаю,—сказала Леони, снова закрывая лицо руками.

— О сударыня, вы знаете слишкомъ много, вы знаете гораздо больше, чѣмъ нужно! Это я ничего не могу сдѣлать, ничего не могу сказать. Я не понимаю. Если бы пришлось, я бы плакала съ вами надъ ошибками моего сына, плакала бы кровавыми слезами: часто я себѣ это представляла, боялась этого, молилась, почти ожидая этого каждый день въ своемъ маловѣріи. Но теперешнее! Никогда я не молилась, чтобы этого не было; никогда ни минуты объ этомъ не думала. И это обрушилось на меня. И мы должны нести это вмѣстѣ!

— Что вы хотите сказать?—спросила Леони, поднявъ лицо, и въ горящихъ глазахъ ея блеснула слабая надежда.

— Мой сынъ...

— Вы не скажете ему?

Вмѣсто всякаго отвѣта мадамъ Парфондріё зарыдала.

Въ передней послышался звонокъ. Горничная пошла отпереть. Шаги, мужской голосъ, длинные переговоры; женщины прислушивались, затаивъ дыханіе; затѣмъ входная дверь захлопнулась съ трескомъ, и маленькая горничная, не постучавшись, вошла въ комнату, бросая на посѣтительницу очень недружелюбные взгляды.

— Мосье вернется завтра,—сказала она,—если я черезъ десять минутъ не приду за нимъ въ кафе. Мосье былъ очень недоволенъ.

— Такъ уходите же!—воскликнула Леони, махнувъ рукой. Маленькая горничная надулась и вышла.

Мадамъ де-Парфондріё встала, стараясь овладѣть собой.—Такъ вы, насколько я понимаю, не хотите скандала, маркиза,—сказала она. Вы бы желали, чтобы все оставалось постарому! Да, это было бы очень пріятно. И ты думаешь, тварь, что мой сынъ могъ бы продолжать съ тобой жить, что я что ты. Нѣтъ, видитъ Богъ, я слишкомъ люблю сына, чтобы это допустить!

— Понимаю,—тихо сказала Леони.

Свекровь стояла и смотрѣла на нее.

— Да, я понимаю,—сказала Леони, подперевъ подбородокъ руками и неопредѣленно глядя передъ собой.—Но и вы поймите меня! Вы говорите правду; мою вину противъ Луи загладить нельзя. И намъ съ вами невозможно было бы жить вмѣстѣ, зная то, что мы знаемъ. Да я этого и не хотѣла бы. Я часто думала, что это все такъ и будетъ, и что конецъ этого будетъ концомъ всего. Но вы тоже поймите, почему все это. Я вѣдь не вашей породы, не вашего сословія, не вашего круга. Моя родина югъ. Вашъ домъ былъ для меня адомъ; я была несчастна, страшно несчастна, до отчаянія, и очень одинока. О, я знаю, онъ любилъ меня! Она встала, заломивъ руки надъ головой. Не говорите мнѣ этого! Я знаю! знаю! И это почему-то, не знаю, почему, было ужаснѣе всего! Онъ любилъ меня! Я его любила! Я была несчастна! Боже, если бы я не любила его, я бы поняла, какъ я несчастна! Мадамъ де-Парфондріё стояла неподвижно.

— Мнѣ глубоко жаль васъ,—сказала она.

— Мнѣ не нужна ваша жалость, madame, потому что вы не можете жалѣть меня, какъ слѣдуетъ. Вы не можете понять во мнѣ ровно ничего, какъ и я въ васъ. Ну, теперь это кончено. Это было ужасно. Я бы не могла пережить этого второй разъ. Да оно и не нужно. Прощайте! Не говорите Луи. Выдумайте какую-нибудь исторію моего исчезновенія. Онъ меня

Digitized by Google

любитъ. Оставьте ему мою память. Онъ женится опять на комъ-нибудь своего круга. На той кузинѣ, что̀ вы ему прочили. Пусть женится на ней.

— Какъ! Вы говорите мнѣ въ лицо, что не порвете этой связи?

— Нѣтъ!—Она подняла свои сверкающіе глаза и встрѣтилась съ взглядомъ мадамъ де-Парфондріё! Даже по вашей отвратительной религіи, вашъ сынъ будетъ свободенъ жениться снова! Теперь ступайте!

Старая маркиза, ежась отъ этихъ словъ, плотнѣе завернулась въ шаль.

— Это лучшее, что̀ вы можете сдѣлать, — проговорила она медленно. Больше вамъ ничего не остается. Это лучшее, что̀ вы можете сдѣлать. Единственное. Она говорила медленно, нерѣшительно, запинаясь, какъ бы обдумывая этотъ планъ добровольнаго, неизбѣжнаго самовозмездія. Все еще въ нерѣшительности, она сдѣлала шагъ впередъ.

— Нѣтъ, уходите,—сказала Леони, указывая на дверь. И, не сказавъ больше ни слова, мадамъ де-Парфондріё вышла. Ни ей, ни невѣсткѣ больше ничего не осталось говорить другъ другу.

Маленькая горничная проводила величественную старую даму, почти не скрывая досадливаго презрѣнія. Какъ только дверь за ней затворилась, она бросилась къ своей госпожѣ.

— Сбѣгать что ли, привести его, сударыня? — сказала она. Десять минутъ прошли, это правда, но, Господи Боже мой, онъ навѣрное подождетъ и двадцать! Разсердился-то онъ разсердился ужасно, а дожидается навѣрняка, это можете быть покойны! Я сбѣгаю въ Café, приведу его!

Хозяйка ея, лежа на кушеткѣ и зарывшись лицомъ въ подушки, не шевелилась.

— Сударыня, вы не плачьте, ради Христа! Не стоитъ. Старухи вѣдь всегда ужъ злобствуютъ на молодыхъ, вотъ и моя бабушка, ухъ какая злючка! Онѣ эдакимъ манеромъ выражаютъ, что имъ жаль своей прошлой любви и молодыхъ годовъ.

Леони подняла пылающую голову.

— Я не плакала, голубушка,—сказала она. Я, я, кажется, молилась. Нѣтъ, мы не позовемъ его сегодня. Я очень устала; лягу спать. Дай мнѣ маленькую розовую коробочку съ сонными порошками. Ты знаешь, вѣдь это просто сонные порошки. Мосье Поль дурной человѣкъ. Ты не должна позволять ему ухаживать за тобой, никогда, слышишь?

— Я, сударыня? Фи, да неужели вы думаете, что я способна на такую подлость передъ вами? Я, кажется, ничѣмъ не заслужила.

— Ты вѣрная и честная дѣвушка, Сюзонъ. Я думала о будущемъ. Дай же мнѣ коробку. Помни, вѣдь это просто сонные порошки; когда кому слишкомъ жарко, или лихорадитъ, когда горишь, засыпаешь отъ нихъ... засыпаешь...

Мадамъ де-Парфондріё между тѣмъ, сидя въ каретѣ, ожидала слезъ, которыя не приходили. Голова ея была слишкомъ занята мыслями о томъ, что̀ теперь будетъ.

Чтобы эта тварь исчезла изъ ихъ жизни, это, конечно, было единственное возможное; никакія дальнѣйшія сношенія между ними были невозможны, какъ бы кто ни желалъ этого; когда хрусталь разобьется, его выкидываютъ. Никто не могъ этого желать. Если эта женщина считала самоуничтоженіе единственно подходящимъ, единственно возможнымъ исходомъ своего жизненнаго поприща, ибо мадамъ де-Парфондріё хорошо поняла, что̀ разумѣла Леони; это была она, мадамъ де-Парфондріё, чтобы отсовѣтовать ей его, чтобы отклонять ее отъ такого шага, который, какъ бы ни былъ онъ дуренъ самъ по себѣ, все же являлся единственнымъ возможнымъ исходомъ? Бываютъ случаи, когда самоубійство только форма самонаказанія. Виновный самъ осуждаетъ себя. У мадамъ де-Парфондріё нашелся даже подходящій текстъ изъ Библіи. «Если осудите себя, судимы не будете». Она цитировала его не буквально; но все равно, разъ ужъ она его вспомнила, онъ отлично подходилъ къ ея мыслямъ. А Луи былъ бы свобо деньъ.

Digitized by Google

Она отослала извощика и тихонько прокралась въ домъ. Не успѣла она переступить порога, какъ ею овладѣло страшное волненіе. Сынъ ея былъ тутъ, въ своей комнатѣ, вѣроятно, писалъ, или почитывалъ что-нибудь передъ тѣмъ, чтобы одѣваться къ обѣду. Значитъ, надо теперь пойти къ нему и все сказать ему. Но она не смѣла. У нея дрожали ноги. Она сѣла въ передней наверху.

Что̀ до просьбы Леони о томъ, чтобы ей остаться священной въ памяти мужа—свекровь рѣшила ее игнорировать. Она пойдетъ къ сыну, и теперь, когда это трехлѣтнее безуміе ушло изъ его жизни, залѣчитъ рану разъ навсегда, залѣчитъ сейчасъ же, залѣчитъ прижиганіемъ ту рану, что̀ зіяла между нимъ и ею. Что̀ за бѣда, если лѣченіе болѣзненно? Она встала и, притащившись къ комнатѣ сына, поспѣшно вошла.

Онъ стоялъ у лампы подъ огромнымъ желтымъ абажуромъ, освѣщавшей его письменный столъ. Вся комната тонула въ золотистомъ свѣтѣ. Въ маленькой кучкѣ подъ лампой лежало два конверта и нѣсколько фотографій. Онъ обернулся со сдержанной досадой: манера матери входить не постучавшись всегда раздражала его ужасно.

— Отъ Барретти пришли пробныя фотографіи,—сказалъ онъ. Очень хороши, мнѣ кажется. Посмотри же, матушка, очень хороши!

Она подошла. На столѣ были разложены три большихъ будуарныхъ портрета ея невѣстки. Онъ старательно разставилъ ихъ такъ, чтобы лампа освѣщала ихъ какъ можно ярче. Портреты были эффектные; Леони была въ бальномъ платьѣ, мѣховой накидкѣ, въ цвѣтахъ и драгоцѣнныхъ украшеніяхъ, очень красивая, немного вульгарная, немного «кричащая». Она была очень похожа.

— Удались; я такъ радъ, что они удались!—повторилъ онъ.

«Для кого-то они были сдѣланы?» подумала мать.

— Не правда ли, хороши?—продолжалъ онъ. Скажите, что хороши; всякій долженъ съ этимъ согласиться, матушка.

— Не люблю я этихъ новомодныхъ фотографій,—отвѣчала она. Мнѣ нужно поговорить съ тобой, Луи, совсѣмъ о другомъ.

— О дѣлахъ? Охъ, матушка, подождемъ десять минутъ! Вѣчныя дѣла! Кажется, вы это любите. А я терпѣть не могу. Дайте мнѣ еще порадоваться на мои портреты! Нѣтъ, впрочемъ, я готовъ заниматься какими угодно дѣлами, хоть вязать чулки для бѣдныхъ! Леони говорила мнѣ вчера, что она хочетъ попробовать быть доброй къ бѣднымъ. Это такъ трудно! И не очень пріятно. Милая моя, она дѣлаетъ все, что̀ можетъ, все, что̀ можетъ!

Мадамъ де-Парфондріё покоробило; въ словахъ сына ей послышался упрекъ. Вдругъ Луи упалъ на колѣни и, притянувъ къ себѣ одну изъ фотографій, началъ страстно и долго цѣловать безмятежно улыбавшееся лицо.

— Луи!

Старуха сама испугалась той агоніи, которая прорывалась въ ея голосѣ.

— Я знаю, я повашему преувеличиваю. Но, матушка.—Луи всталъ.—Вы не можете понять, вы никогда не поймете, что̀ такое для меня Леони. Я не похожъ на другихъ людей, которыхъ вы знаете. Не похожъ, простите меня, вы никогда ничего мнѣ не говорили, но я мужчина, я, кажется, понялъ, не похожъ и на своего отца. Для нѣкоторыхъ исключительныхъ людей довольно одной любви, въ ихъ жизни нѣтъ мѣста для бо̀льшаго. Леони наполняетъ все мое существованіе, мнѣ нечего помнить и нечего забывать. Она—вся моя жизнь, вся жизнь моего сердца. Я обожаю ее. Я обожалъ бы ее во всякомъ случаѣ. Но благодарю Бога,—голосъ его задрожалъ,—я сдѣлалъ ее достойной всего обожанія, на какое только способна моя душа!

— Ты очень вѣришь въ женщинъ, сынъ мой,—съ горечью проговорилъ старческій голосъ за его спиной. Онъ быстро обернулся.

— Я мало знаю женщинъ,—сказалъ онъ. Я вѣрю въ свою мать и въ свою жену.

Digitized by Google

— А если бы которая-нибудь изъ нихъ тебя обманывала?

Онъ улыбнулся.

— Я продолжалъ бы вѣрить въ нихъ.

— Ты смѣешься надо мной, Луи. Что, если бы твоя жена обманула тебя?

— Это вы смѣетесь надо мной, матушка. Есть вещи—простите меня,—которыхъ не слѣдуетъ говорить даже въ шутку. Вы не любите Леони такъ, какъ я бы хотѣлъ, чтобы вы ее любили. Мнѣ это очень жаль. Это единственное, что меня безпокоитъ въ жизни. Она не нашего круга, согласенъ. Не думаю, чтобы она была очень счастлива. Отъ этого я люблю ее еще больше. Она честная, правдивая, вѣрная, и даже если бы этого не было...

— Ну, если бы этого не было?

— Это нелѣпость, матушка... но... тогда виноватъ былъ бы я.

— Ты!

— Я, я одинъ. Это немыслимо. Не знаю, зачѣмъ вы все это говорите, но предположимъ, что оно было бы... да, виноватъ былъ бы я. Это я привезъ ее сюда и сдѣлалъ ее несчастною.

— Несчастной!

— Можетъ быть, иначе я и не могъ. Впрочемъ, это еще неизвѣстно. Я долженъ многое передъ нею загладить. Онъ взялъ одну изъ карточекъ и какъ будто опять хотѣлъ ее поцѣловать, но мужественно воздержался и положилъ ее обратно на столъ.

— Бѣдняжка!—сказалъ онъ.

— Твоя любовь,—разразилась она неудержимо, дрожа съ головы до ногъ,—твоя любовь—любовь дурака!

— Лучше дурака, чѣмъ мерзавца,—отвѣчалъ онъ,—а любовь мужчины всегда или то, или другое.

— И безъ этой твоей игрушки ты умрешь?

— Матушка, что съ вами сегодня? Вы страшны! Умру? Нѣтъ. Если бы Господь разлучилъ меня съ моей женой... Онъ одинъ можетъ это сдѣлать,—я бы жилъ, каждый день моля о смерти. Я бы жилъ и старался исполнить свой долгъ. Онъ бы видѣлъ мою душу; Онъ бы простилъ мою молитву.

— А я, значитъ, ужъ ничего!—Вся комната наполнилась этимъ крикомъ. Она не слыхала его отвѣта; она ничего не слыхала, кромѣ этого крика, отдававшагося опять и опять въ длинныхъ коридорахъ ея одинокой мысли. Она, какъ слѣпая, шарила по двери, отыскивая ручку.

— Я устала,—сказала она. До обѣда еще почти часъ. Я лягу.

— Ложитесь,—сказалъ онъ успокоительно. Вы на себя не похожи. Пойду покажу карточки Леони. Ей хотѣлось ихъ получить.

— Леони нѣтъ дома,—рѣзко проговорила мадамъ де-Парфондріё.

— Нѣтъ дома? А вѣдь ужъ становится поздно! Боже мой, ну, какъ съ ней что-нибудь случилось!

— Нѣтъ, нѣтъ, она сейчасъ вернется. Подожди со своими фотографіями. Черезъ полчаса ты ей ихъ покажешь, сынъ мой.

Она затворила за собой дверь, сбѣжала съ лѣстницы, какъ будто не была ни стара, ни слаба, и послала удивленнаго швейцара за извощикомъ. Madame la marquise на извощикѣ! Никогда въ жизни не слыхалъ онъ ничего подобнаго!

— Я забыла одно порученіе,—сказала она,—къ одной бѣдной женщинѣ. Это близко. Вернусь черезъ двадцать минутъ. Нѣтъ, никому не нужно меня провожать. Не нужно! Ступай! Адресъ извощику она дала, уже отъѣхавъ отъ дома, и обѣщала ему пять франковъ, если онъ поѣдетъ скорѣе, чѣмъ могъ.

Почти не выслушивая неизбѣжныхъ объясненій, она вбѣжала на второй этажъ и позвонила.

— Тише, барыня спитъ,—сказала сердитая Сюзонъ.

Отвратительная тошнота охватила мадамъ де-Парфондріё. — Мнѣ надо видѣть вашу барыню во что бы то ни стало,—отвѣчала она. Если она еще здѣсь, мнѣ надо ее видѣть; ея счастіе, самая жизнь зависитъ отъ этого; а если ея здѣсь нѣтъ, скажите мнѣ сію минуту, куда она уѣхала?

Digitized by Google

— Она здѣсь,—сказала дѣвушка, на которую манеры знатной дамы произвели впечатлѣніе.

— Если вы ее любите...

— Если?—да я обожаю ее. Она самая добрая барыня въ мірѣ,—сказала Сюзонъ.—Это вы злая, и...

— Можетъ быть, Боже, я не отрицаю этого! Если вы ее любите, впустите меня сейчасъ же! Одна лишняя минута можетъ быть смертельна!

Дѣвушка отшатнулась. Мадамъ де-Парфондріё торопливо вбѣжала въ гостиную и далѣе, черезъ полуотворенную дверь, въ спальню. Обѣ комнаты были ярко освѣщены.

На постели, въ теплотѣ и яркомъ свѣтѣ, лежала вытянувшись Леони. Она была въ бѣломъ ночномъ платьи, тяжелыя черныя косы ея были распущены. Длинныя рѣсницы темнѣли на смуглыхъ щекахъ.

Мадамъ де-Парфондріе наклонилась надъ ней и побѣжала назадъ.

— Доктора!—закричала она. Скорѣе доктора! Доктора! Сюзонъ, шедшая за нею слѣдомъ, залилась слезами и бросилась внизъ.

Когда маленькая горничная вернулась, пославъ дворника за докторомъ, мадамъ де-Парфондріе въ страшномъ волненіи ходила взадъ и впередъ вдоль обѣихъ комнатъ. На платьи старой лэди было кружево; оно висѣло клочьями между ея пальцами и поломъ.

Сюзонъ остановилась на секунду и пристально посмотрѣла на нее.

— Я забыла,—вдругъ заговорила она. Когда барыня ложились нынче, онѣ были печальны, и онѣ мнѣ сказали:—Сюзонъ, если ты какъ-нибудь увидишь опять ту даму, что̀ была здѣсь сегодня, скажи ей, что я ее прощаю. Не забудь, говорила,—только это одно, скажи, что я ей простила.

Она прошмыгнула мимо старой маркизы и наклонилась надъ постелью. Потомъ обернулась, заливаясь слезами:—Но я... я никогда не прощу васъ! Зачѣмъ вы пришли сюда и сдѣлали ее несчастной? Вы,—что̀ такое вы, такая старая и уродливая, чтобы завидовать чужому счастію?

И, къ удивленію и ужасу маркизы, она разразилась цѣлымъ потокомъ самыхъ площадныхъ, не приличныхъ ругательствъ, нагромождая оскорбленія и невозможную брань, со всею быстротою и ловкостью уличнаго мальчишки. Маркиза стояла неподвижно и молча, съ ногъ до головы окаченная грязью.

Луи де-Парфондріе не знаетъ ничего, поэтому намъ пришлось измѣнить здѣсь его имя. Онъ живетъ почти исключительно съ матерью, въ помѣстьи, которое названо на этихъ страницахъ Моври-лэ-Туръ. Они очень много занимаются благотворительностью; пожертвованія ихъ огромны; они строятъ церкви, монастыри, богадѣльни, школы для дѣвочекъ. Единственный пунктъ ихъ разногласія—это постоянное желаніе Луи посвящать всякое новое учрежденіе памяти Леони.

V.

Маленькая Мэри.

Мэри Бэтсъ жила въ Парадъ-Гарденсъ, въ Гарогэтэ. Насколько мнѣ извѣстно, она и до сихъ поръ, можетъ быть, живетъ тамъ же. Исторію ея разсказала мнѣ ея пріятельница, бывшая гувернанткой при дѣтяхъ моей сестры. Конечно, гувернанткѣ не слѣдовало бы ее разсказывать, но на что̀ же еще существуютъ у женщинъ пріятельницы?

Мэри Бэтсъ жила въ Парадъ-Гарденсъ съ матерью вдовой и «больной» сестрой. Отецъ ея былъ офицеръ и джентльменъ, одинъ изъ христіанскихъ героевъ Возстанія, и этотъ фактъ былъ для его младшей дочери источникомъ нескончаемаго удовольствія. Она никогда не знала отца, — онъ умеръ въ Индіи,—но съ неизмѣнной любовью берегла всякое воспоминаніе о немъ и собирала всѣ легенды, сложившіяся вокругъ его имени.

Мать съ дочерьми жила въ аккуратнѣйшемъ изъ двадцати-четырехъ аккуратныхъ домиковъ. Въ самыхъ складкахъ кисейныхъ занавѣсокъ, въ самомъ блескѣ вычищеннаго колоколь-

Digitized by Google

чика у дверей, было что-то, что тотчасъ говорило вамъ очень многое о зрѣломъ возрастѣ жильцовъ. Никто не могъ бы соединить съ этимъ домомъ представленіе о молодости или какомъ бы то ни было оживленіи; серіозная горничная, отпиравшая дверь, казалась вдвое старше своихъ лѣтъ, если только не перестала считать ихъ. Въ сущности ей было, пожалуй, лѣтъ двадцать пять. Но вѣдь и самой Мэри было когда-то всего двадцать восемь; впрочемъ, она даже и родилась-то старше этого.

Ей было двадцать восемь лѣтъ во время ея великаго романа.

Мать и дочери получали пятьдесятъ фунтовъ годового дохода. Слѣдовательно, онѣ были одинаково далеки и отъ бѣдности, и отъ богатства. «Я, въ своихъ желаніяхъ согласна съ псалмопѣвцемъ», говорила мистрессъ Бэтсъ, говорила въ особенности тогда, когда сравнивала себя съ кѣмъ-нибудь побѣднѣе. — «Двѣ прислуги лучше, чѣмъ одна, и гораздо лучше, чѣмъ четыре».—Подобное изреченіе, разъ оно застрянетъ въ старческой головѣ въ родѣ головы мистрессъ Бэтсъ, вынимается оттуда и укладывается обратно разъ по шести на день.

Вдова капитана была особа не очень привлекательная. Даже въ цвѣтѣ лѣтъ она не отличалась смышленостью, а ужъ теперь и подавно. Главное удовольствіе жизни, когда она была дѣвушкой и потомъ молодой замужней женщиной, она почерпала въ своемъ бѣло-розовомъ цвѣтѣ лица и кукольной красотѣ; она жеманилась, и одинъ или два очаровательныхъ поручика очень невинно за ней ухаживали.

Когда она объ этомъ вспоминала—увы, такъ часто!—она и до сихъ поръ умѣла жеманиться. Здоровье ея было плохо—вѣдь ей было уже за восемьдесятъ:—она страдала очень непріятнымъ мокрымъ кашлемъ. Маленькая Мэри берегла ее въ ватѣ, иначе она уже умерла бы лѣтъ двѣнадцать назадъ. Особенную гордость свою маленькая Мэри полагала въ томъ, чтобы ея старая, трясущаяся на ногахъ мать была, какъ она выражалась, «хорошенькой».

— Свѣтъ ужасно какъ дуренъ, — говорила старая мистрессъ Бэтсъ, бѣленькая и чистенькая, сидя въ своемъ креслѣ у окна, пока маленькая Мэри, полу-живая отъ всѣхъ своихъ хлопотъ по ея одѣванію и снаряженію, читала ей отрывки изъ «Daily Telegraph».—Мнѣ кажется, знаешь ли, что теперь свѣтъ сталъ много хуже, чѣмъ когда я была молода, вотъ какъ ты.

— О маменька! — протестовала дочь,—подумайте только, сколько теперь дѣлаютъ хорошаго!

— Хорошаго? Чего это, скажи на милость? У насъ еще ни разу не было горничной, которая бы шила такъ, какъ Сусанна-Джэнъ моей матери.

— Я разумѣла дѣла милосердія,— сказала тихо маленькая Мэри.

— О, это ты на счетъ человѣколюбивыхъ обществъ! — фыркнула мистрессъ Бэтсъ.

Особа, которую мало тревожили вздымающіяся волны альтруизма, была Луиза. Эта тридцатилѣтняя дѣвица была одною изъ тѣхъ счастливыхъ, смертныхъ (заслуживающихъ въ теоріи глубочайшее наше состраданіе), которыя никогда, ни для кого не уклоняются ни на шагъ съ пути самоублаженія. Она обладала тѣмъ довольно обыкновеннымъ состояніемъ здоровья, которое позволяетъ пользующемуся имъ дѣлать какъ разъ то самое, что ему хочется дѣлать, — ни болѣе, ни менѣе. Она могла провести цѣлый день на какомъ-нибудь раскаленномъ пикникѣ и пройти нѣсколько миль подрядъ; а отъ порученія, даннаго ей на уголъ сосѣдней улицы, у нея дѣлалась мигрень. Всякія опухоли и боли производились ею ad libitum, не черезъ посредство воли, а какъ непосредственный результатъ ея «нервовъ». Ей даже случилось разъ, какъ то было извѣстно всѣмъ, пробыть десять дней слѣпою, такъ какъ вѣки ея потеряли способность открываться. Но они раскрылись какъ ставни, когда въ Лидсъ, по случаю великаго кризиса въ шерстяной торговлѣ, прі-

Digitized by Google

ѣхалъ 17-й гусарскій полкъ. Въ общемъ она, впрочемъ, была своей жизнью довольна, лишь бы ей имѣть свой маленькій кругъ маленькихъ ежедневныхъ удовольствій, маленькихъ туалетныхъ новостей, маленькихъ треволненій, маленькихъ обидъ и маленькихъ недуговъ; она требовала одного: непрестаннаго, преданнаго, безропотнаго труда со стороны маленькой Мэри. И онѣ были къ ея услугамъ. Бывали минуты, конечно, когда Луизѣ приходилось ждать, потому что Мэри звала мистрессъ Бэтсъ. То были тревожныя времена въ жизни маленькой Мэри! Вообще же она тихонько справлялась съ подавляющимъ количествомъ своихъ обязанностей, стараясь не замѣчать, какъ утомляло ее малѣйшее усиліе. Луиза была совершенно не въ состояніи рано вставать или поздно ложиться (развѣ что изъ-за какого-нибудь пикника или вечера). Мэри вставала немногимъ позднѣе прислуги, но вѣдь прислуга-то ложилась часа на два раньше нея. Хуже всего было то, что Мэри очень не одобряла всѣхъ маленькихъ развлеченій Луизы,—театровъ, общедоступныхъ концертовъ и вечеровъ въ какомъ-нибудь клубѣ, которые Луиза впрочемъ посѣщала лишь изрѣдка. Всѣ эти вещи Мэри почитала грѣховными, и ни за что не поѣхала бы съ сестрою, съ которой, впрочемъ, и не могла бы ѣхать ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ мистрессъ Бэтсъ не соглашалась оставаться одна. Тѣмъ не менѣе это былъ предметъ постоянной обиды для Луизы, которая разъ даже почувствовала себя оскорбленною такъ жестоко, что совершенно перестала съ Мэри говорить, иначе какъ чрезъ посредство матери. Такое положеніе вещей продолжалось уже болѣе семи лѣтъ,—вступить на подобный путь гораздо легче, чѣмъ вернуться обратно, разъ ужъ вы разошлись по немъ какъ слѣдуетъ, но, съ усиливавшеюся постепенно глухотою мистрессъ Бэтсъ, замѣтно усиливались и неизбѣжныя осложненія.

— Мамаша!—кричала Луиза. Какъ боялась бывало маленькая Мэри этого, все повторявшагося слова! Мамаша! Скажите, пожалуйста, Мэри, что я нынче вернусь поздно.

— А какъ поздно?—спокойно спросила Мэри.

— Мамаша! Можно мнѣ взять ключъ отъ наружной двери?

— Совсѣмъ и незамѣтно, мнѣ кажется, — отвѣчала мистрессъ Бэтсъ, дремавшая надъ иллюстрированнымъ «Pilgrim's Progress», который заставляла ее «читать» Мэри.

— Что такое незамѣтно?—кричала Луиза.

— Заплатка на твоей кофточкѣ. Мэри по-моему сдѣлала ее очень аккуратно.

— Я не объ заплаткахъ совсѣмъ говорю! Можно мнѣ взять ключъ?

— Мама не любитъ, чтобы дверь оставалась отпертой,—сказала маленькая Мэри, вдѣвая нитку въ иглу.

— Скажите, пожалуйста, Мэри, мамаша, что я вернусь не ранѣе двѣнадцатаго часа. Въ школѣ вечеръ, будетъ новый священникъ.

— Но кто же проводитъ тебя домой?—спросила Мэри.

— Мамаша, у новаго священника квартира на Викторія-Плэсъ.

— Знаешь, Луиза, мнѣ кажется, ты ведешь себя очень скверно, — вдругъ начала маленькая Мэри, и два красныхъ пятна загорѣлись на ея впалыхъ щекахъ.

Луиза, тряхнувъ темными кудряшками, сдѣлала видъ, что не слышитъ.

— Ты продолжаешь все одно и то же вотъ уже теперь больше семи лѣтъ, — заспѣшила маленькая Мэри, прерывающимъ голоскомъ. Я ужъ и раньше тебѣ говорила, Луиза, это, право, очень гадко съ твоей стороны. Когда-нибудь ты пожалѣешь, — да, когда-нибудь ты раскаешься, что была такая злая.

Луиза встала и подошла къ наиболѣе глухому уху своей матери. Мамаша!—крикнула она. Вели Мэри перестать, слышишь? Она меня ругаетъ.

— Что ты, что ты, какъ это возможно!—воскликнула мистрессъ Бэтсъ, чуть не выронивъ своего Боньяна. Это тебѣ навѣрное такъ показалось,

Digitized by Google

это она навѣрное что-нибудь изъ Библіи!

Маленькая Мэри, какъ и всѣ очень добрые люди, неспособная дѣлать различіе между справедливымъ негодованіемъ и капризной вспышкой, ушла въ свою темную комнату и заплакала.

Когда она опять сошла внизъ, Луиза уже ушла, оставивъ распоряженіе, чтобы къ ея возвращенію былъ приготовленъ ей чай,—котораго, конечно, ей не будетъ, — сказала мистрессъ Бэтсъ. Я ужъ говорила Луизѣ, что и прислугѣ вѣдь тоже надо когда-нибудь выспаться. Нелѣпыя требованія Луизы могутъ просто иногда вывести изъ терпѣнія! Маленькая Мэри согласилась и не отдала приказаній о чаѣ. Она, въ знакъ покаянія, приготовила его сама. Но сначала она провела весь длинный вечеръ съ мистрессъ Бэтсъ, выслушивая ея безконечные разсказы объ индѣйскихъ побѣдахъ (одержанныхъ ею лично) и вставляя необходимыя реплики. Разговоры маленькой Мэри съ матерью были похожи на игру въ бильбокэ.

Затѣмъ она отвела трясущуюся старую лэди въ постель, не давъ ей сломать себѣ шею и свершивъ еще съ дюжину другихъ, менѣе важныхъ подвиговъ. Еженощное раздѣваніе, причесываніе и снова одѣваніе занимали болѣе часу.—Мнѣ это доставляетъ удовольствіе, — говорила маленькая Мэри задыхающимся голосомъ.

Когда мистрессъ Бэтсъ, поохавши, сколько слѣдовало, заснула (о, какой сладкой музыкой для маленькой Мэри былъ храпъ!), дочь ея спустилась внизъ, заварила чай и принялась шить и дожидаться Луизы.

Завѣтнѣйшимъ желаніемъ Мэри всегда было имѣть свой собственный воскресный классъ,—желаніемъ безплоднымъ, ибо мистрессъ Бэтсъ всегда нуждалась въ особенно тщательномъ подбадриваніи во время скуки воскреснаго дня. Мнѣ какъ-то всегда некогда сдѣлать хоть что-нибудь для кого-нибудь еще!—вздыхала несчастная маленькая Мэри. И тѣмъ не менѣе она не могла не обижаться немножко, когда Луиза говорила ей то же самое.

Луиза очень наслаждалась воскресной школой, конечно, не длиннымъ и скучнымъ часомъ урока, но всѣмъ предыдущимъ и послѣдующимъ, а главное еженедѣльнымъ подготовительнымъ классомъ викарія. Викарій называлъ ее своей правой рукой.

— Да, вы моя правая рука, дорогая миссъ Бэтсъ,—говорилъ онъ, провожая ее до дому въ ту ненастную ночь. Положительно, вы моя правая рука. Просто, и представить себѣ не могу, что̀ бы я сталъ безъ васъ дѣлать.

— Безъ меня!—отозвалась Луиза.

— Да, безъ васъ.

— Ахъ, вамъ меня совсѣмъ не нужно,—сказала Луиза, жеманясь.

— Вы мнѣ нужны каждый часъ моей... воскресенья, — отвѣчалъ священникъ.

— Войдите къ намъ, выпейте чашку чаю,—вдругъ сказала Луиза.

— Въ такой неимовѣрно поздній часъ ночи, миссъ Бэтсъ?

— О, сестра обѣщала, что если я буду паинька, она дастъ мнѣ чаю, когда я вернусь.

— А вы увѣрены, что вы были паинька?

— Неужели жъ нѣтъ?—рѣзво обернулась она съ порога.

— Правда. Совсѣмъ, совсѣмъ паинька.

— Вотъ моя сестра Мэри, мистеръ Брассъ.

Молодой викарій поклонился; это былъ юноша довольно красивый, только ужъ очень сухопарый. Онъ былъ честенъ, уменъ и серіозенъ; но онъ любилъ «побаловаться чайкомъ».

— Спасибо. Съ большимъ удовольствіемъ,—сказалъ онъ, когда Мэри налила ему вторую чашку. Почему бы вамъ не согласиться принять участіе въ нашемъ добромъ дѣлѣ, миссъ Мэри?

— О, преподаваніе—это вовсе не по части Мэри, — поспѣшно вмѣшалась Луиза.

— Я слишкомъ молода, — сказала Мэри, смѣясь, но не безъ язвительности. Луиза нахмурилась.

Digitized by Google

— Конечно, руководить юной паствой,—продолжалъ викарій,—и вести ее къ...

— Мамаша требуетъ очень внимательнаго ухода,—сказала Мэри. Глаза ея встрѣтились съ глазами молодого человѣка, и онъ вдругъ понялъ все.

— Можно мнѣ придти какъ-нибудь къ вамъ?—спросилъ онъ,—придти навѣстить вашу матушку, можно?

— Мы будемъ очень рады,—сказала Луиза.

Глаза маленькой Мэри были опущены на чашки. Какъ только за мистеромъ Брассомъ затворилась наружная дверь, Луиза величественно проплыла мило сестры, обернулась на лѣстницѣ, сказала:

— Негодница!—и ушла спать.

— Ну, какъ ни какъ, а она все-таки заговорила со мной!—размышляла маленькая Мэри, пока тушила лампы.

По дорогѣ домой викарій думалъ о томъ, что Луиза обладала нѣкоторой цвѣтистой красотою, но что у Мэри кроткіе глаза. Онъ вникалъ въ этотъ фактъ и выводилъ изъ него заключенія. Для каждаго мужчины глаза какой-нибудь женщины оказываются неотразимыми; какъ въ случаѣ Августа и Клеопатры, судьба его зависитъ только отъ встрѣчи съ роковыми глазами.

Давно уже томила священника все возроставшая тяжесть одиночества. По правдѣ сказать, онъ уже подыскивалъ себѣ жену. Не нравилась ему его не уютная квартира въ Викторія-Плэсъ, и онъ уже началъ очень осторожно кокетничать кое-гдѣ. Слегка ухаживалъ онъ и за Луизой. Нечего и говорить, что онъ вовсе не былъ блестящей партіей; а все же, кромѣ жалованья, было у него еще сотни двѣ фунтовъ годового дохода. И былъ онъ человѣкъ въ высшей степени почтенный. Вина не пилъ вовсе.

И при всемъ томъ, онъ, однако, составилъ изъ мальчиковъ, которыхъ обучалъ закону Божію, клубъ игры въ крикетъ.

Въ ожиданіи будущихъ возможностей, онъ довольно часто похаживалъ къ Бэтсамъ и былъ любезенъ, какъ и подобало, со всѣми тремя дамами. Онъ выслушивалъ разсказы мистрессъ Бэтсъ о жизни въ Индіи, часто справлялся о ея единственномъ сынѣ (гражданскомъ инженерѣ въ Лондонѣ), о его женѣ и дѣтяхъ (въ особенности о Полли, крестницѣ маленькой Мэри, безконечно забавной и остроумной, неистощимой Полли!). Онъ даже иногда усыплялъ мистрессъ Бэтсъ чтеніемъ вслухъ отрывковъ изъ «Pilrim's Progress». И потомъ опять говорилъ о Полли, пока, наконецъ, въ дѣло не вступалась Луиза.

— Мамаша!—кричала она свирѣпо, внезапно пробуждая отъ сна мистрессъ Бэтсъ,—какъ ты думаешь, не довольно ли съ мистера Брасса болтовни пятилѣтняго ребенка?

Маленькая Мэри краснѣла.

— Я люблю дѣтей,— говорилъ Эрикъ Брассъ.

— Какъ и всѣ хорошіе люди,—тихонько замѣтила разъ Мэри.

— Наглая кокетка! — прошипѣла сквозь зубы Луиза и начала очень громко разсуждать о предстоявшемъ базарѣ.

Ибо готовился очень большой базаръ, наполнявшій въ то время жизнь всѣхъ молодыхъ дѣвицъ, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ приходу св. Іуды. Многіе еще помнятъ, вѣроятно, великое предпріятіе, затѣянное въ восьмидесятыхъ годахъ великодушнымъ и энергичнымъ епископомъ Караибскихъ острововъ; прелатъ, испуганный быстрымъ физическимъ вырожденіемъ новообращенныхъ туземцевъ, съ тѣхъ поръ какъ христіанство лишило ихъ обычной ихъ пищи, устроилъ по всѣмъ приходамъ своей островной епархіи обширное «Караибское общество велисипедистовъ», котораго и самъ, разумѣется, былъ весьма ревностнымъ членомъ. Не смотря на всѣ затрудненія, встрѣченныя имъ въ его велосипедной пропагандѣ, епископъ все-таки восторжествовалъ въ концѣ концовъ и катанье на велосипедахъ въ національномъ костюмѣ, по коралловымъ рифамъ, обвѣваемымъ пряным вѣтеркомъ, сдѣлалось самымъ

Digitized by Google

моднымъ времяпровожденіемъ, а также и патентомъ на полученіе приходской помощи. На покупку цѣлыхъ тысячъ только-что появившихся тогда велосипедовъ «Safety» понадобились огромныя деньги; и вотъ, обширный центральный комитетъ подъ предсѣдательствомъ извѣстной мистрессъ Россель и ея свояченицы мистрессъ Брисбенъ-Боттомъ, организовалъ въ широкихъ размѣрахъ «Воззваніе къ національной помощи». Къ несчастію, все это было ранѣе того, какъ знаменитый соусъ Пикканини обогатилъ южно-океанское епископство капиталами Галлоуея и Бовриля. Ко времени Гарогэтскаго гулянья и Базара денегъ, собранныхъ по подпискѣ, не хватало еще на три тысячи четыреста семьдесятъ три велосипеда (положимъ, возрастъ претендентовъ, подразумѣваемый этой цифрой, опредѣлялся «не моложе шести лѣтъ»). И вотъ всѣмъ, принимающимъ къ сердцу благо человѣчества, и всѣмъ не принимающимъ,— были разосланы циркуляры подъ слѣдующимъ девизомъ:

«Сквозь мракъ земного шара покатимся въ разсвѣтъ,
Пришли, Европа, денегъ—купить велосипедъ!»—

Гарогэтъ, какъ и многія другія мѣста, совсѣмъ потерялъ голову. Священникъ церкви св. Іуды сталъ во главѣ движенія и благополучно привелъ его къ Базару. Онъ собралъ вокругъ себя всѣхъ своихъ викаріевъ и помощниковъ и велѣлъ имъ тѣшить мамону игрою на кимвалахъ, чтобы во время его пляски отрѣзать у него кошелекъ.

Эрикъ Брассъ принесъ это извѣстіе въ маленькій Парадъ-Гарденскій домикъ и безъ труда воспламенилъ обѣихъ миссъ Бэтсъ. Но вскорѣ разнесся слухъ, что одною изъ главныхъ приманокъ празднества будутъ велосипеды съ музыкой, на которыхъ будутъ разъѣзжать молодыя лэди въ шароварахъ. Вотъ какъ много уже времени прошло съ восьмидесятыхъ годовъ!

Лица у обѣихъ старыхъ дѣвъ вытянулись чуть не до пояса. Лицо Луизы—потому, что она не умѣла ѣздить на велосипедѣ, а лицо Мэри потому что она считала такія вещи неприличными.

— Но вѣдь это же костюмъ Ревекки и Рахили,—уговаривалъ викарій,— костюмъ всѣхъ восточныхъ женщинъ!

— Ужъ не годится ли намъ въ такомъ случаѣ и костюмъ Евы?—чуть не сорвалось съ языка маленькой Мэри. Но она сказала только:

— А вы, мистеръ Брассъ, что̀ возьмете на себя?

Въ томъ-то и заключалось главное торжество маленькой Мэри: она умѣла глушить свое природное устроуміе и язвительный язычокъ подъ теплыми одѣялами милосердія и праведности.

— Буфетъ,—отвѣчалъ, сіяя, викарій,—и я надѣюсь, что обѣ вы мнѣ поможете. Но на этотъ разъ, мистрессъ Бэтсъ, — заревѣлъ онъ, — я надѣюсь, вы сдѣлаете исключеніе...

Но, мистрессъ Бэтсъ, которая при случаѣ слышала все отлично, тотчасъ приняла самый плаксивый видъ и начала жаловаться не безпомощность старости.

— Я бѣдная, безполезная старуха,—причитала она,—а было время, когда я одна разлила бы весь чай,— да, и продала бы его весь офицерамъ!

— Шаровары привлекутъ офицеровъ,—безрасудно замѣтилъ викарій.

— Я старшая,—сказала Луиза.

— Это правда,—сказала Мэри, улыбаясь.

— Развѣ вы не находите, мамаша,— крикнула Луиза,—что Мэри слишкомъ молода, чтобы одной продавать чай въ набитой народомъ залѣ?

— Если бы мнѣ добыть хоть одну изъ васъ,—робко вмѣшался викарій,— я думалъ было пригласить кромѣ того мистрессъ Деверё Смитъ и ея двухъ маленькихъ дочекъ.

— О, я не люблю мистрессъ Смитъ, по прозванію Деверё,—сказала Луиза.

Маленькая Мэри, бывшая авторомъ этой клички, въ знакъ покаянія прикусила себѣ языкъ.

— Но мнѣ необходимо быть на Базарѣ!—воскликнула Луиза, злобно стуча разрѣзалкой по «Christian worbl».

Digitized by Google

Мистрессъ Бэтсъ съ внезапной энергіей выпрямилась въ креслѣ. Бросьте жребій, друзья мои!—сказала она, чувствуя себя самоотверженной. Викарій ухватился за эту мысль и, не взирая на слабые протесты Мэри, протянулъ къ Луизѣ свои два кулака.

— Который, выбирайте!—крикнулъ онъ. Одинъ—вы, другой—миссъ Мэри.

— Правый, — проговорила, задыхаясь, Луиза.

— Проиграли, этотъ миссъ Мэри! —сказалъ викарій.

— Мамаша,—взвизгнула Луиза, не думаешь ли ты, что Мэри слишкомъ...

— Нѣтъ, я выиграла, я и поѣду, —замѣтила Мэри.

— Ахъ, да, ну, поѣзжай, сдѣлай милость, — возразила Луиза (она теперь говорила иногда съ сестрой при священникѣ, чтобы онъ «чего не вообразилъ»), и не забудь отбрить мистрессъ Смитъ! Маленькая Мэри не отвѣчала. Она почти тотчасъ принялась готовить себѣ наряды къ великому событію и имѣла съ викаріемъ много длинныхъ и очаровательныхъ совѣщаній обо всемъ, чего требовало устройство ихъ палатки. Викарій относился съ мучительной добросовѣстностью къ качеству будущаго чая; онъ написалъ по этому поводу въ двѣнадцать разныхъ мѣстъ. Луиза вела себя такъ сдержанно, что становилось даже жутко, и ограничивалась замѣчаніями, и то очень рѣдкими, что Мэри чаю навѣрно нельзя будетъ пить.

И вотъ, наконецъ, ожидаемое событіе уже совсѣмъ приблизилось. До него оставался всего одинъ день, когда изъ Лондона пришла телеграмма.

Эрикъ Брассъ заходилъ во вторникъ утромъ, немного красный и недовольный.

— У мистрессъ Деверё инфлюэнца, она лежитъ въ постели!—воскликнулъ онъ.

— Ну, да это, право же, ничего. Обѣ дѣвочки все-таки будутъ.

— Мамаша!—крикнула во все горло Луиза.

Мэри согласилась, что дѣлать было нечего. Луиза выскользнула изъ комнаты и не показывалась до самаго обѣда. За обѣдомъ она молчала. Только замѣтила раза два:

— Мамаша! Вашему кашлю гораздо лучше, мамаша. Онъ просто почти что прошелъ.

— Да, тебѣ въ самомъ дѣлѣ гораздо лучше,—сказала маленькая Мэри. Она только-что повторила это еще разъ въ среду утромъ, сидя съ матерью, — утромъ наканунѣ Базара,— когда горничная принесла телеграмму.

— Мнѣ?—съ удивленіемъ спросила Мэри. Она открыла телеграмму и прочла:

«Пріѣзжай сейчасъ же. Полли больна».

— Подписи нѣтъ, — сказала Мэри. Телеграмма выпала у нея изъ рукъ. Голосъ ея дрожалъ. Въ глазахъ стояли слезы. «Мнѣ лучше поѣхать», — сказала она твердо. И въ тотъ же день она уѣхала, пославъ священнику торопливую записку съ самыми горячими извиненіями.

Но, къ удивленію, самъ мистеръ Брассъ оказался на станціи,—вышло какъ-то такъ, что и ему нужно было ѣхать въ Рипонъ съ тѣмъ же поѣздомъ.

Какъ, развѣ онъ не говорилъ вчера, что собирается? Забылъ, вѣрно, сказать.

Маленькая Мэри была въ большомъ волненіи, страхѣ и огорченіи. Мать она оставила больною, хотя не серіозно, какъ нѣсколько разъ настаивала Луиза. Она была увѣрена, что если ужъ ей прислали такую телеграмму, ея крестница должна быть при смерти; она почти не надѣялась застать ее въ живыхъ; а чтобы та выздоровѣла—не разсчитывала вовсе. Мэри по природѣ своей была мужественна, но вовсе не склонна надѣяться на лучшее.

Она сидѣла въ желѣзнодорожномъ купэ, вдвоемъ съ викаріемъ, и все время упорно смотрѣла въ окно, а глаза ей все время застилалъ сѣрый туманъ. Потомъ она заговорила, лишь бы не слышать молчанія.

Она выразила искреннее сожалѣніе, что не можетъ сдержать своего обѣщанія помочь ему на завтрашнемъ торжествѣ. Не лучше мистрессъ Смитъ

Digitized by Google

—говорила она, улыбаясь. Не лучше мистрессъ Деверё Смитъ, и безъ уважительныхъ причинъ. Но это не бѣда, Луиза будетъ ему помощницей гораздо болѣе полезной.

Да, да все это онѣ устроили, на счетъ Луизы, на этотъ разъ Джэнъ должна ухаживать за своей госпожей. Нельзя же имъ бросить его совершенно, и въ концѣ концовъ—она улыбнулась немножко лукаво... Луиза.

— Правда, правда,—но мнѣ хочется поговорить съ вами со всѣмъ о другомъ,—сказалъ онъ.

Она взглянула на него не безъ удивленія и заговорила о добромъ дѣлѣ на благо Караибскихъ острововъ. Она сдѣлалась даже краснорѣчива, въ своей нервной женской восторженности распространяясь о великомъ піонерѣ прогресса, апостолѣ, сильномъ духомъ и тѣломъ.

— Да, о да,—сказалъ Эрикъ Брассъ, комкая между колѣнъ своихъ длинныхъ ногъ широкополую шляпу,— но я бы хотѣлъ поговорить съ вами о другомъ.

Она еще шире раскрыла свои кроткіе глаза; углы ея нѣжнаго рта дрогнули.

— Что̀ жъ?—сказала она, поговоримъ о моей бѣдной Полли. Боюсь, что она очень больна, бѣдненькая. Это такой милый ребенокъ, не можете себѣ представить, мистеръ Брассъ.

— Нѣтъ! — воскликнулъ онъ внѣ себя отъ мысли, что ихъ tête-à-tête можетъ каждую минуту быть прервано остановкой,—нѣтъ я бы хотѣлъ, чтобы вы позволили мнѣ говорить совсѣмъ не объ этомъ.

— Чтобы я вамъ позволила! — воскликнула она, и слезы исчезли изъ ея голоса, она откровенно засмѣялась. О чемъ хотите, мистеръ Брассъ, только, пожалуйста, ужъ сами выбирайте тему! Вы, право, самый капризный человѣкъ въ мірѣ, мистеръ Брассъ, или мое имя не Мэри Бэтсъ!

— Я бы желалъ, чтобы оно было иное, — сказалъ онъ, красный, какъ ракъ, и тутъ сдѣлалъ ей предложеніе выйти за него замужъ.

Когда она отвѣчала, наконецъ, то сказала очень тихо: «А я думала, это Луиза».

Мистеръ Брассъ не могъ отрицать, что сначала онъ ухаживалъ немножко за Луизой, но съ тѣхъ поръ, какъ поближе познакомился съ Мэри, рѣшилъ жениться на Мэри.

Когда она отвѣчала и на это послѣ еще болѣе длиннаго перерыва, — то сказала еще тише: «И Луиза думала, что это она».

Мистеръ Брассъ имѣлъ, какъ обыкновенно имѣютъ въ подобныхъ случаяхъ мужчины, видъ немножко виноватый и очень недовольный.

— Луиза думаетъ, это она, — съ трепетомъ продолжала маленькая Мэри,—и... и кромѣ того, мистеръ Брассъ, вы не должны думать обо мнѣ... Я... я никогда не выйду замужъ. Я не могу оставить мать. И... и даже если когда-нибудь моя мать... я никогда не могу оставить Луизу. Мама и Луиза совершенно неспособны о себѣ заботиться. Вы не можете себѣ представить, какъ много домашнихъ дѣлъ выпадаетъ на мою долю. Это выходитъ похоже, будто я себя хвалю, и никому бы кромѣ васъ я этого не сказала, но дома безъ меня нельзя обойтись; мужчины не понимаютъ этихъ вещей, но мое призваніе, мнѣ кажется, оставаться дома, мистеръ Брассъ; всякій вѣдь долженъ дѣлать то дѣло, которое ему назначено, не правда ли?

— Да, и нести свой крестъ, —отвѣчалъ онъ свирѣпо.

— И нести свой крестъ,—согласилась маленькая Мэри, какъ только могла веселѣе,—и стараться найти способъ, какъ бы нести его поудобнѣе. Но Луиза:...

Затѣмъ всю остальную дорогу, она хвалила Луизу, честно выставляя на видъ всѣ свѣтлыя точки, которыя тщательно разыскивались ею въ продолженіе почти двадцати лѣтъ. Она въ эту минуту отъ всей души жалѣла Луизу, потому что знала, что всѣ мечты Луизы о будущемъ были воздвигнуты на Эрикѣ Брассѣ. И такъ, она горячо, хотя не прямо, защищала дѣло сестры, и ви-

Digitized by Google

карій вышелъ изъ вагона, съ твердымъ убѣжденіемъ, что если онъ не самый подлый негодяй, то онъ не можетъ обмануть довѣріе такой почтенной дѣвственницы, какъ бѣдная Луиза Бэтсъ.

— Я увѣрена, что вы очень ей нравитесь,—сказала Мэри, протягивая ему руку на прощанье.

— Конечно, больше я ничего не могу сказать.

— Она вамъ говорила?—спросилъ викарій не много жалобно.

Опять Мэри не могла сдержать широкой улыбки.

— Нельзя сказать, чтобы именно говорила, Луиза вообще не много со мной разговариваетъ о такихъ вещахъ. Но я обо многомъ догадываюсь.

— Знаете, мистеръ Эрикъ Брассъ, мнѣ кажется, вы очень склонны кокетничать.

У викарія просто волосы стали дыбомъ.

— Я никому не хотѣлъ бы вредить,— сказалъ онъ съ жаромъ. Она выпустила его руку, поѣздъ тронулся.

Она много плакала, свершая свой одинокій путь въ Лондонъ; во-первыхъ, нервы у нея были разстроены безпокойствомъ; да и каждой женщинѣ мила мечта о «домѣ», гдѣ дѣти называютъ ее матерью, гдѣ каждый день она съ хлопотливымъ привѣтомъ ожидаетъ возвращенія того единственнаго человѣка, котораго любитъ, и передъ которымъ благоговѣетъ. Теперь съ этимъ было покончено.

Она взяла на вокзалѣ извозчика и въ невинности души попросила его ѣхать скорѣе. Подъѣзжая, она съ волненіемъ посмотрѣла на домъ. — Что она?—вырвалось у нея тотчасъ.

— Кто! Какая она?—спросила служанка, которая недавно была въ домѣ.

— Миссъ Полли? Моя племянница! Съ лѣстницы раздался пронзительный крикъ, и Полли стремглавъ слетѣла въ объятія любимой тетки. «Милая, милая моя тетя Меи! — кричала Полли. Милая, милая тетя Меи!»

— Но, Полли, ты вѣдь была больна,—лепетала испуганная тетка.

Полли понурилась. Да,—сказала она. Была больна и глупая была. Пряники.

— О, да это три недѣли тому назадъ! Я помню. А вчера... Полли отрицательно покачала головой. — Нѣтъ, миссъ, извините,—вступилась горничная, желая загладить свой пріемъ,— съ миссъ Полли ничего не было, миссъ.

Тутъ изъ гостиной вышла мать Полли, и маленькая Мэри мало-по-малу поняла, что сдѣлалась жертвой мистификаціи, что телеграмма была подложная и прислана была для того, чтобы удалить ее съ Базара.

— Ну, разъ я уже здѣсь,—сказала она спокойно,—я все равно останусь до завтрашняго вечера. Базаръ начинается въ два часа. Нѣтъ, перестань, Селина! Я никакъ не ожидала этого отъ Луизы, но вѣдь ей, видишь ли, такъ страшно хотѣлось торговать въ этой палаткѣ! Давай говорить о чемъ-нибудь другомъ.

Но когда она въ ту ночь ушла къ себѣ, она обдумала все дѣло. Отказъ мистрессъ Деверё Смитъ, вѣроятно, довелъ Луизу до послѣдней крайности. Но все же поступокъ ея былъ преступенъ. Нѣтъ, она никогда не считала сестру способной на такую гадость. Послѣ долгихъ размышленій и молитвъ, Мэри сѣла, очень блѣдная, и написала викарію, что она проситъ его забыть утренній разговоръ, проситъ никогда больше не думать о Луизѣ, какъ о женщинѣ, на которой онъ можетъ жениться, и само-собою разумѣется—не думать въ этомъ смыслѣ также и о ней самой. Въ самой простой и самой мягкой формѣ, она сообщила факты, только-что дошедшіе до ея свѣдѣнія. «Это мой долгъ по отношенію къ нему,—думала она съ тоскою въ сердцѣ,—я не могу принять на себя отвѣтственность за то, что говорила нынче утромъ въ своемъ невѣдѣніи. Нѣтъ, женщина, способная на такую вещь, не годится въ жены Эрику Брассу». Она съ вечера отослала письмо на почту и сдѣлала видъ, что спитъ.

На слѣдующій день она вернулась уже когда стемнѣло. Все время она

Digitized by Google

думала о Луизѣ съ Эрикомъ на Базарѣ и надѣялась, что письмо ея придетъ во-время. Никогда не забудетъ она этого ужаснаго путешествія.

Когда она подъѣхала къ дому, ей навстрѣчу поспѣшно выбѣжала горничная Джэнъ.—Ахъ, идите, миссъ, идите скорѣе!—кричала Джэнъ.

— О, слава Богу, что вы вернулись, миссъ! Маленькая Мэри тотчасъ поняла, что случилось; случилось точно такъ, какъ она всегда предвидѣла.

— Барыня лежатъ такъ тихо и не говорятъ ничего; ужъ мнѣ бы хотѣлось, хоть бы закошляли онѣ, миссъ!—говорила горничная сзади нея на лѣстницѣ. Маленькая Мэри наклонилась надъ матерью. — Онѣ сильно кашляли весь день,—шептала Джэнъ. Миссъ Луиза уѣхали на базаръ и не велѣли за собой посылать безъ нужды. Я только-что хотѣла....

— Сбѣгайте за докторомъ,—сказала Мэри.

Но она сдѣлала уже все, что возможно было сдѣлать за долго до пріѣзда доктора, и когда онъ сказалъ: «Остановка дѣятельности сердца» — она только проговорила: «Да». Она всегда знала, что это будетъ такъ. Прерывистое біеніе сердца ея матери когда-нибудь вдругъ прекратится. И это будетъ въ одну изъ тѣхъ немногихъ минутъ, когда Мэри не будетъ дома. Она все еще сидѣла, горюя, въ темнотѣ у постели, ошеломленная утратой, когда, поздно ночью, въ комнату ворвалась Луиза въ праздничномъ туалетѣ Мэри.

— Мамаша,—крикнула она,—представьте себѣ: я помолвлена! И какъ бы вы думали съ кѣмъ?

Мэри встала. — Мамаша скончалась,—сказала она. Луиза разразилась шумными слезами.

— Луиза,—сказала Мэри нѣсколько времени спустя,—я тебя прощаю; я не знаю, кого ты заставила послать эту фальшивую телеграмму изъ Лондона. Не стала бы узнавать, если бы и могла. Прощай. Я очень устала. Теперь нечего дѣлать. Мы увидимся утромъ.

— Я... я помолвлена съ Эрикомъ Брассомъ,—прорыдала Луиза.

Но на слѣдующее утро, среди неизбѣжной возни, всегда связанной со смертью въ домѣ, пришли отъ викарія (который еще ничего не зналъ) два сердитыхъ письма, по письму каждой сестрѣ. Онъ нашелъ письмо Мэри по своемъ возвращеніи домой послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ хлопотахъ на Базарѣ. И отвѣчалъ ей сейчасъ же, въ своей досадѣ и гнѣвѣ выражая надежду, что съ этимъ прекратится между ними всякое знакомство.

— Мерзкій, мерзкій, — говорила сквозь слезы Луиза, вѣрно пьянъ былъ вчера! Какъ всѣ эти никогда не пьющіе! Но она вдругъ вскочила на ноги. Ты сказала ему о телеграммѣ!—воскликнула она.

— Да,—отвѣчала Мэри.

— Ненавижу тебя, ненавижу, ненавижу! Злая, мерзкая тварь! Никогда, никогда, хоть бы пятьдесятъ лѣтъ прожили вмѣстѣ, не скажу съ тобой ни единаго слова! Луиза бросилась мимо сестры вонъ изъ комнаты.

Немного спустя, горничная Джэнъ попросила свиданія съ миссъ Мэри.

— Будьте такъ добры, миссъ, — сказала она, — сдѣлайте одолженіе, скажите мнѣ, когда что рѣшите насчетъ будущаго, миссъ.

— Рѣшать тутъ немного,—сказала маленькая Мэри,—мы съ сестрой будемъ, вѣроятно, попрежнему жить вмѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ извините, миссъ Мери, мнѣ бы хотѣлось поискать себѣ другое мѣсто.

Но въ ту же ночь она, вся заплаканная, подошла къ постели Мэри и попросила у нея прощенія. Ей бы хотѣлось остаться съ миссъ Мэри, говорила она.

— Да, Джэнъ, мнѣ кажется, вамъ лучше остаться со мной,—проговорила Мэри задумчиво. Да, Джэнъ, вамъ лучше остаться со мною.

Digitized by Google

VI.

Джонъ.

Это была кличка. «Джонъ» была женщина, голландка родомъ.

Впрочемъ, ее въ сущности трудно было назвать женщиной,—такъ, дѣвченочка. Когда я видѣлъ ее въ первый разъ, она всего болѣе походила на школьника.

— Да, дочь доставляетъ мнѣ много хлопотъ, — говорила ея мать Мевру Барендсъ,—это для меня постоянный источникъ непріятностей. Она, кажется, одна больше нашумитъ и набезобразничаетъ, чѣмъ всѣ четверо мальчиковъ вмѣстѣ. А можетъ быть, это мнѣ только такъ кажется. Когда свиститъ дѣвочка,—знаете, вы ужъ всегда это услышите, а когда мальчикъ—не такъ. Впрочемъ, всѣ наши гувернантки уходятъ: она ловитъ ихъ подолы въ мышеловки и наливаетъ имъ столярнаго клею на стулья; ужъ и не знаю, чего-чего она съ ними не продѣлываетъ, право! Что̀ и говорить, просто сорванецъ какой-то, а не дѣвочка. Дикая, да и только. Моя послѣдняя гувернантка англичанка, бѣдное, тщедушное такое созданьице,—говорила мнѣ: «Я не могу сладить съ вашей дочерью, сударыня. Это сама нечисть, дочь сатаны!»

— Ну, это-то ужъ было, пожалуй, немножко того!—отважился я замѣтить.

— А кабы попробовать примѣнить къ ея воспитанію нѣкоторую разумную строгость, знаете ли,—начала моя тетка.

— Воспитанію! Ну, какъ, скажите на милость, будете вы воспитывать шестнадцати-лѣтнюю дѣвченку? Мужъ воспитываетъ четверыхъ мальчиковъ хлыстомъ, такъ что они трясутся передъ нимъ, какъ осиновый листъ, но у него предикія какія-то различія. Даже когда она была крошечная, онъ бывало никогда не позволялъ ее шлепать!

— Само собою разумѣется!—съ жаромъ сказала тетушка.

— Ну, и что̀ жъ изъ этого вышло? Съ мальчиками никогда никакихъ исторій, а этотъ сорванецъ Джонъ никогда изъ нихъ не выходитъ.

Тетушка, вѣроятно, поняла, что безполезно разсуждать съ Мевру Барендсъ о ея любимомъ конькѣ, педагогіи.

— Значитъ, мальчики по наукамъ идутъ хорошо?—сказала она.

Толстая Мевру вздохнула отъ глубины души.

— Ну, этого нельзя сказать. Учатся-то они всѣ не Богъ знаетъ какъ. Учителя постоянно жалуются. Да что̀ жъ тутъ подѣлаешь, судите сами? Вѣдь они знаютъ, что они дѣти Яна Барендса. Объ хлѣбѣ насущномъ имъ заботиться нечего.

— Богатство отращиваетъ себѣ крылья,—сентенціозно замѣтила тетушка. Въ наши дни оно подчасъ улетаетъ по телеграфнымъ проволокамъ.

Мевру Барендсъ самодовольно улыбнулась, сложивъ толстыя ручки на негнущемся шелковомъ платьѣ.

— Что̀ правда, то правда, это, конечно! Только на прошлой недѣлѣ Пордеръ и Сыновья обанкрутились на милліонъ!

И обѣ дамы пустились въ оживленное обсужденіе вышедшихъ на свѣтъ Божій подробностей бѣдственнаго положенія Мевру Пордеръ. А я между тѣмъ размышлялъ о чудачествахъ этой странной дѣвочки, Джонъ Барендсъ.

Ея настоящее имя, какъ я уже говорилъ, конечно, не было Джонъ. Помнится мнѣ, но это не навѣрное, что ее звали Анни. Еще въ раннемъ дѣтствѣ братья, которымъ надоѣли ея постоянныя просьбы стать мальчикомъ, съ большою торжественностью и безсознательнымъ кощунствомъ свершили надъ ней вторичный обрядъ крещенія и нарекли ее «Джонъ». Это было имя ихъ отца, имя, котораго не носилъ никто изъ нихъ. Такимъ образомъ они исправили то, что̀ всегда считалось въ роднѣ большимъ упущеніемъ.

Трое изъ братьевъ Джонъ были моложе ея, а одинъ—двумя годами старше. Мальчики были всѣ бѣлобрысые, мучнисто-блѣдные, нескладные и

Digitized by Google

невзрачные. Одѣвались они не по годамъ нарядно, носили щегольскіе галстуки и, насколько хватало смѣлости, задирали носы въ тѣхъ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ получали образованіе. Отца ихъ—онъ былъ индѣйскій купецъ—всѣ считали неимовѣрно богатымъ, что̀ вполнѣ подтверждалось той роскошью, въ которой онъ жилъ. Его крупная голова и внушительная наружность были важными чертами въ общественной жизни Сити. Давно состоялъ онъ членомъ городского совѣта и разныхъ комитетовъ,—благотворительныхъ, художественныхъ и педагогическихъ; всѣ уступали ему дорогу или старались сбить его съ нея обманомъ. Человѣкъ суровый и справедливый, онъ всегда готовъ былъ скорѣе на справедливое, чѣмъ на доброе дѣло. Сыновья боялись его смертельно; дочь любила его той сильной любовью, которая исключаетъ страхъ.

Высокая, красивая, оригинальная дѣвочка была эта Джонъ; съ твердыми, какъ у отца, чертами лица, съ его курчавыми черными волосами, она ничѣмъ не напоминала свою рыхлую мать, которую жалѣла, часто ласкала и всегда немножко презирала.

— Гостиные таланты! — говорила Джонъ,—терпѣть я не могу этихъ талантовъ—мама говоритъ, что образованіе женщины должно заключаться только въ обученіи разнымъ искусствамъ, а помоему—ну ихъ совсѣмъ, эти дамскія искусства!—Мама училась музыкѣ, а не умѣетъ играть; училась живописи—не умѣетъ рисовать. Даже и не имѣетъ на это никакой претензіи. Да вотъ вчера только, у тети Мэри, кто-то попросилъ ее сыграть польку дѣтямъ, — а она сейчасъ:— «Ахъ, не умѣю, право, не умѣю». Совсѣмъ переконфузилась! А одинъ разъ нарисовала Томми собаку та̀къ, что онъ думалъ, это корова.

Наступило продолжительное молчаніе, Джонъ размышляла.—«А танцовать, пожалуй, и до сихъ поръ умѣла бы,—проговорили ея красивыя губы,—кабы не толщина.—Но я вотъ умѣю танцовать и не учась. Всякій можетъ самъ научиться,—стоитъ посмотрѣть, какъ танцуютъ другіе. И учитель говоритъ, что я танцую отлично, только все не могу запомнить, что нельзя топать.

Джонъ вздохнула и свѣсила свои длинныя ноги съ вѣтки яблони, на которой сидѣла.

— Учиться разнымъ тамъ искусствамъ—это ужасная чепуха,—сказала она,—не правда ли?

— Несомнѣнно,—отвѣчалъ я.

Я уже познакомился тогда съ Джонъ черезъ ея старшаго брата Джерарда и лежалъ въ эту минуту на травѣ подъ «Princesse Noble». Такъ называлась яблоня.

— То-есть, конечно, я хочу сказать, если они... то-есть какое-нибудь изъ нихъ... не есть ваше призваніе. Такъ ему тогда можно...

— Вы считаете себя призванной сдѣлаться учительницей танцевъ?

— Конечно, нѣтъ. Я понятія не имѣю, въ чемъ мое призваніе. А мама вотъ говоритъ, что у меня совсѣмъ и не можетъ быть никакого призванія.

— Но почему же?

— Она говоритъ, что имѣть призваніе—не прилично для женщины. По ея мнѣнію, быть миссъ Барендсъ—вотъ и все мое призваніе. Что̀ я люблю, такъ это ариѳметику, большія, сухія такія числа, и чтобы много разныхъ затрудненій, и сложные проценты. А счетныя-то книги! Ужасно люблю вести счетныя книги, особенно выискивать ошибки!

— Ну, что̀ вы понимаете, милая моя барышня, въ томъ, чтобы вести счетныя книги. Можетъ быть, вы разумѣете везти ихъ въ каретѣ или на извозчикѣ?

— Я вовсе не барышня, а если бы и была барышня, то не была бы милая, и ужъ никакъ не ваша. И вамъ совсѣмъ незачѣмъ отпускать плохія остроты. Я готовила всѣ уроки за брата Джерарда, когда онъ былъ въ коммерческомъ училищѣ; никакъ не справился бы, кабы не я.

— А Джерардъ за васъ занимался рукодѣльемъ?

Digitized by Google

— Нѣтъ; не смѣйтесь надъ моимъ братомъ; я этого не потерплю. Джерардъ предлагалъ мнѣ подправлять мои рисунки,—онъ вѣдь очень мило рисуетъ,—но я не согласилась. По-моему это было бы подло.

— Но вѣдь не подло же было, когда вы готовили за него уроки? Я что-то не совсѣмъ улавливаю нить вашихъ разсужденій.

— Я и не думаю разсуждать. Терпѣть не могу разсужденій. Это совсѣмъ другое дѣло. Женщинѣ нужно помогать мужчинамъ. Они бы никакъ не справились безъ нея.

Правда,—согласился я кротко,—никакъ бы не справились безъ нея. Она производитъ насъ на свѣтъ и сживаетъ насъ со свѣту.

— Что̀?

— Прощайте, миссъ Джонъ.

О послѣдовавшихъ въ тотъ вечеръ происшествіяхъ я узналъ отъ Альфреда, ея десятилѣтняго третьяго брата. Съ младенческой сообразительностью онъ по крайней мѣрѣ сообщилъ мнѣ то, что̀ считалъ нужнымъ сообщить.

Судя по его словамъ, мадемуазель Дусилье, послѣдняя гувернантка Джонъ, француженка, не разъ высказывала съ большимъ жаромъ свое отвращеніе къ мужчинамъ. Не мудрено поэтому, что ей овладѣло сильное волненіе, когда, войдя въ сумерки въ свою комнату, она увидала рослаго, пьянаго парня, который храпѣлъ на ея постели. Не задаваясь вопросамъ, какъ могло чучело храпѣть, она тотчасъ подняла визгъ на весь домъ. Всѣ выбѣжали въ корридоръ, и дѣти удостоились лицезрѣнія отца въ чрезвычайно «простомъ» дезабилье.

Послѣ обѣда, Джонъ была призвана въ гостиную. Входя, она чуть не опрокинула маленькій столикъ. Родители обмѣнялись взглядомъ. Они сидѣли по обѣ стороны камина, какъ разъ съ такимъ видомъ, какой должны имѣть родители дурной дѣвочки.

— Джонъ,—сурово началъ мейнгеръ Барендсъ,—такъ это не можетъ продолжаться.

— Что̀ такое, папа?—кротко спросила Джонъ. И, тотчасъ почувствовавъ, что отвѣтъ отзывался неискренностью, продолжала:—Ахъ, это ты про чучелу. Я уже извинялась передъ мадемуазель. Но кто бы могъ подумать, что большая женщина можетъ испугаться куклы?

— А кто бы могъ подумать, что большая шестнадцатилѣтняя дѣвочка можетъ продѣлывать такія дурацкія штуки?

— Такія гадкія, неприличныя шалости!—вставила Мевру Барендсъ.

— Да,—покорно согласилась Джонъ.

— Твое поведеніе, право, становится просто невыносимо,—продолжала гнѣвно Мевру. И какъ единственный выходъ изъ всего этого, мы отдадимъ тебя въ пансіонъ.

— Въ пансіонъ?—повторила Джонъ. Ахъ, папа, неужели ты думаешь, что это будетъ для меня хорошо?

— Это будетъ хорошо для мальчиковъ,—сурово отозвалась Мевру Барендсъ.

— Это будетъ хорошо для мальчиковъ,—повторилъ, какъ эхо, мейнгеръ. Ты безобразно злоупотребляешь той безнаказанностью, которой пользуешься въ качествѣ дѣвочки. Если бы кто-нибудь изъ мальчиковъ позволилъ себѣ хотя десятую долю твоихъ шалостей, я бы запоролъ его до полусмерти.

— Правда, я забыла о мальчикахъ,—согласилась Джонъ съ ея большей кротостью.

— Бѣдныхъ маленькихъ Альфреда и Томми нужно избавить отъ твоего дурного примѣра,—сказала мать.

— Они славные мальчики,—сказала Джонъ. Папа, не рѣшай пока насчетъ того, отдавать ли меня въ школу. Мнѣ что-то кажется, что это будетъ для меня не хорошо. Дай, я сама поговорю съ мальчиками, и скажу имъ, чтобы они не слѣдовали моему дурному примѣру.

— Ты дерзкая дѣвченка, Анни!—воскликнула мать.

Джонъ смотрѣла на нее, выпучивъ глаза и открывши ротъ отъ удивленія.

— Да вѣдь, мама, они же въ концѣ концовъ вовсе и не слѣдуютъ моему примѣру. Ты сама говоришь!

Digitized by Google

— Вонъ отсюда!—отвѣчала мать. Мейнгеръ Барендсъ величественно кивнулъ въ знакъ согласія. Джонъ выкралась изъ комнаты; за дверью ее ожидали трое старшихъ мальчиковъ.

— Идите всѣ за мною въ классную,—скомандовала Джонъ. Готовилось торжественное совѣщаніе. Джонъ влѣзла на спинку кресла.

— Мальчики,—сказала она. Я отправляюсь въ пансіонъ.

Поднялся протестующій крикъ.

— Тише, вы! разбудите Томми! Онъ еще такъ малъ, что не идетъ въ разсчетъ. Да, меня отдаютъ въ пансіонъ—за шалости.

Наступило мертвое молчаніе.

— Не за то, понимаете, что я веду себя, какъ неприлично барышнѣ,—продолжала Джонъ, мотая своей черной головой,—и не за то, что я пачкаюсь и рву платья и все роняю и дѣлаю кляксы. Во всемъ этомъ я, правда, виновата. А за то, что шалю. Ну, а я такъ люблю это затѣвать разныя штуки. Ужъ очень иногда выходитъ уморительно! Господи Боже мой,—она съ чувствомъ подняла глаза къ потолку классной комнаты,—какое это мнѣ прежде доставляло удовольствіе!

Никто изъ троихъ мальчиковъ не проронилъ ни слова, всѣ они были погружены въ созерцаніе своихъ сапоговъ.

— Въ пансіонѣ,—говорила задумчиво Джонъ,—мнѣ придется весь день вести себя прилично. Въ пансіонѣ нельзя прыгать съ лѣстницы черезъ двѣ ступеньки. Въ пансіонѣ всѣхъ дѣвочекъ учатъ быть, какъ кузина Сью.

По тремъ серіознымъ физіономіямъ промелькнула улыбка при мысли о томъ, чтобы Джонъ уподобилась этой чрезвычайно жеманной маленькой дѣвицѣ, кузинѣ Сильвіи, которую «несносныя дѣти» прозвали Сью.

— Предлагаю,—торжественно началъ Джерардъ, чтобы намъ всѣмъ пойти къ папѣ и предложить ему наше поручительство въ томъ, что Джонъ будетъ вести себя хорошо.—Онъ многозначительно взглянулъ на двухъ меньшихъ братьевъ.

— Мы обѣщаемъ за Джонъ, что она не будетъ больше продѣлывать никакихъ штукъ.

— Мнѣ страшно,—сказалъ Альфредъ.

— Неужели!—воскликнула Джонъ. Такъ я пойду съ вами!

— Нѣтъ, ты оставайся здѣсь,—скомандовалъ Джерардъ. Ему было уже восемнадцать лѣтъ, и у него пробивались усы. Трое мальчиковъ торжественно прошествовали въ гостиную и имѣли тамъ разговоръ съ родителями. Они были очень нѣжны и умилительны. Альфредъ помнитъ, что, принимая на себя отвѣтственность за исправленіе Джонъ, онъ прижалъ правую руку къ сердцу.

— Хорошо,—сказалъ тронутый отецъ, вопреки протестамъ Мевру Барендсъ,—но въ первый же разъ, какъ случится что-либо подобное,—она отправится.

Мальчики вышли гурьбой. Джонъ, презирая подслушиванье, стала въ самомъ дальнемъ углу залы.

— А теперь малыши,—вотъ что̀ я вамъ скажу,—сказалъ Джерардъ,—въ первый же разъ, какъ въ этомъ домѣ прозойдетъ какая-нибудь шалость, я куплю хлыстъ и выдеру васъ такъ, какъ не сдѣлалъ бы и отецъ.

Съ минуту длилось испуганное молчаніе.

— Ты вѣдь и самъ прежде,—вырвалось, наконецъ, у Альфреда.

— Что̀ я самъ прежде! Это сюда не относится, прежде не думали отдавать Джонъ въ пансіонъ.

Джонъ стремительно бросилась цѣловать братьевъ и, не смотря на ихъ сопротивленіе, взъерошила ихъ совершенно.

— Если бы я могъ за что-нибудь тебя ненавидѣть, Джонъ,—сказалъ Джерардъ,—такъ это за то, что ты всегда меня растреплешь.

— Я не испортила задній проборъ,—сказала Джонъ,—онъ прелестенъ, задній проборъ. Точно дорожка уходитъ въ кусты.

— Пойди вымой руки, онѣ въ чернилахъ,—съ сердцемъ возразилъ Джерардъ.

Digitized by Google

— И въ медвѣжьемъ жиру!—отвѣчала Джонъ, убѣгая. Ничего, Фредди, не хмурься! Ты вѣдь всегда, знаешь ли, можешь, если захочешь, повести дѣло подъ своей собственной фирмой. Она снова просунула голову въ дверь классной. И попросить папу подводить твои счеты!

Нѣсколько недѣль тѣмъ не менѣе все шло благополучно. По крайней мѣрѣ всѣ бѣды, въ которыя попадала Джонъ, были исключительно ея собственнаго приготовленія. Она попробовала, не учась, ѣздить на велосипедѣ брата, значительно повредила велосипедъ и еще больше повредила самое себя. Такъ какъ вывихнутая рука дѣлала ее еще неловчѣе, чѣмъ обыкновенно, она облила платье матери цѣлымъ потокомъ пива и разбила флаконъ на ея туалетномъ столѣ. А когда Джерардъ въ утѣшеніе повезъ ее прокатиться на лодкѣ, она упала въ воду. Мадемуазель Дусилье, единственное начальство, освѣдомленное объ этомъ несчастіи, очень глупо обѣщала держать его въ тайнѣ, и еще того глупѣе—выдала. Два дня спустя, находившійся въ комнатѣ мадемуазель интересный портретъ молодого французскаго офицера исчезъ неизвѣстно куда.

Джонъ съ негодованіемъ отрицала обвиненіе въ поступкѣ, который, своимъ женскимъ инстинктомъ, считала «самой низкой подлостью». И все-таки родители рѣшили принять мѣры, которыя оправдывались такимъ множествомъ причинъ, и «молодая дѣвица» была послана въ первоклассное заведеніе, испуганная содержательница котораго почти не признала ее таковою. Вечеромъ послѣ ея отъѣзда Джерардъ,—эта воплощенная слабость и мягкосердечіе,—однако, вдругъ взялъ да и исполнилъ свою угрозу. Альфредъ впрочемъ тщательно избѣгалъ всякихъ упоминаній объ этомъ обстоятельствѣ.

Джонъ писала изъ пансіона веселыя письма, а наставница ея присылала отчеты, въ которыхъ слезно жаловалась на отсутствіе въ ней всего, что необходимо для молодой дѣвицы ея положенія. Впрочемъ, это только на первыхъ порахъ. Потомъ мало-по-малу школа начала приписывать себѣ честь наступавшаго въ Джонъ улучшенія. Когда дѣвочка вернулась на праздники, встревоженные братья отвѣчали на ея испуганные вопросы, что не замѣчаютъ никакой перемѣны. Джонъ вздохнула, точно у нея гора съ плечъ свалилась, и вынула шпильки изъ волосъ, отросшихъ и завернутыхъ комочкомъ на затылкѣ. Но отецъ, у котораго, какъ ей показалось, было очень красное и воспаленное лицо, и еще болѣе прежняго растолстѣвшая мать переглянулись одобрительно.

— Красавицей становится, — сказала Мевру Барендсъ.

— Она всегда была красавица,— сказалъ купецъ.

— Надѣюсь, она сдѣлаетъ хорошую партію.

Пріятель, который у нихъ обѣдалъ, засмѣялся. Это былъ великій конкурентъ Барендса по индѣйской торговлѣ въ Сити, его единственный соперникъ и единственный другъ.

— Простите, — сказалъ Никласъ Брукъ,—но мысль эта кажется до такой степени нелѣпой! Трудненько пока представить себѣ «мистрессъ Джонъ!»

— Ей ужъ скоро восемнадцать минетъ,—сказалъ купецъ, немного обидѣвшись. Впрочемъ, это, конечно, должно казаться совсѣмъ младенчествомъ для холостяка за сорокъ!

— Только на границѣ, на самой границѣ!—засмѣялся Брукъ.

— Желаніе уменьшать себѣ года есть признаніе въ старости,—отвѣчалъ Барендсъ. Но очень странно, знаете ли, Брукъ—единственное, кажется, къ чему способна эта дѣвочка,—это цыфры. Она, по словамъ учительницы, ни капли не интересуется ни литературой, ни поэзіей, ничѣмъ такимъ. Но очень хорошо идетъ по всѣмъ практическимъ предметамъ и по ариѳметикѣ.

— Только не по рукодѣлію,—вставила мистрессъ Барендсъ.

— Знаю, знаю, вѣдь я знаю вашихъ дѣтей не меньше, чѣмъ вы сами,—отвѣчалъ Брукъ. Не даромъ они выросли на моихъ глазахъ! Вамъ придется

Digitized by Google

принять Джонъ въ свое дѣло, Барендсъ,—прибавилъ онъ, смѣясь.

— А вотъ Джерардъ не очень-то способенъ къ дѣламъ,—отвѣчалъ купецъ со вздохомъ.

Мистрессъ Барендсъ встала изъ-за стола.

— Ты достаточно пилъ, Янъ,—сказала она. Не пей больше!

— Какъ, вотъ вздоръ какой! Я выпилъ всего три стакана клярету.

— Докторъ позволяетъ тебѣ только два.

— Ахъ,—докторъ! Чепуха! Доктора просто изъ зависти всегда запрещаютъ все вкусное!

Однако, нѣсколько мѣсяцевъ спустя Джонъ была вызвана изъ пансіона извѣстіемъ, что ея отецъ умеръ отъ удара. Она полетѣла назадъ; у нѣкоторыхъ людей въ такихъ случаяхъ мысли опережаютъ ноги, а у другихъ ноги опережаютъ мысли.

Джонъ стремглавъ бросилась домой и попала прямо въ невыразимую суматоху и смятеніе. Смерть обладаетъ ужасной привычкой выдергивать изъ нашихъ карточныхъ построекъ ту самую карту, на которой лѣпится все зданіе. Она—художникъ въ своемъ родѣ; никто не сумѣетъ устроить столь живописныхъ развалинъ.

Мевру Барендсъ, совершенно ошеломленная и потрясенная, сидѣла въ полу-темной гостиной и проливала шумныя слезы. Она чувствовала свою вдовью важность и этимъ чувствомъ, какъ шерстянымъ одѣяломъ, окутывалась ея безпомощная печаль.

Это была одна изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ общественное значеніе и домашній авторитетъ поддерживаются только непрерывнымъ потокомъ благоденствія, одна изъ великолѣпныхъ далій, банкой для произростанія которыхъ служитъ мужъ.

— О Анни,—говорила она въ слезахъ,—жена бургомистра уже пріѣзжала съ визитомъ!

На диванѣ въ столовой лежалъ Джерардъ, блѣдный и интересный. Въ классной двое школьниковъ ссорились изъ-за почтовыхъ марокъ. При входѣ Джонъ оба одновременно смолкли, и Альфредъ пошелъ строить домики съ Томми.

— А кто дѣлаетъ все, что̀ нужно?—спросила Джонъ у Джерарда, когда выплакалась и успокоилась. Она сидѣла на столѣ противъ дивана, на которомъ лежалъ Джерардъ.

— Что̀ нужно? Ахъ, да, никто. Мы ждемъ дядю Джорджа.

— Дядя Джорджъ ни къ чему,—отвѣчала энергично Джонъ.

— Ну, а кромѣ у насъ никого нѣтъ. Нѣтъ семьи, у которой было бы такъ мало родственниковъ! У мамы ни одного брата, у папы всего только дядя Джорджъ.

— Дядя Джорджъ не сумѣетъ самъ застегнуть себѣ башмаковъ!—воскликнула нетерпѣливо Джонъ. Ты знаешь, папа всегда это говорилъ. Дядя Джорджъ только и можетъ, что торчать въ своей сонной деревнѣ и корпѣть надъ латинскими книгами. Онъ будетъ сидѣть съ мамой и вздыхать. Кто-нибудь долженъ же дѣйствовать, разъ папа умеръ!

— Ахъ, Джонъ, какъ ты можешь это говорить такъ грубо!—слезы навернулись на блѣдно-голубые глаза Джерарда.

Она ушла сердитая и отыскала дворецкаго. Къ счастію, этотъ дворецкій жилъ у нихъ уже много лѣтъ и, насколько позволяло капризное властолюбіе Мевру Барендсъ, сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ фактотума. «Знаете вы, что̀ нужно дѣлать? спросила его Джонъ, глотая слезы. Такъ скажите мнѣ». И вмѣстѣ они все приготовили и представили на одобреніе вдовы. Эта дама предложила нѣсколько неисполнимыхъ измѣненій, назвала Джонъ безсердечной и, наконецъ, согласилась на всѣ мѣропріятія, которыя впослѣдствіи называла или нелѣпыми или дурно исполненными. Пріѣхавшій дядя Джорджъ сидѣлъ рядомъ со свояченицей въ унылой гостиной, но вздыхалъ такъ мало, что Джонъ даже чувствовала себя обиженной.

И вотъ, прошли первые торжественные дни, среди цѣлаго потопа приличныхъ соболѣзнованій, оффиціальныхъ

Digitized by Google

знаковъ вниманія со стороны общества и полуоффиціальнаго траура.

Когда торжественныя похороны миновали, Барендсы имѣли случай убѣдиться, что для человѣка дѣятельнаго не трудно быть знакомымъ со всѣми, всѣми уважаемымъ и оплакиваемымъ— и только.

Джонъ не удивилась, заставъ въ одно прекрасное утро Джерарда въ слезахъ, одного въ комнатѣ отца.

Онъ вскочилъ.—Какъ ты смѣешь!... началъ онъ.

— Что̀?

Онъ опять упалъ въ кресло.—Посмотри!—Джерардъ махнулъ рукой по направленію къ огромному вороху заваливавшихъ столъ бумагъ.—Я ничего тутъ не понимаю.

— Что̀ это за бумаги?

— Да куча дѣловыхъ писемъ и еще чего-то.

Прислали изъ конторы.

— Конечно,—сказала Джонъ. Изъ конторы. Я совершенно понимаю.

— Понимаешь? Ахъ, кабы такъ!

— Почему ты не попросишь кого-нибудь помочь тебѣ, Джерардъ?

— Помочь мнѣ могъ бы только одинъ человѣкъ. И онъ главный нашъ соперникъ. Папа говорилъ, чтобы я никогда не говорилъ съ нимъ о дѣлахъ.

— Ты это о Никласѣ Брукѣ? Удивляюсь, какъ папа могъ это сказать. Мнѣ нравится мистеръ Брукъ. За это время онъ былъ такъ добръ къ намъ, какъ только можетъ быть добръ посторонній.

— Видно, что ты ничего не смыслишь въ дѣлахъ, оттого такъ и разсуждаешь. Нужно быть дѣвочкой или идіотомъ, чтобы просить совѣта у соперника.

Она, не отвѣчая, притянула къ себѣ нѣсколько бумагъ и начала ихъ просматривать. Братъ потянулъ ихъ обратно.

— Вздоръ какой!—сказалъ онъ,— ты все равно ничего не поймешь. Намъ придется продать фирму или какъ-нибудь еще...

— Продать дѣло! — воскликнула Джонъ, обертываясь къ нему лицомъ.

— Да, конечно. Я уже говорилъ съ мамой. Это будетъ огромная потеря; но иначе нельзя.

— А чѣмъ же ты будешь заниматься?

— Ничѣмъ, я думаю. На прожитокъ, вѣроятно, хватитъ всѣмъ.

Она забрала въ охапку всѣ документы и ушла къ себѣ въ спальню.

Полчаса спустя она заглянула къ брату.

Онъ лежалъ на диванѣ съ книгой въ рукахъ.

— Я не все въ нихъ понимаю, но понимаю многое,—сказала Джонъ. Иду въ контору поговорить съ мейнгеръ Перкомъ.

Джерардъ вскочилъ, разсерженный и протестующій, но дверь уже затворилась за нею, она ушла.

Джонъ отправилась прямо въ контору и спросила тамъ мейнгеръ Перка. Онъ сидѣлъ въ комнатѣ ея отца, и она безсознательно сѣла на отцовское мѣсто. Они начали обсуждать утреннюю почту и общее свое положеніе.

— Мейнгеръ Перкъ, — сказала Джонъ,—прекращать дѣло было бы, конечно, нелѣпо?

На секунду передъ глазами конторщика мелькнуло блестящее видѣніе единственной въ своемъ родѣ возможности. Онъ помолчалъ и отвѣчалъ рѣшительно:

— Безъ всякаго сомнѣнія, это было бы разореніемъ.

Потомъ прибавилъ:

— Но вѣдь мейнгеръ Джерардъ...

— Мейнгеръ Джерардъ...

— Видите ли, Неерру, остается вѣдь только мейнгеръ Джерардъ.

Она встала, подошла къ тусклому окну и взглянула на тусклый дворъ.

— Вы и я должны продолжать дѣло вмѣстѣ,—сказала она:—я могу вести книги; по крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени могу; научусь и больше. И Джерардъ долженъ принимать участіе. Если его не принуждать, онъ будетъ. Теперь пока онъ слишкомъ разстроенъ. Я поговорю объ этомъ съ Джерардомъ, мейнгеръ Перкъ.

Она протянула ему руку; смѣшной маленькій старичекъ взялъ ее съ по-

Digitized by Google

клономъ, который самому ему показался очень удачнымъ.

Не мало разговоровъ, однако, должно было произойти между всѣми участниками дѣла, не мало пришлось опровергнуть возраженій, прежде чѣмъ вдова, ея дѣти и старый конторщикъ согласились насчетъ своихъ плановъ на будущее. Въ концѣ концовъ все рѣшили цифры, какъ это и бываетъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ,—неумолимые плюсы и минусы за и противъ. Джонъ съ помощью Перка высчитала на бумагѣ, что̀ будетъ значить для семьи продажа дѣла. Они оказались вовсе не такъ богаты, какъ предполагали. Трое младшихъ дѣтей были еще въ школѣ. Очутившись лицомъ къ лицу съ фактами, Мевру Барендсъ сдалась, и Джонъ очень спокойно, безъ всякихъ эффектовъ, взяла на себя тяжелую для нея рутину конторскихъ обязанностей.

Ибо, когда первое возбужденіе прошло и еле-скрытое любопытство клерковъ угомонилось, жизнь въ конторѣ, для такого безпокойнаго существа, какъ Джонъ, потекла томительно однообразно. Приходилъ иногда и Джерардъ, ради сестры, но толку отъ него не было никакого. А отъ Джонъ толкъ былъ, и большой.

— У нея самый настоящій дѣловой инстинктъ,—говорилъ маленькій мейнгеръ Перкъ. Безъ нея мнѣ бы не справиться. Долженъ признаться по чистой совѣсти, что самъ-то я дѣлового инстинкта не имѣю. Я слишкомъ робокъ, у меня не хватаетъ иниціативы. Я отличный бухгалтеръ. Ну, и она вотъ воображаетъ, что въ этомъ ея сила, но она ошибается. Аккуратна-то она аккуратна, мейнгеръ Брукъ, но вѣдь что̀ же?—она дѣлаетъ кляксы!

Онъ въ ужасѣ разставилъ руки. Никласъ Брукъ слушалъ молча и улыбался. Нѣсколько недѣль назадъ онъ предлагалъ свою помощь Джерарду, и помощь эта была съ волненіемъ, почти грубо отвергнута. Онъ все еще заходилъ иногда, но все рѣже и рѣже, такъ какъ Мевру Барендсъ, по наущенію Джерарда, смотрѣла на «соперника» подозрительно. Молодой человѣкъ, въ своей робости и безпомощности, просто зарывалъ голову въ песокъ. А Джонъ между тѣмъ все упорствовала. Однажды Брукъ попробовалъ было подразнить ее.

— Перестаньте!—сказала она,—вы мнѣ нравитесь, но перестаньте!

И онъ тотчасъ пересталъ.

Мевру Барендсъ вздыхала:—Ахъ, Анни теперь окончательно отняла у себя послѣднюю надежду когда-либо выйти замужъ! Ну, кому охота жениться на такой странной дѣвушкѣ?

А дѣло между тѣмъ процвѣтало почти попрежнему, только мечтамъ и цѣлямъ Джонъ, казалось, суждено было крушеніе, ибо Джерардъ, вмѣсто того, чтобы втягиваться въ исполненіе своихъ обязанностей, все болѣе и болѣе избѣгалъ ихъ.

И вотъ, наступилъ періодъ кризиса въ индѣйской торговлѣ, особенно въ той ея отрасли, которой представителями были Барендсъ и сынъ. Янъ Барендсъ принималъ очень широкое участіе въ сахарномъ производствѣ новой системы. По его иниціативѣ и на его капиталъ было устроено на Явѣ два завода, работавшіе совершенно новымъ способомъ (знаменитымъ теперь способомъ Рофшмидта); но едва были они пущены въ ходъ, какъ нагрянула такъ называемая сахарная паника. Чтобы продолжать работу, требовалось больше денегъ, девяносто тысячъ флориновъ безотлагательно. Достать такую сумму было въ эту минуту почти невозможно. При томъ, что сахарныя плантаціи гибли одна за другой, а цѣны падали съ каждымъ днемъ передъ конкуренціей нѣмецкой свекловицы; ни одинъ индѣйскій банкъ не давалъ денегъ ни за какіе проценты. Джонъ понимала это не менѣе мейнгера Перка и сидѣла вся блѣдная надъ своими книгами, какъ въ контору одна за другой приходили телеграммы съ отказами.

— Ну, что̀ я тебѣ говорилъ?—съ нервнымъ смѣхомъ воскликнулъ Джерардъ. Продолжать дѣло было безу-

Digitized by Google

міемъ съ моей стороны! Вотъ и разореніе!

— Нѣтъ еще!—сказала Джонъ.

— Почти что,—пробормоталъ Перкъ.

— Вы телеграфировали Батавской и Борнейской банкирскимъ компаніямъ,—сказала Джонъ. Отъ нихъ еще нѣтъ отвѣта. А теперь, Джерардъ, дай мнѣ, пожалуйста, написать письма. Она обратилась къ разложеннымъ передъ ней бумагамъ и принялась строчить изо-всѣхъ силъ.

Часъ спустя въ контору принесли телеграмму. Всѣ трое собрались читать ее. Батавскій банкъ соглашался на ссуду подъ залогъ и за очень высокіе проценты; условія были тяжелыя.

— Ну, такъ это значитъ уладилось!—сказалъ Джерардъ.

— До поры до времени,—пробормоталъ мейнгеръ Перкъ.

— Нужно сдѣлать все, что̀ возможно,—объявила Джонъ,—условія очень невыгодныя, но могли бы быть и хуже.

Мейнгеръ Перкъ отправился съ своимъ ежедневнымъ визитомъ на биржу, а молодые люди продолжали работать. Они вовсе не ожидали того волненія, въ которомъ вернулся къ нимъ чинный маленькій человѣкъ. Дрожа всѣмъ тѣломъ, онъ затворилъ стеклянныя двери.—Знаете, кто все это устроилъ? Нѣтъ, ни за что не догадаетесь!

— Никласъ Брукъ,—сказала съ убѣжденіемъ Джонъ

— Какъ? Вы знали?—воскликнулъ старикъ, удивленный и испуганный.

— Нѣтъ, я догадалась,—отвѣчала Джонъ.

— Въ такомъ случаѣ наше разореніе только вопросъ времени!—простоналъ Джерардъ,—при первой возможности онъ насъ прихлопнетъ!

— Вѣроятно,—согласился мейнгеръ Перкъ.

— Очень умно подстроено. Теперь онъ сдѣлается полнымъ хозяиномъ сахарнаго рынка.

Джонъ слѣзла со стула.—Я этому не вѣрю,—сказала она,—и не понимаю этого. Пойду спрошу.

Джерардъ протянулъ руку.—Не дури!—сказалъ онъ.—Вѣчно ты все путаешь и суешься, куда не спрашиваютъ! Какъ это, право, ты никакъ не можешь дѣлать тихонько свое дѣло и предоставлять тормошиться мнѣ и Перку!—Джонъ была уже въ шляпѣ. Она остановилась.

— Думаю, что онъ это просто по добротѣ, или такъ что-нибудь,—сказала она. Ты не хочешь ему обязываться, не правда ли?

— Н-н-нѣтъ,—отвѣчалъ Джерардъ.

— Просто по добротѣ, милая моя барышня!—воскликнулъ Перкъ,—да вы посмотрите-ка на условія!

— Ну, если онъ хочетъ повредить намъ...

— Онъ навѣрно этого хочетъ,—сказалъ Перкъ.

— Въ такомъ случаѣ, я поговорю съ нимъ посвоему!

Джонъ убѣжала.

Она смѣло отправилась прямо въ контору Никласа Брука,—что̀ вообще было ей противно.

Все, что̀ дѣлалось ею для фирмы, дѣлалось всегда за кулисами.—«Я переписываю Джерарду»,—такъ объяснилось ею ея присутствіе въ святилищѣ.

Никласъ Брукъ тотчасъ принялъ ее въ своемъ кабинетѣ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, Джонъ?—весело спросилъ онъ.

— Ничѣмъ,—отвѣчала она сухо.—И я пріѣхала, чтобы вамъ это сказать.

— Ну, за этимъ, пожалуй, не стоило и ѣздить. Но, можетъ быть, вы тамъ у себя не такъ заняты, какъ мы здѣсь?

— Прошу безъ насмѣшекъ; это единственное, чего я не могу выносить.—отвѣтила дрожащими губами Джонъ. Вѣрно это или не вѣрно, но намъ сообщили, что значительная ссуда, о которой мы просили одинъ Индѣйскій банкъ, сдѣлана намъ черезъ нихъ вами! Я хочу знать, правда ли это?

— А если я откажусь отвѣчать?

— Это будетъ достаточнымъ отвѣтомъ. Вы отказываетесь?

— Нѣтъ.

— И не нужно. Отвѣтъ на вашемъ лицѣ. Теперь я хочу знать, къ чему вы это?

Digitized by Google

— Вы слишкомъ искусно читаете на лицахъ, Джонъ. Вы положительно опасны.

— Не смѣйтесь надо мной. Видитъ Богъ, я не въ смѣшливомъ настроеніи.

— Мы почти разорены. Вы хотите разорить насъ окончательно? Я этому не вѣрю.

— А Джерардъ?

— Я хочу знать вотъ что: почему вы поступили такъ какъ-будто жестоко? Условія страшно тяжелыя.

— О, вы не думаете, чтобы я въ самомъ дѣлѣ могъ быть жестокъ? Спасибо!

— Не знаю, не понимаю,—сказала бѣдная Джонъ, почти въ слезахъ. Я понимаю, какая огромная для васъ выгода раздавить насъ. Можетъ быть, на вашемъ мѣстѣ и я бы сдѣлала то же самое.

— Но тѣмъ не менѣе вы не можете себѣ представить меня въ такой роли, не правда ли? Еще разъ спасибо!

— Да въ концѣ концовъ все это, пожалуй, и не важно. У Джерарда все равно дѣло не пойдетъ, развѣ, что ему будетъ помогать кто-нибудь гораздо болѣе умѣлый, чѣмъ я. Но ужасно думать, что намъ было бы, можетъ быть, лучше бросить все послѣ смерти папы! — И Джонъ откровенно заплакала; впрочемъ, она тотчасъ сдержалась.—Не думайте, что я пришла разжалобить васъ хныканьемъ,—сказала она злобно;—я не хочу васъ разжалобить. Но вы старый другъ папы, и я хотѣла понять...

— Вы совершенно правы въ вашихъ предположеніяхъ, — сказалъ Брукъ. Я хочу поглотить вашу фирму.

Онъ говорилъ медленно, глядя въ сторону.

Джонъ ждала, широко раскрывъ глаза.

— Чтобы наши два дома вели дѣло врозь, и тѣмъ болѣе, чтобы они продолжали другъ съ другомъ борьбу—это нелѣпо. Я намѣренъ, если вы позволите, стать партнеромъ вашей фирмы, съ тѣмъ, чтобы вы стали партнеромъ моей.

Она наклонилась и слушала.

— Я старѣюсь. Мнѣ уже сорокъ одинъ годъ. Вамъ, вѣроятно, около двадцати. Конечно, у меня есть нѣкоторая опытность, а у васъ есть энергія. И у васъ на рукахъ цѣлая семья, такъ что въ этомъ отношеніи я моложе васъ. Джонъ, другъ мой, сдаетесь ли вы, наконецъ. Моя милая, дорогая, безстрашная, неисправимая чудачка!... Вы съ Джерардомъ лишили меня всякой возможности помочь вамъ приличнымъ образомъ. Теперь вамъ остается или взять меня въ партнеры или прогорѣть!

— При такихъ обстоятельствахъ я предпочту прогорѣть!—сказала Джонъ, отступая.

— Нѣтъ, не предпочтете; вы для этого слишкомъ умный дѣлецъ! Это была бы напрасная трата... ну, напрасная трата всего!—а умный дѣлецъ никогда ничего не тратитъ даромъ. Но онъ рискуетъ, и... погодите... вотъ и я сейчасъ рискну! Онъ поймалъ ее въ свои объятія и поцѣловалъ.

— И выиграю!

— Я... я бы желала, чтобы за мной ухаживали, какъ водится, — сказала Джонъ.

Онъ, смѣясь, посмотрѣлъ ей въ глаза, отодвинувъ ее отъ себя, но не выпуская изъ рукъ.

— Это вамъ совсѣмъ, совсѣмъ бы не понравилось, Джонъ!

— Мама всегда говорила, что я никогда не выйду замужъ, — отвѣчала Джонъ.

— Въ такомъ случаѣ, Джонъ, вамъ, ужъ дѣлать нечего, предстоитъ доказать ей, что она ошиблась,—сказалъ Никласъ Брукъ.

VII.

Мадамъ де-Ліанкуръ.

— Ну, ты-то ужъ всегда все дѣлаешь не такъ, — сказалъ мосье де-Ліанкуръ.

Мадамъ де-Ліанкуръ отвела глаза отъ работы.

— Я такъ часто это слышала, что это ужъ начинаетъ терять свою прелесть.

Digitized by Google

Мосье де-Ліанкуръ откинулся на спинку большого кресла передъ каминомъ въ спальнѣ, и полу-добродушная улыбка заиграла на его красивомъ лицѣ.

— Это истина, которая всегда при насъ,—продолжалъ онъ. Она является намъ постоянно въ какомъ-нибудь новомъ видѣ. Сначала удивишься, потомъ узнаешь ее. Ахъ, говоришь, здравствуй, голубушка, такъ это опять ты! Опять ты — неловкость моей жены!

Человѣкъ пріятной наружности, одѣтый въ шедшій къ нему домашній вечерній смокингъ, цвѣтущій, едва достигшій сорокалѣтняго возраста, еще молодой и старавшійся казаться моложе, къ сожалѣнію, немного облысѣвшій на макушкѣ, но хорошо сохранившійся и тщательно выхоленный — мосье де-Ліанкуръ спокойно растянулся въ креслѣ и наблюдалъ жену сквозь синеватый дымокъ папиросы.—А, опять ты,—повторилъ онъ, неловкость моей жены!

Мадамъ де-Ліанкуръ уже не подняла глазъ.

— Ты совершенно портишь весь эффектъ повтореніемъ,—сказала она.

Мадамъ де-Ліанкуръ была семью годами моложе мужа; ее, пожалуй, и нельзя было назвать настоящей красавицей. Изысканно-граціозная ея фигура была, пожалуй, чуточку слишкомъ высока, а въ гладкомъ сіяніи золотыхъ волосъ, можетъ быть, не хватало нѣкоторой волнистости. Это возможно. Но она обладала тѣмъ необъяснимымъ качествомъ, которое называется distinction и дается — да и то рѣдко — исключительно рожденіемъ и воспитаніемъ.

— Ну, вотъ эти ленты, напримѣръ. Ты вѣдь совсѣмъ не такъ ихъ пришиваешь!

Она тотчасъ бросила работу въ полномъ отчаяніи.

— Я всегда говорила, что никогда не научусь шить!—воскликнула она.

— Дай-ка я тебѣ ихъ прилажу,— отвѣчалъ мужъ и своими ловкими пальцами началъ мять красные банты на бѣлой блузѣ, которую она пыталась перешить.

— Ты дочь богатыхъ родителей, а я сынъ бѣдныхъ. Въ этомъ вся и разница. Голь на выдумки хитра;— ахъ, какъ это вѣрно! А я... я всегда былъ голью.

— Но вѣдь насъ воспитывали въ большой простотѣ,—возразила мадамъ де-Ліанкуръ.

— Еще бы, другъ мой. Настоящая роскошь всегда бываетъ проста. Моему отцу никакъ не хватало бы средствъ жить такъ скар... — такъ воздержно, какъ твой.

— У папы пропасть разныхъ расходовъ. По нынѣшнимъ понятіямъ онъ вовсе не богатъ. У всѣхъ старыхъ фамилій, у которыхъ есть хоть какая-нибудь земля, денегъ всегда немного.

— Точно самъ твой отецъ говоритъ, ma chère! Правда, онъ не богатъ, сравнительно вотъ съ этими, напримѣръ, господами, у которыхъ мы теперь гостимъ. Но все-таки въ Фоссиньерахъ у тебя и у твоей полдюжины братьевъ и сестеръ всегда всего было вдоволь, хотя, признаю, что это «все» было самое непритязательное.

— Ахъ, Фоссиньеры! Мадамъ де-Ліанкуръ опустила работу на колѣни, подмявъ ее томной тяжестью своихъ рукъ.

— Твой идеалъ, я знаю!—отвѣчалъ ея мужъ, внимательно разсматривая шитыя золотомъ туфли на своихъ красивыхъ ногахъ.

— Дикарская жизнь въ лѣсной трущобѣ! Царство Робинзона Крузо среди многочисленныхъ Пятницъ!—Онъ сдѣлалъ гримасу.—И когда появится на горизонтѣ парусъ—«Парусъ! Изъ Парижа»—«въ Парижъ!» — сдѣлаемъ видъ, что не замѣчаемъ его! Оставьте насъ въ нашей пустынѣ, среди черныхъ Пятницъ!—Мы цари... мы дикари... прощайте!

— Пожалуй, такъ,—засмѣялась она. Къ свѣтской жизни эта подготовка, конечно, неподходящая!

Его веселая физіономія омрачилась.

— Да, ужъ что говорить.

Жена почти съ мольбою взглянула на него.

Digitized by Google

— Я никогда не былъ ни королемъ, ни кронпринцемъ, какъ твои братья, напримѣръ—вѣдь они у тебя тамъ никакъ всѣ кронпринцы. Я сынъ чиновника, самъ чиновникъ изъ мелкихъ дворянъ,—это не много, но это несомнѣнно дѣйствуетъ цивилизующимъ образомъ: житье въ Парижѣ, бульварное воспитаніе, постоянное соприкосновеніе съ людьми! Даже эта отвратительная контора, какъ я ни ненавижу ее,—все-таки трешься между людей, слышишь, что̀ говорятъ, научаешься себя вести.

— Ахъ, вотъ въ этомъ-то все и дѣло, и этому-то я ужъ никогда не научусь,—сказала мадамъ де-Ліанкуръ.

— Вздоръ! ты просто немножко дика. И послѣ семи лѣтъ Парижа это, правда, отчасти глупо.

— Такъ и сегодня мнѣ не удалось угодить моему господину и повелителю?—кротко отвѣчала она.

Онъ всталъ и заходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Какъ нелѣпо ты это повертываешь! — воскликнулъ онъ. Ну, при чемъ тутъ, скажи, пожалуйста, угожденіе мнѣ? Рѣчь идетъ только о тебѣ, о твоемъ успѣхѣ въ свѣтѣ, о твоемъ положеніи; вся моя забота только объ одномъ: что̀ будутъ говорить о мадамъ де-Ліанкуръ.

— Когда ты ѣздишь на всѣ эти модныя собранія и охоты, Рауль, тебѣ бы лучше отправлять меня въ Фоссиньеры!

— Придумала, нечего сказать! Такъ ты, значитъ, такъ и не поймешь никогда, что ты больше не Лиза де-Баранси? Боже, что̀ за имя!—Лиза!

Слезы навернулись ей на глаза. — Такъ тебѣ ужъ теперь не нравится даже мое имя!

Онъ стоялъ къ ней спиной. — Согласись, что оно довольно обыкновенно среди Фоссиньерскихъ Пятницъ женскаго пола!

— Жаль,—сказала съ горечью Лиза,—что моя мать не догадалась, какъ эта здѣшняя банкирша, назвать свою дочь Фреденгондой! Боюсь, что она для этого слишкомъ мало знала исторію Франціи.

Мужъ громко расхохотался. — Нѣтъ, нѣтъ, такія имена ужасно мовэтонны. Даже мы ужъ немножко опошлились. Но Фреденгонда де-Шлопсмейеръ — нѣтъ это просто изъ рукъ вонъ! А все-таки — онъ запнулся — а все-таки мнѣ эти люди нравятся, я цѣню ихъ: они имѣютъ дѣйствительное значеніе. Все у нихъ въ домѣ—первый сортъ; охота великолѣпная; вотъ насъ съѣхалось на нее двѣнадцать человѣкъ, и всѣ мы катаемся, какъ сыръ въ маслѣ!

Она вздохнула.

— Ну, будетъ объ этомъ. Мы здѣсь, и кончено. Я рада, что тебѣ здѣсь нравится.

Онъ остановился среди комнаты.

— А тебѣ не нравится, я это чувствую.

— Такъ что̀ жъ? Это вѣдь нисколько не мѣняетъ твоихъ плановъ.

— А все же я замѣчаю, что ты недовольна.

— И тебѣ это непріятно. Но вѣдь это ужъ отъ меня не зависитъ.

— Ты не добрая, Лиза.

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ, совсѣмъ не то.

— Хуже того — ты на что-то сердишься. Знаешь, мнѣ кажется, что ты какъ будто не одобряешь мой невиннѣйшій флиртъ съ мадамъ де-Жирондель, и... и...

— Пока еще нѣтъ никакого «*и*».

— Фи! дѣло вовсе не такъ уже плохо. «*И*» всегда есть.

Она невольно засмѣялась.

— Ты представить себѣ не можешь,— продолжалъ онъ, — какую мы оба играемъ смѣшную роль! Кабы не мои флирты, ты, право, сдѣлала бы насъ обоихъ просто невозможными.

Она опять стала вертѣть въ рукахъ работу.

— Ахъ, оставь это!—сказалъ онъ нетерпѣливо. Вели перешить комунибудь изъ горничныхъ. Вѣдь у тебя все равно ничего не выйдетъ.

— Что̀ это ты говоришь, что я дѣлаю тебя смѣшнымъ? Не смотря на всѣ свои недостатки, я, кажется, никогда еще не измѣняла тому уваженію, которое должно окружать твое имя.

— Ты говоришь, ma chère, точно романъ прошлаго столѣтія. Нѣтъ, ты ни-

Digitized by Google

когда не измѣняла тому уваженію, которое должно окружать мое имя.

Никто и не проситъ тебя компрометтировать меня. Но что дѣлаетъ насъ смѣшными — такъ это твоя ультрареспектабельность. Вотъ что.

— Ты говоришь загадками.

— О, когда женщина скажетъ это своему мужу, значитъ, она уже начала понимать. Совершенно вѣрно. Женщина—это вѣчная загадка; къ ней и нельзя относиться иначе. Тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ: въ наше время женщина, которая не балансируетъ на краю пропасти, заслуживаетъ такъ же мало вниманія, какъ та, которая въ нее падаетъ.

— Такъ балансируй, пожалуйста!

— Ты не логична. Въ томъ-то и дѣло, что для мужчины пропасти нѣтъ, это тоже загадка! Но мнѣ, конечно, не особенно пріятно слышать, когда мужчины спрашиваютъ: «Это кто тамъ такая?» и проходятъ мимо, не дожидаясь отвѣта.

— Что жъ мнѣ съ этимъ дѣлать, если я не хороша собой?

— Во-первыхъ, всякой женщинѣ есть что съ этимъ дѣлать, если она совсѣмъ не лишена всякой привлекательности. Во-вторыхъ, что касается красоты—ты лучше почти всѣхъ здѣшнихъ женщинъ.

— Скажи, всѣхъ безъ исключенія!— взмолилась она.

— Ты требовательна, однако!

— Да, впрочемъ, тутъ эта мадамъ де-Жирондель, имя которой напоминаетъ пастилки отъ кашля: Si vous toussez.

— Жирондели одна изъ стариннѣйшихъ фамилій Жиронды!—отвѣчалъ онъ съ жаромъ. Ты страшно невѣжественна во всѣхъ подобныхъ вещахъ. Когда ты говоришь объ обществѣ, всякое твое слово доказываетъ, что ты была совершенно внѣ его.

— Гдѣ и желала бы остаться.

— Нельзя. Мы слишкомъ бѣдны, вотъ что. Для такихъ людей, какъ мы съ тобой,—общественныя связи это своего рода капиталъ. Боже, ты могла бы сдѣлаться просто вліятельной особой!

— Посредствомъ моей красоты? Или моихъ генеалогическихъ познаній?

— Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Посредствомъ того, что дѣлаетъ женщину силой. Savoir faire, savoir plaire! Привлекая къ себѣ вниманіе, заставляя мужчинъ, которые имѣютъ положеніе въ обществѣ, ухаживать за тобой, льстить тебѣ, говорить съ тобой. Ну, какой толкъ человѣку восхищаться женой, которой больше не восхищается никто? Онъ въ концѣ концовъ и самъ начнетъ находить, что поводовъ для восхищенія нѣтъ. Ну, вотъ, я бы не сказалъ тебѣ этого, но ты выводишь меня изъ терпѣнія! Сидишь себѣ среди всѣхъ этихъ блестящихъ, вздорныхъ, прелестныхъ барынь, какъ какая-нибудь... Сандрильона.

— Которая никогда не найдетъ принца. Я думала, что уже нашла его, но глаза ея сверкнули — боюсь, что онъ оказался простымъ мужикомъ!

— Лиза!

Она встала.—Не идти ли намъ спать, mon Prince? Уже часъ. Сандрильона, особенно до появленія своей крестной, привыкла ложиться раньше.

— Ты всегда хочешь спать, когда никто еще не хочетъ. Это остатки Фоссиньеровъ, гдѣ всѣ спятъ по цѣлымъ днямъ въ вѣчной скукѣ лѣсной трущобы.

— Какъ спящая красавица,— сказала она беззвучнымъ голосомъ, глядя въ сторону. Смотри, какъ бы не разбудилъ меня принцъ, да не тотъ.

На этомъ разговоръ прекратился.

На слѣдующее утро, всегда опаздывавшая мадамъ де-Ліанкуръ явилась къ шумному завтраку немного послѣ мужа. И первое, что она услыхала, былъ визгливый голосъ Фреденгонды де-Шлопсмейеръ, кричавшей:

— Это моя выдумка! Выдумка великолѣпная. Такъ и будетъ!

— La reine le veut,—проговорилъ съ лѣнивымъ поклономъ Виконтъ де-Бельвалетъ.

— Молчите, я не назначала васъ своимъ герольдомъ,—кокетливо обернулась къ нему черномазая наслѣдница.

Digitized by Google

для мистера Кинга, если такая прорва народу можетъ засвидѣтельствовать, что, послѣ борьбы съ Джэмсомъ, онъ все время былъ только здѣсь дома!

— Борьбы? Но, вѣдь, это не была борьба,—это было отвратительно-предательское, ничѣмъ не вызванное нападеніе!

— Да, только люди уже не назовутъ его такъ послѣ смерти Стикэльса, — съ нѣкоторымъ сознаніемъ превосходства заявила Мэгъ. Вамъ не безъизвѣстно, миссъ, какими лестными надписями обыкновенно снабжаютъ наши надгробные камни, и сколько хорошихъ вещей мы въ нихъ говоримъ про усопшаго бѣднягу—мистера «такого-то», котораго, пока онъ былъ живъ положительно, не могли выносить! И вы увидите, что безпутнаго рыбака, хотя всякій спѣшилъ свернуть въ сторону, когда онъ валандался между нами, теперь, послѣ его переселенія на тотъ свѣтъ, не замедлятъ омыть отъ безчисленныхъ грѣховъ!

— Разумѣется, ужасно было погибнуть подобнымъ образомъ, какъ погибъ Стикэльсъ, — начала Нэлль тихимъ голосомъ,—но еще гораздо ужаснѣе, если люди начнутъ вбивать себѣ въ голову, будто къ этому хоть маломальски причастенъ мистеръ Кингъ!

— Отрицать нанесеннаго имъ удара, понимаете ли, миссъ, все-таки нельзя, — предостерегающимъ тономъ замѣтила служанка.

— Но рыбакъ совсѣмъ, было, оправился, я видѣла его послѣ того...

— Вы послѣ того его видѣли?

— Да, у него въ хижинѣ. Не думаешь ли ты, что онъ, нѣсколько позже, могъ напиться пьянымъ? Что онъ несчастнымъ образомъ упалъ на твердую дорогу? Не заходилъ ли онъ сюда по пути въ Строо?

— Нѣтъ, миссъ, сюда онъ не заходилъ,— чрезвычайно серіозно отвѣчала Мэгъ.

Нэлль устремила пристальный взоръ на пламя въ каминѣ; лицо ея въ своей блѣдности пріобрѣло такой призрачный видъ, носило отпечатокъ настолько жестокаго разстройства вслѣдствіе боязни и ужаса, которые только возростали съ каждымъ мгновеніемъ, что служанка съ широко-раскрытымъ ртомъ выпучила на нее глаза.

— Ну... а что̀ же... ты сама обо всемъ думаешь, Мэгъ? — обратилась къ ней съ вопросомъ дрожавшая дѣвушка.

— Я думаю, что буду отчаянно рада, когда вся эта кутерьма пронесется мимо, —мрачно отозвалась служанка,— такъ какъ придирокъ намъ, все равно, не избѣгнуть!

Нэлль, стоявшая теперь у дверей, глубоко вздохнула.

— Я надѣюсь, что не станутъ безпокоить мистера Кинга,—мягко произнесла она. Кстати, Мэгъ, ка́къ онъ себя чувствуетъ?

— Настолько хорошо, миссъ, по словамъ доктора, какъ только можно было ожидать. Но врачъ, однако, велѣлъ безусловно его не тревожить.

— Да, а они вотъ лѣзутъ и волнуютъ его, только изъ пустого любопытства!

— Что̀ же онъ имъ отвѣчалъ?

— Онъ та̀къ былъ этимъ огорченъ, что я глубоко жалѣла о невозможности съ моей стороны помѣшать ихъ назойливымъ вопросамъ! Онъ, повидимому, думалъ, что бѣда произошла, все-таки, отчасти по причинѣ нанесеннаго имъ удара; а мы, поэтому, стали его увѣрять, будто убѣждены въ противномъ. Впрочемъ, еще не извѣстно, что̀ скажутъ доктора, послѣ окончательнаго осмотра тѣла?

— О Мэгъ, ты еще увеличиваешь опасность, разсуждая такимъ образомъ!

— Нѣтъ, миссъ Нэлль, я бы не хотѣла только, чтобъ вы были слишкомъ поражены, когда вамъ начнутъ задавать колючіе вопросы: вотъ и все! Неужели вы думаете, что я способна васъ напрасно мучить, если бы этого возможно было бы избѣжать, сердце вы мое? И она охватила загорѣвшими руками, словно для защиты, свою трепетавшую госпожу. Но самое лучшее для васъ знать заранѣе все, что̀ болтаютъ, и потомъ не очутиться въ затруднительномъ или безвыходномъ положеніи!

Digitized by Google

— Благодарю тебя, Мэгъ: ты, значитъ, во всякомъ случаѣ, желаешь мнѣ добра! — со слезами на глазахъ сказала Нэлль, выходя изъ комнаты.

На слѣдующее утро, сейчасъ же послѣ завтрака, Жоржъ Кларисъ, имѣвшій крайне смущенный и озабоченный видъ, потребовалъ, чтобы она немедленно занялась упаковкою сундука для путешествія въ Лондонъ.

Дѣвушка не рѣшалась противорѣчить, или о чемъ бы то ни было разспрашивать дядю. Ей пришлось удовольствоваться тѣми свѣдѣніями, которыя сообщила служанкѣ приставленная къ Клиффорду сидѣлка, сводившимися лишь къ тому, что больной провелъ ночь не дурно. До десяти часовъ, трактирщикъ съ племянницей были уже на пути въ Строо. Проѣхавъ немного, они замѣтили, что кругомъ происходитъ нѣчто особенное: нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ строоскіе полицейскіе, усердно были заняты осмотромъ дороги и прилегающихъ къ ней канавъ да рвовъ. Нэлль угадала, что это обслѣдованіе находится въ связи съ открытіемъ вчерашняго вечера. Но менѣе проницательный Жоржъ Кларисъ остановилъ лошадь и началъ освѣдомляться:

— Гей, что у васъ тутъ происходитъ? — спросилъ онъ, обращаясь къ полицейскому служителю.

— Сами видите что! — отвѣчалъ тотъ, украдкою взглянувши на Нэлль.

— Ничего интереснаго для васъ, — прибавилъ другой изъ занятыхъ поисками.

— Вы могли бы, однако, сдается мнѣ, на вѣжливый вопросъ дать болѣе вѣжливую отповѣдь, — сердитымъ тономъ замѣтилъ трактирщикъ.

Мѣстный старожилъ, вдобавокъ еще стоявшій на пріятельской ногѣ со всѣми окрестными обывателями, онъ считалъ себя въ правѣ получить тѣ разъясненія о которыхъ спрашивалъ.

— Эй, что тамъ! — настаивалъ онъ уже болѣе благодушно, — если это — секретъ, вы знаете: я, вѣдь, умѣю молчать!

Но, къ своему величайшему негодованію, Кларисъ подмѣтилъ у кое-кого изъ присутствующихъ жалостливыя улыбочки на губахъ. Хладнокровіе его покинуло.

— Ну, такъ выкладывайте, въ чемъ дѣло! — рѣзко воскликнулъ онъ.

Первый изъ полицейскихъ служителей, къ которому онъ обратился, подавляя такого рода усмѣшку, отвѣтилъ:

— Намъ воспрещено разговаривать. Но скоро вы узнаете все: вѣроятно, не позже, какъ сегодня послѣ обѣда...

— Дядя Жоржъ, мы не поспѣемъ къ поѣзду, — нерѣшительнымъ голосомъ напомнила Нэлль.

Полицейскій перенесъ теперь свой взглядъ съ трактирщика на сундукъ, и, когда кабріолетъ отъѣхалъ, шепнулъ нѣсколько словъ близъ стоявшему человѣку, послѣ чего тотъ бѣгомъ устремился по направленію къ Строо.

Едва дядя и племянница успѣли тамъ выйти на подъѣздъ маленькой желѣзно-дорожной станціи, какъ главный полицейскій надзиратель строоскаго вокзала, торопливо отворивъ дверь, приблизился къ нимъ:

— Я, какъ вижу, именно поспѣлъ во время. — обратился онъ къ Нэлль, вѣжливо прикладывая руку къ козырьку.

— Мистеръ Кларисъ задумалъ развлечься поѣздкою въ Лондонъ? — любезнымъ тономъ спросилъ чиновникъ содержателя гостиницы.

— Не я. Для меня развлеченій не существуютъ, — угрюмо возразилъ онъ, — я отправляю туда свою племянницу.

— Ну, въ такомъ случаѣ, очень сожалѣю, что вынужденъ прервать путешествіе барышни, но ея присутствіе, какъ свидѣтельницы въ предстоящемъ слѣдствіи, намъ необходимо... Повѣрьте, миссъ, мнѣ ужасно непріятно, — прибавилъ онъ, поворачиваясь къ Нэлль: — но, вѣдь, вамъ надо будетъ лишь отложить удовольствіе на нѣсколько дней!

Дѣвушка имѣла такой пораженный видъ, будто приглашеніе главнаго надзирателя представляло собою смертный приговоръ! Она не отвѣчала, полуоткрывши уста и пожирая дикимъ взглядомъ подходившій поѣздъ.

Digitized by Google

Дядя тронулъ ее за плечо.

— Ты нагоняешь на меня своей дрожью и безумнымъ выраженіемъ лица безъисходный ужасъ! — угрюмо шепталъ онъ племянницѣ на ухо. Вернемся домой! И, ради всего святого, не показывай имъ виду, будто перепугана: одинъ Богъ знаетъ, чего только люди не способны наболтать, въ такое горячее время, если ты не приведешь въ порядокъ всѣхъ своихъ пяти чувствъ и не станешь давать показанія на допросѣ, какъ слѣдуетъ всякому здравомыслящему существу!

Нэлль продолжала молчать. А у трактирщика, на обратномъ пути къ «Голубому Льву», болѣзненно сжималось сердце, когда онъ замѣтилъ, какъ его до сихъ поръ всегда жизнерадостная, веселая любимица дрожала подобно осиновой листвѣ...

XIV.

Передъ судебнымъ слѣдователемъ.

Судебное слѣдствіе имѣло мѣсто въ маленькомъ зданіи городского управленія на рыночной площади, и злые слухи, распространившіеся по поводу смерти Джэмса, привлекли столько разнаго народу, что тѣсноватое помѣщеніе въ старой ратушѣ оказалось совсѣмъ недостаточнымъ для такой толпы.

Съ перваго же мгновенія, лишь только она хлынула въ отведенный для публики залъ, изъ устъ въ уста стала переходить молва, которая свидѣтельствовала о всеобщемъ убѣжденіи, что одна или нѣсколько особъ, принадлежащихъ къ болѣе виднымъ кругамъ общества, будутъ замѣшаны въ этомъ процессѣ. Среди скученнаго сборища слышалось словно пчелиное жужжаніе, пока одинъ за другимъ не вошли присяжные и не усѣлись на почернѣвшихъ отъ ветхости дубовыхъ скамейкахъ.

Приведенные къ присягѣ, они выслушали обычное обращеніе коронера.

Первымъ свидѣтелемъ былъ вызванъ мальчикъ Чарльзъ Уаллэттъ, который нашелъ трупъ. Его показаніе заняло всего нѣсколько минутъ и цѣликомъ сводилось къ сообщенію, сдѣланному имъ наканунѣ въ трактирѣ «Колоколъ». Вторымъ выступилъ агентъ тайной полиціи Гэннингъ, признавшій ни для кого уже не составляющее секрета обстоятельство, что онъ—сыщикъ и находится въ Строо по дѣламъ. Раньше другихъ, устанавливавшихъ послѣ открытія Уаллэтта самоличность рыбака Джэмса Стикэльса, приблизился онъ къ тѣлу, которое оказалось безъ всякихъ признаковъ жизни, хотя еще не успѣло остыть.

— Который былъ часъ, когда вы впервые увидѣли трупъ? — спросилъ коронеръ.

— Девять слишкомъ часовъ.

— Не представлялось ли въ положеніи трупа или въ другихъ обстоятельствахъ какихъ-либо указаній, способныхъ навести на мысль о причинахъ самой смерти.

— Положительно ничего, сэръ, — отвѣчалъ Гэннингъ, дававшій свои показанія отчетливымъ тономъ и съ увѣренностію опытнаго полицейскаго.

— Не лежало ли тѣло лицомъ къ землѣ, такимъ образомъ, что этотъ человѣкъ, быть можетъ, слишкомъ пьяный и не въ силахъ приподняться, просто задохся среди болотныхъ травъ и грязи?

— Да, онъ лежалъ, какъ я уже говорилъ, сэръ, лицомъ внизъ, но ротъ его, при этомъ, не соприкасался непосредственно съ землею, и одежда отнюдь не жала ему шеи.

— Значитъ, вы не могли составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія относительно причинъ его смерти?

— Кое-что, вообще, я успѣлъ обнаружить, и это привело меня къ выводу, къ которому я иначе не пришелъ бы. Только съ вашего позволенія, сэръ, я предпочитаю пока воздержаться отъ подробныхъ разъясненій. Да это и не имѣетъ ни малѣйшей связи со всѣмъ, что́ бросилось мнѣ въ глаза при осмотрѣ мертваго тѣла.

Таковъ былъ главный пунктъ въ показаніяхъ сыщика.

Digitized by Google

Еще нѣкоторые вопросы, обращенные къ нему, вызвали несущественные отвѣты съ его стороны.

Въ качествѣ третьяго свидѣтеля, профигурировалъ Лука Мэннъ, у котораго покойный Джэмсъ передъ смертью снималъ внаймы лачугу.

Домовладѣлецъ засвидѣтельствовалъ подъ присягою, что Стикэльса, между четвертью и половиной седьмого, перенесли на квартиру два человѣка. Рыбакъ, взятый съ мѣста происшествія въ полуобморочномъ состояніи, черезъ нѣсколько минутъ снова пришелъ въ себя и разсказалъ цѣлую исторію, какъ именно онъ свалился съ ногъ.

Затѣмъ онъ казался совершенно здоровымъ. Выпивъ у очага чашку горячаго чаю, молодой парень выразилъ намѣреніе къ ночи обязательно отправиться въ Строо. Далѣе, кто-то постучался въ дверь; Джэмсъ собственноручно открылъ ее и, послѣ разговора съ двумя навѣстившими его дамами, онъ вдругъ вышелъ чернымъ ходомъ. Ближайшее, что затѣмъ про него пришлось услышать Мэнну, было извѣстіе, что онъ найденъ мертвымъ на дорогѣ.

Тогда допросили двухъ лицъ, поднявшихъ Джэмса Стикэльса съ земли, послѣ его столкновенія съ Клиффордомъ, за трактиромъ «Голубого Льва». Оба засвидѣтельствовали, что взятый ими на руки въ безсознательномъ состояніи рыбакъ, еще на полпути къ дому, пришелъ въ себя, и дальше надо было его лишь поддерживать на ходу, такъ какъ онъ жаловался, что у него «немножко» кружится голова.

При вызовѣ миссъ Бёстель, раздался гулъ возбужденія въ залѣ суда. При допросахъ женщинъ-свидѣтельницъ обыкновенно только и разгорается интересъ къ самому слѣдствію. Сплетники въ Строо прослышали, что ссора между Клиффордомъ Кингомъ и Джэмсомъ Стикэльсомъ возникла изъ-за Нэлль Кларисъ, и каждому было извѣстно о сочувствіи именно рыбаку со стороны дочери полковника, которая, такимъ образомъ, выдвинулась на первый планъ въ этой романтической исторіи. Когда миніатюрная, уже полусѣдая старая дѣва заняла свидѣтельское мѣсто и съ серіознымъ, полнымъ достоинства, благоговѣніемъ приложилась къ Библіи, мало кому или, вѣрнѣе, совсѣмъ никому не вздумалось подсмѣиваться надъ ея устарѣлаго фасона платьемъ. Публика охотно ей прощала этотъ, давно вышедшій изъ моды костюмъ и жеманныя манеры, во вниманіе къ той сердечной добротѣ, которая заставила миссъ Бёстель протянуть руку помощи злополучному шалопаю и защищать интересы человѣка изъ простонародья противъ барина. Каждое ухо въ судѣ напряженно старалось уловить точный смыслъ ея словъ. Но маленькая особа выговаривала ихъ своимъ тоненькимъ и слабымъ голоскомъ съ такой изумительной ясностью, что всякій звукъ его отчетливо раздавался отъ одного конца залы до другого.

— Насколько мнѣ извѣстно, вы изволили быть послѣднею особою, разговаривавшей, какъ это установлено, съ Джэмсомъ Стикэльсомъ передъ его смертью?—обратился къ ней коронеръ.

— Да, сэръ,—отвѣчала миссъ Теодора:—узнавъ про несчастный случай, я немедленно отправилась въ хижину, гдѣ онъ жилъ, съ цѣлью освѣдомиться о состояніи его здоровья.

— Но, кажется, онъ собственноручно отворилъ вамъ двери?

— Совершенно вѣрно, сэръ!

— И онъ былъ чрезвычайно противъ васъ раздраженъ, не такъ ли?

— Порядочно. Въ сильномъ возбужденіи заявлялъ онъ, что насъ на слѣдующее утро потянутъ къ отвѣту.

При этихъ словахъ всѣ присутствовавшіе мужчины и женщины почувствовали себя еще глубже заинтересованными.

Дѣло близилось къ краю окутывавшей его тайны.

— Онъ говорилъ, что васъ потянутъ къ отвѣту? Что же именно, по-вашему, онъ имѣлъ здѣсь въ виду?

Digitized by Google

— Я не могла этого себѣ объяснить. Охваченный злобнымъ волненіемъ, онъ безпорядочно болталъ дикій вздоръ.

— Не приходило ли вамъ въ голову, что онъ носится съ мыслью покончить самоубійствомъ?

Этотъ вопросъ явно поразилъ старую дѣву. Миссъ Бёстель устремила изумленный взглядъ на коронера. Было ясно, что подобное соображеніе для нея совершенно ново.

— Нѣтъ, сэръ, объ этомъ я даже и не подумала.

— Не предполагали ли вы чего-нибудь за его угрозою?

— Пожалуй, сэръ, я видѣла въ ней намекъ на распространившуюся въ нашихъ мѣстахъ исторію, на исторію о кражахъ. Онъ утверждалъ, будто знаетъ вора.

При этомъ, вырвавшемся изъ устъ свидѣтельницы, чистосердечномъ отвѣтѣ, жадно прислушивавшаяся толпа дотого заволновалась, что полиціи, которая охраняла порядокъ, пришлось нѣсколько разъ крикнуть: «тише!»

— Вы говорите, что онъ былъ крайне возбужденъ? Представлялось ли его состояніе вообще нормальнымъ? Я имѣю въ виду: разсуждалъ ли онъ, какъ душевно-здравый, достаточно владѣющій собою человѣкъ? — спросилъ коронеръ, къ крайнему разочарованію слушателей, которыхъ гораздо болѣе занимала лежавшая въ основѣ всего дѣла тайна, нежели разныя частности относительно смерти рыбака.

— О, да! Голова его казалась въ полномъ порядкѣ, это, признаться, насъ нѣсколько даже удивляло.

— А былъ онъ трезвъ?

— Совершенно трезвъ, это я обязана торжественно засвидѣтельствовать.

— Теперь, многоуважаемая миссъ, позвольте предложить вамъ еще другой вопросъ: какъ далеко отъ вашего дома до того мѣста, гдѣ былъ найденъ покойный?

Теодора старалась сообразить.

— Если идти черезъ поля, то будетъ приблизительно полторы мили, а по проѣзжей дорогѣ, я полагаю, около двухъ миль.

— А теперь благоволите сообщить, который былъ часъ въ моментъ вашей послѣдней встрѣчи съ Джэмсомъ Стикэльсомъ?

— Не болѣе десяти минутъ восьмого.

— Какимъ образомъ вы устанавливаете это время?

— Я взглянула на часы сейчасъ же по возвращеніи домой—ровно въ 7 часовъ 25 минутъ.

— Слѣдовательно, вы считаете на дорогу четверть часа?

— Да, путь, по которому мы шли полями, не болѣе трехъ четвертей мили.

— Не можете ли вы мнѣ сказать, миссъ Бёстель: оставались ли вы, возвратившись къ себѣ, все время вмѣстѣ съ миссъ Кларисъ до прибытія вашего батюшки?

Она начала припоминать.

— Нѣтъ, не все время,—отвѣчала старая дѣва, послѣ нѣкотораго размышленія, — я порвала въ дверяхъ чернаго хода платье о гвоздь и просила миссъ Кларисъ заняться приготовленіемъ посуды къ чаю, между тѣмъ какъ сама поспѣшила наверхъ въ свою комнату—починить его.

— А какъ долго вы пробыли наверху?

— Около четверти часа, какъ мнѣ кажется.

— Не знаете ли вы способа въ точности опредѣлить это время?

— У меня не было поводовъ обращать на это особенное вниманіе, но, насколько помнится, обратно въ столовую я спустилась между сорока и сорока пятью минутами восьмого, и развела тамъ огонь.

— Застали ли вы въ столовой миссъ Кларисъ?

— Нѣтъ, она вошла нѣсколько спустя, съ чайной посудой.

— А слыхали ли вы, ожидая ее въ столовой, какъ она двигалась по кухнѣ?

Digitized by Google

— Что-то не помнится. Впрочемъ, я возилась съ огнемъ, который все не разгорался.

— Въ итогѣ, значитъ, изъ вашихъ словъ можно сдѣлать выводъ, что между тѣмъ временемъ, когда вы оставили миссъ Кларисъ на черномъ ходу, и моментомъ ея возвращенія съ чайной посудой въ столовую, прошло добрыхъ три четверти часа?

— Надо полагать, около того.

— И вы, за весь этотъ промежутокъ, ея не видѣли и даже не можете вспомнить, чтобы слышали, какимъ бы то ни было образомъ, ея присутствіе въ домѣ?

— Безусловно, не видѣла и не помню, чтобы слышала.

Наступила напряженная пауза.

— А когда вы, затѣмъ, снова встрѣтились, то-есть когда она вошла съ чайной посудой, имѣла ли миссъ Кларисъ взволнованный видъ, или казалась спокойной?

— Она была чрезвычайно возбуждена и все время передъ тѣмъ, какъ сообщила мнѣ, кажется, сама плакала.

— Я долженъ благодарить васъ, миссъ Бёстель, за рѣдкую ясность вашихъ показаній. Еще одинъ только вопросъ: представляется ли для кого-нибудь возможнымъ за три четверти часа или немного болѣе отъ вашего дома достигнуть того мѣста, гдѣ Стикэльсъ былъ найденъ мертвымъ, и возвратиться назадъ?

— На мой взглядъ, это совершенно немыслимо! — съ удивленіемъ возразила она.

— И вы убѣждены, что указанное вами время не превышало трехъ четвертей часа?

— Насколько это возможно, если имѣть въ виду, что я тогда не обращала особеннаго вниманія на время.

— Еще разъ прошу принять выраженія моей благодарности. Вотъ и все, о чемъ я пока имѣлъ васъ спросить; но, можетъ быть, еще придется васъ пригласить сейчасъ къ дополнительному допросу. Господа, — продолжалъ коронеръ, обращаясь къ присяжнымъ:—мнѣ кажется, будетъ лучше, если вы ознакомитесь съ врачебнымъ протоколомъ, прежде чѣмъ обращаться съ дальнѣйшими вопросами къ этой свидѣтельницѣ.

Снова послышались жужжаніе и гудѣніе возбужденной толпы въ залѣ суда. Исторія становилась все загадочнѣе...

Шумъ сразу прекратился, лишь только докторъ, производившій осмотръ трупа, принесъ присягу и началъ свой докладъ.

При первомъ поверхностномъ изслѣдованіи, которому онъ былъ въ состояніи подвергнуть покойника на мѣстѣ, гдѣ нашли тѣло, онъ не обнаружилъ никакихъ данныхъ, указывающихъ на самую причину смерти.

— Но позже вы, при содѣйствіи доктора Клэрджэса, вторично осматривали, уже тщательнымъ образомъ, трупъ Стикэльса и, вѣроятно, могли придти къ болѣе опредѣленному заключенію?

— Да, мы и пришли къ таковому.

— Мнѣ кажется, вами установлено, что человѣкъ этотъ былъ лишенъ жизни насильственно?

Въ судебномъ помѣщеніи царила полнѣйшая тишина, когда врачъ отвѣчалъ:

— Да, мы открыли на правой сторонѣ головы небольшую рану, и, поизслѣдовавши ее нѣкоторое время зондомъ, я вынулъ оттуда засѣвшую въ мозгу пулю!

XV.

Приговоръ.

Сказать, что въ переполненной публикою залѣ суда можно было бы услышать развѣ паденіе иголки, когда докторъ заявилъ это, еще значило бы клеветать на ту поистинѣ мертвую тишину, которая царила въ данный моментъ среди густой массы слушателей!

Едва-ли пять душъ изъ каждой сотни присутствовавшихъ были подготовлены къ такому сенсаціонному сообщенію. Новое обстоятельство бросало внезапный свѣтъ на дѣло, исключивши всякую возможность предполагать, —

Digitized by Google

не погибъ ли Джэмсъ вслѣдствіе несчастнаго случая, и публика обоего пола должна была въ теченіе, по крайней мѣрѣ, цѣлой минуты перевести духъ, чтобы освоиться съ измѣнившимся столь круто положеніемъ вещей.

А врачъ, тѣмъ временемъ, спокойно продолжалъ чтеніе судебно-медицинскаго протокола, изъ котораго вытекало, что подлый убійца долженъ былъ подкрасться сзади, съ правой стороны дороги къ намѣченной жертвѣ, которая, по всей вѣроятности, направлялась въ Строо, а также—что злодѣйство совершено почти непосредственно передъ появленіемъ мальчика, наткнувшагося на трупъ.

— Можете ли вы въ точности опредѣлить намъ время, когда приступили къ первоначальному осмотру убитаго?— спросилъ коронеръ доктора.

— За мною пришли въ четверть девятаго, а около двадцати пяти минутъ девятаго я былъ уже на мѣстѣ преступленія.

— И, по вашему мнѣнію, тѣло пролежало тамъ съ часъ?

— Или значительно менѣе.

— Къ какому времени вы бы, поэтому, отнесли приблизительно самую смерть Стикэльса, или, быть можетъ, по какимъ-нибудь даннымъ еще представится способъ вѣрнѣе опредѣлить этотъ моментъ?

— Разумѣется, трудно указать его безъ ошибки, но я склоненъ думать, что это случилось часовъ въ восемь.

— Значитъ, всего за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ мальчикъ замѣтилъ трупъ?

— Да, за очень немного минутъ, и я даже удивляюсь,—прибавилъ врачъ: какъ это мальчикъ не слышалъ выстрѣла изъ огнестрѣльнаго оружія.

Всѣ взоры были теперь устремлены на Чарльза Уаллэтта, который, давши свои показанія, сидѣлъ въ залѣ суда. По предложенію одного изъ присяжныхъ, онъ снова былъ вызванъ коронеромъ и подвергнутъ дополнительному свидѣтельскому допросу. Но мальчикъ настаивалъ, что никакого шума не слыхалъ и ничего особенно-заслуживавшаго вниманія не видѣлъ, пока не наскочилъ на лежавшаго лицомъ къ землѣ, сбоку отъ дороги, человѣка.

— По крайней мѣрѣ... тутъ онъ вдругъ умолкъ, и его ало-красная физіономія покрылась блѣдностью.

— Прекрасно, мой милый, — ободрялъ Уаллэтта коронеръ:—подумай-ка хорошенько, передъ тѣмъ какъ отвѣчать, а тогда разскажи намъ все, что вспомнишь, до мельчайшихъ подробностей.

— Сэръ, — началъ мальчикъ: — я, дѣйствительно, что-то слышалъ, какъ разъ передъ самымъ поворотомъ дороги, а потомъ сейчасъ увидѣлъ мертвеца, но подумалъ объ этомъ вотъ только сію минуту.

— Что же ты услышалъ?

— Мнѣ показалось, будто мистеръ Уэлльсъ стрѣляетъ ночныхъ птицъ. Онъ постоянно тамъ ходитъ со своимъ ружьемъ: вотъ почему я не обратилъ на это вниманія.

На лицѣ мальчика, который сообщилъ суду поздновато и почти противъ воли вытянутое у него свѣдѣніе, отражалась, однако, полная правдивость. Такъ какъ, по его же словамъ, онъ и раньше неоднократно слыхивалъ подобную стрѣльбу по птицамъ, — звукъ отдѣльнаго выстрѣла естественно не произвелъ на него особеннаго впечатлѣнія, и Уаллэта даже нисколько не удивило, что помѣщикъ охотится поздно вечеромъ.

Тѣнь разочарованія проскользнула надъ собравшейся въ залѣ суда публикой при мысли, что Стикэльсъ, все-таки, въ концѣ концовъ, могъ быть нечаянно пристрѣленъ, вмѣсто совы. Но это предположеніе пришлось скоро устранить, когда выслушали самого мистера Уэлльса, который также находился тамъ, въ качествѣ свидѣтеля. Согласно его показанію, онъ вообще не имѣлъ привычки стрѣлять въ сумерки, а, вдобавокъ, еще провёлъ наканунѣ цѣлый день въ Кэнтербюри и вернулся оттуда обратно только послѣ девяти часовъ вечера.

Тутъ назначенъ былъ перерывъ для завтрака, вслѣдъ за которымъ съ жаднымъ интересомъ готовились встрѣтить самый важный пунктъ всего су-

Digitized by Google

договоренія, а именно показанія Нэлль Кларисъ, въ качествѣ свидѣтельницы.

Остальные свидѣтели преимущественно бесѣдовали о ней, послѣ того какъ толпа мало-по-малу очистила судебное помѣщеніе. Никто не сомнѣвался въ огромной важности вопросовъ, съ которыми коронеръ обращался къ миссъ Бёстель. Было совершенно ясно, что, помимо Клиффорда, Нэлль являлась единственной особой, имѣвшей, какъ всѣ прекрасно знали, достаточно вѣскіе поводы къ неудовольствію противъ Стикэльса. Поэтому, естественно и возникли подозрѣнія, что она не совсѣмъ чужда его убійству. Дѣвушка сразу произвела неблагопріятное впечатлѣніе на публику, въ своей опушонной бѣличьими шкурками шубкѣ и боа изъ коричневаго мѣха, прикрывавшими ея лицо чуть-ли не до глазъ, и въ шляпѣ съ широкими полями, которыя мѣшали различать самые контуры головы большинству присутствовавшихъ. Но достаточно было поверхностныхъ взглядовъ, брошенныхъ многими на весь обликъ дѣвушки, когда она, быстро поднявшись со своего мѣста, подходила къ коронеру, чтобы убѣдиться, насколько ея, всюду прославленная красота неожиданно поблекла: щеки Нэлль покрылись пятнами отъ частымъ слезъ, а голубыя очи глубоко впали и лишились прежняго блеска.

Казалось, ей болѣе всего хотѣлось спрятать лицо и давать отвѣты такимъ образомъ, чтобы ихъ могло слышать возможно меньше народа. Во время своихъ свидѣтельскихъ показаній, она неоднократно была приглашаема публикой «развязать языкъ», а коронеромъ и присяжными — говорить безъ колебаній да лишнихъ размышленій, не стараясь выгадать время для разныхъ хитроумныхъ вывертовъ, къ которымъ обнаруживала явную склонность.

— Вы—племянница мистера Жоржа Клариса? И вы присутствовали, когда разыгралась ссора между покойнымъ и мистеромъ Клиффордомъ Кингомъ?

— Ссоры не было, а, просто, Джэмсъ Стикэльсъ неожиданно на него набросился! Онъ черезъ оконную шибку нанёсъ ему ударъ ножёмъ! Онъ предательски его ранилъ!

— А мистеръ Кингъ также нанесъ ему ударъ?

— Нѣтъ, онъ только схватилъ Стикэльса и отшвырнулъ его отъ себя!

— Извѣстна ли вамъ причина, по которой покойный напалъ на мистера Кинга?

Нэлль не отвѣчала.

— Сожалѣю, что я вынужденъ настоятельно просить у васъ отвѣта на данный вопросъ. Вѣдь согласитесь, для дѣвицы не представляетъ ровно ничего позорнаго явиться предметомъ взаимной ревности двухъ пылкихъ молодыхъ людей? Я полагаю, это — несомнѣнный фактъ, что покойный Джэмсъ Стикэльсъ ревновалъ къ мистеру Кингу, пришелъ въ неистовство, увидѣвъ его вмѣстѣ съ вами, и, вслѣдствіе этого именно, набросился на соперника, котораго—основательно или нѣтъ—считалъ счастливѣе себя.

У дѣвушки вырвался поспѣшный отвѣтъ:

— Нѣтъ, это было не такъ! Онъ вовсе не ревновалъ! Я всегда ненавидѣла Джэмса Стикэльса, что онъ и зналъ прекрасно! Какъ бы онъ могъ меня ревновать, когда я питала къ нему омерзеніе?

Тутъ, въ первый и послѣдній разъ за все время ея допроса, голосъ Нэлль звучалъ достаточно громко, чтобы его могли слышать въ цѣломъ помѣщеніи суда, когда она произносила эти страшно самообличающія слова.

Высказавши это, она вперила взоръ своихъ широко-раскрытыхъ голубыхъ глазъ на коронера, передъ которымъ стояла, а по собранію волною пронесся ужасъ, и присяжные, всѣ безъ исключенія, за нее испугались. Всѣ они знавали дикаго рыбака и невольно чувствовали ту бездну глубочайшаго отвращенія, которая должна была раздѣлять его и эту утонченно-воспитанную дѣвушку! И, въ то время, какъ они, вопреки собственному желанію, приходили къ выводу, что она, пожалуй, рѣшилась даже прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ,—лишь бы избавиться отъ него и его преслѣ-

Digitized by Google

дованій, имъ бы, все-таки, было въ тысячу разъ пріятнѣе, при малѣйшей возможности, замять это дѣло.

Но такъ свободно выраженная ненависть, представляя поводъ къ преступленію, съ другой стороны, казалась открытымъ признаніемъ этого чувства—именно теперь, когда до такой степени было въ интересахъ самой дѣвушки, наоборотъ, всячески скрывать его, служила доказательствомъ, что ея душевное состояніе таково, когда людямъ безусловно нельзя вмѣнять въ вину ихъ поступковъ.

Слѣдствіе, между тѣмъ, продолжалось.

— Ну, хорошо,—началъ снова коронеръ:—вы пошли въ домъ полковника Бёстеля, откуда вмѣстѣ съ миссъ Бёстель отправились на квартиру къ Джэмсу Стикэльсу, чтобы освѣдомиться о состояніи его здоровья?

Но здѣсь она опять пропустила представлявшуюся счастливую возможность себя выгородить.

— Я вовсе не желала идти. Миссъ Теодора принудила меня сдѣлать это, —возразила Нэлль.

— Ну, вы же во всякомъ случаѣ сопровождали ее и видѣли тамъ его, и говорили съ нимъ?

— Нѣтъ, я съ нимъ именно не разговаривала.

— Но видѣли его... или не видѣли?

— Нѣтъ, мнѣ противно было смотрѣть. Я слушала его—и только.

— А слыхали ли вы, какъ онъ говорилъ миссъ Бёстель, что собирается въ Строо.

Выраженіе страха вдругъ скользнуло по лицу молодой дѣвушки, что̀ и заставило присяжныхъ еще внимательнѣе, нежели до того, къ ней присматриваться.

— Да...

Отвѣтъ она произнесла шепотомъ.

— Но, конечно, вы не замѣтили, находился ли онъ въ обычномъ состояніи здоровья, или нѣтъ?

— Этого я, дѣйствительно, не замѣтила...

— Естественное дѣло... А, затѣмъ, вы съ миссъ Бёстель вернулись въ домъ полковника.

— Да...

— А что̀ вы дѣлали, придя туда?

— Я плакала...

— Гдѣ именно? Въ кухнѣ?

— Кажется... Я про все это едва помню...

— Миссъ Бёстель васъ оставила, чтобы подняться къ себѣ наверхъ и починить какой-то изъянъ въ своемъ платьѣ? Этого вы не забыли?

— Забыла, но отчасти припоминаю...

— Ну, я не намѣренъ смущать васъ, но очень желалъ бы, чтобы вы, подумавши сначала хорошенько, отвѣтили мнѣ, ка̀къ провели время, когда миссъ Бёстель, оставивши васъ одну, отправилась на второй этажъ?

— Я... я... я... пошла въ кухню...

— И плакали тамъ?

— Да.

— А могли ли бы вы мнѣ сказать, сколько времени тамъ просидѣли, плача?

— Нѣтъ...

— Вы приготовляли посуду къ чаю? не такъ ли?

Пауза.

Коронеръ продолжалъ:

— Постарайтесь вспомнить! Вѣдь, это происходило, какъ вы сами знаете, только вчера! Миссъ Бёстель говоритъ, что вы внесли чайную посуду въ столовую. Помните ли вы, какъ сдѣлали это?

— О... о, да!..

— А помнится ли вамъ: взглянули вы на часы, или нѣтъ, и сколько тогда было времени?

— Положительно, не знаю...

— Вы застали миссъ Бёстель въ столовой. За какого рода занятіемъ?

— Она разводила огонь...

— Вы ни на минуту не выходили изъ-дому?

На этотъ вопросъ Нэлль отвѣтила немедленно:

— О, нѣтъ!

— Вы въ этомъ безусловно убѣждены?

— Безусловно убѣждена!

Digitized by Google

— Хотите ли вы, господа, предложить этой свидѣтельницѣ ещё какіе-либо вопросы?—обратился коронеръ къ присяжнымъ засѣдателямъ.

Толстякъ съ сѣдыми бакенбардами выдвинулся на своемъ мѣстѣ слегка впередъ.

— Я бы только хотѣлъ спросить миссъ Кларисъ, — сказалъ онъ:—не грозилъ ли ей покойный Джэмсъ Стикэльсъ какъ или иначе? Извѣстно, что онъ утверждалъ, будто высказывалъ по ея адресу какія-то угрозы...

Коронеръ казался въ нерѣшимости, долженъ ли онъ допустить этотъ вопросъ, но дѣвушка утвердительно кивнула въ отвѣтъ головой.

— Слѣдовательно, онъ-таки грозилъ вамъ?—съ упорствомъ продолжалъ ее допрашивать присяжный.

— Да,—положимъ, не мнѣ лично, а.

— То-есть, онъ собирался донести полиціи, кто именно совершалъ кражи въ домѣ у вашего дядюшки?

Нэлль сильно поблѣднѣла и бросила на настойчиваго присяжнаго робкій взглядъ.

— Да, онъ увѣрялъ, будто знаетъ вора...

Тутъ выдвинулся другой присяжный съ вопросомъ:

— Обручены ли вы съ мистеромъ Кингомъ?

Дѣвушка отвѣтила на этотъ вопросъ твердо и болѣе громкимъ голосомъ:

— Нѣтъ, я съ нимъ не обручена.

— Будетъ достаточно, я полагаю,— заявилъ коронеръ.

Нэлль разрѣшили удалиться съ ея слишкомъ бросавшагося въ глаза свидѣтельскаго мѣста.

Миссъ Бёстель ее поджидала и, привлекши нѣжной рукой, усадила на стулъ возлѣ себя.

— Дѣло близится къ концу. Остается лишь допросить еще послѣдняго свидѣтеля,—заявилъ коронеръ, обращаясь къ суду присяжныхъ:—а именно второго врача, который былъ приглашенъ къ осмотру трупа.

— Не слѣдуетъ ли допросить мистера Кинга?—спросилъ одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей.

— Онъ не въ состояніи явиться: на этотъ счетъ у меня имѣется докторское свидѣтельство. Но лично мнѣ его присутствіе, послѣ всѣхъ предшествовавшихъ показаній, кажется совершенно излишнимъ.

— Ну, а я признаю это весьма существеннымъ! — возразилъ присяжный:—не тайна, что у него было серіозное столкновеніе съ покойнымъ!

— Но легко можетъ быть установлено, что, въ моментъ смерти Стикэльса, тотъ лежалъ больной въ постели, — разъяснялъ коронеръ: мистеръ Кингъ оказался настолько тяжело раненымъ, что нуждался въ неусыпномъ уходѣ съ того мгновенія, какъ упалъ въ обморокъ, оттолкнувши покойнаго.

— Хорошо, но я позволю себѣ навести на мысль: не лучше ли было бы основательно подтвердить это свидѣтельскими показаніями передъ лицомъ суда... Тутъ настойчивому присяжному вдругъ пришлось круто оборвать свою рѣчь, такъ какъ вниманіе и его, и остальныхъ присутствовавшихъ было привлечено крикомъ Нэлль Кларисъ.

Вскочивъ съ мѣста, она издала отчаянно-жалобный стонъ и вслѣдъ за тѣмъ почти автоматически опустилась обратно на свой стулъ.

Опять зажужжала и загудѣла толпа, которую еле угомонили полицейскіе окрики: «тише!»

Тогда появился второй врачъ, показаніе котораго, какъ вѣрный отголосокъ протокола его коллеги, не возбудило, положительно, ни чьего интереса.

Напутственное резюмэ коронера присяжнымъ отличалось чрезвычайной краткостью и обнаруживало не менѣе глубокое сомнѣніе въ его душѣ, чѣмъ у вышедшихъ, послѣ того, изъ залы суда на совѣщаніе представителей жюри.

Когда удалились присяжные, шумъ среди публики все усиливался, и хаотическое обсужденіе вѣроятнаго приговора приняло чудовищно бурный характеръ еще задолго до возвращенія судей.

Digitized by Google

Черезъ пару мгновеній изъ залы суда распространилось среди толпившихся на рыночной площади народныхъ массъ, что приговоръ жюри гласитъ:

«Предумышленное убійство, совершенное однимъ или нѣсколькими неизвѣстными лицами».

XVI.

Идея Гэннинга.

Когда миссъ Бёстель послѣ произнесенія приговора, обратившись къ Нэлль, просила ее встать, чтобы отправиться вмѣстѣ домой, дѣвушка оказалась въ обморокѣ. Жоржъ Кларисъ, который, во время допроса свидѣтелей, со сложенными на груди руками, стоялъ одинъ, гдѣ-то въ уголку залы, и, морща лобъ, прислушивался къ ходу слѣдствія, быстро подошелъ на повелительный зовъ Теодоры.

— Смотрите же, мистеръ Кларисъ: бѣдное дитя лишилось чувствъ!—воскликнула старая дѣва, крайне-изумленная равнодушіемъ, которое онъ обнаруживалъ.

— Вижу, — коротко отвѣтилъ старикъ, холодно кивнувъ головой.

— Страхъ пересилилъ бѣдняжку,— продолжала миссъ Бёстель, быстро снимая съ Нэлль шубку и разстегивая ей лифъ:—стаканъ воды, господа! Будьте такъ добры! И, ради Бога, не напирайте всѣ разомъ! Ей нужно побольше воздуху!

Когда дѣвушка снова пришла въ себя при помощи миссъ Теодоры, ее подвели къ кабріолету, который стоялъ у подъѣзда передъ зданіемъ суда.

— Берегите ее хорошенько,—озабоченнымъ тономъ обратилась дочь полковника къ трактирщику, между тѣмъ какъ совершенно обезсиленную Нэлль туда усаживали на рукахъ: — и, если вы позволите дать вамъ совѣтъ, отправьте ее завтра же раннимъ утромъ, съ первымъ поѣздомъ, въ Лондонъ.

Жоржъ Кларисъ, который держалъ себя молчаливо, мрачно и въ общемъ довольно безразлично относительно племянницы, бросилъ на нее быстрый взглядъ, насупивъ брови.

— О, чего ей тамъ не хватаетъ,— рѣзко произнесъ онъ (и это казалось чѣмъ-то совершенно необычайнымъ, разъ дѣло шло о его любимицѣ):—на свѣжемъ воздухѣ она живо оправится! Но какъ вы возвратитесь домой, миссъ Бёстель? Мы очистимъ для васъ мѣсто. При этомъ онъ посмотрѣлъ на Нэлль, ожидая, что та немного потѣснится ради своей пріятельницы, но дѣвушка не двигалась; а миссъ Теодора улыбалась снисходительно.

— Она еще не совсѣмъ пришла въ себя,—пролепетала старая дѣва:—эта гадкая исторія обошлась ей слишкомъ дорого!

— Почему дороже именно ей, нежели всякому другому? — спросилъ съ раздраженіемъ трактирщикъ.

Нэлль, словно очнувшись, повернулась въ сторону дяди, котораго миссъ Бёстель сердито дернула за рукавъ.

— У мужчинъ нѣтъ жалости,—объявила она съ упрекомъ:—папа такой же самый! Вы, господа, не принимаете во вниманіе нашихъ нервовъ, но, все-таки, мистеръ Кларисъ, отъ васъ я бы ничего подобнаго не ожидала. До сихъ поръ я всегда готова была указывать другимъ мужчинамъ на вашу истинно-родственную заботливость о Нэлль, какъ на достойнѣйшій примѣръ для подражанія!

Волненія этого дня сдѣлали дочь полковника гораздо общительнѣе и фамильярнѣе, чѣмъ она бывала обыкновенно. Тутъ подошелъ ея отецъ, не присутствовавшій въ судѣ, и, многозначительно кивнувъ головой въ сторону Жоржа Клариса и его племянницы, поспѣшилъ увести съ собой Теодору.

Старикъ оказался въ самомъ скверномъ расположеніи духа.

— Впередъ маршъ!—скомандовалъ онъ дочери: — мистеръ Лэндсдоунъ предлагаетъ подвезти насъ домой. Не понимаю, чего ради ты торчала здѣсь хоть одной минутой долѣе, нежели слѣдовало. Тебѣ нужно только радоваться, что ты покончила съ этой отвратительной исторіей... Поторопись же!

Digitized by Google

И покорная дочь позволила увести себя безпрекословно.

Дядя и племянница возвращались къ «Голубому Льву» молча. Они уже могли видѣть издали маленькую кучку домовъ, между которыми самымъ значительнымъ было зданіе гостиницы, когда молодая дѣвушка вдругъ, обратившись къ Кларису, спросила:

— Дядя Жоржъ, что̀ съ тобою? отчего ты теперь ко мнѣ иначе, совсѣмъ иначе относишься?

Наступила пауза. Въ груди у трактирщика разгорѣлась борьба, — жалости достойная внутренняя борьба между любовью, которую сердце его искренно питало къ дорогой племянницѣ Нэлль, и приступами подозрительности да сомнѣнія. И онъ неестественнымъ голосомъ уклончиво отвѣчалъ на вопросъ:

— Отношусь иначе? Какъ же именно?

— Ты знаешь, о, ты это знаешь! — чуть не рыдала Нэлль.

Жоржъ Кларисъ взглянулъ на нее. Казалось на мгновеніе, будто старое довѣріе обратно проникаетъ въ его душу, и онъ мысленно обзывалъ себя олухомъ, жалкимъ, старымъ олухомъ за то, что позволилъ туда закрасться сомнѣнію относительно ея безупречной искренности и порядочности. Но, затѣмъ, пронеслись въ умѣ безобразныя мысли, незамѣтно навѣянныя пренебреженіемъ и недовѣріемъ всѣхъ окружающихъ, мало-по малу начавшія ожесточать его душу, — и старикъ снова окинулъ мрачнымъ взглядомъ дѣвушку. Онъ не былъ въ состояніи отвѣтить откровенно, хотя и чувствовалъ, что было бы гораздо лучше, если бы онъ смогъ это сдѣлать. Трактирщикъ глубоко вздохнулъ и проговорилъ, не глядя на Нэлль:

— Эхъ, полно, милая моя, согласись, не такъ-то легко чувствовать себя бодро и весело, когда подобныя вещи происходятъ чуть не подъ нашими окнами.

Затѣмъ, оба опять смолкли, сообразивъ одновременно, что они проѣзжаютъ мимо того мѣста, гдѣ Джэмса Стикэльса наканунѣ нашли убитымъ. И дядя, и племянница украдкою посмотрѣли на помятую тамъ траву, а затѣмъ неожиданно хотѣли заглянуть въ лицо другъ другу, при чемъ на мгновеніе встрѣтились взорами.

— Дядя, — спросила Нэлль шепотомъ: — было найдено ружье, изъ котораго произведенъ выстрѣлъ?

Жоржъ Кларисъ только отрицательно мотнулъ головой.

Обнаруженная въ мозгу у Джэмса Стикэльса пуля явно принадлежала огнестрѣльному оружію стараго типа, будучи очень велика и вышедшей изъ употребленія формы. Не смотря на тщательные и утомительнѣйшіе розыски по всей этой мѣстности, нигдѣ не было найдено и слѣдовъ подобнаго оружія. Согласно же заключенію врачей, пуля пролетѣла разстояніе, по крайней мѣрѣ, въ нѣсколько ярдовъ изъ пистолета. Но это предположеніе не привело пока ни къ какимъ результатамъ, кромѣ одной секретной гипотезы въ головѣ сыщика Гэннинга. У этого дальновиднаго господина зародилась идея, которая заставила его, черезъ часъ по окончаніи слѣдствія, направить стопы въ сторону Чингль-Энда. Гдѣ же легче, чѣмъ въ домѣ стараго солдата, Нэлль раздобыла бы оружіе, которое бы помогло ей освободиться отъ вѣчнаго ужаса передъ Джемсомъ Стикэльсомъ?

Гдѣ-нибудь у Бестелей и, вѣроятно, въ опредѣленномъ мѣстѣ, хорошо знакомомъ Нэлль, какъ постоянной гостьѣ, въ домѣ, должны были храниться нѣкоторые старые трофеи полковника изъ его походной жизни, и Гэннингъ разсчитывалъ, осмотрѣвши ихъ, найти необходимый ему ключъ къ загадкѣ. Впустила полицейскаго агента, по обыкновенію, сама миссъ Теодора. Ея жесткое лицо, казалось, вспыхнуло, отъ удовольствія, когда она увидѣла, кто передъ нею.

— Пожалуйте, — приглашала она, широко раскрывая двери: — надѣюсь, что вы принесли намъ интересныя новости. Я, знаете ли, жду только отъ одной вашей проницательной находчивости въ тысячу разъ больше, нежели отъ всѣхъ представителей мѣстной полиціи, взятыхъ вмѣстѣ!

Digitized by Google

— Опасаюсь, не относитесь ли вы къ нимъ несправедливо, сударыня,— умышленно скромничалъ Гэннингъ:— они полагаютъ, что напали на довольно хорошій слѣдъ, и надѣются непремѣнно, уже черезъ нѣсколько дней, произвести одинъ важный арестъ. Послѣдовавшая за нимъ миссъ Бёстель недовѣрчиво повела миніатюрными, узкими плечами.

— Эти господа всегда напрасно надѣются. Но какъ обстоитъ дѣло по-вашему? Сыщикъ отвѣчалъ не сразу. Старая дѣва, осматриваясь во всѣ стороны, замѣтила лишь по выраженію его лица, что имѣется причина, которая заставила лондонскаго агента вдругъ замолчать.

— Что̀ случилось?—торопливо спросила она его.

— Право, сударыня, эти исторіи сдѣлали меня, какъ и всѣхъ прочихъ, черезчуръ нервными,—отвѣчалъ онъ, устремляя взоръ на свою шляпу, которую тщательно разглаживалъ рукою:—мнѣ только-что представилось, будто сюда кто-то заглядываетъ въ окошко!

Миссъ Бёстель посмотрѣла на него съ удивленіемъ. Ей казалось, что оттуда, гдѣ Гэннингъ стоялъ, онъ не только не могъ видѣть какую-то фигуру въ одномъ изъ оконъ, но даже ихъ отраженій въ зеркалѣ надъ каминнымъ карнизомъ.

— Я не вижу никого, — сказала она: — но, можетъ быть, это былъ одинъ изъ деревенскихъ мальчишекъ, заглянувшій сюда изъ любопытства?

— Легко возможно, сударыня.

— А теперь, что̀ вамъ угодно? Такъ какъ, разумѣется, вы пожаловали сюда по дѣламъ службы...

— Совершенно вѣрно, сударыня, но обстоятельства, надо сознаться, принимаютъ крайне плохой оборотъ для вашей пріятельницы...

— Оставьте, пожалуйста, мистеръ Гэннингъ: я не желаю слышать ни слова противъ молодой дѣвушки! — съ теплотою въ голосѣ заявила миссъ Бёстель: — я настаиваю, что самое предположеніе, будто дитя это могло имѣть что бы то ни было общее съ кражами и убійствомъ, прямо безсмысленно! Меня даже изумляетъ, когда человѣкъ вашей опытности и вашего остроумія высказываетъ настолько дикую фантазію!

Сыщикъ снова опустилъ взоръ на свою шляпу.

— Дѣлаетъ вамъ большую честь, сударыня,—вступиться за нее,—сухо процѣдилъ онъ сквозь зубы: — но я вынужденъ обратиться съ нѣкоторыми вопросами къ господину полковнику, если бы онъ согласился удѣлить мнѣ минутъ пять...

— Отецъ мой васъ приметъ, — отвѣтила тотчасъ же Теодора, направляясь къ дверямъ:—такъ какъ онъ придерживается одинаковаго со мною убѣжденія, что всякій новый лучъ свѣта по данному дѣлу способенъ только послужить на пользу моей пріятельницѣ!

Миссъ Бёстель проводила сыщика въ столовую, которая, послѣ холодной пустоты гостиной, показалась ему такой теплой да уютной, и оставила двухъ мужчинъ однихъ.

— Я явился спросить васъ, сэръ,— началъ Гэннингъ:—не храните ли вы у себя въ домѣ огнестрѣльнаго оружія?

— Огнестрѣльнаго оружія? Нѣтъ!— отвѣчалъ маститый воинъ негодующимъ тономъ, который ясно обнаруживалъ, что онъ понимаетъ цѣль Гэннинга установить связь между его вещью и убійствомъ Стикэльса.

— Не сочтите за дерзость, сэръ,— продолжалъ полицейскій агентъ самымъ заискивающимъ образомъ,—но мнѣ вмѣнено въ обязанность, какъ вамъ извѣстно, производить розыски, и вотъ я вижу, что здѣсь висятъ на стѣнѣ сохранившіяся реальныя воспоминанія вашей прежней боевой жизни—копья, афганское ружье и...

— О, это ружье гораздо опаснѣе для того, кто вздумалъ бы изъ него выстрѣлить, чѣмъ для намѣченнаго предмета!

— Тутъ еще есть старый пистолетъ. Могу ли я на него взглянуть?

— Конечно.

Digitized by Google

Сыщикъ поспѣшилъ воспользоваться изъявленнымъ согласіемъ и послѣдовательно снялъ съ гвоздей: сначала—короткое и тяжелое—такъ называемое верблюжье афганское ружье, а затѣмъ упомянутый пистолетъ. Это было кавалерійское оружіе устарѣлой формы.

Гэннингъ занялся его внимательнѣйшимъ осмотромъ.

— Берегитесь! — воскликнулъ Бёстель, когда полицейскій агентъ хотѣлъ нажать спускъ пальцемъ, держа пистолетъ дуломъ противъ себя: — Онъ заряженъ!

— Заряжено? Вотъ какъ!—вырвалось у сыщика.

И онъ три или четыре раза спустилъ курокъ безъ всякихъ результатовъ.

Полковникъ вскочилъ.

— Но я самъ заряжалъ его, только нѣсколько дней назадъ, и показывалъ дамамъ, какъ пускать въ дѣло, и прекрасно помню, что опять зарядилъ, прежде нежели повѣсить его на мѣсто!

— Значитъ, съ тѣхъ поръ, имъ пользовались,—хладнокровно отрѣзалъ Гэннингъ. Не покажете ли вы мнѣ пули, предназначенной для этого оружія? Я бы хотѣлъ сравнить ее съ пулей въ строоскомъ полицейскомъ управленіи...

— Но, любезнѣйшій, надѣюсь, вы не хотите сказать... вы не допускаете...

— Мысли, что вы показывали дамамъ пистолетъ съ опредѣленнымъ намѣреніемъ? Къ сожалѣнію, сэръ, я имѣлъ именно это въ виду!

XVIII.

Старый пистолетъ.

Лишь только Нэлль и ея дядя вернулись въ гостиницу, — имъ сразу пришлось встрѣтиться съ сидѣлкою Клиффорда, по словамъ которой больной такъ упорно требовалъ къ себѣ миссъ Кларисъ, что она, волей-неволей, должна была дать свое согласіе на подобное свиданіе, изъ боязни, какъ бы отъ нервнаго возбужденія у него не начался приступъ лихорадки.

Но, къ ея крайнему удивленію, дѣвушка безусловно противъ этого возстала, и понадобилось не менѣе полудюжины настойчивыхъ приглашеній, пока она, наконецъ, не отправилась въ комнату къ раненому.

Кингъ лежалъ въ маленькой гостиной: онъ легче вздохнулъ, увидѣвъ входившую дѣвушку.

— Присядь ко мнѣ, Нэлль,—обратился онъ къ ней слабымъ голосомъ:— и скажи, отчего ты такая блѣдная? Вѣдь, я еще не умираю. Не изъ-за меня ли ты напрасно мучишься? Но та, отрицательно качая головой и взявъ его за руку, попробовала, было, улыбнуться. Съ устъ ея сорвался глухой звукъ, отнюдь не похожій на какое-нибудь слово. А, когда глаза ея, затѣмъ, встрѣтились съ его взоромъ, она безпомощно опустилась на полъ и залилась горькими слезами.

Клиффордъ сдѣлалъ самое лучшее въ подобномъ случаѣ, а именно—предоставилъ возлюбленной хорошенько выплакаться. Не говоря ни слова, онъ только нѣжно гладилъ ей золотистые волосы. Такимъ образомъ, Нэлль проплакала нѣкоторое время, пока не ослабѣлъ подавлявшій ее гнетъ отчаянія.

— Ну, дорогая, легче ли тебѣ теперь?—спросилъ Кингъ, когда еле уловимая улыбка мелькнула на лицѣ дѣвушки.

— О, да, гораздо легче,—отвѣчала она уже съ извѣстной долей самообладанія:—и я могу тебѣ одну вещь сказать... Дядя навѣрно думаетъ, что я... я... я это сдѣлала:

— Убила Джэмса Стикэльса?

— Именно!

— Но скажи, Бога ради, что же другое онъ могъ бы думать? Да и самъ я былъ бы убѣжденъ именно въ этомъ, если бъ...

— Если бы что?

— Если бы такъ горячо тебя не любилъ!

— Неужели ты это говоришь серіозно?

— Я, видишь ли, попросилъ сидѣлку отправить кого-нибудь въ судъ, чтобы имѣть точныя свѣдѣнія об

Digitized by Google

всемъ ходѣ слѣдствія. Такимъ образомъ, мнѣ ужѐ успѣли передать подробно твои показанія и приговоръ присяжныхъ, и, право, я бы не понялъ, ка́къ бы могло другое лицо, помимо меня, судя по этому, тебя не заподозрить?

Еще блѣдная, до тѣхъ поръ, Нэлль сильно покраснѣла, взглянувъ на Клиффорда.

— Ты хочешь сказать, что, и со своей стороны, меня подозрѣваешь? Ты признаешь меня способной...

— Нѣтъ, дитя, я лично — ни въ какомъ случаѣ! Но нахожу, что твои свидѣтельскія показанія были въ высшей степени неудачны, и послѣ нихъ ты безусловно не должна разсчитывать, чтобы вообще относились къ тебѣ сочувственно. А теперь скажи по совѣсти, отчего ты не хотѣла ко мнѣ придти и не желала со мною видѣться?

Дѣвушка, молча, поникла головой.

— Не было ли тебѣ все равно, встрѣтишься ли ты еще со мною когда-нибудь, или нѣтъ?

Во всѣхъ чертахъ ея мгновенно поднятаго лица выражалось пылкое отрицаніе.

— О чемъ ты хотѣла со мною говорить, когда написала, чтобы я сюда пріѣхалъ?

— Вотъ въ этомъ-то дѣло—быстро зашептала она: — вотъ именно изъ-за этого я не хотѣла сейчасъ съ тобою видѣться! Я знала напередъ, что ты станешь предлагать мнѣ подобные вопросы, а теперь я ничего не могу тебѣ на нихъ отвѣтить.

— Почему же нѣтъ?

— Вчера,—продолжала Нэлль еще тише, — я хотѣла обратиться къ тебѣ за совѣтомъ, пока шла рѣчь только о кражѣ. Сегодня же, когда дѣло касается уже убійства,— я отказалась отъ своего намѣренія...

— Тебѣ что-нибудь извѣстно, дорогая?

— Нѣтъ, но я бы та́къ хотѣла знать навѣрно! У меня есть нѣкоторое подозрѣніе, однако, я не рѣшалась бы сообщить ихъ даже на ухо тебѣ... Удовольствуешься ли ты этимъ, или станешь требовать, чтобы я говорила, когда предпочитаю не высказываться?

Кингъ колебался.

— Довѣряешь ли ты мнѣ настолько, чтобы позволить молчать?

Клиффордъ видѣлъ, какая жестокая внутренняя борьба волновала Нэлль, и, со свойственнымъ ему вообще великодушіемъ, подчинился ея рѣшенію.

— Ну, хорошо,—сохрани свою тайну; но знай, что, во всякомъ случаѣ, я долженъ первымъ ее узнать! Обѣщаешь ли ты мнѣ это?

— О, да, конечно! И спасибо отъ всего сердца!

Бремя заботы разомъ свалилось съ души бѣдной дѣвушки: полное довѣріе, оказанное ей Клиффордомъ, явилось именно тѣмъ бальзамомъ, въ которомъ, истерзанная нравственно, она та́къ нуждалась, и цѣлый часъ, проведенный ею съ согласія сидѣлки у кровати больного друга, былъ часомъ величайшаго облегченія и счастія. Она вышла оттуда со свѣжей бодростью навстрѣчу подозрѣніямъ свѣта и своего дяди.

Рана Клиффорда оказалась серіознѣе, чѣмъ предполагали сначала: грозила опасность воспаленія, и врачи настаивали на соблюденіи имъ строгаго спокойствія.

Поэтому, когда, еще въ тотъ же вечеръ, отъ гостиницу пришелъ Гэннингъ и потребовалъ свиданія съ Кингомъ, ему бы въ этомъ безъ церемоніи отказали, если бы самъ Клиффордъ не пожелалъ, во что бы то ни стало, принять сыщика.

— А что̀ вамъ отъ меня угодно?— съ жаднымъ интересомъ спросилъ онъ, — едва Гэннингъ былъ введенъ въ комнату.

— Я слыхалъ, сэръ, что вы бесѣдовали съ миссъ Кларисъ, послѣ ея допроса?—такова была первая фраза, произнесенная агентомъ тайной полиціи.

— Да. Ну, такъ что̀ же?

— Изволите ли видѣть, сэръ, дѣло принимаетъ наипечальнѣйшій оборотъ для молодой особы... И онъ бросилъ на больного испытующій взглядъ, заявляя объ этомъ. — А, такъ какъ я

Digitized by Google

зналъ, сэръ, что вы... истинный доброжелатель миссъ Кларисъ, я и счелъ правильнымъ поставить васъ въ извѣстность, насколько я теперь убѣжденъ въ причастіи одного лица ко всѣмъ за послѣднее время здѣсь совершеннымъ и неудавшимся кражамъ, а равно и вчерашнему убійству. Я только стараюсь заручиться недостающими еще звеньями въ цѣпи доказательствъ и не замедлю тогда получить приказъ объ арестѣ.

— Кого же именно?

— Это я представляю вамъ отгадать... Могу сказать, что я уже разъискалъ пистолетъ...

Клиффордъ стремительно привсталъ съ постели.

— ... И та пуля какъ разъ приходится къ его стволу...

— Не пожелаете ли вы предложить еще какіе-либо вопросы молодой особѣ? — съ напускнымъ безразличіемъ обратился къ нему Кингъ.

— Если вы полагаете, что она меня удостоитъ разговоромъ. Впрочемъ, это была бы только пустая формальность, какъ ей, вѣроятно, и извѣстно...

Подобныя слова и тонъ, которымъ они были произнесены, подвергли довѣріе любящаго суровому испытанію. Но Клиффордъ оказался непоколебимъ. Онъ поручилъ Гэннингу позвать сидѣлку и сейчасъ же отправилъ ее за Нэлль.

— Только не передавайте ей, кто именно желалъ бы тутъ съ нею переговорить.

Поэтому, дѣвушка, войдя, крайне изумилась.

Гэннингъ прямо приступилъ къ дѣлу.

— Помните ли вы, миссъ,—началъ онъ заискивающимъ голосомъ: — что полковникъ Бёстель, около недѣли тому назадъ, показывалъ вамъ и другимъ дамамъ старый пистолетъ?

Нэлль отвѣчала утвердительно, бросивъ, однако, при этомъ смущенный взглядъ на Клиффорда.

— Можете ли вы назвать мнѣ всѣхъ присутствовавшихъ тогда особъ?

— Мистрессъ Лэндсдоунъ, ея дочери, миссъ Теодора и я.

— Полковникъ стрѣлялъ изъ него, или нѣтъ?

— Да.

— И предлагалъ также попробовать дамамъ?

— Да.

— И онѣ это сдѣлали? Пожалуйста, скажите мнѣ, что́ произошло?

Всѣ боялись даже прикоснуться къ пистолету.

— Всѣ ли?

— Всѣ кромѣ... кромѣ меня...

Дрожа съ головы до ногъ, дѣвушка бросила умоляющій взглядъ на своего возлюбленнаго.

— А вы изъ него выстрѣлили два или три раза, какъ мнѣ кажется, миссъ? Но попадали ли вы въ цѣль, куда мѣтили?

— Нѣтъ, не попала ни разу.

Клиффордъ приподнялся на постели. Въ одинъ мигъ, Нэлль настолько овладѣла собою, что попросила его лечь снова. Но голосъ ея звучалъ не вполнѣ увѣренно.

Сыщикъ говорилъ въ чрезвычайно мягкомъ, словно извинявшемся тонѣ, продолжая допросъ.

— Это—оружіе, которымъ вы тогда пользовались?

Онъ вынулъ изъ своего кармана чингль-эндскій кавалерійскій пистолетъ устарѣлаго типа.

— Да,— отвѣчала дѣвушка, не обращая вниманія на попытки Клиффорда положить конецъ импровизованному слѣдствію, — это — именно оно!

— Помните ли вы, что́ произошло послѣ вашего выстрѣла?

— Да, полковникъ опять зарядилъ пистолетъ и повѣсилъ его на гвоздь.

— Прикасались ли вы къ нему съ тѣхъ поръ?

— Нѣтъ.

— Къ чему все это должно привести? — нетерпѣливымъ тономъ спросилъ Клиффордъ.

— На подобный вопросъ я еще не могу вамъ опредѣленно отвѣтить... Но полковникъ, эта молодая особа и миссъ Бёстель единогласно показываютъ, что первый, недѣлю назадъ, опять повѣсилъ пистолетъ заряженнымъ на прежнее мѣсто, а когда я сегодня вечеромъ

Digitized by Google

снялъ его съ гвоздя, пули въ немъ уже не оказалось!.. Вотъ и все... пока, сэръ!

Около минуты Гэннингъ простоялъ еще въ ожиданіи, не скажутъ ли ему чего-нибудь Клиффордъ Кингъ или Нэлль Кларисъ. Но, въ виду ихъ молчанія, откланялся и ушелъ.

— Неужели,—дрожа, обратился молодой человѣкъ къ дѣвушкѣ:—правда, что ты изъ него стрѣляла?

— Да. Не сомнѣваешься ли теперь и ты во мнѣ?

— О, нѣтъ, клянусь тебѣ! Только, Нэлль, милая, я начинаю за тебя трепетать!

Дѣвушка съ ужасомъ взглянула ему прямо въ глаза.

— Знай я что-нибудь навѣрно, ябы не скрывала, каковы бы ни были послѣдствія!—воскликнула она. Судьба несправедливо причиняетъ мнѣ столько страданій!

Между тѣмъ какъ Клиффордъ старался пытливымъ взоромъ встрѣтиться съ ея опущенными глазами, она вдругъ встала и, пообѣщавъ ему скоро вернуться, исчезла изъ комнаты.

На слѣдующее утро, она вызвала сидѣлку и спросила, можно ли ей попрощаться съ мистеромъ Кингомъ?

Клиффордъ удивленно посмотрѣлъ на нее. Дѣвушка была въ шляпѣ и въ бурнусѣ, повидимому, собравшись куда-то въ дорогу.

— Развѣ ты не зналъ, что я вчера еще хотѣла отправиться къ своей теткѣ въ Лондонъ?—спросила Нэлль. Меня задержали для снятія допроса,—такъ вотъ я, вмѣсто того, ѣду сегодня.

— Но,—нерѣшительно началъ Клиффордъ,—пожалуй...

—...Еще хуже меня заподозрятъ,—хотѣлъ ты сказать,—изъ-за этого скораго отъѣзда,—съ раздраженіемъ прервала она его. Ну, пусть люди думаютъ, что̀ имъ угодно,—и прибавила съ горечью:—если же я понадоблюсь полиціи, она сумѣетъ меня найти!

Клиффордъ былъ въ отчаяніи.

— Не говори такимъ образомъ, дитя!—воскликнулъ онъ:—я только считалъ тебя слишкомъ заинтересованной этимъ дѣломъ, чтобы покинуть дядинъ домъ, пока не откроется правда.

— Когда-то она еще откроется,—замѣтила дѣвушка, пожимая плечами:—мнѣ бы пришлось остаться здѣсь на всю жизнь, если бы я рѣшилась этого ждать!

— Нэлль, а желала бы ты, чтобъ дѣло разъяснилось?--испытующе спросилъ онъ. Дѣвушка не колебалась, затѣмъ, быстро, поднявъ голову, прошептала тихимъ голосомъ:

— Нѣтъ. Я не смѣю тебѣ сказать, почему, но я этого не хочу, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ! Послѣ этого, она умоляюще посмотрѣла на него голубыми очами, полными слезъ. Кингъ протянулъ ей обѣ руки.

— Все равно, дорогая, въ чемъ бы ты мнѣ ни признавалась, что̀ бы ты ни находила нужнымъ отъ меня скрывать,—я люблю тебя и довѣряю тебѣ всегда одинаково!

— А если такъ (въ голосѣ ея звучали женственная мягкость и искренняя благодарность), мнѣ совершенно безразлично, что̀ бы про меня ни думали и какъ бы относительно меня ни поступали другіе!

— Ты будешь подавать о себѣ вѣсти, Нэлль, и позволишь мнѣ также писать?—шепталъ Клиффордъ, обнимая ее.

— Пиши мнѣ,—отвѣчала она,—но только, когда вполнѣ выяснится страшная тайна, не ранѣе.

— О милая, вѣдь, ты сама говорила сейчасъ, что это никогда не случится!

— Значитъ, я и не получу никогда отъ тебя письма, — полузадыхаясь отъ рыданій, еле вымолвила Нэлль, вырываясь изъ его объятій и бросаясь къ дверямъ.

На дворѣ ожидалъ ее дядя. Онъ казался глубоко-взволнованнымъ, помогая ей сѣсть въ кабріолетъ. Только, когда они уже подъѣзжали къ зданію желѣзнодорожной станціи, племянница обратилась къ нему тихимъ и грустнымъ голосомъ:

— Дядя Жоржъ, отчего ты не можешь мнѣ болѣе довѣрять?

Это, повидимому, тронуло трактирщика, и онъ уже готовъ былъ ей от-

Digitized by Google

вѣтить, что, какъ бы велико ни было его подозрѣніе, онъ продолжаетъ горячо любить ее попрежнему, но ласковыя слова застыли у Клариса на устахъ, когда онъ вдругъ увидѣлъ передъ собою полицейскаго чиновника.

— Вотъ причина, по которой я не могу тебѣ больше довѣрять,—началъ старикъ, послѣ паузы:—смотри, какъ тебя стерегутъ, гдѣ бы ты только ни показалась! Боюсь даже, что тебѣ сейчасъ не позволятъ уѣхать отсюда...

Нэлль ничего не отвѣтила, высаживаясь съ плотно-сжатыми губами изъ экипажа. Вопреки ожиданіямъ не только дяди, но и ея самой, путешествіе дѣвушки не встрѣтило никакихъ препятствій. Когда поѣздъ на всѣхъ парахъ ушелъ съ маленькой станціи, трактирщикъ быстро и сердито обратился къ полицейскому чиновнику:

— Ну, что вамъ угодно?—спросилъ онъ его рѣзкимъ тономъ.

— Пока ничего,—холодно отрѣзалъ полицейскій.

XVIII.

Кораблекрушеніе въ заливѣ.

Въ послѣдовавшія за отъѣздомъ Нэлль недѣли, здоровье ея дяди расшатывалось все болѣе и болѣе, пока жизнерадостный нѣкогда трактирщикъ не превратился въ жалкую тѣнь собственнаго «я».

Отсутствіе племянницы отражалось на немъ гораздо болѣзненнѣе, нежели онъ хотѣлъ показать. И, хотя несомнѣнно-исполненный подозрѣній относительно искренности Нэлль, онъ, все-таки, былъ бы безгранично-счастливъ видѣть ее опять возлѣ себя. Кларисъ, не раздѣляя глубокаго довѣрія Клиффорда къ дѣвушкѣ, былъ однако же въ душѣ искренно за него благодаренъ молодому адвокату. Но, тѣмъ не менѣе, упорно отказывался сообщать ему адресъ Нэлль, и Кингу по неволѣ оставалось только ждать, пока она сама ему не напишетъ. Вполнѣ оправившійся Клиффордъ, незадолго до своего отъѣзда въ Лондонъ, имѣлъ еще одну встрѣчу съ агентомъ тайной полиціи, который, послѣ двухъ-недѣльнаго отсутствія, снова появился на мѣстѣ своихъ розысковъ. Но Гэннингъ оказался мало общительнымъ.

— Что же вы теперь намѣрены предпринять?—напряженнымъ тономъ спросилъ его Кингъ:—не собираетесь ли раскинуть новыя сѣти?

— Это было бы безполезно,—сухо отвѣчалъ тотъ:—ранѣе...

— Ранѣе чего?

— Да, сэръ, нечего таить правды: ранѣе возвращенія миссъ Кларисъ! Клиффордъ преодолѣлъ поднимавшійся въ немъ гнѣвъ, потому что, дай онъ ему волю, это замкнуло бы еще крѣпче уста полицейскаго агента.

— А мнѣ было бы очень пріятно, если бы вы занялись подобной ловлей, — предложилъ онъ Гэннингу: — не хотите ли попробовать на мой счетъ, сколько бы новые розыски ни стоили?..

— Даромъ выброшенныя деньги, сэръ,—вѣжливо возразилъ сыщикъ,—но, если вамъ непремѣнно угодно, и вы рѣшилимнѣ помочь, такъ и быть, я сдѣлаю еще нѣкоторыя попытки.

Прежде, нежели они разошлись, Кингъ и полицейскій агентъ условились относительно частностей одной ловушки, которой будетъ, какъ казалось первому, вполнѣ достаточно, чтобы разжечь алчность вора—виновника всѣхъ несчастій. И вотъ, на слѣдующей недѣлѣ послѣ отъѣзда Клиффорда, въ «Голубомъ Львѣ» остановился человѣкъ грубой внѣшности, выдававшій себя за эмигранта, которому удача помогла, разбогатѣвши на чужбинѣ, вернуться съ набитыми карманами домой. Субъектъ этотъ провелъ нѣсколько дней въ гостиницѣ у Клариса, хвастался среди завсегдатаевъ трактира привезеннымъ на родину капиталомъ и старался внушить къ этому довѣріе слушателямъ, угощая ихъ на собственный счетъ и вообще соря деньгами. Но все было напрасно. Гэннингъ, не безъ затаеннаго торжества, могъ сообщить Клиффорду, что «богатый эмигрантъ покинулъ гостиницу, не удостоенный визитомъ вора!»

Это сильно огорчило Кинга, хотя онъ предпочиталъ утѣшать себя со-

Digitized by Google

ображеніемъ, не сдѣлался ли ловкій похититель просто осторожнѣе?

Однажды, въ первыхъ числахъ марта, неистово-бурнымъ утромъ, Нэлль возвратилась въ Строо. Жоржъ Кларисъ самъ выѣхалъ за племянницей на станцію, и оба были поражены перемѣнами другъ въ другѣ. Дѣвушка, казалось, потеряла половину своей красоты: щеки ея лишились прежней округлости, а глаза — дѣтски-безмятежнаго выраженія, которое именно придавало ей особую прелесть.

— О дядя, — начала Нэлль нѣжнымъ тономъ, послѣ того какъ старикъ поцѣловалъ ея въ лобъ, — да ты самъ на себя не похожъ! Что̀ ты съ собою подѣлалъ?

— Эхъ, жили мы тутъ помаленьку, какъ прежде,—вяло произнесъ трактирщикъ, обнаруживая глубокое безразличіе, — ничего особеннаго у насъ не случалось послѣ отъѣзда въ Лондонъ мистера Кинга. Ему хотѣлось имѣть твой адресъ, какъ я ужѐ, впрочемъ, тебѣ писалъ. Отчего ты не позволяла его сообщить?

— Дядя, я слишкомъ люблю Клиффорда, — рѣшительно объявила дѣвушка, — и если бы все обстояло попрежнему, онъ бы получилъ достаточно скоро мой адресъ! Но пока не выяснится это омерзительное дѣло, я не стану вовлекать дорогого человѣка въ свой позоръ!

— Позоръ, Нэлль?—повторилъ онъ дрожащимъ голосомъ,—не говори такъ, дитя, не говори!

— Назовемъ это тогда несчастіемъ, а не позоромъ,—прошептала дѣвушка, ласково поглаживая Кларису руку.

Оба замолкли. Нэлль посмотрѣла на деревья, окаймлявшія дорогу справа. Они качались и трещали отъ вѣтра, но, хотя уже съ опавшей листвой, все-таки, до извѣстной степени защищали кабріолетъ и сидѣвшихъ въ немъ отъ снѣга, который густыми тучами несся отъ сѣрой линіи моря на пустынное прибрежье.

Кларисъ подобралъ возжи, такъ какъ они въ эту минуту выѣхали изъ-подъ охраны деревьевъ и приближались къ тому мѣсту, гдѣ было найдено мертвое тѣло Джэмса. Но, что бы при этомъ ни чувствовали дядя и племянница, — надъ непріятными воспоминаніями мгновенно взяло верхъ сознаніе грозившей имъ физической опасности: вѣтеръ, яростно дувшій съ утра, до того усилился, что Кларисы боялись, какъ бы онъ не опрокинулъ ихъ крохотнаго экипажа, а разыгравшаяся, тѣмъ временемъ, ужасная снѣжная мятель сдѣлала почти невозможнымъ различать дорогу дальше, чѣмъ на аршинъ передъ головою лошади.

— Буря вѣетъ прямо на берегъ,— замѣтилъ трактирщикъ. И будетъ рѣдкимъ счастіемъ, если, нынче ночью, ни одинъ изъ кораблей въ каналѣ не собьется съ надлежащаго курса! Нэлль страшно испугалась за бѣдныхъ моряковъ. Родившись и выросши у морского прибрежья, она хорошо знала бури со всѣми ихъ ужасами и опасностями, которыя нерѣдко губятъ захваченныя въ морѣ суда. Каждый ураганъ приносилъ за собою несчастіе. И, хотя «Голубой Левъ» стоялъ только возлѣ залива, такъ что большая часть катастрофъ происходила на разстояніи нѣсколькихъ миль отъ него, но Кларисы всегда одними изъ первыхъ узнавали про подобныя бѣдствія отъ посѣтителей трактира. Дядя и племянница сочли за лучшее окончить свой путь къ дому пѣшкомъ, взявши лошадь подъ уздцы и лишь съ большимъ трудомъ пробираясь впередъ, сквозь ослѣплявшую ихъ мятель. Было около восьми часовъ вечера, когда они услыхали, что, приблизительно въ одной милѣ отъ «Голубого Льва», буря выбросила на берегъ шкуну. Ударами волнъ у нея сорвало руль, послѣ чего могучій вихрь погналъ судёнышко къ строоскимъ отмелямъ. Когда извѣстіе объ этомъ дошло въ гостиницу, изъ Кертстайрса на помощь пострадавшимъ морякамъ былъ отправленъ спасательный ботъ, но «Брэдфордъ» застрялъ, по обыкновенію, среди прибрежнаго ила, и предстояла необходимость дѣйствовать безъ промедленія инымъ образомъ. Подъ снѣгомъ, который вьюга гнала имъ неистово

Digitized by Google

въ лицо, Нэлль и нѣсколько ближайшихъ сосѣдей «Голубого Льва» шли по приморской равнинѣ: мужчины несли канаты и фонари, а женщины— крѣпительныя средства для потерпѣвшихъ крушеніе. Это былъ долгій утомительный путь. Почва крѣпко промерзла; снѣговые сугробы становились все глубже; сигнальные огни, время отъ времени зажигаемые командою потерпѣвшаго судна, неясно мигали сквозь тьму въ тѣ короткія мгновенія, когда снѣгъ переставалъ падать. Всё же предпринятое доброе дѣло оказалось не безплоднымъ. Мужчины этого спасательнаго отряда, большею частью, сами опытные моряки, сумѣли, забираясь до плечъ въ воду, переправить въ конецъ истощенныхъ матросовъ и офицеровъ со шкуны на сушу. Несчастные до того окостенѣли отъ холода, что ихъ, спотыкавшихся и падавшихъ на каждомъ шагу, приходилось постоянно поддерживать среди невылазныхъ снѣговъ на трудной дорогѣ къ гостиницѣ.

Между тѣмъ, окрестные обыватели узнали о незаурядномъ событіи, кораблекрушеніи у нихъ въ заливѣ, и огромная толпа собралась въ «Голубомъ Львѣ» у Жоржа Клариса черезъ какіе-нибудь полчаса по прибытіи пострадавшихъ моряковъ подъ его гостепріимную кровлю. Даже мистрессъ Лэндсдоунъ, супруга самаго крупнаго изъ мѣстныхъ дворянъ землевладѣльцевъ, захвативъ мимоѣздомъ полковника Бёстеля съ дочерью, лично пожаловала взглянуть на героевъ трагическаго приключенія. А, такъ какъ стало извѣстнымъ, что сохранилось мало надежды на спасеніе шкуны, и бѣдные матросы во всякомъ случаѣ лишатся всѣхъ своихъ пожитковъ, богатая помѣщица вручила трактирщику приличную сумму въ ихъ пользу. Это послужило исходной точкой для сбора денегъ, въ которомъ приняло участіе большинство присутствовавшихъ. Даже полковникъ отъ своего убожества, вошедшаго кругомъ въ пословицу, пожертвовалъ цѣлый шиллингъ. Въ общемъ, набралось до шести фунтовъ стерлинговъ. Жоржъ Кларисъ, положивъ деньги въ сумку изъ паруснаго холста, заперъ её въ кассѣ за питейною стойкою.

Нэлль смотрѣла на это съ явными признаками глубокаго страха.

Волненіе дѣвушки, наблюдавшей за дядей, стоя въ дверяхъ, которыя изъ помѣщенія трактира ведутъ на задній фронтъ гостиницы, настолько бросалось въ глаза и постороннимъ, что многіе изъ нихъ начали невольно переглядываться. Вдругъ она приблизилась вплотную къ Кларису и тихо обратилась къ нему со слѣдующими знаменательными словами:

— Дядя, не найдете ли вы болѣе благоразумнымъ переслать деньги въ Строо черезъ... (Она окинула взоромъ окружающихъ мужчинъ)—ну, хоть черезъ любезное посредство мистера Парамора?

Трактирщикъ имѣлъ мрачный видъ, а мистеръ Параморъ отрицательно покачалъ головой съ дружелюбнымъ намѣреніемъ показать Жоржу Кларису, что старые пріятели, попрежнему, на его сторонѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, уважаемая миссъ, пусть деньги остаются тамъ, куда они положены и гдѣ постоянно могутъ быть подъ рукою.

Когда дѣвушка отошла, не говоря ни слова, но со страннымъ выраженіемъ тревоги на лицѣ, у входа съ улицы появилась маленькая фигура, и миссъ Бёстель, которую ничто въ мірѣ не заставило бы перешагнуть черезъ порогъ трактира, крикнула издали:

— Нэлль, Нэлль, ступайте-ка сюда: мнѣ нужно вамъ кое-что сообщить!

Дѣвушка колебалась и хотѣла уже скрыться во внутрь дома, но служанка Мэгъ, какъ-разъ тащившая въ буфетную комнату подносъ, весь установленный горячими напитками, услужливо начала её подталкивать впередъ, настаивая своимъ зычнымъ голосомъ:

— Вѣдь, это миссъ Теодора! Развѣ не видите, барышня? И Нэлль, которая не могла дольше притворяться, будто не видитъ старой дѣвы и не слышитъ ея приглашеній, должна была войти къ ней на улицу.

Digitized by Google

— Что̀ это значитъ, дорогая? Та̀къ не обращаются съ испытанными друзьями! Я даже не знала, что вы сюда возвратились, и за нѣсколько недѣль вашего отсутствія не слыхала про васъ ни словечка! Ка̀къ это понимать, голубушка? Боюсь, не сердитесь ли вы еще на меня изъ-за... изъ-за мистера Кинга?

Нэлль смущалась и робѣла, совсѣмъ не похожая на то прежнее жизнерадостное существо, которое близко знала миссъ Бёстель.

— О, это прошло,—поспѣшила она отвѣтить:—не думаю, чтобы я когда-нибудь вновь увидѣлась съ мистеромъ Кингомъ...

Теодора, казалось, слышала это съ огорченіемъ. Теперь, когда пользовавшагося ея покровительствомъ Джэмса Стикэльса ужѐ не было въ живыхъ, она могла отказаться отъ своихъ возраженій противъ его соперника.

— Почему же нѣтъ, милая?—настаивала она. Я была увѣрена, что вы его та̀къ любите...

— Вы, въ такую погоду, право, лучше сдѣлали бы, сѣвши обратно въ карету,—холодно прервала Нэлль старую дѣву, обходя ея вопросъ.

— Но я сначала хотѣла бы получить отъ васъ отвѣтъ.

Только племянница трактирщика уклонялась отвѣчать миссъ Бёстель, и та, въ концѣ концовъ увидавъ себя вынужденной послѣдовать благоразумному ея совѣту, очутившись въ крытомъ экипажѣ рядомъ съ мистрессъ Лэндсдоунъ, стала жаловаться этой важной дамѣ, что противный Лондонъ успѣлъ испортить ея милую маленькую пріятельницу. Жоржъ Кларисъ также замѣтилъ перемѣну въ отношеніи Нэлль къ доброй старой покровительницѣ и укорялъ ее въ этомъ.

— Какъ бы я еще могла къ ней хорошо относиться, дядя?—возражала молодая дѣвушка. Не подзадоривай она Джэмса меня преслѣдовать, онъ бы не набросился, въ тотъ роковой день, на мистера Кинга, и не произошло бы худшее изъ всѣхъ этихъ несчастій!

— Но она тебя любитъ, да и тогда имѣла добрыя намѣренія.

Нэлль не отвѣчала.

Назначенное для торговли время въ трактирѣ прошло, и Жоржу Кларису лишь съ великимъ трудомъ удалось очистить буфетное помѣщеніе отъ массы засидѣвшихся гостей. Три наиболѣе пострадавшихъ матроса должны были провести ночь подъ его кровлею, между тѣмъ какъ прочихъ захватили съ собою въ Строо ихъ новопріобрѣтенные друзья. Трактирщикъ собственноручно заперъ домъ, отправивши племянницу и служанку спать и, крайне переутомленный, также поднялся по лѣстницѣ къ себѣ въ комнату. Минувшій день былъ для старика не изъ легкихъ, и поэтому онъ закончилъ его сверхкомплектнымъ стаканчикомъ выдержаннаго рому. Въ результатѣ Кларисъ, лишь только онъ сѣлъ на краю кровати, чтобы снять сапоги, немедленно погрузился въ глубокій сонъ. Пробудившись инстинктивно черезъ нѣсколько часовъ, онъ вспомнилъ, что забылъ захватить съ собою изъ кассы въ трактирномъ буфетѣ деньги—какъ собственную выручку, такъ и собранную въ пользу моряковъ сумму. Не желая потревожить спавшихъ въ домѣ, онъ чуть слышно прокрадывался внизъ со ступени на ступеньку. Раннимъ утромъ ближайшіе сосѣди «Голубого Льва» услышали сначала стукъ въ свои двери, а затѣмъ были отчаянно перепуганы стремительно ворвавшейся къ нимъ Мэгъ, служанкою изъ гостиницы, которая до того задыхалась отъ волненія, что насилу можно было разобрать хаотически вырывавшіяся у нея слова.

— О, идите туда скорѣе: въ нашемъ домѣ происходятъ ужасныя вещи! За питейною стойкою лежитъ кто-то, но я напрасно пробовала его вытащить! И мистера Клариса нигдѣ нельзя найти! И миссъ Нэлль упала въ обморокъ, когда я ей объ этомъ сообщила! И... Ну, да идите же скорѣе, ради Бога.

Двое мужчинъ взялись сопровождать служанку обратно, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ они уже были въ гостиницѣ. Спутники Мэгъ въ нерѣши-

Digitized by Google

мости остановились у дверей. Изъ-за питейной стойки доносились звуки, скорѣе напоминавшіе хрюканье животнаго, нежели людской голосъ.

— Не человѣкъ, а скотина тамъ, надо думать, застряла,—высказалъ предположеніе одинъ изъ мужчинъ, и съ вилами въ рукахъ, которыя держалъ наготовѣ, въ ожиданіи нападенія, онъ рѣшительно вошелъ въ буфетную комнату. Но въ то же мгновеніе изъ-за стойки выскочила дикаго вида фигура и устремила на него бѣшеный взглядъ. Схвативши одну изъ глиняныхъ кружекъ для пива, которыя стояли на стѣнной полкѣ, и, размахивая ею надъ собственной головой, она издавала ужасающее рычаніе.

— Кто это? Что̀ это?—лепетала полуобезумѣвшая служанка.

— Назадъ! Назадъ!—ревѣло странное существо, стуча ногами и протягивая впередъ руки. Назадъ! Я не хочу, чтобъ меня обкрадывали! Вы получите отъ меня сдачу, какъ я далъ её тому... чорту!—Съ ещё сильнѣйшимъ топотомъ и воемъ страшная фигура запустила кружкой въ голову вошедшему, который, къ счастію, успѣлъ отскочить въ сторону, а сосудъ разбился на тысячи кусковъ объ двери.

— Да, вѣдь, это самъ Жоржъ Кларисъ! — заикаясь, произнесъ другой мужчина.

— Хозяинъ?—съ негодованіемъ воскликнула Мэгъ. Что̀ вы? Онъ, отродясь, не бывалъ пьянъ!

И, рыдая, она цѣплялась за своего спутника.

— Да и теперь совсѣмъ не похожъ на пьянаго!—коротко отвѣчалъ тотъ: Кларисъ, просто, сошелъ съ ума. Посмотри только на его глаза!

Когда дѣвушка робко взглянула черезъ окно на своего несчастнаго хозяина, она не могла съ этимъ не согласиться.

Еще въ одиннадцать часовъ вечера наканунѣ, Жоржъ Кларисъ былъ однимъ изъ наиболѣе здоровыхъ людей въ цѣломъ графствѣ, а къ шести часамъ слѣдующаго утра совершенно обезумѣлъ!

XIX.

Полиція является арестовать Нэлль.

Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ кораблекрушенія, имѣвшаго такія необычайныя послѣдствія для «Голубого Льва» и его обитателей, Клиффорду, къ крайней его неохотѣ, пришлось, впервые за этотъ сезонъ, отправиться на балъ. Празднество носило совершенно - исключительный характеръ, будучи устроено въ честь младшей сестры его друга Кэнибрара, для которой оно являлось первымъ выѣздомъ въ свѣтъ.

Вниманіе Кинга привлекла одна молодая дѣвушка. Лицо этой особы казалось ему знакомымъ, и она, въ свою очередь, пристально на него поглядывала, точно ожидая, не подойдетъ ли къ ней Клиффордъ, хотя онъ никакъ не могъ вспомнить ея имени. Немного спустя, увидѣвъ, что она, разговаривая съ Отто, указываетъ глазами въ его сторону, молодой человѣкъ подумалъ:

— Ну, теперь загадка разрѣшится.

Дѣйствительно, Кэнибраръ подошелъ къ нему прямо со словами:

— Я хочу представить тебя миссъ Лэндсдоунъ!

— Лэндсдоунъ! не знакомая фамилія. Но, какъ только онъ былъ представленъ, дѣло выяснилось.

— Мнѣ очень хотѣлось съ вами познакомиться, мистеръ Кингъ,—искреннимъ тономъ обратилась къ нему дѣвушка, производившая самое пріятное впечатлѣніе своей простотой, чуждой всякой свѣтской натянутости: вижу, что вы меня не знаете, а вотъ я васъ—наоборотъ.

— Простите, — началъ извиняться Клиффордъ:—лицо ваше я прекрасно помню, и только имя мнѣ, какъ-будто, не знакомо.

— Я живу по сосѣдству въ Строо,—продолжала миссъ Лэндсдоунъ.

Физіономія молодого человѣка сразу омрачилась.

— Я часто васъ тамъ видѣла,—прибавила дѣвушка;—и хорошо знаю вашихъ тамошнихъ друзей.

Digitized by Google

— Теперь у меня тамъ нѣтъ друзей, — возразилъ Кингъ съ рѣзкимъ переходомъ къ серіозной горечи въ тонѣ и манерахъ.

— Но когда-то вы у насъ ихъ имѣли. Миссъ Бёстель и ея отецъ, навѣрно, почувствовали бы себя обиженными, если бы услыхали, что вы больше не причисляете ихъ къ своимъ друзьямъ.

— Миссъ Бёстель—да,—равнодушно произнесъ Клиффордъ: — помню! Я лишился ея уваженія, появившись передъ нею, какъ-то въ воскресный день, на Строоской улицѣ, одѣтымъ подорожному.

— Она странное существо, — улыбаясь, соглашалась миссъ Лэндсдоунъ; но у нея предоброе сердце. Когда слышишь ея сѣтованія по поводу исчезновенія одной молодой дѣвушки, которую она очень любила и къ которой замѣчательно хорошо относилась (говорившая, при этихъ словахъ, не смотрѣла въ глаза Кингу), то едва-ли возможно сомнѣваться въ глубинѣ чувствъ миссъ Теодоры...

Молодой человѣкъ нѣсколько мгновеній молчалъ, затѣмъ, бросивши взглядъ прямо въ лицо дѣвушки, сразу убѣдился, что послѣднія слова ея были тщательно-взвѣшаны.

— Вы упоминали про исчезновеніе миссъ Кларисъ?

— Да. Вѣроятно, вы также слыхали объ этомъ?—съ кажущимся безразличіемъ задала она ему вопросъ.

— Разумѣется.

— И о томъ, что жители нашихъ мѣстъ, помимо самаго факта ея отъѣзда съ больнымъ дядей, ничего не знаютъ?

Клиффордъ отвѣчалъ, стараясь скрыть свое душевное настроеніе:

— Я лично туда ѣздилъ, нашелъ домъ со всѣхъ сторонъ запертымъ, и лица, къ которымъ я обращался, только могли мнѣ сообщить, что Жоржъ Кларисъ помѣщенъ въ психіатрическую лѣчебницу, а его племянница исчезла безслѣдно. Если бы вы могли дать мнѣ еще какія-нибудь дополнительныя свѣдѣнія, я былъ бы вамъ весьма благодаренъ.

— Я знаю не больше вашего. Тутъ возможно только предполагать нѣкоторыя вещи самой, или повторять чужія предположенія.

— А каковы они?

— Говорятъ, будто дѣвушку также заключили...

— Въ домъ для умалишенныхъ?— вырвалось у Клиффорда, едва уже владѣвшаго собою.

— Да.

— Я не хочу этому вѣрить, — еле вымолвилъ Клиффордъ надорваннымъ голосомъ.

— Знаете ли вы, что̀ произошло въ то утро, когда обезумѣлъ Жоржъ Кларисъ?—спросила его затѣмъ миссъ Лэндсдоунъ.

— Женщина изъ ближайшей хижины разсказывала мнѣ эту исторію,— отвѣчалъ Кингъ.

— Сообщала ли она вамъ также,— нерѣшительно продолжала молодая дѣвушка,—что миссъ Кларисъ лишилась чувствъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ ея дядю, и что подъ подушкой у нея нашли сумку, въ которую, наканунѣ вечеромъ, были положены собранныя для пострадавшихъ моряковъ деньги?

Лицо Кинга страшно измѣнилось.

— Нѣтъ, — слабо прошепталъ онъ.

— Во всякомъ случаѣ, это правда. И кто можетъ теперь сомнѣваться въ виновности племянницы Клариса?

— Я,—твердымъ тономъ возразилъ Клиффордъ.

— А также другая особа — миссъ Бёстель: вы оба одинаково упорны и безразсудны!

— Ка̀къ, дочь полковника вступается за нее?—съ удивленіемъ воскликнулъ Клиффордъ,—въ такомъ случаѣ, я ѣду туда навѣстить миссъ Теодору.

— Она этого именно добивается,— поспѣшила объявить миссъ Лэндсдоунъ, что̀ и повторяла мнѣ неоднократно.

Молодой человѣкъ взглянулъ на нее съ глубокой признательностью.

— Все это было очень великодушно съ вашей стороны, болѣе великодушно, чѣмъ вы сами предполагаете.

Digitized by Google

Онъ былъ искренно тронутъ.

— Можетъ быть, вы даже не могли бы себѣ представить, какого рода вещи я угадываю. Должна сознаться, что слыхала кое-что про васъ и хорошенькую Нэлль Кларисъ и даже принимала въ этомъ сердечное участіе. Вы знаете, про нее много говорили, такъ какъ она гораздо красивѣе каждой изъ насъ, — добродушно прибавила миссъ Лэндсдоунъ.

— А мнѣ казалось, будто дамы вашего графства,—замѣтилъ Кингъ,— сочли бы ниже своего достоинства признавать красавицей племянницу какого-то трактирщика?

— Отчасти вы и правы. Нѣкоторыя, дѣйствительно, сравнивали ее съ восковой фигурой, на которую стоитъ только выпучивать глаза; но зато другія особы изъ нашего круга горячо сожалѣли, что подобная утонченно-очаровательная дѣвушка поставлена судьбой въ неподходящую для нея обстановку. И мы радовались, когда для нея, повидимому, явилась надежда попасть въ иную среду, гдѣ сумѣли бы оцѣнить Нэлль Кларисъ по достоинству...

— Вы удивительно добры! Я положительно не умѣю достаточно сильно выразить вамъ своей благодарности!—съ неподдѣльной теплотою говорилъ Кингъ молодой дѣвушкѣ, а затѣмъ спросилъ ее своимъ обычнымъ голосомъ:

— На какой танецъ я могу разсчитывать?

Вопросъ о «Голубомъ Львѣ» былъ исчерпанъ. Но на слѣдующее же утро Клиффордъ очутился уже въ Строо.

Стоялъ ясный день. Солнце сверкало на бѣлой мѣловатой почвѣ, и мѣсто, гдѣ былъ найденъ трупъ Джэмса Стикэльса, болѣе ничѣмъ не выдѣлялось среди обросшей травою придорожной полосы. «Голубой Левъ» имѣлъ довольно печальный видъ: со своими запертыми дверями, притворенными ставнями и выбитыми стеклами въ верхнихъ окнахъ, онъ теперь представлялъ собою полную противоположность той веселой маленькой гостиницѣ, которой былъ прежде. Базарныя телѣги не останавливались уже передъ входомъ въ трактиръ; куры и утки не выбѣгали изъ воротъ на улицу; сарайчикъ, гдѣ обыкновенно помѣщался кабріолетъ, опустѣлъ и пришелъ въ упадокъ.

Клиффордъ, обойдя одинъ разъ садикъ, въ которомъ впервые встрѣтился съ Нэлль, поспѣшилъ покинуть заброшенную усадьбу и быстрыми шагами направился къ Чингль-Энду. Но и тамъ многое измѣнилось. Зимнія бури сыграли плохія шутки съ ветхимъ домомъ: нѣсколько шиферныхъ плитокъ, сорванныхъ вѣтромъ съ кровли, не были замѣнены новыми, и дерево, сломанное порывомъ юго-западнаго шторма, окончательно загромоздило и безъ того тѣсный уголокъ палисадника съ улицы. Подойдя къ воротамъ, Кингъ сразу убѣдился, что дерево это, навалившееся и на нихъ вѣтвями, помѣшаетъ ему пройти. Бросивъ нерѣшительный взглядъ на верхнія окна, молодой человѣкъ подмѣтилъ слѣдившее за нимъ сквозь одну изъ кисейныхъ занавѣсокъ, поблекшее призрачное лицо. Была ли это миссъ Бёстель?

Онъ остановился на мгновеніе. Ему пришла въ голову мысль: не обрушилось ли на этотъ домъ какое-нибудь несчастіе, въ родѣ кончины полковника, или тяжкой болѣзни его дочери? Не лучше ли было бы сначала навести справки гдѣ-нибудь по сосѣдству, прежде чѣмъ врываться къ подавленнымъ бѣдою людямъ?

Онъ уже собирался уходить, когда сильный стукъ въ шибку одного изъ верхнихъ оконъ заставилъ его еще разъ оглянуться. Миссъ Теодора, если это была она, дѣлала Клиффорду знаки направиться къ задней сторонѣ дома. Повинуясь ея указанію, онъ разыскалъ маленькую фортку въ садовомъ плетнѣ и черезъ нее пробрался къ черному ходу. Къ удивленію своему, Кингъ замѣтилъ, проходя мимо обоихъ нижнихъ оконъ, съ боковой и съ задней стороны зданія, что шторы въ нихъ были опущены. Онъ не имѣлъ времени подумать о причи-

Digitized by Google

нахъ этого обстоятельства, услыхавъ уже, какъ въ передней снимаютъ крючекъ на дверяхъ. Миссъ Бёстель высунула оттуда голову, окинула робкимъ взглядомъ садъ и, схвативши протянутую руку Клиффорда, быстро повлекла его за собою въ домъ, не забывши, однако, передъ тѣмъ заложить крючокъ на мѣсто. Кингъ не могъ удержаться отъ улыбки: ему казалось яснымъ, что старая дѣва сдѣлалась такой боязливой относительно своей особы и своей собственности, именно вслѣдствіе кражъ въ «Голубомъ Львѣ» и послѣ убійства Стикэльса.

— Вы хорошо себя, однако, оградили,—замѣтилъ молодой человѣкъ съ оттѣнкомъ легкой ироніи.

Миссъ Бёстель на него обидѣлась.

— О мистеръ Кингъ,—простонала она,—не смѣйтесь надъ этимъ: происходятъ слишкомъ ужасныя вещи! Я не чувствую себя болѣе въ безопасности! Хотя бы эта послѣдняя ночь, ахъ!..

Она смолкла и закатила глаза, точно собираясь упасть въ обморокъ.

— Но что̀ же произошло въ послѣднюю ночь?—полюбопытствовалъ Клиффордъ.

Вмѣсто того, чтобы ему отвѣтить, маленькая миссъ открыла томныя очи, устремила на него пронизывающій взглядъ и подвела къ дверямъ гостиной, которыя распахнула съ трагической торжественностью.

— Загляните вотъ сюда,—прошептала старая дѣва Кингу.

Тотъ послушался. Когда глаза его, послѣ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ въ почти страшной тишинѣ, приспособились къ окружавшему полумраку, молодой человѣкъ увидѣлъ, что окна въ комнатѣ изнутри основательнѣйшимъ образомъ заложены разнымъ хламомъ и забиты поперечными планками.

— Вы какъ будто готовитесь къ настоящей осадѣ! — съ удивленіемъ вырвалось у него.

Переволновавшаяся старая дѣва, среди тревогъ послѣднихъ мѣсяцевъ, казалось, тоже лишилась разсудка.

— Да, мы и взаправду подверглись осадѣ!—пролепетала она съ выраженіемъ во взорѣ, только подтверждавшимъ невысказанную догадку Клиффорда.

— Я отлично вижу, что вы не довѣряете моимъ словамъ, что вы считаете это только фантазіей съ моей стороны, но въ такомъ случаѣ спросите папу!

— Прежде, нежели Кингъ успѣлъ что-нибудь возразить, она стремительно отворила двери въ столовую. Гость, уже боявшійся, какъ бы не слишкомъ затянулась бесѣда съ миссъ Бёстель, даже почувствовалъ облегченіе, замѣтивъ тамъ полковника, который расположился у камина и читалъ газету.

Но, къ удивленію Клиффорда, старый воинъ перемѣнился не менѣе дочери. Прежде его, хотя и поношенный, старомодный костюмъ сохранялъ все-таки извѣстнаго рода солдатскую аккуратность. Теперь отъ этого не сохранилось и слѣдовъ. Плечи его согнулись, усы безпорядочно обвисли надъ запущенными бакенбардами. Болѣе того: въ глазахъ старика прыгалъ безпокойный огонекъ не менѣе жалкій, чѣмъ подмѣченное Клиффордомъ призрачно-тревожное выраженіе у миссъ Теодоры.

Бёстель всталъ, увидѣвши посѣтителя, и механически, съ давно отжившей свой вѣкъ обходительностью, протянулъ ему руку. Но было сомнительно, узналъ ли онъ гостя. Миссъ Бёстель своими быстрыми, птичьими, короткими шажками обошла кресло отца и ласково, кладя ему руку на плечо, шопотомъ сказала:

— Дорогой папа, развѣ вы не узнаете мистера Кинга? Онъ былъ здѣсь прошлымъ лѣтомъ. Вѣдь вы помните, не правда ли?

— Разумѣется, естественно помню! —отвѣчалъ полковникъ. Прошу садиться, мистеръ Кингъ, и разскажите намъ, что̀ дѣлается въ большомъ свѣтѣ!

Клиффордъ убѣдился, что старикъ снова сталъ самимъ собою, и только

Digitized by Google

гнетъ какой-то тайной заботы вызвалъ на немъ наружную перемѣну.

— Я бы хотѣла, милый папа,—обратилась къ нему Теодора, послѣ того, какъ гость усѣлся, — чтобы вы разсказали мистеру Кингу про тѣ ужасныя преслѣдованія, которымъ мы подвергаемся со времени закрытія «Голубого Льва»...

— Это—предметъ не изъ особенно привлекательныхъ,—замѣтилъ отецъ, лицо котораго при ея словахъ, казалось, вдругъ еще болѣе похудѣло,— но я, пожалуй, изложу вамъ обстоятельства вкратцѣ. По крайней мѣрѣ, разъ пять съ тѣхъ поръ, какъ гостиница стоитъ покинутая, насъ тревожили по ночамъ ударами и толчками въ двери и окна этого дома... И хотя мы уже прилагали всяческія старанія обнаружить, кто именно противъ насъ злоумышляетъ, намъ не удалось выяснить дѣла...

— И у васъ нѣтъ никакихъ подозрѣній?

Полковникъ отрицательно мотнулъ головой. Но миссъ Бёстель сжала губы и многозначительно взглянула на Клиффорда.

— Я пришла къ одному убѣжденію,—начала она рѣшительнымъ тономъ:—я не сомнѣваюсь, что здѣсь замѣшана та же самая личность, которая скрыта за всѣми тайнами, принесшими намъ столько горя за послѣдніе мѣсяцы!..

— Вздоръ, моя милая, — сердито перебилъ ее отецъ. Для чего бы, ну, скажи, Бога ради, мы понадобились подобной личности? Вѣдь, въ домѣ у насъ положительно не имѣется ни одной вещи, заслуживающей быть украденною! Это пустяки, Теодора!

Но старую дѣву его возраженіе, повидимому, отнюдь не переубѣдило. Кингъ замѣтилъ, обращаясь къ ней:

— Если вы такъ полагаете, отчего бы вамъ не подать заявленія въ полицію? Были бы приняты мѣры, и васъ бы избавили отъ безпокойства.

Къ удивленію молодого человѣка, полковникъ отъ этого вполнѣ естественнаго предложенія впалъ въ сильнѣйшую тревогу, которую тщетно старался скрыть; а миссъ Теодора съ торжествующимъ видомъ воскликнула:

— Вотъ именно на этомъ и я настаиваю, мистеръ Кингъ! Но папа не хочетъ и слушать! Быть можетъ, вамъ лучше меня удастся на него повліять?

Бёстель, вмѣсто отвѣта, облокотившись на спинку кресла и схвативъ обѣ худощавыя руки дочери, обвилъ ими свою шею.

— Я всегда нахожу,—сказалъ онъ послѣ короткой паузы, во время которой у Клиффорда зародилось странное подозрѣніе,—что непріятностей, прошедшихъ мимо и съ которыми уже покончили, лучше не затрогивать вновь! Не знаю, имѣютъ ли связь наши ночные переполохи съ тѣми мрачными трагедіями, но, во всякомъ случаѣ, категорически отказываюсь отъ полицейской помощи. Намъ не слѣдуетъ забывать, что, способствуя передачѣ въ руки правосудія неизвѣстнаго преступника, мы, пожалуй, рискуемъ подвергнуть опасности еще другихъ особъ...

— Какихъ же особъ, папа?—напряженно спросила Теодора.

Но полковникъ не желалъ отвѣчать. Онъ далъ иное направленіе разговору, и интересной темы больше не касались, пока Клиффордъ, распростившись съ Бестелемъ, не очутился вдвоемъ съ его дочерью на порогѣ дома.

— Знаете ли вы, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?—обратился онъ тогда къ старой дѣвѣ.

— Развѣ не съ цѣлью только насъ провѣдать?—удивилась она.

— Именно,—для того, чтобы навѣстить васъ и отъ всей души выразить благодарность за ваше довѣріе къ Нэлль. Въ городѣ я встрѣтился съ миссъ Лэндсдоунъ, которая и сообщила мнѣ, что вы однѣ здѣсь еще убѣждены въ невиновности бѣдной дѣвушки.

Но, къ его жестокому разочарованію, миніатюрная старая дѣва, опу-

Digitized by Google

стивъ глаза, тяжело вздохнула; наконецъ, будто нехотя, она заговорила:

— Я, до послѣдней возможности, боролась противъ горькой мысли объ ея участіи въ подобномъ дѣлѣ, но должна сознаться, что пришлось уступить неопровержимымъ доказательствамъ! Въ виду нѣкоторыхъ новыхъ данныхъ, сдѣлавшихся мнѣ извѣстными, я, скрѣпя сердце, вынуждена была примириться съ роковымъ выводомъ, что именно она совершила цѣлый рядъ ужаснѣйшихъ преступленій! Кинга передернуло: онъ испыталъ мучительное разочарованіе. Это-то и является причиной нежеланія со стороны моего отца обратиться къ полиціи. Онъ предполагаетъ, что личность, безпокоющая насъ по ночамъ,— тотъ самый человѣкъ, который, по наущенію Нэлль, совершалъ всѣ эти злодѣйства въ ея пользу!

— Но кто же это?—быстро спросилъ Клиффордъ.

— Молодой мужчина, сумѣвшій пріобрѣсть огромное вліяніе на нее, и который, вѣроятно, теперь уже сталъ ея мужемъ,—отвѣчала миссъ Бёстель. Кингъ, при этихъ словахъ, не могъ преодолѣть внутренней тревоги. Онъ холоднѣе, чѣмъ имѣлъ намѣреніе, откланялся старой дѣвѣ и, удалившись чернымъ ходомъ изъ дому, слышалъ еще прежде, нежели достигъ конца сада, какъ Теодора запирала двери на крючекъ. Отъ этого визита у него осталось самое грустное впечатлѣніе. Когда онъ замѣтилъ дѣйствіе, которое оказывала болтовня Теодоры на отца, въ головѣ у молодого человѣка зародилась мысль: не имѣетъ ли самъ полковникъ какого-либо отношенія къ кражамъ въ «Голубомъ Львѣ» и къ убійству Джэмса Стикэльса?

Но, очевидно, несчастная старая дѣва и не подозрѣваетъ объ этомъ, такъ какъ упорно настаиваетъ на своихъ предположеніяхъ, даже не обращая вниманія на замѣшательство отца. Но Клиффордъ тщетно старался установить связь между старымъ воиномъ и этими преступленіями. Съ глубокимъ огорченіемъ замѣчалъ молодой человѣкъ, какъ его собственная вѣра въ невиновность любимой дѣвушки начинаетъ колебаться. Онъ снова почувствовалъ необходимость искать утѣшенія въ гипотезѣ, что, если она и участвовала въ преступныхъ дѣйствіяхъ, то, разумѣется, вполнѣ безсознательно. Но ближайшимъ душевнымъ побужденіемъ Кинга было страстное желаніе всѣми средствами поскорѣе розыскать Нэлль и оградить противъ роковыхъ послѣдствій ея поступковъ.

Но какъ найти исчезнувшую? Клиффордъ простоялъ нѣсколько минутъ передъ форткою Чингль-Эндскаго сада въ раздумьи. Слѣдуетъ ли обратиться за справками въ строоское полицейское управленіе? Это былъ шагъ, на который онъ не смѣлъ рѣшиться, хотя и считалъ его единственнымъ, сулившимъ мало-мальски опредѣленные результаты. Застывши такимъ образомъ и бросая безцѣльные взгляды вдоль дороги, онъ вдругъ обратилъ вниманіе, что старуха, которая стояла въ дверяхъ принадлежащаго сборщику податей ветхаго домика, дѣлаетъ ему глазами таинственные знаки. Кингъ, когда она послѣ того зашагала въ его сторону по улицѣ, поспѣшилъ къ ней навстрѣчу.

— Изволили быть тамъ въ гостяхъ, сэръ, что ли?—спросила она хрипловатымъ, грубымъ голосомъ, искоса посматривая на тусклыя окна Чинль-Энда:—Да, да! Эти господа даже очень нуждаются въ гостяхъ, которые бы приходили поразвлечь да развеселить ихъ.

Усиленно кивая головой и пожимая плечами, она, будто, старалась еще подчеркнуть значеніе своихъ словъ.

— Ну, положимъ, тутъ неособенно подходящее мѣсто для пріятныхъ разговоровъ, — замѣтилъ Клиффордъ,— я бы полагалъ, что и вы сами должны чувствовать себя подчасъ, въ этомъ захолустьи, довольно заброшенной?

Старуха прищурила глаза и загадочно прибавила:

— Ну, меня изрѣдка посѣщаютъ особы, которыхъ трудно было бы ожидать...

Digitized by Google

Къ примѣру сказать, четвертаго дня вечеромъ, я принимала молодую дѣвицу, возбудившую у насъ, прошлый годъ, не мало разговоровъ...

Рѣзкій переходъ къ живому интересу со стороны Кинга заставилъ ее вдругъ умолкнуть и пристально взглянуть на молодого человѣка. Старуха лукаво усмѣхнулась.

— Быть можетъ, вы догадываетесь, на кого я намекаю, сэръ?

— На миссъ Кларисъ?—произнесъ онъ съ напускнымъ безразличіемъ.

— Да, сэръ, она провела около часу въ моей убогой лачугѣ...

И старая женщина, вѣроятно, знавшая про Клиффорда и его чувства къ Нэлль болѣе, нежели желала обнаружить, испустила глубокій вздохъ.

— Гдѣ же она теперь? Вы это знаете? —вырвались вопросы у молодого человѣка, уже не умѣвшаго скрыть своего интереса: — если это секретъ,— продолжалъ онъ, въ виду молчанія старухи,—то вы, право, не поступили бы дурно, довѣривши его мнѣ!

— Я въ этомъ убѣждена, а потому,— заявила она, понижая голосъ до еле уловимаго шепота,—охотно сообщаю вамъ адресъ ея квартиры! Миссъ Кларисъ живетъ теперь въ Кертстайрсѣ, улица Парадизъ-Хиллъ, домъ № 45-й. Кингъ чуть не ошалѣлъ отъ восторга, благодаря столь неожиданной удачѣ, и, торопливо сунувши старухѣ, въ знакъ благодарности, первую, попавшуюся золотую монету, бросился къ указанному мѣсту, не медля ни одного мгновенія.

Странствованіе по прямой дорогѣ, которая вела черезъ прибрежную равнину, казалось молодому человѣку безконечнымъ. Онъ не обращалъ никакого вниманія на солнечный закатъ и красиво-озаренные имъ справа мѣловые рифы, на маленькую ферму, живописно-расположенную на вершинѣ скалы, надъ самымъ моремъ, когда подходилъ къ заливу. Онъ миновалъ трактиръ «Оружіе стрѣлка», деревушку Бичъ съ ея единственной крутой уличкой, затѣмъ поднялся вверхъ по Бичской большой дорогѣ, откуда открывался очаровательный видъ на море съ цѣлой рыбачьей флотиліей, какъ разъ входившей въ бухту по ярко-залитымъ лучами заката волнамъ.

Но Клиффордъ ничего не видѣлъ и ни о чемъ не хотѣлъ думать. Онъ только спѣшилъ освѣдомиться на счетъ Парадизъ-Хиллъ, одной изъ многочисленныхъ улицъ съ жалкаго вида домишками, которые, главнымъ образомъ, и составляли городокъ Кертстайрсъ. Энергія Кинга подкосилась, когда онъ спрашивалъ о миссъ Кларисъ женщину, отворившую дверь и недружелюбно смотрѣвшую на него.

— Пойду — узнаю, дома ли она?— сказала эта особа, исчезая въ переднюю. Она возвратилась вмѣстѣ съ Нэлль.

Да полно: развѣ эта блѣдная дѣвушка, съ худыми щеками и потухшимъ взоромъ, хоть сколько-нибудь похожа на прекрасную племянницу хозяина «Голубого Льва»?

Она страшно испугалась, но выраженіе ужаса въ лицѣ ея быстро уступило мѣсто такой сіяющей радости, что неожиданный гость былъ глубоко тронутъ. Оба стояли, молча, пока хозяйка не удалилась на кухню, и тогда онъ послѣдовалъ за Нэлль въ прихожую. Притворивъ дверь, Клиффордъ страстно сжалъ въ своихъ объятіяхъ возлюбленную, но едва могъ различить лицо дѣвушки сквозь влажный покровъ, затуманившій его взоръ.

— Я насилу узналъ тебя, Нэлль!

— Не бѣда!—въ голосѣ ея, однако, звучала, при этомъ, полная безнадежность.

Первый порывъ восторга, порожденный минутою встрѣчи, казалось, опять угасъ въ ней.

— Ну, разумѣется, не бѣда, такъ какъ я твердо убѣжденъ, что ты скоро станешь моей прежней Нэлль! А знаешь ли ты, зачѣмъ я пришелъ, дорогая?

Дѣвушка молчала.

— Для того, чтобы съ тобой обвѣнчаться!

Нэлль отрицательно покачала головой.

— Это благородно съ твоей стороны,—произнесла она уныло, — но совершенно немыслимо.

Digitized by Google

— Почему же?

— О, неужели ты потребуешь, чтобы я приводила старые доводы? Не довольно ли съ тебя, что я считаю это невозможнымъ?

— Нѣтъ, къ счастію, для меня этого не достаточно! Душа моя, долго подобной пытки ты не выдержишь: раньше твои честныя колебанія были понятны, теперь же они нелѣпы. Кто же о тебѣ позаботится, Нэлль, если меня не будетъ съ тобою?

Она тихо заплакала.

— Бѣдный дядя,—вырвалось у нея сквозь слезы,—сердце мое разбилось отъ горя, когда онъ меня не узналъ; а потомъ насильно забрали его...

— Насильно забрали?

— Да, хотя онъ былъ совершенно безобиденъ и спокойно позволялъ бы мнѣ руководить собою! Но явилась полиція и увезла дядю Жоржа!

— Полиція?

— Да, она преслѣдовала насъ обоихъ съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули гостиницу, все время преслѣдовала!—шептала дѣвушка. И мнѣ извѣстно, что эти господа стараются именно черезъ него разгадать тайну, ну, развѣ такія вещи не ужасны?

Клиффордъ отвѣчалъ не сразу. Ему начинало казаться, что возможность спасти любимое существо, и въ самомъ дѣлѣ, все болѣе съуживается.

Нэлль словно заразила его своимъ чувствомъ безнадежности. Въ короткіе промежутки между ея вопросами и отвѣтами, она, казалось, дѣлала напряженныя усилія уловить каждый звукъ, доносившійся извнѣ.

Отъ возгласа какого-нибудь уличнаго мальчишки ее всю передергивало; стукъ заворачивающейся за уголъ телѣги гналъ ей кровь въ голову! Нервы бѣдняжки, очевидно, были въ конецъ расшатаны.

Клиффордъ глядѣлъ на нее съ безграничной тоскою. Даже его искренняя любовь, уже выдержавшая столько испытаній, оказалась не въ силахъ принести дѣвушкѣ что-нибудь, кромѣ временнаго утѣшенія.

— Сокровище мое,—обратился онъ къ Нэлль, — позволь, еще до наступленія ночи, увезти тебя въ Лондонъ, гдѣ мы отправимся прямо къ твоей теткѣ, а тогда, какъ можно скорѣе, повѣнчаться и вмѣстѣ безвозвратно покинемъ Англію!

Пристально глядя на него, Нэлль сказала:

— Ты меня не понялъ: дѣло теперь— въ полномъ ходу! Полиція не скрываетъ своего намѣренія поступить, наконецъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ. Я имѣю вѣскія основанія предполагать, что она еще сегодня явится за мною...

— Чтобы арестовать тебя!—воскликнулъ Кингъ въ негодованіи.

— Быть можетъ, и для этого!—пролепетала она нерѣшительно. Положимъ, они увѣряютъ, будто нуждаются только въ моихъ показаніяхъ, но... но...—она не договорила... А у Клиффорда болѣзненно сжималось сердце. Разумѣется, никакой судъ присяжныхъ въ мірѣ не могъ бы обвинить эту безпомощную, нѣжную дѣвушку ни въ чемъ другомъ, помимо безсознательно-совершеннаго проступка!

— Радость моя, естественно, они ждутъ отъ тебя только какихъ-нибудь дополнительныхъ показаній,—успокаивалъ онъ ее. Но голосъ молодого человѣка звучалъ нерѣшительно, и онъ тщетно старался ободрить Нэлль, чувствуя себя самъ тяжело пригнетеннымъ. Она, казалось, ничего не слышала. Вдругъ, среди его напряженныхъ попытокъ, дѣвушка встала со словами:

— Они пришли...

Кингъ вскочилъ, не понимая, что ее смутило. Напряженный слухъ Нэлль оказался воспріимчивѣе его ушей. Мгновеніе спустя, кто-то постучался въ дверь той комнаты, гдѣ они находились. Окинувъ всѣ углы ея дикимъ взглядомъ, Клиффордъ схватилъ дѣвушку за руку и хотѣлъ спрятать за маленькимъ диваномъ, но она, съ грустью улыбнувшись, сказала громко:

— Войдите!

Какъ Нэлль и предвидѣла, одинъ изъ чиновниковъ Строоской полиціи отрекомендовался ей самымъ вѣжливымъ образомъ:

Digitized by Google

— Безконечно сожалѣю, миссъ, что причиняю безпокойство,—началъ онъ, — но позвольте проводить васъ въ Строо, для показаній передъ судомъ.

— Это не арестъ?—спросилъ Клиффордъ, стараясь скрыть свою тревогу.

— Нѣтъ, сэръ, — отвѣчалъ полицейскій.

Но дѣвушка лучше знала, въ чемъ дѣло.

XX.

Проблескъ свѣта.

Въ несчастіи, постигшемъ Нэлль, на долю молодого человѣка выпалъ проблескъ утѣшенія. Вопреки своей почти мертвенной блѣдности, она казалась скорѣе облегченной, нежели разстроенной, прибытіемъ полиціи.

Съ полнымъ самообладаніемъ дѣвушка спросила чиновника:

— Могу ли я, предъ своимъ уходомъ, еще поговорить наединѣ съ мистеромъ Кингомъ?

— Разумѣется, миссъ; но не будетъ ли вамъ пріятнѣе пройти пѣшкомъ до Бича въ обществѣ мистера Кинга; а мы распорядимся, чтобы тамъ поджидалъ кэбъ, который отвезетъ васъ въ Строо?

Это предложеніе было принято, послѣ чего Нэлль и Клиффордъ вмѣстѣ оставили домъ. Они шли молча, пока не остались позади безобразной улицы пригорода и не была достигнута деревня Сенъ-Мэри. Молодого человѣка поражало, что меланхолія, явно тяготѣвшая надъ нею, въ минуту ихъ встрѣчи, такъ быстро успѣла разсѣяться.

— Однако, Нэлль,—обратился онъ къ ней съ изумленіемъ,—хотя я и посулилъ, что ты не замедлишь снова стать сама-собою, но не думалъ, чтобы подобное превращеніе могло совершиться чуть-ли не мгновенно. Лицо ея слегка омрачилось; а, все-таки, послѣдовавшій затѣмъ вздохъ былъ скорѣе вздохомъ облегченія, нежели страха.

— Въ состояніи ли ты себѣ представить, каково,—обратилась она къ нему серіознымъ тономъ, между тѣмъ какъ молодая пара, не торопясь, подвигалась впередъ по кривой сельской улицѣ:—каково, цѣлыми недѣлями, прозябать среди вѣчныхъ тревогъ и ужаса передъ чѣмъ-то не вполнѣ яснымъ, но способнымъ свести съ ума, а затѣмъ сознавать, что ощупью во тьмѣ наталкиваешься лишь на одну и ту же отвратительную тайну, которая неизбѣжно покроетъ позоромъ и тебя, и всѣхъ дорогихъ тебѣ людей... Допусти явившуюся, вдругъ необходимость сознаться въ истерзавшихъ твою душу вещахъ! Да развѣ это не желанное освобожденіе,—пускай оно даже будетъ куплено цѣною жесточайшей кары?!

Клиффордъ ничѣмъ не отозвался. Его потрясали эти слова, все-таки указывавшія, что она причастна роковому дѣлу, хотя, можетъ быть, и съиграла въ мрачной трагедіи только пассивную роль. А Нэлль настойчиво добивалась отъ него отвѣта.

— Помоему, дорогая,—началъ онъ нѣжнымъ голосомъ,—ты перемучилась больше, чѣмъ слѣдовало, но встрѣтишь еще много людей, которые съ такимъ же наслажденіемъ, какъ и я, торжественно заявятъ, что Нэлль Кларисъ, ни въ какомъ случаѣ, не заслуживаетъ жестокой кары, если бы даже сама ея добивалась.

Почти молча, шли они дальше быстрыми шагами по направленію къ заливу, котораго и достигли кратчайшимъ путемъ черезъ поля.

За околицей деревни, какъ обѣщалъ полицейскій чиновникъ, на большой дорогѣ стоялъ кэбъ. Лишь только дѣвушка его замѣтила, она, остановившись, обратилась къ Клиффорду со словами:

— Я чуть-чуть не забыла, что̀ хотѣла вамъ сказать: отправьтесь, пожалуйста, въ Чингль-Эндъ и передайте имъ, т.-е. полковнику, что за мною пришла полиція.

— Именно полковнику?—съ удивленіемъ повторилъ Клиффордъ.

— Да.

Онъ охотно предложилъ бы ей рядъ другихъ вопросовъ, только Нэлль, угадавъ его намѣреніе, поспѣшила

Digitized by Google

впередъ; нѣсколькими шагами далѣе она встрѣтилась съ полицейскимъ чиновникомъ, который, съ почтительнымъ поклономъ, подсадилъ ее въ кэбъ. Дѣвушка, повернувшись, протянула Кингу руку на прощаніе. А когда молодой человѣкъ ее пожималъ, Нэлль ласково подняла на возлюбленнаго глаза, и нѣжная улыбка расцвѣла у нея на устахъ и во взорѣ.

— Это надежда, а не отчаяніе! — мысленно произнесъ Клиффордъ.

Дверцы экипажа снова захлопнулись, и Кингъ, которому еще предстояла длинная дорога, быстро пройдя мимо кэба, направился къ Строо. Но, не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ вдругъ услыхалъ за собою окликъ полицейскаго чиновника. Онъ остановился, а тотъ догналъ его.

— Могу я спросить, сэръ, не собираетесь ли вы къ полковнику Бёстелю?

— Ну, а если?

— Позволите, въ такомъ случаѣ, обратиться къ вамъ съ просьбою, сэръ, пока ничего не сообщать старому джентльмену и его дочери относительно миссъ Кларисъ. Миссъ Бёстель и онъ недавно переволновались ужаснѣйшимъ образомъ, и если они внезапно услышатъ подобное извѣстіе, это можетъ повлечь за собою нервный ударъ или что-нибудь въ томъ же родѣ.

Кингъ колебался. Онъ обѣщалъ Нэлль исполнить ея порученіе, а, съ другой стороны, безусловно соглашался и съ полицейскимъ чиновникомъ. Онъ искалъ возможности выгадать время.

— Ну, я буду въ высшей степени остороженъ и не стану слишкомъ торопиться.

— Этого вполнѣ достаточно, сэръ, — отвѣтилъ представитель строоской полиціи съ многозначительнымъ взглядомъ; онъ поклонился и вернулся обратно къ кэбу. Клиффордъ продолжалъ свой путь. И, когда экипажъ, съ чиновникомъ на козлахъ возлѣ кучера, его обогналъ, молодой человѣкъ увидѣлъ лицо любимой дѣвушки въ окнѣ кареты. Сама она, бѣдняжка, сидѣла прямо и прислушивалась къ стуку лошадиныхъ копытъ да къ грохоту колесъ, какъ существо, потерявшее способность связнаго мышленія. Нэлль знала заранѣе, что ударъ этотъ долженъ надъ нею разразиться, и она нерѣдко, цѣлыя ночи напролетъ, придумывала способы его избѣгнуть. Только всякій планъ оказывался никуда негоднымъ, даже прежде, нежели несчастная могла приступить къ его осуществленію, такъ какъ она, изо-дня въ день, замѣчала самый строгій полицейскій надзоръ надъ собою, и дѣлалось все яснѣе, что, куда бы она ни пробовала скрыться, за нею по пятамъ, словно тѣни, послѣдуютъ тайные агенты и, лишь только сочтутъ это нужнымъ, ее арестуютъ.

Племянницу Клариса привезли въ домъ мирового судьи: Нэлль была введена въ кабинетъ, важное помѣщеніе съ цѣлой галлереей уставленныхъ книгами внушительнаго размѣра полокъ. Хозяинъ—сэръ Невилль Бэссъ былъ джентльменъ гибкаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ властолюбиваго характера, съ громкимъ голосомъ и барской внѣшностью, который, вступивши въ бракъ съ самой уродливой женщиной во всемъ графствѣ, взялъ на себя роль пламеннаго поклонника остальныхъ особъ прекраснаго пола.

— Я вотъ слыхалъ, миссъ Кларисъ,—началъ онъ благосклоннымъ тономъ,—что вы приглашены дать мнѣ показанія по одному не особенно пріятному дѣлу.

Она отвѣчала не сразу.

— Ну, не бойтесь же: говорите все и только правду!

Нэлль дрожала.

— Мнѣ передавали, — продолжалъ судейскій селадонъ,—о важномъ разъясненіи относительно кражъ въ гостиницѣ вашего дяди «Голубомъ Львѣ», которое я долженъ получить отъ васъ.

— Я знаю въ сущности только одно весьма не значительное обстоятельство, — возразила молодая дѣвушка.

Digitized by Google

— Все-таки, мелочи, порою, ведутъ къ крупнымъ результатамъ,—любезно ободрялъ ее сэръ Невилль: — вамъ извѣстно, что въ «Голубомъ Львѣ», во время перваго воровства, ночевала одна особа, о присутствіи которой въ домѣ, кромѣ васъ, никто и не подозрѣвалъ?

— Да,—еле выговорила Нэлль и залилась слезами.

XXI.

Улизнула.

Тѣмъ временемъ, Клиффордъ потихоньку приближался къ Чингль-Энду. Стемнѣло. Надъ сѣрымъ моремъ еще было чуть свѣтло, а прибрежье и равнину вплоть до обрамляющихъ ее холмовъ уже окутывала черная мгла. Жутко было пойти одному человѣку позднимъ вечеромъ по глухой сельской дорогѣ, утомительное однообразіе которой лишь изрѣдка нарушалось кучками шишковатыхъ кустовъ и еще рѣже словно затерявшейся гдѣ-нибудь въ сторонѣ хижиной. Въ самомъ карканьи морскихъ птицъ, доносившемся до ушей Кинга, таилось нѣчто пугающее, и уже совсѣмъ возлѣ Чингль-Энда имъ овладѣла страшная иллюзія, будто крики, которые онъ слышитъ, принадлежитъ не только морскимъ птицамъ, но жалобными, вызывавшими жуткое чувство, звуками, невѣдомо откуда перелетающими черезъ луговую гладь, напоминаютъ человѣческій голосъ.

Молодой человѣкъ пріостановился, и опять вдали раздалось это странное подобіе вопля. Забывая обѣщаніе, которое далъ полицейскому чиновнику, не спѣшить, онъ изо всей скорости своихъ усталыхъ ногъ побѣжалъ къ дому мимо группы одичавшихъ фруктовыхъ деревьевъ и терновыхъ кустовъ, примыкающей къ Чингль-Энду. Здѣсь внезапно выскочилъ изъ тѣни этой придорожной рощицы какой-то субъектъ и, бросившись на Клиффорда, обхватилъ его сзади. Тотъ отчаянно сопротивлялся, тщетно стараясь повернуться, чтобъ разсмотрѣть лицо этого человѣка; но тотъ умѣлъ свести на нѣтъ всѣ попытки къ самоосвобожденію, продолжая крѣпко держать молодого человѣка. Однако, громкіе призывы Кинга на помощь не остались безплодны; скоро изъ темноты вынырнула другая фигура, и голосъ, узнанный сразу, повелительнымъ тономъ крикнулъ:

— Отпусти!

Притѣснитель Клиффорда не замедлилъ послѣдовать этому приказанію, и, когда освобожденный молодой человѣкъ повернулся, то увидѣлъ лишь, какъ этотъ загадочный субъектъ исчезалъ въ темнотѣ...

— Кто это былъ?—спросилъ съ удивленіемъ Кингъ, замѣтивъ, что его освободитель не дѣлаетъ никакихъ попытокъ задержать убѣгающаго. Но стоявшій передъ нимъ Гэннингъ только пожалъ плечами.

— Это мой сотрудникъ по нѣкоторымъ здѣшнимъ дѣламъ,—объяснилъ сыщикъ, указывая на домъ полковника Бёстеля.

— На какія дѣла вы намекаете?—спросилъ болѣзненно-заинтересованный Клиффордъ.

— Я полагалъ, сэръ, что это, наконецъ, уже извѣстно! — удивился Гэннингъ.

Молодой человѣкъ, послѣ недолгаго раздумья, снова обратился къ нему съ вопросомъ:

— Были вы у нихъ въ домѣ?

— Нѣтъ, сэръ, я ожидаю дальнѣйшихъ распоряженій, помогая теперь мѣстной полиціи.

Клиффордъ взглянулъ на Чингль-Эндъ, въ двухъ верхнихъ окнахъ котораго изнутри тускло отражался свѣтъ. За узкой занавѣской одного изъ нихъ, какъ ему показалось, притаилась наблюдавшая фигура.

— Вѣроятно, это вашъ агентъ пугалъ бѣдную миссъ Теодору ночными стуками въ двери и окна?—высказалъ предположеніе Кингъ.

Гэннингъ съ усмѣшкою процѣдилъ сквозь зубы:

— Очень можетъ быть, сэръ...

Молодой человѣкъ, смущеніе и любопытство котораго возрастали съ каждой минутой, вдругъ отошелъ отъ представителя лондонской тайной полиціи и, круто повернувъ за уголъ дома, при-

Digitized by Google

НЕИЗДАННЫЯ ПОВѢСТИ БРЕТЪ-ГАРТА.

ХОЗЯИНЪ БИГЪ-ФЛЮМСКОЙ ГОСТИНИЦЫ.

I.

Не успѣлъ почтовый дилижансъ остановиться у дверей Бигъ-Флюмской гостиницы, какъ внутри ея раздался звонъ большого обѣденнаго колокола, приводимаго въ движеніе старымъ негромъ, пытавшимся придать своей музыкѣ нѣкоторую элегантность и гармонію, несвойственную характеру инструмента. На обѣдъ въ гостиницѣ полагалось три четверти часа—какъ разъ время, остававшееся до прибытія дилижанса изъ Сакраменто. Но кончался этотъ обѣдъ гораздо раньше, потому что состоялъ изъ блюдъ, засиживаться надъ которыми не было особаго повода. Наскоро утоливъ свой голодъ, пассажиры, обыкновенно, употребляли свободные четверть часа на то, чтобы утопить воспоминаніе объ этихъ блюдахъ въ спиртныхъ напиткахъ, забираемыхъ у прилавка, или въ табачномъ дымѣ. Нѣкоторые изъ нихъ рисковали даже наскоро перекинуться въ карты или въ домино.

На этотъ разъ, впрочемъ, двое засидѣлись за столомъ дольше обыкновенно. Одинъ былъ какой-то очень медлительный джентльменъ, кушавшій съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, а другою была дама, пріѣхавшая уже послѣ прибытія дилижанса. Сидѣли они на разныхъ концахъ стола и видимо стѣснялись своимъ одинокимъ положеніемъ. Замѣтивъ это, хозяинъ гостиницы счелъ своимъ долгомъ ободрить ихъ нѣсколько.

Хозяинъ этотъ былъ, повидимому, совершенно не созданъ для своего ремесла и ни въ какомъ отношеніи не соотвѣтствовалъ идеалу трактирщика, который, на Дальнемъ Западѣ, обязанъ быть образцомъ свѣтскости, элегантности и находчивости. Въ немъ совсѣмъ не было стремленія къ прогрессу, къ нововведеніямъ, къ рекламѣ, къ самопрославленію—не было, однимъ словомъ, «жилки». Это былъ здоровенный, добродушный, тяжеловатый піонеръ, привыкшій къ циклонамъ, наводненіямъ, нападеніямъ индѣйцевъ и дикихъ звѣрей, короче—къ голоду, потопу, трусу и мору, такъ что бѣдствій, не сопровождаемыхъ громомъ и молніей, могъ даже совсѣмъ не замѣтить. Брань, угрозы и оскорбленія голодныхъ пассажировъ онъ принималъ совершенно невозмутимо. И въ этомъ, пожалуй, была его сила, такъ какъ пассажиры, безплодно истощивъ надъ нимъ всѣ доступныя имъ средства воздѣйствія, поневолѣ должны были подчиниться порядкамъ, царствовавшимъ въ гостиницѣ, и даже начинали видѣть въ нихъ нѣчто забавное. Особенно настойчиво протестовавшіе приходили, наконецъ, къ убѣжденію, что имѣютъ дѣло съ великодушнымъ и отечески настроеннымъ медвѣдемъ, съ которымъ, однако жъ, опасно было бы пробовать силу. Изъ его исторіи извѣстно было только то, что онъ, въ 1852 году,

Digitized by Google

эмигрировалъ изъ Висконсина, флегматически отпрегъ своихъ воловъ у Бигъ-Флюма, тогда еще совсѣмъ дикой мѣстности, а когда была проведена дорога къ новымъ рудникамъ, то, слегка расчистивъ лѣсъ, построилъ станцію, изъ которой и развилась теперешняя гостиница. Еще на родинѣ онъ, по несходству характеровъ, развелся съ своей женой, Розаліей, извѣстной въ округѣ подъ именемъ «Элькгамъ-Крикскаго, степного цвѣтка». Какой былъ у нея характеръ—неизвѣстно.

Этотъ-то Абнеръ Лянгвёрти, хозяинъ гостиницы, теперь медленно подвигался къ дамѣ, сидѣвшей за столомъ. Онъ выбралъ ее, потому что она сидѣла ближе къ прилавку, да и кромѣ того была все-таки дама. Наружность ея мало интересовала Абнера, хотя уже по затылку (она сидѣла къ нему задомъ) можно было видѣть, что интереснаго въ ней мало.

Поправивъ скатерть и передвинувъ тарелки, чтобы показать свою заботливость о пассажирахъ, Абнеръ, наконецъ, обратился къ гостьѣ съ вопросомъ.

— Послушайте-ка, мэмъ... того... коли вамъ чего-нибудь угодно...

Не договоривъ фразы, вдругъ остановился. При первомъ звукѣ его голоса, дама подняла голову и встрѣтилась съ нимъ глазами. Это была его разведенная жена, съ которой онъ не встрѣчался со времени развода. Оба сразу узнали другъ друга и, повидимому, не особенно обрадовались.

— Вотъ-те на!—воскликнула лэди,—да это вы, Абнеръ Лянгвёрти! хотя я, можетъ быть, и не имѣю уже права звать васъ Абнеромъ.

— Ну, что тамъ, Розалія!... того... подождите-ка минутку—и онъ съ тою же медвѣжьей скоростью добрелъ до господина, сидѣвшаго на другомъ концѣ стола, задалъ ему тотъ же вѣжливый вопросъ, получилъ отрицательный отвѣтъ, вернулся назадъ и плюхнулъ въ кресло рядомъ со своей бывшей женой.

— А вы таки расползлись, — галантно замѣтилъ онъ, какъ бы сдерживая свои чувства въ предѣлахъ, предписываемыхъ обстоятельствами,—если это только не какая-нибудь новая болѣзнь.

— Что мнѣ дѣлается,—покойно отвѣчала лэди. Вотъ вы такъ пошли подъ горку, хотя кости у васъ широкія, отчего это не такъ замѣтно.

Оба говорили безъ малѣйшаго слѣда злобы или желанія уколоть другъ друга, а просто, какъ бы признавая фактъ. Такого рода разговоръ былъ, очевидно, привыченъ обоимъ. Абнеръ помолчалъ немного, согналъ салфеткой мухъ съ масла и продолжалъ:

— Лѣтъ пять, должно быть, прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы... того... не видались? Ну, какъ вы бумагу-то получили...

— Да, это было 28-го іюля 1861 года. Въ этотъ самый день я заплатила по счету адвоката Госкинса. Вотъ я какъ все помню, — отвѣчала лэди. А у васъ тутъ большое дѣло,—прибавила она, оглянувшись вокругъ; — дерете съ проѣзжающихъ порядочно. Это не въ вашемъ духѣ... прежде было, по крайней мѣрѣ... должно быть, все на свѣтѣ мѣняется.

— Именно,—отвѣчалъ мистеръ Лянгвёрти, утвердительно качая головою. А вамъ тоже, вѣдь, живется не дурно? Вы, кажется... того... замужемъ? Абнеръ выразилъ на своемъ лицѣ достоинство и деликатность.

— Да,—отвѣчала лэди безъ малѣйшаго замѣшательства,—постойте! Сегодня ровно три года и три дня, какъ я вышла замужъ. Константинъ Бейерсъ, изъ Мильвоки, не думаю, чтобы вы его знали, лѣсомъ торгуетъ. Лѣсное дѣло—его спеціальность.

— Ну и что жъ... того... хорошо идетъ?

— Не дурно. Бейерсъ ловкій и знающій человѣкъ. А вы еще не женаты? Въ вашемъ дѣлѣ безъ женщины трудно обойтись.

Лицо Абнера стало серіознымъ превыше обычной мѣры.

— Да,—сказалъ онъ,—я... того... думалъ на этотъ счетъ. Есть тутъ, на кухнѣ одна женщина... очень бы годилась... только я еще... того... не совсѣмъ рѣшилъ. Вотъ кабы вы взглянули на нее, Розалія... мистрессъ

Digitized by Google

Бейерсъ то есть... да и того... какъ она вамъ покажется? До дилижанса остается семь минутъ и если вы ничего больше не хотите... и ничѣмъ не заняты, такъ это бы... того... помогло убить время.

Какъ это ни странно, но просьба отставного мужа страшно воодушевила мистрессъ Бейерсъ. Глаза ея заблестѣли, полныя щеки раскраснѣлись, она тотчасъ же вскочила на ноги и стала оправлять свой костюмъ, говоря въ то же время:

— Разумѣется, Абнеръ! Я ничего противъ этого не имѣю и думаю, что Бейерсъ также не будетъ въ претензіи. Да если бы и былъ, такъ мнѣ все равно. Ужъ если я не знаю, какая вамъ женщина нужна, такъ кому же и знать? Не дальше, какъ на послѣдней недѣлѣ, я то же самое говорила Бейерсу...

— Бейерсу? — спросилъ озадаченный мистеръ Лянгвёрти.

— Ну да, ему. Я сказала: мы женаты уже три года, Константинъ, и если я не успѣла за это время узнать, какая вамъ нужна жена, то не стоило и замужъ выходить.

— Вы всегда были умной женщиной, Розалія, — хотя и поздно признался Абнеръ.

— Я всегда знала толкъ въ этомъ, Абнеръ,—сказала мистрессъ Бейерсъ, выказывая ямочки на щекахъ,—посмотримъ на вашу невѣсту.

Обрадованный такой поддержкой, Абнеръ провелъ мистрессъ Бейерсъ сквозь толпу пассажировъ, стоявшую у прилавка, въ кухню. Это была большая комната, въ которой суетилось довольно много народа, между прочимъ, одинъ китаецъ и два или три негра. Одни стояли около плиты, другіе чистили посуду, крошили овощи и вообще занимались кулинарной работой. У одного изъ оконъ стояла молодая, бѣлокурая дѣвушка, вытиравшая полотенцемъ большую мѣдную кастрюлю, которою и прикрылась при входѣ хозяина, очевидно, для того, чтобы скрыть овладѣвшій ею смѣхъ. Изъ-за кастрюли виднѣлась только копна вьющихся волосъ льняного цвѣта, да голая, бѣлая рука. Легкій толчекъ локтемъ со стороны мистера Лянгвёрти и направленіе его взгляда дали понять мистрессъ Бейерсъ, что именно эта дѣвушка и есть избранница его сердца.

— Это я... того... домъ показываю мистрессъ... э-э... Дюзенберри,—счелъ долгомъ заявить всѣмъ присутствующимъ слегка сконфуженный медвѣдь.

Изъ такого ложнаго показанія, даннаго такимъ фальшивымъ тономъ, мистрессъ Бейерсъ заключила, что Абнеръ еще не сообщалъ молодой женщинѣ ни о своей первой женитьбѣ, ни о разводѣ и что дѣло, стало быть, не зашло еще очень далеко. Едва успѣвъ повернуться въ кухнѣ, онъ поспѣшилъ уже уйти, такъ что мистрессъ Бейерсъ пришлось нѣсколько отстать отъ него, чтобы попристальнѣй вглядѣться въ бѣлокурую дѣвицу, которая тѣмъ временемъ обмѣнивалась какими-то шутливыми замѣчаніями съ своимъ сосѣдомъ. Мистеръ Лянгвёрти молчалъ до тѣхъ поръ, пока не пришелъ на прежнее мѣсто въ столовой.

— Ну, какъ? — спросилъ онъ, поглядывая на часы, — что̀ вы думаете о Мэри-Элленъ?

Постороннему наблюдателю эта дѣвица показалась бы ни по лѣтамъ, ни по поведенію, ни по своимъ административнымъ способностямъ, не подходящей къ тому положенію, къ которому Абнеръ ее предназначилъ, но мистрессъ Бейерсъ не была постороннимъ наблюдателемъ, а потому выразилась сдержанно.

— Она старше, чѣмъ желаетъ казаться, и потомъ... эти кошачьи ухватки...

Абнеръ утвердительно кивнулъ головою, какъ сдѣлалъ бы, вѣроятно, и въ томъ случаѣ, если бы мистрессъ Бейерсъ открыла въ его невѣстѣ человѣкоубійственныя наклонности.

— Ну, и не особенно красива,— продолжала мистрессъ Бейерсъ,— но...

— Да, я, вѣдь, и не гонюсь за красотою въ женщинѣ, Розалія. Вы-то это должны знать.

Digitized by Google

Мистрессъ Бейерсъ вполнѣ равнодушно выслушала это обоюдуострое замѣчаніе и добавила:

— Но, все-таки, я думаю, что она вамъ подойдетъ.

Мистеръ Лянгвёрти опять утвердительно кивнулъ головою.

— Мнѣ нуженъ былъ совѣтъ дальновиднаго человѣка, Розалія,—сказалъ онъ,—и вы... того... подвернулись какъ разъ во-время... Не могу ли я вамъ предложить еще чего-нибудь... съѣдобнаго?..

Но въ это время снаружи послышался крикъ кондуктора: «Садитесь, господа!» И пассажиры поспѣшили къ дверямъ, такъ что мистеру Лянгвёрти пришлось докончить фразу уже на ходу:

— Апельсинъ или кусочекъ только-что испеченнаго имбирнаго пряника?

— Благодарю васъ, Абнеръ, но я ничего не ѣмъ до ужина,—отвѣчала мистрессъ Бейерсъ, проходя по верандѣ къ экипажу.

— Если вы... того... опять здѣсь поѣдете...—деликатно проговорилъ Абнеръ, подсаживая ее на имперьялъ.

— Ужъ, конечно, заѣду... а, можетъ, и Бейерсъ завернетъ—у него есть дѣла по этой дорогѣ,—подхватила Розалія, дружелюбно кивая головой, пока карета не завернула за уголъ, и хозяинъ Бигъ-Флюмской гостиницы не вернулся домой.

Въ теченіе слѣдующихъ затѣмъ трехъ недѣль онъ не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ осуществленію своего намѣренія относительно Мэри-Элленъ. Отношеніе его къ ней ничѣмъ особеннымъ не отличалось. Онъ, вообще, былъ очень снисходителенъ къ проступкамъ прислуги, и потому никто не могъ заподозрить въ немъ нѣжнаго чувства къ Мэри-Элленъ изъ-за того только, что усердно производимое ею битье посуды не вызывало никакихъ репрессивныхъ мѣръ со стороны хозяина. Со времени посѣщенія первой жены, привычки его измѣнились въ томъ только отношеніи, что онъ сталъ внимательно присматриваться къ проѣзжающимъ дамамъ, не обращая почти никакого вниманія на мужчинъ и на ихъ требованія. Это послѣднее обстоятельство было, между прочимъ, замѣчено и здоровеннымъ рыжимъ джентльменомъ въ длинной парусинной накидкѣ, съ ногъ до головы забрызганной грязью. Въ теченіе цѣлаго обѣда этотъ джентльменъ пристально наблюдалъ за Абнеромъ и когда мистеръ Лянгвёрти, по своему обычаю, сталъ обходить столы, собирая плату съ потребителей, незнакомецъ сказалъ:

— Это вы, что ли, хозяинъ гостиницы?

— Я, а что?—миролюбиво отвѣтилъ Абнеръ.

— Мнѣ бы надо было перекинуться съ вами словечкомъ-двумя.

— А вотъ заплатите за обѣдъ, да тогда и того... перекидывайтесь сколько угодно,—отвѣчалъ мистеръ Лянгвёрти почтительно, но твердо.

Незнакомецъ вспыхнулъ; глаза его, и безъ того красные, еще болѣе покраснѣли. Но, взглянувъ на серіозное и миролюбивое выраженіе лица Абнера, онъ удовольствовался только тѣмъ, что вытащилъ изъ кармана горсть золота и отдалъ одну монетку въ уплату счета.

II.

— Вы меня оборвали за обѣдомъ,—мрачно сказалъ незнакомецъ Абнеру, когда они остались въ столовой одни,—но это все равно. Намъ надо поговорить наединѣ. Мое имя—Бейерсъ, и жена сказала мнѣ, что встрѣтилась съ вами здѣсь.

Въ первый разъ Абнера поразило то обстоятельство, что другой человѣкъ называетъ Розалію своей женой, хотя онъ, конечно, имѣлъ всѣ поводы ожидать этого. Тѣмъ не менѣе великодушный медвѣдь дружелюбно протянулъ руку своему сопернику и принялъ нравственный ударъ съ тою же терпимостью, съ которой отнесся бы къ трусу, гладу и наводненію.

Значительно смягчившись, мистеръ Бейерсъ пожалъ протянутую ему руку, хотя все еще видимо былъ взволнованъ болѣе, чѣмъ это полагалось для простого проѣзжаго.

— А мы... того... не выпьемъ ли малую толику вмѣстѣ?—предложилъ

Digitized by Google

Абнеръ, тутъ же вспомнивъ, что Бейерсъ и передъ обѣдомъ не отказалъ себѣ въ порядочной выпивкѣ.

— Съ удовольствіемъ, — поспѣшно отвѣчалъ послѣдній, но, оглянувшись на толпу, окружавшую прилавокъ, добавилъ: — только нельзя ли намъ пойдти куда-нибудь, чтобы потолковать вдвоемъ, на свободѣ.

— Понимаю. Только для этого надо подождать, пока она отправится.

Мистеръ Бейерсъ слегка удивился, но потомъ понялъ, что собесѣдникъ его говоритъ о почтовой каретѣ, которая, послѣ нѣкоторой чисто женской нерѣшительности, вскорѣ дѣйствительно уѣхала. Тотчасъ же вслѣдъ за ея отъѣздомъ, Абнеръ взялъ Бейерса подъ руку и, въ сопровожденіи негра, несшаго подносъ съ графиномъ и стаканами, повелъ его, черезъ веранду, въ нѣкоторое подобіе дѣвственнаго лѣса, примыкавшаго къ задней части станціи.

Мы уже говорили, что мѣстность, на которой стояла эта станція, была расчищена весьма небрежно, да и только со стороны, обращенной къ дорогѣ, а сзади, за кухней, царствовала такая дичь, что даже Бейерсъ—лѣсопромышленникъ и лѣсной житель—былъ пораженъ рѣзкимъ переходомъ отъ цивилизаціи къ первобытнымъ условіямъ существованія. Достаточно было отойти за двѣ-три дюжины ярдовъ отъ гостиницы, съ ея толпою, шумомъ и мишурнымъ блескомъ, какъ уже никакого слѣда ея близости не оставалось. Перешагнувъ за узкій бордюръ, составившійся изъ черепковъ битой посуды и ломаныхъ жестяныхъ коробокъ отъ консервовъ, новые знакомцы очутились дѣйствительно въ первобытномъ лѣсу, до котораго даже звуки, напоминающіе о человѣкѣ и цивилизаціи, не долетали. Громадныя ели, поваленныя и почти сгнившіе стволы деревьевъ, густая, молодая заросль, корни, выпирающіе изъ земли, множество птицъ, бѣлки, тамъ и сямъ мелькающія по сучьямъ—вотъ обстановка, въ которую они попали и къ которой сразу же, инстинктивно, постарались приспособиться: мистеръ Бейерсъ снялъ свою парусинную накидку и разстегнулся, а Лянгвёрти, бывшій въ въ одномъ жилетѣ, сбросилъ галстухъ и ослабилъ подтяжки. Поставивъ подносъ съ графиномъ и стаканами на землю, негръ тотчасъ же удалился; пріятели заняли удобныя позиціи между корнями и начали бесѣду.

— Не будетъ ли съ моей стороны нескромностью спросить васъ, какъ одинъ свободомыслящій человѣкъ другого, — сказалъ Бейерсъ съ такою сверхъестественною серіозностью, что она могла быть приписана только выпитой имъ водкѣ,—въ чемъ, собственно, выказывался ха-ррактеръ мистрессъ Бейерсъ?

— Характеръ мистрессъ Бейерсъ?

— Ну да. То есть когда вы съ нею составляли нѣкоторымъ образомъ одно! Вѣдь вы же рразвелись по нес-совмѣсс-тимости характеровъ!

— Но это она потребовала развода; стало быть... того... несовмѣстимый характеръ-то былъ у меня,—простодушно замѣтилъ Абнеръ.

— Чее-воо?—сказалъ Бейерсъ, смотря своими выпученными, пьяными глазами въ печальные, но все же добродушные глаза мистера Лянгвёрти.

— Вы? Хар-рактеръ былъ у васъ?

— По крайней мѣрѣ судъ такъ призналъ.

Мистеръ Бейерсъ выпучилъ глаза еще болѣе, затѣмъ, помолчавъ съ минутку, значительно подмигнулъ и сказалъ:

— Понимаю! Конечно! Это когда вы примете черезчуръ на нутро — онъ поднялъ свой стаканъ и махнулъ имъ въ воздухѣ — такъ должно быть и... ррасходитесь!

— Да я тогда ничего не пилъ, — покойно отвѣчалъ Абнеръ.

— Такъ въ чемъ же проявлялся вашъ хар-рактеръ, товарищъ?—спросилъ Бейерсъ, съ трудомъ вставая на ноги.

— Не знаю, право. Только, что тутъ и... того... несовмѣстимость оказалась.

— Да, что̀ вы дѣлали, когда она била тар-релки объ вашу голову?

— Да этого и не было, серіозно отвѣчалъ Абнеръ. А развѣ она... того... говоритъ, что била?

Digitized by Google

— Нѣтъ, нѣтъ, — поспѣшно отвѣчалъ Бейерсъ, покраснѣвъ выше всякаго вѣроятія,—я должно быть что-нибудь пер-репуталъ! Затѣмъ, онъ величественно махнулъ рукой, на подобіе короля, кончающаго аудіенцію, и добавилъ:—какъ бы то ни было, вы рраз-лучились!

— Да... того... по приговору суда,— отвѣчалъ Абнеръ со своей всегдашней покорностью судьбѣ.

— Мистрессъ Бейерсъ говоритъ, что вы задумали еще разъ жениться. Какъ идетъ дѣло?

— Да... того... не двигается. Я еще ничего не сдѣлалъ. Надо бы сказать дѣвкѣ то, что я... того... разведенный. Тутъ вѣдь этого не знаютъ. Ну, а я, видите ли, того... все еще не собрался. Соберусь, какъ-нибудь, скажу.

— Зачѣмъ это?

— Затѣмъ, что нельзя обижать дѣвку. Какъ бы это вамъ понравилось, если бъ мистрессъ Бейерсъ... того... не сказала бы вамъ, что была за мной замужемъ? Или если бъ вы были разведеный мужъ, да не сказали ей, а? Она бы съ вами тутъ же на мѣстѣ развелась, будьте покойны!

— Ну такъ я же вамъ скажу, что...—заоралъ мистеръ Бейерсъ, но вдругъ почему-то замолкъ и потянулся къ графину.

— Вы ужъ и такъ перепустили, Бейерсъ,—медленно проговорилъ Абнеръ, отклоняя его руку,—въ Бигъ-Флюмской гостиницѣ никто еще столько не выпивалъ. Угощать, такъ угощать, гостепріимство обязательно, если бы мы съ вами сидѣли въ преріяхъ, такъ я бы... того... напоилъ васъ до безчувствія. А здѣсь вѣдь мѣсто людное—Бигъ-Флюмская компанія—женщины, дѣти проѣзжаютъ. Надо подумать и о нихъ. Надо подумать также и о мистрессъ Бейерсъ,— прибавилъ онъ, помолчавъ, — ей не очень-то пріятно будетъ, если вы... того... явитесь изъ моего дома мертвецки пьянымъ. Это было бы чертовски грубо и съ вашей, и съ моей стороны, хотя, какъ я посмотрю, вся и жизнь-то... того... довольно грубая штука.

Философскій ли смыслъ послѣдней фразы или добродушная, но твердая рѣшимость Абнера такъ подѣйствовали на пьяную впечатлительность Бейерса, только онъ сразу какъ-то осѣлъ. Выпученные глаза его затуманились слезами, величественныя позы замѣнились приниженностью, а языкъ сталъ усиленно заплетаться.

— Именно такъ! Именно такъ!— заболталъ онъ,—очень любежно шъ вашей штороны подумать о мишъ Бейершъ... Я только хочу шкажать... что мишъ Бейершъ... Хоть она и была ваша жена... очень благородная женщина... Такая женщина,—продолжалъ Бейерсъ, мечтательно глядя въ пространство,—что выдержитъ школько угодно мужей...

— Посидите-ка здѣсь минутку, да покурите,—сказалъ Абнеръ, вставая и протягивая Бейерсу свой кисетъ,— а я схожу распорядиться по кухнѣ; сейчасъ вернусь.

Съ этими словами онъ взялъ графинъ, поддержалъ своего падающаго собесѣдника, прислонилъ его къ дереву и быстрыми шагами направился къ станціи, тогда какъ Бейерсъ, шатаясь, тщетно пробовалъ закурить ненабитую трубку.

Трудно сказать, дѣйствительно ли Абнеру нужно было дѣлать какія-нибудь распоряженія по кухнѣ, или онъ просто воспользовался первымъ предлогомъ для того, чтобы унести графинъ, но только отсутствіе его продолжалось не болѣе двухъ минутъ. Между тѣмъ, вернувшись, онъ уже не засталъ Бейерса около дерева. Это его страшно удивило, конечно, тѣмъ болѣе, что ни тщательные розыски, ни ауканье не помогли найти пропавшаго собесѣдника. Думая, что Бейерсъ спитъ гдѣ-нибудь въ кустахъ, Абнеръ не особенно встревожился и пошелъ назадъ на станцію, гдѣ, между прочимъ, понавѣдался къ прилавку, для того, чтобы посмотрѣть, нѣтъ ли его тамъ. Но каково же было удивленіе Абнера, когда конторщикъ сообщилъ ему, что видѣлъ, какъ Бейерсъ чуть ли не бѣгомъ прослѣдовалъ по верандѣ на большую дорогу!

Часъ спустя это извѣстіе было подтверждено извозчикомъ, встрѣтившимъ, мили за двѣ отъ станціи, че-

Digitized by Google

ловѣка, по описанію вполнѣ похожаго на Бейерса, который хотя и пошатывался, но шелъ весьма быстро. Оставалось заключить, что Бейерсъ чѣмъ-то обидѣлся или просто захотѣлъ еще вина. Оба эти предположенія были одинаково непріятны Абнеру, въ виду отвѣтственности передъ мистрессъ Бейерсъ, но онъ, конечно, съ обычнымъ для себя смиреніемъ, подчинился неизбѣжному.

Труднѣе было понять, какое отношеніе имѣлъ этотъ эпизодъ къ видамъ Абнера на Мэри-Элленъ и почему мистеръ Лянгвёрти рѣшилъ поспѣшить окончательнымъ объясненіемъ съ нею, но тѣмъ не менѣе объясненіе это произошло, хотя и не сразу. Не легко было Абнеру приступить къ нему, такъ какъ раньше онъ не оказывалъ никакого особаго вниманія избранницѣ своего сердца и даже рѣдко встрѣчался съ нею, благодаря тому, что она завѣдывала комнатами для проѣзжающихъ и почти не показывалась ни въ кухнѣ, ни въ общей залѣ. Ни съ того, ни съ сего заговорить съ нею о свадьбѣ значило бы придать всему дѣлу оттѣнокъ торговой сдѣлки, чего Абнеръ хотѣлъ избѣжать, можетъ быть, именно потому, что предполагаемый бракъ и былъ, въ сущности, бракомъ по разсчету. Мистеръ Лянгвёрти, поэтому, началъ съ того, что нѣсколько дней сряду сталъ многозначительно смотрѣть на Мэри-Элленъ, при случайныхъ встрѣчахъ съ нею. Къ несчастію, эффектъ этихъ взглядовъ былъ совсѣмъ не такой, какого онъ ожидалъ. Въ первый разъ Мэри прыснула со смѣха, потомъ стала конфузиться, а, наконецъ, и выказывать неудовольствіе.

Видя, что дѣло идетъ не такъ, какъ бы слѣдовало, Абнеръ рѣшился покончить его сразу. Въ ближайшее воскресенье, когда прислуга гостиницы поочередно получала отпускъ на цѣлый день и ѣздила за восемь миль, въ городокъ Бигъ-Флюмъ, помолиться и отдохнуть, мистеръ Лянгвёрти заявилъ Мэри-Элленъ, что намѣренъ провести этотъ день вмѣстѣ съ нею. Нельзя сказать, чтобы такое заявленіе особенно обрадовало молодую женщину, привыкшую къ ухаживанію городской молодежи, но, какъ бы то ни было, тотчасъ по отъѣздѣ утренняго омнибуса, Абнеръ, одѣтый въ торжественную черную пару, подалъ руку Мэри и самымъ чопорнымъ образомъ повелъ ее къ тому же дереву въ лѣсу, около котораго говорилъ съ Бейерсомъ.

— Здѣсь можно поговорить на свободѣ, миссъ Буддъ,—сказалъ онъ,— и отъ дома недалеко. Если бы вы пожелали получить что-либо изъ буфета—все равно, что именно—такъ я схожу и принесу.

Но Мэри-Элленъ Буддъ, усѣвшись бокомъ на пнѣ и глядя изъ-подъ копны своихъ бѣлокурыхъ волосъ на величественную фигуру Абнера, заявила, что ни въ чемъ не нуждается.

— Я полагаю, миссъ Будтъ,—началъ Абнеръ рѣшительно,—что когда... того... два человѣка, подобно намъ съ вами, собираются... того... имѣть разговоръ, который сблизитъ или отдалитъ ихъ другъ отъ друга, можетъ быть навсегда, то они должны откровенно сообщить одинъ другому свое прошлое.

— Если вамъ кто-нибудь изъ кухонныхъ сплетниковъ навралъ про меня всякихъ небылицъ, мистеръ Лянгвёрти»,—затараторила Мэри-Элленъ, показывая сразу всѣ свои тридцать два зуба отмѣнной бѣлизны,—такъ вы скажите это сразу, не портивши воскреснаго дня. А коли вамъ угодно отдалить меня, такъ для этого стоитъ только уплатить мнѣ жалованье по сегодняшній день и...

Но тутъ Мэри-Элленъ должна была прекратить потокъ своего краснорѣчія, потому что на лицѣ хозяина выразилось такое непритворное удивленіе, не замѣтить котораго было нельзя.

— Никто мнѣ ничего не сплетничалъ про васъ, миссъ Буддъ, — медленно проговорилъ Абнеръ, понемногу оправляясь отъ этого послѣдняго удара, посланнаго ему судьбою. Я не васъ имѣю въ виду, а себя. Мнѣ хотѣлось только сообщить вамъ, что я... того... состою въ разводѣ съ женою.

Въ виду внезапнаго румянца, залившаго загорѣлое лицо Мэри-Элленъ, Абнеръ поспѣшилъ объясниться.

Digitized by Google

— Разводъ состоялся, миссъ Буддъ, не по невѣрности съ моей стороны, не вслѣдствіе чего-нибудь такого... предосудительнаго, а вслѣдствіе несов-мѣстимости характеровъ.

— Чей же это характеръ оказался несовмѣстимымъ—вашъ?

— Да, мой, — смиренно отвѣчалъ Абнеръ.

Въ настроеніи Мэри-Элленъ мгновенно произошла перемѣна—она такъ расхохоталась, что долго не могла остановиться: хлопала себя руками по колѣнамъ, схватывалась за грудь, уронила зонтикъ и растрепала всю свою прическу. При видѣ такой веселости у Абнера отлегло отъ сердца, хотя онъ не могъ понять, почему это признаніе въ несовмѣстимости его характера съ чьимъ бы то ни было во всѣхъ вызываетъ недовѣріе.

— Вашъ характеръ! — воскликнула Мэри-Элленъ между припадками смѣха,—Господи Боже мой! Да чѣмъ же онъ несовмѣстимъ?

— Надо полагать... того...—сказалъ простодушный Абнеръ, подыскивая подходящее опредѣленіе,—надо думать, что я... черезчуръ вспыльчивъ.

Посмотрѣвъ на своего собесѣдника нѣсколько секундъ въ полномъ остолбенѣніи, Мэри-Элленъ опять показала всѣ свои зубы и горячо затараторила:

— Скажите вы этой вашей старой женѣ, что если бы она когда-нибудь была прикована къ грубому животному, которое не переставая било бы ее и руками, и глазами, и языкомъ; которое угнетало бы ее, будучи трезвымъ, и доводило до отчаянія въ пьяномъ видѣ; которое выгнало бы ее, наконецъ, изъ своего дома, а потомъ развелось съ нею за то, что она, будто бы, самовольно оставила этотъ домъ, такъ тогда она имѣла бы право говорить о несовмѣстимости характеровъ! А то вашъ характеръ еще несовмѣстимъ съ чьимъ-либо! Подите вы! Я захвораю отъ хохота!

Насколько справедливость всего сказаннаго бросилась въ глаза Абнеру—неизвѣстно, но онъ все же съ большой скромностью и осторожностью высказалъ свою главную мысль въ слѣдующихъ словахъ:

— Я только хотѣлъ знать, согласились бы вы выйдти за меня замужъ, когда узнаете, что я... того... разведенъ съ первою женою?

Лицо Мэри-Элленъ получило нѣсколько лукавое выраженіе. Избѣгая, по обычаю всѣхъ особъ прекраснаго пола, необходимости дать положительный отвѣтъ, она сдѣлала диверсію въ сторону.

— Вы, кажется, предлагали принести мнѣ чего-нибудь изъ буфета? Такъ вотъ нельзя ли получить стаканчикъ лимонада,—сказала она.

Абнеръ, тоже должно быть довольный этою диверсіей, тотчасъ же всталъ и отправился за требуемымъ напиткомъ. Приходя по верандѣ, онъ вспомнилъ о бѣгствѣ Бейерса, при чемъ на одну минутку ему пришло въ голову послѣдовать благому примѣру лѣсоторговца, но, къ сожалѣнію, было уже поздно—роковой шагъ сдѣланъ; да кромѣ того Бейерсу было къ кому бѣжать отъ непріятностей и оскорбленій, а у Абнера жены еще—или, пожалуй, уже—не было.

Когда бутылка лимонада была принесена, то Мэри-Элленъ кокетливо настояла на томъ, чтобы Абнеръ помогъ ей выпить пѣняющуюся жидкость и даже коснулась губами краевъ его стакана. Абнеръ покойно улыбался.

— Теперь, когда вы откровенно разсказали мнѣ ваше прошлое,—начала миссъ Буддъ,—будетъ вполнѣ справедливымъ, если и я сдѣлаю то же.

— Пожалуйста, не надо!—живо воскликнулъ Абнеръ.

— Какъ не надо?

— Не надо, потому что мнѣ это все равно. Если я о себѣ разсказывалъ, такъ потому, что вы... того... вамъ это было нужно знать. А мнѣ не нужно. Я не перемѣню своего рѣшенія, что̀ бы вы ни сказали.

— А если то, что̀ я скажу, заставитъ васъ перемѣнить свое рѣшеніе? — полушутливымъ, полуугрожающимъ тономъ сказала Мэри-Элленъ.

— Не можетъ заставить. Поэтому, если вамъ... того... все равно, то ужъ лучше не говорите.

— Такъ вотъ это-то и есть, стало быть, вашъ несовмѣстимый харак-

Digitized by Google

теръ?—лукаво замѣтила молодая женщина.

— Вотъ именно! — подхватилъ Абнеръ, какъ бы обрадовавшись.

Въ концѣ концовъ было рѣшено, что Мэри-Элленъ поѣдетъ въ Сакраменто, повидаться и посовѣтоваться съ друзьями, а мистеръ Лянгвбрти присоединится къ ней послѣ, и затѣмъ они вернутся на станцію уже обвѣнчавшись. Договоръ этотъ былъ скрѣпленъ дружескимъ поцѣлуемъ, и обѣ договорившіяся стороны тотчасъ же вернулись къ исполненію своихъ обязанностей, такъ что воскресный отдыхъ миссъ Буддъ на этотъ разъ продолжался всего полчаса.

Прошла недѣля. Миссъ Буддъ жила въ Сакраменто, а хозяинъ Бигъ-Фрюмской гостиницы стоялъ, по обыкновенію, у дверей своего дома, когда негръ подалъ ему записочку, написанную карандашемъ на обрывкѣ бумаги. Записка эта состояла изъ одной только строчки:

«Приходите въ лѣсъ, за домомъ, на прежнее мѣсто. Мнѣ нужно поговорить съ вами о ней. К. Бейерсъ».

— О ней? Что бы это могло значить? Абнеръ испуганно осмотрѣлъ публику въ столовой, но мистрессъ Бейерсъ тамъ не было. Не было ея и на верандѣ, поэтому онъ поспѣшилъ направиться къ мѣсту свиданія.

Бейерсъ, совершенно пьяный, опираясь на сукъ, ждалъ уже тамъ и немедленно бросился къ нему на шею.

— Она ушла!—пробормоталъ онъ хриплымъ голосомъ.

— Кто ушелъ? Мистрессъ Бейерсъ? Куда?

— Убѣжала! Никогда не вернется! Ушла!

Смутная идея, бродившая въ умѣ Абнера со времени послѣдняго свиданія съ Бейерсомъ, теперь овладѣла имъ окончательно, и несчастный лѣсоторговецъ не успѣлъ опомниться, какъ былъ уже прижатъ къ дереву могучими лапами великодушнаго медвѣдя.

— Ахъ, ты негодяй! Ахъ, ты собака!—заревѣлъ этотъ медвѣдь, сразу сбросившій свое великодушіе, — да какъ же ты смѣлъ поднять свои мерзкія руки на женщину? Вѣдь ты билъ ее? Признавайся!

Такое неожиданное обстоятельство протрезвило нѣсколько Бейерса.

— Билъ ли я ее?—проворчалъ онъ едва слышно, но затѣмъ, постепенно повышая голосъ и входя въ пьяный экстазъ, продолжалъ:—Обижалъ ли? О, да! Конечно! Разумѣется! Вотъ посмотрите-ка, товарищъ,— при этомъ онъ засучилъ рукавъ и показалъ синій шрамъ на своей красной, волосатой рукѣ,—это слѣды ея ножницъ, три мѣсяца тому назадъ, а вотъ, а вотъ это,—онъ наклонилъ голову и показалъ большой рубецъ на затылкѣ,—она немножко поиграла со сковородкой; а здѣсь—смотрите еще—онъ разорвалъ на себѣ воротникъ и показалъ шею, залѣпленную липкимъ пластыремъ,—это слѣдъ банки съ консервами—консервы-то выскочили, а стекла я насилу вынулъ изъ раны—это ужъ когда она узнала, что я былъ въ разводѣ съ первой женою и не сказалъ ей объ этомъ.

— Да развѣ вы тоже... того... разведенный мужъ?

— Кому же и знать объ этомъ, какъ не вамъ,—сказалъ Бейерсъ презрительно,—развѣ она вамъ не говорила?

— Какъ же она могла мнѣ сказать, когда сама не знала, какъ вы говорите.

— Моя прежняя жена, я вамъ говорю! Мэри-Элленъ, ваша невѣста—провозгласилъ Бейерсъ съ глубокой ироніей. Толкуйте теперь, что не знали! Прочь, коли такъ! Руки прочь! Не смѣйте бить лежачаго! меня судьба убила!

Возгласы эти, однако, давно уже были ненужны, такъ какъ Абнеръ, послѣ перваго взрыва, бросилъ Бейерса и задумчиво сидѣлъ на пнѣ. Пользуясь этимъ, лѣсоторговецъ далъ волю своимъ чувствамъ—сердился, гримасничалъ и плакалъ одновременно.

— Мэри-Элленъ—ваша прежняя жена!—повторилъ Абнеръ разсѣянно.

— Д-д-д-а! Моя пер-вая ж-жена!—гремѣлъ Бейерсъ, — избранная для васъ вашей пер-рвой ж-женой! А я почемъ это могъ знать? Я прихожу сюда поговорить съ др-ругомъ о сво-

Digitized by Google

ей пер-рвой ж-женѣ, какъ блааро-дный челаэкъ съ блааро-днымъ челаэ-комъ! Ничего не подожрѣвая! Невинный, какъ р-ребенокъ! Др-ругъ уноситъ отъ меня водку—точно я какой пьяница—и вдругъ я слышу голосъ своей первой жены! Кррадусь и вижу ее,—гдѣ же?—у окна ккухни моего др-руга! Мэри-Элленъ! Моя пер-рвая ж-жена! Бѣгу быстрѣе моллніи! Прихожу домой и рашскаживаю все моей втор-рой ж-женѣ! Кто же въ этомъ виноватъ?! Кто?! Кто шкажалъ... Кто научилъ меня рашскажать все женѣ? Вы! Кто держитъ чужихъ первыхъ женъ у себя на кухнѣ?! Вы! Кто пожволяетъ имъ пугать добрыхъ людей, покаживаясь въ окнахъ? В-вы!

Но Абнеръ Лянгвёрти давно уже превратился опять въ отечески ко всѣмъ расположеннаго медвѣдя, и потому никакіе упреки на него не дѣйствовали.

— Пожалуй,что такъ,—сказалъ онъ съ обычной своей терпимостью,—а разъ это такъ, то я чувствую, что... того... долженъ вамъ поднести водочки.

Явилась водка и, стаканчикъ за стаканчикомъ, дважды овдовѣвшій Бейерсъ напился до того, что заночевалъ на собственной постели Абнера. Чѣмъ испытанія этого послѣдняго еще не кончились, такъ какъ черезъ нѣсколько дней онъ получилъ отъ Мэри-Элленъ слѣдующее письмо:

«Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что между нами все кончено и вы можете объявить вашей прежней старухѣ, что ея выборъ новой жены для васъ былъ точно такъ же неудаченъ, какъ и вашъ собственный первый выборъ. А мистеру Бейерсу—онъ вѣдь отъ васъ теперь не отвяжется—скажите, что если я захочу выйти замужъ во второй разъ, то попрошу его выбирать мнѣ мужа. Это было бы слишкомъ обидно».

Абнеръ никогда болѣе не имѣлъ сношеній съ Мэри-Элленъ, а Бейерсъ вскорѣ узналъ, что его вторая жена начала противъ него процессъ о разводѣ, чѣмъ, однако, весьма мало заинтересовался. Оба стали неразлучными друзьями и закоренѣлыми холостяками, хотя всегда говорили съ большимъ уваженіемъ о своей общей женѣ, называя ее «нашей».

— Хорошая она была баба, пріятель,—говорилъ Бейерсъ.

— Да, и она насъ... того... понимала,—прибавлялъ Абнеръ.

— Что̀жъ!Можетъ быть,это и правда.

II.

ПИТОМЦЫ МИССЪ ПЭДЖИ.

Ленты чепчика миссъ Пэджи развязались, подвязка съ правой ноги сползла—что̀ нерѣдко случается у десятилѣтнихъ дѣвицъ деревенскаго происхожденія,—а поправить безпорядокъ было невозможно, такъ какъ для этого пришлось бы положить куда-нибудь то, что̀ Пэджи несла въ рукахъ. Но куда же вы положите маленькую земляную крысу и едва оперившагося сорокопута, подобранныхъ дорогою? Положить обоихъ въ фартукъ—передерутся; пустить на травку — разбѣгутся.

— Совсѣмъ, какъ въ сказкѣ о перевозчикѣ съ овцой и волкомъ,—думала Пэджи, — хотя я не вѣрю, чтобы кто-нибудь въ самомъ дѣлѣ сталъ перевозить волка черезъ рѣку.

Къ счастію, дѣвочка увидала неподалеку отъ себя Сама Биделя, шестифутового забойщика съ сосѣднихъ свинцовыхъ копей, и, подозвавъ его къ себѣ, попросила подержать одного изъ своихъ плѣнниковъ. Относясь съ отвращеніемъ къ маленькому комочку шерсти, Самъ выбралъ сорокопута.

— Держите его за ножки, потому что онъ страшно кусается,—сказала Пэджи, кладя крысу попросту въ карманъ и занявшись исправленіемъ своего туалета.

Гигантъ послушался совѣта дѣвочки и терпѣливо пережидалъ, пока она

Digitized by Google

завязала ленты чепчика и затѣмъ, присѣвъ на землю и безцеремонно обнаруживъ желтыя, фланелевыя невыразимыя, перетягивала подвязку. Птица все это время внимательно смотрѣла на Сама, какъ бы выжидая удобной минутки тяпнуть его хорошенько.

— Опять за старое, Пэджи, — сказалъ, наконецъ, Самъ. А я думалъ, что вы бросите эти затѣи съ тѣхъ поръ, какъ ваша новая сова перепортила всю компанію.

Щеки Пэджи слегка покраснѣли при этомъ невѣжливомъ напоминаніи о прежнихъ ея питомцахъ, погибшихъ въ одну ночь, благодаря введенію въ ихъ общество замѣчательно почтенной и миролюбиво смотрѣвшей совы.

— Да я бы и ее приручила, — съ негодованіемъ отвѣчала дѣвочка, — если бы Недъ Майерсъ, который мнѣ ее подарилъ, предупредилъ меня, что она дрессирована для охоты. Это была настоящая охотничья сова.

— А что же вы будете дѣлать съ этимъ полковникомъ?—спросилъ Самъ, подразумѣвая сорокопута, который запустилъ когти въ его палецъ, напыжился, какъ какой-то злой горбунъ, и ни за что не хотѣлъ переходить къ Пэджи.—Онъ вамъ тоже надѣлаетъ дѣлъ! Слишкомъ сердитъ для своего юнаго возраста.

— Такой ужъ онъ отъ роду,—живо заступилась Пэджи. Вотъ погодите, когда я его приручу! Если бы онъ остался со своими, такъ и выросъ бы такимъ же, какъ они. Это вѣдь— «птица-мясникъ»!—По девяти птичекъ въ день убиваетъ! Ей Богу, не вру! Убьетъ да и насадитъ ихъ на терновые шипы. Чисто какъ въ курятной лавкѣ! Сама видѣла.

— Такъ какъ же вы его будете приручать?—спросилъ Самъ.

— А такъ и приручу! Любить ихъ надо, да хорошо съ ними обращаться,— отвѣчала Пэджи, нѣжно поглаживая головку птицы.

— Что же, вы сами что ли за него будете справлять мясничью работу?

Не удостоивая отвѣчать на это циническое замѣчаніе Сама, Пэджи только отрицательно покачала головою.

— Вѣдь не будете же вы его кормить сахаромъ да сухариками, какъ канарейку,—продолжалъ Самъ.

— Коли не бояться да любить ихъ, такъ лаской съ ними все можно сдѣлать,—сухо отвѣчала Пэджи.

Заглянувъ внутрь огромнаго чепца Пэджи, на круглые голубые глазки и серіозный ротикъ, выглядывавшіе оттуда, Самъ принужденъ былъ согласиться съ тѣмъ, что это, пожалуй, и правда. Но глазки Пэджи въ эту минуту приняли испуганное выраженіе. Засунувъ руку въ карманъ, она не нашла тамъ крысы.

— Ишь ты... прогрызлась!—замѣтила Пэджи, лихорадочно ощупывая подолъ своего платья.

Гигантъ гадливо отскочилъ въ сторону.

— Стой, не уйдешь!—воскликнула Пэджи, захватывая одной рукой крысу черезъ платье и просовывая другую глубоко въ карманъ, за подкладку. Черезъ минуту она, со вздохомъ облегченія, вытащила звѣрка на свѣтъ Божій.

— Ну, этакъ вы, пожалуй, и съ полковникомъ справитесь, — замѣтилъ Самъ не безъ нѣкотораго боязливаго восхищенія.—Но я только, на вашемъ мѣстѣ, ни за что бы не положился на ту сову. Въ ней сразу было видно какое-то черезчуръ закоренѣлое, для порядочной птицы, самодовольство. Ну, бѣгите скорѣй, пока опять что-нибудь не развязалось. Живо!

Съ этими словами Самъ пошлепалъ Пэджи по спинѣ, дернулъ ее за соблазнительно болтавшуюся сзади коротенькую, черную косичку—чего ни одинъ рудокопъ никогда не забывалъ сдѣлать—и сталъ, смѣясь, смотрѣть, какъ она улепетываетъ домой съ своею добычей. И онъ и его товарищи съ Блью-Симентъ-Риджа давно уже сердечно привязались къ Пэджи Бэкеръ, младшей дочери кузнеца. У нея были и старшія сестры, слывшія непобѣдимыми въ танцахъ и желанныя гостьи на пикникахъ, но Пэджи являлась не только всеобщей любимицей, а стала даже необходима рудокопамъ, какъ жаворонокъ, встрѣчавшій ихъ, по утрамъ, своей веселой пѣсней, или

Digitized by Google

дятелъ, постукивавшій на верху громадной ели, подъ которой они завтракали. Она казалась какъ бы частью окружающей ихъ природы. Ея причуды и странности всѣмъ были милы, какъ чириканье птички или граціозныя движенія бѣлки, перебѣгавшей по сучьямъ той же ели. Гдѣ бы она ни появлялась, бородатыя лица всюду расплывались въ добродушную улыбку и рука въ синемъ или красномъ рукавѣ всегда готова была поддержать ее при опасныхъ переходахъ и трудныхъ скачкахъ черезъ канавы.

Особые вкусы Пэджи развились въ ней подъ вліяніемъ окружающей обстановки. Предоставленная, въ младенчествѣ, самой себѣ, она подружилась со всѣмъ животнымъ и растительнымъ міромъ, среди котораго жила. Она изучила этотъ міръ вполнѣ самостоятельно, благодаря врожденной наблюдательности и безстрашію, не заглушенному традиціей и разсказами старшихъ. Для нея не существовало ни опасныхъ жабъ, ни ядовитыхъ пауковъ, ни уховертокъ, проникающихъ въ мозгъ. Она вѣрила только собственному опыту, результаты котораго часто противорѣчили мнѣніямъ старшихъ. Эти мнѣнія даже наводили ее иногда на опытъ, и не всегда безопасный, какъ это было по отношенію къ гремучимъ змѣямъ. Кто-то посовѣтовалъ Пэджи никогда не носить съ собою въ лѣсъ молока и разсказалъ при этомъ извѣстную исторію о дѣвочкѣ, къ которой повадилась, будто бы, приползать, во время завтрака, гремучая змѣя, причемъ эта змѣя дошла до такого нахальства, что не давала дѣвочкѣ ѣсть и послѣдняя принуждена была бить ее ложкой по лбу. Нечего и говорить, что этотъ разсказъ только пробудилъ въ Пэджи любовь къ приключеніямъ. Въ первую же свободную минуту она запаслась горшкомъ молока и отправилась въ лѣсъ прикармливать «гремучку» и въ нѣсколько дней дѣйствительно добилась того, что старая змѣя, съ двѣнадцатью кольцами на хвостѣ, стала настойчиво провожать ее на прогулкахъ. Испугавшись не за себя или свою семью, а за своего новаго друга который легко могъ познакомиться съ тяжелымъ молотомъ кузнеца, Пэджи стала старательно отводить змѣю отъ своего жилища, что̀, однако жъ, не всегда удавалось. Тогда она вспомнила старое повѣрье лѣсныхъ жителей, когда-то переданное ей однимъ угольщикомъ, и взявъ тоненькую ясеневую вѣточку, попробовала положить ее поперегъ тропинки, какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ должна была проползти змѣя. Опытъ удался какъ нельзя лучше: змѣя остановилась передъ вѣточкой, какъ вкопаная. Повторяя этотъ опытъ многократно, Пэджи, при помощи молока и ясеневыхъ вѣтокъ, пріучила гремучку себя слушаться. Никому она объ этомъ, конечно, не говорила, но одинъ разъ рудокопы подсмотрѣли за нею, и съ тѣхъ поръ репутація Пэджи, какъ заклинательницы змѣй и укротительницы животныхъ, вообще была сдѣлана.

Съ этого дня всѣ обыватели Блью-Симентъ-Риджа стали поставщиками на «скотный дворъ Пэджи», какъ называлась ея коллекція прирученныхъ животныхъ. Въ полумилѣ отъ лачуги кузнеца рудокопы устроили даже плетневую ограду для этой коллекціи. Долгое время существованіе «скотнаго двора» было тайной между Пэджи и ея друзьями. Родители ея, познакомившіеся со вкусами своей дочки только благодаря ящерицамъ, жабамъ и тарантуламъ, которыхъ она въ былые дни приносила домой и которые имѣли обыкновеніе уходить изъ предназначенныхъ для нихъ коробочекъ, избирая себѣ жилище то въ матрасахъ, то въ туфляхъ членовъ семьи, смотрѣли болѣе чѣмъ холодно на ея зоологическія изысканія. Мать, кромѣ того, приписывала этимъ изысканіямъ чрезвычайно быструю порчу платья и обуви своей дѣвочки. Да и въ самомъ дѣлѣ фартукъ, изорванный въ клочки молоденькой лисицей, и соломенная шляпа, наполовину съѣденная горнымъ козленкомъ, были бы, пожалуй, и до сихъ поръ цѣлы, если бы Пэджи ограничивалась только хожденіемъ въ школу и прогулками, приличными благовоспитанной дѣвочкѣ.

Digitized by Google

Старшія сестры считали ея вкусы «низкими», а дружбу съ рудокопами несоотвѣтствующей достоинству семьи. Но Пэджи скорѣе дѣлала честь этой семьѣ, такъ какъ считалась въ школѣ одною изъ лучшихъ ученицъ, а своимъ знаніемъ естественной исторіи даже удивляла учителей. Не смотря на неодобрительное отношеніе семьи къ ея вкусамъ, она свято держалась своей вѣры, главный догматъ которой состоялъ въ томъ, что «нужно не бояться твореній Божіихъ, а любить ихъ». Эта вѣра утѣшала ее въ несчастіяхъ и дозволяла безропотно переносить какъ выговоры за разорванное платье, такъ и неблагодарность питомцевъ, нерѣдко царапавшихъ и кусавшихъ ее.

Близость «скотнаго двора» къ кузницѣ имѣла свои дурныя стороны, такъ какъ одинъ разъ чуть не выдала тайну Пэджи ея родителямъ. Случилось это такъ: одинъ разъ убѣжалъ со «скотнаго двора» горный волченокъ, съ большимъ трудомъ и издержками привезенный для Пэджи Джекомъ Райдеромъ изъ горъ Сіэрры. Будучи уже почти прирученъ и во всякомъ случаѣ знакомый съ цивилизаціей, онъ не бросился прямо въ лѣсъ, подальше отъ людей, какъ сдѣлалъ бы это настоящій дикарь, а заинтересовался поселкомъ и подошелъ къ кузницѣ. Мистеръ Бэкеръ, со своимъ помощникомъ, тотчасъ же бросились за нимъ, конечно, стали кидать въ него молотками и камнями, но не догнали и не попали. Появленіе горнаго волка въ такой мѣстности, куда они никогда не заходятъ, не могло, однако же, остаться незамѣченнымъ, и мистеръ Бэкеръ, претендовавшій на глубокомысліе, составилъ даже на этотъ счетъ особую теорію, которую сообщилъ редактору мѣстной газетки. На слѣдующій же день въ послѣдней появилась, «отъ редакціи», такая замѣтка: «Наше предсказаніе относительно суровой зимы на высотахъ Сіэрры и о необходимости подготовиться къ небывалому разливу вешнихъ водъ, самымъ неожиданнымъ образомъ подтвердилось! Въ Блью-Сименгъ-Риджѣ появились горные волки, и нашъ почтенный согражданинъ, мистеръ Эфраимъ Бэкеръ, самъ вчера видѣлъ страшно исхудалаго волченка, который рыскалъ около кузницы въ поискахъ за пищей. Мистеръ Бэкеръ полагаетъ, что волченокъ не могъ быть одинъ и что гдѣнибудь по близости скрывается цѣлый выводокъ волковъ, вмѣстѣ съ матерью». Одно только уваженіе Джека Райдера къ пріемной матери волченка—малюткѣ Пэджи—и нежеланіе выдать ея тайну удержало его отъ искушенія публично посмѣяться надъ глубокомысленными «отцами» поселка, но за то вечерніе костры рудокоповъ долго еще оглашались веселымъ смѣхомъ по поводу нашествія горныхъ волковъ.

Къ счастію для Пэджи, самый дорогой и любимый изъ ея питомцевъ не имѣлъ надобности скрываться. Это была «великолѣпная» индѣйская собака, насколько таковая вообще можетъ быть великолѣпной. Ее «съ большими затрудненіями» досталъ для Пэджи одинъ возчикъ съ границы Орегона. «Большія затрудненія» состояли въ томъ, что возчикъ, рискуя своимъ скальпомъ, просто укралъ ее у индѣйцевъ, кочующихъ на границѣ. Собака, повидимому, была ублюдкомъ какихъ-то неизвѣстныхъ породъ и обладала свойствами, только ей одной присущими. По наслѣдственности или въ силу вырожденія, она прямо боялась всякой цивилизаціи: ни за что не хотѣла входить въ домъ или спать въ конурѣ; не могла ѣсть публично, а удалялась для этого куда-нибудь въ подполье и ѣла жадно, но въ то же время какъ бы стыдясь и извиняясь; двигалась боязливо, напоминая своими манерами нищаго на улицахъ большого города; неутомимостью не уступала волку, но совершенно была лишена свирѣпости послѣдняго, напротивъ! обладая зубами, способными перекусить канатъ, она даже никогда ихъ не скалила, никогда не сердилась. Она была раболѣпна, но не привязчива, робка, мягка, но не довѣрчива и не дружелюбна.

Настойчивость и ласки Пэджи повліяли на нее, однако же, мало-по-ма-

Digitized by Google

лу. Собака стала выдѣлять свою госпожу изъ всего остального міра какъ единственное существо, заслуживающее довѣрія. Она уже дозволяла теперь водить себя, на веревочкѣ, на прогулку, хотя, при видѣ посторонняго человѣка, или спѣшила спрятаться подъ юбку Пэджи или отчаянно рвалась съ веревки. Всѣ эти странныя манеры, и въ особенности обычай постоянно ходить съ поджатымъ хвостомъ—до такой степени напряженно поджатымъ, что, по словамъ Сама Биделя, онъ напоминалъ собою туго надѣтый обручъ—приводили въ отчаяніе даже Пэджи, стыдившуюся ходить по улицамъ съ своей собакой, надъ которой всѣ смѣялись. Но Пэджи терпѣла все это и не смотря на всеобщій хохотъ настойчиво вытаскивала своего ополоумѣвшаго друга изъ подъ ногъ прохожихъ и изъ подъ колесъ таратаекъ, когда случалось проходить по Большой улицѣ поселка. Собака вознаграждала ее за все это своею исключительной привязанностью. Казалось, все ея существо, весь ограниченный разумъ и всѣ тонко развитыя внѣшнія чувства были посвящены одной только Пэджи—полны ею. Гдѣ бы Пэджи ни была, какъ бы далеко ни ушла, какой бы кривой и сложный путь ни выбрала, по какимъ бы людныхъ и избитымъ тропинкамъ ни ходила—собака, благодаря своему полумистическому чутью, всюду ее находила. «Ло—нищій индѣецъ», какъ въ поселкѣ прозвали собаку, ни на шагъ не отставалъ отъ своей госпожи, хотя въ людныхъ мѣстахъ слѣдилъ за ней лишь издали, прячась за разнаго рода «прикрытіями».

Этой-то замѣчательной способности Ло Пэджи была обязана однимъ изъ самыхъ странныхъ своихъ приключеній.

Возвращаясь, однажды, изъ поселка домой, дѣвочка вдругъ увидала, что Ло бѣжитъ къ ней навстрѣчу. Надо замѣтить, что она давно уже перестала брать съ собой собаку въ такіе крупные центры цивилизаціи, какимъ былъ поселокъ. Въ этихъ случаяхъ Ло привыкъ уже оставаться около ограды «скотнаго двора», а на этотъ разъ онъ почему-то нарушилъ заведенный порядокъ. Сдѣлавъ ему строгій выговоръ за такое нарушеніе и погрозивъ пальчикомъ, Пэджи замѣтила, что онъ чѣмъ-то сильно взволнованъ, такъ какъ не только не былъ сконфуженъ выговоромъ, а даже не дослушалъ его, побѣжалъ впередъ и сталъ лаять, чего съ нимъ давно уже не случалось. Скоро, однако же, такое необычайное поведеніе собаки объяснилось. Не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ изъ лѣса вышло человѣкъ десять мужчинъ, вооруженныхъ ружьями. Никого изъ нихъ Пэджи не знала, кромѣ мѣстнаго шерифа, съ которымъ встрѣчалась иногда въ поселкѣ. Замѣтивъ дѣвочку, шерифъ поговорилъ о чемъ-то съ своими товарищами и затѣмъ сказалъ ей, полушутя, полусеріозно:

— Проваливайте-ка вы поскорѣй со своимъ Ло, да не сходите съ большой дороги, а то вамъ достанется.

— Вы должно быть охотитесь? — спросила Пэджи, безъ всякаго страха глядя на спутниковъ шерифа и ихъ ружья.

— Да, охотимся,—отвѣчалъ шерифъ.

— На кого же это?

— На медвѣдя!—отвѣчалъ шерифъ, переглядываясь со своими провожатыми.

— На медвѣдя!—воскликнула дѣвочка съ отвращеніемъ, которое возбуждала въ ней всякая ложь. Да откуда жъ тутъ возьмется медвѣдь! Здѣсь ихъ никогда не бывало. Станете вы охотиться на медвѣдя!

— Ну, не ваше дѣло, мисси,—сказалъ шерифъ, смѣясь,—проваливайте-ка поскорѣе. Затѣмъ онъ нѣжно взялъ ее за голову, повернулъ носомъ къ дорогѣ, дернулъ за косичку и далъ легкаго пинка въ спину.

При видѣ такого невѣжливаго обращенія со своей госпожей, Ло, въ первый разъ въ своей жизни, зарычалъ и показалъ зубы.

— Смотрите, какъ бы я не натравила на васъ собаку!—сказала Пэджи важнымъ тономъ, но затѣмъ, понявъ, что къ силѣ прибѣгать не слѣдуетъ, позвала Ло и пошла вдоль по дорогѣ.

Digitized by Google

Вооруженные люди скрылись въ лѣсу, но Ло продолжалъ волноваться.

Не успѣла Пэджи пройти четверти мили, какъ вдругъ мимо нея проскользнула необыкновенная, полосатая, бѣлая съ чернымъ бѣлка. Круглые глаза дѣвочки стали еще круглѣе—въ окрестностяхъ Блью - Симентъ - Риджа была только одна такая бѣлка, у нея «на скотномъ дворѣ!» Что̀ такое случилось? Повернувъ назадъ, Пэджи, сопровождаемая собакою, бросилась бѣжать къ своимъ владѣніямъ, а на дорогѣ ждалъ ее еще одинъ сюрпризъ: позднѣйшее и драгоцѣннѣйшее изъ ея пріобрѣтеній—лѣсная утка съ сизымъ горлышкомъ—промелькнула мимо нея, шурша своими короткими крыльями! Сомнѣній быть не могло! «Скотный дворъ» разрушенъ!

Забывъ о приказаніи шерифа, Пэджи съ собакой углубились въ лѣсъ, въ томъ же направленіи, въ которомъ пошли и вооруженные люди. Но они шли, осторожно крадучись, а Пэджи неслась, какъ вѣтеръ наперерѣзъ ихъ пути, и потому гораздо раньше достигла той манцанитовой заросли, въ которой помѣщался ея «скотный дворъ»—пространство въ двѣнадцать квадратныхъ футовъ, огороженное плетнемъ, фута въ четыре высотою.

Съ перваго взгляда Пэджи убѣдилась, что все ея хозяйство разрушено: плетень поваленъ; клѣтки, ящики, корзины—разбросаны; питомцы—разлетѣлись и разбѣжались. Одного изъ нихъ—краснозобую ящерицу, остолбѣнѣвшую среди тропинки, Пэджи поспѣшила поднять и спрятать за пазуху. Добѣжавъ до плетня, Пэджи сама остолбенѣла подобно ящерицѣ, потому что изъ-за обломковъ своего хозяйства увидала голову и плечи самаго дикаго животнаго, съ которымъ когда-либо встрѣчалась!

Это былъ оборванный, грязный и страшный съ виду человѣкъ. Длинные волосы его были спутаны; блѣдное, давно не бритое лицо исцарапано терновникомъ и запачкано кровью; глаза блестѣли какъ у сумасшедшаго; зубы были оскалены, и при всякомъ вздохѣ всѣ члены приходили въ конвульсивное содроганіе. Однимъ словомъ, Пэджи никогда не видывала ничего подобнаго.

Но это дикое двуногое животное не пыталось бѣжать, и когда оно, кряхтя отъ боли, попробовало подняться, то причина такой неподвижности стала ясна для Пэджи—правая нога его, перевязанная въ одномъ мѣстѣ окровавленнымъ носовымъ платкомъ, безжизненно висѣла. Незнакомецъ разсѣянно взглянулъ на дѣвочку, а потомъ опять сталъ смотрѣть, черезъ плетень, на лѣсъ.

Пэджи была болѣе заинтересована, чѣмъ испугана. Она сразу поняла, въ чемъ дѣло. Незнакомецъ былъ имендой тѣмъ медвѣдемъ, за которымъ гнались встрѣченные ею охотники.

Минуту спустя, медвѣдь этотъ вдругъ встрепенулся, завидѣвъ человѣческую фигуру, выходившую изъ лѣса, и сталъ искать глазами своего ружья, которое оставилъ за плетнемъ, когда перелѣзъ черезъ него.

— Подайте мнѣ ружье! — сказалъ онъ Пэджи грубымъ голосомъ.

Но Пэджи не трогалась съ мѣста. Человѣческая фигура, между тѣмъ, совсѣмъ выдвинулась теперь изъ-за кустовъ и попасть въ нее ничего не стоило.

Незнакомецъ энергично выругался и свирѣпо взглянулъ на дѣвочку, но она видала у прирученныхъ ею животныхъ и болѣе свирѣпое выраженіе, а потому, нисколько не испугавшись, сказала серіозно:

— Если вы выстрѣлите, то они всѣ на васъ бросятся.

— Кто всѣ? — спросилъ незнакомецъ.

— Да вѣдь ихъ тутъ много и всѣ съ ружьями, — отвѣчала Пэджи. Спрячьтесь лучше и не двигайтесь. Посмотрите, что̀ я сдѣлаю.

Незнакомецъ прижался къ плетню, а Пэджи побѣжала навстрѣчу къ приближающейся фигурѣ, предварительно запасшись ясеневой вѣточкой. Ей и въ голову не приходило, что раненый, сдѣлавъ неимовѣрное усиліе, успѣлъ въ это время достать свое ружье и цѣлился въ нее... Успѣвъ привлечь къ себѣ вниманіе охотниковъ, Пэджи остановилась и стала махать вѣточ-

Digitized by Google

кой. Охотники тоже остановились, поговорили другъ съ другомъ, и шерифъ крикнулъ ей:

— Вѣдь я же вамъ сказалъ, чтобы вы убирались! Живо бѣгите прочь!

— Уходите-ка вы сами,— сказала Пэджи,—да скорѣе!

— Это почему? Что̀ вы тутъ дѣлаете?—спросилъ удивленный шерифъ, глядя на вѣточку.

— А потому что тутъ гремучки.

— Гдѣ?

— Да вездѣ кругомъ! Это настоящее ихъ гнѣздо! Обходите-ка стороною, коли хотите быть цѣлы! Пэджи показала рукой вправо и стала опять махать вѣточкой.

Охотники собрались въ кучку и стали разговаривать потихоньку. Разсказъ о сверхъестественныхъ способностяхъ Пэджи и о ея власти надъ гремучими змѣями, очевидно, былъ имъ извѣстенъ и даже, можетъ быть, преувеличенъ. Поговоривъ немного, они послѣдовали совѣту Пэджи и потянулись вправо, тщательно обходя плетень. Пэджи побѣжала назадъ къ своему новому питомцу. Дикое выраженіе его глазъ замѣнилось теперь болѣе мягкимъ, но незнакомецъ, видимо, готовъ былъ лишиться чувствъ.

— Не можете ли вы... дать мнѣ... водицы?—едва слышно прошепталъ онъ.

Недалеко отъ плетня протекалъ ручеекъ — необходимость для «скотнаго двора», и Пэджи живо принесла раненому воды, въ черепочкѣ, изъ котораго пилъ сорокопуть, теперь—увы!—потерянный навсегда.

Вода оживила страдальца.

— Однако, эти трусы испугались гремучекъ-то,—сказалъ онъ, пытаясь улыбнуться,—развѣ ихъ тутъ много?

— Ни одной нѣтъ,—отвѣчала Пэджи,—если не считать васъ, двуногой гремучки.

— Одноногой, если хотите,—сказалъ раненый, указывая на свою ногу.

Сердце Пэджи начало смягчаться.

— Что̀ же вы теперь будете дѣлать?—спросила она,—здѣсь оставаться нельзя; это мой дворъ.

— Такъ, значитъ, я разорилъ ваши владѣнія?

— Да, мои.

— Очень грубо съ моей стороны.

— Можете вы ходить?

— Нѣтъ.

— А ползти?

— Не такъ бойко, какъ гремучка.

— Ну, вонъ, до той полянки?

— Пожалуй, доползу.

— Тамъ привязана лошадь. Да я, впрочемъ, сейчасъ приведу ее сюда,—сказала Пэджи.

— Гдѣ вамъ справиться съ лошадью,—задумчиво проговорилъ незнакомецъ, глядя на слабую фигурку Пэджи.

Но она, не слушая, побѣжала къ лошади, принадлежавшей Саму Биделю, который позволилъ Пэджи пользоваться ею въ случаѣ надобности. Подведя ее вплоть къ плетню, она помогла незнакомцу сѣсть верхомъ и сказала:

— Когда она вамъ будетъ не нужна больше, то вы только крикните на нее, она ужъ сама найдетъ дорогу домой. А теперь я должна идти.

Не оборачиваясь назадъ, Пэджи вернулась къ плетню и стала приводить свой скотный дворъ въ порядокъ, а незнакомецъ, тѣмъ временемъ, поѣхалъ въ сторону противуположную той, куда направились его преслѣдователи.

Но «скотному двору» не суждено было возродиться. Съ этихъ поръ Пэджи перестала набирать себѣ питомцевъ, потому ли, что это ей надоѣло, или потому, что стала уже слишкомъ взрослой. А можетъ быть удачное прирученіе самаго крупнаго и опаснаго дикаго животнаго отбило у нея интересъ къ прирученію болѣе мелкихъ.

Прошло много времени. Пэджи, никому объ этомъ удачномъ случаѣ не разсказывая, и сама о немъ совсѣмъ было позабыла, но, поступивъ пансіонеркой въ женскую школу, въ Санъ-Хозэ, принуждена была вспомнить: одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ попечителей этой школы оказался именно послѣднимъ изъ прирученныхъ ею звѣрей. По разсказамъ, онъ былъ сначала извѣстный шулеръ и даже убилъ кого-то въ ссорѣ, за что̀ чуть было не попался въ руки комитета бдительности, который намѣревался линчевать его.

Digitized by Google

МАЛЕНЬКІЕ РАЗСКАЗЫ.

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ РАБОТА.

Разсказъ **В. Джекобса.**

(Съ англійскаго переводъ **Е. М. Студенской**).

Констэбль № 49 медленно проходилъ по Высокой улицѣ въ Уэппингѣ, наслаждаясь вечерней прохладой. Всѣ лавки были уже закрыты, и улица почти пустынна. Мимоходомъ онъ высказалъ краткое, но сильное предостереженіе двумъ мальчишкамъ, дравшимся на тротуарѣ, и указалъ—носкомъ сапога—что край тротуара вовсе не подходящее мѣсто для отдохновенія маленькой пятилѣтней дѣвочки. Держа въ рукѣ свои бѣлыя перчатки, онъ медленно прослѣдовалъ далѣе, чувствуя себя самодержавнымъ властелиномъ надъ всѣмъ своимъ участкомъ.

Самодовольный видъ, съ которымъ онъ поглаживалъ свои рыжія бакенбарды, былъ прямо невыносимъ, и мистеръ Чарльзъ Пиннеръ, судовой кочегаръ, созерцалъ его съ едва скрываемымъ бѣшенствомъ. Дѣло въ томъ, что недѣлю назадъ этотъ самый № 49 «сцапалъ»—по живописному выраженію самого Пиннера—его лучшаго друга за то, что онъ былъ причиной скопленія народа, мѣшающаго движенію. Несправедливость заключенія въ участкѣ мистера Джонсона, только потому, что толпа совершенно незнакомыхъ ему людей, на которыхъ онъ бросался, упорствовала въ своемъ желаніи запруживать улицу, — несправедливость эта довела Пиннера чуть не до безумія. Нѣсколько времени, однако, онъ держался позади № 49, ограничиваясь оскорбительными, но неслышными замѣчаніями, относительно цвѣта его бакенбардъ.

Констэбль повернулъ въ маленькую улочку между двумя небольшими пустырями, о пригодности и превосходствѣ которыхъ для постройки тутъ же расклеенное объявленіе изобиловало прилагательными. Пиннеръ продолжалъ идти сзади. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые считаютъ, что отъ жизни слѣдуетъ брать все, что она даетъ въ данную минуту, и какой-то голосъ нашептывалъ ему, что, проживи онъ еще хоть сто лѣтъ, ему никогда не представится болѣе удобнаго случая разсчитаться съ рыжимъ констэблемъ. Правда, въ концѣ улицы стояло два-три маленькихъ домика, но единственнымъ живымъ существомъ по близости былъ только мальчикъ лѣтъ десяти. Но и онъ казался какъ разъ такимъ мальчишкой, который долженъ былъ отнестись къ задуман-

Digitized by Google

ному Пиннеромъ дѣлу съ одобрительной улыбкой.

Первою мыслью № 49 было, что на него свалилась дымовая труба, второю же мыслью — желаніе захватить ее сразу. Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, высвободилъ каску и схватилъ Пиннера за руку.

— Пустите,—сказалъ Пиннеръ, вырываясь.

— Ага,—сказалъ № 49, весь красный отъ озлобленія, поправляя свою каску,—теперь ты пойдешь со мною, молодецъ.

Раскаиваясь въ своемъ естественномъ порывѣ, приведшемъ къ такимъ печальнымъ результатамъ, Пиннеръ вырвался и отошелъ, шатаясь, къ забору. Потомъ онъ скользнулъ въ сторону, и когда № 49 повторилъ свое требованіе и указалъ на безполезность всякаго сопротивленія, Пиннеръ неожиданно и сильно ударилъ его кулакомъ въ високъ.

Констэбль свалился, какъ подстрѣленный. Каска слетѣла съ его головы, и онъ тяжело ударился затылкомъ о каменную мостовую. У Пиннера мгновенно испарилось всякое желаніе схватываться съ полиціей, онъ бросился бѣжать мимо восхищеннаго мальчишки, и, только, завернувъ за уголъ, слегка умѣрилъ свой шагъ, чтобы не обращать на себя нежелательнаго вниманія. Онъ прямо отправился домой, въ маленькій домикъ въ узенькомъ переулкѣ бливъ Кэбль-Стрита, и запыхаясь бросился на стулъ, между тѣмъ, какъ его жена, не привыкшая къ столь раннимъ его возвращеніямъ, не могла придти въ себя отъ изумленія и засыпала его вопросами.

— Ты хочешь посидѣть немного дома со мной?—воскликнула она въ изумленіи. Да ты здоровъ ли, Чарли?

— Разумѣется, здоровъ, — угрюмо проворчалъ кочегаръ. Я просто подумалъ, что тебѣ бы хотѣлось видѣть меня немножко дома, пока я не ушелъ въ плаваніе.

— Та-акъ!—сказала миссисъ Пиннеръ,—ты порядочно долго до этого додумывался.

— Лучше поздно, чѣмъ никогда,—проворчалъ ея супругъ,—прислушиваясь съ напряженнымъ видомъ и полнымъ ужаса ожиданіемъ къ каждому звуку на улицѣ.

— Ну, что̀жъ, я очень рада, что ты теперь такъ думаешь,—сказала миссисъ Пиннеръ. Это никогда не поздно. Я пойду наверхъ и принесу малютку.

— Зачѣмъ?—коротко спросилъ ея мужъ.

— Да чтобы и онъ повидалъ тебя немного,—отвѣчала жена. Онъ до сихъ поръ говоритъ «папа» всякому мужчинѣ, котораго видитъ. Онъ въ этомъ не виноватъ, бѣдняжка.

Пиннеръ, продолжая прислушиваться къ шагамъ снаружи, пробормоталъ что-то сквозь зубы. Малютка былъ разбуженъ отъ перваго сладкаго сна и принесенъ внизъ, при чемъ родитель и младенецъ предались на нѣкоторое время взаимному созерцанію съ далеко недоброжелательнымъ любопытствомъ.

Необыкновенное объясненіе Пиннеромъ своего пребыванія дома оставалось въ силѣ лишь до слѣдующаго утра; но когда онъ и послѣ завтрака продолжалъ спокойно сидѣть дома, выказывая явное желаніе и долѣе продолжать въ томъ же духѣ, тогда жена потребовала отъ него другого разъясненія, менѣе ошеломляющаго и болѣе понятнаго ея разуму. На это Пиннеръ заявилъ въ видѣ вступленія о своей ненависти къ рыжимъ бакенбардамъ вообще и закончилъ полнымъ незнаніемъ.

— Ему это подѣломъ,—убѣжденно рѣшила его жена,—но тебѣ это обойдется въ шесть мѣсяцевъ тюрьмы, если тебя накроютъ, Чарли. Тебѣ придется сидѣть дома и ухаживать за мной и за малюткой, покуда твое судно не выйдетъ въ море.

Пиннеръ непочтительно оглядѣлъ своего сына и наслѣдника и издалъ унылый стонъ.

— Свидѣтелей вѣдь не было,—замѣтилъ онъ,—т. е. былъ только одинъ мальчишка, да и онъ выглядѣлъ такъ, что видно не особенно полюбилась ему полиція.

Digitized by Google

— Ну, чужая душа—потемки,—отвѣтила жена,—при чемъ въ мозгу ея медленно созрѣвалъ планъ, какъ ей извлечь наибольшую пользу изъ всего приключенія. Мнѣ бы очень не хотѣлось, чтобы тебя засадили въ тюрьму.

— Да и мнѣ тоже,—объявилъ Пиннеръ съ глубокимъ убѣжденіемъ. Интересно, было ли про это написано въ газетахъ?

— Разумѣется, — кивнула головой жена.

— Поди-ка, купи одну газету и прочитай,—сказалъ кочегаръ,—и прибавилъ, покосившись на ребенка: «я за нимъ пригляжу, только возвращайся поскорѣе».

Жена вышла и скоро вернулась съ газетой, при чемъ Пиннеръ, не знавшій грамотѣ, съ тревогой слѣдилъ за ней, пока она просматривала столбцы. Впрочемъ, вскорѣ выяснилось, что его вчерашній поступокъ избѣжалъ чести быть увѣковѣченнымъ въ печати, и Пиннеръ началъ набираться храбрости.

— Я думаю, съ нимъ ничего особеннаго не случилось,—сказалъ онъ. Должно быть, ему и самому-то непріятно разсказывать въ участкѣ про то, какъ его вздули. Не всѣ любятъ про это говорить. Я же буду глядѣть въ оба, когда выйду на улицу.

— Тебѣ бы лучше все-таки не выходить, — сказала жена. Она снова взяла газету и принялась ее просматривать, не переставая исподтишка слѣдить за нимъ. Вдругъ она нагнулась и внимательно уставилась на строчки; внезапный испуганный возгласъ ея согналъ розы съ ланитъ Пиннера и заставилъ его ожидать самаго худшаго.

— Что̀ такое?..—пробормоталъ онъ.

Миссисъ Пиннеръ сложила газету пополамъ, знакомъ велѣла ему молчать и прочла слѣдующее:

«Вчера вечеромъ въ Уэппингѣ произведено злодѣйское нападеніе на констэбля; его свалилъ съ ногъ какой-то матросъ, и онъ получилъ сотрясеніе мозга. Пострадавшій констэбль утверждаетъ, что онъ легко узнаетъ преступника въ лицо и далъ его полное описаніе въ полицейской конторѣ. Поиски начаты. За всѣми трактирами зорко слѣдятъ».

— Эге, вотъ такъ штука!—смущенно сообразилъ Пиннеръ. И такъ тутъ все и написано?

— Да, и это все,—отвѣчала его жена и отложила газету въ сторону.

— Все!—воскликнулъ разсерженный кочегаръ. А тебѣ бы еще чего-нибудь хотѣлось? Нечего сказать, попался я въ тиски! Право, я бы такъ же охотно сидѣлъ въ тюрьмѣ, какъ и здѣсь.

— Ты не будешь такъ думать, когда опять уйдешь въ море,—отвѣтила жена.

Пиннеръ вздохнулъ и началъ безтолково метаться по комнатѣ; потомъ снова бросился на стулъ, покачалъ головой и закурилъ трубку.

— Дома ты можешь быть совершенно спокоенъ,—сказала его жена, вполнѣ выработавшая тѣмъ временемъ свой планъ. Одно только нехорошо, что люди станутъ удивляться, зачѣмъ ты цѣлыми днями сидѣлъ дома.

Пиннеръ вынулъ трубку изо рта и тупо смотрѣлъ на нее.

— Мнѣ кажется, что тебѣ бы надо имѣть какое-нибудь дѣло, изъ-за котораго ты бы оставался дома,—продолжала она.

— Ну, такъ развѣ это не дѣло?—спросилъ несчастный.

— Да, но объ этой причинѣ ты вѣдь не можешь говорить всѣмъ,—сказала его жена. Ты долженъ имѣть занятіе, которое всѣ бы видѣли, а потому и болтать бы пустого не могли.

— Да, вамъ вѣдь все годится, чтобы болтать,—сказалъ Пиннеръ. Вотъ если бы ты что-нибудь выдумала, это было бы умнѣе.

Миссисъ Пиннеръ, у которой уже наготовѣ было нѣсколько занятій, глубокомысленно задумалась, царапая себѣ подбородокъ вязальной спицей.

— Выбѣлить потолокъ въ кухнѣ, — сказала она, наконецъ.

— А сколько времени это возьметъ? кисло спросилъ ея господинъ и повелитель, котораго перспектива бѣленія вовсе не очаровала.

— Потомъ ты бы могъ оклеить обоями эту комнату,—продолжала миссисъ

Digitized by Google

Пиннеръ,—и приколотить вонъ тѣ полки въ углу, про которыя ты говорилъ. Все это заняло бы нѣсколько времени.

— Да, я думаю,—подтвердилъ Пиннеръ, ядовито глядя на жену.

— А потомъ, я думаю—сказала она,—что если мнѣ удастся достать ящикъ изъ-подъ сахару отъ бакалейщика и двѣ пары колесъ, то ты бы могъ смастерить отличную колясочку для малютки.

— Я полагаю...—началъ изумленный Пиннеръ.

— Пока ты будешь этимъ заниматься, я постараюсь придумать еще что-нибудь,—перебила его жена.

Пиннеръ нѣсколько времени глядѣлъ на нее, вытаращивъ глаза; потомъ проговорилъ, наконецъ: «покорно благодарю», не безъ ядовитости, и погрузился въ мрачныя размышленія.

— Это самый разумный планъ, убѣждала его жена серіозно,—и это тѣмъ надежнѣе, что всѣ эти работы необходимо сдѣлать, а потому ничего не можетъ быть понятнѣе того, что ты будешь сидѣть дома и заниматься этимъ. Никто не найдетъ въ этомъ ничего страннаго.

Она продолжала прилежно вязать, искоса поглядывая на мужа. Онъ сидѣлъ и курилъ нѣкоторое время; потомъ поднялся со вздохомъ, послалъ ее за необходимыми матеріалами и провелъ весь день, бѣля потолокъ кухни.

Къ вечеру онъ до того былъ утомленъ непривычнымъ усердіемъ, что былъ радъ просидѣть вечеръ дома, занимаясь куреніемъ. Но слѣдующее утро было такое ясное и соблазнительное, что его затворничество показалось ему болѣе чѣмъ возмутительнымъ. Въ надеждѣ, что какое-нибудь чудо спасетъ его отъ столь низменныхъ занятій, онъ снова послалъ жену за газетой.

— Тутъ немного про это написано сегодня,—сказала она.

Въ это время заплакалъ малютка, потомъ надо было вымыть посуду послѣ завтрака, потомъ являлись все новыя помѣхи къ чтенію газеты.

— Читай,— строго сказалъ кочегаръ.

— «Пострадавшій констэбль,—бойко прочла миссисъ Пиннеръ,—чувствуетъ себя довольно хорошо; за трактирами продолжаютъ наблюдать».

— Они, кажется, прямо таки влюблены въ трактиры,—нетерпѣливо замѣтилъ Пиннеръ. Я радъ, что парень поправляется, но надѣюсь, что онъ не встанетъ раньше, чѣмъ я не уйду въ море.

— Конечно, не встанетъ,—отвѣчала жена. Но теперь мнѣ, пожалуй, лучше пойти купить обои. Какого цвѣта ты бы лучше хотѣлъ?

Пиннеръ отвѣтилъ, что для него всѣ обои одинаковы, и погрузился въ мрачныя размышленія на тему о томъ, откуда возьмутся на это деньги. Миссисъ Пиннеръ, отлично знавшая, какую большую экономію дѣлали они теперь, благодаря его невольному заключенію, только улыбнулась на его уныніе.

Въ этотъ день онъ оклеилъ комнату, потолковавъ предварительно о цѣнахъ на обои и высказавъ свое твердое убѣжденіе, что въ благоустроенномъ государствѣ не должно быть вовсе констэблей съ рыжими бакенбардами. Ко всѣмъ комплиментамъ насчетъ его работы, которыми осыпала его благодарная миссисъ Пиннеръ, онъ притворялся глухимъ.

На слѣдующее утро въ газетахъ не было ничего новаго, ибо фантазія миссисъ Пиннеръ нѣсколько истощилась, но она быстро омрачила радость мужа, замѣтивъ, что полицейскія власти нарочно держатся въ тѣни, чтобы убаюкать его ложной безопасностью. Она нарисовала ему такую забавную картину того, какъ полиція обыскиваетъ улицы и трактиры, въ то время, какъ Пиннеръ скромненько сидитъ дома и мастеритъ дѣтскую колясочку, что сама расхохоталась чуть не до удушья, между тѣмъ какъ Пиннеръ сидѣлъ, вытаращивъ на нее глаза въ гнѣвномъ изумленіи.

Для Пиннера далеко не было источникомъ радости сообщеніе, что всѣ другія жены въ ихъ домѣ ставили его въ примѣръ своимъ мужьямъ и стремились убѣдить этихъ упрямыхъ лю-

Digitized by Google

дей послѣдовать по его стопамъ. Миссисъ Смитъ, жившая этажемъ выше, прославляла его въ такихъ выраженіяхъ, что онъ краснѣлъ отъ стыда, а миссисъ Хаукъ (двумя этажами выше) разсыпалась передъ нимъ въ такихъ комплиментахъ, что мистеръ Хаукъ, недавно только женившійся, спустился внизъ, желая во что бы ни стало устроить небольшую потасовку съ нимъ на заднемъ дворѣ.

Когда дѣтская коляска была окончена, терпѣнію его тоже насталъ конецъ, и онъ рѣшился, рискуя всѣмъ, вернуть себѣ свободу. Никогда улица не казалась ему такой заманчивой, какъ въ эту минуту, когда онъ глядѣлъ на нее изъ своего маленькаго окошечка. Онъ набилъ свою трубку и сообщилъ испуганной миссисъ Пиннеръ свое намѣреніе выйти и пройтись немного.

— Погоди, покуда я загляну въ газету! просила она.

— Да зачѣмъ читать газету?—отвѣчалъ Пиннеръ. Мы и такъ знаемъ, что онъ лежитъ въ постели, и я думаю, что какъ разъ тогда, когда онъ встанетъ, мой срокъ и кончится. Я буду глядѣть въ оба. Вдобавокъ, мнѣ пришла въ голову хорошая мысль: я сбрею себѣ усы. Мнѣ бы раньше надо было догадаться это сдѣлать.

Онъ отправился наверхъ, оставивъ жену ломать руки въ отчаяніи. Рыжій констэбль и не думалъ лежать въ постели, она это отлично знала; онъ распоряжался въ этой мѣстности со всею своею зоркою наблюдательностью, стремясь отомстить за перенесенное униженіе. Было необходимо спасти мужа во что бы то ни стало, и пока онъ возился наверху съ бритвой, она выскользнула на улицу и купила газету.

Когда она вернулась, онъ только-что сошелъ внизъ и обернулся къ ней съ самодовольной гримасой, но, взглянувъ на ея лицо, онъ сразу перемѣнился, съ лица его сбѣжала улыбка, и онъ стоялъ молча, нервно ожидая дурныхъ вѣстей.

— О, Боже мой!—простонала его жена.

— Что̀ написано?—тревожно спросилъ Пиннеръ.

Миссисъ Пиннеръ оперлась на столъ и въ отчаяніи качала головою.

— Нашли меня?—спросилъ Пиннеръ.

— Хуже,—отвѣчала жена.

— Хуже?—спросилъ Пиннеръ, чья фантазія не была изъ особенно богато одаренныхъ. Что̀ же еще можетъ быть?

— Онъ умеръ,—торжественно провозгласила миссисъ Пиннеръ.

— Умеръ!—воскликнулъ Пиннеръ, подскочивъ на мѣстѣ.

Миссисъ Пиннеръ съ тихимъ рыданіемъ взяла газету и медленно прочла, прерываемая временами восклицаніями мужа:

«Несчастный констэбль, сдѣлавшійся на-дняхъ жертвою злодѣйскаго нападенія въ Уэппингѣ, тихо скончался вчера вечеромъ. Лэди Вераксъ, внѣ себя отъ отчаянія и отказывается отойти отъ тѣла. Многіе изъ членовъ королевской семьи выразили телеграммами свое...

— Что?—перебилъ ее изумленный слушатель.

— Я перепутала строки,—сказала миссисъ Пеннеръ, которая была слишкомъ заинтересована тѣмъ, что она читала о смерти извѣстнаго аристократа, чтобы вспомнить необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ текстѣ, для того, чтобы все оказалось пригоднымъ для констэбля. Вотъ я нашла:

«Несчастный констэбль, сдѣлавшійся на-дняхъ жертвою злодѣйскаго нападенія въ Уэппингѣ, тихо скончался вчера вечеромъ на рукахъ своей жены и дѣтей. Полагаютъ, что преступникъ ушелъ въ море».

— Я бы хотѣлъ, чтобы такъ и было,—жалостно сказалъ мистеръ Пиннеръ. Я бы хотѣлъ быть гдѣ угодно, только не здѣсь. Тоже фантазія была назначать констэблемъ этакую яичную скорлупу! Я вѣдь едва до него дотронулся.

— Обѣщай мнѣ, что ты не выйдешь на улицу!—просила его жена съ рыданіемъ въ голосѣ.

Digitized by Google

— Выйти?—энергично воскликнулъ Пиннеръ. Выйти?... Да что̀ ты думаешь, что я помѣшался, что-ли? Я буду сидѣть дома, пока судно не уйдетъ, и то я проѣду туда на извозчикѣ. Чего я, спрашивается, не видалъ на улицѣ?

Совершенно перепуганный, онъ усѣлся въ самомъ темномъ углу комнаты, обмѣниваясь съ женой горькими замѣчаніями о необычайной хрупкости полицейскихъ чиновъ.

— Никогда больше во всю мою жизнь я не дотронусь ни до одного изъ нихъ,— увѣрялъ онъ. Если мнѣ даже принесутъ его сюда и посадятъ соннаго на стулъ, я его и пальцемъ не трону.

— Тебя довело до этого пьянство,— сказала жена.

— Я никогда больше не выпью ни одной капли,—убѣждалъ онъ ее съ содроганіемъ.

Трубка утратила для него всякій вкусъ, и онъ сидѣлъ молча и размышлялъ, какъ вдругъ его осѣнило, что ему необходимо начать новыя работы, чтобы имѣть поводъ сидѣть дома.

Миссисъ Пиннеръ вполнѣ съ этимъ согласилась, и они вмѣстѣ составили списокъ починокъ и улучшеній, которыя должны были занять каждую минуту изъ остающагося у него времени. Онъ работалъ съ такимъ лихорадочнымъ жаромъ, что вошелъ въ поговорку у всѣхъ остальныхъ жильцовъ, и единственныя минуты, когда онъ себя чувствовалъ спокойнымъ и счастливымъ, были тѣ, что̀ проводилъ за работой въ спальнѣ, крѣпко заперевъ двери. Мистеръ Смитъ приписывалъ это болѣзни и цѣлый часъ обсуждалъ съ мистеромъ Хаукомъ, не заразительна ли она, Боже упаси!

Время, между тѣмъ, медленно шло, и, наконецъ, до отъѣзда осталось всего два дня, и онъ былъ въ такомъ нервномъ и возбужденномъ состояніи, что миссисъ Пиннеръ ожидала его отъѣзда почти съ такой же тревогой, какъ и онъ самъ.

Чтобы хоть немного его утѣшить, она прочла ему сообщеніе, что полиція отказалась отъ безнадежныхъ поисковъ. Но Пиннеръ только покачалъ на это головою и сказалъ, что все это только уловки, чтобы его выманить. Чтобы парализовать намѣренія полиціи, онъ принялся съ жаромъ придѣлывать свистульку къ дѣтской колясочкѣ.

Жена оставила его за этимъ занятіемъ, уходя за покупками. Когда она вернулась домой, все было тихо, и ничто не указывало на то, что случилось нѣчто необыкновенное, но, войдя въ комнату, она не могла удержаться отъ восклицанія при видѣ картины, представившейся ея глазамъ. Пиннеръ лежалъ съежившись на диванѣ, зарывшись головой въ подушки, и одна его нога судорожно дрыгала въ воздухѣ.

— Чарли!—воскликнула она. Чарли!

Изъ подушекъ вмѣсто отвѣта послышался глухой стонъ.

— Что̀ случилось,—спрашивала она съ безпокойствомъ.

— Я видѣлъ это!—сказалъ Пиннеръ дрожащимъ голосомъ. Я видѣлъ привидѣніе. Я какъ разъ выглядывалъ изъ-за занавѣски на улицу, когда оно прошло.

— Глупости!

— Его привидѣніе! — продолжалъ Пиннеръ, принимая болѣе естественную позу, но продолжая трястись;—рыжіе бакенбарды, бѣлыя перчатки и все такое. Оно ходитъ взадъ и впередъ по улицѣ. Я съ ума сойду! Я уже два раза его видѣлъ.

— Воображеніе!—возразила жена, совершенно пораженная такимъ оборотомъ дѣла.

— Я боюсь, что онъ пришелъ за мною,—продолжалъ Пиннеръ, вращая глазами. Я каждую минуту жду, что онъ покажется въ дверяхъ и поманитъ меня за собою въ участокъ. Каждую минуту я жду, что его блѣдное лицо покажется въ окошкѣ, страшно на меня глядя.

— Тебѣ, право, не слѣдуетъ объ этомъ всемъ думать,—сказала жена.

— Я видѣлъ его такъ же ясно, какъ вижу тебя,—упорствовалъ въ конецъ струхнувшій кочегаръ. Оно ходило взадъ и впередъ такое-же надутое, какъ и при жизни.

Digitized by Google

— Я спущу занавѣски,—сказала жена, и подошла къ окну, чтобы исполнить это намѣреніе, какъ вдругъ неожиданно откинулась назадъ съ невольнымъ возгласомъ.

— И ты его видишь?—воскликнулъ ея мужъ.

— Нѣтъ,—сказала миссисъ Пиннеръ, оправившись отъ испуга. Закрой глаза!

Кочегаръ вскочилъ на ноги.

— Не подходи,—говорила она,—не гляди сюда!

— Нѣтъ! я хочу!

Жена бросилась къ нему, но онъ оттолкнулъ ее и рванулся къ окну. Здѣсь онъ остановился какъ вкопанный, вытаращивъ глаза и бормоча какія-то не связныя слова, между тѣмъ какъ привидѣніе рыжаго констэбля все еще было на виду. Только его напыщенное спокойствіе и маятникообразное покачиваніе рукъ на ходу исчезли, и оно самымъ, очевидно, практическимъ манеромъ старалось довести до участка сопротивлявшагося рыбака.

— Удивительно!—нервно заявила миссисъ Пиннеръ. Онъ выглядитъ совершенно живымъ!

Кочегаръ все продолжалъ глядѣть на толпу, подвигавшуюся по улицѣ, потомъ обернулся къ женѣ и взглянулъ на нее.

— Хочешь ты, я тебѣ скажу, что я обо всемъ этомъ думаю?—прогремѣлъ онъ.

— Только не при малюткѣ, Чарли, пролепетала миссисъ Пиннеръ, отступая къ стѣнѣ.

Кочегаръ продолжалъ молча смотрѣть не нее, и видъ его былъ настолько угрожающій, что она внезапно выхватила изъ люльки Чарльза Пиннера младшаго и подняла его передъ собою.

— Ты продержала меня дома почти три недѣли,—началъ Пиннеръ голосомъ, дрожащимъ отъ сочувствія къ собственнымъ несчастіямъ. Три недѣли моего короткаго отпуска потратилъ я на то, чтобы дѣлать дѣтскія коляски, бѣлить потолки, наклеивать и все такое. Я былъ посмѣшищемъ всего дома и работалъ, какъ каторжникъ. Что̀ ты можешь сказать въ свое оправданіе?

— Что̀ ты хочешь сказать?—спросила миссисъ Пиннеръ, успѣвшая оправиться отъ своего смущенія. Развѣ я виновата въ томъ, что̀ пишутъ въ газетахъ? Почемъ я могла знать, что тотъ констэбль, который умеръ, былъ не твой констэбль.

Пиннеръ уставился на нее, но она встрѣтила его взглядъ глазами столь правдивыми и ясными, какъ у ребенка. Онъ же внезапно сообразивъ, что только даромъ теряетъ золотое время, схватилъ свою шапку, и въ то время, какъ № 49 завернулъ со своей жертвой за уголъ, онъ бросился бѣжать въ противоположномъ направленіи, чтобы провести обычнымъ образомъ остающіеся у него послѣдніе часы отпуска.

Digitized by Google

ЧЕРНОЕ ДѢЛО.

Разсказъ В. Джекобса.

(Съ англійскаго переводъ Е. М. Студенской).

— Мнѣ вовсе не хотѣлось брать его съ собою,—сказалъ капитанъ Гёбсонъ, глядя съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ на сѣраго попугая, качавшагося въ клѣткѣ, подвѣшенной къ фокъ-мачтѣ, — но мой старикъ дядя такъ хотѣлъ этого, что мнѣ пришлось уступить. Онъ говорилъ, что морское путешествіе возстановитъ его здоровье.

— Оно, кажется, теперь превосходно, отвѣтилъ подшкиперъ, деликатно сося свой указательный палецъ,—онъ теперь, можно сказать, въ самомъ лучшемъ духѣ.

— Онъ очень оживленъ,—согласился капитанъ. Старикъ души въ немъ не слышитъ. Однако, я пойду немного закушу покуда, такъ ужъ вы, пожалуйста, приглядите за этимъ разбойникомъ.

— «Почешите «Полли» за ушкомъ!» сказалъ попугай, обтачивая предварительно свой клювъ о жердочку. «Почешите бѣдняжку «Полли»!» Онъ пригнулъ голову къ проволокѣ клѣтки и терпѣливо поджидалъ случая продѣлать то, что онъ считалъ самой занимательной штукой во всемъ своемъ существованіи. Впервые усомнился онъ въ этомъ тогда, когда подшкиперъ подошелъ и обязательно почесалъ его мунштукомъ своей трубки. Это было совершенно непредвидѣнное рѣшеніе вопроса, и попка, нахохливъ перья, отодвинулся на другой конецъ жердочки, гдѣ погрузился въ мрачныя размышленія.

Мнѣніе на бакѣ тоже было противъ новаго пассажира, при чемъ всѣ были убѣждены, что дикая ревность, бушевавшая въ груди судовой кошки, рано или поздно должна привести къ несчастію.

— Старый «Сатана» не любитъ этого,—сказалъ поваръ, покачивая головой. Не пробыла эта благословенная птица и десяти минутъ на суднѣ, какъ ужъ «Сатана» началъ вертѣться около. Пестрая рожа подождала, покуда онъ подошелъ на шагъ къ клѣткѣ, и потомъ вѣжливенько спросила его, не желаетъ ли онъ стаканчикъ пива. Въ жизнь не видалъ я, чтобы кошка была такъ удивлена; прямо никогда не видалъ!

— Ужъ что-нибудь да выйдетъ промежь нихъ,—сказалъ старый Сэмъ, спе-

Digitized by Google

ціальный покровитель кошки,—попомните мое слово!

— Я готовъ держать пари за попку,—сказалъ одинъ изъ матросовъ съ полнымъ довѣріемъ. Онъ выкусилъ здоровый кусокъ изъ пальца подшкипера. Что̀ можетъ сдѣлать кошка противъ такого клюва?

— Ну, такъ ты потеряешь свой закладъ,—сказалъ Сэмъ. Если ты хочешь добра кошкѣ, такъ всякій разъ намыливай ей голову, какъ только замѣтишь ее около клѣтки.

Экипажъ, искренно привязанный къ кошкѣ, которую еще котенкомъ подарила имъ жена подшкипера, исполнялъ этотъ совѣтъ съ такимъ усердіемъ, что слѣдующіе два дня возмущенное животное едва не было убито отъ излишняго усердія своихъ доброжелателей. На третій день, однако, воспользовавшись тѣмъ, что клѣтка съ попугаемъ стояла на столѣ въ каютѣ, кошка прокралась туда и по настоятельной просьбѣ самого обитателя, почесала ему за ушкомъ.

Капитанъ первый замѣтилъ случившееся несчастіе и, выйдя на палубу, возвѣстилъ о немъ голосомъ, заставившимъ затрепетать всѣ сердца.

— Гдѣ этотъ черный дьяволъ? — заоралъ онъ.

— Что-нибудь случилось, сэръ? — тревожно спросилъ Сэмъ.

— Поди и посмотри! — отвѣтилъ, капитанъ. Онъ пошелъ въ каюту, гдѣ стояли уже подшкиперъ и одинъ изъ матросовъ, покачивая головами надъ попугаемъ.

— Что̀ ты на это скажешь?—гнѣвно спросилъ капитанъ.

— Слишкомъ много сухой пищи, сэръ,—отвѣтилъ Сэмъ послѣ должнаго размышленія.

— Много чего?—заоралъ капитанъ.

— Слишкомъ много сухого корму,—твердо повторилъ Сэмъ. Попугай—сѣрый попугай—нуждается въ моченомъ хлѣбѣ. Если ему не давать его, онъ линяетъ.

— У него было слишкомъ много кошки!—гнѣвно заявилъ капитанъ,—и ты это знаешь, и кошка будетъ за бортомъ.

— Я не думаю, чтобы была виновата кошка, сэръ,—вступился второй матросъ; она—слишкомъ ласкова, чтобы продѣлать такую штуку.

— Можешь закрыть свою пасть!—вскипѣлъ, краснѣя, капитанъ,—да и кто тебя просилъ приходить сюда, скажи на милость?

— Никто не видалъ, какъ кошка это сдѣлала,—сказалъ подшкиперъ.

Капитанъ ничего не отвѣтилъ; онъ только нагнулся, поднялъ съ полу перо изъ хвоста попкина и положилъ его на столъ. Потомъ, въ сопровожденіи остальныхъ, онъ поднялся на палубу и началъ самымъ заискивающимъ тономъ звать кошку.

Не получая никакого отвѣта отъ этого умнаго животнаго, благоразумно запрятавшагося подальше, онъ обратился къ Сэму, прося его позвать кошку.

— Нѣтъ, сэръ, я своихъ рукъ къ этому дѣлу не приложу,—сказалъ старикъ. Кромѣ того, что я люблю животное, я еще не хочу принимать участія въ убійствѣ черной кошки.

— Вздоръ! сказалъ—капитанъ.

— Какъ вамъ угодно, сэръ,—отвѣтилъ Сэмъ,—вы, конечно, лучше знаете. Вы образованы, а я нѣтъ, и понятно, что вы можете смѣяться надъ такими вещами. Я зналъ одного человѣка, который убилъ черную кошку, такъ онъ потомъ сошелъ съ ума. Наша кошка тоже какая-то странная, сэръ.

— Она знаетъ больше нашего,—сказалъ одинъ изъ экипажа, покачивая головой. Когда вы — я хочу сказать мы—пустили ко дну рыбачій ботикъ, кошка ждала этого за нѣсколько часовъ. Она была какъ бѣшеная.

— Вспомните, какая у насъ стоитъ погода, вспомните, каково наше плаваніе съ тѣхъ поръ, какъ она у насъ на суднѣ,—продолжалъ старикъ. Увѣряйте меня, сколько хотите, что это просто счастіе—я знаю, что̀ знаю!

Капитанъ поколебался. Онъ считался суевѣрнымъ даже среди моряковъ,

Digitized by Google

и эта его слабость была настолько хорошо извѣстна, что онъ употреблялся въ качествѣ сочувственнаго слушателя даже для тѣхъ исторій съ привидѣніями, которыя были отвергнуты другими экспертами по этой части, благодаря непристойности, или полному отсутствію всякаго правдоподобія. Онъ былъ настоящей справочной книгой для всякихъ предзнаменованій, а его толкованіе сновъ создало ему широкую репутацію.

— Все это—вздоръ,—сказалъ онъ, смущенно помолчавъ:—я только хочу быть справедливымъ. Я вовсе не изъ мести это дѣлаю и не хочу самъ въ это вмѣшиваться. Джо, навяжи кусокъ угля на шею этой кошки и брось ее за бортъ.

— Я не могу,—отвѣтилъ поваръ, повинуясь знаку Сэма и трагически содрогаясь. Ни за пятьсотъ рублей! Я вовсе не хочу, чтобы она мнѣ потомъ являлась.

— Попугаю теперь немного получше, сэръ,—сказалъ одинъ изъ матросовъ, пользуясь его колебаніемъ,—онъ раскрылъ одинъ глазъ.

— Что жъ, я хочу только быть справедливымъ,—повторилъ капитанъ. Я ничего не дѣлаю съ-бухта-барахту, но помните мое слово: если попугай издохнетъ, кошка будетъ за бортомъ!

Въ противность всѣмъ ожиданіямъ, попугай былъ еще живъ, когда судно пришло въ Лондонъ, хотя поваръ, который, благодаря своимъ сношеніямъ съ каютой, пріобрѣлъ среди экипажа необычайный вѣсъ и значеніе, сообщалъ, что силы быстро падаютъ, а раздражительность возрастаетъ. Онъ былъ еще живъ, но былъ ужасно слабъ въ день ихъ выхода въ море; и экипажъ, ожидая всего худшаго, заключилъ своего любимца въ ящикъ съ красками и занялся обсужденіемъ положенія. Совѣщаніе ихъ было прервано таинственными поступками повара, который, вернувшись съ берега, гдѣ покупалъ новый запасъ хлѣба, неожиданно появился между ними скорѣе съ видомъ заговорщика, чѣмъ скромнаго, хотя и полезнаго члена судовой компаніи.

— Гдѣ капитанъ? — спросилъ онъ громкимъ шепотомъ, усаживаясь на ящикѣ и держа мѣшокъ съ хлѣбомъ между ногами.

— Въ каютѣ,—отвѣтилъ Сэмъ, неодобрительно наблюдая за его выходками. Что еще случилось, стряпунъ?

— Что вы думаете, я здѣсь принесъ?—спросилъ поваръ, поглаживая мѣшокъ.

Естественнымъ отвѣтомъ на это было, разумѣется—хлѣбъ; но такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что поваръ спеціально за хлѣбомъ и былъ посланъ на берегъ, и такъ какъ врядъ ли онъ предложилъ свой вопросъ ради такого очевиднаго отвѣта,—то всѣ промолчали.

— Мнѣ эта мысль пришла въ голову совсѣмъ неожиданно,—сказалъ поваръ патетическимъ шепотомъ. Я только-что купилъ хлѣба и выходилъ изъ лавки, какъ вдругъ увидѣлъ большую черную кошку, которая сидѣла на порогѣ. Я только-что наклонился погладить ее, какъ она ко мнѣ пришла.

— Онѣ часто подходятъ сами,—сказалъ одинъ изъ матросовъ.

— Да я не про кошку говорю, а про идею,—отвѣтилъ поваръ съ простотой истиннаго генія. Я сказалъ кошкѣ: «ты по виду родной братъ «Сатаны,» и если ужъ капитану непремѣнно нужно убить кошку, пусть лучше онъ убьетъ тебя», сказалъ я себѣ. И прежде, чѣмъ она успѣла сказать Джекъ Робинзонъ, я схватилъ ее за шиворотъ и запихнулъ въ мѣшокъ.

— Какъ, вмѣстѣ съ нашимъ хлѣбомъ?—жалобно воскликнулъ первый собесѣдникъ.

— Ну, на васъ трудно угодить!—сказалъ глубоко обиженный поваръ.

— Не обращай на него вниманія, кокъ,—сказалъ восхищенный Сэмъ. Ты просто молодчина, и больше ничего.

— Если кто-нибудь изъ васъ придумалъ что-нибудь лучше, то, конечно...—великодушничалъ поваръ.

Digitized by Google

— Не болтай пустяковъ, кокъ,—сказалъ Сэмъ,—а лучше притащи обѣихъ кошекъ и поставимъ ихъ рядомъ.

— Смотрите не перепутайте,—предупреждалъ поваръ, потому что потомъ вы ни за что не разберетесь, которая чья.

Онъ осторожно раскрылъ мѣшокъ и вытащилъ своего плѣнника; «Сатану» тоже выпустили изъ заключенія и обѣихъ животныхъ старательно сравнили.

— Они похожи другъ на друга, какъ два куска угля,—медленно проговорилъ Сэмъ. Вотъ здорово-то мы надуемъ старика! Я разскажу про это подшкиперу, онъ будетъ доволенъ.

— Нечего сказать, хороши мы будемъ, если попка не сдохнетъ,—не унимался все тотъ же щепетильный пессимистъ, продолжая развивать полюбившуюся ему тему. Весь хлѣбъ испорченъ, и двѣ кошки на суднѣ!

— Не слушай, что онъ болтаетъ,—сказалъ Сэмъ,—ты прямо-таки молодецъ! Я сейчасъ проверчу нѣсколько дырокъ въ крышкѣ сундука юнги и засажу туда «Сатану». Вѣдь тебѣ все равно, Билли?

— Разумѣется, все равно, — отвѣтили за юнгу остальные матросы.

Уладивъ такимъ образомъ дѣло къ общему удовольствію, Сэмъ вооружился буравчикомъ и приготовилъ сундукъ къ принятію его новаго обитателя, который, будучи твердо убѣжденъ въ томъ, что его удаляютъ, чтобы дать мѣсто недостойному сопернику, проявилъ самое яростное стремленіе вернуть себѣ свободу.

— Теперь положите что-нибудь тяжелое на крышку,—сказалъ Сэмъ, убѣдившись, что замокъ сломанъ. Ты же, Билли, посади новую кошку въ ящикъ, покуда мы не выйдемъ въ море, а то она скучаетъ по дому.

Замѣститель содержался въ строжайшемъ заключеніи, пока они не вышли изъ Лаймгоуза, когда появился на палубѣ и едва не покончилъ тутъ же свое земное странствіе, пытаясь перепрыгнуть черезъ бульваркъ въ ближайшій садъ. Нѣкоторое время онъ бѣгалъ по палубѣ самымъ безтолковымъ образомъ, потомъ вскочилъ на корму и жалобно замяукалъ, видя, какъ его родной городъ исчезалъ на его глазахъ все дальше и дальше

— Что̀ случилось со старикомъ «Сатаной?»—спросилъ подшкиперъ, посвященный въ тайну экипажа. У него что-то есть на умѣ.

— У него скоро будетъ что-то на шеѣ,—сердито сказалъ капитанъ. Пророчество это сбылось часа три позднѣе, когда онъ поднялся на палубу, съ видомъ, полнымъ раскаянія, разсматривая останки птицы, чей лексиконъ былъ когда-то гордостью ея родного города. Онъ молча бросилъ ее за бортъ. потомъ схватилъ невинную кошку. слѣдовавшую за нимъ въ полной увѣренности, что дѣло идетъ объ ея завтракѣ, вытащилъ полъ-кирпича и веревку, и навязалъ ей на шею. Экипажъ, наблюдавшій за всѣмъ этимъ съ безконечнымъ наслажденіемъ, поднялъ ропотъ неудовольствія.

— На «Жаворонкѣ» никогда не будетъ другой такой кошки, сэръ,—торжественно сказалъ Сэмъ. Она приносила счастіе нашему судну.

— Я не нуждаюсь въ вашихъ бабьихъ розсказняхъ!—грубо перебилъ его капитанъ. Если вамъ нужна кошка, ловите ее.

Съ этими словами онъ размахнулся и швырнулъ бѣднаго иностранца за бортъ. Послышался глухой всплескъ, два или три пузыря показалось на поверхности воды, и все было кончено.

— Теперь конецъ этому,—сказалъ онъ, поворачиваясь, чтобы уйти.

Старый Сэмъ покачалъ головой: «Вы не можете безнаказанно убить черную кошку, сэръ, попомните мое слово!»

Капитанъ сильно взбѣшенный въ эту минуту, не обратилъ на эти слова особеннаго вниманія, но тѣмъ живѣе припомнились они ему на слѣдующій день.

Вѣтеръ къ ночи засвѣжѣлъ, и дождь полилъ потоками. Экипажъ дрогъ на палубѣ, кутаясь въ дождевики, между

Digitized by Google

тѣмъ, какъ внизу юнга въ своей новой роли тюремщика старался угодить своему неблагодарному арестанту, — какъ вдругъ поваръ, случайно проходившій по близости, окаменѣлъ отъ ужаса, увидѣвъ, что кошка вылетѣла изъ жилой палубы. Она легко избѣжала бѣшеной погони юнги, понесшагося вслѣдъ за нею по лѣстницѣ, и спокойно направилась по палубѣ по направленію къ каютѣ. Но въ ту минуту, когда экипажъ счелъ ее безвозратно погибшей, она наткнулась на Сэма, и въ слѣдующее мгновеніе, вопреки ея крикамъ, была схвачена и запрятана подъ его жесткій и намокшій дождевикъ. Услышавъ весь этотъ шумъ, капитанъ, разговаривавшій въ это время съ подшкиперомъ, подскочилъ, точно отъ электрическаго удара и дико оглядѣлся вокругъ.

— Дикъ,—сказалъ онъ,—вы слышите кошку?

— Кошку?—спросилъ подшкиперъ тономъ глубокаго изумленія.

— Мнѣ послышался кошачій голосъ,—сказалъ потрясенный капитанъ.

— Это ваше воображеніе, сэръ, — твердо отвѣтилъ Дикъ, когда новое, ужасающее по своей ярости мяуканье раздалось изъ-подъ плаща Сэма.

— Слышишь ты, Сэмъ?—спросилъ капитанъ, когда старикъ собрался уходить.

— Слышу что̀, сэръ?— почтительно освѣдомился Сэмъ, не оборачиваясь.

— Ничего, — сказалъ капитанъ, овладѣвъ собою. Ничего. Ладно!

Старикъ, едва вѣря такому счастливому случаю, отправился дальше и, улучивъ удобную минуту, передалъ юнгѣ свою неблагодарную ношу.

— Вамъ, кажется, сейчасъ послышалось мяуканье?—мимоходомъ освѣдомился подшкиперъ.

— Да, между нами будь сказано, Дикъ,—таинственно отвѣтилъ капитанъ,—я слышалъ мяуканье, и это не было мое воображеніе. Я слышалъ эту кошку такъ же ясно, какъ если бы она была жива.

— Да, мнѣ случалось слышать о такихъ вещахъ,— отвѣчалъ Дикъ,— только я имъ не вѣрю. Вотъ потѣха-то будетъ, если старая кошка вскарабкается этой ночью изъ моря по кузову, таща свой кирпичъ на шеѣ!

Капитанъ смотрѣлъ на него нѣсколько времени молча.

— Если вы такъ представляете себѣ потѣху,—сказалъ онъ, наконецъ, голосомъ, выдававшимъ слѣды нѣкотораго волненія,—то я не раздѣляю вашего вкуса.

— Если вы снова ее услышите, — участливо сказалъ подшкиперъ,—вы дайте мнѣ знать. Меня такія вещи всегда интересовали.

Капитанъ, не слыша ничего болѣе въ этотъ день, постарался увѣрить себя, что онъ былъ жертвой галлюцинаціи, но, тѣмъ не менѣе, стоя ночью у штурвала, онъ былъ весьма доволенъ тому товарищескому чувству, которое выказывалъ къ нему часовой на бакѣ.

Со своей стороны часовой былъ очарованъ необычной любезностью капитана, который два или три раза громогласно извѣщалъ его о вещахъ, имѣющихъ лишь весьма отдаленное отношеніе къ ходу судна.

Пасмурная ночь стала немного проясняться, и блестящій серпъ луны показался надъ мрачной грядою облаковъ, когда кошка умудрилась, наконецъ, выбраться изъ проклятаго сундука, употребивъ вмѣсто рычага свою собственную спину. Она тщательно вымыла свои стройные члены и вышла погулять на палубу. Послѣ ея душной тюрьмы свѣжій воздухъ былъ прямо восхитителенъ.

— Бобъ!—внезапно заоралъ капитанъ.

— Есть, сэръ, — отвѣтилъ часовой испуганнымъ голосомъ.

— Это ты сейчасъ мяукалъ?—спросилъ капитанъ.

— Я сейчасъ что? сэръ?—воскликнулъ изумленный Бобъ.

— Мяукалъ, какъ кошка? — строго спросилъ капитанъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, сэръ,—отвѣчалъ обиженный матросъ. Зачѣмъ бы мнѣ это дѣлать?

— Я не знаю зачѣмъ,—отвѣтилъ капитанъ, тревожно озираясь. Кажется, дождь опять начинается, Бобъ?

— Есть, сэръ,—отвѣчалъ Бобъ.

— Дьявольски много дождей было этимъ лѣтомъ, — продолжалъ мечтательно орать капитанъ.

— Есть, сэръ,—отвѣчалъ Бобъ. Парусникъ съ бокборда, сэръ.

Разговоръ прервался на этомъ, ибо капитанъ, радуясь этой новой диверсіи для своихъ мыслей, принялся наблюдать темную масу парусовъ, вынырнувшую изъ мрака на лунный свѣтъ, пока она не поровнялась съ его собственнымъ судномъ. Онъ продолжалъ слѣдить за нимъ глазами, пока судно проходило мимо него, такъ что не могъ замѣтить неслышнаго приближенія кошки, которая подошла съ юта и усѣлась въ двухъ шагахъ отъ него. Въ теченіе тридцати часовъ несчастное животное подвергалось жесточайшимъ оскорбленіямъ, отъ рукъ каждаго изъ людей экипажа, кромѣ одного человѣка, а именно капитана, и все послѣдующее поведеніе кошки явилось несомнѣннымъ доказательствомъ признанія ею этого факта. Она встала на ноги и, подойдя къ ничего не подозрѣвавшему капитану, нѣжно и энергично принялась тереться головой объ его ногу.

Простыя причины порождаютъ великія событія. Капитанъ отскочилъ на три сажени и издалъ крикъ, сильно заинтриговавшій людей на проходившей мимо баркѣ. Когда Бобъ добрался до него, онъ стоялъ, прислонившись къ борту, не въ силахъ говорить и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Что-нибудь случилось, сэръ?— тревожно спросилъ матросъ, подбѣгая къ штурвалу.

Капитанъ немного пришелъ въ себя и приблизился къ своему компаньону.

— Хочешь вѣрь мнѣ, хочешь нѣтъ, Бобъ,—сказалъ онъ, наконецъ, дрожащимъ голосомъ, — только тѣнь этой... кошки... я хочу сказать, тѣнь этого несчастнаго и добраго животнаго, которое я утопилъ (мнѣ бы отъ души хотѣлось, чтобы я этого не дѣлалъ!) подошла ко мнѣ и потерлась о мою ногу.

— Объ которую ногу? — спросилъ обстоятельный Бобъ.

— На кой чортъ тебѣ знать, объ которую? — спросилъ капитанъ, чьи нервы были въ ужасномъ состояніи. Ай, гляди—гляди сюда!

Матросъ взглянулъ по направленію его протянутаго пальца, и сердце его упало, когда онъ увидалъ кошку, которая, выгнувъ спину дугой, деликатно прогуливалась вдоль корабля.

— Я ничего не вижу,—сказалъ онъ со злостью.

— Я и не думаю, что ты можешь видѣть, Бобъ,—меланхолично отвѣтилъ капитанъ,—когда кошка исчезла на баркѣ; это ясно, что она является только для меня. Что̀ это значитъ, я не знаю. А теперь я пойду вздремну, я не гожусь теперь на работу. Ты не боишься остаться одинъ, пока не придетъ подшкиперъ?

— Я не боюсь,—отвѣтилъ Бобъ.

Его начальникъ спустился внизъ и, растолкавъ соннаго подшкипера, энергично протестовавшаго противъ такой моды, объяснилъ ему дрожащимъ голосомъ всѣ свои ужасающія приключенія.

— Если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ...—началъ подшкиперъ.

— Ну,—спросилъ капитанъ, выждавъ немного. Потомъ онъ снова и очень грубо тряхнулъ его.

— Что̀ вы хотѣли сказать?— спросилъ онъ.

— Сказать?—спросилъ подшкиперъ, протирая глаза. Ничего!

— По поводу кошки?— напомнилъ капитанъ.

— Кошки?—спросилъ подшкиперъ, уютно завертываясь въ одѣяло. Ка-кой ко-ошки... доброй но-очи.

Digitized by Google

Тутъ капитанъ вырвалъ простыню и одѣяло изъ рукъ соннаго подшкипера и, катая его взадъ и впередъ по койкѣ, терпѣливо принялся объяснять ему, что ему ужасно нездоровится, что онъ пойдетъ выпить глотокъ виски и попытается заснуть, а что онъ, подшкиперъ, долженъ замѣнить его на вахтѣ.

— Глотните и вы, Дикъ,—сказалъ капитанъ, подавая ему бутылку съ виски, пока тотъ мрачно одѣвался.

— Она совсѣмъ испортилась,—сказалъ подшкиперъ, медленно пропуская жидкость въ горло,—и потомъ, все это ни къ чему! Вы не можете убѣжать отъ привидѣнія; оно такъ же легко заберется въ вашу постель, какъ и во всякое другое мѣсто. Покойной ночи.

Онъ вышелъ, предоставивъ капитану размышлять надъ этими словами, сомнительно поглядывая на только-что упомянутую принадлежность для спанья. Онъ не легъ, покуда не подвергнулъ ее самому тщательному и всестороннему анализу; потомъ, не гася лампы, онъ рѣшительно вскочилъ на нее и забылъ въ крѣпкомъ снѣ всѣ свои тревоги. Когда онъ проснулся, былъ уже бѣлый день, и, поднявшись на палубу, онъ увидѣлъ, что волненіе очень усилилось, и шкуна, ныряя съ волны на волну, несла только самые необходимые паруса, чтобы идти по вѣтру. Восклицаніе капитана, котораго неожиданно окатила массой пѣны налетѣвшая на бортъ волна, заставило обернуться подшкипера.

— Что это, неужто вы собрались вставать?—спросилъ онъ съ неискреннимъ удивленіемъ.

— А почему же нѣтъ? — ворчливо спросилъ капитанъ.

— Лучше подите опять внизъ и лягьте,—сказалъ подшкиперъ,—да выпейте чашку хорошаго чаю съ хлѣбомъ.

— Дорогу!—сказалъ капитанъ, налетѣвъ на штурвалъ и ухвативъ его, когда наклонъ мокрой палубы неожиданно и рѣзко измѣнился.

— Я знаю, что вы не любите, чтобы васъ будили, Дикъ, но этой ночью со мной приключились такіе ужасы!.. Подите и усните.

— Ладно,—сказалъ смягченный подшкиперъ.

— Вы ничего не видѣли?—спросилъ капитанъ, принимая отъ него штурвалъ.

— Рѣшительно ничего, — отвѣтилъ подшкиперъ.

Капитанъ задумчиво покачалъ головой, потомъ тряхнулъ ею снова, но ужъ весьма энергично, когда вторая волна привѣтствовала его новымъ душемъ.

— Я раскаиваюсь, что утопилъ эту кошку, Дикъ,—сказалъ онъ.

— Вы больше ея не увидите,—отвѣтилъ Дикъ, съ увѣренностью человѣка, принявшаго всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы его пророчество оказалось справедливымъ.

Онъ спустился внизъ, оставивъ капитана наблюдать, стоя у штурвала, какъ поваръ совершалъ чудеса ловкости, перенося завтракъ экипажа изъ камбуза въ жилую палубу.

Немного спустя онъ и самъ спустился внизъ, поставивъ за себя Сэма, и принялся за свой завтракъ, съ убѣжденіемъ повѣствуя о событіяхъ минувшей ночи повару, терзаемому угрызеніями совѣсти.

— Я не думаю, чтобы вы ее опять когда-нибудь увидали, сэръ,—сказалъ онъ смущенно.—Я думаю, она приходила и терлась о вашу ногу, чтобы показать, что она васъ простила.

— Въ такомъ случаѣ, я надѣюсь, ей теперь ясно, что я ее понялъ,—возразилъ капитанъ.—Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы она себя еще безпокоила изъ-за этого.

Онъ молча окончилъ завтракъ и опять поднялся на палубу. Вѣтеръ все свѣжѣлъ, и онъ пошелъ приглядѣть за матросами, старавшимися закрѣпить нѣсколько пустыхъ ящиковъ, катавшихся теперь по всѣмъ направленіямъ по палубѣ. Неожиданный нырокъ судна вернулъ имъ снова свободу и въ то же время сорвалъ съ мѣста два сундука, стоявшихъ одинъ

Digitized by Google

на другомъ въ жилой палубѣ. Это освободило «Сатану», сидѣвшаго скорчившись въ нижнемъ сундукѣ, и онъ вылетѣлъ на палубу, обезумѣвъ отъ ужаса, и далъ полную волю обуревавшимъ его чувствамъ. Три раза на глазахъ у перепуганнаго капитана облетѣлъ онъ полнымъ галопомъ вокругъ всей палубы и собрался начинать эту скачку снова, какъ вдругъ тяжелый ящикъ, покинутый въ попыхахъ перепуганными матросами, налетѣлъ на него и придавилъ ему хвостъ. Сэмъ бросился на выручку.

— Стой!—заоралъ капитанъ.

— Развѣ не надо его поправить, серъ?—освѣдомился Сэмъ.

— Ты видишь, что подъ нимъ?—хрипло спросилъ капитанъ.

— Подъ нимъ, сэръ?—сказалъ Сэмъ, чувствуя, что его мысли путаются.

— Кошка! Развѣ ты не видишь кошки?—закричалъ капитанъ, не отрывавшій глазъ отъ животнаго съ первой минуты его появленія.

Сэмъ минуту заколебался, потомъ покачалъ головой.

— Ящикъ придавилъ кошку,—продолжалъ капитанъ,—я прекрасно ее вижу.

Онъ могъ бы прибавить, что также хорошо слышитъ ее, ибо «Сатана» издавалъ отчаянные крики, призывая на помощь своихъ друзей.

— Позвольте мнѣ убрать ящикъ, сэръ,—предложилъ одинъ изъ матросовъ.—Тогда, можетъ быть, видѣніе исчезнетъ.

— Нѣтъ, стойте всѣ по мѣстамъ!—отвѣтилъ капитанъ.—Я легче выношу это днемъ. Это самая необыкновенная вещь, какую я когда-либо видѣлъ. Ты говоришь, что ничего не видишь, Сэмъ?

— Я вижу ящикъ, сэръ!—отвѣтилъ Сэмъ медленно и добросовѣстно.—Вижу также кусокъ ржаваго желѣзнаго обруча, что торчитъ сбоку. Можетъ быть, вы его и принимаете за кошку, сэръ?

— Ты ничего не видишь, кокъ?—спросилъ снова капитанъ.

— Можетъ, мнѣ кажется, сэръ,—пробормоталъ поваръ, опуская глаза,—но я вижу какую-то маленькую темную штучку. Ахъ, вотъ теперь она пропала!

— Нѣтъ, не пропала!—отвѣтилъ капитанъ.—Тѣнь «Сатаны» все еще сидитъ тамъ. Кажется, какъ будто ящикъ прищемилъ ему хвостъ. Кажется, какъ будто онъ ужасно оретъ.

Матросы сдѣлали отчаянное усиліе, чтобы выразить на своихъ лицахъ изумленіе, подобающее такому чуду, между тѣмъ какъ «Сатана», пытаясь всячески высвободить свой хвостъ, ругался, не стѣсняясь. Какъ долго суевѣрный капитанъ «Жаворонка» оставилъ бы его въ этомъ положеніи, останется навѣки покрытымъ мракомъ неизвѣстности, какъ вдругъ на палубѣ показался подшкиперъ и увидѣлъ всю эту картину, прежде чѣмъ сообразилъ, какую роль ему предназначено играть въ этой драмѣ.

— Какого чорта вы ждете и не освобождаете бѣдное животное?—закричалъ онъ, направляясь бѣгомъ къ ящику.

— Какъ, и вы его видите, Дикъ?—съ чувствомъ спросилъ капитанъ, кладя руку на рукавъ подшкипера.

— Вижу ли?—возмутился подшкиперъ.—Что вы думаете, я ослѣпъ? Да вы послушайте, какъ оретъ этотъ несчастный звѣрь! Я его... О!

Онъ внезапно замѣтилъ направленные на него взоры всего экипажа. «Идіотъ!» единодушно говорили пять паръ этихъ глазъ, выраженіе же глазъ юнги не поддавалось описанію.

Обернувшійся капитанъ тоже замѣтилъ эту нѣмую сцену, и въ головѣ его неожиданно просвѣтлѣло. Но онъ хотѣлъ бо̀льшаго и неожиданно набросился на повара, требуя немедленнаго отвѣта.

Поваръ сказалъ, что это жаворонокъ, потомъ поправился и сказалъ, что это не жаворонокъ, потомъ поправился еще неудачнѣе и, наконецъ, совсѣмъ спутался. Капитанъ не спускалъ съ него окаменяющаго взгляда,

Digitized by Google

между тѣмъ какъ подшкиперъ освободилъ кошку и добросердечно помогъ ей расправить хвостъ.

Добрыхъ пять минутъ прошли въ неохотныхъ разъясненіяхъ, прежде чѣмъ капитанъ сообразилъ всю суть дѣла. Но вполнѣ постигъ онъ все приключеніе, лишь самолично увидѣвъ сундукъ Билли съ приспособленіями для вентиляціи. Тогда лицо его просвѣтлѣло и, схвативъ злополучнаго Билли за шиворотъ, онъ строго потребовалъ кусокъ веревки. Этимъ глубоко-дипломатическимъ шагомъ былъ блестяще разрѣшенъ трудный и деликатный вопросъ, дисциплина спасена, и преподанъ практическій урокъ неопытному юношѣ относительно опасностей, связанныхъ со всякимъ уклоненіемъ отъ истины, тѣмъ болѣе, что данный юноша былъ въ возрастѣ, наиболѣе подходящемъ къ такого рода внушеніямъ. Что онъ вслѣдствіе этого истощилъ всѣ рессурсы юнаго, но уже выразительнаго языка, обращаясь ко всему экипажу вообще и къ Сэму въ частности,—этого слѣдовало ожидать, никто за это не былъ на него въ претензіи, но когда онъ началъ проявлять способности, чрезмѣрныя въ его возрастѣ, тогда по общему соглашенію ему замазали ротъ шестипенсовой монетой и сломаннымъ перочиннымъ ножемъ.

Digitized by Google

На третій день, Джударъ опять пошелъ къ озеру; и не успѣлъ онъ подойти къ берегу, какъ явился третій мограбинъ, удивительно похожій на двухъ первыхъ, но еще болѣе роскошно одѣтый и на еще болѣе великолѣпно убранномъ мулѣ; а позади его, съ каждой стороны, было по сумкѣ, и въ сумкахъ по хрустальному сосуду съ крышкой. Онъ подошелъ къ Джудару и сказалъ ему:—Привѣтъ тебѣ, о Джударъ, сынъ Омара!—Тотъ отвѣтилъ ему тѣмъ же и подумалъ:—Какъ это они всѣ знаютъ меня и мое имя?—А мограбинъ спросилъ его...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четырееста сорокъ вторая ночь,

она сказала:

...Мограбинъ спросилъ:—Не видалъ ли ты здѣсь мограбиновъ? — Онъ отвѣтилъ:—Двухъ!—Тотъ спросилъ: — Куда же они поѣхали?—Онъ отвѣтилъ:— Я связалъ имъ руки и бросилъ ихъ въ озеро, гдѣ они и утонули. Если тебѣ нравится ихъ участь, то я могу и тебѣ оказать такую же услугу!—При этихъ словахъ мограбинъ разсмѣялся и сказалъ: — О бѣднякъ, развѣ ты не знаешь, что предѣлъ каждой жизни предназначенъ заранѣе?—И, сойдя съ мула, онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ:—О Джударъ, я желаю, чтобы ты и со мной поступилъ такъ же, какъ съ ними!—И вытащилъ онъ изъ сумки толстые шелковые шнурки и отдалъ ему. Джударъ же сказалъ ему:—Такъ протяни руки, чтобы я могъ связать ихъ у тебя за спиною; но не мѣшкай, потому что мнѣ нѐкогда, я тороплюсь! Впрочемъ, я хорошо знаю это ремесло, и ты можешь довѣрять мнѣ: я превосходно топлю людей!—Тогда мограбинъ далъ связать себя. Джударъ скрутилъ ему руки за спину, приподнялъ его, бросилъ въ воду и видѣлъ, какъ онъ пошелъ ко дну. Потомъ, прежде, нежели увести мула, сталъ ждать, чтобы ноги мограбина появились надъ водою; но, къ своему крайнему удивленію, онъ увидѣлъ не ноги, а обѣ руки, а затѣмъ и голову мограбина, который кричалъ ему:—Я не умѣю плавать! Вылови меня, бѣднякъ, своею сѣтью!—Джударъ бросилъ на него сѣть, и ему удалось вытащить его на берегъ. Тогда замѣтилъ онъ у него въ каждой рукѣ по рыбѣ, красной, какъ кораллъ. Мограбинъ поспѣшилъ къ своему мулу, взялъ стеклянные сосуды, посадилъ въ каждый по рыбѣ, закрылъ сосудъ крышками и заткнулъ ихъ обратно въ сумки. Устроивъ все это, онъ вернулся къ Джудару, заключилъ его въ свои объятія и принялся цѣловать его въ правую и лѣвую щеку съ большою сердечностью. И сказалъ ему: — Клянусь Аллахомъ! Безъ тебя я лишился бы жизни и не могъ бы поймать этихъ двухъ рыбъ!

Вотъ все о нихъ!

Джударъ стоялъ и не двигался отъ удивленія и, наконецъ, сказалъ ему: — Клянусь Аллахомъ, господинъ пилигримъ, если ты въ самомъ дѣлѣ полагаешь, что я при чемъ-нибудь въ твоемъ спасеніи и въ уловленіи этихъ рыбинъ, то, вмѣсто всякихъ изъявленій благодарности, поспѣши разсказать мнѣ, что̀ знаешь о двухъ утонувшихъ мограбинахъ, скажи всю правду объ этихъ рыбинахъ и о евреѣ Шамайѣ, торгующемъ на базарѣ! — Тогда мограбинъ сказалъ:—О Джударъ, знай, что утонувшіе мограбины—мои родные братья; одного звали Абдъ-аль-Саламъ, а другого — Абдъ-аль-Ахадъ. Меня же зовутъ Абдъ-аль-Самадъ. Тотъ, кого ты почитаешь евреемъ, вовсе не еврей, а настоящій мусульманинъ, имя его Абдъ-аль-Рахимъ, и онъ также братъ мнѣ. Отецъ же нашъ, котораго звали Абдъ-аль-Вадудъ, былъ великимъ ча-

Digitized by Google

родѣемъ и глубоко изучилъ всѣ тайныя науки; онъ научилъ насъ, четырехъ сыновей своихъ, волшебству, колдовству и искусству открывать самые сокровенные клады. Поэтому мы усердно изучали эти науки и достигли такой степени знанія, что въ концѣ концовъ подчинили себѣ джиновъ, маредовъ и эфритовъ.

Послѣ смерти отца нашего намъ достались большія имѣнія и громадныя богатства. Тогда мы честно раздѣлили богатства, разные талисманы и ученыя книги; но по поводу нѣкоторыхъ рукописей мы поспорили. Важнѣйшей изъ этихъ рукописей была «Лѣтописи Древнихъ»; это дѣйствительно неоцѣненная по своему значенію рукопись, за которую нельзя было бы заплатить даже равнымъ ея вѣсу количествомъ драгоцѣнныхъ камней! Дѣйствительно, въ ней находились точныя указанія относительно всѣхъ скрытыхъ въ нѣдрахъ земли сокровищъ и рѣшеніе загадокъ и таинственныхъ знаковъ. И именно въ этой рукописи отецъ нашъ почерпнулъ всѣ знанія, которыми онъ обладалъ.

Когда раздоръ начиналъ возгораться между нами, въ нашъ домъ вошелъ почтенный шейхъ, тотъ самый, который научилъ отца нашего волшебству и прозорливости. Этотъ шейхъ, котораго звали Когенъ—Глубочайшій, сказалъ намъ:—Принесите мнѣ эту книгу! — И принесли мы ему «Лѣтописи Древнихъ»; онъ взялъ ихъ и сказалъ намъ:—О дѣти мои, вы сыны моего сына, и я не могу отдать предпочтенія ни одному изъ васъ, въ ущербъ другому! Тотъ, кто желаетъ владѣть книгой, долженъ открыть сокровище, называемое Аль-Шамардаль, и принести мнѣ планетный кругъ, пузырекъ съ сурьмой, мечъ и печать! И это потому, что всѣ эти предметы заключены въ этомъ сокровищѣ. И свойства ихъ изумительны и необыкновены! Дѣйствительно, печать охраняется джиномъ, самое имя котораго страшно вымолвить; имя его: Эфритъ Гремящій Громъ! Человѣкъ, которому удалось бы овладѣть этой печатью, можетъ не бояться царей и султановъ; онъ можетъ, когда бы ни захотѣлъ, быть властителемъ земли вдоль и поперекъ. Мечъ! Кто обладаетъ имъ, можетъ, по желанію, уничтожать арміи однимъ его мановеніемъ: и это потому, что пламя и молніи исторгаются изъ него и обращаютъ всѣхъ воиновъ въ прахъ. Планетный кругъ! Тотъ, кто владѣетъ имъ, можетъ, по желанію, путешествовать по всѣмъ частямъ вселенной, не двигаясь съ мѣста, и посѣщать всѣ страны Востока и Запада! Для этого ему стоитъ только притронуться пальцемъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ хочетъ быть, и къ тѣмъ краямъ, которые онъ хочетъ посѣтить: кругъ начинаетъ вертѣться, и передъ глазами его проходитъ все интересное, что только есть въ тѣхъ краяхъ, и жители ихъ, какъ будто онъ стоитъ передъ ними. И если туземцы окажутся, порою, недостаточно гостепріимными, или приходится пожаловаться на пріемъ въ нѣкоторыхъ городахъ,—стоитъ только повернуть къ солнцу эти враждебныя мѣстности, и тотчасъ же становятся онѣ жертвою пламени и сгораютъ вмѣстѣ со всѣмъ своимъ населеніемъ. Что же касается до пузырька съ сурьмою, то если натереть вѣки содержащейся въ немъ сурьмою—немедленно увидишь всѣ сокрытыя въ нѣдрахъ земли сокровища! Вотъ! Во всякомъ случаѣ книга, по праву, будетъ принадлежать только тому, кто будетъ имѣть успѣхъ въ этомъ предпріятіи, а кому не удастся оно, тотъ лишается всякихъ правъ на книгу. Принимаете ли вы эти условія?—Мы отвѣчали:—Принимаемъ, о шейхъ нашего отца! Но мы ничего не знаемъ о сокровищѣ Шамардаль!—Тогда онъ сказалъ намъ: — Знайте дѣти мои, что сокровище Шамардаль находится...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

А когда наступила

четырееста сорокъ третья ночь,

она сказала:

...Знайте, дѣти мои, что сокровище Шамардаль находится во власти двухъ сыновей Краснаго царя. Въ былое время, вашъ отецъ пытался овладѣть этимъ сокровищемъ; но для того, чтобы открыть его, нужно было сперва овладѣть сыновьями Краснаго царя. Но въ ту минуту, какъ отецъ вашъ готовъ былъ уже схватить ихъ, они вырвались отъ него и превратились въ красныхъ рыбъ, бросились въ находящееся близъ Каира озеро Карунъ, но такъ какъ и озеро это заколдовано, отецъ вашъ, не смотря на всѣ свои усилія, не могъ изловить этихъ рыбъ. Послѣ этого онъ пришелъ ко мнѣ и жаловался на свою неудачную попытку. Я же тотчасъ занялся астрологическими вычисленіями и сталъ гадать; и узналъ я, что это сокровище Шамардаль можетъ быть открыто лишь при содѣйствіи молодого человѣка изъ Каира, по имени Джударъ, сына Омара, рыбака по ремеслу. Этого Джудара можно встрѣтить на берегу озера Карунъ. И чары съ этого озера могутъ быть сняты только этимъ Джударомъ, который долженъ связать руки того, которому судьба велитъ опуститься въ это озеро; и долженъ онъ бросить его въ воду. И тотъ, кого бросятъ, должеяъ бороться съ обоими сыновьями Краснаго царя; и если суждено ему побѣдить и овладѣть ими, онъ не утонетъ, и рука его, прежде остального тѣла, покажется надъ водою. И вытащитъ его своего сѣтью Джударъ! Но тотъ, который погибнетъ, у того покажутся сперва ноги, и его слѣдуетъ покинуть!

Услышавъ такія слова шейха Когена Глубочайшаго, мы отвѣчали: — Безъ сомнѣнія, мы хотимъ сдѣлать попытку, хотя бы цѣною жизни! Одинъ только братъ нашъ Абдъ-аль-Рахимъ не пожелалъ рисковать и сказалъ намъ: — Я не хочу!—Тогда мы уговорили его переодѣться еврейскимъ купцомъ и условились, что будемъ отсылать къ нему мула и сумку, чтобы онъ купилъ ихъ у рыбака въ томъ случаѣ, если мы погибнемъ во время попытки!

Тебѣ извѣстно, Джударъ, что́ случилось! Оба брата мои погибли въ озерѣ жертвами сыновей Краснаго царя! И я, въ свою очередь, когда ты бросилъ меня въ озеро, едва не погибъ въ борьбѣ съ ними; но, благодаря мысленному заклинанію, мнѣ удалось освободиться отъ путъ, снять чары съ озера и овладѣть обоими сыновьями Краснаго царя, которые и есть тѣ двѣ красныя, какъ кораллъ, рыбы, посаженныя мною, какъ ты видѣлъ, въ сосуды, заткнутые въ сумки. Эти волшебныя рыбы, сыновья Краснаго царя, просто два могучихъ эфрита; и теперь, овладѣвъ ими, я, наконецъ, могу открыть сокровище Шамардаль.

Но для этого необходимо, чтобы ты лично присутствовалъ, такъ какъ, по предсказанію Когена Глубочайшаго, дѣло не можетъ совершиться безъ тебя! О Джударъ, поѣдемъ же со мною въ Махребъ, въ мѣсто, лежащее невдалекѣ отъ Фаса и Микнаса, чтобы помочь мнѣ открыть сокровище Шамардаль! Я же дамъ тебѣ все, чего бы ты ни пожелалъ! И ты будешь на вѣки братомъ моимъ во Аллахѣ! И послѣ этого путешествія, ты вернешься въ кругъ своей семьи съ веселымъ сердцемъ!—На это Джударъ сказалъ ему: — О господинъ мой, у меня на шеѣ мать и двое братьевъ. Я кормлю ихъ! Если я уѣду съ тобою, кто же дастъ имъ хлѣбъ? — Мограбинъ отвѣчалъ: — Твой отказъ обличаетъ твою лѣность. Если дѣйствительно тебѣ мѣшаетъ ѣхать недостатокъ въ деньгахъ, то я могу дать тебѣ тысячу золотыхъ динаріевъ на расходы твоей матери во время твоего отсутствія, которое про-

Digitized by Google

длится не болѣе какихъ-нибудь четырехъ мѣсяцевъ! — Какъ только услышалъ Джударъ о тысячѣ динаріевъ, онъ тотчасъ же воскликнулъ:—Дай, о пилигримъ, эту тысячу динаріевъ,—я отнесу ее матери и поѣду съ тобою!— И мограбинъ тутъ же далъ ему тысячу динаріевъ, которые отнесъ онъ матери, говоря ей:—Возьми эту тысячи динаріевъ для себя и для братьевъ моихъ на ваши расходы, я же уѣзжаю съ однимъ мограбиномъ на четыре мѣсяца въ Махребъ. Ты же, о мать моя, молись за меня во время моего отсутствія, и буду я осыпанъ благодѣяніями за твое благословеніе! — Она отвѣчала на это: — О дитя мое, какъ тягостно будетъ для меня твое отсутствіе! И какъ боюсь я за тебя! — Онъ же сказалъ ей:—О мать моя, ничто не страшно для охраняемаго Аллахомъ. Къ тому же и мограбинъ очень честный человѣкъ! — И много хвалилъ онъ мограбина. Мать же сказала ему: — Да склонитъ Аллахъ къ тебѣ сердце этого добродѣтельнаго мограбина! Поѣзжай съ нимъ, сынъ мой. Быть можетъ, онъ щедро вознаградитъ тебя!— И Джударъ простился съ матерью и отправился къ мограбину.

Увидя его, мограбинъ спросилъ его: — Посовѣтовался ли ты съ матерью?—Онъ отвѣчалъ:

— Да, разумѣется! Она молится за меня и благословила меня.—Мограбинъ сказалъ ему:—Садись у меня за спиною!—И Джударъ сѣлъ за спиною его на мула и ѣхалъ такимъ образомъ отъ полудня до половины послѣполуденнаго времени. За время пути, Джударъ сильно проголодался...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста сорокъ четвертая ночь,

она сказала:

...За время пути Джударъ сильно проголодался. А такъ какъ въ сумкѣ не видно было провизіи, то онъ и сказалъ мограбину:—О господинъ мой пилигриммъ, ты, кажется, забылъ взять провизіи на дорогу!—Тотъ спросилъ:—А развѣ ты голоденъ?—Джударъ отвѣтилъ:—Э, уаллахъ! — Тогда мограбинъ остановилъ мула, слѣзъ съ него, и спутникъ его также, и сказалъ ему мограбинъ:—Принеси мнѣ сумку!—А когда Джударъ принесъ ему сумку, онъ спросилъ:—Чего желаетъ душа твоя, о братъ мой?—Тотъ отвѣтилъ:—Мнѣ все равно.—Мограбинъ сказалъ:—Именемъ Аллаха прошу тебя сказать: чего желалъ бы ты поѣсть?—Джударъ отвѣтилъ:—Хлѣба и сыра!— Мограбинъ улыбнулся и сказалъ:—О бѣднякъ, хлѣбъ и сыръ? Это, право, не соотвѣтствуетъ твоему званію! Спрашивай чего-нибудь превосходнаго!— А Джударъ отвѣчалъ:—Въ настоящую минуту все покажется мнѣ превосходнымъ!—Мограбинъ спросилъ:—Любишь ли ты жареныхъ цыплятъ?—Онъ отвѣтилъ:—Йа, Аллахъ! Да!—Тотъ спросилъ:—Любишь ли рисъ на меду?— Джударъ отвѣтилъ:—Очень!—Тотъ спросилъ:—А фаршированные бадиджаны? Птичьи головы съ томатами? А земляныя груши съ петрушкой, а колокасы? Баранью голову, жареную въ печи? А очищеный толченый и размоченный ячмень? Фаршированные виноградные листья? Пирожное? То-то и то-то?— И перечислилъ онъ такимъ образомъ двадцать четыре рода блюдъ, между тѣмъ какъ Джударъ думалъ про себя:—Не сошелъ ли онъ съ ума? Откуда же возьмутся всѣ эти кушанья, если здѣсь нѣтъ ни кухни, ни повара? Скажу ему, чтобы онъ пересталъ!—И сказалъ онъ мограбину:—Долго ли будешь ты манить меня этими разными блюдами и не показывать ни одного?— Но мограбинъ отвѣтилъ:—Добро пожаловать, Джударъ!—И, погрузивъ руку въ сумку, онъ вытащилъ изъ нея золотое блюдо съ двумя горячими жаре-

Digitized by Google

ными цыплятами; потомъ еще разъ погрузилъ руку и вынулъ золотое блюдо съ жаренымъ на вертелѣ ягнячьимъ мясомъ, и такъ далѣе, одно за другимъ, всѣ до одного двадцать четыре блюда, имъ перечисленныя.

Увидя все это, Джударъ остолбенѣлъ. А мограбинъ сказалъ ему:—Кушай, мой бѣдный другъ!—Джударъ же вскричалъ:—Аллахъ!. О господинъ мой пилигримъ, ты вѣрно помѣстилъ въ этой сумкѣ цѣлую кухню съ посудой и поварами!—Мограбинъ разсмѣялся и отвѣтилъ:—О Джударъ, это волшебная сумка! Ей служитъ эфритъ, который, если бы мы того пожелали, принесъ бы намъ сейчасъ же тысячу сирійскихъ блюдъ, тысячу египетскихъ, тысячу индійскихъ и тысячу китайскихъ!—И Джударъ воскликнулъ:—О, какая прекрасная сумка! Какія въ ней чудеса и какая роскошь!—Потомъ оба ѣли досыта и бросили остатки своего обѣда. И мограбинъ положилъ въ сумку золотыя блюда; потомъ погрузилъ руку въ другую сумку и вытащилъ изъ нея золотой кувшинъ со свѣжей и сладкой водой. И пили они и совершали омовенія, и прочитали послѣполуденную молитву, а потомъ положили кувшинъ въ сумку, рядомъ съ однимъ изъ стеклянныхъ сосудовъ, перекинули сумки на спину мула, сѣли на него и продолжали путь.

По прошествіи нѣкотораго времени, мограбинъ спросилъ у Джудара:—Знаешь ли, Джударъ, сколько мы проѣхали отъ Каира до этого мѣста?—Тотъ отвѣтилъ:—Клянусь Аллахомъ, не знаю!—Мограбинъ сказалъ:—Въ эти два часа мы проѣхали разстояніе, которое можно проѣхать развѣ въ мѣсяцъ!—Джударъ спросилъ:—Какъ же это?—Мограбинъ отвѣтилъ:—Знай, о Джударъ, что этотъ мулъ просто джинъ изъ джиновъ! Въ одинъ день онъ пробѣгаетъ обыкновенно разстояніе, на которое требуется годъ времени; но сегодня, чтобы тебя не утомить, онъ шелъ медленно, шагомъ!—Затѣмъ продолжали они путь свой къ Махребу; и каждый день, утромъ и ввечеру, сумка удовлетворяла всѣмъ ихъ потребностямъ; стоило Джудару пожелать какого-нибудь кушанья, хотя бы самаго сложнаго и необыкновеннаго, и оно сейчасъ же находилось въ сумкѣ, совсѣмъ готовое и поданное на золотомъ блюдѣ. И черезъ пять дней пріѣхали они въ Махребъ, а затѣмъ и въ города Фасъ и Микнасъ.

На улицахъ, каждый прохожій узнавалъ мограбина и привѣтствовалъ его или подходилъ поцѣловать у него руку, и такъ до тѣхъ поръ, когда подъѣхали къ дому, у котораго мограбинъ остановился и постучался. И дверь тотчасъ же отворилась, а на порогѣ появилась молодая дѣвушка, прекрасная, какъ луна, и стройная, какъ газель, изнемогающая отъ жажды. Она привѣтствовала путниковъ улыбкой, а мограбинъ отечески сказалъ ей:—О Рахма, дочь моя, поспѣши открыть намъ двери большой залы дворца!—А молодая Рахма отвѣтила:—Клянусь головою и глазомъ!—И повела ихъ по дворцу, покачивая бедрами. И у Джудара закружилась голова отъ удивленія, и сказалъ онъ себѣ:—Эта дѣвушка несомнѣнно дочь какого-нибудь царя!

Мограбинъ же прежде всего снялъ сумки со спины мула и сказалъ ему:—О мулъ, возвратись туда, откуда пришелъ! И да благословитъ тебя Аллахъ!—И внезапно раскрылась земля и, принявъ мула въ свои нѣдра, тотчасъ же сомкнулась надъ нимъ. А Джударъ воскликнулъ:—О помощникъ и покровитель! Слава Аллаху, избавившему и охранившему насъ отъ этого, въ то время какъ мы сидѣли на спинѣ этого мула!—Мограбинъ же сказалъ ему:—Почему же это удивляетъ тебя, о Джударъ? Развѣ я не предупреждалъ тебя, что этотъ мулъ джинъ изъ эфритовъ? Но идемъ скорѣе во дворецъ и поднимемся въ большую залу!—Послѣ этого и послѣдовали они за молодою дѣвицею.

Когда Джударъ вошелъ во дворецъ, его ослѣпило...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

А когда наступила

четыреста сорокъ пятая ночь,

она сказала:

... Когда Джударъ вошелъ во дворецъ, его ослѣпило необыкновенно богатое убранство, красота серебряныхъ люстръ, золотыхъ лампъ и множества драгоцѣнныхъ камней и металловъ. Они усѣлись на коврѣ, и мограбинъ сказалъ дочери: — Йа-Рахма, иди скорѣй и принеси намъ извѣстный тебѣ шелковый свертокъ! — И молодая дѣвица побѣжала, принесла свертокъ и подала отцу, который развернулъ его, вынулъ одѣяніе, стоившее по меньшей мѣрѣ тысячу динаріевъ, и, подавая его Джудару, сказалъ:—Надѣнь его, Джударъ, и будь моимъ желаннымъ гостемъ!—И Джударъ надѣлъ это платье и былъ въ немъ такъ великолѣпенъ, что уподобился какому-нибудь царю изъ царей западныхъ арабовъ!

Послѣ этого, мограбинъ, державшій сумку передъ собою, погрузилъ въ нее руку и вынулъ множество блюдъ, которыя и разставилъ на постланной молодою дѣвушкою скатерти, и остановился лишь тогда, когда уставилъ сорокъ блюдъ разнаго цвѣта и съ различными яствами. Потомъ сказалъ онъ Джудару:—Протяни руку и кушай, о господинъ мой, и извини, что подаемъ тебѣ такую малость, но мы еще не знаемъ твоихъ вкусовъ и предпочтеній! Тебѣ стоитъ только сказать намъ, что̀ ты любишь и чего желаетъ душа твоя, и мы безъ промедленія доставимъ все это!—Джударъ отвѣтилъ:—Клянусь Аллахомъ, о господинъ мой пилигримъ, я люблю всѣ яства безъ исключенія и не питаю отвращенія ни къ одному! Не спрашивай же меня о моихъ вкусахъ и приноси мнѣ все, что̀ вздумаешь! Я же умѣю только ѣсть! И ѣду люблю больше всего на свѣтѣ! Я хорошій ѣдокъ! Вотъ посмотри!—И онъ плотно покушалъ въ этотъ вечеръ и во всѣ слѣдующіе дни, хотя никакихъ признаковъ кухни не замѣчалось въ этомъ домѣ. Мограбину стоило только погрузить руку въ сумку, задумавъ какое-нибудь кушанье, и тотчасъ же вынималъ онъ его изъ сумки на золотомъ блюдѣ. Такъ было и съ плодами, и съ пирожнымъ. Такъ жилъ Джударъ во дворцѣ мограбина двадцать дней, перемѣняя одѣяніе каждое утро; и одно одѣяніе было великолѣпнѣе другого.

Утромъ двадцать перваго дня, мограбинъ пришелъ къ нему и сказалъ:—Вставай, Джударъ! Сегодня—день, назначенный для раскрытія сокровища Шамардаль!—И всталъ Джударъ и вышелъ вмѣстѣ съ мограбиномъ. Когда же вышли они за городскія стѣны, вдругъ явилось два мула, на которыхъ они сѣли, и два невольника негра, которые пошли за мулами. Ѣхали они такъ до полудня, когда прибыли къ берегамъ рѣки; мограбинъ слѣзъ съ мула и сказалъ Джудару:—Слѣзай!—И когда онъ слѣзъ, то мограбинъ подалъ знакъ неграмъ, говоря:—Ступайте!:—И тотчасъ же негры увели муловъ, которые исчезли, сами же они вернулись на берегъ, неся палатку, ковры и подушки. И поставили они палатку и убрали ее коврами, а подушки разложили вокругъ. Затѣмъ принесли они оба сосуда, въ которыхъ были заключены рыбы коралловаго цвѣта, постлали скатерть и, вынувъ изъ мѣшка обѣдъ въ двадцать четыре блюда, поставили его и исчезли.

Тогда мограбинъ всталъ, поставилъ сосуды на скамеечку и принялся шептать магическія слова и заклинанія до тѣхъ поръ, пока рыбы не закричали изъ своихъ сосудовъ:—Мы здѣсь! О государь нашъ волшебникъ, сжалься надъ нами!—И продолжали они умолять его все время, пока онъ произносилъ заклинанія. И вдругъ оба сосуда лопнули и одновременно разлетѣлись въ куски, между тѣмъ какъ передъ мограбиномъ явилось два

Digitized by Google

существа, смиренно складывавшія руки и говорившія:—Охрани и прости насъ, о могущественный прозорливецъ! Что̀ намѣреваешься ты сдѣлать съ нами?— Онъ отвѣтилъ имъ: — Я намѣренъ задушить васъ, сжечь, если только вы не обѣщаете мнѣ открыть сокровище Шамардаль!—Они же сказали:—Обѣщаемъ тебѣ это! Откроемъ тебѣ сокровище! Но непремѣнно нужно привести сюда каирскаго рыбака Джудара, такъ какъ въ Книгѣ судебъ написано, что сокровище можетъ быть открыто лишь въ его присутствіи. Никто не можетъ войти въ то мѣсто, гдѣ оно находится, кромѣ Джудара, сына Омара!—Онъ отвѣтилъ:—Того, о комъ вы говорите, я уже привелъ сюда! Вотъ онъ! Онъ слышитъ и видитъ васъ!—И оба существа внимательно посмотрѣли на Джудара и сказали:—Теперь нѣтъ никакихъ препятствій! Можешь положиться на насъ! Клянемся тебѣ самымъ Именемъ!—Поэтому мограбинъ позволилъ имъ идти туда, куда они должны были идти. И исчезли они въ водахъ потока.

Тогда мограбинъ взялъ длинный и пустой тростникъ, на который положилъ двѣ сердоликовыя пластинки; на эти пластинки поставилъ онъ золотую курильницу, наполненную углями, и дунулъ на нихъ одинъ разъ. И сейчасъ же загорѣлся уголь и раскалился. Мограбинъ посыпалъ ладану на угли и сказалъ:—О Джударъ, вотъ подымается дымъ отъ ладана, и сейчасъ приступлю къ заклинаніямъ, нужнымъ для открытія. Но такъ какъ, разъ начавъ заклинанія, я не могу уже прерывать ихъ, иначе потеряютъ силу талисманы, то сперва я научу тебя, что̀ долженъ ты сдѣлать для достиженія цѣли нашего пріѣзда въ Мазребъ!—И Джударъ отвѣтилъ:—Научи меня, о господинъ и государь мой!—Мограбинъ сказалъ:—Знай, о Джударъ...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста сорокъ шестая ночь,

она сказала:

...Знай, о Джударъ, что когда я начну говорить магическія слова надъ курящимся ладаномъ, вода въ потокѣ начнетъ мало-по-малу убывать и, наконецъ, совершенно исчезнетъ, обнаживъ его русло. Тогда ты увидишь на склонѣ сухого русла большую золотую дверь, высокую, какъ городскія ворота, и на каждой створкѣ двери два золотыя же кольца. Подойди къ этой двери, постучи слегка однимъ изъ колецъ и подожди немного. Потомъ постучи еще разъ, но уже посильнѣе и опять подожди. Затѣмъ стучи въ третій разъ сильнѣе первыхъ двухъ и стой уже неподвижно. И послѣ этихъ трехъ разъ, ты услышишь, какъ кто-то закричитъ извнутри:—Кто стучится въ дверь сокровищъ и не умѣетъ снять чаръ?—Ты же отвѣчай:—Я Джударъ—рыбакъ, сынъ Омара изъ Каира!—И дверь откроется, а на порогѣ появится существо съ мечомъ въ рукѣ и скажетъ тебѣ:—Если ты въ самомъ дѣлѣ тотъ человѣкъ, то вытяни шею, и я отрублю тебѣ голову! Ты же вытягивай шею безъ боязни; мечъ поднимется надъ тобою, но тотчасъ же упадетъ къ твоимъ ногамъ, и предъ тобою будетъ лежать бездыханный трупъ! Съ тобою же не случится ничего худого. Но если ты испугаешься и не повинуешься ему, то будешь сейчасъ же убитъ.

Когда ты такимъ образомъ уничтожишь первыя чары, входи въ дверь и увидишь вторую, въ которую постучись одинъ только разъ, но очень сильно. Тогда явится тебѣ всадникъ съ длиннымъ копьемъ на плечѣ, и онъ скажетъ тебѣ, потрясая копьемъ:—Что̀ привело тебя въ это мѣсто, куда никогда не входятъ ни люди, ни джины?—Ты же вмѣсто отвѣта, смѣло под-

Digitized by Google

ставь ему обнаженную грудь свою, чтобы онъ ударилъ въ тебя; и онъ ударитъ, но это не причинитъ тебѣ никакого зла; онъ же упадетъ къ твоимъ ногамъ бездыханный! Если же ты отступишь, онъ убьетъ тебя!

Тогда иди къ третьей двери, изъ которой выйдетъ къ тебѣ стрѣлокъ и натянетъ противъ тебя лукъ со стрѣлою; ты же смѣло обнажи грудь и подставь ее подъ его прицѣлъ, и онъ упадетъ къ твоимъ ногамъ бездыханнымъ трупомъ; но если ты выкажешь нерѣшительность, онъ убьетъ тебя.

Иди дальше и дойдешь до четвертой двери, изъ которой выскочитъ на тебя левъ со страшнымъ лицомъ; онъ откроетъ широкую пасть, чтобы проглотить тебя. Ты же не бойся его и не бѣги, но протяни ему руку; и какъ только она коснется его губъ, сейчасъ же упадетъ онъ къ твоимъ ногамъ и не причинитъ зла. Послѣ этого иди къ пятой двери, изъ которой выйдетъ негръ, который спроситъ тебя:—Кто ты такой?—А ты отвѣтишь:—Я Джударъ!—Онъ же скажетъ:—Если ты дѣйствительно тотъ человѣкъ, то попытайся отворить шестую дверь!

Иди сейчасъ же къ шестой двери и кричи:—О Іисусъ, прикажи Моисею отворить эту дверь!—Тогда откроется передъ тобою дверь и увидишь двухъ драконовъ, одного по правую, другого по лѣвую сторону, и, открывъ пасти, они бросятся на тебя. Но не бойся ихъ! Протяни каждому изъ нихъ руку, они будутъ пытаться укусить, но напрасно, потому что уже будутъ лежать обезсиленными у твоихъ ногъ. А главное не выказывай страха, иначе ты погибъ.

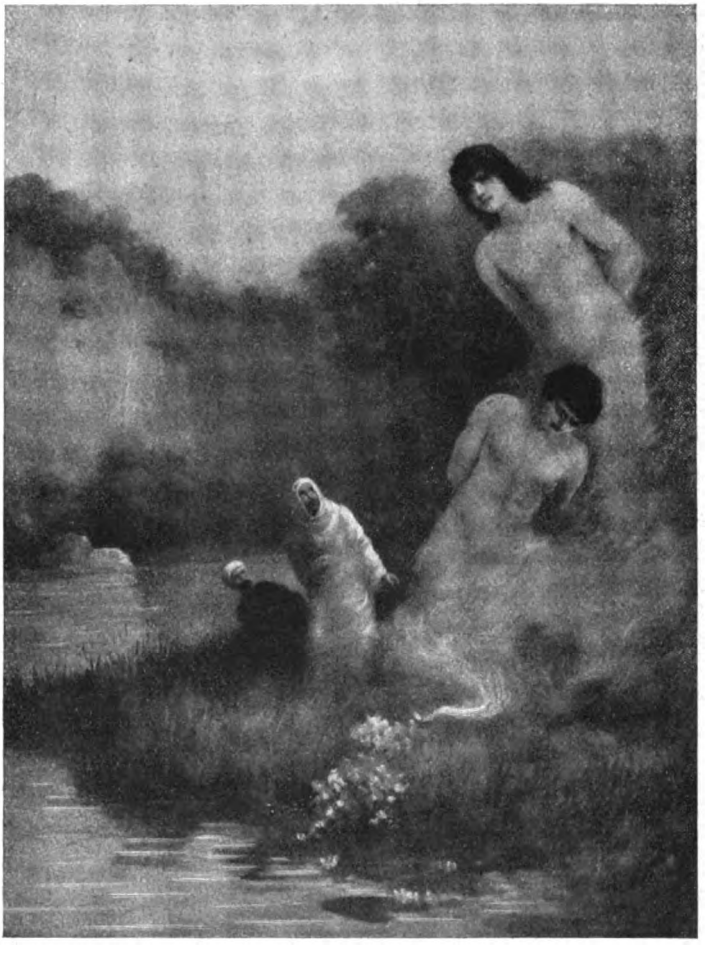
Наконецъ, дойдешь ты до седьмой двери и постучишься въ нее. И отворитъ тебѣ и появится на порогѣ твоя мать! И скажетъ она:—Добро пожаловать, сынъ мой! Подойди ко мнѣ, чтобы я могла пожелать тебѣ мира! Но ты отвѣтишь:—Не двигайся съ мѣста! И раздѣнься!—Она отвѣтитъ тебѣ:—О дитя мое, вѣдь я мать твоя! Ты обязанъ мнѣ нѣкоторою благодарностью и уваженіемъ за то, что я вскормила и воспитала тебя! Какъ можешь ты хотѣть, чтобы я обнажила свое тѣло?—А ты отвѣчай ей и кричи:—Если не раздѣнешься, я убью тебя!—И схватишь мечъ, который будетъ висѣть на стѣнѣ съ правой стороны, и скажешь ей:—Ну же, начинай! Она же будетъ стараться разжалобить тебя и обмануть. Но ты не поддавайся всему этому и каждый разъ, какъ она сниметъ что-нибудь изъ своего одѣянія, кричи ей:—Снимай все!—И продолжай грозить ей смертью до тѣхъ поръ, пока она не раздѣнется донага! Но тогда ты увидишь, какъ она разсѣется, какъ паръ, и исчезнетъ!

Такимъ-то образомъ, о Джударъ, разрушишь ты всѣ чары и колдовства и спасешь свою жизнь. И останется тебѣ только воспользоваться плодами твоихъ трудовъ. Для этого ты долженъ войти въ седьмую дверь и увидишь тамъ груды золота. Но не обращай на нихъ вниманія и иди прямо къ небольшой бесѣдкѣ, въ самой серединѣ сокровищъ, надъ нею будетъ спускаться занавѣсъ. Подними его и увидишь лежащимъ на золотомъ ложѣ великаго волшебника Шамардаля, того самаго, которому принадлежатъ сокровища. А у самой головы его блеснетъ что-то округлое, въ родѣ луны: это планетный кругъ. Волшебникъ опоясанъ тѣмъ самымъ мечомъ, о которомъ я говорилъ тебѣ, на пальцѣ у него будетъ печать, а на шеѣ на золотой цѣпи будетъ висѣть пузырекъ съ сурьмой! Тогда, не колеблясь ни минуты, бери эти четыре драгоцѣнные предмета и спѣши уйти оттуда и принести мнѣ все!

Но, о Джударъ, старайся ничего не забыть изъ всего, чему научилъ я тебя, и не дѣлай ничего противнаго моимъ указаніямъ. Иначе тебѣ придется раскаиваться и жизнь твоя будетъ въ большой опасности!

Затѣмъ мограбинъ повторилъ свои наставленія и въ первый, и во второй, и въ третій, и въ четвертый разъ, для того, чтобы Джударъ могъ запомнить, но, наконецъ, Джударъ самъ сказалъ:—Теперь я хорошо запомнилъ!

Digitized by Google

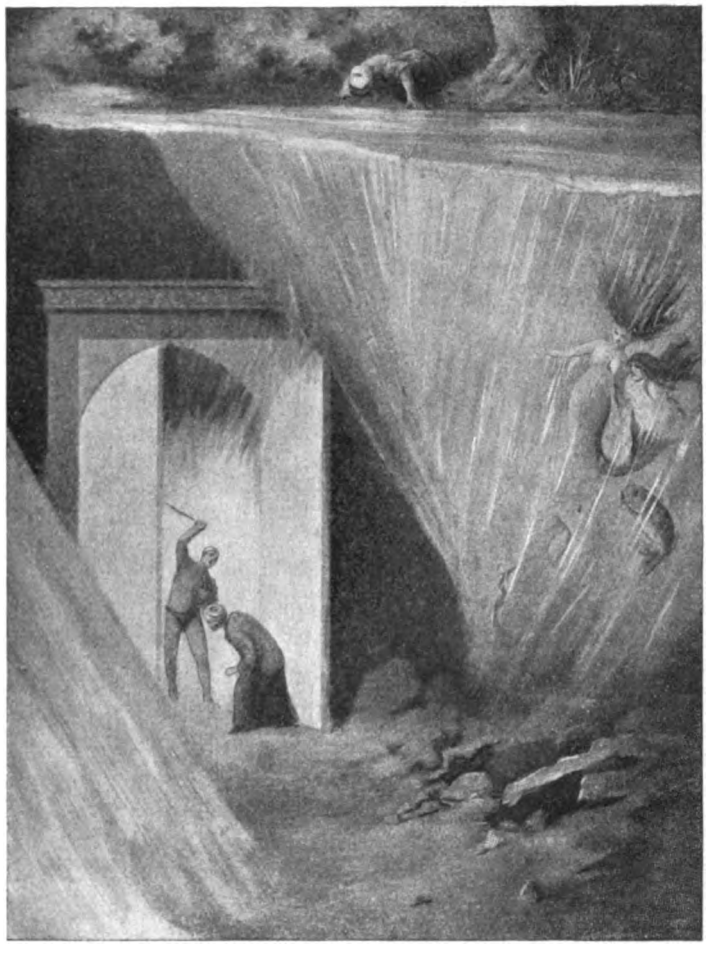


И мограбинъ взялъ два бокала и сталъ произносить надъ ними заклинанія... И вдругъ оба бокала взорвались и разлетѣлись на куски, и передъ мограбиномъ появились два человѣка со сложенными за спиной руками.

(Джударъ—рыбакъ или волшебный мѣшокъ).

Digitized by Google

Digitized by Google



И вотъ, вода разступилась, и ложе рѣки открылось... И тотчасъ же распахнулись двери сокровищницы, и на порогѣ ея показался человѣкъ съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ и закричалъ:—Держи шею!

(Джударъ—рыбакъ или волшебный мѣшокъ).

Digitized by Google

Digitized by Google

Но какое человѣческое существо... Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста сорокъ седьмая ночь,

она сказала:

... Теперь я хорошо запомнилъ! Но какое человѣческое существо въ состояніи было бы преодолѣть эти страшныя чары и перенести эти ужасныя опасности? Мограбинъ отвѣтилъ:—О Джударъ, не бойся всего этого! Тѣ существа, которыя будутъ встрѣчать тебя у дверей, пустые призраки! Поэтому тебѣ нечего опасаться!—Джударъ сказалъ:—Возлагаю надежду свою на Аллаха!

Сейчасъ же послѣ этого мограбинъ приступилъ къ волшебнымъ воскуреніямъ. Онъ снова подбросилъ ладана на уголь въ курильницѣ и принялся шептать магическія заклинанія. И вотъ вода въ потокѣ стала мало-по-малу убывать и ушла вся, а русло потока обнажилось и обнаружило первую дверь сокровищъ.

Тогда Джударъ, уже не колеблясь, пошелъ по сухому руслу къ золотой двери и слегка постучался въ первый, второй и третій разъ. И извнутри послышался голосъ, говорившій:—Кто такой стучится въ дверь сокровищъ, не умѣя снять чары!—Онъ отвѣтилъ:—Я Джударъ, сынъ Омара! — И тотчасъ же отворилась дверь, а на порогѣ появилось существо съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ и закричало ему:—Вытяни шею!—И Джударъ вытянулъ шею; а тотъ опустилъ мечъ, но въ ту же минуту упалъ. И такъ было со всѣми другими дверями до седьмой, совершенно такъ, какъ предсказалъ и училъ мограбинъ. И каждый разъ Джударъ съ большимъ мужествомъ разрушалъ всѣ чары до тѣхъ поръ, пока не показалась на порогѣ его мать, вышедшая изъ седьмой двери. Она взглянула на него и сказала:—Тысячу привѣтовъ тебѣ, дитя мое!—Но Джударъ спросилъ:—Кто ты такая?—Она же въ отвѣтъ:—Я мать твоя, о сынъ мой! Я та, которая девять мѣсяцевъ носила тебя подъ сердцемъ своимъ, вскормила и воспитала тебя, о дитя мое!—Онъ закричалъ ей:—Раздѣвайся!—Она же отвѣчала:—Ты сынъ мой и какъ можешь этого требовать?—Онъ сказалъ:—Снимай все, или я отрублю тебѣ голову вотъ этимъ мечомъ!—И, протянувъ руку къ стѣнѣ, схватилъ висѣвшій тамъ мечъ и, махая имъ, крикнулъ: — Если не раздѣнешься, сейчасъ убью!—Тогда она рѣшилась снять кое-что изъ одежды; но онъ сказалъ ей:—Снимай все!—И сняла она еще кое-что. Онъ сказалъ ей:—Еще!—И продолжалъ приставать къ ней до тѣхъ поръ, пока осталось на ней одно исподнее платье, и, стыдясь, сказала она ему:—Ахъ, сынъ мой, напрасно я воспитывала тебя! Ты не оправдалъ моихъ надежъ! Не каменное ли у тебя сердце! Неужели захочешь унизить меня и заставишь показать наготу свою? О дитя мое, это противозаконно, это святотатство!—На это онъ сказалъ:—Ты говоришь правду! Можешь не снимать исподняго платья!—Но не успѣлъ онъ проговорить это, какъ старуха закричала:—Онъ согласился! Бейте его!—И тотчасъ же со всѣхъ сторонъ посыпались ему на плечи частые, безчисленные, какъ дождевыя капли, удары, которые расточались невидимой стражей сокровищъ. Никогда не испытывалъ еще Джударъ ничего подобнаго, во всю жизнь не забудетъ онъ этой порки! Затѣмъ эфриты-невидимки въ одинъ мигъ выгнали его изъ залъ сокровищъ, выбросили за послѣднюю дверь и заперли ее, какъ прежде!

Мограбинъ увидѣлъ его въ эту минуту и прибѣжалъ поднять его, такъ какъ воды потока уже надвигались снова съ шумомъ и грохотомъ, запол-

Digitized by Google

няя русло и возобновляя свое теченіе. Безъ чувствъ принесъ онъ его на берегъ и читалъ надъ нимъ стихи Корана, пока онъ не пришелъ въ себя. Тогда онъ сказалъ ему: — Что̀ ты сдѣлалъ, о бѣднякъ? Увы! — Онъ отвѣтилъ:—Я уже преодолѣлъ всѣ препятствія и разрушилъ всѣ чары! И надо же было, чтобы изъ-за исподняго платья моей матери я лишился всего, что̀ уже добылъ, и подвергся поркѣ, отъ которой вотъ слѣды! — И разсказалъ онъ обо всемъ, что̀ случилось съ нимъ.

Тогда мограбинъ сказалъ ему: — Не говорилъ ли я тебѣ, что ты долженъ слушаться меня во всемъ? Вотъ видишь! Ты повредилъ и мнѣ, и себѣ, и все это потому, что не хотѣлъ заставить ее снять исподнее платье! Теперь мы должны ждать до будущаго года, чтобы повторить нашу попытку! А до той поры ты будешь жить у меня! — И позвалъ онъ двухъ негровъ, которые тотчасъ же явились, сложили палатку, убрали все, что̀ слѣдуетъ, исчезли на минуту и вернулись съ двумя мулами, на которыхъ сѣли Джударъ и мограбинъ, чтобы немедленно вернуться въ городъ Фасъ.

Цѣлый годъ прожилъ Джударъ у мограбина, каждый день надѣвалъ онъ дорогое новое платье, ѣлъ и пилъ все, что̀ доставали изъ сумки, все, чего бы ни пожелалъ.

Наступилъ, наконецъ, въ началѣ слѣдующаго года день, назначенный для повторенія попытки; мограбинъ пришелъ къ Джудару и сказалъ ему: — Вставай! Идемъ, куда должны идти!—Тотъ отвѣтилъ:—Разумѣется!—И вышли они изъ города и увидѣли двухъ негровъ, которые подали имъ двухъ муловъ. Сѣли они на нихъ и поѣхали по направленію къ потоку, на берегъ котораго и не замедлили прибыть. Разбили палатку и убрали ее попрежнему. И когда они подкрѣпились пищею, мограбинъ взялъ пустой тростникъ, сердоликовыя пластинки, курильницу, наполненную углями и ладанъ; и прежде, чѣмъ начать свои магическія воскуренія, сказалъ Джудару:—О Джударъ, я долженъ дать тебѣ наставленіе!—Джударъ воскликнулъ:—О господинъ мой, право, не стоитъ! Если бы я забылъ ту порку, то забылъ бы и твои превосходныя прошлогоднія наставленія...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста сорокъ восьмая ночь,

она сказала:

... Если бы я забылъ ту порку, то забылъ бы и твои превосходныя прошлогоднія наставленія! — Мограбинъ спросилъ: — Такъ въ самомъ дѣлѣ ты ихъ помнишь?—Джударъ отвѣтилъ: — О, конечно!—Тотъ сказалъ: — Хорошо, береги свою жизнь, Джударъ, а главное не вообрази себѣ опять, что та старуха твоя мать, и не поддавайся обману! Дѣло въ томъ, что если въ первый разъ ты не оставилъ тамъ своихъ костей, то на этотъ разъ, если ошибешься, то оставишь ихъ тамъ непремѣнно!—Джударъ отвѣтилъ: — Да, я сдѣлалъ ошибку, но если ошибусь опять, то меня стоило бы сжечь!

Тогда мограбинъ бросилъ ладанъ на раскаленные уголья и сталъ шептать заклинанія. И тотчасъ же высохъ потокъ, а Джударъ могъ пройти, по сухому руслу, къ золотой двери. Онъ постучалъ, и дверь отворилась; и удалось ему преодолѣть чары различныхъ дверей, и дошелъ онъ, наконецъ, до той, въ которой стояла его мать, и говорила она: — Добро пожаловать, дитя мое! — А онъ отвѣтилъ ей: — Съ какихъ это поръ я твой сынъ, о проклятая? Раздѣвайся! — Тогда, стараясь обмануть его, принялась она медленно снимать одну часть одежды за другою, пока не осталось на ней одно

Digitized by Google

только исподнее бѣлье. И Джударъ закричалъ ей:—Сними его, проклятая! — И сняла она свое исподнее бѣлье, но тотчасъ же исчезла, разсѣявшись, какъ паръ, какъ бездушный призракъ!

Безъ затрудненія проникъ тогда Джударъ къ сокровищу, видѣлъ груды золота, но не обратилъ на нихъ никакого вниманія и направился къ небольшой бесѣдкѣ, гдѣ, приподнявъ занавѣсъ, увидѣлъ лежащаго на золотомъ ложѣ великаго чародѣя Аль-Шамардаля, опоясаннаго волшебнымъ мечомъ, съ печатью на пальцѣ и золотою цѣпью, на которой висѣлъ пузырекъ съ сурьмою; а надъ головою его сіялъ, какъ луна, планетный кругъ.

Не колеблясь, подошелъ онъ и отвязалъ отъ перевязи мечъ, снялъ печать, отцѣпилъ пузырекъ съ сурьмою взялъ планетный кругъ и направился къ выходу. И тотчасъ же заиграли вокругъ него, стройнымъ хоромъ, различные инструменты, и эта музыка провожала его до самого выхода, между тѣмъ, какъ со всѣхъ концовъ подземелья раздавались голоса невидимой стражи, кричавшей ему:—Благо тебѣ, Джударъ, что добылъ такую добычу! Поздравляемъ! Поздравляемъ! — И музыка перестала играть, и голоса перестали поздравлять только тогда, когда онъ вышелъ изъ подземелья.

Увидя его, нагруженнаго талисманами, мограбинъ прекратилъ свои воскуренія и свои заклинанія, поднялся, обнялъ его, прижалъ къ своей груди и осыпалъ привѣтствіями. Когда же Джударъ передалъ ему всѣ четыре талисмана, онъ вызвалъ изъ воздуха двухъ негровъ, которые сложили палатку и привели муловъ, на которыхъ Джударъ и мограбинъ доѣхали до города Фаза.

Прибывъ во дворецъ, они сѣли вокругъ скатерти, на которой стояло несмѣтное количество блюдъ, извлеченныхъ изъ сумки, и мограбинъ сказалъ Джудару:—О братъ мой, о Джударъ, кушай!—И Джударъ ѣлъ досыта. Затѣмъ пустыя блюда снова уложили въ сумку, убрали скатерть, и мограбинъ сказалъ Джудару:—О Джударъ, ради меня ты покинулъ родной край свой! И довелъ ты до благополучнаго конца мои дѣла! Такимъ путемъ ты пріобрѣлъ надо много права! Назначай же самъ, во что цѣнишь ты свои услуги: Аллахъ (да будетъ прославляемо имя Его!) будетъ щедръ къ тебѣ нашимъ посредствомъ. Проси же у меня всего, чего желаешь; и не стѣсняйся, потому что ты заслужилъ!—Джударъ отвѣтилъ: — О господинъ мой, отъ Аллаха и отъ тебя желаю получить только одно: сумку! — И мограбинъ сейчасъ же отдалъ ему сумку, говоря: — Ты ее дѣйствительно заслужилъ! И если бы ты пожелалъ чего-нибудь другого, то получилъ бы и то! Но, о бѣднякъ, эта сумка можетъ доставлять тебѣ только пищу! — Джударъ спросилъ: — Чего же лучшаго могъ бы я пожелать? — Мограбинъ сказалъ: — Ради меня ты много перенесъ усталости; я же обѣщалъ возвратить тебя на родину довольнымъ и счастливымъ; но сумка не обогатитъ тебя! Я же хочу, сверхъ того, и обогатить тебя! Возьми же эту сумку и доставай изъ нея всѣ блюда, которыя пожелаешь; но кромѣ того я дамъ тебѣ мѣшокъ, наполненный золотомъ и драгоцѣнностями для того, чтобы, вернувшись къ себѣ, ты могъ сдѣлаться богатымъ купцомъ и удовлетворять всѣмъ потребностямъ твоимъ и семьи твоей, не заботясь объ экономіи! — И прибавилъ онъ потомъ: — А относительно сумки для пищи, я научу тебя, какъ ею пользоваться! Тебѣ стоитъ только погрузить въ нее руку и сказать: «О служитель этого мѣшка, заклинаю тебя свойствомъ могучихъ магическихъ именъ, всевластныхъ надъ тобою, принеси мнѣ такую-то пищу!» И сейчасъ же найдешь ты въ глубинѣ мѣшка всѣ тѣ яства, какихъ пожелаешь, хотя бы ты пожелалъ ежедневно блюда тысячи разныхъ цвѣтовъ и разнаго вкуса!

Затѣмъ мограбинъ вызвалъ одного изъ двухъ негровъ съ однимъ изъ муловъ, взялъ мѣшокъ съ двойными сумками, подобный сумкѣ для пищи, и наполнилъ одну изъ сумокъ золотыми монетами и слитками, а другую

Digitized by Google

драгоцѣнными украшеніями и самоцвѣтными камнями, навьючилъ ими мула и, прикрывъ мѣшкомъ для пищи, казавшимся совершенно пустымъ, сказалъ Джудару:—Садись на мула! Негръ пойдетъ впереди, будетъ показывать тебѣ дорогу и доведетъ тебя до самаго дома твоего въ Каирѣ. А когда пріѣдешь, возьми оба мѣшка и возврати мула негру, который и приведетъ его ко мнѣ! И никому не довѣряй нашей тайны! А теперь прощаюсь съ тобою во Аллахѣ!

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста сорокъ девятая ночь,

она сказала:

...А теперь прощаюсь съ тобою во Аллахѣ!—Джударъ отвѣтилъ: — Да умножитъ Аллахъ твое благосостояніе и твои благодѣянія! Много благодарю тебя! — И сѣлъ онъ на мула, подложивъ подъ себя оба мѣшка, и пустился въ путь, предшествуемый негромъ.

Мулъ послушно слѣдовалъ за негромъ весь день и всю ночь; и на этотъ разъ только въ однѣ сутки совершили они путь изъ Махреба въ Каиръ; на слѣдующее же утро Джударъ увидѣлъ передъ собою стѣны Каира и въѣхалъ въ городъ черезъ Ворота Побѣды. И подъѣхалъ онъ къ своему дому, и увидѣлъ мать свою сидящею на порогѣ: она протягивала руку прохожимъ и просила милостыню, говоря: — Подайте что-нибудь ради Аллаха!

И, увидя это, Джударъ чуть не лишился разсудка, слѣзъ съ мула и бросился въ объятія матери, которая, узнавъ его, заплакала. И, захвативъ съ собою мѣшки, поручивъ негру отвести мула къ мограбину, такъ какъ мулъ былъ джинніей, а негръ—джиномъ, онъ вошелъ въ домъ вмѣстѣ съ матерью.

И, введя мать въ домъ, онъ посадилъ ее на цыновку и, огорченный тѣмъ, что она просила милостыню у прохожихъ, спросилъ: — О мать моя, здоровы ли братья?—Она отвѣтила:—Они здоровы! — Онъ спросилъ: — Почему же ты просила милостыню?—Она же сказала: — О сынъ мой, потому что я голодаю.—А онъ сказалъ:—Какъ же это? Передъ отъѣздомъ я далъ тебѣ сто динаріевъ въ первый день, сто динаріевъ во второй день и тысячу въ день отъѣзда!—Она отвѣтила:—О дитя мое, братья твои схитрили и выманили у меня деньги и затѣмъ прогнали меня. И, чтобы не умереть съ голода, я должна была просить милостыню на улицахъ! —Онъ сказалъ ей: —О мать моя, теперь не придется тебѣ страдать, такъ какъ я вернулся и буду съ тобою. Не печалься же ни о чемъ! Вотъ мѣшокъ, наполненный золотомъ и драгоцѣнностями! Въ домѣ нашемъ будетъ во всемъ изобиліе!—Она отвѣтила:—О дитя мое, ты воистину родился благословеннымъ и счастливымъ! Да даруетъ тебѣ Аллахъ свои милости и умножитъ надъ тобой свои благодѣянія! Ступай, сынъ мой, ступай и принеси для насъ обоихъ немного хлѣба, потому что вчера я легла голодная и сегодня еще ничего не ѣла!—И когда она сказала слово хлѣбъ, онъ улыбнулся и сказалъ:—Привѣтъ и изобиліе тебѣ, о мать моя! Тебѣ стоитъ только спросить блюдо, которое пожелаешь, и я дамъ его тебѣ тотчасъ же, не отправляясь на базаръ и не готовя его въ кухнѣ!—Она же сказала: — О дитя мое, не вижу ничего такого при тебѣ! Ты привезъ съ собою только два мѣшка, и одинъ изъ нихъ пустой!—А онъ въ отвѣтъ:—У меня все есть и самое разнообразное!—Она сказала: —Мнѣ все равно, лишь бы было чѣмъ утолить голодъ! — Онъ сказалъ ей на это:—Ты говоришь правду, въ нуждѣ довольствуешься малымъ! Но когда всего много, любишь выбирать и ѣсть только лучшее и самое тонкое! Но у меня много всего, и тебѣ стоитъ только дѣлать выборъ!—Она сказала:—Если

Digitized by Google

такъ, то я бы хотѣла поѣсть горячей лепешки и сыру! — Онъ отвѣтилъ: —О мать моя, это не достойно твоего званія!—Она же сказала:—Ты лучше меня знаешь, что̀ нужно! Поэтому и дѣлай такъ, какъ считаешь приличнымъ!—Онъ сказалъ:—О мать моя, я нахожу, что твоему званію приличествуютъ: жаркое изъ ягненка, а также жареные цыплята и рисъ, приправленный индійскимъ перцемъ! Нахожу также подходящими колбасы, фаршированныя тыквы, фаршированную баранину, бараній бокъ, кенафу съ миндалемъ, пчелинымъ медомъ и сахаромъ, пирожное, начиненное фисташками, надушенное амброй, и нарѣзанная косоугольничками баклава!—Услышавъ такія слова, бѣдная женщина испугалась и подумала, что сынъ ея лишился разсудка, и воскликнула:—Что̀ съ тобою, дитя мое? Бредишь ли ты, или сошелъ съ ума?—А онъ сказалъ:—Да почему же?—Она отвѣтила:—Да потому, что ты называешь все такія удивительныя, дорогія вещи, и ихъ такъ трудно приготовить, что очень не легко было бы достать!—Онъ сказалъ на это:—Клянусь головою своей! Я непремѣнно хочу, чтобы ты поѣла всего того, что̀ я сейчасъ пересчиталъ! — Она сказала: — Но ничего такого я не вижу здѣсь!—Онъ сказалъ:—Принеси мнѣ мѣшокъ!—Она принесла мѣшокъ, пощупала его и нашла, что онъ совершенно пустъ, но все-таки подала ему; онъ же сейчасъ погрузилъ въ него руку и вытащилъ прежде всего золотое блюдо, на которомъ лежали въ нѣсколько рядовъ влажныя и ароматичныя колбасы, политыя соусомъ; потомъ, во второй разъ погрузилъ руку, и множество разъ онъ погружалъ ее, чтобы постепенно вынимать все, что̀ было имъ названо, и даже то, чего онъ и не называлъ. И мать сказала ему:—Дитя мое, мѣшокъ твой очень не великъ и совершенно пустъ, а ты вынулъ изъ него всѣ эти блюда и яства! Откуда же все это?—Онъ отвѣтилъ ей:—О мать моя, знай, что мѣшокъ этотъ данъ мнѣ мограбиномъ! Мѣшокъ этотъ волшебный! Ему служитъ джинъ, повинующійся приказаніямъ, выраженнымъ въ такихъ-то словахъ!—И сказалъ онъ ей тѣ слова. Мать спросила:—А если я погружу руку въ этотъ мѣшокъ и этими словами спрошу какое-нибудь кушанье, найду я его?—Онъ отвѣтилъ:—Разумѣется!—Тогда она погрузила руку и сказала:—О служитель этого мѣшка, заклинаю тебя свойствомъ магическихъ именъ, тобою повелѣвающихъ, принеси мнѣ еще бока съ начинкой...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четырета пятидесятая ночь,

она сказала:

... Заклинаю тебя, принеси мнѣ еще бока съ начинкой!—И тотчасъ же почувствовала она въ рукѣ своей блюдо и вынула его изъ мѣшка. И это былъ дивно начиненный бокъ, и пахло отъ него гвоздикой и другими тонкими пряностями! Тогда она сказала:—И все-таки хочу горячую лепешку и сыра; я привыкла къ этой ѣдѣ, и ничто не можетъ отвлечь меня отъ нея!—И погрузила она руку, произнесла требуемыя слова и вынула то, чего хотѣла!—Тогда Джударъ сказалъ ей:—О мать моя, когда мы кончимъ, нужно положить въ мѣшокъ пустыя блюда; этого требуетъ талисманъ! А главное никому не проговаривайся о нашей тайнѣ; спрячь мѣшокъ въ свой сундукъ и вынимай его только когда нужно. Однако, не стѣсняйся; будь щедрой, надѣляй сосѣдей и бѣдняковъ; и братьевъ корми всѣми кушаньями, и при мнѣ, и въ мое отсутствіе!

Digitized by Google

Не успѣлъ проговорить этихъ словъ Джударъ, какъ оба брата его вошли и увидѣли дивное угощеніе!

Они только-что узнали о возвращеніи Джудара отъ сына одного изъ сосѣдей, который сказалъ имъ:—Вашъ братъ только-что пріѣхалъ на мулѣ, онъ одѣтъ въ неслыханно роскошное одѣяніе, и впереди его шелъ негръ!—Братья же сказали себѣ тогда: — Напрасно мы дурно обращались съ матерью! Она, конечно, разскажетъ ему обо всемъ, что̀ мы заставили ее вытерпѣть! И какими глазами будемъ мы смотрѣть на него!—Но одинъ изъ нихъ замѣтилъ:—Наша мать жалостлива! Во всякомъ случаѣ, если она и разскажетъ, то вѣдь братъ нашъ еще жалостливѣе и снисходительнѣе, чѣмъ она! Если мы постараемся объяснить какъ-нибудь наше поведеніе, онъ согласится съ нами и извинитъ насъ!—И рѣшили они тогда идти къ брату.

Когда они вошли и Джударъ увидѣлъ ихъ, онъ тотчасъ же всталъ, чтобы оказать имъ честь, и пожелалъ имъ мира, со всевозможными знаками вниманія, и сказалъ имъ:—Садитесь и раздѣлите нашу трапезу.—И сѣли они и ѣли. Исхудали и ослабѣли они отъ голода и лишеній!

Когда они насытились, Джударъ сказалъ имъ: — О братья мои, возьмите всѣ остатки и надѣлите ими бѣдныхъ и нищихъ нашего квартала!—Они же отвѣчали: — О братъ нашъ, не лучше ли приберечь все это на ужинъ!—А онъ сказалъ имъ:—Въ часъ ужина вы найдете здѣсь и того болѣе!—Тогда собрали они остатки и вышли одѣлять ими нищихъ, проходившихъ мимо, и говорили имъ:—Берите и ѣшьте.—Затѣмъ принесли они пустыя блюда Джудару, который передалъ ихъ матери, говоря ей:—Положи ихъ въ мѣшокъ!

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста пятьдесятъ первая ночь,

она сказала:

... говоря ей: — Положи ихъ въ мѣшокъ!

Вечеромъ, въ часъ ужина, Джударъ взялъ мѣшокъ и вынулъ изъ него сорокъ разныхъ яствъ, которыя мать и поставила одно за другимъ на скатерть, потомъ пригласилъ онъ братьевъ войти и покушать. Когда же они кончили, онъ вытащилъ изъ мѣшка и пирожное, чтобы они и сладкаго поѣли. И сказалъ онъ имъ послѣ этого:—Возьмите остатки нашего ужина и раздайте бѣднымъ и нищимъ!—На слѣдующій день онъ снова угостилъ ихъ съ такою же роскошью; и такъ шло дѣло въ теченіе десяти дней подрядъ.

По прошествіи этого времени, Салемъ сказалъ Салиму: — Понятно ли тебѣ, какимъ образомъ братъ нашъ достаетъ такую роскошную пищу и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ, и даже ночью достаетъ пирожное? И сами султаны не ѣдятъ лучше насъ! Откуда могъ онъ добыть такое состояніе и такую роскошь? А мы и не спросили себя, откуда у него всѣ эти удивительныя блюда и эти лакомства, если онъ никогда ничего не покупаетъ, не разводитъ огня, не занимается стряпней и не держитъ повара!—А Салимъ отвѣчалъ:—Клянусь Аллахомъ, ничего не знаю! Но не знаешь ли ты кого-нибудь, кто могъ бы сказать намъ всю правду объ этомъ дѣлѣ?—Салемъ сказалъ:—Только мать наша можетъ объяснить намъ это!—И сейчасъ же придумали они хитрость и вошли къ матери въ отсутствіе брата и сказали ей:—О мать наша, мы очень проголодались!—Она же отвѣтила:—Радуйтесь, такъ какъ сейчасъ насытитесь!—И вошла она въ комнату, гдѣ находился мѣшокъ, погрузила въ него руку, спросивъ у служителя нѣсколько горячихъ блюдъ, достала ихъ тотчасъ же и принесла сыновьямъ, которые сказали ей:—О

Digitized by Google

мать наша, блюда эти горячи, а мы никогда не видимъ, чтобы ты стряпала или раздувала огонь!—Она отвѣтила:—Я достаю ихъ изъ мѣшка!—Они спросили:—Что́ же это за мѣшокъ?—А она сказала:—Мѣшокъ этотъ волшебный! И все, чего попросишь, исполняется джиномъ, служителемъ мѣшка!—И объяснила она имъ, какъ нужно просить, и сказала:—Храните эту тайну!—Они же отвѣтили:—Будь покойна, мы никому не скажемъ! И, испробовавъ сами свойство мѣшка и вытащивъ изъ него нѣсколько блюдъ, они успокоились и ничего не предпринимали въ тотъ вечеръ.

Но на другой день, Салемъ сказалъ Салиму:—До какихъ же поръ будемъ мы жить у Джудара въ положеніи домашнихъ слугъ и питаться его милостынями? Не находишь ли ты, что было бы лучше завладѣть этимъ мѣшкомъ при помощи какой-нибудь хитрой уловки и пользоваться имъ намъ однимъ!—Салимъ спросилъ:—Но что́ могли бы мы придумать?—А другой братъ сказалъ:—Да просто продать нашего брата главному капитану Суэцкаго моря!—Салимъ спросилъ:—А какимъ образомъ продадимъ его?—Салемъ отвѣтилъ:—Мы пойдемъ къ этому главному капитану, который находится теперь въ Каирѣ...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста пятьдесятъ вторая ночь,

она сказала:

... Мы пойдемъ къ этому главному капитану, который кстати находится теперь въ Каирѣ, и пригласимъ его и двоихъ изъ его матросовъ къ себѣ ужинать! И увидишь, что̀ случится! Ты долженъ только подтвердить то, что̀ скажу я Джудару, и увидишь, что̀ я устрою раньше, чѣмъ пройдетъ эта ночь!

Условившись продать брата, они отправились къ главному капитану Суэцкаго моря и, послѣ обычныхъ привѣтовъ, сказали ему:—О капитанъ, мы пришли къ тебѣ по дѣлу, которое навѣрное доставитъ тебѣ удовольствіе!—Онъ отвѣтилъ имъ:—Хорошо!—Они же продолжали:—Мы два брата; но у насъ есть третій братъ, никуда не годный молодецъ. Когда отецъ нашъ умеръ, намъ досталось наслѣдство, которое мы и раздѣлили на три доли; братъ нашъ взялъ свою долю и поспѣшилъ растратить ее, ведя безпутную, порочную жизнь! А когда онъ довелъ себя до нищеты, то сталъ обращаться съ нами самымъ несправедливымъ образомъ и кончилъ тѣмъ, что началъ съ нами тяжбу у безчестныхъ и жестокихъ судей, обвиняя насъ въ томъ, что мы отняли у него его часть наслѣдства! И безчестные, подкупные судьи не замедлили вытянуть у насъ все отцовское наслѣдство на судебныя издержки! Но онъ не удовольствовался этимъ злодѣяніемъ! Онъ вторично затѣялъ тяжбу, и тѣ же притѣснители-судьи довели насъ до крайней нищеты! Теперь же мы не знаемъ, что̀ онъ еще замышляетъ противъ насъ! И вотъ мы пришли къ тебѣ, чтобы просить тебя избавить насъ отъ него, купить его у насъ въ гребцы на одно изъ твоихъ судовъ!

Главный капитанъ отвѣтилъ:—Можете ли придумать какую-нибудь хитрость, чтобы привести его сюда? Я же въ этомъ случаѣ берусь немедленно отправить его на море!—Они отвѣтили:—Намъ очень трудно было бы доставить его сюда! Но прими наше приглашеніе и приходи къ намъ сегодня вечеромъ; и возьми съ собою двухъ изъ твоихъ людей, не болѣе. Когда же онъ заснетъ, мы всѣ пятеро схватимъ его, заткнемъ ему ротъ платкомъ

Digitized by Google

и отдадимъ тебѣ. Ты же, пользуясь ночной темнотой, унесешь его и будешь дѣлать съ нимъ, что̀ хочешь!—Онъ отвѣтилъ имъ:—Слушаю и повинуюсь! Хотите уступить его мнѣ за сорокъ динаріевъ?—Они же сказали:—Право, это уже слишкомъ дешево; но для тебя мы согласны. Когда начнетъ темнѣть, приходи на такую-то улицу, къ такой-то мечети, и одинъ изъ насъ будетъ ждать тебя тамъ! Не забудь же привести съ собою двухъ изъ твоихъ людей!—И отправились они къ брату своему Джудару, поговорили съ нимъ о томъ о семъ, а потомъ, немного погодя, Салемъ поцѣловалъ у него руку, какъ бы собираясь просить о чемъ-то. И Джударъ сказалъ ему:—Чего желаешь ты, о братъ мой?—Тотъ отвѣтилъ:—Знай, о братъ мой, о Джударъ, что у меня есть другъ, который уже много разъ приглашалъ меня въ домъ свой, во время твоего отсутствія, и всегда оказывалъ мнѣ большое вниманіе, такъ что я очень обязанъ ему. Сегодня я посѣтилъ его, чтобы поблагодарить его, и онъ приглашалъ меня отобѣдать съ нимъ; но я сказалъ ему:—Не могу я оставить брата моего Джудара одного въ домѣ!—Онъ же сказалъ мнѣ:—Приводи и его съ собою! Я же отвѣтилъ:—Не думаю, чтобы онъ согласился! Но ты могъ бы принять наше приглашеніе и придти къ намъ сегодня вечеромъ со своими братьями!—Братья же его стояли тутъ же, и я пригласилъ ихъ, думая про себя, что они откажутся, я же оказалъ имъ должную вѣжливость; но, къ сожалѣнію, они охотно согласились, а братъ ихъ, видя, что они согласились, также принялъ приглашеніе и сказалъ мнѣ:—Подожди меня въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается твой переулокъ, у входа въ мечеть, и я приду туда съ братьями. И вотъ теперь, о братъ мой Джударъ, они, вѣроятно, уже пришли, и мнѣ очень стыдно, что я самовольно распорядился! Но если хочешь обязать меня на вѣкъ, прими этихъ гостей сегодня вечеромъ. Ты уже осыпалъ насъ своими благодѣяніями, и изобиліе царитъ въ домѣ твоемъ, о братъ мой! Если же, по той или иной причинѣ, ты не пожелаешь принять ихъ, то позволь мнѣ принять ихъ въ домъ нашихъ сосѣдей, гдѣ я самъ буду служить имъ!—Джударъ отвѣтилъ ему:—Къ чему же приглашать ихъ къ сосѣдямъ, о Салемъ! Развѣ домъ нашъ такъ тѣсенъ и негостепріименъ? Или нечего подать имъ на ужинъ? Не стыдно ли тебѣ сомнѣваться и спрашивать? Приведи ихъ и угости ихъ разными яствами и лакомствами, ничего не жалѣя! И отнынѣ, если когда вздумаешь пригласить друзей своихъ въ мое отсутствіе, тебѣ стоитъ только спросить у матери нашей все необходимое и даже лишнее! Ступай же за своими друзьями! Благословеніе снизойдетъ на насъ черезъ посредство такихъ гостей, о братъ мой!

При этихъ словахъ, Салемъ поцѣловалъ руку у Джудара и отправился къ небольшой мечети, гдѣ ждали его тѣ люди, и привелъ ихъ въ домъ. Джударъ встрѣтилъ ихъ стоя и сказалъ имъ:—Добро пожаловать!—Потомъ посадилъ ихъ около себя и сталъ дружески бесѣдовать съ ними, не подозрѣвая того, что̀ готовила ему судьба, орудіями которой они были. И попросилъ онъ мать свою постлать скатерть и принести сорокъ разноцвѣтныхъ блюдъ, говоря: — Принеси намъ такой-то цвѣтъ и такой, и еще другой. И ѣли они до-сыта, думая, что обязаны этимъ роскошнымъ угощеніемъ щедрости его братьевъ, Салема и Салима. Потомъ, когда уже прошла треть ночи, подали сладости и печенья; и ѣли до полуночи. Тогда, по знаку Салема, матросы бросились на Джудара, схватили его, заткнули ему ротъ, крѣпко связали руки и ноги и унесли изъ дома темной ночью, а затѣмъ тотчасъ же отправились въ Суэцъ, и какъ только прибыли туда, бросили его закованнаго въ цѣпи въ трюмъ одного изъ судовъ вмѣстѣ съ другими невольниками и каторжниками, и присудили, что онъ цѣлый годъ будетъ служить гребцомъ. И вотъ все о Джударѣ...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

А когда наступила

четырета пятьдесятъ третья ночь,

она сказала:

... И вотъ все о Джударѣ!

Братья же, проснувшись на другое утро, вошли къ матери своей, ничего не знавшей о случившемся, и сказали ей:—О мать наша, Джударъ еще не проснулся!—Она сказала:—Ступайте и разбудите его! — Они отвѣтили: — А гдѣ онъ спитъ? — Она сказала: — Въ комнатѣ для гостей! — Они возразили:—Тамъ никого нѣтъ! Можетъ быть, онъ ушелъ ночью съ тѣми моряками! Вѣдь братъ нашъ уже совершилъ одно далекое путешествіе. Къ тому же мы слышали разговоръ его съ этими чужестранцами, говорившими ему: — Мы увеземъ тебя, и ты найдешь клады, мѣсто которыхъ намъ извѣстно! — Она сказала:—Да, вѣроятно, онъ уѣхалъ съ ними, ничего не сказавъ намъ! Мы можемъ быть спокойны, такъ какъ Аллахъ сумѣетъ направить его на добрый путь; онъ рожденъ счастливцемъ и скоро вернется, и привезетъ намъ громадныя богатства! — Затѣмъ, такъ какъ разлука все-таки тяжела для сердца матери, она заплакала. Тогда они закричали ей:—Проклятая злодѣйка, ты любишь Джудара больше, чѣмъ насъ; о насъ же, если бы мы уѣхали или вернулись, ты не горевала бы и не радовалась! Развѣ одинъ только Джударъ сынъ твой, развѣ и мы не твои дѣти? — Она же отвѣтила: — Да, и вы сыновья мои, но вы злые и негодные! Съ самаго дня смерти отца вашего вы не сдѣлали для меня ничего добраго и ни одного радостнаго дня не дали вы мнѣ, и ни разу не позаботились обо мнѣ. А Джударъ всегда былъ добръ ко мнѣ; и всегда заботился о моемъ удовольствіи, и обращался со мною почтительно и былъ щедръ. Да, конечно, онъ заслуживаетъ того, чтобы я проливала по немъ слезы, такъ какъ онъ благодѣтельствовалъ и мнѣ и вамъ!—Выслушавъ такія слова матери, негодяи принялись оскорблять ее и бить; потомъ ушли они въ другую комнату и повсюду искали волшебнаго мѣшка и сумки съ драгоцѣнностями; и, наконецъ, нашли и взяли все золото изъ одного кармана сумки и всѣ драгоцѣнности изъ другого; и сказали они:—Это принадлежало отцу нашему!—Но она воскликнула: — Нѣтъ, клянусь Аллахомъ! Это принадлежитъ брату вашему Джудару! Онъ привезъ это изъ страны мограбиновъ!—А они закричали ей:—Ты лжешь! Это собственность нашего отца! И мы имѣемъ право распорядиться ею по нашему желанію!—И сейчасъ же приступили они къ дѣлежу. Но никакъ не могли поладить относительно волшебнаго мѣшка. Салемъ говорилъ: — Я беру его себѣ! — А Салимъ говорилъ: — Нѣтъ, онъ мой. — И начался между ними споръ и раздоръ! Тогда мать сказала имъ: — О дѣти мои, вы подѣлили между собою мѣшокъ съ золотомъ и драгоцѣнностями; но этотъ мѣшокъ ни разрѣзать, ни раздѣлить нельзя, такъ какъ онъ потерялъ бы въ такомъ случаѣ свои волшебныя свойства. Оставьте его лучше мнѣ; я же каждый день буду извлекать изъ него тѣ блюда, какія вы пожелаете, и столько разъ, сколько вы пожелали бы. А что̀ касается меня, то даю себѣ слово довольствоваться кускомъ хлѣба и тѣмъ, что̀ вы мнѣ оставите. Если же вы захотите дать мнѣ, сверхъ того, и необходимую одежду, то это будетъ съ вашей стороны уже великодушіемъ, а не обязанностью. Такимъ образомъ каждый изъ васъ можетъ заняться какой хочетъ торговлей! Я не забываю, что вы дѣти мои и что я мать ваша. Будемъ жить въ мирѣ и согласіи для того, чтобы, по возвращеніи брата вашего, вамъ не пришлось бы стыдиться передъ нимъ и укорять себя за свои поступки!—Но они не захотѣли слушать ея совѣта и цѣлую ночь

Digitized by Google

спорили, ссорились и такъ громко кричали, что царскій стрѣлокъ, бывшій въ гостяхъ въ сосѣднемъ домѣ, услышалъ все, что̀ они говорили, и понялъ во всей подробности причину раздора. На другой же день онъ поспѣшилъ во дворецъ и попросилъ аудіенціи у египетскаго царя, котораго звали Шамсъ-аль-Даула, и разсказалъ ему все, что̀ слышалъ. Царь сейчасъ же велѣлъ позвать обоихъ братьевъ Джудара и пытали ихъ до тѣхъ поръ, пока они не сознались во всемъ. Тогда царь отобралъ у нихъ оба мѣшка, а ихъ самихъ велѣлъ заключить въ темницу. Затѣмъ велѣлъ царь выдавать матери Джудара пенсію, которая была достаточна для удовлетворенія насущныхъ потребностей. И вотъ все о нихъ!

Что̀ касается Джудара, то онъ уже цѣлый годъ былъ невольникомъ на кораблѣ главнаго суэцскаго капитана, когда поднялась однажды страшная буря, сорвала снасти, бросила корабль на скалистый берегъ и разбила его въ щепы. Всѣ утонули, кромѣ Джудара, которому удалось доплыть до берега. Онъ проникъ внутрь того края и дошелъ до табора кочевыхъ бедуиновъ, которые стали спрашивать о его ремеслѣ и освѣдомлялись о томъ, не морякъ ли онъ. И разсказалъ онъ имъ, что онъ дѣйствительно былъ морякомъ на потерпѣвшемъ крушеніе кораблѣ; и передалъ онъ имъ разныя подробности о своей жизни.

Въ таборѣ находился заѣзжій купецъ, родомъ изъ Джедды; его тронула участь Джудара, и онъ сказалъ ему:—Не хочешь ли поступить ко мнѣ на службу, о египтянинъ? Я же доставлю тебѣ одежду и увезу съ собою въ Джедду!— И Джударъ согласился и уѣхалъ съ нимъ, и прибыли они въ Джедду, гдѣ купецъ выказалъ большую щедрость и осыпалъ его благодѣяніями. Потомъ, нѣкоторое время спустя, купецъ отправился паломникомъ въ Мекку и также взялъ его съ собою.

Когда прибыли въ Мекку...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Но когда наступила

четыреста пятьдесятъ четвертая ночь,

она сказала:

... Когда прибыли они въ Мекку, Джударъ поспѣшилъ примкнуть къ шествію вокругъ священныхъ стѣнъ Каабы, чтобы совершить семь обрядовыхъ круговъ и вдругъ, среди паломниковъ, увидѣлъ друга своего, мограбина, шейха Абдъ-аль-Самада, также желавшаго исполнить этотъ обрядъ. И мограбинъ, съ своей стороны, замѣтилъ его, братски привѣтствовалъ и спросилъ, какъ ему живется. Тогда Джударъ заплакалъ. Мограбинъ же взялъ его за руку и повелъ въ домъ, гдѣ самъ остановился, осыпалъ его щедростями, надѣлъ на него невиданное по своему великолѣпію одѣяніе и сказалъ ему:— Знай, о Джударъ, что съ твоими братьями случилось то-то и то и что въ настоящее время они заключены въ темницу египетскаго царя. Но ты желанный гость въ моемъ домѣ и останешься въ немъ до окончанія предписанныхъ обрядовъ! И увидишь, что отнынѣ все будетъ хорошо! — Джударъ отвѣтилъ ему: — Позволь мнѣ, о господинъ мой, пойти къ тому купцу, который привезъ меня сюда, спросить, не прикажетъ ли онъ чего, и проститься съ нимъ! Я вернусь и останусь съ тобой! — Тотъ спросилъ у него:—Не должникъ ли ты его?—Джударъ отвѣтилъ:—Нѣтъ.—Мограбинъ же сказалъ: — Иди же безъ промедленія къ нему и спроси о его приказаніяхъ и простись съ нимъ; ты ѣлъ его хлѣбъ, а это обязываетъ честныхъ лю-

Digitized by Google

дей!—И пошелъ Джударъ къ своему господину, купцу изъ Джедды, спросилъ, не желаетъ ли онъ приказать ему что-нибудь, и сказалъ: — Я только-что встрѣтилъ друга, который для меня дороже брата!—Купецъ отвѣтилъ:—Иди за нимъ и приведи его сюда, и мы зададимъ пиръ въ честь его!—Джударъ сказалъ:—Клянусь Аллахомъ! Ему не нужны пиры! Онъ сынъ роскоши и у него великое множество слугъ!—Тогда купецъ далъ ему двадцать динаріевъ, говоря: — Возьми ихъ и очисти мою совѣсть и отвѣтственность! — Джударъ же отвѣтилъ:—Да вознаградитъ тебя Аллахъ за все, чѣмъ я тебѣ обязанъ!—И, простившись съ нимъ, пошелъ онъ къ другу своему, мограбину. Но по пути онъ встрѣтилъ бѣдняка и отдалъ ему въ видѣ милостыни всѣ двадцадь динаріевъ; потомъ явился къ мограбину и оставался съ нимъ до тѣхъ поръ, пока исполнены были всѣ обряды и обязанности паломничества.

Тогда мограбинъ пришелъ къ нему, снялъ съ пальца перстень съ печатью, который Джударъ принесъ ему въ былое время изъ подземелья Шамардаля, подалъ ему перстень и сказалъ:—Возьми эту печать, о Джударъ, она исполнитъ всѣ твои желанія. Знай, что это кольцо имѣетъ слугою одного джина, по имени Гремучій Громъ, и онъ будетъ исполнять все, что̀ ты ему прикажешь. Для этого тебѣ стоитъ только потереть алмазъ на перстнѣ, и тотчасъ же явится Гремящій Громъ, который и возьмется исполнять всѣ твои желанія и приносить тебѣ, если потребуешь, какія хочешь блага міра! И, чтобы показать ему, какъ слѣдуетъ дѣлать, онъ потеръ камень большимъ пальцемъ. И сейчасъ же явился эфритъ Гремящій Громъ и, преклонившись передъ мограбиномъ, сказалъ: — Я здѣсь, йа сиди! Прикажи, и все будетъ исполнено. Требуй и получишь! Не желаешь ли возстановить городъ, лежащій въ развалинахъ, или разрушить цвѣтущій городъ? Хочешь отнять жизнь у владыки земного или только искрошить его войска? Говори!—Мограбинъ сказалъ:—О Громъ, вотъ тотъ, кто отнынѣ будетъ твоимъ господиномъ! Я очень хвалю его тебѣ! Служи ему хорошенько!—Затѣмъ, отпустивъ его, онъ сказалъ:—Не забывай, о Джударъ, что при помощи этого перстня ты можешь избавиться отъ всѣхъ враговъ твоихъ и мстить имъ! Ты долженъ знать степень его могущества!—Джударъ сказалъ:—Если такъ, о господинъ мой, то я хотѣлъ бы вернуться въ родные края и въ домъ свой! — Мограбинъ отвѣтилъ:—Потри печать, и когда явится эфритъ Гремящій Громъ и скажетъ:—Я здѣсь! Требуй и получишь! Ты долженъ отвѣтить ему:—Я хочу сѣсть на твою спину! Перенеси меня сегодня же въ родные края!—И онъ будетъ повиноваться!

Тогда Джударъ распрощался съ мограбиномъ Абдъ-аль-Самадомъ и потеръ печать. И тотчасъ же явился Гремящій Громъ и сказалъ:—Я здѣсь! Требуй и получишь!—А Джударъ отвѣтилъ:—Вези меня сегодня же въ Каиръ!—Эфритъ отвѣчалъ:—Это не трудно!—И, присѣвъ, посадилъ онъ его къ себѣ на спину и улетѣлъ съ нимъ! И путешествіе ихъ продолжалось отъ полудня до полуночи; и къ полуночи эфритъ опустилъ Джудара въ самый домъ его матери, въ Каирѣ, и исчезъ.

Когда мать увидѣла входящаго къ ней Джудара, она встала и заплакала, желая ему мира. Потомъ разсказала она ему о томъ, что̀ случилось съ его братьями, и какъ царь велѣлъ бить ихъ палками, и какъ отнялъ у нихъ волшебный мѣшокъ и другой съ золотомъ и драгоцѣнностями. И Джударъ, слушая обо всемъ этомъ, не могъ остаться равнодушнымъ къ участи братьевъ своихъ и сказалъ матери:—Не печалься! Я сейчасъ покажу тебѣ, что̀ могу сдѣлать, и приведу сюда братьевъ!—Въ ту же минуту потеръ онъ алмазную печать, и тотчасъ же явился ея служитель и сказалъ:—Я здѣсь! Требуй и получишь!—Джударъ сказалъ:—Приказываю тебѣ похитить братьевъ моихъ и привести ихъ сюда!—И джинъ исчезъ, чтобы исполнить это приказаніе.

Digitized by Google

Салемъ же и Салимъ лежали въ своей темницѣ, испытывая страданія, тоску и огорченіе, по причинѣ перенесенныхъ пытокъ и лишеній, такъ что желали себѣ смерти, какъ избавленія отъ всѣхъ мукъ. И именно въ это время они съ большою горечью говорили объ этомъ, призывая смерть, какъ вдругъ земля разверзлась у нихъ подъ ногами и явился Гремящій Громъ, который, не давая имъ опомниться, похитилъ ихъ обоихъ и исчезъ съ ними въ глубинахъ земли, между тѣмъ какъ они отъ ужаса лишились чувствъ у него въ объятіяхъ и очнулись только въ домѣ своей матери, на коврѣ, между матерью и Джударомъ, внимательно ухаживавшими за ними. И когда они открыли глаза, Джударъ сказалъ имъ:—Тысячу привѣтовъ вамъ, о братья мои! Развѣ вы не узнаете меня, развѣ забыли меня...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста пятьдесятъ пятая ночь,

она сказала:

... Тысячу привѣтовъ вамъ, о братья мои! Развѣ не узнаете вы меня, развѣ забыли меня?—Они же опустили головы и стали молча плакать. Тогда онъ сказалъ имъ:—Не плачьте! Сатана смутилъ васъ, и алчность заставила васъ поступать, какъ поступали вы! Но какъ могли вы рѣшиться продать меня? Не плачьте! Для меня дѣйствительно служитъ утѣшеніемъ то, что я уподобился Іосифу, сыну Іакова, проданному братьями! Впрочемъ, братья Іосифа поступили съ нимъ еще хуже, чѣмъ вы со мною, такъ какъ бросили его въ глубину водоема! Просите только прощенія у Аллаха, раскайтесь, и Онъ проститъ васъ, потому что Онъ безпредѣльно милосердъ и милостивъ, и проститъ, какъ и я прощаю васъ! Вы мои желанные гости! И отнынѣ не бойтесь ничего и не стѣсняйтесь!—И продолжалъ онъ утѣшать ихъ и ходить за ними, пока не успокоилъ ихъ сердца; потомъ сталъ разсказывать имъ обо всѣхъ перенесенныхъ имъ испытаніяхъ и страданіяхъ до той поры, когда встрѣтился въ Меккѣ съ шейхомъ Абдъ-аль-Самадомъ. И показалъ онъ имъ и перстень съ магическою печатью.

Тогда они сказали ему:—О братъ нашъ, прости насъ на этотъ разъ! Если мы станемъ опять дѣлать то, что̀ дѣлали, поступи съ нами, какъ хочешь!—Онъ же отвѣтилъ имъ:—Не тревожьтесь и не заботьтесь ни о чемъ! Разскажите же мнѣ поскорѣе о томъ, что̀ сдѣлалъ съ вами царь. И сказали они:—Онъ велѣлъ бить насъ палками и грозилъ еще худшимъ; а потомъ отнялъ у насъ оба мѣшка!—Джударъ сказалъ:—Такъ мы ему покажемъ!—И потеръ онъ алмазъ на своемъ перстнѣ, и тотчасъ же явился эфритъ Гремящій Громъ.

Увидавъ его, братья сильно испугались и подумали въ душѣ своей, что Джударъ призвалъ его только для того, чтобы казнить ихъ смертью. И бросились они къ матери и закричали:—О мать наша, отдаемъ себя подъ твою великодушную защиту! Ходатайствуй за насъ! Она же отвѣтила имъ:—О дѣти мои, не бойтесь!

Между тѣмъ Джударъ сказалъ Грому:—Приказываю тебѣ принести ко мнѣ всѣ драгоцѣнности и все, что̀ имѣется цѣннаго въ шкафахъ царя, не оставляя въ нихъ ничего, а также принести отнятые у братьевъ моихъ: волшебный мѣшокъ и мѣшокъ съ драгоцѣнностями! И духъ печати отвѣчалъ:—Слушаю и повинуюсь!—И сейчасъ же исполнилъ онъ приказаніе и вручилъ Джудару оба мѣшка цѣлыми и невредимыми, а также и всѣ со-

Digitized by Google

кровища царя, говоря:—Йа сиди, я ничего не оставилъ въ шкафахъ!—Тогда Джударъ отдалъ матери своей мѣшокъ съ драгоцѣнностями и сокровища царя, совѣтуя ей тщательно охранять ихъ, волшебный же мѣшокъ поставилъ передъ собою. Потомъ сказалъ онъ духу:—Приказываю тебѣ, въ сегодняшнюю же ночь построить мнѣ высокій и роскошный дворецъ, украсить его позолотою и убрать его всякимъ великолѣпіемъ. И хочу я, чтобы все было готово къ солнечному восходу!—И духъ Гремящій Громъ отвѣтилъ: — Воля твоя будетъ исполнена!—И исчезъ въ нѣдрахъ земли, между тѣмъ какъ Джударъ извлекалъ изъ мѣшка дивныя блюда, которыми и наслаждался вмѣстѣ съ матерью и братьями, и всѣ были довольны и заснули, и спали до самаго утра.

Духъ же сейчасъ созвалъ товарищей своихъ, подземныхъ эфритовъ, выбравъ самыхъ искусныхъ изъ нихъ въ дѣлѣ строительства; и всѣ принялись за работу. Одни тесали камни, другіе строили, красили, лѣпили, гравировали, обивали тканями и меблировали залы, такъ что еще до восхода солнца дворецъ былъ выстроенъ и украшенъ! Тогда духъ печати явился Джудару тотчасъ по его пробужденіи и сказалъ: — Йа сиди, дворецъ готовъ и украшенъ! Не пожелаешь ли взглянуть и осмотрѣть его? — И отправился ко дворцу Джударъ съ матерью и братьями; осмотрѣли его и нашли его несравненнымъ, такъ прекрасна была его архитектура и внутреннее распредѣленіе. Джударъ восхищался величественнымъ фасадомъ и изумлялся тому, что все это ничего не стоило ему. И, обратившись къ матери, сказалъ онъ ей: — Хочешь жить въ этомъ дворцѣ? — Она же отвѣтила: — Очень хочу! — И стала она молиться, призывая на его голову благословенія Аллаха. — Тогда Джударъ снова потеръ перстень и сказалъ тотчасъ же явившемуся духу: — Приказываю тебѣ привести сейчасъ же сорокъ прекрасныхъ бѣлыхъ невольницъ, сорокъ стройныхъ негритянокъ, сорокъ юношей и сорокъ взрослыхъ негровъ! — Духъ отвѣтилъ: — Все это будетъ твоимъ! — И улетѣлъ онъ съ сорока товарищами своими въ страны Индіи, Синда и Персіи; и каждый изъ нихъ похищалъ красивѣйшихъ дѣвушекъ и красивѣйшихъ юношей. И собрали они, такимъ образомъ, по сорока дѣвушекъ и по сорока юношей. Потомъ выбрали сорокъ прекрасныхъ негритянокъ и сорокъ красивыхъ негровъ и доставили ихъ всѣхъ во дворецъ Джудара. И Громъ велѣлъ имъ всѣмъ пройти по одиночкѣ передъ Джударомъ, и тому понравились они всѣ, и сказалъ онъ: — Теперь нужно каждому и каждой дать платье, лучшее изъ всѣхъ, какія только бываютъ...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста пятьдесятъ шестая ночь,

она сказала:

... дать платье, лучшее изъ всѣхъ, какія только бываютъ на свѣтѣ. — Духъ отвѣтилъ: — Вотъ! — Джударъ сказалъ: — Нужно еще принести одежду для моей матери и для меня! — И духъ принесъ все, и самъ одѣлъ бѣлыхъ и черныхъ молодыхъ невольницъ и говорилъ имъ:—Идите теперь и поцѣлуйте руку вашей госпожи, матери вашего господина! И хорошенько исполняйте ея приказанія и слѣдите за ней глазами, о вы, бѣлыя и черныя! — Затѣмъ духъ одѣлъ юношей и негровъ и послалъ ихъ цѣловать руку у Джудара. Потомъ съ особеннымъ стараніемъ одѣлъ онъ Салема и Салима. И когда всѣ были одѣты, Джударъ уподобился, по-истинѣ, царю, а братья его визирямъ.

Digitized by Google

Такъ какъ дворецъ былъ очень обширенъ, Джударъ помѣстилъ брата своего Салема, слугъ и женъ его въ одной части зданія, а другую отдалъ брату своему Салиму со слугами и женами. Самъ же съ матерью помѣстился въ главномъ корпусѣ дворца. И каждый имѣлъ роскошное помѣщеніе, достойное султана. И вотъ все о нихъ!

А о царѣ вотъ что! Когда старшій казначей его пришелъ утромъ, чтобы взять изъ шкафа, гдѣ хранились сокровища, нѣкоторые предметы, понадобившіеся царю, онъ отперъ шкафъ и не нашелъ тамъ ровно ничего. И именно объ этомъ шкафѣ можно было сказать словами поэта:

Красивъ, богатъ былъ этотъ старый стволъ,
Жужжащимъ ульемъ, сотами своими,
Наполненными медомъ золотистымъ.
Но рой исчезъ, и улей опустѣлъ,
И вотъ остался только стволъ дуплистый,
Наполненный сырою темнотой!

Когда увидѣлъ это казначей, онъ громко вскрикнулъ и упалъ безъ чувствъ. А когда пришелъ въ себя, то, поднявъ руки къ небу, бросился изъ казначейства во дворецъ и сказалъ царю Шамсъ-аль-Даула:—О эмиръ правовѣрныхъ, я пришелъ сказать тебѣ, что въ нынѣшнюю ночь кто-то обобралъ всѣ сокровища, хранившіяся въ казнѣ!—А царь сказалъ ему:—О негодяй! Что сдѣлалъ ты съ сокровищами моего казначейства?—Тотъ же отвѣтилъ:—Клянусь Аллахомъ, я ничего не сдѣлалъ съ ними! Я не знаю, что сталось съ ними, и не знаю, какимъ образомъ обокрали казну! Еще вчера вечеромъ я, по своему обыкновенію, провѣрялъ ее, и все было въ порядкѣ; а сегодня утромъ нашелъ ее совершенно пустою! Однако, двери не были взломаны, и я нашелъ ихъ цѣлыми и невредимыми, замки нетронутыми и замкнутыми! Это значитъ, что не воръ обокралъ казну!—Царь спросилъ:—А мѣшки также исчезли?—Казначей отвѣтилъ:—Да!—Услышавъ это, царь едва не лишился разсудка; онъ вскочилъ на обѣ ноги и закричалъ своему казначею:—Ступай впередъ!—И пошелъ казначей въ казначейство, а царь шелъ за нимъ и, придя туда, увидѣлъ, что дѣйствительно все унесено, а двери и замки не тронуты. Царь остолбенѣлъ, почувствовалъ себя уничтоженнымъ и сказалъ:—Обокрали казну мою и не побоялись ни могущества моего, ни гнѣва!—И пришелъ онъ въ сильную ярость и поспѣшилъ тотчасъ же собрать Совѣтъ; и эмиры и вельможи вошли въ Совѣтъ, и каждый съ ужасомъ спрашивалъ себя, не онъ ли причина царскаго гнѣва? Но царь сказалъ онъ:—О вы всѣ, знайте, что въ эту ночь была ограблена моя казна; и не знаю я, кто совершилъ это, оскорбивъ меня такимъ оскорбленіемъ, не боясь моего гнѣва!—И всѣ спросили:—Какъ же это случилось?—Царь отвѣтилъ:—Спросите главнаго казначея, вотъ онъ, передъ вами!—И спросили они его, а онъ сказалъ имъ:—Еще вчера казна была полна, сегодня же я пришелъ туда и нашелъ ее пустою, и ни внутри, ни снаружи нѣтъ никакихъ слѣдовъ взлома!—И всѣ изумились и, не зная, что сказать на это, опустили головы подъ сверкавшими гнѣвомъ глазами царя и хранили молчаніе. Но въ эту самую минуту вошелъ стрѣлокъ, который въ прежнее время донесъ царю на Салема и сказалъ:—О царь временъ, я провелъ всю эту ночь безъ сна, потому что видѣлъ много необычайнаго!—Царь же спросилъ его:—Что ты видѣлъ?—Тотъ сказалъ:—Знай, о царь временъ, что я всю эту ночь развлекался и забавлялся тѣмъ, что смотрѣлъ на каменщиковъ, работавшихъ молотками, лопатками и другими орудіями. А когда разсвѣло, увидѣлъ на томъ самомъ мѣстѣ великолѣпный дворецъ, совершенно отстроенный, подобнаго которому нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Тогда пошелъ я за справками, и мнѣ объяснили, въ чемъ дѣло, и сказали:—Это сынъ Омара, Джударъ, вернулся изъ путешествія и вы-

Digitized by Google

строилъ этотъ дворецъ! И привезъ онъ съ собою множество рабовъ и много красивыхъ юношей! Онъ чрезвычайно богатъ и много у него всего! И братьевъ своихъ освободилъ онъ изъ темницы. И теперь сидитъ въ своемъ дворцѣ, какъ настоящій султанъ!

При этихъ словахъ каваса, царь сказалъ: — Пусть сейчасъ же идутъ въ тюрьму и посмотрятъ! И пошли въ тюрьму и вернулись сказать царю, что ни Салема, ни Салима тамъ нѣтъ. Тогда царь вскричалъ:—Я знаю, кто воръ! Тотъ, кто освободилъ Салема и Салима, тотъ и укралъ мою казну!—Великій визирь спросилъ:—Кто же онъ?—А царь отвѣтилъ ему:—Это братъ ихъ, Джударъ! Онъ же укралъ и оба мѣшка! Но, о визирь, ты сейчасъ же пошлешь противъ нихъ эмира съ пятьюдесятью воинами, которые схватятъ ихъ, опечатаютъ все ихъ имущество и приведутъ ихъ ко мнѣ для повѣшенія...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста пятьдесятъ седьмая ночь,

она сказала:

... и приведутъ ихъ ко мнѣ для повѣшенія!—И еще сильнѣе взбѣсился царь и закричалъ:—Да, и чтобы скорѣе шли за ними! Я хочу ихъ убить!—Великій визирь же сказалъ ему:—О царь, будь милосердъ и снисходителенъ, потому что и Аллахъ милостивъ и не спѣшитъ карать возставшаго и провинившагося раба! Кромѣ того, человѣкъ, который въ одну ночь выстроилъ цѣлый дворецъ, по истинѣ можетъ и никого не бояться! Я же боюсь за эмира, котораго мы отрядимъ туда, боясь, что Джударъ отомститъ ему! Потерпи же до тѣхъ поръ, пока придумаю тебѣ лучшій способъ узнать всю истину объ этомъ дѣлѣ; и только тогда можешь ты безпрепятственно исполнить то, что рѣшилъ исполнить!—Царь сказалъ ему на это:—Такъ научи меня, о визирь мой, что долженъ я сдѣлать!—А визирь отвѣтилъ:—Отправь къ нему эмира, чтобы пригласить его во дворецъ. Я же найду возможность арестовать его, я буду съ нимъ ласковъ, выкажу дружбу и ловко вывѣдаю у него обо всемъ, что онъ дѣлаетъ и чего не дѣлаетъ! И тогда посмотримъ! Если дѣйствительно велико его могущество, мы обойдемъ его хитростью; если же оно не велико — возьмемъ его силою; и приведемъ къ тебѣ, а ты сдѣлаешь съ нимъ, что захочешь!—Царь сказалъ:—Пусть его пригласятъ!—Тогда великій визирь приказалъ одному эмиру, по имени Отману, отправиться къ Джудару и пригласить его съ такими словами: — Царь желаетъ видѣть тебя сегодня въ числѣ своихъ гостей! — Самъ же царь прибавилъ: — А главное не смѣй возвращаться безъ него!

Эмиръ же Отманъ былъ человѣкомъ глупымъ, надменнымъ и заносчивымъ. Подойдя къ дверямъ дворца, онъ увидѣлъ евнуха, сидѣвшаго на прекрасномъ бамбуковомъ стулѣ. И подошелъ онъ къ нему, но евнухъ не всталъ съ мѣста и не обратилъ на него никакого вниманія, какъ будто тутъ никого и не было. А между тѣмъ эмиръ Отманъ былъ очень замѣтенъ, и его пятьдесятъ воиновъ также были замѣтны! Отманъ все-таки спросилъ у евнуха:—О невольникъ, гдѣ господинъ твой?—Тотъ отвѣтилъ:—Во дворцѣ!—Самъ же не повернулъ даже головы и продолжалъ сидѣть, развалясь на стулѣ съ самымъ равнодушнымъ видомъ. Тогда эмиръ Отманъ разсмѣялся и закричалъ ему:—Ахъ ты деготь проклятый! Не стыдно тебѣ сидѣть, когда я говорю съ тобою, и разваливаться на стулѣ, какъ развратный мальчишка?—Евнухъ отвѣтилъ:—Ступай прочь!—И ни слова болѣе!—При такихъ словахъ эмиръ Отманъ пришелъ въ страшное негодованіе и, взмахнувъ оружіемъ, хотѣлъ сра-

Digitized by Google

зить имъ евнуха. Но не зналъ онъ, что этотъ евнухъ былъ не кто иной, какъ эфритъ печати, Гремящій Громъ, которому Джударъ поручилъ должность дворцоваго привратника. Когда евнухъ замѣтилъ движеніе эмира Отмана, онъ всталъ и, посмотрѣвъ на него только однимъ глазомъ, между тѣмъ какъ другой былъ закрытъ, дунулъ ему въ лицо, и отъ этого дуновенія эмиръ упалъ на землю. Затѣмъ онъ отобралъ у него все его оружіе и ударилъ его имъ четыре раза, не болѣе того!

Увидя все это, пятьдесятъ воиновъ эмира пришли въ негодованіе и, не желая стерпѣть униженія, которому подвергся ихъ начальникъ, обнажили мечи свои и бросились на евнуха, чтобы изрубить его. Но евнухъ только улыбнулся, оставаясь совершенно спокойнымъ, и сказалъ имъ:—А, вы обнажаете мечи ваши, о псы! Подождите же!—И, схвативъ нѣкоторыхъ воиновъ, онъ проткнулъ ихъ собственными мечами и утопилъ ихъ въ ихъ собственной крови! И продолжалъ онъ крошить ихъ, такъ что остальные, въ ужасѣ, убѣжали и остановились только передъ царемъ съ эмиромъ своимъ во главѣ, между тѣмъ какъ Громъ снова развалился на стулѣ.

Когда царь узналъ отъ эмира Отмана о томъ, что̀ случилось, онъ пришелъ въ неописанное бѣшенство и сказалъ:—Пусть сто воиновъ сейчасъ идутъ на этого евнуха!—И сто воиновъ, явившихся ко дворцу, были встрѣчены ударами евнуха, и вздулъ онъ ихъ и въ одинъ мигъ обратилъ въ бѣгство. И пришли они сказать царю:—Онъ разсѣялъ насъ и побѣдилъ!—И сказалъ царь:—Пусть двѣсти воиновъ идутъ на него!—И пошли двѣсти воиновъ, и искрошилъ ихъ евнухъ въ куски. Тогда царь закричалъ своему великому визирю:—Иди самъ противъ него, возьми съ собою пятьсотъ воиновъ и сейчасъ же приведи его сюда! И приведи также его господина, Джудара, съ обоими его братьями!—Но великій визирь сказалъ ему на это:—О царь временъ, я предпочитаю не брать съ собою ни одного воина и идти къ нему безъ всякаго оружія!—Царь сказалъ тогда:—Иди и дѣлай то, что̀ самъ найдешь нужнымъ!

И бросилъ великій визирь свое оружіе и нарядился въ длинное бѣлое одѣяніе; потомъ взялъ длинныя четки и медленнымъ шагомъ направился ко дворцу Джудара, перебирая четки. И увидѣлъ онъ евнуха, сидящаго на стулѣ, подошелъ къ нему съ улыбкой, сѣлъ противъ него на землю и очень вѣжливо сказалъ ему:—Селямъ вамъ!—Тотъ же отвѣтилъ:—И тебѣ селямъ, о человѣческое существо! Чего жъ ты желаешь?—Когда великій визирь услыжалъ, что его называютъ человѣческимъ существомъ, онъ понялъ, что евнухъ джинъ, и задрожалъ отъ страха. Потомъ смиренно спросилъ:—Твой господинъ, Джударъ, здѣсь?—Евнухъ отвѣтилъ:—Да, онъ во дворцѣ!—Визирь сказалъ:—Йа сиди, прошу тебя пойти къ нему и сказать:—Йа сиди, царь Шамсъ-аль-Даула приглашаетъ тебя, такъ какъ даетъ пиршество въ честь тебя! Онъ самъ шлетъ тебѣ привѣтъ и проситъ почтить его жилище твоимъ присутствіемъ и не отказаться отъ его гостепріимства.—Громъ отвѣтилъ:—Подожди меня здѣсь, пока я пойду спросить его, какъ онъ желаетъ поступить...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада увидѣла, что наступутро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста пятьдесятъ восьмая ночь,

она сказала:

... Подожди меня здѣсь, пока я пойду спросить его, какъ онъ желаетъ поступить!

И великій визирь сталъ вѣжливо ждать, между тѣмъ, какъ маредъ отправился къ Джудару, чтобы сказать ему: — Знай, йа сиди, что царь по-

Digitized by Google

слалъ къ тебѣ сперва эмира, котораго я побилъ; съ нимъ было пятьдесятъ воиновъ, которыхъ я обратилъ въ бѣгство! Потомъ послалъ онъ противъ меня сто воиновъ, которыхъ я разбилъ, затѣмъ—двѣсти, которыхъ я также разбилъ и обратилъ въ бѣгство. Тогда прислалъ онъ своего великаго визиря, безоружнаго и въ бѣломъ одѣяніи, чтобы пригласить тебя отвѣдать его блюдъ и предложить свое гостепріимство. Что̀ скажешь ты на это?—Джударъ отвѣтилъ:—Ступай и приведи ко мнѣ сюда великаго визиря!—И Громъ вернулся и сказалъ:—О визирь, иди къ моему господину!—Тотъ же отвѣтилъ:—Клянусь головою!—И вошелъ онъ во дворецъ и въ пріемную залу, гдѣ увидѣлъ Джудара, величественнѣе всѣхъ царей и сидящаго на тронѣ, равнаго которому не было ни у одного царя; а передъ трономъ разстилался великолѣпный коверъ.

И остолбенѣлъ и смутился визирь, ослѣпленный красотою дворца, его украшеніями, убранствомъ, лѣпною работою и мебелью; и показался онъ себѣ ничтожнѣе послѣдняго нищаго передъ лицомъ всего этого великолѣпія и властителя дворца. Поэтому онъ поклонился до земли и поцѣловалъ землю между рукъ его, желая ему всякаго благоденствія, а Джударъ спросилъ его:—О чемъ хочешь просить меня, о визирь?—Тотъ же отвѣтилъ:—О, господинъ мой, другъ твой царь Шамсъ-Аль-Даула велѣлъ передать тебѣ привѣтъ! Онъ желаетъ насладить свой взоръ твоимъ лицезрѣніемъ; съ этою цѣлью онъ даетъ пиръ въ честь тебя! Не пожелаешь ли согласиться и доставить это удовольствіе?—Джударъ отвѣтилъ:—Если онъ другъ мнѣ, то передай ему мой привѣтъ и скажи, чтобы онъ лучше самъ приходилъ ко мнѣ!—Визирь сказалъ:—Клянусь головою!—Тогда Джударъ потеръ печать на алмазномъ перстнѣ и, когда явился Громъ, сказалъ ему:—Принеси мнѣ самое прекрасное одѣяніе, какое только есть!—Когда же Громъ принесъ одѣяніе, Джударъ сказалъ визирю:—Это для тебя, о визирь! Надѣнь его!—Когда же визирь надѣлъ это платье, Джударъ сказалъ ему:—Иди къ царю и разскажи ему обо всемъ, что̀ видѣлъ и слышалъ!—И визирь ушелъ въ этомъ одѣяніи, подобнаго которому никто въ мірѣ еще не носилъ, явился къ царю, разсказалъ ему о положеніи Джудара, описалъ и хвалилъ дворецъ и его убранство и, наконецъ, сказалъ:—Джударъ приглашаетъ тебя! — Тогда царь сказалъ:—Впередъ, солдаты!—И всѣ вскочили; и сказалъ онъ имъ:—Садитесь на коней! Приведите мнѣ моего боевого коня, чтобы я поскакалъ на немъ къ Джудару!—Потомъ сѣлъ онъ на коня и, въ сопровожденіи всей стражи своей и войска, направился ко дворцу Джудара.

Когда Джударъ увидѣлъ вдали царя и его конвой, онъ сказалъ эфриту печати:—Желаю, чтобы ты привелъ ко мнѣ товарищей твоихъ, эфритовъ, чтобы они, въ человѣческомъ образѣ, стали шпалерами на большомъ дворцовомъ дворѣ и встрѣтили бы царя. И когда царь увидитъ ихъ, онъ испугается, и сердце его замретъ отъ ужаса. И тогда пойметъ онъ, что могущество мое превышаетъ его собственное; и это послужитъ ему на пользу!—И тотчасъ же эфритъ созвалъ и привелъ двѣсти эфритовъ въ видѣ вооруженной роскошнымъ оружіемъ стражи, и всѣ они были огромнаго роста. И царь вошелъ во дворъ и прошелъ между двумя рядами солдатъ; и, при видѣ этихъ страшныхъ воиновъ, почувствовалъ, что сердце его сжимается отъ страха. Потомъ поднялся онъ во дворецъ и вошелъ въ залу, гдѣ сидѣлъ Джударъ; и увидѣлъ онъ, что ни у одного царя или султана не бывало такой величественной и горделивой наружности! И привѣтствовалъ его царь и поклонился между рукъ его и пожелалъ ему всякаго благополучія, а Джударъ встрѣтилъ его сидя и не оказалъ никакого вниманія, не пригласилъ его сѣсть, напротивъ, онъ оставилъ его стоять, чтобы показать собственное значеніе, такъ что царь растерялся и не зналъ, уходить ему, или оставаться. Наконецъ, черезъ нѣкоторое время, Джударъ сказалъ ему:—

Digitized by Google

По истинѣ, развѣ такъ слѣдуетъ поступать, развѣ можно притѣснять беззащитныхъ и обирать ихъ, какъ ты это дѣлаешь? — Царь отвѣтилъ:—О господинъ мой, соблаговоли извинить меня! Алчность и честолюбіе заставляли меня такъ поступать, а также и то, что такова была судьба моя! Къ тому же безъ вины не бываетъ и прощенія!—И продолжалъ царь извиняться за все, что̀ могло быть сдѣлано имъ въ прошломъ, и умолялъ о снисхожденіи и прощеніи; и между прочими извиненіями сказалъ Джудару такіе стихи:

О благородный, о потомокъ славный
Мужей и женъ прославленнаго рода!
Не упрекай за то меня, въ чемъ я
Передъ тобою въ прошломъ провинился
Какъ я тебѣ охотно бы простилъ,
Когда бъ ты былъ передо мной виновенъ,
Такъ ты прости виновнаго меня!

И не переставалъ онъ унижаться такимъ образомъ передъ Джударомъ до тѣхъ поръ, пока Джударъ сказалъ ему:—Да проститъ тебя Аллахъ! И позволилъ ему сѣсть; и сѣлъ онъ. Тогда Джударъ облекъ его въ одежду безопасности, приказалъ братьямъ своимъ постлать скатерть и подавать необыкновенныя и многочисленныя яства. Послѣ трапезы, онъ одарилъ прекрасною одеждою всю свиту царя и осыпалъ ее своими щедротами. Только послѣ этого простился царь съ Джударомъ и вышелъ изъ его дворца; но на слѣдующіе дни онъ снова возвращался къ нему и проводилъ съ нимъ все время; и даже сталъ онъ собирать Совѣтъ свой у Джудара и рѣшалъ у него дѣла своего государства. И дружба и товарищество между ними росли и укрѣплялись. И такъ жили они нѣкоторое время.

Но однажды царь, оставаясь наединѣ со своимъ великимъ визиремъ, сказалъ ему:—О визирь, я очень опасаюсь, что Джударъ убьетъ меня и отниметъ у меня престолъ мой...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста пятьдесятъ девятая ночь,

она сказала:

.... О визирь, я очень опасаюсь, что Джударъ убьетъ меня и отниметъ у меня престолъ мой! — Визирь отвѣтилъ: — О царь временъ, что̀ касается престола, не бойся, Джударъ не отниметъ его у тебя! Могущество и богатство Джудара значительно превышаютъ царскую власть и богатства. На что̀ ему твой престолъ? При его могуществѣ этотъ тронъ ничего не прибавилъ бы ему! Относительно же покушенія на твою жизнь, если ты, дѣйствительно, опасаешься этого, то вѣдь у тебя есть дочь! Выдай ее замужъ за него, и, такимъ образомъ, ты раздѣлишь съ нимъ высшую власть! И оба вы будете стоять въ одинаковыхъ условіяхъ!—Царь отвѣтилъ:— О визирь, будь посредникомъ между мною и имъ! — Визирь же сказалъ: — Для этого тебѣ стоитъ только пригласить его къ себѣ; мы проведемъ вечеръ въ большой залѣ, ты же прикажешь дочери своей украсить себя лучшими изъ ея украшеній и, какъ молнія, мелькнуть въ дверяхъ залы. И Джударъ замѣтитъ ее; а такъ какъ любопытство его будетъ задѣто и умъ его заработаетъ по поводу промелькнувшей принцессы, то и влюбится онъ въ нее безъ памяти; и спроситъ онъ у меня: кто это? Тогда я таинственно наклонюсь къ нему

Digitized by Google

и шепну:—Это царская дочь! И стану я разговаривать съ нимъ по этому поводу, брошу слово и возьму его назадъ, поговорю и помолчу, а онъ и не будетъ знать, что тебѣ все извѣстно, и такъ до тѣхъ поръ, пока онъ не попроситъ у тебя выдать ее за него замужъ! Когда же ты женишь его на своей дочери, согласіе между вами будетъ вѣрнымъ; а послѣ его смерти ты получишь въ наслѣдство бо̀льшую часть того, чѣмъ онъ владѣетъ!—И царь отвѣтилъ:—Ты правду говоришь, визирь!—И задалъ онъ пиръ и пригласилъ Джудара, который, придя во дворецъ, сѣлъ въ большой залѣ среди веселія и угощенія, и такъ сидѣли они тамъ до вечера.

Между тѣмъ царь послалъ сказать своей супругѣ, чтобы она нарядила молодую дѣвушку въ ея лучшія одежды и украсила ее лучшими драгоцѣнными украшеніями и велѣла ей быстро пройти передъ дверями залы. И мать дѣвицы исполнила все это. Когда же молодая дѣвушка, прекрасная, нарядная, блестящая и дивная, промелькнула, какъ молнія, въ дверяхъ залы пиршества, Джударъ увидѣлъ ее и, вскрикнувъ отъ восхищенія и глубоко вздохнувъ, сказалъ:—Ахъ!—И все тѣло его ослабѣло, и лицо его сдѣлалось желтымъ! Любовь и страсть и огонь желаній вошли въ него и покорили его. Тогда визирь сказалъ ему:—Да будешь ты избавленъ отъ всякаго зла и огорченія, господинъ мой! Почему такъ внезапно измѣнился ты въ лицѣ, какъ будто страдаетъ и онѣмѣло твое тѣло?—Джударъ отвѣчалъ:—О визирь, эта дѣвушка! Чья же она дочь? Она побѣдила меня и отняла у меня разсудокъ!—Визирь же отвѣтилъ:—Это дочь друга твоего, царя! Если она дѣйствительно нравится тебѣ, я уговорю царя выдать ее за тебя замужъ!—Онъ же ему:—О визирь, поговори съ нимъ! Я же, клянусь жизнью своею, все дамъ тебѣ, чего бы то ни попросилъ! Царю же дамъ все, что̀ онъ потребуетъ отъ меня въ качествѣ приданаго дочери! И будемъ мы съ нимъ и друзьями и родными!—Визирь отвѣтилъ:—Постараюсь употребить все мое вліяніе, чтобы добиться того, что̀ ты желаешь!—И сказалъ онъ секретно царю:—О царь Шамсъ-аль-Даула, другъ твой Джударъ желаетъ породниться съ тобою! Онъ обратился ко мнѣ, чтобы я попросилъ тебя выдать за него замужъ дочь твою Эль-Сеттъ-Азію. Не отталкивай же меня и прими мое ходатайство! Все, что̀ потребуешь въ приданое дочери своей, будетъ уплачено Джударомъ.—Царь отвѣтилъ:—Никакого приданаго не нужно! А дѣвушка-раба къ его услугамъ! Отдаю ее ему въ жены; и, принимая ее, онъ оказываетъ мнѣ величайшую честь!—И въ тотъ вечеръ дѣло не пошло дальше.

Но на другой день утромъ, царь собралъ Диванъ свой, и созвалъ онъ великихъ и малыхъ, господъ и слугъ; и позвалъ онъ шейха-уль-ислама для этого случая. Джударъ сдѣлалъ брачное предложеніе, и царь согласился и сказалъ:—Что̀ касается приданаго, то я уже получилъ его!—И написали брачный договоръ.

Тогда Джударъ велѣлъ принести мѣшокъ съ драгоцѣнностями и подарилъ его царю, какъ приданое его дочери. И тотчасъ же загремѣли трубы и барабаны, заиграли флейты и кларнеты, и брачный пиръ былъ въ полномъ разгарѣ, когда Джударъ проникъ въ брачную комнату и обладалъ дѣвушкою.

Джударъ и царь жили въ мирѣ и согласіи долгіе дни. Царь умеръ первымъ. Тогда войска стали просить Джудара вступить на престолъ султана, но онъ отказывался, они же не переставали настаивать, и онъ, наконецъ, согласился.

Вступивъ на престолъ, Джударъ первымъ дѣломъ воздвигъ мечеть надъ гробомъ Шамсъ-аль-Даулы; и назначилъ онъ большія суммы денегъ на поддержаніе мечети; мечеть эта была построена въ кварталѣ Бундуканіевъ, между тѣмъ какъ собственный дворецъ Джудара находился въ кварталѣ Яманіевъ. И съ той поры и тотъ кварталъ, гдѣ построили мечеть, и сама эта мечеть стали называться Джударія.

Digitized by Google

Затѣмъ султанъ Джударъ поспѣшилъ назначить визирями обоихъ своихъ братьевъ: Салема—визиремъ своей правой, а Салима—визиремъ своей лѣвой руки. И жили они, такимъ образомъ, въ мирѣ, одинъ годъ, не болѣе.

По прошествіи этого времени, Салемъ сказалъ Салиму:—О братъ мой, доколѣ... Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста шестидесятая ночь,

она сказала:

... По прошествіи этого времени Салемъ сказалъ Салиму:—О братъ мой, доколѣ мы будемъ оставаться въ такомъ положеніи? Неужели же мы всю нашу жизнь будемъ слугами Джудара и до самой его смерти не насладимся властью и благополучіемъ?—А Салимъ отвѣтилъ ему:—Какъ бы намъ убить его и похитить печать и мѣшокъ? Одинъ ты могъ бы придумать какую-нибудь хитрость, чтобы убить его, такъ какъ ты опытнѣе и умнѣе меня!—Салемъ же сказалъ:—Если я придумаю, какъ убить его, согласишься ли видѣть меня султаномъ, а себя визиремъ моей правой руки? Тогда печать будетъ принадлежать мнѣ, а мѣшокъ—тебѣ!—Салимъ сказалъ:—Согласенъ!—И сговорились они, какъ убить Джудара, чтобы овладѣть высшею властью и по-царски пользоваться благами міра сего.

Когда же рѣшили они все, то пошли къ Джудару и сказали ему:—О братъ нашъ, намъ бы очень хотѣлось, чтобы ты пришелъ къ намъ сегодня вечеромъ отвѣдать нашего стола, давно уже ты не переступалъ нашего порога!—Онъ отвѣтилъ:—Не обижайтесь болѣе на меня! Къ которому изъ васъ долженъ я придти прежде всего?—Салимъ отвѣтилъ:—Прежде всего ко мнѣ! А послѣ моего угощенія, осчастливь своимъ посѣщеніемъ и брата моего!—Джударъ отвѣтилъ:—Не вижу къ тому препятствій.—И отправился онъ съ Салемомъ на его половину.

Но не зналъ онъ, что̀ ожидаетъ его! Не успѣлъ онъ проглотить и перваго куска на этомъ пирѣ, какъ распался весь на мелкія крошки: мясо въ одну сторону, а кости въ другую! Ядъ оказалъ свое дѣйствіе.

Тогда Салемъ захотѣлъ снять перстень съ пальца, и такъ какъ перстень не поддавался, то отрѣзалъ палецъ ножемъ. Тогда взялъ онъ перстень и потеръ алмазъ. И тотчасъ же явился эфритъ, Гремящій Громъ, служитель печати, и сказалъ:—Я здѣсь! Требуй и получишь!—Салемъ сказалъ ему:—Приказываю тебѣ схватить и убить брата моего Салима. Потомъ возьми его и возьми Джудара, лежащаго здѣсь мертвымъ, и отнеси тѣла ихъ, и отравленнаго и убитаго, къ главнымъ военачальникамъ!—И тотчасъ же эфритъ, повиновавшійся всякому, лишь бы тотъ обладалъ волшебнымъ перстнемъ съ печатью, пошелъ къ Салиму и убилъ его; потомъ взялъ оба тѣла и, придя къ военачальникамъ, собравшимся именно въ это время въ залѣ для трапезъ, и бросилъ тѣла передъ ними.

Когда военачальники увидѣли бездыханныя тѣла Джудара и Салима, они оставили ѣду, подняли руки къ небу, задрожали отъ ужаса и спросили мареда:—Кто же совершилъ это надъ особами султана и брата его?—Онъ отвѣтилъ:—Ихъ братъ Салемъ!—И въ ту же минуту вошелъ въ залу Салемъ и сказалъ:—О начальники войскъ моихъ и вы всѣ, солдаты мои, трапезуйте и будьте довольны! Я овладѣлъ этой печатью, которую похитилъ у брата моего Джудара. А этотъ маредъ, стоящій передъ вами, это маредъ Гремящій Громъ, служитель этой печати. Убить брата моего Салима

Digitized by Google

приказалъ ему я, чтобы не дѣлить ни съ кѣмъ престола! Къ тому же онъ предатель, и я могъ опасаться, что онъ предастъ и меня! Такъ какъ Джударъ умеръ, я одинъ остаюсь султаномъ! Хотите признать меня царемъ своимъ или же хотите, чтобы я, потеревъ печать, велѣлъ эфриту перебить васъ всѣхъ, большихъ и малыхъ, и отъ перваго до послѣдняго?

При этихъ словахъ, военачальники, объятые страхомъ, не осмѣлились возражать и отвѣтили:—Мы принимаемъ тебя царемъ и султаномъ!

Тогда Салемъ распорядился похоронами братьевъ своихъ. Потомъ онъ созвалъ Диванъ, и когда всѣ возвратились съ похоронъ, онъ сѣлъ на тронъ; и принесли ему поздравленія всѣ его подданные. Затѣмъ онъ сказалъ:—Теперь хочу составить договоръ о бракѣ моемъ съ женою брата моего!—Ему отвѣтили:—Тому нѣтъ препятствій! Но вдовѣ слѣдуетъ ждать четыре мѣсяца и десять дней для вступленія въ новый бракъ!—Онъ же отвѣтилъ:—Не признаю этихъ формальностей и ничего подобнаго! Клянусь головою, сегодня же ночью желаю обладать супругою моего брата!—Тогда принуждены были написать брачный договоръ и пошли предупредить вдову Джудара Эль-Сеттъ-Азію, которая отвѣтила:—Пусть приходитъ...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста шестьдесятъ первая ночь,

она сказала:

... И пошли предупредить вдову Джудара, Эль-Сеттъ-Азію, которая сказала:—Пусть приходитъ!—И съ наступленіемъ ночи, Салемъ вошелъ къ супругѣ брата своего Джудара, которая встрѣтила его съ изъявленіями живѣйшей радости и привѣтствовала его добрыми пожеланіями. И предложила она ему прохладительное—кубокъ съ шербетомъ. Онъ выпилъ его, но тотчасъ же тѣло его распалось на тысячи кусковъ, и упалъ онъ бездыханный. Такова была его смерть.

Тогда Эль-Сеттъ-Азія взяла волшебный перстень и разломала его въ куски, чтобы отнынѣ никто не могъ заставлять его служить преступнымъ дѣламъ, и разрѣзала пополамъ волшебный мѣшокъ, разрушая такимъ образомъ его чары.

Послѣ этого она послала предупредить обо всемъ случившемся шейхъ-уль-ислама и сообщить вельможамъ царства, что имъ предстоитъ избрать новаго царя; и велѣла она сказать имъ: — Избирайте для управленія вами новаго султана!

Вотъ, продолжала Шахразада, все, что знаю о Джударѣ, о братьяхъ его, о волшебномъ мѣшкѣ и волшебной печати! Но извѣстна мнѣ также, о царь благословенный, другая удивительная исторія, которая называется...

Исторія Абу-Кира и Абу-Сира.

И Шахразада сказала:

Узнала я, о царь благословенный, что въ городѣ Искандаріи жило два человѣка, изъ которыхъ одинъ былъ красильщикомъ, и звали его Абу-Киръ, а другой цырюльникомъ, и звали его Абу-Сиръ. И были они сосѣдями по базару, такъ какъ двери ихъ лавокъ соприкасались.

Digitized by Google

Красильщикъ Абу-Киръ былъ отмѣнный плутъ, гнусный лжецъ, гуляка! До крайности! Виски его, должно быть, были вытесаны изъ какого-нибудь несокрушимаго гранита, а голова выточена изъ каменныхъ ступеней какого-нибудь еврейскаго храма! А не то откуда бы взялась у него такая безсовѣстность и дерзость во всѣхъ его злыхъ и мерзкихъ дѣлахъ? Между прочими плутнями у него была привычка брать деньги впередъ съ бо̀льшей части своихъ заказчиковъ, подъ предлогомъ, что ему нужно покупать краски, и никогда не отдавалъ онъ тканей, которыя ему приносили красить, нѣтъ, ужъ не прогнѣвайтесь! Онъ не только пропивалъ и проѣдалъ взятыя впередъ деньги, но и продавалъ украдкой оставленныя у него ткани и, такимъ образомъ, доставлялъ себѣ всякія удовольствія и развлеченія самаго перваго сорта. Когда же заказчики приходили требовать свои вещи, онъ умѣлъ отводить имъ глаза и заставлять ихъ ждать до безконечности, подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. Такъ, напримѣръ, онъ говорилъ:—Клянусь Аллахомъ, о господинъ мой, жена моя родила вчера, и я долженъ былъ цѣлый день бѣгать то туда, то сюда. Или еще увѣрялъ:—У меня вчера были гости, и я все время занятъ былъ ихъ пріемомъ и угощеніемъ; но если придешь дня черезъ два, то все будетъ готово, приходи хоть на разсвѣтѣ.—И такъ водилъ онъ за носъ заказчиковъ до тѣхъ поръ, пока который-нибудь изъ нихъ, потерявъ терпѣніе, не закричитъ ему:—Да скажешь ли ты, наконецъ, правду о моихъ тканяхъ? Отдавай сейчасъ! Не хочу ихъ красить!—Тогда онъ отвѣчалъ:—Клянусь Аллахомъ! Я самъ въ отчаяніи!—И поднималъ онъ руки къ небу, клялся и божился, что скажетъ всю правду. И послѣ жалобъ и стоновъ и хлопанья одной рукой о другую, онъ восклицалъ:—Представь себѣ, о господинъ мой, выкрасивъ ткани, я развѣсилъ ихъ для просушки на веревкахъ передъ своей лавкой и отлучился на минутку за своей надобностью; когда же вернулся, все исчезло; вѣрно, укралъ какой-нибудь бездѣльникъ съ нашего же базара, можетъ быть даже мой сосѣдъ, этотъ бѣдовый цырюльникъ!—Послѣ такихъ словъ, если заказчикъ былъ честный человѣкъ и изъ смирныхъ, онъ ограничивался тѣмъ, что отвѣчалъ:—Аллахъ вознаградитъ меня!—И уходилъ. Но если заказчикъ былъ человѣкъ раздражительный, то бѣсился, осыпалъ красильщика ругательствами, дѣло доходило до драки и ссоры на улицѣ, при всемъ честномъ народѣ. Но, не смотря на это, вопреки даже власти судьи, ему не удавалось получить свои вещи, такъ какъ не было уликъ, да и въ лавочкѣ красильщика не было ничего такого, что̀ можно было бы взять и продать. И такъ шли дѣла, и довольно долгое время, а именно до тѣхъ поръ, пока не были одурачены одинъ за другимъ всѣ купцы того базара и всѣ жители того квартала. И тогда красильщикъ Абу-Киръ увидѣлъ, что довѣріе къ нему безповоротно утрачено, а дѣло погибло, такъ какъ уже не́кого было обирать. И сдѣлался онъ предметомъ общаго презрѣнія, и обращалось имя его въ поговорку, когда говорили о мошенничествѣ безчестныхъ людей.

Когда красильщикъ Абу-Киръ увидѣлъ себя въ нуждѣ, онъ сѣлъ у лавки сосѣда своего, цырюльника Абу-Сира, разсказалъ ему о плохомъ состояніи дѣлъ своихъ и сказалъ, что ему остается теперь только умереть съ голода. Тогда цырюльникъ Абу-Сиръ, человѣкъ богобоязненный и, хотя бѣдный, но честный и добросовѣстный, сжалился надъ тѣмъ, кто былъ еще бѣднѣе его, и отвѣчалъ:—Сосѣдъ долженъ помогать сосѣду! Оставайся здѣсь, ѣшь и пей и пользуйся всѣми дарами Аллаха, пока наступятъ для тебя лучшіе дни!—И принялъ онъ его и долгое время заботился о всѣхъ его нуждахъ.

И вотъ однажды, цырюльникъ Абу-Сиръ сталъ жаловаться красильщику Абу-Киру на трудныя времена и говорилъ ему:—Видишь, братъ мой! Я далеко не плохой цырюльникъ; я знаю свое дѣло, и рука моя легка, когда

Digitized by Google

брею своихъ кліентовъ. Но такъ какъ лавочка моя бѣдна и самъ я бѣденъ, то никто и не идетъ ко мнѣ бриться. Развѣ только утромъ, въ гаммамѣ, обратится ко мнѣ какой-нибудь носильщикъ или истопникъ, чтобы побрить ему подъ мышкой или приложить мази къ какому-нибудь другому мѣсту! И на эти-то мѣдныя деньги, которыя даютъ мнѣ, бѣдняку, эти бѣдные люди, кормлю я себя, тебя и всю семью свою! Но Аллахъ великъ и милостивъ!—Красильщикъ Абу-Киръ отвѣтилъ:—Ты, право, слишкомъ простодушенъ, братъ мой, терпѣливо переносишь нужду и плохія времена, а между тѣмъ есть средство разбогатѣть и вести привольную жизнь. Тебѣ надоѣло твое ремесло, которое ничего тебѣ не приноситъ, а я не могу жить своимъ, потому что у меня здѣсь слишкомъ много недоброжелателей. Поэтому намъ слѣдуетъ покинуть этотъ жестокій край и отправиться на поиски какого-нибудь города, въ которомъ мы могли бы заниматься нашимъ ремесломъ съ пользой и утѣшеніемъ. Къ тому же ты знаешь, сколько выгодъ представляетъ путешествіе! Путешествовать—это значитъ веселиться, дышать свѣжимъ воздухомъ, забыть о печаляхъ и заботахъ, видѣть новые края и земли, узнавать новое и поучительное, а когда знаешь такія почтенныя и превосходныя ремесла, какъ мое и твое, къ тому же необходимыя во всѣхъ странахъ и для всѣхъ народовъ, то путешествіе можетъ принести большія выгоды, почести и преимущества. Къ тому же тебѣ извѣстно, что̀ сказалъ поэтъ о путешествіи:

Коль хочешь ты великаго достигнуть,
Покинь жилища родины своей
И къ странствіямъ свою настрой ты душу.
На рубежѣ невѣдомыхъ земель
Найдешь ты славу, знанье и богатство.
Прекрасное познаешь обхожденье
И радости и избранную дружбу!
А если люди станутъ говорить:
«Какъ много, другъ, опасностей ты встрѣтишь,
Печалей и заботъ въ землѣ чужой!»
Ты отвѣчай имъ: «Лучше мертвецомъ
Безгласнымъ быть, чѣмъ жизнью жить такою,
Все въ томъ же мѣстѣ, точно жалкій червь,
Среди людей завистливыхъ и злобныхъ!»

Такъ вотъ, братъ мой, намъ остается только закрыть наши лавочки и вмѣстѣ отправиться искать болѣе счастливой судьбы!—И продолжалъ онъ говорить такъ краснорѣчиво, что цырюльникъ Абу-Сиръ убѣдился въ неотложности отъѣзда и поспѣшно принялся за дорожныя приготовленія, которыя состояли въ томъ, что онъ завернулъ въ кусокъ стараго заплатаннаго холста свой тазъ, бритвы, ножницы, бритвенный ремень и кое-какіе другіе мелкіе инструменты; потомъ распрощался онъ съ семьей своей и вернулся въ лавочку къ ожидавшему его тамъ Абу-Киру. Красильщикъ же сказалъ ему:—Теперь намъ остается только прочитать первую фатью (главу) Корана, въ знакъ того, что мы стали братьями, и заключить между собою договоръ о томъ, что отнынѣ все, что̀ выручимъ, будетъ положено въ общую кассу и добросовѣстно раздѣлено между нами по возвращеніи въ Искандарію. И должны мы также обязаться, что тотъ, кто найдетъ работу, долженъ содержать того, кому не удастся ничего заработать!—Цырюльникъ Абу-Сиръ призналъ законность такихъ условій, и оба приступили къ чтенію первой фатьи Корана, чтобы скрѣпить взаимныя обязательства....

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

А когда наступила

четыреста шестьдесятъ вторая ночь,

она сказала:

... и оба приступили къ чтенію первой фатьи Корана, чтобы скрѣпить взаимныя обязательства. Послѣ этого, честный Абу-Сиръ заперъ свою лавочку и отдалъ ключъ хозяину дома, которому уплатилъ все, что̀ слѣдовало; затѣмъ оба они направились къ гавани и сѣли на корабль, уже готовый къ отплытію, не взявъ съ собою никакихъ съѣстныхъ припасовъ.

Судьба покровительствовала имъ во время путешествія и пришла къ нимъ на помощь, при посредствѣ одного изъ нихъ. Дѣйствительно, въ числѣ пассажировъ, число которыхъ доходило до ста сорока человѣкъ, не считая капитана, не было ни одного цырюльника, кромѣ Абу-Сира; поэтому онъ имѣлъ возможность брить всѣхъ, кто хотѣлъ бриться. Какъ только отплылъ корабль, цырюльникъ сказалъ своему товарищу: — Братъ мой, мы теперь на морѣ и нужно же намъ достать себѣ пищу и питье. Поэтому я попробую предложить свои услуги пассажирамъ и морякамъ, въ надеждѣ, что кто-нибудь изъ нихъ скажетъ мнѣ: — Цырюльникъ, побрей-ка мнѣ голову! — Я же буду брить его за хлѣбецъ, или за деньги, или за глотокъ воды, чтобы и ты и я получили пользу! — Красильщикъ Абу-Киръ отвѣтилъ: — Препятствій тому нѣтъ! — И растянулся онъ на палубѣ, примостивъ голову какъ только могъ удобнѣе и заснулъ, между тѣмъ какъ цырюльникъ собирался искать работы.

Для этого, Абу-Сиръ взялъ всѣ свои припасы, чашку для воды, бросилъ себѣ на плечо тряпку вмѣсто полотенца, такъ какъ былъ бѣденъ, и принялся обходить пассажировъ. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ ему: — Мастеръ, побрей-ка меня! — И цырюльникъ обрилъ ему голову. Когда же онъ кончилъ и пассажиръ подалъ ему какую-то мелкую монету, онъ сказалъ: — О братъ мой, что̀ буду дѣлать здѣсь съ этими деньгами? Не дашь ли мнѣ лучше мучную лепешку, это нужнѣе мнѣ и желаннѣе здѣсь, на морѣ; со мною ѣдетъ товарищъ, и у насъ очень мало провизіи. — Пассажиръ далъ ему мучную лепешку, прибавилъ къ ней кусокъ сыру и наполнилъ водою его̀ чашку. И Абу-Сиръ взялъ все это и, вернувшись къ Абу-Киру, сказалъ ему: — Возьми эту лепешку и съѣшь ее съ этимъ кускомъ сыра; и напейся воды изъ этой чашки! — И Абу-Киръ взялъ все это, и ѣлъ и пилъ. Абу-Сиръ же снова взялъ всѣ свои принадлежности, повѣсилъ тряпку на плечо, взялъ въ руку пустую чашку и принялся ходить по палубѣ между рядами сидящихъ или лежащихъ пассажировъ и, обривъ одного, получилъ за труды двѣ лепешки, отъ другихъ же получилъ кусокъ сыра, или огурецъ, или ломоть арбуза, а то и деньги; и такъ ему повезло, что къ концу того дня, онъ собралъ тридцать лепешекъ, тридцать полу-драхмъ, много сыру, маслинъ, огурцовъ и нѣсколько египетскихъ плитокъ сухихъ моло́къ отъ превосходныхъ рыбъ, которыя ловятся въ Даміеттѣ. Кромѣ того его такъ полюбили пассажиры, что онъ могъ просить у нихъ, чего захочетъ, и они дали бы ему. Молва объ его искусствѣ дошла даже до капитана, который также пожелалъ у него выбриться; и Абу-Сиръ обрилъ голову капитану и не преминулъ пожаловаться на жестокость судьбы и на недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. И прибавилъ онъ, что съ нимъ ѣдетъ еще и товарищъ. Тогда капитанъ, человѣкъ тароватый и къ тому же восхищенный хорошимъ обращеніемъ и легкостью руки цырюльника, сказалъ ему: — Добро пожаловать! Желаю, чтобы ты со своимъ товарищемъ каждый вечеръ приходилъ ко мнѣ обѣдать. И пока вы ѣдете съ нами, не заботьтесь ни о чемъ!

Digitized by Google

Цырюльникъ пошелъ къ красильщику, который по своему обыкновенію спалъ, а когда проснулся и увидѣлъ около себя все это обиліе лепешекъ, сыра, арбузовъ, маслинъ, огурцовъ и сухихъ молокъ, то воскликнулъ съ удивленіемъ: — Откуда же все это? — Абу-Сиръ отвѣтилъ: — Отъ щедротъ Аллаха (Да будетъ прославляемо имя Его!). — Тогда красильщикъ накинулся на всю эту провизію и, казалось, готовъ былъ сразу ублажить всѣмъ этимъ свой желудокъ, но цырюльникъ сказалъ ему: — Оставь это, братъ мой, эти вещи могутъ пригодиться намъ въ минуту нужды; и выслушай меня. Узнай, что я брилъ капитана; и я жаловался ему на нашу бѣдность, а онъ отвѣтилъ мнѣ: — Добро пожаловать, и приходи каждый вечеръ съ твоимъ товарищемъ ко мнѣ обѣдать! Ну, вотъ, сегодня мы въ первый разъ и отобѣдаемъ у него! — Но Абу-Киръ сказалъ: — Не нужно мнѣ и капитана! Меня мутитъ отъ голода, и я не въ силахъ и съ мѣста подняться. Дай мнѣ утолить голодъ этими припасами и ступай одинъ къ капитану! — И цырюльникъ сказалъ на это: — Что же, это можно! — И, въ ожиданіи обѣденнаго часа, онъ смотрѣлъ, какъ ѣстъ его товарищъ.

Красильщикъ же бросился на пищу и откусывалъ куски, точно каменщикъ, разбивающій камни, и глоталъ ихъ съ такимъ же шумомъ, какъ глотаетъ много дней не ѣвшій слонъ, у котораго бурчитъ и клокочетъ въ глоткѣ; и глоталъ онъ кусокъ за кускомъ и не успѣвалъ проглотить одинъ, какъ уже другой кусокъ тѣснилъ первый; и глаза красильщика расширялись и блестѣли, и отдувался онъ и мычалъ, какъ быкъ на сѣно и на бобы.

Въ это самое время подошелъ матросъ и сказалъ цырюльнику: — О мастеръ, капитанъ велѣлъ сказать тебѣ: — Приводи своего товарища и приходи къ обѣду! — Тогда Абу-Сиръ спросилъ Абу-Кира: — Ну, что же, пойдешь со мною? — Тотъ же отвѣтилъ: — У меня нѣтъ силъ идти! — И пошелъ цырюльникъ одинъ и увидѣлъ капитана, сидѣвшаго на полу передъ скатертью, на которой разставлено было двадцать разноцвѣтныхъ блюдъ, или даже болѣе того; ждали только его прихода, чтобы приступить къ трапезѣ, на которую приглашено было еще нѣсколько лицъ. И, увидя, что онъ одинъ, капитанъ спросилъ...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста шестьдесятъ третья ночь,

она сказала:

... И, увидя, что онъ одинъ, капитанъ спросилъ: — Гдѣ же твой товарищъ? — А онъ отвѣтилъ: — О господинъ мой, у него кружится голова отъ морской болѣзни! — Капитанъ же сказалъ: — Это не опасно. Это головокруженіе пройдетъ! Садись здѣсь около меня и во имя Аллаха! — И, взявъ тарелку, онъ наполнилъ ее разноцвѣтными яствами и такъ щедро, что каждой порціи могло хватить на десять человѣкъ. Когда же цырюльникъ кончилъ, капитанъ наложилъ другую тарелку, говоря ему: — А это отнеси товарищу. — И Абу-Сиръ поспѣшилъ отнести полную тарелку Абу-Киру, котораго засталъ работающимъ зубами, какъ верблюдъ, между тѣмъ какъ огромные куски быстро поглощались его пастью, какъ бездной. И сказалъ онъ ему: — Не говорилъ ли я тебѣ, чтобы ты не портилъ себѣ аппетита? Посмотри! Вотъ какія превосходныя вещи присылаетъ тебѣ капитанъ. Что скажешь объ этомъ шашлыкѣ изъ ягнятины, со стола нашего капитана? — Абу-Киръ проворчалъ что-то и сказалъ: — Давай! — И, бросившись къ та-

Digitized by Google

релкѣ, которую протягивалъ ему цырюльникъ, онъ сталъ хватать обѣими руками, какъ голодный волкъ, или левъ, или коршунъ, кидающійся на голубей, или какъ обезумѣвшій и едва не умершій отъ голода человѣкъ. И въ нѣсколько мгновеній вычистилъ, облизалъ онъ и отбросилъ тарелку. Тогда цырюльникъ поднялъ ее и отнесъ корабельнымъ слугамъ, а самъ пошелъ снова къ капитану, чтобы выпить съ нимъ что-нибудь, а затѣмъ вернулся на ночь къ Абу-Киру, храпѣвшему съ такимъ же шумомъ, какъ вода, плескавшаяся въ борты корабля.

На другой день и на слѣдующіе дни цырюльникъ Абу-Сиръ продолжалъ брить пассажировъ и моряковъ, которые платили ему тѣмъ или другимъ; онъ же каждый вечеръ обѣдалъ у капитана и великодушно кормилъ товарища, который, съ своей стороны, ограничивался тѣмъ, что ѣлъ и спалъ. И такъ продолжалось двадцать дней плаванія, пока, наконецъ, на двадцать первый день корабль вошелъ въ гавань незнакомаго города.

Тогда Абу-Киръ и Абу-Сиръ сошли съ корабля на землю и наняли въ ханѣ маленькое помѣщеніе, которое цырюльникъ поспѣшилъ украсить новой цыновкой, купленной на базарѣ цыновщиковъ, и двумя шерстяными одѣялами. Затѣмъ цырюльникъ, доставивъ все необходимое красильщику, который продолжалъ жаловаться на морскую болѣзнь, оставилъ его спящимъ въ ханѣ, а самъ отправился въ городъ съ принадлежностями своего ремесла и принялся за свое дѣло на перекрёсткахъ, на открытомъ воздухѣ, брея то носильщиковъ, то погонщиковъ, то метельщиковъ, то разносчиковъ и даже довольно богатыхъ купцовъ, привлеченныхъ молвой о его искусствѣ. Вечеромъ онъ вернулся домой и разставилъ передъ товарищемъ блюда, а товарищъ спалъ и разбудить его удалось, только давъ понюхать ароматъ шашлыка изъ ягнятины. Такъ и дальше шло у нихъ дѣло; Абу-Сиръ продолжалъ жаловаться на остатки морской болѣзни цѣлые сорокъ дней; и каждый день, въ полдень и при закатѣ солнца, цырюльникъ возвращался въ ханъ, чтобы накормить красильщика и услужить ему, заработавъ столько, сколько позволяла его судьба и его бритва: красильщикъ же поглощалъ лепешки, огурцы, свѣжій лукъ, шашлыкъ, и желудокъ его былъ неутомимъ: и какъ ни хвалилъ ему несравненную красоту города цырюльникъ и какъ ни звалъ его прогуляться по базарамъ и садамъ, Абу-Киръ неизмѣнно отвѣчалъ ему:—У меня до сихъ поръ еще кружится голова! И, поглотавши различныя жаркія, наѣвшись до отвала, онъ снова погружался въ тяжелый сонъ. А честный, добрый цырюльникъ Абу-Сиръ воздерживался отъ малѣйшаго упрека своему товарищу-обжорѣ и не докучалъ ему ни жалобами, ни спорами.

Но по прошествіи сорока дней, бѣднякъ-цырюльникъ заболѣлъ и, не будучи въ состояніи выходить на промыселъ, попросилъ привратника хана заботиться о товарищѣ и покупать ему все, что ему понадобится. Однако, нѣсколько дней спустя, положеніе больного такъ ухудшилось, что онъ потерялъ сознаніе и лежалъ, какъ мертвецъ. Теперь, такъ какъ нѣкому было уже кормить его, красильщикъ почувствовалъ укусы голода и волей неволей принужденъ былъ встать и искать направо и налѣво чего-нибудь перекусить. Но все было уже съѣдено въ квартирѣ, и не оставалось ровно ничего; тогда онъ принялся шарить въ карманахъ товарища, неподвижно лежавшаго на полу, и нашелъ кошелекъ, заключавшій деньги, заработанныя бѣднягой по грошамъ и во время плаванія и въ теченіе сорока дней работы въ городѣ. И, взявъ кошелекъ, Абу-Киръ спряталъ его къ себѣ въ поясъ и, нисколько не заботясь о больномъ товарищѣ, какъ будто того уже не было на свѣтѣ, вышелъ изъ хана, заперевъ на щеколду дверь квартиры. А такъ какъ привратникъ въ это время былъ въ отлучкѣ, то никто не видѣлъ, какъ онъ вышелъ, и не спросилъ, куда онъ идетъ.

Digitized by Google

Первой заботой Абу-Кира было бѣжать къ пирожнику, гдѣ онъ купилъ себѣ цѣлый подносъ кенафы и другой со слоеными пирожками; все это запилъ онъ кружкою шербета съ мускусомъ и другою съ питьемъ изъ ягоднаго сока и амбры. Затѣмъ....

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста шестьдесятъ четвертая ночь,

она сказала:

... Затѣмъ направился онъ къ базару и купилъ себѣ тамъ прекрасную одежду и прекрасныя вещи. Нарядившись, онъ принялся разгуливать медленными шагами по улицамъ, развлекаясь и забавляясь всѣмъ, что встрѣчалъ новаго въ этомъ городѣ, подобнаго которому онъ никогда не видѣлъ. Но, между прочимъ, его особенно поразило то, что всѣ жители были одѣты или въ синее, или въ бѣлое платье, никакихъ другихъ цвѣтовъ не замѣчалось. Даже въ лавкахъ торговцевъ продавались только синія или бѣлыя ткани. У продавцовъ ароматическихъ веществъ также все было или синее, или бѣлое; даже конь былъ синій. У продавцовъ шербета, въ графинахъ виднѣлся только бѣлый, и не было ни краснаго, ни розоваго, ни фіолетоваго. Это открытіе чрезвычайно удивило его. Но удивленіе его достигло крайнихъ предѣловъ у дверей одного красильщика: въ лоханяхъ этого красильщика онъ увидѣлъ одну только синюю индиговую краску. Тогда, не въ силахъ будучи сдерживать долѣе свое любопытство и изумленіе, Абу-Киръ вошелъ въ лавочку, вытащилъ изъ кармана бѣлый платокъ и подалъ его красильщику, говоря:—Мастеръ, сколько возьмешь за то, чтобы выкрасить этотъ платокъ? И въ какой цвѣтъ ты его выкрасишь?—Мастеръ отвѣтилъ:—За это я возьму только двадцать драхмъ! А въ какой цвѣтъ, конечно, въ синій, индиговый!—Абу-Киръ возмутился и закричалъ:—Какъ, ты просишь съ меня двадцать драхмъ за краску, да еще за синюю? Да въ моемъ краѣ это стоитъ всего полъ-драхмы!—Мастеръ отвѣтилъ:—Въ такомъ случаѣ и возвращайся въ свой край, любезнѣйшій! Здѣсь же мы не можемъ брать меньше двадцати драхмъ ни на единый мѣдякъ.—Абу-Киръ возразилъ:—Пусть такъ, но я не хочу красить платокъ въ синюю краску. Я хочу въ красную!—Мастеръ спросилъ:—Да на какомъ же языкѣ ты говоришь со мною? И что̀ значитъ красная? Развѣ существуетъ красная краска?—Абу-Киръ остолбенѣлъ и сказалъ:—Такъ въ зеленую!—А тотъ опять спросилъ:—Развѣ такая есть? Что̀ такое зеленая краска?—Ну, такъ въ желтую!—Мастеръ и на это отвѣтилъ:—Не знаю такой!—И продолжалъ Абу-Киръ перечислять ему различныя краски, но мастеръ ничего не понималъ. Когда-же Абу Киръ спросилъ у него, всѣ ли красильщики этого города знаютъ такъ же мало, какъ онъ, мастеръ отвѣтилъ:—Въ этомъ городѣ насъ, красильщиковъ, сорокъ человѣкъ, и мы составляемъ замкнутую корпорацію; наше ремесло передается отъ отца къ сыну. Но чтобы можно было употреблять какую-нибудь краску кромѣ синей,—этого мы никогда не слыхивали!—

На это Абу-Киръ сказалъ ему:—Знай, о мастеръ своего ремесла, что я также красильщикъ и умѣю красить ткани не только въ синюю, но во множество другихъ цвѣтовъ, о которыхъ ты и не подозрѣваешь. Возьми же меня къ себѣ работать за плату, а я научу тебя всѣмъ подробностямъ моего искусства, и ты тогда можешь хвалиться своимъ знаніемъ передъ всей корпораціей красильщиковъ!—Тотъ же отвѣтилъ:—Мы не можемъ принимать

Digitized by Google

чужихъ!—Абу-Киръ спросилъ:—А если бы я за свой счетъ открылъ красильню?—Мастеръ отвѣтилъ:—И это невозможно!—Тогда Абу-Киръ пересталъ настаивать, вышелъ изъ красильни и пошелъ къ другому, потомъ къ третьему, къ четвертому красильщику; и у всѣхъ пріёмъ былъ одинаковъ, и всѣ давали ему такіе же отвѣты, какъ и первый, не принимая его ни мастеромъ, ни ученикомъ. И пошелъ онъ жаловаться къ старшинѣ красильщиковъ, но и тотъ отвѣтилъ ему:—Я ничего не могу сдѣлать. Наши преданія и обычаи запрещаютъ намъ принимать въ свою среду чужеземцевъ.

Послѣ такого всеобщаго отказа со стороны красильщиковъ, Абу-Киръ почувствовалъ, что печень его раздувается отъ бѣшенства, и пошелъ онъ во дворецъ къ царю того города. И сказалъ онъ ему:—О царь временъ, я чужеземецъ и по ремеслу—красильщикъ, и умѣю я красить ткани въ сорокъ различныхъ цвѣтовъ...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста шестьдесятъ пятая ночь,

она сказала:

....и умѣю красить я ткани въ сорокъ различныхъ цвѣтовъ. А между тѣмъ вотъ то-то и то сказали мнѣ здѣшніе красильщики, которые умѣютъ красить въ одну только синюю краску. Я же могу придать ткани самый плѣнительный цвѣтъ, самые восхитительные оттѣнки; напримѣръ, красный, розовый, ягодный и другіе оттѣнки; зеленый и его оттѣнки: травяной, фисташковый, оливковый и цвѣтъ крыла попугаичьей самки; черный во всѣхъ его оттѣнкахъ, напримѣръ: угольно-черный, дегтярно-черный, синевато-черный; желтый различныхъ оттѣнковъ: лимонно-желтый, оранжево-желтый, золотистый, цвѣтъ тины и много еще другихъ удивительныхъ! Все это я могу! И, не смотря на это, красильщики не захотѣли принять меня ни мастеромъ, ни ученикомъ!

Выслушавъ слова Абу-Кира и перечисленные имъ цвѣта, о существованіи которыхъ онъ и не подозрѣвалъ, царь восхитился и заволновался и воскликнулъ:—Йа Аллахъ! Какъ это безподобно!—Потомъ сказалъ онъ Абу-Киру:—Если ты говоришь правду, о, красильщикъ, и если, въ самомъ дѣлѣ, ты можешь своимъ искусствомъ порадовать наши глаза всѣми этими дивными красками, то можешь успокоить умъ свой и прогнать заботы. Я сейчасъ же самъ открою для тебя красильню и дамъ большой капиталъ деньгами. Тебѣ нéчего бояться другихъ красильщиковъ; если бы кто изъ нихъ вздумалъ оскорблять тебя, я сейчасъ же велю повѣсить его у дверей его же лавки!—И тотчасъ позвалъ онъ строителей дворца и сказалъ имъ:—Ступайте за этимъ дивнымъ мастеромъ и ищите по всему городу мѣсто, которое пришлось бы ему по вкусу, будь то лавка, ханъ, домъ или садъ; прогоните немедленно хозяина и какъ можно скорѣе постройте на томъ мѣстѣ большую красильню съ сорока чанами большого размѣра и сорока мéньшими. И во всемъ постройте по указаніямъ этого великаго красильнаго мастера; исполняйте въ точности его приказанія и не осмѣливайтесь въ чемъ бы то ни было ослушаться его!—Затѣмъ царь подарилъ Абу-Киру прекрасное почетное платье, кошелекъ съ тысячью динаріевъ и сказалъ ему:—Можешь истратить эти деньги на свои удовольствія, пока не готова новая красильня!—И сверхъ того подарилъ ему царь двухъ молодыхъ слугъ

Digitized by Google

и великолѣпнаго коня съ прекраснымъ сѣдломъ изъ синяго бархата и шелковымъ чепракомъ того же цвѣта. И предоставилъ, кромѣ того, въ его распоряженіе большой домъ съ роскошнымъ убранствомъ и множествомъ рабовъ.

Теперь Абу-Киръ, одѣтый въ парчу и верхомъ на прекрасномъ конѣ, казался блестящимъ и величественнымъ, какъ какой-нибудь эмиръ, сынъ эмира! На другой же день онъ, предшествуемый двумя зодчими и двумя юношами, очищавшими ему дорогу, отправился по улицамъ и базарамъ искать мѣста для своей красильни. Наконецъ, понравилась ему большая сводистая лавка по самой серединѣ базара, и сказалъ онъ:—Вотъ это превосходное мѣсто!—Тотчасъ же зодчіе и рабы прогнали владѣльца и немедленно стали ломать съ одной стороны, строить съ другой, и выказали такое усердіе, исполняя приказанія Абу-Кира, сидѣвшаго на лошади и говорившаго имъ: — Вотъ здѣсь нужно сдѣлать такъ, а тамъ вотъ какъ!—что въ самое короткое время отстроили красильню, подобной которой не было нигдѣ на свѣтѣ.

Тогда царь позвалъ его и сказалъ ему:—Теперь остается только пустить красильню въ ходъ; но безъ денегъ ничто не можетъ идти. Поэтому, вотъ, для начала, пять тысячъ золотыхъ динаріевъ. Съ нетерпѣніемъ буду ждать доказательствъ твоего красильнаго искусства!—И взялъ Абу-Киръ тѣ пять тысячъ золотыхъ динаріевъ, тщательно спряталъ ихъ у себя дома и, купивъ дешево, за нѣсколько драхмъ, необходимыя краски, такъ какъ ихъ никто не покупалъ и онѣ лежали въ нераспакованныхъ мѣстахъ у москательщика, велѣлъ отнести ихъ въ красильню, гдѣ приготовилъ ихъ и умѣло развелъ въ большихъ и малыхъ чанахъ....

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста шестьдесятъ шестая ночь,

она сказала:

... И умѣло развелъ ихъ въ большихъ и малыхъ чанахъ.

Тѣмъ временемъ царь прислалъ ему пятьсотъ штукъ бѣлыхъ тканей, шелковыхъ, шерстяныхъ и льняныхъ, чтобы онъ выкрасилъ ихъ посвоему. И Абу-Киръ выкрасилъ ихъ на разныя манеры, употребляя то одноцвѣтныя, то сложныя краски, такъ что ни одна ткань не походила на другую; потомъ, для просушки, развѣсилъ онъ ихъ на веревкахъ, которыя тянулись отъ его лавки съ одного конца улицы до другого; и выкрашенныя ткани, высыхая, становились дивно яркими и представляли при свѣтѣ солнца дивное зрѣлище.

Когда жители города увидѣли такое новое для нихъ зрѣлище, они остолбенѣли отъ удивленія; купцы запирали свои лавки и сбѣгались, чтобы лучше разглядѣть; женщины и дѣти кричали отъ восхищенія и всѣ спрашивали у Абу-Кира: — Мастеръ - красильщикъ, какъ называется этотъ цвѣтъ?—А онъ отвѣчалъ имъ:—Это гранатовый! Это оливковый! Это лимонный!—И называлъ онъ имъ всѣ цвѣта среди восклицаній людей, поднимавшихъ руки къ небу отъ безконечнаго восхищенія.

И вдругъ царь, предупрежденный, что все готово, появился верхомъ на конѣ у входа на базаръ, предшествуемый скороходами, которые расчищали дорогу, и сопровождаемый почетнымъ конвоемъ. И при видѣ переливающихся красокъ столькихъ тканей, покачиваемыхъ легкимъ вѣтеркомъ

Digitized by Google

въ раскаленномъ воздухѣ, онъ пришелъ въ неописанное восхищеніе и долго оставался неподвижнымъ, затаивъ дыханіе и широко раскрывъ глаза. И даже лошади не только не испугались при видѣ необычнаго зрѣлища, но почувствовали прелесть красокъ, и такъ точно, какъ гарцуютъ они при звукахъ трубъ и кларнетовъ, загарцевали, опьяненныя всѣмъ этимъ развѣвавшимся въ воздухѣ великолѣпіемъ.

Царь же, не зная чѣмъ почтить красильщика, велѣлъ своему великому визирю сойти съ коня, посадилъ Абу-Кира на его мѣсто, приказавъ ему стать по правую руку свою, и когда собрали всѣ ткани, всѣ вернулись во дворецъ, гдѣ Абу-Киръ былъ осыпанъ золотомъ, подарками и всякими преимуществами. Затѣмъ царь велѣлъ кроить изъ выкрашенныхъ тканей платья для себя, для своихъ женъ и для придворныхъ, и приказалъ выдать Абу-Киру тысячу новыхъ штукъ тканей для того, чтобы и эти были имъ такъ же дивно выкрашены; и скоро на всѣхъ эмирахъ, а потомъ и на всѣхъ должностныхъ лицахъ появились цвѣтныя одежды. У Абу-Кира, дѣлавшагося царскимъ поставщикомъ, было такъ много заказовъ, что онъ сдѣлался самымъ богатымъ человѣкомъ того города; остальные же красильщики, со старостой своимъ во главѣ, явились къ нему извиниться въ своемъ прежнемъ поведеніи по отношенію къ нему и просили принять ихъ учениками безъ жалованья. Онъ же не принялъ ихъ извиненій и прогналъ со стыдомъ. И на улицѣ, и на базарѣ можно было видѣть только людей, одѣтыхъ въ великолѣпныя разноцвѣтныя ткани, выкрашенныя царскимъ красильщикомъ, Абу-Киромъ. И вотъ все о немъ.

Что касается до Абу-Сира, цырюльника, то вотъ...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста шестьдесятъ седьмая ночь,

она сказала:

... но что касается до Абу-Сира, цырюльника, то вотъ!

Послѣ того, какъ онъ былъ обобранъ и брошенъ красильщикомъ, который ушелъ, заперевъ дверь на щеколду, цырюльникъ пролежалъ замертво три дня, послѣ чего привратникъ хана удивился, наконецъ, что ни одинъ изъ жильцовъ не выходитъ изъ дома; и сказалъ онъ себѣ:—Они, пожалуй, уѣхали, не заплативъ мнѣ за квартиру! А можетъ быть и умерли! А можетъ и еще что-нибудь случилось, чего не знаю!—И пошелъ онъ къ дверямъ ихъ квартиры и увидѣлъ, что онѣ заперты на деревянную щеколду; а извнутри послышался ему слабый стонъ. Тогда онъ отперъ двери, вошелъ и увидѣлъ лежащаго на цыновкѣ, желтаго и неузнаваемаго цырюльника. И спросилъ его:—Что же съ тобою, братъ мой, почему ты такъ стонешь? И что же сталось съ твоимъ товарищемъ?—Бѣдный цырюльникъ отвѣтилъ едва слышнымъ голосомъ:—Одному Аллаху извѣстно это! Только сегодня открылъ я глаза. Не знаю, съ какихъ поръ я лежу здѣсь! Но мнѣ очень хочется пить и прошу тебя, братъ мой, возьми кошелекъ, висящій у моего пояса, и купи мнѣ что-нибудь, чтобы подкрѣпиться.—Привратникъ повертѣлъ поясъ туда и сюда, но, не найдя денегъ, понялъ, что товарищъ обокралъ цырюльника. И сказалъ онъ ему:—Не безпокойся ни о чемъ, о бѣднякъ! Аллахъ воздаетъ каждому по дѣламъ его. Я буду ходить за тобою и заботиться о тебѣ!—И поспѣшилъ онъ приготовить ему супъ, наполнилъ имъ чашку и принесъ. Потомъ помогъ ему держать чашку, закуталъ въ

Digitized by Google

шерстяное одѣяло и заставилъ вспотѣть. Такъ поступалъ онъ цѣлые два мѣсяца, взявъ на себя всѣ расходы цырюльника, такъ что по прошествіи этого времени Аллахъ даровалъ исцѣленіе черезъ его посредство. Когда Абу-Сиръ выздоровѣлъ, онъ сказалъ доброму привратнику:—Если когда-нибудь Всевышній дастъ мнѣ возможность и силу, я сумѣю вознаградить тебя за твои попеченія. Но одинъ Аллахъ могъ бы вознаградить тебя по заслугамъ, о избранный сынъ Его!—Старый привратникъ хана отвѣтилъ ему:—Слава Аллаху за твое исцѣленіе, братъ мой! Я же поступалъ такъ по отношенію къ тебѣ только во имя Аллаха милостиваго! — Цырюльникъ затѣмъ хотѣлъ поцѣловать у него руку, но онъ не допустилъ этого. И простились они, призывая другъ на друга всѣ благословенія Аллаха.

Цырюльникъ вышелъ изъ хана, неся, по обыкновенію,—всѣ принадлежности своего ремесла, и принялся ходить по базарамъ. Судьба направила его какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ находилась красильня Абу-Кира и гдѣ увидѣлъ онъ громадную толпу, смотрѣвшую на разноцвѣтныя ткани, развѣшенныя передъ красильней на веревкахъ, и шумно восхищавшуюся ими. И спросилъ онъ у одного изъ зрителей:—Кому принадлежитъ эта красильня? И почему здѣсь собралась такая толпа?—Человѣкъ, которому онъ задалъ этотъ вопросъ, отвѣтилъ:—Это лавка Абу-Кира, красильщика султана! Это онъ краситъ ткани въ эти дивные цвѣта, по какому-то необыкновенному способу! Это великій мастеръ своего дѣла!

Услышавъ эти слова, Абу-Сиръ порадовался въ душѣ своей за стараго товарища и подумалъ:—Слава Аллаху; отверзшему ему двери богатства! Напрасно, ты, Абу-Сиръ, нехорошо думалъ о своемъ старомъ товарищѣ! Если онъ покинулъ тебя и забылъ о тебѣ, то это потому, что былъ очень занятъ! А если онъ взялъ у тебя кошелекъ, то это потому, что ему не на что было купить краски! Но теперь ты увидишь, когда онъ узнаетъ тебя, съ какою сердечностью приметъ тебя за прежнія услуги и добро, которое ты сдѣлалъ ему, когда онъ былъ въ нуждѣ! Какъ обрадуется онъ тебѣ!—Затѣмъ цырюльнику удалось пробраться сквозь толпу и подойти ко входу въ красильню. Онъ заглянулъ въ нее. И увидѣлъ онъ Абу-Кира, небрежно растянувшагося на высокомъ диванѣ и цѣлой горѣ подушекъ; правая рука его лежала на одной, лѣвая на другой подушкѣ. Одѣтъ онъ былъ въ такое одѣяніе, которое можно видѣть только на царяхъ, а передъ нимъ стояли четыре молодыхъ черныхъ невольницы и четверо молодыхъ бѣлыхъ невольниковъ въ роскошныхъ одеждахъ. И показался онъ цырюльнику такимъ же величественнымъ, какъ визирь, и такимъ же великимъ, какъ султанъ. Десять человѣкъ рабочихъ работали, исполняя его приказанія, которыя онъ отдавалъ молча, движеніемъ руки. Тогда Абу-Сиръ сдѣлалъ шагъ впередъ и остановился передъ Абу-Киромъ, думая про себя:—Подожду, чтобы онъ взглянулъ на меня, и тогда поклонюсь ему! Быть можетъ, онъ и первый поклонится мнѣ, бросится ко мнѣ на шею, поцѣлуетъ и выразитъ свое сожалѣніе и утѣшитъ меня!

Но какъ только встрѣтились глаза ихъ...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста шестьдесятъ восьмая ночь,

она сказала:

... Но какъ только встрѣтились глаза ихъ, красильщикъ вскочилъ и закричалъ:—Ахъ ты воръ, злодѣй, сколько разъ запрещалъ я тебѣ оста-

Digitized by Google

навливаться передъ моею лавкой! Ты хочешь разорить, обезчестить меня! Эй вы! Задержите его! Схватите его!

Черные и бѣлые невольники бросились на бѣдняка-цырюльника, повалили его, топтали ногами; и самъ красильщикъ всталъ, взялъ большую палку и сказалъ:—Растяните его на животѣ!—И далъ онъ ему по спинѣ сто ударовъ палкой. А потомъ сказалъ:—Переверните его на спину. И сто разъ ударилъ его палкой по животу. Послѣ этого онъ закричалъ:—Негодяй, предатель! Если ты еще разъ появишься у моей лавки, я отошлю тебя къ царю; онъ сдеретъ съ тебя кожу и посадитъ на колъ передъ своимъ дворцомъ! Ступай вонъ! Да проклянетъ тебя Аллахъ, о дегтярная рожа!—Тогда бѣдный цырюльникъ, уничтоженный и израненный, съ разбитымъ сердцемъ и скорбной душой, потащился къ хану, молча обливаясь слезами и преслѣдуемый враждебными криками, свистомъ толпы и проклятіями почитателей красильщика Абу-Кира.

Онъ пришелъ къ себѣ, легъ на цыновку и принялся раздумывать о томъ, что̀ пришлось ему вытерпѣть отъ Абу-Кира; и во всю ночь не могъ онъ сомкнуть глазъ: такъ болѣло и ныло его тѣло и до такой степени почувствовалъ онъ себя несчастнымъ. Но на утро слѣды ударовъ не такъ жгли его, онъ могъ встать и вышелъ съ намѣреніемъ взять ванну въ гаммамѣ, такъ какъ за все время болѣзни не совершалъ омовеній. И спросилъ онъ у прохожаго:—Братъ мой, какъ пройти къ гаммаму?—Прохожій отвѣтилъ:—Гаммамъ? А что это такое гаммамъ?—Абу-Сиръ же сказалъ:—Да это мѣсто, куда ходятъ мыться, очищать тѣло отъ грязи и перхоти! Лучше этого мѣста нѣтъ на свѣтѣ!—Прохожій сказалъ на это:—Такъ ступай и выкупайся въ морѣ! Всѣ тамъ купаются!—Абу-Сиръ же возразилъ:—Да я хочу взять ванну въ гаммамѣ!—А тотъ повторилъ:—Мы не знаемъ, что называешь ты гаммамомъ. Когда мы хотимъ купаться, мы купаемся въ морѣ; и самъ царь такъ дѣлаетъ, когда хочетъ вымыться!

Абу-Сиръ узналъ, такимъ образомъ, что жителямъ этого города неизвѣстны гаммамы, и убѣдился, что имъ незнакомо употребленіе теплыхъ ваннъ, растираніе, удаленіе перхоти и лишнихъ волосковъ. И направился онъ въ царскій дворецъ и попросилъ, чтобы его допустили къ царю, что и было дозволено. Войдя къ царю, онъ поцѣловалъ землю между рукъ его, призвалъ на него благословенія и сказалъ:—О царь временъ, я чужеземецъ и цырюльникъ по ремеслу. Умѣю я также топить гаммамъ, растирать, хотя въ моихъ краяхъ это отдѣльныя ремесла, и люди, занимающіеся ими, не дѣлаютъ во всю свою жизнь ничего другого. Сегодня я хотѣлъ сходить въ гаммамъ у тебя въ городѣ; но никто не могъ показать мнѣ туда дорогу и никто не понялъ слова гаммамъ! Удивительно, что въ такомъ прекрасномъ городѣ не имѣется гаммама, между тѣмъ какъ ничто не можетъ быть превосходнѣе и пріятнѣе!—Царь удивился до чрезвычайности и спросилъ:—Не можешь ли объяснить мнѣ, что же такое этотъ гаммамъ, о которомъ ты говоришь? Я также никогда о немъ не слыхивалъ.—Тогда Абу-Сиръ сказалъ:—Знай, о царь, что гаммамъ—зданіе, строютъ его такъ-то, и такъ, купаются и моются въ немъ такъ, дѣлаютъ въ немъ то-то и то и наслаждаются такъ-то!—И разсказалъ онъ во всѣхъ подробностяхъ о преимуществахъ, удобствахъ и удовольствіяхъ настоящаго хорошаго гаммама. А потомъ прибавилъ:—Но языкъ мой скорѣе обросъ бы шерстью, чѣмъ сумѣлъ бы дать тебѣ точное понятіе о гаммамѣ и радостяхъ, имъ доставляемыхъ. Нужно испытать это, чтобы понять! Городъ же твой достигнетъ совершенства только тогда, когда въ немъ будетъ гаммамъ!

Выслушавъ эти слова Абу-Сира, царь развеселился, расцвѣлъ и воскликнулъ:—Будь желаннымъ гостемъ въ моемъ городѣ, о сынъ честныхъ людей...

Digitized by Google

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четырета шестьдесятъ девятая ночь,

она сказала:

... царь развеселился, расцвѣлъ и воскликнулъ: — Будь желаннымъ гостемъ въ моемъ городѣ, о сынъ честныхъ людей! — И собственноручно надѣлъ на него царь безподобную почетную одежду и сказалъ ему: — Все, чего бы ни захотѣлъ ты, будетъ дано тебѣ и даже болѣе того! Но поспѣши выстроить гаммамъ, такъ какъ я нетерпѣливо желаю видѣть его и насладиться имъ! — И подарилъ онъ ему великолѣпнаго коня, двухъ негровъ-мальчиковъ, четырехъ дѣвушекъ и роскошный домъ. И былъ царь по отношенію къ нему еще болѣе щедрымъ, нежели по отношенію къ красильщику, и предоставилъ въ его распоряженіе лучшихъ изъ своихъ зодчихъ, говоря имъ: — Вы должны построить гаммамъ на томъ мѣстѣ, которое онъ самъ выберетъ! — И увелъ Абу-Сиръ зодчихъ, и, обойдя весь городъ, нашли они подходящее мѣсто и тамъ велѣлъ онъ имъ строить гаммамъ. И по его указаніямъ построили зодчіе гаммамъ, подобнаго которому не было нигдѣ въ мірѣ, и украсили они его замысловатыми рисунками и разноцвѣтнымъ мраморомъ и необыкновенными украшеніями, плѣнявшими и восхищавшими взоры. И все это было сдѣлано по совѣту и указанію Абу-Сира. И когда зданіе было готово, онъ велѣлъ выложить серединный водоёмъ прозрачнымъ алебастромъ, а два другіе—драгоцѣннымъ мраморомъ. Потомъ пришелъ онъ къ царю и сказалъ ему:—Гаммамъ готовъ; но еще нужны нѣкоторыя вещи!— Царь отпустилъ ему тысячу динаріевъ, на которые онъ и купилъ все необходимое, льняныя и шелковыя полотенца, дорогія благовонія, эссенціи, ладанъ и прочее. И каждую вещь поставилъ онъ на свое мѣсто и позаботился, чтобы всего было вдоволь. Затѣмъ попросилъ онъ царя дать ему въ помощники десять сильныхъ людей; царь сейчасъ же далъ ему двадцать стройныхъ и прекрасныхъ, какъ луна, юношей, которыхъ Абу-Сиръ поспѣшилъ научить растиранію и мытью; онъ сперва растиралъ и мылъ ихъ самъ, а затѣмъ заставлялъ и ихъ продѣлывать то же самое надъ нимъ. И когда они вполнѣ освоились съ этимъ искусствомъ, онъ назначилъ, наконецъ, день открытія гаммама и извѣстилъ царя.

Въ этотъ день Абу-Сиръ велѣлъ вытопить гаммамъ, согрѣть воду бассейновъ, курить ладаномъ и другими благовоніями и пустилъ фонтаны, вода въ которыхъ струилась такъ мелодично, что всякая другая музыка показалась бы непріятнымъ шумомъ! Что̀ касается большого фонтана въ центральномъ водоёмѣ, то онъ былъ несравненнымъ чудомъ, которое должно было привести въ восторгъ всѣ умы! И повсюду была чистота и свѣжесть, и онѣ могли поспорить съ бѣлизною лилій и жасминовъ.

Поэтому, когда царь съ визирями и эмирами своими вошелъ въ главный входъ гаммама, глаза и обоняніе и слухъ его были пріятно поражены прелестнымъ убранствомъ, благоуханіемъ и музыкою въ водоёмахъ фонтановъ. Восхищенный и изумленный, онъ спросилъ:—Что̀ же это такое?— Абу-Сиръ отвѣтилъ: — Это гаммамъ! Но это только входъ! — И ввелъ онъ царя въ первый залъ, потомъ на эстраду, гдѣ раздѣлъ его и обернулъ съ головы до ногъ полотенцами, надѣлъ ему на ноги высокіе деревянные башмаки и ввелъ во вторую залу, гдѣ подвергъ его обильной испаринѣ. Тогда, вмѣстѣ съ юношами, сталъ онъ растирать его волосяными перчат-

Digitized by Google

ками и очистилъ поры его тѣла ото всей накопившейся въ нихъ грязи, которая выходила длинными волокнами; и показывалъ онъ ихъ царю, который чрезвычайно удивился. Потомъ вымылъ онъ его, густо намыливъ мыломъ, окатилъ водой и ввелъ въ мраморный бассейнъ, наполненный водой, надушенной розовой эссенціей. Здѣсь онъ оставилъ его побыть нѣкоторое время, потомъ вывелъ, чтобы обмыть ему голову розовой водой и драгоцѣнными эссенціями. Затѣмъ выкрасилъ ему ногти на пальцахъ рукъ и ногъ, что̀ придало имъ цвѣтъ небесной зари. И во время всѣхъ этихъ приготовленій алоэ и нардъ курились вокругъ нихъ и проникали въ нихъ своимъ сладостнымъ ароматомъ.

Когда все это было кончено, царь почувствовалъ себя лёгкимъ, какъ птичка, и сталъ дышать всѣми вѣерами своего сердца; тѣло его стало такимъ гладкимъ и упругимъ, что если притронуться къ нему рукою, оно издавало гармоническій звукъ. Но каково же было его наслажденіе, когда юноши стали растирать ему тѣло такъ нѣжно и ритмично, что ему казалось, что онъ превратился въ лютню или гитару! И почувствовалъ онъ, что становится необычайно сильнымъ, такъ что едва не зарычалъ по львиному.

И воскликнулъ царь:—Клянусь Алахомъ! Никогда въ жизни не чувствовалъ я себя такимъ сильнымъ. Такъ это гаммамъ, мастеръ цырюльникъ?—Абу-Сиръ отвѣтилъ:—Онъ самый, о царь временъ!—Царь сказалъ:—Клянусь головою! Городъ мой сталъ городомъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ построенъ этотъ гаммамъ! — И когда, обсохнувъ подъ пропитанными мускусомъ полотенцами, онъ снова взошелъ на эстраду, чтобы напиться снѣгового шербета, царь спросилъ Абу-Сира...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста семидесятая ночь,

она сказала:

... чтобы напиться снѣгового шербета, царь спросилъ у Абу-Сира:—Во сколько же цѣнишь ты такую баню и какую цѣну думаешь за нее брать?—Онъ отвѣтилъ:—Ту цѣну, которую назначитъ царь!—Тотъ сказалъ:—Я цѣню такую баню въ тысячу динаріевъ, не меньше!—И велѣлъ онъ отсчитать тысячу динаріевъ Абу-Сиру и сказалъ ему:—Съ этого дня ты будешь брать по тысячѣ динаріевъ съ каждаго человѣка, который придетъ въ твой гаммамъ!—Но Абу-Сиръ отвѣтилъ:—Извини меня, о царь временъ! Всѣ люди не равны! Одни богаты, другіе бѣдны. А потому если бы я сталъ брать съ каждаго кліента по тысячѣ динаріевъ, гаммамъ не могъ бы существовать и его пришлось бы закрыть, такъ какъ бѣдные не въ состояніи платить за баню тысячу динаріевъ!—Царь спросилъ тогда:—Какъ же ты думаешь дѣлать?—Абу-Сиръ отвѣтилъ:—Что̀ касается платы, я предоставлю опредѣлять ее великодушію кліентовъ! Такимъ образомъ, каждый будетъ платить сообразно со своими средствами и съ щедростью своего сердца! И бѣднякъ будетъ давать то, что̀ можетъ. А что̀ касается до этихъ тысячи динаріевъ, то это подарокъ царя!—И эмиры и визири, услышавъ эти слова, весьма одобряли Абу-Сира и прибавили:—Онъ говоритъ правду, о царь временъ, и это совершенная справедливость! Ты же, о возлюбленный царь нашъ, ты думаешь, что всѣ люди могутъ поступать, какъ ты!—Царь сказалъ:—Можетъ быть и такъ! Во всякомъ случаѣ, человѣкъ этотъ чужеземецъ, онъ очень бѣденъ, и мы тѣмъ болѣе обязаны быть щедрыми и великодушными по отношенію къ нему, что онъ далъ нашему городу этотъ гаммамъ, подобнаго которому

Digitized by Google

мы никогда не видѣли и благодаря которому нашъ городъ пріобрѣлъ несравненное значеніе и блескъ. Но если вы говорите, что не можете платить за баню по тысячѣ динаріевъ, разрѣшаю вамъ платить на этотъ разъ только по сту динаріевъ и дать ему, сверхъ того, молодую невольницу, негра и отроковицу. А на будущее время, такъ какъ онъ самъ такъ разсудилъ, каждый изъ васъ будетъ платить ему, соображаясь со своими средствами и великодушіемъ!—Они отвѣтили:—Конечно, мы согласны!—И, выкупавшись въ гаммамѣ въ тотъ день, они заплатили Абу-Сиру по сту динаріевъ золотомъ, и, сверхъ того, каждый подарилъ ему молодого бѣлаго невольника, негра и отроковицу. Всѣхъ же эмировъ и вельможей, выкупавшихся послѣ царя, было четыреста человѣкъ, а, слѣдовательно, Абу-Сиръ получилъ сорокъ тысячъ динаріевъ, сорокъ бѣлыхъ юношей, сорокъ негровъ и сорокъ отроковицъ, а отъ царя — десять тысячъ динаріевъ, десять бѣлыхъ юношей, десять молодыхъ негровъ и десять отроковицъ, прекрасныхъ, какъ луны.

Когда Абу-Сиръ получилъ золото и подарки, онъ приблизился къ царю, поцѣловалъ землю между рукъ его и сказалъ:—О царь благословенный, о благовѣщающій ликъ, о справедливый государь, куда же помѣщусь я со всѣмъ этихъ войскомъ бѣлыхъ юношей, негровъ и отроковицъ? — Царь отвѣтилъ ему:—Я велѣлъ дать тебѣ все для того, чтобы ты былъ богатъ; я подумалъ, что, быть можетъ, ты захочешь когда-нибудь вернуться на родину, къ своему семейству; и тогда ты можешь увезти отъ насъ достаточно богатствъ, чтобы жить у себя дома, ни въ чемъ не нуждаясь!—Цырюльникъ отвѣтилъ: — О царь временъ, да сохранитъ тебя Аллахъ и да даруетъ Онъ тебѣ благоденствіе! Но всѣ эти невольники — это хорошо для царей, а не для меня, которому вовсе не нужно этого для того, чтобы ѣсть хлѣбъ и сыръ со своей семьей! Чѣмъ мнѣ кормить и во что одѣвать всю эту армію бѣлыхъ и черныхъ молодыхъ людей и отроковицъ? Клянусь Аллахомъ! Ихъ молодые зубы не замедлятъ съѣсть весь мой заработокъ и меня самого!—Царь разсмѣялся и сказалъ:—Клянусь жизнью, ты правъ! Это дѣйствительно цѣлое войско; тебѣ одному не прокормить и не помѣстить нигдѣ ихъ! Чтобы избавиться отъ нихъ, не хочешь ли продать ихъ мнѣ, по сту динаріевъ за каждаго?—Абу-Сиръ сказалъ:—Продаю ихъ тебѣ за эту цѣну!—Царь тотчасъ же велѣлъ призвать своего казначея, который и выдалъ ему полностью стоимость ста пятидесяти невольниковъ; а царь, въ свою очередь, отослалъ всѣхъ этихъ невольниковъ ихъ прежнимъ хозяевамъ, въ видѣ подарка. Абу-Сиръ же поблагодарилъ царя за всѣ его милости и сказалъ ему:—Да успокоитъ Аллахъ твою душу, какъ ты успокоилъ мою, избавивъ меня отъ острыхъ зубовъ этихъ прожорливыхъ жеребятъ, которыхъ одинъ Аллахъ могъ насытить!—И снова засмѣялся царь отъ этихъ словъ и снова выказалъ свою щедрость по отношенію къ Абу-Сиру; а потомъ, въ сопровожденіи вельможъ своего царства, вышелъ изъ гаммама и вернулся въ свой дворецъ.

Абу-Сиръ же провелъ всю слѣдующую ночь у себя, складывая золото въ мѣшки и тщательно запечаталъ каждый мѣшокъ. Для услугъ у него было двадцать негровъ, двадцать юношей и четыре отроковицы...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четырста семьдесятъ первая ночь,

она сказала:

... двадцать негровъ, двадцать юношей и четыре отроковицы.

На слѣдующій день Абу-Сиръ велѣлъ глашатаямъ кричать по всему городу:—О дѣти Аллаха, бѣгите всѣ купаться въ гаммамѣ султана! Первые

Digitized by Google

три дня безплатно!—И въ теченіе трехъ дней толпы народа бросались къ гамммаму, получившему названіе Султанскаго Гаммама, чтобы вымыться тамъ даромъ. Но съ утра четвертаго дня, Абу-Сиръ самъ сѣлъ у дверей гаммама со своей кассой и принялся получать плату за входъ, при чемъ каждый могъ платить сколько хотѣлъ, при выходѣ изъ бани. Когда наступилъ вечеръ, Абу-Сиръ волею Аллаха (да прославлено будетъ имя Его!) выручилъ отъ своихъ кліентовъ столько, сколько могло помѣститься въ его кассѣ.

И сама царица, слышавшая отъ своего супруга восторженныя похвалы этой банѣ, рѣшилась пойти одинъ разъ и попробовать. Она послала предупредить Абу-Сира, который, въ угоду ей и чтобы пріобрѣсти кліентокъ, посвятилъ съ того дня утренніе часы мужчинамъ, а послѣполуденное время женщинамъ. Утромъ онъ самъ сидѣлъ за кассою, а послѣ полудня его замѣняла кассирша. Когда царица вошла въ гаммамъ и попробовала новый превосходный способъ мытья и купанья, она пришла въ такой восторгъ, что рѣшила посѣщать гаммамъ каждую пятницу послѣ полудня и вознаградила Абу-Сира такъ же щедро, какъ и самъ царь, который приходилъ въ гаммамъ также каждую пятницу, до полудня, и каждый разъ платилъ по тысячѣ золотыхъ динаріевъ, кромѣ подарковъ.

Такимъ образомъ, Абу-Сиръ постоянно преуспѣвалъ на пути богатства, почестей и славы! Но это не помѣшало ему оставаться скромнымъ и честнымъ попрежнему. Онъ, попрежнему, былъ ласковъ и вѣжливъ со своими кліентами и великодушенъ относительно бѣдныхъ, съ которыхъ никогда не соглашался брать денегъ. Впрочемъ, это великодушіе, какъ мы увидимъ далѣе въ этомъ разсказѣ, послужило къ его спасенію. Но да будетъ извѣстно уже и теперь, что спасеніе свое найдетъ онъ черезъ посредство моряка-капитана, у котораго однажды не было денегъ въ карманѣ, но который, тѣмъ не менѣе, бралъ ванну, и это ему ничего не стоило! А такъ какъ, сверхъ того, его угостили шербетомъ и его вѣжливо самолично провожалъ до самыхъ дверей Абу-Сиръ, то капитанъ съ того самаго дня сталъ думать о томъ, чѣмъ бы отблагодарить его подаркомъ или чѣмъ-нибудь инымъ! И случай отблагодарить не замедлилъ представиться. Вотъ и все о капитанѣ.

Что касается Абу-Кира-красильщика, то и онъ услышалъ о необыкновенномъ гаммамѣ, которымъ восхищался весь городъ, говоря:— Безъ сомнѣнія, это земной рай!—Абу-Киръ собрался провѣрить эти похвалы и посмотрѣть на прелести земного рая; онъ еще не зналъ, кто тамъ распоряжается. Одѣлся онъ въ лучшія одежды свои, сѣлъ на роскошно-убраннаго мула и взялъ съ собою нѣсколько рабовъ, вооруженныхъ длинными палками. Когда онъ подъѣхалъ ко входу, до него донесся ароматъ алоэ и нарда; и увидѣлъ онъ множество входящихъ и выходящихъ людей; и на скамьяхъ сидѣло много ожидающихъ своей очереди, богатыхъ и знатныхъ, а также бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ и смиреннѣйшихъ изъ смиренныхъ. Вошелъ онъ въ сѣни и увидѣлъ стараго товарища своего Абу-Сира, сидящаго у кассы, пополнѣвшаго, свѣжаго и улыбающагося. Онъ не безъ труда даже и узналъ его, до такой степени прежнее лицо со впалыми щеками обросло здоровымъ жиромъ, такъ румяны были эти щеки и такъ измѣнилась къ лучшему вся наружность цырюльника. Красильщикъ удивился и внутренно смутился, но притворился крайне обрадованнымъ, съ величайшимъ безстыдствомъ подошелъ къ вставшему ради него Абу-Сиру и сказалъ ему тономъ дружескаго укора:—Э, что̀, Йа Абу-Сиръ! Такъ ли ведутъ себя друзья и люди, понимающіе любезное обращеніе? Ты знаешь, что я сталъ придворнымъ красильщикомъ и одинъ изъ самыхъ богатыхъ и важныхъ людей этого города, и никогда не приходишь повидаться со мною, освѣдомиться о моемъ здоровьѣ! И ты даже не спрашиваешь себя: «Что сталось съ моимъ старымъ товарищемъ Абу-Киромъ?» Я же напрасно узнавалъ о тебѣ, посылалъ искать тебя

Digitized by Google

своихъ рабовъ въ ханы и лавки, никто не могъ ничего узнать о тебѣ, или напасть на твой слѣдъ!—При такихъ словахъ, Абу-Сиръ съ глубокою печалью покачалъ головою и отвѣтилъ:—Йа, Абу-Киръ, ты, значитъ, забылъ о томъ, какъ дурно обошелся со мною, когда я пришелъ къ тебѣ, какъ билъ меня палкой и безчестилъ передъ людьми, называя воромъ, предателемъ и негодяемъ?—Абу-Киръ притворился обиженнымъ и вскричалъ:—Что ты говоришь? Развѣ этотъ человѣкъ котораго я билъ, былъ ты?—Тотъ отвѣчалъ:—Ну да, это былъ я!—Тогда Абу-Киръ принялся клясться тысячью клятвъ, что не узналъ его тогда, и говорилъ:—Да, конечно, я принялъ тебя за другого, за вора, который уже не разъ пытался украсть у меня ткани. Ты былъ такъ худъ и желтъ, что я не могъ узнать тебя!—Потомъ сталъ онъ сокрушаться о своемъ поступкѣ, ударять одною рукою о другую и говорить:—Одинъ Аллахъ наше прибѣжище и сила, Аллахъ славный и прославленный! Какъ могъ я такъ ошибиться! Но все-таки ты виноватъ, потому что узналъ меня и не назвалъ себя, не сказалъ: «Вотъ я кто!»—тѣмъ болѣе, что въ тотъ день я былъ самъ не свой отъ множества хлопотъ! Прошу же тебя, именемъ Аллаха, братъ мой, прости и забудь, ибо это было предрѣшено нашей судьбой!—Абу-Сиръ отвѣтилъ:—Да проститъ тебя Аллахъ, о товарищъ мой, это дѣйствительно предрѣшено было судьбой; Аллахъ проститъ!—Красильщикъ же сказалъ:—Нѣтъ, прости меня ты!—Абу-Сиръ отвѣтилъ:—Да освободитъ твою совѣсть Аллахъ, какъ освобождаю ее я! Что можемъ мы противъ рѣшеній, постановленныхъ отъ вѣка? Войди же въ гаммамъ, раздѣнься и насладись освѣжающей и услаждающей баней...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четырета семьдесятъ вторая ночь,

она сказала:

... и насладись освѣжающей и услаждающей баней!—Абу-Киръ же спросилъ его:—Откуда тебѣ такая благодать?—Тотъ отвѣтилъ:—Открывшій тебѣ двери благосостоянія открылъ ихъ и для меня!—И разсказалъ онъ ему затѣмъ обо всемъ, что случилось съ нимъ послѣ того, какъ, по его приказанію, его избили палками. Но повторять это безполезно. И Абу-Киръ сказалъ ему:—Радуюсь чрезвычайно, что ты пользуешься такими милостями отъ царя. Я постараюсь еще усилить расположеніе царя къ тебѣ и для этого разскажу ему, что ты мой старый другъ.—Но бывшій цырюльникъ отвѣтилъ:—Къ чему людямъ вмѣшиваться въ велѣнія судьбы? Одинъ Аллахъ держитъ въ рукахъ своихъ и милость и немилость! Раздѣвайся же поскорѣе и насладись благодѣяніями воды и чистоты!—И отвелъ онъ его самъ въ отдѣльную залу и своими руками теръ его, растиралъ, намыливалъ и никому не хотѣлъ поручать этого дѣла до конца. Потомъ повелъ онъ его на эстраду въ болѣе прохладной залѣ и самъ подалъ ему шербетъ и другія укрѣпляющія средства и дѣлалъ все это съ такимъ вниманіемъ, что обычные кліенты удивлялись, видя, какъ Абу-Сиръ самолично исполнялъ все и оказывалъ такую особую честь красильщику, какою обыкновенно пользовался одинъ только царь.

Уходя, Абу-Киръ хотѣлъ заплатить, но Абу-Сиръ ничего не хотѣлъ брать, говоря:—Какъ тебѣ не стыдно предлагать деньги, вѣдь я твой старый товарищъ, и между нами нѣтъ никакого различія?—Абу-Киръ сказалъ на это:—Хорошо, пусть такъ, но зато позволь мнѣ дать тебѣ совѣтъ, который будетъ тебѣ очень полезенъ. Этотъ гаммамъ великолѣпенъ, но для того,

Digitized by Google

чтобы онъ былъ безподобенъ, ему не достаетъ одной вещи!—Абу-Сиръ спросилъ:—Чего же именно?—Тотъ отвѣтилъ: — Мази для удаленія волосъ!—Я замѣтилъ, что ты, обривши голову у кліента, выщипываешь щипчиками или бреешь бритвой волоски на другихъ частяхъ тѣла. Но ничто не можетъ сравниться съ мазью, выводящей волосы; у меня есть рецептъ, и я дамъ его тебѣ безплатно!—Абу-Сиръ отвѣтилъ:—Ты правъ, товарищъ, я очень радъ буду этому рецепту!—Абу-Киръ сказалъ:—Вотъ онъ: возьми желтаго мышьяку и негашеной извести, смѣшай, приливая масла, прибавь немного мускусу, чтобы заглушить непріятный запахъ, и сложи это тѣсто въ глиняный горшечекъ. Ручаюсь за успѣхъ, въ особенности, когда царь увидитъ, что лишніе волоски падаютъ какъ бы волшебствомъ, безъ всякаго тренія или вырыванія, и остается совершенно чистая и гладкая кожа! Сообщивъ этотъ рецептъ старому товарищу, Абу-Киръ вышелъ изъ гаммама и поспѣшно направился ко дворцу.

Когда пришелъ онъ во дворецъ и представился царю, то сказалъ ему:—Я пришелъ къ тебѣ совѣтникомъ, о царь временъ!—Царь же спросилъ его:—Какой же совѣтъ принесъ ты мнѣ?—Онъ отвѣтилъ: — Слава Аллаху, ограждавшему тебя до сихъ поръ отъ зловредныхъ рукъ этого неблагонамѣреннаго человѣка, врага престола и религіи, отъ этого Абу-Сира, хозяина гаммама:—Царь очень удивился и спросилъ:—Въ чемъ дѣло?—А тотъ сказалъ:—Знай, о царь временъ, что если ты еще разъ войдешь въ этотъ гаммамъ, то безвозвратно погибнешь!—Царь спросилъ:—Какимъ же образомъ?—Абу-Киръ придалъ глазамъ своимъ выраженіе ужаса и, сдѣлавъ движеніе, которое должно было выразить отчаяніе и смертельный страхъ, прошепталъ:—Отъ яда! Онъ приготовилъ для тебя мазь, составленную изъ желтаго мышьяка и негашёной извести; какъ только коснется она тѣла, волоски его сгорятъ какъ отъ огня. Онъ предложитъ тебѣ эту мазь и будетъ хвалить ее. И если намажетъ тебя ею, ты умрешь мучительнѣйшею смертью. Этотъ хозяинъ гаммама—шпіонъ, подкупленный христіанскимъ царемъ, чтобы извести нашего царя! Я поспѣшилъ предупредить тебя, потому что ты облагодѣтельствовалъ меня!

Услышавъ такія слова красильщика Абу-Кира, царь почувствовалъ, что сильнѣйшій страхъ овладѣваетъ его душою, а тѣло начинаетъ дрожать и сжиматься, какъ будто ядъ уже коснулся его. И сказалъ онъ красильщику:—Сейчасъ иду въ гаммамъ вмѣстѣ съ моимъ великимъ визиремъ, чтобы провѣрить твои слова. Но, пока, храни тайну!—И отправился онъ въ гаммамъ съ визиремъ.

Тамъ, какъ и всегда, Абу-Сиръ ввелъ царя въ особую залу и хотѣлъ растирать и мыть его, но царь сказалъ ему:—Начни съ великаго визиря!—И, обратившись къ визирю, онъ приказалъ ему:—Ложись!—И толстый великій визирь, волосатый, какъ старый козелъ, повиновался, растянулся на мраморѣ и далъ себя намыливать, тереть и мыть. Затѣмъ Абу-Сиръ сказалъ царю:—О царь временъ, я нашелъ мазь, такъ превосходно выводящую лишніе волоски, что не нужно никакой бритвы!—Царь сказалъ:—Испробуй эту мазь на визирѣ...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четырееста семьдесятъ третья ночь,

она сказала:

... Испробуй эту мазь на визирѣ!—И Абу-Сиръ взялъ глиняный горшечекъ, взялъ изъ него кусочекъ мази, величиною съ миндалину, и пома-

Digitized by Google

залъ имъ въ видѣ пробы нижнюю часть живота великаго визиря. Дѣйствіе было такъ быстро, что царь убѣдился въ силѣ яда и разсвирѣпѣлъ онъ, позвалъ слугъ гаммама и крикнулъ имъ:—Держите этого негодяя!—И показалъ имъ пальцемъ на Абу-Сира, который такъ былъ потрясенъ, что не могъ вымолвить ни слова и глядѣлъ безсмысленнымъ взглядомъ. Затѣмъ царь и великій визирь поспѣшили одѣться и, велѣвъ сдать Абу-Сира стражѣ, стоявшей на улицѣ, возвратились во дворецъ.

Здѣсь царь приказалъ позвать капитана, начальника гавани и судовъ, и сказалъ ему:—Ты долженъ схватить измѣнника, по имени Абу-Сиръ, положить его въ мѣшокъ съ негашеной известью и бросить въ море, подъ окнами моего дворца. И, такимъ образомъ, этотъ негодяй умретъ двойною смертью: и утонетъ, и сгоритъ!—Капитанъ отвѣтилъ:—Слушаю и повинуюсь!

Случилось такъ, что капитанъ этотъ былъ тотъ самый морякъ, котораго когда-то одолжилъ Абу-Сиръ. Онъ поспѣшилъ въ темницу, гдѣ сидѣлъ Абу-Сиръ, вывелъ его оттуда, посадилъ на небольшой карабль и отвезъ на островокъ, лежавшій неподалеку отъ города, гдѣ онъ могъ объясниться съ нимъ, не боясь быть услышаннымъ. Онъ спросилъ его:—О ты, я не забываю твоего вниманія ко мнѣ и хочу за добро отплатить добромъ. Разскажи же мнѣ твое дѣло съ царемъ: какое преступленіе совершилъ ты, какимъ образомъ впалъ въ немилость и заслужилъ ту ужасную смерть къ которой ты приговоренъ!—Абу-Сиръ отвѣтилъ:—Клянусь Аллахомъ, братъ мой, я невиненъ и никогда не дѣлалъ ничего такого, за что слѣдовало бы меня подвергать такой карѣ!—Капитанъ сказалъ:—Если такъ, то у тебя навѣрное есть враги, которые оклеветали тебя передъ царемъ! У каждаго человѣка, занимающаго видное мѣсто, пользующагося благополучіемъ по милости судьбы, всегда есть завистники и соперники! Но не бойся! Здѣсь, на этомъ островѣ, ты въ полной безопасности. Будь же гостемъ и успокойся, Ты будешь заниматься рыбною ловлею, а потомъ я отправлю тебя въ твои края. Теперь же я отправлюсь въ городъ къ царю и сдѣлаю видъ, что привожу въ исполненіе приказъ о твоей смерти!—Абу-Сиръ поцѣловалъ руку капитана, который простился съ нимъ, потомъ взялъ мѣшокъ съ негашеной известью и явился съ нимъ подъ окнами дворца, выходившими на море.

Въ это самое время царь сидѣлъ, облокотившись, у окна, и ждалъ исполненія своего приказа; капитанъ, подойдя къ окну, взглянулъ наверхъ, ожидая сигнала. Царь протянулъ руку за окно и пальцемъ приказалъ бросить мѣшокъ въ море. И это было немедленно исполнено. Но въ ту же минуту, царь, сдѣлавшій слишкомъ рѣзкое движеніе рукою, уронилъ въ море золотое кольцо, которое было ему дороже жизни. Кольцо это было волшебное, отъ него зависѣли власть и могущество царя, оно же помогало держать въ повиновеніи и народъ и войска; когда царь хотѣлъ казнить виновнаго, ему стоило только поднять руку, на одномъ изъ пальцевъ которой было надѣто кольцо, и тотчасъ же изъ него вылетала молнія, которая разила преступника, отрывая у него голову!

Поэтому, когда царь увидѣлъ, что кольцо упало въ воду, онъ рѣшилъ никому не говорить объ этомъ и, дѣйствительно, хранилъ въ тайнѣ свою потерю; иначе ему невозможно было бы содержать своихъ подданныхъ въ страхѣ и повиновеніи. И вотъ все о царѣ!

Абу-Сиръ же, оставшись одинъ на островѣ, взялъ рыболовную сѣть, полученную отъ капитана, и, чтобы отвлечься отъ мучительныхъ мыслей и добыть себѣ пищу, принялся ловить рыбу въ морѣ. Закинувъ сѣть и подождавъ съ минуту, онъ вытащилъ и увидѣлъ, что она полна рыбы всѣхъ цвѣтовъ и величинъ. И сказалъ онъ себѣ:—Клянусь Аллахомъ! Какъ давно не ѣлъ я рыбы! Возьму одну и велю тѣмъ двумъ поварятамъ, о которыхъ говорилъ мнѣ капитанъ, зажарить ее на оливковомъ маслѣ. Дѣло въ томъ,

Digitized by Google

что капитану, начальнику гавани и судовъ, поручено было также ежедневно доставлять свѣжую рыбу на царскую кухню; въ этотъ же день, такъ какъ онъ не могъ самъ присмотрѣть за ловлей, то поручилъ это дѣло Абу-Сиру и говорилъ ему о двухъ поварятахъ, которые пріѣдутъ за рыбой для царскаго стола. И вотъ не успѣлъ онъ закинуть сѣть, какъ получилъ такой богатый уловъ. Въ ожиданіи поварятъ, онъ выбралъ для себя самую большую и самую красивую рыбу; потомъ вынулъ изъ-за пояса длинный ножъ и проткнулъ имъ насквозь жабры трепетавшей рыбы. Но не мало былъ онъ удивленъ, когда увидѣлъ, что изъ рыбы вышло и повисло на кончикѣ ножа золотое кольцо, вѣроятно, проглоченное этой рыбой!

Кольцо было тѣмъ самымъ волшебнымъ кольцомъ, которое царь обронилъ въ море съ своего пальца...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада увидѣла, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста семьдесятъ четвертая ночь,

она сказала:

... Кольцо было тѣмъ самымъ волшебнымъ кольцомъ, которое царь обронилъ въ море съ своего пальца. Абу-Сиръ не зналъ его таинственныхъ свойствъ и, не придавая ему никакого особаго значенія, взялъ принадлежащее ему по праву кольцо и надѣлъ себѣ на палецъ.

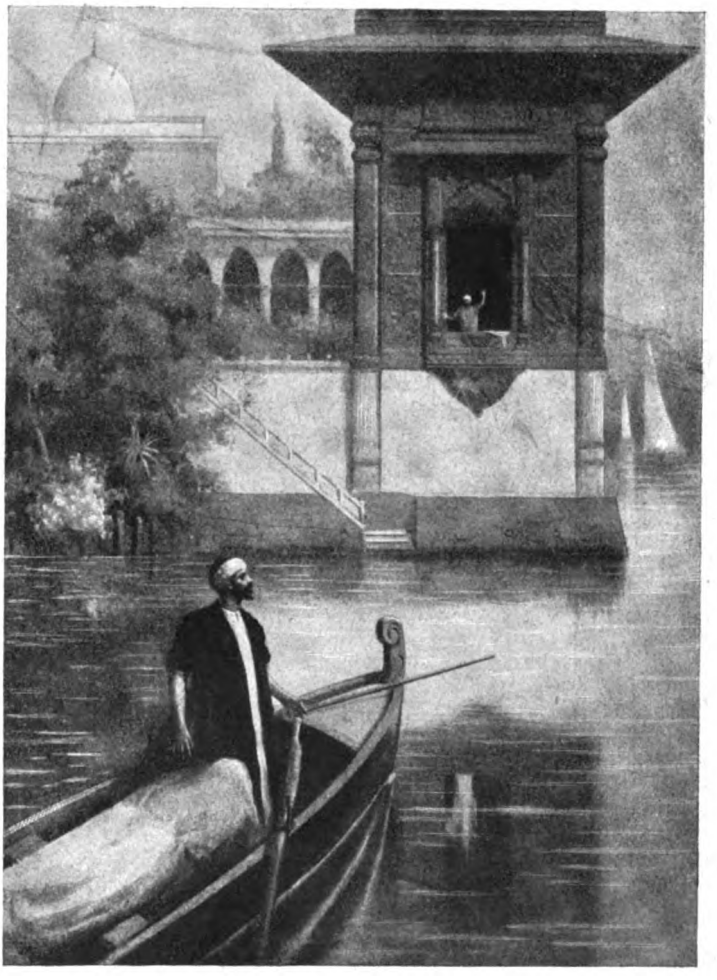
Въ это самое время явились слуги съ царской кухни и сказали ему:— О рыбакъ, не можешь ли ты сказать намъ, гдѣ капитанъ, который каждый день доставляетъ рыбу для царя? Мы давно уже ждемъ его! Въ какую сторону онъ поѣхалъ?—Абу-Сиръ протянулъ руку въ ихъ сторону и сказалъ:— Онъ поѣхалъ туда! — Но въ ту же минуту головы слугъ царской кухни оторвались отъ плечъ и покатились вмѣстѣ съ туловищами ихъ владѣльцевъ на землю!

Ихъ убила молнія кольца, которое онъ носилъ теперь на пальцѣ.

Увидя бездыханныя тѣла, Абу-Сиръ спросилъ себя: — Кто же могъ оторвать имъ головы?—И осмотрѣлся онъ и поглядѣлъ на небо и на землю у себя подъ ногами; и начиналъ уже онъ дрожать отъ страха при мысли о тайной силѣ зловредныхъ джиновъ, когда, наконецъ, увидѣлъ возвращавшагося капитана. Тотъ еще издали замѣтилъ и его, и мертвыя тѣла на землѣ съ лежавшею около каждаго изъ нихъ головою и кольцо на пальцѣ у Абу-Сира, блестѣвшее на солнцѣ. Онъ сразу понялъ все, что случилось. Поэтому-то онъ и поспѣшилъ закричать ему:—О братъ мой, не двигай рукою, на которой кольцо, или я буду убитъ. Ради Бога не двигай ею!

Слова эти окончательно смутили его, и Абу-Сиръ стоялъ неподвижно, не смотря на желаніе броситься навстрѣчу къ капитану, который, подойдя, бросился къ нему на шею и сказалъ:—Каждый человѣкъ несетъ съ собою и судьбу свою. Твоя судьба во много разъ счастливѣе судьбы царя! Но разскажи же мнѣ, какимъ образомъ получилъ ты это кольцо, а я скажу тебѣ, какими свойствами оно обладаетъ! — И разсказалъ Абу-Сиръ моряку-капитану всю исторію, повторять которую безполезно. А удивленный капитанъ, въ свою очередь, сообщилъ о грозныхъ свойствахъ кольца и прибавилъ:—Теперь жизнь твоя спасена, а жизнь царя въ опасности. Ты можешь безъ всякаго страха отправляться со мною въ городъ и однимъ движеніемъ пальца, того, на которомъ надѣто кольцо, сразить головы твоихъ враговъ и сорвать съ плечъ и голову самого царя!—И снова посадилъ онъ Абу-Сира на корабликъ, отвезъ его въ городъ и привелъ во дворецъ, къ царю.

Digitized by Google



Царь въ это время подошелъ къ окну и остановился, дожидаясь, пока не будетъ исполнено его приказаніе; и капитанъ, подплылъ къ окну, чтобы по мановенію царя приступить къ казни.

(Исторія Абу-Кира и Абу-Сира).

Digitized by Google

Digitized by Google

Въ это самое время царь засѣдалъ въ Совѣтѣ и былъ окруженъ толпою своихъ визирей, эмировъ и совѣтниковъ; и хотя голова его была полна заботъ, а въ сердцѣ кипѣло бѣшенство по причинѣ утраты кольца, однако, онъ не смѣлъ этого обнаруживать и не рѣшался приказать искать въ морѣ кольцо изъ опасенія, что враги престола обрадуются его бѣдѣ! Когда же увидѣлъ онъ входящаго въ залъ Абу-Сира, то былъ увѣренъ, что замышляютъ его погибель, и вскричалъ:—Ахъ ты, негодяй, какимъ же образомъ вернулся ты со дна морского, не утонувъ и не сгорѣвъ? — Абу-Сиръ же отвѣтилъ: — О царь временъ, Аллахъ сильнѣе всѣхъ! — И разсказалъ онъ царю о томъ, какъ спасъ его капитанъ въ благодарность за безплатную баню, какъ нашелъ онъ кольцо и какъ, не зная его могущества, причинилъ смерть тѣмъ двумъ молодцамъ. И затѣмъ прибавилъ: — А теперь, о царь, я пришелъ отдать тебѣ это кольцо, въ благодарность за твои прежнія благодѣянія и для того, чтобы доказать тебѣ, что если бы душа моя была преступна, я уже воспользовался бы этимъ кольцомъ, истребилъ бы враговъ своихъ и ихъ царя! Умоляю тебя, разсмотри съ бо̀льшимъ вниманіемъ дѣло о невѣдомомъ мнѣ преступленіи, за которое ты приговорилъ меня къ смерти, и если я, дѣйствительно, окажусь виновнымъ, вели пытать меня до смерти!—И, говоря эти слова, Абу-Сиръ снялъ кольцо съ пальца и отдалъ его царю, который поспѣшилъ надѣть его себѣ на палецъ, съ облегченіемъ вздохнувъ и чувствуя, что душа возвращается къ нему въ тѣло. И всталъ тогда царь и обвилъ руками своими шею Абу-Сира, говоря: — О человѣкъ! Ты, безъ сомнѣнія, цвѣтъ избранныхъ и благороднѣйшихъ! Прошу тебя не судить меня слишкомъ строго и простить меня за то зло, которое я причинилъ тебѣ и за ущербъ, нанесенный тебѣ. Во истину, никто, кромѣ тебя, не отдалъ бы мнѣ этого кольца!—Цырюльникъ отвѣчалъ:—О царь временъ, если ты дѣйствительно желаешь, чтобы я снялъ тяжесть съ твоей совѣсти, то тебѣ стоитъ только сказать, какое же мнѣ приписывалось преступленіе, возбудившее въ тебѣ гнѣвъ и желаніе мести! — Царь сказалъ: — Уаллахъ, Къ чему это? Я увѣренъ теперь, что тебя оклеветали. Но если ты желаешь узнать, какое тебѣ приписывали преступленіе, то вотъ. Красильщикъ Абу-Киръ сказалъ мнѣ о тебѣ то-то и то! — И разсказалъ онъ ему, въ чемъ обвинялъ его красильщикъ, по поводу мази для выведенія волосъ, которая, впрочемъ, и была испробована на великомъ визирѣ...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста семьдесятъ пятая ночь,

она сказала:

....по поводу мази для выведенія волосъ, которая, впрочемъ, была испробована на великомъ визирѣ!—И Абу-Сиръ, со слезами на глазахъ, отвѣтилъ: —Уаллахъ! О царь временъ, я не знаю царя Назареевъ, и никогда въ жизни нога моя не ступала на землю Назарейскую. Истина же вотъ въ чемъ!—И разсказалъ онъ царю, какъ они съ красильщикомъ клятвенно обѣщали, по прочтеніи фатьи Корана, помогать другъ другу, какъ вмѣстѣ уѣхали, какія хитрости и продѣлки видѣлъ онъ со стороны красильщика, какъ, тотъ велѣлъ избить его палками и, наконецъ, далъ рецептъ той мази. И прибавилъ Абу-Сиръ: — Какъ бы то ни было, о царь, мазь эта, когда ее употребляютъ, какъ наружное средство, имѣетъ превосходное дѣйствіе; ядомъ становится она только въ томъ случаѣ, когда ее проглотишь. Въ моихъ краяхъ и мужчины и женщины пользуются ею для выведенія

Digitized by Google

лишнихъ волосъ! Что касается продѣлокъ красильщика и дурного обращенія его со мною, то царю стоитъ только призвать привратника хана и учениковъ красильной, чтобы убѣдиться въ истинѣ моихъ словъ!—И царь, хотя и безъ того повѣрилъ Абу-Сиру, все-таки велѣлъ позвать учениковъ и привратника, чтобы доставить ему тѣмъ удовольствіе; и всѣ, на допросѣ, подтвердили слова цырюльника и еще усилили обвиненіе, разсказавъ о безчестномъ поведеніи красильщика.

Тогда царь закричалъ стражѣ:—Сейчасъ привести мнѣ красильщика, босого, съ обнаженной головой и руками, скрученными за спиной!—И побѣжали стражники и вломились въ магазинъ красильщика, но самого его тамъ не было. Тогда пошли они къ нему въ домъ и застали его прохлаждающимся и, вѣроятно, мечтающимъ о смерти Абу-Сира. И бросились они на него, кто ударяя его кулакомъ по головѣ, кто въ задъ, кто головою въ животъ, и топтали его ногами, раздѣли, снявъ все, кромѣ рубашки, и босого, съ обнаженной головою, со скрученными за спину руками, потащили его къ царю. И увидѣлъ онъ Абу-Сира сидящимъ по правую руку царя, между тѣмъ какъ привратникъ хана и ученики красильной стояли тутъ же въ залѣ. Да, дѣйствительно, увидѣлъ онъ все это! И отъ страха сдѣлалъ онъ то, что сдѣлалъ, по самой серединѣ тронной залы; потому что понялъ, что пропалъ безвозвратно. Между тѣмъ царь уже косился на него и сказалъ: — Ты не можешь не признать, что это твой старый товарищъ, бѣднякъ, котораго ты обокралъ, обобралъ, покинулъ, избилъ, прогналъ, оскорбилъ, обвинилъ и довелъ до смерти!—Привратникъ хана и ученики красильной подняли руки и воскликнули:—Да, клянемся Аллахомъ, ты не можешь отрицать всего этого. Мы тому свидѣтели передъ Аллахомъ и передъ царемъ! — Царь же сказалъ:—Признаешь или отрицаешь, все равно ты подвергнешься карѣ, предначертанной судьбой!—И закричалъ онъ стражѣ своей:—Возьмите его, протащите за ноги по всему городу, потомъ завяжите въ мѣшокъ, наполненный негашеной известью, и бросьте въ море, для того, чтобы онъ умеръ двойною смертью: и отъ сожженія, и отъ задушенія! — Тогда цырюльникъ воскликнулъ:—О царь временъ, умоляю тебя, прими мое ходатайство за него, такъ какъ я прощаю ему все, что онъ сдѣлалъ противъ меня! — Но царь сказалъ:—Если ты прощаешь ему преступленія его противъ тебя, то я не прощаю ему преступленій, совершенныхъ имъ противъ меня!—И еще разъ крикнулъ онъ стражѣ своей:—Уведите его и исполняйте мой приказъ!

Тогда стражники схватили красильщика Абу-Кира, протащили его за ноги по всему городу, выкрикивая его злодѣянія, и, наконецъ, посадили его въ мѣшокъ съ негашеной известью и бросили въ море.

Абу-Сиру же царь сказалъ:—О Абу-Сиръ, я хочу теперь, чтобы ты просилъ у меня всего, чего желаешь, и все немедленно будетъ дано тебѣ!—Абу-Сиръ отвѣтилъ:—Я прошу у царя только одного—отправить меня на родину; такъ какъ отнынѣ мнѣ слишкомъ стало тяжело жить вдали отъ семьи моей и мнѣ не хочется оставаться здѣсь!—Хотя царь и былъ очень огорченъ его отъѣздомъ, такъ какъ хотѣлъ назначить его своимъ великимъ визиремъ, вмѣсто волосатаго толстяка, занимавшаго эту должность, однако, велѣлъ приготовить ему большой корабль, который нагрузили рабами и рабынями и богатыми подарками, и сказалъ ему на прощанье: — Такъ ты не хочешь быть у меня великимъ визиремъ?—Абу-Сиръ же отвѣтилъ: — Мнѣ хотѣлось бы вернуться на родину!—Тогда царь пересталъ настаивать, и корабль отплылъ съ Абу-Сиромъ и его невольниками по направленію къ Искандаріи.

Аллахъ даровалъ имъ благополучное плаваніе, и прибыли они въ Искандарію въ добромъ здоровьѣ. Не успѣли они ступить на твердую землю, какъ одинъ изъ невольниковъ увидѣлъ на берегу мѣшокъ, выброшенный туда

Digitized by Google

моремъ. Абу-Сиръ развязалъ его и увидѣлъ трупъ Абу-Кира, прибитый сюда теченіями! И велѣлъ Абу-Сиръ похоронить его на берегу, неподалеку отъ того мѣста, и поставилъ ему надгробный памятникъ и назначилъ сумму для его содержанія, а на дверяхъ памятника велѣлъ выгравировать слѣдующую назидательную надпись:

Страшися зла! Не опьяняйся жадно
Ты злобою изъ горькаго фіала.
Въ концѣ концовъ всегда наказанъ злой!

Таковъ-то былъ конецъ Абу-Кира-красильщика, и таково начало счастливой и лишенной заботъ жизни Абу-Сира. И вотъ почему бухта, на берегу которой былъ погребенъ красильщикъ, получила наименованіе Абукирской бухты! Слава Предвѣчному и Тому, по Чьей волѣ текутъ дни зимы и лѣта!

Затѣмъ Шахразада сказала:—Вотъ все, что̀ знаю объ этомъ происшествіи, о царь благословенный!—Шахріаръ же воскликнулъ:—Клянусь Аллахомъ, эта исторія весьма назидательна. И вотъ почему я желаю, чтобы ты разсказала мнѣ еще два-три назидательныхъ анекдота!—И Шахразада сказала:—Это именно то, что всего лучше знаю!

Въ эту минуту она замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста семьдесятъ шестая ночь,

она сказала:

Назидательные разсказы „Благоухающаго сада".

Всего лучше извѣстны мнѣ, о царь благословенный, именно назидательные мелкіе разсказы, извлеченные изъ «Благоухающаго Сада».—И царь Шахріаръ сказалъ: — Въ таком случаѣ, поторопись разсказомъ, такъ какъ душа моя мрачна сегодня ночью! И не увѣренъ я въ томъ, что голова твоя останется на плечахъ до утра! — Шахразада улыбнулась и сказала:—Вотъ! Но предупреждаю тебя, о царь благословенный, что эти разсказы, какъ они ни нравственны, могутъ показаться грубымъ людямъ съ узкимъ умомъ слишкомъ вольными!—Шахріаръ же отвѣтилъ: — Такое опасеніе не должно тебя останавливать, Шахразада. Впрочемъ, если ты думаешь, что этихъ назидательныхъ разсказовъ не должна слышать эта дѣвочка, которая слушаетъ тебя, сидя на коврѣ и прижавшись къ твоимъ ногамъ, то вели ей поскорѣе уйти. Къ тому же я не знаю вообще, зачѣмъ сидитъ здѣсь эта дѣвочка!—Услышавъ эти слова царя, Доньязада, боясь, что ее прогонятъ, бросилась въ объятія старшей сестры, которая поцѣловала ее прямо въ глазки, прижала къ груди своей и успокоила это милое существо. Потомъ, повернувшись къ Шахріару, она сказала: — Все-таки, я думаю, что она можетъ остаться! Говорить о томъ, что̀ находится пониже пояса, не можетъ считаться предосудительнымъ, такъ какъ для чистыхъ душъ все чисто!

Затѣмъ Шахразада сказала:

Подростокъ и растиральщикъ гаммама.

Сказываютъ, о царь благословенный, что у нѣкоего растиральщика въ гаммамѣ было много кліентовъ изъ сыновей именитыхъ и самыхъ богатыхъ людей, такъ какъ гаммамъ, въ которомъ онъ занимался своимъ реме-

Digitized by Google

сломъ, былъ лучшимъ въ городѣ. И вотъ однажды вошелъ въ залъ, гдѣ растиральщикъ ждалъ посѣтителей, молодой человѣкъ, еще не достигшій возмужалости, но полный, жирный и красивый лицомъ. И былъ это сынъ самого великаго визиря. Растиральщикъ съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на нѣжное и мягкое тѣло подростка и сказалъ себѣ:—Вотъ такъ тѣло, — повсюду подушки, такъ много вездѣ жира! — И помогъ онъ ему растянуться на тепломъ мраморѣ жарко натопленной бани и съ особымъ стараніемъ принялся растирать его. Но когда дошелъ онъ до ляжекъ, то крайне удивился...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста семьдесятъ седьмая ночь,

она сказала:

... Онъ мысленно сталъ сокрушаться въ душѣ своей и ударять одной рукой о другую, переставъ даже заниматься своимъ дѣломъ.

Когда же молодой человѣкъ увидѣлъ растиральщика такимъ разстроеннымъ и огорченнымъ, онъ сказалъ ему: — Что̀ съ тобой, о растиральщикъ, почему у тебя такое огорченное лицо, и зачѣмъ ударяешь ты себя по рукамъ?—Тотъ отвѣтилъ: — Увы, господинъ мой, я сокрушаюсь о тебѣ! И это потому, что вижу въ тебѣ несчастнѣйшаго человѣка! Ты молодъ, красивъ и жиренъ, обладаешь всѣми совершенствами лица и тѣла, и всѣми благодѣяніями, даруемыми Создателемъ избранникамъ своимъ. Но ты не доразвился! — При этихъ словахъ сынъ визиря печально опустилъ голову и отвѣтилъ: — Ты правъ, дядя! Я самъ горюю объ этомъ. Разсчитываю на тебя и на твою услужливость. Возьми кошелекъ мой тамъ на эстрадѣ, гдѣ я оставилъ свою одежду!—Растиральщикъ повиновался и, взявъ золото, вышелъ изъ гаммама и направился къ своему жилищу. Тамъ онъ разсказалъ обо всемъ женѣ своей и посовѣтовалъ ей идти въ гаммамъ къ молодому человѣку. Вѣдь онъ не настоящій мужчина, ничего не будетъ серіознаго, а кошелекъ полный золота останется въ домѣ. И онъ сказалъ ей:—Ты посмѣешься съ нимъ часокъ, я же буду присматривать за вами, чтобы не мѣшало вамъ любопытство другихъ купальщиковъ.

Молодая женщина повиновалась и нарядилась въ свою лучшую одежду. Впрочемъ, ей не нужно было нарядовъ и украшеній для того, чтобы вскружить голову кому угодно, такъ какъ она была красивѣйшею женщиною своего времени...

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста семьдесятъ восьмая ночь,

она сказала:

... такъ какъ она была красивѣйшею женщиною своего времени.

И повелъ свою жену растиральщикъ къ молодому сыну визиря и, войдя въ теплую залу, гдѣ продолжалъ лежать на мраморѣ молодой человѣкъ, растиральщикъ оставилъ ихъ вдвоемъ, сталъ за дверью, чтобы не давать

Digitized by Google

любопытнымъ заглядывать въ ея рѣшетку, и посовѣтовалъ запереть дверь извнутри.

А молодые люди понравились другъ другу. Растиральщикъ могъ въ этомъ убѣдиться, выглядывая изъ-за деревянной рѣшетки двери; но, боясь, чтобы безчестіе его не стало всѣмъ извѣстнымъ, онъ боялся кричать и ломиться въ дверь, а только вполголоса говорилъ женѣ:—О мать Али, почему же ты не выходишь? Ужъ поздно, и тебѣ пора идти домой кормить ребенка!..

Наконецъ несчастный растиральщикъ пришелъ въ отчаяніе; ревность душила его, и, взбѣжавъ на крышу гаммама, онъ бросился съ нея внизъ головою и разбился до смерти.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста семьдесятъ девятая ночь,

Исторія эта доказываетъ, что мудрый не долженъ судить по внѣшнимъ признакамъ.

Царь сказалъ:—Во истину, Шахразада, этотъ разсказъ чрезвычайно занимателенъ! И, слушая его, умъ мой такъ отдохнулъ, что я готовъ прослушать еще какую-нибудь совершенно необычайную исторію! — И Шахразада сказала: — Вотъ, именно та, которую разскажу теперь, придется тебѣ какъ разъ по вкусу!

Разсказъ объ Абдаллахѣ Земномъ и Абдаллахѣ Морскомъ.

И Шахразада сказала царю Шахріару:

Разсказываютъ люди—но Аллахъ все знаетъ лучше всѣхъ!—что жилъ-былъ человѣкъ, рыбакъ по ремеслу, и звали его Абдаллахъ. Этому рыбаку приходилось кормить жену и девять человѣкъ дѣтей, а былъ онъ бѣденъ, такъ бѣденъ, что все имущество его состояло въ одной только рыболовной сѣти. Сѣть эта замѣняла ему и лавку, и товаръ, кормила его и семью и была единственнымъ спасеніемъ для этихъ людей. Поэтому, каждый день отправлялся онъ къ морю ловить рыбу; и если уловъ былъ малъ, онъ продавалъ его и истрачивалъ выручку на дѣтей, сообразно съ тѣмъ, что даровалъ ему Раздаватель щедротъ; но если уловъ былъ богатый, то, продавъ его, онъ приказывалъ женѣ готовить превосходный обѣдъ, покупалъ плоды и тратилъ все, ничего не жалѣя, пока въ рукахъ не оставалось ничего. И говорилъ онъ себѣ:—Хлѣбъ на завтрашній день получится завтра!—И жилъ онъ такъ изо дня въ день, не задумываясь о будущемъ.

Но вотъ однажды, жена его родила десятаго мальчика, такъ какъ и остальные девять были мальчики, благословеніемъ Аллаха! И именно въ тотъ день, въ бѣдномъ жилищѣ рыбака Абдаллаха не было рѣшительно ни куска хлѣба. Жена сказала мужу:—О господинъ мой, въ домѣ прибавился лишній жилецъ, а дневного пропитанія еще нѣтъ у насъ! Не пойдешь ли поискать чего-нибудь такого, что̀ могло бы поддержать насъ въ эту трудную минуту?—Онъ отвѣтилъ:—Я сейчасъ уйду, поручая себя милости Аллаха, и закину сѣть на счастье новорожденнаго, чтобы узнать, что сулитъ ему судьба!—Жена сказала ему: — Надѣйся на Аллаха! — И взялъ рыбакъ Абдаллахъ свою сѣть на плечи и пошелъ на берегъ моря...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

А когда наступила

четыреста восьмидесятая ночь,

она сказала:

.... И взялъ рыбакъ Абдаллахъ свою сѣть на плечи и пошелъ на берегъ моря. И закинулъ онъ ее, и расправилъ на счастіе новорожденнаго ребенка. и сказалъ:—О Господи, сдѣлай, чтобы жизнь его была легкой, а не трудной, обильной, а не скудной!—И, подождавши нѣкоторое время, онъ вытянулъ сѣть и нашелъ ее наполненной всякою дрянью, пескомъ, хрящемъ и морской травой, но рыбы ни крупной, ни мелкой не было и слѣда! Рыбакъ удивился и опечалился, и сказалъ себѣ: — Неужели Аллахъ создалъ этого младенца, не назначая для него никакой доли и никакого пропитанія? Этого не можетъ быть и никогда не будетъ! Тотъ, Кто создалъ у человѣка челюсти и провелъ черту, обозначающую ротъ, сдѣлалъ это не напрасно и самъ взялъ на себя обязанность удовлетворять и нужды, потому что Онъ Промыслитель и Дарователь щедротъ. Да прославлено будетъ имя Его!— Потомъ взвалилъ себѣ рыбакъ сѣть на плечи и пошелъ закидывать ее въ другое мѣсто. И терпѣливо ждалъ онъ довольно долгое время, и потомъ съ большимъ трудомъ вытащилъ сѣть, потому что она была, на этотъ разъ, очень тяжела. И нашелъ онъ въ ней дохлаго осла, разбухшаго и издававшаго нестерпимую вонь. И почувствовалъ рыбакъ сильную тошноту; поспѣшно освободилъ онъ сѣть свою отъ этого дохлаго осла и, какъ можно скорѣе, ушелъ въ другое мѣсто, говоря себѣ: — Аллахъ Преславенъ и Великъ, въ Немъ одномъ прибѣжище и сила! Во всѣхъ этихъ неудачахъ моихъ на морѣ виновата моя проклятая жена! Сколько разъ говорилъ я ей: «Нѣтъ мнѣ счастія въ водѣ, нужно искать пропитанія въ другомъ мѣстѣ. Довольно съ меня этого промысла! Нѣтъ, во истину опротивѣлъ онъ мнѣ! Пусти меня, о жена, заняться другимъ дѣломъ!» И я столько разъ повторялъ ей эти слова, что языкъ обросъ у меня волосами! Она же постоянно отвѣчала мнѣ: —«Аллахъ Каримъ! Аллахъ Каримъ! Милостямъ Его нѣтъ предѣловъ! Не отчаивайся, о отецъ дѣтей!»—Такъ вотъ она, щедрость Аллаха! Дохлый оселъ—это что̀ ли доля моего бѣднаго новорожденнаго, или, можетъ быть, песокъ да хрящъ?

И долго стоялъ рыбакъ Абдаллахъ неподвижно и глубоко опечаленный. Наконецъ, рѣшился онъ еще разъ закинуть сѣть, испросивъ прощенія у Аллаха за только-что произнесенныя необдуманныя слова и сказалъ:—Благослови мою ловлю, о Ты, расточающій своимъ созданіямъ милости, благодѣянія и заранѣе опредѣляющій ихъ судьбу. Благопріятствуй этому новорожденному, я же обѣщаю Тебѣ, что со временемъ онъ посвятитъ Тебѣ всю свою жизнь!—Потомъ сказалъ онъ себѣ:—Я хотѣлъ бы выловить хоть одну рыбину, чтобы отнести ее благодѣтелю моему, пекарю, который въ черные дни, когда я стоялъ у его лавки и нюхалъ запахъ горячаго хлѣба, всегда подзывалъ меня и великодушно давалъ хлѣба для девятерыхъ дѣтей и ихъ матери!

И, закинувъ сѣть въ третій разъ, Абдаллахъ ждалъ долго, а потомъ сталъ тащить ее. Но такъ какъ сѣть была на этотъ разъ еще тяжелѣе прежняго и грузна необыкновенно, то онъ съ великимъ трудомъ вытащилъ ее на берегъ, и до крови натерли ему руки веревки. Каково же было его удивленіе, когда въ петляхъ сѣти увидѣлъ онъ человѣческое существо, подобное всѣмъ сынамъ Адама съ тою только разницею, что тѣло его заканчивалось рыбьимъ хвостомъ; но все остальное: голова, лицо, борода, туловище и руки — все было такимъ, какъ и у всѣхъ людей, адамитовъ.

Digitized by Google

Увидя это, рыбакъ Абдаллахъ ни на минуту не усумнился, что видитъ передъ собою эфрита изъ эфритовъ, которые въ древнія времена возстали противъ господина нашего Солеймана, сына Дауда, заключены были въ кувшины изъ красной мѣди и брошены въ море. И сказалъ онъ себѣ:—Это, конечно, одинъ изъ нихъ! Вода съ годами разъѣла мѣдь, и онъ вышелъ изъ кувшина и уцѣпился за мою сѣть! — И, закричавъ отъ страха, подобравъ полы одежды своей выше колѣнъ, рыбакъ побѣжалъ по берегу во всю мочь, вопя:—Аманъ! Аманъ! Смилуйся, о эфритъ Солеймана!

Но адамитъ закричалъ ему изъ сѣтей:—Приходи, о рыбакъ! Не бѣги отъ меня! Я такой же человѣкъ, какъ и ты, я не маредъ и не эфритъ! Вернись же, лучше помоги мнѣ выпутаться изъ этой сѣти и не бойся! Я щедро вознагражу тебя! И Аллахъ зачтетъ тебѣ это въ день Суда! — При этихъ словахъ, сердце рыбака успокоилось; онъ остановился и вернулся къ своей сѣти, но очень медленными шагами, дѣлая шагъ впередъ и шагъ назадъ. И сказалъ онъ пойманному въ сѣти адамиту:—Такъ, значитъ, ты не джинъ изъ джиновъ...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста восемьдесятъ первая ночь,

она сказала:

....Такъ, значитъ, ты не джинъ изъ джиновъ?—Тотъ отвѣтилъ:—Нѣтъ, я человѣческое существо, вѣрю въ Аллаха и въ Пророка Его!—Абдаллахъ спросилъ:—Такъ кто же бросилъ тебя въ море?—Онъ отвѣтилъ:—Никто, я родился въ морѣ! Я одинъ изъ дѣтей моря. Въ глубинахъ морскихъ живутъ многочисленные народы. Мы живемъ и дышемъ въ водѣ, какъ вы на землѣ и птицы въ воздухѣ. И всѣ мы, правовѣрные, вѣримъ въ Аллаха и Пророка Его (миръ и молитвы надъ нимъ!), и мы добры и оказываемъ помощь людямъ, братьямъ нашимъ, живущимъ на поверхности земли; и это потому, что повинуемся заповѣдямъ Аллаха и предписаніямъ Корана!—Затѣмъ онъ прибавилъ:—Впрочемъ, если бы я былъ джиномъ или зловреднымъ эфритомъ, то давно разорвалъ бы твои сѣти, а не просилъ бы распутать ихъ, не разрывая и не портя, такъ какъ она единственная поддержка и кормилица твоей семьи!—При такихъ рѣшающихъ словахъ, Абдаллахъ почувствовалъ, что послѣднія сомнѣнія и страхи его разсѣеваются, и когда онъ нагнулся, чтобы помочь жителю моря выпутаться изъ сѣти, тотъ сказалъ ему еще:—О рыбакъ, судьба хотѣла, чтобы я попалъ въ твою сѣть для твоей же пользы. Я гулялъ въ водѣ, когда сѣть захватила меня въ свои петли. Я же желаю добра тебѣ и твоимъ! Хочешь, мы заключимъ договоръ, по которому каждый изъ насъ обяжется быть другомъ другому, дѣлать ему подарки и получать другіе въ обмѣнъ? Такъ, напримѣръ, ты ежедневно будешь приходить сюда ко мнѣ и приносить земные плоды, растущіе у васъ: виноградъ, смоквы, арбузы, дыни, персики, сливы, гранаты, бананы, финики и другіе! Я приму все это съ большимъ удовольствіемъ. А взамѣнъ я каждый разъ буду давать тебѣ растущіе въ глубинахъ морскихъ плоды: кораллы, жемчугъ, аммониты, бериллы, изумруды, сафиры, рубины, драгоцѣнные металлы и всѣ драгоцѣнные камни моря. И каждый разъ буду я наполнять ими корзину, въ которой ты будешь приносить мнѣ плоды свои! Согласенъ ли ты?

Digitized by Google

Слушая эти слова, рыбакъ, который отъ радости и восхищенія при перечисленіи всего этого великолѣпія, давно уже стоялъ на одной ногѣ, воскликнулъ:—Йа Аллахъ, да кто же не согласился бы на это?—А потомъ сказалъ:—Да, но прежде всего, да станетъ между нами фатья, для скрѣпленія нашего договора!—И житель моря изъявилъ согласіе свое. Тогда оба они прочли вслухъ первую фатью Корана. Сейчасъ же послѣ того Абдаллахъ-Рыбакъ освободилъ изъ сѣти жителя моря.

И спросилъ тогда рыбакъ своего морского друга: — Какъ твое имя?— Тотъ отвѣтилъ:—Меня зовутъ Абдаллахъ. А потому, когда будешь приходить сюда утромъ, если случится, что не увидишь меня, тебѣ стоитъ только закричать: — Йа Абдаллахъ, о Морской! — И сейчасъ же услышу я и вынырну изъ воды. — И спросилъ онъ, въ свою очередь: — А какъ же зовутъ тебя, братъ мой? — Рыбакъ отвѣтилъ: — Меня также зовутъ Абдаллахъ! — Тогда Морской воскликнулъ: — Ты Абдаллахъ Земной, а я Абдаллахъ Морской! И поэтому мы вдвойнѣ братья, и по имени, и въ силу нашей дружбы. Подожди же меня одну минуту, о другъ мой, я только нырну и вернусь къ тебѣ съ моимъ первымъ морскимъ подаркомъ!—Абдаллахъ Земной отвѣчалъ:—Слушаю и повинуюсь! — И тотчасъ же Абдаллахъ Морской прыгнулъ съ берега въ воду и исчезъ.

Тогда, видя, что, по прошествіи довольно долгаго времени, Морской не возвращается, Абдаллахъ Земной сталъ сожалѣть и сильно раскаяваться, что освободилъ его изъ сѣти, и сказалъ въ душѣ своей:—Кто знаетъ, вернется ли онъ? Навѣрное онъ только посмѣялся надо мною и наговорилъ мнѣ все это только для того, чтобы я освободилъ его. Ахъ, зачѣмъ я не оставилъ его у себя! Я бы могъ показывать его городскимъ жителямъ и получать за это много денегъ! И носилъ бы я его также и по домамъ богатыхъ людей, которые не любятъ безпокоиться, и показывалъ бы за деньги, и мнѣ платили бы щедро!—Такъ жаловался онъ въ душѣ своей и говорилъ себѣ:—О рыбакъ, ты выпустилъ изъ рукъ уловъ свой...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

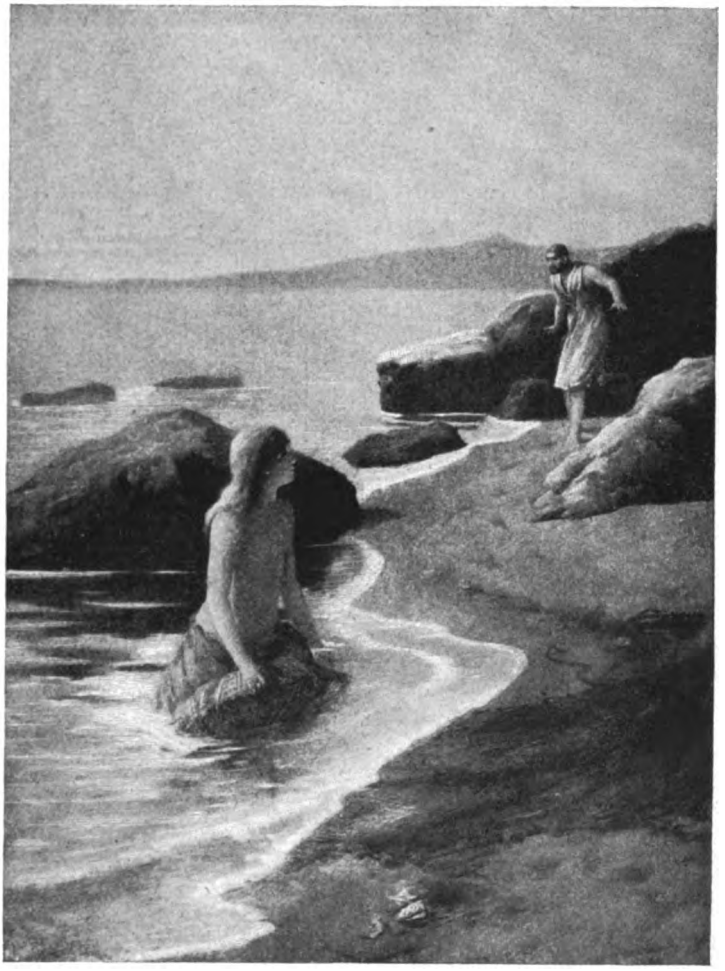
четыреста восемьдесятъ вторая ночь,

она сказала:

... Ты выпустилъ изъ рукъ уловъ свой, о рыбакъ!—Но въ ту же минуту Морской появился на поверхности воды, неся что-то надъ головою, выплылъ на берегъ и сѣлъ рядомъ съ Земнымъ. Въ обѣихъ рукахъ держалъ Морской жемчугъ, кораллы, изумруды, яхонты, рубины и всякіе драгоцѣнные камни. И подалъ онъ все это рыбаку и сказалъ ему: — Возьми это, братъ мой Абдаллахъ, и извини, что мало принесъ. На этотъ разъ вѣдь у меня не было корзинки, но въ слѣдующій ты принесешь мнѣ корзину, а я наполню ее этими плодами моря!—При видѣ драгоцѣнныхъ камней, рыбакъ былъ чрезвычайно обрадованъ. Онъ взялъ ихъ, пересыпалъ съ руки на руку, восхищался ими и затѣмъ спряталъ за пазуху. Морской же сказалъ ему:—Не забывай нашего уговора! Приходи сюда каждый день до солнечнаго восхода!—И простился онъ съ нимъ и погрузился въ море.

Рыбакъ же вернулся въ городъ, радостный и веселый, и началъ съ того, что отправился къ пекарю, помогавшему ему въ черные дни, и сказалъ ему:—О, братъ мой, счастіе и удача, наконецъ, улыбнулись намъ! Прошу же тебя, сосчитай, сколько я тебѣ долженъ.—Пекарь же отвѣтилъ:—Къ чему

Digitized by Google



Но такъ какъ сѣть была обременена еще болѣе, чѣмъ въ предыдущіе два раза, и въ ней было что-то необыкновенно тяжелое, то онъ только съ величайшимъ трудомъ могъ подтащить ее къ берегу; и онъ тянулъ, не переставая, пока руки его не обагрились кровью. И вотъ, къ величайшему его изумленію, онъ увидѣлъ, что въ очкахъ его сѣти запуталось человѣческое существо...

(Исторія Абдаллаха Земного и Абдаллаха Морского).

Digitized by Google

Digitized by Google

счеты между нами? Но если у тебя, дѣйствительно, есть лишнее, то дай мнѣ, сколько можешь! Если же у тебя ничего нѣтъ, то бери столько хлѣбовъ, сколько нужно тебѣ для семьи, и подожди съ уплатой до той поры, когда достигнешь окончательнаго благосостоянія!—Но рыбакъ сказалъ:—О другъ мой, благосостояніе мое окончательно утвердилось, милосердіемъ и щедростью Аллаха и ради счастія моего новорожденнаго ребенка! И все, что̀ дамъ тебѣ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ ты сдѣлалъ для меня, когда нужда держала меня за горло! А пока, возьми вотъ это!—И, засунувъ руку за пазуху, онъ вынулъ полную горсть самоцвѣтныхъ камней, такую полную, что для себя осталось у него едва половина того, что̀ далъ ему Морской. И отдалъ онъ драгоцѣнные камни пекарю, говоря:—Прошу тебя, одолжи мнѣ только немного денегъ, пока не продалъ я еще на базарѣ эти морскіе камни.—Удивленный до крайности тѣмъ, что̀ видѣлъ и получилъ, пекарь высыпалъ въ руки рыбака все, что̀ имѣлось у него въ ящикѣ, и захотѣлъ самъ отнести въ его домъ весь хлѣбъ, потребный для семьи. И сказалъ онъ ему:—Я рабъ твой и слуга! — И, не смотря на сопротивленіе рыбака, онъ поставилъ себѣ на голову корзинку съ хлѣбами и донесъ ее до самаго его дома. И ушелъ затѣмъ, поцѣловавъ у него руки. Рыбакъ же передалъ корзину матери своихъ дѣтей, а потомъ поспѣшилъ отправиться покупать для нихъ ягнятину, цыплятъ, овощи и плоды. И заказалъ онъ женѣ своей роскошный обѣдъ. И ѣлъ онъ самъ, ѣли жена и дѣти этотъ обѣдъ и безпредѣльно радовались появленію на свѣтъ новорожденнаго младенца, принесшаго имъ счастіе и богатство.

Затѣмъ, Абдаллахъ разсказалъ женѣ своей обо всемъ случившемся съ нимъ, о томъ, какъ ловля завершилась поимкой Абдаллаха Морского, и обо всѣхъ подробностяхъ происшествія. Кончилъ онъ тѣмъ, что передалъ въ руки жены все, что̀ осталось отъ дорогого подарка друга, обитателя моря. И жена радовалась всему этому, но и сказала:—Никому не говори объ этомъ! Иначе наживешь себѣ большихъ хлопотъ съ чиновниками!—А рыбакъ отвѣтилъ:—Разумѣется! Никому не скажу, кромѣ пекаря! Хотя обыкновенно и слѣдуетъ скрывать свое счастіе, но не могу скрыть его отъ перваго благодѣтеля моего!

На слѣдующій день, рано поутру, Абдаллахъ-Рыбакъ, съ корзиной, наполненной прекрасными плодами всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ, отправился на морской берегъ, куда и пришелъ до восхода солнца. Онъ поставилъ корзину на песокъ, а такъ какъ Абдаллаха не было видно, ударилъ въ ладоши и закричалъ:—Гдѣ ты, о Абдаллахъ Морской?—И тотчасъ же изъ глубины водъ раздался голосъ:—Я здѣсь, о Абдаллахъ Земной! Я къ твоимъ услугамъ!—И морской житель выплылъ и появился на берегу. Послѣ селямовъ и добрыхъ пожеланій, рыбакъ подалъ ему корзину съ плодами. Морской взялъ, поблагодарилъ и исчезъ въ глубинѣ моря. Но нѣсколько минутъ спустя онъ появился снова, неся въ рукахъ корзину, наполненную вмѣсто плодовъ изумрудами, берилломъ и всѣми сокровищами моря. Простившись съ другомъ, рыбакъ поставилъ корзину себѣ на голову и пошелъ въ городъ...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четырета восемьдесятъ третья ночь,

она сказала:

... Простившись съ другомъ, рыбакъ поставилъ корзину себѣ на голову и пошелъ въ городъ. Поровнявшись съ пекарней, онъ сказалъ своему прежнему

Digitized by Google

благодѣтелю:—Миръ тебѣ, о отецъ отверстыхъ рукъ!—Пекарь же отвѣтилъ:—И тебѣ миръ, милость и благословеніе Аллаха, о благовѣщающее лицо! Я только-что послалъ къ тебѣ на домъ подносъ съ сорока сладкими пирогами, которые испечены особо для тебя и въ тѣсто которыхъ я, не жалѣя, положилъ очищеннаго масла, корицы, кардамону, мушкатнаго орѣшка, куркумы, чернобыльника, аниса и укропа! — Рыбакъ же опустилъ руку въ корзину, въ которой сверкали тысячами огней самоцвѣтные камни, взялъ три пригоршни и передалъ пекарю. Потомъ продолжалъ онъ путь и пришелъ домой. Тамъ поставилъ онъ корзину, выбралъ изъ каждаго сорта и изъ каждаго цвѣта лучшіе камни, завернулъ въ лоскутокъ и отправился на базаръ ювелировъ. Остановившись передъ лавкой шейха ювелировъ, онъ развернулъ передъ нимъ свои дивные камни и сказалъ ему:—Не желаешь ли купить?—Шейхъ взглянулъ на рыбака глазами, преисполненными недовѣрія, и спросилъ:—Есть у тебя еще такіе?—Тотъ отвѣтилъ:—У меня дома ихъ полная корзина!—Шейхъ спросилъ:—А гдѣ твой домъ?—Рыбакъ отвѣтилъ:—У меня нѣтъ дома, а живу я въ хижинѣ, сколоченной изъ гнилыхъ досокъ, въ глубинѣ такого-то переулка, у рыбнаго базара! — Услышавъ это, ювелиръ закричалъ своимъ слугамъ:—Задержите его! Это тотъ самый воръ, который укралъ драгоцѣнности супруги султана и о которомъ намъ дали знать!—И приказалъ онъ бить рыбака палками. И всѣ ювелиры и другіе купцы окружили его и ругали его. Одни говорили:—Это навѣрное тотъ, который обокралъ, мѣсяцъ тому назадъ, лавку хаджа Гассана! — А другіе: — Этотъ негодяй обчистилъ домъ такого-то!—И каждый разсказывалъ о какомъ-нибудь воровствѣ, виновникъ котораго остался неизвѣстнымъ, и приписывалъ эту кражу рыбаку! Абдаллахъ же, между тѣмъ, молчалъ и ничего не отрицалъ. Вытерпѣвъ предварительное наказаніе палками, онъ далъ шейху-ювелиру тащить себя къ царю; ювелиръ же хотѣлъ заставить его сознаться и затѣмъ велѣть повѣсить его у дверей дворца.

Когда всѣ пришли въ Совѣтъ, шейхъ ювелировъ сказалъ царю: — О царь временъ, ты предупредилъ насъ объ исчезновеніи ожерелья царицы и велѣлъ намъ розыскать виновника. Мы сдѣлали все, что могли, и при помощи Аллаха, намъ удалось это сдѣлать! Вотъ преступникъ, онъ въ рукахъ твоихъ, а вотъ драгоцѣнные камни, которые мы нашли у него!—И приказалъ царь старшему евнуху: — Возьми эти камни и ступай показать ихъ твоей госпожѣ! Спроси ее: тѣ ли это камни, которые она потеряла!—И пошелъ старшій евнухъ къ царицѣ и, разложивъ передъ нею великолѣпные камни, спросилъ:—Это ли камни изъ твоего ожерелья, о госпожа моя?

Увидѣвъ эти камни, царица была внѣ себя отъ восхищенія, но отвѣтила евнуху: — Совсѣмъ не тѣ! Я нашла ожерелье свое въ ларцѣ. Эти же камни много прекраснѣе моихъ, и подобныхъ имъ нѣтъ и въ цѣломъ мірѣ! Ступай же, о Мезфуръ, и скажи царю, чтобы онъ купилъ эти камни для ожерелья дочери нашей Счастливицы, которую пора уже выдавать замужъ.

Когда царь узналъ отъ евнуха отвѣтъ царицы, онъ страшно разгнѣвался на шейха ювелировъ за то, что тотъ задержалъ и наказалъ невиннаго; и проклялъ онъ его всѣми проклятіями Аида и Таммуда! Дрожа всѣмъ тѣломъ, шейхъ сказалъ: — О царь временъ, мы знали, что человѣкъ этотъ рыбакъ и что онъ очень бѣденъ; увидѣвъ у него эти драгоцѣнности и узнавъ, что у него ихъ полонъ домъ, мы подумали, что онъ не могъ добыть ихъ дозволенными способами!—При этихъ словахъ, царь еще болѣе разгнѣвался и закричалъ онъ шейху ювелировъ и его товарищамъ: — Ахъ, вы грязные разночинцы, ахъ, вы еретики безсовѣстные, грубыя души, развѣ не знаете вы, что нѣтъ богатства невозможнаго въ судьбѣ истиннаго правовѣрнаго, какъ бы внезапно и дивно ни было его обогащеніе? Ахъ вы злодѣи! И вы спѣшите обвинять бѣдняка, не выслушавъ его, не разсмотрѣвъ дѣла, подъ

Digitized by Google

тѣмъ только предлогомъ, что богатство его слишкомъ значительно для него! И вы обходитесь съ нимъ, какъ съ воромъ, вы безчестите его передъ людьми! И ни одной минуты не подумали о томъ, что когда Аллахъ (славно имя Его!) раздаетъ свои милости, Онъ никогда не скупится! Развѣ знаете вы неисчерпаемые источники, изъ которыхъ Всевышній почерпаетъ свои благодѣянія, о глупые невѣжды, развѣ можете своими скряжническими разсчетами вычислить вѣсъ счастливой судьбы? Ступайте, негодяи! Удалитесь съ глазъ моихъ! И да лишитъ васъ Аллахъ навсегда своихъ благословеній!—И прогналъ онъ ихъ съ позоромъ! И вотъ все о нихъ!..

Въ этомъ мѣстѣ разсказа своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста восемьдесятъ четвертая ночь,

она сказала:

... И прогналъ онъ ихъ съ позоромъ! И вотъ все о нихъ!

Что же касается до рыбака Абдаллаха, то вотъ! Царь повернулся къ нему и сказалъ, не задавая ни одного вопроса: — О бѣднякъ, да благословитъ тебя Аллахъ въ щедрыхъ дарахъ своихъ! Не бойся ничего! Защиту тебѣ даю я!—Потомъ прибавилъ царь:—Теперь, не пожелаешь ли сказать мнѣ всю правду и объяснить, какимъ образомъ достались тебѣ эти драгоцѣнные камни, равными которымъ не обладаетъ ни одинъ царь на землѣ?—Рыбакъ отвѣтилъ:—О царь временъ, дома у меня есть еще рыбная корзина, наполненная такими же камнями! Это даръ моего друга Абдаллаха Морского!—И разсказалъ онъ царю о приключеніи своемъ, не пропуская ни одной подробности! Но повторять это безполезно. Затѣмъ прибавилъ онъ: — Я же заключилъ съ нимъ договоръ, скрѣпленный фатьей Корана. Этимъ договоромъ я обѣщался приносить ему ежедневно, на зарѣ, корзину съ плодами земными; а онъ обязался наполнять эту самую корзину плодами моря, вотъ этими самыми драгоцѣнностями!

И дивился царь щедротамъ Аллаха по отношенію къ правовѣрнымъ; и сказалъ онъ рыбаку:—О рыбакъ, это предначертано въ твоей судьбѣ! Но позволь сказать тебѣ, что богатство должно быть ограждаемо и что богачъ долженъ занимать и высокое мѣсто! Поэтому я хочу взять тебя подъ свое покровительство на всю жизнь мою и даже далѣе! Вѣдь я не могу ручаться за будущее и не знаю, какова будетъ твоя участь при моемъ преемникѣ, когда умру, или когда меня лишатъ престола. Онъ можетъ убить тебя изъ-за алчности и желанія завладѣть земными благами. Поэтому-то я хочу оградить тебя отъ превратностей судьбы. Лучшимъ средствомъ для этого женить тебя на моей молоденькой дочери Счастливицѣ и назначить тебя великимъ визиремъ, завѣщая тебѣ престолъ послѣ моей смерти! — Рыбакъ отвѣтилъ:—Слушаю и повинуюсь!

Тогда царь позвалъ рабовъ своихъ и приказалъ имъ: — Ведите въ гаммамъ вашего господина, вотъ онъ! — И невольники повели рыбака въ дворцовый гаммамъ и тщательно мыли его и облекли въ царственное одѣяніе и привели къ царю, который тутъ же назначилъ его своимъ великимъ визиремъ. Потомъ царь объяснилъ ему, какъ онъ долженъ отправлять свои новыя служебныя обязанности, а Абдаллахъ отвѣтилъ:—Твои совѣты, царь, будутъ правилами для меня, а твое благорасположеніе осѣнитъ меня!

Затѣмъ царь отправилъ въ домъ рыбака гонцовъ, множество стражниковъ, музыкантовъ съ флейтами, кимвалами, барабанами и женщинъ, опыт-

Digitized by Google

ныхъ въ дѣлѣ одѣванія и украшеній. Этимъ женщинамъ приказано было нарядить жену рыбака и его десять дѣтей, посадить ихъ въ паланкинъ, несомый двадцатью неграми, и доставить во дворецъ среди великолѣпнаго шествія и при звукахъ музыки. И этотъ приказъ былъ исполненъ; супругу рыбака съ ея груднымъ младенцемъ и остальными девятью дѣтьми посадили въ роскошный паланкинъ, и, предшествуемая стражей и музыкантами, сопровождаемая женщинами, которыя назначены были ей для услугъ, а также супругами эмировъ и именитыхъ людей, она явилась во дворецъ, гдѣ ждала ее царица, встрѣтившая ее съ необыкновеннымъ вниманіемъ. между тѣмъ, какъ царь принималъ дѣтей, сажалъ ихъ по очереди къ себѣ на колѣни и отечески ласкалъ, какъ собственныхъ дѣтей. Съ своей стороны, царица пожелала выказать свое расположеніе къ женѣ новаго великаго визиря и назначила ее начальницею своихъ покоевъ, поставивъ во главѣ всѣхъ женщинъ гарема.

Послѣ всего этого, царь поспѣшилъ исполнить обѣщаніе свое и выдалъ замужъ за визиря Абдаллаха свою единственную дочь, Счастливицу, которая и стала второю женою его. По случаю бракосочетанія царь велѣлъ устроить большое празднество для народа и солдатъ, а также украсить и иллюминовать городъ. И въ эту ночь Абдаллахъ насладился и узналъ разницу между молодымъ дѣвственнымъ тѣломъ царской дочери и старой поношенной кожей своей первой жены.

На другой день, на зарѣ, царь, вставшій ранѣе обыкновеннаго вслѣдствіе волненій вчерашняго дня и сидѣвшій у окна, увидѣлъ, какъ новый великій визирь, супругъ дочери его Счастливицы, вышелъ изъ дворца, неся на головѣ рыбную корзину, наполненную плодами. Онъ окликнулъ его и спросилъ:—Зять мой, что̀ это ты несешь?..

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста восемьдесятъ пятая ночь,

она сказала:

... Окликнулъ его и спросилъ:—Зять мой, что̀ это ты несешь? И куда это ты направляешься?—Тотъ отвѣтилъ:—Это корзина съ плодами, которые несу другу моему, Абдаллаху Морскому! — Царь сказалъ на это: — Въ этотъ часъ никто не выходитъ изъ дома. Къ тому же зятю моему не приличествуетъ нести самому тяжести, какъ какому-нибудь носильщику!—Онъ отвѣтилъ:—Это правда! Но я боюсь пропустить назначенное время и показать себя въ глазахъ Морского лжецомъ и обманщикомъ и услышать отъ него такой упрекъ:—Мірскія заботы отвлекаютъ тебя теперь отъ исполненія долга и заставляютъ забывать обѣщанія! — Царь сказалъ: — Ты правъ! Иди къ своему другу, и да хранитъ тебя Аллахъ!—И направился Абдаллахъ къ морскому берегу, проходя по базару. И купцы, открывавшіе лавки раньше другихъ, узнавъ его, говорили:—Это Абдаллахъ, великій визирь, зять царя; онъ идетъ на море обмѣнивать плоды на драгоцѣнные камни! — А тѣ, кто не зналъ его, останавливали его и спрашивали:—О разносчикъ, по чемъ мѣрка абрикосовъ?—И отвѣчалъ онъ всѣмъ:—Это не продается. Это уже продано!—И говорилъ онъ вѣжливо, доставляя всѣмъ удовольствіе. И пришелъ онъ такимъ образомъ на море и увидѣлъ Абдаллаха Морского, которому отдалъ плоды, получивъ взамѣнъ новые драгоцѣнные камни всѣхъ цвѣтовъ. Затѣмъ вернулся онъ въ городъ и подошелъ къ пекарнѣ друга своего пекаря. Но, къ великому удивленію своему, увидѣлъ, что дверь его лавки заперта. Онъ

Digitized by Google

подождалъ немного и, наконецъ, спросилъ у сосѣдняго торговца:—О братъ мой, что же сталось съ твоимъ сосѣдомъ-пекаремъ?—Торговецъ отвѣчалъ:—Не знаю въ точности, что сотворилъ съ нимъ Аллахъ. Онъ, вѣроятно, лежитъ больной у себя дома!—Абдаллахъ спросилъ:—А гдѣ же его домъ!—Тотъ сказалъ:—Въ такомъ-то переулкѣ!—И направился онъ въ указанный переулокъ и, велѣвъ показать себѣ домъ пекаря, постучалъ у его дверей. Нѣсколько минутъ спустя, въ слуховомъ окнѣ появилась испуганная голова пекаря, который, увидѣвъ корзину, наполненную, какъ и прежде, драгоцѣнными камнями, успокоился и пошелъ отворять. И бросился онъ на шею къ Абдаллаху, цѣловалъ его со слезами на глазахъ и говорилъ: — Такъ, значитъ, тебя не повѣсили по приказу царя? Я слышалъ, что тебя арестовали, какъ вора; и, боясь быть, въ свою очередь, арестованнымъ въ качествѣ сообщника, я поспѣшилъ закрыть пекарню и спрятался у себя въ домѣ. Но объясни же мнѣ, другъ, почему ты одѣтъ, какъ визирь?—Тогда Абдаллахъ разсказалъ ему обо всемъ случившемся съ нимъ, съ начала и до конца, и прибавилъ:—И царь назначилъ меня своимъ великимъ визиремъ и выдалъ за меня дочь свою. И теперь у меня есть гаремъ, во главѣ котораго поставлена моя жена, мать моихъ дѣтей!—Потомъ сказалъ онъ:—Возьми эту корзину со всѣмъ, что въ ней заключается. Она принадлежитъ тебѣ, это назначено судьбою на твой сегодняшній день! — Затѣмъ простился онъ съ пекаремъ и возвратился во дворецъ съ пустой корзиной.

Когда царь увидалъ пустую корзину, онъ засмѣялся и сказалъ ему:—Вотъ видишь: другъ твой, Морской, покинулъ тебя!—Абдаллахъ отвѣтилъ:—Нисколько! Драгоцѣнные камни, которыми онъ наполнилъ сегодня мою корзину, превосходили красотою всѣ прежніе. Но я отдалъ ихъ всѣ другу моему пекарю, который въ былое время, когда я нуждался, кормилъ меня, дѣтей моихъ и жену мою. Вотъ и я не забываю его въ дни своего благополучія, какъ не забывалъ меня онъ въ дни бѣдности! Клянусь Аллахомъ! Я хочу засвидѣтельствовать, что онъ никогда не оскорбилъ самолюбія бѣдняка!—Царь нашелъ это чрезвычайно назидательнымъ и спросилъ:—Какъ зовутъ твоего друга?—Онъ отвѣтилъ:—Абдаллахъ-Пекарь, такъ же, какъ меня зовутъ Абдаллахъ Земной, а морского друга моего—Абдаллахъ Морской!—При этихъ словахъ царь восхитился, засуетился и воскликнулъ: — И какъ меня зовутъ Абдаллахъ-Царь! И какъ всѣхъ насъ зовутъ слугами Аллаха! А такъ какъ всѣ слуги Аллаха равны передъ Всевышнимъ и братья по вѣрѣ и происхожденію, то я хочу, о Абдаллахъ Земной, чтобы ты сейчасъ же шелъ за другомъ своимъ Абдаллахомъ-Пекаремъ и привелъ его сюда, потому что я хочу назначить его своимъ вторымъ визиремъ!

Абдаллахъ Земной тотчасъ же отправился къ Абдаллаху-Пекарю, котораго царь въ тотъ же день облекъ въ знаки визирата, назначивъ своимъ визиремъ лѣвой руки, подобно тому, какъ Абдаллахъ Земной былъ визиремъ правой.

И прежній рыбакъ Абдаллахъ блистательно исполнялъ свои новыя обязанности, никогда не забывая ходить къ другу своему Абдаллаху Морскому и относить ему корзину плодовъ сообразно съ временемъ года и получая взамѣнъ корзину драгоцѣнныхъ камней и металловъ. Когда же не бывало плодовъ ни въ садахъ, ни у продавцовъ новинокъ, онъ наполнялъ корзину изюмомъ, миндалемъ, орѣхами, фисташками, винными ягодами, сухими абрикосами и другими сухими плодами всѣхъ цвѣтовъ и всѣхъ сортовъ. И каждый разъ приносилъ онъ на головѣ корзину съ драгоцѣнностями. И такъ шло дѣло цѣлый годъ.

Однажды, Абдаллахъ Земной, придя, какъ всегда, съ разсвѣтомъ на берегъ моря, сѣлъ рядомъ съ другомъ своимъ, Абдаллахомъ Морскимъ и сталъ бесѣдовать съ нимъ о морскихъ жителяхъ и обычаяхъ ихъ...

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

Digitized by Google

А когда наступила

четыреста восемьдесятъ шестая ночь,

она сказала:

... сѣлъ рядомъ съ другомъ своимъ Абдаллахомъ Морскимъ и сталъ бесѣдовать съ нимъ о морскихъ жителяхъ и обычаяхъ ихъ. И, между прочимъ, спросилъ онъ у него: — О братъ мой, хорошо ли у васъ тамъ? — Тотъ отвѣтилъ: — Разумѣется! И если ты хочешь, я возьму тебя съ собою въ глубину морскую и покажу все, что̀ въ ней есть, и поведу въ мой городъ и приму тебя у себя въ домѣ сердечно и радушно!—Земной же Абдаллахъ отвѣтилъ:—О братъ мой, ты родился въ водѣ, и вода—жилище твое. Вотъ почему тебѣ удобно жить въ морѣ. Но прежде нежели отвѣчу на твое приглашеніе, скажи мнѣ, не было ли бы для тебя чрезвычайно опасно остаться на сушѣ?—Тотъ отвѣтилъ:—Безъ всякаго сомнѣнія. Тѣло мое изсохло бы; а вѣтры, дующіе на землѣ, убили бы меня своимъ дуновеніемъ! — Земной сказалъ:—Ну, вотъ такъ и я! Я созданъ для жизни на землѣ, и земля—мое жилище. Вотъ почему я нисколько не страдаю отъ ея воздуха. А если бы я погрузился съ тобою въ глубину моря, вода проникла бы въ мои внутренности, задушила бы меня, и я лишился бы жизни! — Морской сказалъ на это: — Не бойся, я принесу тебѣ мазь, которою ты намажешь все тѣло, и тогда ужъ никакого вреда не причинятъ тебѣ воды моря, хотя бы ты всю жизнь прожилъ въ его глубинѣ. И такимъ образомъ ты получишь возможность погрузиться вмѣстѣ со мною въ волны, исходить море во всѣхъ направленіяхъ, спать и просыпаться въ немъ, не подвергаясь нигдѣ никакой опасности.

Услышавъ эти слова, Земной сказалъ Морскому:—Если такъ, то нѣтъ никакихъ препятствій къ тому, чтобы я погрузился въ воду вмѣстѣ съ тобою. Принеси мнѣ твою мазь, и я испробую ее! — Морской отвѣтилъ: — Такъ я и сдѣлаю! — И взялъ онъ корзинку съ плодами и погрузился въ море, а немного времени спустя вернулся, держа въ рукахъ сосудъ, наполненный мазью, походившей видомъ на коровій жиръ; цвѣтъ ея былъ желтъ, какъ золото, а запахъ дѣйствительно восхитительный. Абдаллахъ Земной спросилъ:—Изъ чего же составлена эта мазь?—А Морской отвѣтилъ:—Она приготовлена изъ печеночнаго жира одной породы рыбъ, называемой данданъ. Этотъ данданъ—величайшая изъ морскихъ рыбъ, такъ что она безъ труда можетъ проглотить то, что̀ вы, земные, называете слономъ и верблюдомъ! — Испуганный земной, бывшій рыбакъ, воскликнулъ: — А чѣмъ же питается эта страшная рыба, о братъ мой?—Тотъ отвѣтилъ:—Обыкновенно она ѣстъ самыя мелкія морскія твари. Вѣдь тебѣ извѣстна пословица: слабыхъ пожираютъ сильные! — Земной сказалъ: — Ты правъ! Но много ли у васъ тамъ этихъ данданов? — Морской отвѣтилъ: — Тысячи тысячъ, одному Аллаху извѣстно, сколько ихъ всѣхъ.—Земной отвѣтилъ:—Въ такомъ случаѣ избавь меня отъ визита къ тебѣ, братъ мой, такъ какъ я очень боюсь встрѣчи съ такой рыбой, которая можетъ меня съѣсть!—Морской возразилъ:—Не бойся этого, хотя рыба данданъ и очень свирѣпа, но мясо человѣка для нея — страшнѣйшій ядъ! — Бывшій рыбакъ воскликнулъ: — Йа, Аллахъ, но вѣдь мнѣ не легче будетъ отъ того, что данданъ, проглотивши меня, самъ отравится мною! — Морской отвѣтилъ: — Не бойся дандана, потому что, при одномъ видѣ человѣка, онъ спасается бѣгствомъ, до такой степени опасается людей! Къ тому же онъ, по запаху, узнаетъ свой жиръ, которымъ ты будешь намазанъ, и не сдѣлаетъ тебѣ никакого зла! — И, успокоенный

Digitized by Google

такими завѣреніями друга своего, Земной сказалъ:—Возлагаю упованіе мое на Аллаха и на тебя! — Затѣмъ онъ раздѣлся, выкопалъ въ пескѣ яму и спряталъ въ ней свою одежду, чтобы никто не укралъ ея во время его отсутствія. Потомъ натеръ себя съ ногъ до головы тѣмъ жиромъ, не забывая малѣйшихъ отверстій, и, исполнивъ это, сказалъ Морскому: — Вотъ я и готовъ, о Морской, братъ мой!

Тогда Абдаллахъ Морской взялъ товарища за руку и погрузился съ нимъ въ глубины морскія...

Въ этомъ мѣстѣ своего повѣствованія Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста восемьдесятъ седьмая ночь,

она сказала:

Тогда Абдаллахъ Морской взялъ товарища за руку и погрузился съ нимъ въ глубины морскія. И сказалъ онъ ему: — Открой глаза! — И такъ какъ громадная тяжесть моря нисколько не давила и не душила Земного и дышалось ему теперь лучше, чѣмъ подъ небеснымъ сводомъ, то онъ понялъ, что вода дѣйствительно не проникаетъ въ него; и открылъ онъ глаза. И съ той минуты сталъ онъ гостемъ въ морѣ.

И видѣлъ онъ, какъ надъ его головою море развертывается изумруднымъ шатромъ, между тѣмъ какъ на землѣ воды его подернуты дивною лазурью; а подъ ногами у него разстилались подводные края, въ которые со временъ сотворенія міра не заглядывалъ человѣческій глазъ; свѣтло и ясно было на горахъ и въ долинахъ морского дна; всѣ существа и предметы окружены были нѣжнымъ свѣтомъ безконечной прозрачности и дивнаго великолѣпія водъ; мирные виды восхищали и очаровывали его сильнѣе всѣхъ очарованій его родного края; и видѣлъ онъ лѣса красныхъ коралловъ и лѣса бѣлыхъ коралловъ, и лѣса розовыхъ коралловъ, вѣтви которыхъ стояли въ полной неподвижности; и брилліантовыя пещеры, поддерживаемыя колоннами изъ рубиновъ, хризолитовъ, берилла, золотистыхъ сапфировъ и топазовъ; и причудливую растительность, нѣжившуюся на огромныхъ, какъ цѣлыя царства, пространствахъ; а на серебристомъ пескѣ— раковины тысячи различныхъ формъ и окрасокъ блестѣли своими яркими цвѣтами, отражаясь въ хрусталѣ водъ; а вокругъ него стрѣлой проносились рыбы, походившія на цвѣтокъ, и рыбы, напоминавшія плоды, и рыбы, похожія на птицъ, и еще другія, въ червонно-золотой и серебряной чешуѣ, похожія на большихъ ящерицъ, а еще другія, напоминавшія скорѣе буйволовъ, коровъ, собакъ и даже людей; цѣлые обширные слои царственныхъ самоцвѣтныхъ камней горѣли тысячами многоцвѣтныхъ огней и не меркли эти огни въ водѣ, а получали отъ нея еще болѣе живой блескъ; и цѣлыми слоями лежали раковины, полныя бѣлаго, розоваго и золотистаго жемчуга; и огромныя губки, неподвижныя и разбухшія, тяжело сидѣли на своихъ корняхъ и тянулись безконечными, правильными рядами, точно войско, и, казалось, разграничивали различные подводныя страны и охраняли ихъ, какъ вѣрные и безсмѣнные часовые.

И вдругъ Абдаллахъ Земной, продолжавшій держаться за руку своего друга, такъ какъ передъ нимъ мелькало все это великолѣпіе во время быстраго полета надъ пропастями, увидѣлъ безконечный рядъ изумрудныхъ пещеръ, вытесанныхъ въ горѣ изъ того же драгоцѣннаго камня; и у входа въ эти пещеры сидѣли или лежали прекрасныя, какъ луны, дѣвушки съ волосами

Digitized by Google

цвѣта янтаря или коралла. И онѣ нисколько не отличались бы отъ земныхъ дѣвушекъ, если бы не хвостъ, которымъ оканчивалось ихъ тѣло, и который замѣнялъ имъ крупъ, ляжки и ноги. То были Морскія Дѣвы! А городъ зеленыхъ пещеръ былъ ихъ царствомъ. Увидя все это, Земной спросилъ Морского:—О братъ мой, развѣ эти женщины не замужемъ, что я не вижу среди нихъ мужчинъ?—Морской отвѣтилъ:— Тѣ, кого ты видишь, дѣвственницы, и онѣ ждутъ у входа своихъ жилищъ супруга, который придетъ и выберетъ изъ нихъ ту, которая ему понравится. Въ другихъ мѣстахъ моря есть города, населенные жителями мужского и женскаго пола, и оттуда выходятъ юноши, ищущіе себѣ молодыхъ подругъ; а здѣсь имѣютъ право жить только дѣвушки, которыя стекаются сюда со всѣхъ концовъ нашего царства и живутъ здѣсь въ ожиданіи супруга! — И въ то самое время, какъ онъ заканчивалъ это объясненіе, они прибыли въ городъ, населенный жителями обоего пола, и Абдаллахъ Земной сказалъ: — О братъ мой, я вижу здѣсь населенный городъ, но не замѣтилъ ни одной лавки, гдѣ бы что-нибудь продавали или покупали! И долженъ я тебѣ выразить также удивленіе и по тому поводу, что всѣ ваши жители ходятъ совершенно голые! — Морской отвѣтилъ:—Что̀ касается торговли, то мы вовсе не нуждаемся въ ней, такъ какъ можемъ и безъ этого, безъ всякаго труда, находить себѣ пищу; стоитъ только протянуть руку, и поймаешь рыбу. А относительно одежды, мы не видимъ въ ней никакой надобности, да и тѣло наше устроено не такъ, какъ у васъ. Но если бы мы и захотѣли одѣваться, это было бы невозможно, по неимѣнію тканей.—Земной сказалъ:—Это вѣрно! Но скажи, какъ совершаются у васъ браки?—Морской отвѣчалъ:—У насъ нѣтъ брака, такъ какъ нѣтъ законовъ, управляющихъ нашими желаніями и склонностями; когда намъ нравится дѣвушка, мы беремъ ее; а когда перестанетъ нравиться, покидаемъ ее, и она понравится другому! Впрочемъ, мы, вѣдь, не всѣ мусульмане; между нами много также и христіанъ и евреевъ; а эти люди не признаютъ постоянства въ бракѣ, потому что очень женолюбивы и ихъ стѣсняетъ бракъ. Одни только мы, мусульмане, живущіе отдѣльно въ городѣ, куда не проникаютъ невѣрные, женимся сообразно предписаніямъ Корана и справляемъ свадьбы, что̀ угодно Всевышнему и Пророку (миръ и молитвы надъ нимъ!). Но, братъ мой, я хочу поскорѣе доставить тебя въ тотъ городъ, такъ какъ если бы я и тысячу лѣтъ употребилъ, показывая тебѣ наше царство и города, въ немъ находящіееся, я все же не успѣлъ бы показать тебѣ всего!—Земной же сказалъ:—Да, братъ мой, тѣмъ болѣе, что я очень проголодался и не могу, подобно тебѣ, питаться сырой рыбой!—Морской спросилъ: — А какимъ же способомъ ѣдите вы рыбу, вы, земные жители? — Земной отвѣтилъ: — Мы жаримъ ее на оливковомъ или кунжутномъ маслѣ! — Морской разсмѣялся и сказалъ: — Ну, а намъ-то, живущимъ въ водѣ, гдѣ взять оливковаго или кунжутнаго масла, и какимъ образомъ жарить на огнѣ, чтобы онъ не погасъ? — Земной отвѣтилъ: — Ты правъ, братъ мой! Прошу же тебя, веди меня въ твой, неизвѣстный мнѣ городъ!

Тогда Морской....

Въ этомъ мѣстѣ повѣствованія своего Шахразада замѣтила, что наступаетъ утро, и скромно умолкла.

А когда наступила

четыреста восемьдесятъ восьмая ночь,

она сказала:

... Тогда Абдаллахъ Морской быстро пронесъ его по различнымъ краямъ, гдѣ промелькнуло мимо ихъ много разнообразныхъ зрѣлищъ, и остановился

Digitized by Google

Digitized by Google

AP50
.N688
g.7
t.23
câm v. - mart
1903

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

PSU
Ask About
e-copy
PENN STATE UNIVERSITY LIBRARIES
A00005323864 1